This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

IES · ST
BRARIES
STANFORD
NIVERSITY
ORD UNIV
RSITY LIB
IES · STA
IBRARIES · S
STANFORD UN
UNIVERSITY LIBRA
ORD UNIVER

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1873

Іюль—Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1873

Іюль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
1873.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1873

Іюль—Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
1873.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСК

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф. (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку И 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исто Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ с Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розен М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, оп объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисун 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую со выя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ М. 1836 г., ц. 1 р., перес.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837— 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыб М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, щая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Коро гизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболен И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р рес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Га Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бод М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. П скимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и послѣ Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей сійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Прав ской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., пер

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. По М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 р 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельма рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійск

Годъ 2, книги 2—9, по 2 руб. каждая. **Годъ 3,** книги 1—9, по 2 руб. **Годъ 4,** книга 1, 2 рубля. **Годы 1858, 1859, 1860,** по 4 книги въ каждо рублей въ годъ. **Годы 1861—1872,** тоже по 4 книги, по 8 рублей годъ. В изданіе безъ пересылки **162 руб.** За пересылку взимается съ вѣсу по р

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ЪЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1874 ГОДУ ЖУРНАЛА

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ВСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

тенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи вностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» будутъ издаваться и въ 1874 году, по той ой программѣ, какъ доселѣ, въ томъ же самомъ ѣ, направленіи и въ тѣ же сроки.

ПОДПИСКА ГОДОВАЯ:

Шесть рублей съ полтиной серебромъ въ Москвѣ, а ересылкою въ другія мѣста *восемь* рублей сереб.

ъ требованіями обращаться:

Въ самое Общество, или

Въ книжный магазинъ Московскаго книгопродавца и сіонера Общества Ивана Григорьевича Соловьева ій Ивана Васильевича Базунова), на Страстномъ рѣ, противъ Университетской Типографіи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Водянскаго.

1873

Іюль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),

на Страстномъ бульварѣ.

1874.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
OCT 11 1958

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ГЛАВА IX.

Положеніе союзническо-дружиннаго Государства. Господствующее Государство Сѣвера. Начало феодализма на Юговападѣ и Сѣверовостокѣ.

Несравненно больше значенія возстаніе городовъ имѣло для междукняжескихъ отношеній. Ослабивши власть всѣхъ вообще Князей, по отношенію къ городскому и сельскому населенію, возстаніе городовъ въ то же время уничтожило главенство Князя Кіевскаго надъ всѣми Князьями Русской Земли, и власть Князей большихъ городовъ надъ Князьями меньшихъ городовъ.

Въ началѣ XII столѣтія власть Князя Кіевскаго, какъ мы видѣли, прежде всего основана была на нравственной его силѣ, на родовомъ старѣйшинствѣ: большинство Князей Русскихъ повиновалось Князю Кіевскому, какъ своему отцу, дядѣ, или старшему брату. Съ размноженіемъ Князей Рюрикова дома все болѣе должно было являться Князей, для которыхъ Князь Кіевскій не былъ ни отцомъ, ни дядей, ни старшимъ братомъ, и которые по этому, по понятіямъ того времени, не были обязаны повиноваться ему по родственнымъ отношеніямъ. Такимъ образомъ, съ размноженіемъ Князей Рюрикова дома, съ теченіемъ времени, само собою должна была прекратиться нравственная основа главенства Князя Кіевскаго. Но что случилось бы само собою, только съ теченіемъ времени, то ускорено было возстаніемъ посадскихъ людей. Приглашая на столъ Кіевскій младшихъ Князей помимо старшихъ, посадскіе люди сразу уничтожили нравственную основу главенства Князя Кіевскаго, прежде чѣмъ она успѣла уничтожиться путемъестественнымъ, въ слѣдствіе естественнаго размноженія Князей Рюрикова дома. Какъ только посадскіе люди города Кіева избрали своимъ Княземъ Изяслава Мстиславича, помимо всякихъ его правъ на родовое старѣйшинство и на обладаніе городомъ Кіевомъ, всѣ знатнѣйшіе Князья Русскіе: Черниговскіе, Суздальскіе и Галицкіе, возстали противъ Кіевскаго Князя и не захотѣли повиноваться его власти. Остались вѣрными Изяславу только тѣ Князья, которые его считали старѣйшимъ по родственнымъ отношеніямъ, а именно: его сыновья и младшіе братья. Въ княженіе Юрія Долгорукаго и Ростислава Мстиславича еще разъ на короткое время возвращена была нравственная сила Князю Кіевскому. И Юрій Долгорукій и Ростиславъ Мстиславичъ были старшими родственниками

между большинствомъ Князей Русскихъ, и по тому найбольшая часть Князей Русскихъ повиновалась ихъ власти добровольно. Но по смерти Ростислава Мстиславича, когда Кіевскіе посадскіе люди призвали на столъ Кіевскій одного изъ младшихъ Князей, Мстислава Изяславича, нравственная сила Князя Кіевскаго пала окончательно и уже болѣе никогда не возстановлялась. Послѣ взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго старшіе Князья, какъ дальше увидимъ, сами добровольно отказывались отъ княженія въ городѣ Кіевѣ.

Съ уничтоженіемъ нравственныхъ основъ главенства, для Князя Кіевскаго оставалась еще возможность силой физической принудить къ повиновенію тѣхъ, которые не хотѣли болѣе повиноваться ему добровольно. Если бы Князь Кіевскій оставался постоянно безспорнымъ владѣтелемъ той области, которая находилась подъ его властью при Мономахѣ и Мстиславѣ, то, не смотря на прекращеніе его власти, какъ старшаго въ родѣ, онъ господствовалъ бы надъ всѣми другими Князьями, какъ самый сильнѣйшій и могущественнѣйшій Князь изъ всѣхъ Князей Русскихъ. Но на дѣлѣ такъ не случилось. Ускоряя паденіе нравственныхъ основъ власти Князя Кіевскаго, которое со временемъ произошло бы и само собою, въ слѣдствіе размноженія Князей Рюрикова дома, возстаніе городовъ въ то же время разрушило и физическія основы его политическаго могущества, которыя, быть можетъ, сами собою никогда бы не разрушились.

Политическое могущество Князя Кіевскаго прежде всего пришло въ упадокъ по тому, что возстаніе городовъ сдѣлало Великокняжеское достоинство и Кіевскую область спорными между Князьями. Земля Кіевской области, на которую распространялась непосредственная власть Князя Кіевскаго и владѣніе которой дѣлало его сильнѣе всѣхъ другихъ Князей Русскихъ, по порядку престолонаслѣдованія, принятому Ярославомъ и его сыновьями, по смерти Изяслава должна была перейти къ его братьямъ, а послѣ смерти послѣднихъ къ его сыновьямъ. Этотъ порядокъ престолонаслѣдованія, подтвержденный на Любецкомъ Сеймѣ внуками Ярослава, нарушенъ былъ возстаніемъ посадскаго населенія. По смерти Святополка, Кіевляне призвали на Кіевскій столъ Мономаха и, въ слѣдъ за тѣмъ, передавали власть надъ Кіевской областью его дѣтямъ и внукамъ. Въ слѣдствіе продолжительнаго владѣнія Кіевскимъ столомъ и Кіевской областью, Мономаховичи стали считать этотъ столъ и эту область своей вотчиной, на которую только они одни имѣли право. Потомство Изяслава, владѣя небольшими городами на сѣверныхъ окраинахъ Кіевской области, было безсильно оспоривать у нихъ это мнимое право. Но болѣе силь-

е потомки Святослава Черниговскаго не хотѣли признать за Мо-
ховичами права на исключительное обладаніе Кіевской областью.
къ какъ Святославъ, второй сынъ Ярослава, еще раньше Всево-
а владѣлъ Кіевскимъ столомъ, по этому Святославичи не безъ осно-
нія утверждали, что они не Угры и не Ляхи, что они внуки
ого дѣда, и что, слѣдовательно, они имѣютъ такое же право на
аданіе Кіевской и Новгородской областями, какъ и Мономаховичи.
кимъ образомъ возстаніе посадскихъ людей, смѣшавши порядокъ
естолонаслѣдованія, вызвало нескончаемую борьбу между потомками
ятослава и Мономаха за обладаніе Кіевской областью и Велико-
яжескимъ достоинствомъ. При спорности и неопредѣленности отно-
ній Мономаховичей и Святославичей къ Кіевской области, возста-
е Кіевскаго населенія произвело такую же спорность и неопредѣлен-
ость и въ самомъ племени Мономаха. По смерти Всеволода Ольго-
ча, Кіевское посадское населеніе измѣнило Ольговичамъ и, помимо
аршихъ Мономаховичей, Вячеслава и Юрія, призвало на столъ
евскій одного изъ младшихъ Мономаховичей, Изяслава Мстиславича.
кимъ образомъ къ враждѣ между Ольговичами и Мономаховичами
рисоединилась вражда между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ въ
шемъ племени Мономаха. Наконецъ, въ слѣдствіе частыхъ наруше-
й порядка престолонаслѣдованія, права на Великокняжеское достоин-
во и Кіевскую область до того запутались, что во второй полови-
XII столѣтія уже не было возможности рѣшить вопросъ: кто
ижень быть Княземъ Кіевскимъ. Сами Князья это понимали, и по
му овладѣвали Кіевскимъ столомъ насильственно, или по соглаше-
ію съ Кіевскимъ населеніемъ, поселенными кочевниками и своими
лижайшими родственниками. Такимъ образомъ Кіевскій столъ, во
торой половинѣ XII столѣтія, сдѣлался общей добычей, которую
нязья оспаривали другъ у друга и которой владѣвали поперемѣнно
силой оружія, то по соглашенію съ Кіевскимъ населеніемъ, то по
лкѣ съ своими ближайшими родственниками. Но, при спорности
авъ на Кіевскій столъ, уже ни одинъ Князь Кіевскій, со второй
ловины XII столѣтія, не могъ пользоваться той властью, которая
ходилась въ рукахъ Мономаха. Каждый Князь, овладѣвавшій Кіев-
имъ столомъ, долженъ былъ постоянно защищать свою власть, съ
дной стороны, отъ Князей соперниковъ, имѣвшихъ притязанія
а Кіевскій столъ, съ другой стороны, отъ враждебнаго ему населе-
я Кіевской области, которое, со времени возстанія городовъ, какъ
ы видѣли, раздѣлилось на двѣ партіи, такъ что если одна партія
ыла на сторонѣ Князя, то другая дѣйствовала противъ него. Окру-

женный со всѣхъ сторонъ врагами, среди постоянной борьбы съ ними, понятно, ни одинъ Князь Кіевскій, со второй половины XII столѣтія, не могъ примѣнять свои права на главенство по отношенію къ другимъ Князьямъ, въ той сферѣ, въ какой примѣнялъ ихъ Князь Кіевскій во времена Мономаха, Святополка и Мстислава.

Во вторыхъ, возстаніе посадскихъ людей ослабило политическое могущество Князя Кіевскаго, уничтоживши непосредственную власть его надъ Кіевской областью. При спорности правъ на Кіевскій столъ, ни одинъ Князь не могъ разсчитывать на прочность владѣнія Кіевской областью, а тѣмъ болѣе не могъ быть увѣреннымъ, что Кіевская область послѣ его смерти перейдетъ къ его дѣтямъ. Овладѣвая попеременно Кіевскимъ столомъ и не имѣя личныхъ побужденій заботиться о сохраненіи цѣлостности Кіевской области, каждый Князь щедрою рукою раздавалъ города Кіевской области своимъ дѣтямъ и родственникамъ и, посредствомъ выдѣла городовъ изъ Кіевской земли, старался удовлетворить своихъ соперниковъ и союзниковъ. Такимъ образомъ, со временъ княженія въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича, съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе уходила земля Кіевской области отъ непосредственной власти Князя Кіевскаго, и все болѣе возникало мелкихъ Князей въ Кіевской области. Особенно много было роздано пригородовъ Кіевской области Изяславомъ Мстиславичемъ, Юріемъ Долгорукимъ и Ростиславомъ Мстиславичемъ.[1] По смерти Ростислава Мстиславича только немногіе города, ближайшіе къ Кіеву, остались нероздаными, подъ непосредственной властью Князя Кіевскаго; всѣми же другими городами прежней Кіевской области владѣли мелкіе Князя изъ потомковъ Мономаха, или Святополка Изяславича. Наконецъ, въ 1180 году, Святославъ Всеволодовичъ, по сдѣлкѣ съ Ростиславичами, получилъ Кіевскій столъ только съ однимъ городомъ Кіевомъ, безъ Кіевской области. Всѣ города, не имѣвшіе Князей, достались Ростиславичамъ, которые, по смерти Святослава Всеволодовича, когда Кіевскимъ Княземъ сталъ Рюрикъ Ростиславичъ, одни города удержали за собою въ вотчинномъ наслѣдственномъ владѣніи, другіе уступили сильнымъ Князьямъ, Суздальскому и Волынскому.[2] Но чѣмъ болѣе пригороды Кіевской области переходили въ чужія руки, тѣмъ болѣе ослабѣвала власть Князя Кіевскаго. Съ переходомъ въ чужое владѣніе Кіевскихъ пригородовъ, Князь Кіевскій лишался доходовъ, которые шли въ его казну и давали ему возможность содержать многочисленную дружину, и терялъ непосредственную власть надъ многочисленнымъ населеніемъ, изъ котораго могъ составлять земскія ополченія. Съ раздачей Кіевскихъ пригородовъ

источникъ силы и могущества Князя Кіевскаго перешелъ въ руки многихъ мелкихъ Князей, которые, постепенно усиливаясь на счетъ Князя Кіевскаго, по смерти Ростислава Мстиславича, захватили въ свои руки Кіевскій столъ и часто распоряжались имъ по своему произволу.

Наконецъ, въ третьихъ, возстаніе посадскихъ людей въ городѣ Кіевѣ окончательно разрушило политическое могущество Князя Кіевскаго, уничтоживши его верховную власть надъ пригородными Князьями Кіевской Области. Первоначально раздача Кіевскихъ пригородовъ не влекла за собою немедленнаго уничтоженія всякой власти Князя Кіевскаго надъ уступленными городами. Первоначально, теряя непосредственную власть надъ уступленными городами, Князь Кіевскій еще сохранялъ надъ этими городами свою правительственную, верховную, власть и имѣлъ право во всякое время возвратить ихъ обратно въ свое непосредственное владѣніе. Пригородные Князья получали Кіевскіе пригороды только на правѣ условнаго и временнаго владѣнія. Они обязаны были признавать Князя Кіевскаго своимъ отцомъ, ходить въ его послушаніи, ѣздить возлѣ его стремени и подчиняться его верховному суду. За всякое неповиновеніе его власти они лишались своихъ владѣній. Такъ Изяславъ Мстиславичъ отнялъ Кіевскіе пригороды у Святослава Всеволодовича и у Ростислава Юрьевича, у перваго за открытую измѣну, а у втораго только за одно подозрѣніе въ измѣнѣ. Такъ Ростиславъ Мстиславичъ отнялъ города Кіевской области у Мстислава Изяславича, а въ послѣдствіи, примирившись съ послѣднимъ, снова возвратилъ ему ихъ обратно. При существованіи за Княземъ Кіевскимъ права распоряжаться Кіевскими пригородами и при безпрерывной смѣнѣ Князей въ Кіевѣ, въ срединѣ XII столѣтія города Кіевской области: Туровъ, Пинскъ, Переяславль, Богуславль, Бѣлгородъ, Корсунь, Триполь, Дорогобужъ, Луцкъ и другіе постоянно переходили изъ рукъ въ руки, отъ одного Князя къ другому. Съ перемѣною Князя въ Кіевѣ обыкновенно перемѣнялись Князья и въ Кіевскихъ пригородахъ. Это право верховной власти Князь Кіевскій сохранилъ надъ ближайшими пригородами почти до самаго появленія Монголовъ. Еще въ концѣ XII столѣтія слабый Князь Кіевскій, Рюрикъ Ростиславичъ, отнялъ города Кіевской области у сильнаго Всеволода Суздальскаго, когда этотъ послѣдній заключилъ миръ съ Черниговскимъ Княземъ безъ согласія Рюрика Ростиславича. Но въ то время, когда Князь Кіевскій сохранялъ еще тѣнь власти надъ ближайшими пригородами, пригороды, находившіеся вдали отъ города Кіева, по окраинамъ Кіевской обла-

сти, уже давнымъ давно освободились отъ всякой его власт
Каждый Князь пригородный старался обратить условное и врем
ное владѣніе въ наслѣдственное и вѣчное владѣніе, и изъ подруч
зависимаго Князя стать совершенно самостоятельнымъ и независ
мымъ Княземъ. Пока Князь Кіевскій находился въ тѣсныхъ отно
ніяхъ съ городскимъ населеніемъ, это стремленіе не имѣло усп
Ярославъ Ярополковичъ, Князь Берестья, за неповиновеніе в
Князя Кіевскаго, Святополка, окончилъ свои дни въ оковахъ въ г
дѣ Кіевѣ. Ярославъ Святополковичъ, Князь Владимира Волынск
за свою попытку освободиться изъ подъ власти Князя Кіевскаго, И
номаха, лишился своего города и умеръ изгнанникомъ на чужбинѣ.
Но со второй половины XII столѣтія, когда началась борьба мез
партіями и въ городѣ Кіевѣ стали попеременно являться Князья то ст
ронники Боярства, то представители простаго народа, стремленіе пр
городныхъ Князей къ политической независимости нашло содѣйст
со стороны городскаго населенія. Борьба между партіями, какъ мы ви
дѣли, не ограничивалась стѣнами главнаго города: отъ Князя-сторо
ника Боярства стремились освободиться не только посадскіе люди и
рода Кіева, но и посадское населеніе во всѣхъ другихъ городах
Кіевской области. Равнымъ образомъ отъ Князя-представителя нар
да старались отдѣлаться не только Бояре города Кіева, но и Бояр
всѣхъ другихъ городовъ Кіевской земли. При такомъ положеніи дѣл
Князь пригородный, желавшій освободиться отъ власти Князя Кіе
скаго, всегда находилъ поддержку не только въ своемъ собственном
пригородѣ, но и въ самомъ стольномъ, главномъ, городѣ или со сто
роны Боярства, или со стороны посадскаго населенія, смотря по тому
кто былъ Княземъ Кіевскимъ,—сторонникъ Боярства, или представи
тель народа. Ослабленный борьбою партій, Князь Кіевскій, еще преж
де чѣмъ стали распоряжаться его столомъ Князья пригородные, поте
рялъ возможность противодѣйствовать стремленію пригородныхъ Кня
зей къ независимости, и уже болѣе не могъ распоряжаться по соб
ственной волѣ судьбой пригородовъ своего Княжества. Въ 1140 год
Всеволодъ Ольговичъ, овладѣвши Кіевомъ, хотѣлъ лишить Изяслава
Мстиславича Владимира Волынскаго, и съ этой цѣлью выступилъ в
походъ, но его войско, составленное наиболѣе изъ посадскаго насе
денія, сочуствовавшаго Мстиславичу, на дорогѣ разбѣжалось, и он
вынужденъ былъ безъ успѣха возвратиться въ Кіевъ. Этотъ же са
мый Всеволодъ Ольговичъ хотѣлъ отнять Переяславль у Андрея М
номаховича, но не посмѣлъ ити противъ него, не смотря на то, чт
этотъ послѣдній не хотѣлъ защищаться. [9] Во время княженія и

внѣ Юрія Долгорукаго, его власти не признавали ни Изяславъ
тиславичъ, ни сынъ его, Мстиславъ,—владѣтели Кіевскихъ приго-
довъ: Пересопницы, Владимира Волынскаго, Червеня и Луцка. [10]
обы смирить Мстислава Изяславича, Юрій Долгорукій въ 1158
ду осадилъ городъ Владиміръ Волынскій, но послѣ продолжитель-
й осады возвратился безъ успѣха. Посадское населеніе города
адимира отстояло независимость своего Князя, которому сочувст-
вало и посадское населеніе во всѣхъ другихъ городахъ Кіевской
ли. Въ 1158 году Изяславъ Давыдовичъ, сдѣлавшись Княземъ
вскимъ, хотѣлъ отнять Туровъ у Юрія Ярославича, потомка Изя-
ава, но послѣ десятинедѣльной осады вынужденъ былъ отказаться
ъ своего намѣренія. Туровцы, подобно Волынцамъ, отстояли своего
язя. Въ 1160 году новый Князь Кіевскій, Ростиславъ Мстисла-
ичъ, снова сдѣлалъ попытку отнять Туровъ у Юрія Ярославича, но
ополченіе новаго Князя Кіевскаго также точно возвратилось безъ
спѣха. [11] Такимъ образомъ, встрѣчая противодѣйствіе со стороны
родскаго населенія, Князь Кіевскій постоянно терялъ не только до-
ды, но и власть надъ Кіевскими пригородами: и доходы и власть
ерешли къ другимъ Князьямъ, и всѣ отношенія Князя Кіевскаго къ
го прежнимъ владѣніямъ совершенно прекратились.

И такъ, возстаніе городовъ одновременно уничтожило и нравст-
венную и политическую основу преобладанія Князя Кіевскаго надъ
ругими Князьями. Съ постепеннымъ ослабленіемъ нравственнаго
политическаго могущества Князя Кіевскаго, всѣ другія Княжества,
ходившіяся внѣ Кіевской области, освободились отъ его вер-
овной власти, не столько въ слѣдствіе стремленія къ политическо-
у обособленію, сколько въ слѣдствіе безсилія Князя Кіевскаго про-
явить какимъ бы то ни было образомъ свою власть по отношенію къ
тимъ Княжествамъ. Мы видѣли, что Старославянскіе города стреми-
лись освободиться изъ подъ власти Князя Кіевскаго, и что Князья
Рюрикова дома, увлекаемые то личной враждой къ Князю Кіевскому,
то стремленіемъ къ расширенію своей власти, часто становились во
главѣ городовъ, стремившихся къ политическому обособленію. Но
стремленіе Князей къ политическому обособленію никогда не было
всеобщимъ и постояннымъ явленіемъ. Главенство Князя Кіевскаго ни-
когда не лежало тяжелымъ бременемъ надъ властью другихъ Князей,
а между тѣмъ, какъ ни слабо было въ то время политическое раз-
витіе, Князья Русскіе, окруженные со всѣхъ сторонъ враждебными
народами и господствуя надъ крамольнымъ населеніемъ, не могли не
сознавать своей пользы отъ политическаго единенія. По этому Князья

Русскіе, говоря вообще, не только не стремились совершенно разр
шить главенство Князя Кіевскаго, но, какъ дальше увидимъ, старал
искуственно поддержать это главенство, когда могущество Князя Кі
скаго, помимо ихъ воли и сознанія, совершенно пришло въ упадо
Ни Князья Суздальскіе, ни Рязанскіе, ни Черниговскіе, ни Смол
скіе, ни Полоцкіе, ни Новгородскіе, ни даже Галицкіе, никогда не ст
мились совершенно порвать всякія связи съ Кіевскимъ престоло
совершенно освободиться отъ верховной власти Князя Кіевск
Верховная власть Князя Кіевскаго, въ отношеніи ко всѣмъ эт
Князьямъ, уничтожилась сама собою, незамѣтно, безъ борьбы и пр
тиводѣйствія; когда Князь Кіевскій пересталъ былъ старшимъ въ р
дѣ надъ большинствомъ Князей Русскихъ и остался владѣтелемъ то
ко одного города Кіева, а въ Русской Землѣ возникло множество Кн
зей, не только равныхъ съ нимъ, по своимъ правамъ на родовое ст
рѣйшинство и по своему политическому могуществу, но еще дале
превосходившихъ его и въ томъ и въ другомъ отношеніи.

Уничтожаясь само собою, безъ борьбы и противодѣйствія со ст
роны другихъ Князей, главенство Князя Кіевскаго исчезало постепе
но, то падая, то возникая снова, смотря по личностямъ, княжившим
въ Кіевѣ, и пало окончательно только тогда, когда на западныхъ
сѣверовосточныхъ окраинахъ Кіевской Руси взошла заря новаго г
сударственнаго порядка. Уже во время княженія Ярополка Монома
вича замѣтны слѣды начала упадка верховной власти Князя Кіевскаг
Вячеславъ и Юрій нападали на племянниковъ Мстиславичей; Ольгович
воевали съ Княземъ Кіевскимъ и его братомъ, Андреемъ: Полочан
выгнали Святополка Мстиславича, а Новгородцы—Вячеслава. [12] В
при Ярополкѣ, Князь Кіевскій еще созываетъ Князей на съѣзды
защищаетъ ихъ отъ внѣшнихъ враговъ; Новгородцы еще платятъ ем
дань по уставу Ярослава, а Черниговцы принуждаютъ своего Кня
изъявить ему покорность; наконецъ, по призыву Князя Кіевскаго, пр
Ярополкѣ, еще выступаютъ въ походъ противъ Князя Черниговскаг
почти всѣ Князья Русскіе: Суздальскій, Полоцкій, Смоленскій, Туров
скій, Переяславскій и Галицкій. [13] Въ началѣ княженія Всеволо
Ольговича Новгородцы спрашиваютъ дозволенія у Князя Кіевскаг
пригласить къ себѣ новаго Князя; младшіе Князья Галицкіе жалуютс
Князю Кіевскому на своего старшаго родича, Владимирка; Всеволо
Ольговичъ требуетъ послѣдняго на судъ въ Кіевъ, и, по призыву Кня
зя Кіевскаго выступаютъ въ походъ противъ непокорнаго Князя Га
лицкаго всѣ Князья Югозападной Руси. [14] Но уже въ самомъ начал
княженія Всеволода Ольговича Князья Рязанскіе и Суздальскіе н

ли никакого отношенія къ Князю Кіевскому, воевали и мирились
у собою, не спрашивая его согласія, а въ концѣ жизни Всево-
Ольговича освободился отъ власти Князя Кіевскаго и Князь Га-
ій. [15] При Изяславѣ Мстиславичѣ, подъ верховной властью Кня-
іевскаго находились города: Владиміръ Волынскій, Луцкъ, Дорого-
ъ, Смоленскъ, Переяславль и Новгородъ. Во всѣхъ этихъ городахъ
младшіе родственники Князя Кіевскаго, которые подчинялись
овольно Князю Кіевскому, какъ своему старшему родичу, [16] Сверхъ
, подъ верховною властью Князя Кіевскаго находились Князья
юдецкіе [17] и Князья Черниговскіе, изъ которыхъ послѣдніе то
вали съ Княземъ Кіевскимъ за Кіевскій столъ, то заключали съ
ъ мирные договоры, по которымъ обязывались выступать въ походъ
тивъ его недруговъ со всѣми своими полками, и дѣйствительно
олняли свои обѣщанія. [18] Но по окраинамъ Русской Земли власть
зя Кіевскаго при Изяславѣ Мстиславичѣ уже не имѣла никакого
ченія. За исключеніемъ Новгородской Земли, гдѣ былъ Княземъ
ъ Изяслава Мстиславича, Князю Кіевскому не подчинялись ни Суз-
ьскіе, ни Рязанскіе, ни Галицкіе, ни Полоцкіе, Князья. Хотя Князья
ицкіе, Владимирко и сынъ его, Ярославъ, обѣщали Князю Кіевскому
ъ послушными и по его приказанію подавать ему военную помощь,
ако ни тотъ, ни другой, какъ извѣстно, не выполнили своего обѣ-
нія. [19] По смерти Изяслава Мстиславича Юрій Долгорукій, какъ
ховный владѣтель Новгорода, гдѣ былъ Княземъ его сынъ, какъ
ршій въ родѣ надъ всѣми Мономаховичами и какъ тесть Князя Га-
цкаго, по формѣ господствовалъ надъ всей Русской Землей. Во вре-
послѣдняго княженія Юрія Долгорукаго въ Кіевѣ не было ни од-
го Княжества въ Русской Землѣ, которое бы не подчинялось верхов-
й власти Князя Кіевскаго. Но на дѣлѣ, при Юріѣ Долгорукомъ,
слѣдствіе ненависти къ нему посадскаго населенія поселенныхъ
евниковъ Кіевской области, власть Князя Кіевскаго до того была
ба, что онъ не могъ, какъ мы видѣли, принудить къ повиновенію
тислава Изяславича, Князя Владимира Волынскаго. Во время кратко-
еменнаго княженія Изяслава Давыдовича власть Князя Кіевскаго
имѣла никакого значенія: ему не подчинялись ни Князья Кіевскихъ
ородовъ, ни Князья Черниговскіе, хотя и тѣ и другіе обязаны
ли находиться отъ него въ особенной зависимости, болѣе тѣсной,
ъ другіе Князья Русской Земли: первые какъ владѣтели городовъ
ской области, вторые какъ младшіе его родственники. При Ро-
ославѣ Мстиславичѣ власть Князя Кіевскаго, подобно тому, какъ во
ена Юрія Долгорукаго, такъ же была обширна по формѣ, какъ и

безсильна на дѣлѣ. Отъ Князя Кіевскаго находились въ зависимост Князь Новгородскій, Князья Галицкіе, Черниговскіе и Князья К скихъ пригородовъ. Но Князья Кіевскихъ пригородовъ безпрер возставали противъ Князя Кіевскаго и безъ его дозволенія заключ между собою союзы, для обороны и нападенія, и воевали и мири съ Князьями Черниговскими. Но рѣшительное паденіе власти К Кіевскаго началось только по смерти Ростислава Мстиславича и вз Кіева войсками Боголюбскаго. Послѣ окончательной раздачи Кіевск пригородовъ Ростиславомъ и послѣ опустошеній, произведенныхъ Кіевъ войсками Андрея Боголюбскаго, Кіевскій Князь самъ по се не имѣлъ уже никакой силы. Кіевскимъ столомъ стали распоряжат Князья Кіевскихъ пригородовъ, Князья Суздальскіе, Черниговскіе и Г лицкіе. Мстиславъ Изяславичъ, посаженный на Кіевскій столъ Кн ями Кіевскихъ пригородовъ, своими призывами Князей на съѣз и для походовъ противъ Половцевъ еще напоминалъ власть Кня Кіевскихъ первой половины XII столѣтія. Но посаженный Андре Боголюбскимъ, Глѣбъ Юрьевичъ, не имѣлъ никакой власти: не тол отдаленные Князья, но и Князья городовъ ближайшихъ къ Кіеву и евали и мирились между собою, не обращая никакого вниманія Князя Кіевскаго. Также была ничтожна и безсильна и власть всѣх дальнѣйшихъ Князей Кіевскихъ.[20]

Съ постепеннымъ упадкомъ главенства Князя Кіевскаго, руш лось политическое единство Русской Земли. Всѣ большія Княжест существовавшія уже въ началѣ XII столѣтія: Галицкое, Смоленско Черниговское, Полоцкое, Новгородское и Рязанское, сдѣлались от дѣльными и самостоятельными государствами, а изъ земли Кіе ской области образовалось множество мелкихъ владѣній, такихъ самостоятельныхъ, какъ и большія Княжества. Во всѣхъ больших Княжествахъ, по отдѣленіи ихъ отъ единства съ Кіевской Земле продолжалъ господствовать тотъ же самый союзническій строй, к которомъ основано было государственное единство Русской Земли в началѣ XII столѣтія. Во всѣхъ большихъ Княжествахъ были главны города и пригороды, были старшіе Князья и младшіе, и Князья при городовъ находились въ зависимости отъ Князя главнаго города. В Восточныхъ Княжествахъ, наименѣе подвергшихся вліянію возстан городовъ, этотъ союзническій строй, поддерживавшій государствен ное единство въ каждомъ отдѣльномъ Княжествѣ, въ существенных чертахъ сохранялся до самаго появленія Монголовъ. Въ Княжеств Суздальско-Ростовскомъ, по смерти Константина Всеволодовича, стар шій Владимирскій столъ перешелъ по наслѣдству къ его брату, Юрію

брому, какъ владѣтелю стольнаго, главнаго, города и старшему въ
ѣ подчинялись всѣ Князья Ростовско-Суздальской Земли, его дѣти,
ынники и младшіе братья. [21] Въ княжествѣ Рязанскомъ, по смер-
Ингваря, въ 1220 году, старшій Рязанскій столъ перешелъ къ
брату, Юрію, который, въ силу своего родового старѣйшинства и
дѣнія главнымъ городомъ, господствовалъ надъ всѣми Князьями
анскаго Княжества. [22] Въ княжествахъ Черниговско-Сѣверскихъ,
самаго появленія Монголовъ, всѣ Князья находились въ тѣсной
зи, и старшіе столы Черниговскій и Новгородъ Сѣверскій переходи-
по наслѣдству къ старшимъ въ родѣ. [23] Но причины, уничтожив-
единство Русскаго Государства, продолжали дѣйствовать и по
паденіи Русской Земли на отдѣльныя самостоятельныя Княжества.
ъ въ Кіевской области, такъ и въ другихъ частяхъ Русской Зе-
, гдѣ происходила борьба между Боярами и посадскими людьми,
борьба постепенно уничтожила связь между Князьями меньшихъ
родовъ и Княземъ главнаго города. Такъ въ Полоцкомъ Княжествѣ,
1151 году, въ слѣдствіе борьбы между Боярами и посадскими людь-
, Ростиславъ Глѣбовичъ, владѣтель Полоцка, не могъ вытѣснить
его соперника, Рогвала Борисовича, изъ города Друцка, а этотъ
слѣдній, овладѣвши главнымъ городомъ, не могъ вытѣснить Глѣбо-
вичей изъ городовъ Минска и Городка. [24] Такъ, въ Княжествѣ Чер-
говскомъ, Всеволодъ Ольговичъ, изгнавши изъ города Чернигова
его дядю, Ярослава Святославича, по всей вѣроятности, не безъ
дѣйствія со стороны городскаго населенія, уничтожилъ связь между
язанскимъ и Черниговскимъ Княжествами. [25] Такимъ образомъ,
отя разложеніе нигдѣ не было такъ всеобще, какъ въ Кіевской об-
сти, оспориваемой всѣми Князьями, однако, въ слѣдствіе возстанія
родовъ, и всѣ другія Княжества, въ которыхъ происходила борьба
ежду Боярами и посадскими людьми, подобно Кіевскому Княжеству,
остепенно разлагались на мелкія самостоятельныя владѣнія.

Одновременно съ постепеннымъ уничтоженіемъ политическаго
ребладанія Князей большихъ городовъ надъ Князьями меньшихъ го-
одовъ, уничтожилась и послѣдняя политическая связь, препятство-
авшая отдѣльнымъ Княжествамъ обратиться въ отдѣльныя Го-
ударства—это отсутствіе прочной власти въ каждомъ отдѣльномъ
няжествѣ. Князья переходили изъ города въ городъ, отъ одной
олости въ другую волость, въ слѣдствіе неопредѣленности порядка
рестолонаслѣдованія и стремленія старшихъ Князей владѣть самыми
ольшими и самыми сильнѣйшими городами. Возстаніе городовъ не
ѣняло порядка престолонаслѣдованія, какъ мы видѣли, болѣе опре-

дѣленнымъ: произвольныя избранія Князей еще болѣе его запутали, но возстаніе ослабило стремленіе старшихъ Князей владѣть самыми сильными и самыми большими городами и, такимъ образомъ, дало перевѣсъ вотчинному порядку престолонаслѣдованія надъ порядкомъ родового владѣнія. Княжеская власть, въ слѣдствіе возстанія городовъ, сдѣлалась самой шаткой и самой непрочной въ самыхъ большихъ и въ самыхъ могущественныхъ городахъ Русской Земли. При шаткости и непрочности власти въ большихъ городахъ, старшіе Князья сами добровольно стали отказываться отъ власти надъ большими городами, или же, овладѣвая большими городами, никому изъ родственниковъ не уступали своихъ прежнихъ владѣній, но удерживали ихъ за собою и своими дѣтьми. Ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ Юрьевичъ, не хотѣли оставлять своихъ наслѣдственныхъ владѣній для города Кіева и уступили добровольно другимъ Князьямъ свои права на стольный городъ всей Русской Земли. Романъ Волынскій, овладѣвъ Кіевомъ, уступилъ его Ингварю Ярославичу Луцкому. Рюрикъ Ростиславичъ добровольно отказался отъ Кіева въ пользу Святослава Всеволодовича. Мстиславъ Удалой не хотѣлъ жить въ Галичѣ, и съ большой охотой уступалъ его и Уграмъ и Даніилу Романовичу. Романъ Ростиславичъ не хотѣлъ ити изъ Смоленска въ Новгородъ. Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій оставилъ добровольно Новгородъ, не желая покидать своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Романъ Ростиславичъ, получивши Кіевъ, отдалъ Смоленскъ не брату, но сыну своему, Ярополку. Изяславъ Давыдовичъ, сдѣлавшись Княземъ Кіевскимъ, уступилъ Черниговъ Новгородъ Сѣверскому Князю, Святославу Ольговичу, но изъ Черниговскихъ волостей отдалъ послѣднему только семь городовъ пустыхъ; всѣ же другіе города Черниговской волости удержалъ за собою и своимъ племянникомъ, Святославомъ Володимировичемъ. Въ свою очередь и Святославъ Ольговичъ, переходя въ Черниговъ, отдалъ Новгородъ Сѣверскъ Святославу Всеволодовичу, но всѣ волости Новгородъ Сѣверскія и города Вятичей и Курскъ удержалъ за собою и своимъ сыномъ. Также точно дѣйствовали и всѣ послѣдующіе Князья Русскіе. Такъ, Святославъ Всеволодовичъ, сдѣлавшись Княземъ Кіевскимъ, оставался владѣтелемъ наслѣдственной волости, состоявшей изъ города Карачева и многихъ другихъ городовъ Земли Вятичей. Рюрикъ Ростиславичъ, овладѣвши Кіевомъ удержалъ за собою свою наслѣдственную волость—городъ Овручъ въ Волынской Землѣ. Заботясь при жизни о сохраненіи за собой своихъ наслѣдственныхъ волостей, Князья въ то же время предпринимали разнаго рода мѣры, чтобы эти волости послѣ ихъ смерти перешли

къ ихъ братьямъ, но къ ихъ дѣтямъ. Съ этой цѣлью Князья Суз-
ьскіе и Галицкіе еще при жизни изгоняли своихъ братьевъ; съ
й же цѣлью Мстиславъ Изяславичъ, въ 1175 году, умирая, по-
ъ за братомъ своимъ, Ярославомъ Луцкимъ, и заключилъ съ нимъ
гъ, по которому послѣдній крестнымъ цѣлованіемъ обязался не
мать волостей отъ его дѣтей. [19] Такимъ образомъ, въ слѣдствіе не-
рочности власти въ главныхъ городахъ, борьба между порядкомъ на-
дованія вотчиннымъ и родовымъ, которая началась еще со вре-
ъ Ярослава, стала склоняться въ пользу вотчиннаго порядка. До
ваго появленія Монголовъ, какъ мы видѣли, на востокѣ Руси, по
ерти Князей старѣйшихъ, главныхъ, городовъ, наслѣдовали ихъ
тья; но изъ выше приведенныхъ примѣровъ нельзя, однако, не за-
тить, что въ послѣдніе годы домонгольскаго періода по всей Рус-
ой Землѣ, особенно на югѣ, все болѣе и болѣе сталъ водворяться
тчинный порядокъ наслѣдованія, то есть, порядокъ наслѣдованія по
исходящей линіи. Но, съ ослабленіемъ стремленія старшихъ Князей
адѣвать главными городами и съ водвореніемъ вотчиннаго поряд-
, съ одной стороны, связь между старшинствомъ по происхожде-
о и старшинствомъ по владѣнію, связь, которая нарушена была
е раньше произвольными избраніями Князей и потеряла свою си-
, съ уничтоженіемъ зависимости Князей меньшихъ городовъ отъ
нязей главныхъ городовъ, окончательно уничтожилась. Съ другой
ороны, съ постепеннымъ уничтоженіемъ родоваго владѣнія прекра-
лось движеніе Князей по волостямъ Русской Земли, возникала на-
ѣдственная власть въ каждомъ Княжествѣ, сбродныя варварскія
ужины изъ бродячаго состоянія обращались въ осѣдлое землевла-
ьческое сословіе и всѣ Княжества въ отдѣльныя обособленныя
осударства.

Среди всеобщаго политическаго разложенія оставалось ненару-
имымъ единство національное и соціяльное, плодъ прежняго
осударственнаго единства. По всей Русской Землѣ хранилось пре-
ніе о первыхъ Князьяхъ Кіевскихъ, о подвигахъ Мономаха и о
рахъ Владимира. [20] Митрополитъ Кіевскій по прежнему былъ гла-
ю всѣхъ Русскихъ Епископовъ, а Кіевопечерская Лавра первооб-
зомъ для всѣхъ монастырей Русской Земли. Городъ Кіевъ, утра-
въ значеніе среды политической, оставался по прежнему сре-
ой Русской Земли, мѣстопребываніемъ главы церковной іерархіи,
ященнымъ мѣстомъ, гдѣ жили Владимиръ и Ярославъ, и гдѣ со-
ершали подвиги иночества Антоній и Ѳеодосій. Не исчезла связь и
ежду Князьями: Князья Русскіе никогда не забывали, что они вну-

ки одного дѣда, и что земля, надъ которой они господствовали, до
быта оружіемъ ихъ общихъ предковъ. Это сознаніе заставляло Кн
зей прекращать междоусобія для борьбы съ иностранными народ
и соединяться вмѣстѣ для совокупнаго дѣйствія противъ общи
враговъ Русской Земли. До появленія Монголовъ не прекращалис
общіе походы Князей противъ Половцевъ. Въ битвѣ съ Татарами, н
берегахъ рѣки Калки, принимали участіе почти всѣ Князья Русск
Ольговичи и Мономаховичи, постоянно враждуя за Кіевъ, нѣсколь
разъ соединялись вмѣстѣ для изгнанія Угровъ изъ Галицкаго Кн
жества. [28] Князья Черниговскіе, безпрерывно враждуя съ Князьм
Суздальскими, никогда не отказывались присоединять свои полки к
полкамъ послѣднихъ для походовъ противъ Волжскихъ Болгаръ, а
Князья Полоцкіе съ охотой приставали къ враждебнымъ имъ Новг
родцамъ для общихъ походовъ противъ Литовцевъ. [29]

Но національное и соціяльное единство не могло спасти Русск
Земли отъ конечнаго разложенія. Хотя высшія сословія Руси уж
въ то время сознавали свое національное единство, но это сознан
не мѣшало городамъ, при взаимныхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ
обращаться за помощью то къ Полякамъ, то къ Нѣмцамъ и, въ сл
чаѣ надобности, подчиняться власти иностранныхъ владѣтелей. В
время малолѣтства Даніила Бояре Галицкіе нѣсколько разъ добровол
но подчинялись власти Королей Угорскихъ и Польскихъ. Въ 122
году жители Пскова заключили союзъ съ Нѣмцами города Риги, д
обороны отъ притязаній Новгородцевъ; а въ 1240 году, глава Нѣмец
кой партіи въ Псковѣ, Твердило Ивановичъ о, овладѣлъ верховно
властью въ своемъ городѣ, опираясь на Нѣмецкія войска. [30] Хот
Князья сознавали единство своего происхожденія и соединялись вм
стѣ для борьбы съ Поляками, кочевниками, Нѣмцами и Болгарам
но это, однако, не мѣшало имъ вступать въ союзы съ иностранны
владѣтелями и кочевниками, для борьбы съ своими дядями и племя
никами, и подчиняться добровольно верховной власти Князей Пол
скихъ и Королей Угорскихъ, коль скоро требовали того ихъ личны
выгоды. Изяславъ Ярославичъ, изгнанный братьями изъ Кіева, искал
защиты у Угровъ, Поляковъ и Нѣмцевъ. Изяславъ Мстиславич
былъ постоянно вѣрнымъ союзникомъ Королей Угорскихъ. Але
сандръ Бѣльскій подчинялся верховной власти Короля Польскаго.
Не могла спасти Руси отъ конечнаго разложенія и церковная іерар
хія. Наслѣдіе Греко-Римскаго міра и прежняго государственнаг
единства Руси, въ послѣдніе годы домонгольскаго періода, он
сама, какъ мы видѣли, пошатнулась, съ паденіемъ этого единства.

Но Русская Земля не разложилась на отдѣльные города и Княества. Въ то время, когда Кіевская Русь доживала свои послѣдніе и, на окраинахъ ея зародились новые порядки, которые задержали ообщее разложеніе и положили начало новому политическому единству Руской Земли.

Мы видѣли, что еще до временъ Рюрика города соединены были въ союзы, основанные на преобладаніи самаго сильнѣйшаго Князя съ окрестными слабѣйшими Князьями, или же на преобладаніи Боярскихъ корпорацій одного города надъ Боярскими корпораціями другихъ окрестныхъ городовъ. Мы видѣли далѣе, что союзническія ношенія, хотя вездѣ, со временъ появленія сбродныхъ дружинъ, ришли въ упадокъ, однако не уничтожились совершенно, но продолжали прозябать тамъ и сямъ въ прежнемъ своемъ видѣ подъ ластью сбродныхъ дружинъ, составляя первое звено, связывавшее рода въ мѣстные политическіе союзы. Со временъ возстанія городовъ, тѣсная связь между городами въ каждомъ отдѣльномъ Княженіи не только не уничтожилась, но еще болѣе скрѣпилась. Мы видѣли, что посадское населеніе главныхъ стольныхъ городовъ, возставши противъ нелюбимыхъ Князей, нашло вѣрныхъ союзниковъ и помощниковъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ въ однородномъ съ нимъ посадскомъ населеніи пригородовъ. Подобно посадскимъ людямъ, Бояре главныхъ стольныхъ городовъ, возставая противъ Князей-представителей народа, нашли союзниковъ и помощниковъ среди пригороднаго Боярства. Такимъ образомъ, хотя, со временъ возстанія Бояръ и посадскихъ людей, все населеніе въ Княженіи распалось на два враждебные стана, но вслѣдствіе этого распаденія города, не только не стремились къ политическому обособленію, но еще тѣснѣе примкнули другъ къ другу, и главный городъ сдѣлался средоточіемъ, откуда распространялось движеніе по всѣмъ городамъ Княжества. Отъ этого, однако, тѣснаго сближенія всего населенія главнаго города со всѣмъ населеніемъ пригородовъ ни въ Приднѣпровьи, ни въ Юговосточныхъ Княжествахъ, ни въ Суздальской Землѣ, не произошло такихъ послѣдствій, которыя бы имѣли вліяніе на развитіе политической и соціяльной жизни въ Русской Землѣ. Во всѣхъ Княженіяхъ, гдѣ только сбродныя дружины оказались могущественнѣе Бояръ и посадскихъ людей, главные стольные города, сдѣлавшись средоточіями политическаго движенія, не пріобрѣли никакой власти надъ населеніемъ пригородовъ. Посадскіе люди главнаго города, возставая противъ нелюбимыхъ Князей и приглашая на княженіе своихъ любимцевъ, не имѣли въ виду никакихъ иныхъ цѣлей. кромѣ того

чтобы въ ихъ городѣ былъ Князь, который представлялъ бы ихъ выгоды и защищалъ ихъ отъ Бояръ и дружинниковъ. Понятно, по этому, что посадское населеніе главнаго города уже потому никогда не могло пріобрѣсти власти надъ пригородами, что никогда къ тому и не стремилось. Но если бы и стремилось, то такое стремленіе не могло бы имѣть успѣха ни въ Приднѣпровьи, ни въ Юговосточныхъ, ни въ Сѣверовосточныхъ Княжествахъ; ибо здѣсь, въ самомъ началѣ, возстаніе посадскихъ людей было подавлено сбродными дружинами, безпрерывно возраставшими въ числѣ; подобно посадскимъ людямъ, и Бояре, возставая противъ нелюбимыхъ Князей, прежде всего имѣли въ виду добыть Князя, который защищалъ бы ихъ сословныя, Боярскія выгоды; но кромѣ выгодъ сословныхъ, раздѣляемыхъ Боярами всѣхъ городовъ, и стольныхъ и пригородовъ, Бояре стольныхъ городовъ, стремясь уничтожить власть Князей-представителей народа, имѣли въ виду еще и свои особенныя, спеціяльныя, выгоды. Привыкши издавна управлять Княжествомъ, въ качествѣ Княжескихъ Посадниковъ, Тысяцкихъ и Тіуновъ, Бояре стольныхъ городовъ не только заботились о защитѣ выгодъ сословныхъ, но также стремились и къ тому, чтобы захватить въ свои руки Княжескую власть и отъ ея имени управлять Княжествомъ. Властолюбивыя стремленія Бояръ стольныхъ городовъ яснѣе всего высказались въ борьбѣ Бояръ Суздаля и Ростова съ городомъ Владимиромъ за права муниципальнаго первенства; но несомнѣнно, что властолюбивыми стремленіями проникнуты были не только Бояре Суздаля и Ростова, но и Бояре всѣхъ другихъ главныхъ, стольныхъ, городовъ Русской Земли, какъ на Сѣверѣ, такъ и на Югѣ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Но въ Суздальско-Ростовской Землѣ, въ Приднѣпровьи и въ Юговосточныхъ Княжествахъ, никакія стремленія Бояръ, ни охранительныя сословныя, ни властолюбивыя, какъ мы знаемъ, никогда не имѣли успѣха. По этому, во всѣхъ этихъ Княжествахъ изъ властолюбивыхъ стремленій Бояръ стольныхъ городовъ такъ же точно не могло возникнуть господства главныхъ городовъ надъ пригородами, какъ не могло оно возникнуть отъ возстанія посадскихъ людей. Во всѣхъ этихъ Княжествахъ преобладающее значеніе сбродныхъ дружинъ сдѣлало невозможнымъ никакое иное господство кромѣ господства сбродныхъ дружинъ.

Сѣверовосточный лѣтописецъ XII столѣтія, говоря о борьбѣ за первенство Владимира съ Ростовомъ и Суздалемъ, между прочимъ замѣчаетъ, что жители старыхъ городовъ—Новгородцы, Смоляне, Кіев-

лане и Полочане, издавна (изначала) сходились на вѣча, и что на этихъ вѣчахъ постановляли старѣйшіе, то исполняли и пригороды (на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ); между тѣмъ здѣсь, въ Суздальскомъ краѣ, пригородъ Владиміръ воспротивился думѣ и рѣшенію Ростова и Суздаля и захотѣлъ имѣть свою волю. [38] На основаніи этихъ неопредѣленныхъ словъ, въ которыхъ писатель конца XII столѣтія высказываетъ свое мнѣніе о временахъ ему предшествовавшихъ и давно минувшихъ и о взаимныхъ отношеніяхъ между городами такихъ мѣстностей, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, никогда и не былъ, мнѣніе, которое по этому ни въ какомъ случаѣ нельзя считать за свидѣтельство современника, новѣйшіе изслѣдователи построили цѣлую фантастическую теорію о государственномъ строѣ Руси въ домонгольскій періодъ. По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей древнѣйшаго періода Русской исторіи, государственный строй Руси въ домонгольскомъ періодѣ основанъ на господствѣ всего населенія главнаго города надъ всѣмъ населеніемъ пригородовъ. Это устройство, говорятъ они, существовало не только въ XII столѣтіи, но еще до временъ Рюрика, но въ концѣ домонгольскаго періода стало разлагаться, въ слѣдствіе стремленія пригородовъ освободиться изъ подъ власти своихъ главныхъ, стольныхъ, городовъ. Дѣйствительно, всѣ возстанія затѣвались всегда въ главныхъ старыхъ городахъ, и въ слѣдствіе постояннаго противоборства между Боярами и посадскими людьми, всегда, что затѣвали Бояре стараго города, то поддерживали и Бояре пригородовъ, и что затѣвали посадскіе люди на вѣчахъ въ старомъ городѣ, то поддерживали и посадскіе люди новыхъ городовъ. По этому лѣтописецъ XII столѣтія совершенно правъ, говоря, по вездѣ издавна, что затѣвали старые города, то дѣлали и пригороды. Но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы когда либо существовалъ въ Русской Землѣ государственный строй, основанный на господствѣ всего населенія главныхъ городовъ, не исключая и посадскаго ихъ населенія, надъ всѣмъ населеніемъ окрестныхъ пригородовъ. Такой государственный строй, на сколько намъ извѣстно, существовалъ только въ одномъ Древне-Аѳинскомъ государствѣ, въ пору полнаго развитія тамъ демократическихъ учрежденій, и существовалъ только по тому, что въ Аѳинахъ посадское населеніе успѣло достигнуть полнаго уравненія правъ съ родовой земледѣльческой патриціянской аристократіей и въ то же время не знало надъ собой никакой власти. Но какимъ образомъ возможенъ былъ такой государственный строй въ городахъ Русскихъ, гдѣ посадское населеніе никогда не освобождалось отъ власти Бояръ и сбродныхъ

дружинъ? Какимъ образомъ, напримѣръ, возможно было господство посадскаго населенія города Кіева надъ посадскимъ населеніемъ города Бѣлгорода, когда и въ Кіевѣ и въ Бѣлгородѣ сидѣли Князья, полновластно господствовавшіе надъ посаднимъ населеніемъ? Но если государственный строй, основанный на господствѣ посадскаго населенія и вѣча главнаго города надъ посадскимъ населеніемъ и вѣчами пригородовъ, не возможенъ былъ въ XII столѣтіи, то тѣмъ болѣе онъ не возможенъ былъ въ болѣе раннія поры, когда посадское населеніе находилось въ крѣпостномъ состояніи. Наиболѣе сходства съ Аѳинскимъ государствомъ имѣло въ Русской Землѣ Новгородское государство. Но въ Новгородѣ народъ—посадскіе люди—никогда не достигалъ до полнаго уравненія съ Эвпатридами—съ Боярствомъ, поэтому и въ Новгородской Землѣ не могло сложиться государственное устройство, основанное на господствѣ всего свободнаго населенія надъ всѣмъ такого же рода пригороднаго населенія. Но въ Новгородской Землѣ дѣйствительно сложилось въ послѣднее время домонгольскаго періода государство, основанное на господствѣ главнаго стольнаго города надъ всѣми пригородами Новгородской Земли, но сложилось оно не на народной (демократической) основѣ.

Въ то время, когда въ Приднѣпровьи и въ Княжествахъ Юговосточныхъ и Сѣверовосточныхъ главные города, подавленные сбродными дружинами, безсильны были пріобрѣсть господство надъ пригородами, въ иномъ положеніи очутились главные города на Югозападѣ и Сѣверѣ. Съ паденіемъ верховной власти Князя Кіевскаго, на Югозападѣ Бояре главныхъ городовъ, а на Сѣверѣ вся знать главнаго города, и торговая, и родовая, не встрѣчая сильнаго противодѣйствія своимъ стремленіямъ ни со стороны посадскаго населенія, ни со стороны сбродныхъ дружинъ, захватила въ свои руки Княжескую власть и, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ (говоря о вліяніи возстанія городовъ на отношеніе Княжеской власти къ городскому и сельскому населенію), присвоила себѣ многія права Княжеской власти, по отношенію къ пригородамъ, а именно: право верховнаго суда, право собиранія дани, и право управленія и военнаго предводительства. Такимъ образомъ, съ разложеніемъ союзническо-дружиннаго Государства, и на Югозападѣ, и на Сѣверѣ, воскресли главенственныя (игемоніяльныя) формы государственнаго строя, основанныя на господствѣ знати главнаго города надъ всѣми пригородами Княжества. Эти формы государственнаго строя давно минувшихъ временъ, выступивши наружу среди разложенія союзническо-дружинныхъ отношеній, задержали на время всеобщее разложеніе государственнаго

порядка и на Югозападѣ, и на Сѣверѣ; но проявились, однако, и оказали свое дѣйствіе, и тамъ, и здѣсь, не въ одинакой степени. На Югозападѣ власть сбродныхъ дружинъ падала временно, періодически, по этому и формы главенственнаго государства на Югозападѣ воскресали только временно, періодически. Наибольшей степени власти Бояре главныхъ городовъ на Югозападѣ достигли во время малолѣтства Даніила и его брата, Василія, и въ пору завоеванія Руси Батыемъ. Въ этотъ періодъ времени Бояре двухъ главныхъ городовъ Югозападной Руси, Галича и Владимира, распоряжались пригородами какъ хотѣли: отдавали ихъ въ кормленіе своимъ родственникамъ и сторонникамъ, сажали въ нихъ Князей Русскихъ, или же уступали ихъ чужеземнымъ владѣтелямъ.[33] Но Бояре Галицкіе и Владимира Волынскаго не имѣли никакой власти надъ пригородами во время княженія могущественныхъ Князей, Романа Мстиславича и Мстислава Удалаго. Такимъ образомъ государственный строй Галицко-Волынской Земли въ послѣдніе годы домонгольскаго періода представлялъ пеструю смѣсь отношеній главенственныхъ съ отношеніями союзническо-дружинными, смѣсь, безпрерывно измѣнявшуюся по формѣ, такъ что Галицко-Волынская Земля въ послѣднее время домонгольскаго періода не имѣла опредѣленаго устройства. Но на Сѣверѣ власть сбродныхъ дружинъ до самаго появленія Монголовъ постоянно приходила въ упадокъ. По этому на Сѣверѣ главенственныя формы государственнаго устройства воскресали мѣрно, постепенно, и въ то время когда союзническо-дружинныя отношенія достигли до полнаго разложенія, Новгородская Земля не разложилась, но соединилась въ единое главенственое государство, имѣвшее опредѣленную установившуюся форму. Однако и на Сѣверѣ города никогда не освобождались совершенно отъ власти сбродныхъ дружинъ. Но этому и на Сѣверѣ главенственое государство не воскресло въ своемъ чистомъ, первоначальномъ, видѣ. Въ послѣдніе годы домонгольскаго періода Земля Новгородская имѣла слѣдующее устройство.

Всѣ города Новгородской Земли, по отношенію къ главному городу, раздѣлялись на два разряда: на города, находившіеся вблизи Новгорода, на Новгородской землѣ, и города, лежавшіе по окраинамъ Новгородскаго государства.

Города, находившіеся вблизи Новгорода, не пользовались никакимъ политическимъ самоуправленіемъ и были въ совершенной зависимости отъ главнаго города. Они управлялись Посадниками, присылаемыми изъ Новгорода Новгородскимъ Княземъ и Посадникомъ, или отдавались въ кормленіе Князьямъ, по приговору Новгородскихъ властей.[34] Обык-

новенно каждый пригородъ имѣлъ своего особеннаго Князя, или Посадника; но были случаи, что одинъ Посадникъ, или Князь, управлялъ въ одно время нѣсколькими пригородами. [35] Они не имѣли права вступать въ сношенія съ иностранными народами и Русскими Князьями, заключать съ ними договоры, вступать въ союзы, воевать и мириться. Во внѣшнихъ сношеніяхъ во всѣхъ случаяхъ за нихъ дѣйствовалъ и представительствовалъ главный городъ: отъ имени всей Новгородской Земли онъ заключалъ договоры, вступалъ въ союзы, приглашалъ Князей, объявлялъ войну, заключалъ миръ и защищался отъ внѣшнихъ враговъ. [36] При внезапномъ нападеніи непріятеля пригороды защищались и преслѣдовали врага собственными силами; но если эти силы были недостаточны, то являлось на помощь къ пригородамъ Новгородское ополченіе. [37] Они не принимали участія въ совѣщаніяхъ Новгородскаго вѣча и Боярской думы Новгорода, и не имѣли права измѣнять постановленія Новгородскихъ народныхъ собраній, хотя бы эти постановленія касались только ихъ собственныхъ выгодъ, и въ то же время обязаны были выступать въ походъ по требованію главнаго города, какъ для постройки укрѣпленій и для защиты главнаго города отъ внѣшнихъ враговъ, такъ и для участія въ военныхъ предпріятіяхъ, задуманныхъ безъ ихъ согласія главнымъ городомъ. [38] Кромѣ кормовъ и сборовъ, собираемыхъ на мѣстѣ Посадникомъ, или Княземъ, они обязаны были ежегодно посылать дань главному городу [39] и подчиняться его верховному суду. Какъ вездѣ, такъ и въ Новгородскихъ пригородахъ, Посадники, кромѣ обязанностей собирать доходы и защищать городъ отъ нападенія непріятеля, вѣдали также и судебными дѣлами; но по нѣкоторымъ дѣламъ жители пригородовъ подлежали суду Князя и Посадника главнаго города. Для этого верховнаго суда иногда позовники, бирячи и Княжескіе дворяне, звали подсудимаго изъ пригорода въ главный городъ, а иногда Князь главнаго города отправлялъ верховный судъ на мѣстѣ въ пригородѣ. [40] Какія дѣла подлежали верховному суду главнаго города, не извѣстно. По всей вѣроятности, это были высшія уголовныя, или обжалованныя (апелляціонныя), или же спорныя дѣла между жителями пригородовъ и гражданами главнаго города.

Эта строгая зависимость постепенно слабѣла, по мѣрѣ отдаленія пригородовъ отъ главнаго города. Зависимость Сѣверовосточныхъ Новгородскихъ волостей отъ Новгорода ограничивалась только платежемъ дани, собираемой военными отрядами даньщиковъ, приходившихъ изъ Новгорода. [41] Въ самой Новгородской Землѣ окрайные города, Псковъ, Ладога и Торжокъ, находились въ слабой зависимости отъ

Новгорода. Городъ Псковъ имѣлъ свои собственные пригороды, непосредственно ему подчиненные, и, слѣдовательно, не имѣвшіе прямаго отношенія къ Новгороду. [2] Города Ладога и Торжокъ хотя не имѣли, на сколько извѣстно, никакихъ пригородовъ въ своей власти, но были самыми богатыми и самыми населенными городами Новгородской Земли. Отличаясь немногимъ отъ Новгорода по своему богатству и могуществу, эти три окраинные города находились къ нему въ особенномъ исключительномъ положеніи: они были скорѣе его союзниками, чѣмъ подданными. Хотя Ладога, Торжокъ и Псковъ, подобно другимъ пригородамъ, управлялись Посадниками, присылаемыми изъ Новгорода, и обязаны были помогать Новгороду своими войсками, однако Новгородцы вынуждены были вступать съ ними въ частныя соглашенія, чтобы побудить ихъ къ военнымъ предпріятіямъ, и приглашать ихъ на совѣщанія въ свой городъ, коль скоро затѣвали какое либо важное предпріятіе. [3] Съ перваго взгляда такое участіе жителей могущественныхъ пригородовъ въ совѣщаніяхъ, происходившихъ на вѣчѣ въ главномъ городѣ, показываетъ, что Новгородъ находился съ этими городами въ особенныхъ тѣсныхъ отношеніяхъ, болѣе близкихъ, чѣмъ съ другими пригородами. Но если мы примемъ во вниманіе, что Псковъ часто возставалъ противъ рѣшеній Новгородскаго вѣча, то для насъ будетъ ясно, что это участіе происходило не въ слѣдствіе близости отношеній, но въ слѣдствіе боязни главнаго города, что жители могущественнаго пригорода откажутся имъ содѣйствовать, если напередъ не изъявятъ на то своего согласія. Могущество окраинныхъ пригородовъ объясняетъ намъ и то странное явленіе, что Псковъ, не смотря на частое сопротивленіе Новгородской власти, чаще другихъ пригородовъ принималъ участіе военныхъ предпріятіяхъ, затѣваемыхъ Новгородомъ. Участіе Псковичей на столько увеличивало силы Новгородцевъ, что имъ не было надобности собирать ополченіе изъ другихъ пригородовъ; между тѣмъ отказъ Псковичей на столько обезсиливалъ ополченіе, что предпріятіе не могло состояться.

Изъ всего выше сказаннаго ясно, что государственное устройство Новгородской Земли въ послѣдніе годы домонгольскаго періода представляло смѣсь государственнаго строя главенственнаго съ государственнымъ строемъ союзническо-дружиннымъ. Съ одной стороны государственное устройство Новгородской Земли въ послѣднія поры домонгольскаго періода во многомъ совершенно сходно было съ государственнымъ устройствомъ каждаго отдѣльнаго Княжества Русской Земли въ началѣ XII столѣтія. Какъ прежде, такъ и теперь, во главѣ всей Новгородской Земли стояла единая верховная власть, находив-

шаяся въ главномъ городѣ. Какъ прежде, такъ и теперь, одни города находились въ рукахъ Посадниковъ, присылаемыхъ изъ главнаго города, другіе управлялись своими собственными старѣйшинами. Но теперь верховная власть всей земли уже не находилась въ рукахъ единаго Князя, но принадлежала совмѣстно и Князю и цѣлой Боярской общинѣ главнаго города, и Посадниками были уже не Княжескіе дружинники, но члены той общины, которая раздѣляла съ Княземъ верховную власть надъ всей землей. Но если государственное устройство Новгородской Земли XII столѣтія ни чѣмъ существенно не отличалось отъ государственнаго устройства каждаго Княжества въ отдѣльности въ началѣ XII столѣтія, то, съ другой стороны, оно ни чѣмъ существенно не отличалось и отъ государственнаго устройства, господствовавшаго на Сѣверѣ Руси до появленія Рюрика. Какъ въ Сѣверо-Славянскомъ союзѣ, такъ и теперь, государственное устройство основано было на союзѣ городовъ, на зависимости всѣхъ городовъ земли отъ одного главнаго города. Все различіе состояло только въ томъ, что прежде государственное единство земли основано было на подручной зависимости всѣхъ Князей отъ Князя главнаго города; теперь на зависимости всѣхъ аристократическихъ корпорацій пригородовъ отъ аристократической корпораціи главнаго города. Прежде во главѣ каждаго города стоялъ наслѣдственный владыка, находившійся въ вассальной зависимости отъ владыки главнаго города: теперь во главѣ каждаго пригорода стояло лицо пришлое, присланное совмѣстно Княземъ и знатью главнаго города.

Такимъ образомъ Новгородская Земля, отдѣлившись отъ единства съ Русской Землей, не пошла далѣе въ своемъ политическомъ развитіи: она остановилась на той ступени, на которой стояла до отпаденія отъ власти Князя Кіевскаго. Мало того, ея политическое развитіе пошло назадъ: государственный строй Новгородской Земли въ послѣднія поры домонгольскаго періода во многомъ приблизился къ государственному строю, существовавшему въ доварягскія поры. Какъ возстановленіе прошедшаго, какъ мертвый остовъ политической жизни, давнымъ давно отжившей свой вѣкъ, это устройство не представляло никакихъ залоговъ ни для дальнѣйшаго развитія, ни для продолжительнаго существованія. Вездѣ, во всѣхъ странахъ міра, политическая жизнь, основанная на союзѣ городовъ, съ появленіемъ сбродныхъ варварскихъ дружинъ пришла въ упадокъ. То же самое случилось и на Руси. И на Руси, какъ вы видѣли, союзническая жизнь, процвѣтавшая до появленія Варяго-руссовъ, пришла въ упадокъ, какъ только явились сбродныя дружины въ городахъ Старосла-

вянскихъ. главенственное Новгородское государство возникло въ слѣдствіе временнаго упадка власти этихъ дружинъ, и по тому могло существовать только до тѣхъ поръ, пока продолжался этотъ упадокъ. Какъ только, съ появленіемъ Монголовъ, власть сбродныхъ дружинъ окончательно окрѣпла, тотчасъ же и началось паденіе главенственнаго Новгородскаго государства. Но еще прежде, чѣмъ сбродныя дружины окончательно окрѣпли подъ властью Монголовъ и выступили на уничтоженіе главенственнаго государства Сѣвера, это государство, какъ явленіе старое, отжившее свой вѣкъ, еще въ домонгольскій періодъ стало разлагаться. Главенственыя отношенія возможны были только тамъ, гдѣ господствовала городская патриціянская аристократія—Боярство, и гдѣ два новыя сословія—сбродныя дружины и посадскіе люди—не получили преобладанія надъ Боярствомъ. Въ такомъ именно состояніи и находились сословныя отношенія въ Новгородской Землѣ до XIII столѣтія. Но въ концѣ домонгольскаго періода взаимныя отношенія между Боярами, посадскими людьми и дружинниками въ Новгородской Землѣ значительно измѣнились. Съ одной стороны, въ то время, когда Боярство, въ слѣдствіе недостатка свободныхъ земель и независимыхъ бродячихъ народцевъ, не могло размножаться, народные зачатки все болѣе и болѣе размножались и пріобрѣтали общественное значеніе въ ущербъ Боярству. Въ концѣ домонгольскаго періода появилось въ Новгородѣ сословіе Боярскихъ Дѣтей, о существованіи котораго въ прежнее время не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Это сословіе образовалось чрезъ выдѣленіе изъ Боярскаго сословія такихъ лицъ которыя хотя происходили отъ Бояръ, но, по своей бѣдности, не имѣя ни рабовъ, ни селъ, не могли принадлежать къ Боярству. " Въ то же время, въ концѣ домонгольскаго періода, началась, и въ Новгородѣ, неизвѣстная до сихъ поръ, борьба между чернью и знатью города. Эта вражда уже замѣтна въ возстаніи, въ 1228 году, простой чади противъ Владыки Арсенія, Тысяцкаго Вячеслава и его родственниковъ и сторонниковъ. Но еще яснѣе она проявилась въ 1255 году, въ пору завоеванія Руси Монголами когда черные или меньшіе люди изгнали Князя Ярослава и поклялись на вѣчѣ защищать другъ друга, а вятшіе или старѣйшіе люди, то есть, Бояре, составили, по словамъ лѣтописи, совѣтъ золъ, какъ бы побить меньшихъ и поставить Князя по свой волѣ. [45] Также точно, съ теченіемъ времени размножились и усилились народные зачатки и въ Новгородскихъ пригородахъ, хотя до XIV столѣтія мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о борьбѣ между народомъ и знатью въ Новгородскихъ пригородахъ, [49] Съ другой стороны, хотя

власть Князя Новгородскаго, въ слѣдствіе паденія власти Великаго Князя Кіевскаго, съ каждымъ годомъ, какъ мы видѣли, все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ, однако и въ Новгородской Землѣ сбродныя дружины въ концѣ домонгольскаго періода размножались и усиливались, какъ размножались и усиливались онѣ въ другихъ Княжествахъ. Въ концѣ домонгольскаго періода явились на Сѣверовостокѣ сильные Князья Суздальскіе, которые, стремясь подчинить Новгородскую Землю своей власти, безпрерывно нападали на ея окрайные города. Въ то же время на Сѣверозападѣ усилились Князья Литовскіе и возникъ Ливонскій Орденъ. Подобно Суздальскимъ Князьямъ, и Нѣмцы, и Литовцы, безпрестанно нападали на сосѣднія Новгородскія владѣнія и стремились по частямъ подчинить ихъ своей власти. Угрожаемые безпрерывно внѣшними нападеніями, Новгородцы вынуждены были позаботиться объ увеличеніи своихъ постоянныхъ военныхъ силъ, и съ этой цѣлью, въ концѣ домонгольсаго періода, стали раздавать, въ кормленіе Князьямъ Русскимъ, свои пограничные пригороды подвергавшіеся наиболѣе внѣшнимъ нападеніямъ. Еще въ 1161 году Новгородцы, собравшись на вѣче, послали объявить своему Князю Святославу Ростиславичу, что они не могутъ держать двухъ Князей, и по тому просили его, чтобы онъ вывелъ своего брата изъ города Торжка. [47] Но, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ XII столѣтія, сами Новгородцы постоянно сажаютъ Князей въ главнѣйшихъ своихъ пограничныхъ пригородахъ—въ Псковѣ, Торжкѣ, Волоколамскѣ и Лукахъ. [48] Такимъ образомъ, начиная съ конца XII ст., въ одно время съ усиленіемъ народныхъ зачатковъ усиливались въ Новгородской Землѣ, въ ущербъ Боярства, и сбродныя дружины. Измѣненіе сословныхъ отношеній отразилось и на государственномъ строѣ Новгородской Земли. Чѣмъ болѣе народъ и сбродныя дружины усиливались, тѣмъ болѣе уничтожалась тѣсная связь между главнымъ городомъ земли и его пригородами. Мы видѣли, что еще прежде борьба между Новгородскими партіями, борьба, вызываемая вліяніемъ на Новгородскія дѣла Южнорусскихъ дружинъ, часто приводила къ отпаденію сильнѣйшихъ пригородовъ отъ единства съ главнымъ городомъ, коль скоро партія, потерпѣвшая пораженіе въ главномъ городѣ, оказывалась господствующей въ пригородѣ. Но пока вліяніе сбродныхъ дружинъ было слабо, пока борьба и въ главномъ городѣ, и въ его пригородахъ шла только между аристократическими партіями, тѣсно связанными между собою единствомъ сословныхъ, экономическихъ и политическихъ, выгодъ, до тѣхъ поръ возможно было примиреніе между борющимися сторонами, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и от-

паденіе пригородовъ никогда не было рѣшительнымъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ усилилось вліяніе сбродныхъ дружинъ и началась и въ главномъ городѣ, и въ его пригородахъ, непримиримая вражда между народомъ и знатью, и отпаденіе пригородовъ сдѣлалось рѣшительнымъ и непримиримымъ: для пригороднаго народа не было никакой выгоды поддерживать единство съ главнымъ городомъ, общественный строй котораго основанъ былъ на господствѣ знати. По этому вездѣ во всѣхъ пригородахъ, гдѣ народъ бралъ перевѣсъ надъ знатью, естественно было стремленіе совершенно освободиться отъ власти главнаго города. Къ тому же побуждало ихъ и возрастающее вліяніе сбродныхъ дружинъ. Сбродныя дружины, окружившія со всѣхъ сторонъ Новгородскія владѣнія, въ борьбѣ съ Новгородомъ безпрерывно разоряли и опустошали его пограничные пригороды. Пока силы главнаго города превосходили силы сбродныхъ дружинъ, до тѣхъ поръ внѣшнія нападенія служили только еще къ большему скрѣпленію связей между главнымъ городомъ и его пригородами. Но съ тѣхъ поръ, какъ оказалось, что главный городъ безсиленъ защитить пригороды отъ внѣшнихъ враговъ, естественно, для разоряемыхъ и опустошаемыхъ пригородовъ, оставалось только одно, — отстать отъ главнаго города и подчиниться власти его враговъ. Но если внѣшнія сбродныя дружины побуждали пригороды къ отпаденію, то внутреннія сбродныя дружины, принимаемыя въ пригороды для защиты послѣднихъ отъ внѣшнихъ враговъ, давали средство для осуществленія стремленія къ отпаденію. Сбродныя дружины, находившіяся въ пригородахъ, всегда были на сторонѣ этихъ стремленій пригородовъ; ибо, съ освобожденіемъ пригородовъ, сбродныя дружины, ихъ защищавшія, становились независимыми отъ власти Новгородскаго Князя и Боярства и пріобрѣтали полную власть надъ защищаемыми ими пригородами. Такимъ образомъ, и усиленіе народа, и возраставшее значеніе сбродныхъ дружинъ, все вело къ одному послѣдствію—къ рѣшительному стремленію пригородовъ отдѣлиться отъ политическаго единства съ главнымъ городомъ. Нужно, однако, замѣтить, что это стремленіе въ домонгольскій періодъ выразилось только въ двухъ главныхъ окрайныхъ пригородахъ—въ Псковѣ и Торжкѣ. Начиная съ конца XII столѣтія жители Торжка все чаще и чаще принимали къ себѣ Князей, враждовавшихъ съ Новгородомъ, [49] а въ 1229 году, безъ всякаго повода со стороны главнаго города, отказались принять присланнаго къ нимъ Посадника, Иванка. [50] Еще яснѣе проявились такія стремленія въ городѣ Псковѣ. Въ началѣ XIII столѣтія Псковичи стали принимать къ себѣ Князей и

изгонять ихъ безъ всякаго участія со стороны Новгородцевъ. [51] Въ 1228 году Псковичи заключили оборонительный союзъ съ Нѣмцами, чтобы общими силами защищаться отъ Новгородцевъ. Въ 1246 году явились во Псковѣ двѣ партіи: Нѣмецкая, благопріятствовавшая господству Нѣмцевъ во Псковской Землѣ, и Русская, поддерживавшая тѣсную связь Пскова съ Новгородомъ. [52]

И такъ стремленіе Бояръ главныхъ городовъ къ господству надъ пригородами, задержавши на время разложеніе государственнаго порядка на Сѣверѣ, въ сущности ничего не давало для дальнѣйшаго политическаго развитія всей Руской Земли. Все будущее Руси зависѣло отъ того, какого рода стремленія и отношенія возникнутъ въ Приднѣпровьи, на Западѣ и Сѣверовостокѣ, гдѣ Бояре главныхъ городовъ не имѣли успѣха, и гдѣ по этому государственный строй стараго порядка, говоря вообще, достигнулъ до полнаго разложенія. Въ Приднѣпровьи, на Западѣ и Сѣверовостокѣ, господствующее сословіе, Князья, ихъ сбродныя дружины и Бояре, въ общей совокупности, противодѣйствуя стремленію Бояръ главныхъ городовъ къ господству, тѣмъ не менѣе, однако, не были чужды стремленіямъ къ государственному порядку. Съ разложеніемъ стараго государственнаго порядка они стремились, то сознательно, то безсознательно, къ водворенію новаго государственнаго порядка.

Чѣмъ болѣе разлагалось союзническо-дружинное государство, тѣмъ болѣе исчезала связь между Князьями, основанная на господствѣ владѣтелей большихъ городовъ надъ владѣтелями меньшихъ городовъ, тѣмъ болѣе Князья вступали въ договоры и заключали между собою временные, или постоянные, союзы, то для обороны, то для нападенія. На заключеніе союзовъ, по духу тогдашняго времени, имѣли большое значеніе узы родства и свойства. Обыкновенно вступали въ союзы близкіе родственники, или свойственники. Въ теченіи всего домонгольскаго періода Князья Русскіе раздѣлялись на двѣ главныя стороны Ольговичей и Мономаховичей. Во время борьбы Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ, Мстиславичи постоянно составляли одинъ тѣсный союзъ; между тѣмъ Святославъ Ольговичъ и Владиміръ Галицкій, связанные узами родства и свойства съ Юріемъ Долгорукимъ, были постоянными и вѣрными союзниками послѣдняго. Но побудительной причиной къ заключенію союзовъ собственно было не родство и свойство, но единство выгодъ Князей, стремившихся къ пріобрѣтенію, или къ сохраненію, власти, уже пріобрѣтенной. По этому хотя по большой части политическіе союзы заключались между ближайшими родственниками и свойственниками, но иногда вступали

въ союзы и Князья, не связанные никакими узами родства, или свойства, противъ ближайшихъ родственниковъ, если того требовали личныя выгоды Князей, заключавшихъ союзъ. Такъ въ борьбѣ Святослава Ольговича съ Изяславомъ Мстиславичемъ Давыдовичи, желая пріобрѣсть волость Игоря Ольговича, вступили въ союзъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ и воевали вмѣстѣ съ нимъ противъ Святослава Ольговича и его свойственника, Юрія Долгорукаго.

Заключая между собою союзы для обороны и нападенія, Князья Русскіе въ то же время постоянно чувствовали потребность въ государственномъ единствѣ. Въ теченіи всего домонгольскаго періода среди Князей хранилось преданіе, что на Русской Землѣ было больше мира и порядка, когда всѣ Князья подчинялись верховной власти Князя Кіевскаго. Но какимъ образомъ снова воскресить власть Князя Кіевскаго и снова достигнуть государственнаго единства? Очевидно, съ паденіемъ власти Князя Кіевскаго, для достиженія государственнаго единства путемъ искусственнымъ, ничего болѣе не оставалось, какъ только прибѣгнуть къ взаимнымъ соглашеніямъ, и на мѣсто Князя, господствовавшаго насильственно, по праву происхожденія, поставить Князя выборнаго, которому бы подчинялись всѣ Князья добровольно. На этой именно мысли и остановились Князья Русскіе, когда на Югѣ началъ разлагаться государственный строй, возникшій изъ завоеванія. Уже Всеволодъ Ольговичъ, желая посадить на столъ Кіевскій своего брата, Игоря, въ концѣ своей жизни созываетъ Князей въ Кіевѣ и старается вынудить у нихъ добровольное согласіе на признаніе шаткихъ правъ его брата на столъ Кіевскій. Стремленіе Ольговича посадить въ Кіевѣ Князя, котораго власть основана была бы на добровольномъ признаніи со стороны другихъ Князей, какъ извѣстно, не имѣло успѣха, по тому что въ междукняжескія отношенія вмѣшалось посадское и кочевое населеніе Кіевской области. Но по смерти Юрія Долгорукаго, когда посадскіе люди и Черные Клобуки, съ размноженіемъ сбродныхъ дружинъ, потеряли всякое значеніе въ общественной жизни Кіевскаго края, Князья, наиболѣе заинтересованные въ судьбахъ города Кіева, стали прибѣгать къ избранію Князя Кіевскаго и подчиняться его власти по добровольному соглашенію. Въ 1159 году союзные Князья, Галицкій, Владимира Волынскаго и Пересопницы, изгнавши изъ Кіева Изяслава Давыдовича, пригласили на Кіевскій столъ одного изъ старѣйшихъ своихъ родственниковъ, Смоленскаго Князя, Ростислава Мстиславича, который принялъ предложенный ему Кіевскій столъ съ условіемъ, что всѣ Князья будутъ считать его своимъ отцомъ и будутъ ходить въ его послушаніи. Въ

Суздальскій, Всеволодъ Юрьевичъ, отказался пріѣхать на съѣздъ на томъ основаніи, что порядки, предлагаемые Романомъ, не были извѣстны издревле въ Руси, и что онъ, Всеволодъ, хочетъ жить такъ, какъ жили его дѣды и отцы. Другіе Князья, хотя изъ опасенія Романа обѣщали съѣхаться въ Кіевѣ, но, подъ разными благовидными предлогами, не исполнили обѣщанія. [57]

И такъ, какъ вездѣ въ смутныя переходныя поры, такъ и въ Руси, въ послѣдніе годы домонгольскаго періода, среди всеобщаго разложенія, возникло стремленіе на развалинахъ государственнаго порядка, основаннаго на несвободныхъ отношеніяхъ, создать новый порядокъ, на основѣ добровольнаго соединенія и выборнаго начала; но какъ вездѣ, такъ и въ Руси, въ домонгольскій періодъ это стремленіе оказалось несостоятельнымъ. Не смотря на мощныя стремленія своихъ лучшихъ вождей, Русская Земля домонгольскаго періода не соединилась въ одно государство на основаніи добровольнаго соединенія и выборнаго начала. Что же было причиной, что проектъ Романа не имѣлъ успѣха, и по чему стремленія Князей подчиниться власти добровольно избранныхъ вождей, не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ? Дѣло въ томъ, что Князья никогда не преслѣдовали одной какой ни будь идеи, и никогда не оставались вѣрными одному какому ни будь стремленію. Въ то время, когда одни Князья, руководимые чувствомъ самосохраненія, или желаніемъ общаго блага, стремились создать государственный порядокъ на основѣ добровольнаго соединенія, другіе Князья, свободные отъ страха за свое существованіе и преслѣдуя только себялюбивыя, властолюбивыя и своекорыстныя, цѣли, стремились къ насильственному господству надъ сосѣдними владѣтелями, или же заботились только объ усиленіи своей собственной власти и расширеніи своихъ владѣній на счетъ другихъ Князей. Стремленіе къ единовластному насильственному господству началось, какъ мы видѣли, на первыхъ страницахъ Русской исторіи, въ одно время съ стремленіями къ родовому и вотчинному владѣніямъ. Съ разложеніемъ союзническо-дружиннаго государства, стремленіе къ единодержавію не прекращалось, но только измельчало и приняло мѣстное значеніе. Такъ Андрей Боголюбскій выгоняетъ изъ Суздальско-Ростовскаго Княжества своихъ братьевъ и племянниковъ, и подчиняетъ своей власти Князей Рязанскихъ, Смоленскихъ и Кіевскихъ. Его братъ, Всеволодъ Юрьевичъ, совершенно овладѣваетъ городами Рязанскаго Княжества, и подчиняетъ своей власти не только всѣхъ Князей Сѣверовосточной Руси, но отчасти и Князей Югозападныхъ. Романъ Мстиславичъ Волынскій, Метиславъ Удалой

и Данилъ Романовичъ, подчиняютъ своей власти всѣхъ князей Юго-западной Руси. Святославъ Всеволодовичъ, изъ племени Олега Черниговскаго, мечтаетъ изгнать всѣхъ Ростиславичей изъ Кіевской земли; а одинъ изъ его потомковъ, Всеволодъ Чермный, стремится изгнать всѣхъ Мономаховичей изъ Кіевской области. Наконецъ, одинъ изъ Князей Рязанскихъ въ послѣдніе годы домонгольскаго періода, измѣнническими избиваетъ почти всѣхъ Князей Рязанскихъ, имѣя въ виду сдѣлаться единовластнымъ Княземъ всей Рязанской земли. [58] Возникши въ одно время съ стремленіемъ къ родовому и вотчинному владѣніямъ и никогда не прекращаясь, себялюбивое стремленіе къ единовластію, или къ насильственному преобладанію надъ другими Князьями, во первыхъ, воспрепятствовало утвердиться, путемъ обычая, выборному началу, по отношенію къ порядку перехода стола Кіевскаго отъ одного Князя къ другому. До начала XIII столѣтія, Князья городовъ ближайшихъ къ Кіеву то назначали Князя Кіевскаго по взаимному соглашенію, то произвольно овладѣвали городомъ Кіевомъ, для себя, или для своихъ сторонниковъ, не спрашивая согласія на то другихъ Князей, или же только вступивъ въ соглашеніе съ немногими Князьями, своими доброжелателями. Но въ началѣ XIII столѣтія обычай назначать Князя Кіевскаго, по взаимному соглашенію многихъ Князей, совершенно прекращается. Въ послѣднія поры домонгольскаго періода Кіевскій столъ переходитъ изъ рукъ въ руки, то вслѣдствіе насильственнаго завоеванія, то по назначенію сильнѣйшихъ Князей, Суздальскихъ и Галицкихъ. [59] Во вторыхъ, это же самое себялюбивое стремленіе было причиной, что Князья не соединились въ одно избирательное государство, сходное съ Нѣмецкой Имперіей, и отказались отъ проекта, предложеннаго Романомъ Мстиславичемъ Галицкимъ. Большинство сильнѣйшихъ Князей того времени хотѣло только для себя власти, и при томъ власти насильственной, независимой и произвольной. Всеволодъ Юрьевичъ, стремившійся къ такой власти, овладѣвши городами Князей Рязанскихъ, и тѣснивши Князей Черниговскихъ, очевидно не могъ добровольно согласиться подчинить свою волю чужой волѣ. Въ лѣтописномъ разсказѣ, сохранившемся въ сводѣ Татищева о проектѣ Романа, прямо сказано, что Всеволодъ отказался принять проектъ Романа, по тому что не желалъ переселяться въ Кіевъ и боялся, чтобы старѣйшинство не досталось другому. [60]

Себялюбивыя стремленія къ насильственному и единовластному господству, парализируя стремленія къ избирательной Монархіи, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи могли бы привести къ поглоще-

нію всѣхъ Князей самымъ сильнѣйшимъ Княземъ, и, слѣдовательно, къ насильственному образованію наслѣдственной единодержавной монархіи, если бы властолюбивые Князья подчиняли свои выгоды, личныя и семейныя, выгодамъ государственнымъ. Но всѣ властолюбивые Князья Русской Земли домонгольскаго періода, начиная отъ Святополка Владимировича до Всеволода Юрьевича, стремясь къ расширенію своихъ владѣній, или къ подчиненію своей власти другихъ Князей, имѣли въ виду не выгоды государственныя, но только выгоды своей собственной семьи, и по тому отъ ихъ властолюбивыхъ стремленій, предоставленныхъ самимъ себѣ, не могло произойти никакихъ послѣдствій для дальнѣйшаго развитія государственнаго порядка. Заботясь только о выгодахъ семейственныхъ, всѣ властолюбивые Князья домонгольскаго періода, обыкновенно предъ смертью раздѣляли свои владѣнія между всѣми своими дѣтьми, и такимъ образомъ уничтожали всякое значеніе своихъ стремленій къ единовластію для образованія государственнаго единства Русской Земли: то, что удавалось собрать въ своихъ рукахъ Князю отцу, послѣ его смерти снова распадалось на независимыя одно отъ другого владѣнія подъ властью его сыновей.

И такъ противоположныя стремленія Князей къ соединенію и господству, предоставленныя самимъ себѣ, не могли создать новаго порядка на развалинахъ союзническо-дружиннаго Государства. Но возлѣ Князей существовало многочисленное землевладѣльческое сословіе Бояръ и дружинниковъ, которое держало въ своихъ рукахъ Княжескую власть и, слѣдовательно, могло измѣнить ея стремленія, сообразно съ своими собственными выгодами и стремленіями. Къ чему же стремились всѣ Бояре и дружинники древней домонгольской Руси? Мы знаемъ уже, что Бояре главныхъ городовъ стремились къ уничтоженію Княжеской власти и къ господству надъ окрестными пригородами. Въ этомъ отношеніи стремленіе Бояръ главныхъ городовъ находилось въ противорѣчіи какъ съ выгодами и стремленіями Княжескихъ дружинниковъ, такъ и съ выгодами и стремленіями всѣхъ вообще Бояръ, не принадлежавшихъ къ Боярскимъ корпораціямъ главныхъ городовъ. Но, кромѣ противоположныхъ стремленій, у всѣхъ Бояръ и дружинниковъ были и общія стремленія. Эти общія стремленія были слѣдующія:

Во первыхъ, всѣ Бояре и дружинники стремились служить Князьямъ за хорошія кормленія. Мужи Новгородскіе, приглашая Князя на столъ, требовали отъ него непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ не держалъ волостей Новгородскихъ своими мужами, но держалъ ихъ

мужами Новгородскими. Изъ этого условія оказывается, что всѣ мужи Новгородскіе хотѣли служить Князю за хорошія кормленія; ибо всѣ лица, получившія волости отъ Князя, уже по самому своему званію были его дружинники, отправлявшіе отъ его имени правительственныя обязанности, доставлявшіе ему часть собираемой ими дани и выступавшіе въ походъ по его требованію. Но если могущественные Новгородскіе Бояре хотѣли служить Князьямъ для полученія отъ нихъ волостей въ кормленіе, то нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы того же самаго не желали Бояре небольшихъ пригородовъ. Что стремленіе Бояръ обратиться въ служилое правительственное сословіе было общее, это доказываютъ и данныя изъ исторіи Югозападной Руси. Князья Галицкіе, желая привлечь Боярство на свою сторону, раздавали ему волости. Черниговскіе Бояре, во время нашествія Батыя, наѣхали въ чужое Галицкое Княжество для полученія волостей. Домашній врачъ Князя Черниговскаго, Николы Святоши, Сиріянинъ Петръ, однажды навѣстивши своего господина въ Печерскомъ монастырѣ, говоритъ ему такія вещи: «Вотъ Бояре, служившіе тебѣ, ради тебя бывшіе и великими и славными, нынѣ лишены своей надежды, жалѣютъ по тебѣ и въ большомъ унынiи.» [61]

Во вторыхъ, всѣ Бояре и дружинники стремились расширить областную власть того Князя, подъ властію котораго они находились и которому они служили. Чѣмъ богатче былъ Князь, чѣмъ большимъ числомъ располагалъ онъ волостей, тѣмъ большее получали вознагражденіе его служилые люди, тѣмъ обширнѣе были волости, получаемыя ими въ кормленіе, тѣмъ скорѣе они могли надѣлять кормленіями, дѣйствуя отъ имени Князя, своихъ родственниковъ, своихъ друзей и сторонниковъ. По этому вездѣ Бояре и дружинники стремились расширить область государственной власти своего Князя. Такъ Бояре Галицкіе, вопреки желанію своего Князя, Ярослава, не хотѣли возвратить городовъ, захваченныхъ Княземъ Владимиромъ и, для удержанія ихъ подъ властью своего Князя, вступили въ бой съ могущественнымъ Изяславомъ Мстиславичемъ. Эти же самые Бояре Галицкой земли завоевали, въ княженіе Владимира, богатые города по рѣкѣ Дунаю. Бояре Владимирскіе препятствуютъ Всеволоду Юрьевичу возвратить волости плѣннымъ Князьямъ Рязанскимъ. Бояре Новгородскіе при Всеволодѣ Мстиславичѣ вспомнили, что когда то Суздальскій край вмѣстѣ съ Новгородскимъ входилъ въ составъ Сѣверославянскаго союза, и заставили своего Князя, вопреки его желанію, отправиться въ походъ противъ Юрія Долго-

рукаго для завоеванія Суздальскаго края, въ походъ, какъ извѣстно окончившійся неудачно для Новгородцевъ, за что и поплатился изгнаніемъ изъ Новгорода сторонникъ Боярства, Всеволодъ Мстиславичъ. Князь Новгородскій, Мстиславъ Храбрый, желая предпринять походъ противъ Чуди, обращается не къ вѣчу Новгородскому, но собираетъ на думу однихъ только Новгородскихъ Бояръ, и получаетъ отъ нихъ полное согласіе. По словамъ лѣтописей, Бояре Новгородскіе оплакивали преждевременную смерть этого Князя по тому, что съ его смертью они лишились возможности распространять власть Новгородскую надъ окрестными сосѣдними народами. Если мы вспомнимъ, что, послѣ похода на Чудь, этотъ Князь одну треть дани, собранной съ городовъ Чуди, отдалъ своимъ дворянамъ, а двѣ трети Новгородцамъ, то для насъ будетъ понятенъ смыслъ сожалѣнія объ умершемъ Князѣ, водившемъ Новгородцевъ для порабощенія погановыхъ. [62]

Въ третьихъ, всѣ Бояре и дружинники стремились уничтожить многокняженіе и соединиться въ одно сословіе подъ властью единаго Князя. Чѣмъ больше было Князей, тѣмъ больше теряли Бояре и знатные дружинники. При многокняженіи всѣ большіе города переходили подъ непосредственное управленіе Князей, которые управляли городами, находившимися подъ непосредственною ихъ властью, какъ мы уже знаемъ, при помощи своихъ рабовъ, отроковъ и тивуновъ. Между тѣмъ при немногихъ Князьяхъ, не только небольшія волости, но и большіе города, отдавались въ кормленіе Боярамъ и знатнымъ дружинникамъ. Лишаясь доходовъ отъ кормленій, при многокняженіи Бояре и дружинники терпѣли большой ущербъ и, съ другой стороны, отъ Княжескихъ междоусобій, которыя всегда оканчивались разореніемъ и сожженіемъ селъ и деревень, принадлежавшихъ Боярамъ и дружинникамъ. Отсюда, понятно, по чему вездѣ Бояре и знатные дружинники стремились освободиться отъ многокняженія и желали всегда имѣть одного только Князя. А что дѣйствительно еще въ домонгольскомъ періодѣ было такое стремленіе среди Бояръ и дружинниковъ, это доказываютъ многія данныя. Бояре Новгородскіе не допускали своего Князя отдавать пригороды Новгородскіе другимъ Князьямъ и постоянно твердили ему, что они не могутъ держать двухъ или многихъ Князей, хотя, какъ мы видѣли, въ концѣ домонгольскаго періода и вынуждены были нѣсколько отступить отъ этого правила. Всѣ Бояре и дружинники Суздальско-Ростовской Земли, по смерти Юрія, избрали на княженіе одного только Андрея и выгнали изъ Суздальско-Ростовскаго края всѣхъ

его братьевъ. По смерти Михаила Юрьевича Бояре и дружинники не допустили Князей-соперниковъ, Мстислава Ростиславича и Всеволода Юрьевича, мириться, на томъ условіи, чтобы подѣлить между собою Суздальско-Ростовскій край, и рѣшились лучше предоставить свое дѣло суду Божію, чѣмъ допустить особеннаго Князя во Владимирѣ. Во время княженія въ Галичѣ Владимира Володаревича мужи Галицкіе изгнали его племянниковъ, а послѣ смерти Ярослава Владимировича изгнали его меньшаго сына, Олега, и вручили власть надъ всей Галицкой землей одному только старшему его сыну, Владимиру. Во время малолѣтства Даніила Бояре Галицкіе то склонялись на сторону Даніила, то передавались Королевичу Угорскому, но всегда и вездѣ держались одного только Князя. Всѣ великіе Галицкіе Бояре, служившіе Роману Мстиславичу, послѣ его смерти соединились только возлѣ его старшаго сына, Даніила, не смотря на то, что послѣ Романа остался и другой сынъ, Василій. [63] Съ этимъ стремленіемъ къ единодержавію, по видимому, находится въ противорѣчіи стремленіе Бояръ освободиться отъ власти Князя Кіевскаго. Но если мы примемъ во вниманіе, что Бояре, стремясь къ единодержавію, хотѣли не какого ни будь Князя, но Князя, который раздавалъ бы имъ кормленія, то для насъ будетъ понятно, по чему Бояре не хотѣли единой власти въ лицѣ Кіевскаго Князя. Что бы выиграли Бояре Новгородскіе, Суздальскіе и Галицкіе, если бы освободились отъ своихъ Князей и поступили подъ власть Князя Кіевскаго? Они бы получили только, вмѣсто Рюриковича, слугу Князя Кіевскаго, который также точно управлялъ бы ими, какъ Рюриковичъ, но съ тѣмъ только различіемъ, что доходы, собираемые съ края въ видѣ Княжескихъ даней и оброковъ, потреблялись не на мѣстѣ, но отправлялись въ Кіевъ, въ ущербъ мѣстнымъ выгодамъ. По этому понятно, что Бояре Галицкіе, Новгородскіе и Суздальскіе или совершенно были равнодушны къ власти Князя Кіевскаго, если она не касалась ихъ Князя, или же были ей явно враждебны, если она какимъ ни будь образомъ задѣвала ихъ собственныя выгоды. Если бы Бояре были вполнѣ увѣрены, что Князь Кіевскій приметъ ихъ всѣхъ къ себѣ на службу и надѣлитъ правительственными должностями, то навѣрно всѣ бы они измѣнили своимъ мѣстнымъ Князьямъ и обратились къ Кіевскому Князю, какъ обратились они въ послѣдствіи къ Князю Московскому. Но такой увѣренности у Бояръ домонгольскаго періода не было. Бояре стремились къ единой власти не въ слѣдствіе яснаго сознанія потребности государственнаго единства, но изъ желанія имѣть сытныя должности

и хорошія кормленія; между тѣмъ Князь Кіевскій не имѣлъ въ сво емъ распоряженіи ни сытныхъ должностей, ни хорошихъ кормле ній. Вотъ по чему Бояре въ одно и то же время стремились и к единодержавію и къ обособленію отъ Князя Кіевскаго.

Наконецъ, въ четвертыхъ, всѣ Бояре и дружинники стреми лись защищать семейныя выгоды того Князя, у котораго они состо яли на службѣ и отъ котораго получали кормленія, и желали посл его смерти служить его сыновьямъ также преданно и вѣрно, как служили ему самому. Дружина Игоря, по смерти своего Князя, оста ется возлѣ его малолѣтнаго сына, Святослава, и поддерживаетъ ег политическія выгоды усмиреніемъ древлянъ. Передніе мужи Чернигов скаго Князя, Святослава Ольговича, по смерти своего Князя, сгадав ши съ его Княгиней, заботятся о томъ, чтобы передать столъ Чер ниговскій его сыну, Олегу. Служилые люди Князя Дорогобужскаго Владимира Мстиславича, остаются послѣ его смерти, возлѣ его Кня гини и его малолѣтняго сына, и защищаютъ ихъ городъ отъ притя занія другихъ Князей. Все великіе Бояре Галицкіе, служившіе Рома ну Мстиславичу, послѣ его смерти остаются возлѣ его малолѣтняг Князя, Ярослава, и въ началѣ битвы подъ Теребовлемъ обращаются къ нему съ такою рѣчью: «Ты еще молодъ: поѣзжай прочь и поло жись на насъ! Твой отецъ кормилъ и любилъ насъ: хотимъ за честь твоего отца и твою сложить свои головы. Ты у насъ Князь одинъ если съ тобой что случится, то что тогда намъ дѣлать? Такъ сту пай же, Князь, въ городъ: мы сами будемъ биться съ Изяславомъ а кто изъ насъ останется живъ, тотъ прибѣгнетъ къ тебѣ и затво рится съ тобою въ городѣ.» [64]

Сведя въ общій итогъ всѣ эти отдѣльныя стремленія, оказы вается, что еще въ домонгольскій періодъ всѣ Бояре и дружинники, составляя высшее господствующее сословіе, стремились обратиться въ единое правительственно-служилое сословіе и создать единодер жавную, наслѣдственную Монархію, которая переходила бы, по пра ву первородства, отъ отца къ его старшему сыну.

Такимъ образомъ весь ходъ историческаго развитія древней домонгольской Руси привелъ къ образованію зачатковъ и стремле ній, изъ которыхъ долженствовала сложиться феодальная Монархія Съ одной стороны возникло множество Князей разныхъ степеней власти, изъ которыхъ одни стремились добровольно подпасть подъ верховную власть единаго Князя, а другіе старались усилиться на счетъ слабѣйшихъ сосѣднихъ Князей и подчинить ихъ своей произ вольной насильственной власти. Съ другой стороны образовалась

многочисленная земледѣльческая знать разныхъ чиновъ и разрядовъ, которая стремилась примкнуть къ единому, самому богатому и самому могущественному, Князю, чтобы создать единодержавную наслѣдственную Монархію. Теперь оставалось только явиться богатому Князю, имѣющему въ своемъ распоряженіи много свободныхъ городовъ и селъ, чтобы, посредствомъ раздачи кормленій, привлечь къ себѣ на службу всю эту земледѣльческую знать, жадную къ правительственнымъ должностямъ и, на развалинахъ союзническо-дружиннаго Кіевскаго Государства, возникла бы феодальная Монархія, основанная на служебной зависимости всѣхъ землевладѣльцевъ отъ единой верховной власти. Такого Князя еще не оказалось въ домонгольскомъ періодѣ. Но уже въ домонгольскій періодъ стремленіе Бояръ и дружинниковъ къ наслѣдственной единодержавной Монархіи не осталось безъ послѣдствій. Въ послѣдніе годы домонгольскаго періода, въ то время, когда власть Князя Кіевскаго дошла до ничтожества, а на Сѣверѣ сложилось главенское Государство, на Западныхъ и Восточныхъ окраинахъ старой Кіевской Руси сложились обширныя Княжества: Галицкое, Суздальское и Литовское. Въ одно и то же время Литовскіе Князья выступали на завоеніе Сѣверозападныхъ Княжествъ, а на Югозападѣ явились сильные Князья, Романъ Мстиславичъ, Мстиславъ Удалой и Даніилъ Галицкій, на Сѣверовостокѣ же Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Юрьевичъ.

Во всѣхъ этѣхъ трехъ Княжествахъ были стольные города и пригороды, были Бояре и посадскіе люди, были служилые люди высшихъ и низшихъ разрядовъ, и были Князья съ большей и съ меньшей степенью власти. Но уже въ домонгольскій періодъ нельзя не замѣтить рѣзкаго различія въ состояніи Княжеской власти на Югозападѣ и Сѣверовостокѣ, различія, которое въ слѣдующемъ періодѣ можно было перенести средоточіе тяжести политической жизни съ Югозапада на Сѣверовостокъ и Сѣверозападъ. На Сѣверовостокѣ Княжеская власть сильна и крѣпка: Князь держитъ судъ нелицемѣрный, не обинуясь, по словамъ лѣтописи, лица сильныхъ своихъ Бояръ,» его внѣшнее преобладаніе прочно и могущественно. На Югозападѣ власть Князя также обширна въ областномъ отношеніи, какъ и князей Сѣверовосточныхъ, но его завоеванія непрочны и онъ тамъ надится въ рукахъ Бояръ, которые то управляютъ его именемъ, то гонятъ его изъ Государства, то снова его призываютъ. Мы знаемъ, что на Сѣверовостокѣ Боярство было малочислено и ничтожно, по тому и не могло одолѣть посадское населеніе; между тѣмъ на Югозападѣ Боярство было многочислено, господствовало и заправ-

лало всѣмъ, а посадское населеніе было ничтожно и не имѣло никакой власти и никакого значенія. Съ перваго взгляда въ различіи отношеній между Боярствомъ и посадскими людьми заключается и причина различія въ существѣ и силѣ Княжеской власти на Югозападѣ и Сѣверовостокѣ. Въ Новгородской землѣ, гдѣ отношеніе между Боярствомъ и посадскими людьми было то же, что и на Западѣ, власть Княжеская также была безсильна, какъ и въ Галицкомъ Княжествѣ. Но мы знаемъ, что посадское населеніе нигдѣ не было источникомъ могущества Княжеской власти; мы знаемъ, что въ Кіевской области, гдѣ посадское населеніе было еще могущественнѣе, чѣмъ въ Суздальскомъ краѣ, однако въ Кіевской области Княжеская власть доведена была до ничтожества. Что же было причиной относительнаго могущества Князя Сѣверовосточнаго? Для рѣшенія этого вопроса, который окончательно уяснитъ намъ причины образованія строя Русскаго Государства въ домонгольскій періодъ, посмотримъ на условія силы и значенія Княжеской власти на Сѣверовостокѣ, Югозападѣ и Сѣверозападѣ въ послѣдніе годы домонгольскаго періода.

Со временъ возстанія городовъ, когда народныя ополченія потеряли для Княжеской власти всякое значеніе, власть Князя стала исключительно зависѣть отъ количества принадлежавшихъ ему служилыхъ людей. Но не всѣ служилые люди были надежной опорой для Княжеской власти. Старшая дружина Князей по богатству и общественному положенію ни чѣмъ не отличалась отъ городской патриціянской аристократіи, свободнаго Боярства, и постоянно смѣшивалась съ послѣднимъ. Между старшей Княжеской дружиной и городской патриціянской аристократіей происходилъ постоянный обмѣнъ. Съ одной стороны, Бояре то поступали на службу къ Князьямъ, получали отъ нихъ кормленія и обращались въ ихъ дружинниковъ, то оставляли Князей и снова обращались въ свободную патриціянскую аристократію. Съ другой стороны, знатные выходцы изъ степей и иностранныхъ народовъ, а также и мелкіе служилые люди, возведенные Князьями въ званіе старшей дружины, съ прекращеніемъ служебныхъ отношеній къ Князьямъ, какъ знатные землевладѣльцы, обращались въ свободное Боярство. Такимъ-то путемъ, по всей вѣроятности, появились въ XIII столѣтіи среди Боярства Галицкаго поповскіе внуки и лица изъ племени смердовъ.[63] Ни чѣмъ не отличаясь отъ Боярства по богатству и общественному положенію и постоянно смѣшиваясь съ послѣднимъ, старшая дружина, и по своимъ выгодамъ и стремленіямъ, находилась въ тѣсной связи съ Боярствомъ. Во главѣ заговорщиковъ, убившихъ Андрея Боголюбскаго, стояли и

представители свободнаго Боярства, братья Кучковичи, и ключникъ Анбалъ, Ясынъ по происхожденію. [66] Въ дѣлѣ избранія Князей, по смерти Андрея, за одно съ Боярами дѣйствуетъ и старшая дружина. Равнымъ образомъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, Бояре и старшіе дружинники проникнуты были одними и тѣми же выгодами и стремленіями. Въ слѣдствіе тѣсной связи старшей дружины съ Боярствомъ, со временъ возстанія городовъ, старшая дружина сдѣлалась такою же непрочною опорой Княжеской власти, какъ и свободное Боярство. Подобно Боярамъ, старшіе дружинники поддерживали своихъ Князей только до тѣхъ поръ, пока стремленія Князей совпадали съ ихъ собственными выгодами и стремленіями. Если же выгоды и стремленія Князей не совпадали съ выгодами и стремленіями ихъ старшихъ дружинниковъ, то послѣдніе, подобно свободному Боярству, оставляли своихъ Князей на произволъ судьбы. Такъ въ 1146 году, когда Святославъ Ольговичъ, при приближеніи къ Новгороду Сѣверску своего врага, Изяслава Мстиславича, ушелъ въ лѣсную страну Вятичей, къ городу Карачеву, то изъ его дружины одни, по словамъ лѣтописи, послѣдовали за нимъ, а другіе его оставили. Въ 1169 году, когда одинъ изъ Князей Кіевскихъ, Владимиръ Мстиславичъ, замыслилъ съ Берендѣями изгнать изъ Кіева Мстислава Изяславича и заявилъ о своей думѣ старшей своей дружинѣ, то послѣдняя отказалась содѣйствовать его планамъ, говоря такъ: «О собѣ еси, Княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали.» [67] Но въ то время, когда народъ, городская знать и служивые люди старшихъ разрядовъ постоянно измѣняли Князьямъ и оставляли ихъ, были лица, которыя постоянно оставались имъ вѣрными и въ счастьи и въ несчастьи. Это были ихъ собственные придворные слуги, Дворяне, отроки и дѣтскіе, лица, выгоды которыхъ были тѣсно связаны съ ихъ собственными личными выгодами. Разбитаго Святополка, оставленнаго всѣми, и кочевниками, и Боярами, окружаютъ на смертномъ одрѣ, въ пустынѣ между Ляхами и Чехами, одни только отроки. Только одни отроки сопровождаютъ въ Суздальскій край Ростислава Юрьевича, изгоняемаго изъ Кіевскаго Княжества Мстиславичемъ Изяславомъ. Только отроки остаются вѣрными Даніилу Галицкому, покинутому, въ 1230 году, всѣми, и дружинниками, и Боярами, и только отроки сопровождаютъ Владимира Мстиславича, оставленнаго старшей дружиной и Берендѣями, во время его бѣгства изъ Земли Кіевской. Только одни отроки остались возлѣ Андрея Боголюбскаго, бросившагося въ ряды непріятелей подъ стѣнами

Владимира, и только одни отроки оплакиваютъ смерть его и заботятся объ его погребеніи, когда его обнаженное тѣло брошено было убійцами на Княжескомъ дворѣ, въ селѣ Боголюбовѣ. [68]

При такомъ положеніи дѣлъ, Князья поняли, что единственное средство для усиленія ихъ власти состоитъ въ увеличеніи числа мелкихъ служилыхъ людей. Недовѣріе къ старшей дружинѣ и стремленіе Князей къ умноженію придворныхъ слугъ видно изъ постоянной жалобы лѣтописей, что Князья стали совѣщаться съ своими слугами, не спрашивая думы переднихъ, лучшихъ мужей. [69] Это же недовѣріе къ старшимъ дружинникамъ и стремленіе Князей къ умноженію мелкихъ слугъ видно и изъ словъ, Владимиромъ Мстиславичемъ сказанныхъ Боярамъ, дружинникамъ, въ отвѣтъ на ихъ измѣну. По словамъ лѣтописи, когда Бояре, дружинники отказались помогать Владимиру Мстиславичу, послѣдній сказалъ имъ, указывая на своихъ отроковъ: «Такъ вотъ будутъ мои Бояре.» [70]

Для увеличенія придворныхъ служилыхъ людей, казалось, не представлялось никакихъ препятствій. Еще оставались во множествѣ не зависимые бродячіе и кочевые народы, всегда съ охотой поступавшіе на службу къ Русскимъ Князьямъ. Даже многочисленное Боярство въ послѣдніе годы домонгольскаго періода доставляло значительное количество для увеличенія числа придворныхъ служилыхъ людей. Съ постепеннымъ уменьшеніемъ свободныхъ земель, населенныхъ бродячими народами, Бояре лишились возможности надѣлять каждаго изъ своихъ сыновей новыми городами и селами. Въ слѣдствіе естественнаго размноженія Боярскаго населенія и уменьшенія источниковъ для пріобрѣтенія новыхъ земель и рабовъ, многіе изъ Боярскихъ сыновей лишились всякихъ средствъ жизни и с большой охотой вступали въ ряды служилыхъ людей при дворахъ знатнѣйшихъ Князей.

Но для увеличенія служилыхъ людей необходимо было увел чить и средства для ихъ содержанія. Между тѣмъ, со временъ воз станія городовъ, эти средства на почвѣ старой Руси, на Сѣверѣ Югѣ, не только не увеличились, но еще значительно сократились Придворные служилые люди, какъ мы видѣли, содержались отчас отъ доходовъ, собираемыхъ Княземъ съ земель государственн владѣнія, отчасти отъ доходовъ съ частныхъ земель Князя, отчас отъ доходовъ, получаемыхъ служилыми людьми съ своихъ собстве ныхъ земель, которыя, уже въ то время, они получали отъ Князя

Но со временъ возстанія городовъ доходы Князей съ земель государственнаго владѣнія на Сѣверѣ и Югѣ, какъ мы видѣли, значительно сократились, съ одной стороны, отъ уменьшенія дани, торговыхъ и судебныхъ пошлинъ, съ другой стороны, отъ уменьшенія числа правительственныхъ должностей, которыя они могли бы раздавать своимъ служилымъ людямъ въ кормленіе. Съ умѣньшеніемъ средствъ для содержанія служилыхъ людей съ земель государственнаго владѣнія, оставалось Князьямъ прибѣгнуть къ увеличенію земель частнаго владѣнія, посредствомъ покупки и заведенія новыхъ поселеній на пустопорожнихъ пространствахъ, или же къ раздачѣ служилымъ людямъ пустопорожнихъ пространствъ, для заселенія и пользованія ими, подъ условіемъ постоянной службы. Но и съ этой стороны, на почвѣ старой Руси, на Югѣ и въ Землѣ Новгородской, положены были предѣлы усиленію служилаго сословія и Княжеской власти. Мы видѣли, что возстаніе городовъ пріостановило обращеніе свободныхъ людей, жившихъ на земляхъ государственныхъ, въ частное владѣніе. Въ то же время предприняты были мѣры со стороны представителей городскаго населенія, чтобы Княжеская власть и служилое сословіе не могли усиливаться посредствомъ покупки населенныхъ земель, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, или посредствомъ заведенія новыхъ поселеній на пустопорожнихъ пространствахъ. Въ Новгородскихъ грамотахъ XIII столѣтія, кромѣ условія, запрещающаго Князю выводить изъ Новгородскихъ земель свободныхъ людей, или давать имъ грамоты и обращать ихъ въ своихъ закуповъ (условіе, о которомъ уже было упомянуто), находится еще и другое условіе, что ни Князь, ни его Княгиня, ни его Бояре, ни его Дворяне, не могутъ ни заводить селъ, ни ставить слободъ на Новгородской Землѣ, ни пріобрѣтать земель, посредствомъ купли, или дара, въ Новгородскихъ владѣніяхъ. Такъ какъ многія условія, упоминаемыя въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ Тверскими Князьями, имѣли силу, какъ намъ уже извѣстно, еще въ домонгольскомъ періодѣ, то этому и условія, имѣвшія въ виду пріостановить усиленіе служилаго сословія, по всей вѣроятности, требовались отъ Князей еще въ домонгольскомъ періодѣ. Очень можетъ быть, что подобнаго рода мѣры для ограниченія Княжеской власти предпринимаемы были Боярами и на Югѣ Россіи. Но если на Югѣ и не существовало никакого ограниченія для пріобрѣтенія Княземъ и его служилыми людьми поземельной собственности, то во всякомъ случаѣ на Югѣ мелкопомѣстное служилое сословіе не могло усилиться уже по тому, что

на Югѣ, въ послѣдніе годы домонгольскаго періода, какъ можно предполагать, оставалось немного свободныхъ земель, никѣмъ не занятыхъ и никѣмъ не обращенныхъ въ частное владѣніе. На Югѣ издавна поселялись Бояре, приходившіе отъ береговъ Дуная, и кочевники, выходившіе съ Востока. На Югѣ, по этому, всѣ лучшія земли, въ пору завоеванія Руси Монголами, заняты были Боярами и поселенными кочевниками, или же духовенствомъ, которое уже въ домонгольскій періодъ имѣло обширныя поземельныя владѣнія. При томъ же на Югѣ для Князей и ихъ служилыхъ людей представлялось мало выгоды, какъ для заведенія новыхъ, такъ и для покупки старыхъ, поселеній. На Югѣ, до самаго появленія Монголовъ, многочисленныя дружины Князей безпрерывно вытѣсняли и грабили другъ друга. У кого же могла явиться охота тратить трудъ и капиталъ для заведенія новыхъ, или для закупки старыхъ, поселеній, коль скоро не было увѣренности въ возможности пользоваться долгое время плодами своихъ трудовъ?

И такъ на почвѣ Кіевской, Галицкой, Полоцкой, Новгородской и Черниговской Руси, никогда не могло усилиться мелкопомѣстное служилое сословіе, и никогда не могла возникнуть Княжеская власть на столько сильная, чтобы совершенно подчинила своей власти Бояръ и посадскихъ людей, опираясь на мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей. Въ то же время, и въ слѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ экономическихъ, на почвѣ старой Руси никогда не могъ явиться столь могущественный Князь, который бы, располагая многочисленнымъ разрядомъ мелкопомѣстныхъ Дворянъ, вступилъ въ борьбу съ другими Князьями, для насильственнаго подчиненія послѣднихъ своей власти, и который бы, посредствомъ раздачи богатыхъ кормленій и помѣстій, привлекъ къ себѣ на службу всю землевладѣльческую знать тогдашней Руси, и сдѣлался такимъ образомъ средой, вокругъ которой могли бы собраться всѣ разрозненныя части Русской Земли въ единое Государство. Обширность областныхъ владѣній Князей Галицкихъ, Даніила Романовича и Мстислава Удалаго, произошла отъ той же причины, что и обширность владѣній Князя Новгородскаго, отъ нежеланія Бояръ подчиняться власти многихъ Князей. Но Князья Галицкіе такъ же были безсильны расширить свою власть, какъ и укрѣпить ее за собою на долгое время; ибо не имѣли въ своихъ рукахъ никакой силы, которою могли бы располагать по собственному произволу.

Но стремленіе Южнорусскихъ Князей къ увеличенію мелкопоместныхъ служилыхъ людей и къ объединенію Русской Земли на основѣ феодальныхъ порядковъ не погибло даромъ для Руси. Свои стремленія Князья Южнорусскіе отъ береговъ Днѣпра, Днѣстра и Ильменя, перенесли на Сѣверовостокъ Руси, гдѣ уже поставлены были въ совершенно иномъ положеніи; заселеніе Славянское легло густыми слоями только въ Новгородской Землѣ, да на Югозападѣ Руси. Чѣмъ далѣе на Востокъ, тѣмъ оно болѣе рѣдѣло, тѣмъ менѣе было городовъ, построенныхъ Славянами. На Сѣверовостокѣ, въ срединныхъ частяхъ великой равнины Восточной Европы, было только три города съ Славянскимъ населеніемъ, три города, населенные потомками первобытныхъ заселителей Руси: Муромъ, Ростовъ и Суздаль. При малочисленности городскаго населенія и при существованіи обширныхъ пространствъ, только изрѣдка населенныхъ бродячими народами, тамъ былъ полный просторъ для развитія служилаго начала. По этому на Сѣверовостокѣ, уже при первомъ поселеніи Князей Рюрикова дома, еще задолго до завоеванія Руси Монголами, явились сильные Князья, Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Юрьевичъ, и стала зарождаться новая феодальная Монархія, верховная власть которой опиралась на множествѣ мелкихъ служилыхъ людей землевладѣльцевъ.

Мы видѣли, что Князья Суздальско-Ростовской Земли, со временъ Юрія Долгорукаго, постоянно строили новые города, села и слободы, населяя ихъ людьми, приходившими отъ всѣхъ окрестныхъ странъ и народовъ. Увеличивая такимъ образомъ средства для удержанія своихъ служилыхъ людей, Князья Суздальско-Ростовской Земли въ то же время собирали со всѣхъ окраинъ Русской Земли мелкихъ служилыхъ людей, [71] раздавали имъ въ кормленіе города и села, а вѣроятно надѣляли ихъ и поземельными владѣніями, подъ условіемъ постоянной службы. Въ Суздальско-Ростовской Землѣ отроки и дѣтскіе не были исключительно только придворными слугами, постоянно находившимися при Князѣ Во время Андрея Боголюбскаго отроки и дѣтскіе разсѣяны были по всей Суздальско-Ростовской Землѣ, въ городахъ и селахъ. По смерти Андрея, въ то время, когда на Югозападѣ и Сѣверѣ Посадниками назначаются только знатные Бояре и княжіе мужи, въ Суздальско-Ростовской Землѣ Ростиславичи, внуки Юрія Долгорукаго, раздаютъ посадничества своимъ дѣтскимъ, не смотря на то, что эти Ростиславичи призваны были на княженіе въ Суздальско-Ростовское Княжество Боярами и Княжими мужами. [72]

Появленіе на Сѣверовостокѣ Руси многочисленнаго сословія мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей, и физическое преобладаніе его надъ Боярами, старшими дружинниками и посадскими людьми, имѣли рѣшительное вліяніе на образованіе устройства Русскаго Государства въ домонгольскій періодъ. Мы видѣли, что Князья Суздальско-Ростовской Земли, опираясь на служилыхъ людей, подавили возстаніе городовъ и совершенно подчинили своей власти городское населеніе, какъ Бояръ, такъ и посадскихъ людей. Въ то же время, располагая военными силами несравненно большими, чѣмъ Князья другихъ Княжествъ, уже первые Князья Суздальско-Ростовской Земли стали стремиться къ насильственному подчиненію окрестныхъ Княжествъ. Андрей Боголюбскій посылаетъ многочисленныя ополченія на Кіевъ и Новгородъ, и подчиняетъ своей власти Князя Кіевскаго и Князей Рязанскихъ, Полоцкихъ и Смоленскихъ. Его братъ, Всеволодъ Юрьевичъ, совершенно покоряетъ Рязанскія Княжества и распространяетъ свою власть не только на Югозападныя и Сѣверозападныя Княжества, но даже на могущественный Новгородъ, предъ силами котораго должны были отступить ополченія, посылаемыя Андреемъ Боголюбскимъ.

И такъ, еще въ домонгольскій періодъ, образованіе новаго сословія, мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей, землевладѣльцевъ, оказало свое дѣйствіе: тамъ, гдѣ оно образовалось, возникло стремленіе къ объединенію Русской Земли посредствомъ насильственнаго завоеванія. Но въ домонгольскій періодъ вліяніе мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей на образованіе устройства Русскаго Государства еще не было рѣшительнымъ и не выразилось въ опредѣленныхъ формахъ. Мелкопомѣстные служилые люди Сѣверовосточной Руси, при первыхъ Князьяхъ Суздальскихъ, по своей относительной малочисленности еще не могли устоять въ борьбѣ съ враждебными имъ стихіями и стремленіями и дать перевѣсъ своимъ выгодамъ къ уничтоженію многокняженія надъ узкими семейными выгодами и стремленіями своихъ Князей. По смерти Всеволода Юрьевича Ростовско-Суздальская Земля раздѣлилась на множество Княжествъ между его потомками, и такимъ образомъ стремленіе Андрея Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича къ насильственному объединенію Русской Земли не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ. Ничего не сдѣлавъ рѣшительнаго для объединенія Русской Земли, служилые люди домонгольскаго періода завѣщали служилымъ людямъ слѣдующаго періода докончить дѣло, начатое Андреемъ Боголюбскимъ и его братомъ, Всеволодомъ Юрьевичемъ

Одновременно съ возникновеніемъ на крайнемъ Сѣверовостокѣ Руси, стремленія къ насильственному объединенію Русской Земли, тоже самое стремленіе началось и на крайнемъ Сѣверозападѣ, въ Литовской Землѣ, гдѣ потомки Варяга Бальмонда, Князья Литовскіе, господствовали независимо отъ Князей Рюрикова дома. Причины могущества Князей Литовскихъ были тѣ же, что и Князей Сѣверовосточной Руси. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, въ пору возникновенія стремленія къ объединенію Русской Земли, еще сохранилось множество бродячихъ племенъ въ первобытномъ, независимомъ, состояніи, и множество пустынныхъ пространствъ, никѣмъ не занятыхъ. Заселеніе Славянское, слабое внутри великой равнины Восточной Европы, не было сильно и на крайнемъ Сѣверозападѣ. Вѣроятно, въ слѣдствіе безплодности и низменности Литовскаго края, Славянскіе заселители не хотѣли селиться среди Литовскихъ племенъ и предпочли ити далѣе на Сѣверъ, въ Ильменскій край. По этому, въ Землѣ Новгородской, сравнительно было болѣе Славянскихъ городовъ, чѣмъ на берегахъ рѣкъ Нѣмана и Западнаго Буга, не смотря на то, что, по ходу Славянскаго заселенія, слѣдовало бы ожидать обратнаго явленія. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, безплодности Литовской Земли, крайній Сѣверозападъ Руси представлялъ тѣ же самыя благопріятныя условія для образованія мелкопомѣстнаго служилаго сословія, что и Суздальско-Ростовская Земля. Этими условіями воспользовались Князья Литовскіе и, еще въ домонгольскій періодъ, создавъ многочисленное мелкопомѣстное служилое сословіе, выступили съ Сѣверозапада на борьбу съ окрестными Русскими Князьями, для насильственнаго объединенія Западной Руси въ одно Государство.

И такъ въ послѣдніе годы домонгольскаго періода, въ то время, какъ на Востокѣ еще сохранялись остатки союзническо-дружинныхъ сношеній, а на Сѣверѣ сложилось главенственное Государство, въ другихъ частяхъ Русской Земли не только возникли зародыши и стремленія, изъ которыхъ долженствовали сложиться феодальныя Монархіи, но образовались и средоточія, изъ которыхъ началось завоевательное движеніе, для насильственнаго объединенія Русской Земли на новѣ феодальныхъ порядковъ. Въ такомъ состояніи застало Русскую Землю Монгольское завоеваніе.

Монголы, обезлюдивъ и опустошивъ главнѣйшіе города Русской Земли, окончательно обезсилили городское сословіе и еще болѣе воз-

высили силу и значеніе служилаго сословія. Въ то же время, предоставивъ Князьямъ Московскимъ право собирать дани со всей Сѣверовосточной Руси, Монголы дали возможность этимъ Князьямъ обогащаться на счетъ другихъ Князей. Располагая обширными пустынными пространствами, никѣмъ не занятыми, и прикупая еще новыя земли въ другихъ Княжествахъ, Князья Московскіе стали созывать служилыхъ людей со всѣхъ концовъ Земли. По призыву Князей Московскихъ являлись къ нимъ на службу: Бояре и дѣти Боярскіе отъ всѣхъ Княжествъ Русской Земли, Монгольскіе начальники и выходцы изъ разныхъ странъ Востока и Запада. Опираясь на многочисленные отряды служилыхъ людей землевладѣльцевъ, Московскіе Князья силою оружія соединили подъ свою власть всѣ Княжества Сѣверовосточной Руси. Это насильственное соединеніе не стоило, однако, имъ большихъ усилій. Въ рѣшительный часъ борьбы Князей Сѣверовосточныхъ съ возраставшимъ могуществомъ Князя Московскаго, всѣ Бояре и служилые люди мелкихъ Сѣверовосточныхъ Княжествъ измѣнили своимъ Князьямъ и перешли на сторону Московскаго Князя.

Одновременно съ возрастаніемъ внѣшняго могущества Московскаго Княжества созидалось и его внутреннее единство. Служилые люди, скопившись во множествѣ возлѣ трона Князей Московскихъ, съумѣли подчинить себялюбивыя и семейныя выгоды своихъ Князей своимъ стремленіямъ къ государственному единству, и, такимъ образомъ, создали единую крѣпкую наслѣдственную Монархію, переходившую, по праву первородства, отъ отца къ его старшему сыну.

Объединивъ Русскую Землю, въ слѣдствіе своихъ стремленій къ уничтоженію многокняженія, служилые люди, въ слѣдъ за тѣмъ могли бы сами разложить ее на части, стремясь къ освобожденію въ качествѣ областныхъ правителей, отъ строгаго подчиненія своему верховному вождю, Князю Московскому. Отъ такого разложенія постигшаго Францію, Германію и Польско-Литовское Княжество, спасла Восточную Русь относительная многочисленность мелкихъ служилыхъ людей землевладѣльцевъ, находившихся подъ непосредственною властью Князя Московскаго. Располагая многочисленными отрядами Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, непосредственно имъ принадлежавшихъ, Московскіе Князья во время успѣли ограничить власть своихъ областныхъ правителей, знатныхъ служилыхъ людей, и подчинить все мелкопомѣстное Дворянство, на всемъ пространствѣ Россіи своей непосредственой власти.

Съ переходомъ всего мелкопомѣстнаго служилаго сословія подъ непосредственную власть Великаго Князя Московскаго, Московское Княжество изъ феодально-конфедеративной Монархіи обратилось въ феодально-служилую Монархію. Этотъ переходъ совершился въ періодъ времени отъ Ивана III до Ивана Грознаго. Во времена Дмитрія Донскаго мелкіе служилые люди отчасти находились въ зависимости отъ верховной власти, отчасти принадлежали знатнымъ служилымъ людямъ, пользовавшимся почти верховными правами въ тѣхъ областяхъ, которыми они управляли отъ имени Великаго Князя Московскаго. Между тѣмъ во времена Грознаго все мелкопомѣстное Дворянство находилось исключительно только въ зависимости отъ верховной власти. Но Монархія Грознаго была такой же Феодальной, какъ и Монархія Донскаго; ибо и въ той и въ другой государственный порядокъ основанъ былъ на господствѣ сельскаго помѣстнаго феодальнаго Дворянства. Та Монархія, которая извѣстна въ Западно-Европейской литературѣ подъ именемъ абсолютной или неограниченной Монархіи, возникла въ Россіи нѣсколько позднѣе временъ Грозваго, а именно, послѣ смутнаго времени, со временъ появленія регулярныхъ армій и безземельнаго служилаго Дворянства.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ I.

1. Город. кн. IV, гл. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 46, 61, 100, 106, 109.

2. По Геродоту, страны, лежащія на Сѣверѣ отъ Истра, необитаемы, по причинѣ стужи (гл. X кн. 5). По Страбону (кн. 7), Кимвры изгнаны изъ мѣстъ своего прежняго жительства потопомъ и наводненіями. За нѣсколько лѣтъ до вторженія Дарія Гистаспа въ Днѣпровскія степи (513 г. до Р. Х.), кочевники Нервы, въ слѣдствіе нашествія въ ихъ страну змѣй, оставили мѣста своего прежняго кочевья и ушли на Сѣверозападъ, въ лѣсную страну Будиновъ. Еще ранѣе Иссидоны, подвергаясь безпрерывнымъ нападеніямъ Арамиспіевъ, оттѣснили на Югозападъ Скиѳовъ. Тѣснимые съ Сѣвера Иссидонами и съ Востока Массагетами, Скиѳы вторгнулись въ степи Днѣпра и Дона и вытѣснили оттуда въ Малую Азію Киммеріянъ. Изгнавши Киммеріянъ, Скиѳы, въ теченіе многихъ вѣковъ, постоянно стремились на Югъ и Западъ и по частямъ поселились въ передней Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ (Гер. кн. 1, IV. Страб. кн. VII. Солов. Ист. Рос. т. 1, прим. 21). Сарматы за 5 ст. кочевали между Дономъ и Волгою, а въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. достигли уже Ѳракійскаго полуострова. За Скиѳами и Сарматами послѣдовали Аланы и Готы, Гунны, и т. д. (См. Карамз. т. 1 и Солов. т. 1).

3. Гер. кн. IV. Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ. т. 1. стр. 233—242. Проп. кн. IV, стр. 228, 289.

4. Гер. кн. IV, Карамз. И. Р: Г. т. 1 гл. II. с. 25 и т. I. пр. 90. Солов. Ист. Рос. т. 1, 33 и пр. 27.

5. Солов. т. 1. прим. 28. Указ. Времен. кн. 24, 1856, и Карамз. къ т. 1. гл. II. прим. 90. По словамъ Скандинавскихъ сагъ, на берегахъ Дона былъ городъ, Асгардъ, гдѣ, за нѣсколько десятковъ лѣтъ до Р. Х., господствовалъ Оденъ съ своими жрецами. Эти жрецы, по изслѣдованіямъ Шафарика, также назывались, какъ и жрецы Зендскихъ племенъ древней Мидіи. Тамъ же въ то время, по словамъ сагъ, жили люди, имѣвшіе обычай жениться на родныхъ сестрахъ,— обычай, какъ извѣстно, издревле господствовавшій между послѣдователями религіи Зороаста. См. Шафарика. Слав. Древ. перев. Бодянскаго, т. I, стр. 234.

6. Еще за 5 столѣтій до Р. Х., Еллины изъ городовъ Черноморскихъ проникали далеко на Сѣверъ къ звѣроловамъ, жившимъ возлѣ Уральскихъ горъ (Гер. IV. 23. 24), и еще задолго до начала нашего лѣтосчисленія появлялись Индійскіе корабли на берегахъ Балтійскаго моря, гдѣ нерѣдко терпѣли кораблекрушеніе и забирались въ плѣнъ Германскими Королями (Шаф. Слав. Древ. т. I. 199).

7. По Геродоту, уже за 5 ст. до Р. Х., далеко за степями Танаиса, въ лѣсной странѣ Будиновъ, находился обширный городъ Геллонъ, построенный Еллинами (Гер. IV. 108). По словамъ нашего первоначальнаго лѣтописца, на Сѣверѣ, въ странахъ полуночныхъ, въ высокихъ горахъ, за воротами мѣдными,

живутъ люди Азіятскаго происхожденія, племени Аѳета, загнанные туда Александромъ Македонскимъ (П. С. Л. I. 107). Сѣверный путешественникъ Норвежецъ Отеръ. посѣтившій берега Бѣлаго моря въ IX ст., нашелъ при устьяхъ Двины хорошо обработанную землю съ густымъ народонаселеніемъ. Страна Сѣверной Двины, Онеги и Печоры, извѣстная древнимъ жителямъ Скандинавіи подъ именемъ Біарміи, по Скандинавскимъ сагамъ, богата золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными вещами, и имѣла многолюдныя деревни (Походы Викинговъ. Стрингольма, пер. Шемякина. Отд. 4. с. 222). Въ нашихъ лѣтописяхъ она называется Заволоцкою Чудью, т. е., иностранной страной, лежащей за Волокомъ. Тамъ, по словамъ лѣтописей, жилъ народъ Югра, говорившій на языкѣ нѣмомъ, т. е., на непонятномъ для Славянскаго населенія, и были города съ не-славянскими названіями: Пермь, Унжа, Устюгъ, жители которыхъ богаты серебромъ, дорогими мѣхами и драгоцѣнными тканями (П. С. Л. т. I. с. 2. 107. 85, т. 3. г. 1193. с. 21. Ник. 1031. т. 1. 132). Стефанъ Пермскій нашелъ въ Перми богатые храмы и множество идоловъ, обвитыхъ тонкими пеленами.

8. Походы Викинговъ. Стринг. перев. Шемякин. отд. 4. с.—227. Русская колонизація, Енѣвскаго. Вѣст. Евр. Годъ 1. т. 1866 г., с. 223. 224.

9. Костомаровъ, Сѣверноруссk. Народоправства т. 1. с. 410, 411. Разбросанность Финскаго народа по Европѣ и Азіи, говоритъ Стрингольмъ, кажется указываетъ на насильственные потрясенія и перевороты, постигшіе его въ старину (Поход. Вик. от. 4. с. 228).

10. Жур. Мин. Нар. Пр. Декабрь. 1868. Ибнъ Даста. Перев. Хвольсона и его примѣчанія. Болгары. Григорьева Биб. для чт. 1836. Ноябрь. Татищ. т. 1. прим. 173.

11. Стринг. Поход. Вик. част. 1. отд. 1. 5. 7. Карамз. И. Р. Г. т. 1. пр. 9. Лѣт. Іоак. Тат. т. 1. П. С. Л. 1. 2. Костом. Сѣв. Нар. 1. гл. 4. С. Г. и Д. 2. 1.

12. Пропилеи. Сборникъ Леонтьева кн. IV. ст. О Танаисѣ.

13. Зап. Одес. Общ. Ист. и Др. т. 2. ст. 118, 233, 248 и т. 1. с. 532-537. Въ первой половинѣ III ст. по Р. Х. Имп. Максиминъ приступилъ къ покоренію всѣхъ Закарпатскихъ земель по Балтійское море (Шаф. 1. 225). Не извѣстно, на сколько онъ достигъ своей цѣли, но подробное и обстоятельное изображеніе Римскими писателями временъ Имперіи образа жизни и мѣстъ поселенія бродячихъ народовъ Сѣверозападной Россіи, существованіе Латинскихъ словъ въ языкѣ племенъ Латышскаго нарѣчія (Карамз. т. 2. гл. 2. пр. 35. Римскія названія нѣкоторыхъ городовъ IX ст. Прибалтійской Чуди (Стринг. от. 5, пр. 490.), и мнѣніе Литовскихъ историковъ, что Палемонъ, первый строитель городовъ въ Литовской Землѣ, былъ знатный Римлянинъ, пришедшій въ Литовскую Землю во время Августа, Нерона или Аттилы (Кар. 2. пр. 35), все это наводитъ на мысль, что заселительская дѣятельность Римскихъ Императоровъ и Римскаго народа не ограничивалась Юго-Западными предѣлами Россіи, но касалась и Сѣверо-Западныхъ, достигая до береговъ Нѣмана, Западной Двины и Балтійскаго моря. Наши историки 18 в. на основаніи Русск. и Литовск. лѣт., производили Рюрика отъ Прусса, двоюроднаго брата Кесаря Августа. Пришествіе предковъ Рюрика изъ Италійскихъ странъ, по ихъ

вамъ, было куплено съ Палемономъ или Публиліемъ Ливономъ, Княземъ Римскимъ, въ дружинѣ котораго было 250 благородныхъ Римлянъ и четыре рода первѣйшихъ: Уримы, Коломны, Кесароны и Кентавры. Они явились на корабляхъ, чрезъ Средиземное и Балтійское моря, въ полуночныя мѣста, гдѣ нынѣ Жмудь, Ливонія и Куронія (см. Письмен. Русск ист. XVIII. в. С. Соловьева. Ар. Ист. Юрид. Свѣд. Калачева, 1855 т. III. 7).

14. До сихъ поръ еще не установилось мнѣніе, къ какому нарѣчію принадлежали Ятвяги; но Славянскія названія Ятвягскихъ племенъ (Злиньцы, Кривещѣ, Покѣщѣ) и ихъ поселеній (Болдикища, Правища, Карковичи, Тошевичи, Бураль, Раймаче, Комота, Дора) и начальниковъ (Мудѣйко, Пестило, Небиста, Комотовъ), заставляютъ предполагать, что это были отстатки первобытныхъ бродячихъ звѣролововъ Славянскаго нарѣчія. См. П. С. Л. т. 2. стр. 172, 185, 191, 193, 205, 192.

15. Шаф. т. 1. 99—159, 225—227. Карамзинъ, т. I. прим. 65. П. С. Л. т. I. с. 3.

16. Лѣт. Іоак. (Тат. т. I), и Сказаніе о построеніи Новгорода (Кост. Сѣверян продолж. т. I).

17. Отъ нихъ же (отъ Полянъ) Кривичи.... тоже Сѣверъ отъ нихъ (П. С. Л. т. 3). По преданію: три брата придоша во страны Россійскія, изъ нихъ два останася близъ Варяжскаго моря и устроиша грады.... третій же ихъ братъ изыде отъ нихъ далече въ дикіе лѣса и въ топкія мѣста, и изобрѣте мѣсто, и сруби заложи городъ и, по великомъ своему сужденію, нарече Суждаль (Историческое собраніе о Богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ. См. Врем. И. Общ. Ист. и Др. кн. 22. 1855 г.).

18. Что въ Литовской Землѣ были города, построенные Славянами и населенные людьми Славянскаго нарѣчія, это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: 1) 1-хъ, всѣ города Литовской Земли, о которыхъ упоминается въ лѣтописяхъ XIII ст., называются Славянскими именами: Волковискъ, Услонимъ, Здитовъ, Керута, Творимедь (Ип. 187. 188), Новгородокъ (Ип. 141), Городня (Ип. 206), Гервовъ (Ип. 227). Во 2-хъ, имена многихъ Князей и Воеводъ Литовскихъ, которыхъ упоминается въ началѣ XIII ст., совершенно Славянскія: Рущковичи, Гедевичи, Димолтвы, Хвалъ и т. п. (Ип. 1213 г. 1246 г. 1257, с. 168, 181, 195). 3) 3-хъ, большая половина словъ въ языкѣ Латышей Славянскаго нарѣчія (Бар. 1, пр. 80). Въ 4-хъ, религіозныя вѣрованія въ городахъ Литовской Земли и въ городахъ Славянскихъ были одни и тѣже: Перкунъ Литовскій имѣлъ тоже самое значеніе, что Перунъ Славянскій; у Славянъ и въ Литвѣ поклонялись одному и тому же богу Ладо (Карамзинъ, т. I. гл. III с. 54 и къ I. т. III пр. 202). Обряды погребальные были одни и тѣже у Славянъ и у Литвы (Турчан. Обозрѣніе исторіи Бѣлор. с. 20). Храмы и жрецы Земиговъ уважались и у Славянъ Русскихъ (Лѣт. Іоак.) По словамъ Адама Бремен, русскіе язычники ѣздили для поклоненія кумирамъ въ Куронію и въ Жмудь (Карам. т. I. г. III, с. 54).

19. Жур. М. Н. Пр. Дек. 1868. Ибнъ Даста. Пер. Хвольсона.

20. Первоначальныя лѣтописи, съ любовью описывающія всякія битвы и походы, никогда не упускаютъ случая упомянуть, въ какое время и противъ какихъ народцевъ Князья отправляются въ походъ; между тѣмъ не говорятъ ни слова о борьбѣ Бояръ и Князей съ бродячими народами, жившими вблизи

городовъ: Кіева, Чернигова, Галича, Новгорода и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ въ значительномъ числѣ расположены были города Славянскіе. Такое молчаніе нельзя приписать недостатку лѣтописныхъ повѣствованій отъ первыхъ поръ Варягорусскаго господства. Въ тѣхъ же самыхъ первоначальныхъ лѣтописяхъ встрѣчаются данныя, показывающія, что борьба между пришлымъ бродячимъ населеніемъ въ мѣстахъ, расположенныхъ вблизи городовъ Славянскихъ, окончилась еще въ доисторическое время. Въ первыя эпохи Варягорусскаго господства, Бояре и Князья безпрепятственно собираютъ дань и требуютъ разныхъ работъ и повинностей со всего окрестнаго сельскаго населенія. Ольга путешествуетъ на Сѣверъ, и установляетъ оброки и дани по Мстѣ и по Лугѣ, оставивши дружину и сына въ Кіевѣ, и, одержавши побѣду надъ городами Древлянской Земли, безпрепятственно ходитъ по открытой странѣ, и подробно и точно опредѣляетъ порядокъ повинностей и сборовъ. Вычисляя народы, платившіе дань Руси, первоначальный лѣтописецъ упоминаетъ объ отдѣльныхъ народцахъ, жившихъ на окраинахъ Варягорусскихъ владѣній: о Води, Корелахъ, Мордвѣ, Ятвягахъ и т. д., но въ мѣстностяхъ, гдѣ находились во множествѣ Славянскіе города, смѣшиваетъ жителей лѣсовъ съ жителями городовъ, называя и тѣхъ и другихъ по странамъ, ими заселеннымъ Древлянами, Сѣверянами, Вятичами и. т. д. Если мы примемъ во вниманіе, что въ слѣдъ за покореніемъ бродячагонаселенія, по слѣдамъ его, какъ дальше увидимъ, шло совершенное истребленіе, или обращеніе, этого населенія въ осѣлое земледѣльческое состояніе, то такое смѣшеніе жителей городовъ съ жителями лѣсовъ показываетъ, что въ пору завоеванія Варягорусскими городовъ Славянскихъ, бродячее населеніе, жившее вблизи городовъ, уже не существовало въ видѣ отдѣльныхъ цѣльныхъ народцевъ, но, какъ издавна покоренное осѣдлымъ населеніемъ, отчасти совершенно уничтожено, отчасти смѣшалось с послѣднимъ; что Бояре и Князья городовъ Славянскихъ владѣли свободнымъ бродячимъ населеніемъ, и собирали съ него дани не только до времен Рюрика, но и первое время подъ властью Варягорусскихъ Князей. См. выш гл. IV, прим. 5.

21. «А Древляне живяху звѣринскимъ образомъ. И Радимичи и Вятичи Сѣверь одинъ обычай имаху, живяху въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь.... на игрищ межи селъ (П. С. Л. 1, стр. 1), оже.... жжетъ села Мордовская (П. С. Л. т. 1. 19 О Ятвягахъ, 1256 г: и пріѣхавъ же ко в е с и рѣкомѣй Бодикища, посла Л съ братомъ. Левъ же тихо объѣхавъ с е л о и сѣче всѣ, одинаго же приве (П. С. Л. т. 2. стр. 192). Здѣсь прямо видно, что село и весь были названія тождественными. Даніилъ обѣщалъ Ятвягу Анкоду: д а с е л о е г о не пол жено будетъ (тамъ же 1256) а лошадь его (смерда) поиметъ, и в ъ с е л о ѣх иметъ жену его, и дѣти его, и все его имѣніе »(П. С. Л. т. 1. ст. 118). Выраже «с е л о е г о» заставляетъ предполагать, что это поселеніе состояло изъ одн двора. Въ повѣсти о Муромскомъ Кн. Петрѣ: Въ Рязанскомъ Княжествѣ по леніе, состоящее изъ одного двора (въ которомъ живетъ древолазецъ съ с имъ семействомъ, собирающій въ лѣсу медъ дикихъ пчелъ), называется весь дворъ – домомъ, а домъ-строеніе храминой (Пам. стар. Русск. Лит. вып стр. 52). Въ Новгород. купчихъ 14 и 15 ст. всѣ поселенія свободныхъ по лянъ, состоявшія изъ одной или двухъ хижинъ, исключительно называются лами (См. А. Ю. № 71.). Что села-веси всегда состояли изъ одного, или дв

дворовъ, см. также Писцов. книги, гдѣ, впрочемъ, села-веси смѣшиваются уже съ деревнями.

22. «А Древляне.... ядаху вся нечисто.... И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверь... ядуще все нечисто» (С. Л., 1. 6). Что понималъ лѣтописецъ подъ словомъ «нечисто», это видно наслѣд. страницахъ: «ядуще мертвечину (Половцы) и всю нечистоту, хомѣки и сусолы.... ядаху скверну всяку, комари, и мухи, кошки, змѣи, тамъ же стр. 7 и 107). И бяху около города того (Кіева) лѣсъ и боръ великъ. и бяху (Поляне) ловяще звѣрь (П. С. Л. т. 171. 263). Эти слова и выше прив. «ядаху вся нечисто», заставляютъ предполагать, что бродячее населеніе, до покоренія его пришлымъ осѣдлымъ, вовсе не занималось земледѣліемъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ и то обстоятельство, что Варягорусскіе Князья первоначально собирали дань исключительно или лѣсными произведеніями, или монетой (1257 г): «поима на нихъ, на Ятвягахъ, дань черныя куныи бѣль серебро» (Ип. т. 2. 194 стр. см. также прим. 5, главы IV), и что еще въ 15 и 16 ст., въ срединныхъ частяхъ Россіи не только отдѣльныя лица, жившія отдѣльными дворами, но цѣлыя слободы исключительно занимались рыбной ловлей, охотой и пчеловодствомъ Но слѣдующія слова лѣтописей говорятъ совершенно противное. Въ 1228: «вшедъ въ землю Мордовьскую, Турґасову волость, пожгоша жита и потравиша, и скоты избижа» (П. С. Л. 1. 191); въ 1279: голодъ бысть по всей землѣ, и въ Руси, и въ Ляхохъ, и въ Литвѣ, и въ Ятвязѣхъ. По семъ же Ятвязи прислаша послы своя къ Володимерови, тако рекуче: «Господине, не помори насъ, но перекорми ны собѣ; пошли, господине, въ намъ жито свое продать, а мы ради купимъ: чего восхочешь» воску ли, бѣль ли, бобровъ ли, черныхъ кунъ, серебра ль, мы ради дамы». (Ип. 207); въ 1024 г. въ Суздальской области: «избиваху старую чадь, глаголюще, яко си-держать гобино»... въ 1071 г., въ Ростовской области: «яко (лучшія жены изъ смердовъ) жито держать, а си медъ, а си рыбу, а си скору» (П. С. Л. 1. 63. 73). Такое же противорѣчіе и въ словахъ Ибнъ-Дасты, писателя X ст. Славяне, говоритъ онъ, не имѣютъ ни виноградниковъ, ни пашень,... хлѣбъ, наиболѣе ими возлѣлываемый, есть просо» (гл. V, § 2. См. Жур. М. Н. Пр. Декабрь, 1868 г). Это противорѣчіе объясняется слѣдующими свѣдѣніями о бытѣ Американцевъ, Германцевъ и Буртасовъ. Хлѣбъ не составляетъ ихъ главной пищи: они (Германцы) большею частію кормятся молокомъ и мясомъ животныхъ, преимущественно убитыхъ ими на охотѣ (кн. 3. гл. 1. 10. Цезарь). Американцы мясную пищу предпочитаютъ всякой другой. Они питаются насѣкомыми, червями, амфибіями, змѣями, рыбой, птицами, крысами, кошками, и другими животными. Хлѣбопашество служитъ только вспомогательнымъ средствомъ пропитанія для племенъ, населяющихъ мѣстности, особенно благопріятныя для земледѣлія (Henne. Allgemeine Culturgeschichte der Menscheit. Band. 2. 23). Земля ихъ Буртасовъ) пространна и обилуетъ лѣсистыми мѣстами. Занимаются они хлѣбопашествомъ, но главное ихъ богатство составляютъ: медъ, куньи и рочіе мѣха (Ибнъ-Даста, гл. II. § 3 и 5). У нихъ (у Свевовъ) нѣтъ дѣленія полей въ частную собственность, и болѣе одного года они не остаются на одномъ мѣстѣ, для возлѣлыванія (Цезарь кн. III гл. 1). Поля занимаются (Германцами всѣми поперемѣнно.... чрезъ годъ передѣляются (Тацитъ, гл. 26). Ведя жизнь звѣролововъ, они (Американцы) никогда не остаются на однихъ мѣстахъ... хлѣбопашество служитъ вспомогательнымъ... средствомъ (Клеммъ, т. 2, стр. 23).

Что также точно было у звѣролововъ древней Руси, на это указываетъ отсутствіе частной поземельной собственности среди сельскаго населенія (см. прим. 28 этой главы). Во вторыхъ, существованіе въ древней Руси, какъ видно изъ грамотъ и писцовыхъ книгъ 15 и 16 ст., множества пустошей, деревень пустыхъ и поросшихъ лѣсомъ и кустарникомъ.

23. «Гюрги Дав. вшедъ въ землю Мордовьскую... а Мордва вбѣгоша въ лѣсы своя, въ тверди, а кто не вбѣгль, тѣхъ избиша.... То видѣвше молодіи Ярославли.... на заутріе ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва давше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша и.... бѣжаша въ тверди, тѣхъ тамо избиша». (Лавр. П. С. Л. 1. 191). 1196 г: «И тако Романъ вниде въ землю ихъ (Ятвягъ); они же не могучи статя противу силѣ его, и бѣжаша во свои тверди (Ип. П. С. Л. 2. 150). 1255 г.: «Яко Стенкинтъ въ лѣсѣ осѣкся есть и съ нимъ Ятвязѣ.... и приде къ осѣку; Ятвяземъ вытекшимъ на нь изо осѣка» (Ип. 191.). Что Ятвяги не имѣли городовъ, это видно также и изъ слѣд. словъ лѣтописи: Въ 1256 г.: Ятвяги, покорившись Кн. Дан. Гал., «обѣщевахуся работѣ быти ему и городы рубити въ землѣ своей» (Ип. 194. 1256 г.)

24. «Бѣ множество ихъ (Угличей и Тиверцевъ), сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть грады ихъ и до сего дне» (П. С. Л. 1. 5).

25. «Баху же тогда (до Кія)... жруще (Поляне) озеромъ, и кладезинъ, и рощеніемъ (П. С. Л, VII, 263). См. также: Святилища и обряды древ. Славянъ, Срезневскаго, с. 23. 27 и Д. А. И. 1. 28. Въ Кіевѣ при Игорѣ стоялъ кумиръ Перуна на холмѣ (П. С. Л. 1. 23). Въ Ростовѣ былъ каменный истуканъ Волоса (Повѣсть о распр. Хр. ст. Пам. Ст. Рус. Лит. вып. 1. 223). Въ Черниговѣ въ XVIII ст. вырытъ на мѣстѣ стараго города истуканъ, сдѣланный изъ чистаго серебра (О достопр. Черниг. Маркова. Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1847 г. кн. 1 Во время крещенія Новгорода внутри Ярославскаго города находились идолы, сдѣланные изъ камня и дерева (Тат. 1. 38. 39) См. также Кост. С. Р. Нар. 1. 4.

26. О Древлянахъ: «убиваху другъ друга» (П. С. Л. 1. 6). Побѣди Пургаса Пурешовъ сынъ съ Половци, и изби Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургасъ едва въ малѣ утече (П. С. Л. 1. 192. 1228 г). Но ту же зиму придоша Емь на Вадь ратью (П. С. Л. III. с. 11. 1149). Въ лѣтоп. Переясл. Суд. о Древлян., Сѣвер. «и Рад: и отъ обнаженія мышца... и нача друга передъ другою червити лице и бѣлымъ трети» (Вр. 1851. кн. 9, ст. 3). См также выше прим. 21 и 22. «Вси грады ваши предашася мнѣ.... и дѣлаютъ нивы свои (1. 25). Есть у него (у Славянск. Кн. владѣтеля города Джерводъ) прочныя и драгоцѣн. кольчуги. (Ибнъ-Даста, г. V. 7). «Возгорѣхуся (въ городѣ Искоростенѣ) голубицы, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одраны» (П. С. Л). Кій путешествуетъ въ Царьградъ и ходитъ на Волжск. Болгаръ; Бравленъ Новгородск. ходитъ войной въ Тавриду (П. С. Л. 1. 5. Ник. 1. 3. Жит. Стеф. Суражскаго). „И сонъ часто зяше Малъ князь: се бо, пришедше Ольга, даяше ему порты многоцѣнные червены, вси жемчугомъ насаждены, и одѣяла червены съ зелеными узоры и лодьи...„ (Лѣт. Пер. Суз. 1). «Городъ Муромъ во дни древняя созданія города имѣлъ стѣны каменныя и богатъ медемъ, хлѣбомъ и овощами» (Повѣст. о распр. Христ.).

27. У Адиге нѣтъ ни городовъ, ни деревень. Живутъ они разбросанными хижинами. По своему внутреннему устройству, Адиге распадаются на три пле-

мени: самое многочисленное Шапсуги, за тѣмъ слѣдуютъ Абаздехи, самое мало численное Убыхи..... Племена Шапсуговъ и Абаздеховъ дѣлятся каждое на восемь колѣнъ; изъ этихъ колѣнъ попарно изъ болѣе близкихъ между собою колѣнъ составляется одно колѣно; сверхъ того, каждое изъ колѣнъ Шапсугскихъ родственно съ однимъ изъ колѣнъ Абаздехскихъ. Убыхи составляютъ только одно колѣно.... Каждое колѣно дѣлится на извѣстное число родовъ, а эти послѣдніе дѣлятся на семьи; но и колѣна и роды и семьи одного племени живутъ смѣшанно. (Лапинскій: Die Bergvölker des Kaukasus. См. Зап. Импер. Рус. Геогр. Общ. кн. 1. 1863. Біогр. и Крит. стр. 24). Во время Юлія Цезаря и Тацита Германскія племена дѣлились на колѣна, роды или паги, союзы, родственниковъ и свойственниковъ и семейства (Тацитъ гл. 20, 11, 10, 6, 14. Ю. Цезарь гл. 23, кн. 6). По Іорнанду: Венеды, по разнымъ племенамъ и мѣстамъ, называются разными именами, но извѣстны подъ двумя главными: Славянъ и Антовъ (Карам. т. 1. прим. 43). Масуди говоритъ о Славянахъ: Slaves se partagent en une multitude de races et espèces différentes: cet ouvrage ne contiendra la discription de leurs nombreuses espèces, ni la ramification de leurs diverses blanches» (Перев. Шармоа; см. Тюрина: Обществен. жизнь и земскія отношенія въ древней Россіи, статья 1. Биб. для чтенія, 1849 г. Ноябрь). Въ Лавр. «Иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ» (П. С. Л 1. 4). Тамъ же: «отвѣщевахудругъ къ другу, глаголюще:... азъ сея вѣси; тако супрошаются.. родъ свой повѣдающе (П. С. Л. 1. 96). У Мордвы, жившей въ XIII ст. по Окѣ, упоминается о двухъ совершенно независимыхъ начальникахъ: Пургасѣ и Пурешѣ; слѣд., она дѣлилась на нѣсколько независимыхъ обществъ (Лавр. 191). Въ 1256. г. «Побѣдивъ горды Ятвязѣ, и Злиньци, и Кресмешѣ, и Покѣнцѣ» (Ип. 193). Въ нашихъ лѣтописахъ и древнихъ актахъ, названія—племя и родъ употреблялись совершенно безразлично для обозначенія однихъ и тѣхъ же понятій. Такъ, племенемъ называлась совокупность семействъ, происшедшихъ отъ одного семейства, на пр. «племя Володимера, племя Ольгово (Ип. 144, 35, 145, Лавр. 134), племя Жиротиничей» (А. Ю. 71 1.); но въ такомъ же самомъ смыслѣ употреблялось и названіе родъ, на пр: «отъ того же Боголюбиваго Всеволода родовъ четыре»(Ип. 153.), или: «обаче недивно нашему роду, тако и преже было, Святополкъ про волость же ци не уби Бориса и Глѣба» (Лавр. 134). Кромѣ обозначенія понятія о союзѣ родственномъ, слово родъ употреблялось еще въ смыслѣ расы и народа, такъ: «отъ рода Варяжска» (Лавр. 9); «мы отъ рода Русскаго» Дог. Олега и Игоря); «Поляномъ сущимъ отъ рода Словенска» (Лав. ст. 5); «избрашася 3 братья съ роды своими «Лавр. 8.); но въ такомъ же смыслѣ употреблялось и слово племя, на пр: «И бяста у него два мужи не племени его» (Лавр. 9); «сѣдяста съ племенемъ Хазовьмъ.... языкъ Словенскъ отъ племени Афетова» (Лавр. 2. 3). «По мнѣнію Тюрина (Общ. жизнь.. гл. 2), словомъ племя выражалось происхожденіе отъ какого либо лица, а словомъ родъ принадлежность къ извѣстному народу, къ извѣстной категоріи лицъ, т. е., что племенемъ называлась народившаяся толпа, связанная кровными узами, а родомъ всякая вообще толпа людей. Дѣйствительно, оба названія, кажется, употреблялись преимущественно въ такомъ значеніи; но такъ какъ они не имѣли точнаго значенія, то мы будемъ употреблять ихъ въ новѣйшемъ смыслѣ, т.-е. считать и родъ и племя союзами соціально-политическими, племя большимъ союзомъ, а родъ—его подраздѣленіемъ.

28. Среди Германскихъ племенъ: дѣтямъ сестеръ у дяди такой же почетъ, какъ и у отца.. чѣмъ больше родственниковъ и свойственниковъ, тѣмъ почетнѣе старость (Тацитъ гл. 15, 20). О Полянахъ въ Лаврент.: и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверомъ» велико стыдѣнье имѣху (П. С. Л. 1. 6). Въ лѣт. Переяс. Сузд.: «и стыдяхуся бо (Поляне) отецъ и матерей и снохъ своихъ и сестеръ, и снохи свекровей чтяху аки Бога, а снохи дѣверею, и велико стыдѣніе имяху (Врем. 1851 г. кн. 9, ст. 3). Въ Новгородск. купчей 14 ст: «се купи Иванъ Чевакинъ у Сасиныхъ у Ермолиныхъ дѣтей .... у Васильева внука ... у Степана Иванова внука ¼ тони въ Великой Сярти, а другая половина той тони за Ивановыми дѣтьми.... Адамъ Ив. Чевак. всѣмъ тѣмъ сябромъ Сасинымъ дѣтямъ 40 бѣлокъ... а въ очищеніи той тони сами братаники Сасины дѣти» (V. 71. А. Ю.). Если Ив., Ермол., Васил. были родные братья, а ихъ дѣти и внуки владѣли сообща, то слѣд., всѣ дяди владѣли сообща съ своими племянниками. Въ 16 ст. въ Двинской области всегда крестьяне берутъ на оброкъ земли съ своими дѣтьми и племянниками вмѣстѣ. Отсюда можно заключить, что всегда дяди съ племянниками жили вмѣстѣ (См. прав. грам. А. Ю. Въ Двинской области, въ 7031, двоюродные братья раздѣляютъ между собою животы отцовъ своихъ: кони, коровы, овцы, хлѣбъ, деньги, сковороды, сѣдла и усадебныя земли въ Корзинѣ курьѣ, своего владѣнія. Земли раздѣляются не поголовно, а поколѣнно: одну часть получаютъ родные братья въ общее пользованіе и владѣніе, а другую дядя съ племянниками, также въ общее владѣніе. Но и между двоюродными братьями, подѣлившими движимое имущество домашняго хозяйства и нѣкоторыя земли, остались по прежнему въ общемъ владѣніи: «дворъ, да лодья съ якоремъ, да шейма и снасть, да парусъ, да меринъ, да деревня (т. е., пахатная земля)... да полтони.... да два оловянника да два креста, да два якоря (А. Ю. № 23 стр. 55). См. также А. Ю. 71. 91. и 71. XXI. У Адиге: только мужчины и, въ случаѣ смерти женщины, замужнія женщины участвуютъ въ погребальной процесіи, дѣвушки никогда въ ней не участвуютъ.... чрезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ родъ (т. е., родственники) покойника даетъ похоронный пиръ. Посылаютъ приглашенія къ сосѣдямъ и приготовляютъ кушанья и питья въ большомъ количествѣ (Лапин. Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. кн. 1. 1863, стр. 50). Обязанность похоронить умершихъ у Австрійскихъ племенъ лежала на ближайшихъ родственникахъ.... Американскихъ племенъ послѣ похоронъ родственники обрѣзываютъ волосы постятся и потомъ пируютъ (Клеммъ, т. 1. 295 и т. 2. 96, 97). Въ повѣсти Муромскомъ Князѣ Петрѣ: «единъ отъ предстоящихъ ему (Князю) юноша уклонился въ весь нарицающу Ласково (въ Рязанскомъ краѣ), и приде къ нѣкоему дому къ воротамъ, и не видѣ никого же, и вниде въ домъ, и не бѣ, кто бы его чтилъ, и вниде въ храмину и зрѣ... дѣвица отвѣчала, что отецъ и мать пошли на погребеніе мертваго и тамъ плачутъ, что ея отецъ и братъ древорѣзцы суть, въ лѣсѣ бо медъ отъ деревъ всякъ вземлютъ, братъ же мой нынѣ на такодѣло иде» (Пам. Ст. Рус. Лит. в. 1). Ибнъ Даста говоритъ о Славянахъ: когда умираетъ кто либо изъ нихъ, они сожигаютъ трупъ его, женщины ихъ, когда у нихъ умретъ кто либо, царапаютъ себѣ ножемъ руки и лице... чрезъ годъ по смерти покойника берутъ кувшиновъ 20 меду, иногда нѣсколько больше, иногда нѣсколько меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ, г

родственники покойнаго собираются, ѣдятъ, пьютъ и за тѣмъ расходятся... при сожиганіи покойниковъ предаются шумному веселію, выражая тѣмъ радость свою, что Богъ оказалъ милость покойному (см. гл. V § 3 и 6). О Радимичахъ, Вятичахъ, Сѣверѣ и Кривичахъ: «Аще кто умряще, творяху тризну надъ нимъ.» (Лавр. 6). Что значитъ творить тризну, это видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: «да пристроите меды многи.... идѣже убисте мужа моего, да плачюся надъ гробомъ его, и сотворю тризну мужю своему.... они же... съвезоша меды многа зѣло, възвариша... и повелѣ тризну творити, по семъ сѣдоша Древляне пити... (Лавр. 1. 24). Совершеніе тризны сопровожалось еще слѣдующими дѣйствіями: «Невѣрніи же людіе, видяще сіе, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе: ни тризнища, ни дымы, ни битвы, ни кожи кроенія, ни лицедранія, ни плача безмѣрнаго не творяху» (Повѣсть о распр. Христ. въ Муромѣ). Понятно, что при такихъ обычаяхъ молодые люди не участвовали въ погребеніяхъ. Въ постановленіяхъ Московскаго Собора 1551 г.: «Въ Троицыну суботу по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на жельникахъ и плачутся на гробахъ съ великимъ кричаніемъ, и егда начнуть играть скоморохи, гудцы и прегудницы, они же отъ плача преставше, начнуть скакати и плясати, и въ долони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти.» Соборъ постановилъ въ обязанность Священникамъ убѣждать своихъ пасомыхъ, чтобы въ кои времена родителей своихъ поминаютъ, и они бы нищихъ покоили и кормили по своей силѣ, а скоморохамъ... запрещали (о скоморохахъ Временн. 20, 1854 года). У Германцевъ: раздѣлять вражду, или дружбу, отца, или родственника, считается необходимымъ. Но вражда не безконечна; ибо и убійство искупается цѣною нѣсколькихъ головъ скота (Тацитъ 21). Въ Восточной Австраліи, въ случаѣ убійства, убійца долженъ предстать предъ друзьями и родственниками убитаго. Послѣ торжественныхъ церемоній, танцевъ и сильныхъ рѣчей, начинается процесъ мщенія. Этотъ процесъ состоитъ въ томъ, что каждый изъ родственниковъ убитаго долженъ бросить на убійцу одинъ разъ копье. Если убійца умеръ прежде совершенія надъ нимъ мщенія, то при явномъ убійствѣ за него подвергаются мщенію его родные; они должны принять на себя копья, бросаемыя огорченными родственниками (Клеммъ стр. 320). У Американскихъ племенъ убійца подвергается кровной мести со стороны родственниковъ убитаго (Тотъ же т. 2, 125). «И рече Янъ повозникомъ» (смердамъ): «Ци кому васъ кто родинъ убьенъ отъ сею?» они же рѣша: «Мнѣ мати, другому сестра, иному роженье.» Онъ же рече имъ: «Мстите своихъ!» Они же, поимше, убиша я» (Лавр. 76). Въ Горѣ-Злочастіи: родители учатъ дитя не дѣлать ничего дурного, чтобы не было «племени укору и поносу бездѣльнаго.» Когда молодецъ потерялъ все съ пьянства, то стало страшно ему появиться къ своему отцу, матери и къ своему роду и племени» (Пам. стар. Русск. Лит., вып. 1, стр. 16). У Буртасовъ: Если одинъ изъ нихъ обидитъ другого, или оскорбитъ, или поранитъ ударомъ, или уколомъ, соглашенія и примиренія между ними не бываетъ, прежде чѣмъ понесшій вредъ не отомститъ обидчику (Ибнъ-Даста гл. 11, 2).

29. Смот. выше прим. 27 и ниже прим. 32.

30. Въ Старочешской пѣснѣ о Забоѣ, Славоѣ и Людекѣ: «Отецъ отошелъ до отцамъ, оставилъ въ дѣдинѣ своихъ дѣтокъ и женъ, и никому не сказалъ: «Бати ты говори къ нимъ отеческими словами!» И пришелъ чужой въ дѣдину, и заговорилъ чужими словами, и сталъ вводить чужіе обычаи, и какъ

дѣлалось въ чужой волости, такъ заповѣдалъ онъ, чтобъ было у насъ, велѣлъ намъ имѣть на всю жизнь по одной женѣ» (Тюринъ, Общ. жизнь и зем. отнош. гл. 2). Между Ятвяжскими начальниками, обыкновенно съ Славянскими именами (Шюрпай, Мудѣйко, Пестило, Небяста, Гунаревъ; см Лавр. 20, Ип. 185, 205), встрѣчаются начальники съ именами, чуждыми Славянскому нарѣчію: Стенкинтъ, Анкадъ, Юндилъ, Скамондъ, Бирутъ (Ип. 182, 191, 193).

31. У Адиге: рабы суть потомки военноплѣнныхъ, женщинъ и дѣтей, похищенныхъ въ Россіи, Грузіи, или въ разныхъ другихъ странахъ (Лашинск. стр. 16). Рабство существовало у Германцевъ (Тацитъ гл. 25), у Американскихъ племенъ (Энцик. Невол. т. 2), у Славянъ Дунайскихъ (Свид. Маврикія). Что рабы изъ военноплѣнныхъ и похищенныхъ людей существовали у бродячихъ и народцевъ Восточной Европы, это видно изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ лѣтописи: Въ 1251 Князья Русскіе, въ землѣ Ятвяжской освобождаютъ изъ плѣна Христіанъ (Ип. 186). У Германцевъ юноши, даже знатные, поступали на службу къ сильнѣйшимъ и опытнѣйшимъ, и не есчиталось стыдомъ быть простыми дружинниками такихъ опытнѣйшихъ. Дружинники сражались подъ предводительствомъ старѣйшины, защищали и оберегали его, и получали отъ него содержаніе и подарки (Тацитъ гл. 13, 14). У Американскихъ племенъ существовали сотоварищества, состоявшія изъ лицъ, отличавшихся юношествомъ, мудростію, храбростію и терпѣніемъ... Всѣми дѣлами общественными начальники племени завѣдывали съ помощью сотоварищей. Сотоварищи были совѣтниками и помощниками начальниковъ. Дѣла рѣшались сообща начальникомъ и сотоварищами, и въ опредѣленное время возвѣщались народу (Клеммъ т. 2, 131). На существованіе служилаго сословія у Русскихъ народцевъ указываютъ Пургасова Русь и Перешовы Половцы (Лавр 192). На неравенство по состоянію и общественному положенію указываютъ слѣд слова лѣт. «И пойдоша по Волгѣ (волхвы), гдѣ придуть въ погостѣ, ту же нарицаху лучьшія жены... убиваша многи жены, и имѣніе ихъ отымашать собѣ» (Лавр. 76). Какое вліяніе имѣло рабство и служилое сословіе на появленіе власти съ чисто политическимъ характеромъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ Тацита о Германцахъ: «Отпущенники немного выше рабовъ, рѣдко имѣютъ значеніе въ домѣ, въ общинѣ никогда, исключая тѣхъ племенъ, которыя имѣютъ Царей; вольно отпущенники бываютъ даже выше благородныхъ и знатныхъ. Униженное состояніе отпущенниковъ есть доказательство, что народъ пользуется свободой» (Тацитъ гл. 25). Если Цари, уничтожившіе свободу общинъ, такъ высоко ставили рабовъ, то значитъ, что первые чѣмъ ни будь были обязаны послѣднимъ. Сила старѣйшины и его достоинство заключались въ томъ, чтобы быть окруженнымъ большою толпою молодыхъ сподвижниковъ. Это доставляло ему честь во время мира и защиту въ войнѣ. Не только въ своемъ родѣ (gens), но и у сосѣднихъ племенъ, старѣйшина пріобрѣталъ славу и почесть, если онъ окруженъ былъ многочисленной и храброй дружиной; его заискивали посольствами, присылали ему подарки, и часто онъ одинъ рѣшалъ войну однимъ словомъ, однимъ именемъ (Тацитъ).

32. Козьма Пражскій, описывая бытъ Чеховъ, вскорѣ послѣ поселенія ихъ въ Боіогемѣ, говоритъ: «Скоро прошло у нихъ время невинности, появились несогласія; общность собственности исчезла, частыя нарушенія права вызывали власть, и тогда, для рѣшенія споровъ, стали прибѣгать къ достойнѣйшимъ мужамъ, каждый въ своемъ племени, или родѣ (tribus v. generationes). Изъ чис-

такихъ мужей прославился Кровъ, къ нему прибѣгали отовсюду, и такимъ образомъ сталъ онъ творить судъ, не только въ своемъ племени, но и во всемъ народѣ. Судебная власть Кровка перешла къ его дочери, знаменитой Любушѣ, по наслѣдству, по завѣщанію и по избранію народа (Тюринъ, Общест. жизнь и земск. отнош. древ. Россіи гл. 1). Но и до этого времени существовали у Чеховъ старѣйшины: Чехъ пришелъ въ Богіогемъ съ родомъ своихъ (Тамъ же). Въ началѣ пѣсни о Судѣ Любуши: «Всякій отецъ властвуетъ надъ своею челядью.... а какъ умретъ глава челядина, то дѣти всѣ вмѣстѣ выбираютъ себѣ изъ рода владыку (Тамъ же гл. 2). У Германцевъ Царей и старѣйшинъ избирали въ народныхъ собраніяхъ по благородству. Высокое благородство, или высокія заслуги, отцовъ доставляли званіе старѣйшины даже юношамъ (гл. VII, XI, XIII, Тацитъ). У Сѣверо-Америк. племенъ званіе старѣйшины было или наслѣдственное, или пріобрѣталось военными подвигами. Званіе Кацика у Абипоновъ переходило по наслѣдству отъ отца къ старшему сыну; впрочемъ, только въ такомъ случаѣ, если старшій сынъ хорошо сложенъ и воинственъ; но если онъ трусливъ то, вмѣсто его, избирался кто либо другой (Клеммъ т. 2 125). У Адиге старѣйшины не выбираются большинствомъ голосовъ, ни получаютъ своего званія по наслѣдству. Большое имѣніе, многочисленный родъ, остроуміе, краснорѣчіе, въ новѣйшее время начитанность въ Коранѣ, а болѣе всего преклонный возрастъ и житейская опытность даютъ право на то, чтобы засѣдать въ судахъ народныхъ (Лапин 29). О происхожденіи и свойствѣ власти старѣйшинъ, начальствовавшихъ надъ нѣсколькими естественными родоначальниками у бродячихъ народовъ Восточной Европы въ IX ст., до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Но что такіе старѣйшины были, и при томъ съ властью въ большей, или меньшей, степени наслѣдственной, это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: «Полянамъ же живущимъ особѣ и володѣющимъ роды своими ... иже и до сее братье бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ» (Лавр. 4); «старѣйшина земли Ижерской воспріятъ крещеніе..., живше посреди роду своего погана суща» (Лавр. 205); «вшедъ въ землю Мордовскую, Пургасову волость».... А Болгарскій Князь пришелъ на Пуреша, ратника Юргева.... «придоша Мордва съ Пургасомъ къ Новгороду, и отбишася ихъ Новгородци... побѣди Пургаса Пурешовъ сынъ съ Половци, и изби Мордву всю и Русь Пургасову» (Лавр. 191, 192). У Ятвяговъ были верховные Князья, предводительствовавшіе другими меньшими Князьями въ военное время; въ 1248: «воеваша Ятвязѣ около Охожа и Бусова... и бысть на нѣ сѣча люта... и убито бысть Князей 40..... еже Скамондъ и Бирутъ зла воинника, иже убіена бысть» (Ип. 182). На существованіе племенныхъ и родовыхъ старѣйшинъ у Славянскихъ племенъ въ IX ст. указываетъ выше приведенное свидѣт. Масуди о раздѣленіи Славянск. народовъ на племена и роды, съ подраздѣленіемъ этихъ послѣднихъ на меньшіе союзы (см. выше пр. 23). Абу-Абсидъ-эль Бекри прибавляетъ, что въ каждомъ союзѣ, и въ большомъ и меньшемъ, былъ свой начальникъ (Тюринъ гл. 2. Общ. жизнь и зем. отношен. въ древ. Россіи). О старшинахъ Буртасовъ съ судебной властью см. ниже въ 33 примѣч. свидѣтельство Ибнъ-Дасты.

33. У Германцевъ: въ каждомъ участкѣ и родѣ былъ старѣйшина, вѣдавшій судъ и расправу надъ своими (О Гал. войнѣ кн. 6, гл. 23). Никто изъ нихъ не имѣетъ своего собственнаго и опредѣленнаго извѣстными рубежами

участка, но старѣйшины ихъ и Цари ежегодно дѣлятъ землю по семействамъ и родамъ въ такомъ количествѣ, какъ имъ заблагоразсудится; по истеченіи года они заставляютъ мѣнять жилища (Тамъ же кн. 6, гл. 22). Старѣйшины производятъ судъ по пагамъ и весямъ (vicum). Есть обычай, по которому община поголовно даетъ старѣйшинѣ стада и плоды; но принятое, какъ даръ, служитъ вмѣстѣ и средствомъ жизни. Въ сраженіяхъ для старѣйшины позорно, если кто либо превосходитъ его храбростію (Тац. гл. XI, XIV, XV). О дѣлахъ неважныхъ совѣщаются старѣйшины, объ важнѣйшихъ всѣ, но такъ, что и тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ народу, обсуждаются предварительно старѣйшинами. Въ племенныхъ собраніяхъ говорятъ или Царь, или старѣйшины, или кто либо другой.... говорятъ больше съ увѣщаніемъ, чѣмъ съ властію и приказаніемъ... Предъ собраніемъ можно было обвинять и осуждать на смертную казнь (Тамъ же XII). У Американскихъ племенъ власть старѣйшины имѣла болѣе значенія для внѣшнихъ сношеній, чѣмъ для внутренняго порядка. Старѣйшина созывалъ въ нужныхъ случаяхъ членовъ общества для совѣщаній и имѣлъ главный голосъ въ собраніи. Онъ не имѣлъ права принуждать и наказывать; въ противномъ случаѣ всѣ бы его оставили. Онъ могъ заставить уважить свои повелѣнія только основательными представленіями, дружескими рѣчами, или хитростію. Ему не платили никакихъ податей (Клемм т. 2. 125. Неволинъ Енц. т. 2). У Адиге: Когда кто ни будь желаетъ начать тяжбу противъ другого, онъ отправляется къ двумъ старшинамъ своего колѣна.... Старшины призываютъ по два старшины отъ каждаго колѣна; если тяжба менѣе важна, то изъ каждаго колѣна призывается только одинъ старшина.. Когда обыкновенный судъ не можетъ рѣшить дѣла, или тяжущіяся стороны начнутъ протестовать противъ приговора, то дѣло переносится на ближайшее общее племенное собраніе, гдѣ изъ судей засѣдаютъ опытнѣйшіе и почтеннѣйшіе старшины восьми колѣнъ (23 стр. Лапин.). Старѣйшіе изъ среды народа суть судьи, вожди и совѣтники... Впрочемъ, заключеніе старѣйшины не всемогуще; ибо народъ, если недоволенъ рѣшеніемъ старѣйшинъ, то не исполняетъ его, а принужденіе не возможно (Тамъ же 29). О судебной власти старѣйшинъ Западно-Славянскихъ и о правѣ ихъ устроивать браки см. выше прим. 30 и 32. Что старѣйшины у бродячихъ народовъ Восточной Европы были военноначальники, см. прим. 32. Что власть ихъ была ничтожна, это видно уже изъ того, что старѣйшина всей Ижорской земли, Пелгуй, принявши Христіянскую Вѣру, не могъ принудить къ тому же свой народъ (см. Лав. 205). Восточный писатель, Казвини, говоритъ о какихъ-то Славянахъ, что у нихъ начальникъ, какъ нѣжный отецъ, заботится о своихъ подданныхъ; что онъ доставляетъ имъ средства существованія и устроиваетъ между ними браки, такъ что браки заключаются по его волѣ, а не по свободному выбору (Тюринъ, Общест. жизнь и зем. отн. глав. 11). По словамъ Ибнъ-Дасты у Буртасовъ нѣтъ верховнаго главы, который бы управлялъ ими и власть котораго признавалась бы законною: есть у нихъ въ каждомъ селеніи только по одному, или по двое, старшинъ, къ которымъ они обращаются за судомъ въ своихъ распряхъ. Настоящимъ образомъ они подчиняются только Царю Хозаръ (гл. 11, § 2).

34. См. выше о Поляпахъ прим. 32, Курьи, въ которыхъ находились села,

дворы, дворища, земли и рыбныя ловли, назывались по имени родоначальника: Яковля, Осонасьева, Левкова (А. Ю. 71, XXV, XXVII, XXXV).

35. У Германцевъ община, во главѣ которой стоялъ избирательный старѣйшина, владѣла сообща всей землей, на которой она жила (см. выше прим. 33). У Американскихъ племенъ земли, занимаемыя всѣми семействами извѣстнаго племени, почитались общею принадлежностію цѣлаго племени. Только это племя и лица, къ нему принадлежавшія, могли жить на его земляхъ и пользоваться ими, возделывать ихъ и ловить на нихъ звѣрей (Невол. Эпц. т. 2). У Австралійскихъ племенъ каждое племя имѣло опредѣленное мѣсто жительства, отъ котораго и получало свое названіе. Каждое семейство имѣло свой особенный обширный округъ, гдѣ оно имѣло право рыть коренья, ловить рыбу, охотиться и вообще отыскивать всевозможными способами пропитаніе; но этимъ округомъ могли пользоваться и другія семейства, принадлежащія къ одному племени, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями (Клеммъ, 318, 320 т 3). Мы видѣли (см. выше прим. 28), что среди сельскаго населенія Сѣверо Восточ. Россіи цѣлое поколѣніе владѣло сообща поземельною собственностью. Такъ какъ и у бродячихъ народовъ родъ-союзъ политическій состоитъ по большей части изъ родственниковъ, по этому, по всей вѣроятности, не только родственники, но и члены всего рода, владѣли сообща поземельной собственностью. Что дѣйствительно такъ было, это видно изъ того, что жители погостовъ, на которые раздѣлено было бродячее населеніе, до позднѣйшаго времени владѣли сообща рыбными ловлями, лугами, лѣсами и т. п. См. гл. IV, прим. 24.

36. У динаревъ Новой Голландіи молодые люди, желавшіе вступить въ бракъ съ дѣвицами своего племени, обыкновенно, во время пляски, преддагали имъ подарки; если подарокъ принимался, то бракъ считался совершеннымъ. Коллинсъ сообщаетъ, что между племенами Австраліи существуетъ обыкновеніе выбирать себѣ женъ изъ другого племени посредствомъ похищенія, и что родственники похищенныхъ за такую обиду мстили племени похитителей такой же обидой, т. е., похищеніемъ женщинъ. Возлѣ Зунда, Короля Георга родители отдавали дочь въ руки жениха (Клеммъ, т. 1, 287). О Славянскихъ племенахъ у Восточныхъ писателей встрѣчается слѣдующее извѣстіе: «Leur filles... sortent de leur maison la tête de couverte.... celui qui sent de l'inclination pour une d'elle lui, jette une coëffe sur la tête, et elle devient son épouse, (Тюрингъ гл. 1).—«Не хожаше женихъ по невѣсту, но приводяху вечеръ, а заутра приношаху по ней, что вдадуче... и ту (на игрищахъ) умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся.» (Лавр. 6). Похищать женщину, по соглашенію съ похищенной, нужно только въ такомъ случаѣ, когда она считается чьей ни будь собственностію. Что умычка употреблялась только въ отношеніи къ женщинамъ другого рода, или племени, это видно изъ того, что на ряду съ умычкой существовали и другія формы заключенія брака, и что, въ позднѣйшія времена существовали двѣ различныя подати: выводная куница, если женщина выходила замужъ въ другую волость, и навожженный убрусъ, если она выходила замужъ въ своей волости. Волости же погосты, какъ дальше увидимъ (см. гл. 4), совпадали съ прежнимъ родовымъ и племеннымъ дѣленіемъ.

37. Тацитъ о Германцахъ: раздѣлять вражду, или дружбу, отца, или родственника, считается необходимостію; но вражда не безконечна; ибо убійство

смывается извѣстнымъ числомъ головъ скота, и удовлетвореніе принимаетъ весь домъ (Тацитъ 421). Пеня за преступленіе идетъ Царю, или общинѣ, часть тому, кто жалуется, или родственникамъ его (гл. XXI.) XI. Лапинскій о Кавказскихъ народахъ: за осужденнаго, или обвиняемаго, отвѣчаетъ все колѣно, которое, въ случаѣ нужды, поддерживаетъ, или защищаетъ, его. Если онъ осуждается (племеннымъ собраніемъ, т. е., собраніемъ нѣсколькихъ колѣнъ) на уплату пени, но не можетъ заплатить ее своими средствами, то дѣлаетъ сборъ, сначала въ своемъ родѣ, а потомъ въ колѣнѣ. Позволеніе на это онъ получаетъ отъ старѣйшинъ колѣна, которые вручаютъ ему клочокъ бумаги съ изображеніемъ знака или печати колѣна. Въ такомъ случаѣ каждый обязанъ помогать ему, но если онъ не получитъ такого знака, то значитъ колѣно выдаетъ его, и если у него нѣтъ своихъ средствъ, противная сторона убьетъ его, или продастъ въ рабство, особенно когда дѣло идетъ о пенѣ за убійство. Часто братъ, или другой родственникъ, убитаго, недовольный уплатою пени, или слишкомъ нетерпѣливый, чтобы дожидаться, когда она будетъ выплачена, убиваетъ убійцу, или кого либо изъ его колѣна; возникаетъ длинный рядъ набѣговъ и убійствъ (Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. кн. 1, 1863 г., стр. 24, 25). Что такъ было и у народцевъ древней Россіи, это видно, во первыхъ, изъ словъ «Горе Злочастія:» «Молодецъ груститъ, вставши пьянъ, что всѣ его оставили: родъ и племя отчитаются и всѣ друзи прочь отпираются.» Стало быть, были случаи, когда родственники, или община, отчитались и отпирались отъ своего члена, совершившаго какое либо преступленіе. Во вторыхъ, изъ права рода выкупать дѣвушку, которая, живучи у отца и матери, приносила дитя и, въ качествѣ подсудимой, была отводима въ церковный домъ: «аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудетъ, обличивъ ю, поняти въ церковный, а чимъ ю родъ окупитъ,» (Карамзинъ, т. 1, прим. 108). Въ третьихъ, изъ права получать вознагражденіе изъ контрибуцій за своихъ членовъ, убитыхъ на войнѣ: «и вдаста ему (Греки Святославу) дань, имашеть же и за убьенныя, глаголя: яко родъ его возметь,» (П. С. Л. 1, 30, 971). Въ четвертыхъ, изъ права, предоставляемаго договоромъ Олега съ Греками несостоятельному преступнику освободиться отъ платежа наложенной судебной пени, показавши подъ присягой, что ему не отъ кого ожидать помощи: «аще будетъ неимовитъ тако створивый, да вдастъ елико можетъ и да соиметъ съ себя и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходить, а опричь да ротѣ ходитъ своею вѣрою, яко ни како же иному помощи ему: да пребываетъ тяжи оттолѣ не взыскаема о семъ (П. С. Л. 1, 14, 912). Въ пятыхъ, изъ существованія въ древней Россіи двухъ пеней за преступленія, вѣръ или вира и продажъ.

38. У Германцевъ, по словамъ Тацита (гл. 7), были Цари (rex) и старѣйшины (principes); подобно старѣйшинамъ, Цари избирались по благородству (см. также выше прим. 36).

39. Власть Царей (у Германцевъ) не безгранична и не свободна (Тацитъ гл. 7) о власти нелгуя см. прим. 37.

40. Но игрища межи селы... сходяхуся на игрища, на плясанье, и на бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся (Лап. стр. 6). Такъ какъ умычка имѣла мѣсто только въ отношеніи къ женщинамъ иного рода, или племени (см. выше прим. 36), то, слѣдовательно, это были племенны

собранія. О судебномъ и торговомъ значеніи племенныхъ собраній у бродячихъ народовъ см. прим. 33, 43 этой главы.

41. Въ грам. 1534: «а молятся, деи, по скверньмъ своимъ мольбищамъ древесамъ и каменію.... и жертву, деи, и питья жрутъ и пьютъ мерзкимъ бѣсомъ... по всѣмъ тѣмъ Чудскимъ и Ижорскимъ мѣстѣмъ, въ селѣхъ и деревняхъ и въ лѣсѣхъ, тѣ скверныя мольбища, каменья и древеси, вездѣ разоряти и истребляти въ конецъ и огнемъ жещи» (Д. А. И. т. 1, 28). — «И иныя церкви ставляше (Ярославъ) по градомъ и по мѣстомъ».... (П. С. Л. 1. 66.).. «повелѣ (Владим.) рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири» (П. С. Л. 1, 51 См. также: Святилища и обряды древн. Славянъ, Срезневскій, стр. 23. О Скоморохахъ см. Бѣляева: «Временникъ,» 1854, кн. 20, стр. 71, 72. Соловьева: Очерки и нравы,»... Архивъ Ник. Калачова кн. 1, 1850. П. С. Л. т. 2, 257, и Д. А. И. 1, 22.

42. У Германцевъ: когда соберется достаточное число, садятся вооружен.; жрецами водворяется молчаніе. Непослушныхъ жрецы обуздываютъ (Тац. XI). Въ гр. 1534: «и призываютъ, деи, на тѣ свои скверныя мольбища злодѣевыхъ отступниковъ арбуевъ Чюдскихъ» (Д. А. И. т. 28) 1071: «встаста два волхва, яко два кудесника, избили уже многи жены по Волзѣ... выдайте волхва то сѣмо, яко смерда есть моего Князя» (Лавр. т. 1. 76). Слѣдовательно, волхвы и кудесники принадлежали къ смердамъ, т. е., къ первобытному бродячему населенію, и оба названія употреблялись безразлично, одно вмѣсто другого. 1071: «Яко мы вѣдаемъ, кто обиліе держитъ... да аще истребивъ сихъ будетъ гобино... мы вѣдаемъ, како есть человѣкъ сотворенъ.... нами бози повѣдаютъ: не можеши намъ сотворитъ ничтоже» (П. С. Л. т., 76). «Приде къ кудеснику, хотя волхвованія отъ него... кудесникъ же лежаше оцѣпенѣвъ... бѣси же, метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть» (Т. 1, 77). «И жертву, деи, и питья жрутъ, и призываютъ, деи, на тѣ свои мольбища арбуевъ Чюдскихъ, и мертвыхъ, деи, своихъ они кладутъ въ селехъ по курганомъ и по коломищемъ... съ тѣми же арбуи. у которыя жены дитя родится, и они, деи, напередъ къ тѣмъ своимъ родильницамъ призываютъ тѣхъ же скверныхъ арбуевъ, и тѣ, деи, арбуи младенцемъ ихъ имена нарекаютъ свойски, а на кануны, деи, призываютъ они тѣхъ же скверныхъ арбуевъ, и тѣ, деи, арбуи и надъ канонъ ихъ арбуютъ скверньмъ бѣсомъ (Д. А. И. т. 1, 28). Въ XII стол. заболѣвшихъ дѣтей женщины приносили къ волхвамъ (Въ вопросахъ Кирика стр. 202. Пам. Рус. Слов. XII). У Германцевъ: ни штрафовать, ни связывать, ни подвергать тѣлесному наказанію, никому не позволяется, кромѣ жрецовъ (гл. 10, Тац.). Въ 1024 и 1071 г. волхвы убиваютъ во время голода въ Суздальско-Ростов. области старую чадь и лучшихъ женъ за предполагаемое скрытіе хлѣба и рыбы. «И провожаху къ нимъ, сказано въ лѣт., сестры своя, матери и жены своя».... слѣдовательно, это не было простое убійство, но казнь за причиненіе голода, совершенная съ согласія родственниковъ преступницъ. Въ 1248 г. во время нападенія Ятвяговъ на Русскую землю, убитъ былъ одинъ изъ ихъ начальниковъ, Скамондъ, о которомъ сказано: «Скамондъ бо бѣ волхвъ и кобникъ нарочитъ» (П. С. Л. т. 2, 182). Въ 1071 г. надъ начальствомъ волхвовъ смерды въ лѣсу защищаются отъ Яна (т. 7, 1, 6).

43. До появленія Европейцевъ въ Америкѣ, на берегахъ Масиссипы, была обширная торговая площадь, называемая «Собачьимъ Лугомъ.» Тамъ, въ опредѣленное время, собиралось множество племенъ по дѣламъ торговымъ. Во время этихъ собраній племена, находившіяся въ непріязненныхъ отношеніяхъ,

должны были пріостанавливать враждебныя дѣйствія. Подобныя же собранія происходили на Красной Горѣ, которая считалась мѣстомъ мира, и въ другихъ мѣстахъ (Клеммъ т. 2). У дикарей Австраліи большія собранія, состоявшія изъ многихъ племенъ, происходили по случаю большихъ охотъ, войнъ между двумя племенами и празднествъ (Тамъ же 293). Въ древней Россіи ярмарки и торги по большей части устраивались въ мѣстахъ прежняго языческаго богослуженія, которыя, съ покореніемъ бродячаго населенія и съ распространеніемъ Христіанства, обратились въ погосты (см. гл. IV). По всей вѣроятности, тамъ же они собирались и во время независимости бродячихъ народовъ, и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы въ такихъ собраніяхъ участвовали только члены одного племени, или одного народа. Въ древней Россіи существовало три рода пиршествъ съ религіонно-языческимъ характеромъ: 1) пиры, устраиваемые частными лицами, или ихъ родственниками, на свой счетъ; 2) пиры по праздникамъ, и 3) пиры братчинъ. Все различіе между пирами по праздникамъ и пирами братчинъ состояло въ томъ, что пиры братчинъ устраивались рѣдко, и въ нихъ могъ принимать участіе всякій пришлецъ (статья Попова о пирахъ и братчинахъ. Арх. Калачова 1854). Очень можетъ быть, что это были пиры, на которые въ далекой древности сходились многія сосѣднія племена.

44. Германскіе народы при нападеніи и оборонѣ для военныхъ дѣйствій избираютъ сановниковъ, имѣющихъ право жизни и смерти; въ мирное время Германцы не имѣютъ главныхъ начальниковъ: въ каждомъ участкѣ и родѣ есть свой старѣйшина (Цезарь). Подъ начальствомъ Аріовиста, во время борьбы его съ Цезаремъ, находились Геруды, Маркоманы и Свевы (гл. 51. кн. 1, Цезарь). Герцоговъ (Dux) выбираютъ по храбрости (Тацитъ гл. 7). У Карайбовъ только въ военное время избирается верховный начальникъ, подъ начальство котораго поступаютъ всѣ другіе начальники (Клеммъ т. 2, 124). См. также прим. 32 о Ятвягахъ.

45. Между племенами Портжаскана Колинсъ нашелъ племя Комерай-Галь которое, по своей многочисленности, преобладало надъ другими племенами. Оно имѣло то преимущество, что большимъ праздникомъ Инлангъ распоряжались лица, избранныя изъ его среды (Клеммъ. 318). У Германцевъ старѣйшины имѣвшіе многочисленную дружину, пріобрѣтали власть не только въ своемъ племени, но и надъ сосѣдними племенами (гл. 13 Тац.). Крокъ творилъ судъ не только въ своемъ племени, но и во всемъ народѣ (см. выше прим. 32).

46. «Ils (les Slaves) se partagent en divers races, dont une entre autres les dominait toutes dans les temps primordiaux c'était à elle d' appartenait l'autorité souveraine et tous leurs rois étaient soumis.» (Тюринъ, Общ. жизнь и земск. отнош. гл. 2).

47. П. С. Л. т. 1, 104, 97, 118. П. С. Л. т. II, 135, 164, 132, 163, 13[illegible] 142, 143. Пам. Русск. лит. вып. 1, стран. 72.

48. «И Половцы дикіи Кончакъ съ родомъ своимъ» (П. С. Л. т. II, 10[illegible] 1172)... «то чему ты не казаше сыномъ своимъ и роду своему не преступа[illegible] роты, но проливашеть кровь христьянску? да се буди кровь твоя на глав[illegible] твоей!» и повелѣ убити и (Мономахъ Белдюза) (П. С. Л. 1, 119, 1103). Въ сказаніи о плѣнномъ Половчинѣ: «приключился сонму быти Княземъ ихъ и вельможамъ, съѣзжавшимся мноземъ, и тому Половчину ту же пріѣхавшю, и ег[illegible] стоявшю на кони въ сонмищи съ ними, знающіе же повѣдаша: «ѣхавши ро[illegible]

бывшее то мученіе надъ нимъ; онѣ же, пріѣхавши, взяша его ель жива, и вогнѣда (онъ) роду своему вся бывшая (что онъ не исполнилъ обѣщанія, даннаго предъ образомъ Св. Николая, заплатить выкупъ); онѣ же начаша гнѣватись на нь, сице глаголяще: «Кто тако безуменъ, яко же ты! Аще нынѣ не поѣдеши со нескудомъ въ Русь, то отыди отъ насъ, единъ погини, да и мы съ тобою казни не пріимемъ.» Половчанинъ же той убоялся, то слышавъ отъ нихъ, и мало пождавъ, повелѣ рабомъ своимъ нарядитися и стада коней отлучити, ими же бяше дати искупъ... бяше бо богатъ зѣло» (Пам. С. Рус. Лит. вып. 1, стр. 79.

49. Въ Поуч. Мономаха лѣпшими Князьями названы: два брата Бугубарсовы и четыре Овчины (П. С. Л. 1. 104). Въ 1103 г. Урусоба былъ Велик. Княземъ (П. С. Л. 1, 118), а въ 1190 г. такое же положеніе занимали оба Урусобича (Ип. 140 т. II). Въ 1185 г. Кончакъ былъ однимъ изъ главныхъ начальниковъ надъ Половцами (Ип. 132, т. II), а въ 1224 Юрій Кончаковичъ называется самымъ большимъ между Половцами (Ип. 163). Въ 1202: Половецкіе Князья Сутоевичи, Котянъ и Самогуръ, помогаютъ Рюрику Кіевскому (т. II, 156). См. также выше прим. 48.

50. Герод. кн. IV, 62, 66, 102, 125. Конст. Багрян. Memoriae Populorum III, 806, 794. De Admin. imp. 105, 37; Лавр. 118; Ип. 132, 133.

51. Const. Memor. Populorum III, 775; П. С. Л. II, 142, 193; т. 1, 118.

52. По Геродоту: у Агаѳирсовъ, Масагетовъ и у многихъ Скиѳовъ и Сарматовъ. По словамъ Козьмы Пражскаго, у Чеховъ, въ первую пору ихъ поселенія въ Богеміи: какъ солнца свѣтъ, какъ прохлада ночи, такъ пастьбища и земные плоды, такъ даже и самыя жены, принадлежали имъ всѣмъ сообща (Творинъ гл. 1).

53. Половци кровь проливающе, «хвалящеся о семъ, ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы, поимають мачехи своя и ятровы» (П. С. Л. т. 1, стр. 7). Съ плѣнными обращались жестоко, держали въ оковахъ, мучили и распинали на гробахъ своихъ умершихъ родичей (Жит. Евст. и Никона Сух.). Между тѣмъ Князья Половецкіе владѣли многими городами и имѣли много золота и серебра, покровительствовали торговлѣ, человѣколюбиво обращались съ плѣннымъ Игоремъ Сѣверскимъ, уважая его воеводство, вступали въ бракъ съ Русскими Княжнами и Княгинями, и выдавали своихъ дочерей въ замужество за Русскихъ Князей (Лавр. 1, 119, 128; Ип. 11, 95, 129, 1184. Тат. т. 4, 1183, 1185, стр. 166; Лавр. 1, 168; Ип. 11, 133). Руководимые своими Князьями, Половцы умѣли брать приступомъ города и никогда не нападали большими нестройными толпами, состоявшими изъ мужчинъ и женщинъ (какъ Скиѳы и Масагеты), но раздѣлялись на правильные полки съ знаменами и, выступая въ походъ, оставляли своихъ женъ и дѣтей въ вежахъ. Половцы одѣвались въ броняхъ и, кромѣ лука и сабли, обыкновенныхъ оружій кочевниковъ, вооружены были копьями и щитами. Разсѣявшись по странѣ, для грабежей и опустошеній, Половцы разставляли въ разныхъ мѣстахъ сторожей со знаменами, и мгновенно соединялись, при первомъ извѣстіи о движеніи непріятеля. При нападеніи и при оборонѣ высылали впередъ сторожевые отряды подъ начальствомъ храбрѣйшихъ людей и, приготовляясь вступить въ бой съ большими толпами непріятеля, раздѣляли свою главную армію на центръ, правое и лѣвое крыло. Въ началѣ битвы высылали впередъ стрѣлковъ, и только послѣ ихъ выстрѣловъ шло въ нападеніе главное войско. Во время сраже-

ній вводили въ обманъ непріятеля лживыми отступленіями, и вообще сражались храбро и шли въ нападеніе, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. Въ битвѣ подъ Триполемъ Половцы напали на соединенныя силы Южнорусскихъ Князей, стоявшія за валомъ; а при Юріи Долгорукомъ, когда однажды его войско затруднялось перейти Днѣпръ, по тому что по другую сторону стояли сторожевые отряды непріятеля, Половцы, союзники Юрія, бросились въ воду на коняхъ, въ полномъ вооруженіи, переплыли рѣку и заставили отступить непріятеля (П. С. Л. 1, 115, 99, 91, 118, 115. П. С. Л. II, 105, 49, 130).

54. Герод. IV, 5—10. «Посла и во Обезы.... и приде въ свою землю, отъ него родившюся Кончаку, иже снесе Сулу, пѣшъ ходя, котелъ нося на плечеву... пошелъ бяше.... Кончакъ бяше обрѣлъ мужа такого Бусурманина, иже стрѣляше живымъ огнемъ...., бяху у нихъ луци туги самострѣльніи, одва 50 мужъ можетъ напрящи» (Ип. II, 128, 155).

55. Въ Житіи Ѳеод. сказано, что съ разсвѣтомъ дня съѣзжались Бояре къ Князю Изяславу, и что Князья и Бояре дарили села Печерскому монастырю. Мстиславъ Моном. Кн. Новгор. распусти дружину по селамъ (Лавр. 108.) Въ древн. стихотвореніяхъ:

«Что это за крѣпость въ Кіевѣ,
У Великаго Князя Владимира?
А у меня, де, Ставра Боярина,
Широкій дворъ не хуже города Кіева;
А дворъ у меня на семи верстахъ....
Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже малаго Кіевца,
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ»...

(Собран. стихотв. Кирши Данилова, стр. 125, 16).

Въ 1177 г.: «Ростовци... Боляръ всѣ повязаша и села Болярская взяша, кони и скотъ» (Лавр. 1177).

Въ 1209: «и села ихъ (Бояръ Новгород.) распродаша и челядь» (П. С. Л. т. 3, 30). Что селами-усадищами въ древней Россіи назывались поселенія, состоявшія изъ людей рабскаго состоянія, см. гл. IV, примѣч. 52.

56. «Постави же онъ, окаянный народѣй (Волхвъ), таковыхъ ради мечтаній и собиранія бѣсовскаго, городокъ малъ на мѣстѣ нѣкоемъ, зовомомъ Перынь идѣ же мумиръ Перунъ стояше» (Костом. Сѣверно-Русск. народоправства, т. стр. 4). «Городъ, въ которомъ онъ (Князь Славян. Святополкъ) живетъ, зоветс Джерводъ. Здѣсь у Славянъ происходитъ ежемѣсячно, въ продолженіи трех дней, торгъ: продаютъ и покупаютъ» (Ибнъ-Даста V, 7, Ж. М. Н. П. 186 Декабр). «Древляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ.... а Древ.. затворишася въ градѣ и боряхуся крѣпко изъ града» (П. С. Л. 1); Въ повѣст о водвореніи Христіан. въ Муромѣ: «и во единъ убо отъ дней собрашася не вѣрніи отъ мала до велика въ градѣ Муромѣ, и единомышленно совѣщаш совѣтъ лукавъ, и безбожными своими клятвами закляша, еже убити Княз или выгнати изъ града» (Памятники Старо-Русск. литерат. вып. 1).

57. «Сѣдяше Кій на горѣ, гдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ.... а Хоривъ на третьей горѣ.... сотвориша градъ и нарекоша имя ему Кіевъ... и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ.... (П. С. Л. стр. 4, т. 1). Послѣ изгнанія Варяговъ: «вста родъ на родъ» (П. С. Л. т. 1, 8). «Бяста бо два брата въ Лисѣхъ, Радимъ, а другой Вятко,» и пришедъша два сѣдоста, Радимъ на Сожю.... а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ (т. 1, П. С. Л. 5).

58. «Кій княжаше въ родѣ своемъ» (П. С. Л. т. 1, 4); «и послаша Древляне лучшіе мужи, числомъ 20» (П. С. Л. 1, 24). Въ Лѣт. Переяслав. Сузд.: «и послаша старѣйшихъ и бояръ» (стр. 10). «Древляне избраша лучшіе мужи, иже держатъ Деревску землю. Рѣша мужи града.... старѣйшины ижже, а прокъ розведе».... (П. С. Л. т. 1, с. 23); «избѣжата отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много Новгородскихъ мужей» (стр. 16, Ник. т. 1). «Гостомыслъ созва вся старѣйшины земли отъ Славянъ, Руси» (Іоак. Тат. т. 1, 34). По мнѣнію Соловьева, сословіе Бояръ возникло со временъ призванія Рюрика: Боярами назывались старшіе члены Княжескихъ дружинъ (Исторіи Рос. т. 1, 237, 245). Далѣе мы увидимъ, что дѣйствительно еще въ удѣльномъ періодѣ многіе изъ Бояръ вошли въ составъ старшей дружины Князей Рюрикова дома, но что Боярами назывались родоначальники Старославянскихъ городовъ; что еще до Рюрика были Бояре, и потомъ не всѣ Бояре вошли въ составъ Княжескихъ дружинъ, то это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: 1) Бояре были не только въ Руси, но и въ земляхъ Западно-Славянскихъ (см. статью Венелина: «О словѣ Бояринъ» въ Чтен. въ Импер. Обществѣ Ист. и Др. Росс. 1847, № 1, с. 2). 2) Въ Русской Правдѣ Бояре отличаются отъ дружины: «Аже въ боярехъ, любо въ дружинѣ, то за Князя задница не идетъ» (Русс. Правда II, 86). 3) Въ договорѣ Святослава Бояре отличаются отъ Руссовъ: «и иже суть подо мною Русь, Бояре и прочіи» (П. С. Л. т. 1, с. 71). При Владимирѣ Бояре и старцы градскіе бросаютъ жребій, чтобы принесть въ жертву своимъ богамъ отрока Варяга (т. 1, 35). 5) По смерти Князя Владимира Бояре оплакиваютъ смерть Князя, аки заступника ихъ земли» (т. 1, 56). 6) Бояре находились во всѣхъ Старославянскихъ городахъ. Не было ни одного стараго города съ Славянскимъ названіемъ, построеннаго до Рюрика, въ которомъ не было бы Бояръ. Хотя и въ нѣкоторыхъ новыхъ городахъ, на примѣръ, во Владимирѣ Волынскомъ, въ Псковѣ и т. д., встрѣчаются Бояре, куда они могли переселиться изъ старыхъ городовъ, но изъ описанія борьбы старыхъ городовъ съ новыми видно, что на Сѣверо-Востокѣ новые города не имѣли Боярства. На Юго-Западѣ въ землѣ Галицкой, было болѣе, чѣмъ гдѣ либо Старославянскихъ городовъ; тамъ же находилось самое многочисленнѣйшее и могущественнѣйшее Боярство. По мнѣнію Костомарова, первоначально Боярами назывались богатые землевладѣльцы туземнаго происхожденія, а, въ послѣдствіи всякое должностное лицо по своей обязанности, пользуясь уваженіемъ народа, уже принадлежало къ Боярскому сословію (Сѣвернорус. народ. т. II, гл. 171). Во 1-хъ, кромѣ родоначальниковъ Старославянскихъ городовъ, были богатые землевладѣльцы между смердами, а, по всей вѣроятности, и между Княжескими дружинниками и купцами, однако ни тѣ, ни другіе, никогда не назывались Боярами. Во 2-хъ, Посадники, Сотскіе, Десятскіе и тому подобные начальники, хотя были должностными лицами, но никогда не назывались Боярами; Владимиръ созываетъ Посадниковъ, Сотскихъ, Десятскихъ и Бояръ (Лавр. 1, 996, с. 54); Мономахъ заточилъ Сотника Ставра и Бояръ Новгородскихъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Костома-

ровъ, въ статьѣ: «Черты народной Южнорусской исторіи» (Моногр. т. 1. стр. 209), приводитъ слѣдующія слова Ипат. лѣт.: «Доброславъ же вокняжился бѣ и Судьичъ поповъ внукъ.... придоша Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ, два беззаконника отъ племени смердья».... Но эти слова только доказываютъ, что въ концѣ удѣльнаго періода вступали въ сословіе Бояръ и лица другого происхожденія. Какимъ способомъ пріобрѣталось званіе Боярина, это не объясняетъ лѣтопись. По всей вѣроятности, оно пріобрѣталось не службою (ибо званіе Боярина въ то время еще не было почетнымъ титуломъ), а скорѣе именно большимъ землевладѣніемъ и большимъ количествомъ, находившихся въ распоряженіи извѣстнаго лица, рабовъ и слугъ.

59. Карамз. И. Г. Р. прим. 70 къ 1, т. гл. II.

60. Если Славянскіе родоначальники назывались Мужами и Боярами, то о составѣ Славянскихъ родовъ можно судить по свѣдѣніямъ, которыя сохранились отъ первой поры Варягорусскаго господства о людяхъ, принадлежавшихъ Боярамъ и тѣмъ мужамъ, которые не входили въ составъ Варягорусскихъ дружинъ. Въ древней домонгольской Руси возлѣ городскихъ укрѣпленій находилось земледѣльческое населеніе, которое называлось челядью, чадью, простой чадью и людьми, и находилось первоначально въ крѣпостномъ состояніи. Что это населеніе существовало еще до появленія Варягоруссовъ, это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: Ольга говоритъ жителямъ Коростеня: «Вси грады ваши предащася мнѣ.... и дѣлаютъ нивы своя и землѣ своя» (П. С. Л. 125). По Іоакимовской лѣтописи, въ Новгородѣ, при Владимирѣ, на Старославянской сторонѣ жили передніе мужи, людіе и жрецы. Людіе имѣютъ дома за городскими укрѣпленіями и, для защиты своихъ мужей и боговъ, вступаютъ въ бой съ Путятой (Тат. 1, 39). При Владимирѣ людіе и Бояре поклоняются однимъ и тѣмъ же богамъ (Лавр. 34, 35). Въ сводѣ лѣтоп. Тат.: «отрѣши Ольга княжее, и уложила брать отъ жениха по чернѣ кунѣ, какъ Князю, такъ и Боярину, отъ его подданнаго» (Тат. т. 3, 45). Что кромѣ земледѣльцевъ-людей, родоначальники Славянскіе имѣли еще и дворовыхъ людей, служилаго и рабскаго состоянія, это видно изъ извѣстій, встрѣчающихся въ древнихъ письменныхъ памятникахъ о Боярскихъ рабахъ, хлопахъ, тивунахъ и отрокахъ. Однажды одинъ изъ Бояръ Изяслава ѣхалъ съ своими отроками чрезъ поле, лежащее недалеко отъ Печерскаго монастыря (Жит. Ѳеод.); Варлаамъ пріѣхалъ къ Антонію, окруженный многими отроками. Когда Варлаамъ вторично ушелъ въ монастырь, то «рабы и рабыни стенаху съ воплемъ по господинѣ, яко оставляше ихъ» (Жит. Варлаама); «Янъ.... повелѣ отрокамъ (своимъ) сѣчи я» (возмутившихся смердовъ въ лѣсу) (75 т. 1). О Боярскихъ холопахъ и тивунахъ см. Русск. Правду 11, 1, 59, 42. Что въ общей совокупности всѣ Боярскіе люди назывались чадью, см. Изслѣд. Погодина т. VII, 89. «Сей Кій княжаше въ родѣ своемъ» (П. С. Л. 1, 5). Кій, вмѣстѣ съ родомъ своимъ, отправляется въ Царьградъ, поселяется сначала на Дунаѣ, а потомъ возлѣ Днѣпра (Лавр. 4). Ольга отрѣшила княжее и т. д.; см. Татищ. т. 3, с. 45. «Сей Гостомыслъ бѣ мужъ елико храбръ, толико мудръ, всѣмъ сосѣдомъ своимъ страшный, а людемъ его любимъ, расправы ради и правосудія» (Лѣт. Іоак.). Еще въ первую пору Варягорусскаго господства Бояре неограниченно господствовали надъ своими семействами и людьми. Всѣ дворовые люди, отъ простого холопа до дворнаго тивуна, были лица несвободнаго состоянія: «а послушьства на холопа не вскладаютъ, но оже не будетъ свободнаго, то по нужи сложити на Боярска тивуна на дворнаго, а на иныхъ не вскладати» (Р. П. III, 77).

61 Приб. къ Ип. Лѣт. ст. о идол. Русскихъ. П. С. Л. 1, 17. Іоак. Тат. 1. 31—39.

62. Лавр. 5. Іоаким. Тат. т. 1, гл. 4, 32.

63. См. разсказы Іоак. о Сѣвер. город. и Лавр. о Древлянахъ.

64. «Многи же Князи отъ далекихъ странъ прихождаху моремъ и землею, послушати мудрости и видѣти судъ его (Гостомысла), и просити совѣта и ученія его, яко тѣмъ прославися всюду» (Лѣт. Іоак.); и не бѣ въ нихъ правды, и воста родъ на родъ... рѣша сами въ себѣ: «Поищемъ себѣ Князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву» (Лавр. 8). О правѣ мести см. Руск. Пр. 1, 1.

65. По Лавр. лѣт., послѣ изгнанія Варягоруссовъ, въ одно время на Сѣверѣ не было Князя (8, т. 1).

66. Въ статьѣ Эртеля «Изъ Житомира» и по преданію объ этомъ походѣ (о походѣ Ольги), который до сихъ поръ памятенъ народу, въ это время въ Волынской Губерніи было три Древлянскихъ Княжества: Коростенское, Неринское и Городищенское, и Неринскій Князь былъ Великимъ Княземъ. Отъ Коростеня Ольга пошла къ Нериньску, а отъ Нериньска къ Городищу. Коростень, нынѣ Искоростень, лежитъ на обоихъ берегахъ незначительной рѣчки Уши. Съ неотразимой силой пробиваетъ себѣ здѣсь эта рѣка путь между высокими отвѣсными скалами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегамъ рѣки видны остатки земляныхъ окоповъ древняго города (Соврем. Лѣт. Москов. Вѣдом. 1865, № 5. 38).

67. «По устроеніи великаго града умре Словенъ Князь, а по немъ владаху сынове его и внуки много сотъ лѣтъ. И бѣ Князь Вандалъ, владѣя Славянами, ходя всюду, на сѣверъ, востокъ и западъ, моремъ и землею, многи земли на вскрай моря повоева, и народы себѣ покоря, возвратися во градъ великій. По семъ Вандалъ послалъ на западъ подвластныхъ своихъ Князей и свойственниковъ, Гардарика и Гинигара, съ великимъ войскомъ Славянъ, Руси и Чуди... онъ имѣлъ три сына: Избора, Владимира и Столпо, каждому изъ нихъ построи по единому городу, и въ ихъ имена нарече, всю землю имъ раздѣля... а по себѣ, Изборъ, градъ великій, и братію его во власть предалъ... Сей Гостомыслъ бѣ мужъ елико храбръ, толико мудръ, всѣмъ сосѣдомъ своимъ страшный... сего ради вси окольны чтяху его, и дары и дани дающе, купляху миръ отъ него.... видя конецъ живота своего, созва вся старѣйшины земли отъ Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичъ и Дряговичъ, яви имъ сновидѣніе...» (Тат. т. 1, 31, 34).

68. Кар. т. 1, гл. 2, прим. 111.

69. На существованіе союзовъ указываютъ и слѣдующіе слова Ибнъ-Дасты: «Глава ихъ зовется Субджъ. Ему они повинуются и отъ приказаній его не отступаютъ. Жилище его находится въ срединѣ земли Славянъ. Упомянутое выше лицо, котораго они титулуютъ главою главъ, зовется у нихъ Святополкъ. Это лицо стоитъ выше Супанеча, который считается лишь его намѣстникомъ» (Ж. М. Н. Пр. 1868, Декабрь, гл. V, 7).

70. По Абульфеду: знатнѣйшіе граждане Ателя суть Мусульмане и купцы. По Ибнъ-Фоцлану: вокругъ города Ителя нѣтъ селъ. Граждане лѣтомъ выходятъ на свои поля, засѣваютъ землю.... Въ восточной части города живутъ большею частію купцы; тамъ и складка товаровъ (Карамз. къ 1 т. гл. II. прим. 90). По Ибнъ-Даста: «зимою мѣстное населеніе живетъ въ этихъ городахъ» (Са-

рошенъ и Хабъ-Нела); съ наступленіемъ же весны выходитъ изъ нихъ въ степи, гдѣ и остается до приближенія зимы» (Ж. М. Н. Пр. 1860 г., кн. 12, гл. 1, 4).

71. По Ибнъ-Фоцлану: Магометанъ въ Ителѣ вѣдаетъ чиновникъ Хаканскій ихъ вѣры, именуемый Хисме. Они имѣютъ въ городѣ главный храмъ съ высокими башнями, и собираются тамъ для торжественнаго богослуженія (Карамз. къ 1 т. гл. II, прим. 90). Въ городѣ Танаисѣ Танаиты управлялись 4-мя Архонтами, а собственные Греки выбирали себѣ особеннаго сановника, носившаго названіе Гелленарха. Гелленархи избирались изъ богатыхъ купцовъ (Ирок. кн. IV, 432).

72. Зап. Одеск. Общ. Исторіи и Древн. т. 2. Исторія города Херсона, соч. Имп. Констан. Порф. Описан. Ираклійскаго полуостр. и древн. его. Карамз. И. Г. Р. къ 1. т. гл. II, прим. 88 и 90.

73. Карамз. прим. 90 къ 1 т. гл. II.—Ибнъ-Даста: см. Ж. М. Н. Пр. 1868 г. кн. 12.

74. Ж. М. Н. Пр. 1868 кн. 12.—Ибнъ-Даста. Пер. и примѣч. Хвольсона. Выскр. т. VII, 77, 127. Ип. II, 126. Лавр. 1, 155, 164, 192, Ник. II, 343.

75. Новг. 1, 21, 93, 73, 79, 110.

76. Лавр. 1, 5. Ник. 1, 3. Лѣт. Іоак. Тат. 1. Врем. 1850, кн. VIII, с. 97 и 98.

77. Все сказанное о воззрѣніяхъ нашихъ историковъ написано мною за нѣсколько лѣтъ до появленія статьи Г. Костомарова: «Начало единодержавія въ древней Россіи». Костомаровъ первый показалъ значеніе Монгольскаго завоеванія на объединеніе Русской земли; и нѣсколько разъ замѣчаетъ, что въ общемъ итогѣ Варягоруссы имѣли завоевательное значеніе. Но Костомаровъ непослѣдователенъ въ своихъ выводахъ. Признавъ за Варягоруссами и Монголами организирующее и завоевательное значеніе, онъ не признаетъ такого же организирующаго и завоевательнаго значенія ни за Дунайскими Славянами, колонизоровавшими Русскую Землю, ни за кочевниками Южной Россіи до Татарскаго періода. Эта непослѣдовательность была причиной, что Костомаровъ не составилъ яснаго представленія ни о распредѣленіи населенія по сословіямъ, ни о формѣ государственнаго устройства Руси въ домонгольскомъ періодѣ. По его мнѣнію, сословія въ древней Руси были, и не были; федерація была, и не была. Запутавшись въ противорѣчіяхъ, Костомаровъ порѣшилъ, что «Славянщина» не любила точныхъ формъ, что неопредѣленность, отсутствіе ясныхъ рубежей, составляетъ характеръ Славянской жизни, и Русской въ особенности. Но можетъ ли жизнь являться въ неопредѣленныхъ формахъ? Предположимъ, что Градовскій правъ, замѣчая, что Русское Государство до Татарскаго періода было не дубомъ, а только жолудемъ; но, вѣдь, и жолудь имѣетъ такъ же ясную и опредѣленную форму, какъ и дубъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ II.

1. Первыя нападенія Королей и вождей Скандинавіи на юговосточные берега Балтійскаго моря сѣверныя саги относятъ къ началу нашей эры и упоминаютъ о многихъ Королях еще въ отдаленной древности, прославившихся подвигами въ странахъ, лежавшихъ на юговостокѣ отъ Скандинавіи. Упсальскій Король Ингваръ, одинъ изъ первыхъ преемниковъ Одена, по словамъ сагъ, погибъ въ битвѣ съ Эстами, ограбивъ и опустошивъ ихъ земли. Иворъ Видфаме, кромѣ многихъ другихъ земель, покорилъ и всѣ страны, лежащія къ востоку отъ Скандинавіи. Рогранъ Лодброкъ началъ свои подвиги на берегахъ Двины и Вислы. Эрикъ Эдмундсонъ, Король Упсалы, предпринимая ежегодно походы къ разныя страны, покорилъ Финляндію, Карелію, Эстонію, Куронію и много другихъ земель на востокѣ, и построилъ тамъ большіе земляные валы и укрѣпленія, остатки которыхъ сохранялись еще въ началѣ одиннадцатаго столѣтія по Р. Х. Намеки сагъ на завоеванія и владѣнія Скандинавскихъ Королей на юговосточныхъ берегахъ Балтійскаго моря, начиная со второй половины тысячелѣтія по Р. Х., подтверждаются болѣе вѣрными и положительными извѣстіями. Древнѣйшія лѣтописи Пруссіи говорятъ о частыхъ войнахъ Скандинавовъ съ Пруссами въ VI ст. по Р. Х., и сообщаютъ древнее преданіе Латышей, что Нѣмцы, съ которыми ихъ предки вели войны, получивши помощь отъ Королей, называемыхъ Гамѣти, сильнымъ войскомъ и кораблями, побѣдили Пруссовъ и заложили на Вислѣ укрѣпленіе, по имени Свица. Въ Житіи Св. Ансгарія упоминается, что еще задолго до IX ст. города Куроніи платили дань Королямъ Швеціи; потомъ, освободившись отъ ихъ власти, подвергались нападеніямъ со стороны Датчанъ, но около 855 года снова покорены были Олафомъ, Королемъ Швеціи, выдали ему знатнѣйшихъ мужей въ заложники и обѣщались впредь быть его покорными данниками. Наконецъ, древнія лѣтописи Россіи, сѣверныя и южныя, расходясь въ частностяхъ, единогласно утверждаютъ, что сѣверозападные города Славянъ и Чудской земли съ незапамятныхъ временъ безпрерывно подвергались нападенію со стороны морскихъ разбойниковъ и въ половинѣ IX ст. находились подъ ихъ властью и платили имъ дани.

2. «Нѣціи же глаголютъ, яко Гостомыслъ... умирая, повелѣ имъ ити въ Русь; сію землю, во градъ Мольборкъ, поискати себѣ Князя, еже и сотворища» (Густ. II. С. Л. II, 235); «въ берегахъ рѣки Выслы, во градъ Модборкъ» (Воск. т. VII, 268). Руссовъ, какъ особеннаго племени, не было въ Скандинавіи. Не было тамъ и земли Русской. Руссами называли себя всѣ выходцы изъ Скандинавіи, поселившіеся по юговосточнымъ берегамъ Балтійскаго моря. Отъ ихъ имени и берега, заселенные ими, назывались Русской землей. Какъ Руссы, такъ и другіе народы сѣверозапада, постоянно нападая на Сѣверославянскіе города, извѣстны были населенію этихъ городовъ подъ общимъ именемъ Варяговъ, Вороговъ, т. е., враговъ, непріятелей. Мнѣ кажется, что Славянскія слова: Варягъ, Варязи, естественнѣе производить отъ такихъ же Славянскихъ словъ ворогъ, ворози, которыя часто употребляются въ нашихъ древнѣйшихъ

лѣтописяхъ въ смыслѣ врагъ, непріятель, чѣмъ отъ какихъ-то Византійскихъ Варанговъ. Что всѣ выходцы изъ Скандинавіи называли себя Россами, это намъ извѣстно изъ договоровъ Олега и Игоря и изъ Бертинскихъ лѣтописей: но нѣтъ никакихъ извѣстій, чтобы они сами себя когда либо называли Варягами. У Восточныхъ писателей выходцы изъ Скандинавіи тоже называются Россами, но никогда не называются ни Варангами, ни Варягами. Слѣдовательно, слово Варягъ чисто Славянское, получившее свое начало въ городахъ Славянскихъ.

3. Изслѣд. Погодина т. III.

4. «И избрашася три братья съ роды своими»... у мужей тоже были свои роды: «и бяста у него два мужа... и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ» (П. С. Л. т. I, 862 г.). Шимонъ Варягъ, пришедшій въ Русь при Ярославѣ, принялъ Православную Вѣру со всѣмъ домомъ своимъ, «въ немъ же бѣ яко до 3-хъ тысячъ душъ, и со своими Іереи» (Сказаніе Симона Еп. о построеніи печерской церкви). Что эти роды не были собраніемъ родичей, это видно уже изъ того, что родные братья имѣли свои собственные роды. О составѣ этихъ родовъ и домовъ можно судить по свойству лицъ, постоянно окружавшихъ Князей и ихъ мужей.

5. Въ Дог. грам. В. К. Рязанск. съ братьями 1446 г.: «А что мое село П.... а сидятъ въ немъ мои холопы Шипиловы» 127. (С. Г. Г. т. 1).—«Оже бяху холопы его покралѣ конѣ Мстиславлѣ у стадѣ, и пятна свое въсклали, разламенываюче» (1170 г. Ип. т. 2). Что такіе холопы и села, ими населенныя, существовали и у первыхъ Варяго-русскихъ Князей, можно заключить: во 1-хъ, изъ существовавшихъ селъ, принадлежащихъ первымъ Князьямъ и ихъ женамъ (село Берестово, село Ольжичи, село Предславино и т. д.); во 2-хъ, изъ слѣдующаго мѣста Русской Правды: «Аже будутъ холопы татье любо Княжи.... заже суть несвободни,» (II, 42); «а за.... холопъ 5 грив., а за рабу 6 грив.» (II.—13).

6. «Поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба» (1015 г., т. I, П. С. Л. стр. 59). У Святосл. конюхъ Сновидъ Пѣчев. и овчюхъ Берендѣй. У Давида конюхъ Дмитръ (П. С. Л. т. I, стр. 111). У Ярослава Яр. рабы приготовляютъ пищу (Жит. Ѳеод.).... У Князя Черн. Ник. врачъ Петръ (Жит. Ник. Свят.); «или въ конюсѣ, или въ поварѣ, то 40 гр. А за ремественника и за ремественницю, то 12 гр. А за кормильца 12, также и за кормильцю, хотя си буди холопъ, хотя си раба» (Русск. Правда II, 9, 12, 14).

7. См. изслѣд. Погодина: т. III-й, стр. 220, и т. VII, стр. 85 — 88. Русск. Правда II, 15, 67, 100, 118, 111.

8. Въ Жит. отрока Борисова, Моисея Угрина: «Его строго стерегли: бѣ бо крѣпокъ тѣломъ и красенъ лицемъ.» Въ Польшѣ одна женщина изъ благородныхъ купила его, чтобы имѣть мужемъ. Въ актѣ XII ст., въ числѣ челяди упоминается отрокъ съ женой; см. № 3. Д. А. И. т. 1. Въ повѣсти о благочестивомъ рабѣ упоминается о купленномъ рабѣ, отрокѣ юношескаго возраста, который жилъ въ домѣ одного господина и былъ убитъ по его приказанію, оклеветанный госпожей за то, что онъ увидѣлъ ее на единѣ съ однимъ слугою (см. Памят. стар. Рус. Лит. изд. 1, 81 — 83). На происхожденіе отроковъ изъ военнопленныхъ указываетъ то обстоятельство, что большая часть Княжескихъ отроковъ, о которыхъ упоминается въ лѣтописяхъ, принадлежатъ по происхожденію къ кочевымъ народамъ (см. главу V).

9. Гурій былъ родомъ отъ меньшихъ Бояръ. Жилъ же онъ отроком

первѣе у нѣкоего Князя, именемъ Іоанна (Жит. Гурія Арх. Казан.). Въ 1281 г. «былъ убитъ въ полку Кн. Владимира дворный его слуга, любимы сынъ боярьскій, Михайловичъ, именемъ Рахъ» (Ип. т. 2-й. 210).

10. Однажды Изяславъ пришелъ въ Печерскій монастырь съ малымъ отрокомъ (Жит. Ѳеодосія). «Токмо отъ меньшихъ дѣтьскихъ его (Андр. Бог.) два видивши Князя своего у велику бѣду впадша» (1149 г., стр. 47 т. 2-й Ип.).

11. Въ 1210 г. «на Торжкѣ Мст. изыма дворяни Святославли.» Въ 1214 г. Мст. Кн. Новгород. «взя на Чуди дань: и да Новгород. двѣ части дани, а третью часть своимъ дворяномъ» (П. С. Л. т. III, стр. 31 и 32). См. также 1215 г. т. III, 33; 1218 г. т. III, 36; Р. П. IV, 135. Въ дог. грам. Новгор. съ Кн. Тверск. XIII ст. Дворяне называются слугами Князя (см. № 1, 3. т. I. С. Г. Г. и Д.). Они берутъ по селамъ повозы и погонъ и производятъ судъ (№ 1, 3, 6 т. I, С. Г. Г. и Д.). «И прободоша Бориса и слугу его.... бяше отрокъ съ родомъ сынъ Угорескъ» (П. С. Л. 1. 58); «то гривна кунъ сметная отроку» (Р. П. II, 16).

12. Тіунъ встрѣчается въ Готскомъ переводѣ Библіи Улфилы, гдѣ означаетъ домочадца, слугу, раба (246 стр. Солов. т. I). Въ Уставѣ Влад. Св. о церковныхъ судахъ упоминаются тіуны, которые завѣдываютъ судебными дѣлами и собираютъ Княжескіе доходы по городамъ, погостамъ и слободамъ (Д. А. И. т. I, 1). Въ спискѣ Троицк. Р. П. упоминается о различныхъ тіунахъ огнищномъ, конюшемъ и т. д. (II, 10, 11). Въ Акад. сп. тіуны сельскій и рабочій называются старостами, а тіунъ конюшій—конюхомъ старымъ (I, 21, 22). Въ лѣтописяхъ на первыхъ страницахъ встрѣчаются начальники съ Славянскими названіями: у Олега былъ старѣйшина конюховъ, у Ольги была ключница Малуша (Л. I, 16). Въ Жит. Ѳеод. упоминается о приставленникахъ надъ рабами.

13. Въ договор. грам. XIV ст. Московскіе Князья обязываются не принимать слугъ, тянувшихъ къ Дворскому (см. С. Г. Г. и Д. т. I, № 27, 33, 35). По Судебнику Царя Ивана Вас. «на судѣ быти, гдѣ дворской—дворскому.... а гдѣ дворскаго нѣтъ, и преже сего не бывалъ, ино быти старостѣ».... (62, 153. А. И. т. I). По Судебнику же Ив. Вас. люди намѣстниковъ и волостелей не имѣли права заковывать и вести къ себѣ людей, не явивши прежде всего въ городѣ прикащикамъ городскимъ, да дворскому, и старостѣ и цѣловальникамъ (70, 153. т. I. А. И.); что дворской жилъ въ городѣ см. также А. Ю. № 7. А. Э. т. I, № 150 и 183. Въ 1256 г., во время похода противъ Ятвяговъ, Даніилъ.... «дворскому же повелѣ за собою ходити.... запрети дворскому не распустити людей и удержати полкъ.... и приде дворской съ полкомъ.» (Ип. 192, 193). 1254, «посла же Кн. Даніилъ Льва, и Тевтивила, и Едивила, и дворскаго, и всѣ вои, самъ же остася въ малѣ со старыми бояры, со Юріемъ тысяцкимъ» (189. Ип.). «Изясл. Мст. бѣжа изъ Кіева.... и постиже и Бастѣева чадь.... [illegible] изоима дружины около его... яша Дмитра Хоробраго и Олексу дворскаго [illegible] многи» (Ип. II, 1171). «А послушества на холопа не вскладають, но оже не будеть свободнаго, то по нужи сложити на боярска тивуна на дворскаго, [illegible] иныхъ и не вскладати» (Р. П. 77 т. III). Изъ этой статьи видно, что тіунъ дворской былъ первый между тіунами, и что тіуны были рабскаго состоянія. Въ Русской Правдѣ нигдѣ болѣе не упоминается о дворскомъ, но за то упоминается о нѣсколькихъ Княжескихъ тіунахъ. За убійство тіуновъ огнищнаго и конюшаго назначается 80 гр., между тѣмъ за убійство тіуновъ сельскаго

и ратайнаго только 12 гр., т. е., такая же вира, какъ и за убійство ремесленниковъ. Отсюда можно заключить, что тіуны огнищный и конюшій занимали первое мѣсто и стояли на одной ступени съ Княжескими мужами, за убійство которыхъ тоже назначается 80 гр., а тіуны ратайный и сельскій были рабскаго состоянія. Въ Поученіи Мономаха упоминается о тіунахъ, которые завѣдывали Княжескимъ дворомъ и столомъ и Княжескими отроками (Лар. т. 1). Въ разсказахъ о смерти Андр. Боголюбскаго въ 1175 г.: «и прінде Амбалъ ключникъ, Ясинъ родомъ, тотъ бо ключъ держашеть у всего дому княжа, и надо всими волю ему далъ бяшеть.» На его рукахъ находились: оружіе княже въ домѣ (онъ забралъ мечъ изъ спальни Князя), ковры и корзно (онъ выдалъ эти вещи Кузьмищу). Онъ былъ свободнаго происхожденія: «помнишь ли, говоритъ ему Кузьмище, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяшеть? Ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а Князь нагъ лежитъ» (Ип. т. II, стр. 113, 114).

14. «И призва (Олегъ) старѣйшину конюхомъ рця: «Гдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?» (Лавр. т. 1, 16). «А конюхъ старый у стада 80 грив., яко уставилъ Изяславъ» (Р. П. 21, 1). «А за тіунъ за огнищный и за конюши, то 80 гр.» (Р. П. 2, 10). Въ 1185: «съ нимъ бо бяшеть тысящкого сынъ и конюшій его, и та нудяста» (Ип. 133, т. 2).

15. «Рабами моими, сказалъ Изяславъ, приготовляется пища и многоцѣннѣе и разнообразнѣе, но не такъ сладка, какъ эта.... Я думаю, отвѣчалъ Ѳеодосій, твои рабы работаютъ роптающи и клеветящи другъ на друга, и часто и біемы суть отъ приставниковъ, и по этому дѣло ихъ со грѣхомъ совершается» (Жит. Ѳеод.) 1154: «И созва (Ростиславъ) мужи отца своего Вячислава, и тиуны и ключники, каза нести имѣніе отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро, и снесе все» (Ип. 76 т. 2). Изяславъ Мст. Кн. Кіев. съ Юріемъ Суз. «уладишася и на томъ хрестъ цѣловаша, яко по Переяславскомъ полку, что будетъ пограблено, или стада, или челядь, что ли кому будетъ свое познавши, поимати же по лицю. Изяславъ же посла мужи свои и тивуны своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, его же бѣ отошелъ»..... (Ип. 48, т. 2). Въ Духов. В. К. Москов. Семена Иван. 1353 г., тивуны ключники, посельскіе и старосты отпускаются на свободу (С. Г. Г. и Д. т. 1, 24). Въ Московское Царствѣ ключники вѣдали холопами (С. Г. Г. и Д. т. 1, 28), были купленные и не купленные (тамъ же № 40), жили по селамъ и слободамъ, собирали серебро съ людей и крестьянъ (тамъ же № 130) и вѣдали судомъ (А. И. т. 1, № 165). У помѣщиковъ Новгородской области въ XV и XIV ст. въ каждомъ селѣ, гдѣ не было самого владѣльца, жилъ его ключникъ. См. Писцовыя книги. Подобно ключникамъ, посельскіе Князей и Княгинь, въ XV и XIV ст., въ Москов. Царствѣ были рабскаго состоянія, завѣдывали селами, судили тамъ крестьянъ и людей, и собирали съ нихъ кормы и пошлины (С. Г. Г. и Д. т. 1. № 87, 141, 121. А. Э. т. 1, 201, 240. А. И. т. 1, № 149 и 165). Въ Уставѣ Влад. Св. упоминается о разныхъ тіунахъ, которые завѣдывали судомъ и собирали Княжескіе доходы по городамъ, погостамъ и слободамъ. Въ Русс. Правдѣ упоминается о тіунахъ-старостахъ сельскихъ и ратайныхъ рабскаго состоянія.

16. «Аже кто убіетъ мужъ мужа.... то положити за голову 80 грив., аче ли будетъ Княжъ мужъ, или тіунъ Княжъ, или тивуна Княжя» (Изсл. о Русской Правдѣ Н. Калачова, стр. 109, LXXIV). Къ вечеру привезли въ монастырь

три воза корчагъ полныхъ вина; его прислала нѣкая жена, предержащая вся въ дому Князя Всеволода (Жит. Ѳеод.).

17. Въ Жит. Ѳеод.: «тогда же приде кажникъ нѣкто отъ Княжа дому, иже бѣ зѣло любимъ Княземъ, придержа у него вся.» Въ монашествѣ онъ названъ Ефремомъ (Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древн. Росс. 1858 г. кн. 3-я). Въ Житіяхъ Антонія и Никона онъ названъ евнухомъ Скопцомъ. Объ Евнухахъ Мстислава см. Татищ. т. 3, стр. 242.

18. 969: «Бѣ бо имущи пресвитеръ, сей похорони блаженую Ольгу (Лавр. стр. 29, т. 1). Въ Житіи Бориса и Глѣба: возвращаясь изъ похода, Борисъ, въ шатрѣ, ночью, на берегу Альты, повелѣлъ слугамъ принести свѣчу, взялъ книги и началъ читать, потомъ повелѣлъ пресвитеру отпѣти заутреню и Св. Евангеліе читать (Чтенія въ Общ. Истор. и Древ. Росс. кн. 1-я, 1859). Въ 1169 г. больной Ростиславъ, на дорогѣ отъ Смоленска въ Кіевъ, нача молвити: «Взовита ми Семьюна попа, ать сотворить молитву» (Ип. 95, т. 2). Въ 1111 г.: «и поидоша ко граду Шаруканю, и Князь Володимеръ пристави попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ Св. Богородици» (Ип. т. 2, стр. 2). 1071: «убиша же ту попина Янева» (Лавр. 1, 75).

19. «И дѣтскіѣ его и мечникы избиша (Андр. Боголюб.), а домы ихъ пограбиша» (Ип. II, 115). Это первое извѣстіе, что дѣтскіе имѣли собственную осѣдлость въ тѣхъ городахъ, гдѣ они состояли на службѣ. Но первоначально, пока Князья переходили изъ города въ городъ, дворовые люди не имѣли осѣдлости, судя по тому, что дворовые люди окружаютъ Князей даже въ такихъ случаяхъ, когда всѣ дружинники ихъ оставляютъ. Такъ Борисъ остался на Альтѣ только съ дворовыми людьми (1, 55); Святополка на смертномъ одрѣ окружаютъ только отроки (1, 62).

20. См. выше прим. 4 этой главы.

21. Лавр. т. 1, стр. 93, 24, 25, 29, 58, 59 и Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. кн. 1, 1859.

22. Древляне спрашиваютъ Ольгу о послахъ своихъ: «Къдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?» (Лавр. т. 1, 24). Ярославъ жителей Новгорода, нарочитыхъ мужей, называетъ дружиной: «О люба моя дружина, юже вчера любихъ» (Лавр. т. 1, 61). Люди Кіевскіе, рѣшившись высадить изъ погреба Кн. Брячислава, говорятъ: «Поидемъ, высадимъ дружину свою изъ погреба» (Лавр. т. 1, 73). Вышата называетъ дружиною все земское ополченіе, котораго онъ былъ начальникомъ: «Аще погыну, то съ дружиною» (Лавр. т. 1, 66).

23. Рѣша же ему (Борису) дружина отня: «Се дружина у тобе отьня и вои» (Лавр. т. 1, 55). «Она же рече (Ольга Древлянамъ): «Идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего» (Лавр. т. 1, 24). «Мстиславъ.... исполчивъ дружину.... постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по крилома» (Лавр. т. 1, 64); и «хотяче поити въ Русь (земское ополченіе Вышаты), и не иде съ ними никтоже отъ дружины Княжее» (Лавр. т. 1, 66; см. также выше о Боярахъ прим. 58 гл. 1). По мнѣнію Соловьева (Ист. Рос. т. 3, стр. 16), кромѣ Бояръ и гридей, въ составъ дружины входила собственная прислуга Князя жившая постоянно при немъ: такъ называемые отроки, дѣтскіе и пасынки. Дѣйствительно, отроки, дѣтскіе входили въ составъ дружины, когда лѣтопись дружиной называетъ все вообще ополченіе; но не нужно забывать, что въ такомъ случаѣ въ составъ дружины входило все вообще покоренное сельское

и городское населеніе страны, участвовавшее въ ополченіи, какъ это всего видно изъ разсказа лѣтописи о битвѣ подъ Лиственомъ и о походѣ Влад. Ярослав. и Вышаты на Грековъ. Но что въ древней Россіи существовалъ особенный разрядъ служилыхъ людей — дружина, который отличался отъ отроковъ и всѣхъ вообще дворовыхъ людей, въ составъ котораго, слѣдовательно, не входили придворные слуги, это видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописей. Въ Ипат. подъ 1149 г.: «и тако веляще, всадиша и въ насадъ, съ 4-мя отроки, а дружину его изоимаша» (т. 2. 41). Тамъ же (1149 г. стр. 47) дружина отличается отъ дѣтскихъ. Въ Лавр. (945, т. 24) отроки Ольги отличаются отъ дружины. Въ Новгородск. (т. 3, 64) мужи отличаются отъ двора, хотя и слѣдуютъ за Княземъ вмѣстѣ со дворомъ. Въ доказательство своего мнѣнія, что дружина состояла изъ Бояръ, гридьбы и придворной прислуги, Соловьевъ приводитъ слѣд. слова Лавр. Лѣтоп. (т. 1, стр. 161): «Пріѣха Ростову (Мстиславъ Ростиславичъ), совокупивъ Ростовци и боляре, гридьбу и пасынки, и всю дружину, поѣха къ Володимерю;» но на основаніи этихъ словъ можно сдѣлать и совершенно противоположный выводъ, именно: что ни Бояре, ни гриди, ни пасынки, не принадлежали къ дружинѣ; что Мстиславъ, отправляясь въ походъ противъ города Владимира, соединилъ въ одно ополченіе: Ростовскихъ промышленныхъ посадскихъ людей и Бояръ, гридьбу и пасынковъ города Ростова и всю свою дружину. Вездѣ лѣтопись подъ общимъ неопредѣленнымъ именемъ Кіянъ, Новгородцевъ, Ростовцевъ, Смолянъ и т. д., по большей части понимаетъ посадское населеніе.

24. «И прія власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ градомъ (въ Новгородѣ Полотскѣ, Ростовѣ, Бѣлоозерѣ, Муромѣ) суть находници Варязи.... приде къ Смоленску.... и прія градъ, и посади мужъ свой.... и взя Любець, и посади мужъ свой.... и потомъ даяти уклады на Русскіе городы: первое на Кіевѣ, таже и на Черниговѣ, и на Переяславѣ, и на Полътескѣ, и на Ростовѣ, и на Любечь, и на прочая городы; по тѣмъ бо городомъ сѣдяху Князья (въ Р. Т. велиціи Князи), подъ Олъгомъ суще» (Лавр. т. 1, 9, 10, 13).

25. «Иже послани отъ Ольга, великаго Князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ (въ Р. Т.: свѣтлыхъ и великихъ Князей и его великихъ бояръ), къ вамъ.... отъ сущихъ подъ рукою нашихъ Князей свѣтлыхъ» (т. 1, 13, 14) посланіи отъ Игоря, Великого Князя Рускаго, «и отъ всякоя Княжья».... (т. 1, 19).

26. Въ сагѣ Эймунда: и Эймундъ, и Ярославъ называются конунгами (Изслѣд. Погод. 111, 174, 102).

27. См. выше примѣч. 4 этой главы и Изслѣд. Погод. 111, 112, 113.

28. Эймундъ сначала заключилъ договоръ съ Ярославомъ на 12 мѣсяцевъ; когда окончился срокъ договору, то заключилъ новый договоръ еще на 12, но уже на другихъ условіяхъ. За тѣмъ, оставивши Ярослава, Эймундъ получилъ отъ Брячислава Полотскъ на слѣдующихъ условіяхъ: Полотскъ и область, лежащую подлѣ, имѣть конунгу Эймунду, и быть ему тамъ конунгомъ, пользуясь всѣми земскими сборами, какіе тамъ положены. Если конунгъ Эймундъ оставитъ послѣ себя наслѣдниковъ, то наслѣдникамъ его имѣть по немъ ту область; но если у него не будетъ ни одного сына, то ей возвратиться къ обоимъ братьямъ. Конунгу Эймунду содержать защиту земель за обоихъ братьевъ и всего Гардарика, а имъ снабжать ихъ людьми и подкрѣплять своею властью

Ярослѣфу быть конунгомъ всего Гардарика. Тамъ же, въ сагѣ Эймунда, сказано, что Эймундъ, будучи больнымъ, передалъ свою область совоспитаннику своему, Рагнару, что это состоялось по соизволенію конунга Ярослейфа и госпожи Ингигерды, и что Рангвальдъ платилъ дань конунгу Ярослейфу и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ (Изслѣд. Погод. 111, 112—113 и примѣч. 173 и 174). Свидѣтельство Эймундовой саги о взаимныхъ отношеніяхъ между подручными Князьями и Князьями Рюриковаь дома подтверждается и нашими лѣтописями: Ярополкъ Кн. Кіевскій защищаетъ Рогволда отъ нападенія Владимира (Л. Іоакима Тат. т. 1). Ярославъ, Кн. Новгородскій, даетъ дань Владимиру (Лавр. т. 1, 56). Бояре говорятъ Владимиру, чтобы онъ не убивалъ Рогнѣды, но воздвигъ ей отчину съ сыномъ ея (Воскр. П. С. Л. т. VII, стр. 28).

29. Лавр. т. 1, 13, 23, 19.

30. «И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблей, по днѣнадцать гривенъ наключь» (т. 1, 13). Дружина говоритъ Игорю: «Поиди, Княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы.» (т. 23). Ольга часть жителей города Искоростеня избила, а «другіэю работѣ предасть мужемъ своимъ» (т. 1, 25).

31. Тамъ же 1, 13.

32. Изслѣд. Погод. 111, гл. V, 112—115 и 102. Патерикъ: Сказаніе о построеніи церкви Печерскаго монастыря.

33. Изслѣд. Погод. 111, 100, прим. 170 и 171. Лавр. т. 1, 33.

34. «Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его,» (Лавр. 1, 53). Онъ же сдѣлалъ Александра Поповича вельможею въ палатѣ своей за побѣду держанную послѣднимъ надъ кочевниками и Володаремъ (Ник. т. 1, стр. 110). Илья Муромецъ въ пѣсняхъ называется подручникомъ (Собр. Рыбникова част. 1). Въ лѣтописяхъ и актахъ служилые люди всѣхъ вообще разрядовъ называются мужами. Они же называются и огнищанами, по тому что слово огнищанинъ въ которыхъ спискахъ Русской Правды постоянно замѣняется выраженіемъ «Княжь мужъ.»

35. «И избра отъ нихъ мужи добры, смышлены и храбры, и раздая имъ грады» (т. 1, 33). Здѣсь дѣло идетъ о цѣлой толпѣ, изъ которой избираются извѣстныя личности за личныя достоинства. «А Ярославъ (сѣдяше) Новѣгородѣ, посадникы Кыевѣ мужи Ярославли» (т. 1, 64); «а Ярополкъ посадники своя посади Новгородѣ» (т. 1, 32). Мстиславъ».... «мужи свои посади по городамъ ихъ» (П. С. Л. 2, 16).

36. «Гой еси, Иванъ Годиновичь! Возьми ты у меня, Князя, сто человѣкъ русскихъ могучихъ богатырей, у Княгини ты бери другое сто, у себя, Ивана третье сто.» (Древн. Русск. стихотв. Кирши Данил. стр. 139). Святополкъ (изъ Кіева) «посла два Варяга прикончать его» (Бориса) (т. 1, 58) «Володимеръ же... вшедъ въ дворъ теремный отень.... сѣде ту съ дружиною своею» (Лавр. 1, 33). «Пьющу Ярославу (въ Тмутораканѣ) съ дружиною своею» (т. 1. 71). «Изяславу (въ Кіевѣ) сущю на сѣняхъ съ дружиною своею» (т. 1, 131). «Князь Глѣбъ (въ Новгор дружина его... сташа у Епископа, а людье вси идоша за волхва» (т. 1, 77)

37. «Мьстиславъ любяше дружину повелику, имѣнья не щадяще, ни питья, ни ѣденья браняше» (Лавр. 1, 65). «Но оже будяше правая вира, и ту возма, не дружинѣ на оружіе» (Соф. времен. стр. 10). «Рѣша Епископы и старцы: Се много, оже вира, то на оружьи и на коних буди» (Лавр. П. С. Л. 1, 54). Такова дружина Игорева: «Отроцы Свѣньлѣжи изодѣлися суть оружьемъ и порты,

а мы назн; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши, и мы» (Лавр. и П. С. Л. т. 1. 23). «И рѣша Грьци. «Мы недужи противу васъ стати, но возми дань на насъ и на дружину свою» (тамъ же 1, 29). Въ повѣсти о семи богатырѣхъ: В. Кн. Владиміръ даетъ своимъ придворнымъ мужамъ-богатырямъ, за вѣрную службу, шубы соболиныя и цѣпи золотыя великія (см. Памят. стар. русск. лит. вып. 2-й). За эту хитрость Владиміръ Мономахъ сдѣлалъ Ѳому Тысяцкимъ во Владимирѣ, и гривну ему и цѣпь золотую послалъ (Татищ. т. 3 стр. 224). «И возложи на нь (Влад. Св. на Алек. Попов.) гривну злату» (Ник. т. 1 стр. 110). Ѳеодосій, сынъ служилаго человѣка, ходилъ съ своими рабами на село и тамъ работалъ вмѣстѣ съ ними (Пат. Печ.). «Мстиславъ же, распусти дружину по селомъ» (1, 108). «Вы есте по мнѣ изъ Рускые земли вышли, своихъ сел и своихъ жизній лишився» (II, 54).

38. «Святополкъ же, не сдумавъ съ большею дружиною отнею и стро своего, но съвѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ» (П. С. Л. 1, 93). См. такж Изслѣд. Погод т. VII. стр. 61—63).

39. Лавр. П. С. Л. т. 1, 64. 66.

40. Избираетъ (Князь) тіуна, или кого волостеля, мужа добра, праведна по закону Божію вся творяща и судъ вѣдуща... (Розенкампф: О кормчей кн гѣ стр. 217). Тивуны были и свободнаго и несвободнаго состоянія (см. выш прим. 13 и 15). «И кормилець его (Святослава) Асмудъ... «И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: «Князь уже началъ»... (П. С. Л. 1, 23, 24).

41. «Посла Олегъ мужи свои.... посла Игорь мужѣ своя къ Роману».... Вл димиръ посылаетъ 10 мужей для испытанія Вѣры.... Мономахъ и Святослав посылаютъ своихъ мужей къ Святополку, за чѣмъ ослѣпилъ Василька (Лавр П. С. Л. 1, 13, 19, 111).

42. Въ повѣсти о семи богатырѣхъ: богатыри съ булатными палицами верхомъ на лошадяхъ, отправляются въ чисто поле, чтобы принесть вѣсть пра вую и привесть языки многіе (Памят. стар. русск. лит. выпус. 2-й). «Прія Володарь съ Половцы къ Кіеву.... Володимиру тогда въ Переяславцѣ на Ду нав.... и изыде нощію во стрѣтеніе имъ Александръ Поповичъ, и уби Вол дара».... (Ник. 1, 110). Игорь совѣщается съ дружиной, слѣдуетъ ли продол жать походы противъ Грековъ (П. С. Л. 1). «Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣмъ и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ» (П. С. Л. 1 54). Всеволодъ «любитъ смыслъ уныхъ, съвѣтъ створя съ ними (П. С. Л. 93). Мужи Турякъ, Лазарь, Василь наговариваютъ Давыду Игор. на Василь (П С. Л. I, 109, 113).

«43. Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати.»
.....
Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
По отечеству садися въ большое мѣсто,
Въ передній уголокъ,
Въ другое мѣсто богатырское,
Въ дубову скамью противъ меня.»

Работала его дружина храбрая.
Въ третье мѣсто, куда самъ захочешь.
Не садится Алеша въ мѣсто большое,
И не садится въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со своими товарищами,

На палатный брусъ (Древнія Русск. стихотв. Кир. Данил. изд. 1818, стр. 187, Ал. Попов.); см. также Ник. т. 1, 110, и Лавр. 1, 53.

44. С. Г. Г. и Д. т. 1, 27, 33, 35, Р. П. II, 3, 9.

45. П. С. Л. 1, 24, Ист. Россіи Солов. т. 1, 243.

46. «Поляша по собѣ всю Русь» (Лавр. П. С. Л. 1, 8).

47. Рюрикъ прибылъ въ Россію съ братьями, которые имѣли свои особенные роды, и наконецъ со всею Русью. И такъ Русью называлось особенное сословіе людей Варягорусскаго происхожденія, которое отличалось отъ княжихъ мужей и отъ дворовыхъ людей. Въ 1-й стат. Русской Правды Руссы тоже отличаются отъ княжихъ мужей и отъ тіуновъ. Изъ этой же статьи видно, что Руссы отличались отъ изгоевъ и Славянъ; что Руссами назывался особенный народъ, который раздѣлялся ва гридей и купцовъ, и къ которому принадлежали также и мечники Варягорусскаго происхожденія. Гриди упоминаются только въ тѣхъ городахъ, гдѣ поселились Варягоруссы, а именно: въ Кіевѣ (П. С. Л. 1, 54), въ Новгородѣ (П. С. Л. т. 3, 14, 23), въ Русѣ (П. С. Л. 3, 49) и въ Ростовѣ (Лавр. П. С. Л. 1, 161). По всѣмъ этимъ городамъ были люди Варягорусскаго происхожденія: «и по тѣмъ городомъ (въ Новгородѣ, Полотскѣ, Ростовѣ, Бѣлоозерѣ и Муромѣ) суть находницы, Варязи» (П. С. Л. 1, 9). «Святополкъ (Кн. Кіевск.) пристрои безъ числа вои, Руси и Печенѣгъ» (тамъ же 61). «Ярославъ (въ Кіевѣ) совокупивъ Русь, и Варягы, и Словенѣ, поиде противъ Болеславу» (тамъ же 62).

48. «Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ.... Бѣша у него Варязи, и Словѣни, и прочи прозвашася Русью» (П. С. Л. 1, 10).

49. «Аще будеть русинъ, либо гридинъ, либо купчина, либо ябетникъ, либо мечникъ, аще изгои».... (Р. П. 1, 1).

50. Изслѣд. Погод. III, 246—250.

51. Въ повѣсти: «О Дмитрѣ Кіевск. купцѣ и его сынѣ»: «Бысть нѣкто купець богатъ зѣло въ Русской земли, въ градѣ Кіевѣ. Ему нѣкогда приключилось отплыти..... и бысть съ нимъ рабовъ тридесять, и взя съ собою единонадесять сына своего возрастомъ 7-ми лѣтъ... и со отроками своими (Памят. др. русск. лит. вып. 2-й).

Говорилъ Соловей таково слово:
«Гой еси вы, гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ въ Кіевѣ.»
.....
Товарную пошлину въ таможнѣ платили
Со всѣхъ кораблей семь тысячей.
.....
Говорилъ Соловей сынъ Будимировичъ:
«Гой еси вы, мои люди работные!»
.....

(Древн. Рос. стих. стр. 3, 4, 6). «Иже посылаеми бывають отъ нихъ сы и гостье, да приносять грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селько. І отъ тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходять.... Аще придуть Рус безъ купли, да не взимають мѣсячина. Да запретить Князь словомъ своимъ приходящимъ Руси сдѣ, да не творять безчинья въ селѣхъ, ни въ странѣ ш шей. И приходящимъ имъ, да витають у Святаго Мамы... тогда возмуть... гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки изъ Чернигова и Переясл вля.... Да входять въ городъ безъ оружья мужъ 50. (Отсюда можно закл чить, что купцы отъ каждаго города составляли вооруженную компанію)... «Аще ускочить челядинъ отъ Руси, по не же придуть въ страну царствія ш шего, и отъ Святаго Мамы» (П. С. Л. 1, 20, 21).

52. «Да входять въ городъ безъ оружья мужь 50, и да творять купл (П. С. Л. 1, 21). «Мы отъ рода Рускаго сълы и гостье.... купець Адунь»... (П. С. Л. 1, 19, 20). «Даша купцемъ крутитися на войну» (1137 г. Новг. с также П. С. Л. т. 3, 14, 23, 49).

53. Р. П. 1. 1. Древ. Русск.: стих. Соловей Будимиров. и Иванъ Гост ный сынъ. Изслѣд. Пог. III, 261.

54. Въ Р. П. за ихъ убійство назначается 40 гр. (Р. П. 1, 1). Въ дог ворѣ Игоря Греки требуютъ, чтобы купцы являлись съ грамотой отъ В. К (П. С. Л. 1. 20).

55. «Да запретить князь.... приходящимъ Руси сдѣ» (тамъ же. 21).

56. Соловей Будимировичъ (Древ. Русск. стих. Кирш. Данилова).

57. Гридь—слово Славянское, Хорутанское. Грида значитъ громада, сб рище, толпа (Срезневскій, Мысли объ исторіи Русскаго языка, стр. 139). что гриди были Варягорусскаго происхожденія, см. Рус. Пр. 1, 1.

58. Владиміръ уставы на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходи боярамъ и гридемъ, и сотскимъ и десятскимъ и нарочитымъ мужемъ при кн зѣ и безъ князя (П. С. Л. 1, 54). Слѣдовательно, гриди такъ же точно, какъ Бояре, жили особенными дворами и только временно собирались во дворец Князя.

59. Олегъ, поселившись въ Кіевѣ, «устави Варягомъ дань дати отъ Нов города гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославъ даяше Вар гомъ» (Лавр. П. С. Л. 1, стр. 10). «Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урок дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячю Новѣгород гридемъ раздаваху; а тако даяху посадници Новъгородьстіи, а Ярославъ е го не даяше отцю своему» (Лавр. 56 т. 1). Слѣдовательно, Посадники Новг рода въ отношеніи къ гридямъ исполняли волю В. К. Кіевскаго.

60. «Поиде Олегъ (на Кіевъ), поимъ воя многи, Варяги, Чюдь.... (П. Л. 1, 10). «Иде Олегъ на Грекы.... поя множьство Варягъ и Словѣнъ (1, 12 «Игорь же, совокунивъ вои многи, Варяги, Русь и Поляны... поиде на Гре (1. 19). «Святополкъ противъ Ярослава) пристрои безъ числа вои, Руси и П ченѣгъ» (1, 61). «Ярославъ же, совокупивъ Русь, и Варягы и Словѣнѣ, пои противу Болеславу» (1, 62) «Ярославъ (противъ Печен.) събра вои многъ: В рягы и Словѣни» (1, 65).

61. По мнѣнію Карамзина, подъ общимъ именемъ дружины разумѣл иногда и молодые отборные воины, отроки и гриди, которые служили при Кн зѣ (Карарамз. 1, гл. X, 146). Костомаровъ: названіе дворянъ и гридьби давало

лось только свитѣ Князя; люди, носившіе это названіе, не принадлежали къ Новгородскому гражданству» (Сѣв. Народ. 2, 19). Соловьевъ: «Слово мужъ означало.... младшихъ чиновъ дружины. Бояре были старшіе въ дружинѣ.... Мужи были воины по преимуществу; другое, болѣе опредѣленное, названіе для этого разряда дружинниковъ, было гриди, гридь, гридьба» (Ист. Рос. I, 245). Погодинъ: «Часть дружины, находившаяся всегда при Князѣ, тѣлохранители, называлась гридьбою» (Изслѣд. III, 223). Бѣляевъ: «Гриди первоначально составляли Княжую дружину.... но когда Посадники изъ Княжихъ слугъ превратились въ выборныхъ отъ народа, то, съ тѣмъ вмѣстѣ, и гриди сдѣлались земскимъ постояннымъ войскомъ, получавшимъ жалованье отъ Новгорода» (Разсказы, кн. 2-я, 72, 73.) Всѣ эти мнѣнія, смѣшивающія гридей съ дворовыми людьми и дружинниками, основаны на ложномъ толкованіи извѣстныхъ словъ Лавр. лѣтописи (1. 161): «съвокупи Ростовци и Бояре» и т. д. Изслѣдователи упустили изъ виду постановленіе Русской Правды, гдѣ прямо гриди отличаются и отъ Княжихъ мужей, и отъ дворовыхъ людей: «то положили за голову 80 грив.; аче ли будеть княжь мужъ, или тивунъ княжь, или тивуна княжя. Аче ли будетъ русинъ горожанинъ, любо гридь, любо купець.... любо мечникъ.... то 40 гр. положити за нь» (Р. П. Изслѣд. Калачева 109, или Р. П. II, 1). Объ отрокахъ въ этой статьѣ не упоминается: ибо дѣло идетъ о свободныхъ людяхъ (ср. Р. П. II, ст. 1, съ стр. 9).

62. Новг. II. С. Л. III, 14, 23, 49.

63. Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ XII ст., кромѣ чернорабочаго населенія, вычисляются слѣдующія сословія: огнищане, гридьба, купцы и гости (II. С. Л. III, 14, 23, 49). Между тѣмъ въ Новгородскихъ актахъ и лѣтописяхъ XIV ст., вмѣсто этихъ сословій, вычисляются слѣдующія: Бояре, дѣти Боярскіе, житье люди, купеческіе дѣти и черные люди (Собр. Г. Г. и Д. 1, 13, 1317 г. Новг. 1, 1348, 1441). Если огнищанами въ XII ст. назывались Бояре, то само собою слѣдуетъ, что въ XIV ст. Житьими людьми назывались прежніе гриди и купцы, занимавшіе въ XII ст. такое же среднее положеніе между огнищанами и черными людьми, какое въ XIV ст. занимали житье люди между Боярами и черными людьми.... но въ Уставѣ Всеволода житье люди отличаются не только отъ Бояръ, но и отъ купцовъ; слѣдовательно, въ то время житьими людьми назывались только гриди. Что житьими людьми въ Уставѣ Всеволода называются прежніе гриди, это видно и изъ того, что житье люди не подчинялись власти Новгородскаго Посадника и находились подъ властью Тысяцкаго (см. Уст. Всевол. 1, въ А. III. 13; С. Г. Г. и Д. 1, 20). Далѣе мы увидимъ, что Посадникъ жилъ на Ярославлевской Софійской сторонѣ, и былъ только начальникомъ этой стороны, а Тысяцкій жилъ только на Нѣмецкой сторонѣ, и былъ только начальникомъ этой стороны. Такъ какъ житые люди подчинялись только власти Тысяцкаго, то, слѣдовательно, они жили на Торговой, Нѣмецкой, сторонѣ, подчиненной власти Тысяцкаго, т. е, тамъ же, гдѣ, по всей вѣроятности, жили и прежніе гриди, принимая во вниманіе ихъ Варягорусское происхожденіе. Бѣляевъ, безъ всякаго основанія, считаетъ житьими людьми вящшихъ, богатѣйшихъ, купцовъ, не смотря на то, что противъ такого мнѣнія говоритъ и Уставъ Всеволода, отличающій житыхъ людей отъ купцовъ, и приведенное самимъ Бѣляевымъ мѣсто лѣтописи, подъ 1398 годомъ, отличающее житыхъ людей отъ купеческихъ дѣтей (Бѣляев. Разск. т. II, 80). Еще съ меньшимъ основаніемъ Костомаровъ называетъ житьими людьми всѣхъ тѣхъ, которые имѣли свои дворы и осѣдлость въ

городѣ и не принадлежали ни къ купцамъ, ни къ Боярамъ (Сѣв. нар. т. II, 28. Какъ будто черные посадскіе люди не имѣли своихъ дворовъ и своей осѣдлости въ городѣ! Костомаровъ отвѣчаетъ утвердительно, но на самомъ дѣлѣ, как дальше увидимъ, было не такъ.

64. Въ XIII ст. въ каждомъ старомъ городѣ населеніе состояло: изъ посадскихъ людей, служилыхъ людей, Бояръ, гридей, купцовъ и гостей. Описывая набѣгъ Литвы, въ 1234 г., на городъ Русу, лѣтопись Новгородская говоритъ такъ: «изгониша Литва Русу оли до торгу, и сташа Рушане (посад. люди) и засад (служил. люди, гарнизонъ: П. С. Л. II, стр. 84), огнищане (Бояре) и гридьба, и кто купецъ и гости, и выгнаша я изъ посада» (П. С. Л. т. 3, 49 и т. IV, 30 Считая слова «огнищане и гридьба» словами опредѣлительными къ слову «засада,» Костомаровъ думаетъ, что огнищане и гриди посылались въ пригородъ, как военное сословіе» (Сѣвер. нар. т. 2, стр. 2). Бѣляевъ считаетъ огнищанъ Боярами, земскими людьми, но, по странной непослѣдовательности, на основаніи этих же самыхъ словъ лѣтописи, совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Костомарова относительно гридей: «гридьба, говоритъ онъ, посылалась засадою или как гарнизонъ по пригородамъ» (Разсказы т. 2-й, 73).

65. Лавр. 54, 55, 28.

66. Русск. Прав. стат. 1.

67. «И поча нарубати мужѣ лучшіѣ отъ Словѣнъ.... и отъ сихъ насел грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ.... и наруби въ не (въ Бѣлгородъ) отъ инѣх городовъ» (Лавр. 52).

68. По словамъ Стурлесона, Владиміръ далъ Олафу, племяннику Стурда, начальство надъ своимъ пограничнымъ войскомъ (Карамз. т. I, гл. IX, примѣч. 484).

69. Въ 1146 г., въ Кіевѣ, по смерти Всеволодовича Ольга, черн: «почаша складывати вину на тіуна на Всеволожа, на Ратьшу;» потомъ: «устремишася на Ратьшинъ дворъ грабить и на мечьникы» (Ип. II, стр. 22). Въ 1175 г., по смерти Андр. Богол., посадниковъ и тиуновъ домы пограбиша, а самѣхъ и дѣт скіе его и мечникы избиша, а домы ихъ пограбиша, не вѣдуще глаголемаго «Идѣже законъ, ту и обидъ много» (Ип. стр. 115, т. 2). См. также Р. П. I 1, 9, и Житіе Ѳеодосія.

70. «Ту же убиша.... и Василя, меченошу Ярославля» (Новг. III, 42).

71. «А кто изималъ (дѣло идетъ о покражѣ скота), тому 10 рѣзанъ, а от гривни мечнику куна» (Р. П. I, 41). «А желѣзнаго платити 40 кунъ, а мечник 5 кунъ, а полгривни дѣтскому» (82, 11). Въ повѣсти о благочестивомъ рабѣ «и мечникъ усѣкну главу виновнаго» (Пам. стар. русск. лит. т. I, 83). При дѣлеж наслѣдства, при исправленіи поврежденныхъ межъ, не было мечниковъ (Р. П 100 и 64, 67); между тѣмъ мечники упоминаются при поимкѣ воровъ, пр испытаніи желѣзомъ, при исполненіи смертныхъ приговоровъ. Давыдъ Игор. пр ставилъ стеречь ослѣпленнаго Василька «30 мужъ и 2 отрока княжа.» Такъ как главными начальниками стражи были отроки (къ нимъ обращается Василь для переговоровъ), то можно предположить, что эти мужи были не дружинни Княжескіе, а простые служилые люди, мечники (Лавр. I, стр. 111).

72. При Андрѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ мечники посылаются послам (Ип. II. 1174, 109) и назначаются начальниками надъ полками.

73. Ник. I, 16. Лавр. 1, 25, 72.

74. Лавр. I, 10, 27.

75. По словамъ Импер. Конст. Багрянород., писателя X. в. (De admin. imperii, cap. IX), какъ скоро наступитъ Ноябрь мѣсяцъ, то Русскіе Князья, оставивъ со всѣмъ народомъ Кіевъ, разъѣзжали по другимъ городамъ, которые у нихъ назывались гирами, или отправлялись въ земли Вервянъ, Другувичей, Кривичей, Сервянъ и другихъ, Россамъ подчиненныхъ Славянъ. Здѣсь проводили они зиму, а какъ Днѣпръ вскроется, то отъѣзжали назадъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Кіевъ (Изслѣд. Погод. III, 250). 945. «И приснѣ осень, нача мыслити на Древляни, хотя примыслити большую дань» (Лавр. 23).

76. Олегъ, «примучивъ (Древлянъ), имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ» (Лавр. 10), «и примучи Углеци, и взложи на нихъ дань (Игорь), и вдастъ Свенельду, и не вдадяшется единъ градъ, именемъ Пресѣченъ, и сѣде около его 3 лѣтъ, и едва взя й.» (Соф. Вр. 28). См. также способъ собиранія дани съ городовъ Византійскихъ Олегомъ и Игоремъ, Новгородцами съ городовъ Югры, и осаду Искоростеня.

77. 1162 г.: «Иде Даниславъ лазут. за Волокъ данникомъ съ дружиною.» 1186: «Избіены быша Печерскіе данщики и Югорскіе въ Печерѣ» (Нов. 1, 14, 19); см. также Нов. 1, 21.

78. 1092 г.: «Приде Святополкъ Кыеву: изидоша противу ему Кыяне съ поклономъ», 1176: «Михалко же ѣха къ Ростову, и честь возма у нихъ и дары многы у Ростовець» (Лавр. 93, 160). «А коли, княже, поѣдешь въ Новгородъ, тогда тебѣ даръ брать по постояніямъ» (С. Г. Г. и Д. т. 1, 10, 1307). 1133: «И даша дани Печерскыѣ и отъ Смолиньска даръ» (Лавр. 1, 132). 1128: «и осеннее полюдіе даровное полътретьядесять гривень» (Д А. И. т. 1, и 2). 1190: «В. Князю сущю въ Переяславли въ полюдьи» (Кар. 111, прим. 81; Погод. Изслѣд. 171, 29). 1150 г.: «на Копысѣ полюдья 4 гр. А се погородье отъ Мстиславля 6 гр. урока, а почестья гривна и три лисьщы» (Д. А. И. т. 1, 4). Въ Уставѣ Князя Новгород. Святослава: «у Лигуя съ даромъ 2, у Вовдиша съ доромъ гр...» (Кар. 11, прим. 267).

79. По словамъ Константина Багрянороднаго Руссы получали продовольствіе въ зимнее время отъ тѣхъ странъ, въ которыхъ они имѣли пребываніе для собиранія даней. Что сборщики даней кормились на счетъ того населенія, съ котораго собирали дани, и что по этому продолжительное ихъ пребываніе на одномъ мѣстѣ было тягостно, это видно также изъ угрозы Яна Вышатича, пришедшаго собирать дань, Бѣлозерцамъ: «Аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто» (Лавр. 1071, 76).

80. Лавр. 896, 36, 1071, 76.

81. «А се поклонъ вирныи: вирнику (собирателю виръ) взяти 7 вѣдоръ полоду на недѣлю... а хлѣба по кольку могутъ ясти... Кони 4 поставити и соуди имъ на ротъ колько могутъ зобати... То ти урокъ Ярославль» (Р. П. 1, 42): 1434: «судъ имъ судити и пошлины имати и вѣрное по старинѣ, а корму имъ имати себѣ и конемъ довольно, а подвода до подводы» (А. Э. 1, 27). 1152 г.: «не даша Петрови (Кн. Галицкій послу Кн. Кіевскаго) ни повоза, ни корма, Петръ же поѣха на своихъ конихъ» (Ип. II, 72). 1151. Онъ же (Кн. Новгородъ Сѣверскій Свят. Ольг.) пріятъ й (своего союзника Юрія) съ честью великою, и повозы да ему» (Ип. II, 66). Что эти кормы и повозы падали и на Бояръ, и на все вообще городское населеніе, это видно изъ слѣд. грамотъ. 1338: «не

надобѣ имъ тянути къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы» (А. Э. 1, 4). 1488: «Въѣзжаго корму горожане и становые люди намѣстникомъ на въѣздъ, что кто принесетъ, то имъ взяти.» «На Рождество Хр. дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ съ княжихъ, съ боярскихъ, съ монастырскихъ» и т. д. (А. Э. т. 1. 133); 1265 г.: «А дворянамъ твомъ (В. князя) какъ пошло погонъ брать отъ Князя по 5 кунъ (здѣсь дѣло идетъ, вѣроятно, о пригородныхъ Новгородскихъ Князьяхъ) и отъ тивуна по 2 деньги (С. Г. Г. и Д. т. 1, 3, 4, 6). Тивуны были только у господствующаго сословія. 1018 г.: «и рече Болеславъ: разведите дружину мою по городомъ на покоръмъ» 1068 г.: «и сѣде Изяславъ на столѣ... распуща Ляхы на покормъ» (Лавр. 1, с. 62, 74); см. также А. Э. т. 1, 1, 3.

82. Въ Уставѣ о мостахъ: «отъ Горальдова вымали огнищаномъ до Б. вымола» (Р. П. III, 134). Рече Володимеръ: «Теребите путь, и мостите мостъ» (Лавр. 1, 56).

83. Въ 1071 г.: везутъ въ Черниговъ дань отъ Бѣлоозера съ Яномъ, не Бояре Бѣлозерскіе, но смерды (Лавр. 1, 76). И въ послѣдствіи всѣ повинности падали не на Бояръ лично, но на ихъ людей и на принадлежавшія Боярамъ земли.

84. Солов. Ист. Рос. т. 1, 149. Лавр. т. 1, 1018, 62, 1019, 62.

85. Ник. 1, 16. Лавр. 1, 25. Новг. 1, 1118. Древнія Русск. стихотвор. Кирши 125. Житіе Прохора. Житіе Бориса и Глѣба (въ Чтеніяхъ въ Общ. Истор. и Древн. Росс. кн. 1, 1859). Жит. Ѳеод. и С. Г. Г. и Д. т. II, 1.

86. «Аже братья растяжутся передъ княземъ о задницѣ (Р. П. 11, 100). Аже закупъ бѣжитъ отъ господы.... или ко князю, или къ судьямъ бѣжитъ обиды дѣла своего господина» (II, 52). «Если холопъ, или раба, начнетъ вадити на господу, тому ти (княже) вѣры не яти» (С. Г. Г. и Д. 1, 3).

87. «Умножишася разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: «По что не казниши ихъ?» Онъ же рече имъ: «Боюся грѣха.» Они же рѣша ему: «Ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити разбойника, но со испытомъ. Владимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойникы» (Лавр. 54). Въ Степен. книгѣ: «Самъ же созва къ себѣ бояры своя, и повѣда имъ глаголанная отъ святителей, и повелѣ разслати повсюду, изыскати и имати разбойниковъ и хищниковъ, и судити имъ правильнымъ благоразумнымъ, разсмотрѣннымъ правленіемъ и достовѣрнымъ испытаніемъ, овіи же по Градскому Закону казнемъ предавахусь» (Розенкампфъ, Обозрѣніе кормч. книги въ историч. видѣ. прим. 96, стр. 95).

88. Рус. Пр. II, 1, 4, 5, 58; I, 5; II, 2, 4, 58.

89. Лавр. 12. Соф. Вр. 28. Лавр. 19, 29.

90. За убійство мужей и тивуновъ 80 грив., а за убійство Словѣнина 40 гр. (Р. П. 1, 1).

91. Лѣт. Іоак. Новг. Тат. т. 1.

92. Лавр. 13, 20. Воевода Свѣнельдъ покоряетъ Угличей (Соф. Врем. 27) и усмиряетъ Древлянъ (Лавр. 1, 24).

93. Лавр. 53, 54, 46. Воскр. т. VII, 28. Житіе Бориса и Глѣба (Чтен. въ Общ. Ист. и Древ. Росс. кн. 1, 1859). Лавр. 56.

94. Жит. Николы Святоши Кн. Черниговскаго. Ип. II, 73.

95. Лавр. 883. 10; 945, 24; 964, 27; 1096, 103.

96. 1090: «Воеводьство держащю Кыевьскыя тысяща Яневи» (П. С. Л. I, 69). 1185 г.: «Славна Борисовича воеводу... Славна Тысяцкого» (Ип. II, 136). 1233 г. «Воеводство тогда держащю тысящая Кыевьскыя Іоану Славновичю» (П. С. Л. 1, 194).

97. Въ Житіи Ѳеодосія: Іоаннъ, Бояринъ великій, сынъ Вышаты, Воеводы храбраго, внукъ Остромира Воеводы, и самъ долгое время воеводствовалъ. Въ Житіи Варлаама этотъ Іоаннъ называется первымъ Бояриномъ Изяслава. 1126 г. «Яша бояръ много: Давыда Яруновича тысяцьскаго» (Ип. 1126, 13). См. также Ип. 1164, 92, Ип. 1187. 136). 1954: «Посла же Князь Данилъ Лва... и всѣ всѣ, самъ же оста вмалѣ со старыми бояры, со Юрьемъ Тысячкымъ» (Ип. 189).

98. Во время крещенія Новгорода Добрыней и Путятой, на Славянской сторонѣ, внутри укрѣпленія, гдѣ жили передніе мужи и имѣли тамъ свои дворы, находился и домъ Тысяцкаго Новгородскаго Ущняя, который подстрекалъ народъ не повиноваться Княжескимъ Воеводамъ (Лѣт. Іоакимова Тат. 1, 38, 39). «И начаша людье говорити на воеводу Коснянька; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ» (Лавр. 73). На горѣ былъ старый, первоначальный городъ.

99. «Тысячкый же съ бояры ихъ переже гнаша по Половчихъ, избиша ѣ и воротишася опять на полчище» (Ип. 13); см. также выше прим. 97, 1254 г.

100. П. С. Л. 1, 23, 31, 32, 33.

101. П. С. Л. 1, 945, 23, 936, 24; 971, 31; 975, 31.

102. П. С. Л. 1, 975, 31, 1064, с. 70.

103. А Улѣбови рече (Игорь): «Держи ты тысячю, какъ еси у брата моего держалъ» (Ип. 23). Въ Кіевѣ, при Святополкѣ, былъ Тысяцкимъ Путята (Лавр. 115 и Ип. 4), а по смерти Святополка, при Мономахѣ, занималъ эту должность Ратиборъ, пришедшій съ Мономахомъ изъ Переяславля (Рус. Пр. II, 48, и Лавр. 97).

104. Ип. 4. Густ. 269, Лавр. 89, 115.

105. Лавр. 896, 36. Густ. П. С. Л. 2, 262.

106. Ип. 7, 11, 24, 18, 23, 31, 33. Изслѣд. Погодина т. VII, 82—95.

107. Это раздѣленіе Бояръ на большихъ и малыхъ существовало въ теченіи всего домонгольскаго періода: въ началѣ XII, ст. въ Галицкой лѣтописи упоминается о великихъ, старыхъ и молодыхъ, Боярахъ; въ 1211: «Бяху бояре великіи отца его».... 1208: «Убьенъ бысть Юрій Вит. и иніи великіи бояре.» 1239 г.: «Съѣхашася къ нему бояре его, старіи и молодіи, безчисленное множество» (Ип. II, 158, 159, 295).

108. П. С. Л. 1, 1071, 75, 77, 1044; с. 67.

109. «И устави (Олегъ) Варягомъ дань дати отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля» (Лавр. 862, 10). Слѣдовательно, весь городъ Новгородъ, а не отдѣльные Бояре, платили дань Варягамъ. См. также ниже глав. IV. примѣч. 5.

110. Уставъ Владимира о церковныхъ судахъ не касается несвободнаго и полусвободнаго населенія, жившаго по селамъ-усадищамъ. Онъ даже не упоминаетъ о селахъ-усадищахъ, которыя населены были только лицами несвободнаго состоянія. Онъ упоминаетъ только о такихъ административныхъ округахъ, которые населены были лицами свободнаго состоянія: «то все далъ есть по

всѣмъ городамъ и попогостамъ и по слободамъ.» Между тѣмъ въ этомъ Уставѣ сказано: «не подобаетъ сихъ судовъ и тяжъ князю судити, ни боярамъ его, ни судьямъ.... князю и боярамъ и судьямъ ихъ (тивунамъ)...: въ тѣ суды нельзѣ вступатися» (Д. А. И. 1, 1). Итакъ, во время Владимира, Бояре, подобно Князю, владѣли не только несвободными людьми, жившими по селамъ-усадьбамъ, но и свободными, жившими по городамъ, по погостамъ и слободамъ и, подобно Князю, судили этихъ свободныхъ людей или сами лично, или при посредствѣ своихъ тивуновъ судьевъ. Что Уставъ подъ Боярами разумѣетъ и не Бояръ служилыхъ, которые судили отъ имени Князя, но Бояръ земскихъ, свободныхъ, это видно изъ того, что Уставъ отличаетъ Бояръ отъ Княжескихъ судьевъ, отъ намѣстниковъ и тивуновъ, т. е., отъ всѣхъ Княжескихъ служилыхъ людей, вѣдавшихъ судомъ, по порученію Князя. Бояре, вѣдавшіе судомъ отъ имени Князя, назывались его намѣстниками, тивунами и судьями. О Боярскихъ тивунахъ и о свободныхъ людяхъ (рядовичахъ), принадлежавшихъ Боярамъ, упоминаетъ и Русская Правда ст. II, 1; II, 59. Какъ же обширна была судебная и карательная власть Бояръ? Въ Двинской грамотѣ 1399 года: «А кто господарь огрѣшится ударить холопа, или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ, ни вины не емлютъ» (А. Э. т. 1, 13). Въ одномъ поученіи домонгольскаго періода: «сиротъ домашнихъ... голодомъ не морите, ни наготою... Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй (Солов. Ист. Рос. т. 3). Когда Боярин Изяслава, Іоаннъ, узналъ, что сынъ его, Варлаамъ, постриженъ въ монахи, то, въ сопровожденіи многихъ отроковъ, явился въ Печерскій монастырь, разогналъ монаховъ, вывелъ своего сына изъ пещеръ, сорвалъ съ него монастырскую, одежду, и приказалъ ему одѣться въ боярское платье. Въ слѣдствіе сопротивленія Варлаама, онъ повелѣлъ связать ему руки, насильно надѣть на него боярское платье и отвести въ свой домъ. За тѣмъ, возвратившись домой, отъ приставилъ къ Варлааму отроковъ смотрѣть, чтобы онъ не ушелъ, и приказалъ женѣ его, украсивъ себя дорогими одеждами, на прельщеніе своего мужа, постоянно находиться при немъ и служить ему (Жит. Варлаама). Въ повѣсти о благочестивомъ рабѣ, одинъ господинъ приказалъ отсѣчь голову своему виновному отроку (Пам. стар. рус. лит. т. 1, 83.)

111. Когда холопы Бояръ, Петра и Нестора Борисловичей похитили коней отъ стада Мстислава Изяславича и пятна свое всклалѣ, то Мстиславъ Изяславичъ удалилъ отъ себя Борисловичей... (Ип. II, 99). По Русской правдѣ: господинъ платилъ долги холопа, котораго онъ отпустилъ торговать. Онъ же вознаграждалъ истца, если холопъ совершилъ преступленіе, за которое долженъ былъ платить (II, III, 42, 58).

112. «Аже будутъ холопи татье, любо княжи, любо боярстіи, любо чернечь, ихъ же князь продажею не казнитъ, зане суть несвободни» (Р. П. II, 42). Янъ Выпатичъ, пришедши на Бѣлоозеро собирать дань, услышавъ, что въ лѣсахъ смерды-волхвы избиваютъ женщинъ, прежде всего счелъ нужнымъ разузнать, кому принадлежатъ (въ землѣ, принадлежавшей его Князю) эти смерды-убійцы, и только убѣдившись, что это смерды его Князя, рѣшился схватить убійцъ. Отсюда можно заключить, что Княжескій мужъ не имѣлъ права, въ провинціи, принадлежавшей его Князю, даже хватать убійцъ, если эти убійцы находились подъ властью Бояръ... Въ дог. гр. 1395: «а старостѣ (61), ни холопа, ни рабы, безъ господаря твоимъ (княжескимъ) судьямъ не

судити» (С. Г. Г. и Д. I. 6), т. е Княжескіе судьи не могли судить старостъ-тивуновъ, ни мужескаго, ни женскаго, пола, безъ участія господъ, которымъ принадлежали эти старосты. 1307 г., «А холопа и половника не судити твоимъ судьямъ безъ господаря» (С. Г. Г. и Д. I. 10).

113. Въ древней Россіи всякое правительствующее лицо, имѣвшее административную власть, въ то же время имѣло и власть судебную. На основаніи этого общаго правила можно заключить, что и Воеводы Тысяцкіе, племенные начальники Славянъ, тоже имѣли, кромѣ власти административной, и власть судебную. Что они дѣйствительно имѣли такую власть, это видно какъ изъ того, что всѣ законы издавались Князьями по совѣщанію съ Тысяцкими (Р. П. II, 2, 48), такъ и изъ того, что Новгородскій Посадникъ, имѣвшій въ Новгородѣ, какъ дальше увидимъ, такое же значеніе, какое имѣли въ другихъ городахъ Тысяцкіе Воеводы, всегда пользовался судебною властью надъ Боярами и ихъ людьми.

114. По договору Олега и Игоря съ Греками, за смертоубійство ближніе убитаго имѣли право умертвить убійцу, а если онъ скрылся, то забрать все его имѣніе. О существованіи обычая мстить кровью и грабежемъ доказываютъ какъ статьи Р. П., извлеченныя изъ постановленій, изданныхъ до Ярославичей (1, 1, 2, 5), такъ и слова Новгород. Лѣтописи, что Мономахъ сослалъ въ заточеніе многихъ Бояръ Новгородскихъ и Сотника Ставра за грабежъ Данислава и Ноздрича (Новгор. 1, П. С. Л. т. III, 4, 1118). «Аже холопъ крадетъ кого либо, то господину выкупати, и любо выдати и съ кимъ будетъ кралъ» (Р. П. II, 115). «А се аже холопъ ударитъ свободна мужа, а убѣжитъ въ хоромъ, а господинъ его не выдастъ, то платить дань господину 12 гр., а за тѣмъ аче и кдѣ налѣзетъ тотъ ударенный своего истца, кто его ударилъ, то Ярославъ уставилъ убити и; но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити и, развязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ» (Р. П. II, 58). Задолжавшій многимъ продаваемъ былъ на торгу въ рабство. Купецъ, погубившій чужой товаръ по своей винѣ, могъ быть проданъ въ рабство тѣми лицами, которымъ принадлежалъ погибшій товаръ (Р. П. II, 50, 51). Григорій Чудотворецъ, схвативший воровъ, самъ, безъ участія правительственной власти, осуждаетъ этихъ воровъ на вѣчное потомственное рабство: «и тако тіи скончаша животъ свой съ чады своими, работающе въ печерскомъ монастырѣ ученикомъ Антонія и Ѳеодосія» (Жит. Григ. Чудотворца).

115. Р. П. II, 29—36 и выше прим. 110, 111, 112, 114.

116. Кн. Владимиръ говоритъ Чурилѣ: «Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить; подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, Князю служить.» Чурило соглашается. Владимиръ посылаетъ его приглашать на обѣдъ Бояръ и Князей. Чурило называется стольникомъ (Древн. Рус. стих. Кир. Дан. 164). «И бѣ у Ярослава кормилець и воевода, именемъ Будый» (Лавр. 62). У Игоря Сѣверскаго помощникомъ былъ сынъ Тысяцкаго (Ип. 133).

117. «Погнаша по нихъ (за Половцами Олега) Володимерича дружина лутшая... Тысячкый съ бояры ихъ переже гнаша по Половчихъ» (Ип. П. С. Л. т. II, 13). «Оже тя привели старѣйшая дружина, а поѣди Ростову... тобе Ростовци привели и боляре»... (Лавр. 161). «Рече Игорь: Гдѣ бояре думающѣи, гдѣ мужи храборьствующѣи?» (Ип. 131) «Не сдумавъ (Святополкъ) съ болъшею имѣтъ дружиною... Створи съ пришедшими съ нимъ» (Лавр. 93).

118. См. выше прим. 9 этой главы.

119. Русск. Пр. статья 1-я.

120. Въ жалов. грам. Ольгову монастырю мужи отличаются отъ бояръ (А. И. т. 1, 2). Въ концѣ XII ст. въ Новгородѣ, Ростовѣ, Суздалѣ и въ земл Галицкой Бояре вступаютъ въ борьбу съ Князьями и ихъ дружинами. Мужи Новгородскіе отличаются отъ мужей Княжескихъ: «Иде въ Русь ставитися (Епи скопъ) къ Митрополиту съ Новгородскими мужами и съ Всеволожими» (Нов 1, т. 3, 31); въ концѣ XII ст. Бояре отличаются отъ дружинъ: «Игорь рече бо ромъ своимъ и дружинѣ своей» (Ип. 1185 г., 130).

121. Что въ Русской Правдѣ огнищанами называются служилые люди дружинники-мужи, это доказываютъ изслѣдователи слѣдующими соображеніями 1, Слово огнищанинъ, употребленное въ одной статьѣ Русской Правды, въ дру гой, соотвѣтствующей и равнозначительной, замѣнено словомъ: «княжъ мужъ». 2, Объ огнищанахъ въ Русской Правдѣ говорится за урядъ съ должностными лицами при Княжескомъ дворѣ. 3, За убійство огнищанина положена самая высокая вира—80 гривенъ; слѣдовательно, онъ принадлежалъ, по юридическимъ понятіямъ, къ высшему сословію, какимъ должны быть составлявшіе Княжескую дружину (Костомаровъ, Сѣвер. народ. т. 2, стр. 20, и Соловьевъ Истор. Россіи т. 1, 245). Совершенно другое значеніе слово огнищане имѣетъ въ слѣд. мѣстахъ Новгород. лѣт. 1166: «Приде Ростиславъ изъ Кіева на Лук и позва Новгородцѣ на порядъ: огнищане, гридь, купцѣ вячшее» (Новгор. 14); «не отпрѣшася'ему, идоша со Кн. Ярося. огнищане, и гридьба, и купци» (Новг. 1, 23). Здѣсь, очевидно, огнищанами названы Бояре; ибо, приглашая выс шія сословія Новгорода для совѣщанія и войны, не могли же Князья оставить Бояръ, главнаго господствующаго сословія. Въ доказательство, что огнищане названы Бояре, Соловьевъ (Ист. Рос. 1, 245) замѣчаетъ, что въ другихъ л тописяхъ названіе огнищане замѣняется названіемъ Бояре, а именно въ Лав сказано: Кн. Мст. Рост. «пріѣха Ростову, совокупивъ Ростовци и Бояре, гриди и пасынкы» (П. С. Л. 1, 161). По мнѣнію Бѣляева огнищанами назывались Новгородскіе и Княжіе Бояре: «Огнищемъ, говоритъ онъ, еще и въ настоящ время въ Сѣверномъ краю Руси называется земля, расчищенная кѣмъ ли подъ пашню, посредствомъ пала или выжиганія дикаго лѣса... слѣдовательно названіе Бояръ огнищанами прямо указываетъ на нихъ, какъ на земледѣ дѣльцевъ собственниковъ, т. е., на такихъ людей, которые собственными сред ствами сдѣлали себѣ огнище, расчистили дикій лѣсъ подъ пашню и на сво ственный счетъ населили расчищенное мѣсто.... Конечно, и Княжіе Бояре мо ли называться, и иногда дѣйствительно назывались, огнищанами, но не п очагу Государеву, а по тому, что они имѣли свое огнище, свои поземельны владѣнія» (Разсказы кн. 2, стр. 53 и 54). Такое толкованіе названія огнищ нинъ совершенно согласно съ моимъ воззрѣніемъ на Бояръ, какъ на первы заселителей и землевладѣльцевъ Руси....

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ III.

1. Лавр. 23, 34, 56, 67. При Святополкѣ на Берестовѣ былъ дворъ княжъ (Лавр. 99). Лавр. 61, 25, 90. Ипат. 81. О жизни Бояръ см. выше прим. 55 гл. 1-й.

2. Ник. 1, 969. Татищ. т. 3. Лавр. 61 Ипат. 1146, 28, 1152, 67.

3. Костомар. Монограф. т. 1, 85.

4. «Аще ли.... ускочить челядинъ нашъ къ вамъ.... да въспятять и опять» (Лавр. 21).

5. Въ 1113 г. по смерти Святополка: «Кыяни же идоша на жиды, и разграбиша я» (Ип. 4). Изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописи видно, что подъ «Кыяни» слѣдуетъ понимать сословіе посадскихъ людей; слѣд., люди отличались отъ Жидовъ и по мѣсту жительства, и по своимъ интересамъ. Въ 1124 г. «погорѣ гора и монастыреве вси, что ихъ на горѣ въ градѣ, и жидове» (Ип. т. 2, 10). Слѣд., Жиды жили особеннымъ кварталомъ внутри города на горѣ, а не на Подолѣ гдѣ, какъ дальше увидимъ, жило посадское населеніе, люди. По смерти Святополка Кіевляне Жидовъ многихъ побили, и домы ихъ разграбили, за то, что сіи многія обиды и въ торгахъ Христіанамъ вредъ чинили, множество же ихъ собрався въ ихъ синагогѣ, огородясь... оборонялись, елико могли; мятежъ же преста, одно же просили его (Владим. Моном.) всенародно о управѣ на Жидовъ, что отняли всѣ промыслы Христіанамъ; а при Святополкѣ имѣли великую свободу и власть, чрезъ что многіе купцы и ремесленники разорились, они же многихъ прельстили въ ихъ законъ, и поселились домами между Христіаны, чего прежде не бывало, за что хотѣли всѣхъ побить, и домы ихъ разграбить. Владиміръ не отвѣщалъ имъ: «Понеже ихъ всюду въ разныхъ княженіяхъ вошло и посѣлилось много, то мнѣ непристойно безъ совѣта князей, паче же и противно правости, что они допущены прежними князи, нынѣ на убійство и грабленіе имъ позволить» (Тат. т. 3, 212). Евреи жили въ Кіевѣ уже при Кн. Изяславѣ: Феодосій очень часто вставалъ ночью и приходилъ къ Жидамъ, и укорялъ, и досаждалъ имъ (Жит. Ѳеод.). Евреи предлагаютъ Владиміру принять ихъ Вѣру, но заставляетъ предполагать, что уже въ то время они жили въ городахъ Русскихъ. При Всеволодѣ былъ въ Кіевѣ врачъ, вѣрою и родомъ Армянинъ. Этотъ врачъ научилъ своихъ единовѣрныхъ дать Агапиту (монаху) смертнаго яда (Жит. Агапита). Въ 1174 г. Ярославъ «попрода весь Кыевъ, игумены и попы... Латину и гостѣ» (Ип. III). «Имѣя же и сей блаженный князь, егда обладаше княженіемъ своимъ, врача зѣло искусна, именемъ Петра, родомъ Сиріянина, и приде съ нимъ въ монастырь. Видѣвъ же сей врачъ господина своего большую нищету, остави его, и живяше въ Кіевѣ, врачуя многихъ» (Жит. Николы Святоши Кн. Чер.) Изъ выше приведенныхъ данныхъ, взятыхъ изъ лѣтописей и повѣствованій, видно, что въ городахъ Старославянскихъ въ XI и XII вѣкахъ, кромѣ обществъ Русскаго и Славянскаго, существовало еще особенное сословіе свободныхъ промышленныхъ людей, образовавшееся отчасти изъ заграничныхъ выходцевъ, отчасти изъ дворовыхъ людей, получившихъ свободу,—

сословіе, которое отличалось не только отъ Руссовъ и Славянъ, но и отъ посадскихъ людей. Какъ же называлось въ офиціяльныхъ актахъ это свободное промышленное сословіе, жившее внутри городскихъ стѣнъ? Первая статья Русской Правды, дозволяющая право мести, и, слѣдовательно, написанная до Ярославичей, уничтожившихъ месть, вычисляетъ слѣдующіе разряды людей, принадлежавшихъ къ свободному городскому состоянію:княжихъ мужей и тивуновъ, Руссовъ, Славянъ и изгоевъ. Такъ какъ промышленное сословіе, о которомъ идетъ рѣчь, не принадлежало ни къ Руссамъ, ни къ Славянамъ, ни къ дворовымъ людямъ, ни къ дружинѣ, то само собою слѣдуетъ, что изгоями Русская Правда называетъ именно это сословіе. Что дѣйствительно въ древней Руси изгоями назывались свободные промышленные люди, не принадлежавшіе ни къ какому обществу, ни къ Русскому, ни къ Славянскому, это видно также изъ слѣдующаго: 1, На Латинскомъ языкѣ слово isgois означаетъ вышедшій (тотъ кто вышелъ (См. Арх. Калач. кн. 2-я, отд. 6, стран. 42). 2, Въ древнихъ Русскихъ памятникахъ изгойствомъ называется цѣнность, взятая за освобожденнаго раба. 3, Въ Уставѣ о церковныхъ судахъ Всеволода-Гавріила сказано:«изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ, изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣетъ.... то люди церковныя, богодѣльнія» (см. о Р. П. Ланге въ Арх. Калач. кн. 3-я, 1859 г.). 4, Мы видѣли, что Евреи жили въ Кіевѣ особеннымъ кварталомъ. Изъ Устава о мостахъ видно, что въ Новгородѣ изгои тоже жили особеннымъ кварталомъ. 5, Мы видѣли, что Латины отличаются отъ гостей, и что Евреи были постоянными жителями, а, слѣдовательно, отличались отъ всякихъ временно пребывающихъ иностранцевъ и иногородцевъ. Въ Русской Правдѣ изгои тоже считаются такими же постоянными жителями, какъ Руссы и Славяне, и отличаются отъ Варяговъ и Колбягъ Евреи и Латина не принадлежали ни къ Руссамъ, ни къ Боярамъ Славянамъ. Въ Уставѣ о мостахъ изгои отличаются отъ Нѣмцевъ, Готовъ и сурожанъ. Что гостями называли иностранныхъ и иногородныхъ купцовъ, см. Изслѣд. Погод., т. V, 410.

6. Въ Русской Правдѣ статья 1-я, 11 и 124, 111, и ниже прим. 34 этой главы о данихъ и оброкахъ.

7. Ольга говоритъ жителямъ Коростеня: «Вси гради ваши предашася мнѣ и дѣлаютъ нивы своя и земля своя» (П. С. Л. I, 25).

8. «Се идетъ Святославъ въ Русь, вземъ имѣнья много у Грекъ и полона безчисленъ» (Лавр. 31). «И повоеваста Лядскую землю, и многи Ляхи приведоста и раздѣлиста я» (Лавр. 65). См. также Догов. Олега и Игоря съ Греками о выкупѣ взятыхъ въ плѣнъ Грековъ.

9. Догов. Олега о возвращеніи Грековъ, купленныхъ Русскими купцами (Лавр. I, 32).

10. У Николы Святоши былъ врачъ родомъ Сирінинъ. У Ярополка жена Гречиня: «и бяше была черницею; бѣ бо привелъ отець его Святославъ» (Лавр. 32).

11. См. Соловьева Истор. Рос. т. I, 26. Лавр, 23, 26, 28.

12. Ольга жителей Корестеня: «овыхъ избы, а другія работѣ придасть мужемъ своимъ» (Лавр. I, 25). Договоры Олега и Игоря съ Греками о всѣхъ полоненыхъ, и ниже прим. 49 этой главы.

13. «И Ясы побѣди, и Косоги, и приведе къ Кіеву» (Никон. I, 965). Ясы и Косоги побѣдилъ, изъ которыхъ много привелъ въ Кіевъ на поселеніе, а грады ихъ разорилъ (Тат. т. 3, 45).

14. П. С. Л. I, 74.

15. П. С. Л. I, 23, 73.

16. Въ 1067 г. «людье Кыевстіи...прибѣгоша Кыеву и сотвориша вѣче на торговищи...идоша на гору съ вѣча... людье же высѣкоша Всеслава изъ погребци... Изяславъ всѣче, иже бѣша высѣкли Всеслава числомъ 70 чади» (Лавр. 73—75) 1096 г. «Поиди Кыеву, да порядъ положимъ... и передъ людьми градскими» (I, 85); «и се пойде множьство народа людій» (Ип. 88). Это сословіе существовало уже при Святославѣ. Въ 968: «Въстужиша людье въ градѣ и рѣша...» Въ 970: «придоша людье Ноугородстіи» (I, 29). См. также прим. 26 этой главы.

17. «И выправися весь изъ города, и ста на болоньи, и товары за огороды» (Ип. 43). «Отя врата (въ Черниг.), и отвориша градъ околный и пожгоша и, людемъ же вбѣгшимъ въ дънѣшній градъ» (Лавр. 86,). Около Переяславля «передгороды пожгоша» (Ип. 65). 1235 г.: «Воева около Чернигова и посадъ пожже» (т. II, 50). 1333 г.: «Рушане выгнаша изъ посада» (т. III, 49).

18. «И нача зажигати дворы, иже суть передъ городомъ въ Копыревѣ концы» (Ип. 15). Въ Копыревѣ концѣ, въ 1162 г.—монастырь, въ 1121 церковь Іоанна (II, 9). О Новгород. см. Погод. изслѣд. т. V, и Костомар. Сѣвер. Народ. т. 2. О Чудскомъ концѣ см. повѣсть о водвор. Христіан. въ Ростовѣ (Пам. ст. русск. лит. 1, 222). Ипат. 9, 15, 90.

19. Погод. изслѣд. т. V, 376 Костом. Сѣв. Народ. т. 2, 5. Что Славянскія поселенія были на Софійской сторонѣ, см. лѣт. Іоакима о крещеніи Новгорода (Костомар. т. 1) и Новгор. III, 988 г., стр. 207.

20. 1161: «Загорожено бо бяше тогда Подолье столпіемъ отъ горы оли до Дѣпра...пресѣкающе столпіе» (II, 90). 1172: «Въ Наревскомъ концѣ...въ большомъ земляномъ валу» (Новгор. III, 216). 1152 г.: «Повелѣша людемъ всѣмъ бѣжати изъ острога въ дѣтинець...и отъемше острогъ, зажгоша передгороды все» (II, 70).

21. 1078 г. т. 1, 86, 1146, 21 т. II, 1151 г. 65 т. 11, 1152 г. т. 11, стр. 70 1161 г. т. II, 90.

22. 1167 г.—по загородской сторонѣ около деревяннаго города (Новг. III, 215). 1172: «въ Наревскомъ концѣ, въ большомъ земляномъ валу» (Новгор. III, 216). 1169: «устроиша острогъ около города» (Ник. I, 15). 1224: «около города острогъ доспѣша» (Нов. I, 41). 1372: «копаша ровъ около Людина конца, и загородья, и Наревскаго конца» (Нов. I, 90). См. также Костомар. гл. 6-я, т. 2-й Сѣв. Народ. 23. Лавр. 73.

24. I, 152. Новг. II. 1156. Нов. I, 12, 1181. Нов. I, 18, 1231. Нов. I, 47 1155 Нов. III, 215.

25. Въ Переяславѣ, см. т. II, 43. Въ Вышгородѣ, см. Ст. ин. I, 206. Въ 1151: «отъ золотыхъ воротъ по тѣмъ огородомъ до Лядскихъ воротъ» (II, 60) 1172: «ста передъ золотыми вороты, въ огородѣхъ» (II, 101).

26. Въ Уставѣ В. К. Ярослава о церковныхъ судахъ: «Аще кто пошобаетъ боярскую дщерь, или боярскую жену, за соромъ 5 гр. золота...а меньшихъ боляръ

1 гр. золота.....а нарочитыхъ людей 3 грив... а простой чади 15 гр.» (Карам. т. II, пр. 108). 1228: «Воздвиже на Арсенія крамолу велику, простую чадь; и сотворше вѣче на Ярославли дворѣ» (44, т. III). 988: «Ославъ, нача поимати у нарочитое чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное» (I, 51). «Рѣша старцы и бояре: «Мечемъ жребій»...повѣдаша...людемъ (I, 35, 987). Для совѣщанія о Вѣрѣ: «созва Володимеръ бояры своя и старци градскіе» (I, 45,). 997: «Рѣша епископи и старци: «Рать многа: оже вира» (I, 54). Во время осады Бѣлгорода Печенѣгами: «единъ старець не былъ на вѣчи томъ, и людье повѣдаша ему....посла по старѣйшины градьскія».... (I, 55). 1018: «Начаша скотъ сбирати, отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гр., а отъ бояръ по 18 гр.» (I, 62). Въ Вышгородѣ упоминаются огородники съ ихъ старѣйшиною (Степен. кн. 1, 206. Солов. т. 1, 36, прим. 82). «Сотвори праздникъ великъ боляромъ и старцомъ людьскимъ» (I, 53). «Созываше бояры своя, и посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многы» (I, 54). «Устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити бояромъ, и гридемъ, и сотьскымъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ» (I, 54). 1015: «И позва (Ярославъ) нарочитыѣ мужи, иже бяху изсѣкли Варяги, оболстивъ и всѣче» (I, 61). Эти нарочитые мужи жили на посадѣ, въ Словенскомъ концѣ, судя по тому, что тамъ жили Варяги, творившіе насиліе Новгородцамъ. Въ Новгор. III лѣт. 1193: «на Торговой сторонѣ, на Знаменской, въ Словенскомъ концѣ» 1299: «На посадѣ, на Торговой сторонѣ, на Знаменской, на Варяжской великой улицы.» 1014: «И приведе Варягъ, бояся отца своего, и того ради велика Варяжская улица словеть, понеже ту Варяги стояли» (II, Нов.). И такъ, названіе старосты, старцы, нарочитіе мужи и т. д., лѣтописи употребляютъ совершенно безразлично, для обозначенія однихъ и тѣхъ же лицъ, которыхъ постоянно отличаютъ отъ Бояръ, Гридей, Десятскихъ, Посадниковъ и т. д., отъ всѣхъ вообще лицъ, принадлежавшихъ къ Славянскому, или Варягорусскому населенію. Такъ какъ эти старосты, нарочитые мужи, называются людскими, руководятъ людьми, живутъ на посадахъ, то можно предположить, что это были начальники посадскихъ. Положительно извѣстно, что начальниками, назначенными Княземъ надъ посадскими людьми, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ были сотскіе и десятскіе, которыхъ лѣтопись прямо отличаетъ отъ нарочитыхъ мужей. Но если нарочитые мужи, старцы людскіе, не были Княжескими чиновниками, то, слѣдовательно, они были начальниками племенными. Что они не были начальниками избирательными, это уже видно изъ того обстоятельства что они встрѣчаются въ лѣтописяхъ только въ началѣ, при Вдадимирѣ и Ярославѣ, а потомъ, съ развитіемъ выборнаго начала, совершенно исчезаютъ. О черныхъ людяхъ см. прим. 1 главы IV.

27. Въ 1228 г. простая чадь въ Новгородѣ послала грабить Душильца Липенскаго старосту (Нов. I, 41). Липна былъ одинъ изъ подгородныхъ посадовъ (Костом. С. Нар. т. 2, 52).

28. Въ Русской Правдѣ тивуны ратайный и сельскій названы старостами (Р. П. 22, и II, 11). Въ Уставѣ Новг. Кн. Всев. Мст. упоминается о старостахъ Иванскихъ, для завѣдыванія купеческими дѣлами и торговой полиціей торговаго товарищества, при церкви Св. Ивана Д. А. И. т. I, 3). Князь Кіев. Изяславъ видя, что церковь Бориса и Глѣба пришла въ ветхость, «призва старѣйшину древодѣлемъ, и повелѣ ему церковь сотворить» (Прил. къ Жит. Свв. Бориса и Глѣба, стр. XXV. См. Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Рус. кн. 1, 1859).

29. Въ Духов. Влад. «городъ свой Кобрынь, и съ людьми, и съ данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать даютъ» (1287, Ип. 215).

30. «То за разбойника люди не платятъ... тому людье не помогаютъ, но самъ платитъ» (Р. П. II, 5, 6).

31. Руск. Правда III, 134, и прим. 81 гл. II-й.

32. «Людье Кыевстіи (разбитые Половцами) прибѣжали Кыеву и створиша вѣче на торговищи.... «Дай, княже, оружіе и кони, и еще бьемся съ ними» (Лавр. 1067, 73). «Кыяне же.... рекоша: «Хочемъ ся быти»...и побѣгоша людье» (Лавр. 1093, 93). «И рѣша Давыдовы людье: «Не бьемся за сихъ, а за тя биться можемъ» (Лавр. 1097, 114).

33. «Ли Словѣнинъ, то 40 гр.» (Р. П. II, 1, 3).

34. «А. се погородіе отъ Мстиславля 6 гр. урока, а почестья 1 гривна, а у Торопца урока 40 гр. и 15 лисицъ» (Уст. Рост. См. 1150. Д. А. И. т. I, 4).

35. Всѣ разнообразные сборы, наложенные Варягорусскими Князьями на города, при первоначальномъ покореніи ими этихъ городовъ, назывались данями: «и устави (Олегъ) Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто... Поча Олегъ воевати Древляны... имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ.... и вѣдаша (Радимичи Ольгови) дань по шьлягу» (Лавр. 10). Также точно назывались и всѣ сборы, наложенные Русскими Князьями на бродячее населеніе, при первоначальномъ его покореніи: «поима на нихъ (ва Ятвягахъ) дань, черныя куне и бѣль серебро» (Ип. 1257, 194). Какъ первоначальные сборы, наложенные Русскими Князьями на все вообще покоренное населеніе, на городское и бродячее, дани до позднѣйшихъ временъ собирались со всѣхъ вообще поселеній и со всѣхъ сословій. Дани собирались: 1, съ городовъ (см. выше прим. 29); 2, съ селъ, населенныхъ холопами: «А что мое село Переславичи... сидять въ немъ мои холопы Шипиловы; а то село съ данью и судомъ.... а тѣ волости и селы данью и судомъ» (С. Г. Г. Д. т. I, 1496, 127, 1462, 86); 3, съ слободъ: «и слободы купленные и съ даньми» (Лавр. 149); 4, съ погостовъ: «а въ тѣхъ погостехъ во всѣхъ сходится дани 800 гр.» (1150, Д. А. И. I, 5); 5, съ бояръ: «а коли ми дань взяти на своихъ боярехъ въ великомъ княженіи.. ни дань взяти какъ и на своихъ» (С. Г. Г и Д. I, 1362, 27); 6, съ смердовъ: «и дала свободу смердомъ на 5 лѣтъ даній не платити» (П. С. Л. III, 1229, 44); 7, съ торговаго сословія: «тогда продавцы соли придоша къ Святополку съ жалобой, что мы же дани дающе тебѣ, не бити же своей соли не можемъ.» (Жит. Прохора). 8, съ людей, жившихъ на земляхъ духовенства: «а знаютъ владычни люди мою велик. кн. дань и ямъ» (С. Г. Г. и Д. I, 127); «коли предетъ моя дань, игуменъ заплатитъ за нихъ по силѣ. И они потянуть въ дань съ монастырскыми людьми» (А. Э. I, 17, 18); «иде Вольга по Дерьвстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки.... иде Вольга Новугороду, и устави по Мстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли.... и по Днѣпру перевѣсища, и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ» (Лавр. 25). Изъ этихъ словъ лѣтописи слѣдуетъ: 1, что уже во времена Ольги существовали земли, на которыя распространяла сь економическая дѣятельность Князей (ловища и перевѣсища), и села, ими заведенныя; и 2, что уже во время Ольги, кромѣ даней, которыя собирались со всѣхъ земель (съ земель, лежавшихъ и по Мстѣ и по Лузѣ), существовали еще осо-

бенные сборы, которые назывались оброками и уроками и которые собирали не со всѣхъ земель, но только съ нѣкоторыхъ земель (только съ земель, л жавшихъ по Лузѣ). Изъ какихъ же именно земель собирались оброки? Въ XV стол. оброками назывались всякаго рода сборы, собираемые всякимъ земевл дѣльцемъ съ крестьянъ, поселенныхъ на его землѣ (А. И. I, 166, 1547). Ч же касается до Князей, то Князья, въ XIV, XV и XVI ст., кромѣ даней, получ ли еще и оброки: 1, отъ лицъ несвободнаго состоянія, которыми они владѣл какъ и всякій частный владѣлецъ: «А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ» (С. Г. Г. и Д. I, 21, 1328); 2, отъ крестьянъ, жившихъ по Княж скимъ селамъ-усадьбамъ: «А что въ моихъ селахъ на крестьянахъ..: мое жа заемное и оброчное» (С. Г. Г. и Д. I, 112); 3, съ земель незаселенныхъ, о данныхъ въ пользованіе и владѣніе крестьянамъ, или лицамъ другихъ состоян (А. Ю. 165, 168, 169, 170, 173); и наконецъ, въ 4, съ земель, которыя от частныхъ владѣльцевъ поступили въ собственность и въ непосредственное ра поряженіе Князя, и не были имъ отданы ни въ кормленіе, ни въ помѣсть Кромѣ обѣжной дани, оброкъ съ такихъ земель поступалъ въ пользу Князя з доходъ, который получалъ прежде частный владѣлецъ (см. Писцовыя Книги И такъ, Князья получали оброки только съ такихъ земель, которыми они вл дѣли на правахъ частныхъ владѣльцевъ. На этомъ основаніи Князья, имѣя в виду ограничить въ своихъ Княжествахъ право пріобрѣтенія частной собстве ности лицами, не подлежавшими ихъ государственной власти, по договорным грамотамъ постановляли, чтобы такого рода лица въ ихъ Княжествахъ селахъ покупали и закладниковъ и оброчниковъ не держали (С. Г. Г. и Д. I, 24). М считали нужнымъ объяснить различіе между данями и оброками по тому, ч вопросъ объ этомъ различіи не разрѣшенъ ни у Гагемейстера, ни у Графа То стого.

36. По мнѣнію Костомарова, земцами или своеземцами назывались сел чане-земледѣльцы, имѣвшіе собственные участки земли. Они отличались от смердовъ только тѣмъ, что послѣдніе не имѣли своихъ собственныхъ земел и жили на чужихъ земляхъ (Сѣв. Нар. т. 2, 31). По мнѣнію Бѣляева (Разсказ т, 2, 72, 73) своеземцами въ XIV и XV ст. назывались прежніе гриди. Та стали называть гридей по тому, что они получали за службу, вмѣсто жалованья землю. Ни Костомаровъ, ни Бѣляевъ, не подтвердили своихъ мнѣній никакими данными и доказательствами. Что своеземцами назывались посадскіе ремесле ные люди (изъ которыхъ только немногіе, при покореніи Московскими Князьям Новгородской земли, обращены были въ служилыхъ людей), владѣвшіе вда отъ городовъ небольшими участками земель, см. Новг. Писцовыя Книги и при прилож. къ книгѣ Неволина: «О погостахъ и пятинахъ».

37. Уже при Влад. Св. въ Кіевѣ упоминаются сотскіе и десятскіе (Лавр. II. Л. I, 53). Что сотенное раздѣленіе относилось къ посадскимъ людямъ, а сотскіе бы ли начальниками надъ посадскими людьми: 1, въ Уставѣ о городскихъ мостах упоминается о дѣленіи Новгорода на сотни (Р. П. III, 134); 2, въ 1230 г. Новгоро ская чернь: «убиша Семена Борисовича, а домъ его весь разграбиша и села... та же и Водовиковъ и села... а добытокъ Семеновъ и Водовиковъ по стомъ раздѣл ша» (Новг. I, 46); 3, въ 1113 г. посадскіе люди города Кіева («людье ради быша по смерти Святополка грабить дворы Путяты Тысяцкаго, Соцкихъ и Жидовъ (И 4); 4, 1178 г. Мстиславъ Кн. Новгор. «вниде въ Псковъ, и изойма сотьскіе про Бо

а сыновца своего, зане не хотяхуть сыновца его Бориса; и тако утвердивъ съ людьми и иде оттуда Новгороду» (Ип. 120); 5, въ Уставной грам. В. К. Василія Дмит. 1398 г.: «пожаловалъ есмь бояръ своихъ Двинскихъ, также сотскаго, и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскія земли» (А. Э. I, 13). Въ Договор. грам. В. К. Дмитр. Ив. съ Влад. Андр. 1362 г.: «А которые слуги потянули къ дворскому, а черные люди къ сотникомъ, ты ны въ службу не принимати» (С. Г. Г. и Д. т. I, 27). Въ Дог. грам. Вас. Дм. съ Кн. Влад. Андр. 1389: «А которые слуги потягли къ дворскому при нашихъ отцѣхъ, а черные люди къ сотному, и тѣхъ намъ не пріимати» (С. Г. Г и Д. I, 35). Что сотскіе первоначально назначались Княземъ, это видно уже изъ того, что Кіевскіе люди, воспользовавшись смертью корыстолюбиваго Святополка, грабятъ дворы и Тысяцнаго и Сотскихъ, т. е., тѣхъ лицъ, которые дѣйствовали отъ имени Князя. Хотя сотскіе и десятскіе при Владимирѣ участвуютъ въ пирахъ, но на низкое ихъ общественное положеніе указываютъ ихъ имена, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ. Обыкновенно, когда лѣтопись говоритъ о какомъ ни будь знатномъ лицѣ, то, по большей части, называетъ его по имени и отчеству; сотскіе же вездѣ называются только по имени: Ставръ (Новг. I, 4), Никифоръ (Новг. I, 23), Ларіонъ (Новг. I, 34), Микула (Ип. 171). Г. Бѣляевъ, въ своихъ «Разсказахъ» (т. 2, стр. 196), высказалъ мнѣніе, ни на чемъ не основанное и ни чѣмъ не подтвержденное, что сотскіе въ Новгородѣ въ XII ст. избирались изъ знатнѣйшихъ Боярскихъ фамилій. Что сотскіе никогда не избирались изъ Бояръ и не имѣли ничего общаго съ Боярами даже въ Новгородѣ въ XII и XIII ст., когда общественное положеніе ихъ измѣнилось, это уже видно изъ того, что они вездѣ въ лѣтописяхъ и актахъ отличаются отъ Бояръ. Такъ въ 1118: «разгнѣвася на ты (Мономахъ на Бояръ Новгородскимъ), оже то грабили Д. и Н., и на сотскаго на Ставра, и заточи я вся» (Новг. I, 4). 1197 г.: «Идоша изъ Новгорода передніи мужи и сотскіе» (Новг. I, 26). «Пожаловалъ есмь бояръ своихъ Двинскихъ, также сотскаго» (Уст. гр. 1398). И въ другихъ городахъ, даже въ XIII ст., сотскіе не имѣли ничего общаго съ Боярами. Когда въ 1230 г. Данилъ, узнавши о заговорахъ Галицкихъ Бояръ, созвалъ въ Галичѣ народъ на вѣче, то соцкый Микула на вѣчѣ совѣтуетъ ему перебить всѣхъ Бояръ: «Господине! Не погнѣтимъ вчелъ, меду не ѣдать» (Ип. 171).

37. Если тысячное дѣленіе имѣло преимущественно военное значеніе; если тысяцкіе были преимущественно военными начальниками (см. ниже прим. 42) то и подраздѣленіе тысячъ на сотни и десятки тоже должно было имѣть преимущественно военное значеніе. Въ 1216 г. сотскій Ларіонъ былъ въ походѣ противъ Суздальскихъ Князей, вмѣстѣ съ Княземъ Мстиславомъ и Новгородскими полками, о чемъ лѣтопись упоминаетъ только по тому, что этотъ Ларіонъ, передъ Липецкой битвой, отправленъ былъ посломъ Княземъ и Новгородцами къ князю Юрію Всеволодовичу (I Нов. 34). Въ 1230 г. Данилъ созываетъ народъ въ Галичѣ на вѣче, чтобы пригласить его или ратью къ Перемышлю противъ Александра, и главныхъ дѣйствующимъ лицемъ на этомъ вѣчѣ, отвѣчающимъ Князю на его приглашеніе, является соцкій Микула (Ип. 171). На преимущественно военное значеніе сотскихъ указываетъ и неопредѣленность ихъ положенія, особенно вначалѣ, въ отношеніи къ гражданской администраціи. Въ XII во всѣхъ городахъ существовали Сотскіе и Тысяцкіе, начальствовавшіе надъ полицскимъ населеніемъ; а между тѣмъ, кромѣ Соцкихъ въ стольныхъ городахъ при Князѣ, какъ дальше увидимъ, находился еще одинъ особенный Тивунъ, упра-

вавшій всѣмъ посадскимъ населеніемъ отъ имени Князя по всѣмъ дѣламъ, касавшимся суда и доходовъ.

39. Князь Мстиславъ, пріѣхавъ въ свой городъ, Берестій, чтобы наказать жителей онаго за то, что они отъ него отложились, «рече боярамъ: «Есть ли ловчіи здѣ?» Они рекоша: «Нѣтуть, господине, извѣка.» Мстиславъ же рече: «Уставливаю ловчіе на Берестяны и въ вѣки, за ихъ коромолу, со ста по 2 куны меду, по 2 овцы, по 15 десятковъ льну, а по сто хлѣба, а по 5 цебровъ овса, а по 5 цебровъ ржи, а по 20 куровъ: а по тольку со всякого ста; а на горожанѣхъ 4 гривны кунъ» (Ип. 1289, стр. 224). См. также о городскихъ мостахъ (Р. П. III, 134).

40. Въ грам. Всев. Мстис. о судахъ церковныхъ и десятинѣ: «Погадавъ со владыкою и съ своею княгинею, и съ своими боляры и 10-тью сотскими и съ старостами, далъ есмь судъ и мѣрила, которыя на торгу въ Новгородѣ Св. Софіи» (Бѣляева «Разсказы» кн. 2). Въ Псковской судной грамотѣ сотскіе производили обыски по дѣламъ, относящимся къ бою, грабежу и къ поземельнымъ спорамъ о границахъ (Костомар. т. 3). Въ догов. грам. Новгор. съ В. К. Ив. Вас. 1471: «А сотскимъ и рядовичемъ безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника не судити нигдѣ» (С. Г. Г и Д. I, 20). Въ XV ст. въ Псковѣ сотскіе судятъ спорное дѣло вмѣстѣ съ Посадниками Степенными и Княземъ на сѣняхъ у Князя. Два сотскихъ города Пскова посылаются, вмѣстѣ съ Княжимъ Боляриномъ, осмотрѣть спорную воду. Князь и Посадники Степенные и сотскіе посылаютъ сотскаго привести приговоръ въ исполненіе (А. Ю. 2). Въ XV ст. монахъ жалуется, что сотскій (Бѣлозера) съ городскими людьми отнялъ у монастыря деревню (А. Ю. 5). Въ грам. 1461 г. объ освобожденіи монастырскаго двора въ Дмитровѣ отъ всякихъ повинностей: «ни къ сотскому, ни къ десятскому, не тянуть ни въ какіе проторы, ни въ разметы» (А. Э. т. I, 69). Что сотскіе, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, завѣдывали судебно-полицейскими дѣлами, это видно изъ свидѣтельства Ипат. лѣт., что народъ въ Кіевѣ, въ 1113 г., по смерти корыстолюбиваго Князя Святополка, грабитъ дворы Тысяцкаго, Сотскихъ и Жидовъ (Ип. 4).

41. Ср. Уст. Всев. Мст. о церк. судахъ, и Уставъ о мостахъ Р. П. III, 134.

42. 1067 г: «Людье Кыевстіи прибѣгоша Кыеву, и створиша вече.... И начаша людье говорити на воеводу Коснячька.... и идошаі на гору съ вѣча»... (Лавр. 73).

43. 1090 г: «Воеводьство держащю Кыевская тысяща Яневи» (Лавр. 89); 1226 г.: «Пріиде къ Перемышлю, Юрьеви тогда тысящю держащю, переда Перемышль и бѣжа ко Мстиславу» (Ип. 166). «Сновская тысячя» (Ип. 45). 1231 г. «воеводство тогда держащю тысящая Кыевская Іоану Славновичу» (Лав. 194). 1213: Яронови же тогда тысящю держащю въ Перемышли» (Ип. 161). 1195 «Тысячьскій съ Смоленскимъ полкомъ наряженъ бяшеть на Полотьскій полкъ» (Ип. т. 2, 147). 1153: «пріиде съ Переяславскимъ полкомъ» (Ип. 73).

44. См. выше прим. 113 главы II.

45. Ипат. II, 4-я.

46. См. выше прим. 37.

47. Р. П. III, 134. Ипат. 1289, 225.

48. С. Г. Г. и Д. т. I, 38 и др.

49. Свидѣтельство лѣтописи о поселеніи въ городахъ военноплѣнныхъ и людей, насильственно забранныхъ и насильственно переведенныхъ изъ города въ городъ, указываетъ, что первоначально посадскіе люди во всѣхъ городахъ находились въ рабскомъ или крѣпостномъ состояніи; ибо всѣ военноплѣнные, въ теченіе всей исторіи древней Руси, обращаемы были въ рабовъ или въ крѣпостныхъ. Въ 1146 г., разграбивши въ городѣ Путивлѣ дворъ Святослава Ольг., Князья раздѣлили между собой 700 человѣкъ принадлежавшей ему чяди (Ип. II, 27). Самое названіе посадскихъ людей, во всѣхъ городахъ, какъ въ новыхъ, такъ и въ старыхъ, людьми, чадью, показываетъ, что первоначально они входили въ составъ Боярскихъ и Княжескихъ дворовъ и были несвободнаго состоянія. Во всѣхъ актахъ и писцовыхъ книгахъ людьми называются только лица несвободнаго, рабскаго, состоянія. Это было общее названіе для всѣхъ разрядовъ людей несвободнаго состоянія, разныхъ степеней зависимости, какъ жившихъ по дворамъ владѣльцевъ, такъ и поселенныхъ на ихъ земляхъ.

50. Лавр. 1067, 73.

51. Въ Лавр. 988: «и нача нарубати мужѣ лучьчіѣ отъ Славинъ.... и отъ сихъ насели грады»...990: «и наруби въ онь отъ иныхъ городовъ, и много людій сведе въ онь» (I, 52). Въ Густинской лѣтоп. 992 г: «и приведе въ онь пароченыхъ людей» (т. II, 259).

52. Лавр. 34, 50.

53. Лавр. 29, 35, 61 и выше прим. 26 этой главы.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ IV.

1. Что смердами назывались люди, принадлежавшіе къ извѣстному племени, это лучше всего видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: «Придоша два беззаконьника отъ племени смердья» (Ип. 1240). По мнѣнію Соловьева (Ист. Рус. т. I, 255), смердъ означалъ простого человѣка; но простой человѣкъ назывался также людинъ. По мнѣнію Сергѣевича (Вѣче и Князь стр. 38), смерды видовое названіе родового люди: смердами назывались мелкіе черные люди. Что людіе составляли особенное сословіе, отличное отъ смердовъ, это видно какъ изъ лѣтописей, гдѣ людіе постоянно упоминаются въ смыслѣ городскаго населенія, такъ и изъ Русской Правды, гдѣ за убійство людина назначается 40 грив., а за убійство смерда только 5 гр. О черныхъ людяхъ въ первый разъ упоминается въ Новгородской лѣтописи подъ 1255 годомъ, въ смыслѣ Новгородцевъ горожанъ (П. С. Л. III, 55). Въ 1317 г. черные люди горожане отличаются отъ сиротъ, жителей волости (С. Г. Г. и Д. т. III); сиротами же, какъ дальше увидимъ, назывались смерды. Что смердами называлось только сельское населеніе, и при томъ преимущественно то, которое жило весями, слѣдовательно, принадлежало къ первобытному бродячему населенію: «Вся земля поплѣнена бысть, боярынъ боярина плѣниша, смердъ смерда, градъ града, яко же не остатися ни единой веси не плѣненѣ» (Ип. 1211, 163); «Ярославъ далъ Новгородцамъ по 10 гр., а смердамъ по 1 гр.» (Нов. I). По мнѣнію Костомарова (Сѣв. Народ. II, 31), смердами назывались свободные земледѣльцы, жившіе на чужихъ земляхъ: «И вда свободу смердамъ на 3 лѣтъ даней не платити, кто сбѣжалъ на чюжу землю, а симъ повелѣ, кто здѣ живетъ» (П. С. Л. III, 46). Если были смерды, сбѣжавшіе на чужую землю, то, слѣдовательно, были и смерды, жившіе на своей собственной землѣ: «Се куни у великихъ смердовъ.... Малой Юрьи рѣки отъ устья и до верховья 2 жребія, и съ сѣнными поволоками и съ бобровыми ловищами» (А. Ю. 71, XXI). Смерды тянули къ погостамъ: чью же частную собственность составляли въ древнѣйшія времена земли погостовъ? Смерды жили въ селахъ-весяхъ (см. выше слова Ип. подъ 1221 г. и прим. 21 главы I-й). На какихъ же владѣльческихъ земляхъ заводились села-веси? Что смердами назывались только тѣ свободные земледѣльцы сельскаго званія, которые произошли отъ бродячихъ народовъ, это лучше всего видно изъ того обстоятельства, что поселенные кочевники никогда не назывались смердами. Такъ какъ смердами первоначально назывались только бродячія племена, по этому понятно, по чему въ историческое время смердами назывались только свободные земледѣльцы-сельчане, но никогда не назывались этимъ именемъ ни горожане, ни даже земледѣльцы-сельчане несвободнаго состоянія. Дѣло въ томъ, что бродячій инородецъ, поступая въ холопство, или поселяясь въ городѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ свою народность и поступалъ въ среду пришлой народности, пришлаго племени, между тѣмъ бродячій инородецъ, временно переходившій на земли Боярскія, или Княжескія, и остававшійся въ прежнемъ сельскомъ быту, сохранялъ всю прежнюю народность и не поступалъ въ среду пришлой народности.

2. Въ Польско-Кашубскомъ Smird значитъ бѣдный селянинъ; см. Солов. т. I, прим. 371.

3. Густ. II, 262, 1016. Лавр. I, 98, 1096. Новг. I, т. III, 21, 1193. Ип. I, 1240.

4. Въ Новг. купчей XV ст.: «Се купи у великихъ смердовъ» (А. Ю. 71, XXI) Въ Новгор. писц. книгѣ XV ст.: «Волость В. К. Березанская смерда.» Она состоитъ изъ погоста и деревень. Въ Дерев. пятинѣМих. погоста В. К. смерди (О погостахъ и пятинахъ, Неволина, прилож. VIII, стр. 201 и 195). Въ новѣйшихъ спискахъ Русской Правды, вмѣсто смердьи, употребляется сирота (Карамз. къ XI-му т. прим. 105). Въ Новг. грам. 1411 г.: «И даша грамоту сиротамъ Терпилова погоста.» «А отъ крестьянъ Терполива погоста» (А. И. I, 17). Въ Дух. Дмитр. Ив. 1389: «а кому будетъ жалобы сиротамъ на волостеля.»(С. Г. Г. и Д. I. 33). Въ гр. 1388: «а черные люди къ становщику» (С. Г. Г. и Д. XIV 33). Становое дѣленіе, какъ дальше увидимъ, въ XIV ст. касалось только бродячаго населенія. Въ грам. 1483 г.: «А которые люди вышли на Рязань отъ царевича.... бесерменинъ, или Мордвинъ, или Мочаринъ, черные люди, которые ясакъ царевичу даютъ» (С. Г. Г. и Д. I. 116).

5. Что Бояре владѣли свободнымъ сельскимъ населеніемъ, смердами, судили его и собирали съ него дани еще при Владимирѣ, при его сыновьяхъ и внукахъ, это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: 1, Въ 980 г., когда Владиміръ владѣлъ Кіевомъ, то рѣша Варязи Володимеру: «Се градъ нашъ, а мы пріяхомъ и, да хочемъ имати окупъ на нихъ по 2 гривнѣ отъ человѣка» И рече имъ Володимеръ: «Пождѣте, да же вы куны соберуть за мѣсяць!» Ждаша за мѣсяць» Лавр. 33'. Откуда собирали куны жители города Кіева? По чему нужно было цѣлый мѣсяцъ, чтобы они успѣли собрать куны? Съ своихъ собственныхъ дворовыхъ людей, жившихъ возлѣ города, Бояре могли собрать куны въ нѣсколько дней. Куны до позднѣйшихъ временъ собирались не съ жителей городовъ и пригородныхъ селъ, но съ свободнаго сельскаго населенія, жившаго по погостамъ: напр.:«повелѣша на Новгородцихъ сребро имати, а по волости куны брати... на Ивоволожскомъ погостѣ куны брать тебѣ» (Нов. I, т. III, 1209 стр. 30. С. Г. Г. и Д. т. I, 3. 2, Доведенные до крайности жители города Искоростена говорятъ Ольгѣ: «Что хощеши у насъ? Ради даемъ медомъ и скорою:» Она же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣтъ меду, ни скоры.» По чему же у нихъ не было въ то время ни меду, ни скоры? По тому, что Ольга держала городъ въ осадѣ цѣлый годъ, и жители города не могли имѣть сношеній съ открытой страной. Въ Густинск. лѣт. (т. II, 244) сказано: «Ольга же рече: «Вѣмъ, яко нынѣ обнищаете бранными, и не можете ми дати ни воскомъ, ни скорою платити.» 3, Въ первыя годы Варягорусскаго господства главнымъ произведеніемъ городскаго хозяйства былъ хлѣбъ, между тѣмъ не было ни одного города, съ котораго Варяги собирали бы дань хлѣбомъ. За исключеніемъ Вятичей и Радимичей, съ которыхъ брали дань монетой шелягомъ отъ рала, со всѣхъ другихъ городовъ они собирали дань произведеніями лѣснаго хозяйства—мѣхами. Если бы Бояре не собирали даней съ бродячаго населенія мѣхами, то не имѣли бы возможности платить ежегодно по черной кунѣ отъ дыма и украшать стѣны своихъ домовъ соболями, бобровыми и куньими мѣхами. 4. Въ 1071 г. Янъ Вышатичъ на Бѣлоозерѣ, въ области своего Князя, не рѣшался схватить убійцъ смердовъ до тѣхъ поръ, пока не разузналъ, что эти убійцы непосредственно принадлежатъ его Князю;

слѣдовательно, въ то время на Бѣлоозерѣ, въ области его Князя, были смерды и не принадлежавшіе его Князю, смерды, на которыхъ не распространялась судебная и карательная власть его Князя, отъ которыхъ онъ, Княжій мужъ, не имѣлъ даже права потребовать выдачи волхвовъ-убійцъ. Замѣчательно, что эти смерды, оказавшіеся смердами Князя Святослава Ярославича Черниговского, пришли отъ города Ярослава, отъ города, который, судя по его названію, построенъ Ярославомъ; слѣдовательно, отъ той страны, гдѣ не было Боярства ибо въ новыхъ городахъ не было Боярства. Вся же открытая страна возлѣ Бѣлоозера принадлежала Боярамъ, какъ можно заключать изъ дальнѣйшаго разсказа о Янѣ Вышатичѣ: послѣ неудачной попытки захватить волхвовъ, «Янъ же, вшедъ въ градъ къ Бѣлозерцемъ, рече имъ: «Аще не имете волхву сего не иду отъ васъ и за лѣто.» Бѣлозерцы же, гледше, яша я, и приведоша к Яневи» (Лавр. I, 75). Изъ Устава Владимира видно (см. прим. 110 гл. II), что Боярамъ принадлежала судебная и карательная власть надъ многимъ свободнымъ населеніемъ, жившимъ по городамъ, слободамъ и по погостамъ; административное же дѣленіе на погосты въ то время, какъ дальше увидимъ, распространялось только на одно бродячее населеніе.

6. А. И. I, 2.

7. «Выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя,» говоритъ Янъ Вышатичъ, мужъ Святослава Ярославича (Лавр. 75).

8. «Иде Волга Новгороду, и устави по Мстѣ погосты и дани, а по Лузѣ оброки и дани.» Если земли, съ которыхъ собирались оброки, были земли частнаго владѣнія, то само собою разумѣется, что земли, съ которыхъ собирались погосты, были земли государственнаго владѣнія,—земли, населенныя смердами жившими на своихъ собственныхъ земляхъ. Что дѣйствительно Ольга установила погосты и дани по Мстѣ на такихъ земляхъ, это видно, какъ изъ дальнѣйшихъ словъ лѣтописи, что знаменія мѣста и погосты округи Ольги суть по всей землѣ (погостское дѣленіе, какъ уже замѣчено нами, касалось только бродячихъ народовъ), такъ и изъ того, что сборы, называемые погостами, еще въ XVI ст. собирались только съ тяглыхъ людей, т. е., съ такихъ людей, которыми Князья владѣли только на правахъ государственнаго владѣнія. Въ 1504 г. Иванъ Вас., освобождая тонниковъ города Русы отъ обязанности тянуть съ жителями этого города, говоритъ въ своей грамотѣ: «Далъ есмь имъ грамоту по старымъ грамотамъ: погоста имъ не платити, ни въ черный боръ имъ не тянути» (С. Г. Г. и Д. I, 142).

9. Святославъ, показавъ мѣсто на своемъ полѣ, «повелѣ строить тамъ церковь» (Сказаніе о построеніи Печерской церкви).

10. «Ярославъ иде на Литву.»—«Побѣди Изяславъ Голяды» (Лавр. I, 66, 1048, 70, 1058).

11. См. выше прим. 5 этой главы.

12. Какъ начиналось господство Русскихъ Князей надъ бродячими народцами, это лучше всего видно изъ разсказа лѣтописи о подчиненіи Ятвяговъ Даніилу Галицкому: «Наутрѣя же пріѣхаша Ятвязѣ, дающе таль и миръ, молящеся, дабы не избилъ колодниковъ. Потомъ же приде (Даніилъ) въ землю свою.... хотящу же ему паки изыти на нѣ на брань, и сбирающу воя, увѣдавше же Ятвязи се, послаша послы своя, и дѣти своя, и дань даша, и

ѣщевахуся работѣ быти ему и городы рубити въ землѣ своей. Данило посла Коснятина, да побереть на нихъ дать; ѣхавъ же Коснятинъ, поима на нихъ дань, корныя куны и бѣль серебро» (Ипат. 1256, 1257, стр. 193, 194).

13 «Поѣди къ намъ, забожничье отложи, судье по волости не слати... и да свободу смердамъ на 5 лѣтъ данiй не платити» (Нов. I, 1227, 1229, 44, 111). «Взяша всю дань, а на Суздальскихъ смердахъ другую» (1169 Новг. III, 14). «Бѣ бо тогда (Кн. Юрій Суздал.) на рѣкѣ на Яхромѣ въ полюдьи» (Карам. III, прим. 81). См. также выше прим. 8 этой главы).

14 «Негодно нынѣ, веснѣ, ити (на Половцевъ); хочемъ погубити смерды и полье ихъ» (Лавр. I, 118). Въ войскѣ Мономаха, отправившагося за Супой, находятся и смерды (Лавр. I, 103). «Ходиша Новгородцы съ Корелою на Емь» (Новг. I, 1191, 20). «О велика бяше сѣчь Вожаномъ, и паде ихъ безчисленное число, а самаго князя отпустиша, Бога дѣля» (Новг. I, 111, 2). Во время борьбы Ярослава съ Брячиславомъ, Канутъ Ярослейфъ послалъ ратный приказъ по своему владѣнію, и собралась къ нему ближняя рать изъ вольныхъ поселянъ. Тогда начали приготовлять городъ къ оборонѣ (Сага Эймунда. Погод. III, 242).

15. Новг. I, 1016, III, 1: «а смерды скачутъ черезъ забрала къ Иванови» (Ин. 1159, 84).

16. «Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣти отроковъ ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ.... тоже и худаго смерда.... не далъ есмь сильнымъ обидѣти» (Лавр. 105). «Идоша (ратники Кн. Мстисл. по его волости Серегеру), и исполониша кормы и сами и кони (Новг. I, III, 34, 1216). «Той повелѣ по волости куны брати и повозы возити» (Новг. I, 30, 1279). Съ Яномъ везуть дань повозники-смерды (Лавр. 1071). См. также ниже прим. 20.

17. «То ти уроки смердамъ, иже платять княжю продажю. Аже смердъ ключитъ смерда безъ княжа слова, то 3 гр. продажи. Аже смердъ умреть, то княжцо князю» и т. д. (Р. П. II, 41, 71, 85). По смерти Всеволода тивуны людей грабили и продавали, въ слѣдствіе чего земля оскудѣла ратными людьми (Лавр. 1093, 93), и прим. 12 и 13.

18. См. Рус. П. II, 13, 41, и другія статьи. Волхвы-смерды говорятъ Яну: «Нама стати передъ Святославомъ; ты не можеши сътворити ни что же» (Лавр. 85).

19. «Великій Кн. Ингваръ, Кн. Олегъ, Князь Юрій, а съ нимъ Бояръ 300, а другій 600, дали Св. Богородицѣ (монатырю) 9 земель бортныхъ и 5 погостовъ. Несочна, а въ ней 300 семей, Холохолна.... а тыи погосты съ землями бортными, и съ поземомъ, и съ озеры, и съ бобры, и съ перевѣсищи.... а Еремей Великій села свои подавали» (А. И. I, 2); слѣдовательно, села Княжескія и нѣкоторыя бортныя земли не входили въ составъ погостовъ. Погосты состояли только изъ нѣсколькихъ сотенъ семействъ какихъ-то людей, которые преимущественно заняты были пчеловодствомъ, рыбной ловлей и ловлей птицъ и бобровъ, и такое общественное положеніе которыхъ уже видно изъ того, что Князья, Бояре, Цари, дарятъ ихъ монастырю. Что дѣйствительно села-усадьбы первоначально не входили въ составъ погостовъ, это видно и изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: «Былъ моръ.... и по волостямъ и по погостамъ» (Нов. I, III, 1417, 107). Въ Иск. суд. гр. 5: «А гдѣ учинится бой... во Псковѣ, или на пригородѣ, или въ селѣ и волости.» Село Нарское съ окружающими его деревнями называется Нар-

свой волостью (А. Ю. 104). Въ Уставѣ Владимира погосты отличаются отъ слободъ и городовъ. Въ Новг. грам. 1411 г.: «Кто крестьянинъ Терпилова погоста въ Двинскую слободу войдетъ, ино ему мірянину тянути въ Двинскую слободу а который Двинянинъ слободчанинъ почнетъ жити на землѣ Терпилова погоста, а тотъ потянемъ потугомъ въ Терпиловъ погостъ» (А. И. т. I, 17). И такъ, населеніе, жившее въ городахъ, въ селахъ, въ слободахъ и въ деревняхъ, т. е., въ поселеніяхъ, заведенныхъ пришлымъ господствующимъ племенемъ, не входило въ составъ погостовъ. На кого же распространялось погостское дѣленіе?—«Кто купецъ, тотъ въ сто, а кто смердъ, тотъ потянетъ въ свой погостъ» (С. Г. Г. Г. и Д. I, 3).

20. «Дадятъ ему корму и подводы, по пошлинѣ съ погосты (А. Э. I, № 1294), а на Имоволожскомъ погостѣ и на Вожанскомъ куны брать тебѣ.... не пошло (городск. попамъ) брать дань на Новгор. погостѣ» (С. Г. Г. и Д. I, 5); «въ тѣхъ погостѣхъ платитъ кто жъ свою дань и передмѣръ... а въ гостиныя дани невѣдомо... а перевоза 4 гр., тороваго 4 гр., и корчмити невѣдомо» (Уст. Рост. См. Д. А. И. I, 4). См. также Уставъ Святосл. Ольг. Новгород.

21. Староста Остинскаго стана погоста Шимозера посланъ былъ къ Царю Ив. Вас. отъ погостовъ Шимозера и Лядвинскаго съ жалобой на крестьянъ другихъ погостовъ Остинскаго стана, что они на ихъ погостахъ берутъ всякія подати съ большаго числа обежъ, чѣмъ слѣдуетъ по писцовымъ книгамъ, и что они, безпрестанно тягаясь между собой о земляхъ и дворахъ и всякихъ сплеткахъ, часто приводятъ приставовъ другъ на друга и происшедшіе отъ того убытки раскладываютъ на ихъ погостахъ» (Д. А. И. I, 51, XIV, XVII). Что погосты были вервями: Князья Рязанскіе уступаютъ погосты Ольгову монастырю и съ винами и съ поличнымъ (А. И. I, 2). «Се купи Обонежскій судъ... и на Кукоевскомъ погостѣ... судъ судить и пошлины имать по старинѣ, и вѣрное имъ имати» (Д. Д. I, 27). Въ Уставѣ Ростислава Смоленскаго всѣ Княжескіе сборы вычисляются по погостамъ. Изъ всѣхъ этихъ сборовъ, собираемыхъ съ погостовъ, «кромѣ продажи, кромѣ виры, и кромѣ полюдья», Князь даетъ десятину Епископу (Д. А. И. I, 4).

22. С. Г. Г. и Д. II, 1, 1229.

23. «И вы, игумены и священники... по всѣмъ своимъ приходамъ всѣмъ христіаномъ велѣли собиратись... Тѣ скверныя мольбища разорити... а велѣти бы всѣхъ умершихъ похоронити къ церквамъ на погосты, тако же бы и дѣтей крестить приносили и свадьбы вѣнчать приходили къ церквамъ на погосты» (Д. А. И. I, 28). Сироты Терпилова погоста называются мірянами (А. И, 17).

24. «А чемъ владѣлъ Савелій Григорьевичъ и его братья (дѣло идетъ о жителяхъ всего погоста) землею и водою и лѣсы... и всякими ловищами, и тѣмъ владѣти и дѣтямъ ихъ» (А. И. I, 17). «Се би челомъ староста Азыка, и Х., и Р., и Т., пріѣхавъ отъ своей братьи князю Офонасью на Василія на Матѳ.; а поставили подвойскіе и, не идучи къ суду, и урядились рядомъ; а болѣ: Шенкурскій погостъ и земли Шенкурскаго погоста до Ростовскихъ межъ до Воймуги въ верхъ.... А взялъ Азыка съ своею братьею у Василія 20, 000 бѣлки на тѣхъ земляхъ, гдѣ ни есть Шенкурскаго погоста.... А что Шенкурскаго погоста, и земли, и воды, и лѣсы, и рѣки, и мхи, и озера, и соколья гнѣзда, гдѣ ни есть Шенкурскаго погоста, то все Василью себѣ и своимъ дѣтямъ въ вѣки» (А. Ю. 257)...И въ XVI ст. нѣкоторыя земли и воды находились

въ общемъ владѣніи цѣлаго погоста: «платити тотъ оброкъ (за рыбную ловлю) вмѣстѣ Прибужскимъ погостомъ. А прежъ того въ немъ (въ озерѣ) ловили рыбу всякую бѣлую всѣмъ погостомъ помѣщики» (О пог. и пят., Невелина, прил. XIII, 81, и прил. III, 23).

25. «Острѣтинскому погосту съ Остою вода и земля въ раздѣлѣ» (Д. А. И. I, 51, XIV). О дубахъ знаменныхъ и межныхъ см. Р. П. II, 66; см. также въ учрежденіи Ольги Лавр. 25, 947, и выше прим.

26. «Суть по всей земли знаменія, и мѣста, и погосты» (учрежденныя Ольгой Лавр. 25); «и иныя церкви ставляше (Ярославъ) по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы» (Лавр. I, 1037, 66). См. также Писцов. кн. Д. А. И. I, 28.

27. Торговые пошлины собирались съ погостовъ; см. Уст. Рост. Смол. Мѣрою называется рынокъ, торговая площадь: «церковь стоящa въ Корсунѣ градѣ в а м ѣ с т ѣ посреди града, идѣже торгъ есть» (Кенигсб. 81). На Польскомъ miasto означаетъ, кромѣ города, также рынокъ, площадь. Въ Малороссійскомъ торчін мѣсто означаетъ также торговую площадь (Обществ. жизнь и земельн. отношенія, Тюрина, гл. III). Погостина на Чешскомъ языкѣ означаетъ торговое большое село (Костом. Сѣв. народ. т. II, 73). Что купцы торговали съ смердами ѣздили къ нимъ, см. Татищ. т. III, 1066 г., 89.

28. «Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ» (Лавр. стр. 102). Въ гр. Вл. 1128 г.: «и осеньна полюдіе даровное» (Д. А. И. т. I, 2). Слѣдовательно, полюдье собиралось осенью, а вѣроятно и весной. А что полюдье собиралось ѣздами, см. Кар. III, прим. 81: «они дадуть по старому тотъ же оброкъ и дань), вешнюю дань 9 алт. и осеньнюю дань» (1418, А. И. I, 25.)... «куда поѣдетъ судьямъ В. К. ѣхать по волости, то ѣхать имъ межень по Петровѣ дни. А судьямъ слати на Петровъ день, тако пошло» (С. Г. Г. и Д. I, 23)... «кормъ намѣстнику, тивунамъ и доводчикамъ на Петровъ день и на Рождество Христово. Кормъ Волостелю—на Петровъ день, на Рождество Хр. и на Великъ день... кормъ и поборы Ловчему и доводчику на Рожд. Хр., на Великъ день и на Петровъ день.» Всѣ кормы собирались объѣздами (А. Э. I, 123, 144, 150, 181, 183).

29. О пирахъ и братчинахъ см. стат. А. Н. Попова (Арх. ист.-юрид. свѣд. Калачова, 1854 г.).

30. Костомар. Сѣвер. Нар. II, 12: «и взя (Мст. съ Новгород.) городъ Медвежью голову и погость, безъ числа взяша» (Ип.); «и взя (Лука Варѳол.) землю заволоцкую и по Двинѣ вси погосты на щитъ» (Нов. I, III, 81).

31. Въ Духовной (1504) Ивана Васильевича, Мордва, Черемиса, Лопь Лѣшая Лопь Дикая, вычисляются особенно отъ городовъ, волостей, селъ и погостовъ» (С. Г. Г. и Д. I, 144).

32. Въ Поученіи Мономаха: «Куди же ходяще, путемъ по своимъ землямъ... Куда же поидете, идѣже станете» (Лавр. 102). Иде Волга по Деревьстѣй землѣ съ сыномъ своимъ и съ дружиной, уставляющи уставы и уроки; суть становища ея и ловища» (Лавр. 946, 25). Что станомъ назывался укрѣпленный лагерь, то: «Всеволодъ же посла въ станы его, много взяша» (Ип. 1180, 124). «Како идеть съ моря съ потки данными по д а н и ч у п у т и» (А. Э. 1294, I, 1)... «положиша» (Бирша Юрьев.) братья въ церкви св. муч., юже бѣ создалъ отець его Дюрги на Нерли въ Кидакши, идѣже бѣ становище св. муч. Бориса

и Глѣба» (Ип. 1159, 82). «И на рѣцѣ на Нерли въ Кидекши, близъ града Суздаля, постави церковь каменну во имя св. муч. Бориса и Глѣба, идѣже бѣ совокупное становище, егда въ Кіевъ хождаху Борисъ отъ Ростова, Глѣбъ отъ Мурома» (О градѣ Суздалѣ. «Временникъ Импер. Моск. Общ.» кн. 22, стр. 8). 1015: Ефремъ, служившій Борису и Глѣбу въ чинѣ Конюшаго, пришелъ городу Торжку, и за двѣ версты отъ него основалъ странноприимный (Арх. Калачева 1860—1861 годъ 4, О городѣ Торжкѣ, стр. 1). Въ 1561 году менъ Филиппъ построилъ въ Заяцкомъ становищѣ каменное съ поварнею» (рамз. къ I т. прим. 377). Въ 1127 году Всеволодъ Юрьевичъ, выдавши замуж дочь свою за Князя Кіевскаго, Ростислава: «ѣха же по милоѣ своея дочери до трехъ становъ» (Ип. 136).

33. «И кони ставити по станомъ и по варямъ» (С. Г. Г. и Д. I, 25, 1356). «Черноборцамъ В. К. брать по двѣ подводы отъ стану до стану.... А брать ни куды и прежде сего Черноборцы брали, по старинѣ» (А. Э. I, 32, 1437). «А коли княже, поѣдемъ въ Новгородъ, тогда тебѣ даръ брать по постояніямъ» (С. Г. Г. и Д. I, 10, 1307). «А коли буду слати свои даньщики въ городъ и въ станы «А что наши даньщики сберутъ въ городѣ и въ станахъ и въ варяхъ» (С. Г. Г. Д. I, 33, 1388). «А городскихъ судовъ и становыхъ, что къ городу тянетъ» (С. и Д. I, 35, 1389).

34. «А оброкомъ медовымъ Васильцева вѣданія подѣлятся сынове мои медъ оброчный Васильцова стану и что отца моего купленные бортницы сыну моему Васильцово сто и Добратинская борть съ селомъ Добратинскимъ бортницы въ станѣхъ городскихъ... И Добратинскимъ селомъ съ Васильцовымъ стомъ» (С. Г. Г. и Д. I, 21, 1328. 25, 1356, 34, 1389, 144, 1504). Въ XV ст. Деревской пятинѣ: «за Васильевымъ за Объѣдовымъ Лазоревскаго стану десятокъ. Ратновскаго стана.... Муравьевскаго десятка» (Неволинъ: О пог. и пр. прил. 235 и 236). Изъ этихъ словъ и выше приведеннаго прим. 33 видно, что в XIV ст. станъ, составлявшій сотню и раздѣленный на десятки, былъ особенным округомъ, отличнымъ отъ города и села: за данью посылаютъ въ городъ и въ станъ; становые суды отличаются отъ городскихъ; село Добратинское съ бортью и купленными бортниками не входитъ въ составъ Васильцева стана. Такъ было въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не только въ XV, но и въ XVI ст. В 1566 г. Уѣздъ города Дмитрова состоялъ изъ 11 становъ, да 3 дворцовыхъ селъ, не входившихъ въ составъ становъ. Городъ Старица изъ 2 становъ, 1 волостей (въ числѣ которыхъ упоминаются 4 села помѣстныхъ, бывшія прежде дворцовыми) и 12 дворцовыхъ селъ. Въ 1462 г. Марьина слобода состаляетъ особенный округъ, отличный отъ становъ и селъ (С. Г. Г. и Д. I, 18 87). Въ 1570 году Иванъ Васильевичъ посылалъ разорять окрестности Новгорода «по станамъ, по волостямъ и по усадищамъ боярскимъ и по помѣстьямъ» (П. Л. III, 259). И такъ, и становое дѣленіе, подобно погостскому дѣленію, первоначально не распространялось на населеніе, жившее по городамъ, селамъ усадьбамъ и слободамъ. На какихъ же людей первоначально распространялось становое дѣленіе? Въ грам. 1388 г: «А которые слуги къ дворскому, а черные люди къ становщику, тыхъ въ службу не принимати, а блюсти намъ съ одного, а земель ихъ не купити.» Въ грам. 1504: «деревни Юлец. бортнаго стану бобровыя... да на становой землѣ на тяглой... да деревни черные Быков стану» (С. Г. Г. I, 33, 138, стр. 355, 140, стр. 371). И такъ становое дѣле

первоначально распространялось на черныхъ и тяглыхъ людей, бортниковъ и рыбниковъ, которые продавали свои земли и, слѣдовательно, жили не на вотчинскихъ, но на собственныхъ, земляхъ. Но въ XV и въ XVI ст. встрѣчаются уже станы, въ составъ которыхъ входятъ и владѣльческія земли. Въ гр. 1410 г: «и въ станѣхъ конюшій путь, бортницы, садовницы, псари.... изъ, земли лишенъ, пойдетъ прочь» (С. Г. Г. I 40). Въ 1584 г. староста и монастырскій слуга давали на стану, въ Вотской пятинѣ, за монастырскихъ крестьянъ противъ намѣстнику (Д. А. И. I, 130). См. также выше приведенныя слова изъ писц. кн. Деревской пятины: «за Васильевымъ за Обѣдовымъ» и т. д.

35. См. Новгородскія писцов. книги и прим. 21 этой главы.

36. Лавр. I, 62, Новг. I, III, 42.

37. «А въ село его (смерда) ѣхавъ (Половчинъ), имѣтъ жену его и дѣтей его, и все его имѣніе» (Лавр. 118).

38. Бонякъ, взявши въ плѣнъ монаха Печерскаго монастыря и 30 монастырскихъ работниковъ, продалъ ихъ въ рабство въ Корсунскую землю Жидовину (Жит. Евстаѳія). Моисей Угринъ проданъ въ рабство въ Польшѣ (Жит. Конс. Угрина). «А Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ Корелою, и онъ Корелу всю истерялъ и за Нѣмецъ загонилъ» (С. Г. Г. и Д. I, 11); «и только Сенцю одиного живого (взяли Половцы), та смердь нѣколи (говоритъ монахъ), и наши онѣхъ болѣ избиша и изъимаша» (Лавр. I, 103); «черные люди въ плѣну съ Игоремъ Сѣверскимъ (Лавр. I). См. также выше прим. 14 этой главы.

39. П. С. Л. III, 1070, 2.

40. П. С. Л. III, 1216, 34. См. также П. С. Л. III, 1237, 49 и 1242, 56.

41. П. С. Л. III, 1148, 10. Ип. 1125, 12, 13. Лавр. 1187, 171.

42. Лавр. 1100, 117. Ип. 48. Нов. I, 1169, 15.

43. Новг. I, т. III, 1178, 120. Ип. 1147, 29. Д. А. И. I, 4.

44. Лавр. 1093, 93. Въ договор. Смол. Князя Мстислава съ Ригою. Если прогнѣвается Князь на своего человѣка... «а возметъ Князь все жену и дѣти въ холопство» (С. Г. Г. и Д. т. II, 1). Въ Духовн. Сем. Иван. 1353: «А что моихъ людей дѣловыхъ, или кого буди, прикупилъ, или кто ми будетъ въ винѣ долженъ» (С. Г. Г. т. I, 24). Въ 1278 Князь Новгородскій Дмитрій со всею низовскою землею: «казни Корелу и взя землю ихъ на щитъ» (Новг. I, 63). Въ 1308 году Новгородцы жаловались В. К. Михаилу Ярослав., что ихъ пригородный Князь, Вел. Мих., которому они отдали въ кормленіе городъ Псковъ, «пріѣхавъ въ нею, Новгородскую волость пусту положилъ, братью нашу испродалъ» (С. Г. Г. и Д. I, 11).

45. Въ одномъ памятникѣ XII вѣка: «рабовъ, которыхъ возмешь съ собою въ возодъ, чести и люби, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками» (Соловьевъ, Русская Исторія, т. III, стр. 101.

46. Въ Прав. Митр. Іоанна: «иже куплять челядь... послѣди же продавшимъ въ поганыя» (Карамз. II, 158).

47. Воскр. II. С. Л. т. VII, 1024, 328. Лавр. 1071, 75. Нов. I, т. III, 1215 и Нов. I, 1230, 47.

48. О перебѣжавшихъ смердахъ на чужую землю см. Новг. I, т. III, 1229,

стр. 44: «Зачатъ (Юрій) строить въ области своей многіе града... созывая л дей отвсюда, которымъ немалую ссуду даваль, и въ строеніяхъ и другими даяніями помогалъ, въ которые приходя, множество Болгаръ, Мордвы, В гровъ, кромѣ Русскихъ, селились и предѣлы яко многими тысячи людей полняли» (Тат. т. IV, стр. 76); см. также о построеніи Холма Ип. 1259 г. с 196. Въ договор. грам. 1265 и 1295: Изъ Новгородскихъ волостей ни са Князь, ни его Княгиня, ни его Бояре, ни его Дворяне, не имѣли права вы дить людей, ни смердовъ, ни купчинъ, въ свою землю; а равно давать дамъ въ этихъ волостяхъ грамоты, а также принимать закладниковъ... «А закладниковъ за Гюргомъ на Торжку, или за тобою, или за мужи твоими, купецъ, тотъ въ сто, а кто смердъ, тотъ потянетъ въ свой погостъ, такъ шло въ Новгородѣ, отпусти всѣхъ прочь... А кто изъ закладниковъ, живущи въ Новгородской волости, позоровалъ ко мнѣ, тѣхъ всѣхъ отступился есмь Н городу» (Собр. Госуд. Грам. т. I, 1, 3, 4). Въ грам. 1317: «а что селъ, или л дей (Новгородскихъ), во время распри заложилось за Князя (Тверскаго), Княгиню, за дѣтей ихъ и бояръ» (С. Г. Г. т. I, 12). Въ Русской Правдѣ упоминает о ролейномъ закупѣ (II, 53); слѣдовательно, были и закупы не ролейные. Та какъ слова закупъ и закладъ тождественны (Чичеринъ: «Холопы и крестьяне Россіи» 154), по этому и слова закладникъ и закупъ тоже тождественны. И Русской Правды видно, что закупы были полусвободные люди, обработыва шіе землю, или смотрѣвшіе за стадами. Кромѣ закуповъ, въ Русской Прав упоминается о рядовичахъ Боярскихъ и Княжескихъ, которые стояли на одн ступени съ холопами и смердами (II, 11); какіе люди назывались рядовичам это видно изъ слѣдующихъ словъ грам. 1450 г.: «а сказываетъ, что у него кавываете людей монастырскихъ серебряниковъ и половниковъ и рядовы людей и Юрьевскихъ... и вы бы такъ серебренниковъ и половниковъ и с бодныхъ людей не отказывали, а отказати серебренники и половники о Юрь вѣ дни» (А. Э. I, 48, 11).

49. Лавр. 862, 9, 880, 10. Воскр. т. VII, 990, 313. Густ. т. II, 990, 2 Лавр. 1030, 64. Тат. т. III, 104. Лавр. 1071, 75, 1103, 119. Иловайскаго «Исто Рязанскаго Княжества» 26, 27. Ник. II, 1133, 137. Лавр. 1098, 116. Ип. т. II, 7. Т т. III, стр. 76. Юрій Волод. «заложи градъ на устьи Нерли на Волзе, и наре има ему Костянтинъ.» Юій Долг. «заложи на Нерли городъ Юрьевъ Польскій «Родися у В. К. Юрія Дол. сынъ Дмитрій, и заложи отецъ его, кн. Юрій, гра на рецѣ на Яхромѣ, и нарече има ему Дмитровъ» (Ник. т. II, 1134, стр. 6 1152, стр. 135, 1153, стр. 137, 1154 стр. 138). Всеволодъ Суздальскій «зало градъ Переяславль у озера.» В. К. Георгій Всеволодовичъ «заложи градъ усть Оки, и нарече има ему Новгородъ» (Никон. т. II, 1193, стр. 260. Лав 31221, стр. 189).

50. «А наложьницъ бѣ у него (у Владимира) 300 Вышегородѣ» (Лавр. 9 34).

51. Князья разграбили въ Путивлѣ дворъ Свят. Ольг., и раздѣли межд собой 700 человѣкъ принадлежавшей ему челяди (Ип. 27). Лука Варфоломеев скопивъ холоповъ-сбоевъ, поставилъ городъ Орлецъ» (Нов. I, 1342, 82). Город Плѣсненный на Волыни принадлежалъ Печерскому монастырю (Ип. 101). Бояре Росто скіе называютъ жителей Владимира своими холопами-каменщиками. Въ Бѣлг родѣ, во время осады города Печенѣгами, не было Бояръ, только одни люди сходя

на вѣче и порѣшаютъ отдать городъ Печенѣгамъ (Лавр..55). Изъ Писцовыхъ ...гъ XV и XVI ст. видно, что новые города состояли только изъ небольшаго ...ла посадскихъ людей, поселенныхъ возлѣ пустаго укрѣпленія: «се слышавъ ...рецъ Бѣлгорода), посла по старѣйшины градскыя» (Лавр. 1, 55). Въ Вышго...ѣ упоминаются огородники съ ихъ старѣйшиной (Солов. т. III, стр. 36). Въ ...ской Правдѣ упоминаются: Тысяцкій Бѣлгородскій и Тысяцкій Переяслав...й (Р. П. II, 48); между тѣмъ и Бѣлгородъ и Переяславль построены во ...мя Владимира.

52. По договорной грамотѣ Новг. съ Твер. Князьями: «ни князь, ни кня...я, ни его бояре и дворяне, не могли держать селъ, ни купить, ни даромъ ...нимать» (С. Г. Г. I, 1.); «на Новгородской землѣ селъ не ставить» (С. Г. Г. ...0). Что эти села-усадьбы, которыя ставились Князьями и Княгинями, Боя...ми и Дворянами, были населены только лицами несвободнаго состоянія, это ...но изъ слѣдующихъ данныхъ: «и вда княгини (жена Глѣба) Печерскому ...ъ селъ и съ челядью» (Ип. 82). «Аже далъ есмь ей село свое Городѣлъ, и съ ...томъ, а людье. како то на мя страдалѣ, тако и на княгиню мою по моемъ ...вотѣ» (Ип. 215). «А что мое село Переславичи.... а сидятъ въ немъ мои хо...ы Шиполовы» (С. Г. Г. I, 127). «А села ихъ (Посадника и его братьи) рас...олаша, и челядь» (Новг. I. 30). Въ Писцов. Книгахъ XV и XVI ст. селами и ...ьцами исключительно называются только поселенія изъ несвободныхъ лю...й: см. также Д. А. И. I, 52; VIII, XI, Л. И. I, 180, 183, 110.

53. Село Романовское имѣетъ остатки укрѣпленій. См. Иловайск. «Истор. ...анск. Княжества,» стр. 248. Въ селѣ Гаи возлѣ развалинъ Княжескихъ палатъ находятся остатки землянаго вала. См. Ип. 1287, 217, и Времен. кн. XIV, 1852 Статья «Гаи,» стр. 17—21.

54. О слободахъ упоминаетъ уже Уставъ Владимира Св. Въ грам. 1265: «ни князь, ни его княгиня, ни его бояре и дворяне, не могутъ ставить свободъ по Новгородской волости» (С. Г. Г. I, 2). Въ 1158 г. Андрей даетъ Владимирскому собору: «и слободи купленныя и съ даньми, и села лѣпшая» (Ип. 81). Въ 1152 «а Половцы пришедъ къ Чернигову, острогъ взяли и всѣ передъ городомъ слободы пожгли» (Тат т. IV, 69). Въ 1171 г., защищаясь отъ Мстислава Изяславича, «Давыдъ Ростиславичъ велѣлъ острогъ около слободъ Вышгорода и слободы пожечь» (Тат. т. IV, 175). Что свободные люди поселялись слободами возлѣ городовъ, см. исторію построенія Холма (Ип. стр. 196) и выше прим. 48.

55. Мономахъ говоритъ «не дайте пакости дѣяти отрокомъ... ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ» (Лавр. 102). Въ 1096, Половцы около Кіева въжгоша Стефанечь монастырь и деревнѣ» (Лавр. стр. 99). Въ гр. Ростислава Мстисл. Смол. 1150 г: «Село Дросенское, со изгои и съ землею, и село Ясенское и съ бортникомъ и съ землею и съ изтои» (Д. Л. И. т. I, 4). Въ грам. 1192: «се вдаде Варламе св. Спасу землю и огородъ и ловища рыбныя и голиныя и пожни), роль противъ села» и т. д. (Д. А. И. т. I, 3). Въ одной грам. XV ст. тоже, вмѣсто слова деревня, употребляется названіе земля. Эти земли, подобно деревнямъ, съ лѣсы, съ пожнями и со всѣми угодьями (Д. А. И. т. I, 20). Что деревней называли всякій расчищенный кусокъ земли, предназначенный для хлѣбопашества, это видно: 1, Деревни. подобно другимъ угодьямъ, тянули къ селамъ, слободамъ и городамъ, и вычисляются вездѣ вмѣстѣ съ лѣсомъ, пожнями и другими угодьями; 2, Деревни были на посадахъ: «въ Турчисовѣ на посадѣ» (А. Ю. 87);

Пахатный кусокъ земли, не имѣвшій даже поселеній, все таки назывался деревней, если только обработка его не была оставлена: «Деревня пуста, а пашетъ наѣздомъ на себя самъ помѣщикъ.... Деревни пустыя... пахали смерды всею волостью.... Деревня Островъ пуста, пашетъ ее Князь Дмитрій наѣздомъ» (Неволинъ, О погостахъ и пятинахъ прил. IV, 104, прил. VIII, 195, 260. 4, Многія изъ деревень не имѣли никакого названія, а назывались по мѣстоположенію: деревня у дуба, деревня на ручью, деревня подъ горою (Неволинъ, О пог. и пят., прил. VIII, 2, 209. Л. И. т. I, 133). Деревни заводились господствующимъ сословіемъ: «А се тѣ деревни, которыя сажалъ В. К. староста» (Невол. прил. VIII, стр. 196). Деревни раздѣлялись на половины и трети и могли принадлежать разнымъ владѣльцамъ (А. Ю. 104. Новг. III, 70, 71). Деревни отдѣлялись межами и межниками, ямами, нарѣзами на деревьяхъ, древесными пнями (А. Ю. 103).

56. «И погребоша (Святоп. Тугоркана) на Берестовѣмъ, межю путемъ, идущимъ на Берестово, и другимъ въ манастырь» (Лавр. 1096, стр. 99). Слѣдовательно, Берестово называлось не только село-поселеніе, но и вся земля, на которую распространялась власть поселенія. «А которыя деревни отнималъ былъ князь Влад. отъ Латкинскаго села къ Берендѣевѣ слободѣ, и тѣ деревни потянутъ Латкинскому селу» (С. Г. Г. т. I, 1389, 34). Въ Уставѣ Владимира города и слободы составляютъ особенные округи, отличные отъ погостовъ. См. также выше прим. 55.

57. См. выше прим. 19 и 33 этой главы.

58. См. Новгор. писц. книги и выше прим. 34 этой главы.

59. Лавр. I, 1024, 63, 1071, 75.

60. Лавр. I, 77.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ V.

1. П. С. Л. I, 9, 10, 27, 63, 71, 88. Карамз. т. II, гл. II, стр. 11.

2. П. С. Л. I. 31.

3. Епископъ Рейнбернъ, съ вѣдома Болеслава, подучалъ Святополка къ возстанію противъ Владимира (Соловьева Истор. Россіи I, 198). Въ 1017 г. Болеславъ овладѣлъ Кіевомъ и захватилъ города Червенскіе (тамъ же т. I, 221).

4. «Бѣ бо рать велика безпрестани» (П. С. Л. I, 64). До Владимира Печенѣги безъ бою отступали отъ городовъ Русскихъ, при первомъ слухѣ о движеніи противъ нихъ Русскихъ дружинъ (П. С. Л. I, 27); между тѣмъ при Ярославѣ происходила злая сѣча съ Печенѣгами подъ стѣнами Кіева (1017, Ник. I, 25. 1037. Лавр. 65).

5. Изслѣд. Погодина т. III, стр. 114.

6. Карамз. т. I, гл. VII, стр. 110. Тат. т. III, 45.

7. 1094. г. послѣ побѣды, одержанной Половцами при Триполѣ, Олегъ вот. явился снова изъ Тмутаракани съ Половцами, и Владимиръ Мономахъ вынужденъ былъ уступить ему Черниговъ, а самъ ушелъ въ Переяславль (П. С. Л. I. 96). Въ 1097 г. Святополкъ, потерпѣвши пораженіе отъ Володаря и Василька, не думалъ отказаться отъ своего намѣренія лишить волостей Давыда Игоревича и Ростиславичей, и послалъ за Уграми, но, потерпѣвши пораженіе отъ Хана Половецкаго, Боняка, союзника Давыда Игоревича и Ростиславичей, уже болѣе не возобновлялъ своихъ притязаній на волости Ростиславичей (П. С. Л. I, 115). «А на другую зиму (говоритъ Мономахъ), съ Святополкъ воздъ Полтескъ, ожгоша Полтескъ, онъ иде Новгороду, а я съ Половци и Одрьскъ, воюя. И на ту осень идохомъ съ Черниговци и съ Половци съ Ростиславичи къ Мѣньску» (П. С. Л. I, 103).

8. Василько мечтаетъ завоевать Ляцкую землю съ Торками, Берендѣями и Печенѣгами. Владиміръ съ Торками ходилъ на Волжскихъ Болгаръ (П. С. Л. I, 113, 36, 436; прим. къ I. т. гл. IX. Карамз.). Ярославъ и Мстиславъ, послѣ сраженія при Лиственѣ, расширяютъ свои владѣнія на западъ (Сол. И Р. I, 227, 229). Со временъ Владимира и Ярослава началась борьба съ Прибалтійской Чудью (Тат. т. III, 85, 87, 104. Карамз. прим. 484, т. I, гл. IX). Въ 1093 г.: «воеваша Половцы Ляховъ съ Васильковъ Ростиславичемъ» (I, 92). Король Владиславъ, предшественникъ Коломановъ, воевалъ съ Россіянами за то, что они совѣтовали Половцамъ опустошать Венгрію (прим. 191. Карамз. т. II, гл. VI).

9. См. Изслѣд. Погодина т. V, стр. 158.

10. «А на ту зиму (говоритъ Мономахъ) повоеваша Половци Стародубъ весь, азъ, шедъ съ Черниговци и съ Половци, на Деснѣ изъимахомъ Князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша» (П. С. Л. I, 103).

11. Печенѣги заступили путь Святославу возлѣ пороговъ, по наущенію Грековъ (П. С. Л. I, 31). Въ 1017 г., при Ярославѣ, Печенѣги напали на Кіевъ, по наущенію Болеслава Польскаго (Солов. И. Р. I, 220). По смерти Яро-

полка, слуга его Варяжко ушелъ въ степи и долгое время съ Печенѣги разорялъ Русскую Землю (П. С. Л. I, 33). Во время Владимира, однажды, когда Владимиръ ушелъ съ войскомъ въ Переяславецъ на Дунаѣ, измѣнникъ Володарь привелъ множество Печенѣговъ и обложилъ Кіевъ (Ник. I, 110. Тат. III, 87). Вообще, почти всѣ нападенія Печенѣговъ на Русскую Землю совершились во время отсутствія Князя и его дружины, или когда Князь собирался отправиться куда ни будь въ походъ. Такъ, когда Святославъ былъ въ Болгаріи, то Печенѣги осадили Кіевъ. Когда Владимиръ воевалъ съ Хорватами, то Печенѣги явились возлѣ Сулы. Когда Владимиръ ушелъ въ Новгородъ, то Печенѣги осадили Бѣлгородъ. Когда Владимиръ собирался итти противъ Ярослава, то снова Печенѣги придвинулись къ Русскихъ предѣламъ. Когда Ярославъ былъ въ Новгородѣ, то Печенѣги осадили Кіевъ (П. С. Л. 1, 28 53, 54, 56. 6[illegible] Ясный знакъ, что нападенія Печенѣговъ совершались не безъ участія со стороны самаго Русскаго населенія: что, при посредствѣ Русскихъ измѣнниковъ Печенѣги получали самыя точныя свѣдѣнія о всемъ, что происходило въ Русской Землѣ.

12. «Сія бо избивше, поидемъ въ землю ихъ и пріимемъ грады ихъ, и [illegible] избавить и отъ насъ» (П. С. Л. I, 118). «Пошелъ бяше Кончакъ похупся, [illegible] плѣнити хотя грады Рускыѣ и пожещи огнемъ» (Ип. II, 128).

13. «Города вси опустѣша, села опустѣша; прейдемъ поля, идѣже пасо[illegible] бяша стада конь, овця и волове, все тоще нынѣ видимъ, нивы поростш[illegible] звѣремъ жилища быша» (I, 95). Половцы доходили до Новгорода Сѣверска [illegible] Стародуба (I. 103). Въ 1060 Половцы побѣдили Всеволода (I. 70). Въ 10[illegible] разбили на Альтѣ Изяслава, Святослава и Всеволода (I, 72), въ 1092 взяли г[illegible]рода: Пѣсоченъ, Переволоку и Устье (I, 92). Въ 1093 г. разбили соединенн[illegible] силы Южнорусскихъ Князей возлѣ Триполя, побѣдили Святополка на Желани [illegible] взяли голодомъ Торческъ (I, 93—96). Въ 1095 г. сожгли Юрьевъ (I, 97). [illegible] 1096 г. пожгли села, монастыри и посады около Кіева (I, 99).

14. Соловьева, Исторія Россіи I, 203. Воскр. VII, 129. Новг. III, 39. Погодина, Изслѣд. VII, 200, 201.

15. Изслѣд. Погод. V, 157.

16. Лавр. I, 96, 98, 87, 127. Ип. II, 8. Изслѣд. Погод. V, 148.

17. «Се не добро, еже малъ городъ около Кіева.» И нача ставити городы (Лавр. 52). Ярославъ поча ставити городы по Роси.... (Лавр. 52, 5). Свя[illegible]полкъ же повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ холму, въ свое имя нарекъ Св[illegible]тополчъ городъ» (Лавр. I, 97, 1095). Въ 1098 г.: «Заложи Володимеръ Монома[illegible] городъ на Въстри» (Лавр. I, 116). Въ 1116 г. Ярополкъ Володимеровичъ сруби [illegible]родъ Жельни Дрьючаномъ, ихъ же полони» (Лавр. I, 128).

18. Около Чернигова по Деснѣ и ея притокамъ упоминаются: въ 1067 Сновскъ, въ 1071 г. Ростовецъ и Неятинъ, около 1078 Бѣлая Вежа, Свя[illegible]славль (Лавр. 74, 75, 103. Карамз. 125. гл. IV, т. II). По Трубежу, Супою, Су[illegible] Хоролу и Днѣпру: въ 1092—Пѣсоченъ, Переволока и Прилукъ, въ 1079—Вон[illegible] въ 1096—Устье и Зарубъ, во время Мономаха—Горошинъ, Халѣпъ, Ромо[illegible] Кснятинъ, въ 1125—Боручъ и Бронь (Лавр. 92, 87, 88, 98, 103, 104, 129. Кара[illegible] 145, гл. IV и 59 гл. V. т. II). По Сейму и верховьямъ Полтавскихъ рѣкъ: во в[illegible]мя Мономаха: Лубны, Роменъ, Выревъ, въ 1155—Пирятинъ (Лавр. 104. Ник.

61). По Правую сторону Днѣпра: при Ярославѣ Корсунь и Триполь, въ 1093 орцескъ, въ 1095 Юрьевъ и Саковъ, въ 1097 Здвижень (Густ. II, 226. Лавр. I, 94, 111. Карамз. 171 и 174 т. II, гл. VI), Въ 1103 году Святополкъ, возвратившись изъ похода противъ Половцевъ съ полономъ великимъ, «иде и сруби родъ Гюргевъ, его же бѣша пожгли Половци» (Лавр. I, 119, 97).

19. П. С. Л. I, 52. Густ. II, 266. Ип. II, 8. Лавр. 128. Въ 1117: «придоша Половежци въ Русь» (Ип. II, 8), которымъ В. К. повелѣлъ для поселенія земли вести, а купцы сѣли по разнымъ городамъ (Тат. т. III. 1117 г.). Бѣлая Вежа въ верховьямъ Остера (Карам. 146. т. II, гл. V).

20. Эти походы уже предпринимались при Оскольдѣ и Дирѣ, при Игорѣ при Ярополкѣ (Ник. I, 17, 61. Лавр. I, 18, 28). «Посла Владимиръ на Печенѣги... Александръ Поповичъ и Янъ Усмошвецъ избиша множество Печенѣгъ, Князя ихъ Радмона съ тремя сыны его въ Кіевъ къ Владимиру приведоша, Ник. I, 991, и 1000 г.). «Поиде (1055) Всеволодъ на Торки» (Лавр. I, 70). «Сокупивше (Ярославичи въ 1060) вои безчислены, поидоша... на Торки. Се вышавше Торци, убоявся, побѣгоша» (Лавр. I, 70; «они же, пришедъ на станы въ бѣгущихъ, главъ много побили и плѣнили и, приведъ въ Русь, поселили городамъ» (Татищ. III,—116) О Переяславск. Торкахъ см. I, 87, 1080 г. О городѣ Торческѣ, заселенномъ Торками, см. I, 93. 1093 г. Въ 1095,, убивши Итра и Кытана, «идоста на вежѣ, и взяста вежѣ, полониша скоты и конѣ, вельмулы и челядь, и приведоста и въ землю свою» (Лавр. I, 97. Въ 1109. г. Дмитрій Игоревичъ взя вежѣ Половецкые» (I, 121). Въ IIII:» послѣ битвы ниша полона много» (Ип. II, 2). См. также Ип. II, 71, 1152. Ник. II, 278, 1138. Ип. II, 98, 95 и другіе походы.

21. Срав. походы 1095, 1103, 1109, 1110 и 1111 года съ походами 1170 185. 1187, 1168, 1191, 1192, 1199, 1206. 1203 и 1219 года.

22. «И пустилъ есмь Половецкыхъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико» (Лавр. 104). «И нача Бельдюзь даяти на собѣ злато и сребро, и конѣ и скотъ» (Лавр. I, 9). См. также повѣсть о плѣнномъ Половцѣ въ Пам. ст. рус. лит. вып. 1-й.

23. См. выше прим. 20.

24. П. С. Л. I, 93. 1093 г. II, 84, 1159.

25. I, 978, 61, 988, 92, 990, 103.

26. О мѣстѣ поселенія Торковъ, Берендѣевъ и Турпѣевъ Переяславскихъ Ип. II, 10, 26, 50: о мѣстѣ поселенія Торковъ, Коуевъ, Берендѣевъ и Печенѣговъ Кіевскихъ см. Ип. 49, 51, 55, 60, 63, 91, 145. О Черниговскихъ Коуяхъ Ип. 130.

27. П. С. Л. I. 1080, 87, 1093, 93. т. II, 1116, 1121, 8, 1126, 10.

28. Иловайскаго Ист. Ряз. Княж. 115. Ник. II, 202. Татищ. IV, 272, 441. 1149, 41.

29. Въ 1170 году Князья шли 9 дней въ степи, нигдѣ не встрѣчая Половцевъ. Въ 1183 г. пять дней искали Половцевъ на ратной сторонѣ Днѣпра (П. Л. II, 98, 127). Въ 1197 Всеволодъ Суздальскій возвратился изъ степи безъ вѣха, нигдѣ не встрѣтивши Половцевъ (Ник. II, 271).

30. «И ту перебродися на ратьную сторону Днѣпра... на Ивлѣ на рѣцѣ на Половецкой... аже Половци днища далѣе лежать, и вѣжа и стада по сей сто-

ронѣ Днѣпра по Русской... и ту заяша стада многа Половецкая, въ Лузѣ Дне-ровскомъ, а за Днѣпръ нелзѣ бы имъ ѣхати» (Ип. II, 127, 1183, 142; 119 140, 1190). См. также Ип. 1187, 136, 1192, 146 и Карамз. стр. 66, т. III, г. Ш

31. «Перешедше Хоролъ, взидоша на шолома... его же, ѣдуще по Шоло-мени, оминуша, иныѣ же въ гаты узрѣвше» (Ип. II, 1184, 129). Шоломенем называлась земляная насыпь возлѣ рва, валъ. Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «О Русская земле! уже за шеломянемъ еси!» т. е., о Русское войско! ты уже пере шло сторожевую линію.

32. Исторія Рязанскаго Княжества, Иловайскаго стр. 109, 192, 193.

33. Въ 1147 г. «придоша къ нему (къ Свят. Ольг.) Бродници и Половци (Ип. II, 30). Бродники участвуютъ въ Липецкой битвѣ (1216) подъ знаменам Князей Суздальскихъ (Воскр. VII, 121, 122). «Ту же (въ битвѣ при Калкѣ, на се ронѣ Монголовъ) и Бродници быша старіи, и воевода ихъ Плоскиня» (Воскр VII, 132).

34. «Приде бо къ нему (къ Изяслав. Дав.) Башкордъ въ 20,000, отчимъ Свя тославъ Володимировичъ; бѣ бомать его бѣжала въ Половци и шлаза нь» (Ип. II, 83 Въ Правилахъ Митроп. Іоанна, умерш. въ 1093 г.: «прошалъ о нѣкихъ еси, их куплять челядь, створшимъ общихъ молитвъ, ядшимъ съ ними, послѣди и продавшимъ въ поганыя... иже своею волею ходятъ къ поганымъ купля ра ди»... (Карам. 158 т. II, гл. V); «и устрѣтоста гость идущь противу себе изъ Пол вець» (Ип. II, 129); «и поиде путемъ гость, они же (Половцы) казаша, реку Пойдѣте по свою братью» (Лавр. I, 168). «Крестися въ Рязани Половецкій князь Ану ратъ» (Ник. II, 67, 1132); «тогда же (въ 1224 г.) крестися Великій Князь Половецкы Басты» (Ип. II, 164). «По днѣхъ же многихъ, миру сущу съ Половцы, приде в Кіевъ оный Половчанинъ... и вниде въ Печерскій монастырь... и къ тому и возвратися вспять, но, умывыся, крестися, и бысть черноризецъ съ прочим рода своего Половцы, пришедшими въ Кіевъ» (Жит. Никона Сухаго).

35. Ип. II, 1183, 126, 1185, 131, 1190, 140. Воскр. VII, 1223, 129.

36. Тат. т. IV, 1185, 270.

37. П. С. Л. I, 968, 28, 1015, 58, 59, 1095, 97, 1097, 111. П. С. Л. I 1170, 98.

38. П. С. Л. I, 1096, 109. П. С. Л. II, 1147, 30. II. С. Л. I, 1095, 97. П С. Л. II, 1159, 84.

39. Лавр. I, 1097, 113, 1106, 119. Ип. II, 1159, 85, 1228, 168, Лавр 1100, 116. Ип. II, 1147, 30, 1182, 125, 1237, 222.

40. Всѣ, добровольно поселившіеся, кочевники, цѣлыми ордами или вежа ми, по народностямъ раздѣлялись на Торковъ, Берендѣевъ, Коуевъ, Турпеев Печенѣговъ, Каепичей, Баутовъ и Долматовъ (Ип. 10, 26, 50, 55, 63, 90, 8 130, 145. Ник. II, 174, 293). Только Торки, Коуи, Берендѣи и Печенѣги, жи шіе вежами возлѣ Торчина и Юрьева и по Роси, Руту, Убережью и Тетер ву, въ Кіевскомъ Княжествѣ, назывались Черными Клубуками (П. С. Л. II, 51, 55, 60, 63, 90, 91). Въ другихъ Княжествахъ кочевники, поселенные цѣль ми ордами, назывались только по народностямъ: Торки, Турпеи и т. п.

41. П. С. Л. II, 1151, 60. I, 1126, 129, 1093, 93. II, 1150, 51.

42. II. С. Л. II, 1146, 23, 26, 1169, 97.

43. У Берендѣевъ были племена Чагровичи и Бастіи. Первое племя на зывается еще «Чагровой чадью,» а второе «Бастѣевою чадью.» У Чагровичей и

169 году были начальниками Чекманъ и братья его, Токманъ и Моначюкъ. ѣдовательно, всѣ сыновья по смерти отца наслѣдовали его власть (Ип. 1169, , 1173, 106, 1172, 98, 99, 101). Въ 1183 г. упоминается о Кондувдіѣ Торцомъ Князѣ (Ип. 139). Кромѣ Князей упоминаются еще и лѣпшіе мужи Ип. 1190, 140, 1169, 96), которые дѣйствуютъ, какъ представители Черныхъ губуковъ.

44. 1093 Торки, осажденные Половцами, посылаютъ къ Святополку въ іевъ и требуютъ отъ него брашна (Лавр. 94). Въ 1155, когда Половцы ограили Поросье, то Василько съ Берендичами нагналъ ихъ и избилъ (Ип. 77). Мужъ ли который въ христіанахъ, или въ поганахъ.... а ты мя съ ними суди,» оворилъ Ростиславъ Юрьев. Изяславу Мст. (Ип.). Въ 1126 Ярополкъ казнилъ за изѣну знатныхъ Торковъ (Тат. III, 231). Въ 1190 Святославъ Кіевскій схватилъ орскаго Князя Кондувдія и заключилъ въ темницу, потомъ, освободивши, треовалъ отъ него присяги на вѣрность (Ип. 139). «а чи намъ будетъ который ядъ или хрестьяныхъ, или поганыхъ, а идевѣ оба по мѣсту,» говорилъ Вячеславъ Изясл. Мст. (Ип. 1151, 57).

45. «Мы умираемъ за Рускую землю съ твоимъ сыномъ, и головы своя ыкладаемъ за твою честь,» говорили Берендѣи Юрію (Ип. 1155, 78).

46. Ип. 1156, 60, 1152, 71, 1155, 77, 1162, 41, 1172, 104, 1173, 106 1185, 129.

47. Ип. 1154, 75, 1156, 80, 1158, 82, 1183, 127, 1170, 98, 1180, 124.

48. Ип. 1160, 86, 87, 1170, 99, 1185, 130.

49. Ип. 1153, 73, 74, 1187, 136, 1192, 141.

50. Въ 1192. Рюрикъ далъ Кондувдію городъ Дверенъ на Роси (Ип. 141) ъ 1159 г. начальники Берендѣевъ предлагаютъ Мстиславу Изяславичу перейи на его сторону, если онъ дастъ имъ по лѣпшему городу, Мстиславъ соглаился (Ип. 85). Въ 1190 г. Половцы овладѣли на Роси городомъ Чюрноевъ, и абрали въ этомъ городѣ все его имущество, двухъ его женъ и много принадлежавшей ему челяди (Ип. 141).

51. Ип. 1146, 23, 1150, 49, 1150, 49, 1159, 85, 1177, 119.

52. «Изяславъ же (изгнанный вторично братьями) иде въ Ляхы со имѣньемъ многымъ, глаголя: яко симъ налѣзу вои (Лавр. 78).

53. Ип. 134, 141. Воскр. VII, 132.

54. По Скандинавскимъ лѣтописямъ, въ 1222 году, Норвежцы прибыли 4-хъ корабляхъ къ берегамъ Бѣлаго моря и ограбили Біармію (Карамз. т. гл. VII, см. также прим. 62, т. II, гл. II).

55. Ник. т. I, 863 г.

56. Лавр. I, 981, 982, 984, 35, 36.

57. Іоак. Нов. Тат. I, 36.

58. Тамъ же. Тат. I, 37.

59. Тамъ же Тат. I, 37.

60. Лавр. 980, 33.

61. Лавр. 980, 33, 983, 35. Карамз. прим. 484, т. I, гл. IX.

62. Карамз. т. II, гл. 2-я.

63. Лавр. 1015, 61, 1019, 62.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ VI.

1. Въ 1096 году Олегъ Святославичъ: «перея всю землю Муромьску Ростовьску, и посажа посадникы по городомъ.» Въ 1095 году Изяславъ Владим ровичъ «приде изъ Курска къ Мурому и посадника и Ольгова» (Лавр. 98, 108

2. «Видѣвъ же окрестьныя села, бѣжащая во градъ многое множество (Ип. 189, т. II. 1854 г.). «Онѣмъ же пакостящимся (Половцамъ), людемъ сѣ шимся въ градъ, не смѣющимъ ни скота выпустити изъ города» (Ип. 1150, 52

3. Прислали Болгаре (въ 1006 г.) пословъ съ дары многими, дабы Вла мир позволилъ имъ въ городахъ по Волгѣ и Окѣ торговать безъ опасен на что имъ Владимиръ охотно соизволилъ, и далъ имъ во всѣ города п чати, дабы они вездѣ и всѣмъ вольно торговали, и Русскіе купцы съ печат ми отъ Намѣстниковъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили безъ опасенія, а Болг рамъ всѣ ихъ товары продавать по городамъ купцамъ, и отъ нихъ купить, ч потребно, а по селамъ не ѣздить тивуномъ-вирникомъ, огневтинѣ и смерди продавать и отъ нихъ не купить (Тат. т. III, стр. 88).

4. «И бѣжа за лѣсъ у Вятичѣ» (Ип. 1146, 28); выбѣгоша изъ Вятичъ, и Брянъска и изъ Мьченьска и изъ Блове» (Ип. 1147, 30).

5. «А рубежъ ти, княже, межи Суждальской землею и Новгородскою да старый, како было при дѣдѣ твоемъ и при отцѣ твоемъ, Ярославѣ» (С. Г. Г. Д. I, 1305). «И стрѣтоша и (Полочане Новгородцевъ) на межахъ съ поклоном (Лавр. 1186, 17). «Володарь же и Василько побѣдивша, стаста ту, рекуш «Довлѣеть нама на межи своей стати» (Лавр. 1097, 115). «Како насъ роздѣли дѣдъ нашь, Ярославъ, по Днѣпръ» (Ип. 1195, 146).

6. Монахи печерскаго монастыря просятъ у Изяслава дозволенія постро церковь на пустынной горѣ (Жит. Ѳеод.). По Ливонскимъ лѣтописамъ, Нѣмцы, п первоначальномъ поселеніи на берегу Двины, испрашивали на то согласія Кн вей Полоцкихъ (Временникъ, кн. 8, 1850 г., статья Бѣляева, стр. 54).

7. См. Жит. Ѳеодора и Василія, и Пам. стар. русск. лит. т. I, вып. V стр. 222—225).

8. «Костянтинъ (Посадникъ, сынъ Добрыни) тогда (въ 1010. г.) баше Новгородѣ, и разгнѣвася на нь Ярославъ, и заточи его въ Ростовъ на три лѣта, повелѣ убити его въ Муромѣ на Окѣ рѣкѣ» (Никон. I, 1017, 1020, 129). По доно Святополкъ «всади въ погребъ два мужа въ малѣ винѣ» (Жит. Бор. и Глѣба. С «Чтенія въ Общ.Ист. и Древ. Рос. кн. 1, 1859). «Рядъ нашъ такъ есть: оже ся кня извинить, то въ волость, а мужь у голову» (Ип. 119). Святополкъ Изяславичъ «д мы сильныхъ безъ вины искорени и имѣнія многихъ отъя» (Жит. Прохора).

9. Жит. Антон. и Никона. Лавр. 1071, 77, и Жит. Ѳеодора и Василія.

10. См. глав. II прим. 13.

11. Мстиславъ Изяславичъ, призванный братьею въ Кіевъ, «передъ собо тіунъ свой посла» (Ип. 1169, 96) Ярославъ въ Новгородѣ «остави два сына св съ Ѳедоромъ Даниловымъ и съ тіуномъ Якимомъ» (Новг. I, 1488). По смер

Всеволода Ольговича «Кыяне почаша складывати вину на тіуна на Всеволожа, на Ратшу, и на другого тивуна Вышегородьского, на Тудора, рекуче: «Ратьша ны погуби Кыевъ, а Тудоръ Вышьгородъ;» а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ, и съ братомъ своимъ: аще кому насъ будеть обида, то ты правы» (Ип. 1146, 22); «и что были тіуны брата нашего, Ратьша и Тудоръ, а тѣмъ не быти; а коимъ будеть быти, ино имъ имати съ суда урокъ, а въ свою волю людей имъ не продавати» (Воскр. 1146, стр. 35). Константинъ, Князь Полоцкій... молвить ему: «Тіунъ неправду судить, мзду имаеть, люди продаеть, мучить» (Солов. И. Р. т. I, прим. 352). Смот. также ниже прим. 13 и 15.

12. Татищ. т. III, стр. 242.

13. Въ догов. грам. Новгорода съ Нѣмцами XIII ст. Иностранецъ, обиженный Русскимъ, жаловался Тысяцкому и Тивуну Новгородскому, которые и разбирали дѣло. Всякое спорное дѣло между иностранцами и Новгородцами производилось въ присутствіи Новгородскаго Тысяцкаго и Тіуна (Солов. т. III, 46). Выраженіе Русской Правды: «оже закупъ бѣжить къ князю, или къ судьямъ», заставляетъ предполагать, что дѣла закуповъ съ ихъ владѣльцами судились нѣсколькими судіями. При Ярославѣ, «въ нѣкоемъ градѣ бѣша мужи осуждены отъ старѣйшинъ града того и всажены въ погребъ» (Жит. Бориса и Глѣба; «Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Рос. 1859, кн. 1). Въ Уставѣ Владимира: «а своимъ тіуномъ приказываю церковнаго суда не обидѣти, ни судити безъ владычня намѣстника... а съ суда давати двѣ части князю, а три св. церкви» (Д. А. И. I, 1). «А сотскимъ и рядовичемъ безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника не судити нигдѣ» (С. Г. Г. и Д. I, 20).

14. Въ догов. грам. 1229 Смоленскаго Князя Мстислава Давыдовича съ Ригою: «Если Русину придется заплатить Латинянину, и онъ не захочетъ платить, то Латинянину просить у тивуна дѣтскаго» (С. Г. Г. и Д. т. II, 1). Въ Русск. Правдѣ: «А се покони вирніи были при Ярославѣ; то ти вирнику со отрокомъ (Р. II. 1, 7). «Посадниковъ и тивуновъ домы пограбиша, и самыхъ и дѣтскіе его и мечники избиша» (Ип. 1275). «Они же устремишися на Ратшинъ дворъ грабити и на мечники» (Ип. 1146).

15. Въ Уставѣ Владимира: «то все далъ есмь по всѣмъ городомъ, и по погостомъ, и по слободамъ.... А своимъ тіунамъ приказываю суда церковнаго не обидѣти, а съ суда давати двѣ части князю, а три св. церкви» (Д. А. И. I, 1). Слѣдовательно, были тіуны не только въ городахъ, но и въ погостахъ и въ слободахъ: «А въ сельскомъ старостѣ княжѣ, или въ ратайнѣмъ, то 12 грив. (Р. II. 1, 22, II, 11). По Новгор. лѣт. Ярославъ: «нача все свое дѣлити: старостамъ по 10 грив,, а смердамъ по гривнѣ, а Новгородцамъ по 10 всѣмъ» (Нов. I, 1016). По Воскр. лѣт: «старостамъ своимъ по 10 грив. а смердамъ по гривнѣ» (Воскр. 271, 1109, 226). О тивунахъ-вирникахъ, жившихъ по селамъ при Владимирѣ, см. Тат. т. III, 89. О слободскихъ волостеляхъ, вѣдавшихъ судомъ см. С. Г. Г. и Д. т. I, 34, 1389. Что эти волостели были тіуны: въ XV ст. въ Деревск. пятинѣ, въ волости В. К. Жабнѣ, на погостѣ два двора волостелины, въ которыхъ живутъ тіуны» (Неволинъ, О погостахъ и пят.. прим. 1711, 201). «Изяславъ же посла мужи своя и тіуны своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ. Они бѣ отопелъ» (Ип. 1149). Въ грам. XV ст. тіунъ Захаръ, по приказанію князя, сажаетъ на пустоши крестьянъ (Д. А. И. I, 21). Въ догов. грамотѣ Новгорода съ Нѣмцами: «Если на дорогѣ въ Новгородъ иностранцы терпѣли

какой нн будь вредъ отъ Новгородскихъ подданныхъ, то объ этомъ они извѣщали мѣстного тіуна, который долженъ былъ явиться на мѣсто преступленія въ теченіе двухъ дней» (Солов. т. III, 76). Въ дог. грам. 1129 г. Смол. Кн. Мст. Дав. съ Ригою: «Если тивунъ услышитъ, что пришелъ Латинскій гость, то послать ему людей съ колы перевести (чрезъ волокъ) товаръ, не удержати ему» (С. Г. Г. и Д. т. II, 1). По мнѣнію Сергѣевича (Вѣче и Князь, 376 и примѣч. 64), старосты были выборныя лица, хотя и самъ онъ знаетъ, что въ Дух. Сем. Иван. въ числѣ холоповъ, отпускаемыхъ на свободу, упоминается и староста. По мнѣнію Ланге (Изслѣд. Рус. Правды) тіуны ратайные то же, что сошкіе. Сошкіе въ домонгольскомъ періодѣ были только начальниками посадскихъ городскихъ людей. Трудно предположить, чтобы ратайные тіуны, за убійство которыхъ назначается 12 гр., были начальниками надъ посадскими людьми, за убійство которыхъ назначается 40 гривень.

16. «Посла Всеволодъ тіуна своего. Гюрю съ людми въ Русь, и созда градъ на Городци на Въстри, обнови свою отчину» (Лавр. 1195, 173). Въ догов. Новг. съ Тверск. Кн. 1265: «Князь на Торжку и на Волоцѣ и во всей волости Волоцкой для полученія слѣдовавшихъ ему доходовъ держалъ своихъ тіуновъ» (С. Г. Г. и Д. I, 1, 2). «Дабы не мытникъ устерегъ и моста не переметалъ» (въ Бѣлгородѣ. Ип. 1150).

17. «Избираетъ (Князь) тіуна, или кого волостеля мужа добра... праведна по закону Божію вся творяща и судъ вѣдуща» (Солов. I, пр. 352). «А се вам и тивунъ по вашей воли» (Ип. 1146). «И тивунъ свой посла» (Ип. 1169). «По нѣкоемъ времени тіуна Прохора велѣлъ (Мстиславъ) судить за то, яко бы на судахъ не по законамъ поступалъ, и людей грабилъ, за что его сослалъ въ Полоцкъ, гдѣ вскорѣ въ заточеніи умеръ» (Тат. т. III, 342).

18. Лавр. 1093. Ип. 1146. Татищ. т. III, стр. 281.

19. Ип. 1146. «И бѣ тогда держа Вышьгородъ Чюдинъ» (Лавр. 1073). Чюдинъ былъ братъ Турки, одного изъ главныхъ дружинниковъ Изяслава (Лавр. 1067, 73), погибшаго въ битвѣ на Сожицѣ (Лавр. 1074, 85). Сынъ Чюдина Иванко Чюдиновичъ, былъ, вмѣстѣ съ другими Тысяцкими, на съѣздѣ въ Берестовѣ, на которомъ Мономахъ издалъ законъ о процентахъ (Р. П. II, 48).

20. «А мужи свои (Мстиславъ) посажа по городомъ ихъ» (Кн. Полоцкихъ (Ип. 1140 т. II, 17). Всеволодъ «посади посадника Ратибора въ Тмутаракани Лавр. 1079, 87). Этотъ Посадникъ имѣлъ свою дружину и своихъ отроковъ (Лавр. 1095, 97).

21. Павелъ, Посадникъ Ладожскій, «заложи Ладогу, городъ каменъ» (Нов. 1116). Посадникъ Новгородскій Остромиръ, посаженный Изяславомъ, ходилъ на Чудь (Никон. II, 1055, 1056). «Выѣха Ѳедоръ посадникъ съ Рушаны, и бися с Литвою» (Нов. I. 1224, 39). См. также Ип. 1116 и 1121, 8 и Татищ. III, 3, 112 и 1121 г.

22. «И посажа (Олегъ Свят.) посадникъ по городомъ, и дани нача брати (Лавр. 1096, 108). Посадники Ростиславовы въ Суздальской землѣ «многу тяготу людемъ створиша вирами и продажами» (Ип. 1175, 117).

23. «Аже кто своего холопа самъ досочиться въ чьемъ либо городѣ, а будеть посадникъ не вѣдалъ его, то, повѣдавше ему, поити же ему отрокъ отъ него и шедше увязати и дати ему вязебную 10 кунъ» (Р. П. II, 108). Посл

убіенія Глѣба, старѣйшина града съ отроками приходитъ осматривать тѣло Глѣба и приказываетъ слугамъ стеречь его. Потомъ повелѣваетъ отрокамъ изготовить кораблецъ, на которомъ перевезли тѣло Глѣба (Жит. Бор. и Глѣба). Въ уст. грам. Кн. Ростислава 1150: «или посадникъ что возметь свои тяжи, то съ епископомъ на полы» (Д. А. И. I, 4). «Посадники и тивуны домы пограбиша, не вѣдуще глаголемаго: «идѣ же законъ, ту и обидъ много» (Ип. 1175, 115). И бѣ у нихъ (у Звенигородцевъ) воевода Володимирь мужь Иванъ Халдѣевичъ, изъима у нихъ мужа 3, и уби я, и когождо ихъ перетень на полъ, поверже я изъ града» (Ип. 1146, 22). Янъ Вышатичъ на Бѣлоозерѣ судитъ кудесниковъ бьетъ, мучитъ ихъ и казнитъ смертью (Лавр. 1071, 75).

24. Изъ Устава Свят. Князи Новгор. видно, что Посадники собирали дани, виры и продажи съ гор. и погостовъ (Карам. прим. 267 гл. IX т. II). Георгій Шимоновичъ, державшій княженіе въ Суздальской области отъ Мономаха, посылаетъ боярина Василія въ Кіевъ съ златомъ и сребромъ оковать гробъ Ѳеодосія: Бояринъ противъ воли, вынужденно, исполняетъ приказаніе (Сказан. о постр. Печер. мон.). Янъ Вышатичъ судитъ смердовъ и угрожаетъ Бѣлозерцамъ (Лавр. 1071, 75).

25. «Посадниковъ... домы пограбиша... а самѣхъ и дѣтскіи и мечники его избиша» (Ип. 1175. См. также Жит. Ѳеод. и выше прим. 23 этой главы.

26. «И прія я (Изяслав. Влад.) Муромцы, и посадника я Ольгова» (Лавр. 1095. 78). Перея всю землю Муромьску и Ростовьску, и посажа посадникъ по городомъ» (Лавр. 1096). Изяславъ Мстисл: «посадники оковавъ (Вячеслава Влад.). приведе»(Лавр. 1146); «посла посадники своя» (Изясл. Мст.) въ городы, которые должевъ былъ возвратить ему Кн. Галицкій Влад. (Ип. 1152, 69). «Взя Санокъ городъ, и посадника его яша» (Ип. 1150, стр. 52). «А по Ѳому посла (Кн. Ярославъ), по Доброщиница, по Новоторжскій посадникъ, и оковавъ, поточи я на Тверь» (Нов. I, 1215). См. также выше прим. 8 этой главы.

27. Мономахъ въ поученіи: «на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ» (Лавр. 104).

28. Судья-старѣйшина какого-то города доноситъ Ярославу о чудесномъ избавленіи узниковъ. Ярославъ приказываетъ на томъ мѣстѣ построить церковь. Устроивши церковь Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ, Ярославъ повелѣлъ волостелину города того дати отъ дани той церкви десятую часть. По окончаніи новой церкви въ Вышгородѣ, Изяславъ послалъ къ волостелину города того, рекъ: «даю имъ (древодѣламъ) отъ дани княжи украсить церковь» (Жит. Бориса и Глѣба, въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1859. кн. I); даю церкви сей... отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть. И положи, написавъ клятву, въ церкви сей» (Лавр. 996). Въ Уставѣ Влад: «далъ есмь ты судьи... а кто переобидить нашъ Уставъ... въ которомъ городѣ намѣстникъ, или тіунъ, или судья» (Д. А. И. т. I, I). Въ уст. грам. Смол. Рост: «или посадникъ что возметь свои тяжи, то съ епископомъ на полы» (Д. А. И. I, 4). «И урокомъ дающе Кыеву двѣ тысячи гривенъ отъ году до году, а тысячу Новгородѣ гридямъ раздаваху, и тако даяху посадницы Новгородстіи, а Ярославъ сего не даяше отцю своему.» (Лав. 1014). Въ уставѣ Свят. Новгород: «уряжено преже мене бывшими князи толико отъ виръ и продажь десятины зрѣлъ, олико даній въ руцѣ княжи и въ клѣть его.... ать емлеть пискупъ за десятину отъ виръ и продажь 100 грив. новыхъ кунъ, иже высылаетъ Домажиричь изъ Онѣга; аче не будеть полна ста у Домажирича, а

80 выдасть, а дополнокъ возметъ 20 гр. у князя изъ клѣти»(Карамз. 267, прим. къ гл. т. II IX). «И давъ правду имъ (Ярославъ Новгородцамъ) и уставъ списавъ, глаголюще: «По сей грамотѣ ходите, яко же списахъ вамъ, тако держите» (Ник. I, 1020. Соф. Вр. 1019). Въ Русской Правдѣ подробно опредѣляется, какія виры и продажи слѣдуетъ брать за то, или другое, преступленіе, и какіе кормы и пошлины слѣдуетъ брать за всякое вообще судебное и правительственное дѣйствіе.

29. Подручные Князья—княжіе мужи были при Олегѣ въ Новгородѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Черниговѣ, Переяславѣ и т. д. (Лавр. 13, 10). Тамъ же всегда были и Тысяцкіе. Такъ при Владимирѣ въ Новгородѣ Тысяцкій Угуняй и возлѣ него Посадникъ Добрыня (Лѣт. Іоак. Новгор.). О Тысяц. Переяслав. см. Р. И. II, 48; о Тысяцкомъ Смоленскомъ см. Ип. 1195; о Тысяцкомъ Черниговскомъ см. Ип. 92.

30. Воеводу Новгородскаго Остромира Изяславъ назначилъ Посадникомъ въ этомъ же самомъ городѣ (Ип. 1055. Лавр. 70. Карамзинъ прим. 144. къ II гл. IV, Тат. III, 1115). Въ 1079 Всеволодъ посадилъ Ратибора Посадникомъ въ Тмутаракань (Лавр. 87), а во время княженія Мономаха въ Кіевѣ этотъ Ратиборъ былъ Кіевскимъ Тысяцкимъ (Ип. II, 48). Такую же самую должность онъ занималъ при Мономахѣ еще раньше, въ 1095 году, въ Переяславѣ (Лавр. 97). «Тогда держи Вышгородъ Чюдинъ» (Лавр. 1072). Кто онъ былъ, Посадникъ или Тысяцкій? Вѣроятно и то и другое. Въ 1169 Вышгородъ имѣлъ Тысяцкаго (Ип. 96.)

31. Ип. 1130 г. 8. и Сказаніе о построеніи Печерскаго монастыря.

32. См. выше гл. III прим. 19.

33. См. догов. грам. Новгорода съ Нѣмцами и Готландцами первой половины XIII ст. Посадники не смѣли входить на Нѣмецкой дворъ; могъ являться только посланный отъ Тысяцкаго. Иностранецъ, обиженный Русскимъ, жаловался Тысяцкому и Тивуну Новгородскому, которые и разбирали дѣло... Рѣшеніе спорныхъ дѣлъ между иностранцами и Новгородцами производилось во дворѣ церкви Св. Іоанна (на Торговой сторонѣ), въ присутствіи Новгородскаго Тысяцкаго и Тіуна (Солов. т. III, 46). Въ Уст. Всевол. Мстислав. 1134 г.: «И азъ кн. в. Всеволодъ поставилъ есми Св. Ивану три старосты отъ житьихъ людей (потомки гридей), и отъ черныхъ тысяцкаго, а отъ купцовъ 2 старосты, управливати имъ всякія дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и судъ торговый; а Мирославу посаднику въ то не вступатца, и инымъ посадникомъ въ Иваньское ни во о что же, ни бояромъ Новгородскимъ. А кто хочетъ въ купечество вложиться въ Иванское, дастъ купцемъ пошлымъ вкладу 50 гр., а тысяцкому сукно Ипьское»(Д. А. I). «Начаша бити челомъ.... владыцѣ своему... посадникъ Павша съ мужи своими старѣйшими» (Новг. III, 220). «И присла (Андрей Бог.) Жирослава посадничать съ мужи своими»(Новг. I, 1173, 15). «Бѣжа Константинъ посадникъ и инѣхъ добрыхъ мужъ нѣсколько»(Нов. 1. 1131. 1). Когда посольство состоитъ изъ однихъ только Бояръ, то съ ними отправляется одинъ лишь Посадникъ; когда же въ посольствѣ принимаютъ участіе купцы и житіе люди то съ ними отправляется и Тысяцкій: «а изъ Новгорода позва (Всеволодъ) владыку и посадника Мирошку и вятшіи мужи по сынъ» (Новг. I, 1199, 24) «Новгородцы послали владыку, посадника и старѣйшіе мужи къ Юрію Всев.

но сынъ» (Новгор. I, 1222, 38); въ 1215 г. Новгородцы посылали по Ярослава Всев. «Гюрги Ивановича посадника, и Якуна тысяцкаго, и купецъ старѣйшихъ 10 мужь.» Въ 1321 году послали двухъ посадниковъ, тысяцкаго, и купцовъ; въ 1398 ходили послы и взяли миръ: архимандрить, посадникъ, тысяцкій и житьи люди (Нов. I); въ 1471 г. явились къ В. Кн. Московскимъ: пять посадниковъ и отъ житьихъ пять тысяцкихъ (С. Г. Г. и Д. I, 20 2 гр.). Тысяцкій не участвуетъ въ посольствѣ съ Боярами даже тогда, когда, по какимъ либо обстоятельствамъ, съ ними не могъ отправиться Посадникъ. Такъ, въ 1197 году, когда задержанъ былъ въ Суздальской землѣ Мирошка Посадникъ, Бояре отправились за Княземъ не съ Тысяцкимъ, но съ Сотскими: «идоша изъ Новгорода передніе мужи и сотскіе, и пояша Ярослава»(Нов. I, 119). Что посадникъ жилъ на Софійской сторонѣ и былъ ея начальникъ, это видно также изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописи: Въ 1218 году вспыхнулъ мятежъ на Торговой сторонѣ, пошли въ оружіи на другую сторону рѣки на Посадника Твердислава: «Твердиславъ пойде съ Людинымъ концемъ и съ Прусы, и бысть сѣча у городскихъ воротъ» (Нов. I, 36). Въ 1220 году Князь Всеволодъ отправился на Посадника Твердислава, «хотя убити его.» За Твердислава скопились Прусы, Людинъ конецъ и Загородскій (Новгор. I, 36). Кварталъ Прусы былъ главнымъ мѣстопребываніемъ Боярства и находился на Софійской сторонѣ (см. Костомар. Народопр. т. II, гл. 1-я). Въ 1389 году: «вста-ша три конца Софійской стороны на посадника на Есипа Захарьича, и взвонивше вѣче у Св. Софіи, и поидоша на дворъ его... Есипъ посадникъ бѣжа за рѣку въ Плотницкій конецъ; и вста за него Торговая сторона вся» (Новгор. I, 94).

34 Константинъ Посадникъ, бѣжавшій, по Новгородскимъ лѣтописямъ, изъ Новгорода со многими Боярами къ Всеволоду Мстиславичу, въ Лаврен. и въ Воскресенской лѣтоп. называется Тысяцкимъ Ср. Нов. I, 1127 съ Лавр. 1128 и Воскр. 1137 г.

35. «Бѣ бо Вышьгородъ градъ Ольжинъ.... и есть село ея Ольжичи» (Лавр. 945, 946). Ярославъ, отдавъ своей супругѣ городъ Ладогу (Карамз. и Костом.): «а по своемъ животѣ вда княгини (вдова Ярополка Изяслав.) 5 селъ и съ челядью.... взя градъ (Олькговь) княгининъ Святославлѣе на щитъ... село Зарубъ Ростеды, сестры Князя Смол. Ростислава... села вдовы Влад. Анареевича Дорогобужскаго.... городъ Брагинь, отданный Рюрикомъ снохѣ Верхуславѣ (Ип. 1158, 1159, 1168, 1171, 1189). Въ Новгор. гр. XIII ст.: «ни князь, ни его княгиня, не могли на Новгородской землѣ ставить слободъ, держать села, купить ихъ, или даромъ принимать, ни закладниковъ держать» (С. Г Г. Г. I, 2, 18).

36. Въ грам. Рост. Смол. 1156 г.: «что ся наречеть области Смоленское, или мала, или велика, дань, любо княжа, любо княгинина, или чья си хотя, правити десятину Св. Бог., безъ всякаго отпису дати» (Д. А. И. 1, 4). Въ гр. 1287 г. Влад. Василь. Галицкаго: «далъ есмь княгинѣ своей... городъ свой Кобрынь, и съ людьми и съ данью... село свое Городѣлъ, и съ мытомъ... аже будетъ князю городъ рубити, они (люди села) къ городу, а поборомъ и татарщиной ко князю» (Ип. 215). Въ гр. 1389: «А кому будетъ жалоба сиротамъ на волостеля, и тѣмъ людемъ учинитъ исправу княгиня. Въ гр. 1410 г: «а судитъ княгиня моя удѣлъ свой и тѣ села и бояре свои сама»(С. Г. Г. и I, 39, 40). См. также гр. 1406 и 1462. С. Г. Г. и Д. т. I, 39 и 86. Жена Ярослава Ингигерда отдала Ладогу въ управленіе Шведу Ронгвальду (Костомар. Сѣв. Нар. I, 47).

37. «Мстиславъ распусти дружину по селомъ... Мстиславу же собрашася

дружина въ тотъ день и въ другій, Новгородци, и Ростовци, и Бѣлозерци, Мстиславъ же... исполчи дружину.... и поиде противу ему» (Лавр. 108). Святополкъ «нача собирати вои» (Лавр. 93).

38. Владимиръ, по совѣту своей супруги и своихъ дѣтей, выдаетъ духовенству уставъ о церковныхъ судахъ (С. А. И. I, 1). Всеволодъ въ старости «люби смыслъ уныхъ, совѣтъ сотвори съ ними» (Лавр. 1091. 93). Святополкъ «не съдумавъ съ большею дружиною отнею и стрыя своего, но совѣтъ сотвори съ пришедшими съ нимъ» (Лавр. I, 1098, 93).

39. Лавр. 44, 54, 93. Русск. Правда II, 48.

40. «Ярославъ отлучи отъ Юрга Константиновича... Юрги призва и на снемъ въ Суздаль, и исправивше все нетобье межю собою 7-го сентября... сентября 7 все богатство отъяся отъ него (отъ Кирилла, Епископа Ростовскаго) нѣкакою тяжею, судившю Ярославу тако, ту сущю ему на снемѣ. Паче бо Кирилъ богатъ зѣло кунами и селы, и всѣмъ товаромъ» (Лавр. 1229, 192). По Татищеву: былъ челомъ на Епископа нѣкто въ обидѣ своей Великому Князю Юргю, онъ же велѣлъ судить его брату своему, Ярославу, и обвиня Епископа, все его имѣніе отдалъ за убитки обиженнымъ (Тат. т. II, 454). По словамъ древнѣйшихъ стихотворецъ, Владимиръ на пиру приказалъ сковать Боярина Ставра и поточить все его имѣніе.

41. «Постави церковь (Владимиръ въ Васильевѣ), и створи праздникъ великъ... и созываше бояры своя, и посадники, и старѣйшины, по всѣмъ градомъ, и люди многи....» (Лавр. 54). Въ 1188 году Ярославъ Галицкій передъ смертью со всѣхъ городовъ созвалъ для прощанья всѣхъ Бояръ и знатнѣйшихъ правителей (Тат. т. IV, 280). См. также Лавр. 1072, стр. 78, и Ип. 1115, стр. 6

42. Михалко Юрьевичъ, внукъ Мономаха, какъ былъ чрезъ нѣсколько времени уже скорбенъ, однако же о управленіи земскомъ крайне прилежалъ. Для сего часто, какъ ему возможность допускала, ѣздилъ по городамъ, хотя вѣдалъ вездѣ ли люди право судятся, и нѣтъ ли гдѣ отъ управителей обидъ: «яко же и по селамъ пріѣзжая земледѣльцевъ прилѣжно спрашивалъ, и приходящимъ къ нему двери были не заперты» (Тат. т. IV, 1177, 219). Что такъ было и въ началѣ XII ст., это доказываютъ слова Мономаха: «куда же ходяще путемъ и своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ» (Лавр. 102). См. также прим. 78 гл. II.

43. Лавр. 1071, 76.

44. Изслѣд. Погодина т. IV, 115.

45. Во время княженія въ Кіевѣ Изяслава Давыдовича Бояре его жили и в селахъ Черниговскаго Княжества, прежняго Княжества Изяслава Давыдовича, которое въ это время было уже въ рукахъ Святослава Ольговича (Ип. 85). См. также догов. грам. XIV и XV ст. о распространеніи областной власти (С. Г. и Д. т. I).

46. Во время княженія Мономаха въ Кіевѣ, его посадники сидѣли по Двин (Ип. 1116, 7). Во время княженія въ Кіевѣ Мстислава, его посадники были и Полоцкомъ княжествѣ (Ип. 16). Во время княженія въ Кіевѣ Всеволода Яр полкъ Изяславичъ, Князь Владимира Волынскаго, владѣлъ волостями около Кіе (Ср. Лавр. 88 съ Ип. 81). Всеволодъ Ольговичъ, владѣя Кіевскимъ Княжествомъ сверхъ того владѣлъ и городами земли Вятичъ (Ипат. 18). Юрій Суздальск

владѣлъ городомъ Городкомъ въ Черниговскомъ Княжествѣ (Ип. 66). Ростиславъ Мстиславичъ имѣлъ владѣнія въ Суздальскомъ Княжествѣ (Д. А. И. т. I, 4). Въ 1176 году одному изъ Черниговскихъ принадлежали села Лопасна и Свѣрижскъ въ Рязанскомъ Княжествѣ (Ип. 118).

47. Ярополкъ убилъ Олега «и прія власть его.» Владимиръ убилъ Рогвольда и Ярополка, и овладѣлъ всей Русской землей (Лавр. 33). Святополкъ, убивши Св. Бориса и Глѣба, «и нача помышляти, яко избью всю братью свою и приму власть русскую единъ» (Лавр. 10). Ярославъ не хотѣлъ дѣлиться волостями съ Мстиславомъ и всадилъ въ порубь брата своего, Судислава, овладѣвши его волостью. Святославъ изгналъ изъ Кіева Изяслава, желая больше власти. Владимиръ Мономахъ хотѣлъ отнять у Святославичей Муромъ (Лавр. 65, 78, 97, 108). Святополкъ хотѣлъ отнять у Давыда Игоревича Владимиръ Волынскій, а у Ростиславичей города Червенскіе (Лавр. 114, 117). Володимирко Володаровичъ хотѣлъ лишить волости брата своего, Ростислава (Ипат. III, 232). Мстиславъ овладѣлъ Полоцкимъ Княжествомъ (Ип. 16).

48. Ярославъ, умирая, «наряди сыны своя, рекъ имъ: «Се же поручаю въ собѣ мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему, Изяславу Кыевъ... Аще ти волость Богъ пріяти власть стола моего, по братьи своей (говорилъ Всеволодъ Ярославу) съ правдою, а не съ насиліемъ» (Лавр. 69, 92). И такъ, по мысли Ярослава главнымъ городомъ съ его округомъ наслѣдовалъ послѣ умершаго Князя не сынъ его, но братъ. По смерти Изяслава, Всеволодъ братъ его, овладѣлъ главнымъ городомъ Кіевскаго Княжества и всѣми землями, ближайшими къ этому городу, но часть владаній Изяслава оставилъ за его дѣтьми, Святополкомъ и Ярополкомъ (Лавр. 87. Тат. III, 135). Еще прежде, по смерти Святослава, его братья отняли у его дѣтей главный городъ его Княжества, Черниговъ, съ его округомъ, а прочія владѣнія Святослава, Муромско-Рязанскій край и Тмутаракань, оставили за его дѣтьми. Племяннику Ростиславу Ярославичи дяди сначала дали Суздаль, потомъ перевели его на Волынь, а послѣ его бѣгства и смерти въ Тмутараканѣ, его дѣтей надѣлили городами въ Галицкомъ Княжествѣ (Тат. и Лавр. 109). Черниговскимъ столомъ владѣли поперемѣнно всѣ братья Святославичи (Ип. 1128). Всеволодъ Ольговичъ, слѣдавшись Княземъ Кіевскимъ, отказался отъ Чернигова съ его округомъ въ пользу Изяслава Давыдовича, но оставилъ за собою часть Черниговскаго Княжества, Вятичи (Ип. 16). «Сѣдящю бо ему (Всеволоду въ Кіевѣ), печаль бысть ему отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ ся, овъ же другое; се же, смиривая ихъ, раздаяше волостѣ имъ» (Лавр. 1093, 93).

49. Святославичи силою оружія отстояли свои права на Черниговское Княжество (Лавр. 85, 86). Всеволодъ Ольговичъ не хотѣлъ признать за дядею, Ярославомъ, права на Черниговское Княжество, и силою оружія изгналъ его оттуда (Ип. 1128). Всеславъ отстоялъ отъ Ярославичей свои наслѣдственныя права на Полоцкое Княжество, а Андрей Мономаховичъ отстоялъ отъ Ольговичей свои права на Переяславское Княжество (Ип. 16).

50. См. выше прим. 48 этой главы.

51. Лавр. 75, 89, 93.

52. Лавр. 93.

53. Лавр. 85 и Тат. т. III, 131. Лавр. 85, 86, 96. Ип. 4.

54. Ипат. 4, 8, 10.

55. Тат. т. III, стр. 117.

56. «Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомъ даюшю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года» и т. д. (Лавр. 1014, 56). «И взяхъ отцю 300 гривенъ золота» (Лавр. 1096, 103).

57. «Первое къ Ростову идохъ сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець... а мене посла Смолиньску... а на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ» (Лавр. 1066, 103). Въ 1111 году отправляются въ походъ противъ Половцевъ: Святославъ съ сыномъ Владимиромъ съ сыномъ, и Давыдъ съ сыномъ (Ип. 1111). «Посла Володимеръ сына своего, Всеволода, на Донъ» (Ип. 1116).

58. «Бѣ бо Святополкъ съ Володимеромъ рядъ имѣвѣ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой въ немъ, а Володимеру посадити сынъ свой Володимери. И приде МстиславъКіеву» (Лавр. 1102, 117). «Приведе Володимеръ Мстиславичъ изъ Новагорода, и дасть ему отець Бѣлгородъ, а Новгородѣ сѣде Мстиславичъ» (Ип. 1117). Владиміръ съ Мстиславомъ послали въ заточеніе Сотскаго Новгородскаго и Бояръ Новгородскихъ за грабительство. Въ то время въ Новгородѣ былъ Княземъ Всеволодъ Мстиславичъ (Нов. I, 1118). Изяславъ Мстиславичъ отправляется въ Новгородъ, гдѣ былъ сынъ его, защищать Новгородскую землю отъ Юрія, и созываетъ вѣче въ Новгородѣ» (Ип. 1158, 40).

59. «Се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу, Кыевъ, сего послушайте, яко же послушасте мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто» (Лавр. 69). «Не буди мнѣ взяти руки на брата своего старѣйшаго (говорилъ Борисъ); аще и отецъ ми умре, то сь мы буди въ отца мѣсто» (Лавр. 1015). Вячеславъ... надѣясь на старѣйшинство... «не приложи чести ко Изяславу» (Ип. 1146). Юрій жалуется, что его сыновецъ Изяславъ, сняль съ него старѣйшинство, овладѣвши Кіевомъ (Ит. 43). Юрій говоритъ старшему брату, Вячеславу: «Ты мнѣ еси яко отець» (Ип. 61, 1151 г.). Изяславъ Мстиславичъ говоритъ Вячеславу Владимировичу: «Ты ми еси отець, а Кыевъ твой поѣди въ онь» (Ип. 50, 1150 г.).

60. Въ 1093 году, при нападеніи Половцевъ, Святополкъ послалъ къ Владиміру Мономаху, дабы помогъ ему, Володимеръ же «собра вои свои и посла и Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помагати Святополку» (Лавр. 93). Ростиславъ Смоленскій, узнавши случайно, что Ольговичи воюютъ съ его стрыемъ, Вячеславомъ, и съ его старшимъ братомъ. Изяславомъ, не объявляя войны Ольговичамъ, напалъ на ихъ волость Гомій (Ип. 1142, 18). Ярославъ рекъ Изяславу: «Аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай его же обидить» (Лавр. 69) .. и нарекъ мя старѣйшину собѣ...«Ты мя еси братъ, а я тобѣ и положу голову свою за тя,» отвѣчалъ Изяславъ Всеволоду, просившему отъ него помощи (Лавр. 87).

61. См. выше прим. 48 этой главы.

62. «Кождо да держитъ отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославло» (Лавр. 109). Мономахъ уступаетъ Святополку Кіевъ не по тому, что Святополкъ былъ сынъ отъ старшаго брата, но по тому, что отецъ Святополка владѣлъ Кіевскимъ столомъ дальше отца Мономахова: «Аще сяду на столѣ отца своего (говорилъ Мономахъ

о имать рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отъ отца его былъ» (Лавр. 1093, 93).

63. Въ 1126 году, при нападеніи Половцевъ на Переяславское Княжество Ярополкъ, по словамъ лѣтописи, не жда отъ брата помощи» (Князя Кіевскаго Мстислава), ни отъ другого, но самъ отрази врагы» (Ип. 10). Въ 1088 году в. Кіевскій Всеволодъ требовалъ отъ Ляховъ, чтобы они возвратили плѣнниковъ, захваченныхъ ими въ областяхъ Святополка и Давыда, и когда Ляхи не удовлетворили его требованія, то послалъ сыновцевъ своихъ, Святополка, Олега и Давыда, и сына Владимира, воевать Лядскую землю (Тат. т. III, 140). Тотъ же Князь посылалъ младшихъ Князей воевать Корсунянъ за грабежъ русскихъ кораблей (Тат. т. III, 156). «Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ всимъ съвъкупитися у себе съ всими полкы своими» (Ип. 94). Почти всѣ походы на Половцевъ въ первой половинѣ XII ст. совершались подъ начальствомъ Князей Кіевскихъ (См. Лѣт. Лавр. и Ипат.).

64. Въ 1128 году, Всеволодъ Ольговичъ «и стрыя своего, Ярослава, Черниговѣ, изѣхавъ и... Мьтиславъ же съ Ярополкомъ съ вои хотяще ити на Всеволода про Ярослава.... Всеволодъ жь нача ся молити Мстиславу» (Ип. 11). Въ 1134 году Давыдъ Игоревичъ и Ростиславичи выгнали изъ города Владимира Ярополка Изяславича. Ярополкъ Изяславичъ обратился съ жалобою къ Князю Кіевскому, Всеволоду. Всеволодъ послалъ съ войскомъ сына своего, Владимира, который снова посадилъ Ярополка во Владимирѣ (Лавр. 88, Тат. т. III, 137). Въ 1088 году Всеволодъ, Князь Кіевскій, слыша отъ Давыда Игоревичъ и Святополка частыя жалобы Изяслава на Ростиславичей, посылалъ ихъ увѣщевать, но видя, что чрезъ посланныхъ не могъ умирить, пошелъ самъ съ Кіевскимъ войскомъ (Тат. т. III, 140).

65. При Мономахѣ Володарь Перемышльскій въ 1123 году воевалъ Польскія пограничныя области, а въ 1124 году, по просьбѣ Короля Угорскаго, ходилъ съ войскомъ въ помощь противъ Императора Нѣмецкаго (Тат. т. III, 223). При Мономахѣ сынъ его, Георгій, въ 1120 году ходилъ по Волгѣ на Болгаръ (Ип. 8).

66. Въ 1116 году Глѣбъ (Минскій) воевалъ Дреговичи и «Случескъ повоевалъ, и не каяшеться о семъ, ни покоряшеться, но болѣ противу Володимеру глаголаше, укоряя и Володимеръ съ сынами, и съ Давыдомъ Святославичемъ и съ Ольговичи, поиде къ Меньску, и обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимера... Володимеръ же, омиривъ Глѣба, и наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ» (Ип. 7). Въ слѣд. 1117 году Мономахъ отнялъ у Глѣба волость и его самого заточилъ въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ (Ип. 8). Князья Полоцкіе заточены были (въ Царьградъ) Мстиславомъ, Великимъ Княземъ Кіевскимъ, «зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли и зовашеть въ Русскую землю въ помощь» (Ип. 15). Святополкъ и Володимеръ «посласта къ Ольгови, веласта ему поити на Половци съ собою»(Лавр. 109 597). Князь Кіевскій Всеволодъ послалъ съ войскомъ сына своего, Владимира, и племянниковъ, Давыда Игоревича и Ярополка Изяславича, въ помощь Нѣмецкому Императору, Генриху, противъ Угорскаго Короля, Гейзы (Тат. т. III, стр. 136). На Вѣтичевскомъ съѣздѣ Князья постановили отнять у Давыда Игоревича, за ослѣпленіе имъ Василька, городъ Владимиръ (1100, Лавр. 116). «Заратися Ярославъ Ярополчичъ Брести, и иде

на нь Святополкъ, и емъ и, и окова и приведе и Кыеву (1101, 1103, Лавр. 117). Этотъ князь Берестія умеръ въ Кіевѣ въ темницѣ (Тат. т. III, 198). Въ 1117 году «иде Володимеръ на Ярослава (Святополковича) къ Володимеру, и Давыдъ Ольговичь, и Володарь, и Василько, и оступиша и въ городѣ... Ярославу покорившуся... и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, «когда ти позову.» Въ томъ же году этотъ Князь лишенъ волости и ушелъ въ Угрію (Ип. 8). По Татищеву: Ярославъ Свят., подущаемый Поляками хотѣлъ усилиться на счетъ области Ростиславичей. За это Мономахъ сначала звалъ его на судъ передъ Князей, и когда онъ не явился, пошелъ противъ него съ войскомъ (Тат. т. III). Въ 1096 году Святополкъ и Володимеръ «посласта къ Ольгови, глаголюща сице: «Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Руськой землѣ»... «Нѣсть мене лѣпо судити»... (Лавр. 98). На Вѣтичевскомъ съѣздѣ Давыдъ Игоревичъ говоритъ: «На что мя есте привабили? А се есмь: кому до мене обида?» (Лавр. 116).

67. Въ 1097 году Владимиръ Мономахъ и Давыдъ и Олегъ Святославичи говорили Святополку: «Чему еси слѣпилъ братъ свой? Аще ти бы вина какая была на нь, обличилъ бы и предъ нами, и упрѣвъ бы, и сотворилъ ему» (Лавр. 111). Мономахъ не рѣшается безъ совѣта другихъ Князей изгнать Евреевъ изъ Русской земли (Тат. т. III, 212). Въ 1093 году Мономахъ упрекалъ Святополка что онъ понималъ и обезчестилъ пословъ Половецкихъ, не посовѣтовавшись съ нимъ и съ прочею братьею, и съ старѣйшими вельможами Кіевскими (Татищ. т. III, 147).

68. Въ 1097 году «князья сняшася Любичѣ на устроенье мира,» и постановили: «Кождо да держитъ отчину свою... Да аще кто отселѣ на кого будетъ то на того будемъ вси»... (Лавр. 109). Въ 1100 году Князья съѣхались въ Вѣтичевѣ для суда надъ Давыдомъ Игор. и постановили: отнять у послѣдняго городъ Владимиръ, а у Ростиславичей Теребовль (Лавр. 116). Въ 1102 году Князья съѣхались сначала на Залотьчи, для совѣщанія о походѣ противъ Половцевъ, а за тѣмъ у Сакова, для заключенія съ ними мира (Лавр. 117). Въ 1103 году Святополкъ и Владимиръ съ своими дружинниками въ Долобскѣ порѣшили предпринять общерусскій походъ противъ Половцевъ. Съѣздъ былъ по приглашенію Святополка (Ип. т. II, с. 1. Лавр. 118). Въ 1072 году Князья собрались въ Вышгородѣ съ Духовенствомъ и Боярами для перенесенія мощей Бориса и Глѣба. При этомъ происходили пиршества (Лавр. 78). Съ такою же цѣлью Князья собирались въ Вышгородѣ и въ 1115 году (Ип. 6). «По Ярославѣ же паки съсѣкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и муки ихъ, Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша убіеніе за голову, но куны ся выкупати; а ино все, яко же Ярославъ судилъ, тако же и сынове его устависа» (Р. П. II, 2). Во время Мономаха Князья съѣхались въ Кіевъ и постановили: выслать всѣхъ Жидовъ изъ Русской земли, и о своемъ постановленіи разослали грамоты по всѣмъ городамъ (Татищ. т. III, 213). Въ 1035 году за 20 лѣтъ до смерти Ярослава, который умеръ въ 1055) Новгородцы просили Ярослава, дабы далъ имъ грамоту, по чему судить и дани давать; понеже прежде данная имъ неспособна; онъ же повелѣлъ сынамъ своимъ, Изяславу Святославу, созвать людей знатныхъ въ Кіевъ, и отъ Кіевлянъ, Новгородцевъ и иныхъ городовъ, сочинить законъ, еже и учинили, и имъ грамоты далъ, как

судить и дани давать, и отдавъ, заповѣдалъ по всѣмъ градомъ по оной поступать непремѣнно (Татищ. 1035). См. также выше прим. 40 этой главы.

69. По мнѣнію Сергѣевича (Вѣча и Князь, стр. 130): «Древняя Русь не знаетъ обязательныхъ съѣздовъ, на которые Князья должны были бы являться для обсужденія вопросовъ общихъ всей Русской землѣ; Князья имѣли право съѣзжаться для обсужденія какихъ либо общихъ цѣлей, но не были къ тому обязаны.» Что это мнѣніе, котораго Сергѣевичъ не подтвердилъ никакими данными, невѣрно, это показываютъ слѣдующія данныя: въ 1117 году Владиміръ, усмирившій Ярослава Святополковича, повелѣлъ ему къ себѣ приходити, «когда ти позову» (Ип. 8). Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали приглашеніе къ Олегу Святославичу, чтобы онъ явился на съѣздъ въ Кіевъ, для совѣщанія о мѣрахъ обороны Русской земли отъ поганыхъ. «Олегъ же не въсхотѣ ити къ братома, послушавъ злыхъ совѣтникъ.» За такой отказъ явиться на съѣздъ, Святополкъ и Владиміръ объявили ему войну, говоря такъ: «Да се ты ни на поганыя идеши, ни на совѣтъ къ нама, то ты мыслиши на наю, и поганымъ помогати хочеши, а Богъ промежи нами будетъ» (Лавр. 98).

70. На съѣздѣ въ Долобскѣ и въ Вѣтичевѣ принимали участіе въ совѣщаніяхъ только дружинники Князей (Лавр. 1100, 116, 1103, 118); но Святополкъ и Владиміръ приглашаютъ Олега: «Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русѣй земли предъ епископы и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми граскими, да быхомъ оборонили Руськую землю отъ поганыхъ» (Лавр. 98). На съѣздѣ, на которомъ Ярославичи отмѣнили кровную месть, участвовали и Тысяцкіе (Р. П. II, 11); а на съѣздѣ, на которомъ Ярославичи, еще при жизни отца, издали новыя грамоты о судѣ и данях, принимали участіе Бояре и знатнѣйшіе граждане отъ разныхъ городовъ (Татищ. т. III, 1035, 105).

71. Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ говорятъ Олегу: «Иди къ брату своему, Давыдови, и придѣта Кыеву на столъ отець нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей Кыевъ, ту достойно снятися и порядъ положити» (Лавр. 98).

72. См. выше прим. 68.

73. Лавр. 1097, стр. 109, 1100, 116, 1103, 118. По мнѣнію Сергѣевича (Вѣче и Князь, стр. 131), «Княжескіе съѣзды не имѣли права издавать обязательныхъ для Князей постановленій. Вся ихъ дѣятельность ограничивалась договорами и соглашеніями. Постановленія съѣзда были обязательны только для участниковъ его и на сколько они согласились съ ними. Если тотъ, или другой, изъ участниковъ съѣзда не приходилъ ни къ какому соглашенію съ другими, онъ былъ свободенъ оставить собраніе, и для него не возникало никакихъ послѣдствій изъ такого съѣзда.» Въ доказательство Сергѣевичъ ссылается на данныя, изложенныя въ лѣтописяхъ подъ слѣд. годами: 1170, 1382, 1183, 2189, 1301. Такъ какъ приведенные Сергѣевичемъ данныя относятся къ тому періоду времени, когда государственный строй Руси былъ совершенно другой, чѣмъ въ началѣ XII столѣтія, по этому и мнѣніе Серьгѣевича, основанное на этихъ данныхъ, совершенно невѣрно относительно начала XII столѣтія.

73. «А Новгородъ великій старѣйшинство имать княженью во всей Русской землѣ» (Лавр. 1204)... «И кто убо не возлюбитъ Кіевскаго княженія, понеже

стр. 19). Въ походѣ противъ Галицкаго Князя участвуютъ и всѣ Бояре (Никон.). По Татищеву Всеволодъ Ольговичъ, желая отдать столъ Кіевскій Игорю Ольговичу, предъ смертью созывалъ на совѣщаніе всѣхъ Кіевскихъ Бояръ, которые обѣщали исполнить его волю (Тат. т. III, 1146 г.).

14. «И бояры многи изоимаше (Изяславъ Мстиславичъ), и тако тѣхъ на искупѣ пустише» и т. д. (Ип. 1146 г. и Татищ. т. III), 1146 г. «Дюрги (овладѣвши Кіевомъ) поваби Вячеслава на столъ Кыеву, бояре же размолвыша Дюрги, рекуче: «Брату твоему не удержати Кыева, да не будеть его ни тобѣ, ни оному» (Ип. 1150, 48).

15. Ип. 1161, стр. 89.

16. «Окоянніи бояре, Петръ Борисовичъ, и Нестеръ Жидиславичъ, и Яковъ Дигинеевичъ... начаша клеветати на Великаго Князя Мстислава Изяславича Кіевскаго ко Князю Давыду Ростиславичу, яко хощетъ васъ Мстиславъ Изяславичъ изымати, Онъ же повѣда брату своему, Рюрику Ростиславичу; и тако бысть межи ихъ смута и ненависть» (Ник. т. II, 1168 г. с. 199). «Окоянніи же бояре Кіевстіи, Петръ Бориславичъ, и Нестеръ Жидиславичъ, и Яковъ Дигинеевичъ, начаша коромолити и тайно ссылатися со Княземъ Мстиславомъ Андреевичемъ и со иными Князи, како предати имъ градъ Кіевъ» и т. д. (Ник. т. II, 1170, стр. 204).

17. «Выдайте ми Григорія Хотовича, и Степаньца, и Олексу Святославича, яко тѣ суть уморилѣ брата моего, Глѣба» (Ип. 1174, 108).

18. Романъ же опасаясь въ Кіевѣ безъ своихъ войскъ быть, понеже Кіевляне имъ недовольны были, выѣхалъ въ Бѣлгородъ. Кіевляне лучшіе, собрався, поѣхали къ Святославу, и, объявя ему, что Романъ выѣхалъ, просили его на престолъ отеческій въ Кіевъ (Татищ. т. IV, стр. 218).

19. Ип. 1146, 1150, 1058, стр. 81. Лавр. 1202, 176. По смерти Изяслава Мстиславича: «плакася по немъ вся Русская земля, и вси Черніи Клубуци, яко по цари и господинѣ своемъ, наипаче же яко по отци» (Ип. 1154, 74) По смерти Мстислава Ростиславича «плакашеся по немъ вся земля Руськая, не може забыти доблести его, и Черніи Клубуци вси не могуть забыти приголубленія его» (Ип. 1179, 121).

20. Ип. 1146, 1139, 1174.

21. Изяславъ Ярославичъ возвратился въ Кіевъ, съ помощью Ляховъ (Лавр. 74, 1068). Всеволодъ Ольговичъ овладѣлъ Кіевскимъ столомъ своими собственными полками: «изрядивъ полки и зажигая дворы въ Копыревѣ конци» (Ип. 1140, 15). Изяславъ Давыдовичъ въ 1154 г. съ помощью Половцевъ: «они же (Кіевляне) бояхуся Половець» (Ип. 1154, 76), а въ 1157 году съ помощью своихъ дружинъ и союзныхъ Князей (Ип. 1157, 81). Святославъ Всеволодовичъ захватилъ въ 1174 г. Кіевъ, «съвокупився съ братьею и поѣха изъѣздомъ» (Ип. 1174, 110), а въ 1180 г. съ братьями, Половцами и по соглашенію съ своимъ соперникомъ, Рюрикомъ Ростиславичемъ (Ип. 1180, 124).

22. Ип. 1113, 4; 1146, 24, 25.

23. Изслѣд. Погодина т. IV, стр. 355—357). Въ періодъ времени отъ взятія Кіева Боголюбскимъ (1171 г.) до разоренія этого города Батыемъ, изъ 16 Кня

зей 12 было изъ племени Мономаха и только 4 изъ племени Князей Черниговскихъ (тамъ же).

24. Въ 1151 году Черные Клобуки, явившись въ Кіевъ, со всѣми своими вежами и стадами, помогать Изяславу Мстиславичу, пожгли пригородныя села и опустошили огороды своихъ союзниковъ посадскихъ людей этого города (Ип. 1151, 60).

25. Въ битвѣ подъ Переяславлемъ: «и первые побѣгоша Поршане... и по сихъ Кыяне»(Ип. 1149 г. 44). Поршанами назывались Черные Клобуки, жившіе по рѣкѣ Роси (Ип. 1150, 51). «Погании, видѣвши силу велику у Володимера, и убоящася... и начаша Чернiи Клубуци молвити Изяславу: «Не погуби насъ, ни самъ не погини!» и т. д. (Ип. 1150, 51); «наипаче же Чернiи Клубуци отъ того утягоша,» т. е., чтобы не вступать въ битву (Ип. 1151, 59).

26. «Начаша слати по Мстислава братья, и Кыяне отъ себе послаша, и Черные Клубуци отъ себе послаша» (Ип. 1169, 96). «Оступиша весь градъ Кыевъ.... бысть брань крѣпка отвсюду... Берендичи же и Торци льстяху подъ Мстиславомъ»... Мстиславъ Изяславичъ бѣжа изъ Кыева: «и постигше ихъ Бастѣева чадь, начаша стрѣляти въ плечи ему» (Ип. 1171, стр. 100).

27. Ип 1146, 1171, 1174. Лавр. 1202.

28. См. событія Кіевской Руси отъ 1171 г. по Ип. и Лавр. спискамъ.

29. Лавр. 1097, 1100, 1101. Ип. 1117, 1116, 1123.

30. Татищ. т. III, 1143. Ип. 1141, 1144, 1146, 1152, 1153.

31. Густ. 1206, 329. Ип. 1202, 155.

32. Ип. 1173. Густ. 1173.

33. Ип. 1187 и 1188.

34. Кадлубекъ II, стр. 127. Солов. И. Р. II, стр. 313. Карамз. т. III, 65. Густ. 1199—1205.

35. Ип. 1202—1240. Густ. 1205—1233.

36. Ип. 1144, 1159.

37. Ип. 1146, 1159, 85.

38. Ип. 1144, 1146, 1159.

39. Ип. 1189, 1188. Густ. 1199. Ип. 1202, 1209. Густ. 1211. Ип. 1238, 1235.

40. Ип. 1208, 1226, 1235.

41. Ип. 1153, 1187, 1190, 1202, 1208, 1124.

42. Ип. 1187, 1189. Тат. т. IV, 1189. Тат. т. IV, 1197 и Карамз. III, 65.

43. Ип. 1209. Густ. 1211. Ип. 1209. Ип. 1210, 1123.

44. Владиміръ Ярославичъ, изгнанный Боярами, возвратилъ свою отчину при помощи Поляковъ и въ слѣдствіе вмѣшательства въ дѣла Галицкія Всеволода Суздальскаго (Ип. 1190). Романъ Мстиславичъ, изгнанный изъ Галича и Владиміра Волынскаго, снова утвердился на Волыни, получивши помочь отъ Рюрика Ростиславича, Князя Кіевскаго, и при помощи Поляковъ вторично овладѣлъ всей Галицкой землей (Ип. 1188. Густ 1199). Вдовствующая супруга Романа и ея дѣти, тѣснимыя Боярами и сосѣдними Князьями, нѣсколько разъ уходили въ Угрію и въ Польшу, и нѣсколько разъ, съ помощью Поляковъ и Угровъ, снова

возвращались на родину (Ип. 1203, 1204, 1208, 1209. Густ. 1212). Въ 1118 Угорскій Король, Бела, вытѣснивши изъ Галицкой земли Романа Мстиславича Волынскаго, посадилъ тамъ на княженіе сына своего, Андрея (Ип.), Князь Польскій, Лешко, вытѣснивши изъ Владимира Волынскаго Святослава Игоревича, посадилъ тамъ на княженіе, по желанію тамошнихъ Бояръ, Александра Бѣльскаго Ип. 1204). Князь Польскій, Лешко, и Король Угорскій, Андрей, по взаимному соглашенію, овладѣли всей Владимиро-Волынской землей, и подѣлили ее между собою (Ип. 1211. Густ. 1213). См. также Густ. 1216, 1231. Ип. 1210, 1213, 1235.

45. Лавр. 1021, 63; 1060, 1066, 72; 1068, 1071, 75; 1096, 103; 1103, 118; 1104, 119. Ип. 1116, 7; 1117, 8; 1119, 11; 1128, 21.

46. Ип. 1130, 1132, 1140. Тат. т. III, 1130.

47. Ник. т. II, 1132. Воскр. т. VII, 1131, стр. 29. Татищ. т. III, 1132, 244.

48. Ип. 1140.

49. 1119. «Володимеръ взя Менскъ у Глѣба Всеславича, самого приведе Кыеву. Того же лѣта преставися Глѣбъ Всеславичь въ Кыевѣ» (Ип. 8, т. II). Изяславъ Мстиславичъ «отда дщерь свою Полотску за Рогвольда Борисовича» (Ип. 19, 1143). «Иде Рогвольдъ Борисовичь отъ Святослава Ольговича искать собѣ волости, поемъ полкъ Святославль, зане не сотвориша милости ему братія его, вземше надъ нимъ волость его и жизнь его всю» (Ип. 1159, стр. 82). Въ этомъ году Святославъ Ольговичъ дѣйствуетъ за одно съ Ростиславомъ Мстиславичемъ и Мстиславомъ Изяславичемъ противъ Ивана Берладника и не защищаетъ Изяслава Давыдовича отъ Мстиславичей (см. Ип. 1159 г.). Въ этомъ же году Рогвольдъ Борисовичъ «совокупи вои многи Полчаны, и Ростиславъ Мстиславичь пусти ему два сына въ помощь, и поидоша на Ростислава (Глѣбовича) къ Мѣньску» (Ип. 1159, 83). Въ 1160 г. «ходи Рогвольдъ съ Полчаны на Ростислава Глѣбовича къ Мѣньску; послалъ же бяше Ростиславъ изъ Кыева помочь Рогвольду съ Жирославомъ Нажировичемъ, Торкъ 600, а ты померше голодомъ и прадоша пѣши, не дождавше мира» (Ип. 86). Въ 1167 году Володарь Глѣбовичъ (братъ Рост Глѣб.) отнялъ Полоцкъ у Всеслава Васильк. (родственника Рогвольда Борисовича). Давыдъ Ростиславичъ, внукъ Мстислава, изгналъ Глѣбовича и снова ввелъ въ Полотскъ Всеслава (Ип. 93, 1167). Въ 1168 году, въ слѣдствіе изгнанія Новгородцами сына Ростислава Мстиславича, Полочане, гдѣ былъ Княземъ Всеславъ Васильковичъ, дѣйствуютъ противъ Новгорода за одно съ Смоленскими Князьями (Тат. т. IV). Въ 1178 г. Романъ Смоленскій защищаетъ Всеслава Васильковича Полоцкаго отъ Новгородцевъ (Ип.). Въ 1180 г., во время борьбы Князя Черниговскаго, Святослава Всеволодовича (онъ былъ женатъ на Васильковнѣ Полоцкой Князя; см. Ип. 1143), съ Всеволодомъ Суздальскимъ и Ростиславичами Смоленскими, на сторонѣ Смоленскихъ Князей былъ Глѣбъ Рогвольдовичъ, Князь Друцкій, а на сторонѣ Черниговскаго Князя Брячиславъ Васильковичъ изъ Витебска, Всеславъ Васильковичъ изъ Полоцка, Всеславъ Микуличъ изъ Логожеска и т. д. См. Ип. 1180.

50. Ип. 1151, 66; 1158, 1159.

51. Ип. 1160, 1162, 1167, 1180. Татищ. т. IV, 1182. Тат. т. IV, 1186. Новг. I, 1185.

52. См. выше прим. 49.

53. «Володарь не цѣлова креста, тѣмъ оже ходяше подъ Литвою въ л

къ» (Ип. 1159 г. 83). «Приходи Рогвольдъ на Вододаря (Глѣбовича) съ Полоцы къ Городцю, Володарь же не да ему полку въ дне, на ночь выступи на нь з города съ Литвою, и много зла створися въ ту ночь, онѣхъ избиша, а дру- руками изоимаша множество, паче избѣеныхъ» Ип. 1162, 91). «И придоша лоцьскіи князи въ стрѣтеніе, помагающе Святославу. Васильковича, Брячьславъ з Витебьска, братъ его, Всеславъ, съ Полочаны, съ ними же бяхуть и Либь Литва» (Ип. 124, 1180 г.). Князь Полоцкій съ братьею пошелъ на Литву... ксенью придоша Полочане съ Литвою на Луки, и пожгоша хоромы» (Новг. I, 91, 1198. Тат. т. IV, 1192). Въ 1217 у Князя Полоцкаго, Бориса Давыдовича, иетъ въ городѣ дружина изъ Поморянъ (Тат. т. IV, 1217).

54. Тат. т. IV, 1217 годъ.

55. Въ 1174 г. на Ростиславичей къ Вышгороду Андрей Боголюбскій, «и лоцкимъ княземъ поити повелѣ всимъ» (Ип. 1174). Въ 1170 въ ополченіи дрея Боголюбскаго, осаждавшемъ Новгородъ, находятся и Князья Полоцкіе (Тат. IV, 1170). Давыдъ Ростиславичъ «сѣде въ Витебскъ, а Романови, Вячеславлю уку, да Ростиславъ Васильевъ и Краснъ» (Ип. 1165). Въ 1186 году Давыдъ Смоенскій пошелъ съ войскомъ на Полоцкъ, да изъ Новгорода сынъ его, Мстиславъ, Новгородцы, изъ Логожска Василько Владимировичъ, изъ Друцка Всеславъ. лочане, увѣдавъ, что имъ не возможно бороться съ Давыдомъ, дали ему возграждение за обиды, и заключили миръ (Тат. т. IV, 1186. Нов. I, 1185). Въ 1229: «Fürst Mstislaw Dawidowitsch von Smolensk schliest durch seine besten Po- zugleich für Smolensk und die Fürsten von Polozk und Witebsk mit den Rigischen d den Handelsleuten am Gothländischen Ufer (in Wisby) eine Vereinbarung auf genseitige Rechtspflege und Handelseinigkeit» (Русско-Ливонскіе акты, собр. Наорскимъ № 2). Въ 1151 г. Полочане, изгнавъ Рогвольда Борисовича, «прислашася Святополку Ольговичу (Черниг. Князю) съ любовью, яко имѣти отцемъ собѣ, и ити въ послушаніи его, и на томъ цѣловаша крестъ» (Ип. 66). Въ 1180 году, время борьбы Черниговскихъ Князей съ Всеволодомъ Суздальскимъ и Смоенскими Князьями, на сторонѣ Смоленскихъ Князей Князь Друцка, Глѣбъ Рогольдовичъ, а на сторонѣ Черниговскихъ Князей—Князья изъ Витебска, Полоцкаго Логожска (Ип. 1180). Въ 1195 году снова Полоцкіе Князья помогали Ольичамъ въ борьбѣ ихъ съ Смоленскими Князьями (Ип. 147. Тат. т. IV, 1195). 1182 году Василько Друцкій, сынъ Ярополка, поссорившись съ Владимиромъ, ским, призвалъ Поляковъ и Мазовшанъ, взялъ Берестъ, и оставилъ тамъ ковъ. Владиміръ Володаревичъ, получивши помощь отъ Польскихъ Князей, ел на Василька и разбилъ его, Василько убѣжалъ къ тестю своему, Лешку, имѣя дѣтей, уступилъ ему всѣ свои владѣнія. Узнавши объ этомъ, Ро- Мстиславичъ Волынскій пошелъ въ Подлашію, и выгналъ оттуда Василь- тестемъ (Тат. т. IV). Внукъ Полемона Корнусъ, около 1048 года, завладѣлъ тельною частью земель Кривскихъ до рѣки Дзитвы. Внукъ Гимбутовъ, Ердъ, отнялъ, въ 1065 году, отъ Полоцкихъ Князей Нерому и Пелузію. Мин- около 1190, или 1220 г., овладѣлъ Полоцкомъ (Обозрѣніе исторіи Бѣлорусъ древнѣйшихъ временъ, Турчиновича, стр. 47, 49 и примѣч. 96, 98 и 100). 06 году одинъ изъ Русскихъ Князей въ Ливоніи Василій Рогвольдовичъ, всту въ подручную зависимость отъ Епископа Рижскаго, Альберта, и уступилъ ловину своихъ владѣній Кокенмойскихъ. Въ 1208 году всѣ владѣнія этого съ городомъ Кокенгаузеномъ, перешли во власть Рижскаго Епископа Въ

этомъ же году и другой Русскій Князь въ Ливоніи, Всеволодъ, владѣтель Герси ке, вступилъ въ такую же зависимость отъ Рижскаго Епископа. Около 121 года Полоцкій Князь отказался отъ всѣхъ своихъ верховныхъ правъ на Ливоні (Обозр. Ист. Бѣлорусіи, Турчин. 64— 69. Сѣвероруск. народ Костомар. I, 333, 337)

56. Умеръ Вячеславъ Ярославичъ въ Смоленскѣ, «и посадиша (Ярослави чи) Игоря въ Смоленскѣ, изъ Володимера выведше» (Лавр. 1056). Всеволодъ, сдѣ лавшись Кн. Кіевскимъ, перевелъ Владимира изъ Смоленска въ Черниговъ (Тат т. III, 1078 г.). Въ Поученіи Мономаха: «а мене посла (Всевол.) Смоленску» (Лавр 103, 1096). Въ 1095 г. Мономахъ, съ согласія Князя Кіевскаго, Святополка, отпра вилъ въ Смоленскъ сына своего, Изяслава (Тат. т. III). Въ 1113 г. Мономахъ, сдѣ лавшись Княземъ Кіевскимъ, посадилъ сына, Святослава, въ Переяславлѣ, а Вяче слава въ Смоленскѣ (Ип. 1113 г.). Въ 1140 г. Всеволодъ Ольговичъ, сдѣлавшис Княземъ Кіевскимъ, хотѣлъ отнять Смоленскъ у Ростислава Мстиславича(Ип 1140 Ростиславъ Мстиславичъ, сдѣлавшись Княземъ Кіевскимъ, отдалъ Смоленск сыну своему, Роману (Ип. 86 и 88).

57. Ип. 1175.

58. Ип. 1180.

59. «Преставися Князь Смоленскій, Давыдъ Ростиславичъ; духовенство и вс Бояре проводили его въ могилу, но народъ не провожалъ его и не оплакивал По словамъ лѣтописи, Давыдъ Ростиславичъ, имѣлъ слѣдующія добродѣтели: сна жалъ монастыри и церкви, кормилъ игуменовъ и монаховъ, чтилъ святительск чинъ, казнилъ злыхъ, яко подобаетъ царямъ, злата и сребра не собиралъ, но ра давалъ дружинѣ; ибо любилъ дружину (Ип. 150).

60. Ип. 1185. Нов. I, 1186. Ип. 1195. Ип. 1197. Татищ. т. IV, 1232. Но I, 1233, и Густ. 1233.

61. Ип. 1161, 89; 1147, 1148, 36, 38; 1139, 1146.

62. Ип. 1185, 132.

63. Ип. 1164, 1167.

64. Ип. 1147, 1148. Въ 1151 году, когда Князь Кіевскій, Изяславъ Мстисла вичъ, осадилъ Юрія въ Городкѣ, на берегахъ Остра, то, не смотря на дружбу Юр съ Князьями Черниговскими, въ войскахъ Князя Кіевскаго были Изяславъ Давы довичъ, Святославъ Всеволодовичъ, и дружина Святослава Ольговича (Ип. 1151

65. Ипат. 1167, 1170, 98.

66. Ип. 1117, 8; Нов. I, 1117, 1118, 1120, 1129. Лавр. 1102.

67. Костомар. Сѣверорусскія народ. т. I, гл. I, V, VI, VII.

68. Ип. 1179, 121.

69. Въ 1137 году дороговизна хлѣба побудила Новгородцевъ отказать отъ Святослава Ольговича, заключить миръ съ Юріемъ и принять отъ него Кн зя (Новг. I, 1137. Татищевъ т. III, 1138). Въ 1178 г., когда Всеволодъ Юрь вичъ, за принятіе Новгородцами Ярополка Ростиславича, «зая гость Новгоро скихъ, то Новгородцы показали путь Ярополку.» Въ 1190 г., когда Всеволод за принятіе Новгородцами Ольговича, захватилъ всѣхъ Новгородцевъ за Вол комъ и по всей землѣ, то Новгородцы изгнали Ольговича и снова приня Князя отъ Всеволода (Нов. I, 1178 и 1196). Въ 1215 г., когда Ярославъ Всев лодовичъ на Торжкѣ задержалъ хлѣбъ и гостей, и начался голодъ въ Новгород

то Новгородцы нѣсколько разъ присылали къ нему посольство съ поклономъ (Нов. I. 1215). См. также: Новг. I, 1141. Ип. 1140, 1141. Новг. I, 1148. Тат. т. III, 1188. Ип. 1161. Новг. I, 1160 и 1161. Нов. I, 1170. Тат. т. III, 1169. Тат. III, 1172, 1173.

70. Ср. Собр. Г. Г. и Д. т. I, 8, съ Тат. т. III, 1148 г.

71. «И еще бо живущю ему, наряди сыны своя... Изяславу тогда (во время смерти Ярослава въ Вышгородѣ) сущю Новѣгородѣ» (Лавр. 1054, 69). По Новгородской Пов. Іоанна: Изяславъ взялъ себѣ Новгородъ и Кіевъ съ городами (Карамз. т. II, гл. II, прим. 50).

72. Карамз. т. II, гл. IV, прим, 144. Ник. т. I, 1033. Лавр. 1071, 1073, 1102. Ип. 1117. Нов. I, 1117.

73. Костомар. Сѣверорусск. народоправства т. I, гл. I, IV, 51.

74. Лавр. т. I, 1102, 1097.

75. Ростиславъ Мстиславичъ, призвавши Мстислава Юрьевича, говорилъ ему, что Мстиславъ завѣщалъ владѣть Новгородъ старѣйшему отъ рода Владимира и сыновьямъ его, и на томъ ему Новгородцы крестъ цѣловали; что нынѣ благоразсудные мужи Новгородскіе, вспомнивши роту свою, меня призвали, и я, яко старѣйшій въ племени Владимира, «того ради Новгородъ достоитъ мнѣ» (Татищевъ. IV, 1151). См. также ниже прим. 77 этой главы.

76. Костомар. Сѣверорусск. народопр. т. I, гл. I, V.

77. Новг. I, 1147. Тат. т, III. 1148. Ип. 1160, 88.
Новг. I, 1178—1209. Тат. т. IV, 1168.

78. Тат. т. VI, 1154. Ип. 1158. Новг. I. 1167. Ип. 1168. Тат. т. 1168.

79. Лавр. 1102. Ип. 1138. Новг. 1139. Ип. 1139, 1140, 1154.

80. Ип. 1173, 105.

81. Ип. 1161. Тат. т. IV, 1161. Нов. I, 1170. Ип. 1173. Нов. I, 1181—1209. Костомар. Сѣверорусск. народопр. т. I, 2, 1—IV—VIII.

82. Во время заключенія Всеволодомъ мира съ Черниговскими Князьями: «а Новгородъ выложиша вси князи въ свободу, гдѣ имъ любо: ту же собѣ князи поимаютъ»(Новг. I, 1196). «А вы, братье (говорилъ Твердиславъ), вольны въ посадничествѣ и въ князехъ» (Нов. I, 1218, 38).

83. Лавр. 1169, 154.

84. Костомар. Сѣверорусск. народопр. т. I, гл. V.

85. «И послаша къ Гюргови мужи своя, и пояша Ростислава Гюргевича, и посадиша» (Ип. 1141). «Послаша владыку съ передними мужами къ Юрію по сынъ» (Нов. I,1154). «И позва (Ростиславъ Кн. Кіев.) Новгородцы на вѣчѣ: огнищане, и гридьба и купцѣ вячьшее» (Нов. I, 95). Князь Новгор., Мстиславъ Ростислав., задумавъ ити на Чюдь, «созва мужи Новгородскіе» (Ип. 1178). Въ 1161 г. Ростиславъ, Князь Кіевскій, обвиняетъ Новгородскихъ мужей за всѣ безпорядки и изгнаніе своего сына. Въ 1210 г. нѣкоторые вельможи, озлобясь на Святослава Всев. за то, что онъ ихъ за грабительство и непрерывные суды судилъ и наказывалъ, умыслили его изгнать (Татищ. т. IV. 1161. 1210). См. также Нов I, 1118. Татищ. т. III, 220. 1118. Ип. 1140. Тат. т. III, 1135. Новг. 1193. Новг. Нов. I, 1195, 1196, 1197. Тат. т. IV, 1172, и ниже прим. 88 этой главы.

86. Тат. т. IV, 1214.

87. «Приведе изъ Новгорода Мстиславъ Владимировичъ въ Бѣлгородъ другую жену Дмитровну, Завидову внуку» (Ип. 1192). «Вдаша посадничество Завиду Дмитріевичу» (Нов. I, 1129). «Оженися Всеволодь сынъ, Мстиславъ, Новгородѣ» (Нов. I, 1122). «Повелѣ Дюрги Мстиславу, сынови своему, Новѣгородѣ жинитися Петровною Михалковича, и оженися» (Ип. 79. 1155). «Женися Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Юрья, въ Новѣгородѣ на дочери Якуна Мирославича» (Нов. I, 1176). «Даша посадничати въ Новѣгородѣ Якуну Мирославичу» (Нов. I, 1137). Свят. Ольговичъ тоже женатъ былъ въ Новгородѣ (Нов. I, 1135).

88. Во время междоусобій, возникшихъ по поводу изгнанія Всеволода Мстиславича, людіе, въ 1137 году, взяша на разграбленіе домы Константина Посадника и многихъ Бояръ Что люди дѣйствовали въ этомъ случаѣ по внушенію торговой знати; что борьба, по поводу изгнанія Всеволода Мстиславича, происходила между Софійской и Торговой сторонами, это видно, какъ изъ того, что людіе отдали награбленныя деньги купцамъ крутитися на войну, такъ и изъ того, что въ 1034 году, въ слѣдъ за сверженіемъ съ моста нѣсколькихъ мужей, погорѣлъ Торговый подъ. Въ 1209 году Новгородцы разграбили и села ихъ распродали и челядь. Такъ какъ въ числѣ недовольныхъ на этого Посадника были и купцы, за взятіе съ нихъ повозовъ и дикой виры, по этому сей расправы съ Посадникомъ цельзя приписать однимъ только людямъ (Нов. I, 1209). Въ 1228 году «воздвиже на Арсенія крамолу великую, простую чадь и сотвориша вѣче на Ярославлѣ дворѣ, и поидоша на владычинь дворъ, и выгнаша за ворота владыку Арсенія. Потомъ возмятся весь городъ, и поидоша съ вѣча во оружіи на тысяцкаго В.. «разграбиша дворы его и брата его и владычна стольника.» Такъ какъ, по словамъ лѣтописи, кровопролитія въ это время не было только по тому, что вода разломала мостъ, по этому можно предположить, что это волненіе было обычной борьбой Торговой стороны съ Славянской стороной (Нов. I, 1228). Во время волненія въ 1230 г., хотя заграбленное имущество раздѣлено было по сотнямъ, но во главѣ борющихся сторонъ стояла знать: во главѣ одной партіи Степанъ Твердиславичъ, а во главѣ другой—Посадникъ Водовикъ (Нов. I, 1230). См. также Татищева т. IV, 1172, 1161, 1210.

89. Татищ. т. I, Лѣт. Іоакима.

90. Нов. I, 1218, 1220, 1131. 1157. Что и всѣ другія волненія и междоусобія, о которыхъ упоминаютъ лѣтописи, тоже происходили въ слѣдствіе отвращенія между Боярами, жителями Софійской стороны, и куцами, составлявшими господствующее населеніе Торговой стороны, см. выше прим. 88.

91. Нов. I, 1218. Вражда между Софійской и Торговой сторонами, происходившая по поводу изгнанія Всеволода Мстиславича, прекратилась тѣмъ, что обѣ стороны изгнали Святослава Ольговича и пригласили на княженіе Ростислава Юрьевича. Въ 1157 г. Торговая сторона безъ всякаго сопротивленія признала своимъ Княземъ Ростислава Мстиславича, приглашеннаго Славянской стороной, когда Князь, Мстиславъ Юрьевичъ, поддерживаемый Торговой стороной, самъ ночью убѣжалъ изъ города (Нов. I, 1138, 1157).

92. «Сташа Рушане и засада, огпищане и гридьба, и кто купецъ, и го-

сти» (Нов. I, 1234). Въ 1228 г. Псковичи не пустили къ себѣ Князя Новгородскаго, Ярослава, по тому что разнесся слухъ, «яко везетъ князь оковы, хотя ковати вятшее мужи» (Нов. I, 1229). О силѣ этихъ вятшихъ мужей можно судить уже изъ того, что Боярская партія при Всеволодѣ Мстиславичѣ оказалась сильнѣе во Псковѣ, чѣмъ въ Новгородѣ.

93. Нов. I, 1132, 1136. Ип. 1148, 40. Нов. I, 1134, 1137, 1168, 1199, 1214. Новг. I, 1234. Новг. I, 1318, 1341.

94. Нов. I, 1137, 1229, 1196, 1215, 1167, 1138, 1223.

95. Татищ. т. IV, 76, и т. III, 1148.

96. Владимиръ Св. назначилъ Глѣбу Муромъ. Георгій Шимоновичъ былъ Посадникомъ въ Ростовѣ.

97. Лавр. 1096.

98. Когда Юрій, въ 1148 году, по просьбѣ Князей Черниговскихъ, рѣшился воевать съ Изяславомъ Мстиславичемъ, и созвалъ на совѣтъ своихъ вельможъ, то вельможи убѣждали его отказаться отъ намѣренія добыть силою оружія Великое Княженіе Кіевское (Татищевъ т. III, 1148). «Приде изъ Кыена въ градъ Володимеръ (1155) Князь Великій, Андрей Юрьевичъ, безъ отча повелѣнія, его же лестью подъяша Кучковичи» (Карамзинъ т. II, гл. XV, прим. 383).

99. «Ростовци и Суждалци сдумавше вси, пояша Андрея, сына его старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и Суждали, занеже бѣ любимъ всѣми и премногую его добродѣтель, юже имяше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ, нимъ» (Лавр. 1157, 149). По Ипат. въ избраніи Андрея, кромѣ Ростовцевъ и Суздальцевъ, принимаютъ участіе и Владимирцы (Ип. 1158, 81). «А крестьнаго цѣлованья забывше (говорится о дружинѣ и Боярахъ), цѣловавше къ Гюргу князю на меншихъ дѣтехъ, на Михалцѣ и на братѣ его, и преступивше хрестное цѣлованье, посадиша Андрѣя, а меншая выгнаша» Лавр. 158).

100. Въ селѣ Боголюбовѣ, въ день смерти, Андрей Боголюбскій окруженъ только отроками. Самый приближенный къ нему человѣкъ—милостникъ—паробокъ Прокопій. Убійцы, покончивши съ Андреемъ, убили, въ слѣдъ за тѣмъ, и этого Прокопія. Кузмище Кіянинъ плачетъ надъ тѣломъ Князя. Посадниковъ и Тиуновъ (которые въ Суздальскомъ краѣ были и изъ дѣтскихъ) «домы пограбили, а самѣхъ и дѣтскіе его и мечники избиша, а домы ихъ пограбиша.» О любви посадскихъ людей къ Андрею видно изъ слѣдующихъ словъ: «Да кто съ вами въ думѣ, то буди вамъ (говорятъ съ упрекомъ Владимирцы убійцамъ), а намъ не надобѣ!».. И поча (во время погребенія Андрея) выступати стягъ отъ Боголюбого, и людье не могоша ся ни мало удержати, но вси вопьяхуть, отъ слезъ же не можаху прозрити, и вопль далече бѣ слышати» (Ип. 1175, 113—115). «Кормитель бѣ черньцемъ и черницамъ, и убогимъ, и всякому чину, яко возлюбленный бяше отець, паче же на милостыню зѣло охотливъ; ибо брашно свое и медъ по улицамъ на возѣхъ слаше больнымъ и по затворомъ... рыдаетъ же множество правовѣрныхъ, зряще отця сирымъ и кормителя» (Ип. и Лавр. 1175).

101. Выгна Андрей... и мужи отца своего передніи.... Се же створи хотя самовластець быти» (Ип. 1162). «И бѣ у него Якимъ (Кучковичъ) слуга, возлюбленый имъ, и слыша отъ нѣкого, аже брата его князь повелѣ казнити, а поча

молвити: «День того казнилъ, а насъ заутра» (Ип. 1175). Бояринъ Кучка убитъ Юріемъ. Ело дочь была за Андреемъ (Тат. т. III, 1147).

102. Ип. 1175.

103. Лавр. 1175, 158. Ип. 116. Татищ. т. IV, 201.

104. Порѣшили избрать Ростиславичей дружины, пріѣхавшія во Владимиръ изъ Ростова, Суздаля и Переяславля. Явившись въ Ростовскую землю Ярополкъ (Ростиславичъ) поѣхалъ прежде всего къ дружинѣ (Владимирской когда подошелъ къ Владимиру Юрьевичъ), «не сущи въ градѣ (Володомирѣ) ѣхали бо бяхуть по повелѣнію Ростовець противу Ярополку, и видѣвше князя Ярополка, цѣловаша, и утвердившеся крестнымъ цѣлованіемъ, и съ нимъ ѣхаша ко Владимиру на Михалка» (Лавр. 156. Ип. 116).

105. Когда Михалко Юрьевичь въ первый разъ, въ 1175 году, явился въ Ростовскую землю, то жители Владимира, за исключеніемъ дружины, приняли его съ большою честію, 7 недѣль защищали его противъ всей Ростовской земли, и съ плачемъ проводили его, когда вынуждены были отказаться отъ него (Лавр. 158). Вторично пригласили во Владимиръ Мих. Юрьевича, въ 1176 г. опять только одни посадскіе люди Владимира, но не Владимирская дружина, по тому что, когда явился Юрьевичъ во Владимиръ, къ нему вышли на встрѣчу духовенство и вси людіе, но не выходили встрѣчать его ни Бояре, ни дружина этого города; ясно, что ни тѣ, ни другіе, его не желали (Лавр. 166. Воскресенск. т. VII, 92. Ник. II. 227). Что за одно съ посадскимъ населеніемъ Владимира были и посадскіе люди во всѣхъ старыхъ городахъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ посадскихъ людей Суздаля, сказанныхъ ими Юрьевичу, послѣ побѣды одержанной послѣднимъ надъ Мстиславомъ Ростиславичемъ: «Мы, княже, в полку томъ со Мстиславомъ не были, но были съ нимъ бояре; а на насъ лих сердца не держи, но поѣди къ намъ!» (Лавр. I, 160). О тѣсной связи посадскаго населенія во всѣхъ новыхъ городахъ видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: «А съ Переяславци имахуть Володимерци едино сердце (Лѣт. Переяс. Сузд. изд. Кн. Оболенскаго, 85, 86).

106. Лавр. 1175, 1176, 158—160. Ип. 1176. 116.

107. Лавр. 1177. Ник. II, 229. 1177.

108. Послали приглашеніе въ Новгородъ къ Мстиславу Ростиславичу Ростовцы и Бояре. Всеволодъ, предлагая миръ Мстиславу, говоритъ: «Брате! Ѳа тя привела старѣйшая дружина, а поѣди Ростову!.. тобе Ростовцы привели Бояре.» Но что не всѣ Бояре приглашали Мстислава, это видно изъ слѣдующихъ словъ: «Всеволодъ же поѣха противу ему съ Володимерцы и съ дружиною своею и что бяше Бояръ осталось у него» (Лавр. 1177). «Бысть мятежь великъ въ градѣ Володимерѣ, всташа бояре» купцы рекуще: «А се ворози твои и наши, Суздальци и Ростовци: любо казни, любо слѣпи, али дай намъ!» По малѣ времени всташа опять людье вси и бояре (и бояре и вси вельможи и до купець), и придоша на княжь дворъ многое множество съ оружьемъ» (Лавр. 1177, 161, 162).

109. Татищ. т. IV, 220.

110. Мстиславъ Ростиславичъ «пріѣха Ростову, съвокупивъ Ростов

и боярe, гридьбу и пасынки, и всю дружину, поѣха къ Володимеру; Всеволодъ же поѣха противу ему съ Володимерци... а по Переяславци посла» (Лавр. 1177). До приглашенія Владимирцами Всеволодъ жилъ въ Переяславлѣ (Никонов. II, 229. Лавр. I, 161, 1176).

111. Лавр. 1177, 161.

112. Лавр. 1212.

113. Ник. II, 310, 311, 1212 г. Воскр. т. VII, 1211, 1216, 117, 121. Троиц. I, 1216 г., 212. Татищ. т. VI, 1213, 373, 375.

114. Солов. Ист. Рос. т. II и III.

115. «Приде вѣсть, оже Глѣбъ.... шелъ Володимерю инѣмъ путемъ и воюеть около Володимеря, и съ Половци съ погаными» (Лавр. 1177. 162).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ VIII.

1. По мнѣнію Соловьева (Ист. Россіи т. II, 5, 7), послѣ смерти Кіевскаго Князя, его мѣсто занималъ слѣдующій за нимъ брат и Князь старшей за тѣмъ волости; въ эту же волость передвигался Князь третьей по достоинству волости и т. д. Такимъ образомъ каждый братъ постепенно переходилъ въ старшіе Князья и достигалъ Кіевскаго стола, «лѣствичнымъ восхожденіемъ.» По мнѣнію Сергѣевича (Вѣче и Князь, стр. 273) Русскія волости не составляли наслѣдственнаго владѣнія Рюриковичей. Согласно этому, Княжеская Россія не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столомъ: столы не наслѣдовались, а добывались. По мнѣнію Костомарова (Истор. моногр. и изслѣд. т. I, стр. 133 и 143): въ домонгольскомъ періодѣ еще не образовалось понятіе о правѣ наслѣдованія между князьями. Воля живаго народа, какъ и во всемъ, стояла выше всякаго права, и даже обычая. Но выборное право безпрестанно задушалось правомъ силы и оружія.

2. Ип. 1174, стр. 111; 1160, стр. 56; 1238, 177.

3. Ип. 1289, стр. 224.

4. Ип. 1240, стр. 179.

5. Солов. т. III, стр. 32. Нов. I, 1228, 1230 и 1339 г.

6. Нов. I, 1209, стр. 30.

7. С. Г. Г. и Д. т. I, 1, 3.

8. Нов. I, 1228.

9. «На Торжку и на Волоцѣ князю,» для полученія слѣдующихъ ему доходовъ, «держать своихъ тивуновъ, а Новгородцамъ—своихъ тивуновъ на своей части... За Волокъ не посылать своего мужа, а посылать Новгородца» (С. Г. Г и Д. т. I, 2, 6, 9).

10. «Послахъ отрокъ свой въ печеру... люди, яже суть дань дающе Новгороду» (Лавр. 1096, 107).«И даша дани Печерскія».(Лавр. 1133). «Обидитъ мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отогналъ» (Ип. 1148). «Иде Даньславъ Лазутиниць за Волокъ данникомъ съ дружиною» (Нов. I, 1169). Избеени быша Печерскіе даньники и Югорскіе въ Печерѣ, а друзіи за Волокомъ» (Нов. I, 1187).

11. Ип. 1148, 38. Карамз. И, Г. Р. т. III, гл. III, стр. 65.

12. Въ 1215 году Князь Ярославъ: «я Якуна Заболомича, а по Ѳому посла по Доброщиница по Новоторжкій посадникъ, и оковавъ поточи и на Тверь....» Кн. Ярославъ «створи вѣче на Ярославли дворѣ, и идоша на дворъ Якуна (тысяцкаго) и разграбиша, и жену его яша.» Потомъ, на другой день, «повелѣ яти сына его, Христофора» (Нов. I, 33). Въ 1238 г. разнеся слухъ въ Псковѣ, что Князь Ярославъ везетъ оковы «ковать вятшихъ мужей.» Псковичи повѣрили (Нов. I). Въ 1218 г. Князь. Мстиславъ пришелъ на Торжокъ «и я Бориславъ Искурашинича, и поимавъ товаръ многъ, и пусти и» (Нов. I, 36). Въ 1208 г., во время княженія въ Новгородѣ Константина Всеволодовича, «приде Лазарь,

Всеволожъ мужъ... повелѣ убити Олѣксу Сбиславича на Ярославли дворѣ, и убиша и безъ вины» (Нов. I, 30).

13. Нов. I, 1136, 1154.

14. Р. П. II, 21, 22, 24, 39, 42, 52, 55, 61, 68, 69, 71, 78, 84.

15. Лав. 105. Р. П. II, 48. Нов. I, 1118, 4.

16. С. Г. Г. и Д. т. I, 1, 2, 3, 6, 10, 15, 20.

17. Ип. 1154, 76. Ип. 1174, 121.

18. Въ 1145, во время княженія въ Кіевѣ Всеволода Ольговича «ходило изъ Новгорода помочье Кіяномъ» (Нов. I, 10). Въ 1147 году, во время борьбы Изяслава Мстиславича съ Юріемъ Долгорукимъ, ходилъ сынъ Изяслава Святополкъ со всей Новгородскою областію противъ Юрія (Нов. I, 10). Въ 1173 году, по повелѣнію Андрея Боголюбскаго его сынъ, Юрій, съ Новгородцами ходилъ къ Кіеву противъ Ростиславичей (Нов. I, 15). Въ 1180, во время борьбы Черниговскихъ Князей съ Всеволодомъ Суздальскимъ, сынъ Черниговскаго Князя, Святослава Всеволодовича, Владимиръ, княжившій въ Новгородѣ, ходилъ съ Новгородцами противъ Суздальскаго Князя. Въ 1185 г. Новгородцы помагали Давыду Смоленскому въ войнѣ его съ Полочанами, по тому что въ то время у нихъ княжилъ сынъ Давыда (Нов. 19). На томъ же самомъ основаніи Новгородцы въ 1195 и въ 1109 помагали Всеволоду Суздальскому (Нов. I, 23, 30).

19. Нов. I, 1214, стр. 32.

20. Ип. 1147, стр. 36. 1149, стр. 44; 1150, стр. 51.

21. Новг. I, 1139, 8; 1214, 32; 1223, 42; 1228, 43.

22. Въ 1214 «ходи Мстиславъ на Чюдь, и да Новгородцамъ 2 части дани и 3 ю часть дворяномъ» (Нов. I, 32). Въ 1225 ходили Новгородцы съ Княземъ къ Колываню на Чудь, и золота много взяли (Нов. I, 39).

23. Въ 1209 г. Всеволодъ «Новгородьци пусти съ Коломны Новугороду, оларивъ безъ числа, и вда имъ волю всю и уставы старыхъ князь, его же хотѣху Новгородьци» (Новг. I, 30). Въ 1214 году «и вземъше дары, придоша Новугороду» (Нов. I, 32).

24. Костомар. Сѣверорусск. народопр. т. I, стр. 62.

25. Нов. I, 1193, 31; 1219, 37.

26. Послѣ Изяслава Мстиславича объ участіи Кіевскаго населенія въ Княжескихъ войнахъ упоминается только два раза: въ 1154 году нѣкоторые изъ Кіевлянъ помагали своему Князю, Ростиславу Мстиславичу, въ борьбѣ его съ Черниговскими Князьями; а въ 1174 Кіевляне были въ ополченіи, осаждавшемъ Вышгородъ по приказанію Андрея Боголюбскаго (Ип. 75, 109). Что до конца домонгольскаго періода иногда земскія ополченія принимали участіе въ торжественныхъ походахъ противъ Половцевъ, это видно изъ словъ Игоря Сѣверскаго: «аже побѣдимъ, увечемъ сами, а черныя люди оставимъ» (Ип. 131).

27. «Раздаяли бѣста (Ростиславичи въ землѣ Суздал.) посадничества Русьскимъ дѣтскимъ» (Ип. 1175, 117). «Даніилъ же изъ Руськой земли взя себѣ Торцьскій, и паки да и дѣтемъ Мстиславлимъ... Даніилу, созвавшу вѣче и съ Демьскимъ тысящкимъ своимъ» (Ип. 171, 1231). Рюрикъ, Князь Кіевскій, «далъ снохѣ, Верхуславѣ, городъ Брагинь» (Ип. 1189); «и да Всеволодъ Торцькый зяти своему,

Ростиславу Рюриковичю, а въ иныи городы посла посадники свои» (Ип. 1195, 145). Въ 1139 г. Данилъ оставилъ въ Кіевѣ Дмитра (Ип. 177).

28. Въ 1218 г. «Князь же Святославъ присла свой тысящій на вѣче, рече: «Не могу быти съ Твердиславомъ, и отнимаю отъ него посадничество.» Рекоша же Новгородцы: «Е ли вина его?...» (Нов. I, 37). Въ 1171: «Отя князь Рюрикъ посадничество у Жирослава Новгородѣ, и выгна и изъ города; иде Суждалю къ Ондрееви, и даша посадничество Ивану Захарьиницю... иде на зиму Рюрикъ изъ Новагорода, и послаша Новгородци къ Андрею по князь; и присла Жирослава посадничать съ мужи своими» (Нов. I, 15). Князь Борисъ потребовалъ удаленія Посадника Ананья, и Новгородцы уступили требованіямъ Князя (Нов. I, 55). См. также выше прим. 12.

29. Въ 1158. Ростиславъ Мстиславичъ, удаляясь изъ Новгорода въ Смоленскъ старшаго сына, Святослава, посадилъ въ Новгородѣ, а младшаго въ Новомъ Торгу (Нов. I). Въ 1161 году Новгородцы сошлись на вѣче, и послали объявить своему Князю, Святославу Ростиславичу, что они не могутъ держать двухъ Князей, и по тому, чтобы онъ вывелъ своего брата изъ Торжка. Князь послушалъ Новгородцевъ, и отправилъ брата своего въ Смоленскъ (Ип. 1161). Въ 1177 «приде князь Мстиславъ (Ростиславичъ, внукъ Юрія) съ братомъ Ярополкомъ въ Новгородъ, и посадиша Новгородци Мстислава на столѣ, а Ярополка на Новомъ Торгу, а Ярослава на Волокѣ Ламскомъ; и тако ся управиша по волѣ» Нов. I, 17). 1178 умеръ Мстиславъ Ростиславичъ, и Новгородцы перевели его брата, Ярополка, изъ Торжка въ Новгородъ, но въ томъ же году показали ему путь (Нов. I 17). Въ 1150 Новгородцы снова посадили Ярополка на Новомъ Торгу Нов. I, 18). Въ 1198 г. умеръ на Лукахъ Изяславъ, сынъ Новгородскаго Князя Ярослава: «Изяславъ посаженъ на Лукахъ княжити, и отъ Литвы оплечье Новгороду» (Нов. I, 24). Въ 1211 г. Новгородскій Князь, Мстиславъ, «да Лучаномъ князя Владимира Псковскаго» (Нов. I, 31). Въ 1214 г. Псковскій Князь, Всеволодъ Борисовичъ, съ Мстиславомъ и Новгородцами, участвуетъ въ походѣ на Чудь (Нов. I, 32). Въ 1218 на Торжкѣ былъ сынъ Новгородскаго Князя, Мстислава Мстиславича, Василій (166, I, 36). Въ 1233 Псковичи выпросили у Князя Новгородскаго, Ярослава, шурина, Георгія (Нов. I, 48).

30. Въ дог. грам. 1265 г. Новгорода съ В. К. Тверскимъ, Ярославъ Ярославичъ «не держать волостей Новгородскихъ своими мужами, а держать ихъ мужами Новгородскими... не раздавать волостей безъ посадника и безъ вины волости не отымать ни у кого (С. Г. Г. и Д, т. I, 1). Что такъ было и прежде, это показываетъ отвѣтъ Новгородскаго вѣча Святославу въ 1218 г: «Ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не мстити волости» (Нов. I, 37).

31. Густ. 1213, стр. 332. Ипат. 1291, 152. Ипат. 1234, стр. 173.

32. «И бояре многи изоимаша» (Изясл. Мст. въ Кіевѣ), и разграбиша Кыяне съ Изяславомъ домы дружины Игоревы и Всеволожѣ, и села, и скоты, вашя имѣнья много въ домѣхъ и въ монастырѣхъ» (Ип. 1146, 24). См. также Ип. 1146, 26, 27.

33. Нов. I, 1209.

34. Ип. 1146, 27.

35. Боярин Володиславъ, возвратившись изъ Угорской земли и, не заставъ Князя Мстислава Луцкаго (убѣжавшаго изъ Галича, изъ опасенія У-

ровъ), нача самъ княжити въ Галичѣ (Ип. 1220). Взявши въ плѣнъ Судислава, Мстиславъ оказалъ ему милость и далъ Звѣнигородъ (Ип. 1219). Въ 1324 г. этотъ же Судиславъ управлялъ Галичемъ при Королевичѣ Белѣ (Ип. 1239). Въ 1351 г., по приглашенію Володислава, снова Ростиславъ, сынъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго, пришелъ въ Галичъ, и сѣлъ въ немъ; а Володиславъ прялъ отъ него тысячу (Ип. 1241). Въ 1240 г. «Доброславъ же вокняжился и судьичь, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, и вшедъ во Бокоту, все Понизье прія безъ князя повелѣнія; Григорій же Васильевичъ собѣ горную страну Перемышльскую мысляше одержати.... «Черниговскихъ бояръ не велѣхъ ти, Доброславе, пріимати, но дати волости Галицкимъ» (Ип. 1240). Слѣдовательно, всѣмъ заправляли въ Галичѣ немногіе Бояре: Володиславъ, Судиславъ, Доброславъ, и т. д. О Князьяхъ Болоховскихъ см. Ип. 1231.

36. Нов. I, 1218, 1171.

37. Лѣтопись, упоминая о смѣнѣ Посадниковъ и Тысяцкихъ, всегда выражается неопредѣленно: на пр., даша такому то, отъемше у такого то (Нов. I, 1146); или: выгнаша и даша (Нов. I, 1176, 16). Но что Князья въ теченіе всего домонгольскаго періода принимали участіе въ назначеніи Посадниковъ и Тысяцкихъ въ Новгородѣ, это видно изъ слѣдующихъ выраженій лѣтописи: «и посла къ Андрею, и присла Жирослава посадничати съ мужи» (Нов. I, 1171); «ходи Арх. къ Андрею на всю правду, и дали отвть посадничество Ивану Захарьиничу» (Нов. 1177); «тогда же даша тысяцкое Ратибору Клук. по княжи воли» (Нов. I, 61, 1269).

38. Мирославъ Гюратиничъ былъ Посадникомъ въ 1126 г., а сынъ его, Якунъ Мирославичъ въ 1137, Дмитръ Завидовичъ въ 1118 г., и сынъ его Завидъ Дмитріевичъ, въ 1128 г., Мирошка въ 1189, а Дмитръ Мирошкиничъ въ 1206 г., Захарія въ 1161, Иванко Захаріиничъ въ 1171, Гюрги Ивановичъ въ 1215 г., Михайло Степановичъ въ 1199 г., Твердиславъ Михалковичъ въ 1209, Степанъ Твердиславичъ въ 1231 г. (см. Нов. I).

39. Нов. I, 1211. 31.

40. «Вдаша посадничество Мирославу Гюратиничу» (Новг. 1125). Въ 1132 этому Мирославу дали посадничество во Псковѣ, а въ 1134 снова дали въ Новгородѣ (Нов. I). Въ 1161 г. Новгородцы отняли у Нѣжаты посадничество въ Новгородѣ, а въ 1165 этого Нѣжату назначали посадникомъ въ Ладогу (Новг. 1, 13). Въ 1289 г. отняли посадничество у Иванка Дмитріевича въ Новгородѣ, и назначали его посадникомъ въ Торожкъ (Нов. I). Въ 1257 г. Новг. посадили у себя въ Новгородѣ Посадникомъ Ладожскаго Посадника, Мих. Ѳедор. Въ 1280 дали въ Новгородѣ посадничество Ладожскому Посаднику, Семену Михайловичу (Новг. I).

41. «Идущю же ему (Мстиславу Рост., Князю Новгородскому) съ Чуди, и вниде въ Плесковъ, и изойма сотьскѣи про Бориса, сыновця своего, зане не хотяхуть сыновца его, Бориса; и тако, утвердивъ съ людьми, и иде оттуду Новугороду» (Ип. 1178, 120).

42. На Торжку и на Волоцѣ, Князь, для полученія слѣдующихъ ему доходовъ, держитъ своихъ тивуновъ; а Новгородцамъ «держать своихъ тивуновъ на своей части» (С. Г. Г. и Д. т. I, 1, 2).

43. Там. т. IV, 1228.

44. Гуси. 121. Ип. I, 1208, 1209.

45. Нарбутъ (Narbutt, III, 1, 266, говоритъ, не приводя источника, что сыновья Всеслава Полоцкаго, Вячеславъ и Давыдъ, не имѣя потомства, дали вольность городу со дня смерти ихъ. По тому Полоцкъ сдѣлался вольнымъ городомъ, а княжество обратилось въ республику, управлявшуюся вѣчемъ и 30 старѣйшинами или Боярами (Турчиновича Обозр. исторіи Бѣлорусской прим. 94).

46. Посадникъ Павша, съ мужи старѣйшими биша челомъ Домажу: «Кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха намъ и учителя?» и т. д. (Нов. I. 1274, 63). «Идоша мужи съ посадникомъ къ Всеволоду... и вда имъ сынъ Святославъ» (Нов. I, 1199, 25). «Послали Новгородци владыку, посадника и старѣйшіе мужи къ Гюру по сынъ» (Нов. I, 1222, 38). «Приде Князь Андрей въ Торжокъ, и позва къ себѣ Семена посадника со всѣми старѣйшими, и докончаша миръ» (Нов. I, 64, 1284). Кн. В. Дмитрій съ посадникомъ М. и со большими мужами, ѣхавши, обложи городъ камень Копорью» (Новг. I, 63, 1280). См. также Новг. I, 1293, 66, и Нов. I, 1209, 30. Возлѣ Тысяцкаго тоже былъ совѣтъ, но изъ купцовъ старѣйшихъ. См. Нов. I, 33, 1215.

47. «Сотвориша вѣче въ городѣ (Бѣлгородѣ), что ради вѣче было... хотять ся людье передати Печенѣгомъ» (Лавр. 997, 55).

48. По мнѣнію Костомарова: вѣче—земское собраніе. Вѣче было выраженіемъ автономіи земли. Иногда вѣче состояло изъ однихъ бояръ, иногда же изъ однихъ черныхъ людей (Начало единодержавія. Вѣстникъ Европы. Ноябрь 1870, стр. 21, 49). По мнѣнію Самоквасова: Вѣчемъ называлось всякое собраніе людей съ цѣлію разсужденія о какихъ бы то ни было дѣлахъ. Слово вѣче тождественно со словами: сходъ, съѣздъ, съемъ, сборъ, собраніе, сходбище шайка, скопъ (Жур. М. Нар. Пр. Декабря 1869, стр. 219). Такого же мнѣнія о значеніе въ лѣтописяхъ слова вѣче и Сергѣевичъ, въ своемъ сочиненіи: «Вѣче и Князь.» См. стр. 60. Что вѣчемъ лѣтописи называютъ только собраніе городскихъ посадскихъ людей, это видно уже изъ того, что собранія и съѣзды Князей, Бояръ и дружинниковъ никогда не назывались вѣчами. Въ доказательство приведемъ слѣдующія мѣста изъ лѣтописей: «Увѣдѣвше же смерть Князю Ростовци, и Суждальци, и Переяславци, и вся дружина, отъ мала до велика, съѣхашася къ Володимерю и рѣша» (Лавр. т. I, 158, 1175); также точно и въ Ипат. лѣт. (см. т. II, 116). Изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописей видно, что подъ этими Ростовцами, Суздальцами и Переяславцами, съѣхавшимися во Владимиръ вмѣстѣ съ Княжескими дружинниками, слѣдуетъ понимать однихъ только Бояръ: «Вложи Богъ въ сердце Мьстиславу мысль благу пойти на Чудь, и созва мужи Новгородскыѣ, и рече имъ» (Ип. 120). Ярославъ Галицкій, умирая, «созва мужи своя и всю Галицкую землю, позва же и сборы вся и монастырѣ» (Ип. 1187). «Приде Святополкъ, Володимеръ и друг., и сѣдяшася Любячи на устроеніе мира» (Лавр. 109). «Богъ вложи въ сердце княземъ мысль благу, и сластася думати на Долобскѣ» (Лавр. 118). Съзва братью свою и нача думати съ ними» (Ип. 97). И такъ, нигдѣ не сказано: «съѣхавшись въ Владимиръ на вѣче, (Мстиславъ Изяславичъ) созвалъ мужи на вѣче, сѣдяшася на вѣче въ Любечѣ и т. д., что непремѣнно было бы, если бы всякое собраніе называлось вѣчемъ. «Иде Гюрги на сѣмъ противу Половецъ Каневу... Дюрги же скупися.... поиде на сѣмъ къ Каневу» (Ип. 78).

49. Люди Бѣлгорода, осажденные Печенѣгами, «створиша вѣче,» и пор

шли сдать городъ Печенѣгамъ (Лавр. 997); «людіе Кыевстіѣ,» разбитые Половцами, «створиша вѣче на торговищи,» потребовали отъ Князя новой битвы, и когда онъ отказалъ имъ въ томъ, то разграбили дворъ его (Лавр. 1067). Послѣ бѣгства Всеслава, «людіе сътвориша вѣче,» и послали къ Ярославичамъ просить, чтобы они защитили ихъ отъ Ляховъ (Лавр. 1068). См. также Лавр. 1097. Ип. 1146, 1159.

50. «Святополкъ сѣде Кыевѣ, и созва Кыяны (опасаясь братьевъ), и нача имъ мнѣніе» (Лавр. 1015). Окованнаго Василька, Святополкъ созвалъ Бояръ и людей, и спрашиваетъ ихъ мнѣнія, что дѣлать съ Васильком, который, по словамъ Давыда Игоревича, собирается напасть на него, Святополка, вмѣстѣ съ Владимиромъ» (Лавр. 1097). Изяславъ Мстиславичъ, собираясь итти на Юрія, «созва Бояры свои и Кыяне» (Ип. 1147). Въ томъ же году Изяславъ Мстиславичъ, чрезъ Тысяцкаго Лазаря, созываетъ Кіянъ для приглашенія ихъ итти на Черниговскихъ Князей (Ип. 1147). Въ 1097 году дружина Святополка созываетъ людей Владимирскихъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе, слѣдуетъ ли продолжать защиту города (Лавр. 1097). Даніилъ «созвавше вѣче..... и рече имъ: «Хочете ли быть вѣрны мнѣ, да изыду на враги мои?» (Ипат. 1231). «И поиде (Всеволодъ Ольговичъ) Игоря въ Кыевѣ, иде съ нимъ подъ Угорьскимъ, и созва Кыяне вси, они же вси цѣловаша къ нему крестъ, рекуче: «Ты нашъ Князь.» По смерти Всеволода, «Игорь же ѣха Кыеву, и созва Кыяне вси на гору, на Ярославль дворъ, и цѣловаша къ нему крестъ» (Ип. 1146). Володарь «иде въ Полоцкъ, и цѣловаша крестъ Полочаны» (Ип. 1167).

51. Романъ Мстиславичъ, овладѣвши Галичемъ, съ помощью Поляковъ, «сѣде на княженіи, цѣлова крестъ Галичаномъ, еже любити ихъ и никого не обидѣти» (Густ. 326). «Взаще рядъ (Мстиславъ Изяславичъ) съ братьею и съ дружиною в съ Кыяны»(Ип. 1169). «и вшедъ въ Кыевъ, наемь рядъ съ братьею..... и съ Кыяны» (Ип. 1172). Володимерци, утвердившеся съ Ростиславичами крестнымъ цѣлованіемъ «яко не сотворити имъ въ городѣ никакого зла» (Лавр. 1175). Михаилъ Юрьевичъ, побѣдивши Ростиславичей, «ѣха въ Суждаль, а изъ Суждаля Ростову, «и сотворише людемъ весь нарядъ, утвердився крестнымъ цѣлованіемъ съ ними»(Лавр. 1176). Ярополка Князя «посадища Володимерци Володимерѣ на столѣ, въ Свят. Богор. весь нарядъ положьше» (Лавр. 1175), «И почаша Кыяне складывати вину на тіуна Всеволожа....» «А нынѣ, княже, цѣлуй намъ крестъ, и съ братомъ своимъ: аще кому насъ будеть обида, то ты правь!» Святославъ же рече имъ: «Язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будеть вы насилья ни котораго же, а се вамъ и тивунъ, а по вашей воли»... И на томъ цѣловаша вси Кыяне крестъ, и съ дѣтьми, оже подъ Игоремъ не льстити и подъ Святославомъ» (Ип. 22, 1146).

52. «Мстиславъ же созва вѣче на Ярославли дворѣ, и почя звати Новгородѣ Кыеву на Всеволода Чермнаго»(Нов. I, 1214). Ярославъ на Святополка (Лавр. 1015) Изяславъ Мстиславичъ противъ Юрія (Ип. 1148), Мстиславъ Мстиславичъ противъ Ярослава Всеволодовича (Нов. I, 1215). Что Князья и въ Новгородѣ, при вступленіи на престолъ, цѣловали крестъ и заключали съ народомъ рядъ, это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописи: «Ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины нужа волости не лишити» (Нов. I, 1218); «приде князь Михаилъ изъ Чернигова въ Новгородъ, и цѣловаше крестъ по всей воли Новгородстѣй и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ» (Нов. I, 1224, 44).

53. Князь Святославъ «посла своей тысяцкій на вѣче, рече: «Не могу быти с Твердиславомъ, и отъимаю отъ него посадничество» (Нов. I. 1218). «Приде кн. Всев въ Новгородъ, и възвади весь городъ, хотя убити Твердислава... и пріѣха (князь) на Ярославль дворъ, и снидошася Новгородци къ нему во оруженіи» (Нов. I, 1220). Князь Ярославъ «созва вѣче на Ярославлѣ дворѣ.... пошелъ на тысяцкаго Якуна, и разграби дворъ его» (Нов. I, 1215).

54. Ярославъ созываетъ вѣче во владычнѣ дворѣ и жалуется Новгород цамъ, что городъ Псковъ его обезчестилъ, затворивъ предъ нимъ ворота (Нов I, 1228).

55. Мстиславъ отправляясь въ Кіевъ, «по своей волѣ сътвори вѣче на Яро славлѣ дворѣ, и рече Новгородцамъ: «Суть ми орудія въ Руси, а вы вольны и инѣхъ» (Нов. I, 1215). «Созва Мстиславъ Мстислав. вѣче на Ярославлѣ. дворѣ, ре че: «Кланяюся Св. Софіи, и гробу отца моего, и вамъ, хочу поискати Галича.» Нов го родцы умолили, чтобы остался у нихъ (Нов. I, 1218). Князь Михаилъ «ста на Ярославлѣ дворѣ и рече Новугородцомъ: «Не хочу у васъ княжити» (Нов. I, 1225).

56. «Сотвориша вѣче Новгородци,» и послали къ князю своему, Святосла Ростисл.... потребовали отъ него, чтобы онъ вывелъ брата своего съ Новаго Тор (Ип. 1161). Степ. Твердиславичъ и Иванко «сотвориша вѣче на Ярославлѣ двор на посадника Водовика,» и пошли, разграбили дворъ его (Нов. 1230). «Створше вѣ че на Ярославлѣ дворѣ. .. и за воротъ выгнаша» (Нов. I, 228). При приближен съ войскомъ Александра, меньшіе собрались на вѣче у Св. Николы, и поклялс не выдавать зачинщиковъ и защищаться (Нов. I, 1251).

57. «Собрася весь городъ людье и изволиша Епископа себѣ поставить» (Но I, 1156); «и послаша съ вѣча (при избраніи Мартурія) слѣща» (Нов. 1193). Не опредѣленныя выраженія лѣтописи: «сдумавше Новгородци, послаша къ Дав дови, просяще сына... гаданіе послаша по... сдумавше, показаша путь князю.. (Нов. I, 1126, 1156, 1161), и т. п., заставляютъ предполагать, что вѣче при нимало участіе и въ избраніи Князя, Посадника и Тысяцкаго, хотя о таковом участіи прямаго яснаго свидѣтельства мы не имѣемъ.

58. Князь Святополкъ жалуется вѣчу на посадника, а князь Ярославъ- на дѣйствія города Пскова (см. выше прим. 53 и 54). Всеволодъ говоритъ Нов городцамъ: «Кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните!» (Нов. I, 1209). «Нов городци... створиша вѣче на посадника Дмитра и на братью его: яко ти не велѣша...» (Нов. I, 30, 1209). На жалобу Святослава на Посадника Твердисла вѣче задаетъ вопросъ Князю: «Е ли вина его?» (Нов. 1218).

59. Самоквасова: «Замѣтки по исторіи русскаго государственнаго устро ства и управленія» (Жур. Мин. Нар. Пр. Декабря 1869 г. гл. III, стр. 227—247

60. См. выше примѣч. 52, 53, 56, 57, 58 этой главы.

61. «Даша грамоту жалованную на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ, сироча Терпилова погоста: давати имъ поралье посадниче и тысяцкаго...» (Л. И. т. № 17). «На вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ, дахомъ черный боръ на сей годъ.... брати... съ сохи по гривнѣ по новой» (Л. Э. т. I, 32, стр. 24), «яко ти (Посадник Дмитръ и его братія) повелѣша на Новгородцихъ серебро имати, а по волос куны брати» (Нов. I, 1209, 30).

62. «И взвониша у св. Николая, они половици... а Наревскій конецъ Святыхъ 40... и поидоша они половици и до дѣтій въ броняхъ, аки на рать».

а Загородцы не всташа ни по сихъ ни по оныхъ»... (Нов. I, 1218, 36); «и яко скопишася вси Кыяне у Турской божницѣ, и послаша по Игоря, рекуче» (Ип. 22, 1146).

63. Лавр. 1067. Ип. 1146, 111.

64. «Созовите Кіяны на дворъ къ Святѣй Софьи, ать мой посолъ молвить рѣчь мою къ нимъ!»... Кіяномъ же всимъ съшедшимся отъ мала и до велика къ Святѣй Софьи на дворъ, въставшемъ же имъ въ вѣчи» (Ип. 1147, 32). «И созва Кіяне вси на гору, на Ярославль дворъ.... Кіяне же вси, съсѣдше съ конь.... цѣловаша вси Кіяне хрестъ и съ дѣтьми.... поима (съ вѣча) лутшѣи мужи Кіяне» (Ип. 1146, 22). «На утріе же Святославъ созва боляръ и Кіянъ.... и рѣша боляре и людье» (Лавр. 1097). «На утріи же день,ославъ Изяславъ на Ярославль дворъ и повелѣ звонити вѣче, и тако Новгородци и Плесковичи снидошася на вѣче» (Ип. 1148, 40).

65. «Иде съ ними (Игорь съ Кіянами) подъ Угорьскій, и созва Кіяне вси», (Ип. 1146, 21). См. также выше прим. 52, 53, 54, 55, 61, 64, 66. Ип. 1147.

67. Еще въ 1231 г.: «Даніилу, созвавшу вѣче»... (Ип. 1231).

68. Еще въ 1217 г. Князья Василько и Вячко требуютъ совѣта отъ вельможъ Полоцка, а Князь Борисъ созываетъ народъ этого города на вѣче (Татищ. т. IV, 1217).

69. Въ пѣснѣ о Васькѣ Буслаевѣ распорядители пиршества братчины Св. Николы не звали Василія, но Василій пришелъ самъ на пиръ съ своими побратами, и далъ за себя и за товарищей гораздо большую сумму, чѣмъ платились вообще.

70. О пирахъ и братчинахъ см. статью А. Н. Попова въ Арх. ист. и юрид. свѣд. Калачова 1854.

71. «Будетъ ли сталъ на разбой безъ всякая свады, то на разбойника люди не платять, но выдадять и все и съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе. Оже будетъ убилъ или въ свадѣ, или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервиньнѣ, иже ся прикладывають вирою» (Р. П. II, 4).

72. «Аже кто убьетъ княжа мужа въ разбои, а головника не ищють, то вирную платити, въ чьей же верви голова лежить... а по костехъ и по мертвеци не платять верви, аже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ его» (Р. П. II, 3, 15).

73. Что погосты были вервями, см. 21 прим. гл. IV. Что всякое владѣльческое имѣніе составляло особенную вервь, см. акты Московскаго періода. Это же подтверждаетъ и грамота Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю на волость: «съ даньми, вирами и продажами» (Д. къ А. И. т. I, 2).

74. «Аже кто вложится въ дикую вѣру, тому люди не помогають, но самъ платитъ. Которая ли вервь начнетъ платити дикую вѣру, колико лѣтъ заплатить ту вѣру, занеже безъ головника имъ платити; будетъ ли головникъ въ верви, то за нь къ нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помогати головнику, любо си дикую вѣру; но сплатити имъ вообчи 40 гр., а головничьства самому головнику; а въ 40 гр. ему заплатити и съ дружины свою часть» (Р. П. II, 6, 4).

75. «И попрода всь Кыевъ, Латину и гостѣ» (Ип. 1174, 111). См. также Костомар. Сѣвероруск. народоправства, т. II, стр. 180.

76. «Послав (Владимиръ), приведе мастеры отъ Грекъ» (Лавр. 52, 989.

77. Костомар. Сѣв. народ. т. II, 224, 226. Изяславъ призвалъ старѣйшину дриводѣлянъ, «и повелѣ ему церковь строити въ имя Св. Бориса и Глѣба» (прим. къ Жит. Св. Бориса и Глѣба, въ Чтеніяхъ въ Общ. Истор. и Древн. Росс. кн, I, 1859, стр. XXV).

78. Солов. Ист. Рос. т. I, 254. Филарета Ист. Русской Церкви т. I. стр. 1 — 29.

79. Солов. Ист. Росс. т. I, 288; т. II, 62.

80. Объ избраніи Игуменовъ см. Ип. 1112 и 1182. Когда Изяславъ Ярославичъ построилъ церковь Св. Димитрія, и при ней устроилъ монастырь, то поставилъ въ немъ Игуменомъ Варлаама, «яко природна себѣ суща.» См. Жит. Варлаама.

81. Костомар. Сѣверорусск. народ. т. II, гл. IX.

82. Солов. Ист. Рос. т. III, стр. 64—67.

83. Явившись въ Кіевъ, Ѳеодосій обошелъ всѣ монастыри, но нигдѣ его не приняли, «видѣвше убогаго юношу, одѣтаго въ худыя ризы» (Жит. Ѳеод.).

84. Изяславу доносили, что Антоній любилъ Всеслава Полоцкаго, и былъ причиной возстанія Кіевскаго посадскаго населенія. Изяславъ повѣрилъ этому доносу, въ слѣдствіе чего Антоній долженъ былъ оставить предѣлы Кіевскаго Княжества. См. Жит. Антонія.

85. Солов. Ист. Рос. т. III, стр. 66.

86. Тамъ же стр. 79.

87. Нов. I, 1136, стр. 7.

88. Р. И. II, 102 — 105.

89. По мнѣнію Хлѣбникова («О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской Исторіи,» гл. 11, стр. 46), «главною причиною отсутствія крѣпостнаго права въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи было ранее образованіе удѣловъ. Образованіе удѣловъ, раздробивши Россію на маленькія независимыя области, не давало возможности всеобщаго и одновременнаго прикрѣпленія крестьянъ, а частные законы въ отдѣльныхъ Княжествахъ повели бы за собой ихъ обезлюдѣніе, такъ какъ сосѣди воспользовались бы ими, чтобы сманить прикрѣпленныхъ крестьянъ.» По чему же существовало крѣпостное право и во Франціи, и въ Германіи въ то время, когда и та и другая страна раздроблены были на независимыя мелкія феодальныя владѣнія? По чему сосѣди не сманивали рабовъ и закуповъ, населявшихъ города и села Удѣльной Руси?

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ IX.

1. Святославъ (изъ Князей Черниговскихъ)«поча слати къ Ярославу (Князю Кіевскому изъ племени Мономаха) съ жалобою, река ему:«На чѣмъ еси цѣловалъ крестъ, а помяни первый рядъ; рекъ бо еси: оже я сяду въ Кіевѣ, то я тебе вдѣлю; пакы ли ты сядеши въ Кыевѣ, то ты мене надѣли; нынѣ же ты сѣлъ еси, право ли, криво ли, надѣли же мене!» Онъ же поча ему молвити: «Чему тобѣ наша отчина? тобѣ си сторона не надобѣ.» Святославъ же поча ему молвити: «Я не Угринъ, ни Ляхъ, но единого дѣда есмы внуци; а колко тобѣ до него, толко и мнѣ; аще не стоишь въ первомъ ряду, а воленъ еси.» И то рекъ ему, и совокупився съ братьею, и поѣха изъѣздомъ Кыеву» (Ип . 1174, 110 «Сослався Рюрикъ со Всеволодомъ, и съ братомъ своимъ, Давыдомъ, посла ша му жи своя ко Ярославу и ко всимъ Ольговичемъ, рекше ему: «Цѣлуй къ намъ крестъ всею своею братьею, како вы не искати отцины нашея, Кыева, и Смоленска, подъ нами, и подъ нашими дѣтми, и подо всимъ нашимъ Володимеричь племенемъ, како насъ роздѣлилъ дѣдъ нашъ, Ярославъ по Днѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ.» И Ольговичи же сдумавше и пожалиша себе, рекше ко Всеволоду: «Ажь ны лишитися его велишь отынудь, то мы есмы не Угре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы внуци; при вашемъ животѣ не ищемъ его; ажь по васъ, кому Богъ дасть» (Ип. 1195, 146). См. также Ип. 1195, 144.

2. Въ 1147 г. Изяславъ Мстиславичъ далъ Святославу Всеволодовичу Межибожье, Котельницу и 10 другихъ городовъ. Въ 1148 году Изяславъ Мстиславичъ далъ Ростиславу Юрьевичу: Божьскій, Межибожіе, Котельницу и ина два городы. Въ 1149 г. Юрій, овладѣвъ Кіевомъ, посадилъ сыновей своихъ въ Переяславлѣ, въ Вышгородѣ, Бѣлгородѣ, въ Каневѣ, а въ 1150 году въ Пересопницѣ и въ Дорогобужѣ. Въ 1150 г., вторично овладѣвъ Кіевомъ, далъ сынови своему, Андрею: Туровъ, Пинскъ и Пересопницу. Въ 1153 г. Ростиславъ Мстиславичъ, овладѣвъ Кіевскимъ столомъ въ первый равъ, далъ Святославу Всеволодовичу Туровъ и Пинскъ. Овладѣвъ, въ 1155 году, въ третій разъ Кіевскимъ столомъ, Юрій посадилъ своихъ сыновей въ Переяславлѣ, въ Вышгородѣ, въ Туровѣ и на Поросьи, и, для удовлетворенія Князей Черниговскихъ, далъ послѣднимъ Мозырь и Корческъ. Въ томъ же 1155 г. Юрій далъ Владимиру Андреевичу Дорогобужъ, Пересопницу и всѣ города Погорыньскіе, а сыну своему, Борису, Туровъ. Въ 1162 г., когда Ростиславъ получилъ Кіевъ, то въ томъ же году сынъ его, Рюрикъ, былъ въ Торцскомъ (Ип. 1161). Въ 1162 г. Ростиславъ, Кн. Кіевскій, поссорившись съ своимъ племянникомъ, Кн. Владимира Волынскаго, Мстиславомъ Изяславичемъ, отнялъ у него города: Торцкъ, Бѣлгородъ и Триполь, отдалъ Торцкъ и Бѣлгородъ своимъ дѣтямъ, а Триполь своему брату, Владимиру Мстиславичу, но въ слѣдующемъ, 1163, году, Ростиславъ, примирившись съ своимъ племянникомъ, возвратилъ ему «Торцскъ и Бѣлгородъ, а за Триполь далъ Каневъ» (Ип. 1163).

3. Ип. 1180, 1195, 1186.

4. «А за Русьскую землю хочю страдати и подлѣ тебе ѣздити..; а ты постереги землѣ Русьской оттолѣ... а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди!» (Ип. 1148, 39, 41).

5. Ип. 1149, 41. Ип. 162 и 163.

6. См. выше прим. 2 этой главы.

7. Ип. 1196.

8. См. прим. 66 главы VI.

9. Татищ. т. III, 1141 г.

10. Когда Юрій, въ 1150 году, послѣ битвы подъ Переяславлемъ, овладѣлъ Кіевомъ, то Изяславъ Мстиславичъ, владѣтель Владимира Волынскаго и Луцка, не только не подчинялся Юрію, но еще нападалъ на его владѣнія (Ип. 1150 г.). Оставляя, въ 1150 г. вторично Кіевъ, Изяславъ Мстиславичъ присоединилъ къ своей области, не признававшей власти Юрія, и городъ Дорогобужъ (Ип. 1150). Овладѣвъ, въ 1150 году, опять Кіевомъ, Юрій ничего не предпринималъ противъ Изяслава Мстиславича, не смотря на то, что послѣдній сносился съ Уграми (Ип. 1150). Въ 1158 году, во время княженія въ Кіевѣ Юрія, Мстиславъ Изяславичъ, владѣтель Червеня, выгналъ стрыя своего, Владимира Андреевича, изъ Владимира Волынскаго (Ип. 1158).

11. Ип. 1158, с. 82. Ип. 1160 и 1162.

12. Ип. 1133—1136. Тат. т. III, 1131. Никон. т. II, 1132. Воскр. т. VII, 1132. Ип. 1138.

13. Татищ. III, 1133. Князь Кіевскій защищаетъ Князей Галицкихъ, по ихъ жалобѣ, отъ Поляковъ (Татищ. т. III, 1138. Ип. 1139).

14. Ип. 1140, стр. 17. Тат т. III, 1143. Ип. 1144, 20.

15. Тат. т. III, 1141. Ип. 1146, 21.

16. «И посла сына своего, Мстислава, съ Переяславчи» (Ип. 1146, 26); «и отъ Вячеслава приде помощь ему (Изясл. Мст.), и изъ Володимера полкъ къ нему приде... и бысть ему вѣсть отъ брата Ростислава (Кн. Смоленскаго), оже уже Ростиславъ идетъ» (Ип. 1147, 35); «и посла, поя (Из. М.) полкъ у стрыя своего, Вячеслава» (Ип. 1148, 37). «Се стрый мой, Георгій изъ Ростова обидить мя Новгородъ... а хочю пойти на нь» (Ип. 1148, 39). Въ Новгородѣ былъ сынъ Из. М. Ярославъ (Ип. 40): «Володимиру сущю, брату Изяславлю, въ Лучьски» (Ип. 47). Въ битвѣ подъ Переяславомъ на сторонѣ Изяслава Мстиславича: сынъ его Мстиславъ, Владимиръ и Ярополкъ, двоюродный братъ Владимиръ Андреевичъ и Князь Черниговскій, Изяславъ Давыдовичь (Ип. 1149, 44). Въ войскахъ Изяслава Мст. противъ Князя Галицкаго, сынъ Мстиславъ изъ Переяславля, братъ Владимиръ изъ Дорогобужа, Владимиръ Андреевичъ изъ Пересопницы, братъ Святополкъ изъ Владимира (Ип. 1152).

17. «Пусти Изяславъ (Мст.) брата своего, Святополка, въ Володимеръ, а самъ пойде... и съ Борисомъ Городеньскимъ» (Ип. 54, 1150). См. также Ип. 1150, стр. 55, и 1151 г.

18. Въ 1148 г. Черниговскіе Князья, заключивши миръ съ Изясл. Мст., «цѣловаша крестъ у Св. Спаса ворожду про Игоря отложити и Руською земля блюсти и быти всимъ за единъ братъ.» Въ томъ же году, на сеймѣ въ Городкѣ, Изяславъ Мст., требуя отъ Черниг. Князей помощи противъ Юрія, говоритъ имъ: «Вы есте вси крестъ цѣловали на томъ, аже кто будетъ мнѣ золъ, то вамъ на того быти со мною» (Ип. 39, 1148). Въ 1151 г., когда Изяславъ Мстиславичъ осадилъ Городокъ Юрія, то въ войскахъ Князя Кіевскаго были:

Изяславъ Давыдовичъ, Святополкъ Всеволодовичъ и помощь отъ Святослава Ольговича, не смотря на постоянную дружбу послѣдняго съ Юріемъ (Ип. 1151).

19. Когда Изяславъ Мст. овладѣлъ Кіевскимъ столомъ, то противъ него вечедневно возстали: Юрій Долгорукій, Кн. Суздальскій, и Святосл. Ольгов., Кн. Новгородсѣверскій (Ип. 1146). Въ 1146 г. Князь Суздальскій воевалъ съ Князьями Рязанскими (Ип. 29), а въ 1148 г. къ Ольговичамъ и Давыдовичамъ, противъ Изслава Мстиславича, присоединились и Князья Рязанскіе (Ип. 1148). Владимиръ Галицкій былъ постоянно на сторонѣ Юрія (Ип. 1149, 46, 1150). См. также Ип. 1152.

20. См. событія Кіевскаго Княжества отъ 1153 до 1240 года по Ипат. и Лавр. лѣт.

21. «Константинъ посла сына своего старѣйшаго, Василька, Ростову, а Всеволода на Ярославль. И сѣде по немъ (по смерти Конст.) братъ его, Георгій, въ Володимерѣ на столѣ»... Великій Князь Юрій Всеволодовичъ «посла брата своего, Святослава, на Болгаръ... а Ярославъ посла свои полки изъ Переяславля, и Васильковичу Константиновичу повелѣ Юрій послати свои полки, онъ же изъ Ростова полкъ посла» (Воскр. т. VII, 1218, 1220, стр. 125, 126).

22. Иловайскій, Ист. Рязан. Княжества стр. 91.

23. Въ 1158 г. Изяславъ Давыдовичъ уступилъ столъ Черниговскій Святославу Ольговичу, а этотъ послѣдній свой столъ, Новгородсѣверскій, Святославу Всеволодовичу (Ип. 1158, 87). Святославъ Владимировичъ, Князь города Вщижъ цѣловалъ кресть Кн. Черниговскому, Свят. Ольг, «яко имѣти ему его во отца мѣсто и во всей волѣ его ему ходити» (Ип. 88). Въ 1164 году, по смерти Князя Черниговскаго, Святослава Ольговича, его сынъ, Олегъ, уступилъ столъ въ Черниговѣ Святосл. Всеволодовичу, а себѣ взя Новгородсѣверскъ (Ип. 92). Въ 1179 г. умеръ Олегъ Святославичъ, Игорь же, братъ его, «сѣде въ Новгородсѣверскѣ, а Ярославъ Всеволодовичъ Черниговѣ» (Ип. 1179). «Иде Святославъ Всеволодовичъ (Кн. Кіевскій) къ Любчю, и призвавъ къ себѣ братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода, рады ему дѣюцю» (Ип. 1180). Однажды, созвавъ всѣ сыны свои и молодшую братью свою Святославъ Всеволодовичъ говоритъ имъ: «Се азъ старѣе Ярослава, а ты, Игорю, старѣе Всеволода, а нынѣ я вамъ во отца мѣсто остался, и велю тебѣ, Игорю»... (Ип. 1180). Въ 1183 г. и въ 1185 г. Игорь Святослав., Князь Новгородсѣверскій призываетъ, для похода противъ Половцевъ, брата своего, Всеволода, Князя Трубчевскаго, сыновца Святослава, Князя Рыльскаго, и сына своего, Владимира, Князя Путивльскаго (Ип. 1183, 1185). Въ 1197 г. умеръ Черниговскій Князь, Ярославъ Всеволодовичъ, «а того ради сѣде на столѣ его Игорь Святославичъ» (Ип. 1191).

24. Ип. 1159, 1161, 83, 86, 88, 91.

25. Ип. 1128.

26. Лавр. 1202. Ип. 1180, стр. 125. Ип. 1175. Ип. 1226. Густ. 1226. Ип. 1175, стр. 120. Нов. I, 1225, стр. 41. Ип. 1174. Ип. стр. 84, 85, 87, 89. Ип. 1179, 1185, 1192. Ип. 1190, 1193. Лавр. 1201. Ип. 1172.

27. См. Древнія стихотворенія, Кирши Данилова.

28. «Молвящеть бо и митрополитъ Святославу и Рюрикови: «Се иноплеменьници отъяли отчину вашу: а лѣпо вы бы потрудитися.» И тако, сдумавше, пойдоша къ Галичу, Святославъ съ сыны своими (Ольговичи), а Рюрикъ съ

братьею своею» (Мономаховичи) (Ип. 1189, 138). См. также Густ. 1206, т. II, стр. 329.

29. Всеволодъ Гюрговичъ, Князь Суздальскій, «заратися съ Болгары, и присла ко Святославу, помочи прося; и пусти къ нему сына своего, Володимера» (Ип. 1182, стр. 125). «Ходи князь Ярославъ (Новгородскій) на Луки, позванъ Полотскою княземъ и Полочаны: и поя съ собою Новгородецъ передьнюю дружину, и снишася на рубежи, и положиша межи собою любовь, яко на зимѹ всѣмъ снятися, любо на Литву, любо на Чюдь»(Нов. I, 1191, стр. 20).

30. Нов. I, 1228. Иск. I, 1240.

31. Солов. Ист. Рос. т. II, стр. 18—21. Карамзинъ т. III, гл. III, 78. Ип. 1204. Густ. 1206, 1210.

32. Лавр. 1176, 160.

33. Въ 1202 г. Бояре Галицкіе послали за Игоревичами, и посадили въ Галичѣ Владимира Игоревича, а въ Звѣнигородѣ Романа Игоревича (Ип. 1202). Въ 1213 г. «Городокъ бо бѣ отложился, бяхуть въ немъ людье Судислава Галицкаго Боярина)» (Ип. 1213). Начальникъ города Владимира, Мирославъ, безъ бою и согласія своего Князя сдалъ этотъ городъ Королю Угорскому, и заключилъ миръ, по которому, кромѣ Владимира, уступилъ Королю города Бельзъ и Червень (Ип. 1230). См. также Ип. 1240 г.

34. См. гл. VIII, прим. 29 и 30.

35. Въ 1133 г. Наримунту отдали Ладогу, Орѣховъ, Корельскій и половину Копорья. Въ 1383 г. сыну Наримунта, Патрикію, отданы были въ кормленіе тѣ же города, кромѣ Ладоги (Нов. I, 77, 93).

36. Заключая договоръ, Новгородцы цѣловали кресть разомъ за Великій Новгородъ и за всѣ его пригороды (Иск. I, 209). Въ 1233 г. взятыхъ въ плѣнъ Нѣмцевъ Псковичи отправляютъ къ Князю Новгородскому, хотя въ то время въ Псковѣ былъ свой Князь (Нов. I). Когда Псковичи, въ 1266 г., приняли къ себѣ Довмонта, не спрашивая согласія на то Новгородцевъ, то Князь Новгородскій, Ярославъ Ярославичъ, хотѣлъ ити на Псковъ войной (Нов. I, 1266).

37. Въ 1228 г. приходила Емь воевать въ Ладожское озеро. Дали знать Новгородцамъ. Но Володиславъ, Посадникъ Ладожскій, съ Ладожанами, не дождавшись Новгородцевъ, погнался по нихъ въ слѣдъ, и разбилъ ихъ (Нов. I, 1228). См. также Нов. I, 1165, 1167, 1183, 1190, 1200, 1237.

38. Въ 1234 г., приготовляясь отразить нападеніе Великаго Князя, Георгія Новгородцы «скопиша всю волость Новгородскую» Въ 1228 Ярославъ съ Новг. и со всею областію ходилъ на Чюдь (Нов. I). Въ 1316 г., для учиненія острога около Новгорода, «сойдеся вся волость Новгородская: Псковичи, Ладожане, Русшане, Корѣла, Ижора, Вожане» (Нов. I). См. также Нов. I, 1137, 1165, 1134, 1191, 1199, 1214, 1256, 1341, 1435.

39. Въ 1436 г. Новгородцы «воеваша Луки Великіе и Ржеву, а они имъ хотѣша дани давати» (Иск. II, 29). Ярославъ, изгнанный изъ Новгорода, удалился на Новый Торгъ, «и бралъ дани по всему Верху, и по Мстѣ, и за Волокомъ» (Нов. I, 1196). См. также Уставъ Святослава Ольговича 1137 г. (Кар. къ II, гл. IX, пр. 267).

40. Въ 1347 г.«идуще Новгородци къ Орѣховцу, даша жалованье городу

Пскову: «посадникамъ Новгородскимъ во Псковѣ ни сидѣти, ни судити, а отъ владыки судить ихъ брату, Псковитину, а изъ Новгорода ихъ не позывати ни дворяны, ни подвойскими, ни Софіяны, ни извѣтники, ни биричи» (Нов. III. 227). Въ 1211 г. Князь Новгородскій, Мстиславъ Мстиславичъ, отправляется на Торжокъ «блюсти волости« (Нов. I, 1211). Въ 1218 г. Князь Мстиславъ пришелъ на Торжокъ, и я Борислава Некурашинича, и поималъ товаръ многъ, и пусти ихъ» (Нов. I, 1218).

41. «Избіени быша Печерскіе даньники и Югорскіе въ Печерѣ, а друзіи за Волокомъ; и паде головъ о стѣ кметьства» (Нов. I, 1187, 19); «а за Волокъ ти, кыже, слати своего мужа изъ Новгорода... по пошлинѣ»(С. Г. Г. и Д. т. I, 1).

42. Костомар. Сѣвероруск. народоправства т. II, гл. VII, IV.

43. «Придоша Псковичи и Ладожане Новугороду, и выгнаша князя Всеволода изъ города» (Нов. I, 1133). «Новгородци призваша Псковичи и Ладожане и сдумаша, яко изгнати князя своего, Всеволода»(Нов. I, 1136). Изяславъ Мстиславичъ, чтобы узнать, желаютъ ли Новгородцы заключить миръ, или воевать съ Юріемъ Долгорукимъ, «и повелѣ звонить вѣче на Ярославлѣ дворѣ, и тако Новгородци и Псковичи снидоша на вѣче» (Нов. I, 1148). Когда, въ 1217 г. Чудь прислала пословъ съ поклономъ, то начали «Новгородци гадать съ Псковичи о Чюдской рѣчи... на вѣче» (Нов. I, 1217).

44. О Дѣтяхъ Боярскихъ въ Новгородѣ въ первый разъ упоминается подъ 1259 г.: «и повелѣ князь стеречи ихъ (пословъ Татарскихъ) сыну посадничю и всѣмъ дѣтемъ боярскимъ по ночемъ» (Нов. I, 57). Что Дѣти Боярскіе были бѣдные простые воины, это видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописей: Великій Князь «посла дѣтей Боярскихъ, дворъ свой, на Каму воевать» (Воскр. 1468). «Въ Югры Новгородци пріѣхаша, дѣти боярскіи и молодые люди:.. воевавше по Обѣ рѣки» (Нов. IV, 65, 1374). Что сыновья Бояръ служили придворными слугами, и что, слѣдовательно, Дѣти Боярскіе происходили отъ Бояръ, см. прим. 9 гл. II-й.

45. Нов. I, 1228, стр. 44; 1255, стр. 55.

46. «Всташа чернь на бояръ (въ Торжкѣ), а бояре Новоторжскіе прибѣгоша въ Новгородъ только душею, кто успѣлъ, а домы ихъ разграбиша и хоромы ихъ развозиша... и села ихъ пуста положиша» (Нов. I, 1340, стр. 80).

47. Ип. 1161, стр. 88.

48. Ярополка «посадиша въ Новѣмъ Торгу»(Нов. I, 1180, 18). Изяславъ «бяше посаженъ на Лукахъ княжити и отъ Литвы оплечье Новгороду (Нов. I, 1198, 24);«а Лучаномъ да князя Владимира Пльсковскаго» (Нов. I, 1211, 31). Въ 1176—1178 Мстиславъ Ростиславичъ посадилъ въ Псковѣ племянника Бориса (Ип. 120). Въ 1232 Ярославъ, Князъ Новгородскій, далъ Псковичамъ Юрія (Нов. I, 88).

49. «Сдумавше Новгородци, выгнаша Ярослава князя; иде князь Ярославъ на Новый Торгъ, и пріяша и Новоторжцы съ поклономъ» (Нов. I, 1196, 22). Въ 1215 г. Ярославъ, снова, оставивши Новгородъ, засѣлъ въ Торжкѣ и не пропускалъ хлѣба въ Новгородъ (Нов. I, 33). «Пойде князь Всеволодъ другое изъ Новгорода, въ нощь, утаивься, со всѣмъ дворомъ своимъ, и пріѣхавъ, сѣде на Торжку»(Нов. I, 1224, 41). «Пойде княжичь Ростиславъ съ посадскимъ на Торжокъ... а княжичю путь показаша съ Торжку къ отцеви» (Нов. I, 1230, 46).

50. Нов. I, 1229, стр. 45.

51. «Пльсковичи бо бяху въ то время изгнали князя Володимира отъ себе» (Нов. I, 1213, стр. 32). Въ слѣдующемъ 1214 г. находится въ Псковѣ Князь Всеволодъ Борисовичъ (Нов. I, стр. 32), а въ 1216 г. опять Владимиръ (Нов. I, 34). Въ 1266 Псковичи, противъ воли Новгородскаго Князя, приняли къ себѣ на княженіе Довмонта (Костомар. С. Р. Н. I, 262).

52. Нов. 1228, г. 1240 г.

53. Ип. 1146, 1159, 1169, 1173, 1174, 1177.

54. Ип. 1174. 107. Ип. 1155, 79; 1151, 66; 1156, 79. Лавр. т. I, 1180. 164, и Иловайскаго. Исторія Рязан. Княжества 63.

55. Въ 1171 Андрей Боголюбскій посадилъ въ Кіевѣ Глѣба Юрьевича, а въ 1174 г. Роману Ростиславичу «веляше ити Кыеву.» Въ 1174 г. овладѣлъ Кіевомъ Ярославъ Изяславичъ Луцкій, съ помощью Волынской земли. Въ 1175 г. отнялъ у него Кіевъ Романъ Ростиславичъ Смоленскій. Въ 1177 г. занялъ Кіевъ Святославъ Всеволодовичъ, Князь Черниговскій. Въ 1194 году, по смерти Святослава Всеволодовича, овладѣлъ Кіевомъ Рюрикъ Ростиславичь, Князь Кіевскихъ пригородовъ (Ип. 1171, 1174, 1175, 1194). «И посади великій князь Всеволодъ (Суздальскій) и Романъ (Волынскій) Ингваря Ярославича въ Кыевѣ» (Лавр. 1202). Великій Князь Всеволодъ «не помяну зла Рюрикови... но да ему опять Кыевъ» (Лавр. 1203). Всеволодъ Чермный «сѣде Кыевѣ, надѣясь на свою силу» (Лавр. 1206). Ольговичи выгнали Рюрюка изъ Кіева; и посадили Всеволода Чермнаго (Лавр. 1207). Рюрикъ Ростиславичъ выгналъ изъ Кіева Всеволода Чермнаго и самъ сѣлъ (Лавр. 1207). Въ 1213 г. Мстиславъ Мстиславичъ съ Новгородцами и Смолянами пошелъ на Всеволода Святославича Чермнаго, и посадилъ въ Кіевѣ Мстислава Романовича Смоленскаго (Густин. 333). Въ 1224 «сѣде на Кіевскомъ княженіи Владимиръ Рюриковичъ» (Густин. 237, т. II). Въ 1234 году Ольговичи изгнали его, и посадили въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича «изъ Ольгова племени» (Густин. 337). Въ 1236 году Ярославъ Всеволодовичъ (изъ Князей Суздальскихъ) выгналъ его и самъ сѣлъ въ Кіевѣ. Во время нашествія Батыя, въ 1240 году, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій бѣжалъ въ Угры, а Кіевскій столъ занялъ Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій, но Даніилъ Галицкій плѣнилъ его и въ Кіевѣ оставилъ своего Воеводу, Дмитра (Густин.).

56. Татищевъ т. IV, стр. 337, 1203 г.

57. Тамъ стр. 338.

58. Въ 1274 г. «присла Андрей къ Ростиславичамъ, река тако: «Нарекли мя есте собе отцемъ, а хочу вы добра, а даю Романови, брату вашему, Кыевъ. И приде Романъ Кыеву» (Ип. 107). Въ 1274 г. Андрей требовалъ отъ Кіевскихъ Ростиславичей выдачи виновныхъ Бояръ, и когда Ростиславичи отказали ему въ томъ, то приказалъ имъ удалиться изъ Кіева и Кіевскихъ пригородовъ (Ип. 108). Въ ополченіи, посланномъ Андреемъ противъ Ростиславичей, участвовали Ростовцы, Суздальцы, Владимирцы, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, Новгородцы и Рязанцы и, сверхъ того, Романъ (Кн. Смоленскій) «нужею пусти сынъ свой с Смольняны на братью.... бяше бо тогда въ рукахъ его (Андрея); и Полоцкимъ княземъ поити повелѣ всимъ, и Туровскимъ, и Пинскимъ, и Городенскимъ» (Ип. 1174; 109). «Присла (Всеволодъ Суздальскій) послы своя ко свату своему, Рюрикови

рекa ему тако: «Вы есте нарекли ма во своемъ племени во Володимерѣ старѣйшаго, а нынѣ сѣлъ еси въ Кыевѣ, а мнѣ еси части не учинилъ»... и далъ Рюрикъ Всеволоду 5 городовъ» (Ип. 144 и 145). Всеволодъ Суздальскій позвалъ къ себѣ Глѣба Святославича, одного изъ Князей Черниговскихъ, и Глѣбъ «волею и неволею ѣха къ нему, зане бяшеть въ его рукахъ» (Ип. 1180). «Ольговичи же, убоявшеся, и послаша мужи своя.... ко Всеволоду, кланяючися и емлючися ему по всю волю его» (Ип. 1195, 146). Въ 1190 г. Святославъ Всеволодовичъ Кіевскій, по требованію Всеволода и Рюрика, «цѣлова къ нимъ крестъ по всей ихъ волѣ» (Ип. 1190). По требованію Всеволода, Романъ Мстиславичъ Галицко-Волынскій отпустилъ изъ плѣна Ростислава Рюриковича (Лавр. 1205. Іуст. 1204). См. также Лавр. 1213. Владиміръ Ярославичъ возвратился на столъ Галицкій, опираясь на союзъ съ Поляками и Всеволодомъ Суздальскимъ (Ип. 1190). «И вриму единъ власть Русьскую и съ братьею (говорилъ Святославъ Всеволодовичъ), и тогда отомщу Всеволоду обиду свою» (Ип. 1180). Глѣбъ Владимировичъ Князь Рязанскій... яко избіевѣ сихъ, а сами пріимевѣ едина всю власть» (Лавр. 1217, 187).

59. См. выше прим. 55 этой главы.

60. Татищ. т. IV, 337, 1203.

61. Ип. 1240 г. Жит. Ник. Свят. Черниг. и прим. 30 гл. VIII.

62. Ип. 1153. Ип. 1178, 1 20.

63. Ип. 82. Ип. 1147. Татищ. т. III, 1143. Ип. 1187. Ип. 1211, 159.

64. Лавр. 944. 23. Ип. 1164, 92. Ип. 1171, 100. Ип. 1211, 159. Ипц. 153, 73.

65. Ип. 1240, 179.

66. Ип. 1175, 113.

67. Ип. 1146, 27; 1169, 97.

68. Лавр. 1019, 62 и 63. Ип. 1149, 41. Ип. 1231, 171. Ип. 1169, 97. Ип. 1149, 47; 1175.

69. Святославъ, Князь Кіевскій, «сдумавъ съ Княгинею своею и съ Кочкаремъ, милостникомъ своимъ, и не повѣда сего мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своя» Ип. 1180. 122). «Княжащу Володимеру въ Галицкой землѣ, и бѣ любезливъ питью многому, а думы не любяшеть съ мужи своими» (Ип. 1187, 134).

70. Ип. 97, 1169.

71. У Андрея Боголюбскаго находился «отрокъ Кузмище Кіянинъ» (Ип. 114, 1175 г.). Ростиславичи роздали по городамъ посадничества Русскимъ Дѣтскимъ, т. е., Дѣтскимъ изъ Кіевской области (Лавр. 1176, 159).

72. Ип. 1175, 115. Лавр. 1177, 159.

Стран
ніе городскаго и сельскаго населенія и на отношеніе къ нему Княжеской власти..... 260

ГЛАВА IX.

Разложеніе союзнически-дружиннаго государства. Главенствующее государство Сѣвера Начало феодализма на Югозападѣ и Сѣверовостокѣ... 307

Примѣчанія къ IX главамъ..... 1—105

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ДЕКАБРЬ.

СТРОГАНОВА.

1. Сегодня крещень при Дворѣ сынъ мой первородной и, по отношенію къ сему дѣйствію, выставлено имя матери его крестной. Баронесса Наталья Михайловна, тетка моя родная, вдова меньшаго брата матери моей, Барона Сергѣя Николаевича. Она была воспріемницей сына моего, Павла. Его крестили въ маленькой придворной церкви. Надобно было привезти младенца туда кому ни будь изъ родственниковъ, а не мамѣ одной съ бабушкой. Я просилъ тетушку, и она охотно взяла на себя этотъ трудъ. Кому противно ѣздить въ Царской домъ? Павелъ Наслѣдникъ, увидя ее въ церкви, пригласилъ быть съ нимъ кумою: и такъ она, вмѣстѣ съ нимъ, прошлась около купели. Недавно скончавшись, она, по завѣщанію своему, изволила пожаловать этому крестнику тысячу рублей, отъ такого большого состоянія, какое оставила она, умирая бездѣтна; ибо сынъ ея единородной, несчастной человѣкъ, умеръ за нѣсколько времени до нея, лѣтъ сорока, будучи давно и слѣпъ и недвижимъ. Вотъ все, что я могу сказать въ воспоминаніе сей родственницы. Сынъ мой не смѣлъ не принять столь ничтожнаго подарка и унизительной, смѣю сказать, милостины. Вопросъ: естьли бы Павелъ мой былъ Генералъ-Адъютантъ, осмѣлилась ли бы бабушка его и мать крестная, раздавая лѣкарямъ и другимъ, такимъ же родственникамъ, по 50 и по 100 тысячь изъ одного тщеславія, осмѣлилась ли бы она пожаловать тысячу рублей? Думаю, что нѣтъ. Что жь сказать о семъ, соображая, что племянникъ сей оставался безъ фортуны и только былъ Надворной Совѣтникъ безъ протекціи? Что сказать? Пожать плечами и молвить старинным Русскимъ языкомъ: «Богъ съ ней!»

ФЕТТЕРЪ.

2. Иванъ Андреевичъ. Отецъ его былъ Штабъ-Лѣкарь, и лѣчилъ весь нашъ домъ; у него было два сына. Когда Совере, мой учитель, собрался въ свою родину, онъ, по просьбѣ моего отца, взялъ ихъ съ собою на корабль и отвезъ въ Германской Университетъ: тамъ они воспитавшись, воротились сами по себѣ въ Россію; одинъ изъ нихъ умеръ, а Иванъ остался живъ, былъ за-

писанъ въ гвардію, отставленъ полевымъ Офицеромъ и пріютился ко мнѣ, какъ я ѣхалъ въ Пензу: тамъ онъ жилъ въ моемъ домѣ и, по желанію его, окрещенъ мною изъ Лютеранскаго въ наше Исповѣданіе. Я его опредѣлилъ къ мѣсту, потомъ женилъ на молодой дѣвушкѣ съ нѣкоторымъ достаткомъ; съ ней онъ прижилъ нѣсколько дѣтей, и въ это время, какъ я служилъ въ Соляной Конторѣ, переведенъ въ Смотрители на Балахонской заводъ. Нигдѣ и никогда онъ отъ меня не отставалъ. Во время моего Губернаторства, онъ, съ женой и семействомъ, перебрался ко мнѣ въ Володимеръ, и тутъ я его пристроилъ къ Инвалидному дому, давъ ему мѣсто Надзирателя: здѣсь онъ овдовѣлъ и, нѣсколько лѣтъ спустя, потомъ женился на племянницѣ родной второй жены моей, Александрѣ Ивановнѣ Пожарской, по чему и сдѣлался уже изъ кліентовъ моихъ, такъ сказать, мой родственникъ. По отставкѣ моей онъ втерся въ Исправники и, потерявъ мой надзоръ, началъ портиться, привыкъ гулять и пить и, разойдясь съ своей женою, слонялся нѣсколько времени по разнымъ Уѣздамъ, и привезенъ больной въ Москву, гдѣ въ больницѣ несчастнымъ образомъ жизнь кончилъ. Я въ немъ всегда принималъ участіе и жалѣлъ о его худомъ поведеніи, но, не имѣя уже на него такого бдительнаго и строгаго вліянія, не могъ воздержать его и съ болѣзнованіемъ узналъ о его смерти, которая была слѣдствіемъ безпорядочной жизни послѣ нашей разлуки.

ЧЕБОТАРЕВЪ.

3. Харитонъ Андреевичъ, Профессоръ Университета. Батюшка его узналъ еще въ молодости его: онъ былъ студентомъ и давалъ намъ уроки; онъ меня выучилъ Латынскому языку, и доставилъ мнѣ случай слушать Университетскія лекціи, которыя тогда преподавались въ ономъ по Латыни. Чеботаревъ экзаменовалъ меня при вступленіи въ Университетъ, и удостоилъ студенческаго званія; я продолжалъ у него обучаться и тамъ. Онъ сочинилъ ту рѣчь, которую я произнесъ съ каѳедры, въ торжественномъ собраніи по случаю рожденія нынѣшняго Императора. Всякой годъ послѣ экзаменовъ я удостоиваемъ былъ получать за успѣхи въ классѣ его какое ни будь награжденіе. Онъ со мной обходился, какъ человѣкъ искренно меня любившій. По его рекомендаціи я былъ именованъ Авскультантомъ Вольнаго Россійскаго Собранія, котораго онъ былъ членомъ; словомъ, я ему

обязанъ какъ успѣхами моими въ образованіи по Университету, такъ и всѣми пріятными преимуществами, коими я въ ономъ отлично предъ другими пользовался. Онъ остался мнѣ хорошимъ наставникомъ и послѣ окончанія наукъ, посѣщалъ домъ нашъ, принималъ меня дружелюбно къ себѣ, по дѣламъ Владимирской Гимназіи переписывался со мной просто, безъ этикетовъ, способствовалъ печатать разныя мои произведенія, и до конца дней своихъ не перемѣнялъ пріятныхъ со мной поступковъ. Я часто посѣщалъ его въ параличномъ его недугѣ, и онъ со мной бесѣдовалъ непринужденно. Я съ сердечнымъ сокрушеніемъ узналъ о его кончинѣ. и проводилъ гробъ его до Ваганьковскаго кладбища, на которомъ, когда бываю, всегда вспомню его, и съ умиленіемъ, о упокоеніи души его.

ДОЛГОРУКАЯ.

4. Княжна Варвара Николаевна. Отцы наши долго были въ ссорѣ, по причинамъ, коихъ начало искать должно въ ссылкѣ юего дѣда и сиротствѣ моего отца, но подъ старость батюшка съ тимъ домомъ примирился, и я былъ въ его ввезенъ еще мальчиюмъ; тогда я сошелся склонностью и вкусомъ съ Княжною, которая по родству доводилась мнѣ быть теткой, но мы почти ровли вмѣстѣ, я привыкъ ее любить, привыкъ къ ея пріятному сообществу, и сдѣлался такъ коротокъ у нихъ въ домѣ, что находилъ необходимость видѣться съ Княжной почти всякой день. Между ами не было никогда романической связи. я не былъ въ нее люблень, но, горячо привязавшись къ ней, любилъ дѣлить и веселье ея и печали. Она воспитана была найлучшимъ образомъ, она отъ природы, одарена разсудкомъ, которой отъ опытовъ дѣлался твердъ и основателенъ; бесѣда наша была взаимно намъ олезна. Мы съ ней часто читывали вмѣстѣ, сообщали другъ другу свои познанія, забавлялись приватными театральными зрѣлищами, не для публики, а собственно для насъ и удовольствія ея ижнихъ, словомъ, мы свыклись и сдѣлались хорошими друзьями. Такъ продолжалось наше знакомство лѣтъ съ 20 слишкомъ. отъѣзжалъ на службу въ Петербургъ, потомъ удаленъ былъ ъ Москвы лѣтъ пять въ Пензѣ, наконецъ жилъ десять лѣтъ въ ладимирѣ, и ничто не перемѣняло нашего обращенія Въ разлуѣ мы часто другъ къ другу писывали; увидясь, безпрестанно поорялли свиданія, и казалось, что само время скрѣпило союзъ

сердецъ нашихъ до гроба въ той силѣ, съ какой оно было нами приличнó и по родству и по согласію характеровъ. Въ книгахъ моихъ напечатаны многіе стихи, коими я дарилъ ее въ дни семейнаго праздника. Когда я былъ въ Владимирѣ, она пріѣзжала навѣщать жену мою въ первой ея болѣзни, и прогостила у насъ съ теткой моей, а ея сестрой, Лопухиной, дни три. Всѣ сіи опыты пріязни укрѣпляли нашу дружбу, я готовъ былъ ручаться головою, что ни что ее не ослабитъ; но поздній и горестный опытъ доказалъ мнѣ истину пророческаго слова: «Всякъ человѣкъ ложь!» Когда меня отставили изъ Губернаторовъ и возвратился я въ Москву, Княжна не приняла никакого участія въ уничиженномъ тогда моемъ положеніи, и ни разу меня не посѣтила; я тѣмъ болѣе былъ этимъ тронутъ, что ни отъ кого не ожидалъ столь скорыхъ и дѣйствительныхъ отрадъ, какъ отъ нея. Что было причиной такой холодности, можно сказать, жестокой? Не знаю и до нынѣ. Она была свободнѣе въ поступкахъ своихъ, нежели когда ни будь; ибо, лишась отца, матери, живучи сама собой въ дѣвушкахъ, и переѣдя границы молодости, могла располагать временемъ своимъ, какъ хотѣла. Соединясь тѣснѣйшей дружбой съ старинной пріятельницей своей, Княгинеи Хованской, она не имѣла причины, ни нужды, жертвовать ей моимъ знакомствомъ. Я не искалъ ни наслѣдства послѣ Княжны, ни даровъ ея, ни денежныхъ пособій, я хотѣлъ быть ея другомъ. И у Хованской желаніе мое не могло отнять ничего изъ выгодъ, отъ связи ея съ Княжной ожидаемыхъ. Какъ-то ни на есть, первой сей опытъ равнодушія Княжны къ угнетенной участи моей сильно на меня подѣйствовалъ. Онъ повторился еще двукратно при другихъ весьма важныхъ случаяхъ, и въ которыхъ другъ бываетъ нужнѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ общежитіи. Послѣ отставки моей скоро загорѣлась война съ Французами: они взяли Москву, жили въ ней, сожгли городъ, ограбили обывателей разбѣжавшихся, въ числѣ коихъ былъ и я съ моимъ семействомъ; по возвратѣ многихъ изъ насъ въ прежнія наши жилища, Княжна, принявши какой-то новой родъ жизни, уединенной и подражательной Французскому тону, бросила всѣ обычаи Русскихъ семей, пренебрегла всѣми отношеніями родства и, смѣю сказать, приличія, и послѣ такой общей бѣды не удостоила меня исключенія и не разсудила, какъ друга стараго (я уже не говорю, какъ родню, слово, сдѣлавшееся тогда безъ смысла), посѣтить меня, провѣдать, гдѣ я, что со мною дѣлается, цѣлъ ли мой домъ, сохранилъ ли я мирную и убогую

крышку свою на общей съ ней родинѣ! Все это сдѣлалось недостойно ея заботъ и вниманія; скоро потомъ я лишился матери: Княжна и тогда, по принятому и вѣками освященному закону общежитія, ни мало во мнѣ не интересовалась, и я ее въ глаза не видалъ. Проведя въ такой остудѣ года два, я выключилъ ее изъ моего знакомства, и старался забыть ту пріятнѣйшую связь дружества, которой я долго гордился, какъ чуднымъ примѣромъ въ наши дни постоянной свычки. Послѣ такихъ опытовъ холодности, не долженъ ли я былъ удивиться, получа вдругъ отъ Княжны записку, въ которой она, жалѣя о долгой нашей разлукѣ, приглашала побывать къ ней на завтра? Слогъ записки этой былъ таковъ, какъ будто бы мы съ недѣлю только не видались и не давно еще сообщали другъ другу свои сокровенныя мысли. Самая дружескан цыдулка! Я ею былъ изумленъ до крайности, и на записочку сію, собравшись съ духомъ, написалъ пространной отвѣтъ, въ которомъ, откровенно изложивъ непристойность обращенія Княжны со мной, рѣшительно просилъ ее забыть меня на всегда и оставить меня въ покоѣ; ибо дружество, потерянное разъ, такими рѣзкими пренебреженіями, уже не возобновлятся, а видѣть себя въ ея обществѣ въ качествѣ только свѣтскаго краснобая, котораго многіе привлекаютъ для прогнанія скуки, я не могу, не умѣю и не расположенъ. И такъ съ тѣхъ поръ вотъ уже шесть лѣтъ мы нигдѣ не встрѣчались. Строгое ея уединеніе, по большой части въ подмосковной и изрѣдка въ Москвѣ, удалило всякой случай намъ видѣться и примириться. Уповательно, мы столь же далеко сердцами проведемъ остальные дни жизни нашей, сколь тѣсно соединены были ими на зарѣ и въ лучшее время нашего существованія; однако я всегда буду то время помнить, какъ лучшее въ молодости моей, всегда буду сожалѣть о разрывѣ той пріятной свычки, въ которой я проводилъ слишкомъ 20 лѣтъ; но и сія долгота времени не предохранила нашихъ отношеній отъ общихъ коловратностей мірскихъ случаевъ и расчетовъ. Таковы люди! Тужить о томъ естественно, а передѣлать ихъ не возможно.

ГАРТФЕЛЬДЪ.

5. Фрейлина Принцессы Виртембергской, родной невѣстки Императрицы Маріи Феодоровны. Имя ее мнѣ напоминаетъ забавной отвѣтъ, которой я далъ Ея Высочеству на спросъ довольно яркой: «съ какого умыслу я ссудилъ ея фрейлину для чтенія

романомъ «Элоизы?» — «Для того, сказалъ я очень спокойно, что въ тѣ лѣта, коихъ достигла ваша фрейлина, можно безъ опасенія читать всякую книгу. Принцесса очень косо на меня поглядѣла, и тѣмъ кончилось. Подлинно, Г-жа Гартфельдъ была Нѣмочка не пригожая и въ лѣтахъ. Послѣ, по нѣкоторымъ догадкамъ, замѣтилъ я, что Принцессѣ хотѣлось навязать мнѣ ее на шею: ибо во время вечеровыхъ игрушекъ у Двора въ жмурки, какъ доходила до меня очередь ловить съ завязанными глазами, я ищу Смирной, а мнѣ попадается Гартфельдъ, по тому что Принцесса изволитъ ее подталкивать въ мои объятія; однако я отъ этой напасти ускользнулъ, не подавъ никакого повода къ явному на себя приступу. и съ тѣхъ поръ этой барышни нигдѣ не видалъ.

МАШИНЬКА.

6. Первая горничная дѣвушка покойной жены моей, при которой она вошла ко мнѣ въ домъ. Она была Нѣмецкаго происхожденія, вѣрна въ услугахъ и очень привязана къ Евгеньѣ, которая не могла долго безъ нея обойтись. Я никогда не забуду того смѣшного происшествія, какъ жена моя, въ первую ночь послѣ нашей свадьбы, потребовала, чтобъ Машенька ея ночевала у ея кровати; та, будучи въ лѣтахъ уже и, слѣдовательно, опытнѣе жены моей, которая, по новости ея положенія и совершенной простотѣ во нравѣ, не могла рѣшиться остаться одна съ мущиной на ночь, хотя этотъ мущина былъ ея мужъ, та, сколько ни отговаривалась, не могла отбиться до тѣхъ поръ, какъ я далъ ей способъ ускользнуть невзначай вонъ изъ нашей спальни. До сихъ поръ помню ихъ общее треволненіе въ эту минуту и мой тогдашній неумѣренной смѣхъ надъ обѣими. Жена принуждена была наконецъ совсѣмъ съ ней разстаться; ибо Машинька, по болѣзненнымъ припадкамъ, уже не могла быть при ея услугахъ; а какъ она была вольная, то и должны были мы ее отпустить. Время все пожинаетъ: и барыня скончалась, и Машинька ея тамъ же!

РУБЕЦКАЯ.

7. Софья Николаевна, дочь побочная Князя Трубецкаго, милая и несчастная дѣвушка. Я съ нею видѣлся почти всякой день нѣсколько лѣтъ у Князя Волконскаго, гдѣ она игрывала съ нами комедіи по Русски и по Французски съ одинаковымъ искус-

ствомъ, и отлично нравилась въ роли «Celiante.» Она была непригожа, но крайне привлекательна, и я ее любилъ безъ всякаго восторга, но всей душою; она имѣла пріятной голосъ и, образовавъ его новѣйшей методой, пѣвала какъ Ангелъ, обучалась многому съ успѣхомъ; я ей посвятилъ все собраніе пѣсенъ моихъ, которыя напечатаны и между коими иныя собственно ей принадлежатъ. Она скончалась въ дѣвушкахъ, безъ судьбы, безъ состоянія, и заслужила, чтобъ всякой, кто ее зналъ, потужилъ объ ней искренно. Трогательной голосъ ея по нынѣ отзывается въ ушахъ моихъ, и ни одна пѣвица изъ охотницъ не владѣла такъ моимъ чувствомъ, какъ она. Да! Сонюшка Рубецкая никогда не истребится въ памяти моей, доколѣ я буду помнить, что я былъ молодъ и нѣкогда имѣлъ веселыя дни въ жизни, кромѣ того, что она, принадлежа къ сообществу Княжны Волконской, имѣла право на мою пріязнь; ибо все, что окружало Княжну во время очарованія моего, все мнѣ было любезно. Независимо отъ сей волшебной причины, Рубецкая была мнѣ мила сама по себѣ и по пріятнымъ ея дарованіямъ. Не я ли про нея написалъ, и подтвердить всегда готовъ:

«На что въ безуміи стараться
Востокъ съ полуднемъ съединить?
Чтобъ вѣчно въ радости смѣяться,
Довольно Сонюшку любить!»

КОЧУБЕЙ.

8. Графъ Викторъ Павловичъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ первой получилъ сіе званіе при образованіи Министерства въ Россіи, и въ его завѣдываніе вошли всѣ Губернаторы, въ томъ числѣ и я. Во всю службу мою я не могу вспомнить времени, въ которое бы она столь пріятна была для меня, какъ подъ начальствомъ Кочубея; я находилъ честь и удовольствіе зависѣть отъ него; по мнѣнію моему, не было Министра въ Россіи просвѣщеннѣе его и способнѣе къ его званію. Самъ онъ обходился съ Губернаторами благородно и безъ надменности: холоденъ отъ природы, онъ не допускалъ ни котораго изъ нихъ ни къ какой короткости съ собой, но всегда былъ вѣжливъ и благопристоенъ. Въ письменныхъ его сношеніяхъ не было никакой суровости: пріятно было исполнять его приказанія. Онъ не игралъ служб-

а исправлялъ ее со всей возможной дѣятельностію; не кичился своимъ титломъ, но всю его тягость несъ, и раздѣлялъ нашу неослабно; былъ строгъ съ разборчивостью, никогда злобенъ, или спесивъ. Канцелярія его наполнена была людьми опытными въ дѣлахъ, свѣдущими въ познаніяхъ теоретическихъ и ко всякому благосклонными; словомъ, служить подъ нимъ было истинное удовольствіе: труды имѣли награду, усердіе свою цѣну, ходатайство успѣхи, утѣсненіе защиту, и нетщетно летали къ нему наши представленія, всякое было уважено, по возможности исполнено, или отринуто безъ желчи и съ изъясненіемъ доводовъ, на кои не оставалось мѣста возраженію. Я лично отмѣнно былъ счастливъ его ко мнѣ благорасположеніемъ: всякое отношеніе мое удостоено было его вниманія. Во всѣ четыре года, что я зависѣлъ отъ него, я не имѣлъ двухъ разъ отказа въ моихъ требованіяхъ. Въ теченіе сего времени я былъ два раза въ Петербургѣ, и до пяти аудіенцій приватныхъ у него выдержалъ: онъ любилъ говорить о дѣлахъ Губерніи, распрашивалъ обо всемъ, что до нея касалось, не сбивался въ постороннія матеріи, но, очертя кругъ своего разговора, всегда находился въ той Губерніи, о которой давался ему отчетъ. Послѣ всякой такой бесѣды я выходилъ отъ него сугубо доволенъ его обращеніемъ: я шелъ къ Министру, и находилъ его въ Кочубеѣ. Всякой годъ мы обязаны были доставлять ему отчеты письменные, которые составляли важную часть издаваемыхъ при Министерствѣ его журналовъ во всеобщее свѣдѣніе. Симъ журналомъ ознакомилась публика съ Губернаторами и Статистикой Россійскаго Государства, которая при немъ сдѣлалась извѣстною. Кочубей искалъ всячески обратить на Начальниковъ Губерніи особенное вниманіе Государя. Я ежегодно удостоивался счастія получать по нѣскольку рескриптовъ, за собственноручнымъ подписаніемъ Его Величества. Подъ его начальствомъ я получилъ, при весьма лестномъ рескриптѣ, столовыя деньги сверхъ штата и пожалованъ въ чинъ Тайнаго Совѣтника. По его предстательству сыновья мои отпущены были въ чужіе краи обучаться въ самое критическое время: старшій изъ нихъ, не теряя и тамъ службы, а числясь заочно при мнѣ, получилъ чинъ Коллегіи Юнкера. Такіе знаки доброхотства привязали меня на всегда къ Кочубею, а паче всего тронуло меня утѣшительное письмо, писанное имъ ко мнѣ въ то время, какъ я лишился первой моей жены. Это уже не принадлежало къ публичному нашему званію, а служило доказательствомъ личнаго его благорас-

положенія ко мнѣ, котораго я не забуду во всю жизнь мою. По подобнымъ дѣяніямъ откажу ли я Кочубею въ названіи его моимъ благодѣтелемъ? Конечно онъ былъ такимъ, и я пріобрѣлъ сіе преимущество не по давнему какому либо съ нимъ придворному знакомству, а точно по удостоенію трудовъ моихъ и службы, оцѣнки выгодной съ его стороны. При увольненіи его отъ Министерства, онъ писалъ ко всѣмъ Губернаторамъ циркулярныя письма, въ коихъ, разставаясь съ ними, благодарилъ за споспѣшествованіе ему въ исполненіи собственныхъ его обязанностей ихъ дѣятельными трудами; симъ послѣднимъ поступкомъ онъ до того меня растрогалъ, что я едва не рѣшился оставить тотчасъ мѣста своего и выйти въ отставку, но обстоятельства семейныя не допустили меня оказать ему столь глубокой приверженности, основанной на искреннихъ чувствахъ почтенія и уваженія къ нему, которыя сохраню до конца дней моихъ ненарушимо.

ГЕНДРИКОВА.

9. Графиня Софья Ивановна, предметъ нѣкогда моихъ пустыхъ вздоховъ: я за нею волочился при первомъ моемъ появленіи въ свѣтъ, будучи въ штатѣ тогда Главнокомандующаго въ Москвѣ простымъ напольнымъ Офицеромъ и лѣтъ 16-ти. На балахъ въ его домѣ я безпрестанно увивался около Графини Гендриковой, которой тогда было лѣтъ 20 слишкомъ; я ей разныя оказывалъ домашнія услуги: попроситъ пить, я ей добьюсь лимонаду, вмѣсто морсу или меду: тогда народъ былъ не прихотливъ. Захочетъ танцовать, и молодцы гвардейскіе не подпимаютъ, я тотчасъ тутъ, и съ нею променадъ пляшу, сижу на балѣ, пока мать ея, старушка, соберется ѣхать, спрыгну тогда на улицу, отыщу ихъ людей, велю подавать карету, сведу ее съ лѣстницы, посажу въ колымагу, и съ жаромъ поцалую у нея руку. Вотъ мои съ этой Графиней похожденія. Они не приносили ей убытку, ни мнѣ пользы, но пріятны были въ то время, и до нынѣшняго съ удовольствіемъ на мысль приходятъ.

ЗИНОВЬЕВЪ.

10. Михайла Николаевичъ. Стихи меня съ нимъ ознакомили и сдѣлали насъ хорошими пріятелями подъ старость. Онъ ведетъ со мной дружескую переписку, живучи всегда въ Орловской своей

деревнѣ, мало имѣетъ случаевъ со мной лично видѣться, тѣмъ занимательнѣе наши сношенія. Онъ такъ меня любитъ, что безъ восторга говорить о произведеніяхъ моихъ не можетъ. Недавно онъ, переведя осьмую Сатиру Буало, поручилъ ее моему разсмотрѣнію, и потомъ, напечатавъ оную, посвятилъ мнѣ съ привѣтствіемъ въ стихахъ. Я также часто къ нему писывалъ деревенскія посланія, изъ коихъ можно видѣть степень нашей взаимной короткости. Богъ знаетъ, долго ли протянется это новое мое отношеніе, но поелику оно началось уже за 50 лѣтъ моей жизни, то вѣроятно не подвергнется измѣненіямъ слѣпаго случая, тѣмъ болѣе, что и онъ уже немного отсталъ отъ меня годами.

КАРАМЗИНЪ.

11. Николай Михайловичъ, Россійской исторіографъ. Не имѣя съ нимъ ни связи, ни близкаго знакомства, хотя по временамъ мнѣ случалось бывать съ нимъ въ однихъ и тѣхъ же домахъ въ частомъ обращеніи, какъ, на примѣръ, у Княгини Гагариной, послѣ Кологривой, и у Княжны Натальи Сергѣевны Долгорукой; упоминаю здѣсь объ немъ только по тому, что я случайно имѣлъ съ нимъ переписку о гробахъ Великихъ Князей, погребенныхъ въ разныхъ церквахъ и обителяхъ Владимирскихъ; о свѣдѣніяхъ, какія я могъ ему доставить, онъ разсудилъ упомянуть въ примѣчаніяхъ на свою исторію. Тамъ же, говоря о Кіевѣ, онъ приводитъ на мысль читателю бабку мою, схимонахиню Нектарію, и по симъ строчкамъ, касающимся до меня, въ знаменитомъ его твореніи, я внесъ имя его въ сей домашній памятникъ.

БУТЕНЕВА.

12. Благородная дѣвушки, жившая въ домѣ Княжны Варвары Юрьевны Горчаковой, выданная оттуда замужъ за чиновника мелкаго Г-на Эри. Она, по любезности своей, заслуживала лучшей участи. Вотъ случай, по которому она незабвенно останется въ памяти моей. Въ тѣ лютые для сердца моего часы, въ которые погребали тѣло меньшой моей дочери, милой Евгеши, и я одинъ съ моей женой сидѣлъ заключенъ въ чужихъ стѣнахъ безъ чувствъ и помышленія, сострадательная эта дѣвушка одна пріѣхала къ намъ по утру, не отходила отъ меня, вспомоществовала мнѣ лѣкарствами, во время сильныхъ моихъ нервическихъ потрясеній,

и я во всю жизнь мою не забуду той рюмки Гофманскихъ капель, которую она мнѣ, въ сіи несносныя минуты, насильно влила въ горло, заливаясь сама слезами. Подобныя движенія означаютъ полной характеръ человѣка, и, вспоминая дочь мою, я всегда представлю себѣ глазами воображенія почтенную Бутеневу, какъ образецъ чувствительной женщины, въ самомъ вѣрномъ смыслѣ слова.

КУРАКИНЪ.

13. Князь Александръ Борисовичь. Отношенія мои съ нимъ основаны были на личномъ интересѣ, и по тому не могли быть ни прочны, ни полезны, ни пріятны. Естьли бъ я писалъ здѣсь его біографію, то много бы помѣстилъ презабавныхъ анекдотовъ на счетъ Его Сіятельства, но я упомяну, слѣдуя моей цѣли, только, о томъ, что связи моей съ нимъ принадлежитъ. Онъ былъ первой и ближайшій любимецъ Наслѣдника Престола, Павла, и при Дворѣ его зналъ меня и жену мою, какъ молодыхъ людей, которые тѣшутся на театрѣ. Когда Павелъ принялъ престолъ, Князь Куракинъ мгновенно призванъ ко Двору, изъ отставныхъ Камергеровъ скоропостижно произведенъ въ Канцлеры 1-го класса, обогащенъ имѣніемъ, изукрашенъ разноцвѣтными орденами, слѣдовательно, вышелъ большой баринъ; но пока царствовала Екатерина, которая его не жаловала, онъ принужденъ былъ скрываться въ своихъ Пензенскихъ и Саратовскихъ вотчинахъ и велъ жизнь самую потаенную. Опредѣлясь въ Вице-Губернаторы въ Пензу, я скоро попалъ въ близкое съ нимъ знакомство; ибо онъ былъ поставщикъ и откупщикъ, слѣдовательно, въ томъ и другомъ упражненій имѣлъ нужду въ моемъ покровительствѣ, къ которому прибѣгалъ весьма часто, не разбирая ни чиновъ, ни этикетовъ, и я, изъ уваженія къ особѣ Великаго Князя, и зная ихъ дружескую связь, старался оказывать ему разныя услуги, иногда и съ большой отвѣтственностью, за что Князь казался мнѣ человѣкомъ преданнымъ до гроба. Куча писемъ его ко мнѣ въ то время была свидѣтельствомъ того, что, для выгодъ и корысти своей, Князь способенъ былъ написать все, что угодно, не щадя самыхъ сильнѣйшихъ выраженій дружества. По счастью, я на это никогда не полагался, и при перемѣнѣ обстоятельствъ его не былъ имъ обманутъ: я очень зналъ, что придетъ время, въ которое Князь первой оправдаетъ слѣдующія мои стихи:

«Кого чуть солнышко пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко, разумѣетъ,
Что многимъ очень студено.»

Но, признаюсь, ни какъ не ожидалъ того сильнаго переворота судьбы моей, которой послѣдовалъ именно отъ него. Во время службы моей въ Пензѣ, революція Французская была въ самой пущей своей силѣ; она не нравилась Князю Куракину, а я, какъ энтузіастъ, плѣнялся софизмами Гг. Философовъ, и неравнодушенъ былъ къ ихъ успѣхамъ. Тогда во Франціи брошены титлы, наряды, ордена: я, находя это очень покойнымъ, перенялъ моду не чесаться и не пудриться: отличительная наружная черта республиканца въ Парижѣ; по ней судилъ меня слишкомъ бѣгло Князь Куракинъ, и утвердился въ тѣхъ мысляхъ, что я Якобинецъ, какъ будто бы помада и пудра, или цвѣтъ шапки, дѣлаютъ человѣка и образуютъ его характеръ. Случилось какъ-то, когда Князь Куракинъ былъ въ Петербургѣ, въ короткомъ сообществѣ съ Великимъ Княземъ, что рѣчь зашла нечаянно объ насъ. Ихъ Высочества, вспомня прежнія милости свои къ намъ, пожелали узнать, какъ мы поживаемъ въ Пензѣ. Тутъ Князь Куракинъ съ соболѣзнованіемъ сообщилъ Великому Князю свои обо мнѣ заключенія. Павелъ былъ напуганъ уже потокомъ революціи, и это внушеніе подѣйствовало на него, и онъ убѣдился, что я преопасной гражданинъ и, какъ говорилось тогда, «un republicain curagé.» Довольно было такого несчастнаго впечатлѣнія, чтобъ погубить меня со временемъ совершенно. Куракинъ отъ простоты этого не разобралъ, и сдѣлался причиной многихъ тяжкихъ для меня непріятностей. Павелъ, взойдя на престолъ, тотчасъ выключилъ меня изъ службы, въ которую я съ большимъ трудомъ вступилъ послѣ опять, но во все царствованіе его былъ гонимъ и обижаемъ собственно имъ самимъ, а Князь Куракинъ, попавши ко Двору въ вельможи, скоро позабылъ меня, прекратилась наша переписка, остылъ жаръ его пріязни, и превратилось сердце его въ ужаснѣйшую льдину. Такъ-то рвутся связи наши житейскія, когда не что иное, какъ подлая корысть, бываетъ имъ причиной. Впрочемъ, мнѣ всегда пріятно будетъ вспомнить время моего знакомства съ Княземъ. Онъ такъ выученъ былъ твердо придворному тону, что, не любя меня ни мало, умѣлъ казаться искреннѣйшимъ мнѣ другомъ. Мы часто угощали его у себя, и угощались у него превосходно. Чего не происходило въ честь нашу въ помѣстьяхъ «Павловскомъ и Надежинѣ?» Мы ему

давали театры, а онъ насъ забавлялъ балами, на которыхъ, собравши всю свою дворню, разыгрывалъ при ней роль Нѣмецкаго Принца и мечталъ, что онъ при Дворѣ. Любилъ пирушки, и давалъ намъ, мущинамъ, такіе обѣды, за которыми сидя, мы часто воображали, что мы не у Князя, а у откупщика собраны въ богатую гостинницу, и тутъ хозяинъ и гости бывали часто такъ пьяны, что не умѣли ни дверей сыскать, ни безъ помощи слуги сѣсть въ свою карету. Это называлось на языкѣ Княжемъ: «des diners à huis clos.» Хоть весь городъ бывалъ свидѣтелемъ такого подлаго соблазна, но, для лишняго рубля дохода, чего не сдѣлаетъ любостяжатель, хотя бы онъ былъ потомокъ ста поколѣній рыцарскихъ? Можно ли описать и исчислить всѣ тѣ сплетни, дурачества, проказы, въ коихъ, во дни оны, Князь Куракинъ былъ или первое дѣйствующее лицо, иногда страдательное, а всегда болѣе, или менѣе, главная побудительная причина? Въ знакъ отличной своей ко мнѣ пріязни, онъ изволилъ мнѣ подарить портретъ изъ масляныхъ красокъ покойной Великой Княгини Натальи Алексѣевны, которой я храню, какъ драгоцѣнность, не по воспоминанію, однако, Княжей ко мнѣ лукавой ласки, а по благоговѣнію моему къ особѣ, которой холстъ изображаетъ передо мной живѣйшія черты ума и добродѣтели, вылитыя на лицѣ ея самой природой. Между посланіями моими въ стихахъ, кои напечатаны, есть одно къ Швейцару: оно писано въ Пензѣ, и я долженъ откровенно повиниться, что я въ немъ описывалъ Князя Куракина, и многіе стихи относятся прямо къ нему и къ образу его жизни; изъ нихъ можно будетъ видѣть, что я Князя, гораздо прежде случая его, проникъ, выучилъ его твердо, и увѣренъ былъ, что онъ тотчасъ оборотится ко мнѣ спиной, какъ скоро фортуна прямо кинется ему въ глаза, какъ и случилось, и отъ того я съ хладнокровіемъ перенесъ чудную перемѣну обращенія его со мной, когда онъ изъ ничего сдѣлался нѣчто!!!

КУРАКИНЪ.

14. Князь Алексѣй Борисовичъ, братъ родной того, о которомъ писано выше, совсѣмъ другого свойства человѣкъ: тотъ былъ тщеславенъ, этотъ чразвычайно гордъ. Онъ при Екатеринѣ еще началъ упражняться въ гражданскихъ трудахъ, и причисленъ былъ, съ Камергерскимъ достоинствомъ, къ Экспедиціи Графа Васильева, подъ главнымъ управленіемъ тогдашняго Генералъ-

Прокурора Князя Вяземскаго, и онъ также былъ современникомъ отца моего въ Государственныхъ Казначействахъ; я его въ нихъ засталъ, когда помѣстился въ Вице-Губернаторы и призванъ былъ для навыки въ счетахъ, сидѣть съ нимъ за однимъ круглымъ столомъ въ присутственной камерѣ Васильева. Въ царство Павлово сей Князь Куракинъ также выросъ въ чинахъ, и былъ самъ Генералъ-Прокуроръ; потомъ я, уже будучи Губернаторомъ, попалъ подъ его начальство, когда онъ смѣнилъ Графа Кочубея въ званіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Тогда ощутительна сдѣлалась разница, какая существуетъ между настоящимъ Министромъ и надменнымъ вельможей. Первой приступъ его ознаменовался самымъ грознымъ циркулярнымъ письмомъ ко всѣмъ Губернаторамъ, въ которомъ онъ обѣщалъ ихъ наказывать и подвергать Монаршему гнѣву, естьли будетъ ими недоволенъ; то меня взволновало до того, что я никогда не могъ себя принудить быть ему искренно преданнымъ. Скоро позабылись всѣ наши прежнія отношенія по Саратову и Пензѣ. Онъ казался очень ласковъ въ наружномъ обращеніи, но въ управленіи дѣлами послѣ Кочубея долженъ былъ показаться несноснымъ. Всѣ чины во кругъ него перемѣнились; временемъ онъ былъ слишкомъ надутъ, а другимъ слишкомъ фамильяренъ. Я никогда не забуду, что изъ особенной ласки ко мнѣ, будучи позванъ въ его кабинетъ, я засталъ его за бритьемъ: ему мылили бороду, а передъ нимъ по одну сторону стоялъ какой-то домашній шутъ, а по другую я. Такое отличіе передъ тѣми, кои ожидали выхода его въ залѣ, было для меня до крайности уничижительно, но Князь Алексѣй Борисовичъ не понялъ бы вѣчно, что такое, по его мнѣнію, благоволеніе, можетъ другому, по различію характеровъ, обратиться въ оскорбленіе; ибо Губернаторъ не долженъ быть у Министра, особенно же по утру, въ часы отправленія имъ его должности, какимъ-то потѣшнымъ собесѣдникомъ; на все есть своя пора. Князь думалъ, что онъ этимъ поступкомъ чрезвычайно меня отличилъ. Подобное обращеніе мнѣ такъ было противно, что никакими, даже снисканными при немъ, успѣхами по званію моему, я не могъ быть обрадованъ, и непрестанно тужилъ о Кочубеѣ. Я обязанъ, однако, благодарностью Князю Куракину за Анненскую ленту, которую получилъ, по представленію его, въ то самое время, когда я могъ быть, хотя неправосудно, но по настройкѣ Арсеньева (см. лит. А), очерненъ имъ, по слѣдствію о лѣсахъ Владимирской Губерніи. Все сіе дѣло, затѣянное при Куракинѣ, кончилось безъ всѣ-

каго для меня вреда, напротивъ, я былъ пожалованъ въ Кавалеры, получилъ рескриптъ, и всѣмъ тѣмъ обязанъ охотному содѣйствію въ пользу мою Князя Алексѣя Борисовича; но, при всѣхъ сихъ его одолженіяхъ, я не могъ быть ни счастливъ, ни доволенъ подъ его начальствомъ отъ того единственно, что онъ не умѣлъ обращаться: то былъ гордъ, то слишкомъ привѣтливъ, все зависѣло отъ минуты; и такой характеръ въ начальникѣ несносенъ. При немъ я былъ однажды въ отпускѣ въ Петербургѣ, и удостоился быть представленъ на аудіенцію личную къ Императору, кои ввелъ этотъ Министръ въ обычай, желая чтобъ Государь изволилъ самъ узнать Начальниковъ Губерніи, допуская ихъ къ себѣ въ кабинетъ и бесѣдуя съ ними, но, кажется, отъ сего преимущества не произошло ни пользы для службы, ни выгодъ Губернаторамъ. Въ другой разъ Князь оказалъ мнѣ также пріятную услугу, выпрося, по представленіямъ моимъ, разныя награды Чиновникамъ Владимира, употребленнымъ мною для предохраненія той Губерніи отъ заразы, открывшейся въ низовыхъ областяхъ, съ коими я сообщалъ и связывалъ обѣ столицы. За все сіе я обязанъ быть ему благодарнымъ; но служить подъ нимъ не находилъ никакого удовольствія. Всякой знакъ его вниманія, даже самаго благодѣтельнаго, былъ тяжелъ, по тому что онъ покупался не столько подвигами, званію свойственными, какъ разными низкими угожденіями, кои такъ противны всякому благородному сердцу. У меня долго и много сохранялось писемъ его, напоминающихъ мнѣ старинную связь мою съ нимъ и съ братомъ его, когда мы были еще въ чинахъ почти ровня. Теперь мы оба въ отставкѣ, и я, послѣ того, какъ вышелъ изъ подъ его начальства, нигдѣ уже съ нимъ не встрѣчался. Умолчимъ о многихъ другихъ случаяхъ, между нами происходившихъ, въ коихъ я бывалъ дѣйствующимъ лицомъ во взаимномъ нашемъ кругообращеніи по свѣту, и кои служили бы къ пополненію только собственной его біографіи; я останавливаюсь здѣсь на тѣхъ событіяхъ, кои лично до меня касались и показываютъ сущность нашего отношенія. При немъ начала служба Губернаторская становиться очень тягостною, по тому что завелись фискалы, тайные шпіоны, доносщики, слѣдствія стали размножаться, а Министръ не смѣлъ, и не умѣлъ, ни за кого вступиться и, по вліянію Двора, или отдавалъ на жертву часто достойнаго начальника, или покровительствовалъ шалуна, которой забавенъ былъ въ его прихожей. Надменность его все превышала, и когда онъ даже выпрашивалъ милости Монаршія сво-

нимъ подчиненнымъ, то объ немъ можно было сказать, что сказалъ одинъ придворной своему Принцу, на вопросъ: «Отъ чего его не любятъ?» «C'est que vous faites tomber vos dos de si haut, qu' ils écrasent ceux, à qui vous les accordez!»

КУРАКИНА.

15. Княгиня Наталья Петровна. По роду нынѣшней связи дружества моего съ ней, въ такія лѣта ея и мои, въ которыя ничего уже пристрастнаго, а паче пылкаго, подозрѣвать не можно, она, конечно, послѣ семьи моей первое мѣсто занимаетъ въ моемъ сердцѣ, и нѣтъ человѣка, съ которымъ былъ бы я такъ довѣрчивъ, откровененъ, какъ съ ней. Нѣтъ человѣка, которой бы меня лучше зналъ, какъ она. Нѣтъ такого, чьи совѣты, одно слово, одинъ взглядъ, могъ производить на меня такое дѣйствіе, какъ ея. Я безпрестанно жилъ, дѣйствовалъ, думалъ даже подъ ея вліяніемъ, и по тому говорить объ ней мало трудно, писать много, или все, значило бы писать безъ конца. Молвимъ сперва вкратцѣ о собственной ея исторіи.

Она родилась отъ Нарышкина и бывшей за нимъ сестры родной знаменитаго вождя, Князя Репнина. Получа, согласно съ ея рожденіемъ, воспитаніе и отъ природы одарена будучи отличными свойствами ума и сердца, при способности ко всѣмъ пріятнымъ талантамъ, выдана она замужъ въ сущей молодости за Князя Куракина, Степана Борисовича, которой ни по качествамъ характера, ни по склонностямъ своимъ, не былъ ея достоинъ и стоялъ гораздо ниже въ оцѣнкѣ моральныхъ совершенствъ. Княгиня заплатила общую дань слабости, естественной ея полу. Она страстно влюбила въ себя, и сама влюбилась въ перваго красавца своего времени, Апраксина, и связь ея съ нимъ скоро сдѣлалась извѣстна всей публикѣ. Могъ ли не примѣтить ея мужъ? Будучи только что матерьяленъ, Князь не умѣлъ пріобрѣсти ея сердца; интрига усилилась, и дошла до того, что Куракинъ приступилъ къ гласному съ женой разрыву, влюбясь между тѣмъ и самъ въ дѣвицу Измайлову, воспользовался случаемъ своей фамиліи у Двора Павла, и требовалъ формальнаго развода. Княгиня, въ сіе злосчастное время тяжкаго для нея искушенія, оставила мужа, жила при матери своей, удалилась отъ свѣта, не хотѣла видѣть и любить ничего, кромѣ Апраксина, а по смерти матери своей жила у дяди, Князя Репнина, которой цѣнилъ и уважалъ ея до-

стоинства, но ничего не сдѣлалъ ни при жизни своей въ защиту чести ея и свободы отъ публичнаго поруганія, ни по смерти своей завѣщалъ что либо въ пользу ея, кромѣ бѣднѣйшаго пансіона, о которомъ, для чести вельможи, упоминать не смѣю. Настоянія Князя Куракина получили желаемой успѣхъ: разводъ его съ женой, на самыхъ гнилыхъ основаніяхъ, въ Консисторіи Владимирской приговоренъ, утвержденъ Синодомъ, и Куракинъ тотчасъ на Измайловой женился. Еще недоставало послѣдняго и жесточайшаго удара для пораженія Княгини, и онъ скоро нанесенъ ей судьбою: Апраксинъ, извѣстя ей, влюбился въ красоту лица Княжны Голицыной выѣхавшей изъ Парижа, опутанъ ею и обвѣнчался. Такимъ образомъ Княгиня, принеся все въ жертву идолу своего сердца, поругана мужемъ, обманута въ любви, отвержена міромъ, и съ мужествомъ испивъ чашу прискорбій человѣческихъ до дна, заключилась въ Владимирской своей деревнѣ: тамъ устроила себѣ жилище, и въ немъ, посвятя остатокъ дней своихъ молитвѣ, смиренію, раскаянію, присягу дала уединенію строжайшему, отвратила взоръ и слухъ отъ всѣхъ мірскихъ прелестей, схоронилась, можно сказать, заживо, и безъ схимы умѣла стать подвигами вѣры и добродѣтели выше всѣхъ отшельницъ міра. Вотъ сокращенная біографія сей великой жены, которую не постыжусь назвать героиней; ибо истинное мужество не въ томъ состоитъ, чтобъ не погрѣшить, но въ побѣжденіи страстей, во время ихъ волненія, въ отверженіи ихъ среди наслажденія, и въ полномъ раскаяніи совѣсти. Все сіе Княгиней исполнено. Міръ ее бросилъ, но тотъ же міръ воздастъ ей по смерти похвалу. Это произнесъ не энтузіазмъ, а истинное чувство уваженія моего къ ней, основанное на близкомъ и глубокомъ познаніи всѣхъ ея достоинствъ. Поговоримъ теперь объ отношеніи ея ко мнѣ.

Я узналъ Княгиню въ домѣ Г-жи Талызиной, сестры родной Апраксина, въ которомъ онъ самъ жилъ и давалъ праздники (см. лит. А). Ей было тогда 24 года. Я былъ Офицеръ гвардіи, Прапорщикъ только, и мальчикъ; Куракина бывала тутъ по цѣлымъ днямъ, и все общество Апраксина очаровывала; меня она не могла замѣтить; и такъ я ее мало зналъ, но, слѣдуя общему мнѣнію, искалъ ея одобренія, по тому что она возвышала цѣну всякаго юноши, вступающаго на поприще большаго свѣта. Во все время Княгининыхъ злосчастій я рѣдко имѣлъ случай встрѣтиться съ ней и узнать ее порядочно: приключенія ея были громки, вся публика была ими наполнена, но, до меня они не касаясь, были

мнѣ очень равнодушны. Пріѣхавши въ Владимиръ править Губер ніей, я узналъ о скромномъ ея жилищѣ и уединенной жизни; былъ издавна друженъ съ братомъ ея роднымъ, и поставилъ се бѣ въ обязанность оказывать ей, какъ помѣщицѣ, всѣ, зависящі отъ меня, услуги. Отсюда начались мои съ ней сношенія. Она по желала при жизни своей упрочить малое свое имѣніе, состояще въ 300 душахъ, дѣтямъ брата своего; на сіе нужно было исход тайствовать особое Царское повелѣніе. Дѣло дѣлалось при Але сандрѣ. Я во всѣхъ сихъ актахъ содѣйствовалъ ей, и сей услу гой, увѣнчанной желаемымъ успѣхомъ, положилъ начало наше пріязни. Обстоятельства усилили ее, и естьли есть на свѣтѣ дру ба, естьли слово сіе не мечта, а содержитъ идею существеннук то, конечно, могу почтить симъ высокимъ названіемъ настоящу мою связь съ Княгиней, въ которую не входитъ ничего предос дительнато. Княгиня, принявъ на себя, по слову Евангельском свой крестъ, посвятила всю себя отношеніямъ родства и дружбы Она не щадила никакихъ усилій, когда случаи требовали, чтоб она развернула въ пользу несчастнаго свои способности и чу ства: тѣмъ и другимъ она была богата. Когда я лишился перво моей жены, она оплакала ее вмѣстѣ со мной и приняла въ по терѣ моей искреннее участіе. При концѣ старшей дочери мое въ Москвѣ безъ меня, она плакала со мной, какъ дитя, приск кала ко мнѣ въ пущее зимнее время изъ деревни въ Владимир и всячески старалась облегчить несносное положеніе мое. Во вр мя тяжкой болѣзни моей онять ко мнѣ пріѣхала, и не навѣстил только, но жила у насъ и поѣхала къ роднымъ своимъ въ Мо скву, котда я вышелъ изъ опасности. Вторую женитьбу мою р шила она, узнавши мое намѣреніе, утвердила меня въ оном пеклась объ улучшеніи судьбы моей, сколько ей было возможн Съ обѣими женами моими сохранила пріятное обращеніе, съ дѣт ми моими ласкова, обходительна со всѣми моими домашним Княгиня могла еще плѣнять, подобно, нѣкоторымъ женамъ дре няго вѣка, которыхъ любезность изглаживала признаки стар сти, могла, но никто бы и помыслить о томъ не дерзнулъ; ид Княгиня Куракина, любивши только одинъ разъ въ жизни пл менно и страстно Апраксина, показала свѣту примѣръ, что два р за любить страстно не возможно сердцамъ прямо чувствител нымъ, въ чемъ нельзя не признать черты высокаго характер Во время моихъ злополучій по службѣ, она не удовлетворилас однимъ сожалѣніемъ: она дѣйствовола потаенно черезъ брата своег

въ мою пользу; онъ былъ Сенаторъ. Всѣ голоса, имъ подданные, были ею настроены и руководимы. Скрывая вездѣ и всегда свой подвигъ, она, единственно она, помогала моимъ оправданіямъ своей убѣдительностію, разговорами, свидѣтельствомъ о моихъ поступкахъ. Все это имѣло вѣсъ, вліяніе, и мнѣ споспѣшествовало. Какой другъ нынѣ окажетъ столько сердоболія и заботы къ защитѣ человѣка ему искренняго? Мнѣ было бы грѣшно, безчестно и безсовѣстно забыть Княгиню Куракину, пока паръ есть въ крови моей, пока бьется мое сердце. Въ такомъ тѣсномъ союзѣ дружества естественно, что мы въ разлукѣ постоянно переписывались. Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ всякую почту, когда мы розно, я пишу къ ней, она ко мнѣ. Въ письмахъ нашихъ нѣтъ площаднаго разсказа городскихъ вѣстей: мы разсуждаемъ и бесѣдуемъ другъ съ другомъ. Нѣтъ ничего въ душѣ моей, въ помышленіи, въ разумѣ, для нея сокровеннаго. Она пріобщена ко всѣмъ моимъ семейнымъ происшествіямъ первая и прежде всѣхъ объ нихъ и знаетъ и, какъ полная владычица моего сердца, распоряжаетъ всѣми побужденіями онаго по своей волѣ. Когда мы живемъ въ деревнѣ, она гоститъ у насъ по мѣсяцу и больше. Когда она бываетъ въ Москвѣ, для свиданія только съ родными своими, она вседневно посѣщаетъ и насъ, и нѣсколько зимъ послѣ Французовъ, за недостаткомъ для нея помѣщенія въ обгорѣвшемъ домѣ брата ея, она живала въ нашемъ; словомъ, нѣтъ, я думаю, любовниковъ, которые бы могли такъ постоянно другъ друга любить, какъ мы взаимно привязаны съ начала нашей связи и до нынѣ. Я много ужъ объ ней написалъ здѣсь, но все мало въ сравненіе съ тѣмъ, что могъ бы сказать, напоминая каждой случай, въ которой она была мнѣ или полезна, или необходима счастіемъ своимъ и наставленіемъ. Стихи мои, напечатанные въ «Сумеркахъ жизни,» подъ названіемъ: «Дружба,» посвящены ей, также какъ и описаніе «Софіевки,» въ «путешествіи моемъ руконисномъ въ Одессу,» * принадлежитъ къ моей съ ней перепискѣ. Она недавно была отчаянно больна, но Провидѣніе возвратило ее къ жизни, и дай Богъ, чтобъ дни ея продолжались до глубочайшей

---

* Оно издано уже мною подъ заглавіемъ: «Славны бубны за горами или путешествіе мое вокруга въ 1810 году,» во 2 и 3-й книгахъ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,» 1869 года, съ предисловіемъ, и особо. О. Б.

старости; ибо всякой тотъ, кто умѣетъ любить, кто находитъ въ этомъ чувствѣ истинное счастіе жизни, и одаренъ пріобрѣтеніемъ взаимной ея пріязни, тотъ, конечно, познаетъ безутѣшное сердечное сиротство, лишась сей неоцѣненной женщины, съ которой я не умѣю сравнивать ни одной изъ знаемыхъ мной особъ ея пола ни по чувствительности сердца, ни по твердости духа, ни по качествамъ разума, обогащеннаго всѣми полезными познаніями.

ЕВГЕНОВЪ.

16. Учитель Россійской Словесности въ мое время въ Владимирской Гимназіи, молодой человѣкъ съ хорошими познаніями и благородными правилами. Онъ нѣкоторое время обучалъ меньшихъ дѣтей моихъ, и я доволенъ былъ ихъ успѣхами. Будучи въ толпѣ простолюдиновъ, и по низкому еще чину, и по незнатному своему происхожденію, онъ памятенъ мнѣ остался по одному событію, отъ котораго я навлекъ на себя непріятныя хлопоты. Достоинства, отличавшія его отъ прочихъ сотоварищей въ школѣ скоро возбудили противъ него ревность мѣстнаго Начальства: начали его притѣснять, и добились отъ Министра Просвѣщенія выключки его изъ Университетскаго Вѣдомства. Евгеновъ лишался почти пропитанія: онъ имѣлъ жену, дѣтей, и я готовъ былъ принять въ немъ участіе, но не могъ ополчаться противъ Правительства, посторонняго въ отношеніи къ моему званію. Министръ былъ Графъ Разумовской, знатной баринъ и послушникъ своихъ Секретарей; непосредственной подъ нимъ Начальникъ надъ Гимназіями, приписанными къ Московскому Округу, въ томъ числѣ и Владимирской, былъ Сенаторъ Кутузовъ, также сильный человѣкъ въ пронырствѣ и въ связяхъ съ своимъ Министерствомъ. Онъ, не удовлетворясь выключкой Евгенова, пустилъ злобу свою далѣе, и требовалъ отъ меня, чтобъ я выслалъ его въ 24 часа изъ Владимира. Будучи вовлеченъ въ сію распрю, я письменно отрекся исполнить такое требованіе, котораго не только одно лицо, никакой трибуналъ произнести не можетъ безъ формальнаго суда и Царскаго соизволенія. Кутузовъ хотѣлъ отстоять свое мнимое право, защищалъ Министра, сей того же отъ меня потребовалъ, я торжественно и ему отказалъ. Дѣло сдѣлалось громко, перепи ска наша становилась колка; но, какъ со мной ни боролись учебныя власти, однако принуждены были отступиться отъ своей претензіи. Евгеновъ не только не высланъ изъ Владимира, но скор

отомъ снова принятъ въ ученое Вѣдомство, и помѣщенъ былъ
ъ такую же въ должность, какую отправлялъ въ Владимирѣ, и
ъ тѣмъ же окладомъ, въ Тульскую Гимназію, гдѣ имѣлъ болѣе
лучая оказать свои дарованія, сочинялъ прекрасныя рѣчи, изъ
ихъ иныя были печатаны въ журналахъ, и по всѣмъ симъ
роисшествіямъ имя его всегда будетъ мнѣ памятно.

НЕПЛЮЕВЪ.

17. Иванъ Николаевичъ, сынъ Сенатора Неплюева отъ пер-
ой жены, котораго я началъ знать тогда уже, какъ онъ былъ
ъ Сенаторъ и приближался къ старости. Человѣкъ ограничен-
аго ума, но богатой, чинной, степенной и ни къ чему не при-
одной; объ немъ точно можно сказать:

«Мурашки не стряхнетъ безъ лайковой перчатки.»

, однако же, имѣлъ одинъ разъ случай испытать его характеръ,
хотя нѣгдѣ было ему развернуться въ худомъ смыслѣ противъ
ня, дѣло того не стоило, однако въ такое время, когда всякой
ъ вредить кому и какъ хотѣлъ, для чего жь бы и ему мнѣ
навлечь хлопоть? Мы съ нимъ порядочно разошлись, и онъ
слѣ того случая остался до нынѣ хорошимъ мнѣ знакомымъ,
нитъ меня, и сыновей моихъ въ Цетербургѣ ласково приним-
етъ. Случай, которой насъ свелъ, слѣдующаго рода. Я былъ въ
лдимирѣ Губернаторъ, а Неплюевъ Сенаторъ, и откамандиро-
ъ въ Астрахань предохранить тамощній край отъ чумы. Въ это
ня у меня Полицеймейстеръ ударилъ въ щеку Маіора Губерн-
ой роты. Началось дѣло, и ни чѣмъ не кончилось: обидчикъ
осилъ прощенья, обиженной простилъ, послѣ его настроили ис-
ъ безчестья, и я не могъ ни какъ съ этой мерзкой сплетней
ыть. По родству съ Полицеймейстеромъ, вмѣшался въ эту ссо-
Князь Лопухинъ. У Двора тогда любили изъ мухи дѣлать сло-
исторія эта такъ заняла Правительство, что разсудили наря-
особаго Чиновника разсмотрѣть, какъ производится въ Вла-
рѣ столь важное дѣло. Палъ жребій на Неплюева. По Имян-
Указу велѣно ему отправиться изъ Астрахани въ Владимиръ,
брать дѣло о знаменитой пощечинѣ. По сему-то случаю я
имъ и ознакомился. Онъ съ недѣлю жилъ у насъ въ горо-
встрѣтилъ съ нами Новой Годъ и со всей церемоніей возмож-

ной 1-го Генваря передъ обѣдней, при мнѣ и Губернскомъ Пред
водителѣ, ѣздилъ съ Маіоромъ Губернской роты, которой ум
тогда былъ въ отставкѣ, къ Полицеймейстеру, притворившемуся
больнымъ, и тамъ совершилъ торжественную мировую. Все эт
вдорное и пресмѣшное дѣло онъ производилъ какъ бы само
важнѣйшее. Мнѣ бы очень скучно было съ нимъ съ однимъ во
зиться и разсуждать съ утра до вечера о такомъ обстоятельствѣ
которое не заслуживало вниманія не только Сенатора, ниже хо
рошаго Совѣтника Палаты, но, по счастью, съ нимъ была его же
на, дама умная и пріятная: пока мужъ ея занимался слѣдствіем
о пощечинѣ, мы съ ней бесѣдовали объ Астрахани, тамошней
жизни и ихъ туда и оттуда путешествіи. Иванъ Николаевич
меня очень полюбилъ, чему особеннымъ доказательствомъ слу
житъ то, что онъ, будучи очень скупъ, подарилъ меня, какъ стар
шій Кавалеръ, медальономъ ордена Св. Анны, какія нашивали н
старину при фракахъ и которыхъ нынѣ никто уже не употре
бляетъ. Этотъ медальонъ былъ серебряной, позолота давно съ не
го слиняла, по оцѣнкѣ онъ стоитъ 8 рублей. Неплюевъ почиталъ
такой подарокъ весьма важнымъ и думалъ, что онъ отмѣнно при
тельски со мной поступилъ. Я рѣдко видалъ человѣка скучнѣ
тягостнѣе и бѣднѣе въ обращеніи съ стороны навыковъ и по
знаній этого напудреннаго и смазаннаго Сенатора. Съ тѣхъ пор
мы съ нимъ знакомы, но, живучи въ разныхъ городахъ, никако
связи у насъ нѣтъ, а пребываніе его въ Владимирѣ при мнѣ
тамошніе его подвиги незабвенны пребудутъ въ памяти моей.

СТУПИШИНЪ.

18. Въ этотъ день нѣкогда разсудилось Императору Пав
подписать Указъ объ отставкѣ моей изъ Вице-Губернаторовъ
отъ службы вовсе, а, въ слѣдъ за тѣмъ, уничтожилась и Пенз
ская Губернія, раздѣлясь, какъ Польша, по разнымъ окрестны
областямъ, самъ же городъ Губернской, Пенза, именованъ Уѣ
нымъ. При семъ воспоминаніи кинемъ послѣдній взоръ на тамо
ній край и мое жилище, и поговоримъ о бывшемъ во все вр
моей службы Губернаторомъ Г-нѣ Ступишинѣ.

Иванъ Алексѣевичъ, Генералъ-Поручикъ армейской. По сд
ти Генералъ-Губернатора Пензенскаго и Нижегородскаго, Ре
дера, онъ сдѣлался главнымъ начальникомъ Губерніи. 5 лѣтъ
съ нимъ жилъ и служилъ вмѣстѣ въ лучшее время моей жи

Что мнѣ сказать объ немъ? Хвалить его? Языкъ не поворотится. Бранить? Долгъ Христіянской запрещаетъ. Онъ уже умеръ. Мало говорить о немъ трудно: онъ чрезвычайное имѣлъ вліяніе на судьбу мою, и настоящую тогда и грядущую. Много говорить опять трудно; ибо противъ воли загорится желчь и вырвется худое слово; но разсуждать не есть еще судить; и такъ постараюсь выпутаться изъ этого затрудненія, и разскажу просто только важные случаи, въ коихъ онъ имѣлъ участіе. Съ начала онъ сошелся со мной очень хорошо, и полюбилъ даже меня горячо, всякой день хотѣлъ быть со мной; я самъ, на первыхъ порахъ, заѣхавши въ Пензу, одинъ, безъ жены, осенью, имѣя 27 лѣтъ отъ роду, повадился всякой день къ нему ѣздить, по тому что у него жена была пригожа и я сталъ строить ей куры. Пріѣздъ жены моей нѣсколько остудилъ мой пламень, и я чаще былъ дома, нежели у нихъ: это убавило съ обѣихъ сторонъ внезапное пристрастье, и мы похолоднѣе начали обращаться; но все еще сѣрая кошка, какъ говорится, между насъ не пробѣжала. Ступишинъ былъ прямъ, своенравенъ и вмѣстѣ всегда руководимъ другими, по тому что у него черепъ былъ крѣпокъ, но голова слаба; мы были совершенно разныхъ свойствъ: согласіе между нами не могло продолжаться. Чиновники въ Губерніяхъ всегда старались ссорить Губернатора съ Вице-Губернаторомъ: эта глупая тогдашная система во всѣхъ провинціяхъ именовалась политикой. Замѣтили, что Губернаторъ оказываетъ ко мнѣ довѣренность, отличаетъ меня и любитъ; боясь, чтобъ я не вырвалъ его изъ рукъ у тѣхъ, кои привыкли уже владѣть имъ, искали многіе удобнаго времени насъ поссорить, дабы въ мутной водѣ еще легче было ловить рыбу. Ступишинъ вздумалъ править мои имянины, 8-го Мая, далъ обѣдъ и пиръ; я взаимно праздновалъ его имянины у себя въ домѣ, 25-го. Мая, и далъ ему спектакль. Играли приказные и живущіе у меня Офицеры какую-то фарсу, которую я, въ проказливую минуту, сочинилъ для смѣха. Имя ее одно уже означало качество произведенія: «Трагилирогарфія; клянусь (дѣло прошлое), что у меня и умѣ не было тогда кощунствовать на счетъ Ступишина, но издуватели провинціяльныхъ ссоръ вздумали его увѣрить, что я ту піесу сочинилъ на него. По чему же? Тамъ сказано было объ одномъ комическомъ лицѣ, что онъ плѣшивой супостатъ о трехъ власахъ. Вздоръ! Но ему протолковали вымышленной иносказательной смыслъ: «Вы безъ волосъ, вы Генералъ-Поручикъ, т. е., въ третьемъ классѣ; ergo, супостатъ этотъ.» Довольно для заключе-

«Сомнѣніе его тревожить начало,
Наморщились его и харя и чело.»

Успѣхъ достигнутъ. Ступишинъ укусилъ ядовитое яблоко, разсердился и сталъ мнѣ грубить дерзко и явно. Я не попятился, и твердо возражалъ ему. Упорство зажгло ссору горячѣе: желчь перешла въ бумаги, наконецъ мы такъ раздражились другъ противъ друга, что Верховному Правительству довелось разнимать насъ, и ссора наша дошла до подножія Царскаго Престола; самъ Сенатъ уже тяготился нашимъ междоусобіемъ. Сколько жь я на мѣстѣ терпѣлъ разныхъ оскорбленій, и глупыхъ и чувствительныхъ, объ этомъ и напоминать не хочется! Злоба въ управномъ характерѣ люта. Ступишинъ не удовлетворился маловажными для меня нападками: онъ настроилъ противъ меня пьянаго и бѣшенаго Дворянина, которой атаковалъ меня въ самой присутственной моей камерѣ и, найдя меня въ беззащитномъ положеніи (ибо тогда ѣжжали къ должности во фракахъ), нанесъ мнѣ оскорбленіе, о которомъ писано въ другомъ мѣстѣ (см. лит. У. имя Улыбашевой). Ступишинъ все эту сцену покровительствовалъ, не далъ мнѣ никакой обороны, поставилъ меня въ необходимость пожаловаться Государынѣ. Присланъ Секретарь Сената изслѣдовать дѣло: донесли Государынѣ, что я соблазнилъ жену этого Дворянина и похитилъ ее у него, обстоятельство увеличено, отравлено, искажено. Я съ нею былъ въ перепискѣ, это правда; но она давно была розно съ мужемъ и разведена съ нимъ отцомъ своимъ, а не мной, да и мужъ бы ея ни за чью интригу съ ней не вступился, естьли бъ не былъ подстрекаемъ моими врагами, а шайкой ихъ предводительствовалъ самъ Губернаторъ. Это дѣло обратилось мнѣ въ крайнее предубѣжденіе; обидчикъ отданъ подъ судъ, но судъ при Ступишинѣ наровилъ ему и ничего не дѣлалъ. За эту исторію при Екатеринѣ я лишенъ Владимирскаго креста, которой назначенъ мнѣ былъ Капитуломъ. При Павлѣ дошло дѣло сіе до ревизіи его, и онъ обидчика простилъ, а меня выгналъ изъ службы; слѣдовательно, я все потерялъ, что можно было потерять, въ политическомъ моемъ состояніи. Однему Ступишину я былъ этимъ обязанъ, и простить мертвое тѣло его должень по Христіянски, но забыть не могу до послѣдняго издыханія. Время все уноситъ, скоро перемѣнились и мои обстоятельства. По случаю поставки хлѣба изъ Пензы въ Петербургъ, велѣно было мнѣ, вообще съ Губернаторомъ, заняться сей операціей. Ему хотѣлось имѣть дѣло съ подрядчиками, а я предлагалъ

хозяйственныя распоряженія. Хлопотъ больше для насъ, говорилъ я, но больше пользы для казны. Губернаторъ меня не послушался, Казенная Палата съ нимъ согласилась, я записалъ мой голосъ. Онъ представленъ Сенату съ жалобой на меня, что я препятствую дѣлу Царскому, и не повинуюсь Начальству. Сенатъ любилъ подряды, присталъ къ сторонѣ Губернатора, и меня опубликовалъ по всему Государству печатными Указами, какъ человѣка надменнаго и непокорнаго власти. Но, между тѣмъ, на контрактъ надлежало исходатайствовать Монаршее соизволеніе. Екатерина, увидя высокія цѣны, прогнѣвалась и приказала подрядъ отставить, а Губернатору и мнѣ объявить, что ежели мы не приведемъ этой поставки въ умѣренное состояніе, то и онъ и я будемъ отрѣшены отъ мѣстъ. Тутъ я, увидя себя вдвойнѣ наказаннымъ, и гнѣвомъ Государыни и публикаціей Сената, рѣшился все прописать Екатеринѣ въ жалобномъ письмѣ, и просить ея защиты противъ самовластія ея чиновъ и судовъ. Прошеніе мое получило желаемой успѣхъ, и скоро потомъ Губернаторъ безъ просьбы отставленъ, и даже безъ пенсіи. И такъ мнѣ уже послѣ него довелось и караванъ отправлять и Губернію съ рукъ его снимать. Не говоря о тысячи жестокихъ минутъ, которыя я подъ начальствомъ вытерпѣлъ въ теченіе пяти лѣтъ, довольно замѣтить два уважительные случая, здѣсь упомянутые, чтобъ простить мнѣ ту злобу, которую я въ правѣ былъ къ нему питать во всю жизнь его; однако я старался всегда умѣрять мои поступки, по пословицѣ: «Лежачаго не бьютъ! Губернію снимая я нашелъ хаосъ и въ собственной его Канцеляріи и въ Губернскомъ Правленіи; однако, стараясь испорченное поправить, я никуда на него никакой бумаги не послалъ, и смѣнилъ его безъ всякаго шума и протеста. Потомъ, когда я былъ самъ Губернаторомъ въ Владимирѣ, и онъ проѣзжалъ въ Пензу изъ Москвы, я къ нему явился на квартиру, и почтилъ старость его рапортомъ. Онъ доволенъ до крайности, и тутъ-то признался онъ (но поздно: «Снявши голову, по волосамъ не плачутъ»), что онъ меня не зналъ, что онъ виноватъ передо мной, и что злые люди его смутили; но зло было сдѣлано, и уже онъ не могъ поправить пагубныхъ его послѣдствій. Я по нынѣ еще стражду отъ Пензенской моей службы. Всему этому былъ причиной Ступишинъ. Онъ умеръ. Я долженъ все забыть, или, по крайней мѣрѣ, не распространяться въ укоризнахъ, напоминая его имя. Довольно сказано, чтобъ читатель могъ видѣть и судить, въ какое тяжелое отношеніе я попалъ съ этимъ человѣ-

комъ. Не приведи только, Господи, впередъ имѣть съ упрямы дураками дѣло!

СТУПИШИНА.

19. Агнея Дмитріевна, жена выше писаннаго Генералъ-Г бернатора; и объ ней поговорить надо особо: женщина молод пригожая, жеманная, но безъ всякаго воспитанія. Такою я узналъ; и гдѣ бы она могла образоваться? Отецъ ея былъ Под чій, не дослужившійся до Офицерскаго чина, которой дошелъ д него, когда уже онъ умеръ. Мать ея, пронырливая женщина, ум ла какъ-то пробиться въ люди и, замѣтивши скудоуміе своег зятя, когда онъ прибылъ управлять Пензой изъ Полыни, расп ложила свои замыслы на него такъ удачно и проворно, что он неволочившись за дочерью ея, наконецъ почти насильно принуж денъ былъ на ней жениться, чѣмъ возвысилась судьба и тещ его. Съ тѣхъ поръ она начала гласно и явно заправлять имъ, онъ былъ весь въ ихъ рукахъ. Узнавши эту Губернаторшу в лучшемъ цвѣтѣ ея лѣтъ, съ личикомъ заманчивымъ, я не искал очарованія разговорнаго въ бесѣдѣ съ ней, я плѣнялся наруж ностью, и точилъ ей любовныя побаски, которыя подстрекал самолюбіе Г-жи Ступишиной, и такимъ образомъ я нѣсколь мѣсяцевъ, доколѣ не вспыхла между мужемъ ея и мной сама жаркая ссора, былъ прилежнымъ ея обожателемъ. Сказавши, го воря о мужѣ ея, все что кипѣло у меня на сердцѣ, я не распро странюсь на собственной ея счетъ; еще менѣе говорить намѣрен о матери, по тому что она была женщина самаго низкаго пре зрѣнія достойная, но съ удовольствіемъ вспомню здѣсь анекдот которой позабавитъ читателя. Губернаторъ, желая приблизит или, можетъ быть, по совѣту женщинъ своихъ, покорить меня се бѣ, вызвался въ дѣлахъ важныхъ давать мнѣ свои совѣты; я, н узнавъ еще его, и довѣряя его лѣтамъ и опытности, былъ этом очень радъ, и въ одинъ вечеръ, имѣя важный процессъ по Пал тѣ между казенными поселянами, пріѣхалъ къ нему потолковат объ немъ, и привезъ свои бумаги. Онъ былъ не занятъ. Тотчас я вошелъ въ матерію и заговорилъ о тяжбѣ. Читаю, изъясняю, все еще не могу добиться никакого его мнѣнія. Замѣтить надобно что онъ, служа очень долго въ арміи, охотникъ былъ большой д военныхъ ученій и полковыхъ сумятицъ. Не знаю, отъ чего и как то къ стати пришлось ему вспомнить что-то похожее на драку о которой повѣствовалось въ выпискѣ моей при межеваніи крест

нъ. Остановя вдругъ мое чтеніе, онъ мнѣ говоритъ: «Вы вѣрно слышали о Порндорфской баталіи?»—«Слыхалъ, Сударь,» отвѣчалъ ему я, читавши дѣписаніе семилѣтней войны. «Позвольте же, я вамъ разскажу подобной этому случай,» и вотъ началась реляція баталіи. Недовольствуясь разсказомъ, онъ разсудилъ въ лицахъ представить мнѣ сраженіе: воспламенился, вскочилъ и началъ ставить стулья въ комнатѣ въ боевой порядокъ, образуя положеніе войска. «Тутъ, говорилъ онъ, стоялъ я съ полкомъ, а тамъ былъ полкъ Нашебурской. Станьте, пожалуйте, на минуту!» Всталъ и я, принялся за стулъ, которой изображалъ пѣхотной полкъ въ лѣ. Между тѣмъ онъ еще ставилъ стулья, еще крестилъ ихъ разными именами, и въ гостиной у себя приготовлялъ планъ нападенія. Изъ этой комнаты двери были растворены въ спальню, а отуда сквозила уборная Агнеи Дмитріевны, въ которой она сидѣла за пяльцами; я благополучно, оставя его устроивать деревянныя колонны, легонько вошелъ въ спальню и прокрался къ Губернаторшѣ, съ которой началъ перебивать. Съ доброй полчаса я былъ тутъ забытъ и сраженью не занадобился, но вдругъ потребовался мой Нашебурской полкъ и Ступишинъ, не найдя меня у стула, прибѣжалъ къ намъ и съ досадой, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: «Куда же вы дѣвались? Пойдемте: я вамъ покажу, какъ баталія происходила. До вашего полка доходитъ дѣло.» Принужденъ я съ нимъ воротиться, но тѣмъ временемъ кто-то пріѣхалъ; слуга установилъ стулья по мѣстамъ. Ступишинъ долго не вышелся, чѣмъ встрѣтить гостя, и не могъ выйти изъ своего рыцарскаго смущенія, а я, подхватя мои выписки, насилу дошелъ до кареты, въ которую бросившись, захохоталъ во все горло и до дома ѣхавши смѣялся какъ безумный. Вотъ съ какимъ начальникомъ я обязанъ былъ имѣть всякой день интересныя сношенія. О! этой баталіи я вѣчно не забуду, и она меня всегда развеселитъ.

ПОТОЦКОЙ.

20. Графъ, Тайный Совѣтникъ въ Россійской службѣ. Я имѣлъ случай узнать его тогда, какъ онъ ѣздилъ съ Графомъ Головкинымъ, сотоварищемъ его въ Китайскомъ Посольствѣ. Онъ меня полюбилъ, и на обратномъ пути изъ Сибири, будучи свободнѣе во времени, жилъ восемь дней въ Владимирѣ, и ежедневно у меня обѣдалъ и ужиналъ. Я тогда былъ вдовъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ пріятнымъ, ума образованного и скромнымъ въ об-

ращеніи, въ чемъ я не ошибся. Онъ посѣщалъ меня ежедневно, оставилъ мнѣ на память нѣсколько ученыхъ своихъ сочиненій. Онъ былъ нѣсколько страненъ, отъ того, думаю, что съ молоду заучился. Онъ взялся перевести одну изъ пѣсенокъ моихъ на Французской языкъ, написалъ ее своей рукой въ моей книгѣ, которая до нынѣ у меня хранится. Иногда, разставшись, со мной, писывалъ ко мнѣ. Послѣ сего осмидневнаго сожитія почти вмѣстѣ, я уже нигдѣ съ нимъ не видался, и онъ бѣдственно погибъ на родинѣ, умертвя самъ себя пистолетомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, дошло до меня. Минуту только, и самую краткую, можно сказать, въ жизни, раздѣлилъ я съ нимъ, а помнить объ немъ буду долго; ибо онъ пріязнью своей и радушнымъ со мной обращеніемъ сдѣлалъ на сердце мое и мысль пріятное впечатлѣніе.*

СИНЯВСКАЯ.

21. Ульяна: одна только актриса, съ которой я былъ во всю жизнь мою знакомъ. Она принадлежала къ Московскому вольному театру, которой содержалъ Медоксъ. Мнѣ вздумалось перевести Французскую комедію (La soirée à la mode): она играна была на

---

* Это Иванъ (Янъ) Потоцкій, р. 1761. Воспитанный на Французскомъ языкѣ, онъ писалъ только на немъ всѣ свои многочисленныя сочиненія, относящіяся большею частію до древностей, особенно народовъ Славянскихъ, для чего часто предпринималъ путешествія: въ 1778 и 1779 въ Италію, Сицилію и Испанію, 1784 во Францію и Египетъ, 1787 въ Голландію, 1789 въ Южную Россію, Цареградъ, Архипелагъ, опять въ Сѣверную Африку до самаго Марокко, въ 1794 и 95 въ Балтійское Поморье, 1797 и 98 на Кавказъ, 1803 опять въ Италію, 1805 въ Китай съ Посольствомъ Головкина, въ званіи начальника ученой части; возвратившись назадъ, жилъ на югѣ Россіи (въ Тульчинѣ, Кременцѣ) и въ Петербургѣ; скончался, 1815 г., Ноября 8-го, въ Севериновцѣ, подъ Бердичевымъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій его особенно выдаются тѣ, кои относятся къ исторіи и древностямъ Славянскимъ, каковы, на примѣръ: «Voyage en Turquie et en Egypte. Varsovie 1788; Essai sur l'histoire univ. et recherches sur la Sarmatie. Vars. 1789; Chroniques, memoires et recherches pour servir à l'histoire de tous les peuples Slaves. Vars. 1793; Voyage dans quelques parties de la Basse Saxe pour la recherche des antiquités Slaves ou Vendes. Hamb. 1795; Fragmens historiques et geogr. sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves. Brunsvie 1796; Histoire primitive des peuples de la Russie. Pétersb. 1802; Histoire ancienne du gouvernement de Cherson. Ib. 1804;—de Podolie. Ib. 1805,—de Volhynie. Ib. 1805; Atlas archeologique de la Russie europénne. Ib. 1810, 1823; Voyage dans les Steps d'Astrakhan et du Caucase, ouvrage publié par Mr. Klaproth. Paris 1829. О. Б.

Московскомъ театрѣ, и я хаживалъ на ея репетиціи. Тамъ-то случай свелъ меня съ Ульяной: она была недурна, играла хорошо, и я, по милости ея, имѣлъ право цѣлую зиму торчать за кулисами, когда хотѣлъ; но сей родъ забавы мнѣ не понравился, я отъ него скоро отсталъ, и одну только Ульяну сохранилъ въ памяти моей. И такъ могу сказать о себѣ въ молодости моей, съ Вольтеромъ вмѣстѣ, испытавъ всякой родъ удовольствія:

«Tous les goûts là a fois sont entrés dans mon ame,
Tout art a mon hommage, et tout plaisir m'enflamme.»

САФОНОВА.

22. Надежда Никодаевна, родственница моя и хорошая знакомая, пріятнаго ума женщина; я за удовольствіе считалъ и бесѣдовать съ ней, и въ разлукѣ иногда дружески переписываться. Замѣчательнѣйшее происшествіе въ отношеніи нашемъ было то, что я, при замужствѣ ея, былъ отцомъ посаженымъ, и той же чести удостоился у сестры ея родной, по тому что я въ ихъ семействѣ былъ искренно любимъ; отецъ ихъ часто меня ссужалъ небольшими деньгами, когда я въ нихъ нуждался, и это такая большая услуга въ наше время, которой никогда забывать не должно. Сафонову я могу рѣшительно поставить въ спискѣ вто рокласныхъ женщинъ, близкихъ моему сердцу.

ФИЛАТЬЕВА.

23. Софья Ивановна, дочь двоюродной сестры моей, Княгини Урусовой, отъ перваго мужа ея, Кологривова, дѣвушка воспитанная въ монастырѣ, скромная, тихая и благонравная, искреннѣйшая подруга моей старшей дочери, покойной Маши. Она была замужемъ за Филатьевымъ и, приживъ съ нимъ нѣсколько дѣтей, въ молодости еще цвѣтущей скончалась. Союзъ дочери моей съ ней такъ былъ тѣсенъ, что она, написавши отрывками картину своихъ чувствъ и мыслей, разительнымъ слогомъ сердца, никому при кончинѣ не хотѣла рукописи своей довѣрить, кромѣ Софьи. Я бралъ ее читать, и съ сугубымъ сожалѣніемъ видѣлъ въ ней статьи, означавшія высокость духа дочери моей и непоколебимую твердость ея характера. Эта рукопись сильно на меня подѣйствовавъ, никогда не изгладится изъ памяти моей, въ которой и

Филатьева, по связи ея съ дочерью моей, вѣчно жить будетъ. Обѣ эти подруги живутъ теперь въ селеніяхъ небесныхъ, а мнѣ осталось въ удѣлъ оплакивать ту и другую неразлучно, какъ юныхъ жертвъ неумолимаго рока, похитившаго ихъ у свѣта, въ которомъ онѣ сотворены были и свое найти счастіе, и доставить его другимъ. Но Вѣчный такимъ чистымъ сердцамъ предназначаетъ всегда жилища Неба, какъ говоритъ Соломонъ. Да не лесть прельститъ душу его, или злоба измѣнитъ разума его.

24 Сегодня бывала имянинница Евгенія, существо безподобное на землѣ, Ангельское за гробомъ! Я увѣренъ въ томъ всѣми моими чувствами. Сегоднишнее число было для меня 17 лѣтъ днемъ торжественнымъ всѣхъ радостей земныхъ, и вотъ столько же, что онъ сообщаетъ сердцу моему одну духовную радость въ высшемъ степени ея въ человѣчествѣ. Такъ! Со времени кончины Евгеніи я сей день посвятилъ одному Богу, давшему ее мнѣ и похитившему отъ взора моего на вѣки. Съ того времяни я принялъ непреложное обѣтованіе причащаться божественной трапезы, по очищеніи грѣховъ покаяніемъ; и такъ я сегодня не существую въ мірѣ, я весь на Небѣ! Я тамъ, гдѣ Евгенія! Я мысленно соединяюсь съ ней и, приявъ чашу спасенія, стремительно теку на гробъ ея. Тамъ, лобзая холодной камень, сокрывающій прахъ ея, проливаю умилительныя слезы глубокой печали. Жажду, жажду сокрыться тамъ же. Никто не представляется моему помышленію, все забыто около меня въ мірѣ. Кромѣ могилы ея нѣтъ предмета; кромѣ меня при ней нѣтъ существа во всей подсолнечной для моего воображенія. И оно, и умъ, и сердце, и духъ, все пригвождается ко кресту моихъ страданій, къ вмѣстилищу смертныхъ остатковъ Евгеніи. Весь я тутъ, но нигдѣ болѣе. Весь я въ ней, и никто участія во мнѣ не имѣетъ. Весь я въ Небѣ, и земля ничѣмъ моимъ не владѣетъ! Того ради не выставлено подъ симъ числомъ ни чье имя сторонее, ни чье, кромѣ Евгеніи, которую одну воспоминаю съ восторгомъ во всѣ минуты ея жизни, на всякомъ мѣстѣ общаго нашего пребыванія, въ бѣдахъ и въ радости, въ праздникъ и въ будни, въ чертогахъ и въ тѣснотѣ, въ изобиліи и въ убожествѣ, вездѣ, вездѣ, гдѣ я ни раздѣлялъ съ ней любовь, дыханіе, и жизнь! И кто изъ смертныхъ, кто станетъ рядомъ съ сей женщиной несравненой въ моихъ чувствахъ? Никто изъ земнородныхъ! Никто! Богъ, и Евгенія!!! Все прочее чуждо мнѣ сегодня:

«Евгенія была изящность естества:
Семнадцать лѣтъ вкушалъ съ ней райскихъ дней блаженство,
Въ чертахъ ея лица
Зрѣлъ міра совершенство;
Въ чертахъ ея души
Зрѣлъ благость Божества!»

Такъ о ней разумѣлъ, такъ вѣщалъ, писалъ, печаталъ въ книгахъ, чеканилъ на монументахъ гибельныхъ, врѣзывалъ въ кржаль души нетлѣнной; такъ чувствовалъ, и чувствовать буду до послѣдняго моего издыханія!

НАТАЛЬЯ АЛЕКСѢЕВНА.

25. Въ сей день нѣкогда родилась первая жена моя, Евгенія. Родясь по естеству отъ родителей странствующихъ съ мѣста на мѣсто (ибо отецъ ея служилъ въ нижнихъ чинахъ Офицерскихъ, и былъ тогда въ Стардубѣ), воскормлена вдовствующей матерью своей въ пустынной деревнишкѣ подъ Тверью, предназначена она была судьбою возродиться снова изящнымъ воспитаніемъ, и сему-то возрожденію нравственному Богъ велѣлъ быть орудіемъ воспоминаемой мной благодѣтельнѣйшей отрасли Царскаго Дома.

Великая Княгиня Наталья Алексѣевна, первая супруга Наслѣдника Россійскаго Престола, Павла Петровича, Принцесса Дармштадтская. По благодѣяніямъ, оказаннымъ ею женѣ моей, она, конечно, первое мѣсто занимаетъ сегодня въ моихъ воспоминаніяхъ. Бывъ 17 лѣтъ счатливѣйшимъ супругомъ безподобной женщины, могу ли я не благоговѣть до послѣдняго дня въ моей жизни къ имяни той, которая открыла ей пути къ воспитанію, образовала ее и первое основаніе положила моральному ея бытію? Жена моя, дѣвица Смирная, росла при матерѣ, въ глубокой тишинѣ въ то время, какъ Дворъ, и съ нимъ Великая Княгиня, путешествовали въ Москву. Случай велѣлъ этой дѣвочкѣ, которой едва исполнилось четыре года, попасть на глаза Великой Княгини: ребенокъ ей понравился, она изволила приказать привезти ее къ себѣ во дворецъ. Занявшись ея воспитаніемъ, какъ мать, учредила за ней присмотръ, снабдила учителями, и казалось эта малютка, Евгенья, превзойдетъ въ счастіи всѣхъ своихъ сверстницъ подъ такимъ высокимъ и благотворнымъ покровительствомъ. Промыслъ Вышняго расположилъ сіе иначе: Великая Княгиня скоро скончалась, и Смирная осталась сиротой. Необходимость тогда

заставила ее отдать въ Смольной монастырь, въ которой она
нята была и содержалась до выпуска на счетъ Великаго К
Покойная жена моя до послѣдняго издыханія воспоминала о
ликой Княгинѣ Натальѣ съ уваженіемъ и безпредѣльной бл
дарностію. По ней привыкъ и я относить къ памяти ея т
чувствованія, и, сохраня до нынѣ у себя портретъ покойной
ликой Княгини, не могу взглянуть на него, не вспомнивъ д
протекшихъ событій и не вздохнувъ о ней изъ глубины сер
искренно ей преданнаго, какъ нѣжной матери, какъ необы
венной благодѣтельницѣ женщины, любезнѣйшей для меня
свѣтѣ и съ которой я наслаждался счастіемъ примѣрнымъ.

ЯНЬКОВЫ.

26. Возвращаясь очень далеко въ жизни моей назад
вспоминаю семейство Яньковыхъ. Отецъ мой былъ очень дру
съ ихъ домомъ, и такъ тѣсно связанъ пріязнью, что, по см
отца и матери, дѣти ихъ, два сына и двѣ дочери, вошли
ніемъ своимъ и сами собой въ полное батюшкино распоряж
Сыновья, Николай и Дмитрій, тотчасъ отданы въ Кадетской
пусъ, а дѣвушки, Анна и Клеопатра, перевезены къ намъ въ д
въ которомъ жили и росли съ нами вмѣстѣ. Клеопатра была
ше лицомъ, и по тому понравилась мнѣ больше; я былъ, въ
вненіи съ возрастомъ ея, еще мальчикъ, но это, по пылкому м
свойству, не помѣшало мнѣ въ нее влюбиться. Чтобъ показать
какого степени разгорѣлся я къ ней страстью, скажу слѣд
щее: Она чахла и постепенно видимымъ образомъ теряла
жизненныя силы. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи, живучи
одномъ домѣ съ ней, я не выходилъ изъ ея комнаты, рѣзви
около ея, и малѣйшая невинная ея ласка приводила меня въ
торгъ, котораго ни понимать, ни унять, я не умѣлъ. Наконе
она лишилась жизни, и тѣло ея выставлено было въ особую
мнату. Не смотря на то, что въ ребячествѣ человѣкъ способ
очень бояться всего, а паче мертвеца, я украдкой по ночамъ
живалъ къ ея гробу, и съ жаромъ лобзалъ ея руки. Вотъ к
сильно кровь моя волновалась и какъ я любилъ Клеопатру!
слѣ нея я не помню, чтобы я равнодушно приближился къ чи
либо тѣлу; но здѣсь, обманутъ будучи румянцемъ молодости
лицѣ ея, котораго нескоро лишаются умирающіе чахоткой
искалъ наслажденій чувствъ, прикасаясь къ мертвымъ ея ос

мъ. До нынѣ, спустя слишкомъ сорокъ лѣтъ, я вспоминаю жи-
еще ея взоръ и наружныя прелести лица, и уповательно ни-
гда уже не забуду. О прочихъ членахъ сего семейства упомя-
ть долженъ, что каждой изъ нихъ съ безпредѣльнымъ уваже-
емъ къ нашему дому обходился съ нами до. послѣднихъ дней
изни: Анна умерла недавно, оставшись дѣвушкой и живучи
своимъ домомъ; ибо она имѣла порядочное состояніе. Братья, вы-
ѣдши изъ Корпуса, поженились и получили потомство. Одинъ
тался Николай, а Дмитрій также умеръ. Жены ихъ и дѣти рав-
о намъ преданы, и связь наша съ ними есть связь самая про-
ная, твердая и постоянная.

КОЛОБОВЪ.

27. И ты, мой Меркурій, и ты заслужилъ мѣсто въ памятникѣ
юдей, на кои устремляются иногда мысли мои въ прошедшемъ!
Какъ прозывался крѣпостной батюшкинъ слуга, которой былъ
южалованъ мнѣ и до гроба вѣренъ былъ моимъ тайнамъ. Онъ
олько исправляль около меня два дѣла: или мое, состоявшее въ
томъ, чтобъ носить мои утреннія цидулки, приносить на нихъ от-
вѣтъ, или свое, чтобъ пить горькую чашу, какъ онъ бывалъ сво-
боденъ отъ трудовъ моихъ. При такой опасной слабости для все-
го потаеннаго, онъ, однако же, никогда не сдѣлалъ ни ошибки,
ли промаха, и всегда былъ вѣрной исполнитель моихъ порученій.
Сколько разъ я, въ восхищеніи отъ пріятной записки, имъ доста-
лаемой, бросался ему на шею, и ущедрялъ его, но несчастному
го не шло въ прокъ: вся моя мзда втекала въ питейные домы:
арнинъ жертвовалъ Венерѣ, а служитель Бахусу. Онъ одинъ велъ
орядокъ въ полученіи почтовыхъ моихъ переписокъ, журналовъ
газетъ, принашивалъ ко мнѣ письма, отдавалъ мои, словомъ,
ылъ Меркурій въ полномъ смыслѣ. Сколько было у него зна-
комствъ, связей и кумовства въ Почтамтѣ! Всѣ его знали; онъ
тличался особеннымъ проворствомъ, за то я и честь ему отлич-
ую воздалъ. Кто будетъ читать мои книги, тотъ набѣжитъ и
а строчку объ немъ. Сотоварищъ мой во всѣхъ сентименталь-
ыхъ поѣздкахъ, чего онъ про меня не зналъ, и гдѣ со мной
е бывалъ? Объ немъ я точно могу сказать въ отношеніи къ себѣ:

«Je n' est pas de héros pour son valet de chambre.»

бращеніе его со мной было совершенно свободно и безъ цере-
оній: прекраснѣйшій случай дастъ тому доказательство. Я куда-

то ѣхалъ въ каретѣ, онъ на запяткахъ. Попадается намъ чело
съ почтой изъ какой-то провинціи. Почталіонъ ему пріятел
охалц они оба отъ радости: карета моя остановилась, Колоб
долой съ запятокъ, ну обнимать курьера, а тотъ его, и пока
раздѣляли взаимную радость, я долженъ былъ простоять на у
цѣ! Миръ праху его! Онъ уже не существуетъ, но имя его с
зывается съ многими лицами, коихъ мнѣ всегда пріятно буд
вспомнить, слѣдовательно, придется и объ немъ потужить.

ЯЗВИЦКОЙ.

28. Молодой человѣкъ, вышедшій изъ духовнаго званія
гражданское состояніе, уроженецъ города Коврова въ Владим
ской Губерніи, но я его тамъ уже не засталъ и не имѣлъ
чая нигдѣ съ нимъ встрѣтиться. Счастье возвысило на нѣскол
времени жребій его; ибо онъ попалъ въ учители Россійскаго я
ка къ царствующей Императрицѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ, но
то самой случай низринулъ его въ бездну жесточайшихъ зо
Онъ былъ энтузіастъ, воображеніе его увлекло за предѣлы р
судка. Онъ лишился ума, и принуждены были запереть его
домъ сумашедшихъ, гдѣ онъ умножилъ число несчастныхъ жер
романическаго воображенія. Онъ заслужилъ особенную мою п
знательность и мѣсто въ этомъ Словарѣ неумѣреннымъ сво
восторгомъ къ моимъ сочиненіямъ: все въ нихъ, все, безъ иск
ченія, ему нравилось. Онъ издалъ легинькой трактатъ о Словес
сти, въ которомъ выписывалъ мои стихи, не выборомъ и отр
ками, а можно сказать пудами. Онъ ознакомилъ съ лирою м
высокую свою ученицу, и такимъ пристрастнымъ расположені
къ моему стихотворству, котораго я, конечно, не заслужилъ,
ставилъ меня въ обязанности сохранить, по крайней мѣрѣ,
его въ памяти моей, когда судьба не дала мнѣ другихъ спо
бовъ ни благодарности моей изъявить, ни быть ему въ чемъ
бо полезнымъ, а жалѣть о немъ буду всегда съ искренн
участіемъ.

КОЗОДАВЛЕВЪ.

29. Осипъ Петровичъ. Я началъ его знать въ чинѣ Над
наго Совѣтника, и съ тѣхъ поръ безпрерывно былъ съ нимъ
комъ; большой короткости между нами никогда не было, но
всегда со мной хорошо обращался, и по времени ему довел

оказать мнѣ множество пріятныхъ услугъ, которыя обязали меня помнить объ немъ во всю жизнь мою. Служа въ разныхъ чинахъ и должностяхъ при Екатеринѣ, Павлѣ, Александрѣ, онъ, происходя чинами, дошелъ до самой высшей степени въ гражданскомъ разрядѣ, и былъ самъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, когда я служилъ Губернаторомъ, слѣдовательно, я нѣсколько времени находился подъ его начальствомъ. Самая замѣчательная эпоха во взаимномъ между нами отношеніи была та, когда онъ, въ званіи Сенатора и Товарища еще Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Князя Куракина, отправленъ былъ, по именному Указу, въ Саратовъ, для предохраненія сей области и сопредѣльныхъ съ ней Губерній отъ возникшей въ томъ краю заразы. Многіе полагали, что ее никогда не бывало, но это не касается до меня. Вѣрно то, что Козодавлевъ былъ за симъ командированъ въ Саратовъ и, проѣзжая чрезъ Владиміръ, прожилъ тутъ съ недѣлю безъ всякаго дѣла, по одной только безразсудной молвѣ, будто и тутъ чума показалась. Тогда это былъ какой-то модной обморокъ, которой схватывалъ всѣхъ, отъ Петербурга до Каспійскаго моря, вездѣ и всѣмъ казались карбункулы. Козодавлевъ, напугавшись въ Москвѣ слухами о заразѣ въ Владиміръ, счелъ нужнымъ выѣрить этотъ слухъ на мѣстѣ лично, и по тому вошелъ со мной въ огромную о семъ переписку. Я тогда былъ тяжко болѣнъ, и не могъ иначе принимать его, какъ лежа въ постелѣ. Собравши всѣ свои силы, я постарался, въ большой и основательной бумагѣ, ополчиться противъ общаго подозрѣнія, и посчастливилось мнѣ документомъ удостовѣрить его, что чумы въ Владимирской Губерніи точно не было, и нѣтъ. За общимъ нашимъ подписаніемъ пошелъ о томъ рапортъ къ Государю, послѣ чего Козодавлевъ отправился отъ насъ въ Саратовъ. Во все время его пребыванія съ нами, онъ прекрасно со мной обходился, навѣщалъ меня всякой день, сожалѣлъ о моемъ болѣзненномъ состояніи. Съ нимъ ѣхала жена его и огромной штатъ молодыхъ людей, всѣ они насъ посѣщали и старались оказать намъ свое доброхотство разными наружными поступками. Козодавлевъ не удовлетворился одной ласковой вѣжливостью: онъ, возвратясь въ Петербургъ послѣ своей коммисіи и принятъ бывъ Дворомъ очень хорошо, скоро столкнулъ Князя Куракина, и попалъ на его мѣсто. Я много обязанъ Козодавлеву хорошими его обо мнѣ представленіями и вообще внушеніемъ его на счетъ моей службы, кои много способствовали къ доставленію мнѣ Орлена Св. Анны. По мѣрѣ, какъ сыновья

мои вступали въ службу, Козодавлевъ охотно ихъ записывалъ
свое Министерство, выводилъ въ первые чины, и всегда стара
ся снискать мою благодарность разными подобными услуга
Въ перепискѣ по дѣламъ всегда былъ со мной вѣжливъ и благ
пристоенъ, что замѣтить надобно; ибо Куракинъ не зналъ и
уки привѣтливости. Кромѣ офиціяльныхъ бумагъ, я часто къ К
зодавлеву писывалъ партикулярно, и онъ, не лѣнясь, отвѣчалъ м
пространно и ласково; словомъ, во все время жизни его и м
ихъ съ нимъ отношеній, я не могъ быть недоволенъ его со мн
поступками; они на томъ же тонѣ продолжались и по отстав
моей, о которой онъ искренно сожалѣлъ, разумѣя меня лучш
нежели тѣ, которые меня тѣснили. Онъ любилъ словесность, и
ки, былъ самъ въ нихъ свѣдущъ, а къ подобнымъ людямъ всег
можно найти доступъ, не прибѣгая къ подлымъ искательства
или ябедническимъ пронырствамъ. Козодавлевъ и жена его о
уже скончались. Я не принимаю на себя говорить здѣсь объ нем
какъ о Министрѣ и государственномъ человѣкѣ; я гляжу на н
го съ той точки зрѣнія, которая ставитъ его передо мной въ о
ношеніи собственно ко мнѣ, и съ удовольствіемъ, платя ему д
признательности за его постоянное ко мнѣ расположеніе, вмѣн
себѣ въ обязанность всегда объ немъ помнить, какъ о человѣк
которой желалъ мнѣ добра и, когда могъ, старался его дѣлат

ВЕЛЬЯМИНОВА.

30. Анисья Федоровна, молодая дѣвушка, прекрасно об
зованная, съ которой я нечаянно и почти не хотя познако
шись, чувствую, что никогда не перестану ее любить. Она, вой
въ мое сердце, заперла за собой въ оное дверь всѣмъ проч
женщинамъ. Все ея семейство состоитъ изъ людей болѣе, или м
нѣе, заслуживающихъ нѣкоторое усердіе. Отецъ ея, потерявъ зр
ніе, не такъ уже веселъ, какъ прежде, но все еще сохрани
врожденную доброту въ характерѣ, которая дѣлаетъ его люб
нымъ. Мать, женщина добрая и нрава самаго обходительна
сестры всѣ любезны; одна изъ нихъ замужемъ. Сыновья отста
во всемъ отъ дочерей, но, посреди всѣхъ сихъ лицъ, Анисья Ф
доровна отличается, какъ солнце отъ звѣздъ, умомъ, разговоро
познаніемъ и многими пріятными дарованіями ума и сердца.
бывъ хороша лицомъ, она лучше многихъ красавицъ; физіогно
ея выразительна, и ни на одной я не видалъ такого соединен

прелестей, что Французы называютъ charmes, какъ на ней. Она знаетъ разные иностранные языки, обучалась многимъ наукамъ, и не безъ успѣха; словомъ, я мало знаю дѣвушекъ такъ тщательно, и даже роскошно, воспитанныхъ, какъ она, не смотря на самое умѣренное состояніе семейства, котораго доходы очень ограниченны. Не знаю, положенъ ли Промысломъ срокъ настоящему моему съ ней отношенію: по крайней мѣрѣ теперь оно таково, что я не могу вспомнить въ цѣлой жизни моей связи съ другимъ человѣкомъ столь крѣпкой, какъ та, которая сближаетъ меня съ ней. Вездѣ болѣе, или менѣе, чувственность вмѣшивалась въ мои душевные припадки: здѣсь она никакого участія не имѣетъ, совершенно никакого, и тѣмъ-то самымъ усиливается чувство сердца, доводя его до возможнаго степени восторга въ мои годы. Натуральное слѣдствіе человѣческой организаціи: чѣмъ меньше тревожитъ физика, тѣмъ сильнѣе работаетъ душа, и вотъ гдѣ надобно искать зародыша пламенныхъ страстей нашихъ. Человѣкъ влюбляется только тогда, когда онъ еще не наслаждается, или уже перестаетъ наслаждаться, и по тому неудивительно что многіе старики пламеннѣе любятъ, чѣмъ юноши. Сердце и душа суть такія существа въ нашемъ составѣ, которыя никогда не старѣются. Я, узнавъ Вельяминову, расположился къ ней съ начала очень холодно, долго даже не собрался быть у нихъ въ домѣ, но, ознакомясь съ ней, я нашелъ всѣ тѣ качества, кои способны подѣйствовать на такой живой характеръ, каковъ мой, не смотря на прожитой мною полвѣка; ибо я не хочу скрывать, что мнѣ тогда ужъ было полныхъ пятдесятъ лѣтъ. Скоро постигла ее жесточайшая болѣзнь: она была на прагѣ смерти. Слишкомъ годъ, отчаявались въ ея выздоровленіи. Въ это время, любя ее уже съ горячностью, страшась ея потери, и изъ состраданія къ ея семейству, которое лишилось бы въ ней послѣднихъ отрадъ въ жизни, я посѣщалъ ее сколько могъ чаще, и чѣмъ больше распознавалъ великость души ея въ такомъ отчаянномъ положеніи, еще въ молодыхъ ея лѣтахъ, тѣмъ сильнѣе привязывался къ ней, и съ той поры долженъ признаться, что люблю ее съ необыкновеннымъ пристрастіемъ. Давно уже я искалъ сердца нѣжнаго, съ которымъ могъ бы раздѣлить свое, и, найдя его въ этой дѣвушкѣ, позволилъ своему привязаться къ ней. Я люблю ее съ такимъ жаромъ души, съ какимъ, говоря здѣсь откровенно самъ съ собою, едва ли я любилъ кого, кромѣ Евгеніи, по тому имянно, что вездѣ была какая-то примѣсь, которой здѣсь нѣтъ, и быть не можетъ, и по-

тому-то сердце мое сильнѣе чувствуетъ, разумъ пылче восхищ
зя, весь я предаюсь чувству, давно уже меня не оживотворявш
Здѣсь нѣтъ ничего матеріальнаго; все проистекаетъ отъ ду
все восторгъ, и ничего болѣе. Когда она выздоровѣла, я пла
отъ радости, что Богъ ее возвратилъ къ жизни. Никогда,
никогда, конечно, не забуду того мрачнаго вечера (сегодняш
день ея имянинъ), въ которой, посреди многихъ гостей, ужина
за маленькимъ столикомъ въ ея спальнѣ самъ третей съ До
ромъ ея и съ ней, я, пивши, за здоровье ея, бокалъ Шампанск
глоталъ слезы, можно сказать, огненныя, воображая, что сей
калъ есть предтеча надгробнаго сѣтованія, вмѣсто многихъ л
которыя я желалъ ей дрожащимъ голосомъ. Когда Провид
возвратило ее къ жизни, я почувствовалъ тогда, сколько она
необходима; ибо безъ любви къ ней я не могъ бы выносить
го положенія; и по тому, доколѣ отношеніе наше продолжитс
могу быть увѣренъ, что оно послужитъ мнѣ средствомъ пер
сти многія тяжкія минуты, коими участь моя обременяется.
имѣя возможности столько часто ее видѣть, сколько бы желал
испросилъ у нея полволенія вести съ ней переписку: всякой
она составляетъ найпріятнѣйшее для меня удовольствіе. Она
рѣзва, скора и суетой мірской слишкомъ плѣняется; отъ э
между нами бываютъ споры, и довольно жаркіе, послѣ котор
всегда побѣда на ея сторонѣ; ибо она дѣйствуетъ на мен
такой силой убѣжденія, что я не могу не дать ей полной
во всемъ. И такъ, послѣ всякой нашей распри, я вспоминаю
ринной финалъ простой пастушеской пѣсни:

«Je me plains toujours d'elle,
Et je l'aime toujours.»

Вотъ истинная картина моего сердца въ отношеніи къ Вельям
вой. Я смѣло могу примѣнить къ ней старинной мой стихъ:

«Всѣ пали предъ тобой Параши, Селимены.»

Одна могла ей противоборствовать въ мірѣ женщина, одна,
нечно, Евгенія! Съ ней нѣтъ сравненія въ мірѣ. Болѣе никто
годня ея имянины, и я здѣсь ставлю памятникъ сему не
кумиру, и послѣднему въ моемъ сердцѣ: онъ не расшибетс
немъ до гроба. Измѣнятся, можетъ быть, наружные виды
восхищенія: такъ много причинъ могутъ на это подѣйствовать

любовь моя къ ней на всегда и вездѣ въ одинаковой мѣрѣ сохранится. Въ этомъ ручаются мнѣ мои годы и внутреннія достоинства ея, столь близкія къ понятію, которое я имѣю объ изящномъ чувствѣ любви, въ превосходномъ нравственномъ смыслѣ.

КУЛИКОВЪ.

31. Въ послѣдній день года, возобновляя ихъ, доколѣ жизнь моя продлится, кого приличнѣе вспомнить, какъ не того вѣрнаго служителя, который, въ первыхъ годахъ моего рабячества, ходилъ за мной? Степанъ Сергѣевичъ Куликовъ былъ дядька мой. Онъ принадлежалъ Князю Владимиру Сергѣевичу Долгорукому и, какъ крѣпостной его человѣкъ, находился при немъ во всю Нѣмецкую семилѣтнюю войну, въ походахъ и сраженіяхъ. Не знаю я, чѣмъ онъ провинился, но Князь разсудилъ его продать. Батюшка, желая имѣть при мнѣ, въ моемъ ребячествѣ, человѣка, который бы сколько ни будь лепеталъ по Нѣмецки, купилъ его и приставилъ ходить за мною. Степанъ въ Пруссіи выучился тамошнему нарѣчію; во всю жизнь свою отецъ мой былъ имъ очень доволенъ. Степанъ взростилъ меня, смотрѣлъ за мной, не баловалъ меня, и былъ юношеству моему очень полезенъ. Онъ служилъ при мнѣ и тогда, какъ я женился; я его привыкъ любить и уважать. Онъ былъ первой человѣкъ въ моей немноголюдной дворнѣ. Передъ женидьбой моей батюшка, по просьбѣ моей, изволилъ пожаловать ему отпускную, съ которой онъ, однако, остался при мнѣ и умеръ вездѣтенъ въ нашемъ домѣ. Онъ похороненъ въ бывшемъ нашемъ вельцѣ, Никольскомъ. Вдова его по нынѣ живетъ у насъ и получаетъ отъ меня половинное жалованье мужа своего, котораго я заслугъ никогда не забуду. Доброй былъ мужикъ, и около меня весьма много рачителенъ. Вѣчная ему память!!!

ОГЛАВЛЕНІЕ

ИМЯНЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ СЕМЪ СЛОВАРѢ, СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ЧИСЛА, ПОДЪ КОТОРЫМЪ КТО ВЫСТАВЛЕНЪ.

Мѣсяц.	Ч.	Названія.
		А.
Генваря	4	Аксакова.
Генваря	26	Алючинина Катер. Николав.
Марта	3	Александръ (Протопопъ).
Марта	17	Алексѣй Стахѣичъ.
Марта	21	Алябьевъ (Сенаторъ).
Марта	31	Арбеневъ Іоасафъ Іовл.
Апрѣля	2	Аввакумъ (Архимандритъ).
Апрѣля	3	Апраксинъ Степанъ Степан.
Маія	11	Арсеньевъ Александръ Иван.
Маія	17	Алферова НадеждаСергѣев.
Августа	16	Августинъ (Архіеп. Москов.).
Сентября	15	Александръ 1-й (Императ.)
Сентября	23	Актеры (Мочаловъ и Насова)
Октября	21	Анджели.
Ноября	9	Ададуровъ Алексѣй Петр.
Ноября	10	Ашъ (Баронъ).
Ноября	11	Анемона Аграф. Фед. Люб.
		В.
Генваря	13	Безобразова Полина.
Генваря	16	Бехтѣевъ.
Генваря	24	Бенкендорфъ Ермолай.
Февраля	21	Бенедиктовъ Мих. Степ.
Марта	11	Боратинская (Принцеса).
Марта	23	Балашевъ (Министръ Пол.).
Апрѣля	1	Бромонтова (мамушка).
Апрѣля	11	Брагина (потомъ Сѣвер.).
Апрѣля	15	Бабарыкинъ Петръ Иван.
Апрѣля	21	Безобразова Марья Яковл.
Маія	6	Берхова Александра Иван.
Іюня	16	Безобразова Елисав. Алекс.
Іюля	13	Бобринская (Графиня).
Іюля	28	Буркартъ (Докторъ).
Августа	5	Барсовъ (Профессоръ).
Августа	10	Берхманъ (Акушеръ).
Сентября	7	Барковъ Николай Александ.
Сентября	29	Бабаевы.
Октября	10	Брюсъ (Графъ Яковъ Алекс.).
Октября	16	Броглію Анна Пет. (Графиня).
Октября	24	Бортнянской (Капельмейст.)
Октября	28	Бецкой Иванъ Ивановичъ.
Ноября	3	Болотникова Марья Петр.
Ноября	8	Бобровъ (Сибирякъ).
Ноября	12	Бѣшенц. (по мужу Евреин.).
Ноября	14	Бибикова Настасья Петр.
Ноября	15	Бороздина Настасья Андр.
Декабря	12	Бутенева.
		В.
Февраля	8	Васильевъ Алексѣй Ив. (Гр.).
Февраля	9	Вилоклеръ (мадамъ).
Февраля	27	Визапуръ (Графъ).
Марта	15	Вакселева (Елеонора Вас.).
Марта	18	Варчъ (Анна Фед. мамуш.).
Апрѣля	18	Вевероны.
Маія	3	Волконской (Кн. Мих. Ник.).
Маія	5	Волкова Прасковья Воин.
Іюня	1	Воейкова Катерина Иванов.
Іюня	6	Власовъ Иванъ Петровичъ.
Іюня	24	Врасскія.
Іюня	25	Вальсъ (сослан. въ Пензу).
Іюля	8	Великія Княжны.
Августа	3	Волконской (Кн. Григ. Зем.).
Августа	14	Волконской (Кн. Пав. Мих.).
Августа	24	Веревкинъ.
Сентября	22	Вяземской (Кн. Анд. Иван.).
Октября	11	Волконская (Кн. Вар. Пет.).
Ноября	1	Вадковской Фед. Иванов.
Ноября	2	Вадковской Ф. Ф. сынъ его.
Ноября	5	Воейкова Авдотья Алексан.
Ноября	21	Венцъ (учитель дѣтской).
Ноября	30	Вяземской (Кн. Алек. Алек.).
Декабря	30	Вельяминова Анисья Фед.
Сентября	27	Воронцовъ (Гр. Канцлеръ).
		Г.
Генваря	9	Гринвальдовы (барышни).
Февраля	2	Горичъ (Генер. Казацкой)
Марта	1	Голицынъ (Кн. Серг. Мих.).
Марта	27	Голицынъ (Кн. Ник. Алек.).
Апрѣля	10	Горянинова Вѣра Алексѣевн.
Апрѣля	22	Горчаковъ Петръ Иван.
Маія	18	Гречищевъ (духовникъ).
Маія	29	Головина (Гр. нынѣ Кн. П).
Іюня	22	Голицына (Кн. Праск. Анд.).
Іюня	27	Гаренъ (Французъ).
Іюля	23	Гагарина (Кн. Праск

Мѣсяцы.	Ч.	Названія.
Августа	30	Горчаковъ (Кн. Алексѣй Ив.)
Сентября	3	Густавъ (Король Шведск.).
Сентября	9	Голицынъ (Кн. Бор. Андр.).
Октября	19	Головкинъ (Гр. Пос. Кит.).
Октября	30	Глѣбовъ Ѳедоръ Иванов.
Декабря	5	Гармфельдъ (Нѣмец. фрейл.).
Декабря	9	Гендрикова (Графиня).
Апрѣля	5	Герберъ (Madame Gerbert).
		Д.
Генваря	30	Долгорукой (Кн. Вас. Мих.).
Февраля	11	Демидова Софья Александр.
Марта	28	Дорофея (Игуменья).
Маія	12	Димитрій (Протопопъ).
Маія	19	Дмитріевъ (Иванъ Иванов.).
Іюня	5	Долгорукой (Кн. Алекс. Як.).
Іюня	7	Долгорукой (Кн. Юрій Вол.).
Іюня	8	Дамаскинъ (Архіерей).
Іюня	19	Дидрихштейнъ (Графиня).
Іюня	20	Дюнандъ.
Іюля	15	Долгорукой (Кн. Влад. Сер.).
Іюля	16	Долгорукая (Кн. Нат. Серг.).
Августа	18	Dechamps (Франц. плѣнной).
Октября	15	Дицъ Иванъ Ивановичъ.
Октября	25	Доброклонской (иначе Неж.).
Октября	27	Дуровъ Дмитр. Петровичъ.
Декабря	4	Долгорукая (Кн. Вар. Ник.).
		Е.
Генваря	1	Екатерина II.
Генваря	10	Елагина Люб. Володим.
Апрѣля	12	Евлампій (Архіерей).
Апрѣля	28	Евгеній (Архіерей).
Іюня	14	Ефимовской (Графъ П. А.).
Сентября	14	Ерошкинъ Петръ Дмитріев.
Декабря	16	Евгеновъ (Учитель).
		Ж.
Маія	31	Жуковской Васил. Андр.
Іюля	24	Жуковъ (Вас. Михайл.).
		З.
Марта	19	Зубовъ Вас. Николаевичъ.
Маія	9	Загоскины.
Сентября	19	Зловъ (Актеръ).
Октября	9	Зонова Катерина Андр.
Октября	22	Закревскія (барышни).
Декабря	10	Зиновьевъ Мих. Николаев.
		И.—І.
Генваря	11	Измаилъ (Діаконъ).
Генваря	29	Ильинъ (Генералъ Арт
Марта	26	Итальянецъ (Учитель).
Іюля	29	Измайловъ Левъ Дмитр
Сентября	8	Игельстромъ (Генер. Ан
Октября	8	Изобе (Madame Isobe).
Ноября	6	Іосифъ (Императоръ).
Ноября	28	Израилъ (Архимандритъ
Іюля	21	Ивкова (монастырка).
		К.
Февраля	4	Калерджи (Студ. изъ Гр
Февраля	13	Климовъ (Губ. Регистр.
Февраля	16	Корсаковъ Ив. Николае
Февраля	29	Крымовъ (охотникъ до ка
Марта	10	Копіевъ Дан. Самойлов
Марта	14	Кореакова Марья Ивано
Марта	20	Кошкарова (барышня).
Марта	30	Кошелева Вар. Ивановн
Апрѣля	6	Капелева Катер. Иван.
Апрѣля	7	Константинъ (Mad. Consta
Апрѣля	16	Кириковъ Тимоф. Прок
Апрѣля	25	Кокошкинъ Дмитр. Фе
Маія	20	Кашинцовъ Андр. Алек
Маія	23	Клаверъ (Лѣкарь).
Іюня	10	Корсаковы (два бр. въ
Іюня	23	Караваева (Вар. Алексѣ
Августа	9	Классонъ Иванъ Никол
Августа	19	Каковинская (по муж.
Августа	26	Карякина (барышня въ
Сентября	5	Кутайсовъ (Графъ).
Сентября	24	Колокольцовъ Вице-Губ
Октября	26	Ксенофонтъ (Архіер. Вл
Ноября	13	Курика (Студентъ).
Ноября	26	Кологривой (Степ. Иван
Декабря	8	Кочубей (Гр. Мин. Вн.
Декабря	11	Карамзинъ (Исторіогра
Декабря	13	Куракинъ (Кн. Алекс. Б
Декабря	14	Куракинъ (Кн. Алек. Б
Декабря	15	Куракина (Кн. Нат. Пе
Декабря	29	Козодавлевъ (Мин. Вн.
Декабря	27	Колобовъ (мой слуга).
Декабря	31	Куликовъ (дядька мой).
		Л.
Генваря	5	Лицына Катер. Алексан
Генваря	6	Левашевъ (Маіоръ гва
Генваря	17	Ливенъ (Граф. шт. дам
Февраля	17	Лафонпа (Madame Lafo
Марта	22	Лопухина Праск. Иванс
Апрѣля	30	Лопухина Дарья Никол
Маія	28	Ланская Праск. Никол
Іюня	28	Лопухинъ (Свѣтл. Князь
Іюля	1	Львова (монаст. Анна В
Іюля	2	Ланской Дмитр. Сергѣе

Мѣсяцы.	Ч.	Названія.
Іюля	5	Лапуновъ Иванъ Петров.
Августа	8	Лобановъ (Князь Дм. Ив.).
Августа	12	Лиховой Семенъ Семенов.
Августа	15	Леванда (Протоп. Кіевск.).
Августа	25	Лубяновской Фед. Петр.
Сентября	2	Лаврентій (вольн. наш. сл.).
Октября	1	Лопухинъ Алексан. Васильев.
Октября	2	Литта (Графъ).
Октября	12	Ланская Лизав. Ивановна.
Ноября	23	Лопухина Анна Александр.
		М.
Генваря	25	Мальцова Анна Сергѣевна.
Генваря	31	Марья Федор. (Императр).
Февраля	1	Мелиссино Иванъ Иванов.
Февраля	28	Молчанова Анна Николаев.
Марта	13	Мартынова Катер. Иванов.
Марта	25	Моисей (Архіерей).
Марта	29	Мятлевы.
Апрѣля	9	Монестроль (Monestrol émig.).
Апрѣля	19	Миклашевичева Варв. Сем.
Апрѣля	23	Мамоновъ (Графъ фавор.).
Апрѣля	27	Меньшикова(Кн. Елен. Пет.).
Маія	15	Мироносицкой (Священн.).
Маія	25	Марковъ Ник. Ивановичъ.
Іюня	18	Мордвиновъ Адексѣй Никол.
Іюля	19	Молдаванка (горничная).
Іюля	27	Могилевской (мой Секрет.).
Августа	28	Мансурова Катер. Алексан.
Сентября	4	Моложениновъ Иванъ Никол.
Сентября	11	Мясоѣдовъ (Сенаторъ).
Сентября	17	Михаилъ Павловичъ (В. К.).
Сентября	30	Мухановъ Алексѣй Ил.(Сен.).
Октября	14	Мальтицъ (Баронъ).
Ноября	22	Муравьевъ Мих. Никитичъ.
Декабря	6	Машинька (горничная).
		Н.
Генваря	8	Нестеровъ Васил. Петров.
Генваря	18	Нарышкина Авд. Иван.
Генваря	27	Нарышкинъ Петръ Петр.
Генваря	28	Николева (Орловская).
Февраля	12	Николай (Nicolay).
Маія	30	Неклюдовъ (Генер.-Маіоръ).
Іюня	9	Нелюевъ Н. И. (Сенаторъ).
Іюня	17	Некрасова Варв. Алексѣев.
Іюля	7	Несвицкая (Кн. Марья Ил.).
Іюля	12	Нелидова Кат. Ивановна.
Августа	2	Нелидовъ Вас. Ив. (Сенат.).
Августа	17	Нелюбова Н. А. (барышня).
Августа	23	Нарышкина Марья Павл.
Сентября	10	Николай Павлов. (Вел. Кн.).
Сентября	28	Нектарія (схимонахиня).
Ноября	19	Новосильцова Варв. Филип.

Мѣсяцы.	Ч.	Названія.
Декабря	17	Неплюевъ Ив. Николаев.
Декабря	25	Наталья Алексѣевна (В. К.).
		О.
Марта	5	Остерманъ (Гр. Фед. Анд.).
Апрѣля	8	Обухова Катерина Иванов.
Апрѣля	29	Одоевскія (Княжны).
Іюня	30	Оффренъ (акт. Франц. труп.).
Іюля	26	Обрезкова (Сенаторша).
Сентября	6	Офросимовъ Пав. Афанас.
Сентября	26	Остолоповъ. (стихотворецъ).
Ноября	4	Обольяниновъ (Ген.-Прок.).
		П.
Генваря	2	Поспѣловъ (Секретарь мой).
Февраля	7	Приклонской Дмит. Иван.
Февраля	15	Поповъ Вас. Степановичъ.
Февраля	22	Протасова Наталья Иванов.
Марта	8	Полубенской Осипъ Петр.
Марта	12	Павелъ (Императоръ).
Апрѣля	17	Пучи (фигляръ Итальянск.).
Маія	2	Протасова Наст. Яковлевн.
Іюня	13	Прозоровской (Кн. Фельд.).
Іюня	21	Плещеевъ Алексан. Алекс.
Іюля	11	Пожарская (Пашета).
Августа	6	Платонъ (Митроп. Моск.)
Августа	11	Палитковской (Докторъ).
Августа	7	Пушкинъ (Гр. Аполлос. Ап.).
Августа	20	Полочаниновъ Дмитр. Егор.
Августа	21	Полочанинова Федос. Егор.
Августа	31	Приклонская Анна Дмитр.
Сентября	13	Прокудина Феок. Данилов.
Октября	4	Похвиснева Аксинья Любим.
Октября	5	Пушкинъ (Гр. В. П. Фельд).
Октября	7	Панинъ (Гр. Петр. Иванов.).
Октября	13	Посниковъ З. Н. (Сенаторъ).
Октября	17	Побѣдинской (Ген.-Маіоръ).
Октября	18	Приклонской (Дир. Унив.).
Октября	23	Павелъ (Архимандритъ).
Октября	29	Пегелау (Докторъ).
Ноября	16	Парфеній (Архимандритъ).
Декабря	20	Потоцкой (Графъ Полякъ).
		Р.
Генваря	3	Рость (Профессоръ).
Февраля	23	Ржевская Федос. Степан.
Февраля	24	Ржевской Степ. Матвѣев.
Февраля	26	Ребиндеръ Иванъ Михайл.
Марта	24	Рябовъ Михайло. Прокоф.
Апрѣля	13	Рахманова Степанида Петр.
Апрѣля	14	Роговская Евпраксія Егор.
Іюня	15	Рукинъ (Влад. Полицм.).
Іюня	26	Редькина.

Мѣсяцы.	Ч.	Названія.
Іюля	10	Ришелье (въ Одессѣ).
Іюля	18	Рейхель (Профессоръ).
Августа	29	Ржевской Григор. Павл.
Декабря	7	Рубецкая (Сонюшка).
		С.
Генваря	14	Станиславъ (Король Польск.).
Генваря	19	Строгановъ (Гр. Алек. Серг.).
Генваря	20	Строганова К. П. (Графиня).
Февраля	20	Селецкой В. Лав. (зять мой).
Марта	7	Сухтеленъ (Генер.-Маіоръ).
Марта	16	Строгановъ (Баронъ А. Н.).
Марта	17	Стахіевъ Ал. Стах. (Духовн.).
Апрѣля	4	Страховъ (Профессоръ).
Маія	4	Скавронской (Гр. Пав. Мар.).
Маія	8	Совере (Mr. Sauveré).
Маія	10	Сперанской. М. М.
Маія	13	Смирная Авд. Сер. (теща моя).
Маія	14	Смирной (шур. мой Сав. Сер.).
Маія	16	Смирной (сынъ его Вл. Сав.).
Маія	26	Самуилъ (Митроп. Кіевск.).
Іюня	3	Синягинъ (Полк. въ пох.).
Іюня	4	Строганова (Барон. Ад. Бор.).
Іюня	29	Симеонъ (Архіерей).
Іюля	3	Серапіонъ (Митроп. Кіевск.)
Іюля	31	Струйской Николай. Серг.
Августа	1	Сенъ-При (Saint-Priest).
Августа	22	Салтыкова Граф. Дар. Петр.
Октября	20	Соковнинъ Серг. Петров.
Ноября	17	Салтыковъ Алекс. Васил.
Ноября	18	Самойловъ (Графъ Ал. Ник.).
Ноября	25	Салтыковы (Св. Кн. и Кн.).
Декабря	1	Строганова Барон. Нат. Мих.
Декабря	18	Ступишинъ (Пенз. Губерн.).
Декабря	19	Ступишина (жена его).
Декабря	20	Синявская (актриса).
Декабря	22	Сафонова Над. Николавна.
		Т.
Генваря	7	Тантыковъ Николай Мих.
Генваря	15	Толстой (Ф. Мат. и сынъ его)
Февраля	5	Тургеневъ (Дир. Универс.).
Февраля	10	Тараканова Алексан. Мих.
Февраля	19	Танѣевъ (Губ. Пред. Влад.).
Февраля	25	Татищева Марья Степан.
Марта	4	Телѣгинъ Мих. Петровичъ.
Марта	9	Турчанинова (въ Одессѣ).
Апрѣля	24	Тутолминъ (Тим. Иванов.).
Маія	7	Трубецкой (Кн. Серг. Ник.).
Іюля	20	Тихомировъ (слѣпецъ).
Іюля	30	Траубе.
Сентября	20	Толстой (Гр. Варфол. Васил.
Сентября	21	Терентьичъ (дядька дѣтск.).
Октября	3	Трубецкая (Кн. Вар. Алек.).

Мѣсяцы.	Ч.	Названія.
Октября	6	Трубецкая (Кн. Нат. Се
Ноября	24	Турчанинова Алекс. Сте
Ноября	27	Тавастъ (Шведск. Офи
		У.
Іюля	6	Улыбышева. Елис. Алек
Сентября	1	Ушакова (при Дворѣ).
		Ф.
Маія	1	Филадельфи (художник
Маія	22	Феоктистъ (Архіерей).
Сентября	12	Фермьеръ (La Fermière
Декабря	2	Феттеръ Иванъ Андрее
Декабря	23	Филатьева Соф. Иван
		Х.
Генваря	21	Херасковъ Михаило М
Марта	6	Хованской (Кн. Серг. Н
Апрѣля	20	Хилковъ (Кн. Мих. Пет
Маія	24	Хрущовъ (Ген. подъ Шв
Іюня	12	Хилковъ (Кн. Мих. Яко
Сентября	16	Хвостовъ Дмит. Иванов
Ноября	29	Хлопова Анна Ивановн
		Ц.
Февраля	3	Цесаревичъ (Конст. Па
Февраля	14	Цуриковъ Алексѣй Ла
Февраля	18	Цыціянова (Княгина) Ва
Апрѣля	26	Цвѣтаевъ Алексѣй Алек
		Ч.
Маія	27	Чириковъ Никан. Алек
Іюля	17	Чемесовъ Ефимъ Петро
Сентября	25	Чернышевъ (Гр. Григ.
Декабря	3	Чеботаревъ (Профессор
		Ш.
Генваря	12	Шуваловъ (Оберъ-Карм
Генваря	22	Ширяевъ (книгопродавс
Генваря	23	Шмицъ (Докторъ).
Марта	2	Шабанъ (плѣнной).
Маія	21	Шенихъ (Лѣкарь).
Іюня	2	Шаховская (Кн. Вар. А
Іюня	11	Шереметева (по мужѣ
Іюля	4	Шаликовъ (Кн. П. И. ст
Іюля	9	Шапошниковъ (плем. Ме
Іюля	14	Шувалова (Гр. Кат. П
Іюля	22	Шатофоръ (Mlle Chateau
Августа	13	Шаховской (Кн. Ник. Гр
Августа	27	Шереметевъ (Гр. Ник. П

Мѣсяцъ.	Ч.	Названія.
Ноября	7	Шульгинъ (Шуйск. Городъ.).
Ноября	20	Шумилова Наст. Ивановна.
		Щ.
Октября	31	Щербатова (послѣ Полик.).
		Ю.
Февраля	6	Юшкова Анна Петровна.
		Я.
Іюля	25	Яковъ (Духовникъ мой дер.).
Августа	5	Яковлева (помѣщица).
Декабря	26	Яньковы.
Декабря	28	Язвицкой (Учитель Имп.).

ОГЛАВЛЕНІЕ

МѢСЯЧНЫХЪ ДНЕЙ, ДЛЯ ПРИСКАНІЯ, ПОДЪ КОТОРЫМЪ ОНЫХЪ КАКОЕ ИМЯ ВЫСТАВЛЕНО.

Ч.	Названія.	Ч.	Названія.
	ГЕНВАРЬ.	11	Демидова С. Ал.
		12	Николай (иностранецъ).
1	Екатерина II.	13	Климовъ.
2	Поспѣловъ.	14	Куриковъ.
3	Ростъ.	15	Поповъ Вас. Ст.
4	Аксакова.	16	Корсаковъ Ив. Ник.
5	Лицына.	17	Лафонша.
6	Левашовъ.	18	Цыціянова.
7	Таптыковъ.	19	Танѣевъ.
8	Нестеровъ.	20	Селецкой.
9	Гривальдовы.	21	Бенедиктовъ.
10	Елагина.	22	Протасова Н. Иван.
11	Ізманъ.	23	Ржевская Ф. Ст.
12	Шуваловъ И. И.	24	Ржевской Ст. Мат.
13	Безобразова Полина.	25	Татищева М. Ст.
14	Станиславъ К. П.	26	Ребиндеръ.
15	Толстой Ф. М.	27	Визапуръ.
16	Бехтѣевъ.	28	Молчановъ Ник. Ан.
17	Ливенъ (Генеральша).	29	Крымовъ.
18	Нарышкина А. И.		
19	Строгановъ Гр. Ал. Серг.		**МАРТЪ.**
20	Строганова Гр. К. П.		
21	Херасковъ.	1	Голицынъ Кн. Серг. Мих.
22	Ширяевъ книгопродавецъ.	2	Шабанъ.
23	Шмицъ Докторъ.	3	Александръ (Протопопъ).
24	Бенкендорфъ.	4	Телѣгинъ.
25	Мальцова.	5	Остерманъ.
26	Апачинина.	6	Хованской.
27	Нарышкинъ П. П.	7	Сухтеленъ.
28	Николева.	8	Полубенской.
29	Ильинъ Артил. Ген.	9	Турчанинова.
30	Долгорукой (Крымской).	10	Копьевъ.
31	Марія Федоровна	11	Барятинская (Принцеса).
		12	Павелъ (Императоръ).
	ФЕВРАЛЬ.	13	Мартынова.
		14	Корсакова М. И.
1	Мелиссино.	15	Вакселева (Елеонора).
2	Горичъ.	16	Строгановъ Бар. Ал. Ник.
3	Цесаревичъ К. П.	17	Стахіевъ (Духовникъ).
4	Калерджи.	18	Варчъ (мамушка).
5	Тургеневъ.	19	Зубковъ В. Ник.
6	Юшкова.	20	Кашкарова.
7	Приклонской.	21	Алябьевъ.
8	Васильевъ Графъ.	22	Лопухина Пр. Ив.
9	Вилоклеръ (madame).	23	Балашевъ.
10	Таракановы.	24	Рябовъ.

Ч.	Названія.
15	Моисей (Архіерей).
16	Италіянецъ (учитель).
17	Голицынъ Кн. Н. Ал.
18	Дорофѣя (Игуменья).
19	Митлева.
20	Кошелева Вар. Ив.
21	Арбеневъ.
	АПРѢЛЬ.
1	Бромонтова (мама).
2	Аввакумъ (Архим.).
3	Аврамовъ Ст. Ст.
4	Страховъ (Профессоръ).
5	Герберъ (madame).
6	Капелева.
7	Constantin (madame).
8	Обухова.
9	Монестроль (Французъ).
10	Горшкова.
11	Брагина.
12	Евлампій (Архіерей).
13	Рахманова.
14	Рогавовской.
15	Бабарыкинъ.
16	Кирѣковъ.
17	Путчи (Италіянецъ).
18	Веверова.
19	Миклашевичева.
20	Хилковъ (Кн. М. П.).
21	Безобразова М. Ег.
22	Горчаковъ П. И.
23	Мамоновъ.
24	Тутолминъ.
25	Кокошкинъ.
26	Цвѣтаевъ.
27	Меньшикова.
28	Евгеній (Архіерей).
29	Одоевскія.
30	Лопухина Д. Н.
	МАЙ.
1	Филадельфи (иностранецъ).
2	Протасова Н. И.
3	Волковской К. М. Н.
4	Скавронской.
5	Волкова.
6	Берхова.
7	Совере (мой учитель).
8	Трубецкой К. С. Н.
9	Загоскины.
10	Сперанской.
11	Арсеньевъ.
12	Смирной (Протопопъ).
13	Смирная А. С.
14	Смирной С. С.
15	Алексѣй (Попъ).
16	Смирной Вл. Сав.
17	Алферова.
18	Гречищевъ (Протопопъ).
19	Дмитріевъ И. И.
20	Кашинцовъ.
21	Шенигъ (Лѣкарь).
22	Феоктистъ (Архіерей).
23	Клаверъ (Лѣкарь).
24	Хрущовъ.
25	Марковъ.
26	Самуилъ (Архіерей).
27	Чириковъ.
28	Ланская Пр. Ник.
29	Головина.
30	Неклюдовъ.
31	Жуковской.
	ІЮНЬ.
1	Воейкова.
2	Шаховская Кн. В. А.
3	Сипягинъ.
4	Строганова А. Б.
5	Долгорукой К. А. Я.
6	Власовъ.
7	Долгорукой Кн. Ю. В.
8	Дамаскинъ (Архіерей).
9	Неплюевъ Н. И.
10	Корсаковы (два брата).
11	Шереметева Пр. Серг.
12	Хилковъ Кн. М. Ем.
13	Проворовской.
14	Ефимовской.
15	Рукинъ.
16	Безобразова Н. Ал.
17	Некрасова.
18	Мордвиновъ.
19	Дидрихштейнъ.
20	Дюнантъ.
21	Плещеевъ.
22	Голицына Кн. П. А.
23	Короваева.
24	Врасскія.
25	Вальсъ.
26	Редькина.
27	Гаренъ.
28	Лопухинъ (Свѣтл.).
29	Симеонъ (Архіерей).
30	Оффренъ (актеръ).
	ІЮЛЬ.
1	Львова.
2	Ланской Д. С.

Ч.	Названія.
3	Серапіонъ Архіерей).
4	Шаликовъ. Кн. П. И.
5	Лапуновъ.
6	Улыбышева.
7	Несвицкая.
8	Великія Княжны.
9	Шапошниковъ.
10	Ришелье.
11	Пожарская (Пашета).
12	Нелидова.
13	Бобринская.
14	Шувалова Гр.
15	Долгорукой К. В. С.
16	Долгорукая К. Н. С.
17	Чемесовъ.
18	Рейхель (Профессоръ).
19	Молдаванка.
20	Тихомировъ.
21	Иванова.
22	Шатофоръ (мамзель).
23	Гагарина.
24	Жуковъ.
25	Яковъ (Священникъ).
26	Обрескова.
27	Могилевской.
28	Бурхартъ (актеръ).
29	Измайловъ.
30	Траубе.
31	Струйской.

АВГУСТЪ.

1	Сенъ-При (Принцъ).
2	Нелидовъ.
3	Волконской Кн. Г. С.
4	Яковлева.
5	Барсовъ (Профессоръ).
6	Платонъ (Митрополитъ).
7	Пушкинъ.
8	Лобановъ.
9	Классонъ.
10	Берхманъ (Акушеръ).
11	Политковской (Докторъ)
12	Леховой.
13	Шаховской.
14	Волконской Кн П М.
15	Леванда (Проповѣдникъ).
16	Августинъ (Архіерей).
17	Нелюбова.
18	Деманъ (Нѣмецъ).
19	Каковинская.
20	Полочанинов.
21	Полочанинова.
22	Салтыкова Гр. Д. П.
23	Нарышкина М. П.
24	Веревкинъ.
25	Лубяновской.
26	Карякина.
27	Шереметевъ Гр. Н. П.
28	Мансурова.
29	Ржевской Гр. П.
30	Горчаковъ Кн. А. Н.
31	Приклонская.

СЕНТЯБРЬ.

1	Ушакова.
2	Лаврентій (слуга).
3	Густавъ (Баровъ Шведской).
4	Моложениновъ.
5	Кутайсовъ.
6	Офросимовъ.
7	Барковъ.
8	Игельстромъ.
9	Голицынъ Кн. Б. Ст.
10	Николай Павловичъ (Великій Кн
11	Масоѣдовъ.
12	Лафермьеръ (иноземецъ).
13	Прокудина.
14	Еропкинъ П. Д.
15	Александръ I (Императоръ).
16	Хвостовъ.
17	Михаилъ Павловичъ (Великій Кн
18	Лопухинъ Ив. Влад.
19	Зловъ (актеръ).
20	Толстой.
21	Терентьичъ (дѣлька).
22	Вяземской Кн. Ан. Ив.
23	Актеры.
24	Колокольцовъ.
25	Чернышовъ.
26	Остолоповъ.
27	Воронцовъ А. Р.
28	Нектарія (баба моя).
29	Бабаевъ.
30	Мухановъ.

ОКТЯБРЬ.

1	Лопухинъ Ал. Вас.
2	Литта (Графъ).
3	Трубецкая Кн. В. А.
4	Похвиснева Акс. Люб
5	Пушкинъ (Графъ).
6	Трубецкая. (Кн.).
7	Панинъ Гр. П. К.
8	Изабе (Француженка).
9	Зонова Кат. Анд.
10	Брюсъ Гр. Як. Ал.
11	Волконская Кн. В. П.
12	Ланская Лив. Ив.
13	Посниковъ.

Ч.	Названія.
14	Мальтицъ.
15	Дицъ.
16	Брогліо (Графиня).
17	Побѣдинской.
18	Приклонской.
19	Головкинъ (Графъ).
20	Соковнинъ Серг. Петр.
21	Анджели.
22	Закревскія.
23	Павелъ (Архимандритъ).
24	Бортнянской.
25	Доброклонской.
26	Ксенофонтъ (Архіерей).
27	Дуровъ (Дурыломъ).
28	Бецкой Ив. Ив.
29	Пегелау (Докторъ).
30	Глѣбовъ.
31	Щербатовы.

НОЯВРЬ.

1	Вадковской Ф. И.
2	Вадковской Ф. Ф.
3	Болотникова.
4	Обольяниновъ.
5	Воейкова.
6	Фалькенштейнъ (Импер.).
7	Шульгина.
8	Бобровъ.
9	Ададуровъ.
10	Ашъ (Баронъ).
11	Анемона (Груша).
12	Бѣшенцова.
13	Курика.
14	Бибикова.
15	Бороздина.
16	Парфеній (Архіерей).
17	Салтыковъ А. В.
18	Самойловъ (Графъ).
19	Новосильцова.
20	Шумилова.
21	Венцъ (учитель).
22	Муравьевъ.
23	Лопухина Ал. Ал.
24	Турчанинова.
25	Салтыковы (Свѣтлѣйшія).
26	Кологривой.
27	Тавастъ (Шведъ).
28	Ізраилъ (Архимандритъ).
29	Хлопова.
30	Вяземской Кн. Ал. Ал.

ДЕКАВРЬ.

1	Строганова Нат. Мих.
2	Феттеръ.
3	Чеботаревъ (Профессоръ).
4	Долгорукая Кн. В. Н.
5	Гиршфельдъ (старѣйшина).
6	Машинька (служанка).
7	Рубецкая.
8	Кочубей (Министръ).
9	Гендрикова (Графиня).
10	Зиновьевъ.
11	Карамзинъ.
12	Бутенева.
13	Куракинъ Кн. Александръ Борис.
14	Куракинъ Кн. Алексѣй Борисовичъ.
15	Куракина Кн. Н. П.
16	Евгеновъ (Учитель).
17	Неплюевъ Ив. Ник.
18	Ступишинъ Ив. Ал.
19	Ступишина А. Д.
20	Потоцкой (Полякъ).
21	Синявская (актриса).
22	Сафонова
23	Филатьева.
24	—
25	Наталья Алексѣевна (Вел. Княгиня).
26	Яньковы.
27	Колобовъ (слуга мой).
28	Явицкой (писатель).
29	Козодавлевъ Ос. Петр.
30	Вельяминова Ан. Фед.
31	Куликовъ (дядька мой).

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

СЛАВЯНЕ ВЪ АНДАЛУЗІИ.

К. ШАЙНОХИ.

1. Древнія сношенія Славянъ съ Испаніей.

Тщетно стали бы мы искать у теперешнихъ Славянъ воспоминаній о дохристіянскихъ сношеніяхъ съ Андалузіей. Даже значеніе названія «Андалузія» нуждается въ настоящее время въ объясненіи. Такъ называлась въ средніе вѣка, собственно въ первой половинѣ ихъ, вся Испанія, занятая Арабами. Въ то же время были извѣстны и сношенія Славянъ съ Арабами, властвовавшими въ Андалузіи. Въ особенности отъ X вѣка осталось нѣсколько согласныхъ и чрезвычайно любопытныхъ свидѣтельствъ въ этомъ отношеніи.

Между 943 и 948 годами ученый Арабъ Массуди написалъ свое историческое сочиненіе: «Золотые луга и рудники драгоцѣнностей,» къ которомъ находимъ двукратное упоминаніе о Славянахъ въ Испаніи. Тамъ Массуди говоритъ: «Самый многочисленный Славянскій народъ Лузане. Онъ ведетъ торговлю даже въ Андалузіи, Константинополѣ и у Козаровъ.» Въ другомъ мѣстѣ читаемъ о бобрахъ, водящихся въ окрестностяхъ Кіева, откуда бобровые мѣха вывозились въ Андалузію. [1]

Самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ Арабскихъ Королей Испаніи или Халифовъ Кордовы былъ Абдельрахманъ III; [2] въ числѣ приворныхъ его сановниковъ находился умный Израильтянинъ Хасдай, который, въ 959 г., въ письмѣ къ Повелителю Козаровъ въ Азіи, между прочимъ писалъ, что у Халифа Абдельрахмана бываютъ послы отъ Греческаго и Нѣмецкаго Императоровъ и отъ Короля народа Габалимъ, «который принадлежитъ къ Славянамъ (il Sekalab).» Далѣе письмо Хасдая упоминаетъ о прибывшихъ въ то время послахъ отъ того же Славянскаго Короля, съ которыми пріѣхали тоже въ Кордову два Еврея. [3]

Объ этомъ же Халифѣ Абдельрахманѣ III узнаемъ отъ Арабскихъ писателей, что онъ принималъ также посольства отъ какъ

то Славянскаго Короля, именемъ Дуцу. Съ возвращающимся
сломъ Славянскаго Короля Абдельрахманъ отправилъ посла
Кордовы, какого-то (вѣроятно, Мозарабскаго) Епископа, Гуго
бія, возвратившагося изъ этой Славянской земли чрезъ два год

Но самое ясное упоминаніе о сношеніяхъ Славянъ съ А
бами въ Испаніи сдѣлано въ 976 г. Арабскимъ Имамомъ Эб
Гаукалъ, который, въ своей «Книгѣ путешествія,» разсказыва
«Земля Славянъ такъ велика, что доставляетъ рабовъ на Вост
въ Карасанъ и на Западъ въ Андалузію. Андалузцы закупаютъ
въ Галиціи, во Франціи, въ Ломбардіи и Калабріи, дѣлаютъ
евнухами, потомъ вывозятъ въ Египетъ и Африку. Всѣ Славян
евнухи, гдѣ бы они не были, происходятъ изъ Андалузіи. [5]

Хотя это извѣстіе кажется страннымъ, тѣмъ не менѣе
заслуживаетъ довѣріе. Нѣтъ недостатка въ иныхъ извѣсті
сильно подтверждающихъ первое. Эбнъ-Гаукалъ разсказыва
что Арабы получали Славянскихъ невольниковъ изъ Галиціи, Ф
ціи, Ломбардіи и Калабріи, а всѣ эти страны дѣйствительно
то время вели очень оживленный торгъ людьми съ Арабами.

Что касается Ломбардіи и Калабріи, т. е., всей Италіи (п
Ломбардіей въ то время понимали всю Италіянскую землю
альпъ до Рима), то въ ней занимались закупкой и вывозомъ
вольниковъ въ Андалузію преимущественно Венеціяне. Сама
ская столица служила имъ торгомъ для сбыта. Надъ Тибр
отбывались извѣстныя невольничьи ярмарки, о которыхъ, на
около 747 г., мы узнаемъ изъ жизни Св. Захарія, что они дос
ляли Венеціянамъ много невольниковъ, вывозимыхъ ими въ с
ны Сарациновъ. [6] Когда Папскіе и Императорскіе указы за
тили Венеціянамъ промышлять торговлею людьми въ главн
Италіянскихъ городахъ, они наверстали этотъ убытокъ ин
способомъ, и вошли въ сношенія съ многочисленной шайкой
саровъ на Адріятическомъ и Средиземномъ моряхъ. Корсары
силіемъ и дешевой покупкой брали невольниковъ со всѣхъ
сѣднихъ береговъ, а Венеціяне везли ихъ на продажу въ А
ку и Андалузію. [7] Не было береговъ болѣе изобильныхъ л
скими добычей и товаромъ, какъ побережье по Славянской
ронѣ Адріятическаго моря, гдѣ, еще въ XV в., процвѣтали т
значительные невольничьи рынки, какъ Дубровникъ. [8] По эт
вѣроятно большая часть невольниковъ, продаваемыхъ Мусулы
скимъ народамъ на Римскомъ, Венеціянскомъ и Корсарскомъ р
кахъ, состояла изъ Славянъ, которые даже по этому получ

въ этихъ странахъ особенное названіе Сервовъ, т. е., съ Латинскаго рабовъ, по тому что они были жертвой тяжелой неволи. [9]

Что касается Франціи, тамъ главными станціями Арабско-невольничьей торговли славились въ то время города Вердюнъ и Ліонъ. О жителяхъ перваго Епископъ Ліутпрандъ, въ 948 г., говоритъ, что они не только доставляли невольниковъ Сарацинамъ въ Испанію, но, для полученія большаго барыша, сами обращали ихъ въ евнуховъ. [10] Въ Ліонѣ занимались этой торговлей преимущественно Евреи, многократно обвиняемые въ этомъ предъ Королевской властью, въ особенности Ліонскимъ Архіепископомъ Агобардомъ (умеръ въ 840 г.). Сохранилось его письмо «О гнусности Еврейской,» изъ котораго видно, какъ много онъ терпѣлъ отъ Евреевъ и «Еврейскихъ друзей,» по тому что увѣщевалъ на проповѣдяхъ народъ не дозволять Евреямъ покупать и вывозить рабовъ къ Арабамъ въ Испанію. [11] Дорога изъ Испаніи на Ліонъ и Вердюнъ вела къ берегамъ Рейна и нижней Лабы, т. е., въ страны Славянскія, бывшія именно театромъ самаго сильнаго торга людьми. «Когда Чехи, говоритъ объ этомъ между прочимъ современный писатель, [12] продавали Польскихъ рабовъ и плѣнныхъ, когда около 1160 Поморяне продавали Полякамъ, Арабамъ и Чехамъ бѣжавшихъ и искавшихъ у нихъ пріюта Ободритовъ, это была настоящая торговля Славянскими сыновьями и дочерьми. Мать Болеслава Кривоустаго, Королева Юдиѳь (умерла въ 1085 г.), по мѣрѣ возможности, выкупала Христіанъ изъ Еврейской неволи; ибо Евреи въ Польшѣ, пока могли, пользовались этимъ и торговали людьми.» Если извѣстный Нѣмецкій лѣтописецъ, Титмаръ, жившій во времена Эбнъ-Гаукала, употребляетъ, говоря о жителяхъ разореннаго войной поселенія, въ видѣ пословицы: «Разсыпались, какъ Славянская семья, которая идетъ въ разныя стороны на продажу, въ рабство,» то есть основаніе признать несомнѣннымъ, что одна изъ этихъ разныхъ сторонъ была дорога въ Вердюнъ и Ліонъ въ Испанію. Тутъ именно приходятъ на память тѣ два Еврея Хасдая, сопутствовавшіе посольство Славянскаго Короля Гебалимовъ къ Абдельрахману III, и едва ли не съ тѣмъ самымъ товаромъ, которымъ торговали Евреи съ Польской Королевой Юдиѳью и Еврейскіе торговцы людьми изъ Ліона.

Наконецъ Арабы получали нашихъ невольниковъ изъ Галиціи, т. е., съ морскихъ береговъ въ сѣверозападномъ углу Испаніи. Туда издавна плавали торговые корабли извѣстнаго народа, который былъ не только сосѣдомъ Славянъ, но даже очень долго

повелителемъ странъ, лежащихъ вдоль береговъ Балтійскаго
ря, т. е., Норманновъ. Уже въ 827 г. эти воинственные корс
появились у береговъ Галиційскихъ и Португальскихъ; а и
стно, что началу военныхъ Норманскихъ нашествій на извѣст
страны предшествовали посѣщенія ихъ торговыхъ судовъ, к
рыя, возвратившись на Сѣверъ, привозили первыя извѣстія о
гатствѣ посѣщенной страны и давали первое побужденіе къ
оруженному набѣгу. Принявъ въ соображеніе, что главнымъ
говымъ предметомъ Норманскихъ набѣговъ были невольники
припомнивши тѣ многочисленныя торжища рабовъ, которыя,
свидѣтельству Гельмольда, бывали до послѣдняго времени у
вянскихъ береговъ Балтійскаго моря, мы не будемъ удивлят
какимъ образомъ Андалузцы могли встрѣчать Славянъ въ
лиціи.

Въ самомъ дѣлѣ, они встрѣчались во всѣхъ странахъ и
всѣхъ дорогахъ, которыми Эбнъ-Гаукалъ въ такомъ огром
числѣ препровождаетъ ихъ въ Испанію. Видя Славянскихъ нев
никовъ, прибывающихъ, съ одной стороны, съ Востока, изъ
бардіи и Калабріи, съ другой стороны съ Запада и Сѣвера,
Галиціи, Гаукалъ имѣлъ право удивляться обширности стра
которая доставляла на разные концы свѣта своихъ рабовъ.
поводу такой распространенности современной Славянской н
ли, Веніяминъ изъ Туделы, еще въ XII в., называлъ страны в
Славянскихъ народовъ страной Ханаанъ, «по тому что жители
продаютъ своихъ сыновей и своихъ дочерей всѣмъ народамъ,
а Веніяминовымъ свидѣтельствомъ можно повѣрить свидѣтель
Эбнъ-Гаукала о многочисленности Славянскихъ рабовъ въ И
ніи, по тому что Веніяминъ былъ, по мѣсту жительства, Испанц
по рожденію Евреемъ, и по тому союзникомъ главныхъ торгов
людьми.

Слѣдовательно, не ощущается недостатка въ разнообразн
указаніяхъ, поясняющихъ извѣстіе Ебнъ-Гаукала. И даже бо
нѣтъ недостатка въ подробныхъ свѣдѣніяхъ о судьбахъ, кото
встрѣтили вывезенныхъ въ Арабскую неволю, въ Испанію,
вянъ въ теченіи многихъ вѣковъ. Эти судьбы сначала были
видными, позднѣе становились лучшими и наконецъ сдѣла
необыкновенно блестящими и великими. Объ нихъ говорятъ А
скіе писатели, описывающіе исторію Мавровъ въ Испаніи.
современники или близкіе къ этому времени, до сихъ поръ не
данные и недавно сдѣлавшіеся извѣстными. Впрочемъ, ихъ изуч

начиная съ прошлаго столѣтія, Европейскіе ученые, а въ особенности Мадридскій Библіотекарь Казири и Англичанинъ Мёрфи. Первый въ 1760 г. издалъ въ Мадритѣ сочиненіе «Bibliotheca Arabico-Hispana Escurialensis,» послѣдній въ Лондонѣ въ 1816 г. выпустилъ въ свѣтъ свою исторію владычества Магометанъ въ Испаніи: «History oft he mahometan empire in Spain,» главнымъ образомъ основанную на источникахъ Казири. Эти два труда заключаютъ въ себѣ извѣстія и извлеченія изъ Арабскихъ лѣтописцевъ Испаніи, богатыя свѣдѣніями о Славянахъ въ этой странѣ, но объ общемъ богатствѣ исторической Арабской литературы не даютъ полнаго понятія. Только въ 1820 г. вышло въ Мадритѣ болѣе полное въ этомъ отношеніи сочиненіе І. А. Конде, подъ названіемъ: Исторія владычества Арабовъ въ Испаніи, «Historia de la dominacion de los Arabes en Espana, sacada de varios manuscritos y memorias Arabigas,» переведенное на Нѣмецкій языкъ Ручманомъ въ Карлсруе въ 1825 г. Представляя въ первый разъ въ обширныхъ размѣрахъ и почти словами Арабскихъ историковъ, исторію Мавровъ въ Испаніи, Конде соединилъ много данныхъ о нашихъ Славянахъ въ Андалузіи. По заключающимся въ его сочиненіи Арабскимъ сказаніямъ, а также по прежнимъ отрывкамъ Казири, [1] составленъ ниже слѣдующій очеркъ:

2. Славянская стража въ Кордовѣ.

Самое древнее упоминаніе о пребываніи Славянъ въ Испаніи относится ко времени Эмира или Царя Гакема I, управлявшаго Испанскими Арабами съ 796 по 822 послѣ Р. Х. Въ сочиненіи Конде о немъ встрѣчаемъ слѣдующее: [2] «Царь Гакемъ завелъ придворную стражу, состоящую изъ 5,000 вооруженныхъ людей, въ числѣ которыхъ было 3,000 Мозарабовъ и 2,000 Славянъ. Онъ содержалъ также много евнуховъ внутри дворца.»

Это было спустя сто лѣтъ послѣ завоеванія Испаніи Арабами, и пятьдесятъ лѣтъ послѣ вступленія на престолъ знаменитой династіи Омеевъ, владѣвшихъ прежде великимъ Восточнымъ Халифатомъ въ Багдадѣ. Гакемъ I или полнымъ именемъ Аль Гакемъ-бенъ-Гишемъ-Абуласи былъ третьимъ Арабскимъ Царемъ изъ династіи Омеядовъ, и извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ монарховъ своей династіи. Стараясь придать новому Государству большую силу и блескъ, Гакемъ особенно ознаменовалъ себя пополненіемъ недостававшихъ порядковъ Восточной придворной

жизни. Примѣняясь къ ней, необходимо было окружить себя
гочисленными толпами невольниковъ, предназначенныхъ услу
вать и охранять Монарха. Дворъ Аль Гакема-бенъ-Гишема дѣйс
тельно наполнился такимъ числомъ слугъ-невольниковъ, как
по выраженію Арабскихъ лѣтописцевъ, «не содержалъ предъ т
ни дѣдъ его, ни отецъ.» Явилась многочисленная придворная с
жа, явилась толпа евнуховъ. Придворная стража получала жа
ванье и раздѣлялась на два отдѣла: одинъ состоялъ изъ ко
цы и стоялъ станомъ въ примыкающихъ къ аль казару или
скому дворцу казармахъ и насчитывалъ у себя 3,000, такъ на
ваемыхъ, Мозарабовъ, т. е., прежнихъ Андалузскихъ Христі
переродившихся, подъ владычествомъ Арабовъ, чаще всего от
пенцевъ. Второй отдѣлъ несъ службу пѣшую, помѣщался вн
аль казара и состоялъ изъ 2,000 невольниковъ, купленныхъ въ
лекихъ странахъ и исполнявшихъ также при Царской особѣ д
цовую службу.

Послѣдніе-то и были наши Славяне. Этотъ отдѣлъ Араб
лѣтописцы постоянно называютъ: «Славянской стражей,» С
нами, или, по Арабскому произношенію, «Секлабами или Саклаба
Въ Арабскихъ извлеченіяхъ у Казири это названіе имѣетъ
форму «Скалабъ, Скалаби,» съ Латинскимъ окончаніемъ «Scalab
Scalabitae.» Причину этого указываетъ самъ издатель, жалуясь
предисловіи къ своему сочиненію, что въ изучаемыхъ имъ А
скихъ рукописяхъ нерѣдко нѣтъ гласныхъ, [16] по чему онъ при
денъ былъ употреблять ихъ произвольно и, не имѣя еще пр
той обычаемъ дороги, Казари держался общеупотрибительно
средніе вѣка Латинской формы «Sclavi или Sclabi,» а вмѣсто
рѣшняго чтенія «Saklab» читалъ «Skalab.» Впрочемъ, ученый Мад
скій Библіотекарь зналъ, кто были называемые такимъ име
чужестранцы, по тому что, на 206 стр. II-го тома, самъ добавл
объясненіе: «Скалаби—это Илирцы, называемые повсемѣ
Славянами, которые въ то время несли военную службу въ И
ніи.» [17] Ни одному также позднѣйшему писателю не пришли
сли считать нашихъ Скалабовъ инымъ народомъ, а новѣйшіе
ователи Арабскихъ лѣтописей, Мёрфи, Конде и другіе, поль
щіеся ими писатели, какъ Ашбахъ, въ своей «Исторіи Омеядо
и Гаммеръ Пуркшталь, въ «Галереѣ жизнеописаній извѣстнѣйш
Мусульманскихъ Монарховъ,» отбрасываютъ совершенно Араб
форму и пишутъ обыкновенно: «Славяне, Sclavonians, Slaves, Sl
Slavonier.»

Кромѣ обязанности придворной стражи, Славяне въ Кордовѣ несли еще службу евнуховъ, въ число которыхъ такъ много Славянскихъ невольниковъ въ Андалузіи предназначалъ Эбнъ-Гаукалъ, т. е., вообще обязанность Царскихъ придворныхъ служителей. Въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ Арабскихъ сказаній у Конде, упоминаніе о 2,000 Славянъ придворной стражи Царя Гакема имѣетъ непосредственную связь съ упоминаніемъ о многочисленности евнуховъ внутри Царскаго дворца, а извѣстіе Ебнъ-Гаукала о чрезмѣрномъ количествѣ Славянскихъ евнуховъ въ Испаніи даетъ намъ увѣренность, что и евнухи Конде были въ значительной части Славянами. По позднѣйшимъ Арабскимъ свидѣтельствамъ у Казари число Славянъ евнуховъ на столько было значительно, что слова «Славянинъ» и «евнухъ» были почти равнозначащи. По этой причинѣ вмѣсто: «одинъ изъ евнуховъ убилъ Царя Али,» говорили: «одинъ изъ Славянъ убилъ Али.» [18] Вмѣсто: «много Славянъ за это было распято,» Арабскіе лѣтописцы пишутъ: «много евнуховъ было наказано смертью;» [19] вмѣсто: «Вадга, начальникъ Славянскихъ слугъ,» читаемъ: «Вадга, начальникъ евнуховъ» [20] и т. д. Справедливо ли, или нѣтъ, но названіе евнуховъ перешло на всю Славянскую стражу, извѣстную подъ этимъ Восточнымъ именемъ, какъ у древнихъ Арабскихъ писателей, такъ и современныхъ Христіянскихъ. Въ слѣдствіе этого оріенталистъ Гербелотъ, вмѣсто того, чтобы сказать, по примѣру Конде, что въ Славянской стражѣ Царя Гакема служило 2,000 Славянъ, считаетъ въ ней 2,000 евнуховъ; [21] извѣстная же позднѣе междоусобная война придворной стражи Славянской съ Африканской названа Арабскимъ лѣтописцемъ, Ангоманди, войной евнуховъ съ Берберами. [22] Съ этимъ, впрочемъ, соглашаются современные передѣлыватели Арабскихъ сказаній, употребляя, какъ Ашбахъ: «Славянскіе евнухи придворной стражи,» [23] или какъ Гаммеръ Пургшталь: «начальникомъ Славянской стражи евнуховъ.» [24]

Вѣроятно, въ слѣдствіе того, что какъ Славяне въ стражѣ, такъ и въ придворныхъ служителяхъ, [25] были равно невольниками, купленными вмѣстѣ съ другими Славянскими рабами, которыхъ къ Эбнъ-Гаукалу разсылали изъ Андалузіи въ разныя страны, дано было имъ одно общее названіе. Одинъ Арабскій писатель говоритъ, что такъ какъ наши Славяне въ Кордовѣ не понимали языка Мусульманъ, ихъ называли «нѣмыми,» по Арабски «al charas.» [26] Извѣстный же Нѣмецкій оріенталистъ, Гаммеръ Пургшталь, считаетъ это справедливымъ возмездіемъ за называніе Славянами Тев-

гонавъ также «нѣмыми» или «Нѣмцами.» [27] Другой Арабскій писа
называетъ нашихъ Андалузскихъ Славянъ «чужестранцами
Востока,» [28] что по географическому положенію Славянскихъ стр
на нижнемъ Дунаѣ, или Вислѣ, и Днѣпрѣ, по отношенію къ Пи
нейскому полуострову, совершенно справедливо. Даже есть сл
по которымъ можно подробнѣе обозначить родину нѣкотор
Славянъ въ Испаніи. Сохранилось извѣстіе объ одномъ изъ
менитыхъ Славянскихъ начальниковъ, о которомъ будетъ рѣчь
бо, что онъ былъ родомъ изъ Далмаціи. [29] Одинъ изъ новѣйш
писателей [30] многихъ Славянъ изъ стражи позднѣйшаго Хал
Абдельрахмана III выводитъ изъ Славянскихъ странъ, подчи
ныхъ Уграмъ, странъ, которыя были дѣйствительно непосл
нимъ мѣстомъ торговли людьми въ тѣ времена. Отсюда шли г
нымъ образомъ двѣ торговыя дороги, по которымъ Великомо
скіе невольники могли попасть наконецъ въ Испанію. Одна
на западъ, къ Франціи, тоѣ Баварской границей, гдѣ указы
мецкаго Короля, Людовика, 906 года, освобождали торговлю
равскими рабами отъ всякой пошлины; [31] другая вела на
къ Венеціи, съ которой Угры, съ перваго времени своего
шествія на Великую Моравію, постоянныя поддерживали сно
нія. Изъ Франціи же и Венеціи открывался бѣднымъ Моравск
«Хананитамъ» далеко болѣе удобный путь къ Арабамъ въ И
довѣ, нежели назадъ на родину. Впрочемъ, на Галиціійскіе ры
прибывалъ Славянскій невольникъ правдоподобнѣе всего изъ
лицъ надъ Лабой, откуда подвозилъ его Арабамъ въ Испаніи
Нѣмецъ, дорогой на Вердюнъ, или Норманскій купецъ, моремъ в
береговъ Франціи.

Самое время перваго появленія Славянъ въ Испаніи со
суется съ извѣстными изъ другихъ источниковъ событіями, к
рыя могли повліять на это явленіе. Установленіе Славянской с
жи и евнуховъ Царемъ Аль Гакемомъ I совершилось между 79
822 годами, и въ это же время начались въ Славянскихъ стра
самыя страшныя завоеванія и торговля людьми. Ибо послѣ 74
когда на рынкахъ въ Римѣ публично покупались невольники
вывоза къ Арабамъ, чрезвычайно усилилась корсаро-Венецкая
говля людьми вдоль Славянскихъ прибрежій Адріятическаго
ря. Въ 789 г. начались первые военные набѣги Франковъ и Б
цевъ на Славянъ по Лабѣ, соединенные всякій разъ съ
неніемъ въ огромномъ числѣ Славянъ въ рабство. Наконецъ
это же время у западныхъ береговъ Испаніи начали появля

судна Норманскихъ торговцевъ людьми, безошибочные предвѣстники близкихъ военныхъ вторженій.

Со временъ Аль Гакема I нѣтъ никакихъ извѣстій въ теченіи многихъ лѣтъ о Славянахъ въ Кордовѣ; но что они были при дворѣ, доказывается ниже слѣдующимъ извѣстіемъ, современнымъ Царю Абдаллѣ и относящимся къ 888—912 г., которое изображаетъ ихъ вооруженіе и достойную похвалы любовь, какой они пользовались у народа:

«Когда Абу-Отманъ сложилъ съ себя званіе Визиря,» говоритъ Арабскій разсказъ, Царь Абдалла поставилъ его начальникомъ надъ своей Славянской стражей, состоявшей изъ однихъ чужестранцевъ съ Востока. Они были въ большемъ почтеніи и отличались внѣшнимъ видомъ и обычаями, испытаннымъ мужествомъ и вѣрностію. Славяне несли службу внутри дворца, и каждый изъ нихъ былъ вооруженъ мечомъ, щитомъ и бердышемъ.»

Абдаллѣ наслѣдовалъ тотъ Абдельрахманъ III или полнымъ именемъ Абдельрахманъ-бенъ-Магометъ-бенъ-Абдалла-Аназиръ-Лединалла, который принималъ посольства отъ Короля Славянскихъ Гебалимовъ и отъ Славянскаго Князя Дуцу, знаменитѣйшій изъ Арабскихъ Властителей Испаніи. Онъ первый изъ Эмировъ или Царей своего дома принялъ титулъ Халифа, который Латинскіе лѣтописцы переводятъ словомъ «Царь.» Многочисленныя посольства разныхъ современныхъ Государей къ его престолу, сохранившіяся до сихъ поръ развалины построенныхъ имъ зданій, оставшіяся рукописи поддерживаемой имъ Арабской литературы, свидѣтельствуютъ о необычайномъ блескѣ его вѣнца. Царствуя, съ безпримѣрной пышностью, 50 лѣтъ (отъ 912 по 961), Абдельрахманъ расширилъ и утвердилъ всѣ наслѣдованныя установленія своего Царства. Испытала это и заведенная Аль Гакемомъ I Царская стража, въ особенности Славянская. Вся придворная стража теперь состояла изъ 12,000 человѣкъ, въ трехъ отдѣлахъ, изъ трехъ народностей, т. е., изъ Славянъ, Андалузскихъ Мозарабовъ и Африканскихъ Мавровъ или Зенетовъ. Какъ эти два послѣдніе отдѣла, такъ и Славянскій, при Абдальрахманѣ достигли до 4,000 чел. [32] По другимъ извѣстіямъ этотъ Халифъ содержалъ при своемъ дворѣ всего 6,087 Славянъ. [33] Быть можетъ, предыдущее число четыре тысячи означало только роту Славянъ, служащихъ въ придворной стражѣ, остальные же 2,087 исполняли обязанность слугъ при особѣ Халифа. На всякій случай, какъ Славянскіе слуги, такъ и Славянская стража, наполнявшая внутренность

альказара, постоянно окружали Царя, и по этому пользовали большею довѣренностію и благосклонностію, нежели другіе д отдѣла, конные Мозарабы и Африканцы.

Въ такомъ близкомъ положеніи къ престолу видимъ мы Сл вянскую стражу при Абдельрахманѣ III, около 949 года, во вр мя торжественнаго принятія посольства Византійскаго Императ ра, а также и на другой день послѣ смерти этого Халифа, въ 9 году, при возведеніи на престолъ его наслѣдника, Аль Гакема II. особенности эта послѣдняя сцена, разсказываютъ Арабскіе исто ники, [34] совершилась чрезвычайно торжественно: «Сидящаго престолѣ Государя окружали братья, дяди и начальники придво ной стражи, какъ Славянской, такъ Андалузской и Африканско Предъ престоломъ стоялъ Гадзибъ, вмѣстѣ съ Визирями. Славянск стража, построенная въ двѣ ширинги, съ обнаженными меча въ одной рукѣ и съ огромными щитами въ другой, занимала п лукругомъ всю залу. За ней стояли, также въ двѣ ширинги, раб Негры въ бѣлой одеждѣ съ топорами въ рукахъ. На дворѣ пре дворцомъ стояли другіе отдѣлы стражи, т. е., Андалузскій Африканскій, въ дорогихъ одеждахъ и оружіи. Остальную час площади наполняли бѣлые рабы, съ обнаженными мечами въ р кахъ.»

Но придворная служба въ Кордовѣ представляла случай С вянамъ не только присутствовать при подобныхъ торжества Пользуясь милостію Халифовъ и стеченіемъ благопріятныхъ обст ятельствъ, нѣкоторые изъ нихъ, при наслѣдникахъ Аль Гакема въ началѣ XI вѣка, достигли самаго почетнаго придворнаго зван т. е., званія Гадзиба, равнозначащаго въ Кордовѣ первому Мин стру въ дѣлахъ мира и войны. Иные пошли еще дальше и, пол зуясь страшной междоусобной войной, раздѣлившей въ то вре Царство Омеевъ на мелкія владѣнія, сдѣлались совершенно нез висимыми владѣтелями въ нѣсколькихъ отдѣлившихся частя Прежде всего поговоримъ о Гадзибахъ.

3. Гадзибы или Славянскіе Министры Двора.

Такихъ Славянскихъ Министровъ Двора при разныхъ Царя было пять: Вагда, Гайранъ, Ная, Разыкаля и Секанъ. Преж подробнаго описанія ихъ судебъ, необходимо сдѣлать нѣсколько о щихъ замѣчаній.

Мы видѣли, въ приведенномъ выше примѣрѣ Абу-Отмана, ч

начальство надъ Славянской стражей въ Кордовѣ доставалось иногда въ руки природныхъ Арабовъ. Поименованные здѣсь Славянскіе начальники не принадлежатъ къ ихъ числу. О послѣднихъ Арабскіе источники говорятъ всегда съ яснымъ обозначеніемъ: «Аль Саклабъ,» у Казири вездѣ «Scalabaeus,» Славянинъ, какъ, на пр. «Вадга Славянинъ, Гайранъ Славянинъ, Ная Славянинъ» и т. п., Чуждое происхожденіе облегчило имъ больше всего ту роль, въ какой извѣстны они въ Андалузской Испаніи. Будучи «нѣмыми» чужестранцами, безъ роду и связей, они возбуждали въ Халифахъ болѣе довѣрія и, употребляемые въ важныхъ и щедро вознаграждаемыхъ случаяхъ, имѣли основаніе отплачивать имъ вѣрностію и самоотверженіемъ. Всѣ Славянскіе Гадзибы отличались особенною привязанностію къ дому Омеевъ, и только послѣ совершеннаго паденія его осмѣливались присвоивать себѣ отдѣльныя части бывшихъ ихъ владѣній.

Желая составить себѣ болѣе ясное понятіе о такихъ, удостоиваемыхъ почестей, начальникахъ Славянской стражи, нужно припомнить другія въ этомъ родѣ придворныя стражи Востока, составлявшіяся также изъ купленныхъ, или взятыхъ силою, людей, потомъ полновластныхъ при дворѣ своихъ повелителей, какъ, на пр. Мамелюки въ Египтѣ, Яничары въ Стамбулѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе, пополнялись постояннымъ наплывомъ рекрутъ изъ взятой въ рабство Черкеской и Христіянской молодежи, которую, при зачисленіи въ ряды стражи, обращали въ Магометанскую Вѣру и давали другое имя. Такимъ же способомъ подкрѣплялись и Славяне въ Кордовѣ постояннымъ прикупомъ Языческой а, вѣроятно, и Христіянской, молодежи изъ разныхъ Славянскихъ странъ. Новые солдаты или слуги альказара принимали, по принужденію, или добровольно, Вѣру Ислама, надѣвали Мусульманскую одежду, усвоивали себѣ обычаи новой родины. Прежнее родное имя или уступало мѣсто новому, Магометанскому, или же искажалось въ устахъ и рукописяхъ Арабскихъ. И не удивительно по этому, что имена нашихъ Славянскихъ Гадзибовъ не согласуются съ чисто Славянскими звуками, также какъ и они сами, подъ своей Восточной чалмой, при знакахъ своего Восточнаго достоинства, казались съ виду скорѣе природными Мусульманами, чѣмъ Славянами.

Впрочемъ, не изъ однихъ только рядовъ стражи могли выходить Славянскіе Намѣстники Халифовъ. Началомъ ихъ повышенія бывала иногда простая должность слуги-невольника въ Царской спальнѣ. Если бы даже кто ни будь изъ позднѣйшихъ Славянскихъ

Намѣстниковъ началъ этой службой евнуха, въ которой, по сви
тельству Эбнъ-Гаукала и другихъ, было такъ много Славянъ
Кордовѣ, не слѣдовало бы удивляться этому. Многіе изъ славя
шихъ витязей Магометанскаго Востока были прежде евнуха
Даже въ самой Христіянской Византійской Имперіи евнухи у
ли иногда потрясти Царскій престолъ, а Евтропій при Аркадіѣ, Х
санеій при Ѳеодосіѣ и его сестрѣ, Пульхеріи, Нарзесъ при Ю
тиніянѣ, получили столь же громкое имя въ Греческой исто
какъ и Славянскіе Гадзибы въ Арабскихъ лѣтописяхъ. Выход
ли такой, окруженный почестями, нашъ соплеменникъ первонач
но изъ круга придворныхъ евнуховъ или изъ рядовъ придвор
стражи, во всякомъ случаѣ онъ опирался, при достиженіи план
своего тщеславія, на вооруженную силу своего племени, им
въ ней готовую помощь, и наконецъ всегда считался предводи
лемъ Славянской стражи.

Тѣсно держась другъ друга, Славяне умѣли усилиться
союзомъ съ извѣстной сильной партіей въ странѣ. Это были, т
называемые, сторонники Аламеридовъ, состоящіе изъ членов
друзей рода могущественнаго Гадзиба Алманзора. Начинавш
съ этого времени упадокъ дома Омеядовъ проявился главн
образомъ тѣмъ, что новый, съ 976 г., Халифъ Кордовы, Гишем
прежде по малолѣтству, послѣ отдавшись сладострастному уе
ненію въ садахъ своего альказара, не занимался вовсе дѣл
правленія, но предоставилъ ихъ совершенно Гадзибу Альманз
Правда, это не вредило ни сколько Государству, такъ какъ Г
зибъ Мугаметъ-бенъ-Аби-Абдалла-бенъ-Аби-Амеръ-Альманзаръ
тался однимъ изъ заслуженныхъ мужей Мусульманской И
нія и придалъ великій блескъ долгому царствованію Гишема пя
десятью побѣдоносными битвами съ Христіянами и тщательнос
ботливостію о развитіи наукъ, въ особенности основаніемъ с
ной Академіи наукъ и искуствъ въ Кордовѣ. Его окружали
гочисленные почитатели, сторонники, родственники, котор
называли вездѣ Аламеридами, [36] отъ имени прекрасныхъ са
Аламеріи, подаренныхъ Альманзору Халифомъ Гишемомъ и слу
шихъ обычнымъ мѣстомъ семейныхъ, ученыхъ и дипломатичес
собраній. Какъ друзья вѣрнаго Омеядамъ Гадзиба, отличались
мериды доброжелательствомъ этому дому и тѣмъ привлекл
себѣ также вѣрныхъ Омеямъ Славянъ.

Но иные думаютъ, что еще болѣе тѣсная связь была ме
Альманзоромъ и Славянами. Нѣкоторые новѣйшіе писатели г

рятъ, не указывая, впрочемъ, источника, что Альманзаръ первый завелъ Славянскую стражу въ Кордовѣ. [37] Названіе же партіи Аламеридовъ, которое съ тѣхъ поръ придавали и Славянамъ, происходило будто бы отъ имени рода Альманзара, Алмеръ, по Арабски Аламеръ. Имѣя положительныя свѣдѣнія, что Славяне болѣе 150 лѣтъ уже служили при дворѣ Андалузскихъ Царей, мы не можемъ себѣ иначе объяснить извѣстія о заведеніи Альманзаромъ Славянской стражи, какъ тѣмъ, что Альманзаръ значительно ее увеличилъ. Какъ бы то ни было, Славяне имѣли уже значительную силу при дворѣ въ Кордовѣ, а, соединившись съ сторонниками Альманзара, обыкновенно получали и ихъ названіе. По этой причинѣ «Аламериды и Славяне,» «Славяне и Аламериды,» повторяется на каждой страницѣ Арабскихъ сказаній; почти всѣ Славяне носятъ прозвище Аламеридецъ, «El Alameri;» даже встрѣчается выраженіе: «Аламеридскіе Славяне.»

Въ силу заслугъ всесильнаго Гадзиба Альманзара наслѣдовалъ отцовское званіе его сынъ, Абдель-Меликъ (1002 г.), который такъ блестяще поддерживалъ значеніе дома, что, послѣ быстро послѣдовавшей его смерти (1008), намѣстничество перешло, какъ бы по наслѣдству, въ руки второго сына Альманзара, по имени Абдельрахмана. Но послѣдній оказался человѣкомъ неспособнымъ и легкомысленнымъ, а Царь Гишемъ не умѣлъ ни замѣнить его инымъ, ни управлять своей рукой Государствомъ. Въ слѣдствіе этого дѣло дошло до народныхъ волненій, во главѣ которыхъ сталъ Мугамедъ-Абдельджябаръ, дальній родственникъ Омеевъ. Произошло возстаніе подъ начальствомъ Мугамеда: Абдельрахманъ погибъ на крестѣ въ занятой возставшими Кордовѣ, Мугамедъ сдѣлался Гадзибомъ (1009 г.). Послѣдующіе его замыслы вывели на позорище перваго изъ Славянскихъ Гадзибовъ, Вадгу, за которымъ послѣдовали по очереди Гайранъ, Ная и другіе. Вмѣшательство Славянъ подъ ихъ начальствомъ во внутреннія неурядицы страны пріобрѣло съ тѣхъ поръ такой вѣсъ, что одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей Андалузской исторіи, описывая, въ особомъ отдѣлѣ, относящіяся къ этому времени событія, даетъ ему заглавіе: «Андалузскія, Аламеридскія, Славянскія и Африканскія партіи.» [38] Въ особенности же исторія Гадзиба Вадги представляетъ роль Славянъ, въ числѣ другихъ партій, въ свѣтѣ пріязненномъ, въ высочайшей степени безкорыстномъ, и принятой единственно для блага любимой династіи Омеядовъ, роль, полную человѣколюбія и самопожертвованія.

4. Гадзибъ Вадга. ''

Присвоеніе Мугамедомъ-Абдельджаборомъ сана Гадзиба в звало длинный рядъ внутренныхъ войнъ, которыя въ значите ной степени были только борьбой разныхъ отдѣловъ придворн стражи. Славянскій отдѣлъ держалъ теперь сторону угнетенна дома Альманзара, Мугамедъ покровительствовалъ и распоряжал Андалузскимъ отдѣломъ; новый Гадзибъ началъ преслѣдов всѣми способами Африканцевъ. Такая же судьба ожидала само Царя Гишема. Мугамедъ рѣшился отнять у него престолъ и жиз и распустилъ прежде всего слухъ о тяжелой болѣзни Царя. Х да, какъ мало населеніе Кордовы заботится о здоровьи своего Х лифа, Мугамедъ немедленно приступилъ къ совершенію убійст Уже хотѣли убить Гишема, когда объ этомъ узналъ Славян Вадга, называвшійся еще иначе «Вадгегъ» или «Вазигу,» '' прозв щемъ «El Alameri» или «Al Saklab.» '' Это былъ Смотритель Слав скихъ придворныхъ слугъ Гишема, '' чрезвычайно привязанн къ своему господину. Тронутый судьбою Халифа, онъ обратил къ Гадзибу Мугамеду съ представленіемъ, какъ неумѣстно бы бы убійство Гишема.» Къ чему пятнать себя кровью несчастна сказалъ онъ Мугамеду, если и безъ этого ты можешь дост своей цѣли? Достаточно заключить Гишема на всю жизнь въ т ницу. Я самъ укажу удобныя для этого средства.»

Мугамедъ-Абдельджабаръ послушался совѣта преданнаго С вянина. '' Ночью схватили какого-то несчастнаго человѣка, Христіянскимъ лѣтописцамъ Христіянина, '' очень похожаго Царя и, задушивши, положили въ Царскую постель. Гишемъ тѣмъ временемъ былъ тайно увезенъ изъ дворца и подъ строгі присмотромъ помѣщенъ въ домѣ одного преданнаго Визиря. Въ же время было распущено ложное извѣстіе объ увеличивающей опасности отъ болѣзни Царя, потомъ о назначеніи имъ Мугам наслѣдникомъ, наконецъ о смерти Халифа. Мнимый Гишемъ бы положенъ во гробъ и погребенъ съ чрезвычайной пышност Мугамедъ-Абдельджабаръ вступилъ на престолъ Омеевъ, присво себѣ, какъ новый Халифъ, прозвище «Моэди-Биля,» т. е., ус рителя (1009 г.).

Первымъ шагомъ его правленія было повелѣніе удалить и города повсемѣстно нелюбимую Африканскую стражу. Оказани ею сопротивленіе вызвало кровавое столкновеніе, въ которо

Андалузскій отдѣлъ, вмѣстѣ съ городскими жителями, вытѣснилъ Африканцевъ изъ Кордовы. Но за стѣнами города побѣжденные соединились и избрали себѣ вождемъ нѣкоего Сулеймана, который отвелъ разбитыхъ къ Христіянскимъ границамъ, гдѣ къ нимъ присоединились подкрѣпленія отъ Графа или по Арабски «Кастильскаго Короля,» Санкція. Халифъ Мугамедъ-эль-Могди, во главѣ Андалузской стражи, долженъ былъ выйти въ поле противъ соединенныхъ силъ непріятеля, и былъ совершенно разбитъ. Сулейманъ, со своими Африканцами и Христіянскимъ отдѣломъ подкрѣпленія, подошелъ къ воротамъ оставленной столицы (1008 г.).

Тамъ начальствовалъ теперь Славянинъ Вадга. Изо всѣхъ отдѣловъ придворной стражи большей любовью у народа, кажется, пользовались Славяне. Послѣ изгнанія Африканцевъ и удаленія Андалузской стражи съ Халифомъ Мугамедомъ, они получили главное начальство въ городѣ. Не имѣя, однако, достаточно силъ, Славяне не хотѣли сопротивляться побѣдившимъ союзникамъ. Самъ Вадга склонилъ горожанъ подчиниться временному натиску обстоятельствъ: завязались переговоры между Сулейманомъ и Вадгой, въ силу которыхъ жители обязались оттворить городскіе ворота, а Сулейманъ обѣщалъ нѣкоторыя льготы народу. Немного спустя Африканцы съ Христіянскими союзниками вошли въ столицу. Сулейманъ велѣлъ объявить себя Халифомъ и принялъ прозвище Аль-Мостаинъ-Биля, т. е., просящій у Бога помощи.

Царствованіе новаго повелителя было, какъ предвидѣлъ Вадга, очень кратковременно. Много причинъ споспѣшествовало его паденію. Прежняя нелюбовь къ Африканцамъ усилилась теперь религіознымъ отвращеніемъ, возбуждавшимся ихъ Христіянскими союзниками. Вѣрные Омеядамъ Славяне желали прежнихъ порядковъ и разными средствами пытались ослабить Сулеймана. Прежде всего Славянская стража хотѣла склонить его, чтобы онъ велѣлъ истребить приведенныхъ съ собой Христіянъ для успокоенія народа. Сулейманъ не согласился, но, предупреждая волненія, выслалъ своихъ союзниковъ изъ Кордовы, чѣмъ значительно ослабилъ свои силы. За тѣмъ обратился къ нему Вадга и сказалъ: «Халифъ Гишемъ не умеръ, какъ объявлено, но живетъ въ безопасномъ мѣстѣ. Единственный путь успокоить Государство представить его народу и возвратить ему престолъ его предковъ. Сдѣлай такъ, и привлечешь къ себѣ сердца всѣхъ жителей!» Сулейманъ отвѣчалъ: «Охотно поступилъ бы такъ, какъ совѣтуешь, но на-

стоящее положеніе дѣлъ препятствуетъ этому. Не слѣдуетъ и рять Государство такимъ слабымъ рукамъ. Впрочемъ, успоко Вадга: «рано, или поздно, придетъ время для Гишема.»

Больше всего оказалъ сопротивленія Сулейману изгнан соперникъ. Мугамедъ-эль-Могди послѣдовалъ его примѣру и лучилъ также Христіянскую помощь. Быстро пошелъ къ столи откуда долженъ былъ выступить противъ него Сулейманъ. первой встрѣчѣ враговъ началась кровавая битва, окончивша несчастливо для Сулеймана. Мугамедъ съ союзниками овлад Кордовой и снова сталъ у кормила правленія (все въ 1009

Такая измѣнчивость положенія утвердила значеніе Вадги Кордовѣ. Для привлеченія его на свою сторону Мугамедъ им валъ его своимъ Гадзибомъ или первымъ Министромъ. Послѣд щія событія еще выше поставили Вадгу и Славянъ. На дру же день послѣ пораженія, Сулейманъ получилъ подкрѣплен возобновилъ междоусобную войну. Выступившій противъ н Мугамедъ возвратился разбитый въ столицу, которую окруж Сулейманово войско. Осажденные жители не были настроены въ пользу соединившагося съ Христіянами Мугамеда, ни Сулей на и его Африканцевъ. Тѣмъ ближе держался Мугамедъ Слав которыхъ значеніе съ каждымъ днемъ возрастало. «Гадзибъ гамеда, Славянинъ Вадга,» говорятъ Арабскіе историки, пол вался полнымъ довѣріемъ своего повелителя, и съ неограни ной властью отдавалъ приказы во всѣхъ дѣлахъ. Всѣ должно по распоряженію Вадги перешли въ руки Славянъ и Аламерид и желаніямъ Вадги не смѣлъ сопротивляться Мугамедъ. Наков нѣкоторымъ жителямъ Кордовы надоѣло такое полновластіе С вянъ, что они вовсе не старались уменьшить, но еще бол возбуждали непріязнь противъ себя, совѣтуя Мугамеду нѣск кихъ значительныхъ Шейховъ и Визирей изгнать изъ Корд подъ предлогомъ, будто бы они произносили оскорбитель для него слова, и тѣмъ возбуждали подозрѣніе.

Но настоящимъ предметомъ доброжелательства Славянъ бы не Мугамедъ, а домъ Омеявъ и несчастный Гишемъ. Объ его-то вращеніи думали они теперь въ царствованіе Мугамеда, какъ давно въ царствованіе Сулеймана. Упомянутый выше совѣтъ изг нія подозрѣваемыхъ въ заговорѣ жителей увеличилъ бы тол отвращеніе къ Мугамеду въ народѣ и облегчилъ бы возвращ Царю Гишему. Съ той же цѣлью Славяне тайно увѣдомили нач

ника Христіянскихъ войскъ, именемъ Арменгуди, будто бы Мугамедъ замышляетъ перебить своихъ союзниковъ. Это такъ испугало Христіянъ, что, не смотря на усильныя завѣренія Мугамеда, они не хотѣли остаться дольше въ Кордовѣ и своимъ уходомъ произвели для него значительный недостатокъ въ людяхъ. Между тѣмъ войска Сулеймана все сильнѣе осаждали городъ. Отовсюду стѣсненный, Мугамедъ потерялъ всякую надежду удержаться на престолѣ. И тогда, по желанію Вадги и Славянъ, и предсказанію Сулеймана, «пришло время для Гишема,» о чемъ повѣствуютъ Арабскіе писатели у Конде такимъ образомъ:

«Славянинъ Вадга Эль Аламери воспользовался удобнымъ временемъ, чтобы представить Мугамеду опасности, окружающія его со всѣхъ сторонъ. Для увеличенія страха, открылъ ему составляемые противъ него заговоры, описалъ ненадежную вѣрность придворныхъ тѣлохранителей и несогласія между различными отдѣлами ея. Будучи, впрочемъ, независимымъ повелителемъ Кордовы, Вадга довелъ дѣло до того, что, не ожидая ясныхъ повелѣній Мугамеда, вывелъ Царя Гишема и показалъ народу въ мошеи. Это было въ Воскресенье мѣсяца Дыльгаджія, въ 400 году, послѣ бѣгства Пророка (въ 1010 г. послѣ Р. Х., въ Іюлѣ). Весь городъ находился въ восторженномъ состояніи, когда разнеслась вѣсть, что Халифъ Гишемъ живъ, а когда увидѣли его, людямъ показалось сномъ все, что совершилось предъ ихъ глазами. Безчисленныя толпы народа собрались предъ мошеей, гдѣ имъ Славянинъ Вадга представилъ ихъ Монарха, котораго съ величайшею радостью провозгласили вновь Царемъ и съ криками всеобщей радости отвели въ аль казаръ.»

Скрывшійся тамъ Мугамедъ Славяниномъ Анбаро былъ поставленъ у ступеней престола и приговоренъ Гишемомъ къ смерти. Голову свергнутаго отослали его сопернику, Сулейману. Виновникъ всего этого, Вадга, получилъ отъ Гишема въ награду званіе Гадзиба. Не остановился на этомъ вѣрный слуга Омеевъ, но тотчасъ же съ своими соплеменниками принялся за совершенное успокоеніе страны.

Много дѣла еще оставалось въ этомъ отношеніи. Съ одной стороны Сулейманъ все еще угрожалъ столицѣ, съ другой возсталъ Губернаторъ области Толедо, Обейдалла, сынъ убитаго Халифа Мугамеда Аль Могди, желая отмстить за смерть отца. Сулейманъ предложилъ ему общую войну противъ общаго врага, Гишема II, на что Обейдалла согласился. Необходимо было какъ

можно скорѣе разорвать опасный союзъ, отдѣльно побѣдить
ихъ непріятелей. Въ слѣдствіе этого, бывшій Царскій слуга сдѣ
ся воиномъ и, какъ оказалось, очень счастливымъ. Начальство н
Славянами, по повелѣнію Вадги, приняли Славяне Загоръ [45] и
баро, а самъ Вадга, во главѣ конницы, двинулся къ Толедо (1010
Не заставши тамъ Обейдаллы, спѣшившаго между тѣмъ соедини
ся съ Сулейманомъ, Славянскій начальникъ успѣлъ завязать т
ныя сношенія съ жителями, которые сдали ему городъ Тол
Одновременно съ этимъ ему удалось заключить союзъ съ Хри
янскимъ «Королемъ» Кастиліи, который немедленно прислалъ
значительныя подкрѣпленія. По спѣшности дѣла Вадга не по
бовалъ уполномочія на это отъ Царя Гишема, что потомъ вм
но ему была въ вину. Соединившись съ Христіянскимъ рыц
ствомъ, армія Вадги послѣдовала за Обейдаллой, который, уз
ши о паденіи города Толедо, возвращался на поле сраженія.
пріятели встрѣтились въ кровопролитной битвѣ, первой и посл
ней для Обейдаллы. Разбитый Вадгой, онъ былъ взятъ въ пл
и отосланъ въ Кордову, гдѣ, по приговору Царя Гишема, пог
отъ меча палача, Сулейманъ лишился сильнаго союзника и, къ
вершенію несчастія, понесъ тяжелое пораженіе отъ Славянъ За
ра и Анбара, которые счастливыми вылазками оттѣснили Аф
канцевъ отъ воротъ столицы.

Эти побѣды довершили заслуги и значеніе Славянъ въ К
довѣ. «Славянинъ Вадга,» говорятъ Арабскія сказанія у Ко
возвратился въ столицу съ радостью, отославъ Христіянскія
крѣпленія съ великими дарами и еще большія обѣщанія далъ
на дорогу. Царь Гишемъ принялъ его съ величайшими почес
ми. Оставшимся подъ его начальствомъ Славянамъ и Аламерид
даны званія алкадовъ и въ вѣчное владѣніе намѣстничества
югѣ Испаніи, а именно: въ Тадширѣ, Карѳагенѣ, Лекантѣ, Аль
ріи, Деніи, Хативѣ и т. д. А также Царь Гишемъ подтверд
права тѣхъ Славянъ, которые издавна занимали подобныя до
ности.» Одинъ изъ современныхъ писателей описываетъ это
короткихъ на выразительныхъ словахъ: «Съ этой минуты Гадз
Вадга, съ помощью своихъ Славянъ, самовластно управлялъ К
довой. Высшія должности заняли его сторонники; начальства з
чительнѣйшихъ городовъ достались Славянамъ.» [46] Еще яснѣе
воритъ объ этомъ извѣстный оріенталистъ и историкъ: «Теп
повелителями Андалузіи были Славяне. Почти всѣ области уп
влялись ими.» [47]

Эта новость не могла удовлетворить всѣхъ. Не совсѣмъ еще разбитый Сулейманъ умѣлъ воспользоваться обстоятельствами. Разосланное имъ приглашеніе призвало Губернаторовъ восточной Испаніи къ сопротивленію силѣ Славянъ, «тиранизирующихъ Кордову и другія города.» Вадга, узнавши объ этомъ, склонилъ Царя Гишема разослать, съ своей стороны, письма къ другимъ Губернаторамъ, въ особенности управлявшимъ Альджезирой и Цевтой Бени Гамудовъ, обѣщая имъ блестящія вознагражденія и даже наслѣдіе престола послѣ его смерти, въ случаѣ помощи въ дальнѣйшей войнѣ съ Сулейманомъ. Гишемъ выдалъ требуемыя письма, но Вадга оставилъ ихъ при себѣ не отправленными. Вмѣсто этого пришли отъ Сулеймана тайныя письма къ нѣкоторымъ жителямъ столицы, и составился заговоръ о сдачѣ города. О самомъ Вадгѣ донесся до ушей Халифа слухъ, что онъ тайно сносился съ непріятелемъ. Нѣкоторые прежніе шаги Гадзиба, въ особенности заключеніе союза съ Христіянами безъ уполномочія изъ Кордовы, вооружили Гишема противъ своего избавителя. Обыскъ, произведенный въ домѣ Вадги, открылъ не отосланныя письма. Не нужно было большихъ доказательствъ. Примѣръ особеннаго счастія, какого достигаютъ часто на Востокѣ послѣдніе изъ дворцовыхъ слугъ, сдѣлался теперь примѣромъ трагическаго переворота, какимъ обыкновенно кончаются такія Восточныя удачи. По указу Короля Гишема отсѣкли голову Вадгѣ (1011). Званіе Гадзиба Гишемъ въ слѣдующемъ году возложилъ на другого Славянина, Гайрана.

5. Гадзибъ Гайранъ. [48]

Новый Славянскій Гадзибъ былъ прежде Губернаторомъ Альмеріи, а принявши бразды правленія, сыгралъ не менѣе важную и трагическую роль, какъ Вадга. Онъ обезсмертилъ себя въ Андалузской исторіи и литературѣ даже больше, такъ какъ о немъ писали длинныя хвалебныя поэмы по Арабски извѣстная стихотворица Альгасенія и стихотворецъ Абу-Амера. Первое стихотвореніе поднесено ему было въ Кордовѣ тотчасъ же послѣ наименованія Гадзибомъ, за другое Гайранъ наградилъ стихотворца въ Альджезирѣ значительнымъ количествомъ золота. Вообще преемникъ Вадги отличается въ высокой степени Арабскимъ лоскомъ и свѣтскостью, что подтверждается уваженіемъ къ нему самыхъ блестящихъ Андалузскихъ умовъ и самымъ именемъ его. Сказанное нами выше, что

исполняющіе при Халифахъ обязанности тѣлохранителей и слу
Славяне, издавна принимали религію своихъ властителей, а
ней новые имена и обычаи, въ особенности подтверждается
рановымъ временемъ. Въ разныхъ обстоятельствъ мы встрѣча
Славянъ совершенно отуреченныхъ по имени, какъ, на пр., «С
вянина Мугамеда - Бенъ - Аби - Сяръ,» «Славянина Мугамеда-Б
Зеядъ,» " т. е., Мугамедовъ сыновей Аби-Сара и Зеяда; Сла
ская стража праздновала Магометанскіе праздники своево
ствомъ и невоздержностію въ городѣ, а въ исторіи Вадги мы
дѣли, какъ Славяне требовали отъ Сулеймана, чтобы тотъ вел
умертвить своихъ Христіянскихъ союзниковъ. Все это свидѣт
ствуетъ о значительной степени отуземенія нашихъ братій
Испаніи, вѣроятно, далекихъ уже отъ того состоянія, когда
съ пренебреженіемъ именовали «нѣмыми.»

Обыкновеннымъ путемъ укорененія такихъ по Ара
образованныхъ Славянъ въ новомъ Мусульманскомъ обществѣ
ло полученіе одного изъ тѣхъ помѣстій, которыми Халифы
кновенно надѣляли своихъ любимцевъ и начальниковъ стр
Въ такомъ сельскомъ имѣніи, подъ именемъ и одеждой Маг
танскими, въ семейныхъ и дружескихъ связяхъ съ Мусуль
скимъ населеніемъ, прежніе Славянскіе рабы принимали посте
но Восточный взглядъ, въ послѣдующіе вѣка сливались съ ра
племенной толпой народа, но въ началѣ XI столѣтія, подкрѣ
мые еще постояннымъ наплывомъ невольниковъ изъ Славян
родины, сохраняли память своего прежняго происхожденія
Арабскихъ лѣтописцевъ всегда обозначаются словомъ: «С
нинъ.» Такимъ, по Арабски образованнымъ придворнымъ,
Гайранъ, отсутствіе въ имени котораго частицы бенъ, т. е., с
заставляетъ предполагать, что онъ также, какъ и Вадга, пе
изъ своего рода принялъ Магометанскую религію и достигъ
ченія. Впрочемъ, Гайранъ отличался тѣми же достоинствами
рактера, именно добротой сердца, а въ особенности привязанно
къ дому Омеевъ, съ какими мы уже познакомились въ Вадгѣ.
былъ воинъ великаго мужества и необычайнаго ума,» говоря
немъ Андалузскіе писатели, который одинъ былъ бы в
стояніи спасти Гишема, если бы его счастію не пришелъ коне
Гайранъ отличался большей снисходительностью и благородст
ума; ему-то обязана страна обузданіемъ многихъ суровыхъ
поряженій Царя Гишема, который подозрѣвалъ всѣхъ бога

жителей, запрещалъ всякія собранія, кромѣ въ мошеи, и въ самомъ невинномъ сходбищѣ жителей усматривалъ какіе-то заговоры.

По этой причинѣ поднялись въ народѣ ропотъ и волненія, и дали смѣлость Сулейману возобновить войну. Его Африканцы все сильнѣе напирали на городъ, а жители Кордовы лѣниво защищались, иногда даже мѣшали своимъ защитникамъ. Напрасно боролся Гайранъ одновременно съ осаждающими ворота непріятелями и возставшимъ сзади народомъ. Городъ былъ взятъ (1013 г.), Гайранъ, раненый у входа въ альказаръ, съ трудомъ спасся въ какой-то убогой хижинѣ и нашелъ тамъ убѣжище. Болѣе несчастный Гишемъ исчезъ во время нападенія, не оставивши ни малѣйшаго слѣда своей смерти, или побѣга. Подходившіе Африканцы неслыханнымъ способомъ разграбили столицу, и Сулейманъ вторично сѣлъ на престолъ.

Не знающіе судьбы Гишема Славяне умоляли Сулеймана сохранить жизнь прежнему Царю. Когда имъ отвѣтили, что не извѣстно что сталось съ Гишемомъ, въ народѣ утвердилось мнѣніе о вторичномъ утаеніи его и новомъ со временемъ прибытіи. Между тѣмъ имѣнія Аламеридовъ были раздѣлены между побѣдителями. Африканскіе предводители получили значительныя помѣстья въ областяхъ. Въ управляемую когда-то Гайраномъ Альмерію назначенъ Сулейманомъ новый Губернаторъ. Все казалось прочнымъ, но новое появленіе Гайрана помѣшало побѣдителямъ.

Залѣчивши, въ своемъ убѣжищѣ, полученныя раны, бывшій Славянскій Гадзибъ покинулъ столицу Сулеймана и тайно отправился въ Ауріолію. Тамъ связи съ богатыми друзьями сторонниками помогли ему собрать значительную вооруженную силу, съ которой онъ и выступилъ въ Альмерію. Послѣ двадцтидневнаго сопротивленія сторонники Сулеймана сдались, городъ возвратился подъ управленіе Гайрана (1013 г.).

Считая это только началомъ несравненно важнѣйшихъ дѣлъ, Гайранъ занялся собраніемъ болѣе грозной силы противъ Сулеймана, и съ этой цѣлью поплылъ къ сосѣднимъ берегамъ Африки (1014 г.). Въ то время въ тамошнихъ замкахъ, Цевтѣ и Тангерѣ, властвовалъ дальній родственникъ несчастнаго Гишема, Али-бенъ-Гамудъ, старшій братъ Аль-Казема-бенъ-Гамуда, царствовавшаго по сю сторону Гибралтарскаго пролива, въ Альджезирѣ, насупротивъ братней Цевты. Къ этимъ-то двумъ Гамудамъ написалъ Гишемъ, по совѣту Вадги, не отосланныя письма, съ обѣщаніемъ наслѣдія престола послѣ своей смерти, если они защитятъ его отъ Су-

леймана. Къ этому-то Али въ Цевтѣ спѣшилъ теперь и Гайранъ Славянами и, увѣдомивши его объ обѣщанномъ Гишемомъ вѣн призвалъ къ войнѣ съ Сулейманомъ. Но какъ не было извѣс еще, живъ ли Гишемъ, или умеръ, надлежало начать войну отъ имени и, узнавши о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, разрѣш вопросъ о престолонаслѣдіи. Али присоединился къ предпріят и потянулъ за собой младшаго брата, Алькадема, въ Альджези куда немедленно отправился Гайранъ. Вскорѣ войска Али пе правились изъ Цевты въ Андалузію, Альказемъ доставилъ подк пленія изъ Альджезиры, поднялись на Гайрана Алямериды и С вяне изъ околицъ Альмеріи. Старшій Гамудъ началъ тѣмъ, что нялъ Малагу и былъ провозглашенъ главой союза. На полп между Малагой и Альмеріей соединились союзныя войска, вед ныя изъ Альмеріи Гайраномъ, изъ Малаги и Альджезиры обо Гамудами. Для возбужденія большаго сочувствія страны, союзни торжественно поклялись, что начали и будутъ продолжать св ную борьбу (1015 г.) единственно съ цѣлью возвратить престо Гишему, или отмстить за его кровь.

Весь разсказанный здѣсь рядъ событій, отъ поѣздки Гай на въ Африку и до похода союзниковъ противъ Сулеймана въ К довѣ, нѣкоторые Арабскіе историки называютъ войной Берберо съ евнухами, разумѣя подъ первымъ названіемъ Сулеймановы Африканцевъ, подъ вторымъ Славянъ. Слѣдовательно, когда, по Ар скимъ источникамъ у Конде, Славяне призываютъ Али изъ Цев на престолъ Кордовы, Славянамъ даетъ Али письмо къ брату Альджезирѣ, Славяне, подъ начальствомъ Гайрана, соединяются войскомъ Али, другой Арабскій историкъ, Альгоманди, припи ваетъ все это евнухамъ. [50] Названіе «евнухъ», главнымъ образо въ значеніи придворнаго слуги, срослось такъ неразлучно въ далузіи съ именемъ Славянинъ, какъ въ иномъ мѣстѣ присое нилось къ этому слову близкое понятіе «невольника».

Обѣщанная союзниками борьба продолжалась нѣсколько сяцевъ съ перемѣннымъ счастіемъ, и наконецъ, увеличивающа ненависть къ Сулейману, все болѣе многочисленное отпаденіе сторонниковъ, въ такой степени уменьшили ряды его Африканце что только незначительная часть осталась подъ оружіемъ. Съ кой незначительной силой Сулейманъ, принужденный дать ок чательное сраженіе, хотѣлъ, послѣ неудачи, спасти себя отступ ніемъ, но часть войска возстала противъ него и окончател разсѣяла его силы. Покрытый ранами, онъ, вмѣстѣ съ брат

своимъ, Абдельрахманомъ, попалъ въ руки побѣдителей, которые неудержимымъ натискомъ овладѣли близлежащими крѣпостями, а наконецъ и самой столицей (1016 г.).

«По вступленіи союзниковъ въ Кордову,» говорятъ Арабскіе историки, Али велѣлъ привести раненнаго Сулеймана съ братомъ, Абдельрахманомъ, а также съ отцомъ, Альгакемомъ, управлявшимъ столицею въ отсутствіи сыновей, и спросилъ отца: «Скажи, старикъ, куда дѣвали вы Царя Гишема?» Альгакемъ отвѣчалъ, что не знаетъ, что сдѣлалось съ нимъ, на что Али спросилъ: «Вы убили его?» Старецъ повторилъ: «Мы не убивали его и не знаемъ, что съ нимъ сталось.» Не взирая на это, Али обнажилъ мечь и сказалъ: «Эти три головы посвящаю мести за Царя Гишема и исполню его повелѣніе.» Въ это время поднялъ глаза раненый Сулейманъ и вскричалъ: «Направь въ меня одного свой мечъ, а эти двое ни въ чемъ невинны.» Али, однако же, не послушался Сулеймана, и сильными ударами отсѣкъ головы отцу и сыновьямъ. Смерть Сулеймана, его брата и отца, случилась въ Воскресенье, восьмаго дня мѣсяца Мугарромъ, въ 407 г. послѣ бѣгства Пророка (послѣ Р. Х. 1016). Али издалъ повелѣніе самымъ тщательнымъ образомъ искать вездѣ Царя Гишема: и не было во всѣхъ альказарахъ ни одной комнаты, ни одного тайника, ни одного подземелья, которыхъ бы тщательно не обыскали. Но всѣ поиски оказались тщетными, и Царь Гишемъ никогда уже не являлся. Тогда объявили всенародно объ его смерти, что дало поведъ новой молвѣ и баснямъ между народомъ. По совѣту Гайрана Али, подъ именемъ Мотуакиль-Биля, былъ провозглашенъ Халифовъ. Такимъ образомъ все, чего достигъ недавній правитель Цевты, было дѣломъ Гайрана. Не смотря на это, онъ не дождался заслуженной награды. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Али оскорбился излишними, какъ онъ полагалъ, притязаніями Гайрана, и велѣлъ ему удалиться отъ двора на прежнее Губернаторство Альмерію. Едва прибылъ туда Гайранъ (1017 г.), окружилъ его многочисленный кругъ друзей и сторонниковъ, готовыхъ дать ему вооруженную помощь противъ неблагодарнаго союзника. Знакомъ подготовленнаго возстанія послужило имя любимыхъ Славянами и Аламеридами Омеевъ, которыхъ хотѣли посадить снова на престолъ. Для себя самихъ заговорщики выговорили вѣчныя Губернаторства подъ новымъ управленіемъ, съ правомъ наслѣдства для дѣтей. Началась война: возставшіе подъ начальствомъ Гайрана неожиданно очутились у воротъ столицы. Смѣлая вылазка Али, правда, нанесла тяжелыя потери непріятелю, но не подавила возстанія. Разгнѣван-

ный Гайранъ рѣшилъ обойтись безъ Кордовы и основать сто
лицу Халифу въ иномъ городѣ Государства.

Отступивъ къ Хаэну (Jaen), онъ провозгласилъ самъ Халиф
Абдельрахмана IV Альмортади, правнука знаменитаго Абдель
мана III (1017) г. Вновь вступившій на престолъ Омей отблаго
рилъ его наименованіемъ своимъ Гадзибомъ. Подъ знаменемъ
дельрахмана IV Гайранъ продолжалъ войну, и былъ во второй р
разбитъ Али. Только какой-то недоступный потайникъ сохран
жизнь раненаго. Такъ была велика вѣра въ его умъ и неисто
мыя средства, что какъ только дошла до Абдельрахмана вѣст
мѣстѣ убѣжища, послана была за нимъ дружина рыцарства, ко
рая и привела его съ торжествомъ въ Хаэнъ. За тѣмъ возобно
лась война принимавшая видъ все грознѣе для Кордовскаго
лифа, но наконецъ третья несчастная битва погубила Гайрана.
прягши всѣ силы для отпора, Али отправилъ одно войско прот
Абдельрахмана въ Хаэнъ, а съ другимъ пошелъ въ Альмерію. Ос
денный Гадзибъ защищался до истощенія, и только смерте
раненный копьями замертво поддался силѣ. Городъ сложилъ ору
привлеченному предъ себя Гайрану Али собственной рукой отс
голову (1017 г.). Арабскіе историки жалѣютъ объ его смерти

Еще больше жалѣли объ этомъ его соплеменники, испол
шіе постоянно обязанность слугъ въ Кордовѣ. Впрочемъ, вско
совершилось событіе, въ которомъ можно видѣть месть Слав
Али за смерть Гайрана. Возвратившись изъ Альмеріи въ Корд
и, приготовляясь къ послѣднему сильному походу противъ Абд
рахмана, Али былъ задушенъ своими Славянскими слугами въ б
(1018 г.). Этихъ убійцъ Али нѣкоторые писатели называютъ об
нымъ въ Кордовѣ способомъ «евнухами. [51] Братъ и наслѣдн
Али въ Кордовѣ, Альмаземъ, подозрѣвалъ виновниковъ убійств
велѣлъ посаженныхъ въ темницу слугъ подвергнуть пыткѣ, же
открыть союзниковъ ихъ. Подъ страшными мученіями Славяне
знались въ убійствѣ Али, но не назвали никакихъ сообщнико
И эти, подвергнутые пыткамъ и посаженные потомъ на колъ, С
вяне называются кое-гдѣ евнухами.

Противъ Альказема неожиданно выступилъ изъ Африки сы
Али, Жахія (Джохія) и вскорѣ овладѣлъ Кордовой (1021 г.
когда перемѣна счастія принудила его уступить ее Альказ
послѣдній во второй разъ велѣлъ пытать Славянъ, заподозрѣнны
въ сношеніяхъ съ Жахіей. И казалось это дѣломъ тѣмъ бо
правдоподобнымъ, что на Африканскомъ дворѣ Жахіи, въ Це

служило съ давнихъ временъ немало Славянъ, изъ числа которыхъ въ особенности отличался отважный Наи.

6. Гадзибы: Наи, Разыкаля и Секанъ. [52]

На южные берега Средиземнаго моря Славяне безъ большаго труда попали изъ Испаніи. Уже Эбнъ-Гаукалъ разсказываетъ, какъ Испанскіе Арабы отправляли Славянскихъ невольниковъ въ Африку и Египетъ. Въ исторіи Гадзиба Гайрана мы видѣли примѣръ добровольныхъ переходовъ Славянъ въ Цевту и Тангеръ. О двухъ сотоварищахъ пребыванія и управленія Наи въ Африкѣ, Славянахъ Разыкалѣ и Секанѣ, Арабскіе источники говорятъ, что они были родомъ изъ Альбаркенъ, т. е., вѣроятно, изъ города или страны Барки, по Арабски Альбарка, лежащаго на востокъ отъ Триполи, между Египтомъ и пустыней Сахарой. За отсутствіемъ большихъ слѣдовъ въ этомъ отношеніи, переходимъ къ исторіи Наи.

Выступленіе Жахіи противъ дяди Альказема пришлось какъ разъ во время самаго сильнаго разгара междоусобныхъ войнъ за престолъ Кордовы. Въ теченіи всего девяти лѣтъ (отъ 1017 по 1026 г.) повелѣвали столицею поочередно Али-бенъ-Гамудъ изъ Цевты, братъ его, Альказемъ, племянникъ Альказема Жахіи, въ другой разъ Альказемъ, Абдельрахманъ, правнукъ великаго Абдельрахмана III, дяда Абдельрахмана-Мугамеда, наконецъ Жахія во второй разъ. Пережившіи столькихъ соперниковъ, дождавшись также смерти провозглашеннаго Гайраномъ въ Хаэнѣ Халифа Абдельрахмана Альмортади, Жахія соединилъ подъ своимъ скипетромъ значительную часть Мавританской Испаніи и хотѣлъ завести въ ней новый порядокъ управленія, когда внезапная смерть, въ несчастливой войнѣ съ Намѣстникомъ Севильи, уничтожила всѣ его замыслы. Послѣ смерти Жахіи возведенъ былъ на престолъ жителями Кордовы послѣдній потомокъ Омеевъ, Гишемъ III (1026 г.), а потомственныя владѣнія рода Жахіи или дома Гамудовъ, называемаго также домомъ Эдрызыдовъ, т. е., Цевта и Тангеръ въ Африкѣ, а также Малага въ Испаніи, сдѣлались добычей долголѣтнихъ военныхъ споровъ. [53]

Отправляясь въ Испанію за вѣнцомъ убитаго отца своего, Али-Жахія оставилъ въ своей Африканской столицѣ, Цевтѣ, двухъ, малолѣтнихъ сыновей, Эдрыза и Гацена, подъ опекой двухъ вѣрныхъ Визирей, Славянина Наи и Араба Абенъ-Бокины. Жилъ тамъ еще братъ Жахіи, именемъ Эдрызъ, владѣвшій особымъ удѣломъ.

Когда Жахія, овладѣвши Халифатомъ, погибъ въ Испаніи, жи
Малаги хотѣли остаться подъ управленіемъ Гамудовъ, и пос
въ Цевту за новымъ повелителемъ изъ ихъ рода. По причинѣ
лолѣтства обоихъ сыновей Жахіи, въ Малагу отправился
Эдрызъ, взявши съ собой въ помощь Цевтинскаго Визиря, Аб
Бокину (1027 г.). При его разумномъ содѣйствіи, Эдрызъ I,
звищемъ Альмутаядъ, прославился, какъ одинъ изъ добродѣтель
Эмировъ своей поры, а въ Цевтѣ между тѣмъ управлялъ
опекунъ малолѣтнихъ потомковъ Жахіи, Эдрыза и Гацена.
истеченіи 11 лѣтъ умеръ, или былъ умерщвленъ, Эдрызъ I Ал
таядъ въ Малагѣ, которая, стараніемъ вѣрнаго Абенъ-Бокины,
решла во владѣніе старшаго воспитанника Наи, Эдрыза, сына
хіи (1039 г.).

Едва удалось Эдрызу II, по произвищу Гаянъ, сѣсть на прес
Малаги, какъ противъ него выступилъ бывшій опекунъ, Ная,
буя всего отцовскаго наслѣдства младшему сыну, Гацену. К
же Абенъ-Бокина и жители Малаги воспротивились этому,
съ Гаценомъ выступилъ, во главѣ наскоро собранныхъ войск
Малагѣ, чтобы овладѣть ею силою оружія. Противъ высадивш
на берегъ непріятелей вышелъ Абенъ-Бокина, и разбилъ ихъ.
брошенное войско Наи должно было укрыться въ одинъ изъ
лежащихъ замковъ, и было тамъ осаждено. Не смотря на храбр
Цевтинскаго войска, не нашлось иного способа спасти себя,
путемъ соглашенія съ Бокиной. Благодаря хитрости Наи, они
очень благопріятны для осажденныхъ. Эдрызъ II оставилъ за
бой Малагу, Гаценъ обязался удовольствоваться Цевтой и Та
рокъ. Кромѣ того Наи удалось выговорить, чтобы одинъ
самыхъ богатыхъ купцовъ Малаги, именемъ Ашетайфа, близкій
другъ и довѣренный, получилъ у Эдрыза II званіе Визиря. П
сего Ная, со своимъ воспитанникомъ, отплылъ въ Цевту, и м
управлялъ тамъ до его совершеннолѣтія.

Однако же, пришлось, наконецъ, сложить опеку. По истеч
двухъ лѣтъ молодой Гаценъ въ собственныя руки взялъ кор
правленія и женился на прекрасной Азафіи, дочери своего у
шаго дяди, Эдрыза I. Ная возвратился къ прежнему полож
Гадзиба, которое тѣмъ менѣе удовлетворяло его честолюбію,
кромѣ жажды власти, его мучила еще любовь къ Азафіи. Онъ
шился отнять у Гацена престолъ и жену, что и выполнилъ. Га
погибъ (1012 г.), вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ, о которомъ
пристрастные Мусульманскіе писатели говорятъ, что Богу то

извѣстно, убитъ ли онъ Наей, или же умеръ отъ болѣзни. Царство Цевта и Тангеръ перешло въ руки убійцы, женившагося на Азафіи.

Дальнѣйшія обстоятельства повели Наю къ болѣе смѣлымъ предпріятіямъ. При первомъ извѣстіи объ умерщвленіи Гацена въ Цевтѣ, братъ его, Эдрызъ II, началъ приготовляться въ Малагѣ къ большому походу въ Африку, съ цѣлью наказать убійцу, чему слѣдовало воспротивиться со стороны Ная. Предупреждая нападенія Эдрыза на Цевту, Ная первый выступилъ съ многочисленнымъ войскомъ въ Малагу, и неожиданнымъ появленіемъ вѣсы войны перетянулъ на свою сторону. Оба замка Малаги достались въ руки непріятеля; съ помощью тайнаго соглашенія съ Ашетайфой занять былъ аль казаръ; Эдрызъ II увидѣлъ себя подъ стражей въ собственномъ дворцѣ. Уже не только надъ Цевтой и Тангеромъ, но и надъ цвѣтущимъ Царствомъ Малаги, распростерся скипетръ Наи, когда появленіе третьяго противника разрушило все зданіе.

Въ сосѣднемъ Государствѣ, Альджезырѣ, царствовалъ родственникъ Эдрыза, Мугамедъ, сынъ бывшаго Халифа Кордовы, Альказема. Узнавши о нападеніи Наи на Малагу, онъ поспѣшилъ съ многочисленнымъ войскомъ на помощь Эдрызу. Ная быстро выступилъ противъ него, но, прежде чѣмъ они встрѣтились, ложные друзья изъ Малаги посовѣтовали ему избѣгать сраженія и, возвратившись въ городъ, ожидать подкрѣпленій. Ная послушался, не извѣстно, по какой причинѣ, и въ числѣ немногихъ Славянъ возвращался въ Малагу. Вдругъ, въ узкомъ поворотѣ дороги, напала на него толпа Андалузскихъ воиновъ, которой онъ не могъ дать отпора съ горстью Славянъ. Всѣ Славяне, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ были умерщвлены (1053 г.). Двое отправились съ вѣстью объ этомъ въ городъ, гдѣ тотчасъ же былъ возстановленъ прежній порядокъ. Царь Эдрызъ былъ освобожденъ, и совершена кровавая месть надъ измѣнникомъ, Ашетайфой, также какъ и надъ союзниками Наи, Славянами. Едва старанія Царя Эдрыза могли успокоить раздраженіе мстительнаго народа. Войско Наи разсѣялось, Цевта возвратилась подъ власть Гамудовъ.

Послѣ Наи въ исторіи Мавританіи выступило еще двое Славянъ, также Намѣстниковъ въ Цевтѣ и Тангерѣ, Разыкаля и Секанъ. Они управляли этой страной, когда, въ слѣдствіе новыхъ военныхъ дѣйствій, овладѣлъ ими Царь Малаги, Эдрызъ II. Населеніе Цевты не было расположено въ пользу новаго владѣтеля, чѣмъ вздумали воспользоваться Разыкаля и Секанъ, и хотя сами были ненавидимы за свою жестокость и лихоимство, но начали также тайно воз-

буждать жителей противъ Эдрыза. «Но жители, говорятъ Анда
скіе писатели, обратились къ Эдрызу и сказали: «Царь, эти
вяне, окружающіе тебя, измѣнники и обманываютъ тебя; д
о твоей погибели, они составляютъ заговоры противъ тебя. Поз
намъ расправиться съ ними такъ, какъ заслуживаетъ ихъ в
ломство!» И Царь Эдрызъ не могъ освободить ихъ изъ рукъ р
яреннаго народа, который, схвативши обоихъ, на глазахъ Эд
тотчасъ же изрубилъ ихъ саблями.

Такая ненависть народа съ береговъ Африки вознагради
Славянамъ распространенной любовью къ нѣсколькимъ Сла
скихъ начальникамъ подъ небомъ Андалузіи. Все, сказаное нам
сихъ поръ о нашихъ братьяхъ въ Испаніи, не исчерпываетъ
разнообразія ихъ судебъ въ этихъ странахъ. Будучи иногда
мѣстниками и защитниками Царей, бывали они иной разъ т
и самими Царями. Справедливо будетъ упомянуть объ этомъ о

7. Славянскіе Цари въ Альмеріи, Деніи, Мурсіи, Валенсіи.

Съ упоминаемымъ въ предыдущей главѣ Халифомъ, Г
момъ III, совершенно угасла династія Омеядовъ. Если уже во
мена послѣднихъ Омеевъ цѣлость Государства нарушилась отъ
стоянныхъ междоусобныхъ войнъ, то послѣ послѣдняго изъ Ом
это распаденіе усилилось до положенія поистинѣ хаотическаго р
щенія. Потрясенный многолѣтней бурей, Халифатъ распался на
сячи независимыхъ одна отъ другой частей. Создалось такъ м
особыхъ Царствъ, и большихъ и малыхъ, сколько прежде
провинцій, областей, городовъ. Правители такихъ больши
малыхъ удѣловъ носили разные титулы, чаще всего (как
Арабскихъ разсказахъ) давали имъ имя Королей. По этой при
въ исторіи Конде предшествуетъ очерку исторіи Арабскаго о
ства въ Испанію въ то время особый списокъ такихъ Короле
управляемымъ ими странамъ. Мы встрѣчаемъ тамъ Королей
довы, Малаги, Севильи, Толеда, Сарагосы, Альмеріи и Деніи,
эльбы и Лидли, Тадмира и Мурсіи, Валенсіи, наконецъ Сев
Во главѣ же Королей Альмеріи и Деніи находимъ: «Кайранъ
вянинъ, Зоаиръ также,» а ниже, во главѣ королей Валенсіи:
даерасъ Славянинъ, Мубарикъ тоже, Лебибъ тоже.»

Взвѣсивши всѣ событія и обстоятельства, о которыхъ рѣчь
выше, не удивитъ насъ появленіе на престолѣ этихъ пяти Сла
скихъ Королей. Припомнивши себѣ изъ сторіи Гадзиба Вадги,

много Губернаторовъ и городовъ роздано было во время Гишема въ управленіе Славянамъ, мы легко повѣримъ, что въ теченіи этихъ междоусобныхъ войнъ, нѣкоторые изъ Славянскихъ Намѣстниковъ съумѣли удержать за собой независимое положеніе и по современному Арабскому выраженію, «назывались Королями.» Хотя Королевское достоинство такихъ временныхъ повелителей несомнѣнно, но трудно выдѣлить ихъ отдѣльныя исторіи изъ хаоса запутаннѣйшихъ извѣстій о тысячи современныхъ Короляхъ и Королевствахъ. Кромѣ неточности и неясности свѣдѣній о событіяхъ этой поры, въ особенности затрудняется это увеличивающимся сглаживаніемъ Славянскаго характера нашихъ Славянскихъ витязей. Пока Славяне были недавними пришлецами въ Испаніи, до тѣхъ поръ сопутствовало имъ у Арабскихъ лѣтописцевъ неотступное прозвище «Славянинъ,» по которому легко узнать ихъ въ сонмѣ историческихъ событій. Продолжая жить въ страхѣ и сообразуясь болѣе и болѣе съ обычаями и наружнымъ видомъ жителей, одинокіе Славянскіе властители теряютъ это отличительное прозвище и становятся все больше Мусульманами по Вѣрѣ, именамъ и значенію. Не лишнее также знать, что Славянскіе Короли изъ старыхъ Андалузскихъ областей должны были заботиться о томъ, чтобы какъ можно менѣе поражать чужестранными обычаями, чтобы какъ можно болѣе сравняться съ жителями исполненіемъ мѣстныхъ обычаевъ. По этому является больше и больше затрудненій въ отысканіи Славянской народности омусульманившихся пришлецовъ съ Вислы, или Дуная. По этой же причинѣ нельзя разсказать о нашихъ пяти Славянскихъ Короляхъ столько же, какъ о Гадзибахъ. Впрочемъ, изложимъ кратцѣ, что нашлось.

Первый изъ двухъ Славянскихъ Королей Альмеріи, названный здѣсь Кайраномъ, есть тотъ самый Гадзибъ Гишема II и Али-Гамуда-Гайрана, о которомъ мы уже говорили. Согласныя k, kh и ḳ, по объясненію Казири, однозначущи въ Арабскомъ языкѣ. [54] Изъ званія Гадзиба въ Кордовѣ Гайранъ дважды возвращался на мѣсто независимаго владѣтеля въ Альмеріи, и по этому онъ помѣщается въ числѣ ея Королей. О немъ есть еще извѣстіе, что главнымъ образомъ въ слѣдствіе его стараній царствовалъ въ Сарагосѣ Альмондаръ-бенъ-Гудъ, изъ рода Атеджибовъ. [55]

Наслѣдника Гайрана въ Альмеріи Зоаира или Зогаира, Арабскіе писатели называютъ его родственникомъ. Сообщая нѣкоторыя извѣстія о немъ, Казири именуетъ его, по мѣсторожденію, Далматинцемъ. [56] Но Зогаиръ должно быть перемѣнилъ свое Славянское

мя въ Испаніи, такъ какъ трудно вообразить себѣ Арабск
Эмира, не соединеннаго вѣрой, одеждой и обычаями съ подвл
нымъ Мусульманскимъ населеніемъ; имя же, подъ которымъ изв
тенъ нашъ Далматинецъ въ ряду Королей Альмеріи, собстве
Арабское и встрѣчается, на пр., въ имени Арабскаго поэта изъ
менъ до Магомета. [87] Во времена Гайрана Деніей управлялъ
гаиръ, послѣ смерти котораго онъ двинулся въ Альмерію и зав
дѣлъ ею (1018 г.). Тадмиръ и Мурсія находились также по
его властью. Главной столицей была Альмерія, въ Деніи и Тад
рѣ онъ ссадилъ подвластныхъ Губернаторовъ. [88] То же был
въ Мурсіи, въ которой намѣстничалъ нѣкто Абдельрахманъ
рода Таѓеръ, иначе Мугамедъ-Бенъ-Альтагеръ. [89] По имени эт
то областей называли Зогаира или владѣтелемъ Альмеріи и М
сіи, или только Мурсіи, но во всякомъ случаѣ имя его
провождалось неотступнымъ обозначеніемъ «Славянинъ Зога
Король Альмеріи и Мурсіи,» или только «Славянинъ, Al Sak
Saclabeus, Король Мурсіи.» [90] У одного изъ новыхъ историк
Испаніи подъ владычествомъ Мавровъ о немъ находимъ слѣд
щее: «Въ теченіи короткаго времени Славянинъ Зогаиръ овлад
всѣмъ морскимъ берегомъ отъ Мурсіи до Альмеріи, а также Бал
скими островами. Какъ его подручники управляли въ Деніи
бенъ-Муджегедъ, на Балеарскихъ островахъ Абдулъ-Джейш
Ахмедъ-бенъ-Рашикъ, а въ Мурсіи Абубекръ-Ахмедъ. Въ Вале
царствовалъ близкій союзникъ Зогаира, Абдель-Азизъ-Абуль-Газ
внукъ Альманзора, по всей вѣроятности съ 1052 г. Когда
Зогаиръ, послѣ долгаго царствованія въ Альмеріи, умеръ, или б
убитъ, Альмерія, по волѣ Зогаира, перешла, по наслѣдству,
Абдель-Азизу, прозвищемъ Альманзору, предъ 1051 годомъ. [91]

О первомъ Славянскомъ Королѣ Валенсіи, Мудафасѣ, м
нашли никакихъ подробностей. Мудафасъ, вѣроятно, то же, что
дафаръ, и съ обычнымъ Арабскимъ al это имя довольно ч
встрѣчается въ Андалузской исторіи. Но мы нигдѣ не нашли
при одномъ изъ Альмудафаровъ ни прозвища Славянинъ, ни
либо такого, чтобы его представляло Королемъ Валенсіи.

Слѣдующіе два Славянскихъ Короля въ Валенсіи, Мубарик
Лебибъ, иначе Мубарикъ и Лебунъ, были собственно Царями
родовъ и областей Мурбитеръ или Мурвіедро и Хатива, и находи
въ нѣкоторой зависимости отъ Короля Валенсіи, Абдель-Азиза
которымъ Зогаиръ былъ также въ союзѣ. Болѣе о нихъ ни
не извѣстно. Позднѣе выступаютъ на позорище сыновья какого

Лебуна, а именно: Абу-Вагибъ-бенъ-Лебунъ въ Валенсіи (около 1065), Иса-бенъ-Лебунъ, въ Мурвіедро, Ибрагимъ-Абулъ-Асбакъ-бенъ-Лебунъ, около того же времени въ Валенсіи Амиръ-бенъ-Лебунъ въ Убедѣ [92]. Не сыновья ли это нашего Славянскаго Короля Валенсіи, не напоминающіе уже ничѣмъ своего чужестраннаго происхожденія? Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы въ нихъ очевиднѣйшій примѣръ сліянія Славянской крови съ остальнымъ Мусульманскимъ населеніемъ страны въ безразличное цѣлое.

Въ это же время исчезаютъ совершенно слѣды Славянъ въ Испаніи. Съ паденіемъ династіи Омеевъ угасъ блескъ владычества Арабовъ въ Андалузіи. Болѣе полувѣковой рядъ междоусобныхъ войнъ разорилъ страну, довелъ до недостатка Альмеровъ, затормозилъ торговлю и всякія внѣшнія сношенія. Обѣднѣвшіе наслѣдники великаго Абдельрахмана не имѣли уже ни тѣхъ богатствъ, ни тѣхъ сношеній съ иностранцами, чтобы приводить къ себѣ толпы невольниковъ «съ Востока,» чтобы окружать себя ими въ своихъ дворцахъ и чудесныхъ садахъ. Первый, на пр., послѣ послѣдняго Омея, Гишема III, Халифъ, по имени Джеваръ, велъ жизнь совершенно бѣдную: онъ не хотѣлъ даже поселиться во дворцѣ прежнихъ Халифовъ, не имѣя уже той толпы слугъ, тѣлохранителей, невольницъ и рабовъ всякаго рода, которые нѣкогда наполняли аль казаръ Абдельрахмановъ. Во второй половинѣ XI вѣка (1086 г.), правда, вторглись въ Испанію новые завоеватели изъ Африки, такъ называемые, Альморавиды, и, возвративши силу Мусульманскому оружію, завели новый порядокъ дѣлъ, но хотя около 1-ъ еще столѣтій длилось владычество Мавровъ въ Испаніи, не возвращались времена прежняго блеска.

Между тѣмъ начало проясняться за Пиринеями у Христіянскихъ народовъ Европы. Значительно уменьшилась торговля человѣческимъ товаромъ, прекратился вывозъ рабовъ въ Испанію. Правда, были еще единичные обозы, но такой гуртовой продажи, какъ во времена Эбнъ-Гаукала, уже не было. Славянскій рабъ шелъ теперь въ болѣе значительномъ количествѣ въ Крымъ, въ Азію, въ Стамбулъ, чѣмъ въ Кордову.

Такимъ образомъ главное время пребыванія Славянъ въ Испаніи тянется болѣе, или менѣе, отъ временъ Гишема I до конца междоусобныхъ войнъ послѣ паденія Омеевъ, или до подпаденія Испаніи власти вновь прибывшихъ изъ Африки Альморавидовъ, т. е., отъ 796 по 1086 годъ. Это была самая блестящая пора владычества Арабовъ въ Андалузіи, извѣстнаго въ исторіи богат-

ствомъ, развитіемъ наукъ, мягкостью нравовъ. Стараніемъ умн
Омеевъ развились въ Арабской Испаніи въ высокой степени на
искуства, промышленность, ремесла; Андалузія безспорно
лалась самой сильной, богатой страной своего времени. Все
особливымъ образомъ повліяло на живших въ Испаніи Слав
которые, играя важную роль въ Арабскомъ обществѣ, необход
должны были равняться ему образованіемъ. По этому ознаком
съ тогдашней Арабской гражданственностью тамошнихъ Сла
есть въ извѣстной степени ознакомленіе съ образованіемъ тамош
Славянъ. Мы считали бы настоящія свѣдѣнія о нашихъ собрат
при дворѣ Андалузскихъ Халифовъ совершенно недостаточн
если бы, хотя въ нѣсколькихъ отрывочныхъ чертахъ, не показ
какой представляется Арабская Испанія во времена Славянъ.

8. Андалузія во времена Славянъ.

Время первыхъ двухъ Славянскихъ Гадзибовъ, Вадги и Г
рана, или время правленія Абдельрахмана III, его сына, Гишем
также его внука, Гишема, считается обыкновенно временемъ
стящаго развитія Арабской гражданственности въ Испаніи. Въ
бенности въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ мира и царствованія Ал
кема II Андалузія успѣла пріобрѣсть богатство и развить земл
ліе въ той степени, въ какой ни предъ тѣмъ, ни послѣ, уже не
стигала. Пространство земли на югъ отъ рѣки Дуэро, населен
теперь едва 9 мил. жителей, продовольствовало въ то время по
втрое, а именно 25 милліоновъ жителей. «Халифъ Альгаке
говорится въ Арабскихъ сказаніяхъ у Конде,[63] «велѣлъ сосчи
и переписать всѣ поселенія своего Царства. По этому счету в
время было въ Испаніи 6 большихъ столицъ и военныхъ о
говъ, 80 городовъ перваго разряда и 300 остальныхъ. Число
стечекъ, селъ, замковъ и деревень было неисчислимо. Одна окр
ность Гвадалквивира заключала ихъ 12,000. Нѣкоторые утвер
ютъ, что въ главной столицѣ Омеядовъ, Кордовѣ (растянувш
въ то время на пять миль вдоль береговъ Гвадалквивира), сч
лось 200,000 домовъ, 600 храмовъ, 50 госпиталей, 80 учебн
заведеній, 900 бань, 21 предмѣстье, вымощенныхъ камнем
освѣщаемыхъ ночью....»

Тѣ же самые источники говорятъ далѣе: «Въ теченіи дол
мира въ царствованіе Короля Альгакема разцвѣло земледѣліе
всѣхъ областяхъ Государства. На равнинахъ Гранады, Мур

Валенсіи и Аррагоніи устроены были водопроводы для орошенія полей; въ иныхъ мѣстахъ съ этою же цѣлью выкопаны были большія водохранилища; и вездѣ были плантаціи разнаго рода, сообразно съ почвой и климатомъ каждой области. Однимъ словомъ, этотъ мудрый Халифъ велѣлъ мечи и копья перековать въ заступы и сохи, а своихъ воинственныхъ безпокойныхъ Мусульманъ обратилъ въ земледѣльцевъ и пастуховъ. Знаменитѣйшіе рыцари видѣли славу въ воздѣлываніи собственною рукою своихъ садовъ, а ученые судьи и врачи проводили досуги въ тѣни садовыхъ шпалеръ. Царствовалъ всеобщій обычай выѣзжать въ извѣстное время изъ города и поселяться въ деревнѣ. Одни дѣлали то весной, когда вся природа цвѣла, другіе осенью, во время сбора плодовъ,...»

Если небогатый любитель сельской жизни ограничивался только видомъ красоты безыскуственной природы, то богачи наслаждались сельской жизнью въ чрезвычайно роскошныхъ виллахъ, а Халифъ Абдельрахманъ-Аназиръ устроилъ съ этой цѣлью зданіе роскоши и богатства, описаніе котораго можетъ дать нѣкоторое понятіе о жилищахъ Андалузскихъ Эмировъ.

«Этотъ дворецъ или этотъ городъ великолѣпнѣйшихъ садовъ, достигающихъ предмѣстій Кордовы, Абдельрахманъ назвалъ, по имени любимой невольницы, азагрою, т. е., цвѣткомъ или красотою. Постройкой его занимались самые лучшіе знатоки, нарочно вызванные изъ Константинополя, Багдада, Фостата и Каирвана, а исполненіе отдѣльныхъ украшеній было поручено искуснѣйшимъ рѣзчикамъ и ваятелямъ того времени. Разсказывая по достовѣрнымъ извѣстіямъ Андалузскихъ писателей о всѣхъ чудесахъ и рѣдкостяхъ азагры, можно возбудить подозрѣніе въ легкомысленности, черпающей эти свѣдѣнія изъ сказокъ тысяча и одна ночь. Лучшимъ изъ всѣхъ дворцовъ, которые вмѣстѣ составляли пребываніе Абдельрахмана, былъ, такъ называемый, дворецъ Халифовъ. Арабскіе лѣтописцы, склонные къ числовымъ даннымъ, записали въ своихъ реестрахъ, что при постройкѣ его работало ежедневно 10,000 человѣкъ, 1,500 муловъ и 400 верблюдовъ подвозили строительные матеріялы. Кромѣ чрезмѣрнаго количества дикаго камня, употребляемо было ежедневно 6,000 обдѣланныхъ камней. Весь дворецъ покоился на 4,312 мраморныхъ колоннахъ, привезенныхъ большею частію изъ Греціи, Италіи, Франціи и Африки. Не только внутри дворца была величайшая роскошь, богатство и искуство въ исполненіи всѣхъ мелочей, но и снаружи поражала

удивительная соразмѣрность и красота. На балки, столбы, сяки, употреблено было кедровое дерево съ красивой рѣзь Самая дорогая и красивая часть дворца называлась залой Хал стѣны и полъ ея были мраморные, на потолкѣ и стѣнахъ блес ли украшенія изъ золота, перловъ, рѣзьба и арабески. Но в чайшее удивленіе возбуждалъ бьющій посреди залы фонтанъ, вы ченный изъ яшмы. Его окружала группа двѣнадцати животн изъ литаго золота, зіявшихъ драгоцѣнными камнями разныхъ т товъ.... Надъ этой группой поднимался золотой лебедь искус работы, созданіе извѣстнѣйшихъ Царьградскихъ мастеровъ. Н лебедемъ висѣла очень дорогая жемчужина, подарокъ Визан скаго Императора Льва.... Кромѣ альказара или главнаго дво въ азагрѣ возвышалось много другихъ великолѣпныхъ постро какъ-то: большая мошея, монетный дворъ, жилища для конно пѣшей стражи.... Не мѣнѣе роскошны, чѣмъ дворцы и зданія, б также соединенные съ ними сады, въ которыхъ разнузданная точная фантазія, казалось, осуществляла свои роскошнѣйшія чты. Искуство и природа боролись здѣсь за первенство. Р плодовыхъ деревьевъ, мирты, лавры, маслины, составляли з ныя группы удивительно разнообразныхъ оттѣнковъ, купая с вѣтви въ чистыхъ, какъ синева неба, озерахъ. Въ особыхъ отдѣл сада сновали самыя разнообразныя породы звѣрей. Стада п рыхъ и пѣвчихъ птицъ летали въ отведенныхъ для нихъ част сада, замкнутыхъ со всѣхъ сторонъ прозрачной проволочной к кой.... Луга роскошнѣйшихъ и величайшихъ цвѣтовъ раздраж зрѣніе и обоняніе. Много было также въ садахъ азагры бан купаленъ съ мраморными басейнами, красивыми и удобны Среди этихъ очаровательныхъ садовъ, на горѣ, съ которой ра лается прекрасный видъ, возвышался павильонъ Халифа, Абдельрахманъ привыкъ отдыхать, возвращаясь съ охоты. великолѣпное строеніе поддерживали бѣлыя мраморныя колон съ золотыми верхушками. Потолокъ и стѣны внутри были чр вычайно роскошно украшены золотомъ и дорогими каменья По срединѣ стояла исполинская раковина изъ порфира, наполнен живымъ серебромъ и устроенная такимъ образомъ, что сере приплывало и уплывало. Во всѣ стороны вели двери изъ ч наго дерева и слоновой кости, при открытіи которыхъ вся з заливалась блестящими лучами свѣта, такъ что нельзя было крыть глазъ. Желая иногда удивить, или испугать, своихъ гос незнакомыхъ еще съ дверьми альказара, Абдельрахманъ отдав

приказаніе слугамъ привести въ движеніе живое серебро. Разительный блескъ солнца, отражаясь отъ зеркальной поверхности живаго серебра обращался тогда въ удлиненную молнію, въ которой весь павильонъ дрожалъ и какъ будто качался въ морѣ свѣта, на подобіе корабля въ бурю.» [63]

Когда прекрасная невольница Азагра вошла въ первый разъ въ сады, названные ея именемъ, ее непріятно поразилъ видъ противоположной горы, покрытой чернымъ лѣсомъ. «Какъ можешь ты позволить, Государь,» сказала она Халифу Абдельрахману, чтобы такая прелесть, какъ азагра, покоилась въ объятіяхъ такого безобразнаго негра?» Абдельрахманъ велѣлъ вырубить черный лѣсъ, а на мѣсто его насадить прекрасныя фиговыя и миндальныя рощи. Его пращуръ, Абдельрахманъ I, сначала изгнанный изъ родины и лишенный престола въ Багдадѣ, потомъ основатель династіи Омеядовъ въ Испаніи, посадилъ въ садахъ Кордовы первую пальму въ Испаніи, отъ которой произошли всѣ пальмы въ этой странѣ. Сидя по вечерамъ на галереѣ одной изъ башенокъ сада, старецъ любилъ наблюдать за ростомъ молодаго деревца, напоминающаго ему отдаленную родину. Его думы излились даже пѣснѣй, полной истинной грусти, сравнивающей судьбу поселившагося въ чужой землѣ изгнанника и посаженнаго подъ Андалузскимъ небомъ дерева. Такое же настроеніе, этотъ же поэтическій даръ, отличавшіе великаго воина Абдельрахмана, отличали также и его наслѣдниковъ и вообще всѣхъ образованныхъ Арабовъ. Почти всѣ, поименованные въ этомъ очеркѣ, Андалузскіе Князья, а именно: Абдала, Абдельрахманъ III, Альгакемъ II, Гишемъ, Сулейманъ и т. д., были поэты и оставили послѣ себя рѣдкіе отрывки. Донесенія Монарху слагаемы были стихами, вожди стихами доносили объ одержанныхъ побѣдахъ, прогуливающійся въ саду Халифъ отдавалъ стихами приказы на платановомъ листѣ.

Не смотря на всеобщую любовь къ поэзіи, не было также недостатка въ научномъ изысканіи истины. Извѣстна заботливость Халифовъ о развитіи наукъ, даже личное стремленіе къ просвѣщенію. Этимъ въ особенности отличался сынъ и наслѣдникъ Абдельрахмана III. «Король Альгакемъ, читаемъ у Конде, былъ съ молоду такимъ любителемъ наукъ и искуствъ, что съ истинной страстью собиралъ замѣчательнѣйшія книги объ искуствѣ и знаніи, самыя лучшія сочиненія о поэзіи и краснорѣчіи, также всякаго рода сочиненія и памятники историческіе и географическіе,

не жалѣя ни труда, ни денегъ. Со всѣхъ сторонъ привозили нему все, что было болѣе замѣчательнаго въ этомъ родѣ, и во вс болѣе значительныхъ городахъ Африки, Египта, Сиріи, Ира Персіи, Халифъ содержалъ нарочныхъ пословъ, обязанность торыхъ была отыскивать и покупать для него лучшія кн Весь дворецъ Халифовъ наполнился учеными собраніями, такъ можно было подумать, какъ будто въ немъ ничего не было, к мѣ книгъ. И не отыскивалось въ памяти ни одного Мусульм скаго Эмира, который бы съ такой страстью собиралъ всяк рода книги, какъ Гакемъ. Дворецъ его былъ открытъ для вс умныхъ и ученыхъ людей, которыхъ онъ часто отправлялъ ш шествовать, чтобы они доставали ему отовсюду новые матері для его собраній. Въ Египтѣ Король Гакемъ содержалъ съ ц цѣлью Абу-Изака-Мугамеда-бенъ-Альказемъ-ель-Шейбани, въ ріи Абу-Омара и нѣсколько другихъ, въ Багдатѣ Мугамеда-бе Тарганъ, для быстраго описыванія рѣдкихъ и любопытныхъ со неній во всѣхъ городахъ были у него щедро оплачиваемые ц цы. Библіотека Альгакема уставлена была по отдѣламъ наук искуствъ. Во всѣхъ залахъ, на всѣхъ шкапахъ, были краси надписи, заключающія названія находящихся на полкахъ кн съ указаніемъ предметовъ ихъ содержанія. Въ главные катал внесены были сочиненія, имена сочинителей, ихъ происхожден родина, годъ рожденія и смерти, все съ величайшей точнос Историкъ Абакъ-Гаянъ говоритъ, что «каталоги Меруанской б ліотеки, названной такъ отъ дворца Меруана состояли изъ 44 мовъ, каждый въ 50 страницъ, на коихъ были записаны то одни имена сочинителей и ихъ сочиненія. Другой же писа говоритъ, что главный каталогъ предполагалось окончить въ ствованіе Гакемова сына, Гишема.»

Знаменитый Гадзибъ Альманзаръ, которому иногда припи ваютъ основаніе Славянской стражи, дѣйствительно основалъ а демію наукъ и искуствъ. Къ ней принадлежали только люди служенные предъ просвѣщеніемъ, написавшіе какое ни будь ное сочиненіе прозой, или стихами. Вельможи и поклонники на любили окружать себя ученымъ обществомъ, собирали литера ныя бесѣды, обыкновенно въ Четверкъ. Въ засѣданіяхъ Акаде за обѣдами ученыхъ, а также и при другихъ обстоятельствахъ, лись ученыя прѣнія, произносились импровизаціи на заданныя п ложенія, соперничали за пальму первенства. Все общество про нуто было уваженіемъ къ учености, выражавшимся иногда ст

ными проявленіями. Даже униженная въ Восточномъ обществѣ женщина умомъ возвращала себѣ утраченное уваженіе, становилась наравнѣ съ мущинами. Андалузскіе писатели очень часто разсказываютъ объ ученыхъ Арабкахъ, стихотворицахъ, Королевскихъ секретаршахъ равно какъ о Славянахъ, часто изъ рабства возвышавшихся. Даже самая военная суровость смягчалась подъ вліяніемъ просвѣщенія, принужденная сообразоваться съ требованіями обычая. Истинный Арабскій рыцарь долженъ былъ обладать десятью главными добродѣтелями, а именно: прямодушіемъ, мужествомъ, умѣніемъ ѣздить верхомъ, вѣжливостью, даромъ поэзіи, краснорѣчіемъ, физической силой, ловкостью въ киданіи дротика, стрѣлянія изъ лука и владѣніи оружіемъ. Чрезъ Христіянскихъ рыцарей, многократно бывавшихъ во дворцахъ Андалузскихъ Эмировъ, эти правила рыцарскаго искуства распространились, по всей вѣроятности, между Испанскимъ и Французскимъ рыцарствомъ и не мало повліяли на развитіе Европейской кавалеріи. Съ большимъ еще вѣроятіемъ можно сказать то же самое о вліяніи Арабскихъ наукъ на средневѣковую Европейскую ученость. Извѣстно уже, въ нѣсколькихъ различныхъ отрасляхъ эти, сокрытые въ Библіотекахъ Альгакема, Арабскіе писатели сдѣлались учителями новаго просвѣщенія. Не даромъ же Римскіе Папы въ XIII в. предписывали открывать особыя каѳедры Восточныхъ языковъ при нѣкоторыхъ Университетахъ.

У такихъ-то учителей образовывались наши собратья въ Испаніи. На такой-то общественной почвѣ развивались судьбы Славянскихъ невольниковъ, достигшихъ со временемъ высокихъ степеней. Дворецъ и сады азагры служили имъ ежедневнымъ убѣжищемъ; Арабскіе стихотворцы и стихотворицы воспѣвали славу нашихъ Гадзибовъ; Славянскіе Короли Мурсіи, Деніи, Альмеріи, сами мѣряли дворцами и садами въ родѣ азагры. Вся исторія этихъ Славянъ, выброшенныхъ на отлогій берегъ, кажется скорѣе одной изъ чудесныхъ Восточныхъ сказокъ, нежели дѣйствительнымъ событіемъ. Увезенный изъ подъ Надвислянскаго, или Подунайскаго нашаго крова, рабъ видитъ себя тѣлохранителемъ особы Марокскаго Короля, получаетъ отъ него милости и почести, раздѣляетъ съ нимъ власть управленія, наконецъ самъ дѣлается Королемъ: не историческая ли это мечта? Проданный въ рабство, Ханаанецъ съ Вислы, или Дуная, поднялся гораздо выше надъ берегами Гвадалквивира, нежели Ханаанецъ Іосифъ въ своемъ Египтѣ; но помнилъ ли онъ, какъ Іосифъ, о своей далекой родинѣ?

Кажется, нѣтъ; но и она забыла его, забыла сына самых чудесныхъ судебъ между всѣми утраченными сынами Славянства. И всякая память о немъ угасла бы, если бы не писатели народа, которому онъ служилъ и который за это отплатилъ ему словомъ воспоминанія.

А когда открытъ былъ источникъ такихъ Арабскихъ воспоминаній; когда, благодаря изслѣдователямъ въ родѣ Казири, Конде, Фразнъ, Д'Осонъ, мы получили отъ Арабовъ такъ много любопытныхъ свѣдѣній о нашихъ предкахъ: по чему же нельзя надѣяться на еще большіе дары этого рода? Все, что мы получили въ этомъ отношеніи, даетъ право надѣяться. Ученые, какъ Казири и Конде, смотрѣли равнодушнымъ взоромъ на упоминанія о Славянахъ въ Арабскихъ лѣтописяхъ и извлекали ихъ безъ особенной заботливости, а болѣе двухвѣковое пребываніе и важное значеніе Славянъ въ Испаніи давали имъ возможность увѣковѣчить память во многихъ отношеніяхъ въ исторіи страны. По этому можно думать, что Арабскія рукописи, сохраняемыя во многихъ Европейскихъ Библіотекахъ, заключаютъ болѣе подробностей о Славянахъ, нежели мы находимъ у Казири, или Конде. Мнѣніе наше подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что каждый новый переводчикъ Арабскихъ лѣтописей, какъ, на пр., Мёрфи послѣ Казири, Конде послѣ Мёрфи, встрѣчаетъ еще что ни будь новое объ Испанскихъ Славянахъ, да кажется, что и Конде не все исчерпалъ. Впрочемъ, есть любопытный примѣръ, на сколько сдѣланныя извлеченія изъ одного Арабскаго писателя только проба несравненно болѣе важныхъ извѣстій о Славянахъ, какія тотъ же писатель помѣстилъ въ другихъ сочиненіяхъ, еще не изданныхъ. Примѣръ этотъ представляетъ извѣстный писатель Масуди, который, въ опубликованномъ Д'Осономъ отрывкѣ, упомянувъ о великомъ Славянскомъ Царствѣ, раздѣленномъ междоусобной войной, потомъ прибавляетъ: «Это предметъ слишкомъ обширный чтобы изложить его здѣсь; я говорилъ о немъ въ подробности въ своихъ сочиненіяхъ: Ахбаръ-узъ-Земани и (Кетабъ) уль-Аусати.» [65] Но отыщетъ ли кто ни будь изъ Славянскихъ оріенталистовъ дорогу къ неоткрытымъ еще сочиненіямъ Масуди, а также и къ упомянутымъ двумъ Андалузскимъ рукописямъ? Уже пересмотрѣны, съ цѣлью изученія древнихъ Славянъ, источники Латинскіе, Византійскіе: ожидаютъ еще того же Арабскіе.

Съ Польскаго. **Б. Шостаковичъ.**

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. D'Ohsson, Des peuples du Caucase, pag. 86, 89.

2. Абдельрахманъ, Абдельраманъ, Абдорраманъ, собственно Абд-эль-Рахманъ, т. е., слуга Милосерднаго. Арабское слово рахманъ, милосердный, ласковый, дало начало Древне-Польскимъ выраженіямъ: rochmanny, rochmannosć, urochmanić, т. е., ласковый, ласковость, умилостивить (см. Словарь Линде). Необходимо также упомянуть здѣсь о неоднообразномъ писаніи нѣкоторыхъ Арабскихъ именъ. Это происходитъ отъ извѣстнаго пренебреженія гласными въ рукописяхъ на этомъ языкѣ, слѣдствіемъ чего является сомнительное произношеніе. Такъ, на пр., находимъ: Омеядовъ, Оммаядовъ и Омміядовъ; Эльгакамъ и Альгакемъ; Гишемъ, Гишамъ и Гешамъ; Мугамедъ, Могамедъ, Мугамадъ и Магометъ; Сулейманъ, Солейманъ и Соломанъ; Эдрисъ и Идрисъ; Эбнъ и Ибнъ и т. п.

3. A. Bielowski, Pomniki dziejów Polski I, 62, 65. Изъ мѣткихъ замѣчаній Бѣловскаго на 81 стр. узнаемъ, что Король Славянскихъ Гебалимовъ у Хасдая есть упоминаемый Константиномъ Багрянородньмъ Хорватскій Князь Бѣло-восточныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ, на границѣ съ Нѣмцами. Это подтверждаетъ Хасдаево названіе Гебалимъ, происходящее, по всей вѣроятности, отъ того корня гора, по Арабски gibal или gebal, который замѣтилъ Бѣлостій и который обыкновенно видитъ въ словахъ Хорватіи, а Арабское выраженіе gebal встрѣчается также въ Еврейскомъ языкѣ, которымъ написано письмо Хасдая, и служило, какъ у Арабовъ, такъ и у Евреевъ, для обозначенія возвышостей. Такъ страна Гебаленэ гористая, въ Палестинѣ; округъ Гебель (джебель), гористый, на Ливанѣ; страна Гебаль у Конде (въ Исторіи владычества Арабовъ въ Испаніи, томъ II, разд. II); тамъ же часто встрѣчаются имена какъ Гебаль-Тарикъ, Гебаль-Кинтосъ и т. п. Такимъ образомъ Хасдаево названіе Гебалимъ было бы только переводомъ названія Хорватовъ, и оба значили бы, по общему мнѣнію, жителей горъ, Horiti Короля Альфреда.

4. Отрывокъ изъ Murphy, History of the mahometan empire in Spain, и Geschichte der Ommaijaden in Spanien, Ашбаха II, 98, буквально гласитъ: «Her ambassies arrived at Annasirs court; namely, one from the king of the Slavonians called Ducu; one from the king of France behind the Pyrenees, named Lul, and one from the sovereign of the France on the east side of the country, called Calda. These envoys urre likewise received by Annasir with great pomp and state: and he sent back, with the ambassador of the Slavonians to their Sovereign Ingo Rubia, the bishop, who returned after an absence of two years.» Объ употребленіи Абдельрахманомъ III Мозарабскихъ духовныхъ въ посольствахъ, а далѣе и въ Арабской Канцеляріи, многократно вспоминаетъ «Vita Joannis Gorzien.» въ «Monum. Germ. Script.» Пертца, IV, 369—317.

5. D'Ohsson, Des peuples du Caucase, 86.

6. «Multitudinem mancipiorum, virilis scilicet et feminei sexus, emere visi quos et in Africam ad paganam gentem nitebantur deducere.» Фишера, Gesc des teutschen Handels, 1, 36.

7. Dandul., in Chron. ad a. 878, pag. 186. Фишеръ 1, 36.

8. Lechicki Początek Polski, 340. Швандтнеръ, Scriptores rerum Hungar III, 452.

9. Богуфалъ у Соммерсберга, въ Scriptores rerum Silesiacarum II, 19.

10. Muratori, Scriptores rerum Italiacarum II, 470: «quos (евн Verdunenses ob immensum lucrum facere solent et in Hispaniam ducere. этой причинѣ жители Вердюна славились знаніемъ дороги къ Ар въ Испаніи, и часто были проводниками. Vita Joannis abbatis Gor у Пертца IV, 370: «praedictumque Virdunensem socium, ob locorum numque notitiam, facit.» Неудивительно, что при дворахъ Андалузскихъ фовъ цѣнили евнуховъ, если Епископъ Лиутпрандъ говоритъ объ извѣ Византійскомъ Императорѣ Константинѣ Багрянородномъ въ своей исторі ratori II, 470), что изъ всѣхъ даровъ, принесенныхъ Императору Лиутпра отъ имени Италіянскаго Короля, Беренгара, милѣе всѣхъ были для маленькіе евнуха: «quatuor Carsamatia, imperatori nominatis omnibus (doni ciosiora. Carsamatium autem Graeci vocant eunuchum.»

11. Фишеръ, Geschichte des teutschen Handels, I, 35: «praedicavim stianis, ut mancipia eis (Judaeis) Christiana non venderent, ut ipsos Judaeo stianos vendere ad Hispanos non permitterent.» Здѣсь идетъ рѣчь исключи только о торговлѣ Христіянскими невольниками. Не крещенныхъ еще С никто, вѣроятно, не запрещалъ Евреямъ продавать.

12. Lelewel, Polska wieków średnich 1836, II, 328, 418.

13. Lelewel, Polska wieków średnich 1847, II, 352.

14. Арабскими источниками пользовался также Родерикъ, Толедскій епископъ, писавшій въ XIII вѣкѣ. Его «Historia Arabum» помѣщена во в томѣ Шотта: «Hispaniae illustratae scriptores.» Но въ единственномъ экзе этого сочиненія въ Львовѣ недостаетъ именно втораго тома. Также шлось ни въ Библіотекахъ, ни въ продажѣ, Murphy Исторія владычества М въ Испаніи, о которой, впрочемъ, Конде, въ предисловіи къ своему соч говоритъ, что она основывается главнымъ образомъ на извѣстіяхъ отр Казири.

15. Томъ I, часть II, разд. 36.

16. Casiri Bibliotheca I, предисл. стр. VI. Какъ различно читали, на ц и тѣ же Славянскія названія у Масуди, см.: Des Guignes, въ монографіи о К (Notices et extraits de manuscrits de la bibliothèque du roi, I, 27), и D'Ohss своемъ сочиненіи «Des peuples du Caucase» стр. 36—38.

17. Казири, Bibliotheca II, 206. «Scalabitae sunt Illyrii, vulgo Esclavones, qui per ea tempora in Hispania stipendia merebant.»

18. Казири, Bibliotheca II, 205.

19. Казири, Bibliotheca II, 108.

20. Казири, Bibliotheca II, 104: «a Vadheh Alscalabaeo, Eunuchorum rectore.»

21. Herbelot, Bibliothèque orientale 382.

22. Казири, Bibliotheca II, 205.

23. Ашбахъ, Geschichte der Ommaijaden II, 286: «der Slavonischen Eunuchen.»

24. Hammer-Purgstall, Gemaeldesaal des Lebensbeschreibungen grosser moslimischer Herrscher III, 152: «Capitaen der slavischen Eunuchen-leibwache.»

25. Vita Joannis abbatis Gorziensis (Пертцъ IV, 371), въ описаніи посольства въ Кордову, говоритъ о Халифѣ Абдельрахманѣ III: «Видѣть его можно рѣдко и почти никогда. Все дѣлается письменно чрезъ славовъ слугъ: tantum a litteris per sclavos cubicularios omnia perferunt.» Большое вѣроятіе, что эти sclavi cubicularii, Славянскіе придворные слуги, Slavi cubicularii. Житіе Аббата Іоанна было писано до 984 года, а въ то время выраженіе «Slavi» или «Sclavi,» не извѣстное еще въ значеніи невольника, означало единственно только Славянина. Во всѣхъ 10-ти томахъ «Monum. Germaniae.» Пертца, въ которыхъ источники Нѣмецкой исторіи доведены до XI вѣка и далѣе, и каждый изъ нихъ старательно снабженъ словаремъ средневѣковаго Латинскаго языка, мы встрѣчаемъ выраженіе «Sclavi» только одинъ разъ, и именно въ приведенномъ здѣсь отрывкѣ о придворныхъ слугахъ въ Кордовѣ. По этому можно положить, что и въ этомъ единственномъ случаѣ выраженіе «Sclavi» употреблено въ соотвѣтственномъ значеніи народности, а не въ позднѣйшемъ значеніи невольника. Посолъ Аббатъ Іоаннъ Горзіенскій, проводникомъ котораго въ Кордову былъ одинъ изъ жителей города Вердюна, которые столько продали въ Андалузію евнуховъ изъ недалекихъ отъ нихъ окрестностей (Славянскихъ), вѣроятно, съ гораздо меньшимъ удивленіемъ встрѣтилъ при дворѣ Абдельрахмана III Славянскихъ слугъ, нежели мы встрѣчаемъ ихъ въ описаніи его посольства.

26. Лембке, Geschichte Spaniens, I, 373. Ашбахъ, Geschichte der Ommajaden, I, 229.

27. Гаммеръ-Пуркшталь, Gemaeldesaal III, 65.

28. Конде, Historia, томъ I, часть II, разд. 66.

29. Казири Bibliotheca II, 214: «gente Dalmata.»

30. Ашбахъ, Geschichte der Ommajaden II, III. Майлатъ, Geschichte der Magyaren, I, 15.

31. Бочекъ, Codex diplomaticus Moraviae, I, 72.

32. Конде, Historia, томъ I, часть II, разд. 66. Vita Joannis Gorziensis (Пертцъ IV, 375) разсказываетъ, что во дворцѣ Абдельрахмана Посолъ встрѣчалъ разные военные отдѣлы, между которыми «pedites hastis humo stantes defixis, longe inde hastilia quaedam et missilia vibriantes manu crispantes, ictusque mutuos simulantes.»

33. Конде, Historia, томъ I, часть II, разд. 79.

34. Murphy у Ашбаха въ Geschichte der Ommajaden II, III; «His said the Sclavonians amounte et totix thousand and eithy feven.»

35. Конде, Historia, томъ I, часть II, разд. 88.

36. Конде, Historia, томъ I, часть II, разд. 99.

37. Ашбахъ, Geschichte der Ommajaden, II, 266.

38. Ашбахъ, Geschichte der Ommajaden, книга VII, разд. 1.

39. Конде, Historia, томъ I, часть II, разд. 104—108.

40. Казири, Bibliotheca II, 204. Ашбахъ, Geschichte der Ommajaden II, 2
Имя Вадга напоминаетъ польское Вада. Этотъ звукъ, впрочемъ, повторяется
всѣхъ почти языкахъ. Въ самой исторіи Конде встрѣчаемъ во времена бо
отдаленныя (часть II, разд. 101) воина по имени Вадга-эль-Фегти. Дру
Вадга служилъ у Восточныхъ Халифовъ въ Багдадѣ. Въ пѣснѣ Англосаксонс
го путешественника какой-то Вада владѣетъ Гельсингами и т. п.

41. Казири, Bibliotheca II, 51: «duce Wadhebo Alscalabaeo (Alsaclabaeo).

42. Казири, II, 204: «a Vadheh Alscalabaeo Eunuchorum rectore.»

43. Двадцать лѣтъ ранѣе другой Славянинъ въ этихъ южныхъ стран
Европы спасъ жизнь другому Царю. Это былъ Римскій Императоръ Оттон
ведшій войну въ южной Италіи съ Греками и Арабами и разбитый ими
битвѣ при Бесантало въ 982. Преслѣдуемый врагами, Императоръ не вид
иного способа спасенія, какъ броситься съ лошадью въ море и доплыть до
рабля, плавающаго вдали, гдѣ его дѣйствительно и приняли. «Къ несчас
это были Греки, за исключеніемъ одного Славянина, который зналъ пре
Императора. Онъ одѣлъ его въ свою одежду и далъ ему понять, чтобы
не открывалъ своего званія. Морякамъ же сказалъ, что это одинъ изъ чи
никовъ Оттона, на отвѣтственности котораго находится Царское имущество
Рисано. Если бы моряки согласились довезти его до этого города и отпус
его тамъ, онъ отдалъ бы имъ за это большую часть имущества. Славян
ручался за выполненіе условій, и Греки поплыли тотчасъ же въ Рис
Приблизившись къ берегу, Славянинъ отправился въ городъ какъ будто
того, чтобы принести деньги, но въ дѣйствительности чтобы увѣдомить
скопа Теодориха о плѣнѣ и прибытіи Императора. Епископъ быстро собр
людей, подъ защитой которыхъ Оттонъ II выскочилъ на берегъ и въ с
погналъ въ городъ.» У Ромера Giesebrecht Kaiser Otto II, въ Jahrbücher des
tschen Reiches II, 79.

44. Ашбахъ, Geschichte der Ommajaden, 254.

45. У лѣтописца Родерика изъ Толедо оба Славянина называются Заб
и Ганбаръ. Ашбахъ, Geschichte der Ommajaden II, 264. Анбаро встрѣчается
же какъ имя Магометанское.

46. Ашбахъ, Geschichte der Ommajaden II, 265: «regierte der Hadschib V
ha durch seine Slavonier fast unumschraenkt.»

47. Гаммеръ-Пургшталь, Gemaeldesaal III, 153: «Nun herrschten die Sl
in Andalusie.»

48. Конде, Historia, томъ I, часть II, разд. 108—111.

49. Конде, Historia, томъ I, часть II, разд. 108.

50. Казири, Bibliotheca II, 205—206.

51. Казири, Bibliotheca, II, 108.

52. Конде, Historia, томъ II, разд. 1—3.

53. «Исторія рода Эдрызовъ,» жалуется Ашбахъ, въ своей «Исторіи Альморавидовъ и Альмогадовъ» 1, 28, наполнена самыми странными противорѣчіями, которыя ни коимъ образомъ нельзя согласить съ извѣстіями Арабскихъ лѣтописцевъ. Даже порядокъ наслѣдія и года царствованія нерѣдко подлежать сомнѣнію.»

54. Казири, Bibliotheca, предисл. стр. VI.

55. Конде, Historia, томъ II, разд 1.

56. Тамъ же, въ указателѣ (индексѣ) къ II тому.

57. Конде, Historia, томъ II, разд. 1.

58. Казири, Bibliotheca, II, 42, 215.

59. Тамъ же: «apud Scalabaeum, Almeriae et Murciae regem... adnitente Zohairo Almeriae et Murciae rege.»

60. Ашбахъ, Geschichte der Almerioviden und Almohaden 1, 43.

61. Конде, Historia, томъ II, разд. 11—19.

62. Конде, Historia, томъ II, часть II, разд. 94. Гаммеръ-Пургшталь, Gemaeldesaal III, 119.

63. Ашбахъ, Geschiche der Ommajaden II, 106.

64. Конде, Historia, томъ I, часть II, разд. 88.

65. Бѣлѣвскій, Wstęp krytyczny do dziejów Polski 186. D'Ohsson, Des peuples du Caucase, 88.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МОСКОВІЮ

БАРОНА АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА,

члена императорскаго придворнаго совѣта

и

ГОРАЦІЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КАЛЬВУЧЧИ,

кавалера и члена правительственнаго совѣта Нижней Австріи,

пословъ августѣйшаго римскаго императора Леопольда

КЪ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ,

ВЪ 1661 ГОДУ,

ОПИСАННОЕ САМИМЪ БАРОНОМЪ МАЙЕРБЕРГОМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Книга Мейерберга, говоритъ Ѳ. Аделунгъ, послѣ извѣстнаго сочиненія Барона фонъ Герберштейна подъ заглавіемъ „Moscovia,“ безъ сомнѣнія заслуживаетъ болѣе всего вниманія по подробности содержащихся въ ней свѣдѣній относительно Географіи и Статистики тогдашней Россіи.“ Хотя съ тѣхъ поръ, какъ такое мнѣніе впервые произнесено (1827 года) въ извѣстномъ сочиненіи, посвященномъ подробному изслѣдованію Майербергова творенія о нашемъ отечествѣ, озаглавленнаго: „Баронъ Майербергъ и путешествіе его по Россіи, съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и т. п., въ продолженіи сего путешествія собранныхъ,“ издано Ѳедоромъ Аделунгомъ, Д. С. С. и Кавалеромъ, на Нѣмецкомъ и въ переводѣ на Русскій въ С.-Петербургѣ 1827 г. (въ 8-ку съ атласомъ), прошло уже скоро около 50 лѣтъ, однако свѣдѣнія Аделунга о такомъ важномъ для насъ сочиненіи иностранца прошли даромъ мимо ушей нашихъ: никто не подумалъ заняться сообщеніемъ „Путешествія“ Барона въ Московію въ Русскомъ переводѣ. Та же почти самая участь постигла и его знаменитаго предшественника. Барона Герберштейна, путешествіе котораго къ намъ явилось по Русски лишь въ 1866-мъ году: „Записки о Московіи. Съ Латинскаго Базельскаго изданія 1556 г. перевелъ И. Анонимовъ. Спб.,“ но перевелъ не совсѣмъ вѣрно, безъ всякихъ поясненій встрѣчающихся въ немъ темныхъ мѣстъ, особливо мѣстныхъ названій. Странная, ни чѣмъ необъяснимая, судьба у насъ сихъ двухъ корифеевъ иностранныхъ путешественниковъ въ Россію, между тѣмъ какъ другіе, далеко уступающіе имъ во всемъ, имѣются уже на Русскомъ. Конечно, нѣкоторымъ объясненіемъ можетъ служить и языкъ, которымъ пи-

саны то и другое сочиненіе: Латынь не подъ силу иным
шимъ переводчикамъ съ чужихъ языковъ. да и переведе
требуется сопроводить нужными примѣчаніями, свѣдѣніями,
ясненіями и т. п., что не всякому, и хорошо знающему я
перевода, доступно въ желанной полнотѣ. Какъ бы то ни
ло, только переводъ Майербергова „Путешествія въ М
вію“ является лишь теперь, благодаря неутомимому тру
бію Д. Члена Императорскаго Общества Исторіи и Др
стей Россійскихъ, А. Н. Шемякина, столько уже одари
го это Общество и читающую публику своими прекра
ми переводами путешественниковъ въ наше отечество.
мѣчанія, присоединенныя къ переводу, не означенныя ника
буквами, также принадлежатъ ему, а означенныя буквами
мнѣ. Кромѣ этого сочиненія, появившагося въ печати
означенія года и мѣста, въ листъ, на 236 листовыхъ
ницахъ (Путешествіе на 110, а присоединенныя къ нему
tuta Moschovitica,“ т. е., переводъ „Уложенія Царя Але
Михайловича“ на языкъ Латинскій), * Майербергу прин
жатъ еще два „Донесенія“ (Relationes), хранящіяся въ
ской Придворной Библіотекѣ подъ слѣдующими загла
первое: „Relation der Kaiserl. Ablegaten Augustin von
ern und Horatius Wilhelm Calvucci über ihre Reise nach
cau und ihren Empfang daselbst. Den 12 ten Juni 1661
8 листовъ); и второе: „Weitere Relation des Augustin

---

* Оно, по замѣчанію Аделунга (стр. 96), напечатано въ небольшомъ чи
въ продажу не поступило; но гдѣ и когда? По мнѣнію „Каталога Вы
ки Графа Бутурлина (на Французскомъ, сторѣвшаго въ 1812 г.,
малаго числа уцѣлѣвшихъ экземпляровъ), въ Кельнѣ (Coloniae) 166
невѣроятно, такъ какъ Майербергъ въ этомъ году только что возв
ся, и не могъ, занятый подачей въ Апрѣлѣ Императору своего «Д
нія,» кончить описанія «Путешествія,» для коего поджидалъ нѣкот
дополнительныхъ свѣдѣній; да этому противорѣчитъ и названіе его
вомъ» на самомъ заглавіи, когда онъ сдѣланъ имъ лишь спустя тр
(1666). По мнѣнію же Митрополита Евгенія (см. статью его: «О личныхъ
ственныхъ именахъ у Славяноруссовъ,» въ 3-й части «Трудовъ и Зап
Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1826, стр. 72), сочиненіе
ерберга вышло въ 1679 г.

Mayern und Horatius Wilhelm Calvucci. Smolensk, den 27 Mai, 662" (около 5 листовъ).

Сочинитель книги: „Die Handschriften der K. K. Bibliothek in Wien," Іосифъ Хмель, упоминаетъ, на стр. 219-й II тома своего сочиненія, подъ CCCXXXIX (Hist. prof. 454): Cod. Ms. chart. in fol. sec. XVII (Foll. 43): „Relatio Humillima Augustini de Mayern et Horatii Gulielmi Calvuccii Ablegatorum in Moschoviam, a d. 17 Febr. anni 1661 usque ad d. 22 Febr. 663." Это „Донесеніе" издано покойнымъ Вихманомъ, въ то: „Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften ur ältern Geschichte und Kenntniss des russischen Reichs. Band. Berlin, Reimer, 1820, 8, S. 201—338. О немъ Хмель мѣчаетъ: „Ist eine Ergänzung der selten gewordenen „Iter in Moschoviam" Augustini liberi Baronis de Mayerberg et Hora-ii-Guil. Calvucci ab August. Rom. Imp. Leopoldo ad Czarem et Magnum Ducem Alexium Mihalowicz anno M. DC. LXI Ablegatorum. Fol. 8." Послѣднее есть окончательное его „Донесеніе," послѣ нѣкоторыхъ частныхъ, сдѣланныхъ въ продолженіи отсутствія его: оно ограничивается изложеніемъ обстоятельствъ, имѣвшихъ лишь непосредственное отношеніе къ самому Посольству. Между тѣмъ какъ въ описаніи самаго „Путешествія въ Московію" собрано и все то, что помѣщено было въ частныхъ „Донесеніяхъ" и что получено еще въ послѣдствіи. Напечатанное Вихманомъ „Донесеніе" слѣдуетъ за напечатаніемъ самаго путешествія, переводъ котораго, какъ указываетъ Аделунгъ въ своемъ: „Kritico-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis Jahr 1700 und ihrer Schriften u. s. w. 2. Bd. № 100," сдѣланъ былъ въ томъ же самомъ столѣтіи, Французскій: „Voyage en Moscovie par Ambassadeur, consciller dela Chambre Imperiale, Envoyé par L'Empereur Leopold au Car Alexis Mihalovics, Grand Duc de Moscovie. A Leide, chez Friderik Harring, Marchand libraire. 1688, 12 (p. 381), а съ него на Италіянскій языкъ: Viaggio nella Moscovia di Augustino Meyerberg, tradotto nel idioma francese. Napoli, 1697, 12.

Переходя къ личности самаго путешественника въ Мо-

сковію при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ Послан
Императора Леопольда I-го, мы должны замѣтить, что
свѣдѣнія о немъ ограничиваются только симъ его сочинен
т. е., что онъ въ немъ о себѣ сообщаетъ, да еще надп
на гробѣ его, правда, довольно большою, на Латинскомъ
кѣ. Тѣло его погребено въ Вѣнѣ, въ придворной приход
церкви Св. Михаила, возлѣ придѣла, называемаго „Maria
гдѣ покоится также и тѣло знаменитаго предшественника
Варона Герберштейна. На могилѣ Майерберга положен
мень съ слѣдующею надписью:

„D. O. M.

Augustinus S. R. Imp. L. B. de Meyerberg, Domin
Harmanns Zächel et Etmannsdorf nec non pignoris ju
Neukirchen am Steinfeld, Sac. Caes. Maj. Ferdinandi III.
Imp. S. Aug. olim in regia majoris Glogovia dicast: ex
lium ordine sacerdos, deinde augustiss. Imp. Leopoldi.
dem filii, apud Fiscum Silesiae. prius et postmodum
Imp. aulicum a consiliis, post duodenas legationes ad
cipes electores ecclesiasticos ad Ferdinandum Carolum,
chiducem tyrolensem, ad Mahometem IV Turcarum S
num, ad juniorem Rakoczium, Transylvaniae principem
ejusdem viduam Sophiam Bathoream, ad Magnum M
viae Ducem, Alexium Michailovitsch. ad Iohannem Casim
Poloniae et Sueciae Regem, ad Michaelem ejus in Polonia
cessorem, ad Iohannem Philippum Electorem moguntinum
cathedralis ecclesiae herbipolensis capitulum, ad Lotharium
dericum archiepiscopum moguntinum et ad Christianum V
niae et Norvegiae Regem, continuata ter septem annorum
boriosa opera, prudenter, fideliter, feliciter obita, curarum
dem non suarum pertaesus, cunctis se muniis ultro abdi
extra aestuosum inconstantis aulae Euripum, occisis licet
urcicum bellum vitae traducendae subsidiis, sibi tranquil
vegeti senio aequanimitate vixit, donec anno 1688 die 23
sis Martii. aetatis autem 76. mense septimo. animam deo
dens, suas exuvias, olim reassumendas deposuit.“

Стало быть, онъ въ первый разъ является чиновникомъ
ъ городѣ Глогове (Glogovia, Glogau), въ Нижней Силезіи,
происхожденія благороднаго, служилъ въ правленіе Ферди-
анда III Старшимъ Совѣтникомъ при тамошнемъ Аппелляціон-
омъ Судѣ; сыномъ же упомянутаго Императора, Леополь-
омъ I-мъ, вызванный ко Двору, пожалованъ въ Придворные
Совѣтники (Гофраты); за тѣмъ видимъ его, въ продолженіи
1-го года, двѣнадцать разъ Посланникомъ къ разнымъ вла-
ѣтельнымъ Дворамъ, именно: 3-мъ Духовнымъ Курфир-
тамъ, Ерцгерцогу Фердинанду въ Тиролѣ, Турецкому Сул-
ану Магомету IV-му, у младшаго Ракоци, Трансильван-
каго Князя и вдовы его, Софіи Батори, у Царя и Велика-
о Князя Алексѣя Михайловича, Польскихъ Королей, Іоанна
Казимира и Михаила Корибута, къ Вирцбургскому Капитулу,
Майнцкому Архіепископу Лотарю Фридриху, и напослѣдокъ
ъ Датскому Королю Христіяну I-му. Кончивъ свои посоль-
тва, онъ былъ принятъ въ число Государственныхъ Чиновъ
Нижней Австріи, но вскорѣ удалился отъ всѣхъ дѣлъ въ у-
диненіе, въ которомъ, при стѣстенныхъ обстоятельствахъ,
ричиненныхъ разореніемъ его помѣстьевъ Турками, и про-
елъ остатокъ дней, скончавшись 23-го Марта, 1688 года,
а 76-мъ году отъ рожденія; слѣдовательно, родился онъ въ
Августѣ 1612 года. Судя по тѣмъ познаніямъ его въ Рус-
комъ языкѣ, какія онъ обнаруживаетъ въ своихъ сочине-
ніяхъ, передавая, большею частью, мѣстныя, историческія и
т. п. названія въ настоящемъ, или весьма мало измѣненномъ,
видѣ, особенно же въ прекрасномъ переводѣ нашего „Уло-
женія,“ Царя Алексѣя Михайловича, составлявшаго тогда,
по новости своей, весьма яркое и важное явленіе въ жизни
Московскаго народа, присоединенномъ къ его „Путешествію“
подъ заглавіемъ: „Statuta Moschovitica, ex Russico
in Latinum idioma ab eodem translata;“ * судя по всему этому

---

* Адлерфлихъ догадывается (стр. 95), что подъ переводомъ «Уложенія,» вопреки словамъ заглавія (ab eodem translatis), «трудился переводчикъ, при Посольствѣ въ Москвѣ находившійся, и хотя переводъ этотъ не вездѣ вѣренъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ служить поясненіемъ подлинника.»

а также и мѣсту его рожденія, кромѣ того самому образу
раженія (правописанія) Славянскихъ звуковъ, можно полаг
что онъ былъ Славянскаго происхожденія, изъ рода Силезск
небогатыхъ дворянъ, но какого именно, трудно утверждать.
же самое его имя покрываетъ нѣкоторая неизвѣстность. О
новенно его называютъ, говоритъ Аделунгъ (стр. 3—4), Б
номъ фонъ Мейербергъ, и подъ симъ именемъ вышло
данное имъ путешествіе его въ Россію; однако, нѣтъ сомн
что званіе сіе принято имъ уже въ послѣдствіи времени, к
получилъ оное въ награду за свои заслуги; ибо въ „Донесе
поданномъ имъ Императору Леопольду I о своемъ пут
ствіи, равно какъ и въ письмѣ къ Польскимъ Сенатор
подписывается онъ еще просто: Августинусъ де Майер
То же и на заглавномъ, листѣ сего донесенія (Wichm
Sammlung kleiner Schriften zur ältern Geschichte und K
niss des Russischen Reichs, I, S. 201), и на чертежѣ, изо
жающемъ жилище Императорскихъ Пословъ въ Кремлѣ
званъ онъ де Мейернъ; равнымъ образомъ и на над
ной надписи его, какъ видѣли мы выше, а также и въ
скахъ Вѣнскаго Архива и Архива Московскаго Иност
ныхъ Дѣлъ, слыветъ онъ: Майернъ, Маёрнъ, ф
Маернъ. Въ Баронское достоинство возведенъ 23-го
густа, 1666 года, три года по возвращеніи его изъ Ро
и тогда-то, вѣроятно, дано ему прозваніе: Мейеръ ф
Мейербергъ, подъ коимъ сдѣлался извѣстнымъ. Въ
чихъ сочиненіяхъ о немъ, каковы разные словари объ
ныхъ и извѣстныхъ мужахъ, на примѣръ: Jochers Allge
Gelehrten-Lexicon, Biographie universelle и т. п., имя его пи
ся: фонъ Майербергъ, фонъ Майерсбергъ, Мейербе
de Mayerberg, и т. д.

Сочиненіе Майерберга показываетъ, что онъ обла
большими свѣдѣніями, даромъ слова, умомъ и стойко
Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о Русскихъ своего времени,
чаются большою точностью и подтверждаются въ значи
ной степени предшествовавшими ему путешественниками,
номѣрно и послѣдующими.

„Кромѣ этого путешествія, замѣчаетъ Аделунгъ, Майербергъ оставилъ еще не менѣе достопримѣчательное собраніе чертежей и рисунковъ, по распоряженію его сдѣланныхъ сопровождавшимъ его искуснымъ художникомъ, которые, представляя разныя мѣстоположенія, обряды и другіе предметы, обратившіе на себя вниманіе его, служатъ драгоцѣннымъ дополненіемъ къ описанію сего путешествія. Любопытное собраніе сіе, однако, имъ не издано, но, сдѣлавшись, по какому-то случаю, собственностію Королевской Библіотеки въ Дрезденѣ, оставалось тамъ и по нынѣ, будучи почти совсѣмъ неизвѣстнымъ свѣту. Первое свѣдѣніе о немъ Аделунгъ получилъ отъ Главнаго тамошняго Библіотекаря, Эберта, къ коему, по препорученію покойнаго Государственнаго Канцлера, Графа Н. П. Румянцева, отнесся онъ, для полученія извѣстій о имѣющихся въ той Библіотекѣ рукописяхъ, къ древней Исторіи Россіи относящихся. Эбертъ поспѣшилъ сообщить просимое, а Государственный Канцлеръ поручилъ было Аделунгу издать вѣрные снимки съ упомянутыхъ чертежей посредствомъ литографіи, вмѣстѣ съ нужнымъ къ нимъ для поясненія описаніемъ, что, однако, приведено въ исполненіе уже по смерти Канцлера, при содѣйствіи брата его, Графа С. П. Румянцева.“ Чертежи и изображенія эти приложены къ названному въ началѣ нами сочиненію Аделунга, коему они, по увѣренію его (стр. VI), были и первымъ поводомъ: въ немъ Аделунгъ собралъ все, что лишь могъ найти о путешествіи Майерберга, его пребываніи у насъ, политической цѣли его посольства, равно какъ и свѣдѣнія, къ литературѣ сего сочиненія относящіяся. Желающіе ближе познакомиться какъ съ самыми сими изображеніями, такъ объясненіями къ нимъ и по поводу ихъ разными свѣдѣніями, да благоволятъ обратиться къ самой книгѣ Аделунга о Баронѣ Майербергѣ и путешествіи его по Россіи, вышедшей въ одинъ и тотъ же годъ на Нѣмецкомъ языкѣ и въ переводѣ на Русскій.

О. БОДЯНСКІЙ.

17-го Декабря, 1873 г.
Москва.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МОСКОВІЮ

БАРОНА АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА.

Русское Царство, которое нынѣ мы называемъ Московскимъ, нѣкогда простиралось широко по обоимъ берегамъ Днѣпра (Бо-ристѳена). Но въ началѣ XI-го столѣтія по Христіянскому лѣто-счисленію, когда, съ одной стороны, сперва напали на него Поляки, а потомъ, съ другой стороны, Литовцы, оно сильно умень-шилось въ продолженіи чуть не 400-лѣтней тяжелой войны. По-тому что все теченіе Днѣпра, отъ его истоковъ до устья, съ Бѣлою (alba) и Черною (nigra), иначе Красною (rubra), или Малою (parva) Русью и обширнѣйшею Сѣверскою областью (Severiense ditione), Поляки и Литовцы постепенно отняли у Русскихъ Кня-зей во многихъ походахъ. А Витовтъ (Vitoldus), Великій Князь Ли-товскій, въ 1414-мъ году отнялъ у нихъ еще и великій Новгородъ (Novogardiam), и Псковъ (Plescoviam). Однако жь, когда Иванъ Васильевичъ старшій (senior Joannes Basilides), съ безстрашною отвагою свергнулъ съ себя и съ своей Московіи (Moscovia) Та-тарское иго, онъ взялъ обратно великій Новгородъ, послѣ семи-лѣтняго облежанія, въ 1477 году, въ царствованіе въ Польшѣ Ка-зимира III-го. Послѣ того какъ Сѣверскіе Князья перешли къ нему отъ зятя его, Александра Литовскаго, онъ опять привелъ подъ свою власть почти всю Сѣверскую область (Severia). Сынъ же его и преемникъ, Василій, возвратилъ себѣ, въ 1509 году, Псковъ, съ помощію измѣны духовенства, а спустя пять лѣтъ потомъ и самый Смоленскъ (Smolensciam), отнятый у Сигизмунда I-го перебѣжчикомъ Михаиломъ Глинскимъ (Linckzium).

Потомъ Стефанъ Баторій (Bathoreus) такъ смирилъ гордость Ивана Васильевича младшаго (junioris Joannis Basilidis), въ сво-ихъ трехъ походахъ въ Московію, подъ личнымъ, храбрымъ и счастливымъ, начальствомъ, что этотъ хитрый лицемѣръ умолялъ о миротворномъ посредничествѣ Римскаго Первосвященника, Гри-горія XIII-го, надававши ему блестящихъ обѣщаній. Папа, въ свою

очередь, послалъ Антонія Посевина (Possevinus), богослова Общества Езуитовъ, который, не успѣвъ уладить между ними чнаго договора на условіяхъ постояннаго міра, выгодныхъ обѣихъ сторонъ, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое вр остановить взаимное раздраженіе противниковъ. Такъ, въ 1 году, онъ и склонилъ Стефана къ десятилѣтнему перемирію, ключенному на томъ условіи, чтобы Иванъ сначала возвра Ливонію, а между тѣмъ поискалъ средства, какъ бы на военныя издержки и своимъ же оружіемъ взять назадъ Эсто (Esthonia), отнятую у Польскаго Короля Шведами, и тоже, со сно договору, возвратить ее Полякамъ, равно какъ условит какимъ способомъ отдать Польшѣ обратно Смоленское и Сѣ ское Княжества.

Стефанъ умеръ отъ удара, 13-го Декабря, 1586 года. восьмой мѣсяцъ послѣ того выбранъ былъ Королемъ Сигизму III, сынъ Іоанна, того Короля Шведскаго, который все удерживалъ за собою Эстонію. А сынъ Ивана Васильевича, доръ, по кончинѣ отца, 18 Марта, 1584 года, держалъ слѣдственный скипетръ Московіи руками своего шурина, Бо Годунова. Хотя онъ и освобожденъ былъ отъ обязанности воз тить Эстонію, которую Швеція обѣщалась отдать, по дого съ Польшею, при избраніи Сигизмунда, совсѣмъ тѣмъ взялъ оруженною рукою Шведскую Нарву въ Ижорѣ (Ингріи), въ году. Черезъ пять лѣтъ потомъ Сигизмундъ заключилъ съ мирный договоръ на 20 лѣтъ, стараніями Барона Эрнфрида ковича (Ernfridi a Minckowicz) и Николая Варкоча изъ Не ца (Nicolai Warcolsch a Nebschitz), Пословъ Императора Рудол а по смерти Ѳеодора подтвердилъ этотъ миръ съ его преемник Борисомъ Годуновымъ, въ 1598 году, благодаря старанію Л ского Канцлера Льва Сапѣги (Leonis Sapihae).

Въ 1604 году, послѣ того, какъ этотъ же Борисъ Году тайно, съ помощію злодѣевъ, убилъ Димитрія Ивановича въ личѣ, за этого убитаго Царевича выдалъ себя разстриженный нахъ, Гришка Отрепьевъ (Griska Utrepeia); однако жъ, хоть и держанный Польскою помощью въ продолженіе полутора г онъ понесъ наказаніе за безразсудно веденный обманъ. На стѣломъ Царскомъ престолѣ, съ общаго согласія Москви (Moschorum), сѣлъ Василій Ивановичъ изъ Князей Шуйскихъ silius Juanowicz ex Ducibus Suiskiis). Впрочемъ, другой обманщ продувной не меньше перваго, убитаго, выдалъ себя за

Димитрія, тайкомъ будто бы увернувшагося во время мятежа и ввергнулъ Московію въ новыя смуты.

При такой невзгодѣ еще Сигизмундъ стѣснилъ жестокою осадою Смоленскъ 1-го Октября, 1609 года, а по тому Москвитяне, не будучи въ силахъ управиться съ такимъ числомъ враговъ, свели съ престола своего Царя Василія, постыдно презираемаго за не благоволившее къ нему счастіе, и на его мѣсто выбрали сына Сигизмундова, Владислава (Uladislaum), на томъ условіи, чтобы онъ принялъ крещеніе и исповѣдывалъ Вѣру по Московскому обряду (Moschovitico ritu). Но Сигизмундъ, чувствуя справедливое отвращеніе къ такому дурному дѣлу, и домогаясь для себя Великаго Княжества Московскаго, чтобы передать его сыну, Владиславу, медлилъ посылать Королевича въ Москву, чего такъ настоятельно требовали Москвитяне; когда же они не хотѣли сдать Смоленска до исполненія этого условія, онъ взялъ этотъ городъ силою 13-го Іюня, 1611 года. Но Москвитяне, осадившіе тогда Поляковъ въ Москвѣ, въ послѣдствіи выгнали ихъ оттуда, впрочемъ не прежде, пока Поляки не выжгли всего этого города и не произвели жестокаго побоища между жителями.

Москвитяне, раздраженные столькими обидами и потерями, отказавшись отъ Владислава, предпочли взять себѣ въ Государя Михаила Романова (Michaelem Romanowium), сына Ростовскаго Митрополита Филарета, благороднаго, хоть и незнатнаго, происхожденія.

Онъ настоятельно просилъ, торжественнымъ посольствомъ Римскаго Императора Матѳія, чтобы этотъ соизволилъ быть возстановителемъ мира между Москвитянами и Поляками. Легко склонясь на эту просьбу, Матѳій (Matthias) отправилъ Посла, Эразма Гейделя (Heidelium), который, въ 1615 году, въ качествѣ посредника между уполномоченными обѣихъ сторонъ, переходилъ, въ городѣ Вязьмѣ (Wiesmae), то къ тѣмъ, то къ другимъ, однако жь не въ силахъ былъ убѣдить ихъ къ заключенію равно пріятныхъ для нихъ мирныхъ условій. Напротивъ, еще въ слѣдующемъ же году Москвитяне сдѣлали напрасное нападеніе на Смоленскъ. Но потомъ Владиславъ, вторгшись съ сильнымъ войскомъ, въ внутреннія области Московіи, привелъ долговременнымъ облежаніемъ въ опасное положеніе самую Москву и приступилъ къ ней; однако жь, такъ какъ и Владислава тоже стѣсняли разныя домашнія неурядицы, то, при деревнѣ Деулинѣ (Divulinum), въ

исходѣ 1618-го года, завязались переговоры, на которыхъ стороны и заключили на 14 лѣтъ съ половиною перемиріе.

Подъ исходъ этого перемирія сильно вооруженные Москви напали на Смоленскъ, подъ начальствомъ Князя Михайла Борисо Шеина (Sehino), которому въ послѣдствіи отрубили на Москов площади голову, какъ измѣнннику. Однако жь, когда неожида подоспѣвшій Владиславъ отразилъ ихъ, нанеся имъ сильное п женіе, и отбилъ у нихъ станъ, они согласились на болѣе почет мирныя условія въ 1634 году при рѣкѣ Поляновкѣ (Polanov между Вязьмою и Дорогобужемъ (Drohobusum). По условіямъ го мира, Владиславъ уступилъ Михаилу, вмѣстѣ съ титуломъ, свои права на верховную власть въ Московіи, но удержалъ за бою въ вѣчномъ владѣніи Княжества Смоленское и Сѣверс со всѣми землями, также и титулами этихъ Княжествъ.

Послѣ скоропостижной смерти Михаила, 12-го Іюля, 164 да, хотя сынъ его, Алексѣй, возобновилъ этотъ миръ, сначал Владиславомъ, а по смерти его, 20-го Мая, 1648 года, под дилъ клятвою, съ его братомъ преемникомъ, Іоанномъ Казимир совсѣмъ тѣмъ въ послѣдствіи не хотѣлъ ставить его ни во

Москвитянъ поджигало воспоминаніе бѣдствій, которыя ляки, вступавшіе къ нимъ защитниками лукавыхъ продѣ Лжедмитріевъ, далеко разнесли по областямъ ихъ Царства въ жарахъ и убійствахъ. Ихъ подстрекали къ мести также Княже Смоленское и Сѣверское, отторгнутыя отъ Московіи Сигизмун въ трудное время Московской смуты и, не смотря на старанія квитянъ, удержанныя храбростію Владислава, на основаніи нужденныхъ невыгодныхъ для нихъ мирныхъ условій. Такъ все и искали случая возвратить свои потери и вмѣстѣ распла ся мстительнымъ оружіемъ съ Поляками за всѣ убытки и об

Въ числѣ другихъ условій Поляновскаго договора пост влено было, чтобы, въ видахъ устраненія на будущее время вода къ несогласіямъ, какой подавали до сихъ поръ ошибк титулахъ, предписанъ былъ извѣстный образецъ этихъ титул котораго и должны неизмѣнно держаться Польскіе Короли и сковскіе Цари, въ ихъ взаимныхъ письменныхъ сношеніяхъ. Москвитяне и собрали съ особенною заботливостью и тщате хранили много писемъ Польскаго Короля къ Царю, въ котор по словамъ ихъ, съ умышленнымъ пренебреженіемъ, на что ловался и Царь, вкрались койкакія неважныя ошибки,

оплошности писцовъ и по незнанію Московскаго нарѣчія и образа выраженія. А какъ Москвитяне видѣли, что возстаніе Запорожскихъ Козаковъ значительно ослабляетъ и развлекаетъ военныя силы Польши, то немедленно и воспользовались выпавшимъ случаемъ, котораго добивались уже давно.

Чрезъ своего Посла, Георгія Гавриловича Пушкина (Georgium Haurilowicz Putzkin), съ товарищами, Алексѣй съ большимъ многословіемъ жаловался Королю, Іоанну Казиміру, на злонамѣренныя перемѣны и искаженія его титуловъ въ Королевскихъ письмахъ, къ его Царскому безчестью, просилъ и требовалъ настоятельно, чтобы съ писавшими эти письма, какого бы званія они ни были, поступлено было по закону Владислава о преступленіи противъ Величества.

Поляки видѣли, что Москвитяне дѣлали это требованіе только съ тѣмъ, чтобы имѣть предлогъ къ нарушенію мира во время такихъ невзгодъ Республики, и, для предупрежденія ихъ намѣреній, отвѣчали, что, по Королевскому приказу, обвиняемые приглашены къ отвѣту на ближайшемъ сеймѣ, на который и Алексѣй пускай присылаетъ своихъ уполномоченныхъ въ качествѣ обвинителей, съ доказательствами, увѣряя его, что Король накажетъ виновныхъ даже смертною казнію.

Посолъ Пушкинъ, удовлетворенный Королевскимъ рѣшеніемъ, приводилъ другую жалобу, которую еще усилилъ множествомъ выраженій болѣе обиднаго смысла, именно: что Иванъ Александръ Горцинъ (Horczin), Эбергардъ Васенбергъ (Wassenbergius) Гвардовскій (Twardowius), Виленская Академія и другіе, въ изданныхъ ими, съ вѣдома и согласія Короля, книгахъ превозносили трофеи Владислава и торжество его надъ Московіею, къ великому поношенію покойнаго Царя, Михаила, и всѣхъ прочихъ Москвитянъ, что было явное нарушеніе Поляновскаго договора, согласно постановленію котораго такія вещи должны быть преданы вѣчному забвенію, и необходимо требуетъ возмездія оружіемъ со стороны Царя, если Король и Республика не удовлетворятъ его за нанесенную обиду отдачею Смоленска, а Бояръ уплатою 50 тысячъ золотыхъ (aureorum).

Поляки отвѣчали, что обвиняемые писатели—люди вольные въ свободной Республикѣ, и издали свои книги, на которыя нападаютъ Москвитяне, безъ вѣдома Короля и Сената. Впрочемъ, какъ бы это ни сдѣлалось, Поляки не понимаютъ, съ чѣмъ это

у Львова, и повторили свое требованіе: послѣ многихъ съ об
сторонъ убѣжденій, они сказали наконецъ, что Государь ихъ ох
отстанетъ отъ этихъ настойчивыхъ требованій, если только
дитъ свое посредничество у Короля въ такомъ почетѣ, что онъ
стить Запорожскимъ Козакамъ вину ихъ возстанія и, позабывъ
все прошлое, снисходительно приметъ ихъ въ нѣдра своей мил

Во избѣжаніе всякихъ предлоговъ къ войнѣ, Король п
чилъ нѣкоторымъ изъ вельможъ, чтобы они, вмѣстѣ съ Царск
Послами, разсудили хорошенько, не найдется ли возможности
лать угодное Царю въ этой его просьбѣ? Совсѣмъ тѣмъ Моск
не потребовали еще Зборовскаго договора (pacta Shorowiensia)
возставшихъ, а Королевскіе уполномоченные удачно доказали
что новымъ своимъ возстаніемъ сами Запорожцы повторит
оказали пренебреженіе къ этому договору, и что благодѣяній
они дважды лишились по своей винѣ. Послы настаивали, чт
по крайней мѣрѣ, истребили корень несогласій съ Запорожц
ограничивъ ту Вѣру, которая, по согласію ея съ Римскою Церк
называется Унитскою и всегда, составляя замыслы на истреб
Греческаго обряда, была причиною этой войны съ Запорожц
Однако жь, постоянно опровергаемые чрезвычайнымъ множест
злодѣйскихъ и святотатственныхъ дѣлъ, совершенныхъ Запо
цами вездѣ надъ приверженцами одной съ ними Греческой В
надъ ихъ церквами и священной утварью, Послы, по видим
успокоились; по тому что они гнушаясь злодѣйствами Запо
цевъ и вполнѣ негодуя на нихъ, объявили совершенно удовл
ренными и себя, и своего Государя.

Но только что вернулись они къ Алексѣю, какъ онъ, выс
войско, укрѣпилъ внутреннею стражей Кіевъ, Бѣлую Цер
(Bialoczerkuiam) и другія мѣста, отданныя ему въ залогъ вѣ
сти Запорожцами и поддерживалъ ихъ въ неповиновеніи. Вс
вторгшись въ Бѣлоруссію (in Albam Russiam), онъ быстро
дѣлъ ею всею. Но, не довольствуясь этимъ, ободренный успѣх
онъ подчинилъ себѣ еще силой всю, остававшуюся безъ об
ны, Литву, выжегъ ее, вырѣзалъ ея жителей и опустошилъ.

Въ долгой борьбѣ съ этими и другими несчастіями, внут
нею измѣной, Шведскими завоеваніями, Іоаннъ Казимиръ нако
изнемогъ подъ ихъ гнетомъ и, потерявъ Государство, бѣ
укрыться въ Силезію, съ своею женою Лудовикою Маріею.
да онъ, съ полной увѣренностью, просилъ своего двоюрод

брата, блаженной памяти Августѣйшаго Императора Фердинанда III, чтобы взялъ на себя посредничество для мира его съ Московіей, по тому что, съ удаленіемъ этого самаго могущественнаго врага, ему будетъ свободно вздохнуть отъ гнетущихъ его несчастій, сдѣлавшись его изгнанникомъ.

Фердинандъ согласился на просьбу, и немедленно, въ 1655 году, отправилъ Алегрета де Алегрети (Allegrettum de Allegrettis) и Іоанна Ѳеодора Лорбаха (Lorbach), которые отъ его имени должны были склонить Московскаго Царя къ заключенію мира съ Поляками, и дружескими убѣжденіями уладить мирныя условія къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ. А въ видахъ осторожности, чтобы не подать никакого наружнаго повода Москвитянамъ къ подозрѣнію, будто бы онъ снарядилъ свое посольство по уговору съ Поляками, и чтобы Москвитяне, догадавшись изъ того, что Поляки трусятъ, не рѣшились предписать имъ болѣе тягостныя условія, Императоръ хотѣлъ, чтобы его Послы избѣгали Польскихъ владѣній, отправились бы чрезъ Нѣмецкія въ Любекъ, тамъ сѣли на корабль и плыли въ Ливонію, а оттуда ѣхали въ Москву.

Алексѣй принялъ предложеніе, и въ 1656 году назначилъ городъ Вильну мѣстомъ собранія Пословъ обѣихъ сторонъ; но дѣятельность Императорскихъ Пословъ никакъ не могла уладить споровъ о вѣчномъ мирѣ, которые, по заключеніи, 3 Декабря, перемирія, и были отложены до будущаго Польскаго сейма. Это было къ великой выгодѣ для Поляковъ, между тѣмъ какъ Москвитянинъ изливалъ весь свой гнѣвъ на Шведовъ въ Ливоніи, благодаря этому отвлеченію врага въ другое мѣсто, Полякамъ стало удобно вытѣснить его, съ помощію Цесарскихъ войскъ, изъ своего Государства, которымъ онъ овладѣлъ было.

Впрочемъ, условія перемирія соблюдались не очень-то свято съ обѣихъ сторонъ, а по тому война и возобновилась. Для прекращенія жалостнаго кровопролитія между Христіянами, и водворенія тишины во всемъ Сѣверномъ краѣ, при посредствѣ Австрійскаго орла, Державнѣйшій Римскій Императоръ, Всемилостивѣйшій мой Государь, Леопольдъ, пожелалъ слѣдовать по стезѣ своего отца, и всемилостивѣйше повелѣлъ отправиться къ Алексѣю мнѣ и Горацію Вильгельму Кальвуччи (Horatio Gulielmo Caluuccio), Рыцарю Священной Римской Имперіи и члену суда въ Нижней Австріи, съ дружескимъ предложеніемъ ему перемирія, и только

въ случаѣ его согласія на то, объявить себя Императорскими
слами.

Придерживаясь тѣхъ же соображеній, какими руковод
и Августѣйшій его отецъ,' онъ велѣлъ намъ уклоняться отъ
скаго Государства: для того сначала и просилъ Герцога Кур
скаго, Іякова, предупредить о будущемъ нашемъ приходѣ п
ничныхъ Воеводъ Московской области, чтобы тотчасъ же,
прибудемъ туда, они насъ приняли и, нимало не мѣшкая, о
прямо къ Царю. [3] По тому что старинный обычай Москви
запрещаетъ имъ допускать въ свои области Пословъ иноземн
Государей до тѣхъ поръ, пока Великій Князь, удостовѣрив
точнѣе въ ихъ пріѣздѣ, не прикажетъ пропустить ихъ.

Отправившись изъ Вѣны, 16 Февраля, 1661 года, мы пріѣ
въ столицу Государства Маркоманновъ, Оломуцъ (Olomucium
древнему названію Eburum Marcomannorum. Тутъ-то, покинувъ
гу изъ Малой Польши, чтобы взять направленіе въ Курляндію
повернули влѣво и 26-го Февраля прибыли въ главный го
Силезіи, удержавшій имя своего основателя, или возстанов
Чеха Вратислава, въ 200 миляхъ разстоянія отъ Вѣны.
изъ угожденія общему съ нами Государю, насъ посѣтили
Сенаторовъ и одарили дарами отца Вакха.

Чрезъ два дня мы выѣхали изъ Вратиславы (Uratislauia) и
ѣхавши городокъ Миличъ (Militscium), [4] въ 45 миляхъ оттуда
снулись предѣловъ Великой Польши при Фрейгайнѣ (Fr
nium). [5] Сдѣлавъ еще 50 миль, при деревнѣ Погоржельцахъ
gorelitzium), [6] мы переѣхали по мосту рѣку Варту и, послѣ 1
пути оттуда, прибыли въ городъ Гнѣзно, [7] названный так

---

[3] Полный составъ Посольства былъ слѣдующій: Императорской Гоф
ратъ, въ послѣдствіи Баронъ фонъ Майрнъ (Майербергъ), и Совѣтникъ В
наго Правленія Австрійскаго Ораціо Гульельмо Кальвуччи. При нихъ
лись: переводчикъ Яковъ Веберъ, Священникъ или Капелланъ Севастья
виничъ, Секретарь Михаилъ Гамеръ, рисовальщикъ Іоаннъ Рудольфъ
или Сторно, одинъ Шталмейстеръ и 12-ть человѣкъ разныхъ прислуж

[4] Миличъ, Уѣздный городъ въ Силезіи, на р. Барчѣ, съ 3,878-го жи

[5] Фрейгайнъ тамъ же, гдѣ и Миличъ.

[6] Пограничная съ Польшею деревня Погоржелицы.

[7] Гнѣзно, Уѣздный городъ въ Познани, съ прекрасною соборною церко
которой, до 1320 года, короновались Польскіе Короли; 9,650 жителей,
которыми 1,300 Жидовъ.

строителемъ, Лехомъ, первымъ Польскимъ Княземъ, по совѣту кудесниковъ, отъ гнѣзда бѣлыхъ орловъ, около 550 г. нашего Искупленія. Тутъ было мѣстопребываніе самого Леха и его потомковъ до Крака, строителя Кракова (Cracoviae), который и жилъ въ немъ; тутъ же жилъ въ послѣдствіи и Пястъ, и многіе изъ его потомства. Туда же правнукъ Пяста, Болеславъ Храбрый (Chrobri), позаботился перенести тѣло мученика Адальберта, второго тамошняго Архіепископа, выкупивъ его у язычниковъ Пруссовъ, его убійцъ, и сдѣлалъ ему приличное погребеніе. Архіепископскимъ же достоинствомъ этотъ городъ почтилъ первый изъ Христіянскихъ Князей Польши, (Мечиславъ Miecislaus), правнукъ Пяста, около 965 года, съ утвержденія Іоанна XIII, занимавшаго тогда престолъ Св. Апостола Петра. Въ началѣ XV вѣка отъ воплощенія Бога Слова этому городу придана новая знаменитость, когда Архіепископъ его, Николай Трамба (Tramba), получилъ отъ Констанскаго Собора достоинство Примаса въ Польшѣ. Значеніе города еще увеличилось, когда, въ слѣдующемъ столѣтіи, Іоаннъ Ласкій (Laski) получилъ отъ Латеранскаго Собора званіе постояннаго Папскаго Легата въ Польшѣ, не только для себя лично, какъ до того Генрихъ Китлицій (Kitzlicius), отъ Иннокентія III, но и для своихъ преемниковъ. Въ гражданскомъ же отношеніи Архіепископъ Гнѣзненскій, самая важная особа послѣ Короля, во время междуцарствія представляетъ какъ бы тѣнь его, да и всегда отличается значительными преимуществами.

Проѣхавъ, въ тридцати миляхъ оттуда, городъ Пакосць (Pacosium),[1] на рѣкѣ Нотецъ, мы прибыли въ Бромбергъ (Bromberga) или Быдгощь (Bidgostiam),[2] Королевскій городъ на рѣкѣ Бердѣ въ

---

[1] Пакосць (Pakość) лежалъ въ землѣ Куявской, въ околицѣ Палуки (Paluki), коего замокъ уже въ XIII столѣтіи упоминается. Съ половины XIV ст. городъ. Одинъ изъ Дзялынскихъ, Воевода Калишскій, въ концѣ XVII стол., находя положеніе его похожимъ на положеніе Іерусалима, построилъ тамъ Новый Іерусалимъ (Nowa Ierusalem), съ 25 часовнями, въ память жизни и страданій Спасителя. Въ первыхъ числахъ Мая собирается туда значительное число поклонниковъ. Съ 1772 г. городъ этотъ принадлежитъ Пруссіи. О. Б.

[2] Первоначально замокъ, извѣстный съ начала XIII стол., возвращенъ Польшѣ въ 1343 году, за тѣмъ и городъ. Достался Пруссакамъ по первому раздѣлу Польши. Съ проведеніемъ канала, соединяющаго рѣку Нотець съ Вислой при посредствѣ Берды, впадающей въ 7 верстахъ отъ Вислы, городъ этотъ значительно поднялся. О. Б.

Маломъ Поморьѣ (Pomerelia), то же въ 30 миляхъ разстоянія отъ
косця, который, при недавнемъ вторженіи Шведовъ, по случаю
ремѣнчивости военнаго счастья и бѣдственной превратности в
ны, былъ взятъ ими и потомъ отнятъ у нихъ назадъ. По пр
дѣ нашемъ туда горожане приняли насъ суровѣе, чѣмъ Шведо
Отъ того мы и принуждены были переночевать за городомъ
постояломъ дворѣ.

Малое Поморье, въ древности часть Поморья (Pommerani
обитаемая Готами (Guttonibus), происходившими отъ Германскаго
рода Вандаловъ, была занята потомъ Сарматами Венедами или В
дами, усвоившими себѣ имя первыхъ, заключала въ себѣ часть Ка
біи (Cassubiae) и управлялась долго собственными Князьями.
было до 1290 года, когда Местовинъ (Mestovinus), завѣщалъ
по просьбѣ своихъ подданныхъ, Князю Великой Польши, П
мыславу (Primislao), помимо своихъ родственниковъ по отцу, К
зей Передняго Поморья, и двухъ дочерей, одной, бывшей за К
земъ Руенскимъ (Rugiae), а другой за Графомъ Адольфомъ Г
штинскимъ (Holsatiae), и такимъ образомъ Малое Поморье стало
локомъ раздора (pomum Eridis) между ними. Но межъ тѣмъ, к
они ссорились, Тевтонскій Орденъ (Teutonicus Ordo), вооруживш
и самъ подоспѣлъ на споръ и одолѣлъ ихъ, а въ 1310 году, по
ривъ эту страну, присоединилъ ее къ своей Пруссіи, которую отн
у Эстовъ (Aestiis). По тому что когда Мазовію бѣдственно разор
язычники Пруссы, Князь Мазовскій Конрадъ, чувствуя себя не
силахъ оборонять ее, съ дозволенія Римскаго Императора Фрид
II-го, 29 Мая, 1226 года, возложилъ эту обязанность на Маріянск
рыцарей, [10] до того уже изгнанныхъ Сарацынами изъ Сирі
бывшихъ въ то время подъ управленіемъ четвертаго Магистра
дена, Германа Зальца (de Salza). Конрадъ предоставилъ имъ
ласть, заключающуюся между рр. Вислой, Мокрой и Древен
(Dervancia), съ присоединеннымъ къ ней недавно Хельмейск
(Culmensi) округомъ, который, однако жь, долженъ быть воз
щенъ ему, когда они, по уговору, подѣлятся съ нимъ отнят
землями у побѣжденныхъ Пруссовъ. Крестоносцы повели д

---

[10] Такъ названныхъ по имени Богородицы Маріи, какъ покровительницы
дена, равно какъ и самый городокъ названъ, въ честь ея, Mariaeburg
Польски переиначено въ Malborg, сдѣлавшійся съ того времени стольнымъ
жаковъ или Крестоносныхъ рыцарей, при Магистрѣ ихъ Зигфридѣ Фе
ваненѣ, и считался однимъ изъ самыхъ неприступныхъ. О. Б.

съ такимъ усердіемъ, что побѣдоноснымъ своимъ оружіемъ по-
корили Пруссовъ, а потомъ Польскій Король, Владиславъ Локо-
токъ, позвалъ ихъ на помощь своему замку Гданску (Gedanensis),
осажденному Бранденбургскими Маркграфами, Іоанномъ и Вальде-
маромъ: они освободили замокъ и удержали его за собою въ возмѣ-
щеніе издержекъ. Въ 1310 году они взяли также и упомянутый го-
родъ и утвердились во всемъ Поморьѣ, купивъ его у тѣхъ Маркгра-
фовъ, съ соизволенія Императора Генриха. Въ послѣдовавшей за
тѣмъ войнѣ, которая тянулась съ перемѣннымъ успѣхомъ, Поляки
и Крестоносцы сражались между собою до тѣхъ поръ, пока, въ
1343 году, Рыцари не вынудили у Казимира Великаго грамоту,
уступавшую имъ всѣ его права на Поморье и Хельменскій округъ,
съ согласія свѣтскихъ вельможъ его Королевства. Послѣ того, въ
1408 году, Ягайло нанесъ войску Крестоносцевъ жестокое по-
раженіе при Грюнвальдѣ (apud Grunevaldum) [1] къ тому же,
при этомъ упадкѣ силы ихъ, они не ладили между собою изъ не-
зависти, и такъ слабо правили своими подданными, что эти по-
слѣдніе, въ 1454 году, почти всѣ перешли отъ нихъ къ побѣди-
телю, а потомъ къ его сыну, Казимиру, во время управленія Орде-
номъ Магистра Лудовика Эрлингсгаузена (ab Erlingshausen). Они
далеки были отъ того, чтобы своимъ преемникамъ оставить воз-
можность возвратить назадъ утраченныя земли; напротивъ, еще
сами нашлись вынужденными стать подручниками Польши. По-
слѣ того Альбертъ, сынъ Фридриха изъ Онольбахской линіи
Onolsbachianae lineae) Маркграфовъ Бранденбургскихъ, тридцать
четвертый Магистръ Ордена, распростившись съ Католической
Вѣрой, принялъ, 24 Февраля, 1525 года, Лютеранскую, и усту-
пилъ своему дядѣ, Сигизмунду 1-му, сыну Казимира, Орденское
право на все Малое Поморье и часть Пруссіи, но удержавъ за
собою въ потомственномъ владѣніи гораздо большую ея часть съ
титуломъ Прусскаго Герцога (Ducis Prussiae), подъ подручниче-
ствомъ Польши. Отъ того Пруссія и раздѣлились на Королевскую
и Герцогскую (Regalem et Ducalem).

Королевская Пруссія состоитъ изъ Варминскаго и Хельмен-
скаго Епископствъ, Воеводствъ Хельменскаго, Маріенбургскаго
и Малопоморскаго, съ большими городами: Торунемъ, Эльблон-
гомъ (Elbinga) и Гданскомъ (Gedanum), и премногими другими
меньшими городами.

---

[1] Это извѣстная роковая битва при Танненбергѣ, бывшая въ 1410 году.

Ея гражданское управленіе принадлежитъ тремъ учреж
ямъ: первое составляютъ Епископы Варменскій и Хельменскій
воды Начальники крѣпостей (Castellani), и низшіе придво
чины (Succamerarii), завѣдующіе судомъ въ пограничныхъ окр
Хельменскомъ, Маріенбургскомъ и Малопоморскомъ, и въ боль
городахъ: Торунѣ, Эльблонгѣ и Гданскѣ. Съ ихъ совѣта К
обязанъ управлять всѣми дѣлами, касающимися всей Прус

Второе учрежденіе дворянское, имѣющее свои собра
судебные округи: въ Хельменскомъ, въ городахъ Ковалевѣ
walewi) [12] и Голубѣ (Golubae), [13] въ Маріенбургскомъ въ Хр
бургѣ, [14] въ Малопоморскимъ въ Тщевѣ (Dersaviae), [15] въ
(Suece), [16] Тухолѣ (Ticholiae), [17] Суховѣ (Glukoviae), [18] Мирахов
rachoviae), [19] Пуцкѣ (Putzki) [20] и Лавенбургѣ (Lavenburgi), [21]
отчужденномъ Бранденбургскому Курфирсту вмѣстѣ съ Бит
(Bythovia), [22] въ каждомъ изъ нихъ судья и выборный изъ
данъ (a Scabinis) ихъ округа завѣдываютъ гражданскимъ
производствомъ.

Третье правительственное учрежденіе составляютъ ме
города, изъ которыхъ каждый судитъ своихъ гражданъ.

Герцогская же (Княжеская) Пруссія, распадавшаяся в
рину на многія мелкія области, нынѣ заключаетъ въ себѣ
ги Самбландскій (Samblandiae), Натангскій (Natangico) и
ландскій (Oberlandico). Всѣ они, по праву наслѣдства, пер
по кончинѣ Альберта, 20-го Марта, 1568 года, къ его
Альберту Фридриху и его временнымъ опекунамъ, а по
его, послѣдовавшей 28 Августа, 1618 года, къ Курфирсту
денбургскому, Георгію Вильгельму, нынѣ же признаютъ с

---

[12] По Нѣмецки Schoensee, между двухъ озеръ, въ 3-хъ миляхъ отъ Торуня
[13] На р. Древенцѣ, въ Маріенвердерскомъ округѣ Герцогства Пруссіи.
[14] Христбургъ въ Маріенвердерскомъ округѣ на р. Соргѣ.
[15] Въ Гданскомъ округѣ на Вислѣ. О. Б.
[16] Польское Swiec, Нѣм. Schwetz, въ Маріенверд. округѣ. О. Б.
[17] Тамъ же. О. Б.
[18] Suchovia, или по Нѣмецки нынѣ Schlochau, въ Гданскомъ округѣ, съ в
не уступавшимъ въ крѣпости Мальборскому. О. Б.
[19] Тоже въ Гданскомъ округѣ. О. Б.
[20] На берегу Балтійскаго моря. О. Б.
[21] Лаувнбургъ, въ округѣ того же имени. О. Б.
[22] Битовъ въ Поморьѣ, въ Цеслинскомъ округѣ. О. Б.

Государемъ сына его, Фридерика Вильгельма, нелавно освобожденнаго отъ всякихъ зависимыхъ обязанностей договоромъ въ Быдгощѣ, въ 1657 году (pacta Bidgostiensia).

Управленіе всѣмъ Герцогствомъ вѣрено преимущественно четыремъ судебнымъ учрежденіямъ. Первое мѣсто занимаетъ Верховное Управленіе, которое составляютъ: Намѣстникъ Герцога, Главный Воевода Герцогства, Бургграфъ, Канцлеръ и Маршалъ. Второе мѣсто составляютъ 4 старшіе и 8 младшихъ Гауптмановъ (Capitaneis), и всѣ они изъ дворянъ (ex nobilitate). Каждое Гауптманство судится своими дворянами, такъ же какъ и каждый городъ своими гражданами. Третье есть Верховный Аппелляціонный Судъ (Supremum Appellationis tribunal), учрежденный въ 1657 г., который состоитъ изъ предсѣдателя, пяти дворянъ и трехъ законовѣдовъ. А четвертое — Надворный Судъ (Judicium Aulicum), въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ дворянина, засѣдаютъ пять дворянъ и трое гражданъ. Въ Герцогствѣ два сословія: одно дворянское (equestrem), къ которому принадлежатъ: Графы (Comites), Бароны и Дворяне (Nobiles), а другое гражданское, состоящее изъ горожанъ, которые имѣютъ право голоса въ областныхъ сеймахъ (comitiis).

Оставивъ негостепріимную Быдгощу, мы, сдѣлавъ 40 миль, прибыли въ Тухолу, лежащую тоже на рѣкѣ Бердѣ; городъ этотъ доселѣ не оправился отъ бѣдствій Шведской войны. Отсюда, проѣхавъ 50 миль, остановились въ Хойницѣ (Schoinicia) [1] или Скоржевѣ (Scarsevia), съ замкомъ, при рѣкѣ Ферсѣ (Fersa), также пострадавшее отъ войны; въ немъ судъ Воеводскій. Продолжая далѣе путь, послѣ двѣнадцати миль, пріѣхали, 12-го Марта, въ Гданскъ (Gedanum), славную пристань на Балтійскомъ морѣ.

Что Гданскъ построили Датчане, а не Визимиръ (Visimirus), Король Польскій, по увѣренію Гваньина, это, кажется, можно заключить изъ самаго этимологическаго производства этого названія, хотя Понтанъ, въ своей «Датской Исторіи,» и утверждаетъ, будто бы онъ нашелъ у Поморскихъ лѣтописцевъ, что во время морской войны Датскаго Короля, Вальдемара 1-го, съ Поморскимъ Княземъ Собѣславомъ, около 1165 года, Король построилъ при устьѣ Вислы замокъ или укрѣпленное мѣсто Дансвикъ (Danswicum). Клю-

---

[1] Иначе Skarzew, Нѣм. Schoeneck въ 4½ миляхъ отъ Гданска, упоминается уже въ 1180 году. О. Б.

веръ же, чтобы польстить своимъ землякамъ, предпочитаетъ пр
водить это названіе отъ неба (e coelo), увѣряя, что оно
Гданску по заливу Коданскому (Codano) или Годанскому (G
по), который теперь называется нами Балтійскимъ моремъ,
лучше отъ имени Творца и неба и моря, т. е., Германскаго б
ства Дана (Dan) или Годана (Godono). [24] Собѣславъ, занявшій
вскорѣ по отступленіи Вальдемара, первый, говорятъ, далъ э
городу его права. Отъ премниковъ же его этотъ городъ пере
во владѣніе Бранденбургскихъ Маркграфовъ, отъ нихъ къ П
камъ, а отъ этихъ къ Маріянскимъ Рыцарямъ, а сбросивши
ихъ, въ 1454 году, подчинился наконецъ, на извѣстныхъ у
віяхъ, Польскому Королю, Казиміру Ягайловцу. Въ 1632
на сеймѣ чиновъ въ Варшавѣ, собранномъ по смерти Сигизм
III-го, для назначенія ему преемника, Гданскъ получилъ прав
давать и свой голосъ при избраніи Короля. Этотъ древній гор
возобновленный въ 1343 году, былъ обнесенъ стѣнами, а замѣ
что съ горъ, возвышающихся съ южной и западной стороны
него, всякая буря засыпаетъ пескомъ городскіе дома, онъ,
1656 и слѣдующихъ годахъ, когда Шведскій Король пытался
разрушить, оградилъ ихъ самыми сильными укрѣпленіями, ча
сломавши, а частью сжегши, городскія предмѣстія. Въ управ
этой общиной первое мѣсто занимаютъ четыре Консула и
Сенаторовъ, изъ которыхъ Король ежегодно выбираетъ с
Бургграфа (Burgravium). Второе правительственное мѣсто с
вляютъ старѣйшины, то есть, судьи, или, такъ сказать, помо
ки судей, завѣдывающіе гражданскими уголовными дѣлам
третье Великій Совѣтъ ста мужей, во многихъ случаяхъ п
ставляющій, однако жь, право обжалованія (аппелляціи) къ
ролю. Большинство жителей—Лютеране, немало и Кальвинис
меньше всего послѣдователей древней Католической Вѣры. В
чемъ, всѣ пользуются равной свободой богослуженія. Тамо
Сенатъ, изъ уваженія къ Священному Цесарскому Величеству,
слалъ своихъ сочленовъ навѣстить насъ двоихъ и почтилъ
въ видѣ подарка, виномъ.

Продолжая наше путешествіе 17-го Марта, тотчасъ
выѣздѣ изъ Гданска, мы переправлялись, съ немалымъ тру
въ полую воду, на паромахъ черезъ Вислу, которая въ древ

[24] Wodan.

называлась Вандальскою (Vándalum) и составляла границу между Германіей и Сарматіей.

Потомъ сдѣлали 26 миль по песчаной дорогѣ на берегу Балтійскаго моря или залива Коданскаго (Codanum) у Плинія, Венедскаго (Venedicus) у Птолемея, и у Тацита—Свевскаго (Svevicum); тутъ тянется длинное возвышеніе изъ наноснаго песку съ моря и съ залива, называемое островъ Нерінга (Neringa) [25] и простирается до деревни Армленія (Armlenium), признающей [26] судебную власть Гданскаго округа, а далѣе за нею Натангенскаго. На четвертый день послѣ того, съ восходомъ солнца, мы прибыли къ Пилавской переправѣ. Вѣтра не было никакого, и въ самую тихую погоду гребцы благополучно привезли насъ въ Пилаву. Это ни чѣмъ незамѣчательный городокъ (кромѣ только изобильной ловли осетровъ), едва ли бы отмѣтили на своихъ картахъ космографы, если бъ не заступились за него предъ ними два укрѣпленія, которыя тутъ построены. Оба они возвышаются по обѣимъ сторонамъ устья, которымъ Гафъ наливаетъ свои воды въ Балтійское море и поглощаетъ себѣ подвластныя рѣки, такъ что корабли безъ ихъ вѣдома ни какъ не могутъ проходить мимо ихъ, не подвергаясь величайшей опасности. Начальникъ этѣхъ крѣпостей и окрестныхъ мѣстъ, Петръ де ла Каве (de la Cave), осыпалъ насъ самыми любезными вѣжливостями.

Выѣхавъ въ тотъ же день дальше, мы увидали, на правой сторонѣ залива, городъ Фишгаузенъ (Fischhusium), [27] построенный крестоносцами въ 1269 году, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, 23 Апрѣля, 997 года, тамошніе жители язычники замучили Св. Адальберта, привязавъ его къ столбу и пронзивъ семью копьями. Сначала онъ былъ Епископомъ Пражскимъ, а потомъ Архіепископомъ Гнѣзненскимъ. Послѣ того этотъ городъ былъ мѣстопребываніемъ Епископовъ Самбландскихъ, до тѣхъ поръ, пока Георгій Поленцъ (Polentz), разошедшись съ своею Невѣстою, Церковью и Вѣрой,

---

[25] Нерунги, двѣ песчаныя косы: Куриш Нерунгъ и Фришъ Нерунгъ, то же, что наша Арабатская стрѣлка при Азовскомъ морѣ, по которой тоже проходила почтовая дорога.

[26] Армленъ, селеніе на Гданскомъ Нерунгѣ, въ 4 миляхъ отъ Фогельзанге.

[27] Фишгаузенъ, Уѣздный городъ на большой бухтѣ Фришгафа и главное мѣсто на полуостровѣ Самландѣ въ Кенигсбергскомъ округѣ, въ Пруссіи.

и бросившись въ объятія Балгенской [28] женщины, уступилъ эт мѣсто Прусскому Герцогу въ постоянное владѣніе.

Послѣ 35-ти миль пути мы пріѣхали въ Кенигсбергъ (Regio montum), [29] обширный городъ, построенный, въ 1260 году, ше стымъ Магистромъ Тевтонскаго Ордена, [30] Поппомъ Остерлингом (Poppa ab Osterling), въ Самбійскомъ или Самландскомъ Герцог

---

[28] Мѣстечко Балга въ Кенигсбергскомъ округѣ, при Фришгафѣ, съ развали ми древняго замка Меченосцевъ, который нѣнѣ возстановляется.

[29] Главный городъ Восточной Пруссіи и состоитъ изъ 4-хъ главныхъ часте Стараго города, Лёбенихта, Кнейпгофа и Королевскаго замка. Въ замков церкви, съ 1701-го года, совершается коронованіе Королей. Жителей 101,50

[30] Тевтонскій Орденъ, учрежденный, по образцу Ордена Іоаннитовъ и Храмо никовъ, въ 1190 году, въ Палестинѣ, при осадѣ Акки или Акры: онъ имѣ своею цѣлію уходъ за больными паломниками, защиту ихъ и войну съ Н вѣрными. Но не этѣ задачи больше всего требовали самоотверженія. Рыца скіе Ордена вмѣстѣ съ тѣмъ налагали и монашескія обязанности: убожест послушаніе, цѣломудріе, на всю жизнь. Весь человѣкъ, душою и тѣломъ, пр надлежалъ Ордену. Участь Нѣмскаго рыцаря-монаха была такова, что дни пр водилъ онъ у постели больнаго, или на сѣдлѣ въ битвѣ, а ночи часто за общ ственнымъ богослуженіемъ; его одежда была чернаго цвѣта, безъ всяки украшеній; сверху надѣвался бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ; постель служилъ мѣшокъ съ соломой, покрытый шерстянымъ одѣяломъ; пища бы простая, часто скудная. Но благочестивая восторженность и возвышенное ч столюбіе представляли санъ рыцаря глазамъ лучшихъ людей въ свѣтѣ сам достойнаго, привлекательнаго призванія. По тому-то эта немногочисленная тол рыцарей, пришедшая, въ 1221 г., въ Пруссію воевать съ тамошними язычн ками и обращать ихъ въ Христіанскую Вѣру, была только передовымъ отр домъ: слѣдомъ за нею шелъ весь Нѣмецкій народъ.

Первые города, построенные рыцарями, были Торунь и Хельмно (1232 г Хельменскій округъ былъ исходною точкою ихъ завоевательныхъ походовъ. П коренные возмущались, получали помощь отъ сосѣдей, напр., отъ Свантопол (Свантеплука), Князя Задняго Поморья, но должны были уступить храброс рыцарей и Крестоносцевъ, которыхъ привелъ Чешскій Король Оттакаръ. П корено было племя Самовъ, а съ нимъ пала и общая святыня Пруссовъ, древн Ромово въ Самландѣ (1255): священный дубъ съ изображеніями боговъ бы сожженъ, и на р. Преголѣ возвысился оплотъ Нѣмечины и Христіанства—Кени бергъ (Кролевецъ). Пруссы, однако жь, не предавались отчаянію: при новомъ в возстаніи Прусскій богатырь, Геркусъ Монте, послѣ многихъ побѣдъ, разори замки, церкви, города. Но тысячи людей, умиравшихъ подъ знаменами О дена, замѣнялись новыми тысячами Крестоносцевъ, между тѣмъ какъ Пру скій народъ изводился въ опустошительныхъ войнахъ. Такъ полуостровъ Са ландъ опустошенъ былъ совсѣмъ; въ 1275 году покорены были Надравы, 1276 Шалавы, въ 1283 году пало послѣднее Литовское племя—Судавы.

свѣ, неподалеку отъ устья Преголы (Pregolae), при сліяніи рѣкъ Ангерапа (Angerapii) и Аллы (Alliae). Онъ получилъ названіе Кенигсберга, въ честь и воспоминаніе Чешскаго Короля, Оттакара, помогавшаго Крестоносцамъ покорить эту страну. Бартольдъ Австрійскій (Bartholdus Austriacus) увеличилъ его, въ 1300 году, присоединеніемъ городка Лебеника (Lebenick), а Виприхъ Книпроде (a Winico Kriprode), въ 1380 году, городкомъ Книпгофъ (Kniphoff). Нынѣ онъ славится многочисленнымъ Университетомъ (Academia), основаннымъ, по внушенію Лютера, Герцогомъ Альбертомъ; въ немъ имѣетъ пребываніе и самъ Герцотъ, какъ подручникъ Польши. Отправившись оттуда не мѣшкая, на самомъ разсвѣтѣ, мы сперва переправились черезъ рѣку Самбію (Sambia). По-

---

Рыцари призвали Нѣмецкихъ поселенцевъ въ опустошенный край, и многіе дворяне перебрались въ Пруссію, получили отъ рыцарей въ наслѣдственную собственность отведенныя имъ земли, съ правомъ суда надъ прочими поселенцами и коренными жителями и обязанностью нести военную службу Города, построенные въ большомъ числѣ, пользовались особенными милостями Ордена: основаннымъ внутри страны далъ онъ Хельменское (Польское) либо Магдебургское право, приморскимъ Любецкое. Кромѣ побѣдъ надъ язычниками, рыцари одержали побѣду и надъ природой: обширная область между Вислой, Ногатой и г. Эльблонгомъ была въ то время огромнымъ болотомъ; ея рѣки въ полую воды дѣлали ее совершенно непроходимой; въ ней только гнѣздились дикіе звѣри. Орденъ призвалъ Нидерландскихъ поселенцевъ, привыкшихъ къ борьбѣ съ водною стихіей, и послѣ 6-ти лѣтнихъ усилій обратилъ это болото въ сушу: теперь тамъ Большой и Малый Вердеръ.

Гросмейстеръ не могъ называть себя полнымъ властелиномъ Государства: правленіе было аристократическое; на ряду съ Гросмейстеромъ стояли его Намѣстники (Ландмейстеръ) въ Пруссіи, также Смотритель за уходомъ больныхъ (Шпиттлехъ), Предводитель (Маршалокъ), Казначей (Треслеръ), Смотритель за одеждою (Траппиръ), кромѣ того правители отдѣльныхъ городовъ съ ихъ округами или Контуры. Власть Гросмейстера была на столько велика, что онъ могъ внушать рыцарямъ старинную чистоту нравовъ и строгій образъ жизни, безъ чего едва ли бы сохранился воинственный и религіозный характеръ Ордена; однако жъ, онъ не освождался отъ отвѣтственности собранію тѣхъ правительственныхъ лицъ.

Кромѣ земли, отнятой у Пруссовъ, Орденъ купилъ у Датчанъ Эстонію (1346 г.), у Шведовъ Готландъ (1396), у Люксембургскаго Дома Новую Мархію (Neumark, 1402 г.), такъ что Орденское Государство занимало 2000 квадр. миль, съ 55-ю городами, 20000-ми деревень, 2000-ми дворянскихъ усадебъ (Edelhof), 48-ю укрѣпленными замками. Положеніе Ордена измѣнилось, когда рыцари, изъ бѣдныхъ воителей, обратились въ Государей [illegible]-ми-

томъ прибыли на Куронскій (Curonia) полуостровъ, по тузем
названію Неринга (Neringa), образующій, между Балтійскимъ
ремъ и Куронскимъ заливомъ, длинную плотину изъ поднявш
вверхъ песковъ. Послѣ ста миль пути, въ продолженіе котор
море почти всегда мирно омывало колеса нашихъ повозокъ,
Марта, благодаря нашимъ возницамъ, мы имѣли уже въ вид
себя крѣпость Мемель (Memela), и переправились туда на лод
съ лошадьми и поклажей.

наго пространства земли. Богатые доходы представляли для нихъ спо
къ наслажденіямъ, къ роскоши, и прежнее убожество было забыто.
Гросмейстеръ Гогенлоге долженъ былъ разбирать жалобы на нравстве
испорченность рыцарей (1302). За то, чѣмъ слабѣе становилась нравс
ность братьевъ, тѣмъ крѣпче держали они бразды правленія: истинную
ружность святости долженъ былъ замѣнять для нихъ болѣе яркій бл
земнаго величія. Съ ихъ подданными (потомками переселенцевъ) тоже
изошла перемѣна: они уже больше не чувствовали себя пришлецами с
чуждаго, непріязненнаго имъ, народа, а такими же коренными жи
ми и гражданами, какъ и онъ. Власть Ордена должна была казаться
какою-то странностью: кто были эти надменные рыцари, составлявшіе
вительство страны? Большею частію иновемцы, младшіе дѣти дворян
Имперіи и другихъ краевъ и весьма немногіе изъ Пруссіи. Жител
родовъ, разбогатѣвшіе торговлею, дворяне, съ ихъ родовыми правами,
ведливо могли требовать себѣ участія въ дѣлахъ Государства и «Соб
чиновъ земли» во главѣ управленія. Къ тому же рыцарей двоякимъ обра
отчуждало отъ страны ихъ безбрачіе—недостаткомъ семейнаго счастія,
чающаго умы, и семейныхъ связей. А обѣтъ цѣломудрія обратился въ ну
обрядность, между тѣмъ какъ его нарушеніе было двойнымъ грѣхомъ пр
Ордена и гражданскаго закона, и безчестило всѣхъ рыцарей, имѣст
Гросмейстеромъ. Въ такомъ состояніи нашелъ Орденъ Гросмейстеръ Вин
Книпроде (1351—1382 г.). Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ поддер
падающій Орденъ. Въ битвѣ при Рудавѣ, 1370 г., онъ одержалъ сла
побѣду надъ Кейстутомъ съ 70-ю тысячами язычниковъ—Литовцевъ. В
съ ними велась постоянно у рыцарей, которымъ помогали Крестоносцы
другихъ странъ. Такъ, въ 1377 году Австрійскій Герцогъ Альбертъ явил
Пруссію, чтобы получить званіе рыцаря въ битвахъ съ Литовцами. Л
пытенъ примѣръ, какъ далеки были тогда рыцари отъ первоначальнаго
убожества изъ уваженія къ знаменитому гостю. Винрихъ Книпроде вос
вилъ обычай, такъ называемаго, «почетнаго стола», за который садились
новенно по вызову герольда. Число обѣдавшихъ не превышало 12-ти
посуда была золотая и серебряная; каждый собесѣдникъ только одн
могъ пить изъ одного и того же кубка, который имѣлъ право взять по
себѣ; стало быть, сколько разъ пилъ, столько же получалъ и кубковъ.
болѣе говорить въ пользу Винриха его заботливость о народной образ
ности «Въ силѣ и богатствѣ, говорилъ онъ, Орденъ никогда не будетъ

Эта крѣпость построена послѣ своего города, Христи-Мемеля [31] (Christinemel), въ 1279 году, на краю Пруссіи, на р. Мемелѣ и близъ Рагнета, [32] для отраженія Литовскихъ набѣговъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прѣсныя воды Куронскаго залива сливаются съ соленными морскими, а въ 1312 году обнесенъ высокою стѣною и обведенъ рвомъ при 13-мъ Магистрѣ Тевтонскаго Ордена, Карлѣ Бефартѣ (Beffarto) Трирскомъ.

Эти пески обоихъ Нерунговъ, о которыхъ мы упомянули, вмѣстѣ съ Судиніей (Sudinia) или съ Судавіей (Sudavia), [33] между ними выдающимся въ море мысомъ, суть тѣ берега Венедскаго залива, куда въ то время, когда, съ одной стороны, западный, а съ другой, сѣверный, вѣтеръ поднимутъ бури, море выбрасываетъ изъ своихъ нѣдръ янтарь [34] (succinum seu electrum, gles-

---

недостатка, но легко можетъ нуждаться въ людяхъ ученыхъ и способныхъ управлять областями.» Въ этихъ видахъ онъ учредилъ въ Маріенбургѣ училище правовѣдѣнія, и пригласилъ, для обученія правамъ, ученыхъ законовѣдовъ изъ Германіи и Италіи. Онъ зналъ, какъ опасно полагаться, въ случаѣ войны, на однихъ рыцарей, на наемныя войска, и по тому оборону городовъ возложилъ на самыхъ гражданъ; а чтобы пріучить ихъ къ войнѣ, учредилъ стрѣльбища, гдѣ упражнялись они въ стрѣльбѣ въ цѣль. Въ томъ вѣкѣ, въ которомъ жилъ Виприхъ, ему дѣлаетъ особенную честь улучшеніе бѣдственной участи крестьянъ, для которыхъ облегчилъ онъ значительно барщину, не забывъ и потомковъ древнихъ Пруссовъ, которымъ далъ право составлять деревенскія общества, а знатнѣйшимъ изъ нихъ исправлять судебныя обязанности. Въ его время Орденъ въ Пруссіи украшался многими благородными и разумными братьями (см. Voigt's Geschichte Preussens u. s. w. Koenigsb. 1827—183.

[31] Мемель по Латышски Клайпеда. О. Б.

[32] Рагнитъ, Уѣздный городъ въ Гумбинскомъ округѣ.

[33] Мейербергъ говоритъ здѣсь о Самландѣ, полуостровѣ между двумя Нерунгами; а мысъ, составляющій сѣверную оконечность полуострова—Berust-Kap. Но Судавіей онъ называетъ Самландъ, по тому что Суданы, послѣднее свободное племя, занимавшее юговосточную часть нынѣшней Пруссіи, около Мазурскихъ озеръ, и покоренное рыцарями только въ 1283 году, отчасти переселены были на опустошенный Самландъ. Preussische Geschichte v.W. Pierson. 1865 г.

[34] Янтарь—особенное произведеніе Пруссіи. Этотъ минералъ, называвшійся у Грековъ electron или солнечный камень, по его золото-желтому блеску, а у древнихъ Германцевъ Glas, по его прозрачности, въ послѣдствіи получилъ названіе Bernstein (brenndener Stein), горящій камень, по тому что горитъ и растапливается на огнѣ. Запахъ его на огнѣ очень пріятный. Легко можно точить и дѣлать изъ него разныя красивыя вещи, по чему онъ и цѣнится

sum у древнихъ), завернутый въ морской травѣ, или мхѣ. На
ли тамъ его и мы, хотя ужь опоздавшіе собиратели, послѣ у
ки жатвы.

И начальникъ крѣпости Мемеля, и правительственныя го
скія лица, обошлись съ нами такъ грубо, что никакія наши п
бы не сильны были согласить ихъ приказать, чтобы пригот
ны были для насъ за деньги повозки до ближайшей Кур
Такъ и должны мы были прождать тамъ цѣлые два дня,
не наняли на службу другихъ крестьянскихъ телѣгъ, на кото
и отправились 28-го Марта и, сдѣлавъ 25 миль, пріѣхали въ Я
скую (Samogitiae) деревню Гейлигаву (Heiligaviam), гдѣ и
ночевали.

Жмудское Княжество, когда-то очень послужившее въ
зу Литвѣ для расширенія ея предѣловъ, составляетъ нынѣ п

не только между нами, но цѣнился еще въ глубокой древности и жи
Азіи и Южной Европы. Вѣроятно, янтарь первоначально былъ
сною смолой, по неизвѣстнымъ причинамъ окаменѣвшей въ продо
времени. Часто встрѣчаются куски, въ которыхъ находятся муравьи,
червяки, песчинки, мохъ и капли воды. Должно быть, онъ имѣлъ тек
прежде, нежели покрылъ и заперъ въ прозрачную темницу этихъ
мыхъ, гдѣ они и сохранились въ цѣлости, нетронутыя воздухомъ. Во м
кускахъ видны мошки, застигнутыя въ ту минуту, когда готовились с
впередъ, и мухи въ такомъ спокойномъ положеніи, будто сидятъ на л
Иногда янтарь пристаетъ къ корѣ деревьевъ и вѣточкамъ. А что еще
подтверждаетъ мнѣніе, что онъ смола, когда-то сочившаяся изъ дере
теперь ужь не растущихъ больше въ Пруссіи, это—открытіе внутри
пальмъ въ 80 ф. длины, изъ которыхъ иные съ плодами. Иногда
выкапывается и изъ земли, но большую часть его выбрасываетъ Бал
море на берегъ прч сѣверозападныхъ бурях. Потому и предполага
что въ незапамятное время въ Пруссіи былъ другой климатъ, а дно Б
скаго моря было сушей, пока страшное землетрясеніе не обратило
море, а жаркій климатъ въ болѣе холодный. Какъ только волны отхл
назадъ, и многія изъ нихъ отойдутъ футовъ на сто, но море е
утихнетъ совсѣмъ, другія, не такъ уже буйныя, волны выбрасываютъ
глубокія мѣста морскаго берега траву и водоросли съ кусками янтаря.
жители тотчасъ же бредутъ въ воду, черпаютъ круглыми сѣтями и
ныхъ мѣстахъ морскія изверженія, и складываютъ всѣ ихъ на берегу,
выбираютъ янтарь, подъ наблюденіемъ приставленныхъ чиновниковъ.
янтарь бѣловато-желтаго цвѣта, вѣсомъ въ шесть лотовъ и болѣе.
большой кусокъ показываютъ въ Берлинѣ: онъ вѣситъ 13½ пудъ и выкоп
землѣ недалеко отъ Гомбина. Главное мѣсто ловли янтаря—деревня
никенъ въ Кенигсбергскомъ округѣ. (См. Geogr. alt nd neuer Zeit, v. Sch
Geogr. v. Kannab ich).

щеніе ея пространства. Предѣлы его: Семигаллія (Semigallia), восточная часть Куроніи), Куронія (Curlandia), Балтійское море, Куршскій заливъ и воды р. Нѣмана (Nemeni). Оно поросло лѣсами въ которыхъ бѣгаетъ очень много лосей, а безчисленные рои пчелъ доставляютъ превосходнѣйшій медъ. И почва тамъ самая плодородная, которая обработывается деревяннымъ, а не желѣзнымъ, плугомъ. Въ старину населяли его Эстіи Германскаго происхожденія, такъ же какъ и Пруссію и Ливонію. Но въ X-мъ вѣкѣ нашего искупленія оно приняло къ себѣ Итальянцевъ Колонна (Columnis) [35] въ разное время, было тревожимо оружіемъ сосѣднимъ Пруссовъ до тѣхъ поръ, пока не вошло въ составъ Литвы, которой долго было кормильцемъ, въ качествѣ ея члена, и не отдано было Витовтомъ, въ 1404 году, Прускимъ Крестоносцамъ. Черезъ четыре года Витовтъ раскаялся въ томъ и, съ помощію Воеводы своего, Ромбоуда (Rymboudam), отнялъ его у нихъ въ расплохъ. Спустя три года они отказались отъ правъ на Жмудь по Торунскому (Turoniense) договору съ Витовтомъ и Ягайломъ, на томъ условіи, чтобы взять ее обратно по смерти ихъ обоихъ, однако жь по договору 1422 года принуждены отказаться отъ нея навсегда. Межъ тѣмъ Ягайло подвизался по Апостольски: онъ привелъ жителей въ Христіянскую Вѣру, построилъ и надѣлилъ имуществомъ 12-ть приходскихъ церквей по числу округовъ: по его же настоянію, въ 1417 году, Октября 24, жители получили отъ Легатовъ Констанцкаго Собора, Архіепископа Львовскаго и Епископа Виленскаго, перваго Епископа Матеѣя; мѣстопребываніемъ его были Мѣдники (Medniciae), [36] на р. Вирвитѣ (ad Wirzvilzam), гдѣ нынѣ пребываетъ 26-й Епископъ, Александръ Сапѣга (Alexander Sapieha), котораго викарій, Епископъ Спягленскій (Spigacensis). [37] Въ 1655 году Москвитяне взяли и сожгли почти весь славный городъ Троцкаго Воеводства, Ковно (Cauna), [38] на самой р. Вилін (Uiliac) и близъ р. Нѣмана, и стояли тутъ до 1662 года,

---

[35] Объ этихъ Колонна Майерберъ говоритъ нѣсколько подробнѣе дальше.

[36] Мѣдники, иначе Ворне (Wornie), у Крестоносцевъ Mederinken, Mediwagen, Medwalgen, мѣстопребываніе Жмудскаго Епископа, мѣстечко въ 7 миляхъ на сѣверъ отъ Россіенъ, между 4 озеръ, изъ коихъ самое большое называется Лукиста; рѣка Вирвита соединяетъ двое изъ нихъ позначительнѣе. О. Б.

[37] Не Спягленскій ли, по мѣстечку Спягла, Свѣнцянскаго Уѣзда?

[38] Иначе въ Латинскихъ источникахъ Csonia, Cawonia, Cawona, при впаденіи Вилін въ Нѣменъ. О. Б.

но опасались заходить въ незнакомые имъ лѣса сосѣдней ди, уже ожидавшей Шведовъ, и оставили ее нетронутою. А Г поступили не такъ: они разорили ее и разогнали чуть не тѣхъ, однако очень крѣпкихъ въ работѣ, лошадокъ, которы вскормила въ безчисленномъ множествѣ.

На другой день мы тотчасъ же переправились черезъ текущую за городомъ одного съ нею названія, составляющу ницу между Судавіею и Куроніею и, отъѣхавъ недалеко, ли поджидавшихъ нашего пріѣзда четверыхъ Герцогскихъ дворныхъ изъ областныхъ дворянъ. Они приняли насъ съ по отъ имени своего Герцога и отвезли въ 3 каретахъ въ Р (Rutzaviam),[39] въ десятахъ верстахъ оттуда. На слѣдующій день, отъѣхавъ еще 8 миль, мы были уже въ 2 миляхъ отъ Гроб насъ встрѣтилъ Намѣстникъ области, Іоаннъ Фридрихъ (Rock), въ сопровожденіи многихъ дворянъ и съ 4 друг ретами; потомъ онъ принялъ насъ очень благосклонно отъ Герцога и отвезъ въ замокъ въ собственной каретѣ свое сударя. А тамъ, на крыльцѣ, при выходѣ изъ кареты, п насъ самъ Герцогъ и отвелъ въ комнаты для пріѣзжихъ.

На утро мы исполнили долгъ вѣжливости, всемилости возложенный на насъ Императоромъ, какъ къ самому Ге такъ и его супругѣ, Алоизѣ Шарлотѣ, благоразумнѣйшей цесѣ, сестрѣ Курфирста Бранденбурскаго, Фридриха Вильге

Обширную область Ливоніи (Livoniae) у Рижскаго (Synus Chyllpenus) населяли въ древности Венеды, народъ С скій. Прогнавъ Венедовъ, мѣсто ихъ заняли, переселившіеся съ береговъ Рейна, или лучше Везера (Visurgis), Германцы задолго еще до пришествія Христа. Они хоть и имѣли н нравы, но, по природной простотѣ своей, способны были л лѣе мягкимъ. По тому что, когда, въ царствованіе Фридриха баброссы, стали приставать къ ихъ берегу одноплеменники ихъ цы, для торговли, они оказались способными къ этому д научились у Нѣмцевъ не только быть бережливыми въ д немъ хозяйствѣ, какъ насмѣхается врагъ Нѣмцевъ, Пясецкій secus), и не бросать воска, высосавъ изъ него медъ, по их риннему обычаю, но еще къ болѣе важной пользѣ для се

---

[39] Рушау—деревня Митавскаго Уѣзда.

[40] Гробинъ при р. Лисѣ, въ 10 верстахъ отъ Либавы.

относиться съ презрѣніемъ къ ручьямъ съ текучею водой, и не выкапывать колодцевъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, которые не могли держать воду, не обращаться съ мольбою къ опасной силѣ демоновъ, неспособныхъ ни на какую помощь, пренебрегая спасительнымъ призываніемъ Всемогущаго Бога. По тому что Сегенбергскій (Segebergensis) каноникъ или монахъ Мейнгардъ (Meinhardus), вмѣшавшись между Нѣмецкими купцами, въ 1170 году, приплылъ къ Ливонскому берегу, чтобы купить драгоцѣнныя жемчужины, души Ливонцевъ, цѣною своихъ заботъ и даже жизни, если потребуетъ надобность. Много такихъ жемчужинъ, пріобрѣтенныхъ его усильнымъ трудомъ, онъ вставилъ въ драгоцѣнное ожерелье Католической Вѣры и возведенъ въ главнаго пастыря Ливонцевъ, получивъ посвященіе отъ Бременскаго Архіепископа, Гартвика (Hartwicus) II-го, съ соизволенія Папы Иннокентія III. Однако жь, такъ какъ Ливонія была тогда почти со всѣхъ сторонъ окружена невѣрными и еретиками, многіе, поселившіеся тамъ, Нѣмцы, для помощи себѣ и жителямъ, которыхъ, изъ Христіянской любви, они взяли для обороны подъ свое покровительство, поступили въ священное воинское общество, по увѣщанію Альберта, 3 Епископа Ливонскаго; назывался оно обществомъ братьевъ Меченосцевъ (Ensiferorum), коихъ гербъ два красные меча съ звѣздою, нашитые крестообразно на груди плаща. Они выбрали изъ среды себя Магистра Віена (Wienus) и Командоровъ, которые завѣдывали дѣлами по управленію всей области, вмѣстѣ съ Рижскимъ Архіепископомъ и Епископами Юрьевскимъ (Dorpatensis), Ревельскимъ, Эзельскимъ (Osiliensis) и Куронскимъ, поставленными съ соизволенія Римскаго Первосвященника. Они долго и сильно отражали нападенія сосѣдей на свои предѣлы. Однако жь, подвергаясь нападеніямъ со всѣхъ сторонъ, Орденъ не могъ справиться съ силами и изнемогъ подъ возложеннымъ на него бременемъ; по чему Магистръ его, Волквинъ (Volquinus), и присоединилъ его къ Тевтонскому Ордену Крестоносцевъ, находившемуся въ то время въ Пруссіи подъ управленіемъ Магистра, Конрада Тюрингенскаго (Turingo), получилъ крестъ и покровительство этого Ордена, подъ условіемъ дани и повиновенія. Впрочемъ, спустя три столѣтія, преемникъ Конрада, Альбертъ Бранденбургскій, освободилъ Ливонскихъ рыцарей на будущее время отъ всякой дани и покорности, за огромное количество золота.

Послѣ того Лютеранское ученіе, прокравшись изъ Прус-

сіи, [41] зашло и въ Ливонію: все сословіе рыцарей, а вскорѣ Епископы, приняли его съ такою жадностію, что всѣ взял по подругѣ, въ противность правиламъ первоначальнаго ихъ у и стали продавать имѣнія и помѣстья, какъ церковныя, Орденскія, либо передавать ихъ своимъ дѣтямъ по праву н ства. Въ заботамъ же о томъ, какъ бы закрѣпить за собо свои захваты сильнымъ покровительствомъ, они нашли Пол Короля, Сигизмунда Августа, пригоднѣе всѣхъ для своихъ лыхъ попытокъ, зная его равнодушіе къ дѣламъ Вѣры, и мнѣваясь, что онъ будетъ поступать по примѣру отца, Сигиз который изгналъ названіе Тевтонскихъ рыцарей изъ сосѣд ной Пруссіи. Такъ, по совѣту Виленскаго Воеводы, Никол дивила Чернаго (Nicolao Radzivilio Nigro), Магистръ Го Кетлеръ (Godhardus Ketlerus), Вестфальскій дворянинъ, Ливонію, съ городомъ Ригою, въ зависимость Сигизунда, с въ Вильнѣ, въ послѣдній день Августа, 1559 года, а пото Ригѣ, 17 Марта, 1560; на другой день то же сдѣлалъ и Р Архіепископъ, отъ имени согласныхъ съ нимъ канониковъ. чемъ, Кетлеръ удержалъ за собою и своимъ потомствомъ К и Семигалію въ качествѣ Польской лены (подручничества) несъ присягу за нихъ лично Сигизмунду Августу, 29 Ноября года, въ Вильнѣ, получивъ титулъ Герцога Курляндскаго мигальскаго въ Ливоніи, и передавъ ему крестъ и другіе Ордена.

Герцогъ Голштинскій Магнусъ (Magnus), тоже отдал покровительство Польши Пильтенское (Piltensem) или Кур (Curoniensem) Епископство, со всѣми его Задвинскими мѣста торыя отняты имъ у дяди его жены, Маріи, Московскаго Ивана (Juane). Это владѣніе было продано Епископомъ Тоа Мюнхгаузеномъ (Muninchausen), Датскому Королю, Фридриху 1559 году, а этотъ, на другой годъ, отдалъ его Магнусу родственику, вмѣсто его наслѣдственной части въ Голштин Герцогствѣ.

Успѣхъ показалъ, что эти договоры Сигизмунда Авгу были одобрены Верховнымъ Владыкою всѣхъ ленныхъ вл въ мірѣ. Еще при жизни Короля Москвитяне захватили бо часть Ливоніи и утвердились въ ней, до тѣхъ поръ, пока хра

---

[41] Въ подлинникѣ: «per rimas Prussiaci exempli.»

в счастіе Короля Стефана не заставили ихъ выйти оттуда: Однако жь, Шведскій Король, Эрикъ (Ericus), надолго захватилъ Ре-ель, и по этому мосту не только самъ переходилъ въ Ливонію, но отомъ и его преемники: Іоаннъ, Карлъ, Густавъ Адольфъ и Карлъ Густавъ, распространили свое побѣдоносное оружіе такъ далеко и ак крѣпко держались противъ Москвитянъ и Поляковъ, что Швеція овладѣла, какъ собственностію, утвержденною за ней не-авно по Оливскому договору, всею Ливоніей, кромѣ Динабурга Duneburgo), Рѣжицы (Rositenia), Люцына и Маріенгаузена, нахо-ившихся въ рукахъ Москвитянъ вмѣстѣ съ Эстоніей и остро-омъ Эзелемъ (Osilia), вырученнымъ отъ Датчанъ, по договору Бремсемброэ (Bremsebroensia), въ 1645 году. Такъ ускользнуло Поляковъ владѣніе всею Ливоніей. Та же, можетъ быть, участь редстоитъ имъ и въ Пруссіи, уже въ видѣ пролога къ слѣдую-ей потомъ драмѣ, отъ феодальныхъ правъ на области Герцога льберта, обѣщанныхъ имъ Сигизмундомъ, внукъ его, Іоаннъ Ка-иміръ, на всегда отказался въ пользу Курфирста Фридриха льгельма, его праправнука, отъ внука Анны.

И такъ потомокъ того Готгарда, Герцогъ Іяковъ, держитъ брази правленія въ Куроніи и Семигаліи. Однако жь, ему должно ще браться за нихъ слегка, по тому что областное дворянство ихъ щекотливо, по случаю своихъ чрезмѣрныхъ преимуществъ, но если сдерживать его покрѣпче, упрямое и своевольное, оно броситъ съ себя сѣдока и никогда не будетъ имѣть недостатка щедро задаренныхъ покровителяхъ при Королевскомъ Дворѣ. прежніе годы испыталъ это на себѣ отецъ его, Вильгельмъ: не силахъ будучи склонить къ должной покорности возмутитель-е презрѣніе къ себѣ Курляндскаго дворянина, Магнуса Ноль̀ды Noldae), онъ умертвилъ его черезъ своихъ убійцъ, и потомъ цару-ался надъ нимъ; однако жь, едва, едва загладилъ этотъ посту-окъ у леннаго своего Государя двадцатилѣтнимъ изгнаніемъ и забраніемъ его имѣній въ Герцогствѣ.

Области Куроніи управляются четырмя Государственными Со-тниками, а именно: Намѣстникомъ, Бургграфомъ, Канцлеромъ и ршаломъ, двумя Придворными Совѣтниками, четырмя Старшими ауптманами: Митавскимъ (Nitaviae), Гольдингенскимъ (Goldingae), льбургскимъ (Selburgi) и Туккумскимъ (Tuccumii), и семью Млад-ими: Гробингенскимъ, Дурбенскимъ, Фрауенбургскимъ, Ландав-кимъ Шрунденскимъ, Баусскимъ, Виндавскимъ и Доблинскимъ. ни судятъ дворянъ и крестьянъ, каждый въ своемъ округѣ,

жалобы на нихъ подаются Герцогу, а на этого — ленному Государю, Польскому Королю.

Помѣстья дворянъ мало различаются отъ вотчинъ (ab all сами дворяне властвуютъ надъ крестьянами, какъ надъ ра принуждая ихъ безъ разбора ко всякой работѣ.

Впрочемъ, дворянство округа, въ старину Епископства тенскаго, оспариваетъ свою зависимость отъ областнаго Гер признавая себя непосредственно зависимымъ отъ Польскаг роля. Этотъ округъ простирается отъ р. Веды (Weda) до ос Эзеля, Латрина у Плинія; въ древности находился онъ во вла у Гирровъ, Эстійскаго народа, и заключаетъ въ себѣ нем часть Ливонскаго залива. Мы уже замѣтили, что этотъ ок проданный Епископомъ его, Іоанномъ Мюнхгаузеномъ, въ кач наслѣдственнаго владѣнія, Датскому Королю, Фридриху II-му редалъ этимъ Государемъ брату его, Магнусу. По убѣжденію роля, Магнусъ, вмѣстѣ съ остальною Ливоніею, тоже накину себя пріятныя съ виду сѣти покровительства Сигизмунда Ав По смерти Магнуса вышли споры изъ за этого владѣнія Стефаномъ, Королемъ Польскимъ, и Фридрихомъ Датскимъ, щавшимъ свои наслѣдственныя права на него. Посредникъ 1585 года, Георгій Фридрихъ, Маркграфъ Аншпахскій (Ansp sis), прекратилъ эти споры такъ, чтобы Датчанинъ, получи Маркграфа 300 тысячъ рейхсталеровъ, уплаченные имъ при купкѣ Мюнсгаузену, отказался отъ своего права на эту об которая переходитъ къ Маркграфу на правахъ заложенной въ томъ же году, 15-го Декабря, это рѣшеніе оспаривалъ жественнымъ обжалованіемъ Герцогъ Курляндскій Готгард Гродиѣ, въ присутствіи Короля Стефана. Однако жь, ни ма уваживъ того, Король передалъ право выкупа этого округа с родственнику, Балтазару Баторію (Bathoreum), по его жела съ согласія Чиновъ Рѣчи Посполитой, утвердившихъ это постановленіями. Впрочемъ, эти послѣднія были отмѣнены, желанію Маркграфа, Георгія Фридриха, и въ 1598 год вредя правамъ Герцога Курляндскаго Фридриха, изъявш на это свое согласіе, владѣніе упомянутымъ округомъ не ко и впередъ предоставлено въ пользованіе Маркграфу, но пространено и на его жену, согласно съ соблюдаемымъ во Польшѣ обычаемъ, называемымъ пожизненнымъ правом 1609 и 1611 годахъ Герцогъ Курляндскій Вильгельмъ пол отъ Короля и Рѣчи Посполитой дозволеніе выкупить этотъ о

такъ что, уплативъ 30,000 талеровъ Бранденбургскому Курфирсту, Іоанну Сигизмунду, общему наслѣднику Георга Фридриха, и обѣщавшись давать вдовѣ Маркграфа Анспахскаго ежегодно 1,000 золотыхъ, онъ сдѣлался полнымъ владѣтелемъ округа. Когда жь Вильгельмъ не очень озаботился уплатой этѣхъ денегъ, вдова Маркграфиня опять введена была во владѣніе округомъ, въ 1617 году, чрезъ Королевскихъ повѣренныхъ, присланныхъ въ Куронію, и уступила свое право, вмѣстѣ съ владѣніемъ округомъ, Герману Майделю (Maidelium). А по смерти и, въ 1639 году, сынъ Іякова Вильгельма, ссылаясь на то, что ея пожизненное право, переведенное на Майделя, теперь не имѣетъ силы, заспорилъ съ этимъ ея преемникомъ и наслѣдникомъ, помъ даже и съ дворянами округа, не хотѣвшими подчиняться его судебной власти. Эта тяжба тянется и до сихъ поръ: въ нее вмѣшались и Жмудскіе (Samogitiae) Епископы, съ своими правами, завѣдывающіе Епископствомъ (нынѣ округомъ) по особенному приговору Урбана VIII-го, и основательными заявленіями устранили вредныя для себя предубѣжденія.

При устьѣ Веды, [12] названной такъ, можетъ быть, отъ Ведовъ, обитавшихъ въ старину на этомъ морѣ, лежитъ на высотѣ небольшой городъ Виндава, гдѣ Балтійское море образовало удобную пристань (Windavia). Но еще удобнѣе пристань на островѣ Либавѣ (Libaviae), напротивъ Гробина (Grobini). Пользуясь такими удобствами, Герцогъ, подражая Соломону, занимается торговлей, чрезъ посылаемыхъ повѣренныхъ, отправляетъ свои переѣзныя суда и корабли даже въ Америку, гдѣ владѣетъ островомъ Табаго (Tabagi), и къ берегамъ Восточнаго моря, гдѣ у него есть островокъ еще меньше, именно Гамбія (Kambia).

2-го Апрѣля мы выѣхали изъ Гробина и, благодаря попеченіямъ о дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи Литовскаго дворянина и Добленскаго Воеводы Фридриха Дранковича (Drancowicz), исполнявшаго приказанія Герцога. Онъ пользовался для нашего удобства и Герцогскими и его подданныхъ повозками, да еще безъ всякихъ съ нашей стороны расходовъ, и 13-го Апрѣля съ трудомъ довезъ насъ, на пространствѣ 200 миль, до Цецина (Tzetzenium), [13] на границѣ Семигаліи. На народномъ нарѣчіи это слово

---

[12] Рѣка Виндава, по Латышски Вента.

[13] Есть неподалеку отъ Кокенгаузена мыза Кирхенъ-Зетценъ: не она ли этотъ Цецинъ?

означаетъ конецъ земли. Снѣга, по немногу таявшіе отъ весенней погоды, и часто перепадавшіе дожди такъ глубоко промочили землю, что она, засасывая копыта лошадей и колеса повозокъ, мѣшала движенію тѣхъ и другихъ, которое ни какъ не могло справиться съ ней. Каждый ручеекъ, черезъ который въ другое время перебирался въ бродъ ребенокъ, до того развело водою, что онъ походилъ на большую рѣку и не давалъ намъ переправиться черезъ него иначе, какъ на плотахъ, и тогда мы должны были связывать ихъ вмѣстѣ. Въ добавокъ къ тому еще край, оплакивающій свое разореніе не отъ захватившаго его Шведа, который сохранилъ его нетронутымъ отъ всякихъ невзгодъ войны, какъ свою родовую область, хотя не надѣяся ужь никогда возвратить ее себѣ отъ покровительственнаго нахальства защитника Поляка; къ тому же еще жалкое запустѣніе, и отъ того малочисленность поселянъ и рабочаго скота, и тоже разные другіе недостатки. Все это дѣлало для насъ путешествіе наше до того затруднительнымъ, что, нечего грѣха таить, никогда и ни въ какой дорогѣ не выносилъ я столько безпокойствъ.

Пріѣхавши въ Цецинъ, мы тотчасъ же съ нарочнымъ увѣдомили о томъ Московскаго Воеводу въ Кокенгаузенѣ (Kokenhausi). Въ слѣдствіе того дворянинъ, Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій (Joannes Affanasiowicz Zelabowski Duoranin), [45] назначенный Царемъ въ Приставы (Commissarium), для сопровожденія насъ въ Москву, на другой же день позаботился, черезъ присланнаго Сотника (Centurio), увѣдомить насъ о своей готовности завтрашній день насъ принять, по приказу его Государя, и потомъ сколько можно скорѣе отправиться съ нами въ дорогу къ Царю, но чтобы мы прислали къ нему списокъ своихъ именъ и нашей прислуги, съ обозначеніемъ нашихъ должностей, а на другой день и наши пожитки.

Исполнивъ все это 18 Апрѣля, двинулись въ путь мы и, послѣ недолгаго переѣзда въ восемь миль, прибыли на берегъ Двины, противъ Кокенгаузена. Эта рѣка, извѣстная Птолемею подъ именемъ Рубона, получаетъ свое начало и названіе отъ озера Двина (Dwina), въ 50 миляхъ разстоянія отъ болота Фрянова (Frono-

---

[45] Род. 1638, Ясельничій 1664—68, Посолъ въ Вѣнѣ 1668, Думный Дворянинъ 1676, Окольничій 1684. Записки его, съ 1682 по 27 Іюня, 1709 г., изданы Ѳ. О. Туманскимъ въ «Собраніи разныхъ записокъ», 1787, Д. И. Языковымъ 1840, и И. П. Сахаровымъ 1841 г., въ «Запискахъ Русскихъ людей.»

via), въ Волконскомъ лѣсу, въ Ржевскомъ Княжествѣ, въ такомъ же разстояніи и отъ истоковъ рѣки Днѣпра. Сначала течетъ она къ западу, а потомъ продолжаетъ свой путь съ сильною быстротою на сѣверъ, и уноситъ съ собою рѣки, сливающія съ ея водами свои: Велижку (Vielissiam), [46] Вивячку (Viviatzycam)?, Шомку (Szomkam)?, Каспію, [47] Витьбу (Widzbam), [48] Лучосу (Luczosam), [49] Добрыню (Dobrzyniam)?, Крезивину (Krezywinam)?, Улу (Ulam), Оболь (Obolam), Полоту (Polotam), [50] Усачу (Iszeczam), [51] Диссну (Dziesnam), [52] Дрису (Dryssam), [53] Друю (Druiam), [54] Дуету (Duetam)?, Индрицу (Indricam)?, Евстъ (Evestum), [55] Кокну (Koknam), [56] Угру (Ugram), [57] и Межу (Muszam). [58] Она протекаетъ города: Велижъ (Velisium), Витебскъ (Vitebsciam), Улу (Ulam), Полоцкъ (Polociam), Дисну (Diesnam), Друю (Drutiam) Динабургъ (Duneburgum), Крижбургъ (Krysburgum), [59] Кокенгаузенъ (Kokenhausum) [60] и Ригу, и, утомленная шестисотмильнымъ путемъ, вливается въ Рижскій заливъ (Livonicum) Балтійскаго моря. Изъ Россіи и Литвы

---

[46] Велижка, рѣка въ Витебской Губерніи, впадающая въ Зап. Двину при городѣ Велижѣ.

[47] Каспля, рѣка въ Смоленской Губерніи, впадаетъ въ Зап. Двину у города Суража. О. Б.

[48] Витьба, на коей городъ Витебскъ, по ней такъ названный. О. Б.

[49] Лучоса, въ Могилевской Губерніи, на коей городъ Бабиновичи. О. Б.

[50] Ула, Оболь и Полота въ Витебской Губ.

[51] Рѣка Витебской Губерніи, или Ушица тамъ же?

[52] Двсна, рѣка Виленской Губ., впадаетъ въ Зап. Двину у города того же имени. О. Б.

[53] Дриса, рѣка Витебской Губ., при городѣ Дриссѣ. О. Б.

[54] Друя, въ Виленской Губерніи.

[55] Евстъ, рѣка въ Курляндіи.

[56] На коей Кокенгаузъ. О. Б.

[57] Угеръ или Угера, вытекаетъ изъ Венденскаго Уѣзда и впадаетъ справа въ Зап. Двину. О. Б.

[58] Межа, рѣка въ Тверской, Смоленской и Витебской Губ. О. Б.

[59] Крижбургъ или Крейцбургъ, мѣстечко Витебской Губ. въ Динабургскомъ Уѣздѣ.

[60] Кокенгаузенъ, нынѣ мыза въ Лифоніи, прежде городъ, по Русски Куконосъ, назывался также Царевичевъ Дмитріевъ городокъ. Этотъ городъ, съ другими мѣстами въ Лифоніи, завоеванными Русскими при Алексѣѣ Михайловичѣ, отданъ былъ въ управленіе знаменитому Ордыну-Нащокину. Тамъ-то онъ получилъ отъ Царя похвальную грамоту, возводившую его в

она отвозитъ твердыя, сплавленныя огнемъ, куски еловой
зовой, липовой и ивовой золы, на которую большое требова
суконщиковъ и мыловаровъ (поташъ), коровъ и кожи превос
ной выдѣлки, пшеницу, смолу, конопляо, ленъ, медъ, воскъ,
и разные дорогіе мѣха: все это раздѣляется между Прусса
Шведами, Датчанами и Нѣмцами. А привозитъ рѣка Двина
вино, цѣльные золотые и серебряные Іоахимики (Іоахимс-тал
въ Литву и Москву, гдѣ нѣтъ никакихъ металловъ, кромѣ
лѣза.

Когда мы пристали къ высокому берегу, пришелъ къ
Московскій переводчикъ (translator), Лазарь Циммерманъ, из
кихъ личностей, которымъ Москвитяне даютъ очень почетное
званіе толмачей, такъ какъ они умѣютъ читать и писать.
водчикъ сказалъ намъ отъ имени Пристава, что изъ письме
нашего вида отъ Священнаго Цесарскаго Величества, и изъ
ска нашей прислуги, которые въ прошедшій день мы отпра
къ Приставу съ Сотеннымъ начальникомъ для свѣдѣнія, онъ
трѣлъ, что мы называемся Посланниками Священнаго Цесарс
Величества. А въ Указѣ его Государя сказано, чтобы онъ
ялъ и проводилъ Цесарскихъ Пословъ: по чему и просилъ
принять на себя трудъ повѣрнѣе объяснить ему наше званіе.

Императоръ снабдилъ насъ двойными вѣрющими грам
къ Царю. Одни называли насъ Посланниками, и мы должны
ли подать ихъ Царю при первомъ представленіи, когда ста
предлагать ему миролюбивое посредничество Его Цесарскаго
личества между нимъ и Польскимъ Королемъ. По тому что т
для этого дѣла намъ совсѣмъ не прилично было называться
кимъ названіемъ Пословъ. Другія же грамоты честили насъ э
болѣе почетнымъ, именемъ, но мы должны были представит
только уже послѣ того, какъ принято будетъ наше предло

Дворяне за то, что онъ «алчущихъ кормитъ, жаждущихъ поитъ, стра
въ домы вводитъ, еще же и ворамъ не спускаетъ.» Въ самомъ дѣлѣ у
леніе Нащокина Ливоніей было очень человѣколюбивое.

[60] Аделунгъ говоритъ, что «по запискамъ въ Государственномъ Архивѣ
что къ слову «Посолъ» иногда еще прибавляли «Великій.» Впрочемъ, ра
между званіями «Посла и Посланника» всегда съ строгою точностію наб
лось во всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Россійскихъ Государей, не
ко съ Европейскими Державами, но и съ Азіятскими владѣтелями. О
говоритъ въ своемъ путешествіи: «Малый Посолъ или Посланникъ.»

и когда мы заявимъ, что я отъ имени Цесаря буду исправлять должность посредника о мирѣ въ томъ мѣстѣ, какое назначится для разсужденій объ этомъ предметѣ, тогда только, но ни какъ не прежде, я получаю всѣ качества Посла, съ полномочіемъ для заключенія мира между сторонами. Между тѣмъ мой товарищъ, оставшись въ Москвѣ, исполнитъ то же самое порученіе, которое возложено на Барона Лизолу (Baro de Lisola), при Польскомъ Королѣ, и будетъ объяснять Царю недоумѣнія, какія могли бы возникнуть между переговаривающими на съѣздѣ, узнавъ о томъ изъ моихъ писемъ къ нему.

И такъ мы отвѣчали, что оба упомянутые наши письменные виды вполнѣ удовлетворительно объяснили Приставу, чтобы онъ отправилъ насъ къ Царю въ качествѣ простыхъ Посланниковъ Его Цесарскаго Величества. А по тому и странно, что, по его увѣренію, Царскій Указъ запрещаетъ ему принимать насъ въ качествѣ такихъ лицъ, а между тѣмъ наши пожитки онъ все же озаботился перевезти въ Кокенгаузенъ. Такъ пусть же онъ либо приметъ насъ, либо пришлетъ намъ назадъ наши пожитки, чтобъ мы могли вернуться къ пославшему насъ, нашему Всемилостивѣйшему Императору, а самъ пускай будетъ въ отвѣтѣ за этотъ отказъ у своего Государя.

Услыхавъ это, Приставъ опять прислалъ къ намъ того же Лазаря сказать, что готовъ принять насъ, подъ какимъ бы названіемъ мы ни пришли.

Не было тайною для насъ, что, по Царскому запрещенію, никому изъ Москвитянъ нельзя заносить ногу за предѣлы отечества, ни дома заниматься науками, отъ того, не имѣя никакихъ свѣдѣній о другихъ народахъ и странахъ міра, они предпочитаютъ свое отечество всѣмъ странамъ на свѣтѣ, ставятъ самихъ себя выше всѣхъ народовъ, а силѣ и величію своего Царя, по предосудительному мнѣнію, даютъ первенство предъ могуществомъ и значеніемъ какихъ бы то ни было Королей и Императоровъ Предаваясь мечтѣ о своемъ высокомъ превосходствѣ, они до того презираютъ всѣхъ иноземцевъ, какъ людей ниже себя, что если доведется имъ принимать Посланниковъ какого ни будь Государя, тѣ, кому прикажетъ Царь это дѣло, берутъ смѣлость требовать отъ нихъ, точно несомнѣннаго долга, чтобы они первые выходили изъ кареты, или слѣзали съ лошадей, и первые же снимали шляпы. А потомъ, когда поѣдутъ провожать ихъ; не стыдятся прежде всѣхъ занимать для себя самыя почетныя мѣста

И все это съ такою наглостью, что иногда, послѣ нѣсколь часовъ жаркаго спора, имъ приходитъ охота показать, будто изъ одной только вѣжливости они отказываются отъ своего ва, соглашаясь, чтобы настойчивый Посолъ въ одно и то же мя съ ними ступалъ на землю, или снималъ шляпу. Такъ предупрежденія подобныхъ состязаній мы положили поручить реводчику, чтобы онъ, ѣдучи впереди Пристава, предупред его, что я не новичокъ въ исправленіи Посольскихъ дѣлъ, тому и превосходно знаю, что слѣдуетъ ему и что намъ. С быть, пусть онъ избавитъ насъ отъ употребительныхъ при ис вленіи его должности комедій своего рода, въ которыхъ мы все не желаемъ быть дѣйствующими лицами.

При переправѣ черезъ рѣку мы видѣли, какъ Приставъ ѣхалъ на лошади изъ крѣпости и вскорѣ слѣзъ съ нея на б гу, стоялъ тамъ шагахъ въ восьми отъ лодки и ждалъ, пока высадимся. Когда первый изъ нашихъ сталъ высаживаться, нулся тоже и онъ къ намъ, такъ что принялъ насъ ровн половинѣ разстоянія между имъ и нами. Впрочемъ, онъ пер снялъ шляпу, а послѣ него тотчасъ же сняли шляпы и Когда всѣ мы стояли съ открытыми головами, онъ сказалъ, присланъ отъ Великаго Царя и Государя и проч. (весь ти своего Государя онъ пересказалъ на память) къ намъ, Посла камъ его любезнѣйшаго брата и друга, Леопольда (тутъ прочиталъ онъ по бумагѣ весь титулъ его Цесарскаго Величес чтобы принять насъ и проводить къ нему. Это и радъ онъ ис нить.

Мы отвѣчали почтительнымъ повтореніемъ всѣхъ титул сначала, однако жь, по долгу нашему, Его Цесарскаго Вел ства, а потомъ уже Царскаго. Приставъ спросилъ насъ о ровьи и, по Московскому выраженію, хорошо ли мы ѣхали? томъ подалъ правую руку намъ обоимъ и всѣмъ почетнѣйш лицамъ нашего общества. Послѣ того мы сѣли на подведенн намъ лошадей и поднялись къ домику за городомъ, на ченному для нашего пріема. Впереди шли три сотни пѣхо съ распущенными знаменами и били въ литавры. Замѣтивъ, нашъ Приставъ, ѣхавшій верхомъ, занялъ мѣсто на правой р у меня, во избѣжаніе споровъ, мы подозвали къ себѣ, подъ п логомъ разговора, переводчика, который помѣстился слѣва моего товарища, да такъ оба и ѣхали посреди ихъ.

Ливонская крѣпость Кокенгаузенъ, построенная на высо

берегахъ Двины и впадающей въ нее незначительной рѣчки, укрѣплена больше мѣстностью, чѣмъ искуствомъ, и замѣчательна пораженіемъ семи тысячъ Шведовъ. Въ 1654 году овладѣли ею Москвитяне, отнявъ ее у тѣхъ же Шведовъ, вмѣстѣ съ Дерптскою областью и всею страною, даже до Печерскаго монастыря (Petzuriense coenobium). [61] На другой день мы остановились тамъ по недостатку многихъ нужныхъ въ дорогѣ вещей. По отъѣздѣ оттуда 19-го Апрѣля, 23-го мы прибыли въ Маріенбургъ (Marienburgum), [62] сдѣлавъ 11-ть миль все лѣсомъ, въ которомъ не было ни одного плодовитаго дерева.

Только что мы пріѣхали, неожиданно прибылъ туда же изъ Дерпта Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ (Athanasius Laurentiewicz Ordin-Nasciockin), изъ Думныхъ Дворянъ (ex Dumni Duoranibus) или благородныхъ Царскихъ совѣтниковъ, тогдашній Воевода (Praefectus) Ливоніи. [63] Онъ тотчасъ же прислалъ служителя поздравить насъ съ пріѣздомъ. На другой день было Свѣтлое Воскресеніе у Москвитянъ, которые пользуются Греческимъ календаремъ, съ прибавкою къ нему дней празднованія памяти своихъ мѣстныхъ Святыхъ. Въ этотъ день Воевода угощалъ насъ у себя съ большею привѣтливостью и встрѣтилъ у самыхъ лошадей.

Обыкновенный образъ жизни Москвитянъ, даже и знатныхъ, никогда не нарушаетъ правилъ умѣренности. На длинный и узкій столъ, покрытый скатертью изъ плохого льна, ставятся уксусница, перечница и солонка. Каждому изъ обѣдающихъ кладутъ

---

[61] Псковопечерскій монастырь въ бывшемъ Печорскомъ Уѣздѣ, въ 60 верстахъ отъ Пскова, въ 12 отъ Нейгаузена, а отъ стараго города Изборска въ 13. Названіе свое получилъ отъ пещеръ, въ коихъ первые монахи его жили. Лежитъ по обоимъ берегамъ ручья Каменнаго. Онъ часто упоминается въ войнахъ нашихъ съ Ливонскимъ Орденомъ, а въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ слываетъ Пичуръ. О. Б.

[62] У Русскихъ Алистъ, у Латышей Аллокене, въ Ливоніи, въ Уѣздѣ города Валка, при озерѣ, прежде крѣпкій замокъ, взятый, въ 1702 г., Фельдмаршалом Графомъ Шереметевымъ. О. Б.

[63] Ближній Бояринъ, Дворецкій, Царственныя Большія Печати и Государственныхъ Посольскихъ Дѣлъ Оберегатель (Канцлеръ, Намѣстникъ Шацкій, сталъ извѣстенъ съ 1642 года, въ иночествѣ Антоній (1672), удалившійся въ мужескій монастырь Іоанна Богослова Крыпецкаго (съ 1552), въ 20 верстахъ отъ Пскова, скончался 1680 г., но гдѣ именно, не извѣстно. Онъ былъ сынъ бѣднаго Псковскаго Дворянина, который далъ ему отличное воспитаніе, между прочимъ онъ зналъ науки Математическія и языки Латинскій и Нѣмецкій. О. Б.

ложку и хлѣбъ, но только не всегда, а тарелки, салфетки,
и вилки не кладется никому, кромѣ знатныхъ. Потомъ под
кушанья, каждое порознь, одно за другимъ, и во множествѣ
много гостей; блюда одинаковаго вида, у всѣхъ почти зна
и другихъ людей побогаче оловянныя, такъ же, какъ и весь
ловый приборъ и по неряшеству прислуги запачканныя. Н
обѣда дѣлаетъ водка. Первую подачу кушанья составляетъ
ная вареная говядина, приправленная уксусомъ и сырымъ лу
Другія потомъ кушанья подаются либо вареныя, либо жар
либо съ подливою, но ни въ одномъ нѣтъ недостатка въ
шихъ пріемахъ чеснока, или лука, которые у Москвитянъ
мыя изысканныя, возбуждающія вкусъ, средства. Тутъ у
вѣрное нѣтъ ничего поварского, никакихъ издѣлій кухмисте
го искуства, которое изгнано изъ всей Московіи. Совсѣмъ
на эти кушанья они напускаются съ такою жадностью, что
рѣе пожираютъ, нежели ѣдятъ. Оглодавши все мясо кругом
кой ни будь кости, они бросаютъ ее оглоданную опять въ
блюдо, изъ котораго взяли ее съ мясомъ; туда же, потря
рукой, отряхаютъ и приставшую къ пальцамъ слюну, котор
дѣлилась во рту отъ глоданья и смѣшалась съ подливой.
ки у нихъ разные: вино, пиво, которое пьютъ рѣдко, всяк
да въ болѣе частомъ употребленіи, и водка, составляющая нач
конецъ обѣда. Для этихъ напитковъ назначены и разные, о
ные для каждаго сосуды: братины, кубки, кружки, чаши,
пы, рюмки, чарки, стаканы, всѣ большею частію оловянны
деревянные, рѣдко серебряные, да и тѣ почернѣвшіе и гр
по тому что забота, чтобы они не истерлись, не позволяетъ
сквитянамъ ихъ чистить. Когда же захотятъ задать пиръ дру
тогда выставляютъ на показъ все, что есть у нихъ; счит
что пиръ не пышно устроенъ, или не искусно приготовленъ
вмѣстѣ съ мясами и птицами не подано будетъ множества
съ разною рыбой, за которую Москвитяне, хоть и изъ груб
скоши, платятъ дорого. Впрочемъ, они не съ такимъ тонким
сомъ, чтобы бросать эту рыбу, или брезгать ею, если он
обыкновенію, и испортилась. О сладкихъ закускахъ (десерт
слѣ обѣда Москвитянамъ и заботы нѣтъ, по тому что пок
придетъ пора подавать ихъ, они больше ужь не находятъ
нихъ мѣста у себя въ желудкахъ, раздувшихся отъ начинк
щею. Предѣлъ питью полагаетъ одно опьянѣніе, и никто н
ходитъ изъ столовой, если его не вынесутъ. Въ продолженіе

да вдругъ разражаются самою звонкою рыготней, съ отвратительнымъ запахомъ непереваренной смѣси чеснока, лука, редьки и водки, и эта рыготня, съ позволенія стоиковъ, предоставляющихъ полную свободу ей и чревобѣсію, сливаясь съ громозвучными испареніями ихъ желудковъ, обдаетъ окружающихъ самымъ вреднымъ сѣрнымъ смрадомъ. Носовой платокъ держать не въ карманѣ, а въ шапкѣ, но за столомъ сидятъ съ открытыми головами, такъ что когда нужно бываетъ высморкаться, за отсутствіемъ платка, его должность исправляютъ пальцы, которые, вмѣстѣ съ ноздрями, вытираются потомъ скатертью. Рѣчи разговаривающихъ, какъ людей необразованныхъ никакою школой, или грамотностью, рѣшительный вздоръ, очень часто оскорбляющій порядочный слухъ. Злословіе, восхищеніе самыми мерзкими дѣлами, или наглымъ хвастовствомъ, которое порочитъ честное имя другихъ, составляютъ замѣчательныя изреченія и остроты многихъ рѣчей. Иной разъ на этихъ пирахъ не бываетъ недостатка и въ подаркахъ своего рода. Всегда входитъ въ столовую и жена хозяина, въ самой нарядной тѣлогрѣѣ и во всемъ женскомъ убранствѣ, въ сопровожденіи двухъ, или многихъ, прислужницъ; она подаетъ знатнѣйшему изъ собесѣдниковъ чару водки, омочивъ въ ней края своихъ губъ. А пока пьетъ онъ, она поспѣшно уходитъ въ свою комнату, надѣваетъ на себя другую тѣлогрѣю, и тотчасъ же приходитъ назадъ, для исполненія такой же обязанности къ другому собесѣднику. Повторивъ этотъ обрядъ съ каждымъ изъ прочихъ гостей, потомъ она всегда становится у передней стѣны: стоя тамъ съ опущенными на полъ глазами и сложивъ по бокамъ свѣшенныя внизъ руки, она отдаетъ терпѣливыя уста поцѣлуямъ собесѣдниковъ, которые подходятъ къ ней по степени своего достоинства и отъ которыхъ такъ и разитъ непріятнымъ запахомъ всего, что они ѣли и пили.

Впрочемъ, на пиру у Нащокина не было многаго изъ подобныхъ вещей: жена его не выходила къ намъ, собесѣдниковъ было мало, да и то все подчиненные его воинской власти, изъявившіе свое уваженіе къ нему скромнымъ молчаніемъ. А самъ онъ вовсе не глупый подражатель нашихъ обычаевъ, съ дружескою любезностью уволилъ насъ отъ способа пить и закона напиваться до пьяна.

Однако жь показалъ, что не совсѣмъ еще свободенъ отъ Московскаго духа, когда за чарою высказалъ намъ жалобу на то, что

начальникъ Литовскаго войска, Михаилъ Пацъ (Paczius), дер
въ тѣсной осадѣ одинъ городокъ въ противность условіямъ
мирія, и настоятельно просилъ насъ написать къ нему, чтобы
оставилъ это покушеніе. Мы ему отвѣчали, что никакой По
никъ Его Цесарскаго Величества не пытался уладить это
миріе, да и воюющія стороны не принимали Императора в
средники мира, а по тому намъ и нельзя вмѣшиваться въ это
отъ его имени; это не возможно также и частнымъ образо
кому изъ насъ, по тому что не только нѣтъ у насъ никакой
бы съ Пацемъ, или съ другимъ какимъ Литовцемъ, но
и въ лицо ихъ не знаемъ. Онъ съ любопытствомъ освѣдо
по какой дорогѣ мы пріѣхали сюда? И услыхавъ, какъ мы
лесили въ нашемъ путешествіи, возразилъ, для чего же м
направились ближайшею дорогой прямо въ Москву чрезъ
шу и Литву? За одно уже и безъ всякой потери времени по
сному пути поѣхали бы мы сначала въ Польшу, а то еще у
ли будетъ Королю ея принять это предложеніе Цесаря? Мы
такой отвѣтъ, что эти страны по случаю разоренія, прич
мыхъ столькими войсками, да еще въ продолженіе стол
лѣтъ, были тогда непроходимы и для одного пѣшаго пут
по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ. А Императоръ
увѣренъ, что Польскій Король тоже приметъ его миролю
предложеніе. Да и не наше дѣло было предлагать это Ко
такъ какъ другой Цесарскій Посланникъ при немъ исполни
обязанность въ свое время.

Многіе изъ Москвитянъ никогда и ничего не дѣлаютъ
ромъ и, мѣряя однимъ только аршиномъ своихъ нравовъ
другихъ, не въ состояніи постигнуть, чтобы кто ни будь х
быть безкорыстно добрымъ, и безпрестанно мучать себя
зрѣніями: отъ того-то и бываетъ, что чистую правду чьей ни
безхитростной рѣчи эти подозрительные софисты обращают
худую сторону своими безполезными тонкостями. Особливо,
услышать, что тѣ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, люди образ
ные. По тому что тогда считаютъ все подозрительнымъ въ
людяхъ, какъ бы скрывающихъ лукавство подъ личиною пр
душія, точно такъ же, какъ Саулъ началъ остерегаться Да
узнавши его благоразуміе.

Такъ и Нащокину, хотя и одаренному острымъ умомъ
тѣлось вывѣдать, не отправляемся ли мы къ его Царю съ

ложеніемъ миролюбиваго Цесарскаго посредничества, уже въ увѣренности, что Полякъ приметъ его? Онъ подозрѣвалъ стачку между Польскимъ Королемъ и Цесаремъ, ни какъ не допуская въ душѣ, чтобы послѣдній послалъ насъ изъ чистаго усердія остановить кровопролитіе между Христіянами, скорѣе же оба они уговорились, что, въ благодарность, за оказанную недавно помощь противъ самаго могущественнаго изъ захватившихъ Польшу Государей, самъ Цесарь, или кто ни будь изъ Державнѣйшаго Дома, будетъ преемникомъ Короля, по чему онъ и предлагаетъ дѣло о замиреніи, стараясь для своихъ же выгодъ, либо все же ужъ не по простому расположенію къ Государямъ различныхъ Исповѣданій, изъ которыхъ съ однимъ посредникомъ мира связанъ узами общихъ обрядовъ Вѣры и кровнаго родства.

На другой день, съ подлинно странною Московскою вѣжливостію, онъ пожелалъ проводить насъ отъѣзжавшихъ, съ милю отъ города, верхомъ.

26-го Апрѣля, оставивъ за собою Нейгаузенъ (Nienhusio) [94] въ 3 рока миляхъ отъ Маріенбурга, мы выбрались изъ ужасныхъ Ливонскихъ лѣсовъ на лежащія на припекѣ солнца Печорскія поля въ Московскихъ владѣніяхъ и, проѣхавъ по нимъ 10 верстъ (версты—Московскія мили, немного поменьше Итальянскихъ), мы прибыли къ монастырю Пе́чорѣ (Petzuram, т. е., мѣсто погребенія), который, въ 1581 году, напрасно старался взять Георгій Фаренсбахъ (Farensbachius), по приказанію Польскаго Короля, Стефана.

И такъ мы были уже въ Московской Россіи, у народа, исповѣдающаго Іисуса Христа, только по Греческому обряду, давно уже, при несомнѣнной Божіей помощи, осужденному, непорѣшимымъ судомъ истинной и единственной его невѣсты, Римско-Католической Церкви. Этотъ Греческій обрядъ передалъ Москвитянамъ, рожденный внѣ брака, сынъ Святослава (Suatoslai), Князь Володимиръ (Volodimirus), послѣ своего крещенія, въ царствованіе Греческихъ Императоровъ, Василія и Константина, въ 6496 г. отъ сотворенія міра, по общему у Москвитянъ съ Греками лѣтосчисленію а въ 987 году нашего искупленія, въ Херсонѣ (Cherсonae), по Турецкому названію Сари Гермени (Sari Germeni), по-

---

[94] По Русски Новгородокъ Ливонскій, прежде крѣпкій замокъ въ Уѣздѣ города Верро, недалеко отъ границы Псковской Губерніи. О. Б.

селенін жителей Понтійской Гераклеи на Скиѳскомъ (Scythic
луостровѣ. Съ тѣхъ поръ они крѣпко держатся этой Вѣры, в
торую, впрочемъ, вкралось со временемъ немало отступлені
Греческой. Таково было отступленіе сына Владимирова, Яро
(Jaroslai), который, въ 1044 году, хотѣлъ окрестить, по осуж
му еще до VIII-го вѣка обычаю Монтанистовъ, кости своихъ
Олега (Olehgae) и Ярополка (Jeropolchi), идолопоклонниковъ,
бленныхъ двоекратнымъ братоубійствомъ. Когда мы услыхал
въ монастырской церкви хранится образъ Пресвятой Дѣвы
росшій на деревѣ и славный многими чудесами, цамъ п
благочестивое желаніе поклониться ему, какъ счастливому пр
менованію при нашемъ въѣздѣ въ Россію. Вотъ мы и попр
Пристава позволить намъ войти въ церковь. На словахъ онъ
лилъ это, а на дѣлѣ отказалъ. По тому что послалъ напередъ
упредить Ключаря, чтобы отнюдь не давалъ намъ этого по
нія, и когда мы подошли къ церкви, онъ ни какъ не могъ д
ся для насъ входа туда. Послѣ ужь узнали мы, что Моск
запрещаютъ людямъ иноземной Вѣры входить въ свои церкв
дѣлали они въ старину, то и впередъ будутъ дѣлать). И есл
изъ любопытства проберется туда тайкомъ, они сей же час
водятъ его, схвативши за плечи, и выметаютъ послѣ него
чтобы очистить его отъ осквернения поганымъ прикоснове
Да даже не хотятъ вносить въ церкви и книгъ Ветхаго З
чтобы не осквернить своихъ церквей, говоря, что въ этих
гахъ написано много непристойнаго и предосудительнаго. Ча
люди изгоняютъ ихъ даже и изъ своихъ домашнихъ бо
(larariis), а монахамъ вовсе запрещено читать оныя (кромѣ
тыри и нѣсколькихъ мѣстъ изъ Пророковъ).

Въ этомъ монастырѣ, такъ же какъ и въ прочихъ,
многочисленныхъ въ Московіи, монахамъ предписаны самыя
гія правила, по достохвальному Уставу Василія Великаго. По
что мясо запрещено имъ совсѣмъ. Дозволены только рыба,
и молочныя кушанья, да и того не положено по понедѣльни
середамъ и пятницамъ въ продолженіе всего года, если толь
дни не праздничные, также и во весь сорокадневный (Ве
постъ (кромѣ годовыхъ праздниковъ Благовѣщенія и торже
наго входа Господня въ Царскій градъ). Тогда не поз
также пить водку, ни чистую, ни съ водою, ни пиво, а у
жажду только чистой водой, или кислой, отъ положенной
закваски и называемой на Русскомъ нарѣчіи квасомъ (Kuvas).

имъ велѣно бывать за общею молитвою въ церкви въ установлен-ные часы, и ночью, и на разсвѣтѣ. Однако жь, эти священнѣйшія установленія обращаютъ въ посмѣяніе почти всѣ монахи, нару-шающіе ихъ даже въ монастырскихъ стѣнахъ, а всего чаще внѣ ихъ: вкусно накормленные у знакомыхъ, или родныхъ, они по-топляютъ въ питьѣ разныхъ напитковъ уныніе духа, навѣянное строгимъ воздержаніемъ. А тутъ поднимаютъ ссоры, споры, во-юкитство и, откинувъ всякое приличіе, слоняются по городскимъ улицамъ, то пѣшкомъ, то верхомъ, то въ дряннныхъ телѣженкахъ, не рѣдко сами и правятъ, въ платьѣ, испачканномъ тысячью пятенъ и замаранномъ въ глубокой грязи: такъ и учатъ народъ, чтобы онъ истребилъ въ себѣ предвзятое мнѣніе объ ихъ святости не зельемъ какимъ ни будь, а положительнымъ свѣдѣніемъ, и не ставилъ бы въ грошъ ихъ, пренебрегая должнымъ, при другихъ условіяхъ, уваженіемъ къ монашескому призванію. Въ числѣ монаховъ въ каж-домъ монастырѣ имѣется Игуменъ (Abbas) и Старшій (Prior), по семъ, да два, три, монаха въ священническомъ санѣ и исправляютъ Божественную службу по очереди. Но и они тоже не выше дру-гихъ по святости, да еще, какъ бы подружившись съ божествомъ, по случаю частаго совершенія жертвы, грѣшать гораздо безстыд-нѣе, не будучи связаны ни страхомъ, ни благоговѣніемъ. И это тѣмъ еще болѣе, что самыя важныя преступленія между ними обыкновенно наказываются только очень легкимъ выговоромъ.

Въ бытность мою въ Москвѣ былъ такой случай: въ темни-цѣ сидѣлъ одинъ молодой человѣкъ, Поповскій сынъ, за кражу изъ церкви святыхъ иконъ, украшенныхъ драгоцѣнными каменья-ми. Онъ запирался въ этомъ, былъ приведенъ къ допросу и, не въ силахъ будучи перенести боли отъ пытки, призналъ себя ви-новнымъ въ святотатствѣ, прибавивъ еще, что долгое время жилъ въ блудной связи съ однимъ Священникомъ, монахомъ того мона-стыря, изъ котораго были украдены иконы. Когда позвали того въ судъ и поставили передъ распутникомъ, онъ не отперся отъ преступленія, извиняя его преувеличенной человѣческой слабостью. Пожалуй, кто ни будь, вспомнивъ Божію кару нечестивымъ пяти городамъ, вообразитъ себѣ костеръ, сложеный, въ возмездіе за открытое, да еще и сознанное, преступленіе. Но хотя это было бы здѣсь кстати, только вышла бы неправда. Напротивъ, этотъ добро-дѣтельный смертный освобожденъ былъ отъ уголовнаго наказанія, лишь посаженъ на нѣсколько дней въ смирительный домъ, и по-томъ сосланъ на 42 дня въ другой монастырь просѣвать муку, для

очищенія ея отъ отрубей. По окончаніи срока этой работы
долженъ былъ подходить въ монастырѣ къ кельѣ каждаго Сп
ника и, стуча въ дверь ея, повторять: «Господи, помилуй!» и
получать отъ каждаго по три удара по спинѣ плетью, и таки
разомъ могъ очистить себя отъ преступленія. А мальчикъ в
щенъ былъ отцу его, Попу (Popo), чтобы помѣщикъ Пона
градилъ на свой счетъ убытокъ, причиненный покражею и
въ урокъ себѣ: пусть впередъ смотритъ построже за свое
слугой, и тѣмъ останавливаетъ ее отъ дурныхъ дѣлъ. Одна
все же онъ не утратилъ своего господскаго права на этого пр
ника, какъ бы закабаленнаго ему за уплаченныя за него д
до тѣхъ поръ, пока своею службою тотъ не выкупитъ себ
кабалы, на основаніи законовъ, опредѣляющихъ цѣну таки
рабочковъ. Говорятъ, что монастыри надѣлены такими бо
вкладами благочестивыхъ людей, что, вмѣстѣ съ высшимъ
венствомъ, владѣютъ будто бы третьею частію всѣхъ помѣ
въ Московіи.

Мы выѣхали изъ Печоры послѣ обѣда, и на другой
проѣхали тѣ поля, на которыхъ Магистръ Ордена Меченосц
Ливоніи, Вальтеръ фонъ Плеттенбергъ (Waltherus a Plette
съ небольшимъ 12 тысячнымъ войскомъ разбилъ Василія
вича (Basilium Iwanowicz), Великаго Князя Московскаго, и
го въ строю противъ него 100 тысячъ Русскихъ и 30 т
Татаръ: съ потерею одного только воина Плеттенбергъ
билъ непріятелей чуть не всѣхъ на повалъ. Потомъ, сдѣлав
верстъ, мы прибыли въ Псковъ (Plescoviam). Еще за милю ра
нія отъ него мы замѣтили на открытомъ полѣ 300 всадн
ожидающихъ нашего пріѣзда, и въ числѣ ихъ нѣсколько пѣ
цевъ. Почти всѣ они были Офицеры (Officiarii), судя по пла
нихъ и убору лошадей, выряженные на показъ. Межъ тѣм
мы сидѣли въ каретѣ, одинъ изъ нихъ, ихъ начальникъ, н
дя съ лошади, сказалъ намъ, чрезъ переводчика, что они п
ны принять насъ Бояриномъ Княземъ Иваномъ Андреевиче
ванскимъ (a Duce Ioanne Andrewicz Gavanski Bojaro), гла
Воеводою Псковскимъ, по Царскому Указу. [65] Когда, изъявив

[65] По прозванію «Тарарую,» извѣстный начальникъ Стрѣлецкаго Прика
ный предводитель Старообрядцевъ во второй половинѣ XVII-го вѣ
шій жертвой сообщниковъ своихъ, Милославскихъ и Князя В. В. Го

благодарность, мы продолжали путь къ городу, они ѣхали впереди насъ. Приближившись къ рѣкѣ Великой (Welikae Rekae), въ древности Турунту (Turunti), омывающей стѣны города съ юга, мы переѣхали ее на лодкахъ; а когда вышли на берегъ, подошли къ намъ главныя лица изъ всадниковъ и, подавъ правыя руки, поздравили насъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. На противоположномъ берегу стояли въ большомъ числѣ пѣшія и конныя войска: послѣднія изъ нихъ, конники, провожали насъ, пока мы ѣхали всѣ въ каретѣ, до отведеннаго намъ помѣщенія, по городскимъ улицамъ, на которыхъ по обѣ стороны были поставлены 50 ротъ мушкетеровъ. Для караула даны намъ 50 стрѣльцовъ Strelitzii) или тѣлохранителей; впрочемъ, они не запрещали выходить никому изъ нашего общества.

Самъ Князь Хованскій не прислалъ никого посѣтить насъ отъ своего имени, не почтивъ насъ и подаркомъ: такое нарушеніе обычаевъ мы приписали неудовольствіямъ, бывшимъ у него съ Нащокинымъ, отъ чего онъ и не хотѣлъ поступить по его примѣру, изъ пренебреженія къ нему. По тому что Москвитяне никогда не посвящали ни алтарей, ни храмовъ, дружбѣ, священнѣйшему божеству у всѣхъ народовъ, цѣнять ее не по дѣламъ, а повыгодѣ, всегда готовые, по предписанію Віянта (Biantis), такъ любить, какъ будто тотчасъ же должны будутъ возненавидѣть. Но, подстрекаемые завистью, они проводятъ время въ ссорахъ между собою, отыскивая случая, какъ бы насолить другъ другу, и только попадись онъ, они ужь превосходно умѣютъ за него взяться. Впрочемъ, мы узнали, что Хованскій до того не могъ одолѣть своего любопытства, что принялъ насъ за городомъ, находясь между всадниками неузнанный, а потомъ, скрывъ себя подъ крестьянскимъ кафтаномъ, поддерживалъ личнымъ стараніемъ нашу карету, приходившую въ опасное положеніе въ излучинахъ улицъ. Это тотъ Хованскій, что извѣстенъ всему свѣту своими пораженіями: бѣшено смѣлый, увлекаясь безразсудною горячностью, онъ всегда налетаетъ, или наступаетъ, на непріятеля, никогда не взвѣсивъ силъ его на вѣсахъ разсудка; невѣжда во всѣхъ военныхъ наукахъ, тѣмъ не менѣе считается достойнымъ начальствовать войскомъ, по тому что ведетъ свой родъ отъ Князей Корецкихъ

---

[4] 1682 г., Сентября 17, въ селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ ему и, сыну его, Андрею Ивановичу, отрублены были головы. О. Б.

(a Corecciis Ducibus) на Волыни (Volynia), чрезъ Василія Алек дровича (Basilium Alexandrowicz), внука Дмитрія Корыбута metrii Koributhi), сына Ольгерда (Olgerdi), Великаго Князя Л ского. По тому что по Московскому обычаю, между воен начальниками принимается въ уваженіе родъ, а не опытност хотя бы храбрость и благоразуміе прошли кого ни будь по в степенямъ долговременной военной службы до самой выс хотя бы онъ прославился тысячью побѣдъ надъ непріятелями же долженъ уступить какому ни будь навернувшемуся лѣ и трусу, которому достались познаменитѣе предки, и этотъ, мерцающій собственнымъ свѣтомъ, затмѣваетъ его славное какъ ни сіяй оно ярко.

Мы отправились изъ Пскова 28-го Апрѣля и, сдѣлавъ верстъ, 1-го Мая прибыли въ деревню Сольцу (Solczam), на того жѣ имени, [66] тамъ сѣли въ лодки и поплыли потомъ по Шелонѣ (Salonam); по ней вошли въ озеро Ильмень (Ilmen и, проѣхавъ 70 верстъ, мимо хорошо населеннаго берега, 3-го пристали въ Великомъ Новѣгородѣ (Novogrodia Magna). По чаю накрапавшаго дождя, мы не стали дожидаться лошадей торыхъ долженъ былъ выслать намъ Намѣстникъ Воеводы cerraefectus), и проѣхали въ отведенное намъ помѣщеніе, ч разставленныя до него съ берега по обѣимъ сторонамъ улиц ротъ пѣхоты. Этимъ городомъ протекаетъ рѣка Хезинъ (Chezi называемая у Русскихъ Ловатью (Lowat), до впаденія ея въ ро Ильмень, а потомъ носитъ названіе Волхова (Wolckow) впаденія ея, чрезъ озеро Ладогу, въ Чудскій заливъ.

На другой день, который былъ середа, въ этомъ же го Намѣстникъ Воеводы прислалъ къ намъ, во время нашего об двѣнадцать стопъ разныхъ напитковъ и двадцать семь блюд кушаньемъ, соотвѣтствующимъ Русскому воздержанію. По тому Москвитянамъ предписано много постовъ, которые, впрочемъ, соблюдаютъ строго. Круглый годъ по середамъ и пятницамъ изгоняютъ со своихъ столовъ мясо, яйца и молочныя кушан въ остальные дни дозволяютъ всякую пищу, только у людей благочестивѣе не бываетъ сахару, да и то не всякаго, а только остреннаго на подобіе кегля и вылитаго въ видѣ обелиска, по му что они наслышаны, что такой сахаръ обыкновенно очищ ся яичнымъ бѣлкомъ. Сорокадневный постъ начинаютъ съ мясоп

---

[66] Иначе Сольцо, посадъ при р. Шелонѣ, ниже города Порхова. О. Б.

ной недѣли, на которой, однако жь, не ѣдятъ только мяса, а рыбу всякую, также яйца и молочное, разрѣшая на эти кушанья также въ среду и пятницу; многіе изъ нихъ до того предаются тогда пированью, что во всю недѣлю, не скрывая своего опьяненія, словно жрецы Вакха, въ бѣшенномъ изступленіи слоняются по улицамъ и доводятъ себя до множества гнусныхъ и преступныхъ дѣлъ. А на слѣдующей недѣлѣ каются, и такъ какъ судебныя мѣста закрыты, то почти всѣ запираются у себя дома, и многіе довольствуются одинмъ ржанымъ хлѣбомъ да чистой, или заквашенной, водой (квасомъ). Въ прочія недѣли прибавляютъ соленую, а по желанію и свѣжую, рыбу. Потомъ слѣдуетъ Петровъ Постъ, съ 8-й недѣли послѣ Пятидесятницы и до годоваго праздника Петра и Павла. Послѣ того Постъ Дѣвы Маріи (Госпожинки), съ 1-го числа Августа и до праздника Взятія на небо Божіей Матери (Успенія). А тутъ Постъ Филипповъ, названный такъ по тому, что начинается около праздника Св. Филиппа, которому посвящено 14-е число Ноября, и продолжается до Рождества Спасителя. Въ буднишній день Усѣкновенія Предтечи постятся рѣшительно до самаго захожденія солнца, и день Богоявленія Господня, хотя бы оно приходилось и въ Воскресенье, чтутъ воздержаніемъ отъ одного мяса. Отъ строгаго правила постовъ ни кто не можетъ разрѣшить кого бы то ни было. Матери не увольняютъ отъ нихъ маленькихъ дѣтей и даже младенцевъ. А монастыри и все высшее духовенство, какъ подчиненные монашескому уставу, еще крѣпче обязаны строжайше соблюдать посты. За то, въ продолженіе 14 дней послѣ Рождества Христова, всегда дозволяютъ себѣ ѣсть мясо, также и 7 дней о мясопустной недѣли, и столько же послѣ праздниковъ Воскресенія и Пятидесятницы.

Правда, что въ Недѣлю Пасхи всѣ безъ разбору, какъ знатные и незнатные, такъ и простой народъ обоего пола, такъ славно веселятъ свой духъ, что подумаешь, не съ ума ли сошли они. По тому что всѣ ничего не дѣлаютъ: лавки и мастерскія на запорѣ; кабаки и харчевни настежь; въ судебныхъ мѣстахъ тишина; въ воздухѣ разлаются буйные крики; при встрѣчѣ другъ съ другомъ хотя ни будь въ первый разъ, если это люди знакомые, то говорятъ одинъ другому: «Христосъ воскресе!» Другой отвѣчаетъ: «Во истину воскресе!» и потомъ, придвигая лицо къ лицу, цѣлуютъ другъ друга (Многіе сначала подаютъ одинъ другому яйца, или вареное въ густую, или деревянное, снаружи раскрашенныя разными красками). А всѣ Попы и прочіе церковники, взявши для

облегченія себя какого ни будь мальчика носить за ними с
икону, либо крестъ, въ лучшей одеждѣ ходятъ по перекрест
городовъ и деревень бѣгомъ, посѣщаютъ всѣхъ прихожанъ и
гихъ знакомыхъ, и упиваются съ ними до совершеннаго оп
нія. На большихъ улицахъ такъ много увидишь лежащихъ муж
и женщинъ, мертвецки пьяныхъ, что невольно подумаешь, с
ко ли милости Божіей принесетъ имъ строгій ихъ постъ, ско
они навлекутъ на себя негодованія нарушеніемъ законовъ
держанія такою необузданною распущенностью. Колокола п
саютъ воздухъ безпрестанно звономъ и днемъ и ночью
тому что звонятъ не одни сторожа въ назначенные часы
призыванія народа къ псалмопѣнію и совершенію таинства, ил
возбужденія набожности, а пьяные и всякіе прохожіе, изъ сус
наго убѣжденія, яко бы такимъ звономъ они доставляют
мое пріятное удовольствіе тѣнямъ своихъ родныхъ, или
комыхъ.

Царь во всѣ первые три дня занятъ пріемомъ къ цѣлов
своей руки вельможъ и прочихъ придворныхъ. Вельможи и
старающіеся добиться для себя ихъ положенія исправленіемъ
дворныхъ должностей, подносятъ ему нѣсколько собольихъ мѣ
вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью, но удержавъ у себя хлѣбъ и
все другое онъ отдаетъ имъ назадъ съ благодарностью.

Прочіе подходятъ къ нему безъ подарковъ и, цѣлуя его,
тую въ кулакъ, правую руку, подставляютъ ему свои, тоже
выя, въ которыя и опускаетъ онъ изъ кулака по два яйца кажд

Послѣ обѣда у Намѣстника Воеводы насъ отвезли въ ка
къ лодкамъ, съ такимъ же военнымъ парадомъ, и мы проп
еще 20-ть верстъ до деревни Новолуки (Navoluki), гдѣ и пере
вали у Попа (Popus) или Священника.

Когда правнукъ Рюрика, рожденный внѣ брака, Владим
рѣшился сдѣлаться Христіяниномъ, и выбралъ крестнымъ от
себѣ Василія, правившаго тогда Востокомъ, сообща съ брат
Константиномъ, Константинопольскій Патріархъ, Николай Хр
бергъ (Chrysobergus) поставилъ Митрополитомъ въ Русь (Rus
Грека Михаила, и поручилъ ему крестить святымъ крещен
Владимира и его подданныхъ. Съ того времени главами
ковной Іерархіи въ Московіи всегда были Константинополь
Патріархи. Это продолжалось до тѣхъ поръ, когда одинъ
нихъ, Іеремія (Hieremias), рыскалъ взадъ и впередъ по Россіи

бора денегъ, чтобы купить на нихъ благосклонность Оттоманской Порты и согнать съ Патріаршества Уніата Митрофана (Mitrophanem): въ презрѣнной бѣдности, стеная подъ Турецкимъ игомъ, онъ догадывался, что Московскій народъ, славный въ мірѣ тогдашнимъ завоеваніемъ Татарскихъ Царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, и пораженіемъ, нанесеннымъ Селиму, Турецкому Императору, будетъ когда ни будь освободителемъ Востока самымъ могущественнымъ защитникомъ Греческой Вѣры, и по тому легко сдался на очень цѣнныя просьбы этого народа, что-бы, изъ снисхожденія къ его тщеславію, благоволилъ ему имѣть собственнаго Патріарха, совсѣмъ независимаго отъ Константинопольскаго. Можетъ быть у Іереміи было въ виду 17-е правило Халкидонскаго Собора, которое предписываетъ, чтобы во всякомъ возобновленномъ городѣ Церковные и Епархіяльные чины тоже подчинялись гражданскимъ и общенароднымъ постановленіямъ. И такъ, въ Февралѣ 7097 года отъ сотворенія міра, и въ 1588 году отъ Р. Х., Іеремія лично посвятилъ въ Москвѣ Іова (Jobus) [67] въ санъ перваго Русскаго Патріарха, въ царствованіе въ Московіи Ѳедора Ивановича, сына Ивана Васильевича. Въ 1605 году Димитрій, позоренный у Москвитянъ извѣстнымъ именемъ обманщика Гришки Отрепьева (Griskae Utrepejae), согнавъ Іова съ его Патріаршаго престола, принудилъ его удалиться въ стѣны его монастыря, и поставилъ Игнатія (Ignatium), исповѣдывавшаго, по сказанію Московскихъ лѣтописей, Римскую Вѣру. Преемникъ растерзаннаго чернью Димитрія, Василій Шуйскій (Basilius Suiski), тоже далилъ и Игнатія съ Патріаршаго престола въ Московскій монастырь Чуда Архангела Михаила, чѣмъ и очистилъ онъ мѣсто Гермогену (Hermogeni), Митрополиту Казанскому, возведенному въ Патріархи, съ согласія того же Василія и духовенства, такъ какъ! онъ отказался отъ этого сана. Но это было несчастіемъ для Гермогена: изъ общей ненависти къ нему и возвысившему его, Шуйскому, бѣшеная чернь заключила его въ подземной ямѣ и погубила тамъ голодною смертію. [68] Послѣ того выбрали наконецъ Филарета (Philaretas), Ростовскаго Митрополита, при содѣйствіи сына его, Великаго Князя Михаила, и по совѣту церковныхъ властей: за нимъ по порядку слѣдовали Іоасафъ (Jasaph), Іосифъ (Josephus) и въ настоящее время Никонъ (Nicon). Всѣ они правятъ съ

[67] Собственно Генваря 26-го, 1589 г. О. Б.
[68] Вовсе не чернь, но Поляки. О. Б.

неограниченною властію, судятъ всякія дѣла, относящіяся к
ховенству, церковному послушанію и Христіянскимъ права
никогда не получаютъ у Царя отказа на просьбы объ утве
нія своихъ приговоровъ.

Послѣ Патріярха считаются четыре Митрополита: Н
родскій (Novogrodiensis), Казанскій, Ростовскій и Сарскій
ensis), [68] который проживалъ въ Московскомъ замкѣ (въ Кр
и по Царскому приказанію исправлялъ должность Патріярха,
дившагося тогда въ ссылкѣ.

За тѣмъ слѣдуютъ Архіепископы: Вологодскій (Volo
sis), Рязанскій (Rezanensis), Суздальскій (Susdalensis), Тв
(Tuverensis), Астраханскій (Astracanensis), Сибирскій (Sibiri
Архангельскій (Archangelensis) и Псковскій (Pscoviensis).

За ними идутъ Епископы: Коломенскій (Columnae), и В
(Viatkae), и рядъ ихъ заключаютъ Протопопы (Protopopi), П
дьяконы (Protodiaconi), Попы (Popi) и Діяконы (Diaconi).

Кромѣ этихъ духовныхъ лицъ, Москвитяне считаютъ
Митрополита Кіевскаго (Kyoviensem), Архіепископа Смолен
(Smolenscensem), и Епископовъ Мстиславскаго (Micislaviens
Полоцкаго (Polociensem). Но такъ какъ право на эти об
оспариваютъ у нихъ Поляки и Литовцы, то надобно еще
дождать будущаго мирнаго договора между ними, или об
веннаго рѣшенія войны.

Всѣ духовные сановники избираются къ пастырскому
изъ среды монаховъ. Никому изъ нихъ нельзя жениться, или
вмѣстѣ съ женою, взятою прежде, а тѣмъ менѣе возлежа
нею. При всемъ томъ таинства совершаютъ всѣ, хотя другое

---

[68] Столица Кипчацкихъ Хановъ была въ городѣ Сараѣ, близъ нынѣшн
рицына, гдѣ проживали многіе Русскіе купцы, художники и проч., к
пользовались тамъ совершенною свободою Вѣроисповѣданія. Въ 12
учреждена тамъ даже новая Епархія подъ названіемъ Сарайской и
ской, первымъ Епископомъ которой былъ Митрофанъ. Одному изъ п
ковъ его, по имени Аѳанасію (съ 1340 по 1353) порученъ былъ Мит
томъ Алексѣемъ надзоръ за всѣми церквами, лежащими по Дону, по
назывался онъ Сарскимъ и Подонскимъ. Со временъ Епископа Васси
1454 по 1466-й годъ) сіи Епископы имѣли свое пребываніе подъ М
въ Крутицкомъ монастырѣ, построенномъ Великимъ Княземъ Даніилом
сандровичемъ. См. «Baron v. Meyerberg und seine Reise, v. Adelung.»

писано въ Уставѣ Протоіереямъ, Священникамъ и Діяконамъ. По тому что предъ посвященіемъ они необходимо должны взять себѣ въ жены дѣвицу, а потомъ и жить съ нею по супружескому закону, и только въ день, слѣдующій за ночью, въ которую было у нихъ совокупленіе, Священники воздерживаются отъ служенія. Въ видахъ предохраненія отъ того, опредѣляютъ многихъ Священниковъ въ каждую церковь, въ которой поставленъ только одинъ алтарь и богослуженіе каждый день совершается по одному разу; впрочемъ, никто не обязанъ служить 4-ре раза, въ недѣлю. Въ случаѣ смерти жены Священнику запрещено совершать таинство, если Патріархъ, или Митрополитъ, не разрѣшитъ его отъ этого закона на какое ни будь время (что я и видѣлъ въ свою бытность въ Москвѣ); такіе допускаются только къ прочимъ церковнымъ служ-бамъ, въ качествѣ простыхъ прислужниковъ (причетниковъ). Тутъ не поможетъ и вторая взятая жена: даже и въ этомъ случаѣ они не допускаются къ священнодѣйствію, какъ простые міряне, не имѣющіе больше ничего общаго съ духовенствомъ, и низведенные съ высокой вершины священническаго сана въ самое прѣнное состояніе низкой черни, изъ котораго возвышаются всѣ. Одеждою не отличаются отъ мірянъ, кромѣ только круглой скуфейкой, возложенной при посвященіи Епископомъ на священническое гуменце, которой они никогда не должны снимать, развѣ только когда подстригаютъ волосы, въ коей и священнодѣйствуютъ, распустивъ съ макушки, по обычаю Назарянъ, кругомъ по плечамъ длинные волосы. Но эти простые Священники всѣ это того унижаютъ свой санъ, что, постоянно грубѣя въ нечистотѣ и грязи, сами правятъ своими телѣжками, въ самыхъ людныхъ городахъ ѣдятъ на улицахъ, точно въ какой уединенной столовой; если кошелекъ туго набитъ, то заходятъ и въ кабакъ опоражнивать тамъ чарку за чаркой до скотскаго опьянеиія. Всѣ они до одного какіе-то полоумные и называютъ погаными людей другого, а не Русскаго, Исповѣданія. Отъ того-то и нашъ Попъ не хотѣлъ намъ подать руки, въ обыкновенный знакъ радости гостямъ, чтобы не осквернить ее прикосновеніемъ нашихъ рукъ.

Къ этому суевѣрію заблудшаго ума онъ прибавилъ еще другое. Всякія изображенія въ пренебреженіи у Москвитянъ, кромѣ тѣхъ только, которыя при церковномъ алтарѣ; но доски, съ написанными на нихъ Греческой, или Русской, кистью ликами святыхъ, вымѣненныя на золотыя, или серебряныя, деньги (покупать ихъ неприлично), они дѣлаютъ своею собственностью и,

окропивъ св. водою, такъ чтутъ ихъ, что придешь, пожалуй недоумѣніе, какого рода у нихъ это почитаніе иконъ. Ихъ м въ домѣ всякаго частнаго лица: отведя имъ мѣсто въ уг столовыхъ и опочивальнѣ, и украсивъ ихъ по средствамъ каж золотомъ серебромъ и жемчугомъ, Москвитяне выставляютъ для поклоненія домашнимъ и приходящимъ. Зажигаютъ у обра свѣчи и совершаютъ передъ ними свои молитвы, обыкнов краткія, по тому что, когда осѣняютъ себя крестнымъ знамен складывая вмѣстѣ три пальца, большой, средній и указатель на правой рукѣ и, кладя ее сперва на грудь, потомъ на п раву тѣмъ на лѣвую, сторону, они повторяютъ много разъ: «Гос помилуй!» на своемъ нарѣчіи, съ присоединеніемъ молитвы подней, которой не умѣетъ прочесть никто изъ поселянъ, а горожанъ, да даже и изъ монаховъ, весьма немногіе. Когд мужъ захочетъ исполнить свой долгъ съ женою, онъ обязан крыть образа покрываломъ. Если Москвитянинъ входитъ в кой къ другому, то, не здороваясь ни съ кѣмъ, кого бы засталъ тамъ, не смотря на его значеніе, онъ тотчасъ же, нувъ взглядомъ углы, смотритъ, есть ли гдѣ образъ. А н дя его, спрашиваетъ: «Есть ли какой тутъ Богъ?» Когда ука образъ, онъ чествуетъ его троекратнымъ наклоненіемъ гол осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и только тогда уже н няетъ долгъ вѣжливости къ окружающимъ. А при уходѣ исправленіи своего дѣла, онъ опять такимъ же образомъ зываетъ почтеніе образамъ. Монахамъ, или Священникамъ, ни не дозволяется исправлять свои моленія къ Богу безъ присут образовъ. Если надобно будетъ крестить дитя, или вѣнчать с бу, принимать присягу, или предавать землѣ прахъ покой тутъ же должны находиться и образа. Въ церквахъ образа мѣщаются по внутреннимъ стѣнамъ, кругомъ повѣшенныя табо стію частныхъ лицъ. Если владѣлецъ образа застанетъ передъ кого ни будь за молитвой, этотъ богомолецъ сей же часъ у шитъ брань себѣ: «Съ чего это ты забралъ себѣ въ голову хватывать даромъ воровскими своими молитвами милости об которыя по праву слѣдуютъ тому, кто его вымѣнялъ? З себѣ самъ какого ни будь Бога, да и молись ему, сколько угодно, а чужими не пользуйся!» Онъ и не надѣйся унять го ругателя, пока не успокоитъ его уплатой чего ни будь изъ ны той вещи, на которую былъ вымѣненъ образъ. Будь же лишенъ будетъ, по приговору Церкви, общенія съ прочими

стіянами, тому же наказанію подвергается и его святый образъ, который тогда выносится изъ церкви и вручается отлученному отнести домой къ себѣ; послѣ же, когда примирится съ Церковью, принимаютъ туда и его образъ. Потомъ, если какая ни будь икона, по ветхости, будетъ источена червями и краски на ней слиняютъ, то набожность запрещаетъ бросать, или сожигать, ее: лучше пустить ее по теченію воды, чтобы пристала тамъ, куда приведетъ ее судьба; либо зарыть оную на какомъ ни будь кладбищѣ, какъ бы уже умершую для ихъ употребленія. Въ 1570-мъ году, по смерти Елены (Helenae), дочери Ивана, Великаго Князя Московскаго, сына Василія Темнаго, и вдовы Польскаго Короля Александра, Русскіе предложили Литовцамъ освободить бывшаго въ плѣну у нихъ, по праву войны, Ѳому Махенича (Thomas Machienicz), съ 50-ю его товарищами, за выкупъ образа Божіей Матери, написаннаго, по словамъ ихъ, Евангелистомъ Лукою. Этотъ образъ, увезенный Еленою въ 1494 году изъ отцовской божницы, долгое время сохранялся потомъ въ Вильнѣ, у Уніятскихъ монаховъ Чина Василія (apud Basilianos), въ храмѣ Пресвятой Троицы. Такъ и хозяинъ нашъ, можетъ быть, опасался, не дурно ли онъ поступитъ съ образами, если оставитъ ихъ между погаными, или не добились ли бы мы у нихъ даровыхъ милостей нашальными своими молитвами, а по тому взялъ да и вынесъ ихъ изъ нашей спальни, спрятавъ въ своихъ внутреннихъ комнатахъ.

Но, кромѣ образовъ Святыхъ, во всей Московіи нельзя видѣть другихъ изображеній.[70] А изваяній ровно нѣтъ никакихъ, такъ что память дѣдовъ и внуковъ, а часто и родителей, у дѣтей погибаетъ разомъ съ ихъ смертью. На крыльцахъ домовъ тоже не ставятъ никакихъ изваяній, представляющихъ предковъ, славныхъ знаменитыми дѣлами, не вѣшаютъ по стѣнамъ комнатъ и ихъ изображеній, которыя служили бы побужденіемъ къ добродѣтели для потомковъ и воспламеняли въ нихъ благородное соревнованіе.

---

[70] Живопись и обученіе этому искуству составляли одну изъ заботъ Царя Ѳедора Алексѣевича въ его «Уставѣ о нищихъ.» Тамъ встрѣчаются слѣдующія замѣчательныя слова: «И человѣкъ, кромѣ ученія, человѣкомъ именоватися не можетъ, для того что не вѣсть, какъ онъ есть человѣкъ. И во вся дни живота своего (аще и зѣло почтенъ, еже образъ Бога невидимаго носити ему) пребываетъ аще и живъ, но мертвъ, и видя, но слѣпъ.» См. «Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, соч. Вейдемейера.»

5-го Мая мы должны были сдѣлать еще шесть верстъ ромъ Ильменемъ, чтобы пристать на лодкахъ къ монастырю nadeglie. [71] Усердно стараясь продолжать нашъ путь, послѣ 3(верстъ ѣзды по лѣсистой дорогѣ, мы прибыли, 12-го Мая, в родъ Торжокъ (Tuverzackium). По недостатку въ военныхъ ли для нашего пріема, ихъ должны были замѣнить городскіе ж ли, вооруженные серпообразными сѣкирами и копьями.

Тутъ мы опять сѣли въ лодки и переѣхали рѣку Тверцу (T zam), которой покатое русло, по случаю растаявшаго снѣга, еще возможно для плаванія, хотя не разъ и становились м мель между камнями; сдѣлавъ же 24 версты, въѣхали въ р. гу, а послѣ переправы черезъ нея двухдневнаго плаванія привезли въ городъ Тверь (Tuveria).

Рѣка Волга (Volga), у древнихъ Ра (Rha), у Татаръ I (Edil), обязана своимъ началомъ болоту Фрянову (Fronoviae Волконскомъ лѣсу, въ Ржевскомъ (Rescoviensis) Княжест своимъ именемъ озеру Волго (Volgo), съ водами котораго, слѣ 10 миль теченія, она соединяетъ свои и, разбогатѣвши такой богатой прибыли, выходитъ изъ него опять. Она т къ востоку по Княжеству Тверскому, Ярославскому, Ростов му, Суздальскому, Нижегородскому и Царству Казанскому. текаетъ города этихъ Княжествъ: Старицу (Stassecziam), (Tuveriam), Угличъ (Uglizam), Мологу (Mologam), Ярославль (slaviam), Кострому (Castromam), Плесъ (Plessam), [73] Юрьевецъ govitziam), Балахну (Balagnam), Нижній Новгородъ (Novogr inferiorem), Васильгородъ (Vasilogrodiam), Козьмодемьянскъ (К demianskiam), Чебоксары (Sabakzaram), Кокшайскъ (Koskagan Свіяжскъ (Swiatkiam) и Казань (Casanum), принимая рѣки: Д Dubnam). [74] Тудъ (Tutum), [75] Тверцу (Tuverzam), Кашину (C (num), [76] Danecam?, Мологу (Mologam), Шексну (Scosnam), Котор

---

[71] Аделунгъ отказывается объяснить, что это за монастырь.

[72] Заштатный городъ Костромской Губерніи.

[73] Кокшайскъ прежде бывшій городъ Казанской Губерніи, Свіяжской пр ціи, а нынѣ слобода въ Царево-Кокшайскомъ Уѣздѣ той же Губерніи, ить при р. Волгѣ, между устьями рѣкъ: Большой и Малой Кокшагъ

[74] Дубна, на границѣ Калязинскаго и Корчевскаго Уѣздовъ, принимаетъ Сестру. О. Б.

[75] Въ Ржевскомъ Уѣздѣ.

[76] Кашина или Кашинка, рѣка Тверской Губерніи, вытекаетъ въ Кашин

(Skotoroam), [77] Кострому (Castromam), Оку (Occam), Суру (Suram), Juncam. [78] Ветлугу (Vetlugam), Su [79] и Казанку (Casanskam). Потомъ, взявъ направленіе къ югу, она течетъ по Астраханскому Царству, чрезвычайно увеличенная водами Камы (Kamae), Чердыка (Zerdikii), [80] Утки (Utkae), [81] Бейтмы (Beitmae)?, обѣихъ Атробъ (Atrobae), обѣихъ Самаръ (Samarae), Аскулы (Askulae), [82] Сызрани (Sirani), Панчины (Pantzinae), [83] Чагры (Zagrae), [84] Еруслана (Ruslanae), [85] Камышенки (Kamuskinkiae), [86] Балаклеи (Bollokleae), [87] небольшой рѣчки отъ рѣки Дона, Камышины (Komousii), Увары (Verovii), [88] омываетъ небольшіе городки на берегу Самары, горо-

---

Уѣздѣ и впадаетъ въ Волгу въ Калязинскомъ. На берегу ея Уѣздный городъ Кашинъ.

[77] Которосль, р. въ Ярославской Губерніи, составляется изъ 2-хъ рѣкъ, Вексы и Устья: первая выходитъ изъ Ростовскаго озера, а вторая изъ болотъ Угличкаго Уѣзда и, слившись въ Ростовскомъ Уѣздѣ, составляетъ р. Которость которая въ городѣ Ярославлѣ впадаетъ въ Волгу.

[78] Это, вѣроятно, Унжа, текущая по Костромской Губерніи.

[79] Су или Уса р. въ Симбирской Губерніи, или Сокъ въ Самарской.

[80] «А ниже града Лаишева (Каз. Губ.) изъ Камы потекла протока Червыкъ и пала въ Волгу.» Книга Больш. Чертежу стр. 148.

[81] Р. Утка течетъ въ Спасскомъ Уѣздѣ Казанской Губерніи и впадаетъ въ Волгу.

[82] Въ Словарѣ Щекатова встрѣчается Аскульское лбище, урочище въ Симбирской Губерніи. не подалеку отъ села Аскулы, на берегу Волги; но есть ли тутъ и рѣка Аскула, не извѣстно. Словарь Щекат. т. I, стр. 266.

[83] Рѣка Панчина составляетъ границу между Самарской и Астраханской Губерніями.

[84] Это Иргикъ—Эланъ—Чагра, одинъ изъ трехъ Иргизовъ въ Самарской Губ. На новыхъ картахъ ее называютъ просто Иргицъ-Эланъ, на картахъ 20-хъ годовъ, на прим., у Пядышева (Атласъ Росс. Имп. на Русс. и Франц. яз. 1827) имѣетъ ей полное названіе. Она была границею Симбирской Губ. до учрежденія Самарской.

[85] Ерусланъ — рѣка Самарской Губ.

[86] Камышенка, рѣка въ Саратовской Губерніи, достойна примѣчанія по тому, что Государь Петръ Великій предполагалъ посредствомъ ея соединить Волгу съ Дономъ.

[87] Быстрый ручей Балыклей, на которомъ находилась Балыклейская станица Волжскихъ Казаковъ, на половинѣ дороги между Царицынымъ и Камышинымъ. «А ниже Иловки пала въ Донъ рѣка Кешеня... а рѣка Кешеня вытекла отъ Волги, отъ верха рѣчки Балыклеи, а Балыклея пала въ Волгу.» Книга Больш. Чертежу.

[88] Увара—названіе одного изъ главныхъ и очень рыболовныхъ устьевъ Волги

докъ Чернояръ (Tzornogarum) и городъ Астрахань (Astraca
Потомъ, продолжая свой путь чуть не въ одиночествѣ, око
миль, она какъ бы раздѣляется на нѣсколько малыхъ ру
которые стали поперекъ ея русла отъ наносной земли, обро
тростникомъ и кустарникомъ; но послѣ 3000 верстъ теченія
соединяетъ принесенныя ею воды вѣчнымъ союзомъ съ нея
нымъ ея господиномъ, Каспійскимъ моремъ, да еще надѣ
ихъ приданымъ. По тому что для отправки къ Татарамъ,
намъ, Мидянамъ, Парѳамъ, Персамъ и Индѣйцамъ, привозить
ренные ей Русскими драгоцѣнные мѣха собольи, куньи, г
стаевые и рысьи. А беретъ за то у нихъ разныя ткани льня
хлопчато-бумажныя и шелковыя, золотыя и серебреныя парч
вры, самый шелкъ, окрашенный въ разные цвѣта, рубины
рюзу и жемчугъ, ревень, закаленные въ Бактріянскомъ Ни
рѣ [88] клинки, и, на обратныхъ судахъ, отвозитъ все это по
щимъ ей на встрѣчу рѣкамъ Окѣ и Москвѣ, даже въ самую
лицу Московской Россіи.

Въ Твери никто не явился принять насъ, по тому что
данъ было тамъ мало, а военныхъ людей и совсѣмъ не
Мы высадились тамъ изъ лодокъ 17 Мая. Но нашъ провод
до сихъ поръ очень усердно поспѣшавшій путешествіемъ по на
настоянію, получилъ отъ Царя грамоту, въ которой велѣно е
самому 21 числу Мая привезти насъ въ деревню Черкизово (
sowam), въ 25 верстахъ отъ Москвы. И теперь онъ такъ тих
ѣхалъ, что въ цѣлые 6 дней едва, едва сдѣлалъ только 150 н
шихъ веретъ, да еще по хорошей дорогѣ. Въ предлогъ том
приводилъ благоволеніе своего Государя, который хоть и
увѣдомленъ изъ его писемъ о нашей поспѣшности и ея причи
однако жь хочетъ позаботиться о нашемъ здоровьѣ и не
стить, чтобы наши силы, и то уже разстроенныя такою д
и по множеству неудобствъ затруднительной дорогой, со
упали при болѣе поспѣшной ѣздѣ. Въ самомъ же дѣлѣ нас
держивали для того больше, чтобы между тѣмъ дать время
рянамъ, созваннымъ для нашего пріема, собраться изъ о бласт
городъ Москву къ назначенному для нашего въѣзда туда 25

въ Астраханской Губерніи. Эта рѣка, при которой селеніе Уваринскій
впадаетъ въ море, въ 35 верстахъ отъ Астрахани.

[88] Низапуръ—главное мѣсто въ Хорасанѣ, въ Персіи.

Пока мы коротали въ этой деревнѣ время такой досадной остановки, насъ немного поразвлекъ слышанный разсказъ вотъ о какомъ забавномъ случаѣ. Когда сильный внутренній жаръ угрожалъ доброму здоровью Великаго Князя, онъ велѣлъ стороною спросить совѣта о томъ его Врачей, тщательно утаивъ имя больнаго, и отъ каждаго изъ нихъ потребовать письменнаго мнѣнія. Всѣ Врачи согласились въ томъ, что больному надобно пустить кровь. Алексѣй одобрилъ совѣтъ и, переставъ укрываться, протянулъ руку Врачу для кровопусканья. Когда оно окончилось благополучно, Великій Князь пригласилъ и окружающихъ Бояръ (Proceres) послѣдовать его примѣру. Всѣ повинуются приглашенію Государя, хотя и противъ воли, однако жъ не столько изъ, столь обыкновеннаго при Дворахъ порока, лести, сколько изъ страха, чтобы не навлечь на себя Царскаго негодованія, въ случаѣ отказа. Одинъ Окольничій (Oconlicius), Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ (Rhodion Mattheowicz Streschnew), [70] понадѣявшись на родство, соединявшее его съ Алексѣемъ по его матери, Евдокіи Стрѣшневой (Eudocia Streschnowia), отговаривается, подъ предлогомъ своей дряхлой старости. «Ахъ ты неключимый рабъ!» сказалъ Алексѣй въ раздраженіи. «Развѣ ты не ставишь ни во что своего Государя? Не ужь-то въ твоихъ жилахъ льется кровь дороже моей? Да и съ чего ты такъ превозносишь себя надъ равными, даже и высшими, тебя, что похвальный примѣръ ихъ поспѣшнаго усердія позволяетъ себѣ охуждать своимъ, совсѣмъ противоположнымъ, поступкомъ?» Не говоря много словъ, онъ бросается къ его лицу, наноситъ ему много ударовъ кулакомъ руки, свободной отъ кровопусканій, и даетъ ему пинки ногами. Когда же гнѣвъ его потомъ прошелъ, тою же рукою, которою билъ, онъ приложилъ, всегда пріятный для Москвитянъ, пластырь къ опухшимъ отъ ударовъ мѣстамъ, т. е., подарки, и одарилъ его щедро.

23-го Мая мы пріѣхали къ церкви Св. Николая, гдѣ, по приказу Великаго Князя, приготовили намъ двѣ палатки и объявили, что онъ велѣлъ это сдѣлать, узнавъ, съ какою неохотою мы останавливались на постой въ крестьянскихъ избахъ, всегда наполненныхъ какъ въ лѣтнее, такъ и зимнее, время.

Въ тотъ же день прибыли туда присланные Великимъ Кня-

[70] Съ 1657 года: погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ 1687, Апрѣля 2 го, и названъ въ надписи надгробной Боляриномъ. О. К.

земъ, шесть упряжныхъ лошадей съ кучерами везти нашу ка
и нѣсколько верховыхъ для почетнѣйшихъ лицъ нашего с
ства. Правду сказать, это была необыкновенная почесть,
какъ до сихъ поръ лошади обыкновенно присылались про
Посланникамъ одинъ разъ только, въ самый день ихъ въѣзд
Москву, за нѣсколько шаговъ отъ города.

На другой день, около 11-ти часовъ до полудня, мы д
лись къ Москвѣ. Въ карету къ намъ усѣлся и нашъ провод
занявъ третье мѣсто въ ней, чего прежде никогда не бы
Всѣ члены нашего общества ѣхали впереди верхомъ. Въ слѣ
ними двигалась наша карета и вещи. За двѣ мили отъ Москв
открытомъ полѣ, по краямъ дороги, стояли шесть тысячъ пѣ
войска, расположенныя разными отрядами, съ сорока знаме
а дальше, въ такомъ же порядкѣ, до самаго предмѣстья, д
тысячъ конницы, тоже съ своими значками: для изъявлені
дости они безпрестанно оглашали воздухъ барабаннымъ бое
игрою на трубахъ. Когда мы были уже въ 500 шагахъ от
рода, изъ среды этого войска вышелъ къ намъ гонецъ отъ С
ника (т. е., Дворянина, служащаго при Царскомъ столѣ),
ва Семеновича Волынскаго (a Jacobo Semenowicz Walinsk
и Дьяка (одного изъ низшихъ писцовъ) Григорія Карповича
данова (Gregorio Carpow sin Bogdanow), [22] назначенныхъ Ца
принять насъ и во всю нашу бытность въ Москвѣ заботит
нашихъ нуждахъ. Москвитяне зовутъ ихъ Приставами. Го
увѣдомилъ насъ отъ ихъ имени, что они прибыли съ Ве
княжескою каретою, такъ чтобы мы высадились изъ наш
пересѣли въ ту. Мы отвѣчали, что сей часъ же готовы сд
это, какъ только увидимъ, что Приставы исполнили свою об
ность. Услыхавъ это Яковъ Вибергъ (Jacobus Wibergus),
данный къ намъ переводчикъ, тотчасъ же сошелъ съ лошад
нимъ послѣдовалъ потомъ и Дьякъ, въ то же время слѣзъ с
шади и первый Приставъ. Видя такую необыкновенную пред

[22] Сынъ Василія Семеновича, Боярина 1676 и Царственной большой п
Оберегателя 1671, сконч. 1683 г. О. Б.

[23] Былъ Дьякомъ въ Разрядномъ Приказѣ 1657 г., потомъ въ Приказѣ К
скаго Дворца, а при Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳедорѣ Алексѣевичѣ Ду
Дьякъ. Сынъ его, Ѳедоръ Григорьевичъ, былъ уже Стольникомъ, ра
при Петрѣ I-мъ три Богдановыхъ: Яковъ Ивановичъ, Григорій и Ми
Самсоновичи, тоже Стольники. Сергѣй Никаноровичъ въ 1857 году и
Д. С. С. и Предводитель Дворянства Владимирской Губерніи. О. Б.

ительность Москвитянъ, мы немедленно и сами вышли изъ ка-
еты: прежде всѣхъ ступилъ на землю мой товарищъ, въ одно
ремя со слѣзавшимъ съ лошади послѣднимъ Приставомъ, а послѣ
сѣхъ и я. Приставы и переводчикъ, шедшіе къ намъ на встрѣ-
у, первые очень вѣжливо сняли шапки, безъ всякаго предвари-
ельнаго уговора, и съ обыкновенной обрядностью приняли насъ
ъ имени своего Государя. Потомъ Подконюшій (Prorraefectus
labulo) Великаго Князя, черезъ другого переводчика, предложилъ
амъ, готовую для насъ, карету его Государя, и другихъ лошадей
ля членовъ нашего общества. Когда мы оба усѣлись въ ней,
ыли къ намъ тоже и первый Приставъ, да еще проводникъ
ишъ, Дьякъ, и переводчикъ. Только что мы немного отъѣхали са-
амъ тихимъ шагомъ, какъ должны были остановиться, прибли-
вшись къ предмѣстью, пока пѣхота и конница, разставленныя
полѣ, не вошли всѣ въ городъ и не устроились потомъ на
ицахъ, которыми намъ слѣдовало проѣзжать по дорогѣ къ
шему помѣщенію.

Вседневная одежда Москвитянъ, даже и знатныхъ, не раз-
ютъ очень состоянія. Весьма узкое исподнее платье изъ де-
ваго сукна, да шелковый, немного недостающій до икръ, зи-
ъ и надѣтый сверхъ его кафтанъ съ длинными рукавами, лѣ-
ъ изъ зуфи (камлота, Ancirensi undulato), [93] а зимой изъ сук-
на мѣховомъ подбоѣ. Хотя эти оба платья и поизотрутся, и
апачкаются въ носкѣ, Москвитяне, однако жь, не пренебрегаютъ
до того, чтобы бросать ихъ. Когда же надобно быть у пріе-
Пословъ иноземныхъ Государей, или при отправленіи обще-
нныхъ молебствій, или на свадебныхъ торжествахъ, тогда все,
дѣлается дорогого на Атталійскихъ ткацкихъ станкахъ, вся
ная добыча съ ободранныхъ звѣрей, всѣ произведенія въ
оцѣнныхъ камняхъ богатаго Востока, всѣ приношенія въ

ора, прежде Ancyra, въ Ангорскомъ Эйлетѣ, въ Азіятской Турціи. Вся
естность Ангоры—родина Ангорскихъ козъ, Kämel-Ziege, отъ Турец. сло-
Chamal, нѣжный, съ длинною, ослѣпительной бѣлизны, шелковистою
рстью, которой нѣжность съ лѣтами грубѣетъ, по чему большую часть
ихъ козъ колютъ на 4-мъ году ихъ жизни. Похожую на эту шерсть имѣ-
ь и овцы, собаки, кролики и кошки. Каждая коза даетъ ежегодно
тлымъ числомъ 2 фунта тифтика или шелковистаго волоса, на 2½ тале-
цѣною, а всю прибыль съ этихъ козъ считаютъ въ 1 милл. фунтовъ: изъ
го числа до 20,000 ф. идетъ на шали и ковры, остальное вывозится. Kap-
. Geogr., 1871 года.

жемчужныхъ раковинахъ Эритрейскаго (Чермнаго или Краснаго) моря; все это Москвитяне, обвѣшанные крестъ на крестъ по плечамъ тяжелыми золотыми цѣпочками, чванливо выставляютъ на показъ изъ самой пустой пышности на ферязяхъ и шубахъ, которыя никогда не выходятъ изъ моды по неизмѣнному своему покрою и передаются для долгой носки внукамъ, далѣе на остроконечныхъ шапкахъ, на повязкахъ или лучше ожерельяхъ, облегающихъ ихъ шею. Если недостаточное состояніе не дозволяетъ кому ни будь запастись такою одеждой, тому выдается она въ ссуду, соотвѣтственно его званію, изъ Царской казны, за какую ни будь ничтожную плату. Только, кто бы онъ ни былъ, пускай остерегается изорвать, или запачкать, взятое въ ссуду платье, либо украсть, или потерять, сколько ни будь жемчуга на немъ, а то за всякую долженъ будетъ заплатить дорогою цѣной, а за вину свою, или за нерадѣніе, вытерпѣть наказаніе батогами.

Волосы отращиваютъ, только не длиннѣе концовъ ушей, чтобы не повредить достоинству бороды, которая въ высокомъ уваженіи. Однако жь, тѣ, которыхъ Царь посылаетъ къ иностраннымъ Дворамъ, не подстригаютъ волосъ на головѣ и бородѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ къ нему допущены по возвращеніи домой.

Лошади въ употребленіи у нихъ Татарскія, которыхъ Ногайцы каждый годъ присылаютъ до 40 тысячъ на продажу въ Москву, да и по сходной цѣнѣ. При осмотрѣ лошадей они не обращаютъ никакого вниманія на такихъ, которыя съ жирнымъ животомъ, тощимъ тѣломъ, съ толстою шеей и высокой головой, ежели въ пользу ихъ не говоритъ ихъ рѣзвость, выносливость работы и голода. Однако жь, знатные люди не имѣютъ недостатка въ Персидскихъ лошадяхъ, да какъ надѣнутъ на нихъ самую нарядную сбрую и выѣдутъ на какое ни будь общественное торжество, то и сами тогда бываютъ заглядѣнье. Но такъ какъ нѣтъ у нихъ учителей верховой ѣзды (берейторовъ), и, красивая, или искусная, поступь не извѣстна ни лошади, ни кому либо изъ всадниковъ, то считаютъ въ его для себя славнѣе вдругъ погонять лошадей во всю прыть, или заставлять ихъ дѣлать безобразные и вовсе неискусные скачки, чтобы тряслись и бренчали отъ ихъ движенія серебряныя изъ большихъ колецъ цѣпочки, украшающія ихъ въ видѣ другихъ уздечекъ, [94] да и звенѣли привязанные надъ копытами

[94] Это чепи изъ серебра, или вызолоченныя, раздѣлялись на поводныя и пре-

у нихъ колокольчики, заставляя думать, что онѣ звонконогія. Это-то часто и было причиною нѣкотораго развлеченія для насъ во все время самой скучной остановки въ предмѣстьѣ. По тому что очень забавно было смотрѣть, когда то тотъ, то другой изъ знатнѣйшаго Русскаго дворянства, все въ разной одеждѣ, подъѣзжалъ къ нашей каретѣ и, не отдавая намъ никакой чести, словно павлинъ, развертывалъ всю пышность своего хвоста, показывая намъ свою шубу на собольемъ мѣху, самомъ дорогомъ по черноте, густотѣ и длинѣ волоса, и поворачивалъ ее то тѣмъ, то другимъ, бокомъ, съ помощію слугъ, распахивавшихъ ее точно мамзу; либо заставлялъ безобразно скакать свою лошадь въ сбруѣ, въ цѣпочкахъ, опутанную колокольчиками и, благодаря потрясенію отъ этихъ скачковъ, представлялъ ее нашимъ глазамъ со звономъ, во всей ея цѣлости.

Въ продолженіи этого зрѣлища небо избороздили тучи, пошелъ сильный дождь и заставилъ насъ поспѣшать къ нашему помѣщенію. Вскорѣ, однако жь, стало ясно и тихо, такъ что мы двинулись впередъ, среди безчисленнаго множества народа и вооруженныхъ волковъ, при безпрестанныхъ звукахъ нашихъ трубъ, въ привѣтствіе Царскимъ. Мы видѣли столько зрителей обоего пола въ домахъ, лавкахъ, улицахъ и переулкахъ, которыми насъ везли, что можно было заключить, что въ этотъ день никто не оставался дома. Да и въ самомъ дѣлѣ, я былъ увѣренъ, что изъ монахинь ни одной не было дома: такъ много было разсѣяно ихъ по улицамъ. Монастыри для нихъ въ Московіи очень многочисленны, но дѣвицы тамъ рѣки, много вдовъ, а всего больше женъ, разведенныхъ съ мужьями; однако жь, въ этихъ монастыряхъ не очень-то процвѣтаетъ неуклонное соблюденіе священныхъ уставовъ. По тому что, по извращенному тамошнему порядку, комнаты замужнихъ женщинъ охраняются, если не стыдливостью, то, по крайней мѣрѣ, несокрушимою крѣпостью рѣшетокъ. А ограды мо-

---

мячія: первыя были изъ колецъ, и висѣли отъ удилъ до передней сѣдельной луки, въ видѣ поводьевъ, а вторыя изъ нѣсколькихъ, скрѣпленныхъ между собою, дутыхъ погремушекъ, прицѣплялись у той же луки и висѣли иногда ниже живота лошади. А украшенія у копытъ назывались остроги, въ видѣ шпоръ, съ бубенцами. Къ убору лошади принадлежалъ также чалдарь, изъ металическихъ бляхъ, набранныхъ на бархатѣ, и закрывавшій спину, бока и грудь лошади, и наузъ, золотая кисть, висѣвшая на шеѣ у ней. См. «Описан. вооруженій Русскаго войска, Вейдемейера.»

нахинь не запираются никакой рѣшеткой, ни запоромъ. Сл
вательно, этотъ любопытный полъ, не сдерживаемый никак
закономъ затворничества, принимаетъ къ себѣ мужчинъ и, от
явъ свою службу на клиросѣ еще до разсвѣта, своевольно ша
ся по городу вездѣ. Да и безъ стража своей стыдливости, к
рый внушалъ бы ему страхъ къ себѣ и, заслоняя чувственно
доступъ къ душѣ честнымъ предостереженіямъ, ослабляетъ
водья своей соблазненной волѣ, которая и мчитъ его по
вѣднымъ, для него неприступнымъ и глухимъ, мѣстамъ до
поръ, пока не сброситъ его въ пропасть, а опрокинутый
онъ дѣлается соблазномъ для всѣхъ добрыхъ людей и позо
своего священнаго покрывала.

Однако жь, ничего не было великолѣпнѣе въ этомъ па
множества Князей, дѣтей Думныхъ Бояръ (Senatorum filii) и
Великокняжескихъ Спальниковъ изъ дворянъ, съ самимъ Ве
княжескимъ любимцемъ, Княземъ Юріемъ Ивановичемъ Ро
новскимъ (Georgio Juanowicz Romodanowski), [95] пожелавшимъ
передъ самою нашей каретой, отъ начала предмѣстія до на
подворья. Всѣ они, провожавшіе насъ толпою, въ самой пы
одеждѣ, остановили у подъѣзда подворья своихъ лошадей и
зали, что они провожали насъ, да еще и съ охотою, по в
женной на нихъ Царемъ обязанности, для почета Священному
сарскому Величеству: до сихъ поръ они никогда не испол
такого долга ни для одного Посла. Великій Князь позабо
открыто заявить намъ чрезъ Приставовъ, что, дѣлая такой
четный пріемъ, въ знакъ братскаго его расположенія къ Им
тору, онъ желалъ отступить отъ прежнихъ примѣровъ.

Домъ для нашего помѣщенія отведенъ былъ довольно
сторный и каменный, а это рѣдкость въ Москвѣ, по тому
большинство Москвитянъ живетъ въ деревянныхъ. Только нѣс
ко лѣтъ назадъ многіе изъ нихъ стали строять себѣ домы
кирпича, либо по тщеславію, либо для того, чтобы безопа
жить въ нихъ отъ очень частыхъ пожаровъ. совсѣмъ тѣмъ
ятъ себѣ спальни изъ сосновыхъ бревенъ, а для связи ихъ
шиваютъ ихъ мхомъ, говоря, что известка всегда имѣетъ вр

---

[95] Отецъ извѣстнаго Князя Кесаря Ѳедора Юрьевича. Онъ былъ особе
любимцемъ и довѣреннымъ Царя Алексѣя Михайловича. О. Б.

ство для здоровья, что и правда. Тамошніе зимніе холода имѣютъ такую пронзительную силу, что пробираются сквозь самыя толстыя каменныя стѣны, вмѣстѣ съ сыростью и, замораживая ее, покрываютъ снѣговою корой: это видалъ я много разъ самъ.

Во всѣ чуть не двѣнадцать мѣсяцевъ нашего пребыванія въ Москвѣ содержаніе намъ было постоянно изобильное. [*] Хотя сначала наши Приставы и предлагали выдавать намъ каждый день на содержаніе извѣстное количество денегъ, по предварительному соглашенію, вмѣсто съѣстныхъ припасовъ; но такъ какъ наши предшественники, Послы Римскихъ Императоровъ, да и Московскіе въ Вѣнѣ, до сихъ поръ никогда не соглашались на это, то и мы не хотѣли первые подавать предосудительный примѣръ жадности для преемниковъ нашей должности, да при томъ полагали навѣрное, что намъ никакъ не позволено измѣнять старин-

---

[*] Объ отпускаемыхъ ежедневно на содержаніе сего Посольства разныхъ припасахъ въ Государственномъ Архивѣ находится слѣдующее любопытное свѣдѣніе: «Роспись, по чему давать Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, жалованья, поденнаго корму и питья, въ дорогѣ Цесарскимъ Посламъ, Августину фонъ Маерну съ товарыщи и съ дворяны и съ людми. Съ дворца 1-му Послу Августину по 7-ми чарокъ вина двойного, по 2 кружки ренскаго, по 2 кружки романѣи, по 2 кружки меду вишневаго, или малиноваго, по 2 кружки меду обарнаго, по полуведру меду паточнаго, по ведру меду цеженаго, по ведру пива доброго на день. Товарищу его Горацыушу по 4 чарки вина двойного, по кружки ренскаго, по кружкѣ романѣи, по 2 кружки меду вишневаго, по 2 кружки меду обарнаго, по полуведру меду паточнаго, по полуведру меду цеженаго, по полуведру пива доброго на день. Чиновнымъ людямъ 4-мъ человѣкомъ: Пастору, Мершалку, Секретарю: по 4 чарки вина боярского, по кружкѣ меду обарнаго, по полуведру меду цеженаго, по полуведру пива доброго человѣку на день. Людемъ посольскимъ 1-й статьи 8-ми человѣкомъ: по 3 чарки вина доброго, по 2 кружки меду цеженаго, по 3 кружки пива человѣку на день. Достальнымъ 7-ми человѣкомъ: по 3 чарки вина простаго добраго человѣку, да всѣмъ вопчѣ по ведру меду цежанаго, по 2 ведра вина на день. Питье давать въ готовыхъ судѣхъ. Изъ большаго приходу 1-му Послу Августину по 3 хлѣба да по 3 колача. Товарищу его по 4 хлѣба да по 2 колача грошевыхъ. Чиновнымъ лѣдемъ 3-мъ человѣкомъ, да Посольскимъ людемъ 14 человѣкомъ, по хлѣбу, да по колачу грошевому человѣку на день. Посломъ же и чиновнымъ людемъ, всего 5-ти человѣкомъ, по 2 гуся да по 2 тетерева, по 5 куровъ на день. Посломъ же со всѣми людьми, всего 19-ти человѣкомъ: по четверти яловицѣ, по барану, по 40 яицъ, по 8 гривенокъ масла коровья на

ный обычай, до взаимнаго соглашенія Царя съ Цесарем
этомъ предметѣ.

26-го Мая Пристава увѣдомили насъ, что въ слѣду
день мы удостоимся видѣть свѣтлыя очи Великаго Князя
томъ насъ спросили, отъ имени Канцлера, есть ли съ нами
ки отъ Императора Царю? Мы отвѣчали, что это не въ об
Есть только у насъ свои собственные небольшіе подарки,
нашимъ достаткамъ, для представленія Великому Князю, въ
нашего почтенія къ нему. Ихъ мы и показали, по просьбѣ
ставовъ.

На другой день опять пришелъ къ намъ нашъ Прис
Дьякъ съ увѣдомленіемъ, чтобы въ 2 часа мы приготовились
ставиться Великому Князю. Около 10 часу предъ полуднем
крыльцу нашихъ домовъ явились лошади нашего общества, въ
за Великокняжескою каретою, которая была другая, а не
няя. За тѣмъ слѣдовали наши обыкновенные Приставы, кот
и проводили насъ до кареты, переодѣвшись въ другой ко
у насъ въ кафтаны, вышитые жемчугомъ и драгоцѣнными к
ми, по обыкновенію, взятые на этотъ случай изъ казны Ве
го Князя. Послѣ того, какъ отвели намъ въ каретѣ почетн
мѣста, они сами оба сѣли въ ней съ переводчикомъ, а по
имъ сторонамъ сопровождала ее наша прислуга. Передъ
ѣхали верхомъ въ переднемъ ряду флейщики и наша прис
за ними слѣдовали пѣшкомъ члены нашего общества, съ п

день, по чети ведра сметаны, по получетверику крупы, по 3 кружки у
по 2 гривенки патоки, по 6 гривенокъ соли, на 2 дни; луку и чесноку,
сты, огурцовъ, свѣчъ восковыхъ и сальныхъ по 10 денегъ на день.
которой день Послы похотятъ рыбы, и имъ, вмѣсто мясные ѣствы, д
рыбою, счетчи противъ мясные ѣствы. Да имъ же давать конскаго
на 5 лошадей по чети овса да по вотъ сѣна на 2 дни. См. «Baron v.
erberg und seine Reise, v. Adelung,» прим. 4, стр. 75 — 77.

[97] Подарки, поднесенные Царю Майербергомъ, состояли изъ двухъ серебр
внутри вызолоченныхъ, мисъ (вазъ) и одной чаши съ серебряною кр
Одна изъ этихъ мисъ до сихъ хранится въ Грановитой Палатѣ въ М
Дары отъ Пословъ, подносимые Великому Князю, тотчасъ же оцѣнивались
бы сообразить по тому цѣну подарковъ, жалуемыхъ въ возвратъ за он
запискамъ въ Государственномъ Архивѣ, дары Майерберга оцѣнены бы
1878 руб. мѣдными деньгами, которые, по примѣрному соображенію, м
составить около 9057 руб. ассигнаціями. См.: «Baron von Meyerberg,» при
стр. 80.

ками, а потомъ одинъ изъ нихъ верхомъ: это былъ нашъ Секретарь, который, поднявъ руку, держалъ въ ней, на виду для всѣхъ, ни чѣмъ не обернутыя, вѣрющія грамоты Державнѣйшаго Императора. [98]

Всѣ члены нашего общества были, какъ и сами мы, безъ оружія, по тому что никому не дозволялось входить къ Царю съ оружіемъ: всѣ должны были оставлять его у дворцовыхъ воротъ; но какъ всѣ наши желали быть ему представленными, то и рѣшились лучше не брать съ собой никакого оружія, чѣмъ принести его и снимать потомъ.

Мы увидѣли, что отъ нашего подворья до Великокняжескаго Дворца разставлены были въ большомъ числѣ пѣшія войска, хорошо вооруженныя большими ружьями, красиво одѣтыя въ разноцвѣтные кафтаны, [99] по цвѣту ихъ полковъ. Насъ высадили у дворцовой лѣстницы, среди множества стоявшихъ тамъ Московскихъ военачальниковъ. Поднявшись въ первую комнату, мы были встрѣчены Стольникомъ, Княземъ Андреемъ Ивановичемъ Хилковымъ (Andreas Juanowicz Hilkow), и Дьякомъ Ѳедоромъ Михайловымъ (Theodorus Mihalow), которые сказали намъ, чрезъ своихъ переводчиковъ, что имъ приказано Великимъ Княземъ, отъ его имени, тутъ принять насъ. Послѣ изъявленія благодарности, мы продолжали путь дальше, и прежде чѣмъ вошли въ тотъ покой, гдѣ находился Великій Князь, насъ приняли опять, отъ его имени, Стольникъ Князь Василій Ивановичъ Хилковъ (Basilius Juanowicz Hilkow) [100] и Дьякъ Никита Головнинъ (Valowenin). [101] Тогда мы поблагодарили ихъ, насъ допустили къ Царю.

---

[98] Майербергъ говоритъ въ своемъ Донесеніи Императору, что Приставы хотѣли, чтобы эти грамоты были завернуты въ красную шелковую ткань, но Послы, думая, что если бы такова была воля Императора, онъ вручилъ бы имъ эти грамоты въ футлярѣ, по чему и отвѣчали извиненіемъ, что шелковой ткани у нихъ нѣтъ съ со ою, а по случаю праздничнаго дня и спѣшнаго времени посылать за нею въ лавки некогда. См. «Sammlung v. Wichmann.»

[99] Пальмквистъ, Шведскій Посланникъ, бывшій въ Москвѣ въ 1674 году, видѣлъ 14-ть Стрѣлецкихъ полковъ, все въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, вишневаго, клюквеннаго, брусничнаго, оранжеваго, алаго, желтаго, малиноваго, свѣтло-зеленаго цвѣтовъ, въ сапогахъ красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ. См. «Описан. вооруж. Русск. войска, Вейдемейера.»

[100] Оба Хилковы—родные братья; изъ нихъ послѣдній, Василій Ивановичъ, р 1614, ум. 1677. О. Б.

[101] Головнины ведутъ родъ свой отъ Никиты Головни, Новгородскаго Боярина,

Покой былъ довольно обширенъ, однако жь очень стѣ
ее по срединѣ толстый столбъ, поддерживающій сводъ. С
были украшены старинною живописью, и между окнами пр
нены были къ нимъ серебряные подсвѣчники. Кругомъ по
стѣнамъ были подѣланы неподвижныя, покрытыя коврами, л
на которыя всходили по четыремъ стѣнамъ.

На нихъ, по правую сторону отъ Царя, на всемъ виду
го, отчасти даже и влѣво, сидѣли, съ открыми головами, въ
шомъ числѣ Бояре (Bojari), Окольничіе (Ocolnicii) и Думные Д
не изъ тайнаго Великокняжескаго Совѣта, совсѣмъ не удосто
насъ поклономъ ни при входѣ нашемъ, ни при выходѣ. Самъ
сидѣлъ на серебряномъ, позолоченномъ, престолѣ, поставлен
не по срединѣ, а въ лѣвомъ углу покоя, между двумя окна
казался въ тѣни. Престолъ хоть и былъ возвышенъ, по том
подъ тремя своими ступенями имѣлъ подножіемъ рундукъ, п
дившійся вровень съ лавками Думныхъ Бояръ, но не отлич
величиною, да и темное помѣщеніе такъ скрадывало его бл
что онъ не представлялъ никакого великолѣпія. По срединѣ
надъ головою Царя, висѣлъ образъ Богородицы Дѣвы. В
отъ него въ окнѣ возвышались часы, въ видѣ башни. А въ
гомъ окнѣ, замыкавшемъ уголъ его стѣны, стояла сереб
пирамида, державшая золотой шаръ. Выше къ своду висѣл
стѣнѣ еще два святые образа, выставленные для поклоненія
краю лавки, вправо отъ Царя, стоялъ серебряный рукомой
съ подливальникомъ и полотенцемъ, которые, послѣ того,
мы, по обычаю, поцѣлуемъ его правую руку, должны были
служить ему для омыванія и обтиранія ея, оскверненной
стыми устами поганыхъ, какъ называютъ Москвитяне всѣхъ
верженцевъ Латинской Церкви. На головѣ имѣлъ онъ ост
нечную шапочку, съ собольимъ околышемъ, украшенную
тымъ вѣнцомъ, съ драгоцѣнными каменьями, который, как
имѣя своимъ подножіемъ соболій околышъ, оканчивался в
ху крестомъ. Въ правой рукѣ держалъ скипетръ. По правую
рону у него стоялъ Князь Яковъ Куденетовичъ Черкаскій

разбившаго, 1401 г., подъ Холмогорами, войска В. Кн. Московскаго, В
Дмитріевича. Никита Григорьевичъ, въ VII колѣнѣ, былъ первымъ дво
номъ Посольства Русскаго къ Шведской Королевѣ Христинѣ, 1648, съ
стіемъ о восшествіи на престолъ Царя Алексѣя Михайловича, а за
Дьякомъ въ Приказахъ Помѣстномъ и Ямскомъ. О. Б.

cobus Kudinietowicz Tzerkaski), [100] изъ племени Черкасъ (Tzerkasso-ти), у Каспійскаго моря, и цынѣ первый Бояринъ; по лѣвую есть его, Илья Даниловичъ Милославскій (Ilia Danilowicz Milo-lawski), тоже Бояринъ. [101] А передъ престоломъ стояли четверо княжескихъ сыновей, всѣ въ бѣлыхъ кафтанахъ, въ шапкахъ и съ ѣкирами въ рукахъ (рынды).

Наши Приставы поставили насъ въ 10-ти шагахъ отъ Царя. Тутъ мы и поклонялись ему, ставши, по нашему обычаю, на колѣни, изъ уваженія къ Царю. Въ нѣкоторомъ разстояніи позади насъ стояли всѣ члены нашего общества. Тогда Думный Дьякъ одинъ изъ 3-хъ Великихъ Канцлеровъ Царства), Алмазъ Иванновъ (Almasius Juanow), сидѣвшій съ немногими другими на одной изъ лавокъ, влѣво отъ Великаго Князя, сталъ вровень съ нами и сказалъ, что прибыли Послы Великаго Римскаго Цесаря, стоять передъ нимъ и бьютъ челомъ ему, то есть, по Московскому выраженію, отдаютъ ему почтеніе. По тому что всѣ безъ различія Москвитяне оказываютъ почтеніе своему Князю, стоя на колѣняхъ и челомъ касаясь пола; такого же уваженія отъ низшихъ требуютъ себѣ, при случаѣ, и всѣ высшія лица. Великій Князь далъ знакъ Канцлеру сказать намъ, чтобы мы объявили наше желаніе.

Услыхавъ это, мой товарищъ началъ передавать на память первое предложеніе, по приказанію Всепилостивѣйшаго Священнаго Цесарскаго Величества, изложенное для насъ по принятому образцу. Но только что онъ пересказалъ Императорскій и Царскій титулы, какъ переводчикъ прервалъ его и повторилъ ихъ на Русскомъ нарѣчіи. Лишь только онъ кончилъ и это, какъ Царь, поднявшись съ престола, спросилъ насъ, здоровъ ли любезнѣй-

---

[100] Собственно Урусканъ Мурза или Ханъ (Канъ), въ крещеніи Яковъ, сынъ Куденета Мурзы, выѣзжанный изъ Черкасіи Царемъ Михайломъ Ѳедоровичемъ, сначала Стольникъ, потомъ, 1644 г., Бояринъ; предводительствуя Русскими, онъ, въ 1654 году, покорилъ Оршу, Вильну, разбилъ подъ Шкловымъ Литовскаго Гетьмана, Князя Радивила, 1664 тѣснилъ Польскаго Короля, Іоанна Казимира, при Мглинѣ и Кричевѣ; женатъ на Княжнѣ Евдокіи Семеновнѣ Прозоровской, ум. въ Іюлѣ, 1666 г. О. Б.

[101] Съ 1648 года Бояринъ, ум. 1668 г.; дочь его, Марія Ильинична, была первою супругой (съ 1648 г.) Царя Алексѣя Михайловича, отъ которой имѣлъ онъ 5 сыновей и 8 дочерей; скончалась въ Мартѣ, 1669 г.; сестра ея, Анна, была за Бояриномъ Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, воспитателемъ Царя. Ф. Б.

шій братъ его, Римскій Цесарь, Леопольдъ? И тотчасъ же
опять. Мы отвѣчали, что, отъѣзжая изъ Вѣны, мы оставили
щенное Цесарское Величество, благодареніе Богу, въ доб
здоровьи. Канцлеръ сказалъ потомъ, чтобы мы подали Вел
Князю Императорскія вѣрющія грамоты. Тогда, взявъ их
нашего Секретаря, я подалъ ихъ Царю, въ сопровожденіи с
товарища, и воротился потомъ на прежнее мѣсто, а Ца
ту же минуту вручилъ ихъ Князю Черкаскому.

Потомъ тотъ же Канцлеръ возвѣстилъ намъ, что Ве
Князь жалуетъ насъ, т. е., соизволяетъ, чтобы мы шли цѣл
его руку. Пока мы подходили, онъ перенесъ свой скипетр
правой въ лѣвую руку, и протянулъ намъ, для цѣлованія;
же Черкаскій поддерживалъ ее своею, а Царскій тесть,
все такъ и сторожилъ и кивалъ намъ, чтобы кто ни буд
насъ не дотронулся до нея своими нечистыми руками, мо
быть, наперекоръ обычаю. По окончаніи этого, Канцлеръ
вилъ, чтобы мы высказали остальныя наши предложенія. А
да мы исполнили это, онъ сказалъ, что Великій Князь пожал
насъ, позволилъ намъ сѣсть; тотчасъ подали намъ длинную без
чекъ лавку (какъ водится у Москвитянъ), покрытую Персид
ковромъ, на которой мы и сидѣли, пока нѣкоторые изъ на
служителей цѣловали Царскую руку. Потомъ Канцлеръ пр
силъ насъ встать. Въ то время, какъ мы стояли, Великій
спросилъ насъ, здоровы ли мы? Мы отвѣчали по обыкнов
что, благодаря Божію милосердію и его милости, здоровы,
благодарили его за такое благоволеніе къ намъ.

Потомъ опять насъ пригласили сѣсть. Подошедши съ
къ Канцлеру, Окольничій, Иванъ Михайловичъ Милославск
(Joannes Mihalowicz Miloslawski), сказалъ Великому Князю,
принесены ему отъ насъ подарки. Пока вносили ихъ наши
жители, мы, по предложенію Канцлера, опять встали съ ла
вмѣсто того, чтобы словесно просить Великаго Князя пр
наши подарки въ то время, какъ онъ разсматривалъ ихъ, мы
вили ему почтеніе наклоненіемъ тѣла, какъ водится у Москви

Наконецъ Царь приказалъ Канцлеру дать намъ знать
онъ отрядитъ нѣсколькихъ своихъ Думныхъ Бояръ, съ кото

---

[109] Съ 1677 Боярин, род. 1629 г., ум. въ концѣ Іюля, 1685 г. О. Б.

ы и можемъ войти въ разсужденіе обо всемъ, что еще осталось
нимъ предложить, и чтобы въ этотъ день мы отвѣдали кушанья
ъ его стола.

Послѣ того, засвидѣтельствовавъ ему почтеніе, мы вышли.
А при выходѣ насъ провожали тѣ же лица, что и приняли насъ
при входѣ, отъ имени Великаго Князя.

Въ Кремлѣ мы видѣли лежащій на землѣ мѣдный колоколъ
удивительной величины, да и произведеніе Русскаго художника,
но еще удивительнѣе. Этотъ колоколъ, по своей величинѣ, выше
Эрфуртскаго (Erphordiensem), и даже Пекинскаго въ Китайскомъ
Царствѣ. Эрфуртскій вышиною девять футовъ шесть дюймовъ, діа-
метръ его жерла безъ малаго 8-мь футовъ, окружность 9 футовъ,
толщина стѣнъ шесть съ половиною дюймовъ, а вѣситъ 25,400 фун-
товъ. Пекинскій колоколъ 13½ футовъ, поперечникъ его 12-ть
футовъ, окружность 44 фута, толщина 1 футъ, а вѣсъ 120,000
фунтовъ. Но Русскій нашъ колоколъ вышиною 19-ть футовъ,
шириною въ отверстіи 18-ть футовъ, въ окружности 64 фута, а
толщиной 2 фута, языкъ его длиною 14 футовъ. На отлитіе это-
го колокола пошло 440,000 фунта мѣди, угару изъ нихъ было
20,000 фунтовъ, а все остающееся за тѣмъ количество металла
было дѣйствительно употреблено на эту громаду. Я говорю не о
томъ колоколѣ, что отлитъ и поднятъ въ царствованіе Бориса
Годунова: въ него обыкновенно звонили, когда праздновалось
какое ни будь торжество во славу Бога, или въ воспоминаніе его
святыхъ, когда принимались Посланники иноземныхъ Государей,
или приводились въ Кремль къ Царю: этотъ колоколъ и до
сихъ поръ еще виситъ на башнѣ, хоть и не служитъ уже для
потребленія въ выше названныхъ случаяхъ. Здѣсь рѣчь идетъ о
колоколѣ, вылитомъ въ 1653 году, въ царствованіе Алексѣя: онъ
лежитъ еще на землѣ и ждетъ художника, который бы поднялъ
его, для возбужденія его звономъ въ праздничные дни набожно-
го Москвитянъ, по тому что этотъ народъ вовсе не желаетъ
оставаться безъ колокольнаго звона, какъ особенно необходимаго
условія при богослуженіи.

Черезъ часъ послѣ того, какъ проводили насъ на наше по-
дворье, съ прежнимъ же пышнымъ парадомъ, вдругъ пришелъ къ
намъ Стольникъ, Князь Алексѣй Ивановичъ Буйносовъ-Ростов-
скій (Alexius Juanowicz Boinosow Rosthawski), [103] потомокъ древ-

[103] Сынъ Князя Ивана Петровича, Кравчаго при Царѣ Василіи Ивановичѣ Шуй-

вышался только на двѣ ступени, сидѣло у стѣны немало Д
Бояръ съ открытыми головами, а напротивъ ихъ на право
со многими другими Канцлеръ.

И такъ мы замѣтили тогда, да и послѣ, что углы, по
чаю Московскому, считаются почетными мѣстами. По то
престолъ Великаго Князя мы всегда видѣли въ углу, хо
раздо удобнѣе было бы поставить его по срединѣ, особл
этомъ второмъ покоѣ. Да и образа Святыхъ, которыхъ Моск
слишкомъ уже почитаютъ (idolatrentur) и всегда имѣютъ
всякой спальнѣ, они тоже ставятъ въ углахъ. Когда мы
дали честь Великому Князю, онъ потрудился спросить
о здоровьѣ. Отвѣтивъ по обычаю, благодарили его за
которымъ щедро накормилъ насъ его повѣренный. Потом
цлеръ сказалъ, что Великій Князь озаботился переводом
ператорскихъ грамотъ на свое нарѣчіе, и узналъ изъ
что мы посланы сдѣлать ему предложенія, касающіяся
раго общественнаго блага, и чтобы онъ далъ намъ п
вѣру: это онъ и исполнитъ. Между тѣмъ онъ отрядилъ
шать наши предложенія: Боярина Князя Алексѣя Никитича
бецкаго, Намѣстника Казанскаго (Alexium Nikitowicz Trubetz
jarum et Casani locumtenentem), [105] Боярина Князя Юрія Алекс

---

[105] Онъ былъ двоюродный братъ извѣстнаго Князя Дмитрія Тимоѳѣевич
года Тобольскій Воевода, 1633 Астраханскій, 1642 Тульскій, 1646 Б
Дворецкій, присутствующій въ Сибирскомъ Приказѣ, 1647 ведетъ пере
съ Литовскимъ Посломъ, 1648 съ Послами Шведскимъ и Литовским
съ Посланниками Гетьмана Богдана Хмельницкаго, съ которыми и
вилъ договорныя статьи, за что пожалованъ въ Ближніе Бояры и Нам
комъ Казанскимъ, 1659 осаждалъ безуспѣшно Конотопъ, опрокинутъ
битъ близъ Сосновки; по изгнаніи Виговскаго изъ Малороссіи, онъ
Переяславль, принудилъ явиться къ нему Юрія Хмельницкаго, отк
отъ всякихъ притязаній (въ Октябрѣ) и возобновить отцовскія ста
что Алексѣй Михайловичъ, 1660 г., пожаловалъ ему прародительскую
ну, городъ Трубчевскъ, по коему и названіе имѣютъ Князья Трубец
Трубчевскіе (происходящіе отъ Корибута Дмитрія, сына Ольгерда,
Князя Литовскаго, тоже Великаго Князя, пребывавшаго въ Новгоро
верскомъ, участвовавшаго, по поступленіи въ подручничество Москв
года, съ братомъ Андреемъ, въ битвѣ на Куликовомъ полѣ, потомъ
деннаго Ягайломъ возвратиться въ Литву, и за тѣмъ убитаго въ сраж
Татарами на рѣкѣ Ворсклѣ, 1399 г., Мая 12 дня), послѣ чего Княже
сталось Михайлу Дмитріевичу, родоначальнику Князей Трубецкихъ; пр
его, Андрей Ивановичъ, вступилъ снова въ зависимость Московскаго В.

силъ меня въ 3-й разъ выпить 3-ю чашу за здоровье Царевича Алексѣя (Tzaruli Alexii), сына Великаго Князя. Всѣ мы и сдѣлали это стоя. Тогда, будто исправивъ свою должность отличнѣйшимъ образомъ, онъ ушелъ отъ насъ, съ подаркомъ, серебрянымъ позолоченнымъ кубкомъ не простой работы, въ награду за то, что недолго надоѣдалъ намъ.

29-го Мая Приставы возвѣстили намъ, что въ слѣдующій за тѣмъ день мы будемъ допущены къ Великому Князю, а между тѣмъ мы позволили бы нашимъ служителямъ идти, куда кому угодно Потомъ, отъ имени Канцлера, просили у насъ списокъ сдѣланнаго нами предложенія Царю; мы и отдали имъ этотъ списокъ.

И такъ 30-го Мая, около 9-ти часовъ утра, Приставы проводили насъ къ Царю совершенно съ тѣми же обрядами и парадомъ, съ какими провожали и къ первому представленію, и мы были приняты тѣми же лицами, которыя принимали насъ и тогда. Великій Князь предсталъ предъ насъ во всемъ блескѣ: въ вѣнцѣ, со скипетромъ и въ Царской одеждѣ, но въ другомъ, менѣе просторномъ, покоѣ, и на другомъ также престолѣ, тоже между двумя окнами, только у праваго угла. Въ головахъ у него на престолѣ былъ повѣшенъ образъ Пресвятой Дѣвы. На право, на серебряной пирамидѣ, лежалъ золотой шаръ (держава), тутъ же стоялъ и его тесть, Илья Даниловичъ, а влѣво Окольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ (Theodorus Mihalowicz Ertischew), Главный Дворецкій и непослѣдній любимецъ Государя.[196] Предъ Царемъ, по обыкновенію, стояли, попарно, съ каждой стороны, одѣтые въ бѣлое платье, молодые Князья (adolescentes Duces), вооруженные серпообразными сѣкирами. Влѣво и немного наискосъ отъ него, на лавкахъ, поставленныхъ на деревянномъ помостѣ, который воз-

---

[196] Онъ Окольничаго (говоритъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій въ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли,» IV, стр. 523—326. М. 1836 г.), Постельничій Царя Алексѣя Михайловича, Начальникъ Мастерской Палаты и воспитатель Царевича Алексѣя Алексѣевича. Онъ основалъ, 1648 г., Преображенскую пустынь, въ 2 верстахъ отъ столицы, на возвышенномъ берегу Москвы рѣки, въ коей было 80 братій, а черезъ годъ выписалъ изъ Кіева Епифанія Славинецкаго и нѣсколькихъ другихъ ученыхъ старцевъ, для перевода съ Греческаго полезныхъ книгъ, и проч. Смерть его воспитанника, на 15 году отъ рожденія (1670), и другія занятія ускорили и его кончину, 21 Іюня, 1673 г. Онъ отказался отъ предложеннаго ему сана Боярина. О. Б.

однако жь мы сидѣли на ней недолго, по тому что нам лѣно было встать и перейти въ то мѣсто, гдѣ ждали насъ Ца уполномоченные (deputati); такъ мы и вышли, благоговѣйно вивъ, по принятому обряду, наше почитаніе Великому Кня были вѣжливо отведены туда тѣми же Князьями и Дьяками торые принимали насъ внѣ покоевъ отъ имени Царя. При шемъ выходѣ отъ Царя Думные Бояре немного привстал мѣстъ, а мы отвѣчали имъ наклоненіемъ головы.

Такъ и перешли мы въ довольно большой покой, противъ двери, но у праваго угла, поставленъ былъ длинн по Московскому обычаю, узкій столъ, такимъ образомъ, чт все его протяженіе видна была дверь. Тамъ и посадили на лавку, придѣланную къ стѣнѣ, первый изъ уполном ныхъ помѣстился на другой, которая соединялась въ уг нашею и какъ бы упиралась въ стѣну, такъ что онъ одни нималъ узкое пространство стола. [108] Другой уполномочен третій сѣли другъ возлѣ друга на той же лавкѣ, рядо первымъ, только уже не за столомъ. А Канцлеръ сѣлъ од стола, напротивъ моего товарища, плечами къ двери, на по ной лавкѣ. Переводчики, Баусцій (Bauscius) и Виберъ (W gus), съ нашимъ Секретаремъ и тремя Московскими Подда (assessoribus) стояли.

Москвитяне еще съ пеленокъ начинаютъ приносить жр Меркурію и, судя по тому, какъ они исполняютъ это, на думать, что всѣ они угодили ему. Матери никогда не при ваютъ дѣтямъ на шею ни Римской буллы, ни золотаго ца; отъ того, выросши, они отстаиваютъ свое лганье приоб новыхъ лжей, съ такимъ наглымъ безстыдствомъ, что хотя ешь на вѣрное, что они солгали, однако жь все еще ка сомнѣваешься въ душѣ на счетъ своего мнѣнія. По тому если когда и уличатъ ихъ неотразимыми доводами въ н дѣ, они, покраснѣвши, не придутъ въ стыдъ, а еще усмѣх точно застали ихъ на какомъ добромъ дѣлѣ. Посланники земныхъ Государей пусть не дожидаются и отъ Царскихъ номоченныхъ болѣе правдивыхъ словъ, по тому что эти лиш бираютъ вмѣстѣ всѣ тонкости закоснѣлаго лукавства, чтобы вести ихъ, либо выдавая ложь за правду, либо умалчивая, о

[108] Т. е., сидѣлъ, какъ говорится, въ переднемъ мѣстѣ.

надобно сказать, и ослабляютъ обязательную силу всякихъ рѣшеній на совѣщаніяхъ тысячью хитрыхъ изворотовъ, дающихъ превратный толкъ имъ, такъ что они совсѣмъ рушатся. А при счастьи, или при невзгодѣ, они до того слабы духомъ, что когда везетъ имъ счастье, они, будучи не въ силахъ удержать своихъ восторговъ, превозносятъ себя до самыхъ звѣздъ, а когда не везетъ, они позволяютъ однимъ щелчкомъ столкнуть себя въ пропасть. Отъ того-то при переговорахъ они оказываются самыми непостоянными. Особливо по тому, что найбольшая важность доказательствъ зависитъ у нихъ только отъ извѣстій, напечатанныхъ въ «еженедѣльныхъ Меркуріяхъ» (a Mercuriis hebdomadariis) Пруссаковъ и Голландцевъ (apud Batavos), занесенныхъ въ Москву, да еще въ перевранномъ видѣ, иноземными купцами; они слушаютъ ихъ точно отвѣты съ треножника Дельфійскаго оракула. Либо думаютъ добиться такихъ извѣстій у военноплѣнныхъ маркитантовъ, обозныхъ, пѣхотныхъ солдатъ, когда эти бѣдняки, взятые къ допросу, хоть и не знаютъ, не вѣдаютъ, никакихъ тайнъ на своего Короля и полководцевъ, но, въ избѣжаніе пытки, врутъ все, что только взбредетъ имъ въ голову пригоднѣе, для укрощенія пріятной лестью своихъ палачей. Все это дѣлаетъ для иноземныхъ Пословъ исправленіе возложенныхъ на нихъ дѣлъ до того затруднымъ, а успѣхъ ихъ до того сомнительнымъ, что они недолго раскаяваются, что взяли на себя такую должность.

Главный уполномоченный, Князь Трубецкой, ведетъ свой родъ отъ Ольгерда, сына Гедимина, Великаго Князя Литовскаго, чрезъ сына его, Андрея Вигунда (mediante Andrea Wigundo), родоначальника Князей Сѣверскихъ Князей, которые отложились къ старшему Ивану Васильевичу, Князю Московскому, и подъ этимъ именемъ занимаетъ первое мѣсто между Боярами, по тому что у Москвитянъ знаменитость рода цѣнится выше справедливости. Онъ уступаетъ надъ собою преимущество первенства лишь одному Князю Черкаскому, который, происходя отъ Татарскихъ Царей, по всѣмъ правамъ беретъ верхъ надъ нимъ. Трубецкой уже преклонныхъ лѣтъ, не съ большимъ даромъ слова, да и недальняго ума. Другой, Юрій Долгорукій или Лонгиманъ (Longimanus), тоже ужь въ лѣтахъ, славится своимъ родоначальникомъ Василіемъ (Basilius), внукомъ Ярослава, перваго Великаго Князя Тверскаго (Tuverensis). Онъ пользуется въ Москвѣ большимъ уваженіемъ за то, что, благодаря военному счастію, взялъ въ плѣнъ при Вильнѣ полководца Великаго

Княжества Литовскаго и Казначея, Викентія Корвина Гос
го (Vincentium Corvinum Gosiewski).

Третій, простой дворянинъ, еще въ самыѣ молодые год
вилъ свой разумъ на службѣ у упомянутаго Князя Трубе
заслужилъ его одобреніе и удостоился опредѣленія на с
къ Царю: тутъ онъ всегда высказывалъ свое мнѣніе съ
чайшимъ присутствіемъ духа въ самыхъ затруднительныхъ
Государства и, при помощи своего даровитаго трудолюбія
пошелъ впередъ, что изъ простаго дворянскаго званія пря
палъ въ самое высшее и сталъ Начальникомъ Оружейно
хранятся оружія, назначенныя для собственнаго употреблен
ря, и уборы для лошадей его, и двухъ Приказовъ: одно
которомъ судятся всѣ Московскіе граждане, и другого, за
вающаго всѣми харчевниками и кабатчиками, и нажилъ себѣ
большое состояніе. А четвертаго, Алмаза Иванова, самое и
казываетъ, что это человѣкъ изъ самаго низкаго состоян
тому Москвитяне въ подписяхъ и въ разговорѣ прибавля
своему собственному имени еще отцовское, съ тою, однак
разницею, что знатные придаютъ къ этому послѣднему око
«вичъ» (wicz), а незнатнымъ этого не позволено. На пр
когда у кого ни будь имя Алмазъ (Almas), а отецъ у него
или Иванъ (Joannes, Juanus), если онъ знатный, то зовутъ е
мазъ Ивановичъ (Almas Juanowicz), а незнатный, то
Ивановъ. Происходя отъ родителей простаго званія, онъ с
во занимался торговлею. Потомъ, будучи знакомъ съ иноз
краями, при исправленіи многихъ Посольствъ, столько по
примѣровъ хитрости, коварства, находчивости, что удостоен
должности Смотрителя за тайными архивами Царства, за ино
ными Послами, и докладчика ихъ посольствъ. И такъ Кня
бецкой всталъ съ мѣста, тоже сдѣлали и мы со всѣми пр
Послѣ призыванія Святой Троицы, проговоривъ сначала в
тулъ своего Государя, а потомъ титулъ Императора, онъ с
что Великій Князь слышалъ первое наше предложеніе, и
тился переводомъ вѣрющихъ грамотъ его Священнаго Цеса
Величества на Московское нарѣчіе.

Долгорукій сказалъ, съ тѣми же обрядами, но сократи
тулы, что Государь его внимательно прочелъ этѣ грам
узналъ, что мы должны будемъ предложить нѣчто, касаю
общественнаго блага. Хитровъ, съ опущеніемъ титуловъ,

ялъ, что въ грамотахъ написано, чтобы намъ оказывали довѣ-
ie въ томъ, что будемъ мы предлагать, такъ мы бы приготови-
ись высказать эти предложенія.

Наконецъ Канцлеръ, со всѣми прежними торжественными брядами, заключилъ такъ, что они сами были назначены Царемъ ыслушать наши предложенія, такъ пусть бы мы и сказали ихъ.

Такъ мы и встали съ мѣстъ, и теперь сами прочитали, во сей подробности, сперва титулъ нашего Императора, потомъ Ца-я, а тутъ опять сѣли, и мой товарищъ прочиталъ уполномочен-ымъ отъ слова до слова другое предложеніе, по приказанію семилостивѣйшаго Священнаго Цесарскаго Величества, также зложенное для насъ по принятому образцу, между тѣмъ какъ олмачъ переводилъ его для насъ по періодамъ.

Выслушавъ его содержаніе, они попросили себѣ списокъ ъ него. Это немедленно мы и исполнили.

Разговоръ продолжался долго, о многихъ предметахъ, пока ѣ уполномоченные не разошлись, чтобы о слышанномъ донести воему Государю. Чрезъ четверть часа воротился къ намъ одинъ анцлеръ и сказалъ, что доложилъ обо всѣхъ нашихъ предложе-іяхъ своему Государю, только отвѣта не можетъ намъ дать въ го время, такъ чтобы мы возвратились къ себѣ. Мы и исполни-и это съ прежними обрядами.

Въ послѣдній день Мая нашъ Приставъ-Дьякъ, скроивъ пе-альное лицо, далъ намъ знать, что его товарищъ впалъ вчера ъ трудную болѣзнь, а по тому, вмѣсто его, назначенъ прежній ристав, бывшій съ нами въ дорогѣ, Желябужскій. Два дня то-у назадъ это же самое открылъ онъ за тайну нашему Священни-у. Но послѣ того, какъ намъ сказали о болѣзни Пристава, Свя-ценникъ встрѣтилъ его, въ 7-мъ часу, въ городѣ верхомъ и въ обромъ здоровьѣ, и тѣмъ объяснилъ намъ лукаство Москвитянъ. Въ разныхъ разговоровъ въ дорогѣ мы замѣтили, что Желя-жскій не глупъ и съ вѣрнымъ сужденіемъ; узнали также, что онъ получилъ придворную должность, благодаря покровительству анцлера, и что часто ходили поперемѣнно отъ одного къ другому анцы; мы и сообразили, что, по случаю нашего будущаго за-юрничества въ Москвѣ, по тамошнему обычаю, намъ нельзя бу-етъ, для ускоренія дѣла о мирныхъ переговорахъ, ожидать та-ого удобства, чтобы дѣлать уполномоченнымъ исподоволь тѣ ушенія, которыхъ мы не хотѣли сдѣлать имъ разомъ, и считали

осторожнымъ для дѣла высказывать ихъ черезъ промежутк
мени по немножку, какъ будто они выманены были дру
или поддались соблазну откровенности за обѣдомъ, и се
сказать одно изъ нихъ, а завтра другое. Въ этомъ мы и не
нулись, по тому что Желябужскій, какъ только что ни
узнаетъ отъ насъ, тотчасъ же безъ всякаго сомнѣнія пишетъ
цлеру за тайну, которая сорвалась съ языка у насъ по
мыслію, благодаря его ловкости, а въ этомъ и былъ наш
счетъ. Когда, на первомъ совѣщаніи съ Царскими уполномоч
ми, мы нарочно ничего не говорили объ этихъ тайнахъ, Ц
пожелалъ его сдѣлать потомъ Приставомъ, какъ человѣка, п
вавшагося нашимъ довѣріемъ и умѣвшаго искусно выужи
насъ изъ глубины сердца самыя потаенныя вещи.

3-го Іюня, около 10-ти часовъ предъ полуднемъ, насъ въ д
разъ проводили, съ обыкновеннымъ парадомъ, на засѣдан
уполномоченными. На крыльцѣ Дворца приняли насъ два
отъ имени уполномоченныхъ, и столько же въ самомъ Д
передъ покоями, а въ самыхъ покояхъ, въ первомъ Канцл
въ другомъ прочіе уполномоченные, которые пустили нас
впередъ и потомъ заняли свои прежнія мѣста, а мы свои.
Канцлеръ объявилъ, что Царь съ удовольствіемъ видитъ ж
Императора жить съ нимъ въ дружеской пріязни, котору
своей стороны тоже желаетъ поддерживать взаимными усл
Потомъ благодаритъ Цесаря за братское его расположе
себѣ, съ которымъ онъ прислалъ насъ, для предложенія
посредничества въ мирѣ между нимъ и Польскимъ Корол
Королевствомъ и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ; это
сарское посредничество онъ принимаетъ охотно.

4-го Іюня собрались мы въ третій разъ съ ними. По
казанію своего Государя, они назвали мѣстомъ будущаго с
Полоцкъ (Polocia), они увѣряли, что это согласно прош
нему желанію Польскаго Короля, такъ какъ этотъ городъ
ложенъ удобно для обѣихъ сторонъ на берегу Двины, да
не такъ еще тогда раззоренной странѣ. А время, когда
будетъ собираться туда, для заключенія мирнаго договора
отдавали на волю Полякамъ. Державнѣйшій Императоръ
намъ, чтобы послѣ того, какъ Москвитяне примутъ его пред
ніе о заключеніи мира съ Поляками, мы предложили имъ
для примиренія съ Шведами. Но въ то время, когда мы

ились въ Московію, въ Ливоніи съѣхались Шведскіе и Русскіе Послы, и безъ допущенія какого бы то ни было посредника, обдѣлали такія условія, что, когда мы предложили о стараніи Цесаря, Царскіе уполномоченные отвѣчали, что положеніе дѣлъ между повѣренными воюющихъ сторонъ получило такой оборотъ, что нельзя больше сомнѣваться въ заключеніи между ними почетнаго мира; если же послѣдствія обманутъ эту надежду, посредничество Цесаря будетъ принято съ удовольствіемъ. Да и самъ Царь, 6-го Іюня, сообщилъ намъ, чрезъ нашихъ Приставовъ, о заключеніи этого мира. 8-го Іюня, на самомъ разсвѣтѣ, когда мы еще лежали въ постелѣ, прибылъ къ намъ, со множествомъ провожатыхъ, Дьякъ Дементій Башмаковъ (Dementi Bosmakow), Великокняжескій любимецъ, и отъ имени Великаго Князя увѣдомилъ насъ, какъ Посланниковъ любезнѣйшаго его брата, Императора Римскаго (нын. проч. Леопольда, что у него родился сынъ, нареченный Ѳедоръ (Filius nomen Fedorum). Мы отвѣчали, какъ слѣдуетъ, вѣжливо и, для изъявленія нашей радости, подарили вѣстника большимъ серебянымъ позолоченнымъ кубкомъ, и отпустили.

Великій Князъ Московскій, при всякомъ пріумноженіи его рода, по обыкновенію, возвѣщаетъ о томъ немедленно чрезъ почтовыхъ гонцовъ иноземнымъ Посламъ въ Москвѣ и своимъ Боярамъ, также въ областяхъ Воеводамъ, а чрезъ нихъ знатнымъ дворянамъ и городскимъ властямъ. Всякій, кому оказывается эта честь, даритъ, какимъ ему будетъ угодно, подаркомъ посланнаго. Отъ этихъ посольствъ, также и отъ тѣхъ, которыя зачастую бываютъ къ такимъ же лицамъ съ вопросомъ о здоровьи отъ имени Царя по приказанію Царя, многіе изъ придворныхъ дѣлаютъ значительное приращеніе къ своему состоянію.

Эта радость замедлила отправку нашего гонца къ Императору даже до 13-го Іюня, хотя дѣло и требовало поспѣшности. Черезъ шесть дней послѣ того Алексѣй хотѣлъ крестить своего Ѳедю (Fedulum), [109] Москвитяне вѣрятъ, что крещеніе не имѣетъ силы, если крещающійся не весь погружается, по древнему церковному обычаю, три раза въ воду. Отъ того, когда кто ни будь, окрещенный въ Латынской Вѣрѣ, переходитъ въ Московскую (а это нерѣдко бывается безбожными лицемѣрами, изъ жадности къ деньгамъ, или

[109] Въ подлинникѣ: «погружать своего Ѳедю въ святую воду возрожденія.»

военноплѣнными, или изъ страха казни и ссылки за престу
его, какъ крещеннаго не по церковному обряду, перекрещ
посредствомъ троекратнаго погруженія въ воду, расторг
бракъ его, заключенный имъ прежде, какъ человѣка, нез
введеннаго священною дверью крещенія къ пользованію п
Таинствами. Окрещеннаго тотчасъ же помазываютъ мур
ставя ни во что Латинское помазаніе, какъ ненужное. Н
ему крестившій надѣваетъ крестъ, золотой, серебряный, ил
вянный, смотря по состоянію родителей, и онъ не должен
мать его во все продолженіе жизни, развѣ только передъ су
ской обязанностью. По тому что если какого ни будь скоропо
умершаго найдутъ безъ креста, его лишаютъ и погребені
почета Императору Царь сдѣлалъ и насъ участниками этог
жества, а послѣ велѣлъ угостить насъ обѣдомъ въ нашихъ
щеніяхъ. Архитриклиномъ былъ тотъ же, что и прежде, Рост
(Rosthavski), тѣ же и обряды, только въ придачу къ нимъ о
была прибавочная чаша за здоровье меленькаго Ѳеди.

Во все время 12-ти мѣсячнаго, самаго скучнаго, нашег
бываніе въ Москвѣ, я съ любопытствомъ замѣтилъ, что там
знатные и дворяне позажиточнѣе пользуются мягкими пост
по тому что подушки, сголовья и перины, набиваются самым
нымъ лебяжьимъ пухомъ, такъ какъ лебедей тамъ изобиліе.
ко же всѣ этѣ вещи не льняныя, но у однихъ изъ шерстя
нѣкоторыхъ изъ шелковой, ткани, смотря по состоянію,
дутся на придѣланной къ стѣнѣ лавкѣ, къ которой плотно п
гаютъ подвижную и изнутри задергиваютъ растянутымъ
постелью занавѣсомъ изъ трехъ разрѣзныхъ полосъ. Стѣны
гихъ голыя, если замысловатые пауки не заплетутъ ихъ с
тканьемъ. У немногихъ почистоплотнѣе обиты золоченной
писанной кожей Белгійской работы, однако жь, довольн
ряшливо.

А простой народъ, не только бѣдняки, нищіе и, люди
держивающіе свою убогую жизнь заработками, но и купцы,
далеки отъ какой бы то ни было нѣги въ своемъ быту. Рас
шись на тюфякѣ, набитомъ шерстью, или соломой, многіе д
голой лавкѣ, или кровати, или на палатяхъ, хранятъ во всю
новскую. У людей побогаче столъ умѣренный, а прочіе пи
однимъ хлѣбомъ и чеснокомъ, и всѣ одинаково утоляютъ
чистой водой, или очень скуно приправленной подмѣсью зам

этой жажды ихъ, однако жъ, никогда нельзя утолить, если станешь
юдносить имъ водки, сколько душа ихъ желаетъ. Но тому что
они пьютъ, не процѣживая сквозь зубы, какъ курицы, а глотаютъ
всей глоткой, точно быки и лошади, да и никогда не перестанутъ
ить, пока не перестанешь наливать. Въ кабакахъ пьянствуютъ до
ѣхъ поръ, пока не вытрясутъ мошну до послѣдней копѣйки. Да
нерѣдко бываетъ, что кто ни будь, за неимѣніемъ денегъ, отдаетъ,
о уговорной цѣнѣ, шапку, кафтанъ и прочую одежду, даже до
олаго тѣла, чтобы попить еще, а тутъ безобразничаетъ, однако жь,
очетъ быть въ видѣ не Геркулеса, а отца Бахуса на новую стать.
тъ этой заразы не уцѣлѣли ни Священники, ни монахи. Очень
асто можно видѣть, какъ кто ни будь изъ Москвитянъ выйдетъ
евѣрнымъ шагомъ изъ кабака, пойдетъ впередъ съ отяжелѣвшей
ъ питья головой, да и валяется въ грязи, пока не подниметъ
не отвезетъ его къ домашнимъ какой ни будь извощикъ, въ
дахъ платы за провозъ, а эти извощики въ безчисленномъ мно-
ествѣ стоятъ на каждой почти улицѣ въ Москвѣ съ своими наем-
ыми повозками. Бываетъ тоже чрезвычайно часто, что этихъ
дняковъ, потерявшихъ всякое сознаніе, извощики завозятъ въ
ухіе переулки и, обобравъ у нихъ деньги и платье, безчеловѣчно
ивaютъ.

Но этотъ злой корень—пьянство даетъ много другихъ отпры-
овъ самыхъ ужасныхъ злодѣйствъ. Москвитяне держатъ довольно
огочисленныхъ холоповъ и рабовъ (famulitium serviumque), но
небольшими расходами, по тому что, не заботясь о разноцвѣт-
ыхъ платьяхъ (ливреяхъ для слугъ), одѣваютъ ихъ въ какіе ни
ъ обноски. Но какъ пайковъ или мѣсячины у нихъ не водится,
при томъ много по Закону постовъ, къ которымъ они изъ бере-
ивости прибавляютъ еще нѣсколько отъ себя, то кормятъ слугъ
ымъ сухимъ хлѣбомъ, тухлой, или сушеной, рыбой, и рѣдко мя-
ъ, назначая въ питье имъ чистую воду; эта вода подается таро-
ѣе въ случаѣ какого праздника, будучи испорчена въ видѣ кваса
умѣренною примѣсью солода, чтобы имѣла возможность порaз-
ѣлить духъ. Жалованья не даютъ имъ никакого, по тому что
ышая часть изъ нихъ холопы (servi) или крѣпостные (vernae),
и вольнымъ-то очень ничтожное. Стало быть, они никогда не
одятъ съ сытымъ желудкомъ изъ за домашняго стола, и вотъ
ѣстъ, съ праздношатающимися бѣдняками, которыхъ безчисленное
ожество, дожидается такой на площади безъ всякой работы, что
достать денегъ для насыщенія себя, особливо на выпивку (ad

potum); не зная, по своей винѣ, никакого честнаго ремесла принимаются, какъ негодяи, за дурное: либо обворовывают комъ дома, которые стерегутся поплоше, либо грабятъ ихъ, на поджигая у людей позажиточнѣе и явившись будто бы пода мощь, либо въ ночное время нападаютъ открытою силой на в ныхъ людей и, лишивъ ихъ неожиданнымъ ударомъ с голоса и жизни, чтобы они не могли кричать о помощи сѣдямъ, отбираютъ у нихъ потомъ деньги и платье. Такъ к въ трезвомъ состояніи, они готовы на ссоры и гнусныя о то въ пьяномъ видѣ очень часто поднимаютъ драки изъ с пустяковъ и, тотчасъ выхвативъ ножи, вонзаютъ ихъ дру друга съ величайшимъ ожесточеніемъ. Правда, что на всякой цѣ поставлены сторожа, которые каждую ночь, узнавая вре бою часовъ, столько же разъ, какъ и часы, колотятъ въ ст желоба на крышахъ, или въ доски, чтобы стукъ этотъ знать объ ихъ бдительности шатающимся по ночамъ негодя они, изъ боязни быть схваченными, отстали бы отъ злодѣ дѣла, за которое принялись; а не то, если лучше хотятъ злодѣями, сторожа ихъ ловятъ и держатъ ночью подъ карау чтобы съ разсвѣтомъ отвести къ уголовному судьѣ. Но эт рожа, либо по стачкѣ съ ворами, сами имѣютъ долю въ денномъ, либо, изъ страха ихъ нерасположенія къ себѣ, объятые глубокимъ сномъ, не трогаются, потворствуя их дѣйствамъ, такъ что въ Москвѣ не разсвѣтетъ ни одного чтобы на глаза прохожихъ не попадалось множество тр убитыхъ ночью людей. Особливо въ торжественные дни год праздниковъ и на масляницѣ (in sexagesimae hebdomada), Москвитяне, запрещая себѣ мясо и питаясь одною рыбой лочнымъ кушаньемъ, приготовляются къ строгости наступа 40-дневнаго поста: въ то время они пьянствуютъ на пролет и ночи, не только по Греческому обычаю, но черезъ чуръ по Русскому, напоминая не Христіянскія духовныя предста а Бахусовы оргіи: отъ срамнаго пьянства приходятъ въ изступленіе и бѣшенство, что, совсѣмъ не сознавая своихъ или проступковъ, наносятъ раны другъ другу и либо сам лаются убійцами, либо ихъ убиваютъ.

У воротъ нашего подворья стояли, подъ начальствомъ Капитана, 40 караульныхъ изъ войска тѣлохранителей, кот Москвитяне называютъ стрѣльцами (strelitzios); ихъ каждый смѣняло такое же число другихъ стрѣльцовъ, такъ что этой

дневной очереди подвергнулись всѣ, кто только жилъ изъ нихъ въ Москвѣ. Четверо изъ нихъ, распредѣливъ между собою стражу по числу часовъ, безпрестанно карауляли въ разныхъ мѣстахъ зданія, внутри и внѣ его, чтобы мы могли ночевать безопасно отъ воровства (по словамъ Москвитянъ), или, какъ полагали вѣрнѣе мы сами, за тѣмъ, чтобы не допускать къ намъ никого, кто бы, можетъ быть, и хотѣлъ прійти. Одинъ изъ часовыхъ, по распредѣленію мѣстъ, долженъ былъ стоять на карауле подъ окошками моей спальни. Въ лѣтнія ночи онъ не давалъ мнѣ спать дикимъ пѣніемъ, либо нелѣпыми играми съ сослуживцами. А зимою, чтобы согрѣться, былъ въ ладоши и скакалъ, притопывая ногами. Стало быть, сонъ мой нарушали постоянныя непріятности. Мои жалобы на это Приставамъ не принесли никакой пользы. По тому что всѣ Москвитяне предаются послѣобѣденному сну такъ, что купцы послѣ полудня запираютъ свои лавки, а Бояре и дворяне не принимаютъ къ себѣ никого, занимаясь дѣлами только въ утреннее время: вотъ они и подумали, что и я приспособлю свою, уже укоренившуюся съ давнихъ лѣтъ, привычку къ ихъ обычаю, и потомъ ужь и не стану дорожить покойнымъ сномъ по ночамъ. Они раздѣляютъ годъ на 12-ть мѣсяцевъ, съ Латинскими названіями, однако жь начинаютъ его съ 1-го Сентября; день, вмѣстѣ съ ночью, даютъ 24 часа, для различія которыхъ принимаютъ за правило присутствіе и отсутствіе солнца: отъ восхода его часы бьютъ 1-й дневной часъ, всѣ прочіе до самаго его захожденія означаютъ, по общему обыкновенію, умножая число ударовъ; а потомъ начинаютъ опять съ 1-го часа ночи и продолжаютъ бить прочіе часы до самаго солнечнаго восхода. Если бы этого не сказали мнѣ прежде, я бы и самъ узналъ изъ продоженія столькихъ моихъ безсонныхъ ночей.

Входъ къ намъ, по показанію Москвитянъ, открытъ былъ для всѣхъ, но на самомъ дѣлѣ для очень немногихъ. Не говоря уже о томъ, что никто изъ иностранцевъ не смѣлъ когда либо взглянуть и издали, на наши домы, многіе изъ нихъ часто были останавливаемы стрѣльцами, чтобы не входили къ намъ, либо по приказанію, либо изъ дерзости, тогда какъ мы этого и не знали, а потомъ и у прочихъ отбивали охоту отъ этого покушенія примѣромъ испытаннаго ими отказа. По тому что если какой ни будь военный изъ нихъ, въ видахъ осторожности, просилъ у своего начальника, Московскаго Воеводы, позволенія навѣстить насъ, ему хоть и не отвѣчали отказомъ, но подавали дружескій совѣтъ,

чтобы поудержался отъ этихъ вѣжливостей, а то, пожалуй влечетъ на себя подозрѣніе Великаго Князя. Строжайше запре было тоже пускать въ дома къ намъ женщинъ какого бы т было званія. Правду сказать, въ Московіи этотъ полъ не зуется тою угодливостью, какой удостоиваютъ его многіе Европейскихъ народовъ. Тамъ никто не унизитъ на столь стоинства мужчины, чтобы на колѣнахъ обращаться съ мо къ женскимъ треножникамъ, точно къ Кипрейскимъ Вене Ни чье обожаніе ихъ красоты, продолжающееся по цѣлымъ го не научаетъ ихъ надуваться суровою спесью и не прежде вн мольбамъ своихъ обожателей, пока они не воздадутъ имъ в ненія жертвою вздоховъ; какъ божествамъ, вмѣсто Савей ладана. [109] Тамъ онѣ подчинены мужьямъ, которые еще пре гаютъ ими. Всего несчастнѣе доля Царскихъ сестеръ и до Хотя въ старину дочь Ивана Васильевича старшаго, Елена, в выдана за Польскаго Короля, Александра, а дочь Юрія, Ивана Васильевича младшаго, Марія, за Герцога Голштин Магнуса, брата Датскаго Короля Фридриха II-го, однако жъ ни одной изъ нихъ не выдаютъ замужъ за иновѣрца, къ ко имѣютъ отвращеніе, какъ къ поганому, ни за подданнаг того, что презираютъ его. Но какъ въ Московіи всѣ люди—Ц рабы, а за ея предѣлами ни одинъ независимый Госуда допускаетъ Греческихъ заблужденій въ своемъ Вѣроисповѣ то всѣ эти не замужнія Княжны, заключенныя во дворц въ монастырѣ, терпятъ постоянную муку въ дѣвственности плоти, страстно желающей замужества, наперекоръ поми духа, неприкосновеннаго для желаній, и ведутъ жалкую лишающую ихъ отрады въ самыхъ милыхъ между людьми и и въ самыхъ нѣжныхъ чувствахъ.

А при заключеніи браковъ Москвитяне не только щаютъ себѣ жениться, по общему съ нами закону, на цахъ, связанныхъ съ ними въ 4-й степени родствомъ, или ствомъ, но не позволяютъ даже никому жениться на сестрѣ го шурина, ни роднымъ братьямъ на двухъ родныхъ се ни вступившимъ въ духовное родство при купѣли святаг

---

[109] Въ Турецкой Аравіи, въ Эйлетѣ Еменъ, есть деревня Магребъ развалинъ древняго города Саба, или Сава, Царица котораго прихо Соломону. Савейскія, или Аравійскія, благовонія славились въ древн

щенія соединяться брачными узами: никто также не смѣетъ брать себѣ какую бы то ни было четвертую жену, послѣ троекратнаго вдовства. Хотя послѣднее нынѣ такъ же запрещено Москвитянамъ, какъ въ старину запрещалось уставомъ для Грековъ, со-всѣмъ тѣмъ Иванъ Васильевичъ нарушилъ это запрещеніе: этотъ Государь не только взялъ себѣ 4-ю жену, но по несо-мнѣнному увѣренію Одерборна и Посевина, и седьмую. [1] Да и Митрополитъ его не имѣлъ на столько твердости духа, чтобы пора-зить его мечомъ проклятія, по примѣру Константинопольскаго Патріарха, Николая, постоянно запрещавшаго Святыя Тайны Им-ператору Льву VI, женатому на 4-й женѣ. Кто женится на второй женѣ, тому возбраняется входъ въ церковь въ продолженіе 2-хъ лѣтъ; а тому, кто на 3-й женѣ, — 20-ть лѣтъ. Однако жъ, ни кото-рый бракъ не ставится въ счетъ новообращенному въ Русскую Вѣру, хотя бы разъ десять женатъ былъ въ Латинствѣ, кромѣ того супружества, въ которое вступилъ въ Московской Вѣрѣ. По тому что Латинскіе брани Москвитяне называютъ наложничествомъ, а не супружествомъ. Отъ того-то, когда супруги Латинской Вѣры, равши оба въ соблазнъ отступничества, вмѣстѣ переходятъ въ ретическую Московскую Вѣру и желаютъ продолжить супруже-скую жизнь вмѣстѣ, то и обязаны совершить потомъ свой бракъ по Московскому обряду, изъявивъ взаимное на то согласіе предъ лицомъ Церкви. Отсюда необходимое слѣдствіе то, что всѣ, испо-вѣдующіе Латинскую Вѣру, по мнѣнію Москвитянъ, не законно-рожденные, такъ какъ родились въ незаконныхъ бракахъ. А потому и нечего слишкомъ дивиться, что всѣ мы въ презрѣніи у нихъ умовъ, которые одержимы такимъ огромнымъ предразсудкомъ.

Они не гнушаются и разводомъ съ женами, не только изъ невѣрности, но и изъ за безплодія, даже иногда изъ за отвращенія къ нимъ даютъ имъ разводную, утвержденную властію Церковна-го правленія, дозволяющатого имъ брать другую жену. Да и со-всѣмъ не странно, что разводы у знатныхъ людей такъ часты,

---

[1] По однимъ 1-я жена Ивана Васильевича была Анастасія Романовна Юрье-ва, 2-я Марія Темрюковна Княжна Черкаская, 3-я Марѳа Васильевна Соба-киныхъ, 4-я Анна Алексѣевна Колтовская, 5-я Анна Васильчикова, 6-я вдо-ва Василиса Мелентьевна, сирѣчь женище, и 7-я Марія Ѳедоровна Нагихъ; по другимъ: 1, 2 и 3-я какъ выше, 4-я Анна Васильчикова, 5-я неизвѣ-стная Марія, въ черницахъ Марѳа, 6-я Дарья Ивановна Колтовская, 7-я Марія Ѳедоровна Нагихъ. О. Б.

по тому что несчастные, слѣдуя предосудительному обычаю
чества, должны обыкновенно жениться на тѣхъ, которыхъ л
ляютъ имъ видѣть только по совершеніи брачнаго союза Св
никомъ въ церкви, по ихъ взаимному согласію, такъ что не
случается, что они обязаны бываютъ, вмѣсто желанной Р
брать навязанную имъ въ супружество. Лію, къ обоюдном
будущее время раскаянію въ томъ, что дали обмануть себя.

Люди позажиточнѣе прячутъ своихъ женъ отъ всѣхъ
въ 4-хъ стѣнахъ дома и, не поручая ихъ заботливости ни
хозяйства, осуждаютъ ихъ шить и прясть, какъ бывало д
Римляне своихъ невольницъ въ ихъ острогѣ. Выходить имъ
щено, по общему закону мужниной ревности, который отмѣ
чрезвычайно рѣдко для посѣщенія церкви, либо родныхъ. У
щинъ всѣхъ разрядовъ въ Московіи всѣ потребности состо
ежедневной ѣдѣ да въ нарядахъ: выѣзжая куда ни буд
носятъ на своемъ платьѣ доходы со всего отцовскаго насл
и выставляютъ на показъ всю пышность своихъ изыска
нарядовъ, хоть сами никогда не бываютъ опрятны. По то
если природа и не обезобразитъ ихъ какимъ ни есть недоста
который исправляется искуствомъ, тѣмъ не менѣе всѣ он
раютъ все лицо съ шеей бѣлилами, а для подкраски щекъ
прибавляютъ еще румянъ. Этотъ ложный, обычай подкра
себѣ цвѣтъ лица до того укоренился, что даже въ числѣ
ныхъ подарковъ глупый женихъ посылаетъ невѣстѣ та
румяна, чтобы она себя поддѣлывала. Когда улицы занесут
гомъ, онѣ выѣзжаютъ въ крытыхъ саняхъ съ слюдяными око
въ прочее время года въ колымагахъ, въ сопровожденіи
толпы слугъ. Но у женщинъ низшаго званія, которыхъ н
строго держать въ заперти дома, всегда готовы тысячи пред
выдуманныхъ надобностей чтобы позволили имъ ходить, гд
но. Онѣ не прочь бываютъ и выпить, даже въ запуски пош
съ своими поклонниками и нерѣдко восхищаютъ у нихъ
большей даровитости въ этомъ дѣлѣ. Но за то падаютъ въ н
женіи среди побѣды. По тому что когда хмѣль отниметъ
стыда, онѣ покидаютъ, не спрятавши въ глухую ночь, сок
своей чести вороватому любострастію волокитъ, либо предл
его на позорную продажу, ужь, конечно, по самой дешевой
и мужчины, и женщины, тѣмъ менѣе совѣстятся въ этом
по самому важному заблужденію ума, полагаютъ, будто бы
женатаго съ незамужнею не подходитъ подъ названіе прелю

ція, считая за послѣднее только тотъ грѣхъ, который дѣлается съ замужнею. Москвитяне, всегда пропахшіе чеснокомъ и лукомъ, всѣ безъ различія ходятъ часто въ бани и, закаленные привычкою, подвергаютъ себя безъ перемежки вліянію чрезвычайнаго жара и стужи, безъ всякаго вреда для здоровья. По тому что всѣ въ потѣ, вызванномъ сильнымъ жаромъ бани, они растягиваются на полкахъ и стараются сѣчь и хлестать себя еловыми вѣтками до тѣхъ поръ, пока разгорячённая кровь, притекши къ кожѣ, не поддѣнетъ подъ нее розоваго чехла. И тогда они выбѣгаютъ совсѣмъ нагіе изъ бани къ рѣчкѣ, которая, по обыкновенію, течетъ, или разливается, очень близко оттуда, и обмываются. Либо, когда суровая зима затянетъ льдомъ воду, которая отъ того и откажется исполнять для нихъ свою обязанность, они прибѣгаютъ къ снѣгу и, послѣ долгаго натиранья имъ, будто мыломъ, возвращаются въ банный жаръ, а потомъ опять бѣгутъ туда же, и повторяютъ этѣ крайности безъ всякой перемежки, но и безъ вреда для себя, сколько имъ будетъ угодно. Въ общественныхъ баняхъ бываютъ въ большомъ числѣ и женщины простого званія; но хотя моются тамъ отдѣльно отъ мущинъ за перегородкой, однако жь совсѣмъ нагія входятъ въ одну дверь съ ними, а если которой ни будь придетъ такая охота, она остановится на ея порогѣ, да и не стыдится разговаривать при постороннихъ съ мужемъ, который моется съ самою вздорною болтовнею. Да даже и сами онѣ, вызвавши кровь такимъ же, какъ и мужья ихъ, сѣченьемъ и хлестаньемъ къ самой кожѣ, тоже бѣгутъ къ ближней рѣкѣ, смѣшавшись съ мущинами, и ни сколько не считая за важность выставлять ихъ нахальнымъ взглядамъ свою наготу, возбуждающую любострастіе.

Странно сказать, а при такой безпорядочной жизни обоихъ половъ въ Московіи, многіе доживаютъ до глубокой старости, не испытавъ никогда и никакой болѣзни. Тамъ можно видѣть сохранившихъ всю силу семидесятилѣтнихъ стариковъ, съ такою крѣпостью въ мускулистыхъ рукахъ, что выносятъ работу вовсе не подъ силу нашимъ молодымъ людямъ. Надо думать, что здоровый воздухъ много помогаетъ такому крѣпкому здоровью, не разстроенному ни у кого изъ нихъ ученьемъ, какъ у насъ. Москвитяне говорятъ, однако жь, будто бы это больше отъ того, что они пренебрегаютъ врачебнымъ искуствомъ. Во всей Московіи нѣтъ ни одного врача, ни аптекаря, [111] и хотя въ мое время Царь давалъ

[111] По «Исторіи Медицины въ Россіи,» соч. Рихтера (ч. II, стр. 175), извѣстно,

при своемъ дворцѣ довольно щедрое содержаніе 3-мъ врачам
но это надобно приписать только его подражанію иноземн
Государямъ, по тому что ни самъ онъ никогда не пользуется
трудами, ниже кто либо другой изъ Москвитянъ. Захворавшіе пр
раютъ всѣ правильныя средства Ипократа, едва дозволяя
кладывать себѣ наружныя лѣкарства. Скорѣе прибѣгнутъ къ
верамъ старухъ и Татаръ. А при отвращеніи отъ пищи и
утоленія жара употребляютъ водку и чеснокъ.

Едва пробывъ 4-ре недѣли въ Москвѣ, послѣ пріѣзда
я почувствовалъ, что меня схватила лихорадка. Обождавъ
дня, я рѣшился прибѣгнуть къ помощи Эскулапа. На мой воп
найдется ли въ городѣ кто ни будь свѣдущій во врачебной н
мнѣ отвѣчали, что такихъ трое: Итальянецъ, Нѣмецъ и Анг
нинъ. Мнѣ, Итальянцу, [113] понравился Итальянецъ. Хоть и
прибавлено о немъ, что отъ него отяжелѣла одна плѣнная По
перешедшая въ Московскую Вѣру, и что за это сослали бы е
Сибирь, но, во избѣжаніе такого наказанія, онъ и самъ грѣш
образомъ перешелъ въ эту Вѣру, въ самомъ ли дѣлѣ, или
творно, подвергнувшись новому крещенію: однако жь я разсу
что все это не можетъ отнимать у него знанія и опытност
еще и облегчитъ для него доступъ ко мнѣ, какъ для чело
не такъ подозрительнаго у Москвитянъ. Велю позвать его.
этомъ докладываютъ Приставу, Приставъ Канцлеру, Канцлеръ

что въ то время въ Москвѣ была уже Придворная аптека въ Кре
одна частная, называвшаяся Новою. Равномѣрно поименованы и
аптекарей. Впрочемъ, ниже Майербергъ утверждаетъ, что Царь соде
за большое жалованье нѣсколькихъ аптекарей. О. Б.

[113] Рихтеръ, въ своей «Исторіи Медицины въ Россіи» (ч. II, стр. 265),
ваетъ ихъ по именамъ; это: Англичанинъ Самуилъ Колинсъ, к
въ Россіи съ 1659 по 1667 г.; возвратясь въ Англію, онъ издалъ
замѣчательное сочиненіе о Россіи: «The present state of Russia,» и
танное въ Лондонѣ 1671 года, переведенное на Русскій покойнымъ
Кирѣевскимъ подъ заглавіемъ: «Нынѣшнее состояніе Россіи» и пр. и
щенное въ 1-й книгѣ «Чтеній въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древ
Россійскихъ» 1846 г., Отд. III, стр. (1—177). Другой былъ Нѣмецъ А
Энгельгардтъ съ 1656 по 1666 г. Третій—Еврей Стефанъ
Гагенъ, изъ Польши, а не изъ Италіи. О. Б.

[114] Слѣдовательно, это пишетъ не Майербергъ, но, по замѣчанію А
(стр. 98—99), товарищъ его, Кальвуччи, родомъ Итальянецъ. Впроч
въ другихъ мѣстахъ замѣтно то же самое. О. Б.

кому Князю, не безъ того, чтобы дѣлу не замѣшкаться на два дня. Великій Князь соглашается на мою просьбу и велитъ врачу отправиться ко мнѣ. Межъ тѣмъ, какъ я жду его, мнѣ докладываютъ, что пришелъ Англійскій врачъ и говоритъ, что явился ко мнѣ по приказанію Великаго Князя. Не предвѣщая себѣ ни чего хорошаго отъ лѣченья, при самомъ началѣ котораго столкнулся я съ такимъ недоразумѣніемъ (quid pro quo) относительно самого лѣкаря, велю слугѣ сказать, что онъ засталъ меня спящимъ, а слуга не смѣетъ будить, но что доложитъ мнѣ объ его посѣщеніи, когда проснусь. Благодѣтельный Англичанинъ ушелъ, а Итальянца все нѣтъ. Навѣщаютъ меня Приставы, спрашиваютъ, приходилъ ли онъ. Отвѣчаю, что нѣтъ, и они уходятъ съ увѣреніями, что сейчасъ же пришлютъ его. Однако жь не дѣлаютъ того, да еще одинъ изъ нихъ, вернувшись, вретъ, будто бы Итальянецъ уѣхалъ, не извѣстно ему, куда, и спрашиваетъ, за чѣмъ это я отказался пользоваться у Англичанина, перваго Царскаго врача, самаго доки во врачебной наукѣ, которому по праву дано преимущество лѣчить всѣхъ знатныхъ людей. Отвѣчаю, что о лѣкарѣ я сужу такъ же, какъ и объ исповѣдникѣ, по тому, что первому ввѣряемъ тѣло, а послѣднему душу. Но никогда же не бывало со мною, чтобы, по просьбѣ моей о Священникѣ, который бы исповѣдалъ меня, хотя бы во все не носилъ никакого особеннаго сана, отъ братіи какого ни будь монастыря прислали ко мнѣ лучше Игумена, либо Строителя, или Казначея, чѣмъ простого монаха. Я просилъ себѣ Итальянца, по тому что всегда былъ увѣренъ, что всякой народъ получилъ свѣдѣнія о природномъ тѣлосложеніи своихъ соплеменниковъ по болѣе вѣрнымъ опытамъ, нежели прочихъ людей; стало быть, умѣетъ употребить и вѣрнѣйшія средства для изгнанія болѣзни. Я отказалъ Англичанину въ томъ мнѣніи, что онъ приходилъ ко мнѣ по ошибкѣ, но ни сколько не сомнѣвался въ удовлетворительности его свѣдѣній; только послѣ того, какъ я уже обидѣлъ его отказомъ, благоразуміе не дозволяло мнѣ принять его опять. Эти мои доводы, неотступныя просьбы, лихорадка, усиливавшаяся съ каждымъ днемъ, склонили бы всякаго другого доставить мнѣ то утѣшеніе, котораго такъ просилъ я, но они не произвели ни малѣйшаго дѣйствія на каменныя сердца Москвитянъ. Не падая, однако жь, духомъ, я хорошо помнилъ наставленіе Амвросія, что гдѣ нѣтъ никакой помощи отъ людей, тамъ необходимо присутствуетъ Божія помощь. При непосредственной Божіей по-

помощи я и выздоровѣлъ, и тогда узналъ причину, по чему
заялъ мнѣ къ лѣкарѣ Итальянцѣ.

Въ то время, въ числѣ другихъ военноплѣнныхъ, содер
подъ стражею Наказной Гетьманъ (Dux campestris) и Под
бій (Thesaurarius) Литовскаго Княжества, Викентій Корвинъ
сѣвскій (Corvinus Gosievius); доступъ къ нему запрещенъ
для всѣхъ, какъ водится у Москвитянъ. Уже съ годъ чувствуя
строеннымъ свое здоровье, онъ просилъ позволенія присла
нему какого ни будь врача. Итальянецъ, которому Царь
посѣтить его, нашелъ его гуляющаго на дворѣ, для освѣжені
воздухомъ и для движенія тѣла. Тутъ же одинъ изъ нихъ р
залъ свою болѣзнь, со всѣми ея признаками, а другой про
ему лѣкарство и правила относительно ежедневнаго образа
и между прочимъ очень хвалилъ употребленіе кремортартара
жду тѣмъ, насторожившіи уши, Сотенный Начальникъ военной
жи (militum Centurio) ловилъ ихъ рѣчь и, подслушавъ, част
минавшееся слово, кремортартаръ (cremoris tartaris), заподо
по сходству именъ, что они говорили о Крымскихъ Та
(Tartaris Crimensibus), прибѣжалъ къ Царскому тестю, Боярину
Даниловичу, судьѣ всѣхъ занимающихся по должности
нымъ искуствомъ, и донесъ на лѣкаря, что онъ съ Литовски
пріятелемъ велъ долгій разговоръ о союзныхъ съ Лит
Татарахъ. А къ этому же случаю, на канунѣ того дня, пр
въ Москву гонецъ съ несчастной вѣстью, что Татары
жили со всѣхъ сторонъ Шереметева. [114] Тотчасъ же позвали
ря, и поставили его предъ Илью, точно виноватаго въ
тяжкомъ преступленіи. Илья съ негодованіемъ упрекалъ
тѣхъ благодѣяніяхъ, что, будучи самъ плѣнникомъ, не
получилъ свободу, но и взятъ въ лѣкаря, съ назначеніе
драго жалованья, и приведенъ въ истинную Христіянскую
посредствомъ правильнаго крещенія; если только Богу это
потомъ спросилъ, за чѣмъ это онъ такъ разболтался, съ Вели
жескимъ недругомъ о союзникахъ его, Крымскихъ Татарахъ
изумился и, взявъ себѣ въ защитники свою совѣсть, отвѣча.

[114] Это Василій Борисовичъ Шереметевъ, сынъ Боярина Бориса Ш
(у. 1650 г.), и самъ Боярин (у. 1690 г.). Онъ былъ дважды въ
Любаря, въ Августѣ (7-го), и у Чуднова, въ Сентябрѣ (7-го), Полки
тарами и Козаками (тремя полками), сдался и уведенъ въ Крымъ.

вовсе не говорилъ о томъ. Для улики привели потомъ свидѣтеля слышаннаго, Сотеннаго Начальника. Тогда, сообразивъ весь разговоръ свой съ Гонсѣвскимъ, лѣкарь тотчасъ же замѣтилъ ошибку, вышедшую изъ слышаннаго Сотеннымъ Начальникомъ названія кремортартара, и разсказалъ ее. Однако жъ, едва не получилъ названія изворотливаго перетолковщика своихъ словъ. Только что зародившееся разъ подозрѣніе къ лѣкарю крѣпко засѣло въ головѣ у Ильи, какъ вдругъ онъ слышитъ, что Царь назначилъ Итальянца лѣчить меня; онъ вмѣшался въ это и, по данной ему власти, остановилъ лѣкаря ити ко мнѣ, велѣвъ послать, вмѣсто его, Англичанина. И ни многократныя мои просьбы, ни съ каждымъ днемъ входившая въ силу моя болѣзнь, не склонили его отмѣнить свое упрямое запрещеніе.

Если сообразить здраво, что нравственныя добродѣтели пріютились въ промежуточной средѣ между противоположными имъ пороками, то нечего будетъ такъ удивляться, что еще рѣдкіе изъ Москвитянъ стали твердой ногой на этой средней дорогѣ. По тому что въ человѣкѣ, послѣ искаженія грѣхомъ его природы, душевныя склонности, вводимыя въ соблазнъ примѣрами, и внѣшнія чувства, находящіяся подъ обаяніемъ обманчивыхъ предметовъ, легко свергаются по крутизнамъ заблужденій въ предѣлы порока, если умъ не имѣетъ себѣ руководителя въ свободныхъ наукахъ и въ философіи, своей, или чужой, какъ дитя въ его пеленкѣ. Къ сожалѣнію, всѣ Москвитяне лишены этого пособія, по собственной ихъ винѣ. Только мотовство никогда не находило къ нимъ доступа. Пройдите всю Московію, во всю ширину ея, и вы никогда не найдете мота, никогда не услышите, чтобы кому ни будь изъ мотовства запрещено было управленіе имѣніями и даны ему опекуны.

Въ Смоленскѣ разрѣшилась, съ Божіей помощію, [115] отъ бремени жена Князя Петра Долгорукаго, тогдашняго областнаго Воеводы, происходившаго изъ древняго рода Рюриковичей, непрерывно семь столѣтій правившихъ Россіей. [116] Соблюдая отеческій обычай, онъ увѣдомилъ, чрезъ разныхъ гонцовъ, всѣхъ городскихъ

---

[115] Въ подлинникѣ: «obstetricante Lucina». Эта Люцина помогала древнимъ во всемъ, что касается дѣторожденія.

[116] Это Князь Петръ Алексѣевичъ, сынъ Воеводы Алексѣя Григорьевича (ум. въ Іюнѣ, 1644 г.), Окольничій, скончался въ Февралѣ, 1669 г. О. Б.

Бояръ изъ своего рода о благополучномъ разрѣшеніи жены
обыкновенію, тотчасъ же всѣ сошлись къ ней, и безвремен
посѣщеніемъ были въ тягость родильницѣ, только что обм
отъ ея нечистотъ и лежавшей съ потрясенными отъ болей
родахъ силами. Изъ толпы поздравителей выдѣлялся Князь Н
та Ивановичъ Одоевскій (Nikita Juanowitz Odojowski), и самъ
изъ Русскаго Княжескаго рода, чрезъ Святослава, третьяго
Великаго Князя Московскаго Ярослава, третій между Царс
Думными Боярами, Астраханскій Намѣстникъ и Великій Полн
ный Посолъ при мировыхъ переговорахъ съ Поляками, [117] д
товарищъ Канцлеръ Алмазъ Ивановъ. Обычай требовалъ, ч
всѣ подносили какой ни будь подарокъ родильницѣ: этотъ
Одоевскій, потомокъ столькихъ вѣнценосныхъ лицъ, съ прили
щедростью, подарилъ ей одинъ золотой (червонецъ, unico a
а товарищъ его — 30 серебряныхъ копѣекъ (triginta arg
copikis), которыя не составляютъ по вѣсу и полуталера на
ши деньги.

Купцы всегда подкрѣпляютъ свои обманы ложной бож
клятвой при торговыхъ сдѣлкахъ; эти люди такой шаткой че
сти, что если торгъ не тотчасъ же кончешъ отдачею вещи и
той цѣны за нея, то они легкомысленно разрываютъ его, если
ставится откуда ни будь позначительнѣе барышъ. Въ ремесл
лахъ тоже совсѣмъ нѣтъ добросовѣстности и вѣрности. Въ М
нашъ Священникъ далъ Русскому обойщику Персидскаго дв
неваго ситца, да другого попроще для подкладки и еще

---

[117] Князья Одоевскіе считаютъ родоначальникомъ своимъ Князя Семена
вича, въ XV колѣнѣ отъ Рюрика и въ X-мъ отъ Святослава Ярос
(у. 1076 г.), который, по нѣкоторымъ сказаніямъ, былъ собственно
сыномъ Ярослава Владимировича. Сынъ Семена Михайловича (3-го сы
вѣстнаго В. Кн. Михаила Черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ (12
Князя Глуховскаго и Новосильскаго, жившаго въ Новосилѣ, Романъ
новичъ, избѣгая нападеній Татаръ, перешелъ въ Одоевъ (нынѣ
Тульской Губерніи); потомки его раздѣлились на 3 линіи: Князья Бѣл
угасшіе въ XVI стол., Воротынскіе въ концѣ XVII, и Одоевскіе въ
время, со смертію Кн. Владимира Ѳедоровича, Тайн. Сов., 27 Февр.,
Князь Никита Ивановичъ, въ XX колѣнѣ отъ Рюрика, а въ V-мъ о
мена Юрьевича, Боярин и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государстве
дѣятелей своего вѣка, управлялъ Приказами Казанскимъ и Сибирскимъ
сѣдательствовалъ въ Коммисіи Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, ск
въ глубокой старости (въ концѣ 9-го десятка), 12-го Февраля, 1689 года

чтобы онъ, положивъ эту послѣднюю, какъ должно, межъ о бо ими ситцами, сшилъ своей ученой иглой одѣяло. Но зная наглое мошенничество такихъ людей, Священникъ все это предусмотрительно свѣсилъ сначала на глазахъ обойщика. Послѣдній принесъ сшитое одѣяло въ свое время и такого же вѣса, даже еще немного тяжеле, а это, по словамъ его, надо полагать отъ того, что прибавились еще швы. Одѣвшись одѣяломъ, Священникъ всю ночь чувствовалъ на себѣ тяжесть, но ни сколько не согрѣвался подъ нимъ: онъ не зналъ, что и подумать. Въ такомъ его недоумѣніи одинъ изъ стрѣльцовъ, ночевавшихъ у насъ въ этотъ день на карауле, увѣрилъ его, что тутъ кроется плутовство, вызываясь быть очнымъ свидѣтелемъ того. Вотъ Священникъ распоролъ слегка одѣяло, и увидалъ, что вата смочена водой, для того, чтобы присталъ къ ней самый легкій песокъ, насыпанный, въ замѣну своованной ея половины. А какъ только пришелъ онъ въ мастерскую къ ремесленнику, чтобы выговорить ему за плутовство, то услышалъ, что онъ оставилъ городъ и отправился на берега Сѣвернаго Океана, что была тоже ложь: негодяй никуда не уѣзжалъ, и спрятался, понадѣявшись на нашъ отъѣздъ на другой день изъ Москвы, какъ ходила тогда молва. Но какъ этотъ отъѣздъ сверхъ его ожиданія, былъ отложенъ, съ досады онъ выбрался изъ своего убѣжища. Позванный Священникомъ въ судъ, онъ не сознался въ плутовствѣ, и, однако же, никакого наказанія не было ему сдѣлано, въ видахъ исправленія. Стало быть, нечего и дивиться, что этотъ родъ людей занимается плутовствомъ и воровствомъ, такъ какъ часто можетъ случаться, что вина счастливо сойдетъ имъ съ рукъ, а между тѣмъ отъ скрытаго воровства они наживаются, и отъ обнаруженнаго имъ тоже нѣтъ никакого убытка, потому что для исправленія наказываютъ ихъ не больше, какъ возвращеніемъ украденной вещи.

Царства, области и города, подвластные Московскому владычеству, управляются Намѣстниками (per Praefectos), называемыми у Москвитянъ Воеводами (Wajvodas), которыхъ управленіе, однако же, продолжается рѣдко больше трехъ лѣтъ. Они управляютъ во всемъ согласно съ постановленіями, которыя, въ 1647 году, [118] Алексѣй велѣлъ составить по древнимъ неписаннымъ обычаямъ и, напечатавъ, хотѣлъ сдѣлать общимъ закономъ; а такъ какъ лица,

[118] Въ 1648—49? О. Б.

пользующіяся расположеніемъ Государя, получаютъ даромъ
милости, точно водопроводныя трубы воду, но никому не отво
ее даромъ, то необходимо нужно располагать этихъ любимцев
себѣ множествомъ подарковъ для полученія должности. А чтоб
ротить съ лихвою свои убытки на это, Воеводы, не уважая
писаній закона, недовольствуются стрижкою народнаго стада
ввѣреннаго, но не боятся сдирать съ него еще и шкуру, в
увѣренности, что жалобы его имѣютъ такой сиплый голосъ,
дойти ему до Царскаго слуха, только бы стало добычи съ
бленныхъ, какъ для собственной жадности, такъ и на пріобр
расположенія къ себѣ тѣхъ любимцевъ, для новой безнаказан
Дѣло не стоитъ у нихъ и за остроумной выдумкой для обира
тихомолку своихъ овечекъ, которыя пожирнѣе: они задаютъ
и съ каждымъ годомъ чаще зовутъ на нихъ областныхъ дв
и купцовъ позажиточнѣе, чтобы, удостоившись такой необыкн
ной почести, эти лица приносили имъ щедрые подарки по
ческому обычаю. Приговоры продаютъ съ торга: рѣшаютъ въ
зу той стороны тяжущихся, которая принесетъ больше. Пре
ники покупаютъ себѣ безнаказанность; злодѣи притупляютъ
віе меча правосудія, подставляя подъ удары его золотые
Да и сами судьи, для затрудненія улики себѣ въ несправедл
своихъ притоворовъ, закрываютъ на судѣ глаза, чтобы
пленные свидѣтели тѣмъ смѣлѣе дѣлали свои ложныя пока
или для оправданія правдиваго обвиненія, или для подтвер
насказанной клеветы, чѣмъ богаче награду получатъ за свою

Всѣ Бояре безъ исключенія, даже и сами Великокня
Послы у иностранныхъ Государей, вездѣ открыто заним
торговлей. Продаютъ, покупаютъ, промѣниваютъ безъ лич
прикрытія: сами продавцы, сами маклеры заставляютъ
ный Посольскій санъ служить низкому промыслу. Не мо
однако жь, не признаться съ негодованіемъ, что такая н
чернитъ нѣкоторыхъ лицъ и изъ болѣе образованныхъ нар
да даже иногда и изъ нашего.

Я ужаснулся, услыхавъ въ Москвѣ о жадности даже
самомъ нищенствѣ. Четверо нищихъ, для корыстолюбія кот
мало было обыкновенныхъ подаяній, составили между
общество кражи дѣтей, чтобы трогательной мольбой при
въ состраданіе души благочестивыхъ людей, въ видахъ
щедрой милостыни. Двое, или трое, изъ нихъ подстерегал

тей и замѣтивъ такихъ, которые ушли далеко отъ глазъ матерей, увлекшись дѣтскимъ любопытствомъ, они тихонько приманиваютъ ихъ къ себѣ, протянувъ руку съ яблокомъ, или Грецкимъ орѣхомъ, а потомъ и уводятъ. А приведши къ себѣ въ жилье, ломаютъ имъ руки, или ноги, либо то и другое, или выкалываютъ глаза, либо портятъ другіе какіе члены у несчастныхъ. Если такое мученье убьетъ кого ни будь изъ дѣтей, эти пагубные ночные погильщики хоронятъ его, зарывая въ землю въ подполье своего жилья. А прочихъ, пережившихъ свою боль, водятъ съ собою на перекрестки, показываютъ проходящимъ съ притворными жалобами, будто родныхъ дѣтей невинно наказанныхъ увѣчьемъ отъ начихи природы еще во чревѣ матери, и просятъ, чтобы, изъ сокаѣнія къ такому несчастію, не поскупились сотворить щедрую милостыню на прокормленіе бѣдняковъ. Семнадцать лѣтъ долготерпѣніе Божіе сносило жестокую жадность сихъ злодѣевъ: во все это время они украли и измучили множество дѣтей. Безнаказанность все только придавала имъ духа продолжать свои злодѣйства, какъ вдругъ Богъ явилъ на нихъ десницу своего правосудія, и милостивымъ наказаніемъ удержалъ отъ грѣховъ убійцъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ на улицѣ съ обезображеннымъ и изувѣченнымъ ребенкомъ. Этотъ, разумѣется, горько и безполезно рыдалъ, но другъ, узнавъ, случайно проходившую мимо, свою мать, обернулся къ ней и, залившись, слезами закричалъ: «Мама, Мама!» Удивившись знакомому голосу сына, она пристально посмотрѣла на него, и узнала его хоть и обезображеннаго увѣчьями дѣтскаго вора; когда ребенокъ, сильно зарыдавши, поползъ къ ней, она протянула къ нему руки и взяла его. Какъ громомъ пораженный, злодѣй былъ потомъ схваченъ прибѣжавшими людьми, назвалъ еще троихъ товарищей преступленія, которые и были посажены въ темницу; мы не слыхали, однако жь, было ли кому изъ нихъ какое ни есть наказаніе.

30-го (20) Іюля Царь, проходя въ церковь Святаго Иліи, находившуюся неподалеку отъ насъ, для чествованія его памяти ежегоднымъ празднествомъ, прислалъ къ намъ довѣреннаго своего Діака Дементьева (Diakum Dementi), спросить о здоровьѣ его любезнѣйшаго брата Императора, и потомъ о нашемъ

Священныя зданія въ Московіи посредственной обширности внутри, и всѣ построены по одному образцу. Въ нихъ въ одни и тѣ же часы, по установленному порядку, даже и ночью, Священ-

ники, Дьяконы и прочіе церковнослужители, поютъ, что слѣ
тихими голосами на своемъ родномъ языкѣ. Внутри каждой ц
стѣна противъ главнаго входа, соприкасаясь по обѣ сторон
боковымъ стѣнамъ, возвышена во всю ширину ея и имѣетъ
проходныя двери. У тѣхъ дверей, которыя на лѣво отъ зри
направо отъ двернаго косяка, повѣшенъ образъ Спасител
лѣваго косяка—образъ Богородицы Дѣвы. Остальное простра
всей церкви уставлено кругомъ по стѣнамъ разными обр
принадлежащими частнымъ лицамъ, которыя и зажигаютъ
ними восковыя свѣчи во время богослуженія. Въ среднія
видѣнъ небольшой престолъ, назначенный для приношенія же
покрытый одеждой и висящимъ до полу покровомъ; посред
подъ Серафимомъ чаша, направо лежащее, но не стоящее, ра
на лѣво кладутъ книгу Евангелій. Каждый день въ 3 часа
лудня, послѣ долгаго колокольнаго звона, на этомъ престолѣ
шается таинство, по одному разу въ день, на Московскомъ
(Moschovitica lingua), нерѣдко въ присутствіи одного богомол
будни, и при большомъ ихъ стеченіи въ праздники; употребле
гановъ и другихъ музыкальныхъ инструментомъ при церко
службахъ, къ сожалѣнію, изгнано. Священникъ одѣтъ въ бѣлу
лу (подризникъ), Дьяконъ въ стихарь, сшитый на обоихъ с
сверху надѣваютъ длинную одежду, идущую наискось съ п
плеча на лѣвое. Женщины благороднаго званія, которымъ
лись мужья не такъ сердитые и ревнивые, получаютъ иног
нихъ позволеніе ходить въ церковь, входятъ въ особенную
отворяемую со стороны церковнаго погоста, на отгороженн
сто за рѣшеткой, устроиваемое на лѣвой сторонѣ въ каждой
ви (кромѣ Соборной), и стоятъ тамъ, укрытыя отъ глазъ му
Когда же Священникъ, возжегши ладанъ (Sabaeum odoren
дойдетъ и повернется къ нимъ, по обыкновенію, слегка п
вая кадиломъ, слѣдующимъ за движеніемъ его руки, для
чтобы оно дымилось, онъ держитъ глаза внизъ, изъ
оскорбить какую ни будь женщину своимъ взглядомъ чрезъ
ку. А женщины простого званія обыкновенно никогда не по
ютъ храмовъ, развѣ только въ такое время, когда никого
чтобы поклониться иконамъ. Въ нѣкоторые большіе пра
присутствуетъ и Великій Князь, подъ сѣнію [119] направо от
ковнаго входа, въ Царскомъ облеченіи и въ вѣнцѣ, а нап

[119] Балдахиномъ.

его, на лѣво, Патріархъ въ митрѣ и съ посохомъ, если только не служитъ самъ; для обоихъ поставлены кресла, чтобы они могли садиться при чтеніи Апостола. Въ прочее время они стоятъ. Другіе же богомольцы никогда не садятся, и такъ какъ сидѣть Москвитянамъ не позволено въ церквахъ, то по тому тамъ вовсе нѣтъ и мѣстъ для сидѣнья, но вокругъ по стѣнамъ подѣланы лавки, чтобы присѣсть на нихъ только во время назидательнаго чтенія изъ Священнаго Писанія за утренней службой. Моленіе Богу на колѣнахъ называютъ достойнымъ проклятія подражаніемъ Преторіянскимъ воинамъ Пилата, которые ругались надъ Спасителемъ, преклоняя колѣна. Ни кто не творитъ шепотомъ молитвы за службою, даже не шевелитъ и губами, не желая прослыть колдуномъ, нашептывающимъ свои волшебные наговоры. Вся молитва, въ подраженіе молитвѣ Евангельскаго мытаря, состоитъ въ тысячекратномъ повтореніи: «Господи, помилуй (Gospodi, pomilui), (Domine, miserere) при осѣненіи себя столько же разъ крестнымъ знаменіемъ. Евангеліе слушаетъ Царь безъ вѣнца, который тогда снимаетъ кто ни будь изъ Бояръ, а по окончаніи чтенія тотъ же Бояринъ надѣваетъ на него опять. Передъ тѣмъ, какъ Священнику должно совершать приношеніе въ жертву хлѣба, онъ возлагаетъ его на голову Дьякону, и этотъ, вышедши изъ двери у лѣваго клироса въ церковь, проноситъ его чрезъ среднія двери въ алтарь. Въ это время вѣнецъ опять снимается съ Царя: и самъ онъ, и всѣ прочіе, поклонившись въ землю, оказываютъ неслѣдующее почтеніе (praeposterа adoratione) хлѣбу. А потомъ, когда Дьяконъ положитъ его на престолъ, и среднія двери затворятся, Священникъ оканчиваетъ остальное священнодѣйствіе; но во время освященія жертвы, и Царь опять въ вѣнцѣ, и прочіе предстоящіе, каждый занимаясь своимъ: «Господи, помилуй!» передъ собственнымъ образомъ по ихъ Вѣрѣ, и уже не оказывая никакого благоговѣнія къ освященному хлѣбу. Если Царь изволитъ пріобщаться, то, снявъ съ себя вѣнецъ, подходитъ къ жертвеннику (престолу), чего не дозволяется никому изъ прочихъ. Они подходятъ только къ порогу среднихъ дверей, гдѣ встрѣчаетъ ихъ Священникъ и пріобщаетъ. Подъ конецъ обѣдни Царь, снявъ царственное украшеніе съ головы, идетъ прикладывать-ся къ образамъ, начиная съ образа Спасителя, потомъ постепенно переходитъ изъ набожности къ образу Богородицы, Святаго Николая и прочихъ Святыхъ, повторяя для каждаго три раза крестное знаменіе, «Господи, помилуй!» и поклонъ, съ самымъ умилительнымъ изъявленіемъ благочестія. По окончаніи обѣдни всѣ уходятъ

люди изъ благороднаго званія обѣдать, а изъ сословія к
и ремесленниковъ работать и торговать, отверши свои лавк
стерскія. Проповѣдей никакихъ не бываетъ, чтобы, какъ
ляютъ Москвитяне, заблудшимъ умамъ не давать случая в
народъ ереси. Но кто же когда либо будетъ у нихъ въ силах
на себя дѣло проповѣдника, если только хорошее чтеніе и
составляютъ весь верхъ Московской учености?

Въ послѣдній день Сентября Великій Князь отправил
знаменитый монастырь Пресвятой Троицы, въ 60 верста
Москвы, по дорогѣ къ Переяславлю (Pereaslaviam versus),
поклониться мощамъ своихъ Святыхъ: Сергія, нѣкогда тамо
Игумена, и ученика его, Никона, и прислалъ къ намъ, чест
минаемаго, Князя Алексѣя Ивановича Буйносова-Ростовскаг
домить насъ о томъ и спросить, здоровы ли мы? Мы из
чрезъ него нашу покорнѣйшую благодарность Царю, жела
благополучнаго пути, для исполненія его обѣта, и возвр
назадъ въ добромъ здоровьи. На походѣ онъ увидѣлъ, въ
изъ городскихъ улицъ, нѣсколькихъ нашихъ служителей,
рые привѣтствовали его почтительнымъ поклономъ, и п
освѣдомиться, изъ нашего ли они общества? Получивъ у
тельный отвѣтъ, посланный спросилъ еще отъ Царскаго
здоровы ли они? и потомъ воротился къ своему Государю
отвѣтомъ и благодарностью.

Москвитяне признаютъ заступленіе Святыхъ; но так
ни мало не вѣрятъ немедленному суду душъ, лишь только о
лучатся съ тѣломъ. то необходимо должны допустить, что,
несеніи Христа на небо, ни кто изъ умершихъ Святыхъ не
туда, по тому что еще не былъ судимъ (если, по исключите
своему мнѣнію, не хотятъ различать промежуточнаго мѣста
раемъ и адомъ.) [120] Но если Святые иначе не въ состояні
свѣдѣнія о нашихъ, обращенныхъ къ нимъ, молитвахъ, как
ко посредствомъ созерцанія Бога, которымъ они блаженны,
котораго, какъ въ зеркалѣ, является и открывается имъ
нихъ относящееся, чтобы не имѣли ни въ чемъ недостат
полнаго блаженства, то какъ же могутъ они знать наши
вы къ нимъ и присоединять еще свои къ Богу, если, п
Москвитянъ, не наслаждаются еще такимъ его созерцаніе

---

[120] Разумѣется, чистилище.

Но думая о томъ, весьма чтутъ Пресвятую Дѣву и Николая Мирскаго. Приняли даже и праздникъ перенесенія его тѣла, установленный, въ 1096 году, Римскимъ Первосвященникомъ Урбаномъ II-мъ, [121] сохраняютъ его и нынѣ, не смотря на то, что Греки никогда не допускали этого празднества. Но всѣ ли прочіе, которымъ они молятся, святы предъ Богомъ, въ этомъ можетъ еще усомниться какой: извѣстно, что въ число мучениковъ они внесли нѣсколько такихъ, о которыхъ должно еще сомнѣваться, не сражались ли они подъ знаменами Стефана (sub Stephani vexillo), такъ какъ причина муки, а не самая мука, дѣлаетъ святымъ мученикомъ. Рожденный внѣ брака, Владиміръ, первый изъ Московскихъ Князей, приведенный въ Христіянскую Вѣру таинствомъ животворнаго крещенія, по этому и называется Святымъ у Москвитянъ и въ Греческомъ Мѣсяцословѣ (Menologium), хотя онъ былъ многоженецъ и разными убійствами и хищеніями возвысился въ Русскіе Государи а и послѣ крещенія ничего и никогда не возвращалъ изъ того то присвоилъ себѣ. Когда онъ умеръ, его дѣти, споривше между собою изъ за власти, старались вредить другъ другу взаимными козни. Изъ нихъ Святополкъ (Suatopolchus), захвативши силою Кіевъ подославъ убійцъ, погубилъ своихъ братьевъ, Князя Ростовска- о Бориса (Borissum), по Христіянскому имени Романа, и Глѣба Chlebum), въ крещеніи Давыда, Князя Полоцкаго (Polociensem). [122] Русскіе внесли ихъ въ книгу мучениковъ и празднуютъ ихъ память 4-го Іюля. [123] Тѣла ихъ перенесены въ Москву; [124] празднество е построенія въ честь ихъ церкви отправляется 2-го Мая. [125] Мнѣ

---

[121] Изъ Муръ Ликійскихъ (Мута, у Турковъ Дембре, главный городъ Ликіи, недалеко отъ моря) въ Баръ градъ (Barium, Bari), въ Италіи, на берегу Адріятическаго моря. Празднованіе сіе установлено Митрополитомъ Ефремомъ (скопцомъ), такъ какъ перенесеніе мощей Святителя Николая произошло въ его время. О. Б.

[122] Не Полоцкаго, а Муромскаго. О. Б.

[123] Не въ Москву, а Вышгородъ, въ церковь Св. Василія. О. Б.

[124] Борисъ умерщленъ Іюля 24, а Глѣбъ Сентября 5-го дня. О. Б.

[125] Т. е., въ новопостроенную каменную церковь (изъ ветхой деревянной) въ томъ же Вышгородѣ для нихъ, какъ «заступниковъ Русьстѣй земли, молящихся выну о своихъ людехъ.» Она построена, въ 1112 г., Олегомъ, но Святополкъ не согласился на перенесеніе раки ихъ въ оную. По смерти же его, уже при Владимирѣ Мономахѣ, церковь эта освящена 1-го Мая, а перенесеніе было на другой день. См. Житіе Бориса и Глѣба по харатейному списку XII вѣка, изданное мною въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1870 г. кн. 1, Отд. 3. О. Б.

извѣстно мнѣніе кое-какихъ лицъ, которыя для того, что
мѣстить ихъ въ ликъ мучениковъ, находятъ себѣ опору
вахъ Доктора Ангелика (Doctoris Angelici), увѣряющаго,
мученикамъ должно причислять не только убитыхъ за Х
скую Вѣру, но и за любовь къ какой ни будь человѣчес
бродѣтели, и говорятъ, будто бы для мученическаго вѣнца
и Глѣба была достаточною та причина, что они лучше
лишиться жизни и Царства, нежели, сохранивъ то и друг
вергнуть своихъ подданныхъ войнѣ и многочисленнымъ
одного съ нею согласія. А я, держась съ уваженіемъ уче
таго Ѳомы, разсуждаю о дѣлѣ такъ: братъ Бориса и Гл
рался разными коварными кознями и происками умертви
одинъ изъ сихъ братьевъ напрасно принужденъ былъ с
отъ нихъ бѣгствомъ; [126] наконецъ оба не избѣгли ихъ, и не
негаданно, подосланные злодѣи лишили ихъ жизни; слѣд
но, ученіе Святаго Доктора (Sancti Doctoris) не легко мож
мѣнить къ нимъ. Да что? Развѣ Давыдъ былъ не угоде
Однако жь, во время возмущенія самаго любимаго сын
го, Авессалома, не подставилъ же горла для отцеубій
тразилъ оружіе оружіемъ и наказалъ мятежника, хоть
но и съ плачемъ. Плохо пришлось бы добрымъ Государ
и подданнымъ, законно ввѣреннымъ отъ Бога ихъ защи
бы мы стали хвалить ихъ за то, что они не оказывали
лѣйшаго сопротивленія умысламъ противъ нихъ нечести
раздавать мученическіе вѣнцы такимъ, которые, пренебрег
нѣ необходимою войной въ защиту себя и подданныхъ, с
помогаютъ злодѣямъ наносить себѣ обиды, и такимъ о
награждаютъ злодѣйство всѣмъ, что имѣютъ, лишаютъ
подданныхъ законнаго и правосуднаго Государя и, на
нимъ, очищаютъ мѣсто назойливости преступнаго тирана.
причина мученической смерти Бориса и Глѣба и найдетъ
въ комъ ни будь, однако жь онъ еще остановится причисл
къ лику мучениковъ, если послушаетъ Кипріяна, которы
ритъ, что быть въ раздорѣ съ Церковью—непристительный
пятно, котораго нельзя омыть ни кровью, ни страданіемъ,
не давая большой цѣны неважнымъ возраженіямъ кого б
было изъ разномыслящихъ, будетъ вѣрить съ Посевиномъ
чти всѣми другими, писавшими объ обращеніи ко Христу Р

[126] Невѣрно. О. Б.

что они, всосавъ въ себя съ Греческимъ крещеніемъ ересь, упорно распространяютъ ее до сихъ поръ между своими потомками. А что подумать о тѣхъ, о которыхъ мнѣ предложить еще говорить? Борисъ Годуновъ (Borissus Hodunus) употреблялъ во зло простоту Великаго Князя Московскаго, Ѳедора Ивановича, мужа своей сестры, чтобы по немногу устранять нѣкоторыя препятствія своему честолюбію менѣе опаснымъ коварствомъ въ перемежку съ убійствами, для того и погубилъ рукою злодѣевъ девятилѣтняго брата Ѳедорова, Димитрія. Москвитяне называютъ этого младенца мученикомъ, и ежегодно празднуютъ его память 15-го Мая. Сколько ни пало Московскихъ вождей въ войнѣ съ Татарами, Русскіе всѣхъ ихъ чествуютъ празднованіемъ ихъ памяти, жертвами и молитвами, какъ мучениковъ. Въ 1659 году палъ, въ передовомъ полку, въ сраженіи съ Польскимъ, Казацкимъ (Cosacorum) и Татарскимъ войскомъ, Князь Семенъ Романовичъ Пожарскій (Simon Romanowicz Pozarski), [127] потомокъ Ивана, втораго сына Всеволода (Sevoldi), Князя Московскаго, человѣкъ, отягченный безчестными дѣлами и преступленіями и недавно снискавшій себѣ дурную извѣстность убійствомъ жены; и Алексѣй Михайловичъ торжественно причислилъ даже и его къ мученикамъ, и въ честь его нынѣ бываетъ особенное служеніе въ церкви. [128] А извѣстныя всѣмъ чудеса Сергія едва находятъ и вѣру у нынѣшнихъ современниковъ, по тому что теперь ихъ совсѣмъ не бываетъ. Никто совсѣмъ ужь и не помнитъ мѣднаго горшка (olla) съ топленымъ масломъ, которое обыкновенно подавалось каждому богомольцу въ достаточномъ количествѣ, безъ всякой убавки назначенной изъ него доли для монастырской братіи. Если мы и не скажемъ, что истинное чудо тутъ въ томъ, что горшка съ масломъ, составлявшимъ, безъ сомнѣнія, самое скудное кушанье монастырской поварни, оставало для пришельцевъ издалека, посѣщавшихъ монастырскій

---

[127] По прозванію Лопата, Стольникъ, потомокъ Князя Василія Андреевича, родоначальника Князей Пожарскихъ, въ V колѣнѣ, отъ Князя Ивана Всеволодовича Стародубскаго (у. 1239). Князья Пожарскіе угасли въ 1685, со смертью Князя Юрія Ивановича. Онъ не палъ въ битвѣ, но попалъ въ полонъ (съ Кн. Семеномъ Петровичемъ Львовымъ) въ битвѣ подъ Конотопомъ, гдѣ войско Князя Алексѣя Никитича Трубецкаго было разбито, Іюля 7-го, очутившись между Козаками и Крымскими Татарами; предводитель, оборонясь, отступилъ къ Путивлю. О. Б.

[128] Вовсе не былъ причисленъ къ лику мучениковъ, такъ какъ и не умиралъ тогда. О. Б.

храмъ два раза въ годъ, въ Троицынъ (in Trinitatis) и Ми
день (et Michaelis festivitatibus), то щедрыя подаянія от
богомольцевъ даютъ возможность заключить, что горшокъ
ломъ никогда не опрастывался. Въ Московіи всѣ вѣрятъ
подобной молвѣ, что въ этомъ монастырѣ за 40 милліон
ребряныхъ рублей (supra quater mille argenteorum rublor
riades) отъ подаяній Великихъ Князей и другихъ лицъ за
землю на сбереженіе Плутона.

Здѣсь кстати замѣтить мимоходомъ, что Сергій, по
Московскихъ лѣтописей, кончилъ жизнь въ 6897 году от
ренія міра, или 1388 нашего спасенія, въ Княженіе въ Мос
Руси Василія Дмитріевича; слѣдовательно, Посевинъ
ошибку (если только не отнести это къ опечаткѣ) въ
къ Григорію XIII, въ 1581 году, будто бы онъ умеръ
тому 19 лѣтъ. А Олеарій, слѣдуя ему на вѣру, не з
что самъ Герберштейнъ, о которомъ онъ упоминаетъ, что
неправду о Сергіѣ, издалъ свои записки о дѣлахъ Моск
въ 1549 году, послѣ перваго своего посольства въ Мос
1517 году, съ товарищемъ Витомъ Стрейніемъ (Vito Strein
сломъ Максимиліяна I-го, и послѣ вторичнаго, когда,
году, при сынѣ Максимиліяновомъ, Карлѣ V-мъ, и бра
Фердинандѣ, отправленъ былъ Посломъ, съ товарищемъ
Графомъ Нагаролемъ (de Nagaralis), по тому ничего и
сказать о погребеніи Сергія въ монастирѣ Пресвятой
также и объ его чудесахъ, если этотъ кончилъ жизнь то
1562 году. [129]

---

[129] Св. Сергій скончался 25 Сентября, 1391 г., по счету съ Генваря, и
отъ рожденія.—Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ род. въ город
(Wipnach), въ Крайнѣ, стало быть по происхожденію былъ Славян
венецъ-Краинецъ), чѣмъ и объясняется пониманіе его Русскихъ
и книгъ, воспитывался въ Горкѣ (Gurg) въ Цѣловацкомъ (Klagen
гѣ (въ Хорутаніи), а потомъ въ Вѣнскомъ Университетѣ. Съ 1515
торъ Максимиліянъ началъ употреблять его въ Посольствахъ. В
отправился онъ 14 Декабря, 1516, гдѣ и оставался по 21 Ноября, 1
другой разъ спустя 9 лѣтъ, съ 26 Апрѣля по 11-е Ноября, 15
прочихъ посольствъ его замѣчательно предпринятое въ Царьградъ
да, по его важности и трудности. Умеръ на 80 году въ Вѣнѣ.
его о Россіи: «Rerum Moscoviticarum Commentarii, etc. Vindobonae
изданіе это чрезвычайно рѣдкое, исправленное же изданіе вышл
зелѣ 1551, третье тамъ же 1556, съ прибавленіями самаго соч
т. д. Переведено на Итальянскій, Нѣмецкій, Чешскій и Русскій
вымъ 1866 г. въ Спб.). О. Б.

У Русскихъ есть и средство къ спасенію, т. е., наушная исповѣдь, которую по уставу они обязаны всегда предпосылать причащенію. Впрочемъ, кромѣ праздника Пасхи, рѣдко принимаютъ причастіе, и то немногіе, и кое-какъ, да еще въ ненастоящемъ видѣ. Почти всѣ крестьяне и простолюдины въ городахъ считаютъ пріобщеніе принадлежностью Бояръ и людей позажиточнѣе, стало быть, имъ и предоставляютъ его. А тѣ увольняютъ себя отъ пріобщенія, чтобы не подвергнуться душеспасительной, суровой и долговременной, епитиміѣ, которую, по древнему Греческому обычаю, налагаютъ на нихъ духовные ихъ отцы. Въ этомъ ни какъ не могъ сознаться второй нашъ Приставъ въ Москвѣ, который, гордясь превосходство своей Вѣры доказать строгостію устава, превозносилъ суровыя и продолжительныя покаянныя условія, налагаемыя исповѣдникомъ на прелюбодѣя: я и сказалъ ему, что если такъ идетъ дѣло, то, должно быть, всѣ вы, Москвитяне, безпрестанно справляете наложенныя на васъ епитиміи, не получая никогда разрѣшенія, по тому что знаемъ вашу частую повадку одбираться къ чужимъ женамъ.» — «Вотъ еще дураковъ нашли! отвѣчалъ онъ: развѣ мы говоримъ когда объ этомъ Попу?»

Причащаются подъ двумя, если не подъ тремя, вмѣстѣ взятыми, видами, по тому что Священники, смочивъ въ красномъ винѣ, разведенномъ теплою водой, кусочки кислаго хлѣба, который печетъ старыми, большею частію, вдовыми попадьями, и освятивъ его обычными словами, принятыми и въ нашемъ богослуженіи, берутъ ложицей изъ чаши и раздаютъ причастникамъ, которые въ тотъ день должны воздерживаться отъ мяса; не удаляютъ отъ причастія даже и дѣтей, если минуло имъ 7-мь лѣтъ.

Пріобщаютъ и больныхъ, въ послѣднемъ борѣніи со смертью, помазываютъ ихъ освященнымъ елеемъ, и ни чѣмъ уже больше не морятъ ихъ, если нѣтъ надежды на выздоровленіе. Однако жь, когда они попросятъ пить, не отказываютъ имъ въ водѣ, или въ винѣ, погрузивъ въ нее наперсъ образки съ мощами. Если кто изъ нихъ въ эту торжественно-страшную минуту, постригшись и помазавшись, приметъ монашескій санъ, какъ обыкновенно и дѣлаютъ нѣкоторые изъ угрызенія совѣсти, то цѣлые восемь дней послѣ того онъ не можетъ подкрѣплять себя пищею, какъ сопричисленный къ Ангеламъ, ни принимать лѣкарства для облегченія болѣзни. А въ томъ случаѣ, если, выздоровѣвши, онъ вынесетъ такой долгій постъ, то хоть и противъ желанія, но

должень оставить жену, во исполненіе своего обѣта, и и
монастырь.

Москвитяне, во всѣхъ другихъ случаяхъ не скупящіеся
звать свое тщеславіе при отправленіи общественныхъ обр
обыкновенно дѣлаютъ похороны своимъ покойникамъ не
чтобы съ большою пышностью, за то съ большимъ суев
Трупъ, обмытый мыльщиками и обернутый полотномъ, кл
въ деревянный гробъ и выносятъ; впереди его, вмѣсто раст
ныхъ плакальщицъ, родственницы покойнаго поютъ, или л
завываютъ съ дикимъ воплемъ, жалобныя похоронныя п
Священникъ несетъ образъ, особенно уважаемый покойн
при жизни; за гробомъ идетъ нѣсколько духовныхъ лицъ, м
ство родныхъ и друзей, съ зажженными восковыми с
ми. Гробъ открываютъ на кладбищѣ, внѣ котораго изъ
скихъ никто не хоронится, кромѣ застигнутыхъ скоропости
смертью, или лишенныхъ общенія съ другими, по приг
Церкви; всѣ провожатые, нѣсколько разъ цѣлуя усопшаго,
рятъ послѣднее прости покойнику, котораго тотчасъ же м
щики и предаютъ землѣ, съ обращеннымъ къ востоку лицо

Смѣшно то съумасбродство равнодушнаго невѣжества
витянъ, что передъ тѣмъ, какъ закрывать гробъ, Священ
вкладываетъ въ пальцы похороняемаго бумагу, за подписью
тыми буквами и печатью духовнаго причта того мѣста, гд
живалъ онъ; духовные удостовѣряютъ своимъ свидѣтельство
этой бумагѣ, что покойный при жизни исповѣдывалъ Греч
Вѣру, и хотя грѣшилъ, но вполнѣ очищалъ себя исповѣдью
рѣшеніемъ и причащеніемъ, соблюдалъ посты, часто повт
молитвы, чтилъ Бога и всѣхъ Святыхъ, по чему и данъ ему
листъ, для предъявленія Святому Петру, чтобы онъ безъ зад
впустилъ его въ райскія двери къ блаженной радости. Ч
дѣтская безтолочь! Москвитяне, введенные въ заблужденіе
ческимъ ученіемъ, ни какъ не вѣрятъ въ очищеніе души огн
въ особенный судъ для нея, какъ и показали мы выше;
вательно, Петру, по этому заблудшему ученію, еще не было
нельзя находиться въ раю, чтобы отворять его двери: а так
онъ можетъ быть тамъ только послѣ всеобщаго Суда, то в
время и вмѣстѣ съ нимъ окажутся тамъ и прочія души и
ныхъ, которымъ не будетъ надобности въ должности привра
при входѣ въ рай: они войдутъ туда въ одно и то же мгн
съ нимъ; стало быть, нечего и просить его объ услугѣ,

рой онъ оказать не можетъ, да никогда она и не понадобится. Ни къ чему тоже не послужатъ всѣ похоронные обряды, совершаемые по умершемъ родными и друзьями: безполезны молитвы, подаянія, подачи мясомъ, заупокойныя обѣдни и поминовенія, которыя справляются по нихъ, если ни одной душѣ до всеобщаго Суда не открытъ доступъ въ небо, и ни одна изъ нихъ не возвратится изъ отведенной ей въ наказаніе темницы. Однако жъ, такъ какъ «бездна бездну призываетъ», несчастные впадаютъ въ другую ошибку, говоря, будто бы поминаютъ усопшихъ по тому, что есть два мѣста, куда относятся души по разлученіи съ тѣломъ. Одно, гдѣ сохранившія свою невинность, или возвратившія ее послѣ утраты раскаяніемъ, либо мученіемъ, ликуютъ съ добрыми Ангелами, имѣя въ виду надежду на блаженство; другое, гдѣ нераскаянные нечестивцы въ кромѣшной тьмѣ, вмѣстѣ съ падшими духами, въ постоянномъ ужасѣ трепещутъ наступленія послѣдняго дня. И такъ поминовенія, справляемыя по душамъ усопшихъ, или могутъ возратить на правый путь спасенія тѣхъ, которыя, по своимъ заслугамъ, отведены будутъ по шуему пути осужденія къ мѣсту ужаса, или, если уже онѣ вступили на этотъ послѣдній путь, могутъ постоянною молитвой и непрестанною заупокойною жертвой такъ умилостивить Бога, что наконецъ, сжалившись надъ ними, онъ впишетъ ихъ въ книгу живота и помилуетъ при совершеніи всемірнаго Суда. Такъ Москвитяне, хотя и неучи, хоть ни чего не видятъ въ густой тьмѣ невѣжества, большею частію не знаютъ и грамотѣ, при томъ и Вѣра ихъ изобилуетъ, очевидными для здраваго смысла, заблужденіями, но все же осмѣливаются еще хвастать, что они одни Христіане, а всѣхъ приверженцевъ Латинской Церкви называть погаными. Къ Римскому же Первосвященнику питаютъ еще такую ненависть, заимствованную отъ Грековъ, что никогда не хотѣли дозволить свободнаго богослуженія проживающимъ въ Москвѣ Католикамъ, межъ тѣмъ какъ безъ труда даютъ эту свободу, Лютеранамъ и Кальвинистамъ, зная, что они отпали отъ Папы, хотя они люди осуждаютъ такія вещи, которыя въ высокомъ уваженіи у Москвитянъ, каковы: образа, крестное знаменіе и призываніе Святыхъ. Тутъ дѣйствуетъ лукавство дьявола, чтобы, посредствомъ знакомства съ Католической Вѣрой, ни одинъ лучъ здраваго вѣроученія не заносимъ былъ въ Москву и, разсѣвая Русскую тьму, не показывалъ Москвитянамъ истинную стезю Вѣры, вступивъ на которую, они освободятся отъ его дьявольской власти. Здѣсь слѣ-

дуетъ пожалѣть о тѣхъ людяхъ Католическаго Исповѣданія, которые, въ видахъ незначительныхъ выгодъ по торговлѣ, или по военной службѣ, перебираются въ Москву, да еще съ женами и дѣтьми, безъ всякой надежды, чтобы ихъ когда ни будь отпустили оттуда (это совершенно вѣрно): они въ молчаніи отказываются не только отъ всякой отрады, получаемой благочестивыми душами отъ частаго отправленія богослужебныхъ обрядовъ ихъ Вѣры и проповѣди ихъ ученія, но и отъ несравненнаго благодѣянія тѣхъ таинствъ, которыя внушаются намъ, какъ особенно необходимыя для нашего спасенія. По тому что, хотя благость законодателя и освобождаетъ отъ необходимости закона того, кто, при всемъ его желаніи, не можетъ получить этихъ таинствъ, однако жь не разрѣшаетъ другого, который, по свободному намѣренію, отправляется туда, гдѣ извѣстно ему, что нельзя имѣть ихъ, если въ смертный часъ онъ не принесетъ поздняго раскаянія въ этомъ безуміи. О, если бы всеблагій Богъ милостиво простилъ это всѣмъ Католикамъ, умирающимъ въ Россіи! Но я, не безъ Христіянскаго сочувствія, съ горестью, видѣлъ въ Москвѣ, что нѣкоторые изъ нашихъ единовѣрцевъ такъ отвыкли отъ нашихъ богослужебныхъ обрядовъ, что хотя Священникъ служилъ у насъ ежедневно, они, къ сожалѣнію, были за службой всего раза два, три, да и то коекакъ, между тѣмъ какъ могли бы бывать за нею всегда; не позаботились тоже очистить и свою совѣсть, сложивъ Священнику на исповѣди свои грѣховныя скверны. Я узналъ также, что они принуждены держать своихъ дѣтей либо дома, въ совершенномъ незнаніи грамотѣ, либо поручать, для обученія тому, Лютеранамъ и Кальвинистамъ, а эти по немногу, вмѣстѣ съ грамотой, напечатлѣваютъ въ нихъ, точно неизгладимою печатью на мягкомъ воскѣ, правила своей Вѣры.. [130]

---

[130] Не должно забывать, что сужденія, здѣсь изложенныя Майербергомъ, о нашемъ Вѣроисповѣданіи и нѣкоторыхъ обрядахъ, при немъ наблюдавшихся нами, принадлежатъ истому Римскому Католику, для котораго Православное ученіе и обряды были, какъ и для всѣхъ почти его исповѣдниковъ, больше чѣмъ странными, именно такими, какими онъ тутъ ихъ обзываетъ. Это до тому, не должно насъ ни удивлять, ни возмущать, а тѣмъ болѣе вооружать. Такова ужь основа Римской Церкви, выступающая въ особенности со времени отдѣленія ея отъ Православной, соблюдаемая ею даже и въ наши дни тѣми членами оной, которые провозгласили своего Первосвященника недавно непогрѣшимымъ, земнымъ Богомъ. Что въ этомъ ученіи ложнаго, каждый Православный съ перваго раза самъ замѣтитъ, и по тому не нуждается ни въ какомъ нашемъ опроверженіи. О. Б.

V

СМѢСЬ

ПАЛОМНИКИ-ПИСАТЕЛИ

ТРОВСКАГО И ПОСЛѢПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ

ИЛИ

ПУТНИКИ

ВО СВЯТОЙ ГРАДЪ

ІЕРУСАЛИМЪ.

съ объяснительными къ тексту примѣчаніями

АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(Посвящается памяти А. С. Норова).

Произведенія нашихъ древнихъ паломниковъ-писателей, начиная отъ Странника Игумена Даніила (XII вѣка) и до Проскинитарія Арсенія Суханова (его описательной части) включительно, изданы впервые трудолюбивымъ И. П. Сахаровымъ. Покойный А. С. Норовъ, усердно собиравшій все касающееся до паломническаго отдѣла нашей литературы, первый положилъ начало ученому изданію Русскихъ паломниковъ изданіемъ (на иждивеніе Русской Археографической Комиссіи) Странника Игумена Даніила. Изъ поломниковъ же Петровскаго времени (если не причислять къ онымъ путешествіе нашего извѣстнаго пѣшехода Барскаго, только начавшееся въ 1723 году) доселѣ издано въ свѣтъ лишь путешествіе въ Іерусалимъ Московскаго Священника Лукьянова (1711 года). Остаются неизданными сочиненія трехъ паломниковъ Петровскаго времени, которыя по своему языку (Церковно-Русскому) и взглядамъ на видѣнное ими, относятся безспорно къ древнему періоду Русской народной литературы.

Въ годъ празднованія юбилея великому Преобразователю Россіи, когда обновляется въ памяти Русскаго народа все относящееся къ той достопамятной эпохѣ, не излишне будетъ вспомнить и о произведеніяхъ паломниковъ его времени, тѣмъ болѣе, что изъ числа трехъ извѣстныхъ намъ паломниковъ-писателей, двое, какъ увидимъ ниже, состояли на службѣ при знатныхъ сподвижникахъ Петровыхъ: въ званіи ихъ домовыхъ Священниковъ (Капелляновъ) и, какъ на-

добно предполагать, принадлежали къ числу избранныхъ людей изъ современнаго имъ духовенства; это были: Московскій Священникъ Андрей Игнатьевъ, Капеллянъ при Россійскомъ полномочномъ Послѣ Графѣ П. А. Толстомъ, и Іеромонахъ Кіево-Печерской Лавры Варлаамъ, Капеллянъ Фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Третій паломникъ-писатель, землякъ Игумена Даніила, Іеромонахъ Новгородъ Сѣверскаго монастыря, Макарій, со спутникомъ своимъ, того же монастыря Іеромонахомъ, Сильвестромъ, описалъ свое путешествіе въ Іерусалимъ и на Синайскую Гору, начавшееся въ 1704, а окончившееся въ 1707 году и, слѣдовательно, тоже принадлежитъ къ числу паломниковъ-писателей Петровской эпохи.

Путешествіе Священника Андрея Игнатьева, писанное имъ уже по возвращеніи въ Россію со службы при Константинопольскомъ Послѣ (послѣ 1714 года), когда онъ находился въ братствѣ Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря, принявъ здѣсь монашеское постриженіе съ именемъ Аарона (гдѣ, вѣроятно, и окончилъ дни свои), дошло до насъ лишь въ одномъ спискѣ, писанномъ Казначеемъ выше упомянутой обители, Іеромонахомъ Пахоміемъ въ 1732 году. Рукопись эта принадлежала сначала библіотекѣ Князя Д. М. Голицына (въ его подмосковномъ селѣ Архангельскомъ), о которой упоминаетъ Татищевъ въ Россійской Исторіи (кн. I, ч. 1, стр. 62); отсюда, перешла въ библіотеку Графа Ѳедора Андреевича Толстого (Описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей этой библіотеки, отдѣленіе V, стр. 665, № 29, рукопись въ ¼ долю листа, на 71 листѣ), которая, какъ извѣстно, поступила, въ полномъ своемъ составѣ, въ Императорскую Публичную библіотеку.

Путешествіе во Святую Землю Іеромонаховъ Новгородъ Сѣверскаго монастыря Макарія и Сильвестра и Капеллана Фельдмаршала Графа Шереметева, Кіево-Печерской Лавры Іеромонаха Варлаама, принадлежали (въ вѣрныхъ противняхъ) библіотекѣ покойнаго Авраама Сергѣевича Норова, извѣстнаго собирателя и любителя этого отдѣла нашей

литературы (паломническаго), и отъ него поступила сперва въ библіотеку Румянцевскаго Музея, а оттуда въ библіотеку Московскаго Публичнаго Музея. Гдѣ же находятся подлинники этихъ путешествій, не извѣстно: доискаться ихъ теперь было бы едва ли возможно, да и не видится въ томъ особой надобности.

Желая продолжать труды незабвеннаго для меня А. С. Норова, по моимъ, смѣю сказать, духовно-дружескимъ къ нему отношеніямъ, и опираясь на мое близкое знакомство со святыми мѣстами Востока, я написалъ пояснительныя примѣчанія къ произведеніямъ нашихъ древнихъ паломниковъ, посѣтившихъ Святую Землю и описавшихъ ее послѣ Игумена Даніила отъ XIV до XVIII столѣтія (см. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1871 года, кн. 1-я). Нынѣ, печатая въ томъ же изданіи произведенія трехъ Русскихъ паломниковъ Петровской поры (первой четверти XVIII вѣка), приношу тѣмъ посильную дань дорогой для меня памяти, вѣчной памяти достойнаго, просвѣщеннаго паломника нашего вѣка, А. С. Норова, которому всецѣло принадлежитъ благая мысль объ ученомъ изданіи всѣхъ произведеній древнихъ Русскихъ паломниковъ въ хронологическомъ порядкѣ съ пояснительными примѣчаніями, существенно необходимыми для осмысленія въ текстахъ неясныхъ мѣстъ, большею частію испорченныхъ переписчиками; при близкомъ знакомствѣ съ описываемымъ предметомъ, если не всегда легко, то почти всегда возможно различить, что именно испорчено переписчиками, и что невѣрно выражено самимъ писателемъ. А при такомъ внимательномъ пересмотрѣ и переизданіи произведеній нашихъ паломниковъ-писателей древняго періода, большая часть ихъ окажется достойными занять почетное мѣсто въ общѣ-Европейскомъ отдѣлѣ паломнической литературы, какъ доказало это ученое изданіе Странника Игумена Даніила, по переводѣ котораго на Французскій языкъ [redacted] тило самое благосклонное вниманіе Европейск[redacted] пеціалистовъ по этому отдѣлу литературы, [redacted]

нѣкоторыхъ членовъ, такъ называемой, въ Англіи high C
(высокой церкви), съ любовію занимающихся изуч
всего, что относится къ исторіи и топографіи Св. Зем

Д. Членъ Архимандритъ Леонид

Новый Іерусалимъ.
Іюль, 1872 годъ.

I.

ПУТЬ

намъ Іеромонахамъ Макарію и Селиверсту изъ Монастыря Всемилостиваго Спаса Новгородка Сѣверскаго до Святаго града Іерусалима поклонитися гробу Господню 1704 году.

Мѣсяца Декемврія 3-го дня изъ своего монастыря выщли, тогожь мѣсяца 31-го дня дошли до Кіева, мѣсяца Іаннуарія 8 дня изъ Кіева пошли, и шли 3 дня до Хвастова, отъ Хвастова до Паволочи шли 2 дни, а изъ Паволочи шли до Немѣрова дней 5, а отъ Немѣрова до Сосновьца шли 1 день, и тамъ рѣку Бухъ перевезлися; въ пещерахъ городокъ пустъ на томъ боку рѣки, и отъ того городка шли до Сороки дни 4, и потомъ перевезлися рѣку Днѣстръ, а съ Сороки до Ясъ шли дни 4. Въ Ясахъ сидѣли три недѣли: нѣкакъ было еще далѣе итти, велики снѣгъ выпалъ. На тотъ часъ въ Ясахъ былъ господарь Волоскій Михаилъ Раковица, и тотъ господарь далъ намъ свое писмо прохожее чрезъ свою землю.

Мѣсяца Февраля 18-го дня пошли изъ Ясъ, и шли дней 8, пришли до монастыря, Дубровцы прозываемаго, и тамъ пересидѣли 2 дни, и пошли изъ того монастыря и пришли на ночь до Васлуя, и тамъ переночевавши, и шли два дни, и пришли до Берлатъ; изъ Берлатъ пошли и шли дни 2, и пришли до монастыря Адамова, а изъ монастыря Адамова до Залацахъ (Галаца), и шли дни 3; и въ Залацахъ жили полчетверти недѣли, ожидали кораблей изъ Царяграда, а землею

---

[1] Если 1704 годъ (Декабря 3-го дня) означаетъ начало пути нашихъ паломниковъ, то все путешествіе ихъ продолжалось 2 года, 5 мѣсяцевъ и 6 дней, а именно: отъ 3-го Декабря 1704 года по 9 Мая 1707 года. 1705 г. они провели въ пути до Іерусалима, куда прибыли 30 Сентября сего года и пробыли здѣсь до половины Сентября 1706 года, а возвратились домой 9-го Мая 1707 года.

трудно оттуда пройтить до Царяграда; почювши мы, въ Залацахъ
въ Смаиловѣ городѣ приходило кораблей много, и тутъ въ З
Туркамъ отдали надлежащей доходъ пять левковъ, ибо така
новка: кто идетъ до Константинополя изъ христіанъ или изъ
какихъ языкъ, то повиненъ дати отъ своей головы червонна
полтретья лева. И потомъ мы нанявши судно, пошли Дунаемъ
илова, ибо на тотъ часъ въ Залацахъ еще корабля не было,
Дунаемъ 2 дни, и минули городъ Сакчю и пришли до Измаи
ночи, и тутъ Турки напали на наше судно съ фонарями,
насъ взяли и хотѣли кинуть въ темницу за гарачь; а мы
казали ту хартію, что дана въ Залацахъ; они и отказали:
полата, а се другая!» И показали мы господаря Волоского пи
хожее и свое монастырское, и они, поглядѣвши, отдали нам
и сказали: «спрячте въ свои карманы, а наше что надлеж
дайте.» И такъ тамъ наши письма ничего не воспомощество
мы тамъ отпросились за поруками до утра, чтобъ за утра
христіанскимъ церквамъ прошать милостины, «и отдадимъ
рачъ». Ибо мы на тотъ часъ испужались, не знали ихъ обы
и затаилися, что и нечѣмъ заплатить горачю. И они гово
руски намъ чрезъ нашего человѣка, который тотъ человѣкъ
принялъ: «Когда вы не имѣете намъ чѣмъ горачю заплатить
вашъ праздникъ великій, идите по церквамъ христіанскимъ
сите милостыню, а наше надлежащее отдайте.» На тотъ ча
лучися праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ д
ботный, и мы за поруками христіанъ по утру ходили по
и выпрошали мало милостыни грошевой, остатокъ своихъ прил
и пошли до Турковъ и отдали весь горачъ левовъ десять; и
жили въ Змаиловѣ дней десять, ждали пока корабли понагр
пшеницею.

Мѣсяца Апрѣля 3-го дня вошли въ корабль и пошли изъ
лова Дунаемъ до Чернаго моря, и шли Дунаемъ 2 дни и пр
города Тулчи. Тутъ насъ заразъ съ корабля взяли и домогал
ты съ насъ денегъ, и мы показали ту карту, что намъ дал
въ Залацахъ, ибо то едино: мы то что въ Галацахъ, то и в
А они той хартіи не слушали, хотѣли съ насъ що колвекъ (ч
вырвати, и дали насъ до вязенья: взявши насъ 2 Турки,
въ тюрму. И мы бѣдны тогда весма устрашились и истужил
денегъ мало, нѣчего давати, а другое же впали въ руки не
сніе, третіе скорбь не умѣемъ говорить, а въ чюжую землю
и всю надежду свою на Бога положили, и посидѣли въ тюр

ного: пришедши Турчанинъ, сталъ намъ говорить: «гайда, гайда, пасъ!» И мы познали, что насъ выпускаютъ. Вставши, пошли порежнему до своего корабля; идучи, поклонилися Турецкой старшинѣ, они на насъ только рукою махнули. И тамъ Туркамъ ничего не ли, и тогожъ времени всѣвши въ корабль, изъ того города Тулчіи, шли опять Дунаемъ 2 дни, и пришли рано до Чернаго моря ъ пятокъ. И послалъ намъ Господь Богъ вѣтръ благополучный: ско- о шли Чернымъ моремъ, ночи двѣ, а дней 3. Третьяго дня на стрчаніе [1] Господне подъ вечеръ увидѣли горы, и шли Божіею по- щію весма скоро и нигдѣ не видали острова и земли на Черномъ ор, нигдѣ нѣкакъ нѣтъ острова, ни земли, и глубина его неиз- ѣримая, и сильно оно жестоко и кораблей много потопляетъ. И уви- ѣли горы высоки весьма надъ моремъ впреть корабля, и какъ при- ли ближніе до тѣхъ горъ, и тутъ усмотрѣли два столба высокіе ильные и мурованные, а на тѣхъ столпахъ каждой ночи горятъ свѣчи ъ фонаряхъ, а то для того: какъ идутъ корабли въ ночи съ Черна- о моря до Царяграда, то чтобъ потрафили межи ти горы итти бы; ежи тѣми горами море пошло до Царяграда не широко, какъ вдвое ирше бы отъ Днѣпра, только весма быстро идетъ, а другова ходу нгдѣ нѣтъ пройти въ Константинополь Чернымъ моремъ. Такъ тежъ мы пришедши, пошли въ Константинополь, межи ти горы все ка- еніе, и подъ тѣми горами по надъ моремъ до самаго Царяграда мили четыре все села очень хороши, розмантими фарбами маліо- анно каменицы. Подъ которымъ однимъ селомъ великимъ, назы- ается село Новое, реизъ нашъ велѣлъ якорь закинуть, и присга- и кораблемъ. Реизъ, всѣвши въ сандакъ, и поѣхалъ на ночь ъ село, а мы ночевали въ кораблѣ. На завтрашній день, въ онедѣльникъ страстны, отпустилися и пошли; межи тими горами есть етыре города мурованные, одинъ противъ другаго чрезъ то ускре оре, стоятъ надъ тѣмъ ускимъ моремъ, и въ тѣхъ городахъ гарматъ ими много стоятъ, а все по надъ водою поприправлено; а то по- ѣмано для ради сторохи, чтобъ съ Чернаго моря до Царяграда ни- то не прошелъ безъ вѣдома. Такъ тежъ и мы Божіею помощію про- охомъ Черное море безбѣдно, и пришли до Царяграда мѣсяца ъртыя 10-го дня. И познали мы своихъ людей Рускихъ, ѣздячихъ ъ каюкахъ по морю, которые люди взяли насъ въ свои каюки съ орабля и привезли насъ на Бешикъ-Ташъ до священника Рускаго

[1] Т.-е. на Срѣтеніе Господне.

отца Григорія. И жили въ Царѣградѣ 2 мѣсяца на Бешикъ
паки нашли корабль, который идетъ на Бѣлое море въ нашу

Царьградъ есть весма великій и вельми хорошъ, силны
стѣны градскія мурованны все каменемъ твердымъ, а съ тре
ронъ море пообходило Черное и Бѣлое моря, только землею в
градъ войдешь отъ заходу солнца; и покрыты оловомъ и чере
а древяннаго покрытія нѣтъ. А людей въ немъ не только Т
но и всякаго языка неисщетное множество. Такожъ и древест
ныхъ множество, которыхъ въ нашей странѣ не имѣется.
Царьградъ и Святая Софѣя, бывшая церковь Греческая, а
Турки обладаютъ и всѣми церквами христіанскими, а иныя
близъ Софѣи стоящія, и царскія палаты на водѣ стоятъ, по по
лею мурованно, и туда всюду пущена вода. Отъ Софѣи тутъ
далеко есть площадь велми хорошая, и на той площади стоитъ
высокій якобы саженей шести, изъ твердаго каменя вытесан
тыре угла и поставленъ на другомъ каменѣ на великомъ, на
выхъ замкахъ. [3] А повѣдали намъ христіанскіе люди, якобы
столпѣ царя Константина мечь закладенъ. И отъ того столпа не
какъ чрезъ 15 ступеней, стоитъ змія великая, изъ мѣди зд
съ тремя головами; а ту змію поставилъ, повѣдаютъ, царь К
тинъ, и то для того, что въ Царѣградѣ умножилось было гад
а какъ де ту змію поставилъ, заразъ тотъ весь гадъ выгинулъ
той зміи также стоитъ другій столпъ высокій, а не изъ един
ня, только каменемъ мурованно; и тотъ столпъ, повѣдаютъ,
томъ мѣстѣ стоитъ, гдѣ Арія хульникъ просѣвся. Еще за
градомъ на заходѣ солнца не далеко отъ градской стѣны ест
никъ Пресвятой Богородицы, которому празднуется въ свѣт
токъ. До того источника и мы ходили, а йтти должно подъ
до воды ступеней 30, якобы въ погребъ, а и тѣ ступени и
изъ бѣлаго камня мармура; и тамъ подъ землею сдѣлана
мало выведено на дворъ вверхъ подавано и окна, и отъ тѣх
свѣтло, а источникъ во дни въ той же церкви изъ подъ
стѣны идетъ и обдѣланъ велми хорошо бѣлымъ мармуром
колодесь, въ которой той водѣ и рыбку малинкую видѣти вы
изъ подъ стѣны. И мы помолившися Пресвятой Богородицѣ,
церкви умывалися водою тою и пили. Отъ того святаго исто
вода та холодна и свѣтла какъ хрусталъ, и сданная отъ вер

[3] На мѣдныхъ кубахъ.

источника выликая была церковь, а теперь только стѣны стоятъ, разбита отъ Турковъ. И блиско того источника много есть древесъ садовыхъ, и между тѣми древами на западную страну Армяне кладовяться (погребаются), а ближніе граду Христіаня кладовятся, на Христіанскихъ гробахъ и на Армянскихъ вверху могилъ лежатъ каменья велми хорошіе. А выходячи жъ отъ западу въ Царьградъ въ браму, по лѣвой сторонѣ кладовище Турецкое, на ихъ гробахъ стоятъ доски плоскіе мармуровые и круглое каменья точеное на шталтъ (на подобіе) болвановъ; на тѣхъ доскахъ писмо: литеры вырѣзаны злочестіи. А въ давные времена, повѣдаютъ, что отъ выше реченнаго источника многое исцѣленіе бывало; отъ тое воды и въ нынѣшнее время кто съ вѣрою приходитъ, подаетъ ему Богъ здравіе. Еще же и многи мѣста святые есть, точію не можно доступити за Турками. И мы тамъ у того источника помолившися Богу, возвратилися въ Царьградъ. А въ Царьградѣ не имѣется ни рѣки, ни колодезя, чтобъ была вода сладкая, токмо вода приведена подъ землю за пять миль и пущена въ Царьградъ на многія части по улицамъ и по дворамъ, всюду идетъ вода рурами изъ татъ и столповъ мурованныхъ, и есть воды довольно.

Мѣсяца Іюня 10-го числа дали наему въ корабль осмъ талерей, и пошли изъ Царяграда на Бѣлое море, называется Малое, а по томъ называется Малымъ, что островы есть всюда, городы великіе и села. И изъ Царяграда до мармурованныхъ городовъ миль 30. А тѣхъ городовъ сдѣлано 4, а муровано каменемъ, и въ тѣхъ городкахъ гарматъ [4] вельми много, а тѣ городки подѣланны для того, чтобъ ни-то не пришелъ кораблями изъ Бѣлаго моря кромѣ того бугазу. И отъ тѣхъ городковъ какъ вышли на широкое море, то въ правой сторонѣ видѣли Святые горы Аѳонскіе; сами въ нихъ не были; ибо нашъ путь въ лѣвую сторону палъ. А отъ городковъ до Секазу города [5] миль 45, а отъ Станкова до Горосалъ города миль 30. Тѣ всѣ городы по островахъ. Городъ Родосъ сильны надъ великимъ Бѣлымъ моремъ, сильно крѣпко, стѣнъ каменныхъ двѣ, велми высокіе, и гарматъ всякихъ многое множество. А на тѣхъ островахъ, что на Бѣломъ морѣ, всюды городы и лѣса весма великіе и сильные, городы всюда, такъ тежъ противъ острововъ, и овощей много размавитихъ, кто то: лимони, помаранцовъ, миндаловъ, смоквинъ, рожковъ, вино-

[4] Гарматъ—орудій.

[5] Сакизъ по Турецки, по Гречески Хіосъ.

раду и иныхъ овощей весьма много. И отъ того города Род
шли уже на Великое Бѣлое море, и шли трои сутки очень с
пришли до Александріи мѣсеца Іюня 27-го дня Пришедши до
сандріи, пошли ко двору Святѣйшаго Патріарха, и тамъ насъ
приняли. А во дворѣ Святѣйшаго Патріарха церковь святаго
Освященнаго великая, по правой сторонѣ предѣлъ Святаго Ве
ченика Георгія Побѣдоносца, по лѣвой сторонѣ—Святой Вели
ницы Екатерины предѣлъ. Въ семъ предѣлѣ Френки служатъ.
ли мы тамъ, во дворѣ святаго Патріарха, дней 8, и больше
сандріи церквей нѣтъ, кромѣ Патріаршей.

Александрія градъ былъ великій и хорошій, котораго еш
довалъ Царь Александръ Македонскій, а теперь уже того
мало, нѣкакъ части стоятъ, весь городъ пустъ и палаты пора
ся, и стѣны городскіе двѣ муровано каменемъ весьма высоко,
жду тѣми стѣнами спацеру,[6] же (что) можно возомъ проѣхат
минутися. А людей трохи мало зостаетъ надъ берегомъ морск
корабельная пристань, тамъ на морѣ и замокъ блиско при
живутъ въ замку и въ градѣ все Арапи. А дворъ Святѣйша
ріарха стоитъ посередъ града Александріи, а близъ двора Патр
никто не живетъ, все пусто; и тутъ еще Арапи не даютъ по
тѣйшему Патріарху. Тутъ жъ въ великой церкви, въ предѣлѣ
Великомученицы Екатерины, есть столпикъ невеликій мар
бѣлый, до котораго каменя главу втято Великомученицѣ Ек
еще же и до нынѣ есть многимъ видѣти на столпику Святой
мученицы кровь, и тутъ вѣрни кланяются и цѣлуютъ тотъ с
также и намъ Богъ сподобилъ видѣти кровь Святой Великом
Екатерины и знаменоватися. По правой сторонѣ къ двору Свя
Патріарха стоятъ недалеко полаты Святой Екатерини, только
порозвалился; гдѣ у двора ворота были, тамъ стоятъ семь слупов
бовъ) мармуровы, круглые, весьма хорошіе; по лѣвойсторонѣ сто
ковь Святаго Евангелиста Марка, развалилася вся. Преславны у
Александрія, же не мощно изрещи, какъ тамъ все мудро
Первое дѣло, какъ вода выведена: во Александріи рѣки никак
кромѣ моря, а морская вода весьма солона, никакъ пить (не
есть Нилъ рѣка, которая идетъ въ Египецкой землѣ, а изъ
дріи до рѣки Нилу дни 4 ходу; и отъ той рѣки Нилу ведена в
землею даже до Александріи; и тутъ въ Александріи, какъ

[6] Спацеръ—проходъ.

одъ великій, то подъ тѣмъ городомъ вырыта земля весьма глубоко, копаны столбы мармуровые и пущена вода изъ Нилу рѣки подъ есь городъ. Александрія же вся стоитъ на столпахъ каменныхъ на воде водавано изъ подъ земли на верхъ; окна какъ колодези всюду по ороду и по дворамъ; а тѣхъ оконъ всѣхъ есть, повѣдаютъ тамошніе ители, же четырнадцать тысящъ; и какъ пріидетъ вода изъ той рѣки илу, то всѣ студнѣ тѣ наполняетъ; а та вода приходитъ изъ Еги-ецкой земли въ Спасовку.

А изъ Александріи мы пошли Бѣлымъ моремъ по прежнему, и ли день, и пришли подъ городокъ, Бугоръ называемы; и подъ мъ городкомъ 2 дни стояли, и тамъ видѣли Араповъ, ходящихъ веселящихся, что вода пришла, а ходятъ по дворамъ съ бубнами, спѣваютъ и скачютъ, и скороговорцами, яко бы у насъ Священницы дятъ съ процессіами. И пошли отъ того городка, и пришли въ Нилъ ку, которая идетъ Египецкой землѣ, а идетъ велми быстро и ломутно. И пришли до города Рехиту, и тутъ пережили 3 дни, и томъ городѣ видѣли двухъ птаховъ очень великихъ, называемыхъ руси; крыла ихъ кожаные, иже не могутъ летати, перья на нихъ къ на курицѣ кострубато, ноги ихъ велики, а копыта какъ въ то-шнѣ, шея долгая и голова невеликая, якобы въ гуси, или въ качки ки); а кто дразнитъ, то копытами бьетъ. И пошли изъ того града также ломъ рѣкою, и та рѣка всю Египецкую землю напаяетъ: не бываетъ дь, а не тежъ зима, и та рѣка Нилъ, какъ пріидетъ въ Спасовъ тъ вода, то всѣ поля Египетстіи понапояетъ вмѣсто дождя; еще тѣ люди, тамошніе жители, наполняютъ рови и пускаютъ на нивы я и задерживаютъ на нивахъ, то вторичны плодъ земля принесетъ. щей тежъ въ Египецкой землѣ больше нѣтъ, кромѣ финиковъ; какъ шей землѣ гаи (рощи) великіе, то въ Египецкой землѣ такъ финики; лнечная горячность неизмѣримая, и земля Египецкая не веселая, ке и люди очень нехорошіе. И мы шли Нилом рѣкою миль двѣ-, тутъ же ишли и мимо горъ Фараоновыхъ, которые мурованны внемъ, и на тѣхъ горахъ показывали Египтяномъ чюда свои плю-; такъ повѣдаютъ, же тих съ горъ пущалъ дождь и громъ. И тѣхъ горъ пришли до Великаго Египту, и тутъ жили дни 3 у тѣйшаго Патріарха во дворѣ Александрійскаго, и тутъ во дворѣ ковь Святаго Николая. Дивно же намъ повѣдали о той святой цер-: Нѣкаки преславны былъ изъ Царяграда на князство Египецкое,

---

Абукиръ?

и повелѣ церковь Святаго Николая отнять и претворити въ баню. Патріархъ же нача скорбѣти, и помолився въ церкве съ Христіаны, въ ту же нощь пришедъ Святы Никола до Князя, взялъ его за гор рукою, и стисне и рече ему: По что еси велѣлъ изъ дому моего сотворити баню? Аще не велиши дому моего отдати Христіаномъ, то в другую нощь пріиду и погублю тя!» Въ тотъ же часъ послалъ Кня и велѣлъ ту церковь клѣнути (возстановить) и отдати въ цѣлости Патріарху со Христіаны, и ту церковь держитъ Святѣйшій Патріархъ и служитъ и до сего дни. На утрішни день повели насъ въ стары Египетъ, а въ старомъ Египтѣ болшая церковь есть Святаго Побѣдоносца Христова Егоргія, и по правой сторонѣ написанъ образъ Георгія мѣдяны; много знаменія и исцѣленіе бываетъ отъ того образа не только Христіанамъ, но и Туркамъ и Арапамъ и протчимъ языкомъ и еретикамъ, но всѣ невозбранно входятъ. И много церквей есть, тако жъ обладаютъ еретики: церковь Пресвятой Богородицы Успеніе, Святыхъ Мученикъ Сергія и Вакха и Святыя Великомученицы Варвар А въ старомъ Египтѣ немного живутъ старыхъ Египтянъ Цыганъ, но Турки и Христіаня живутъ. А стѣна градцкая мѣстами развалилась, токмо одни ворота стоятъ цѣлы, въ которы въѣхала Пресвят Богородица съ Христомъ и Осифомъ изъ Ерусалима. И оттоль возвратилися паки въ Патріаршій дворъ. А изъ Египту также пошли Ниломъ рѣкою уже за водою; ибо Нилъ рѣка раздвоилась на двое, пришли до города Дамьяту, то есть, Гишпанія, и тутъ жили въ двор Іерусалимскомъ 3 дни, и тутъ въ Дамьятѣ церковь едина, и Митр политъ въ той церквѣ служитъ до Святѣйшаго Патріарха Александрій скаго. И на Воздвиженіе честнаго креста дали наемъ по леву отъ ч ловѣка, и сѣли въ корабль, и пошли на Бѣлое море, и шли 2 дни всѣ нощи весьма скоро, и пришли до города Катрисъ, называся давные времена Іопія, а теперь Турки зовутъ Яфа; тутъ отъ голов человѣческой берутъ Турки по три червоніи, кто идетъ до Іерусалим въ насъ же тутъ ничего не взели; ибо у насъ былъ фирманъ. нашему прохожей, а не отъ Турскаго Царя, а тотъ листъ намъ правилъ Резидентъ Московскій Петръ Андреевичъ Толстой, и тотъ лис вельми намъ спомоществовалъ; а ежели бъ мы во Іерусалимѣ съ ими деньгами.... [7] Во Іопіи церковь едина Святаго Великомучен

[7] Тутъ въ подлинной рукописи небольшой пропускъ, смыслъ котораго, вер чемъ, очевиденъ: если бы мы съ своими деньгами (небольшими) пош безъ фирмана, то ихъ бы недостало.

Георгія, и та вся збита, только въ человѣка стѣны стоятъ, и дверей нѣтъ, и тутъ служатъ Греки приходячи, а стоитъ за градомъ близъ моря на песку. Тутъ во Іопіи сказали намъ, что, де, недалеко градъ Іерусалимъ, только полтора дни ходу землею. И мы весьма обрадовались о той вѣсти; ибо намъ уже было весьма надокучило моремъ; а такъ пошли изъ Царяграда Бѣлымъ моремъ, 17 недѣль, пока пришли до того града Іопіи, и тутъ пристань корабельная, кто идетъ до Іерусалима, и такъ мы во Іопіи понаймали ослятъ, и препроводили насъ Арапе до города Лиди, а теперь называется по Турецки Демау, и въ семъ градѣ лежали мощи Святаго Великомученика Георгія, а теперь святыхъ мощей не имѣется, только гробъ; а церковь въ Лидѣ едина Святаго Великомученика Георгія, и во оной церкви той слупъ стоитъ, что въ Царѣградѣ едина вдова купила, котораго слупа корабемъ не взяли (о семъ пишетъ слупѣ въ житіи Святаго Великомученика Георгія); а служатъ въ той церквѣ Арапи Христіане. А отъ Лиди до святаго града Іерусалима день ходу. А отъ Лиди наняли ослятъ, чтобъ харчъ завезли, и дали талерей пять зъ барышемъ, а сами шли пѣшкомъ. А весьма трудны путь и страшны, которымъ путемъ отнюдъ не можно малой дружине проити за Арапами, такъ что и дорога трудна; ибо горы весма высокіи и все камень единъ, промежъ тѣми горами должно ити, и тутъ Арапе, заступивше, избиваютъ; а на тѣхъ горахъ нѣтъ никакого дерева, ни воды, а голичность пребезмѣрная; а кто идетъ хотя изъ какой далекой стороны, то той день единъ станетъ за всю дорогу. Ми тежъ какъ пошли такъ тѣхъ страшныхъ горъ и разсѣлины каменные, велми боялись, какъ тотъ день шли съ великою боязнію и съ страхомъ, понеже насъ немного ишло Христіанъ, только 6 человѣкъ, да Араповъ 6 человѣкъ, что ихъ ослята. Богомъ сохранились: нигдѣ на насъ Арапи не напали; ибо еще не сподѣвалися, чтобъ шли хаджи. И пришли идущеся во святы градъ Іерусалимъ мѣсяца Сентемврія 30 дня, и пошли въ монастырь Святѣйшаго Патріарха, и тутъ насъ честно приняли, и пошли вскорѣ до вечерни поклонитися святымъ иконамъ. И по вечернѣ повели насъ во умывателницу, и тамъ насъ посадили и стали намъ ноги умывать; ибо тамъ такой извычай, кто пріидетъ до Іерусалима, а крылошане пѣли: «Царь небесны.» И умывши намъ ноги, другіе пришли съ лоханью, чтобъ руки поумывати, по умываніи рукъ, третій пришедъ чернецъ, и рожовою водою насъ покропивъ, а потомъ пошли въ трапезу, и по трапезѣ насъ повели на уготованное место въ келіи, и тамо опочихомъ отъ пути.

Опочивши мы дни 3, стали просити Намѣстника Патріаршего,

чтобъ благословилъ насъ повести святымъ мѣстамъ поклонитися, и онъ намъ отповѣлъ: «Всюду невозбранно будите ходити, кромѣ святаго Іордана». И послалъ онъ своего толмача до Пашѣ съ нашимъ фирманомъ, чтобъ намъ дано Араповъ проводниками и велѣно насъ провести до Виѳлеему. А нашихъ будетъ верстъ съ 7 отъ Іерусалима до Виѳлеему на полудень, и на томъ пути есть древо маслина и до сего дня, и камень, и на томъ камнѣ, сказуютъ, опочивала Пресвятая Богородица, идучи изъ Іерусалима до Виѳлеему родити Христа Господа, изъ Виѳлеему до Іерусалима идучи, егда утрудилась пакы; на томъ же мѣстѣ Христіане кланяются, и камень тотъ лобызаютъ, и берутъ того камня на благословеніе. Такъ же и мы тому святому мѣсту поклонилися, и взяли того камня на благословеніе. А отъ того камня яко бы 1 верста стоитъ монастырь Святаго Пророка Иліи: на томъ мѣстѣ Святы Илія постился четыредесять дней; и близъ того монастыря спреду, на дорогѣ, подъ смоковнымъ древомъ, на камнѣ великомъ вообразилось мѣсто, гдѣ уснулъ Илія святы, и выгнулося мѣсто аки въ лоску, знати и до сего дня, и прінде къ нему Ангелъ Господень и возбуди его, и принесе ему опрѣснокъ яринъ и ковчегъ воды. И за монастыремъ на восточную страну на горѣ есть пещера, въ которой пещерѣ святы Илія сидѣлъ и вранъ пищу ему приносилъ. А монастырь тотъ невеликій, но только тверды, стѣны каменныя высоки, и церковь въ томъ монастырѣ великая и хороша, вся вымалеванная, и на лѣвой стѣнѣ намалевано образъ Святаго Пророка Иліи, и отъ оной иконы многія исцѣленія бываютъ не токмо Христіанамъ, но и невѣрнымъ Арапомъ. Мы въ томъ монастырѣ единую ночь ночевали. А отъ монастыря того до граду Рахилина единая верста. Противъ Рахилина гробу городъ Рамъ, въ ономъ городѣ младенцевъ Иродъ избилъ за Христа.

Въ Виѳлеемѣ городокъ невеликій, ничѣмъ не огороженъ, а въ немъ живутъ все Арапи. А гдѣ Христосъ родился, до того мѣста отъ Виѳлеему недалеко, какъ бы камнемъ кинуть; и тутъ есть монастырь великій, а въ томъ монастырѣ церковь великая, въ той церкви стоитъ столповъ мармуровыхъ красныхъ весма великихъ 50, и вся церковь вымощена мармуромъ. Въ той церквѣ есть пещера по правой сторонѣ олтаря, а въ ту пещеру есть двои двери, и съ правой стороны и съ лѣвой; какъ идешь съ правой стороны въ ту пещеру, то ступеней съ тринадцать, а съ лѣвой стороны въ ту жъ пещеру ступеней шестнацать, гдѣ Христосъ родился; а тѣ ступени всѣ мармуровые. И какъ войдешь въ ту пещеру хоть съ правой стороны, хоть съ лѣвой стороны, то есть въ лѣвой сторонѣ на землѣ мѣстце велми хорошо

обдѣлано мрамуромъ бѣлымъ, и надъ тѣмъ мѣстцемъ виситъ лампадъ 3 сребреныхъ, и въ тѣхъ лампадахъ огнь никогда не угасаетъ. Еще же на томъ мѣстцѣ есть звѣзда великая, изъ сребра здѣлана и позлащена и каменіемъ драгими осаживана, и на томъ мѣстцѣ та звѣзда, гдѣ Христосъ Господь родился, а сверху той звѣзды престолъ, на которомъ теперь Френки служатъ. Отъ того жъ мѣста, гдѣ родился нашъ Избавитель Христосъ Господь, недалеко какъ бы 2 ступени въ правую руку, есть лавка невеликая мрамуровая, на той лавкѣ Пресвятая Дѣва повивала Христа Спасителя, а отъ той лавки тако жъ 2 ступени, другая лавка мрамуровая, на той лавкѣ сидѣла Пресвятая Дѣва и держала на рукахъ своихъ Избавителя. И яселки велѣми хорошіе, обдѣланные каменемъ, и надъ тѣми яселками 7 лампадовъ горятъ день нощь, и тутъ приходили тріе Царіе и кланялися Христу со дарами. И сія пещера не копаная, гдѣ Христосъ родился, но вертепъ самородны; и изъ оной пещеры входъ въ другую пещеру, въ которой пещерѣ лежатъ четырнадцать тысячъ избіенныхъ младенцевъ отъ Ирода; и гдѣ лежатъ младенцы, тамъ престолъ, а служатъ Френки, и земля въ той пещерѣ мяхка и бѣла. И та пещера, въ которой Христосъ родился и гдѣ младенцы лежатъ, не окопаная, но сама про себя розсѣдеся, каменная, а теперь та пещера весма хорошо украшена мрамуромъ и иными утварьми. А то все зданіе монастыря и церковь и та пещера, въ которой Христосъ родися, очень хорошее зданіе и здѣлана повелѣніемъ благочестиваго Царя Іустиніана, а тѣмъ топере всѣмъ монастыремъ владѣютъ Френки, и служатъ въ церкви и въ пещерѣ, гдѣ Христосъ родился, на томъ мѣстѣ, а Грековъ изъ великія церкви выгнали и образа наши выкидали, а свои образы на тѣхъ мѣстахъ поставили, а Грецкая есть церковь малинькая въ томъ же монастырѣ, наверхъ великой церкви, храмъ Рождества Христова, и тамъ черницовъ неиного, только начальникъ и послушниковъ 6.

Мы тежъ грѣшни, поклонившися тѣмъ всѣмъ святымъ мѣстамъ, благодаряще Бога и Пречистую его Матерь, иже насъ сподобилъ своими очами видѣти и своими грѣшными устнами тѣ святыя мѣста лобызати, и возвратилися вспять тѣмъ же путемъ, и пошли до монастыря Воздвиженіе Честнаго Креста, великая наша будетъ миля отъ Виѳлеему, а отъ Іерусалима тотъ монастырь Воздвиженіе Честнаго Креста недалеко, какъ бы едина верста; а монастырь тотъ здѣланъ на томъ мѣстѣ, гдѣ тѣ деревья стояли, изъ которыхъ здѣланной крестъ Христовъ подъ часъ страсти его святѣй, а тотъ монастырь велики и стѣны каменные сильные и высокіе, тако жъ и церковь великая и хорошая, вся вымалеванная, а престолъ во той церкви на томъ мѣстѣ

гдѣ тѣ древеса стояли, изъ которыхъ крестъ Христовъ здѣланъ, то и по нынѣ подъ престоломъ та ямка, гдѣ то древо стояло. И какъ пришли мы изъ Виѳіему до того монастыря, приняли насъ честно, и мы въ томъ монастырѣ ночевали, на завтрешней день отслушали службу Божію, вынесли намъ Животворящего Креста Господня древо, и паки мы возвратилися во Іерусалимъ, благодаряще Бога.

Потомъ, опочивши день единъ, паки насъ взяли Арапи и повели до Лаври Святаго Саввы Освященнаго, нашихъ миль двѣ ити изъ Ерусалима къ заходу солнца, а все долиною глубокою, которая называется «Юдоль-плачевная.» Лавра Саввы Освященнаго стоитъ надъ водою велми страшно, которая называется Юдоль Плачевная; надъ тою долиною, повѣдаютъ, же страшны судъ будетъ и рѣка огненная тою долиною потечетъ; въ которой той долинѣ ни дерева никакова нѣтъ и ни воды, только одинъ капель, и пошла та долина даже до Содомскаго моря. Отъ лавры Святаго Саввы не очень далеко, какъ бы наша едина миля, и съ той горищо надъ монастыремъ видно Содомское море и рѣка Іорданъ, а монастырь надъ тою пропастью сидитъ велми страшно, власно яко бы келіи наприлѣпливаны до стѣнъ каменныхъ, и какъ взглянешь въ ту пропасть, то и душа и все тѣло мертвое станетъ отъ великой страшной глубокости; а стѣны монастырскія выведены на гору велми высоко, же мурованы каменемъ: въ томъ роскатѣ есть келія, а въ той келіи живетъ единъ чернецъ для сторожи, и какъ идетъ до монастыря, то онъ звономъ зазвонитъ, а тотъ звонъ виситъ въ монастырѣ, а до него на томъ роскатѣ высоки приправлены веревки, и когда онъ зазвонитъ, то изъ монастыря придутъ до фурты и глядятъ, кто пришелъ; а фурта монастырская не бываетъ отворена; ибо отнюдь не какъ за Арапами отчинити. Мы тако жъ пришли, и тамъ насъ честно приняли, и опочивши мало, повели насъ по монастырю по келіемъ, гдѣ Акакій Святый жилъ наперед Саввы Освященнаго, и тутъ мы поклонилися и лобызали гробъ Преподобнаго, а мощей Святаго Саввы не имѣется; повѣдаютъ, же взяты въ Римъ, и надъ гробомъ измурованно каплички велми хорошо. А оттоль насъ повели до пещеры, которую пещеру самъ Преподобны въ каменѣ выбилъ, такъ какъ бы на два локтя внизъ той пещерѣ, а вышина единъ локоть, и въ той пещерѣ страдалъ лѣтъ 12. А оттоль насъ повели до келіи гдѣ жилъ Святый Іоаннъ Дамаскинъ, а теперь изъ той келіи срублена церковь великая на имя Преподобнаго Іоанна Дамаскина. А отъ келіи Преподобнаго повели насъ въ ту страшную долину, которая называется «Юдоль Плачевная», на самое дно той долины и до того мѣста,

гдѣ преподобному Саввѣ Божимъ откровеніемъ осля показало воду; и въ той долинѣ на самомъ днѣ есть рассѣлина каменная, и внутрь рассѣлины ити подъ камень, какъ человѣку стати, не очень далеко, какъ бы ступеней 20, и тамъ сверху камня не идетъ, только каплетъ вода, и тоею водою преподобны Илія [1] Святый многія лѣты питался: и насъ Богъ сподобилъ тое воду пити; а теперь монастырь не тою водою питается, но также дождевою, какъ во Іерусалимѣ, а къ той водѣ ходити нѣкакъ (нельзя) за Арапами. И обходивши мы всѣ мѣста святы, въ томъ монастырѣ и ночевали ночь едину, а на другой день, въ недѣлю, отслушали службу божественную и по литургіи вынесли намъ часть многихъ мощей преподобныхъ отецъ и главы Ксенофонтовыхъ сыновъ, Іоанна и Аркадіи, и мы кланялися и лобызали мощи Святыхъ и главы. А въ монастырѣ томъ немного чернцовъ, и то все стары, и теперь называется тотъ монастырь Шпилта Патріарши, и они тамъ своего корму никакого не имѣютъ, и посылаютъ имъ изъ монастыря Патріаршего. Мы тако жъ поклонившися всѣмъ святымъ мѣстамъ въ Лаври преподобнаго Саввы, и возвратилися паки во Іерусалимъ, и повели насъ Арапи инымъ путемъ, горою, и на томъ пути есть монастырь Преподобнаго Ѳеодосія Великаго, а отъ Лавры Преподобнаго Саввы Освященнаго до монастыря Ѳеодосія Великаго едина миля; а въ томъ монастырѣ все Арапе живутъ, а чернцовъ ни единаго нѣтъ. И тако паки пришли во Іерусалимъ, благодаряще Бога.

Отъ града же поприща едина на полуденную страну, надъ долиною Плачевною, на горѣ стоитъ село Скуделниче въ погребаніе страннымъ, что откуплено кровію Господа нашего, Іисуса Христа, о томъ же Писаніе Божественное глаголетъ: егда продалъ Іуда Господа нашего, Іисуса Христа, пребезаконнымъ Іудеемъ за 30 сребренниковъ, тогда Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, великую страсть, поялъ, нашего ради спасенія, отъ беззаконныхъ Іудеевъ, и тогда церковная завѣса раздрася на двое, и солнце померче, и каменіе распадеся на двое, и нападе на беззаконнаго Іуду страхъ великъ, и рече въ себѣ Іуда: «Согрѣшихъ, продалъ кровь неповинную!» и повергъ сребренники въ церквѣ, шедъ удавися: пребезаконны же Іудеи рѣша въ себѣ: «Недостоитъ намъ тѣхъ сребренниковъ вложити въ корванъ, понѣже цѣна крови есть»; купиша ими тое село Скуделниче, въ погребеніе страннымъ, въ которое Христіане приходятъ отъ всѣхъ странъ, отъ Востока и Запада, поклонитися гробу Господню и святымъ мѣстамъ; а которому пришелцу иной страны приключится отыти ко Господу, и того приносятъ въ то

[1] Илія ошибочно вмѣсто Савва.

село; а изъ Ерусалимлянъ не кладутъ въ томъ ни единаго; а въ томъ селѣ ископанъ погребъ великъ, аки пещера каменная, и дверцы малыя учинено, и въ томъ погребѣ Христіанъ, преставлшихся странниковъ на землѣ кладутъ безъ погреба; когда положатъ тѣло грѣшнаго человѣка, и такъ намъ повѣдали, то лежитъ 40 дней цѣло и мяхко, и смрада нѣтъ отъ него; когда исполнится 40 дней, то объ одну нощь тѣло его земля будетъ, а кости его наги будутъ, и пришедши той человѣкъ, которой тамъ живетъ и на то устроенъ, кости тѣ сберетъ, въ засѣкъ положитъ, а землю въ другій лопатою всыплетъ; кости цѣлы есть и до сего дня; и егда кто пріидетъ отъ Православныхъ помолитися тамо, то не велятъ тѣхъ костей, или земли, на благословеніе брати; аще же кто возметъ въ той пещерѣ нѣчто отъ тѣхъ костей, или земли, и егда придетъ въ корабль на море, то корабль не можетъ и порушиться на море, и заразъ Турки начнутъ обыскивать тѣхъ Христіанъ, и аще что найдутъ, то заразъ ввергнутъ въ море вся, и корабль пойдетъ своимъ путемъ; и того ради не взимаютъ отъ того села ничто же. А отъ того села по близости дворъ Святаго Праведнаго Іова, стоитъ пустъ, развалился, и колодезь пустъ, и воды въ немъ нѣтъ.

Градъ убо святый Іерусалимъ на горѣ Сіонстѣй, вельми хорошъ и великъ стоитъ, здѣланъ не круголъ, на четыре угла, а окрестъ вокругъ его 4 версты, одинъ уголъ на полудень, други на полунощь, третей на востокъ, четверты на западъ, стоитъ между горами каменистыми, также и путь до него велми страшны. Стѣны градцкія велми высокія, каменемъ мурованные. А около Іерусалиму маслинъ велми много и винограду, а иныхъ овощей никакихъ не имѣется. Воды очень скудно, рѣки никакой нѣтъ и ни криницы, только дождевою водою питаются люде, и такожде почнетъ ити отъ мѣсяца Сентемврія до Марта, а чрезъ все лѣто дождь не бываетъ, то во Іерусалимѣ въ каждомъ дворѣ подѣланы очень великіе и глубокіе кладези, а полаты все каменные ничѣмъ не покрыты, только въ окнахъ каменистыхъ измазано и поприправливано ручьи подлѣ тѣхъ кладезей, и какъ идетъ дождь, то стекаетъ вода съ полатъ и идетъ тѣми ручьями въ кладезѣ, и тако наполняются тѣ студнѣ водою дождевою, и та вода не портится и очень погожая, чистая, свѣтлая и холодная, какъ изъ какой криницы найлутшей.

Отъ западной страны отъ Египта какъ пріидешь до Іерусалима, то въ городъ входити во храмину великую и воротъ двои, и какъ изъ воротъ войдешь въ городъ, то заразъ по правую сторону стоитъ домъ Давыдовъ не великій, такожъ сильны, стѣны высокіе и твердые, мурованные каменіемъ, и ровъ около дому велми глубокій и каменіемъ

вымощены; а въ дому живутъ янычаря Турки. И отъ Давыдового дому по лѣвой сторонѣ на полунощъ церковь Воскресенія Христова, монастырь Патріаршій. А отъ церкви Воскресенія Христова недалеко на востокъ церкви Соломона, велми хороше здѣлано, кругло, обстановлено мармуромъ зеленымъ, а въ срединѣ камень черный, величиною, какъ повѣдаютъ, въ длину же и поперегъ саженей 10, или 9. А отъ Соломоновой церкви до Святая Святыхъ также недалеко, и та церковь Святая Святыхъ также великая здѣланная и долгая, а стоятъ во единой оградѣ, и до тѣхъ церквей поити или улицею мимо ихъ отнюдь не возможно ити Христіанину, или изъ другой которой вѣры, кромѣ Турковъ; а ежели бъ кто пошелъ, то тотчасъ Арапя возмутъ и будутъ мучити, чтобъ бусурманомъ зосталъ, а ежели не хочетъ бусурманомъ то смертію постраждетъ: мучивши, заткнутъ, алибо повѣсятъ на Патріаршихъ воротахъ, а кто и потурчитца и замучатъ, то изъ монастыря здерутъ талерей пятьсотъ, алибо и тысячю. Монастырей внутрь немного теперь: первы великій Воскресенскаго братства Патріарши. Други Первомученика Стефана. Третій Іоанна Предтечи. Четверты Георгія Великомученика, а нынѣ поотнимали Греки, Армяне; пяты монастырь Святаго Архистратига Михаила, въ которомъ живали монахи отъ монастыря Саввы Освященнаго, и въ томъ монастырѣ трапеза велми хорошая была, высокая каменна, и поганые Турки разбили верхъ той трапезы, и много лѣтъ стояла безъ верха и пустовала. А такъ намъ повѣдали: монахи монастыря Савина поидоша въ Московское царство за державы благочестиваго Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича и за Преосвященнаго Митрополита Макарія, и молиша Митрополита и Царя, дабы имъ что дали милостины на сооруженіе трапезы ихъ; Царь же и Митрополитъ и протчіе людіи Православны не презрѣли моленія ихъ, даша имъ милостыну доволно на сооруженіе трапезы ихъ; они же, пріемши отъ Православнаго Царя милостыню, отыдоша, радующеся въ Царьградъ, и даша Турецкому Царю злата много, дабы имъ убогимъ повелѣлъ у трапезы верхъ сооружити, и Царь Турецкій повелѣ и грамоту имъ дати; они же пріидоша во Іерусалимъ, такожде и Санчаку Князю градцкому много злата даша, и Санчакъ такожде повелѣ; они же бѣдны велики трудъ подняша покамѣстъ здѣлаша верхъ у трапезы; Санчакъ же пріиде да видитъ верхъ у трапезы, и паки діавольскимъ навожденіемъ разъярився яростію великою на чернцовъ тѣхъ, и повелѣ оны верхъ опять разбирати; они же плакашеся горцѣ, и пришедши къ великому Архистратигу Михаилу, сотвориша пѣніе всенощное со слезами во храмѣ его святомъ; въ ту же нощъ пріиде ко Санчаку во храмину, гдѣ онъ почивалъ съ женою

своею, человѣкъ незнаемы, взялъ его отъ ложа и поиде съ нимъ: стражіе Санчаковы и людіе его не видѣша того человѣка изъ двора выходяща съ нимъ, на утри же обрѣтоша Санчака предъ вратами лежаща мечемъ прободенна, и нападе на всѣхъ его домашнихъ страхъ, и испыташа и извѣстно, како изыде Санчакъ изъ двора нощію, и не вѣсть никто, и нападая на всѣхъ Араповъ страхъ великій, и рѣша въ себѣ: «Калугери за трапезу ихъ, пришедша, убиша его, да идемъ въ монастырь ихъ, и аще у нихъ обрящемъ оружіе желѣзное что, то побіемъ ихъ»; и пришедше въ монастырь Святаго Архистратига Христова Михаила, и обрѣтоша ихъ въ церквѣ молящеся, искаше у нихъ оружія, и не обрѣтоша, и ничтоже сотвориша тѣмъ монахомъ никакого зла, Божіею благодатію, не смѣяху прикоснутися трапезѣ святой, стоитъ цѣла. И есть шесты монастырь Святой Великомученицы Екатерины; въ семъ монастырѣ черницы живутъ. Седмы монастырь Святыя Анны, матери Пресвятыя Богородицы; въ семъ монастырѣ Френки служатъ. Осмы монастырь Преподобнаго Евѳиміа Великаго. Девяты монастырь Святыя Великомученицы и Равноапостолныя Ѳеклы. Десяты монастырь Преподобнаго Харитона. Одинадцаты монастырь Святыхъ Четыредесяты мученикъ иже въ Севастіи; сій монастырь внутрь града. Стараго Іерусалима, повѣдали, было округъ шестнадцать поприщъ, разбито до основанія всѣ стѣны, а теперешняго Іерусалима четырнадцать поприщъ.

На полуденную страну теперешняго Іерусалима за стѣною стоитъ гора Сіонская великая, а стараго града внутрь была гора Сіонъ, святый Сіонъ, мати церквамъ, Божіе жилище: на той горѣ былъ монастырь и церковь великая, гдѣ Духъ Святый снишелъ, и ту церковь Турки держутъ. И тамъ же неподалече мѣсто и камень лежитъ, гдѣ Христіаня приходятъ и кланяются; на томъ же мѣстѣ гробовище: Патріархи кладутся и протчіе Христіане Іерусалимскіе. На той же горѣ и нынѣ есть домъ Зеведеовъ, отца Іоанна Богослова, въ томъ же дому тайну вечерю Христосъ сотвори со ученики своими и ноздѣ имъ умылъ, и окаяннаго Іуду не презрѣвъ; въ томъ же дому Іоаннъ Богословъ возлеже на перси Христовы; въ семъ же дому мешкала Пресвятая Богородица по распяти Господа нашего, Іисуса Христа. На ту же гору пріиде Іисусъ Христосъ ко ученикомъ своимъ по воскресеніи къ двереміъ затвореннымъ, и ребра своя показа и Ѳому увѣривъ; въ семъ же дому было сошествіе Святаго Духа, егда собраны были Апостолы въ сей домъ. Въ нынѣшнее время церковь обладаютъ Армяне и живутъ черницы Армянскія и служатъ на той горѣ, гдѣ былъ гробъ Царя (Давыда). На томъ же Сіонѣ есть пещера, гдѣ Царь Давыдъ псал-

тырь писалъ, и то мѣсто Турки держатъ; и отъ того мѣста верженіемъ камня, гдѣ осѣкъ Ангелъ Господень руку Жидовину, прикоснувшемуся гробу Пресвятыя Богородицы, и тамъ церковь велика Святаго Симеона Богопріимца стоитъ пуста, и отъ той церкви на лѣвой рукѣ Галилея малая, тамо бо перво явися Христосъ по воскресеніи отъ мертвыхъ. И тая святая мѣста на Сіонѣ горѣ явленна, и церкви всюду были, а теперь пусты стоятъ

Гевсиманія весь недалеко отъ Іерусалима, заразъ за стѣною Іерусалимскою на востокъ, подъ горою Елеонскою. Идучи изъ Ерусалиму ю Гевсимани, на томъ пути есть камень, на которомъ побиша Первомученика Святаго Стефана; тутъ Христіаня кланяются и цѣлуютъ мѣсто то, а отъ того мѣста недалеко и Гевсиманія, идѣже гробъ Пресвятой Богородицы. Въ Гевсиманіи люди не живутъ, только церковь, въ которой гробъ Пресвятыя Богородицы, а въ ту церковь ити какъ въ погребъ ступней 30, или 50; на половинѣ, какъ идешь въ церковь, гробъ Святыхъ Праведныхъ Іоакима и Анны; а какъ войдешь внутрь церкве, по правой сторонѣ здѣлана какъ капличка изъ мармуру, и въ той капличѣ гробъ Пресвятой Богородицы, и служатъ Фрянки, а Грекамъ невольно, только вѣрни приходятъ и кланяются и цѣлуютъ гробъ Пресвятой Богородицы. Также и насъ Господь Богъ сподобилъ, грѣшныхъ, поклонитися и лобызати гробъ Пресвятой Богородицы. И вышедши изъ церкви, на правой сторонѣ есть пещера невеликая, и надъ дверьми написанъ образъ Спасовъ: въ той пещерѣ продалъ Іюда Христа сына Божія, агнца неповиннаго, пребезаконнымъ Іудеемъ. И отъ той пещеры недалеко, какъ ступней 20, есть разсѣлина, въ той разсѣлинѣ Апостоли скрышася подъ часъ страсти Христовой, «страха ради Іудейска»; и отъ той разсѣлины недалеко и то мѣсто, на которомъ Христосъ училъ ученики «Отче нашъ», то и донынѣ то мѣсто называется «Отче нашъ.» И отъ того мѣста недалеко, какъ ступней 10 есть вертоградъ, идѣже Христосъ молился подъ часъ страсти ко Отцу своему, и въ томъ вертоградѣ Жидове яша Христа и ведоша на муки; а въ томъ вертоградѣ никакого древа не имѣется, токмо масличные древеса, и то немного. А отъ того вертограда не далеко какъ 30 ступней до того мѣста, на которомъ Ѳому Апостола постановлено, какъ восхищенъ бысть отъ Индіи и принесенъ бысть до Гевсимани, подъ часъ успенія Пресвятыя Богородицы; на томъ же мѣстѣ и по успеніи Пресвятая Богородица явилася Апостоламъ и дала поясъ свой. И тѣ мѣста всѣ святыя недалеко отъ Іерусалима, подъ дорогою Елеонскою, и мы всѣмъ тѣмъ святымъ мѣстамъ поклонялися.

Елеонская недалеко отъ Іерусалима гора, верста едина, а ити

на гору чрезъ Гевсиманію на востокъ. На самомъ верху святой горы есть мѣсто, гдѣ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, стоялъ со ученики своими, и вопрошаше ученицы его о кончинѣ вѣка сего, онъ же рече: «Не можете сего вѣдати, ни сынъ человѣчески, ни Ангелы Божіи, токмо единъ Отецъ.» И на томъ мѣстѣ есть церковь, и теперь Турки мечетемъ своимъ здѣлали, блиско бо того мѣста есть церковь великая, на самомъ верху горы, Вознесеніе Христово, на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ вознесеся на небо; и та церковь збита до самыхъ оконъ, и внутрь той церкви замуровано каплицу невеликую, и въ той каплицѣ есть камень, съ котораго Христосъ вознесеся на небо, и на томъ камнѣ есть стопа Христова правой ноги, выобразилася глыбока, знати и до сего дни, и тутъ вѣрни кланяются и цѣлуютъ ту стопу. Также и насъ, грѣшныхъ, сподобилъ Богъ поклонитися и лобызати его Святую Христову стопу. А въ срединѣ вкругъ святыя все престолы попридѣлываны, досченые и каменые мурованные, всяких языкъ: какъ пріидетъ праздникъ Вознесеніе Христово, каждой вѣры на своемъ престолѣ литургіи служатъ, и отходятъ. На горѣ Елеонской древа все масличные; а горою Елеонскою всѣ владѣютъ Арапе, и кто восхочетъ пріити поклонитися на гору мѣсту святому, хоть на всякъ день невозбранно, толко заплати Арапомъ. Изъ Елеонской горы видно Іорданъ рѣку и Содомское море, а отъ Галилейской горы недалеко и до Виѳаніи, идѣже Христосъ воскреси Лазаря праведнаго, и то село пусто, николи нѣтъ. Поклонившися мы на Елеонской горѣ, пошли до Силуамской купѣли, идѣже Христосъ слѣпорожденнаго исцѣли; на томъ пути, идучи изъ Елеонской горы до Силоама, есть гробъ Авесаломовъ, измуровано какъ каплица, а отъ гробу Авесаломова на дорогѣ камень обгороженъ, и на томъ камнѣ другая стопа Христова на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ слѣпорожденному брѣніе положи на очи. И тамъ поклонишася, пришли до Силоаму; и вода та не на верху на землѣ, а ити должно подъ землею ступней 30, и мы ту воду пили и умывалися; а купѣль Силуамская не въ Ерусалимѣ, но въ той же долинѣ, въ которой и Гевсиманія, и пошли та долина даже до Лаври Освященнаго, которая долина называется Юдоль Плачевная. Мы тако жъ умывалися тою водою, пошли чрезъ Сіонъ гору, и тамъ надъ долиною, гдѣ Святая Святыхъ и Соломоново святилище, въ той брамѣ и горѣ Елеоньской стоятъ тѣ ворота желѣзные, которые стояли еще въ старомъ Іерусалимѣ, и въ тѣ ворота выѣхалъ Христосъ на жребяти ослѣ въ стары Іерусалимъ. Въ нынѣшнее время въ тѣ ворота никто не ходитъ, ни ѣздитъ, забиты и запечатаны стоятъ. И мы возвратилися чрезъ Сіонскую гору съ

юлуденной страны во Іерусалимъ паки и вошли во градъ; по лѣвую сторону отъ дома Давыдова недалеко церковь храмъ Якова брата Господня, предивно хорошая и великая, въ которой церкви давно Святѣйши Патріархи Іерусалимскіе по скончани своемъ кладовалися, и теперь Святѣйшаго Патріарха Макарія, что честный крестъ воздвигалъ, въ той церкви гробъ стоитъ, и на томъ гробѣ Армяне служатъ, и тотъ монастырь за Армянами, и церковь великая Іякова брата Божія. И мы, поклонившися въ той церкви, пришли въ велики монастырь Воскресенія Господня.

Поклонившися всѣмъ мѣстамъ святымъ Іерусалимскимъ, стали просится у отца Намѣстника Патріаршаго, чтобъ пустили поклонитися гробу Господню въ церквѣ. Воскресенія Христова, понеже во ной церкви гробъ Христовъ, и церковь та замкнута и запечатана, только отпираютъ въ Великій Четвертокъ. и тутъ на дверяхъ Арапе берутъ отъ головы четыре леви; и какъ отворятъ ту церковь. то вшедши Турки, въ церквѣ погасятъ всѣ кадила, чтобъ нигдѣ огня не было у Патріарха и у Христіанъ Обычай имѣютъ: въ домахъ своихъ Великій Четвертокъ погашаютъ огонь, и отъ Великаго Четвертка не бываетъ у нихъ огня ни у кого, дондеже пріидетъ огнь съ небеси надъ гробъ Господень, и отъ того огня взимаютъ и износятъ въ домы свои и держатъ тотъ огнь весь годъ. А дѣла никакого не работаютъ отъ Великаго Четвертка до Воскресенія Христова, только молятся Господеви: «Господи, сподоби насъ видѣти благодать своего человѣколюбія и не остави насъ сирыхъ!» И въ Великую Суботу, о шестомъ часѣ, огнь сходитъ съ неба невидимо въ кадилы, и уже самъ огнь загорится и тотчасъ внидетъ въ знаменіе Божіе, съ небеси пріидетъ огнь аки солнце надъ гробъ Божій, и отъ той лучи загорится кадило; и узрѣвши вси людіе Божи сошедшую съ небеси благодать надъ гробомъ Господнимъ во огненнѣ образѣ, огню ходящу по гробу Господню по досцѣ мраморной всякими цвѣты съ небеси что молнія, и видѣвше вси людіе, возрадуются великою радостію зѣло о такомъ человѣколюбіи Божіемъ, и Христіане многія испускаютъ слезы отъ радости. Патріархъ же вниде единъ въ предѣлъ гроба Господня, имущи во обоихъ рукахъ свѣщи во край гроба Господня, и сниде огнь изъ гроба Господня яко молнія на Патріарши руки, и свѣщи заразъ загорятся въ Патріаршескихъ рукахъ предъ всѣми людми; тутъ же и на гробѣ Христіанское кадило загорится, а отъ иныхъ вѣръ что ни есть кадило не загорится никогда ни едино. Патріархъ же изыде изъ предѣла гроба Господня, имущи во обоихъ рукахъ свѣщи горящія великія руки, и станетъ на мѣстѣ высоцѣ, на то ему учинено, народу же

окрестъ стоящу, и отъ него руками взимаху огнь всѣ Христіане, и относятъ тотъ огнь по своимъ домамъ для благословенія, держатъ въ весь годъ; а которые свѣщи изнесе Патріархъ отъ гроба Господня, тотъ огнь не жжетъ, что въ Патріаршескихъ рукахъ, человѣческихъ рукъ. Весь народъ себѣ свѣщи позасвѣщаютъ, и паки тѣмъ огнемъ всѣ кадила въ той церквѣ позасвѣчаютъ, и горятъ даже до году, и то всегда неотмѣнно бываетъ на всякъ годъ; и стоитъ церковь отворена весь тотъ день свѣтлый; а въ недѣлю Ѳомину по службѣ Божіей паки Турки замкнутъ и запечатаютъ на цѣлы годъ: тогда затворяется въ церквѣ Греческихъ черицовъ семь, и того ради, чтобъ не была церковь безъ пѣнія утренняго, тако жъ и безъ литургіи Божіей на всякъ день; еще же въ той церквѣ такожде затворяются Фрязи и Армяне, и отправляютъ они (службу) во всякихъ престолахъ въ церкви Воскресенія Христова, въ которой церкви тотъ гробъ Господень и Лобное мѣсто, которое называется гора Голгоѳъ, и пещера та, гдѣ блаженная царица Елена крестъ Христовъ нашла и два разбойничьихъ.

Церковь та Воскресеніе Христово жестоко великая, а двери только единыя отъ полуденной страны, а близъ дверей стоитъ столбовъ 8, и единъ стоитъ росколовся, аки древо, входячи въ церковь на лѣвую сторону, а то для того: Богъ правдивый своихъ рабовъ не презрилъ, какъ отстояли были Армяне гробъ Христовъ, безъ Грековъ, чтобы ихъ Патріархъ начальствовалъ въ Великую Субботу, какъ огнь сходитъ отъ гроба Христова; въ Великую Субботу, въ девятомъ часу дни пошелъ Патріархъ Армянскій предъ гробъ Христовъ, чтобъ взять тотъ огнь, какъ снидетъ съ небеси на гробъ Христовъ, а Грецкій Патріархъ не внишелъ въ церковь, и всѣ благочестивыи людіе съ нимъ стояли назадѣ Армяновъ, внѣ церковныхъ дверей, и молится Патріархъ со многими слезами, стоя на дворѣ со всѣми людми своими; пришло время огню выходити отъ гроба Христова, и не выходитъ огнь. Армянски Патріархъ надѣяся, что тамъ огнь снидетъ надъ гробъ Христовъ, гдѣ онъ стоитъ съ своими Армянами, а тутъ на дворѣ вни шелъ велики огнь въ столбъ слупа мармуровато, слупъ того жъ часу велми росколося, а съ того слупа огнь пошелъ и не сталъ надъ гробомъ огнь, а разліялся на другомъ слупѣ, что по правой сторонѣ церковныхъ дверей, гдѣ Патріархъ стоялъ Грецкій. И такъ нашъ Патріархъ Грецкій возрадовался радостію великою со всѣми людми своими и, засвѣтивъ свѣчки того огня, и пораздавалъ всѣмъ людямъ своимъ. Армянскій же Патріархъ и всѣ Армяне въ то время посрамлени быша Видячи Турки то чудо, вручили паки то начальство Па

ріарху Греческому, то и до нынѣ начальствуетъ Патріархъ Греческій въ Суботу Великую. Въ сіе время Френки держатъ гробъ Господень, только жъ уступаютъ Грекамъ въ Суботу Великую. А Турки паки завѣтъ положили на Армянъ: паки ихъ будетъ власть держати Іерусалимъ, гробъ Господень, какъ придетъ годъ пятдесятый; а если паки посрамлени будутъ въ схождени св. огня, то Турки Армянъ заткнутъ, сколько придется, старѣйшихъ человѣкъ, за ихъ неправду и преступленіе, албо по пятисотъ талерей взяти отъ человѣка.

И въ то время другое чудо Богъ показалъ: Санчакъ Арапинъ, властелинъ или Князь Іерусалимскій, видячи на тотъ часъ то чудо, иже Духъ Святый вышелъ изъ церкви сквозь слупъ марморовый и на другомъ слупѣ разомялся предъ Патріархомъ, тотъ же Духъ Святый напалъ на Санчака и благодать Божія вступила въ сердце его: взявъ Санчакъ три гвоздя желѣзные, и сталъ блиско того слупа, и возгласи великимъ гласомъ до своихъ Арапъ: «Аще кто изъ насъ въ нынѣшнее время не вѣруетъ сему чуду и Христіанскому Богу, сіи два гвозди въ очи его, третей въ сердце ево, невѣрующему изъ насъ!» И ударитъ Санчакъ тѣми тремя гвоздми въ камень предъ дверми церковными, и тѣ гвозди и до нынѣ въ каменѣ есть. И того Санчака заразъ Арапя взяли и посадили въ темницу, а писали до Константинополя, и пришелъ указъ: Санчака огнемъ спалити, когда не отречется вѣры Христіанской. И того Санчака спаленнаго, что кости остались отъ огня, отдали Грекомъ, и тѣ кости завязаны въ зеленую китайку и висятъ въ церкви великой. И тогда, намъ сказывали, тому чуду лѣтъ 40 кончилось.

Какъ войдешь въ церковь Воскресенія Христова, въ двери полуденны (понеже въ ту церковь иныхъ дверей нѣтъ), то тотчасъ лежитъ на земли доска мармурова бѣлая: на той досцѣ лежало тѣло Христово, какъ сняли съ креста Іосифъ съ Никодимомъ, и на той досцѣ повивали плащеницею; и теперь предъ тою доскою виситъ кадилъ 8-мь сребреныхъ, николи въ нихъ огнь не погасаетъ: тутъ вѣрни кланяются и лобызаютъ ту доску. Отъ того мѣста повели насъ въ лѣвую сторону на западъ солнца, гдѣ имѣли быти двери заходны, тутъ стоитъ гробъ Христовъ; надъ гробомъ Христовымъ здѣланна каплички невелика изъ бѣлаго мармура: какъ войдешь въ ту каплицу то посредѣ той каплички лежитъ камень красны, который былъ привленъ до гробу Христова, и на томъ камнѣ явися Ангелъ мироносицамъ и благовѣсти имъ Христово Воскресеніе; и надъ тѣмъ камнемъ виситъ кадилъ серебреныхъ 17, и въ тѣхъ кадилахъ не угасаетъ огнь никогдаже. И мы тутъ поклонившися, и лобызали тотъ камень

и внутрь внидохомъ предѣла въ дверцы малы ко гробу Господню: тутъ же радости и ужаса наполнися сердце и утроба наша, како узрѣхомъ живоносный гробъ Избавителя нашего, и начахомъ дивитися Христову человѣколюбію, какъ, насъ грѣшныхъ, допустилъ, недостоiныхъ, со грѣхи наши доити до Святаго града Iерусалима и видѣти и цѣловати гробъ Господень, своего человѣколюбца! И какъ войдешь въ дверцы тѣ малые, то гробъ Господень по правой сторонѣ весма хорошо обдѣланъ бѣлымъ мармуромъ, и на гробѣ Христовѣ лежитъ доска мармуровая бѣлая, а та доска поперегъ перебилася, и на той доскѣ лежало тѣло Христово. Долгота гроба Господня 9 пяденей добрыхъ, глубина и ширина 5 пядей. Надъ гробомъ Христовымъ виситъ кадилъ великихъ серебреныхъ 43, и горятъ кадила день и нощь, никогда не выгасаютъ. А надъ самымъ гробомъ Господнимъ служатъ Френки, а Грекомъ невольно надъ гробомъ Христовымъ служить. Церковная баня (куполъ) не заслѣплена, только шея заведена да решетка дана зъ дроту толстаго; а сказуютъ, что разбили ту баню Турки и теперь не заклепываютъ, подобно для свѣтлости; ибо въ церквѣ той Воскресенiя Христова оконъ немного, и то малыя: хотя давныхъ временъ было и много оконъ, а теперь позамуровано, что тамъ же Турецкiе мечети тутъ же и церкви попримуроване: еще и для того нѣтъ оконъ, чтобъ ладанъ не заходилъ въ Турецкiе мечети, то только и свѣтлости въ церкви походитъ съ той бани, что надъ гробомъ Христовымъ. Отъ гроба Христова до горы Голгофы ступней 20, а на гору Голгофу ити ступней 15; и какъ взыдешь на гору Голгофу, и верхъ горы, и мѣсто тое велми хорошее вымощено мармуромъ; тамъ стоитъ на востокъ крестъ великiй сребреный, по правой сторонѣ креста Господня стоитъ Спасовъ образъ великiй, по лѣвой сторонѣ Прествятой Богородицы, и крестъ Господень на томъ мѣстѣ, гдѣ распяли Жидове Господа нашего, Iисуса Христа. Тутъ же близъ креста Господня есть разсѣлина каменная на той горѣ Голгофѣ: егда пріиде единъ отъ воинъ ко Господу, Iисусу Христу, и видя его на крестѣ умерша, и копiемъ ребра ему проболе, и абiе изыде кровь и вода, и канула кровь его святая на гору Голгофу, и тутъ разсѣлася гора каменная отъ крове Господа нашего, Iисуса Христа, и стекла кровь его Святая тою разсѣлиною на главу Адамову; бѣ бо Адамова глава сокровенна въ той горѣ подъ каменемъ, гдѣ распяша Господа нашего, Iисуса Христа, пребеззаконны Iудеи; въ то время крещенъ бысть Адамъ Христовою кровiю; ибо то мѣсто гора Голгофа зовется Лобное, си рѣчь Краніево мѣсто. На той же горѣ и то мѣсто, повѣдали намъ, идѣже Авраамъ въ жертву Богу хотѣлъ сына своего

возлюбленнаго, Исаака, заклати, и та разсѣлина (на Голгофѣ) знати и до сего дня, яко бы дира на пядь шириною, а глубины никто не можетъ вѣдати, и ту разсѣлину покрыто рѣшеткою изъ дроту, и тутъ вѣрни Христіане кланеются и цѣлуютъ то мѣсто разсѣлину. Тутъ на Голгофѣ сей, гдѣ распяша Господа нашего, Іисуса Христа, на семъ мѣстѣ служатъ Греки. И мене, многогрѣшна и сквернаго человѣка, сподобилъ Господь нашъ человѣколюбецъ едину службу Божію литургисати. А кадилъ виситъ 13 надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ распяша Господа нашего, Іисуса Христа. Отъ горы Голгофы ступней 3, также мѣсто хорошее мармуромъ вымощено, на томъ мѣстѣ Христа Спасителя прибивано до креста, а на томъ мѣстѣ служатъ Френки, и кадилъ тамъ висятъ 10. Какъ сойдешь зъ горы Голгофы, за великимъ престоломъ, за стѣною, на всходъ солнца, есть пещера великая, въ ту пещеру ити ступней 40, и тутъ есть церковь, храмъ во имя Царя Константина и матери его, Елены; и позади за престоломъ еще пещера семь ступней, тамъ нашла блаженная Елена Царица крестъ Христовъ и два разбойнича, и стоитъ на томъ мѣстѣ крестъ великій, и предъ тѣмъ крестомъ служатъ Френки, и тамъ святымъ мѣстамъ приходятъ Христіяня и поклоняются. Вышедши изъ той пещеры, на правую страну, на полунощь, и то есть мѣсто, на которомъ сплели воины вѣнецъ терновъ Христовой и подъ часъ страсти его святѣй. А отъ того мѣста ступней 5 также престолъ, идѣже раздѣлиша воини Жидовскіе ризу Господню. И тамъ же неподалеку есть мѣсто, гдѣ Жидове метали жребій о ризѣ Господни, яко Давыдъ глаголетъ: «о одежди моей меташа жребій». И на семъ мѣстѣ престолъ. И отъ того мѣста ступней 8, гдѣ Пресвятая Богородица, стоячи во время страсти Господни, и смотрѣла на муки Христовы. И отъ того мѣста ступней 5 пещера или темница, гдѣ сидѣлъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, будучи посаженъ отъ беззаконныхъ Жидовъ, пострада въ ней, нашего ради спасенія. Тамъ же лежитъ колода каменная, пробито въ ней двѣ дыры, идѣже Жиды наругалися Господу и клали ноги его Святыя въ колоду. И отъ того мѣста саженей три стоитъ столпъ каменный отъ мармура бѣлаго, до него же привязанъ былъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, отъ беззаконныхъ Іудей; и того столпа едина часть въ Царѣградѣ, другая часть въ Римѣ, въ церкви Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, того жъ столпа третія часть во Іерусалимѣ осталася. И отъ того столпа и гробу Господню то мѣсто, на которомъ явися Христосъ, воскресши отъ мертвыхъ, Маріи Магдалини, и глагола ей: «Маріе, не прикасайся мнѣ, не убо взыдохъ ко Отцу моему; иди же ко братіи моей и рцы имъ, яко варяю ихъ въ Галилеѣ.»

И есть мѣсто назадѣ гроба Господня, къ западу, пропасть, дира въ камень выидетъ, въ ней темность, а глубины ни ктоже не можетъ знати, а сказуютъ: то мѣсто было сошествіе Господне во адъ, однако той пропасти не выдаютъ (т. е., не показываютъ).

И тѣ всѣ мѣста въ церкви Воскресенія Христова, и на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ престолы стоятъ, а иные престолы попримуровано досками. И повѣдали намъ, же престоловъ еретическихъ 50, и называются они еретицы Христіане, яко то: Римляны, Французы, Хабежи, Копоіи (Копты), Аріане, Несторіане, Армяне, Яковити, Тетредиты, Маруни и протчая ихъ ересь проклятая; и на всѣхъ тѣхъ престолѣхъ служатъ, приходячи отъ своихъ странъ въ годъ Воскресенія Христова.

Мы тежъ, грѣшьни, едину нощь ночевали, и на утрѣ, по Божественной литургіи, поклонившися всѣмъ тѣмъ святымъ мѣстамъ, и вышли изъ церкви, и пошли въ монастырь, благодаряще Бога за такое его къ намъ, грѣшнымъ, милосердіе, иже и насъ, недостойныхъ, сподобилъ очима видѣти и устнами скверными лобызати тѣ святыя мѣста.

Жихомъ мы, грѣшни, во святомъ градѣ Іерусалимѣ едино лѣто: И совѣщахомся возвратитися во свои жилища, аще ли Богъ поможетъ, а жить тамъ безъ денегъ нельзя, велми трудно. И явили мы мысль свою Намѣстнику Патріаршему, и благословихомся отъ него; и поклонилися Святымъ мѣстамъ и святому граду Іерусалиму, и яхомся пути.

Пошли изъ града Іерусалима тѣмъ же путемъ, которымъ и до Іерусалима шли, велми труднымъ и страшнымъ, и не въ великой компаніи: только насъ, Христіанъ, есть шесть человѣкъ, Араповъ два, которыи насъ проводили на своихъ ослятахъ. И какъ Богомъ сохраняемыи, безбѣдно проидохомъ тотъ велми страшны путь, и пришли до пристани морской выше реченнаго града Іопіи, а безъ Араповъ отнюдъ не возможно тѣмъ путемъ проити изъ Ерусалиму до Іопіи (и отъ Іопіи) до Іерусалиму.

И тутъ мы пожили до 23 числа (Сентября), и взяли насъ Греки въ корабль, и пошли на Бѣлое море другимъ путемъ, не шли же на Египетъ, Александрію, но пошли мимо Кесаріи Филиповы, и мимо того Кармилъ, гдѣ Святый Пророкъ Илія студныи священникъ Іезавелины за великій закладъ заклалъ. И та гора вельми велика и высока, и на той горѣ и на томъ мѣстѣ есть монастырь, а въ томъ монастырѣ живутъ Френки, а Грековъ выгнали.

Отъ той горы недалеко есть и городъ великій. Подъ которымъ

городомъ стояли мы кораблемъ день и нощь: нѣкакъ было итьти, не было вѣтру.

А отъ того города какъ пошли, то шли 5 дней и двѣ ночи, и пришли до города, который называется Иллополо (Иліополь). И подъ онымъ городомъ Святый Великомученикъ Георгій змія забилъ. Есть тамъ и монастырь Святаго Великомученика Георгія. Тутъ же подъ тѣмъ монастыремъ идетъ невеликая рѣчка, въ которой рѣцѣ змій килъ. И мы изъ той рѣчки воду брали въ корабль, и пили ту воду, и вода та очень погожая.

Тутъ ночь подъ тѣмъ городомъ ночевали. И въ томъ городѣ ного шелку родитца. А изъ того города шли дни два и ночей вѣ, и пришли до города Лаодикіе, на Святаго Архистратига Михаила

Подъ тѣмъ городомъ стояли три дни, а изъ Лаодики же поперегъ Бѣлаго моря пошли, и шли 9-ть дней и 10 нощей. И тогда мы велми были въ смертномъ страху отъ волнъ морскихъ и шуму: было море взбурилося страшными волнами, и противъ Кипра острова тутъ намъ уже приспѣла смертная година; ибо было и корабль обернуло, только ще Господь Богъ умилосердився надъ нами грѣшными, не предавъ насъ глубинѣ морской пожрети, ожидая нашего покаянія; и помалу тало волны морскія утихати, а мы тѣмъ часомъ пришли до города, оторой называется Адалія, только мало что живыи отъ страха смертаго и шуму морскаго, что уже предъ очима смерть была, а другое тъ зимности; ибо время зимнее наступало, а въ зимнее время велми юре волнуется.

И мы въ томъ городѣ пережили 3 дни у Митрополита Леонтія амошняго. А изъ того города шелъ кованъ съ тамошними Туркаи до Царяграда землею, коньми и мулами и ослятами. И онны Митрополитъ пригласивъ до себе Турчина старшего, что коованомъ разудъ (даетъ), и умолвили намъ по четыре талерей отъ человѣка. И ошли съ тѣми кованомъ землею до Царяграда, а ѣхали все верами; ибо тамъ возами отнюдъ не можно проѣхати за страшными еликими горами каменистыми, такъ тежъ и въ малой дружинѣ нѣкакъ нельзя) итьти за великимъ разбоемъ.

И шли тѣмъ путемъ зимнимъ съ Турками дней 30; и пришли о города, которой называется Бруса, и то есть Никея. А зъ Бруси пришли до города Мидале. Тотъ городъ Мидале стоитъ надъ Бѣлымъ оремъ. И тутъ дали мы наемъ въ корабль, и пошли опять на море, шли день и нощъ велми скоро, и пришли до Царяграда.

И такъ тотъ путь далекій и велми страшный преидохомъ изъ Царяграда до святаго града Іерусалима, а изъ Ерусалиму до Царя-

града, Богомъ сохраняеми отъ всякаго зла, токмо не безбѣдныи на морѣ: отъ великаго волненія душа умлѣваетъ, а на земли отъ Турковъ и Араповъ великая бѣда бываетъ.

И пришедши мы до Царяграда, на Бешикъ-таши у того священника отца Георгія жили и ожидали весны; ибо зимою на Черное море отнюдъ не можно ити за великимъ волненіемъ.

И паки Божіею помощію сѣдохомъ въ корабль, поклонившися Резыденту Московскому, Петру Андреевичу Толстому, на тотъ часъ будучи ему въ Царѣградѣ, за его великое благодѣяніе; ибо много намъ помоществовалъ въ нашей дорогѣ. И пойдохомъ радующеся изъ Царяграда къ Россійскому царствію.

И идохомъ Божіею милостію здрави и безъ пакости. И пришли въ свой монастырь мѣсяца Маія, [9] на Святаго Христова Николая, Божіею помощію.

---

[9] Если путешествіе, какъ означено въ заглавіи, началось въ 1704 году, то наши путники, Іеромонахи Макарій и Сильвестръ, были въ пути до Іерусалима съ 3 Декабря 1704 по 30 Сентября 1705 года, въ Іерусалимѣ пробыли до Сентября 1706 года, а вернулись домой въ Маѣ 1707 года.

II.

Путешествіе изъ Константинополя въ Іерусалимъ и Синайскую Гору, находившагося при Россійскомъ Посланникѣ, Графѣ Петрѣ Андреевичѣ Толстомъ, Священника Андрея Игнатьева и брата его, Стефана, въ 1707 году.

1707 года, Октября въ 6 день, азъ, Андрей Игнатьевъ, съ братомъ своимъ роднымъ, съ Степаномъ, пойдохомъ, по обѣщанію, изъ Константинополя во Святой градъ Іерусалимъ. Быхъ азъ тогда по Указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и по наказу изъ Патріарша духовнаго Приказа, для отправленія службы Божіей при Его Царскаго Величества Послѣ, Ближнимъ Стольникѣ и Намѣстникѣ, Господинѣ Петрѣ Андреевичѣ, Его Превосходительствѣ Толстовѣ, пять лѣтъ и полъ во Адріанополи. И изъ Константинополя взяхомъ повольность отъ Его Превосходительства, было же о насъ и прошеніе его къ Салтанову Величеству, и данъ быть намъ отъ Порты Отоманской ферманъ, си рѣчь, проѣзжей листъ изрядный, какой нынѣ поклонникамъ (по Турецки ходжнямъ) нашимъ, Русскимъ Іеромонахамъ и монахамъ, не давался; аще и даваны, но не писаны быша иныхъ Святыхъ мѣстъ, еже бы невозбранно и безденежно входити. Сицевой данъ быть ферманъ отъ Везиря, преведенъ съ ихъ Турскаго языка, кромѣ ихъ Турецкихъ титуловъ: «Петръ Андреевичь Толстой, Посолъ Московскій, имѣючи въ своемъ сараѣ (дворцѣ) единаго Священника, который ему служитъ, послалъ арзусалъ до моей Порты, сказуючи, что ево крестовый Священникъ съ двумя слугами хощетъ ити во Іерусалимъ, еже бы совершити своя обѣты святому мѣсту; повелѣваю, чтобы не платить имъ харачю никому подъ притворствомъ (подъ видомъ) подарунку, ниже мало что ни во Святой Портѣ (разумѣется Св. врата Іерусалимскаго храма), ниже въ мѣстѣ, имянуемомъ Іорданъ, по нашему ахтинаме (по мирнымъ статьямъ); такимъ же образомъ и въ возвращеніи его учинено да будетъ. Того ради да будетъ подана повольность Священнику Московскому и его товариществу ити до мѣста святаго совершить свои обѣты, такъ чтобы въ путешествіи ихъ, въ возвращеніи, во Іерусалимѣ и въ прочихъ мѣстахъ, не платили они пошлины харачю. Я повелѣваю, чтобы мои сіи выше реченныя слова исполнить и слушать противъ нашего ахтинаме». А сѣли въ шайку Мисирскую (Египетскую) во Артакіи, а тоя шайки былъ Капитанъ Гречанинъ

Мануилъ, житель острова Кастеліобиза; пошли Октября выше писаннаго числа, за полтретья часа ночи, и пришли противу града Калиполя отъ десныя страны, Октября въ 7 день, во второмъ часу дня. Отъ Царяграда до Калиполя 77 миль, а отъ Кастеліи (Дарданельскихъ укрѣпленій) до Митилина 55 миль; пришли къ Митилину съ сѣверной страны, и ходили близъ того острова двои сутки, за непогодою и великими дождями; есть на томъ островѣ съ сѣверныя страны городокъ, зовомый Моливосъ; а градъ Митилинъ нарицается отъ того острова Митилина, отъ Митилина до Сакызу (по Турецки), а по Грецки Хія сто миль; пришли въ Сакызъ, Октября въ 11 день, въ третьемъ часу дни, и стояли противъ Сакызу сутки и 6-ть часовъ; ходили на предградіе въ церкви Божіи и для покупки, кому что потребно было. Въ градъ не пускаютъ, а града того съ восточной страны стѣна и къ морю по берегу отъ сухова пути кругъ всего града ровъ широкій и глубокій. Противъ того града стоялъ Асанъ Паша, зять Салтанскій, который шелъ въ Мисирь, то есть, въ Египетъ, на дву кораблях великихъ. Это время и изъ Лемаву отъ города пошла одна каторга мимо тѣхъ кораблей ко Анатольской странѣ, то есть, къ восточной, и егда поровнялись противу кораблей, стрѣляли въ каторги изъ дву пушекъ, а съ корабля изъ трехъ поздравленіе, а съ того корабля, на которомъ Паша былъ, не стрѣляли.

Отъ Сакызъ пошли въ 12 день за три часа, и шли тое ночи и полдня до Стенькова, а въ Писаніи той Стеньковъ называется Косъ; пришли къ тому Косу въ 13 день; есть въ градѣ томъ Паша Калиш, который былъ при нашей бытности въ Царьградѣ Визиремъ; а Паша, который шелъ въ Мисирь, то есть, во Египетъ, предъ тѣмъ градомъ не стоялъ, только походилъ кораблями часа съ два, а мы съ своей шайки ѣздили въ городъ на баркѣ для покупки харчю, и видѣли въ томъ градѣ древо, зовомое чинаръ, толщина его вокругъ четыре сажени и аршинъ, а вѣтви того древа нижнія можетъ человѣкъ съ земли досягнути и ростутъ саженей на 12 въ ширину; кругъ того древа подъ многими подставлены мраморныя столбы, иные уже и обросли сверху тѣмъ древомъ. Того жъ 13 дня пошли отъ Косу часа за три до ночи, и вышли изъ острововъ и отъ Анадолу на расвѣтаніи того дою доброю въ глубину морскую на пространное море, а по Грецки называютъ Пелагосъ Египецкій, и шли до Александріи пятеро сутокъ не видѣхомъ земли, но токмо одну ночь ходили туду и сюду страху ради, чтобъ не пріити въ нощи ко брегу. Пришли ко Александріи и въ лиманъ пристанище на 17 день во отдачю часовъ дневныхъ, встрѣтилъ насъ Арапинъ на маленькой лодкѣ, называютъ ево по Арапски

Богасъ-рейсъ, си рѣчь, вѣдущій входъ лимана (лоцманъ). Въ 18 день вышли изъ шайки вси сколько насъ было хаджіевъ въ ханъ поклонниковъ, а по нашему на гостинной дворъ; того же дни ходили въ манастырь къ вечерни, а той монастырь въ старомъ градѣ Александріи, и живетъ въ немъ отъ Александрійскаго Патріарха Игуменъ, а церковь въ томъ монастырѣ Св. Саввы Освященнаго, одесную страну олтаря придѣлъ Св. Великомученика Георгія, а о шую на подобіе того придѣла устроено, только отправляютъ въ немъ Франги свое служеніе. А градъ той древній Александрія, по Арапски Скендере, немного меньше основаніемъ Царяграда, но токмо до основанія весь разоренъ и домы были знатно что превеликія, гдѣ который разсыпался уже въ прахъ, и праху того яко горы стоятъ, а гдѣ еще немного знатно градскія стѣны и башенъ, мнится что гораздо былъ красивѣе Царяграда; есть же еще и до нынѣ вещь предивная во градѣ томъ сказываютъ, и мы видѣхомъ, аще и незнатно сѣлано, де, отъ Царя въ земли подъ всѣмъ градомъ Александріею второе жилище, и названо, де, было второіі миръ; земли на томъ строеніи толщины сажени четыре, а глубина его строенія саженей 8 и больши; въ жилищахъ иныхъ нынѣ есть вода преизрядная, токмо не во многихъ, и тою водою вси жители Александріи тіи питаются, а во иныхъ безводныхъ мѣстахъ многіе ходятъ со свѣщами, и строеніе, де, ни колько нерушимо стоитъ, домы и ряды все знатно, и стѣннова письма зѣло, де, премного, а Христіанскаго дому во всей Александріи нѣсть ни единаго, токмо бусурманы, Арапы и Турки и Жидовъ много; домы все строеніе каменное и кирпичное, сводовъ каменныхъ не имѣютъ, врать и затворовъ въ рядѣхъ и во окошкахъ домовныхъ и рѣшетокъ желѣзныхъ не имѣютъ же, въ мѣсто сводовъ каменныхъ полагаютъ брусья и на нихъ доски и потомъ землю смѣшаютъ известь съ пескомъ, и тѣмъ помазуютъ сверхъ, то есть и кровля; а земля во всей Александріи вся пещаная, окна употребляютъ болше сицевыхъ образовъ [10] и съ рѣшетками деревянными, а затворы извнутрь. Изъ Александріи пошли Октября въ 20 день во второмъ часу дня, и шли на востокъ 30-ть миль до городка Абагоръ (Абукиръ?) день весь, зане не было по насъ погоды; ночевали у того городка въ лиманѣ пристанищи, а лиманъ той лучши Александрійскаго; которыи отъ насъ ходили въ городъ для покупки вещей и пищи, не токмо сыскати

[10] Вѣроятно къ сему мѣсту въ подлинной рукописи было пояснительное изображеніе, котораго въ противнѣ (о. Пахомія) не находится.

могли вещей, но пищи и воды не обрѣтоша, зѣло городокъ убогій и малолюдный.

Въ 21 день пошли отъ Абагора за два часа до свѣта, перешли миль 30, часа въ 4 пришли во устье рѣки Нила, еже есть Фиссонъ, не дошли до селенія Рахити (а по Турецки и по Арабски Решитъ) мили за 3: не допустила погода, и стояли бдизъ брега весь день, пошли къ селенію часа два до нощи, а по той рѣкѣ Нилу, даже до самаго Египта, по обою страну все сады финиковыя зѣло превеликія и нарядныя, сказываютъ, что, де, есть ширины верстъ на 5, а во иномъ мѣстѣ и на десять, во владѣніи тамошнихъ жителей у Арапов и Турокъ до Рахити по обою страну рѣки зѣло мѣсто влажное и низкое и многокамышное, земля черная иловатая, и много по той землѣ сѣютъ пырнисъ, а по нашему пшено Сарачинское, и родится, де, много, а егда потреба бываетъ въ сады воды, есть много копаныхъ кладезей при брезѣ, и въ каждомъ содѣлано великое колесо, таскаютъ воду волами и пущаютъ въ бразды, а иныя изъ самой рѣки пущаютъ воду, выкопавъ бразду; пришли къ селенію въ 3 часу нощи.

Въ 22 день обрѣтохомъ въ пристанище шайку, которая была уже нагружена солью и и пыриинисомъ, готова ити въ Дамаскъ, пришелъ къ намъ въ канасъ (въ каикъ, лодку) тоя шайки каравокирје или капитанъ, вопросилъ насъ: «Кто де, хощетъ ити со мною до Яфы» еже есть Іоппіа, и порядилися купно съ человѣками съ прочими хаджіями дати съ человѣка по червонному, и стояли въ Рахити отъ 22 числа того же Октября до 31 числа.

Ноября въ 1 день вышли паки по тому же, по той рѣкѣ Нилу, во устіе, и стояли за непогодою пять дней и съ перегрузкою, зане ни какая шайка не дойдетъ до Рахити безъ перегрузки, и ниже выйдетъ. Пошли моремъ на востокъ до Іоппіи Ноября въ 5 день, и было наше плаваніе большн неспособное, шли до Іоппіи 4 сутокъ, пришли въ селеніе Ноября въ 8 день, и стали на Іерусалимскомъ подворьи. А въ Яфѣ той Турчинъ беретъ со всякаго хаджіа по 7 левовъ со своихъ подданныхъ, ежели у нашихъ Русскихъ людей у кого нѣсть фирмана, равно возметъ, якоже и съ своего, а ежели у кого фирманъ есть, не возметъ Турчинъ ничего. Въ 10-й день пошли изъ Яфы за четыре часа, и пришли въ отдачю часовъ въ Ремль, и стали въ Іерусалимскомъ же подворьи. Въ 11-й день пошли изъ Ремли во 1 часу дни; егда вышли вси изъ селенія и остановили всѣхъ насъ, хаджіевъ, и берутъ тамо кафаръ, сирѣчь, проводное со всякаго, хотя и фирманъ у кого есть, который ѣдетъ на вельблюдѣ, или на катырѣ (мулѣ), или на лошади, по леву, а кто имѣетъ пшака, даетъ полъ лева, у насъ

было занято катырь лошадь и два ишака, дано полъ третья лева: а найму отъ Яфы до Іерусалима за верблюда, за катыря и за лошадь, по два лева, а за ишака по леву, мы дали найму 6-ть левовъ, ходъ бываетъ съ вьюками, а вьючатъ нелегко, пудовъ по 8-ми и по-10, а путь зѣло прискорбенъ, вельми гористо и каменисто; на верблюдахъ мало ходятъ отъ Яфы до Іерусалима, токмо безнужный развѣ пойдетъ до Ремли, зане дорога гладкая; отъ Ремли до Еммауса 9-ть часовъ, о которомъ пишетъ Еммаусѣ во Святомъ Евангеліи; идѣже бесѣдоваста Лука и Клеопа со Іисусомъ, церковь была тамо во время Христіянскія державы и зело изрядна и изъ каменей строена великихъ, изъ подъ тоя церкви и до нынѣ течетъ источникъ, вода зѣло изрядная, а нынѣ тамо живутъ Арапы, и зѣло убогія, яко Цыгане. Отъ Емауса до святаго града Іерусалима три часа, и путь нетрудный, токмо гористо же. Пришли во Іерусалимъ Ноября въ 11-й день, въ вечеръ во врата, нарицаемыя Давидови, зане близъ дома Давида Царя и Пророка (въ немъ же онъ и Псалтирь написа), и въ томъ домѣ живутъ Чорбаджи съ Янычары, и есть пушекъ довольно и мѣлкаго ружья, повеже той домъ содѣланъ на подобіе городка, аще и въ стѣнѣ градской, токмо и около его ровъ есть глубокій, саженей есть пять, высланный каменемъ. И егда пріидохомъ ко вратомъ выше описанномъ, взяли съ насъ со всякаго человека по леву на Янычарей, которыя насъ провожали отъ Яфы до Іерусалима отъ разбойниковъ Арапъ, и высланы были изъ Патріарша дома нѣсколько чернецовъ ко вратамъ, и проводиша насъ всѣхъ поклонниковъ въ домъ Патріаршій, и изшелъ ко вратомъ самъ Намѣстникъ съ двума Архіереи, Птоломаидскимъ и Лидскимъ, и съ прочими соборными старцы, на встрѣтеніе, и дали намъ гостинныя келіи, а сидѣли въ нихъ три дни, и такимъ обычаемъ всѣмъ поклонникамъ бываетъ, егда пріидутъ человѣкъ 20-ть, или 30-ть. Того числа поставляли трапезу вечернюю, и кормили всѣхъ насъ поклонниковъ, а на утріи были вси поклонники у утреняго пѣнія, и егда начали пѣть канонъ, сказали всѣмъ и велѣли итить поклонникомъ до великія церкви, ко святымъ вратомъ, поклонитися, и идучи до святыхъ врать изъ Патріарша дому потаенною лѣсницею сквозь церковь Воскресенія Христова, идѣже явися Христосъ по воскресеніи своемъ Мироносицамъ, и на томъ мѣстѣ покланяются; и отъ того мѣста шедше ко святымъ вратамъ поклоняются и целуютъ въ шую страну вратъ святыхъ, единъ есть мраморный столбъ разсѣлся въ длину отъ земли аршина на полтора на сквозь посреди, во время, егда купиша власть Армяне у Турчанина и изгнаша нашего Святѣйшаго Патріарха изъ церкви, и тогда бысть чудо сицевое: егда разсѣдеся той столпъ, и

изыде изъ тоя скважины огнь, и принесеся той божественный огнь невидимо силою Божіею на другій столпъ, идѣже въ то время Святѣйшій Патріархъ, сѣдя, плакаше, а той столпъ и до нынѣ стоитъ на краѣ лѣствицы, которая построена, и восхождаху по ней отъ внѣ великія церкви на гору Голгофу, и опалися той столпъ отъ верха даже до низу, а между тѣми столпы саженей съ шесть, и также у другова столпа онаго поклоняются и цѣлуютъ, а отъ того другова столпа пошедъ, покланялися въ церкви Пресвятыя Богородицы, [11] которая построена подъ выше писанною лѣствицею невелика, и у сихъ выше писанныхъ пятихъ мѣстѣхъ долженъ всякій поклонникъ приходя покланятися и цѣловати на всякъ день по утрени и по вечерни во всю бытность во Іерусалимѣ, отсюду, егда не отворяются святыя врата.

А во отверзеніи святыхъ вратъ обычаи сицевыи имѣютъ во Іерусалимѣ: егда восхощетъ отверсти Намѣстникъ Святѣйшаго Патріарха ради поклонниковъ, или въ кои либо праздникъ Господскій, долженъ дати одинъ левъ и полъ, или кто восхощетъ избранная душа изъ поклонниковъ сице всѣхъ ради да сотворитъ, и вшедъ поклонившися живоносному Гробу Господню и на прочихъ святыхъ мѣстѣхъ страстей Христовыхъ, овіи исходятъ ночевать по подворьямъ, кто гдѣ стоитъ и живетъ, а иніи остаются и ночуютъ въ церкви великой и исходятъ во утріе по литоргіи такожде в ъдомы своя. Оттуду, то есть, отъ св. вратъ, восходятъ внѣ великія церкви на Голгофу, идѣже хотѣ принести Авраамъ сына своего, Ісаака, на жертву, и на томъ мѣстѣ содѣлана церковь во имя праотца Авраама, [12] и поклонившися тамо, возвращаются паки тою же выше писанною лѣстницею въ домъ Патріаршъ, и пребывши тамо три дни, и потомъ отводятъ по монастырямъ, и тако живутъ до святаго Свѣтлаго Христова Воскресенія. Потомъ вскорѣ отводятъ всѣхъ поклонниковъ до Вифлеема, и тамо покланяются пещерѣ, идѣже родися Христосъ, и переночевавъ въ Вифлеемѣ, возвратившеся тѣмъ же путемъ, коимъ пошли, приходятъ въ монастырь Святаго Пророка Иліи; есть внѣ монастыря того на пути, на камнѣ, возображеніе самаго Святаго Пророка Иліи, егда спаше на томъ камни, и сказываютъ, что тамо приношаше вранъ ему на мѣсто оное пищу, и оттолѣ возванъ бысть въ Кармилскую гору, которая близъ

---

[11] Церковь сія именуется нынѣ церковію Пр. Маріи Египетской.

[12] Здѣсь идетъ рѣчь объ Аврааміевомъ монастырѣ, церковь коего примыкаетъ къ самой южной стѣнѣ Голгоѳской церкви, но сообщенія съ оной не имѣетъ.

есть Назарета и Фаворскія горы. Изъ того Ильинскаго монастыря пришли въ полудни въ Крестный монастырь; той монастырь построенъ такожде, яко же и прочіи, отъ Святыя Елены, и владаху имъ нѣсколько лѣтъ Грузинцы, нынѣ паки владѣютъ Греки, а построенъ на томъ мѣстѣ, идѣже израсте древо, на немже распяся Христосъ, его же возрасти Лотъ, водрузивъ главню за свое прегрѣшеніе, ношаше воду отъ Іордана, то есть часовъ за 12; и въ томъ монастырѣ Крестномъ есть церквей 4-ре: первая настоящая Воздвиженіе Честнаго Креста, предѣловъ 3-ри: Архангела Михаила, Іоанна Предтечи, Успенія Пресвятыя Богородицы. И изъ того монастыря, по литоргіи и по трапезѣ, пришли во Іерусалимъ, во время вечерни, а той Крестный монастырь отъ Іерусалима съ полчаса разстоянія, а до Ильинскаго монастыря одинъ часъ: сіи два на единомъ пути, а Крестный отъ нихъ о десную страну отстоитъ, идучи къ Вифлеему. И прошедши отъ сихъ поклонныхъ мѣстъ, ожидаютъ дня Недѣльнаго, зане во единъ день токмо бываетъ литургія въ Гефсиманіи, и во единъ отъ дней Недѣльныхъ ходятъ въ Гевсиманію ко гробу Пресвятыя Богородицы; первѣе взшедъ въ Юдоль Плачевную, и поклоняются на мѣстѣ, идѣже Іуда лобызаніемъ Христа предалъ, то есть потокъ Кедрскій; потомъ, шедъ, поклоняяются на мѣстѣ не далече отъ преданія, идѣже Христосъ училъ ученики своя творити молитву Отче нашъ и прочее, и оттолѣ восходятъ на гору Елеонскую, на мѣсто, идѣже вознесеся Христосъ на небеса, и до нынѣ есть его, Спасителя нашего, на камени изображеніе лѣвыя ноги, стопа, и то мѣсто во оградѣ, при Турецкой джаміи, и живутъ тамо Арапы, немногія люди и самыя убогія; оттуду ходятъ, кто хощетъ, и поклоняются на той же Елеонской горѣ, идѣже бысть церковь въ малой Галилеи, а оттуду снисходятъ поклоняются на мѣстѣ, идѣже Пресвятая Богородица даде поясъ свой по успеніи Фомѣ Апостолу, и близъ того мѣста поклоняются же, идѣже Христосъ всѣде на осля, егда вхождаше во Іерусалимъ; и оттуду пришедъ, входятъ во церковь, идѣже гробъ Пресвятыя Богородицы, церковь немалая; и степеней въ глубину ити съ пятдесятъ о десную страну идучи во церковь, въ стѣнѣ, въ половинѣ лѣствицы, гробы Святыхъ и Праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны (и сподобилъ Богъ меня у гроба Пресвятыя Богородицы служить литургію на день Похвалы ея, егда поется акафистъ), и, отслушавъ литургію, бываетъ освященіе воды, и изходятъ изъ церкви, повернувшися за олтарь, и тамо есть пещера, идѣже сокрышася Апостолы, страха ради Іудейска, и тамо поклонившися отходятъ тѣмъ потокомъ Кедрскимъ (называется оная долина Юдоль Плачевная, еже взятся близъ церкви Пресвятыя Богородицы, яко бы

изъ притвора, и впаде въ Мертвое море, еже есть Содомское). Идуч
тѣмъ путемъ, покланяются на мѣстѣ, идѣже отверзе Іисусъ очи слѣпом
и на томъ мѣстѣ и до нынѣ видимо есть изображенная стопа ног
Спасителя нашего, и цѣловавъ, паки отходятъ въ путь свой, и на то
Юдолѣ, Плачевной, мало повыше, въ горѣ изсѣченъ изъ горы тоя гроб
Авесалому, сыну Давыдову, и положенъ, въ немъ, и гробъ той достоин
удивленію; не подалеку того гроба также изсѣченъ изъ горы гроб
Исаіи Пророка. Сіе хожденіе отъ церкви Пресвятыя Богородицы
полудень, и повернувшися на западъ, приходятъ къ купели Силоамстѣ
и умывшеся и пивъ тоя воды, отходятъ ниже на мѣсто, идѣже пр
тренъ бысть Пророкъ Исаія древяною пилою, и поклонившися тамо, во
ходятъ на Сіонскую гору, и приходятъ къ дому Зеведееву, которы
держатъ нынѣ Армяне, а иніи сказываютъ, что, де, той бысть дом
Каіафы Архіерея, егда, взявши Жидове Христа, и приведоша въ т
домъ, и въ томъ дому Петръ Апостолъ отречеся Христа. Тамъ
близъ есть мѣсто, идѣже Духъ Святый сниде на Апостолы въ де
Пятидесятный; есть же на той Сіонстѣй горѣ мечеть Турецкая, и
ней есть, де, гробы Давыда и Царя Соломона, а Христіанъ не пускаю
никогоже (также и въ Соломонову церковь, еже нарицается по Гре
ки Іеро, а по нашему Святилище, и во «Святая святыхъ,» идѣже вс
деся Пресвятая Богородица трилѣтняя, и близъ не допускаютъ).
тако возвратившеся во градъ враты Сіонскими, и отходятъ кійждо
свояси, а потомъ вскорѣ отводятъ поклонниковъ въ монастырь С
Саввы Освященнаго на поклоненіе, и пути онаго часа съ три, в
ити по Юдолѣ Плачевной, и тамо поклонившися, ночевавъ, возвращ
ются во Іерусалимъ; и тако вся совершатся купно ходная поклонен
окрестъ Іерусалима. Потомъ, гдѣ кто хощетъ, и ходитъ, покланяет
единъ, или два, совѣщавшися, въ монастырь Святаго Апостола Іаков
перваго Іерарха Іерусалимскаго, на томъ мѣстѣ построенъ, идѣже бысть
въ главу усѣченъ; монастырь той зѣло великій и строеніе изрядное,
есть въ немъ келій съ четыреста и кладезей со сто, дер-
жатъ той монастырь Армяне; также и въ домъ, кой называ-
ютъ домомъ Богоотецъ Іоанима и Анны, бысть прежде въ томъ
домѣ церковь Христіанская, потомъ Турки позавидѣ, врази, и сот-
яша изъ тоя церкви свою бусурманскую мечеть, и мало владѣша, изгна
ихъ сила Божія, и до нынѣ стоитъ домъ той пустъ, и егда приходятъ
поклонники, беретъ Турчинъ пары по двѣ и пускаетъ кланяться, и до-
Гевсиманію мимо того дома ходятъ, на той же улицѣ и дорогѣ домъ
Пилатовъ и судилище его, идѣже представиша Жидове Христа Пи-
лату, и на Лобное мѣсто лежитъ тая дорога. Также ходятъ и по-

кланяются не далече за градомъ за Дамаска выши враты, отъ стѣны единаго камени верженіе, пещера, идѣже спаше Пророкъ Варухъ 72 лѣта, идѣже посланъ бысть Пророкомъ Іереміемъ на село изъ града Іерусалима смоквей ради, и тамо бысть прежде сего монастырь Христіанскій, а нынѣ ихъ Турецкіе держатъ дервиши, и тамо ихъ есть круговое бѣснованіе. Оттолѣ въ единъ день ходихомъ со Франгами, и показаша намъ они оное мѣсто, идеже склепы и изсѣчены гробница, сказуютъ Судей Іерусалимскихъ, многіе есть пещеры, изсѣчены вси изъ горы каменныя и во многихъ быша двери затворы каменныя вышины быша иныя двери аршина 2, ширины 1 аршинъ, толщины вершка 2, иныя и донынѣ стоятъ въ пятахъ, а иныя попадали и поразбилися, а иныя знатно, что повыношены; и тамо мало кто ходитъ изъ поклонниковъ за незнаніемъ, первѣе насъ никто не былъ въ нынѣшнемъ году, и которыя слыша отъ насъ ходиша. Въ день Рожества Христова вси поклонники паки ходятъ въ Вифлеемъ ночевавъ и слушавъ утреню и литургію, поклонившися въ пещерѣ, идѣже родися' Христосъ, и въ прочихъ святыхъ пещерахъ, идѣже, по убіеніи 14,000 младенцовъ собраны и положены въ едину вси пещеру, и подъ тѣми пещеры построена великая церковь и преизрядная; есть и донынѣ при той церкви по нашему яко бы въ трапезѣ, по обою страну внутрь по 22 столпа, и того 44 великія и высокія мраморныя и на нихъ писаны быша лица святыхъ мучениковъ, и на тѣхъ столпахъ утверждена кровля тоя великія церкви, юже обнови великимъ иждивеніемъ блаженной памяти Святѣйшій Патріархъ Досифей, и нынѣ тое великую церковь и подъ нею пещеру, идѣже родился Христосъ, держатъ Франги, а Грековъ изгнаша, и разориша въ той церкви весь по основанія иконостасъ, аще бы не прошеніемъ у нихъ, остатнѣе все бы сокрушили въ мелкія части, такожде и иконы изнесоша Греки и тамо сущія жители Арапѣ. Православныя Христіаны съ горними слезами и великимъ плачемъ освятиша церковь, идѣже бысть при оной великѣй церкви отъ десныя страны отъ внѣ угла олтарнаго кладовая палата или казенная; еще же дано имъ Грекомъ едина башня великая и въ той имѣютъ кельи, и егда приходятъ поклонники тамо имѣютъ упокоеніе; и отъ той башни недалеко саженъ съ пятдесятъ есть пещера, идѣже сокрыся Пресвятая Богородица во время гоненія Иродова со предвѣчнымъ младенцомъ, Господемъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ, со Іосифомъ Обручникомъ, идѣже Ангелъ Господень во снѣ явися Іосифу, глаголя: «Востанъ, поими отроча и матерь его, и бѣжи въ Египетъ!» и прочее. И отъ тоя церкви великія и выше писанныя пещеры съ горы ити на востокъ же съ полъ часа до мѣста онаго,

идѣже бяху пастыріе, бдяще и стрягуще стражу нощную о стадѣ своемъ (отъ Луки глава 2, зачало 5), и тамо была построена церковь изрядная, токмо нынѣ все пусто и служеніе нѣсть; а идучи къ тому мѣсту есть село невеликое, живутъ въ немъ Арапы, и больше 40 человѣкъ мужеска полу никогда не бываетъ жителей, излишнія отъ сорока вскорѣ помираютъ, и того села провожалъ насъ Арапинъ до выше писаннаго мѣста. Есть же въ томъ селѣ кладезь, вода въ немъ изрядная, и во время бытія своего Пресвятая Богородица почерпала изъ него воду, и егда черпаше, припаде пречистыми своими колѣнми на камень, и до нынѣ видимо есть, и знаменуются тамо Христіане со благоговѣніемъ. И паки пріидохомъ вси изъ Вифлеема во Іерусалимъ, въ навечеріи Богоявленія Господня, внидохомъ ко гробу Божію, и пребыхомъ тамо нощь оную, на утріе бысть посвященіе во Архіепископы горы Синаискія Іеромонаха Аѳанасія, и служиша литургію трое Архіереевъ: Птоломаидскій Іоасафъ, Лидскій Неофитъ, Заіорданскій Арапинъ Фотій, и сіи тріе посвящаху онаго, а егда посвятиша, даюша ему во всемъ служеніи первенство, а Іеромонаховъ, Іереевъ и Діяконовъ было во служеніи иностранныхъ пришельцовъ человѣкъ съ тридцать, кромѣ тамошнихъ жителей Іерусалимскихъ, и по литургіи освящалъ воду Архіерей Лидскій предъ царскими враты, и погружаше крестъ съ животворящимъ древомъ, на немъ же Спаситель нашъ распятся. Освященнаго чина и мірскихъ человѣкъ съ триста со всѣми выше писанными Архіереи, ядяхомъ и пихомъ довольно, а Намѣстникъ Святѣйшаго Патріарха Іерусалимскаго не сидяше за трапезою, но всѣмъ служаше со всѣми своими Іеромонахи и Діяконы и прочими соборными старцы, и по востаніи отъ трапезы вси отхождаху кійждо во своя пребывалища. Въ Суботу мясопустную ходятъ Архіереи и вси поклонники на село Скудельниче, идѣже погребаются страннія и донынѣ, такожде и Іерусалимляне; вси Христіане поютъ тамо панихиды и прочее послѣдованіе исправляютъ по умершихъ, яко же подобаетъ. Въ Недѣлю Православія тацѣмъ же образомъ входятъ въ великую церьковь, въ Суботу вечеръ, инїи тамо ночуютъ, а инїи паки отходятъ въ домы свои, и приходятъ во утріе къ литургіи, и по службѣ Божи бываетъ хожденіе съ хоругви и со святыми иконы малыми трижды окрестъ гроба Божія. И егда въ третій пойдутъ въ томъ же хожденіи, обыдутъ мѣсто противъ святыхъ вратъ южныхъ, на немже, снявше со креста тѣло Спасителя нашего Іосифъ и Никодимъ, плащаницею обвиху, и оттолѣ паки пріидутъ противу гроба Господня, и ставъ по чину Архіереи и Іереи отъ гроба къ царскимъ дверемъ, и читаютъ ектеніи за Святѣйшаго Патріарха и за Благочестивѣйшаго

нашего Государя, и съ нимъ поминаютъ купно Іоанна, т. е., Мазепу Гетмана, Константина, то есть, Волошскаго Господаря, Александра, то-есть Шкарлата, переводчика Турецкаго Салтана, и чадъ ихъ, потомъ за всѣхъ поклонниковъ пришельцовъ гроба Господня и всѣхъ Православныхъ Христіанъ, а иконы даютъ Священникомъ всѣмъ и многимъ мирскимъ, и быша иконъ съ полтораста и больши, а тамошнія Христіяне, жители Іерусалимскія, многія приходятъ и приносятъ въ церковь тайно иконы изъ домовъ своихъ. Въ Средопоклонную Недѣлю сицевымъ же образомъ бываетъ хожденіе со кресты: въ началѣ единъ отъ Архіерей носитъ животворящій крестъ на главѣ, въ немъ же и часть древа креста Христова не закрыта, видима всѣми толико, елико есть. и больши сего, аще имѣютъ, или не имѣютъ, не вѣмъ, зане намъ не показали; а крестовъ было въ томъ хожденіи больше дву сотъ, вси церковныя казенныя рѣзныя, оправленныя сребромъ, многія есть и съ драгоцѣнными каменьи, и каждый Священникъ и мирскій имяху крестъ въ рукахъ своихъ. Въ Суботу Лазареву ходили вси на поклоненіе въ Вифанію, хожденія отъ Іерусалима часа въ полтора на востокъ, и поклонившися тамо, идѣже положенъ бысть праведный Лазарь въ пещерѣ; хожденіе въ тое пещеру зѣло круто въ землю, ступеней 15 и больши; оттуду сполъверсты на востокъ же пойдохомъ, и поклонихомся на мѣстѣ, идѣже Христосъ сѣдяше на камени, отнюду же пришедши, знаху его Марфа и Марія со слезами, да воскреситъ брата ихъ, праведнаго Лазаря; и донынѣ есть той камень, и никто его взяти не можетъ, зане есть великъ, и отъ него аще кто хочетъ убити маленько, но съ великою трудностію, зане есть кремнистый. И оттолѣ пошли чрезъ Вифсанію на Елеонскую Гору, на сѣверъ, хожденія оного было съ часъ, и пришедъ, вси поклонишася на мѣстѣ томъ, идѣже вознесеся Христосъ на небеса и пѣловахомъ изображеніе на камени Пречистыя стопы его, и изшедъ вонъ изъ тоя палатки, служиша литургію Священникъ съ Діакономъ подъ наметомъ у престолѣ неподвижномъ, и есть тамо также имѣютъ при стѣнѣ грады свои еретическія престолы Франги и Армяне. Той же Суботы въ вечеръ отвориша святыя великія церкви врата, и повелѣно всѣмъ поклонникомъ приходити къ вечерни и неисходно слушати утреннія пѣнія, и по обычаю раздаваше Архіереи всѣмъ поклонникамъ ваіа съ финикъ, а Іереи немногія въ то время взимаху, зане послѣ литургіи раздаваху всѣмъ во олтари, и съ тѣми ваіами бысть также хожденіе по выше писанному образу окрестъ гроба Господня трижды, глаголаху тропарь: «Днесь благодать Святаго Духа насъ собра». О чудо! кто не удивится, или кое сердце окамененное не возрыдаетъ во онъ

часъ, такое видя Православныхъ Христіанъ дерзновеніе и сіяніе Вѣры, глаголетъ божественный благовѣстникъ Іоаннъ: «Свѣтъ во тмѣ свѣтится, а тьма его не объятъ;» во истину, яко свѣтъ во тьмѣ, святая соборная Апостольская церковь Іерусалимская, сіяетъ, омраченными и злочестивыми Турки одержимая, не благоволи Богъ имъ въ конецъ осквернити, да превратятъ во свою всескверную чжамію или божницу, и они, проклятыя, введоша въ ню разныя ереси, Франгамъ, то есть, Французамъ и Нѣмцамъ, дадоша власть имѣти имъ свое ихъ служеніе на гробѣ Господнемъ, и всю отъ сѣвера страну, отъ низу до верху, со всѣми хоры, которыя есть и на западѣ, даже и до южной страны: они же Франги имѣютъ часть и на Голгофѣ съ южныя страны, а оное самое мѣсто, идѣже Спаситель нашъ бысть распятъ и егда Жидове проболоша его на крестѣ, и изыде кровь и вода изъ его пречистыхъ ребръ, и потече прямо на горѣ той долу даже до главы Адамовы, и донынѣ оная скважня видима всѣми, и покрыта рѣшеткою желѣзною, и замкнена тая рѣшетка мѣрою длины сажени единаго, а ширина великія пяди, и тое все мѣсто держатъ Ромеи, то есть, Греки и служатъ святую литургію. А надъ южными святыми враты и хоры даже до запада отдано Армянамъ; тамо оніи, треклятіи, имѣютъ свое служеніе, имъ же отдано мѣсто, а прежде сего была церковь Христіанская, идѣже о ематисмѣ Спасителевой Жидове меташа жребія, такожде имъ отдана церковь Равноапостолъ Константина и Елены, и до нея снисхожденія по лѣсницѣ степени съ 50 въ глубину до мѣста, идѣже обрѣте святая Елена животворящій крестъ Спасителя нашего и прочихъ два, о чесомъ свидѣтельствуетъ Святое Писаніе, и при томъ мѣстѣ о шую, они, треклятіи, имѣютъ свое служеніе. А прочія четыре церкви окрестъ великаго олтаря въ стѣнѣ великія церкви: первая съ сѣверныя страны олтаря церковь Пресвятыя Богородицы, идѣже стояше она во время распятія Сына своего и Бога нашего; тамо при вхолѣ оныя церкви лежитъ камень изсѣченъ во глубину въ колѣно, яко бы двѣ ступы мелничныя, и въ томъ камени быша окованы нозѣ Спасителя нашего, зане тамо въ нихъ изъ единой въ другую есть пробито, и при томъ камени у стѣны есть содѣланъ престолъ, и тамо Греки имѣютъ служеніе; потомъ церьковь выше писанная; идѣже жребіи метаху, что Армяне держатъ; подлѣ тоя церкви имѣютъ наши Греки служеніе, идѣже Жиды раздраша ризы Спасителя нашего, и подлѣ тоя церкви оное снисхожденіе къ церкви Святыхъ Константина и Елены и на мѣсто, идѣже обрѣтоша живоносный Крестъ: оттолѣ изшедъ, на южной странѣ церковь, идѣже Жиды посадиша Христа на столпъ мраморный, токмо короткій, на немъ вѣнчаша его терновымъ вѣнцемъ.

а толщиною яко бы мочно обняти обѣма рукама человѣку, и той столпъ и донынѣ стоитъ подъ престоломъ, и спреди входа за рѣшеткою желѣзною и созади есть небольшое окошечко, въ него же досязаютъ руками, и тако лобызаютъ его (т. е, столпъ). А подлѣ тоя церкви восходятъ по лѣстницѣ на Голгофу, есть же и другая лѣстница, восходятъ изъ нашея велик'я церкви близъ иконостаса, и егда снисходятъ съ Голгофы, приходятъ въ церковь Святаго Іоанна Предтечи подъ лобнымъ мѣстомъ, то есть, подъ Голгофою, и за престоломъ въ той церкви оная скважня видима, которая разсѣдеся отъ крове Спасителя нашего на Голгофѣ, и устроена такожде желѣзная рѣшетка на подобіе окна, въ вышину и ширину есть по три четверти аршина: и изъ тоя церкви вышедъ, поклоняются на мѣстѣ, идѣже Іосифъ и Никодимъ, снявъ со креста пречистое тѣло Спасителя нашего, обвиша чистою плащаницею, о чесомъ пространнѣе свидѣтельствуетъ Святое Евангеліе; еще же есть во святой церкви велицѣй дву ересей скверныя два капища: первая злосмрадная и зловѣрная, придѣлана къ самымъ стѣнамъ каплицы, идѣже внутрь есть живоносный гробъ Христа Бога нашего, Кофтская (а ересь ихъ есть Монофелитская, яже исповѣдуютъ едину волю), и имѣетъ три стѣны, а четвертая гроба Господня, и тіи проклятыя Кофты имѣютъ также подобнаго имъ въ Египтѣ своего Патріарха, и больши имутъ проклятіи къ нечестивымъ Туркомъ дерзновеніе, нежели Греческій Александрійскій Патріархъ, и много ихъ есть во Египтѣ; а другая такая жъ есть всескверная божница позади тоя Кофтскія на западѣ, идѣже изсѣчены гробы два Святыхъ Іосифа и Никодима, глаголемая Сирьянская; и между тѣма ходятъ, егда бываетъ хожденіе окрестъ гроба Господня, на который праздникъ со иконы и со кресты, или съ плащеницею, и прочее наше Христіанское моленіе. Такожде и Франги свои имѣютъ процессіи на тѣ ихъ праздники, подобно и Армяне. Во святый Великій Понедѣльникъ повелѣно было, всѣмъ намъ, поклонникамъ, ити на воды, идѣже Филипъ каженика крести, и мимо идя къ тоій водѣ, есть на пути, течетъ источникъ, егда Пресвятая Богородица идучи, возжада пити, и тогда оный источникъ истече, а сей путь отъ Іерусалима на западъ, и отъ Филипова источника возшедъ на гору высоку, и по тоій идучи на сѣверъ, есть въ долинѣ село, зовомое (Мальха), и отъ того села шли всѣ на сѣверъ по горамъ зѣло высокимъ къ пещерѣ, идѣже сокрыся Святая Елисавегъ, во время гоненія Иродова, со Іоанномъ, егда бяше младенецъ, и тамо, гдѣ разсѣдеся гора, и до нынѣ есть источникъ водный, изъ него же и мы сами пихомъ, внутрь тоя пещеры; и на сихъ всѣхъ трехъ источникахъ, во время Христіанскихъ

Царей державы, быша церкви; и отъ тоя пещеры возвратившися на востокъ прямо ко Іерусалиму, и пришли на мѣсто, идѣже бысть домъ Захаріи Пророка, въ немъ же Святый Іоаннъ Предтеча родися, и она всегда бысть Христіанская церковь и до нынѣ, зѣло предивная, токмо уже держатъ Франги. О ономъ домѣ Захарьевомъ пишетъ Лука Евангелистъ во своемъ благовѣстіи сице: «Воставши Маріамъ, иде въ горняя со тщаніемъ, во градъ Іудовъ, и вниде въ домъ Захаріинъ, и цѣлова Елисаветъ» и прочее, а по Грецки оное мѣсто называется Орини еже есть горняя; и оттоль пришли часа за четыре въ Крестный монастырь, и по трудѣхъ путешественныхъ вкусихомъ пищи, и пришли во Іерусалимъ уже въ отдачу часовъ дневныхъ того же дни. Въ Четвертокъ Великій быхъ азъ, Іеромонахъ Ааронъ, иже выше писанный Андрѣй, въ служеніи при Архіереи Лидскомъ, Неофитѣ, въ церкви Святаго Апостола Іакова, которая есть подъ великою древнею звоницею, и по литоргіи той Архіерей умывалъ ноздѣ по чину церковному, въ той же чредѣ и мои, грѣшныи, ноги омывалъ, и сѣдяхомъ на лѣствицѣ по степенемъ, которая есть при Голгофѣ, внѣ великія церкви, его же восхождаше святая Елена во свою палату и изъ нея слушаше отправленіе службы Божіей на Голгофѣ, и котораго водою намъ ноги обмываше Архіерей, зѣло къ той водъ вси Христіане имѣютъ благоговѣнія, со женами и дѣтьми вси желаютъ, чтобы омочить платъ въ тое воду, и мазаху очеса своя Въ великій Пятокъ о полудни отомкнетъ и распечатаетъ Турчинъ святыя врата въ великую церковь, и отъ входящихъ поклонниковъ мужскаго и женскаго пола, которыя есть его подданныя пришельцы, кромѣ насъ, Русскихъ людей, и Франковъ, беретъ, сидячи у святыхъ вратъ въ наметѣ, съ каждаго по 7-ми левовъ и полъ, а пришельцовъ было 1708 года Грековъ и Армянъ душъ счетыреста, и едва управилися тѣмъ восхожденіемъ своимъ къ вечеру, такожде и окрестныя Іерусалима Арапы Христіане приходятъ отъ многихъ селъ со онаго полу Іордана съ женами и съ дѣтьми множество на поклоненіе ко дню Великія Субботы, и бываютъ неисходно двѣ нощи на Субботу и на день Свѣтлаго Воскресенія, понеже святые врата въ нощь паки Турчинъ запираетъ и печатаетъ. а въ день тоя Субботы и на Воскресеніе даже до полудни бываютъ замкнуты, токмо въ день стоитъ караулъ неотступно, чтобы кто не вшолъ безъ выше писанныя дати О полунощи въ Субботу бысть хожденіе съ плащаницею сице: содѣланъ одръ на подобіе аналогія, длина единаго саженя, кромѣ рукоятій, такова мѣрна и плащаница, швеная золотомъ, такожде и премного жемчугу, ширина ея о пяти пядей. и поставиша ю среди церкви, противу царскихъ вратъ, по обычаю, и

предсташа предъ нею два Архіерея, Итоломандскій Іоасафъ Митролитъ, и Горы Синайскія Архіепископъ Афонасій, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а Священниковъ было всѣхъ и со Дьяконы человѣкъ съ пятдесятъ и больши, и пѣша: «Блаженны непорочніи», кафизму всю со стихи ея, Священницы по крылосы, а кажденіе бысть сице: первѣе кадяху окрестъ плащаницы оны два Архіерея и предъ ними два Діакона съ тремикиріями, потомъ такожде и Священницы кадяху два два безъ Діяконовъ, и послѣди и Діяконы такожде кадяху два два, а кафизму поютъ у всѣхъ Грековъ по канонѣ, и по кафизмѣ славословіе, и егда начаша пѣти «Трисвятое», повелѣ Архіерей намъ, четыремъ, понести плащаницу, два у главы, а два у ногу, у главы быша Синайскій Іеромонахъ Корнилій и отъ Царяграда Іеромонахъ Анфимъ, который былъ Игуменомъ у Рождества Пресвятыя Богородицы въ Халкахъ, у ногу Іеромонахъ Григорій, который нынѣ неисходно живетъ у Гроба Господня служащимъ, и есть два ихъ тамо, и мене, грѣшнаго, Архіерей пригласи въ четвертыхъ; и тако подъяша на рамена своя, и понесоша въ южныя двери окрестъ олтаря, которыя есть близъ иконостаса, и понесоша окрестъ Гроба Господня съ сѣверныя страны, и принесоша на южную, идѣже лежитъ доска мраморная бѣлая чистая и преизрядная, и окрестъ ея чернымъ камнемъ украшено на подобіе яко бы чистый убрусъ въ пяльцахъ, и лежитъ на помостѣ церковномъ, такожде и окрестъ его всего, рѣшетка мѣдная построена низкая, чтобы кто не прикоснулся ногами, и оное мѣсто есть, на немъ же Іосифъ и Никодимъ, снявъ съ древа пречистое тѣло Спасителя нашего, обвиша чистою плащаницею, и положи въ новомъ своемъ гробѣ; и егда принесоша къ оному мѣсту и поставиша одръ съ плащаницею на выше писанной той дскѣ мраморной, и читаху ектеніи за Благочестивѣйшаго нашего Государя, по тамошнему своему обычаю, и за всѣхъ Православныхъ Христіанъ, такожде и за умершихъ многихъ, и оттолѣ паки внесохомъ тѣми же дверьми, ими же и снесохомъ, и сняхомъ со одра, положихомъ ю на престолѣ; и по времени сопрятоша. И тоя Субботы, въ началѣ шестаго часа, начаша пѣти часы, купно и вечерню съ пареміями, предъ дверьми олтарными сѣверными, за множествомъ народа, и въ ономъ шуму народномъ едва одинъ другого слышитъ глаголюща, а како той Аравскій шумъ бываетъ, аще можно будетъ кому, скажемъ изустно, и о прочемъ, и во восьмомъ часу дня раздаху хоругви во алтари, было ихъ съ 12, и понесоша ихъ Арапы Христіане ко Гробу Божію, и сташа предъ нимъ, и ждаху, дондеже изшелъ Архіерей изъ олтаря съ немногими облаченными Священники, и егда пойдоша изъ олтаря, воспѣша тро-

парь шестаго гласа: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити», и пѣша сей тропарь многажды, дондеже обидоша Гробъ Господень трижды, а азъ въ то время стоялъ у дверей Гроба Господня съ Намѣстникомъ Святѣйшаго Патріарха не во облаченіи, и обшедши трижды Священницы, которые были въ облаченіи, вси пойдоша въ олтарь, токмо единъ Архіерей пришелъ тутъ же, идѣже стояше Намѣстникъ, и изоблачился верхнія Архіерейскія одежды, и того года отъя Турчинъ печать отъ дверей, и даде внити токмо единому Архіерею, и зазже свѣщи внутрь Гроба Господня отъ огня, который самъ невидимо зажигается въ кандилахъ на Гробѣ Господнемъ, и тоя жъ минуты часа вниде къ нему и Армянскій нѣкакій ихъ, проклятій, Архіерей, и зазже свои свѣщи отъ рукъ нашего Архіерея въ притворѣ Гроба Господня, и тоя жъ минуты вышелъ нашъ, Православный, Архіерей, во обѣихъ рукахъ свѣщи возженныя держащъ, и зазже онъ первѣе Намѣстникъ и азъ, и егда уже народъ тиснулся до Архіерея, тогда Намѣстникъ и мы по немъ, возженныя свѣщи въ рукахъ имѣюще, вскочихомъ въ преддверіе Гроба Господня, также и внутрь къ самому и, поклонившеся, цѣловахомъ, и того жъ часа едва чрезъ великую силу протиснулись до олтаря, и тамо зажигахомъ и прочіе свѣщи, колико было у насъ изготовлено, и наченше пѣти литургію, бысть въ служеніи Заіорданскій Архіерей Фотій, и по литургіи мало вкусиша пищи, что у кого прилучилось, и упокоишася даже до полунощи, и во время полунощное начаша клепати въ била, два бываетъ того клепанія съ часъ, древянное и желѣзное, и раздадоша всѣмъ Священникомъ, колико насъ было, каждому всю Священническую одежду, и облекошася, и паки каждому дадоша по Евангелію, а инымъ кресты, и по отпѣніи полунощнаго канона пошли изъ олтаря ко Гробу Господню съ хоругви, съ рипиды и свѣщи по чину, и начаша пѣти тропарь: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова,» и, обшедше Гробъ Господень трижды, сташа Архіерей по обычаю единъ подлѣ другого, и сотворише единъ Архіерей первый, Птолемандскій, начало: «Слава Святѣй, Единосущнѣй и Животворящей и Нераздѣльнѣй Троицѣ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь!» и по обычаю: «Христосъ воскресе» со стихи его, и пойдоша Архіереи единъ по единому кланятися ко Гробу Господню, по нихъ Намѣстникъ и Іеромонахи, которыя старѣйшія первыя, потомъ и насъ почтиша, и тако пойдоша къ царскимъ дверемъ олтаря, и сотвориша Архіереи между себе цѣлованіе, и сѣдше въ креслахъ близъ иконостаса, и

начаша пѣти канонъ Пасхи, потомъ пойдоша ко Архіереемъ Священницы цѣловати держимыя у нихъ въ рукахъ Евангелія, и съ ними въ плеща, яко же есть обычай и у насъ, въ Москвѣ, глаголюще: «Христосъ воскресе,» и отвѣщаетъ: «Во истину воскресе,» токмо не даруютъ другъ друга красными яицы, ниже мирскія; и пришедше вси Священницы, внидоша во олтарь, и по отпѣніи утрени безъ разходу начаша литургію, и бысть посвященіе во Епископы въ Газу Іеромонаха Парфенія, Волошенина, такожде единого во Священники, а другого во Діаконы, и по отпѣніи божественныя литургіи званы быша на трапезу мы вси, поклонники, въ домъ Святѣйшаго Патріарха, сколько насъ было въ той годъ мужескаго полу и женскаго, мнится, что больши трехъ сотъ (мирскимъ всѣмъ была пища построена отъ мяса), и по трапезѣ воздаша хвалу Господеви, и тако разыдошася кійждо во свое пребывалище. И паки того же дни созываху всѣхъ поклонниковъ въ Патріаршій домъ къ вечерни, и по отпустѣ уже бысть цѣлованіе о Христѣ со всѣми мирскими, и многіе пріидоша Іерусалимляне съ женами и дѣтьми малыми, зане такое обыкновеніе издревле, и потомъ паки розыдошася управлятися въ предлежащій путь кійждо во свояси. Первый караванъ изшелъ изъ Іерусалима, въ немъ же и мы бяху, на Свѣтлой Недѣли, въ Субботу, и шли до Ремли съ великою боязнею отъ степовыхъ Арапъ, и бяху ихъ на Ремляской той степи тысящъ 14,000, но быша съ нами Янычарей человѣкъ со сто, и только дошли до Ремли безъ убытку, только взяли они, Янычарцы, съ каждаго по леву, съ мужескаго и женскаго полу, и по три пары взяли, и ночевавъ въ Ремли, пришли отъ полудни, въ Недѣлю Ѳомину, въ Яфу, то есть, въ Іопію, и жили въ Яфѣ отъ 11-го числа Апрѣля до 21-го того жъ мѣсяца, зане не было въ нашъ путь шаекъ и погоды, и на нихъ каіасу, положили было уже и рухледь свою всю и запасъ, при милости Преосвященнаго Архіепископа Синайскія Горы, и егда уже они поѣхали на каіасу, а насъ проклятыя Турки задержали, хотѣли взять нѣсколько подарку, а погода была имъ въ путь добрая, и тако распустиша парусы, пошли въ путь свои до Дамьяту, то есть, до Пелугіи 38 миль, а мы съ братомъ своимъ остались только въ единыхъ кафтанехъ, и еще пребыша во Іопіи 11 дней, и Мая въ 8-й день, прішкавъ каіасу, дали съ человѣка по леву, пошли въ нощи же на Недѣлю, и пришли въ Пелугію Маія въ день, и тамо на Синайскомъ поворьи жиша, и пошли каіасою въ вечеръ по Нилу до Египту, при милости Архіерейской, Маія въ 15-й день, а въ Египетъ пришли въ 18-й день, и въ 19-й день ходили на поклоненіе въ монастырь дѣвичъ Великомученика Георгія, на подобіе великой башни, области

Патріарха Александрійскаго. Другая церковь была великая, токмо нынѣ запустѣла, а служба бываетъ въ недѣли, день субботный ходятъ съ своего подворья Синайскіе отцы и служатъ тамо; а хожденія достараго Египта отъ ихъ подворья одинъ часъ, и въ той церкви Богородичной есть и до нынѣ образъ ея святый на стѣнѣ западней устроенъ высоко, и сказываютъ, что, де, бысть отъ того образа чудо сицевое: Нѣкій Князь бысть, Божіимъ допущеніемъ, оструплень многія лѣта, и бысть къ нему во снѣ гласъ: «Востани и иди на ону страну, поищи: есть тамо въ земли сокровенъ образъ Пресвятыя Богородицы, и предъ тѣмъ образомъ есть кандило, а въ немъ зажженый елей, уже лѣтъ есть семдесятъ, и тѣмъ елеомъ помажи острупленное свое тѣло!» и отъ того гласа возста, и показанное обрѣте; вземъ же той образъ и предъ нимъ кандило съ елеомъ, горящее, помазася, и бысть здравъ, яко никогда же болѣхъ. Да предъ тѣмъ образомъ въ той церкви молился Святый...., о чесомъ пишетъ въ Прологѣ, егда бяше преніе ему съ Евреи о Вѣрѣ, и глаголаша они: «Моли Бога по вѣрѣ своей, яко же пишетъ въ вашемъ Евангеліи, рцы горѣ сей да двинется,» и егда нача молитися, и гора оная двинулася на самый Египетъ, и паки упросиша онаго Святаго да станетъ, и тако молитвами его паки ста. Тамо жъ есть пещера Пресвятыя Богородицы, егда избѣжа изъ Ерусалима съ Превѣчнымъ Младенцемъ и со Іосифомъ Обручникомъ, и живяше въ той пещерѣ нѣсколько лѣтъ, и во время державы благочестивыхъ Царей надъ тою пещерою содѣлана церковь изрядная, и въ пещерѣ такожде построена была церковь, аще и невелика, но весьма была прекрасна, а нынѣ оную церковь и пещеру держатъ Кофты, и своимъ богомерзкимъ приношеніемъ оскверниша. и тамо въ той пещерѣ по обою страну есть по 4 мраморныхъ столпа. и на ошуей странѣ, назади ихъ, при дву столпахъ, положено, вмѣсто подкладокъ, отъ нѣкоего древа по малому бруску, и отъ того берутъ Христіаны многія благоговѣнства, рѣжутъ съ концовъ, но зѣло съ трудностію; видъ того древа кофейной цвѣтъ, а по нашему яко бы гвоздичной, и колико рѣжутъ, но не убываетъ, и сказываютъ, что, де, оное древо Ноева ковчега. А егда шли къ тѣмъ поклоннымъ мѣстамъ, показывалъ намъ проводникъ нашъ житницы Іосифа Прекраснаго егда содѣла во время Фараонитскія державы, и полагаше пшеницу въ гладное время; а житницы оные построены яко бы по нашему житный дворъ, а сараевъ нѣсть, и до нынѣ держатъ тамо премного Салтанской пшеницы, и отпущаютъ ее, и гдѣ они и имѣютъ свои большіе пристани, тамо и скупуютъ ихъ пшеницы много. И возвратився оттуду, взошли на столпъ, гдѣ тянутъ волами воду, приведена изъ Нила:

первый кладезь нижній глубины 40 саженъ, и егда востягаютъ, течетъ браздою въ другій кладезь, и изъ того востягаютъ на верхнюю бразду 8-мь саженей, а бразда оная построена вся каменная и на столпахъ каменныхъ, и тая бразда проведена въ вверхній замокъ древній, въ немъ же быше построена темница, въ ней же и Прекрасный Іосифъ посаженъ бысть отъ Пентефрія; а глубины тоя темницы степеней съ пятсотъ, а нынѣ построени въ ней кладези и два прясла и корыта, тѣми колесы тягнутъ волами, въ нижнемъ прялѣ 3 колеса по 2 вола, и тако тянутъ непрестанно перемѣнами, и вода оная пущена во весь Египетъ по скрытымъ браздамъ; въ томъ замкѣ есть домъ Іосифа Прекраснаго, и до нынѣ есть домъ той на высотѣ, по Арапски называютъ...., а по нашему чердакъ, и было строеніе предивное и прекрасное. Изъ того дому пошли на Пашинскій дворъ, видѣли тамъ двѣ птицы строфокамилы великія, перья имѣетъ на спинѣ и мало подъ хлупью черныя, а крылья бѣлыя, шея и ноги голыя, на подобіе верблюжьихъ, вышиною съ годоваго жеребенка; и оттуду идучи, видѣхомъ двѣ кожи тѣхъ птицъ одранныхъ, въ рядѣ продаютъ и съ перьями. И того жъ Маія въ 27 день пошли изъ Египта въ Синайскую Гору на верблюдахъ, и вышедъ изъ жилища, ночевали на хану Турецкомъ, дондеже все попревозили изъ того Синайскаго подворья, и покладчи на верблюды, пошли въ путь свой съ нечестивыми Арапы пустынными на страну полуденную, а въ то число отпущены были съ нами, по указу Архіерейскому и всего собора, два чернеца, единъ нашъ Русскій, Польскихъ краевъ, именемъ Іоасафъ, пребываетъ тамо уже лѣтъ съ 20, въ неволѣ бывъ у Турчанина 15 лѣтъ, другій молодый чернецъ, именемъ Германъ, Болгарскихъ людей. Въ 28 и въ 29 день шли мало, почести за единъ день до мѣста; тамо есть езеро великое; ночевали, обшедъ на другу страну того озера и стояли до полудни, дожидалися большаго каравана; всего было верблюдовъ съ 30, а нашего въ томъ же числѣ только съ 10; той караванъ весь съ пшеницею Салтацкою до пристанища, глаголемаго Суевизіи (Суецъ), которое есть въ самомъ лиманѣ Чермнаго моря пристанище; и шли съ боязнію отъ разбойникъ Арапъ два дни и двѣ нощи, степью все гладкою и такою сухою, что ни воды, ни травы и никакова древа; воду везли въ козіихъ кожахъ, а изъ того пристанища поднимаютъ оную пшеницу тамошними Чермноморскими кораблями, и отвозятъ въ Мекку, идѣже ихъ Турецкое поклоненіе; тамъ же есть и гробъ ихъ богомерзскаго пророка Махомета, и есть, де, тамо монастырь ихъ, а въ томъ монастырѣ дервишевъ сидятъ 12, кромѣ военныхъ и прочихъ ихъ бусурманскихъ людей народа, и всѣхъ, де, тамо живущихъ

исчисляется тысячь съ пятнадцать. И отвозя ону пшеницу, паки на тѣ же верблюды накладаютъ въ мѣшкахъ кофе и отвозятъ въ Египетъ. А егда пришли ко оному выше писанному пристанищу Іюня въ 30-й день, была тотъ часъ оная залива въ полности, а о полудни збыло той морской воды на аршинъ, и тако въ концѣ той заливы перешли въ бродъ съ верблюдами, и шли часа съ три до мѣста, идѣже, пришедъ Моисей съ Израильскимъ народомъ чрезъ Черное море, стоялъ, и тамо истекоша 12 источникъ, которыя и до нынѣ вси видимы и неподалеку единъ отъ другого; только вода оная есть мало солоновата, а по нуждѣ и тоя наполнихомъ мѣха, и почивавъ подъ финиковымъ кустомъ, который израсте, по пророченію Святаго Пророка Моисея во время ихъ путешествія; и отъ того мѣста шли два дни до воды, и тамо, отдохнувъ, наливахомъ паки воды мѣха своя. и пойдохомъ уже въ горы, оставя море въ десной странѣ далече, и тако даже до самой Синайской Горы все шли между горами пять дней съ великою нуждою безводною, токмо въ тѣхъ горахъ въ двухъ мѣстахъ обрѣтеся вода; а жаръ солнечный толикій терпѣхомъ, токмо единому Богу свѣдущу, и наша грѣшная тѣлеса не едина кожа съ лица сползла, яко чешуя, и того жару и жажды терпѣли всего 11 дней вышедъ изъ Египта. И того жъ Іюля въ 10-й день, благодатію Божіею, пришли въ Синайскую Гору о вечернемъ времени, къ великому монастырю, а которыя мѣхи привезли посланныя съ нами отъ Архіепископа и всей братіи со пшеницею и со прочими вещами на потребу монастырскую, все тое подымали воротомъ въ окно по стѣнѣ (дуваръ), потомъ и насъ по единому такожде саженей, 5 отъ земли до онаго окошка, а врата въ то число были замурованы отъ проклятыхъ Арапъ, отъ которыхъ братья, живучи въ томъ монастырѣ, великую нужду терпятъ. Егда мало съ ними, проклятыми, мирствуютъ. и тогда исходятъ братія внѣ монастыря и собираютъ плодъ отъ садовъ разныхъ древесъ: лимоны, помаранцы, мигдалы, груши, яблоки. маслины, отъ ближняго саду, который есть близъ монастыря онаго Такожде и окрестъ Синайской Горы есть сады ихъ монастырскія виноградныя, финиковыя и прочихъ древесъ, великія и превзрядныя, токмо нынѣшній годъ не взяли противу прошлыхъ лѣтъ ни сотой доли, понеже, посѣщеніемъ Божіимъ, все поѣла саранча, и при насъ премножество было сея: на что нападаетъ, то ѣстъ, что можетъ И егда повстягоша насъ всѣхъ, изшелъ къ намъ Намѣстникъ, именемъ Анатолій, со многими Іеромонахи, и пріяша насъ съ великою радостію и любленіемъ многимъ, и цѣловаша насъ вси о Христѣ братія, Іеромонахи и монахи, и тако пойдохомъ въ соборную церковь.

и воспѣша вси: «Достойно есть, яко во истину блажити тя, Богородицу,» и прочее до конца, а намъ повелѣша цѣловати святыя иконы, и потомъ ектенію о Благочестивѣйшемъ Государѣ и Царѣ и Великомъ Князѣ, Петрѣ Алексѣевичѣ, о благовѣрныхъ Царицахъ, и о благовѣрномъ Государѣ и Великомъ Князѣ, Алексіи Петровичѣ, о блгородныхъ Царевнахъ, потомъ о насъ, пришельцахъ, и тако поздравиша насъ вси братія, и отведоша насъ каждаго во особливую келію. А егда внидохомъ въ оную соборную церьковь, ей, по истинѣ глаголю о Христѣ, не лгу, яко бы въ райское селеніе введоша насъ, и описати оную святую церьковь подробно, мню, что мало кто возможетъ, аще кто не будетъ просвѣщенъ отъ Бога; и како человѣкъ не почудится оной красотѣ? Отдѣлалъ ее еще благочестивый Царь Іустиніанъ Греческій, а видима яко бы днесь совершися, о чесомъ пишетъ пространно въ Хронографѣ Греческомъ Св. Патріархъ.

Описаніе вкратцѣ, колико есть во оном святомъ монастырѣ Синайскія Горы святыхъ церквей и иныхъ чудотворныхъ мѣстъ, такожде и и по Святой Синайстей Горѣ монастырей и пещеръ святыхъ отцевъ.

1) во первыхъ: Соборная церковь Преображенія Господа и Бога Спаса нашего, Іисуса Христа; 2) Неопалимая купина, строенія святыя Царицы Елены, егда Моисей пасяше овцы и видѣ оную купину горящую и незгараемою; 3) отъ сѣверныя страны Святаго Іакова Брата Господня; 4) Святаго Священномученика Антипы; 5) Святыхъ Равноапостольныхъ, Богомъ вѣнчанныхъ, Царей Константина и Елены; 6) Святыя Великомученицы Марины; сіи отъ южныя страны; 7) Преподобныхъ Отецъ, въ Синаѣ и въ Раидѣ избіенныхъ; есть и мощи Святыхъ тамо; 8) Святыхъ Богоотецъ Іоакима и Анны; 9) Симеона столпника; 10) Святыхъ безсребряниковъ Козмы и Даміана; сіи вси въ соборной церквѣ. А сіи въ великомъ монастырѣ, но токмо внѣ соборныя церкви, иже суть предѣлы: 11) Святаго Великомученика Георгія; 12) Святыхъ Апостолъ Петра и Павла; 13) Святаго Первомученика и Архіідіакона Стефана; 14) Святаго Архистратига Михаила; 15) Трехъ Іерарховъ и Вселенскихъ Учителей; 16) Преподобнаго отца нашего Антонія Великаго; 17) Святаго Іоанна Крестителя; 18) Святаго Великомученика Димитрія; 19) Святаго Николая Чудотворца; 20) Святыхъ Славныхъ Пророковъ Моисея и Аарона; 21) Святыхъ Мученикъ Сергія и Вакха; 22) Святыхъ Мученикъ Пяточисленныхъ; 23) Святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова; 24) Живоносный Источникъ; 25) Успенія Пресвятыя Богородицы.

Егда поклонники изходятъ изъ великаго монастыря и восходятъ

на святый верхъ Синайской Горы, первѣе приходятъ къ единому источнику, а вода въ немъ вельми преизрядная, по Грецки зовется «чатори вриси,» а по нашему «чеботарный кладезь,» и тамо поклонники мало опочиваютъ. Отъ тоя воды восходя есть церковь Пресвятыя Богородицы, гдѣ сама показася Иконому, и тамо мало опочиваютъ же. Паки восходя едины двери, въ нихъ же въ прешедшія времена сидяше духовникъ исповѣдывать грѣховъ восходящихъ на верхъ горы, и отъ онѣхъ не подалеку есть другія, и тамо такожде духовникъ сидяше, егда забвеніемъ, что первому не сказалъ, у втораго совершенно покается. И оттуду восходя есть двѣ церкви, едина Святаго Пророка Иліи, а другая Святаго Пророка Елисея, тамо же есть и пещера Иліина, еже есть въ Хоривѣ, идѣже постися 40 дней и 40 ночей; тамо же есть древесъ различныхъ много: кипарисы, смоковины, масличны; и паки оттуду восходя, есть единъ камень, его же отсѣче отъ горы Ангелъ Господень и завали дорогу предъ Святымъ Пророкомъ Иліею, и гласъ къ нему бысть: «Како Моисей не вниде во градъ Іерусалимъ, тако и ты не можеши взыти на верхъ сея горы сія,» и возвратися паки оттуду Святый Пророкъ Илія; и отъ того камня уже восходятъ на святый верхъ, идѣже Моисей законъ пріятъ. И есть тамо св. церковь Преображенія Господня, въ ней же и меня, грѣшника, сподобилъ Богъ служити святую литургію. Есть же и вода тамо; и ночевавъ, поклонившися, снисходятъ. Оттуду приходятъ на гору Хоривскую, и тамо церковь Святаго Іоанна Крестителя, и оттуду приходядъ къ церкви Святаго Великомученика Пантелеимона; есть же тамо на верху горы тоя три пещеры, въ нихъ же спасашеся, и бысть тамо 40 дней и 40 ночей, о чесомъ пространнѣе свидѣтельствуетъ Святое Писаніе; тамъ же близу есть церковь Святыя Анны. Тамъ же есть мало подалѣе церковь Положеніе честнаго пояса Пресвятыя Богородицы, егда, по преставленіи ея, несоша Ангелы пресвятое тѣло на небеса, и на томъ мѣстѣ даде честный поясъ свой Ѳомѣ Апостолу. И оттуда, снисходя съ горы Хоривской, и приходятъ къ церкви 40 Мучениковъ; есть тамо садъ масличный и келіи, и тамо поклонники едину ночь ночуютъ, и оттуду отъ церкви 40 Мучениковъ восходятъ на гору Святыя Великомученицы Екатерины, и есть на самомъ верху горы тоя въ камени изображеніе всего тѣла ея святаго, егда принесоша ю два Ангела изъ Александріи и положиша на томъ святомъ версѣ, такожде и ихъ Ангельскія видимы суть и донынѣ мѣста на каменѣхъ, гдѣ присядаху и стрежаху 300 лѣтъ.

Изъ Египта пошли внизъ по Нилу рѣкѣ до Дамьята, Іюля въ 5 день, и пришли въ Дамьятъ того же мѣсяца въ 9-й день, и обрѣтохомъ тамо

Родоское судно, зовомое трикаторга; вышли изъ проливы Іюля въ 21 день, и хожденія нашего было въ пучинѣ морстѣй до Родоса 20 дней, зане не было намъ погоды въ путь нашъ ни сколько, все бысть противный вѣтръ, и тѣмъ вѣтромъ противнымъ приплыхомъ даже до Кипру, и брахомъ въ томъ островѣ воды, сколько потребно было, и пошли отъ Кипра все уже близъ Анадольской страны, то есть, Восточной. Августа въ 1 день ночевали подъ градомъ Финикіею, во 2 день быхомъ противу Миры-Ликіи, идѣже бысть Архіепископомъ Святый Николай, мѣсто все разоренное и жителей мало, и то все Турки, а Христіанъ нѣтъ. Того же числа ночевали въ пристанищѣ, въ лиманѣ, глаголемомъ Какова, идеже въ недавныя лѣта градъ отъ гнѣва Божія со всякимъ строеніемъ провалися, яко же вторый Содомъ, и до нынѣ сказываютъ, что, де, видимо близъ брега въ мори онаго строенія разрушенныя части, но мы въ оный въ вечернюю годину пришли и въ полночь вставъ, пошли изъ него, и той лиманъ бысть уже при Турецкой державѣ разбойническимъ кораблямъ и каторгамъ Малтейскимъ пристанищное хранилище въ лѣтнее и зимнее время, зане ни откуду въ него видѣти можно, и егда Турцы возмогаша ихъ непріятельскій долотъ, и поставиша тамо градецъ малъ со оружейными припасы, стражи ради, и того ради ихъ непріятельскаго пріѣзду и до нынѣ посылается изъ Царьграда на Бѣлое море Турецкій ихъ флотъ по вся годы, кораблей великихъ воинскихъ по 7 и по 8, такожде и каторгъ по 12 и по 15, осторожности ради онаго Адріатцкаго моря. Въ 3 день быхомъ противу мѣста, глаголемаго Паторы, идѣже бысть отечество Николая Чудотворца; въ 7 день пришли во островъ, глаголемый Родосъ; градъ въ томъ островѣ изрядный и крѣпкій есть и славный на свѣтѣ, строеніе Христіанскихъ Царей, Западныя страны Церкви, Князей и владѣтелей разныхъ провинцій, а владяху имъ Малтезы, которые быша на свѣтѣ воины, о нихъ же не престаетъ и до нынѣ оная слава во вся страны. А признаваютъ его по сему, что разныхъ владѣтелей строеніе: который Князь строилъ башни, или раскаты, или иное кое мѣсто, то на томъ строеніи изсѣченный свой гербъ на мраморномъ камени поставилъ съ подписаніемъ своими имяны предивнымъ мастерствомъ; еще же бяше въ томъ градѣ, при ихъ Христіанскомъ владѣтельствѣ, построена вещь предивная: во входѣ въ пристанище лимана при стѣнѣ градской построены двѣ башни, а на тѣхъ двѣ башняхъ былъ поставленъ изливанный отъ мѣди болванъ вида человѣческаго, стоя единою ногою на башни, а другой на другой башни, и подъ него вхождаху и исхождаху корабли великія воинскія и купецкія нащенныя, о чесомъ и до нынѣ обносится пространнѣе во исторіяхъ, и

егда волею Божіею взяша оный градъ Турцы, того болвана сокрушиша и подѣлаша изъ него пушки. А между оными двѣма башнями есть и донынѣ еще ихъ строенія твердыня, утверждена кольцы великія цѣпь внутрь тѣхъ башенъ и низвѣшена въ море, возбраняющая входъ въ той лиманъ кораблямъ непріятельскимъ. И отъ выше писаннаго 7 дня стояхомъ въ Родосѣ даже до 17 числа, не прилучилось никакого суда на въ Царьградъ, и въ тѣхъ дняхъ пришли два судна отъ Финикіи невеликія съ лимонами, единъ Хіоскій, а другій Карпаскій, шли до Царяграда; рядилися мы съ онымъ корабленикомъ Хіоскимъ, именемъ Николай, за семъ левовъ довести насъ троихъ до Царяграда, и онъ цѣны тоя не взялъ, просилъ больши, а въ 15-й день порядились съ другимъ корабленикомъ, выше писаннымъ Карпаскимъ, мало что ниже тоя цѣны, и пошелъ той Хіоскій того жъ 15 дня въ путь свой, а мы еще стояли въ томъ Родосѣ до дня 17. Двадесять втораго числа быхомъ противу острова Самоса, и воста противный вѣтръ, и не возмогохомъ отыти въ путь свой, но возвратихомся, и пришли на Анадолскую, то есть, Восточную страну, ко граду Кушатасъ, и пошли въ 24 день, вставъ рано, перешли только миль съ 15, ночевали у Анадолской же страны. Въ 25 день, вставъ по рану, отбѣжали въ пучину морскую вѣтромъ боковымъ самымъ жестокимъ миль съ шесть, и волею Божіею вскочи кормило съ мѣста своего, и едва востягнухомъ на судно, а сами быхомъ въ великомъ страхѣ отъ потопленія, но всесильный Богъ тако не изволи: веслами по малу управихомъ и возвратихомся на прежнее свое мѣсто, гдѣ ночевали. И Сентября въ 1 день, егда уже прибылъ оный Хіоскій въ гольфу Константинопольскую, постиже его буря вѣтренная въ нощи, и разбися судно о землю острова, глаголемаго Арапъ, который близъ острова Мармора, и выкинуло ихъ совсѣмъ на сухо, потопло вещей у него и съ товарищи мало нѣсколько, и женскаго полу съ ними были трое, а мы въ ту погоду едва ушли отъ Анадольской страны во островъ Тенедосъ. Въ 4 день Сентября пришли и мы близъ того острова, гдѣ ихъ разбило, часа за полтора до вечера, легкимъ вѣтромъ, и не вели набѣжали на камень противу острова Кутали и Арапомъ (зовемаго), только мили съ двѣ, и наше судно такожде разбися, нача наполнятися водою и, силою всемогущаго Бога, мало по малу прибышися къ берегу, егда уже погрузися всеконечно, паде на дно и повернуся на одинъ край, а другой осушися, и въ томъ часѣ како восхваляхомъ наказующаго, а не умерщвляющаго, и ожидающаго душъ человѣческихъ на покаяніе, Бога, и какими радостными душами возрадовахомся, яко не погрязнухомъ въ пучинѣ морстѣй, и быхомъ на

мертвіи, а живи обрѣтохомся, и были уже въ готовности, кто бы возмогъ выплыти на сухо, и по малу которыя вещи не потопли, вывезли съ нуждою баркою на сухо; а лимоны, которые были того корабленика и товарищевъ ево, всѣ поплыли въ море, а не ко брегу, яне вѣтеръ тако бысть, только собрали тысячь со ста, а всѣхъ было съ 400 тысячь, но и се Господь Богъ велiе чудо показа: не токмо по насъ, грѣшныхъ, избави отъ потопленiя, но и вещи наши, которыя были въ водѣ и весьма не возможно имъ сухимъ быти, но изъяхомъ яко бы и въ водѣ не была. И по утрiе въ 5 день, еже бысть въ Недѣлю, обрѣтохомъ малое судно, малой каикъ, нанявъ, перевезли которыя съ нами были малыя вещи, и сами пришли, благодаря Бога, въ село, которое есть въ томъ островѣ Кутаiѣ, и тамо обрѣтается человѣкъ боголюбивый, именемъ Феодоръ, по ихъ называется хаджiй или проскинитисъ, а по нашему поклонникъ гроба Господня, прiяласъ любезно и даде намъ въ домѣ своемъ покой изрядный, въ немъ же мы пробыхомъ дней четыре, и въ 8 день вси собрахомся, которыи были въ потопленiи обѣихъ выше писанныхъ суденъ, въ едино судно, пришли въ Царьградъ мѣсяца Сентября въ 11 день, благодаря Бога, сотворшаго дивная чудеса, и внидохомъ, отнюдуже изыдохомъ, въ домъ, въ сарай Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Ближняго Стольника и Намѣстника Алатарскаго, Петра Андреевича Толстова, и предстахомъ Его Превосходительству въ храмѣ Пресвятыя Богородицы, во время божественной литоргiи. И тако, благоволенiемъ и благостiю Бога преблагаго, во Троицѣ славимаго, помощiю и предстательствомъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, и молитвами всѣхъ угодниковъ, исправихомъ свое обѣщанiе, аще не тако, яко же подобаетъ, занеже яко человѣцы, и скончахомъ хожденiе свое во святый градъ Iерусалимъ, такожде и во святую Гору Синайскую, радостно. Аминь.

Списано сiе подписанiе въ богоходимой Синайстѣй Горѣ въ вещей лаврѣ въ соборной церкви Преображенiя Господа нашего, Iисуса Христа, съ серебряной раки, стоящей во святомъ олтарѣ, юже устроиша и послаша наши благочестивыя Цари по благоволенiю Божiю и своему Царскому обѣщанiю, въ нюже да положени будутъ мощи Святыя Великомученицы и всемудрыя Екатерины; на кровлѣ той раки, всецѣлый образъ среброкованный ея святый имущь таблицу, а на ней написано сия молитва:

«Господи, Iисусе Христе, Боже мой, благодарю тя, яко поставилъ на камени терпѣнiя нозѣ мои, и исправилъ еси стопы моя; простри

нынѣ пречистыя длани твои, яже на крестѣ уязвленныя, и прими душу мою, яже пожрохъ за любовь твою, и омый ю кровію, юже пролiяхъ тебе ради, даждь же и онымъ, елицы призовутъ мною всесвятое имя Твое, яже къ пользѣ прошенiя, да воспѣваютъ отъ всѣхъ величiе твое во вѣки вѣковъ. Аминь.»

Со сторонъ въ таблицахъ сице написано: У главы: Лѣта 7195 (1687), мѣсяца Iюня въ день, Мы, Пресвѣтлѣйшiя и Державнѣйшiя Православныя Христiанскiя Богомъ избранныя Великiя Государи, Цари и Великiя Князи, Iоанъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, и Великая Государыня Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софiя Алексѣевна, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи Самодержцы, Московскiя, Кiевскiя, Владимiрскiя, Новгородскiя, Цари Казанскiя, Цари Астраханскiя, Цари Сибирскiя, Цари Псковскiя, и Великiя Князи Смоленскiя, Тверскiя, Югорскiя, Пермскiя, Вятскiя, Болгарскiя и иныхъ Государи, и Великiя Князи Новгорода Низовскiя Земли, Черниговскiя, Резанскiя, Ростовскiя и Ярославскiя, Белоозерскiя, Удорскiя, Кондiйскiя и всея Сѣверныя страны Повелители, и Государи Иверскiя Земли, Картлинскiя, и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскiя Земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Росударствъ и Земель Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ Отчичи, и Дѣдичи, и Наслѣдники, и Государи и Обладатели.»

Съ преходу на ракѣ три таблицы, а на нихъ писано сице: «Александрiйская похвала, Вѣры Христiанскiя поборительница, идольскiя лести обличительница Евангелiя Божественнаго заступница, заповѣдей Господнихъ сохранница, совѣтовъ Христовыхъ исполнительница, многихъ къ Богу обратительница, Царская на земли дщи сущая, на небеси же Царя Царей невѣста любезная, дѣвства родомъ и красотою чистая, благолѣпiемъ лица си въ та времена вся дѣвы по предивнымъ всѣхъ удивленiемъ превосходящая, но красотою душевною и Христiанскими истинными добродѣтельми, и къ жениху своему, Христу Iисусу, всесовершенною любовiю, паче нежели тѣлеснымъ благолѣпiемъ цвѣтущая, отъ самаго Бога прославляемая, отъ небесныхъ силъ удивляемая, отъ всѣхъ Православныхъ Христiанъ выну величаемая, пречистою си душею у престола небеснаго Царя предстоитъ, многострадальное же тоя святое и великочудесное тѣло здѣ, на земли, во святѣй Синайстей Горѣ, въ церкви Преображенiя Господа и Спаса нашего, Iисуса Христа, Ангелами тамо принесенное, пребываетъ, и благодатiю Божею велiя и прославная чудеса съ вѣрою приходящимъ и помощи въ потребахъ своихъ просящихъ содѣваетъ. Присно Божiя всемилостивыя благодати желающiи, Вѣру Православную Христiанскую всецѣло хранящiи, и

ныхъ небесныхъ и присносущныхъ радостныхъ благъ усердствующіи, святыхъ Божіихъ, яко вѣрныхъ его рабовъ и мучениковъ души своя за ны положшихъ, достодолжно честію почитающіи и молитвъ ихъ святыхъ и заступленій къ Царю небесному и Богу, предъ его же тіи выну въ небесѣхъ предстоятъ предъ престоломъ и несредственно зрятъ лице его божественное, о себѣ и о всемъ Православномъ царствіи тощнѣ нотребующіи, отъ ихъ же божественнаго святаго лика есть сія святая великая, премудрая и нетлѣнная дѣва и чюдная мученица Екатерина, яже есть, по Божіей ей даннѣй благодати, красота дѣвическая, мучениковъ хвала, мудрыхъ дѣвъ чюдо, чистоты образъ, великодушевное зерцало, премудрыхъ удивленіе, философовъ учительница, Царя и злаго мучителя Максентія Царицы наставница, юбродѣтелей показъ. О немъ же святомъ тѣлѣ Мы, ея Великія Государи Цари извѣстіе пріемше отъ присланнаго къ намъ изъ оныя святыя Горы, отъ Преосвященнаго Архіепископа Іоанникія и Архимандрита Кирила, и яко оно святое не имать сребряныя раки, тѣмже возъусердствовахомъ благохотнѣ и Царскимъ нашимъ желаніемъ возжелахомъ тощнѣ оному святому тѣлу сію сребряную позлащеную раку изъ нашея Царскія казны устроивше, со онымъ Архимандритомъ Кириломъ съ братіею во святую Синайскую Гору послати, съ нимъ же устроивше и послахомъ, да то святое и всякія чести достойное тѣло имать въ сей нашей Царствѣй сребряннѣй и позлащенной рацѣ пребывати, и о насъ всемилостивую благость Божію, Святая Великомученица Екатерина, имущая къ Царю Небесному и Богу дерзновеніе непостыдное, выну теплою си молитвою не престанетъ просити, его же отъ нея зѣльно усердствующе, и паки къ той особое сіе наше Царское смиреніе всеприлѣжное прошеніе предлагаемъ.» Слѣдуетъ надпись у ногъ: «О Дѣво святая и боголюбезная, пособствуй намъ содатайствовать во всякихъ нашихъ потребахъ, заступай предстательствомъ твоимъ неусыпнымъ отъ гнѣва и ярости Царя Небеснаго благочестивое наше Царствіе Россійское, умоли у Господа силъ непобѣдимую силу нашимъ благочестивымъ воемъ противу всякимъ врагомъ и супостатомъ, упроси у всѣхъ вѣковъ временъ Творца благовременіе, миръ, тишину и изобиліе странамъ Россійскимъ, умилостиви человѣколюбца всещедраго увѣтливыми словесы твоими, да проститъ намъ согрѣшенія и сотворитъ насъ наслѣдники Царствія своего небеснаго, идѣже онъ хвалимъ и славимъ отъ всѣхъ небесныхъ силъ пребываетъ въ нескончаемыя вѣки. Аминь.»

Списано сіе съ самыя выше писанныя раки во святой богоходимой Горѣ Синайстѣй 1708 года, въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Лѣта 7342, отъ Ро-

жества Христова 1732 года, Апрѣля въ 28 день, писалъ сію книгу обители живоноснаго Христова Воскресенія монастыря Казначей Пахомій Агаповъ своею рукою.

Аще сею книгою послѣ моего житія благоволитъ Богъ владѣти и прочитать, да явитъ ко мнѣ, Господа ради, милость и любовь, сотворитъ молитву къ Богу о моей грѣшной души о отпущеніи моихъ многихъ грѣховъ.

III.

Перегринація или Путникъ, въ немъ же описуется путь до святаго града Іерусалима и вся святая мѣста Палестинская, отъ Іеромонаха Варлаама, бывшаго тамо въ 1712 г.

Азъ, іеромонахъ Варлаамъ, бывшій при Его Сіятельствѣ, Господинѣ Фельдмаршалѣ, Борисѣ Петровичѣ Шереметевѣ, свидѣтельствованномъ Кавалерѣ Малтійскомъ, Капеляномъ, по состояніи мира надъ Прутомъ съ Турками, по Указу Его Царскаго Величества, былъ посланъ отъ выше именованнаго Фельдмаршала, отъ рѣки Прута во обозъ Турецкій, съ нѣкоторымъ Пашею, на службу ко Ихъ Превосходительствамъ, Господамъ Полномощнымъ Посламъ Его Царскаго Величества, Господину Петру Павловичу Министру Барону Шафирову и Господину Михайлѣ Борисовичу Генералу Графу Шереметеву, до которыхъ приспѣвши и многое время во обозѣ Турецкомъ умедливши, на различныхъ мѣстахъ пребывающе, наченше отъ Іюля и даже до мѣсяца Септемврія дня 29, и со всею арміею Турецкою и съ Везиромъ Магметъ-Пашею пріидохомъ во градъ Турецкій, нарицаемый Адріанополь. Въ томъ выше поимяненномъ градѣ стоявше, чрезъ двѣ недѣли по опроверженіи Везиря стараго, а по обраніи новаго, яхомся пути ю царствующаго града Константинополя, и Божіею помощію достигохомъ оного мѣсяца Ноемврія дня 21, въ немъ же многія нужды утерпѣхомъ даже до окончанія мира съ Турками. По содержанію же мира съ Турками, имущи азъ давно намѣреніе и обѣщаніе мѣстомъ святымъ поклонитися въ богоспасаемомъ градѣ Іерусалимѣ, а къ тому усмотрѣвши благополучное время ко исполненію обѣщанія моего, билъ челомъ Ихъ Превосходительствамъ, Господамъ Посламъ, и молихъ ихъ о моемъ намѣреніи во святый градъ Іерусалимъ, дабы мя отпустили, которые, по любви своей и милости господской, не презрѣли прошенія моего, но съ усердіемъ во святый градъ отпустили, и не точію деньгами и всякими на путь довольствіями ударовали, но и фирманъ у Салтанскаго Величества Турецкаго исходатайствовали, дабы могъ безъ всякаго опасенія такъ до богоспасаемаго града Іерусалима шествовати, яко же и вспять безъ всякой опасности и задержки ни отъ кого въ царствующій градъ Константинополь возвратитися. И тако азъ, получивши желаемое и одершавши фирманъ, яхся морскаго плаванія Божіею помощію и молитвами Пресвятыя Богородицы, и Господъ Пословъ изволеніемъ, во святый градъ Іерусалимъ, году 1712, мѣсяца Августа

29, нанявши корабль у нѣкотораго человѣка, именемъ Георгія, Капитана того жъ корабля, до святаго града Іерусалима, и внидохомъ въ корабль мѣсяца Септемврія дня 2, возложивши все упованіе на Управителя Іисуса Христа, отпустихомся отъ брега Константинопольскаго на море, и благополучнымъ и тихимъ вѣтромъ убѣжахомъ миль сто, пристахъ ко Кетердагѣ, еже по Греческу нарицается Родостосъ. Сей городъ расположенъ есть подъ горою на брезѣ морскомъ, въ немъ же многообитаетъ Турковъ и Христіанъ. Въ томъ градѣ нѣсколько часовъ отдохнувши, паки яхомся плаванія до единой веси, нарицаемой Кутале, въ ней же точію Христіане обитаютъ. Съ Кетердаги до Кутале миль 15; обаче подъ сею весію бѣхомъ въ великѣй бѣдѣ и нуждѣ, чрезъ всю нощь носими жестокими и противными вѣтры между волнами морскими, но Божіимъ защищеніемъ спасохомся отъ потопленія. Съ Кутале пойдохомъ въ Калиполь городокъ миль 45. Въ томъ городку нѣкогда бяше самъ благочестивый Царь Константинъ и хотяше на ономъ мѣстѣ Царьградъ сооружити, но, ради скудости мѣста, не соизволилъ. Съ Калиполя паки яхомся морскаго плаванія до кастелы или фортеціи Турской моремъ зѣло ускимъ миль 40; она кастела или по Турску богазъ, построена есть отъ Турковъ со обоихъ странъ береговъ морскихъ, ради обереженія Царьграда отъ Мальтезовъ и Венеціанъ, въ ней же обрѣтается пушекъ множество малыхъ и великихъ, и караулъ великъ, стерегущъ проѣзду днемъ и нощію. Съ тое кастелы пойдохомъ во вторую миль 17, въ ней же такожде, яко же и въ первой, со обоихъ странъ береговъ пушекъ премножество обрѣтается. Съ тѣхъ богазовъ вышедши на море болшее, повратихомся въ лѣво, оставляше путь въ право ко святѣй Горѣ Аѳонстѣй, яже отдалече дается видѣти, и пріидохомъ въ Трою или въ Троаду миль 15, яже прежде нѣкогда градъ бѣ превеликъ, Греческими и Латинскими историками описанный, въ немъ же Святый Апостолъ Христа проповѣда и Евтихія отрока, падшаго отъ окна, воскресилъ, яко Дѣянія Святыхъ Апостолъ повѣствуютъ, нынѣ же весма есть пуста и ничто же въ немъ не обрѣтается, кромѣ едини фундаменты. Прочее же отъ Трои пойдохомъ въ Митилинъ островъ миль 40, въ немъ же опочиваютъ мощи Святаго Георгія, Митрополита Митилинскаго. Подъ тѣмъ островомъ бурею презѣлною и волнами всю нощь носимы бѣхомъ, но молитвами Пресвятыя Богородицы спасохомся отъ погибели, и пойдохомъ радующеся въ Хію миль 100. Хія же или по Турску Сакизъ нарицается градъ великъ на островѣ великомъ. Зданія въ немъ Греческая древняя, премножество же въ себѣ имѣетъ лимоновъ и винограду. Оттуду яхомся плаванія во Ефесъ миль 160, въ

немъ же обрѣтается гробъ Святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, отъ него же взимаютъ богомольцы прахъ на исцѣлѣніе всякой болѣзни. Таможде есть и пещера Святыхъ Седми Отроковъ триста седмьдесять и два лѣта спавшихъ, иже уснуша при Царѣ Декіи, восташа же при Царѣ Ѳеодосіи, и нынѣ въ той же пещерѣ опочиваютъ. Отъ Ефесу пойдохомъ до Патмы острова миль 50, идѣже Святый Іоаннъ Богословъ Святое Евангеліе написа. Отъ Патмы миль 12 пріидохомъ въ гору, Турски именуемую Станковъ, идѣже мало отдохнувши и паки яхвшися плаванія, черезъ миль 210 пристахомъ въ Родосъ. Родосъ же градъ бяше прежде Малтейскій, сооруженъ на устіи великаго моря, нынѣ же обрѣтается во владѣніи Турскомъ, отъ Іоппіи разстояніе имущій миль 600. Мы же мѣсяца Септемврія дня 27 отпустихомся отъ брега Родоскаго на море великое на нощь съ пятмянадесять кораблями Турецкими и единымъ галіономъ. Пловущи же всю ту нощь, рано на восходѣ солнца впадохомъ въ разбойники Малтійскія; обаче защищеніемъ Божіимъ спаслися отъ нихъ; ибо, ради множества кораблей, не дерзнуша на насъ ударити и на лѣвую страну отъ насъ уклонишася. Мы же поидохомъ, благодаряще Бога, сохраншаго насъ отъ нихъ, въ путь свой. Прошедшу же оному дню, а наставшей нощи, Божіимъ попущеніемъ найде на насъ печаль нечаянная и бѣда горѣе первыя; ибо восташа премногія сопротивныя вѣтры, безмѣрно жестокія волны превеликія, яко по премногу и въ корабль наливатися водѣ; блистанія, громы страшныя и буря зѣлная, отъ нея же и вѣтрило корабельное проломися, и тако весма отчаялися бѣхомъ житія своего, носими превеликими волнами по морю нощь и день, отъ небесъ дождемъ великимъ окропляеми, отъ моря же наглыми волнами омываеми; ибо и во дни въ облакахъ темныхъ, аки бы въ нощи, не вѣдуще солнечнаго сіянія, плавахомъ, и ничто же болѣе надѣющеся, точію потопленія. Богъ же милосердый (его же молихомъ со слезами), видѣвши печаль нашу премногу, услыша гласъ плача и моленія нашего, избави насъ отъ потопленія. Утишившись къ вечеру на вторую нощь вѣтры и волны морскія и подавши намъ солнечное сіяніе, ему же мы возблагодаривше за наказаніе, поидохомъ помощнымъ вѣтромъ въ путь свой радующеся. Пловущимъ же намъ ко Іоппіи дней седмь, и уже не подалече къ ней приближившимся, яко и горы Іоппійскія мощно бяше видѣти, паки впадохомъ въ разбойники, но Божіимъ защищеніемъ и отъ сихъ избавихомся; ибо ради сопротивныхъ вѣтровъ не возмогоша насъ достигнути. Мы же убѣжавше отъ нихъ, того жъ дня мѣсяца Октовріа 5 дня пріидохомъ ко брегу Іоппійскому. Изшедше же съ корабля, внидохомъ во градъ Іоппію, радую-

щеся и благодаряще Бога, сохранша́го насъ отъ всѣхъ волненій и злоключеній морскихъ. Іоппія же градъ древній, по Французску нарицаемый Яфа, сего ради, иже по исторіямъ Греческимъ и Латинскимъ сооруженъ отъ Афета, сына Ноева; расположенъ же по тую сторону Бѣлаго моря, на брегу морскомъ, на горѣ. Въ той Іоппіи Святый Апостолъ Петръ въ первыхъ Христа Спасителя проповѣда, пребывая у Симона усмаря, идѣже бѣ и плащаница оному съ небеси изъяде, яко Дѣянія Святыхъ Апостолъ свидѣтельствуютъ. И до нынѣ храмина усмаря есть цѣла и ничимъ невредима, на брезѣ морскомъ, понеже зѣло изъ великаго камня есть сооружена. Отъ Іоппіи же лежитъ путь до святаго града Іерусалима дванадесять часовъ. Во оной же Іоппіи отдохнувши два дни, заплативши Туркомъ поголовщину отъ всякаго человѣка по полъосма лева, и нанявши верблюды, мулы, ослы, пойдохомъ съ янычарми,* которые отъ Іерусалимскаго Паши, ради опасности отъ Арабовъ, присылаются во градъ, нарицаемый Рама. Сей градъ Рама разстояніе мѣста имѣетъ отъ Іоппіи четыре часа. Въ томъ есть церковь Святаго Великомученика Георгія, или монастырь. въ томъ монастырѣ путницы опочиваютъ, ради воды, обаче съ великою боязнію отъ Арабовъ. Изъ Рамы вышедши, идохомъ чрезъ поля три часа зѣло путемъ удобнымъ и нетруднымъ; аще нѣсколько обрѣтается и пригорковъ, послѣди же пріидохомъ къ горамъ зѣло превысокимъ, между которыми обрѣтается ровъ превеликъ, аки бы разсѣлина нѣкая между горами, и есть зѣло узкая и тѣсная, имуще въ себѣ древъ премножество смоковныхъ, таже узка, яко точію единымъ возможно съ великимъ трудомъ шествовати по острому камени верблюдомъ; въ той разсѣлинѣ найболши обрѣтается страхъ; ибо Арабы всегда въ немъ разбиваютъ расторгшихся, ради тѣсноты, на три версты богомолцовъ, которыхъ янычаре не возмогутъ усмотрѣти и уберечи. Онымъ рвомъ тѣснымъ шествуя часъ единъ, и пріидохомъ къ мечету Турскому, идѣже кладязь выкопанъ, ради прохлажденія путниковъ, глубокъ, имущь въ себѣ хладную и здравую воду. Оттуду же пойдохомъ онымъ же рвомъ по великому каменю, подымаючися на гору два часа, и достигохомъ Еммауса, о немъ же Святый Евангелистъ Лука повѣствуетъ: «Грядущымъ Луцѣ и Клеопѣ во Еммаусъ, явися имъ Христосъ, Спаситель нашъ, и познася има въ преломленіи хлѣба.» Еммусъ же весь пуста есть и церковь разорена даже до са-

---

* Въ подлинникѣ, противъ этого мѣста, на полѣ написано: «Отъ Цареградо Іерусалима 1320 миль.»

мыхъ оконъ, точію нѣсколько жилищъ Арабскихъ обрѣтается въ ней. Вода же за церковію зѣло здрава, и ради ея путьницы опочиваютъ. Село же Еммаусъ подъ горою. Съ Еммауса шествовахомъ неудобо проходимыми горами каменистыми и рвами два часа до святаго града Іерусалима; вышедши же съ Еммауса, дается видѣти гора зѣло превысока, Святаго Пророка Самуила, по правой сторонѣ, на которой церковь во имя его нѣкогда бывала, но нынѣ есть пуста и разорена. Пришедшимъ же намъ на гору Поклонную, аки бы за версту отъ святаго града Іерусалима, се внезапу дадеся намъ видѣти весь градъ Іерусалимъ. Въ первыхъ домъ Давидовъ, гора Елеонская, гора Сіонская, Святая Святыхъ, и протчая вся святая мѣста, еже увидѣвше вси путницы и слѣзше съ верблюдовъ, съ муловъ иословъ, начинаютъ поклонятися мѣстомъ святымъ пострадавшаго и воскресшаго Христа Спасителя нашего, припадающе къ земли, любезнѣ оную лобызающе. Отъ радости же и веселія слезами, аки бы отъ источника яковаго истекающимъ, обливающеся; увидѣвше бо сей градъ святый не возможетъ по истинѣ, аще бы кто и окамененное имѣлъ сердце, отъ плача и слезъ воздержатися, разсуждающи свое недостоинство таковыя святыя мѣста зрѣти и видѣти, идѣже Христосъ Спаситель нашъ родися, воспитася, крестися, пострада, отъ мертвыхъ воскресе и на небеса вознесеся. Поклонившеся же на той горѣ святѣй, доволно со слезами свое недостоинство оплакавши, вси путницы пѣшо грядутъ ко вратомъ святымъ Іерусалимскимъ, изъ нихъ же изходятъ во срѣтеніе путникамъ граждане Іерусалимскіе, Іеромонахи, Священницы, Діаконы, монахи и всякаго полу Христіанъ мужеска и женска, отъ мала до велика, съ великою радостію и веселіемъ, другъ друга лобызающе, привѣтствуютъ и поздравляютъ, и тако съ великимъ утѣшеніемъ во врата Іерусалимскія входятъ, идуще мимо дому Давидова, оставляюще его по десной странѣ, такожде и Святая Святыхъ, на лѣво идутъ ко вратомъ церкве велицѣй Воскресенія Христова. Изъ оныхъ же вратъ внѣ монастыря исходитъ путникомъ во срѣтеніе самъ Патріархъ, аще обрѣтается во святѣмъ градѣ Іерусалимѣ; аще же ли ни, Епитропъ или Намѣстникъ Патріаршій съ Митрополитами и со всею братіею, путниковъ привѣтствуютъ и поздравляютъ. По привѣтствіи же, съ радостію и съ пѣніемъ поюще: «Достойно есть», вводятъ путниковъ въ монастырь Воскресенія Господня, послѣди же въ церковь, не въ сію, идѣже есть гробъ Господень, но въ собственную. Св. Константина и Елены). Таможде вшедши, станетъ Діаконъ на амвонъ посреди церкве и глаголетъ ектенію за Патріарха, за путниковъ и за всѣхъ Православныхъ Христіанъ. По отпустѣ ...ни

оныхъ изъ церкви, разводятъ путниковъ по келіямъ отдыхати даже до трехъ дней. Во утріе же, во время утренняго пѣнія, егда начнутъ пѣти канонъ, приходитъ Ключарь великія церкве или Еклесіархъ, всѣмъ путникамъ раздавше зажженныя или горящія свѣщи, приводитъ ихъ ко святымъ вратамъ Воскресенія Господня, идѣже есть Гробъ Господень, отъ Турковъ заключенный и запечатанный; тамо путницы поклоняются съ любовію и лобызающе таже прикладываются ко столпу, сущему о шуюю при святыхъ вратѣхъ, отъ него же нѣкогда огнь изыде за святѣйшаго Патріарха Ѳеофана, въ то время, егда Арміне бяху Гробомъ Господнимъ завладѣли отъ Турковъ. Сѣдящу убо оному Патріарху въ навечеріи Воскресенія Господня подъ онимъ столпомъ и плачущуся, се внезапу разсѣдеся столпъ мраморный, отъ низу даже до самой середки столпа, и огнь изъ столпа изыде, а не изъ Гроба Господня, на посрамленіе и на постыдѣніе треклятымъ Арміномъ, которые отъ того времени не похотѣша Гробомъ Господнимъ владѣти, но отдаша Грекомъ во время Воскресенія Господня предначальствовати. Отъ того же столпа приводятъ на оное мѣсто поклонитися, идѣже Христосъ Спаситель по Воскресеніи своемъ въ первыхъ явися Маріи Магдалинѣ, глаголюще же: «Не прикасайся мнѣ!» Сіе святое мѣсто отъ вратъ святыхъ аки бы тридесять ступеней, и на немъ здѣланъ престолъ, на престолѣ написана икона Христа Спасителя, стояща и отвращающася Маріи Магдалины. Отъ сего мѣста приводятъ кланятися въ церковь Святаго Іакова, вводятъ въ церковь Преподобныя Маріи Египетскія о десную вратъ святыхъ, идѣже, предъ иконою Пресвятыя Богородицы, обѣщася покаятися и болѣе не согрѣшати. Оттуду возводятъ въ церковь Святаго Авраама; Патріарха старозаконнаго, идѣже хотяше заклати сына своего, Исаака и возвести на жертву Богу живу. Сіе святое мѣсто отъ горы Голгофы, идѣже Христосъ Спаситель нашъ распятся, неподалече, точію аки бы на четыре лактя. Отсюду паки приводятъ въ церковь на конецъ утренняго пѣнія. По пѣніи же утреннѣмъ непосредственно безъ расхода начинаютъ божественную литургію. По литургіи же повелѣваютъ кланятися святымъ иконамъ, и предъ онымъ окномъ, идѣже есть прямо Гроба Господня. Послѣди же приводятъ въ трапезу или во умывательницу, идѣже умываютъ нозѣ всѣмъ путникомъ, мужескому полу нозѣ, а женскому руцѣ. Сія трапеза есть великая, кругомъ лавы мармурныя, коврами засланныя, посреди столъ, на столѣ Распятіе Господне и икона, на ней же Христосъ Спаситель нашъ написанъ умывающъ нозѣ ученикомъ своимъ и отирающъ лентіемъ: надъ столомъ кандило болшее висящее серебренное со свѣщами зажженными:

накадивши смирною и фиміамомъ трапезу доволно, повелѣваютъ всѣмъ путникомъ кругомъ въ трапезѣ сидѣти по лавахъ, сами же, множество Іеромонаховъ, Священниковъ, Діаконовъ и иныхъ чиновъ, въ первыхъ прочтутъ Евангеліе умовенію ногъ Христа Спасителя, потомъ же начинаютъ пѣти стихеры на умовеніе ногъ, егда Христосъ, Спаситель нашъ, умываше нозѣ ученикомъ своимъ и Апостоломъ, и въ оное время бываетъ не безъ слезъ и плача, егда два монаха приходятъ, единъ по единому, съ великимъ благоговѣніемъ и страхомъ, препоясани епендитами, имуща въ рукахъ своихъ сребреные умывательницы, воду и мыло, припадаютъ ко ногамъ путниковъ и начинаютъ оныхъ разувати съ сапоговъ, по семъ же умывати обѣ нозѣ, припадше на колѣнѣ, и отирати лентіемъ со усердіемъ, ногу десную лобызающе. Омывше же нозѣ, паки кадятъ фиміамомъ благовоннымъ и изливаютъ на руцѣ путникомъ изъ сребряного сосуда рожевую или гуляфную водку, ею же путницы умываютъ лице, очеса и руцѣ. Сіе дѣйствіе совершивше, Іеромонахи и Священницы мірскіе, поздравивше путниковъ, со благоговѣніемъ и со веселіемъ во святую трапезу приводятъ, идѣже поставляются по чашицѣ водки, бобовъ вареныхъ, сочиво, рыжовая или сорочинская каша, маслины, сыръ, ретка едина и по лимону единому, испиваютъ же и по четыре чашицы вина, болѣ же по шести. Симъ образомъ во всѣхъ монастыряхъ поставляется трапеза и подается путникомъ. Рыбы же никогда не бываетъ, понеже, сказываютъ, яко зѣло въ ней скудость и недостаточество имѣютъ. Вписавше же своя имена въ помянникъ, доволное число всякъ по своей силѣ денегъ давши, востаютъ отъ трапезы и благодареніе Богу воздавши, расходятся вси путницы по своимъ келіямъ, въ нихъ же обитаютъ до тріехъ дней, нигдѣ не исходяще, кромѣ единой церкви; по тріехъ днехъ разводятъ путниковъ по монастырямъ, дающе имъ келіи, въ нихъ же живутъ даже до Свѣтлаго Воскресенія Христова, ходяще по всѣхъ святыхъ мѣстахъ, со страхомъ и со благоговѣніемъ кланяющеся. По маломъ убо времени отдохнувше въ келіяхъ, а мзду доволну давши Пашѣ Іерусалимскому, дабы отворилъ врата святыя у Воскресенія Господня, приводятъ путниковъ поклонитися Гробу Господню, горѣ Голгофѣ, на ней же Христосъ, Спаситель нашъ, распятъ бысть и кровь свою пречисту изліявый, а грѣхи наша омывый, и протчимъ симъ всѣмъ святымъ мѣстамъ, иже здѣ суть описаны.

Описаніе церкви Воскресенія Господня со всѣми святыми ея мѣстами.

Сія убо церковь Воскресенія Господня единою стѣною каменною ограждена, содержитъ же въ себѣ нарочитыя три церкви:

Первая Гроба Господня.
Вторая Горы Голгофы.
Третія Воздвиженія Честнаго Креста Господня.

Въ первой Церкви Гроба Господня святая мѣста:

1. Предѣлъ Гроба Господня.
2. Внутрь предѣла Гробъ Господень.
3. Предѣлъ Ангела Господня.
4. Внутрь предѣла камень, на немъ же Ангелъ Господень сѣдяше отваливши его отъ Гроба Божія.
5. Столпы окрестъ Гроба Господня мраморные.
6. Входъ во Гробъ Господень.
7. Мѣсто, идѣже Христа, Спасителя нашего, со креста енемше, муромъ помазавше, плащаницею обвиша.
8. Мѣсто, идѣже жены зряху прямо Гроба, гдѣ его полагаху.
9. Мѣсто, идѣже Христосъ Маріи Магдалинѣ явися.
10. Предѣлъ Маріи Магдалины.
11. Гробъ Святаго Іосифа, иже отъ Аримафея.
12. Врата святыя церковныя.
13. Царское стоялище Константиново.
14. Дванадесять столповъ, на число двунадесяти Апостоловъ.
15. Олтарь великій.
16. Олтарь тріехъ Царей.
17. Кафедра Патріарха Константинопольскаго.
18. Кафедра Патріарха Антіохійскаго, нынѣ же Іерусалимскаго.
19. Кафедра Патріарха Александрійскаго.
20. Пупъ или средствіе земли.
21. Олтарь предъ Гробомъ Господнимъ.
22. Училище или темница Христова, Спасителя нашего.
23. Предѣлъ писанія титлы на Крестъ Господень.
24. Предѣлъ раздѣленія ризы Господни.
25. Предѣлъ поруганія Христа Спасителя.

Вторая церковь святой горы Голгофы:

26. Мѣсто, идѣже Христосъ распятъ бысть.
27. Мѣсто, идѣже Пресвятая Богородица стояше со Іоанномъ Богословомъ, егда Христа Спасителя распинаху.
28. Мѣсто, идѣже Христа Спасителя распяху.

29. Разсѣлина горы Голгофы.
30. Мѣсто, идѣже Пресвятая Богородица со Іоанномъ Богословомъ стояста предъ крестомъ, егда Христа Спасителя на крестѣ распяша.
31. Входъ на гору Голгофу степеней 15.
32. Второй входъ на гору Голгофу степеней 17.
33. Предѣлъ Адамовъ, идѣже глава его положена бѣ.
34. Гробъ Годифреда, Царя Іерусалимскаго.
35. Гробъ Балдвина Царя.
36. Гробы иныхъ Царей Іерусалимскихъ.
37. Гробъ Мелхиседековъ.

Третія церковь Воздвиженія Креста Господня:

38. Входъ въ церковь Воздвиженія Креста Господня.
39. Мѣсто, идѣже Крестъ Господень обрѣтоша.
40. Предѣлъ Святой Елены.
41. Олтарь добраго разбойника.
42. Предѣлъ Пресвятыя Богородицы.
43. Олтарь великій Римскій Божественнаго тѣла и крове Господни.
44. Олтарь бienія и руганія Господня.
45. Мѣсто, идѣже Крестъ Господень познанный былъ отъ Царицы Елены.

Сія же вся мѣста суть собственная въ церкви велицѣй Воскресенія Господня; обрѣтаются же въ ней многихъ Вѣръ собственныя предѣлы: Греческіи, Римскіи, Арменскіи, Кофтскіи, Маронитскіи, Несторіанскіи, Аріанскіи. Строеніе же церкви зѣло старое, благочестивою Царицею Еленою зиждемое. Посреди церкви Гробъ Господень, прямо Гроба на 15 степеней средствіе земли, просто же пупъ именуемый; прямо средствія церковь Греческая, внутрь же церкви кругомъ предѣлы различныхъ Вѣръ. Глава на церкви надъ самымъ Гробомъ Господнимъ ничимъ же не покровенна, точію рѣшеткою или кратою желѣзною заслонена. Поклонивши же ся всѣмъ святымъ мѣстамъ Воскресенія Господня и въ ней преночевавшіи, рано святой литоргіи выслушавшіи, иные путницы остаются въ той же церкви Воскресенія на нѣсколько дней или недѣль, всякъ по своему произволенію, Богу молитися, а иные исходятъ изъ церкве (юже Турки по исходѣ въ томъ же часѣ затворятъ и запечатаютъ). Монастыри же внутрь Іерусалима, си есть, въ самомъ святомъ градѣ, сія суть:

1. Воскресенія Господня монастырь великій.
2. Святаго Авраама, идѣже хотяше сына своего, Исаака, принести на жертву.
3. Святаго Архистратига Михаила.
4. Святаго Чудотворца Николая, дѣвичь.
5. Святаго Великомученика Димитрія, дѣвичь.
6. Святаго Великомученика Георгія, дѣвичь.
7. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, дѣвичь.
8. Святыя Великомученицы Варвары, дѣвичь.
9. Святыя Великомученицы Екатерины, дѣвичь.
10. Преподобнаго Отца нашего Евфимія Великаго.
11. Святаго Іоанна Предтечи.
12. Святаго Евангелиста Іоанна Богослова.
13. Церковь старая Святаго Іакова Брата Господня, близъ церкве Воскресенія Господня. Монастырь великій Арменскій Святаго Іакова Алфеова.

По сихъ всѣхъ монастыряхъ путниковъ водятъ, и кланяются мѣстамъ святымъ, во всякомъ монастырѣ слухаючи литоргіи святой. По семъ, въ день суботный, рано ведутъ путниковъ до Гефсиманіи, ко гробу Пресвятыя Богородицы. Гефсиманія же древле бяше весь или село, до нынѣ точію одина церковь, въ ней же и гробъ Пресвятыя Богородицы обрѣтается; сія же церковь внѣ Іерусалима, за стѣною каменною Іерусалимскою, во Юдолѣ Плачевной или въ потоцѣ Кедрскомъ; къ ней ити во врата отъ святой горы Елеонской и отъ Вифаніи мимо камени, идѣже каменіемъ Евреи Святаго Первомученика Архидіакона Стефана побиша, чрезъ мостъ Кедрскій, отъ него же Евреи Христа, Спасителя нашего, ведше связана, въ воду низринуша. Церковь же Гефсиманская глубоко въ землю построена, въ землю степенья 48, по правой сторонѣ гробъ Святыхъ Праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, родителя Пресвятыя Богородицы; по лѣвой сторонѣ гробъ Святаго Іосифа Обручника; за степенями же по лѣвой сторонѣ цыстерна предивная воды студеныя и здравыя; противу же цыстерны по правой странѣ Гробъ Пресвятыя Богородицы, на немъ же во вся суботы Французи литоргію свою имѣютъ, наши же за Гробомъ Пресвятыя Богородицы литоргисаютъ. Изъ церкви вышедши, по лѣвой странѣ есть въ земли пещера, въ ней же Святыя Апостоли, егда Христа Спасителя Евреи поимали, сокрышася: оная пещера нѣкогда церковь бяше, но нынѣ есть пуста. Оттуду вышедши, противу Гефсиманіи, въ той же Юдоли Плачевной, подъ горою Елеонскою,

ъ вертоградѣ или садѣ мѣсто, гдѣ Христосъ Спаситель нашъ моля-
песя, идѣже Жидове его поимали; отъ оного мѣста неподалече, аки
бы верженіемъ камене, камень великъ, гдѣ Святіи Апостоли спаша и
Христосъ, Спаситель нашъ, пріиде къ нимъ и глаголаше: «Спите про-
ее и почивайте, се пріиде предаяй мя».

Оттуду идутъ путницы на святую гору Елеонскую.

Гора же Елеонская на востокъ солнца зимняго, зѣло есть вы-
:ока, вышшая всего Іерусалима и горы Сіонскія, изъ нея дается
идѣти весь Іерусалимъ, Галилея Малая, Іорданъ, море Содомское и
Эморское, Іерихонъ и Вифанія; на верхъ горы оной здѣланъ мечеть
Турецкій, въ немъ же лампада день и нощь всегда не угасаетъ. За
тимъ мечетомъ вторый мечеть невеликъ: въ томъ мечетѣ есть камень,
а немъ же выразися и изобразися Христа Спасителя нашего стопа
оги его пречистыя правыя, егда хотяше вознестися на небеса;
ую стопу Христову вси путницы, со страхомъ припадающе, любезно
обызаютъ. За мечетомъ престолы всѣхъ Вѣръ, въ нихъ же на Воз-
есеніе Господне литоргію совершаютъ и служатъ. Отъ того мѣста
еподалече, аки бы четырежды верженіемъ камене, есть мѣсто, идѣже
Христосъ Спаситель учениковъ своихъ училъ: «Отче нашъ, иже еси
а небесѣхъ». Таможде есть камень, на немъ же сѣдяше и предска-
оваше имъ о второмъ пришествіи, и о судѣ и воздаяніи праведныхъ,
о муцѣ грѣшныхъ; симъ мѣстомъ поклонившеся путницы, паки воз-
ращаются во Юдоль Плачевною, къ потоку Кедрскому, отъ потока же
едрска идутъ Юдолію Плачевною ко Еврейскимъ гробищамъ, идѣже
юбъ древній сооруженъ изъ каменя великаго, въ высоту сажень
есть, Авесалома, сына Давида Царя; обрѣтается тутъ же неподалече
Ѣсто, гдѣ Христосъ сотвори броніе и помаза очи слѣпому, и повелѣ
ити и умытися во овчей купели. Таможде неподалече есть пещера,
ъ ню же Святый Апостолъ Петръ вниде и плакася горко, егда Хри-
та, Спасителя нашего, отвержеся, яко же повѣдаютъ мнози. Отъ сей
ещеры полверсты купель Силоамля, предъ купелію Силоамлею мѣсто,
ѣже Турки Богу молятся и поклоняются. За симъ мѣстомъ подъ
рою пещера, си есть, купель Силоамля, степеней въ землю 28; та-
путницы берутъ воду на благословеніе и оною умываются, оттуду
е паки возвращаются чревъ гору Сіонскую во святый градъ Іеру-
алимъ.

О горѣ Сіонской.

Гора Сіонская внѣ Іерусалима, за стѣною, между полуднемъ и
падомъ солнца, есть же высокая, подобная горѣ Елеонстѣй, но не-

много поменше; видѣть съ нея село Скудельничо, по Виѳлеему, и Святому Саввѣ, и къ прочимъ святымъ мѣстомъ пути; на горѣ Сіонстѣй, гдѣ бѣ домъ Святаго Іоанна Богослова и гдѣ Тайная Вечера, нынѣ есть церковь Армянская, идѣже Духъ Святый на святыхъ Апостоловъ и учениковъ сниде, нынѣ на томъ мѣстѣ мечеть Турецкій. На той же горѣ Сіонстѣй погребаются всѣ жители Іерусалимстіи: Турки, Греки, Армени, Мароніты, Француси, Несторіане и прочіи. Сія святая мѣста обшедши, возвращаются путницы во своя келіи по монастырямъ. По немногихъ же днѣхъ ведутъ во градъ Виѳлеемскій, гдѣ Христосъ, Спаситель нашъ, отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи несказанно родися и во яслѣхъ возлеже. Его растояніе отъ святаго града Іерусалима верстъ пять. За три версты монастырь каменный Святаго Пророка Иліи Ѳесвитянина; въ томъ монастырѣ путницы святой литургіи слушаютъ; тамъ же поставляется онѣмъ трапеза, яко же и въ прочіихъ монастыряхъ; по трапезѣ же идутъ до Виѳлеема; на пути же, за версту отъ Виѳлеема, обрѣтается столпъ или гробъ Рахилинъ каменной древній, жены Патріарха Іакова, матери Іосифа Прекраснаго; пришедши же во Виѳлеемъ, покланяются путницы всѣмъ святымъ мѣстомъ, ихъ же здѣ есть подробну описаніе:

Описаніе Виѳлеема съ нарочитыми его мѣстами:

1. Врата или входъ въ церковь Іерусалимскую.
2. Площадь церкви.
3. Двѣ цыстерны или кладезя.
4. Училище Святаго Іеронима.
5. Притворъ церковный.
6. Кладезь Святой Екатерины.
7. Церковь Святой Великомученицы Екатерины.
8. Олтарь Святой Екатерины.
9. Хоръ церковный.
10. Входъ въ пещеру, идѣже Христосъ родися.
11. Пещера Рождества Христова.
12. Мѣсто, идѣже Христосъ родися.
13. Ясли, въ нихъ же Христосъ положенъ бысть.
14. Мѣсто, идѣже кланяхуся Волсви.
15. Олтарь Святаго Іосифа Обручника.
16. Престолъ Святыхъ младенецъ, избіенныхъ отъ Ирода.
17. Престолъ Святыя Евгеніи инокини.
18. Мѣсто, идѣже Святый Іеронимъ принесе книгохранительницу.

19. Гробъ Святаго Іеронима.
20. Гробъ Святыхъ женъ Павлы и Евстахіи.
21. Выходъ въ церковь Екатерины.
22. Церковь Святыя Маріи Римскія на верху пещеры.
23. Олтарь великій Святыя Маріи.
24. Престолъ Обрѣзанія Господня.
25. Кладязь тріехъ Царей.
26. Вторый входъ въ пещеру.
27. Купель или крестилница.
28. Трапеза Римская.
29. Входъ въ трапезу.
30. Трапеза развалена старая Святаго Іеронима.
31. Ризница Римская и прочія обиталища.
32. Вертоградъ Французскій.
33. Зимнюю церковь Греческая.
34. Армянскіе домы и прочія жилища.

Церковь же Вифлеемская зѣло старая каменная, отъ Царицы Елены построенная, вся бяше иконами украшенная, но нынѣ все писаніе постиралось; столповъ въ ней превеликихъ мраморныхъ 44. Покровенна же досками; склепленія каменнаго нѣтъ, но досками закрыта. Въ пещеру два входы, идѣже Христосъ родися; степеней въ семъ 16.

Три же мѣста собственныя:

1. Идѣже Христосъ родися.
2. Гдѣ бынъ отъ вола и осла согрѣваемый.
3. Идѣже Волсви новорожденному младенцу кланялися.

Сія вся святая мѣста посѣтивши, путницы паки возвращаются в святый градъ Іерусалимъ; мало же отдохнувши въ келіяхъ, паки мутъ путниковъ на поклоненіе въ монастырь Честнаго Креста Господня. Сей монастырь внѣ града, аки бы на полунощь отъ Іерусалима, полчаса шествія. Въ томъ монастырѣ древо Животворящаго креста Господня возросло, и нынѣ есть мѣсто во олтарѣ подъ престоломъ, идѣже вси путницы, выслушавшіи литоргіи божественной, прикладываются оному мѣсту и любезно его со благоговѣніемъ и со страхомъ лобызаютъ. Въ томъ монастырѣ пещеръ есть много, идѣже нѣкіе Отцы Святіи обиташа въ нихъ; монастырь подъ горою каменный древній, имущь кругомъ себе масличь множество. Отъ сего монастыря по трапезѣ идутъ на поклоненіе до монастыря Святаго Іоан-

на Предтечи, идѣже прежде бяше домъ Захаріинъ, гдѣ Пресвята
Богородица посѣти Елисавету, яко Лука Евангелистъ повѣствуетъ:
«Во дни оны, возставши Маріамъ, и вниде въ домъ Захаріинъ, и цѣлова
Елисаветъ.» Въ семъ монастырѣ Французскіе монахи обитаютъ, имѣютъ
разстояніе отъ святаго града Іерусалима поболше трехъ верстъ;
тамо путницы поклонившеся, паки возвращаются во свояси; послѣдя
же мало отдохнувши, приводятъ путниковъ къ монастырю Святаго
Саввы Освященнаго. Сей монастырь имѣетъ разстояніе отъ святаго
града Іерусалима четыре часа; ити до оного мимо дому Давидова и
врата Іоппійскія, подъ стѣною Іерусалимлею и подъ горою Сіонскою,
мимо гробищъ Арменскихъ и купели Силоамли, такожде и село Сус-
делниче во Юдоль Плачевную, Юдолію же Плачевною, чрезъ нѣсколько
горъ прешедши, приходятъ до Саввы Освященнаго монастыря. Мо-
настырь же Святаго Саввы зѣло прекрасный, подъ горою, во юдо
Плачевной, кругомъ ограда новая, содѣланная отъ Святѣйшаго Пат
ріарха Іерусалимскаго, Досиѳея, такожде и нынѣшняго Хрисанѳа. Цер
ковь великая заложена въ память Святаго Саввы Освященнаго, пред
церковію гробъ каменный или предѣлъ Святаго Саввы, идѣже бѣ по
ложенъ первѣе, нынѣ мощей Святаго не обрѣтается, сказуютъ ани б
Венецыяне взяша. Въ томъ монастырѣ по десной странѣ есть пе
щера Святаго Саввы, такожде въ пещерѣ келейка и церковь вел
лика, идѣже самъ Святый въ оной обиташе. Обрѣтается же мощ
святыхъ много въ пещерахъ задѣланныхъ, тамо суть и главы Пр
подобныхъ отецъ Іоанна и Аркадія, сыновъ преподобнаго Ксенофон
и жены его, Маріи, таможде обрѣтается келія Святаго Іоанна Да
скина, въ ней же трудишеся въ подвигахъ монашескихъ, но ны
съ тое келліи сооружиша церковь въ память его; и иныхъ предѣл
или церквей у Святаго Саввы въ монастырѣ есть осмь. Въ сихъ ме
квахъ путницы со благоговѣніемъ и страхомъ должное поклоне
творятъ и молятся. Сей святый монастырь по истинѣ весма пус
понеже не родитца окрестъ его ни пшеница, ниже какое гроздіе.
имѣетъ бо около себе никакова древа, ни смоквинъ, ни виногра
ни маслинъ, ни лимоновъ, ни цытроновъ, ни померанцовъ, ни ф
никовъ, кромѣ единаго финика, идѣже предъ келіею Патріарш
предъ окнами есть насажденный, и то невеликой; иного въ ме
ничто же есть, кромѣ воды въ цыстернахъ, и то зѣло отъ солнечны
жаровъ горячей. Пища монахомъ изъ Іерусалима подается и при
сится. Монаховъ въ немъ точію пять, или шесть. Отъ Арапов
великую нужду поносятъ; аще бы онѣмъ чрезъ окно на веревк
пищи изъ монастыря не подавали, то бы весь монастырь разор

Келей старыхъ вокругъ монастыря по Юдоли Плачевной премножество, но все старые и поразвалившись, точію мѣсто знать; Юдоль плачевная пошла даже до самаго Содомскаго моря, до него же отъ Лавры Святаго Саввы часовъ шесть: тамо путницы преночевавши, и рано святой литоргіи выслушавши, паки во святый градъ Іерусалимъ возвращаются. Ходятъ же въ сей монастырь Святаго Саввы путницы дважды: первое когда придутъ во святый градъ Іерусалимъ изъ своихъ странъ, второе Декамвріа 5, на память Святаго Саввы Освященнаго. До Вифлеему такожде дважды: первое, когда пріидутъ изъ своей земли, второе въ навечеріи Рождества. До Вифаніи, идѣже гробъ праведнаго Лазаря, дважды: первое, когда пріидутъ, второе въ суботу Лазореву. До Іордани дважды: первое, на Богоявленіе Господне, Генваря 6, но не вси, развѣ нѣкоторіи, въ другой разъ по Свѣтломъ Воскресеніи вси, егда имѣютъ возвращатися во свояси. По протчихъ же монастыряхъ елико кто гдѣ восхощетъ, наипаче на прилученіе праздниковъ тѣхъ монастырей, которые внутрь святаго града Іерусалима обрѣтаются, и по протчимъ святымъ мѣстамъ, елико мощно будетъ гдѣ кому ходити, паче же по сихъ, которые, ради совершеннаго знанія, въкратцѣ суть положены и описаны внутрь Іерусалима и внѣ града святаго Іерусалима.

Описаніе святыхъ мѣстъ, елико точію могутъ обрѣстися, такъ внутрь яко и внѣ, святаго града Іерусалима:

Въ первыхъ святаго града.
Второе горы Сіонской.

Послѣди же всѣ святыя мѣста, иже окрестъ его суть и обрѣтаются, такъ мѣста святыя, яко и простыя:

1. Церковь Соломонова или Святая Святыхъ.
2. Площадь церкви Соломоновой.
3. Храмъ явленія Пресвятыя Богородицы.
4. Дворъ Патріаршій.
5. Гостинница Турецкая или ханъ.
6. Торжище всѣхъ вещей продаваемыхъ.
7. Овчая купель.
8. Церковь Святыя Анны.
9. Вежа Антоніина.
10. Церковь біенія и руганія Іисуса Христа.
11. Домъ Иродовъ.
12. Домъ Пилатовъ и начало пути Креста Господня.

13. Склепъ или Гробъ Пилатовъ.
14. Церковь рыданія и слезъ Пресвятыя Богородицы.
15. Мѣсто, идѣже жены плакаху.
16. Мѣсто, идѣже Христосъ Спаситель подъ крестомъ упаде и Симонъ Киріній крестъ пособи нести.
17. Домъ Святой Вероники.
18. Врата Іудейскія.
19. Гора Голгофа.
20. Гробъ Іисуса Христа, Спасителя нашего.
21. Площадь церкви Воскресенія Господня.
22. Колокольня или звоница Воскресенія Господня.
23. Вежа или тюрма Турецкая.
24. Церковь Святаго Архистратига Михаила, Греческая.
25. Церковь Святаго Спаса, Римская.
26. Дворъ или домъ Давидовъ.
27. Купель нижняя.
28. Темница Святаго Апостола Петра.
29. Церковь Святаго Апостола Ѳомы.
30. Врата желѣзныя.
31. Домъ трехъ Марій.
32. Домъ Маріи, матере Іоанна Марка.
33. Церковь Святаго Іоанна Богослова и Евангелиста Христова.
34. Домъ Анны Архіереа.
35. Церковь Святаго Апостола Іакова Брата Господня.
36. Церковь или монастырь Святаго Іакова Алфеова.
37. Врата Іоппійскія.
38. Врата Дамаскія.
39. Врата Иродовы.
40. Врата Святаго Первомученика Стефана.
41. Врата Златые.
42. Врата Смрадные.
43. Врата Горы Сіонской.
44. Гора Сіонъ.
45. Мѣсто, идѣже Христосъ на Тайнѣ Вечери яде со ученики своими, идѣже Духъ Святый сниде на Апостолы.
46. Мѣсто, идѣже Святый Іоаннъ Богословъ освяти Евангеліе Пресвятою Богородицею.
47. Мѣсто, идѣже паде жребій на Святаго Апостола Матѳія.
48. Мѣсто, идѣже раздѣлишася Апостоли (ради проповѣди).

9. Мѣсто, идѣже Пресвятая Богородица преставися отъ земныхъ къ небеснымъ обителемъ.
0. Домъ Каіафы Архіерея.
1. Гробы Христіанскія.
2. Мѣсто, идѣже Евреи хотяху тѣло Пресвятыя Богородицы опровергнути, несенное ко гробу.
3. Пещера, гдѣ Петръ горко плакася.
4. Потокъ Кедрскій.
5. Юдоль Плачевная Іоасафатова.
6. Гефсиманія, село бывшее.
7. Стопы ногъ Христовыхъ.
8. Мостъ Кедрскій.
9. Мѣсто, гдѣ Христосъ осмь учениковъ остави.
0. Мѣсто, идѣже Христосъ трехъ учениковъ остави.
1. Вертоградъ моленія Христова.
2. Мѣсто, идѣже Христосъ былъ пойманный.
3. Камень, идѣже Евреи каменіемъ Святаго Первомученика Стефана убиша.
4. Мостъ вторый Кедрскій.
5. Мѣсто, идѣже Пресвятая Богородица за Стефана моляшеся, егда его каменіемъ побиваху Евреи.
6. Мѣсто, идѣже Святый Апостолъ Ѳома взялъ поясъ Пресвятыя Богородицы.
7. Цыстерна Пресвятыя Богородицы.
8. Сажавка Силоамля.
9. Мѣсто, идѣже Святаго Пророка Исаію убиша.
0. Гробъ Святаго Пророка Исаіи.
1. Пещера, идѣже Святіи Апостоли сокрышася.
2. Село крове или Скудельниче.
3. Гробъ Іоасафатовъ.
4. Гробъ Авесаломовъ.
5. Пещера Святаго Іакова.
6. Гробъ Захаріи.
7. Силоамскій юдоль и село.
8. Гробы Еврейскія.
9. Мѣсто, идѣже Іуда предатель обѣсися или удавися.
0. Гора укоренія.
1. Кладезь огненный (Іоава).
2. Мѣсто смоковницы проклятой.

83. Вифанія, идѣже гробъ Святаго Праведнаго Лазаря.
84. Домъ, идѣже ослицу ученицы Іисусу Христу взяша и приведоша въ Вивсфагію село.
85. Гора Елеонская.
86. Мѣсто, гдѣ Христосъ вознесеся на небо.
87. Монастырь Турецкій на горѣ Елеонстѣй, идѣже и стопа Іисуса Христа взображенная.
88. Пещера Святой Пелагіи.
89. Мѣсто, гдѣ Христосъ второе пришествіе проповѣда.
90. Пещеры Пророческія.
91. Мѣсто, идѣже Христосъ молитися учаше учениковъ.
92. Мѣсто, идѣже Святіи Апостоли сложили «Вѣрую во единаго Бога.»
93. Мѣсто, идѣже Христосъ плакася о Іерусалимѣ.
94. Мѣсто, идѣже Архангелъ Гавріилъ благовѣсти Пресвятѣй Богородицѣ отъ земныхъ къ небеснымъ преселеніе.
95. Мѣсто человѣка Галилейскаго.
96. Пещера Святаго Пророка Іереміи.
97. Гробы Царскія.
98. Гробъ Елены, Адіабейской Царицы.
99. Сажавка Тиббонова.
100. Сажавка Вирсавіи.
101. Пещеры или гробы Судей Іизраилевыхъ.
102. Теревинтъ Пресвятыя Богородицы.
103. Цыстерна или студенецъ Царей.
104. Икона Святаго Иліи Пророка, на камени изображенна.
105. Монастырь Святаго Пророка Иліи.
106. Пещера Святаго Пророка Аввакума.
107. Вежа Іаковля.
108. Гробъ Рахилинъ, жены Святаго Праведнаго Іакова.
109. Сажавка Давидова.
110. Вифлеемъ.
111. Горная Іудея.
112. Монастырь Святаго Іоанна Предтечи, идѣже домъ Захаріинъ.
113. Монастырь Честнаго Креста Господня.
114. Мѣсто, идѣже бѣ дворъ Соломоновъ.
115. Гора Святаго Исаіи.
116. Галилея Малая.
117. Мѣсто, идѣже Христосъ прилучи себе Луцѣ и Клеопѣ, во Емм[аусъ] усъ грядущымъ.

18. Еммаусъ весь.
19. Пещера Святаго Пророка Самуила.
20. Лавра Святаго Саввы.
21. Іорданъ рѣка, идѣже Христосъ крестися.
22. Море Содомское и Гоморское.
23. Пещера въ Хевронѣ, идѣже Авраамъ, Исаакъ и прочіи праотцы суть погребены.
24. Монастырь Святаго Іоанна Предтечи, пустъ.
25. Монастырь Герасима Преподобнаго, иже на Іорданѣ, пустъ.
26. Мѣсто, идѣже бѣ Іерихонъ.
27. Монастырь Преподобнаго Ѳеодосія, пустъ.

Градъ Іерусалимъ.

Іерусалимъ же святый градъ невеликъ, въ длину верста едина въ широту едина же верста, сооруженъ крестомъ. Стѣна кругомъ го каменна, зѣло крѣпка. Дворы въ немъ все каменныя, ничимъ е покровенны, точію единымъ заклепени каменіемъ. Улицы зѣло ѣсны, каменіемъ высланы; воды въ немъ никакой нѣтъ, кромѣ дождеой, яже идетъ въ мѣсяцѣ Февралѣ и въ Мартѣ наполняетъ кладези, сею водою дождевою граждане Іерусалимскіе чрезъ весь годъ доолствуются. Вода же студена и зѣло здрава. Структуры во Іерусаимѣ или зданія невысокіе, кромѣ Давидова дому. Строеніе Давидова ому до половины или до окошка (въ немъ же, сказуютъ, Святый Проокъ Давидъ Псалтырь писа) зѣло старое каменное и вельми великое, инное на двѣ сажени, шириною въ два аршина. Отъ середины же даніе новое и каменіе поменьше; кругомъ дому Давидова ровъ глуокъ, въ срединѣ дому Турецкій мечеть и кладязь глубокъ. Въ дому е Давидовомъ Янычерской Ага обитаетъ. Отъ дому Давидова до вятая Святыхъ, до церкви Соломоновой, не подалече, аки бы на полерсты малой. Церковь Святая Святыхъ посреди града Іерусалима тоитъ, на площади зѣло широкой и великой. Площадь мармуровымъ аменіемъ выслана и выбуркована. Церковь Святая Святыхъ Турки на ечеть превратили и никого же въ ню не пускаютъ изъ Христіанъ: ще бы кто дерзнулъ внити въ ню, того вскорѣ восхитятъ и принуждаютъ ко зловѣрію Магометанскому; аще бы воспротивился кто, ого безъ всякаго разсужденія и милосердія повѣсятъ. Святая же ыхъ Турецкимъ образомъ сооружена и зѣло велика, немощно ей прити, но отъ далека посмотрити, понеже Турки зѣло онук елицѣй чести имѣютъ и аки ради непостоянства Хрис-

не припускаютъ. Сущу же мнѣ во святѣмъ градѣ Іерусалимѣ шесть недѣль, и сія мѣста святыя выше писанныя посѣщающу и разсматривающу, нечаянно пріиде вѣстникъ изъ Царяграда, извѣстующи о несодержаніи и разрушеніи мира между Его Царскимъ Пресвѣтлымъ Величествомъ и Салтанскимъ Турскимъ, такожде и о посажденіи Пословъ въ темницу Великороссійскихъ Его Царскаго Превеличества, что услышавши азъ, зѣло ужаснухся, опасающися Паши Іерусалимскаго, дабы и мене взялъ и не затворилъ бы въ темницу; сего ради умыслихъ бѣжати въ гору Синайскую, таже во Венецію. Егда же яхся бѣгу, съ нѣкоторыми монахи Французскими, простившися со всѣми Іеромонахи и монахи, пріидохъ во Іоппію или въ Яфу и обрѣтохъ корабль готовъ, имущь ити во Египетъ, но Божіимъ попущеніемъ удержанъ быхъ отъ Грековъ сея ради вины, иже рекоша не подобаетъ тебѣ, благочестиву сущу, со иновѣрными сообщатися плаванія, и такъ азъ, аще и не хотя, съ великимъ ужасомъ (понеже вездѣ зашли указы бяху отъ Салтана Турецкаго на войну съ Его Царскимъ Величествомъ), остахся во Іоппіи, не вѣдая, что болше творити, опасаяся Аги Яфскаго, дабы не провѣдалъ и не посадилъ бы въ темницу. Бывшу же мнѣ во Іоппіи два дни, пріиде малый кораблецъ Французскій или тартона до Іоппіи брати мыло, который и обрадовалъ и обвеселилъ, увѣдавши бо азъ оный кораблецъ и, пришедши ко пристанищу Іоппійскому, поидохъ самъ къ Капитану онаго кораблеца вопрошающи, камо имѣетъ намѣреніе изъ Іоппіи, набравши мыла, ити. Онъ же ми отвѣща: «Аще, рече, не наполню зѣло во Іоппіи мыломъ корабль свой, пойду ко Акріи и, нѣсколько тамо дней проживши, потомъ же наполнивши кораблецъ мыломъ, пойду въ Кипрскій островъ.» Услышавши же азъ сицевую вѣсть, зѣло обвеселися и, открывъ оному всю нуждную и печалную совѣсть свою. Онъ же мя утѣшающи, ничесо же опасатися, точію Русскимъ именемъ не нарицатися, того ради, дабы Турки не узнали, но повелѣ мнѣ оный Капитанъ называтися Болгаромъ, или Сербомъ, обѣщавши же въ Кипрскомъ островѣ во Венецкой корабль посадити, или Консулю Аглинскому, въ Кипрѣ обрѣтающемуся, въ протекцію отдать. И такъ, бывши во Іоппіи три дни, Божіею помощію, отпустихомся отъ Іоппійскаго брега, пойдохомъ въ Саиду или въ Сидонъ, послѣ же до Акры миль 80. Ими же благополучнымъ и добрымъ вѣтромъ, пріидохомъ ко брегу Акрскому за день единъ и нощь едину, не доходя же ко Акрскому пристанищу, дается видѣти гора зѣло превеликая, нарицаемая Кармилская, идѣже Святый Пророкъ Илія лживые пророки Езавелины закла. Приставши же ко брегу Акрскому,

нойдохъ въ Назаретъ, идѣже бѣ Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, поклонитися мѣсту святому, который разстояніе имѣетъ три часа; самъ же Назаретъ село невеликое и монастырь, въ немъ же обитаютъ монахи или Францышкане Римскіе.

Описаніе Назарету.

1. Церковь Благовѣщенія Богородицы.

2. Олтарь Святаго Праведнаго Іосифа, Обручника Пресвятыя Богородицы.

3. Столпъ великъ мраморный, Пресвятыя Богородицы именуемый.

4. Столпъ мраморный, Архангела Гавріила именуемый.

5. Длина придѣла и олтарь Святаго Архангела Гавріила.

6. Олтарь Святой Праведной Анны.

Отъ Назарета три часа до горы Фаворской, на ней же Христосъ, Спаситель нашъ, преобразися предъ ученики своими и Апостолы. Сія гора зѣло высока, бяше на ней нѣкогда и церковь, но ся, даже до самаго основанія, разорена, обаче нынѣ на ново Французы наносиша каменія и хощутъ церковь Преображенія Господня овую сооружити. Симъ святымъ мѣстомъ поклонившися, паки возратихся до Акры во свой корабль, въ ней же постоявши Капитанъ тыре дни и наполнивши корабль мыломъ, яхомся плаванія до Кипрскаго острова. Отъ Акры же ко Кипрскому острову миль 400; дувшу же южному доброму вѣтру, за два дни и за двѣ нощи приѣхомъ ко единому мѣстечку, на брезѣ Кипрскомъ обрѣтающемуся, же нарицается по Греческу Лярнака, по Турску же Тузло. Къ му мѣстечку пришедши аки бы за двѣ версты, внезапу пріиде мъ противный и зѣло жестокій вѣтръ, яко ни каковымъ образомъ мощно бяше ко оному брегу пристати, и тако нуждею пустихомъ за вѣтромъ внизъ Кипрска острова миль 40 къ единому селу, е нарицается Лемеса, по Греческу же Пафосъ. Приставшимъ же мъ ко оному брегу, пойдохомъ весело со слугою моимъ: хотѣхъ яти два мулы и ѣхать въ мѣстечко выше писанное Лярнаку ко нсулю Великобританскому или Аглинскому, какимъ бы ни будь образомъ спастися и убѣжати отъ Турковъ въ Венецію, или гдѣ ни будь; мой слуга, жалѣя оставить своихъ родителей въ Болгарской землѣ опасаяся ѣхать въ чуждыя страны, пойде тайно ко начальствующему того села Агѣ, и сказа предъ нимъ, что азъ человѣкъ Русской, пелянъ Пословъ Московскихъ, обрѣтѣющихся въ Царѣградѣ, а

бывши во Іерусалимѣ и услышавши, что миръ между Его Царскимъ Пресвѣтлымъ Величествомъ такожде и Салтанскимъ не состоялся, сего ради, опасающися, ухожу въ Венецію. Сказавши же вся сія подробну, самъ мой слуга при той же Агѣ заставъ Турчениномъ; но мене же Ага прислалъ, и преведе къ себѣ и связавши послалъ и съ чаушемъ и съ янычарами ко Муселиму, Намѣстнику Паши Кипрскаго. Муселимъ же Кипрскій, принявши мя отъ того чауша, обобравши мя всего, всадилъ въ темницу, въ ней же сидяхъ самъ точію единъ, многія нужды, печали, скорби и глады претерпѣвахъ годъ цѣлый и три мѣсяца, даже до потвержденія и обновленія втораго мира съ Его Царскимъ Пресвѣтлымъ Величествомъ. Прешедшу же многому времени, многоразличнѣ бывши принуждаемый ко Турскому законѣ. Услышавши же я отъ Турковъ, что миръ въ Царѣградѣ съ Его Царскимъ Пресвѣтлымъ Величествомъ обновися и потвердися, хотѣлъ вседушно писати къ своимъ Посламъ въ Царьградъ, о своей нуждѣ и сидѣніи въ тюрьмѣ въ Кипрскомъ островѣ извѣствующи, но ни каковымъ образомъ не могохъ писать, затворенъ сущи днемъ и ночію въ темницѣ, а до того не имущи ниже чернильницы, ниже бумаги; но Богъ милосердый, молитвами же Пресвятыя Богородицы и Преподобныхъ Отецъ нашихъ, Антонія и Ѳеодосія, и всѣхъ Святыхъ Печерскихъ, свободи мя сицевымъ образомъ отъ неволи Турской и отъ заключенія темничнаго: Бывши на ловѣ день цѣлый Консулъ Великобританскій съ своими людми, пріиде на вечеръ обнощевати въ оному мѣстечку, идѣже азъ сидѣхъ долгое время въ темницѣ, о семъ же пришествіи извѣсти мнѣ мой стражъ, иже мя стрежаше днемъ и ночію. Азъ же, послышавши таковую радостную вѣдомость, зѣло обрадовахся, и молихъ моего стража, дабы мнѣ принесъ чернилницу и бумаги, сказующи предъ нимъ, аки бы хотѣхъ просити у оного Консула милостыни, обѣщая же ему, аще Консулъ пожалуетъ милостыню оному полъ; стражъ же мой, бывши лакомый на деньги, не медля принесе чернилницу и маненко бумаги, обѣщаяся мнѣ самъ понести мое писаніе ко оному Консулю; и тако азъ, вскорѣ написавши грамоту Латинскимъ языкомъ, вдахъ стражу; стражъ же мой пойде и вдаде въ руцѣ Консулю, которой, прочетши, абіе немедленно пріиде самъ съ своими людми ко оной темницѣ, идѣже азъ сидѣхъ и вопроси мя, кто азъ есмь, и откуду, и гдѣ быхъ, когда взятъ есмь, сколько сидѣхъ въ темницѣ, и чесо ради къ нему никаковой грамотки не писалъ? Азъ же подробну вся извѣстихъ оному, кто и откуду есмь, и каковымъ случаемъ посажденъ быхъ въ темницу отъ Турковъ; онъ же мя обнадеживая и одаривши мя денгами и всякими довол

віями, сказавши ничего же болѣе опасатися и печалитися, велѣлъ мнѣ въ Царьградъ грамоту написать ко своимъ Полномощнымъ Посламъ, обѣщающи самъ отъ себе своего человѣка съ своими грамотами послать до нашихъ Пословъ въ Константинополь. Азъ же, вскорѣ написавши грамотки ко своимъ Посламъ, вдахъ оныя ему въ руцѣ. Онъ же немедленно послалъ ихъ чрезъ своего человѣка, ако же обѣща, до нашихъ Пословъ въ Константинополь. Между же симъ пріиде вѣсть о моемъ слузѣ, иже впаде въ разбойники Малтезскія на мори и въ руцѣ Капитана Павла Малтеза сицевымъ случаемъ: Пришедшу изъ Царьграда въ Кипръ новому Муселиму и перемѣнившу стараго Муселиму, старый возвратися въ Царьградъ на двухъ корабляхъ моремъ, взявши съ собою и моего слугу. Пловущимъ же имъ моремъ, впадоша въ разбойники Малтезскія, обаче первый корабль спасеся и убѣжа, въ немъ же бяше Муселимъ, вторый же корабль, идѣже бяху чагодари и мой съ ними слуга, впаде въ руцѣ разбойниковъ, его же, вземши, вопрошаху карабленники вси того корабля о чинахъ онехъ Турковъ чагодаровъ, взятыхъ въ плѣнъ; они же, сказывая подробну о всѣхъ, сказаша и о моемъ слузѣ, како, пришедши изъ Іерусалима, принялъ Вѣру Турецкую, и вся приключшаяся яже о мнѣ. Капитанъ же Павелъ Малтезъ возъярися зѣло и немедленно усѣкну моему слузѣ главу, тѣло же его вверже въ море, и тако окаянный конецъ житія своего пріятъ. Чагодаровъ же всѣхъ взялъ въ полонъ, а Капитана съ кораблемъ отпусти въ Кипръ, понеже Капитанъ Французъ бѣ, житель Кипрскій, иже, пришедши въ Кипръ, сія Консулю Великобританскому и Французскому сказа, Консулъ же сказа мнѣ, сѣдящему въ темницѣ. По семъ же нескоро дойдоша чрезъ посланнаго отъ Консуля Аглинскаго мои грамотки къ Ихъ Превосходительствамъ въ Царьградъ, Его Милости Господину Петру Павловичу Барону Шафирову, Полномочному Послу Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, такожде и Господину Михайлѣ Борисовичу Графу Шереметеву, въ руцѣ, яже прочетши, немедленно послаша, написавши аргигалъ къ Везиру; Везирь же, по ихъ прошенію, прислалъ въ Кипръ чауша отъ темницы мя свободити. Пришедшему же чаушу въ Кипрскій островъ, идѣже азъ сидѣхъ, свободихся отъ темницы году 1714, Марта 1-го числа, и возвратихся со онымъ же чаушемъ чрезъ почту въ Царьградъ къ Ихъ Превосходительствамъ, Господамъ Посламъ. Возблагодарити Бога же, во Троицы единаго, хвалити и славити, ему же, за посѣщеніе, благодареніе, честь, слава и держава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

IV.

Путникъ или путешествіе во Святую Землю Матронинскаго монастыря инока Серапіона 1749 года.

Всѣмъ, чтущимъ и слышащимъ сію (книжицу) благодать, миръ, милость, здравіе и спасеніе отъ Господа нашего, Іисуса Христа, и отъ Пресвятаго Живоноснаго его Гроба помощь, освященіе и покровеніе, и причастіе вышняго града Іерусалима да будетъ. Аминь.

Въ лѣто отъ Рождества Христова 1749 году, когда я свое непреложное испълнить хотѣлъ намѣреніе, дабы мнѣ святый градъ Іерусалимъ повидѣть, и мѣстамъ въ немъ святымъ, плотію и кровію Христовою освященнымъ, поклониться, тогда, получивши благополучное время, началъ странствіе творить сицевымъ образомъ, яко же о семъ повѣтствуетъ предложенная рукописная книжица.

Во первыхъ, да намѣренной путь мнѣ благополученъ будетъ, отъ монастыря Матроновскаго [1] идохъ на поклоненіе въ Богоспасаемый градъ Кіевъ, и тамо, поклонившися чудотворной Пресвятыя Богородицы иконѣ, и Преподобнымъ Отцемъ Печерскимъ, и Святой Великомученицѣ Варварѣ, и Святителю Христову Макарію, возложившись на Господа и Пречистую его Матерь и Святыхъ его угодниковъ, яхся благополучно намѣреннаго моего пути, и идохъ отъ Кіева до Борисполя 5 миль, отъ Борисполя до Переяславля 7 миль, гдѣ я, поклонившись мощамъ Святаго Макарія, иже почиваетъ въ монастырѣ Святаго Архистратига Михаила, [2] идохъ на Глемязовъ 35 верстъ,

---

[1] Матронинскій Троицкій заштатный монастырь находится Кіевской Губерніи въ Чигиринскомъ Уѣздѣ, между мѣстечками Жаботинымъ и Медвѣдовкою, въ лѣсу, именуемомъ Матронинъ, на возвышенномъ мѣстѣ, окруженномъ съ 4-хъ сторонъ земляным валомъ, разстояніемъ отъ Кіева съ 200, отъ Чигирина въ 40 верстахъ. Когда и кѣмъ основанъ, не извѣстно, но возобновленъ онъ благословеніемъ Кіевскаго Митрополита Іоны Протасовича (1563 г.) и универсалами Гетмановъ, Петра Сагайдачнаго и Петра Дорошенка, (1620 1621 и 1671 г.). Хотя въ 1678 г., по взятіи Турками Чигирина, монастырь Матронинскій былъ ими разоренъ, однако въ 1685 году уже построена въ немъ новая церковь которая и освящена 1717 года, по универсалу Князя Яна Станислава Яблоновскаго, Старосты Чигиринскаго.

[2] Упраздненъ въ 1786 году, мощи же Преподобнаго мученика Макарія были перенесены сюда 13 Марта, а 1688 года изъ Каневскаго монастыря въ Переяславъ, въ Воскресенскую церковь, откуда въ каѳедральный Михайловскій монастырь, возобновленный въ 1713 г., а по закрытіи его въ

ть Глемязова до Золотоношъ 37 верстъ, и оттуду [2]на Кропивну [3] верстъ, потомъ на Ирклѣевъ, на Веремѣевку, на Чигиринъ на Дуровку, [4] на Городище, [5] на Уласовку [6] и на Кременчукъ. Тутъ мы, еревезшись черезъ Днѣпръ, ишли тими стезями, ижъ до Сѣчи [7] 6 ней, и въ Сѣчѣ сидѣли мы немалое время, покамѣсть корабли наши, пловущіи до Царяграда; бо въ Сѣчѣ всякого лѣта много кораблей съ виномъ приходитъ. Тогда отъ Чернаго моря прибылъ въ Сѣчь ть Святой Аѳонской Горы Архимандритъ Анатолій [8] съ мощами вогихъ Святыхъ; еще онъ имѣлъ и самое Животворящее Древо и ріе дары: ливанъ, смирну и злато, что тріе Цари новорожденному ристу въ даръ принесли. Тое Животворящее Древо и дары, когда омянутый Архимандритъ воду святилъ, то въ воду погружалъ, и си лобызали, и я сподобился поклониться и лобызать. По времени же немаломъ, изложившу кораблю свое въ Сѣчѣ бремя, мы, взявши отъ Пана Кошевого подорожную, и сѣдохомъ тамо въ кораблѣ, ловуще въ Царьградъ, въ которомъ отъ Сѣчи за осмь дней доидохомъ Турецкаго города Очакова, гдѣ и баталія славная была; за гачъ [9] по шесть талерей взяли. Мы тамъ только единъ день были, то съ великимъ опасеніемъ и страхомъ: тамъ тогда прокинулась ума, а мы очень боялись.

Другого же дни рано, котви [10] извлекше, плыхомъ оттуду Чер-

---

ставлены 4 Августа, 1786 г., въ соборномъ храмѣ Вознесенія, гдѣ и нынѣ почиваютъ. О. Б.

[2] Мѣстечко Крапивна, при рѣчкѣ Крапивной. О. Б.

[3] Чигринъ Дуброва. О. Б.

[4] Нынѣ заштатный городъ Градижскъ, при рѣкѣ Гирманѣ, Кременчуцкаго Уѣзда. О. Б.

[5] Мѣстечко Власовка, при рѣчкѣ Ярданкѣ, Кременчуцкаго Уѣзда. О. Б.

[6] Сѣчь Запорожская, тогда существовавшая.

[7] Аѳонскаго Свято-Павловскаго Георгіевскаго монастыря сборщикъ, Архимандритъ Анатолій Мелесъ, родомъ Малоросіянинъ, постриженецъ Матронинскаго монастыря, пользуясь особымъ расположеніемъ Духовника Императрицы Елисаветы Петровны, Протоіерея Ѳ. Я. Дублянскаго, черезъ него много сдѣлалъ для Св. Павловской обители. Онъ перемѣнилъ старую жалованную грамоту на новую и, кромѣ сборныхъ денегъ (до 15,000), получилъ отъ Императрицы, «за принятіе его частицы отъ привезеннаго имъ Животворящаго Креста Господня,» 3,000 руб. на монастырь и 1,000 руб. ему на дорогу. Въ 1759 г. вторично явился въ Россію въ Епископскомъ санѣ и совершалъ Архіерейское служеніе въ Сѣчи Запорожской (см. подробности о немъ въ Русск. Архивѣ 1870 г. № 4 и 5, стат. 1-я).

[8] Харачъ—поголовная подать Турецкая.

[9] Котви—якори.

нымъ моремъ до Царяграда, гдѣ, единой ночи, волнующуся морю и вѣтру непостоянному сущу, такія мы бѣды терпѣли, и уже близко смерти было и надежда спасенія отнималась, однако премилосердый Господь спасе насъ отъ тѣхъ бѣдъ. Тогда мы, многое благодареніе Господеви воздавше, плыхомъ до Царяграда, и такъ за 11 день отъ Очакова дошли до богазу или устья, которое отъ Греческаго моря ведетъ въ самый Царьградъ. Тамъ отъ пріѣзда въ богазъ [11] надъ Чернымъ моремъ два столпа великіе на горахъ стоятъ каменніи (промежъ коими горами пошолъ тотъ богазъ, якъ бы якая превеликая рѣка), а на тѣхъ столпахъ сдѣланы по три великія фонаря, и въ тѣхъ фонаряхъ всякую ночь огонь горитъ, чтобъ удобно кораблямъ въ ночи туда ходити, и тотъ огонь видно здалеку, на которой смотрючи корабельники входятъ суднами въ богазъ и Царьградъ; тамъ по над богазомъ по обоимъ сторонамъ изрядніи города и села, дивніе вертограды, благовонніи кипариси и иніи древеса пречудніе, зеліе благоухающее; словомъ сказать, мѣста оніи красоты несказанной. И тотъ богазъ, что пошелъ ажъ до Чернаго моря, раздѣляется подъ самимъ Цареградомъ на двое: едина чаетъ идетъ якъ на востокъ, по узъ Царскій дворъ [12] и впадаетъ въ Бѣлое море, [13] другая часть идетъ отъ города якъ на полудень, помежъ Царьградомъ и помежъ Галатъ, гдѣ и корабли вси пристаютъ. Тамъ, когда кто хощетъ ити или изъ Галатъ въ Царьградъ, или отъ Цариграда въ Галатъ, то надобно богазъ тотъ переѣздить шлюпками; бо тамъ лодокъ премногое множество, имъ же нѣсть числа, сюда и туда непрестанно, якъ муравьи, по водѣ плаваютъ и перевозятъ Турки, кто куда требуетъ. Когда же якій Турчинъ старшій туда идетъ, то единъ великимъ голосомъ кричитъ, чтобъ другіе стереглись, дабы не разбить кого, сильно бѣгучи. До здѣ о пріѣздѣ въ Царьградъ. Протчее хощу тебѣ, читателю благій, предложить и о себѣ нѣчто, да вѣдаешь, якова бѣдствія въ странствіи случаются, и намъ здѣсь быша; ибо, егда мы отъ Чернаго моря, по многомъ бѣдствіи вошедши въ пристанище или въ богазъ, надѣялися благополучнаго дойти покоя (тамъ бо насъ нечаянно Турецкая постиже буря); тамъ насъ заразъ (гдѣ градъ противъ граду

---

[11] Константинопольскій проливъ, соединяющій море Черное съ Бѣлымъ (Мраморнымъ).

[12] То есть, мимо самаго Царскаго двора,—стараго дворца, который находился на самой оконечности полуострова, занимаемаго древнимъ Царьградомъ, и сгорѣлъ въ началѣ 1860-хъ годахъ.

[13] Мраморное море.

стоитъ, гдѣ и Турчинъ, Великій Паша, какъ бы по нашему Генералъ, сидитъ, для всякой остороги) застановили; бо и вси корабли, идущіи въ Царьградъ, тамъ пристаютъ и смотрютъ, кто куда идетъ и за чѣмъ идетъ, гдѣ и насъ двоихъ взято и до Старшаго приведено, который насъ, безъ всякой вины и допросу, въ тюрьму заключити приказалъ, и двухъ Турокъ да единаго Француза. Тогда велику мы тамъ въ темницѣ нужду и бѣду терпѣли, и сказать не могу; бо намъ уже и въ самой темницѣ мѣста, за многими Турками, не было; за тѣмъ мы въ смердючемъ углѣ, гдѣ и нужныя исправляхуся, сидѣть принужденны были, откуду насъ на дворъ когда выводили, то два раза желѣзными веригами оковували, яко же глаголати: «смириша во оковахъ нози наша.» Здѣсь мы и многое время были бъ, когда бъ нашъ корабельный о насъ Резиденту Россійскому [14] не донесъ, отъ котораго того жъ дня прислано къ намъ толмача, и вызволено, и толмачъ съ тѣмъ отъѣхалъ. Намъ же, свободно уже въ ночи тамо у Христіанина стоящимъ, паки единъ Турчинъ съ фонаремъ прибѣжалъ и кричачи попроводилъ насъ до пристани, и отсадивши въ лодку, попроводилъ ночью въ Царьградъ, и тамъ насъ подъ самимъ Царскимъ дворомъ паки въ темницу засадилъ, и о чемъ мы въ большой печали были и думали, чтобъ насъ на каторгу не отдали; бо уже ни откуду надежды не было; уже бо о семъ и Господинъ Резидентъ не вѣдалъ; и тако мы тогда послѣдняя паче первыхъ страдали, но, по изволенію Божію, паки насъ отсюду третьяго дня предъ Старшаго взяли, и свободно насъ уже отпустили. Тогда мы, амо же хотѣніе быть, невозбранно уже вездѣ по Царюграду ходили, и видѣли во истину дивная и преславная: видѣхомъ градъ сей Цариградъ пречуденъ, прекрасенъ, преславенъ, превеликъ и многонароденъ зѣло, яко же мню другому во всей поднебесной обрѣтатися не можно величиною и красотою. Стоитъ же онъ на седми горахъ, высокими хоромами и пресвѣтлымъ зданіемъ каменнымъ, объ три и четыре партамента звеленнымъ, всюду кипарисами и другими древесами благовонными насажденъ и украшенъ; имѣетъ уже онъ въ себѣ преславныхъ градовъ три: первый градъ или мѣсто зовется Византія или Царьградъ, Гречески Константинополь, а Турецки Станбулъ: въ семъ градѣ и Царскіи палаты преудивительные, чистимъ золотомъ позлащенніи, стоятъ надъ самимъ моремъ, многими кипарисами и иными древесами благовонными осажденніи, и домъ Царскій стоитъ на горѣ, и его украшеніе видно. Въ семъ городѣ и Святаго Царя Константина

[14] Резидентомъ Россійскимъ въ Царьградѣ былъ тогда Неплюевъ.

стоятъ палати цѣліи и до днесь, толко жъ далеко не такъ красны, какъ нынѣшнихъ Царей. Въ семъ городѣ и Греческій живетъ Патріархъ. Тутъ, у Патріаршей церкви, мощи троихъ мученицъ лежатъ, и столпа половина, до котораго Жиды Спасителя Нашего, Христа, привязывали, а другая половина столпа во святомъ градѣ Іерусалимѣ, о чемъ послѣжди речется. Другой градъ стоитъ надъ моремъ, которое идетъ промежъ жильевъ на западъ и зовется Халиндовъ; [15] стоитъ же надъ самою горою, за которымъ, подъ горою, есть вдовичинъ вертоградъ, за которой Св. Іоаннъ Златоустъ Царицу Евдокію обличалъ, за что и изгнанъ бысть послѣжде; только немалая отъ сего города проходка. Еще же мы, будучи въ Царьградѣ, ходили до церкви Пресвятыя Богородицы, еже глаголется Влахерна, теперь она весьма разорена; только можно знать, что она велика церковь была; есть въ ней яма, а въ оной ямѣ изрядная вода (говорятъ, кто въ той отъ недужнихъ измѣется, то здравъ будетъ, о чемъ Богъ вѣсть), и церковь Влахерна близъ моря; другая церковь Пречистой Богородицы, яже глаголется Живоносній Источникъ, иже и до нынѣ чудотетвуетъ, немощныя съ вѣрою приходящія и піющія отъ него исцѣляетъ. Отъ сего источника и самъ Царь Турецкій воду піетъ; бо вода та весьма здорова, сладка и студена; въ той водѣ и седьмъ рыбицъ малыхъ плаваютъ (сказуютъ, отнелѣ же сей цѣлебный Источникъ явися, даже до днесь рыбицы оніи имѣются). Хотяй о семъ источникѣ вѣдать, да прочтетъ Синаксаръ Свѣтлаго Пятка. Тая церковь на полѣ за городомъ стоитъ, добрая туда проходка. Третія (церковь) Святая Софія въ самомъ Царѣградѣ стоитъ, велми красна и превеликая, толко жъ теперь Турки проклятіи на свой мечеть перевернули; туда и самъ Царь пріѣздитъ Богу молится, а Христіаномъ весьма не можно туда войти, и мы въ ней не были, только что сблизу подивились, и то со страхомъ; тамъ есть и теперь дверки, въ которыи Св. Іоаннъ Златоустъ Царицу Евдоксію не пустилъ; и сія церковь напротивъ близу Царскаго двора стоитъ. Четвертая церковь Святыхъ Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла, [16] тако жъ весьма красна и великая, удивительно сдѣлана, пре-

---

[15] Очевидно, нынѣшняя Пера, Европейская часть Царьграда, отдѣляемая отъ Византіи Золотымъ Рогомъ.

[16] Здѣсь разумѣется мечеть, построенная завоевателемъ Константинополя на мѣстѣ храма Св. Апостоловъ (12-ти), разрушеннаго по его повелѣнію; мечеть эта построена по одному плану со Св. Софіею Греческимъ Архимандритомъ Христодуломъ, также какъ и окружающіе ее минареты или богадѣльни (домъ для бѣдныхъ и странниковъ).

удивительные около ней подѣланы мраморніи столпи; тамъ вода пречудно изъ подъ земли кумаками идетъ отвсюду; при сей церкви едина мосянжева [17] клѣтка велика, клѣтками пречудно вся мосянжовыми украшенна стоитъ, а посредѣ ея сильно въ городъ бѣжитъ студеная вода, чему мы, стоючи, удивлялися, и единъ тамъ старый Турчинъ намъ говорилъ, что все тое еще дѣлалось Греческою рукою при Царѣ Константинѣ. Сія церковь округъ отвсюду дивно ограждена чистымъ каменемъ; только же и здѣсь Христіанамъ нема входу; бо Турки въ ней свой мечеть имѣютъ; такоже, де, и другіе прекрасные церкви на свои мечети попревращали, въ темную область. Тамъ, близъ церкви Святыхъ Апостолъ, противъ палатъ Царя Константина, стоитъ столпъ зѣло превеликъ и пречудный каменный четвероугольный, островатъ въ самомъ верху; стоитъ же онъ только на малыхъ четырехъ шпеняхъ желѣзныхъ, которому вси народи приходящіи тамо великимъ дивуются дивомъ, что такая безмѣрная махина и тяжкость на такъ вещи неподвижной стоитъ и до сего дне отъ времени многаго, и той столпъ еще Св. Царь Константинъ поставилъ, и слова на томъ каменѣ великіе выбиты, только жъ ихъ никто не можетъ прочитать. Намъ же сказано такъ: когда тіи прочитаны будутъ, то и Царюграду кончина. При семъ столпѣ есть и другой столпъ на мѣстѣ недалеко отъ тѣхъ столповъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ хлѣбъ продается, а на томъ столпѣ стоялъ когдась столпъ позлащенный, на которомъ Ангелъ три раза въ годъ являлся. Зри Житіе Царя Константина. Намъ же до здѣ в Царѣградѣ; протчее въ надлежащій путь до святаго града Іерусалима возвратимся.

Довольное время будучи мы въ Царѣградѣ и обрѣтши корабль, ловущъ во Святую Афонскую Гору, всѣдохомъ въ онь, давши наемъ, благополучно отъ Царяграда плыхомъ Бѣлымъ уже моремъ полтора дни до города Калиполя, а оттуда плыхомъ промежду острова, [18] идохомъ мы три дни до города Кастря, гдѣ прекрасніи скудельные сосуди, якъ позлащеніи, дѣлаются. Противъ сего города и другой по другую сторону стоитъ городъ великій, оба же каменніи, весьма крѣпкіе, съ которыхъ выстановленніи на морѣ превеликіе многіе пушки; въ томъ городѣ и корабли пристаютъ, и смотрятъ Турки всякаго товару, и мито берутъ за всякій товаръ. Тамъ мы едину нощь переночевали, а оттуду пошовши якъ къ полдню, паки города два великіе минали: единъ въ правой, а другой въ лѣвой, рукѣ; отъ тѣхъ горо-

[17] Мѣдная.
[18] Мармора.

довъ великимъ Бѣлымъ моремъ ишли мы три дни до Лымни; [1] и семъ островѣ селъ имѣется 25, тамъ и Владыка живетъ; а къ правой рукѣ намъ другой островъ, называемой Самофраки, былъ. Въ томъ островѣ, сказуютъ, есть 70 селъ, и Епископъ есть тамъ. Промежъ сими островами пошедши, ишли мы еще день одинъ до Святой Аеонской Горы, и пришли до Святой Горы противу самаго празднника Успенія Пресвятой Богородицы, и пристали къ Лаврѣ Преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго. Во Святой Аѳонской Горѣ монастыри сіи суть:

Отъ востоку Аѳонскія Горы:

1. Лавра Преподобнаго Аѳанасія.
2. Каракалъ монастырь.
3. Филофей монастырь.
4. Иверскій монастырь.
5. Котломужъ монастырь.
6. Протатъ или Соборъ (Карея).
7. Ставроникитскій монастырь.
8. Пантократоръ монастырь.
9. Ватопедъ монастырь.
10. Хиландаръ, Сербскій монастырь.

Отъ запада Святыя Горы:

1. Зуграфъ, Болгарскій монастырь.
2. Костамонитъ монастырь.
3. Дохіаръ монастырь.
4. Ксендофъ монастырь.
5. Пантелеймоновъ монастырь.
6. Ксеропотамъ монастырь.
7. Діонисіатъ монастырь.
8. Симо-Петра монастырь.
9. Григоріатъ монастырь.
10. Святаго Павла монастырь.
11. Анны Святыя, только жъ скитомъ его зовутъ.
12. Капсаколіба монастырь.
13. Неоскитъ монастырь. Сіи два на полудни.

Протчихъ же скитовъ, келій и колибъ, си рѣчь, маленькихъ коихъ исчислити не можно: вездѣ по горамъ, по долинамъ и вершинамъ, яко звѣзди сіяютъ, и самая Гора, какъ посмотрѣти, мнится небеса досязати толико висока; а на той Горѣ, на самомъ верху, есть малая каменна

[1] Островъ Лемносъ.

церковь Преображенія Господня, гдѣ единою точію въ лѣто на праздникъ всенощное бдѣніе и литургія бываетъ, и туда всякъ, кто идетъ, дрова несетъ; бо тамъ жадною [10] мѣрою безъ огня нельзя переночевать, за необычнымъ холодомъ отъ камени и отъ воздуха; въ той церкви иконы мѣдныя едва въ малой части остались; вси бо необычайнымъ воздухомъ съѣдены. Туда иноки вси потребности на праздникъ приносятъ, такожде и дрова, а деручись на гору, или съ горы идучи, благочинно молебствіе отправляютъ; тамъ въ ночи около церкви всю ту огонь горитъ, при коемъ сущіе тамо согрѣваются, и аще бы кто отъ огня мало отойшолъ и уснулъ, то крѣпко смотрятъ и не даютъ ему спати, дабы смертнымъ сномъ не уснулъ. Воздухъ же тотъ не весьма студенъ, только что въ нутрь и въ кость входитъ, которымъ трудно остеречься. А Святая Аѳонская Гора вся вошла въ море; ходу въ ней въ долготу три дни отъ переволоки, якъ бо отъ шіи; а въ ширину день единъ; пуща въ ней непроходима, горы и дебри неказанніе, древесъ плодоносныхъ и кипарисовъ премножество, и огородинъ довольно, винограда и вина преизобильно; а монастыри не на горѣ, но подъ горою при морѣ сидятъ, округъ горы, за тѣмъ что и воздухъ легшій, и отъ моря удобнѣе всякій товаръ допроводить можно въ монастырь.

Еще вѣстно да будетъ, что во Святую Аѳонскую Гору женскій полъ всякаго рода не можетъ внити: смертію отъ самой Пресвятой Богородицы возбранено. Тамъ во Святой Горѣ всякой суботы непремѣнно торгъ бываетъ, и собирается тогда многое множество черноризъ, и что кто имѣетъ за рукодѣліе, туда выноситъ: инъ кресты, другой ложки, иной тыквы, иной четки, подковки, панчохи, печатки просфорніи, словомъ сказать, отъ чего кто себѣ хлѣбъ маетъ, и собирается толико чернецовъ, что иногда и протиснуться трудно. Вездѣ же во Святой Горѣ по монастырямъ имѣются многія святости, чудотворныя иконы, наипаче же Пресвятыя Богородицы, всюду аки солнце сіяютъ и нынѣ преславными чудесами; мощи многихъ Святыхъ почиваютъ всюду по монастырямъ (преславно), которыхъ поражающе, многіи нынѣ постники и пустынники по дебряхъ и пропастяхъ земныхъ и каменихъ разсѣлинахъ, ихъ же весь миръ не достоинъ, тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ шествующе, безпрестанно спитаются (спасаются). Протчее кто исповѣсть Святую Гору? Ни умъ постигнетъ, ниже перо опишетъ, и время повѣтствующу мнѣ

[10] Никакою мѣрою.

недостанетъ; протчее паки обращаюся на первую повѣсть. Тако и, во Святой Аѳонской Горѣ, обоймовши показанные монастыри и поклонившись чудотворнымъ Пресвятыя Богородицы иконамъ и всѣмъ Святымъ, паки оставивши товарища во Святой Горѣ, самъ уже паки рѣннаго во святый градъ Іерусалимъ яхся пути.

И понеже тогда корабля не было по пути мнѣ плавуща, того для я во Смирну плыти принужденъ былъ; и заразъ отъ Святой Горы и шли мы день единъ до Острова Лымни, а оттудова единъ до города Бабы, гдѣ самія толко Турки живутъ; оттуду ищли мы промежду горами великими и высокими каменными два дни до города Митилина. [84] Сей городъ весьма хорошъ, великъ и многонародевъ: тамъ только мы единъ день и нощь были, а оттуду ищли мы еще три дни до Смирны, о коемъ городѣ Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ воспоминаетъ сице: «Ангелу Смирнскія церкви напиши» и протчая. Сей градъ въ самомъ пути стоитъ, а около него и другіе города, яко то: Ефесъ, Пергамъ, Фіатиръ, Сардія, Филадельфія, Лаодикія и протчая, яже суть во Асіи. И градъ Смирна превосходитъ красотою и величиною многіе города, и мало не сравнится къ самому преславному Царюграду; бо такого города, сколько я ходилъ, кромѣ Царяграда, не видалъ; еще мнѣ онъ показался и отъ самаго Царяграда краснѣйшій, только что мало меньшій. Туда всегда премного кораблей великихъ купеческихъ приходитъ отвсюду; въ семъ городѣ фигъ, родзинокъ и вина предобраго довольство. Оттуду и въ Царьградъ и въ протчіе города и націи отходятъ кораблями, и свободно тамъ всякой Вѣрѣ людемъ жити; тамо церкви Христіанскія многіе и красніе, торжища несходимыи, строеніе удивительно и прочудно, а наипаче Нѣмцы, Французы, Италіяне, Англези, Шпанѣели, Венеціане и протчіе въ свои праздники превеликими флагами на высокихъ весьма столпахъ, нарочно на то устроенныхъ, по надъ морем распущеными, съ частою пушечною пальбою той градъ украшаютъ, чего и въ Царѣградѣ не имѣется, и сей городъ жена Султанова держитъ. Въ томъ городѣ и я пять дней сидѣлъ; таже по пяти днехъ идохъ два дни до города Хіи, о немъ же въ Дѣяніяхъ воспоминаетсѧ. Сей городъ по Турецки зовется Сакизъ, и онъ, или отъ Царяграда, или отъ Святой Горы, идучи въ Іерусалимъ, стоитъ на тракту. Сна было и мнѣ отъ Святой Горы ити треба; только жъ, яко не рѣхъ прежде, въ Святой Горѣ сюда не случалось кораблю, за тѣмъ я до Смирны

[84] На островѣ Митилинѣ.

реже отошелъ. И сей городъ Хиіе [22] такожде другіе города превосходитъ; есть бо великъ весьма и украшенъ, церквей въ немъ самихъ Христіанскимъ имѣется 300, только съ тѣми, что и по домамъ имѣются, и онъ протягается наипаче садами. Лимоніями, португалами, померанцами и протчими древьями, между коихъ деревьевъ, якъ осмотришь, превеліе всюду подѣланы каменные и высокіе палати, въ которыхъ большое время, нежели во градѣ, живутъ господари тѣхъ садовъ; и Турецкій городъ или замокъ особь тамъ же стоитъ, рѣпко отвсюду каменемъ огражденъ и ровомъ окопанъ, а на раскатахъ многіе отъ всѣхъ сторонъ пушки поставлены; и въ самой той городъ и въ другіе ихъ земли Христіанамъ входить не можно, того ради, бо не пускаютъ Турки. За симъ городомъ подъ горою, якъ на двѣ версты, въ придолину, на изрядномъ мѣстѣ, есть Греческій монастырь, хорошъ весьма и весь каменный; бо въ тѣхъ странахъ все каменное строеніе; и въ томъ монастырѣ братій до двухъ сотъ, и годія около него, изрядніи водяницы виногради и протчая. Въ семъ городѣ и я едину недѣлю просидѣлъ, ожидая корабля, который тогда въ скорости имѣлъ прійти отъ Царяграда съ поклонниками, которыи шли на поклоненіе въ Іерусалимъ. Тамъ мене Турки за гарачъ паши въ темницу сажали, только жъ я, помня первую, будучи въ Цариградѣ превеликую оттерпѣлъ нужду, заразъ деньги имъ уплатилъ 10 талерей, и отъ того времени свободно мнѣ уже было вездѣ по городу ходить; только жъ и другая опасность была; бо Греки говорили, я Русиномъ, ни Москалемъ, не называтися мнѣ, но или Болгаромъ, или Сербиномъ зватися, да не како, увѣдавши Турки меньши отъ Россійскаго Государства, за шпіона причтутъ и ухватятъ, і такъ я въ томъ городѣ, покамѣсть корабль отъ Царяграда пришолъ, съ великимъ страхомъ и трепетомъ ходилъ, называясь Сербиномъ. По нѣколицѣхъ же днѣхъ кораблю съ поклонниками отъ Царяграда туда пришедшу, и тамо приставшу, и я съ протчими въ корабль внидохъ, за который наемъ далъ 10 талерей, и то еще съ великимъ моленіемъ, протчіи же оттуду по пятьнадесять талерей и по двадцать, а ти что отъ Царяграда по 25 и по 30 талерей, туда только до описи давали.

Тогда въ кораблѣ томъ бысть великій утискъ и смятеніе за тѣмъ, по и мѣста уже, гдѣ бы добрѣ сѣсти, не было. Обаче чернецы два гожгробцы, что поклонниковъ проводили во Іерусалимъ, тіи мѣста

[22] Хіосъ на островѣ того же имени.

протчимъ опредѣляли, только елико лягти можно было, а я уже, яко единъ отъ нищихъ, сѣмо и овамо переходючи, мѣстился съ бѣдою, овогда въ тѣсній куть забравшись и наклонившись, мало сна пріяхъ; обаче благодарихъ Бога, что въ Христіанской уже корабль внидохъ. И въ томъ городѣ на корабли стояли мы еще пять дней, таже котви извлекше и вѣтрила распростерши, отъ сего мѣста благополучно пустихомся, пошли 3 дни промежъ островами до города Станкова, потомъ день одинъ до города до Родоса, гдѣ единъ день и нощь стояли, и сей городъ похвалы достоинъ: фортеція въ немъ крѣпка каменна и строеніе чинно, садовъ около него премного, древъ изрядныхъ, лимоній, португаловъ, померанцевъ, фигъ, маслинъ, довольное число и во всемъ подобится Сакизу, и строеніемъ и садами, и стоитъ онъ на островѣ. Противу острова тамъ мы день и ночь перебувши, пустихомся, съ Божіею помощію, на великое уже море; бо только что до города Родоса ити промежъ островами, а оттуда уже великое море пошло даже до Іоппіи и Египта, Александріи и протчая. Тѣмъ моремъ, возложившись на Господа, шли мы 5 дней, и уже ни острова, ни града, черезъ тіи дни не видали, только что небо да море, а по днехъ пяти возникшій Кипръ островъ мало видѣхомъ на томъ морѣ первый разъ; видѣлъ я и протчее, летающую рыбу по воздуху малую. Таже ишли мы еще 4 дни до Іоппіи, и тамо приставше, вси уже на сухо вылѣзли, и тѣхъ поклонниковъ вси на свои отводили подворья, зовемое Божегробное; бо тутъ и Греки и Франки свои подворья имѣютъ. Въ сей Іоппіи есть горница, на которой Св. Апостолъ Петръ видѣлъ съ небесъ сходящую плащеницу. Здѣсь, во церкви Святаго Великомученика Георгія; и чудо бысть сицево: Когда единъ тамъ отрокъ, отъ иныхъ отроковъ боримъ всегда бываше, моляше матерь свою, да спечетъ ему пирогъ, его же вземъ, принесе тамо въ церковь и положи предъ иконою Св. Великомученика Георгія, моляше его, да ему поможетъ, и по молитвѣ изыде отрокъ во игралище, и нечаянно всѣхъ отроковъ побѣждаше, и отъ того времени всегда пироги полагалъ предъ иконою Святаго Великомученика Георгія. И въ нѣкое время случися внити нѣкимъ купцемъ въ ту церковь помолитися и, узрѣвши пирогъ, ставъ, рекли. «Сего Св. Георгій не требуетъ», и изыдоша, и въ тотъ часъ изыти не возмогоша; они же, вину свою познавши, положили за пирогъ малую цѣну, но не возмогоша изыти; и паки больше положиша, и опять не изошли, удержани суще невидимою силою; тогда положили по златницѣ, и изошли невозбранно, и рекли: «О Святый Великомучениче Георгіе, какъ ты дорого пироги продаешь!» и отъидоша въ путь свой.

Хотяй сіе пространнѣе вѣдати, да прочтетъ чудеса Великомученика Георгія, я же на преддежащую повѣсть обращаюсь.

И когда мы вси уже отъ корабля на сухо изыдохомъ, тогда всѣхъ насъ Греки на свое Божегробное подворье поотводили. Тамъ зразъ Игуменъ единъ только разъ представлялъ трапезу всѣмъ поклонникамъ, записовалъ въ помѣнникъ души здравыхъ и умершихъ, и бралъ за тое отъ всякаго по пяти талерей поклонника. Тамъ мы, во Іоппіи, сидѣли шестьнадесять дней, ожидаючи Турковъ отъ Іерусалима, которіи поклонниковъ опровожаютъ до святаго Іерусалима; отъ тѣхъ людей брали еще отъ всякой души по седми талерей мита, и кто уплатилъ деньги, тому давалась и картка въ руки, за печатью и подписомъ Турецкимъ, а то для того, чтобъ знать, кто платилъ, а кто не платилъ. По шести же на десять днехъ, пришедшимъ отъ Іерусалима въ Іоппію двумъ старшимъ Туркомъ со многими вооруженными, аки бы на брань, Турками и Арапами, бысть веліе приуготовленіе верблюдовъ, коней, и ослятъ, и магаровъ. Тогда мы всѣ въ самой скорости начахомъ приуготовлятися, и вѣдно зразъ всѣдати, овымъ на верблюды на единаго по два человѣка, овымъ на кони, а овымъ на ослята, якъ бы сказать, кто что могъ заповѣсти; азъ же, яко и Спаситель, на жребяти осли; и тако начали, единъ по единому, отъ Іоппіи, отъ самаго подворья, отходити. Идѣже по Іоппіи тѣсная улица на самомъ базарѣ есть, тамъ много Турковъ стояли, которіи, всякаго по единцемъ удержуя, крѣпко, смотрѣли, имѣетъ ли всякъ карту, за ихъ рукою и печатью, которая тогда давалась, когда платилась мита по семь талерей, и кто заплатилъ и оную карту имѣлъ, тотъ свободно и проходилъ, а кто не имѣетъ и заплатить чѣмъ не могъ, того тамъ кіемъ добре шануютъ и обратно заворочаютъ, и за тѣмъ крайне не возможно безъ денегъ доволнихъ дойти до святаго града Іерусалима. Мы же, воздавши должное Турчину, изыдохомъ вси на поле за градъ Іоппію, и тамъ стояли якъ едину годину, покамѣсть вси поклонники, и Греки, и Армяне, и Франки, въ купу собрались, и оніи два Турки начальнѣйшіе съ войскомъ пріѣхали и окружили всѣхъ насъ, начали строй чинити и обходити сице: во первыхъ, три Турчина по самомъ переду съ великими распростертыми хоругвями пойшли, потомъ сидящимъ на верблюдахъ, единому по другому, приказано ступать таже за верблюдами зразъ, паки три Турка съ великими распущенными знаменми предъидяху намъ, а за оными два старшіе Турки, за которыми вси мы, отъ мала до велика, Греки, Армяне, Франки и протчіе же, мужіе, и жены, и дѣти, шествоваху, коихъ полкъ бяше зѣло великъ, около же насъ вооруженніи Турки, со оружіемъ и дреколми

шествоваху на конехъ, обѣгающе около насъ, крѣпко стерегли, чтобъ отъ якой стороны Арапы не напали; послѣжде же всѣхъ паки два Турка со двумя знаменами идяху на конѣхъ. Сей народъ толикъ и тако шествующъ видячи, не можно было не умилитися. Такъ мы того дня три часа шли до города Рюмели, [1] и тамо обнощевахомъ; Греки на своемъ, Армяне, Франки, на своемъ подворьи; бо и тутъ, якъ по Іоппіи, вси свои имѣютъ дворы. Тутъ, во градѣ Рюмели, есть церковь Святаго Великомученика Георгія, въ которой есть столпъ мраморній, называемой вдовичинъ, который самъ собою чуденъ, моремъ пришолъ туда, на немъ же и слова пречудно изображены отъ Святаго Великомученика Георгія, дабы той столпъ тамо поставленъ былъ, идѣже она жена желаетъ, и стоитъ тотъ столпъ, идѣже женамъ стояти обычно. Тамъ мы чудотворной Святой Великомученикова поклонившись иконѣ, съ великимъ удивленіемъ оный столпъ лобызали, и въ нощи той вси тамъ мита платили, по четыре талера и по пятидцати копѣекъ. Другого днѣ, рано на свѣтанѣ, казано намъ оттуду исходити, а исходящимъ изъ града, и тутъ тако жъ Турки по единицѣ насъ выпускали и смотрѣли крѣпко, имѣетъ ли всякъ карту, то есть, всякъ ли заплатилъ, или ни, и которыи бы не заплатили, тѣмъ добре привѣтствуютъ палашами, такъ якъ во Іоппіи, и не допущаютъ. Мы же и здѣсь, должное воздавши, исходихомъ въ поле, единъ по единому, и тамо собравшись, идохомъ оттуду обычнымъ строеніемъ, яко же и прежде, до святаго града Іерусалима. Тамъ, вышедши, отъ правой руки видно намъ было градъ Лиду, въ коемъ градѣ Святый Апостолъ Петръ исцѣлилъ Енея, яко же о томъ въ Дѣяніяхъ Святыхъ Апостолъ пишется: «И бысть Петру, посѣщающу всѣхъ, сущи и ко святымъ, живущимъ въ Лидѣ,» и проч. (зачало 23), и мы, Лиду оставивши о шую, идохомъ полдня по горамъ и холмамъ до села Еммауса, идѣже Луцѣ и Клеопѣ явися Господь по возстаніи своемъ отъ мертвыхъ, и тое село Еммаусъ теперича немалое, и сами въ немъ Арапы живутъ; туда мы пришли о полднѣ, и тамъ ни мало не опочивали; бо спѣшили, чтобъ того дня святаго града Іерусалима дойти. Отъ Еммауса ишли мы еще до Іерусалима четыре часа; тамо же идучи аж отъ Румеліи (Рамли) даже до Іерусалима, многой тамъ бѣды набрались; бо той день намъ за всѣ сталъ, что тамъ и путь трудный, къ тому и безводній, все по высокихъ горахъ каменныхъ дратися треба, а мѣстами и тѣсноватый весьма есть; только что единъ

[1] Рамли или Ромли.

конь, или верблюдъ, пройти можетъ; тамъ много людей съ верблюдовъ и коней падало и разбивалось; тамъ и я два раза съ осломъ своимъ падалъ, только жъ Господь сохранилъ, что головы не разбилъ; бо тамъ на гору, или съ горы, идучи, конь иной, по сливкомъ камени деручись, удержатися не можетъ, и падаетъ, и сидящаго на немъ сокрушаетъ; такъ намъ того дня весьма нужное даже до самаго святаго града Іерусалима шествіе было.

Приходящимъ же намъ къ святому граду Іерусалиму, многъ тамъ народъ отъ града изшедше, якъ на верстку, по обоимъ сторонамъ сидѣли и стояли, видати хотяще грядущихъ во Іерусалимъ поклонниковъ, которые насъ привѣтствовали благополучнымъ приходомъ, и входящимъ намъ во святый градъ Іерусалимъ, въ самой портѣ Давидовой, что при Давидовомъ домѣ стоитъ, Турки тамъ отъ всякой души брали по три денежки: тамъ съ Турками и два чернеца стояли, которыи показывали намъ путь во свой Греческій, и Франкамъ и Армянамъ во свой, монастырь; въ самой же монастырской портѣ много было иноковъ, которые насъ любезно встрѣтили входящихъ на конехъ въ монастырь, и съ коней и верблюдовъ своими руками ссаживали, и вещи оныя сами въ келіи относили, и квартеры всѣмъ намъ тогда въ Патріаршемъ монастырѣ по келіяхъ опредѣляли, и за разъ трапезу изобильно съ великимъ угощеніемъ представляли; и тогда мы, по многобѣдномъ странствіи, зѣло успокоихомся, яко же забыти намъ бѣднаго по мори и по землѣ странствія. Другого же дни весьма рано стали въ томъ же монастырѣ въ звоны на утреню клепати, и велѣно всѣмъ намъ тамъ же во церковъ ити слушати божественнаго пѣнія, и якъ начали пѣти канонъ, повели насъ со свѣщами до святой порты на низъ: тамъ, предъ святою портою, Греческимъ языкомъ проповѣдникъ говорилъ слово Божіе, сіе есть, проповѣдь, а послѣ проповѣди братія, на то устроенны, прекрасно стали пѣть, и тогда велѣно всѣмъ поклонникамъ порту святую обызати, внутрь же туда нѣкому было войти; бо заключенна была порта святая, и ключи у Турковъ были, и всегда имѣютъ, и когда отъ якого монастыря, или отъ Грековъ, или отъ Армянъ, или отъ Франковъ, внутрь треба ити, то просятъ Турковъ, дабы отворили, и они приходятъ и отворяютъ, и паки запираютъ, внутрь же не исходю сидятъ иноки Греческіе, Армянскіе, Франки, Кофти, и Сиріане, инимые Христіяне, вси тамо заключенни, которые въ своихъ предѣлахъ церковное свое правило во дни и нощи совершаютъ. Пища же ихъ и питіе отъ всѣхъ монастырей приносится и оконцами маленькими въ портъ святый, на то устроенными, внутрь подается;

Едини токмо Греки отъ горы съ высоты отъ монастыря пищу и питіе въ обычное время веревкою низвѣсивши, спущаютъ въ малое оконце; бо ихъ монастырь придѣланъ при самой великой церкви, идѣже Гробъ Господень, и понеже, яко же прежде рѣхъ, порта святая тогда заключена была, то тогда насъ повели въ монастырь Святаго Авраама, который тамъ же при самой великой церкви стоитъ, и сюда треба ити въ монастырь въ гору высоко по ступеняхъ до самой церкви С. Авраама, и тая церковь на томъ мѣстѣ стоитъ, идѣже Авраамъ хотѣлъ Исаака заклати, и тое самое мѣсто стоитъ въ церкви предъ царскими вратами, сдѣлано отъ гроба, якъ бы великое блюдо, и огорожено низко желѣзными четверочастно прутиками. Тому мы поклонившись мѣсту, изыдохомъ изъ оной церкви, и тамъ, какъ бы 10 ступеней отъ церкви поступивши, въ лѣвой руцѣ стоитъ древо масличное высоко, добрымъ каменемъ огражденно, у него же овенъ привязанъ бяше, его же Ангелъ Аврааму повелѣлъ, вмѣсто Исаака, на жертву Богови принести. И тамъ то былъ садъ Савековъ, яко же Святое Писаніе повѣствуетъ о Авраамѣ и Исаакѣ. Чтый, да разумѣетъ! Отъ того древа мало изошовши внизъ по ступенехъ, есть и другая въ томъ же монастырѣ церковь, Святыхъ Двунадесяти Апостолъ. Откуду изшовши на дворъ по степеняхъ, тамъ въ правой руцѣ, подъ самимъ монастыремъ Святаго Авраама, есть церковь малая Армянская, отъ коей пойшовши 15 ступеней, въ правой руцѣ предѣлъ Коптовъ, близъ которой и другой придѣлецъ Преподобной Маріи Египетской, идѣже предъ иконою Пресвятыя Богородицы, когда невидимая сила Божія возбранила ей входъ въ церковь (изволяяй о семъ вѣдати, да прочтетъ Житія Преподобныя въ Апрѣлѣ 1-го числа), а надъ симъ предѣломъ, въ горѣ другой, предѣлъ Френскій стоитъ, коей предѣлецъ при самой великой церкви стоитъ, отъ котораго пущено окно въ великую церковь на гору Голгофу: на семъ мѣстѣ Святый Іоаннъ Богословъ, изнемогшую отъ болѣзни, Пресвятую Богородицу, видячую сына своего распинаемаго, своима руками поддерживалъ. Оттуда пошовши въ монастырь Патріаршескій, три придѣла внизу суть: первій придѣлъ Воскресенія Христова, идѣже Спаситель нашъ, Христосъ, первѣе по воскресеніи своемъ явися Маріи Магдалинѣ, яко же Святое Писаніе повѣствуетъ; она же мняще, яко вертоградарь есть, рече ему: «Господи, аще ты взялъ еси его, повѣждь ми, гдѣ положилъ еси его?» и прочая; и тое мѣсто, идѣже Господь Маріи явися, между тремя церквами издѣлано якъ якая шафа, въ ней же и фигура явленія Христова Маріи чудно вписана, а по срединѣ въ той шафѣ, идѣже Христосъ сто-

гъ, сдѣлана во знаменіи малая въ камени ямка, окруженна якъ бы подо чистымъ сребромъ. Оттуду пойшовши якъ ступеней отъ цер-ви Воскресенія Христова, въ правой руцѣ, въ кутку, за дротиною ратою [24] камень въ стѣнѣ вмурованъ, принесенъ Ангеломъ отъ Горы инайскія, при которой и икона стоитъ одна сдѣлана прообразованія ристова воплощенія, си есть, купина неопалимая, и прочая; другій ѣдѣлъ таможде Св. Апостола Іакова брата Господня; третій пре-ъ Святыхъ Четыредесяти Мучениковъ. И сіи три придѣла въку-ь стоятъ, внизу, въ Патріяршомъ монастырѣ, въ которыхъ Арап-ие Христіянстіи благочестивыи всегда литургисаютъ Іереи. Симъ гда мѣстамъ святымъ поклонившись, идохъ въ гору по ступенехъ, ь монастырь Патріяршій Греческій, отнюду же и изыдохъ. И по со-ршеніи божественной литургіи велѣно всѣмъ поклонникамъ близъ ркви на засланныхъ коврахъ садитися, и начали заразъ на тое строенны братья прекрасно пѣти гласа седмаго догматъ: «Царь Не-сный за человѣколюбіе,» и пр. Другіе же братія, Христовымъ по-біемъ, лентія на рамѣхъ своихъ имуще, чистою и теплою водою жлонникамъ ноги умывали и лентіемъ отирали, лобызающе всякую му, кромѣ женскаго полу; симъ бо точію руки омываютъ непри-ненновенно. Тогда во истину, отцы и братья, великое бысть молчаніе, ь всѣхъ же плачъ немалый со удивленіемъ; вѣру мнѣ имѣйте, яко якой душѣ не можно было тогда не прослезитись, видячи такое ятыхъ отецъ услуженіе и преслатkое пѣніе; тамо всякъ себя не-стойнымъ быти судилъ, во еже бы ногамъ своимъ отъ святыхъ цъ умовеннимъ быти, многіе же и возбраняли, обаче не можно ло иначе; тогда и я, описатель сего, аще и скверенъ душею и тѣ-мъ, иззувъ сапоги отъ ногъ моихъ, и едва со многимъ плачемъ ги своя умыти попустилъ; мыслихъ бо, да не како и мнѣ речено удетъ, яко же Петру отъ Христа: «Аще, рече, не умію ногъ твоихъ, ь будеши имѣти части со мною.» Сему же ногъ умовенію совер-шившуся и еще братіямъ поющимъ, другіе иноки гостили насъ ча-ами, а потомъ повели всѣхъ насъ на трапезу и любезно насъ то-ь дне и другого, даже до третіяго, гостили великимъ угощеніемъ ъ томъ Патріяршемъ монастырѣ. Въ тіи дни отъ всякой души по 6 талеревъ брали, чтобъ пойти въ великую церковь, идѣже живо-ріемный гробъ Христовъ и иная мѣста спасительная, о нихъ же ослѣжди речется, а за тіи деньги всякому давали двѣ свѣщи вели-

[24] Крата—рѣшетка.

кіе, и карту за печатью и подписомъ руки Турецкой, и то ради той причины, бо когда Турки порту въ первый входъ новыхъ поклонниковъ пускаютъ, то при дверяхъ сидятъ и смотрятъ крѣпко, имѣетъ ли всякъ тую карту, и которыи имѣютъ, тіи просто и безъ боязни входятъ, а которыи не имѣютъ, тѣхъ съ великимъ срамомъ, съ придаткомъ заушенія, отгонятъ. До здѣ о семъ, прочее на прежнее возвратимся.

Въ третій же день рано повели насъ въ оную великую церковь Воскресенія Христова, юже Святая Царица Елена созда; въ ней спасительный гробъ и прочая мѣста, идѣже Христосъ пострада. Въ тую церковь отъ полудне скоро вступившу въ порту святую и пойшовши якъ 15 ступеней, есть мѣсто, идѣже благообразный Іосифъ съ Никодимомъ снявши съ креста и несучи во гробъ, пречистое тѣло Христово, положили и плащаницею обвили. Сіе мѣсо отъ самаго чистаго бѣлаго мрамора въ долготу и широту средняго человѣка будетъ, и ограждено округъ желѣзомъ четвероугольно, якъ на пядь въ гору отъ земли, надъ которымъ многіи кадила сребреныи висятъ и двѣ свѣщи бѣліи великіи стоятъ, една у главы, а другая у ногу. На семъ мѣстѣ полагаютъ платка во мѣсто плащаницы и творятъ крестное знаменіе, и даютъ поклонникамъ про смерть, и умершаго тою плащаницею покрываютъ и поясомъ оповиваютъ. Отъ того святаго мѣста, поклонившись, идохомъ въ лѣвую руку 15 ступеней, тамъ есть другое мѣсто, идѣже Пресвятая Богородица стояла и плакала неутѣшно, видячи сына своего плащаницею повиваема и во гробъ полагаема, и тое мѣсто сдѣлано круглo отъ чистаго мрамору и окружено желѣзною клѣткою, и надъ нимъ многіе кандила сребреннія горятъ безпрестанно. При семъ мѣстѣ заразъ и церковь Армянская стоитъ, и сему мы святому поклонившись мѣсту и поступивши въ глубину въ лѣвую руку, якъ бы на сѣверъ пошовши 18 ступеней, тамо святый и живоносный гробъ Христовъ, туда вси съ великою и неизреченною радостію, со страхомъ и плачемъ, приходятъ, изувши сапоги и мняще недостойныхъ себе сицевой благодати быти, вмѣняющи, на колѣнахъ отъ далече руками и ногами ползаютъ со многимъ рыданіемъ, біюще перси свои и вопіюще ко Господу. Гробъ же Господень не просто, но якъ въ якой каморѣ или капличѣ стоитъ, которая двое дверецъ имѣетъ, и едними дверцами войшовши, тамъ заразъ лежитъ четвероугольный камень, его же отвали Ангелъ отъ гроба, и надъ тѣмъ каменемъ виситъ кандилъ 20. и за тѣмъ камнемъ заразъ и другіе дверцы маленькіе зѣло до гроба Господня, яко едва до половины нахилившись, единъ человѣкъ

мѣзти можетъ, и гробъ Спасителя отъ самаго чистаго бѣлаго мраморнаго камене сдѣланъ, чистъ и весь крашенъ, имущъ должину 9, а въ ширину 4 пяди добрыхъ; и оная каморка, въ ней же гробъ Господень, въ должину на косый, а въ ширину на простой будетъ сажень. А гдѣ лежитъ камень, на немъ же сидяше Ангелъ, мало пространнѣйше; тамъ; надъ каменемъ и надъ гробомъ Господнимъ многіе кандила Греческіе, Франкскіе и Армянскіе, златіи, сребренніи и позлащенніи, якъ на 15, безпрестанно денно и нощно горятъ, и гробъ Господень стоитъ противъ Греческой церкви, аки бы въ притворѣ, куда (изъ той церкви вратами) выходятъ; и гробъ Господень держатъ теперь, въ темной своей области, Франки, кои на самомъ гробѣ Господнемъ во вся дни свои мши отправляютъ, только жъ всякому до гроба Господня приходити и поклонитися невозбранно. Не только жъ гробъ Господень отъ внутрь, но и отъ внѣ зѣло пречудно многими кандилами и златотканными матеріями, наипаче во дни праздничные, украшеный; ввѣрхъ же гроба Господня камора выведена якъ бы якій прибанокъ; и надъ гробомъ Господнимъ великая церковь не покрыта банею, якъ у насъ, только что шея мрежею дратиною заведена; а каплица, въ ней же гробъ Господень, оловянными бляхами покрыта вся и по сторонамъ гроба и около каплицъ стѣны церковніи отвсюду, а наипаче отъ Франковъ, зѣло украшѣны; тамъ, при самомъ гробѣ, предѣлъ Кофтовъ придѣлано. И мы живопріемному гробу Господню поклонившись, пойшли еще 16 ступеней до мѣста, идѣже Христосъ Господь, по возстаніи своемъ отъ мертвыхъ, второе явился Маріи; тамъ и другое мѣсто есть, якъ на 2 ступени отъ онаго, идѣже стояше Марія. И сіи мѣста круглообразно отъ бѣлаго и чернаго чистаго мрамора сдѣлано, надъ которыми, въ лѣвой рукѣ заразъ стоитъ и органъ Френскій; тамъ же часто ксендзы, возбѣсившеся, свѣрѣляти обычай имутъ. Тамъ заразъ и церковь ихъ, Френская; туда, въ церковь ихъ, вступивши, тамъ, за дверьми, вправо, половина стоитъ столпа, до котораго Жиды проклятыи Христа, Сына Божія, привязовали и мучили; другая же половина столпа сего въ Царѣградѣ, въ Патріаршей церкви (зри напереди опись Царяградскую). Оттуду, съ Френской церкви, війшовши и въ лѣвую руку пошовши, якъ палицею доброситъ можно, тамъ лежитъ на земли великій камень, и въ томъ каменѣ выбито двѣ двери, якъ только пройти ногами можно; тамъ, повѣдано намъ, Спасителю нашему, Христу, въ гладѣ той камень Евреи ногами забивали; а при томъ камени другой камень, якъ бы столъ здѣланный, стоитъ, и за тѣмъ каменемъ есть яма, якъ чуланъ якій сдѣланный; тамъ, сказуютъ, Пресвятая Богоро-

дица, во время мученія Христова, страха ради Іудейска, до времени крылась; и другая тамъ также, которая въ лѣвой рукѣ, та, въ которой, повѣдаютъ, Евреи Христа затворяли, и тая каморка имѣетъ двое дверей; и многія тамо кандила горятъ. Оттуда вышовши и паки въ лѣво повернувши, и пойшовши якъ на 30 ступеней, есть мѣсто, идѣже Христосъ являшеся по возстаніи своемъ отъ мертвыхъ и тамъ 3 кандила горятъ; еще оттуду пойшовши 18 ступеней, есть предѣлъ Армянскій, при которомъ также 3 кандила горятъ. И отъ того предѣла пойшовши, повернуть въ лѣво и пойти въ низъ съ горы 28 ступеней, тамъ Армянская церковь Святителя Христова Николая, и въ той церквѣ, при жертвенникѣ, отъ правой руки, сдѣлано въ стѣнѣ якъ стулецъ, и оттуду въ низъ пущено окно: на томъ мѣстѣ Царица Елена сидѣла и въ низъ деньги бросала, идѣже повелѣла бяше животворящаго креста искати, и на томъ два кресты вырублены, единъ на стѣнѣ, а другой на томъ мѣстѣ, гдѣ Царица Елена сидѣла. Отъ сего мѣста пойшовши и заразъ въ лѣвую руку повернувши, еще на низъ треба ити 13 ступеней, идѣже Животворящее древо и гвоздіе обрѣтеся; тамъ въ лѣвой рукѣ жертвенникъ Френскій стоитъ, красно сдѣланъ Френскою матеріею, а на томъ мѣстѣ, гдѣ крестъ Христовъ найденъ, сдѣланъ на земли маленькій крестъ отъ синяго камени во знаменіе. Паки оттуду пошовши по прежде реченныхъ ступеняхъ на гору, тамъ, заразъ на горѣ, въ лѣвой рукѣ, есть мѣсто и придѣлъ и жертвенникъ Греческій; тамъ, подъ жертвенникомъ или подъ трапезою, за кратою, стоитъ столпъ низшій, на которомъ Спасителя нашего, Христа, Евреи проклятіи становили и ругались: «Радуйся, Царю Іудейскій!» и столпа сего только рукою досязаютъ сквозѣ дирку; бо только туды дира пущена, якъ руки пройти можно, для того, чтобъ поклонники не крушили онаго столпа, беручи себѣ на благословеніе. Оттуду пошовши якъ на 10 ступеней, тамъ, взявши въ лѣвую руку (отъ порты будетъ въ правую), пойти на гору Голгофу 20 ступеней, гдѣ Христосъ распятъ. Туда, на святую гору, 3 входа суть: едни пошли съ великой церкви Греческой воскресенія Христа, близъ полудніхъ вратъ, другой отъ алтаря Греческой же церкви. Тѣми сходами изшовши на гору Голгофу, стоитъ пречистое мѣсто, на коемъ распятся Христосъ, прямо къ востоку, вымощенно, яко бы въ колѣно отъ земли, мраморными чистыми бѣлыми досками, посредѣ же онаго мѣста сдѣлано изъ сребра якъ большое блюдо, и въ немъ дира есть посредѣ, идѣже бяше крестъ Христовъ. Отъ того мѣста 7 пядей только есть чудная и недовѣдомая разсѣлина, которая, во время страданія Христова, сотворися, коли

Христу единъ воинъ копіемъ ребра прободе, тогда изыде кровь
о пречистая и паде на оное мѣсто, и тогда земля разсѣдеся, и
ыде кровь Сына Божія на главу Адамову, и освятися Адамъ; той дирѣ
о нынѣ конца нѣтъ, и оная замыкается желѣзною кратою, чтобъ
сокрушали себѣ поклонники на благословеніе. При самомъ же
мъ мѣстѣ, на святой горѣ Голгофѣ, гдѣ Христосъ распятъ, стоитъ
ѣстъ пречуденъ, имущъ изображеніе Христова распятія, три вели-
свѣщи бѣлые на прекрасныхъ подсвѣчникахъ и кандилъ прекра-
ыхъ великихъ виситъ 33, верхъ же креста краснымъ бархатомъ
бито. Что же нрежніи путники пишутъ, что церковь и святая
ра Голгофа златоблещащеюся испещренна и украшенная бяше
сикіею, тому правда, только теперича мало гдѣ мусіи имѣется;
о нѣсколько разъ уже потомъ поновлялась и много оной утра-
лось. До здѣ о семъ, паки возвратимся на гору Голгофу. Самое
е мѣсто, гдѣ Христосъ распятся, Греки содержатъ, и тамо всякъ
ь совершаютъ литургію, и жертву приносятъ, другую жъ по-
ину меньшую горы Голгофы держатъ Франки, т. е., снятіе съ
еста, что съ Никодимомъ Іосифъ сняли, и тое мѣсто хорошо
ь украшено краснымъ мраморнымъ каменемъ, надъ коимъ и
дилъ великихъ серебряннихъ Френскихъ 18; при томъ мѣстѣ,
ъ жертвенникомъ, написано искусно весьма страсти Христова
тія съ креста. Оттуду, съ горы Голгофы, пущено окно за кра-
о желѣзною, отъ Франковъ, у малій предѣлецъ, а предѣлецъ тотъ
ь на дворѣ придѣланъ къ великой церкви, и входъ до него
ъ надворья. Оттуду, отъ святой горы Голгофы, изойшовши и
йшовши кругомъ, въ лѣвую руку есть предѣлъ Греческій, близъ
ликой порты; тамъ, за престоломъ, въ стѣнѣ, великая есть разсѣ-
на и дира за желѣзною кратою, а тая разсѣлина взялась ажь отъ
рху святыя горы Голгофы, яко же разсѣдеся, и текше отъ ребръ
овію Христовою на главу Адамову. Тамо бо и глава праотца на-
го, Адама, обрѣтеся; обаче и тамъ оной конца видѣть не мо-
о. При томъ мѣстѣ, не далече идучи отъ порты, отъ правой руки
стѣнѣ написана икона Пресвятыя Богородицы, поручницы Препо-
бныя Маріи Египетскія. Вѣдомо же буди, яко вси мѣста святая
ло Греческой церкви; бо по за Греческою церковію якъ улица
ругъ пойшла, Греческая же церковь на самой серединѣ стоитъ
мо гроба Господня, и отъ олтаря до гроба будетъ 20 ступеней.
ъ той Греческой церквѣ стоитъ и пупъ земли, и церковь Грече-
ая Воскресенія Христова, якъ величиною, такъ и красотою, вси та-
шніе церкви, Армянскіе, Френскіе и протчіе предѣлы, превосходитъ

многими златыми, сребряными и позлащенными кандилами великими и малыми, и уборами каменнодрагоцѣнными украшенна, а наипаче въ праздники, словомъ сказать, есть на что подивиться. Сюда, въ великую церковь, когда пріидутъ первый разъ поклонники, то тамъ вси единъ день и едину нощь заключенни пребываютъ, и трапеза имъ тогда отъ монастыря Патріаршаго представляется, а чрезъ тое время вси тамо ходятъ по святымъ мѣстамъ, и кланяются святымъ Христовымъ страстемъ, вси тамо обходятъ съ умиленіемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ, а наипаче женскій полъ біюще перси своя и вопіюще: Κύριε, Κύριε ἐλέησον, Господи, помилуй!» бо не можно тогда всякой душѣ не прослезиться. Кто бо, видѣ гробъ Господень, въ немъ же бысть пречистое тѣло Христово, не прослезится и не воспоетъ чудесъ и благодѣяній Божіихъ? Во истину, дѣти и братія, аще и жестокосердій, не могъ удержатися отъ слезъ, покланяющеся мѣстамъ, кровію Христовою освященнымъ. Тако мы того дня кланялись мѣстамъ, а другого дне, поклонившись Животворящему Древу, совершившейся божественной литургіи, велѣно всѣмъ поклонникамъ исходити отъ церкви паки въ монастырь Патріаршій. Тамъ, исходя, показали намъ, при самой портѣ, столпъ великій мраморный необычно разсѣденный, и той столпъ (сказывали) сицевыя ради вины разсѣдеся: Нѣкогда Арміне, завистію объяти суще (о томъ, что благочестію нашему повсегодно огнь съ небеси на гробъ сходитъ, паче же о благодати Господней, яко же послѣ речется), просили у Турковъ: «Если дадите намъ единую Великую Субботу у гроба Господня мѣсто, и мы бо (рекли) можемъ такожде, яко и Греки, испросити благодать сію у Бога, и мы бо Христіане есмы; аще же не сотворимъ сего нашею молитвою, тогда яже же вамъ угодно будетъ, сотворите намъ.» Тогда Турки, яздою исполнены, попустили прошенію ихъ быти, и нашихъ всѣхъ благочестивыхъ Христіанъ вонъ изъ церкви повыгоняли, и стояли Греки на дворѣ озлобленны, моляще Бога, да не попуститъ въ руцѣ беззаконникамъ и отступникамъ мерзскимъ сію благодать. Времяни же приспѣвшу, Арміне прилѣжно моляхуся на многъ часъ, но ничто же успѣша; не послуша бо скверной ихъ молитвы Богъ, яко же не послуша при Иліи лживыхъ Езавелиныхъ пророковъ, но повелѣ оному столпу разсѣстися, и разсѣдеся столпъ, и возсія благодать Божія въ благочестивыхъ, и тамо кандила и свѣщи зазже; тогда и невѣрніи Турки, видѣ благочестіе Греческое истинное, изгнаша вонъ нечестивыхъ Арміне съ великимъ студомъ, и сотвориша имъ, яко же сами хотѣша, о чемъ срамно есть и воспомянути; даша бо имъ гной человѣческій пити. Грекамъ же отъ того времени повелѣли благодати сея просити у

Бога, юже несумнѣно на всякъ годъ, во Великую Страстную Суботу, нашему преподается благочестію. До здѣ о семъ.

Потомъ повели насъ во великой Патріаршей монастырь, и заразъ намъ велѣно прибираться всѣмъ, и тогда разводили всѣхъ поклонниковъ на квартиры по разныхъ монастыряхъ; бо въ Патріаршемъ монастырѣ никому не попущаютъ зимовати: только скоро придутъ поклонники, то три дни тамо опочиваютъ; тогда и мене, грѣшнаго, списателя сего, велѣно отвести на зимовлю съ протчими поклонниками до монастыря Великомученика Ѳеодора Стратилата. Въ томъ монастырѣ мы 6 мѣсяцевъ сидѣли, отъ Покрова даже до Фоминой недѣли, и въ томъ монастырѣ насъ, поклонниковъ, было на 60; другіи же въ другихъ монастыряхъ квартири свои имѣли; всякъ же поклонникъ въ своемъ монастырѣ платилъ за квартиру по 12 талерей, и харчится тамъ всякъ чрезъ все время своими деньгами; ничего бы отъ монастыря не подаютъ, кромѣ, аще будетъ великій якій праздникъ, то всѣмъ представляютъ тогда трапезу въ великомъ Патріаршемъ монастырѣ, да и тое рѣдко когда случается, только четыре, или пять, разъ чрезъ все время. А когда въ монастырѣ якомъ будетъ праздникъ, то два черноризца, на то устроены, всѣ обходятъ монастыри, въ которыхъ имѣются поклонники, и объявляютъ, гдѣ есть праздникъ, чтобъ вси тамо на утреню, или литургію, собиралися, а по литургіи и трапезу представляютъ, только жъ и деньги берутъ отъ всякаго, что кто можетъ дать. Еще же тамъ, во святомъ градѣ Іерусалимѣ, сицевый имутъ обычай, дабы, кои поклонники, по правилѣ своемъ церковномъ, отъ монастырей, въ коихъ пребываютъ, два раза всякаго дня ишли до святой порты къ великой церкви Воскресенія Христа, единъ разъ рано, а другой въ вечеру, тако жъ и жители Іерусалимскіе. Тамъ, передъ святою портою, великій торгъ, рано и въ вечеру, собирается, какъ протиснутись токмо; тамъ Арапи продаютъ четки, кресты, полотна, зеліе всякое, а хлѣбъ Турки, и все тамо, кто что требуетъ, купитъ; еще же отворяютъ 2, или три, раза порту святую Турки, и бываетъ литургія отъ Архіерея, или Патріарха, въ пятокъ наипаче да въ суботу и нарочитіи праздники, тогда всякому невозбранно, ходя въ церковь, покланятися Гробу Господню; а когда хотятъ куда близко за градъ ити на поклоненіе мѣстамъ святымъ, то два черноризца зовомыя камергарие, сіе есть, предводители, ходятъ и оповѣщаютъ, куда ити хотятъ, и собираются гуртомъ, и идутъ съ Турками, опасности ради отъ разбоя, яко же послѣ о семъ речено будетъ.

Нынѣ воспомянути хочу о Святая Святыхъ или храмѣ Соломоновѣ, въ ней же Богородица воспитана бысть: стоитъ на

верстку отъ великой церкви, гдѣ гробъ Христовъ, весьма и теперича украшенна отвсюду зеленьими фигурами, толко жъ нынѣ, не такъ велика и красна, какъ была прежде; довольно я присматривался отъ горы Елеонскія, отуду изрядно все зрится, и знать, что весьма велика была и на прекрасномъ мѣстѣ сдѣлана, и нынѣ въ ней Турки свои мечети имѣютъ. И жадною мѣрою туда не можно приближитися, и кто бы, вѣдая, или не вѣдая, туда приближился, то проклятіи Турки или убіютъ непремѣнно, или помучатъ; тѣмъ я туда пріити не могъ, тѣмъ болѣе и не пишу, но возвращаюся на повѣсть другихъ мѣстъ Іерусалимскихъ. И по днехъ онѣхъ велѣно всѣмъ хажіямъ, то есть, поклонникамъ, сим всѣхъ монастырей рано собиратися при великой церкви, предъ святою портою, и тогда приняли для предводителя, которыми поклонниковъ водятъ. Тіи взяли насъ отъ великой церкви, гдѣ гробъ Христовъ, за градъ Іерусалимъ; тамъ поймовши отъ оной церкви, якъ на полгона, есть улица мрачна, запустѣла прахомъ, по обоимъ сторонамъ разсыпана; въ той улицѣ, сказывали намъ, Спасителя Жиды проклятіи водили и ругалися ему; а отъ той улицы пошовши полверсты, тамъ, на прекрасной улицѣ, стоитъ и камень лежитъ, на которомъ Христосъ, умученъ Жидовскими руками, несучи крестъ на пропятіе, опочивалъ, гдѣ и Симона Кирнея поймали понести крестъ его. Оттуда пошовши якъ на полгона, тамъ есть преторъ; тотъ преторъ высоко взведенъ надъ самою улицею великою, гдѣ Христосъ Пилатомъ судимъ былъ; тамъ, подъ самимъ преторомъ, въ улицѣ, въ стѣнѣ каменной, при самой земли, есть мѣсто, гдѣ Богородица стояла и слушала, каковъ отвѣтъ на сына ея издадутъ; тамъ, гдѣ Пречистая рукою опирашеся о стѣну, есть и до днесь знаменіе руки. Другое же мѣсто, гдѣ, услышавши осужденнаго на смерть Христа, изнемогши отъ жалости, сѣде, и гдѣ опиранеся, то тое знаменіе и теперь изображено есть. Тамъ, близъ претора, и палати Пилатовы великіи каменнiи стоятъ: теперь въ нихъ начальнѣйшіи Турки живутъ, и сказуютъ, что много въ томъ дворѣ и до днесь въ палатахъ знаменій, яже бяху во время Христово; только жъ туда войти не можно, страха ради Турецкаго. Оттуду мало пошовши, тамъ есть пустая камяница и мрачная, въ темницу тую, когда Христа во вертоградѣ взяли, то заразъ заключили его. Оттуду паки мало пошовши, якъ бы дострѣлять можно, тамъ, въ лѣвой рукѣ, стоитъ домъ великій каменный, и сей домъ Святыхъ Праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны; тамо и Пресвятая Богородица родися; тамъ есть сад тотъ, въ которомъ, ходячи Святая Анна, сѣтовала о неплодствіи своемъ; отъ тѣхъ древесъ вси за деньги берутъ листвіи и плодъ на благо-

словеніе и на разрѣшеніе неплодной жены; тамъ, повѣдаютъ, и монастырь былъ, только жъ опустѣлъ, налога ради Турецкаго. Въ томъ дому многократно Турки жить хотѣли, только жъ, сколько разъ покушались, то вси казними гнѣвомъ Божіимъ изомроша, и того ради уже теперича жити опасуются, и теперь онъ пустъ стоитъ, только же заключенъ въ замку, ради приходящихъ туда кланятися поклонниковъ. Оттуда, съ дома Богоотецъ Іоакима и Анны, мало пойцовши, якъ на верженіе камени, не доходячи брамы, есть ровенникъ или ровъ глубокій, каменемъ выдѣланъ; въ томъ ровѣ Святый Пророкъ Іеремія сидѣлъ у блатѣ. Отъ того рову, какъ пойти въ браму, ведущую путь до потока Кедрскаго и на гору Елеонъ, тамъ, въ самой брамѣ, въ камени стопа ножная пречудно изображенна и углублена какъ на корнѣ, и камень и тая стопа Ангельская есть; бо когда Ангелъ Господень Святаго Апостола Петра въ темницѣ изведе за градъ, то на камени томъ стоялъ, и изобразися стопа тогда Ангельская, яко же Святый Апостолъ Петръ рече: «Нынѣ вѣмъ во истину, яко посла Богъ Ангела своего взять мя изъ руки Иродови» и протчая, и отъ коей порты пошовши съ горы, якъ на гони, надъ потокъ Кедрскій есть мѣсто, идѣже Первомученикъ Архидіаконъ Стефанъ каменіемъ побіенъ бысть; тамъ и монастырь когдася былъ, а теперича ни чего не имѣется, кромѣ единаго камени. Отъ сего мѣста до Гефсиманіи только якъ на верженіе камени, и Гефсиманія стоитъ на самомъ потоку Кедрскомъ, теперича села не имѣется, только что великая да невысокая церковь, примѣромъ, якъ якая хата обширная, сдѣланна: туда, въ церковь, ити треба внизъ степенми многими чистыми мраморными: имѣется 60 ступеней до гробу Пресвятыя Владычицы нашея, Богородицы, больш якъ на 30, и толико входъ туда пространенъ отъ самыхъ дверей ажъ внизъ, якъ бы, просто сказать, и возомъ можно розминутися. Туда изшовши на половину степеней, тамъ, въ правой руцѣ, гроба Святыхъ Праотецъ Іоакима и Анны, а въ лѣвой рукѣ гробъ Іосифа Обручника въ малой коморцѣ, и зѣло туда малыи дверцы; а оттудова пошовши еще на низъ по степеняхъ, и право повернуть къ востоку къ гробу Богородицы: онъ стоитъ въ капличцѣ маленькой, имѣетъ же до себе двое дверецъ маленькихъ, едними входятъ, другими исходятъ; и гробъ Пресвятыя Богородицы подобится мало гробу Христову; есть бо чистъ и свѣтелъ, весь отъ бѣлаго мрамора сдѣланъ. Многіе тамо, не только надъ гробомъ, но и за гробомъ, видѣла горятъ скляніи, только не такъ драгими вещами украшенъ, какъ Христовъ, и того для, что тамо не живетъ никто, и опасно оставляти дорогихъ вещей за градомъ. Туда, когда Греки, Армяне, Франки,

литургисать приходятъ, то всѣ потребности отъ Іерусалима приносятъ, и всякъ отъ нихъ, когда потреба, идетъ туда невозбранно: вси бо и ключи имѣютъ. Какъ гробъ Господень, такъ и гробъ Богородиченъ, Франки въ своихъ рукахъ имѣютъ, и всегда на самомъ гробѣ мшатъ, а Греки за гробомъ, въ предѣлѣ особенномъ, литургисаютъ, а Армяне при гробу, при стѣнѣ капличной, Кофти же и Сиріане около каплички, въ ней же гробъ Богородиченъ, свое правило совершаютъ, и вси единъ другого гнушаются, токмо Франки и Армяне между собою нѣкое согласіе имѣютъ. Оттуду, отъ гроба Пресвятыя Богородицы, вышовши, тамъ, въ лѣвой руцѣ, есть пещера, сдѣлана въ земли какъ хата; тамъ Апостолы спали, сномъ отягощенны, яко же тогда имъ рече Христосъ: «Спите прочее, почивайте, се приближися часъ и сынъ человѣческій предается въ руцѣ грѣшниковъ; встаните, се приближися предаяй мя» и пр. Паки оттудова пойшовши на полудень, якъ на верженіе камене, тамо есть вертоградъ на ономъ полу потока Кедрскаго, идѣже молился Спаситель нашъ, Христосъ и Господь, готовячись на страсть вольную; тамъ на Христа Іуда беззаконный (видяше же предаяй его)...., пріемъ спиру отъ Архіерей, прійде со оружемъ и дреколіемъ и протчая; тамо и другое мѣсто есть, каменемъ огражденно, идѣже Христосъ учениковъ: «Отче нашъ» поучи, егда нѣкій отъ учениковъ его рече: «Господи, научи ны молитися, яко же и Іоаннъ научи ученики своя, рече же имъ: «Егда молитеся, глаголите: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ,» и прочая. Тамъ мы, святымъ мѣстамъ поклонившись, идохомъ на гору Елеонскую, идѣже Христосъ Господь вознесся на небо, яко же святое Евангеліе повѣствуетъ: «Изведъ же ихъ вонъ даже до Вифаніи, и воздвиже руцѣ свои, и благослови ихъ, и егда благословяше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо;» тамъ теперича есть село, живутъ тамъ Турки и Арапы; а мѣсто тое, откуду вознесся Спаситель нашъ; Христосъ Господь, на небо, среди села, и сдѣлано надъ нимъ якъ каплицу каменную кругловидную, и посреди каплицы оной есть пречистой ноги Спасовой и до днесь знаменіе, углубленное, изображенное на камени, которое огражденно каменемъ, и якъ гробница около него сдѣлано и обведено, а каплица окружена округъ каменною оградою, якъ бы якой дворецъ, и подъ оградою на дворѣ, якъ бы въ церкви, подѣлано жертвенники, и тамъ на Вознесеніе Господне вси празднуютъ на своихъ жертвенникахъ, Греки, Франки, то есть, ксензы, Армяне, и протчіи свои церемоніи отправляютъ; и село тое зовется Вифанія. Мы тамо, поклонившеся на мѣстѣ, идѣже стояста пречистыи нозѣ его, облобызахомъ оное мѣсто святое со многимъ умиленіемъ, и изыдохомъ оттуду. Тамъ, пой-

ювши якъ на полгоци, есть камень при пути, на немъ же Христосъ, идучи отъ Іордана, сидяще, и посла два отъ учениkъ въ весь по осля: Идите въ весь, яже есть прямо вама, и обрящета осля привязано,» и прочая. На томъ камени и тогда Христосъ сидѣлъ, егда вопрошаху его ученики о хотящемъ быти разоренiи святаго Іерусалима; во градѣ бо показоваху ему зданіе ученицы, рекшу ему тако: «Аминь, аминь, глаголю вамъ, камень на камнѣ не останется, иже не разорится.» Здѣ паки, на горѣ Елеонстѣй, вопрошаютъ, яко же божественное Писаніе глаголетъ: «Сидящу ему на горѣ Елеонстѣй прямо церкви, вопрошаху его единою: «Рцы намъ, когда сія будутъ, и что есть знаменіе?» и проч. На томъ камени и Царю Вавилонскому Навуходоносору явися Ангелъ, и повелѣлъ святый градъ Іерусалимъ взяти, и того камени многіи покушалися хотя малѣйшую часть отбить на благословеніе, но не возможно, аще и много трудились. Тому мы святому мѣсту поклонившись, идохомъ до Вифаніи, отъ камени выше реченнаго, якъ на версту отстоитъ, сами тамъ живутъ Арапы, а пещера Лазарева стоитъ за селомъ, лицомъ на сѣверъ; въ тую пещеру ити какъ въ погребъ; туда пошовши на 20 ступеней, тамъ сдѣлано якъ келію малую или чуланецъ, въ которой вступивши еще 3 степени и мало, бяще гробъ Лазаревъ, который теперича въ островѣ Кипрѣ, въ монастырѣ, на морѣ икѣется; и въ тую нижную пещеру идучи горавдо треба нахилиться; бо весьма тѣсный туда исходъ, идѣже и гробъ четверодневнаго Лазаря, тѣло лежало, егда рече ему Христосъ: «Гряди вонъ!» Туда поклонниковъ водятъ всѣхъ въ Лазареву Суботу, и Турки малымъ числомъ пускаютъ, чтобъ не подавились и скорѣйше бы исходили. Тамъ, близко отъ пещеры Лазаревой, быль когдась и монастырь каменный, только теперича разоренъ. А отъ Лазарева гробу повели еще насъ на мѣсто, идѣже Марѳа и Марія стрѣтили Господа, егда рекли ему: «Господи, аще бы ты здѣ былъ, не былъ бы братъ нашъ умеръ,» и прочая; и тое мѣсто отъ Вифаніи отстоитъ на добрыи гони, каменемъ мало что при землѣ, означено; оттуду вси поклонники въ Лазареву Суботу идутъ на литургію, идѣже вознесся на небо Христосъ, и единъ Архіерей тогда литургисаетъ. Отъ сего мѣста, идѣже вознесся Христосъ, пошовши якъ на гони, въ лѣвую руку, идохомъ въ Галилею, отнюду же мужіе Галилейстіи видѣли на небо восходяща Господа, яко же писано есть: «и егда взирающе бяху на небо, и се мужа два стаста предъ ними во одеждѣ бѣлѣ, иже и рекоста,» и протч.; тамъ село прежде было, а теперь все пусто, мало только каменемъ назнаменовано. Тіи мы святіи обышедши мѣста и поклонившись имъ, идохомъ до горы Еде-

онскія, паки во Гевсиманію, идѣже живоносный гробъ Богородичень. Тамъ, пошовши отъ Гефсиманіи потокомъ Кедрскимъ на полудень, якъ на полгони, есть стопа Христова, въ камени изображенна, и тая стопа отъ того стала времени, когда Христосъ, стоячи, плюнувъ на землю и сотворивъ брение, отверзе очи слѣпорожденному. Оттуду пойшовши паки якъ на полгона, и тамо есть, подъ горою, на западъ, Силоамская купель, въ которой слѣпорожденный умывся, прозрѣ, и туда входъ, какъ въ пещеру, до води внизъ 30 ступеней; тамъ води будетъ только въ мѣрѣ, якъ на сажень, а въ должину на двѣ сажени, а тая вода течетъ съ горы по подъ землею у потокъ Кедрскій, и чудесно истекаетъ: единъ разъ наводняется, а другій умаляется, только якъ никогда не высыхаетъ; и вода тая сладка, студена и весьма здорова, въ ней же Христосъ слѣпорожденному рече: «Иди въ купель Силоамю и умійся, и прозриши.» До той воды поклонники якъ пойшли первого разу, то великій утисокъ сдѣлали, единъ другого попережая, и много бы тамо время были, когда бы Турки не выгонили; бо они тамо смотрятъ: кто умылся, или напился, того заразъ оттудова выпроважаютъ; отъ той воды многіи себѣ въ судно брали, а тамъ еще больший утискъ и крикъ чинили, понеже много было тогда поклонниковъ, якъ на 500 душъ; я тогда туда съ великою нуждою едва дотиснулся, и понеже почерпала не имѣлъ, снялъ подкапокъ отъ главы моей, и почерпахъ отъ той воды, и напившись, умихся, славя Бога, и паки изыдохъ въ гору благополучно, и ожидали покамѣсть вси доволни будутъ тою водою. Оттудова повели насъ паки потокомъ Кедрскимъ на полудень, и тамъ, пойшовши якъ на гони отъ купели Силоамской, есть гробъ Святаго Пророка Исаіи; на томъ же мѣстѣ и претрем бяше пилою Святый Пророкъ Исаія, надъ гробомъ его древо превеликое выросло. Оттуду еще пойшовши на гони, тамъ стоитъ домъ Святаго и Праведнаго Іова (?) при томъ дому и студенецъ изрядній есть, только жъ въ томъ дому никто теперича не живетъ; уже бо отъ части и развалился; стоитъ же онъ на Плачевной Юдолѣ, идѣже оканчися потокъ Кедрскій, будетъ отъ Іерусалима на верстку. Таже повернувши къ святому граду Іерусалиму, отъ дому Іова на полудень, есть тамо, подъ горою, село Скудельниче, сіе есть, Акелдама, еже есть село крове; бо тое мѣсто куплено за 30 сребренниковъ, за которыя Іуда Спасителя нашего, Господа, продалъ, и повергъ сребренники во церкви, и шедъ, удавися, яко же Святое Евангеліе свидѣтельствуетъ; Архіереи же, пріемше сребренники, рѣша: «Недостойно есть положити ихъ въ корванъ, понеже цѣна крове есть; совѣтъ же сотворше, купиша ими село Скудельниче въ погребеніе страннимъ» и пр.; тамъ и

теперь, кромѣ странних поклонниковъ, никто не погребается; тамъ и мы единаго поклонника положили; и село Скуделниче отъ Іерусалима отстоитъ на верстку; стоитъ же на полудень надъ Юдолію Плачевною; тамо, яко же рѣхъ, едини точію странніи погребаются; тое мѣсто въ горѣ якъ хата великая и обширная съ чуланами выбитая и вырубленная, много въ ней закамарковъ имѣется, а въ тѣхъ всѣхъ закамаркахъ построены гроба многи, якъ бы ночвы, или корыта, по елику человѣку умѣститися можно, и въ тѣхъ корытахъ каменныхъ мертвецы полагаются непогребаемы, ниже накриваемы; туда и мы единаго поклонника изнесохомъ, и видѣхомъ во истину ужасная тамо и плачевная; много бо тамо мертвецовъ лежитъ, отъ нихъ же едини уже точію кости зрятся, другихъ же плоть истлѣваетъ и риза, иніи же мало что тлѣнію причастны: тако тамо преставшася, братія наша упокоеваются; сухіе же весьма кости въ другую оттуду пещеру, на то устроенную, окномъ измещутся; мы, тое видѣвши растворенное человѣческое естество, довольно умилялись тамо, и чудились, что како отъ толикихъ мертвецовъ ни единъ смрадъ исходитъ. Потомъ излѣзохомъ вонъ и каменемъ двери завалихомъ; входъ туда въ силу человѣку пролѣзти можно; туда, въ Мясопустную Суботу, вси поклонники и граждане, многое множество, приходятъ, такожде и Архіереи со многими Священноиноками и Іереями, и тамо въ церквѣ, при селѣ Скудельномъ, служатъ литургію, а по литургіи бываетъ великая панихида за всѣхъ тамо и пришельцевъ; сицевый же чинъ по всякъ годъ бываетъ тамо при томъ селѣ Скудельномъ, а въ затворѣ есть мощи преподобныя Матроны, а когда ея совершается память, не извѣстно. До здѣ о семъ, скажемъ отъ части о дому Давыдовомъ.

Домъ Давыдовъ есть великъ собою, многіе въ немъ палаты, сдѣланъ якъ замокъ, стоитъ же при самой великой брамѣ, которою поклонники входятъ въ святой градъ Іерусалимъ, отъ чего и порта та называется Давыдова. Домъ той отвсюду окруженъ каменною оградою крѣпкою и зѣло высокою и ровомъ глубокимъ около окопанъ, весь же и до несь цѣлъ, и приходя къ Іерусалиму видно всего; бо на высокой горѣ стоитъ; теперь въ немъ Турки янычары живутъ. Съ приходу въ него многіе пушки на раскатахъ стоятъ; туда всякому входити невозбранно, только Туркамъ треба отъ всякой пары платить; тогда посылаютъ Арапина, или двоихъ, показати мѣста знатнѣйшіе Святаго Пророка Царя Давыда. Тамъ намъ показали мѣсто въ горѣ высоко въ палатахъ, идѣже Царь Давыдъ псалмопѣніе составляше, и гдѣ съ рукою опирашеся, тамо и до нынѣ въ камени изображеніе рученое имѣется. Оттуду повели насъ въ верхнюю комору, идѣже многіе

луки, стрѣлы, щиты и шлема, и копіи, ими же на враговъ ополчашеся; только стрѣлы и копья чрезъ то многое время очень шашелии изѣдены. Потомъ повели насъ до студенца на низъ, который студенец сицевыя ради вины бысть. Егда согрѣшил Царь Давыдъ, убивъ Урію, жены ради его, прінде въ нему Святый Пророкъ Нафанъ, и рече Царю притчу сію: «Человѣкъ нѣкій имѣ 99 овецъ, другій же имѣ едину точію овцу, и иже имѣ 99 отъятъ отъ него и тую едину, и самаго его уби. Что сицевому подобаетъ сотворити?» Тогда Царь, не уразумѣвъ, яже о немъ реченнаго, рече: «Да ископанъ будетъ студенецъ 99 лактей во глубину, и содѣявый грѣхъ сей да повержен будетъ въ онь, и аще ему Богъ проститъ грѣхъ его, изметъ его оттуду;» и повелѣ онъ студенецъ ископати; тогда рече ему Святый Пророкъ: «Ты, Царю, содѣявый грѣхъ сей,» и проч. Хотяй о семъ подробію вѣдати, да испытаетъ пророчествія. Мы же на первое возвратимся. Потомъ насъ повели Турчинъ и Арапинъ на самой верхъ палатъ, съ котораго видно все во святомъ градѣ Іерусалимѣ, и мы довольно оттудова смотрячи на Іерусалимъ, утѣшались, что насъ сподобилъ Господь свой святый градъ Іерусалимъ видѣти, только не его благостію да небеснаго Іерусалима еще повидѣти сподобить всѣхъ благочестивыхъ Христіянъ. Таже оттуду, изъ дому Давыдова, изшедши, идохомъ якъ полъ гони городомъ, въ лѣвую руку на полудень, до монастыря Арменскаго Святаго Апостола Іакова Брата Господня по плоти; первый Епископъ Іерусалимскій жилъ въ томъ монастырѣ; въ великой церкви, въ лѣвой руцѣ, есть предѣлъ Святаго Апостола Іакова, брата Іоаннова, его же Иродъ уби мечемъ, яко же Писаніе явствуетъ: «Возложи Царь озлобити нѣкія отъ церкве, уби же Іакова, брата Іоаннова, мечемъ, и видѣ, яко годѣ Іудеемъ, приложи яти и Петра,» и проч. Тѣмъ монастыремъ теперь завладѣли проклятіи Армени; тамъ и Патріархъ ихъ злочестивый со многими иноками злочестія своего живетъ; въ томъ монастырѣ вси ихъ поклонники зи муютъ, которыхъ во всякъ рокъ приходитъ какъ на тысячу, и вси въ томъ единомъ помѣщаются монастырѣ; зѣло бо великъ есть тот монастырь и весьма изряденъ; прежде тутъ монастырь былъ Грузинскій; бо они закупили его отъ Турецкаго Царя, и есть зѣло богатъ Тамъ, въ праздничные дни, дивиться мы нарочно ходили, и видѣли многое богатство не только сребряныихъ чистыхъ, но еще и золотыихъ множество великихъ кандилъ; у Грековъ и Фрянковъ въ церквахъ не имѣется толикаго богатства, якъ у нихъ единыхъ. Отъ того монастыря, якъ пойти за браму, за городъ, на полудень, идучи до святой Сіонской Горы, тамъ, за брамою, заразъ есть мѣсто, идѣже

анна Архіерей жилъ и Каіафа, гдѣ и Спасителя нашего, Христа оспода, привязывали до древа, когда поймана и связана изъ верто-рада привели до Каіафы. Другое мѣсто есть тамъ яма, гдѣ Святый постолъ Петръ, по трикратномъ Христа отъреченіи, изшедъ вонъ, лакася горко; теперь на томъ мѣстѣ Армянскій монастырь. Оттуда ошовши на верженіе камени, тамо святая гора Сіонъ, отъ нея же ыце законъ, и домъ тамо Заведеевъ, который и до днесь цѣлъ стоитъ; въ семъ дому тайная вечеря, и умовеніе ногъ, и сошествіе ятаго Духа на Апостолы бяше; тамо и Пресвятая Богородица по ознесеніи Господнемъ нѣсколько лѣтъ жила въ дому Іоанновомъ; теперь туда никому не можно пойти; бо Турки не пущаютъ; имѣютъ бо теперь они тамъ свои мечети, а кто хощетъ, то приходитъ на Сіонъ гору ко оградѣ, гдѣ Архіереи Греческіе, Франстіи и Армянскіе, и иноки, и всякаго званія духовнаго и мирскаго чина люди, погребаются, и лобызаютъ каменіе; на томъ бо мѣстѣ восхищеніи постолы представляхуся; тамъ на сошествіе Святаго Духа и молитвы читаютъ обычныи, и многъ народъ тогда тамъ собирается; въ ому Іоанновомъ гробъ Царя Давыда, и Царя Соломона, идѣже нынѣ урецкій мечеть. Отъ горы Сіонскія пошовши по за городомъ, прошнувши великую порту Давыдову, пойти мало якъ бы на сѣверъ, и а той сторонѣ города есть мѣсто пречудно и превелико, якъ какіе злати великіе, сами собою Божіимъ промысломъ сдѣланы, идѣже ятый Пророкъ Варухъ седмьдесятъ годъ спалъ. Тамъ, сказуютъ, и онастырь былъ, только жъ теперь пусто мѣсто оно, заключается олько ради прибыли Турокъ; бо когда поклонники идутъ, тогда урки двери отворяютъ, и берутъ отъ всякой душѣ по единой па-. Отъ того мѣста Святый Пророкъ Варухъ тогда возсталъ, когда аситель нашъ, Господь, по многой страсти на крестѣ, возопивъ, спусти духъ, тогда земля потрясеся, и каменіе распадеся, и гро отверзошася, и многіи тѣлеса усопшихъ Святыхъ возсташа и, изшіи изъ гробовъ по воскресеніи его, внидоша во святый градъ, явишася многимъ; тогда и сей Св. Пророкъ Варухъ возста, вниде градъ и явися многимъ. Изволяй о семъ вѣдати, да испытаетъ саніе, мы же возвратимся къ пустыннымъ и непрестанно имуть божественное желаніе, иже бываетъ міра суетнаго кромѣ, и одятъ въ пустыню обители Святаго и Освященнаго Савы. Отъ таго града Іерусалима стоитъ за двѣ мили, ходу до него четыре ; туда якъ пойти, то отъ самаго Іерусалима все промежи го-каменными яти треба Юдолію Плачевною, идѣже рѣка огнен-на страшномъ судищѣ потечетъ; тая Плачевная Юдоль взялася

отъ самаго града Іерусалима и пошла ажъ за монастырь Святаго Савы, и впадаетъ въ Содомское море, идѣже Содомъ и Гомморъ бяше. До сего монастыря еще не доходя якъ на версту, тамъ, по лѣвой Юдолію Плачевною, многое множество по подъ горою келій, разсѣлинъ и замокъ отъ камени удивительно поробленно и повыбивали, взявши отъ низу отъ Плачевной Юдоли до самаго верху горы нѣсколько рядовъ по обоимъ сторонамъ, идѣже Преподобніи Отцы спасались, и тіи келіи всюду по надъ горою висятъ, якъ гнѣзда ластовинія, якъ посмотрѣть, то отъ самаго взору страхъ человѣка ошибаетъ: до многихъ бо келій ни единою мѣрою дойти, или долѣзти, не можно. Таковое тамъ прежнихъ Отецъ Преподобныхъ жестокое бяше пребываніе; тамо братіи за Сави Освященнаго въ монастырѣ и за монастыремъ было четырнадцать тысящъ. Монастырь С. Савы тогдашняго времени зѣло крѣпко сдѣланъ, двери до него едины только малія желѣзные и зѣло крѣпкіе, а то на то, дабы Арапы не могли дойти въ монастырь. Мы въ томъ монастырѣ сутки были и всюду ходили: въ монастырѣ Савы Освященнаго имѣется семь церквей:

1. Церковь соборная великая Святаго Савы.
2. Святителя Христова Николая.
3. Святыхъ Апостолъ Петра и Павла.
4. Святаго Іоанна Предтечи.
5. Святаго Великомученика Георгія.
6. Святыхъ Четыредесяти Мучениковъ.
7. Святаго Іоанна Златоустаго.

Тамъ, предъ соборною церковію, стоитъ гробница, сдѣланна якъ бы каплица круглообразно; въ той гробницѣ стоитъ и гробъ Савы Освященнаго каменній, надъ которымъ многіе кандила горятъ, только жъ мощей Святаго Савы не имѣется; бо Франки, когда въ томъ монастырѣ жили, лѣтъ 60, а потомъ отошли, то, отходя отъ монастыря и мощи съ собою взяли, нынѣ обрѣтаются въ Венеціи. При той гробницѣ есть внизу и другая, общая, въ земли, отъ камени сдѣланна гробница, идѣже умершая полагаются братія; и туда только окошко пущено сверху, якъ только единому человѣку влѣзти можно, внутрь же тамо пространно ходити; а идѣже полагаются усопшіи, тамъ якъ корыта на то всюду учиненніи, отъ камени подѣлано; гробы тамъ якъ и на селѣ Скудельничемъ. Оттудова повели насъ въ церковь Святителя Христова Николая; въ той церквѣ, въ лѣвой руцѣ, въ стѣнѣ замурованно много зѣло костей и мощей Преподобныхъ Отецъ пустынныхъ избіеныхъ, ихъ же память Марта 20 совершается: а

тѣхъ мощей мы дирою со свѣщами влазили, и поклонялися, и лобызали съ великимъ умиленіемъ, отъ котораго великое благоуханіе исходитъ. Таже идохомъ оттуду въ пещеру, идѣже Сава Освященный пребываше; такожде и въ келію его, которая такъ сдѣлана пречудно, что человѣкъ можетъ тое сказать, что Ангелы своими руками построили. По семъ оттуду пойдохомъ въ гору по степеняхъ въ келію Святаго Іоанна Дамаскина, идѣже Св. Дамаскинъ живяше и пѣсни пояше. Также повели насъ на самый верхъ, идѣже чернецъ сидитъ и стережетъ крѣпко отвсюду монастыря святаго. Отъ столпа показали намъ Содомское море, которое оттуду видѣти довольно можно. Оттуду изшедши, паки повели насъ къ трапезѣ, и тамъ, близъ самой трапезы, мало отперши оконце, якъ только единому пролѣзти можно, низвѣсивши лѣстницу надъ Юдоль, поединцемъ насъ впущали въ Юдоль Плачевную; тамъ, на самой долинѣ, есть агіазма или яма обширная подъ горою, въ которой и вода имѣется, юже Святый Сава молитвою изведе. Мы тую воду пили всѣ, и умывались тою чудотворною водою. Оттуду повели насъ камергаржи, си есть, предводители, Плачевною Юдолію, якъ на добріи гони, и тамъ, въ правую руку, повели насъ на гору зѣло высоку, що надъ Юдолію стоитъ Плачевною, тѣснымъ путемъ и неудобь ходимымъ, до келіи Преподобнаго Ксенофонта, его же память Іануарія 26 почитается; такожде идѣже келія сыновъ его, Аркадія и Іоанна; до того мѣста, идѣже пребывали Аркадій и Іоаннъ, зѣло путь трудный намъ былъ. Туда идучи, многіи, боячись, чтобъ не пасти и не разбитися, иніи съ начала, другіи на полпути, а иніи приходя уже къ близу, ворочались, азъ же, грѣшный списатель сего, чернецъ Серапіонъ, возложися на Господа и Святыхъ его Угодниковъ, идохъ овогда ногами, овогда руками и ногами, просто сказати, рачкомъ лѣзъ до онаго мѣста, и видѣлъ тамо, яже око не видѣ, пустынное Святыхъ Отецъ пребываніе; благодарихъ же Бога моего, яко сподобился поне видѣти и осязати жилища Святыхъ; и, поклонившись мѣсту оному, на немъ же Святыи Отцы спасеніе себѣ содѣлаша, паки возвратихомся на низъ таковымъ образомъ; а на Преподобнаго отца Ксенофонта келію только, какъ на зарю, подивились, а въ ней не были; высоко бо зѣло и страшно и ни какимъ примѣромъ долѣзти туда не можно. Оттуду Плачевною Юдолію возвратившись къ монастырю, паки тѣмъ же оконцемъ, по низпущеной лѣстницѣ, внидохомъ въ монастырь; въ монастырѣ день и нощь переседѣвши, выслушавши божественной литургіи и поклонившись мироточивымъ главамъ Святыхъ Угодниковъ Божіихъ, Аркадія и Іоанна, паки благополучно возвратихомся во святый градъ Іерусалимъ. Вѣ-

домо же всякому да будетъ, что въ Лавру Савы Освященнаго женскій полъ не входитъ, по заповѣди Освященнаго Саввы, даже и до днесь.

Не хощу же еще, отцы святыи и братія превожделѣнная, не вѣдити васъ и о святомъ Вифлеемѣ, о немъ же преславная глаголашася Пророкомъ: «И ты, рече, Вифлеемъ, земля Іудова, ни чимъ же меньша еси во владыкахъ Іудовыхъ; изъ тебе бо изыде вождь, иже упасетъ люди моя Израиля.» Сіе мѣсто, Вифлеемъ святый, идѣже, нашего ради спасенія, Христосъ и Господь родися отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, отстоитъ отъ Іерусалима на двѣ мили, ходу до него четыре часа. Туда пойшовши два часа или едину милю до святаго Вифлеема, тамъ, на полъ пути, есть монастырь С. Пророка Иліи, а на томъ мѣстѣ Св. Пророкъ Илія, по закланіи Вааловыхъ жрецовъ, бѣжачи отъ горы Кармилскія и отъ потока Кисова въ землю Іудову, почива тамо, и Ангелъ Господень явися ему, глаголя: «Возстани, Илія, возми опрѣсокъ ячмень и корчагъ воды и укрѣпися; далекъ бо твой путь есть,» и прочая. Нѣкіи же повѣдаютъ, что Святый Пророкъ Илія отъ того мѣста взятъ на небо огненною колесницею; и монастырь сей изряденъ и веселъ, только жъ и тутъ отъ Арапъ немала докука. Въ семъ монастырѣ, идучи поклонники до Вифлеема, ночуютъ; тамъ и мы переночевавши и по божественной литургіи потрапезовавши, пойшли во свой путь, до святаго Вифлеема, и шли якъ единъ часъ, и тамо, при пути, видѣли гробъ Рахилинъ, жены Іакова, идѣже Іосифъ Прекрасный проданъ отъ братій, идучи во Египетъ съ купцами, плакася неутѣшно, на матернемъ гробѣ, призывая матерь въ помощь. Изволяй вѣдати о семъ, да прочтетъ Житіе Прекраснаго Іосифа. Тамъ, недалеко, видно село въ правой рукѣ, а тое село было когдася мѣстечко и зовется Рамъ, о немъ же во Святомъ Евангеліи воспоминается: «Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыданіе, и вопль многъ Рахиль, плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшитися, яко не суть,» и проч. Оттуду пойшовши, не доходя мало Вифлеема, есть тамо, при пути, яма, идѣже хотѣлъ Іосифъ оставити Пресвятую Богородицу, мнящи ю бракоокрадованную быти, бѣжати нощію отъ нея, яко же Святое Евангеліе повѣствуетъ: «Сіе же ему помыслившу, се Ангелъ Господень во снѣ явися ему, глаголя: «Іосифе, сыне Давыдовъ, не убойся пріяти Маріамъ, жены твоея,» и проч. Оттудова ишли мы уже просто въ Вифлеемъ; приходящимъ же намъ до Вифлеема якъ на версту, много тамо всюду кучами Арапскихъ дѣтей было, который, при пути стоя, великимъ голосомъ кричали сіе едино слово: «Хаджиларъ!» многократно повторяючи для того, чтобъ поклонники гостинца давали. Мы туда, до Вифлеема, пріишли въ навечеріи Рождества Христова; бо всякаго року того дня прихо-

ятъ поклонники къ празднику въ Вифлеемъ святой, гдѣ Спаситель
ашъ родися; и той Вифлеемъ прежде великъ былъ, и былъ тамо
Епископъ, а теперь село уже, и живутъ въ немъ, кромѣ монастырей,
Араши; стоитъ же оно на горѣ; а тое мѣсто, гдѣ Христосъ родися,
нынѣ въ монастырѣ, на концѣ, прямо востока; тамъ имѣютъ мона-
тырь малій. Саміи же святые мѣста, яко то идѣже Христосъ роди-
ся, идѣже положенъ, и идѣже Пресвятая Богородица бяше, Франки
ержатъ, и тамо мши всегда правятъ, и мѣсто оно, идѣже родися
Христосъ, внизу есть, и ити туда якъ бы въ погребъ по степеняхъ;
уда всходи отъ двоихъ сторонъ суть, едни отъ полудня, отъ предѣ-
а Греческаго, другіи отъ сѣвера, съ великой Френской церкви; тамъ,
дѣже родися Христосъ, внизу, на камени бѣломъ и чистомъ мрамо-
омъ, на востокъ сдѣлана звѣзда велика отъ сребра, каменемъ драго-
ѣннымъ насажена, во знаменіе оной звѣзды, юже видѣша волсви
а Востоцѣ. Напротивъ онаго мѣста, есть и другое мѣсто, сіе есть,
еля, идѣже новорожденный Христосъ положенъ бысть; тое мѣсто
еперь чистымъ мраморнымъ каменемъ вымощено и загорожено жел-
ыми мосѣнжовыми прутиками во мѣсто яселъ. На сихъ мѣстахъ свя-
ыхъ Франки погани всегда мшатъ. Тамо близъ пошла уличка на
ападъ; и тамо, въ стѣнѣ, есть мѣсто, идѣже новорожденнаго купано;
и вси мѣста въ горѣ и около преудивительными дорогими матерія-
и многими, златыми и сребренными кандилами, украшены всюду и
тѣны матеріями повыбиванны. Тамъ, во Вифлеемѣ, великая церковь,
оторую держатъ Франки; такожде и предъ церковью мѣсто великое
пространное; все бо то прежде едина церковь была, многими стол-
ами украшенна, на которыхъ столпахъ все зданіе стоитъ, також-
е и стѣны златоблестящеюся мусіею всюду преиспещрено было
режде, да и теперь много имѣется, и, якъ прежде рѣхъ, все то, что
реки, Франки и Армяне, церкви имѣютъ, едина была церковь Грече-
ая, которая и теперь еще толь благолѣпно, яко и великую церковь,
же во Іерусалимѣ, Воскресенія Христова, своимъ превосходитъ бла-
олѣпіемъ; понеже оная Іерусалимская церковь, аще и была прежде
рекрасна, егда сооружи Святая Царица Елена, обаче толь многими
тами своего по части лишилась благолѣпія. Тамъ, отъ Вифлеема
ишовши на востокъ, якъ на полгони, есть пещера подъ горою,
дѣже, бѣгаючи отъ Ирода во Египетъ, Пресвятая Богородица со Іоси-
омъ скрылась; въ той пещерѣ и литургію Арапстіи Попы отправ-
ютъ; и тогда мы, сему мѣсту поклонившись, пойдохомъ съ горы на
остокъ, промежъ садами, якъ на двѣ верстки отъ Вифлеема; тамо
Место есть, идѣже пастыріе бяху бдяще и стрегуще стражу нощную

о стадѣ своемъ, и се Ангелъ Господень ставши, и слава Господня осія ихъ, и убояшася страхомъ великимъ, и рече имъ Ангелъ: «Не убойтеся: се бо благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ, яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ, во градѣ Давыдовѣ,» яко же Святое Евангеліе свидѣтельствуетъ; тамъ, сказуютъ, и монастырь былъ, только жъ теперь не имѣется; туда треба входити якъ въ погребъ, тамъ есть и жертвенникъ, служитъ тамъ Попъ Арапскій благочестивый, когда захощетъ съ села прійти. Оттуду повернулись мы воспять до Вифлеема; тамъ, маленько въ сторонѣ, Арапское село теперь, а въ томъ селѣ есть студенецъ, о которомъ намъ повѣдали вещь преудивительную. Нѣкогда (рече) случилось Пресвятой Богородицѣ мимо студенецъ ити той съ предвѣчнымъ младенцемъ, ею на руку держимымъ, потомъ и возжада Пресвятая Богородица воды напитися, они же не только не дали ей воды, но и укорили честнѣйшую Ангелъ, Пресвятую Богородицу. [15] Оттудова ишли мы во Вифлеема уже просто, и тамо, въ Греческомъ монастырѣ, и обнощевахомъ; другого же дни, по литургіи на Рождество Христово, повели насъ вспять, до святаго града Іерусалима, тѣмъ же путемъ, якимъ и до Вифлеема. И шли мы мимо монастыря Святаго Пророка Иліи. Недалеко отъ святаго града Іерусалима, якъ на двѣ верстѣ, на западъ, есть еще монастырь изряденъ, красенъ и похвалъ достоинъ, зовется же онъ Греческимъ языкомъ σταῦρος (ставросъ), а по нашему крестъ; чего же монастырь сей зовется крестъ, любвѣ вашей вкратцѣ сказать хочу. Когда Лотъ изыде отъ Содома со женою и со дщерьми своими, жена убо обратшися, бысть въ столпъ слань, а Лотъ, яко же Писаніе свидѣтельствуетъ, смѣсися со дщерьми своими; тогда Лотъ, видячи беззаконіе свое, и пріиде до Авраама, до дядѣ своего, аки бы къ своему духовному отцу, и исповѣда грѣхъ свой подробно предъ нимъ; тогда Святый Авраамъ повелѣ ему взяти три головни отъ углища, и посадить на ономъ мѣстѣ, гдѣ теперь сей монастырь стоитъ (о немъ же намъ слово предлежитъ), и повелѣ, во мѣсто покути, [16] воду отъ Іордана туда носити и поливати тіи головни, донелѣ вкоренятся, предрекъ и сіе: «Да аще нѣкій стра-

---

[15] Здѣсь, въ подлинной рукописи, пропускъ. Преданіе говоритъ, что вода въ колодцѣ сама поднялась до краевъ его, дабы доставить удобство Матери Божіей утолить жажду безъ помощи сосуда. Такъ неодушевленная природа оказалась благодарнѣе Матери своего Создателя, паче созданнаго рукою его человѣка!

[16] Покута—покаяніе, епитимья.

ienъ на пути пити у тебе вопроситъ, да не отречеши ему ника-
о же. Тую епитемію Лотъ хотя исполнити, да прощенъ будетъ отъ
рѣха, начатъ повелѣнное ему творити со усердіемъ; врагъ же, не
навидяй добра, дабы его отъ покаянія отвратити, претворися и, явля-
ись страннымъ, воды пить отъ Лота прошаше; Лотъ же, отчее по-
елѣніе исполняяй, подаваше ему невозбранно; и тако діаволъ, яв-
ляясь аки страненъ, воду испиваше, и паки Лотъ къ Іордану воз-
ращашеся и сосудъ наполняше, а діаволъ паки, во образи странна
вляяся, испиваше воду, и толикую ему перепону въ томъ дѣлалъ,
ко Лотъ отъ Іордана въ три лѣта съ водою трижды едва могъ воз-
ратитися. Богъ же, праведныя любляй, грѣшныя милуяй, и видя его
истинное покаяніе, повелѣлъ онымъ главнямъ троймѣ принять силу
укорениться, и возрасте дерево едино изрядно; а оные три голов-
и бяху отъ трехъ деревъ: певга, кипариса и кедра. Егда Святая
Святыхъ созидалъ премудрый Соломонъ, тогда, между протчими древы,
сіе древо, яко добро, посѣчено. Оно бяше таково: когда его
ребоваше, идѣже нужда бяше, долгаго, тамо оно коротко, а гдѣ
ороткаго, было долгое; для того, яко неугодно и презрѣнно бысть,
валялося на многихъ мѣстахъ, а послѣ взято и помощено на по-
оцѣ Кедрскомъ. Царица Южная, идучи слушать премудрости Соло-
оновой, тимъ древомъ нойти не хотѣла, и пророчествовала, яко
рево оно имать быть въ великой чести. И такъ тое древо лежало
мо до страданія Христова, и во время страданія Христа сдѣлали
Іреи отъ того древа, аки неугоднаго, на поруганіе Христово,
рестъ самому Христу Господу, промысломъ своимъ тако изволив-
ему, и на томъ крестѣ распяли Христа. Чтій да разумѣетъ, что
о тому и сей монастырь Крестъ именуется; бо на томъ мѣстѣ, идѣ-
е сіе возврасте древо, поставленъ, и гдѣ самое тое росло древо,
амъ теперь престолъ и трапеза, на ней же приносится жертва,
ыну хваленія пожершемуся насъ ради на ономъ древѣ Христу.
амъ, гдѣ корень онаго древа быть, сущее древо, животворящій
рестъ Господень, стоитъ подъ престоломъ, затворенъ за стекломъ,
предъ нимъ неугасимое всегда горитъ кандило, и когда туда ха-
еи, си есть, поклонники въ монастырь приходятъ, тогда, по литур-
іи божественной, служащій Іерей вынимаетъ его оттуду, и износитъ
го на главѣ, предыидущимъ двомъ со свѣщами братіямъ, протчимъ:
Спаси, Господи, люди своя», поющимъ, и полагаетъ его Іерей со стра-
омъ на столпцѣ, среди церкви поставленномъ и украшенномъ, и тог-
а идутъ по два, и покланяются, и лобызаютъ крестъ Господень. Въ
омъ монастырѣ я многократно былъ и видѣлъ, гдѣ тое древо росло

и гдѣ нынѣ есть, сподобихся же и лобызати и поклонятися пречестному сему и животворящему древу, кресту Господню. Въ томъ монастырѣ великая церковь зѣло украшенна, вся иконнымъ изображеніемъ списанна, и монастырь сей прежде былъ Грузинскій; бо всѣ въ немъ иконы, и подписи на иконахъ, и книги, многое множество, Грузинскіи и до днесь имѣются, а теперь сей монастырь держатъ Греки. Тамо, среди церкви великія, много на земли крови и теперь есть; бо тамъ, предъ симъ нѣсколькось лѣтъ, разбойники, или варвары, всю братію въ церкви избили, и теперь тое довольно знать, идѣже варвары проліяша кровь ихъ, яко воду; теперь въ немъ мало братіи, развѣ только на пять будетъ, а келій пустыхъ въ монастырѣ довольно имѣется, церкви такожде четыре имѣются. И се уже рекохъ отъ части, откуду сей монастырь ведетъ начало и что въ немъ есть; прочее и о святомъ градѣ Іерусалимѣ да побесѣдуемъ.

Сказаніе краткое о Святомъ градѣ Іерусалимѣ.

Святый градъ Іерусалимъ, зиждемый яко градъ, стоитъ на востокъ зимній, на святой горѣ Сіонстѣй, и времени сего не весьма великъ; однакъ же у насъ, въ Малороссіи, и такого города величиною нѣтъ; я его довольно обходя разсматривалъ; имѣетъ же четыре врата, велиціе, народа и избей довольно есть, улицы въ немъ потѣсны; бо тамъ возами не ѣздятъ такъ, какъ у насъ, но верблюдами, или ослятами, или конми, все, что надобно, въ гздъ провадятъ. Сказуютъ же, что прежнихъ временъ и великій былъ Іерусалимъ (какъ съ примѣтъ видно), только жъ чрезъ многую войну умаленъ; бо Царіе его руйновали, яко то Вавилонскій Царь, Адріанъ Цесарь Римскій, Антіохъ Царь Египетскій, Титъ, Веспасіанъ Цесарь Римскій, и протчіе его руйновали и доставали; о семъ хотяй знать, съ исторіями да исправится, мы же паки свое начнемъ. Въ святомъ градѣ Іерусалимѣ, и въ городѣ и за городомъ, текущей воды или рѣкъ не имѣется, ни колодезей, кромѣ дощевой воды, которая, якъ дожди идутъ, съ хатъ течетъ въ ямы, подъ землею нарочно на то устроенныя; бо тамъ всюду на версѣ хатъ и будинокъ водотечи подѣланы, а внизу великіе ровчаки подъ хатами, якъ склепи, куда дождевая вода собирается, которою водою человѣки и скоти напаваются. Еще же въ городѣ и за городомъ превеликіи подѣланы ровы, якъ сажали глубокіе общенародній, куда отвсюду, когда дождь идетъ, вода собирается, которой воды на многъ часъ достаетъ. Въ святомъ градѣ Іерусалимѣ хаты или будинки не покрытые, какъ у

насъ покрываются, только верхи подѣланы кругло, какъ капище, только крѣпко очень; всякое же зданіе отъ самаго подѣлано камени, коимъ ни огнь, ни дождь, ни вѣтеръ, не вредитъ; оконъ въ хатахъ тамъ нема, ни печей, ни трубъ, кромѣ общихъ печей, что на базарахъ подѣлано для печева хлѣба, куда всякъ, кто хощетъ нести хлѣбъ, рыбу, или мясо, приносятъ, а за печево платежъ даютъ тому Турчину, или Арапину, что печетъ; отъ того бо онъ себѣ промыслъ имѣетъ. Тамъ зимы нема никогда, только что въ мѣсяцѣ Декабрѣ, Генварѣ и Февралѣ, частіи весьма дожди идутъ, и отъ того и отъ вѣтру, похолодно такъ, якъ у насъ передъ Покровомъ: многіе бо тамъ въ одной кошулѣ, безъ обуви ходя, не могутъ и ногъ поморозить, только, дрожа, зубами брызкаютъ. Тамъ огородина, всякое зеліе и трава, растетъ чрезъ всю зиму и продается; много тамъ сѣютъ пашни въ мѣсяцѣ Ноябрѣ и Декабрѣ, а жнутъ въ Маѣ мѣсяцѣ; тамъ всегда равноденствіе, якъ лѣто и зимою, и день 12 и ночь 12 часовъ.

О Святыхъ церквахъ, иже во Іерусалимѣ.

Первая церковь первоначальная Воскресенія Христова, гдѣ живоприемный гробъ Христовъ и другіе мѣста святые, на нихъ же пострада Христосъ. Сію церковь Царица Елена сооружила, егда обрѣте животворящее древо креста Господня и гвоздіе, тогда, на томъ мѣстѣ, и церковь созда дивную и великую; еще я такой церкви великой, сколько ходилъ, не видѣлъ, да и видѣть не надѣюсь, понеже церковь оная вся мѣста святая, идѣже Христосъ пострада, окружила, о чемъ, поступивши во глубину, уразумѣти можемъ. Въ сей церкви предѣлы суть многіе, идѣже совершается божественная литургія, яко же сказалъ прежде; въ сей великой церкви гора Голгофа и гробъ Господень; теперь его держатъ Франки, и на немъ всякаго дня мши правятъ; единаго же дни, предъ ихъ Воскресеніемъ, въ нашу же Вербную Недѣлю, съ вечера до свѣта единъ день по единому мши правили, и тогда больше 50-ти мшей на гробѣ отправили; бо у нихъ скоро тіи раздробенки отправляются, больше ихъ все тогда читаны были: и единъ исходитъ, другій начинаетъ, единъ еще не окончилъ, другій читати свои бреденки начинаетъ; и говорятъ они тогда, аще бы и вѣдомо какой грѣхъ сотворилъ, оставляется ему.[27] Тогда проклятіи тіи Оригенины сыны сами прельщаются, и другихъ прельщаютъ, но ихъ часть въ езерѣ огненномъ да будетъ.

---

[27] Такъ называемые Латинскіе отпусты на св. мѣстахъ, за ихъ посѣщеніе.

Сему же, братія, истина, а не ложь, есть; самъ бо я сему самовидецъ, при совершеніи того былъ я въ великой церкви цѣлой тиждень, [28] и добре видѣлъ ихъ обряды. Другихъ гонителей и Антихристовъ (какъ Франки) на церковь нашу большихъ нѣтъ; они гробъ Господень держатъ, только всякому поклонятися не возбраняютъ. Еще же въ Суботу Страстную Греки большую честь гробу Господню имѣютъ; благодать бо Духа Святаго когда во огненномъ видѣ Греческою молитвою приходитъ (о чемъ скажу послѣ), тогда они, не могуще зрѣти на такую свѣтлость, какъ нетопыри, по закаморкахъ скрываются, ради стыда и поношенія. Армяне же, Хабежи (Абесины) и Сиріане, и сіи хотя и стоятъ, обаче отдалече, только вѣруютъ и исповѣдуютъ пришествіе благодати на гробъ Господень. Отъ той великой церкви Воскресенія Христова, когда служитъ Патріархъ, или Архіерей, въ праздники, тогда два, или три, Турчина услуговуютъ таковымъ образомъ: естьли многолюдно въ церкви, то они строй дѣлаютъ, служащимъ очищая дорогу; когда Діаконы обходятъ кадити святыя мѣста, то они попереду съ кіями дорогу дѣлаютъ, или съ палѣчами, и когда бы не Турки, не можно бы и церемоніи дѣлать, за тѣснотою; туды отъ всякой вѣри приходятъ многіе, присмотрюючись обрядовъ; се же не только отъ Грековъ и Армянъ, и отъ прочихъ дѣлается; невозбранно бо единимъ отъ другихъ въ церковь и въ монастырь входити; Турки же и тогда услуговуютъ, якъ по дару идутъ. Архіерей сядетъ, а они по сторонамъ чинятъ приступъ, чтобъ утиску не было, и тамъ всякая церемонія отъ Грековъ и Армяновъ и протчіихъ безъ услуги ихъ не бываетъ, а за услугу ихъ платятъ.

О монастырях Греческих, иже въ Іерусалимѣ.

Монастырей 17:

1. Монастырь Царя Константина и Елены Патріаршій; бо и немъ Патріархъ Греческій живетъ; онъ весьма изрядный, церкви и немъ благолѣпно зѣло украшены; въ томъ Архіереевъ 6 неотступно сидятъ, что всякія дѣла правятъ; во отсутствіи сего Патріарха въ праздники же, и въ недѣли, и въ суботи, поочередно, служатъ, и братія въ немъ найбольше.

2. Монастырь Св. Авраама: въ немъ поклонники зимуютъ.

3. Монастырь Св. Іоанна Предтечи: и здѣ поклоники зимуютъ.

---

[28] Тиждень—недѣля.

4. Монастырь Архистратига Михаила: и здѣ поклоники зимуютъ.

5. Монастырь Великомученика Димитрія: и здѣ поклон. зимуютъ.

6. Монастырь Святителя Христова Николая: тамо чернецы живутъ.

7. Монастырь Св. Великомученика Ѳеодора Стратилата: и здѣ поклонники зимуютъ.

8. Монастырь Св. Великомученика Георгія.

9. Монастырь Св. Великомученика Георгія: здѣ и вериги въ церкви висятъ, что на Георгіи были.

10. Монастыръ Введенія Пресвятыя Богородицы: тутъ чернецы живутъ.

11. Монастырь Св. Василія: и здѣ черницы живутъ.

12. Монастырь Св. Великомученицы Екатерины: и тутъ чернецы живутъ.

13. Монастырь Преподобнаго Евфимія: и тутъ чернецы живутъ.

14. Монастырь Савы Освященнаго: сей за Іерусалимомъ стоитъ.

15. Во Вифлеемѣ Рождества Христова.

16. Монастырь Св. Пророка Иліи, на пути въ Вифлеемъ.

17. Монастырь Σταβρὸς или Крестъ. Монастырь Иліи, четыре послѣдніи, далече стоятъ отъ града. По сихъ всѣхъ монастыряхъ, сидячи мы во святомъ градѣ Іерусалимѣ чрезъ 6 мѣсяцей, довольно ходили и по церквамъ покланялись, благодаряще премилосердаго Бога, яко сподобилъ насъ Господь св. градъ Іерусалимъ видѣти и поклонникамъ быти святымъ мѣстамъ, плотію и кровію Христовою освященнымъ. Потомъ, возставше, вси поклонники идохомъ въ Горняя со тщаніемъ: по градъ Іудовъ, и внидохомъ въ домъ Захаріинъ, и цѣловахомъ мѣсто святое, идѣже великій во Пророцѣхъ, Іоаннъ, родися; на томъ мѣстѣ теперь церковь прекрасна стоитъ; въ тоіи церкви, по лѣвой сторонѣ, степеньми мало въ низъ пошедши, есть тое самое мѣсто, идѣже Св. Іоаннъ родися. Мѣсто тое всюду зѣло чистыми мраморными досками выслано, а по срединѣ сдѣлано отъ сребра велику звѣзду, идѣже отроча Св. Іоаннъ положенъ бысть, и тамо вси покланяются, и мѣсто оное лобызаютъ. И мы, святому тому мѣсту поклонившись, изыдохомъ оттуду: тамъ намъ, въ правой руцѣ, въ стѣнѣ, за кратою, показали той камень, на немъ же Св. Іоаннъ Предтеча сидѣлъ въ пустыни и проповѣдывалъ царствіе Божіе, глаголя: «Покайтеся: приблизи бо ся царствіе небесное.» Тамъ тая церковь прекрасна зѣло, вся вымощенна на земли чистымъ разноличнымъ мраморомъ; а гдѣ родися Св. Іоаннъ, тое мѣсто, по стѣнамъ и въ верхъ, дорогими матеріями выбито и фигурами дивими украшено. Много тамъ и кандилъ сребренныхъ безпрестанно горятъ, а при той церкви и монастырь

шаемъ бысть; и тая гора сама надъ ровнымъ стоитъ полемъ, остра и многочастная; на тую гору весьма ити страшно, а туда, гдѣ прежде монастырь былъ, туда путь весьма страшенъ и узокъ; тамо бо на иномъ мѣстѣ едва единъ человѣкъ рачки . проѣзти можетъ; оттуду якъ посмотришь внизъ, въ преглубокую дебрь и пропасть, то велий страхъ человѣка обыйметь, и единъ другому запрещаетъ па низъ смотрѣти; до того мѣста многіе ити не могли, боячись, и ворочались назадъ, иные среди пути, другіе при самомъ пути, верху горы (гдѣ и монастырь былъ) дойти мало не могли; я же, съ протчими смѣлѣйшими, уповая на Бога лѣзъ то руками, то ногами, со страхомъ, и долѣзши туда помалу, видѣли мѣсто тое, гдѣ прежде когдась и монастырь былъ и церковь изрядная, въ которомъ и до днесь на стѣнахъ иконное изображеніе имѣется, только жь церковь оная мѣстами развалилась. Тамо при насъ Франки мшу свою отправляли, тамо и мы, поклонившись, идѣже Христовы стоястѣ нозѣ, возвратихомся во свояси, гдѣ наше было стоялище. Тамо; въ правой руцѣ за горами, стоитъ жена Лотова, яже обратися въ столпъ, только жъ мы ея не бачили; бо насъ туда не водили. На томъ мѣстѣ двѣ ночи ночевали; въ другую ночь зѣло рано, мало не якъ о полночи, велѣно всѣмъ вставать и ити до Іордана; и идохомъ оттуду еще ровнымъ путемъ якъ три часа, и дойдохомъ до святаго Іордана во Страстный во Вторникъ, якъ только солнце стало сходить, и приближившися ко Іордану якъ на верстку, тогда поклонники учинили крикъ и топотъ отъ радости, единъ другою начатъ предваряти и бѣгати ко Іордану, кто какъ могъ; и ссѣдши съ коней, верблюдовъ и ослятъ, въ рѣку просто побѣгли, иной въ единой кошулѣ, а иной и въ одежде, неискусніи же въ плаваніи, верхомъ, единъ другого оцѣнивши, въ воду пущали; я же, списатель сего, въ плаваніи не искусенъ, наклонивши древо, сущее тамо на брезѣ, и оцѣпившись за верхъ руками, пустилъ въ воду, и въ той водѣ довольно измылся, благодаряще Бога. Тогда тамо нѣсть зрѣнія на лица; вси бо вкупѣ купаются, духовніи и мірстіи, мужи и жены; и заняли тогда въ рѣки мѣста якъ на верстку; только жь всякой вѣры особливо купались, а Турки вси со оружемъ на конехъ по берегамъ стояли, чтобъ Арапи оттуду на насъ не напали; мы въ той рѣцѣ полчаса измывались, а больше Турки не дали; бо старшіе Турки ждать не хотѣли и заразъ насъ всѣхъ повыгоняли. И такъ мы, измывшись и воды понабиравши, вспять возвратихомся, и гдѣ идучи до Іордана ночевали, тамъ опять мало не до вечера сидѣли, ради горючести солнечной; бо тамъ, гдѣ сядятъ, много палатокъ или наметокъ разбиваютъ, ради горячести:

а какъ поколодало, пошли мы оттуду во Іерусалимъ, такоже отъ Іерусалима до Іордана сицевымъ образомъ, и другого дни рано пришли во Іерусалимъ. Тамъ, за городомъ, многіи янычары, изшедши изъ города, Мусалима, а по нашему Полковника, стрѣтили, который съ ними ко Іордану ходилъ; много же изъ ружья и изъ великихъ пушекъ пальбы было, а мы по своимъ квартерамъ расходились. Долго намъ тая дорога въ памяти будетъ. Рѣка Іорданъ узкая, можно доброму человѣку и палицею перекинуть, только быстро идетъ; вода въ ней коломутна, и съ береговъ очеретомъ и деревомъ заросла по обимъ сторонамъ; она взялася отъ Тиверіадскаго моря, идетъ якъ на полудень и впадаетъ въ Содомское море. Туда, до святаго Іордана, идучи отъ Іерусалима, непремѣнно дать треба старшему Таржаману червоного, а за коня другого, кромѣ того что и Арапина того, котораго есть конь, кормить надобно.

Страстной Суботѣ, въ нюже бываетъ преславное знаменіе на Гробѣ Господнемъ.

Приспѣвшу Четвертку Страстной Недѣли, велѣно собираться всѣмъ паломникамъ въ церковь Царя Константина и Елены. Тамо, среди монастыря, три Архіереи съ протчими Священниками, маслосвятіе исправляли, и мазали всѣхъ насъ елеемъ святымъ; потомъ единъ Архіерей начальствующій всякому давалъ по двѣ великихъ свѣщей, якожде и Патріаршій Намѣстникъ давалъ разрѣшительныя Патріаршія листа, которыи мы тогда взяли, и отходили на квартеру; а того жъ дня о полуднѣ другій Архіерей предъ святою портою на дворѣ предверіемъ церкви умовеніе ногъ чинилъ, и было тамъ тѣсно тогда; всякой бо Вѣры народа было, Турки жь и Арапы на множество народа тамъ собираются. Въ Пятокъ же Страстной велѣно отъ монастыря всѣмъ поклонникамъ собираться во великую церковь. Тогда тамо, у дверехъ, Турки сдѣлали весьма малый входъ, токмо единому пройти, при томъ разбили и палатку, ради солнца, гдѣ начальнѣйшіи Турки, Іусалимъ, Ага и протчіе сидѣли, и янычары на обоихъ сторонахъ у входѣ стояли, которыи входящихъ по единцемъ удерживали и только смотрѣли, уплатилъ ли всякой за входъ до града и за Іорданъ деньги, и уплативши свободно ишли, а которыи не уплатили, тѣхъ обоемъ далече прогоняли; а платежи познаются, имѣя въ рукахъ своихъ, за печатью Турецкой руки; сіе же чинилось въ Пятокъ зранку до полудня, и мы въ Пятокъ еще вошли въ великую церковь и тамъ вечеряли, и въ ночи той слушали службу, потомъ надгробное

пѣніе, а гдѣ Іосифъ съ Никодимомъ, снявши съ креста Христово тѣло, плащаницею повивали, тамъ и проповѣдь проповѣдникъ говорилъ Греческимъ языкомъ, а потомъ за пришедшихъ на поклоненіе всѣхъ поклонниковъ многолѣтствіе чинили. Въ той церкви, не только поклонники, но и жители Іерусалимскіе отъ Пятка даже до Воскресенія сидѣли, а на седьмомъ часѣ, якъ вдарили въ било на вечерню въ Греческой церквѣ, тогда Турки вси увойшли въ церковь и заключили порту и всюду огнь погасили отъ гроба, и въ сей церкви и на горѣ Голгофѣ и двери до гроба запечатали, и сами Турки старшіи, а при нихъ и яничары многіи, стали при дверехъ гроба Господня, а другіи Турки, гдѣ якій могъ, въ гору высоко позлазили и ожидали времени онаго, въ которое возсіяетъ благодатъ Божія. Тѣмъ времянемъ въ Греческой церкви начали отправляти вечерню, и Архіерей начальствующій единъ выбранъ и устроенъ съ протчими Священниками въ олтарѣ, бяше ждуще времени инаго; не бяше бо самъ Патріархъ Святѣйшій тогда во Іерусалимѣ; и якъ стали парамѣй читать, тогда на гробѣ и около гроба Господня началъ являтися якъ темній и малый туманъ, и стало мало накрапати; бо церковь святая надъ гробомъ непокрытая, только что якъ сѣткою, дротомъ наведена. И оный туманець взялся отъ гроба, и якъ вдарило 8 часовъ (ибо часы въ церкви имѣются), тогда туманець оный поднялся мало въ гору до кандилъ, идѣже многое множество виситъ, и сталъ являтися огнь въ кандилахъ, аки бы свѣща горящій, во многихъ исходящъ аки бы молнія; тогда народъ, видячи таковое невидимое чудо, звали на многій часъ: «Κύριε ἐλέησον,» біючи перси своя и отъ радости вопити; и Турки, сущіи тамо, такожде стали кричати: «Аллахъ! Аллахъ! сіе сть: «Боже Боже великій, дивнаго въ чудесѣхъ Бога!» Архіерей же, сущій тамо въ церкви, въ олтарѣ (ибо тамъ устроенъ), ждущій времени сего, многъ отъ народа гласъ слышащъ, и тое видѣвъ чудо, тече скоро со Священники отъ олтаря къ гробу Господню, заразъ ему ко гробу Турки отворили, и внійде въ онь Архіерей Божій, Священницы же и иноки, съ многими хоругвями, обступили окрестъ гробъ Господень и начали чинитъ процесію съ молебнымъ пѣніемъ около гроба Господня; внутрь же, идѣже гробъ, никого болѣе не пускаютъ, кромѣ Архіерея Греческаго, еще же Арменска Архіерея въ первую комору идѣже камень отваленъ лежитъ, впустили, и то онъ накуповуетъ у Турковъ, чтобъ, стоячи въ народѣ, ему не толь было срамно, чтобъ ему такой благодати испросить отъ Господа, яко злочестивому, нельзя. Стоятъ же тамо и Турки начальнѣйшіе при дверехъ гроба, ожидающіе имѣющей на гробѣ Господнемъ благодати; стоятъ они приницающіе

ародн же вси, сущіи тамо, съ плачемъ и воплемъ вопіютъ: «Κύριε ἐλέη-
ον,» молятъ Бога, преподати благодать на гробъ. Арапскіе же дѣти,
алые и великіе, въ вечеру въ Пятокъ и въ Суботу, даже до явленія,
инъ другого великимъ гуртомъ, ovaго на ремнѣ, иного за руцѣ и
озѣ взявши, около гроба носили, и бѣгали и разно претворялись, и
еликимъ гласомъ, яко ниже слышати что можно, вопіяху своимъ
зыкомъ: «Господи, помилуй! Господи, пошли, въ видѣ огненномъ, на
робъ твой святый съ небеси благодать твою святую!» а другіи во-
іяху: «Да будетъ проклятъ, анаѳема, иже не вѣруетъ пришествію
ятаго Духа во пламени огненномъ на гробъ Господень!» Сіе же чи-
или въ Пятокъ и Суботу, въ день и въ ночи, даже до пришествія
ня на гробъ, и сей обычай они имѣютъ (сказовали они намъ)
ще отъ Царицы Елены. Приспѣвшу же 8 часу въ Суботу (яко же
режде рѣхъ), бысть отъ всѣхъ ко Богу прилѣжна молитва, во еже на
робѣ возсіяти благодати. Тогда, отцы и братія, явлшійся на многихъ
ндилахъ огнь невидимъ бысть; взятся бо невидимо ко гробу Гос-
одню, и тамо кандила зажже, и разліяся на гробъ Господень аки
да, яко же речено бысть намъ. Тогда сущій тамо внутрь Архіерей
ожій, благодаря Бога со благодатію, оный пламень изнесшею, великое
ндило, на то нарочно устроенное, зажигаетъ, и три великія запа-
въ пуки свѣщей, единъ подаетъ Арменскому Архіерею пукъ, съ
ома изшедъ, тече скоро во олтарь, имѣя распростерти руки, чтобъ
роду удобнѣйше можно запалить свѣщи; бо всякъ человѣкъ имѣетъ
рукахъ великій пукъ свѣчокъ, и тіи свѣчи запаляетъ тогда, когда
ріархъ, или Архіерей, изыйде отъ гроба Господня. Тамъ, при две-
хъ, два чернеца великіи, стоящіи въ великихъ епанчахъ, только взя-
Архіерея подъ руки и несли даже до олтаря. И Турки, такожде
самихъ епанчахъ, по обонмъ сторонамъ ишли съ плетьми, и лю-
й били, чтобъ не толпилися и не удавляли Архіерея; безчисленный
тогда народъ въ церквѣ собирается, и всякъ тогда готовъ и на
ы, только дабы могъ свѣщи запалити, тое едино себѣ за щастіе
ли. Тогда Архіерей Божій со многимъ трудомъ, въ потѣ лица, едва
олтарь внійде, и какая въ народѣ тогда бысть радость, сказать не
жно; оный бо огнь бяше паче естественнаго, ниже опаляющъ, ни-
жгущъ, точею увеселяющъ, и тотъ огнь якъ на полквадранца от-
ь не печетъ, только якъ бы якій вѣтрецъ теплохладній бываетъ,
осиневатый взоромъ, претворяется же въ естественный огнь тѣмъ
емъ, когда поклонники и жители тамошніи запалили свѣчи и стали
церкви бѣгати съ великой радости, то по церкви, не яко свѣщи го-
ть, но яко самій пламень отъ многаго народа, имущаго запаленныя

свѣчи, разливающеся. Когда бо и Архіерей изійшолъ отъ гроба Господня, то съ дверей, аки отъ пещи, ударилъ необычайный на церковь огнь; по исхожденіи же Архіерея съ тѣмъ огнемъ, старшему Турчину 3 поклонники дали по два червонныхъ, дабы имъ напередъ отъ всѣхъ повелѣно внѣйти и поклонитись живоприемному гробу Господню заразъ по исхожденіи Архіерейскомъ, и тіи намъ свидѣтельствовали, что еще мало застали на гробѣ Господнемъ, и гробъ тогда еще весь былъ въ новѣ, по которыхъ и другихъ, и другіе такожде хотячи еще мало видѣти тое, давали Турчину по червоному и по талеру по сихъ, только жь сіи ни чего не видѣли. И стояли тамъ при дверехъ Господнихъ, Турецкая стража отъ времени онаго даж до другого дня, чрезъ всю ночь, и брали отъ всякой души, яко же прежде рѣхъ, первѣе по червоному, таже по талеру, послѣ полъ, таж поменьше, покамѣстъ не стали толпитись. Тогда отошла Турецка стража, и свободно уже всякъ приходилъ, и покланялся; тамо и м внутрь церкви, отъ Пятка до Свѣтлаго Дня, сидѣли, и кто ѣсти хотѣлъ куповалъ хлѣбъ, что при дверехъ церковнихъ продается, сквозь, в церквѣ, устроенными на то въ дверехъ, малыми дирами. Въ день свѣтлый Воскресенія Христова во утренни Турки велѣли всѣмъ нам ити на трапезу въ Патріаршій монастырь гдѣ насъ поздравляли с праздникомъ и добрѣ гостили; а когда стали трапезовати, то Турки съ барабаннымъ боемъ, сурмами и играми пришли, и играли чрез всю трапезу, поздравляючи поклонико въ съ праздникомъ и огня пришествіемъ, гдѣ мы потрапезовавши, паки по своимъ квартерамъ расходились.

И сидѣди мы въ Іерусалимѣ до Фоминой недѣли, и той недѣли въ Понедѣльникъ всюду по улицамъ съ хоругвями, дающе вѣсть дабы всякъ поклонникъ готовъ былъ на другой день исходити рано до Іопіи, и во Второкъ зѣло Турковъ, а наипаче Араповъ премного множество отвсюду по улицамъ съ коньми, верблюдами, ослятами мулами стало, тамо которыхъ поклонниковъ сажали, и кто что захватитъ, или гдѣ посажено, на томъ въ скорости за городъ всякъ исходилъ, а кто хотѣлъ пѣшъ ити, тыхъ нещадно были, претячи саблями и обнаженными ножами, и силой на свой скотъ, своего ради добытку сажали. И тако за городъ выходили, единъ по единому, и ждали там покамѣстъ вси поклонники, Греки, Армяне, Франки и протчіи за го родъ повыѣздили, и въ купу собирались, и граждане Іерусалимскіе многое множество отъ всякаго народу, за городъ повыходили, и стояли по обоимъ сторонамъ, смотрячи, провожаючи поклонниковъ туда, з городъ. И Греческій Патріаршій Намѣстникъ, со всѣми Архіерей, изы шли за городъ, миръ намъ и благословеніе дающи и желающи ща

славаго пути. Тогда великое умиленіе всѣхъ бысть; понеже всякъ, посмотрѣвъ на святый градъ Іерусалимъ, покивая главою и умильно взывая: «Іерусалиме!» Іерусалиме и пр., уже мы тебе больше не будемъ видѣти!» и тако отходили съ немалымъ сожалѣніемъ. А когда вси уже собрались за городомъ въ купу, тогда Агазій, сіе есть, Сотникъ, со многимъ Турецкимъ и Арапскимъ войскомъ и съ хоругвями многими, окруживши всѣхъ насъ, начали строй чинити обычнымъ образомъ, и велѣно заразъ по переду сидящимъ на верблюдахъ ступать, таже за конехъ, ослятѣхъ и мулехъ, и протчая, яко же до Іерусалима вышли, на села Еммаусъ, на Рéмель, до Іоппіи. Въ тѣхъ селахъ, якъ туда шучи, такъ и обратно, платили, туда отъ человѣка и оттуду по три талера. Во Іоппію же пришедши, стояли и тамъ еще двѣ недѣли въ Божогробскомъ подворьи, поки Французы пришли кораблями по поклонниковъ, Турчину не уплатили надлежащихъ денегъ, и меклу собою не сошлись; бо они отъ корабля, которій будетъ больше поклонниковъ имѣть, тотъ больше, а который меньше, тотъ меньше, платитъ, всѣхъ же кораблей великихъ зѣло было осьмнадесять, отъ которыхъ Франки корабленники три тысячи талерей заплатили, сами же отъ всякой души за корабль брали по семьнадцать левовъ или талерей, и тіи корабли, когда кому куда ити треба, отходили: иной корабль въ Царьградъ, другій въ Солунь, а иншій по другимъ городамъ и островамъ: мы же всѣдохомъ въ корабль, пловущъ во святую Аѳонскую Гору, за которой, яко же прежде рѣхъ, дали мы отъ всякой души по осьмнадесять талерей, и плаваніе творити начахомъ отъ Іоппіи, идохомъ мимо веси Кесаріи Филиповы, и пріидохомъ на Кармильскую Гору, на ней же Святый Пророкъ Илія закла жрецовъ Езавелійскихъ триста и семьдесятъ; и тая гора стоитъ недалеко отъ града Назарета и отъ горы Фаворской, на ней же Христосъ преобразися, близъ моря Тиверіадскаго. Таже не по многихъ днехъ прійдохомъ въ Сиръ: тутъ и гробъ четвородневнаго Лазаря въ монастырѣ стоитъ; оттуду ишли мы мимо Анатоліи, на Мирликію, идѣже Святитель Христовъ Николай Епископъ бяше, таже на Финикію, и по Тиру идохомъ, и оставивше оныя, идохом ъна великое море до Родоса; тутъ насъ разбойники, Малтизи зовеміи, напали, только жь ни чего не чинили и не пакостили, кромѣ что взяли съ насъ съ ведерко масла деревяннаго, и то они тамъ не пакостятъ, що всегда на кораблѣхъ, которыми хажіи идутъ, Капетане Французы имѣются, которіи въ той же, въ кой и оны, религіи находятся и имѣютъ между

собою дружество; а буде ли они Мальтези усмотрятъ гдѣ на морѣ Турецкое судно, то не только все заберутъ, но еще и Турокъ побьютъ, и корабль спалятъ; понеже они въ томъ наипаче обрѣтаются, чтобъ пакость якую къ ущербу Турецкому сдѣлать Царству, а себѣ корысть. Однако и мы покамѣсть отъ нихъ нашъ Капитанъ не отбувъ, въ немаломъ страху были вси. Другая бѣда паки насъ тогда же постигла была, когда уже воды на кораблѣ не стало; тогда, аще бы хажію и насъ Господь не помиловалъ, обычнымъ своимъ милосердіемъ, и въ островъ, невѣдомо якій, занесъ былъ нашъ корабль, умрети бы не единому предлежало. Въ томъ островѣ понабравши мы воды довольно въ бочки, пустихомся на море, и плыхомъ до пререченнаго Родоса; оттуду пойдохомъ въ Константинополь, тоже островъ, о немъ же воспоминается въ Дѣяніяхъ Святыхъ Апостол. и пристахомъ противу Хіо; таже идохомъ нѣсколько дній оттуду на Милну островъ, гдѣ превеликую нужду терпѣли; понеже корабль нашъ, сущу вѣтру противну, вспять носимъ бысть; ибо качашеся зѣло и низпадаше, яко же мнѣти намъ, уже погруженнымъ быти, протчее и спасенія надежда отнимашеся. Еще низпустивши паруса, носими быхомъ два дни и двѣ ночи около святой Аѳонской Горы; третьяго же дня, сущу постоянну вѣтрецу, пріидохомъ во святую Аѳонскую Гору, и тамо отъ корабля изійдохомъ благополучно, протчіи же въ кораблѣхъ отійдоша въ Солунь. Мы же, пребывше въ святой Аѳонской Горѣ нѣкое время, и идохомъ въ Болгарскую землю, но на Царьградъ боялися ити, понеже тогда превеликая чума всюду по островамъ, а наипаче въ Царѣградѣ, прокинулась, и бысть великій тогда моръ; того ради мы ити черезъ Болгарскую землю принуждены. Идучи отъ Святой Горы пѣшими ногами 4 дни, деручись по великихъ горахъ, дойдохомъ города, Сересъ, гдѣ бавелна [80] родится, и съ того бо тамъ Турки тамошніи наипаче и промыслъ имѣютъ, и всюду на полѣ много бавелни такъ, якъ у насъ гречки, или другую пашню жнутъ; и городъ сей зѣло великъ и многолюденъ; туда отвсюду купецъ доходитъ, и за скотъ купить и продать можно. Торжица тамъ превеликіи, и купцовъ, что въ лавкахъ сидятъ, превеликая сила, Турковъ, Арменовъ, Болгаровъ и другого народу премного. Мы въ томъ городѣ тиждень сидѣли, пока людей нашли, съ которыми далѣе бы пройти можно; ибо въ той землѣ не можно отъ разбою и отъ злыхъ Турковъ безъ пакости жадною мѣрою ни мало пройти. Оттудова мы ишли и съ людьми до города Невракова

[80] Хлопокъ бумаги

полтретя дня, а отъ Невракопа до Разлогу два дня; тамъ, близъ Разлогу, вода горючая, которая подъ горами отъ камени истекаетъ и якъ въ конобѣ катитъ, въ которой водѣ ни на едину малѣйшую минуту перста не можно удержати; и тая вода кипящая отъ камени истекаетъ, только на многихъ мѣстахъ и въ гору ключами бьетъ, и великая пара исходитъ оттуду, и вода оная червеная, якъ бы кровавая, и говорятъ Болгары и вси тамо живущіи окрестныи, тамо во главу усѣченна бысть Святая Варвара Великомученица непремѣнно, близъ того мѣста и знаменіе есть, идѣже купель бяше отъ камене, и оттудова якъ на полудень на верстку есть знаменіе, гдѣ городъ былъ, и сказуютъ, что Неаполь бяше городъ, о немъ же въ Житіи Варвары вспоминается, и вода, сказуютъ, отъ того времени стала кровавая, когда во главу усѣченна бысть Варвара отъ отца Діоскора своего, и когда кровь ея на оный камень изійде, то и до нынѣ чудесно весьма истекаетъ. Туда отъ всѣхъ селъ близкихъ исходятъ вси люди съ процесіею и молебствіемъ въ день Святыя Варвары, и празднуютъ весь день тотъ; сіе же на всякое лѣто творятъ; мнѣ не только протопіе, но и сами Священники сказовали о всемъ томъ, и мене туда отъ села Разлога единъ хажѣй Болгаринъ, который со мною во Іерусалимѣ былъ, своимъ конемъ возилъ нарочно, чему много я чудился, ю ради горючести, не можно было измиться, а отъ далече стоя истекшеюся тамо водою и мало студеною, измыхся и пихъ благополучно, простожуючи, славля Бога. При самой же той водѣ и рѣка быстрая течетъ студена; тамъ мы мало не цѣлый день сидѣли, и паки возвратившись во свояси. И идохъ я еще отъ Разлога полтора дня до Рыльскаго монастыря; и сюда я идучи пѣшъ, видалъ горы превеликіе, съ которыхъ верховъ, за высокими облаками, видѣти не можно, и яры и пропасти преглубокіе; и все тамъ то съ горы, то въ низъ, ити треба; а съ самаго верху тыхъ горъ всюду вода холодна и здрава истекаетъ, которая, совокупившись близъ Рыльскаго монастыря, немалую дѣлаетъ рѣку. Въ томъ Рыльскомъ моностырѣ и мощи Преподобнаго отца Іоанна Рыльскаго, и монастырь онъ хорошъ, во всемъ доволенъ молитвами Преподобнаго; въ немъ зданіе пречудно, братій въ немъ довольно; стоитъ же онъ весьма на приличномъ мѣстѣ и красномъ; въ томъ же монастырѣ и я цѣлой тиждень просидѣлъ, и поклонихся мощамъ, и идохъ до града Самакова единъ день; оттуду до Европоля 3 дни; отъ Европоля до Плевена 2 дни; отъ Плевена [31] до Шистова 4 дни. Тутъ идетъ рѣка Дунай; тамъ у мене два рази Турки

[31] Или Пловдина, т. е., Филиппополя. О. Б.

взяли по червонному; бо они отъ чернуя всяко берутъ тамъ всели по червонному; а ежели который не имѣетъ; тѣхъ на другую сторону не пропущаютъ; отъ прочихъ же людей ничего не берутъ, только що за перевозъ по парѣ, то есть, по три денежки; и не только тамъ берутъ по червонному отъ чернеца, или Жида, но и вездѣ нат Дунаемъ, и тогда перевозится. И я тамъ обще не хотя давши червонь, идохъ съ купцами въ Мултянщину 4 дня до столичнаго города Мултянска, Букурештъ, гдѣ Господарь или Воевода живетъ. Сей городъ между первѣйшими городами считать можно; весьма бо красенъ собою, великъ и во всемъ доволенъ; туда купцы отвсюду приходятъ, съ Турещины, Болгаріи, Венеціи, Россіи, и другихъ земель; монастырей въ немъ премного каменныхъ изрядныхъ, и приходскихъ церковь много въ немъ есть; всюду зданіе пречудно, хоромы высоки и пресвѣтлы, и такова города, сколько я ни ходилъ, нам видѣлъ; зѣло бо красенъ и веселъ, и построенъ чинно, валовъ или тамо замковъ не имѣется; бо Турки не даютъ имъ строити. Въ семъ городѣ и я нѣсколько дней посидѣвши, пошолъ оттудова до Буза,[32] и шолъ 2 дни; оттуда до Рымника день единъ; отъ Рымника до Фокшанъ день единъ. Сей городъ, Фокшанъ, граничитъ между Волошиною и Мултянскою землею, и половина города Мултянская, а половина Волоская, и въ семъ городѣ также купечество доходно и между средними городами его и щитать можно; раздѣляетъ же его на двое текущая рѣчка, которую и перескочить мѣстами можно; въ семъ городѣ два дня я сидѣлъ, а оттудова ишолъ до Джумая[33] полтора дня; отъ Джумая до Бакова два дни; тутъ сливъ у горохъ премного; туда изъ Кіева ходятъ по сливи, а по вино ходятъ до Волошскаго города Фокшанъ да Букурешта, и оттуду провозятъ всюду Волоское вино. И отъ Бакова ишолъ я день единъ до Романа, по семъ до столичнаго города Яссы. Сей городъ великъ, купечества въ немъ много, монастырей 7, а приходскихъ церквей немного; тамъ, въ монастырѣ Святыхъ Трехъ Святителей мощи, и Параскевіи, ея же память Октября 14 дня; въ семъ городѣ Волоскій Воевода живетъ. А идучи въ Мултянскую землю рѣчки суть сіи: Серетъ. Молдава, Быстрица, Протуша путная, а по сей сторонѣ Прутъ. Въ Яссахъ я два дни сидѣлъ и, поклонившись мощамъ, паки яхся наиѣреннаго пути къ отечеству, до Могилева дней пять, шесть, и пришелъ въ Могилевъ противъ праздника Покрова Пречистой Богородицы, и

---

[32] Бузео. О. Б.

[33] Аджудъ? О. Б.

ярмарокъ; тогда тамъ ярмарокъ собирается великій, и Могилевъ стоитъ надъ самымъ Днѣстромъ, мѣстечко нехудое, Жидовъ проклятыхъ довольно; тотъ ярмарокъ и славенъ только что Жидами; бо въ нихъ, поганцовъ, всякіе вещи продаются, и горѣлка тамъ весьма дешева. А отъ Могилева ишолъ до Шаргорода два дни; оттуду до города Мерехвы полдня; [34] по семъ до города Краснова [35] два дни; таже до города Немирова полтора дня; до Паволокъ [36] 3 дня, до Фастова и до Васильгова, до граничнаго города, оттуду до Кіева шесть миль. И пришелъ въ Кіевъ предъ Пилиповкою, Ноября 12, 1751; [37] ношолъ же съ Кіева до Іерусалима 1749 года. И въ Кіевъ пришедши до Угодниковъ Божіихъ, и поклонѣвшись иконѣ чудотворной Пресвятой Богородицы, и иконѣ Святителю Христову Николаю, иже во великой церкви, и главѣ Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра, такожде и мощамъ Первомученика Стефана, и Преподобнымъ Отцемъ Печерскимъ ближнія и дальнія пещеры, такожде и Святой Великомученицѣ Варварѣ, почивающей въ нетлѣнномъ своемъ преславномъ тѣлѣ, въ Золотоверхнемъ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, въ церкви Святаго Архистратига Михаила, и Святителя Священномученика Макарія, иже въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ, и походилъ по монастырямъ и по пещерамъ, руками Святыхъ сдѣланнымъ печерскихъ; видѣхъ же святые проточивые главы, и поклоняхся, и испросихъ отъ водящаго дать отъ святаго оного мира помазити очи свои; миро же оное отъ главъ и костей Святыхъ только истекаетъ. Благодаривъ же Творца моего, и Пречистую его Матерь, и Святыхъ его Угодниковъ, яко сподобихся и я, всѣхъ послѣднѣйшій, святый его градъ Іерусалимъ видѣти и поклонитись живоприемному его Гробу, и протчимъ Святымъ, плотію и кровію Христовою освященнымъ, и паки во свое отечество благополучно возвратихся; Ему же отъ мене, непотребнаго и грѣшнаго раба, монаха Серапіона, о всѣхъ и за всѣхъ да будетъ величіе, честь и слава, благодареніе и поклоненіе, нынѣ и въ будущіе нескончаемые вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[34] Нынѣ, на картѣ Подольской Губерніи Ильина, неправильно МураФа. Мерехвъ двѣ: Старая и Новая, одна возлѣ другой. О. Б.

[35] Нынѣ Красное, той же Губерніи. О. Б.

[36] Паволочь, Кіевской Губерніи. О. Б.

[37] Этотъ «Путникъ инока Матронинскаго монастыря, Кіевской Губерніи, Серапіона, собственно принадлежитъ къ паломникамъ послѣпетровскаго времени (1749—1751), и присоединенъ къ паломникамъ времени Петровскаго какъ дополненіе. Своей обстоятельностью и полнотой онъ далеко превышаетъ паломниковъ Петровскихъ. О. Б.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ СЛОВЦОВЪ.

Въ 4-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1871 года, напечатана статья покойнаго Николая Алексѣевича Абрамова: «Петръ Андреевичъ Словцовъ.» Препровождаю въ редакцію сихъ «Чтеній», довольно давно уже составленное мною, дополненіе къ той статьѣ, на основаніи вновь открывшихся матеріяловъ и собственныхъ воспоминаній о Словцовѣ. Въ свое время я имѣлъ счастіе пользоваться вниманіемъ Петра Андреевича: онъ, въ 30-тыхъ годахъ и началѣ 40-выхъ, жилъ, въ отставкѣ, въ Тобольской Семинаріи (1838—48 г.).

Законоучитель Сибирской Военной Гимназіи
Протоіерей **Александръ Сулоцкій**.

15 Февраля, 1872 г.
Омскъ.

Петръ Андреевичъ Словцовъ, лицо замѣчательное и вообще для Россіи, а въ особенности для Сибири. Петръ Андреевичъ—Сибирскій уроженецъ; онъ и образованіе получилъ, по крайней мѣрѣ, первоначальное и среднее, въ одномъ изъ Сибирскихъ учебныхъ заведеній (въ Тобольской Семинаріи), и служилъ, исключая 14, или 15, лѣтъ, все въ Сибири, и ей своею службою принесъ весьма значительную пользу; да и писалъ онъ наиболѣе о Сибири: «Письма изъ Сибири» (1826 г.); «Прогулки вокругъ Тобольска въ 1830 году,» и въ особенности: «Историческое обозрѣніе Сибири» (въ двухъ большихъ книгахъ 1838 и 1844 гг.), навсегда останутся памятникомъ любви Петра Андреевича къ родинѣ, а и того еще болѣе отличнаго его знанія ея въ историческомъ, географическомъ, статистическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Словцовъ учился и служилъ вмѣстѣ съ Михайломъ Михайловичемъ Сперанскимъ въ высшей Александроневской Семинаріи, переименованной за тѣмъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Сле-

ранскій во всю жизнь велъ со Словцовымъ переписку [1] (хотя и не частую), былъ его искренній другъ и, когда доводилось ему дѣлать о немъ отзывы, всегда отзывался о немъ, объ его способностяхъ и нравственныхъ качествахъ, съ особенною похвалою. [2] Къ тому же, сочиненія Словцова о Сибири, особенно его «Историческое обозрѣніе Сибири,» дороги, занимательны, не только для однихъ Сибиряковъ, а и для всѣхъ Русскихъ, для всѣхъ любителей знаній географическихъ и историческихъ, особенно по части нашего отечества.

Біографія Петра Андреевича, подъ названіемъ: «Петръ Андреевичъ Словцовъ,» составленная покойнымъ Н. А. Абрамовымъ, напечатана въ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1858 г. (№ 34, стр. 547—556), а въ послѣднее время и въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.» Біографія эта дѣльная и обстоятельная, но, съ теченіемъ времени, открывались, и до сихъ поръ открываются, новые матеріялы для жизнеописанія Петра Андреевича, которыхъ покойный его біографъ не имѣлъ подъ руками и которые ему не были извѣстны. Пользуясь такими матеріялами и собственными воспоминаніями о Петрѣ Андреевичѣ,

---

[1] Нѣкоторыя изъ писемъ Сперанскаго къ Словцову напечатаны въ Москвитянинѣ 1844 года, ч. 5, и въ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1858 г. № 34.

[2] Отзывы Сперанскаго о нравственныхъ и служебныхъ качествахъ Словцова читающій увидитъ въ концѣ этой статьи; а какъ Сперанскій отзывался о способностяхъ Словцова (въ этомъ отношеніи онъ ставилъ его выше себя — послѣднее, разумѣется, изъ скромности, изъ деликатности), о томъ пишущему неоднократно случалось слышать (въ 1843—45 г.) отъ Тобольскаго Преосвященнаго Владимира, а этотъ слышалъ тѣ отзывы изъ устъ самаго Сперанскаго, который Преосвященнаго Владимира, какъ человѣка дѣльнаго, какъ земляка и дальняго родственника своего, въ бытность его Инспекторомъ Петербургской Семинаріи (въ 1827—29 г.), а также и во время его хиротоніи въ С.-Петербургѣ (въ Генв. 1835 г.), принималъ всегда ласково и бесѣдовалъ съ нимъ запросто, откровенно И вотъ причина, по которой Преосвященный, прибывши (въ Генв. 1843 г.) въ Тобольскъ, непремѣнно желалъ покороче познакомиться со Словцовымъ; но Словцовъ былъ тогда уже при смерти, и только одинъ разъ могъ принять его къ себѣ. По той же причинѣ Преосв. Владимиръ, когда Словцовъ померъ (28 Марта, 1843 г.), по собственному вызову отпѣвалъ его, предъ отпѣваніемъ совершалъ по немъ заупокойную литургію и говорилъ прекрасную проповѣдь (изъ текста: «Лазарь, другъ нашъ, успе»), и провожалъ его пѣшкомъ, тоня, по весеннему времени, по колѣно въ снѣгу, какъ отъ квартиры покойника до собора, такъ и отъ собора до кладбища, что будетъ болѣе двухъ верстъ.

постараюсь сдѣлать дополненіе, или поясненіе, къ написанному о Словцовѣ Г-мъ. Абрамовымъ.

I.

Есть слухъ, что настоящая фамилія Петра Андреевича была не Словцовъ, отъ слова словцо, а Слопцовъ, отъ слопецъ, ловушка, какую Сибирскіе охотники-простолюдины ставятъ съ приправой на мелкихъ звѣрковъ. [3] Перемѣну въ фамиліи, вѣроятно, сдѣлалъ какой ни будь Малороссъ, или Великороссъ, Ректоръ, либо Префектъ, Тобольской Семинаріи, для благозвучія, что они въ старые годы съ Сибирскими Семинаристами и другими дѣлали довольно часто, переименовывая изъ Дергачевыхъ въ Арамильскихъ, изъ Мясоѣдовыхъ въ Мансветовыхъ, изъ Тыжновыхъ въ Милославовыхъ, изъ Поповыхъ въ Веніяминовыхъ, Бенкогеновъ, изъ Дерябиныхъ въ Цвѣтковыхъ, изъ Хнюниныхъ въ Боголюбскихъ, изъ Серебренниковыхъ въ Аргентовскихъ, и пр. и пр.

II.

Н. А. Абрамовъ, разсказывая о томъ, какъ, за одну проповѣдь, «съ смѣлымъ сужденіемъ о нѣкоторыхъ современныхъ (конца XVIII столѣтія) знаменитостяхъ,» произнесенную въ 1793 году, въ Тобольскомъ каѳедральномъ соборѣ, Словцовъ, по распоряженію мѣстныхъ гражданскихъ властей, былъ взятъ и, вмѣстѣ съ проповѣдью, отправленъ, для суда, въ С.-Петербургъ, замѣчаетъ, въ слѣдъ за тогдашнимъ Архіепископомъ Тобольскимъ Варлаамомъ 1-мъ, что «вольность мыслей и неопытность заставили молодаго человѣка Словцова преступить границы скромности.» [4] Правда, съ своей стороны замѣчу и я, что Петръ Андреевичъ, по нѣкоторомъ искусѣ въ Валаамскомъ монастырѣ, по переводѣ (съ Латинскаго языка) имъ тамъ одной душеполезной книги, и по объясненіи говоренной имъ въ Тобольскѣ проповѣди, а главное при сильномъ ходатайствѣ брата Тобольскаго Преосвященнаго (добрѣйшаго тогдашняго С.-Петербургскаго Митрополита, Гавріила), признанъ и

---

[3] Ловушка эта, помнится, состоитъ изъ двухъ, довольно тяжеловѣсныхъ, плашекъ, изъ которыхъ верхняя, когда звѣрокъ начинаетъ лакомиться приправой, падаетъ на него и придавляетъ или схлопываетъ, прихлопываетъ его къ нижней плашкѣ.

[4] Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., № 34, стр. 548.

столько виновнымъ, сколько ученымъ и непонятымъ Тобольскими слушателями, и особенно властями, даже повышенъ противъ прежняго, оставленъ въ Петербургѣ, и тамъ назначенъ Преподавателемъ Краснорѣчія въ Высшей Александроневской Семинаріи, вскорѣ послѣ того переименованной въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Но, при всемъ томъ, вольность мыслей, не только политическая, а и религіозная, въ Петрѣ Андреевичѣ была. И вотъ этому доказательство: пишущій разъ (это было, помнится, въ 1842 году) засталъ Петра Андреевича за чтеніемъ «Опыта о божественности Новаго Завѣта,» Бока. Естественно, что разговоръ у насъ начался съ этого писателя, съ того, какъ онъ хорошо защищаетъ повѣствуемое во святыхъ Евангеліяхъ и вообще въ Новомъ Завѣтѣ, и какъ онъ основательно опровергаетъ новѣйшихъ вольнодумцевъ-раціоналистовъ. Тутъ Петръ Андреевичъ, не обинуясь, сказалъ о себѣ: «А, вѣдь, этимъ душкомъ (раціонализмомъ, вольномысліемъ) прежде пахло и отъ меня.» Къ счастію, вольномысліе неглубоко проникло въ душу Петра Андреевича, да должно быть, оно недолго и владѣло ей. По крайней мѣрѣ, не задолго, до извѣстной уже намъ, катастрофы съ нимъ въ Тобольскѣ, т. е., до ареста и отправки его въ Петербургъ, онъ вотъ что говорилъ въ Тобольскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ словѣ на Преображеніе Господне:

«Разсмотримъ, каково бываетъ вліяніе разума на человѣка. Это правда, что нашъ воображаемый человѣкъ, котораго философія выводитъ, приготовленъ къ непорочности, наставленъ въ благородныхъ, къ человѣчеству чуствахъ, чуждъ предразсудковъ суевѣрія, хладнокровенъ къ служенію, исполненъ высокихъ и почтительныхъ о Божествѣ понятій. Хотя сей поманкой разсудокъ и блещетъ надъ воображеніемъ, но въ немъ должно удивляться болѣе изображенію ихъ дара, нежели изображенію человѣка. Тамъ много обѣщаютъ, но ожидать позволено мало. Тамъ образуютъ намѣренія обширныя, но средства предлагаются несоотвѣтственныя. Знаю, что тѣмъ оскорбляются ваши, Слушатели, понятія и почтеніе къ безмѣрнымъ умамъ, но должно ли произведенія воображенія вовсе предпочитать произведеніямъ справедливымъ и точнымъ? И мы имѣемъ несравненный подлинникъ о человѣкѣ. Человѣкъ, коего возставляетъ Евангеліе, воодушевленъ добродѣтелями почти и райскими, проникнутъ святымъ одушевленіемъ, привязанъ къ олтарю и служенію, упоенъ благоговѣйнымъ энтузіазмомъ къ Создателю, презорчивъ къ отличію свѣта, исполненъ небесныхъ обѣтованій. Вотъ черты, подъ которыми должно писать

человѣка. Однако жь, не довольствуясь симъ изображеніемъ, разумъ человѣческій мыслилъ переправить его онымъ, которымъ научался, что предпріимчивость религіи дѣлаетъ новые шаги въ заблужденіи; дѣяніямъ дерзкимъ дававая видъ отважныхъ, и отважнымъ благородныхъ, онъ мыслилъ умножить число добродѣтельныхъ злодѣевъ. Итакъ, когда хитрый Махіавель, за смѣлыя противорѣчія въ политикѣ, почти названъ законодателемъ... когда великіе налоги, прикрывшись едиными цвѣтами отважности, заслужили почтенный отзывъ; когда самый развратъ шествуетъ подъ знаменами философіи, то какого несчастія должно было ожидать въ нравахъ? И свершилось: уже всѣ тонкія страсти, всѣ черныя коварства, всѣ пороки, и сей ужасъ пороковъ, отъ котораго вся кровь волнуется,—самоубійство, и самоубійство стало позволительнымъ. Такъ всѣ почти дикіе пороки, на которые не дерзаетъ чернь, проповѣданы въ писаніяхъ просвѣщенныхъ. Пройдите бытописанія, прочтите жизни мудрецовъ, вы замѣтите, что каждый изъ нихъ отъ порочнаго до добродѣтельнаго, отъ Епикура даже до Сократа, каждый поддерживалъ какое ни будь мнѣніе, не совмѣстное со святостію народнаго нравоученія. Но вы не внемлите; вы, очарованные вашимъ просвѣщеніемъ, мните, яко все сіе суть злобныя укоризны. Такъ зримъ страшное явленіе: се является толпа просвѣщенныхъ исполиновъ, вознамѣрившихся низвергнуть тѣ памятники, предъ которыми благоговѣютъ смертные. Беззаконные ихъ умы нарушаютъ тѣ неприкосновенные уставы, кои сами небеса во времена святыя поручили человѣческимъ сынамъ. Се вѣра оклеветанная, оскорбленная, уязвленная, взываетъ къ своему Отцу. Ей не помогли чудеса и таинства, сіи священные туманы, въ которыхъ скрывается свѣтъ Вышняго. Окончимъ картину. Уже олтарь заглушенъ безбожнымъ воплемъ, уже огни жертвенные угасаютъ, уже богослуженіе колеблется, и самаго Бога изгоняютъ изъ вселенной. Прости, великій Боже, слабой твари, что она, въ безумін своемъ, дерзнула противу Тебя возстать!... Если доказано, что одна вѣра есть сія счастливая цѣпь, которая связуетъ безъ ропота будущія волны народа, то играть ею не есть ли потрясать основу правительства? Бѣдственное противорѣчіе, въ которое обыкновенно вводитъ вольнодумство! Что убо значитъ «премудръ, что книжникъ, что совопросникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего?» (1 Кор. I, 20). Дерзнемъ сказать откровенно, что ввести самыя великія заблужденія честь предоставлена была, кажется, единому только разуму. Довольно чувствуетъ политика, сколько опасно поблажнять самолюбивымъ затѣямъ мудрецовъ. Ибо тогда, какъ философія начала восимтывать

гражданина, вывела его права изъ состоянія естественнаго, коего слѣды остались только въ баснѣ и ситемѣ; пропустимъ то, что одни догадки тамъ были поставлены за начала: она живымъ и впечатлительнымъ голосомъ прочитала ему уроки вольностей, внушила ненависть къ человѣкамъ, вдохнула ужасъ ко правительствамъ; словомъ, показала карту всего свѣта подъ красками черными и ввела въ общество— кого? тигра, а не гражданина. Умножьте число таковыхъ воспитанниковъ, и вы увидите настоящій образъ смутной политики. Народы вооружены противъ государей, государи противъ народовъ. Деспотизмъ суевѣрія минувшихъ временъ намъ кажется ужасенъ, но деспотизмъ разума въ настоящую эпоху не больше ли ужасенъ? Представьте, какъ насиліе свирѣпствуетъ торжественно, какъ безъизъятно по всѣмъ главамъ катается тиранскій мечъ, какъ отъ августѣйшихъ троновъ течетъ кровь! какъ Божіи помазанники.... но да молчимъ!

Теперь, ступайте удивляться произведеніямъ разума; покланяйтесь всему, что онъ ни произвелъ ложнаго и дерзкаго; забудьте гласъ вѣры; ступайте, но разумѣйте: «Аще не обратитеся, речь вы поястъ» [5] (Ис. гл. I, 20).

Это ли языкъ вольнодумца?! Сталъ ли бы вольнодумецъ, при томъ самъ любившій, и даже преподававшій (въ Тобольской Семинаріи) философію, сталъ ли бы, говорю, философъ-вольнодумецъ за Французскую революцію, за потоки крови, между проклятою и Царской, пролитые Французскими революціонерами, винить разумъ и философію?!

Далѣе, что мы видимъ въ Петрѣ Андреевичѣ? Знаменитый другъ его, Сперанскій, въ письмахъ своихъ къ нему, писанныхъ тотчасъ послѣ новой съ нимъ катастрофы, и именно послѣ ареста и сылки его въ началѣ 1808 года изъ Петербурга на службу въ Сибирь, между прочимъ говоритъ: «Кто взялъ на себя крестъ и положилъ руку на рало, тотъ не долженъ уже озираться вспять;» и: «Не соблазняйся, однако же, другъ мой, приливомъ разныхъ

---

[5] Вотъ отрывокъ изъ проповѣди Словцова, подтверждая то, что сочинитель ея не былъ глубоко зараженъ вольномысліемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ служить образчикомъ духа, тона, слога и языка другихъ его проповѣдей. Слогъ, языкъ его не только въ проповѣдяхъ, но и во всѣхъ его сочиненіяхъ, даже въ «Историческомъ обозрѣніи Сибири» отличался своеобразностію, какой-то, можно сказать, курчавостію, и для читающаго на первый разъ не совсѣмъ-то удобо понятенъ.

суетныхъ помысловъ; вспомни нашего добраго Ѳому Кемпійскаго. Сего утра я читаю: «Вся жизнь наша есть рядъ перемѣнъ» и пр.[6] Не значитъ ли это, что душокъ вольномыслія, который, по сознанію самаго Петра Андреевича, когда-то водился въ немъ, еще въ началѣ восьмисотыхъ годовъ, еще въ Петербургѣ, значитъ, и среди разныхъ соблазновъ, и при встрѣчѣ съ людьми всякаго направленія мыслей, еще до вторичнаго возвращенія его въ Сибирь, изъ него испарился, давно уже изсякъ, испарился и изсякъ до того, что, нѣкогда пропитанный имъ, Петръ Андреевичъ уже читалъ Ѳому Кемпійскаго (вольнодумецъ, человѣкъ не религіозный, такого рода писателей не станетъ читать) и имѣлъ право быть названнымъ, и отъ человѣка, знавшаго его хорошо, взявшимъ на себя крестъ (терпѣнія). Тотъ же Сперанскій, чрезъ 11, или 12, лѣтъ по написаніи писемъ, изъ которыхъ взяты приведенныя выше слова, встрѣтилъ Словцова, во время своего Генералъ-Губернаторства надъ Сибирью, сначала въ Иркутскѣ, а потомъ въ Тобольскѣ, и нашелъ его уже всего, какъ бы погрузившагося въ благочестіе: «Петръ Андреевичъ,» писалъ онъ изъ Тобольска, отъ 7-го Декабря, 1820 года, къ одному общему своему и Словцова знакомому,» весь въ благочестіи.»[7]

Когда-то Словцовъ переложилъ Пасхальный Канонъ: «Воскресенія день»... Св. Іоанна Дамаскина, стихами и въ 1842 году, значитъ, въ то самое время, когда онъ занимался составленіемъ 2-й части своего «Историческаго обозрѣнія Сибири», перевелъ весьма значительные отрывки, подъ названіемъ: «Назидательныя чтенія» изъ книги: «Душа, возносящаяся къ Богу посредствомъ размышленія и благоговѣнія.»

Еще важнѣе: у Словцова и въ то время, когда онъ состоялъ на службѣ въ Сибири, и особенно во время отставки, было непремѣннымъ правиломъ въ каждое утро посвящать на молитву часъ, или около часа, и за тѣмъ читать Библію, и въ особенности Евангеліе. Объ этомъ говорится и въ его біографіи Абрамова, да это пишущему, въ послѣдніе годы жизни Словцова съ нимъ лично знакомому, и самому хорошо извѣстно. По этому Петръ Андреевичъ не совсѣмъ-то любилъ по утрамъ и принимать къ се

---

[6] Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., № 34, стр. 548 и 549.

[7] Русск. Арх. 1871 г., № 3, стр. 480.

[8] Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., № 34, стр. 555.

къ кого-бы то ни было: по утрамъ у него и двери почти всегда были заперты.

Тираду о вольномысліи Словцова, о томъ въ особенности, что вольномысліе его было неглубокое и непродолжительное, заключу сообщеніемъ одного слѣдующаго обстоятельства: Разъ пишущій пришелъ къ Петру Андреевичу часу въ 12-мъ, или въ первомъ; у него на конторкѣ, вѣроятно, отъ обычнаго утренняго чтенія, лежала Библія, и разговоръ у гостя и хозяина зашелъ о Св. Писаніи. Долго, или недолго, онъ шелъ, пишущій этого не помнитъ; но ему очень хорошо памятно, что разговоръ тотъ кончился вотъ какимъ признаніемъ Словцова: «Благодарю Господа, сказалъ онъ, что я никогда не терялъ охоты читать слово Божіе, что я не былъ лишенъ способности по возможности понимать его и чувствъ наслаждаться его красотами.» Кстати будетъ сказать здѣсь и о приготовленіи Словцова къ смерти. Въ день Ангела своего, 16 Генваря, 1843 года, Петръ Андреевичъ подписалъ Духовное завѣщаніе и, отдавая его своему душеприкащику, сказалъ: «Болѣзнь моя усиливается, но ни что не связываетъ меня съ землею... Благодарю Бога за всѣ его благодѣянія въ жизни моей (а ему въ жизни много довелось терпѣть и терпѣть, судя по человѣчески, напрасно), и молю Господа, да упокоитъ онъ меня, бѣднаго грѣшника. Хотѣлось бы заняться поболѣе дѣломъ Божіимъ и, ежели подобитъ Господь, то намѣреваюсь пріобщиться Св. Таинъ, потому что не знаю, доживу ли еще до Поста, и буду ли тогда здоровъ.» Намѣреніе свое онъ и исполнилъ съ теплою вѣрою, всего чрезъ два дня, 18-го Генваря, и чрезъ два мѣсяца и 10 дней, именно 26 Марта, за два дня до смерти, [9] онъ сподобился и таинства Елеосвященія.» [10]

III.

Въ біографіи Словцова Н. А. Абрамова по мѣстамъ встрѣчаются самые похвальные отзывы объ его дѣятельности на службѣ какъ гражданской, такъ и учебной, и объ особенной; какъ объ плодотворности этой дѣятельности, на пр., объ улучшеніи Иркутской Гимназіи, которою довольно долго завѣдывалъ онъ, объ открытіи имъ Уѣздныхъ и Народныхъ Училищъ въ Иркутской

---

[9] Умеръ 28 Марта, 1843 года, на 75 году отъ рожденія.

[10] Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., № 34, стр. 555.

Губерніи, и вообще о возвышеніи имъ уровня образованія въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Восточной Сибири; говорится также и о томъ, что Словцовъ былъ особенно честенъ, смѣлъ и врагъ притѣсненій и несправедливости; что былъ строгъ въ образѣ жизни, чуждался всѣхъ свѣтскихъ удовольствій; что ни одного дня не отдавалъ въ жертву праздности; что даже и приверженныхъ къ нему лицъ посѣщалъ только изрѣдка; что и эти лица собирались къ нему для серіозныхъ бесѣдъ наиболѣе только по праздникамъ; что онъ каждодневно, по утрамъ, около часа посвящалъ на молитву и за тѣмъ читалъ Евангеліе, за Евангеліемъ, и вообще за Св. Писаніемъ, читалъ Оо. Кемпійскаго, или другого какого либо благочестиваго писателя. [11] Все это совершенная правда, однако жь, противъ свидѣтельства Абрамова могутъ возникнуть недоумѣнія, могутъ явиться и возраженія; скажутъ, на пр., что Абрамовъ зналъ Словцова уже 70-лѣтнимъ старцемъ, когда онъ, по выраженію самого Петра Андреевича, «былъ болѣе похожъ на потухшій вулканъ, покрытый даже льдомъ;» [12] что Абрамовъ, хотя и ежедневный чтецъ его и нерѣдкій праздничный гость, могъ все же видѣть только лицевую сторону его жизни, а, напротивъ, могъ не знать ея внутреннихъ сторонъ; что Абрамовъ, какъ обласканный высокимъ и ученымъ лицомъ, даже могъ быть въ отзывахъ своихъ пристрастнымъ къ нему. Но у Словцова есть и другой, гораздо болѣе уважительный и полноправный сравнительно съ Абрамовымъ, цѣнитель и его дѣятельности и его жизни, такой, который зналъ его и въ молодости и въ лѣтахъ мужества, зналъ его въ Петербургѣ и Сибири, зналъ во время счастія и несчастія, который даже немало времени жилъ съ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ учился и вмѣстѣ служилъ, и всегда былъ искренній его другъ. Это—Графъ Михайло Михайловичъ Сперанскій. Въ двухъ письмахъ своихъ къ А. А. Столыпину (одно отъ 19 Ноября, 1819 г., изъ Иркутска, а другое отъ 7 Декабря, 1820 г., изъ Тобольска), писанныхъ послѣ свиданій съ Петромъ Андреевичемъ въ Иркутскѣ и Тобольскѣ, и только недавно сдѣлавшихся извѣстными читающей публикѣ, Сперанскій дѣлаетъ о немъ еще лучшіе, еще болѣе выгодные, отзывы, нежели Абрамовъ. Вотъ эти занимательныя письма:

---

[11] Тоб. Губ. Вѣд. № 34, стр. 548, 550—52 и 555.

[12] Тоб. Губ. Вѣд. № 34, стр. 555.

Иркутскъ, 19 Ноября, 1819 г.

«Я уже писалъ къ вамъ, помнится, о Словцовѣ. [13] Онъ сталъ ще лучше и умнѣе, нежели былъ. Уединеніе освѣжило его мысли упокоило его душу до того, что, кажется, онъ ничего не желаетъ готовится умереть спокойно; въ свое время я буду о немъ сильно одатайствовать; [14] но, кажется, если бы предложили ему мѣсто Канцлера, онъ не двинулся бы никуда отсюда. [15] Такъ же бѣденъ, такъ е Студентъ, какъ и прежде, но еще менѣе желаетъ и менѣе заботится о житейскомъ; впрочемъ, бѣдность его есть почти произволья: въ званіи Совѣстнаго Судьи и Директора Гимназіи, [16] онъ по-

---

Предыдущаго письма о Словцовѣ, о которомъ упоминается здѣсь, въ напечатанномъ собраніи писемъ Сперанскаго къ Столыпину нѣтъ: или Сперанскій совсѣмъ не писалъ его и только, по забывчивости, при томъ, впрочемъ, съ неувѣренностію (помнится) упомянулъ о немъ, или Г. Столыпинъ не сохранилъ, затерялъ, его.

И ходатайствовалъ: въ слѣдствіе чего, во 1-хъ, тогдашнему Министру Народнаго Просвѣщенія, Князю Александру Николаевичу Голицыну, отъ 2 Ноября, 1819 года, Высочайше повелѣно было поручить Словцову (въ то время Директору Иркутской Гимназіи) осмотръ учебныхъ заведеній Губерній Томской, Тобольской, Казанской, Пермской и Вятской; во 2-хъ, вскорѣ за тѣмъ онъ былъ назначенъ Визитаторомъ (что нынѣ Главный Инспекторъ) Училищъ всѣхъ названныхъ Губерній (Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., № 34, стр. 551).

Однако жъ, въ послѣдствіи времени, и именно, въ 1828 году, когда покойный Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить служить Петру Андреевичу не только въ Сибири (что прежде, съ 1808 г., ему только и было дозволено), а и во всей Россіи, и когда ему уже было обѣщано одно важное мѣсто въ Петербургѣ, Петръ Андреевичъ поколебался было, хотѣлъ ѣхать въ столицу и тамъ продолжать свою службу. Но тогдашній Преосвященный Тобольскій, Евгеній, вопреки всѣхъ другихъ, сказалъ ему: «Петръ Андреевичъ! Пламень недоброжелательства враговъ вашихъ въ Петербургѣ, можетъ быть, и погасъ; но это не по видимому ли только? Нѣтъ ли подъ пепломъ искръ, и искры эти въ вашемъ присутствіи не образуютъ ли новаго пламени? При томъ, послѣ бурной вашей жизни и при примѣтахъ старости (Словцову тогда былъ уже 61-й годъ), не славы и чести, но покоя и душевнаго спасенія, слѣдуетъ желать вамъ.» Слова благочестиваго и уважаемаго Архипастыря глубоко пали на сердце Словцова, и онъ остался на всегда въ Сибири (Тоб. Губ. Вѣд. № 34, стр. 552).

П. А. Словцовъ, бывши Директоромъ Иркутской Гимназіи, имѣлъ нѣкоторое вліяніе на развитіе покойнаго Николая Алексѣевича Полеваго. Полевой, по словамъ Петра Андреевича, былъ (въ то время) мальчикъ бойкій и даровитый, ходилъ иногда къ нему, спрашивалъ совѣтовъ, что читать, или дѣлать, ему, задалъ множество вопросовъ, любилъ поспорить и пр.

лучаетъ 2000 рублей (асс.), и не понимаетъ, куда ему здѣсь дѣвать сіе богатство; [17] вообще онъ здѣсь всѣми уваженъ и въ истинномъ смыслѣ есть судья совѣстный. Гимназія его есть, можетъ быть, одна въ Россіи, которая идетъ весьма правильно и съ успѣхомъ; онъ каждый день въ ней бываетъ.»

Тобольскъ, 7 Декабря, 1820 г.

«На сихъ дняхъ прибылъ сюда Петръ Андреевичъ Словцовъ; онъ отправился изъ Иркутска для обозрѣнія училищъ [18] и продолжитъ путь свой на Пермь и Вятку до Казани, гдѣ надѣется узрѣть лицомъ къ лицу Попечителя [19] и поблагодарить его за всѣ вниманія. Здоровье его плохо, какъ и прежде, но умъ свѣжъ; жаль только, что никакими дѣлами [20] онъ не хочетъ заниматься: весь въ благочестіи, чего, однако, не жаль; ибо благочестіе стоитъ дѣлъ, что бы у насъ ни говорили.» [21]

Май, 1871 г.
Омскъ.

---

[17] Имѣя чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, получая и въ отставкѣ (съ 1829 г.) 3,000 руб. асс. (что, впрочемъ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ значило весьма немало), и будучи безсемейнымъ, Петръ Андреевичъ и въ то время продолжалъ жить, какъ Студентъ: въ квартирѣ его, и вообще у него, рѣшительно ничего не было лишняго и хотя мало мальски похожаго на роскошь; мебель, на пр., платье, столъ и все прочее, у него было самое простое. Но за то у него были довольно хорошіе минералогическій кабинетъ и библіотека; за то отъ него не отходилъ съ пустыми руками бѣдный и нищій (особенно встрѣчавшійся ему во время почти ежедневныхъ его прогулокъ); за то у него къ концу жизни скопилась порядочная сумма денегъ, которая, впрочемъ, вся (какъ и библіотека съ минералогическимъ кабинетомъ) согласно его Завѣщанію, пошла на учебныя заведенія.

[18] Въ концѣ 1820 г. Петру Андреевичу, какъ сказано въ одномъ изъ предшедшихъ примѣчаній, было дано порученіе обревизовать учебныя заведенія Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія не только всѣхъ Сибирскихъ Губерній, но и Губерній, прилежащихъ къ Сибири, Пермской, Вятской и Казанской.

[19] Попечителемъ Казанскаго Университета и Округа въ то время былъ извѣстный Магницкій, но Словцовъ едва ли видѣлся съ нимъ въ Казани, потому что Магницкій управлялъ Университетомъ и его Округомъ почти совсѣмъ не выѣзжая изъ Петербурга.

[20] Тутъ, вѣроятно, разумѣются дѣла внѣ учебной и училищной части.

[21] См Русскій Архивъ 1871 г. № 3, стр. 472 и 480.

ТРИ ПРОПОВѢДИ

П. А. СЛОВЦОВА.

Изъ предыдущей статьи Протоіерея А. Сулоцкаго, а также и изъ другихъ (Н. А. Абрамова, Графа М. А. Корфа, въ его: «Жизнеописаніи Графа М. М. Сперанскаго, И. А. Чистовича: «Въ память Графа М. М. Сперанскаго», и т. п.), въ коихъ говорилось о П. А. Словцовѣ прямо, или косвенно, главное обстоятельство въ жизни его, имѣвшее вліяніе на все его земное поприще, т. е., проповѣдываніе въ храмѣ Божіемъ, показавшееся тогдашнимъ мѣстнымъ властямъ вольнодумствомъ, по нынѣ оставалось не только вполнѣ не разъясненнымъ, но и самыя проповѣди его неизвѣстными. Только въ «Памятникахъ новой Русской исторіи», сборникѣ историческихъ статей и матеріаловъ, помѣщавшихся первоначально въ журналѣ «Заря» (теперь, вы! уже потухшей), именно томѣ III-мъ (Спб. 1873 года), отдѣлъ II-мъ, напечатана статья (стр. 399—409): «Проповѣдникъ Тобольской семинаріи въ 1793—94 годахъ» (Матеріалы для біографіи П. А. Словцова), а въ ней изложено происшествіе, случившееся съ нимъ и разъясненное приложенными тамъ документами. Открывается, что «тогдашній Тобольскій Губернаторъ, Александръ Алябьевъ, присутствуя въ соборномъ храмѣ, во время Богослуженія, 10-го числа Ноября, слышалъ проповѣдь, по случаю торжественнаго молебствія о бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Александра Павловича, съ Елисаветою Алексѣевною, Княжною Баденскою, произнесенную тамошней Семинаріи Философіи Учителемъ Словцовымъ, въ которой примѣтилъ нѣчто непозволительное, а доставши непріятнымъ образомъ копію съ нея, усмотрѣлъ въ ней многое, по разсужденію его, противное вышней власти; по чему и рѣшился прислать, при письмѣ къ Генералъ Прокорору, эту проповѣдь на проницательное благоразсмотрѣніе; вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ и правящему должность Генералъ-Губернатора (Генералъ-Поручику Волкову). До этой проповѣди Словцовъ, присланный изъ Петербурга въ Тобольскъ, два года тому назадъ, по свидѣтельству доносившаго Губернатора, ничего

противнаго спокойствію не дѣлалъ. Генералъ-Прокуроръ (А. мойловъ), прочтя эту проповѣдь, отдалъ ее извѣстному Шешк для переговора съ Петербургскимъ Митрополитомъ, Гавріило они нашли, что она не похожа на проповѣдь Семинариста, кая и развратительная, а по отзыву Тобольскаго Архіепископ лаама (роднаго брата Гавріилова), сочинитель ее писалъ скоро но, и по тому ни ему, ни ректору (что невѣрно) не казалъ они не можно было подозрѣвать его въ таковыхъ сочиненіяхъ даже времени; ибо онъ говорилъ прежде проповѣди безъ всякихъ вр и соблазнительныхъ мыслей; по сему Митрополитъ заключилъ проповѣдника въ Петербургъ и т. д. При допросѣ упомянутых Словцовъ (Марта 11-го, 1794), сказалъ, что онъ проповѣдыва всякаго злаго намѣренія; что если въ проповѣди его наход недѣльное, то сіе произошло отъ слабости его смысла, однако изъ злаго намеренія.»

Дѣйствительно, проповѣдь его могла показаться властям времени совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ она была въ существѣ своем плодомъ дешеваго современнаго вольномыслія, которымъ жела снуть только что почти возвратившійся изъ столицы Семи среди своихъ Сибирскихъ земляковъ; напротивъ, въ годъ, когда Франціи сложилъ голову свою на эшафотѣ, а Робеспьеръ свир валъ всѣми ужасами, могла показаться она людямъ, не сочувствов вѣянію разрушающаго духа, «наполненной совершенно возму народа противу правительства, противной правиламъ не тольк словія, но и философіи» и т. п. Замѣчательно, что настоящая оцѣ проповѣди сдѣлана кѣмъ-то на одномъ спискѣ ея, доставленом обязательно достопочтеннымъ любителемъ отечественной п ности, Н. В. Баснинымъ, природнымъ Сибирякомъ, тѣмъ что сообщилъ намъ и единственный пока списокъ съ чтеній зикѣ Графа Сперанскаго, когда онъ былъ еще просто Профе Петербугской Духовной Невской Семинаріи * Проповѣдь эта п чально напечатана въ названныхъ выше «Памятникахъ новой исторіи» (стр. 400—403), но не въ исправномъ спискѣ; а по то лагается она здѣсь въ гораздо вѣрнѣйшемъ. Въ концѣ ея нахо упомянутая оцѣнка ея, писанная почеркомъ того времени.

Кромѣ этой проповѣди, прилагаются тутъ и еще двѣ пр П. А. Словцова, сказанныя имъ прежде и тамъ же, въ ко

---

* Физика эта издана нами въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществ ріи и Древностей Россійскихъ», 1871 кн. 3-й и 1872 г. кн. 1-й, и осо

опреки завѣренію благопріятствовашаго ему Архіепископа Тобольскаго, дышетъ тотъ же духъ, что и въ проповѣди, столько для его несчастной. И замѣчательно, что на каждой изъ нихъ имѣется подобная же современная оцѣнка, какъ нельзя больше вѣрно характеризующая написанное, называя оное «суетнымъ мудрованіемъ, богатымъ однимъ пустословіемъ» и т. п. Помѣщаемъ здѣсь всѣ три проповѣди въ ихъ лѣточислительной преемственности, и замѣтимъ, что все, что во второй проповѣди разнствуетъ съ тѣмъ, что приведено, какъ отрывокъ изъ нея, въ статьѣ Протоіерея Сулоцкаго, конечно, это происходитъ отъ разности списковъ.

О. Бодянскій.

25-го Октября, 1873 г.

I.

Въ день рожденія Государыни Императрицы Екатер и тезоименитства Великой Княжны Александры Па

Имущему дано будетъ, и преизбудетъ.

Матѳ. XXV, 2

Нѣтъ, сколько ни говорятъ, что счастіе народовъ быв размѣрно правилу поступковъ, но, перечитывая судьбы их да торжественныя, иногда печальныя, надобно согласит есть нѣкоторое самовластное своенравіе, движущее Им ибо тогда, какъ одна воздымается изъ праха, другая, неда дившаяся высотою, уже исчезаетъ на своихъ развалинах жетъ быть есть извѣстная мѣра въ сихъ преемственных воротахъ. Но намъ довольно утверждать, что возвышені докъ народовъ бываетъ не по ихъ заслугамъ... Что это что иногда страна цѣлой рядъ вѣковъ лежитъ въ грубост женіи? Или отрицайте бытіе, или допустите владычес коего упрямства, обращающаго великими тѣлами Госу

Сколь оно ни тягостно кажется для другихъ предѣл Россіи, нѣкогда бѣдственной, оно покровительствуетъ. Д позволено въ нынѣшнее торжество сказать правду: Екатери даетъ державою Россіи, и сего довольно бы для желані ра, но «имущему дано будетъ, и преизбудетъ.» Судьба отечества на семъ не останавливается; достояніе Монаршее мени до времени увеличивается, и тѣмъ престолъ болѣе с съ народомъ счастливою цѣпію оныхъ священныхъ отрас коихъ одна умножаетъ причины настоящаго удовольствія словляя нашъ удѣлъ, чего не можемъ себѣ обѣщать, тѣм что «имущему дано будетъ, и преизбудетъ?»

Сколько ни лестно продолжать очарованіе оныхъ ствій, но уваженіе къ достоинствамъ нашей Монархини ув наши понятія къ великимъ человѣкамъ. Свѣтъ, который бываетъ своенравенъ, постоянную, однако жъ, имѣетъ п называть тѣхъ великими, кои счастіемъ рожденія, или ствомъ, достигнувъ мѣстъ, удерживаютъ себя въ дальнемъ го разстояніи; но свѣтъ ошибается. Ибо люди съ прям стоинствами, не укрывая своей жизни отъ свидѣтельства мало мыслятъ удаляться отъ присмотра свѣта, ожидая вы

тзыва тѣмъ надежнѣе, чѣмъ дѣла ихъ будутъ оставлены пере-
удамъ. Прямая и блистательная заслуга бываетъ безопасна: при-
ближаясь къ общему всѣхъ обозрѣнію, она не терпитъ ущербу въ
воемъ блатѣ. но только увеличиваетъ, вмѣсто того, какъ тѣ, ко-
мъ удалось о себѣ пустить предубѣжденія ложныя. подъ пред-
югомъ величія. предаются гордому уединенію. страшась, чтобы
е раскрыли ихъ. Это суть свѣтящіяся въ дали явленія, коихъ
ріятной и играющей видъ исчезаетъ по мѣрѣ къ онымъ приблн-
кенія. Такимъ образомъ почтеніе, кое похищаютъ отъ насъ хитро-
тію, дастъ ли право на стяжаніе имени Великой? Развѣ неосно-
ательное наше уваженіе значитъ болѣе, нежели пустое эхо? Развѣ
увѣрное наше обоготвореніе истукана довольно, чтобъ содѣлать
го божествомъ? Но они носятъ на себѣ преимущества и от-
ичія?... Эхъ! мнѣ кажется, что сіи звѣзды и кресты суть ис-
уственныя насѣчки, доказывающія только то, что мы имѣемъ
удожества. Но народы повторяютъ съ благоговѣніемъ имена ихъ?
ожалѣемъ здѣсь что не раздѣляютъ межд. именами «великимъ и
ликимъ человѣкомъ.» Кому же убо поднесемъ оное титло? Че-
овѣкъ, занимающійся замыслами, не столько высокими, сколько
бширными, менѣе благодѣтельнѣе, нежели патріотическими: вотъ
бразъ великаго человѣка!

Уважая всѣ вещи по единой пользѣ, надобно согласиться,
то въ произведеніяхъ разума есть нѣкая черта, далѣе которой
ступленій быть бъ болѣе трудны, нежели дерзки, но менѣе
ерзки, нежели суетны. Надлежитъ опредѣлять цѣну разума сте-
немъ услугъ, хотя и опредѣляютъ степень услугъ цѣною разума.
уская въ ландкартѣ человѣческихъ познаній Философъ укажетъ
звѣстныя земли: сіе дѣйствіе, конечно, рѣдкое, но что оно зна-
ить въ сравненіи съ тѣмъ, когда или поддерживаютъ упадающій
родъ, или извлекаютъ его изъ невольничества? Уступимъ ему,
о онъ имѣетъ великой умъ, но еще не будетъ великой человѣкъ.
ть, водимой просвѣщеніемъ, расширяетъ область истины, но
й, вдохновенный страстію, гораздо благороднѣйшею, выры-
етъ скиптръ изъ рукъ насилія. Тотъ не заслуживаетъ болѣе
шанія и удивленія, какъ, напротивъ, имя сего будутъ благо-
ловлять изъ рода въ родъ съ благороднымъ энтузіазмомъ.

Отецъ отечества, Великій Петръ! Твой образъ выну будетъ
итать въ душѣ Россіи! Лейтесь слезы благодарныя!... Потомки
ши будутъ приводить своихъ дѣтей къ подножію твоей ста-
и и говорить: «Се мирный гражданинъ, научившій нашихъ пред-
въ быть человѣками: дѣти, поминайте его!»

Надобно, чтобъ разсудокъ великаго былъ равенъ
ству страны, посреди которой онъ мыслитъ себя озна
чтобъ жизнь его, такъ сказать, была замѣной жизни цѣла
да. Раскрывая сіе правило, мы прибавляемъ новую для
занность, дабы обратить вниманіе къ безопасности и к
людей, особенно разсуждаемыхъ: обязанность столь
гостная для человѣка, сколь не отрицаемая для граждан
естьли еще не извѣстна наука соглашать выгоды общія
дами частными, естьли начала человѣколюбія разсѣкаю
лами патріотизма и, чтобъ все сказать, естьли таинство
еще не открыто, то для чего бы вольность немногих
гла быть корыстію для вольности всѣхъ? Тогда ка
словляютъ жребій, кровь одного, курящаяся на небо, ест
благодарная Всевышнему. Тотъ, кто сохраняетъ бытіе
есть не болѣе, какъ человѣкъ; но тотъ, кто сохраняетъ б
чества, есть патріотъ; откуда явствуетъ, что великіе чело
друзья народовъ, суть благотворительныя тучи, коихъ уд
гда наносятъ мѣстныя опустошенія для обширнѣйшихъ

Между тѣмъ народъ, коего вся доля кажется молча
чти обыкновенно ропщутъ противъ сихъ безскорыстныхъ
телей, такъ что неблагодарной его ропотъ наконецъ
почитать вѣрнымъ признакомъ рѣдкихъ достоинст
бы то ни было, но нѣтъ ничего проще, какъ оная нес
вость; ибо естьли умы великихъ суть святилища отдален
довъ, предъ коими философія черни должна благоговѣт
объятные ихъ чертежи, коихъ первыя линіи обыкновенн
ютъ неявственны, не прежде могутъ быть понятны, какъ
совершеніи. Доколѣ убо не научимся замѣчать мѣру наши
тій? Доколѣ не престанемъ выдавать себя судіями оныхъ
ныхъ смертныхъ, въ которыхъ, кажется, снисходитъ обш
божество? Како не разумѣхомъ, «яко рука Господня
нихъ?» (Іов. XII, 9).

Знаменитое собраніе! Послѣ сихъ изображеній нужн
повторять, что осмнадцатый вѣкъ къ безсмертнымъ имен
кихъ человѣковъ еще прибавилъ одну Монархиню? Да
Августѣйшая внука, Александра Павловна, ходити по с
и «буди свѣтлость Господа Бага нашего на насъ!»

21 Апрѣля, 1793 года.

II.

Въ день Преображенія Господня.

Поятъ Іисусъ Петра, Іакова и Іоанна, возведе ихъ на гору высоку, и реобразися предъ ними.

Матѳ. XVII, 1.

Вездѣ недоумѣніе! И въ самыхъ священныхъ событіяхъ, гдѣ зумъ человѣческій долженъ бы шествовать безъ всякихъ препи-ній, и здѣсь еще колеблется,—и довлѣетъ! Величество Божіе въ лигіи, которая должна служить тому разительнымъ зрѣлищемъ, егда открывается не столь торжественно, какъ въ природѣ, гдѣ дныя дѣла и знаменія повѣдаютъ славу Великаго, гдѣ отъ со-анія до Зиждителя восходятъ ощупью. По какому бы року Богъ роды, который образуется въ ней въ столь же живыхъ и тро-тельныхъ картинахъ, въ религіи обыкновенно является въ го-хъ и между облаками? И «поятъ Іисусъ Петра, Іакова и Іо-на, возведе ихъ на гору высоку, и преобразися предъ ими.»

Происшествіе божественное, но блескъ его, къ несчастію, со-ытъ былъ на Ѳаворѣ! Какъ же думать? Или уступить вѣрѣ, и. инудить разумъ, или уступить разуму, и принудить вѣру? Какъ! инудить вѣру? Мысль законопреступная!... Такъ надлежитъ по-ать святыню и благочестіе, сіи законы добродѣтельнаго вѣка? къ надлежитъ разрушить олтарь, сіе святилище, куда герой при-итъ запечатлѣть обѣты отечеству? Такъ надлежитъ подорвать конъ Божественный, тотъ, на коемъ зиждутся права Монархіи? къ надлежитъ попрать пружины правительства, коими движется великая машина, и поколебать престолы? Пади послѣ сего священное! Но успокоимся: «Мы бо есмы родъ избранъ, рское священіе, языкъ святъ, люди обновленія» (1 Петр. 9). Успокоимся и разсмотримъ, каковы бываютъ вліянія разума человѣки, и наиболѣе по тремъ частямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ наши понятія стали распространяться, рились, что нѣтъ ничего труднѣйшаго, какъ раскрыть начала авоученія. Философія, которая наипаче въ сей части сдѣлала ранія, чтобъ пріобрѣсти успѣхи, ничего, однако жь, тамъ новаго прибавила къ самому существу. Это правда, что тотъ вообража-ый человѣкъ, котораго она выводитъ, пріуготовленъ къ непо-

рочности, наставленъ въ благоразумныхъ къ отечеству чу
чуждъ предразсудковъ суевѣрія, хладнокровенъ къ слу
исполненъ почтительныхъ и высокихъ о Божествѣ понят
сей пышный разсудокъ и блещетъ надъ воображеніемъ, по
должно болѣе удивляться уму и счастливой кисти тво
должно удивляться болѣе изображенію ихъ дара, нежели
женію человѣка. Тамъ мною обѣщаютъ, но ожидать по
мало. Тамъ образуютъ намѣренія обширныя, но средства п
гаютъ не соотвѣтственныя. Знаю, что тѣмъ оскорбляются
понятія и почтеніе къ безсмертнымъ умамъ; ибо воображ
ше страстно ко всему острому и краснорѣчивому, но долж
изведенія сего рода вовсе предпочесть произведеніямъ
ливымъ и точнымъ. И мы имѣемъ несравненный подли
человѣкѣ. Человѣкъ, коего выставляетъ Евангеліе, проник
тыми ощущеніями, воодушевленъ добродѣтелями почти геро
привязанъ къ олтарю и служенію, упоенъ благоговѣйны
зіазмомъ къ Создателю, презорчивъ къ отличіямъ свѣта
ненъ небесныхъ обѣтованій. Вотъ черты, подъ коими
искать человѣка! Однако жь, не довольствуясь симъ из
ніемъ, разумъ человѣческій мыслитъ его переправить они
торымъ научился, что предпріимчивость въ религіи дѣла
вые шаги къ заблужденію, дѣяніямъ дерзкимъ давая видъ
ныхъ, а отважнымъ благородныхъ. Онъ мыслитъ умножит
добродѣтельныхъ, но добродѣтельныхъ злодѣевъ. Итакъ
хитрый Махіавель, за смѣлыя противорѣчія въ политикѣ,
законодателемъ, а сокровенный Британецъ, за необыкн
ковъ, названъ почти Великимъ; когда всякія наглости,
тыя цвѣтами отважности, заслужили почтенный отзывъ; к
мый развратъ шествуетъ подъ знаменами философіи: то
несчастія ожидать должно было во нравахъ? И совершило
всѣ тонкія страсти, уже всѣ черныя коварства, всѣ по
сей ужасъ пороковъ, отъ коего вся кровь волнуется, сме
ство и самоубійство стало позволеннымъ. Такъ всѣ поч
пороки, на которые не дерзаетъ чернь, проповѣданы в
ніяхъ просвѣщенныхъ! Пройдите бытописаніе, прочтит
мудрецовъ, и вы замѣтите, что каждый изъ нихъ, отъ поро
добродѣтельнаго, отъ Епикура даже до Сократа, каждый
живаетъ какое ни будь мнѣніе, не совмѣстное со святостію
наго просвѣщенія. Но вы не внемлите; вамъ льстятъ остр
системы и пламенныя произведенія; вы, очарованные ваш

свѣщеніемъ, мните, что все сіе суть злобныя укоризны... Такъ зри-
е страшное явленіе! Се появляется толпа просвѣщенныхъ, возна-
ѣрившихся низвергнуть тѣ памятники, предъ коими благоговѣютъ
смертные. Беззаконные ихъ умы нарушаютъ тѣ неприкосновенные
ставы, кои самыя Небеса во времена святыя поручали человѣче-
скимъ сынамъ. Се вѣра, оклеветанная, оскорбленная, уязвленная,
зываетъ къ своему Отцу! Ей не помогли ни чудеса, ни таинства,
іи священные туманы, въ которыхъ скрывается свѣтъ Вышняго.
Окончимъ картину: уже олтарь заглушенъ безбожнымъ воплемъ;
же огни жертвенные угасаютъ; уже богослуженіе колеблется, и
самаго Бога изгоняютъ изъ вселенной. Прости, Великій Боже,
слабой твари, что она, въ безсмысліи своемъ, дерзнула противъ
ебя; прости твоей бѣднѣйшей твари! Ты самъ на крестѣ рекъ:
Не вѣдятъ бо что творятъ» (Лук. XXIII, 34); вси яко овцы
аблудихомъ: человѣкъ отъ пути своего заблуди» (Исаіи
III, 6).

Впрочемъ, тѣ, кои, славясь независимостію умоначертаній, внес-
ли брань въ нѣдра самихъ Небесъ, могутъ ли оправдать та-
овые поступка? Одѣнемся даже въ ихъ понятія объ Откровеніи:
аковы бы они ни были, и тогда останутся лживы. Ибо, естьли
е всегда безопасно открывать истину, и если не надлежитъ об-
ажать, но неприкосновенно беречь, предразсудки общіе, то раз-
авлять тайну вѣры не есть ли преступное самовольство ума? Есть-
и неоспоримо, что прямое просвѣщеніе не можетъ быть долею
ѣлаго народа, развѣ избранной части, то указывать заблужденія
е есть ли опасный подавать знакъ мятежу? Естьли доказано, что
ша вѣра, сія счастливая цѣпь, которая связуетъ безъ ропота
мущіяся толпы народа, то играть ею не есть ли потрясать осно-
у правительства? Бѣдственныя противорѣчія, въ которыя ввоз-
итъ вольнодумство! «Что бо значитъ премудръ, что книж-
къ, что совопросникъ вѣка сего? (1 Кор. I, 20). Дерзнемъ
казать откровеннѣе, что ввело самыя великія заблужденія? Сія
сть предоставлена была, кажется, единому разуму.

Довольно чувствуетъ политика, сколь опасно поблажать са-
юбивымъ затѣямъ мудрецовъ. Ибо тогда, какъ философія на-
ла воспитывать гражданина, вывела его права изъ состоянія
ественнаго, коего слѣды остались въ баснѣ и системѣ: про-
стимъ то, что тамъ однѣ догадки поставлены были за нача-
, она живымъ и впечатлительнымъ голосомъ прочитала ему уро-
вольности, внушила ненависть къ сочеловѣкамъ, вдохнула ужасъ

нъ правительствамъ; словомъ, показала картину всего свѣ
красками черными и ввела въ общество, кого? тигра, а н
данина! Умножьте число таковыхъ воспитанниковъ, и вы
те настоящій образъ смутной политики. Народы вооруже
тивъ Государей, а Государи противъ народовъ, равно какъ
вооружала нѣкогда Церковь противъ Государей, и Государ
тивъ Церкви. Деспотизмъ суевѣрія минувшихъ временъ
жется ужасенъ; но деспотизмъ разума въ настоящую эпох
лѣе ли ужасенъ? Представьте, какъ насиліе свирѣпствуе
жественно; какъ безызъятно по всѣмъ головамъ катае
ранскій мечъ; какъ съ Августѣйшихъ троновъ течетъ кро
помазанники Божіи.... но умолчимъ!

Теперь ступайте удивляться произведеніямъ разума;
няйтесь всему, что онъ ни призвелъ ложнаго и дерзкаго;
те вовсе гласъ вѣры; ступайте, но разумѣйте: «аще не об
мечъ вы поястъ» (Исаіи I, 20). Аминь.

III.

Поученіе при случаѣ торжества бракосочетанія В
сочества, Великаго Князя Александра Павловича, с
саветою Алексѣевною, Княжною Баденскою.

Паки стекаемся во храмъ соединить желанія! Паки п
отъ Престола новый даръ и новое утѣшеніе! Россы, б
вляйте свою Монархиню! Благословляйте Высокую Чету!

Государя чувствительнаго, подъ рукою коего не
народъ своихъ вздоховъ, можно почтить именемъ пре
но еще не имѣемъ благополучнаго. Рѣдкой пользуется
нимъ наименованіемъ. Не взирая на его услуги, на его
оставленные въ наслѣдіе, надобно, чтобъ онъ умѣлъ п
свою кончину, чтобъ умѣлъ царствовать изъ гроба надъ
ками. Я хочу сказать, чтобъ изъ рукъ преемника не па
петръ. Какія убо находимъ обязательства благодарить Мон
умножающей ея достояніе? Какія радостныя представляю
зрѣнія въ очахъ Россіи? Все предзнаменуетъ наше блажен

Но, забывая сіи надежды и какъ бы самихъ себя, разсудимъ обще о признакахъ народнаго счастія.

Тишина народная есть иногда молчаніе принужденное, продолжающееся дотолѣ, пока неудовольствія, постепенно раздражая общественное терпѣніе, не прервутъ онаго. Естьли не всѣ граждане поставлены въ однихъ и тѣхъ же законахъ; естьли въ рукахъ одной части захвачены преимущества, отличія и удовольствія, тогда какъ прочимъ оставлены труды, тяжесть законовъ, и одни несчастія, то тамъ спокойствіе, которые считаютъ залогомъ общаго счастія, есть глубокій вздохъ, данный народу тяжкимъ ударомъ. Правда, что спокойствіе слѣдуетъ изъ повиновенія; но отъ повиновенія до согласія столько же разстоянія, сколько отъ невольника до гражданина. Еще прибавимъ, что цѣлый народъ искони не былъ ни въ чемъ единодушенъ, развѣ въ невѣріи и заблужденіяхъ политическихъ. Итакъ, когда тишина служитъ чаще знакомъ притѣсненія, что значатъ таковыя Монархи? Это—великія гробницы, замыкающія въ себѣ несчастные стенящіе трупы, и троны ихъ—это пышныя надгробія, тяжко гнетущія оныя гробницы. Народы злополучные!

Но по что бы, собравшись къ подножію Престола, не молить тамъ почивающаго тамъ божества? По что бы, повергнувшись тамъ, не лежать, доколѣ ихъ оракулъ не отдастъ просимаго отвѣта? И. по что бы съ ихъ жалобами не смѣшать горестныхъ слезъ? Но Монархи ихъ не плачутъ... Блаженъ убо, кто живетъ подъ скипетромъ отеческимъ, блаженны Россы!

Гремѣть побѣдами въ чужихъ странахъ, или стѣснять власть народовъ далѣе славы ихъ, и расширять славу свою далѣе власти своей, всегда почитается путемъ къ счастію народному. Но ссуе! Хотя сія замѣна усладительна любочестію народа торжествующаго, но она столько же далека, чтобъ предзнаменовать возвышеніе сему, сколь близко сопряжена съ паденіемъ другого. Могущество Монархіи есть коварное орудіе, истощающее оную и можно утверждать, что самая величественная для нея эпоха всегда бываетъ роковою годиною.... Римъ гордый, Римъ, воспитанный кровію цѣлыхъ народовъ, готовился уже раздавить почти вселенную, но что жь? Оплачемъ надменную его политику: онъ низпалъ подъ собственною тягостію въ то время, какъ наиболѣе дышалъ силою и страхомъ. Есть мѣры, далѣе коихъ не дерзаетъ преступить счастіе народовъ. И къ чему толикая слава, когда, съ умноженіемъ оныя, возрастали на него злоба и мще-

ніе? Къ чему трофеи, когда омочены они слезами народ
чему короны, сорванныя съ неприкосновенныхъ главъ?
онѣ? Но что вопрошаемъ причины, гдѣ честолюбіе ковар
Здѣсь долженствовала бы излиться вся желчь противъ н
наго орудія, но подвиги почтенныхъ героевъ ожидают
дарнаго голоса.

Не заключайте, чтобы Церковь роптала противу сихъ
вителей отечества. Нѣтъ! Она окровавленнымъ ихъ тѣнямъ
ситъ жертвы куренія, и чтитъ воинскій мечъ, какъ
орудіе. Зная, что воинъ есть вкупѣ гражданинъ, она запо
токмо сіе, чтобъ герой, усыпленный подъ гордыми лав
презрѣлъ должности; чтобъ, при его величіи и украшен
вмѣнилъ въ обиду прославлять Вѣру Христіанскую: обы
ное у насъ величіе, чтобъ, возвысясь по одной линіи к
по другой — упасть обратно.

Колькратно твердили, что Вѣра рѣшитъ судьбу цѣл
сударствъ! Колькратно обѣщали свыше благословеніе
коихъ бы душа была душа Евангельская! Но, «Господи,
рова слуху нашему, и мышца Господня кому откры
XLIX, 2). Можетъ быть, это одна несчастная истина, котор
ность наиболѣе проповѣдана, и которой слухомъ наименѣе
Такъ и быть!.... Видно, бѣдному созданію опредѣлено с
во мракахъ... Да!.... Вольнодумецъ хвалится быть наилучш
даннымъ, выставляетъ свою любовь къ отечеству и вѣр
Государю. Но вольнодумецъ — человѣкъ: такъ чѣмъ запе
оныя чувствія, часто сомнительныя? Носитъ ли онъ въ
своемъ залоги Христіанства? Блюдетъ ли клятву, сіе свидѣ
отъ Вѣры? Простимъ сему, поддѣлывающемуся патріоту,
вимъ на мѣсто его Христіанина. Сей, наученъ высокимъ
говѣйнымъ мыслямъ о властяхъ, лучше всѣхъ знаетъ
вую науку повиноваться. Вмѣсто того, чтобъ назначать се
ду народомъ и Государемъ, онъ назначаетъ Государя ме
родомъ и Божествомъ. Законъ верховный для сего ест
Вышняго, издревле вѣщающаго при олтаряхъ Монарши
собственность есть собственность отечества, и жизнь его е
Престолу. Монархи, познайте вашего подданнаго въ Хрис

Но не утаимъ здѣсь, какъ безъ примѣчанія его с
при обстоятельствахъ предпочтенія; какъ оставляютъ ег
должно призывать на степени и достоинства! Таковыя
рѣчія, конечно, жестоки. Пускай увѣряютъ, что доброд

[illegible]

Примѣчанія

Къ 1-й проповѣди. Сверху этой проповѣди [illegible] «Христіанинъ [illegible] на чтеніе поученій сихъ ни времени, ни труда [illegible] мудрованія [illegible] двусмыслія и [illegible] въ ученіи Вѣры не найдетъ здѣсь ничего» [illegible] «Нѣтъ» [illegible] «Кривая строка, и первая ересь». А [illegible] «не у правства, а Православіе» [illegible] «Богато [illegible]» [illegible]

Ко 2-й проповѣди. [illegible] «вооружалась» [illegible] «Глупо» [illegible] «При[illegible] этой деревнѣ по [illegible]».

Наконецъ, послѣ 3-ей проповѣди [illegible] «Поученіе [illegible] Церковной каѳедры. Это есть [illegible] будто сквозь сонъ [illegible] Вѣрѣ [illegible] и всегда старающагося при[illegible] чтобъ не была замѣчена [illegible]ота его».

Тѣ же [illegible] 3-хъ проповѣдяхъ [illegible] разрядами [illegible] О. Б.

ДВА ПОДМЕТНЫЯ ПИСЬМА

ПЕРЕДЪ НАШЕСТВІЕМЪ ФРАНЦУЗОВЪ НА РОС

I.

Письмо Сенатора Теплова къ Императору Алексан

Ваше Императорское Величество,

Всемилостивѣйшій Государь!

При вступленіи Вашего Императорскаго Величества
столъ, торжественное обѣщаніе, данное Вами народу у
по духу и сердцу Августѣйшей Бабки Вашей, наполнило
Вашихъ подданныхъ блистательной надеждой, ожиданіями
обрѣло всеобщую къ Вамъ привязанность. Кто могъ безъ
га взирать на юнаго Монарха, врага роскоши, суетнаго ти
хранящаго святость Государственныхъ постановленій, в
ляющаго преимущества Сената, подтверждающаго права с
выхъ подпоръ Государства, кои пріобрѣли всеобщее у
Руководствуясь сими надежными правилами, Вы слѣдовали
истиннаго величія: уничтоженіемъ Тайной Экспедиціи, нам
преобразовать Гражданское Уложеніе, подтвержденіемъ
сти Вѣръ, строгою экономіею во всѣхъ излишнихъ изде
неограниченною щедростью въ награжденіи за все то, что

---

[1] Какъ это, такъ и слѣдующее письмо, должно, конечно, отнести
апокрифическихъ и подметныхъ съ чужимъ подписомъ. Они, вѣро
ли пущены въ обращеніе тою дворянскою стороною, которая ж
губить Государственнаго Секретаря Сперанскаго. Это послѣднее о
ство и придаетъ симъ письмамъ, вѣрнымъ отголоскамъ извѣстной
и времени, характеръ несомнѣннаго историческаго документа.

я полезно для Государства. Прибавка жалованья Офицерамъ, устроеніе городовъ, портовъ, каналовъ, покровительство и учрежденіе новыхъ человѣколюбивыхъ заведеній, поощреніе наукъ, торговли и промышленности, милосердіе и справедливость въ управленіи: вотъ права на всеобщую любовь подданныхъ.

Ваше Императорское Величество снискали ее въ первыя лѣта Вашего царствованія. Въ семъ благополучномъ положеніи учреждены Министерства, которыя, хотя, по существу дѣлъ, и были раздѣлены на разные Департаменты, но соединенныя въ общій Комитетъ Министровъ, подъ благотворнымъ вліяніемъ Монарха, долженствовали быть душою правленія и средоточіемъ всѣхъ властей. Таковое учрежденіе, по очевидной пользѣ своей, безъ сомнѣнія, было пріятно для народа, и послѣдующія постановленія уничтожили совершенно невниманіе и несправедливости по сей части.

Но Вашему Императорскому Величеству болѣе всѣхъ извѣстно, сколь много удалилось учрежденіе сіе отъ предмета перваго своего основанія; и сіе ясно доказываетъ, что Вы, при началѣ царствованія Вашего, руководствовались правилами мудрыхъ наставниковъ Вашихъ, и которыя, какъ кажется, къ несчастію, изглажены изъ памяти Вашей. Самый опытъ доказалъ Вашему Величеству, сколь нужно Государю величіе души, мужество, твердость, и сколь опасенъ ему робкій духъ, недовѣрчивость и нерѣшимость. Минута, въ которую осмѣливаюсь призвать Ваше Величество обратить вниманіе на пользу народа, ввѣреннаго Вамъ, и которая есть, можетъ быть, послѣднее средство для предупрежденія ужаснаго бѣдствія, предстоящаго, какъ любезному отечеству, такъ и лицу перваго Повелителя его, равномѣрно и послѣднему изъ подданныхъ....

Уже время, Государь, оставить безпечность! Мудрость не въ томъ состоитъ, чтобы скрывать отъ насъ предстоящія бѣдствія, но въ томъ, чтобы предупредить оныя. Не время скрывать завѣсою будущее и быть довольнымъ тѣмъ, что судьба наша на нѣсколько времени еще не совершилась.

Обратите взоры Ваши на происходящее во внутренности Государства, въ столицахъ Вашихъ, и даже вокругъ собственной Особы Вашей! Горестными опытами удостовѣритесь, что одни низкія души могутъ скрывать бездну, разверстую предъ Вами.

Соединенныя усилія мудрости, осторожности и любви къ отечеству токмо могутъ исторгнуть Россію изъ бездны, въ кото-

рую надменность, невѣжество Министровъ и вообще раз
нравовъ ее ввергли. Блистательный вѣкъ славы, когда
давали всѣмъ законы, хотя уже и прошелъ, но сыны Рос
рѣе рѣшились бы пожертвовать послѣднею каплею крови
столь постыднымъ образомъ преклонить выю подъ иго
торый имѣлъ только то преимущество, что воспользова
бостію начальниковъ, ихъ невѣжествомъ и измѣною. Ник
я не дерзнулъ быть гласомъ, изрекающимъ ужасныя истин
ли бы не имѣлъ, вмѣстѣ съ нимъ, предложить средства к
ченію ихъ. Всеобщее негодованіе, столь ясно выражаю
народа, открыло опасность, коя предстоитъ отечеству:
наружить все, что Ваше Величество можите ожидать отъ
душнаго Вашего народа, ежели будете шествовать по бл
ной дорогѣ, проложенной Вашими знаменитыми предка
вольте, Государь, по усердію моему, напомнить Вамъ сва
обязанность Вашу; позвольте говорить съ тою откровен
безпристрастіемъ, которыхъ имѣете ожидать отъ Вашег
поданнаго; позвольте представить въ настоящемъ видѣ
ство, и напомнить данныя Вами обѣщанія и плоды ихъ.

Ежели Ваше Императорское Величество удостоите
взоръ Вашъ на дѣйствіе сего правленія, какая ужасная
всеобщаго разстройства въ Государствѣ представляет
истиннаго сына отечества!. Моровая язва опустошила
Астраханскую Губернію; возмущеніе всѣхъ кочующихъ
отъ Астрахани до Китайскихъ предѣловъ обитающихъ: во
прекращеніе внутренной и внѣшней торговли; неповиновен
скихъ Казаковъ и работниковъ на Пермскихъ желѣзныхъ
Крестьяне въ Нѣмецкихъ провинціяхъ ожидаютъ только
знака къ бунту. Новый Вашъ союзникъ, не довольствуя
что проникъ въ тайны Кабинета Вашего и что умѣлъ об
изъ приближенныхъ къ Вамъ, но и по самымъ отдаленны
винціямъ имѣетъ лазутчиковъ, которые; какъ уже Вамъ
были открыты и представлены Вашему Величеству. Не
тѣмъ обнаруживаются коварные его замыслы, на пагуб
ства нашего совѣщаемые и которые война въ Гишпаніи з
его на нѣкоторое время отложить?

Польскіе крестьяне, ободренные примѣромъ ихъ со
венниковъ, которымъ дана свобода, также желаютъ разс
цѣпи, ихъ угнетающія; Крымскіе Татары готовы соедини
Турками; необыкновенная дороговизна въ столицахъ, го

пограничныхъ Губерніяхъ, недостаетъ людей отъ рекрутскихъ наборовъ и милиція отъ Сѣвера къ Югу, во всѣхъ Губерніяхъ всѣ классы подданныхъ отягощены и разорены податями и налогами; дворяне, духовные, купцы, крестьяне, всѣ ропщутъ, во всѣхъ одинаковое чувство негодованія и отчаянія. Къ единому терпѣнію должно приписать спокойствіе народа, чѣмъ народъ Россійскій издревле отъ прочихъ отличался. Истощеніе финансовъ двумя войнами, отъ одного невѣжества несчастными. Патріотическія пожертвованія, собранныя уже по окончаніи войны, истрачены безъ пользы; чрезвычайное умноженіе ассигнацій; средства къ умноженію Государственныхъ доходовъ всѣ уничтожены; безпрестанныя разоренія крестьянъ, настоящія Государственныя потребности, ненасытимая алчность грабителей и расхитителей, которыхъ, кажется, само Правительство ободряетъ.

Армія потеряла прежній духъ свой, чувствуя, что пролито столь много крови безполезно: она не имѣетъ начальника, къ которому могла бы имѣть истинную довѣренность; презираетъ тѣхъ, коихъ личная привязанность и благосклонность Монарха возвели въ достоинство, а не заслуги, и при томъ, видя себя побѣждаемую и принужденную со стыдомъ отступать на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде, въ маломъ числѣ, подъ предводительствомъ Румянцова и Суворова, поражали тьмочисленныя непріятельскія ополченія. Вновь укомплектованныя арміи рекрутскими наборами безъ повиновенія, безъ правилъ настоящаго устройства, и наконецъ терпятъ попеременно недостатокъ то въ оружіи, то въ военныхъ снарядахъ, то въ провіянтѣ. Милиція, обманутая въ торжественномъ обѣщаніи Монарха, бывъ образована токмо на время войны, напослѣдокъ употреблена на укомплектованіе арміи, какъ обыкновенные рекруты: обѣщаніе Монарха, торжественно данное подданнымъ своимъ, должно быть имъ соблюдаемо стольже свято, какъ клятвенное обѣщаніе подданнаго ему. Можетъ ли имѣть народъ довѣренность къ Монарху, обманувшему его?

Морскія наши силы еще болѣе разстроены, нежели армія: вмѣсто флотовъ мы имѣемъ одну только эскадру, и Морской Департаментъ заслуживаетъ токмо сіе имя по тому, что стоитъ Государству чрезвычайныхъ и безполезныхъ издержекъ. Сенявинъ, заслужившій своею храбростію и поведеніемъ всеобщее уваженіе народа, притѣсненъ и нетерпимъ, по тому только, что онъ воспитанникъ Мордвинова, того Мордвинова, который любитъ говорить

правду Монарху. Въ тѣхъ моряхъ, гдѣ властвовали Россій
ты, нынѣ Россійскій флотъ не можетъ и показаться.

Департаментъ Иностранныхъ Дѣлъ, управляемый, пр
ченіи мира, иностранцемъ оставилъ отечеству, по
мѣрѣ, то утѣшеніе, что не Русскаго имя покрыто бу
нымъ посрамленіемъ. Духовные привлекли на себя нре
ніе народа ненавистью и ругательствами, съ коими они
ли отъ него патріотизма противъ врага отечества. Ежели
нее положеніе Россіи возбуждаетъ справедливое опасені
шнія отношенія ея не представляютъ ничего утѣшитель
всѣ вовлечены тщетными обѣщаніями въ гибельную войн
щены пустыми надеждами и оставлены безъ всякаго
Государи и народы: Австріи, Англіи, Швеціи, Пруссіи
Неаполитанскій, Сардинскій, фамилія Бурбоновъ, Греки, Чер
Славяне, жители Семи Соединенныхъ Острововъ, которы
Французамъ противу всякаго права, и усердствовавш
преданы казни, однимъ словомъ, всѣ; между тѣмъ война
ками производится такъ, какъ будто теперь начата и съ
для насъ потерею, какъ людей, такъ и денегъ; въ По
же продолжается безъ всякаго успѣха. Европейскіе наро
жаютъ намъ важными безпокойствами.

Наполеонъ же, слѣдуя обыкновенно своей методѣ
ствами своими старается привести въ разстройство всѣ
Государствѣ; самъ же, будучи всегда готовъ на насъ
тою силою напасть. Его средства безпрестанно увеличи
мы лишаемся способовъ противостать ему.

И такъ, отрекшись отъ перваго достоинства наш
прежнихъ нашихъ союзниковъ, отъ надежды кончить
бѣдою, намъ предстоятъ вѣчныя безпокойства, пожер
опасности. Вотъ, Государь, ужасное, но вѣрное, изобра
шего критическаго положенія! Государство достигло
верха возможныхъ несчастій; но средства къ поправлені
нашихъ рукахъ: первѣйшее преимущество, полученное
предковъ Вашихъ въ наслѣдство, есть стоять всегда выш
тельствъ. Среди самыхъ величайшихъ бѣдствій, Петр
прочное основаніе славы своей и благосостоянія народа

Государь, будьте столько же велики, какъ и Ваши
вепники! Кормило правленія должно быть въ рукахъ
въ настоящихъ обстоятельствахъ нужно мужество.

Государь, украшьтесь добродѣтелями, наслѣдстве

ашей Фамиліи; послѣдуйте Августѣйшей Вашей Бабкѣ, и имѣйте ограниченную довѣренность, совершенную привязанность и пред-очитайте всему народъ Вашъ!

Отдалите отъ себя толпу иностранцевъ, которые, подобно ранамъ, питаются ранами отечества нашего! Вы все можете ожи-ать отъ истинно Русскихъ. Одушевитесь ихъ духомъ, и будьте ильны ихъ силою, и мужественны ихъ мужествомъ; гордитесь авой ихъ, и признательное потомство можетъ еще причислить ас къ числу великихъ Государей, на пользу отечества! Поло-итесь болѣе всего на дворянство, на сіи истинныя подпоры рона Вашего, на то сословіе, которое всегда поставляетъ себѣ реимуществомъ пролить кровь за отечество, признаетъ Государя воимъ покровителемъ и гордится его довѣренностію! Въ сей взаи-ной довѣренности Государя къ дворянству, а дворянства къ сударю, найдете надежные способы соединить члены правле-я. Одушевите ихъ своимъ духомъ и стремленіемъ къ одному едмету: тогда каждый гражданинъ поставитъ себѣ обязанностію, стію и всѣми силами содѣйствовать общему благу; тогда пре-атятся всѣ ужасныя пронырства, и правительство воспріиметъ дѣятельность, то единство и счастливое согласіе во всѣхъ ча-ихъ: а безъ того самые величайшіе геніи не могутъ ничего редпринять къ благосостоянію Государства.

Апрѣля 3-го дня, 1812 года.

II.

Письмо Московскаго Дворянскаго Депутата, Графа Растопчина, къ Императору Александру I-му. *

Ваше Императорское Величество,

Всемилостивѣйшій Государь!

Служа отечеству и престолу Вашего Императорскаго Величе-ва слишкомъ 30 лѣтъ, къ удовольствію народа и Монархіи,

---

* См. «Жизнь Графа Сперанскаго,» Барона (нынѣ Графа) М. А. Корфа, томъ I-й, стр. 9, примѣч. Біографъ Сперанскаго не вѣритъ, вопреки нѣкоторымъ,

я имѣлъ счастіе пользоваться довѣренностію и, при достох
поведеніи, за старостію и слабостію здоровья, назадъ то
10 лѣтъ, по желанію моему, отставленъ отъ службы,
до днесь въ столицѣ Москвѣ, а нынѣ избранъ тамошн
рянствомъ и удостоенъ къ Вашему Императорскому Ве
депутатомъ, для представленія Вамъ гибельнаго зрѣлищ
Государства и противъ возлюбленной Особы Вашей умы
и почти совсѣмъ совершеннаго тайнаго заговора Васъ о
щихъ. Государь! дозвольте, по долгу сына отечества, из
и удостоеннаго первѣйшимъ сословіемъ въ вѣрности к
лу Вашему сказать откровенно съ соболѣзнованіемъ
Вашему Величеству бездну, предъ Вами разскрытую, въ
окружающіе Васъ ввергнуть желаютъ, а кто именно, сл
осыпанный милостями Вашего Императорскаго Величест
денный изъ праха, въ теченіи краткаго времени, Секрета
Сперанскій съ Магницкимъ суть первыя лица, которыя, об
къ себѣ неистовыхъ умышленниковъ Г. Г: Р. М: М. И. Т:
Фе. Го: Гу: Вейдемейера, Яблонскаго, Бижевича и про
нимъ прикосновенныхъ, о коихъ по важности донесу л
шему Императорскому Величеству. Проданы Вы сообщни
ми мнимому Вашему союзнику, Наполеону, который у
своемъ желаніи и, чрезъ ихъ посредство, удалилъ войс
изъ всей Финляндіи, и даже изъ самаго Санктъ-Петербур
вѣстныя Вамъ края; чрезъ то открылъ онъ самый бл
ный путь къ Петербургу. Уже разбойничья его шайка
въ Стральзундѣ, гдѣ производятъ поспѣшную постройку
судовъ и прочихъ принадлежностей, по окончаніи ко
ренъ, ни мало не мѣшкавъ, перебраться, черезъ заливъ мор
на твердую землю. Трофеи его въ Прусской Померанін р

въ то, чтобы Графъ Растопчинъ былъ сочинителемъ этого письма,
«Письмо это, съ мнимою его подписью, не смотря на нѣкоторое,
дражаніе его тону и слогу, представляетъ, по всему своему содерж
грубаго невѣжества, нелѣпости, незнанія политическихъ обстоя
безграмотства.... Оно, украшенное именемъ Растопчина только дл
та и эффекта передъ толпою, родилось въ самыхъ низкихъ слоя
чества, въ томъ сословіи, надъ которымъ разразился Указъ 18
экзаменахъ.» Авторитетъ и эффектъ дѣйствительно не разъ порож
наго рода подметныя произведенія, преступныя во всѣхъ отноше
глазахъ всего свѣта, но тѣмъ не менѣе употребляемыя темными
для достиженія своихъ коварныхъ замысловъ и безчестныхъ цѣл

ы, куда привезена была ему уже богато убранная карета, въ которой намѣренъ онъ, обще съ своею супругою, проѣхаться чрезъ Ригу прямо въ С.-Петербургъ.

Разбойничья его орда, состоящая въ Стральзундѣ и Померанія изъ 120,000 человѣкъ, ожидаетъ ежеминутно повелѣнія двинуться на пагубу Вашего Величества.

Государь! внемли гласу справедливости, кой происходитъ отъ единаго усердія къ отечеству и особѣ Твоей; позволь приблизиться мнѣ къ столицѣ и прервать дѣйствіе злоумышленниковъ, ихъ окружающихъ. Я знаю все подробно, даже гдѣ хранится переписка Наполеона съ обнаженными умышленниками; или избери орудіемъ Александра Балашова, который хотя и участвовалъ въ семъ дѣлѣ, но принужденно, для узнанія истины, первый открылъ сіе великое и ужасное дѣло письмомъ въ Москву отъ 28-го Февраля, изъ документовъ, кои будутъ отъ него отобраны и Вашему Величеству представлены. Послѣдній случай засѣданія въ Верховномъ Совѣтѣ, гдѣ представлена выписка о новыхъ налогахъ, противъ которой Вы первые дѣлали возраженіе, не соглашаясь оные утвердить, произнося, что народъ и такъ уже претерпѣлъ въ прошлое время, а ежели сіе выпустить, то должно неминуемо ожидать противъ себя народнаго возмущенія: на сіе Секретарь Вашъ, Сперанскій, первый подалъ голосъ, то опроверженіе, представивъ Вамъ, что время и обстоятельства требуютъ пособія Вашему Кабинету для Польской арміи, долженствовавшей дѣйствовать оборонительно, и что сіе единое средство; а ежели сего не сдѣлаютъ, то, во первыхъ, нельзя приступить къ дѣлу, а, во вторыхъ, успѣха ожидать не можно, не имѣя на то достаточной суммы въ наличіи. Удаленная армія въ Польскомъ краю, подъ видомъ опасенія и нападенія на оную Бонапарта, въ исполненіе чего выступившія, какъ изъ столицы Вашей, вся гвардія, такъ и изъ Финляндіи почти всѣ войска, доказываютъ умыселъ занять Васъ оборону въ Польшѣ и чрезъ Курляндію пропустить врага безъ всякой препоны. Не явный ли сей обманъ? Подъ видомъ патріотизма, онъ хотѣлъ дѣйствительно противъ Особы Вашей всѣ сословія ослабить и вынудить народъ произнести страшное требованіе, какъ сіе случилось въ Италіи и въ Швейцаріи. Не онъ ли былъ орудіемъ въ прошедшее время, когда Ваше Величество были при Тильзитѣ обмануты, заключили миръ, и миръ для Россіи самый невыгодный, бремя коего и тяжесть Вы уже испытали, отъ коего финансы Ваши опустѣли и способы къ по-

правленію ихъ ополчили. Чиновники, кои въ семъ важн
могли съ пользою для Государства быть полезными, ч
средства его, подъ видомъ опасныхъ, предъ Вашимъ Вел
оклеветаны. Не удивляйся сему, Монархъ! Злато и брильян
Французскаго Посланника къ нему доставленные, ослѣпи
его и удалили отъ вѣрности къ отечеству и Особѣ Твое

И такъ Ваше Величество время заняться поправлен
нархіи и критическаго ея положенія, и нужно выбрать
сему важному дѣлу: есть искуство, коимъ одержана бы
Августѣйшая Бабка, а по наслѣдству принадлежитъ и
крытіе сихъ важныхъ происшествій служитъ къ спасенію
Величества и всего Государства отъ ига иновѣрца. П
есть послѣднее, и естьли недѣйствительнымъ останет
сыны отечества необходимостію себѣ поставятъ двинуться
лицѣ и настоятельно требовать, какъ открытія сего дѣйст
и перемѣны правленія.

Графъ Растопчинъ и Москвит

Сообщ. А. А. Чумиков

Апрѣля 5-го, 1812 года.
Москва.

ПИСЬМО

ВЛАДИМИРА,* АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО, КЪ ГАВРІИЛУ, АРХІЕПИСКОПУ РЯЗАНСКОМУ.**

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Достопочтеннѣйшій о Господѣ братъ!

Не дивитесь, что я такъ поздно отвѣтствую на Ваше письмо о нѣ отъ 18 Мая сего года. По обширности ли Епархіи, по еобразованности ли ея, или и по тому и по другому, только дѣлъ меня столько, что вовсе выбиваюсь изъ силъ—право недостаетъ времени и на самонужнѣйшія дѣла. Резолюцій по 100 и олѣе я долженъ давать каждое утро; что будетъ далѣе съ ими скудными силами, Богъ вѣсть.

Касательно Вашего регента, не вы ко мнѣ, а я къ вамъ, долженъ оставаться, и остаюсь, благодарнымъ, сирѣчь, за Вашу ко мнѣ довѣренность; не менѣе остаюся таковымъ, и за піесы хорыя, кои и отъ Вашего Высокопреосвященства въ два пріема имѣлъ удовольствіе получить чрезъ Даніила Аѳанасьевича — піесы весьма хорошія.

Есть ли то у васъ отъ обѣщаній Фельдмаршала Паскевича асательно Раскольниковъ плоды, а здѣшніе Раскольники едва ли коро образумятся. Нынѣ я весною для пробы былъ сдѣсь въ

Василій Ужинскій, изъ Александроневской Семинаріи, 1807 инокъ, 1811 Архимандритъ, 1812 Ректоръ Новгородской Семинаріи, 1819 Викарій Ревельскій, 1822 Епископъ Курскій, 1831 Архіепископъ Черниговскій, 1836 Казанскій, 1848 на покоѣ, 1855 скончался 16 Декабря. О. Б.

Георгій Городковъ, Петербургской Академіи воспитанникъ 1-го выпуска, выпущенный Магистромъ (22-мъ), 1815 г. монахъ, 1816 Архимандритъ, 1817 Ректоръ Орловской Семинаріи, 1819 Нижегородской, 1828 Епископъ Калужскій, 1831 Могилевскій, 1834 Архіепископъ, 1837 Рязанскій, 1858 на покоѣ, 1862 скончался Апрѣля 7 дня. О. Б.

нѣкоторыхъ слободахъ, бесѣдовалъ съ ними часовъ по
одинъ пріемъ: во всемъ они со мною соглашались, но
всегда выходилъ: «Оставьте насъ, Владыко святый!» Нако
мѣтивъ въ нихъ и въ тѣхъ, кои имъ явно покровительст
деньги, нѣкоторые слѣды какъ бы волненія, рѣшился я
это дѣло до другаго времени. Впрочемъ, сіе посѣщеніе
лало между ими и толковъ, и раздоровъ, и опасеній, и
и суетни столько, что и теперь станицами посѣщаютъ Ч
и развѣдываютъ: что-то съ ними будетъ; не мало воз
послѣ того отъ нихъ же самихъ, по разнымъ доносамъ,
ственныхъ дѣлъ. Прошлаго года они меня вездѣ срѣт
христа Господня, и поелику я видѣлъ, что все это бы
тая на нихъ маска, то нынѣ я нарочито врѣзался къ н
нечаянно, что Земская полиція ни какъ не успѣла ихъ
въ тѣ же маски, и по тому я ихъ высмотрѣлъ и выш
внутренностей. Отдохнувши, я еще хочу у нихъ побы
какъ не намѣренъ отстать отъ нихъ; впрочемъ, дѣло не
чтобы ихъ обратить, а, по крайности, смягчить ихъ жест
ша Вѣтка хочетъ просить благословеннаго Священника—
то Богъ! и у меня многіе то же говорятъ, да на дѣлѣ
другое. Впрочемъ, ни малѣйшаго сомнѣнія нѣтъ, что сі
ство ихъ существовать будетъ не долго: только строгих
кихъ мѣръ употреблять намъ отнюдь не слѣдуетъ.

Прося продолженія Вашей любви и архипастырс
литвъ, имѣю честь пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и
преданностію

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Владиміръ Архіеп. Ч

1835, Сент. 21 ч.

ДВА ПИСЬМА

[illegible] АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО КЪ ГАВРІИЛУ, АРХІЕПИСКОПУ РЯЗАНСКОМУ *

1

Высокопреосвященнѣйшій Владыко.

Возлюбленный о Господѣ Братъ

Приношу [illegible] мою благодарность за братскія слова, коими изволили поздравить мое [illegible] съ новою Епархіею. О [illegible] и утѣшительно слово друга для странника! Въ сосѣдствѣ съ Вами [illegible] будетъ [illegible] не скучно. Ваши добрые [illegible] мнѣ [illegible] на новомъ мѣстѣ. Ваша Епархія [illegible]. Да и Черниговская [illegible] поступила. Въ семъ случаѣ Ваша [illegible] будетъ для меня очень [illegible] съ [illegible] Стародубскими, есть ли бы [illegible] на границѣ лично. Тогда [illegible] бы [illegible].

Рекомендованный Вами О. Архимандритъ Петръ [illegible] и ближайшій [illegible]. А [illegible] много [illegible]. [illegible] въ Черниговѣ [illegible]. Онъ [illegible] Черниговской Епархіи [illegible]. [illegible] то для меня [illegible], что Секретарь [illegible] также Россійскій, да и [illegible] Семинаріи также Россіяне. Съ таковыми сотрудниками [illegible] будетъ работать на [illegible] Святой церкви.

---

* Петръ Подлипскій, [illegible] (С. Петербургской Духовной Академіи [illegible] 1814 г., [illegible] ректоръ [illegible] Семинаріи. [illegible] 1839 Архіепископъ, 1859 на покой, 1861 [illegible] Ноября 27 [illegible] Могилевская. О. Б.

И съ Вами есть Русскіе, и давно знакомые. Прошу
ня свидѣтельствовать имъ, т. е., О Протоіерею Якову Га
чу Гладкову, * Иродіону Яковлевичу Вѣтринскому, ** усер
почитаніе. Очень пріятно, что старые знакомые помнят
знакомыхъ.

Поручая себя святительскимъ молитвамъ Вашимъ и
любви Вашей, съ душевнымъ почитаніемъ и совершен
данностію честь имѣю быть

Вашего Высокопреосвященства,

возлюбленнаго о Господѣ б

покорный слуга

Павелъ Епископъ Черниг

8-го, Декабря 1836 г.
Черниговъ.

II.

Высоконреосвященнѣйшій Владык

Достопочтеннѣйшій о Господѣ

Братское письмо Ваше 29-го и Указъ изъ Святѣйша
да о Малиноостровскомъ монастырѣ 30-го Октября пол
особенною радостію. Всѣ удивляются, сколь великое дѣ
шилось чрезъ обращеніе Малиноостровскаго монастыря.
ложено самое доброе начало къ обращенію прочихъ Р
ковъ. Настоятеля инока Тимофея съ четырмя иноками
по естафетѣ къ посвященію; и за симъ поспѣшу испол
прочаго по Указу. Шестилѣтніе мои хлопоты въ обраще
кольниковъ начинаютъ, по благости Божіей, увеличива

---

* Кандидатъ (13-й) Петербургской Духовной Академіи одного (1-г
съ Павломъ 1814 г. О. Б.

** Магистръ (6-й) Петербургской Духовной Академіи, тоже одного (1-
съ Павломъ 1814 года, Баккалавръ ея, 1818 Ординарный Профе
Цензоръ, 1834 Директоръ Могилевской Гимназіи. О. Б.

пить на его мѣсто. Какъ тяжело будетъ ѣхать въ таку
пору!

Вчера нарочно ѣздилъ къ Егору Ильичу Бажанову
тельствовалъ ему Ваше усердное почитаніе. Все принято
особенною радостію и благодарностію, и хотя онъ бо
самъ обѣщался писать къ Вамъ.

Секретарю Поповскому благословеніе Ваше также
и принято также съ особенною радостію и благодарнос

Поручая себя святительскимъ молитвамъ Вашимъ,
шеннымъ почитаніемъ и преданностію честь имѣю пр
всегда

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Павелъ Архіепископъ Черниговс

3-го Ноября, 1842 г.
Черниговъ.

Прошу свидѣтельствовать усерднѣйшее мое почте
освященнѣйшему Никанору, Алексѣю Ивановичу Войце
Петру Ивановичу Розанову.

ПИСЬМА

ГДА, АРХІЕПИСКОПА РЯЗАНСКАГО, КЪ ГАВ-ЛУ, АРХІЕПИСКОПУ РЯЗАНСКОМУ ЖЕ. *

I.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

ылая въ Кіевъ роднаго моего братца по домашнимъ, се-ымъ, нуждамъ, приказалъ я ему лично получить отъ Васъ, ый Архипастыръ, благословеніе и засвидѣтельствовать достоянное глубокое уваженіе и искреннюю братскую Господѣ, а также сказать Вашему Высокопреосвящен-ѣхъ здѣшнихъ обстоятельствахъ, довольно ему извѣстныхъ, ко соизволите удостоить его своими вопросами объ оныхъ. я не пишу къ Вамъ, но имѣю постоянное общеніе съ ухомъ и сердцемъ, которое вполнѣ уразумѣваю. Да про-Ванъ милости Господни обильнѣйшія до вѣка!

Вашему Высокопреосвященству
преданнѣйшій
Смарагдъ, А.

28, 1836.
лоцкъ.

Съ благодарностію и особенною пользою получилъ и у отъ неизвѣстнаго (яко бы) объ Уніатахъ, Поелику у обной нѣтъ, то посылаю при семъ литограф. изображе-добныя Евфросиніи. Если таковаго нѣтъ у Васъ, то про-ки принять.

ръ Крыжановскій, 1819 Магистръ (4-й) 3-го выпуска Петербургской Академіи и тогда же монахъ, 1821 Инспекторъ Кіевской Академіи, имандритъ, 1826 Ректоръ Кіевской Семинаріи, 1828 Виленской, от-ской Академіи, 1830 Петербургской, 1831 Викарій Ревельскій, 1833 Полоцкій, 1836 Архіепископъ, 1837 Могилевскій, 1840 Харьковскій, рханскій, 1844 Орловскій, 1858 Рязанскій, 1863 умеръ Ноября 11 .

II.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Отецъ и Архипастыр

Усерднѣйше благодарю за благосклонный отзывъ Ва 24 сего Іюня, и искреннѣйше поздравляю Ваше Высокоп щенство съ истиннымъ повышеніемъ и наипаче съ избав отъ Бѣлорусскаго гнѣздилища лукавства, лжи, клеветъ, н и болѣзненныхъ страданій. * А для меня увы, перемѣняетс ко мѣсто терпѣнія... * Да будетъ воля Господня, да будет по глаголу Твоему, Владыко святый, обѣщевающему мнѣ Полотска нѣкоторую отраду!

Вашему Высокопреосвященству, конечно, не безъизвѣст внутреннее мое здѣшнимъ, Римско-Католическимъ, чисти обновленіе, окончилось внѣшнимъ откровеніемъ пожарнаго ни, отъ коего въ 15-й день сего Іюля сгорѣла наилучша Полотска и здѣшняя каѳедра не мало отъ того пострадал то монастырь Богоявленскій, бывшій среди пламени, спасе лосердіемъ Божіимъ. Архіерейское подворье, на коемъ жи чіе, со всѣми принадлежностями, запасами и простыми эк ми совсѣмъ истреблено. У меня самого премногія вещи п дены, затеряны и безъ вѣсти пропали во время переноски ста на мѣсто, и особенно библіотека домашняя погибла сей причинѣ, а равно и по произшедшему не малому въ замѣшательству, не могу иначе прибыть въ Могилевъ, ** как къ числу 15-му Іюля; и то дай Богъ, чтобъ успѣть! сколько ни желалъ бы увидѣть ангельское лице Ваше и п довать съ Вами для моей же существенной пользы, по обрѣту сіе счастіе, какъ сами изволите усматривать. *** Если в вите на бумагѣ мысли свои о лицахъ и дѣлахъ для моего нія: то за сіе навсегда пребуду Вамъ благодарнымъ и п юсь во всемъ согласоваться съ Вашими, сколько опытными ко жь всегда обдуманными и мудрыми, указаніями. Не

---

* Переводомъ изъ Могилева въ Рязань 1837 г. О. Б.

** Тоже переводомъ 1837 года, въ Могилевъ, на мѣсто Гавріила Іюня

*** Такъ какъ Гавріилъ былъ на Могилевской каѳедрѣ съ 26 Августа по 15-е Іюля, 1837. О. Б.

ыхъ, Владыко святый, и поручите довѣренной особѣ пере-
сверхъ того, всѣ планы Ваши для моего исполненія.

аховъ Регентъ, облагодѣтельствованный Вами, можетъ ску-
мнѣ въ Могилевѣ, а по тому соглашаюсь я на отъѣздъ
Вашимъ Высокопреосвященствомъ; за симъ если нуженъ
келейникъ, извольте взять его съ собою въ дорогу не-
но съ прописаннымъ Вами условіемъ. Пѣвческій же хоръ
ите, Владыко, поручить способнѣйшему и надежнѣйшему,
емъ, прочемъ распорядиться не какъ бывшій, но какъ на-
Начальникъ, Отецъ и Архипастырь: ибо увѣренъ я въ
души моей, что всѣ Ваши распоряженія и мудры, и свя-
я Могилевской паствы, равно какъ и для меня самаго,
ельны.

Борсукахъ остановиться, по Вашему совѣту и наставленію,
ни малѣйшей встрѣчи принимать не желаю; впрочемъ, я
ъ одному изъ здѣшнихъ лицъ увѣдомить о семъ Ключаря
ія.

лѣ сего обращаюсь къ Вашему Высокопреосвященству и,
Васъ объятіями сердца моего и духомъ моимъ лобызая
ьскія уста и десницу Вашу, благодарю, и не престаю благо-
Васъ за тѣ пособія, коими снабдить меня изволили при
Епархіи Полоцкой, а равно и за тѣ мысли и понятія,
оянно имѣть о мнѣ изволили, съ искреннимъ желаніемъ
каго добра. Оставьте и теперь для меня, Высокопреосвя-
ій сосѣдствующій Владыко, хотя часть нѣкую тѣхъ бла-
ъ свойствъ и Божіихъ благословеній, коими непрерывно
ждалось служеніе Ваше въ Могилевѣ, да, возслѣдствуя
достигну страны мира, въ коей, а не здѣсь, умереть желаю,
рашивая Вашихъ святительскихъ молитвъ, съ сердечнымъ
емъ и искреннѣйшею братскою любовію есмь и навсег-
ду

Вашего Высокопреосвященства

преданнѣйшій и всепокорнѣйшій слуга

Смарагдъ, Архіеп. Могилевскій.

г., Іюня 30.
олотскъ,

получилъ Указъ 22 Іюня.

III.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко

Милостивый Архипасть

Многократно собирался я писать къ Вашему Высоко
ществу, но не имѣлъ къ тому особенныхъ случаевъ и
ній. Нынѣ же, при отъѣздѣ изъ Харькова новоназначен
Вамъ Гражданскаго Губернатора, Димитрія Сергѣевича
не могъ удержаться, чтобъ не сказать предъ Вами н
словъ.

И прежде всего, позвольте поздравить Васъ, Преосвя
шій Владыко, съ недавнимъ полученіемъ (давно уже з
наго), Высочайше пожалованнаго Вамъ Ордена, означаю
чественную пользу, которую Вы постоянно соблюдали
всегда пеклись и, какъ мнѣ кажется, несравненно болѣе
о своей собственной. Усерднѣйше желаю, чтобъ благод
стова и благоволеніе Верховнаго Правительства и впредь
но украшали жизнь Вашу, укрѣпляли силы душевныя
сныя, и всегда сопутствовали Вамъ при трудахъ Вашихъ,
зу Св. Церкви и Отечества.

Можно по совѣсти рекомендовать Вашему Высоко
ществу новаго Рязанскаго Губернатора, Димитрія Сергѣев
лова, и супругу его, Марію Борисовну. Они жили у
мейственно, ревностно соблюдали обязанности Религіи и
ли всеобщее къ себѣ уваженіе. Весьма, весьма многіе жа
отъѣздъ ихъ изъ Харькова. Я, съ моей стороны, предвѣщ
въ Рязани пріятную жизнь, а Вашему Высопреосвященст
предсказать, что изволите найти въ Димитріѣ Сергѣевич
го сотоварища и споспѣшника всѣмъ Вашимъ благим
реніямъ.

Можетъ быть они скажутъ Вамъ что либо и о моем
ящемъ житьѣ, но я умалчиваю, и ничего хорошаго сказат
не могу. Впрочемъ, вѣрно то хорошо (въ нѣкоторыхъ
ніяхъ), на что воля Божія, которую свято чту.

Съ совершенымъ почитаніемъ и искреннѣйшею пред
нѣю честь навсегда пребыть

Вашего Высокопреосвященст

покорнѣйшимъ слу

Смарагдъ, Архіепископъ Харьковскій и Ахт

1841, Мая 4.
Харьковъ.

Ахтырка славится чудотворною иконою Божіей Матери
кой, и множествомъ туда стекающихся богомольцевъ.
ія имѣетъ особенный свой характеръ, ни мало не похо-
прочія изображенія Божіей Матери. И, какъ въ Вашей
й странѣ, вѣроятно, нѣтъ таковой иконы, то я при семъ
ждаю оную Вашему Высокопреосвященству, въ знакъ
скренняго поздравленія Васъ съ Монаршею милостію, и
хъ благожеланій, кои изъяснены въ этомъ письмѣ моемъ.
ъ Пресвятая Дѣва Марія помощницею во всѣхъ начина-
шихъ! А я прошу святѣйшихъ предъ нею, Владычицею
Вашихъ.

. Дотстовѣрно зная, сколь много я оклеветанъ предъ Ва-
лсокопреосвященствомъ, долгомъ поставляю объясниться
о крайней мѣрѣ, въ одномъ пунктѣ, именно въ томъ, что
не доносчикъ на святительскую Вашу особу, высоко
ажаемую. Вы Ангелъ Божій, чистый, кроткій, совершен-
рыстный!.... Это я знаю по Вашей жизни и по Вашимъ
мъ въ Могилевѣ, какъ преемникъ Вашъ. И могъ ли я
противъ таковаго Ангела? А дѣло вотъ какъ было: По
и окаяннаго, онаго флигеля (строившагося при воро-
гилевскаго Архіерейскаго Дома), наряжена была Коммис-
освидѣтельствованія прочности работъ и правильности
къ, изъ свѣтскихъ и духовныхъ членовъ. Коммиссія эта,
непрочность матеріаловъ, употребленныхъ на постройку
отозвалась весьма сумнительно и о прочности самаго
такъ что нужно было удержаться отъ окончательной
и съ Евреями, подрядчиками по флигелю. Между тѣмъ я
къ Графу Толю и, препроводивъ къ нему обоюдный и су-
ный отзывъ о флигелѣ Коммиссіи, свидѣтельствовавшей
ку, спрашивалъ его: можно ли по тому отзыву признать
оконченнымъ и окончательно расплатиться съ Евреями?
оль отвѣчалъ, что изъ отзыва свидѣтельствовавшей по-
Коммиссіи, ничего вѣрнаго и рѣшительнаго онъ заклю-
ожетъ, и что, для избѣжанія отвѣтственности Епархіаль-
чальства за принятіе въ свое вѣдѣніе (отъ Евреевъ) фли-
коемъ столь сумнительно отозвалась ревизіонная Коммис-
бходимо нужно тотъ флигель пересвидѣтельствовать при
кѣ Департамента Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій,
рафъ Толь тотчасъ же прислалъ въ Могилевъ. Пока все
сходило, Евреи, вѣроятно, будучи наущены духовными

членами Строительной Комиссіи, учрежденной при Архіер
Домѣ, подали жалобу на меня въ Святѣйшій Синодъ, а
къ Государю, Императрицѣ, Наслѣднику, пребывавшему т
Могилевѣ цѣлый мѣсяцъ, и въ разныя Правительства,
обносили меня, что я, будто бы обижаю ихъ и безъ всяк
чины удерживаю у нихъ заработанныя деньги. Святѣйшій
тотъ же часъ потребовалъ отъ меня отвѣта и подробныхъ
ній относительно построенія флигеля. И тогда-то я,
самъ подсудимости, принужденъ былъ прописать справ
зывъ чиновника, присланнаго отъ Графа Толя, о флигелѣ
ковомъ отзывѣ упомянуто было и то, что флигель постр
утвержденному Вашимъ Высокопреосвященствомъ плану,
тому, который составленъ въ Комиссіи проектовъ и см
сей послѣдній былъ въ большемъ размѣрѣ, нежели первый
Но, при разсмотрѣніи въ Синодѣ справки и свѣдѣній,
особенное вниманіе на это, дѣйствительно побочное, обс
ство, коего, впрочемъ, скрыть не было возможности, при
ней строжайшей по казеннымъ зданіямъ и суммамъ отч
Я не знаю, въ чемъ я здѣсь виноватъ? Виноватъ дѣйств
что не могъ быть согласнымъ въ сужденіи объ одном
много нанесшемъ мнѣ непріятностей, да и Ваши бла
позабывшемъ и во зло ихъ употребившемъ! Господь пр
да будетъ ему судія! Говорю это по Епископской совѣсти

IV.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко

Милостивѣйшій Отецъ и Архипасты

За благосклонный отзывъ ко мнѣ Вашего Высоко
щенства отъ 29 прошедшаго Генваря приношу Вамъ,
вѣйшій Архипастырь, нижайшую благодарность. Одобреніе
относящееся къ О. Ректору Архимандриту Антонію, буде
нѣйшимъ залогомъ всегдашней моей къ нему братской
искренней благорасположенности. Дай только Богъ, что
не скучалъ здѣсь послѣ Рязани, гдѣ онъ имѣлъ изрядны
стырь. Пріѣхалъ онъ сюда на послѣднихъ дняхъ сы

ѣли. Въ первую седмицу наступившей Св. Четыредесятни-
мы готѣли, и по тому я еще не успѣлъ близко съ нимъ
миться. Но теперь, имѣя въ виду столь доброе Ваше о немъ
я смѣло войду въ самыя дружескія къ нему отношенія. *
имно испрашивая Вашихъ Святительскихъ о себѣ молитвъ,
енчѣйшимъ почитаніемъ и всегдашнею преданностію и
тельностію, честь имѣю пребыть,

Вашего Высокопреосвященства,

милостивѣйшаго Отца и Архипастыря,

всепокорнѣйшимъ слугою

Смарагдъ, Архіепископъ Орловскій.

Февраля 1858 г.
Г. Орелъ.

V.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Архипастырь!

Архимандритъ Аѳанасій приготовилъ нѣсколько книгъ
мы хотѣли раздать воспитанникамъ. Но книги сіи, по
о нашему, довольно мелочны. Посредствомъ же Вашего
преосвященства Господь посылаетъ намъ богатыя книги,
ей цѣли. Благодаримъ Васъ, Владыко святый, за такое
частіе въ дѣлѣ, которое по всему ближе къ Вамъ, нежели
амъ. И, какъ Вы обѣщаете почтить своимъ посѣщеніемъ
іе духовныхъ дѣвицъ завтрешній день, то я напередъ про-
ь, Милостивый Архипастырь, книги Ваши и раздать имъ
ными вашими благословляющими руками. **

, изъ Саратовской Семинаріи, постриженный въ иночество 1832 г., какъ
анникъ Московской Духовной Академіи и ея Магистръ (15-й) VIII-го
а, 1832 Профессоръ и Инспекторъ Ярославской Семинаріи, 1834 Иѳоан-
39 Архимандритъ, 1840 Ректоръ Рязанской Семинаріи, 1858 Орловской,
я 21-го Викарій Одесскій, 1859 Новомиргородскій, 1862 Епископъ
скій, 1868 Пермскій. О. Б.

времи Смарагдъ былъ уже на Рязанской каѳедрѣ, съ 5-го Іюня, 1858
преемникъ Гавріила, проживавшаго, съ 10-го Мая, на покоѣ въ Ря-
ъ Ольговомъ монастырѣ. О. Б.

До завтрешняго личнаго свиданія, свидѣтельствуя Высокопреосвященству особенное братское почитаніе, ст нею о Христѣ любовію пребыть имѣю

Вашего Высокопреосвященств
покорнѣйшимъ слу
Смарагдъ Архіепи

27 Іюля,
1858 г.

P. S. Не угодно ль заутра пожаловать ко мнѣ, въ 1 утра, а въ 11-мъ (въ половинѣ онаго) мы вмѣстѣ отпра въ Дѣтскій Пріютъ.

VI.

Высокопреосвященнѣйшій Владык

Милостивый Архипаст

По бездорожью и обдержащимъ занятіямъ не м воспривѣтствовать Ваше Высокопреосвященство съ днем Ангела, хотя, по чувствамъ моего сердца, весьма того ж По этой причинѣ нарочито посылаю Казначея Архіерейск съ сею хартіей и, усерднѣйше поздравляя Васъ съ А скимъ Тезоименитствомъ Вашимъ, молю всеблагаго Г сохранитъ онъ жизнь Вашу въ возстановленномъ здр устроитъ душевное спасеніе Ваше и даруетъ Вамъ вс по желанію сердца Вашего!

Съ душевнымъ высокопочитаніемъ и
преданностію честь имѣю
Вашего Высокопреосвященст
покорнѣйшимъ слу
Смарагдъ Архіепископъ Ряз

1859 г.
Марта 26.

P. S. Достигла ль до Вашего Высокопреосвященства брошюрка о празднованіи Пятидесятилѣтія общей воспитательницы нашей, С.-Петербургской Д. Академіи? Если не достигла, то при семъ посылаю ее къ Вамъ. Академическое Правленіе извѣщаетъ меня, что, «по случаю 50-тилѣтія Академіи, предположено составить, въ память онаго, вѣчный капиталъ, проценты съ котораго выдавать, какъ премію, воспитанникамъ Академіи за отличныя богословскія сочиненія, а также употреблять на пріобрѣтеніе нужнѣйшихъ книгъ для особаго отдѣла Академической Библіотеки, и проч. и проч. По чему оное Правленіе, между прочими, обращается и ко мнѣ, какъ бывшему воспитаннику и начальнику С.-Петербургской Академіи, съ тѣмъ, чтобъ принялъ я участіе въ составленіи означеннаго капитала и предложилъ подобное участіе подвѣдомымъ мнѣ и знакомымъ лицамъ, получившимъ образованіе, или служившимъ, въ С.-Петербургской Д. Академіи.» Каковое предположеніе Академіи утверждено и Святѣйшимъ Синодомъ.

Вездѣ требуются деньги, а объ томъ не думаютъ, много ль имѣютъ денегъ воспитанники (бывшіе) Академіи, и даже наша братія, Архіереи, получающіе ничтожнѣйшее жалованье.

VII.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь!

Я совершенно согласенъ на производство О. Серапіона во Игумена и награжденіе О. Иннокентія набедренникомъ. Но объ О. Серапіонѣ не нужно ль будетъ представить въ Святѣйшій Синодъ? Какъ приближается праздникъ Р. Х., то я за непремѣнный сочту долгъ побывать у Вашего Высокопреосвященства и испросить личнаго Вашего наставленія. Я, перенесъ жесточайшую 2-мѣсячную болѣзнь, а теперь, хотя чувствую еще остатки оной (въ рукахъ, отъ чего и пишу худо), но уже, слава Святѣй и Живоначальной Троицѣ, совершенно выздаравливаю и готовлюсь на сихъ дняхъ литургисать.

Прошу Васъ, Владыко святый, вознесть о мнѣ, недостойномъ, Ваши мощныя святительскія молитвы ко Господу, милосердова-

телю насъ грѣшныхъ. Я жъ взаимно есмь и пребуду с
нымъ почитаніемъ и искреннею преданностію

Вашего Высокопреосвященства

нижайшимъ и благопріятельнымъ слуго

Смарагдъ Архіепископ

1859, Декабря 15.
Г. Рязань.

VIII.

Высокопреосвященнѣйшій Влады

Всеусерднѣйше привѣтствую Ваше Высокопреосвяще
радостнымъ днемъ Архангела Вашего.

Отъ всей моей души и съ теплою молитвою ко Гос
лаю Вамъ, милостивый Архипастырь, здравія, душевна
долговременной, богоугодной, жизни и всего того, что с
це Ваше признаетъ нужнымъ для внѣшняго и внутренняг
денствія Вашего.

Приношу также мое искреннѣйшее благодареніе за
шее поздравленіе Вами меня съ днемъ моего Ангела,
щагося въ числѣ Четыредесяти мучениковъ. *

Съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною о Господ
вію на всегда пребыть имѣю,

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшимъ слугою

Смарагдъ Архіеписк

1860 г., Марта 26.
Рязань.

---

* Севастійскихъ, 9-го Марта. О. Б.

IX.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Архипастырь!

Приношу мою искреннѣйшую благодарность за присланныя о мнѣ поученія Ваши.

Раздавать оныя въ даръ и продавать желающимъ Ваше Высокопреосвященство можете по собственному Вашему произволенію, и съ моей стороны ни малѣйшаго препятствія тутъ быть не можетъ.

Относительно покупки тѣхъ Словъ Вашихъ по церквамъ Рязанской Епархіи я предложу Консисторіи, и надѣюсь, что сдѣлано будетъ ею благопріятное распоряженіе о семъ предметѣ.

Радуюсь, слыша, что Вы поправляетесь въ своемъ здоровьѣ; для меня же этотъ годъ есть самый злосчастный! Не то, такъ другое; не другое, такъ третье. Нынѣ схватилъ я лихорадку и принимаю отвратительную хинину (впрочемъ, не по рецепту Ивана Крестьяновича, коему прошу о семъ не сказывать). Полагаю, что лихорадка произошла отъ водъ, разлитіе коихъ нынѣ чрезвычайно обширно близъ нашего дома. Я чувствую себя теперь нѣсколько лучше.

Препоручая себя дальнѣйшему отеческому Вашему ко мнѣ благорасположенію, съ глубокимъ почитаніемъ и преданностію есть имѣю на всегда пребыть,

Вашего Высокопреосвященства

нижайшимъ и неизмѣнно благопріятельнымъ слугою

Смарагдъ, Архіепископъ.

1860, Апр. 14.

ПИСЬМО [1]

КНЯГИНИ ЕВДОКІИ НИКОЛАЕВНЫ МЕЩЕРСКОЙ [2]
ОСВЯЩЕННОМУ АВГУСТИНУ, ЕПИСКОПУ ДМИТРОВ
УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОСКОВСКОЮ ЕПАРХІЕЮ

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый нашъ Архипаст

Всегда съ благодарнымъ сердцемъ воспоминаю, что
благодѣтельными наставленіями [3] имѣла счастіе получить
ніе соорудить храмъ Божій въ сельцѣ моемъ Аносинѣ. [4]
перь не къ кому, [5] какъ къ Вамъ, попечительному нашем
рю, прибѣгаю [6] довершить Ваше благодѣяніе, уврачева
мою, издавна испытуемую скорбями, [7] болѣзнями, а тепе
ше уязвленную. Нашествіемъ лютаго врага лишилась

---

[1] Копія съ подлинника, найденнаго въ Архивѣ Московской Духов
сторіи.

[2] Вдова Князя Поручика Бориса Ивановича Мещерскаго, въ монаш
нія, получила особенную извѣстность, какъ основательница и пер
тельница Аносинскаго Борисоглѣбскаго монастыря, находящагося
родскомъ Уѣздѣ Московской Губерніи, въ 35 верстахъ отъ столи
лась 1836 года, 3 Февраля. Въ настоящемъ году, 18-го Сентября,
лось 50-лѣтіе со дня открытія Аносинской обители.

[3] Руководствуемая.

[4] По резолюціи Митрополита Платона, отъ 3 Марта, 1810 года, за
Аносинѣ, въ Маѣ того же года, каменная трехпрестольная церк
Живоначальныя Троицы. Въ 1811 г. окончена наружною постро
крыта желѣзомъ; въ 1812-мъ оштукатурена извнѣ и внутри; ико
обоихъ предѣлахъ были поставлены.

[5] Ни къ кому другому.

[6] Съ покорнѣйшею просьбою.

[7] Рано лишилась своего супруга.

мнѣ людей; состояніе разстроилось, какъ многими разореніями отъ непріятелей, [8] такъ и служа остатками общему благу и спокойствію (которое да, совершась, вознаградитъ насъ!). [9] Единую отраду нахожу и ожидаю, дабы привести къ освященію устроенный мною храмъ, который, по всеобщему несчастію, [10] вскорѣ не можетъ быть такъ конченъ, какъ былъ начатъ; ибо мастеровые, взявши значущіе [11] задатки по условіямъ, начавъ работу, должны были оставить и искать своего спасенія, укрываясь отъ свирѣпаго тигра. Надѣюсь, что Ваше Высокопреосвященство дозволите освятить предѣлы, не взирая, что еще золотьба не кончена, которую и по освященіи, при первой удобности, обязуюсь, по условію сдѣланному, выполнить. [12] Ризница у меня готова [13] и смѣю сказать, что довольно хорошая. Недостаетъ звону, на который я посвящаю все, что теперь имѣю, дабы оный купить; но въ случаѣ, буде, за общимъ разстройствомъ, не отыщутъ гдѣ купить, то смѣю предложить Вашему Высокопреосвященству: не соблаговолите ли назначить мнѣ какой вкладъ положить въ Саввин-

---

[8] Передъ нашествіемъ ихъ въ Москву, Княгиня, имѣвъ съ дочерью и прислугой, удалилась въ г. Моршанскъ, Тамбовской Губ. Когда непріятель занялъ Москву, полчища его, какъ извѣстно, разсѣялись по разнымъ окрестнымъ Уѣздамъ. Три раза, партіями въ 50 человѣкъ, они дѣлали набѣги и на село Аносино, господскій домъ со всѣми принадлежностями разграбили, въ храмѣ рѣзьбу на иконостасахъ поломали, лампады и все, что было изъ желѣза, или мѣди, даже богослужебныя книги, расхитили... Для поправленія Троицкой церкви и всего хозяйства, Княгиня должна была дѣлать, въ 1813 году, значительные займы (Изъ жизнеописанія игумена Евгенія Мещерской, помѣщеннаго въ Ноябр. кн. «Душеполезнаго Чтенія» за 1869 г.). Но пишя это письмо въ Моршанскѣ, она еще не знала о томъ, что было въ Аносинѣ и что послѣ встрѣтила тамъ. Преосвященному она жалуется, что ея недвижимое имущество, въ разныхъ Губерніяхъ состоящее, частію было разграблено, частію разорено отъ непріятелей.

[9] Разумѣетъ пожертвованія на военныя издержки.

[10] Французская война породила много бѣдъ.

[11] Значительные.

[12] По случаю исправленія придѣловъ, поврежденныхъ непріятелемъ, о чемъ не знала Княгиня, когда писала письмо, освященіе ихъ послѣдовало не скоро. Тихвинскій придѣлъ освященъ 26 Іюня (въ праздникъ Тихвинской иконы) Намѣстникомъ Саввина мон., Іеромонахомъ Іустиномъ, а другой придѣлъ въ честь Благовѣрн. Князей Бориса и Глѣба, въ 1814 г., 15 Сент. Настоящая церковь освящена Митрополитомъ Филаретомъ, 1822 года, Мая 4-го.

[13] Едва ли сохранилась послѣ непріятеля.

ской монастырь, [14] и оттолѣ получить звонъ, бывшей въ
ской упраздненной церкви, на мѣсто которой, по дозволен
сооружена. [15] На сіе прошу Вашего рѣшенія, по которо
телю сего письма предписано руководствоваться. Отно
Священника къ Вамъ же прибѣгаю: кого изберете и
(лишь не изъ Павловскаго причту, который слишкомъ
стенъ), [16] я останусь довольной, и, имѣя его Ваши
ромъ и благословеніемъ, [17] буду ожидать всего хорошаг
добрѣ упасетъ ввѣренное ему стадо. Дома, какъ для него
причту, [18] выстроены покойные и чистые. Предпринявъ
ніе храма, не соразмѣряла по состоянію моему, а старала
чтобы все соотвѣтствовало столь великому предназначе
служенію по вѣрѣ нашей. [20] Довершите же отеческое Ва
попеченіе, дайте вкусить отраду, и благословите [21] Свящ
дабы скоряе приступить къ освященію. По гласу Вашем
му желаемому торжеству, не укосня, явлюсь съ сиротой

---

[14] Въ верстѣ съ половиною отъ Звенигорода. Настоятелемъ монасты
лемаго Викаріями Московскими, былъ тогда Преосвященный Ав

[15] Церковь въ Аносинѣ построена, вмѣсто бывшей въ селѣ Иванов
1 вер. отъ Аносина), Казанской церкви, упраздненной за ветхост
приходствомъ, 1800 года, Мая 11-го. Приходъ приписанъ села
(въ 6 вер. отъ Аносина) къ Казанской церкви, въ которую и це
тварь отдана, а самая церковь (деревянная), по разобраніи, пере
Саввинъ монастырь на печеніе просфоръ и топленіе церковныхъ
да и колокола, числомъ 4, отданы. Съ постройкой въ Аносинѣ ц
Ивановское съ деревнями (всего 34 двора) отчислено было къ
Оно принадлежало Генералу отъ Кавалеріи Андрею Сем. Кологрив
куплено у Князя Егора Голицына (Изъ дѣлъ Архива Московско
Консисторіи).

[16] Аносино въ это время состояло въ приходѣ Казанской церкви се
скаго. Княгиня, по болѣзненнымъ припадкамъ, за дальностію, къ
церкви всегда ѣздить не могла, и получила дозволеніе постр
церковь.

[17] Имѣя Священника, котораго вы изберете и благословите служит

[18] Два причетника.

[19] Храма.

[20] Священнослуженію.

[21] Дать.

[22] Дочь Анастасія, 16-ти лѣтъ.

укрывала отъ золъ вражіихъ. Препоруча себя и дочь благословенію, съ истиннымъ высокопочитаніемъ остаюсь,

Вашего Высокопреосвященства,

Милостиваго Государя,

всепокорнѣйшая къ услугамъ

Княгиня Авдотья Мещерская.

ла 5-го Генваря,
1813 года.

Моршанскъ.

Сообщ. **Архимандритъ Григорій.**

STANFORD LIBRARIES

ПИСЬМА

ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО

къ

Игуменіи Вѣрѣ. [1]

I.

Благословеніе Вамъ Господне въ пути духа и въ п
номъ. [2]

Господь да послетъ Вамъ потребный совѣтъ чрезъ
человѣка, или полезную мысль невидимо!

---

[1] Головиной, въ мірѣ Варвара Михайловна, дочь Генералъ-Маіора
Лаврентьевича Львова, и Анны Егоровны Замятниной. Получивъ выс
зованіе, она была выдана за гвардіи Полковника, Василія Ивановича
и имѣла дочь Анну, скончавшуюся почти трехъ лѣтъ. Мы видѣли п
живописный портретъ этой малютки, держащей букетъ цвѣтовъ.
емъ благочестивой вдовы построена, въ 1850 г., въ Московскомъ Зач
дѣвичьемъ монастырѣ, и ея собственными трудами очень изящно
(иконописью и проч.), больничная церковь Сошествія Св. Духа, съ
богадѣльней подъ ними для болящихъ старицъ. Въ новой церкви Варва
ловна пострижена въ монашество, 24 Декабря, 1854, а въ слѣдуюп
28 Окт., посвящена въ санъ Игуменьи Покровскаго Хотькова монаст
Троице-Сергіевой лавры. Переведена Настоятельницею въ Московскій
монастырь 1858, Августа 28; въ Новодѣвичій первоклассный въ Мос
Августа 7, и за полезную, отлично усердную, службу удостоена Вы
награды наперснымъ крестомъ въ 1865. Въ слѣдующемъ году, по соб
прошенію, уволена, за болѣзнью, отъ настоятельства, съ дозволеніемъ
пребываніе при созданной ею больничной церкви въ Зачатейскомъ м
Въ томъ же храмѣ она, еще въ 1863 г., приготовила и могилу д
молодой супругъ ея и дочь похоронены въ Покровскомъ мужскомъ м

[2] Варвара Михайловна должна была на время разстаться съ обителью
скою, подъ сѣнію которой водворилась, и ѣхать въ свое помѣсть
ское), находящееся въ Смоленской Губерніи въ Юхновскомъ Уѣздѣ;
сожжена суконная фабрика со всѣми машинами, въ слѣдствіе раздора
съ мастерами. Надлежало водворить порядокъ и миръ.

ченіе неправомыслящихъ не легко совершается. Съ стороны добрый примѣръ, доброе слово, кроткое, но спра-, дѣйствованіе составляетъ Вашу обязанность. [3]

Фер. 23. 1849.

II.

тый благовѣрный Князь Даніилъ началъ устроять Москву рошо устроилась.

нитвы его да споспѣшествуютъ Вамъ благоустроить об-

Ф. М. Московскій.

Генв. 31, 1856.

III.

подобной Игуменіи Вѣрѣ благословеніе о имени Господа шаго, такожде и сподвизающимся со тобою. Срѣтившій ецъ и изрекшій имъ: «Радуйтеся!» да срѣтитъ и Васъ на нитвы, и да дастъ свою радость въ сердца Ваши!

ніе плоды отъ Васъ, [5] по расположенію Вашему, пріемлю дарностію: но когда подумаешь, сколько труда и времени ено для ранняго плода, то совѣстно употребить его. Вос-ся искуствомъ и тщаніемъ: но вспомнимъ, что С. Васи-кій велитъ заниматься рукодѣліями преимущественно про-ужными, полезными, а не роскошными.

Ф. М. Московскій.

Апр. 18, 1856.

сьмомъ нѣтъ именной подписи Владыки.

ое письмо хранится въ Хотьковѣ, въ общемъ сестринскомъ корпусѣ омъ, при иконѣ Св. Князя Даніила, которою Владыка благословилъ

изъ Хотьковскаго сада, посланная съ артосомъ пасхальнымъ.

VIII.

Препонобной Игуменіи Вѣрѣ и сестрамъ Божіе благ
во имя Господа Христа Жизнодавца. Христосъ воскресе!

Радуйтесь о Господѣ: и да будетъ радость Господ
человѣческой печали!

Помышляя о присныхъ съ печалію, помышляйте о н
паче съ молитвою. Ваша печаль не улучшитъ опечаливаю
положенія: молитва можетъ быть во благо и Вамъ и им
Господь да сохраняетъ Васъ въ мирѣ!

Филаретъ М. Московскій

Марта 24, 1858.

Освидѣтельствованіемъ больной [13] не открылось ниче
что могло бы Васъ озаботить особенно. Впрочемъ дума
ее для лѣченія въ мѣсто, болѣе для сего удобное; и это
еще покойнѣе.

IX.

Божіе благословеніе и миръ Преподобной Игуменіи
сестрамъ обители.

Поминайте, что и семейство и себя предали Вы Г
сею преданностью и утишайте и умѣряйте скорбь со
скорбямъ семействъ.

Господь, по предстательству Пресвятыя Богородиц
осѣнитъ своею благодатію чадо Андрея, и благо да б
душѣ и тѣлу! [15]

Ф. М. Московскій.

(Гевсиманскій) (скитъ).

Іюня 3, 1863 г.

---

[13] Дворянка Л-ва, присланная въ монастырь въ качествѣ подвигал
[14] Съ письмомъ посланъ образокъ Божіей Матери.
[15] Мать Игуменія писала къ Владыкѣ: «Младшій сынъ (19 лѣтъ) брата
генералъ-Маіора Андрея Михайловича Львова, Андрей, безнадежно бо
ной горячкой. Не взирая на всю тяжесть нашего горя, я бы не

X.

одобной Игумении Вѣрѣ Божіе благословеній и миръ.

Богу ли повинется душа моя?» сказалъ нѣкто, кото-
и бы могли мы подражать, то это было бы счастливо.
ъ скажите и Вы отъ сердца: «Не Богу ли повинется душа
ъ миромъ кроткаго терпѣнія, понесите болѣзнь, или ску-
, и неполное исполненіе того, что желали бы испол-
анію и служенію.

кому повиновенію призванъ и я. Естьли бы и въ Мо-
не въ силахъ былъ бы принять участіе въ Вашемъ
16

детъ празднованіе Ваше благоугодно Богу и благопрі-
мъ!

Филаретъ, М. Московскій.

рѣ.
,

XI.

благословеніе Преподобной Игумении Вѣрѣ и сестрамъ

дь да укрѣпляетъ Васъ, и въ немощи Вашей да совер-
свою!

ивляйтесь, что дальніе гости мало обращали вниманія

Васъ, но больной, вотъ уже четыре дня, какъ не перестаетъ повто-
ы изволили ему обѣщать, чрезъ меня, на благословеніе икону,
ъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ... видно, что душа его сильно чув-
требность Вашей о немъ св. молитвы.» Получивъ отъ Владыки
Божіей Матери Владимирской, онъ сталъ выздоравливать, и на дру-
нь, къ удивленію пользовавшихъ его врачей, Овера и др., могъ
постели. Но съ чего больной вообразилъ, что Митрополитъ обѣ-
икону, онъ и родные объяснить не могли. «Это его Ангелъ ему
сказалъ Владыка. У него хранится подлинное письмо.

ываетъ каждогодно крестный ходъ изъ Кремлевскихъ соборовъ въ
й монастырь въ память возвращенія, 1496 г., иконы Божіей
оленской изъ Москвы въ Смоленскъ. Установленъ 1524 г.

на священную древность. [17] Они въ иныхъ понятіяхъ вос
А что обратили вниманіе на деревянныя ложки, [18] это п
для нихъ и для Васъ.

Хорошо то, что народъ къ народу приходитъ не съ
а съ словомъ доброжелательства. Пожелаемъ, чтобы тако
и дѣло, когда потребуется болѣе слова.

Ф. М. Московскі

Августа 15,
1866.

Сообщ. Архимандритъ Григорі

---

[17] Американское Посольство посѣтило Новодѣвичью обитель, 12 Август
во время служенія вечерни. Г-нъ Фоксъ и его многочисленная свита (
пріѣхали въ 14 экипажахъ. Вниманіе ихъ, при обзорѣ двухъ собор
мовъ, было довольно разсѣянно.

[18] Въ трапезѣ столы были накрыты къ ужину: тутъ всѣ очень хвали
ство и чистоту. Особенное вниманіе Г-на Фокса было обращено на
ложки и квасъ, который онъ пожелалъ отвѣдать и, напившись, самъ
всю свиту. Въ богадѣльню и больницу зайти не было имъ времени.
меня (пишетъ мать Игуменія, 15 Авг.) пробыли нѣсколько минутъ.
я предложила описаніе монастыря съ рисунками всѣхъ зданій, въ
форматѣ; онъ принялъ его съ большимъ удовольствіемъ и сказа
везетъ своей женѣ, которая вѣрно будетъ очень жалѣть, что не
у Васъ.» Въ знакъ же благодарности своей, за радушный мой пріе
позволенія прислать мнѣ свою карточку, которую, впрочемъ, я е
лучила.»

ЗАМѢТКИ.

I.

Сентябрьской книжкѣ «Русской Старины» 1873 года, въ
ахъ изъ записной книжки,» помѣщенъ: «Проэктъ русско-
ской экспедиціи въ Индію 1800 г.» (стр. 401) и, въ слѣдъ
, приведены: «Письма императора Павла къ атаману Дон-
ойска генералу отъ кавалеріи Орлову I-му» (стр. 409 —
ь примѣчаніи, послѣ сихъ писемъ, Редакція «Русской Ста-
замѣчаетъ, что «эти собственноручныя письма императора
списанныя съ подлинниковъ, были впервые напечатаны
торическомъ Сборникѣ» (Л., изд. 1861 г., кн. II, стр. 3 —
«считая совершенно умѣстнымъ перепечатать ихъ вслѣдъ
стомъ русской экспедиціи въ Индію 1800,» и перепечата-
за чѣмъ же было такъ далеко ходить для «умѣстной»
атки, когда еще въ 3-ей книгѣ «Чтеній въ Император-
Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1860 года,
ѣлѣ V-мъ (Смѣси), на стр. 167 — 168, эти собственно-
письма императора Павла» были мною напечатаны?
ыть, увѣреніе Редакціи «Русской Старины» о томъ, гдѣ
ыли впервые напечатаны,» невѣрно. При томъ, напечатан-
«Историческомъ Сборникѣ» Лейпцига напечатано очень
вно, съ замѣчательными измѣненіями въ слогѣ, правопи-
даже въ порядкѣ, съ перестановкой изъ одного письма
ое и пропускомъ; числа тоже перепутаны. Точность въ
ескомъ изданіи—первое достоинство. Али заморское и въ
Исторіи намъ ближе, извѣстнѣе и лучше, чѣмъ свое? Али
не хорошо, да намъ гоже? Но чужія перья не нарядятъ, что
о и плохо, то и не годится, и отъ него дѣло не спорится.

Еще подобное «умѣстное» перепечатываніе не всегда бываетъ
, кстати и безгрѣшно; нерѣдко оно просто плодъ запретный,
ельство на чужое добро, ни чѣмъ не извиняемая охота
мъ карманамъ, рѣшительно въ большой части случаевъ
но и подлежитъ преслѣдованію судомъ по строго опредѣ-
Цензурнымъ постановленіямъ; но у насъ же это не толь-
тся, но промышляющіе тѣмъ еще хвастаются сдѣланной
бы услугой обществу и самому лицу, обобранному ими
церемонно, такъ нахально: «Вамъ же больше отъ того на-

вѣстности!» говорятъ эти господа, увѣряя, яко бы «перепе
все не запрещена закономъ!» Конечно, дозволена она, но
въ строго опредѣленномъ размѣрѣ, а не цѣликомъ, даже въ
ко листовъ, а подъ часъ и отъ доски до доски. Что до
нія вновь уже разъ кѣмъ либо напечатаннаго, но
этого послѣдняго, а изъ непечатной нашей письмен
многихъ частяхъ превосходящей обиліемъ и даже з
печатную, то, какъ мы уже разъ замѣчали, нужно собл
же мѣру да мѣру. Къ чему одно и то же подносить п
шей публикѣ въ разныхъ изданіяхъ? Иное дѣло, если по
вновь чѣмъ либо превосходитъ преподнесенное уже прежд
нѣе, на примѣръ, текстъ его, полнѣе, вѣрнѣе, составл
екъ съ самаго подлинника, и т. п. Въ противномъ случа
казываетъ только, съ одной стороны, либо незнаніе печ
тературы по своей части, либо же, съ другой, желаніе
у себя хорошее другого, обратившее на себя вниманіе ч
пожалуй, еще съ цѣлію прихвастнуть и имъ, вмѣстѣ с
въ, такъ называемыхъ, обзорахъ своей дѣятельности за
или истекшіе годы: «Вотъ, молъ, мы-то каковы! Тружд
жалѣя никакихъ заботъ для удовольствія и пользы наш
телей, пріемля бѣды на всякъ часъ и отъ своихъ и отъ
во градѣхъ и весѣхъ, на стогнахъ и въ уединеніи, и о
никъ, лжебратіи и отъ языкъ. Подвигомъ подвизаемс
положенія ризъ!»

II.

Въ Сентябрьской книжкѣ «Журнала Министерства Н
Просвѣщенія» 1873 года, въ отдѣлѣ: «Извѣстія о дѣяте
состояніи нашихъ учебныхъ заведеній,» именно въ извле
«Отчета Новороссійскаго Университета,» сказано, стр. 23, ч
ный отзывъ о статьѣ: «Археологія и ея значеніе,» пр
сего Университета, Ягича, напечатанъ Котляревскимъ
ніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей.» Н
лестнаго отзыва Г-на Котляревскаго ни о комъ и никогд
являлось на страницахъ «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и
стей Россійскихъ.» Отчетъ на этотъ разъ не отчетливъ.

О. Бодян

3-го Декабря, 1873 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стран.

нія борьбы между народами и сословіями на
бразованіе Русскаго Государства въ домонголь-
ій періодъ. Глава IX. Профессора Нѣжинскаго
ицея М. Д. Затыркевича..... 307 — 353

анія къ девяти главамъ..... 1 — 105

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

е моего сердца или Словарь всѣхъ тѣхъ лицъ,
коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ те-
ніи моей жизни. Князя Ив. Мих. Долгору-
каго (Окончаніе)..... 331 — 369

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

е въ Андалузіи. К. Шайнохи. Съ Польскаго
П. Шостаковичъ..... 1 — 43

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

ествіе въ Московію Барона Августина Майер-
ерга и Горація Вильгельма Кальвуччи, По-
новъ Императора Леопольда къ Царю и Вели-
ому Князю Алексѣю Михайловичу въ 1661 го-
у. Переводъ съ Латинскаго Д. Члена А. Н.
Лемякина, съ Предисловіемъ О. М. Бодян-
каго..... VIII + 1 — 104

Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ съ 1849 по 1858 годъ.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к., а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги „Временника" за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуаріи Алексѣя Егоровича Кудрявцева, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммисіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

Славянскія Древности, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 ф.

О времени происхожденія Славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855 г., съ 19 литограф. снимками; ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія Руссовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго Георгія Конискаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылки.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г., ц. 1 р. 50 к.

О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма, соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стрингольма, пер. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествія Венеціянца Марка Поло въ XIII стол., съ объясненіями Авг. Бюрха, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1863 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Письма Филарета, Митрополита Московскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1868 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Письма Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1869 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 г. М. 1868 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. серебр.

Записки о событіяхъ на Волыни и Подолѣ въ 1789 году, Ѳеодосія Бродовича, Архипресвитера Греческаго Уніятскаго Капитула Луцкаго. М. 1870, ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Сказаніе, и страсть, и похвала Св. мученику Бориса и Глѣба. По харатейнымъ спискамъ XII и XIV стол. Съ 3. литограф. снимками. М. 1870, ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Слѣдственное дѣло о Князѣ Дм. Мих. Пожарскомъ. М. 1870 ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Латыши, особливо въ Ливоніи, въ исходѣ философскаго столѣтія. Соч. Г. Меркеля. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1870. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Источецъ и его господинъ. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1872 г. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

Физика, выбранная изъ лучшихъ авторовъ, расположенная и дополнен[illegible] Нижней Семинаріи Философіи и Физики Учителемъ Михаиломъ Сперанск[illegible] 1797 г. въ Санктпетербургѣ. М. 1872. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ

выходитъ и въ 1874 году, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріалы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая—шесть рублей съ полтиной серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста—восемь. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или въ книжный магазинъ Коммисіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывшій И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ

Князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ,

у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ 1-й Гимназіи.

СЕКРЕТАРЬ

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещеринова.

БИБЛІОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,

въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ

Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ,

на Рождественкѣ, въ Университетской Клиникѣ.

АКТУАРІЙ

Алексѣй Егоровичъ Кудрявцевъ,

на Моховой, въ новомъ зданіи Университета.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1873

Октябрь – Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

7-12
19

МОСКВА.
1873.

INDIANA UNIVERSITY

ник Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ съ 1849 по 1858 годъ.

нгъ, каждая по 1 р. 50 к., а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересыл- р. На пересылку всякой книги „Временника" за 4 фунта.

нія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно : 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Алексѣя Егоровича Кудрявцева, ной, въ зданіи Университета, и 2) у Коммисіонера Общества, Московска- продавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на мъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

нскія Древности, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бо- го, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 ф.

мони происхожденія Славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго. т., съ 19 литограф. снимками; ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

рія Руссовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго Георгія аго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылки.

ски нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Се- И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г., ц. 1 р. 50 к.

оисхожденія и родинѣ Газаголитизма, соч. П. І. Шафарика; перев. цкаго А. Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

оды Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ инавовъ, соч. А. М. Стрингольма, пер. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

шествія Венеціанца Марка Поло въ XIII стол., съ объясненіями Авг. , перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1863 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

коописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, шихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемя- І. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

рія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ма Филарета, Митрополита Московскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Ри- у. М. 1868 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

ма Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго, къ Гавріилу, Архіепископу ому. М. 1869 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

ски Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 г. М. ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. серебр.

ски о событіяхъ на Волыни и Подолѣ въ 1789 году, Ѳеодосія Бродови- ипресвитера Греческаго Уніятскаго Капитула Луцкаго. М. 1870, ц. 1 р. ъ перес. 2 р.

ваніе, и страсть, и похвала Св. мученику Бориса и Глѣба. По ха- имъ спискамъ XII и XIV стол. Съ 3. литограф. снимками. М. 1870, ц. 75 к., с. 1 р.

ственное дѣло о Князѣ Дм. Мих. Пожарскомъ. М. 1870 ц. 75 к., съ р.

ціи, особливо въ Литоміи, въ исходѣ философскаго столѣтія. Соч. Г. ія. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1870. Цѣна 1 р. 25 к., с. 1 р. 50 к.

нецъ и его господинъ. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. Мо- 872 г. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

ка, избранная изъ лучшихъ авторовъ, расположенная и дополненная і Семинаріи Философіи и Физики Учителемъ Михаиломъ Сперанскимъ, въ Санктпетербургѣ. М. 1872. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

STANFORD LIBRARIES

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХ

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 9 ча
М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч.
(Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игор
1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи
Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣ
Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкам
М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описан
объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками
1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокра
ныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—184
7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбыш
М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содер
щая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей
гизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенск
И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р.,
рес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галиц
Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянск
М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. С
скимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Ѳедоровича и послѣ его
Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

**Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Р
сійскихъ**, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Р
ской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. Погод
М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисун
1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана, с
рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 184
1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ

Годъ 2, книги 2—9, по 2 руб. каждая. **Годъ 3**, книги 1—9, по 2 руб. ка
Годъ 4, книга 1, 2 рубля. **Годы 1858, 1859, 1860**, по 4 книги въ каждомъ, по
рублей въ годъ. **Годы 1861—1873**, тоже по 4 книги, по 8 рублей годъ. Все
изданіе безъ пересылки 170 руб. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоя

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1873

Октябрь — Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),

на Страстномъ бульварѣ.

1874.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙ

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на пере

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ♦.; Ч. 3-я (Слово о Полку И 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ♦.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Ис Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ♦

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ♦.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розен М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ♦.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, о объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисун 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ♦.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую ныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ М. 1836 г., ц. 1 р., пере

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., пер

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ♦. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцы М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ♦.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, щая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Кор гизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболе И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., рес. за 6 ♦.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Г **Руси** до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бод М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ♦.

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. скимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ♦.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и пос Петра I-го, изслѣд. И. Бѣлаева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ♦.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древност сійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Пра ской по перган. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., пер

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. П М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ♦.

Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ♦.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельм рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ♦.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. 1 р. 50 к., перес. за 4 ♦.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россій

Годъ 2, книги 2—9, по 2 руб. каждая. **Годъ 3,** книги 1—9, по 2 р **Годъ 4,** книга 1, 2 рубля. **Годы** 1858, 1859, 1860, по 4 книги въ кажд рублей въ годъ. **Годы** 1861—1873, тоже по 4 книги, по 8 рублей год изданіе безъ пересылки 170 руб. За пересылку взимается съ вѣса по р

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1873

Октябрь — Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),

на Страстномъ бульварѣ.

1874.

SMITHSONIAN LIBRARIES

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОТКУДА СЛОВО КРЕМЛЬ?

Письмо къ Секретарю Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Милостивый Государь,

Осипъ Максимовичъ!

Еще въ 1868 г., въ № 56-мъ газеты «Русскій,» я помѣстилъ письмо къ издателю, въ которомъ изложилъ свои мысли о нѣкоторыхъ Греческихъ словахъ, вошедшихъ въ Русскій языкъ, при чемъ я высказалъ свое мнѣніе о происхожденіи Московскаго Кремля отъ Греческаго слова χρημνός. Я зналъ, что знаменитый нашъ историографъ производилъ это слово отъ «кремня,» а П. М. Строевъ отъ Псковской какой-то цитадели, названной «кромомъ», но я находилъ и то и другое мнѣніе ошибочнымъ; ибо ни то, ни другое не имѣли достаточныхъ доказательствъ, и по тому ни сколько не сомнѣвался въ истинѣ моего словопроизводства. Но вотъ случайно попалась мнѣ въ руки, недавно вышедшая въ свѣтъ, книга почтеннаго Академика Грота подъ названіемъ: «Филологическія розысканія,» въ которой, между прочими статьями, содержится и пространное разсужденіе о происхожденіи слова «Кремль.» Въ семъ изслѣдованіи своемъ сочинитель употребляетъ всѣ возможныя доказательства для убѣжденія читателя, что слово «Кремль» неопровержимо происходитъ отъ Псковскаго «Крома,» который, не какъ собственное, а уже, по его мнѣнію, какъ нарицательное имя означаетъ всякую крѣпость. Разсматривая внимательно это разсужденіе, признаюсь, я не могъ не удивиться нѣкоторымъ доказательствамъ сочинителя, на которыхъ онъ утверждаетъ свою тему, и которыя, по моему мнѣнію, отнюдь не столь сильны, чтобы убѣдить читателя. И вотъ причина побудившая меня разобрать подробно все это сочиненіе. Впрочемъ, я отнюдь не имѣю въ виду вступать въ споръ съ сочинителемъ касательно существованія во Псковѣ какой-то крѣпости

«Крома.» Я доказываю только то, что имя нашего «Кремля» не происходитъ отъ сего «Крома» и не имѣетъ ничего общаго ни съ нимъ и ни съ какими другими названіями городовъ, сколько ни будь подходящими къ нашему «Кремлю» по своему названію. Теперь прошу Васъ покорнѣйше прежде всего помѣстить выше сказанное письмо мое къ М. П. Погодину и съ его отвѣтомъ, на что я испросилъ его согласіе, потомъ мой критическій разборъ статьи сочинителя. Это необходимо по тому, что въ письмѣ моемъ выражено вполнѣ мое мнѣніе со всѣми необходимыми доказательствами касательно словопроизводства «Кремля.» А это и дастъ читателю возможность сравнить обѣ мнѣнія, мое и сочинителя, о происхожденіи сего слова и судить, на чьей сторонѣ находится болѣе вѣроятностей.

А. К.

Письмо къ издателю «Русскаго» о нѣкоторыхъ Греческихъ словахъ, вошедшихъ въ Русскій языкъ.

Въ одномъ изъ вашихъ листковъ былъ затронутъ вопросъ объ иностранныхъ словахъ, принятыхъ въ Русскій языкъ. Введеніе и употребленіе нѣкоторыхъ весьма справедливо въ этой статьѣ признано достойнымъ осужденія, какъ, на примѣръ, слово: «гармонировать.» Вѣроятно, нововводитель полагалъ, что такъ какъ есть слово «маршировать,» то можно, по аналогіи, ввести въ нашъ языкъ и слово гармонировать. Онъ, какъ видно, не понималъ разницы между словами, принятыми оффиціяльно, и тѣми, которыя мы вводимъ сами. Но Богъ съ нимъ! Я хочу теперь поговорить о другомъ. Хочу представить на судъ вашъ нѣсколько Греческихъ словъ, давно уже въ нашемъ языкѣ получившихъ право гражданства, и просить вашего о нихъ мнѣнія, на примѣръ, относительно времени ихъ появленія, помѣщенія ихъ въ лексиконѣ и пр., не отказываясь изъяснить и собственное свое мнѣніе на счетъ времени ихъ водворенія въ языкѣ нашемъ.

Мнѣ кажется, что нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ употребленіе уже давно, другія позднѣе. Само собой понятно, что у меня рѣчь не о словахъ научныхъ, или техническихъ, которыя получили, и досель не перестаютъ получать, право гражданства во всѣхъ Европейскихъ языкахъ, а о тѣхъ, которыя употребляются въ общежитіи и сдѣлались у насъ совершенно народными.

Нѣкоторыя изъ этихъ словъ, какъ будто, по сходству звуковъ указываютъ на происхожденіе Русскихъ словъ отъ Греческихъ. Такъ на примѣръ слово въ лѣтописи, Нестора: «рогалія» нельзя произвести

но несомнѣнно отъ Греческаго ἐργαλεῖον, и употребляемое въ
ін слово «золовка» несомнѣнно происходитъ не отъ «золы,» а,
ь отъ Греческаго γάλοως, и пр. Но такія слова сомнительнаго
кденія мы оставимъ. Обратимся къ менѣе сомнительнымъ.

ъ ничего удивительнаго, если принимаются иногда чужестран-
ва какихъ ни будь животныхъ, растеній и пр., съ которыми
или насъ, или научили насъ, надлежащимъ образомъ употре-
хъ иностранцы. О животныхъ говорить здѣсь было бы излиш-
акже и о растеніяхъ. Несомнѣнно въ этомъ случаѣ всякій
графъ упомянетъ, что, на примѣръ, «макъ»происходитъ отъ Гре-
μήκων, Дорич. μάκων, кардамонъ, заимствованъ съ Греческаго
но и пр. Не удивительно также заимствованіе иностранныхъ
ъ какого ни будь художества, рукодѣлія, или промысла, введені-
хъ въ нашемъ отечествѣ мы обязаны чужестранцамъ. Такъ отъ
ихъ иконописцевъ мы заимствовали слова (не говорю о самомъ
кона): «ваны,» отъ βαφή;«алифа,» отъ ἀλοιφή, отъ промышленни-
звесть,» ἄσβεστος, и др. тому подобныя, которыя не могу при-
ь въ настоящее время. Βαμβάκι, отъ котораго, вѣроятно, заим-
ва наша «бумага,» есть хотя Новогреческаго происхожденія, но
метъ, однако жь, на древній корень βόμβυξ.

о что сказать о двухъ словечкахъ, буквально заимствованныхъ
ковъ, словечкахъ въ высокой степени классическихъ, по тому
ва ли есть какая ни будь комедія Аристофана, въ которой бы
е являлись на сцену? Мы не назовемъ ихъ, хотя въ нихъ и
ключается никакой противунравственной, или соблазнительной,
, и если что ими оскорбляется, то только одно изъ чувствъ,
емъ, не менѣе нѣжное и воспріимчивое, какъ и чувство вкуса.
лѣдствіе какихъ же побудительныхъ причинъ они у насъ приня-
Въ слѣдствіе ли бѣдности языка нашего для выраженія подобныхъ
тій, или въ слѣдствіе деликатности и сохраненія чести своего язы-
тобы не возбудить непріятнаго чувства, если бы содержащіяся
ихъ словахъ понятія были выражены языкомъ природнымъ?

Но вотъ слова, заимствованныя въ нашъ языкъ съ Греческаго,
орыя въ особенности удивляютъ меня тѣмъ, что приняты безъ
кой нужды, когда для замѣны ихъ мы имѣли уже свои собствен-
, и по тому естественно иностранныя уже должны были принять
вольно. Вотъ нѣсколько такихъ словъ: τέρεμνον, теремъ; этому сло-
кажется, довольно хорошо отвѣчало бы Церковно-Славянское гор-
ца Терема, сколько намъ извѣстно, устроивались въ этажахъ воз-

вышенныхъ; κράβατος, кровать, Слав. одръ, ложе; φανάριον, фонарь, Слав. свѣтильникъ; φώρ, воръ, тать; κήλη: для этого слова, кажется, довольно можно бы было найти подобозначащихъ въ языкѣ Русскомъ; ὄξος, уксусъ, но мы уже имѣли слово оцетъ. Въ Малороссіи и доселѣ еще употребляютъ это слово, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Правда, это слово также не Славянское: оно заимствовано съ Латинскаго acetum; но оно давно уже было принято и употребляется въ нашихъ священныхъ книгахъ. Наконецъ, ὑγδή, иготъ. Русское ступа, толчея. Вотъ встрѣтившіяся мнѣ слова, но я увѣренъ, что найдется ихъ и болѣе. Что жь сказать о нихъ? Когда вошли они въ языкъ Русскій? И какая нужда была вводить ихъ, когда мы имѣли свои собственныя, равносильныя по значенію?

Кажется, бываютъ времена, когда извѣстныя иностранныя слова входятъ въ употребленіе или оффиціяльно, или получаютъ начало въ образованнѣйшемъ обществѣ, какъ будто безсознательно, а такъ, по слѣдствіе какой-то моды. Такъ при Петрѣ Великомъ были въ ходу слова: «викторія, аппликація, дедикація» и пр., надъ которыми теперь такъ подтруниваютъ наши Славянофилы, хотя въ то же время употребляютъ не только въ разговорномъ, но и въ письменномъ, языкѣ «сюрпризы, браслеты, спичи,» и едва ли найдете теперь какого ни будь мѣщанина, который бы, закуривъ у васъ папиросу, не сказалъ вамъ: «Мерси!» Что же теперь скажутъ они о нашихъ предкахъ эпохи петровскаго времени, которые, какъ видно, также слѣдуя модѣ, заимствовали слова у Грековъ, хотя имѣли для замѣны ихъ свои собственныя? Впрочемъ, оставимъ этихъ господъ въ покоѣ, и обратимся къ нашему вопросу. въ какое время выше сказанныя слова явились въ языкѣ нашемъ? Здѣсь я принимаю смѣлость предложить благосклонному вниманію вашему и указать словцо, которое, по моему мнѣнію, можетъ намъ указать время введенія сихъ и, вѣроятно, нѣкоторыхъ другихъ вовсе ненужныхъ Греческихъ словъ въ языкъ Великороссійскій. Это слово я нахожу въ нашемъ «Кремлѣ.»

Исторія говоритъ намъ, что это слово получило начало при Калитѣ. И здѣсь я не могу скрыть моего удивленія, что Карамзинъ, нашедши въ одной рукописи того времени другое его названіе «кремникъ,» не усомнился допустить производство его отъ «кремня.» Какъ могъ, столь великій знатокъ Русскаго языка, столь великій критикъ впасть въ такую ошибку? Ибо, 1) если бы это слово дѣйствительно происходило отъ «кремня,» то производное «кремникъ» утвердилось бы навсегда, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія; однако жь, оно не ост

лось въ этомъ видѣ, а перешло въ «кремль.» Есть ли между сими словами какое ни будь отношеніе? 2) Если это слово происходитъ отъ «кремня,» то что подало поводъ производить названіе этой горы, или возвышенности, отъ слова «кремень?» Можно бы было это допустить, если бъ это была какая ни будь кремнистая гора; но можно ли это сказать о нашемъ «Кремлѣ,» котораго почва вовсе не представляетъ ничего кремнистаго? Старожилы еще помнятъ, когда окраины этой возвышенности были выравниваемы и облагаемы дерномъ послѣ 1872 г. Замѣтилъ ли кто ни будь здѣсь грунтъ сколько ни будь кремнистый? Можетъ быть и выкапывались здѣсь какіе ни будь кремешки, но столько же, сколько и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, 3) не употреблено ли это слово въ переносномъ смыслѣ, и не означаетъ ли какое ни будь столь крѣпкое мѣсто, что оно подобно кремню по твердости своей почвы? Но въ такомъ случаѣ многія гористыя мѣста назывались бы у насъ «кремлями,» или «кремниками.» Но этого нѣтъ. Гора, на которой построенъ Кіевъ, далеко превосходитъ Московскую, и никогда не носила названія «Кремля.» И такъ это слово родилось въ Москвѣ. Вотъ первое, что намъ несомнѣнно извѣстно.

И такъ мое мнѣніе то, что названіе «Кремль» происходитъ отъ греческ. слова χρημνός, что значитъ: крутизна, крутая гора, возвышающаяся или надъ оврагомъ, или надъ морскимъ и рѣчнымъ берегомъ, и потомъ вообще всякое гористое и возвышенное мѣстоположеніе. Въ Фотіевомъ лексиконѣ, ближайшемъ къ тому времени, сказано: χρημνοί, ἐξέχοντες τόποι.

Теперь, по аналогіи Русскаго языка, Греческое слово χρημνός должно въ своемъ окончаніи перейти въ «кримнъ» или «кремнъ;» ибо греч. η. въ протяжномъ произношеніи сей буквы, легко переходитъ въ *е*, какъ древніе Греки, вѣроятно, ее и произносили. Но какъ окончаніе «м н ъ» тяжело для Русскаго выговора, то вотъ по чему въ упомянутой лѣтописи оно выражено производнымъ словомъ «кремникъ;» очевидно, что удареніе писецъ удерживалъ на первомъ слогѣ, а не на послѣднемъ «кремникъ,» какъ Карамзинъ несомнѣнно читалъ. Но, не смотря на то, правильное окончаніе удержалось. Только въ слѣдствіе требованій Русской евфоніи въ двухъ послѣднихъ буквахъ согласія *н*, смягчена замѣною согласной *л*, и въ этомъ видѣ утвердилось у насъ навсегда. Безъ сомнѣнія, никто не подумаетъ, что мы при Калитѣ не имѣли сношеній съ Греками. Послѣ Св. Петра Митрополита былъ преемникомъ его, при Калитѣ же, Грекъ Митрополитъ Ѳеогностъ, мужъ почтенный и книжный, какъ видно изъ лѣтописей. Присово-

куплю еще одно замѣчаніе. Карамзинъ, утвердившись въ мнѣніи, что слово «кремль» происходитъ отъ «кремня,» прибавляетъ: «и такъ это слово не есть Татарское.» Къ крайнему сожалѣнію моему, историографъ не назвалъ этого Татарскаго слова. По этому я и нахожусь принужденнымъ обратиться къ Вамъ, М. Г., какъ Русскому историку, съ просьбою указать намъ это Татарское слово. Не скрою отъ Васъ, М. Г., что если это Татарское слово по смыслу и формѣ сколько ни будь сходно съ предложеннымъ мною Греческимъ, то, по моему мнѣнію, скорѣй можно допустить названію нашего «Кремля» Татарское происхожденіе, нежели безсмысленное его производство отъ «кремня.»

И такъ изъ выше приведенныхъ примѣровъ Вы усмотрѣть изволите, сколько излишнихъ словъ (мной, конечно, вычислены не всѣ) принято въ нашъ языкъ изъ Греческаго языка, вѣроятно, только по тому, что они были приняты въ высшемъ обществѣ того времени. Самое время Калиты показываетъ, въ какихъ близкихъ сношеніяхъ мы были съ Греками. Если присоединимъ къ этому близкое время Іоанна III, его бракосочетаніе съ Греческою Царевной, и ея придворное сопровожденіе, то вопросъ нашъ и рѣшается, по видимому, весьма удовлетворительно.

Честь имѣю быть и пр.

А. К.

Отвѣтъ о словѣ Кремль.

Очень радъ побесѣдовать съ вами о вопросѣ, который занимаетъ меня давно, то есть, объ имени нашего славнаго «Кремля.»

Во первыхъ: буква *л* есть вставная и не принадлежитъ собственно слову; вставляется она по свойству нашего Великорусскаго нарѣчія, и Добровскій, отецъ Славянской грамматики, причисляетъ ее къ его отличительнымъ признакамъ; мы говоримъ: корабль, земля, поставленъ, вмѣсто корабь, земя, поставенъ, какъ говорится въ Западныхъ нарѣчіяхъ. За то сіи послѣднія вставляютъ, Богъ знаетъ по чему, въ другія слова *д*, и говорятъ: садло, крыдло, правидло, молитися, вмѣсто нашихъ: сало, крыло, правило, молитися.

И такъ первоначальное имя звучало «Кремь.»

Во вторыхъ: имя «Кремля» встрѣчается въ первой разъ, по свидѣтельству Карамзина, въ 1331 году, то есть, въ княженіе перваго Московскаго Великаго Князя, Ивана Даниловича Калиты: «Погорѣ въ 1331 году) Мая въ 3 день городъ «кремникъ» на Москвѣ.» Такъ ска-

ино-въ Троицкой лѣтописи, свидѣтельствуетъ Карамзинъ. Въ нынѣ, ыкъ называемой, Троицкой лѣтописи, напечатанной при Суздальской,) Лаврентьевскому списку, этого извѣстія нѣтъ. Если эти слова при-ыежатъ харатейному Троицкому списку, сгорѣвшему при Француз-ихъ, то они тѣмъ важнѣе.

Желательно было бы имѣть собраніе всѣхъ мѣстъ изъ лѣтопи-ей и прочихъ источниковъ, по крайней мѣрѣ, старыхъ, хоть до XVI олѣтія, гдѣ употребляется слово «кремль,» или «кремь.» Я знаю толь-) Псковскую лѣтопись, изъ коей видно, что Псковъ имѣлъ свой ром.» Вотъ первое, кажется, мѣсто по списку Бантышъ-Камен-аго:

«Въ лѣто 6901 (1393) заложиша Псковичи перши у «крему» (въ инодальномъ спискѣ у «крома») стѣну каменную.»

А прежде крѣпость звалась въ лѣтописи обыкновенно «дѣтин-цъ,» на примѣръ подъ г. 1320: «Бысть пожаръ великъ въ Псковѣ... лѣтинца Святая Троица ублюде.»

«Того же лѣта (1412) Псковичи мостъ... другой новый нарядили ъ греблею на «кромъ» ко Святѣй Троицѣ.»

Подъ г. 1417: «Псковскіе посадники... другихъ наимитовъ.—наяа, и поставиша костеръ (башню) на «кроме» отъ Псковы.»

Подъ г. 1420: «Поставиша костеръ на «кроме» отъ Псковѣ,» и ю-ч.

Былъ ли Псковскій «Кремъ» подражаніемъ Московскому? Могу азать только, что Митрополитъ Ѳеогностъ, преемникъ Петра Ми юполита, имѣлъ отношенія ко Пскову.

Если бы къ каждому ученому изданію прикладываемы были ука-тели, какъ-то дѣлается во всѣхъ литературахъ (гдѣ безъ указате-и стыдятся выпустить изданіе), то такія справки не стоили бы якаго труда, но этого у насъ не соблюдается.

Разберемъ теперь показанія И. М. Снегирева въ его «Памятни-хъ Московской древности.» «Кремлями» назывались не только мно-Великороссійскіе, но и прежніе Татарскіе города.»

Въ какомъ смыслѣ онъ употребляетъ здѣсь слово «городъ?» Какіе рода Великороссійскіе и Татарскіе назывались «кремлями?»

«Какъ Таврида слыветъ «Крымомъ,» т. е., крѣпостью, по имени мка, гдѣ жили Ханы, то и «Кремль» едва ли не однозначителенъ съ рымомъ.» И Нѣмецкіе и Польскіе писатели (какіе?), въ началѣ XVII

вѣка, называютъ эту часть Москвы «Крымгородомъ (Krymgrodo, Crimgorod).»

«Съ этимъ именемъ и предметомъ сходны также «Кромны»—второй городъ въ Новѣгородѣ на Софійской сторонѣ, между первымъ и третьимъ.»

Я не помню этого названія въ Новгородскихъ лѣтописяхъ. Справился теперь у Евгенія и Красова,—и также не нашелъ.

«Съ ними сходенъ въ Вильнѣ древній замокъ или крѣпость «Kramny zamek,» отъ «kram,» лавка, и созвучно Средне-Латинское слово «crenellus,» стѣнный зубецъ.»

Послѣднія слова должно считать, кажется, простыми созвучіями и принимать ихъ въ соображеніе не слѣдуетъ.

«Въ чертежѣ Москвы Царевича Ѳеодора Годунова и избирательной грамотѣ Михаила Ѳеодоровича на царство этотъ городъ, едва ли не въ первый разъ, названъ «Кремлемъ» (с. VI).

А упоминовеніе Троицкаго списка въ 1331 году?

Вотъ все, что я могъ второпяхъ найти въ отвѣтъ на ваше замѣчаніе, которое, заключаю, кажется мнѣ вѣроятнѣйшимъ.

Догадка ваша, за неимѣніемъ лучшихъ, вѣроятна: «кремль» происходитъ отъ Греческаго слова «кримнос,» что значитъ крутъ, крутизна, крутое мѣсто.

Кстати обращу ваше вниманіе на наши «Крутицы,» которыя слѣдовательно, представляютъ буквальный переводъ вашего Греческаго «кремля.»

Прибавить ли еще, что звукъ *кр* и въ Греческомъ словѣ «кримнос» и въ Русскомъ: «круть,» есть одинъ и тотъ же?

М. П.

Представивъ письмо мое къ М. П. Погодину и съ его отвѣтомъ, теперь обращаюсь къ разсмотрѣнію выше сказаннаго изслѣдованія почтеннаго Академика о производствѣ слова «Кремль.» В самомъ началѣ своего сочиненія почтенный авторъ, сопоставляя слова «кромъ» и «кремль,» дѣлаетъ вопросъ: «Не одного ли происхожденія эти два названія, столь близкія одно къ другому и по формѣ и по значенію?» По значенію мы еще не знаемъ, а если они различны по формѣ, то очевидно всякому при первомъ взглядѣ на самое ихъ начертаніе и на способъ ихъ произношенія. Такъ мы видимъ, что тема сочинителя состоитъ въ томъ, чтобы

показать ихъ тожество относительно къ словопроизводству. Приступимъ къ разбору сихъ доказательствъ.

Прежде всего почтенный сочинитель обратился къ самому мѣсту рожденія «крома» и представилъ тѣ же слова изъ Псковской лѣтописи, которыя выписаны выше въ отвѣтѣ М. П. Погодина: «Въ лѣто 6901 (1393) заложиша Псковичи перси (у М. П. перпи) у Крома (но по другимъ спискамъ и у «Крема») стѣну камену.» И потомъ прибавляетъ: «А что имя «кромъ» (но, конечно, и кремъ, по другимъ спискамъ) дѣйствительно употреблялось въ значеніи крѣпости вообще, доказывается однимъ мѣстомъ Синодальной Библіи 1499 г. (1 Паралип. I, 7), гдѣ сказано: «Обиташе же Давидъ въ Крому. * Здѣсь слово «въ крому» соотвѣтствуетъ выраженію Вулгаты: «in arce.» Но слово «агх» (отъ Греч. ἄκρος) не только означаетъ крѣпость, но и гору, какъ это и видимъ въ 5-мъ стихѣ этой же главы, гдѣ то же слово «агх» употреблено о горѣ Сіонской, на которой Давидъ и основалъ свой, такъ называемый, градъ Давидовъ (см. Словарь Кальмета), въ которомъ и жилъ. И такъ Латинскіе переводы здѣсь ни сколько намъ не помогаютъ. Нужно изъ самыхъ лѣтописей извлечь доказательства сего всеобщаго значенія слова «кромъ» въ смыслѣ крѣпости. Но лѣтописи не представляютъ намъ такихъ доказательствъ. Есть достаточныя свидѣтельства, что такія укрѣпленія назывались «дѣтинцами,» но чтобы назывались «кромами,» такихъ доказательствъ нѣтъ. И такъ я не понимаю, какая нужда была сочинителю обращать это слово въ имя нарицательное, когда мы знаемъ, что иногда и собственныя имена переносятся, по нѣкоторому сходству, съ одного предмета на другой, какъ, на пр., гора, на которой построенъ Нижній Новгородъ, въ устахъ всѣхъ жителей называется «Кремлемъ», отъ Московскаго «Кремля,» и остается такъ же собственнымъ именемъ. Но вотъ что удивительно: въ другомъ мѣстѣ той же Синодальной Библіи (1 Ездры 6, 2), гдѣ говорится о какомъ-то дворцѣ царей Персидскихъ (въ нынѣшней печатной Библіи употреблено здѣсь слово «палата,» въ Тремелевомъ переводѣ съ Еврейскаго «regia»), находящемся, по мнѣнію толкователей, въ крѣпости Екватанѣ, названо это мѣсто—кто бы ожидалъ этого?—словомъ «Кремль.» Что же теперь мы заключимъ изъ сихъ двухъ именъ, несходныхъ какъ въ произношеніи, такъ и въ начертаніи? Одно ли и то же они зна-

* См. примѣчаніе 1.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

содержитъ ли кладка дровъ полную сажень. То же дѣлаютъ и въ измѣреніи поперечника сажени; только тогда протягиваютъ уже обѣ руки горизонтально, и такимъ образомъ испытываютъ, сколько досягнули (достали) обѣ руки до той мѣры, изъ которой можно было бы заключить о надлежащей полнотѣ сажени. Есть ли вѣроятіе въ моемъ предположеніи, оставляю судить другимъ. Но вотъ еще примѣръ весьма, если можно такъ сказать, курьёзнаго словопроизводства. Мы имѣемъ два слова, буквально сходныя между собою, но по значенію такъ далеко отстоящія одно отъ другого, какъ небо отъ земли. Эти два слова суть: «небо—сфера, окружающая землю,» и «небо во рту.» Всякій видитъ, сколь различны оба эти слова по значенію, и я думаю, что ни въ одномъ языкѣ не встрѣтите двухъ столь различныхъ предметовъ подъ однимъ и тѣмъ же именемъ. И, однако жь, они принадлежатъ къ одному и тому же корню, и второе слово есть производное отъ перваго, но гдѣ? Въ языкѣ Греческомъ! Οὐρανός небо, и отъ него Οὐρανίσκος небо во рту. И такъ это послѣднее слово есть переводъ съ Греческаго! Хотя, для точнѣйшаго перевода, слѣдовало бы перевести его не «небомъ,» а уменьшительнымъ словомъ «нёбочко,» какъ и въ Греческомъ. Такъ наши предки не только буквально заимствовали слова изъ языка Греческаго, который теперь у насъ въ такомъ пренебреженіи, но даже, при недостаткѣ своихъ собственныхъ терминовъ, переводили ихъ съ Греческаго!

Теперь обратимся къ тѣмъ производнымъ словамъ отъ «крома,» которыя, какъ полагаетъ сочинитель, по самому значенію своему заключаютъ въ себѣ понятіе крѣпости, и тѣмъ ясно доказываютъ, что они происходятъ отъ «крома.» И вотъ эти дѣтки, надѣляющіе сего своего родителя, чѣмъ Богъ послалъ, по силѣ помочи, ко введенію его во владѣніе всеобщаго значенія всякой крѣпости. Я выставлю ихъ всѣхъ по порядку и съ опредѣленіемъ сочинителя, какъ его собственными, такъ и заимствованными у другихъ:

1. «Нарицательное имя «кромъ» до сихъ поръ не исчезло изъ языка, по крайней мѣрѣ, въ соединеніи съ предлогомъ за: «закромъ.» По словарю Даля, это слово означаетъ забранное досками мѣсто, въ видѣ неподвижнаго ларя.»

(И такъ есть два вида ларя, одинъ подвижный, другой неподвижный! Чѣмъ же они отличаются другъ отъ друга? Впрочемъ

если дано мѣсто неподвижному, то чего бы уже стоило дать мѣстечко и подвижному? Вѣдь и другой забирается такъ же доскани, а это главное.)

2. «Рядомъ съ именемъ муж. р. «кромъ» есть еще имя женск. «крома,» ломоть хлѣба во всю ковригу (по Далю), или и вообще толстый ломоть чего ни будь (по Акад. словарю).»

(Вотъ этотъ толстый ломоть хлѣба во всю ковригу очень бы шелъ къ дѣлу, если бы прибавить слова: «самаго черстваго.» Тогда бы это было подлинно нѣчто, похожее на крѣпость. Жаль, что лексикографы не прибавили этого слова. Но, конечно, имъ не было еще извѣстно происхожденіе этой «кромы» отъ «крома,» который означаетъ какую угодно крѣпость, даже и крѣпость печенаго хлѣба.)

3. «И уменьшительное отъ кромы, «кромка,» тотъ завершенный край матеріи, гдѣ нитка не высыпается, иногда же и просто край, кайма и т. п.»

(Признаюсь, не понимаю, къ чему тутъ является «кромка» и ни какъ и понять не могу, что такое завершенный край какой ни будь крѣпости. Не сомнѣваюсь, что и всякій читатель раздѣлитъ здѣсь со мной мое недоумѣніе. Впрочемъ, какъ сюда же относится и глаголъ «кромить» (см. § 7), то прошу обратить вниманіе на то, что тамъ замѣчено мною.)

4. «Особенно любопытно записанное Востоковымъ (см. Церковно-Славянскій словарь его) старинное слово «кромьство»—внутренность.»

(Чѣмъ же это слово особенно любопытно? Тѣмъ, что крѣпость имѣетъ и внутренность, или тѣмъ, что устроивается внутри города? но это, кажется не всегда бываетъ. Извѣстно, что весь Парижъ обнесенъ крѣпостью. И такъ, здѣсь внутренность есть самый городъ, а крѣпость его внѣшность; стало быть, это слово можетъ относиться къ крѣпости въ особенныхъ частныхъ случаяхъ, вообще же ко всякой крѣпости вовсе не йдетъ, и по тому вовсе не любопытно).

5. «Изъ предложныхъ именъ сего корня замѣтимъ: «укроміе,» воздержаніе.»

(Какъ это слово, означающее воздержаніе, приложимо къ крѣпости, этого не пойметъ никто.)

6. «Между другими частями рѣчи того же происхожденія первое мѣсто принадлежитъ нарѣчію «кромѣ,» которое собственно не что иное, какъ мѣстный падежъ имени «кромъ.» Встарину это нарѣчіе встрѣчалось еще въ формѣ «кромы» (Словарь Востокова). Его значеніе было опричь, внѣ, въ сторонѣ.»

(Да и теперь оно значитъ то же. Не уже ли почтенному сочинителю это не извѣстно?)

7. «Присоединимъ къ этому гл. «кромить»—отдѣлять, огораживать, «закромить», на пр., гряду (поставить кромки, обнести досками, чтобы не осыпалось. Даль).»

(Это слово, какъ означающее ограду, могло бы относиться къ крѣпости; но такъ какъ это огражденіе дѣлается только для того, чтобы гряда не осыпалась, то что же въ крѣпости можетъ находиться такое, для чего нужно было бы устроить эту самую крѣпость, чтобы это нѣчто не осыпалось? Не для того ли, чтобы пресѣчь солдатамъ случаи къ побѣгу?)

8. «И старинныя прилагательныя «кромный» и «кромѣшній»—внѣшній.»

(Этихъ словъ не слѣдовало бы отдѣлять отъ нарѣчія «кромѣ».)

9. «Укромный (уютный, въ Церковно-Славянскомъ воздержный).»

(Какъ эти слова относятся къ крѣпости, ни какъ не придумаешь.)

10. «И скромный,» (воздержный, въ самомъ себѣ замкнутый). Ср. Чешск. kromni, * частный.»

(Что такое крѣпость воздержная, замкнутая сама въ себѣ частная, не понимаемъ.)

Вотъ тѣ производныя слова отъ «крома,» изъ которыхъ сочинитель составилъ слѣдующее опредѣленіе «крома» въ смыслѣ крѣпости. Изъ противоположности словъ: «кромьство» (внутренность) и «кромѣ» (внѣ), «кромный» (внѣшній), слѣдуетъ, что понятіе внѣшности не есть присущее въ корнѣ слова, и что «кромъ» означаетъ

---

* Такого слова въ Чешскомъ языкѣ нѣтъ, сколько извѣстно то по словарямъ. О. Б.

олько нѣчто отдѣльное, само въ себѣ замкнутое, особо стоящее, а не именно наружное.» Постараемся угадать, что все это начитъ.

Прежде всего сочинитель хотя замѣтилъ, что внутреннее кромьство») и внѣшнее («кромѣ, кромный») противоположны одно ругому, однако жь не желалъ вовсе устранить это внѣшнее въ воемъ опредѣленіи, и рѣшился дать ему хотя маленькое мѣстечо, по чему и дополнилъ свое опредѣленіе слѣдующими словами: Понятіе внѣшности придано производнымъ отъ «крома» (крѣпости) о отношенію содержанія его къ постороннимъ предметамъ.» Но кажите же намъ, какіе есть еще внутренніе посторонніе предмеы, къ которымъ онъ относится? Воля ваша, а отъ прибавки этихъ овъ ваше опредѣленіе сдѣлалось еще темнѣе. Потомъ говорите, о понятіе внѣшности не есть присущее въ корнѣ слова. Но ѣсь вы противорѣчите сами себѣ: Вы сами принимаете слово ромѣ» за мѣстный падежъ отъ «крома.» Если же оно столь близко крому, то между всѣми его производными, сему нарѣчію слѣвало бы дать первое мѣсто. Да и всѣ другія слова, исключая ромьство,» не отвергаютъ понятія внѣшности.

Но оставимъ сіи непонятныя намъ слова, и обратимся къ мъ, которыя намъ понятны; вотъ они: «Кромъ» означаетъ нѣчто дѣльное, само въ себѣ замкнутое, особо стоящее, а не именно— чему тутъ именно?) наружное.» Но если внутреннее, то какіе это внутренніе предметы, къ которымъ «кромъ» имѣетъ отношее? этого не сказано. Что жь это за опредѣленіе, и сколько въ мъ погрѣшностей: 1) Противъ слога въ недостаткѣ ясности. 2) отивъ логики, которой требованія столь строги, что преступить ъ значитъ нарушить законы самаго ума. Наука требуетъ, что въ опредѣленіи не включалось ни болѣе, ни менѣе понятій, жели сколько нужно для опредѣляемаго слова. Вы хотите доазать, что «кромъ» означаетъ укрѣпленіе какого ни будь мѣста для щиты отъ непріятелей? Но въ ваше опредѣленіе, что это слово начаетъ нѣчто отдѣльное, особо стоящее, входятъ, вмѣстѣ съ бпостію, и домъ, и тюрьма, и сарай, и погребъ, и какое угодно обо стоящее зданіе. Если же это относится только къ предмеъ, находящимся внутри, то и къ сундуку, и шкафу, и другимъ едметамъ, находящимся внутри дома. Но не буду объ этомъ бое распространяться. 3) Наконецъ этому слову противорѣчитъ ая дѣйствительность и опытъ. Не уже ли мы допустимъ, что, на

примѣръ, крома́ хлѣба, кромка, замыкающая холстъ, закромъ для ссыпанія муки, произошли отъ «крома», означающаго крѣпость? Но эти предметы суть предметы самой первой необходимости, и имена ихъ были уже извѣстны въ деревняхъ и селахъ гораздо прежде, нежели Псковскіе граждане вздумали основать свою крѣпость. Что жь отсюда слѣдуетъ? То, что для этихъ словъ слово «кромъ» есть только корень или коренной слогъ, не имѣющій самъ по себѣ никакого смысла, какъ и многіе коренные слоги, или звуки, что всякому извѣстно. Вѣрная этимологія требуетъ, чтобы первообразное слово (не корень) было сходно съ своими производными не только по звукамъ, но и по значенію. Но изъ выше приведенныхъ сочинителемъ словъ не имѣетъ ни одно ни малѣйшаго отношенія къ крѣпости, хотя имѣетъ одинъ и тотъ же корень, не заключающій въ себѣ никакого смысла. И такъ слово «кромъ», данное Псковской крѣпости, родилось или случайно, какъ и многія имена городовъ, или заимствовано отъ какого ни будь другого зданія, или мѣстности, въ слѣдствіе какого ни будь сходства, какъ, наприм., отъ Московскаго «Кремля.» Какъ бы то ни было, только «кромъ» есть имя собственное, а отнюдь не нарицательное, какъ и «кремль.» Даже и нарицательное имя «холмъ» дѣлается уже собственнымъ, когда говорится объ извѣстномъ городѣ. Что же касается до этого метафизическаго «крома», придуманнаго почтеннымъ сочинителемъ, то онъ, конечно, принадлежитъ къ разряду тѣхъ крѣпостей, которыя называются по Французски Châteaux en Espagne.

Теперь, переходя къ слову «кремль,» почтенный сочинитель говоритъ, что «поводъ къ сближенію обоихъ названій (т. е., «кремля» и крома») заключается уже въ томъ, что самое слово «кромъ» въ Ермитажномъ спискѣ Псковской лѣтописи написано однажды «кремъ.» Но мы видѣли въ выпискѣ М. П. Погодина, что и въ другихъ спискахъ употреблено это же слово. Далѣе, пріурочивая слово «кромъ» къ нашему «кремнику» (другое названіе «кремля,» только въ другой формѣ), онъ говоритъ (стр. 270): «Здѣсь кремникъ, какъ кажется, есть не что иное, какъ видоизмѣненіе слова «кромъ», чрезъ измѣненіе прилагательнаго «кромный» или «кремный.» (Кому неизвѣстно значеніе сихъ прилагательныхъ? Но мы довѣряемъ вполнѣ сочинителю), т. е., замкнутый въ себѣ, огороженный.» (Мы уже видѣли это опредѣленіе выше.) Это доказательство онъ подкрѣпляетъ еще ссылкою на слова П. М. Строева, который, въ своемъ Указателѣ, при «Выходахъ Царей», говоритъ, что въ выше упомянутомъ

роицкой лѣтописи могло быть (написано и «кромникъ,» т. е., вмѣ-
то «кремникъ»). Ибо цитадель Псковская называлась «Кромъ.» Что
очетъ дать намъ разумѣть въ сихъ словахъ своихъ почтенный Па-
елъ Михайловичъ? Не то ли, что писецъ Троицкой лѣтописи сдѣ-
алъ здѣсь ошибку, написавши «кремникъ» вмѣсто «кромникъ?» т. е.,
то писецъ могъ и соврать? Да, могъ и соврать, по тому что пис-
ы часто и врали; къ счастію, съ нашимъ писцомъ этого не слу-
илось, и онъ въ этомъ мѣстѣ ни сколько не сдѣлалъ ошибки, на-
исавши слово: кре́мникъ, 1) по тому, что ни какъ нельзя думать,
тобы онъ самъ выдумалъ это слово, а безъ всякаго сомнѣнія онъ
ышалъ его и у другихъ; 2) по тому, что коренная гласная *е*
охранилась и въ другой формѣ сего слова «кремль», тождествен-
ой съ словомъ «кре́мникъ», по производству и значенію, какъ уви-
имъ послѣ; 3) такъ какъ изъ предложенной поправки Павла Ми-
айловича («кромникъ» вмѣсто «кремникъ») нельзя не предполагать,
о слово «кромъ» не только по имени, но и по значенію своему,
оль же было извѣстно писцу, какъ и ему самому, то я удивля-
ь, по чему бы этому писцу не внести прямо и безъ всякой пе-
мѣны въ свою лѣтопись, это слово «кромъ», а превратить его, какъ
предположенію Павла Михайловича, ему слѣдовало сдѣлать, въ
ово «кромникъ,» коего даже и въ самой Псковской лѣтописи
гдѣ не встрѣчается? Скорѣй можно было бы предположить,
о этотъ умный и книжный писецъ, если бы написалъ слово «кром-
къ,» то сдѣлалъ бы поправку ошибочно еще прежде его какимъ ни
дь неискуснымъ писцомъ написаннаго слова «кремникъ,» какъ это
ѣлалъ въ наше время (къ сожалѣнію, позненько) Павелъ Михай-
вичъ. Но отсюда слѣдуетъ, что и слово «кремль» должно было
обратить въ «кромъ.» И такъ слово, уже столько вѣковъ господ-
ующее въ устахъ всего народа, слово, сдѣлавшееся для него
ященнымъ по великимъ воспоминаніямъ, произошло, по мнѣнію
авла Михайловича, отъ ошибки писца? Подумалъ ли онъ объ
имъ хорошенько? Здѣсь, къ великому удовольствію нашему, и по-
енный сочинитель новѣйшаго изслѣдованія, хотя и одобряетъ
авную мысль Павла Михайловича, однако жъ не во всем
мъ соглашается; вотъ слова его (стр. 270): «Слово «кремл
нѣчанію Г. Строева, въ нашихъ историческихъ актахъ
тся не прежде временъ Ѳедора Ивановича:
ъ этого, что и въ народѣ оно не употреблялось
ельство, что оно было извѣстно и до указанной
охи, представляетъ опять Синодальная Библія

дры 6, 2, гдѣ имя «кремль» придано Екватанѣ. По всей вѣроятности, слово «кремникъ» было извѣстно народу, но позднѣе сократилось въ «Кремль»,и уже эта форма вошла въ языкъ книжный.» Прекрасное замѣчаніе! Какъ мы за него благодарны почтенному сочинителю! Мы только несогласны въ томъ, что «кремникъ» произошло прежде «кремля», и думаемъ, что они произошли въ одно время, какъ увидимъ. Но что до того, которое изъ сихъ двухъ словъ произошло прежде, когда и то и другое служитъ яснымъ доказательствомъ, что ни одно изъ нихъ не происходитъ отъ слова «кромъ?» И такъ, чтобы доказать, что во Псковѣ дѣйствительно существовала какая-то крѣпость, которая называлась «кромомъ,»нужно свидѣтельство самой исторіи. Если этотъ «кромъ» занялъ въ Псковѣ мѣсто бывшаго тамъ дѣтинца, то есть основаніе заключать, что онъ дѣйствительно былъ крѣпостію; и такъ надлежало отыскать его мѣсто и рѣшить вопросъ, по чему бывшій дѣтинецъ получилъ новое имя: «кромъ?» и когда получилъ его? Наконецъ, не излишнимъ было бы почтенному изслѣдователю обратиться и къ древнему описанію осады Пскова Баторіемъ, и посмотрѣть, понимается ли въ этомъ описаніи о «кромѣ,» какъ о крѣпости. Если же нѣтъ, то это показываетъ, что въ концѣ XVI столѣтія имя «кром» уже исчезло. Карамзинъ, въ самомъ началѣ своего описанія сей осады, упоминаетъ о Кремлѣ Псковскомъ, среднемъ и большомъ городѣ, и пр., но ни въ своемъ описаніи, ни въ замѣчаніяхъ, нигдѣ не выставляетъ имени «крома.» И такъ въ это время «крома» уже не было во Псковѣ. Во вторыхъ, что еще для насъ важнѣе, доказать, что и нашъ «кремль» или «кремникъ» (мы разумѣемъ здѣсь самую мѣстность) еще въ самомъ началѣ былъ такою же крѣпостію для Москвы (ибо Москва уже существовала), только не имѣлъ имени ни Кремля, ни Кремника до устроенія Псковскаго «Крома,» отъ коего въ послѣдствіи и получилъ названіе «Кремля.» Но это нелѣпица! Если буквально слѣдовать лѣтописямъ, то мы этого не видимъ. Изъ перваго извѣстія лѣтописей: «Погорѣ въ 1331 г. городъ кремникъ на Москвѣ» (т. е., въ Москвѣ, какъ говорятъ иногда: «Съ Москвы,» вмѣсто «изъ, или отъ Москвы») это слово не можетъ означать крѣпости, а только одну отдѣльную часть всего города, какъ и теперь Москвичи употребляютъ это слово о рядахъ. Стѣною эта часть города обведена уже послѣ. И вотъ въ подтвержденіе нашего мнѣнія, еще важнѣйшее свидѣтельство, приведенное Карамзинымъ изъ лѣтописей (т. е., изъ нѣсколькихъ, и такъ вполнѣ достовѣрное): «Ноября 25 (1339 г.) заложенъ градъ

Москва, дубовый, а кончаша на весну въ великое говѣнье.» И такъ, вотъ когда, и уже восемь лѣтъ спустя послѣ пожара кремника, обведена дубовая стѣна, и не около одного Кремля, но и около всего города. Несомнѣнно, тогда городъ былъ очень невеликъ и, слѣдовательно, легко было заключить въ одну стѣну и всю прилежащую часть къ Кремлю; но какое пространство обнимала эта стѣна, намъ не извѣстно. Но и такую стѣну, окружающую весь городъ, можно ли назвать цитаделью, оставлемъ судить другимъ.

Далѣе, настаивая на томъ, что слово «Кремль» означаетъ крѣпость, авторъ говоритъ (стр. 271): «Впрочемъ, это, или подобозвучное имя въ значеніи крѣпости, было извѣстно не однимъ Русскимъ, а и другимъ Славянамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, какъ видно изъ слѣдующаго стиха народной Хорутанской пѣсни:

«Oj ti preljuba kremliza, ki si naša braniza.»

Но здѣсь слѣдовало бы сказать, къ какому городу, или крѣпости, относится слово «кремлица.» Сюда же, по словамъ сочинителя, относится, вѣроятно, и названіе древней Венгерской крѣпости Kremnitz (Кремница — кремникъ). Потомъ присоединяетъ къ сему еще и названія многихъ древнихъ городовъ Русскихъ и селеній, какъ то: «Кременецъ, Кременчугъ, Кременскъ, Кремлево» (селеніе) * и другіе, которыя мы здѣсь опускаемъ. И утверждаетъ, что и въ этихъ именахъ основное понятіе есть именно то, которое заключается въ словѣ «кромъ,» т. е., понятіе мѣста огороженнаго, обнесеннаго стѣнами. Но здѣсь сочинитель противорѣчитъ самому себѣ; въ выше приведенномъ общемъ опредѣленіи слова «кромъ» онъ сказалъ, что оно означаетъ въ себѣ нѣчто особо стоящее и пр., а не именно наружное. Но стѣна есть именно нѣчто наружное. Цо этому городъ, обнесенный стѣною, будетъ въ одно и тоже время нѣчто и не именно наружное и именно наружное. Но мы охотно извиняемъ это въ почтенномъ сочинителѣ. Въ такихъ отвлеченныхъ, метафизическихъ, опредѣленіяхъ иногда впадали въ противорѣчія и великіе Философы, по тому обратимъ теперь вниманіе на послѣднее и важнѣйшіе

* Но гораздо вѣроятнѣе, что эти слова происходятъ отъ кремня. При томъ еще остается вопросъ; точно ли города подъ сими названіями имѣли и крѣпости?

доказательство сочинителя, на которомъ онъ утверждаетъ свою тему. И такъ:

«Чтобы убѣдиться, говоритъ онъ, въ этимологическомъ родствѣ «Кремля» съ «Кромомъ,» надобно разсмотрѣть первое изъ этихъ словъ: 1) со стороны его значенія, и 2) со стороны его формы. Этотъ пунктъ такъ важенъ, что, какъ мнѣ кажется, съ него бы слѣдовало и начать почтенному сочинителю свое изслѣдованіе, чѣмъ терять время въ пріисканіи словъ, вовсе не подходящихъ къ дѣлу.

И такъ, для опредѣленія значенія сего слова, почтенный сочинитель приводитъ слѣдующія слова: 1) «Кремь,» которое, по Академическому словарю, означаетъ ту часть засѣки, гдѣ растетъ лучшій строевой лѣсъ; слѣдовательно, по словамъ сочинителя, нѣчто выдѣляющееся изъ цѣлаго; 2) «кремлевое дерево,» которое растетъ на краю лѣса, крѣпкое, здоровое, по словарю Даля, и 3) «кремлевникъ,» хвойный лѣсъ на болотистомъ мѣстѣ, по словарю областному. Къ чему все это, не понимаю. Или къ тому, чтобы доказать, что нашъ «Кремль» есть нѣчто выдѣляющееся изъ цѣлаго? Положимъ такъ, но все, однако жь, онъ не на краю города и не на болотѣ.

Касательно формы сего слова, почтенный сочинитель говоритъ, что, «для удостовѣренія въ возможности его родства съ именемъ «кромъ,» стоитъ только припомнить, какъ часто въ Славянскихъ нарѣчіяхъ одни и тѣ же слова, или слова одного корня принимаютъ въ помощь, при своемъ образованіи то *о*, то *е*, напр. моръ—смерть, воля—велѣть, и пр. Неправда! Эти слова не одного и того же значенія, хотя и одного корня; воля есть θέλημα, voluntas, желаніе, откуда и глаголъ: «изволити» выражается въ Греческомъ еще и другими словами:изволися и мнѣ, ἔδοξε χἀμοι, и др., близкими по значенію; но «велѣть» имѣетъ другое значеніе, Греч. κελεύω или, какъ еще въ Св. Писаніи προστάσσω. «Дѣлить» же, по моему мнѣнію, не происходитъ отъ доля, но на оборотъ, отъ дѣлить—доля. И «смерть» не происходитъ отъ моръ, который имѣетъ свое производное морить, а смерть происходитъ отъ неупотребительнаго «мереть—умереть;» и такъ слово «моръ» есть, какъ говорятъ грамматики, слово дѣйствительнаго значенія (significatio activa); а «смерть» имѣетъ значеніе страдательное (sign. passiva или media),то чно такъ же содержатся между собою и слова «звонить» и «звенѣть;» такъ же и дѣлить означаетъ дѣйствіе, а доля то, что отдѣлено. И такъ сіи про-

водныя тогда только измѣняютъ гласную своего корня, когда измѣняютъ свое значеніе, впрочемъ же обыкновенно ее удерживаютъ, какъ гроза—грозитъ, молотъ—молотить. Но, можетъ быть, есть и исключенія; но къ чему же здѣсь всѣ сіи, измѣняющія коренную букву, производныя слова? Всякій подумаетъ, что сочинитель желаетъ доказать, что и нашъ «Кремль» есть слово производное отъ слова «кромъ,» а не коренное, самостоятельное. Но этого доказать нельзя никоимъ образомъ, основываясь на перемѣнѣ только одной коренной гласной и видя, что каждое изъ нихъ (и въ особенности «Кремль») имѣютъ свои собственныя производныя, удерживающія гласную каждое своего кореннаго слова. Но и самъ сочинитель не выразился объ этомъ рѣшительно, и по тому присовокупляетъ, какъ употребленіе всѣмъ извѣстное, что есть слова, которыя въ одномъ Славянскомъ нарѣчіи являются съ *о*, а въ другомъ съ *е*, на пр.: осень, озеро, олень—есень, езеро, елень, и пр. Т. е., по его мнѣнію, и слово «кромъ» такъ произносимое во Псковѣ, произносилось въ Москвѣ какъ «кремь» (для евфоніи «кремль»). Это идетъ къ дѣлу хотя этимъ оно еще не рѣшается, по тому что, въ силу сего положенія и «кремь» или «кремль» имѣетъ столько же правъ на первенство, какъ и «кромъ,» и еще не рѣшено, который изъ нихъ долженъ уступить свое мѣсто другому. И, однако жь, изъ всего того, что было доселѣ высказано, вышло слѣдствіе противное. А именно: вдругъ, не извѣстно, по чему и откуда, родилась у сочинителя мысль доказать, но не то, чего мы ожидали, т. е., что «кремль» и «кромъ» суть одно и то же слово, разнящееся только въ областномъ произношеніи. Нѣтъ: сочинитель рѣшился положительно утверждать, что «кремль» отнюдь не есть такое же коренное, самостоятельное, слово, какъ «кромъ,» а отъ него производное и, стало быть, ему подчиненное. А чтобы рѣшить это дѣло безъ всякихъ околичностей, безъ всякихъ доказательствъ, однимъ разомъ, онъ выражаетъ мысль свою въ слѣдующемъ примѣрѣ: «Кремль»—по причинѣ вставочной буквы *л*, относится къ «крому» точно такъ же, какъ «граждь» (Церк.-Слав., огражденіе) къ «граду.» И сими словами оканчиваетъ свое изслѣдованіе. Что же мы заключимъ изъ этихъ словъ? Намъ ничего не остается, кромѣ удивленія, въ разсужденіи способа, употребленнаго сочинителемъ для сего новаго производства «кремля» отъ «крома.» Намъ казалось, что сочинитель истощилъ уже весь свой запасъ словъ производныхъ отъ «крома», начиная отъ закрома и до тьмы кромѣшней, и, однако жь, онъ придумалъ еще какой-то новый способъ для доказательства происхожденія

«кремля» отъ «крома» въ одномъ какомъ-то, вовсе не подходящемъ сюда, примѣрѣ. «Кремль», по его словамъ, происходитъ отъ «крома,» какъ «граждь» отъ «града.» Но не уже ли онъ не примѣтилъ, что производное «граждь» удерживаетъ коренную букву своего первообразнаго, а «кремль» и «кремникъ» имѣютъ свою коренную въ гласной *е*? И такъ, примѣръ, приведенный сочинителемъ, по формѣ своей, вовсе не йдетъ сюда.

Теперь разсмотримъ его относительно содержанія. Самъ сочинитель говоритъ, что хотя «граждь» и происходитъ отъ града, однако жь значитъ огражденіе, ограда, а отнюдь не самый городъ, такъ что городъ можетъ быть и безъ ограды, и ограда можетъ принадлежать и всякой мѣстности. Теперь спрашивается: въ какомъ же отношеніи будетъ «кремль»-къ своему родителю «крому?» и что онъ будетъ значить? Если «граждь,» производное отъ «града», не имѣетъ, однако жь, значенія города, то и «кремль,» производное отъ «крома,» не должно имѣть значенія крѣпости, какъ производное отъ «крома,» въ силу указаннаго примѣра. И такъ, если мы теперь спросимъ сочинителя: что же значитъ нашъ «Кремль,» то не сомнѣваемся, что онъ, сравнивая свой примѣръ, какъ отнюдь не приложимый къ производству «Кремля,» необходимо станетъ въ тупикъ и не найдется, что отвѣчать намъ. Если же будетъ настаивать на томъ, что «кремль» такъ же означаетъ крѣпость, то мы скажемъ ему: выкиньте же вашъ примѣръ, который ни по формѣ, ни по содержанію, здѣсь мѣста имѣть не можетъ. И такъ, чтобы доказать, что «кремль» происходитъ отъ «крома» сочинителю нѣтъ другого средства, какъ только доказать, что «кремль» есть тотъ же «кромъ» и значитъ такъ же крѣпость, только измѣнившій въ *е* коренную букву *о*, въ слѣдствіе областнаго Московскаго выговора. Другого средства нѣтъ. И такъ пусть попытается. Что же касается до выше приведеннаго сочинителемъ примѣра, то всякій знаетъ, что и здѣсь требованія науки столь же строги, какъ и въ составленіи опредѣленій. И здѣсь требуется, чтобы сравниваемые предметы въ содержаніи и формѣ были сходны совершенно во всѣхъ частяхъ своихъ. Если же примѣръ, предложенный для сравненія, не включаетъ въ себѣ всего того, что требуется наукою для полнаго и совершеннаго сходства съ сравниваемымъ предметомъ, то такой примѣръ никуда не годится.

Теперь я попрошу позволенія у почтеннаго сочинителя обратиться къ нему съ слѣдующими словами: Если уже Вы столько бы-

и убѣждены въ вѣрности и силѣ сего послѣдняго вашего дока-
ательства, что считаете его почти неопровержимымъ, то къ чему
потребили столько излишнихъ розысканій, вовсе не идущихъ къ
лу? Сначала вы стали пріискивать слова первообразныя и про-
зводныя, которыя въ корнѣ имѣютъ слово «кромъ,» но для чего?
ля того, чтобы изъ нихъ вывести, что «кромъ» означаетъ крѣ-
ость? Но положимъ, что слово «кромъ», значащее крѣпость, вмѣстѣ
ъ крѣпостію, совершенно исчезли изъ памяти людей: какимъ
е образомъ изъ «кромы, кромки, закрома» вы вывели бы, что ко-
енное слово «кромъ» означаетъ крѣпость тогда, когда бы крѣ-
ости, называемой «кромомъ» вовсе не существовало? откуда бы вы
знали, что коренной слогъ «кромъ» означаетъ крѣпость? Изъ этихъ
роизводныхъ? Но кто же бы согласился съ вами? Всякій ска-
ъ бы: «Укажите же намъ такую крѣпость!» Если это такъ, то и
оренному слову боръ мы могли бы сообщить значеніе крѣпо-
ти, по тому что отъ сего же корня происходитъ и «заборъ,» огра-
, а, слѣдовательно, какъ явствуетъ изъ вашего опредѣленія, и
рѣпость, такъ же и «забрало» шлема, и «забрала,» зубцы на город-
кихъ стѣнахъ. Впрочемъ, это послѣднее значеніе есть только мое
редположеніе. И такъ трудъ вашъ въ пріисканіи сихъ созвуч-
ыхъ словъ былъ напрасный. Всѣ они суть условныя, или про-
сходящія отъ другихъ именъ такъ же условныхъ, коихъ значе-
я опредѣлить нельзя безъ указанія предмета, къ коему они от-
осятся. По тому для доказательства, что во Псковѣ существова-
ъ крѣпость съ собственнымъ именемъ «кромъ», Вы должны были
ердиться на однихъ памятникахъ.

Потомъ приступаете къ пріисканію словъ производныхъ отъ
кремля» и, Боже мой! какое оказывается ихъ богатство, и при томъ
ѣстныхъ, относящихся къ городамъ и селеніямъ, и не только у
асъ, но и у народовъ, живущихъ отъ насъ къ югу, какъ «kremli-
, Kremnitz,» не говорю о городахъ нашихъ, тогда какъ для «кро-
» остается одинъ только городокъ «Кромы,» такъ что, кажется,
сковскій «Кромъ» съ поникшей головой долженъ скорѣе обратить-
къ «Кремлю» и признать его своимъ родителемъ. Но это пока
сторону. Впрочемъ, «кремль» ни какъ не можетъ быть производ-
ымъ отъ «крома» уже и по тому, что производныя имена отъ
менъ собственныхъ никогда не измѣняютъ коренной гласной
воего первообразнаго, на примѣръ: отъ Москвы никогда нельзя
роизвести «Месквичъ,» или «Мескаль,» какъ отъ «Пскова» Пскевитя-

нинъ. По этому и «кремль» если бы происходилъ отъ «крома,» то долженъ былъ бы обратиться въ «кромль,» а не въ «кремль.»

Наконецъ, вы привели въ примѣръ нѣсколько первообразныхъ именъ общихъ, отъ коихъ производныя измѣняютъ коренное *о* въ *е*. Но сами же вы сказали, что это слова глагольнаго корня. Не знаю, что вы подъ этимъ разумѣете, но очевидно, что это происходитъ только въ слѣдствіе перемѣны въ значеніи, что съ производными отъ именъ собственныхъ никогда не можетъ случиться. Но и этимъ производнымъ весьма безпристрастно и благоразумно вы противопоставили имена, измѣняющія коренную букву только въ слѣдствіе особеннаго областнаго произношенія. Жаль, что на этомъ не остановились, а рѣшились однимъ ударомъ разсѣчь Гордіевъ узелъ, для разрѣшенія коего вы сдѣлали столько неудачныхъ попытокъ.

Обращаюсь къ моему словопроизводству. Не нужно повторять того, что о семъ словѣ сказано мною выше. Я хочу только къ высказанному уже выше мною производству сего слова присовокупить нѣсколько грамматическихъ подробностей относительно произношенія и начертанія сего слова. И такъ, въ мечтахъ моихъ я воображаю, что нѣкоторый именитый Греческій гость изъ Царяграда пріѣхалъ посѣтить юную столицу единовѣрнаго Князя. Князь приглашаетъ гостя къ себѣ, роскошно угощаетъ его, и потомъ ведетъ его съ собой прогуляться по окраинѣ горы, возвышающейся надъ рѣкою, гдѣ спрашиваетъ: какъ такое мѣсто называется по Гречески? Гость отвѣчаетъ: χρημνός. Спрашивается, въ какихъ звукахъ перешло это слово къ слуху Князя и его окружающихъ? Здѣсь я по необходимости долженъ обратиться къ ученому Экономиду. Его изслѣдованіе «Περὶ τῆς γνησίας προφορᾶς τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης» исполнено столь великой учености и начитанности, что едва ли можно найти какое ни будь другое сочиненіе въ семъ родѣ, которое бы можно было поставить на ряду съ симъ превосходнымъ произведеніемъ. Этотъ ученый, основываясь на словахъ Діонисія Галикарнасскаго, говоритъ (стр. 119), что у древнихъ Еллиновъ гласная η не произносилась ни какъ чистое епсилонъ (ε), ни какъ чистое іота (ι), а какъ нѣчто среднее между ними. Впрочемъ, извѣстно, что Латинцы, въ выраженіи Греческихъ словъ, всегда слышали въ Греч. η звукъ своей гласной i, какъ преобладающій: Iesus, Demetrius. Теперь, хотя прошло уже пяти вѣковъ со времени воображаемой мною бесѣды гостя

ъ Княземъ, и хотя произношеніе словъ, въ продолженіе многихъ
ѣковъ, можетъ и измѣняться, однако жь намъ любопытно знать,
акъ Греки нашего времени произносятъ сію гласную букву. На
тотъ вопросъ тотъ же ученый, хотя сторонникъ и защитникъ
ейхлиновскаго произношенія, отвѣчаетъ намъ, что и нынѣш-
іе Греки не произносятъ сей гласной, какъ чистое іота (ι),
гораздо ближе въ ея произношеніи подходятъ къ Русскому
, при чемъ и выставляетъ въ примѣръ нѣкоторыя слова, между
ими, по счастливой случайности, помѣщено и слово χρημνός. Мы,
ъ своей азбукѣ, имѣемъ двѣ чистыя или ясныя буквы, *и* и *е*, и
вѣ, соотвѣтствующія имъ, грубыя или тупыя, *ы* и оборотное *э*.
еперь произнесите Греческое χρημνός какъ Русское «крымносъ,» и
ы увидите, какъ легко въ такомъ произношеніи грубое *ы* сольется
ъ грубымъ *э*, такъ что, произнесете ли «крымносъ» или «крэмносъ,»
ъ выговорѣ не найдете почти ни малѣйшаго различія. Если же
ъ такомъ сомнительномъ произношеніи мы отдали предпочтеніе
ласной *е* предъ гласной *и*, то это еще и по тому, что грубая
ласная *ы* подходитъ ближе къ *е*, нежели къ *и*. И такъ слово
кремносъ» перешло и къ намъ въ Москву, только уже не въ смы-
лѣ нарицательнаго, а собственнаго, имени. Въ этомъ случаѣ не-
ходимо было его обрусить, т. е., перелить въ Русскую форму.
о всѣ Греческія имена на ος съ предшествующею согласною у
съ теряютъ этотъ послѣдній слогъ и замѣняютъ его грубымъ
кончаніемъ на букву ъ: Ἀλέξανδρος, Александръ. И такъ изъ наше-
«кремноса» выйдетъ «кремнъ.» Но слово, оканчивающееся двумя
ѣмыми буквами для нашего органа не удобь произносимо, и вотъ
акимъ образомъ буква *л* вытѣснила букву *н* и грубый звукъ *э*
ревратила въ мягкій ь. Здѣсь очень можно предположить, что
ѣкоторые книжные люди, желая сохранить обѣ нѣмыя согла-
ыя, придумали для «Кремля» и другую форму; а какъ для этого
отребна была, для яснаго произношенія двухъ нѣмыхъ, какая ни
удь слѣдующая за ними гласная, съ окончаніемъ муж. рода,
самою нужнѣйшею и приличнѣйшею для сего представлялась
ласная *и*. И вотъ какимъ образомъ произошло и другое названіе
ремля,» «крéмникъ,» конечно, съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

Не выйдетъ изъ ряда вѣроятностей и то предположеніе, если
допустимъ и третью форму «Кремля,» происшедшую изъ грубаго
деревенскаго произношенія, изъ коего и въ избранномъ об-
ествѣ утвердился въ нѣкоторыхъ словахъ грубый звукъ *о* вмѣ-

сто мягкаго *е*, какъ это мы и видимъ въ словахъ: озеро, олень, дрова, да и нынѣ у деревенскихъ жителей слышимъ попелъ вмѣсто пепелъ, могомъ вмѣсто можемъ, и въ собственныхъ именахъ: Олена, Овдотья, Пологея и проч. Такимъ образомъ «кремъ» (изъ «кремль» или «кремль») въ устахъ деревенскаго жителя могъ обратиться в «кромъ.» И эта простонародная форма «Кремля» перешла и къ Псков скимъ жителямъ, откуда вошла и въ лѣтописи. Если же это справе дливо, то мѣсто Псковскаго «крома» должно отыскивать на како ни будь крутой возвышенности. По видимому, и нѣкоторымъ ки жнымъ людямъ это простонародное слово не казалось противны въ началѣ. Два выше приведенные примѣра изъ рукописной Библ изъ коихъ въ одномъ это слово употреблено, по видимому, о двор Давыда, основанномъ на горѣ Сіонской, тогда какъ въ другом въ которомъ такъ же, кажется,* говорится о дворцѣ царей Пе сидскихъ, находящемся въ Екватанѣ, употреблено слово «кремль два сіи мѣста служатъ доказательствомъ, что и это послѣдн предположеніе, если не болѣе, то уже ни какъ не менѣе, засл живаетъ вѣроятія, какъ и предположеніе происхожденія «кремл отъ «крома.»

Мнѣ кажется, что почтенный сочинитель сдѣлалъ важну ошибку, принявъ имя «кромъ» за нарицательное, а не за собстве ное. Вѣдь и собственное имя можетъ быть, по какому ни бу сходству, перенесено отъ одного мѣста на другое. Такъ Моско ское названіе «Кремля» перенесено и къ гористому мѣсту Нижня Новагорода. И тамъ остается такимъ же собственнымъ именем какъ и въ Москвѣ. Такъ и «кромъ,» означающій крѣпость во Пск вѣ, есть имя собственное, произошло ли оно случайно, как имена многихъ городовъ, или заимствовано отъ Московскаго «Кр мля,» оно все будетъ именемъ собственнымъ. И такъ, чтобы обр тить это имя въ нарицательное, т. е., въ имя всякой крѣпости в обще, нужно ли было прибѣгать къ словамъ: «крома» (ломоть хл ба), «кромка» (крайняя нитка въ концѣ холста), «закромъ» (ящи для ссыпанія муки)? Но эти слова, какъ мы уже сказали выш какъ относящіяся къ самымъ первымъ потребностямъ нашей жизн

---

* Переводы сихъ Библейскихъ мѣстъ столь разнятся между собою, что срав вая ихъ, нельзя составить себѣ яснаго понятія, о какомъ мѣстѣ здѣсь го рится, если не составимъ своего собственнаго, какое только покажется н вѣроятнѣйшимъ.

одились прежде, и уже употреблялись въ деревняхъ прежде
ежели была основана во Псковѣ крѣпость, названная «Кромомъ.»
акимъ же образомъ первообразное слово явилось послѣ своихъ
роизводныхъ? И вотъ по чему почтенный сочинитель принужденъ
ылъ наконецъ прибѣгнуть къ какому-то метафизическому опре-
ѣленію слова «кромъ,» и отыскивать его значеніе въ такихъ сло-
ахъ, которыя сами по себѣ имѣли уже опредѣленный смыслъ,
ля утвержденія коего ни въ какомъ постороннемъ словѣ не имѣ-
и никакой нужды. Не уже ли «кромка» не будетъ имѣть своего
наченія, если не отыщемъ его въ «кромѣ», означающемъ крѣпость?
думаю, что и «кромъ», если бы былъ имя нарицательное, означаю-
ее, крѣпость, тоже не нуждался бы въ «кромкѣ,» чтобы утверг
ить свое значеніе. А какъ этого сдѣлать было нельзя, то и вы-
ло то темное опредѣленіе, которое мы привели выше т. е.,
о слово «кромъ» означаетъ только нѣчто отдѣльное, само въ
бѣ замкнутое, особо стоящее, а не именно наружное.» Присо-
окупимъ и другое сего же слова опредѣленіе, которое и еще
нѣе. «Изъ положенія Псковскаго «крома,» говоритъ сочи-
итель, наши лексикологи заключили, что «кромъ» значитъ
нѣшнее городовое укрѣпленіе.» Но это трудно доказать даже
ъ помощію нарѣчія «кромѣ.» Въ основаніи его лежитъ, конечно,
онятіе исключенія, пожалуй, сторонности, внѣшности, но толь-
ъ въ такомъ смыслѣ, что все, заключающееся въ «крому», будетъ
ходиться внѣ прочаго.» Что это такое? Скажемъ такъ: «Въ та-
омъ-то домѣ находятся многія вещи, но хотя онѣ и заключают-
внутри дома, однако же онѣ находятся внѣ прочаго.» Но чего
е прочаго? Кто пойметъ, что это значитъ? Я, признаюсь, не по-
маю, и не могу довольно надивиться, какая была нужда почтен-
му сочинителю въ такомъ всеобщемъ опредѣленіи слова «кромъ,»
ъ котораго можно такъ же вывести и хлѣбный магазинъ Ильин-
аго, сочинителя «Историческаго описанія города Пскова,» и вся-
е, какое угодно, зданіе? Но чтобы и названіе «Кремля» происхо-
ло такъ же отъ «крома,» хотя бы «Кремль» былъ и такою же крѣ-
стію, сего доказать нельзя никоимъ образомъ, по тому именно,
о ни кто не можетъ доказать, что корни «кромъ» и «кремъ» тож-
ственны. Не спорю, что какое ни будь имя можетъ быть и
порчено въ областномъ его произношеніи. По этому, чтобы до-
зать, что слово «кромъ» есть первообразное производнаго слова
ремль, нужно напередъ положительно доказать, что послѣднее
ово есть тотъ же «кромъ,» только испорченный въ област-

комъ, выговорѣ. Но сего нельзя доказать никоимъ образомъ. Не знаемъ достовѣрно, когда слово «кромъ» во Псковѣ замѣнило мѣсто прежняго «дѣтинца» (крѣпости); но въ лѣтописи оно упоминается уже шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Московскаго «кремника,» или «кремля.»

И такъ я отнюдь не намѣренъ вступать въ споръ съ сочинителемъ, и не отвергаю, что Псковскій «кромъ» есть имя собственное, данное Псковской крѣпости, заимствовано ли оно отъ какого ни будь другого подобнаго зданія, или случайно такъ названное, какъ и имена многихъ мѣстъ и городовъ неизвѣстнаго происхожденія. Мое намѣреніе было только доказать, что имя Московскаго «Кремля» отнюдь не заимствовано отъ Псковскаго «крома,» который давно уже исчезъ съ лица земли и на словахъ и на дѣлѣ, и теперь служитъ только предметомъ безплодныхъ изслѣдованій, тогда какъ Московскій «Кремль» существуетъ и доселѣ, и сохраняетъ свое имя, заимствованное отъ языка богатѣйшаго, образованнѣйшаго и великолѣпнѣйшаго въ свѣтѣ. Да сохраняетъ же онъ это священное для всѣхъ Русскихъ имя! Да существуетъ долго, долго!... и да пребудетъ всегда несокрушимымъ щитомъ Россіи и карою для враговъ ея!

Алексѣй Кубаревъ.

ЗАМѢЧАНІЯ.

ЗАМѢЧАНІЕ 1.

Сочинитель говоритъ, что указаніемъ сего мѣста изъ Синодальой Библіи онъ обязанъ Изм. Ив. Срезневскому. Здѣсь нельзя не вздонуть изъ глубины души и не воскликнуть: «Доколѣ же сіи памятники удутъ скрываться подъ спудомъ и оставаться недоступными для всѣхъ юбознательныхъ и просвѣщенныхъ читателей?» Не весьма давно бы издано въ свѣтъ Остромирово Евангеліе: по чему же не издать въ вѣтъ и сей рукописной Библіи? Сколько здѣсь представляется любытныхъ вопросовъ для изслѣдователей древнихъ памятниковъ: когда на переведена? гдѣ переведена? однимъ ли, или нѣсколькими лицаи? одинъ ли и тотъ же повсюду характеръ языка и слога, или въ ѣкоторыхъ книгахъ является и характеръ и употребленіе языка обстнаго? Какое бы открылось поприще для науки, если бы эта рукоись была издана съ разночтеніями Острожской и нынѣшней исправленной Библіи? Не уже ли и теперь нѣтъ вельможъ, столь же просвѣщенныхъ и столь же любящихъ памятники древней нашей письмености, каковъ былъ покойный Канцлеръ Графъ Н. П. Румянцевъ? е думаемъ. Кажется, стоило бы только кликнуть кличъ, и, езъ сомнѣнія, нашлось бы много капиталистовъ изъ всѣхъ сословій съ готовыми пожертвованіями. Въ ожиданіи же сего счастливаго ремени, по чему бы самой Академіи не препоручить кому ни будь ъ своихъ членовъ, одному, или нѣсколькимъ, сдѣлать, для просвѣщеннаго общества, по крайней мѣрѣ филологическое описаніе сей ажной рукописи? И что же сего полезнѣе могла бы сдѣлать Академія, первое ученое сословіе въ Россіи?

ЗАМѢЧАНІЕ 2.

Такъ какъ во всемъ нашемъ разсужденіи идетъ дѣло объ этимологіи слова «Кремль,» и если мое мнѣніе, что это имя происходитъ ъ Греческаго слова, означающаго гористое мѣсто, не лишено вѣроія, то очевидно, что въ этомъ главномъ, первенствующемъ понятіи

сего слова уже подразумѣвалось, или такъ сказать, тайно вошло во всеобщемъ употребленіи и понятіе всѣхъ тѣхъ первобытныхъ зданій, которыя на этой горѣ были уже устроены, какъ, на пр., теремъ или дворецъ Великаго Князя, и домы его вельможей, церкви и пр.; но сіи зданія ни коимъ образомъ не могли назваться крѣпостію, какъ и теперешнія Кремлевскія зданія. Не трудно расточать названія крѣпостей и цитаделей, не подумавъ наперед и не условясь, что разумѣть подъ симъ именемъ. Если разумѣть подъ симъ словомъ какую бы то ни было, судя по времени, ограду, могущую служить защитою отъ нападенія непріятелей, то здѣсь должно считать крѣпостію ту только дубовую стѣну, которая была устроена и не около одного только «Кремля,» но и около всей тогдашней Москвы. Еще болѣе имѣлъ право «Кремль» на названіе крѣпости, когда около него была сооружена стѣна каменная. Но тогда названіе «Кремля» было уже господствующимъ въ устахъ народа. И такъ, при изслѣдованіи происхожденія перваго названія какой ни будь мѣстности, какъ скоро оно найдено, не должно уже принимать въ уваженіе того, что на этой, или вокругъ этой, мѣстности устроено въ послѣдствіи. Не могу здѣсь не указать на ошибку нашего историографа (да проститъ мнѣ сіе замѣчаніе великая тѣнь его)! Вотъ слова его, относящіяся къ началу нашей столицы: «Украшая столицу каменными храмами, онъ (Великій Князь, Иванъ Даниловичъ Калита) окружилъ ее, въ 1339 г., дубовыми стѣнами и возобновилъ сгорѣвшій въ его время кремникъ или кремль, бывшій внутреннею крѣпостію, или, по старинному именованію, дѣтинцемъ.» Но гдѣ въ лѣтописи сказано, что «кремникъ» былъ внутреннею крѣпостью Москвы? Къ чему тутъ дѣтинецъ? Этого слова Москва уже не знала, и не назвала свою дубовую ограду дѣтинцемъ. Такъ иногда предвзятыя мнѣнія, не утверждающіяся на самой дѣйствительности, невольно, появляются и господствуютъ въ умѣ даже геніяльныхъ писателей!

УДѢЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ КАШИНСКІЕ.

ПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ РУСИ XIV И XV СТОЛѢТІЙ.

(Посвящается памяти Степана Дмитріевича Колерова.)

> Въ Кашинъ ти ся не вступати. А имешь его обидѣти, мнѣ его отъ тобе боронити.
>
> (Слова Дмитрія Донского Князю Тверскому.)

«Повѣсть временныхъ лѣтъ» разсказываетъ, что еще первые ...язья Сѣверной Руси подѣлили ее между собой на три области: ...рикъ утвердился въ Новѣгородѣ, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, Тру...ръ въ Изборскѣ. Первый сталъ единовластителемъ только по ...ерти братьевъ. Сынъ и внукъ Рюрика были такими же едино...ластителями, но по тому, что не имѣли братьевъ. При правнукахъ ...о Русь опять была раздѣлена на три области: Кіевъ, Землю Дре...инскую и Новгородъ. При нихъ же начались уже и усобицы, ...двое старшихъ братьевъ-Князей поплатились за то жизнію. Тре...й братъ, Владимиръ, ставши главою всей земли, конечно, не за...лъ несчастной судьбы братьевъ, Князей удѣльныхъ, но все ...ки далъ опять удѣлы своимъ сыновьямъ: святъ былъ обычай ...цовъ, который былъ любъ и самымъ городамъ, пріобрѣтавшимъ, ...полученіемъ своего отдѣльнаго Князя, нѣкоторую независимость. ...старый Князь, не задолго до своей смерти, имѣлъ несчастіе ви...ть возмутившимся противъ себя роднаго сына, удѣльнаго Нов...родскаго Князя, Ярослава. Ярославъ, въ свою очередь, ставши ...авою Руси, былъ также вѣренъ старинѣ, и раздѣлилъ удѣлы ...новьямъ. Мудрый Князь, вѣроятно, надѣялся, что старѣйшій ...ъ Русскихъ Князей, Великій Князь Кіевскій, будетъ вмѣсто отца

для меньшихъ своихъ братьевъ, которые, въ свою очередь, будутъ съ любовью ему повиноваться. Обманчивая надежда: его сынъ, Великій Князь, уже долженъ былъ убѣгать отъ племянника въ Полякамъ. Старѣйшинство Князя Кіевскаго вскорѣ перешло въ одно преданіе. Даже самый его почетный титулъ «Великаго Князя» стали присвоивать себѣ и Князья удѣльные, когда они въ своихъ областей, слѣдуя обычаю, начали сами выдѣлять удѣлы второстепенные. И стала дробиться, при умноженіи потомства Ярославова, земля Руская все болѣе и болѣе на удѣлы и пригороды. Въ иныхъ мѣстахъ эта дробность доходила до крайности. И почти всѣ эти Князья удѣльные, старѣйшіе и второстепенные, недружелюбно посматривали другъ на друга: одинъ домогался отнять область у другого, по тому что считалъ себя старѣе его: другой добивался себѣ самобытности отъ старѣйшаго Князя области, третій хотѣлъ поживиться подъ видомъ защиты Князя слабѣйшаго отъ болѣе сильнаго. Особляясь и пріобрѣтая со своимъ отдѣльнымъ Княземъ самобытность, Русскія области должны были за то подвергаться и всѣмъ невыгодамъ Княжескихъ усобицъ и политической разрозненности, пока успѣвшая, благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ, возвыситься и окрѣпнуть Москва не смогла, мало по малу (конечно, главнымъ образомъ въ видахъ своихъ собственныхъ выгодъ), объединить около себя политически землю Русскую. Но старый обычай забывался не вдругъ. Самъ Иванъ III, «собиратель земли Русской,» оставляя по себѣ наслѣдникомъ Великокняжескаго престола сына Василія, остальнымъ четыремъ все таки далъ по удѣлу, хотя и со значительнымъ ограниченіемъ ихъ власти. Даже позднѣе, по смерти Ивана IV, въ 1584 г., сего малолѣтній сынъ, Димитрій, получилъ въ удѣлъ Угличъ.

Такимъ образомъ государственная исторія Руси, со времени смуты Ярослава Мудраго до самаго возвышенія Москвы, слагается изъ исторій удѣльныхъ Княжествъ, и каждое изъ нихъ болѣе или менѣе, имѣетъ право на вниманіе историка.... По этому думается, что любопытно будетъ прослѣдить политическую жизнь и того маленькаго Княжества, имя котораго выставлено въ заглавіи этой статьи. Недолго оно пользовалось самобытностію, всего около ста лѣтъ; но и оно не осталось безслѣднымъ въ исторіи цѣлой Руси: обстоятельства заставили его всегда быть на сторонѣ Москвы, въ ея борьбѣ съ самою опасною соперницею

Тверью, и тѣмъ содѣйствовать (на сколько оно могло) ослабленію послѣдней и усиленію Князей Московскихъ, а слѣдовательно, хотя и невольно, объединенію всей Русской земли. [1]

Въ землѣ, населяемой нѣкогда Чудскимъ [2] племенемъ, Весью, [3] на одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ верхней Волги, въ 12 верстахъ отъ ея теченія, еще въ XIII в. существовалъ городъ Кашинъ. Пространство, занимаемое въ то время Кашинымъ, входило въ составъ удѣла Ростовско-Суздальскаго. [4] Первое упоминаніе объ немъ помѣщено въ одной Никоновской лѣтописи подъ 1237 г., при перечисленіи городовъ, разоренныхъ Татарами (при Батыѣ), а далѣе

Главнымъ пособіемъ при составленіи этого очерка служила лѣтопись Никоновская, (изд. подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ. С. П. Б. 1786—1790 г., томы: III, IV, V и VI). Она сообщаетъ самыя подробныя свѣдѣнія о Княжествахъ Тверскомъ и Кашинскомъ, и изъ текста ея замѣтно, что составитель ея пользовался, иногда буквально, записью событій, составленною въ самой Твери. Такъ, на примѣръ, подъ 1472 г., сообщая о томъ, что Князь Кашинскій убѣжалъ изъ Твери въ Москву, лѣтописецъ добавляетъ: «а здѣ (т. е., въ Твери) много поискавше, и не обрѣтоша.» Говоря о смерти Зелени-Салтана, врага Князя Тверскаго, онъ называетъ его «злымъ нашимъ недругомъ.» Подъ 1367 г. опять лѣтописецъ, говоря о томъ, что войско Великаго Князя Дмитрія Донского не могло взять Твери, добавляетъ, что оно не взяло ея «Божіимъ заступленіемъ.» Всѣ сообщаемыя нами свѣдѣнія о Княжествѣ Кашинскомъ, если они не отмѣчены особыми ссылками, взяты изъ Никоновской лѣтописи. За тѣмъ довольно подробныя свѣдѣнія передаютъ о Твери и Кашинѣ лѣтописи Тверская и Воскресенская (Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей тт.: XV, VII и VIII). Въ первую изъ нихъ, составленную Ростовскимъ селяниномъ въ 1534 г., какъ и въ Никоновскую лѣтопись, вошелъ лѣтописецъ, составленный въ Твери, по приказу Великаго Князя Бориса Александровича, умершаго въ 1461 г. Историческо-юридическія свѣдѣнія о Кашинѣ, а также и географическія, взяты изъ Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (М. 1813 г., т. I.), и изъ Актовъ, собранныхъ Археографической Экспедиціей (С. П. Б. 1836 г., т. I). Годы отъ Р. Х. въ этомъ изслѣдованіи означены посредствомъ вычитанія изъ годовъ лѣтописей (отъ сотворенія міра) числа 5508.

Память о Чуди, населявшей нѣкогда Кашинскую область, сохранялась еще въ началѣ XVI в. въ названіи одного изъ становъ Кашинской области, Чудскаго. См. примѣч. 47-е.

См. карту Россіи, приложенную къ исторіи Карамзина, изданіе Эйнерлинга. С. П. Б. 1842, т. I.

См. изслѣдованіе Г. Корсакова: Моря и Ростовское княжество. Казань, 1872 г. стр. 194—195.

всѣ лѣтописцы молчатъ о немъ до 1287 года, когда Великій Князь Владимирскій, Дмитрій Александровичъ, сынъ Невскаго, пошелъ войной на Великаго Князя Тверскаго,[5] Михаила Ярославича, желая не дать усилиться этому опасному сосѣду, а послѣдній вышелъ противъ него съ войскомъ къ Кашину, гдѣ они и сразились. Такое молчаніе о Кашинѣ всѣхъ лѣтописей до конца XIII в. (тогда какъ онѣ нерѣдко упоминаютъ почти о всѣхъ небольшихъ сосѣднихъ ему древнихъ городахъ) доказываетъ, что если Кашинъ и существовалъ раньше 1200хъ годовъ, то какъ незначительное селеніе.

Углицкія рукописныя лѣтописи [6] разсказываютъ, что при удѣльномъ Князѣ Углицкомъ, Романѣ Владимировичѣ Святомъ (1261—1285 г.), Кашинъ, вмѣстѣ съ Угличемъ, Бѣжецкимъ Верхомъ, Желѣзнымъ Устюгомъ, Дмитровымъ, Звенигородомъ и Романовымъ, входилъ въ составъ Углицкаго, седмиграднаго Княжества. Но это Седмиградіе, вѣроятно, существовало (изъ подражанія седми-холмію стараго, новаго и третьяго Римовъ) лишь въ воображеніи книжниковъ-лѣтописцевъ, по тому что въ дошедшемъ до насъ [7] договорѣ Новгородцевъ съ Княземъ Тверскимъ, Ярославомъ Ярославичемъ, отъ 1265 г., и Бѣжецкъ, и Егна (нынѣ г. Весьегонскъ верстъ на 50 ближе Устюга Желѣзнаго къ Угличу) перечисляются въ числѣ владѣній Новгородскихъ. Еще неправдоподобнѣе помѣщенное въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Края, [8] ни на чѣмъ не основанное, указаніе, будто Кашинъ до 1294 г. принадлежалъ Князю Ростовскому, Дмитрію Борисовичу, и лишь по смерти

---

[5] Тверь была основана Великимъ Княземъ Владимирскимъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, прадѣдомъ Михаила Ярославича, въ 1181 г. (см. у Карамзина т. III прим. 61), для обезпеченія отъ набѣговъ Новгородцевъ. Сынъ его, Ярославъ въ 1240 г. перенесъ ее съ луговаго, затопляемаго половодьемъ, берега Волги на нагорный. Самостоятельность Тверь получила, какъ независимое отъ Ростовско-Суздальскаго удѣла Княжество, при отцѣ Михаила, сынѣ Ярославовомъ, Ярославѣ, который учредилъ въ ней и Епархію. Ставши Великимъ Княземъ Владимирскимъ, Ярославъ Ярославичъ не оставилъ все таки любимой имъ Твери. Въ ней онъ и похороненъ.

[6] См. Исторію города Углича, Ѳ. Киселя. Ярославль, 1844 г., стр. 71.

[7] Въ I т. Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, подъ № 1-мъ.

[8] Энциклопедическій лексиконъ, изд. Краемъ. С. П. Б., 1844 г., т. VI, статья «Кашинъ.»

го, въ 1294 г., перешелъ въ приданое за дочерью его зятю, ликому Князю Тверскому, Михаилу Ярославичу. Въ этомъ сообщеніи справедливо лишь то, что дочь Дмитрія Борисовича, Анна, о смерти отца вышла замужъ за Михаила Тверского; Кашинъ ке, по всѣмъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, является постоянною собственностью Михаила, который опредѣлилъ и рубежъ Кашинскимъ Тверскимъ землямъ. [9] Когда, въ 1288 г., Великій Князь Владимирскій снова пошелъ войной на Князя Тверского, въ союзѣ съ Князьями Андреемъ Городецкимъ, Даніиломъ Московскимъ и выше помянутымъ Дмитріемъ Ростовскимъ, то они подошли къ Кашину, простояли тамъ девять дней, сдѣлали все пусто (какъ во владѣніи своего врага), и за тѣмъ сожгли, принадлежавшій Михаилу ке, на устьѣ рѣки Нерли, городъ Кснятинъ. [10] Спустя два года, ъ 1290 г., неусидчивый Дмитрій Ростовскій, воспользовавшись еудовольствіемъ Новгородцевъ на Михаила Тверского, срядился пять со своимъ войскомъ на Тверь и дошелъ до Кашина; но Михаилъ успѣлъ уладить свое несогласіе съ Новгородцами и Дмитрію осталось помириться съ Тверскимъ Княземъ и убраться въ вой Ростовъ... Когда Михаилъ Тверской, уже владѣвшій, съ 1304 ., старѣйшимъ столомъ земли Русской (т. е., Владимирскимъ но кившій все таки въ Твери) вынужденъ [11] былъ вступить, въ 1318

Этотъ рубежъ, назначенный Михаиломъ, между Тверью и Кашинымъ, сохранялся, какъ видно изъ I т. Собранія государственныхъ грамотъ (№ 76, 77, 88, 119), до самаго завоеванія Твери Москвою. Принимая въ соображеніе то событіе, что Кашинцы, въ 1321 г. вышли защищать свои земли отъ вторженія Переяславскаго войска только на берегъ Волги, а не за нее, мы можемъ заключить, что при Михаилѣ Кашинцы еще не владѣли землями на правомъ берегу Волги. Гдѣ же шелъ Михайловъ «рубежъ Твери и Кашину?» Прямаго указанія на это въ актахъ нѣтъ; но, зная засвидѣтельствованную актами неизмѣняемость рубежа Михайлова, и не находя, съ другой стороны, ни въ какихъ документахъ указанія, чтобы Кашинцы когда ни будь владѣли землями южнѣе теченія рѣки Медвѣдицы, можно положить, что рубежъ Кашина и Твери не переходилъ за эту рѣку. На западѣ Кашинская земля граничила съ землями Бѣжецкими (что видно изъ 18-го № I т. Собранія государственныхъ грамотъ, отъ 1426 г.), а на сѣверъ она простиралась не далѣе Койской волости, селъ Перетерскаго и Васьянскаго, принадлежавшихъ Князю Углицкому. (См. т. I Актовъ Археографической Экспедиціи, № 13 отъ 1430—1440 гг.).

[10] Построенъ, по Никоновской лѣтописи, Великимъ Княземъ Юріемъ Долгоруким, въ 1134 г., нынѣ село.

[11] См. Исторію Карамзина, изд. Эйнерлинга, С. П. Б. 1842 г., т. IV, стр. 111.

г., въ войну съ своимъ соперникомъ, двоюроднымъ братомъ, Княземъ Московскимъ, Юріемъ Даниловичемъ, опустошившимъ Тверскія села и города до самыхъ береговъ Волги, Кашинцы, за одно съ Тверичами, [12] бились противъ войска Московскаго и его союзниковъ, Татаръ. Битва эта, какъ извѣстно, кончилась пораженіемъ Юрія, и даже плѣномъ его жены, сестры ОрдынскагоХана, Узбека. Жена Юрія умерла въ Твери, и смерть ея была приписана молвою отравѣ. Эта-то молва и помогла Юрію возстановить наконецъ противъ Михаила самаго Узбека и, горячо любимый Тверскою землею отчизнолюбецъ, Князь Михаилъ Ярославичъ, 22 Ноября, 1319 г., былъ заколотъ въ Ордѣ.

Михаилъ оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей: Дмитрія Александра, Константина и Василія. Старшій изъ нихъ, не смотря на искательство Князя Юрія Московскаго, зятя Ханова, успѣлъ таки получить Ордынскій ярлыкъ на Великокняжескій Владимирскій столъ (но жить сталъ, по прежнему, въ Твери). Младшіе братья жили съ Дмитріемъ. Пока еще Дмитрій не былъ признанъ старѣйшимъ Княземъ, въ 1321 г., прибылъ изъ Орды въ Кашинъ Татаринъ Таянчаръ (по Тверской лѣтописи Гачна), съ Жидовиномъ должникомъ (т. е., откупщикомъ Ханской дани), и учинилъ Кашинцамъ своими поборами большую тягость. Въ томъ же году, осенью, [13] Юрій Московскій, занимавшій, на первыхъ порахъ по смерти Михаила, Владимирскій столъ, собрался, въ Переяславлѣ, съ Суздальцами и всею силою Низовскою, сдѣлать нападеніе на землю своего соперника, Дмитрія. Мѣстомъ для этого нападенія онъ избралъ Кашинъ. Дмитрій, извѣщенный о бѣдѣ, грозящей его отчинѣ, въ сопровожденіи своихъ братьевъ, прибылъ, съ Тверскими полками, на помощь испуганнымъ Кашинцамъ и вмѣстѣ съ ними выступилъ, ожидая вторженія Юрія, къ Волгѣ. Въ то же время Владыка Тверской, Андрей, можетъ быть, опасаясь многочисленности войска Юрьева, попытался (вѣроятно, не безъ согласія Дмитрія) примирить враждующихъ, что ему и удалось.

Дмитрію удалось недолго занимать столъ своего отца. Юрій не могъ снести униженія видѣть сына своего соперника главою всѣхъ Русскихъ Князей: снова поѣхалъ онъ въ Орду ис-

---

[12] Лѣт. Тверская, годъ ҂зѿкє.

[13] Лѣтопись Тверская, годъ ҂зѿкѳ.

кать Владимирскаго стола, а за нимъ и Дмитрій. Здѣсь встрѣтились, лицомъ къ лицу, заклятые враги, питавшіе, въ теченіи долгаго времени, въ своей молодой душѣ злобу другъ къ другу. Дмитрій наконецъ не могъ себя сдержать, и виновникъ смерти Михаила былъ самъ заколотъ его сыномъ. Вскорѣ за смерть Юрія, по волѣ Хана, Дмитрій поплатился, въ 1326 г., и своею жизнію.

Дмитрія заступилъ братъ его, Александръ. Какъ будто сама судьба благопріятствовала Твери въ томъ, что уже третій изъ ея Князей по порядку занималъ Великокняжескій Владимирскій столъ, но, съ другой стороны, будто та же судьба заставляла Тверскихъ Князей, по своей необдуманности, и упускать изъ рукъ главенство надъ Русской землей. Вскорѣ послѣ полученія Великаго Княженія, подозрѣвая въ прибывшемъ въ Тверь Ханскомъ послѣ и родственникѣ, Шевкалѣ, будущаго гонителя Христіянской Вѣры, Александръ, въ 1327 г., въ день Успенія Богородицы, осадилъ, жившаго въ Твери со своими, Шевкала, и сожегъ его, вмѣстѣ съ его дворцомъ. Месть Ханская не замедлила. Узбекъ призвалъ брата Юрьева, Московскаго Князя, Ивана Даниловича, и, обѣщая сдѣлать его Великимъ Княземъ, далъ ему пятьдесятъ тысячь войска, съ тѣмъ, чтобы онъ наказалъ Александра. Послѣдній зачуявъ бѣду, оставилъ своихъ Тверичей и ушелъ въ Псковъ, а братья его, Константинъ и Василій, отправились съ матерью въ Ладогу. Между тѣмъ Иванъ Даниловичъ явился съ Узбековымъ войскомъ, взялъ Тверь и Кашинъ и прочіе Тверскіе городки, пожегъ села, а людей взялъ въ полонъ. Такимъ образомъ Кашинъ, на памяти лѣтописцевъ вынесъ тогда уже второй погромъ Татарскій.

Послѣ этого разгрома Константинъ и Василій, съ матерью и своими Боярами, снова вернулись въ Тверь и принуждены были смириться предъ Княземъ Московскимъ. Константинъ вскорѣ поѣхалъ съ нимъ въ Орду, гдѣ и былъ признанъ Княземъ Тверскимъ. Но Узбекъ требовалъ на судъ Александра. Псковичи, не смотря даже на требованіе Новгорода, куда ѣздилъ по этому дѣлу Иванъ Даниловичъ съ Константиномъ и Васильемъ, Александра не выдавали. Клятва, наложенная на Псковъ Митрополитомъ, такъ же была безсильна побудить ихъ къ тому, но Александръ ушелъ добровольно, въ 1329 г., въ Литву. Константинъ и Василій спокойно зажили въ Твери.

Черезъ семь лѣтъ, въ 1336 г., Александръ, однако же, попы-

лался примириться съ Узбекомъ. Онъ послалъ къ нему сначала сына, и когда тотъ вернулся назадъ благополучно съ посломъ Монгольскимъ, отправился туда и самъ. Покорность Александра смягчила гнѣвъ Хана, и первый вернулся домой, въ 1338 г., опять Княземъ Тверскимъ. Константинъ безъ всякаго сопротивленія уступилъ ему княженіе. Но Великій Князь Московскій, Иванъ Даниловичъ, не дремалъ: Князь Тверской, снова пріобрѣвшій расположеніе Орды, казался ему опаснымъ соперникомъ. И вотъ Иванъ со своими сыновьями ѣдетъ къ Узбеку и выставляетъ Александра отъявленнымъ врагомъ Татаръ, смирившимся лишь на время по нуждѣ. По требованію Узбека Александръ долженъ былъ отправиться въ Орду, и тамъ, въ 1339 г., 29 Октября, погибъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, Ѳедоромъ.

Константинъ опять сталъ Княземъ Тверскимъ. Въ то же, кажется, время (по крайней мѣрѣ, ни какъ не раньше) называвшійся до сихъ поръ вездѣ въ Никоновской лѣтописи Княземъ Тверскимъ,

Василій Михайловичъ (1339?—1346 и 1366—1368)

получилъ себѣ въ удѣлъ Кашинъ. Г. Костомаровъ, въ статьѣ: «Церковно-историческая критика въ XVII в.,»[15] говоритъ: «Въ удѣльно-вѣчевыя времена новыя Княжества возникали и упрочивались въ такихъ городахъ, которые, по какимъ либо благопріятнымъ географическимъ условіямъ и историческимъ обстоятельствамъ, будучи пригородами главнаго города земли, получали болѣе, чѣмъ другіе пригороды, значенія, силы и достоинства. А такимъ пригородомъ Твери и былъ именно Кашинъ. Всѣ прочіе Тверскіе города, кромѣ, развѣ, Холма (Бѣлгорода),[16] Новый Городокъ, т. е., Старица, Ржевъ, Зубцовъ, Радиловъ, Вобрынь, Опоки, Вертязинъ, два Микулина, Кснятинъ,[16] были очень незна-

---

[15] Въ Вѣстникѣ Европы за 1870 г., т. II, стр. 481.

[15] См. духовное завѣщаніе Князя Тверскаго, Михаила Александровича, въ лѣтописи Воскресенской, подъ 1399 годомъ. Прочіе города нынѣшней Тверской Губерніи или принадлежали въ то время Новугороду (Весь-Егонская, Бѣжецкъ, Торжекъ, Уѣзды Вышневолоцкій и Осташковскій), или не существовали еще (Корчева и Калязинъ).

[16] На устьѣ рѣки Хотчи. См. лѣтописи Никоновскую и Воскресенскую, годъ 1398.

чительны, и ихъ жители въ исторіи Тверской земли не играли никакой замѣтной роли. Кашинъ, кромѣ того, былъ значительно удаленъ отъ главнаго города земли и, въ слѣдствіи того, его интересы не всегда могли быть общими съ интересами Твери. Такъ въ 1372 г. Литва разгромила Кашинъ, не причинивъ никакого вреда Твери; наоборотъ, въ 1375 г. Великій Князь Московскій опустошилъ земли Тверскія, безъ всякаго урона Кашинскимъ.

И такъ Василій сдѣлался удѣльнымъ Княземъ Кашинскимъ. Не особенно много въ ту пору нужно было хлопотать Князю вновь открывшагося удѣла о Княжеской обстановкѣ своей столицы. Рѣка Кашинка своимъ извилистымъ теченіемъ образуетъ много какъ бы полуострововъ, оставляя для доступа на нихъ лишь узкіе перешейки. На одномъ изъ такихъ полуострововъ (въ версту ширины и полверсты длины, съ перешейкомъ, всего саженей въ пятьдесять) и стоялъ древній Кашинъ. Василій могъ, слѣдовательно, воспользоваться рѣкою вмѣсто естественной крѣпости. На перешейкѣ былъ сдѣланъ ровъ съ мостомъ, [17] а за нимъ могъ быть тынъ и частоколъ. Хоромы себѣ новый Князь, конечно, построилъ въ родѣ такихъ же, какія были и у его отца, въ Твери, деревянныя, съ сѣнями внизу, черезъ которыя вела лѣстница въ княжескую свѣтлицу (такъ что, въ случаѣ пожара снизу, приходилось выпрыгивать въ окно). Княжата, боярченки и стража, спали обыкновенно въ сѣняхъ. Въ такомъ домѣ хранилась и казна Княжая и порты всѣ. [18] Въ немъ же Князь чинилъ свой судъ и расправу. По волостямъ, принадлежавшимъ къ городу, управляли назначаемые Княземъ **волостели** (а надъ городомъ, въ отсутствіе Князя, были намѣстники), которые и кормились частію доходовъ. Населеніе земли дѣлилось на людей **служилыхъ** и **тяглыхъ**. Въ рядахъ первыхъ занимали высшее мѣсто Бояре, составлявшіе думу Князя, владѣвшіе значительными помѣстьями и пользовавшіеся разнаго рода преимуществами, [19] а за тѣмъ и разные должностные люди, напр., **старосты**, **сотскіе**, [20] **дацкіцки**, **пошлин-**

---

[17] Этотъ ровъ и мостъ на немъ значится еще на планѣ города Кашина, Высочайше утвержденномъ въ 1777 г.

[18] Лѣтопись Никоновская, III, стр. 95.

[19] См. Русскую Исторію К. Бестужева-Рюмина. С. П. Б., 1872 г., т. I, стр. 443—446.

[20] См. грамоту Тверского Князя Бориса, 1437—1449 г., въ Актахъ Археографической Экспедиціи, № 35.

ники, писцы [21] Внѣ разряда людей служилыхъ стояли купцы (гости) и крестьяне. Крестьяне сидѣли на общинныхъ земляхъ, на своихъ, или на владѣльческихъ. Въ послѣднемъ случаѣ они были обязаны владѣльцу или частію урожая, или работою. [22] Кромѣ того, знатные люди держали еще холопей, купленныхъ, или за вину взятыхъ въ рабство. [23] Войско составляли въ военное время главнымъ образомъ Бояре и Дѣти Боярскіе; къ нимъ, въ случаѣ нужды, присоединялись купцы и горожане, а земледѣльцы были отъ воинской повинности свободны. Въ мирное время войско распускалось. [24]

О податяхъ, собиравшихся въ Тверской землѣ въ пору выдѣленія Кашинскаго Княжества мы имѣемъ свѣдѣнія въ жалованной грамотѣ Василія Михайловича Тверскому Отрочу монастырю и въ договорѣ Великаго Князя Василія Дмитріевича съ Княземъ Михаломъ, Александровичемъ Тверскимъ, отъ 1398 г. [25] Онѣ состояли для торговцевъ изъ гамги (по мордкѣ обѣушной съ рубля) и осминичаго (по столько же), а съ обывателей—изъ яма, подводъ, сторожевого, пищаго, корма, медоваго (гдѣ водились бобры, на пр. по рѣкѣ Корожечнѣ, бралось еще бобровое). [26] Съ проѣзжающихъ торговцевъ бралось торговой пошлины съ воза по мордкѣ обѣушной, да костокъ (подорожной пошлины) столько же. Кто объѣдетъ сборщика пошлины, съ того бралось промыты по шестидесяти мордокъ съ воза, да заповѣди (штрафа) шестьдесять одна мордочка. Съ лодки бралось пошлины по два алтына съ доски, а со струга алтынъ. Монастыри Княжескими грамотами отъ податей и пошлинъ освобождались; но когда приходилъ изъ Орды посолъ сильнъ и трудно было его Князю «опровадить» своими средствами, тогда Архимандритъ долженъ былъ пособить. [27]

---

[21] Тамъ же, подъ № 5, грамота Князя Василія Михайловича, отъ 1363—1365 г.

[22] Бестужева-Рюмина, Исторія Русская, I, стр. 450.

[23] См. Собраніе государственныхъ грамотъ, I, № 37.

[24] Карамзина, Исторія Г. Р., изданіе Эйнерлинга, 1842 г., т. V, стр. 229.

[25] Первая отмѣчена выше въ прим. 21, а вторая помѣщена въ Актахъ Экспедиціи, подъ № 14.

[26] Акты Археографической Экспедиціи, №№ 34 и 56.

[27] См. грамоту Князя Тверскаго Отрочу монастырю 1437—1446 въ Актахъ Археографической Экспедиціи, № 34.

Что касается монетъ, то въ XIV ст. считали сначала куньими мордками, а потомъ алтынами, гривнами и рублями. Рубль состоялъ изъ обрубка серебра отъ 22 до 46 золотниковъ вѣса. [11] Карамзинъ (въ примѣчаніи 135 къ V т. Исторіи Г. Р.) говоритъ, что онъ видѣлъ Кашинскую монету съ изображеніемъ всадника, держащаго въ рукѣ птицу, и съ надписью: «Князь Василья Михайловича.» Но скорѣе, не Тверская ли то монета? Вѣдь, Василій Михайловичъ былъ 17-ть лѣтъ Княземъ Тверскимъ.

Первые годы княженія Василіева въ Кашинѣ ни чѣмъ не отмѣчены въ лѣтописяхъ до самой смерти брата его, Константина Тверского, въ 1346 г., въ Ордѣ. Старшій сынъ, убитаго въ Ордѣ, въ 1339 г., Тверского Князя Александра, Всеволодъ, по примѣру дяди Василія, получилъ въ удѣлъ Холмъ (въ нынѣшнемъ Зубцовскомъ Уѣздѣ). Константинъ частенько тѣснилъ племянника и мать его, Княгиню Анастасію, то захватывая ихъ Бояръ, то отнимая доходы. Всеволодъ поѣхалъ судиться съ нимъ въ Орду. Когда здѣсь Константинъ умеръ, Всеволодъ, помимо дяди Василія, получилъ себѣ въ управленіе Тверь. Но Василій былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко смиряются, особенно передъ младшими. Кашинскій Князь началъ съ того, что, услышавъ о смерти брата Константина, послалъ своихъ данщиковъ въ Холмъ (который онъ считалъ уже подвластнымъ себѣ, какъ законному Князю всей Тверской земли), собралъ поборъ и отправился въ Орду, къ Узбекову сыну, Чанибеку, за ярлыкомъ на Тверское княженіе. Всеволодъ встрѣтился на пути со своимъ дядей и соперникомъ) и обобралъ его. Василій, зная, что въ Ордѣ безъ денегъ ничего онъ не возьметъ, вернулся, въ 1348 г., въ свой Кашинъ, гдѣ и не переставалъ враждовать на племянника, такъ что въ тотъ же годъ дѣло едва не дошло до рѣзни.

Всеволодъ, однако жь, увидѣлъ, что въ Твери ему не удержаться: упорный дядя, рано, или поздно, думалъ онъ, лишитъ его Тверского стола. Племянникъ нашелъ болѣе выгоднымъ для себя уступить добровольно, что ему совѣтовалъ и Владыка Тверской, Ѳеодоръ. И вотъ онъ, въ 1349 году, помирился съ дядей и уступилъ ему Тверь, перебравшись снова въ свой Холмъ. Василій Михайловичъ переѣхалъ въ Тверь, оставивъ въ Кашинѣ сына

---

[11] Исторія Бестужева-Рюмина, I, стр. 480; Карамзина, IV, пр. 250.

Василія Васильевича (1349—1363 г.).

Объ этомъ Князѣ только замѣчено въ Никоновской лѣтописи подъ ҂гѡоа (1363) годомъ: «Преставись Князь Василій Васильевичъ Кашинскій, внукъ Михайловъ.» Принимая въ соображеніе, что это былъ старшій сынъ Василія, женившагося, въ 1330 г. (а младшему, помимо старшаго, отецъ не далъ бы отдѣльнаго Княженія), и что другой его сынъ, Михаилъ, въ 1350 году уже женился, можемъ заключить, что Василій Васильевичъ получилъ удѣлъ уже будучи юношею взрослымъ.

Но обратимся къ, отъѣхавшему въ Тверь, его отцу. Получивъ на Тверское Княжество изъ Орды ярлыкъ, Василій, не забывшій прежней непріязни Всеволода, опять началъ его обижать, обирая Бояръ его и слугъ. Уступчивый Всеволодъ вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія, и когда пріѣхалъ, въ 1357 году, во Владимиръ Митрополитъ Московскій, Св. Алексій, онъ обратился къ послѣднему съ жалобою на притѣсненія дяди. Василій, въ свою очередь, тоже отправился, съ своимъ Епископомъ, Ѳеодоромъ, къ Митрополиту. Много было высказано передъ Митрополитомъ дядею, и племянникомъ взаимныхъ обвиненій, и попытка Св. Алексія примирить ихъ осталась безъ успѣха. Оскорбленный жалобою Всеволода, Василій черезъ годъ послалъ Тверскихъ Бояръ, Григорчука и Корея въ Орду къ Хану съ наговорами на племянника. Ханъ выдалъ послѣдняго мстительному дядѣ безъ суда, и, какъ выражается Никоновская лѣтопись, было Князю Всеволоду отъ дяди томленье великое, Боярамъ и слугамъ его продажа и грабленье, а чернымъ людямъ великая данная продажа.

Но кромѣ Всеволода у Василія былъ еще и другой племянникъ, сынъ того же Александра, Михаилъ. [29] Оставшись по смерти отца шестилѣтнимъ ребенкомъ, Михаилъ Александровичъ воспитался въ Новѣгородѣ, у крестнаго отца, Архіепископа Василія, и, возвратившись въ Тверь, получилъ въ удѣлъ, еще отъ Всеволода, Микулинъ (почти на границѣ нынѣшняго Старицкаго и Тверского Уѣздовъ). Василій сначала его оставлялъ въ покоѣ, но въ 1363 г.

---

[29] Прекрасная монографія о немъ Г. Бѣляева помѣщена въ III кн. «Чтеній въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1861 годъ.

пошелъ ратью и на него. Михаилъ, впрочемъ, отдѣлался отъ нападенія безъ битвы и съумѣлъ задобрить дядю. Черезъ годъ посѣтила Тверскую землю язва, отъ которой умерли, между прочими Князьями, Всеволодъ и, сынъ Василіева брата, Константина, [30] Симеонъ, княжившій въ Вертязинѣ (нынѣ с. Городня, на рѣкѣ Волгѣ, въ Тверскомъ Уѣздѣ). Михаилъ получилъ по завѣщанію удѣлы и Всеволода, и Симеона. Василію Тверскому это пришлось не по нраву, и онъ объявилъ притязаніе на удѣлъ Симеона, доказывая, что Удѣлъ этотъ принадлежитъ по праву родному брату Симеонову, Іереміи. Василія, по словамъ Тверской лѣтописи, возбуждала противъ Михаила жена, Елена, указывая на общую любовь Тверичей къ молодому Князю, любовь, которая заставила Василія вскорѣ лишиться Тверского стола. Михаилъ обратился, по дѣлу Вертязинскаго наслѣдства, къ суду Митрополита. Тотъ сдѣлалъ третейскимъ судьею дяди и племянника Епископа Тверского, Василія. Василій призналъ правымъ Михаила, который, послѣ Митрополичьяго суда, переѣхалъ уже и въ Тверь.

Такимъ-то образомъ Василій Михайловичъ опять сталъ только Княземъ Кашинскимъ. Но онъ не успокоился и теперь. Будучи родственникомъ Великому Князю Московскому, Дмитрію Ивановичу (сынъ Василія, Михаилъ, былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Дмитрія), онъ обратился за заступничествомъ къ нему. Дмитрій сталъ грозить Тверскому Князю, Михаилу, войной, а тотъ поспѣшилъ отправиться въ Литву, къ Ольгерду (которому онъ былъ шуриномъ), для заключенія противъ Москвы союза. Тогда Князь Василій, съ сыномъ Михаиломъ и Княземъ Іереміею, живщимъ въ Дорогобужѣ (село Дорожево, около Холма, въ Старицкомъ Уѣздѣ, близъ Московской границы) рѣшились наказать своего третейского судью, Владыку Василія. Черезъ Митрополичьяго Пристава они позвали его въ Москву на судъ къ Митрополиту, за то, де, что судилъ ихъ не по правдѣ. За тѣмъ они со своимъ войскомъ, пригласивъ еще рать Великаго Князя Московскаго, двинулись на Тверь. Твери они взять не могли, за то разгромили церковныя имѣнія своего недруга, Епископа Василія, немало плѣнили народа и пожгли селъ Тверскихъ. Вернувшійся тою же осенью изъ Литвы со вспомогательнымъ войскомъ Михаилъ Тверской не остал-

[30] Бѣляевъ, на 7 стр. своей статьи, ошибочно отнесъ къ этому же году и смерть самаго Константина, умершаго еще въ 1346 г.

ся у противниковъ въ долгу. Онъ, во первыхъ, поималъ подъ стражу много Васильевыхъ Бояръ, даже жену его, вмѣстѣ съ женою Іереміи; во вторыхъ, пошелъ ратью на Кашинъ. Василій понялъ, что теперь у него не хватитъ силъ бороться съ ополченіемъ Тверскимъ и Литовскимъ, да и Москвѣ нѣтъ расчета вступать за него въ опасную войну съ Тверью. Онъ примирился наконецъ съ Владыкой, и оба они выслали своихъ пословъ въ село Андреевское на встрѣчу Михаилу молить его о мирѣ. Великодушный Михаилъ простилъ своего дядю. Дмитрій Московскій подтвердилъ ихъ миръ, но въ договорѣ съ Княземъ Тверскимъ [31] высказалъ знаменательныя слова, выражавшія будущую обычную тактику Москвы относительно Твери и Кашина: «Въ Кашинъ ти (Михаилу) ся не вступати, а что потягло къ Кашину, вѣдаетъ то вочтичъ, Князь Василій; ни выходомъ (т. е., данью Ордынскою) не надобѣ тобѣ ко Твери Кашина тянути, а его ти не обидѣти. А имешь его обидѣти, мнѣ его отъ тобѣ боронити.» По зимѣ пріѣзжалъ къ Тверскому Князь и сынъ Василія, Михаилъ.

Въ слѣдующемъ 1368 г. Василій Михайловичъ кончилъ въ Кашинѣ свою тревожную жизнь. По древнему преданію, записанному въ церковное «Житіе,» [32] у Василія Михайловича жила въ Кашинѣ и мать, Великая Княгиня Анна, и умерла у него (будто бы) въ 1338 г. Годъ этотъ выставленъ, очевидно, ошибочно: по Никоновской лѣтописи Княгиня Анна умерла въ 1368 г., а въ 1339 г. она еще оплакивала въ Твери смерть сына Александра, что засвидѣтельствовано и Никоновскою, и Тверскою, и Воскресенскою лѣтописями. Да до 1339 года и самъ Василій называется лѣтописцами вездѣ просто «Тверскимъ», а не Кашинскимъ, Княземъ. Кромѣ того, въ томъ же «Житіи» говорится, что мощи Княгини Анны почивали въ землѣ 243 года, и за тѣмъ Княгиня явилась въ сонномъ видѣніи пономарю Герасиму, въ царствованіе Василія (Шуйскаго), бывшаго въ великомъ утѣсненіи отъ Литовскаго воинства; приложивъ число 243 къ 1368, мы получимъ именно 1611 годъ,—послѣдній царствованія Василія и первый междуцарствія. Мощи благовѣрной Княгини Анны были торжественно причислены къ лику Святыхъ, по Указу Царя Алексѣя Михайловича, въ 1650

---

[31] Помѣщенъ въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ подъ № 14.

[32] Списокъ его находится въ Кашинскомъ Воскресенскомъ соборѣ.

г. (21 Іюля), и поставлены въ Кашинской соборной церкви (гдѣ они находятся и теперь), а при Царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, изъ за противорѣчія (въ годахъ и имени) «Житія» ея съ лѣтописями до времени закрыты. [33] Никоновская лѣтопись называетъ мать Василія въ монашествѣ Софіею. Не смѣшана ли здѣсь съ Анною жена Константина Михайловича, тоже Софія, [34] годъ смерти которой больше нигдѣ не отмѣченъ?

По смерти Василія Михайловича Кашинскимъ Княземъ сталъ его сынъ

Михаилъ Васильевичъ (1368—1373 г.).

Начало княженія въ Кашинѣ Михаила было ознаменовано, какою-то важною незнаемою болѣзнію его и его жены, Княгини Василисы, которая въ томъ же году и скончалась весною. Набожный Князь видѣлъ въ этомъ себѣ наказаніе Божіе за то, что зимою, изъ загороднаго монастыря, [35] онъ приказалъ перене-

---

[33] Соборное дѣяніе о Благовѣрной Княгинѣ Аннѣ помѣщено въ IV кн. «Чтеній въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1871 годъ.

[34] Софіею она названа въ лѣтописи Тверской, подъ 1380. Карамзинъ въ 5 прим. къ V т. своей Исторіи, называетъ ошибочно ее Авдотьею: Авдотья была, какъ видно изъ текста Никоновской лѣтописи, не «Константинова» (т. е., жена), но «Константиновна» (дочь).

[35] Въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ этого монастыря. Изъ нынѣшнихъ Кашинскихъ монастырей женскій Срѣтенскій основанъ не позже первой половины 1400 годовъ (что видно изъ грамоты, данной ему Княземъ Тверскимъ, Борисомъ, ум. въ 1449 г.). Мужскій Клобуковъ существовалъ еще въ началѣ 1400 г.: въ немъ постригся тогда, подъ именемъ Макарія одинъ Кашинскій Бояринъ, по фамиліи Кожинъ, удалившійся за тѣмъ въ пустыню, на рѣку Волгу, и основавшій тамъ, на землѣ какого-то помѣщика Колиги, извѣстный Колязинъ монастырь. Макарій скончался въ 1483 г., а въ 1521 г. признанъ Церковію Святымъ. Въ Клобуковѣ монастырѣ сохраняется до настоящаго времени замѣчательная древность, Преподобнаго Макарія келья. Длина ея снаружи съ углами—четыре аршина безъ четверти, ширина три аршина съ четвертью; вышина отъ земли до крыши два аршина и полчетверти, толщина стѣнъ въ четверть. Потолка въ ней нѣтъ; полъ и крыша снаружи ветхи. При входѣ въ келью на правой сторонѣ одно слуховое окно, вершковъ въ пять. Келья сохраняется въ древнемъ зданіи (см. Матеріалы для статистики Россійской Имперіи, изданные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. С. П. Б., 1841 г., стр. 131). Основаніе третьяго монастыря, мужскаго Дмитріевскаго, приписывается тому же Преподобному Макарію.

явилъ Дмитрію Ивановичу войну, и тотчасъ же послалъ одинъ изъ своихъ полковъ на зависѣвшій отъ Москвы Угличъ. Дмитрій собралъ, въ свою очередь, всѣ свои силы и, въ сопровожденіи многихъ Князей, а въ томъ числѣ и Василія Кашинскаго, Князей, по словамъ Никоновской лѣтописи, негодовавшихъ на Михаила Тверского за то, что онъ не разъ призывалъ уже на Русскую землю Литовскіе полки, и теперь сталъ сноситься еще съ Татарами. Союзное Московское войско осадило Тверь, въ которой заключился Михаилъ, и держало ее цѣлый мѣсяцъ въ осадѣ. Бѣгородъ на Волгѣ, Микулинъ, Старица, Зубцовъ, были разрушены, множество Тверскихъ селъ опустошено и пожжено. Оставленный и Ольгердомъ, и Мамаемъ, безъ помощи, Михаилъ наконецъ долженъ былъ смириться, и Дмитрій Ивановичъ Московскій заключилъ съ нимъ миръ на всей своей волѣ. Михаилъ обѣщался, между прочимъ, не безпокоить Василія Кашинскаго, и даже не требовать съ него дани для Орды. [38]

Василій Михайловичъ, послѣ пораженія Твери, вернулся снова въ свой Кашинъ. Когда, въ 1380 г., Мамай явился съ своими страшными полками въ землѣ Русской, и Дмитрій Московскій смѣло выступилъ противъ него на берега Непрядвы и Дона, сопровождаемый множествомъ Русскихъ Князей, исключая, впрочемъ, Тверского и Рязанскаго, то въ этомъ ополченіи принималъ участіе и Князь Василій Кашинскій. [39]

Въ 1382 г., Мая 6 дня, Князь Василій умеръ въ Кашинѣ бездѣтнымъ, [40] и былъ похороненъ въ своей соборной Воскресенской церкви. Такимъ образомъ пресѣклось поколѣніе Князей Кашинскихъ, и Кашинъ на 18 лѣтъ сталъ пригородомъ Тверскимъ.

Въ теченіи этихъ 18 лѣтъ въ Кашинѣ умерли два Князя: Александръ и Борисъ Михайловичи. Первый умеръ въ 1389 г., [41] и названъ лѣтописью Ордынецъ. Кажется, это былъ сынъ Михаила

---

[38] Договоръ Дмитрія съ Михаиломъ помѣщенъ у Карамзина (изданіе 1842 г.) въ т. V, на стр. 22.

[39] Карамзинъ, стр. 39, V.

[40] Г. Костомаровъ, въ выше упомянутой статьѣ своей, говоритъ, что не извѣстно, умеръ ли Василій бездѣтнымъ. Напротивъ, это подтверждаетъ приложенное къ лѣтописи Воскресенской, родословіе Князей Тверскихъ.

[41] Лѣтопись Тверская, годъ 6897.

Александровича Тверского, вернувшійся въ 1386 г. [42] изъ Орды. Борисъ Михайловичъ, сынъ того же Михаила Тверского, умеръ въ 1395 г., а погребенъ былъ въ Твери. Г. Костомаровъ. [43] основываясь на духовномъ завѣщаніи Михаила Александровича Тверского, [44] умершаго въ 1399 г., говоритъ, что Борисъ Михайловичъ былъ Удѣльнымъ Княземъ Кашинскимъ. Но, во первыхъ, въ лѣтописи Борисъ Княземъ Кашинскимъ не называется, а во вторыхъ, онъ умеръ четырьмя годами раньше смерти отца, послѣ которой уже братья Борисовы получили удѣлы. Въ завѣщаніи, на ряду съ именемъ Бориса, при назначеніи удѣловъ, выставлено и имя его сына, Ивана, что было бы лишнее, если бы Кашинъ уже принадлежалъ раньше Борису. Всего вѣрнѣе, что въ лѣтописи имя Бориса вставлено неискуснымъ переписчикомъ позднѣе.

Въ 1392 г., по словамъ лѣтописи Тверской, Кашинъ выгорѣлъ, и срубленъ былъ вскорѣ снова.

Въ 1399 г. скончался, смиреннымъ схимникомъ, послѣ 34-хъ лѣтняго мудраго правленія Тверскою землею, Великій Князь Михаилъ Александровичъ, съ бренными останками котораго Тверь, по справедливому выраженію Бѣляева, похоронила свое счастіе [45] и независимость. Вѣрный обычаю прародительскому, онъ еще при жизни раздѣлилъ свою землю между сыновьями: Ивану и его дѣтямъ онъ завѣщалъ Тверь, Новый Городокъ, Зубцовъ, Радиловъ, Вбрынь, Опоки, Вертязинъ; Ѳедору: два городка Микулины съ волостями; Василію и сыну умершаго, въ 1395 г., Бориса, племяннику Ивану: Кашинъ, Коснятинъ. Такимъ образомъ въ Кашинѣ одновременно стало два удѣльныхъ Князья:

Василій Михайловичъ 3-й (съ 1400 до 1426 г.)
и
Иванъ Борисовичъ (съ 1400 по 1413 г?)

Собственно Кашинскимъ Княземъ сталъ Василій, а Иванъ въ самомъ Кашинѣ получилъ лишь, въ слѣдующемъ 1401 году, Еросо-

---

[42] См. у Карамзина т. V, прим. 137.

[43] Вѣстникъ Европы, 1870, т. II, стр. 486.

[44] Лѣтопись Воскресенская, годъ ҂гѿци.

[45] Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1861, III, стр. 43.

лимскую слободку, гдѣ нынѣ церковь Входоіерусалимская и женскій монастырь. Большая часть земли Ивановой, вѣроятно, была во, вновь присоединенномъ къ Кашину съ городомъ Кснятинымъ, Заволжьи. [46]

Не успѣли еще новые Князья переѣхать въ свой удѣлъ, а уже распри ихъ съ Тверью начались. Заступившій умершаго Михаила, Князь Тверской (тоже Великій) Иванъ Михайловичъ, если не владѣлъ глубокимъ политическимъ смысломъ своего отца, за то не уступалъ ему въ желаніи держать въ полномъ подчиненіи Князей младшихъ. Еще на первыхъ порахъ онъ далъ понять своимъ Боярамъ, что его братья, Ѳедоръ и Василій, и племянникъ Иванъ, вовсе имъ не Князья. Когда Василій, со своей матерью, Княгинею Авдотьей, Ѳедоръ и Иванъ, послали жаловаться брату на неуваженіе Великокняжескихъ Тверскихъ сановниковъ, то Иванъ Тверской отвѣчалъ, что такъ дѣлается по его собственному желанію. Съ этихъ поръ онъ началъ оказывать еще болѣе холодности къ нимъ. Только къ племяннику онъ былъ милостивѣе, но и то по тому, что послѣдній, съ матерью и своимъ Боярином Воронцомъ, приходилъ къ нему «бить челомъ» и увѣрялъ, что въ жалобѣ своихъ дядей на Тверскихъ Бояръ онъ участія не принималъ.

Черезъ годъ по смерти отца Василій Михайловичъ, въ 1400 г. перебрался въ отчину Кашинъ. А Иванъ Михайловичъ вскорѣ же началъ свои противъ него враждебныя дѣйствія, перешедшія

---

[46] Это Заволжье (въ нынѣшнемъ Калязинскомъ Уѣздѣ) на сѣверъ простиралось до Углицкой границы (почти совпадавшей съ нынѣшней Уѣздной). На востокъ оно шло не далѣе рѣкъ Жабни и Суболки, которыя, еще до 1504 г. (какъ видно изъ № 137 Собранія государственныхъ грамотъ), служили границею Кашину и Ростову, и рѣки Сабли, по которой шли уже Переяславскія владѣнія, напр., села: Старобиславо, Твердилово, Губино (см. въ томъ же собр. № 136). Южную границу Кашинскаго Заволжья опредѣлить точно нѣтъ данныхъ. Принимая лишь въ соображеніе то, что стоявшій на устьѣ рѣки Хотчи, Бѣлгородокъ принадлежалъ уже Твери, можно приблизительно признать теченіе этой рѣки за южный рубежъ Кашинскихъ и Тверскихъ Заволжскихъ земель. Въ началѣ XVI ст., какъ видно изъ актовъ Археографической Экспедиціи (I, № 165), Кашинское Заволжье дѣлилось на два стана: Жабенскій (по рѣки Жабнѣ) и Нерехотскій (можетъ быть по рѣкамъ Нерли и Хотчѣ). Земли на лѣвой сторонѣ Волги гдѣ былъ самый городъ, составляли станъ Чудской (тамъ же, № 251).

Позднѣе въ безпощадное гоненіе. Онъ отнялъ у Василія Входъ-Ерополина и Луское озеро (?) и передалъ Князю Ивану Борисовичу. Изобиженный Василій пріѣхалъ въ Тверь и обратился къ посредничеству Владыки Арсенія (Святаго), прося его устроить общій судъ изъ Тверскихъ и Кашинскихъ выбранныхъ), для разбора притязаній Ивана Михайловича. На ходатайство Арсенія Тверской Князь отвѣтилъ отказомъ на отрѣзъ, какъ полный хозяинъ всей Тверской земли, и Василій Михайловичъ ни съ чѣмъ вернулся въ свой Кашинъ. Здѣсь онъ былъ обрадованъ рожденіемъ отъ второй жены сына Дмитрія (въ 1401), воспріемниками котораго отъ купѣли былъ, вмѣстѣ съ бабушкою, Княгинею Авдотьею, Игуменъ знаменитаго Сергіевскаго монастыря, Преподобный Никонъ. Вѣроятно, Василій видѣлъ въ новорожденномъ сынѣ своего наслѣдника, будущаго Князя Кашинскаго, но судьба, какъ увидимъ ниже, распоядилась совсѣмъ иначе.

Черезъ два года, въ 1403 г., Иванъ Михайловичъ вздумалъ тправиться на Кашинъ войною, подъ тѣмъ предлогомъ (какъ общаетъ лѣтопись Тверская), что будто Василій Михайловичъ го, брата старшаго, слушать не сталъ, хотя и не извѣстно, въ емъ именно могло состоять это непослушаніе. Самъ Иванъ впроемъ, изъ похода, по чему-то, вскорѣ вернулся, а отправилъ съ войкомъ сына своего, Александра. Бѣдному Василію Михайловичу ставалось лишь послѣдовать примѣрамъ своихъ предшественниовъ, и убѣжать въ Москву, которая теперь, со смертію Михаила лександровича, стала несравненно смѣлѣе съ Тверью. Василій такъ сдѣлалъ.

Василію Дмитріевичу, Великому Князю Московскому, не столо особеннаго труда примирить братьевъ; но примиреніе это со гороны Ивана было чисто мнимое, по нуждѣ. И вотъ, когда, асилій, черезъ два года, поѣхалъ за чѣмъ-то, предъ Великимъ погомъ, въ Тверь, Иванъ Михайловичъ схватилъ его, вмѣстѣ съ Боями его, заковалъ и засадилъ подъ стражу. Черезъ нѣсколько Всяцевъ, впрочемъ, въ самый Пятокъ Страстной Недѣли, братъ свободилъ. Не извѣстно, что было причиною этого примиренія: говорило ли въ Иванѣ въ дни, посвященные воспоминанію страаній Искупителя, сознаніе несправедливости своего поведенія ъ братомъ, или просто на просто онъ боялся Московскаго Кня; только Князь Тверской на Святой Недѣлѣ отпустилъ брата съ юбовію (!) въ Кашинъ. Однако жь, эта «любовь» продолжалась

всего три мѣсяца, и Василій Михайловичъ долженъ былъ, въ Петрово говѣніе, опять убираться въ Москву, не хотя, какъ замѣчаетъ Никоновская лѣтопись, самъ себя «вдать въ напасть.» Въ удѣлъ его явились изъ Твери намѣстники, и много зла сдѣлали Кашинцамъ продажами и грабежомъ. Послѣ Петрова дня Кашинъ посѣтилъ сынъ Ивана, Александръ, а въ Сентябрѣ и самъ Иванъ Михайловичъ, какъ полноправный Государь всей Тверской земли.

Въ убѣжавшемъ въ Москву Василіѣ, вѣроятно, принялъ участіе Великій Князь Московскій, никогда не упускавшій случая явиться судьею въ Тверскихъ удѣльныхъ распряхъ, и тѣмъ высказать свое политическое главенство надъ Русью. Какъ бы то ни было, только Иванъ Михайловичъ вскорѣ, когда съ нимъ снесся Василій, жившій въ Великокняжеской Московской отчинѣ, Переславлѣ, помирился съ братомъ, и даженоцѣловалъ крестъ на томъ, «чтобы имъ быть въ мирѣ и любви за одинъ,» когда за тѣмъ Москва вступила въ войну съ Литовскимъ Княземъ, Витовтомъ, то Иванъ Михайловичъ, не смотря на старинную дружбу, существовавшую между Тверью и Литвою, долженъ былъ выслать Великому Князю Московскому, Василію Дмитріевичу, большое вспомогательное войско подъ начальствомъ своего сына и братьевъ, Князей Микулинскаго и Василія Кашинскаго.

Въ 1408 г. явился новый притязатель на Кашинъ. У Ивана Михайловича Тверскаго былъ двоюродный братъ, Юрій Всеволодовичъ. Когда Князь Тверской засадилъ Василія Кашинскаго въ оковахъ подъ стражу, Юрій, боясь того же, отъѣхалъ изъ Твери въ Москву, а отуда пробрался и въ Орду. Черезъ три года Иванъ Михайловичъ ѣздилъ въ Орду къ новому Хану, Булатъ-Салтану, и Юрій Всеволодовичъ тамъ предъявилъ свое притязаніе на Тверской столъ (такъ какъ его отецъ, Всеволодъ, былъ старше отца Иванова). Само собою понятно, что въ Ордѣ дѣло выигралъ богатый Князь Тверской. По его отъѣздѣ и Юрій, вѣроятно, далъ отъ себя малую толику Ордынскому Хану и придворной его челяди, и явился въ Москву въ сопровожденіи Ханскаго посла. Самъ онъ остался въ Москвѣ, а посолъ прибылъ въ Тверь и объявилъ Ивану Михайловичу, что Царь далъ Юрію Кашинъ и десять волостей Тверскихъ. [47] Иванъ понималъ хорошо, что Ордѣ нѣтъ особеннго расчета вступаться за Юрія, и оставилъ Царскій приказъ

[47] Лѣтопись Тверская, годъ 6916.

безъ исполненія. Такимъ образомъ Юрій изъ Москвы ушелъ ни съ чѣмъ опять въ Орду.

Въ слѣдующемъ, 1409, году Князь Тверской задумалъ смирить и другого Кашинскаго Князя половинщика, племянника своего, Ивана Борисовича, къ которому онъ прежде нѣсколько благоволилъ. Что было причиною дядина гнѣва, въ лѣтописяхъ не отмѣчено; только Великій Князь Тверской пошелъ на Ивана Борисовича войною, а тотъ убѣжалъ, въ обычное убѣжище всѣхъ младшихъ Князей Тверской земли, въ Москву. Иванъ Михайловичъ, явившись въ Кашинъ, посадилъ въ удѣлѣ племянника своихъ намѣстниковъ, взялъ на себя дань и, взявъ подъ стражу свою сноху (мать бѣжавшаго въ Москву Ивана), отправился назадъ, въ свою Тверь. Съ Василіемъ на этотъ разъ братъ обошелся мирно.

Но миръ и на этотъ разъ длился недолго. Увидѣвъ въ селѣ своемъ, Стражковѣ, во время вечерни, метеоръ, Василій счелъ его какъ бы предвѣстникомъ бѣды. Нелюбіе между нимъ и Иваномъ Михайловичемъ дѣйствительно не замедлило начаться, и въ 1412 г. въ удѣлѣ Василія изъ Твери намѣстникъ. 28 Іюня Князь Кашинскій, Бояре и слуги его были взяты подъ стажу, даже Княгиня была отправлена въ Тверь. На другой день повезли подъ стражей и самаго Василія въ Новый Городокъ. Когда везшіе Князя были уже за Тверью, на переправѣ чрезъ рѣку Тмаку, и сошли съ лошадей, Василій впередъ всѣхъ ускакалъ на своемъ конѣ въ одномъ терликѣ (кафтанѣ безъ кивера), перебрелъ рѣку и свернулъ съ дороги. Доѣхалъ онъ до какого-то села, и тамъ нашелся добрый человѣкъ, который сжалился надъ несчастнымъ бѣглецомъ, принялъ его на свое попеченіе и скрылъ въ лѣсной трущобѣ. Когда опасность отъ поисковъ миновалась, Василій Михайловичъ, со своимъ благодѣтелемъ, добрался и до Москвы Изъ Москвы съ Великимъ Княземъ, Василіемъ Дмитріевичемъ, спасавшимся также отъ Ивана Тверского, который теперь снова вступилъ въ тѣсный союзъ съ Литвою, Василій отправился въ Орду, къ Зелени-Салтану. Этотъ Ханъ еще въ прошломъ году прислалъ въ Тверь за Иваномъ Михайловичемъ грознаго посла. Такимъ образомъ, въ слѣдъ за Князьями, Московскимъ и Кашинскимъ, отправился въ Орду и Тверской. Но во время ихъ пути Зелени-Салтанъ, по выраженію Никоновской лѣтописи, «злый недругъ Твери,» былъ уже убитъ другимъ сыномъ Тохтамыша, Кримбердеемъ, который и заступилъ его мѣсто. Ки-

римбердей, какъ полагаетъ Карамзинъ, [48] по смерти отца жилъ съ другими братьями, въ областяхъ Московскихъ; по этому Василій Дмитріевичъ былъ принятъ имъ ласково, но Ханъ также принялъ ласково и Ивана Михайловича. Василій Дмитріевичъ не видѣлъ особенной выгоды вступаться горячо за дѣло Кашинскаго Князя и безъ нужды вооружать противъ себя Тверь. Такимъ образомъ Василій Михайловичъ и въ Ордѣ не нашелъ себѣ дѣльной защиты и долженъ былъ вернуться, съ Василіемъ Дмитріевичемъ, изъ Орды почти ни съ чѣмъ. Привелъ онъ, правда, за собой изъ Орды Татарскій полкъ, и въ самый Рождественскій сочельникъ, 1413 г., хотѣлъ было пробраться въ свой Кашинъ, но Тверская застава и Князь Иванъ Борисовичъ, вѣроятно, снова получившій свой Заволжскій удѣлъ, его не пропустили. Бѣдный Князь снова отправился въ горѣ въ Орду, все еще надѣясь на какой ни будь счастливый для себя оборотъ дѣла. Но ему пришлось ждать двѣнадцать лѣтъ, пока счастье еще разъ улыбнулось ему, впрочемъ, только на полгода.

И опять сталъ Кашинъ Тверскимъ пригородомъ, управляемымъ намѣстниками. Кашинцы были обязаны нести, какъ и жители другихъ пригородовъ, общія повинности земли Тверской. Такъ, въ томъ же году Тверской Князь ихъ отправлялъ, вмѣстѣ съ Тверичами, для постройки вновь заложенной на Волгѣ города (Вертязина).

Подъ 1424 г. въ Тверской лѣтописи записано, что въ Кашинѣ былъ моръ [49] и голодъ (оковы, т. е., 8 осминъ ржи продавалось по полтинѣ). Этотъ моръ поразилъ не только всю Россію, но онъ опустошалъ и Азію, и Африку, и Европу (черная смерть). Отъ него-то въ слѣдующемъ 1426 году 1 Мая, умеръ и недруг

---

[48] Исторія Госуд. Росс., изданіе 1842 г., т. V, стр. 119.

[49] Кромѣ мора въ этотъ годъ были въ Кашинѣ, конечно, эпидеміи и въ другіе годы, хотя они въ лѣтописи Тверской и не отмѣчены. Карамзинъ перечисляетъ слѣдующіе страшные моры, свирѣпствовавшіе въ цѣлой Россіи, или, по крайней мѣрѣ, во всей Тверской области: въ 1309 г. въ цѣлой Россіи мерли отъ голода въ слѣдствіе истребленія хлѣба мышами; въ 1318 г. была какая-то язва въ Тверской землѣ; въ 1352—1353 гг. по всей Россіи свирѣпствовала черная смерть, съ 1364 г. долго истребляли народъ кровохарканіе и желѣза. Послѣдняя язва возобновлялась въ Сѣверо-западной Россіи въ 1425 г. и въ 1464 годахъ.

ісилія Кашинскаго, Иванъ Михайловичъ Тверской. Умирающія ›имирился наконецъ, и теперь уже, конечно, навсегда съ гони-ымъ братомъ, и «приказалъ» ему снова Кашинъ. [50]

И такъ въ 1426 г., Великимъ Княземъ Тверскимъ сталъ сынъ вана Михайловича, Александръ, а Княземъ Кашинскимъ дядя его, ісилій. Но лишь на короткое время счастье побаловало бѣднаго арика. Александръ Ивановичъ княжилъ пять мѣсяцевъ и умеръ ъ язвы. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Юрій, княжившій всего ѣсколько дней и умершій отъ той же язвы. Послѣ Юрія сталъ ерскимъ Княземъ братъ его, Борисъ Александровичъ. Первымъ ѣломъ Бориса, по занятіи Тверскаго стола, было поймать своего ѣда, Василія Михайловича Кашинскаго, [51] и за тѣмъ этотъ, во ю свою жизнь гонимый, Князь исчезаетъ окончательно со стра-ицъ лѣтописи.

Съ этого времени Кашинъ уже не имѣлъ болѣе своихъ Кня-ей, и подчинялся Тверскимъ до тѣхъ поръ, пока сама Тверь не ошла въ нераздѣльный составъ Московскаго государства. Впро-емъ, какъ замѣчаетъ, въ упомянутой уже нами статьѣ, Г. Костома-овъ, «удѣлы Княжескіе не всегда были единственнымъ условіемъ амобытности города и земли: удѣльное Княженіе исчезало, а значе-іе земли оставалось.» Такъ точно и при зависимости своей отъ Тве-и Кашинъ все таки считался обособленнымъ участкомъ Тверской емли, какъ бы младшимъ братомъ Твери (подобно тому, какъ Ісковъ былъ младшимъ братомъ Новагорода). Эту обособлен-ость высказываетъ ясно, на примѣръ, Великій Князь Московскій Василій Темный, въ своемъ договорѣ съ Княземъ Тверскимъ, Бори-омъ (писанномъ около 1451 г.), упоминая о неизмѣняемости древ-ихъ границъ Тверскихъ и Кашинскихъ земель: «рубежъ Твери и Кашину какъ было при Великомъ Князѣ Михайлѣ Ярославичѣ... Что потягло къ Твери и Кашину.» [52] Даже Великій Князь Москов-

---

[50] См. 4-ю Новгородскую лѣтопись, въ IV т. Полнаго собранія Русскихъ лѣто-писей, годъ ҂ѕ҃ц҃иг. Г. Костомаровъ, конечно, не зналъ этого мѣста Новгород-ской лѣтописи; по тому и сомнѣвается, въ слѣдствіе неяснаго выраженія лѣ-тописи Никоновской, точно ли въ 1425 г., или ранѣе, Василій сталъ опять Княземъ Кашинскимъ. Церковно истор. крит., стр. 488.

[51] См. 1-ю и 2-ю лѣтописи Софійскія, въ V и VI тт. Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей, годъ ҂ѕ҃ц҃лф.

[52] См. Собраніе государственныхъ грамотъ №№ 76 и 77. Впрочемъ, эта неиз-

скій, Иванъ III, послѣ уже покоренія Твери, рядомъ съ именемъ ея упоминаетъ и Кашинъ: «взяли есмя Тверь и Кашинъ и вся Тверская Кашинская мѣста. [53] Когда Великому Князю Московскому, Василію Темному, пришлось, по смерти дяди своего, тоже Великаго Князя Московскаго, Юрія Дмитріевича, въ 1435 г., бороться за Московскій столъ съ сыномъ Юріевымъ, Василіемъ Косымъ, то послѣдній, будучи разбитъ войскомъ Темнаго близъ Ярославля, убѣжалъ въ Кашинъ и тамъ «собрался,» чтобы снова бороться съ Темнымъ. Это выраженіе Никоновской лѣтописи «собрался» показываетъ, что Кашинцы, независимо отъ Твери, дозволили у себя Василію Косому набрать войско и, конечно, вступили въ него и сами. [54] 1478 г. Великій Князь Московскій ходилъ войною, для окончательнаго покоренія, подъ Новгородъ, и въ его ополченіи вмѣстѣ съ Тверичами и Дмитровцами, были также и Кашинцы, тѣ именно изъ нихъ, которые уже «служили Великому Князю Московскому.»

Тверь, какъ извѣстно, 16 Сентября. 1486 г., была взята у преемника и сына Борисова, Михаила, Великимъ Княземъ Московскимъ, Иваномъ III. Иванъ отдалъ ее сначала въ управленіе своему сыну, Князю Ивану, по прозванію Молодому (родился 1458 г., умеръ 1490 г.), а послѣ его смерти вся Тверская земля была записана, въ 1492 г., по Московски, «въ сохи,» въ томъ числѣ и Кашинъ, Бояриномъ Васильемъ Карамышевымъ.

Когда Кашинъ отошелъ уже къ Москвѣ, онъ, съ 1504 г., на тридцать лѣтъ вошелъ въ составъ одного изъ Московскихъ удѣловъ. Иванъ III, не задолго до своей смерти, роздалъ сыновьямъ удѣлы, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы четыре младшіе были въ зависи-

---

мѣняемость рубежа относилась лишь къ землѣ, на которой стоялъ самый городъ, а отъ Заволжскихъ Кашинскихъ владѣній въ 1400 годахъ отошла нѣкоторая часть къ Москвѣ, что видно изъ словъ того же договора: «а которыя земли и воды отошли (къ Москвѣ) отъ Твери и Кашина при Великомъ Князѣ Иванѣ Михайловичѣ, и при Великомъ Князѣ Александрѣ Ивановичѣ и при мнѣ»... (т. е., Великомъ Князѣ Борисѣ).

[53] Тамъ же, №. 125.

[54] Братъ Косого, Князь Устрожскій Шемяка, воюя съ Москвою, по сказаніямъ лѣтописи Тверской, въ 1453 г., въ Сентябрѣ, осаждалъ Кашинъ, и хотя его взять не могъ, за то пожегъ его посады... Въ это время Кашинымъ управлялъ Тверской Намѣстникъ, Бояринъ Иванъ Яковлевичъ Киндырь.

[55] См. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, №№ 137—144 г.

ти отъ старшаго, Василія Московскаго. Одинъ изъ нихъ, Юрій
дился 1480 г.), получилъ въ свой удѣлъ города: Дмитровъ, Ка-
нъ, Звенигородъ, Рузу, Брянскъ, Серпейскъ. [55] Но Юрій дол-
нъ былъ, какъ братъ младшій, «предварительно присягнуть въ
ности» къ своему Господину и брату старѣйшему, Великому
язю, Василію Ивановичу, всея Руссіи. [56] Юрій жилъ обыкно-
но въ Дмитровѣ, но былъ у него свой дворъ и въ Москвѣ,
ади Ивана Святаго, подъ колоколами. [57] Кашинымъ управляли,
именемъ его, намѣстники съ тіунами, а по волостямъ—волосте-
Дѣлать монету, судить за душегубство, и участвовать въ отку-
ъ государственыхъ, Юрій не имѣлъ права. [58]

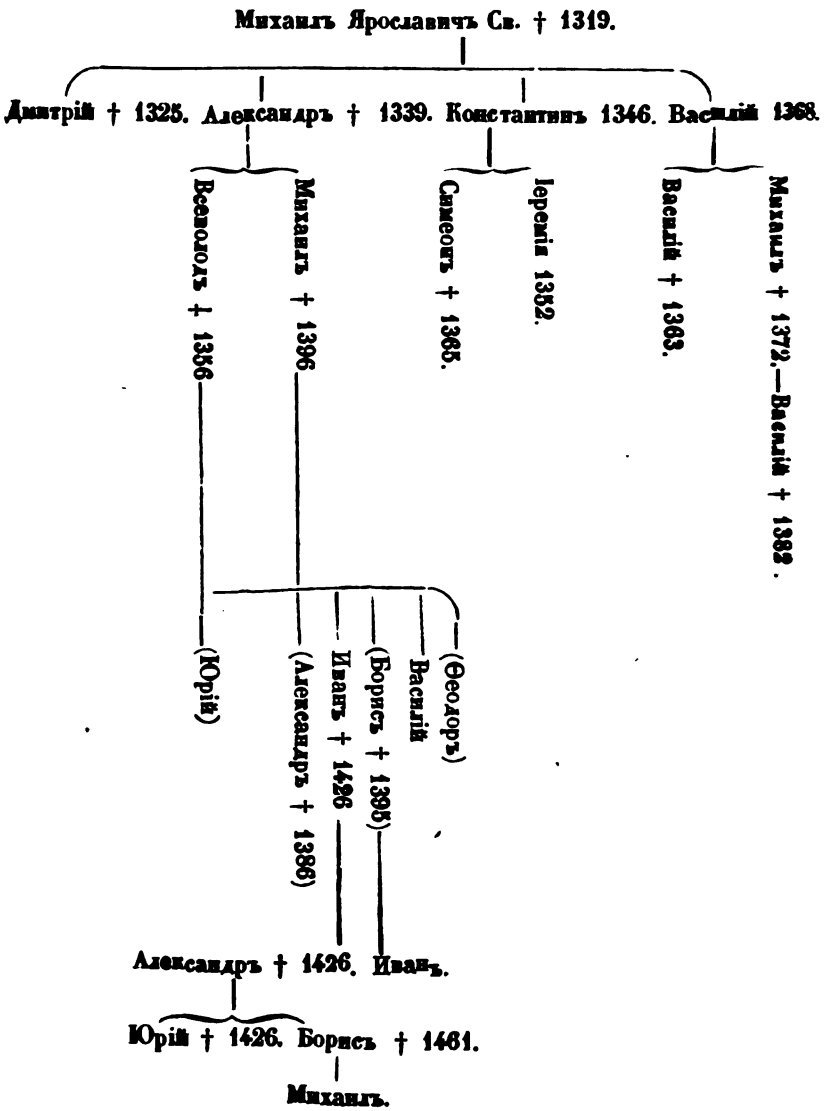
Въ 1533 году, при восшествіи на престолъ матери Грознаго,
ены, Юрій Ивановичъ былъ оговоренъ Княземъ Андреемъ Ива-
емъ Шуйскимъ въ исканіи Московскаго Княжества, и заклю-
ъ, со своими Боярами, въ темницу, гдѣ, черезъ три года, въ 1596
у, и умеръ страдальческою, гладною, нужею. [59]

Съ этихъ поръ Кашинъ окончательно вошелъ въ составъ не-
дѣльнаго Московско-Русскаго Царства, и въ 1591 г., въ царство-
іе Ѳедора Ивановича, пригородъ Кашинъ съ Уѣздомъ является
ль простымъ помѣстьемъ Боярина Ѳедора Ивановича Мстис-
вскаго.

---

[55] Тамъ же, № 133.
[56] Исторія Карамзина т. IX, прим. 15.
[57] См. Акты Археографической Экспедиціи т. I, №№ 148, 149, 152 и другіе.
[58] Собраніе государственныхъ грамотъ т. I, № 144.
[59] Исторія Карамзина т. VIII, прим. 15.
[60] Исторія Карамзина, изданіе 1842 г, т. X, стр. 90.

РОДОСЛОВІЕ КНЯЗЕЙ ТВЕРСКИХЪ И КАШИНСКИХЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ СЕМЪ ОЧЕРКѢ.



Курсивомъ отмѣчены Князья Кашинскіе, скобками—не занимавшіе ни Тверского, ни Кашинскаго, столовъ.

Казань, 1873 г.

А. Д. Иноземцевъ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ

ВЪ

ИМЕРЕТІЮ

СЪ

ЛИНІИ КАВКАЗСКОЙ,

МОЕ ТАМЪ У ЦАРЯ ПРЕБЫВАНІЕ, СЪ НИМЪ СНОШЕНІЕ

И ОБРАТНОЕ ОТТУДА

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ГРУЗІЮ.

СОЧИНЕНІЕ

Д. С. С. АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВИЧА СОКОЛОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Весной 1870 года получилъ я для просмотра, предла-
емое при семъ, «Путешествіе», отъ Николая Петровича
рмолова, роднаго племянника нашего славнаго Алексѣя
етровича Ермолова, котораго «Записки и разныя бума-
, чрезвычайно важныя для отечественнй исторіи, то
е были имъ доставлены мнѣ и напечатаны въ «Чтені-
къ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей
оссійскихъ при Московскомъ Университетѣ» за про-
лые годы (1865—1868). Я нашелъ, что «Путешествіе»
о есть весьма любопытный подлинникъ и цѣнный для
сторіи нашего Закавказья, но кѣмъ составленное, не
казано въ оном. Забирая справки отъ сообщившаго,
налъ отъ него, что «въ Грузіи былъ назначенъ къ
ичтоженію какой-то старый Архивъ; покойный отецъ
ой, говоритъ Н. П. Ермоловъ (Петръ Николаевичъ,
ою родный братъ А. П., то же служившій въ Грузіи
ри немъ), изъ любознательности просилъ дозволенія
смотрѣть: нѣтъ ли въ немъ чего достойнаго сохраненія,
нашелъ эти записки, которыя представилъ А. П., а
ъ подарилъ мнѣ ихъ въ 1859 году. Рукопись состав-
яетъ книгу въ листъ, писанную прямо на бѣло весьма
ердо, но не всегда разборчивой рукой.» Къ этому
рибавлю я отъ себя: бумага ея бѣлая съ золотымъ обрѣ-
омъ; письмо съ полями по половинѣ листа, коегдѣ съ
омарками. Всѣхъ листовъ 364 (полулистовъ или стра-
ицъ), т. е.: въ 1-й части 156, во 2-й (Грузія) 66, въ
-й (Грузія 1802 года) 38, въ 4-й (Записка о возмущеніи
ъ Грузіи 1802 г.) 96, и въ 5-й (Грузія 1803 г.) 8. Къ со-
алѣнію, конца послѣдней части недостаетъ. Рукопись эта
ереплетена самимъ А. П. Ермоловымъ тщательно и до-
ольно красиво. Извѣстно, что нашъ богатырь занимался
а досугѣ и переплетнымъ дѣломъ, такъ что чуть ли не
ольшая часть собственной его библіотеки (поступив-
ей еще при жизни его въ Московскій Университетъ,
ажется въ 1855 г.) переплетена имъ самимъ. Это обстоя-

тельство вызвало извѣстные стихи геніяльнаго вашего поэта А. С. Пушкина объ этомъ его искусствѣ.

Доискиваясь, кому бы это замѣчательное «Путешествіе» принадлежало, кто бы былъ тотъ неустрашимый смѣльчакъ, совершившій такое изумительное путешествіе съ Линіи Кавказской по вершинамъ высочайшихъ снѣжныхъ горъ въ Имеретію, я вспомнилъ, что въ «Журналѣ Посольства въ Персію Генерала А. П. Ермолова 1817 года (см. «Чтенія въ Импер. Обществѣ Истор. и Древн. Росс.» 1863 г. кн. 2, отд. V, стр. 121—184), на стр. 134 и слѣд. упоминается о Совѣтникѣ Посольства Соколовѣ. Не онъ ли, подумалъ я тогда, тѣмъ болѣе, что и подлинная рукопись сего «Путешествія» очутилась у Ермоловыхъ и ими для потомства сохранена. Перебирая въ памяти своей, я вспомнилъ еще о сочиненіи Г-на Н. Дубровина: «Закавказье отъ 1803 до 1806 года» (Спб. 1866), въ которомъ замѣчено, что Императоръ Александръ I-й, внимая просьбамъ Имеретинской Царицы Анны, въ Петербургѣ жившей, отправилъ Коллежскаго Совѣтника Соколова для переговоровъ съ Царемъ Имеретіи объ освобожденіи ея сына, Константина, заключеннаго послѣднимъ въ темницу. Нѣкоторыя свѣдѣнія о сношеніяхъ посланнаго съ Царемъ, совпавшія вполнѣ со свѣдѣніями, содержащимися въ «Путешествіи,» утвердили меня въ мысли, что сочинитель «Путешествія» долженъ быть именно этотъ Соколовъ. Тогда я отнесся, въ началѣ Марта (6-го) прошлаго года къ Г. Директору Азіятскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, П. Н. Стремоухову, прося его приказать навести справки въ Архивѣ сего Департамента, не одно ли и то же Г. Соколовъ, какъ членъ Посольства въ Персію, съ Соколовымъ, отправленнымъ Государемъ въ Имеретію, и если это правда, какія имѣются о немъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ свѣдѣнія? Въ половинѣ Августа того же года я получилъ изъ Департамента Азіятскаго письмо (отъ 25-го Іюля), и при немъ просимыя мною свѣдѣнія, вполнѣ подтвердившія мою догадку. Свѣдѣнія сіи говорятъ слѣдующее:

•Александръ Егоровичъ Соколовъ, сынъ Статскаго Совѣтника, родился въ 1780 году, и 13-го Генваря, 793 г., зачисленъ былъ Капенармусомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Въ этомъ полку онъ прослужилъ до 1-го Генваря, 1796 г., и съ чиномъ Капитана арміи уволенъ былъ изъ военной службы. 31-го Мая того же года онъ опредѣлился въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ, до восшествія на престолъ Павла -го, состоялъ при членѣ этой Коллегіи, Графѣ Безбородкѣ, и потомъ, числясь при Канцлерѣ, Свѣтлѣйшемъ Князѣ Безбородкѣ, находился у исправленія дѣлъ при Тайномъ Совѣтникѣ Обрѣзковѣ, вмѣстѣ съ которымъ участвовалъ въ Высочайшихъ путешествіяхъ въ Москву, Казань и Западныя Губерніи. 28-го Декабря, 1798 г., онъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ посланъ на островъ Мальту, съ назначеннымъ туда Комендантомъ, Генералъ-Маіоромъ Княземъ Волконскимъ, за которымъ и слѣдовалъ, при корпусѣ Россійскихъ войскъ, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Ребиндера, черезъ Галицію, Угрію, Штирію и Ломбардію, до соединенія этого корпуса съ арміей Генералиссимуса, Князя Италійскаго, Графа Суворова-Римникскаго, при чемъ находился въ дѣйствіяхъ этой арміи при Александріи, Тортонѣ и Нови. За тѣмъ слѣдовалъ, за Княземъ Волконскимъ, въ Неаполь. Изъ Неаполя же, съ наступленіемъ 1800 года, на эскадрѣ Адмирала Ушакова, возвратился, черезъ Крымъ, въ Петербургъ, гдѣ, отъ Декабря, 1800 года, до Мая, 1802, находился у исправленія дѣлъ при Вице-Канцлерѣ, Князѣ Куракинѣ, а 28-го Мая, 1802 года, былъ отправленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Грузію и Имеретію, для освобожденія Царевича Константина, сына Царицы Анны Имеретинской, проживавшей въ Петербургѣ, изъ заточенія у Имеретинскаго Царя Соломона, его дяди. Кромѣ того, ему поручено было, секретной инструкціей Вице-Канцлера, разузнать настроеніе духа и отношенія Кавказскихъ народовъ къ Россіи и по возможности стараться привлекать и располагать ихъ къ нашему Правитель-

ству ласковымъ обращеніемъ; наконецъ онъ долженъ былъ еще оказать поддержку новоизбранному, съ согласія народа, Патріярху Армянскому, Даніилу, съ которымъ соперничалъ Давыдъ, утвержденный въ санѣ Патріярха Армянскаго фирманомъ Султана Турецкаго. Въ помощники Соколову данъ былъ Коллежскій Ассесоръ Яковлевъ, родомъ Грузинъ, такъ какъ знаніе этого языка было положительно необходимо для предпринимаемаго путешествія.

8-го Іюля, 1802 года, прибылъ Соколовъ въ предѣлы Царства Имеретинскаго, но до 25-го Іюля не могъ добиться пріема у Царя, который все откладывалъ его подъ разными предлогами. Да и на самомъ пріемѣ, на вопросъ Соколова: «Намѣренъ ли онъ исполнить просьбу Государя относительно Царевича Константина, выраженную въ Высочайшей грамотѣ?» Царь отвѣчалъ уклончиво, и вообще всячески старался протянуть окончательные переговоры объ этомъ дѣлѣ. 27-го Іюля наконецъ Царь призвалъ къ себѣ Соколова, и пояснилъ ему причины его нерѣшительности: «Царевичъ, говорилъ онъ, содержится у него въ качествѣ заложника; онъ былъ оставленъ при дворѣ отцомъ своимъ, Царемъ Давыдомъ, въ знакъ того, что онъ, Давыдъ, не будетъ предпринимать никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Царства Имеретинскаго. Скоро, однако, Давыдъ былъ уличенъ въ измѣнѣ, бѣжалъ въ Ахалцыхъ, и тамъ скончался, а Царевичъ съ тѣхъ поръ и держится въ крѣпости. «Если же я ему дамъ свободу (продолжалъ онъ), то боюсь, чтобы онъ, изъ личной мести ко мнѣ, не причинилъ безпокойства Царству.» Напрасно Соколовъ пытался успокоить его: Царь стоялъ на своемъ.

5-го Августа прибылъ въ Хонцкару, мѣстопребываніе Царя, диванъ (писецъ) Князь Леонидзе, который, посѣтивъ Соколова, отъ имени Царя объяснилъ ему, что «есть еще причина, мѣшающая Царю исполнить просьбу Государя, а именно: война, которую Царь ведетъ съ владѣтельнымъ Княземъ Дадіаномъ, еще не окон-

ена, и если Соломонъ выпуститъ Царевича, то будутъ умать, что онъ сдѣлалъ это по принужденію, но что, акъ только военныя дѣйствія прекратятся, онъ освободитъ Царевича, и или усыновитъ его и сдѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ, или отправитъ его въ Россію.»

10-го Августа наконецъ Соколовъ уѣхалъ изъ Хонцара, не имѣвъ желаннаго успѣха.

Точно также ни чѣмъ не кончилась попытка Соколова при дворѣ Хана Эриванскаго относительно допущенія Патріарха Даніила въ престольный градъ Эчміадзинъ. Ханъ отвѣчалъ ему, что онъ, какъ единовѣрецъ, долженъ повиноваться Султану Турецкому, фирманомъ котораго утвержденъ въ Патріаршествѣ Давыдъ, а не Даніилъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ Соколовъ, Высочайшимъ повелѣніемъ, отозванъ былъ обратно въ Петербургъ, а веденіе начатыхъ имъ дѣлъ поручено было тогдашнему Главнокомандующему въ Грузіи, Князю Циціанову. На возвратномъ пути, въ Тифлисѣ, Соколову поручено было доставить въ Петербургъ двухъ Грузинскихъ Царевичей, Вахтанга Ираклиевича и Давыда Георгіевича, съ Царевной Катеваной Константиновной.

Съ 1804-го находился Соколовъ при Товарищѣ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Князѣ Черторыйскомъ, до кончанія его, въ 1806 г., при чемъ, 1805 г., удостоенъ былъ почетнаго званія Геральда Ордена Св. Екатерины. Въ 1806 онъ былъ произведенъ въ Статскіе Совѣтники и прикомандированъ, по Высочайшему Указу, къ Главнокомандующему арміей нашей въ Молдавіи и Валахіи, Генералу отъ Кавалеріи Михельсону, для занятій по дипломатической части, гдѣ оставался до 1808 года. Въ 1809, по Высочайшему Указу, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, исправлялъ должность Оберъ-Секретаря Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1812 году вторично исправлялъ эту должность въ продолженіи одного мѣсяца, наконецъ, въ 1816 году былъ утвержденъ въ этомъ званіи, но носилъ его только съ Генваря до Іюня. Въ

Іюнѣ же онъ былъ назначенъ Совѣтникомъ Миссіи въ Персіи. Чрезвычайнымъ и полномочнымъ Посломъ этой Миссіи былъ назначенъ Генералъ-Лейтенантъ Ермоловъ, Совѣтниками же: Дѣйствительные Статскіе Совѣтники Соколовъ и Негри.

При отправленіи Соколова въ Персію Государю Императору благоугодно было всемилостивѣйше пожаловать семейству его, состоявшему изъ жены и 3-хъ малолѣтнихъ дѣтей, ежегодное пособіе въ 2 тысячи рублей серебромъ, не въ зачетъ того жалованья, которое Соколовъ долженъ былъ получать въ Персіи.

Въ бытность свою при Посольствѣ, въ 1816 и 1817 годахъ, Соколовъ велъ довольно подробный журналъ, въ которомъ описалъ путешествіе Миссіи къ мѣсту ея назначенія, пребываніе и дѣйствія ея въ Тегеранѣ. Журналъ этотъ представленъ былъ Генераломъ Ермоловымъ Графу Нессельроде, тогдашнему Министру Иностранныхъ Дѣлъ, и нынѣ хранится въ Государственномъ Архивѣ.*

Этотъ полезный, тродолюбивый и ревностный чиновникъ кончилъ жизнь самоубійствомъ: онъ застрѣлился 4-го Мая, 1819 года. Причины, побудившія его къ этому, не извѣстны.»

Что сказать къ этому? Такъ-то у насъ нерѣдко гибнутъ самые замѣчательные люди, характеры стойкіе, неустрашимые ни передъ какими трудностями, пламенно ревностные къ благу и славѣ отечества, передающіе при томъ въ поученіе скромно, просто, безхитростно свои дѣла въ запискахъ, къ крайнему сожалѣнію, не всегда полностію доходящихъ къ потомству.

О. Бодянскій.

---

* Есть ли это что отличное отъ журнала Посольства А. П. Ермолова въ Персію, напечатаннаго мною въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1863 г., кн. 2 ?

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ ВЪ ИМЕРЕТІЮ

СЪ

ЛИНІИ КАВКАЗСКОЙ, МОЕ ТАМЪ У ЦАРЯ ПРЕБЫ-ЗАНІЕ, СЪ НИМЪ СНОШЕНІЕ И ОБРАТНОЕ ОТТУДА ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ГРУЗІЮ.

Цѣль сего моего начертанія не иная, какъ токмо та, чтобы составить полную и подробную историческую записку моего путешествія чрезъ мѣста, едва ли обстоятельно извѣстныя, и всего въ путешествіи семъ со мною случившагося, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ топографическихъ и статистическихъ замѣчаній, которыя мнѣ и время и обстоятельства сдѣлать позволили.

По чему и начинаю я записку сію со дня моего прибытія на Линію Кавказскую, въ Георгіевскъ.

Пріѣхавъ туда Іюня 23-го и нашедъ уже тамъ Главнокомандующаго, Г. Генералъ-Лейтенанта Кнорринга, изъ Грузіи, по открытіи тамъ новаго правленія возвратившагося, явился я у Его Превосходительства для врученія депешъ, до экспедиціи, Высочайше на меня возложенной, относившихся, по которымъ долженъ я былъ требовать отъ сего начальника тѣхъ вспомоществованій, которыя, для безопасности путешествія по ущельямъ горъ Кавказскихъ, по его благоразсмотрѣнію, мнѣ были нужны.

Въ ту же минуту Главнокомандующій приказалъ отправить нарочнаго въ Моздокъ съ повелѣніемъ, чтобы живущій тамъ нѣкто Ильинъ, Капитанъ Горной Казачей Команды, по его мнѣнію 24-го назначилъ проводника и явился въ Георгіевскъ. По чему и долженъ я былъ оставаться въ Георгіевскѣ на нѣсколько дней для ожиданія прибытія Ильина. Бывъ весьма обласканъ лично Главнокомандующимъ и его семействомъ, я не счелъ уже за нужное распространять мое знакомство съ другими особами начальствъ

---

* 18-го Генваря, 1801 г. О. Б.

разныхъ званій, тѣмъ паче, что, по краткости времени моего въ Георгіевскѣ пребыванія, я въ томъ порядочно бы и не успѣлъ.

Занимавшись часто съ Главнокомандующимъ разговорами о новоприобрѣтенномъ Царствѣ Грузинскомъ, я тщательнѣйшее вниманіе обращалъ на все, что отъ него слышалъ, дабы почерпнуть изъ устъ его предварительное понятіе о сей области и о всемъ оной существованіи, особенно же въ отношеніи къ управленію оной новымъ Россійскимъ начальствомъ и къ взаимнымъ оной сношеніямъ съ сосѣдственными владѣльцами Азіи.

Главнокомандующій меня занималъ всегда пространно о своемъ путешествіи по Грузіи, о расположеніи въ оной войскъ, для преграды отъ хищниковъ, Грузію разорять привыкшихъ, и о трепетѣ, поселенномъ въ сосѣдяхъ, которые всѣ уже начали ознаменовывать искательство Высочайшаго покровительства Двора Россійскаго.

При всякомъ же случаѣ Главнокомандующій мнѣ изъявлялъ сомнѣніе свое въ томъ, что едва ли будетъ мнѣ возможность путешествовать въ Имеретію черезъ Грузію, въ разсужденіи того, что рѣка Терекъ, по ущелью горъ, черезъ кои ведетъ дорога въ Грузію, текущая, уже выступила изъ предѣловъ своихъ отъ растаевающихъ снѣговъ, и мосты разрушила.

Въ верстахъ въ 25 отъ Георгіевска разстояніемъ находятся, близь крѣпости Константиногорской, кислыя теплыя воды, изъ горъ истекающія, а далѣе въ Нагайскія кочевья еще верстъ за 30 таковыя же студеныя, начинающія славиться пользою и лѣченіемъ отъ разныхъ недуговъ. Любопытство хотя и завело было меня въ Бештовъ, мѣсто теплыя воды въ себѣ заключающее, но нашедъ тамъ знакомыхъ, изъ Москвы пріѣхавшихъ, и внявши, что въ короткое время я бы не успѣлъ всего обозрѣть, пробывъ тамъ одинъ день, я возвратился паки въ Георгіевскъ, гдѣ нашелъ уже и Капитана Ильина, изъ Моздока прибывшаго.

Сей человѣкъ, многажды на вѣку своемъ путешествовавшій по всей цѣпи горъ Кавказскихъ, рекомендованъ мнѣ былъ надежнѣйшимъ проводникомъ въ неизвѣстномъ мнѣ пути. Поелику онъ не предвидѣлъ возможности къ слѣдованію въ Имеретію черезъ Грузію по выше писаннымъ причинамъ, то предлагалъ мнѣ другую дорогу, прямо въ Имеретію ведущую, вершинами снѣговыхъ горъ, предваривъ, однако же, меня, чтобы я самъ съ собою посовѣтовался, буду ли я въ состояніи перенести всѣ трудности

его пути, въ разсужденіи того, что, по его увѣренію, надобно удетъ проходить пѣшкомъ верстъ 40 снѣгами и льдами.

Обязанъ будучи природѣ, безстрашіемъ меня наградившей, я редоставилъ Ильину избраніе дороги, съ какими бы трудностя- и сопряжена она ни была, изъявивъ ему свое желаніе, какъ най- корѣе въ путь отправиться.

Получивъ отъ Главнокомандующаго, нужныя къ воинскому ь Моздокѣ начальству, предписанія о снабженіи меня конвоемъ ія безопасности въ горахъ, наполненныхъ хищниками, поѣхалъ изъ Георгіевска 28-го Іюня съ разсвѣтомъ въ Моздокъ, куда остигъ того же числа по полудни и куда впередъ себя же я от- равилъ Ильина.

Случай благопріятствовалъ Ильину встрѣтить въ Моздокѣ гаршихъ двухъ братьевъ Осетинскихъ селеній Кубатіевыхъ, тѣхъ мыхъ, чрезъ которыя путешествіе мое онъ располагалъ, кои мъ находились для покупки пшеницы. Отобравъ отъ нихъ со- ашеніе быть моими проводниками, до самыхъ подошвъ снѣго- ыхъ горъ въ Имеретію граничущихъ, представилъ онъ о томъ оменданту, который, имъ сдѣлавъ пространное толкованіе о услу- ѣ, каковую они тѣмъ окажутъ предъ главнымъ начальствомъ, обралъ отъ нихъ увѣреніе, что они безопасно меня проводятъ въ самую Имеретію, чрезъ всѣ селенія хищниковъ, въ горахъ битающихъ, которые всѣ съ сими Кубатіевыми въ связяхъ по дству.

Въ Моздокѣ я нашелъ Грузинскаго Князя Ратіева, пріѣхав- аго изъ С.-Петербурга съ прочими изъ свиты Царевичей, въ оте- ство отпущенными, который тамъ находился въ ожиданіи ока- и ѣхать въ Грузію.

На канунѣ моего изъ Моздока отъѣзда Комендантъ мнѣ пред- жилъ взять съ собою Князя сего товарищемъ, съ тѣмъ, чтобы ъ изъ Имеретіи могъ ѣхать въ Грузію. Я же предложеніе сіе все отвергнулъ, сказавъ Коменданту, что и мой и Князя Ратіе- а поступокъ будетъ несообразный съ Высочайшею волею, по му что противно порядку, чтобы Грузинцы, изъ Россіи въ оте- ство увольняемые, ѣхали въ оное предѣлами сосѣдственной об- сти тогда, когда есть и прямая изъ Россіи въ Грузію дорога. тыи же, по тогдашнему времени, оною слѣдовать возможности было, то, по моему мнѣнію, единственное Князю Ратіеву къ тому тавалось средство ожидать въ Моздокѣ, доколѣ путь откроется.

А между тѣмъ, до сдѣланнаго еще мнѣ Комендантомъ предложенія, я уже былъ предваренъ К. А. Яковлевымъ о томъ, что Князь Ратіевъ располагалъ употребить въ пользу свою случай моего путешествія, и что въ Моздокѣ всѣмъ почти извѣстно о предметѣ онаго. Весьма меня то удивило, а еще болѣе, когда я вспомнилъ примѣчаніе, Главнокомандующимъ мнѣ сдѣланное, чтобы хранить тайну о моей миссіи, дабы какимъ ни будь образомъ въ Имеретію о томъ не дошло прежде моего туда прибытія.

По порученію, отъ меня данному К. А. Яковлеву, развѣдать, какимъ путемъ о томъ разгласилось, онъ мнѣ донесъ, что Казанскаго мушкатерскаго полку Попъ Алексѣй, ѣхавшій изъ Георгіевска чрезъ Моздокъ въ Науръ, о томъ слухъ распустилъ.

Въ бытность мою въ Георгіевскѣ, между многимъ, Главнокомандующій мнѣ показывалъ письма, отъ Царевича Ивана въ Грузію адресованныя и въ Моздокѣ перехваченныя, и при семъ случаѣ мнѣ рекомендовалъ Попа Алексѣя, употребляемаго имъ для переводовъ бумагъ Грузинскихъ, отзываясь о немъ, какъ о усерднѣйшемъ и вѣрнѣйшемъ человѣкѣ. Я только и видѣлъ сего Попа Алексѣя; ибо онъ на другой же день моего въ Георгіевскѣ пребыванія отпросился, для свиданія яко бы съ родственниками въ Кизляръ, и туда поѣхалъ.

Я же долженъ былъ опасаться интригъ и изъ самаго Петербурга; ибо, до отъѣзда еще моего оттуда, К. А. Яковлевъ мнѣ неоднократно сказывалъ, что Царевичъ Иванъ ему часто говорилъ, что мы напрасно въ Имеретію ѣдемъ, и что возвратимся съ пустыми руками.

По чему, взявъ все сіе въ соображеніе, я не могъ не возыметь подозрѣнія на Попа Алексѣя, чтобы онъ не былъ соучастникомъ въ интригахъ, для поданія, чрезъ Грузію, предварительныхъ извѣстій въ Имеретію, о моемъ туда слѣдованіи, и рѣшился о всемъ томъ написать Главнокомандующему.

Комендантъ же, убѣжденный моимъ представленіемъ, оставилъ Князя Ратіева въ Моздокѣ.

По полученіи мною увѣдомленія отъ Коменданта о готовности конвоя, изъ 90 Донскихъ и 10 Горскихъ Казаковъ состоявшаго, въ Екатериноградѣ меня ожидавшаго, отправился я изъ Моздока рано по утру, 30 Іюня, въ Екатериноградъ, откуда, по переночеваніи, я, въ слѣдующій день съ разсвѣтомъ, пустился далѣе.

Переправясь надъ самымъ Екатериноградомъ чрезъ весьма быструю рѣку Малку, въ Терекъ впадающую, съ потерянiемъ ток-

по одной лошади Казачьей, быстротою унесенной, слѣдовали мы равниною и, доѣхавъ до рѣки Кара Терекъ, расположились у оной, для отдохновенія и для корму лошадей.

Отдохнувъ на семъ мѣстѣ часа съ 2, слѣдовали мы далѣе по весьма плодоносной степи, множествомъ цвѣтовъ испещренной и кущами дубовыми украшенной; переправясь въ бродъ чрезъ мелкія рѣки Думанука, Аргуданъ, въ двухъ мѣстахъ черезъ черную рѣчку Лепенъ и Шенеръ, впадающія въ Терекъ, достигли мы одной небольшой рощи, на рѣчкѣ Урухъ, въ которой мы расположились ночевать на лугу подъ открытымъ небомъ.

Въ слѣдующій день, Іюля 2, продолжали мы нашъ путь къ, такъ называемымъ, Чернымъ Горамъ. Отъѣхавши версты 3 отъ ночлега, должны мы были переправляться въ бродъ черезъ множество рукавовъ разлившагося Уруха на подобіе Піемонтскаго Тальямсна, съ подверженіемъ себя немалой опасности отъ черезмѣрной быстроты сего разлива по каменистымъ рвамъ, такъ что до 40 Казаковъ, раздѣвшись и вошедши въ воду, помогали мнѣ и со мною находившимся переправляться верхомъ черезъ сіи быстрые рукава.

Употребивъ часа съ два на сію многотрудную переправу, поднялись мы на горку, а съ вершины оной продолжали путь по прямой равнинѣ съ множествомъ холмиковъ до Черкескаго селенія Коголькова, на рѣчкѣ Чаголѣ, вокругъ коего мы занимались разсматриваніемъ многихъ столбовъ изъ камня изсѣченныхъ, съ надписями на Татарскомъ языкѣ, о коихъ старшіе Кубатіевы намъ сказывали, что оные изображаютъ надгробіе славившихся Князей Большой Кабарды, на тѣхъ мѣстахъ погребенныхъ. Оставляя въ правой рукѣ селеніе Коголькова, не останавливаясь мы продолжали путешествіе горами весьма пологими и мѣстами густымъ лѣсомъ, по большей части дубовымъ, до Черкескаго селенія Тугинова, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ котораго, на рѣчкѣ Бжижіоко, мы расположились въ небольшой рощицѣ на лужку для отдохновенія.

Укрѣпившись нѣсколько пищею, продолжали мы наше путешествіе равниною до перваго Осетинскаго селенія, Кубатіева, управляемаго старшинами сего названія, меня провожавшими, лежащаго на высокомъ мѣстѣ, по рѣчкѣ Псыхужъ, у подошвы Черныхъ Горъ.

Прибывши въ сіе селеніе, были мы приняты старшинами онаго, Кубатіевыми, весьма ласково и расположились на ночлегъ въ

его домѣ, для насъ очищенномъ и Осетинскими коврами, изъ соломы плетенными, убранномъ.

Въ вечеру хозяинъ дома, старшій братъ Кубатіевъ, Омаръ-Ханъ, сдѣлалъ намъ угощеніе по обряду Горцовъ: онъ принесъ самъ ко мнѣ огромное блюдо деревянное, наполненное хорошо разваренными частями баранины, а по краямъ онаго трехъугольниками нарѣзаннымъ Осетинскимъ хлѣбомъ съ овечьимъ сыромъ печенымъ, которое предъ меня поставилъ на небольшомъ деревянномъ треножникѣ.

На другой день, хотя мы встали и весьма рано, но выѣхали не прежде полудня, долженствовавъ склониться на представленіе хозяина нашего, который, извиняясь тѣмъ, что, по случаю давняго изъ дому отсутствія, долженъ былъ заняться домашними дѣлами, не оставилъ намъ, съ откровенностію, соотчичамъ его свойственною, примѣтить, что не онъ у насъ, но что мы у него въ гостяхъ.

По его же представленію о трудности предстоящаго намъ пути, чрезъ дремучія лѣса и ущелья горъ, долженъ я былъ отпустить отъ себя охранявшій меня конвой, оставивъ, однако же, при себѣ 10 Донскихъ и 10 Горскихъ Казаковъ, достаточно вооруженныхъ.

Предъ выѣздомъ изъ селенія мы хозяину, насъ угощавшему въ домѣ своемъ, должны были изъявить за то свою признательность, по чему я и послалъ къ нему нѣсколько серебряныхъ рублей и нѣсколько золотыхъ и серебрянныхъ цѣвокъ супругѣ, чѣмъ они были весьма довольны.

Наконецъ около полудни старшины Кубатіевы, явившись ко мнѣ, изъявили свою готовность къ походу, по чему, не медля ни минуты, я и отправился.

Проѣхавши верстъ 25 пріятными долинами и негустымъ лѣсомъ, будучи при томъ немало обезпокоеваемы множествомъ комаровъ и слѣпней, и достигнувши вершины одной горы, мы на оной расположились ночевать.

Въ слѣдующій день, Іюля 4-го, предстоялъ намъ походъ весьма трудный. Поднявшись съ разсвѣтомъ, отправились въ путь, начавши спускаться весьма крутою тропинкою по хребту горы въ ущелье Черныхъ Горъ, ужасныхъ какъ стремнинами, такъ и лѣсомъ, который на оныхъ разросся ярусами отъ подошвы до вершины, что представляетъ зрителю, въ первый разъ на то взирающему, картину удивленія и ужаса.

Проходя дремучими лѣсами весьма трудною дорогою, безпрестанно поднимаясь и опускаясь по склизкимъ и грязнымъ пригоркамъ, едва проходимымъ отъ множества свалившагося лѣса, поднялись мы на превысокую гору, пріятнымъ скатомъ зелени и цвѣтовъ украшенную.

Достигнувши вершины оной, должны мы были спѣшиться и снять вьюки съ лошадей, по тому что на самой вершинѣ надобно намъ было пролѣзать щелью въ камнѣ, сдѣланною съ помощію урoха, которая носитъ имя Стодугорской (или Дюгорской) заставы.

Лишь только мы перелѣзли сію щель, какъ объяты были необычайнымъ шумомъ отъ стремящейся рѣки Уруха по ущелью каменныхъ горъ и съ ужасомъ увидѣвши себя на вершинѣ горы, на подобіе стѣны оканчивающейся къ подошвѣ и къ самому Уруху.

Съ величайшею трудностію должны мы были спуститься по утесу сему тропинкою, по каменьямъ зигзагами проложенною, находясь ежеминутно въ опасности, чтобы съ сего утеса не сваліться въ Урухъ отъ сыпавшейся подъ ногами земли глинястой съ множествомъ камешковъ, употребивъ на сей спускъ ококо 3-хъ часовъ, и, сошедъ съ сей ужасной лѣстницы, достигли мы небольшой каменистой равнины, подъ Осетинскимъ селеніемъ Нары, на горѣ нѣсколько ниже вершины на оной построеннаго, на которой, отдохнувъ съ часъ подъ огромнымъ камнемъ, нѣкогда отъ горъ оторвавшимся, продолжали мы нашъ путь. Отъѣхавши версты съ двѣ, увидѣли мы башню, на подобіе воротъ сдѣланную, между двухъ мостовъ построенную, чрезъ которые намъ надобно было переходить. Въ семъ мѣстѣ рѣка Урухъ соединяется изъ двухъ рукавовъ въ одинъ.

Перешедъ сіи зыблющіеся мосты, мы поднялись на высокую гору, оставивъ въ лѣвой рукѣ за рѣкою Урухомъ на вершинѣ горы Осетинское селеніе Нары.

Пробираясь по весьма узкой тропинкѣ, извилинами по утесу горъ, имѣя въ право превысокую каменную скалу, мѣстами лѣсомъ обросшую, а въ лѣво стремнину саженъ на 60 глубиною, въ которой по каменьямъ весьма быстро и съ великимъ шумомъ течетъ Урухъ, достигли мы, часовъ въ 6 вечера, до Осетинскаго селенія Кантемира, у самыхъ подошвъ снѣговыхъ горъ лежащаго на высотѣ.

Приближавшись къ сему селенію, встрѣчены мы были жи-
телями онаго, какъ непріятели; они, усмотрѣвъ насъ изъ далеч
съ башень своихъ, по вершинамъ горъ для осмотровъ построен-
ныхъ, и заключивъ по вооруженнымъ Казакамъ, меня конвоеви-
шимъ, о насъ, какъ о непріятеляхъ, собрались всѣ вооруженны
къ воротамъ селенія, для отраженія насъ, и находились къ тому
во всей готовности, когда мы къ оному подъѣхали.

Старшины Осетинскіе Кубатіевы, хотя и считаются въ ро-
ствѣ съ Кантемирами, однако же изъ убѣжденія не имѣли ни
сими для насъ удачи, доколѣ самъ старшина Алій Кантемиръ
выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и не увидѣлъ Капитана Ильи
котораго Алій назвалъ Мегметомъ, спрашивалъ о предметѣ наше-
го пріѣзда, и коль скоро онъ ему о томъ истолковалъ, то сей
сдѣлавъ знакъ вооруженнымъ поселянцамъ, чтобы они удалились
насъ пригласилъ къ слѣдованію за собою въ селеніе.

Главная же причина сей дурной встрѣчи, сими хищника-
намъ сдѣланной, была та, что они вознегодовали на Кубатіевы
для чего они насъ прямо къ нимъ привели, не давъ имъ пред
рительно о томъ знать, для заключенія съ ними договора о
накѣ или платѣ, должной за пропускъ насъ черезъ селеніе
помянутые мосты чрезъ Урухъ, подозрѣвавъ ихъ, что они, в
ши съ насъ деньги, не хотѣли, можетъ быть, съ ними подѣлить

Не находя пріятности остановиться въ какой либо избѣ,
просили Алія о показаніи намъ какого ни будь лужечка, ко
рый бы былъ не отдаленъ отъ воды, и на которомъ лошади
ши также бы могли имѣть кормъ, что онъ исполнилъ, указа
намъ пріятную рощицу, въ верстахъ въ 2-хъ за селеніемъ, у с
мой подошвы снѣговой горы, на которой мы и расположили
по Цыгански.

Того же вечера Алій Кантемиръ, пріѣхавъ меня посѣтить,
слалъ ко мнѣ послѣ живого ягненка и Осетинскаго пива. Нар
же, кромѣ женщинъ, старый и малый, около насъ толпился,
зывая ко всему удивленіе, какъ дикіе, а мы должны были
блюдать величайшую осторожность, чтобы они насъ не обокра
по врожденной склонности, и особенному ихъ къ тому искус
По чему, когда зачало гораздо уже темнѣть, то мы, разложивъ
лагерѣ нашемъ, мѣстахъ въ десяти, огонь, разставили караул
имъ посовѣтовали ити въ свои жилища; ибо они сами не хот
догадываться.

По утру слѣдующаго дня, 5-го Іюля, отпустилъ я обра

0 Донскихъ и 6 Горскихъ Казаковъ, со всѣми лошадьми, давъ мъ надежнаго проводника изъ жителей Кантемирскихъ, и оставивъ при себѣ только четырехъ Горскихъ Казаковъ, знающихъ сетинскій и Татарскій языкъ.

Я весьма сомнѣвался, чтобы отпущенные мною Казаки сорали всѣхъ своихъ лошадей, въ разсужденіи того, что оныя, збившись на утесистой каменистой горѣ, когда съ оной спукались отъ, такъ называемыхъ, Дигорскихъ воротъ, едва могли дойи до сего мѣста. И дѣйствительно, въ послѣдствіи, увидѣвшись ь Офицеромъ сей команды въ Грузіи, я отъ него узналъ, что хотя нѣ дошли благополучно до Екатериноградa, но послѣ большая сть изъ нихъ подохли. Хотя я располагалъ того же дня выупить въ походъ на Снѣговыя горы, однако же долженъ былъ есь день напрасно потерять и въ сей же рощицѣ еще ночевать) той причинѣ, что старшина Али Кантемиръ, обѣщавъ провоать меня чрезъ Снѣговыя горы до перваго селенія Имеретинска), собралъ людей, долженствовавшихъ насъ провожать и нести юки съ пожитками нашими, и заниматься торгомъ съ другими аршинами того же селенія, по обыкновенію ихъ о дѣлежѣ кука.

Между тѣмъ Али въ сей день неоднократно приходилъ ко нѣ для испытанія, не отдамъ ли я ему денегъ впередъ, на что однако же, ни какъ не соглашался, бывъ уже предувѣдомленъ ненасытности сихъ народовъ и о привычкѣ дѣлать притѣснея путешественникамъ, выпрашивая, даже и съ угрозами, болѣе болѣе денегъ, если не возьмемъ предосторожности, не давать имъ чего впередъ.

Разсудивъ послать кого ни будь впередъ себя въ первое селіе Имеретинское, дабы въ ономъ изготовить какое ни будь для съ пристанище и, есть ли можно, выслать къ намъ лошадей встрѣчу, когда мы спустимся съ снѣговыхъ горъ, я сдѣлалъ томъ предложеніе Алію, который въ ту же минуту оное исполъ, отправивъ отъ себя Осетинца.

Хотя въ назначенный день къ нашему походу, по сказанію ія, Іюля 6-го, мы и встали съ разсвѣтомъ, надѣясь тотчасъ путь отправиться, однако же Алій, коего мы въ ту же минуту слали къ себѣ звать, къ намъ не являлся до 8 часу, извиняясь ъ, что занимался распоряженіемъ домашнихъ дѣлъ; но и по ибытіи его потеряли мы еще часа съ 2; ибо люди, которыхъ ъ съ собою привелъ для насъ проводниками и для ношенія

вьюковъ, подняли между собою превеликой шумъ, коему причиною былъ братъ Аліевъ, также старшина, настаивавшій, чтобы и его люди были участниками въ провожаніи насъ, а не одни тѣ Аліевы, въ томъ опасеніи, чтобы сей послѣдній ихъ не обманул показаніемъ меньшей суммы, для раздѣла между старшинами, и жели каковую отъ насъ получитъ въ заплату за труды, или кунакъ.

Наконецъ на силу споръ ихъ прекратился и народъ прин ся за вьюки.

Часовъ около 9 выступили мы въ походъ въ престранны нарядяхъ. Одежда наша состояла изъ короткихъ Черкески кафтановъ; на головѣ у насъ были Осетинскія круглыя шапоч на ногахъ родъ башмаковъ, весьма нефигурно сшитыхъ изъ бар ней кожи, на подобіе чулочныхъ носковъ, у коихъ подошва с лана на подобіе сѣтки изъ тонкаго ремешка, чтобы, ходя по сн не поскользнуться; а въ рукахъ у каждаго по надежной дубин для подпоры.

Оставивши нашу рощицу, надобно намъ было два раза пер правиться въ бродъ чрезъ Урухъ, быстро стремящійся. Стр ность сей переправы заслуживаетъ краткаго оной здѣсь описан

Нѣсколько Осетинцевъ, раздѣвшись до нага, стали въ р держась одинъ за другого отъ берега до берега, а потомъ одн также до нага раздѣвшійся, взявъ меня къ себѣ на плечи, пошел одной рукой подпираясь на дубинку, а другую передавая ст щимъ въ водѣ; и такимъ образомъ меня и другихъ со мною б шихъ переправили.

Мы долго смѣялись тому, что Капитана Ильина, весьма т наго человѣка, ни кто изъ Осетинцевъ не бралъ нести на се но напослѣдокъ согласились двое взять его на себя, и так образомъ перетащили его.

Переправясь такимъ образомъ, начали мы подыматься на го по весьма каменистой тропинкѣ. Безпрестанно шагая чрезъ к нья и пробираясь черезъ кусты, отъ коихъ и лица и руки на много терпѣли и безобразились, и достигнувъ до пространн луга, цвѣтами испещреннаго, мы на оном отдохнули у каска натурою произведеннаго стремленіемъ воды изъ многихъ ист никовъ, въ одинъ пунктъ на семъ мѣстѣ собравшихся съ ка перкендикулярно въ горѣ стоящаго, довольно высокаго; пот продолжали ити симъ пологимъ лугомъ до того мѣста, г

нѣга, и дошедъ, часу въ 4-мъ по полудни, до каменной лачужки, онаго складенной, должны мы были, по предложенію Алія, тутъ очевать. Не находя къ тому удобною сію лачужку, по ея тѣснотѣ нечистотѣ, я предпочелъ ночевать на открытомъ воздухѣ, тѣмъ олѣе, что погода была прекрасная, хотя было, и довольно прохадно, избравъ къ тому мѣсто у огромнаго камня, по видимому, ь вершины превысокой горы сорвавшагося нѣкогда.

Укрѣпившись пищею, оставались мы въ ожиданіи ночи. Стало ке смеркаться, какъ Осетинцы, насъ провожавшіе, до того вема спокойно пребывавшіе, начали шумѣть между собою. Будучи ики возбуждены братомъ Алія къ сомнѣнію, что мы имъ не платимъ за труды по окончаніи похода, пришли они къ намъ ебовать оныхъ впередъ, въ чемъ я, однако же, на чисто отказалъ, ылаясь на согласіе ихъ самихъ, чрезъ Алія мнѣ изъясненное, олучить плату не прежде, какъ когда они со мною дос тигнутъ перваго Имеретинскаго селенія. Не довольствуясь симъ моимъ вѣтомъ, они отъ насъ пошли къ своей кучѣ и, вскорѣ назадъ звратившись, намъ объявили, что они намѣрены возвратиться свое жилище. Не показывая ни малѣйшаго вида безпокойства имъ пожелалъ счастливаго пути, но внутренно безпокоясь, что-а дѣйствительно сіи дикари не оставили насъ однихъ на столь выгодномъ мѣстѣ, призвалъ я Алія, и его спрашивалъ о при инѣ сего ихъ поступка. Онъ мнѣ съ сердцемъ отвѣчалъ, чтобы не безпокоился; что его братъ, отъ единой къ нему недовѣрчиво-и, ихъ возмущаетъ, и что если они уйдутъ, то онъ найдетъ пособъ меня благополучно до мѣста проводить. Видѣвши его ердость, я рѣшился ни на что не склоняться и спокойно ожи-ть окончанія сцены.

Бунтовщики сіи дѣйствительно начали удаляться, но чрезъ сколько минутъ прислали одного изъ кучи своей къ старши-мъ Кубатіевымъ, съ требованіемъ въ залогъ его оружія, для ростовѣренія, что ихъ труды не пропадутъ, на что Кубатіевы въ затрудненія сославшись, и съ симъ же посланникомъ от-авили оное къ зачинщику безпокойства, брату Аліеву, кото-ій съ онымъ отправясь домой, отпустилъ къ намъ народъ. Не-осный шумъ сихъ дикарей, болѣе 2-хъ часовъ продолжавшійся, екратившись такимъ образомъ, успокоилъ насъ совершенно. акъ ужь становилось поздно, то мы начинали помышлять о снѣ. зославъ на травѣ бурки и войлоки и поставивъ на часы одного зака, болѣе для того, чтобы не потухалъ нашъ огонь, мы спок

полегли, имѣя кровомъ ясное небо и восходящую луну, ни мало не предвѣщавшихъ того, что съ нами случилось.

Хотя и казалось бы, что, послѣ усталости отъ труднаго похода, въ тотъ день понесеннаго, должно бы было насладиться крѣпкимъ сномъ, однако же ни я, ни мой товарищь, Яковлевъ, мы не могли заснуть, кромѣ Ильина, который намъ подавалъ повод ему въ семъ случаѣ завидовать. Часовъ около 10, примѣтив густое облако изъ за вершины горъ несшееся, я сказалъ о том Яковлеву съ примѣчаніемъ, сколь непріятно намъ будетъ, если пойдетъ дождь: не прошло часа, какъ то сбылось. Пошелъ снач небольшой, но вскорѣ усилился, и вода стала уже подходить по бурки, на коихъ мы лежали. Принуждены мы были встать и поду мали было искать убѣжища въ помянутой лачужкѣ, дабы, по крайней мѣрѣ, быть подъ крышой, будучи ужъ мокры съ головы до ногъ; но Осетинцы, въ оную вобравшіеся, не вняли ни нашим убѣжденіямъ, ни Капитана Ильина, ни старшины Алія, не согла шаясь уступить намъ мѣсто.

Способомъ насилія, однако же, мы койкакъ втѣснились ме жду Осетинцами и съ терпѣніемъ ожидали разсвѣта, весьма при томъ безпокоясь, что если дождь продлится, то содѣлаетъ вовс невозможнымъ путешествіе наше по снѣгамъ. А Осетинцы, как мнѣ о томъ тутъ же сказалъ Ильинъ, между собою разговаривал что если по разсвѣтѣ дождь не перестанетъ, то они уберутся домой

Безпокойство наше, однако же, миновалось тѣмъ, что перед разсвѣтомъ и дождь пересталъ и небо выяснилось. Коль же скор стало разсвѣтать, то мы, разбудивъ Алія, его просили, чтобы он съ нами шелъ, на что онъ безотговорочно согласился.

Состояніе наше было не весьма завидное; ибо мы, почти до костей промокши, пустились къ снѣгамъ до восхожденія солнц дрожа отъ мокроты и холода.

Сначала, съ версту, или болѣе, шли намъ было нетрудно по пологому скату снѣжному; потомъ столько же почти мы шли ров нымъ мѣстомъ по льду, подъ которымъ во многихъ мѣстахъ слыш но журчаніе ручьевъ. Послѣ же сего стоило намъ многихъ тру довъ версты съ 2 подыматься снѣгами до самой вершины горы весьма крутыми и подобными высунувшимся полушарамъ бугра такъ что безпрестанно на нѣсколькихъ шагахъ мы останавливал и утоляли жажду снѣгомъ.

Наконецъ, съ помощію Божіею, около 9 часовъ утра, Іюля достигли мы самой вершины и отдохнули съ полчаса на огро

ною каменной скалѣ, съ которой, осмотрѣвъ вокругъ, я любовался
на облака, изъ низшихъ горъ поднимавшіяся на подобіе клубовъ
густаго дыма, и мысленно занимался удовольствіемъ, находясь
выше облаковъ.

По отдохновеніи на сей скалѣ, ожидали насъ новыя трудно-
сти и опасности. Надобно было спускаться со скалы въ низъ
саженъ на 20, по чрезмѣрно крутому, съ вершины отвѣсному,
камню, множествомъ остріевъ на подобіе пирамидъ сросшемуся,
съ онаго же по подобной же снѣжной крутизнѣ, на снѣжную
равнину, съ которой опять спокойно поднявшись, вошли на дру-
гую вершину. Потомъ опять спустились на снѣжное пространное
поле, которое тѣмъ было опасно, что во многихъ мѣстахъ были
в снѣгу разсѣлины и глубокія пропасти, на подобіе воронки
оканчивавшіяся, кои мы всѣ благополучно миновали.

На семъ пространномъ полѣ видѣли мы множество громадъ
отъ падавшихъ снѣговъ, въ ледъ превратившихся, происшедшихъ.
Иныя представляли фигуры иррегулярныхъ пирамидъ, другія были
подобны развалинамъ сводовъ и стѣнъ, и всѣ вообще составлены
были изъ нѣсколькихъ слоевъ льду, а на вершинахъ покрыты
были снѣгомъ.

Алій, удовлетворяя моему любопытству, мнѣ разсказывалъ,
что громады сіи происходятъ изъ глыбъ снѣжныхъ, съ вершинъ
горъ срывающихся обыкновенно весною, съ ужаснымъ трескомъ,
грому подобнымъ и во всѣхъ селеніяхъ горскихъ слышнымъ.

Прошедъ сіи мѣста, поднялись мы крутымъ бугромъ по снѣгу
на высшую вершину, огромными каменными скалами, на подобіе
крѣпостной стѣны полукругомъ въ ту и другую сторону продол-
жающуюся.

Взошедъ на небольшую площадку на самой вершинѣ, объя-
ли мы были трепетомъ, обозрѣвъ утесъ, на подобіе стѣны, излучи-
стый къ подошвѣ оканчивающійся и снѣгомъ покрытый, по ко-
торому намъ надлежало спускаться.

Отпустивъ впередъ себя всѣхъ сопутешественниковъ моихъ
поставилъ я при себѣ Алія, одного изъ его людей и Горскаго Ка-
зака. Опоясавшись веревкою и давъ передній конецъ Осетинцу,
задній Алію, началъ я такимъ образомъ спускаться, сползши,
съ великою опасностію, съ вершины до снѣгу, по самой узенькой
скользкой тропинкѣ.

Неописанныхъ трудовъ и опасностей намъ стоило спускаться
по снѣжной сей крутизнѣ. Отъ лучей солнца, на полднѣ уже

катившагося, снѣгъ сдѣлался такъ рыхлъ, что не было возможности на оном ни какъ держаться; нѣсколько Осетинцевъ шли впереди, прокладывая на снѣгу слѣды, чтобы, ступивъ въ оныя, я мог спускаться, но все то было тщетно; ибо снѣгъ безпрестанно осыпался подъ Осетинцемъ, впереди меня шедшимъ, имѣвшимъ въ рукѣ конецъ веревки, который, ежеминутно со слѣдовъ обрываясь увлекалъ меня, а я за собою Алія. Катившись такимъ образом внизъ, засыпаемый съ головы до ногъ талымъ снѣгомъ, часто я почиталъ минуту послѣднею въ жизни моей.

Выбившись изъ силъ, хотѣлъ я испытать другой способъ, по предложенію Алія, тотъ, чтобы сѣсть на плечи Осетинцу, но оставилъ и оный, видѣвши, что тѣмъ я подвергалъ себя еще большей опасности: если бъ Осетинецъ поскользнулся, то не могъ бы ни себя, ни меня, спасти.

Наконецъ, оставивъ сіе, я сѣлъ на бурку, которую Осетинцы, съ каждой стороны взявъ за уголъ, мало по малу за собою тащили, и Алій, слѣдуя за мною, меня придерживалъ за веревку, и симъ способомъ я спустился до половины горы, гдѣ начиналась излучина и гдѣ, кромѣ снѣга, я усмотрѣлъ каменныя скалы. Отдохнувъ на камнѣ и мысленно принесши Всевышнему благодареніе за спасеніе меня отъ очевидной опасности, я продолжалъ спускаться уже по каменьямъ, опираясь на палку и будучи поддерживаемъ со всѣхъ сторонъ Осетинцами. До самой подошвы я ползъ по симъ камнямъ, находясь ежеминутно въ опасности отъ того, что во многихъ мѣстахъ встрѣчались глинистые слои съ мелкимъ камешкомъ, весьма острымъ.

Часа въ 3 по полудни находились мы уже на небольшой каменистой равнинѣ, на которой отдыхая, взирали мы съ почтеніемъ на громаду, съ которой мы, съ Божіею помощію, благополучно спустились, имѣвши ежеминутно смерть предъ очами.

Укрѣпивши истощенныя силы наши пищею и сномъ, поднялись мы опять въ походъ, для исканія убѣжища къ ночи, въ той надеждѣ, что посланный отъ Алія Осетинецъ насъ встрѣтитъ съ лошадьми, на которыхъ мы доѣдемъ до перваго селенія Имеретинскаго.

Прошедши довольное разстояніе пріятнымъ мѣстомъ по подошвѣ горы, и переправившись въ бродъ черезъ рѣку Ріонъ, изъ ущелій Снѣговыхъ горъ истекающій, встрѣтили мы Осетинца, впередъ для доставленія намъ лошадей посланнаго, который намъ донесъ, что ни лошадей, ни убѣжища для насъ, не сыскалъ

› чему и принуждены мы были искать онаго въ какомъ ни будь крытомъ и безопасномъ мѣстѣ. Дошедши до пріятной рощи, у ›дошвы небольшой горы, по коей протекалъ Ріонъ, мы въ оной ‹сположились ночевать.

На разсвѣтѣ слѣдующаго Іюля 8 послалъ я Алія въ селеніе, рстахъ въ 4-хъ отъ насъ отстоявшее, чтобы онъ сыскалъ намъ ‹ономъ убѣжище и выслалъ бы на встрѣчу къ намъ лошадей. ‹устя же нѣсколько минутъ потомъ, видѣвши, что дождь не пе-стаетъ, а при томъ же чувствуя сильный ознобъ отъ промок-ого насквозь на мнѣ платья, я рѣшился лучше ити, нежели ›жидаться возвращенія Алія съ лошадьми, которыхъ я встрѣтилъ ‹ьма близко отъ селенія, Геби называемаго.

Осѣдлавши опыхъ на скорую руку, отправилъ я впередъ Ка-тана Ильина, дабы онъ также приложилъ стараніе сыскать ‹артиру, которую, однако жь, съ великимъ трудомъ они, вмѣстѣ съ ‹іемъ, отыскали; я же, пріѣхавъ въ Геби, болѣе часу стоя на ›шади подъ дождемъ, на силу того дождался.

Краткое описаніе Дигора или Стодугора съ нѣкоторыми замѣчаніями.

Пространство цѣпей горъ, прежде сего Дигоромъ называвшее-‹, простиралось на довольное разстояніе, и именно, отъ земли вла-ѣльца малой Кабарды Тавъ-Султана (о коей подробнѣе изъясне-› будетъ ниже) по кряжу Черныхъ и Каменныхъ Горъ и по подо-вамъ снѣговыхъ, почти до Ельбруса.

Изстари Дигорцы повиновались Тавъ-Султану до тѣхъ поръ, ›гда Большая Кабарда возымѣла верхъ силою надъ симъ поко-›іемъ, и съ того времени Дигорцы хотя и платятъ Тавъ-Султа-›мъ подати за землю, но таковую же даютъ и Большой Кабар-›, дабы тѣмъ избавиться отъ набѣговъ ихъ и разореній. Кромѣ е того Дигорскіе старшины, Кантемиры, воспитываютъ дѣтей абардинскихъ Князей, изъ коихъ у Алія я видѣлъ сына Князя ‹сстова.

Дигорцы нынѣ раздѣляются на 2 рода, Бадилятовъ и Чер-‹есетовъ.

Первые заключаются въ жителяхъ Дигора, отъ селенія Нары, › правой сторонѣ рѣки Уруха, въ горахъ обитающихъ, до заста-ы Стодугорской, и въ селеніяхъ Кабановѣ, Шегемовѣ, Каражовѣ, угановѣ и Кубатіевѣ, происшедшихъ отъ переселившихся изъ Ди-ора на землю Тавъ-Султанову семей.

А Черкесеты заключаются въ жителяхъ, обитающихъ въ горахъ, по лѣвой сторонѣ Уруха, отъ селенія Кантемира до Нары.

Сосѣдственные горскіе жители съ Бадилятами суть: Куртатинцы, Тагаурцы и Чими, подвластные владѣльцамъ Малой Кабарды, Аслову и Мударову; сосѣди же Черкесетовъ Осетинцы, родовъ: Балкара, Ишегема и Каражей, подвластные владѣльцамъ Большой Кабарды. Балкарцы обитаютъ въ самомъ сосѣдствѣ съ Дигорцами, на рѣчкѣ Черегъ, Каражеи на рѣчкѣ того же имени, въ ущельяхъ Ельбруса, и Ишегемцы на рѣчкѣ того же имени, между Балкарцовъ и Каражей.

Почерпавъ сіи свѣдѣнія отъ старшинъ Кантемирскихъ, любопытствовалъ я отъ него о способахъ существованія Дигорцовъ, внушая имъ, сколь полезна для нихъ быть можетъ ихъ приверженность къ Россіи. Они меня увѣряли, что ни чего для нихъ лестнѣе быть не можетъ, естьли бы токмо они могли надѣяться на то, что имъ оказаны будутъ нѣкоторыя милости; въ семъ они никогда успѣха имѣть не могли, хотя неоднократно прибѣгали съ просьбами о томъ къ Начальствующимъ на Линіи Кавказской.

На вопросъ, отъ меня имъ сдѣланный, въ чемъ бы ихъ желанія состояли, они продолжали говорить мнѣ слѣдующее: что какъ выше сказано, Дигорцы повиновались Тавъ-Султану, въ томъ токмо отношеніи, что платили сему владѣльцу небольшую дань за землю, ими населяемую. Что нѣсколько тому лѣтъ назадъ владѣльцы Большой Кабарды, примѣтя ослабленіе потомковъ Тавъ-Султана, отъ раздѣленія, между ними происшедшаго, употребили случай тотъ въ свою пользу, начавъ господствовать не токмо надъ самими Тавъ-Султанами, но и надъ всѣми прочими селеніями, на ихъ земли находящимися: Кубатіевымъ, Тугановымъ, Каражовымъ, Шегемовымъ и Кабановымъ, взимая съ нихъ большія подати и преклонивъ къ себѣ старшинъ, какъ сихъ селеній, такъ и всѣхъ Дигорскихъ, избыточными подарками; и такимъ образомъ владѣльцы Большой Кабарды распростерли власть свою до самыхъ подошвъ Снѣговыхъ горъ.

Стеная подъ игомъ хищниковъ, имъ самимъ подобныхъ, и видя могущество Россіи, повсюду простирающееся къ благополучію скипетру ея покоряемыхъ, желали бы они отъ онаго избавиться.

Въ удовлетвореніе моему любопытству, какимъ бы то образомъ могло событься, они продолжали: чтобы всѣмъ Дигорцамъ, въ безплодныхъ каменистыхъ горахъ обитающимъ, было дано дозво-

еніе переселиться на землю Тавъ-Султановъ, впустѣ лежащую ме-
ду рѣкъ Уруха и Терека, на томъ положеніи, чтобы, при от-
еденіи имъ достаточнаго количества земли, за которую они не
трекутся платить подати Тавъ-Султану таковой же, каковую имъ
озносятъ выше помянутыя селенія: Кубатіево, Тугацово, Каражево,
Шегемово и Кабаново, построены имъ были Христіянскія церкви
къ оным опредѣлены священнослужители; а при томъ, чтобы
ни были навсегда обезпечены со стороны безопасности отъ вла-
ѣльцевъ Большой Кабарды небольшимъ, но достаточнымъ, при-
рытіемъ Казаковъ или другого войска, такъ какъ подобныя
рикрытія были даваны многимъ другимъ мирнымъ Осетинскимъ
еленіямъ, для охраненія ихъ отъ набѣговъ Кабардинцовъ.

Границы владѣній поколѣнія Тавъ-Султановъ, какъ мнѣ стар-
ины Дигорскіе истолковали, распространяются обширною степью
лѣдующимъ образомъ: Отъ устья рѣчки Аргудана, по кряжу Снѣ-
овыхъ горъ черезъ Урухъ, до устья Аредона, продолжаются по
ѣвому берегу сей послѣдней, до впаденія оной въ Терекъ, а по-
омъ черезъ Терекъ вверхъ по рѣчкѣ Киржиму, до устья рѣки
уркъ, и внизъ по оной до впаденія ея въ Терекъ, и наконецъ
верхъ по Тереку, до впаденія въ оную Аргудана.

Желающихъ переселиться на сію землю, по увѣренію Дигор-
кихъ, можно считать до 120 деревень, и въ оныхъ полагать до
,400 дворовъ или семей.

Нынѣ существующіе Тавъ-Султаны четыре брата; одинъ стар-
ій служитъ въ пограничномъ Моздокскомъ Судѣ.

Они тѣмъ охотнѣе согласятся уступить впустѣ лежащую
емлю Дигорцамъ, что не токмо возымѣютъ выгоду отъ сихъ
ереселенцевъ мѣною, но и обезпечены будутъ безопасностію
тъ владѣльцовъ Большой Кабарды.

По моему мнѣнію, и для насъ отъ переселенія сего могутъ
роизойти ощутительныя выгоды въ томъ, что когда бы оное вліяні-
мъ Высочайшей воли на Тавъ-Султановъ въ дѣйство произвелось,
о во всякомъ случаѣ, относительно хищническихъ операцій горс-
кихъ жителей Большой Кабарды на соотчичей своихъ, Россіи
окоренныхъ, населеніе пункта сего, Большую Кабарду отъ Малой
аздѣляющую, могло бы служить диверсіею.

Дигорцы, не исключая изъ общаго сего названія и пересе-
ившихся на пространную землю Тавъ-Султана, которые отъ оби-
ающихъ въ горахъ разнствуются токмо построеніемъ хижинъ,
Дигорцы, которыхъ по истинѣ не можно назвать хищниками въ

сравненіи съ прочими, имъ подобными, обитателями ущелій, народъ ни малѣйшаго просвѣщенія еще не имѣетъ. О вѣрѣ ихъ опредѣлительно можно сказать токмо то, что нѣкогда по ихъ селеніямъ путешествовали Россійскіе Священники, у которыхъ многіе крестились въ Христіянской законъ; но понятіе объ оном имѣютъ весьма мало, или, лучше сказать, никакого, и всѣ вообще пребываютъ въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ, исповѣдуя идолопоклонническіе обряды, наполненные предразсудками, исключая, однако же, варварства. Вообще, въ семъ народѣ замѣтна наклонность къ Христіянской Вѣрѣ. Старшины ихъ или помѣщики, избираемые гласомъ народнымъ, всегда изъ семей, храбростію и благоразумiемъ отличающихся, или наслѣдственные, всѣ Татарскаго Исповѣданія.

Образъ жизни ихъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ выгодъ или прихотей. Питаются они весьма дурно печенымъ хлѣбомъ изъ проса, или пшеницы, овечьимъ мясомъ, молокомъ и сыромъ; кожи овечьи имъ служатъ верхнею одеждою, а часто единственною одеждою мужчинъ.

Мужчины почетные ни чѣмъ инымъ не занимаются, какъ оружiемъ. Исправное ружье, пистолетъ, сабля и кинжалъ составляютъ все его благополучіе. Простолюдины же, кромѣ тѣхъ, которые сопутствуютъ на рати съ почетными, смотрятъ за стадами, въ горахъ пасущимися, и большая часть шатается праздно.

Въ случаѣ опасности, селенію предстоящей, запрятавъ женщинъ и дѣтей въ хижины, всѣ выходятъ на выгодныя мѣста съ оружiемъ, а не имѣющіе онаго — съ пращами и дубинами.

Женщины ихъ употребляются во всѣ работы домашнія и хлѣбопашество, гдѣ грунтъ земли того позволяетъ.

Жилища горскихъ обитателей складены изъ камня, безъ всякой оныхъ связи известію, или чѣмъ другимъ. Оныя расположены всегда кучею всѣхъ семей, селеніе составляющихъ, на подобіе замка на высокихъ и неприступныхъ мѣстахъ, и при всякомъ селеніи есть нѣсколько башенъ, почти на вершинахъ горъ расположенныхъ, съ которыхъ смотрятъ во всѣ стороны караульные, и коль скоро издали примѣтятъ приближеніе чего либо сомнительнаго, то, по данному отъ нихъ сигналу, въ одно мгновеніе ока жители занимаютъ удобныя мѣста къ оборонѣ, такъ какъ то случилось и со мною, что все Кантемирово селеніе насъ встрѣтило съ положенными на сошки ружьями и съ пращами въ рукахъ. Жилища же переселившихся на землю Тавъ-Султана Дигорцевъ

разиствуютъ отъ сихъ тѣмъ, что они расположены нѣкоторымъ
бразомъ регулярно селеніями при рѣчкахъ; хижины ихъ не изъ
амня складены, а выстроены на подобіе Малороссійскихъ маза-
юкъ и крыты соломою; внутри оныхъ по наружной стѣнѣ всегда
сть особое мѣсто для раскладки огня, съ отверстіемъ на подо-
ie трубы, для ухода дыму.

Дигорскія горы во многихъ мѣстахъ по ущельямъ наполнены
епроходимыми лѣсами и изобилуютъ весьма свинцовыми и же-
ѣзными рудниками.

Съ дикостію мѣстъ сообразуется и характеръ сего народа.
ищность, искуство въ оной, алчность къ деньгамъ, проворство
ъ ратяхъ и въ бѣганіи по горамъ, подобно дикимъ звѣрямъ,
бразъ ихъ разговора, уподобляющагося болѣе ссорѣ, когда они
ежду собою разсуждаютъ, все доказываетъ ихъ глубокое невѣ
ество.

Продолжая путешествіе мое, я обращаюсь къ тому, какъ я
остигъ до перваго селенія Имеретинскаго, Геби. Оное выстроено
овольно порядочно изъ камня со многими высокими башнями
ли бойницами, по обоимъ берегамъ рѣки Ріона, истекающей изъ
ногихъ потоковъ съ горъ отъ растаявающихъ снѣговъ, прини-
ающей въ себя множество другихъ рѣчекъ, и впадающей въ
ерное море у самой крѣпости Поти, въ Гуріи. Рѣка сія въ семъ
еленіи такъ быстра, что стремленіемъ своимъ увлекаетъ огром-
ые камни; жители сего селенія, на подобіе Татаръ одѣвающіеся,
есьма звѣрообразны.

Расположившись для отдохновенія въ предурной дымной
збѣ, въ 2 яруса выстроенной, изъ коихъ въ нижнемъ помѣщает-
я хлѣвъ и отдѣляется отъ верхняго поломъ изъ фашинника, на
русьяхъ сдѣланнымъ и глиною обмазаннымъ. но столь удобно,
то сквозь скважины онаго испаренія хлѣвныя распростирались
ъ верхній ярусъ, для соединенія съ дымомъ отъ раскладеннаго
а полу огня. Но будучи обрадованы и симъ убѣжищемъ, мы
тарались обсушиться, а между тѣмъ хлопотать о лошадяхъ, рас
олагая, если будетъ можно, на завтра слѣдовать далѣе.

Али Кантемиръ мнѣ донесъ, что въ нѣкоторомъ отъ сего се
енія разстояніи пребываніе имѣетъ Князь Джипаридзе, Моуравъ
сего округа того же имени; то что лучше къ нему от
арочнаго съ извѣстіемъ о моемъ прибытіи и съ просьбою

онъ выслалъ къ намъ лошадей и далъ всѣ потребныя вспомоществованія для дальнѣйшаго путешествія, по тому что въ семъ селеніи того добиться будетъ не возможно.

Весьма непріятная вѣсть, но уважить слѣдовало; какъ ему, такъ и Кубатіевымъ, я поручилъ то исполнить, давъ имъ на то денегъ, а при томъ не отлагать старанія къ доставленію мнѣ лошадей, дабы и не дождавшись посланнаго къ Князю Джипаридзе, взявъ проводника, ѣхать къ нему прямо.

Не прошло 2 часовъ моего въ убѣжищѣ пребыванія, какъ учинилось происшествіе, въ великое безпокойство меня ввергшее. Проводникъ мой, Капитанъ Ильинъ, вошедъ перепуганный въ избу, мнѣ объявилъ, что Кубатіеву младшему разрубили кинжаломъ голову.

Приказавъ въ ту же минуту поставить въ дверяхъ съ ружьями двухъ Казаковъ, изъ числа четырехъ Горскихъ, со мною находившихся, я распрашивалъ у него тому причину, но онъ не могъ мнѣ о ней порядочно изъяснить, и пошелъ, звать Яковлева, находившагося въ самое то время на дворѣ и происшествіе видѣвшаго, а вмѣстѣ съ нимъ мнѣ разсказали, что народъ, никакого старшины надъ собою не имѣющій, изъявляя неудовольствіе о нашемъ прибытіи, взволновался, и когда толпа между собою о томъ разсуждала въ выраженіяхъ, что ни у кого изъ нихъ глаза еще не опухли, Русскихъ дожидавшись, и что ихъ прибытіе не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Имеретинцовъ покорить на подобіе Грузіи, то одинъ бросился изъ оной съ обнаженнымъ кинжаломъ, говоря, что онъ всѣхъ перерѣжетъ въ шалашѣ, въ которомъ расположились подлѣ моей избы старшины Кубатіевы и Алій Кантемиръ, и встрѣтивши въ ономъ младшаго Кубатіева, попалъ въ него кинжаломъ, что усмотрѣвъ Осетинцы, насъ провожавшіе съ своими старшинами, коихъ было человѣкъ до 20, похватались за оружіе, у коихъ таковое было, а другіе, начавъ кидать въ толпу каменьями, оную разогнали, и тѣмъ опасный шумъ сей пресѣкся, и болѣ подобнаго ни чего болѣе не было.

Весь сей день прошелъ безъ успѣха: лошадей ни какъ достать мы не могли. Жители, видѣвши наши съ ними ласковые поступки, отговаривались сперва, что они охотно бы намъ оныя за предлагаемую плату доставили, но опасаются, что Моурахъ помянутый Князь Джипаридзе, оныхъ для насъ задержитъ, чтобы на нихъ же и далѣе его мѣстопребыванія ѣхать; а потомъ говорили, что прибывшая отъ дождей вода въ Ріонѣ снесла всѣ мосты

резъ которые къ горамъ, въ коихъ лошади пасутся, или за оны
и надобно.

На другой день, Іюля 9, около полудни, прибыли ко мнѣ 3 Имеретинца, изъ коихъ одинъ, сдѣлавъ мнѣ пресмѣшной по лонъ, съ привѣтствіемъ отъ супруги Князя Джипаридзе, сказалъ то, за отсутствіемъ самаго Князя, къ Царю отозваннаго, она его ъ намъ прислала узнать о моемъ качествѣ: отъ лица ли Госу даря Россійскаго, или отъ командующаго на линіи Генерала, я ъ Царю ѣду? По полученіи отъ меня удовлетворительнаго отвѣ а, сей учтивый Имеретинецъ въ ту же минуту съ оными отпра илъ къ Княгинѣ обоихъ своихъ товарищей, а самъ остался при нѣ ожидать отъ нея повелѣнія.

Часу въ 5 по полудни явился ко мнѣ другой Имеретинецъ, рисланный отъ брата Князя Джипаридзе, за отсутствіемъ его правляющаго Моуравствомъ, съ подобнымъ первому поклономъ привѣтствіемъ, и съ донесеніемъ, что ему приказано достать мнѣ лошадей и всякое вспомоществованіе, для слѣдованія до ѣста пребыванія Князей Джипаридзевыхъ, которые меня встрѣ ать у воротъ крѣпости Джидроти.

На другой день, Іюля 10, около 7 часовъ утра, мнѣ прислалъ сказать послѣдне пріѣхавшій Имеретинецъ, что лошади отовы, и чтобы я не гнѣвался, что оныхъ токмо три; ибо болѣе остать ему возможности не было. Надобно было и тѣмъ довольствоваться. И такъ, распредѣливъ по лошади себѣ, Яковлеву, Ильину, нашелся я принужденнымъ приказать Казакамъ и людямъ слѣдовать за собою пѣшкомъ, а вьюки съ пожитками, по предложенію Имеретинца, отдать нести пѣшимъ, имъ нанятымъ людямъ.

Отправившись такимъ образомъ въ путь, въ 8 часовъ по тру, переправясь въ бродъ черезъ Ріонъ, ѣхали мы сперва лощиною, по подошвамъ каменныхъ горъ, весьма каменистою, множествомъ источниковъ, въ Ріонъ впадающихъ, орошаемою, пробираясь при томъ во многихъ мѣстахъ черезъ густые кустарники, ласъ довольно поцарапавшіе. Потомъ мы поднимались на четыре оры и съ оныхъ спускались, сходя съ лошадей и карабкаясь о каменьямъ, во многихъ мѣстахъ утесами оканчивающихся въ Ріонъ, быстротою Урухъ превосходящій, и перелѣзали черезъ деевья, свалившіяся съ корнями. Лошадей же нашихъ обводили го ами, нѣсколько подалѣе.

Приближившись, часа въ 2 по полудни, къ крѣпости Джироти, у самыхъ воротъ, не въѣзжая въ оную, встрѣтили меня 3

брата Князьи Джипаридзе, съ большою свитою, на лугу, подъ большимъ деревомъ, сидѣвшіе по Турецки.

Крѣпость сія не иное что, какъ башня, въ каменномъ утесѣ огромной горы сдѣланная, на подошвѣ оной въ Ріонъ оканчивающейся, имѣющая плохую деревянную дверцу, въ которую можетъ токмо пройти лошадь. У сихъ воротъ стоитъ всегда часовой, вопрошающій проѣзжаго: кто, оттуда, куда и за чѣмъ?

Сія крѣпость есть истинная граница Имеретіи къ горамъ Кавказскимъ; ибо селеніе Геби и другое, коего имя я запамятовалъ, видѣнное мною въ сторонѣ, на дорогѣ до крѣпости, хотя признаютъ Царя Имеретинскаго своимъ владѣтелемъ, но между собою властей не терпятъ. У нихъ нѣтъ ни Моурава, ни иного старшины; существуютъ же безъ всякихъ правъ, кромѣ относящихся къ собственности личной каждаго. Царь Имеретинскій, Соломонъ 1-й, ихъ покорившій, не взыскалъ съ нихъ никакихъ податей, но для сохраненія добраго согласія съ Дигорцами, и именно съ селеніями Черкесетовъ, отдалъ право старшинамъ оныхъ, что когда они будутъ пріѣзжать въ Имеретію, чтобы въ сихъ селеніяхъ жители безъ платы имъ дѣлали угощенія, и къ симъ же старшинамъ относились на расправу въ случающихся между ими распряхъ, что и до нынѣ существуетъ.

По взаимномъ привѣтствіи и по отдохновеніи съ полчаса, сѣвъ на лошадей, мы продолжали ѣхать, и въ 5 часовъ по полудни прибыли въ селеніе Князя Джипаридзе для перепочеванія.

Обратившись къ старшему изъ сихъ Князей, въ отсутствіи брата моуравствующему, съ изъявленіемъ желанія отправить съ разсвѣтомъ будущаго дня впередъ себя къ Царю Коллежскаго Ассесора Яковлева, съизвѣщеніемъ о моемъ въ его предѣлы прибытіи и для испрошенія, когда Его Высочеству угодно будетъ меня удостоить пріемомъ, я получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ, по долгу своему, послалъ уже къ Царю нарочнаго съ увѣдомленіемъ о моемъ въ его домѣ нахожденіи, и что, по возвращеніи онаго съ повелѣніемъ Царскимъ, мнѣ объ ономъ дастъ знать, присовокупивъ къ тому, что если мнѣ будетъ пріятно, то онъ самъ меня проводитъ до мѣста пребыванія Его Высочества, на что я ему отвѣтилъ, что сочту себѣ особенною честію его товарищество.

На другой день, 11-го Іюля, рано по утру, прислалъ онъ ко мнѣ одного изъ своихъ братьевъ съ увѣдомленіемъ объ отвѣтѣ отъ Царя, съ возвратившимся его посланнымъ привезеннымъ, что Его Высочеству пріѣздъ мой будетъ весьма пріятенъ, и что, буде

хочу, то онъ готовъ къ отъѣзду, что я въ ту же минуту исполнилъ.

Отъѣхавши верстъ съ 10, Князь Джипаридзе мнѣ предложилъ здохнуть, а при томъ сообщилъ, что онъ получилъ того же утра повелѣніе, нѣсколько позже перваго, чрезъ брата его мнѣ объявленнаго, ожидать прибытія Его Высочества въ городѣ Калакѣ, близъ котораго мы отдыхали, и что если завтрашній день Царь туда не пріѣдетъ, то мы поѣдемъ далѣе.

Я долженъ былъ и на сіе согласиться, и по тому расположился ожидать прибытія Царскаго въ отведенномъ мнѣ крестьянскомъ домѣ въ Калакѣ, принадлежащемъ Салтхуцелу, Князю Грабу Церетелю.

Того же дня подъ вечеръ прислалъ ко мнѣ Князь Джипаридзе человѣка съ изъявленіемъ желанія со мною видѣться, и я его пригласилъ къ себѣ на чай.

Пришедши ко мнѣ, онъ объявилъ, что онъ отправилъ къ Царю своего брата съ донесеніемъ о моемъ пребываніи въ Калакѣ, что ожидаетъ его возвращенія на завтра около полудня. Поблагодаривъ его за сіе извѣщеніе, я его просилъ о сообщеніи мнѣ немедленно повелѣнія, какое онъ получитъ.

Въ слѣдующій день, Іюля 12, тщетно я ожидалъ того до самаго вечера, но, не получая отъ него никакого отвѣта, рѣшился къ нему послать Ильина о томъ спросить. Князь Джипаридзе съ Ильинымъ ко мнѣ прислалъ брата своего для донесенія, что посланный возвратился и съ нимъ прислано повелѣніе, чтобы еще оставаться въ Калакѣ до завтра, и что выѣдетъ ко мнѣ Царь на встрѣчу своихъ царедворцевъ, Моураву же приказано имѣть въ готовности потребное мнѣ число лошадей. Спустя нѣсколько минутъ пришелъ ко мнѣ и самъ Князь Джипаридзе для подтвержденія того.

Оставшись съ нимъ наединѣ, покамѣстъ носили чай, я исподволь давалъ примѣтить Князю сему мое удивленіе на счетъ отлагательства Царя меня удостоить пріемомъ, и на тотъ, что я хотѣлъ предъ Его Высочествомъ сохранить пристойность, отправивши къ нему съ извѣстіемъ о моемъ прибытіи въ его предѣлы Яковлева, то что и въ семъ вижу препятствія и невозможности.

Моуравъ мнѣ на сіе отвѣчалъ весьма дипломатическимъ тономъ, что Царь считаетъ мой пріѣздъ за подарокъ, судьбою ему присланный, удостоившись еще впервые видѣть у себя посланца отъ лица великаго Государя Россійскаго. Что Его Высочество

любопытствовалъ у посланнаго изъ Калака о предметѣ моего пріѣзда, на что онъ отозвался незнаніемъ. Я ему на сіе отвѣчалъ, что я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы Царю не было пріятно мое прибытіе, и ни чего не говоря о предметѣ онаго, склонилъ я разговоръ на постороннее.

Моуравъ послѣ сего мнѣ сказалъ, что Царь послалъ къ Салтхуцелу Князю Церетелю (первому въ Царствѣ вельможѣ), находящемуся въ деревнѣ своей, для приглашенія его съ собою, по случаю моего пріѣзда. Между тѣмъ нечувствительно зашла рѣчь о Царевичахъ Грузинскихъ, въ Россіи пребывающихъ. Моуравъ любопытствовалъ отъ меня, гдѣ они, и какъ живутъ?

Удовлетворяя сему, я ему говорилъ, что они обрѣтаются въ С.-Петербургѣ, и взыскапы многими милостями Государя Императора.

На вопросъ же его, долго ли они тамъ пробудутъ, я ему отвѣчалъ, что поелику они добровольно пожелали остаться въ С.-Петербургѣ до тѣхъ поръ, доколѣ отечество ихъ не будетъ приведено въ надлежащее устройство и безопасность отъ хищниковъ, оное окружающихъ, то что Его Императорское Величество соизволилъ ихъ отличить знаками орденовъ и отъ щедротъ Монаршихъ пожаловать каждому изъ нихъ пристойное содержаніе.

Моуравъ мнѣ на сіе отвѣчалъ, что какъ скоро свѣдѣнія о таковомъ благополучіи достигнутъ до Царя его, то что Его Высочество возымѣетъ вящее желаніе удостоиться милостей Россійскаго Государя Императора, которыя снискать Его Высочество давно желаетъ.

Усмотрѣвши изъ глазъ его, что онъ ожидаетъ отъ меня на сіе отвѣта, и при томъ вспомнивши сказанное уже мнѣ отъ него, что Царь любопытствовалъ у посланнаго о предметѣ моего пріѣзда, то разсудивъ, что всѣ его разговоры имѣютъ въ виду почерпнуть отъ меня что либо о миссіи моей, для поданія объ оной предварительнаго свѣдѣнія Царю, я ему отозвался, что нашъ Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, по сродному великодушію своему, милосердіе и щедроты свои обращаетъ на всѣхъ оныя праведно снискивающихъ.

Отвлекая его такимъ образомъ отъ предмета, на который онъ имѣлъ главнѣйшую цѣль, я съ нимъ распрощался, стараясь при томъ во всякомъ случаѣ осыпать ласками и учтивостями, имѣя всегда въ виду изъ него почерпать мало по малу свѣдѣнія, мнѣ потребныя.

Когда же Яковлевъ его провожалъ по двору, какъ онъ отъ меня пошелъ, то, отозвавъ его въ сторону, Моуравъ ему сказалъ, чтобы я не безпокоился медленностію Царя въ приглашеніи меня къ себѣ, объявивъ ему по секрету, что тому причиною нѣкоторыя смутныя обстоятельства въ домѣ Царскомъ, и именно: вражуя съ владѣтельнымъ Княземъ Дадіаномъ, требуетъ отъ него дѣла братьямъ его, у Его Высочества находящимся. Что хотя военныя дѣйствія на сихъ дняхъ казались идущими къ окончанію заключеннымъ договоромъ, коимъ Князь Дадіанъ обязывался братьямъ своимъ уступить по настоящію требуемый участокъ, который договоръ вчерашній день долженствовалъ быть присланъ къ Царю отъ Дадіана, утвержденный его печатью, но что Дадіанъ Царя обманулъ, отъ чего Его Высочество весьма гнѣвенъ и въ великомъ безпокойствѣ. Что же касается до моего пріема, то что Царь самъ съ нетерпѣніемъ видѣть меня желаетъ, но находится въ размышленіи съ вельможами своими, за чѣмъ бы я пріѣхалъ, бывъ при томъ весьма встревоженъ извѣстіемъ, что яко бы со мною не слѣдуетъ множество Черкескихъ Князей, но что уже въ томъ спокоенъ донесеніемъ обстоятельнымъ его, Моурава.

Іюля 13, часу въ 8 по утру, прислалъ ко мнѣ Князь Джипаридзе сказать, что онъ досталъ потребное мнѣ число лошадей, то чтобы я съ ними договорился о цѣнѣ, а онъ ихъ при себѣ будетъ держать въ готовности къ немедленному нашему изъ Кала отбытію, по первому приглашенію отъ Царя, что я исполнилъ.

Іюля 14 сей Князь меня посѣтилъ. По обыкновенномъ привѣтствіи, онъ мнѣ оказалъ удивленіе, съ нѣкоторымъ на своего Царя негодованіемъ, на счетъ отлагательства Его Высочества въ призывѣ меня къ себѣ, донеся при томъ, что сего утра онъ отправилъ паки къ Царю своего брата, и что надѣется, что или съ нимъ братомъ своимъ получитъ повелѣніе, или Царь кого либо пришлетъ ко мнѣ на встрѣчу изъ вельможъ своихъ, присовокупивъ къ тому, чтобы я былъ спокоенъ и на него бы не сердился, увѣряя, что онъ тому не причиною, и что если бы отъ него зависѣло, то что онъ бы всячески постарался мнѣ угодить.

Поблагодаривъ его за сіе, принужденъ я былъ паки вооружиться терпѣніемъ. Въ слѣдующій день, тщетно ожидая извѣстія и полудня, я послалъ опять къ Моураву Ильина объ ономъ надѣяться, но который, возвратясь, мнѣ донесъ, что посланный къ Царю недавно возвратился съ приказаніемъ отъ Его Высочества

завтрашній день меня препроводить въ ближайшее селеніе къ мѣсту пребыванія Царя, находящагося, по случаю военныхъ дѣйствій съ Дадіаномъ, въ Хонцкари.

Ильинъ же при семъ мнѣ сообщилъ слышанное имъ отъ возвратившагося брата Моуравова, что Царь въ великомъ находится безпокойствѣ и гнѣвѣ на владѣльца Дадіана, не исполнившаго его требованій, въ послѣднемъ договорѣ предложенныхъ, и что по тому твердое возымѣлъ предпріятіе отомстить за то Дадіану изгнаніемъ его изъ всѣхъ владѣній.

Іюля 16, часовъ въ 7 по утру, послалъ я просить къ себѣ Моурава. Пришедъ ко мнѣ, онъ объявилъ, что все въ одну минуту будетъ готово, и что мы поѣдемъ.

Какъ онъ мнѣ казался довольно искреннимъ, по нѣкоторымъ, уже сдѣланнымъ, сообщеніямъ объ обстоятельствахъ, въ которыхъ Царь находился, то и хотѣлъ я испытать, не могу ли изъ него чего либо болѣе почерпнуть; по чему, мало по малу къ тому приступая, когда съ нимъ мы остались на единѣ, я къ нему обратился съ изъявленіемъ ему признательности за его ко мнѣ попеченія съ самаго моего въ Имеретію прибытія и съ обѣщаніемъ по возможности его за то возблагодарить, и при томъ, повторивши ему признательность же мою за искреннее его ко мнѣ на самомъ опытѣ благорасположеніе, я продолжалъ говорить, что, будучи весьма далекъ имѣть на него подозрѣніе, чтобы онъ былъ причиною моего шестидневнаго здѣсь безъ всякой пользы пребыванія и, ни мало не опасаясь, чтобы промедленіе таковое обратилось мнѣ въ предосужденіе, безпокоюсь я токмо тѣмъ, что если дойдетъ о томъ до свѣдѣнія моего Государя Императора, то что его Императорское Величество справедливѣйше можетъ заключить, что Царь, будучи давно уже извѣщенъ о моемъ въ его предѣлахъ нахожденіи, не оказалъ ни малѣйшаго желанія меня принять, для полученія Высочайшей Его Величества грамоты.

Моуравъ мнѣ на сіе отвѣчалъ, что, по точному его понятію всего, мною сказаннаго, онъ самъ давно о томъ размышляетъ, и удивляется поступку своего Царя, увѣряя, однако же, что происходитъ оный единственно отъ молодости и совершеннаго незнанія цѣнить вещи по ихъ достоинству, а болѣе еще отъ того, что внутреннія дома Царскаго обстоятельства ему не позволяютъ меня принять приличнымъ образомъ; ибо онъ находится въ походѣ, собирая войско для нападенія на владѣльца, Князя Дадіана.

Содѣлавши такимъ образомъ основаніе къ тому, что въ пред-

имѣлъ, считалъ я сію минуту удобнѣйшею къ извлеченію
Моурава всего, что узнать мнѣ было нужно; по чему я его и
ъ дать мнѣ понятіе о враждѣ Царя съ Дадіаномъ, и причи-
ную произведшихъ.

Моуравъ мнѣ на сіе говорилъ, что всему причиною самъ
ло тому что, по восшествіи на царство, Его Высочество, бывъ
е немало обязанъ Князю Дадіану, далъ ему торжественно
сохранить съ нимъ ненарушимо дружбу и согласіе, и
вать ему все уваженіе, какъ ближайшему своему родствен-
(либо Царь имѣетъ въ супружествѣ сестру владѣльца сего),
твы сей Его Высочество не сохранилъ.

На вопросъ, мною сдѣланный: что же бы побудило Царя
нить свою клятву? Князь Джипаридзе продолжалъ, что един-
ая охота распространить свои владѣнія, и что Его Высоче-
ще къ тому подстрекаемъ одною особою, именно Сар-
ъ, Княземъ Кайхосро Церетелемъ, величайшею довѣренностію
Царя пользующимся, который, побуждаемый жадностію къ
рѣтеніямъ, старается всячески наклонить Царя къ завоеванію
діана владѣній, чтобы имѣть изъ оныхъ себѣ послѣ участокъ,
ко какъ были отняты имущества покойнымъ Царемъ Соло-
ть 1-мъ у Князей Еристовыхъ Методіевыхъ, изъ коихъ уча-
ъ награжденъ домъ Князей Церетелевыхъ.

Послѣ сего я спрашивалъ у Моурава, что какъ онъ самъ изъ
нныхъ дворянъ Имеретинскихъ, то, конечно, ему не можетъ
ыть извѣстно поведеніе Дадіана противъ Царя и образъ мы-
ленія какъ вельможей Царскихъ, такъ и сосѣдей о семъ вла-
цѣ.

Онъ же меня клятвенно увѣрялъ, что Дадіанъ никогда по-
ками своими противъ Царя не заслужилъ, чтобы Его Высоче-
танъ съ нимъ поступалъ, но что, напротивъ, свято хранилъ
нности и родственника и ближняго сосѣда, и тѣмъ заслужилъ
леніе отъ всѣхъ благомыслящихъ вельможей Имеретинскихъ.

Оказывая Князю Джипаридзе мое удивленіе, что Царь, имѣя
ъ добраго сосѣда, не отдаетъ ему должной справедливости и
оказываетъ оному взаимнаго дружества, я его просилъ мнѣ
яснить, въ какихъ отношеніяхъ владѣтельные Князья Дадіаны
стояли прежде сего съ Царствомъ Имеретинскихъ, и зависимость
отъ сего до какой простиралась степени?

Онъ мнѣ на сіе сказалъ слѣдующее: что владѣльцы, какъ
діаны, такъ и Гуріели, ни въ подданствѣ, ниже какой либо

зависимости у Имеретіи никогда не были, но всегда съ симъ Царствомъ состояли въ связяхъ дружбы и сосласія, и оказывая всякое оному вспомоществованіе, когда таковое въ зависящемъ отъ нихъ требовалось; что равнымъ образомъ и въ распредѣленіи права наслѣдства въ сихъ владѣніяхъ Имеретія вліянія никакого не имѣла; ибо всегда по смерти владѣтеля наслѣдовалъ въ родѣ старшій сынъ, или братъ.

Владѣнія Дадіана раздѣляются на 3 области: Одиши, Лечгумъ и Суани; двѣ первыя области нѣсколько уже вѣковъ принадлежатъ предкамъ нынѣшняго владѣльца, а 3-я, простирающаяся по подошвамъ цѣпи Кавказскихъ горъ Ельбруса до Чернаго моря, соединилась зависимою отъ Дадіановъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Лечгумской области сооружена крѣпость Цхывши, чему уже болѣе 100 лѣтъ.

На вопросъ Моураву, мною сдѣланный, какую придирку Царь сыскалъ къ учиненію явнаго на Дадіана нападенія, онъ мнѣ разсказалъ, что Царь, посредствомъ Сердаря своего, Князя Кайхосра Церетеля, посѣялъ несогласіе между владѣльцемъ и его тремя братьями, въ томъ видѣ, чтобъ они, будучи недовольны достаточнымъ содержаніемъ отъ владѣльца, ихъ брата, имъ даваемымъ, прибѣгнули къ Царю съ просьбою, чтобы онъ его принудилъ каждаго изъ нихъ наградить особымъ удѣломъ, чему, однако же, Князь Дадіанъ не повиновался, хотя Царь и сдѣлалъ положительное удѣловъ назначеніе каждому изъ братьевъ его.

Я любопытствовалъ у Моурава, чѣмъ сіе происшествіе кончилось, и въ какомъ теперь положеніи оное, его отвѣтъ былъ тотъ, что неблагоразуміе Царя все испортило для него самаго; ибо онъ вздумалъ перемѣнить назначеніе удѣловъ, по видимому, для возрожденія ненависти и между трехъ братьевъ, оказаніемъ предпочтенія одному предъ другими, которые, видѣвши таковое неустояиство Царя, обратились съ раскаяніемъ къ владѣльцу Дадіану, согласившись остаться на прежнемъ положеніи.

Царь же, видя таковую неудачу, началъ дѣйствовать съ Дадіаномъ непріятельски, требуя отъ него уступки области Лечгумской, что Дадіанъ, однако же, ему въ томъ отказываетъ, не страшась и угрозъ Царя быть къ тому побужденнымъ силою оружія; ибо имѣетъ онаго самъ достаточно къ отраженію Имеретинцевъ.

Князь Джипаридзе, заключая симъ разговоръ со мною, мнѣ еще объявилъ, что, кромѣ сихъ смутныхъ обстоятельствъ, Царь пребываетъ въ безпокойствѣ отъ невѣдѣнія о предметѣ моего

ѣзда; что всякій разъ о томъ спрашиваетъ у посланнаго отъ
его, размышляя при томъ съ вельможами своими, чтобы не былъ
присланъ отъ Высочайшаго Двора для освобожденія заключён-
ного въ крѣпости Царевича, сына покойнаго Царя Давыда; за-
ключая о семъ по тому, что Царица Анна, его мать, поѣхала въ
оссію, и опасаясь, чтобы освобожденіемъ сего юноши не было
отрясено основаніе сего Царства.

Я Князю Джипаридзе на сіе отвѣчалъ, что доколѣ не буду
имѣть чести вручить Его Высочеству Высочайшей Его Император-
каго Величества грамоты, то я самъ о томъ не вѣдаю.

Еще же мнѣ признался Моуравъ съ трепетомъ, что случив-
шееся въ недавнемъ времени происшествіе съ изгнаннымъ изъ
халцыха Сабудъ-Пашею есть неизгладимое пятно достоинству
ъ Царя.

Съ видомъ незнанія спросилъ я у него, что за происшест-
е? Онъ же мнѣ въ подробности разсказалъ слѣдующее: что ко-
да Сабудъ Паша, будучи изнанъ изъ Ахалцыха похитителемъ до-
оинства своего, Шерифъ Пашею, со спасеными сокровищами свои
и прибѣгнулъ къ Царю для снисканія убѣжища, доколѣ Султанъ,
олучивъ о томъ свѣдѣніе, не пришлетъ повелѣнія сосѣдственнымъ
ъ Ахалцыхомъ Пашамъ, его паки возстановить, то Царь, хотя въ
редѣлы свои его и принялъ дружески, но что послѣ, за нѣ-
колько (12) кисъ денегъ, отъ Шерифъ-Паши предложенныхъ, по
стоянію Царевича Грузинскаго, Александра, обще со Сердаремъ,
иземъ Кайхосро Церетелемъ, и ласкаясь воспользоваться сокрови-
ами Сабудъ-Паши, приказалъ его лишить жизни самымъ варвар-
кимъ образомъ. Получивши о томъ предложеніе отъ Шерифъ-Паши,
положивши въ намѣреніи съ Царевичемъ Алесандромъ произ-
сть оное въ дѣйство, Царь совѣтовалъ Сабудъ-Пашѣ, жившему въ
утаисѣ, столицѣ Имеретинской, переѣхать въ крѣпость Сухава
ъ Рачѣ), подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы онъ, находясь въ отдале-
іи отъ границы Ахалцыхской, могъ быть внѣ опасности отъ
якихъ замысловъ, или покушеній, похитителя его достоинства,
Шерифъ-Паши. Сабудъ-Паша, полагая въ Царѣ всю свою довѣрен-
ость, будучи уже ему обязанъ за дарованное убѣжище, принялъ
ъ благодарностію сіе предложеніе. Пріѣхавъ въ помянутую крѣ-
ость, былъ онъ въ оную принятъ съ почестями и расположился
ъ главной башнѣ двухъэтажной, для него изготовленной, имѣя
ъ свитѣ своей 2 приближенныхъ людей и 5 человѣкъ служите-
ей. Все оружіе, при нихъ бывшее, было положено въ нижній

этажъ, а Паша занялъ верхній. Какъ башня сія нѣкогда состояла изъ 3-хъ ярусовъ, отъ древности обветшала, но къ прибытію Паши нижній и средній были поправлены, а верхній оставленъ въ руинахъ, и былъ назначенъ для произведенія смертоубійства, посредствомъ скважинъ на потолкѣ 2 яруса, нарочно для того оставленныхъ скрытно. Нѣсколько дней спустя, чиновникъ, имѣвшій отъ Царя порученіе учинить злодѣяніе, въ ночное время, тайно взобравшись на верхъ башни, съ нѣсколькими сообщниками, убилъ Пашу черезъ скважины въ потолкѣ изъ 2 ружей, а прочіе ранили 2 чиновниковъ, съ нимъ сидѣвшихъ, которые были дорѣзаны кинжалами.

Исполнивъ такимъ образомъ варварское повелѣніе Царя, исполнители, отрѣзавъ у Паши голову, привезли оную къ Его Высочеству, со всѣми сокровищами, при немъ найденными, которыя полагаютъ суммою не менѣе, какъ на 200 кисъ (100,000 піастровъ).

Въ удостовѣреніе Шерифъ-Паши, Царь отправилъ къ нему голову, за которую онъ къ Его Высочеству прислалъ 12 кисъ, Царевичу Александру 5 кисъ, а Царицѣ образъ съ богатымъ окладомъ, въ подарокъ.

Разсказавъ сіе, Моуравъ изъявилъ свое опасеніе, что, къ несчастію, Царь, будучи въ сіе вовлеченъ извергами, его окружающими, не предвидитъ опасныхъ для себя слѣдствій, отъ того произойти могущихъ, если Порта, коей не можетъ происшествіе сіе не быть извѣстно, рано, или поздно, захочетъ Царю за то отомстить.»

Симъ разговоръ его со мною окончился, и онъ, спустя часа 3, послѣ ко мнѣ прислалъ своего брата съ донесеніемъ, что все къ отъѣзду готово.

Выѣхавъ, Іюля 16, около полудня, изъ Калака, слѣдовали мы съ часъ по берегу Ріона, а потомъ, по показанію Моурава, свернули на лѣво и продолжали путь узенькою и каменистою тропинкою до селенія Куашхіети, на горѣ лежащаго. Достигши онаго часа въ 3 по полудни, по предложенію Моурава, мы въ оном остановились въ прохладномъ мѣстѣ, подъ орѣховыми деревьями, для отдохновенія.

Мнѣ хотѣлось знать о причинѣ, Моурава побудившей, оставя прямую дорогу по берегу Ріона, насъ вести по горамъ и почти непроходимыми мѣстами, и я его о томъ спросилъ. Онъ же мнѣ отвѣчалъ, что рѣка сдѣлала на дорогѣ прорывъ, и что онъ о томъ бывъ предваренъ, насъ сюда повелъ что, однако же, былъ совершенной обманъ, какъ я послѣ усмотрѣлъ.

Крестьяне намъ нанесли хлѣба, молока, орѣховъ и вина, и мы, позавтракавши, отдохнули. Я же заснулъ. Проснувшись, я посмо рѣлъ на часы, и видѣвши, что уже 4 часа, спрашивалъ я, не пора ли намъ ѣхать? Но братъ Моурава, подлѣ меня стоявшій, мнѣ сдѣлалъ предложеніе: что какъ я, можетъ быть, отъ жару и вер овой ѣзды утомился, то не разсужу ли я въ семъ селеніи ночевать?

Поблагодаривъ его за оное, я ему отвѣчалъ, что предпочи аю ѣхать далѣе, чтобы сблизиться съ мѣстомъ пребыванія Ца я. Онъ же мнѣ на сіе сказалъ, что Моуравъ имѣетъ отъ Царя овелѣніе меня оставить въ семъ селеніи до тѣхъ поръ, какъ го Высочеству угодно будетъ меня къ себѣ пригласить.

Видѣвши сію дерзость, всталъ я съ мѣста и, подошедъ къ оураву, ему сказалъ, что если онъ имѣетъ отъ Царя такое повеѣніе, долженъ бы онъ былъ мнѣ еще въ Калакѣ объ оном общить, или же въ ту минуту, какъ мы въ сіе селеніе, Куашъеети, пріѣхали; по поелику онъ намъ далъ время отдохнуть, а ежду тѣмъ ни чего и ни кому не приказывалъ, чтобы облег ить вьючныхъ и верховыхъ лошадей, и ни малѣйшаго вида не по азывалъ до сей минуты, чтобы здѣсь для ночлега намъ распоожиться, то, почитая объявленную имъ мнѣ волю Царскую, хитрою ыдумкою, а, по образу объявленія оной, подозрѣвая въ томъ паки хъ намѣреніе меня влачить изъ мѣста въ мѣсто, и задерживать, акъ плѣнника, а не поступать со мною, какъ съ посланцомъ еликаго Государя, оставаться въ семъ селеніи ни подъ какимъ идомъ не соглашаюсь, предваривъ его при томъ, что, буде бы нъ вздумалъ употребить къ тому какое либо насиліе, то что оное ростираться можетъ токмо до того, чтобъ распустить его ло адей, что я ему съ удовольствіемъ исполнить дозволю, но что, ренебрегши всѣ опасности и покинувъ весь свой экипажъ, навью у самонужнѣйшее на 4 моихъ Казаковъ и 2 людей и слѣдую ѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока не отыщу Царя, примѣтивъ ему при онъ, что онъ не изволилъ мнѣ дать требованныхъ мною вспомоществованій, для отправленія впередъ себя съ извѣстіемъ къ Ца ю о моемъ прибытіи, моего переводчика, сколько я ему о томъ и повторялъ.

Моуравъ, выслушавъ сіе и снявъ Гишпанскую свою шапку, нѣ отвѣчалъ весьма учтиво, что онъ мнѣ ни въ чемъ не попре ятствуетъ, признаваясь при всѣхъ, его окружавшихъ, что ему епостижима медленность Царя его, давно уже извѣщеннаго о оемъ въ предѣлахъ его Царства пребываніи.

Отшедъ отъ него съ поклономъ, я сѣлъ на лошадь, чему послѣдовали всѣ, со мною бывшіе, и Моуравъ со свитою.

Продолжая наше путешествіе кряжемъ небольшихъ горъ, около 8 часовъ вечера мы прибыли въ селеніе духовнаго вѣдомства Бари, и остановились, по показанію Моурава, въ Архіерейскомъ домѣ, на холмѣ стоящемъ, т. е., въ пустомъ сараѣ, въ 4-хъ деревянныхъ стѣнахъ заключавшемся, съ земляным полом и съ нарами, по одной изъ продольныхъ стѣнъ намощенными. Крышка же на оном, какъ и на всѣхъ Имеретинскихъ избахъ, состояла изъ набросанныхъ на брусьяхъ досокъ безъ всякаго укрѣпленія и въ конѣ не смыкающихся, что во время дождя, по неимѣнію въ избахъ потолковъ, причиняетъ несносное безпокойство.

Остановившись въ семъ убѣжищѣ, и пригласивши къ себѣ Князя Джипаридзе на чай, я ему объявилъ, что я непремѣнно хочу отправить моего переводчика къ Царю съ извѣстіемъ о моемъ въ предѣлахъ Его Высочества пребываніи и для испрошенія свиданія, и что если онъ не доставитъ Яковлеву 2-хъ лошадей съ проводникомъ, за которыя я ему предлагаю плату, то что я его отправлю пѣшаго, и ему прикажу, не взирая ни на какія препятствія и опасности, отыскивать мѣстопребываніе Царя.

Онъ же мнѣ на сіе отвѣчалъ, что не лучше ли будетъ ожидаться приглашенія Его Высочества, недалеко отъ Бари пребывающаго въ Хонцкара; но я ему возразилъ, что, ожидая чести сей болѣе 6 дней безуспѣшно, и имѣя Высочайшую Его Императорскаго Величества, Государя Императора моего, грамоту, для вученія Его Высочеству, я не могу тѣмъ долѣе медлить, и рѣшаюсь на все, лишь бы цѣли моей достигнуть.

Моуравъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ наймет лошадей изъ числа тѣхъ, на коихъ мы пріѣхали, и проводникомъ Яковлеву опредѣлитъ своего брата, а при томъ меня просилъ защитить его предъ Царемъ, въ случаѣ негодованія и гнѣва Его Высочества на него за то, что, не дождавшись повелѣнія, онъ способствовалъ къ отправленію отъ меня нарочнаго.

Я свято ему обѣщалъ то исполнить, съ увѣреніемъ, что всякій гнѣва Царя принимаю на себя.

По окончаніи сего разговора Моуравъ отъ меня ушелъ, а я между тѣмъ изготовилъ Яковлеву открытое предписаніе, содержавшее въ себѣ токмо то, что онъ завтрашній день весьма рано отправится до мѣста пребыванія Царя, взявъ съ собою вооруженнаго Казака, а отъ Князя Джипаридзе лошадей и проводника

лучаѣ отказа отъ сего Моурава, чтобы шелъ подъ руко-
омъ Провидѣнія Божія пѣшкомъ; прибывши же къ Царю,
вручилъ Его Высочеству пакетъ отъ Главнокомандующаго
зіи Г. Г. Л. Кнорринга), въ коемъ Его Превосходительство
ъ Царю благой совѣтъ исполнить Высочайшую Государя
тора волю, въ грамотѣ, которую ему вручу, изъясненную,
осилъ бы у Царя назначенія мнѣ пріема.

ризвавъ къ себѣ Князя Джипаридзе, я ему подтвердилъ мою
ость и, показавъ ему написанное, увѣрилъ его, что Яков-
подъ какимъ видомъ онаго не преступитъ. Онъ же мнѣ
я, что все исполнитъ по моему желанію.

ышедъ отъ меня, Моуравъ вызвалъ тихонько за собою Яков-
оторый, черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ возвратясь, мнѣ
о разговорѣ, у него съ Моуравовъ имѣвшемся.

Моуравъ его просилъ найубѣдительнѣйше оправдать его
Царемъ, буде бы Его Высочество вызвался гнѣвно за то, что
ъ нему до полученія повелѣнія отправленъ; а при томъ Моу-
алъ Яковлеву наставленіе о наблюденіи осторожности и
ости съ братомъ его, Княземъ Джипаридзе, при Царѣ на-
емся, увѣдомивъ его съ откровенностію, что сей его братъ
уетъ съ Сердаремъ, Княземъ Кайхосро Церетелемъ, въ замы-
противъ Дадіана, и что главнѣйшею причиною отлагатель-
Царемъ къ моему пріему сдѣланнаго, суть сіи двѣ особы,
асенія, чтобы мой пріѣздъ и свиданіе съ Царемъ не опро-
ли ихъ замысловъ, по тому что уже всѣмъ извѣстно, что вла-
ъ Дадіанъ ищетъ покровительства Высочайшаго Двора Рос-
аго и что, можетъ быть, я стану ходатайствовать у Царя,
ы онъ Дадіана оставилъ въ покоѣ. А что при томъ и то Царя
окоитъ, что не для освобожденія ли заключеннаго Царевича
ибылъ, которой содержится въ крѣпости Мухури весьма дур-
мѣя на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ, оковы.

По полученіи отъ меня сего же вечера секретныхъ настав-
ій, касательно развѣдываній о разныхъ предметахъ и его по-
нія у Царя, въ случаѣ того, что его бы стали тамъ задержи-
ъ для разлученія со мною, Яковлевъ въ слѣдующій день, на
ъ разсвѣтѣ, отправился въ путь съ братомъ Князя Джи-
ридзе.

Іюля 18, рано по утру, прибылъ ко мнѣ Имеретинецъ, ска-
вшійся присланнымъ отъ Царя для наблюденія, чтобы не было
мнѣ ни въ чемъ недостатку. Явившись у меня, онъ мнѣ объявилъ,

что видѣлъ Яковлева въ Хонцкара, гдѣ Царь имѣетъ пребываніе; что Яковлевъ былъ Его Высочеству представленъ и сего дня ко мнѣ непремѣнно возвратится, чего, однако же, я ожидалъ тщетно до самой ночи.

Іюля 19, подъ вечеръ, неожиданно явился у меня братъ Князя Джипаридзе, провожавшій Яковлева, съ донесеніемъ, что Яковлевъ возвращается, и что онъ нарочно впередъ его ко мнѣ прибылъ, для предваренія меня, что, вмѣстѣ съ нимъ, ѣдетъ ко мнѣ вельможа Царскій, Князь Бежанъ Авали-Швили.

Въ слѣдъ за нимъ прибылъ и Яковлевъ, донесшій мнѣ слѣдующее: Когда онъ, 17-го числа, прибылъ въ Хонцкара, то Джипаридзе-проводникъ, оставивъ его въ лѣсочкѣ, не къ дальнему отъ селенія растояніи, отъ него поѣхалъ для докладу яко бы Царю. Часа съ 3 спустя, пока Яковлевъ, сидя въ лѣсу, все дожидался, онъ къ нему возвратился съ извѣстіемъ, что яко бы Царя въ семъ мѣстѣ уже не было, а что Его Высочество изволилъ отъѣхать далѣе, совѣтуя при томъ Яковлеву ѣхать съ нимъ назадъ, чему, однако же, воспротивясь, Яковлевъ ему возразилъ, что онъ за достовѣрное знаетъ о пребываніи тутъ Царя и назадъ не поѣдетъ.

Джипаридзе ему на сіе сказалъ, что, однако же, Царь принять его не желаетъ, и что лучше ѣхать назадъ.

Но Яковлевъ ему напомнилъ, что, имѣя отъ меня письменное приказаніе, онъ никакихъ угрозъ, ни принужденій, не страшится, а долженъ токмо оное исполнить и Царю вручить данный отъ меня пакетъ.

Джипаридзе паки отъ Яковлева ушелъ и, спустя нѣсколько минутъ, возвратился съ донесеніемъ, что онъ докладывалъ Сердарю, Князю Кайхосро Церетелю, о его желаніи, на что Сердарь, отринувъ оное, прислалъ къ намъ человѣка съ запискою, которую чтобы Яковлевъ отвезъ ко мнѣ. Яковлевъ, увидѣвши лоскутъ презамаранной бумаги, который назывался запискою, имъ отвѣчать, что когда они занемогутъ лихорадкою, то, сваривъ оный въ водѣ ее, вмѣсто лѣкарства, бы выкушали, а что онъ никакъ тому не вѣритъ, чтобы Сердарь могъ ко мнѣ отправлять подобные лоскутки.

Джипаридзе опять возвратился съ принесшимъ записку, а черезъ нѣсколько минутъ приносившій оную опять съ Джипаридзе къ Яковлеву, съ донесеніемъ уже, что приказано имъ ему показать убѣжище, въ которое онъ съ нимъ послѣдовалъ.

По прибытіи его въ избу, для убѣжища ему назначенную,

Царь къ нему прислалъ Сердаря, Князя Церетеля, съ учтивымъ привѣтствіемъ и съ назначеніемъ ему пріема въ слѣдующій день, въ вечеру, а по отѣздѣ Сердаря прислано было къ Яковлеву отъ двора Царскаго, хлѣбъ, ягненокъ и вино.

На другой день, Іюля 18-го, часовъ въ 7 вечера, пригласилъ Царь Яковлева къ себѣ. По полученіи отъ него пакета, Царь его посадилъ возлѣ себя, и при изъявленіи участія въ моемъ здоровьи, прашивалъ, давно ли я въ предѣлахъ его Царства нахожусь?

Когда же Яковлевъ Его Высочеству донесъ, что со дня вступленія нашего въ оныя уже протекло 11 дней, и что я, хотя тогда же и намѣревался отправить его, Яковлева, къ Его Высочеству съ извѣщеніемъ о томъ и для испрошенія, когда угодно было бы меня удостоить пріемомъ, для полученія отъ меня Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, но что, со всѣмъ нашимъ общимъ стараніемъ, не имѣли мы къ тому способовъ, будучи при томъ всегда увѣряемы Моуравомъ, что, по его донесенію, Его Высочество уже о моемъ прибытіи извѣщенъ: то Царь извинялся, что нѣкоторыя обстоятельства его понудили отложить на нѣсколько времени со мною видѣться.

Яковлевъ же Его Высочеству донесъ, что я, не имѣя о томъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, считалъ за долгъ сохранить пристойность предварительнымъ извѣщеніемъ Его Высочеству о моемъ прибытіи въ его предѣлы.

Царь съ изъявленіемъ удовольствія и повторяя извиненія, говорилъ Яковлеву, указывая на противостоящую крѣпость Цхывши, что Князья и дворяне Лечхумскіе и многія сей области селенія хотя имъ уже и покорены, но что одна сія крѣпость, весьма укрѣпленная, еще не сдается, которую онъ, однако же, намѣренъ къ тому понудить силою оружія, надѣясь въ томъ имѣть успѣхъ сколько храбростію войска своего, столько и твердостію присяги покоренныхъ имъ частей Лечхума, и все привесть къ желаемому окончанію послѣ завтра.

Послѣ сего Царь, обратясь къ вельможѣ своему, Князю Бежану Авали-Шиили (его воспитавшему, коего Царь всегда называетъ своимъ дядькою), приказалъ ему, вмѣстѣ съ Яковлевымъ, ѣхать ко мнѣ на встрѣчу, а потомъ, по видимому, примѣтивъ, что Яковлевъ лучше изъясняется по Турецки, нежели по Грузински, написалъ записку къ Салтхуцелу (Правителю Царства), Князю Зурабу Церетелю, находившемуся въ своихъ помѣстьяхъ, чтобы онъ оттуда ѣхалъ въ селеніе Сухава (то самое, въ крѣпости котораго убитъ

Сабудъ-Паша Ахалцыхскій), и въ ономъ бы ожидалъ его прибытія.

Отправивъ же записку сію, Царь прочиталъ письмо Г. Генерала Кнорринга, Яковлевымъ отъ меня ему врученное, и съ смущеніемъ сказалъ, что хотя ему еще не извѣстно желаніе Государя Императора, однако же оное по усмотрѣніи изъ Высочайшей грамоты, по возможности исполнить постарается, со мною же вскорѣ увидится въ селеніи Сухава, по совершеніи начатаго предпріятія противъ Дадіана; до тѣхъ же поръ, въ замѣну себя, отправляетъ ко мнѣ того, подъ присмотромъ котораго Его Высочество возрасталъ.

Отпустивъ Яковлева, съ порученіемъ ему много учтивостей ко мнѣ, приказалъ ему завтрашнято дня возвратиться вмѣстѣ съ дядькою.

Поелику же было довольно поздно, какъ Яковлевъ ко мнѣ пріѣхалъ, то я отложилъ пріемъ Князя Авали-Швили до утра, послалъ къ нему Ильина поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ и, пожелавъ пріятнаго отдохновенія, его просить со мною видѣться утромъ.

Іюля 20, часу въ 8 по утру, послалъ я къ сему дядькѣ Ильина съ изъявленіемъ желанія съ нимъ видѣться, предоставивъ на его выборъ, у себя ли меня принять пожелаетъ, или ко мнѣ пожалуетъ.

Онъ исполнилъ послѣднее. Когда онъ приближался къ моему убѣжищу, то, выславъ къ нему на встрѣчу Яковлева, самъ я его встрѣтилъ въ дверяхъ, оказывая ему возможное учтивство.

Въ продолженіи разговоровъ о посторонныхъ предметахъ, онъ меня увѣдомилъ, что Князь Зурабъ Церетель, прибывъ вчерашній день въ Сухава, присылалъ къ нему нарочнаго съ симъ извѣстіемъ и просьбою о доставленіи ему случая со мною видѣться; что онъ намѣренъ къ Князю Церетелю тотчасъ ѣхать и въ вечеру съ нимъ ко мнѣ возвратиться, за что я ему изъявилъ благодарность, говоря, что онъ много труда на себя брать изволитъ, и что я еще могу видѣться съ Княземъ Церетелемъ и тогда, когда, по приглашенію Его Высочества, самъ пріѣду въ Сухава. Но Князь Авалов весьма учтиво отозвался, что, кромѣ исполненія въ томъ воли Царской, онъ за удовольствіе себѣ поставляетъ меня предварять во всемъ, что пріятно мнѣ быть можетъ, присовокупя къ тому, что съ отъѣздомъ своимъ къ Князю Церетелю, онъ отправляетъ нарочнаго къ Царю съ донесеніемъ о свиданіи со мною, по чему я его просилъ повергнуть мое почтеніе предъ Его Высочествомъ.

Въ вечеру, узнавъ о возвращеніи Князя Авалова, пошелъ я къ

ему. Онъ, не давъ мнѣ ни чего сказать, извинялся, что не могъ держать своего обѣщанія и не привезъ Князя Церетеля, который, будучи утомленъ отъ путешествія и ненастнаго времени, принужденъ былъ отложить пріѣздъ ко мнѣ до утра.

Поблагодаривъ его за сіе увѣдомленіе, я ему отвѣтствовалъ, что, сколь ни велико мое желаніе съ Княземъ Церетелемъ познакомиться, но что для меня пріятнѣе то будетъ, когда оное не будетъ сопряжено съ его безпокойствомъ. Побывши у него нѣсколько минутъ, я съ нимъ простился и пошелъ къ себѣ.

Іюля 21 Князь Церетель, прибывши въ Бари, прислалъ ко мнѣ съ увѣдомленіемъ о томъ и съ изъявленіемъ желанія со мною видѣться. Я же послалъ къ нему Капитана Ильина, для поздравленія его съ благополучнымъ пріѣздомъ и для приглашенія къ себѣ на чай.

Свиданіе мое съ симъ вельможею продолжалось болѣе часу въ разговорахъ о посторонннихъ предметахъ и большею частію о Россіи; ибо онъ въ 1783 и 84 годахъ былъ въ С.-Петербургѣ при Высочайшемъ Дворѣ посланцомъ отъ Имеретинскаго Царя Соломона, но между прочимъ я не оставилъ ему примѣтить къ стати, что, находясь уже 13 дней въ предѣлахъ Имеретіи, я не удостоился еще быть принятъ Царемъ, имѣя вручить Его Высочеству Высочайшую Государя Императора грамоту.

Разставаясь со мною, онъ меня предварилъ, что предъ возвращеніемъ сего вечера въ Сухава, онъ непремѣнно со мною увидится, что дѣйствительно онъ исполнилъ, пришедъ предъ захожденіемъ солнца ко мнѣ.

Въ продолженіи моего съ нимъ разговора, я спрашивалъ у Князя Церетеля объ успѣхахъ Его Высочества въ военныхъ дѣйствіяхъ съ Дадіаномъ, и скоро ли, по его мнѣнію, я могу удостоиться узрѣть Царя?

Отвѣтъ его былъ тотъ, что если мнѣ не будетъ противно, то онъ Царю предложитъ, не ожидая окончанія предпринятаго, меня принять на походѣ, въ селеніи Хонцкара, гдѣ Его Высочество теперь находится.

Я сказалъ ему на сіе, что, напротивъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ пріятнѣе для меня будетъ, присокупивъ, что я съ самаго моего въ предѣлы Имеретіи прибытія, прилагалъ стараніе, дабы какъ найскорѣе Его Высочеству поднесть Высочайшую Его Императорскаго Величества грамоту, у меня имѣющуюся, и что для того я

первымъ счелъ долгомъ отправить къ Царю съ тѣмъ извѣщеніемъ Яковлева.

Князь Церетель, намятуя то время, когда онъ былъ у Высочайшаго Двора Россійскаго, и какимъ образомъ пріемъ у онаго ему былъ сдѣланъ, оказывалъ мнѣ негодованіе на своего Царя, за его отлагательство, отзывавшись, что непростительно ему такое неблагоразуміе, тѣмъ паче, что онъ за особое счастіе считать бы долженъ, что въ первый еще разъ къ нему лично обращается Государь Императоръ Всероссійскій; а что онъ, напротивъ, столь мало готовности оказываетъ меня видѣть, и отъ меня принять Высочайшую грамоту.

Хотя я въ бытность мою въ Георгіевскѣ отъ Главнокомандующаго и слышалъ о семъ Князѣ Церетелѣ много хорошаго и о томъ, что онъ кажется быть весьма усердно расположеннымъ къ Россіи, однако же таковой его отзывъ о Царѣ мнѣ казался не совсѣмъ искрененъ, и я его принялъ за комплиментъ Азіятскій, располагая въ послѣдствіи его испытать.

Потомъ спрашивалъ меня Князь Церетель, гдѣ находится Царица Имеретинская, Анна, и не въ Петербургѣ ли она? Я же ему отвѣчалъ, что она тамъ. На вопросъ же его: удостоена ли она пріема отъ Государя Императора, я ему говорилъ, что она принята весьма милостиво Его Императорскимъ Величествомъ и всѣмъ Императорскимъ Домомъ.

Князь Церетель, со мною прощаясь, обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ самъ съ отвѣтомъ, который онъ получитъ отъ Царя на помянутое предложеніе о пріемѣ меня въ Хонцкара.

Въ сей день, подъ вечеръ, прибылъ въ Бари нарочный отъ Царя къ Моураву Князю Джинаридзе съ повелѣніемъ, чтобы онъ въ областяхъ и селеніяхъ, ему ввѣренныхъ въ Рачѣ, собиралъ войско и оное бы отправлялъ къ Царю.

Іюля 22, около вечера, пошелъ я навѣстить Князя Авалова, который мнѣ сообщилъ, что Его Высочество въ отвѣтѣ своемъ къ Князю Церетелю пишетъ, чтобы онъ его извинилъ предо мною въ медленности моего къ себѣ призыва, и чтобы изготовилъ мнѣ все потребное для путешествія моего до мѣста его пребыванія, желая видѣться со мною въ четвертокъ, 24 числа, хотя Его Высочество и стыдится меня принять на походѣ. Сей же Князь дядька прибавилъ, что Его Высочество можетъ быть и самъ изволитъ меня встрѣтить недалеко отъ Бари, если обстоятельства ему позволятъ изъ Хонцкара отлучиться.

Іюля 23, довольно рано по утру, пріѣхалъ опять Князь Церетели ко мнѣ въ Бари съ подтвержденіемъ сообщеннаго мнѣ на канунѣ отъ Князя Авалова, съ тѣмъ, чтобы на другой день отправиться изъ Бари въ предназначенный походъ.

Іюля 24, въ 6 часовъ утра, на силу мы вырвались изъ Бари. Перешедъ нѣсколько горъ и дефилей, добрались мы до лѣваго берега Ріона, близъ коего, поднявшись на гору, мы остановились, для отдохновенія, въ селеніи Хывши, Князю Цулукидзеву принадлежащемъ.

Расположившись на лужку, подъ тѣнью деревъ, пока мы занимались разсматриваніемъ мѣстоположенія, прибылъ къ намъ соборный Архимандритъ Николай съ причтомъ своимъ, нарочно изъ Кутаиса пріѣхавшій посмотрѣть на Россіянъ, которыхъ онъ никогда не видывалъ. Съ нимъ же находился одинъ купецъ, Тифлисскій уроженецъ, Георгій, бѣжавшій, какъ я послѣ провѣдалъ, изъ Грузіи за Царевичемъ Юлономъ, и который, живучи въ Кутаисѣ, промышлялъ книгопечатаніемъ.

На семъ лугу мы обѣдали по обряду Имеретинскому, на коврахъ и буркахъ, а послѣ обѣда всѣ заснули, исключая Яковлева, который, отошедши съ симъ купцомъ, съ нимъ занимался разговоромъ. Купецъ, между прочимъ, отзывался, что Его Имеретинское Высочество весьма сумазбродствуетъ военными своими подвигами съ Дадіаномъ, болѣе разоренія причиняющими собственнымъ его подданнымъ, по тому что необразованное войско Царское вездѣ, гдѣ проходитъ, грабитъ себѣ продовольствіе, а равнымъ образомъ и содержаніемъ при себѣ Царевичей Грузинскихъ на счетъ подданныхъ своихъ, посылая къ каждому по очереди Есауловъ съ бератами, для взиманія жизненныхъ припасовъ для ихъ трутней, окруженныхъ свитою, до 200 человѣкъ простирающеюся. Что не токмо Домъ Царской отъ того въ раздорѣ, но что и народъ вообще весьма на Царя за то негодуетъ. Что, кромѣ еще сего, есть много другихъ причинъ, возбуждающихъ на Царя народный ропотъ, о которыхъ онъ и упоминать опасается.

Таковое его заключеніе возбудило во мнѣ величайшее любопытство къ простраѣйшимъ распознаніямъ внутреннихъ въ Имеретіи обстоятельствъ, по чему я и поручилъ Яковлеву не выпущать изъ виду сего человѣка и его ласкать.

Пробудившись часу во второмъ по полудни, и видѣвши Князя Церетеля также встающаго, я у него спрашивалъ, будемъ ли мы продолжать наше путешествіе? Онъ оказалъ къ тому свою готов-

ность. И такъ мы, сѣвши на лошадей, спустились съ крутой горы къ мосту, черезъ рѣку Ріонъ ведущему, къ Хидискари (мостовая застава) именуемому. Ріонъ въ семъ мѣстѣ течетъ быстро между 2-хъ ужасныхъ утесовъ каменныхъ, въ которыхъ высѣчены, по обѣимъ концамъ моста, карауольни съ заставами. Мостъ же состоитъ изъ 2 толстыхъ перекладинъ съ одного берега на другой, на которыхъ дурнымъ мастерствомъ накиданы доски.

Продолжая путешествіе наше долинами, горами и рощами по правому берегу рѣки, переправившись черезъ сей мостъ, въ 7 часовъ вечера мы прибыли въ Хонцкара, на довольно высокой горѣ лежащее селеніе. Подъ горою Князья Церетели и Аваловъ, простившись со мною, поѣхали къ Царю, а Моуравъ Князь Джипаридзе остался со мною, для провожанія меня въ назначенное мнѣ убѣжище, состоявшее на вершинѣ горы, насупротивъ таковой же, на коемъ находилась башня, въ которой Царь жительствовалъ и на насъ изъ оной смотрѣль, когда мы на гору подымались.

Стало уже весьма смеркаться, и мы уже расположились на отдохновеніе, какъ пріѣхалъ ко мнѣ Князь Аваловъ съ поздравленіемъ отъ Царя съ благополучнымъ меня пріѣздомъ, съ предвареніемъ, что Его Высочество непремѣнно меня пригласитъ къ себѣ завтрашняго утра, и съ просьбою, чтобы я забылъ все прошедшее.

Я отвѣчалъ Князю сему, что для меня будетъ предѣлъ счастія, когда удостоюсь узрѣть Царя, и что съ онымъ исчезнетъ изъ моей памяти все, что ему угодно.

Князь Джипаридзе расположился подлѣ моей избы, въ сѣномъ шалашѣ, а я приказалъ Яковлеву, будто нечаянно, съ нимъ завести какой ни будь разговоръ, для извлеченія отъ него какихъ ни будь еще свѣдѣній о внутреннихъ Имеретіи обстоятельствахъ.

Пошедши къ нему, онъ то исполнилъ, и мнѣ послѣ донесъ въ подробности о содержаніи разговора у него съ КняземъДжипаридзе имѣвшагося, какъ слѣдуетъ: что не только Царю, но и многимъ его вельможамъ извѣстенъ уже предметъ моего въ Имеретію пріѣзда. Что Царь, коль скоро извѣстился о моемъ вступленіи въ его предѣлы, то въ ту же минуту отправилъ тайно въ Мездокъ и въ Грузію лазутчиковъ для развѣдыванія, и что 16 дневное отлагательство моего пріема дѣлалось, сколько въ ожиданіи извѣстій отъ лазутчиковъ, столько и для того, что Царь вознамѣрился прибытіе мое употребить въ свою пользу хитрымъ обманомъ Князя Дадіана, посылавъ къ нему Килнткартхуцела, Князя Нижарадзе.

съ предложеніемъ, чтобы онъ безъ кровопролитія ему уступилъ крѣпость Цхывши, а съ оною и область Лечгумскую, и съ обѣщаніемъ, во взаимство того, сдѣлать ему всякое вознагражденіе по его желанію; въ противномъ же случаѣ его стращалъ войсками Россійскими, которые вспомоществовать ему яко бы будутъ, коль скоро онъ таковыхъ потребуетъ отъ Россійскаго посланца, къ нему ѣдущаго, что Дадіанъ, однако же, отвергнулъ, и что, по сей причинѣ, ему, Моураву, прислано было отъ Царя повелѣніе о собираніи войска.

Что Царь весьма не навидитъ Россіянъ, но ихъ страшится, и что, по тому, находится въ крайнемъ безпокойствѣ о содержаніи Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, у меня для врученія ему имѣющейся.»

Что Царь, давая убѣжище въ предѣлахъ своихъ убѣжавшимъ изъ Грузіи 3 Царевичамъ: Юлону, Александру и Парнаозу, къ отягощенію подданныхъ своихъ имѣетъ въ предметѣ, при удобномъ случаѣ и способахъ, возвесть старшаго изъ нихъ, Юлона, паки на царство Грузинское, дабы тѣмъ содѣлать себѣ союзника и помощника во многихъ своихъ замыслахъ.

Что хотя слухи и разсѣяны о побѣгѣ Царевича Александра въ Персію подъ предлогомъ, яко бы его неудовольствіи на Царя, но что оныя распущены съ намѣреніемъ, дабы маскировать замыслы ихъ общіе; но что сей Царевичь отправленъ отъ самого Царя съ грамотою къ Баба-Хану, въ Персіи властвующему, въ коей Царь Шаха сего возбуждалъ къ подъятію оружія противъ войскъ Россійскихъ въ Грузіи, для возстановленія Царства сего въ потомкахъ покойнаго Царя Ираклія.

Что чинимыя въ народѣ разоренія, какъ нынѣ собираемымъ войскамъ противъ Дадіана, такъ и взиманіемъ по очереди съ селеній во всемъ Царствѣ разныхъ припасовъ для Царевичей и ихъ многолюдной свиты, возбуждаютъ въ ономъ всеобщій ропотъ, до того, что многіе поселяне, оставляя хижины свои, удаляются въ Грузію и въ Турецкія области снискивать въ оныхъ себѣ пропитаніе способомъ найма въ работу. Что недовольные распространяютъ внушенія, что Царь незаконно царствуетъ; ибо отецъ его, Арчилъ, племянникъ Царя Соломона 1 и братъ Давыда, лишеннаго Царства, не токмо не царствовалъ, но и окончилъ жизнь свою не яко Христіанинъ, но какъ извергъ рода человѣческаго, бывъ проклятъ братомъ своимъ, Имеретинскимъ Католикосомъ, за безпутство и беззаконія еще при жизни своей, а по кончинѣ

линенъ погребенія, и что по тому Царство принадлежитъ сыну покойнаго Царя Давыда, Царевичу Константину, варварски содержимому и оковами отягощенному.

Іюля 25, въ 8 часу по утру, пріѣхалъ ко мнѣ Князь Бежанъ Аваловъ, для приглашенія меня къ Царю, и я въ ту же минуту поѣхалъ. Поднявшись на холмъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ башни, слѣзли мы съ лошадей и былъ я встрѣченъ Салтхуцесомъ Княземъ Зурабомъ Церетелемъ, который насъ привелъ въ палатку, гдѣ Царь находился и меня ожидалъ.

При входѣ моемъ въ оный, Царь всталъ съ дивана и меня встрѣтилъ почти у самаго входа.

Сдѣлавши ему низкій поклонъ, я его Высочеству говорилъ: «Что Его Императорское Величество, мой Всемилостивѣйшій Государь Императоръ Всероссійскій, отправилъ со мною Высочайшую свою дружескую и благоволительную грамоту къ Его Высочеству, поручить мнѣ изволилъ пожелать отъ лица своего свѣтлѣйшей особѣ Его Высочества благополучнаго царствованія и наслажденія вожделѣннымъ здравіемъ всему Царскому дому Его (что Яковлевъ переводилъ по Турецки Князю Зурабу Церетели, сей по Грузински изъяснялъ Царю; такимъ образомъ я и всегда въ послѣдствіи съ Царемъ и съ его вельможами изъяснялся).

Послѣ сего вручилъ я Его Высочеству Высочайшую Государя Императора грамоту и часы, бриллiантами осыпанные, отъ имени Его Императорскаго Величества, сказавъ, что Государь Императоръ Его Высочество проситъ оные принять въ знакъ своего благоволенія.

Царь, принявъ отъ меня то и другое, и садясь на диванъ, указывалъ мнѣ мѣсто подлѣ себя, на которое я и сѣлъ.

Царь занялся разговоромъ со мною о трудностяхъ, которыя я долженъ былъ перенесть въ путешествіи чрезъ Снѣговыя горы, и извинялся, что нѣкоторыя обстоятельства ему воспрепятствовали со мною видѣться прежде.

Я же Его Высочество благодарилъ за всѣ попеченія, мнѣ оказанныя начальствующими въ тѣхъ мѣстахъ, которыми я проѣжалъ, заключивъ тѣмъ, что удостоившись узрѣть его Свѣтлѣйшую особу, я всѣ мои мысли на оную обращаю.

Спустя нѣсколько минутъ и воспользовавшись его молчаніемъ я всталъ съ дивана и Его Высочеству говорилъ:

«Что Его Императорское Величество, пребывая въ несомнѣнномъ увѣреніи о дружбѣ и всегдашней къ себѣ благонамѣренно-

сти Его Высочества, и по единовѣрію, издавна существующихъ, надѣяться изволитъ, что Его Высочество не отречется исполнить желанія Государя Императора, въ Высочайшей грамотѣ изъявленнаго.»

Его Высочество, со мною прощаясь, мнѣ токмо сказалъ, что онъ изволитъ заняться чтеніемъ грамоты.

Съ самой минуты моего къ Царю вступленія и при полученіи отъ меня грамоты, Его Высочество не могъ скрыть своего смущенія, безпрестанно краснѣлъ, и весь его со мною разговоръ примѣтнымъ образомъ былъ несвязенъ. Наконецъ, сидѣвши подлѣ Царя и видѣвши его теряющаго contenance, сказавъ ему вышеписанное, при прощаніи я Царю сказалъ, что, не осмѣливаясь его обременять теперь моимъ присутствіемъ, я Его Высочество прошу всепокорнѣйше мнѣ дозволить къ себѣ являться съ почтеніемъ въ тѣ часы, когда Его Высочество не будетъ обремененъ дѣлами. Царь мнѣ на сіе отвѣчалъ, что всякая минута со мною ему будетъ пріятна.

Аудіенцъ-залъ, въ которомъ Царь меня принималъ, состоялъ изъ шалаша, сажени въ 3 діаметръ имѣвшаго, со всѣхъ сторонъ открытаго, а задомъ прислоненнаго къ забору, отъ башни идущаго и кукурузными листьями крытаго. Посреди онаго сдѣланъ былъ на небольшихъ бревешкахъ помостъ изъ нѣсколькихъ досокъ, покрытый шелковымъ ковромъ, что служило вмѣсто дивана.

Одежда Его Высочества была весьма простая. На головѣ Грузинская большая шапка. Кафтанъ Грузинскій зеленаго цвѣта суконный, обложенный узенькимъ золотымъ галуномъ и подкафтанье ситцовое, красные суконные Турецкіе шаровары, и родъ Арабскихъ сапожковъ красныхъ сафьянныхъ. На шелковомъ поясѣ привѣшанъ у него обыкновенно кинжалъ въ золотѣ оправленный. Окруженъ же Его Высочество былъ внутри шалаша всѣми Паредворцами, а извнѣ множествомъ народа. Когда я сѣлъ съ Царемъ на диванъ, то принесенъ былъ чай, коимъ насъ подчивали

Около 3 часовъ сидѣлъ я на лугу, подъ тѣнію орѣховаго дерева, близъ избы моей, ко мнѣ подошелъ Имеретинецъ, пожелавшій мнѣ здоровья, у коего я спросилъ откуда и кто онъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что изъ Царскаго воинства, облегающаго крѣпость Цхывши, въ верстахъ въ 6 въ виду у насъ находившейся.

На вопросъ же мой о успѣхахъ ихъ блокады, онъ мнѣ сказалъ, что крѣпость непремѣнно должна будетъ сдаться, по тому

что комендантъ оной Келовалъ, будучи преклоненъ къ Царю, при
слалъ къ нему довѣреннаго человѣка съ 20-ю другими съ ключа
ми оной; что, однако же, было ложно.

Между тѣмъ чрезъ цѣлый день занимался я размышленіем
о дѣйствіи, каковое бы надъ Царемъ произвела Высочайшая гр
мота, мною ему врученная, и о способѣ, какимъ бы я могъ о том
узнать.

Князь Джипаридзе, если бъ что ни будь узналъ, конечно б
мнѣ сказалъ, но онъ съ утра дежурилъ у шалаша Царскаго и
кучѣ Царедворцевъ.

Много я положилъ надежды на Князя Церетеля, но как
его было залучить, чтобы Царь того не зналъ!

По счастію, однако же, случай мнѣ въ томъ поблагопріятст
валъ. К. Церетель ко мнѣ прислалъ съ человѣкомъ своимъ дын
которую я принявъ, ему поручилъ сказать своему господину, ч
весьма бы желалъ съ нимъ повидаться.

Спустя съ полчаса К. Церетель ко мнѣ пріѣхалъ. Въ нача
я обратилъ разговоръ на счетъ благосклоннаго Его Высочество
меня пріема, потомъ мало по малу и на предметъ моего въ Им
ретію пріѣзда; что, какъ, по моему мнѣнію, содержаніе Высоч
шей Его Императорскаго Величества грамоты, Царю мною в
ченной, не можетъ не быть ему извѣстно, то что я ни мало
сомнѣваюсь, чтобы Его Высочество не пожелалъ въ точнос
исполнить Высочайшей Государя Императора воли, въ оной и
явленной, для собственной своей пользы; полагаю, однако же, ти
дую надежду въ немъ, К. Церетелѣ, что онъ потщится Цар
истолковать всѣ выгоды, отъ того произойти могущія, а въ с
чаѣ нерѣшимости Царя, по вліянію, которое онъ, Князь, надъ о
бою Его Высочества имѣть будетъ, стараться его къ тому нак
нять.

Князь Церетель мнѣ на сіе отвѣчалъ, что Царь, прочет
грамоту, далъ ее читать ему и племяннику его, Сердарю, Кн
Кайхосро Церетелю, а болѣе никому оной не сообщалъ, а пот
ее спряталъ, не показавъ ни малѣйшаго вида, изъ котораго бы
заключить можно было о образѣ его мыслей по сему предмету.

Что онъ съ своей стороны, питая въ душѣ преданность к
Россіи, прилагать будетъ всевозможное стараніе къ убѣжденію
Царя, чтобы онъ исполнилъ желаніе Государя Императора, и во
тому еще, что съ благополучіемъ Царевича Константина со-

ражено и благоденствіе всего дома Церетелевъ, по родству ona-го съ Царевичемъ.

Что, однако же, онъ меня предупреждаетъ въ своемъ сомнѣ-іи, чтобы Царь добровольно согласился Царевичу даровать сво-боду, а еще менѣе отпустить его въ Россію, по тому что Царю не безъизвѣстно единодушное подданныхъ своихъ желаніе Царе-ича видѣть на свободѣ, и что неоднократное употреблялъ у Его Высочества ходатайство по сему предмету, въ томъ видѣ, что акъ Царевичъ Константинъ единственный законный наслѣдникъ Царства, то что гораздо Царю приличнѣе, вмѣсто заточенія, его ержать при своемъ лицѣ, дабы онъ съ юныхъ лѣтъ привыкалъ осить на себѣ достоинство, ему принадлежащее, на что Царь сегда отвѣчалъ, что лучше согласится умереть, нежели Царевича свободить, опасаясь, чтобы, по мѣрѣ вступленія его въ зрѣлыя ѣта, не покусился онъ содѣлать съ Царемъ того же, что ретерпѣлъ покойный отецъ Царевича, Царь Давыдъ. Да и что Царь никогда себѣ вообразить не могъ, чтобы въ юношѣ семъ оссійскій Императоръ могъ принимать Всемилостивѣйшее участіе.

Князь Церетель, поѣхавъ отъ меня, просилъ дозволенія по-накомить со мною племянника своего, Князя Кайхосро Церстеля нѣкоторыхъ приближенныхъ къ Царю вельможъ, что я при-ялъ съ благодарностію и просилъ на завтра то исполнить.

Въ вечеру, довольно уже поздно, дядька, Князь Аваловъ, при-ѣдъ ко мнѣ, сказалъ, что, по повелѣнію Царя, онъ долженъ аходиться при мнѣ безотлучно, для наблюденія, чтобы не бы-о мнѣ ни въ чемъ недостатка, и чтобы меня не безпокоилъ ша-ающійся народъ своимъ любопытствомъ.

Хотя я и понималъ, что наблюденія его долженствовали про-тираться на то, чтобы имѣть за мною присмотръ, и чтобы не опускать до меня тѣхъ, которые бы мнѣ могли подать какія ни удь свѣдѣнія, однако же я Князя сего вѣжливѣйше просилъ инести мою благодарность Его Высочеству за милостивое обо нѣ попеченіе.

И такъ, приставленный ко мнѣ одноокой Аргосъ (ибо онъ ривой на правый глазъ) расположился въ соломенномъ шалашѣ, а гумнѣ, подлѣ самой избы моей, а Князя Джипаридзе велѣно ыло отъ меня удалить, такъ что я болѣе его уже не видалъ, а звѣстно мнѣ было, что его отправили чрезъ нѣсколько дней азадъ.

Кромѣ сего главнаго Пристава, опредѣлили ко мнѣ, по по-

велѣнію Царя, 2 дворянъ для услуги, которые должны были пещись о доставленіи мнѣ ежедневно барана, куръ, хлѣба и вина.

Надзоръ надо мною до того былъ строгъ, что и Князя Церетеля съ сего дня никогда Царь ко мнѣ не отпускалъ одного, а всегда были съ нимъ 2 вельможи, изъ числа коихъ безотлучно находился въ моихъ съ вельможами свиданіяхъ кривой дядька Царскій, что однако же, мнѣ мало препятствовало въ моихъ операціяхъ для залученія къ себѣ людей, коихъ тайно видѣть я хотѣлъ, какъ изъ послѣдствія видно будетъ.

Іюля 26, около полудня, пріѣхалъ ко мнѣ Князь Церетель съ вельможами, Князьями Сердаремъ Кайхосро Церетелемъ, Зурабомъ Мачабеломъ, никакого отличнаго званія не носящимъ, но великою довѣренностію Царя пользующимся, и Ростомомъ Нижарадзе, Калаптартхуцеломъ Царскимъ, т. е., имѣющимъ смотрѣніе за гардеробомъ, кухнею и столомъ, а такъ же и должность виночерпія исполняющимъ. Онъ всегда намъ подавалъ чай и кофе, когда я бывалъ у Царя, а съ ними кривой дядька Авалова.

Визитъ ихъ у меня продолжался около получаса, и разговоръ не заключалъ въ себѣ ни чего важнаго, кромѣ того только, что, по видимому, они были подосланы ко мнѣ отъ Царя для узнанія о Царицѣ Аннѣ, ибо они любопытствовали о ея пребываніи при Высочайшемъ Дворѣ Россійскомъ, и образѣ, коимъ она въ С.-Петербургѣ принята, по чему я не упустилъ имъ о томъ дать понятіе самое выгоднѣйшее для Царицы, говоривъ имъ, что она Всемилостивѣйше принята Его Императорскимъ Величествомъ и всѣмъ Императорскимъ Домомъ, и что пользуется Высочайшими Ихъ Величествъ милостями.

Когда сіи вельможи отъ меня поѣхали, то Князь Церетель мнѣ сказалъ отъ имени Царя, что Его Высочеству всегда приятно будетъ меня видѣть у себя, когда я того пожелаю, я же его просилъ Царю изъявить мою нижайшую благодарность, съ приложеніемъ, что всякій разъ не престану его, Князя Церетеля, и дядьку, Князя Авалова, предварять о таковомъ моемъ желаніи, для испрошенія мнѣ дозволенія у Его Высочества свободнаго часа, въ который бы я не былъ ему въ тягость, и что я всегда готовъ и на востребованіе Его Высочества, когда приглашеніемъ къ себѣ Царю почтить меня угодно будетъ.

А того же вечера, часу въ 5, послалъ я къ Аргусу своего его просить, чтобы онъ, когда пойдетъ къ Царю, испросилъ у Его Высочества мнѣ свиданіе на завтрашній день, но Царь не

ъ томъ предварилъ, приславъ ко мнѣ въ ту же минуту съ при-лашеніемъ къ себѣ.

Разговоръ Царя со мною сначала касался до предметовъ осторонних. Онъ спрашивалъ у меня, давно ли я въ отлучкѣ изъ -Петербурга, любопытствовалъ о учрежденіяхъ въ Россіи почтъ.

Но потомъ, какъ окружавшіе его Царедворцы, по сдѣланно-у имъ знаку, всѣ удалились, а остались съ нами только Князь еретель, дядька Князь Аваловъ, Мачабелъ, Сердаръ Князь Кай-осро Церетель и Князь Нижарадзе, то Его Высочество далъ раз-овору оборотъ весьма неделикатный. По нѣкоторомъ молчаніи, арь изъявилъ мнѣ свое сомнѣніе въ томъ, что, по его мнѣнію, еревод на Грузинскомъ языкѣ Высочайшей грамоты, мною ему ученной, не сходствуетъ съ Россійскимъ оригиналомъ. Я же, малѣйшаго вида сомнѣнія, или удивленія, не оказывая, Царю твѣчалъ, что въ содержаніи или смыслѣ словъ перевода съ ори-иналомъ ни малѣйшей разности быть не можетъ, но что если ы то и могло быть, то, что я словесно Его Высочеству могу овторить о содержаніи Высочайшей грамоты; ибо мнѣ оное не жетъ не быть извѣстно, по тому что я имѣю и копію оной; о, впрочемъ, ежели Его Высочество изволитъ еще въ томъ со-нѣваться, то можно тотъ же часъ свѣрить, отдавъ Яковлеву ори-инальную, а переводъ Князю Церетелю, который изрядно пони-етъ по Русски. Царь по моему предложенію исполнилъ. Пере-одъ такимъ образомъ, при глазахъ Его Высочества, свѣренъ, и ходство обоихъ подтверждено. Царь покраснѣлъ и въ великомъ мѣшательствѣ сказалъ, что, по его мнѣнію, оригиналъ долженъ ыть краснорѣчивѣе. Я же отвѣчалъ, что то быть можетъ, но что акъ бы переводъ не складенъ ни былъ, однако же что настоя-аго въ оном смысла оригинала конечно не потеряно.

По нѣкоторомъ молчаніи, Царь обратилъ разговоръ на пред-ты политическіе, и меня вопросилъ: Какою дорогою Фран-зскія войска въ 1798 году пробрались въ Египетъ? Сухимъ ли темъ, или моремъ?

(Какъ вообще Азіятцы ни малѣйшаго въ наукахъ понятія не мѣютъ, то хотя вопросъ сей и можетъ показаться нелѣпымъ, знако же оный клонился къ распространенію любопытства Его ысочества на довольно важный предметъ, а именно на тотъ, обы пріобрѣсть вѣрныя свѣдѣнія о союзѣ Государя Императо-а съ Портою Оттоманскою, какъ изъ продолженія явствуетъ).

Я также просто Царю отвѣчалъ, что Французы до Египта

добрались моремъ, и истолковалъ путь, которымъ флотъ ихъ туда шелъ.

Царь же съ насмѣшкою на сіе сказалъ, что если бы Туркамъ не вспомоществовали тогда силами Англичане, а въ послѣдствіи Россіяне, то во что бы Французы напослѣдокъ могли превратить бездѣйственное Величество Султана? Я отвѣчалъ Царю съ усмѣшкою однимъ: «Конечно!»

Потомъ любопытствовалъ Его Высочество, есть ли еще нынѣ вспомогательныя Россійскія войска въ Царьградѣ, и Государь Императоръ въ тѣхъ ли еще дружественныхъ съ Портою сношеніяхъ, въ каковыхъ съ оною былъ блаженныя памяти родитель Его Величества?

Я во отвѣтъ на сіе донесъ Царю, что, кромѣ 2 военныхъ фрегатовъ, въ Царьградѣ иныхъ войскъ никакихъ нѣтъ, а что принадлежитъ до союза Его Императорскаго Величества съ Портою, то что оный ни малѣйшаго ослабленія ни потерпѣлъ.

Царь за симъ меня вопросилъ: Не имѣетъ ли которое либо изъ прочихъ Европейскихъ Державъ непріязненныхъ видовъ, или дѣйствій, противъ Турокъ, присовокупивъ къ тому съ удивленіемъ, какъ можетъ столь долго существовать союзъ Россіи съ невѣрными!

Его Высочеству отвѣтствовалъ, что всѣ прочія Европейскія Державы, по уваженію союза Россіи съ Портою, равнымъ образомъ съ оною въ дружествѣ пребываютъ; а что Османы, хотя и слывутъ Невѣрными, но, поелику они твердо наблюдаютъ силу трактата, съ Россіею ими заключеннаго, и никакихъ предосудительныхъ подвиговъ противъ Имперіи Россійской не предпринимаютъ, то что, во взаимство того, и Россія равнымъ образомъ обязанности свои по силѣ трактата хранитъ свято.

Царь на сіе мнѣ сказалъ, что пора бы Европу освободить; однако же, отъ сихъ басурмановъ, слѣдовъ варварства коихъ Имеретія до сихъ поръ еще не можетъ изгладить.

Мой же на сіе отвѣтъ состоялъ въ томъ, что въ благодѣтельствіи, коимъ Имеретія наслаждается съ того времени, когда вѣковое Царству сему даровано Великою Екатериною, Императрицею Всероссійскою, и коимъ впередъ оное наслаждаться можетъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ благополучно царствующаго Государя Императора, не токмо давно можно было изгладить и слѣды, но что и можно надѣяться и видѣть Царство Имеретіи

кое въ цвѣтущемъ состояніи, по мудрому управленію онаго Его ысочества.

(Читателю можетъ показаться сей разговоръ мой съ Цаемъ и чуднымъ, но я съ мыслями отвѣты мои такимъ образомъ аспологалъ; ибо мнѣ нѣкоторымъ образомъ извѣстно было, что арь мыслями безпокоился, чтобы какимъ ни будь образомъ Пора, посредствомъ Россіи, съ Имеретіею сближавшейся присоединіемъ Грузіи, не стала требовать возмездія за убіенія Царемъ халцыхскаго Сабудъ-Паши, то я и хотѣлъ случай сей употреить въ пользу, чтобы внушеніемъ Царю о неразрывномъ союзѣ оссіи съ Портою въ немъ не угасить внутренняго его неспоойствія, съ тою надеждою, что, можетъ быть, онъ тѣмъ скорѣе ѣщится на исполненіе Высочайшей Государя Императора воли; днако же, какъ видно изъ послѣдствія, сіе ни что не помогло; бо вліяніе Грузіи и оплошность тамошняго начальства возымѣ гораздо болѣе надъ Царемъ дѣйствія.)

Поелику стало уже смеркаться, то, пожелавъ Его Высочеству успокоенія, я съ нимъ разстался.

Іюля 27, около вечера, видѣли мы много конныхъ и пѣихъ, подымавшихся изъ за лѣсу на холмъ къ шалашу Царскому. ыли то аманаты, присланные къ Царю изъ селеній Лечгумихъ, около крѣпости Цхывши лежащихъ, Его Высочествомъ поренныхъ.

Того же вечера меня посѣтилъ Князь Церетель съ вельмоею Княземъ Цулукидзе. При семъ постороннемъ человѣкѣ я ни-ъ не могъ съ Церетелемъ поговорить о чемъ бы надобно мнѣ ало; онъ, однако же, самъ ко мнѣ пріѣхалъ не безъ намѣренія; о, возвращаясь отъ меня и будучи по двору провожаемъ Яковымъ, онъ ему, для донесенія мнѣ, сказалъ, что вчерашній веръ, послѣ свиданія со мною, Царь, находясь съ нимъ и съ дькою, Княземъ Аваловымъ, и занимавшись перечитываніемъ Вы чайшей грамоты, вызвался къ нимъ о нерѣшимости своей, дать свободу заключенному Царевичу, и отпустить ли его со мною, и нѣтъ? Что дядька ему на то отвѣчалъ, что весьма будетъ неагоразумно, если Его Высочество упуститъ столь благопріятый случай заслужить Высочайшее покровительство, Государемъ мператоромъ въ грамотѣ ему и всему Царству обѣщанное, приокупивъ къ тому, что лучше бы Его Высочество сперва взялъ торожности, чтобы Царица Анна, мать сего Царевича, не уѣзала въ Россію и Государя бы не могла утруждать о сынѣ

своемъ; а что, поелику уже Его Императорское Величество Всемилостивѣйшее беретъ участіе въ семъ юношѣ, то весьма неприлично будетъ Царю того не исполнить. А что Царь промолчалъ, спряталъ грамоту и болѣе ничего по сему предмету не говорилъ. Сказавъ сіе, Князь Церетель просилъ Яковлева мнѣ сдѣлать предложеніе, чтобы я созвалъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ приближеннѣйшихъ къ Царю вельможъ, для убѣжденія ихъ къ наклоненію Царя на рѣшимость.

А между тѣмъ достигали до меня слухи, что нѣкоторые изъ Царедворцевъ, Царю приверженные, провѣдавшіе о предметѣ моего въ Имеретію пріѣзда, на то весьма вознегодавали, и, отзываясь неистово на счетъ Царицы Анны, матери заключеннаго Царевича Константина, говорили, что «лучше у себя юношу сего искрошить, нежели отпустить въ Россію, чтобы напослѣдокъ отечество свое не подвергнуть жребію Грузіи,» и что таковая молва необузданности дошла уже до свѣдѣнія Царя.

По чему и разсудилъ я за благо послѣдовать предложенію Князя Церетеля, и того же вечера послалъ Яковлева къ вельможамъ: сему Князю Церетелю, племяннику его, Сердарю, Князю Кайхосро Церетелю, Мачабелу и дядькѣ Князю Авалову, съ приглашеніемъ ихъ къ себѣ, на утро въ слѣдующій день.

Іюня 28, по утру часу въ 8, означенные вельможи, кромѣ Князя Мачабела, который былъ куда-то отправленъ Царемъ, а вмѣсто его привелъ Церетель Князя Цулукидзе, собрались ко мнѣ.

Какъ я уже пріобрѣлъ много свѣдѣній о дурномъ расположеніи Царя къ Россіи и о его участіи съ Царевичами, въ Имеретіи укрывающимися, къ возстановленію Царства Грузинскаго и къ истребленію войскъ Россійскихъ въ Грузіи, а при томъ какъ мнѣ извѣстно стало, что приверженные къ Царю, заочно неистовствуя на счетъ Царицы Анны, отклоняли Царя отъ освобожденія Царевича, за которымъ я присланъ, то я расположился съ сими вельможами изъясниться по точному содержанію Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, и ихъ нѣкоторымъ образомъ удалить отъ той мысли, что Государь Императоръ Всемилостивѣйшее свое ходатайство объ освобожденіи Царевича обращаетъ къ Царю по единому снисхожденію на просьбу его матери, но что Его Императорское Величество желаетъ симъ испытать на самомъ дѣлѣ благонамѣренность къ Россіи отъ Царя, которая, по обязанностямъ единовѣрія и по благодѣяніи

ѣмъ Царство Имеретинское наслаждается съ того времени, ког-
а оное могущественнымъ посредствомъ Россіи исторгнуто изъ
ладычества варваровъ, существовать непремѣнно долженствуетъ.

Вельможи казались слушавшими съ великимъ вниманіемъ все,
ною говоренное, а по окончаніи разговору они поѣхали отъ
ня къ Царю, для донесенія о томъ Его Высочеству. Я же, съ
ми прощаясь, присовокупилъ, съ видомъ откровенности, что, во
анство ихъ усердія, я поставляю себѣ за счастіе быть и за
ихъ старателемъ и ходатаемъ, когда бы случай къ тому довелъ.

(Хотя Яковлевъ, поздно вечеромъ вчерашняго дня, и
дилъ къ симъ вельможамъ, для приглашенія ихъ ко мнѣ, но въ
мъ не успѣвъ, по тому что они всѣ были у Царя, онъ поѣхалъ
я того весьма рано сего дня по утру, пока Царь еще почивалъ
ришедши въ шалашъ, въ которомъ меня Царь обыкновенно
инималъ, онъ послалъ къ Князю Церетелю Зурабу сказать, что
ѣсть надобность съ нимъ видѣться, и пока онъ его тутъ дожи-
лъ, то подошелъ къ нему какой-то незнакомецъ и по Грузин-
и его вопросилъ, свѣдомъ ли онъ объ успѣхѣ того дѣла, за ко-
рымъ мы изъ Россіи пріѣхали? Яковлевъ, видя человѣка незна-
маго, счелъ его шпіономъ, и ему сухо отвѣчалъ, что онъ ни
ла, ни его самаго, не знаетъ. Но незнакомецъ, не взирая на то,
овлеву тихонько сказалъ, что какъ Царь не имѣетъ при себѣ
правнаго писца, то послалъ куда-то за другимъ для сочиненія от-
та Государю, который мы повеземъ, при обратномъ нашемъ
корѣ изъ Имеретіи отъѣздѣ. Въ самую ту минуту пришелъ въ
лашъ Князь Церетель, а незнакомецъ скрылся. Яковлевъ не
тавилъ о томъ спросить у сего Князя, который въ томъ при-
ался, съ негодованьемъ сказавъ, что его Царь не знаетъ, что
лаетъ и съ кѣмъ шутитъ; не только съ семъ случаѣ, но и въ
мъ, что укрывательствуетъ у себя 3 Царевичей Грузинскихъ:
лона, Парнаоза и Александра.

Между тѣмъ тревожило меня чрезъ цѣлый день любопыт-
во о дѣйствіи, которое разговоръ мой съ вельможами, по до-
сеніи объ ономъ ими Царю, надъ Его Высочествомъ могъ про-
весть; по чему и поручилъ я Яковлеву, будто нечаянно съ Ар-
сомъ моимъ встрѣтиться, когда онъ, послѣ полуденнаго отдо-
овенія, пойдетъ по обыкновенію къ Царю, и по удобности или
вести съ нимъ о томъ разговоръ, или его ко мнѣ мимоходомъ
игласить.

Онъ дѣйствительно то исполнилъ личнымъ съ нимъ на

единѣ изъясненіемъ, и сей кривой плутъ, съ личиною откровенности, Яковлева увѣрялъ, что, по прибытіи отъ меня къ Царю, они Его Высочеству въ подробности о имѣвшемся у нихъ со мною разговорѣ донесли, и что хотя болѣе 2 часовъ Царь съ ними занимался по оному разсужденіемъ, но, не оказавъ никакого рѣшенія, съ ними разошелся къ обѣду, съ тѣмъ чтобы вечеромъ они всѣ опять къ нему собрались, для повторительнаго о томъ разсужденія, на которомъ, безъ сомнѣнія что ни будь они положатъ и, конечно, ко мнѣ же пріѣдутъ отъ Царя съ увѣдомленіемъ, или Царь меня къ себѣ пригласитъ для изустнаго сказанія мнѣ своего рѣшенія.

Яковлевъ не оставилъ ему вкратцѣ подтвердить, сколь полезно будетъ для Царя, если онъ безъ отлагательства исполнитъ въ точности Высочайшее Его Императорскаго Величества желаніе, и не менѣе для тѣхъ, кои, пользуясь довѣренностію Царскою, употреблять будутъ стараніе для убѣжденія къ тому Его Высочества.

Іюля 29, въ 8 часу по утру, Аргусъ мой пришелъ ко мнѣ съ объявленіемъ, что вельможи, у меня вчерашній день бывшіе, желаютъ со мною видѣться, для сообщенія мнѣ нѣкоторыхъ предметовъ отъ имени Царя; по чему я изъявилъ ему свою готовность ихъ у себя принять въ ту же минуту, если имъ то будетъ угодно. Они же дѣйствительно черезъ полчаса всѣ ко мнѣ съѣхались.

Послѣ чаю и нѣкоторыхъ пустыхъ разговоровъ, я ихъ вопросилъ, какимъ повелѣніемъ отъ Царя изъ ихъ усть я удостоенъ? Они же между собою согласясь, поручили Князю Церетелю говорить слѣдующее:

1. Что они обстоятельно донесли Его Высочеству о содержаніи моего съ ними разговора вчерашняго дня; что Царь, вникая въ истину того, сколь великое для него счастіе быть удостоену всемилостивѣйшаго къ себѣ благорасположенія Его Императорскаго Величества, не токмо по тому исполнилъ бы Высочайшее Государя Императора желаніе, для котораго я къ нему прибылъ, но что если могло быть угодно Его Величеству, то что онъ и все Царство свое и самъ себя къ стопамъ Его повергнетъ. Что, однако же, со всѣмъ своимъ усердіемъ и приверженностію къ Государю Императору, встрѣчаетъ Царь въ томъ нѣкоторое затрудненіе, на которое Его Высочество моего требуетъ мнѣнія.

Я ихъ вопросилъ, въ чемъ бы затрудненіе то состояло? Они же устами Князя Церетеля продолжали:

2. Что Царю угодно, чтобы я прежде позналъ всю исторію царствованія покойнаго Царя Давыда, отца заключеннаго Царевича Константина, и тѣ причины, по которымъ Царевичъ содержится въ крѣпости.

Что когда Его Высочество, нынѣ царствующій Соломонъ рчиловичь, по смерти Царя Соломона 1 оставался въ малолѣтствѣ законнымъ наслѣдникомъ Царства по его завѣщанію, то, до пріествія его въ совершеннолѣтіе, Царство Имеретинское, по общеу избранію, поручено было во временное управленіе покойному авыду, отцу заключеннаго Царевича, съ титуломъ Царя. Что авыдъ спустя нѣсколько лѣтъ, по принятіи Царства, вмѣсто тоо, чтобы заниматься сохраненіемъ цѣлости и благосостоянія онаго, по нѣкоторому злопамятеву на вельможъ, при Соломонѣ 1 ывшихъ, простеръ на нихъ свое мщеніе. Коль же скоро начали льможи испытывать его гоненія, то, прибѣгши яко бы къ царствовавшему тогда въ Грузіи Царю Ираклію съ просьбою о изваленіи ихъ отъ варварствъ Давыда и возведеніи на Царство, замужавшаго уже почти Царевича Соломона Арчиловича. Что арь Ираклій, бывъ ими къ тому убѣжденъ, на то согласился, для произведенія того въ дѣйство, отрядилъ къ нимъ свои йска и всякія оказалъ вспомоществованія. Когда же Давыдъ овѣдалъ о таковомъ подвигѣ и намѣреніи вельможъ своихъ, о соглашеніи съ ними Царя Ираклія лишить его Царства, то, лая за собою оное сохранить, и не надѣявшись на вой о Имеретинское, требовалъ вспоможенія у Паши Ахалцыхска, обѣщавъ ему за то, когда Царство, съ помощію силъ его, за бою удержитъ, не токмо уступить во владѣніе Порты многія ста и крѣпости, но и отдать имъ множество Христіанскихъ церкій, для превращенія въ мечети. Залогомъ же своихъ обѣщаній слалъ яко бы Царь Давыдъ къ Пашѣ 16 юношей, дѣтей перйшихъ вельможъ.

Что когда народу стало извѣстно пагубное Давыда намѣреніе, а паче то, что онъ Христіанскія церкви предавалъ влачеству варваровъ, то въ Имеретіи произошло отъ того гласное мущеніе, и что всѣ единодушно стали требовать отнятія Цара отъ Давыда и возведенія на оное юнаго Царевича, Соломона Арчиловича.

Что Царь Давыдъ, лишившійся довѣренности и преданности себѣ народной, бывъ угрожаемъ силами Царя Ираклія, бѣжалъ въ Ахалцыхъ, гдѣ, распродавъ посланныхъ туда залогами

прежде 16 юношей, дѣтей вельможныхъ, и собравъ ополченіе, изъ Турецкаго и Лезгинскаго войска состоявшее, сдѣлалъ трехкратное на Имеретію нападеніе, и, кромѣ убитыхъ, отечество свое защищавшихъ, увлекъ въ плѣнъ до 17,000 человѣкъ, которые потомъ были распроданы въ разныхъ мѣстахъ Азіи. Но что и 3-й разъ не токмо войско Давыда было отражено храбростію Грузинскою (кто Грузинцевъ знаетъ, тотъ едва ли такому чуду повѣритъ); но и самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Что Давыдъ покоренный, страшившись истязаній за свои поступки, принялъ предъ всѣмъ народомъ раскаяніе и клятву, впредь ни чего не предпринимать ко вреду Имеретіи, за что не токмо онъ ни чего не претерпѣлъ, но яко бы, напротивъ, дано ему было имѣніе, для пристойнаго себя содержанія, и преимущество особы Царскаго поколѣнія при немъ было оставлено. Что, спустя короткое время, Давыдъ завелъ переписку съ непріятелями Имеретіи, въ которой, бывъ уличенъ, въ преступленіи своемъ признался, и не токмо вторичную далъ клятву жить спокойно, но, имѣя въ одной рукѣ крестъ Спасителя, а въ другой Евангеліе, торжественно отдалъ Царю Соломону Арчиловичу, нынѣ царствующему, малолѣтняго сына своего, Константина, въ залогъ, съ тѣмъ что представляетъ его на жертву за пролитую кровь Имеретинцевъ, если впредь предпріиметъ что либо во вредъ Царства. Наконецъ, что, спустя малое время, Давыдъ нарушилъ и сію вторичную клятву и, не памятуя о данномъ имъ Царству залогѣ, паки бѣжалъ въ Ахалцыхъ, и что хотя его преслѣдовали, но что онъ тамъ скрывшись и заболѣвъ оспою, отъ оной умеръ.

3. Что хотя отецъ заключеннаго Царевича столь много зла и причинилъ Царству, которое бы слѣдовало отомстить на сем юношѣ, однако же, что Царь, исповѣдуя теплую вѣру Христіанскую, того не учинилъ, но въ предосторожность, чтобы онъ, будучи на свободѣ, не послѣдовалъ примѣру отца, и, привлекши к себѣ единомышленниковъ, не предпринялъ бы чего либо предосудительнаго противъ Царя, содержитъ его токмо въ крѣпости подъ присмотромъ, доставляя ему все потребное для его существованія.

4. Напослѣдокъ, что Его Высочество со всею охотою готовъ исполнить желаніе Его Императорскаго Величества, но опасается, чтобы когда Царевичъ, будучи освобожденъ и въ Россію отправленъ, а по просьбѣ матери Государемъ Императоромъ

й отданъ будетъ, не сталъ бы причинять Царю безпокойствъ
мѣстѣ съ матерію своею.

Выслушавъ отъ нихъ Арабскую сію сказку со вниманіемъ, я
ь удивленіемъ ихъ спросилъ, что побуждаетъ Царя дѣлать
кія заключенія, и къ Государю Императору имѣть такую не-
овѣрчивость?

Ихъ же отвѣтъ былъ, что, можетъ быть, по тому, что Царь
мѣетъ въ памяти нѣкоторые случаи съ сосѣдственными Госу-
рствами, особеннно съ Персіею, на льстивыя предложенія коей
ь прежнія времена Грузія склоняясь, чрезмѣрною довѣрчивостію
бращала часто на себя собственное свое оружіе.

Я же имъ сдѣлалъ слѣдующія возраженія: что, поелику Его
ысочество изволилъ требовать моего мнѣнія на все, что отъ име-
и его изъ устъ ихъ я теперь слышалъ, то я прошу ихъ
арю донесть:

1. Что Всероссійскій Государь, обладатель пространнѣйшихъ
мель во всей Европѣ, какъ имъ самимъ то не безъизвѣстно, пра-
лами Невѣрныхъ никогда не руководствуется, и что Высо-
йшее Его Императорскаго Величества слово въ твердости
оей непоколебимо.

2. Что Его Высочеству, ихъ Царю, не простительно бы было
мнѣваться въ томъ и тогда, когда бы Государь Императоръ из-
лилъ къ Царю просто токмо обратить свою просьбу объ осво-
жденіи Царевича и объ отправленіи его къ себѣ, но коль ско-
Его Императорское Величество съ просьбою во всемилости-
йшей своей грамотѣ къ Царю соизволяетъ вызываться тѣмъ,
ь Царевичъ, оставаясь навсегда въ Имперіи нашей, и чрезъ то
ое избавляя васъ отъ напрасной заботы, прекратитъ всякое
себѣ сомнѣніе, а въ заключеніи той же грамоты, во взаимство
полненія Царемъ Высочайшаго своего желанія, Государь Импе-
торъ изъявляетъ свою готовность оказывать Царю и Царству
еретинскому высокое свое покровительство: то если Его Высо-
ство изволитъ вникнуть въ сіи Высочайшія слова, и оныя по
моему оныхъ смыслу понять, то я остаюсь въ твердой надеждѣ,
ь всякое сомнѣніе его долженствуетъ исчезнуть, и Высочайшее
ь Императорское Величества желаніе точно исполнится.

Вельможи, между собою перетолковавъ, мнѣ признались, что
олько они вмѣстѣ съ Царемъ ни прочитывали Высочайшую гра-
ту, но глубины смысла оной не поняли, что тотъ же часъ
несутъ о томъ Его Высочеству.

Подтвердивъ оное имъ при прощаніи, я ихъ просилъ мнѣ доставить случай быть у Царя съ почтеніемъ.

Въ вечеру Князь Аваловъ, возвратившись отъ Царя, вызвалъ къ себѣ Яковлева и предъ нимъ извинялся, что Царь, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, принужденъ былъ отложить свиданіе со мною до завтрашняго дня, и именно по тому, что Царь, будучи безпрестанно обманываемъ Дадіаномъ въ сдачѣ крѣпости Цхывиси, занимается распоряженіемъ къ рѣшительному дѣла сего окончанію, взятіемъ оной приступомъ, и что для того послалъ въ какую-то крѣпость за пушками. А при томъ сей плутъ, съ личиною усердія, не оставилъ Яковлеву откровенно сообщить, что вельможи опять разсуждали съ Царемъ по содержанію послѣдняго моего съ ними разговора; что Его Высочество ни чего рѣшительнаго не объявилъ, оставивъ оное до свиданія со мною. Такъ же, что онъ, Князь Аваловъ, разсуждалъ яко бы съ нѣкоторыми Царедворцами о предметѣ моего къ Царю пріѣзда, но что они всѣ пребываютъ въ тѣхъ мысляхъ, что лучше Царевича истребить, нежели въ Россію отпустить. Что онъ имъ истолковалъ смыслъ Высочайшей грамоты, Царемъ отъ меня по сему предмету полученной, и что послѣ сего они хотя и оставили прежнія мысли, но другихъ никакихъ не объявляютъ

Іюня 30, въ 9 часовъ по утру, по приглашенію, имѣлъ я аудіенцію у Царя. Образъ, которымъ Царь меня принялъ, подалъ уже мнѣ поводъ къ заключенію, что Его Высочество имѣетъ нѣчто со мною поговорить по секрету; ибо какъ я вошелъ къ Царю, то онъ не былъ окруженъ толпою Царедворцевъ, а были у него токмо довѣреннѣйшіе вельможи, а именно: четверо, съ коими я имѣлъ переговоры, братъ Князя Цулукидзе и Князя Нижаралзе. Послѣ кофе и чаю Царь ко мнѣ обратился съ вопросомъ, что сказать ему я имѣю?

Я же отвѣчалъ, что если вельможи Его Высочеству донесли все отъ меня, ими слышанное, то что на сію минуту болѣе ни чего не имѣю, кромѣ подтвержденія того, что Его Высочество напрасно изволитъ безпокоиться, имѣя столь твердое Всемилостивѣйшаго Государя Императора увѣреніе, въ Высочайшей Его Величества грамотѣ изъясненное. «Царь же на сіе мнѣ никакого отвѣта не далъ, но, задумавшись, сказалъ, что ему кажется, что Государю Императору подозрительныя на его счетъ внушены мысли, и что, по видимому, Его Императорское Величество изволитъ на него имѣть гнѣвъ!

Я же ему возразилъ, что Его Высочество несправедливо тѣмъ безпокоится; ибо Всемилостивѣйшему Государю Императору, по благости его, никакія подозрѣнія несродны; а при томъ да послужитъ Его Высочеству въ доказательство тому противнаго Высочайшая Его Императорскаго Величества грамота, мною ему врученная, во всемилостивѣйшихъ выраженіяхъ коей не заключается никакого смысла негодованія Его Императорское Величества на Его Высочество; но что я осмѣливаюсь просить Его Высочество меня удостоить довѣренностію, по чему таковое заключеніе онъ дѣлать изволитъ.

Царь мнѣ на сіе сказалъ, что онъ завѣрное знаетъ, что Генералъ Кнорринъ Государю Императору донесъ, что яко бы онъ замѣченъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ властвующимъ въ Персіи Баба-Ханомъ и съ прочими сосѣдственными Азіятскими владѣльцами, ко вреду войскъ Россійскихъ въ Грузіи.

Я же продолжалъ, что Г. Генералъ-Лейтенантъ Кнорринъ, по званію своему пограничнаго начальника, обязанъ непремѣнно вѣдать о всемъ, что за границею происходитъ и о томъ Его Императорскому Величеству доносить по сущей справедливости; и что по тому я Его Высочество смѣю увѣрить, что Г. Кнорринъ не могъ Государю Императору донести о сношеніяхъ Его Высочества съ Персіею и прочими, если не имѣлъ въ томъ увѣрительныхъ доказательствъ.

Царь, согласуясь со мною, отозвался, что если не въ томъ, то въ чемъ ни будь другомъ, онъ, конечно, предъ Его Императорскимъ Величествомъ обвиненъ.

Въ чемъ же обвиненіе то состоять могло? спросилъ я у Царя.

Его Высочество съ принужденіемъ отвѣтствовалъ: что въ разсужденіи Грузинскихъ Царевичей, въ его Царствѣ обрѣтающихся. А потомъ, обратясь къ Князю Церетелю и Авалову, имъ говорилъ: «Не вы ли сами тому свидѣтели, сколь часто я ихъ уговаривалъ, чтобы они принесли покорность свою Государю, и возратились бы въ Грузію, и что они меня никогда не слушались.»

Князь Аваловъ пантоминою то подтвердилъ, а Церетель, отвернувшись, промолчалъ и, какъ казалось, съ Царемъ въ томъ не согласился.

Я же отозвался, что если Его Высочеству угодно, то я, можетъ быть, на сіе могу донесть мѣсто, въ чемъ Его Высочество, думаю, со мною согласится.

Царь мнѣ говорилъ, что онъ мнѣ за то будетъ обязанъ

(Какъ довольно уже мнѣ было извѣстно, что Царь все пребывалъ еще въ надеждѣ на то, что Грузія, какимъ ни будь образомъ получитъ прежнее свое бытіе, и что Его Высочество, имѣя переписку по сему предмету съ бабкою своею, вдовствующею Царицею Дарьею, супругою покойнаго Царя Ираклія, участвуетъ въ ея замыслѣ возвесть на Царство Грузинское сына ея, Царевича Юлона, въ Имеретіи укрывающагося: то и старался я Царя вовлечь въ сей разговоръ, дабы того коснуться такъ, чтобы ему не дать того примѣтить, что мнѣ то извѣстно, и изъ онаго лучше пріобрѣсть понятіе о истинномъ образѣ его мыслей.)

По чему я и продолжалъ: что Его Императорское Величество, по восшествіи на престолъ Всероссійскій, нашелъ уже Царство Грузинское къ Имперіи присоединенное, и, обратимъ Высочайшее свое вниманіе на все, что къ образованію онаго, для благоденствія всего Грузинскаго народа споспѣшествовать могло, простеръ равнымъ образомъ милосердіе свое и на Царевичей Грузинскихъ, сохраненіемъ при нихъ имуществъ ихъ и кромѣ того особеннымъ отъ щедротъ своихъ награжденіемъ. Что Государь Императоръ, имѣя ясныя доказательства покорности и повиновенія тѣхъ изъ Царевичей, которые остались въ своемъ отечествѣ, и другихъ, добровольно пожелавшихъ остаться въ Россіи, не можетъ конечно, не удивляться поведенію 3 Царевичей, дѣтей покойнаго Царя Ираклія. Юлона, Парнаоза и Александра, въ Имеретіи по двое пребывающихъ, а кольми паче тогда, когда именемъ Его Императорскаго Величества неоднократно приглашаемы они были письмами Главнокомандующаго въ Грузіи въ отечество свое возвратиться и когда Высочайшимъ Императорскимъ словомъ обѣщано имъ забвеніе всего прошедшаго, коль скоро они на путь истинный обратятся?

Царь, со вниманіемъ сіе выслушавъ, мнѣ сказалъ, что, по его мнѣнію, въ томъ, что Царевичи сіи имѣютъ убѣжище въ его Царствѣ, противнаго Высочайшей Государя Императора воли ни чего быть не можетъ; по тому что всемилостивѣйшимъ манифестомъ имъ даровано прощеніе всѣхъ прежнихъ ихъ проступковъ, а при томъ и дозволено имъ избрать мѣсто для ихъ пребыванія, гдѣ они сами пожелаютъ.

Но я донесъ Его Высочеству, что если имъ даровано прощеніе всѣхъ ихъ прежнихъ проступковъ, то оное въ настоящемъ ихъ дѣйствіи своемъ тогда токмо быть можетъ, когда они, возвра-

сь въ свое отечество, повиноваться будутъ законной власти
о Императорскаго Величества и въ вѣрности къ Престолу Все-
ссійскому учинятъ присягу, чего они еще не исполнили.

А что касается до дозволенія, всемилостивѣйше имъ даннаго,
брать по произволу мѣсто для всегдашняго своего пребыванія,
и оное простирается токмо до того, что они могутъ или оста-
ться навсегда въ своемъ отечествѣ, или же гдѣ пожелаютъ въ
иперіи Россійской, а не внѣ границъ оныхъ, на что безъ осо-
го Высочайшаго дозволенія, никто изъ подданныхъ самопроиз-
льнаго права не имѣетъ.

Царь, послѣ нѣкотораго молчанія, съ видомъ признанія, ото-
лся, что онъ по сему невинно вовлеченъ въ проступокъ про-
въ Государя Императора.

Я же, въ заключеніе сего, присовокупилъ, что, по здравому
зсудку, казалось бы, что тотъ, которому прощены дурныя дѣла,
лженствовалъ бы хорошими поступками заглаждать заблуж-
нія, въ которыя обстоятельствами вовлеченъ быть могъ, а не
иторять оныхъ, и что совсѣмъ того въ противность поступаетъ
нынѣ Царевичъ Александръ, который, и въ Имеретіи не ужива-
ь, скитается по Азіи.

Царь, со мною въ томъ соглашаясь, отозвался, что онъ въ
ковыхъ поступкахъ Царевича Александра ни малѣйшаго уча-
я не имѣетъ, а что Царевичь, отпросясь на охоту, пропадалъ
ъ вѣсти, и послѣ очутился въ Ериванѣ.

Я же Царю отвѣчалъ, что и я отнюдь не съ тѣми мыслями
гомъ Его Высочеству докладывалъ, чтобы я осмѣлился возъ-
ть подозрѣніе объ участіи его въ побѣгѣ сего Царевича.

Царь потомъ продолжалъ, что онъ давно бы желалъ принесть
ое оправданіе предъ Его Императорскимъ Величествомъ, или
средствомъ письма, или же черезъ посланца, котораго бы от-
авилъ въ С.-Петербургъ; но что, зная, сколь великую довѣрен-
сть у Государя имѣетъ Генералъ Клоррингъ, опасается того,
о если бы было отправлено къ Государю Императору письмо,
оное не дойдетъ, а удержано будетъ Г. Кнорринговъ; а если
отправленъ былъ посланецъ, то Г. Кнорринъ его до С.-Пе-
рбурга не допуститъ, а конечно назадъ отправитъ.

Съ увѣреніемъ Царя, что напрасно и въ семъ имѣетъ со-
нѣніе, я его просилъ мнѣ сказать, по какому поводу онъ заклю-
нія таковыя дѣлать изволитъ?

Его Высочество отвѣчалъ, что, когда прошедшею зимою онъ

отправилъ съ С.-Петербургъ къ Высочайшему Двору посланникомъ Князя Джипаридзе, то Генералъ Кноррингъ, предержавъ его нѣсколько времени въ Георгіевскѣ, отослалъ обратно, и что посей сего Его Высочество не имѣетъ болѣе надежды впредь съ Высочайшимъ Дворомъ Россійскимъ быть въ ближайшихъ сношеніяхъ.

Я же просилъ Царя быть по сему предмету спокойнымъ, представляя ему, что по одному примѣру не всегда можно судить о послѣдующихъ, а при томъ его старался увѣрить, что съ предметомъ, съ которымъ Князь Джипаридзе къ Высочайшему Двору отъ Его Высочества былъ отправленъ, Генералъ Кноррингъ, извѣстясь объ ономъ, и не осмѣлился посланника сего далѣе пропустить, а что мнѣ также не безъизвѣстно, что сей Генералъ, отправивъ обратно Князя Джипаридзе съ приличнымъ званію, в которомъ онъ отъ Его Высочества къ Высочайшему Двору был назначенъ, награжденіемъ, Его Высочеству донесъ письменно о причинахъ, по которымъ слѣдовать ему далѣе воспрещалось, и с нимъ же прислалъ къ Царю тому доказательства.

Царь долженъ былъ и въ семъ со мною согласоваться; и сказалъ, что то совершенная истина.

(Я въ свѣжей памяти имѣлъ, что Генералъ Кноррингъ, с отношеніемъ къ Его Сіятельству Вице-Канцелеру, отъ 8 Февра сего 1802 года, подъ № 422, о извѣстіи чрезъ сего посланн Князя Джипаридзе, полученномъ, что яко бы владѣлецъ Лечгунск и Одишскій Дадіанъ, за нѣкоторое умышленіе противъ Цар изъ владѣній своихъ изгнанъ, при особомъ письмѣ къ Вице-Кан цлеру сообщилъ копію рапорта своего къ Государю Императо о томъ, что Князь Джипаридзе отъ Царя Имеретинскаго был отправленъ къ Высочайшему Двору съ порученіемъ ходатайствов о возведеніи на Царство Грузинское Царевича Юлона, и что он Генералъ Кноррингъ, не разсудивъ пристойнымъ съ сими пре метами посланца сего ко Двору отправить, послалъ его назад поручивъ ему доставить Царю нѣсколько печатныхъ экземпляров Высочайшаго манифеста о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Рос сійской и штата нынѣшняго оной образованія.)

Заключеніе сей моей у Царя аудіенціи, было то, что я б весьма желалъ видѣть тотъ предметъ, который, по желанію Ег Императорскаго Величества, препорученъ мнѣ быть долженствует для доставленія въ Россію.

Царь же отвѣчалъ, что ни чего о томъ рѣшительнаго ск зать еще не можетъ.

Въ вечеру сего дня посѣтили меня Протопопъ изъ причта оборнаго Архимандрита Кутаискаго Николая, встрѣтившаго ась 24 сего мѣсяца на дорогѣ въ селеніи Хывши, и купецъ, роженецъ Грузинскій, Георгій, о коемъ же упоминается 24 числа.

Протопопъ сидѣлъ у меня весьма короткое время, любопытствовалъ токмо о пребываніи въ С.-Петербургѣ Царицы Анны. Купецъ же, разговаривая съ Яковлевымъ по Турецки, его увѣдомлялъ, что о моемъ въ Имеретіи пребываніи не токмо извѣстно въ Кутаисѣ, столицѣ оной, но въ Ахалцыхѣ и другихъ сосѣдственныхъ областяхъ. Что въ Кутаисѣ желаютъ насъ видѣть, и пріѣзду нашему весьма радуются, и что какъ всѣмъ уже извѣстно о предметѣ моего къ Царю пріѣзда, то большая часть народа, или всѣ благомыслящіе, весьма желаютъ, чтобы Царь требованіе Россійскаго Государя исполнилъ. Сей же купецъ сообщилъ за извѣстіе, что, по полученному Царемъ свѣдѣнію о движеніи Дадіана съ 300 человѣками для поданія сикурса блокируемой крѣпости Цхывши войскомъ Имеретинскимъ, Его Высочество отправилъ въ оное Сердаря, Князя Кайхосро Церетеля, и Князя Отія Цулукидзе. Любопытно для меня было извѣдать о числѣ войска Царскаго, крѣпость облегающаго, и вообще противъ Дадіана дѣйствующаго; по чему я сдѣлалъ ему о томъ вопросъ, а онъ мнѣ донесъ, что онаго было до 500 человѣкъ; но что какъ стало недоставать жизненныхъ припасовъ, то что большая онаго часть разбѣжалась, а теперь едва ли осталось онаго до 200 человѣкъ всякаго сброду, и что по тому, по повѣленію Царя, отвсюда войско набирается, для добавленія недостающаго, и везутся откуда-то 3 пушки.

Гораздо уже поздно вечеромъ, вышедъ походить и, увидѣвши моего Аргуса, сѣдящаго на гумнѣ, у огонька, послѣ ужина, я, будто нечаянно, къ нему зашелъ; а цѣль моя была та, что какъ уже слухи потверждались, что Царь послалъ куда-то и за какимъ-то Мдиваномъ или писцомъ, для сочиненія отвѣтной къ Государю Императору грамоты, которую располагалъ отправить со мною: то чтобы съ нимъ завести о томъ рѣчь, и, если можно, извѣдать объ особѣ Мдивана и о нынѣшнемъ мѣстѣ его пребыванія. Что дѣйствительно мнѣ удалось, и вотъ что кривой мой Аргусъ разсказалъ, на вопросъ, мною ему сдѣланный, скороли Мдиванъ изъ Кутаиса пріѣдетъ, и кто отъ такой?

Что онъ нѣкто Князь Соломонъ, и что не въ Кутаисѣ, но въ Тифлисѣ находится по нѣкоторымъ препорученіямъ Царскимъ;

что ожидаютъ около воскресенья, или 3 Августа. Что онъ человѣкъ, имѣющій даръ краснорѣчія, пользуется милостями и довѣренностью Царя, ему пожаловавшаго за усердіе Моуравство, дворовъ изъ 70 состоящее, въ коихъ можно полагать до 500 душъ и сверхъ того ежегоднаго содержанія, по 500 маргалъ, по званію Мдивана.

Сего для меня было довольно для заключенія о предметѣ его пребыванія въ Тифлисѣ, когда сіе сказаніе я сообразилъ съ краткимъ описаніемъ о семъ человѣкѣ, мнѣ сдѣланнымъ Коллежскимъ Ассессоромъ Яковлевымъ, его знавшимъ въ то время въ Тифлисѣ, когда онъ тамъ находился съ Министромъ, Г. Ковалевскимъ, слѣдующимъ:

Что Князъ Соломонъ Мдиванъ, долженъ быть самой тотъ, который, за отличныя дарованія и краснорѣчіе во многихъ Восточныхъ языкахъ, былъ употребляемъ Царемъ Иракліемъ въ важнѣйшія дѣла; что уроженецъ онъ Лезгинскій. Но въ 1783 году, при заключеніи въ Грузіи съ Россіею трактата, а задѣланную имъ измѣну, Князь Соломонъ былъ брошенъ, а потомъ прощенъ и опять, по прежнему, у Царя Ираклія былъ въ милости. Потомъ вторичную сдѣлалъ нѣкую измѣну, и лишился на всегда милостей Царскихъ. Что преемникъ Царя Ираклія, Царь Георгій, его ненавидѣлъ, и что, напослѣдокъ, когда Грузія была присоединена къ Россіи, то Соломонъ бѣжалъ въ Имеретію.

Однако же заключеніе мое простиралось токмо до того, что я нѣсколько сомнѣвался, чтобы Царь исполнилъ требованіе Государя Императора; а объ истинныхъ причинахъ того догадаться мнѣ было до случая не почему.

Іюля 31 пришелъ ко мнѣ тайнымъ образомъ купецъ, часто упомянутый Георгій и, между прочимъ, говорилъ, что, когда Царь ко мнѣ отправлялъ на встрѣчу въ Бари своего дядьку, К. Авали-Швили, то ему приказалъ стараться развѣдать, какой уроженецъ Яковлевъ, котораго я впередъ себя къ Его Высочеству тогда отправлялъ, къ чему и дѣйствительно прилагалось съ ихъ стороны стараніе, но Яковлевъ, какъ самъ долженъ былъ сказываться Малороссіяниномъ, такъ и всѣмъ свиты моей людямъ о томъ строго было приказано; когда же его спрашивали, какъ онъ такъ хорошо знаетъ Азіятскіе языки, то онъ говорилъ, что въ послѣднюю Турецкую войну находился при Князѣ Потемкинѣ и, будучи употребленъ въ разныя должности, мало по малу онымъ научился.

Сей же Георгій сказывалъ, что къ крѣпости Цхынвали пре-

ило Имеретинцовъ еще до 500, и что съ оными отправленный отъ Царя Сердарь, Князь Кайхосро Церетель, можетъ быть, успѣетъ взять крѣпость сію.

Въ вечеру же меня посѣтилъ Князь Зурабъ Церетель, съ которымъ я имѣлъ пространный разговоръ о непреклонности Царя къ исполненію Высочайшаго Его Императорскаго Величества желанія, испытывая отъ него, что бы тому была за причина.

Онъ мнѣ съ прискорбіемъ говорилъ, что сколько со стороны благомыслящихъ ни прилагалось старанія къ убѣжденію Царя на преклонность, но что Его Высочество, не внимая ни въ какія выгоды, для него и для нихъ всѣхъ, отъ того произойти могущія, ни малѣйше не расположенъ дать свободу заключенному Царевичу, а еще менѣе его со мною отпустить въ Россію: а что хотя Его Высочество и оказываетъ видъ опасенія, чтобы сей Царевичъ, со временемъ, не содѣлался для него опаснымъ. Но что есть кажется, какая то сокровенная причина, отъ того Царя отвлекающая, кромѣ сего опасенія, которой Князь Церетель яко бы самъ не постигаетъ.

Съ оказаніемъ моего на сіе удивленія, я Князю Церетелю откровенно сказалъ, что если Царь вздумаетъ пренебречь священнымъ Императорскимъ словомъ, со стороны безопасности его обезпечивающимъ, то таковою недовѣрчивостію можетъ огорчить Государя Императора болѣе, нежели Его Высочество вообразить себѣ и можетъ.

На вопросъ же, имъ мнѣ сдѣланный, донесть ли о семъ Царю? я оставилъ на его волю.

Между тѣмъ я все касался причинъ, какія бы Царя могли отъ того отклонить, а Князь Церетель все токмо подтверждалъ свое сожалѣніе, что Царь добровольно лишаетъ себя благоволенія Высокомонаршаго, и что сіе надобно пречесть къ единому его невѣжеству, или упрямству.

Сей дипломатическій разговоръ приходилъ уже къ концу, и съ моей стороны заключался признательностію за его усердіе, а при томъ и откровеніемъ о моемъ желаніи постигнуть сокровенности Царя, останавливающія, кромѣ опасенія отъ Царевича. Князь Церетель наконецъ мнѣ отозвался, что онъ, можетъ быть, въ состояніи мнѣ дать нѣкоторую о томъ идею, изъ которой бы я могъ дѣлать заключенія пространнѣйшія по сему предмету, если я ему токмо дамъ обѣщаніе хранить о томъ тайну, и предъ Царемъ ни малѣйшаго виду не показывать, что я что либо знаю.

Я не могъ не изъявить ему моего на то согласія въ том смыслѣ, что всякую обязанность, отъ него мнѣ налагаемую, не и нако считаю, какъ удовольствіемъ.

И такъ Князь Церетель мнѣ за тайну сообщилъ, что сего дня, послѣ полудни, Царь получилъ изъ Грузіи извѣстіе о побѣгѣ Царевича Давыда изъ Тифлиса въ Борчалы, и о возмущеніи въ Кахетіи и Кизакѣ ознаменовавшемся.

(Имѣвши уже достаточныя свѣдѣнія о замыслѣ и участіи Царя къ возведенію на Царство Грузинское Царевича Юлона, и объ операціяхъ Царевича Александра, къ тому же клонящихся, мысленно себя поздравилъ съ неудачею моего въ Имеретію путешествія, а о сокровенностяхъ, Царя отклонявшихъ, заключить не было не трудно.)

Князь Церетель отъ меня уѣхалъ, и я занялся мыслями, что я и въ какомъ критическомъ положеніи быть я долженъ, если мятежъ возметъ свою силу, и если воцарится до того, что Имеретинцы, подъ предводительствомъ Царевича Юлона и Парнаоза, вздумаютъ Грузіи вспомоществовать.

Августа 1-го, послѣ полудни, слышно было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. По развѣдываніямъ о томъ Яковлева и Ивина, мнѣ донесеннымъ, были выстрѣлы сіи по Имеретинцамъ изъ крѣпости Цхывши сдѣланы. Тутъ же одинъ изъ дворянъ, ко мнѣ приставленныхъ, намъ за удивительное сообщилъ, что подъ горою, за нашею избою, лежитъ преогромная пушка, привезенная по повелѣнію Царя, изъ какой-то крѣпости на 20 нарахъ волов. Пушка сія весьма огромна и должна быть древняго литья Турецкаго; по видимому, она и въ Имеретію завезена Турками во время ихъ надъ Имеретіею владычества. Лафета подъ нею не было, а притащена она на арбѣ (родъ телѣги).

Около вечера прислалъ ко мнѣ Царь письмо, имъ полученное въ письмахъ зятя его, Мсигхаза Андроникова, на границѣ Грузіи въ Имеретіи живущаго. Оне было ко мнѣ отъ Капитана Каменскаго гренадерскаго полка Бартенева изъ Сурама, коимъ онъ мнѣ подавалъ свѣдѣнія, что Командующій въ Грузіи, Г. Генералъ-Маіоръ Лазаревъ, въ бытность свою въ Сурамѣ, ему приказалъ быть исполнителемъ, по моему востребованію, вспомоществованія военными отрядами и способствовать къ немедленному доставленію къ себѣ въ Тифлисъ пакетовъ, если отъ меня таковые получатся.

Поелику Царь оное ко мнѣ приславъ, мнѣ приказалъ сказать

о онъ того же вечера отправляетъ нарочнаго къ помянутому
ю своему, и что не захочу ли я тѣмъ воспользоваться: то я
писалъ къ Вице-Канцлеру о моемъ положеніи и ненадежности
успѣшномъ моей миссіи окончаніи, и къ Генералу-Лейтенанту
оррингу также, которыя нарочному и зѣло пьяному Имеретинцу,
ь Царя отправленному, я поручилъ, для доставленія въ Сурамъ
питану Бартеневу, какъ онъ за способнѣе признаетъ.

Августа 2го приходилъ ко мнѣ опять купецъ Георгій, кото-
й мнѣ сообщилъ, что Царь хотя ежедневно и не по одному
у прочитываетъ грамоту Государя Императора, и что сколько
дѣлаютъ ему убѣжденій Князья Церетель и Нижирадзе, что-
онъ исполнилъ въ точности Высочайшую Его Императорскаго
личества волю, но что Его Высочество ни чему не внемлетъ и уже
шился отказать.

Онъ же, между прочимъ, мнѣ донесъ, что когда, нынѣшнею
ною, Главнокомандующій Г.-Л. Кнорринъ пріѣзжалъ въ Грузію,
гда Царь, опасавшись, чтобы не было какого либо изъ Грузіи
кушенія для спасенія заключеннаго въ крѣпости Мухури Ца-
вича, изъ оной его перевелъ въ другую, называемую Сайайче-
съ, ближе къ Ахалцыху лежащую, и что по отъѣздѣ Главно-
андующаго изъ Грузіи, Царевичъ паки перемѣщенъ въ Мухури
содержится весьма крѣпко, имѣя, кромѣ 3-хъ запоровъ, без-
нную караулъ изъ 25 человѣкъ.

Около вечера услышали мы нескладный звукъ дудокъ: было
Царское войско, въ Хонцкари пришедшее и мимо Царя пара-
мъ проходившее, которое слѣдовало къ умноженію воинства,
ность Цхьшни облегавшаго.

Августа 3-го, на разсвѣтѣ, опять пришло множество коннаго
пѣшаго войска, туда же назначеннаго. Между тѣмъ приказано
ъ меня было стараться развѣдывать объ успѣхахъ Царской ра-
ади Дадіаномъ, и въ тотъ же день мнѣ донесено, что Сердарь,
язь Кайхосро Церетель, нѣсколько дней тому назадъ, съ Князамъ
улукидзе поѣхавшій въ армію, имѣлъ отъ Царя порученіе, оставя
дъ крѣпостію потребное число войска, ити съ большимъ ко-
чествомъ для покоренія Лечхума, а потомъ и Одиши, но что
ва ли Сердарь въ чемъ успѣетъ; ибо, по слухамъ, извѣстно ста-
, что сосѣдственный съ Дадіаномъ Владѣтель Гуріеля ему на-
ревается вспомоществовать; что Суанцы, Дадіану подвластные,
хотятъ участвовать въ войнѣ, а ожидаютъ спокойно своей
дьбы, въ томъ, что если Лечхумъ останется за Дадіаномъ, то

они будутъ по прежнему ему повиноваться; если же Лечгумъ Царь овладѣетъ, то и ему подвергнуться съ покорностію.

Часу въ 6-мъ по полудни былъ я приглашенъ къ Царю. Вѣ лѣе часа я долженъ былъ съ Его Высочествомъ заниматься пустыми разговорами, въ которыхъ, однако же, включались примѣчанія о великости и могуществѣ Россіи.

Солнце уже склонялось и я, видѣвши, что Царь ни мало нерасположенъ мнѣ что ни будь сказать о дѣлѣ, вызвался къ нему съ вопросомъ: «Не имѣетъ ли Его Высочество мнѣ чего ни будь милостиво приказать?»

Царь отвѣчалъ, что ничего, а что желалъ со мною токмо видѣться и провести вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Поблагодаривъ его, я Его Высочеству донесъ, что желалъ бы ему объяснить нѣсколько словъ. По чему всѣ Царедворцы удалились, а съ нами остались токмо Князь Церетель и Князь Аваловъ, дядька.

И такъ я Его Высочеству донесъ, что, имѣя счастіе 10 уже дней при Свѣтлѣйшей его особѣ находиться и ни чѣмъ рѣшительнымъ не будучи удостоенъ, а при томъ, какъ уже всѣмъ извѣстно, что Его Высочество намѣревается вскорѣ отправиться въ свой походъ, то что я долгомъ считаю подтвердительно Его Высочеству предложить, что не лучше ли будетъ, чтобы Его Высочество до похода своего за благо признать изволилъ Царевича Константина безъ отлагательства мнѣ поручить, для, путешествія его со мною въ Россію, въ разсужденіи того, чтобы мнѣ не опоздать и не упустить лучшаго времени для проѣзда черезъ горы Кавказскія въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

Царь мнѣ отвѣчалъ, что онъ постарается то исполнить, но чтобы я взялъ терпѣнія еще на недѣлю, въ разсужденіи того, что Мдиванъ, за которымъ давно уже онъ послалъ, на сихъ днях прибудетъ, и что потребно ему такъ же время для порядочнаго расположенія отвѣтной грамоты къ Государю Императору. Я Его Высочеству отвѣчалъ, что изъ сего я токмо заключить могу о продолжающемся въ мысляхъ его прежнемъ безпокойствѣ и недовѣрчивости къ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества увѣрительнымъ словамъ, въ грамотѣ изъясненнымъ, и что въ теченіи 10 дней моего при Свѣтлѣйшемъ лицѣ Его Высочества пребыванія, не видѣвши того, чтобы сдѣланъ былъ хотя малѣйшій поступокъ, съ Высочайшимъ желаніемъ Всемилостивѣйшаго Государя

ного сообразный, я нахожусь отъ того въ совершенномъ недо-
ѣніи, и долгомъ себѣ поставляю паки повторить Его Высоче-
ству, что коль скоро я неоднократно удостоился слышать изъ
устъ его о томъ, что Его Высочеству ничего столь не лестно,
какъ пользоваться Высочайшимъ Его Императорскаго Величества
покровительствомъ, и что онъ въ томъ единую полагаетъ свою
надежду, то что, по моему мнѣнію, столько же долженствуетъ
быть Его Величеству пріятно въ семъ случаѣ доказать то на са-
момъ дѣлѣ.

Царь мнѣ паки повторилъ, что онъ ни на что еще не рѣ-
шился, и что когда прибудетъ Мдиванъ, тогда немедленно все
кончаетъ.

Поелику уже начало смеркаться и Царь поднялся съ своего
дивана, то я пожелалъ Его Высочеству спокойной ночи, мысленно
при томъ расположивъ въ слѣдующій день къ себѣ пригла-
сить вельможъ, для подтвержденія имъ убѣдительнѣйшаго о не-
различіи того, если Царь не исполнитъ Высочайшаго Государя
Императора желанія.

Когда Князь Церетель и Князь Аваловъ, по приглашенію моему,
ко мнѣ пріѣхали, около полудни Августа 4-го, то я открылъ съ
ними слѣдующій разговоръ: по подтвержденіи имъ донесеннаго
мною въ ихъ присутствіи Царю на канунѣ, и окончательнаго отзы-
ва, Его Высочествомъ мнѣ сдѣланнаго, я продолжалъ: что естьли
я долженъ полагать вѣру къ изустнымъ увѣреніямъ Его Вы-
сочества, неоднократно мнѣ повторенным, о истинномъ его же-
ланіи пользоваться Всемилостивѣйшимъ къ себѣ благорасположе-
ніемъ Его Императорскаго Величества, то что я не имѣю ни малѣй
шаго сомнѣнія въ томъ, чтобы Царь не исполнилъ Высочайшаго
Государя Императора желанія по содержанію грамоты. Но по-
колику, по истеченіи 10 дней моего при Его Высочествѣ пребыванія,
я еще не вижу, чтобы Царь что либо сообразное тому предпри-
нять изволилъ, т. е., чтобы было послано за Царевичемъ, для его
освобожденія, то хотя и питаю я въ себѣ увѣренность, что
Его Высочествомъ Высочайшая Его Императорскаго Величества
воля исполнена будетъ непремѣнно, однако же за долгъ считаю
откровенно имъ сказать, для донесенія устами ихъ Царю, что для
Его Высочества благопріятнѣйшая теперь минута утвердить за со-
бою Всемилостивѣйшее благоволеніе Его Императорскаго Величе-
ства, да всегда исполненіемъ безотлагательнымъ Высочайшей
Его Величества воли. И наконецъ, что какъ Царь мнѣ отозваться

изволилъ, что ему потребно время для порядочнаго располож
нія въ мысляхъ отвѣта къ Государю Императору, то что я прош
ихъ увѣрить Его Высочество, что лучшій и приличнѣйшій его ск
вѣтъ на Высочайшую грамоту можетъ быть токмо тотъ, кот
желаніе Его Императорскаго Величества, по содержанію оной, Ц
ремъ будетъ исполнено безъ отлагательства.

Вельможи, сіе выслушавъ, отозвались, что имъ самимъ удивите
но поведеніе ихъ Царя, и что они, какъ преданные къ Россіи,
томъ сердечно сожалѣютъ. Симъ заключился мой съ ними разг
воръ, и они поѣхали отъ меня, для донесенія объ ономъ Его Вы
сочеству.

Августа 5, сидѣвъ по полудни на лугу, подъ деревомъ, г
обыкновенно я отдыхалъ, видѣлъ я сперва одну кучу конны
и пѣшихъ, а потомъ и другую подобную, которыя подымал
прямо къ шалашу Царскому. Хотя и было отъ меня приказа
объ оныхъ развѣдать, но удалось то еще лучше. Ко мнѣ подошел
Имеретинецъ, заговорившій изрядно по Русски а болѣе по Пол
ски. На вопросъ, ему сдѣланный, кто онъ и гдѣ учился наше
языку, онъ отвѣчалъ, что онъ Полякъ, выѣхавшій съ Бурнаш
вымъ въ Грузію, а потомъ улалившійся въ Имеретію съ братом
и что нынѣ служитъ въ войскѣ Царскомъ, блокирующемъ кр
пость Цхывши. Не входя въ дальнее съ нимъ объясненіе, я с
спросилъ о ихъ успѣхахъ противъ Дадіана.

Онъ же мнѣ разсказалъ, что нѣсколько дней тому назад
ріѣхавшій въ армію Сердарь, Князь Кайхосро Церетель, хотя и з
бирался уже и далеко въ Лечхумъ, но, убоявшись Дадіана, бол
шую силу на встрѣчу отрядившаго, ретировался подъ крѣпос
Цхывши, и хотѣлъ оную принудить; но какъ оная довольно
крѣплена, чтобы слабому Имеретинскому войску противустоя
то его испытаніе было тщетно; ибо ихъ крѣпости Имеретинце
поподчивали пушечными выстрѣлами и оными у нихъ убили
человѣкъ, а Сердарь, перепугавшись, отступилъ и опрометью
Царю прискакалъ съ симъ печальнымъ извѣстіемъ, которое и Е
Высочество до глубины сердца тронуло.

Что двѣ кучи, мною видѣнныя, конныхъ и пѣшихъ, къ ш
лашу Царскому поднявшіяся, были Сердарь, ретировавшійся
свитою, и пріѣхавшій откуда, то Соломонъ Мдиванъ.

Того же вечера я нечаянно встрѣтился съ моимъ Арсуе
и между прочимъ ему сказалъ, что я, кажется, видѣлъ Сердар

бывшаго нѣсколько дней въ отлучкѣ и путеводительствовавшаго храбрымъ воинствомъ, то возвращеніе его не по поводу ли какой ни будь побѣды, надъ непріятелемъ одержанной?

Но сей плутъ отвѣчалъ, что хотя гласной побѣды ни какой еще нѣтъ, а ожидать оной вскорѣ можно; но что Сердарь пріѣхалъ для того, чтобы завтрашній день, который былъ праздникъ Преображенія Господня, отслушать съ Царемъ обѣдню, а сегодня всенощную.

Все сіе было весьма хорошо. Соломонъ Мдиванъ пріѣхалъ, и меня заставилъ размышлять о томъ, что будетъ, и чего не будетъ.

Поздно вечеромъ Князь Зурабъ Церетель прислалъ ко мнѣ фрукты съ своимъ человѣкомъ, и ему поручилъ меня тайно предувѣдомить, что хотя Соломонъ Мдиванъ и довольно рано пріѣхалъ, но токмо отдалъ Царю много писемъ, а разговоровъ съ Его Высочествомъ не имѣлъ, и что Царь, отложивъ оныя до завтра, отдалъ Соломону грамоту для чтенія (ту, которую я Царю, пріѣхавъ, вручилъ). Такъ же, что гость сей имѣетъ какое-то письмецо ко мнѣ изъ Тифлиса, то что не разсужу ли я кого ни будь къ нему за онымъ отъ себя послать? Еще же, что изъ Россіи прибылъ въ Тифлисъ Царевичъ Багратъ, и что о семъ извѣстіе привезъ Соломонъ Мдиванъ.

Августа 6, по утру, я послалъ Казака къ Князю Соломону Мдивану, поздравить его съ пріѣздомъ и спросить, не имѣетъ ли ко мнѣ изъ Грузіи писемъ? Онъ же мнѣ, чрезъ сего Казака, приказалъ отвѣчать, что черезъ минуту будетъ ко мнѣ самъ, для врученія мнѣ лично имѣющагося у него письма.

Чрезъ полчаса онъ ко мнѣ пріѣхалъ, а Яковлевъ, его увидѣвъ, тихонько сказалъ, что онъ самой тотъ, о которомъ онъ мнѣ говорилъ.

Съ привѣтствіемъ онъ мнѣ вручилъ письмо отъ Правителя Грузіи Г. Д. С. С. Коваленскаго, въ которомъ Его Превосходительство изъясняетъ слѣдующее: что имѣя (откуда-то) офиціальное отношеніе о моемъ въ Имеретіи пребываніи, онъ за удовольствіе себѣ поставляетъ возобновить прежнее со мною знакомство и, пользуясь симъ случаемъ, мнѣ рекомендовать вручителя письма его, Князя Соломона Леонидзе, находившагося въ Тифлисѣ по дѣламъ Царя Имеретинскаго, а нынѣ Его Высочествомъ вызваннаго для совѣщанія по предмету моей миссіи, который, по увѣренію въ семъ письмѣ Г. Коваленскаго, не токмо ему далъ слово сл—

нить Царя на освобожденіе Царевича Константина, но, по ус
дію своему къ интересамъ нашимъ, и на дальнѣйшіе предметы, в
періи полезныя.

А въ P. S. письма сего Г. Коваленскій приписалъ собстве
ною рукою: что краткость времени ему не позволяетъ мнѣ о
сать внутреннихъ Грузіи обстоятельствъ, но что онъ бы мнѣ не с
вѣтовалъ, на обратномъ пути въ Россію, ѣхать черезъ Грузію,
тою же дорогою, которою я прибылъ въ Имеретію. Что не в
мущеніе, въ Кахетіи и Кизикѣ ознаменовавшееся, можетъ для м
ня быть опасно, и его побуждаетъ мнѣ подавать (столь благ
совѣтъ сей, но пресѣченіе коммуникаціи изъ Грузіи въ Росс
отъ неспокойствъ Тагнурцовъ и Осетинцовъ, въ горахъ, чре
коихъ идетъ дорога, живущихъ, можетъ содѣлать путь сей для м
ня затруднительнымъ. Впрочемъ, заключаетъ Г. Коваленскій, к
залось бы, чтобы могъ снестись предварительно съ нимъ по се
предмету, испрося на то дозволенія Его Высочества, Царя.

Прочетши оное, я съ Княземъ Леонидзе изъяснялся въ к
ротскихъ словахъ о настоящемъ положеніи дѣла, о сомнѣніи Ц
ря и его недовѣрчивости къ Высочайшимъ словамъ, предварител
но со всѣхъ сторонъ его обезпечивающимъ, и просилъ его уп
требить свое посредство къ преклоненію Царя. Онъ весьма с
кровенно мнѣ отозвался, что естьли Его Высочество не исполни
желанія Государя Императора, то развѣ захочетъ быть и себѣ
Царству своему врагомъ, а при томъ Князь Леонидзе мнѣ пр
мѣтилъ, что онъ, по прочтеніи Высочайшей грамоты, Царю с
бы тоже истолковалъ, и почти его убѣдилъ, но что нѣкотор
изъ ведьможъ стараются Царя отвлекать отъ того.

Я любопытствовалъ у него, какую пользу они въ то
находятъ.

Леонидзе продолжалъ, что они суть тѣ, которымъ отда
деревни несчастнаго Царевича, и что опасаются, чтобы, съ осв
божденіемъ его, имъ оныхъ со временемъ не лишиться.

Въ заключеніе же всего онъ осыпалъ меня увѣреніемъ, ч
не взирая ни на какія противоборства, онъ употребитъ всѣ
можное стараніе къ тому, чтобы Царь, для собственной сво
пользы, Высочайшую Его Императорскаго Величества волю неп
мѣнно исполнилъ.

Разставшись съ симъ гостемъ, обратился я паки къ письм
мъ отъ Г. Правителя Грузіи мнѣ врученному. Вникая въ смыс

наго, находилъ я въ немъ много учтивства, но начало онаго: что онъ имѣетъ офиціальное отношеніе о моемъ въ Имеретіи пре-ываніи,» меня удивляло; ибо, проходя мысленно Высочайшія ве-лѣнія, коими я, при отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга, и пись-енно и устно отъ Его Свѣтлости Вице-Канцлера снабженъ, и е находилъ ни малѣйшаго съ оными согласія, чтобы Г. Кова-енскій откуда либо могъ имѣть офиціальное отношеніе о моей иссіи, до него ни мало не касающейся.

Не распространяясь въ дальнее сужденіе о рекомендаціи, въ сдѣланной Г. Коваленскимъ о Князѣ Леонидзе, такъ же ни ало не согласующейся съ нѣкоторыми свѣдѣніями, о измѣнникѣ емъ мною пріобрѣтенными, долженъ я былъ оставить времени и бстоятельствамъ оную оправдать, или охулить. Вникнувши же въ . S. письма Г. Коваленскаго, я дозволилъ себѣ безошибочно ыслить, что Г. Коваленскій, кромѣ того, что вмѣшался не въ ое дѣло, еще и сумазбродствуетъ.

Благой его совѣтъ не есть ли сумашествіе? Естьли бы миссія оя совершилась успѣшно, то развѣ для того бы я послѣдовалъ ному, чтобы погубить юнаго Царевича, коего цѣлость для меня, онечно, была бы священнѣе, нежели собственно моей персоны? бо, кромѣ неописанной трудности въ пути чрезъ Снѣговыя го-ы, ежеминутно подвергалъ бы я его опасности быть похищен-ымъ хищниками, которые бы, конечно, случая сего не упустили отребить въ пользу, или по собственной своей догадкѣ, или о тайному наущенію Царя, дабы пріобрѣсть великія суммы, ко-орыхъ бы Высочайшій Дворъ не пощадилъ для выкупа и спа-енія сего Царевича. А при томъ Г. Коваленскій, естьли имѣлъ фиціальное откуда либо отношеніе, то долженствовалъ бы так-е знать, что, кромѣ открытаго предписанія Главнокомандовавша-о, у меня имѣвшагося, по секретному предписанію его къ Ко-андующему въ Грузіи, Г. Генералу-Маіору Лазареву, о всѣхъ отребныхъ мнѣ вспомоществованіяхъ, сдѣланы были уже симъ ослѣднимъ всѣ распоряженія, дабы, по моему востребованію, не-амедленно меня встрѣтилъ конвой изъ Сурасма и въ границахъ Име-ретіи, естьли бъ надобность въ томъ случилась.

Останавливаясь на семъ, предоставляю я всякому судить без-пристрастно и дѣлать о семъ подвигѣ Г. Правителя Грузіи за-ключенія по продолженію сего журнала.

Подъ вечеръ прибыло къ Царю еще до 500 человѣкъ кон-наго и пѣшаго войска, которое расположилось въ лощинѣ, на

рѣкѣ, подъ горою. Сего же вечера до меня дошло свѣдѣніе, ч
Царь, не надѣясь, съ однимъ своимъ войскомъ, покорить Дадіан
выписалъ, чрезъ Пашу Ахалцыхскаго, множество Лезгинцевъ,
что Его Высочество изволитъ самъ вскорѣ отправиться въ ар
свою, а меня отправитъ до своего туда отъѣзда.

Августа 7, по утру, пріѣхали ко мнѣ Князья: Салтхуцесъ Ц
ретель, Авали-Швили и Леонидзе, для переговора со мною, о
имени Царя, въ отвѣтъ на мой съ ними разговоръ 4 числа.

Какъ обыкновенно, Князь Церетель былъ ораторъ, то и в
семъ случаѣ Князь Леонидзе, хотя и по Русски недурно изъясня
ся, однако ему преимущество уступилъ; и такъ Князь Цер
телъ говорилъ:

«Что Его Высочество, хотя и въ юныхъ еще лѣтахъ, но и
полной мѣрѣ чувствуетъ цѣну милостей къ себѣ Его Император
скаго Величества; что по тому, со всѣмъ своимъ усердіемъ, Ца
готовъ исполнить Высочайшую Его Величества волю, но находи
ся въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ, что съ исполненіемъ сво
хотя и казалось бы, что Царство его и самая его особа пр
обрѣтутъ благополучіе, какъ о томъ Его Высочество, по силѣ В
сочайшей грамоты, понимаетъ, но что, вмѣсто того, и Царство е
можетъ прійти въ упадокъ, и его особа осрамиться.»

Съ удивленіемъ я ихъ вопросилъ, что сіе за заключеніе?

Они же продолжали: «то еще гораздо прежде моего к
Имеретію прибытія, настоящія обстоятельства уже существовал
т. е., что Царь имѣлъ войну съ сосѣдственнымъ Владѣльцемъ, Кн
земъ Дадіаномъ. Что Его Высочество до сего дня имѣетъ нѣкот
рымъ образомъ желаемый успѣхъ, покоривъ 3 крѣпости и много
селенія области Лечхумской, владѣльцы или помѣщики коихъ уп
нили Царю въ вѣрности присягу, и что теперь остается войну дока
чить токмо взятіемъ крѣпости Цхывши. И что по тому, естьли Цар
освободивъ Царевича, со мною онаго въ Россію отправитъ, то чт
всѣ вообще подумаютъ, что Его Высочество то исполнилъ по н
кому либо принужденію, или боязни, отъ Императора Россійскаго
а не добровольно, и что слѣдствія изъ того могутъ быть тѣ, чт
помянутые покоренные владѣльцы восхотятъ тѣмъ воспользовать
ся и отрекутся отъ своей присяги, и паки обратятся къ Князю
Дадіану, и тѣмъ обратятъ въ ничтожество успѣхъ, который Цар
имѣлъ и имѣть намѣревается.»

Я сдѣлалъ имъ на сіе возраженіе, что образъ моихъ мысл

ь мыслями Его Высочества не сообразуется, и именно по тому, что
:ли Его Высочеству угодно понять по прямому слово Импера-
орское, въ Высочайшей грамотѣ изображенное, и онаго силу, то,
напротивъ, когда до свѣдѣнія непріятелей, Царемъ покоренныхъ
непокоренныхъ, дойдетъ, что Его Высочество исполнилъ жела-
е Государя Императора, по силѣ Всемилостивѣйшей грамоты, и
го, во взаимство подвига таковаго, Его Императорское Величе-
во обнадежить Царя соизволилъ Высочайшимъ покровитель-
вомъ не токмо Царю, но и всему Царству его, то что тогда
непріятели не осмѣлятся предпріять ни чего противъ власти Царя,
напротивъ, съ покорностію предъ нимъ повергнутся, сосѣди же
удутъ снискивать дружество Его Высочества.

Князь Церетель, по общему между собою соглашенію, на
е говорилъ: «что хотя мое сужденіе и неоспоримо, но что Царь
ь таковомъ находясь опасеніи, не прежде согласится исполнить
ысочайшую Его Императорскаго Величества волю, какъ по до-
ршеніи начатыхъ противъ непріятеля дѣйствій, въ разсужденіи
ого, что народъ непросвѣщенный, привыкшій послѣдовать пер-
ымъ движеніямъ разсудка, или не понявъ порядочно существа
ѣла, можетъ на что ни будь подобное, мнѣ отъ нихъ уже ска-
анному, посягнуть. А что доставленіе способовъ къ довершенію
го предпріятій можетъ въ семъ случаѣ зависѣть отъ меня.»

Смекнувъ, къ чему они добираются, я, однако же, будто не
онявъ, у нихъ спросилъ, въ чемъ отъ меня то зависѣть можетъ?

Князь Леонидзе вызвался отвѣтомъ: «что какъ на границѣ
рузіи расположено достаточное число войска, то что нельзя ли
удетъ онаго сколько ни будь употребить для устрашенія непрія-
ля Царскаго, начавъ тѣмъ, чтобы принудить крѣпость Цхывши
аться, что будетъ довольно для распространенія Царю безпре-
ятственнаго покоренія себѣ всѣхъ Дадіановыхъ областей.»

На сіе нечего мнѣ было сказать иного, какъ что ни я, ни-
е Главнокомандующій въ Грузіи, того исполнить не въ силахъ,
езъ особаго на то Высочайшаго соизволенія Государя Им-
ератора.

Князь же Леонидзе мнѣ сдѣлалъ предложеніе: «что поелику
ѣхать назадъ располагаюсь черезъ Грузію, то для чего же,
рѣхавъ въ Тифлисъ, оттуда не сдѣлать мнѣ представленія куда
лѣдуетъ, для испрошенія у Государя Императора Высочайшей
езолюціи на просьбу сію Его Высочества Царя? Что, по его

мнѣнію, въ 40 дней изъ Петербурга можетъ въ Тифлисъ обратиться отвѣтъ на сіе представленіе, который, если для Царя будетъ удовлетворителенъ, то Его Высочество тогда, безъ малѣйшаго отлагательства, все исполнитъ по Высочайшей волѣ Государя Императора.» Но я имъ отвѣчалъ: что отвѣта изъ Петербурга не прежде ожидать можно, какъ дней въ 70, а не въ 40: а въ заключеніе всего, что имъ даю на замѣчаніе, и для донесенія Царю подтверждаю: что какъ Его Императорскаго Величества всегдашнее есть желаніе, чтобы со всѣми сосѣдственными областями пребывать въ отношеніяхъ дружественныхъ, то что я сомнѣваюсь, чтобы Государь Императоръ, не бывъ извѣстенъ объ истинной причинѣ, непріязненныя и военныя дѣйствія между Его Высочествомъ и Княземъ Дадіаномъ произведшей, восхотѣлъ бы въ оныхъ соучаствовать.

Князь же Леонидзе, по Персидски, черезъ переводчика, мнѣ на сіе, именемъ Царя, говорилъ: «что Его Высочество, возымѣвъ твердое намѣреніе въ непродолжительномъ времени окончить войну съ Княземъ Дадіаномъ, изволитъ вскорѣ самъ въ походъ отправиться, и не прежде можетъ рѣшиться Царевича Константина въ Россію отпустить, какъ когда войну окончаетъ благоуспѣшно. Но что, въ уваженіе Высочайшаго предстательства Его Императорскаго Величества, Царь, возвратясь изъ похода въ Кутаисъ, столицу Имеретіи, дастъ Царевичу свободу и, смотря по обстоятельствамъ, его или оставитъ при себѣ, и приличнымъ образомъ, какъ законнаго по себѣ наслѣдника, будетъ воспитывать, или же отпуститъ въ Россію».»

Но я вельможъ сихъ просилъ доложить Царю, что равнымъ образомъ я, хотя въ лѣтахъ весьма юныхъ, но глубину смысла сего намѣренія Царскаго постигаю. Однако жъ, что не бывъ отъ Государя Императора, или же Высочайшимъ Его Величества именемъ отъ Министерства, уполномоченъ ни на какія по предмету моей миссіи предположенія или соглашенія, а ограничиваясь содержаніемъ Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты Его Высочеству мною поднесенной, и полагая, что Его Высочеству долженствуетъ быть угодно употребить въ пользу столь благопріятный случай, съ Неба ему ниспосылаемый, обращеніемъ къ себя Высочайшаго Его Императорскаго Величества покровительства и благоволенія, я ожидаю токмо того, чтобы, по силѣ грамоты, Царевичъ Константинъ, получивъ свободу, былъ мнѣ отъ

Царя препоручень, для доставленія въ Россію къ Высочайшему Двору.

Вельможи, перетолковавъ между собою, отъ меня поѣхали, для донесенія о всемъ Царю.

Вникнувши порядочно въ сей разговоръ вельможъ со мною, въ которомъ часто говорилъ Князь Леонидзе, не трудно примѣтить, что расположеніе онаго не токмо съ прежними ихъ со мною сношеніями не сходствовало, но едва ли не истекло изъ внутрыхъ соображеній Князя Леонидзе, столь сильно Правителемъ Грузіи, Г. Коваленскимъ, рекомендованнаго. Ибо прежнія мои съ Царемъ и вельможами переговоры наполнены были съ ихъ стороны опасеніями и недовѣрчивостію, а сей формальнымъ предложеніемъ о вспомоществованіи оружіемъ, и наконецъ тѣмъ, что если того не будетъ, то и Царь, по желанію Государя Императора, не исполнитъ. По чему и долженъ я былъ заключить, что или Князь Леонидзе что ни будь изъ Тифлиса привезъ къ Царю въ письмѣ, а что Царь полагался, или же тѣми мыслями руководствовался, чтобы интриги Царя оправдать въ томъ, что если бы съ нашей стороны не было злаго умысла противъ Царя, съ которымъ мы требуемъ Царевича, то мы бы не отказали ему вспомоществованія оружіемъ противъ Дадіана.

Пришедшіе на канунѣ въ Хинцкара 500 человѣкъ воинства, отправились въ походъ въ Лечхумъ, около полудни, а за ними ожидали еще до 700 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ. Пушки же спокойно оставались на томъ же мѣстѣ, по той причинѣ, что все еще по окрестнымъ селеніямъ искали воловъ, на коихъ двигаться оныя долженствовали.

Августа 8 аргусъ мой, Князь Бежанъ Аваловъ, посѣтившій меня между прочимъ съ увѣреніемъ о усердіи и старательствѣ своемъ къ убѣжденію яко бы Царя на исполненіе Высочайшей воли Государя Императора, мнѣ повторилъ рѣшимость Царя по предмету сему, такъ какъ о томъ. вельможи на канунѣ, въ заключеніе моего съ ними разговора, мнѣ объявили.

9-го, въ 8 часовъ по утру, прислалъ ко мнѣ Царь тѣхъ же вельможъ, кои у меня были 7 числа: сообщенія ими мнѣ, отъ имени Его Высочества учиненныя, состояли въ краткомъ повтореніи третьягоднишняго ихъ со мною разговора, съ присовокупленіемъ, что и Его Высочество, имѣя столь основательныя, по его мнѣнію, причины. и доводы къ оправданію себя предъ Его Император-

скимъ Величествомъ, не на иное что рѣшился, какъ на то, чтобы меня отправить въ Тифлисъ съ тѣмъ, чтобы я оттуда донесъ куда слѣдуетъ объ обстоятельствахъ, Царю препятствующихъ, Высочайшей волѣ Государя Императора повиноваться, и что если Государю Императору не будетъ то благоугодно, чтобы Царевичъ, по освобожденіи изъ заточенія, оставался при Царѣ, то что тогда Царь, коль скоро о томъ будетъ увѣдомленъ, его немедленно пришлетъ ко мнѣ въ Тифлисъ съ своимъ чиновникомъ.»

Я же, для донесенія Его Высочеству, имъ повторилъ прежде мною уже говоренное, т. е., что не осмѣливаюсь ни въ какомъ случаѣ преступить предѣловъ смысла Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, мною Его Высочеству поднесенной, и что при томъ я вынуждаюсь оказать мое удивленіе въ томъ, что Его Высочество все еще изволитъ колебаться; осмѣливаясь, однако же, питать надежду, что, послѣ неоднократныхъ увѣреній, изъ собственныхъ устъ Царя мною слышанныхъ о желаніи его воспользоваться милостью и высокимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, Его Высочеству можетъ быть угодно ныне въ половинѣ исполнить Высочайшую Государя Императора волю, а точно, какъ изображена она въ Высочайшей грамотѣ, т. е. Царевича Константина освободить, и мнѣ его препоручить, для доставленія въ Россію.

Поѣхавшіе отъ меня вельможи, для донесенія сего моего отвѣта Царю, часа черезъ два ко мнѣ паки возвратились, для сообщенія мнѣ, «что на таковое ихъ донесеніе Его Высочество имъ объявить приказалъ:», что онъ, не будучи въ состояніи рѣшимости своей отмѣнить, изволитъ написать отвѣтную грамоту къ Его Императорскому Величеству, въ которой все подробно будетъ изъяснено, и съ которою чтобы я поѣхалъ въ Грузію, для отправленія оной къ Государю Императору. И что, буде на оную послѣдуетъ каковое либо Высочайшее соизволеніе, то что Царь, по полученіи о томъ отъ меня увѣдомленія, сообразно оному тогда поступитъ.»

Принужденъ будучи такимъ образомъ согласиться на желаніе Царя, я имъ отвѣчалъ, что, поелику таковая Его Высочества есть воля, то я оную принужденнымъ себя видя исполнить, черезъ нихъ, однако же, Царя предварить честь имѣю, что, по отправленіи изъ Тифлиса грамоты Его Высочества къ Государю Императору, я тамъ останусь ожидать Высочайшихъ повелѣній, или отвѣтной Его Императорскаго Величества къ Царю грамоты.

Въ заключеніе же сего моего съ вельможами разговора, я ихъ просилъ доложить Царю, что я смѣю надѣяться имѣть честь явиться къ Его Высочеству съ почтеніемъ при моемъ отъѣздѣ.

Того же вечера былъ я приглашенъ къ Царю.

Его Высочество, изъявивъ притворное сожалѣніе свое къ тому, что обстоятельства ему воспрепятствовали повиноваться Высочайшей волѣ Государя Императора, обратился и ко мнѣ съ таковымъ же убѣжденіемъ, чтобы я тѣмъ не огорчился.

А по полученіи отъ Его Высочества грамоты на Высочайшее Его Императорскаго Величества имя, я Царю донесъ, что неотмѣнно, по прибытіи моемъ въ Тифлисъ, оную я не премину отправить надлежащимъ образомъ, и останусь тамъ ожидать Высочайшихъ повелѣній или отвѣтной отъ Государя Императора къ Его Высочеству грамоты, присовокупивъ къ тому, что я пребываю въ твердой надеждѣ, что если Его Императорское Величество, и по полученіи Его Высочества сей грамоты, не соизволитъ отмѣнить своего Высочайшаго желанія видѣть Царевича Константина при Высочайшемъ своемъ Дворѣ, и таковое Высочайшее свое желаніе Его Высочеству паки изъявить соизволитъ, то что Его Высочество тогда оное не укоснительно исполнитъ.

Царь не токмо обѣщалъ, но и далъ мнѣ въ томъ клятву. Въ заключеніе же сего послѣдняго моего съ Царемъ свиданія, я счелъ за необходимое Его Высочество просить, чтобы, съ освобожденіемъ Царевича, котораго я не инако теперь почитать долженъ, какъ священнѣйшимъ залогомъ благонамѣренности и приверженности Его Высочества, по примѣру предковъ его къ престолу Всероссійскому, было отъ него приказано, кому слѣдуетъ, наблюденіи и сохраненіи его здоровья.

Царь обѣщалъ клятвенно и сіе непремѣнно исполнять.

И такъ, простившись съ Его Высочествомъ, я спросилъ у него, когда угодно приказать, мнѣ будетъ ѣхать? Царь же мнѣ отвѣчалъ, «что, поелику завтрашняго утра послѣ обѣдни онъ намѣревается самъ въ походъ отправиться противъ Дадіана, то что могу ѣхать въ то же время; а что касается до способовъ и спомоществованій, мнѣ потребныхъ въ путешествіи, то что уже о томъ повелѣнія отданы.»

Принесши Его Высочеству мою нижайшую за сіе благодарность, и пожелавъ ему возможныхъ успѣховъ въ предпріемомъ моемъ путешествіи на войну, я осмѣлился у Его Высочест

одной и послѣдней милости, состоявшей въ томъ, чтобы онъ дозволилъ Салтхуцелу Князю Церетелю меня проводить до самой границы Грузіи.

Причина же, къ сему меня побудившая, есть немалой важности, а именно:

Въ теченіи моего въ Имеретіи пребыванія, безпрестанно достигали до меня вѣрные слухи о набѣгахъ, чинимыхъ Лезгинскими хищниками на границы Грузинскія, о намѣреніяхъ Царевичей Грузинскихъ, въ Имеретіи укрывающихся, учинить съ сими хищниками нападеніе на Грузію, въ коей происходили уже внутреннія неспокойствія, а при томъ что многочисленныя толпы Лезгинцовъ собирались и въ самой Имеретіи, по приглашенію Царя, для покоренія, съ помощію ихъ, владѣльца Дадіана, то сколько по опасенію, чтобы на пути не быть ими захвачену, столько, и еще болѣе, по тому, что Князь Зурабъ Церетель, Россіи весьма преданный, неоднократно, въ моихъ съ нимъ разговорахъ, мнѣ давалъ чувствовать, что онъ бы желалъ меня провожать на моемъ пути изъ Имеретіи до Грузіи, и наконецъ что сей чиновникъ, имѣя въ Царствѣ величайшее отъ народа уваженіе и почтеніе, могъ мнѣ служить защитою во всякомъ случаѣ, а также вѣрнѣйшая моя цѣль стремилась къ тому, чтобы откровенностію сей особы сколько можно болѣе воспользоватся въ продолженіе моего путешествія безъ свидѣтелей и аргусовъ; ибо, какъ я выше упомянулъ, сей Князь, подъ видомъ болѣзни, проживалъ, до моего въ Имеретію прибытія, въ своей деревнѣ, дабы не имѣть участія въ предпріятіи Царя своего противъ владѣльца Князя Дадіана, съ коимъ онъ состоитъ въ ближнемъ родствѣ.

Царь, скокько я могъ замѣтить, не весьма охотно на то согласился; однако же, послѣ краткаго раздумья, отозвался, что если мнѣ то пріятно, то и онъ отказать мнѣ въ просьбѣ моей не можетъ.

Раскланявшись съ Его Высочествомъ, такимъ образомъ, я поѣхалъ въ свое убѣжище.

Въ слѣдующій день, Августа 10 дня, послѣ обѣдни, Царь прислалъ ко мнѣ Князя Церетеля и Князя Авалова съ подарками, состоявшими изъ 3 лошадей безъ уборовъ и изъ 200 червонцевъ на мою свиту.

Послѣ сего Князья сіи поѣхали, съ изъявленіемъ благодарности моей къ Царю на обѣдъ.

Въ второмъ часу по полудни увидѣли мы Царя, сѣвшаго на ло-
ь и въ походъ отправившагося. Салтхуцелъ же Князь Зурабъ
етель, проводивъ Царя, пріѣхалъ ко мнѣ, и поелику я совсѣмъ
ъ въ готовности къ пути, то, сѣвъ на лошадей, и мы въ оный
равились.

Пустившись дорогою, по правому берегу рѣки Ріона, въ верхъ
оной лежащею, и достигши до моста, Хидискари именуемаго
езъ который мы переѣзжали Іюля 24 на пути изъ Бари въ
цкара), мы черезъ оный переправились. Поднявшись на гору
не останавливаясь въ селеніи Хывши, въ правѣ у насъ остав-
ися, въ разсужденіи того, что какъ въ ономъ, и въ прочихъ
естныхъ селеніяхъ по лѣвому берегу Ріона лежащихъ свирѣп-
овала прилипчивая болѣзнь. Мы продолжали путешествіе наше
горамъ до селенія Сухова, лежащее на горѣ, въ коемъ мы рас-
ожились для ночлега.

Подъ сею деревнею находится и крѣпость того же имени:
я весьма невелика, и состоитъ изъ башни съ небольшею огра-
, на каменной скалѣ выстроенныхъ въ ущельи горъ. Для Азі-
евъ крѣпость сія, сколь сама по себѣ ни малозначуща, но
етъ назваться непреступною; ибо скала, на вершинѣ коей оная
ружена, совершенно со всѣхъ сторонъ изолирована и весьма
иста. Сія-то самая крѣпость послужила гробомъ несчастному
удъ-Пашѣ, спасшемуся изъ Ахалцыха отъ бунтовщика, досто-
ство его похитившаго, Шерифъ-Паши, и содѣлавшемуся жер-
ю довѣренности своей къ Царю Имеретинскому, убѣжище спер-
ему давшему въ своихъ предѣлахъ, а послѣ, за мзду отъ похи-
еля, Его Высочеству обѣщанную, умертвить варварски его при-
авшему.

Замѣчательнаго о семъ мѣстѣ сказать я болѣе ни чего не мо-
кромѣ того, что селеніе Сухова довольно обширно и лежитъ
прекрасномъ, возвышенномъ и плодоносномъ, мѣстѣ.

Переночевавъ въ селеніи семъ, въ слѣдующій день, 11 числа,
7 часу по утру, отправились мы въ путь. Проѣхавъ дальними
рами и густыми лѣсами, Рачу отъ Имеретіи отдѣляющими, въ
часу достигли мы вершины одной горы, дремучимъ лѣсомъ
руженной, на коей существуетъ небольшой монастырь во имя
Іакова, нѣсколькими Черкесами сооруженный. Настоятель она-
, сѣдиною увѣнчанный старецъ, насъ встрѣтилъ и пригласилъ
отдохновенію и раздѣленію трапезы съ его братіею, на что

мы охотно согласились; ибо усталость наша отъ переѣзда черезъ огромныя сіи горы требовала отдохновенія.

Пока дѣлались приготовленія къ завтраку, любопытство меня влекло смотрѣть сіе священное мѣсто, которое я нахожу достойнымъ описать въ той подробности, съ каковою всѣ предметы онаго я успѣлъ разсмотрѣть, и которую объ обстоятельствахъ и существованіи обители сей, изъ устъ Настоятеля я почерпнулъ.

Пространство, монастыремъ занимаемое, весьма необширно. Какъ церковь весьма убогая, такъ и кельи высѣчены въ горѣ, а съ внѣшней стороны додѣланы на подобіе Малороссійскихъ мазанокъ. Хотя мѣсто сіе можно назвать дикимъ; ибо, кромѣ положенія онаго на вершинѣ горы въ дремучихъ лѣсахъ, оное со всѣхъ сторонъ отдѣлено отъ селеній, однако же нельзя не любоваться изобилію, въ коемъ обитель сія живетъ. Въ амбарахъ имѣется у нихъ много разнаго хлѣба, въ подземныхъ погребахъ разнаго сорта вина и фруктовъ изящныхъ, которые они умѣютъ долго сохранять въ оныхъ, свѣжими. Климатъ мѣста сего весьма прохладный. Съ Сентября мѣсяца выпадаетъ уже на горахъ сей снѣгъ, остающійся до Мая, и бываетъ онаго всякую зиму столько, что вся обитель имъ засыпается, и что монахи около трехъ мѣсяцевъ живутъ совершенно подъ снѣгомъ, прорывая токмо ходы для внутренней коммуникаціи изъ келій къ церкви и къ запаснымъ своимъ амбарамъ.

Завтракъ, чернецами для насъ приготовленный, состоялъ изъ довольнаго количества, на Азіятской вкусъ хорошо приготовленныхъ, плодовъ; ибо тогда былъ какой-то постъ, хорошаго хлѣба и вина изящнаго. Укрѣпивши силы наши сею пищею и, простившись съ гостепріимчивыми монахами, отправились мы снова въ путь. Переѣхавъ еще одну великую гору, и спустившись съ оной мы продолжали путешествіе по равнинамъ, изобильнымъ и можно сказать прелестнымъ, открывая вдали рощи, поля, луга и селенія, составляющія, отъ подошвы горы сей, на великое пространство, до границы Грузіи, владѣнія Фамиліи Князей Церетелевыхъ. Въ 7 часу по полудни прибыли мы въ большое селеніе Салтыбанъ, непремѣнное мѣстопребываніе Салтхуцела Имеретіи. Князя Зураба Церетеля, въ которомъ, по приглашенію помѣщика, насъ сопровождавшаго, мы остановились, не токмо для ночлега, но и для отдохновенія въ слѣдующей день, въ разсужденіи того, что Князь Церетель долженъ былъ отпустить отсюда лошадей—всѣ

ихъ вьюки и подъ верхомъ бывшихъ у свиты моей назади, и
ѣнить оныхъ новыми.

Проѣзжая все помянутое пространство отъ подошвы горы,
ставляющей границу области или владѣній Князей Церетеле-
ыхъ) до сего селенія, мы переправились въ бродъ 16 разъ че-
зъ рѣку Дарючулу.

Селеніе Салату-банъ лежитъ на быстрой рѣкѣ Квирилѣ, впа-
ющей въ Ріонъ близъ Кутаиса, у подошвы горъ, на поло-
мъ скатѣ.

На высокой каменной скалѣ, представляющей высшую вер-
ину всѣхъ горъ, селеніе облегающихъ, находится изрядная крѣ-
сть Модинаве, означающее на Грузинскомъ языкѣ: «Приди, по-
отри!» состоящая изъ 2 регулярно построенныхъ башенъ, камен-
ою оградою соединенныхъ и имѣющихъ 4 небольшихъ пушки.

Внутри ограды выстроилъ Князь Церетель домъ на Европей-
ой вкусъ, и таковой же построенъ и въ селеніи Салату-банъ, съ
іятскимъ смѣшанный.

Я не могу умолчать о томъ удовольствіи, которое я ощущалъ,
нимая взоромъ какъ сіе, такъ и прочія помѣстья Князя Церете-
, и сравнивая оныя съ прочими, черезъ которыя я про-
жалъ въ Рачѣ и въ малой части Имеретіи. Сколько тѣ находят-
въ разореніи и неустройствѣ, столько въ Церетелевыхъ по-
юду видно изобиліе, присмотръ и порядокъ.

Князь Церетель располагался меня принять въ Европейскомъ
юемъ домѣ и въ ономъ угостить по Европейски; но, къ великому
о огорченію, исполнить онъ того не могъ, по той причинѣ, что
ъ домѣ его свирѣпствовала прилипчивая болѣзнь, понудившая
е его семейство домъ оставить и перебраться въ крестьянскія
абы, на край селенія.

Болѣзни сіи, которыя Азіятцы называютъ прилипчивыми, и
которыхъ они варварски поступаютъ съ больными, не иное
о суть, какъ слѣдствія, часто опасныя, собственной ихъ неосто-
ожности и ихъ обжорливости. Какъ главнѣйшая ихъ пища въ
ары состоитъ изъ разныхъ плодовъ, какъ то: дынь, огурцевъ,
ливъ разнаго рода и проч., и какъ они, отъ жадности, ихъ упо-
ребляютъ еще несозрѣлыми, то и страждутъ кровавыми поно-
ами, отъ коихъ, по неимѣнію вовсе способовъ къ излѣченію, весь-
а много умираютъ.

Съ больными поступаютъ варварски; ибо коль скоро кто

неможетъ, то вся семья немедленно изъ дому удалится куда ни будь подалѣе, а больнаго въ домѣ запираютъ, оставляя безъ всякаго призрѣнія, кромѣ что носятъ ему пищу, но и сіе дѣлаетъ такъ, что принесшій пищу, сунувъ оную къ болящему въ окно, въ ту же минуту опрометью отъ дома удаляется. Если же бы больному понадобилось объ чемъ либо съ кѣмъ переговорить, то сей никакъ къ дому не приближается, а, остановясь въ дальнемъ отъ онаго разстояніи, перекрикивается съ страждущимъ во все горло.

По причинѣ таковой-то болѣзни, коею страдала мать Князя Церетеля, не могъ онъ меня принять и угостить въ своемъ домѣ, а показалъ для пребыванія нашего гостинной домъ или огромный амбаръ, внутри коего по 3-мъ стѣнамъ подѣланы помосткы, на подобіе наръ.

Сіи гостинные домы находятся во всякомъ селеніи у зажиточнаго помѣщика. Такъ какъ у Азіятцевъ не въ обычаѣ принимать пріѣзжихъ въ тотъ домъ, который они съ женами, или семьею, занимаютъ, то сіи гостинницы и служатъ для помѣщенія въ оныхъ пріѣзжихъ и самаго Царя, имѣющаго обыкновеніе каждый годъ путешествовать по Царству своему на счетъ подданыхъ своихъ вельможъ, которые, коль скоро кого Царь посѣщеніемъ удостоитъ, долженствуютъ каждый въ своемъ помѣстьѣ Его Высочество со всею многочисленною его свитою угощать и довольствовать, безъ полученія за то платы, во все время, которое благоугодно ему покажется гдѣ пробыть.

Пробывъ въ семъ селеніи весь слѣдующій день, 12-го, въ который Князь Церетель занимался распоряженіемъ о дальнѣйшемъ путешествіи чрезъ мѣста, опасныя отъ набѣговъ и укрывательства хищниковъ Лезгинскихъ, разослалъ по окрестнымъ селеніямъ для собранія конныхъ и пѣшихъ людей вооруженныхъ и для отправленія изъ числа собравшихся обоего рода сорока человѣкъ въ ущелье Чератхеви, на границу Грузіи, дабы открыть партіи Лезгинскія, если таковыя бы въ ономъ засѣли, и немедленно объ оныхъ намъ дать вѣсть. На другой день, Августа 13, въ 7 часовъ по полудни, выѣхали мы благополучно изъ селенія Салту-банъ.

Переправясь въ бродъ черезъ рѣку Квирилу, подъ самымъ селеніемъ, принимающую въ себя всѣ рѣчки, въ Имеретію истекающія изъ Осетіи, Кавказа, и впадающую близъ Кутаиса въ Рионъ, гдѣ она разливается на великое пространство и течетъ весьма

быстро, мы ѣхали частію ровными мѣстами, а частію горами и лѣсомъ, миновавъ нѣсколько селеній, владѣнія Князя Церетеля, и около 7 часовъ вечера, достигнувъ небольшой деревни Корбаулъ, послѣдней изъ помѣстьевъ сего Князя, близъ границы Грузіи, въ лѣсу лежащей, расположились въ оной для ночлега.

Августа 14, около 10 часа по полудни, мы выѣхали изъ Корбаулъ. Спустясь съ большой горы густымъ лѣсомъ и весьма песчаными и каменистыми крутыми тропинками и извилинами, и переправясь въ самомъ ущельѣ черезъ рѣку Дзирилу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ оную впадаетъ рѣчка Лашадхе, столь же трудно мы поднимались на другую высокую гору, на вершинѣ которой мы остановились на лугу, въ рощѣ, для отдохновенія и подкрѣпленія себя пищею. На семъ мѣстѣ къ намъ явилось 40 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ Имеретинцевъ, изъ Чератхевскаго ущелья возвратившихся, съ донесеніемъ, что они не открыли ни малѣйшихъ слѣдовъ Лезгинскихъ партій, и что опасности намъ не предстоитъ.

По отдохновеніи на семъ мѣстѣ, часу въ третьемъ по полудни, мы отправились паки въ путь съ большимъ уже прикрытіемъ Имеретинскаго вооруженія, умножившимся явившимися 40 человѣками, и состоявшимъ почти изъ ста конныхъ и пѣшихъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ людей.

Спустившись полого съ сей горы, въѣхали въ ущелье, Чератхеви, именуемое по рѣчкѣ по оному, того имени, протекающей.

Ущелье сіе, по положенію своему ужасъ наводящее, заслуживаетъ нѣкотораго описанія, которое я, сколько можно короче и внятнѣе, сдѣлать постараюсь. Спустившись полого съ горы, какъ выше сказано, въѣхали мы въ лѣсистую дефилею, весьма тѣсную, ограниченную съ обѣихъ сторонъ высокими утесами, продолжавшуюся съ $^1/_4$ версты и окончившуюся лощиною циркулообразною, могущею имѣть въ діаметрѣ саженъ 60 и окруженную высокими горами, густымъ лѣсомъ обросшими. Въ 4 частяхъ окружности оной видны дороги, въ горахъ скрывающіяся, и по лощинѣ, почти крестообразно взаимно пересѣкающіяся: одна дорога, и именно та, по которой мы въ лощину сію въѣхали и путь изъ оной продолжали, ведетъ въ Грузію; другая же, выходя съ рѣчкою Чератхеви изъ ущелья горъ, цѣпь Кавказа составляющихъ, продолжается по таковому же къ горамъ, съ Анатоліею граничущимъ, между Грузію и Имеретію. До занятія Грузіи войсками Россійскими, ущелье сіе всегда было занимаемо Лезгинцами, про-

бравшимися въ оное по вышеписанной дорогѣ отъ Анатол
которые, партіею располагавшись въ ономъ на цѣлое лѣто, раз
ряли транспорты, изъ Имеретіи въ Грузію ходившіе съ виномъ
разными продуктами, а такъ же дѣлали всегда отряды на бл
жайшія Грузинскія селенія для грабежей.

Проѣхавъ ущелье сіе, поднялись весьма грязнымъ лѣсомъ
небольшую гору, и съ оной продолжали ѣхать равниною, луга
и кустарниками украшенною, имѣя по правую руку, разстояніе
верстахъ въ 40, цѣпь горъ, къ Анатоліи прилегающихъ, а по л
вую, въ верстахъ въ 25, таковую же Кавказскую, или верхней К
талиніи; равнина же, по которой мы ѣхать продолжали, вкл
етъ въ себѣ земли нижней Карталиніи, и множество селеній, хи
никами Дагестанскими въ ничтожество обращенныхъ.

Часовъ въ 7 по полудни достигли мы до селенія, Аб
именуемаго.

Прежде нежели я познакомлюсь съ Грузіею, думаю кст
здѣсь будетъ упомянуть хотя въ кратцѣ о характерѣ, обычая
существованіи и образѣ жизни Имеретинцевъ, съ коими я ве
уже разстался... Напрасенъ, однако же, думаю, будетъ трудъ
для продолженія журнала сего, въ томъ видѣ, какъ я принима
за него, было намѣревался. Правда, что пріятно для меня б
бы сохранить въ ономъ памятникъ путешествія и, смѣю быть у
ренъ, любопытныхъ въ ономъ примѣчаній, до края сего кас
щихся въ разныхъ частяхъ. Но трудъ напрасенъ! А дневныя
писки можетъ быть изчезли!

ГРУЗІЯ.

Малая сія область, обитаемая народами разнаго Исповѣданія, въ коихъ Вѣра Христіянская въ ней господствующая, будучи окружена со всѣхъ сторонъ Магометанами и хищническими селеніями, не могла, естественно, собственными своими силами существовать въ безопасности, и рано, или поздно, не подвергнуться горшему и хищничествамъ сосѣдей своихъ.

Царь Ираклій, храбростью своею присоединившій Царство Карталинское къ Кахетинскому, имѣлъ всегда болѣе привязанности къ сему послѣднему, какъ отечественному; но былъ столь благоразуменъ, что ни малѣйше не коснулся до обычаевъ, правъ, чиновъ и достоинствъ присоединеннаго къ державѣ Кахетинской Царства Карталинскаго, но оставилъ оныя на основаніи, издревле существовавшемъ, нечувствительно при томъ предпочитая Кахетинцевъ, данными позволеніемъ Карталинцамъ переселяться въ Кахетію, безъ исключенія изъ сего преимущества и самихъ крестьянъ.

По мѣрѣ престарѣлости Царя Ираклія ослабѣвало и управленіе во всѣхъ частяхъ Царства, ему подвластныхъ, и безопасность оныхъ отъ внѣшнихъ непріятелей изчезала.

Дагестанцы, завладѣвшіе уже Чарами и Белаканами, всегда Кахетіи повиновавшимися, чинили безпрерывные набѣги не токмо въ Кахетію, опустошая новыя поселенія выходцевъ Карталинскихъ; но, сыскавъ покровительство Паши Ахалцыхскаго, покойнаго отца Шерифъ-Паши, Сабудъ-Пашу свергнувшаго, пробѣгали даже чрезъ его область и въ Карталинію.

Еревань и Ганжа, бывшіе до того данники Царей Кахетинскихъ, воспользовавшись внутреннимъ ослабленіемъ Царства, также уклонялись отъ обязанностей и платы дани.

Финансы сего царства начали совершенно истощаться чувствительнымъ уменьшеніемъ доходовъ по поводу разоренія рудниковъ Лезгинцами, увлеченія ими въ плѣнъ нѣсколькихъ тысячъ душъ и отклонности Ганжи съ Ереваномъ; а расходы чувствительно должны были возрастать для содержанія, при всѣхъ государственныхъ издержкахъ, размножившейся фамиліи Царевъ

Таковыя критическія обстоятельства влекли Царство къ паденію, при глубокой уже старости Царя Ираклія, который, сохранивъ себѣ токмо титулъ Царской, ввѣрилъ оное супругѣ своей, Царицѣ Даріи.

Женщина сія, весьма хитрая, честолюбивая, привязанная къ интересу въ высшей степени, ненавидящая всего того, что хотя мало ей подавало видъ противнаго ея желаніямъ, возъимѣла варварскую систему для пріобрѣтенія сокровищъ съ угнетеніемъ народа. Множество особъ лучшаго дворянства по ея происканію погибло, единственно для пріумноженія собственностей дому Царскому. Первыя жертвы алчности ея были Князья Еристовы, древнѣйшая изъ фамилій горскихъ, поселившихся на рѣкахъ Ксани, Ліахвѣ и Арагвѣ; все имѣніе у нихъ было отнято за измѣну, которая состояла въ оказаніи усердія къ Высочайшему Двору Россійскому вспомоществованіями войскамъ Россійскимъ, бывшимъ въ Грузіи съ Графомъ Тотлебеномъ.

Наконецъ нашествіе Персидскихъ войскъ Ага-Магмета-Хана, разорившихъ до основанія столицу Грузіи и всѣ тѣ мѣста, чрезъ которыя они слѣдовали, и увлекшихъ нѣсколько тысячъ душъ съ собою въ плѣнъ, можно сказать, былъ послѣдній ударъ, приведшій Грузію въ совершенный упадокъ.

Извѣстно, что по просьбѣ Царя Ираклія, блаженныя памяти Императрица Екатерина повелѣть изволила вступить войскамъ въ Грузію, для отраженія Персіянъ, которые, подъ командою Полковника Сыроѣаева, исполнивъ что надобно было, возвратились назадъ въ Россію.

Здоровье Царя Ираклія, ослабѣвая часъ отъ часу, угрожало его кончиной. Царица Дарія сочла случай сей удобнѣйшимъ для утвержденія наслѣдства въ своемъ поколѣніи. Извѣстная ея цѣль была та, чтобъ, постановивъ на Царство сына своего, Юлона, самой неограниченно властвовать.

Употребивъ во зло слабость Царя, супруга своего, убѣдила она его сдѣлать постановленіе о порядкѣ наслѣдственности по изволенію своему такъ, чтобъ старшій сынъ Царскій, Георгій, рожденный отъ перваго брака, наслѣдовалъ Юлону, а по кончинѣ Георгія достоинство Царское чтобъ переходило наслѣдственно братьямъ Георгія, ея сыновьямъ, постепенно, до кончины каждаго изъ нихъ, а по кончинѣ послѣдняго, чтобъ наслѣдство поступило уже Царевичу Давыду.

Выпустивъ сіе постановленіе, Царица Дарія на слѣдующій
нь повелѣла, обнародовавъ оное, привесть къ присягѣ духовен-
ю, дворянство и весь народъ. Но Царь, будучи о томъ изъ-
енъ, и чувствуя нескладность сего постановленія, изъ него вы-
жденнаго злобою супруги, написалъ письмо къ сыну своему,
оргію, въ коемъ предъ нимъ признавался въ томъ, увѣрялъ
о, чтобъ онъ не считалъ законнымъ постановленіе, имъ по при-
жденію сдѣланное, но чтобъ по себѣ поставилъ наслѣдникомъ
аршаго сына своего, Давыда, и о утвержденіи его прибѣгнулъ
къ Высочайшему Двору Россійскому, а письмо сіе чтобъ
анилъ въ тайнѣ до кончины.

По кончинѣ Царя Ираклія, въ Телавѣ, случившейся въ Генв-
рѣ 1798 года, Царица Дарія приступила было къ приведе-
ю въ дѣйство, по завѣщанію супруга своего, но какъ нѣкото-
ые изъ Князей, приверженныхъ къ Царевичу Георгію, были свѣ-
мы о письмѣ, имъ отъ отца полученномъ, которое замыслы
арицы Даріи долженствовало опровергнуть, то, не взирая ни на
кія неистовства, которыя Царица бы въ состояніи была сдѣ-
ть, Царевичъ Георгій былъ провозглашенъ Царемъ, а Царевичи,
о братья, Юлонъ и Парнаозъ, вознегодовавъ на то, разъѣхались
своимъ удѣламъ, и Александръ и Парнаозъ, не имѣвшіе еще
бственностей, и долженствовавшіе получить таковыя по духов-
й Царя, ихъ отца, изъ имѣнія Царицы, ихъ матери, воспользо-
вшись отсутствіемъ ихъ брата, Царевича Миріана, въ Россіи тог-
бывшаго, отправились въ его деревни.

По вступленіи на Царство, Царь Георгій немедленно отнесъ
къ Высочайшему Двору Россійскому съ просьбою о утвержде-
и его на Царствѣ, а по немъ наслѣдникомъ сына его, Царевича
ыда.

Самое начало царствованія его было уже неблагополучно,
раздѣленія братьевъ его и интригъ Царицы, его мачихи, а
послѣдствіи приходило часъ отъ часу въ состояніе худшее.

Царевичи, братья Царскіе, разъѣхавшись въ разныя мѣста,
лонились отъ повиновенія власти Царской и вовлекли съ со-
въ то же многихъ Князей и дворянъ. Царица Дарія, пере-
ъ изъ Телава въ Тифлисъ, завладѣла доходами, по закону
адлежащими супругѣ Царской.

Истощеніе доходовъ казны Царской было чувствительнѣе,
ъ при Царѣ Ираклѣ, а расходы во всѣхъ частяхъ приумножи-

лись, при всѣхъ издержкахъ государственныхъ долженствовали очень естественно возрастать, для содержанія дѣтей Царя Георгія, коихъ Царевичъ Іоаннъ былъ токмо одинъ, получившій отъ отца Царя Ираклія недвижимое имѣніе.

Раздѣленіе Царства на партіи, отъ удалившихся въ разныя стороны Царевичей, угрожало оному междоусобной войной, и по буйному Царя Георгія, коль предлогомъ спасенія отъ внѣшнихъ непріятелей, водворить въ Грузіи нѣсколько (7) тысячъ Персидскихъ войскъ.

Войско сіе хотя и обезпечивало въ безопасности особу Царя, но наиболѣе способствовало конечному разоренію Грузіи, и врожденной имъ склонности къ разореніямъ, коихъ слѣды поселу нынѣ остались.

Княжество и дворянство Грузинское, подпавшее въ подозрѣніе у Царя въ единомышленіи съ братьями, подвергалось наказаніямъ отнятіемъ и разореніемъ имѣнія, а пребывающіе върны къ особѣ Царской, не избѣгали мщенія отъ Царскихъ братьевъ, баратъ, безпрестанно выдаваемые, разоряли купечество и весь народъ, а набогащали Есауловъ, исполнителей оныхъ.

Слабость здоровья Царскаго и безконечныя болѣзни препятствовали ему конечно заниматься дѣлами, и не токмо Царица Дарія, но и супруга его, Царица Марія, имѣвшая немало сообщниковъ, употребляла то въ свою пользу.

Весьма любопытна хитрость, Царицей Маріей употребляемая въ болѣзни Царя и не задолго до его кончины къ пріобрѣтенію лишвы на счетъ разореній.

Царь весьма любилъ послѣдняго изъ сыновей своихъ, Ираклія, оставшагося на второмъ году возраста по смерти Царской. Сего дитятю обыкновенно въ нѣкоторые часы приносили къ Царю, который его всячески ласкалъ, давая ему играть кольцомъ, на которомъ нанизаны были имянная и гербовая печати, употребляемыя для прикладыванія, по обычаю Азіятскому, вмѣсто подписи на бумагахъ, отъ Царя выходящихъ. Нянька, состоящая въ интересахъ Царицы, должна была всегда раздразнить ребенка до слезъ и, коль скоро онъ заплачетъ, то его въ ту же минуту отъ Царя унести къ Царицѣ. А тѣмъ временемъ, пока уклажаютъ маленькаго Ираклія, Мдиваны Ея Высочества посвященные сіе зломъ прикладываютъ печати Царскія на бараты и фальшивыя грамоты, впередъ заготовленныя.

Наконецъ критическое положеніе внутри Царства, раздорами
ѣмиліи Царской двухъ колѣнъ производимое, намѣреніе Цареви-
ей, братьевъ Царскихъ, жертвовать, для своей пользы, отечествомъ
оединеннымъ войскамъ Персидскимъ, Лезгинскимъ и Имеретин-
скимъ, побудили Царя Георгія прибѣгнуть къ Государю Импера-
тору Всероссійскому съ просьбой принять Царство его въ Высо-
чайшее покровительство и подданство.

NB. Утверждаютъ большая часть благомыслящаго дворянства
грузинскаго, что Царь Ираклій уже таковое имѣлъ намѣреніе,
видѣвши пагубу своего Царства, но что Царица Дарія возможныя
къ тому употребляла препятствія, имѣя въ мысляхъ управлять Цар-
ствомъ супруга своего при жизни его, а по кончинѣ еще болѣе, и
для того-то она настаивала у Царя о постановленіи наслѣдственна-
го порядка, какъ выше показано: что Юлонъ во всемъ ей бы по-
новался, не имѣя совсѣмъ способностей самъ собою управлять.

Въ 1798-мъ году Царь намѣреніе свое исполнилъ отправленіе-
мъ къ Высочайшему Двору Россійскому, съ прошеніемъ о Все-
милостивѣйшемъ Государя Императора воззрѣніи на гибельное по-
ложеніе его и Царства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и
защитѣ отъ оныхъ войскомъ.

Его Императорское Величество, удостоивъ вниманія его про-
сьбу, Всемилостивѣйше повелѣть изволилъ: Инспектору Кавказкой
Инспекціи откомандировать съ Линіи 17-й егерскій полкъ, и оно-
му слѣдовать въ Грузію съ Министромъ, отъ Высочайшаго Двора къ
Царю назначеннымъ, Ст. Сов. Коваленскимъ. Сей полкъ выступилъ
съ Линіи въ походъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1800 года. Приходъ она-
го въ Тифлисъ того же года 26 Ноября весьма обрадовалъ Царя
всѣхъ ему преданныхъ, но устрашилъ противниковъ.

Въ скоромъ времени разнесся слухъ по Грузіи, что Россій-
скихъ войскъ въ предѣлы оной вступило 3000 человѣкъ. Въ про-
долженіе же времени, протекшаго со дня отправленія отъ Царя прось-
бы къ Высочайшему Двору о присылкѣ войскъ до прибытія оныхъ
въ Грузію, внутреннія и внѣшнія обстоятельства Царства сего
часъ отъ часу становились хуже, до того даже, что Царь со всей
своей фамиліей долженъ былъ опасаться лишенія жизни: то и рѣ-
шился Его Высочество повергнуть оное въ подданство скипетру
Россійскому. Для чего, до прихода еще войскъ, Его Высочество отпра-
вилъ къ Высочайшему Двору трехъ пословъ: Князей Чавчавадзева,
Исаулова и Палавандова, съ коими егерскій полкъ встрѣтился въ

Казбекѣ, и которыхъ Царь, чрезъ курьера въ слѣдъ за ними посланнаго, обратилъ въ Тифлисъ. Причина сему ихъ обращенію была та, что Министръ, услыхавъ объ отправленіи изъ Грузіи пословъ, написалъ къ Царю, чтобъ онъ ихъ, до прибытія его въ Тифлисъ, не отправлялъ къ Высочайшему Двору, а то, въ противномъ случаѣ, и самъ обратно въ Россію поѣдетъ и войска вернетъ.

Опасенія Царя миновались съ прибытіемъ войскъ Россійскихъ въ Грузію, и замыслы Царевичей и ихъ единомышленныхъ на нѣкоторое время пресѣклись. Въ Тифлисѣ занимались торжествомъ по случаю поднесенія Россійско-Императорскимъ Министромъ инвеституры, отъ Высочайшаго Двора присланной, и Высочайшей грамоты на утвержденіе въ Царскомъ достоинствѣ Царя Георгія, а наслѣдникомъ его, сына его, Царевича Давыда.

Не извѣстно, по какой причинѣ къ торжеству сему не прибыли Царевичи, братья Царскіе, и по сему они не были приведены къ присягѣ.

Торжество сіе было нѣкоторымъ образомъ причиной новыхъ возникшихъ неустройствъ въ Царствѣ Грузинскомъ по поводу утвержденія Высочайшей грамотой наслѣдникомъ Царевича Давыда.

Царь, хотя и былъ обезпеченъ въ безопасности особы своей и Дома своего, но мысли о уступкѣ Царства своего не перемѣнилъ. По окончаніи торжества вознамѣрился онъ отправить къ Высочайшему Двору помянутыхъ трехъ пословъ.

Имѣвши же множество неудовольствій отъ Министра, Г-на Коваленскаго, хотя сей и требовалъ свѣдѣнія о предметѣ ихъ къ Высочайшему Двору отправленія, но ему о истинномъ предметѣ знать не дано, а сообщено токмо, что они отправляются для принесенія благодаренія Его Императорскому Величеству за Всемилостивѣйшее подтвержденіе достоинства Царскаго въ родѣ Георгія и за защиту Грузіи войсками.

Царь Георгій, привыкнувъ уже видѣть Г.-М. Лазарева и нѣкоторую къ нему имѣть довѣренность, призвавъ его однажды къ себѣ, сообщилъ ему за тайну о своемъ предпріятіи, взявъ однако же, съ онаго клятву, подъ присягой, чтобъ оную онъ хранилъ и отъ Министра, а что бумаги по предмету сему уже отправлены впередъ въ Моздокъ къ одному Армянину, для взятія оныхъ съ собою послами оттуда.

Министръ, уже имѣвшій вражду съ Княземъ Чавчавадзевымъ, и опасаясь его поѣздки къ Высочайшему Двору, писалъ Глав-

омандующему Генералу Кноррингу, чтобъ сихъ пословъ съ Линіи озвратить; но Главнокомандующій былъ уже отъ Царя предва- ѣнъ о его намѣреніи, и Его Высочеству далъ увѣреніе въ писмен- омъ отвѣтѣ о томъ, что посламъ ни малѣйшаго затрудненія ѣлано не будетъ къ достиженію до С.-Петербурга.

Спокойствіе въ Грузіи съ прихода войскъ Россійскихъ про- олжалось до весны, сколько по тому, что оныхъ неблагонамѣ- енные страшились, не бывъ въ достаточныхъ силахъ противъ ружія ихъ что либо предпріять, сколько и по времени зимнему, оторое они, однако же, употребляли, какъ изъ послѣдствія видно, ь пріуготовленію чувствительнѣйшаго удара отечеству весной.

Царь, между тѣмъ, надѣясь на оружіе войскъ Россійскихъ, ачалъ мало по малу входить въ свои права: отнялъ у Царицы Даріи оловину токмо доходовъ, принадлежащихъ Царицѣ-супругѣ. Къ римиренію сихъ Царицъ употребленъ Министръ, который въ ѣмъ случаѣ, державъ сторону Царицы Даріи, дѣло болѣе испортилъ, ачавъ убѣждать Царя оставить ее въ покоѣ изъ почтенія, кото- ое къ ней онъ имѣть долженъ; но Царь, сдѣлавъ ей уступку оловины доходовъ, повелѣлъ другою пользоваться супругѣ своей.

Сей подвигъ Царя, сколь ни справедливый, былъ, однако же, оводомъ къ продолженію раздоровъ.

Съ наступленіемъ весны сильная партія неблагонамѣренныхъ ачала торжествовать, будучи ободрена приближеніемъ войскъ ерсидскихъ къ Еревану, предводительствуемыхъ сыномъ Баба- ана, Аббасъ-Мирзой, руководимаго дядькой своимъ, Сулейманъ ардаремъ. Устрашенные жители изъ окрестныхъ селеній Тифли а стекались въ сію столицу, отъ чего самонужнѣйшіе жизнен- ые припасы не токмо вздорожали, но и содѣлался въ оныхъ увствительный недостатокъ. Уныніе народа, обращавшагося въ ѣгство въ безопасныя горныя мѣста къ горамъ Кавказскимъ, аводило болѣе трепетъ и на войска Россійскія.

Внутреннія распоряженія къ защитѣ города, поручилъ Царь удучи весьма слабъ, Министру, который въ семъ случаѣ, какъ вствуетъ, показалъ, что не за свое дѣло взялся; а въ помощь му отдалъ Царь сына своего, Царевича Ивана.

Министръ выдумалъ новаго рода укрѣпленія: онъ выгналъ а городъ до 4000 человѣкъ для рытья канала вокругъ город- кой стѣны. Какъ кажется, мысль его была та, чтобъ каналъ ей служилъ рвомъ, ограниченнымъ съ обѣихъ сторонъ валомъ

изъ вырытой земли, для удержанія нападенія непріятельскаго на городъ, который бы со стѣнъ могъ быть обороняемъ вооруженіемъ жителей; но каналъ или ровъ сей болѣе бы еще могъ благопріятствовать непріятелю, который изъ онаго, конечно, сдѣлалъ бы неприступный и безопасный ложемент (logement).

Рытье сего канала, вмѣстѣ съ тѣснотою городскихъ жилищъ, чрезъ мѣру наполнившихся стекшимся отовсюду народомъ, произвело повѣтріе отъ паровъ разрытыхъ кучъ около стѣны городской, въ которыхъ, между всякой нечистотой, находилось множество согнившихъ тѣлъ послѣ чумы, нѣсколько тому лѣтъ назадъ Тифлисъ опустошившей. Пріумноженіе больныхъ въ детаментѣ Г.-М. Лазарева весьма наводило много безпокойствъ какъ сему начальнику, такъ и Царю въ столь критическихъ обстоятельствахъ, въ продолженіе которыхъ вдругъ получено извѣстіе о побѣгѣ Царевича Александра изъ деревни своей за границу.

А вскорѣ послѣ сего прибылъ къ Царю посланецъ отъ Аббасъ-Мирзы съ предложеніемъ ему, чтобъ онъ по прежнему подвергнулся подъ покровительство Баба-Хана, и чтобъ сему властителю Персіи прислалъ въ знакъ вѣрности аманатомъ старшаго сына своего. Посланцу сему дана была Царемъ въ домѣ Министра великолѣпная аудіенція; не извѣстно, какой онъ получилъ отвѣтъ, но токмо примѣтно было его неспокойствіе отъ множества войска Россійскаго. По отъѣздѣ посланца изъ Тифлиса, приблизились къ столицѣ сей съ немалымъ вооруженіемъ Царевичъ Юлонъ, Вахтангъ и Парнаозъ, подъ предлогомъ тѣмъ чтобъ спасти Царицу Дарію, мать ихъ, отъ угрожающей опасности.

Сколь ни благовидный предлогъ, но весьма не у мѣста было вооруженіе тогда, когда войско Россійское долженствовало защищать всю Грузію во всякомъ случаѣ опасности; по чему и долженъ былъ командующій Генералъ сдѣлать предположительное заключеніе на счетъ злаго Царевичей намѣренія содѣйствовать непріятельскими войсками, которыя, какъ извѣстно было, ими приглашены для избавленія ихъ отечества отъ Россіянъ.

Г.-М. Лазаревъ хотѣлъ самъ разсмотрѣть какъ ихъ силу, такъ и мѣсто ихъ лагеря, и для того испросилъ дозволеніе у Слѣдника, за болѣзнію Царя, ѣхать на мѣсто, гдѣ Царевичи съ войскомъ остановились, подъ предлогомъ свиданія съ Царевичемъ Вахтангомъ, по старому съ нимъ знакомству. Пріѣхавъ на мѣсто

Г.-М. Лазаревъ, узнавъ о количествѣ собравшейся толпы, въ кой было до 3000 вооруженныхъ, испытывалъ и о причинахъ ихъ приближенія; но его увѣряли, что не для чего иного, какъ для пасенія Царицы Даріи изъ Тифлиса въ Душеть, или въ Бѣлоть, ъ случаѣ приближенія непріятельскихъ войскъ къ столицѣ.

Г.-М. Лазаревъ, отправляясь оттуда обратно въ Тифлисъ, ылъ провожаемъ Царевичами, съ оказаніемъ всѣхъ знаковъ учтиости и ласки.

Царь уже отправилъ на встрѣчу сего Генерала одного чиовника съ вопросомъ о замѣчаніяхъ, имъ въ лагерѣ Царевичей дѣланныхъ; но Генералъ Лазаревъ приказалъ донесть Царю, что лѣдующаго утра явится самъ съ донесеніемъ. По прибытіи же ъ Тифлисъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для безопасности орода, а притомъ и поставилъ секретные бекеты около дома Царицы Даріи.

По утру въ слѣдующій день донесъ Г.-М. Лазаревъ Царю ъ подробности о всемъ, что замѣтилъ, и о заключеніи своемъ на четъ истиннаго предмета сего вооруженія. Чрезъ два дня потомъ Министръ, по порученію Царя, ѣздилъ для переговоровъ съ Цаевичами за городъ, какъ заключить должно, для убѣжденія ихъ тложить напрасныя хлопоты. По полудни же явился къ Г.-М. Лазареву Совѣтникъ Грузинской артиллеріи, Князь Назаровъ, съ извѣстіемъ отъ имени Царскаго, что Царица Дарія вознамѣрилась айно уѣхать къ Царевичамъ, а въ слѣдъ за симъ Совѣтникомъ прибылъ, съ подтвержденіемъ того же извѣстія, Секретарь отъ Министра, Карнѣевъ, съ предложеніемъ, чтобъ Г. Лазаревъ бралъ ужныя мѣры. Въ тотъ же часъ жилище Царицы было окружено баталіономъ егерей, караулы у всѣхъ выѣздовъ были удвоены. Царица весьма была тѣмъ озлоблена на Министра, котораго Г.-М. Лазаревъ нашелъ у нея сидящаго, а экипажъ ея весь уже отправленъ былъ въ лагерь къ Царевичамъ.

Спустя шесть дней послѣ сего происшествія, Царевичи съ оруженной толпой ретировались по деревнямъ, а чрезъ два дня отомъ получены были извѣстія, что и Персіяне отъ Еревана тступили къ рѣкѣ Араксу.

Когда видимая опасность отступленіемъ войскъ Персидскихъ иновалась, то жители изъ окрестныхъ селеній, въ Тифлисъ для пасенія собравшіеся, мало по малу изъ онаго опять разошлись; сталисъ же въ столицѣ токмо вооруженные Казахцы. Инспек-

торъ, Г.-Л. Кноррингъ, пребывая на Линіи Кавказской, по видимому, ни малѣйшихъ свѣдѣній о происходящемъ въ Грузіи не получилъ, а токмо отъ Царя доходили до него письма съ повтореніемъ требованій о подкрѣпленіи деташемента войскъ; ибо присылъ къ Г.-М. Лазареву въ теченіе сего времени нарочнаго съ вопросами объ обстоятельствахъ Грузіи. Г.-М. Лазаревъ ему могъ токмо преподать свѣдѣнія о случившемся и о слухахъ, что Дагестанцы намѣреваются, подъ предводительствомъ извѣстнаго Омаръ-Хана Аварскаго, учинить впаденіе въ Грузію.

Слухи о семъ намѣреніи Дагестанцевъ продолжались, Казакское войско изъ Тифлиса не распускалось; а между тѣмъ сдѣлалось повѣтріе кроваваго поносу, отъ коего наиболѣе потерпѣли Казаки; Россійскій же деташементъ ничего не потерпѣлъ.

По извѣстіямъ, отъ Г.-М. Лазарева полученнымъ, и по мнѣнію его о подкрѣпленіи въ Грузіи деташемента, Инспекторъ откомандировалъ въ Грузію мушкетерскій полкъ съ 4-мъ орудіями Г.-М. Гулякова и 100 Казаками.

Полкъ сей еще не достигъ Тифлиса, какъ Г.-М. Лазаревъ получилъ повелѣніе о принятіи дѣлъ отъ Министра, а сей отзывную грамоту. Вскорѣ послѣ сего получилъ Царь извѣстіе, что Омаръ-Ханъ уже приближается съ сильнымъ вооруженіемъ къ границамъ Грузинскимъ.

Царь призвалъ, для совѣщанія о принятіи нужныхъ мѣръ къ оборонѣ, Г.-М. Лазарева, который Царю предложилъ объ отправленіи въ Козакъ кого ни будь изъ сыновей, дабы народъ сей удержать въ повиновеніи, и о написаніи къ Царскимъ братьямъ, чтобъ они въ своихъ помѣстьяхъ собрали вооруженіе для содѣйствія къ оборонѣ. На первое Царь согласился, а на второе отвѣчалъ, что приближеніе Омаръ-Хана суть плоды ихъ произведеній. Г.-М. Лазаревъ представилъ Царю, чтобъ токмо сдѣлать испытаніе, дабы изъ ихъ исполненія, или отказа, тѣмъ лучше было можно о благонамѣренности ихъ судить. Царь и на сіе согласился.

Какъ все сіе въ Тифлисѣ происходило, получилъ Г.-М. Лазаревъ курьева отъ Инспектора съ репримандомъ о невѣрности свѣдѣній, имъ сообщаемыхъ, о намѣреніи Омеръ-Хана впасть въ Грузію, тогда когда онъ искалъ Высочайшаго покровительства Его Императорскаго Величества и когда ему оное уже обѣщано; а отъ Царевича Ивана, въ слѣдъ за симъ получилъ Г.-М. Лазаревъ увѣдомленіе, что Омаръ-Ханъ уже на границѣ.

Г.-М. Лазаревъ, написавъ къ Царевичамъ, Юлону, Вахтангу и Гарнаозу, приглашеніе, по мѣрѣ, положенной, по согласію Царя, выступилъ самъ съ 2-мя баталіонами, егерскимъ и мушкетерскимъ, съ 4-мя орудіями и со 60 Казаками. Одинъ же баталіонъ егерей оставался въ Тифлисѣ, по желанію Царя.

На второмъ маршѣ Царевичъ Иванъ прислалъ къ Г.-М. Лазаревича съ увѣдомленіемъ, что Омаръ-Ханъ съ войсками уже переправился черезъ Алазанъ и движеніе свое располагаетъ къ крѣпости Сигнахской. Г.-М. Лазаревъ, оставивъ съ Г.-М. Гуляковымъ баталіонъ мушкетерскій и 2 егерскія роты, со всѣми при немъ обозами, поспѣшилъ самъ къ помянутой крѣпости съ тремя ротами егерей, 2-мя орудіями и 40 Казаками форсированнымъ маршемъ, а на другой день дошелъ и съ нимъ соединился помянутый Г.-М. Гуляковъ.

Въ ночное время должно было судить по огнямъ непріятельскаго лагеря, отстоявшаго верстахъ въ 30 отъ того мѣста, куда пришли два Росскійскихъ баталіона, о силѣ непріятеля, которая была многочисленна.

По учрежденіи всего нужнаго къ оборонѣ противъ онаго, Г.-М. Лазаревъ отправилъ къ Омаръ-Хану нарочнаго съ письмомъ, въ коемъ ему изъясняя неблагонамѣренный его поступокъ вторженіемъ въ границы области, Россійскими войсками храняемой, тогда еще, когда онъ снискивалъ себѣ покровительство Высочайшаго Двора Россійскаго, и въ томъ уже получилъ увѣреніе отъ Главнокомандующаго Генерала, Г.-М. Лазаревъ примѣтилъ въ оном Омаръ-Хану, что сей его поступокъ не можетъ не навлечь на него справедливаго гнѣва Его Императорскаго Величества, и что гораздо будетъ благоразумнѣе, если онаго избѣгнетъ и, не нарушивъ правъ спокойствія сосѣдственнаго, безъ кровопролитія границы Грузіи оставитъ; а что, въ противномъ случаѣ, оная будетъ усиленно защищаема войсками Его Императорскаго Величества.

Прошло уже два дня, посланный къ Омаръ-Хану еще не возвращался; по сему Г.-М. Лазаревъ разсудилъ за благо сдѣлать движеніе, чтобъ къ непріятельскому лагерю приблизиться, съ тѣмъ намѣреніемъ, что, если отвѣта отъ Омаръ-Хана не будетъ, то чтобъ его атаковать. Намѣреніе сіе Г.-М. Лазарева не понравилось Царевичу Ивану, который тайно согласовался съ предпріятіями дядей своихъ.

Посланный наконецъ воротился съ отвѣтомъ Омаръ-Хана, заключавшимъ увѣреніе о его усердіи и преданности къ Его Императорскому Величеству, и заключеніе, что въ томъ онъ не видитъ никакого нарушенія, или неблагонамѣренности, если онъ вспомоществуетъ прибывшему къ нему гостю, Царевичу Александру, противъ брата его Царя, дѣлающаго ему разныя гоненія и лишающаго его правъ, законно ему принадлежащихъ.

Донесенія же возвратившагося нарочнаго состояли въ томъ, что, по его замѣчанію, непріятельскаго войска по сю сторону въ лагерѣ, находилось до 15,000 человѣкъ; что расположены они по лѣсамъ, въ мѣстахъ весьма крѣпкихъ; что онъ слышалъ отъ нѣкоего Аджи, что на слѣдующій день сіе число будетъ умножено корпусомъ 10,000 человѣкъ.

Г.-М. Лазаревъ, имѣя при своемъ деташементѣ тысячь до 1 Грузинскаго вооруженія, предводительствуемаго Царевичами Ионномъ и Багратомъ, подвинулся со всѣми на разстояніе 4-верстное к лагерю непріятельскому, съ намѣреніемъ оный на разсвѣтѣ атаковать. Расположившись на семъ мѣстѣ, получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Царя нарочнаго, привезшаго письмо отъ Царицы Дарѣ къ Царевичу Александру, въ коемъ она его увѣщавала обратиться отъ поступковъ своихъ ко вреду отечества, но заключая оное напоминовеніемъ, чтобъ онъ не забылъ, что онъ сынъ Царя Ираклія.

Г.-М. Лазаревъ не медля отправилъ сіе письмо къ Царевичу Александру съ нарочнымъ, при своемъ письмѣ, коимъ, повторяя ему увѣщаніе его матери, обѣщалъ ему безопасность и примиреніе съ Царемъ, его братомъ, увѣряя его при томъ, что столь неблаговидными поступками своими онъ подвергается доброволь справедливому гнѣву Государя Императора.

Съ симъ же посланнымъ отправилъ Г.-М. Лазаревъ письмо и къ Омаръ-Хану, съ увѣдомленіемъ о недальнемъ его съ войскомъ Россійскимъ разстояніи отъ лагеря и съ увѣреніемъ, что есть еще время ему отступить, буде хочетъ оное употребить въ пользу.

Вмѣсто даннаго Г.-М. Лазаревымъ срока, какъ Царевичу Александру, такъ и Омаръ-Хану, 4-хъ часовъ для составленія отвѣта рѣшительнаго, продержали посланнаго до утра, ночью отправляя всю пѣхоту по ущеліямъ внутрь Грузіи, асъ разсвѣтомъ конница туда же двинулась. Грузинскія войска въ ту же ночь отретировались; осталась оныхъ весьма малая часть съ Царевичемъ Иваномъ.

Г.-М. Лазаревъ, снявъ свой лагерь, сдѣлалъ движеніе со
ѣмъ деташементомъ своимъ для преслѣдованія непріятеля и для
ресѣченія ему пути. На другой день, догнавъ непріятеля, въ четыре
са по полудни, Г.-М. Лазаревъ имѣлъ съ нимъ сраженіе на рѣ-
Іорѣ, не подалеку отъ разоренной деревни Тахури, Ноября
7-го, весьма для непріятеля кровопролитное.

По сказаніямъ нѣсколькихъ Грузинцевъ, отъ Царевича Алек-
ндра бѣжавшихъ въ отечество, непріятельскаго войска было до
тысячъ; до 4-хъ изъ нихъ Россіянами побито, остальные же раз-
ыми толпами обратились въ бѣгство. Одни ретировались къ Ган-
ѣ, встрѣчены были Ханскими войсками и потерпѣли великій
ронъ; другія, шедшія на Чары и Белоканы, терпѣли голодъ, рас-
одали оружіе, лошадей, за малое количество хлѣба и, съ знат-
ымъ урономъ людей, едва могли добраться до своихъ мѣстъ
ерезъ горы, всегда снѣгами покрытыя.

Предводительствовавшій ими Омаръ-Ханъ, вмѣстѣ Царевичемъ
лександромъ, бѣжали въ Шушу.

Россійскихъ же войскъ на мѣстѣ сраженія находилось въ
строю до 700 человѣкъ, вспомоществуемыхъ Грузинскими до 2,100
ловѣкъ конницы и до 900 пѣхоты.

На пути Г.-М. Лазарева съ деташементомъ своимъ въ пре-
слѣдованіи непріятеля, возвратился въ нему его посланный отъ
маръ-Хана. Сей предводитель отвѣтствовалъ, что онъ слѣдуетъ непо-
средственно для выполненія желаній своего гостя, Царевича Алексан-
ра, а Царевичъ сей писалъ, что онъ идетъ въ селеніе Маркоби,
ля свиданія съ братьями своими и, на чемъ съ ними рѣшится,
ѣщалъ увѣдомить.

По малочисленности войска въ командѣ Г.-М. Лазарева цѣл-
ему было дѣлать наблюденій за поведеніемъ и намѣреніями
аревичей Юлона, Вахтанга, Парнаоза и Миріана, но въ послѣдствіи
ныя открылись. Планъ ихъ былъ тотъ, чтобъ Лезгинскія войска
яли обширное селеніе Загареджи въ Кахетіи, сами Царевичи,
вооруженной толпой Грузинъ, намѣревались занять селеніе
аркоби, также въ Кахетіи и, составивъ отрядъ соединенныхъ
ъ, раздѣлить оныя на 2 части, изъ коихъ одна долженствова-
ла освобождать Тифлисъ отъ Россіянъ, а другая расположить-
на рѣкахъ Ксанѣ и Арагвѣ, для воспрепятствованія, на семъ
ути, отъ Кавказскихъ горъ къ Тифлису ведущемъ, проходу вой-
камъ нашимъ, въ томъ случаѣ, когда бъ изъ Россіи командирова-
ись оныя, для подкрѣпленія находившихся уже въ Грузіи.

Имеритинскій же Царекъ долженствовалъ занять своими силами Карталинію.

Радость въ Тифлисѣ была неописанная при возвращеніи послѣ сраженія Г.-М. Лазарева въ сію столицу съ побѣдоносными войсками Его Императорвкаго Величества. Пушечная пальба и иллюминація продолжались чрезъ четыре дня; Царь одержимъ былъ въ сіе время тяжкою болѣзнію.

Весьма заслуживаетъ замѣчанія поведеніе въ семъ случаѣ Царицы Даріи: когда баталіоны выступали изъ Тифлиса въ походахъ противъ Омаръ-Хана, то Ея Высочество усердно сѣтовала сему походу, оказывая сожалѣніе, что ополченіе Россіянъ, столь малочисленное, будетъ неизбѣжной жертвой побѣды Омаръ-Хана. Когда же ополченіе сіе вступало побѣдоносно въ Тифлисъ, то Ея Высочество съ досады не хотѣла на оное смотрѣть, и сидѣла въ домѣ своемъ во все то время съ закрытыми окнами.

Послѣ же того, какъ извѣстно отъ ея приближенныхъ, повелила она отправить ругательное письмо къ Омаръ-Хану, съ изъявленіемъ въ ономъ своего удивленія: куда дѣвалась его храбрость, что такая малая горсть Русскихъ его могла устрашить?

Г.-М. Лазаревъ осыпанъ былъ отъ всего народа изъявленіями благодарности; Царевичи Юлонъ и Вахтангъ поздравляли его также письмами съ побѣдой, извиняясь, что не могли къ нему прійти съ вооруженными подданными своими на помощь, по причинамъ: первый, что его люди заняты были рытьемъ канала, министромъ выдуманнаго, вокругъ городской стѣны, а второй, что онъ опасался междоусобія, по извѣстной враждѣ Тіунетскихъ и Пшавскихъ жителей между собой.

Послѣ происшествія сего присланъ былъ къ Царю отъ Тайнаго Совѣта Графа Пушкина горный Офицеръ, для негосіяціи съ Его Высочествомъ по предмету уступки рудниковъ, кои были осматриваемы предъ тѣмъ самимъ Графомъ Пушкинымъ. Сей случай былъ первый, въ который Царь торжественно объявилъ, что онъ не токмо рудники, но все свое Царство на вѣчно уступаетъ Его Императорскоу Величеству, и проситъ токмо себѣ и дѣтямъ своимъ пропитанія.

Послѣ же сего торжественнаго объявленія написалъ Его Высочество къ Г.-М. Лазареву убѣдительное письмо по сему

редмету, въ коемъ, изъявляя неустройства, во всемъ Царствѣ
происходящія, которыхъ онъ властію своей не въ состояніи болѣе
ривести отъ порядокъ, поручалъ Его Превосходительству взять на
ебя смотрѣніе, дабы народъ не претерпѣвалъ угнетеній отъ Ца-
евичей, Царицъ, Царевенъ и Царедворцевъ его, повторяя ему
еоднократно, что онъ обязанъ то исполнить и оказывать защи-
у народу Грузинскому, принадлежащему уже Его Императорско-
у Величеству. Г. М. Лазаревъ представилъ письмо сіе Главноко-
андующему.

Здоровье Царское между тѣмъ часъ отъ часу истаявало. Г.
. Лазаревъ имѣлъ уже предписаніе отъ Главнокомандующаго съ
ъявленіемъ Высокомонаршаго повелѣнія, чтобъ, въ случаѣ кон-
ины Царя, никто по немъ преемникомъ не избирался впредь до
овелѣнія.

Раздѣленіе на партіи народа не преставало существовать, и
мъ опаснѣйшихъ слѣдствій ожидать надобно было, въ случаѣ
ончины Царской, въ разсужденіи того, что въ избраніи Царя
епрезентанты народа не согласовались: признавали преемникомъ
аршаго сына, Царевича Давыда, а другіе требовали Царевича
Олона.

Надобно было опасаться волненія въ народѣ и того, чтобы
ртія неблагонамѣренныхъ не покусилась похитить корону; по
му Г.-М. Лазаревъ и долженъ былъ принять предварительно мѣ-
ы осторожности, приказавъ дежурному Маіору быть при коро-
ѣ безотлучно, снабдивъ его при томъ особенными секретными
овелѣніями, какимъ образомъ ему поступать въ случаѣ тревоги.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего, явился къ Г.-М. Ла-
реву дежурный Маіоръ съ донесеніемъ, что собирается у Ца-
я множество духовенства для соборованія его масломъ. Ни ма-
о не медля, Г.-М. Лазаревъ пошелъ къ Царю, но его нашелъ
ъ великой слабости, и который приходомъ его былъ обрадо-
анъ. За Генераломъ Лазаревымъ пришелъ къ Царю Наслѣдникъ,
ъ нѣкоимъ Княземъ Леонидзевымъ. * Царь притворился спя-
щимъ, хотя Князь Леонидзе и повторительно Его Высочеству до-
адывалъ: «Не угодно ли Его Высочеству чего приказать На-
ѣднику о Царствѣ?»

---

* См. Исторію о Кн. Леонидзевѣ.

кого онъ признаетъ достойнѣйшимъ быть Наслѣдникомъ: Юлона, или Давыда?

Отвѣтъ Г.-М Лазарева, Ея Высочествомъ вынужденный, состоялъ въ томъ, что, по его мнѣнію, ни тотъ, ни другой, достоинствъ отмѣнныхъ не имѣютъ, но что ему бы казалось, Царевичъ Вахтангъ, любимѣйшій ея сынъ.

Симъ пріятнымъ для нея отвѣтомъ Г.-М. Лазаревъ ее совершенно успокоивъ, отклонилъ отъ предпріятія собирать подписку, и заслужилъ особую ея довѣренность на нѣкоторое время.

А послѣ сего получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Царевичей, Юлона, Вахтанга и Парнаоза, вынужденнуюими отъ Карталинцевъ подписку о избраніи Царевича Юлона преемникомъ, которую немедленно Г.-М. Лазаревъ представилъ къ Инспектору.

Между тѣмъ Царевичъ Вахтангъ выдумалъ новую хитрость: опасаясь, чтобъ Г.-М. Лазаревъ не вывелъ наружу въ рапортахъ своихъ къ Инспектору всѣ его шалости, останавливалъ въ своемъ Душетѣ курьеровъ, отбиралъ у нихъ депеши, и оныя распечатывалъ, а напослѣдокъ арестовалъ одного курьера, также отобравъ отъ него депеши; но, къ счастію, проѣзжалъ изъ Россіи фельдъегерь, Туманскій, который и курьера освободилъ и депеши спасъ.

Между тѣмъ достигали въ Тифлисъ извѣстія, что послы Грузинскіе уже на пути изъ Россіи въ Грузію, но что, доѣхавъ до Ларса, возвратились въ Моздокъ, опасаясь мести Царевича Вахтанга.

Кончина Царская послѣдовала Декабря 28-го, 1800 года, послѣ 10-ти дневной тяжкой болѣзни. Съ извѣстіемъ о томъ, весьма скоро повсюду разнесшимся, не взирая на всевозможныя предосторожности, воинскимъ начальникомъ взятыя, весьма увеличились неспокойства въ народѣ, производимыя въ ономъ неистовствами искателей Царскаго достоинства.

Командующій Г.-М. Лазаревъ, въ ту же минуту прибывъ во дворецъ, просилъ Царевича Давыда приказать собрать въ назначенное мѣсто Царевичей, духовенство, Князей и дворянъ, для выслушанія Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія.

Его Свѣтлость, какъ заключить то было можно изъ его поспѣшности къ исполненію предложеннаго Г. Лазаревымъ, полагалъ, что провозглашенъ онъ будетъ преемникомъ, собралъ всѣхъ весьма скоро. Не прошло часа, какъ всѣ помянутыя сословія собраны были въ близъ стоящій домъ отъ дворца, куда прибылъ и Г.-М. Лазаревъ, имѣя при себѣ Князя Александра Чавчавадзева.

Князя Георгія Туманова переводчиками, и, въ присутствіи всѣхъ объ-
вилъ о Высочайшемъ соизволеніи, чтобъ, по кончинѣ Царя, ни-
то преемникомъ Царства избранъ не былъ, до воспослѣдова-
ія на то Высочайшей воли Государя Императора. Все собра-
іе, кромѣ Царевичей, приняло сію Высокомонаршую волю съ вос-
лицаніемъ. Въ то же время какъ Г.-М. Лазаревъ, послѣ сего объ-
вленія, отходилъ изъ сей залы, то Князь Леонидзевъ, вышедъ изъ
исла собравшихся, поздравилъ Царевича Давыда въ достоинствѣ
Царскомъ, что побудило Г.-М. Лазарева, въ ту же минуту какъ
му о томъ сказали, воротиться въ собраніе и объявленіе повто-
ить. По силѣ сего повелѣнія, Царство оставалось безъ управленія;
бо Главнокомандующій при томъ не снабдилъ Г.-М. Лазарева ни-
акими по сему предмету наставленіями; почему Г.-М. Лазаревъ и
ѣшился поручить на время управленіе онаго Царевичу Ивану, ко-
орый при жизни Царя пользовался особенной Его Высочества до-
ѣренностію, и труды правленія съ нимъ раздѣлялъ, и тѣмъ при-
ичнѣе казалось то, что Царевичъ сей не имѣлъ ни малѣйшаго
рава на преемничество. Но дабы его ограничить во власти и въ
омъ, чтобъ, по привязанности къ интересу, дѣла Царства не у-
равлялись по лицемѣрству, то Г.-М. Лазаревъ предложилъ, чтобъ въ
емъ временномъ образѣ правленія ни одна бумага по рѣшенію
ылъ изъ онаго не выходила, какъ за общими печатьми Царевича
ана и Г.-М. Лазарева; о чемъ, объявивъ въ собраніи, Г.-М. Лазаревъ
убликовалъ письменно по всей Грузіи. См. въ Исторіи Князя Лео-
идзе о его чудесахъ послѣ сего съ Княземъ Чавчавадзе и Кня-
емъ Тумановымъ.

Князь Леонидзе, носившій тогда званіе Мдивана Царевича Да-
ыда, не убоясь ничего, началъ возмущать Тифлисъ, склоняя всѣхъ
ъ тому, чтобъ выбирали Царемъ Царевича Давыда, хотя и посланы
ыли за нимъ люди для поимки, но онъ скрылся въ домъ къ Ца-
евичу Давыду. Безъ нарушенія почтенія къ сему дому, нельзя его
ыло насильственно изъ онаго взять. Въ продолженіи же време-
и, какъ гласно дѣйствовать онъ уже не могъ; ибо зналъ, что
вездѣ за нимъ есть надзоръ, то употреблялъ тайныя средства
ъ возмущенію; а при томъ наставлялъ къ побѣгу Царевича Да-
ыда, который, однако же, того не сдѣлалъ: иные утверждаютъ,
о Царевичъ стыдился бѣжать, по тому что состоялъ въ Россій-
ой службѣ, а другіе, что отъ недостатка духа рѣшимости.

Царевичи Юлонъ, Вахтангъ и Парнаозъ, получивъ отъ Г.-М. Ла-
рева письма съ примѣчаніями о непристойности присвоенія Царевичу

Юлону, титула наслѣдника, отвѣчали ему однимъ изъявленіемъ удовольствія въ томъ, что изъ нихъ никого не сдѣлали участникомъ въ управленіи Царствомъ по кончинѣ Царя.

На сіе имъ было Г.-М. Лазаревымъ отвѣтствовано, что причиной тому было всякое ихъ отсутствіе изъ Тифлиса, а что онъ почтетъ себѣ за особую честь, если угодно имъ будетъ раздѣлять съ нимъ и Царевичемъ Иваномъ труды по дѣламъ Царства. Ни одинъ изъ сихъ Царевичей, однако же, не разсудилъ за благо въ Тифлисъ по сему приглашенію ѣхать, а за лучшее избрали собраться въ Мухрани съ вооруженной толпой, для сочиненія тамъ операціонныхъ плановъ и выдумыванія разныхъ чудесъ, къ нарушенію общаго спокойствія.

Никто Князь Кайхосро Чолокаевъ (нынѣ Совѣтникъ Экспедиціи Гражданскихъ дѣлъ), также не хотѣвшій повиноваться Высочайшей волѣ, Г.-М. Лазаревымъ объявленной, о неизбраніи преемника, ближній родственникъ неблагонамѣренныхъ Царевичей, оставивъ свою деревню, прибѣгнулъ къ Царевичу Вахтангу съ просьбой, чтобъ онъ употребилъ свое стараніе, дабы полковыя лошади, которыя, по повелѣнію покойнаго Царя, въ его деревни паслись, изъ оной были выведены. Цѣль его была та, чтобъ въ сей деревнѣ своей принять Царевичей, для совѣщанія съ ними и съ нѣсколькими ихъ сообщниками изъ Князей Грузинскихъ по предмету ихъ предпріятій. Въ теченіи сихъ смутныхъ обстоятельствъ прибыли въ Тифлисъ бывшіе у Высочайшаго Двора Грузинскіе послы съ постановленіями о семъ Царствѣ, которыя имъ торжественно были поднесены Наслѣднику, Царевичу Давыду, при собраніи особъ Царской фамиліи, знатнѣйшихъ Князей, дворянъ и духовенства Генваря 14-го, 1801 года, исключая трехъ Царевичей: Юлона, Вахтанга и Парнаоза, которые, не только сами по приглашенію въ Тифлисъ не пріѣхали, ниже Князья, ихъ сообщники.

Все торжество обнародованія Высочайшихъ постановленій въ Царствѣ семъ сдѣлано было безъ сихъ трехъ особъ. Послы долженствовали пробыть въ Тифлисѣ не болѣе положеннаго имъ на то срока: по чему и поспѣшили, послѣ его обнародованія, обрядовымъ ихъ отправленіемъ, съ благодарственной грамотой къ Императорскому Величеству отъ народа, который, съ чувствомъ искреннѣйшей благодарности, повергалъ жребій свой Самодержцу Всероссійскому. Споръ народа всякого званія у Г.-М. Лазарева для приложенія къ благодарственной грамотѣ именныхъ печатей

былъ невѣроятный: трое сутокъ денно и нощно являлись у него князья и дворяне, отвсюду единственно для того пріѣзжавшіе.

По обнародованіи же постановленій, Г.-М. Лазаревъ отправилъ оныя къ тремъ Царевичамъ, чрезъ своего Адъютанта, въ коіи засвидѣтельствованной Царевичемъ Давыдомъ, послани и имъ, Г.-М. Лазаревымъ. Адъютантъ, нашедъ ихъ въ Мухрани, вручилъ имъ пакетъ. Они же весьма озлобились, прочитавъ бумаги, въ ономъ содержавшіяся, весьма тайно, не показавъ никому изъ Князей и дворянъ, въ единомысліи съ ними состоявшихъ, и на другой день отправили къ Г.-М. Лазареву его Адъютанта съ изъявленіемъ не довольствія на то, что, не дождавшись ихъ, сдѣлано торжество обнародованіе.

А по отправленіи отъ себя Адъютанта сего, собравъ войска свои, выступили, чрезъ рѣку Арагву, въ Кахетію.

Коль скоро о томъ дошли свѣдѣнія до Г.-М. Лазарева, то немедленно взяты были мѣры къ разрушенію ихъ предпріятій, расомандированіемъ повсюду, куда потребно было, отрядовъ войскъ россійскихъ, съ присоединеніемъ къ тому, который долженствовалъ поставлять преграду въ Кахетіи замысламъ Царевичей, вооруженія Грузинскаго, подъ предводительствомъ Царевича Ивана. Особенно же надобно было обратить вниманіе на то, чтобъ, при внутреннемъ въ Грузіи волненіи, не пресѣклась коммуникація изъ Грузіи въ Россію чрезъ горы Кавказскія; но и сія опасность миновалась благоразумнымъ распоряженіемъ Г.-М. Лазарева, которое состояло въ дозволеніи, Князьямъ Еристовымъ данномъ, вступить во владѣніе Осетинскихъ селеній, у нихъ отнятыхъ при Царѣ Иракліи и отданныхъ Царевичамъ Юлону, Парнаозу и Миріану.

Симъ способомъ, съ присовокупленіемъ къ тому двухъ егерскихъ ротъ, долженствовавшихъ конвоировать пословъ на обратномъ ихъ изъ Тифлиса путешествіи въ Россію, обезпеченъ былъ сей край совершенно отъ замысловъ мятежниковъ.

А за нѣсколько дней предъ пріѣздомъ къ Царевичамъ Адъютанта Г.-М. Лазарева, имѣли они намѣреніе, по совѣту нѣкоего князя Омара Амилахварова, завладѣть крѣпостью Гори; но нѣсколько часовъ прежде ихъ пришедшая туда рота ниспровергнула сей ихъ замыселъ; Царевичи же, видя таковую неудачу, ретировались въ Мухрань и на пути до сего мѣста провѣдали, что другой Князь, Георгій Амилахваровъ, поѣхалъ въ Тифлисъ, для участвованія въ общенародномъ торжествѣ, то, за таковую его приверженность,

къ Россіянамъ, Ихъ Свѣтлости разграбили его домъ, а женѣ его дѣлали всякія ругательства. Сверхъ того пронесся слухъ, когда Царевичи, отправивъ отъ себя Адъютанта, пустились въ походъ въ Кахетію, что яко бы Юлонъ слѣдуетъ въ Мцхетъ для коронованія тамъ себя; что имѣло нѣкоторое правдоподобіе; ибо во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ Тифлиса, въ церквахъ читались поминовенія о здравіи Царевича Юлона; о чемъ Г.-М. Лазаревъ принужденъ былъ сдѣлать примѣчаніе Католикосу, дабы духовенству то было запрещено, какъ противное Высочайшей волѣ. Но и въ семъ случаѣ предпріятіе Царевича Юлона ни малѣйшаго успѣха имѣть не могло, по тому что двѣ егерскія роты, въ Мцхетѣ находившіяся, для конвоированія пословъ, были всякую минуту готовы сдѣлать ему сильное отраженіе.

Царевичъ Вахтангъ между тѣмъ не дремалъ въ Душетѣ: куріеровъ, изъ Тифлиса въ Россію отправляемыхъ, продолжалъ удерживать, разламывая при томъ мосты чрезъ Терекъ.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о походѣ Царевичей въ Кахетію разнеслись слухи о прибытіи Царевича Александра изъ Шуши въ Шишадилы и о его намѣреніи пробраться къ Казахскимъ Татарамъ, а также о собирающемся войскѣ, пораженнаго въ концѣ 1806 года, Омаръ-Хана Аварскаго.

Царевичи добрались уже до селенія Кахетинскаго, Маркоби, и въ ономъ расположили было совѣтъ о дальнѣйшемъ походѣ, какъ получили тутъ гонца отъ Царицы Даріи съ письмомъ, коимъ Ея Высочество ихъ увѣдомляла о выступленіи отрядовъ Россійскаго войска изъ Тифлиса, для преслѣдованія ихъ, и при томъ совѣтовала имъ занять выгоднѣйшія мѣста въ Кизакѣ. Царевичи, Юлонъ и Вахтангъ въ ту же минуту, не окончивъ ужина, поскакали въ Кизикъ. Роты, въ селеніи Загареджи стоявшія, узнавъ о проходѣ ихъ въ Маркоби, выступили, для преслѣдованія за ними, столь удачно, что Царевичи успѣли только насильственно привести къ присягѣ въ вѣрности къ Царевичу Юлону двѣ небольшія деревни, какъ роты сіи ихъ настигли. Видѣвши, что ни что имъ не удается, и что вездѣ по слѣдамъ ихъ ходятъ отряды войска Россійскаго, потеряли духъ. Парнаозъ ретировался въ Карталинію, отправивъ при томъ гонца къ Омаръ-Хану съ увѣдомленіемъ что требованная помощь болѣе имъ уже не нужна, и чтобъ онъ о собраніи силъ своихъ попеченіе отложилъ до другого времени, а остался токмо одинъ Мріанъ, котораго Г.-М. Гуляковъ и Царевичъ

Іванъ хотя и увѣщавали возвратиться въ Тифлисъ, но онъ все ко-
ебался нерѣшимостью, а между тѣмъ, какъ находившійся при немъ
вященникъ Царевича Вахтанга, довѣреннѣйшій въ ихъ тайнахъ,
о Царевичъ Міріанъ; объявивъ свое согласіе возвратиться въ Тиф-
исъ, ускакалъ ночью въ Душетъ, для выполненія тамъ сдѣланной
му братьями порученности не пропускать никого ни изъ Россіи
ъ Грузію, ни изъ Грузіи въ Россію. Г.-М. Гуляковъ, потерявъ
Царевича Міріана, преслѣдовалъ двухъ Царевичей, уѣхавшихъ въ
изакъ, но и тамъ засталъ нѣсколькихъ токмо изъ слугъ ихъ. А Ца-
евичъ Александръ между тѣмъ прибылъ, съ 500 Казахами, въ селе-
іе Магканы, на помощь братьямъ, но, не нашедъ уже ихъ, и рас-
юзнавъ о всемъ, съ ними случившемся, послалъ къ Омаръ-Хану
ъ тѣмъ же отказомъ, чтобъ онъ войско до депеши не собиралъ.
азахи же, видя, что Царевичи, преслѣдуемые войсками Россій-
кими, обращаются въ бѣгство, отложились отъ Царевича Александ-
а и спокойно разъѣхались въ свои кочевья, а Царевичъ съ 20-ю
еловѣками служителей, послѣдовалъ за братьями своими въ Му-
рань.

Царевичъ Міріанъ, пріѣхавъ въ Душетъ, весьма удивился, что
ный занятъ уже былъ отрядомъ войска Россійскаго. Пробывъ
ъ замкѣ Царевича Вахтанга три дня, выѣхалъ изъ онаго тайно въ
ухрань же, къ своимъ братьямъ.

Хотя такимъ образомъ замыслы Царевичей и были разру-
шены, но, по поводу собранія войска Омаръ-Ханомъ на Алаза-
ни, надобно было въ Кизикѣ оставить довольно сильный деташе-
ентъ. Въ сіе время получилъ Г.-М. Лазаревъ повелѣніе проекти-
овать раздѣленіе Грузіи на провинціи. Царевичи Юлонъ, Вахтангъ.
Міріанъ, Парнаозъ и Александръ, пробывъ нѣсколько времени въ
ухрани, послѣ неудачнаго похода ихъ въ Кахетію, рѣшились на-
онецъ разъѣхаться. Вахтангъ и Міріанъ въ Душетъ, а Юлонъ и
лександръ въ Белоту. На пути, сіи послѣдніе хотѣли разорить
еревню Каралети, въ коей находились Князья Еристовы, но были
стрѣчены оружіемъ жителей, какъ непріятели; по сему, потерявъ
дного человѣка, не сдѣлавъ деревнѣ никакого вреда, пріѣхали
покойно въ Белоту, а оттуда написали къ Г.-М. Лазареву, что
редметъ ихъ похода въ Кахетію былъ единственно тотъ, чтобъ
ъ нимъ, Г.-М. Лазаревымъ, видѣться въ селѣ Маркоби; но поелику
ни были преслѣдуемы Россійскаго войска отрядами, купно съ
рузинскими, то и рѣшились удалиться въ Кизакъ, изъ опасенія

какихъ-либо съ ними неблаговидныхъ поступковъ отъ сосѣ
ныхъ тѣхъ отрядовъ.

Г.-М. Лазаревъ долженъ былъ имъ на сіе отвѣчать, что е
ли бъ имѣли они надобность съ нимъ видѣться и изъясниться,
стоило бы имъ токмо о томъ ему дать знать и назначить мѣс
на которое онъ бы прибылъ, по ихъ приглашенію. Что сим
могло бы быть и безъ собранія вооруженной толпы въ т
еще время, когда Грузія ни съ которой стороны непріятел
угрожаема не была и пр.

Въ самое то время Царевичъ Иванъ доставилъ Г.-М. Лаза
одно Армянское письмо, въ коемъ было показано, что Царе
отправили къ Баба-Хану посланца, который уже достигъ до Т
риса, съ просьбой о поданіи имъ помощи. Г.-М. Лазаревъ не
тѣмъ получилъ письмо отъ Князей Карталинскихъ, коимъ они и
глашали сего Генерала къ нимъ пріѣхать съ Царевичемъ Давы
въ Гори, для принятія отъ нихъ подписокъ о ихъ желаніи б
въ подданствѣ Россійской Державы, объявляя при томъ, что
намѣрены были съ сими предметами сами пріѣхать въ Тиф
но опасались, что въ отсутсвіи ихъ Царевичи разорятъ ихъ
нія. Царица Дарія, провѣдавъ о намѣреніи Г.-М. Лазарева уд
творить желаніе Князей Карталинскихъ, просила Г.-М. Гул
его отъ поѣздки въ Гори отклонить. Г.-М. Лазаревъ счелъ за
шее лично съ ней о томъ объясниться, и для того, пригласив
собой Царевича Давыда, пошелъ онъ къ Ея Высочеству.

Она начала ихъ обоихъ увѣрять, что походъ Царевичей
сыновей, въ Кахетію ничего въ предметѣ другого не заключ
кромѣ свиданія ихъ съ Г.-М. Лазаревымъ, но что ихъ злод
томъ растолковали въ худую сторону; что же касается до
браннаго ими вооруженія, то что она къ нимъ напишетъ, чт
они оное распустили; въ заключеніе же сего просила она Г
Лазарева и Царевича Давыда не ѣздить въ Гори, по приглаш
Князей Карталинскихъ.

Г.-М. Лазаревъ Ея Высочеству отвѣчалъ, что онъ готов
желаніе исполнить, если ей угодно будетъ, во взаимности того
своей стороны, удовлетворить его просьбу, состоящую въ т
чтобъ она изволила къ сыновьямъ своимъ написать слѣдую

1. Чтобъ они въ Карталиніи селеній не разоряли, къ
сягѣ своевольно никого бы не приводили, и безчинствъ, зва
и достоинству ихъ неприличныхъ, не дѣлали.

2. Чтобъ Царевичи, ея сыновья, безъ повелѣнія Наслѣдни-, Царевича Давыда, вооруженія никакого не собирали.

3. Чтобъ Царевичъ Юлонъ не присвоивалъ себѣ титула Наѣдника.

4. Чтобъ Царевичи прибыли въ Тифлисъ.

Ея Высочество весьма рѣшительно на предвоженіе сіе Г.-М, ізареву отвѣчала: что 1-е, 2-е и 3-е, есть ложь, имъ выдумания, а къ послѣднему ихъ никто принудить не можетъ; что она ѣдетъ къ Высочайшему Двору, для принесенія на него жалобъ; наконецъ, оставя съ нимъ свой разговоръ, обратилась съ рутельствами къ Царевичу Давыду, который, на нее прогнѣвясь, чалъ ей отвѣчать по Русски, чрезъ переводчика, что онъ, бучи Россійскимъ Генералъ-Лейтенантомъ и въ Грузіи Управляюимъ, долженъ пещись о сохраненіи благоденствія, народу даваннаго Его Императорскимъ Величествомъ, и о истребленіи все-, общую тишину и спокойствіе нарушающаго.

Послѣ сего приведенъ былъ къ Г.-М. Лазареву пойманный орянинъ, бывшій съ Царевичами во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, торый въ допросѣ показалъ, что Царевичи пробирались въ Катію, съ намѣреніемъ привести тамошнихъ жителей къ присягѣ вѣрности къ Царевичу Юлону, подобно какъ то уже они сдѣли въ Карталиніи. Царевичъ Давыдъ, въ то же время полулъ изъ Гори отъ Царевича Таймураза письмо, коимъ сей его увѣмлялъ, что его дядя, Царевичъ Александръ, чрезъ письмо просилъ варъ-Хана Аварскаго вспомоществовать ему войскомъ, для освожденія его отечества отъ Россіянъ; а между тѣмъ разносились ухи о намѣреніи Царевичей Александра и Миріана ѣхать въ ссію.

Въ теченіи сихъ обстоятельствъ Царевичъ Вахтангъ, опасаь Г.-М. Лазарева, что онъ будетъ о всѣхъ его дѣйствіяхъ ртовать Инспектору, написалъ къ послѣднему жалобу, что будо Казаки, ѣздившіе отъ Г.-М. Лазарева въ Россію курьерами, лаютъ разныя притѣсненія жителямъ Душетскимъ. Инспекторъ редписалъ Г.-М. Лазареву, по жалобамъ Царевича Вахтанга изѣдовать; но Царевичъ ни на одного изъ проѣзжавшихъ курьеовъ ясныхъ доказательствъ представить не могъ, а, напротивъ, вно уже Его Свѣтлость изволилъ заниматься остановленіемъ въ ушетѣ курьеровъ, отобраніемъ и распечатываніемъ депешъ, у ихъ находящихся, въ каковомъ видѣ оныя однажды къ Г.-М.

Лазареву привезены были обратно; а въ другой разъ курьеръ принужденъ былъ изъ Душета ити болѣе 35 верстъ пѣшкомъ до мѣста, въ которомъ квартировала команда Казачья, по тому что Царевичъ запретилъ курьерамъ давать лошадей и за плату. По изслѣдованіи всего того, Г.-М. Лазаревъ донесъ въ подробности Инспектору; но его донесенія были сочтены нападками на Царевича Вахтанга.

Въ сіе время Хойской Ханъ, въ присланномъ къ Г.-М. Лазареву письмѣ, изъявилъ желаніе свое быть подъ покровительствомъ Высочайшаго Двора Россійскаго съ тѣмъ, что онъ не требуетъ ни жалованья, ни войска, для защиты своей, но единственно желаетъ имѣть счастіе пользоваться титуломъ покровительствуемаго Россіей; о чемъ Г.-М. Лазаревъ сдѣлалъ представленіе Инспектору.

Въ то же самое время прибылъ въ Тифлисъ одинъ Лезгинецъ, бывшій всегда преданнымъ Царямъ Грузинскимъ, привезшій слѣдующее достовѣрное извѣстіе, что Аварскій Омаръ-Ханъ находится въ Белоканахъ и намѣревается весной паки сражаться съ войсками, въ Грузіи находящимися, но что, не надѣясь на собственную свою силу, просилъ подкрѣпленія у властвующаго въ Персіи Баба-Хана и у Ахалцихскаго Шерифъ-Паши. Что отъ обоихъ Омаръ-Ханъ получилъ удовлетворительныя увѣренія, а отъ Баба-Хана подарокъ, состоящій въ богатомъ ружьѣ.

Вскорѣ послѣ сего прибылъ въ Тифлисъ Армянскій Патріархъ Іосифъ, весьма много способствовавшій къ преклоненію народа своего къ повиновенію скиптру Всероссійскому. Царевичи Юлонъ, Александръ и Парнаозъ, всевозможное испытавшіе къ нарушенію спокойствія народнаго и къ постановленію на Царство старшаго изъ своихъ братьевъ, но ни въ чемъ успѣховъ не имѣвшіе, вознамѣрились наконецъ удалиться въ Имеретію и отправили уже туда вьюки съ большей частію имущества своего.

Г.-М. Лазаревъ, получивши о томъ извѣстіе, и соображая ихъ намѣреніе съ прежними ихъ поступками и свѣдѣніями, съ границы полученными, о намѣреніи Омаръ-Хана, заключилъ, что они имѣютъ какое ни будь новое предпріятіе, достигнувъ въ Имеретію, набрать тамъ войско и съ помощью Ахалцихскаго Шерифъ-Паши и Омаръ-Хана, тѣмъ сильнѣе учинить нападеніе на Грузію и вознамѣрился было имъ воспрепятствовать къ побѣгу въ Имеретію, расположивъ воинскіе отряды на границѣ, такъ что

ить пресѣчь путь; но Патріархъ Іосифъ отсовѣтовавъ Г.-М. Лазаеву произведеніе въ дѣйство предположеннаго имъ плана, обѣщалъ обратить ихъ на истинный путь другимъ способомъ. Царевичи же между тѣмъ, не довольствуясь рѣшеніемъ, на ложную ихъ жалобу о курьерахъ, сдѣланнымъ, отправили къ Инспектору другую, наполненную также ложью, что будто войска Россійскія, въ преслѣдованіи ихъ въ Кахетіи, разграбили ихъ людей.

При сихъ обстоятельствахъ получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Инспектора письма ко всѣмъ Царевичамъ, заключавшія приглашеніе ихъ въ Россію, а къ Царевичу Александру приказано было Г.-М. Лазареву написать увѣренія о милосердіи Государя Императора, если онъ принесетъ раскаяніе въ прежнихъ своихъ поступкахъ, и что въ такомъ случаѣ онъ надѣяться можетъ не только на Всемилостивѣйшее прощеніе, но и на всякое отличіе и почесть, его особѣ приличествующія.

Царевичамъ, въ Тифлисѣ находящимся, Г.-М. Лазаревъ вручилъ письма сіи, каждому лично, а отсутствующимъ отправилъ нарочнымъ. Въ то же самое время Г.-М. Лазаревъ получилъ нарочнаго отъ Царевича Юлона съ письмомъ, со вложеніемъ въ немъ таковаго же отъ Инспектора къ сему Царевичу, содержавшаго въ себѣ его совѣтъ, чтобъ о Царствѣ они не безпокоились, что Царемъ никто избранъ не будетъ.

Курьеръ, отъ Г.-М. Лазарева къ Царевичамъ отправленный, ихъ уже не нашелъ въ Белотѣ; ибо они всѣ трое, кромѣ Царевича Іоанна, съ семействами своими и со свитой, до 300 душъ обоего пола, удалились въ Имеретію.

Вскорѣ послѣ полученъ въ Тифлисѣ и Высочайшій Манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Россійской, который торжественнымъ образомъ былъ повсюду обнародованъ. Народъ принялъ оный съ знаками благодарности и съ мольбами о здравіи Его Императорскаго Величества.

Послѣ побѣга Царевичей въ Имеретію, Князья и дворяне, съ ними въ единомысліи бывшіе, стали мало по малу на путь истинный возвращаться. Г.-М. Лазаревъ, получивши обратно письма отъ курьера, не нашедшаго Царевичей, отправилъ оныя къ нимъ въ Имеретію; а между тѣмъ прилагалъ стараніе выпровожать изъ Грузіи, вознамѣрившихся ѣхать въ Россію, Царевичей Іоанна, Ивана, Баграта и Михаила.

Главнѣйшее же обстоятельство, начальство воинское на то время занимавшее, касалось до принятія мѣръ къ охраненію со всѣхъ сторонъ границъ Грузіи, безопасность коихъ, однако же, не совсѣмъ была сомнительна въ разсужденіи неспокойствъ, существовавшихъ въ сосѣдственныхъ съ оной областяхъ.

Со стороны Ахалциха очевидной опасности не было, хотя и ожидаемъ былъ туда Омаръ-Ханъ, для содѣйствія съ силами Шерифъ-Паши къ освобожденію Грузіи отъ Россіянъ; но Шерифъ-Паша самъ еще не былъ безопасенъ въ похищенномъ достоинствѣ.

Карской паша былъ въ опасеніи отъ гнѣва Баталъ-Паши, за убіеніе во владѣніяхъ своихъ нѣкоего Муллы. Ханъ Еревапскій оказывалъ приверженность свою къ Россіи, какъ по тому, что сносилъ гоненія отъ Баба-Хана, такъ и по вліянію надъ нимъ Армянскаго Патріарха Іосифа, способствовавшаго къ убѣжденію Хана на искательство себѣ покровительства Высочайшаго Двора Россійскаго.

Хойскій, Шамахинскій, Нухинскій, Ганжинскій Ханы и Елисуйскій Султанъ, искавшіе покровительства Россіи, опасны для Грузіи быть не могли.

Оставались неблагонамѣренными къ Россіи: Шушинскій Ибрагимъ-Ханъ и Аварскій Омаръ-Ханъ, защищавшіе Царевича Александра; безъ сильной помощи Персіянъ, Лезгинъ и прочихъ сосѣдей, собственными силами своими не могли устрашить малаго количества войска Россійскаго въ Грузіи.

Внутренее же положеніе въ Грузіи было преблагополучно. Народъ уже не опасался мести Багратіоновъ, будучи охраняемъ оружіемъ храбрыхъ Россіянъ, наслаждался спокойствіемъ и тишиною.

Одно тайное безпокойство питалось токмо въ умахъ, а именно: неизвѣстность будущаго ихъ существованія.

Царь Имеретинскій не весьма, однако же, былъ доволенъ посѣщеніемъ своихъ дядюшекъ со столь многочисленный свитой, долженствовавшей отяготить бѣдный его народъ; извѣстно при томъ было, что вспомоществованіе войсками Царь имъ дѣлать не хотѣлъ, или не могъ.

Помянутый уже выше сего Князь Омаръ Аммахваровъ, сообщникъ Царевичей, будучи зятемъ Царевича Юлона, питалъ еще надежду, что сего Царевича можно будетъ возвесть на Царство, но пребывалъ спокоенъ до объявленія Высочайшаго Манифеста

при соединеніи Грузіи къ Имперіи Всероссійской, а послѣ то-
о началъ было паки возмущать народъ, который, однако же, не
огъ поколебаться; ибо надѣялся на защиту роты, въ Гори стоя-
ей. Царевичъ Давыдъ, проповѣдавшій о подвигахъ Князя Отара
милахварова, сообщилъ о томъ Г.-М. Лазареву, который отря-
лъ въ Гори Казачью команду для поимки его. Въ допросѣ, съ
его взятомъ, сдѣлалъ онъ показанія о операціонномъ планѣ Ца-
евичей въ ихъ походѣ въ Кахетію. Они писали къ Царевичу
лександру, чтобъ онъ прибылъ къ нимъ на помощь съ воору-
енными Казахскими Татарами и о томъ же просили Омаръ-Ха-
а. Положено было у нихъ на мѣрѣ, что коль скоро Царевичъ
лександръ къ нимъ бы прибылъ, то, оставивъ при себѣ си-
урсъ, имъ приведенный, его самого отправить въ Шушу, для тре-
ованія и оттуда подкрѣпленія. По прибытіи сего послѣдняго
асполагались они, Юлонъ, Вахтангъ и Александръ, соеди-
енными силами учинить нападеніе Тифлисъ, а Парнаозъ дол-
енствовалъ съ Имеретинцами впасть въ Карталинію.

По окончаніи же удачномъ сего плана, то есть, по истреб-
ніи Россіянъ, располагались всѣ вмѣстѣ слѣдовать въ Мцхетъ,
я коронованія Юлона; но когда они узнали, что ихъ преслѣ-
ютъ повсюду Россіяне, то, не дождавшись Царевича Алексан-
ра, двое изъ нихъ отправились въ Карталинію, написавъ при
мъ и къ Парнаозу, чтобъ онъ поспѣшалъ къ нимъ въ Мух-
анъ; что Царевичи, услышавъ, что Князья Еристовы вошли въ
ъ владѣнія, писали къ Горцамъ, чтобъ они имъ дали помощь,
а что Горцы было и покусились, но, бывъ встрѣчены Князьями
ристовыми и потерявъ нѣсколько человѣкъ, ретировались; Царе-
ичи же, находясь въ отчаяніи и видя себя лишенными имуществъ,
редприняли побѣгъ въ Имеретію.

4-го Марта отправились изъ Тифлиса въ Россію Царевичи
ванъ, Багратъ и Михаилъ.

Вахтангъ и Миріанъ объявили Г.-М. Лазареву подобное же
ланіе, съ требованіемъ денегъ на путешествіе, о чемъ Г.-М. Лаза-
въ представилъ Инспектору и по его предписанію имъ выдалъ по
50 червонцевъ каждому. Царевичъ Миріанъ отправился въ путь,
о Вахтангъ перемѣнилъ мысль и, взявъ данные ему 150, остал-
я въ своемъ Душетѣ.

Сіе время Ханъ-Ганжинскій счелъ удобнѣйшимъ къ за-
ѣваніямъ, хотя и показывалъ онъ видъ искательства Высоч-

шаго покровительства Россіи, однако же началъ дѣлать набѣги на Шамшадилы и перевозить къ себѣ цѣлыми ватагами Татаръ. Г.-М. Лазаревъ дѣлалъ о томъ неоднократныя представленія Инспектору, но ни какой резолюціи не получалъ, самъ же ни дѣйствовать оружіемъ, ниже входить съ Ханомъ въ переписку, не имѣлъ, по тому что сдѣлано ему о томъ было отъ Инспектора запрещеніе.

Въ теченіи сего времени скончался въ Тифлисѣ Армянскій Патріархъ Іосифъ. Сему честному мужу отдаютъ справедливость что онъ, бывъ истинно приверженъ къ интересамъ Россіи, немало, въ краткое свое пребываніи въ Грузіи, способствовалъ къ приведенію на путь истинный заблуждавшихся. Князья Тархановы, до нынѣ усердствующіе Россіянамъ, поймали одного посланца отъ Царевича Александра, изъ Имеретіи къ Баба-Хану посылаемаго и оттуда уже возвращавшагося и, отобравъ у него до 20 писемъ изъ Персіи къ Царевичамъ, въ Имеретіи живущимъ, представили сего человѣка Г.-М. Лазареву. Содержаніе сихъ писемъ заключало отказъ Баба-Хана вспомоществовать имъ на сей годъ оружіемъ и обѣщаніе желаніе ихъ исполнить на будущій 1806 годъ. Посыланный же отъ Г.-М. Лазарева въ Имеретію къ Царевичамъ Грузинскій Князь Мачабеловъ съ письмами, содержащими приглашеніе ихъ въ Россію, возвратившись оттуда, привезъ Г.-М. Лазареву письмо отъ Царевича Юлона, коимъ сей ему отвѣтствуетъ, что походъ въ Кахетію онъ предпринималъ по просьбѣ Князей Кахетинскихъ, объявившихъ ему желаніе послѣдовать примѣру Карталинцевъ, учинивши присягу на избраніе Царемъ его, Юлона, и просить Государя Императора о утвержденіи впредь слѣдственнаго въ Царствѣ Грузинскомъ порядка, Царемъ Иракліемъ постановленнаго; что удаленіе его въ Имеретію было яко бы отъ страха, по тому что онъ повсюду былъ преслѣдуемъ отрядами Россійскаго войска, и что онъ всегда пребывалъ вѣрнымъ къ Его Императорскому Величеству.

Сіе (письмо) Царевича Юлона кажется весьма явно противорѣчитъ прежнимъ его Г.-М. Лазареву отвѣтамъ, наполненнымъ увѣреніями, что въ походѣ своемъ въ Кахетію онъ имѣлъ цѣлью свиданіе въ Маркоби съ Г.-М. Лазаревымъ.

Князь же Мачабеловъ, письмо отъ Царевича Юлона привезшій, объявилъ, что Царевичи, въ Имеретію бѣжавшіе, ни малѣйшаго намѣренія быть въ Россіи не имѣютъ, что подтверждалось

исьмомъ отъ Царя Имеретинскаго къ Царевичу Давыду, симъ
е Княземъ Мачабеловымъ привезеннымъ, въ коемъ Царь его увѣ-
лъ, что онъ всѣ силы употреблялъ, чтобъ ихъ уговорить ѣхать
ь Россію, но что они совѣтамъ его не внимаютъ.

Князь Мачабеловъ сообщилъ еще извѣстія, имъ въ Имере-
и пріобрѣтенныя, что Царевичъ Александръ намѣревается ѣхать,
) не извѣстно куда, къ Баба-Хану ли, или къ Омаръ-Хану, но
о дожидается возвращенія человѣка, имъ посыланнаго къ Ба-
-Хану (который уже содержался подъ арестомъ въ Тифлисѣ,
лвъ пойманъ Князьями Тархановыми). Царевичъ Давыдъ, носив-
ій токмо званіе Правителя, отчаявшись, по обнародованіи Вы-
чайшаго Манифеста о присоединеніи Грузіи къ Россіи, видѣть
бя когда либо на Царствѣ, занялся новыми проектами: на-
лъ преклонять лучшихъ Князей къ себѣ и ихъ уговаривать,
объ они обществомъ написали Государю Императору просьбу
утвержденіи Его на Царствѣ, вознамѣрившись тайно при томъ
жать въ горы, въ случаѣ томъ, когда бы его потребовали въ
ссію. При всякомъ случаѣ отзывался съ неудовольствіемъ, что
чего того не выполнено, о чемъ просилъ покойный Царь, его
дитель. Для достиженія же своей цѣли надъ слабыми разсуд-
ми соотечественниковъ своихъ, управляя Царствомъ, одарялъ
ъ ихъ имѣніями. незаконно лишая тѣхъ, кто не хотѣлъ ему
виноваться и кто еще имѣлъ привязанность къ бѣжавшимъ
Имеретію его дядямъ.

По силѣ же Высочайшаго Манифеста, Царевичъ Давыдъ ли-
лся и титула Правителя, а управленіе Грузіи поручалось Г.-Л.
оррингу, съ званіемъ Генералъ-Губернатора.

Жительствующіе въ Тифлисѣ Армяне восхотѣли отъ себя от-
авить депутацію для принесенія благодареній Государю Импе-
тору, и просили на то дозволеніе у Г.-М. Лазарева, который о
мъ Генералу-Губернатору хотя и представлялъ, но резолюціи
получилъ.

Въ Тифлисѣ между тѣмъ начало открываться моровое по-
тріе, происшедшее отъ начавшихся многихъ строеній и отъ
зрытія развалинъ сего города. въ коихъ, по разоренію онаго
а-Магометомъ-Ханомъ, сохранялось множество труповъ. Г.-М. Ла-
ревъ, въ отвращеніе опасности отъ повѣтрія произойти могу-
ей, счелъ за нужное запретить въ городѣ производить строенія
тѣхъ поръ, доколѣ жары будутъ менѣе, а при томъ и отче-

стись къ Католикосу Царевичу Антонію, дабы онъ приказалъ духовенству отдавать отчетъ еженедѣльный о числѣ умершихъ въ городѣ, съ означеніемъ отъ продолжительной ли болѣзни, или скоропостижно.

Войско Россійское въ Грузіи увеличилось въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ прибытіемъ 2-хъ баталіоновъ Кавказскаго гренадерскаго полка и одного Казачьяго полка, а въ то же время получено въ Тифлисѣ извѣстіе о восшествіи на престолъ благополучно царствующаго Государя Императора Александра I-го.

Народъ во всей Грузіи пришелъ отъ сего извѣстія въ колебаніе, вообразивъ, что Царство сіе получитъ первобытное образованіе, но успокоился, однако же, коль скоро помянутые баталіоны и Казаки пришли.

Бѣжавшіе же въ Имеретію Царевичи вздумали было употребить и сей случай въ пользу, начавъ распространять слухи о повелѣніи Россійскимъ войскамъ, въ Грузію посланнымъ, чтобъ они возвращались въ Россію, и просили у Царя Имеретинскаго войска для впаденія въ отечество свое; но пришествіе воинскихъ командъ въ разныя части Грузіи успокоило народъ и устрашило внутреннихъ мятежниковъ и Царевичей въ Имеретіи. Въ теченіе сихъ обстоятельствъ внутри Грузіи, внѣшнее оной положеніе было такъ же смутно: въ Белоканахъ скончался Аварскій Омаръ-Ханъ; племянникъ его, подражающій ему храбростію, собравъ до 4000 Дагестанскихъ хищниковъ, располагался итти къ Ахалцику для вспоможенія Сабудъ-Пашѣ, изгнанному Шерифъ-Пашей. Царевичи, въ Грузіи оставшіеся и въ Имеретіи укрывшіеся, вздумали волновать Горскихъ народовъ, которые дѣлали хищничества. Г.-М. Лазаревъ и о семъ сдѣлалъ представленіе Генералъ-Губернатору, но никакимъ повелѣніемъ на оное не удостоенъ.

Ханъ Ганжинскій, чиня набѣги на Шамшидилы, перегналъ въ свою область нѣсколько Татаръ. Генералъ-Губернаторъ причиталъ потерю сего въ оплошность командующему войсками въ Грузіи, Г.-М. Лазареву, и по видимому запамятовалъ, что сей послѣдній неоднократныя ему по сему предмету дѣлалъ донесенія, не получая никакой резолюціи. Изгнанный изъ Ахалцихи Сабудъ-Паша въ сіе время прислалъ къ Г.-М. Лазареву, чрезъ чиновника, Селимъ-Ага, изъявляя свою просьбу, чтобъ онъ взялъ осторожныя мѣры, дабы Лезгинцевъ не пропускать чрезъ Грузію, что совершенно согласовалось съ намѣреніемъ нашего воинскаго въ Гру-

ии Начальства: а въ то же время хищники сіи изъявили свое желаніе быть подъ Высочайшимъ покровительствомъ Россіи, о чемъ Г.-М. Лазаревъ сдѣлалъ представленіе Генералъ-Губернатору.

Селимъ-Ага, чиновникъ Сабудъ-Паши, имѣлъ еще отъ него просьбу къ Главнокомандующему о поданіи ему вспомоществованій войскомъ, для истребленія бунтующаго Шерифъ-Паши въ Ахалцихѣ. Какъ въ началѣ Мая мѣсяца получено уже было въ Тифлисѣ офиціяльное извѣстіе о намѣреніи Главнокомандующаго прибыть въ Грузію, то Г.-М. Лазаревъ и оставилъ сего чиновника прибытія его ожидать въ Тифлисѣ.

Г.-М. Лазаревъ разослалъ повсюду обвѣщенія о путешествіи Главнокомандующаго въ Грузіи, съ приглашеніемъ Дворянства и духовенства прибыть въ столицу для встрѣчи Генералъ-Губернатора, который въ Тифлисъ въѣхалъ Мая 22-го, 1801 года. Главнокомандующій извѣстенъ уже былъ о дѣяніяхъ Царевича Давыда, но, по прибытіи его въ Тифлисъ, нѣкоторые изъ Князей, по видимому, хотя ему подслужиться, донесли ему о томъ подтвердительно. Главнокомандующій, по видимому, хотѣлъ испытать симъ случаемъ вѣроломство и трусость умовъ Грузинскихъ. Выслушавъ ихъ, спросилъ, будутъ ли они въ состояніи сказать то же самое лицу, о которомъ доносятъ? Единогласное «Діахъ-Каръ,» хотя бы и могло Главнокомандующаго заставить имѣть вѣру къ ихъ показаніямъ, однако же онъ поручилъ Г.-М. Лазареву ити съ ними къ Царевичу, чтобъ быть того свидѣтелемъ. Въ слѣдующее утро, когда Г.-М. Лазаревъ собирался съ ними ити, то они стали отказываться отъ даннаго ими слова, говоря, что, по ихъ обыкновенію, подобныхъ истинъ бывшему ихъ Властителю говорить некстати.

Главнокомандующій, подъѣзжая къ столицѣ, былъ встрѣченъ всѣми степенями Грузинъ и Армянъ, исключая Агаларовъ Татаръ Бамбацкихъ; въ то время еще, когда Г.-М. Лазаревъ разсылалъ циркуляры о пріѣздѣ Главнокомандующаго, съ приглашеніемъ всѣхъ званій для его встрѣчи, то намѣстникъ Моурава ихъ, Князь Арсланъ Орбеліановъ, Г.-М. Лазареву далъ на замѣчаніе о своемъ сомнѣніи, чтобъ Бамбацкіе Агалары тому повиновались, говоря, что они подучаемы Ханомъ Ереванскимъ на переселеніе въ его области. Г.-М. Лазаревъ, будучи извѣстенъ однако же, что Алагары Бамбацкіе сего Князя Орбеліанова не терпятъ и Моуравомъ у себя имѣть не желаютъ, полагалъ, что Князь

сей желалъ доносомъ своимъ на нихъ имъ отомстить. Въ бытность же Главнокомандующаго въ Тифлисѣ Князь Арсланъ повторилъ Г.-М. Лазареву свое донесеніе о неповиновеніи Агалаговъ, съ присовокупленіемъ, что войска Хана Ереванскаго приближаются къ области Бамбацкой. Главнокомандующій, получивъ о томъ донесеніе Г.-М. Лазарева, приказалъ ему написать къ Хану Ереванскому и его вопросить о предметѣ движеній войска его къ границамъ Грузіи.

За симъ же изгнанный изъ Ахалциха Сабудъ-Паша прислалъ чрезъ письмо Главнокомандующаго, чтобъ удержать Хана Ереванскаго и Татаръ, въ Грузіи обитающихъ, отъ намѣренія споспѣшествовать похитителю его достоинства, Шерифъ-Пашѣ.

Пребываніе Главнокомандующаго въ Грузіи было весьма кратковременно, по той причинѣ, что онъ поспѣшалъ въ С.-Петербургъ по повелѣнію, на то имъ полученному.

Къ обозрѣнію сей области, къ Имперіи присоединенной, онъ времени ни сколько не имѣлъ, проживъ все то время въ Тифлисѣ. Поелику же безпрестанно до него доходили ропоты на правленіе Царя Давыда, то Главнокомандующій рѣшился Царевичу отъ управленія отказать и постановить временное Правительство, состоящее изъ 4-хъ Князей Грузинскихъ, надъ коими предсѣдательство имѣлъ Г.-М. Лазаревъ.

Къ преподанію же правилъ, по коимъ поступать должествовало временное сіе Правительство, принято за основаніе Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, чтобъ все оставалось впредь до учрежденія въ Царѣ Грузинскомъ образа Правленія въ томъ положеніи, какъ было при послѣднемъ часѣ кончины Царя Георгія.

Постановивъ сіе Правленіе данными инструкціями Г.-М. Лазареву, Главнокомандующій отправился изъ Тифлиса въ Россію.

До прибытія еще Главнокомандующаго въ Грузію вдовствующая Царица Имеретинская, Анна (коей супругъ, Царь Давыдъ лишился Имеретинскаго Царства происками Царицы Даріи, супруги покойнаго Царя Грузинскаго, Ираклія, восхотѣвшей возвесть на оное своего внука, нынѣшняго Царя Саломона, и коей сынъ, Царевичъ Константинъ, содержится въ крѣпости Мухури), писала Г.-М. Лазареву и просила вспомоществованій для предохраненія ея отъ поданныхъ Царя Имеретинскаго, покусившихся, по его повелѣнію, на ея жизнь и на лишеніе ея

еревень Хепишь-Хсобской области, жалованной ей покойнымъ Царемъ Ираклiемъ, на границѣ Имеретинской лежащей.

Нѣкто Князь Пипея-Швили Абашидзевъ, подданный Царя Имеретинскаго, живущiй въ деревняхъ своихъ въ Имеретiи, смежныхъ съ Хепишь-Хсобью, по повелѣнiю Царя, не токмо дѣлалъ набѣги на сiю область, присвоя оную себѣ, но и неоднократно покушался Царицу убить.

Г.-М. Лазаревъ дѣлалъ о томъ представленiя Главнокомандующему, но оставался безъ резолюцiи. Въ бытность же его въ Тифлисѣ докладывалъ ему о томъ же повторительно, но Главнокомандующiй молчалъ. Г.-М. Лазаревъ считалъ, однако же, долгомъ своимъ дать предписанiе стоящему въ Сурамѣ Кавказскаго гренадерскаго полка съ ротой Капитану Бартеневу, чтобъ онъ наблюдалъ осторожность и дѣлалъ бы преграду на бѣгамъ Имеретинскаго Князя Абашидзева на область Хепишь-Хсобскую, въ границѣ Грузiи лежащую. Вскорѣ по отбытiи Главнокомандующаго изъ Тифлиса въ Россiю, дошли до Г.-М. Лазарева письмо отъ Царицы Анны и рапортъ Капитана Бартенева.

Первая писала, что она, бывъ въ домѣ своемъ атакована Княземъ Абашидзе и, потерявъ въ оборотѣ 2-хъ человѣкъ убитыми и 3-хъ раненными, спаслась въ лѣсъ, съ 2-мя служительницами и съ Священникомъ, гдѣ, отдахнувъ, прибѣгла въ Сурамъ подъ защиту войскъ Россiйскихъ и вскорѣ намѣрена быть въ Тифлисѣ.

Капитанъ же рапортовалъ, что посланная отъ него патрульная команда изъ 24-хъ человѣкъ гренадеръ при Офицерѣ, по дорогамъ, коими прокрадываются хищническiя партiи Лезгинъ, напала въ лѣсу на Царицу Анну, съ нѣсколькими, ее сопровождающими, въ жалостнѣйшемъ положенiи, спасавшуюся изъ дома своего, и что Ея Высочество съ нѣсколькими гренадерами препровождена, по желанiю ея, въ Сурамъ.

Вскорѣ же по отбытiи Главнокомандующаго изъ Тифлиса получилъ Г.-М. Лазаревъ письмо съ чиновникомъ отъ Сабудъ-Паши, коимъ сей Паша извѣщалъ о своемъ прибытiи къ границамъ Грузiи, для свиданiя съ Г.-М. Лазаревымъ, въ которомъ заключаться будутъ предметы важнѣйшiе, до интересовъ Государства относящiеся. Г.-М. Лазаревъ отправилъ сего чиновника обратно къ Пашѣ, написавъ къ нему, что онъ весьма удивленъ внезапнымъ прибытiемъ его въ границы Грузiи, не бывъ предварительно о томъ извѣщенъ; что хотя безъ соизволенiя Главнокомандующаго

свиданіе съ нимъ имѣть онъ и не можетъ, но, будучи къ тому убѣжденъ важностью предметовъ, до интересовъ Государственныхъ относящихся, назначаетъ онъ для свиданія съ Пашей безъ отлагательности урочище Саганлу, въ 15 верстахъ отъ Тифлиса лежащее. Въ назначенный день съѣхался Г.-М. Лазаревъ въ помянутомъ урочищѣ съ Сабудъ-Пашей, коего сообщенія состояли въ увѣреніяхъ его преданности къ Россіи, въ показаніи Г.-М. Лазареву фирмана Султанскаго, коимъ ему предписывалось собрать войско для изгнанія бунтующаго Шерифъ-Паши въ Ахалцихѣ и его свергнувшаго, и чтобъ онъ, по истребленіи сего бунтовщика, прислалъ къ Султану его голову; что онъ, будучи не въ силахъ, съ малымъ числомъ преданныхъ ему Магометанъ, того исполнить, проситъ Г.-М. Лазарева, чтобъ онъ, до полученія отъ Главнокомандующаго повелѣнія о вспомоществованіи войскомъ Россійскимъ, дозволилъ Грузинскимъ войскамъ съ нимъ соединиться для прогнанія изъ Ахалциха Шерифъ-Паши. Отвѣтъ Г.-М. Лазарева состоялъ въ томъ, что онъ, Паша, долженъ быть извѣстенъ отъ чиновника своего, Селимъ-Ага, объ отвѣтѣ Главнокомандующаго о невозможности ему вспомоществовать войсками Россійскими; что Грузинскихъ онъ, Г.-М. Лазаревъ, на то употребить равнымъ образомъ не имѣетъ власти безъ позволенія Главнокомандующаго, по что о всемъ не оставитъ ему донести, а его, Пашу, проситъ, оставя Грузію, ѣхать къ пріятелю своему, Карскому Пашѣ, ожидать его, Г. Лазарева, отвѣта, каковой въ состояніи онъ будетъ ему дать по полученіи отъ Главнокомандующаго разрѣшеній.

На другой день послѣ сего свиданія получилъ Г.-М. Лазаревъ извѣстіе о присланномъ отъ Хана Ереванскаго Есаулѣ въ область Бамбацкую для требованія подати; что Агалары сихъ Татаръ вмѣсто собранія податей, отправились сами къ Хану, для поднесенія подарковъ, и что нѣкоторые изъ нихъ, по повелѣнію Хана, посажены въ крѣпость.

Г.-М. Лазаревъ собирался уже объѣзжать границы Грузіи, а по тому оставилъ отношенія свои по сему предмету съ Ханомъ Ереванскимъ до тѣхъ поръ, когда самъ будетъ въ Бомбакахъ.

Въ то же время Царь Давыдъ сообщилъ Г.-М. Лазареву полученное имъ отъ родственника своего, владѣтельнаго Князя Дадіана, письмо съ просьбой о Высочайшемъ Его Императорскаго Величества покровительствѣ и защитѣ отъ нападенія на его владѣнія Царя Имеретинскаго. Г.-М. Лазаревъ, будучи обременен

ь Тифлисѣ дѣлами всякаго рода, долженъ былъ на нѣсколько ней отложить путешествіе свое для обозрѣнія границъ; а изъ амбакъ безпрестанно доходили до него свѣдѣнія о насильствахъ, атарамъ дѣлаемыхъ Ханомъ Ереванскимъ, то и счелъ онъ за учшее отправить къ нимъ Князя Арслана Орбеліанова, намѣстни- а Моуравскаго, для успокоенія ихъ и для увѣренія, чтобы они олагались на защиту Россіянъ, Князь Орбеліановъ, по видимому, страшась того, что они его не терпятъ, приказанію Г.-М. Лаза- ева не повиновался, отвѣчавъ, что онъ безъ оружія ни въ чемъ е уснѣетъ.

Царевичъ Давыдъ, питая въ душѣ огорченіе на то, что онъ ни огда уже участія въ правленіи Грузіи не имѣетъ, началъ выду- ывать себѣ упражненія. Занимала его иногда переписка съ Царемъ Іваномъ. Но, по видимому, Царевичъ Давыдъ опасался, чтобъ его исьма какимъ ни будь образомъ не терялись въ Моздокѣ, то, для безпеченія корресподенціи своей, отправилъ онъ на жительство ъ Моздокъ Грузинскаго Князя, Беглара Орбеліанова, котораго набдилъ циферпымъ ключомъ.

Уже подъ рукой было извѣстно Г.-М. Лазареву о секретной ей перепискѣ, но надобно было что ни будь изловить, что и дѣй- ствительно удалось. Перехвачено было письмо, содержавшее въ ебѣ слѣдующее цифирями:

«Четыре плута и одинъ дуракъ правятъ всей здѣшней зем- ей; сей дуракъ, поймавъ 2-хъ Лезгинскихъ мальчиковъ изъ Чаръ, огналъ ихъ сквозь строй; за то Лезгинцы поймали одного сол- ата, отрубили ему обѣ руки, отрѣзали носъ и такъ отпустили. ie Лазаревъ скрываетъ. Сверхъ же сего Русскіе обижаютъ, на азарѣ воруютъ, Князей бьютъ. Князья валяются по улицамъ. чреждены какіе-то билеты: у кого билета нѣтъ, того къ себѣ е пускаютъ. Ивану напиши, что если будетъ у нихъ такъ до Сентября, и послѣ остановится Губернія, дѣла испортятся навсегда епремѣнно. Напиши чтобъ смѣнили отъ насъ собачьяго сына.»

ГРУЗІЯ.

1802 годъ.

Годъ сей начался разглашеніемъ повсемѣстно, по тайному повелѣнію Главнокомандующаго, что войска Россійскія знатнымъ числомъ умножатся; предметъ разглашенія сего былъ тотъ, чтобъ оное достигло до Баба-Хана и устрашило Дагестанцевъ. Стоящій съ деташементомъ Кавказскаго гренадерскаго полка Подполковникъ Симоновичъ въ Гори сообщилъ извѣстіе, что его переводчикъ былъ посланъ къ Шерифъ-Пашѣ, и по возвращеніи своемъ отъ него донесъ, что онъ, находясь тамъ, слышалъ, что Царевичъ Александръ присылалъ къ Пашѣ двухъ Грузинскихъ канонеръ для исправленія Пашинской артиллеріи; что у Паши собрано тысячъ 12 войска Турецкаго и Лезгинскаго, что Паша посылалъ къ Царевичу Александру 10 кисъ денегъ на пошику Сабудъ-Паши; что Паша съ Царевичемъ Александромъ, а сей съ Ханомъ Ереванскимъ состоятъ въ безпрерывной перепискѣ; что Ханъ Ереванскій, за сдѣланную обиду Грузинскимъ Княземъ Соломономъ Меликовымъ одному Шурагельскому Татарину, арестовалъ всѣхъ Грузинъ, для торгу въ Ереванѣ бывшихъ, и требовалъ съ ихъ каравана 1200 р. Г.-М. Лазаревъ, получивъ о томъ свѣдѣніе, требовалъ отъ Хана освобожденія арестованныхъ, въ чемъ Ханъ и не противился. Осетинцы, живущіе по рѣкамъ Псы и Ліахвѣ, подданные Князей Грузинскихъ, вознамѣрились не повиноваться законной власти, бывъ къ тому подстрекаемы Грузинскими Царевичами, въ Имеретію удалившимися. Вскорѣ народъ сей, однако же усмиренъ былъ силою оружія.

Но вскорѣ послѣ сего усмиренія открылась тайная переписка Царицы Даріи и Царевичей, ея дѣтей и внуковъ, съ сыновьями ея, въ Имеретіи укрывающимися. Кореспонденція сія имѣла въ предметѣ твердое намѣреніе удержать достоинство Царское въ фамиліи Багратіоновъ, а Царемъ избрать того изъ Царевичей, коего достойнымъ въ санъ сей признаетъ Царица Дарія. Къ содѣйствію въ семъ намѣреніи приглашалось все Дворянство, которое, однако же, въ сіе время, чувствуя свое благополучіе въ новомъ образѣ правленія власти Россійской, осталось не поколебимо, исключая нѣкоторыхъ изъ Князей, которыхъ цѣль клонилась

олѣе къ грабежу въ смутное время, нежели къ ревностному сѣйствію замысламъ Багратіоновъ. Окрестные владѣльцы всѣ оказывали свою готовность Багратіонамъ вспомоществовать, исключая дного Карскаго Паши, который всегда являлъ виды сосѣда благонамѣреннаго къ Россіи.

Осетинцы, въ горахъ живущіе, по дорогѣ изъ Россіи въ Грузію, были подкуплены Багратіонами, съ тѣмъ, чтобы они препятствовали проходу войскъ изъ Россіи въ Грузію. Они имѣли намѣреніе просить Главнокомандующаго, чтобъ одного изъ Царевичей, ъ Тифлисѣ находящихся, сдѣлать участникомъ въ управленіи рузіей, дабы тѣмъ удобнѣе, мало по малу, производить въ дѣйтво замыслы свои.

Царевичъ Вахтангъ, живучи въ Тифлисѣ, привлекалъ народъ ъ участію въ замыслахъ Царицы Даріи, и по успѣхамъ, которые ачали уже оглашаться, Царевичъ сей обратилъ на себя вниманіе и побудилъ командующаго Г.-М. Лазарева приниматься за сторожность, для предваренія опасныхъ слѣдствій. Подполковникъ Симоновичъ, при рапортѣ своемъ, представилъ Грузинское исьмо, къ нѣкоему Князю Георгію Амилахварову писанное, коего одержаніе было: что Имеретинскій Князь Палавандовъ проѣхалъ ъ Царевичамъ въ Имеретію съ письмами изъ Тифлиса, коими поазалось имъ извѣстіе о повелѣніи Россійскимъ войскамъ посланомъ, слѣдовать изъ Грузіи, въ Россію; что Главнокомандующій и правитель потребованы также обратно въ С.-Петербургъ, и что оссійскаго въ Грузіи правленія уже не будетъ. Слухи таковые азглашались уже во всей Грузіи и народъ легко могъ что либо редпринять неблаговидное. Царевичъ Александръ, по полученіи зъ Тифлиса сихъ писемъ, отправилъ ко всѣмъ окрестнымъ владѣльцамъ письма о подкрѣпленіи ихъ намѣреній, а къ Баба-Хану осланца. Г.-М. Лазаревъ прилагалъ стараніе перехватить перепику Тифлиса съ Царевичами въ Имеретіи и съ сосѣдственными, о не было въ томъ возможности; ибо Грузинцы, которые бы о и выполнили, не имѣли смѣлости, отъ неизвѣстности, къ которой партіи переклониться, и отъ страха, чтобъ впредь не понести на себѣ какого либо мщенія.

Меликъ Дирчи Бебутовъ, исправлявшій при Царѣ и во временномъ Правленіи должность Полицмейстера, доставилъ, однако ке, къ Г.-М. Лазареву одно перехваченное письмо, въ коемъ упоминалось о приготовленіи войскъ Персидскихъ учинить впаден

въ Грузію. По поводу извѣстій, дошедшихъ до Г.-М. Лазарева о моровомъ повѣтріи, въ Имеретіи открывшемся, учредилъ онъ на границѣ Имеретинской карантинъ. Царевичъ Имеретинскій весьма на то вознегодовалъ, видѣвши, что карантинъ преграждаетъ ему способность сноситься съ Тифлисомъ, и чрезъ письмо просилъ Г.-М. Лазарева ѣдущихъ изъ Имеретіи въ Грузію на карантинахъ не удерживать и не осматривать, а Лазаревъ Его Высочеству весьма учтиво отвѣтствовалъ, что того сдѣлать самъ собою не можетъ безъ нарушенія законовъ, а между тѣмъ чрезъ лазутчиковъ получилъ свѣдѣнія Г.-М. Лазаревъ, что въ Кутансѣ были разговоры о способахъ, какими бы можно было вытѣснить Россіянъ изъ Грузіи, и положено, что не иначе, какъ впущеніемъ моровато повѣтрія. Послѣ сего пойманъ былъ на границѣ одинъ чиновникъ Царевича Александра съ письмами къ разнымъ особамъ, и въ томъ числѣ было письмо къ Царевичу Давыду, который, однако же никогда переписки съ Царевичемъ Александромъ не имѣлъ.

Чиновнику сему было поручено отъ Царевича Александра объявить Царицѣ Даріи, чтобъ она не вдавалась въ обманъ Россіянамъ; Царевичу Давыду, чтобъ онъ не унывалъ и въ Грузіи старался работать. Сей же чиновникъ объявилъ, что Царевичъ Александръ часто пишетъ къ Шерифъ-Пашѣ Ахалцихскому, который его уже извѣстилъ о готовности для него въ Персіи войска, и что Царевичъ Александръ намѣревается ѣхать въ Ереванъ; что Царевичи, въ Имеретіи живущіе, получаютъ отъ племянника ихъ, Царевича Давыда, весьма почтительныя письма, коими онъ ихъ увѣряетъ о преданности содѣйствовать въ ихъ намѣреніяхъ, а въ послѣднихъ Царевичъ Давыдъ требуетъ у нихъ наставленія, какъ ему при обстоятельствахъ, въ отечествѣ ихъ существующихъ, поступать.

Посланный отъ Г.-М. Лазарева къ Царевичу Имеретинскому съ письмомъ о невозможности уничтожить карантины, возвратясь изъ Кутанса, извѣстія о перепискѣ сей подтвердилъ и добавилъ еще слѣдующимъ: что Шерифъ-Паша требуетъ у Царя Имеретинскаго головы Сабудъ-Паши, прибѣгнувшаго, по потерѣ достоинства своего, и по изгнаніи изъ Ахалциха Шерифъ-Паши подъ защиту къ Его Высочеству и другой чиновника Сабудъ-Паши, Селимъ-Аги, Химшія-Швили, обѣщая Царю за первую 60. а за вторую 40, кисъ денегъ; что Царевичъ Имеретинскій имѣетъ весьма злыя намѣренія противъ войска Россійскаго въ Грузіи, вся

ществуя, по возможности, Царевичу Юлону, Парнаозу и Александру, но что Имеретинскій Салтхуцесъ Князь Зурабъ Церетель, любящій Россіянъ, часто Царя удерживаетъ и изъ заблужденія выводитъ. Въ исходѣ Генваря мѣсяца прибылъ въ Грузію чиновникъ Сабудъ-Паши, Селимъ-Ага, Химшія-Швили, и донесъ Г.-М. Лазареву, что Сабудъ-Паша находится въ Имеретіи подъ присмотромъ въ крѣпости Кваре, и что проситъ Г.-М. Лазарева его отгуда освободить; что Сабудъ-Паша намѣревается ѣхать чрезъ Тифлисъ въ Карсъ, а оттуда въ Константинополь, для донесенія Портѣ о поступкахъ Шерифъ-Паши.

Г.-М. Лазаревъ могъ ему токмо отвѣчать, что донесетъ о томъ Главнокомандующему и будетъ ожидать повелѣній. Потомъ, получивъ извѣстія отъ Г.-М. Гулякова изъ Кахетіи, что посланный отъ Царевича Александра чиновникъ къ владѣльцамъ Азіятскимъ, доѣхавъ до границы, сдалъ тамъ письма Князю Бебурову, для разсылки ихъ по назначенію. Г.-М. Лазаревъ, почитая всегда Князя Бебурова усерднѣйшимъ, однако же послалъ за нимъ, но онъ, пріѣхавъ, подъ присягой отъ того отперся.

Капитанъ Сизаревъ, посланный отъ Г.-М. Лазарева къ Царевичу Имеретинскому, по возвращеніи своемъ изъ Кутаиса, привезъ слѣдующія извѣстія: что въ Кутаисѣ носится слухъ о движеніи 20,000 Турецкаго корпуса къ Ахалціху, что, однако же, въ послѣдствіи оказалось ложнымъ. Ханъ Ереванскій увѣдомилъ Г.-М. Лазарева, что отъ Царевича Александра проѣхалъ къ Баба-Хану человѣкъ съ письмами и съ общими подписями Царицы Даріи, Царевичей Вахтанга, Юлона, Парнаоза, Александра и Давыда, коими они просили его покровительства и вспомоществованія войсками. Въ то же самое время пріѣхалъ въ Тифлисъ изъ Имеретіи Священникъ Царевича Юлона, подъ видомъ свиданія съ родственниками, но, вмѣсто того, онъ имѣлъ секретныя порученія отъ Царевичей къ частвующимъ изъ дворянъ Грузинскихъ въ ихъ предпріятіяхъ: чтобы лучше маскировать предметъ прибытія сего Попа въ Тифлисъ, Царевичъ Юлонъ снабдилъ его письмомъ къ Г.-М. Лазареву, коимъ его увѣдомлялъ о намѣреніи Царевича Александра ѣхать въ Персію, отъ котораго онъ его хотя и старался отклонять, но что яко бы его совѣтамъ Царевичъ Александръ не послѣдуетъ, почто онъ счелъ долгомъ Г.-М. Лазарева о томъ извѣстить, дабы имъ доказать, что онъ усердствуетъ Государю Императору.

Лазутчикъ, посыланный въ Ганжу, привезъ оттуда извѣстіе,

что изъ Карабаха къ Ганжинскому Хану прибылъ человѣкъ отъ Нухинскаго Хана съ письмами, коими Ганжинскому Хану доставлялись свѣдѣнія о прибывшемъ къ Баба-Хану посланцѣ отъ Царевича Александра съ письмами того точно содержанія, какъ увѣдомлялъ Г.-М. Лазарева Ханъ Ереванскій; что Баба-Ханъ, согласно съ ихъ желаніемъ, приказалъ изготовить до 50 тыс. войска, изъ коихъ 40 тыс. имѣли назначеніе въ Грузію, а 10 тыс. на Ереванскую область, въ разсужденіи того, что Баба-Ханъ полагалъ малую вѣру въ Ханѣ Ериванскомъ. Операціонный же планъ движеніямъ сей арміи былъ тотъ, что, по занятіи Еревана, учинить вторженіе въ Бамбаки (граница Грузіи между Еревана и Карса), а по покореніи Татаръ, на семъ пространствѣ обитающихъ, отправить посланца къ Начальнику войскъ Россійскихъ съ требованіемъ выступленія съ оными изъ Грузіи; въ случаѣ же невыполненія имъ сего требованія, вести наступательную войну.

За симъ прибылъ посланный для развѣдыванія въ Тегеранѣ, который донесъ, что вооруженіе Баба-Хана имѣетъ въ предметѣ Хорасанскаго Хана.

Изъ Ахалциха доходили подтвердительные слухи о маршѣ 20 тыс. Турецкаго корпуса, съ прибавленіемъ извѣстій о безпокойствѣ Шерифъ-Паши, о собирающемся у него войскѣ и о укрѣпленіяхъ Ахалцихской крѣпости. Въ Тифлисѣ между тѣмъ разнесся слухъ, что Султанъ Турецкій пожаловалъ Царевичу Александру 250 кисъ пенсіи изъ Арзрумскихъ таможенныхъ доходовъ. Самухскіе еАгалары, въ присланномъ Г.-М. Лазареву прошеніи, съ изъявленіемъ желанія быть подъ покровительствомъ Державы Россійской, просили защиты отъ притѣсненій, Ганжинскимъ Ханомъ имъ дѣлаемыхъ; о чемъ Г.-М. Лазаревъ сдѣлалъ представленіе Главнокомандующему. Ханъ Ереванскій, удостовѣрившись о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Россійской, хотѣлъ оказать свое въ томъ удовольствіе и желаніе быть во всегдашнихъ съ симъ краемъ сношеніяхъ, сбавилъ нѣкоторую часть пошлины, въ его область взимаемой съ купцовъ Грузинскихъ, пріѣзжающихъ въ Ереванъ для покупки товаровъ, а потомъ прислалъ къ Г.-М. Лазареву чиновника съ увѣреніемъ, что онъ въ непремѣнномъ пребываетъ расположеніи быть достойнымъ покровительства Высочайшаго Двора Россійскаго, и съ просьбою о взаимной къ нему присылкѣ чиновника, въ присутствіи коего онъ желаетъ учинить въ вѣрности къ Его Императорскому Величеству присягу, и съ обѣщаніемъ чинить Персіянамъ сильное отраженіе.

де бы они вознамѣрились напасть на его владѣнія, или на границы Грузіи. Къ чему Ханъ уже и принималъ мѣры запасеніемъ его, что могло поставить въ возможность Ереванскую крѣпость выдержанію долговременной осады.

Крѣпость Ереванская, сколько извѣстно, по положенію своу, Азіятскимъ войскамъ во всякое время противустоять могъ, имѣя порядочное внутреннее вооруженіе.

Лазутчикъ, посыланный на границу Турецкую, къ сторонѣ алциха и въ Имеретію, привезъ извѣстіе, подтвердившее приженіе 20 тыс. Турецкаго корпуса къ Ахалциху; также, что, по осьбѣ Шерифъ-Паши, прибѣгнувшій подъ защиту Царя Имеинскаго, Сабудъ-Паша, по повелѣнію Парскому, лишенъ жизни 6-ю своими чиновниками; что всѣ ихъ головы отправлены ъ Царя, съ чиновникомъ Царевича Александра Тавберомъ, къ ерифъ-Пашѣ, за что сей Паша прислалъ къ Царю, въ знакъ знательности, 10 кисъ, а Царевичу Александру 5 кисъ, Цариупругѣ Царской, образъ, осыпанный драгоцѣнными камень, и разные подарки нѣсколькимъ изъ Князей Имеретинскихъ.

Въ сіе время получены были извѣстія изъ Имеретіи, что рь весьма недоволенъ посланникомъ своимъ, Княземъ Джипари, безуспѣшно съ Линіи возвратившимся.

Что Царь весьма былъ озабоченъ походомъ Россійскаго детамента для усмиренія, полагая, что движеніе сіе токмо отводъ, то главной цѣлію своей деташементъ сей имѣетъ Имеретію, для люденія чего Царь поставилъ по всей границѣ своей кордонъ.

Въ сіе время Царевичу Давыду вздумалось разстаться на роткое время съ своей политикой. Его Свѣтлость, по видимому, скучился отъ бездѣйствія, и для того выдумалъ новое, не сказши никому, и не спрося дозволенія у Временнаго Правителя, послалъ въ Сурамъ Есауловъ, кои, по древнему обычаю сенарода, начали забирать у жителей все, что можно было съ ощью Сурамскаго Моурава, Князя Абашидзева. Г.-М. Лазаъ, для усмиренія ихъ наглостей, нашелся принужденнымъ, казавъ арестовать, къ себѣ доставить. Но Князь Евгеній Абадзевъ, не воздержась отъ наглостей, собралъ толпу народа и оной приступилъ къ крѣпости Сурамской. Капитанъ, съ детаментомъ въ оной стоящій, послалъ къ нему Казаковъ съ сотомъ распустить народную толпу, но Абашидзе, послав Капи-

тану грубый отвѣтъ, продолжалъ осаждать крѣпость, доколѣ не увидѣлъ на встрѣчу къ себѣ ѣдущую пушку.

Въ то же время Шаишадильскіе Агалары присылали отъ себя Г.-М. Лазареву вѣстника съ донесеніемъ, что сынъ Джавад-Хана Ганжинскаго отвлекъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ нихъ семей.

Посыланный къ сторонѣ Ахалциха для развѣдываній, возвратившись, привезъ извѣстія, что отъ Баба-Хана прибылъ въ Имеретію къ Царевичамъ Грузинскимъ посланецъ, коему было поручено сказать Шерифъ-Пашѣ и Дагестанцамъ въ Ахалцихѣ, чтобъ они Царевичамъ вспомоществовали; что Шерифъ-Паша отвѣчалъ, что онъ явно вспоможенія оказывать не можетъ, но тайно всѣми мѣрами содѣйствовать имъ готовъ; что Царевичъ Александръ рѣшительно уже вознамѣрился путешествовать въ Персію; что Царь Имеретинскій возъимѣлъ было намѣреніе лишить жизни заключеннаго въ крѣпости Мухури, Царевича Константина: сіе послѣднее, однако же, не произведено въ дѣйствіе.

Внутреннія обстоятельства Грузіи до сего времени вообще не были подвержены никакому волненію, исключая тайныхъ намѣреній искателей Царства.

ПРИБЫТІЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВЪ ТИФЛИСЪ. ОТКРЫТІЕ ПРАВЛЕНІЯ.

Апрѣля 9-го прибыли въ Грузію Главнокомандующій, Правитель и прочіе чиновники, для размѣщенія по штату внутренняго въ Грузіи управленія.

Главнокомандующій имѣлъ съ собою крестъ Святой Нины. Сколько по званію своему, столько и по тому, что онъ имѣлъ при себѣ сей священный крестъ, былъ встрѣченъ народомъ Грузинскимъ и Армянами съ отличными почестями.

За городскими Тифлискими воротами встрѣтили Главнокомандующаго войска, а въ самыхъ воротахъ Грузинскій Католикосъ, Царевичъ Антоній, съ духовенствомъ, и съ церемоніей такой сопровождался Главнокомандующій до Собора Сіонскаго, въ которомъ, съ приличнымъ священнослуженіемъ, водворенъ крестъ Святой Нины.

Главнокомандующій, отобѣдавъ съ Правителемъ у Г.-М. Лазарева, отправился, послѣ обѣда, въ новопостроенный для него домъ за городскими воротами, Цавкаскіе именуемыя, въ ко-

оромъ онъ былъ встрѣченъ купечествомъ и мѣщанствомъ, кото-ое тутъ же ему подало множество разныхъ прошеній.

Главнокомандующій, принявъ отъ нихъ оныя, отдалъ Г.-М. Лазареву, съ приказаніемъ учинить онымъ разсмотрѣніе и удовлет-ореніе и съ примѣчаніемъ, что до открытія новаго Правле-ія, временное долженствуетъ существовать во всей силѣ.

Г.-М. Лазаревъ, весьма учтивымъ образомъ, представилъ Глав-окомандующему на замѣчаніе:

Что онъ находитъ въ томъ великое затрудненіе, чтобъ ременное Правительство могло существовать по преж-ему до открытія новаго, представивъ тому причины: что динъ изъ Диванбековъ, Князь Игнатій Тумановъ, по общимъ лухамъ о прибытіи въ границы Грузіи Г. Коваленскаго въ зва-іи Правителя, тайно скрылся изъ Правительства и уѣхалъ на стрѣчу къ Г. Коваленскому, и что, по поводу сего, онъ не на-ѣется, чтобъ прочіе Члены Правительства могли оказать до-ольно твердости, и не стали бы искать протекціи у новаго Правителя, съ забвеніемъ при томъ обязанностей своихъ по слу-ѣнію въ Правительствѣ. Главнокомандующій, однако же, сего е принялъ и подтвердилъ свое приказаніе, Г.-М. Лазареву уже анное, который, оному повинуясь, сталъ продолжать засѣданія вои въ Правительствѣ, но безъ всякаго дѣла; ибо просижи-алъ въ ономъ часу до 12 одинъ, въ ожиданіи собранія чле-овъ онаго, Князей Грузинскихъ, которые, не помышляя болѣе своихъ должностяхъ, убивали утро въ передней у Правителя.

Правитель же, ни мало не медля по прибытіи своемъ въ ѣлись, вступилъ въ дѣла, но ни чуть не въ тѣ, которыя бы асались до устроенія Правительства, постановленія онаго над-ежащимъ образомъ; хотя онъ чудеса свои и прикрывалъ сей аской, но токмо въ такія, которыя приносили пользу и ыгоду его личности.

Главнокомандующій, безпрестанно получая прошенія отъ гра-данъ, препровождалъ оныя къ рѣшенію къ Г.-М. Лазареву, ко-орый, оныя принимая, не могъ никакого по нимъ дѣлать раз-ирательства, по тому что члены Правительства въ оное болѣе не-ялялись. А Правитель принялся за рѣшеніе дѣлъ въ своемъ ка-инетѣ и за ходатайства у Главнокомандующаго освобожденія ногимъ дворянамъ Грузинскимъ, по разнымъ буйственнымъ по-ступкамъ и подозрѣніямъ подъ арестомъ содержавшимся, начавъ

имъ оказывать особенное покровительство; а при томъ снискивать дружество фамиліи Царской, руководительствуясь яко бы политическимъ поведеніемъ.

На канунѣ праздника Воскресенія Христова, весь народъ въ Грузіи обитающій, былъ приведенъ къ присягѣ.

Казанскаго мушкетерскаго полку Попъ Алексѣй, употребляемый у Главнокомандующаго за переводчика на Грузинскомъ языкѣ, преданный, или, лучше сказать, подкупленный фамиліей Царской, а именно: супругой и дѣтьми покойнаго Царя Ираклія, въ сей день основалъ первое начало своимъ пакостямъ.

По окончаніи церемоніи приведенія къ присягѣ народа въ Тифлисѣ, сей Попъ началъ дѣлать внушенія, что самое для нихъ было то благопріятное время для ходатайства о избраніи Царя.

По открытіи Правительства въ Грузіи, Главнокомандующій вознамѣрился обозрѣть границы Грузіи относительно къ Ериванъ и Ганжѣ, и пригласилъ въ сіе путешествіе съ собой Г.-М. Лазарева. Между тѣмъ, когда занималось новое въ Грузіи начальство приведеніемъ къ присягѣ въ вѣрности всѣхъ народовъ, въ Грузіи обитающихъ, то Правитель настаивалъ у Главнокомандующаго, чтобъ Агаларовъ или старшинъ Казахскихъ Татаръ вызвать для приведенія къ присягѣ въ Тифлисъ; Алагары же, провѣдавъ о намѣреніи Главнокомандующаго путешествовать на границѣ, предпочли его ожидать въ своихъ кочевьяхъ, и не прежде присягу учинить, какъ когда онъ ихъ посѣтитъ.

Правитель, обративъ таковое ихъ намѣреніе имъ въ преступленіе, употребилъ сей случай въ свою пользу, сдѣлать внушенія Главнокомандующему неблагопріятныя на счетъ Князя Гарсевана Чавчавадзева, сихъ Татаръ Моурава (по нѣкоторымъ преяшимъ на него злобамъ).

Главнокомандующій отправился изъ Тифлиса въ предназначенное путешествіе въ полномъ удостовѣреніи, что Казахскіе Агалары, по внушеніямъ Князя Гарсевана Чавчавадзева, будучи къ нему привержены, не хотятъ учинить присяги вовсе, а только дѣлаютъ хитрый отводъ ожиданіемъ его посѣщенія ихъ кочевій на границѣ.

Главнокомандующій до такой степени былъ предваренъ въ худую сторону о Князѣ Чавчавадзевѣ, что не могъ скрыть него-

ованія къ нему своего и въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ, че-у да послужитъ доводомъ слѣдующее:

Достигнувъ до деревни Кумысы, въ коей назначенъ былъ утешественникамъ обѣдъ, Главнокомандующій былъ прогнѣванъ едостаткомъ къ столу вина.

Г.-М. Лазаревъ, имѣвшій съ собой онаго въ запасѣ, вызвал-и къ утощенію Главнокомандующаго, который у него спросилъ Откуда онъ имѣетъ?» Г.-М. Лазаревъ отвѣчалъ, что оно лучшее; бо изъ винъ Князя Чавчавадзева.

Сего уже было достаточно, чтобъ Главнокомандующаго про-нѣвать. Его Превосходительство не могъ удержаться, чтобъ не об-аружить внушеній, на счетъ сего Князя ему сдѣланныхъ. Ска-ивъ, чтобъ ему не поминали о Князѣ Чавчавадзевѣ, что онъ и упруга его столько вредны, что его надобно на всегда о-тавить въ Россіи, а ее отправить изъ Грузіи въ кибиткѣ ъ мужу.

Г.-М. Лазаревъ на сіе отвѣтствовалъ Главнокомандующему ъмъ, что, по его мнѣнію, они оба заслуживаютъ противнаго и его ни будь лучше; но Главнокомандующій, отозвавшись гнѣвно, то онъ все знаетъ, тѣмъ прервалъ сей разговоръ.

На другой день, когда Главнокомандующій достигъ до деревни арвани, явился къ нему князь Саломонъ Тархановъ, аять Сарда-я, Князя Ивана Орбеліянова, съ письмомъ отъ Правителя, коимъ онъ рекомендовалъ Князя Тарханова, какъ весьма уважаемаго Ка-ахскими Агаларами, и того, который въ состояніи, быть можетъ, къ наклонить къ учиненію присяги.

Главнокомандующій, согласуясь съ представленіемъ Правителя, правилъ сего Князя къ Казахамъ, дабы вызвать Агаларовъ къ ому мѣсту, гдѣ Главнокомандующій въ тотъ день располагался бѣдать.

Главнокомандующій, отправившись изъ деревни Сарвани въ уть, въ той надеждѣ, что найдетъ Казахскихъ Агаларовъ въ на-наченномъ мѣстѣ съ Княземъ Тархановымъ, объятъ былъ удивле-іемъ, отъѣхавъ не болѣе 10 верстъ отъ показанной деревни, встрѣ-ивши Князя Тарханова, возвращаюгося одного безъ Агаларовъ ъ великомъ смущеніи.

На вопросъ, Г.-М. Лазаревымъ ему сдѣланный, что съ нимъ лучилось, сей Князь отвѣчалъ, что Агалары ему отозвались

нехотѣніемъ и видѣть Главнокомандующаго, а о присягѣ и слышать не хотятъ. Сколь же велико было удивленіе Главнокомандующаго, когда онъ, приближаясь къ мѣсту для обѣда назначенному, былъ встрѣченъ собраніемъ Агаларовъ всѣхъ Татаръ: Казахскихъ, Борчалинскихъ, Бамбацкихъ и Шамшадильскихъ!

Главнокомандующій, окончивъ съ ними свиданіе, признавался, что онъ ихъ находитъ благоразумнѣйшими, нежели того ожидать могъ, бывъ весьма дурно о нихъ предваренъ.

Путешественники продолжали потомъ путь свой далѣе до рѣки Джелалъ-Оглу, чрезъ которую, по быстротѣ оной, опасался Главнокомандующій въ бродъ переправляться, откомандировалъ одного Офицера для приведенія къ себѣ Бамбацкихъ Агаларовъ, которые, прибывъ съ нимъ на другой день, ни мало не затруднились учинить присягу по выслушаніи Манифеста.

Отсюда путешествіе продолжалось въ Борчалы, а по приведеніи безъ малѣйшаго затрудненія и тамошнихъ Агаларовъ къ присягѣ, слѣдовали обратно въ Казахи, коихъ старшинъ приказалъ Главнокомандующій Г.-М. Лазареву привести къ присягѣ.

Старшины, не отказываясь отъ того, объявили токмо, что они имѣютъ къ Главнокомандующему просьбу, которая имъ и была принята. По долгомъ съ ними разговорѣ наединѣ, Главнокомандующій ихъ отпустилъ и имъ приказалъ пріѣхать къ себѣ въ Тифлисъ. Къ пріѣзду Главнокомандующаго въ Тифлисъ все уже было изготовлено къ открытію новаго Правительства.

Послѣ открытія Правительства Казахскіе Агалары, памятуя приглашеніе Главнокомандующаго, явились къ нему въ Тифлисъ.

Предметы ихъ просьбы состояли въ слѣдующемъ:

1. Подтвержденіе ихъ правъ.

2. Оставленіе на всегда Моуравомъ Князя Гарсевана Чавчавадзева при Казахскихъ и опредѣленіе его же къ Шамшадильскимъ Татарамъ въ томъ же званіи.

3. Чтобъ помощникъ Моуравскій Мирабовъ въ семъ званіи у нихъ не былъ.

Главнокомандующій на все то согласился и далъ имъ обѣщаніе сей просьбѣ ихъ удовлетворить; они требовали, однако же письменнаго отъ него обѣщанія; Главнокомандующій и отъ сего не отрекался, но токмо не выполнилъ.

По приведеніи въ дѣйство устроенія новаго Правительства Главнокомандующій изъ Тифлиса отправился въ Кахетію.

По пріѣздѣ его въ Кизикъ, въ крѣпость Сигнахскую отправленъ былъ отъ Главнокомандующаго Грузинскій Князь Адамъ Себуровъ къ Джарскимъ и Белоканскимъ Лезгинцамъ съ увѣщаніемъ, чтобъ они жили спокойно и набѣговъ на границы Грузіи не чинили; но народъ сей, къ увѣщаніямъ никогда не пріобыкшій, отъ оныхъ начисто отказался.

Съ сими успѣхами отправились путешественники изъ Сигнахской крѣпости въ Телаву.

На пути, достигнувъ селенія Цинандали, получилъ Главнокомандующій извѣстіе, что Ганжинскій Ханъ перегналъ къ себѣ 500 семей изъ Шамшадильскаго округа; которое было причиной возвращенія путешествователей въ Тифлисъ, откуда отряженъ былъ Г.-М. Лазаревъ съ двумя батальонами своего полку, для преслѣдованія уведенныхъ семей.

На походѣ семъ получилъ Г.-М. Лазаревъ въ Бамбакахъ извѣстіе, что Царевичъ Александръ, поѣхавъ изъ Имеретіи въ Персію и достигнувъ Еривана, удержанъ тамъ Ханомъ, яко бы изъ преданности сего къ Россіянамъ, что, однако же, оказалось ложнымъ; что мать Баба-Хана Персидскаго яко бы запрещала сыну своему предпринимать что либо противъ войскъ Россійскихъ.

Прибытіе въ Шамшадилы Г.-М. Лазарева съ деташаментомъ весьма обрадовало тамошняго Султана, въ уныніе впавшаго и устрашеннаго успѣхами Хана Ганжинскаго.

Народу ни въ Шамшадилахъ, ни въ Казахахъ, Г.-М. Лазаревъ не нашелъ; ибо весь оный, по обыкновенію своему, отъ жаровъ перекочевалъ на лѣтнее пребываніе въ горы.

Расположившись лагеремъ на рѣчкѣ Тоузѣ, получены были имъ Генераломъ извѣстія о движеніи Шамахинскаго Мустафы-Хана съ войскомъ на Ганжу.

Шамшадильская область на разныхъ рѣкахъ, 33 деревни, большею частію Татарами населенныя, а нѣкоторыя Армянами.

Въ прежнія времена Шамшадилы повиновались владѣтелю, носившему званіе Султана; по смерти послѣдняго ихъ Султана, владѣли ими его племянники, за дары Царямъ Грузинскимъ подносимые; въ послѣдствіи же одинъ изъ нихъ, бывъ оскорбленъ послѣднимъ Царемъ Грузинскимъ, Георгіемъ, передался къ Ганжинскому Хану. Сей же исходатайствовалъ себѣ отъ Персидскаго Ага-Магмета-Хана фирманъ на утвержденіе за собой сей области, и съ тѣхъ поръ, считая оную себѣ подвластной, и имѣя при себѣ

ихъ довѣренность, можетъ ихъ склонить къ присягѣ; но выше сего уже изъявлено о успѣхѣ, каковой имѣло таковое поручение Князя Тарханова, отъ Главнокомандующаго сдѣланное.

Въ продолженіи всего того времени, въ которое Главнокомандующій пребываніе свое имѣлъ въ Тифлисѣ, для приведенія въ надлежащее теченіе дѣлъ по внутреннему управленію, дѣла заграничныя естественно состояли въ полномъ его управленіи; не, какъ оныя въ отсутствіи Главнокомандующаго изъ Грузіи долженствовали быть кѣмъ ни будь управляемы, то Правитель всѣ силы свои употреблялъ къ тому, чтобъ завѣдывать ему непосредственно всѣми дѣлами заграничными и по части политической, и однимъ изъ первыхъ почерковъ его тщеславія и честолюбія ознаменовался тѣмъ, что онъ токмо что съ Главнокомандующимъ въ Тифлисъ прибылъ, то ко всѣмъ сосѣдственнымъ съ Грузіей владѣльцамъ отправилъ циркуляры, съ увѣдомленіемъ въ что онъ въ Грузіи Правитель всѣхъ дѣлъ.

Главнокомандующій, однако же, не счелъ приличнымъ такое его желаніе удовлетворить, а при отъѣздѣ своемъ изъ Тифлиса поручилъ оныя по части политической, въ управленіе командующему въ его отсутствіи войсками въ Грузіи, Г-М. Лазареву, предоставивъ Правителю тѣ, которыя относились до взаимныхъ сношеній жителей Грузіи съ жителями сосѣдственныхъ областей, по дѣламъ торговымъ, или какимъ либо респективнымъ взысканіямъ по части земскаго управленія.

NB. Нынѣ дѣла политическія весьма въ дурномъ положеніи въ Грузіи и, по видимому, сосѣдственные владѣльцы, привыкши всегда почитать воинскихъ Начальниковъ, и за достовѣрное извѣстно, что они неоднократныя отъ Правителя получали подтвержденія, что онъ Правитель всѣхъ дѣлъ и что имъ объ всѣхъ предметахъ слѣдуетъ относиться къ нему, или находятся въ заблужденіи, не зная точно, съ кѣмъ сноситься, или же, если всѣ такъ Правителемъ огорчены, какъ Ханъ Ериванскій, совсѣмъ отклониться вознамѣрились отъ Двора Россійскаго, какъ то можно заключить изъ подвиговъ Хана Ериванскаго, по его неповиновенію въ признаніи Патріарха Даніила и по изъясненіямъ его съ Титулярнымъ Совѣтникомъ Глищауровымъ, ей посыланнымъ къ нему отъ Главнокомандующаго съ предложеніемъ о принятіи Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты о Патріархѣ Даніилѣ, Ганжинскаго

давшаго у себя убѣжище и знатное содержаніе Царевичу Александру, со вспомоществованіями ему при томъ къ нарушенію спокойствія въ Грузіи; Царя Имеретинскаго, вооружившагося противъ Владѣтельнаго Князя Дадіана, для того единственно, чтобъ покореніемъ его своей власти отторгнуть его отъ Россіи, коей покровительства онъ ищетъ.

Неисполненіе Царемъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества требованія объ освобожденіи Царевича Константина изъ заключенія, и содѣйствіе его съ искателями Царства Грузинскаго дарованіемъ убѣжища бѣжавшимъ изъ отечества и отъ повиновенія законной Его Императорскаго Величества власти уклонившимся Царевичамъ Грузинскимъ, Юлону и Парнаозу, суть подвиги, явно неблагонамѣренность сихъ сосѣдственныхъ владѣльцевъ къ Россіи доказывающіе.

Главнѣйшія же интриги Правителя, облеченныя завѣсой непроницаемой тайны, какъ здѣсь нѣкоторымъ образомъ и немногимъ извѣстно, суть еще слѣдующія:

Изъ числа людей, вліяніе имѣвшихъ при существованіи Царства Грузинскаго, есть нѣкоторые, которые, оказывая усердіе къ власти Высочайшей, поставленной надъ Грузіей, нынѣ пребываютъ еще соучастниками въ интересахъ и замыслахъ искателей Царства, и симъ-то особамъ извѣстны всѣ интриги Правителя съ особами фамиліи Царской.

По ихъ сказаніямъ, Правитель, подъ предлогомъ оказанія должнаго уваженія и почтенія особамъ Царскаго поколѣнія подежащаго, основалъ съ ними связи тѣсной дружбы съ тѣмъ, чтобы со временемъ удовлетворить ихъ замысламъ о избраніи ими Царя; что онъ яко бы Царицѣ Даріи далъ клятву о томъ стараться, но съ тѣмъ, чтобъ, за произведеніемъ удачно того въ дѣйство, ему было дано 100 тысячъ, и чтобъ тогда отъ той особы, которая избрана будетъ Царемъ, было употреблено къ Высочайшему Двору сильное ходатайство объ оставленіи его въ Грузіи Министромъ.

Нѣкоторое явное вѣроподобіе тайна сія имѣетъ то, что Правитель распродалъ большую часть мѣстъ въ экспедиціяхъ Верховнаго Правительства Грузинскимъ Князьямъ, родственникамъ тому Царя Ираклія и единомышленнымъ съ особами онаго, претендующими на Царство, и даже весьма явно Правитель дѣлаетъ гоненія всѣмъ тѣмъ, которые особамъ симъ не привержены,

употребляя въ сей интригѣ съ успѣхомъ Попа Алексѣя, при Главнокомандующемъ за переводчика бывшаго, для вредныхъ внушеній Главнокомандующему въ пагубу тѣмъ, на коихъ Братель имѣлъ злобу.

Если можно сіе назвать расколомъ, то оный началъ уже ознаменовываться въ бытность еще Главнокомандующаго въ Тифлисѣ, по открытіи Правленія; ибо примѣтнымъ образомъ начали составляться партіи отъ раздѣленія умовъ, и нѣкоторые, то видѣвши, отретировались за границы Грузіи, къ Царевичу Александру.

Попъ Алексѣй, подкупленный Царицей Даріей и Царевичемъ Вахтангомъ, употреблялъ разныя хитрости къ увѣренію Главнокомандующаго въ томъ, что Правителю для выгодъ своихъ нужно было, выдумывалъ разныя чудеса и анекдоты, на примѣръ, что однимъ вечеромъ Царевичъ Александръ яко бы къ нему пріѣхалъ переодѣтый для развѣданія о мѣстѣ, гдѣ хранится Царская Корона.

А Царица Дарія подсылала, съ помощью сего Попа, къ Главнокомандующему съ предложеніемъ ему уступить большой брильянтъ изъ сокровищъ Шаха Надира, покойнымъ ея супругомъ похищенный и у нея хранящійся, ежели его Превосходительство у Государя Императора исходатайствуетъ возстановленіе Царства и возведеніе на оное сына ея, Царевича Юлона.

Царица сія располагала уже, по видимому, планъ для произведенія возмущенія, считая случай сей удобнѣйшимъ по тому, что предлогъ неудовольствія народнаго на Правительство, какъ кажется, ей подавалъ надежду въ успѣхахъ.

Она чрезъ Правителя ходатайствовала у Главнокомандующаго о позволеніи Дивану Царя Имеретинскаго, Князю Леонидзе, прибыть изъ Имеретіи въ Тифлисъ, для свиданія съ родственниками, и она же настаивала тайнымъ образомъ у Правителя, чтобъ начать сборъ махты (поборы съ купечества). Сей вымыселъ ея заключалъ величайшую хитрость въ томъ, чтобъ Правительство новое употребить на озлобленіе народа; ибо махта сія не собиралась съ купечества въ Тифлисѣ со времени разоренія столицы сей Персидскимъ Ага-Махметъ-Ханомъ, и Царь Ираклій, а потомъ и Царь Георгій, имѣли тѣмъ въ виду поправленіе состоянія разореннаго народа.

Леонидзе же, конфидентъ какъ ея, такъ и Царевичей, сыновей ея, въ Имеретіи укрывающихся, былъ ей нуженъ для

произведенія въ дѣйство революціи, ею же предположенной. Къ стыду нашему и къ сожалѣнію, должно, однако же, признаться, сколь великое ослѣпленіе интересъ и лихва сдѣлали въ Правителѣ, что онъ, хвалясь всегда познаніемъ народа Грузинскаго, не проникалъ того, что Царица Дарія сими способами его самого дѣлаетъ инструментомъ для удачнаго въ дѣйство приведенія своихъ замысловъ.

Съ одной стороны сіе мудрое управленіе Правителя, а съ другой по разнымъ мѣстамъ Грузіи Исправниковъ или вообще Земскихъ Начальствъ, въ должности вступившихъ, способствовали къ огорченію всего народа, весьма еще непросвѣщеннаго, со всѣхъ сторонъ при томъ получавшаго внушенія отъ единомышленныхъ съ Царицей Даріей противъ новаго Правительства и властвованія Россіянъ. Все сіе угрожало слѣдствіями неблагопріятными.

За нѣсколько дней еще до отъѣзда Главнокомандующаго заводились въ разныхъ мѣстахъ тайныя сборища Князей Грузинскихъ, отправлялись отъ оныхъ письма возмутительныя по всей Грузіи, слышны были разглашенія, что чрезъ мѣсяцъ Россіяне въ Грузіи должны быть искоренены.

Нѣкто Потреловъ былъ употребленъ къ распущенію подобныхъ слуховъ. Въ бытность Г.-М. Лазарева въ Бамбакахъ, на походѣ въ Шамшадилы, получилъ онъ увѣдомленіе отъ Хана Эриванскаго, что сей Потреловъ былъ къ нему присланъ отъ Царевича Давыда съ письмами, изъявлявшими Царевича сего просьбу о вспомоществованіи ему силами для пораженія войскъ Россійскихъ въ Грузіи. Потреловъ былъ наконецъ приличенъ въ возмутительныхъ разглашеніяхъ и содержался подъ арестомъ по повелѣнію Главнокомандующаго.

Попъ Алексѣй не преставалъ увѣрять народъ, что благопріятнѣйшее для нихъ то было бы время, если восхотятъ выбрать себѣ Царя, говоря, «что онъ въ сновидѣніи получилъ увѣренія отъ Св. Георгія и Евстафія, что возстановленіе въ Грузіи Царства необходимо нужно.» Сей же Попъ въ послѣдствіи, по отъѣздѣ съ Главнокомандующимъ на Линію, велъ переписку съ нѣкоимъ Глахой Джипадзевымъ, фаворитомъ Царевича Вахтанга.

Въ самый день отъѣзда Главнокомандующаго изъ Тифлиса на Линію, былъ онъ окруженъ купечествомъ сего города, кото-

ров его неотступно просило о уничтоженіи сбора съ нихъ махты, убѣждая его тѣмъ, что, по Высочайшему Манифесту блаженныя памяти Государя Императора Павла I-го о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Россійской, всему народу обѣщана льгота на 10 лѣтъ.

Но, не получивъ отъ него удовлетворенія на сію просьбу и тѣмъ огорчась, купцы заперли всѣ лавки, и въ сей день какъ войска, такъ и жители, не могли доставать ничего и для пищи. Комендантъ употребилъ было принужденіе, чтобъ лавки были отперты, но купцы твердо въ своемъ устаивали, и лавки не прежде отперли, какъ когда Комендантъ согласился на то, чтобъ имъ дать обѣщаніе о увольненіи ихъ отъ взиманія махты.

Между тѣмъ до отъѣзда еще изъ Тифлиса Главнокомандующаго, войска въ столицѣ сей на непремѣнныхъ квартирахъ расположенныя, выступили уже въ лагерь.

Два баталіона 17-го егерскаго полка расположились съ Г.-М. Лазаревымъ на рѣчкѣ Алгеттѣ, верстахъ въ 40 отъ Тифлиса.

До выступленія еще въ лагерь Г.-М. Лазаревъ имѣлъ частую переписку съ Ахалцихскимъ Шерифъ-Пашей о томъ, чтобъ сей Паша не впускалъ въ свои владѣнія Дагестантскихъ хищниковъ но онъ всегда отвѣтствовалъ увѣреніями, что ихъ никогда къ себѣ не принимаетъ, но что также и отразить ихъ не въ силахъ, когда они, въ преимущественныхъ противъ него силахъ, чрезъ его владѣнія проходятъ для хищничествъ на границахъ Грузіи. а по тому просилъ, чтобъ Начальникъ войскъ Россійскихъ отрядилъ часть оныхъ къ Ахалциху для ихъ отраженія соединенными силами, что по повелѣнію Главнокомандующаго и было исполнено откомандированіемъ съ Алгеттскаго лагеря 2-хъ егерскихъ ротъ съ нѣсколькими вооруженными Грузинами, который отрядъ, однако же, стоявъ на виду Ахалциха близъ мѣсяца, дѣйствія предназначеннаго не имѣлъ.

А Лезгинцы между тѣмъ чинили набѣги въ весьма близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, доѣзжая до самаго предмѣстія Авлабарскаго.

Записка о возмущеніи въ Грузіи въ Іюнѣ 1802 года.

Въ концѣ Іюня мѣсяца дошло до свѣдѣнія Командующаго ъ Грузіи Г.-М. Лазарева, что дворянинъ Царевича Александра, Зал Нацухрв-Швили и съ нимъ одинъ чиновникъ Хана Ериванскаго рибыли въ Имеретію съ письмами къ Царю Имеретинскому и къ аревичу Юлону, и что Царь собираетъ войско свое, не извѣстно ля какихъ точно предпріятій, а подъ предлогомъ вести оное ротивъ Владѣльца, Князя Дадіана; что въ Таврисѣ находился ко бы Сердарь Баба-Хановъ для собранія Адербиджанскихъ ойскъ, дабы съ оными, свергнувъ Нухинскаго Магометъ-Ассанъ-Хана, возвести на его мѣсто брата его, Селимъ-Хана, наодящагося у Шушинскаго Ибрагимъ-Хана, при которомъ находился яко бы человѣкъ Царевича Александра съ фирманомъ Баба-ана неизвѣстнаго содержанія, къ Царевичу Юлону отправленный; наконецъ, что всѣ сіи окрестные Ханы имѣютъ въ предпріятіи дѣлать впаденіе въ границы Грузіи, по поводу чего Баба-Ханъ возненавидѣлся Нухинскаго Магметъ-Ассанъ-Хана, ему всегда противность оказывавшаго, свергнуть, а на его мѣсто возвесть помянутаго Селимъ-Хана, къ предпріятіямъ его склоннаго.

Между тѣмъ какъ сіи заграничныя свѣдѣнія доходили до Г.-М. Лазарева, и какъ онъ былъ въ сіе время въ лагерѣ, то одинъ изъ преданнѣйшихъ къ Россіи Грузинъ, бывшій Сардарь и Салтхуцелъ, Князь Иванъ Орбеліановъ, чрезъ Графа Пушкина просилъ Г.-М. Лазарева о найскорѣйшемъ прибытіи въ Тифлисъ, для принесенія ему о важнѣйшихъ предметахъ.

Г.-М. Лазаревъ немедленно то исполнилъ, а Сардарь Князь Иванъ Орбеліановъ встрѣтилъ его тѣмъ, что и Грузія, и войска Россійскія, въ оной находящіяся, въ неизбѣжной опасности, если не будутъ взяты строжайшія мѣры къ утушенію заговора, въ ійство производимаго; что Царица Дарія, и Царевичи Вахтангъ Давыдъ, совокупно съ отсутствующими изъ Тифлиса Царевичами, имѣютъ тайное соглашеніе возвести на Царство Царевича Юлона, стараясь при томъ привлечь къ содѣйствію весь народъ; что помянутая Царица таковое же сдѣлала предложеніе и ему, Князю Орбеліанову, какъ первѣйшему чиновнику въ Грузіи по прежнимъ его званіямъ, обѣщая ему, за его содѣйствіе въ ихъ предпріятіяхъ, возвратить ему достоинства Сардарское и Салтхуцелское. Князь Орбеліановъ, съ видомъ соглашенія, требовалъ отъ

Царицы письменнаго увѣренія въ ея обѣщаніяхъ съ тѣмъ, чтобъ таковое представить Г.-М. Лазареву, но Царица же ему и того не отказывала, но требовала отъ него присяги въ томъ, что онъ ей будетъ вспомоществовать; но Сардарь ей отозвался, что единожды присягнувъ въ вѣрности къ Его Императорскому Величеству, онои нарушить не можетъ. Въ то же время Тифлискій Митрополитъ Швилесъ явился у Правителя Грузіи съ подобнымъ сему доношеніемъ, а потомъ о томъ же донесъ и Г.-М. Лазареву. Сей послѣдній безъ упущенія изъяснялся о сихъ обстоятельствахъ съ Правителемъ, который ему отвѣчалъ, что быть ничего не можетъ, и что, напротивъ, если въ самомъ дѣлѣ то произойдетъ, то ему надобно почесть за благопріятнѣйшій случай къ полученію щедрыхъ награжденій отъ Его Императорскаго Величества за подвиги войскъ и гражданскихъ начальниковъ къ укрощенію непокойствій. Возраженіе на сіе Г.-М. Лазарева было то, что сколь и лестно заслуживать милости Императорскія, но что онъ не забываетъ обязанностей своихъ и въ томъ, что лучше заранѣе предпринимать мѣры осторожности, нежели, пропустивъ время, действовать оружіемъ, и войско тѣмъ изнурять, которое и безъ того весьма изнурено. По мѣрѣ подтвержденія извѣстія о намѣреніи содѣйственныхъ Хановъ учинить соединенными силами, подъ предводительствомъ Царевича Александра, нападеніе на Грузію, Г.-М. Лазаревъ за нужное счелъ отнестись къ Правителю Грузіи, чтобъ къ отрядамъ войскъ Россійскихъ, на границѣ расположенныхъ, присоединены были караулы Грузинскіе; а при томъ и новыя получены извѣстія, что 2,700 Лезгинъ, разными партіями, къ Ахалцихскому Шерифъ-Пашѣ пришедшіе, и въ его владѣніяхъ провіянтомъ запасшіеся, хотятъ учинить нападеніе на границы, подъ предводительствомъ Царевича Парнаоза.

Царевичъ же Теймуразъ, находясь въ Сурамѣ, началъ дѣлать сборы и разныя угнетенія какъ таможнимъ, такъ и окрестнымъ жителямъ; Священниковъ принуждалъ въ церквахъ поминать осе Царскаго поколѣнія, запрещая имъ приносить моленія о здра Его Императорскаго Величества и Свѣтлѣйшей Императорск Фамиліи; съ Имеретіею и Ахалцихомъ началъ переписку и за дилъ тайныя сходбища Сурамскихъ Князей и Дворянъ.

Въ самомъ Тифлисѣ ознаменовалось явное волненіе. Все Грузинское изъявляло явное неудовольствіе на нын вленіе. Въ Кахетіи не хотѣли повиноваться судамъ, и

е Князья начали удаляться въ Ериванъ къ Царевичу Алек-
ндру. Изъ Карталиніи тѣ же получены извѣстія. Татары воз-
мѣрились бѣжать. Царица Дарія, которая всегда на бѣдность
ою ропщетъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ отправила къ Ца-
евичу Александру, въ Ериванъ, новый кафтанъ и 1000 р., а при
мъ писала къ нему, что теперь настоящее время вступить въ
ределы Грузіи.

Царевичь Вахтангъ, находившійся въ Душетѣ, у самаго устья
роги чрезъ Кавказскія горы, возбужденіемъ противъ насъ Осе-
нцевъ пресѣкъ коммуникацію Россіи съ Грузіей, и съ самаго
ъѣзда изъ Грузіи Главнокомандующаго никакихъ отъ него из-
стій въ Тифлисѣ не получено; кромѣ того замѣченъ въ перепи-
кѣ съ братьями своими, въ Имеретіи пребывающими, и съ про-
ми, а равнымъ образомъ и въ побужденіи народа къ волненію.

Царевичь Давыдъ, подъ предлогомъ заведенія мѣднаго завода,
бираль рабочихъ людей и о томъ далъ знать Д. Т. Совѣтнику
афу Пушкину, который нарочно старался сколько можно ме-
ить отвѣтомъ своимъ къ нему; а при томъ Царевичъ собрался
ать въ Борчаны, гдѣ будто мѣдные рудники отысканы.

Изъ перехваченныхъ писемъ изъ Имеретіи отъ Царевича Пар-
оза усмотрѣно, что онъ соотчичамъ своимъ обѣщаетъ вскорѣ
ибыть къ границамъ ихъ съ корпусомъ, изъ войскъ Имеретин-
ихъ и Лезгинскихъ составленнымъ; а Царевичъ Александръ
товился тоже учинить изъ Персіи, и къ Казахскимъ Агаларамъ
щено отъ него было письмо, коимъ онъ ихъ уговаривалъ, чтобъ
и, когда онъ съ войсками вступитъ въ Грузію, ничего не опа-
лись, и что онъ то сдѣлаетъ не съ намѣреніемъ имъ нанести
ъ, но для изгнанія Россіянъ. Агалары же Казахскіе, по по-
ченіи отъ него таковаго письма, отправили къ нему депутацію
подарками и всѣ съ нетерпѣніемъ готовились къ содѣйствію
нимъ, кромѣ одного старѣйшаго Папы-Ага.

Борчалинскіе Татары, удалившись въ горы, располагались
слѣдовать Казахскимъ.

Изъза границы же подтверждались свѣдѣнія, что Персид-
й корпусъ, подъ начальствомъ Пиръ-Кулы-Хана, прибылъ къ
ницамъ Ериванскимъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ требовать
Хана поселившихся въ его области выходцевъ Нахичеванскихъ,
обращенія на прежнюю ихъ землю и собранія съ нихъ контри-
ціи, а между тѣмъ стараться возвесть на Ханство Нахичеванское,

на мѣсто слѣпаго Калъ-Балы Хана, Аббасъ-Кулы-Хана, его брата. Въ случаѣ несогласія Ериванскаго Хана отпустить отъ себя Нахичеванскихъ переселенцевъ, Пиръ-Кулы-Ханъ Сардарь намѣренъ былъ, въ замѣну того, взыскать съ него 80,000 р. и силою оружія; а буде бы Ханъ согласился на одно, или на другое, то тогда Пиръ-Кулы-Ханъ намѣревался, присоединивъ къ себѣ и Ериванское войско, слѣдовать въ Шушу, для дальнѣйшихъ предпріятій, выше изъясненныхъ, и на Грузію.

Ханъ Ериванскій, находившись въ столь критическомъ положеніи, прислалъ въ Тифлисъ посланца своего, Енваръ-Султана, съ изъявленіемъ желанія и просьбы о принятіи его въ покровительство и о вспомоществованіи ему войскомъ Россійскимъ, обѣщая тѣмъ, которыя даны бы ему были для охраненія его владѣній, сверхъ его продовольствія ежегодно по 10,000 р., а посланецъ съ своей стороны довольствовался и числомъ 300 человѣкъ, съ коими надѣялся отразить Пиръ-Кулы-Хана и, во взаимство того, выдать Царевича Александра, отзываясь, что онъ ему весьма дорого стоитъ. Г.-М. Лазаревъ отвѣчалъ Хану, что о его желаніи и просьбѣ донесетъ Главнокомандующему и съ симъ отвѣтомъ отправилъ обратно посланца.

Въ продолженіи сихъ смутныхъ обстоятельствъ появился въ Тифлисѣ, въ первыхъ числахъ мѣсяца Іюля, пріѣхавшій изъ Имеретіи для свиданія съ родственниками, Диванъ Царя Имеретинскаго, Князь С. Леонидзе.

Какъ уже выше сего пояснено о ходатайствѣ Царицы Дарьи чрезъ Правителя у Главнокомандующаго о дозволеніи сему мужу пріѣхать подъ симъ предлогомъ въ Тифлисъ, и о причинахъ, для которыхъ онъ Ея Высочеству могъ быть нуженъ, то предметы имъ изъ Имеретіи привезенные, явно доказали.

Онъ привезъ съ собою два фирмана, яко бы отъ Баба-Хана Царю Имеретинскому и Царевичу Юлону посланные; первымъ сей Владѣтель Персидскій Царю повелѣвалъ оказывать всевозможныя вспомоществованія Царевичу Юлону, для возведенія на Царство, а вторымъ прокламировалъ Баба-Ханъ Юлона Царемъ Грузіи. Фирманы сіи вручены были Княземъ Леонидзе Правителю Грузіи въ томъ видѣ, что Царь и Царевичъ Юлонъ, будучи усердны и благонамѣренны къ Его Императорскому Величеству, не хотятъ фирмановъ сихъ употреблять съ свою пользу безъ подтвержденія Государя Императора.

По смыслу сихъ фирмановъ и по стилю оныхъ, нельзя не знать сочинителя оныхъ, самого Князя Леонидзе.

Но главнѣйшее препорученіе сего Леонидзева состояло въ томъ, чтобъ, по содержанію сихъ ложныхъ фирмановъ, сдѣлать революцію и внушить народу, чтобъ приступать къ выбору Царемъ Багона; а для подкрѣпленія умовъ въ производствѣ того въ дѣйство, Князь Леонидзе имѣлъ при себѣ открытый фирманъ отъ Царя Имеритинскаго къ Тавадамъ, коимъ Царь ихъ убѣждалъ не отлагать предпринятаго ими намѣренія, обѣщавъ имъ воспомоществовать по силѣ фирмана, ему отъ Баба-Хана посланнаго.

Правитель, почитающій измѣнника сего искреннимъ пріятелемъ, въ минуту его въ Тифлисъ пріѣзда, послалъ къ нему одного изъ своихъ подчиненныхъ съ поздравленіемъ благополучнаго достиженія до Тифлиса и съ извиненіемъ, что головная боль ему препятствуетъ самому лично явиться у Леонидзе.

Лезгинцы же и хищничества ихъ примѣтнымъ образомъ начали усиливаться, даже до того, что, не смотря на всѣ предосторожности кордоновъ къ недопущенію ихъ причинять вредъ въ границахъ, покушались они дѣлать набѣги и на близъ лежащія къ Тифлису селенія, что побудило Командующаго въ Грузіи Г.-М. Лазарева, къ подозрѣнію о участіи въ томъ самихъ жителей Грузіи изъ числа неблагонамѣренныхъ, а особенно приверженныхъ къ Царской фамиліи, по поводу чего и были усугублены всѣ мѣры осторожности со стороны войскъ, а за жителями бдительнѣйшее замѣчаніе. Въ то же время рапорты кордонныхъ военныхъ начальниковъ подтверждали, что Царевичъ Теймуразъ съ Княземъ Евгеніемъ Абашидзе близъ Сурама, на границѣ Имеритинской владѣнія свои имѣющіе, въ томъ имѣли участіе.

Въ самыхъ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ получилъ Г.-М. Лазаревъ секретное повелѣніе отъ Главнокомандующаго о поданіи ихъ охранительныхъ вспомоществованій Государства Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Коллежскому Сов. Соколову, отправлявшемуся съ особыми порученіями Государя Императора съ Линіи въ Имеретію.

Г.-М. Лазаревъ изъяснялся съ Правителемъ о неистовствахъ Царевича Теймураза и Князя Евгенія Абашидзе, на границахъ имъ занимыхъ, и ему предлагалъ ихъ оттуда вызвать въ Тифлисъ;

смотри Исторію Леонидзева.

ню Правитель съ самого начала, по видимому, потерялъ духъ; ибо ни на одно изъ сношеній Г.-М. Лазарева ни отвѣта не давалъ, ниже исполненія не чинилъ. Ему было сообщено, что жители на границахъ дѣлаютъ сопредѣльнымъ обиды, то чтобъ Земскія власти имѣли въ томъ наблюденіе и отъ того ихъ удерживали, но, вмѣсто того, жители селеній, Мелику-Абову принадлежащихъ, покровительствуемому Правителемъ, не преставали отгонять скотъ у Татаръ Ахалцихскихъ, каковыя необузданности, конечно, всегда Шерифъ-Пашѣ подавали справедливую причину руководствовать Лезгинцамъ къ набѣгамъ на границы Грузіи. Такимъ же точно образомъ предано было молчанію Правителемъ отношеніе Г.-М. Лазарева о необходимости отдалить изъ Сурама Царевича Теймураза и Князя Абашидзе.

По чему Г.-М. Лазаревъ, сколь ни нужно было его присутствіе въ Тифлисѣ, рѣшился ѣхать въ Сурамъ, подъ предлогомъ распоряженій для усиленія Сурамскаго поста, по предмету выше изъявленному о вспомоществованіяхъ въ Имеретію отправившемуся К. С. Соколову; куда и отправился, истребовавъ отъ Правителя предписаніе къ Горійскому Исправнику о поданіи себѣ всѣхъ вспомоществованій, каковыя нужны ему быть могутъ отъ начальства Земскаго.

13-го Іюля, Г.-М. Лазаревъ, пріѣхавъ въ Сурамъ, получилъ тамъ, какъ отъ Капитана Бартенева, съ ротой тамъ стоящаго, такъ и отъ самихъ жителей, личное того подтвержденіе на счетъ Князя Абашидзева; а при томъ и отъ Горійскаго Исправника жалобу, что Князь Абашидзевъ ослушался предъ Горійскимъ Нижнимъ Земскимъ Судомъ, по зову онаго для отвѣта по нѣкоторому дѣлу, до него касающемуся въ Гори; по чему Г.-М. Лазаревъ Князя Абашидзе, пригласивъ къ себѣ, спрашивалъ у него о причинахъ, его побудившихъ поступать противъ присяги, коей онъ обязанъ въ вѣрности Всемилостивѣйшему Государю Императору, и по чему онъ не являлся къ Суду по требованію того?

Князь Абашидзе, отъ всего отпираясь, отвѣчалъ съ грубостью, что мы теперь всѣ сравнены съ мужиками. По чему Г.-М. Лазаревъ, не сомнѣваясь болѣе въ истинѣ всего, ему о Князѣ Абашидзевѣ донесеннаго, приказалъ его и единомышленныхъ съ нимъ Князей Хадербекова, Чхеидзе-Абазадзева, Дворянина Ратангова, и находившагося при Царевичѣ Теймуразѣ за Сом

етара, дворянина Лорадзе, употребляемаго въ перепискѣ Царе-
ича съ Имеретіей, арестовать.

Г.-М. Лазаревъ, оставивъ Князя Абашидзе подъ присмотромъ
ь Гори, гдѣ ему надлежало явиться къ Суду, и тамъ же Цареви-
а Теймураза, добровольно изъ Сурама туда переѣхавшаго, воз-
ратился въ Тифлисъ, гдѣ, получивъ разныя извѣстія о внутрен-
ихъ и внѣшнихъ обстоятельствахъ Грузіи, донесъ объ оныхъ
лавнокомандующему 20-го Іюля, и сдѣлалъ нужныя распоряже-
я въ войскахъ, для предохраненія Грузіи отъ угрожающихъ ей
асностей. Не было возможности никакой курьеру изъ Тифли-
проѣхать на Линію обыкновенной дорогой, которая была за-
рта Горцами со стороны Грузіи, по старательству Царевича
ахтанга.

Преданные съ давнихъ временъ Россіи Князья Еристовы пред-
жили Г.-М. Лазареву свои услуги, обѣщавъ другой дорогой, съ
дежнымъ изъ людей своихъ депеши его на Линію отправить,
о Г.-М. Лазаревъ и употребилъ въ пользу. Изъ послѣдствія ви-
о будетъ, что курьеръ сей благополучно на Линію доѣхалъ и съ
велѣніями отъ Главнокомандующаго возвратился.

Они состояли въ слѣдующемъ: что назначенный къ предпрі-
ямъ противъ Россійскихъ войскъ, Сардарь-Пиръ-Кулы-Ханъ
одившись съ 10-ю тыс. войскъ своихъ въ Нахичевани, отпра-
ися съ оными къ Шушѣ, какъ казалось, для исполненія пове-
ній Баба-Хана, чтобъ Нухинскаго Магметъ-Асанъ-Хана, Россія-
ъ приверженнаго, свергнуть, а на его мѣсто возвести Селимъ-
на, въ Шушѣ пребывающаго; а потомъ, умноживъ силы свои,
съ оными обратнымъ путемъ чрезъ Шушу въ Белоканъ и,
соединивъ къ себѣ Лезгинцевъ изъ Дагестана, тамъ въ боль-
хъ партіяхъ находящихся, продолжать свой путь въ Кахетію,
произведенія въ дѣйство своихъ предпріятій изгнаніемъ войскъ
ссійскихъ.

Къ Царевичу Александру и чиновникамъ, при немъ находя-
ися, между тѣмъ отправлено было письмо отъ Царицы Да-
, заключавшее просьбу ея, чтобъ они всѣми мѣрами старались
полнить предпринятое ими уже дѣло, увѣряя ихъ, что, по ма-
численности и въ самомъ Тифлисѣ Россійскихъ войскъ, удоб-
ѣйшее то было время ко впаденію съ толпой Пиръ-Кулы-
на и Белоканскихъ Лезгинцевъ въ Кахетію, гдѣ найдетъ
хъ Князей и Дворянъ въ готовности ему вспомоществовать.

Что Царь Имеретинскій вмѣстѣ съ Царевичами Юлономъ и Парнаозомъ также состоитъ въ готовности къ содѣйствію съ Царевичемъ Александромъ; что Ахалхицскій Паша, по связи своей съ Царемъ Имеретинскимъ и помянутыми Царевичами, равнымъ образомъ къ нимъ присоединитъ до 3,000 Лезгинъ, и что Царь и Паша ожидаютъ токмо того, чтобъ Пиръ-Кули-Ханъ и Царевичъ Александръ переправились черезъ рѣку Алазань.

Съ сими неблагопріятными обстоятельствами увеличивались и внутреннія неспокойства отъ безпрестанныхъ въ разныхъ мѣстахъ набѣговъ Лезгинъ, приводимыхъ самими жителями, въ заговорѣ съ фамиліей Царской участвовавшими, какъ казалось съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ какъ можно болѣе развлечь наши войска.

Царская же фамилія, въ коей главнѣйшую роль играетъ Царица Дарія, всѣми мѣрами старалась народъ привести въ волненіе, убѣждая ихъ къ тому доказательствами, что онъ, въ искаціи подданства своего къ Россіи, самъ себя обманываетъ и, вмѣсто защиты отъ Правительсва, сноситъ токмо притѣсненія.

Со стороны же Кавказа Царевичъ Вахтангъ, пребывая въ Душетѣ, подъ предлогомъ опасенія отъ Лезгинцевъ, которые никогда до его владѣнія не достигали, набиралъ войска и возмутилъ Осетинцевъ и Тагаурцевъ, въ горахъ живущихъ по дорогѣ изъ Грузіи къ Моздоку, для пресѣченія комуникаціи.

Царевичъ Давыдъ въ самое то время, подъ предлогомъ нездоровья и для лучшаго воздуха, уѣхалъ изъ Тифлиса къ Борчалинскимъ Татарамъ, для возбужденія сихъ къ содѣйствію въ общемъ заговорѣ.

Царица Дарія, главнѣйшая начальница всѣхъ предосудительныхъ замысловъ, безпрестанную имѣя переписку съ Царевичемъ Александромъ и съ Царевичами, въ Имеретіи находившимися, имѣя пребываніе свое въ предмѣстіи Тифлиса, Авлабаръ называемомъ, завела у себя тайныя сходбища единомышленниковъ и посредствомъ ихъ разсѣвала въ народѣ разные слухи и подавала надежду, что вскорѣ они будутъ избавлены отъ Русскихъ.

Мостъ, соединяющій Тифлисъ съ Авлабаромъ, былъ зажженъ по ея повелѣнію. Предосторожность сія со стороны возмутителей была одна изъ лучшихъ, и такова, что если бъ наше войско не спасло моста, то, безъ всякаго сомнѣнія, предпріятія ея были бы удачнѣйшія: ибо сокрушеніемъ моста сего прекратили бы они вовсе путь въ Кахетію для нашихъ войскъ, туда шли на-

отовившихся; переправиться же черезъ Куру не было возможно-
и за половодіемъ и быстротой. Единственный бы тогда способъ
ставался тотъ, чтобъ войскамъ ити по теченію Куры верстъ за
0 къ лѣсамъ, и тамъ бы развѣ строить мосты, что бы стоило
е малой потери времени.

Изъ числа Князей и Дворянъ Тифлисскихъ малѣйшая часть
ребыла непоколебима въ вѣрности своей къ Россіи и оною
редводительствуетъ усерднѣйшій бывшій Сардарь, Князь Иванъ
рбеліановъ; но и они начинали колебаться и высматривали, на
оторой сторонѣ будетъ перевѣсъ.

Татары всѣ вообще пристали къ бунтовщикамъ и, при ма-
ѣйшемъ лучѣ надежды, готовы были первые оружіе обратить на
оссіянъ.

Стеченіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ производило сильное вліе
ie въ народѣ, испытанномъ уже въ легковѣріи и безразсудно-
и, съ присовокупленіемъ къ тому всеобщаго ропота на нын
ѣшнее Правительство, на медленность въ рѣшеніи дѣлъ
на притѣсненія, повсюду гражданскими начальниками
лаемыя, произвело въ оном не менѣе того и трепетъ отъ
паденія, которое готовились сдѣлать на ихъ отечество Царе-
чъ Александръ съ Пиръ-Кули-Ханомъ и съ Царевичами, въ
меретіи живущими; произвело сильное волненіе въ самомъ Тиф-
сѣ; кромѣ того что подобное уже происходило въ Кахетіи и
ахъ; разнесшіеся же слухи, посредствомъ неблагонамѣрен-
лъ, о отступленіи войскъ нашихъ въ Россію и о намѣреніи Ца-
вича Вахтанга, съ помощью Горскихъ жителей, не пропустить
езъ горы полковъ, для подкрѣпленія войскъ нашихъ въ Гру-
и съ Линіи назначенныхъ, вовлекло весь народъ въ совершен-
е уныніе.

Г.-М. Лазаревъ, по начальству своему въ Грузіи, за отсут-
віемъ Главнокомандующаго, недремлющимъ окомъ все внутрен-
е положеніе созерцая, съ своей стороны не упустилъ ничего къ
инятію всѣхъ мѣръ, осторожностей, для возстановленія повсю-
тишины и спокойствія.

Всѣмъ воинскимъ начальникамъ, въ разныхъ мѣстахъ Грузіи
отрядами войскъ находящимся, послалъ предписанія, чтобъ
и съ наблюденіемъ дѣйствъ непріятельскихъ, всячески стара-
сь успокоить жителей, обращая неблагонамѣренныхъ на путь
тинный, противниковъ же, не покоряющихся и нарушающихъ

присягу, чтобъ за карауломъ присылали въ Тифлисъ. Для успокоенія же Тифлискихъ жителей и для приведенія непокорныхъ въ повиновеніе, ввелъ онъ въ сію столицу изъ лагеря баталіонъ егерей, и оный расположилъ въ предмѣстіи.

Въ мѣсто пребыванія Царевича Вахтанга, Душетъ, послалъ при надежномъ Офицерѣ, отрядъ изъ 50 человѣкъ состоявшій, который при укрѣпленіи важнаго поста въ урочищѣ Гартискарѣ долженствовалъ имѣть наблюденіе и на Карталинію и не допускать Царевича Вахтанга замыслы свои производить въ дѣйство.

За симъ равнымъ образомъ сдѣланы Г.-М Лазаревымъ нужныя распоряженія для отраженія непріятеля въ случаѣ впаденія онаго въ Кахетію, какъ главнѣйшее сборное мѣсто всѣхъ мятежниковъ, того ожидавшихъ

Послѣ сего, Іюля 24-го, Г.-М. Лазаревъ получилъ рапортъ отъ находившагося въ Телавѣ Г.-М. Гулякова о томъ, что онъ, провѣдавъ о нѣкоторыхъ Князьяхъ, въ мятежѣ участвовавшихъ, изъ арестовалъ, а именно: двухъ Князей Семена и Давыда Кобуловыхъ. Князя Іосифа Чавчавадзе и Протоіерея Елемперія, изъ коихъ первый разсылалъ возмутительныя письма по Кахетіи и бумагу къ подпискѣ о избраніи Царя, а послѣдніе съ нимъ въ сочиненіи того участвовали. На другой же день получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ него же рапортъ, что еще имъ арестованы единомышленники, а именно: Князя Тамоза Кобулова, сына Князя Семена, дворянина Алексѣева, сына Протоіерея Николая и Армянина Назара, открывшаго о перепискѣ Князя Семена Кобулова съ Царемъ Александромъ, и что живущіе въ селеніи Кварели Князья Григорій и Вата Чавчавадзевы, не извѣстно куда бѣжали.

27-го донесъ онъ же Г.-М. Лазареву, что Князья Кахетинскіе покушались силой освободить изъ подъ ареста помянутыхъ Князей и дворянъ и склоняли народъ къ исполненію того, но что, по истолкованію его, Г.-М. Гулякова, народу о дурныхъ отъ того слѣдствіяхъ для нихъ самихъ, Князья сіи въ томъ не успѣли, а что послѣ сего, раздѣлясь на партіи, съ своими крестьянами скрывались днемъ въ лѣсахъ, а ночью приходили въ селенія; и поелику Г.-М. Гуляковъ испрашивалъ повелѣнія, продолжать ли арестовать явно тѣхъ, которые въ заговорѣ окажутся, то Г.-М. Лазаревъ ему предписалъ, что арестъ произведенъ быть непремѣнно долженъ, но что въ томъ слѣдуетъ ему поступать съ величайшей

смотрительностію, дабы, подъ видомъ мятежниковъ, не были взя-
ы невинные.

Вскорѣ послѣ сихъ рапортовъ явился къ Г.-М. Лазареву Князь уарсабъ Орбеліановъ, бывшій въ собраніи Князей Кахетинскихъ, ривезшій отъ нихъ письмо, содержаніе коего неоспоримо под-ердило явное возмущеніе Кахетинскихъ Князей. Въ то же са-ое время сообщено ему и отъ Правителя Грузіи отношеніе жи-лей Гурчанскаго селенія Капитанъ-Исправнику Сигнахскому о мъ же, что они Россіи повиноваться не хотятъ, а требуютъ Ца-. Князь Луарсабъ Орбеліяновъ, при поданіи того письма, донесъ -М. Лазареву словесно, что мятежники писали къ Царевичу Вах-нгу просьбу о непропускѣ войскъ Россійскихъ въ Грузію, бу-е таковыя отряжены будутъ съ Линіи, о приказаніи сломать мо-ы на рѣкѣ Терекѣ по дорогѣ черезъ горы и, однимъ словомъ, тобъ онъ всячески старался пресѣчь комуникацію нашихъ на-льниковъ съ Россіей; что сіи же мятежники намѣревались пи-ть къ Царевичу Александру для поданія извѣстія, что они на-одятся въ ожиданіи его прибытія съ войсками.

Съ самаго уже отъѣзда изъ Тифлиса Главнокомандующаго Линію, Начальства въ Грузіи не получали отъ него никакихъ овелѣній по той причинѣ, что, какъ уже часто упомянуто, Горцы, збужденные Царевичемъ Вахтангомъ, не пропускали никого ни ъ Россіи въ Грузію, ни обратно; по чему Г.-М. Лазаревъ, сообра-ая критическое положеніе внутри Грузіи съ опасностями, извнѣ ую угрожавшими отъ непріятелей, со всѣхъ сторонъ стремив-ихся на истребленіе войскъ, ему ввѣренныхъ, рѣшился состав-ить совѣтъ для положенія мѣръ общими разсужденіями къ воз-становленію внутренняго устройства, когда, между тѣмъ, съ его стороны сдѣланы уже были распоряженія къ отраженію непрія-ля оружіемъ.

На совѣтъ сей приглашены были Кавказскаго гренадерска-полку шефъ Г.-М. Тучковъ, Правитель Грузіи, Т. С. Графъ Му-инъ-Пушкинъ, и нѣсколько изъ благонамѣренныхъ Князей: Ор-ліяновъ, Тархановъ и Макаевъ.

Разсужденія совѣта сего воспріяли только свое начало и рѣ-енія никакого еще положено не было, какъ возвратился отъ Гла-нокомандующаго курьеръ съ повелѣніями о укрощеніи мятежа, его о томъ донесенія первоначальныя отъ 20 Іюля, по чему совѣтъ уже рушился. Въ то же время получилъ Г.-М. Лазаревъ

рапортъ отъ Полковника Соленіуса, что, по извѣстіямъ, къ нему дошедшимъ, о сборищѣ Князей Кахетинскихъ, отправился онъ для разрушенія ихъ сходбища съ двумя мушкетерскими ротами, но что, когда онъ къ нимъ приближался, то они угрожали его застрѣлить, если не отступитъ, и что онъ (по видимому, отъ излишней храбрости) отступилъ; по чему, разославъ подтвердительныя повелѣнія какъ о мѣрахъ къ отраженію непріятеля, такъ и о удержаніи въ повиновеніи народа, рѣшился Г.-М. Лазаревъ, съ батальономъ егерей, нѣсколькими Казаками и однимъ орудіемъ, самъ вступить въ Кахетію, какъ главнѣйшее мѣсто сборища мятежниковъ, такъ и то, на которое располагался сильнѣйшій ударъ отъ непріятелей, съ тѣмъ намѣреніемъ, что если не подѣйствуютъ убѣжденіе и ласки, то чтобъ усмирить коварныхъ силой оружія.

Усматривая же необходимость въ удержаніи спокойствія въ самомъ Тифлисѣ, въ предмѣстіи коего и корень всего мятежа, Царица Дарія, находилась, предписалъ Г.-М. Лазаревъ егерскому баталіону, въ лагерѣ на рѣкѣ Алгетѣ расположенному, по выступленіи своемъ расположиться на квартирахъ въ предмѣстіи Авлабарскомъ, гдѣ дворецъ Царицы, а къ Ея Высочеству отрядить карауль изъ 12-ти егерей съ однимъ Унтеръ-Офицеромъ для наблюденія, подъ предлогомъ ея охраненія отъ опасности, по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ,

Столь же необходимо было вызвать Царевича Вахтанга изъ Душета. То, для исполненія того благовиднымъ образомъ, написано было къ нему письмо отъ Правителя, Г. Коваленскаго, въ тѣхъ выраженіяхъ, что, по обстоятельствамъ, его пребываніе въ Тифлисѣ необходимо; что прибытіемъ своимъ туда безъ отлагательства докажетъ онъ ревность и усердіе свое къ Государю Императору, которымъ онъ всегда предъ прочими отличался. Письмо сіе отправлено было съ Грузинскимъ Княземъ.... на коего можно было надѣяться, но какъ весьма мало надежды предвидѣлось, чтобъ Царевичъ Вахтангъ на приглашеніе склонился, то и былъ командированъ Г.-М. Тучковъ, съ немалымъ числомъ оружія, для приглашенія лично Его Свѣтлости, а при томъ, если бъ не было и въ томъ успѣха, то чтобъ тогда, подъ присмотромъ воинской команды, его въ Тифлисъ препроводить, а довѣреннѣйшаго его дворянина, Глаха Джипадзе, участвовавшаго съ Царевичемъ въ возмущеніи Горцевъ, съ нимъ же доставить арестованнаго.

Іюля 30-го, на канунѣ же выступленія Г.-М. Лазарева въ пре-

ложенный походъ, уже въ полночь пришелъ къ нему ефрей-
ръ секретнаго бекета отъ Авлабарскихъ воротъ съ рапортомъ
пріѣхавшей толпѣ изъ Кахетіи. Посланъ былъ Комендантъ для
звѣданія о лицахъ, который скоро возвратился и съ собой при-
лъ Митрополита Бодбельскаго, который объявилъ, что имѣетъ
исьма къ Г.-М. Лазареву и къ Правителю «отъ общества Князей
ахетинскихъ, недовольнаго Правительствомъ,» содержаніе
ихъ было, что они избрали себѣ Царемъ Царевича Юлона, и
обравъ отъ всѣхъ единомышленныхъ о томъ подписки, учинили,
присутствіи сего же Митрополита, въ томъ присягу. Хотя Г.-М.
азаревъ и представилъ ему о нелѣпости сего выбора и что по-
упокъ ихъ противенъ общему спокойствію, и что тѣмъ они на-
шили присягу предъ престоломъ Божіимъ въ вѣрности Госу-
рю Императору, ими запечатлѣнную, но Митрополитъ съ тверд-
стью то опровергалъ, говоря, что выборъ сдѣланъ съ намѣре-
емъ просить утвержденія онаго Государемъ Императоромъ.
е входя въ дальнія съ Митрополитомъ симъ объясненія, Г.-М.
азаревъ, оставивъ его въ своемъ домѣ, подъ приличнымъ при-
отромъ, а находившагося при немъ Священника препоручилъ
наблюденіе Тифлискому Коменданту, который, учинивъ ему
ормальный допросъ о всемъ происходившемъ въ Кахетіи, пред-
авилъ оный къ Г.-М. Лазареву, а сей Главнокомандующему, съ
одробнѣйшимъ донесеніемъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ въ
рузіи обстоятельствъ.

На другой день Князь Орбеліановъ, Тархановъ и Макаевъ про-
или у Г.-М. Лазарева дозволенія видѣться съ симъ Митрополитомъ:
акъ онъ не заключалъ въ томъ никакого подозрѣнія въ разсу-
деніи того, что сіи три особы наиболѣе ему вспомоществовали
ъ приведенію въ порядокъ разрушившагося и въ спокойствіе
олновавшагося ихъ отечества, то онъ имъ въ томъ не воспрепят-
твовалъ.

Окончивъ съ нимъ свое свиданіе, они возвратились къ Г.-
Лазареву и ему объявили о раскаяніи Митрополита въ проступ
мъ сдѣланномъ, и желаніи его путешествовать съ Г.-М. Лазаревы
ъ Кахетію, чтобъ быть орудіемъ въ обращеніи на путь истин
ъ онаго совратившихся. Съ общаго съ Правителемъ ,согласія
Г.-М. Лазаревъ взялъ съ собой Бодбеля.

Внѣшнія же обстоятельства, между тѣмъ какъ въ

исходило выше писанное, нѣкоторымъ образомъ получили другой видъ.

Пиръ-Кули-Ханъ, по извѣстіямъ, о томъ полученнымъ, возвра отъ Шуши обратно и расположился съ войсками, имѣя при се и сына Шушинскаго Хана, верстахъ въ 60-ти отъ Нахичева продолжая при томъ настоятельное требованіе отъ Хана Ерив скаго выше показанной суммы; Ханъ же, отчаявшись получ подкрѣпленіе своимъ силамъ войсками Россійскими изъ Грузі рѣшился сумму Пиръ-Кули-Хану выплатить, сдѣлавъ съ н положеніе о взаимныхъ вспомоществованіяхъ Царевичу Александр котораго Ханъ препроводилъ уже въ Ганжу для способствова

Царь Имеретинскій и Паша Ахалцихскій пребывали въ преж нихъ между собою соотношеніяхъ, а Царевичи Юлонъ и Парнаов оставя Кутаисъ, жили въ Схери, верстъ за 40 отъ границы Грузи ской, въ ожиданіи успѣшнаго совершенія предпріятій, въ Кахет ознаменовавшихся. Лезгинцы изъ Дагестана безпрестанно въ Бело канѣ умножались; о Царевичѣ же Александрѣ въ тотъ же д получено извѣстіе, что онъ, съ многочисленной партіей Лезги находится въ Белоканѣ и хочетъ оттуда учинить съ ними напад ніе на Грузію.

1-го Августа Г. Тучковъ прибылъ въ Душетъ, а по троекратной пересылкѣ его къ Царевичу Вахтангу о желаніи съ нимъ видѣ ся, Царевичъ сей, подъ разными предлогами, отъ того отклоня ся; по чему Г. Тучковъ и приказалъ стоявшимъ въ отдаленіи отъ его замка Казакамъ имѣть наблюденіе за выходящими изъ замка, и если въ числѣ таковыхъ примѣчены будутъ вооруженные, приво дить ихъ къ нему. По второй Г. Тучкова посылкѣ къ Царевичу выѣхалъ изъ воротъ одинъ конно-вооруженный Грузинъ, который не соглашаясь на приглашеніе Казаковъ явиться къ Г.-М. Тучкову, обратился въ бѣгство, но Казаками былъ пойманъ и къ Тучкову приведенъ. Сей же, препоручивъ его правящему въ Душетѣ дол жность Коменданта Маіору Гудиму, и приказавъ ему арестанту учинить допросъ, самъ поспѣшилъ къ Царевичу.

Въ слѣдъ за симъ донесено ему было, что изъ задней калит ки замка выбрались 2 Грузина. Приказавъ ихъ схватить, Г. Тучковъ продолжалъ ити къ Царевичу; но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ былъ встрѣченъ Грузинскимъ Княземъ Бертвелов Тумановымъ, донесшимъ ему съ торопливостію, что Царевичъ чо изъ своего замка, скрылся на гору въ таковой, при-

ежащей дворянину Глахѣ Джипадзеву. Ту же минуту Г.-М. Тучк, сѣвъ на лошадь, устремился съ нѣсколькими Казаками къ нутому замку, а находящимся въ Душетѣ гренадерамъ прилъ замокъ Царевича занять караулами. Поднявшись къ замГлахи, и окруживъ оный Казаками, тщетно Г.-М. Тучковъ въ мъ искалъ Царевича, кашедъ при томъ всѣ онаго двери заными. Оставя при ономъ караулъ, сдѣлалъ онъ поискъ въ лѣю безъ успѣха; по чему, возвратясь въ Душетъ, предпріялъ , ити къ Царевнѣ, супругѣ бѣжавшаго Царевича, для узнанія нея, куда супругъ ея укрылся; но, вмѣсто супруги Царевича, нелъ тутъ Г.-М. Тучковъ Царевну Катевану, супругу покойнаго ревича Вахтанга, сего Царевича тетку, которая, сдѣлавъ мноство укоризнъ Г.-М. Тучкову на счетъ неблагодарности Россіянъ заслугамъ Царевича Вахтанга, ничего ему о томъ не объявила. звращаясь отъ нея, Г.-М. Тучковъ увидалъ нѣсколько человѣкъ, ачущихъ по горамъ съ ужаснымъ крикомъ. На вопросъ его, что значитъ? объявлено ему было, что сіи люди скликаютъ Дутскихъ жителей къ вооруженію, которые, совокупно съ мноми изъ окрестныхъ селеній, дѣйствительно съ оружіемъ выбились въ лѣса.

Съ Г.-М. Тучковымъ находились въ Душетѣ токмо 60 гренаръ, до 50-ти Казаковъ, которыхъ большая часть прибыла съ мъ изъ Тифлиса, и отъ поисковъ въ лѣсѣ Царевича весьма ли утомлены. Однако же онъ, выбравъ надежнѣйшихъ изъ хъ, имъ приказалъ, если не можно будетъ переловить скачущихъ по горамъ скликальщиковъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ не пускать до деревень; а между тѣмъ, взявъ всѣ воинскія осторожности, послалъ онъ на постъ Гарискарской, чтобъ стоящая мъ рота егерей съ орудіемъ немедленно прибыла къ нему въ шетъ.

Скликальщики были разогнаны: и одинъ токмо изъ нихъ, уравъ Тіухетской, Бератъ Кобіевъ, бывъ въ лѣсу настигнутъ Какомъ и пикой его угрожаемъ, сдался ему, и въ видѣ плѣнника лъ приведенъ къ Г.-М. Тучкову. Помянутая же Царевна Катена, не довольствуясь пеистовыми изреченіями Г.-М. Тучкову, выгала на башню и убѣждала крикомъ своимъ народъ къ дъятію оружія противъ Россіянъ, называя ихъ измѣнниками, для защищенія Царевича Вахтанга.»

Г.-М. Тучковъ между тѣмъ всевозможное производилъ въ дѣй-

ство къ удержанію волнующагося народа и къ отвращенію всѣ
доусобія, которое, по преданности многихъ Карталинскихъ Кн
зей къ Царевичу Вахтангу, легко возникнуть бы могло, и на се
конецъ издалъ тотчасъ объявленіе, что кто осмѣлится пристава
къ мятежникамъ и злымъ намѣреніямъ Царевича Вахтанга всю
моществовать, съ таковымъ и съ его семействомъ поступлено бу
детъ найстрожайше, присоединивъ къ тому и словесное, въ сил
ныхъ выраженіяхъ, увѣщаніе къ народу. Въ окрестныя же м
ревни посланъ былъ отъ Г.-М. Тучкова съ подобнымъ объявленіе
Земскій Исправникъ Переяславцевъ съ командой, а при томъ ч
сто упоминаемый Г.-М. послалъ и въ Гори, къ начальствующем
тамъ Подполковнику Симоновичу, приказаніе о принятіяхъ м
осторожности въ Карталиніи и объ отряженіи въ Душетъ 2-х
гренадерскихъ ротъ.

О всѣхъ же сихъ подвигахъ своихъ и о бѣгствѣ Царев
Вахтанга, Г.-М. Тучковъ безъ упущенія сообщилъ Г. Правител
Грузіи, который, по поводу таковаго нарушенія Царевичемъ пр
сяги, въ силу Высочайшаго Манифеста, выслалъ обвѣщеніе, ч
всѣ помѣстья, ему принадлежащія, долженствуютъ поступить
казенное вѣдомство; что Земскими начальниками тогда же и и
полнено.

Г.-М. Тучковъ между тѣмъ, тщательнѣйше занимаясь изыскан
ніемъ мѣстопребыванія укрывшагося Царевича, старался заград
ему всѣ пути къ дальнѣйшему его уходу, и для того счелъ
нужное собрать нѣсколько вѣрныхъ и надежныхъ Грузинъ, к
торые бы имѣли познаніе о мѣстахъ, чрезъ кои Царевичъ пр
браться можетъ, или въ Кахетію, или же за границу, къ Дагестан
по чему и послалъ къ Князьямъ Еристовымъ, извѣстнымъ своим
усердіемъ и ревностью, чтобъ они найпоспѣшнѣйше собра
сколько возможно своихъ вооруженныхъ людей, что ими и бы
ло исполнено.

Въ то же время нужно было взять предосторожности, что
Царевичъ не успѣлъ возмутить Пшавской, Хевсурской и Тушин
ской народы. Г.-М. Тучковъ и сіе исполнилъ, отправивъ къ ни
отъ себя увѣщанія на письмѣ чрезъ ихъ же Моурава, Г.-М. Челока
ва, которыя со стараніемъ его получили желанный успѣхъ.

Изъ числа преданныхъ Царевичу Вахтангу единомышленнико
находился въ Душетѣ нѣкто дворянинъ*....., о которомъ Г.-М. Ту

---

* Пропускъ въ подлинникѣ. О. Б.

ву донесено, что ему не можетъ не быть извѣстно о мѣстѣ на-
ждения Царевича. Г.-М. Тучковъ, призвавъ его къ себѣ, посылалъ
о къ Царевичу, поручая ему доставить письмо отъ Г. Коваленз-
аго, но Дворянинъ отговаривался незнаніемъ; когда же Г.-М. Тучъ-
въ къ побужденію его употребилъ строгость, изъяснивъ ему,
о противнымъ поступкомъ онъ будетъ сочтенъ измѣнникомъ, и
то со всѣмъ своимъ семействомъ пострадаетъ, тогда дворянинъ,
явъ письмо, обѣщалъ Царевича отыскать и чрезъ 24 часа съ
вѣтомъ возвратиться, что дѣйствительно и исполнилъ. На во-
юсъ же, Г.-М. Тучковымъ ему сдѣланный, гдѣ Царевичъ нахо-
тся, онъ объявилъ, что нашелъ его въ лѣсу, верстахъ въ 30
ъ Душета, но что онъ болѣе 2-хъ часовъ на одномъ мѣстѣ не
тается, переѣзжая безпрестанно съ мѣста на мѣсто.

Довольствуясь тѣмъ, что могъ съ Царевичемъ Г.-М. Тучковъ
крыть переписку, посылалъ онъ неоднократно того же дворя-
на съ увѣщательными письмами къ Царевичу, убѣждая его воз-
атиться изъ лѣсу и съ нимъ видѣться; но Царевичъ, отъ того
клоняясь, присылалъ отвѣты, наполненные разными несообраз-
стями.

Между тѣмъ какъ сія переписка продолжалась, то Г.-М.
чковъ получилъ отъ Душетскаго Коменданта, Маіора Гудима,
рочнаго съ перехваченными имъ письмами, отъ Царевича Вах-
нга въ Россію отправленными. Письмо Царевича было къ Глав-
командующему съ изъявленіемъ горести и что ему, какъ мо-
дцу, постыдно казалось такъ отдаться въ руки войскамъ.

Записка къ Попу Алексѣю, доказывающая ясно вліяніе По-
Алексѣя въ интригахъ Царской фамиліи и его ходатайство у
авнокомандующаго за Царевича Вахтанга. Она была сего со-
ржанія: «Почтеннѣйшій отецъ Алексѣй! Не жалѣете ли?
акое счастіе ожидалъ я себѣ, и какое несчастіе постиг-
етъ меня! Знаю я, какъ вы будете сожалѣть обо мнѣ, и
къ вы будете трудиться для меня.»

Какъ же скоро отрядъ Г.-М. Тучкова усилился прибывшими
ъ Гори и изъ Гартискари ротами, тогда онъ отправилъ въ
збекъ Князя Шепшу Еристова и Земскаго Исправника Перея-
авцева съ партіею изъ 60-ти человѣкъ Казаковъ и Грузинъ, для
спрепятствованія извѣстнымъ намѣреніямъ Царевича возмутить
рскихъ жителей. Разосланные же въ разныя стороны воору-
енные люди бывшихъ въ сихъ дѣйствіяхъ съ Г.-М. Тучковымъ

Грузинскихъ Князей Соломона Тэрханова и Еристовыхъ, открыли наконецъ, что Царевичъ укрывается въ ущелін Гудамакарскомъ, не подалеку отъ Паса-Наура, граничащимъ съ Хевсурами, къ которымъ и были отъ него посыланы люди, равно какъ и къ Пшавскимъ и Тушинскимъ жителямъ, для соглашенія ихъ на свою сторону, но они, бывъ въ томъ упреждены Г.-М. Тучковымъ, посредствомъ помянутаго Моурава Князя Челакаева, Царевичу не повиновались.

Сдѣлавъ наконецъ преграду умноженіемъ пикетовъ и постовъ во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя опасаться было можно, чтобъ Царевичъ куда ни будь пробрался далѣе, Г.-М. Тучковъ пошелъ самъ съ 2.мя ротами прямо къ Гудамакарскому ущелью, а впередъ себя прислалъ къ Царевичу съ извѣстіемъ о своемъ приближеніи и желаніи съ нимъ видѣться, увѣряя его при томъ, что онъ не малѣйшаго противъ него злаго намѣренія не имѣетъ, если онъ токмо самъ къ тому не захочетъ подать поводу.

Устрашенный прибытіемъ Г.-М. Тучкова, Царевичъ Вахтангъ, не имѣя при себѣ болѣе 20 человѣкъ, и вѣдая о пресѣченіи всѣхъ путей къ бѣгству, выѣхалъ наконецъ изъ ущелья на встрѣчу къ Г.-М. Тучкову, 10-го Августа, со всѣми своими людьми. Онъ былъ принятъ Г.-М. Тучковымъ со всевозможною учтивостью и уваженіемъ и препровожденъ имъ въ Душетъ.

Царевичъ, стараясь оправдаться и злонамѣренность свою представить въ видѣ невинности и устрашенія отъ приближенія войскъ, долженъ, однако же, былъ признаться въ своемъ преступкѣ, и Г.-М. Тучкову съ раскаяніемъ говорилъ, что за прежнюю его службу сію вину можно бы ему было простить; а при томъ просилъ, чтобы ему было позволено въ Тифлисъ пріѣхать безъ провожденія Казаковъ. Г.-М. Тучковъ, на то согласившись, приказалъ, однако же, конвою ити въ отдаленности, съ строжайшимъ за Царевичемъ наблюденіемъ.

Всѣ сіи подвиги Г.-М. Тучкова, безъ малѣйшаго кровопролитія мятежъ совершенно укротившіе, разрушили при томъ и общія въ Грузіи мятежниковъ предпріятія возмущеніемъ жителей Кавказскихъ горъ прекратить коммуникацію съ Россіей.

Между тѣмъ какъ Г.-М. Тучковъ экспедицію свою въ Душетъ производилъ въ дѣйство, Г.-М. Лазаревъ получилъ отъ Г.-М. Тучкова рапортъ, подтверждавшій о возмущеніи Князей Кахетинскихъ

кихъ и что Царевичъ Александръ готовится вскорѣ съ многочисленнымъ войскомъ прибыть въ Грузію отъ Алазани.

Подполковникъ Соленіусъ рапортовалъ Г.-М. Лазареву, что бщество Кахетинскихъ мятежниковъ отправило двухъ человѣкъ къ Царевичу Юлону съ письмами, а именно: Датія-Бата-Швили и Маука-Джаны-Швили, о чемъ сообщено было Правителю и для оимки ихъ на границахъ взяты мѣры.

А при томъ, какъ на домъ Мухранскій, по связи онаго и одству съ Царицей Даріей, никакъ нельзя было полагаться въ го вѣрности, то Г.-М. Лазаревъ отнесся къ Правителю и о томъ, тобъ за оныимъ былъ присмотръ.

Напослѣдокъ Г.-М. Лазаревъ, по устроеніи въ самомъ Тифлисѣ сего къ опроверженію пагубныхъ дѣйствій мятежниковъ, и сдѣлавъ нужныя распоряженія предписаніями своими повсюду къ ачальствамъ частныхъ воинскихъ отрядовъ, выступилъ самъ, Августа 1-го, въ Кахетію, взявъ съ собой данныхъ отъ Правителя нязя Александра Макаева, оказывавшаго во всякомъ случаѣ благонамѣренность свою, Князя Луарсаба Орбеліанова и Митрополита Бодбельскаго, раскаявшагося въ поступкахъ своихъ, для потребленія ихъ всѣхъ къ обществу мятежниковъ Кахетинскихъ.

Прибывъ 2-го Августа, на рѣку Лакбе, разстояніемъ на 15 рстъ отъ Сигнаха, и узнавъ, что мятежники собираются не полеку отъ сего мѣста, 3-го числа онъ отправилъ къ нимъ, съ нязем Макаевымъ и Митрополитомъ, письмо такого содержанія:

Что, усматривая изъ ихъ къ нему писемъ ихъ заблужденія поступки, вѣрноподданнымъ Его Императорскому Величеству приличествующіе и нарушающіе общее благо и спокойствіе рода, дарованное оному всесильною рукой безпримѣрнаго въ елростяхъ Монарха, избавленіемъ онаго отъ бѣдствій, въ которыя они, таковыми паки соотчичей своихъ вовлекаютъ, прислъ онъ къ жилищамъ ихъ съ тѣмъ, чтобъ ихъ обратить на ть истины, обѣщевая прощеніе и милосердіе отъ Государя Императора всякому, пожелающему принесть раскаяніе и признаться противныхъ поступкахъ, съ требованіемъ при томъ добровольго ихъ къ нему прибытія въ Сигнахъ.

Самъ же Лазаревъ того числа приближался съ баталіономъ оимъ къ Сигнаху и расположился квартирами въ селеніи Нуквахъ, для ожиданія отзыва мятежниковъ, или выполненія ими, содержанію письма, отъ него къ нимъ отправленнаго.

3-го числа явился къ Г.-М. Лазареву Князь Николазъ Черказовъ, съ признаніемъ и раскаяніемъ въ поступкахъ своихъ. По учиненіи присяги, просилъ онъ Г.-М. Лазарева о освобожденіи взятыхъ Г.-М. Леонтьевымъ подъ арестъ Князей Нанія и Константина Черказо-Швили, на что Г.-М. Лазаревъ согласился, взявъ от него, однако же, обязательство, чтобъ онъ же, по освобожденіи ихъ, привезъ съ собою въ Сигнахъ; что онъ дѣйствительно и исполнилъ.

5-го числа, въ назначенный срокъ съ возвращеніемъ Кн Макаева и Митрополита Бодбеля, явились къ Г.-М. Лазареву и сколько Князей знатнѣйшихъ Кахетинскихъ фамилій.

По многомъ велерѣчіи ихъ, и по увѣщаніямъ Г.-М. Лазаре признались они наконецъ, что явились къ нему какъ наруш ли присяги, ими въ вѣрности учиненной, съ признаніемъ, ч таковой поступокъ къ стыду своему и безчестію сдѣлал съ обѣщаніемъ, что впредь всячески стараться будутъ ош исправить.

Послѣ всего Г.-М. Лазаревъ имъ объявилъ, чтобъ они, учин подтвердительную присягу на вѣрность Его Императорскому личеству, пояснили и причины, къ мятежу ихъ побудившія. гласившись на то, безъ малѣйшаго затрудненія, объявили причины слѣдующія:

1-я. Разсѣяніе слуховъ, что будто всѣхъ Князей велѣно п селить въ Россію.

2-я. Разсѣяніе слуховъ, особенно Исправникомъ Телавск Уѣзда, что Моуравства ихъ будутъ уничтожены.

3-я. Что они, по незнанію правъ Россійскаго Правленія, извѣстны и о томъ, какіе предѣлы имѣетъ власть Земскихъ новниковъ, ниже не знаютъ и того, до какой степени простир ся ихъ власть надъ крестьянами, и зависимость ихъ отъ щиковъ, и наконецъ.

4-е. Что они, видѣвъ искательства фамиліи Царской о с становленіи Царства Грузинскаго, восхотѣли въ томъ соучаст вать, для содѣянія себѣ основанія къ будущему благополучію

А при томъ неотступно просили Г.-М. Лазарева, чтобъ имъ изъяснилъ то, о чемъ въ 3-мъ пунктѣ отъ нихъ предло

Г.-М. Лазаревъ, сдѣлавъ имъ приличныя опроверженія ихъ блужденій, и наставленія, какимъ образомъ они впредь себя

ижествуютъ, на повторительное ихъ требованіе по 3-му пун-
у, имъ обѣщалъ снестись съ Правителемъ Грузіи по сему пред-
ту.

Они принесли благодарности Г.-М. Лазареву за его наставле-
, клялись не оказывать впредь ни чего тому подобнаго къ на-
шенію общаго спокойствія.

6-го и 7-го числа собирались къ нему, по приглашенію же
, изъ дальнѣйшихъ мѣстъ Кахетіи мятежники, объявленія ко-
ыхъ во всемъ согласовались съ первыми, и съ ними Г.-М. Ла-
евъ поступилъ такъ же.

На послѣдокъ общее ихъ признаніе состояло еще въ томъ,
они отправили къ Царевичу Юлону письмо, въ коемъ его
глашали на Царство, и что о томъ же дали знать и Царевн
Вахтангу.

По требованію же Г.-М. Лазарева составили они другое пись-
къ Царевичу Юлону, въ противномъ того смыслѣ, которое Г.-
Лазаревъ отдалъ Правителю для отправленія въ Имеретію.

По окончаніи сего Г.-М. Лазаревъ предписалъ Исправнику
ахскаго Уѣзда привести къ присягѣ нѣкоторыхъ старшинъ
ицкихъ, съ Кахетинцами во всемъ соучаствовавшихъ, по не-
ежности, чтобъ они впредь пребыли вѣрны въ своихъ зва-
а паче по тому, что они могли бы сдѣлать мщенія народу,
рый пребылъ твердъ и къ ихъ замысламъ непреклоненъ. По
варительному сношенію съ Правителемъ, Г.-М. Лазаревъ при-
лъ избрать по деревнямъ на ихъ мѣста другихъ Старшинъ,
и избраны самими жителями.

За симъ же Г.-М. Лазаревъ счелъ приличнымъ, для поощренія
да и впредь къ таковому похвальному поведенію, обвѣстить
льный листъ въ Сигнахѣ чрезъ Коменданта, а въ Уѣздѣ отъ
авниковъ.

По усмиреніи мятежа Г.-М. Лазаревъ возвратился, и 12-го Ав-
прибылъ въ Тифлисъ.

Послѣ того, когда Архіепископъ Бадбель, привезшій въ Ти-
ь бумаги о избраніи Царя, былъ арестованъ, и когда въ Ка-
гласное ознаменовалось неспокойствіе, посыланы были отъ
ительства чиновники, а именно: Исполнительной Экспедиціи
никъ Карнѣевъ съ Секретаремъ Лохвицкимъ, для разбира-
ва на мѣстѣ причинъ, произведшихъ возмущеніе. Сіе разби-

рительство подвержено великому сомнѣнію; ибо за основаніе возмущенія взяты какія-то поддѣльныя письма, яко бы отъ Князя Чавчавадзева писанныя къ его супругѣ, а ею будто въ Кахетіи публикованныя. Истинное же показаніе Князей Кахетинскихъ, какъ утверждаютъ, въ дѣлѣ не употреблено, по тому что въ ономъ весьма много правды они объявили Правителю на его лицо.

Г.-Л. Лазаревъ, по возвращеніи своемъ въ Тифлисъ, уже въ оном не засталъ Леонидзе, который, будучи вызванъ Царемъ Имеретинскимъ, для совѣщанія по предмету миссіи К. С. (Соплова) въ Имеретіи, туда уѣхалъ; а между тѣмъ отряженные чиновники отъ Правительства для слѣдствія въ Кахетіи возвратились, привезши съ собой Князей, главнѣйшихъ участниковъ возмущенія, которые пребываніе свое въ Тифлисѣ имѣли до Октября мѣсяца, а потомъ назадъ уѣхали.

Послѣ уже укрощенія возмущенія сего перехвачено было письмо отъ Царевича Юлона, писанное къ Князю Еристову, а в то же время стало извѣстно, что подобныхъ писемъ возмутительныхъ и во всей Грузіи было довольно въ разныхъ мѣстахъ, и что Царевичъ Юлонъ яко бы находится уже въ Карталиніи; по чему и приняты были мѣры къ захваченію самаго Царевича и к доставленію его за карауломъ въ Тифлисъ, чего, однако же, н сбылось. Что же касается до возмутительныхъ его писемъ, то отъ оныхъ опасаться болѣе уже было нечего въ разсужден того, что и мятежъ былъ усмиренъ, и Царевичу Вахтангу пресѣчены были всѣ способы къ содѣйствію въ оном.

Изъ Еривани получены достовѣрныя извѣстія, что Ериванскій Ханъ дѣйствительно примирился съ Пиръ-Кулы-Ханом Сардаремъ Персидскимъ условія же, на коихъ примиреніе с послѣдовало, суть слѣдующія:

Ханъ Ериванскій согласился уступить Сардарю, вмѣсто тр бованныхъ имъ у выходцевъ Нахичеванскихъ, 200 семей изъ се ленія Кунгулы.

Что Пиръ-Кули-Ханъ слѣдуетъ съ войскомъ на границу К рабахскую, къ мѣстечку Устабалари, куда прибылъ и Шушинск Ибрагимъ-Ханъ съ дѣтьми своими и съ Селимъ-Ханомъ для сов щанія, на коемъ было положено, чтобъ всѣмъ соединенно и для сверженія Нухинскаго Магмотъ-Ассанъ-Хана и возведенія н его достоинство Селимъ-Хана, а потомъ, чтобъ послать къ Г

инскому Хану; для приглашенія его къ содѣйствію въ общихъ
редпріятіяхъ на Грузію, и, въ случаѣ, если бъ Ханъ Ганжинскій
е согласился на приглашеніе сіе, то чтобъ его наказать; что въ
омянутомъ же мѣстечкѣ Устабалари у Пиръ-Кулы-Хана пребы-
иетъ и Царевичъ Александръ. Что Пиръ-Кулы-Ханъ отправилъ
хъ курьеровъ къ Баба-Хану, съ настоятельными требованіями
,000 человѣкъ, для слѣдованія съ корпусомъ своимъ на Грузію,
ія истребленія войскъ Россійскихъ, соединенно съ Шекински-
, Ширванскими и Ериванскими; что Ериванскій Ханъ пребывалъ
поколебимъ въ намѣреніи оказывать съ своей стороны всякое
особія Царевичу Александру и весьма настаивалъ, чтобъ пред-
ложенныя операціи на Грузію вскорѣ были произведены въ
йство, побуждая къ содѣйствію Царевича Имеретинскаго и
алцихскаго Шерифъ-Пашу увѣреніями о достаточномъ числѣ
йскъ Персидскагихъ.

Что у Ахалцихскаго Паши Дагестанцевъ весьма довольно, и
о письма неблагонамѣренныхъ въ Грузіи оттуда къ
аревичу Александру и отъ него къ нимъ отправляются
езъ сего Пашу.

Что бѣжавшіе изъ Кахетіи Князья, въ числѣ 20, находятся
Ериванн и Ханомъ для содержанія поручены нѣкоему Киръ-
лаки; что Ханъ писалъ къ Царевичу Александру о ихъ пребы-
ніи въ Ериванн и его спрашивалъ, что съ ними сдѣлать: от-
авлять ли ихъ къ нему, Царевичу, или онъ самъ къ нимъ при-
детъ? А что Шухинскій Ханъ сдѣлалъ тайное соглашеніе съ
йскимъ Джафаръ-Кули Ханомъ къ отраженію соединенными
лами Пиръ-Кули-Хана.

Въ то же время явилось въ Тифлисѣ возмутительное письмо
ь С.-Петербурга, писанное Царевичемъ Иваномъ къ Князю Алек-
дру Макаеву, который его въ оригиналѣ представилъ Г.-М.
зареву. Оное было отъ слова до слова слѣдующаго содержанія:

«По чему такъ мы Вами забыты, и своихъ родственниковъ Вы
помните? Что Вы дѣлаете? Всякій, искавшій большаго, оста-
ся при маломъ, и Вы такъ же. Столько разуму въ васъ не ста-
чтобъ понять, что для Васъ лучше.

Есть ли на Васъ какая сила, или принужденіе, то пишите
ошеніе Государю тайно, Князьямъ, человѣкамъ 4-мъ, или 5-ти,
ите приложить свои печати и пришлите ко мнѣ, а я здѣсь по-
ъ. Такъ же тому подобное пишите и къ Лошкареву: я по оно-

му исполню тайно, чтобъ о томъ никто не былъ извѣстенъ. Если же Вы себѣ желаете большаго, и о томъ пишите, и оное исполнится. Теперь Ваша воля, а то, что Вы теперь видите, послѣ еще будетъ хуже.»

Въ половинѣ Августа мѣсяца начали опять получаться свѣдѣнія, о собирающихся въ Имеретіи, на границѣ Грузинской, войскахъ, яко бы для покушенія ко впаденію въ оныя, по чему, по взятіи воинскихъ предосторожностей, Г.-М. Лазаревъ послалъ къ Царю Имеретинскому запросъ о причинѣ сего собранія войскъ, и о томъ же къ Пашѣ Ахалцихскому, по поводу умноженія въ его области Лезгинцевъ, обезпокоивавшихъ границы Грузіи.

Между тѣмъ Лезгинцы обратились съ просьбой къ Правителю Грузіи о дозволеніи имъ пріѣхать въ Грузію для торга, а Правитель отнесся къ Командующему Генералу съ требованіемъ предписаній на кордоны о безпрепятственномъ ихъ пропускѣ съ товарищами, состоящими единственно изъ бурокъ и суконъ, которыя они не продаютъ за деньги, но вымѣниваютъ на хлѣбъ.

Карскій Паша предъ симъ относился къ Командующему въ Грузіи Генералу въ томъ, что заключить ли ему примиреніе съ Ханомъ Ериванскимъ; на которое Главнокомандующій ему отвѣтствовалъ: «держать себя въ настоящемъ оборонительномъ положеніи до нѣкотораго времени, какъ по тому, что искательство Хана Ериванскаго заключаетъ въ себѣ виды полезные для Шерифъ-Паши, безъ закона властвующаго въ Ахалцихѣ и, сколько извѣстно, во вредъ Грузіи, такъ же по тому, что онъ тайнымъ образомъ согласенъ съ ея злодѣями.»

Между тѣмъ Царь Давыдъ все еще пребывалъ въ Борчалахъ; по чему Г.-М. Лазаревъ опять къ нему писалъ, что лучше бы, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, онъ сдѣлалъ, если бы прибылъ онъ въ Тифлисъ. Отвѣтъ его состоялъ въ томъ:

«Что если служба Государя Императора непремѣнно требуетъ его прибытія, то онъ тотъ же часъ явится, коль скоро о томъ получитъ увѣдомленіе отъ Его Превосходительства; но если еще службы никакой не предстоитъ, то чтобъ его оставили спокойно въ Борчалахъ, для хозяйственныхъ его дѣлъ.»

Хотя внутреннее въ Грузіи волненіе уже и утихло, но замыслы внѣшнихъ непріятелей все еще продолжались.

Царевичи Грузинскіе, въ Имеретіи пребывающіе, пребыва

ь Суери, отъ границы Грузинской не болѣе разстояніемъ, какъ
ерстъ на 40, собирали все еще Лезгинъ и Имеретинцевъ для
аденія въ Грузію.

Изъ полученныхъ же рапортовъ отъ Подполковника Симоно-
ича явствовало, что къ супругѣ Князя Имеретинскаго, Кайхосро-
башидзева, Царевнѣ Даріи, пріѣзжали 3 Лезгина съ неизвѣстны-
и препорученіями, и что сія Царевна Княгиня ведетъ пе-
еписку съ Царицей Даріей и съ Царевичемъ Давыдомъ.

При одномъ же изъ сихъ рапортовъ прилагалось письмо отъ
аревичевъ Юлона и Парнаоза къ Грузинскому Князю
емену Абашидзе, въ коемъ, по изъявленіи искреннѣйшихъ при-
ятствій, было написано и сіе:

«Какъ только сіе письмо получишь, естьли есть твоя къ намъ
ивязанность, то немедленно пріѣзжай къ намъ въ Суери, гдѣ
ісъ увидишь, а потомъ можешь возвратиться. Намъ къ тебѣ
ть великое дѣло; нельзя, чтобъ къ тебѣ къ намъ не пріѣхать.
росимъ тебя, какъ любезнаго пріятеля, безъ упущенія времени
намъ сюда пріѣхать.» Сіе письмо представлено было Капита-
, съ ротой въ Сурамѣ стоящему, Бартеневу, самимъ Княземъ
меномъ Абашидзе, а отъ Бартенева къ Симоновичу.

Другое же письмо, при рапортѣ сего послѣдняго предста-
енное Г.-М. Лазареву, адресовано было отъ Князя Циціанова,
сѣдающаго въ Казенной Экспедиціи, къ Царевичу Юлону, и
ыло слѣдующее:

«Свѣтлѣйшій Царскій сынъ, Милостивый Государь
лонъ!

Племянникъ Вашъ, Моуравъ Евстафій Циціановъ, любы-
ствъ десницу и колѣно Ваше. При томъ же доноситъ, что мило-
ивая грамота Ваша мной получена чрезъ Херхеулидзева, въ ко-
рой изъявляете, дабы сдѣлать Вамъ вспомоществованіе. Я же,
успѣвши Вамъ за оную принести благодареніе, получаю уже
ь Васъ другое препорученіе объ оказаніи Вамъ другой услуги,
общеніемъ свѣдѣній о нашихъ обстоятельствахъ. Нечего объ
ыхъ и спрашивать. Хотя мы Ваши, но находимся отъ Васъ въ
аленіи. Херхеулидзе вступается за своего человѣка, и никто
въ силахъ слова сказать, но Іосифъ Кургановъ, напавши на
го, не отдаетъ. Представлена была жалованная грамота отъ
ря Вахтанга, и Его Свѣтлѣйшествомъ, Вашимъ братомъ, Като-
комъ, было разбираемо, и то ничего не помогло, а сей чело-

вѣкъ отъ него не отступаетъ. Увидимъ, чѣмъ конецъ свершится. Покорно прошу Васъ, моего Государя, приказывать мнѣ, что угодно будетъ Вашей Свѣтлости. Я почту сіе за великую Божію милость. Іюня 24-го дня.»

А также открылись, мало по малу, и другіе каналы, чрезъ кои велась переписка изъ Тифлиса съ Имеретіей, а именно:

Царевна Катевана, супруга Царевича Ивана, и Царевна Княгиня Анастасія Ераистова, то Г.-М. Лазаревъ, увѣдомивъ о томъ Правителя, предлагалъ ему, чтобъ ихъ пригласить изъ своихъ деревень въ Тифлисъ. По дошедшимъ же свѣдѣніямъ, что отъ Царевича Юлона отправленъ былъ нѣкто дворянинъ, Пиранъ Черкесовъ, съ возмутительными письмами въ Кахетію и Карталинію, то воинскимъ начальникамъ, повсюду въ Грузіи обрѣтающимся, предписано было отъ Генералъ-Маіора Лазарева о строжайшемъ наблюденіи и о поимкѣ сего дворянина съ письмами.

15-го Августа получены были находящимся въ Гори Подполковникомъ Симоновичемъ повторительныя извѣстія, что якобы Царь Имеретинскій, собравъ свое войско, и присовокупивъ къ оному Лезгинцевъ, намѣревается, съ числомъ до 3,000, учинить нападеніе на границы Грузинскія, состоя къ выполненію онаго въ готовности въ селеніи Чало, разстояніемъ отъ границы Карталинской верстахъ въ 30.

Сіе, однако же, было не во всемъ справедливо, по тому что онъ всѣмъ своимъ войскомъ съ 10-го Августа уже находился въ Лечгумѣ противъ Дадіана; а были то Царевичи Юлонъ и Парнаозъ, которые, будучи вспомоществуемы Пашей Ахалцихскимъ, хотѣли испытать, по видимому, послѣдняго, расположившись въ своемъ тылу учинить вторженіе въ Карталинію, а чтобъ Шериф-Паша, съ своими Лезгинцами съ другой стороны сдѣлалъ ударъ, пройдя чрезъ Джевахетію. По чему Симоновичъ и выступилъ съ отрядомъ гренадеръ и Казаковъ, для встрѣчи сего непріятеля на чертѣ границы Грузіи. А при томъ нужно было бдительнѣйшее имѣть наблюденіе за Осетинцами, въ Карталиніи, по подошвамъ горъ Кавказскихъ, жительствующими, коихъ селенія къ помянутой деревнѣ Имеретинской Чало прилегали, дабы сіи дикари внутри границы не вздумали сей случай употребить въ пользу; въ чемъ такимъ ничего отъ начальства воинскаго не упущено, достаточнымъ укрѣпленіемъ Симоновича въ приличныхъ дистанціяхъ.

Какъ деташементъ Г. Подполковника Симоновича не былъ

ось силенъ, чтобъ удержаться противъ сильнаго удара непріятельскаго, то и было предписано Г.-М. Тучкову его подкрѣпить 2-мя ротами и 1-мъ орудіемъ; къ сему же деташементу должны были присовокупиться еще войска Грузинскія изъ Картаніи. Генералъ Тучковъ выступилъ съ симъ подкрѣпленіемъ изъ Флиса Августа 20.

Изъ Ганжи и Еривани извѣстія, приходившія въ сіе время, или сходныя съ послѣдними: Цирь-Кули-Ханъ все находился близъ Карабага и предпріятій не перемѣнилъ; кромѣ того получено было извѣстіе, что Кахетинскій Князь, Адамъ Бебуровъ, до смущенія бѣжавшій къ Царевичу Александру, пріѣзжалъ въ Беканы для какихъ-то переговоровъ съ тамошними Лезгинскими старшинами, и съ ними же поѣхалъ къ Шушинскому Хану, но было извѣстно за чѣмъ.

Съ Имеретинской же границы пришли извѣстія, что яко бы одинъ изъ Царевичей, въ Имеретіи пребывающихъ, намѣревается обратиться въ Казбекъ, и что Вахтангъ намѣревается куда-то бѣжать, что, однако же, не сбылось.

Правитель Грузіи прислалъ Г.-М. Лазареву письмо, имъ полученное отъ Ахалцихскаго Шерифъ-Паши, который просилъ о помоществованіи ему къ вытѣсненію Лезгинъ, общихъ непріятелей Грузіи и Ахалцихской области.

Много уже разъ сей коварный Паша подобныя обращалъ просьбы, дѣйствуя между тѣмъ подъ рукой, чтобъ Лезгинцы не переводились изъ его областей, для чиненія грабежей въ Грузіи; почему Г.-М. Лазаревъ, сдѣлавъ Пашѣ учтивый отвѣтъ съ увѣреніями, что содѣйствовать готовъ, рѣшился итти самъ съ баталіономъ спустя нѣсколько времени, оставаясь въ ожиданіи рапорта отъ Г.-М. Тучкова о успѣшности его движеній съ Симоновымъ.

. . . . . .

Въ то же время полученъ отъ Г.-М. Гулякова, стоящаго въ Имеретіи, рапортъ, что часто помянутой, бѣжавшій изъ Кахетіи, Князь Адамъ Бебуровъ, пріѣзжалъ изъ Белоканъ въ селеніе Карагачъ, гдѣ, пробывъ у жены своей часовъ 7, отдалъ ей 14 писемъ отъ Шушинскаго Ибраимъ-Хана, отъ Джарскихъ и Белоканскихъ старшинъ, отъ Царевича Александра и отъ находящихся съ нимъ, бѣжавшихъ изъ Кахетіи, Князей, съ приказаніемъ, какъ оныя доставленіе ихъ въ Грузію по адрессамъ поручила брату, и потомъ обратно уѣхалъ въ Белоканы. Жена его по-

полнила въ точности приказаніе; но братъ, получивъ письма, представилъ Воинскому Начальнику. Содержаніе сихъ писемъ было самое возмутительное, и адресованы оныя были къ Кизицкимъ обывателямъ и къ Кахетинскимъ Князьямъ. Въ оныхъ, между прочимъ, Царевичъ Александръ упоминалъ, что онъ надѣется, что его братъ, Царевичъ Вахтангъ, все исполнилъ по общимъ ихъ соглашеніямъ, и мосты чрезъ Терекъ приказалъ разобрать, для преграды войскамъ нашимъ, если бы возымѣрились ихъ въ Грузіи подкрѣпить отрядами изъ Россіи.

25-го Августа получены были отъ Г.-М. Тучкова рапорты, что еще до соединенія его съ Подполковникомъ Симоновичемъ, Царевичи, услышавши движеніе сего Подполкозника къ границамъ, удалились внутрь Имеретіи, а Лезгинцы уклонились во владѣнія Ахалцихскія. По рапортамъ и разнымъ другимъ свѣдѣніямъ, чрезъ лазутчиковъ полученнымъ, стали извѣстны подробности объ операціонномъ планѣ сего покушенія. Царевичъ Юлонъ и Парнаозъ съ Имеретинцами намѣревались изъ Рачи вступить въ Осетинскія деревни Перангу и Царебисъ, въ Черныхъ Горахъ лежащія, для взволнованія Осетинцевъ, и съ помощью ихъ впасть въ верхнюю Карталинію, а въ то же время и Царь съ своими войсками хотѣлъ впасть изъ Имеретіи въ Карталинію, надѣясь, что Кахетинцы, объ усмиреніи коихъ, по видимому, не были они еще извѣстны, произведутъ подобное въ Кахетіи, будучи (подкрѣплены) Лезгинцами, изъ Ахалциха, со стороны Джевахетіи стремившихся. Планъ сей еще былъ предположенъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда Кахетинское возмущеніе начало ознаменовываться, и по тому Царевичи Юлонъ и Парнаозъ, прибывъ къ урочищу Гамарты, разстоящему отъ Царебисъ верстъ на 10, отправили письмо къ Князьямъ Мачабеловымъ, но посланный съ оными перехваченъ на кордонѣ Подполковникомъ Симоновичемъ, который немедленно занялъ бекетами всѣ проходы изъ Грузіи въ Имеретію, о чемъ Царевичи узнавъ, ретировались въ Рачу, въ урочище Лесхоны. Симоновичъ же, оставивъ орудіе и обозъ въ селеніи Дарби, пошелъ съ пѣхотой и съ Казаками для встрѣчи непріятеля, но, гнавшись за онымъ до Перанга, на самой черѣ границы лежащей, нашелъ токмо слѣды Лезгинцевъ и Имеретинцевъ, отступившихъ съ Царевичами въ Имеретинское селеніе Чало. Пойманный же Имеретинецъ въ семъ преслѣдованіи сказывалъ, что и Царь, услышавъ о неудачѣ сей, отступилъ въ областимъ Дадіана. Царевичи же, достигнувъ въ бѣгствѣ до се-

ленія Садчхерети, положили на мѣрѣ другой операціонный планъ, чтобъ пробираться чрезъ Ахалцихъ къ Лезгинцамъ и съ оными дѣйствовать какъ удастся. Г.-М. Тучковъ, возвратившись изъ Карталиніи, подалъ Г.-М. Лазареву рапортъ, въ коемъ объявлялъ, что въ Карталинцахъ ни малѣйшей не замѣтно наклонности къ возмущенію, кромѣ величайшихъ неудовольствій на Земское Управленіе и лично на Горійскаго Исправника, Енохина.

Въ первыхъ числахъ Сентября мѣсяца Грузинскіе Тавады (Князья), Сардарь Орбеліановъ, Тархановъ и Макаевъ, собравшись у меня, въ присутствіи Г. Г.-М. Лазарева и Тучкова, мнѣ говорили:

Смотри донесеніе отъ 20-го Сентября.

Г.-М. Лазаревъ, рѣшившись испытать на дѣлѣ пронырство Шерифъ-Паши Ахалцихскаго, просившаго вспоможенія, для вытѣсненія соединенными силами Лезгинцевъ, давая имъ подъ рукой покровительство и крывательство въ своихъ владѣніяхъ ко вреду Грузіи, изготовивъ баталіонъ егерей, 8-го Сентября отправился съ онымъ въ походъ, истребовавъ отъ Правителя до 200 человѣкъ Татаръ, подъ предводительствомъ Сардаря Князя Орбеліанова. Впередъ ке себя отправилъ письмо къ Шерифъ-Пашѣ съ увѣдомленіемъ о своемъ къ границамъ Ахалцихскимъ приближеніи и готовности дѣйствовать съ нимъ соединенно для истребленія Лезгинцевъ.

Посланный съ онымъ Татариномъ возвратился на третій день съ донесеніемъ, что, доѣхавъ токмо до Турецкаго селенія Ахалкалаки, усмотрѣлъ подъ онымъ Лезгинскій лагерь, изъ коего человѣкъ съ 10, примѣтивъ его, за нимъ погнались, но онъ успѣлъ отъ нихъ уѣхать. Г.-М. Лазаревъ, сіе же письмо отъ Татарина отобравъ, отправилъ оное, съ надежнымъ Казачьимъ урядникомъ, давъ ему для прикрытія 3 Казаковъ, а самъ съ баталіономъ продолжалъ слѣдовать и, достигнувъ до крѣпости Цалкской, на самой границѣ находящейся, расположился у оной лагеремъ.

Вскорѣ по приходѣ на сіе мѣсто, получилъ Г.-М. Лазаревъ письмо отъ посыланнаго прежде къ Шерифъ-Пашѣ Грузинца, Заки Аргутинскаго (съ вопросомъ о причинѣ, Пашу побудившей, умножить на границѣ войско), коимъ онъ увѣдомлялъ Г.-М. Лазаревъ, что Паша, провѣдавъ о его приближеніи, весьма обезпокоился, и посланнаго къ нему урядника Казачьяго, на другой же день по его прибытіи въ Ахалцихъ, отъ себя обратно отправилъ съ своимъ чиновникомъ въ Турецкіе Ахалкалаки, приказавъ ему послѣднему собрать достаточное количество провіянта и ро-

гатой скотины для угощенія войска Россійскаго, приказавъ при томъ Лезгинцамъ изъ владѣній своихъ удалиться.

Г.-М. Лазаревъ, стоя на семъ мѣстѣ лагеремъ и не могши дождаться возвращенія посланнаго урядника, а при томъ восчувствовавъ недостатокъ въ провіантѣ, отправилъ впередъ въ Грузинскіе Ахалкалаки для заготовленія онаго. Потомъ, получивъ чрезъ лазутчика достовѣрное свѣдѣніе, что Шерифъ-Паша отправилъ всѣхъ Лезгинцевъ въ Имеретію къ Царю, рѣшился слѣдовать по чертѣ границы въ Карталинію весьма трудной дорогой ущеліями и лѣсами, коими обыкновенно Лезгинцы проходятъ и, по 3-хъ дневномъ маршѣ, достигъ до селенія Катыхевъ, гдѣ, расположившись лагеремъ, имѣлъ 3-хдневное отдохновеніе, въ теченіе котораго прибылъ обратно изъ Ахалциха Казачій урядникъ съ Такою Аргутинскимъ и съ посланцомъ, Дади-Бекомъ, привезшимъ письмо съ изъясненіями всегдашней дружбы и преданности къ Россіянамъ, желанія искоренить Лезгинъ, что уже одна часть пошла въ Имеретію по приглашенію отъ Царя, чрезъ Георгія Церетели сдѣланному, а другая къ Карскому Паши, обѣщевая при томъ впредь никогда ихъ въ своихъ владѣніяхъ нетерпѣть.

Въ знакъ же своего усердія и дружества просилъ Г.-М. Лазарева принять угощеніе, войску его приготовленное; словесно же Шерифъ Паша посланцу своему поручилъ сказать Г.-М. Лазареву, что Царевичъ Имеретинскій пригласилъ къ себѣ Лезгинцевъ на зимнее пребываніе, что какъ, однако же, онъ не будетъ въ силахъ столь долгое время ихъ самъ собою довольствовать, то что они будутъ дѣлать набѣги на границы Грузіи, и чтобъ по тому взять предварительныя мѣры къ ихъ отраженію, въ чемъ онъ, Паша, обѣщается содѣйствовать.

Причина, Царя побудившая Лезгинцевъ къ себѣ умножить та, что Гуріельскій владѣлецъ и Аджарскій Бекъ, Селимъ-Ага-Хишіевъ, заключили между собой намѣреніе отмстить Царю за погубленіе Сабудъ-Паши.

На походѣ семъ получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Царя отвѣтъ на письмо къ нему отправленное съ Княземъ Діасамадзевымъ съ вопросомъ о причинѣ набора войска, содержавшее въ себѣ увѣренія, что онъ собираетъ противъ владѣльца Дадіана, уклоняющагося отъ повиновенія, а отнюдъ не ко вреду Грузіи.

Князь же Діасамадзевъ сообщалъ свѣдѣнія, имъ въ Имеретіи пріобрѣтенныя, которыя состояли въ томъ:

Что Царь, взявши у Дадіана крѣпость Цхывши, подвинулся далѣе до крѣпости Зерисъ-Цихе, въ которой Дадіанъ, однако же, укрѣпился, и что при томъ Царю едва ли будетъ возможность крѣпость сію взять, по тому что къ оной приблизиться не инако возможно, какъ дефилеею, весьма опасной и войсками Дадіана защищаемой, и со всѣхъ сторонъ засѣками укрѣпленной.

Что Царевичи, Юлонъ и Парнаозъ, намѣревавшіеся учинить нападеніе въ Карталинію и устрашенные движеніемъ Подполковника Симоновича и Г.-М. Тучкова, ретировались въ самый Кутаисъ, гдѣ получили увѣдомленіе отъ Царевича Александра, что онъ имѣетъ надежду собрать Адербижанскаго войска до 12,000.

Вскорѣ за симъ получено Г.-М. Лазаревымъ извѣстіе, что Царевичь Александръ, сопутствовавшій въ экспедиціи Ширъ-Кули-Хана, пріѣхалъ со свитою, изъ 150 человѣкъ состоящей, въ Ганжу, и немедленно отправилъ въ Джары, Белоканы и въ Кахетію съ увѣдомленіемъ, что онъ, будучи снабженъ отъ Баба-Хана фирманомъ къ Дагестанцамъ, для приглашенія ихъ къ содѣйствію въ своихъ предпріятіяхъ, предлагаетъ каждому, участвовать въ томъ желающему, по 100 серебромъ, и что, равнымъ образомъ, Царевичь Имеретинскій подобнымъ же фирманомъ снабженъ отъ Порты.

Правитель сообщилъ Командующему Г.-М. Лазареву полученное имъ свѣдѣніе, что Царевичъ Александръ намѣревается сдѣлать нападеніе на Шамшадилы; по чему, послѣ многихъ возраженій и подтвержденій, Г.-М. Лазаревъ командировалъ туда, однако же, баталіонъ егерей.

Стоящій на кордонѣ Кахетіи, Подполковникъ Соленіусъ, доносомъ въ сіе же время рапортовалъ, что бѣжавшій прежде сего изъ Кахетіи къ Царевичу Александру Юзбаша-Соломонъ-Солдата-швили, въ письмѣ своемъ къ нему, Подполковнику, просилъ о присылкѣ къ себѣ 6-ти Кизицкихъ жителей на назначенное урочище, намѣреваясь съ оными возвратиться въ отечество; что Соленіусъ и исполнилъ немедленно; онъ же, Солдато-Швили, вмѣсто исполненія обѣщанія своего, присланнымъ къ нему роздалъ восемь возмутительныхъ писемъ къ разнымъ Князьямъ Кахетинскимъ. Четыре письма получившими ихъ были представлены Подполковнику;

но Юзъ-баша-Бизина-Бочета-Швили и Грузинъ деревни Мирзанъ, Попугонъ, имѣвшіе другій четыре, долго не признавались: но, наконецъ, бывъ въ томъ уличены и обысканы, повиновались и письма отдали.

Карскій Паша извѣщалъ, что онъ, хотя и получилъ отъ Султана фирманъ о истребленіи Шерифъ-Паши, Ахалцихомъ завладѣвшаго, но что, по обстоятельствамъ, исполненіе того отлагаетъ до нѣкотораго времени, и по тому проситъ, чтобъ войска Россійскія, для вспоможенія ему обѣщанныя, не тревожились.

Между тѣмъ доходили свѣдѣнія, что Царевичъ Александръ, не токмо Джарскихъ и Белоканскихъ Лезгинцевъ къ вспомоществованію себѣ приглашаетъ, но что оныхъ выписываетъ и изъ Дагестана, съ обѣщаніемъ по 50 руб. на человѣка. Также,-что Царевичъ Александръ и Ханъ Ганжинскій писали къ Шамшадильскому Султану, Наси-Беку, чтобъ онъ, съ повинующимися ему Татарами, присягнулъ Царевичу Александру и прибылъ къ нему въ Ганжу, стращая при томъ, что, если того не выполнитъ, то будетъ оружіемъ Ганжинскаго войска наказанъ. Послѣ уже сего извѣстія отправлены въ Шамшадилы двѣ егерскія роты.

Царица же Дарія тайно не преставала дѣйствовать къ пиганію пламени возмутительнаго; ибо, въ концѣ Сентября, отправила къ Царевичу Александру человѣка съ письмомъ, коимъ его убѣждала поспѣшать выполненіемъ предпринятаго, увѣдомляя, что Кахетинскіе Князья всѣ къ содѣйствію готовы, а Царевичи Юлонъ и Парнаозъ въ Имеретіи только того и выжидаютъ, чтобъ онъ началъ.

Въ сіе же время извѣстно стало, что властвующій въ Персіи Баба-Ханъ писалъ къ Дагестанскому Владѣльцу, Ахметъ-Хану-Султану, чтобъ они имѣли въ готовности вспомогательное войско, для соединенія онаго съ Персидскимъ, въ Грузію назначеннымъ.

Имеретинскій Царь посылалъ къ Шерифъ-Пашѣ съ просьбою о присылкѣ къ нему еще Лезгинцевъ, что Паша и обѣщалъ выполнить, ожидавши къ себѣ оныхъ до 600 человѣкъ.

Гуріельскій Владѣлецъ къ сему же послѣ прибѣгалъ съ подобной просьбой; но Паша ему въ томъ отказалъ, отозвавшись, что обѣщалъ ихъ Царю Соломону.

Въ началѣ Октября получены извѣстія отъ Подполковника Симоновича.

Смотри отъ 3-го Октября донесеніе.

Въ теченіе сего времени располагался внѣшними врагами Гру и операціонный планъ къ нападенію на оную соединенными лами, но который, однако же, по строжайшему развѣдыванію, алъ извѣстенъ, а именно:

Царевичъ Имеретинскій, съ Царевичами Юлономъ и Пар озомъ, располагался напасть, съ помощью Шерифъ-Паши, на рталинію; Ханъ Ериванскій на Бамбаки; Ганжинскій, съ Ца вичемъ Александромъ, на Шамшадилы; Дагестантскіе и Джар ie и Белоканскіе Лезгинцы на Кахетію; по чему и приняты ли въ войскахъ всѣ нужныя мѣры осторожности; а въ то же емя пришли въ Тифлисъ съ Кавказской Линіи 6 ротъ гренадеръ, 0 егерей и 2 артиллерійскія орудія, каковое умноженіе нѣко рымъ образомъ могло и устрашить неблагонамѣренныхъ.

Когда всѣ таковыя извѣстія получались, и когда деташементъ едпринималъ мѣры осторожности, въ то самое время Правитель волилъ отнестись къ Командующему съ потребованіемъ повелѣ я на кордонъ о впускѣ чрезъ оный ѣдущихъ въ Тифлисъ для рговли Лезгинцевъ.

Въ одинъ день ихъ въѣхало 102 человѣка, а въ послѣдствіи ибавлялось и было всего 158 человѣкъ, которые, конечно, не тавляли развѣдать все, что нужно имъ было. Правителю хотя и ло сдѣлано отъ Г. М. Лазарева примѣчаніе на счетъ несообраз го количества оныхъ, которое впущено, но Правитель отозвал , что онъ дозволеніе такъ далъ на основаніи повелѣнія Главно мандующаго, и что они мирны и неопасны.

Но, вмѣсто того, они-то и опасны были; ибо одинъ, возвра вшійся изъ плѣна, вольнослужащій, пришедъ ко мнѣ, сказывалъ:

Что онъ, находившись долгое время у Лезгинъ, ихъ всѣхъ аетъ: что, когда онъ прослышалъ о ихъ пріѣздѣ въ Тифлисъ, то шелъ къ ихъ каравану, но не токмо что онъ ихъ, но и они его нали; однако же, сколько онъ ни старался съ ними зачинать раз вора, они его отъ себя отклоняли. Сіи Лезгины были въ Тиф сѣ отнюдь не мирны, а посланные, подъ видомъ торговли, изъ льшаго селенія близъ Дагестана, Карака, въ коемъ до 400 оровъ и которое отстоитъ отъ Белоканъ на 7 дней верховой ды. Въ семъ же селеніи содержится у нихъ 40 человѣкъ плѣн ихъ, въ числѣ коихъ егерскій поручикъ Волковъ.

Въ половинѣ Октября мѣсяца достигли офиціяльныя изв

что Ханъ Ериванскій дѣлаетъ заготовленія провіянтомъ для собираемаго войска совсѣхъ мѣстъ въ Ериванъ; что также въ Нахчевани онаго собралось до 4-хъ тысячъ человѣкъ, и что въ Ечміадзинѣ укрѣпляется Лжепатріархъ Давыдъ. Всѣ же сіи приготовленія дѣлались на случай тотъ, когда бы войска Россійскія возъимѣли виды на область Ериванскую.

20-го Октября получены были офиціяльныя же извѣстія, что Ханъ Ганжинскій обѣщалъ всю жизнь свою посвятить Царевичу Александру, а имѣніе свое на его услуги. Что Царевича видали всегда въ мечети на богослуженіи и называютъ Мусульманиномъ; что сей Ханъ описывается со всѣми Ханами и ихъ убѣждаетъ себѣ послѣдовать для возстановленія въ Грузіи дома Царевича Ираклія; что еще послано отъ Ганжинскаго Хана въ Джары и въ Белоканы съ приглашеніемъ 5,000 человѣкъ для сей експедиціи и съ обѣщаніемъ каждому по 50 руб. Если же недостанетъ у него для заплаты имъ денегъ, то Ханъ обѣщалъ имъ до расплаты отдать въ залогъ дѣтей знаменитѣйшихъ Армянъ, за что сіи на Хана въ такой злобѣ, что намѣреваются, по приближеніи войска Россскаго, связавъ Царевича Александра, къ начальнику онаго прислать. Что Ганжинскій Ханъ ведетъ частую переписку съ Казахскими владѣльцами, и что они его увѣряютъ въ своей готовности къ содѣйствію съ его войскомъ, когда оное соберется. Что Казахскій Агаларъ, Папа-Ага, сносится также съ Ханомъ, и что яко бы, по прибытіи ротъ егерскихъ въ Шамшадилы, онъ Хану увѣдомлялъ, чтобъ онъ сего войска не страшился, а продолжалъ бы собирать свое. Что сынъ Ханскій также собираетъ вооруженіе, чтобъ съ онымъ слѣдовать на рѣчку Заганъ, гдѣ обитаютъ прежде бѣжавшіе изъ Шамшадилъ Татары, и ихъ помѣстить ближе Ганжѣ, но по видимому имѣетъ онъ, кромѣ сего, и подъ симъ предлогомъ, какое либо другое намѣреніе; наконецъ что въ Ганжѣ все приготовляется къ оборонѣ, укрѣпляютъ стѣны пушками и Царевичу строютъ домъ,

Въ началѣ же Ноября мѣсяца разгласились слухи, что, яко бы, Шерифъ-Паша, Ахалцихомъ завладѣвшій, изъ онаго нѣкоторымъ чиновникомъ убитаго въ Имеретіи Сабудъ-Паши, Селимъ-Агой оттуда вытѣсненъ. Слухи сіи въ послѣдствіи подтвердились, и вотъ какимъ образомъ сіе случилось:

Послѣ убіенія въ Имеретіи несчастнаго Сабудъ-Паши, чиновникъ его, Селимъ-Ага Химшія-Швили, удалившись

меретіи, скитался долгое время въ Грузіи, а потомъ уѣхалъ къ джарскому владѣльцу Селимъ-Агѣ-Ахеджіяни (Апары между меретіей и Ахалцихомъ), питая всегда въ сердцѣ мщеніе за Садъ-Пашу какъ къ Царю, такъ и къ Шерифъ-Пашѣ.

Въ то время, когда Г.-М. Лазаревъ приближался въ баталіонъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, къ Ахалциху, по прежнему предложею Шерифъ-Паши, для истребленія общими силами Лезгинцевъ, области Ахалцихской укрывающихся, тогда Селимъ-Ага-Химія-Швили, коего голову неоднажды Шерифъ-Паша просилъ у аревича Имеретинскаго, написалъ къ Шерифъ-Пашѣ, что хоть и ему и слѣдовало сдѣлать мщеніе за своего господина, но что, и теперешнихъ обстоятельствахъ, когда войска Россійскія угрожаютъ впаденіемъ яко бы въ Ахалцихъ, то онъ, Химшія-Швили, о въ томъ предваряя, по единовѣрію ему предлагаетъ свои луги въ томъ, что не токмо самъ собою обѣщаетъ ему вспомоествовать, для удержанія за нимъ Ахалциха, но и склонить къ му же и Селимъ-Агу Ахеджіани Аджарскаго. Что если онъ, ерифъ Паша, не отвергнетъ его предложенія, то, въ увѣреніе, объ къ нему въ Адары прислать аманатами брата своего и скольких первѣйшихъ и довѣреннѣйшихъ своихъ чиновниковъ.

Шерифъ-Паша, дѣйствительно испугавшійся приближенія Г.-Лазарева къ своимъ предѣламъ, принявъ предложеніе Селимъ-ги-Химшія-Швили, прислалъ къ нему и требованныхъ аманатъ. Но коль скоро сіи явились, то оба Селимъ-Аги, изготовивши сей случай впередъ для нихъ угощеніе, заняли ихъ онымъ, въ продолженіе того, по знаку окружившая ихъ услуга, въ ну минуту кинжалами лишила ихъ головъ.

Истребивши сей хитростью тѣхъ людей, коихъ найболѣе они асались, немедленно съ собраннымъ войскомъ и съ нѣсколькими згинцами, отъ Царя отвлеченными, напали въ расплохъ на Ахалхъ, истребивъ въ оном до 400 единомышленниковъ Шерифъши, который спасся бѣгствомъ съ 20-ю человѣками въ крѣть Турецкую Олету, не подалеку отъ Арзрума.

Извѣстія изъ Имеретіи.

Смотри донесеніе отъ 20-го Ноября. Пожаръ въ Тифсѣ 17-го.

Стоящій съ отрядомъ въ Бомбакахъ Полковникъ Корягинъ, ортомъ въ теченіи сего времени Г.-М. Лазареву донесъ о

полученныхъ имъ извѣстіяхъ, что Калъ-Балы-Ханъ Нахичеванскій, согласившись съ Баязетскимъ Пашей, вознамѣрился напасть на Карскаго Пашу, для возстановленія въ Ахалцихѣ Шерифъ-Паши, и что у него, Калъ-Балы-Хана, состоитъ къ приведенію того въ дѣйство въ готовности до 10,000 вооруженныхъ.

Что подтверждалъ и Паша Карскій съ просьбой о вспомоществованіи ему силами противъ непріятеля; по чему отъ Г.-М. Лазарева и было предписано то исполнить, въ случаѣ движенія Калъ-Балы-Хана.

Вскорѣ послѣ сего Карскій Паша увѣдомлялъ помянутаго Генералъ-Маіора, что Шерифъ-Паша, послѣ побѣга своего изъ Ахалциха, собравъ до 600 человѣкъ конницы, хотѣлъ завладѣть крѣпостью Орданакъ, но нашедъ оную занятою Карскимъ войскомъ, ретировался въ Ольту, но, бывъ преслѣдуемъ Селимъ-Агой-Химшія-Швили и братомъ Карскаго Паши, Кара-Бекомъ, растерявъ конницу, скрылся въ Баязетъ къ Пашѣ, своему родственнику, давшему ему потомъ 300 человѣкъ, съ которыми Шерифъ-Паша ушелъ въ селеніе Алахнара. А Селимъ-Ага-Химшія-Швили, съ своимъ войскомъ, атаковалъ Ольту, принудивъ обратиться изъ оной въ бѣгство всѣхъ, Шерифъ-Пашѣ преданныхъ.

Перваго Декабря получены рапорты съ кордоновъ въ Кахетіи, что Царевичъ Александръ, прибывъ яко бы въ Белоканы, намѣревается съ Лезгинскими войсками учинить нападеніе на крѣпость Сигнахскую; другое же извѣстіе получено, что одинъ изъ Карданагскихъ Князей, бѣжавшій нынѣшней весной къ Царевичу Александру, пріѣзжалъ въ свой домъ, и, въ ономъ живя цѣлую недѣлю, отбиралъ отъ Кизицкихъ Князей соглашеніе, куда лучше сдѣлать экспедицію Царевичу Александру: на Сигнахскую ли крѣпость, или на замокъ и селеніе Кварели?

Въ тотъ же день получены Главнокомандующимъ Генераломъ извѣстія съ границы Имеретинской, что къ стоящему съ отрядомъ въ Сурамѣ Капитану Бартеневу пріѣзжали изъ волости Хопишь Хеобы Деканозъ и два Мамасахлисы, съ изъявленіемъ, что они, чрезъ прибывшаго къ нимъ въ селеніе изъ Кутаиса армянина, извѣщены, что Царевичъ Константинъ вдругъ расшутился, находится въ опасности, и что полагаютъ, что ему, по повелѣнію Царя, данъ въ пищѣ ядъ.

3-го подтверждалось извѣстіе о покушеніи Царевича на Кахетію рапортомъ Г.-М. Гулякова, въ коемъ означались два Кахе-

кіе Князя: Вачнадзевъ и Мардала-Швили, участвовавшіе и
ъ прежнемъ бунтѣ. По чему и приняты были мѣры осторожно-
ти для отраженія непріятеля.

Послѣ полудня пришелъ къ намъ Армянскій Архіепископъ
оаннъ съ объявленіемъ, что Патріархъ Даніилъ, будучи при-
лашенъ въ Баязетъ тамошнимъ Пашею, силой отправленъ въ
мміадзинъ и измѣннически преданъ Лжепатріарху Давыду.

Смотри донесеніе отъ 4-го Декабря по сему дѣлу.

Того же вечера пріѣхалъ изъ Еривани посланецъ съ пись-
ами къ Правителю Г.-М. Лазареву.

Словесныя препорученія, отъ Хана ему данныя къ Правителю,
остояли, какъ увѣряютъ, въ томъ, что Лжепатріархъ Давыдъ
бѣщалъ Правителю великую сумму, если онъ его будетъ поддер-
ивать и способствовать къ его утвержденію въ Патріяршествѣ.
ъ Г.-М. Лазареву онъ имѣлъ препорученія, изъявленныя въ мо-
мъ донесеніи отъ 5-го числа.

4-го Декабря получилъ я письмо отъ Царя Имеретинска-
о, заключавшее въ себѣ сообщенія о его движеніяхъ противъ
адіана и что яко бы Абхазинцы, покусившіеся подать помощь
адіану, побуждены были обратиться въ бѣгство. Графъ же Му-
инъ-Пушкинъ сообщалъ мнѣ письмо, имъ полученное отъ Мди-
инъ-Беки Князя Леонидзева, коимъ сей увѣдомляетъ о храбрыхъ
одвигахъ Царя, говоря, что онъ, завоевавъ Одиши, Лечхумъ,
уанети, Гурію, и Абхазы, распространилъ предѣлы свои до
маго Чернаго моря или Понта.

5-го Г.-М. Лазаревъ получилъ отъ Карскаго-Паши письмо,
оимъ онъ его увѣдомлялъ о полученномъ имъ фирманѣ отъ Сул-
ана на непремѣнное истребленіе Шерифъ-Паши, прогнаннаго
ъ Ахалциха, съ коего и копію, при письмѣ своемъ, прилагалъ,
на старательство о возвращеніи отъ Хана Ериванскаго земли,
ъ области Карской имъ отхваченной.

Съ кордона же получены извѣстія, что Калъ-Балы-Ханъ,
обиравшій войска противъ Карскаго Паши, оныя опять распустилъ.

7-го Г.-М. Лазаревъ, бывъ приглашенъ къ Князю Гарсеванну
вчавадзеву, для нѣкотораго разговора, содержаніе коего было
ъ общественныхъ неудовольствіяхъ на Правительство и
желаніи общества писать Государю Императору, Г.-М. Лазаревъ
у совѣтовалъ отъ того удержаться, по крайней мѣрѣ до при-

бытія новаго Главнокомандующаго на Линію, но Князь Чавчавадзевъ ему на то возразилъ, что ожиданіе таковое будетъ тщетно; ибо Правитель всячески преграждаетъ пути въ Россію; но Г.-М. Лазаревъ предлагалъ къ услугамъ его своихъ курьеровъ. На вопросъ Г.-М. Лазарева, Князю Чавчавадзеву сдѣланный: доволенъ ли народъ войсками? онъ увѣрялъ клятвенно, что въ разговорахъ съ нѣкоторыми народными старшинами о надобности снабжать войска дровами, свѣчами и жилищемъ (слышалъ) то что, они не токмо сію обязанность на себя принимаютъ, но считаютъ, что не было бы имъ въ тягость и пищей снабжать, по возможности, войско, ихъ защищающее отъ сосѣдственныхъ непріятелей, но что они выходятъ изъ терпѣнія отъ угнетеній Земскаго Начальства. Между прочимъ Князь Чавчавадзевъ сообщилъ Г.-М. Лазареву, что Г. Коваленскій, обольстивъ нѣсколькихъ Князей, а именно: Князя Ивана Сардаря Орбеліанова, зятя его, Князя Тарханова, Князя А. Макаева, ихъ убѣждаетъ къ подписанію благодарнаго себѣ листа, съ показаніемъ въ ономъ желанія всего дворянства Грузинскаго, въ видѣ просьбы къ Государю Императору, чтобъ Коваленскаго оставить на всегда для управленія Грузіей.

Царевичъ Давыдъ, того вечера меня посѣтившій, между разговоромъ, мнѣ сказывалъ происшедшее между имъ и Правителемъ непріятное объясненіе у Сардаря Орбеліанова на обѣдѣ 6-го числа; что Правитель, будучи побуждаемъ разгоряченными парами, изъявилъ ему свое негодованіе за то, что онъ, съ супругой и другими Царевнами, обѣдалъ 4-го числа у Г.-М. Лазарева, а что не поѣхалъ прежде того къ нему, когда онъ ихъ приглашалъ. Царевичъ ему отвѣчалъ, что онъ за честь себѣ считаетъ, когда бываетъ у Г.-М. Лазарева, который себя такъ ведетъ, что Царевнамъ быть у него въ домѣ не предосудительно, а что, напротивъ, Г. Правитель, поступками своими и неограниченной вольностію своей въ обращеніи, всѣхъ огорчилъ. Правитель, на сіе озлобясь, ему отвѣчалъ, что онъ не знаетъ въ немъ цѣны, и что Г.-М. Лазаревъ есть совершенный ихъ врагъ, по тому что онъ яко бы дѣйствуетъ къ потери ихъ Царства и къ присоединенію онаго къ Имперіи. Царевичъ, мнѣ о семъ изъявляя съ большимъ огорченіемъ, привосокупилъ, что хотя для него лично не можетъ почесться обидой какъ поступокъ, содѣянный отъ дѣйствія горячихъ паровъ, но что вообще они краснѣютъ отъ такихъ униженій предъ своими сосѣдями, и тогда еще, когда они, совершенно

лучи увѣрены о милостивѣйшемъ къ нимъ расположеніи Госуда-
Императора, должны сносить грубости отъ ничего незначу-
ей особы.

Еще же Царевичъ мнѣ сказалъ, что Правитель, имѣя у себя
едневно по вечерамъ сходбища помянутыхъ трехъ Князей: Орбе-
нова, Тарханова и Макаева, коимъ переводчикомъ служитъ
язь Соломонъ Аргутинскій, трактуетъ съ ними, по секрету, о
вомъ планѣ Правленія Грузинскаго, которое имѣетъ за основа-
раздѣленіе Грузіи по народамъ, то есть, на Карталинію, Ка-
гію и поколѣнія Татаръ всѣхъ вообще, изъ коихъ каждая бы
равлялась по узаконеніямъ и обычаямъ своимъ, а всѣ бы во-
ще зависѣли отъ Главнаго Управленія чиновника Россійскаго
наименованіемъ, нынѣ существующимъ, Правителя Грузіи. Что
Коваленскій, имѣя съ сими людьми сіи тайныя конференціи,
ъ увѣряетъ, что каждый изъ нихъ получитъ въ управленіе о-
аченныя части, а именно: Князь Орбеліановъ Карталинію, Князь
акаевъ—Кахетію, а Тархановъ—всѣхъ Татаръ, съ тѣмъ, чтобъ
ни, съ своей стороны, употребляли старанія, чтобъ общество
юрянское первыхъ двухъ частей и старшины послѣдней просили
осударя Императора о утвержденіи въ званіи Генеральнаго Гру-
и Правителя его, Г. Коваленскаго.

Кромѣ же того Правитель, обольщая такимъ образомъ лю-
ей, совѣтуетъ съ ними о новомъ налогѣ сбора хлѣба.

Для лучшаго же сихъ людей увѣренія и обольщенія, Пра-
витель опредѣлилъ Приставомъ къ Шамшадильскимъ Татарамъ
нязя Тарханова, давно того искавшаго.

NB. Шамшадильскіе Татары привыкли повиноваться Моура-
у Татаръ Кизихскихъ. Сіе назначеніе Князя Тарханова въ Шам-
адилы Моуравомъ основано еще на другой интригѣ, и именно
ой, что домъ Орбеліановыхъ изъ давняго времени враждуетъ съ
омомъ Князя Чавчавадзева, коего старается угнетать всѣми мѣ-
ами Правитель, избравшій способъ преклоненія къ себѣ Тархa-
ова и опредѣленія его въ Шамшадилы Моуравомъ, для огорче-
ія Князя Чавчавадзева, носящаго званіе Моурава Кизихскихъ
атаръ, весьма его почитающихъ.

Весьма не трудно изъ сего заключить, что послѣдовать мо-
кетъ впредь, и что Правитель, для своихъ интригъ, упущаетъ изъ
иду пользу государственную, приведя себѣ на память путеше-
ствіе Главнокомандующаго по Грузіи и внушенія, Правителемъ

ему дѣланныя, о непреклонности Татаръ ко внушеніямъ Князя Чавчавадзева къ учиненію присяги, и посылку Князя Тарханова въ слѣдъ за Главнокомандующимъ съ рекомендаціей, что онъ имѣя надъ Татарами вліяніе, одинъ въ силахъ ихъ къ тому уговорить, и наконецъ возвращеніе его отъ Татаръ съ ложнымъ донесеніемъ, что не токмо о Начальствѣ не хотятъ слышать, но еще менѣе о присягѣ.

8-го числа, въ вечеру, пришелъ къ намъ сынъ Князя Чавчавадзева, для разсказанія страннаго происшествія. Въ тотъ день прибылъ въ Тифлисъ изъ Шамшадилъ, тамошнихъ Татаръ Старшина Султанъ-Насибекъ, и, по прибытіи, прямо пошелъ къ Князю Чавчавадзеву, а потомъ къ Г.-М. Лазареву, котораго не заставъ дома, пошелъ къ Правителю.

Правитель, чрезъ посредство, Коменданта, своего племянника, провѣдавшій, тотчасъ послалъ сыскать сего Султана, но какъ выше сказано, что онъ ходилъ туда и сюда, то посланный, не нашедъ его, о томъ Правителю и донесъ.

Когда же Султанъ къ нему явился, то онъ прегрозно на него сдѣлалъ нападеніе, съ требованіемъ отъ него отчета, по чему онъ осмѣлился являться прежде у Чавчавадзева и у Г.-М. Лазарева, говоря, что сіи люди ничего не значущіе, и что онъ одинъ Батоно и Властитель. Въ заключеніе же того приказалъ, тутъ стоявшему, Коменданту, своему племяннику, взять сего Султана и посадить на гауптвахту. Но тутъ же находившійся Приставскій Помощникъ Шамшадильскихъ Татаръ, Варламовъ, ставъ на колѣни, упрашивалъ Правителя о помилованіи, которое, въ видѣ милости, Правителемъ было даровано отмѣной ареста и наставленіемъ, чтобъ Султанъ впредь зналъ, что онъ Батоно въ Грузіи.

Наси-Бекъ же, безъ смущенія ему по Татарски отвѣчалъ, что до сихъ поръ ему никто не запрещалъ ходить, куда ему хотѣлось, то что и теперь не хочетъ вѣрить, чтобъ Правитель могъ ему то запретить. Переводчикъ, однако же, сего Правителю не перевелъ.

NB. Сцена сія, или лучше огорчительная комедія Правителя съ Султаномъ Наси-Бекомъ не можетъ не имѣть дурныхъ слѣдствій, какъ по тому что, сей Султанъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ

ъ Шамшадилахъ, будучи Магометаниномъ, никогда сей обиды не абудетъ, а прочіе Старшины отъ него о томъ когда узнаютъ, и ри томъ, когда къ нимъ пріѣдетъ Князь Тархановъ, новый ихъ оуравъ, то надобно съ терпѣніемъ токмо ожидать, что наконецъ удетъ.

9-го поѣхалъ изъ Тифлиса обратно въ Еривань посланецъ анскій, съ коимъ вмѣстѣ тутъ же отправленъ отъ Правителя ерсіянинъ, гражданинъ Тифлискій, Алли-Верды. Сколько я ни тарался узнать о предметѣ его въ Еривань отправленія, но ни- его узнать не могъ, кромѣ, что яко бы ему даны письма отъ правителя къ Хану и къ Лжепатріярху Давыду, съ увѣреніемъ его послѣдняго, что онъ будетъ въ санѣ Патріяршемъ сильнѣй- шимъ образомъ, поддерживаемъ Г. Коваленскимъ.

10 го получилъ Г.-М. Лазаревъ рапортъ отъ Г.-М. Гуляко- а изъ Телава о слухахъ, въ Кахетіи разглашающихся, что Ца- евичъ Александръ и Алискандъ, племянникъ покойнаго Да- станскаго Владѣльца, Омаръ-Хана, прибыли съ войскомъ въ Бе- оканы и предпринимаютъ нападеніе (на селенія), за Алазанью ежащія. Еще же получены свѣдѣнія, что отъ Царевича Александ- а пріѣзжали четыре Грузинскіе Князья, съ нимъ шатающіеся, въ еленія Гаваза, Шильди, Кварели, Кремны, Сабуръ и Ени- ели, для подговоренія тамошнихъ Князей и народа къ содѣй- вію въ его предпріятіи къ нападенію на войска Россійскія, съ ѣреніемъ, что у Царевича Александра будетъ собрано до 7,000 онницы и до 8,000 пѣхоты Лезгинскихъ; планъ же ихъ нападе- я, сколько извѣстно, былъ тотъ, что пѣхота должна на- асть на селеніе Велищаха и округъ лежащія деревни, конница на Шильду, Гавазу, Кварели и окрестныя.

При помянутомъ же рапортѣ сообщалось замѣчаніе на счетъ аленія жителей Шильды отъ Русскихъ въ то время, когда тамъ олучены были извѣстія о покушеніи Царевича Александра, и гда стоящая тамъ рота, по приказанію Маіора Будберга, пере- алась съ экипажемъ въ замокъ, то одинъ изъ Князей, стоя воротъ, изрыгалъ неистовыя ругательства на Россіянъ и возна- рился бѣжать.

Того же дня приходилъ къ намъ Князь Тамазъ Орбеліановъ, іѣхавшій изъ Демургеши, своего помѣстья. Онъ сообщилъ мъ извѣстія, что пріѣхавшіе изъ Ганжи Татары, бывшіе там я торга, разсказывали, что Царевичъ Александръ находится

Ганжѣ, и что къ нему прибыли нѣсколько старшинъ Лезгинскихъ, которыхъ онъ съ своимъ человѣкомъ отправилъ къ Баба-Хану, не извѣстно точно за чѣмъ, но, какъ слухи тамъ носились, то для того, что они, будто, опасаются предпріятій какихъ либо отъ войскъ Россійскихъ, то поѣхали къ Баба-Хану, для совѣщанія по сему предмету и для постановленія какихъ либо, по видимому, соглашеній.

11-го, по утру я получилъ записку Архіепископа Армянскаго Іоанна, къ Коллежскому Ассесору Яковлеву писанную, о перехваченныхъ бумагахъ къ Архимандриту Карапету, отъ Константинопатріярха Давыда привезенныхъ, и въ ту же минуту пріѣхалъ ко мнѣ самъ Архіепископъ, съ словеснымъ о томъ донесеніемъ.

Смотри слѣдствіе въ моихъ донесеніяхъ, отъ 15-го Декабря.

Сего же дня получено было извѣстіе, что Царевичъ Александръ, 6-го сего мѣсяца, выѣхалъ изъ Ганжи, въ провожаніи многихъ Лезгинъ, къ нему пріѣхавшихъ въ Джары.

13-го дошло до меня, посредствомъ Г.-М. Лазарева, извѣстіе, за тайну ему конфидентомъ донесенное, что мѣсяца съ два тому назадъ отправленъ изъ Тифлиса въ Тейранъ къ Каджаръ-Хану письмо за многими печатьми; изъ коихъ извѣстныя Царевича Давыда, бывшаго при покойномъ Царѣ Георгіи Назира Персіянина Мирза-Араби, Сардаря Князя Орбеліанова и Армянскаго Мелика Дирчи-Бебутова. Содержаніе сего письма заключало просьбу о вспомоществованіи въ какихъ то ихъ намѣреніяхъ, и что, если вспомоществованія Каджаръ-Ханъ имъ дать въ состояніи, то чтобъ о томъ увѣдомилъ.

Сей же конфидентъ объявилъ Г.-М. Лазареву, что на дняхъ пріѣзжалъ изъ Ганжи нѣкто дворянинъ Гадсарбековъ, имѣвшій тайныя и неизвѣстныя порученія отъ Царевича Александра и Царицѣ Даріи, отъ коей съ таковыми же обратно отправленъ въ Ганжу поѣхалъ съ посланнымъ отъ Правителя къ Хану Князем Іосифомъ Бебутовымъ, для выпущенія остановленнаго въ Ганжѣ каравана Грузинскаго купечества, отправившаго оный туда по обыкновенію за рыбой; что порученія Царицы состояли въ приказаніи Царевичу Александру поспѣшать прибытіемъ въ Джары, и не упущать изъ виду извѣстныхъ его предпріятій.

Возвратившійся того дня изъ Ганжи Князь Іосифъ Бебутовъ (съ коимъ пріѣхалъ въ Тифлисъ посланецъ и отъ Хана, чинов-

икъ Гургинъ-Бекъ), явившись у Г.-М. Лазарева, подтвердилъ
вѣстіе, что Царевичъ Александръ, на другой день его пріѣзда
ь Ганжу, оттуда отправился въ Джары, въ провожаніи 100 Лез-
инцевъ, высланныхъ для того наперсникомъ Царевичевымъ, съ
имъ повсюду шатающимся, Кахетинскимъ Княземъ Тауберомъ;
го въ Ганжѣ весьма желаютъ, чтобъ войска Россійскія туда
ришли, и что всѣ Татары, Армяне гласно говорятъ, что они ни
ного выстрѣла не сдѣлаютъ по Русскимъ, что Ханъ ему изъя-
илъ свое негодованіе на то, что, войска Россійскія заняли об-
ість Шамшадильскую; что, на возвратномъ своемъ пути изъ Ган-
и, онъ встрѣти лъчетырехъ Армянъ, бывшихъ на охотѣ въ Самухѣ,
отъ нихъ слышалъ, что Нухинскій Ханъ собираетъ вооруже-
е; на что, яко бы, ѣхавшій съ нимъ посланецъ Ханскій, Гур-
инъ-Бекъ, сказалъ, что вооруженіе сіе собирается противъ Хана
Іушинскаго.

14-го, будучи у Князя Гарсевана Чавчавадзева, извѣстился
ъ него самаго, что онъ получилъ письмо отъ Царевича Алек-
ндра, чрезъ посланца Ганжинскаго Гургинъ-Бека, которое сынъ
язя Чавчавадзева мнѣ перевелъ, и которое можетъ быть пер-
е еще его признаніе, что жизнь, кою онъ ведетъ, ему наску-
ить начинаетъ. Оно было слѣдующаго содержанія:

По изъявленіи Князю поздравленія съ его благополучнымъ
ибытіемъ, Царевичъ его увѣряетъ о почтеніи, которое къ не-
издавна имѣетъ, какъ къ особѣ покойнаго отца его, Ираклія,
потомъ и брата, Георгія, важнѣйшія порученія имѣвшей. И на-
онецъ спрашиваетъ Князя Чавчавадзева, что какъ онъ нынѣ
звратился отъ Высочайшаго Двора Россійскаго, при коемъ на-
дился по дѣламъ отечества ихъ, то въ какомъ положеніи оныя?
звѣстенъ ли Государь Императоръ, что они, дѣти Царскія, раз-
яны по разнымъ странамъ, скитаясь безъ пропитанія? И мо-
етъ ли Государю быть угодно, чтобъ они въ бѣдствіи пропа-
ли? Заключаетъ же тѣмъ, чтобъ Князь Чавчавадзевъ сіе его
сьмо представилъ, куда разсудитъ выше.

Князь Чавчавадзевъ у меня спрашивалъ, что ему съ симъ
сьмомъ дѣлать? Я же ему совѣтовалъ его представить Г.-М. Ла-
реву, что онъ и исполнилъ.

14-го, пришедшій къ Г.-М. Лазареву Квартирмейстеръ 17-го
ерскаго полку, Подпоручикъ Сураловъ, употребляемый за пере-
дчика, по знанію его Азіятскихъ языковъ, донесъ о разговорѣ.

который онъ имѣлъ съ 3-мя Грузинскими Князьями, его посѣтившими, а именно: Князь Сардаръ Орбеліановъ, Князь Тархановъ и Князь Судханъ Тумановъ.

Князь Орбеліановъ началъ свое изъясненіе удивленіемъ, что яко бы на него сердится Г.-М. Лазаревъ. Что Г.-М. Лазаревъ самому должно быть извѣстно его усердіе, неоднократно доказанное въ походахъ при войскахъ Россійскихъ; что развѣ за то, что онъ, до возмущенія еще Кахетинскаго, представлялъ сему Генералу о нѣкоемъ письмѣ, у Княгини Чавчавадзевой имѣющемся, которое яко бы всему бунту было причиной; или за то, что, до прибытія еще въ Тифлисъ Князя Чавчавадзева, они яко бы обществомъ намѣревались отправить письмо къ Главнокомандующему, чтобы его до Тифлиса не допускать, будучи къ тому соглашаемы Правителемъ; или же за то, что они не согласуются съ Княземъ Чавчавадзевымъ въ предметахъ прошенія, которое онъ затѣялъ отправить къ Высшему Двору, и съ его мыслями о Высочайшемъ Манифестѣ, что по оному Грузія только въ покровительствѣ, а не въ подданствѣ, которое онъ подкрѣпляетъ сказаннымъ Вице-Канцлеромъ при врученіи Манифеста, что Государю угодно было тако, чтобъ Грузія была покровительствуема Скипетромъ Россійскимъ.

Онъ же, Орбеліановъ, продолжалъ говорить, что желаніе Князя Чавчавадзева, къ коему онъ яко бы и ихъ преклонить хотѣлъ, есть то, чтобъ паки избрать изъ рода Багратіоновъ Правителя надъ ними, но что онъ, не согласуясь на сіе съ Княземъ Чавчавадзевымъ, удерживаетъ яко бы и всѣ прочіе умы въ согласіи съ собой.

Князь Тумановъ на сіе сдѣлалъ возраженіе въ сихъ словахъ, что они, Князья Грузинскіе, хотя люди и умные, но Россіянъ до сихъ поръ еще не знаютъ; что онъ, будучи нѣсколько лѣтъ имѣлъ случай ихъ испытать; что Россіяне хитры болѣе, нежели они думаютъ, и что ими же можетъ быть Князь Чавчавадзевъ настроенъ на то, дабы, вовлекши и ихъ, для своихъ интересовъ въ мнимые замыслы, тѣмъ удобнѣе ихъ сдѣлать виновными и подвергнуть какому ни будь взысканію, или отдаленію изъ отечества.

Князь Тархановъ, по окончаніи сего, вступивъ въ разговоръ, сказалъ, что онъ всегда также усердствовалъ Россіянамъ, и что ясно доказалъ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ дѣйствовалъ съ

гласно, противоборствуя Багратіонамъ; что единственная его ь тому цѣль была та, чтобъ сдѣлаться извѣстнымъ Государю, что нынѣ видитъ, что труды его были тщетны; ибо никакого удостоился получить награжденія, или отличія; что онъ однимъ немъ, разговаривая о томъ съ Г.-М. Лазаревымъ, и услышавъ отъ го, что онъ многократно о его усердіи и о услугахъ дѣлалъ едставленія, и что не считаетъ себя предъ нимъ виноватымъ въ мъ, что онъ ничѣмъ не награжденъ, ему, Г.-М. Лазареву, остроной шуткой отвѣчалъ, что онъ по тому, приходя къ Его Превосдительству, у него запасаетя пищей, у Графа Мусина-Пушкина— ономъ, у Г.-М. Тучкова пьетъ арало, а у Правителя, Г. Коваленаго, стоитъ и молчитъ, и наконецъ что за лучшее онъ избираетъ ъ всего удалиться.

Сардарь Князь Орбеліановъ на сіе сказалъ, что онъ и весьма томъ увѣренъ, что Г.-М. Лазаревъ, отдавая ихъ услугамъ всегдашнюю справедливость, неоднократно оныя представлялъ Главнокомандующему, но что, какъ они имѣли при немъ злодѣя, то и таются до сихъ поръ въ забвеніи и въ неизвѣстности у Государя.

Князь Орбеліановъ и Тархановъ единогласно послѣ сего сказали, что Генералу безъ нихъ и обойтись никогда не можно, о мъ они весьма извѣстны, что чрезъ два мѣсяца то случится, что Генералъ долженъ самъ предвидѣть, по бумагамъ ихъ на дняхъ полученнымъ, и по нѣкоторымъ внутреннимъ бстоятельствамъ.

NB. Взявъ на замѣчаніе сіи послѣднія слова, дозволю я себѣ дѣлать нѣкоторыя заключенія.

Если обратиться къ тому времени, когда, по открытіи Правительства въ нынѣшнемъ году, пронырствомъ Царицы Даріи, Правитель настаивалъ у Главнокомандующаго о повелѣніи, чтобъ обирать тогда же съ купечества, въ Тифлисѣ торгующаго, махту ли подать, которая собиралась при Царяхъ, и отъ которой оное было уволено при Царѣ Иракліи, съ того времени, какъ Ага-Магометъ-Ханъ разорилъ сей городъ, а по смерти его и при Царѣ Георгіи, и вспомнить о волненіи, происшедшемъ въ купечествѣ отъ такого повелѣнія, отъ Главнокомандующаго происшедшаго; а при томъ, если токмо взять въ замѣчаніе тайныя конференціи Правителя у себя въ кабинетѣ съ Царицей Даріей, по нынѣ продолжающіяся, о содержаніи коихъ никто не извѣстенъ, то я позволяю

себѣ мыслить, что нынѣшніе поступки Правителя, то есть, тайны его конференціи, какъ выше изъяснено, съ Князьями: Сардаремъ Орбеліановымъ. Тархановымъ, Макаевымъ и Аргутинскимъ, о раздѣленіи Грузіи на части, для введенія новаго Правленія, о новыхъ налогахъ сбора хлѣба и опредѣленіи Моуравомъ къ Татарамъ Шамшадильскимъ Князя Тарханова, не иное что суть, какъ дѣйствія или слѣпо, или за интересъ, производимыя по внушенію Царицы Даріи, которая, употребляя самаго Правителя на рожденіе въ народѣ неудовольствія, съ помощью Царевича Александра, съ коимъ, какъ извѣстно, она переписывается, по видимому, затѣваетъ паки волненіе, но гораздо сильнѣйшее того, которое было возникло въ Іюлѣ мѣсяцѣ. И, какъ кажется, весь планъ онаго состоитъ въ томъ, что коль скоро начнется въ дѣйство производиться сборъ хлѣба съ новаго года, то народъ, не будучи въ состояніи дать требуемаго, съ помощью огня, который тайно повсюду будетъ раздуваемъ Царицей, принужденъ будетъ рѣшиться на что либо послѣднее, а въ самое то мгновеніе, когда повсюду неудовольствіе возродится, Царевичъ Александръ подоспѣетъ съ многочисленной толпой Лезгинцевъ. Съ помощію Кахетинцевъ и Кизихцевъ, весьма не терпящихъ Земское Начальство, Правителя по родству и разнымъ связямъ преданное, можно ожидать измѣни столь сильнаго, что едва ли и потушить оное будетъ возможность.

15-го числа былъ у Г.-М. Лазарева Ганжинскій посланецъ Гургинъ-Бекъ, имѣвшій при письмѣ отъ Хана и словесное препорученіе, что Ханъ, желая всегда одинаково продолжать дружественныя связи съ Грузіей, съ удивленіемъ видитъ, что войска Россійскія заняли область Шамшадильскую, которую Ханъ почитаетъ себѣ принадлежащей; что прошедшей весной войска Россійскія, хотя также было заняли область сію, но что, когда Ханъ о неприличности того представлялъ Главнокомандующему, то что не токмо войска оттуда были выведены, но что Главнокомандующій обѣщалъ о правахъ Хана на область Шамшадильскую донесть Его Императорскому Величеству; что для Хана тѣмъ удивительнѣй кажется, что нынѣ войска Россійскія не токмо онуя паки заняли, но даже и собираютъ хлѣбные налоги въ доходы Грузіи, которыя, по праву, должны принадлежать Хану; и наконецъ, что таковой поступокъ Россіянъ можетъ имѣть дурныя слѣдствія для нихъ самихъ, сказавъ при томъ, что и «овца лягнетъ, когда оную изловятъ въ стадѣ для убіенія.»

Г.-М. Лазаревъ отвѣчалъ посланцу, что онъ, съ своей сто-
ны, пребываетъ непоколебимъ въ желаніи сохранять дружество
Ханомъ, если токмо Ханъ не подастъ самъ повода къ разрыву
аго перемѣной поступковъ своихъ, доброму и спокойному со-
ду свойственныхъ, въ какіе либо предосудительные. А что ка-
ается до области Шамшадильской, то, руководствуясь Высочай-
имъ Государя Императора повелѣніемъ о сохраненіи предѣловъ
рузіи въ томъ положеніи, какъ оные были при послѣднемъ ча-
жизни послѣдняго Царя Георгія, и зная достовѣрно, что об-
ість сія въ то время Грузіи принадлежала, съ самой кончины
аря онъ ее признаетъ областью Россійскаго Государя Импера-
ора, какъ и всю Грузію.

Что прошедшей весной войска Россійскія отнюдь не по то-
у изъ Шамшадилей выведены, чтобъ область сію Главноко-
андующій признавалъ Ганжѣ принадлежащей, но единственно
причинѣ жаровъ, дабы не утомить напрасно въ оныхъ вой-
ка, которыя нынѣ, по миновеніи оныхъ, паки туда вступили, какъ
прочіе отряды, по границамъ расположенные.

Что о сборѣ съ Шамшадильскихъ жителей хлѣбной подати
ожетъ посланецъ объясниться съ Правителемъ Грузіи.

Что же касается до слѣдствій, которыя могутъ, яко бы, по-
ерпѣть Россіяне отъ того, что, по мнѣнію Хана, они занимаютъ
е принадлежащую имъ область, и до того, что овцы лягаютъ-
я. Г.-М. Лазаревъ сказалъ посланцу, что храброе войско Россій-
кое ни отъ кого еще устрашено не было; что оно въ Грузіи
есьма достаточно, чтобъ искоренить всякаго врага, который бы
смѣлился покуситься на что либо, общему спокойствію про-
ивное; кто же будетъ лягаться, то чтобъ берегъ голову.

17-го сообщилъ намъ конфидентъ, что Царица Дарія на
ихъ дняхъ получила письмо отъ Царевича Александра такого
одержанія, что онъ собираетъ войско, для возвращенія Царства
рузинскаго паки въ родъ Царя Ираклія, и что если, паче чая-
ія, имъ въ томъ не удастся, то чтобъ Царица запамятовала, что
Царя Ираклія и у нея былъ сынъ, Царевичъ Александръ.

Того же утра Коллежскій Ассесоръ Яковлевъ мнѣ донесъ, что
ѣйствующіе единомысленно съ Лжепатіярхомъ Давыдомъ къ по-
ибели Патріярха Даніила, жительствующіе въ Тифлисѣ, Князь Соло-
онъ Аргутинскій, Уѣздный Казначей Армянинъ Бегтабеговъ, и по-
ощникъ Моуравскій при Казахскихъ Татарахъ, Мирабовъ, заключили

между собой въ тайнѣ отправить къ Лжепатріярху мнѣніе свое въ томъ, Что, какъ по поводу происшествія, съ Архимандритомъ его Карапетомъ на сихъ дняхъ случившагося (у коего перехвачены здѣшнимъ Правительствомъ, по просьбѣ Викарнаго Архіепископа, Іоанна, для управленія Епархіей здѣсь отъ Даніила находящагося, возмутительныя бумаги отъ Давыда), не предвидится ими возможности къ отправленію отсюда въ С.-Петербургъ къ Высочайшему Двору его бумагъ съ предположенными доказательствами о добровольности Патріярха Даніила яко бы принести раскаяніе предъ Лжепатріярхомъ, и о проектируемомъ ими избраніи, яко бы народномъ, въ Патріярхи Давыда, то чтобъ онъ употребилъ другое къ тому средство, ими предлагаемое: чтобъ отправилъ ложные сіи документы съ нарочнымъ чрезъ Баку, по Каспійскому морю, въ Астрахань, къ Директору Тамошней таможни, Ассесору Иванову, коего они хотѣли о томъ предварить увѣдомленіемъ, чтобъ онъ, по полученіи оныхъ, переслалъ ихъ немедленно въ С.-Петербургъ, къ Армянскому Архіепископу Григорію, для представленія Министру.

Смотри донесеніе отъ 17 Декабря.

Того же вечера нашъ конфидентъ намъ донесъ, что бывшій здѣсь посланецъ Ганжинскій, Гургинъ-Бекъ, отъ имени своего Хана предлагалъ Правителю половину добычи, нынѣшней весной пограбленнаго Ганжинскаго каравана съ Шамшадильскимъ Султаномъ Наж-Бекомъ, если онъ постарается другую возвратить Хану; что съ отвѣтомъ на сіе предложеніе отправленъ отъ Правителя къ Хану дворянинъ Патраловъ, на подобныя порученія употребляемый во всѣхъ случаяхъ.

19-го посѣтилъ насъ первѣйшій Агаларъ Казахскихъ Татаръ, пріѣхавшій въ Тифлисъ по дѣламъ, до Правительства относящихся.

Въ разговорахъ своихъ они обращались къ Г.-М. Лазареву съ негодованіемъ на бывшаго Главнокомандующаго въ томъ, что онъ не уважилъ просьбъ, ими изъявленныхъ при учиненіи присяги, отзываясь, что они о томъ паки будутъ представлять новому Главнокомандующему, и что его, Г.-М. Лазарева, поставятъ своимъ свидѣтелемъ.

Съ симъ Агаларомъ я имѣлъ послѣ секретный разговоръ

лая почерпнуть отъ него свѣдѣнія, какая причина ихъ побуж-етъ быть недовольными и чего бы они желали.

Онъ мнѣ говорилъ, что они, Татары, народъ кочующій, и лали бы, чтобъ имъ дарованы были прежнія права и преиму-ества, то есть, чтобъ у нихъ на всегда оставался главой Князь вчавадзевъ; чтобъ войска къ нимъ на квартиры не были помѣ-емы, по тому что они, будучи Магометане, и твердо Вѣру свою блюдая, не могутъ въ томъ согласоваться, чтобъ имѣть столь сное сообщеніе съ Христіянами, и что они о томъ докладывали авнокомандующему, но что онъ ихъ просьбамъ не внималъ.

Что онъ, Папа-Ага, лично за себя отвѣтствуетъ въ твер-мъ храненіи присяги, имъ въ вѣрности Государю Императору иненной, но не отвѣтствуетъ за народъ, могущій, при малѣй-емъ неудовольствіи, обратиться къ единовѣрнымъ сосѣдствен-мъ народамъ и предпринять что либо худшее; что они, же-я повиноваться одному Князю Чавчавадзеву, просили объ уда-ніи отъ нихъ помощника Мирабова, что также не исполнено.

Что Татары Шамшадильскіе, привыкшіе повиноваться одно-у и тому же, который управлялъ Казахскими, не терпятъ нова-у себя Моурава, Правителемъ къ нимъ опредѣленнаго, Князя ломона Тарханова, по тому еще болѣе, что они весьма хорошо ають, что таковое опредѣленіе сдѣлано безъ всякаго размышле-я о пользахъ Государя и народа, но единственно по враждѣ равителя и дома Орбеліанова съ домомъ Князя Чавчавадзева.

И что по тому Татары, все сіе почитая угнетеніемъ, безъ ричины имъ дѣлаемымъ, могутъ отклониться отъ повиновенія и дѣлаться нарушителями присяги, ими учиненной.

Лаская Папа-Агу, я ему совѣтовалъ, по вліянію, которое онъ адъ всѣми Татарами имѣетъ, ихъ удерживать въ повиновеніи, и, о прибытіи сюда новаго Главнокомандующаго, ему о всѣхъ об-тоятельствахъ и нуждахъ своихъ донесть.

Въ тотъ же день получено Г.-М. Лазаревымъ офиціяльное из-Ѣстіе, что, прогнанный изъ Ахалциха, Шерифъ-Паша, прибѣгалъ одъ защиту къ Баязетскому Пашѣ, который, однако же, по си-Ѣ Султанскаго фирмана, его не принялъ, но, наградивъ 15-ю ки-ами денегъ, отправилъ его къ Хану Ериванскому, обѣщавъ хо-атайствовать въ Константинополѣ о его возстановленіи въ Па-инское достоинство въ Ахалцихѣ, и, если въ томъ успѣха имѣть

не будетъ, то будущей весной обѣщалъ самъ, съ помощью Куртовъ, Лезгинъ и Царя Имеретинскаго его возстановить.

20-го получено Г.-М. Лазаревымъ офиціяльное извѣстіе о собраніи Царевичемъ Александромъ войскъ Ганжинскихъ, Шемахинскихъ, Нухинскихъ и Лезгинскихъ, для впаденія съ оными въ Кизицкую провинцію и на крѣпость Сигнахскую.

Пріѣхавшій сегодня отъ Карскаго Паши человѣкъ привезъ къ Г.-М. Лазареву отъ него письмо, коимъ Паша, увѣдомляя о намѣреніи Хана Ериванскаго и Нахичеванскаго, Калъ-Балы-Хана, силой оружія возстановить въ Ахалцихѣ Шерифъ-Пашу, по фирманамъ, у него и у прочихъ сосѣдственныхъ Пашей имѣющимся на истребленіе Шерифъ-Паши, просилъ Г.-М. Лазарева, чтобъ Россійскія войска, въ Бомбакахъ стоящія, сдѣлали движеніе къ Карсу, для воспрепятсвованія Ериванскихъ толпамъ намѣреніе, ими предпринятое въ дѣйство произвесть.

21-го присланы отъ Подполковника Симоновича къ Г.-М. Лазареву три шпіона Царевича Александра, на границѣ схваченные, съ письмами, у нихъ имѣвшимися; при рапортахъ, что возвратившійся изъ Имеретіи, посыланный туда Княземъ Георгіемъ Амилахваровымъ, Дирбскій Моуравъ Максимъ привезъ извѣстіе, что Царь Имеретинскій столь стѣснилъ Дадіана, что сей принужденъ былъ искать убѣжища въ предѣлахъ Поти и Аджара, и что владѣнія его всѣ покорены Царемъ.

Что Царь заключилъ союзъ съ владѣльцами Гуріельскимъ, Абхазинскимъ, Суанетскимъ и Лезгинцами, для возстановленія, при первомъ удобномъ случаѣ, Шерифъ-Паши въ Ахалцихѣ, который союзъ они утвердили взаимной присягой.

Что тому съ мѣсяцъ назадъ Царь Имеретинскій получилъ изъ Кахетіи письмо, которое, будучи завернуто въ патронницу сверху крѣпко замазанной, провезено къ нему въ небольшомъ тулукѣ, виномъ наполненномъ; что содержаніе письма было:

Что коль скоро возстановленъ будетъ Шерифъ-Паша въ Ахалцихѣ, то чтобы сдѣлать на Русскихъ въ Грузіи всеобщее нападеніе, и именно Шерифъ-Пашѣ чрезъ Хеобу на Сурамъ, Царю Имеретинскому, со вспомогательными войсками, вступить въ верхнюю Карталинію, Царевичамъ Юлону и Парнаозу, съ таковыми же войсками изъ Рачи, чрезъ Осетинцевъ пробираться въ Карталинію же, Лезгинцамъ изъ Дагестана на Кахетію, а Царевичу Александру, съ войсками Адербижанскими, на Тифлисъ, обывши

къ же Грузинскимъ въ назначенный день повсюду напасть на
сскихъ.

Что о Царевичѣ Константинѣ разнеслись ложные слухи, яко
онъ былъ отравленъ, но что онъ по прежнему содержится
крѣпости и здравствуетъ.

Того же вечера Царевичъ Давыдъ, меня посѣтившій, сказы-
ъ мнѣ о подтверждающихся слухахъ, что хоть Царь былъ от-
женъ Дадіаномъ и ретировался въ границы свои, расположив-
свое войско на Цхенисъ-Цхали (рѣчка, разграничивающая
еретію съ Дадіановой областью Одиши), но что Царь нынѣ возъ-
ѣлъ паки верхъ надъ Дадіаномъ, вытѣснивъ его изъ Лечхума
Одиши; что причиной тому раздоръ, происшедшій у Владѣльца
діана съ тремя братьями, отъ него отклонившимися и къ Царю
едавшимися. Что по поводу сего раздора и Абхазинскій Владѣ-
цъ, Келешъ-Бекъ, вознамѣрившійся Дадіану вспомоществовать
идѣвши перевѣсъ на сторонѣ Царя, отступилъ въ свои вла-
нія.

По разсмотрѣнію же писемъ, у шпіоновъ схваченныхъ,
авнѣйшія были: одно отъ изгнаннаго изъ Ахалциха, Ше-
ифъ-Паши къ Царевичу Давыду, коимъ онъ его увѣдомлялъ,
о онъ исправно получилъ его двухъ курьеровъ съ бумагами, для
правленія оныхъ къ своему Государю, но что того исполнить
нѣ не можетъ, по случаю зимняго времени. Другое, отъ Царе-
ча Парнаоза къ Царевичу Александру съ изъявленіемъ, что по-
анному поручено многое ему изустно донесть. Сей посланный,
рузинскій дворянинъ Джара-Швили, одинъ изъ шпіоновъ, въ до-
осѣ, ему сдѣланномъ, признался, что Царевичи, Юлонъ и Пар-
озъ, ему поручили словесно донесть Царевичу Александру:
тобъ онъ всѣми силами старался о возстановленіи отече-
ва и Дома своего; что они о томъ, съ своей стороны, прила-
ютъ возможныя старанія; что Юлонъ и Парнаозъ вскорѣ намѣ-
ены ѣхать въ Рачу, и оттуда писать къ Черкесамъ (владѣль-
мъ большой Кабарды), чтобъ они имъ также вспомощество-
ли.

22-го сего утра мнѣ донесено, что Князь Георгій Амилахва-
овъ, Совѣтникъ Уголовной Палаты, откомандированный Прави-
емъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, въ Карталинію, по востребовавшей-
я въ немъ надобности для охраненія кордона, имѣлъ яко бы отъ
равителя особое порученіе, состоявшее въ томъ, чтобъ, собравъ

Карталинскихъ Князей, ихъ убѣдить къ подписанію даннаго ему отъ Правителя листа, въ которомъ изъявлялось, что общество дворянства Кахетинскаго избираетъ ходатаями во всѣхъ своихъ дѣлахъ у Правительства Князей Сардаря Орбеліанова, Тархана и Сулхана Туманова.

Что Князь Амилахваровъ о томъ обществу дѣлалъ предложенія и съ угрозами, и что, возвратившись оттуда на сихъ дняхъ, привезъ листъ, подписанный токмо четырьмя неизвѣстными особами. Что Правитель намѣренъ дополнить оныя здѣсь, въ Тифлисѣ.

23-го, съ нарочно присланныхъ изъ Георгіевска курьеромъ къ Г.-М. Лазареву, получены предписанія отъ Главнокомандующаго:

1-е, что онъ получилъ извѣстіе отъ Табасаранскаго и Аварскаго Владѣльцевъ; отъ перваго, что Сардарь Баба-Хана, Пиръ Кули-Ханъ, Карадацкаго Ата-Хана изгналъ изъ владѣнія, который и удалился въ Талышинскую область и что Пиръ-Кули-Ханъ намѣревается имѣть пребываніе свое на рѣкѣ Курѣ; а отъ втораго, что, по повелѣнію Баба-Хана, войска Персидскія возвратились къ Тегерану, и только малая часть осталась въ Адербижанѣ; что онъ, Аварскій Ахметъ-Ханъ, на вѣрное увѣдомился, что съ Грузинскимъ Царевичемъ Александромъ условились къ нападенію на Россійскія войска въ Грузіи жители Курельскіе, Карскіе, Шилыскіе, Кизицкіе, обыватели Телавскіе, также и Джарскіе Лезгины.

2-е. Чтобъ Г.-М. Лазаревъ отнесся къ Хану Ериванскому, что, какъ за достовѣрное уже извѣстно о неблаговидномъ происшествіи съ Патріархомъ Армянскаго народа, Даніиломъ, предавшимъ врагу своему, Давыду, и какъ таковое послѣдовало въ дѣлахъ его, Хана, то что за жизнь и за всѣ оскорбленія, отъ Патріарха наносимыя, долженъ будетъ дать отвѣтъ онъ, Ханъ, не одинъ словесный, или письменный, но неминуемо подвергнетъ себя справедливѣйшему гнѣву Его Императорскаго Величества, что, восчувствуя тягость онаго, будетъ раскаяваться. Во исполненіе чего Г-М. Лазаревъ, 24 Декабря, и отправилъ къ Хану, съ письмомъ своимъ, Князя Тамаза Орбеліанова.

Письмо въ донесеніи отъ 24 Декабря.

3. Чтобъ Г-М. Лазаревъ отправилъ непремѣнно въ Кутаисъ Медицинскаго чиновника, для пользованія Царевича Константина, если будутъ подтверждаться извѣстія о данномъ ему въ пищѣ ядѣ

Сего же дня получены Г-М. Лазаревымъ рапорты отъ Подполковника Соленіуса слѣдующаго содержанія:

1. Что исправляющій въ Сигнахскомъ Уѣздѣ должность Капитанъ-Исправника, Поручикъ Соколовскій, угрожаетъ разными ловами жителей селенія Бадбельсхеви, Іосифа и Датія Зурабовыхъ, что по чему они ходятъ на ту сторону рѣки Алазани въ езгинскія селенія для узнанія о намѣреніяхъ Цэревича Александ и хищныхъ Лезгинъ и о всемъ, тамъ происходящемъ, извѣщать его, Подполковника, а не его, Исправника, говоря, что, по чечрезъ его подчиненныхъ будутъ другія получать свѣдѣнія; за о также стращаетъ жителей налогами безпомѣрнаго сбора хлѣ, и нр. Жители же, боясь угрозъ, по многимъ призывамъ его, Подполковника, къ нему не идутъ, отговариваясь домашнимъ ломъ, и что по тому ему посылать не кого для развѣдыванія о женіяхъ, или намѣреніяхъ непріятельскихъ въ столь критическихъ нынѣ обстоятельствахъ. Что помянутые Зурабовы, не отказываясь отъ оказанія услугъ своихъ, однако же не идутъ для звѣдываній, а другіе жители вовсе не идутъ; и что по тому къ казанію Г.-М. Лазареву заграничныхъ извѣстій онъ уже болѣе находитъ способа, въ разсужденіи того, что какъ Зурабовы, къ и еще два Армянина, сообщали ему таковыя единственно изъ ердія, а не за плату, на произведеніе каковой лазутчикамъ онъ, дполковникъ, и суммы не имѣетъ. Что первые застращены справникомъ, а послѣдніе Армяне отправлены отъ Сигнахскаго менданта, Маіора Ольховскаго, съ его трехнедѣльными билеми въ Белоканы, а оттуда до нынѣ еще они не возвращаются. о они проѣхали черезъ кордонъ облыжнымъ образомъ, сказавъ раульнымъ, что билеты у нихъ имѣющіеся яко бы подписаны ъ, Г. Подполковникомъ Соленіусомъ; что онъ, Подполковникъ, я неоднократно подтверждалъ Юзъ-Башамъ за караулами, жиями содержимыми, имѣть строгое смотрѣніе, но что они на то зываются нехотѣніемъ, представляя причиной то, что имъ обѣно было отъ Главнокомандующаго за труды жалованье, котого они не получаютъ. Во второмъ рапортѣ Г. Соленіусъ доноитъ, что какъ онъ въ первомъ своемъ рапортѣ упоминалъ объ правленныхъ въ Белоканы двухъ Армянахъ съ 3-хнедѣльными летами Сигнахскаго Коменданта, съ подтвержденіемъ отъ него, объ они къ нему, Подполковнику, не осмѣлились являться, и, же въ противность того поступятъ, то подвергнутся жестокому

наказанію; что одинъ изъ сихъ Армянъ застращанныхъ, прислалъ къ нему, Г. Подполковнику, письмо, съ объявленіемъ въ ономъ, что въ Джарахъ и Белоканахъ сдѣланъ уже закликъ для собранія 10,000 Лезгинскаго войска, съ коими, и съ подкрѣпленіемъ еще изъ Дагестана, Царевичъ Александръ намѣревается учинить нападеніе на Кизицкую область и на крѣпость Сигнахскую, но что не извѣстно токмо опредѣлительно времени, когда нападеніе располагаетъ.

Что они, два Армянина, пришли бы сами къ нему, Подполковнику, съ сими извѣстіями, но опасаются чтобъ Комендантъ не исполнилъ своего обѣщанія, наградить ихъ 1000 ударами палочными.

24-го Армянскій Архіепископъ Іоаннъ мнѣ вручилъ бумагу, имъ полученную отъ Патріарха Данііла, въ которой подробно объяснены всѣ насилія, ему и всему духовенству въ Ечміадзинѣ Давыдомъ сдѣланныя, къ вынужденію подписокъ отъ него, Патріарха, что яко бы онъ добровольно уступаетъ Патріаршество Давыду, а отъ Духовенства, что якобы оное Давыда въ Патріархи избираетъ; что вскорѣ подписки сіи пришлются въ Тифлисъ, для присовокупленія къ онымъ тѣхъ, которыя въ семъ городѣ будутъ собираемы единомышленниками Давыда.

Того же дня Г.-М. Тучковъ рапортомъ Г.-М. Лазареву донесъ что взятый еще весной Грузинецъ подъ деревнею Хударети выкупленъ изъ плѣна Селимъ-Агой-Химшія-Швили изъ Ахалциха Шерифъ-Пашу вытѣснившимъ, и присланъ къ Подполковнику Симоновичу съ весьма дружескимъ письмомъ, съ увѣреніями, что онъ всѣ силы будетъ употреблять къ невпущенію Лезгинъ въ предѣлы Ахалцихскіе и къ ихъ истребленію. При семъ же рапортѣ представлены два письма, отобранныя отъ 3-хъ нашимовъ, отъ Симоновича къ Г.-М. Лазареву присланныхъ сего мѣсяца: одно отъ зятя Царскаго, Князя Малхаза Андроникова къ Царевичу Александру, коимъ его поздравляя съ благополучнымъ прибытіемъ въ Ганжу и съ ласковымъ пріемомъ, Ханомъ ему сдѣланнымъ, увѣдомляетъ объ успѣхахъ Царя Имеретинскаго надъ Дадіаномъ. А другое изъ Ахалциха къ дворянину Грузинскому, Глахѣ Цимахурадзе, съ подтвержденіемъ плана о нападеніи на Грузію со всѣхъ сторонъ.

26-го, посѣтившій меня Католицкій Патеръ Филиппъ между прочимъ мнѣ сообщилъ за достовѣрное извѣстіе, что Селимъ-Ага-

Симшія Швили, изъ Ахалциха выгнавшій Шерифъ-Пашу, Вла-
ѣтель Аджарскій Селимъ-Ага-Хипіани, Владѣтель Гуріельскій, и
бхазинскій Келешъ-Бекъ, заключили общій союзъ съ Владѣ-
ельнымъ Княземъ Дадіаномъ сдѣлать нападеніе на Царя Имере-
инскаго, какъ для отторженія его отъ Дадіана, такъ и для от-
щенія ему за убіеніе Ахалцихскаго Сабудъ-Паши.

Сего же числа Г.-М. Лазаревъ получилъ отъ Г.-М. Гулякова
ъ Телава рапортъ, что пріѣхавшіе 19-го числа изъ Белоканъ
игнахскіе и Чалубанскіе Армяне привезли извѣстіе, что Лез-
инскіе Старшины, по согласію съ Царевичемъ Александромъ, уже
ѣлали закликъ въ Джарахъ и Белоконахъ, дабы вооруженіе изъ
ыхъ собиралось для слѣдованія съ Царевичемъ къ нападенію
і Кизицкую область и на Сигнахскую крѣпость, которое уже
ысячъ до 7-ми и собралось. Другой же Армянинъ, 20-го числа
іѣхавшій изъ Белоканъ, донесъ, что Царевичъ Александръ,
помянутою 7-ми тысячною толпой, намѣревается ити на се-
нія Гавазы, Кварели и прочія окрестныя, для разоренія оныхъ
основанія. Также, что нѣкоторый Священникъ Іосифъ, селе-
і Гавазы, донесъ, что бѣжавшій прежде сего изъ отечества
Царевичу Александру Князь Вачнадзе Бебуровъ, съ 4-мя
варищами, подъѣзжалъ тайно къ селенію Гавазамъ, для уго-
ра жителей онаго къ содѣйствію въ предпріятіяхъ помянутаго
аревича, которые яко бы на то согласились. Что сей Князь
ъ увѣрялъ, что Царевичъ непремѣнно 23-го, или 24-го, числа
го мѣсяца прибудетъ съ Лезгинцами на поле Горисцвели, и
онаго, съ небольшимъ конвоемъ, приближится къ одной мель-
цѣ, близъ Гавазъ находящейся, у которой жители сего селе-
і обѣщали его встрѣтить. Когда же все Лезгинское войско со-
ется, то что тогда Царевичъ Александръ пришлетъ къ началь-
камъ войскъ Россійскихъ сказать, чтобъ изъ селеній отступали;
де же они тому не повинуются, то тогда уже на нихъ напа-
ть, въ чемъ жители обѣщали всѣ ему помогать.

Еще же Князь Бебуровъ съ товарищами жителей увѣрялъ,
Царевичъ Александръ съ умысломъ распущаетъ слухи о на-
деніи своемъ на Кизицкую область и крѣпость Сигнахскую, да-
привлечь войска Россійскія къ симъ мѣстамъ и отвлечь отъ
вазъ, Карели и прочихъ, куда онъ стремится сильное учи-
ть нападеніе. А что, если бы 23 и 24-го числа какія либо об-
ятельства ему воспрепятствовали намѣреніе свое произвести въ

дѣйство, то чтобъ тогда жители Гавазъ, Кварели и прочихъ окрестныхъ селеній выходили къ Царевичу на встрѣчу на помянутое Горисцвельское поле, для полученія отъ него повелѣнія, что жители также обѣщались исполнить.

Сего же вечера Г-нъ Г.-М. Лазаревъ мнѣ сообщилъ разговоръ его съ Правителемъ о Ханѣ Ганжинскомъ, который, какъ отзывался Правитель, поведеніе свое нынѣ противъ Россіянъ весьма гордо располагаетъ, разглашая, что онъ не намѣренъ былъ въ пріязненныхъ съ Россіянами сношеніяхъ; ибо, если они намѣреваются его лишить Ханства, то что все для него равно, были ль съ ними снисходительны, или горду. Г.-М. Лазаревъ, не оказавъ ни малѣйшаго къ тому удивленія своего, Правителю отвѣчалъ что ни одинъ Ганжинскій, но и всѣ сопредѣльные давно уже преступили границы гордости противъ Россіянъ.

28-го былъ у меня Тифлискій Хирургъ Татула, принимавшій много участія въ Патріархѣ Даніилѣ, съ коимъ я говорилъ кой о чемъ по сему предмету. Онъ же мнѣ, между прочимъ, сказалъ, что Ханъ Ериванскій призывалъ Даніила, но не извѣстно за чѣмъ.

Что Сардарь Баба-Хана, Пиръ-Кулы-Ханъ, выступилъ для собиранія податей съ Хановъ Адербижанскихъ, и собираніе начинаетъ съ Нухинскаго, наиболѣе приверженности къ Россіянамъ оказывающаго.

Сего вечера, бывши у насъ, Царевичъ Давыдъ, между разговоровъ, изъяснялся съ огорченіемъ на счетъ коварствъ, Правителемъ чинимыхъ, и подписокъ, имъ собираемыхъ. Я любопытствовалъ у него узнать о сихъ подпискахъ, и онъ мнѣ разсказалъ, что составленъ открытый листъ, въ которомъ означено, что Кахетинцы и Карталинцы избираютъ ходатаями по всѣмъ дѣламъ своимъ Князей Сардаря Орбеліана, Соломона Тарханова, Александра Макаева, Георгія Амилахварова, Заала Баратова и Сулхана Туманова; что сіи избранные составили листъ для собранія на оном подписокъ; что дворянство, изъявляя благодарность свою Правителю за доброе имъ управленіе его просить на всегда въ семъ званіи въ Грузіи оставаться. Чрезъ лазутчика же моего я получилъ вчерашній день свѣдѣніе, что листъ сей поднесенъ былъ Княземъ Баратовымъ Царицѣ Дарѣ для приложенія ея печати, но что Ея Высочество отозваться изволила вопросомъ: по ихъ ли желанію въ Грузіи Коваленскій

опредѣленъ Правителемъ? А что на отрицательный отвѣтъ Князя Саратова, она ему сказала, что они напрасно на себя берутъ смѣлость избирать себѣ Начальникомъ, коимъ весь народъ не доволенъ. Что къ избранію онаго есть Высочайшая власть Государя Императора; а что ежели ихъ подписки могутъ заключать въ себѣ важность, то они могутъ обойтись и безъ печати на семъ литѣ фамиліи Царской, нынѣ ничего не значущей.

О Дадіанѣ мнѣ Царевичъ Давыдъ сказывалъ за достовѣрное, то онъ, будучи вытѣсненъ Царемъ, съ помощью 1,500 Лезгинцевъ, изъ Лечхума и Одиши, ретировался въ небольшое селеніе Палодиди на Рионѣ, противъ гавани Поти лежащее.

29-го прибылъ изъ Еривани Дьячокъ Армянскій, посыланный къ Хану съ письмомъ отъ Г.-М. Лазарева въ началѣ сего мѣсяца.

О показаніяхъ его смотри донесеніе отъ 31 Декабря.

ГРУЗІЯ 1803 ГОДА,

или ежедневныя записки извѣстіямъ, до меня до ходящимъ.

Генваря 1-го получилъ Г.-М. Лазаревъ рапортъ отъ Коман дующаго въ Кахетіи кордономъ Г.-М. Гулякова, что хотя Цаpевичъ Александръ и располагался учинить нападеніе, о коемъ часто упомянуто въ Декабрѣ мѣсяцѣ на 23-е число онаго, но что оное отложено до 29-го.

Около полудни прибылъ съ Линіи Кавказской нарочный, привезшій отъ Главнокомандующаго ордера къ Г.-М. Лазареву и Правителю.

Къ Правителю, препроводивъ три Высочайшихъ письма отъ Государя Императора и Императрицы къ Царицѣ Дарѣѣ, содержащія приглашенія ея къ Высочайшему Двору въ С.-Петербургъ, предписалъ всевозможныя употребить средства къ тому, чтобъ Ея Высочество въ три дни собралась къ путешествію; а что касается до распоряженій, которыя бы она восхотѣла сдѣлать о своемъ имѣніи, то оныя могли бы токмо простереться на движимость, а недвижимость чтобъ поступила въ управленіе казенное.

А Г.-М. Лазареву предписывалось, чтобъ онъ, обще съ Правителемъ, приложилъ старанія Царицу выпроводить изъ Тифлиса, и какъ по уваженію, сану ея приличествующему, такъ и для предосторожности, на случай какихъ-либо покушеній со стороны неблагонамѣренныхъ, чтобъ было въ сопровожденіе ея назначено сильное прикрытіе. При семъ же ордерѣ прилагалось письмо къ Царевичу Александру отъ Главнокомандующаго, написанное на письму сего Царевича, Князя Чавчавадзевымъ полученному (о коемъ упоминается въ запискѣ.... Декабря прошлаго года), исполненное увѣреніями, что Его Императорское Величество Всемилостивѣйше ему оказать изволитъ снисхожденіе во всемъ, если онъ разсудитъ въ отечество возвратиться, съ предписаніемъ Г.-М. Лазареву сіе письмо вѣрнымъ способомъ къ нему доставить.

Какъ сей день былъ праздникъ Новаго года, то Г.-М. Лазаревъ ѣздилъ послѣ обѣда съ поздравленіями или визитами къ обамъ фамиліи Царской. Будучи у Царицы Даріи, онъ въ ней замѣтилъ ни малѣйшаго удовольствія отъ полученной Ею Высокомонаршей милости.

Будучи же у Царевича Давыда въ то самое время, когда къ нему принесли Высочайшіе рескрипты, Царицею полученные, для перевода оныхъ по Грузински, нельзя было не замѣтить того, что онъ, читавъ рескриптъ, перетолковывалъ смыслъ онаго въ томъ, что ее силою изъ Грузіи увлекаютъ.

Въ самое то же время посѣтилъ Царевича Правитель, съ которымъ Г.-М. Лазаревъ завелъ разговоръ о полученномъ имъ ордерѣ отъ Главнокомандующаго о поѣздкѣ въ Россію Царицы Даріи, объ общихъ съ нимъ распоряженіяхъ по сему предмету. Правитель, однако же, съ перваго слова сказалъ, что онъ сомнѣется, чтобъ она Высокомонаршей сей милостью воспользовалась. Однимъ словомъ, Правитель не могъ скрыть своего смущенія въ семъ случаѣ, и весьма было примѣтно, что сіе ему не по сердцу.

Г.-М. Лазаревъ, возвратившись домой, послалъ тотчасъ, во исполненіе ордера Главнокомандующаго, предписаніе о военныхъ порядкахъ для конвоеванія Царицы.

Ввечеру сидѣли у насъ Князь Гарсеванъ и Александръ Чавчавадзевы. Къ намъ же пришелъ Протопопъ Грузинскій, Захарій Домоновъ, который, разговаривая съ Княземъ Чавчавадзевымъ спросилъ: «Правда ли, что у Г.-М. Лазарева есть письмо отъ Главнокомандующаго къ Царевичу Александру?» Чавчавадзевъ же томъ съ вопросомъ адресовался ко мнѣ, но я, отдѣлавшись незнаніемъ, его просилъ узнать у Протопопа, откуда ему то извѣстно? Князь Чавчавадзевъ то исполнилъ, и мнѣ сообщилъ, что Домоновъ о томъ слышалъ въ домѣ Царицы Даріи, къ которой извѣстіе таковое дошло отъ Правителя, Г. Коваленскаго, получившаго о томъ увѣдомленіе чрезъ письмо съ Линіи.

Около полуночи пришелъ къ намъ конфидентъ нашъ, Мулла Риверды, сообщавшій намъ предварительныя свѣдѣнія, имъ отъ пріѣхавшаго изъ Еривана посланца, Магмедъ-Али-Бека, изысканныя.

См. мое донесеніе отъ 4-го Генваря.

Генваря 2-го получено мною Армянское письмо изъ Ери-

вани отъ Мелика Абрама, писанное къ Беттабекову въ Тифлисъ, заключавшее много важности и открывавшее тайныя пружины единомышленниковъ Лжепатріярка Давыда.

См. донесеніе мое отъ 4-го Генваря.

Аудіенція въ сей день Ериванскому посланцу, данная Г. М. Лазаревымъ.

См. донесеніе мое отъ 4-го Генваря.

Г. М. Лазаревъ получилъ сообщеніе отъ Правителя, что Царица путешествіе отложить изволила до совершеннаго выздоровленія.

Въ сей же день, при рапортѣ отъ Полковника Симоновича, Г. М. Лазаревъ получилъ 57 возмутительныхъ писемъ, перехваченныхъ у нѣкоего дворянина Абазадзе, отъ Юлона Царевича въ Грузію ѣхавшаго,

4-го сообщенія конфидента нашего Муллы.

См. донесеніе мое отъ 4-го Генваря.

Видѣвшись въ сей день съ Графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, я съ нимъ имѣлъ разсужденіе о способѣ понужденія Царицы Дарій къ скорѣйшему отъѣзду отсюда, и какимъ бы образомъ Царевича Вахтанга съ нею же спровадить. Графъ, между прочимъ мнѣ говорилъ, что онъ по прежнему совѣтовалъ сему Царевичу сопутствовать съ матерью, но что онъ отозвался, что лучше желаетъ быть слугою, но въ отечествѣ, а провожаетъ ея пусть Католикосъ.

5-го. . . . . .

6-го, по утру, пришелъ ко мнѣ Яковлевъ съ донесеніемъ, что находящійся при Царицѣ Даріи, довѣреннѣйшій ея Амилахваръ Іосифъ Гургановъ, приходилъ къ нему для сообщенія и мнѣ донесенія отъ имени Царицы, что 4-го сего мѣсяца Правитель Грузіи, пріѣхавъ къ Ея Высочеству, ее упрашивалъ найубѣдительнѣйше, на колѣнахъ, чтобъ она ему оказала послѣднюю милость, и чтобъ утвердила печатью своей атестатъ въ томъ смыслѣ, что онъ Грузіею управлялъ къ общему всѣхъ удовольствію и благодарности, но что Царица, ни чего ему на то не сказавъ, находится въ недоумѣніи, что ей начать.

---

* Такъ въ подлинникѣ. О. Б.

8-го изъ Шамшадилъ, отъ стоящаго тамъ съ баталіономъ герскаго Подполковника Ляхова, полученъ Г.-М. Лазаревымъ апортъ о происшедшемъ шармицелѣ съ партіею Ганжинскихъ хищниковъ, отъ коей убитъ токио одинъ Казакъ.

Въ партикулярномъ же письмѣ извѣщалъ Ляховъ, что прибывшій туда новый Моуравъ, Князь Тархановъ, повсюду разглашаетъ, что яко бы Князь Гарсеванъ Чавчавадзевъ писалъ къ атарскимъ Агаларамъ, чтобъ они требуемыхъ Правителемъ хлѣбныхъ податей не взносили.

Сегодня дошло до меня свѣдѣніе, что Царица Дарія, при ервой благополучной погодѣ, отъѣдетъ въ Россію, непремѣнно, о что, по случаю сего путешествія, сдѣланъ уже ею планъ, до арства относящійся, а именно: что она съ собою беретъ внука воего, сына Царевича Юлона, а сего предувѣдомила, чтобъ онъ о тѣхъ поръ не возвращался въ отечество, доколѣ она при Высочайшемъ Дворѣ Россійскомъ не исходатайствуетъ возведенія его а Царство и не подастъ ему о томъ свѣдѣнія.

Въ вечеру полученъ Г.-М. Лазаревымъ рапортъ отъ Г.-М. уляков, что хотя Царевичъ Александръ и имѣетъ въ готовности Лезгинскаго войска до 3,000, но что отправилъ въ Дагестанъ съ требованіемъ онаго еще, отложивъ нападеніе на Грузію о нѣкотораго времени.

9-го отъ сего же Г.-М. полученъ рапортъ, что въ Белоказахъ у Старшинъ Лезгинскихъ былъ совѣтъ, на коемъ положено отправить къ Алисканду въ Дагестанъ съ требованіемъ о умноженіи ихъ силъ, и что сіе уже исполнено. Что когда таковое одкрѣпленіе изъ Дагестана прибудетъ, то что съ Лезгинцами соединится и Ханъ Ганжинскій. Хотя Г.-М. Гуляковъ и предваряетъ въ рапортѣ своемъ, что военныя сіи операціи на Грузію начать я долженствуютъ съ окончаніемъ Магометанскаго Байрана, 12-го Генваря, но вѣры къ тому имѣть не можно, по тому что за снѣгами на горахъ, чрезъ весь Февраль мѣсяцъ, не будетъ возможности Лезгинцамъ начать дѣйствія свои, кромѣ хищничествъ малыми партіями, которыя и нынѣ часто случаются. Сей же Г.-М. Гуляковъ въ рапортѣ доносилъ, что Царевичъ Александръ пребываніе свое имѣетъ въ деревнѣ Мугамѣ, неподалеку отъ Джаръ, и что Старшины Лезгинскіе ему отовсюду сносятъ продовольствіе.

До обѣда посѣтилъ я Царицу Дарію, для поздравленія ея Высочества съ Высокомонаршею милостью. Такъ какъ мнѣ было

донесено, по ея приказанію, о просьбѣ Правителя, на колѣнахъ учиненной, то я, въ секретномъ моемъ съ нею разговорѣ, старался того коснуться. Предваривъ ее учтивымъ образомъ, что о томъ до меня достигаютъ слухи, я просилъ Ея Высочество меня удостоить довѣренностью и мнѣ сказать, справедливы ли оные, дабы ея устами я могъ быть выведенъ изъ заблужденія.

Она мнѣ признавалась, что хотя лично ей того Правителя яко бы не предлагалъ, но что, чрезъ своего довѣреннаго, разными способами, старался ее къ тому убѣдить. Что она, однако же, не столь проста, чтобъ вмѣшаться не въ свое дѣло, по тому что она не знаетъ, сообразно ли Высочайшей волѣ онъ управлялъ; знаетъ же то, что едва ли найдется душа въ Грузіи, которая, сохраняя наружность, внутренно не была бы огорчена противъ Правителя, за его злодѣйства; что на сихъ дняхъ Правитель и съ нею поступилъ весьма дурно, пославъ въ деревню, ей принадлежащую на Авлабарѣ, Есауловъ требовать съ оной податей въ казну; что Старшины деревни пришли къ ней (которыхъ тутъ же она мнѣ показала 6 человѣкъ) съ жалобами и съ предвареніемъ, что она, какъ помѣщица, буде прикажетъ подати взносить то они тому повинуются; а при томъ, что, кромѣ податей, Есаулы взимали съ крестьянъ собственно на себя по 2 и 3 абаза. Такъ какъ мнѣ хотѣлось изъ нея извѣдать, скоро ли она изволитъ располагать отправиться въ путь въ Россію, то сію жалобу употребилъ въ пользу, сказавъ Ея Высочеству, что можетъ о такомъ поступкѣ Правительства подать свѣдѣніе Главнокомандующему. Она меня за совѣтъ такой благодарила, и я у Ея Высочества спросилъ: скоро ли она изволитъ выѣхать? Царица мнѣ отвѣчала, что въ теперешнюю погоду и съ нездоровьемъ ея, выѣхать ей нѣтъ возможности, а что при первомъ удобномъ къ тому времени; что хотя на счетъ ея и говорятъ, что она отъ путешествія будто хочетъ отдѣлаться, но что, однако жь, оставляя на волю всякому свое сужденіе, она всегда имѣла твердое желаніе ѣхать въ Россію, но что ей всегда къ тому противоборствовали, а что нынѣ, когда она получила уже Всемилостивѣйшее разрѣшеніе, то оному послѣдуетъ.

По чему я Ея Высочеству, чтобъ скрыть истинную цѣль моего любопытства, отозвался, что еще будетъ лучше, когда она, встрѣтившись съ Главнокомандующимъ въ Моздокѣ, лично о томъ Его Сіятельству изъяснитъ.

При семъ же случаѣ Царица меня, по обыкновенію, лаская и осыпая увѣреніями о своей ко мнѣ матерней привязанности и любви не менѣе, какъ таковыя питаетъ къ любезному своему сыну, Царевичу Вахтангу, мнѣ откровенно сообщила о мысляхъ, съ которыми она въ С.-Петербургъ отправляется, съ примѣчаніемъ, чтобъ сіе осталось между нами.

Что, какъ и мнѣ извѣстно, о бѣдственномъ образѣ жизни, который ведутъ ея сыновья, скитаясь по чужимъ землямъ, то что она, будучи уже при глубокой старости, послѣднее имъ хочетъ оказать матернее попеченіе ходатайствомъ у Престола Монаршаго для нихъ милостей, о устроеніи ихъ жребія, въ томъ видѣ, чтобъ имъ не было дѣлано никакого принужденія, а оставлено бы имъ было на волю оставаться спокойно въ своемъ отечествѣ, съ преимуществами ихъ сана, съ сохраненіемъ при нихъ имуществъ, ро-нителемъ ихъ, Царемъ Ираклiемъ, имъ жалованныхъ, а такъ же, чтобъ отдано было и снисхожденіе каждому изъ нихъ, который бы пожелалъ себя употребить на Высочайшую службу.

10-го Князь Тамазъ Орбеліановъ отнесся къ Г.-М. Лазареву письменнымъ увѣдомленіемъ, что, поелику онъ, узналъ, что свергнутый въ Цареградѣ Армянскій Патріархъ Григорій партіею истиннаго Патріарха Даніила, привезенъ уже въ Карсъ, то онъ, Тамазъ, писалъ къ Пашѣ Карскому, чтобъ онъ его у себя сохранилъ, доколѣ не получитъ отъ начальства Россійскаго объ оном разрѣшенія.

11-го сообщены мнѣ происшествія, въ Тифлисѣ случившіяся.

За Цаваскими воротами есть небольшая Армянская церковь приходская нѣсколькихъ дворовъ, оную облегающихъ и Сардарю, Князю Ивану Орбельянову, принадлежащихъ, въ которой, по случаю праздника Армянскаго Пророка Давыда, на ектеніяхъ читалось поминовеніе Лжепатріарха Давыда, въ присутствіи Архимандрита Карапета. Архіепископъ Іоаннъ, о томъ уznавшій, призвалъ къ себѣ Священника, обѣдню служившаго, для допроса: по чему онъ осмѣлился то учинить: Священникъ же, признаваясь въ своемъ проступкѣ, объявилъ, что предъ самою обѣднею получилъ о томъ личное, строгое приказаніе отъ Сардаря Орбеліянова. По чему Архіепископъ Іоаннъ, избавивъ его отъ наказанія, требовалъ отъ него подписки въ томъ, что впредь отъ подобнаго будетъ удерживаться и безъ вѣдома его, какъ Викарнаго, не осмѣлится поступать такимъ образомъ; чему Священникъ повиновался.

13-го вѣрный нашъ Мулла намъ сообщилъ сего утра слѣдующее:

Что пріѣхавшій въ Тифлисъ, нѣсколько тому дней назадъ дворянинъ Абазадзе отъ Царевича Юлона, привезъ письма къ Царицѣ Даріи, Царевичамъ, Католикосу и Вахтангу, и Персіянину Мирзѣ Араби.

Что къ Царицѣ Даріи, между прочимъ, Юлонъ пишетъ, чтобъ она увѣдомила его о Царевичѣ Александрѣ.

А къ Мирзѣ Араби, чтобъ не оставилъ безъ увѣдомленія о извѣстіяхъ, которыя имѣть будетъ изъ Персіи. Что сей Мирза въ отвѣтѣ своемъ къ Юлону, его предварялъ, что Абазадзе, при обратномъ отсюда его отправленіи, будетъ снабженъ препорученіями по своему предмету словесными, для донесенія ему, Юлону.

Что на сихъ дняхъ пріѣхалъ скрытно человѣкъ отъ Царевича Александра, имѣющій словесныя же приказанія, для донесенія Царицѣ Даріи и Царевичу Вахтангу, что Царевичъ Александръ весьма хорошо принятъ первѣйшими Старшинами Джарскихъ Лезгинцовъ, которые ему дали твердое обѣщаніе, послѣ Магометанскаго Навруза (или Новаго Года, Марта 10-го), учинить сильное впаденіе въ Кизикъ и Кахетію, и что Кизихцы и Казахи такъ же дали слово Царевичу Александру не противоборствовать его намѣреніямъ.

Что есть въ Тифлисѣ два Армянскіе Священника, которые купно съ Бегтабековымъ, будто писали къ кому-то въ Россію, для узнанія о Высочайшемъ подтвержденіи Патріяршества, и что якобы получили въ отвѣтъ, что таковое послѣдовало утвердительною грамотою Давыду, а не Даніилу.

Что о томъ отъ сихъ единомысленниковъ писано къ Хану Ериванскому, и что Правитель, при обратномъ отсюда отправленіи посланца Ериванскаго, Магмедъ-Али-Бека, ему подтвердилъ подобное же для донесенія Хану.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ПОЛЬША и РОССІЯ

ВЪ 1872 ГОДУ.

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Переводъ съ Польскаго.

Иногда не людіе, нынѣ же людіе Божіи.
1 Петр. II, 10.

ПОЛЯКАМЪ

ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО,

КИТЕЛЯМЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЙ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,

ОТЦАМЪ СЕМЕЙСТВЪ,

ОЗАБОЧЕННЫМЪ СУДЬБОЮ ПОДРОСТАЮЩИХЪ ПОКОЛѢНІЙ,

ГРАЖДАНАМЪ,

СКОРБЯЩИМЪ НАДЪ СВОИМЪ БЕЗДѢЙСТВІЕМЪ,

ВЪ ПАМЯТНОМЪ

MDCCCLXXII ГОДУ

СЕЙ ТРУДЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переводъ сочиненія: «Polska i Rossia w 1872 roku,» былъ сдѣланъ тотчасъ по выходѣ его въ свѣтъ и доставленъ въ редакцію одного Московскаго журнала. Здѣсь на него не обратили того вниманія, какого по справедливости оно заслуживаетъ, и безъ участія одного знатока Славянской Исторіи и Литературы, оно, вѣроятно, на всегда осталось бы въ картонахъ редакціи.

Переводъ былъ сдѣланъ къ спѣху; кромѣ этого неблагопріятнаго условія, переводчика очевидно стѣсняли и другія соображенія, заставившія его не гоняться за стилистическою отдѣлкою его труда: онъ видимо заботился о томъ, чтобы, возможно близкою передачею подлинника, отклонить отъ своего труда обвиненіе въ ослабленіи, или искаженіи, смысла положеній сочинителя,— уловка, къ которой недобросовѣстность обыкновенно прибѣгаетъ, чтобы уронить доказательства противниковъ, если не видитъ иной возможности вести споръ съ успѣхомъ.

Творецъ сочиненія: «Польша и Россія,» не выставилъ на немъ своего имени; но Польская журналистика, хорошо знакомая съ закулисными тайнами своей литературы, объявила, будто оно написано Господиномъ Крживицкимъ, бывшимъ членомъ Государственнаго Совѣта въ Царствѣ Польскомъ. Это утвержденіе принято и Русской новременной печатью. Оставляя на ихъ отвѣтственности справедливость такого разоблаченія, мы будемъ, однако жь, пользоваться именемъ Г. Крживицкаго, какъ условнымъ терминомъ, облегчающимъ ссылки на занимающее насъ сочиненіе.

Въ настоящемъ случаѣ важно не имя сочинителя, важна его національность, важны тѣ выводы, къ которымъ пришелъ онъ, выводы, вызвавшіе уже въ Петербургѣ недобросовѣстныя нападки людей, прикрывающихся, по удачному выраженію переводчика, Русскимъ именемъ для того, чтобы съ полною удобностью плевать въ лицо Русскому народу, и въ то же время отъѣдаться на Русскомъ хлѣбѣ.

Сочинитель Полякъ, и чистосердечно ратуетъ за сліяніе Русской народности съ Польскою. Полякъ и чистосердечіе, когда рѣчь идетъ о Россіи! Достаточно вспомнить Гуровскаго, чтобы уви-

дѣть совершенно иную подкладку подъ всѣми увѣщаніями, съ которыми сочинитель обращается къ своимъ соотечественникамъ. Съ перваго взгляда такое предложеніе пріобрѣтаетъ почти достовѣрность, по тому что всѣ доказательства его построены крайне искуственно и держатся на очевидныхъ натяжкахъ и діалектическихъ тонкостяхъ.

Но такъ только кажется; сомнѣваться въ искренности Г. Крживицкаго нельзя: кромѣ сближенія съ Русскими, онъ дѣйствительно не видитъ другого исхода для Поляковъ, и прибѣгаетъ къ натяжкамъ, не по лицемѣрію, а въ слѣдствіе необходимости. Полская интеллигенція, воспитанная Езуитами и литературою, въ которой истина преднамѣренно искажалась, и искажается, для оправданія ничтожнѣйшихъ, или химерическихъ, цѣлей интеллигенція эта съ воплями отвернулась бы отъ сочинителя, если бы онъ сталъ говорить не привычную ея уху чистую правду. Г. Крживицкій самъ Полякъ, и по тому хорошо знающій неестественный складъ воззрѣній своихъ земляковъ, долженъ былъ прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ и уступкамъ, лишь бы быть выслушану, не накликая на себя обычныхъ между ними обвиненій въ измѣнѣ и продажности; но и при такихъ пріемахъ, онъ не избѣжалъ, какъ уже сказано, участи, которая поочередно постигала всѣхъ Польскихъ дѣятелей, старавшихся образумить свое общество.

Эта горькая для сочинителя необходимость прибѣгать ко лжи, чтобы быть выслушану, вынудила издателя оградить примѣчаніями всѣ исторически невѣрныя мѣста его сочиненія. Конечно, можно бы не пестрить ими изложенія и указать на эти ошибки въ предисловіи. Но кому не извѣстно, что большинство читателей предисловій не читаетъ? Кому не извѣстно, какъ мы слабы не только въ исторіи Польши, но и въ исторіи Приднѣпровской Россіи, со времени Татарскаго погрома до возсоединенія ея съ остальною Россіею при Великой Екатеринѣ? При такихъ условіяхъ тѣ ошибки, въ которыя сочинитель сознательно впадаетъ, для болѣе вѣрнаго достиженія своей цѣли, могутъ пойти между нѣкоторыми изъ насъ за неоспоримую истину. Вотъ по чему читатели, которые соблаговолятъ прочесть и предисловіе и изложеніе, встрѣтятся какъ бы съ повтореніями одного и того же. Невѣрности сочиненія Г. Крживицкаго будутъ указаны въ предисловіи, подстрочныя же примѣчанія назначаются собственно для того, чтобы обратить читателя къ предисловію.

Оговорившись, относительно искренности Г. Крживицкаго, просимъ его, или кого бы то ни было, какъ виновника сочиненія: «Польша и Россія,» не считать рѣзкія, даже, можетъ быть, очень рѣзкія, замѣчанія наши направленными непосредственно противъ него: они относятся къ той партіи, которую онъ желаетъ вразумить, притворяясь, какъ мы убѣждены, человѣкомъ, раздѣляющимъ ея заблужденія.

Сочиненіе Г. Крживицкаго начинается ложью. Такъ, говоря о раздѣлѣ Польши, онъ называетъ его «величайшею несправедливостью, причиненною Полякамъ сосѣдними Государствами,» и за тѣмъ прибавляетъ: «Люди высокаго ума и благороднаго сердца въ этихъ Государствахъ всегда признавали, и нынѣ признаютъ, это.» Не ручаемся за своихъ людей возвышеннаго ума и благороднаго сердца, но не думаемъ, чтобы хотя одинъ Нѣмецъ, Австрійскій, или Прусскій, видѣлъ вопіющую несправедливость въ раздѣлѣ Польши. Въ оправданіе его, Нѣмцы укажутъ на постоянную неурядицу въ Польшѣ, слывшей только по имени Государствомъ, неурядицу, вредно отзывавшуюся и на ихъ экономическомъ бытѣ. Нѣмцы скажутъ, что они были вынуждены необходимостью вырвать власть изъ недостойныхъ рукъ, и для блага самой Польши взять на себя управленіе ея дѣлами, чтобы водворить въ этой несчастной странѣ хотя какой либо порядокъ. Что касается Россіи, то ея люди высокаго ума и благороднаго сердца могутъ обвинять себя развѣ въ томъ лишь, что они слишкомъ на долгое время затянули рѣшеніе вопроса, котораго старая Россія не снимала со стола, какъ только оправилась отъ Татарскаго ига. Возвращеніе областей, отторгнутыхъ отъ отечества усобицами удѣльщины и Татарскимъ погромомъ, было завѣтною задачею Московскаго Государства. Пусть Г. Крживицкій припомнитъ, что Россія почти никогда не заключала вѣчнаго мира съ Польшею: война съ нею прерывалась обыкновенно на сроки, правда, довольно продолжительные, но всегда заранѣе опредѣленные. Предки наши понимали цѣлованіе креста на вѣчный миръ съ Польшею не иначе, какъ подъ условіемъ возвращенія отъ нея всѣхъ Русскихъ областей. Но уже съ Ивана Грознаго, съ истребленіемъ Боярства, стали забываться въ Россіи ея историческія цѣли. Съ другой стороны, Приднѣпровское Русское Дворянство перестало сочувствовать строю Московскаго Государства, въ которомъ Самодержавный Царь правилъ народомъ при помощи покорнаго дворянства; ему сталъ милѣе строй Польскій съ безсиль-

нымъ Королемъ и самовластными вельможами, окруженными толпами безчисленной Шляхты, самой своевольной и необузданной. ему была мила эта возмутительная неурядица, поддерживаемая, какъ увидимъ ниже, ловкими руками, какъ орудіе для истребленія его же, этого Придпѣпровскаго Русскаго Дворянства. Петръ Великій, не смотря на свою геніяльность, вовсе упустилъ изъ вида возвращеніе отъ Польши древнихъ Русскихъ областей. Только Великая Екатерина, Нѣмка по происхожденію, но душею Русская, вывела этотъ вопросъ на настоящую дорогу, но, при рѣшеніи его, должна была столкнуться съ неодолимыми препятствіями. Изъ ея собственноручныхъ писемъ мы знаемъ, сколько огорченій вынесла она при этомъ случаѣ, и какъ отблагодарилъ ее Фридрихъ Второй, восшествіемъ ея на престолъ спасенный, вмѣстѣ съ его Королевствомъ, отъ неминуемой погибели. Въ слѣдствіе этого раздѣла, въ которомъ мысль Великой Екатерины была искажена, наша Галицкая Русь и до нынѣ остается въ рукахъ Нѣмцевъ, отдавшихъ ее на растерзаніе Полякамъ, а Русскіе, населяющіе Люблинскую, Седлецкую и Сувалскую Губерніи, живутъ отчасти и теперь еще подъ Польскими законами, и невольно ополячиваются подъ преобладающимъ вліяніемъ Польскаго языка. Какъ мы видимъ, Россія, возвративъ отъ Польши свое исконное достояніе, и при томъ не вполнѣ никакимъ образомъ не можетъ считать себя виновною передъ Польшею, и возгласы Польской Шляхты объ историческомъ возмездіи, повторяемые въ угоду ей и Г. Крживицкимъ, можно понимать не въ смыслѣ отместки за нашу будто бы несправедливость къ Польшѣ, а за неизбѣжное послѣдствіе неправильнаго рѣшенія нами вопроса. Дѣйствительно, навязавъ себѣ на руки нѣсколько милліоновъ настоящихъ Поляковъ и, оставивъ въ чужихъ рукахъ неменьшее число Русскихъ, Россія испытываетъ, и должна испытывать въ будущемъ, всѣ невыгоды такого разрѣшенія вопроса.

Въ слѣдъ за такою ложью идетъ, въ подкрѣпленіе ея, другая, не менѣе первой бросающаяся въ глаза невѣрность. «У насъ было обширное отечество, говоритъ Г. Крживицкій. Ежели бъ мы жили сто лѣтъ тому назадъ, во время его раздѣла, мы обязаны были бы пролить послѣднюю каплю крови для обороны его. Но теперь мы должны преклониться предъ совершившимися событіями и безропотно подчиниться выпавшему намъ жребію.» Едва ли и самъ Г. Крживицкій, когда писалъ эти положенія, не видѣлъ ихъ крайней натянутости. Любовь къ отечеству — великая добродѣтель и святая обязанность для каждаго человѣка, но она перестаетъ

быть и великою и святою, какъ только переносится въ міръ при-
врачный. Слѣдовало бы отложить въ сторону увлеченія партій,
разсмотрѣть эти причины, которыя когда-то доставили Польскому
племени, не очень великому по численности, первенствующее зна-
ченіе между Славянами: слѣдовало бы разсмотрѣть, что сдѣлано
руководящими сословіями Польши для того, чтобы случайное и
временное возвышеніе ея на степень первенствующей державы об-
ратилось въ постоянное и прочное. Борьба между Россіею и Поль-
шею могла бы, по стеченію благопріятныхъ для послѣдней усло-
вій, быть сведена на борьбу за верховенство въ Славянскомъ мірѣ.
Было время, тяжелое для Россіи время, когда судьба отдавала
въ руки Польши весь Славянскій міръ: отъ Адріятическаго моря
до Балтійскаго, и отъ Лабы до Волги, все могло бы подчинить-
ся Польскому скипетру. Но Поляки перенесли борьбу за первен-
ствующее значеніе между Славянскими племенами на другую по-
ву; тѣмъ временемъ Россія, оправившись отъ тяжкихъ испытаній,
предъявила права на исконное свое достояніе, котораго Поляки, не
мѣли связать съ собою даже такъ, какъ Французы связали съ со-
бою Альзасъ, Лотарингію. Случилось то, чему слѣдовало случиться:
Ce qui vient de la flûte, s'en retourne au tambour.» Тогда Польша,
та ворона, ощипанная отъ павлиныхъ перьевъ, составлявшихъ ея
аимствованную красоту и ея силу, начинаетъ роптать на коварт-
тво сосѣдей, и въ то время, когда исторія безвозвратно отбросила
е, за негодностью, вспоминаетъ о выпадавшемъ когда-то на ея до-
ю назначеніи, перечисляетъ тѣ блага, которыя, будто бы, изли-
ись бы на другія Славянскія племена, если бы она, какимъ ли-
о чудомъ, возвратила свою независимость. «Что выиграли бы Че-
и, Моравцы, Силезцы, говоритъ представители ея увлеченій, если
ы Польша была независима!» Но мы уже видѣли, какъ она
тнеслась къ своему историческому назначенію, и по прошлому
ожемъ довольно вѣрно судить о будущемъ. И Чехи, и Силезцы,
Моравцы, и Полабскіе Сербы, поочередно подпадали подъ власть
Нѣмцевъ, и гибель ихъ ни сколько не возмущала руководящія
ословія, буянившія въ обширной и независимой Польшѣ. И вотъ
еперь, когда, за свои тяжкія вины и промахи, она сведена на подо-
ающую ей степень ничтожества, когда она возвращена къ тѣмъ
ервобытнымъ временамъ ея исторіи, въ которыя она изнемогала

Niemcewicz: «Czy Polacy mogą się wybić na neipodległość?»

отъ ударовъ, наносимыхъ ей завоевательными стремленіями Нѣмцевъ: * когда исторія передала судьбу Славянскаго міра въ другія, болѣе чуткія и преданныя руки, руководящія сословія ея предъявляютъ химерическія притязанія и даютъ имъ названіе несокрушимой вѣрности историческимъ преданіямъ своей страны. «Отечество! Отечество! обширное и великое Отечество, въ предѣлахъ, оставленныхъ намъ Ягайломъ и его великими преемниками! Но то, что при Ягайлѣ и въ послѣдствіи, случайно принадлежало Польшѣ, — не Польша, а Русь: само оно пришло къ ней, само и ушло отъ нея, по ея неспособности. Возгласы эти, притязанія эти, не то ли же самое, что возгласы Мадьяровъ, которые понимаютъ величіе своего отечества не иначе, какъ подъ возможностью угнетать Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ и нашихъ Русскихъ, когда-то отторгнутыхъ отъ общаго отечества? И что это за Польское отечество съ лицомъ и изнанкою? Сто лѣтъ тому назадъ за него слѣдовало умирать; теперь же такихъ жертвъ оно не стоитъ, и все дѣло должно окончиться конторскимъ расчетомъ, куда выгоднѣе пойти: въ Нѣмцы ли, въ Марьяры ли, или въ Русскіе? Не такъ понимаютъ любовь къ отечеству остальные люди: съ врагами и губителями его они не пойдутъ на сдѣлку: они поведутъ борьбу до послѣднихъ предѣловъ, и, если судьба не благословитъ ихъ усилій, погибнутъ, какъ подобаетъ погибнуть каждому честному человѣку, но не подчинятся насильникамъ, съ которыми могутъ мириться только люди, не чувствующіе подъ ногами почвы.

Дѣйствительно, этой почвы нѣтъ подъ ногами Польскаго передоваго сословія. Напрасно Г. Крживицкій, за одно съ нимъ, говоритъ о народѣ Польскомъ: Польскаго народа не было во все время независимаго существованія Польши: онъ поднятъ изъ праха милостію и попеченіемъ Русскихъ Государей — Царей Польскихъ; высшія же сословія Польши, при помощи обычныхъ ихъ

---

* Крживицкій, говоря о Нѣмцахъ и ихъ стремленіяхъ подчинить себѣ Славянъ, вспоминаетъ о битвѣ подъ Гринвальдомъ или Танненбергомъ. Пусть же онъ вспомнитъ при этомъ, вмѣстѣ съ своими земляками, какъ была передъ тѣмъ ничтожна Польша: она не могла справиться съ Крестоносцами, которыхъ однако, такъ сильно поражали наши Русскіе Князья, нашъ Св. Александръ Невскій съ своими Новгородцами. Только тогда, когда Придѣпровская Русь соединила свои полки съ Польскими, положенъ былъ конецъ завоевательнымъ стремленіямъ Тевтоновъ: подъ Танненбергомъ слава побѣды принадлежала нашимъ Смоленскимъ полкамъ.

натяжекъ, пытались даже отвергать самую племенную общность его съ собою. Такъ, когда на мятежномъ сеймѣ 1831 года зашла рѣчь о надѣленіи народа правами, одинъ изъ депутатовъ сказалъ, что народъ Польскій, будучи другого происхожденія со Шляхтою, долженъ оставаться въ прежнемъ состояніи. Послѣ разразившейся надъ нею бури, почувствовавъ свое одиночество и, всюду отыскивая себѣ пособниковъ, Шляхта вспомнила и объ этомъ забитомъ ею народѣ, наравнѣ съ ею же погубленными Чехами, Моравцами, Силезцами и Полабскими Сербами, съ забавнымъ великодушіемъ сулитъ нынѣ всѣмъ имъ журавля въ небѣ.

Споръ за первенствующее значеніе въ Славянскомъ мірѣ не могъ бы довести одну изъ спорящихъ сторонъ, сторону Польскую, до той степени ожесточенія и ненависти, какая проявляется въ ней противъ соперницы ея, Россіи. Ясно, что къ этому спору примѣшались другія, неполитическія побужденія, и что именно они и дѣлятъ Россію и Польское образованное сословіе на два стана, между которыми невозможны никакое соглашеніе, никакая сдѣлка. Эти другія побужденія, придавшія соперничеству свойство безпощадной и нескончаемой борьбы, станутъ яснѣе при помощи нѣкоторыхъ историческихъ указаній, или, вѣрнѣе сказать, возстановленій. Мы попросили бы особъ, желающихъ провѣрить наши поясненія, обращаться не къ извращенному изложенію позднѣйшихъ Польскихъ историковъ, насильственно подводящихъ показанія лѣтописцевъ подъ свои предвзятыя мысли, а къ самимъ лѣтописцамъ, именно лѣтописцамъ Польскимъ.

Мы уже сказали, что Польша стала сильнымъ Государствомъ только въ слѣдствіе присоединенія къ ней Русскихъ Княжествъ. Поляки увѣряютъ, и Г. Крживицкій, въ угоду имъ, повторяетъ то же, будто это присоединеніе совершилось добровольно, а не въ слѣдствіе Татарскаго погрома и не при помощи самыхъ вопіющихъ продѣлокъ. Черезъ Поляковъ ложь эта перешла и къ намъ.

Начало этого, такъ называемаго, добровольнаго соединенія Литвы и Руси съ Польшею, обыкновенно относится къ женитьбѣ

Г. Крживицкій, посмѣиваясь надъ крайними въ своей партіи, ставитъ имъ въ вину желаніе говорить отъ лица всего Польскаго народа, будто на основаніи полученнаго на то полномочія. Но онъ самъ погрѣшаетъ тѣмъ же, безпрестанно отождествляя съ своею партіею Польскій народъ, чуждающійся ея по своимъ преданіямъ.

Ягайла на Ядвигѣ и съѣздамъ Ягайла съ Сигизмундомъ, Королемъ Угорскимъ, въ Кошицѣ, въ 1412 году, и съ Витовтомъ въ Городнѣ, въ 1413 году. Соединеніе это закрѣплено Люблинскою уніею 1569 года. Съ того времени до послѣднихъ дней отдѣльнаго существованія Польши, оба народа, Поляки и Русскіе, жили будто бы въ братскомъ единеніи, которое было нарушено коварствомъ сосѣдей умыслившихъ погубить Польшу.

Историки, смотрящіе на соединеніе Русскихъ Княжествъ съ Польшею непредъубѣжденными глазами, видятъ въ женитьбѣ Ягайла на Ядвигѣ и во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ этому соединенію, не самостоятельное явленіе, а продолженіе исконныхъ стремленій Латинской Церкви къ господству надъ Русскимъ народомъ, стремленій, начавшихся вмѣстѣ съ принятіемъ имъ Христіянства отъ Грековъ, и разроставшихся вмѣстѣ съ ученіемъ о главенствѣ Папы надъ всѣмъ Христіянскимъ міромъ, и отдѣленіемъ Западнаго Католичества отъ Вселенской Церкви догматическими новшествами. * Первоначально Латинская Церковь домогалась подчинить Русскій народъ своей власти при помощи Русскихъ Князей. Такъ нашъ Даніилъ Галицкій получилъ Королевскій титулъ отъ Папы, и былъ вѣнчанъ на Королевство Папскимъ Нунціемъ. Но когда надежда, возлагавшаяся на Русскихъ Князей не оправдалась, Папы избрали, для осуществленія своихъ цѣлей, Польшу. Она должна подчинить Папскому престолу все пространство, лежащее между Вислою и Волгой, объявленное языческимъ. Намѣченный Латинскимъ духовенствомъ Литовскій Князь вполнѣ соотвѣтствовалъ его видамъ. Ягайло былъ человѣкъ слабыхъ свойствъ, постоянно жившій чужимъ умомъ; такъ до женитьбы на Ядвигѣ и, слѣдовательно, до поступленія подъ опеку Польскаго духовенства съ Олесницкимъ во главѣ, онъ былъ въ рукахъ у Русина Войдыла, пользовавшагося большимъ поче-

---

* Раздѣленіе Христіянской Церкви на Восточную и Западную есть послѣдствіе тѣхъ же стремленій Папъ подчинить своей власти Болгаръ: изъ за нихъ и вышелъ споръ у Константинопольскаго Патріарха съ Папою. Патріарху стало очевидно, что, за отторженіемъ Болгарскаго народа отъ его паствы, онъ останется при одномъ, сравнительно говоря, ничтожномъ населеніи Византіи и ея округа. Тогда имъ выставлено было противъ Папы «Filioque.» Безъ примѣси спора о Паствѣ и главенствѣ, эта прибавка была бы осуждена по общему соглашенію и исчезла бы изъ догмата, не причинивъ столь значительныхъ послѣдствій.

омъ еще у Ольгерда; изъ за преобладающаго вліянія этого Вой-
ыла, Ягайло разошелся съ дядею своимъ, Кейстутомъ, и убилъ
го, мстя ему за казнь своего любимца. Ядвига была Королевна,
ыняньченная Латинскимъ духовенствомъ для миссіонерской цѣ-
и: она была обручена Австрійскому Эрцгерцогу, Вильгельму, но,
ля вящей славы Святаго Престола, Папа расторгъ предполагав-
ійся бракъ, и ее, дѣвицу высокорелигіозную, отдали Литовско-
у Князю, обагрившему свои руки кровью дяди. Такихъ супру-
овъ не трудно было увѣрить въ ихъ Апостольскомъ предназна-
еніи. Дѣйствительно, оба они съ жаромъ принялись за перекре-
щиванье Православныхъ Русскихъ въ Католичество. Это-то и есть,
акъ называемое, крещеніе Литвы.

Интрига была поведена съ осторожностью, ловкостью и тон-
остью, которыми отличаются всѣ подходы Римскаго Двора и въ
оторыхъ, въ послѣдствіи, такъ нашколились Поляки подъ руковод-
твомъ отцовъ Езуитовъ. На Люблинскомъ съѣздѣ не говорилось
и о чемъ другомъ, кромѣ укрѣпленія союза между Польшею,
'усскими Княжествами и Угріею, съ цѣлію изгнанія Крестоно-
цевъ изъ Пруссіи и подѣленія ихъ владѣній. Это былъ пробный
аръ, безъ котораго не обходится ни одна интрига. На Городель-
омъ съѣздѣ былъ уже выставленъ договоръ, въ которомъ по-
агалось основаніе будущему соединенію Литвы съ Польшею, до-
оворъ, написанный на Латинскомъ языкѣ, котораго не понимало
'усское Дворянство, привѣсившее къ нему свои печати. Такимъ
бразомъ интрига заручилась письменнымъ обязательствомъ, дол-
женствовавшимъ служить ей оружіемъ для дальнѣйшей борьбы. Нѣ-
колько десятковъ лѣтъ Польша молчала объ этомъ обязательствѣ.
ишь только оно всплыло на поверхность, Русское Дворянство за
юдозрило достовѣрность его. Оно говорило, что отцы ихъ не поня-
али языка, на которомъ написанъ договоръ; что они съѣзжались
ъ Городнѣ для обсужденія будущаго наступательнаго союза про-
ивъ Крестоносцевъ, а не для соединенія Русскихъ областей съ
Польшею; оно опорочивало договоръ по его односторонности, по
ому что всѣ статьи его были написаны въ пользу нѣсколькихъ
омовъ изъ Русскаго Дворянства, перешедшихъ въ Католичество,
в въ ущербъ Православнымъ. Напрасно Поляки возражали, что,
ъ замѣну утрачиваемой такимъ образомъ самостоятельности, они
ринесли Русскимъ свѣтъ Каголической Вѣры и отдали имъ Яд-
игу, красоту неописанную. Раздоръ послѣ смерти Ягайла уси-
ился, но еще и при немъ и при супругѣ его, Ядвигѣ, обнару-

жились тѣ явленія, которыя рѣзко обозначаютъ борьбу Русскихъ Княжествъ съ Польшею, или, вѣрнѣе сказать, съ Римскою Церковью, которой Поляки были слѣпымъ и фанатическимъ орудіемъ. Уже при Ядвигѣ и Ягайлѣ Русскіе, насилуемые въ своей совѣсти, жгли Католическія церкви, рѣзали Картезіянъ и Доминиканъ, ругались надъ святынею Католической Церкви. Но дѣло, начатое Олесницкимъ и поддерживаемое Правительствомъ, продолжалось и было завершено Езуитами. Тѣмъ не менѣе, Русскія Княжества, потерявшія къ тому времени послѣдніе слѣды независимости, продолжали борьбу съ Латинствомъ. Какъ въ предшествовавшій періодъ два враждебные стана, Латинскій и Русскій, стояли рядомъ, такъ и въ послѣдующія за тѣмъ времена, когда Русское Дворянство, обработанное отцами Езуитами, отпало отъ своего народа, ополячилось и олатынилось, въ Польшѣ осталось два враждебныхъ слоя: верхній, шляхетскій, и нижній, народный. Борьбу повелъ самъ народъ, съ Православнымъ духовенствомъ во главѣ, и наконецъ задушилъ врага, съ которымъ не было возможности заключить какую либо сдѣлку, не снявъ съ него предварительно кожу.

Таково было это, столь громко восхваляемое, добровольное соединеніе Руси и Литвы съ Польшею; таковы были эти, столь превозносимыя, условія соединеній равнаго съ равнымъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Литва и Русь дѣйствительно могли бы слиться съ Польшею, если бы она преслѣдовала государственныя цѣли, если бы въ ней были необходимые для того государственные люди. Въ томъ-то и бѣда, что такихъ людей Польское Шляхетство не доставляло своему отечеству. Говоримъ это не по тому, чтобы считали Польское племя низшимъ по умственнымъ дарованіямъ относительно другихъ Славянскихъ племенъ; напротивъ, мы убѣждены, что дарованія были и въ Польской Шляхтѣ, подобно тому, какъ они находятся во всякомъ человѣческомъ обществѣ, но они, по стеченію роковыхъ обстоятельствъ, получили въ ней ложное направленіе и гибли безплодно. Всецѣло подчинившись Папскому Престолу, отдавъ себя на служеніе ему, Польскія высшія сословія, за вящею его славою и пользою, ничего не видѣли: они не могли оцѣнить ни значенія совершавшихся событій, ни тѣхъ обстоятельствъ, которыя, при небольшой долѣ государственнаго смысла, могли бы на вѣки закрѣпить за Польшею Русскія Княжества и отдать въ ея руки судьбы всего Славянскаго міра. Польскія высшія сословія, восп-

ваясь исключительно въ Езуитскихъ школахъ для цѣлей Латинской Церкви, постепенно утрачивали всякій человѣческій смыслъ, наконецъ обратили свое отечество въ, невиданное въ Европейской исторіи, соборище, въ которомъ корыстныя личныя цѣли икрывались громкимъ названіемъ служенія Богу и ревности Вѣрѣ.

«Nierządem Polska stoi!»

Пусть Г. Крживицкій, положа руку на сердце, скажетъ: возжно ли существованіе Государства, держащагося неурядицей? между тѣмъ эта неурядица входила въ виды Римскаго Прела и Езуитовъ, и по тому поддерживалась ими. Стоитъ развертъ Исторію Польши на любой страницѣ, чтобы увидать, что борные Короли Польскіе, переставъ быть шляхтичами, старась, если не уравнять Католиковъ и Разновѣрцевъ въ правахъ, по крайней мѣрѣ, обезпечить послѣднимъ свободное отправеніе Богослуженія. Но на людей, не подчинявшихся Папѣ и не ившихся у Езуитовъ, Латинское духовенство смотрѣло, какъ проклятыхъ, съ которыми не слѣдовало чиниться, которыхъ добно было терзать всѣми возможными средствами и загонять свое стадо при помощи всѣхъ, самыхъ вопіющихъ, мѣръ. А кія мѣры и были возможны только при сопротивленіи Коровской власти и полнѣйшемъ пренебреженіи къ судамъ и законъ. Чѣмъ слабѣе и безсильнѣе былъ Король, чѣмъ угодливѣе пристрастнѣе были суды, тѣмъ вѣрнѣе было дѣло Католической пропаганды. По этому только въ Исторіи Польши можно йти Королей, подстрекающихъ своихъ подданныхъ къ сопровленію Правительству съ оружіемъ въ рукахъ.

И такъ, миссіонерское призваніе, навязанное Польшѣ Папа, неудавшіеся виды на обращеніе Руси въ Католичество и одчиненіе ея Римскому Престолу, вотъ что дѣлаетъ шляхтича рагомъ Русскаго Государства. Польская интеллигенція — крѣпко рганизованная и замкнутая каста, даже не партія, съ своими заачами, своими воззрѣніями, предательски навязанными ей людьи, избравшими ее въ оружіе своихъ нечистыхъ замысловъ; подобно всякой кастѣ и партіи, она неспособна ни понять ложноти тѣхъ началъ, за которыя ратуетъ, ни принять доказательства, дущія со стороны.

Разсчитывать на поголовное отреченіе ея отъ своего знамени, при томъ отреченіе скорое, какъ предлагаетъ Г. Крживицкій,

было бы болѣе, чѣмъ странно. Никакая партія въ мірѣ не отступается отъ своихъ стремленій: они умираютъ вмѣстѣ съ ними. Разсчитывать на возможность обезоружить какую либо партію снисхожденіемъ и уступками, значило бы подливать въ огонь горячіе матеріялы: каждымъ снисхожденіемъ партія воспользуется не для примиренія, а для расширенія своихъ требованій. Передъ нами свѣжій примѣръ Бонапартистовъ, которыхъ по справедливости нельзя назвать даже партіею, по тому что это сборище отверженцевъ всѣхъ партій, преслѣдующее самыя негодныя личныя цѣли. Что же? Образумились ли они послѣ того позора и тѣхъ бѣдствій, которыя накликали они на свое отечество, если только они считаютъ Францію своимъ отечествомъ, а не законною добычею? То же самое, и при томъ съ большею основательностью примѣняется и къ такой ослѣпленной кастѣ, какова, такъ называющая себя, Польская интеллигенція. Если не возможны попытки образумить ее и смирить ея химерическія надежды; если, одними словомъ, не возможно примиреніе съ нею, остается борьба. Расшатать и ослабить эту касту, лишить ее того призрачнаго значенія, которое она себѣ присвоиваетъ и которое снисходительно признается за нею—вотъ задачи этой борьбы! Успѣхъ ея весьма возможенъ, и мы давно наслаждались бы уже многими полезными его плодами.

Но если не возможно образумить всю интеллигенцію; если съ нею, какъ со всякою партіею, слѣдуетъ бороться, то не слѣдуетъ отвергать искреннихъ союзниковъ, хотя бы они шли даже изъ враждебнаго стана. Выходъ изъ партіи одиночныхъ ея членовъ—обыденное явленіе въ ея жизни. Но выходить слѣдуетъ безповоротно, не оставляя себѣ, помощію разныхъ уловокъ, возможности сохранить связи со старымъ гнѣздомъ, изъ котораго спасаются въ слѣдствіе сознанныхъ наконецъ, присущихъ ему, мерзостей. Искренно вышедшіе изъ партіи люди словомъ и дѣломъ должны показать себя непримиримыми противниками той лжи, отъ которой пожелали освободиться.

По этому, вмѣсто того, чтобы писать хвалебные гимны государственнымъ людямъ, которыхъ въ Польшѣ никогда не было, образумившіеся Поляки оказали бы несомнѣнную услугу и своему отечеству и всему просвѣщенному міру, раскрывъ тѣ пагубныя козни Латинской Церкви, съ которыми знакомо и остальное Европейское Католичество, но которыя въ Польшѣ получили полное примѣненіе и развитіе. Такое разоблаченіе способствовало

бы къ очищенію той удушливой атмосферы, въ которую заключена Польская интеллигенція: оно способствовало бы многимъ изъ ея членовъ взглянуть на движеніе исторіи не сквозь искажающую призму своихъ исконныхъ учителей, отцевъ Езуитовъ, а глазами всего просвѣщеннаго міра; оно помогло бы имъ войти въ общечеловѣческую семью и сдѣлаться полезными вкладчиками гражданственности и науки. Сама интеллигенція, столь далеко отошедшая отъ остальнаго просвѣщеннаго міра въ воззрѣніяхъ на Государство и Церковь, столь превратно понимающая прошлое и будущность Славянства, къ подобному труду не способна. Это сословіе окаменѣвшее на извѣстной, искаженной преступными руками, степени развитія, и по тому осужденное на вымираніе. Задача государственныхъ дѣятелей въ отношеніи его должна состоять не въ попеченіяхъ объ искуственномъ продленіи его существованія, а въ ускореніи его послѣдняго издыханія, до нынѣ поддерживаемаго различными мѣрами.

Къ этому должны быть направлены усилія и тѣхъ членовъ той партіи, которые изъ нея выйдутъ. Но для этого не слѣдуетъ благодушествовать гдѣ либо въ Нѣмецкой Швейцаріи, или на берегу Комскаго озера, а перенестись на мѣсто борьбы и принять въ ней дѣятельное участіе. Такимъ, искренне оставившимъ свою партію, членамъ нашлась бы полезная дѣятельность между австрійскими Славянами, встрѣчающими, со стороны высшихъ польскихъ сословій, ожесточенное сопротивленіе въ своихъ законныхъ домогательствахъ.

Не слѣдуетъ также придавать какое либо значеніе запуганію, будто Польская шляхта съ отчаянія можетъ броситься въ чужія руки: судьба Польши и Славянства уже не въ ея рукахъ. Куда она ни бросилась бы съ отчаянія, или фанатизма, съ Прусскимъ, или Австрійскимъ, Нѣмцамъ, къ Мадьярамъ, или Туркамъ, это дѣло ея разсчета и вкуса. Ни ея дружба и вѣрность, ни ея вражда и измѣна, немного могутъ значить для Россіи. И когда она была вѣрна ей, эта шляхта, когда не измѣняла? въ вѣчнопамятномъ 1812 году, въ Угріи, Крыму, при дворахъ восточныхъ и въ юртахъ кочевниковъ, всюду видимъ мы завязахъ сыновъ этой касты, пытающихся подкопаться подъ Россію своими пигмейскими усиліями. Всюду разгаданная и всѣми отвергаемая, партія эта готова бы нынѣ повторить пріемъ, однажды ей едва было не удавшійся: втиснуться въ ряды дѣтей того государства, погибель котораго составляетъ завѣтную задачу ея въ

продолженіе столькихъ столѣтій, и такимъ путемъ вѣрнѣе достигнуть своихъ цѣлей.

Но она забываетъ при этомъ, что въ то время, когда, бѣснуясь, въ безсильномъ раздраженіи, она искала средствъ къ продленію своего, никому ненужнаго, существованія, и думала найти ихъ въ жалчайшихъ соображеніяхъ, внушаемыхъ ей отчаяніемъ, она забываетъ при этомъ, что другіе, тѣ именно, кого она желала бы обратить въ послушное свое орудіе, успѣли уже всю выразумѣть историческія задачи своего отечества. Будетъ съ нихъ и того, что Польша надѣлила ихъ крѣпостнымъ состояніемъ, столь долгое время останавливавшимъ между ними всякое развитіе; будетъ съ нихъ и того, что эта партія усиливалась въ недавнее время внести смуту въ ихъ общество. И въ какое время? Когда Милосердый Господь, устами милосердаго Царя, призывалъ насъ къ дружному движенію по пути разумнаго совершенствованія.

Братски принимая всѣхъ выходящихъ изъ партіи членовъ ея, оставимъ же попеченіе о выборѣ пути самой партіи. Кажется, Россія даже выгадаетъ, если ее минуетъ такое, по взгляду Польской партіи, приращеніе силъ. Разбирая невыгоды соединенія Поляковъ съ Пруссаками, Г. Крживицкій сравниваетъ въ этомъ случаѣ Польшу съ организмомъ, заливаемымъ чрезъ всевозможные каналы другимъ, чуждымъ организмомъ. Дѣйствительно, за этимъ должны послѣдовать или полнѣйшее вырожденіе, или смерть. Какъ же Г. Крживицкій не замѣтилъ, что, предлагая Польской партіи и намъ сліяніе во едино, и допуская его не иначе, какъ подъ условіемъ заливанья Россіи черезъ всѣ каналы Польщизной, онъ, не извѣстно по чему, считаетъ его чѣмъ-то высшимъ, предназначеннымъ къ нашему обновленію? Напротивъ, нѣтъ ни одного Русскаго, который не признавалъ бы истиннымъ бѣдствіемъ для своего общества водворенія въ немъ идей и ученій Польскихъ. И до чего доходитъ Г. Крживицкій въ своемъ ослѣпленіи! Между тѣми благами, которыми онъ собирается наградить насъ при посредствѣ Польской образованности, онъ помѣщаетъ и подлѣйшій, омерзительнѣйшій, видъ пшіонства, наслѣдованный Поляками отъ Езуитовъ. Что за понятія, что за вкусъ, что за самообольщеніе и ослѣпленіе!

А. Х.

ПОЛЬША И РОССІЯ
ВЪ
1872 году.

I

Со времени перваго раздѣла Польши истекаетъ сотый годъ. то же станетъ отрицать, что весь періодъ этого времени не былъ ія насъ непрерывною нитью пораженій, разочарованій, жестокихъ бщественныхъ и личныхъ страданій? Подведя итогъ безплодно по-аченнымъ въ это время силамъ, трудамъ и жизни, мы задаемъ се-ѣ вопросъ:«Не уже ли и преемники наши, по прошествіи новой сот-и лѣтъ, очутятся въ такомъ же положеніи, въ какомъ нынѣ мы на-одимся, или въ положеніи очень схожемъ съ нашимъ?»

Не думаю, чтобы заслуживалъ порицанія тотъ, кто отвѣчалъ бы з него, что отъ насъ зависитъ приготовить имъ лучшую будущ-ость.

И за тѣмъ, спрошенный нами: «Что мы можемъ сдѣлать для ой цѣли, мы, въ настоящее время столь безсильные, разрозненные, оставленные всѣмъ міромъ?» онъ, по всей вѣроятности, отвѣ-лъ бы намъ: «Разсмотрите внимательно тѣ мнѣнія, которыми руко-одствуетесь, надежды, которымъ вы всегда готовы были пожер-овать всѣмъ самымъ дорогимъ для васъ, и вы узнаете, отъ чего вы нынѣ и такъ безсильны, и такъ разрознены, и такъ оставлены сѣмъ міромъ.»

Провѣрка означенныхъ мнѣній и надеждъ нашихъ не состав-яетъ очень трудной задачи; всѣ онѣ, сколько ихъ ни было въ хо-е между нами, сводятся къ одному: у насъ должна быть независи-мая Польша въ тѣхъ границахъ, которыя были у нея сто лѣтъ азадъ, и что отъ этой надежды не должно отказываться ни одно естное Польское сердце.

Такая привязанность къ прошлому есть чувство весьма есте-

ственное и ежечасно повторяющееся въ исторіи. Чувство это дѣйствительно весьма похвально, на сколько, впрочемъ, оно проистекаетъ изъ высшихъ нравственныхъ побужденій. [1] Но коль скоро является вопросъ о проведеніи въ жизнь хотя бы то и самыхъ завѣтныхъ идей, означенное чувство, какъ и всякое другое, должно подлежать неумолимой провѣркѣ разсудка.

Въ этомъ случаѣ прежде всего слѣдуетъ расчитывать, и при томъ разсчитывать весьма строго. Каковы наши силы, какого рода встрѣтимъ мы преграды въ совершившихся событіяхъ? Вотъ вопросы которые, въ подобныхъ случаяхъ, слѣдуетъ разрѣшить прежде всего.

Принимая это за исходную точку, быть можетъ, для насъ было бы не излишне вникнуть въ то, не унаслѣдовали ли мы отъ нашихъ предшественниковъ извѣстныхъ цѣлей, столь высоко поставленныхъ, что осуществленіе ихъ превышаетъ всякія человѣческія силы, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится нашъ край со времени своего паденія?

Наконецъ, по чему же не сознаться со смиреніемъ, что, быть можетъ, стремленія наши не вполнѣ согласуются съ волею Провидѣнія, раздающаго людямъ разныя предназначенія?

Въ числѣ лицъ, посвящавшихъ себя служенію нашему дѣлу, мы видѣли людей необыкновеннаго ума и характера. Отличныя качества этихъ дѣятелей были признаны даже чужими, а имена ихъ могли бы украсить любое общество. Кто же сталъ бы утверждать, что все, сдѣланное подобными людьми для нашего дѣла, лишено было всякаго значенія? Однако же, достовѣрно и то, что дѣла не запутались бы въ такой мѣрѣ, въ какой мы видимъ ихъ запутанными, и не пришли бы мы къ тому печальному положенію, въ какомъ нынѣ находимся, если бы мы во всякое время лучше умѣли отдавать себѣ отчетъ въ требованіяхъ положенія дѣлъ въ общемъ направленіи міровыхъ событій и въ силахъ своего народа, въ особенности же, если бы не смотрѣли столь высокомѣрно на совершившіяся уже историческія событія и лучше помнили бы о необходимости считаться съ ними.

Совершившіяся событія! Можно бы сказать, что въ механикѣ исторіи человѣчества они значатъ то же, что въ небесной механикѣ

---

[1] И не идетъ въ разрѣзъ съ истиною. Дѣло въ томъ, что истина въ этомъ случаѣ не на сторонѣ Поляковъ.

точки тяготѣнія, около которыхъ, и по отношенію къ которымъ, азмѣряются міровыя движенія.

Не думаю, чтобы кто либо желалъ заподозрить меня въ томъ, то я, избравъ подобную исходную точку, исключаю изъ исторіи ю справедливости и порицаю любовь къ отечеству.

Кто вознамѣрился бы исключить изъ исторіи идею справедли-ети, т. е., идею нравственнаго порядка, въ высшемъ значеніи го слова, тотъ взялся бы за рѣшеніе задачи, равносильной тому, бы выбросить изъ міра идею матеріяльной силы. Объ этѣ идеи ществуютъ одновременно, объ обладаютъ безспорными правами, въ у которыхъ существуютъ и на основаніи которыхъ все себѣ под-няютъ, но онѣ не всегда гармонируютъ между собою. Отъ чего? о одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на который трудно дать удовлетво-гельный отвѣтъ, даже и тогда, когда бы я пожелалъ, оставивъ въ оронѣ занимающій насъ предметъ, углубиться съ читателемъ въ проходимые лабиринты философскихъ разсужденій о причинахъ, условливающихъ нравственное зло въ мірѣ. Исторія изобилуетъ леніями самаго могущественнаго воздаянія правосудія и возмездія, низпровергнутый нравственный порядокъ.[2] Не смотря на это, авственный порядокъ ежечасно нарушается, и въ то время, когда неучъ и философъ, въ одинаковой мѣрѣ, чувствуютъ потребность рить, что за это послѣдуетъ заслуженное наказаніе, сдѣлавшимся ертвою погрома предстоитъ со всѣмъ другая работа, и ужь, нечно, не та, чтобы ожидать, когда пробьетъ часъ историческаго авосудія.[3]

Что раздѣлъ нашего края былъ большою обидою, причиненною намъ сѣдними съ нами государствами, того отрицать и изгладить никто не ъ состояніи.[4] Люди высокаго ума и благороднаго сердца, и въ этихъ сударствахъ всегда признавали и нынѣ признаютъ это. Если бы мы ъ настоящее время находились въ положеніи нашихъ предковъ, сто ѣтъ тому назадъ, то было бы нашею обязанностію продить послѣд-юю каплю крови за оборону отечества. Все это справедливо. Од-ако же, событіе совершилось, и нынѣ намъ слѣдуетъ помышлять не о

Польша есть одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ этому.

См. Предисловіе.

Требуется доказать, и именно относительно Россіи, и по нынѣ не собравшей во едино своей исконной поземельной области. По Польскому обычаю, положеніе это предлагается принять на вѣру.

томъ, что за сто лѣтъ тому назадъ могло составлять нашу обязанность и что предписывала намъ тогда справедливость, но о томъ, что дѣлать далѣе, на основаніи совершившагося событія. Безъ сомнѣнія, разборъ первой половины этого вопроса могъ бы послужить предложеніемъ для многихъ возвышенныхъ выводовъ по отношенію къ международной нравственности и искуству правленія. Но это ни къ чему не послужило бы; по тому что мы, въ настоящее время, занимаемся не международными отношеніями и не искуствомъ правленія.

Событіе совершилось. Время возмездія, безъ сомнѣнія, когда нибудь наступитъ; [5] быть можетъ оно, въ извѣстномъ отношеніи, уже и наступило..... Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы воздаяніе историческаго правосудія приняло непремѣнно размѣры прежняго порядка вещей, уничтоженію котораго споспѣшествовали и даже подали главный поводъ тяжкія вины нашего же народа. Restitutio in integrum въ смыслѣ значенія этого понятія въ частномъ законодательствѣ, не принадлежитъ къ числу факторовъ историческаго правосудія. Въ исторіи нѣтъ ни одного исчезнувшаго событія, не оставившаго послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Что совершилось однажды, то совершилось не безъ цѣли.

Исторія ежечасно представляетъ намъ зрѣлище того, какъ извѣстная собирательная единица бываетъ вынуждена приносить въ жертву прежнюю форму своего быта и принимать другую, и все затѣмъ для того, чтобы образовать новое цѣлое, долженствующее исполнить новыя предназначенія. Собственно этому видоизмѣненію мы и обязаны возможностью постепенно высшаго историческаго развитія, постепенно высшихъ формъ собирательнаго быта и безконечнаго числа новыхъ благодѣяній для человѣчества. Такимъ путемъ исчезаютъ одни, возникаютъ другія, государства, какъ постоянно новыя формы общественнаго быта. Но въ то время, когда все движется переходитъ въ другое, преобразуется, есть нѣчто такое, что остается постоянно неизмѣннымъ: сущность человѣческаго общества, не связанная географическими границами и названіемъ народовъ, его составляющихъ.

Народъ, теряющій отдѣльное существованіе, сливается съ новымъ собирательнымъ тѣломъ; въ немъ, отбросивъ внѣшнія и случайныя особенности, снова видитъ себя тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде человѣческимъ обществомъ. Если онъ съумѣетъ примириться съ сво-

[5] Не при помощи ли Орлеановъ, такъ какъ великій Наполеонъ III оказался негоднымъ?

имъ предназначеніемъ, относительно формы быта, и примириться искренно, ему немедленно же открывается путь ко всѣмъ благамъ, нераздѣльнымъ съ существованіемъ собирательнаго быта. Если онъ былъ менѣе образованъ, чѣмъ то общество, съ которымъ слился, въ такомъ случаѣ пользуется тѣмъ, чего ему прежде недоставало. Если же онъ приходитъ съ высшею гражданственностью, то становится, въ новомъ своемъ единеніи, орудіемъ нравственнаго улучшенія, принимаетъ на себя роль миссіонера гражданственности.

Предполагаемъ, что народъ, подвергающійся перемѣнѣ бытовыхъ формъ, искренно примиряется съ своимъ предназначеніемъ. Въ противномъ случаѣ онъ вступаетъ въ область внутреннихъ потрясеній; переживаетъ рядъ тяжкихъ страданій и, по прошествіи болѣе, или менѣе, продолжительнаго времени, не измѣнивъ ни въ чемъ предназначенной ему судьбы, подпадаетъ закону необходимости, отъ котораго ни кому не удается избавиться.

Несомнѣнно, что какъ ни велика экономическая и человѣчная польза, ожидающая извѣстный народъ отъ включенія его въ новый политическій строй, однако же утрата прежней самобытности остается для него событіемъ самымъ болѣзненнымъ. Безъ той доли принужденія, которую неисповѣдимое предназначеніе дѣлаетъ пособникомъ исторіи человѣческаго рода, у насъ не было бы ни одного изъ тѣхъ Европейскихъ народовъ и государствъ, которые сдѣлались горниломъ современной гражданственности, возникнувъ на развалинахъ другихъ народовъ и противъ ихъ воли.

Напрасно было бы разсуждать о томъ, откуда возникаетъ привязанность народовъ къ отдѣльному существованію. Она составляетъ такой же законъ природы, какъ и всякая другая привязанность къ самобытному существованію; подобно сему послѣднему, она заключена въ опредѣленный для нея кругъ, внѣ котораго рука времени покойно оканчиваетъ свое твореніе.

Отсюда ведетъ начало старая, какъ міръ, но постоянно забываемая, истина, что отъ времени до времени необходимо, при посредствѣ смерти, восходить къ новой жизни, и на этомъ переходѣ испытывать всѣ томленія кончины.

Мы, Поляки, представляли себѣ до сихъ поръ отечество не иначе, какъ въ извѣстной, исторически выдѣленной, формѣ отдѣльности отъ другихъ народовъ, какъ будто бы на свѣтѣ могутъ существовать какія либо вѣчныя формы и отдѣльности.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ надѣяться, [6] что со временемъ, когда страсти улягутся и мы предстанемъ на судъ невозмутимой исторіи, наши судьи, даже чужіе, не окажутся къ намъ слишкомъ жестоки; въ особенности же тѣ, посвященные въ тайны жизни благородные умы, которые не привыкли приписывать всякое увѣченіе сердца его испорченности: все же я сильно опасался бы, чтобъ тѣ же судьи, въ извѣстномъ случаѣ, не произнесли приговора, что то сами же мы были виновны въ продленіи страданій нашего народа за обыкновенный предѣлъ. Не въ меньшей мѣрѣ опасался бы я осужденія и за то, что мы, не желая подчиниться высшимъ предначертаніямъ исторіи, и упорно отвергая болѣе обширныя ея цѣли, затормозили на время гармоническое развитіе другихъ современныхъ намъ народовъ, мы, едва ли не первые призванные [7] Провидѣніемъ къ доблестному нравственному труду ихъ совершенствованія.

Бросимъ взглядъ на ходъ главнѣйшихъ дѣйствій нашихъ въ продолженіе истекающаго со времени раздѣла столѣтія. Сколько усилій, вызванныхъ желаніемъ воскресить независимое отечество! И какой вѣнецъ каждаго изъ нихъ! Можно бы сказать, что послѣ каждаго разу мы собственными же руками раздвигали еще больше пропасти, раздѣляющія насъ отъ той формы быта, которой такъ горячо желали. Возможно ли относить событіе, такъ упорно повторявшееся въ нашей исторіи въ продолженіе ста лѣтъ, единственно къ числу ошибокъ при осуществленіи плановъ, которые будто бы, во всякомъ другомъ случаѣ, были удобоисполнимы? Не является ли тутъ невольно мысль, что, независимо отъ нашихъ ошибокъ, которыя, безъ сомнѣнія, были велики и многочисленны, самыя намѣренія наши не могли соотвѣтствовать тайной волѣ судебъ?... Пусть читатель самъ отвѣтитъ на это, но предварительно пусть онъ подвергнетъ основательному анализу самаго себя: дѣйствительно ли онъ вѣритъ, что Провидѣніе правитъ исторіею человѣчества?...

Обыкновенно не съ разу удается народамъ, какъ и единичнымъ людямъ, найти свойственные имъ пути, опредѣлить соотвѣтственную цѣль, и узнать волю Предопредѣленія. Нужно долго искать, и пріобрѣтенный опытъ искупить рядомъ многихъ бѣдствій и тяжкихъ страданій. Каждый, кто жилъ и трудился, хорошо это знаетъ. А что и съ народами случается то же самое, для этого найдутся, если понадобится,

---

[6] Нельзя надѣяться.

[7] Призывало васъ Провидѣніе, и отбросило за негодностью.

примѣры въ исторіи. Правило это относится и къ нашему на-
оду: исключенія мы не составляемъ.

Нѣкоторые опасаются, что чувство любви къ отечеству можетъ
огибнуть, если станутъ все подчинять одному холодному разсудку,
отовому постоянно считаться лишь съ совершившимися событіями.
Да позволено мнѣ будетъ замѣтить, что самое достойное любви чело-
ѣка, въ каждой формѣ общественнаго или политическаго быта, имен-
о нравственная сторона этого быта, никогда не подлежитъ уничто-
женію, развѣ кто либо самъ отречется отъ нея, или, правильнѣе
оворя, окажется недостойнымъ ея. Намъ, вынужденнымъ историче-
скою необходимостію, отказаться отъ политической самобытности,
ни что не препятствуетъ, и не можетъ воспрепятствовать, внести въ
овое собирательное тѣло, котораго нераздѣльною частицею должны
ы сдѣлаться, то, что составляетъ нравственную нашу природу. На-
ротивъ, нравственными идеями нашей Польской народности, на сколько
нѣ находятся у насъ, на сколько съумѣли мы неповрежденно
охранить ихъ въ себѣ, [8] мы должны обогатить нашъ новый поли-
ическій строй. Это не значитъ отказываться отъ прошлаго: напро-
ивъ, это будетъ продолженіемъ въ новыхъ формахъ, цивилизующей его
ѣятельности, чего требуетъ правильно понятая вѣрность преданіямъ,
свободная отъ всякихъ увлеченій, и по тому представляющая полнѣй-
шее ручательство прочности и постоянства. Прискорбнѣе всего ви-
ѣть людей упрямо гонящихся за призраками предметовъ, и въ то же
ремя отвергающихъ ихъ сущность. Какая польза отъ того, что
то либо назовется пылкимъ патріотомъ; я спрошу у него: какова
го жизнь?.. Человѣкъ вездѣ и всегда, какъ существо нравственное,
ыслящее и дѣйствующее на свой страхъ, составляетъ предметъ
ервой важности. Быть человѣкомъ—вотъ первая задача каждаго. Древ-
іе говорили, что люди не родятся, но вырабатываются. И они были
равы: къ сожалѣнію, можно родиться, жить и умереть, и ни на одну
инуту не быть человѣкомъ. Къ какой бы кто народности ни при-
адлежалъ, будь онъ Французъ, Нѣмецъ, Русскій, или Полякъ, въ од-
омъ стремленіи онъ сходится со всѣми народностями, а именно въ
омъ, чтобы быть человѣкомъ. Лишенные политической самостоятель-
ости, въ этомъ именно стремленіи и можемъ мы найти для себя
стественное убѣжище и пріютиться въ немъ на извѣстное
ремя, пока это же время не изгладитъ, не облегчитъ скорби,

---

[8] Да есть ли они? Требуется доказать.

свойственной всякому переходному состоянію изъ одной политической связи въ другую. Въ этой, такъ сказать, неутральной и столь возвышенной сферѣ исключительныхъ людскихъ цѣлей и трудовъ мы найдемъ достойное пристанище, пока достаточно охладимся отъ прошлой жизни и сдѣлаемся способными къ новой, во всей ея полнотѣ. Требовать отъ насъ, чтобы мы и въ чувствахъ мгновенно перестали быть тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, и сдѣлались тѣмъ, чѣмъ должны быть въ будущемъ, значило бы требовать невозможнаго, т. е., прыжковъ въ природѣ, а не свойственнаго ей медленнаго постепеннаго развитія. И такъ мы видѣли, что переходъ возможенъ и какимъ именно путемъ. Этого для насъ достаточно. Что по природѣ своей представляется для насъ не возможнымъ, то для дѣтей нашихъ сдѣлается возможностью, а для нашихъ внуковъ даже необходимостью. Несомнѣнно, что на извѣстное время мы должны умѣрить въ себѣ то, что вообще, и даже отчасти и мѣстно, называется любовью къ родинѣ. Но умѣрить для того, чтобы облегчить послѣдующимъ поколѣніямъ сблизиться сердцемъ съ тѣми горнилами любви, которыя, при посредствѣ новаго порядка дѣлъ, возгорятся на нашемъ пепелѣ.

На это мнѣ могутъ возразить, что это весьма печальная необходимость.

Печальна ли она, или нѣтъ, какъ быть, если такова необходимость, если, на сколько запомнитъ исторія, такова колея человѣческихъ дѣлъ.

Не мы первые и не мы послѣдніе подчиняемся подобной очереди судьбы. Всѣ народы—одни раньше, другіе позже, испытали, или испытаютъ, подобную судьбу.

Когда для извѣстнаго народа ударитъ часъ неизбѣжной утраты самостоятельности, въ то время ему слѣдуетъ заботиться лишь о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, онъ не переставалъ составлять человѣческое общество, достойное этого наименованія, т. е., общество, способное выставлять истинныхъ людей и вести ихъ къ осуществленію всѣмъ лаго человѣческаго предназначенія. Какъ только быть удовлетворяетъ этимъ условіямъ, то онъ, не смотря на политическую зависимость, составляетъ величайшее благо, о какомъ только можно мечтать народъ, обреченному на утрату самостоятельности; благомъ, пренебреженіе которымъ никогда не остается безнаказаннымъ; ни одинъ народъ не можетъ ставить себѣ болѣе возвышенную цѣль, чѣмъ совершенствованіе человѣка ни одинъ даже изъ тѣхъ, которые наслаждаются самою блестящею самостоятельностію. Всѣ формы собирательнаго быта, начиная съ семьи и

канчивая человѣчествомъ, существуютъ единственно для воспитанія юдей и доставленія имъ возможности достигать болѣе высшаго нравственаго совершенства. Безъ семьи, безъ отечества, безъ человѣчества, человѣкъ никогда бы не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть теперь, и ѣмъ еще явится въ будущемъ. И только для этого на свѣтѣ необходимы семья, отечество и человѣчность.

И такъ отечество, лишенное историческаго обаянія, есть, въ ущности, извѣстная форма быта, дающая мнѣ возможность быть стиннымъ человѣкомъ. Милосердное Провидѣніе всегда оставляетъ еловѣку, если только онъ самъ пожелаетъ узнать его, отечество труа, отличное отъ отечества сердца, чарующаго преданіями минувшаго, іяющаго его блескомъ. Съ теченіемъ же вѣковъ то, что для прадѣовъ было только отечествомъ труда, для правнуковъ содѣлается, воею чередою, отечествомъ сердца... Новая жизнь возникаетъ только зъ гроба, а дѣла премудраго Творца всегда одинаково чудесны.

Къ подобнымъ размышленіямъ слѣдуетъ намъ обращаться въ минуты тяжкаго сомнѣнія и тѣхъ жестокихъ испытаній ума и воли, кога намъ кажется, что всѣ силы насъ оставляютъ и уже нѣтъ передъ ами никакой дороги.

Замѣчательно одно весьма отрадное явленіе: и въ періодическихъ ашихъ изданіяхъ и въ частныхъ разговорахъ все чаще и чаще наинаютъ проявляться между нами мнѣнія, что слѣдовало бы бросить ѣли, превыщающія наши силы; стараться, вмѣсто этого, ввести въ удущемъ жизнь въ области тѣхъ условій, какія представляетъ намъ исторически выработанное положеніе; не желать свыше того, что заключаетъ въ себѣ настоящее, при чемъ глубоко исчерпывать и обращать въ собственную пользу [9] все то, что оно съ собою приноситъ.

Это значитъ поставить вопросъ на дѣйствительно практическую очву.

Заслуженно, или нѣтъ, но мы пришли теперь къ тому состоянію, ъ которомъ находимся. Несправедливость ли сосѣдей, или историческая необходимость, наши ли собственныя ошибки, или же все это, мѣстѣ взятое, обусловили утрату отдѣльнаго нашего существованія: [10] то же намъ дѣлать съ собою, и при томъ безотлагательно, сегодня, автра, послѣ завтра, по тому что міръ и время не стоятъ на одномъ

При помощи, на примѣръ, Русо-Полоно-Жидовъ, выдающихъ себя за поборниковъ Русскаго дѣла?

[9] Безъ сомнѣнія, послѣднее.

мѣстѣ ни одной минуты: волею, неволею, и мы должны итти съ ними Выжидали же мы сто лѣтъ помощи народовъ и политическихъ системъ: чего же дождались?

Жить въ тѣмъ условіяхъ, какія мы находимъ въ современномъ положеніи дѣлъ, и умѣть, при этихъ условіяхъ, занять путемъ мирной, выдержанной и законной [11] дѣятельности возможную полноту и просторъ общественнаго и самоличнаго, матеріяльнаго и нравственнаго быта. Всякое человѣческое существо получило изъ рукъ самого Творца неоспоримое право стремиться къ этому. Вотъ, по моему мнѣнію, единственный отвѣтъ, какой можно дать на выше означенный вопросъ.

Въ виду поставленной такимъ образомъ цѣли, и отъ избраннаго пути никто уже не въ силахъ будетъ оттолкнуть насъ, потому что, если мы будемъ слѣдовать имъ безъ уклоненій и колебаній, на нашей сторонѣ будетъ могущественный союзникъ —самая природа вещей. По этому самое важное для насъ въ настоящее время состоитъ въ ясномъ пониманіи того, гдѣ и каковы условія нашего быта. Перейдемъ же къ разсмотрѣнію ихъ.

Но прежде нежели приступимъ къ дальнѣйшему изложенію предмета, мы должны выговорить себѣ одинаковую съ прежнимъ свободу слова даже и тогда, когда случится коснуться самыхъ болѣзненныхъ мѣстъ. Тѣхъ особъ, которыя почтутъ своимъ вниманіемъ наше сочиненіе, мы не оскорбимъ предположеніемъ, будто откровенность, съ которою приступили мы къ изслѣдованію истины, можетъ быть, въ какомъ бы то ни было случаѣ, поставлена намъ въ вину. Всѣ мы, безъ сомнѣнія, убѣждены въ томъ, что принести полезные плоды и быть достойнымъ душъ смѣлыхъ, можетъ одно безпристрастное изслѣдованіе правды, направленное къ существу и основѣ предмета.

II.

Было у насъ отечество, заключавшееся въ весьма обширныхъ предѣлахъ. Мы лишились его по недостатку оборонительныхъ силъ въ то время, когда ударилъ часъ рѣшительной борьбы за независимость. Между нами въ ходу избитая формула, будто недостатокъ означенныхъ силъ былъ слѣдствіемъ продолжительной неурядицы. Но

---

[11] Legalnéj akcyi. Какъ эта легальность понимается—дѣло хорошо извѣстное

юрмула не вполнѣ исчерпываетъ предметъ. Сознаемся лучше, то недостатокъ этотъ происходилъ отъ недостатковъ политическаго строя, не соотвѣтствовавшаго требованіямъ времени. Организмы съ высшимъ развитіемъ всегда возмутъ верхъ надъ организмами менѣе совершенными; это событіе оправданное вѣками, потворяющееся какъ въ сферѣ общественной дѣятельности, такъ и въ физическомъ мірѣ. Органическихъ недостатковъ нельзя долгое время возмѣщать, хотя бы самою сильною мощію. Что сосѣди воспользовались нашимъ безсиліемъ, это вопросъ другого рода, поясняющій только ходъ совершенія событія, но не существенную его природу. Послѣдняя, повторяю, заключается въ томъ, что когда нагрянула буря, у насъ не стало силъ для перенесенія ея ударовъ; мы обрушились въ пропасть.

Пришли ли къ намъ эти силы съ теченіемъ времени? Это было бы особенное чудо. Не озаботившись провести сильную организацію въ время нашей независимости, включенные, съ утратою ея, въ составъ другихъ собирательныхъ тѣлъ, мы тѣмъ самымъ лишились возможности организоваться по своимъ началамъ и согласно съ нашими потребностями. Тѣ изъ современныхъ иностранныхъ государственныхъ людей и публицистовъ, которые не безъ горечи укоряютъ насъ въ недостаткѣ жизненныхъ общественныхъ силъ, на сколько неоспоримо правы относительно дѣйствительной истины, на столько же, съ другой стороны, забываютъ, что если бы ихъ собственное общество очутилось въ положеніи, подобномъ нашему, т. е., лишено было возможности организаціи, то въ скоромъ времени и оно испытало бы такой же недостатокъ силъ: могущественныя общественныя силы вырабатываются и питаются столь же могущественными общественными организаціями. Но самое событіе неоспоримо: намъ недостаетъ силъ точно также, какъ недоставало ихъ и сто лѣтъ назадъ, съ тою лишь огромною и убыточною для насъ разницею, что въ то время мы нуждались только въ оборонительныхъ силахъ, для защиты отечества, теперь же, для возстановленія утерянnаго, намъ понадобились бы и наступательныя. По несчастію, мы никогда не желали представить себѣ вразумительно такое положеніе дѣлъ. Вотъ чѣмъ объясняется вѣра наша въ самоличную мощь, въ самоотверженіе, въ чудесныя послѣдствія любви къ отечеству, а слѣдствіемъ подобной увѣренности былъ рядъ непростительныхъ политическихъ ошибокъ. Смѣшивая средства миссіонерства съ средствами политики, мы предполагали, что тѣми же пріемами, какими распространяются религіи, одерживаются и политическія побѣды.

Два движенія, въ большомъ размѣрѣ, 1830 и 1863 годовъ, самымъ очевиднымъ образомъ доказали, что, предоставленныя самимъ себѣ, мы не въ состояніи выдержать борьбы хотя бы даже съ однимъ изъ государствъ, раздѣлившихъ нашъ край. Послѣ 1863 года силы наши еще болѣе уменьшились. Что преобразованія, испрошенныя въ эту пору у Престола трудами одного изъ тѣхъ нашихъ государственныхъ людей, который, какъ оказалось въ послѣдствіи, лучше всѣхъ понималъ тогдашнія потребности края и предѣлъ уступокъ со стороны Россіи; что преобразованія эти, повторяю, не нашли въ нашемъ краѣ не только прочной поддержки, но даже и надлежащей оцѣнки, уже одно это, говоря откровенно, свидѣтельствуетъ о необыкновенной ломкости матеріяловъ, которыми могли мы распоряжаться въ то время для исправленія нашего политическаго зданія. Знаю, что стоя тяжеловѣсная ошибка, относительно поведенія нашего къ означеннымъ преобразованіямъ, составляетъ въ настоящее время одно изъ чувствительнѣйшихъ мѣстъ нашего самолюбія; что мы желаемъ, какимъ бы то ни было образомъ, увѣрить самихъ себя въ нашей неповинности, что передъ своею же совѣстью мы рады бы прикрыться чужою виною.... [12] Несомнѣнно, что провинились и другіе, и даже немало, но и мы не оказались ли легковѣрными, позволяя чужимъ провести себя? Будемъ же на столько рѣшительны, чтобы высказать себѣ сущую правду; это будетъ похвально и въ нравственномъ отношеніи. Въ достопамятномъ 1862 году мы не стояли на высотѣ мысли, руководившей тогдашними соображеніями, съ которыми навсегда будутъ связаны въ исторіи имена Императора Александра II, Великаго Князя Константина, Маркграфа Велёпольскаго, и тѣхъ достойнѣйшихъ Русскихъ государственныхъ людей, которые, пользуясь довѣріемъ Монарха и народа, охотно оказали намъ горячее сочувствіе при осуществленіи порядка вещей, могшаго, какъ тогда надѣялись, примирить два разрозненные братскіе народы.

Къ величайшему и неописанному несчастію, благороднѣйшія намѣренія пали, а съ ними исчезла и послѣдняя для насъ надежда на тя полусамостоятельнаго народнаго быта. Неполнота означенной самобытности вознаградилась бы съ другой стороны тѣмъ, что съ сего времени намъ предстояло бы раздѣлить долю, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, не съ чуждымъ, а родственнымъ намъ, по крови и языку народомъ.

---

[12] Такъ въ подлинникѣ.

Съ тѣхъ поръ, если, съ одной стороны, то есть, со стороны олитической зрѣлости, мы сдѣлали коекакіе успѣхи, что, съ точки рѣнія пройденныхъ нами тяжкихъ испытаній, весьма правдоподобно, а то, повторяю, съ другой стороны, мы потеряли весьма много изъ ой крохи матеріяльной силы, которою располагали до 1863 года.

Въ численномъ и економическомъ отношеніи упали мы такъ низко, го не могли, какъ собирательный дѣятель, выполнить ни одной ма-еріяльной задачи, слѣдовательно, застращать кого либо собою, какъ это-о и теперь еще нѣкоторые требуютъ, а, по недостатку такта, ли-шены и малѣйшей возможности [13] привлечь кого либо на свою сто-рону. Економическій упадокъ самъ бросается въ глаза; о численномъ е сокращеніи нашихъ силъ мы не всегда хорошо помнимъ. Крестьянинъ, по свойству своей природы, всегда и вездѣ видитъ свое ечество не далѣе родной избы. Въ 1859 г., когда чужеземныя ар-и сражались съ Австрійцами на поляхъ Ломбардіи за Итальянскую езависимость, Ломбардскій крестьянинъ велъ себя весьма страдательно, о тому что у него не было повода роптать на Австрійское прави-ельство, или ожидать ухужденія своей доли подъ властью новаго равительства. [14] Вотъ чего, при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, овторяю благопріятнѣйшихъ, мы могли бы ожидать отъ нашихъ крестьянъ, въ случаѣ новаго столкновенія матеріяльныхъ силъ, вызваннаго акимъ бы то ни было образомъ, или пришедшихъ извнѣ, съ цѣлію ридать нашему политическому зданію новую форму. Крестьяне Царства Польскаго получили изъ рукъ настоящаго правительства столь-о, что никакое другое не могло бы дать имъ больше. Разумѣется, то я оставляю въ сторонѣ соціяльныя теоріи, въ той увѣренности, то, говоря вообще, никому изъ насъ не придетъ въ голову стать ъ ряды современной космополитической революціи. Впрочемъ, крестьянинъ обыкновенно обладаетъ такимъ запасомъ врожденнаго здраваго зсудка, и такими инстинктами поземельной собственности, что слѣдуетъ омнѣваться, чтобы приманки даже соціяльныхъ теорій могли когда либо составить для него столько же прелести и обаянія, сколько для

А застращиванье, значитъ, имѣло силу въ 1862 году?

Это несправедливо. Мы сами видѣли въ Одессѣ Итальянскихъ матросовъ, бросившихъ корабли и спѣшившихъ пополнить собою ряды Сардинской арміи. «Прежде мы сражались за чужое дѣло, говорили они намъ, а теперь будемъ сражаться за свои души.» Иное дѣло крестьянинъ Польскій, непримиримый врагъ шляхты. Съ чего бы онъ сталъ работать за своихъ всегдашнихъ угнетателей?

городской голи. Я знаю, между нами начинаетъ входить въ моду разсужденіе (къ сожалѣнію, и разсужденія имѣютъ свои моды), будто крестьяне, именно по тому, что получили все, чего только могли желать, въ случаѣ нужды станутъ на нашу сторону, и это по тому, что ихъ соединяетъ съ нами единство вѣры, преданія и языка. Призракъ, чистѣйшій призракъ! Въ преданіяхъ, выражаясь мягко, есть много горькаго; вѣра въ простомъ народѣ, какъ политическое орудіе, иногда направляется болѣе ловкою рукою, часто весьма непредвидимымъ образомъ. Остается единство языка, т. е., почти ничего. За чѣмъ мы такъ легко забываемъ Галицкія происшествія 1846 года на клочкѣ земли, упитанной въ то время нашею кровью? Вѣра и языкъ соединяли простой народъ съ высшимъ сословіемъ, а что случилось? Они были жертвою обмана, могутъ сказать мнѣ. Нѣтъ! Скажемъ болѣе опредѣленно: ими отлично воспользовались негодным образомъ, съ адскою ловкостью, но ловко. Во время послѣдней войны Франціи съ Нѣмцами, мы не видѣли, чтобы общность языка съ сими послѣдними въ состояніи была вырвать оружіе изъ рукъ Эльзасцевъ, не смотря на то, что Нѣмцы приходили далеко не съ тѣмъ обаяніемъ силы, съ какимъ бы мы могли явиться къ нашимъ крестьянамъ. Откуда же мы почерпаемъ убѣжденія наши въ чародѣйственной силѣ общности языковъ?

Итакъ, отчисливъ крестьянъ, въ странѣ, существующей только земледѣліемъ и не съумѣвшей, или не могшей, во время своего существованія, образовать среднее сословіе, что же останется для составленія, въ случаѣ нужды, матеріяльной защиты дѣла той, или другой, народной идеи? Горсть обѣднѣвшей шляхты и мѣщанъ: по истинѣ ужасающее множество!

Да соблаговолитъ читатель замѣтить, что мы исчисляемъ здѣсь однѣ матеріяльныя наши силы. Что же касается силъ высшаго разряда, силъ нравственныхъ, или умственныхъ, не спорю, онѣ у насъ найдутся, даже въ томъ же соотношеніи къ массѣ, какъ и у другихъ народовъ. Не спорю, что и эти силы нѣчто значатъ, что ихъ тоже нужно принимать въ разсчетъ; будемъ же считать тѣ и другія, но не станемъ ихъ смѣшивать: иначе счетъ ни къ чему не пригодится. Величайшій геній требуетъ матеріяльной силы для того, чтобы онъ могъ воплотиться и проявиться въ дѣйствіи. Если бы мы были самымъ геніяльнымъ народомъ, безъ сильнаго матеріяльнаго основанія, самобытно мы ничего не значили бы ни на свѣтѣ, ни для свѣта. Прошу замѣтить: я не говорю, чтобы мы безусловно

ичего не значили, но самобытно мы не были бы въ состояніи совер-
ить ни одного историческаго дѣянія, тогда какъ въ соединеніи съ
ругимъ народомъ, изоболующимъ источниками неисчерпаемой ма-
еріяльной силы, а по племенному родству представляющимъ намъ
олѣе доступное и желательное ручательство единенія, мы могли бы
ыражаясь по просту, дѣлать чудеса.

Вотъ по чему я рѣшился обратить вниманіе читателя на то, что,
риступая къ расчисленіямъ (а постоятнно разсчитывать долженъ каж-
ый, кто желаетъ съ увѣренностію дѣйствовать на этомъ свѣтѣ,
отворенномъ тоже по разсчету и мѣрѣ), мы всегда должны дер-
ать передъ собою открытыми два отдѣла, одинъ для силъ матері-
льныхъ, другой для силъ высшаго порядка. Для успѣшнаго и важ-
аго предпріятія небходимо, чтобы одинъ отдѣлъ находился въ рав-
овѣсіи съ другимъ. Худо, и весьма худо, если на сторонѣ высшихъ
илъ оказывается минусъ; невыразимо худо, если на сторонѣ матері-
льныхъ силъ приходится въ итогѣ ставить нуль.

Мы видимъ (по тому что не видѣть не можемъ), какъ мы слабо-
ильны матеріяльно въ отношеніи даже однаго Русскаго народа. Меж-
у тѣмъ для возрожденія Польши въ томъ видѣ, какою мы ее поте-
яли, слѣдовало бы вести три войны, навязать нашу волю тремъ
ервостепеннымъ государствамъ, и въ послѣдствіи быть въ состояніи
ерживать въ постоянномъ страхѣ трехъ могущественныхъ и край-
е приниженныхъ нами сосѣдей для того, чтобы насъ опять не
азобрали. Это было бы самымъ колоссальнымъ подвигомъ, о какомъ
огда либо повѣствовала бы исторія человѣческаго рода; мы по-
рачили бы, смѣло можно было бы сказать, славу Александровъ и Це-
арей, по тому что у нихъ было, на что опереться, а мы доказали бы
іру, что для насъ не нужно и точки опоры.

Къ нашему несчастью, по мнѣнію, державшемуся между многими
съ насъ, въ особенности между молодыми людьми, Франція должна
ыла въ неопредѣленное время совершить за насъ и для насъ это,
ревышающее человѣческія силы, назначеніе.

Франція провозглашала себя непобѣдимымъ народомъ; намъ же
равилось повѣрить ей на слово, не смотря на то, что достаточно
ыло заглянуть въ любой исторической учебникъ, чтобы припо-
нить себѣ, какъ ея войска были поражаемы въ разныя времена
азными народами; достаточно было привести на память рѣки соб-
твенной нашей крови, пролитой рядомъ съ ея орлами, когда они,
ъ 1812 г., вынуждены были бѣжать опрометью съ полей Россіи.

Вѣра во Францію основывалась, однако жь, и на другихъ, глубокихъ и лестныхъ для насъ, причинахъ, а не на одномъ легкомысліи, въ которомъ укоряютъ насъ, съ полною свободою ума, иностранные писатели, и въ которомъ сознаются и нѣкоторые изъ нашихъ писателей съ не менѣе удивительнымъ смиреніемъ и соболѣзнованіемъ къ намъ. Эти Французскіе орлы, хотя въ сущности были только хищными и кровожадными птицами, по тому что одно холодное себялюбіе вождя гнало ихъ передъ собою на поля, покрытыя людскими костями, но вылетали они изъ того гнѣзда, въ которомъ, на глазахъ всего міра, бились пламенныя сердца за идеи, за возвышеннѣйшія идеи человѣческаго достоинства, за общественное и духовное совершенствованіе; въ которомъ, если въ теченіе совершившихся происшествій правосудіе и попиралось, но не было, однако жь, никогда не изнесено кощунственное слово, будто правосудіе—бездѣлица; въ которомъ, напротивъ, самая блестящая изъ магистратуръ новаго свѣта краснорѣчиво поучала народъ и все человѣчество воздавать уваженіе правосудію, уваженіе, столь возвышающее человѣка и столь ему благодѣтельное!

Слѣдовательно, нечего стыдиться нашихъ сочувствій къ одной изъ благороднѣйшихъ и, можетъ быть, и несчастнѣйшихъ націй, равно какъ и того, что мы въ немъ, а не въ другомъ, видѣли и наши самыя завѣтныя надежды. [14] Не хорошо, что мы сочувствіе нашимъ придали характеръ обожанія, по тому что только Богъ и поборимъ. Не хорошо, что мы, кромѣ себя и Бога, разсчитывали еще на другихъ. Безмѣрное и принадлежащее къ числу рѣдкихъ историческихъ примѣровъ пораженіе Франціи, должно было охладить и тѣхъ изъ насъ, которые упорно питали въ своихъ умахъ надежду о могущемъ когда либо, и всегда въ самомъ непродолжительномъ времени, воспослѣдовать вмѣшательствѣ этого государства въ нашу пользу. [15] Всѣ убѣдились уже въ томъ, что Франція, въ прошл

---

[14] Вельможи и шляхта пристали къ Наполеоновской Франціи не за ея націоналныя идеи, а по исторически сложившемуся между этою кастою убѣжденію въ собственномъ безсиліи и въ вытекавшей изъ него необходимости искать пособника, стать за чужія плечи. Эта позорная интеллигенція не за высокой ли цивилизаціи пристала къ Турціи, къ Угріи? Всюду искала плечъ, и всѣхъ губила своими сочувствіями: такъ она погубила и Наполеона I, и унизила теперешнюю Францію. Быть можетъ, она ее и добьетъ окончательно.

[15] Охладѣли къ Наполеону, и стали отзываться о немъ съ площадною бранью послѣ 1863 года. Не ужь то это Г-ну Крживицкому не извѣстно?

іи многихъ лѣтъ, не въ состояніи будетъ выработать для себя ка-
ую либо первостепенную самостоятельную роль Европейской полити-
и. Если уже Франція, на верху могущества, не могла ничего сдѣ-
ть для насъ, то какимъ же образомъ она на низшей ступени сво-
і доли можетъ съ успѣхомъ заняться нами?

Итакъ, мы совершенно одиноки между тремя могущественными
ударствами, подчинившими насъ своему скипетру; безъ матеріяль-
й опоры въ основаніи, на которую мы могли бы ежечасно раз-
итывать, безъ сильнаго городскаго сословія, безъ денегъ, безъ пред-
ставителей народной мысли, и, слѣдовательно, безъ благонадежнаго
ля и въ тѣхъ горнихъ сферахъ идеи, откуда неоднократно нисхо-
ли животворящія силы на упадающіе народы.

Въ такомъ-то положеніи начинаемъ мы второй вѣкъ нашей за-
бной жизни!

Повторяю: безъ руководителей народной мысли, окруженныхъ
общимъ неоспоримымъ вліяніемъ; по тому что нѣтъ у насъ недо-
тка въ людяхъ науки и въ литературныхъ талантахъ, между кото-
ми найдется почтенное число такихъ, которые справедливо могутъ
итаться украшеніемъ нашего общества, трудамъ которыхъ слѣдуетъ
дать тѣмъ большую благодарность, что ихъ призваніе, среди столь
збитаго общества, болѣе чѣмъ гдѣ либо окружено терніемъ. Но
самые люди, столь славные умомъ и сердечными качествами,
учи, такъ сказать, прицѣплены къ собирательному тѣлу, лишен-
у всякой организаціи, могутъ ли дѣйствовать на него органиче-
? По этому-то они витаютъ надъ нимъ, подобно блестящимъ метео-
ъ отлично освѣщаютъ, украшаютъ и совершенствуютъ самолич-
но не въ состояніи вести къ великимъ общественнымъ цѣ-
ь.

Стало быть, остается во всей силѣ то, что мы выше сказали
ашей совершенной безпомощности.

Объ этомъ лишеніи мы можемъ смѣло и громко говорить между
ою, по тому что не знаемъ его только мы сами. Чужіе знаютъ это
совершенствѣ, и въ этомъ отношеніи ничего новаго изъ нашей
овѣди не узнаютъ, развѣ только то, что мы начинаемъ понимать
, серьезно считаться съ собою и старательно взвѣшивать вещи;
о не только не унизитъ насъ въ ихъ глазахъ, но, можетъ быть,
одного изъ нихъ заставитъ и призадуматься.

Нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что сознаніе полной безпомощ-

ности, въ виду великой опасности, пробуждаетъ въ угрожаемомъ н извѣстную до того времени мощь, и тѣмъ самымъ становится началомъ благопріятнаго поворота въ его положеніи. По этому и мы въ настоящее время могли бы съ нѣкоторымъ правомъ ожидать отъ себя чего либо подобнаго; но именно въ то время, когда, съ дымом несчастныхъ Французскихъ пожарищъ, улетали послѣднія наши надежды на ожидаемую оттуда помощь, особенно по какой-то завистливой къ намъ судьбѣ, возникли между нами и книгою предназначеній нашихъ новые, равнымъ образомъ фантастическіе и небезопасные, призраки о спасеніи при помощи Австріи и, воздержите сихъ, о боги Валгалы, даже самой Нѣмецкой Имперіи!

III.

Мы пришли, въ нашемъ выводѣ, къ тому мѣсту, откуда расходятся многочисленыя дороги. Нужно избрать одну изъ нихъ, и избрать такъ, чтобы въ послѣдствіи не жалѣть; по тому что въ исторіи не возвратиться къ невнимательно отброшенной исходной точкѣ столь же не возможно, какъ въ жизни человѣческой не возможно возвратиться къ прожитымъ годамъ.

Кромѣ того, въ этомъ мѣстѣ мы должны раздѣлиться на группы и временно разлучиться другъ съ другомъ точто также, какъ раздѣлила и разлучила насъ судьба, подчинивъ разнымъ скипетрамъ. Отнесемся съ должнымъ вниманіемъ и къ государственному закону, къ законамъ мысли: первый изъ нихъ требуетъ отъ насъ уваженія къ установленымъ властямъ; вторые, чтобы мы, говоря о чемъ либо, отдавали себѣ ясный отчетъ, о чемъ и о комъ именно говоримъ.

Итакъ заявляю, все послѣдующее будетъ относиться только къ Полякамъ, которыхъ Провидѣнію угодно было соединить съ Русскимъ народомъ. Поляки, обитающіе въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ и Королевствѣ Галиціи, не могутъ руководствоваться моимъ мнѣніемъ. я самъ не рѣшился бы давать имъ какіе либо совѣты. Ихъ положеніе совершенно другое. [16] Однихъ необходимость заставляетъ основывать свои надежды на Австріи, другихъ искать средствъ возможно полезнаго установленія отношеній къ Прусскому правительству. Нѣтъ ничего естественнѣе этого.

---

[16] Дѣйствительно, другое. Нѣмцы знаютъ, что дѣлать съ Поляками, и т идутъ къ цѣли. Тутъ никакія внушенія не помогутъ. У другихъ не т

ля всякаго въ свойственной ему одному сферѣ. Намъ, жите-
ямъ Конгресоваго Королевства и Русской Имперіи, назначена судь-
ою другая исходная точка. Мы должны держаться на этой по-
вѣ, если не желаемъ вдругъ очутиться въ самомъ ложномъ положе-
іи. Если воля Провидѣнія такова, что пути наши когда либо соль-
ются въ одинъ, то, по всей вѣроятности, это осуществится въ то вре-
я, когда мы, Поляки, соединенные съ Русскимъ народомъ, не смотря
а наше миролюбіе и уваженіе къ пріобрѣтеннымъ правамъ, вызван-
ые сосѣдями на борьбу, должны будемъ перевести на Славянскій
зыкъ нѣкоторые афоризмы современныхъ Нѣмецкихъ государствен-
ыхъ людей, афоризмы, по которымъ недавно рѣшена была участь
льзаса и Лотарингіи.

Однако же, я уклонился отъ предмета: да, все это—предположе-
я отдаленной будущности, о которой я никогда не позволилъ бы
бѣ говорить здѣсь, если бы могъ найти лучшій способъ точнаго
ражения моей мысли по отношенію къ настоящему. Но, позаимство-
вшись на минуту свѣтомъ, ударяющимъ изъ означеннаго положенія,
полагаю, что этимъ самымъ сразу успѣлъ указать читателю со
ею силою и то, о чемъ я говорилъ въ настоящемъ сочиненіи, и
рвый общій очеркъ того, о чемъ еще буду говорить. Подобнымъ
разомъ мы лучше поймемъ другъ друга. Одобрятъ ли меня, или
удятъ, объ этомъ я не забочусь, такъ какъ я занятъ только тѣмъ,
обы меня поняли.

Обратимся къ настоящему.

Въ царствѣ Польскомъ и въ Западныхъ Губерніяхъ Русской Им-
ріи мы считаемъ себя въ своей [17] сферѣ. Въ этой сферѣ намъ
ѣдуетъ призадуматься надъ путями, которые открываются передъ
ми, и избрать между ними тотъ, который признаемъ мы болѣе со-
вѣтствующимъ, чтобы не ити въ послѣдствіи ощупью, и въ этомъ
ствіи не уклоняться поминутно то вправо, то влѣво.

Здѣсь мы прежде всего должны обратить вниманіе на слѣдующее
тоятельство. Въ послѣднее время, по мѣрѣ убѣжденія, съ каждымъ
мъ возрастающаго, въ невозможности возвратиться когда либо къ
обытности, брошенная Наполеономъ III мысль о большихъ соеди-
яхъ (агломе ціяхъ) народовъ, какъ болѣе правдоподобнаго
оженія будущаго строя Европы, начинаетъ и въ нашемъ обще-

ювечно, рѣчь идетъ о послѣднихъ годахъ.

ствѣ находить многочисленныхъ поклонниковъ. До настоящаго времени это явленіе не представляетъ еще ничего неестественнаго. Однако же найдутся и уклоненія (аномаліи). Вмѣсто того, чтобы вникнуть къ какому именно соединенію сама природа указываетъ намъ стремиться, нѣкоторые желали бы оставить свою мысль, такъ сказать, качающеюся между Россіею, Нѣмецкою Имперіей и Австріей, как представительницею охранительнаго соединенія ипотечной агломераціи Южнославянскихъ народовъ. Это должно, будто бы, выражать самую тонкую политику выжиданія; говоря же откровенно, это есть выраженіе невыразимой слабости воли, не предвѣщающей ничего хорошаго для подчинившихся ей. Было бы самымъ большимъ несчастіемъ, если бы подобное безсиліе воли овладѣло большинствомъ народа. Плаваніе между двумя струями рѣдко когда приноситъ кому пользу: а что же сказать о плаваніи между тремя?

Рядомъ съ этою системой выжиданія, и отчасти изъ собственныхъ ея зародышей, началъ по немногу развиваться планъ соглашенія съ Россіею, при помощи разныхъ угрозъ. Весь этотъ планъ можно выразить слѣдующею формулой: «Не дадите намъ самоуправленія пристанемъ къ Австріи, или къ Нѣмцамъ, хотя бы пришлось намъ слиться Мадьярами, или онѣмечиться.» Это, будто бы, должно называть политикой выгодъ, замѣняющей прежнюю сантиментальную политику. [18]

---

[18] «Мы не сомнѣваемся, сказано въ извѣстномъ, недавно оглашенномъ, сочиненіи, въ томъ, что Русское просвѣщенное сословіе найдетъ въ себѣ достаточно силы и рѣшимости, чтобы поднять починъ соединенія съ Польшею. Безъ проведенія этого соединенія Поляки, руководясь уже собственной пользой, ни одинъ человѣкъ (!!!) станутъ на сторонѣ Нѣмцевъ противъ Россіи (!!!). На насъ лежитъ обязанность, развивая эту мысль, выказать... по чему польза Поляковъ велитъ имъ бороться за Нѣмцевъ (!!!) и драться противъ Русскихъ, въ случаѣ, если бы соединеніе Польши съ Россіей не осуществилось и не предупредило Нѣмецко-Русской войны. Ибо Поляки, умудренные опытомъ, рѣшились (!!!) бросить сантиментальную политику и въ будущемъ поддерживать единственно свои выгоды; по чему, при каждомъ удобномъ случаѣ, они станутъ не на сторонѣ болѣе сочувственной для нихъ, но на той, которая выкажетъ имъ большую готовность (дѣло только въ готовности) обезпечить самоуправленіе и Польскую народность (самоуправленіе и народность, какъ въ В. К. Познанскомъ?). Ибо, не воспользовавшись первой войной между Россіею и Нѣмцами, въ ожиданіи чего либо лучшаго, мы доказали бы нашу неосмотрительность (?) и недостатокъ политическаго такта. По этому Поляки рѣшились (!!!) стать на сторонѣ того государства, которое въ обезпеченіи народнаго самоуправленія ихъ края опередитъ другія го

Разумѣется, что извѣстнаго рода выгоды и тутъ затронуты, и, слѣдовательно, въ извѣстномъ отношеніи позволительно и это назвать политикой интересовъ. Но что за жалкая политика не менѣе жалкихъ интересовъ!

Жалкая политика: тѣ, съ которыми мы желали бы поторговаться, хорошо знаютъ, чего стоятъ наши угрозы и, въ концѣ концовъ, дадутъ только то, что захотятъ, и столько, сколько захотятъ дать.

Жалкіе интересы: если мы сами о себѣ проповѣдуемъ, будто готовы бросить ихъ, какъ только торгъ не состоится, и перейти тотъ бы на сторону Нѣмцевъ. [19]

Понимаю и я политику выгодъ, и никакой иной не понимаю, но выгодъ великихъ, истинныхъ, которыхъ не позволяется просить, выгодъ, которымъ не измѣняютъ, а скорѣе служатъ съ самоотверженіемъ; выгодъ, плоды которыхъ созрѣваютъ въ буду-

---

дарства (что-то въ родѣ аукціона!!!). Въ этомъ отношеніи Польша похожа на дѣвицу (!!!), впервые вступающую въ свѣтъ и готовую (!!!) довѣриться и привязаться (!!!) въ тому, кто первый (!!!) заговоритъ въ ея сердцѣ и успѣетъ увѣрить ее въ заботливости объ житейскомъ пути. Итакъ, мы можемъ сказать въ интересахъ Славянства: «Не дай Богъ, чтобы Россія обратилась къ Полякамъ тогда, когда они будутъ уже на другой сторонѣ (слѣдовательно, противъ Славянства?). Въ настоящее время Польша находится въ состояніи выжиданія, и въ этомъ станетъ ожидать будущаго хода событій и столкновеній между Россіею и Нѣмцами (!!!).»

«Другое предположеніе (по словамъ того же сочиненія) относится снова къ тому соображенію, при посредствѣ котораго Нѣмцы, отобравъ у Россіи Польшу, отдали бы ее Габсбургскому Дому. Тогда образовалось бы Польско-Чешско-Угорское Королевство. Существуетъ, впрочемъ, между Нѣмцами мнѣніе, желающее, чтобы Габсбургскій Домъ возвратилъ Нѣмецкой народности перевѣсъ и управленіе монархіей, и чтобы народность эта, почерпая силу и рѣшимость изъ Берлина, сдѣлалась «передовою страною для Нѣмецкаго племени, съ цѣлію заселенія ею Славянскихъ земель.» Осуществленіе такого соображенія воспрепятствовало бы образованію помянутаго Польско-Чешско-Угорскаго государства, и самостоятельность Галиціи и Польскихъ земель, которыя были бы къ ней присоединены, не переступили бы уже границъ внутренняго управленія края (!!!). Но и въ такомъ случаѣ Поляки пріобрѣли бы уваженіе народности (какъ же это?) и, въ случаѣ отдачи Польскихъ земель подъ заселеніе Нѣмецкаго племени, вѣры, языка, обычаевъ... Но и въ то время перемѣну въ настоящемъ государственномъ складѣ вещей можно бы сформулировать такимъ образомъ, что, «вмѣсто равноправленія всѣхъ народностей, одна изъ нихъ, Нѣмецкая, нашла бы

щихъ поколѣніяхъ; которыя становятся основою великихъ событій въ исторіи человѣчества, порукою нравственнаго преуспѣянія ли возможно большаго числа человѣческихъ существъ, но вовсе не выгодъ такого рода, отъ которыхъ, въ случаѣ нужды, можно и отречься,

Что же сказать о томъ, если выгоды большаго значенія приносятся въ жертву выгодамъ меньшаго значенія, и при томъ только для того, что плоды первыхъ ожидаютъ нашихъ дѣтей, или внуковъ а польза вторыхъ, хоть и мелкая, недалека и ощутительна? Дѣйствительно, и та, столь извѣсная въ исторіи Израильтянъ, продажа первенства за тарелку похлебки, тоже не была дѣломъ сантиментальной политики; однако же, намъ говорили въ дѣтствѣ, и здравый разсудокъ то подтверждаетъ, что поступившій такимъ образомъ совершилъ сдѣлку, вовсе недостойную подражанія.

Теорія большихъ соединеній, высказанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ Императоромъ Наполеономъ III, безъ сомнѣнія, заключаетъ въ себѣ мѣткое опредѣленіе человѣческихъ страстей, обнаруживающихся, съ возрастающею быстротою, въ настоящую пору. Но соединенія могутъ быть различныя: одни съ великою будущностью, другіе съ уродливою. Слѣдовательно, не все равно, къ которой изъ нихъ присоединиться, и, дѣлая между ними выборъ, слѣдуетъ обращать вниманіе не на какія ни будь ничтожныя уступки, представляющіяся съ перваго раза.

Или мы признаемъ себя принадлежащими къ Славянской отрасли, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ мы должны ясно и утвердительно сказать себѣ, что, при невозможности для насъ отдѣльнаго народнаго существованія, все, что намъ остается, все, что можемъ мы сдѣлать, не разрывая узъ съ прошедшимъ и не отрекаясь отъ предковъ и

государственную поддержку достаточною (!!!) для заселительскихъ цѣлей» (!!!) для отрасли столь трудолюбивой, какова Нѣмецкая (!!!).

«Менѣе всего было бы желательно для Поляковъ соображеніе, что Нѣмецкій народъ, не послѣдовавъ ни одному изъ означенныхъ предположеній рѣшился бы довольствоваться «новымъ разграниченіемъ съ Россіею». Въ этомъ предположеніи Поляки сдѣлались бы «подданными Нѣмецкаго Императора», и не могли бы ожидать правъ лучше тѣхъ, которыя предоставлены В. К. Познанскому. «Однако же, и это соображеніе мы сочли бы теперь счастливымъ для себя событіемъ (!!!). Такъ тяжела жизнь Поляковъ подъ Русскимъ правленіемъ.»

крови нашей, состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ возможно скорому осуществленію обширнаго Славянскаго отечества, и не только обширнаго, но сильнаго, надѣленнаго высокимъ совершенствомъ организаціи, и по тому способнаго развернуть огромное могущество въ войнѣ и мирѣ, дающаго всевозможныя ручательства для постепенно возрастающаго успѣха въ просвѣщеніи, нравственности, правосудіи; отечества, которое было бы обширнымъ полемъ для всякаго рода труда, истинной святыней почитанія Бога въ дѣлахъ человѣка. Во второмъ случаѣ, т. е., если мы не чувствуемъ въ себѣ никакого родства со Славянствомъ, не будемъ, по крайней вѣрѣ, говорить о немъ, перестанемъ декламировать, будто не одна Россія помнитъ о немъ, приговоримся окончательно къ борьбѣ на жизнь и смерть съ природою вещей, къ борьбѣ, въ которой и самъ не желалъ бы участвовать, и другихъ не сталъ бы уговаривать къ ней. [20]

На нашихъ глазахъ совершилось объединеніе Нѣмцевъ. Между южною и сѣверною частями ихъ находятся извѣстныя противоположности въ вѣрѣ, нравахъ и даже въ языкѣ. Швабскаго нарѣчія, употребительнаго на югѣ, никто изъ насъ,да же говорящихъ отлично по Нѣмецки, не поймете, не изучивъ его особенно. Не будемъ говорить, будто нарѣчіе это грубо, необработанно, безграмотно. Во времена Гогенштауфеновъ оно могло бы сдѣлаться языкомъ Нѣмецкаго образованія; нарѣчіе это обладаетъ почтеннымъ числомъ эпическихъ и лирическихъ поэтовъ; на немъ написаны Нибелунги; въ немъ остались памятники, и въ наше время доставляющіе любителямъ Нѣмецкой литературы высшее наслажденіе. Но въ XVI вѣкѣ оно должно было уступить мѣсто Саксонскому нарѣчію, по той причинѣ, что на немъ говорила та часть Нѣмцевъ, въ которой начали вырабатываться истинныя идеи новаго міра всего Германизма и восходить первыя сѣмена новой гражданственности этой отрасли человѣчества. Что же бы мы сказали, если бы южные Нѣмцы, воспользовавшись запутанностію обстоятельствъ въ 1870 г. между Сѣвернымъ Союзомъ и Франціею, и видя невозможность отдѣльнаго существованія, пришли къ такому соображенію, что въ

«Пусть также Русское образованное сословіе пойметъ, что не одна Россія сознаетъ обязанности свои къ Славянамъ; что и Польскій народъ, принадлежащій тоже къ Славянской отрасли, хотя и скованъ рабскими оковами, не потерялъ, однако же, полнаго сознанія своихъ обязанностей, и знаетъ, чего вправѣ ждать отъ него другія славянскія народности» (Упомянутое выше сочиненіе Do «Intellig. Ross.,» въ заключеніи).

виду противорѣній, раздѣляющихъ ихъ съ сѣверною вѣтвью, для нихъ будетъ гораздо полезнѣе подумать о соединеніи съ Франціею, къ которой могло тогда привлекать ихъ и единство вѣры, и чрезвычайное богатство хорошо воздѣланныхъ земель, и военное могущество, на ряду съ признанною всѣми блестящею гражданственностью? Какъ посторонніе свидѣтели и, слѣдовательно, способные къ безпристрастному суду, мы сказали бы, что они затѣваютъ уродливое дѣло, которое не возможно ни исполнить ни прочно повести впередъ, по тому что оно идетъ въ разрѣзъ съ послѣдовательностію племенной исторіи, по тому что оно противуестественно. Къ этому мы бы присовокупили, что не они поворотятъ колесо историческаго шествія, но сами будутъ имъ раздавлены и по ихъ хребту пройдутъ неотвратимыя судьбы племенной вѣтви и человѣчества, для дальнѣйшаго развитія котораго необходимъ могущественный строй Германизма.

То же самое, слово въ слово, сказалъ бы и о насъ безпристрастный посторонній судья, о насъ, Полякахъ, соединенныхъ съ Русскимъ народомъ узами общественнаго права, гораздо сильнѣйшими, чѣмъ тѣ, которые выработаны договорами взаимной обороны, съ 1870 года соединяющими Южныхъ Нѣмцевъ съ Сѣвернымъ Союзомъ, если бы мы принимая во вниманіе единственно противоположности въ вѣрѣ, преданіяхъ и языкѣ, которыя, безъ сомнѣнія, отличаютъ насъ отъ нашего Сѣвера, сказали себѣ, что намъ лучше быть съ Австріей, къ которой влечетъ насъ тождество вѣры и постоянно открытый рынокъ для торговъ по части «Ауслейховъ», или, наконецъ, хотя бы въ формѣ самой покорной ленной зависимости съ Нѣмецкою Имперіею, столь богатой въ экономическомъ отношеніи, столь прекрасно управляемой и столь могущественно представляемой извнѣ. Если бы мы, въ свою защиту, стали доказывать нашему судьѣ, что разсуждать такимъ образомъ заставляетъ насъ политика выгодъ, повѣрьте, онъ внутренне разсмѣялся бы, если бы даже самъ былъ Нѣмецъ. По этому я крѣпко убѣжденъ, что если бы настоящія мои слова были переведены на Нѣмецкій языкъ и прочитаны Нѣмецкими государственными людьми, то они, безъ сомнѣнія, сказали бы промежъ себя: «Этотъ человѣкъ правъ!» но пусть бы и Поляки сказали, что: «Онъ говоритъ не правду,», не мѣшало бы коечто шепнуть имъ объ этомъ, но, говоря между нами, этотъ человѣкъ правъ.

Во времена Герцогства Варшавскаго нельзя было у насъ называть Императора Наполеона иначе, какъ Наполеонъ Великій: во времена Второй Имперіи неприлично было написать политическую книгу

жонку, не ударивъ челомъ, по крайней мѣрѣ, три раза, въ началѣ, серединѣ и концѣ, передъ геніемъ могучаго повелителя и политическаго знатока, правящаго изъ Тюльери судьбами всего міра. Въ настоящее же время вошло въ моду, послѣ каждыхъ десяти словъ о политикѣ, упомянуть, по крайней мѣрѣ, разъ о государственномъ мужѣ, могущественно правящемъ дѣлами Нѣмцевъ. Многимъ кажется, будто достаточно только произнести эту освященную формулу, чтобы и самому тотчасъ же сдѣлаться государственнымъ мужемъ, показать свѣту, что онъ тоже принадлежитъ къ числу людей, глубокомысленно разсуждающихъ объ интересахъ Европейскихъ государствъ и, въ случаѣ надобности (по чему жь бы и не такъ?), прибрать въ могучія руки кормило этихъ же интересовъ. Пусть же подобные дипломаты позволятъ замѣтить имъ, что для служенія политикѣ интересовъ недостаточно одной готовности поступить на службу къ тому бы то ни было, съ единственнымъ условіемъ не служить даромъ. Если безпрекословно слѣдуетъ воздавать честь человѣку, правящему въ настоящее время дѣлами Нѣмцевъ, то безмѣрно большая честь Нѣмецкому народу, такъ трезво и основательно понимающему племенной интересъ, народу, способному, для высшихъ цѣлей, отказаться отъ вѣковыхъ привычекъ къ извѣстнымъ особямъ политическаго быта, съ которыми онъ былъ такъ слитъ всѣмъ своимъ существомъ, что до послѣдняго времени всѣ сомнѣвались, чтобы когда либо могъ онъ стать выше ихъ уровня. И прежде у Нѣмцевъ были весьма знаменитые государственные люди. Не смотря на то, дѣло объединенія не клеилось до тѣхъ поръ, пока не созрѣлъ самъ народъ, пока отдѣльныя племена, его составляющія, не прониклись до глубины убѣжденіемъ, что одному изъ своей среды они должны предоставить первенство, собраться около него, для освобожденія отъ извѣстнаго рода подчиненности, въ которой издревле удерживали ихъ лучше строившіеся сосѣдные сосѣди, парализируя тѣмъ самыя жизненныя силы всей племенной отрасли.

Въ силу этого я рѣшился подать пишущимъ у насъ политическія статьи мысль говорить намъ какъ можно больше не о государственныхъ людяхъ, но о томъ разумномъ Нѣмецкомъ народѣ, который въ настоящее время сталъ такъ высоко, благодаря лишь собственному постоянному труду надъ самимъ собою. Кто научилъ бы насъ подражать этому народу, тому, полагаю, стоило бы воздвигнуть памятникъ изъ бронзы и мрамора. Найдутся и въ Славянствѣ знаменитые государственные люди: слѣдуетъ только подготовить для нихъ хорошую почву, такую, на которой они могли бы стать незы-

блемо. Это зависитъ отъ насъ и составляетъ нашу обязанность; остальное предоставимъ Провидѣнію, на которое можемъ смѣло положиться.

Какъ бы предупреждая послѣдовательное развитіе настоящаго сочиненія, я вынужденъ былъ здѣсь же высказать нѣкоторыя мысли, которыя умѣстнѣе было бы развить въ слѣдующихъ отдѣлахъ. Но мнѣ казалось, что, не отодвинувъ теперь же до извѣстной степени завѣсу отъ образа, въ какомъ представляется моей мысли наша будущность, я не могъ бы изобразить всѣхъ уродливостей тѣхъ Прусскихъ, Австрійскихъ соображеній, которыми иногда такъ легковѣрно забавляются между нами нѣкоторые составители проектовъ, и которые, если бы, сохрани Богъ, въ самомъ дѣлѣ пришлись по вкусу нашему народу, то по истинѣ принесли бы ему кровавые плоды. Когда же, наконецъ, захотимъ мы понять, что бывшія до сихъ поръ распри наши съ Русскимъ народомъ приносятъ пользу только кому либо третьему, именно тому государству, для котораго мы должны бы менѣе всего трудиться, по тому что оно было, и въ истину и нынѣ остается естественнымъ нашимъ врагомъ. Оно задумало раздѣлъ Польши, и заработало на немъ больше всѣхъ. Для него составляетъ интересъ первой важности какъ можно болѣе [21] поддерживать то раздражительное состояніе между Польскимъ и Русскимъ народомъ, при помощи котораго оно старается обезсиливать слишкомъ грознаго для себя сосѣда. А мы такъ простодушно идемъ въ ловушку! Признаюсь, я всегда былъ убѣжденъ въ томъ, что извѣстныя иноземныя руки, привыкшія дѣйствовать съ неизъяснимою ловкостію, способствовали и въ 1862—63 годахъ уничтоженію, въ самомъ зародышѣ, нашего соглашенія съ Россіею, въ то время столь возможнаго и самой Россіей столь желаннаго. Умѣли они, для своего интереса, своевременно воспользоваться завзятостію нашею противъ всякаго соглашенія съ Россіею точно также, какъ, назадъ тому сто лѣтъ, поживились нашею страстною привязанностью къ внутренней безурядицѣ нашей. Разумѣется, доказательствъ у меня на это нѣтъ; подобную работу нельзя поймать съ поличнымъ; тысячи завѣсъ скрываютъ ее отъ глазъ, не посвященныхъ въ тайны; но за меня говорятъ исторія, логика и опытъ ежедневной жизни. Остережемся же, чтобы тѣ же руки, тѣми же средствами и благодаря тѣмъ же недостаткамъ нашимъ, не провели снова насъ.

---

[21] Мысль эта принадлежитъ А. П. Ермолову. См. его «Записки о войнѣ 1812 года,» помѣщенныя въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1864—1866, и особо.

При этомъ прошу принять во вниманіе, что, при изложеніи на-оящаго сочиненія, не руководитъ мною какая либо ненависть, или расположеніе, къ Нѣмецкому народу. Я далекъ отъ того, чтобы умаг ь огромныя достоинства этого племени, равно какъ и необъятныя луги, оказанныя имъ человѣчеству. Напротивъ, я исполненъ уваже- къ трудамъ этого благороднаго племени на поприщѣ науки, поэзіи искуства, къ общественнымъ учрежденіямъ, которыя онъ умѣлъ раз- ть у себя, къ возвышеннымъ понятіямъ о государствѣ, обществѣ, мьѣ и отдѣльной человѣческой личности, которыя онъ умѣлъ создать бѣ; къ тому трудолюбію, семейной жизни и глубинѣ религіозности, торыми онъ такъ достойно отличается среди всѣхъ другихъ пле- нъ. При томъ я соединенъ съ избранными членами этого народа личными чувствами дружбы, знакомства, общности воззрѣній и ривычекъ въ извѣстныхъ сферахъ умственной жизни. Мнѣ дороги акже и воспоминанія лѣтъ, прожитыхъ въ средѣ этого, столь высоко разованнаго Нѣмецкаго общества.

Но все это само по себѣ, а Славянскій вопросъ, т. е., вопросъ жизни, не для меня лично, по тому что много ли мгновеній отдѣляетъ ня отъ гроба! но для моего сына, но для нашихъ сыновей, для вободно развивающейся жизни, а не для самаго худшаго изъ всѣхъ ро- въ подданства,—закрѣпощенія племенымъ подданствомъ. Это такой опросъ, ради котораго, въ случаѣ необходимости, слѣдуетъ пролить слѣднюю каплю крови. И въ этомъ положеніи я не увлекаюсь мечта- емъ, или навѣтами родовой ненависти, но высказываю убѣжденіе, снованное на причинахъ, которыя будутъ выяснены въ слѣдующихъ тдѣлахъ. Убѣжденіе это пріобрѣтено мною послѣ многолѣтнихъ раз- ышленій надъ судьбою нашего народа, въ особенности въ то время, огда я съ удивленіемъ присматривался въ близи къ Нѣмецкому на- оду.

Пусть читатель войдетъ въ химическую лабораторію, и велитъ одать себѣ два тѣла, не имѣющія между собою никакого сродства; пусть вложитъ ихъ въ реторту, поставитъ на самый сильный огонь, ропитываетъ сильнѣйшими кислотами,—ничего изъ этого не выйдетъ. Нужно будетъ все выбросить за окно, или же одно изъ тѣлъ уничто- жить окончательно, чтобы и слѣда его не осталось въ ретортѣ, въ до- вокъ, вытереть ее.

Въ началѣ настоящаго отдѣла было сказано, что мы дожили до того мѣста, отъ котораго расходятся разныя дороги: одну изъ нихъ нужно избрать рѣшительно.

Въ главныхъ чертахъ мы уже видѣли, какія именно это дороги Онѣ ведутъ:

Одна къ Нѣмцамъ.
Другая въ Австрію.
Третья въ Россію.

Разберемъ теперь подробно каждую изъ нихъ.

IV.

Достаточно присмотрѣться на картѣ къ границѣ между владѣніями Нѣмецкой Имперіи и землями, подвластными Русскому скипетру, чтобы убѣдиться, что на этихъ равнинахъ будутъ еще рѣшаться великія судьбы. Столкновеніе интересовъ и, при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ, вспышка самыхъ народныхъ инстинктовъ, могутъ сдѣлаться знакомъ пожара, размѣровъ котораго, хода и окончательныхъ послѣдствій заблаговременно исчислить не возможно. Счастье можетъ послужить Прусскимъ орламъ и въ этой четвертой войнѣ; и мы можемъ дождаться и втораго изданія битвы подъ Гринвальдомъ. Судьба войны перемѣнчива. Однако же, нѣтъ недостатка и въ такихъ головахъ, которыя готовы впадать въ идолопоклонство: какъ прежде Французы, такъ теперь Прусаки, для нихъ непобѣдимы. Отсюда выводится заключеніе, что будь только война, Прусаки побѣдятъ Россію, а такъ какъ на свѣтѣ даромъ не дерутся, то непремѣнно коечто урвутъ и у Россіи, а это коечто и будетъ Польша, быть можетъ только до Вислы, а то и до Нѣмана. «Можетъ ли это огорчать насъ?» шепчутъ намъ въ уши какіе-то, наполняющіе воздухъ, голоса?» Можетъ ли это огорчать насъ? Ни сколько! отвѣчаемъ мы на этотъ вопросъ. «Если не можемъ сдѣлаться Поляками, будемъ Нѣмцами. За то у насъ будутъ: Европейская образованность, хорошія училища, безопасность личная и имущественная, а Россія получитъ возмездіе за наше угнетеніе.»

Все это умствованіе проникаетъ меня глубочайшею горестью по тому что это отчаяніе въ формѣ силлогизма.

Во первыхъ, можетъ пройти много лѣтъ, пока дойдетъ до предполагаемаго столкновенія. Это значитъ откладывать окончательное устройство своей судьбы на неопредѣленное время.

Во вторыхъ, когда приблизится столкновеніе, итогъ его можетъ выпасть въ пользу Россіи, а не Пруссіи. Подобнымъ же образомъ случилось и въ 1812 году, хотя Наполеонъ I и не предви-

алъ, кажется, къ дюжиннымъ полководцамъ. Это значитъ искать ебѣ спасенія въ своего рода лотереѣ.

Въ третьихъ, если бы даже Прусаки одержали верхъ, то они ни ъ какомъ случаѣ не могли бы отнять у Россіи всей бывшей Польши. Ы опять были бы раздѣлены: одни подчинены Прусскому владычеству, другіе остались бы при Россіи. Между тѣмъ, будучи на сторонѣ оссіи, мы могли бы надѣяться, и далеко не безплодно, возсоединить о временемъ, хотя, быть можетъ, и въ отдаленной только будущности, остальныя части нашего отечества, перешедшія въ чужія, не Славянскія, руки, и такимъ образомъ снова соединить нашъ трудъ и долю, ъ чему стремиться предписано намъ нашими преданіями и интересомъ всего Славянскаго племени.

Въ четвертыхъ, въ какой бы мѣрѣ Россія ни потерпѣла пораженіе, достовѣрно то, что стойкій и готовый на великія жертвы Русскій народъ ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы отрѣшить себя отъ Славянскаго предназначенія (миссіи). При всякой случайности онъ возвращался бы къ борьбѣ, для возвращенія оторванныхъ у него областей. И такъ нашъ край сдѣлался бы театромъ постоянныхъ военныхъ столкновеній, землею, въ которой, даже въ промежуткахъ мира, стратегическіе вопросы долгое время первенствовали бы надъ всякими другими интересами, а во время открытой борьбы кровь нашихъ дѣтей всегда ыла лилась обильнѣе, и наши имущества дѣлались бы первою жертвой. Каковы виды!

До сихъ поръ мы смотрѣли на вещи съ той стороны, съ какой онѣ могутъ быть поставлены стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ безъ всякаго участія съ нашей стороны. Но при этомъ, по крайней мѣрѣ, не могло быть рѣчи о нравственной отвѣтственности нашей объ угрызеніяхъ собственной совѣсти и строгомъ судѣ грядущихъ поколѣній.

Взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Предположимъ, что мы ами облегчили бы Прусакамъ покореніе извѣстной части нашего края, ъ надеждѣ получить за это ручательство высшаго образованія и лучшаго экономическаго быта. Предположивъ это, зададимъ себѣ вопросъ: Что же, по всей вѣроятности, послѣдовало бы послѣ, и что мы заработали бы на нашемъ предпріятіи?»

Не подлежитъ сомнѣнію, что Прусское правительство, располагая необъятными образовательными средствами, а въ настоящее время столь же огромными и денежными, немедленно озаботилось бы о

водворенін въ отнятыхъ отъ Россіи областяхъ найлучшаго порядка въ управленіи и судѣ, снабженіи училищъ отличными наставниками, о сообщеніи земледѣлію и промышленности великаго движенія. Въ слѣдствіе этого все, что въ нашемъ краѣ составляетъ движеніе, труд, экономическую и умственную жизнь, было бы окружено какъ нѣкоею новою атмосферою. Все это справедливо. Но такое возрожденіе вытекало ли бы изъ насъ самихъ, органическимъ путемъ, какимъ только и совершается истинное общественное возрожденіе? Ни сколько! Собственно говоря, насъ ожидало бы не возрожденіе, а залитіе сверху и при посредствѣ всѣхъ внутреннихъ поръ, куда только можно проникнуть, элементомъ выше насъ образованнымъ, который столь же намъ несвойственъ и столь же не нуждается въ насъ, какъ и тѣ тѣла, не имѣющія между собою никакого химическаго сродства, о которыхъ говорили въ предыдущемъ отдѣлѣ. Мы тотчасъ же увидѣли бы тьму чуждыхъ людей въ управленіи, судѣ и общественномъ воспитаніи дѣтей, дѣйствительно почтенныхъ, обладающихъ высокимъ общечеловѣческимъ и профессіональнымъ образованіемъ, но чуждыхъ, совершенно чуждыхъ, намъ по языку, обычаямъ привычкамъ и по преданіямъ прошлаго и по видамъ въ будущемъ приходящихъ къ намъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ о своемъ племенномъ превосходствѣ и возникшею въ послѣднее время теоріи будто мы не въ силахъ съ ними сравняться, какъ низшая порода менѣе способная къ гражданственности, а по мнѣнію нѣкоторыхъ и ко всѣмъ къ ней неспособная. Сначала намъ дѣйствительно было бы хорошо жить подъ властью столь разумныхъ и усердныхъ вожаковъ, но, если можно употребить такое сравненіе, мы были бы стадомъ подъ хорошими загонщиками. На долго ли мы въ состояніи довольствоваться подобнымъ положеніемъ дѣлъ?

Правда, промышленность въ краѣ развилась бы. Но сдѣлался ли бы отъ этого нашъ ремесленникъ болѣе искуснымъ въ своемъ промыслѣ, обстоятельнѣе въ жизни, болѣе проникнутъ высшими воззрѣніями о предназначеніи и обязанностяхъ труженика? У него, лишеннаго въ короткое время до послѣдней нищеты превосходствомъ соперничества чужеземнаго промышленника, недостало бы и времени необходимаго для преобразованія своихъ нравовъ. Мы безотлагательно увидѣли бы наши города, наполненные проходимцами разныхъ профессій, снабженныхъ всевозможными средствами производства, какъ въ отношеніи капитала, такъ и въ смыслѣ знанія и опытности. Эти гости показались бы намъ сперва очень милыми и полезными. И не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, они стали бы между нами устро-

ать отдѣльные кружки и общества, и мы не успѣли бы оглянуться, акъ эти люди заняли бы, въ отношеніи нашей общественности, по-оженіе явнаго контраста, какъ элементъ, имѣющій исключительное раво на будущность.

Что касается земледѣлія, разумѣется, нельзя утверждать, будто асъ, туземцевъ, можно тотчасъ поставить на одну черту съ красно-жими Американцами. Но достовѣрно и то, что, по прошествіи из-ѣстнаго времени, мы съ удивленіемъ замѣтили бы, что ряды наши го-то сильно начали рѣдѣть, и при томъ такъ, что мы долгое время не замѣчали, какъ насъ по немногу убывало бы. Удивленіе наше ыло бы тѣмъ болѣзненнѣе, что мы не могли бы сказать, будто отъ ого потерпѣла вообще обработанность нашего края; напротивъ, мы лжны были бы сознаться, что въ то же самое время земледѣліе на ло процвѣтать и очевидно вступило въ область рѣшительнаго раз-тія.

Край нашъ еще весьма мало населенъ. На протяженіи 2215 кв. ль, составляющемъ поземельную область Королевства, въ непродол-ительномъ времени могло бы поселиться, сравнительно съ нынѣш-мъ, въ два раза большее число жителей. Въ пограничной нынѣ лезіи считалось въ 1867 году на 731 кв. милю 3,586,000 жителей; ѣдовательно, въ такой же пропорціи въ нашемъ Королевствѣ могло ихъ быть 10,866,000, тогда какъ въ 1866 году у насъ не было ъ болѣе 5,319,000. До какого числа можетъ достигать населеніе при роихъ условіяхъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, осуществленіе горыхъ не превышаетъ способностей Нѣмецкаго племени, доказываетъ мъ, не слишкомъ отдаленное отъ насъ, Королевство Саксонское, въ горомъ на 272 кв. миль насчитываютъ 2,423,000 жителей, по 8,910 1 кв. милю. Достаточно сказать, что одна теперешняя Варшавская бернія занимаетъ пространство, равное пространству всего Сак-нскаго Королевства, тогда какъ все населеніе ея составляетъ не ѣе 816,000 человѣкъ, включая сюда и Варшаву съ 180,000 жи-ей. [22] Разсчитывая по Саксонской мѣркѣ, у насъ могло бы быть до милліоновъ населенія!

Мы видимъ, какъ много у насъ мѣста для тѣхъ, кто пожелалъ прійти къ намъ и поселиться между нами. Не понимаю, отъ о бы Пруссіи, по достиженіи округленія своихъ границъ на востокѣ,

---

[22] Kolb Handbuch der vergleichenden Statistik. 4 Auflage. Leipzig, 1871.

чего она издавна желала въ тихомолку, не употребитъ всѣхъ тѣхъ средствъ заселенія, какими она располагаетъ въ настоящее время, стоя во главѣ всѣхъ Нѣмцевъ. Не забудемъ, сколько въ настоящее время выѣзжаетъ ежегодно Нѣмецкихъ выселенцевъ въ Америку. Въ одной Нью-Іоркской пристани высадилось ихъ: въ 1866 году 106,000; въ 1867 году 117, 591; въ 1868, 101,989: въ 1869 101,571. И съ какими трудностями и опасностями сопряжено столь отдаленное путешествіе! На 500 отплывающихъ обыкновенно одинъ умираетъ въ пути. А сколькихъ еще это, столь трудное и опасное плаваніе воздерживаетъ отъ переселенія! Принявъ въ соображеніе означенныя числа, можно, полагаю, опасаться, чтобы области, отдаленныя отъ Россіи, доставшись однажды въ Прусскія руки, не сплавались поприщемъ быстраго и чрезмѣрно мощнаго заселенія ихъ чуждаго, но сильнаго, элемента, съ цѣлію обезпечить въ нихъ за всегда Нѣмецкое владычество, которое немедленно же было бы провозглашено стратегическою линіей, столько же важной для Имперіи на востокѣ, какъ Эльзасъ и Лотарингія на западѣ. Настоящее положеніе дѣлъ въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ можетъ дать только слабое понятіе о томъ, что насъ могло бы ожидать въ будущемъ. Можно смѣло сказать, что оно не дастъ намъ никакого понятія, по той причинѣ, что правительство, столь разумное и осторожное, каково Прусское, навѣрное еще не разоблачило въ Познанской области тѣхъ батарей онѣмеченія, которыя оно держитъ въ запасѣ про тотъ случай, когда силою, или ловкимъ поворотомъ, оно подведетъ насъ подъ ихъ вѣрный огонь.

Мы видимъ, къ какому знаменателю приводится то, столь справедливо желательное для насъ, Европейское образованіе, которое Прусаки непремѣнно принесли бы къ намъ, только, къ несчастію, и для насъ. Мы видѣли бы его вокругъ себя; на каждомъ шагу у насъ была бы возможность ощутительно оцѣнять его достоинства и пользу; но какъ племя, мы были бы только зрителями его, а не участниками. Прошу обратить вниманіе: я говорю, что въ этомъ положеніи мы были бы какъ племя: безъ сомнѣнія, извѣстному числу самолюбцевъ, отдѣльно взятыхъ, могло бы быть въ этомъ новомъ порядкѣ вещей очень хорошо, даже какъ нельзя лучше; но изъятія не опредѣляютъ истиннаго характера событій. Какъ племя, повторяю, и какъ племя Польское, мы удостовѣрились бы въ самомъ непродолжительномъ времени, что, какъ прежде не было уже для насъ мѣста въ такъ называемомъ, Европейскомъ концертѣ, такъ и впредь не будетъ [illegible]

ъ человѣчествѣ. Самое лучшее въ этомъ случаѣ послѣдовать примѣру Американскихъ краснокожихъ, и—вымереть какъ можно скорѣе.

Быть можетъ, кто либо укоритъ меня въ томъ, что я преувеличиваю. Въ такомъ случаѣ я предложу ему проѣхаться по нѣкоторымъ, прежде бывшимъ, Славянскимъ землямъ, населеннымъ теперь Нѣмецкимъ племенемъ и напоминающимъ одними названіями нѣсколькихъ ѣстностей прежнюю свою къ намъ принадлежность. Пусть взглянетъ нъ хотя бы на Вендовъ, господствовавшихъ когда-то надъ Лабою, теперь, въ прежнихъ своихъ Драждянахъ, нынѣшнемъ Дрезденѣ, ользующихся всего четырьмя проповѣдями въ годъ на своемъ языкѣ. [23]

Не огорченіе подсказываетъ мнѣ настоящія мысли. Я далекъ отъ ого, чтобы упрекать Нѣмцевъ за окончательное подавленіе народности у означенныхъ Славянъ; далекъ также и отъ того, чтобы читать имъ наставленіе за готовность ихъ при случаѣ сдѣлать и съ нами о же самое. Процессъ этотъ такъ естественъ въ исторіи человѣчества, какъ въ физическомъ мірѣ любой процессъ химическаго разложенія. Болѣе сильное племя приходитъ къ племени менѣе сильному: ъ этой самой минуты начинается между обоими борьба за существованіе, борьба глухая, невидимая, возникающая весьма естественно, безъ вызова, безъ хвастовства, и, что всего замѣчательнѣе, безъ ѣсткости въ сердцахъ, хотя иногда и это случается. Она бываетъ олѣе, или менѣе, продолжительна и завершается, какъ всякая борьба а существованіе, возникающая въ различныя геологическія эпохи ежду разными существами и новыми условіями жизни на землѣ: оборются нѣсколько съ ними, и наконецъ навсегда распрощаются съ емлею. Впрочемъ, неблагоразумно и роптать на то, что составляетъ естественный процессъ. На столько, однако же, неблагоразумно

---

[23] Быть можетъ, не всякому читателю извѣстно, какимъ Польскимъ языкомъ въ Восточной Пруссіи обращаются теперь къ народу газеты, назначенныя для сего употребленія. Вотъ нѣсколько строкъ, извлеченныхъ изъ «Pruskiego Przyjaciela Ludu,» издающагося еженедѣльно въ Кенигсбергѣ. «Na żądanie ministra wojskowego, od ministra od handlu w Berlinie wydano, że gdy teraz rekruci do wojska osadzącego Francyi mają być prowadzeni, tedy nie mają używać wozów, któremi zwyczajnie woženi będą; ale wszystkie wozy mają być jak one wozy, któremi podróżnych na trzeciéj klassie woženi bywają. Zostało to dla zimna urządzone; bo one wozy dla wojska są nie jak wozy, któremi się dóbr wozi, tylko że w nich ławki są.“ (Królewiec, Piątek, 12 Januara, 1872 roku, No 2. Przyjaciel Ludu wychodzi w Piątek, połarkusza tęgi (этѣмъ хотѣлъ сказать: «ein starker halbe Bogen»). Газета печатается Готическими буквами.

и подготовлять добровольно почву для такихъ событій, въ слѣдствіе которыхъ означенный естественный процессъ неминуемо долженъ начаться. Усматривая изъ исторіи, что Нѣмцы, гдѣ бы они ни были между Славянами, истребляли послѣднихъ въ конецъ, я не могу такъ далеко простирать предразсудковъ собственной родовой привязанности, чтобы не признать, что Нѣмецкое племя въ борьбѣ за существованіе несомнѣнно превышаетъ насъ. По этой причинѣ я не перестаю уважать это племя, не перестаю цѣнить его услугъ по отношенію къ человѣчеству, но говорю самому себѣ, что намъ, Славянамъ, было бы чистымъ съумасшествіемъ и непростительною дерзостію стремиться подъ его владычество, а не пролить скорѣе послѣднюю каплю крови, для спасенія отъ него, пока еще возможно, послѣдующихъ поколѣній. Мы можемъ быть болѣе слабымъ племенемъ; предположимъ, что мы именно таковы; но слабѣе ли мы, или равны, мы всегда въ правѣ оборонять нашъ бытъ и, на сколько можемъ, оборонять его должны.

Правда, что совершающееся въ химическомъ процессѣ мгновенно, въ процессѣ историческомъ осуществляется цѣлыми вѣками. Однако же, считаю излишнимъ доказывать, чтобы это могло поколебать значеніе выше приведенныхъ основаній, и что предоставить себя процессу неизбѣжнаго уничтоженія, хотя бы оно могло воспослѣдовать въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ той надеждѣ, что наши преемники какъ ни будь выпутаются изъ этой опасности, было бы дѣйствіемъ столь же безразсуднымъ, какъ и умышленное вложеніе руки въ зубчатое колесо дѣйствующей машины, въ той надеждѣ, что какою ни есть случайностію удастся вынуть ее невредимою. Когда съумасбродный разсчетъ не осуществится, на кого же тогда пенять: на машину, или на себя?

Предвижу еще одно возраженіе. «Напрасно, могутъ мнѣ сказать, напрасно сочинитель доказываетъ намъ необходимость потери народности подъ главенствомъ Нѣмецкаго племени. Мы знаемъ это; но, выбирая между потерею народности въ Русскомъ направленіи и въ направленіи Нѣмецкомъ, мы выбираемъ обдуманно послѣднюю. Мы примемъ Нѣмецкую образованность какъ превосходящую всѣ другія въ настоящее время, и будемъ ею довольны.»

Если бы меня спросили, что я отвѣчу на это, я началъ бы отрицаніемъ того, чтобы на одни вѣсы можно было класть потерю народности въ Нѣмецкомъ направленіи съ утратою ея въ направленіи Русскомъ. Первое изъ нихъ составляетъ дѣйствительную опасность, угрожающую каждому Славянину, при извѣстномъ теченіи изложен-

хъ выше обстоятельствъ. Второе есть не иное что, какъ то, что
логикѣ называется сущностью мнимою (être de raison). Этому
содержательному предположенію разума ни что не соотвѣтствуетъ
природѣ, по тому что Русская и Польская народности суть двѣ отра-
і одного Славянскаго племени; слѣдовательно, между ними находится
олько сродства, столько общихъ соковъ; что онѣ ежеминутно могутъ
іа съ другою соединяться, не насилуя своей природы. Примѣры
му мы видимъ на каждомъ шагу, или на Русскихъ, прожившихъ
жду нами извѣстное время, или на Полякахъ, брошенныхъ судь-
і въ сплошное Русское населеніе. Въ насильственномъ принужде-
і одной изъ этихъ народностей къ принятію извѣстныхъ особен-
стей другой нѣтъ ничего общаго съ процессомъ естественныхъ,
вынужденныхъ, совокупленій между ними. На сколько принудитель-
я средства возбуждаютъ на этомъ поприщѣ отвращеніе и раздраженіе,
столько же, въ согласіи съ законами природы, дѣло осуществляется
отко и незамѣтно. Въ собственной нашей исторіи есть подобный
нмѣръ. Когда Литва соединилась съ Польшею, въ первой изъ нихъ
лъ въ общемъ употребленіи Русинскій [24] языкъ, составляющій,
къ извѣстно, среднюю отрасль между Русскимъ и Польскимъ. Минуло
сколько вѣковъ, и вся Литва говорила уже по Польски. [25] Можно
і назвать это утратою народности Литвы? Если бы Литва соеди-
лась въ то время не съ Польшею, а съ Москвою, то, по прошествіи
сколькихъ вѣковъ, точно также и Литва говорила бы по Русски,
ли же высшее Русское общество по Русински, смотря по тому, на
торой сторонѣ изъ этихъ двухъ обществъ былъ бы перевѣсъ. Поло-
ь руку на сердце, скажемъ: можно ли назвать это утратою народ-
ости Литвы, или Россіи, въ томъ, однако же, предположеніи, что
оцессъ совершился бы тоже естественно, непринужденно,
о собственному влеченію, [26] какъ между Литвою и Польшею?
о предположимъ, что Литвою овладѣли бы Крестоносцы, какъ это

Отъ чего же не Польско-Русскій, какъ выражается о Бѣлорусскомъ нарѣчіи Литовская шляхта? Но и это невѣрно, по тому что языкъ этотъ—языкъ книжно-Русскій того времени и той среды, въ который со временемъ стали примѣшивать изъ Польскаго тѣ изъ писателей, кто желалъ блеснуть знаніемъ послѣдняго, или же ополячивавшіеся по немногу.

Примѣръ выбранъ очень дурно: приличнѣе было сослаться на Эльзасъ, а не на Литву, ополяченье которой совершилось рядомъ неслыханныхъ обмановъ и насилій.

Извѣстно, каково это естественное влеченіе Литвы къ Польшѣ.

могло быть въ XIII, или XIV, вѣкахъ. Въ такомъ случаѣ высшее Литовское общество приняло бы Нѣмецкую образованность, а низшія сословія низошли бы на степень какихъ ни будь Кашубовъ и были отрѣзаны отъ высшихъ общественныхъ слоевъ и, слѣдовательно, отдѣлены непроходимою пропастью и отъ всего міра. Пусть читатель сообразитъ, былъ ли бы подобный оборотъ дѣлъ полезенъ для Литвы?"

Нѣтъ ничего хуже, когда высшее сословіе дѣлается представителемъ образованности, не имѣющей ничего общаго съ образованностью низшихъ сословій. Тогда является у общественнаго тѣла недостатокъ тѣхъ проводниковъ, при посредствѣ которыхъ живительные соки могли бы проникать изъ однихъ слоевъ въ другіе, приносящіе сверху постоянно большій доскъ низшимъ, и въ то же время доставляя снизу неистощимый запасъ естественной свѣжести и здоровья высшимъ. В продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ въ Литвѣ и на Руси высшее сословіе говорило по Польски, а низшее по Русински. Ни одинъ добросовѣстный судья не скажетъ, что такое положеніе [28] дѣлъ было неправильно и вредно образованію. Посмотримъ же на Балтійскія Губерніи. Тамъ мы видимъ земледѣльческое населеніе, состоящее на половину изъ Эстовъ, а на половину изъ Латышей; сверху дворянство и мѣщане какъ представители исключительно Нѣмецкой образованности: въ срединѣ же пропасть и, къ несчастію, пропасть постоянно расширяющаяся. Раздраженіе, споры, постоянное опасеніе: вотъ внутреннее состояніе этого общества! Какая же отъ этого польза образованію и человѣчеству? И что выгадало это несчастное сельское населеніе отъ порабощенія его племенемъ, пришедшимъ въ страну съ несомнѣнно высшимъ образованіемъ, и сперва заведшимъ въ ней безспорно лучшее устройство, а въ настоящее время оставшимся тѣмъ же, чѣмъ оно было во время завоеванія, т. е., высшимъ и чуждымъ? Какая же польза отъ того, что Нѣмецкая образованность заключаетъ въ себѣ неисчерпаемыя сокровища для образованія человѣческихъ обществъ и отдѣльно каждаго человѣка, во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, когда нѣтъ тѣхъ путей и каналовъ, при посредствѣ которыхъ она могла бы проникать въ нижніе слои?

---

[27] Подъ Литвою тутъ, выше и ниже, слѣдуетъ вездѣ разумѣть не собственно Литву, а Великое Княжество Русско-Литовское.

[28] Положеніе было и неправильное и вредное, по тому что Русскіе, Бѣлорусы и Литвины, были обращены Поляками въ хозяйственныя орудія, подобно тому, какъ Нѣмцы обратили въ такихъ же безсловесныхъ животныхъ обитателей Балтійскаго побережья.

Собственно у Нѣмцевъ самое существованіе племеннаго общенія ізшихъ сословій съ высшими, при распространенной нынѣ грамотно-ти, даетъ во всякое время крестьянину доступъ къ богатствамъ оте-ственной литературы и, такъ сказать, удерживаетъ его въ насто-цемъ единеніи съ народнымъ духомъ. Но что было бы съ несчаст-ымъ Польскимъ, народомъ, и вообще со Славянскимъ простолюдиномъ, ли бы на него нагрянулъ сверху совершенно чуждый ему элементъ? нѣ кажется, изъ того, что большая, или меньшая, частичка насъ, ринадлежащихъ къ образованному разряду, легко могла бы (да и егко ли еще?) соединиться съ Нѣмецкимъ племенемъ, какъ предста-ителемъ образованности, которой мы такъ жаждемъ, что изъ того еще е слѣдуетъ, чтобы образованность вообще выиграла, и чтобы мы сво-мъ переходомъ къ онѣмеченію оказали ей большую услугу. Напротивъ, іобрѣтая личную умственную и экономическую пользу измѣной ин-ересу сословій низшихъ, естественными защитниками котораго ровидѣніе насъ поставило, мы оказали бы весьма горькую услугу остепенному облагороженію массъ, дѣлу, во стократъ болѣе важному экономіи развитія человѣчества, чѣмъ всякое личное исключитель-ое совершенствованіе.

Нѣтъ сомнѣнія, образованность принадлежитъ къ высшимъ цѣлямъ, ставляющимъ предметъ любви и служенія человѣка. Но именно по му, что, будучи истиннымъ благомъ, слѣдовательно, тѣмъ, чего ѣчная Благость никого не лишаетъ, она не можетъ, не должна, ть добываема съ очевидною обидою человѣчества вообще; а бу-чи пріобрѣтена лично, цѣною отступничества отъ дѣла массъ, а перестаетъ быть даже нравственною заслугою.

Въ началѣ настоящаго отдѣла мы указали, какимъ образомъ и ъ какихъ причинъ возникли въ нашемъ обществѣ извѣстныя Прус-кія вліянія. Пусть же нынѣ каждый, имъ сочувствующій, самъ цѣ-итъ ихъ по достоинству!

V.

Переходя, по очереди, къ разбору предположенія или, правильнѣе воря, нѣсколькихъ предположеній, построенныхъ на основаніи при-единенія нашего, со временемъ, къ политическому хаосу, волнующе-ся пока надъ Лейтой, я долженъ предупредить, что мы вступаемъ ъ тѣ сферы, на порогѣ которыхъ невольно сталкиваешься съ вопро-омъ: «Есть ли это произведеніе холоднаго разсудка, или одной фанта-іи?» Ежеминутно будемъ мы испытывать здѣсь непріятное ощущеніе

ускользающей изъ подъ ногъ земли, хожденія какъ бы по облакахъ носящимся въ неясныхъ направленіяхъ и принимающихъ постоянно новыя формы.

То, что манитъ насъ въ ту сторону, представляется нашему воображенію то подобіемъ какой-то миніатюрной Польши съ Габсбургами на престолѣ, то зарею политическихъ созданій совершенно новаго рода, т. е., соединенія народовъ, на первое время тройственнаго, Польско-Чешско-Угорскаго союза, то, наконецъ, какъ тѣло соединившихся Славянскихъ народовъ, но съ Нѣмецкою душою изъ Вѣны дающею повелѣнія разноязычной периферіи. Твореніе это должно получить предназначеніе, не составляющее ни для кого тайны, даже для самихъ Славянъ, движенія Нѣмецкаго племени на Востокъ. [29]

Уже одна послѣдняя перспектива, одна тѣнь подобія, что, и данномъ случаѣ, можетъ осуществиться такое предположеніе, въ которомъ насъ ожидала бы простая роль кондотьеровъ въ службѣ чужаго племени, должна быть достаточною для того, чтобы мы съ отвращеніемъ отвернули глаза отъ проектовъ, могущихъ такимъ образомъ затормозить наше будущее. Такъ, безъ сомнѣнія, и случилось бы, если бы насъ, такъ сказать, не окодловали двѣ весьма знаменательныя идеи, ради которыхъ мы легко забываемъ о прочемъ. Идеи эти уваженіе къ вѣрѣ и уваженіе къ народности. Мы говоримъ себѣ: «Россія не уважаетъ у насъ ни той, ни другой, а, можно надѣяться, что и та и другая будутъ уважаемы со стороны Австріи; приступимъ же,—какъ быть!—приступимъ съ горя, хотя бы и къ такому Австро-Славянскому наслоенію (агломераціи), въ которомъ Славянство останется при Австро-Нѣмецкомъ корнѣ.» Въ какой степени подобное умствованіе можетъ выдержать критику, мы это сейчасъ же увидимъ.

Что касается самобытной Польши, но въ миніатюрѣ, то мы должны отдать себѣ справедливость, что вообще призрачныя мечты этого соображенія не слишкомъ отуманиваютъ наши головы. Напротивъ, кажется, всѣ мы болѣе, или менѣе, не безъ извѣстнаго тревожнаго чувства, думаемъ о политической и экономической будущности которая ожидала бы это микроскопическое произведеніе. Что мы всегда были бы на чужой милости; что мы ежеминутно, противъ нашего желанія, могли быть втянуты въ интересы могущественныхъ

---

[29] См. выше на 21-й страницѣ во 2-мъ (19-мъ) примѣчаніи.

сѣдей, въ слѣдствіе чего снова поплатиться нашимъ политичеимъ бытомъ; что, при отсутствіи какого либо значенія извнѣ, у съ были бы даже во внутренней политикѣ нашей постоянно свяны руки тѣми отношеніями, какія мы обязаны были бы сохранять нашими сосѣдями, въ особенности тѣми, у которыхъ остались стицы нашего прежняго отечества; что намъ ежечасно приходи сь бы испытывать униженіе; что мы не всегда, быть можетъ, умѣбы снести его согласно съ мирнымъ, обязательнымъ для насъ, ложеніемъ, а, слѣдовательно, могли бы повергнуть нашъ край пребшающимъ наши силы бурямъ, во всемъ этомъ у насъ убѣждено ьшинство. Если бы кто до настоящаго времени и глядѣлъ еще ъ этомъ отношеніи на дѣла и не такъ мрачно, тотъ, прочитавъ давно обнародованныя записки Нѣмцевича относящіяся къ временамъ Герцогства Варшавскаго, конечно, мысленно сказалъ себѣ: Вотъ та доля, которая болѣе, или менѣе, ожидала бы и нынѣ миніорнук самобытную Польшу!» У нея, поставленной между тремя тами военными силами, каковы: Россія, Австрія и Сѣверная Германія, какъ нѣкогда Герцогство Варшавское, непремѣнно былъ поровитель, отъ котораго она не могла бы избавиться, если бы даже пожелала; судьба его, въ особенности судьба злосчастная, отражась бы и на ней. Впрочемъ, для полноты картины положенія, слѣуетъ присовокупить, что будущность нашего, хотя и небольшаго, рая, представляется иногда нѣкоторымъ изъ насъ въ совершенно ругихъ краскахъ. Ни что такъ не вводитъ въ заблужденіе, какъ наваніе предметовъ, въ особенности, когда эти названія переносятся ъ однихъ на другіе. Такъ какъ мы были бы малы, то и говоримъ ебѣ иногда, что мы были бы второю Бельгіею; а такъ какъ Бельгія, отя и мала, безспорно пользуется большимъ благосостояніемъ, то, лѣдовательно, и мы были бы счастливы. Это всесторонняя ложь. Чтобы сдѣлаться Бельгіею, недостаточно быть малымъ. Нужно обладать одобнымъ же географическимъ положеніемъ, доступомъ къ Океану всѣми данными, необходимыми для извлеченія пользы изъ этого оступа. Нуженъ такой же покровитель, какимъ для Бельгіи до сихъ юръ была Англія, на бдительность котораго можно бы всегда полаться и дурныхъ намѣреній котораго никогда не слѣдовало бы опасаться; нужно бы превосходить страну, отъ которой мы отдѣлились, аселеніемъ и вообще матеріяльными силами, въ такой, по крайней ѣрѣ, саразмѣрности, въ какой Бельгія превосходитъ Голландію (по переписи 1859 г.: въ первой находится 4,800,000, а во второй 3,200,000 ителей). Между тѣмъ малая Польша была бы болѣе, чѣмъ въ десять

разъ слабѣе того государства, отъ котораго отложилась бы, по стечен какихъ-то особенныхъ обстоятельствъ, противъ его воли, и даже с униженіемъ народной его гордости. Итакъ это сопоставленіе съ Бе гіей скорѣе можно назвать мечтою, чѣмъ хладнокровнымъ расчетом Тотъ оскорбилъ бы нашу народную мысль, кто предполагалъ бы что слабость означеннаго сравненія не извѣстна ей въ большей ч сти очень хорошо. Стало, существенное въ глубинѣ этой мысл если выбросить изъ нея болѣе, или менѣе, мечтательная предпол женія и надежды, можно очертить однимъ словомъ: боязнь. Не см тря на это, небольшой, окруженный тысячами опасностей, но со ственный, кусокъ земли не перестаетъ быть желаннымъ для нас исходомъ изъ настоящаго положенія, по тому что мы говоримъ с бѣ также точно, какъ и тогда, когда думаемъ о скученіи Сла вяно-Австрійскомъ. Будемъ, по крайней мѣрѣ, на этомъ маломъ кус земли обладать обезпеченною вѣрою и народностью; что окончател но, по этой одной причинѣ, мы довольствовались бы и наименьшей лишь бы своею собственностью. Нужно основательно разобрат стремленія и надежды наши, если желаемъ ясно видѣть, куда м идемъ и чего ищемъ. Въ своемъ мѣстѣ мы подробно разсмотрим вопросъ касательно религіознаго спокойствія и народности; тепе же намъ остается просить читателя оставить пока въ сторонѣ с ставленіе окончательнаго мнѣнія и относительно вопроса, о которо мы разсуждали съ нимъ здѣсь.

Остается третье соображеніе, состоящее, какъ мы видѣли, въ сл дующемъ: союзъ (федерація) Польско-Чешско-Угорскій, или вообщ союзъ Юго-Западныхъ Славянъ между собою и Уграми, подъ общи скипетромъ Габсбургскаго Дома. Это соображеніе, кромѣ того что, в добно двумъ предыдущимъ, не возмущаетъ насъ въ отношеніи вѣр и народности, привлекательно для насъ, съ одной стороны, тѣм въ особенности, что напоминаетъ наше соединеніе съ Литвой, осуще вившееся нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, съ другой же открываетъ пере нами въ будущемъ совершенно новую перспективу. Однихъ невол но, безсознательно, влечетъ прелесть новизны и большаго сближен съ Западомъ; другіе, глубже вникая въ дѣло, видятъ его гораз подробнѣе. Передъ ихъ глазами снуютъ величественные образы м ждународныхъ съѣздовъ, совѣщаній, постановляющихъ приговоры судьбахъ Славянства, постоянно возрастающее могущество соедине ныхъ народовъ относительно остальнаго міра, слѣдовательно, и ст пенно возрастающее вліяніе на всѣ дѣла земнаго шара; предста ляются выплывающіе изъ пристаней Адріятическаго моря Славянск

ноты и находящееся съ нимъ въ связи экономическое движеніе на семъ пространствѣ края до отдаленнѣйшихъ уголковъ его. По истинѣ величественные виды! И кто осмѣлился бы утверждать, что это ро сто вдзоръ достойный лишь дюженныхъ за ней; кто сталъ бы оддерживать положеніе, будто однѣ благородныя души въ состояніи олюбить столь возвышенныя надежды? Что касается меня, сознаюсь, то хотя я во всемъ этомъ вижу, по несчастью, однѣ надежды, не огу, однако же, не воздать надлежащей дани высоконравственнымъ оображеніямъ, которыя одни могли возбудить ихъ. Если бы я не ылъ убѣжденъ, на основаніи другихъ источниковъ, что подобная лестящая добыча можетъ ожидать насъ только на пути искренняго оединенія нашего съ Россіею, я самъ бы подчинился обаянію будущности, являющейся въ такихъ образахъ.

Обращаю вниманіе читателя на то, что здѣсь я буду осуждать е выборъ цѣлей, но единственно недостатокъ расчета: есть ли каая либо возможность достигнуть этихъ цѣлей, расчитать не трудно: остаточно подвести итогъ двумъ колосальнымъ затрудненіямъ.

Затруднительность отнятія отъ Россіи если не всей, то большей асти ея Славянскаго призванія (миссіи), затруднительность тѣмъ больая, что нельзя было бы и нравственно достаточно оправдать ея, по ому что изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ одна Россія по настоящее ремя ощущала въ себѣ постоянство въ этомъ призваніи.

Затруднительность удержанія надолго натянутаго и весьма щеотливаго устройства, каковымъ былъ бы даже при нашей жизни ыше упомянутый союзъ народовъ, какъ это будетъ доказано ниже.

Итакъ изъ всего предыдущаго оказывается, что какой бы видъ и приняли соображенія, склоняющія насъ на сторону Австріи, то, чѣмъ онѣ насъ привлекаютъ, сводится къ тремъ большимъ побужденіямъ, каковы:

Убѣжденіе, что вѣра наша будетъ уважаема.

Убѣжденіе, что на столько же и народность наша будетъ уважаема.

Надежда, что союзническія формы дадутъ намъ возможность ще разъ сыграть блестящую роль въ исторіи человѣчества.

Не остается ни чего болѣе, какъ подробно разобрать каждое изъ тихъ побужденіи, и убѣдиться, какое представляется правдоподобіе для существленія надеждъ, заключающихся въ каждомъ изъ нихъ; ибо отъ тепени ихъ правдопобія зависитъ вполнѣ и степень логическаго оправданія всякаго съ нашей стороны сочувствія къ Австріи.

Послѣдуемъ этому плану.

Начну съ уваженія религіи.

Если мы не желаемъ отуманивать самихъ себя шумными словопреніями, то слѣдуетъ начать съ опредѣленія, что мы понимаемъ подъ этимъ уваженіемъ: свободу ли совѣсти, или невозмутимую гармонію между гражданскимъ правительствомъ и духовною властію; или то и другое вмѣстѣ, если и на сколько таковыя могутъ согласоваться между собою.

Свобода совѣсти есть, безъ сомнѣнія, наибольшее благо человѣка и для него онъ можетъ все принести въ жертву. Въ настоящее время значеніе этого блага пріобрѣтаетъ болѣе обширное и основательное значеніе какъ между государственными людьми, такъ и между народами, стремящимися къ преуспѣянію; можно сказать утвердительно, что за нѣсколько лѣтъ въ Европѣ не будетъ мѣста, гдѣ бы означенная свобода не была принята подъ покровительство общественнаго закона. Подождемъ немного: свобода совѣсти будетъ для насъ и въ Россіи, хотя, быть можетъ, она уже была бы у насъ, если бы мы сами, постояннымъ стремленіемъ разорвать соединяющія насъ узы, не помѣшали спокойному развитію общественной жизни въ этомъ государствѣ. Наилучшимъ доказательствомъ тому служитъ обнаруживающееся въ средѣ самихъ Русскихъ стремленіе къ устраненію исключительныхъ для ихъ вѣры гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, какъ не соотвѣтствующихъ Евангельскому духу ихъ Церкви. Любопытный читатель можетъ найти по этому предмету весьма важныя подробности въ недавно изданномъ сочиненіи одного изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ Русскихъ писателей, Г. Самарина, подъ заглавіемъ «Окраины Россіи. Серія первая. Русское Балтійское Поморье,»[30] которое предлагаю его вниманію. Въ этомъ сочиненіи читатель найдетъ самое лучшее доказательство того, какіе необыкновенные успѣхи въ политеческомъ просвѣщеніи дѣлаетъ этотъ родственный намъ народъ съ той поры, какъ воля великодушнаго Монарха вывела его на дорогу приснопамятныхъ преобразованій. Кромѣ извѣстныхъ ограниченій свободы совѣсти,[31] существуютъ еще въ Россіи, въ особенности съ 186...

---

[30] Берлинъ, 1871.

[31] Кажется, рѣчь идетъ о служебныхъ преимуществахъ, какими пользуются у насъ привилегированныя сословія. Но сочинитель забываетъ, что почти все шляхта, и даже титулованная, сама сфабриковала себѣ документы и, при помощи ихъ, готова залить всѣ служебныя отрасли.

ода, извѣстныя распоряженія, лишающія исповѣдующихъ Римско-атолическую вѣру Поляковъ нѣкоторыхъ политическихъ и гражданкихъ правъ. Болѣзненно испытывая ихъ тяжесть, мы, по обыкноенію, относимъ ихъ тоже къ числу преслѣдованій религіи, которымъ подвергаемся. Огорченіе лишаетъ насъ возможности разлиать въ этомъ, какъ бы слѣдовало, послѣдствія отъ цѣли. Въ сущности значенныя распоряженія дѣйствительно направлены у насъ противъ атоликовъ, но задача ихъ преслѣдовать не Католиковъ, а Поляковъ,[32] акъ стихію, упорно непріязненную цѣлости Имперіи. Ни въ одномъ щоровомъ обществѣ правительство не любезничаетъ съ отщепенцами сепаратистами), отступниками (сецесіонистами) и не усыпаетъ имъ пути вѣтами. Если бы мы были послѣдователями Буддизма, или поклонниами огня, а не Католиками, тѣ же распоряженія, которыя мы видимъ аправленными теперь противъ Католиковъ-Поляковъ, были бы направены и противъ Польскаго поклоненія огню, или Польскаго Буддизма, а атолицизмъ, какъ не находящійся ни въ никакомъ соотношеніи съ Іолонизмомъ, былъ бы оставленъ въ покоѣ. Слѣдовательно, собственно ы, нашими политическими заблужденіями, навлекаемъ преслѣдованіе а Католицизмъ въ Россіи. Для положенія преграды этому гнету нѣтъ адобности обращать наши вздохи къ Австріи: достаточно было бы скренне примириться съ Россіею, представивъ ей дѣйствительое ручательство, что съ настоящаго времени мы не хотимъ помышлять о другой будущности, кромѣ общей для обоихъ ародовъ. Это гораздо скорѣе и вѣрнѣе привело бы къ цѣли.

Итакъ замѣтимъ, что свободы совѣсти можно бы достигнуть и не одъ Австрійскимъ только скипетромъ; что основаніе ея находится ъ воздухѣ современной гражданственности, и что на проведеніе ея ъ жизнь въ Россіи мы сами могли бы вліять въ значительной мѣрѣ, если ы въ самомъ дѣлѣ мы этого такъ горячо и такъ искренне желали, акъ и желать стоитъ. При этомъ мы могли бы откровенно признатся, по чему ея у насъ до сихъ поръ нѣтъ.

Что касается гармоніи между свѣтскимъ правительствомъ и духовною властью, то прежде всего мы приходимъ къ тому заключенію, по какъ всякая вообще гармонія, такъ и эта, можетъ быть слѣдствіемъ единственно обоюдной доброй воли и благопріятныхъ обстоятельствъ. Ни одно государство въ свѣтѣ не въ состояніи поручиться

---

[32] И, можетъ быть, поддѣльщиковъ.

за нерушимое сохраненіе, въ одинаковой степени, тѣхъ отношеній, которыя, по своей природѣ, могутъ быть ежедневнымъ слѣдствіемъ ежедневныхъ же отношеній заинтересованныхъ сторонъ. Гармонія между гражданскою и духовною властями, существующая сегодня въ извѣстномъ государствѣ, завтра можетъ, въ слѣдствіе тѣхъ, или другихъ обстоятельствъ, измѣниться въ дисгармонію, а послѣ завтра обратиться снова въ гармонію. Есть примѣры, что некатолическія правительства живутъ въ найлучшемъ согласіи съ Католическою Церковью; есть также примѣры гражданскихъ правительствъ, стоящихъ во главѣ Католическихъ народовъ, нерѣдко впадающихъ въ непріязненное отношеніе, даже очень рѣзкое, или къ мѣстной Епископской власти или же, соединясь съ нею, къ Римской Куріи. Такъ было во время извѣстнаго въ исторіи оповѣщенія (декларація) Галликанскихъ Епископовъ оповѣщенія, въ которомъ, въ пользу гражданскаго правительства, игралъ весьма дѣятельную роль самъ Боссюетъ, ревностнѣйшій и краснорѣчивѣйшій защитникъ Католицизма, какъ догмата и ученія, противъ возникавшаго въ то время отступничества отъ Католичества. Наконецъ за чѣмъ ходить далеко? У насъ есть подъ рукою примѣръ, въ той же Австріи, на которой нѣкоторые основываютъ свои надежды. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вѣнскій Кабинетъ не задумался уничтожить соглашеніе (конкордатъ) съ Римомъ, какъ только ему показалось, что этого требуетъ польза государства. Онъ рѣшился скорѣе стать въ открытое разногласіе съ мѣстною Епископскою властью и съ Римомъ, чѣмъ отказаться отъ извѣстныхъ средствъ, которыя, справедливо или нѣтъ, признавались необходимыми для того, чтобы вывести страну изъ тогдашняго затруднительнаго положенія. Правда, кто либо можетъ замѣтить мнѣ, будто извѣстно, что Австрія только временно идетъ къ этому пути.....[33] А что же въ политикѣ, спрошу я въ свою очередь, что и гдѣ не есть только временное?

Слѣдовательно, мы видимъ, какъ по немногу разсѣевается и сводится къ болѣе скромнымъ размѣрамъ шумное ученіе объ обезпеченіи (гарантіи) религіознаго спокойствія; ученіе, употребляемое покровителями Австріи, какъ орудіе для привлеченія нашихъ сочувствій на ея сторону. Смотря хладнокровно на вещи, мы видимъ, что одна половина означеннаго спокойствія въ каждомъ человѣческомъ обществѣ зависитъ отъ хода событій, другая же отъ общаго направленія образованія. Что могло бы ожидать насъ, въ случаѣ приступленія нашего къ

[33] Точки въ подлинникѣ.

единенію съ Австріей, сказать трудно, равно какъ и что то ожи-
етъ насъ по отношенію къ событіямъ, въ настоящемъ соединени
шемъ съ Россіею. Что же касается успѣховъ просвѣщенія и обезпе-
нія намъ плодовъ его, къ числу которыхъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ
нести и уваженіе правъ совѣсти, уваженіе каждаго соотношенія
жду Богомъ и человѣкомъ, да позволено мнѣ будетъ сказать всю
авду: за этимъ нечего бѣгать къ другимъ; это пріобрѣтается у себя,
а, собственнымъ продолжительнымъ и усидчивымъ трудомъ.

Перейдемъ къ уваженію народности.

Всегда поражаетъ меня величайшимъ удивленіемъ та форма
ренности, какую нѣкоторымъ нравится придавать положенію, яко бы
стрія, по крайней мѣрѣ, уважаетъ нашу народность, и въ то же
мя допускать, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, что все это соо-
женіе можетъ окончиться главенствомъ Нѣмецкаго племени, запра-
ющаго изъ Вѣны Славянскою периферіею. Казалось бы, что въ
мъ случаѣ было бы далеко не излишнимъ принять въ расчетъ и
мецкія пожеланія, могущія исподволь выработаться въ Вѣнѣ, по-
анія по тому правдоподобныя, что задача такого рода соображенія
тоитъ, по мнѣнію самыхъ же поклонниковъ ея, въ движеніи на
токъ Нѣмецкаго племени, т. е., преобразивъ эту нѣсколько не-
ную формулу въ точную прозу: заселенія въ обширныхъ раз-
ахъ Славянскихъ земель Нѣмцами. Что Вѣнское правительство
установитъ денежныхъ взысканій за употребленіе Польскаго язы-
съ этимъ я могу согласиться. Не стану спорить и о томъ, чтобы
могло когда либо воспретить ношеніе народной одежды. До-
тимъ все это. Однако же, я рѣшаюсь утверждать, что для хоро-
понятаго интереса нашей народности, не столь опасны денежныя
сканія за употребленіе въ общественныхъ мѣстахъ Польскаго язы-
какъ длинные ряды фургоновъ, перевозящихъ Нѣмецкихъ пересе-
евъ въ нашъ край, переселенцевъ, какъ доказываетъ опытъ, ни-
а уже не возвращающихся оттуда, куда они однажды забрались.
объ онѣмеченіи нашего края и всякаго рода послѣдствіяхъ его мы
предыдущемъ отдѣлѣ уже столько говорили, что было бы со-
енно излишне входить здѣсь въ новыя по сему предмету раз-
енія. Я обращу вниманіе читателя единственно на то, что изъ
съ путей, которые въ настоящее время предстоятъ Австріи, Нѣ-
ое церковенство едва ли не единственное средство спасенія для это-
разстроеннаго въ самой основѣ, государства. Легко можетъ слу-
ся, что Вѣнское правительство, опершись, съ одной стороны, на

Нѣмецкую Имперію, а съ другой на Угрію, наконецъ скажетъ самому себѣ, что Славянъ слѣдуетъ взять въ ежевыя рукавицы: предоставить одну ихъ часть на жертву Мадьярамъ, другую же, по сколько можно большую, преподнести Нѣмцамъ. Подобно тому какъ были Западная и Восточная Римская Имперія, можетъ возникнуть Западное и Восточное Нѣмецкія Государства, съ союзникомъ на окраинѣ, Мадьярскимъ народомъ.. [34] Не станемъ же сами, по крайности, помогать этому.

Въ иныхъ соображеніяхъ соединенія нашего съ Австріей, опасенія онѣмеченія теряетъ свое значеніе; за то выступаютъ на сцену Русины. По чему бы они не могли выступить съ своими заявленіями относительно народности, и при томъ тогда, когда дѣло завершилось бы Славяно-Угорскою конфедераціею? Гдѣ конфедерація народовъ, тамъ и выслушиваніе пожеланія каждаго изъ нихъ. Предоставимъ ли мы дѣло голосованію? Можемъ не получить большинства голосовъ; а если и получили бы, то и въ такомъ случаѣ не послѣдуетъ соглашенія между двумя станами; напротивъ, при первой же случайности споръ возобновится. Въ федераціи, навѣрное, не мы, слабые, будемъ составлять краеугольный камень. Мы забываемъ, что въ наши времена конфедерація отдѣльныхъ самостоятельныхъ обществъ, возможная только при особенныхъ обстоятельствахъ, подготовленныхъ самою исторіею тѣхъ обществъ, и тутъ еще допускаетъ не вдругъ осуществить себя, съ помощію признанія главенства за однимъ изъ сконфедерованныхъ народовъ, или правительствъ, какъ это Нѣмцы и сдѣлали; или, по крайней мѣрѣ, при помощи такого рода устройства, какому подчинились Швейцарскіе кантоны по усмиреніи Зондербунда. Если бы могла образоваться какая ни будь конфедерація Угро-Славянская, главенство союза досталось бы Мадьярамъ. Депутаты, избираемые непосредственно въ федеративную палату, изъ всѣмъ пространствѣ союза, вѣроятно, должны были бы съѣзжаться въ Пештъ, такъ же какъ теперь Нѣмецкіе депутаты съѣзжаются въ Берлинъ. Но эти послѣдніе хотя и съѣзжаются съ разныхъ сторонъ, изъ Баваріи, Виртемберга, Бадена и т. д., собравшись вмѣстѣ, не встрѣчаютъ, по крайней мѣрѣ, ни какихъ языкныхъ затрудненій. Всѣ они Нѣмцы, имѣющіе одинъ общій языкъ Нѣмецкій, (благодаря своевременному забвенію особыхъ его нарѣчій. Мы же собравшись въ Угорской столицѣ изъ Польши, Чехіи, Сербіи, Хорватіи

[34] Точки въ подлинникѣ.

лматіи, Болгаріи и Богъ вѣсть еще откуда, быть можетъ, так- изъ Румыніи, мы не видѣли бы себя даже въ исключительно авянской средѣ, и не могли бы вести между собою разговора на ка- мъ ни будь общемъ племенномъ языкѣ. Ни одного еще изъ отдѣль- ихъ нарѣчій нашихъ мы не умѣли, или судьбѣ не угодно было, под- ть на высоту общаго Славянскаго языка. На какомъ же языкѣ ве- сь бы наши совѣщанія въ Пештѣ? На первое время, вѣроятно, на зличныхъ.... [35] Но этотъ многоязычный хаосъ, рано, или поздно, доѣлъ бы всѣмъ донельзя, въ особенности Мадьярамъ, въ рукахъ горыхъ находилось бы кормило всѣхъ союзныхъ интересовъ.... [36] тъ нѣтъ другого исхода: или разбродъ безсвязныхъ и спорныхъ ихій, предполагая, что Мадьяры не были бы въ состояніи отребить силу для удержанія ихъ въ тискахъ, или омадьяренія.... [37]

Дѣйствительно, въ томъ и другомъ случаѣ для насъ незавидные ды.

Да не введетъ насъ, сохрани Богъ, въ соблазнъ примѣръ Швейцарскихъ кантоновъ, употребляющихъ также разные языки и, смотря на это, живущихъ между собою въ согласіи! Во первыхъ, ждому живщему въ Швейцаріи болѣе продолжительное время, из- стно, что и тамъ есть противодѣйствіе въ средѣ составныхъ народ- остей, противодѣйствіе, которое во всякомъ другомъ импровизован- омъ политическимъ твореніи уже давно разбило бы цѣлость въ ебезги. Но въ Швейцаріи есть общее преданіе, считающее за со- ю уже нѣсколько вѣковъ, установившіяся самимъ временемъ отноше- я однихъ кантоновъ къ другимъ, и установившіяся въ такую по- , когда народныя противоположности нигдѣ еще не были возбуж- ны, какъ нынѣ; наконецъ, самое географическое положеніепри дитъ въ этой странѣ къ тому, что привязанность къ общему по- тическому быту получаетъ перевѣсъ надъ многими естествен- ми отвращеніями племенъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что е противодѣйствіе въ Швейцаріи проявляется только въ язык- омъ отношеніи, т. е., между Французскимъ и Нѣмецкимъ языка- и. Итальянскій Король почти стушевывается въ рѣчи Швейцарскаго іселенія рядомъ съ означенными двумя корнями. Между тѣмъ Сла- ино-Мадьярской федераціи пришлось бы вѣдаться съ какою ни будь

Точки въ подлинникѣ.
Тоже точки въ подлинникѣ.
Тоже точки въ подлинникѣ.

дюжиною нарѣчій, при томъ такихъ, изученіе которыхъ, кромѣ прагматической пользы, по причинѣ существованія союза, въ смыслѣ образованія ничего бы не значило. Если каждый болѣе просвѣщенный Швейцарецъ старается знать, какъ Французскій, такъ и Нѣмецкій, языки, то изъ этого онъ извлекаетъ пользу не только въ своихъ домашнихъ Швейцарскихъ условіяхъ, но и въ отношеніи къ остальному образованному міру. Мы же, если бы вынуждены были учить нашихъ дѣтей Мадьярскому, Чешскому, Сербскому и другимъ нарѣчіямъ, не могли бы довольствоваться этимъ лишь, и не учить ихъ Нѣмецкому, или Французскому, языкамъ. А на все это, столь ненужное и въ такомъ большомъ объемѣ, ученіе, не стало бы у насъ и времени. Изъ этого мы видимъ, какая неосуществимая мечта не только конфедерація Мадьяровъ съ Славянами, но даже однихъ Славянъ, безъ принятія одного какого ни будь языка всеобщимъ, правительственнымъ, а, слѣдовательно, и обязательнымъ въ училищахъ на пространствѣ всего союза.

Въ одномъ случаѣ оказалось бы возможнымъ разсѣчь этотъ Гордіевъ узелъ, въ случаѣ возрожденія самобытной Польши, возвращеніемъ въ ней монархическаго правленія. Оно одно было бы въ состояніи предписать категорически, на какомъ языкѣ должны производиться общественныя дѣла, недовольнымъ вмѣнить молчаніе въ строгую обязанность, и такимъ образомъ положить конецъ ненавистнымъ спорамъ. Но, повторяю, для этого мало было бы одной самостоятельной Польши: потребовалось бы еще самодержавное Польское правительство—два предположенія, изъ которыхъ каждое, взятое въ отдѣльности, принадлежитъ къ области мечтаній: а что сказать о томъ и другомъ въ совокупности! [38]

Обращаюсь теперь къ послѣднему вопросу:«Возможна ли и практична ли для насъ федерація съ Мадьярами и Южными Славянами

[38] Какъ мало еще развиты въ нашемъ обществѣ правительственные инстинкты доказывается одною, недавно изданною на нашемъ языкѣ, книжицей. Ея сочинитель ея и старается тревожно смотрѣть на дѣло, но, коснувшись возможности возстановленія самобытной Польши, и признавая, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы оставить въ ней правленіе, облеченное диктаторскою властью, онъ присовокупляетъ: «на какіе ни будь 10 лѣтъ!» Десять лѣтъ! Едва ли и на 100 лѣтъ окажется возможнымъ, и то при чрезмѣрной послѣдовательности ввести къ понятіямъ народа какое либо начало общественнаго порядка такъ прочно, чтобы оно съ того времени перешло какъ бы въ кровь народа и способно было постоять за себя.

сама по себѣ? «Федерація народовъ, слово, исполненное обаянія! Читатель уже знаетъ, какъ я уважаю столь обширные и основанные на этомъ гаданіи предначертанія; но тому не стану больше говорить относительно сихъ послѣднихъ. Вмѣсто того я исключительно займусь слѣдующимъ вопросомъ: «Возможна ли и прочна ли означенная федерація, долженствующая повести къ осуществленію столькихъ заманчивыхъ плановъ, взятая, какъ сказано мною выше, сама по себѣ?» Какая же польза отъ увѣренности достигнуть блестящихъ плодовъ, въ случаѣ проведенія извѣстнаго соображенія, если холодный разсудокъ сперва долженъ сказать, что мы именно не въ состояніи осуществить этого соображенія?

Признаюсь, я долго колебался и долго соображалъ, пока пришелъ къ окончательному заключенію такого рода: ни врожденныя племенныя свойства характера, ни степень политическаго и вообще человѣческаго образованія, не дѣлаютъ насъ въ настоящее время способными вынести означенную форму правленія. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ такомъ случаѣ у насъ была бы самая изысканная политическая организація, какую только въ состояніи понять человѣческій разумъ. Всѣ мы знаемъ, что какъ въ развитіи органической жизни физическаго міра, такъ и въ развитіи формъ, принимаемыхъ съ теченіемъ времени политическими тѣлами, есть извѣстная послѣдовательность закона, разрушить который никто не въ правѣ. Если всякій переходъ общественной власти изъ состоянія менѣе опредѣленнаго къ состоянію болѣе опредѣленному свидѣтельствуетъ о чрезмѣрномъ успѣхѣ извѣстнаго общества въ политическомъ образованіи, то что же мы скажемъ о томъ совершенствѣ политическаго быта, когда уже не только внутреннія отношенія, но и отношенія внѣшнія, нѣсколькихъ обществъ вмѣстѣ взятыхъ, входятъ въ область самаго точнаго опредѣленія? Именно такая усовершенствованная форма политическаго быта есть, или правильнѣе говоря, должна быть, федерація народовъ, если она не будетъ принадлежать къ разряду тѣхъ произведеній минутнаго увлеченія, которыя не могутъ выдержать искуса времени. Представимъ себѣ собирательное тѣло, политическій организмъ, въ которомъ все держится однимъ высокимъ такомъ составныхъ частей, покоится на хладнокровно условленныхъ, осторожно взвѣшенныхъ, вѣрно и съ умѣньемъ сохраненныхъ, уступкахъ, гдѣ на каждомъ шагу, дѣйствуя при посредствѣ представителей, слѣдуетъ держаться постановленнаго ими болѣе, чѣмъ своего собственнаго, сужденія, гдѣ восторженности предпочитается хладнокровіе и наущенію страстей испытанное преданіе, гдѣ дисциплина, въ

самомъ обширномъ значеніи этого слова, не только административныя но и политическихъ партій, дисциплина самоличной мысли играетъ еще бо́льшую роль, чѣмъ въ обыкновенныхъ не конфедеративныхъ политическихъ организмахъ. Представимъ себѣ, говорю, собирательное тѣло такого рода, и спросимъ себя, могли ли бы мы добросовѣстно дѣйствовать въ его сферѣ, и долго ли мы выдержали бы эту роль? Наконецъ, если федеративная система, разсматриваемая сама по себѣ, примѣняемая съ умѣньемъ, безспорно должна быть отнесена къ числу возвышеннѣйшихъ построеній политическаго разума, то, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, она не соотвѣтствуетъ требованіямъ времени. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить поворотъ къ возрастающему сосредоточенію власти въ тѣхъ краяхъ, въ которыхъ еще недавно все клонилось къ чистой федераціи, у Швейцарцевъ и Нѣмцевъ. Кто въ состояніи поднять многочисленныя завѣсы закрывающія отъ насъ весьма далекое будущее, тотъ можетъ утверждать, что федеративныя формы подготовляются уже и для насъ гдѣ-то, за одною изъ этихъ завѣсъ, на лонѣ времени, предназначенныя къ тому, чтобы разрождаться все болѣе и болѣе и, когда человѣчество достаточно для того созрѣетъ, соединить братскими узами всѣ просвѣщенныя правительства и народы, придавая высшее освященіе общественной жизни на нашемъ шарѣ. Не стану спорить я съ этимъ. Но это будетъ уже философія, а не политика. Будемъ уважать и ту и другую, но не станемъ смѣшивать ихъ, такъ какъ это вѣрнѣйшій путь къ невѣжеству въ области мысли и къ погибели въ области дѣла.

Намъ, Полякамъ, вынужденнымъ какъ можно скорѣе избрать дорогу, и при томъ безотлагательно, если можно, еще сегодня, нѣтъ времени упражняться въ умственныхъ измышленіяхъ болѣе совершенныхъ формъ политическаго быта. Для насъ должно быть рѣшительнымъ событіе то, что въ настоящее время, гдѣ только политическая жизнь проявляется въ большей полнотѣ, дѣла склоняются не къ федераціи. О Швейцаріи и Нѣмцахъ уже была рѣчь. Взглянемъ на Австрію. Она не можетъ выбраться изъ той путаницы, въ которой очутилась по милости преждевременныхъ федеративныхъ стремленій, да едва ли и выберется, если не распростится съ означенными стремленіями. Итальянцамъ была предложена федерація, даже предписана договоромъ, закончившимъ походъ 1859 года, которому завѣренія и подписи двухъ Императоровъ придавали, казалось, освященіе. Во что же обратилось это соглашеніе? Что же сдѣлалось съ

федераціею, въ слѣдствіе какого-то предопредѣленія, ясно выска-
агося въ послѣдующихъ событіяхъ?

Къ тому же, да позволено мнѣ будетъ сказать, что я не могу
ть, и не вѣрю, въ возможность, и въ особенности въ живучесть,
ро-Славянской федераціи, придуманной нѣкоторыми изъ насъ,
рой столь многіе разсуждаютъ.

Въ возможность ея я не вѣрно по той причинѣ, что, для осу-
ленія ея необходимо, чтобы Австрія побѣдила Россію и отня-
ея, какъ сказано выше, не только бывшія Польскія области,
лавянское ея назначеніе; необходимо, чтобы Австріи помогла
мъ Нѣмецкая Имперія; необходимо, чтобы Австрія отблаго-
Нѣмецкую Имперію уступкой настоящихъ своихъ Нѣмец-
адѣній; необходимо, чтобы Габсбургскій Домъ подумалъ о вы-
своего наслѣдственнаго гнѣзда: предположенія, одно друго-
тъ ыточнѣе!

живучесть федераціи тоже не вѣрю, по тому что если бы
мъ ни будь чудеснымъ образомъ и осуществилась, то, по
ъ, изложеннымъ мною выше, не выдержала бы продолжи-
искуса и въ скоромъ времени сдѣлалась бы позорищемъ
неурядицы и даже кровавыхъ столкновеній, предвѣщаю-
ждому политическому тѣлу вѣрную погибель.

подобнаго рода стремленіяхъ нельзя видѣть ничего иного,
тественнаго, хотя и болѣзненнаго, послѣдствія длиннаго ряда
и тяжкихъ разочарованій нашихъ. Убѣдившись въ невоз-
для насъ отдѣльнаго существованія, мы хватаемся за подоб-
сочетанія, какъ утопающій за соломинку. При этомъ мы
но упускаемъ изъ виду, что вопросъ, подобнымъ образомъ
ый, былъ бы только наружно исцѣленною раною, готовою
но раскрыться; что, обезпечивая, при помощи подобныхъ
по большей мѣрѣ, одну минуту спокойствія, лично для се-
вѣрное приготовимъ нашему потомству самую невѣрную,
ную, будущность. Изъ всѣхъ родовъ себялюбія это былъ бы
нравственнѣйшій. Какой же отецъ семейства могъ бы спо-
ыть глаза, сознавая, что онъ спасалъ единственно самого

VI.

, изо всѣхъ путей, какія, за минуту передъ симъ, видѣли
собою, остается намъ всего одинъ. По этому пути, како-
были до сихъ поръ наши сочувствія, или несочувствія,

раньше, или позже, охотно, или противъ воли, мы должны будемъ войти. Таинственная рука, правящая судьбами народовъ, кажется, издали ведетъ насъ къ этой дорогѣ, низпосылая на насъ одни бѣдствія, какъ только мы затѣвали, хотя бы и съ лучшими намѣреніями, что нибудь такое, что могло бы возвратить намъ прежнюю самобытность.

Эта единственно оставшаяся намъ дорога есть соединеніе съ Россіею, а при посредствѣ Россіи—со всѣмъ Славянствомъ. Цѣль соединенія и въ томъ и въ другомъ случаѣ—осуществленіе высокихъ задачъ гражданственности.

Я очень хорошо знаю, что Славянскія сочувствія не простираются еще такъ глубоко въ нашемъ народѣ,[20] чтобы надежда образованія будущаго обширнаго Славянскаго союза могла уже въ настоящее время утѣшить насъ, послѣ утраты послѣдней надежды возстановленія той формы отдѣльнаго существованія, которою прежніе наши пользовались съ перемѣннымъ счастіемъ.

На это нѣтъ другого средства, какъ только сказать себѣ: «Необходимость, воля предназначенія.»

Я ошибся: есть еще другое средство: не забывать, что и Славянство есть одна изъ формъ, низпосланная намъ извнѣ обстоятельствами, стеченіемъ общихъ событій, потребностями другихъ народовъ, и тому подобными историческими силами, которыми овладѣть мы не въ состояніи и которымъ должны подчиниться; однако же, отъ насъ самихъ зависитъ внести въ эту форму быта такое содержаніе, такую внутреннюю жизнь, какая, по нашему разумѣнію, лучше всего соотвѣтствуетъ предназначенію каждаго человѣческаго общества. Отъ насъ самихъ зависитъ, чтобы мы, въ этой новой формѣ собирательнаго быта, нашли и справедливые законы, и честное управленіе, и отличныя училища, и надлежащую помощь для всякаго полезнаго труда и попеченіе, гдѣ таковое понадобится, о найвозможно большемъ преуспѣяніи, правосудіи, нравственности, хозяйствѣ, свободѣ, духѣ предпріимчивости и самой высшей привязанности къ общественному благу.

«Возможно ли, могутъ сказать, возможно ли, въ виду Россіи, мечтать объ осуществленіи благъ такой важности, намъ, которыхъ эта Россія устраняетъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ и старается привести въ состояніе чуть не Индійскихъ парій?

---

[20] Какое сознаніе! Вспоминаются слова Петровскаго законодательства: «Сознаніе виноватаго лучше свидѣтельства цѣлаго міра.»

Возможно, отвѣчу я.

Если, до настоящаго времени, соединеніе съ Россіею не приноситъ
ъ ничего, кромѣ гнета, мы должны приписать это не самой при-
ѣ соединенія, но собственному нашему поведенію въ отношеніи
нему. Неслѣдуетъ забывать, что мы всегда относились къ этому соеди-
нію какъ непріязненная первичность; что явною и сокровенною цѣлью
хъ нашихъ дѣяній и помысловъ было не тѣсное сплоченіе съ цѣ-
тью, но отпаденіе, выдѣленіе и возвратъ къ прежней независимости.
явъ такое мѣсто, мы какъ бы сами положили въ основу тѣ дан-
я, изъ которыхъ логически должна была возникнуть для насъ доля,
ити что отрѣшенной отъ воды и огня горсти завзятыхъ противни-
ъ въ средѣ общества, отплачивающаго намъ ненавистью за нена-
ть. Отдадимъ же себѣ разъ ясный отчетъ объ отношеніяхъ нашихъ
Россіи. Подвластные ея скипетру,—справедливо, или нѣтъ,—
обязаны были:

Или освободиться изъ подъ ея владычества, для чего у насъ не
ло и, какъ полагаю, не будетъ, достаточной силы.

Или искренно съ нею примириться, для чего недоставало намъ
статочно холоднаго еще разсудка.

Или приготовиться на всякаго рода политическія бѣдствія, и не
итать ихъ ни чѣмъ другимъ, какъ плодомъ нашихъ же поступковъ.

Всякое другое политическое цѣлое, поставленное къ намъ въ то
соотношеніе, какъ и Россія, безъ сомнѣнія, употребило бы про-
въ насъ столь же суровыя мѣры, если бы мы о томъ только и
мали, какъ бы отъ него отдѣлиться. Быть можетъ, кому либо угод-
будетъ возразить мнѣ, что, даже и въ послѣднемъ случаѣ, другія
сударства гораздо бы человѣчнѣе обошлись съ нами: спорить объ
омъ не стану. Дѣло не въ большей, или меньшей, степени строгости,
въ самой сущности событія. Сущность же его такова: всякое полити-
ское цѣлое, имѣя право оборонять свою нераздѣльность, употребляетъ,
я обузданія непріязненныхъ въ своей средѣ стихій, такія сред-
ва, какія оно признаетъ болѣе дѣйствительными.

Изъ этого же положенія слѣдуетъ и обратный выводъ: что если
ы мы, разъ навсегда, отказались отъ непріязненной роли въ составѣ
усскаго государства, то въ ту же минуту потеряло бы всякое раз-
ное значеніе направленія противъ насъ возмездныхъ мѣръ; на-
ротивъ, мы пріобрѣли бы тогда неоспоримое право домогаться, что-
ы эти мѣры, во имя справедливости и просвѣщенія и хорошо по-
нтаго государственнаго интереса, безотлагательно были устранены.

Изъ преслѣдуемыхъ мы сразу сдѣлались бы дѣятельными, истинными, гражданами страны.

Замѣтимъ, что какъ только послѣдуетъ примиреніе съ Россіею, государство это дѣлается нашимъ союзникомъ, не только ни въ чемъ не уступающимъ другимъ государствамъ, но, напротивъ, болѣе другихъ полезнымъ по слѣдующимъ причинамъ:

Во первыхъ: соединеніе съ Россіею принадлежитъ къ числу такихъ, которыя не потребуютъ ни новыхъ потоковъ крови, ни многолѣтняго выжиданія, ни скитанья по свѣту съ просьбою о помощи.

Во вторыхъ: въ этомъ соединеніи преемники наши найдутъ столь обширное поприще для разнообразной дѣятельности, котораго они напрасно искали бы въ другомъ мѣстѣ. Для подкрѣпленія этого убѣжденія достаточно принять во вниманіе, сколько государственныхъ, нравственныхъ и экономическихъ задачъ будетъ со временемъ рѣшаться на обширномъ пространствѣ Русскихъ владѣній, какіе неистощимые источники физическаго и нравственнаго могущества человѣка ждутъ тамъ его мысли и рукъ!

Все это вещи столь ясныя и очевидныя, что каждый изъ насъ издавна долженъ бы признать ихъ непреложными. Между тѣмъ страсти, пробужденныя раздѣломъ нашего края, и съ тѣхъ поръ поддерживаемыя рядомъ общественныхъ и частныхъ огорченій, тормозятъ это дѣло. Кромѣ того, мы до смѣшного простираемъ наше ложное понятіе о томъ, будто Русское племя ниже, чѣмъ племя Польское, что однако же, ни сколько не мѣшаетъ намъ негодовать на Нѣмцевъ, за ихъ увѣренность въ племенномъ превосходствѣ ихъ надъ нами. Мы любимъ также говорить о какомъ-то варварствѣ Русскаго языка, что опять не препятствуетъ намъ мало заботиться о своемъ языкѣ и обычаяхъ.

Я знаю Русское общество, знаю и наше, знаю Петербургъ и Варшаву. Вездѣ найдутся благородные сердца и умы. Однако же, если бы мнѣ кто либо сказалъ, что онъ можетъ въ одну минуту сосчитать сколько, относительно, въ каждомъ изъ этихъ двухъ обществъ есть характеровъ, дѣлающихъ честь человѣчеству, я бы сталъ просить его и заклинать, чтобы онъ оставилъ насъ въ покоѣ и не считалъ. Подобныя выкладки небезопасны, а высокомѣріе всегда должно оканчиться стыдомъ. Для чего же постоянно слѣдуетъ напоминать народамъ такую обветшалую аксіому! Живя долго въ Русскомъ обществѣ, я могъ убѣдиться, что во внутреннихъ его отношеніяхъ, особенно въпредѣлахъ семейной жизни, есть много благородства, нѣжности,

аже и возвышеннаго. Набрасывая эти строки, я съ признатель-
юстію вспоминаю о дорогихъ для меня отношеніяхъ знакомства
дружбы, испытанной мною въ этомъ народѣ, пережившей даже на-
ши послѣднія столкновенія. Въ этомъ сохраненіи довѣрія въ частныхъ
тношеніяхъ, не смотря на горькій роковой разладъ, я вижу столь
лагородную черту Русскаго народа, что не могу воздержаться отъ
ризнательности, вспоминая объ этомъ. Равнымъ образомъ я не знаю
а свѣтѣ простого народа, одареннаго отъ природы лучшими инстин-
тами, какъ Русскій. Языкъ Русскій прекрасенъ и весьма способенъ
ъ совершенствованію. Въ области поэзіи, изящной словесности у
Русскихъ есть истинно великія произведенія. Куда ни взгляну, нигдѣ
не вижу, чтобы Русскій народъ былъ менѣе насъ одаренъ отъ
ірироды. Нѣтъ для народовъ болѣе вѣрнаго признака умственнаго
упадка, какъ чувство личнаго самообожанія и презрѣніе всего окру-
кающаго. Испанское племя, говорятъ, до сихъ поръ убѣждено въ
омъ, что стоитъ во главѣ всего человѣчества; но это вызываетъ
у насъ только улыбку. А развѣ чужеземцы не такъ же улыбаются,
лыша, какъ мы иногда проповѣдуемъ о себѣ въ Варшавѣ?

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ между нами, сплошь да рядомъ, раз-
ается восклицаніе: «Намъ ли, Полякамъ, соединяться съ Россіею! Что
ке станется съ нашею Западною образованностью, народностью,
зыкомъ?»

Въ особенности вопросъ объ языкѣ, подобно какой-то ракетѣ,
ейчасъ же вылетаетъ, для воспламененія пороха подъ каждой начи-
ающейся закладкой зданія для международнаго примиренія.

Въ одномъ изъ Библейскихъ преданій говорится о бѣдствіи, низ-
юсланномъ на человѣческій родъ, въ видѣ тяжкаго наказанія, за тще-
лавныя намѣренія. Это бѣдствіе названо тамъ смѣшеніемъ языковъ

«Языки, языки, языки!» начали кричать со всѣхъ сторонъ.

Спрашивали уже не о томъ, каковъ человѣкъ, но какой его языкъ?

Не о томъ, какой изъ него вышелъ правитель, а каковъ его языкъ?

Не о томъ, какая наука, но на какомъ языкѣ она излагается?

Не о томъ даже, о ужасъ! какова молитва, но на какомъ языкѣ
она произносится?

Можно себѣ представить, къ какому горькому исходу пришло че-
ловѣчество, если всѣ понятія до такой степени въ немъ извратились.

Не потворяются ли, съ удивительнымъ сходствомъ, эти прежнія

времена въ настоящее время? Стоило бы надъ этимъ призадуматься и не намъ однимъ.

Прошу у читателя извиненія за отступленіе отъ предмета; возвращаюсь къ дѣлу.

Мы говоримъ объ образованности Восточной и образованности Западной, объ образованности Латинской и образованности Нѣмецкой, и даже о Славянской, пока еще не существующей, какъ о какихъ-то разныхъ мірахъ, носящихся въ воздухѣ въ разнообразныхъ направленіяхъ, никогда между собою не встрѣчающихся, но забываемъ о томъ, что это только разныя выраженія одного и того же труда надъ образованіемъ нравственнаго существа человѣка въ народѣ и при помощи народа. По мѣрѣ большаго, или меньшаго, нравственнаго достоинства тружениковъ, самый этотъ трудъ развивается въ большой, или меньшей, полнотѣ. По этому мы встрѣчаемся здѣсь съ чѣмъ-то весьма измѣнчивымъ, ежедневно способнымъ принять новое направленіе, подвергнуться новому вліянію. За тѣмъ было бы смѣшно говорить о вступленіи въ область какой-то чуждой образованности, какъ бы о переселеніи на какую ни будь отдѣльную планету, при чемъ мы должны совсѣмъ распроститься съ тою, на которой жили до сихъ поръ. Всѣ образованности сходятся между собою въ томъ, что служатъ разрѣшеніемъ вопроса, при помощи государства, точно также, какъ и всѣ религіи сходятся между собою въ томъ, что разрѣшаютъ тотъ же вопросъ, при помощи Церкви. Естественно, что каждое государство разрѣшаетъ этотъ общечеловѣческій вопросъ свойственнымъ ему образомъ; равнымъ образомъ естественно и то, что въ каждомъ изъ нихъ новые дѣятели вліяютъ не только на способъ разрѣшенія, но даже на самый способъ постановки означеннаго вопроса.

Россія, подобно всякому другому государству, выполняетъ свою государственную задачу сообразно съ выработавшимися въ ней событіями и географическимъ положеніемъ. Не только столь колоссальное историческое событіе, которымъ будетъ когда-то, быть можетъ даже въ недалекомъ будущемъ, дѣльное поднятіе Славянскаго вопроса, но уже искреннее прекращеніе вѣковаго нашего спора, не можетъ не повлечь за собою чрезвычайно многихъ перемѣнъ во всемъ политическомъ строѣ Россіи, съ которыхъ начнется и новая эра въ нашей общей съ нею образованности. Тутъ, безъ всякой уже напыщенности, мы можемъ сказать себѣ, что если мы останемся въ общемъ государственномъ строѣ приверженными къ цѣлому, то со временемъ можемъ достигнуть въ немъ весьма знаменательнаго вліянія

ужно только внести намъ сильныя нравственныя и политическія чала; ибо на этомъ поприщѣ побораетъ не численность, не фи-ческая сила, но начала.

Поймемъ же, что у насъ будетъ такая образованность, какую работаемъ себѣ сами.

Что касается вопроса объ языкѣ, то, чтобы выйти безъ ущерба ъ всей путаницы мнѣній, разнорѣчивыхъ притязаній, восклицаній, оръ и завязтыхъ столкновеній, къ которымъ подаетъ поводъ этотъ просъ въ настоящее время, я, съ позволенія читателя, отличу ежде всего языкъ въ смыслѣ орудія взаимнаго уразумѣнія въ дан-мъ собирательномъ тѣлѣ, отъ языка, какъ одной изъ существенныхъ ичій каждаго племени, тѣхъ отличій, которыя дѣлаютъ, что племя ставляетъ нѣчто отдѣльное, не совсѣмъ схожее съ другими племенами.

Самый этотъ способъ двоякаго воззрѣнія на языки приводитъ съ къ весьма важному заключенію. На сколько языкъ, разсматривае-й въ первомъ отношеніи, можетъ входить въ государственныя со-раженія, на столько языкъ, въ смыслѣ естественнаго отличія, можетъ чиняться однимъ законамъ природы. Между большими государ-ами я не вижу ни одного, въ которомъ не было бы, по крайней рѣ, нѣсколькихъ племенныхъ языковъ, тогда какъ языкъ правитель-еный вездѣ одинъ, кромѣ того политическаго хаоса, который называ-я Австріею, и гдѣ многоязычіе достигаетъ такихъ, на примѣръ, не-ицъ, какъ существованіе двухъ. совсѣмъ отдѣльныхъ, и при томъ вально отдѣльныхъ, политехническихъ школъ въ Прагѣ: Нѣмецкой и шской. Установленіе одного правительственнаго языка безспорно надлежитъ къ числу хорошаго устроя государства. Чтобы мы зали, если бы Эльзасцы домогались во Французской палатѣ права орить по Нѣмецки, а Бретанцы своимъ нарѣчіемъ? Какъ посмотрѣ-бы мы на домогательство извѣстныхъ обитателей Англіи, если бы ламентъ слушалъ ихъ рѣчи на Кельтскомъ языкѣ, и т. п? Будемъ столь же безпристраны и въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о прави-ьственномъ языкѣ, съ цѣлію соединенія нашего съ Россіею въ одно итическое цѣлое. Мы не умѣемъ по Русски? Слѣдуетъ выучиться: ъ другого отвѣта на это возраженіе. Трудно? Во первыхъ, не-аведливо, чтобы было очень трудно. Но предположимъ, что трудно: же дѣлать, когда это необходимо? Не справимся сами, дѣти наши ремѣнно изучатъ Русскій языкъ въ той мѣрѣ, въ какой долженъ ть его каждый гражданинъ, сообразно съ родомъ будущей его гельности; крестьянинъ—коечто, членъ сельской общины—болѣе;

чиновникъ—совершенно хорошо. Время и добрая воля въ особенности помогутъ намъ въ этомъ.

Но совсѣмъ другое дѣло съ языкомъ, когда онъ составляетъ отличіе, врожденное племени. Желать произвольно располагать имъ, значитъ насиловать природу. Не по тому, чтобы языкъ въ этомъ смыслѣ долженствовалъ быть чѣмъ-то постояннымъ, неизмѣннымъ, вѣчнымъ подобно всѣмъ на свѣтѣ естественнымъ отличіямъ, то отличіе, которое мы называемъ языкомъ, подвергается постояннымъ, хотя медленнымъ и, на первое время, незамѣтнымъ, видоизмѣненіямъ. По прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, потомки часто съ усиліемъ читаютъ письменные памятники своихъ предковъ. Римлянинъ временъ Цицерона уже не могъ понимать языка поры Царей; не каждый Французъ въ состояніи читать теперь сочиненія Рабеле ни одинъ Англичанинъ не въ состояніи будетъ перевести намъ и двухъ строкъ, написанныхъ на прежнемъ Саксонскомъ языкѣ, если исключительно не изучалъ его. Однако же, видоизмѣненія эти развиваются естественно, незамѣтно, не имѣя ничего общаго съ государственными установленіями.

Внѣ распоряженій, касающихся правительственнаго языка, оканчиваются преимущества законодателя. Всякое вмѣшательство публичной власти въ границы частнаго употребленія племенной рѣчи, какъ и въ общественныхъ отношеніяхъ, письменности, молитвѣ и совершенно излишне съ точки зрѣнія государственнаго интереса, и безплодно въ своихъ послѣдствіяхъ; ибо это, кромѣ тяжкаго огорченія милліоновъ людей, не въ состояніи принести государству никакой существенной пользы.

Предполагать, будто какой ни будь народъ можно лишить народности при посредствѣ порчи его народнаго языка, по тому что языкъ можно испортить, но не искоренить, мысль совершенно неосновательная. Языкъ составляетъ только одно изъ отличій народности, и даже какъ легко удостовѣриться, не существеннѣйшее изъ нихъ. Пусть какой ни будь Англичанинъ не говоритъ по Англійски, Французъ по Французски. Перестанутъ ли они, въ нашихъ глазахъ, быть тѣмъ, чѣмъ они суть въ самомъ дѣлѣ: Англичаниномъ и Французомъ? [41] Сколько между нами такихъ, которые говорятъ по Французски и по Англійски такъ хорошо, что въ этомъ отношеніи ни сколько не уступаютъ настоящимъ Французамъ, или Англичанамъ? Но могутъ ли они по этому

---

[40] А Кашубы, а Сербы Сѣверные?

[41] Конечно, перестанутъ. Все это разсужденіе—сильнѣйшая натяжка.

считаться Французами, или Англичанами, если бы даже сами же-
ели выдавать себя за нихъ? При томъ же, при надлежащей внима-
ности, мы увидимъ, что свойства, составляющія, по нашимъ понятіямъ,
народную черту Англичанина, или Француза, получаютъ свое начало
ъ болѣе отдаленномъ прошедшемъ, чѣмъ языки того и другого, возник-
шіе во времена, относительно не слишкомъ давнія, въ слѣдствіе чрез-
ычайныхъ историческихъ погромовъ, извѣстныхъ намъ во всей по-
робности. Англичанина дѣлаютъ Англичаниномъ высокія качества
режняго Саксонца, которыхъ не въ состояніи были уничтожить
идоизмѣненія въ языкѣ, созданіе новаго говора на основаніяхъ
режней отечественной рѣчи, по тому что эти свойства охраня-
ись, и охраняются, несокрушимою стражей законовъ природы, ко-
орыхъ мы передѣлывать по своему не въ состояніи. То же самое
ожно сказать и о Французѣ, въ которомъ и по нынѣ живетъ и
ѣйствуетъ древній Галлъ, не смотря на то, что надъ могилами, упо-
оившими кости его, прошло два потопа: Римскій и Нѣмецкій, оста-
ляя послѣ себя столь объемистое наслоеніе язычныхъ осадковъ, что
ому, кто пожелалъ бы на этой почвѣ доискаться прежняго Галь-
каго начала, пришлось бы глубоко зарываться въ землю.

Извѣстныя нравственныя совершенства, претворяющіяся, съ те-
еніемъ времени, въ качества, переходящія съ кровью отъ отцовъ къ
ѣтямъ, и охраняемыя первоначально пенатами, потомъ ангелами-
тражами семейными; собственный болѣе, или менѣе, возвышен-
ый способъ пониманія человѣческихъ обязанностей, гражданскихъ
семейныхъ отношеній къ Богу и свѣту; собственный способъ любви
ь правосудію, правдѣ и труду; усвоеніе и дальнѣйшее развитіе въ
изни основныхъ понятій вѣры, философіи, наукъ и всякихъ ис-
ствъ; собственная степень, и даже собственный родъ могущества во-
и; непреодолимое внутреннее влеченіе надѣленія общественныхъ и се-
ейныхъ отношеній тѣми, а не другими, формами; извѣстный исклю-
ительный пріемъ обращенія не только съ людьми, но и животными,
даже съ безжизненной природой: вотъ изъ чего образуется неис-
рпаемый даръ, получаемый каждымъ племенемъ изъ рукъ творческой
ироды. Въ какое время, спрашивать напрасно. Послѣ перехода изъ
ита племеннаго въ бытъ народный, племя, сдѣлавшееся народомъ,
реработываетъ въ себѣ означенные естественные дары подъ вліяні-
ъ народныхъ установленій, событій отечественной исторіи, изоби-
, или скудости, богатства, или удобства, отечественной земли, суро-
сти, или благорастворенности, отечественнаго климата. Можно бы
азать, что сама природа охраняетъ неприкосновенность своихъ да-

ровъ въ средѣ облагодѣтельствованныхъ ею; ибо не существуетъ бѣдствій, гнета, даже завоеваній, отъ которыхъ народъ не могъ бы уберечь означеныхъ даровъ, если только, по собственной нравственной винѣ, самъ не теряетъ къ нимъ привязанности.

Безполезно было бы утѣшаться мыслью, что, принудивъ какой либо народъ забыть свой языкъ, тѣмъ самымъ можно вычеркнуть его изъ историчекой сцены; но безполезно и огорчаться мыслію, что принадлежа къ народу, имѣвшему несчастіе подвергнуться такого рода опыту, человѣкъ будто бы идетъ къ неизбѣжной погибели. Въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы какой ни будь народъ палъ единственно отъ того, что онъ потерялъ свой языкъ, точно также, какъ въ исторіи медицины нѣтъ примѣра, чтобы кому либо изъ единичныхъ людей причинило смерть то обстоятельство, что его принудили забыть отечественную рѣчь. Охотно вѣрю, что подобный переходъ могъ быть болѣзненно прочувствованъ, но все же это не стоило ему жизни; въ душѣ же онъ, по всей вѣроятности, еще болѣе привязался къ иным, болѣе дѣйствительнымъ, отличіямъ своего племени и народа.

Народы падаютъ въ слѣдствіе причинъ болѣе глубокихъ и основанныхъ окончательно на собственной, тяжкой нравственной, винѣ. [42]

Гдѣ нѣтъ этой вины, тамъ можетъ быть гнетъ, но упадка быть не можетъ.

Гнетъ, какъ все наружное, долженъ со временемъ миновать, и народъ выйдетъ изъ погрома съ языкомъ, хотя и носящимъ слѣды испытанныхъ превратностей, но въ сущности болѣе, чѣмъ прежде, окрѣпшимъ, развитымъ умственно, закаленнымъ нравственно.

Но горе—гдѣ есть нравственная вина!... Тамъ ничего не поможетъ и привязанность къ языку, если бы даже было справедливо и то, что, люди, испорченные нравственно, могутъ дѣйствительно питать привязанности къ какой ни будь не матеріяльнойпо требности, человѣческой и общественной.

Извѣстный народъ можетъ быть побѣжденъ другимъ, можетъ добровольно съ нимъ соединиться общимъ политическимъ звеномъ, какъ поступили, на примѣръ, Польскій и Литовскій народы. [43] Въ по-

---

[42] Эти совершенства, конечно, пріобрѣтаются нашіемъ свыше?

[43] Далось же сочинителю это, такъ называемое, добровольное соединеніе Литвы съ Польшею!

обныхъ случаяхъ измѣняются формы политическаго быта, но языкъ окореннаго, или присоединеннаго, народа не перестаетъ существо-ять въ немъ. Онъ отодвигается изъ правительственныхъ сферъ, а ногда и изъ частнаго употребленія въ предѣлахъ высшихъ слоевъ, о не перестаетъ жить въ массѣ народа, въ литературѣ—положимъ ь меньшей степени, чѣмъ прежде—въ поэзіи; другими словами: нѣтъ озможности ни истребить языкъ во всѣхъ слояхъ народа, ни удер-ать его на высшей степени развитія, вопреки ходу событій, рѣ-ающихъ судьбы народа: и то и другое превышаютъ разумъ и силы ловѣка.

Что касается насъ, то, такъ какъ дѣла рѣшительно принимаютъ кой оборотъ, что мы должны стремиться, при помощи Россіи и дъ ея знаменемъ, къ Славянскому союзу, то разсудокъ велитъ намъ иготовиться заблаговременно къ введенію какого ни будь общаго рательственнаго языка, какъ орудія сношенія между собою всѣхъ на-ихъ Славянскихъ отраслей. Не понимаю, по чему этимъ языкомъ ижень бы сдѣлаться нашъ, а не Русскій языкъ; напротивъ, далеко ественнѣе, кажется, желаніе тѣхъ, за которыхъ говоритъ сила обы языкъ ихъ первенствовалъ правительственно. Такимъ образомъ, ъ мы видѣли выше, во времена реформаціи одно изъ Нѣмецкихъ рѣчій, именно Саксонское, было поднято, силою самыхъ событій, высоту языка общаго всему Нѣмецкому союзу, безъ искорененія альныхъ, а только съ устраненіемъ ихъ въ глубь съ исторической ены. Подобнымъ же образомъ и нашъ языкъ, по мѣрѣ развитія идеи вянства, долженъ будетъ подвергаться, не постепенному уничто-нію, но по немногу отодвигаться въ глубину исторической сцены, , въ извѣстной мѣрѣ, замѣчается уже и теперь. Если бы кто изъ ескихъ потребовалъ отъ насъ больше, или кто либо изъ насъ ласился на меньшее, оба были бы виновны въ томъ и другомъ чаѣ, такъ какъ противъ обоихъ стоялъ бы естественный порядокъ ъ, превышающій всѣ человѣческія пожеланія и въ концѣ концовъ преодолѣвающій. Послѣ утраты политической отдѣльности, мы даже можемъ и мечтать объ удержаніи нашего языка въ области прави-ьственныхъ сношеній. Но лелѣять его у домашняго очага; на немъ тавлять дѣтей нашихъ въ истинахъ вѣры, правилахъ жизни, и лѣять, при посредствѣ его, сладостныя чувства; употреблять его пріятной бесѣдѣ съ друзьями и Музами; приносить на немъ благо-ственныя молитвы Творцу и изливать тайныя скорби сердца; чивать съ нимъ поприще нашей труженической жизни, никто

намъ воспрепятствовать не можетъ, не долженъ и, дастъ Богъ, не будетъ.

Пусть только наступитъ искреннее примиреніе между нами и Русскимъ народомъ, тогда вдругъ исчезнетъ весь этотъ языкный гнетъ, который, какъ мы сказали выше, кромѣ тяжкаго огорченія милліоновъ народа, ни къ чему болѣе не ведетъ, глядя даже на дѣло съ чисто Русской точки зрѣнія.

Примиреніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, сдѣлаетъ насъ равноправными членами общаго союза; а кто же будетъ оспаривать у нихъ то, что имъ слѣдуетъ по правамъ природы?

Если бы кто желалъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе, что, не смотря на устраненіе всякаго гнета, который мы въ настоящее время испытываемъ въ отношеніи языка, уже тѣмъ самымъ, что языкъ нашъ перестанетъ быть правительственнымъ, со временемъ, по прошествіи нѣсколькихъ, или нѣсколькихъ десятковъ, лѣтъ, дѣло дойдетъ до того, что въ высшихъ сферахъ можно будетъ встрѣчать, на всякомъ шагу, Поляковъ, не употребляющихъ Польскаго языка, подобно тому, какъ мы видимъ теперь Литовцевъ, не употребляющихъ Русскаго языка, на которомъ говорили ихъ предки до соединенія съ Польшей, [44] на это отвѣчу ему, что самъ вполнѣ раздѣляю его предположеніе. Однако же, пусть онъ приметъ во вниманіе, что если подобныя событія воспослѣдуютъ совершенно естественнымъ путемъ, медленной, непринужденной, неремѣнной, то, подобно всему, приходящему такимъ путемъ, они не должны возбуждать отвращенія.

Къ тому же, свѣтъ идетъ впередъ не людскими привычками, но неизмѣнными законами природы.

Но и тогда можно еще будетъ узнать Поляка, хотя и не говорящаго Польскимъ языкомъ: узнаемъ мы его по тому, что онъ такъ будетъ думать, чувствовать и дѣйствовать, какъ думали, чувствовали и дѣйствовали, великіе его предки, [45] не тѣ, которые погубили отечество, но тѣ вѣчнопамятные, о которыхъ не выродившійся потомокъ будетъ слушать разсказы съ глубоко растроганнымъ сердцемъ, хотя и

---

[44] То есть, не природнихъ Литовцевъ, а Бѣлоруссовъ, или Черноруссовъ, которые, однако, и теперь говорятъ на своемъ языкѣ, собственно же Литовцы тоже говорятъ на своемъ. Но и тѣ и другіе не говорятъ уже на письменномъ Русскомъ языкѣ того времени, т. е., книжномъ.

[45] Упаси Боже!

удетъ отечественный языкъ, [46] лишь бы только, по возможности, ыло больше такихъ Поляковъ мысли и дѣла; тогда повѣрьте, у пре-никовъ нашихъ не будетъ справедливаго основанія слышкомъ ро-тать на судьбу. [47]

Таковъ, по моему понятію, будетъ правдоподобный исходъ нашего опроса объ языкѣ, и такова окончательная его развязка.

Другой развязки не вижу, и весьма сомнѣваюсь въ томъ, что-ы могла быть другая. [48]

Наравнѣ съ этимъ несчастнымъ вопросомъ объ языкѣ, путается ще между нами вопросъ о формѣ, въ какой могло бы осуществиться оединеніе нашего народа съ Русскимъ. По мнѣнію многихъ, съ этимъ оединеніемъ нераздѣльны понятія о какихъ-то переговорахъ, уложе-ніяхъ, торжественныхъ актахъ и, если не формальныхъ договорахъ, то, о крайней мѣрѣ, своего рода прагматическихъ санкціяхъ и т. д. Мечты дна другой чудеснѣе, мечты вредныя, могущія сбить насъ съ един-ственнаго практическаго пути, который въ настоящихъ обстоятель-твахъ остается еще намъ для осуществленія столь великаго дѣла!

Въ особенности кружатъ голову торжественные акты. Въ недав-о оповѣщенномъ воззваніи: «Къ Русской интеллигенціи,» о которомъ уже упоминалъ выше, одинъ изъ соотечественниковъ предлагаетъ татьи подобнаго акта; при этомъ онъ такъ рѣшительно говоритъ тъ лица всего народа, что можно бы подумать, будто онъ получилъ а это формальное уполномоченіе. Мы находимъ въ этомъ воззваніи и грозы, что если бы примиреніе между двумя народами не состоялось, о, въ случаѣ войны между Россіею и Нѣмцами, народъ нашъ [49] танетъ, будто бы, какъ одинъ человѣкъ на сторонѣ послѣдней.

Не знаю, въ какой мѣрѣ сочинитель помянутаго оповѣщанія обла-алъ правомъ такъ рѣшительно и грозно обращаться именемъ своего арода къ передовымъ людямъ Русскаго народа. Полагаю, что у него е было ровно никакого права. Что касается меня, то я говорю только тъ себя и за себя; съ моей точки зрѣнія, подобную постановку

---

[46] Гдѣ же добыть такую диковинку?

[47] Сомнительно.

[48] Неутѣшительная развязка.

[49] Народъ въ сторонѣ. Въ Польшѣ онъ никогда не принималъ участія въ политической жизни. Только послѣ разгрома интеллигенція вспоминала о немъ.

вопроса я считаю неумѣстною, а угрозу заслуживающею строгаго порицанія.

Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно располагать не призрачнымъ могуществомъ, разсудокъ не всегда позволяетъ угрожать что же сказать, если въ виду одна только немощь?

Въ минуту соединенія Польши съ Литвою оба народа были самостоятельны; слѣдовательно, могли, и должны были, договариваться объ основаніяхъ соединенія и состоявшемуся договору придать форму международнаго акта.

Нѣчто подобное, съ нѣкоторыми измѣненіями, произошло въ наше время между Мадьярскимъ народомъ и Цислейтаніею, [50] но и здѣсь мы видѣли, съ одной стороны, Австрію, доведенную войною съ Пруссіей да крайняго разстройства и сознанія полнаго матеріяльнаго безсилія, съ другой же народъ Мадьярскій, владѣющій несомнѣнными средствами къ спасенію. По этому ни сколько не удивительно, что обѣ стороны могли договариваться между собою, какъ равный съ равными.

Еще что-то третье подготовлялось на нашей памяти, но, по причинѣ тяжкой нашей вины, оно ни чѣмъ не кончилось. [51] Это были соображенія Маркграфа Велёпольскаго въ 1862 году.

Этѣ соображенія подоспѣли къ тому времени, когда Русскій народъ переживалъ положеніе извѣстнаго политическаго перелома. Правда, что у него не было причинъ такъ усомниться въ себѣ, какъ Австрія послѣ 1866 года; напротивъ, по справедливости онъ могъ расчитывать на славную будущность, на перевѣсъ извнѣ, счастіе и довольство внутри страны. Но, благодаря той [52] политической предусмотрительности, какую всегда обнаруживаетъ этотъ народъ въ тяжкія историческія минуты, онъ понялъ, что, не смотря на все свое матеріяльное могущество, слишкомъ достаточное для подавленія горсти возмущеннаго населенія Польши, для него будетъ полезнѣе не приводить въ движеніе этой силы, въ то время, когда, на всемъ пространствѣ Имперіи, вводились законы, уничтожавшіе личное рабство милліоновъ людей и измѣнявшіе экономическія отношенія двухъ главнѣйшихъ обществен-

---

[50] Просто на просто здѣсь политическія безтактность и бездарность Бейста.

[51] И славу Богу!

[52] Говоря по просту: благодаря Польскимъ кознямъ, пустившимъ было глубокіе корни въ Петербургѣ.

ыхъ сословій. Случайно, именно въ эту пору, нашли мы въ лицѣ Маркграфа Велёпольскаго достойнаго истолкователя передъ Престо-ломъ нуждъ нашего народа. [53] Честныя, высокія и умѣренныя идеи имѣютъ всегда неизъяснимое обаяніе; такихъ именно идей былъ представителемъ Маркграфъ Велёпольскій. Этимъ оружіемъ, скажемъ то къ чести обѣихъ сторонъ, онъ располагалъ къ себѣ умы Рус-кихъ государственныхъ людей. Въ слѣдствіе подобнаго настроенія и появленія въ Русскомъ обществѣ такой личности, какъ Маркграфъ, значеніе нашей народности чрезвычайно возвысилось въ глазахъ всѣхъ и вызвало самыя благопріятныя сочувствія, по тому что они основывались на уваженіи началъ. Присовокупимъ къ этому законность почвы, [54] на которой находился тогда Маркграфъ, занимая правитель-ственное положеніе. Если принять въ соображеніе личныя качества это-го человѣка, высокій родъ, знаменитое историческое имя, и то, всегда свойственное обнаружиться, если въ комъ дѣйствительно оно присуще, несокрушимое желаніе оказать услуги дѣлу порядка и гражданственно-сти, независимо даже отъ дѣла народности, желаніе, какимъ, безспорно, была проникнута вся дѣятельность Маркграфа, то мы легко поймемъ, отъ чего въ то время дѣло наше могло принять извѣстный характеръ переговоровъ между Русскимъ Правительствомъ и Начальникомъ Граж-данскаго Управленія въ самоуправляемой Польшѣ. Мы употребили здѣсь слово «переговоры» въ томъ убѣжденіи, что читатель самъ при-дастъ ему такое значеніе, въ какомъ единственно оно и могло быть потреблено при представленіи означенныхъ дѣлъ Монарху подан-нымъ, столь же ревностнымъ ко благу Престола, какъ и гражданиномъ, неусыпнымъ о благоденствіи своего края.

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ: можемъ ли мы нынѣ представить изъ своей среды человѣка на столько же соотвѣтствую-щаго потребностямъ политической минуты, и при томъ изъ соображе-нія, что великія несчастія закаляютъ и возвышаютъ душу, допу-

---

Опять народъ, когда его въ Польшѣ цѣлыя столѣтія не было въ роли дѣятеля!

Законность! Это плечи, безъ которыхъ Польская интеллигенція не живетъ. Бѣлорусскіе Посредники перваго выбора, писавшіе уставныя грамоты по Польски, подписывавшіеся «pojednajacy posrednik,» и занимавшіеся главнымъ организованіемъ мяжежа, тоже расчитывали на законность. Когда М. Н. Муравьевъ поголовно отрѣшилъ отъ должности и засадилъ въ ка-заматы, они кричали тоже, что это незаконно, что ихъ могъ отрѣшить и предать суду лишь Сенатъ.

ская возможность найти [55] въ нашей странѣ и теперь гражданъ, достойныхъ быть представителями его нуждъ, по несчастью, я вижу настоящее положеніе уже другое, совсѣмъ другое.

Послѣ того, какъ мы принудили Россію въ 1863 году испить всю чашу горести, какую только могли приготовить ей, нынѣ у насъ не остается уже въ запасѣ ни чего, что́ бы могло заставить ее спѣшить договариваться съ нами. Напрасно думали бы мы устрашить ее нашими сочувствіями къ Пруссіи, или Австріи.

Заискивая ихъ, мы будемъ только все болѣе и болѣе вредить себѣ, но, повторяю, не застращаемъ, по тому что, какъ разъяснено было выше, мы не обладаемъ никакими матеріяльными силами, которыхъ могла бы опасаться Россія. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для Россіи, въ случаѣ неожиданной войны съ Австріею или Нѣмцами, и вступленія войскъ этихъ государствъ на нашу землю мы могли бы разыграть единственно весьма жалкую роль какихъ нибудь вольныхъ стрѣлковъ. Но столь еще свѣжія событія Нѣмецкой войны во Франціи служатъ наглядными доказательствомъ, на сколько теперь пригодны, въ виду регулярныхъ армій, шайки вольныхъ стрѣлковъ, какъ съ ними расправляются, и какъ на нихъ смотрятъ эти арміи.

Пусть каждый предложитъ себѣ вопросъ, принялъ бы кто на себя важную роль посредника, съ подобною угрозою въ запасѣ?

Если нѣтъ, то позволительно спросить: что же будетъ у насъ въ запасѣ, приступая къ переговорамъ съ Россіею, если пожелаемъ вести эти переговоры, какъ равный съ равнымъ? Всякіе переговоры равнаго съ равнымъ сводятся окончательно къ тому итогу: «Дай мнѣ или сдѣлай для меня, то, или это! Не сдѣлаешь, или не дашь, поступлю съ тобою такъ и такъ!» Два первыхъ требованія можно бы сформировать и съ нашей стороны; но какъ мы сформируемъ третье?

Я совѣтовалъ бы размыслить объ этомъ каждому, кого разбираетъ охота затѣять какое либо посланіе къ Русской интеллигенціи, или лично отправиться съ такимъ порученіемъ.

---

[55] Какъ не найти! Но найдутся ли простачки выслушать ихъ?

[56] Русскіе частенько любятъ играть въ куклы. Тогда, благодаря ловкости Польской интриги, куколкой были Поляки. Здраво мыслящая часть Русскаго общества и тогда съ горестью глядѣла на такое увлеченіе. Теперь роль куклы перешла къ Жидамъ; но развѣ не слышится уже въ извѣстной части Русскаго народа голоса противъ подобной нелѣпицы?

Между кѣмъ переговоры? Между государствомъ, располагающимъ милліономъ штыковъ, и горстью людей, лишенныхъ не только всякихъ средствъ матеріяльной защиты, но и законнаго права заявлять своемъ существованіи.

Положимъ, что, не смотря на все это, мы предстанемъ передъ правительствомъ, хотя я ни какъ не могу понять, кто и въ силу какихъ титуловъ, могъ бы облечься подобнымъ назначеніемъ; предположимъ, однако же, что мы пришли и говоримъ: «Начнемъ вести переговоры.» и это правительство отвѣтитъ намъ: «Съ кѣмъ же и о чемъ я стану совѣщаться? Въ 1863 году вы подняли на Россію дипломацію всей Европы и собственное ваше оружіе. Дипломацію всей Европы и васъ Россія побѣдила. Съ тѣхъ поръ она будетъ не договариваться съ вами, а предписывать вамъ свою волю.»

Твердыя дѣйствительно слова, весьма твердыя! Однако же, не лучше ли выслушать ихъ заблаговременно отъ самихъ себя, чѣмъ довести дѣло до того, что подобныя же рѣчи будутъ высказаны намъ къ всеуслышаніе?

И такъ, отмѣтимъ это у себя, и будемъ крѣпко помнить, что въ настоящемъ положеніи нашемъ мы не можемъ питать надежды договориваться съ Россіею, какъ во времена Владислава Ягайла договаривалась Польша съ Литвою, ни какъ въ 1862 году Маркграфъ Велёпольскій могъ говорить за насъ въ Петербургѣ, благодаря особенному промыслу Провидѣнія, великодушію Монарха, тогдашнему настроенію Русскаго народа, и не совершеннымъ еще нами ошибкамъ 1863 и 1864 годовъ.

Прошу замѣтить, что я вовсе не думаю развивать здѣсь той мысли, будто для Россіи было бы дѣломъ не возможнымъ, [57] или безполезнымъ, [58] возвратиться, хотя бы и сегодня, къ соображенію 1862 года. Что могло бы осуществиться съ цѣлью болѣе скораго исцѣленія извѣстныхъ ранъ, [59] въ видахъ оказанія услугъ [60] дѣлу общей образованности, дѣлу, столь свойственному каждому народу, въ особенности же столь могущественному, и наконецъ изъ желанія развязать себѣ руки для рѣшенія какой ни будь великой исторической зада-

---

[57] Все возможно, но только осторожно!

[58] Въ этомъ-то и заключается вся суть.

[59] Какихъ?

[60] И безъ насъ оказываются эти услуги какъ нельзя лучше.

чи. [61] Я только утверждаю то, что сужденіе о пригодности и пользѣ подобнаго средства принадлежитъ одному Русскому правительству. [62] Мы же, какъ заинтересованная сторона, дѣйствовавшіе всегда непріязненно противъ Россіи, а въ 1863 и 1864 окончательно развращенные ею, ни въ какомъ случаѣ непригодны принять на себя роль совѣтниковъ. По моему разумѣнію, мы не могли бы найти себѣ болѣе ложной точки выхода, если бы пожелали давать совѣты правительству, не сдѣлавъ сперва искренно того, что на политическомъ языкѣ нашихъ предковъ называлось акцессомъ, т. е., предупредительнымъ сближеніемъ съ правительствомъ. [63]

Россія можетъ или возвратиться къ соображенію 1862 года, что она выговорила себѣ формально передъ лицомъ Европы въ извѣстныхъ правительственныхъ актахъ, [64] или выработать новыя соображенія, или же воспользоваться тѣми, какія могутъ представиться въ данную минуту. [65] Во всякомъ случаѣ она сдѣлаетъ это не прежде; [66] ибо сдѣлать не можетъ, пока непреложно не убѣдится, что мы разъ навсегда перестаемъ быть для ней непріязненнымъ тѣломъ; что мы самымъ искреннимъ образомъ признали ея Славянское предназначеніе, и при осуществленіи этого безусловно останемся вѣрнѣйшими ея союзниками.

Собираться же въ настоящее время между собою, совѣтоваться, составлять условія единенія нашего съ Русскимъ народомъ, мы не въ правѣ. [67] Со всякимъ подобнымъ дѣйствіемъ мы не только не можемъ ни чего предпринять явно, напротивъ, должны бы укрываться, какъ съ какимъ ни будь преступнымъ намѣреніемъ.

Вотъ гдѣ наказаніе за вѣковое злоупотребленіе священнѣйшимъ правомъ, какое только дается народу, правомъ совѣщанія о необходимыхъ общественныхъ нуждахъ!

И эту чашу мы должны испить до дна изъ рукъ неумолимой

---

[61] Этой задачѣ Поляки не въ состояніи ни помочь, ни воспрепятствовать ей.

[62] Понимаемъ!

[63] А послѣ того, стало быть, могли бы?

[64] Неправда!

[65] Ждите того, или другого, либо же третьяго, какъ Жиды Мессіи.

[66] Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ.

[67] Да и никогда.

сторической Немезиды: ни одна ея капля не будетъ намъ прощена
ровымъ, но всегда справедливымъ, приговоромъ. [68]

И такъ всѣ наши затѣи сводятся къ весьма скромной формѣ.
днако же, въ подобныхъ скромныхъ формахъ совершились въ исто-
и человѣчества обширнѣйшія возрожденія.

Дѣло, по моему мнѣнію, должно начаться въ предѣлахъ самолич-
ой совѣсти.

Въ ней-то, по своему существу, должно совершиться наше соеди-
ніе съ Русскимъ народомъ, отъ котораго зависитъ будущность наша
всего Славянства, возрожденіе наше и самаго Русскаго народа, [69]
зрожденіе всего Славянства, на исключая ни одной его отрасли. [70] И
о совершится непреложно, хотя и не вдругъ, въ совѣсти однихъ
ньше, въ совѣсти другихъ позже, какъ это обыкновенно слу-
ется, когда идеи новаго порядка вещей начинаютъ распространять-
по лицу земли.

Но что означенное наше соединеніе совершится непремѣнно, [71]
смотря на всѣ предвидимыя и непредвидимыя преграды, не смотря
собственное наше отвращеніе и козни враговъ, которымъ наше при-
реніе не по вкусу, я этому вѣрю столько же, сколько и тому, что
слѣ зимы, которую теперь переживаемъ, наступитъ весна и свѣтъ
лечется новою жизнію, хотя за это время не одного изъ насъ

....вѣчный снѣгъ покроетъ.

Болѣе точный и хладнокровный разборъ нашего вопроса съ каж-
мъ днемъ будетъ пріобрѣтать большее число сторонниковъ тѣхъ
лѣе, или менѣе, выводовъ, которые проводятся въ настоящемъ со-
неніи.

Самоличныя убѣжденія станутъ постепенно дѣлаться достояніемъ
лыхъ семействъ.

На этой ступени своего развѣтвленія они пріобрѣтутъ необъят-
ю мощь и правдивость, — качества, могущія обезпечить имъ даль-
йшее, и съ той минуты все болѣе и болѣе ускоряющееся, развитіе.

Я совершенно по дѣломъ.
Нечего возрождаться возрожденному уже.
Это иная статья.
Дай-то, Боже!

Образуются общественные кружки, проникнутые тою же политическою мыслію; найдутся и орудія печати, которыя начнутъ сими заявлять свѣту свои мысли. Съ этой минуты ни что уже не будетъ въ состояніи удержать распространеніе свѣта.

Съ какой бы стороны ни встрѣтилъ сопротивленіе означенный процессъ, оно ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ состояніи нанести ему дѣйствительнаго удара; одинъ онъ будетъ гармонировать съ природою, и по тому, выдержавъ напоръ, раньше, или позже, все преодолѣетъ.

Наконецъ наступитъ рѣшительная минута. Совершатся тогда то великія событія, вызванныя не нами, но которыми судьба предлитъ намъ воспользоваться, на примѣръ: война между Россіею и Нѣмцами, или Австріею, или тою и другою вмѣстѣ.

Въ то время сохраненіе нами Русскому народу непоколебимой пріязни, хотя бы еще и недовѣрчиво принятой, мужественное вступленіе съ нимъ въ однихъ рядахъ, доказательство на дѣлѣ, что умѣемъ мы пребыть вѣрными избранному нами разъ на всегда стремленію къ общему Славянскому отечеству, все это, вмѣстѣ взятое, можетъ безотлагательно открыть передъ нами поприще такого благополучія, о какомъ, при настоящемъ нашемъ убожествѣ, нѣтъ возможности говорить, и едва только можно мечтать.

Поразду̀маемъ, и мы убѣдимся, что не иначе совершился и ходъ настоящаго процесса объединенія Нѣмцевъ. [72]

Никогда бы это племя не достигло того блестящаго положенія въ мірѣ, какимъ оно теперь наслаждается, если бы стремленіе къ общему Нѣмецкому отечеству не овладѣло, сперва каждою въ отдѣль-

---

[72] Быть можетъ любопытно будетъ привести здѣсь, какимъ образомъ Юнъ Нѣмцевичъ, въ «Запискахъ» своихъ, въ 1819 г., описываетъ впечатлѣніе при извѣстіи о первыхъ проявленіяхъ Нѣмецкаго объединенія:

«Въ Германіи, говоритъ онъ, умы возбуждены: кромѣ мелкихъ владѣтелей и Баварскаго Короля, никто изъ властей не далъ конституціи.

«Университетская молодежь воспламенена до крайности: жажда слиться великимъ Нѣмецкимъ народомъ овладѣла э т и м и м о л о д ы м и г о л о в а м и.

«О н и в ы д у м а л и с е бѣ с л о в о «Deutschthum,» цѣлое государство, раздѣленное между столь многими Князьками, с ч и т а ю т ъ о н и м ъ Н ѣ м е ц к и м ъ о т е ч е с т в о м ъ. Они возобновили даже Нѣмецкую одежду, какую мы видимъ на картинахъ Гольбейна.

юсти грудью; если бы отдѣльные народы, составляющіе это благородное племя, не поспѣшили, съ такою братскою вѣрою, на помощь одному въ то время, когда ему стала угрожать война съ Франціею. Мы видѣли, какъ эта послѣдняя жестоко ошиблась, предполагая, что и нынѣ, какъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ, приманка Рейнскаго Союза, находившаго въ ней опору, въ состояніи будетъ раздвоить силы всего племени и, придавивъ однихъ, обмануть прочихъ.

Исторія не ждетъ. Со временемъ наступитъ, по несчастью, должно наступить, [67] кровавое столкновеніе между Россіею и ея ближайшими сосѣдями. Не трудно предвидѣть, что послѣдніе будутъ расчитывать также и на то, что ловко преподнесенная намъ приманка, въ видѣ какого-то народнаго воскресенія, послужитъ превосходною диверсіей противъ Россіи. Если бы имъ удался такой расчетъ, то разумѣется, въ итогѣ они провели бы и насъ точно также, какъ Наполеонъ, со времена Герцогства Варшавскаго и Рейнскаго Союза, провелъ и ихъ и насъ.

Слѣдовательно, теперь мы обязаны болѣе всего желать одного, въ одномъ всячески стараться, къ одному подготовлять себя, чтобы они когда либо также ошиблись въ расчетѣ, какъ Франція, годъ тому назадъ.

Въ настоящее время это—ближайшая наша задача, безотлагательная обязанность, которою, полагаю, мы должны заняться, не теряя ни одной минуты, по тому что и событія наступаютъ неожиданнѣе и скорѣе, чѣмъ слѣдовало бы ожидать при спокойномъ расчетѣ. Было бы неописаннымъ несчастіемъ, если бы какія либо событія большой важности нашли насъ не подготовленными въ нашихъ мнѣніяхъ и стремленіяхъ, какъ это, до настоящаго времени, случалось нѣсколько разъ.

Не наши перья и торги, но великія историческія событія, спло-

---

«Въ Геттингенѣ, Іенѣ, Тюбингенѣ изъ за незначительныхъ ссоръ съ мѣщанами дошло до кровопролитія.

«Правительства, видя такое замѣшательство, склонили нѣкоторыхъ писателей возстать противъ излишней свободы Университетовъ...»

Что сказалъ бы сочинитель этѣхъ словъ, если бы дожилъ до событій 1866 и 1871 годовъ? Чѣмъ же стали въ настоящее время тѣ, которые въ 1819 году выдумали себѣ слово «Deutschthum,» и чѣмъ стали мы?

[67] Конечно!

тятъ желѣзомъ дѣло соединенія двухъ народовъ, подготовленное въ тайникахъ самоличной совѣсти, а кровь, пролитая въ однихъ рядахъ и во имя общаго дѣла, освятитъ его. «Кровью и желѣзомъ!» таковъ былъ кличъ о спасеніи Нѣмецкой земли одного изъ теперешнихъ отличнѣйшихъ сыновъ ея. Нѣтъ другого символа и для насъ въ той страшной борьбѣ за существованіе, въ которой сразится все живущее, все, отъ выростающаго въ одну ночь гриба до человѣка, и еще далѣе—до цѣлыхъ народовъ и породъ.

Однако же, кровь и желѣзо не исключаютъ разума. Требуется большая подготовка, чтобы съумѣть воспользоваться обоими. Мы обильно проливали нашу кровь во времена Герцогства Варшавскаго но, примкнувъ, или, скорѣе, бывъ вынуждены обстоятельствами примкнуть къ той сторонѣ, за которой не могло быть исторической будущности, къ сторонѣ всемирной Наполеоновской монархіи, мы ничего не вынесли для себя изъ этихъ войнъ, кромѣ нищеты и гнета. Россія же, напротивъ, постоянно крѣпла въ могуществѣ, не смотря на бѣдствія войны, не смотря на неисчислимыя потери въ людяхъ и имуществѣ. [68] Отъ чего? Такъ какъ паденіе ея повлекло бы за собою погибель и всего Славянства, то есть всемогущая и невидимая рука которая всегда спасаетъ ее.

Будемъ же вѣрить въ звѣзду Россіи! Эта звѣзда цѣлаго народа гораздо вѣрнѣе той нѣкогда звѣзды единоличнаго воителя, подъ которою, полвѣка тому назадъ, мы строили такія необъятныя надежды и ради которой мы готовы были ити съ нимъ на край свѣта.

Распространимъ же и укрѣпимъ эту вѣру между нами!

«Кровью и желѣзомъ!»—только не противъ Россіи, но въ однихъ рядахъ съ Россіей, и мы стяжаемъ болѣе благотворныя условія быта, если не для сходящаго уже съ поля поколѣнія, по тому что старымъ судьба рѣдко возвращаетъ свою улыбку, то, по крайней мѣрѣ для дѣтей нашихъ, для тѣхъ грядущихъ поколѣній, которыхъ милосердый Богъ всегда избираетъ цѣлью своихъ благословеній, если благословитъ ихъ отцовъ.

VII.

И показахъ ю очесемъ твоимъ, и тамо не внидеши. Второзак. XXXIV, 4.

Мы приближаемся къ предѣлу нашего труда. Однако же, прежде чѣмъ мы скажемъ послѣднее слово, остановимся на минуту и огля-

---

[68] И козни Польской партіи.

емся назадъ, приведя на память главнѣйшія мѣста пройденнаго
ути.

Прежде всего мы видѣли, какъ недостатокъ высшаго государ-
твеннаго строя былъ причиною потери народной независимости.

За тѣмъ мы видѣли, какъ, со времени нашего паденія и до на-
тоящаго дня, противъ насъ было, и есть, все и всѣ на свѣтѣ: судьбы
и общее направленіе событій, люди или выгоды сосѣдей, сколь-
о ихъ ни окружаетъ насъ, и наконецъ наша собственная матері-
льная немощь.

Мы убѣдились, что недостающихъ у насъ матеріяльныхъ силъ
ы никогда не будемъ въ состояніи выработать; ибо для этого
еобходимъ строй, стоящій вровень съ временемъ, а мы лишены вся-
ой возможности, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, устро-
ться, какъ отдѣльное цѣлое.

Убѣдились мы также и въ томъ, что нравственныя силы, на
колько онѣ неоспоримо многозначащи въ борьбѣ за существованіе,
е только самоличное, но и собирательное, въ борьбѣ за полити-
еское существованіе, могутъ доставить что либо вѣрное только при
оотвѣтственной долѣ матеріяльныхъ силъ.

Отсюда мы вывели заключеніе, что наша борьба за политическое
уществованіе не можетъ съ тѣхъ поръ быть борьбою исключитель-
о Польскою; что сознаваемую въ себѣ нравственную мощь мы дол-
ны соединить съ чужими матеріяльными силами, чтобы, хотя въ но-
омъ какомъ ни будь составѣ, послѣ столѣтняго усыпленія, отдохнуть
аконецъ политическою жизнію, столь необходимою даже для человѣ-
а, взятаго въ отдѣльности; получить возможность сдѣлаться полезными
ія человѣчества дѣятелями; однимъ словомъ, получить возможность
ыйти изъ печальнаго страдательнаго положенія, въ какомъ человѣ-
ескія силы только погибнутъ.

Мы видѣли, что́ ожидало бы насъ не самолично, но какъ по-
оду, въ случаѣ включенія въ Прусскія владѣнія.

Обсудили мы также и то, къ какому хаосу спорныхъ и насиль-
твенно стремящихся къ разложенію началъ привели бы мы послѣду-
щія поколѣнія, если бы бросились въ объятія Австріи, побужда-
мые къ этому какимъ-то непростительнымъ съумасбродствомъ, или
инутами крайняго отчаянія.

Такимъ путемъ соединеніе съ Русскимъ народомъ, а, при его
осредствѣ, и съ остальными братскими Славянскими отраслями, съ

возрастающею ясностію представлялся глазамъ нашимъ, какъ неизбѣжная историческая необходимость.

Мы сказали себѣ, что разумъ долженъ подчиниться необходимости, и не одинъ разумъ, но и сердце, хотя и растерзанное, окровавленное, но въ то же время послушное Богу, высочайшему зиждителю всякой необходимости.

Въ это же время, казалось намъ, мы слышали какъ бы тихое предостереженіе Всевышняго не унадать духомъ; ибо то, чему мы съ твердою покорностью судьбѣ полагаемъ нынѣ начало, принесетъ послѣдующимъ поколѣніямъ послѣдствія, исполненныя счастія и радости.

Послѣ этого намъ осталось заботиться единственно уже о томъ, чтобы отыскать переходъ, такъ сказать, способъ естественнаго превращенія нашего историческаго прошлаго къ предназначеннымъ имъ новымъ формамъ, соотвѣтствующимъ новымъ условіямъ политической жизни въ мірѣ.

Этотъ переходъ отъ Польскаго вопроса къ вопросу Славянской будущности почерпнутъ нами въ чисто человѣческомъ вопросѣ, имѣющемъ въ виду одно нравственное существо человѣка.

Такимъ образомъ всѣ основанія, пути и будущность нашей борьбы за существованіе, можно выразить ниже слѣдующими словами:

Сдѣлаться на нѣкоторое время людьми; [69] направить въ этотъ періодъ нашего бытія всѣ наши силы къ укрѣпленію и распространенію между нами великихъ основаній образованности: чистоты личныхъ и семейныхъ нравовъ, любви къ труду, безусловнаго уваженія законовъ, безпристрастной любви къ правдѣ, хорошему и прекрасному; наконецъ, въ особенности, сохраненія истинной вѣры, проистекающей изъ чистаго сердца и запечатлѣваемой дѣлами.

Совершить этотъ переходъ съ большою покорностью. Принять за исходную точку тѣ условія жизни, въ которыя поставила насъ судьба; не смотря на ихъ упорность, постепенно сокрушать ихъ силою воли, сознающею и себя и свои пути.

Шагъ за шагомъ расширять законную почву труда, не только лично экономическаго, но и общественнаго, въ пользу края. Распространять же его съ тѣмъ желѣзнымъ постоянствомъ и вѣрою въ Цѣ-

---

[69] А по истеченіи этого нѣкотораго времени?

ыслъ, съ какою піонеры Новаго Свѣта пріобрѣтали пядь за пядью
ли во имя образованности, приносимой ими съ собой на отдален-
ie берега.

Не соблазняться достигнуть многаго съ разу, не стремиться
ыше силъ, но и никогда не отступать, а въ особенности никогда
уклоняться съ однажды избраннаго пути, хотя бы намъ предстояли
мыя блестящія приманки.

Каждому дню своя забота, завтрашній самъ о себѣ позаботится.
реемники наши поведутъ дѣло дальше: приготовимъ же ихъ къ это-
примѣромъ собственной жизни.

Fata viam inveniunt. Судьбы найдутъ дорогу.

И такъ уже не какъ Поляки, но какъ люди, придемъ мы къ Рус-
ому народу. Лишенные отдѣльнаго народнаго существованія, ска-
мъ ему: «Неисповѣдимыми судьбами, своими ошибками, а также и по
шей винѣ, мы боролись, въ продолженіе ста лѣтъ, съ судьбою, съ
бою и съ вами, для возстановленія этого существованія [70] въ преж-
й формѣ. Передовые изъ нашего народа, въ отчаяніи, оставляли
ай: какъ новые Энеи, мы унесли съ собою къ отдаленнымъ бере-
мъ побѣжденныхъ пенатовъ, но не были, подобно ему, счастливы, и
могли, при помощи небесъ, возродиться въ какой либо новой Троѣ.

«Выбившись изъ послѣднихъ силъ, потерявъ изъ глазъ послѣд-
ю надежду, мы уже не хотимъ, [71] и не въ состояніи, [72] бороться.
агаемъ оружіе: не передъ вами, но для васъ, въ лицѣ Бога.

«Изъ Его рукъ вы принимаете надъ нами власть: не забывайте
, подъ какими условіями онъ даетъ власть человѣку надъ челове-
мъ. Какъ побѣжденные, мы не можемъ предложить отъ себя ника-
хъ другихъ условій. [73] Во всякомъ случаѣ съ настоящаго времени
найдете въ насъ вѣрныхъ союзниковъ; [74] давая вамъ обѣтъ вѣрно-
и, мы внимаемъ не влеченію сердца, не рѣдко непостоянаго въ
овѣкѣ, но голосу обязанности. Обязанность эта требуетъ отъ насъ,
слѣ принесенія тяжкихъ жертвъ, обезпечить обоюдное наше спо-
йствіе и развязать вамъ руки для скорѣйшаго осуществленія су-
бъ всего нашего Славянскаго міра.[75]

Такъ вотъ Русскіе и повѣрятъ всякой болтовнѣ!
Сомнительно.
Нѣтъ сомнѣнья.
Еще бы!
Плохо вѣрится.
Поздненько.

«Великая предстоитъ вамъ забота, какъ внѣ, такъ и внутри, государства: да поможетъ вамъ Господь и въ томъ и въ другомъ случаѣ достигнуть благопріятныхъ послѣдствій!

«Мы желаемъ съ вами трудиться; съ вами, если понадобится, страдать; дѣти, а правдоподобнѣе только внуки наши, будутъ радоваться вмѣстѣ съ вашими внучатами.

«Не требуйте отъ насъ свыше силъ. Мы не въ состояніи соединиться съ разу со всѣмъ существомъ вашей народности. [76] Предоставьте времени то, что̀ можетъ выработать только время.

«Съ настоящаго времени мы вступаемъ въ общее политическое тѣло только какъ люди. [77] Мы приносимъ съ собою глубокое сочувствіе ко всему, что̀ возвышаетъ и облагораживаетъ природу человѣка, что̀ обезпечиваетъ его труду возраставшую дѣятельность, что̀ придаетъ его отношеніямъ къ подобнымъ ему существамъ болѣе ясную черту нравственнаго строя, что̀ обогащаетъ его умъ, очищаетъ чувства, закаляетъ волю, дѣлая ее послушною разуму, что̀ возноситъ его мысль изъ міра видимаго въ невидимый, и въ этихъ горнихъ высяхъ подготовляетъ къ великимъ и святымъ подвигамъ. Такихъ сочувствій мы желаемъ искать между вами, и тамъ, гдѣ мы ихъ найдемъ, прочно соединить съ вашими и, въ этихъ точкахъ соприсновенія, основать новыя звенья соединенія двухъ народовъ. Наши преемники, съ теченіемъ событій, не упустятъ случай расширять эти узы, а время, этотъ неутомимый зодчій, сдѣлаетъ остальное.

«Довольствуйтесь тѣмъ, если, на первый случай, будутъ насъ соединять съ вами преимущественно одни человѣческіе и, въ извѣстной мѣрѣ, племенные, но не народные, вопросы. Это согласно съ порядкомъ вещей: мы не въ состояніи уклониться отъ него, а вы не въ силахъ его измѣнить. Излишнимъ желаніемъ ускоренія перерожденія вы причините намъ много безполезныхъ страданій и огорченій, дѣла же вы не ускорите, а, напротивъ, замедлите, или сильно испортите его.

«Мы желаемъ быть вашими вѣрнѣйшими союзниками въ каждомъ честномъ трудѣ, на какомъ бы поприщѣ онъ ни касался человѣка, какъ человѣка.

---

[76] Да кто же этого требовалъ когда либо, или потребуетъ отъ васъ?

[77] Вотъ куда можетъ заводить угодливость страстямъ партіи, угодливость ихъ желанію быть выслушану, никого не возмущая! Все, что говорится далѣе,—чистая Жидовская діалектика!

«Не оставимъ васъ ни въ какой нуждѣ, ни съ кѣмъ противъ васъ не соединимся: [78] развѣ этого для васъ недостаточно? [79]

«У васъ дома есть общественные недуги; [80] вы сами замѣчаете въ своей средѣ слѣды грознаго нравственнаго разложенія, которое слѣдуетъ предупредить заблаговременно. Собственные ваши журналы, съ сожалѣніемъ, раздирающимъ сердце, гласятъ, какъ многіе изъ вашей молодежи погибли нравственно, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Политическій процессъ, [81] веденный прошлымъ лѣтомъ, открываетъ глазамъ внимательнаго изслѣдователя страшное опустошеніе, производимое между вами безразсудными общественными ученіями [82] и философскими теоріями. [83] У васъ нѣтъ хорошихъ училищъ, по тому что ощущается недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ. [84] Нѣтъ у васъ и хорошихъ чиновниковъ; нѣтъ у васъ людей для частной дѣятельности, въ томъ смыслѣ, какъ она понимается нѣмецкимъ племенемъ, и какъ ее слѣдуетъ понимать, чтобы достигнуть умственной и экономической образованности, до какой дошло сіе послѣднее племя. [85]

«Этимъ же общественнымъ недугамъ, съ небольшими видоизмѣненіями, подвержены и мы. [86] Нѣкоторые изъ нихъ вы сами привили къ намъ, не для того, чтобы вы желали распространять зараженіе, но по тому, что, по недостатку людей, вы присылаете къ намъ чиновниковъ, не подвергая ихъ строгому испытанію въ общественномъ и политическомъ отношеніи, какъ бы это непремѣнно слѣдовало дѣлать.

«Вопросъ угнетенія, а, въ случаѣ надобности, и совершеннаго

Увидимъ.

Да, недостаточно: «Experto crede Roberto!» а не словамъ, и словамъ человѣка, равно какъ и народа, поставленнаго въ такое положеніе, что онъ иначе и не можетъ говорить.

Укого же ихъ нѣтъ?

И въ каждомъ процессѣ, рядомъ съ нашимъ заблудшимъ, непремѣнно сидитъ и Полякъ-подстрекатель, ищущій мутной воды.

Пожалуйста, безъ нравоученій!

Которыхъ въ сущности никогда и не было у насъ.

А у васъ есть?

Такъ не выписать ли все это изъ Польши, благо изъ Нѣмечины уже выписывали?

То-то же!

истребленія просвѣщеннаго слоя нашего народа, [87] до сихъ пор
бралъ у васъ верхъ надъ всѣми другими, не только политическими,
но, къ несчастію, и общественными, вопросами. [88] Имъ создано ис
ланное поле для многочисленныхъ послѣдователей разнообразнѣйшихъ
превратныхъ теорій. Это тотъ Антоновъ огонь, отъ котораго со вре
менемъ, а, быть можетъ, и скоро, сильно пострадаемъ и мы и вы.
Не станемъ искать виновнаго: мы ли, вынудившіе васъ ожесточеннымъ
упорствомъ нашимъ прибѣгнуть къ такимъ крайнимъ мѣрамъ, ка
вы, употребившіе ихъ: что́ бы изъ того ни вышло, вина наша общая.
Лучше подумаемъ сообща, какъ бы скорѣе выйти изъ этого ужа
снаго состоянія, положить предѣлъ возрастающей безнравственности
поставить, пока еще возможно, преграду тому, чтобы подъ усилія
въ сущности направленными единственно противъ вредныхъ въ гос
дарствѣ зародышей, не гибли главнѣйшія основанія общественнаго по
рядка: неприкосновенность собственности, личности и души человѣка.
Съ погибелью этихъ основаній общественная гниль быстрѣе холер
проникнетъ изъ нашего общества въ ваше. Всѣ мы тогда погибнем
чужіе овладѣютъ нами и вами, какъ толпою безоружныхъ существъ,
и имя Славянина будетъ равносильно кличкѣ раба, какъ это уже
было, когда кровь наша лилась въ Римскихъ циркахъ, для увеселенія
всемогущаго народа надъ Тибромъ. [90]

«На васъ покоятся надежды всего Славянства: [91] честь эта слѣ
дуетъ вамъ давно и справедливо: изо всѣхъ Славянскихъ народо
вы одни постояннѣе другихъ сочувствовали, въ послѣднее время, при
званію соединенія во едино всѣхъ братнихъ племенъ. Вы же одни
изъ всѣхъ Славянъ умѣли сохранить, по настоящее время, нар
ную независимость, выработать въ себѣ начала исполинскаго госу
щества и, въ виду государствъ всего міра, занять положеніе, н
уступающее первенства ни одному изъ нихъ. [92]

---

[87] Эту-то проклятую и отверженную Богомъ интеллигенцію и слѣдуетъ уни
жить для блага самой Польши и всего Славянства, а съ уничтоженіемъ ея
будетъ и Антонова огня у васъ.

[88] Если бы это было такъ, давно бы этого просвѣщеннаго вашего слоя, не
ществовало.

[89] Незараженнымъ нечего бояться его.

[90] Нечего стращать воображаемой погибелью для извѣстныхъ, впрочемъ, о
прозрачныхъ, дѣлей.

[91] Знаемъ это и безъ васъ.

[92] Совершенная правда, но поздненько сознаваемая вами.

«Со временемъ исторія будетъ изумляться величію внутреннихъ ›еобразованій, совершившихся въ краткій періодъ нѣсколькихъ детковъ лѣтъ, со времени воцаренія великодушнаго Монарха, которому всѣхъ его дѣяніяхъ сопутствуютъ благословенія милліоновъ людей, звращенныхъ человѣчеству, благодаря его сердцу и рѣшимости.

«Возможно ли же, чтобы такія надежды, чтобы столько достигнуіхъ уже сокровищъ просвѣщенія, порядка и матеріяльнаго могуства, сдѣлались когда либо жертвою соціяльныхъ революцій, навѣныхъ съ Запада, или постепенной Восточной гнили, разрушившей кое множество, нѣкогда столь сильныхъ, государствъ?

«Искренее примиреніе двухъ народовъ дастъ возможность благослящимъ людямъ обѣихъ народностей соединиться въ одномъ уси, съ цѣлью искорененія, въ самомъ зародышѣ, опаснаго соціялизма, держанія правительства въ его усиліяхъ создать мѣстное управіе, достойное этого имени, и вдохновить всѣ отрасли народнахозяйства. На этомъ поприщѣ, мы, слабые матеріяльно, можемъ инести вамъ въ дань сокровища мощи, умѣнья, доброй воли и ѣрія, [93] лишь бы только вы, забывъ давніе споры, пожелали прить и уважать въ нашемъ лицѣ людей. На такомъ поприщѣ мы момъ, и должны, взаимно подать другъ другу руки. [94]

«Противъ этого со стороны лицемѣрно нашептываютъ намъ, то вы народъ, проникнутый уже насквозь гнилью; будто, въ соненіи съ вами, мы никогда не достигнемъ ни уваженія собствен:ти, ни личной безопасности, ни, что всего дороже, неприкоенности совѣсти. [95] Мы отвращаемъ уши отъ подобныхъ преельскихъ голосовъ, и ни въ какомъ случаѣ не желаемъ повительства и помощи исконныхъ и естественныхъ враговъ Слаіскаго племени. Съ настоящаго времени мы рѣшились ити съ и всегда въ однихъ рядахъ, въ той увѣренности, что это единенное средство спасти себя и другія слабыя Славянскія племена, быть можетъ, и васъ самихъ, [96] теперь столь могущественныхъ, отъ

Путите! Этихъ благъ не больше и у васъ, какъ и у насъ.

акъ вотъ въ чемъ дѣло: помиримся съ Русскими, и пойдемъ къ нимъ въ ачальники. Нельзя: ваканція занята!

. е., признавать Папу Богомъ? Какое намъ до этого дѣло?

) насъ не тужите!

низведенія на степень обреченныхъ къ смерти низшихъ породъ, будто бы неспособныхъ принять высшую образованность и не имѣющихъ права существовать на землѣ, въ виду породъ, считающихъ себя высшими...[97]

«Но, одновременно съ принятіемъ на себя столь обширныхъ и рѣпительныхъ обязанностей, мы уполномочены,[97] въ силу превышающаго нашу и вашу волю, права божественнаго, естественнаго, требовать отъ васъ всякихъ политическихъ выгодъ и общественнаго быта, къ которымъ гражданство ваше кому либо открываетъ дорогу."

«Всякое изъятіе насъ изъ подъ общественнаго закона, всякое исключительное ограниченіе нашей дѣятельности, всякое воспрещеніе доступа намъ къ какому бы то ни было отправленію общественной и политической жизни, всякое прегражденіе путей, доступныхъ другимъ, къ образованію, труду, пріобрѣтенію собственности, всякое лишеніе насъ возможности распоряжаться ею, всякое недовѣріе къ нашей религіи;[99] все это, вмѣстѣ взятое, мгновенно подорветъ смыслъ жизни и останется однимъ вопіющимъ злоупотребленіемъ. Цѣлый рядъ мѣропріятій, направленный прежде противъ непріязненныхъ вамъ началъ, долженъ рушиться передъ тѣми голосами, жаждущими справедливости, которые заключили съ вами соединеніе въ своей совѣсти, и готовы доказать это всегда своими дѣлами.[100]

«Этого равенства передъ закомъ мы достигнемъ, не смотря на всѣ преграды и затрудненія, и достигнемъ путемъ спокойнаго законнаго пріема, при помощи живого и печатнаго слова и молитвы, подобно Англійскимъ Католикамъ, достигшимъ, за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, своего освобожденія, и Шведскимъ, годъ тому назадъ добившимся того же. Мы почерпаемъ нашу надежду въ томъ, что

---

[97] Точки въ подлинникѣ!—Это болтовня Нѣмецкихъ верхоглядовъ, не стоящая не только опроверженія, но и никакого вниманія.

[98] И такъ, все это предисловіе къ условіямъ! Какъ же это сочинитель доказывалъ передъ тѣмъ на всѣ лады, что Русскіе не примутъ условій, а Поляки не могутъ предлагать ихъ?

[99] Не уже ли же и ксёндзамъ, этимъ пламеннѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ слугамъ и ученикамъ Езуитовъ, мы должны будемъ угождать во всемъ?

[100] Поляки могутъ говорить такимъ образомъ только доказавъ на дѣлѣ чистосердечіе своего примиренія, а до того все это—слова, слова и слова!

а насъ будутъ священнѣйшія начала общественной благоустроен-ой жизни, логика вещей и ваша собственная логика. [101]

«Достигнувъ равноправности, воспользуемся ею для того, чтобы, ь обитаемыхъ нами областяхъ, мѣстное населеніе, просвѣщенное и важаемое, приняло такое же участіе въ управленіи своихъ инте-есовъ и въ служеніи Престолу, какое существуетъ въ областяхъ, ставляющихъ ваше гнѣздо. [102] Воспользуемся ею и для того, что-ы поднять уровень земледѣлія и промышленности нашего края, при омощи учрежденій, въ несомнѣнной пользѣ которыхъ, и даже необ-одимости, убѣждаетъ насъ примѣръ образцоваго состоянія хозяйства ь чужихъ краяхъ, а въ особенности у Нѣмцевъ. Приложимъ ее и къ полненію нашихъ училищъ воспитателями не только просвѣщен-ми, но и испытанной нравственности, которымъ мы могли бы ручить дѣтей нашихъ, не опасаясь, что изъ нихъ выйдутъ соціялисты нигилисты, о которыхъ вы сами говорите намъ съ справедливымъ касомъ и омерзѣніемъ. Этому соціялизму мы объявимъ смертельную йну на всѣхъ соприкосновеніяхъ, и выдержимъ ее съ успѣхомъ, по му что мы съумѣемъ сквозь кожу узнать опаснѣйшихъ послѣдова-лей, т. е., тайно-соціялистовъ и тайно-нигилистовъ невидимыхъ, самимъ лишь себѣ извѣстныхъ лицемѣровъ, находящихся, по не-астью, даже и въ правительственыхъ сферахъ, которые, подъ видомъ иверженности къ общественному порядку и Престолу, безразсудною, и преступною, рукою разрушаютъ священнѣйшія основы перваго и льнѣйшія опоры втораго. [103]

«Вотъ наша программа. Никакой мысли объ отдѣленіи: напро-въ, на вѣки съ вами, но съ Богомъ! Согласитесь же сами: при кой программѣ было бы преступно усомниться въ помощи Божіей его благословеніи. [104]

«Желаете ли, чтобы я выразилъ въ нѣсколькихъ словахъ всю ть высказанныхъ мыслей? И такъ, изъ благороднѣйшихъ началъ нчтоженной Польской народности [105] образуется, раньше, или позже,

---

Увидимъ.

Какъ будто эти области Польскаго происхожденія! Какъ же это такъ?

Что это? Не споримъ, что изъ интеллигенціи вашей выдавались замѣча-тельные шпеги.

Въ Богѣ-то мы не сомнѣваемся, но вы—иная статья.

Какихъ въ ней никогда и не было, по крайности той народности, какую Поляки всегда себѣ представляли, подразумѣвали и хвалились ею.

огромная охранительно-Славянская партія. [106] Символами этой партіи будутъ:

Политическое соединеніе съ Русскимъ народомъ навсегда, а, при посредствѣ Россіи, и съ остальнымъ Славянствомъ. [107]

Гражданственость, а чрезъ нея и нравственная связь съ человѣчествомъ.

Неприкосновенность совѣсти.

Правосудіе въ законахъ.

Уваженіе труда, лицъ и собственности.

Законное и нравственное возвышеніе семьи.

Попечительное воспитаніе юношества.

Просвѣщеніе низшихъ сословій.

Основа нравственности во всѣхъ слояхъ общества.

Вѣрность Монарху и Царствующему Дому, какъ ручательство и основаніе всего.»

Вотъ какимъ образомъ, полагаю, мы могли бы и должны безотлагательно напомнить о себѣ. Въ моемъ убѣжденіи, въ настоящее время, это единственно возможная постановка нашего вопроса.

На этомъ пути мы должны постепенно, шагъ за шагомъ, пріобрѣтать себѣ новыя условія жизни. Какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ вокругъ насъ нагромождались однѣ развалины, такъ и возстановленіе зданія, правдоподобно, должно продолжаться долгіе годы. Напрасно мы теряли бы терпѣніе: какъ только можемъ мы окинуть взоромъ, не видно другой дороги. [108]

Какъ въ отношеніяхъ частныхъ, такъ и въ отношеніяхъ международныхъ, однажды утраченное довѣріе нелегко и нескоро возстановляется. Оно возвращается не словами, но продолжительнымъ рядомъ поступковъ, [109] а для этого необходимо время и подходящія обстоятельства.

---

[106] Не вѣрится что-то, но желательно.

[107] Безъ Россіи то немыслимо для насъ.

[108] Совершенная правда!

[109] Давайте же ихъ намъ!

И такъ для начала у насъ находятся въ распоряженіи не ишкомъ счастливыя предвѣщанія. Но это, какъ я сказалъ уже вы-е, насается только насъ, старыхъ. Вѣроятнѣе всего, мы перемремъ, дождавшись лучшихъ дней.... [140] Впрочемъ, кто можетъ знать? Не-повѣдимы иногда пути Провидѣнія! Но послѣдующія поколѣнія сомнѣнно увидятъ лучшую долю, лишь бы мы умѣли выдержать конца избранное направленіе. Если же это единственно оставшійся мъ путь для обезпеченія доли политической жизни, при отсутствіи горой человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ, то слѣдуетъ воору-иться достаточною любовью и мужествомъ, чтобы выполнить безъ пота то, что́ намъ предписываетъ обязанность, и перенести безъ лобъ неизбѣжную предсмертную муку.

Продолжительный опытъ жизни заставилъ меня потерять вѣру дѣйствительность крутыхъ мѣропріятій.

Съ тѣми, которые мечтаютъ, что лишь бы взвилось Австрійское мя на верхушкѣ Варшавскаго за́мка, или раздался звукъ трубы дьярскихъ гусаръ на Саксонской площади, и край, какъ бы по ма-ію чародѣйскаго жезла, зацвѣтетъ, неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, гополучіемъ, съ такими кто же пожелалъ бы вступать въ препи-ніе? Есть еще мечтатели, надежды которыхъ, хотя и не столь вы-оны, однако же равнымъ образомъ ничтожны. Имъ кажется, что таточно двухъ словъ, припечатанныхъ въ Дневникѣ законовъ: «само-авленіе и народность,» и у насъ немедленно же будутъ: безпороч-управленіе, справедливость въ судахъ и честность во всѣхъ об-ственныхъ отправленіяхъ.... Однако же, ни справедливость, ни тность не достаются такъ легко.

Если бы кто сегодня обѣщалъ мнѣ въ одну минуту возвратить оду давно утраченное счастіе, будь онъ и самъ могущественъ, ъ скорѣе испугалъ бы меня, чѣмъ обрадовалъ.....

Великія дѣла осуществляются только постепенно и среди вели-ъ страданій. У меня нѣтъ желанія увлекать несбыточными надеж-и ни себя, ни читателя. Однако же, было бы большимъ счастіемъ реть съ тою увѣренностію, что наконецъ найденъ истинный путь, значительной мѣрѣ нами уже пройденный.

Такъ и въ подлинникѣ, равно и ниже вездѣ.

Есть книга, въ которой такъ намъ предписано: «И да не отступитъ книга закона сего отъ устъ твоихъ, и да поучаешися въ ней день и нощь, да уразумѣеши творити вся писанная.» [111]

Эта книга, читатель, должна составлять всю основу нашего бытія; въ ней мы должны видѣть все заступничество нашихъ правъ, мы обязаны давать, для назиданія, братіи нашей, если бы кто либо, по несчастію, не прочиталъ еще ее отъ первой страницы до послѣдней.

Съ нею въ рукахъ и въ сердцахъ горсти паломниковъ, двѣсти лѣтъ тому назадъ, переплывали океанъ, выходили на дикіе берега Сѣверной Америки, и насаждали первыя основанія того общества, имя котораго произносится теперь съ уваженіемъ на всемъ земномъ шарѣ.

Съ нею въ рукахъ и, дастъ Богъ, съ ея правилами въ сердцѣ, и мы скажемъ себѣ:

«Иногда не людіе, нынѣ же людіе Божіи.» [112]

Эпилогъ.

Въ началѣ настоящаго сочиненія я указалъ ясно, какихъ изъ нашихъ соотечественниковъ имѣлъ я въ виду, приступая къ изложенію моихъ мыслей. Кто изъ нихъ прочиталъ настоящій мой трудъ съ вниманіемъ и до конца, тотъ, вѣроятно, убѣдился, что сочиненіе пробудили отъ сна не литературные лавры. Предъ читателемъ лежитъ не книга, а дѣло: исполненная, какъ полагаю, послѣ многолѣтнихъ испытаній мысли и судебъ, обязанность гражданина. Не безъизвѣстно мнѣ, съ какою легкостью можно сдѣлать нападеніе на высказанныя мною мнѣнія. Быть можетъ, кто либо пожелаетъ, въ иныхъ снорѣчивыхъ періодахъ, привести мнѣ на память много прекрасныхъ нравоученій, разгромляя немилосердно, во имя самыхъ патріотическихъ чувствъ, мой низменный способъ воззрѣнія на современное положеніе общественныхъ нашихъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе это будетъ риторика, а не политика. Однако же, я первый буду рукоплескать такимъ нападкамъ, если только противникъ не переступитъ той стыдливой границы, внѣ которой не царствуютъ уже Музы, и рѣшитъ свою задачу по всѣмъ правиламъ искуства. Кто не знаетъ, что

---

[111] Іисусъ Навинъ I, 8.

[112] 1 Петр. II, 10.

ювательныхъ убѣжищахъ, огражденныхъ отъ ударовъ кровавой ейской борьбы покровительствомъ Парнасскихъ боговъ, можно дать чудесные идеалы! Но это не болѣе, какъ цвѣты, безъ кото-ь, дѣйствительно, было бы скучно и пусто на землѣ, но въ то же я они и не составляютъ насущнаго хлѣба, столь необходимаго ымъ изгнанникамъ изъ рая.

Между тѣмъ въ настоящемъ трудѣ дѣло идетъ именно о насущ- хлѣбѣ. Сочинитель обращается къ отцамъ семействъ, къ тѣмъ, рые дадутъ отвѣтъ Богу за участь многихъ. Польша, какъ от-ная страна, перестала существовать давно, но продолжаетъ су-вовать въ семействахъ, и только на этомъ поприщѣ можно слу- ей. Отцы семействъ въ настоящее время — дѣйстви-ные охранители интересовъ Польши; остальное же — при- , или насиліе.

Кому суждено охранять такіе интересы, тотъ обязанъ повино- началамъ политики. Однако же, увы, эти послѣдніе не похожи идеалы, о которыхъ только что шла рѣчь!

Они носятъ характеръ самой холодной прозы, и могутъ быть ены едва ли не слѣдующими словами: «Смотри, каковы у карты: играй же сообразно и внимательно!»

Со времени окончательнаго паденія нашего отечества, у насъ ительно ни разу не было хорошихъ картъ; однако же, раза ли онѣ не дурныя, именно: передъ памятною ночью 1830, и другою, 1863 года. Въ обоихъ случаяхъ мы не умѣли играть; ихъ случаяхъ мы позволяли молодежи переманить весь народъ азсудительной игры въ задорную.

ь настоящее время, начиная съ 1870 года, Европа роздала овыя карты. Намъ, не смотря на видимую неудачу, достались такихъ давно уже у насъ не было, лишь бы съумѣли мы по-соответственную игру. Будемъ же внимательны, чтобы, съ мъ легкомыслiемъ, опять не прокозыряться.

лѣе же всего мы не должны позволять сбивать себя съ тол-ами лжепатріотовъ; такими, на примѣръ: «Развѣ намъ, оби-ъ, ожидающимъ правосудія съ вѣрою въ будущее, первымъ ъ протянуть руку Россіи? Сама Россія обязана сдѣлать пред-

Нѣкогда правили Русскими братья: Рюрикъ (Rurichus), Синеусъ (Sinaus) и Труворъ (Truvorus), родомъ изъ Варяговъ (Waregis) и Вагровъ (Wagriis), Князей Славянскаго народа у Каттегата и Одина (ad sinum Codanum). Взявъ съ собою двоюроднаго брата, Олега (Iscito sobrino Oleko), они раздѣлили между собою власть надъ Русью, предложенную имъ тамошними коренными жителями, по внушенію и совѣту гражданъ Великаго Новгорода, для того, чтобы эти братья обороняли ихъ отъ Кіевлянъ, войну съ которыми они едва удерживали. Это было въ 6370 году отъ сотворенія міра и въ 871 [131] отъ Рождества Христова, по принятому Русскими Греческому летосчисленію (текущій годъ отъ Рождества Христова 1663, начиная послѣ Августа мѣсяца, отъ сотворенія міра). [132] По смерти же обоихъ бездѣтныхъ братьевъ, имъ наслѣдовалъ Рюрикъ, и умирая оставилъ наслѣдникомъ Государства несовершеннолѣтняго для управленія, единственнаго сына, Игоря (Igorem), подъ опекою Олеговою, который потомъ и возвратилъ этому Игорю увеличенное имъ царство. Сынъ Игоревъ, Святославъ (Suatoslaus), отецъ рожденнаго внѣ брака Владимира (Volodimiri), который построилъ на рѣкѣ Клязьмѣ (Clesmam) Володимиръ, [133] куда и перенесенъ престолъ Русскаго Княжества. Этотъ Владимиръ подчинилъ себѣ всю Русь, послѣ злодѣйскаго убійства своего брата, отъ законнаго брака, Ярополка (Jeropolcho), и Варяга (Varego) или Вагра (Vagrio), Псковскаго Князя Рогвольда (Rochvologdo). А въ 6496 году отъ сотворенія міра и въ 987 по Рождествѣ Христовомъ, [134] по слѣдамъ своей бабки съ отцовской стороны, Ольги (Olha), крестившейся въ 6463 году отъ сотворенія міра, и 954 отъ Рождества Христова [135] въ Константинополѣ, въ царствованіе Константина VIII-го [136] воспріемника, онъ тоже принялъ святое крещеніе при Восточныхъ Императорахъ Василіи и Константинѣ, взялъ себѣ въ жену сестру ихъ, Анну, и славными дѣлами омылъ позоръ своего рожденія. По его смерти, изъ дѣтей и прочихъ его потомковъ, даже братьевъ Георгія (Georgium) и Ярослава (Jaroslaum) 6-мъ отъ него колѣнѣ, каждый старался захватить власть, раздѣ-

---

862. О. Б.

Слѣдовательно, это сочиненіе свое Майербергъ писалъ въ 1663 году. О. Б.

Владимиръ Мономахъ, а не Св. Владимиръ. О. Б.

988. О. Б.

957. О. Б.

По другимъ счетомъ VI или VII. О. Б.

ленную между многими: губя другъ друга, они мало прославились въ войнахъ внѣшнихъ (если исключить праправнука Владимирова Владимира Мономаха). Эти самые Георгій и Ярославъ испытали такія невзгоды въ войнѣ съ напавшимъ на нихъ Татарскимъ Царемъ Батыемъ (а Bato), что когда первый палъ въ ней съ сыномъ Владимиромъ, [137] Ярославъ не въ состояніи былъ наслѣдовать ему, не отдавъ Татарской надменности въ порабощеніе ту Русь, которую получилъ отъ предковъ свободною. Татары, высокомѣрные отъ своего счастья, не только произвольно раздавали требующимъ Русскимъ безсильныя ихъ Княжества по частямъ, чтобы легче было повелѣвать слабыми, но съ гордымъ презрѣніемъ заставили Князей при встрѣчѣ Татарскихъ пословъ, и даже простыхъ гонцовъ, подносить имъ чашу съ кобыльимъ молокомъ, и если пьющіе прольютъ сколько ни будь на гриву своихъ лошадей, подлизовать, а когда введутъ пословъ во дворецъ, уступать имъ Княжескій престолъ и стоять почтительно предъ сидящими съ непокрытыми головами и читавшимъ грамоты Татарскаго Царя, подстилать самые дорогіе горностаевые мѣха и сами слушать ихъ на колѣняхъ. Послѣ того, какъ Даніилъ, внукъ Ярослава, давно уже перенесъ Великокняжескій престолъ изъ Владимира въ Москву, это позорное Татарское иго свергнулъ наконецъ сынъ правнука Даніилова, Василія Темнаго, Иванъ, благодаря убѣжденію и хитрой выдумкѣ, помагавшей ему, супруги, Софіи Палеологъ (иногда Sophia Paleologa): онъ погубилъ разнымъ лукавствомъ многихъ родственныхъ себѣ Князей, соединилъ Русь въ одно цѣлое и назвался ея единодержавнымъ Государемъ. По кончинѣ его, въ 1506 году, [138] сынъ и наслѣдникъ его, Гавріилъ, извѣстный потомству подъ именемъ Василія, привелъ въ покорность всѣхъ другихъ Князей изъ Московскаго Княжескаго рода и возвратилъ Смоленскъ, а усилившись такими приращеніями, сталъ питать болѣе высокіе помыслы и присвоилъ себѣ Царскій титулъ, по свидѣтельству Герберштейна, Посла Римскаго Императора Максимиліяна I-го, чего никогда потомъ не забывали его потомки. По тому что, и смерти его, въ 1533 г., [139] взялъ себѣ этотъ Царскій титулъ, если и не нашелъ его въ отцовскомъ наслѣдствѣ, сынъ его, Иванъ

[137] Племянникомъ Васильком? О. Б.

[138] 1505 г., Октября 27 дня, по иным 1506. О. Б.

[139] 1534 г. О. Б.

ѣстный міру жестокостью, можетъ быть, ужь слишкомъ пре-
личенною писателями, по покореніи Татарскихъ Царствъ Казан-
го, Астраханскаго и Сибирскаго. А преемники не хотѣли казать-
меньше своихъ предковъ. При своей кончинѣ, 18-го Марта, [146]
4 года, онъ оставилъ Царство сыну, Ѳедору, гораздо больше
собному къ пономарской должности, по заявленнымъ имъ опы-
ь своего малодушія, не совмѣстнымъ съ его положеніемъ и,
ю быть, готовому переносить всякія обиды. Когда же онъ
ръ, въ 1597 году, [147] безъ наслѣдниковъ, отъ злодѣйской руки,
его шурина, Бориса Годунова (Borissi Hoduni), имени кото-
о, по неблагоразумію, дозволилъ величаться выше своего Цар-
го, тогда этотъ Годуновъ первый устранилъ отъ прародитель-
го престола Князей изъ племени Рюрика и взошелъ на него,
помощію коварныхъ и хитрыхъ происковъ. Однако жь, хоть и
ошо правилъ Царствомъ, достигнутымъ такимъ дурнымъ путемъ,
сѣмъ тѣмъ, замѣтивъ 1605 г. народную ненависть къ себѣ изъ
одобрительнаго говора, съ какимъ принялъ народъ пришед-
о изъ Польши обманщика Димитрія (impostorem Demetrium),
е имѣя той силы духа, которая подкрѣпляетъ и учитъ людей
ественно переносить всякое зло до тѣхъ поръ, пока еще опа-
ся отъ нихъ какой ни будь крайней мѣры, Годуновъ отравил-
въ малодушномъ отчаяніи, и уступилъ свое мѣсто сыну, шест-
цатилѣтнему юношѣ, Ѳедору, при самомъ зловѣщемъ на-
женіи государства. Ѳедоръ не на долгую себѣ радость полу-
ь Царскую власть: въ три мѣсяца его правленія природное
остоянство Русскихъ отъ него отвернулось и, по приказанію
ідимитрія (Pseudo-Demetrii), онъ былъ удавленъ, 10-го Іюня,
стѣ съ матерью, Маріею. Но и Лжедимитрій не въ силахъ
ъ долго править непостояннымъ народомъ: ведя легкомы-
ную и несогласную съ отеческими обычаями жизнь, онъ на-
съ на себя презрѣніе и ненависть и подалъ благопріятный слу-
людямъ, строившимъ ему погибель. Въ десятомъ мѣсяцѣ его
вленія, 18-го Мая, 1606 года, онъ былъ растерзанъ народомъ,
Боярскому заговору, и уступилъ свое мѣсто главному зачинщику,
зю Василію Шуйскому (Basilio Suisco), потомку Рюрика изъ
а Суздальскихъ Князей. Однако жь, скоро наскучилъ онъ Мо-
итянамъ, по тому что не везло ему счастье. На четвертомъ году

---

[146] По другимъ Марта 19 дня. О. Б.
[147] 1598 г., Генваря 7 дня. О. Б.

правленія они постригли его въ монахи, [142] хоть и противъ его воли, и, послѣ напраснаго сопротивленія, вмѣстѣ съ женою, Маріею, силой отвели его въ мужской, а ее въ женскій, монастырь. [143] Но это былъ еще не конецъ его злополучіямъ. По избраніи въ Цари Владислава, сына Польскаго Короля, Сигизмунда III-го, на томъ, между прочимъ, условіи, чтобы Королевичъ, въ присутствіи Патріарха, Духовенства и Бояръ, перекрестился въ Можайскѣ (Mosaisci) по Московскому обряду, Василій Шуйскій былъ отосланъ къ нему плѣнникомъ, съ двумя братьями и другими родственниками. Не прошло еще и года, какъ онъ, сокрушенный бѣдствіемъ заключенія, умеръ въ Гостинскомъ замкѣ (in arce Gostinensi) Воеводства Равскаго (Palatinatus Ravensis), вмѣстѣ съ братомъ, Димитріемъ. А Король Сигизмундъ, не желая, чтобы смерть вырвала у него изъ рукъ такой знаменитый трофей, поставилъ круглую часовню въ Варшавскомъ предмѣстьи (suburbano), называемомъ Краковскимъ (Cracoviense), и хотѣлъ похоронить въ ней обоихъ братьевъ, прибивъ тутъ еще мраморную дощечку, въ свидѣтельство своего счастія, которой надпись увѣковѣчила бы для потомства злую судьбу несчастныхъ. Однако жь миръ, послѣдовавшій въ 1634 году, между Королемъ Владиславомъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, дозволилъ Москвитянамъ перенести кости плѣнниковъ въ Москву, а Михаилу зарыть въ землю ту мраморную доску съ надписью, присланную къ нему Владиславомъ съ Адамомъ Киселемъ (per Adamum Kisielium). Кіевскимъ Каштеляномъ. [144]

Но Владиславъ долго еще раздумывалъ ѣхать въ Москву для принятія Царства, по совѣту медлительнаго отца, котораго справедливо ужасало то нечестивое условіе въ договорѣ, либо и самъ онъ желалъ Царскаго вѣнца. Москвитяне, наскучивъ междоусобіями, выбрали себѣ, въ 1613 году, Михаила, сына Ѳеодора Никитича Романова (Theodori Mikitowicz Romanow), который былъ въ то время Митрополитомъ въ Ростовѣ и потомъ Патріархомъ

---

[142] Іюля 17 дня, 1610 г., лишенъ престола и отведенъ въ его домъ. О. Б.

[143] Іюля 18-го, «повели Царя въ монастырь Чудовъ, а Царицу въ Ивановскій. О. Б.

[144] О пребываніи Шуйскихъ въ Польскомъ плѣну, смерти ихъ тамъ и т. д. см. мою статью, какъ особое добавленіе къ переводу съ Латинскаго «Дневника Корба во время посольства его въ Московское Государство.» М. 1[illegible] г., стр. 376 — 379. О. Б.

ъ. Этотъ Михаилъ давно еще сосланъ былъ Годуновымъ, вмѣ
съ матерью, Маѳою Ивановной (Martha Juanova), въ Ипатьев-
й (Ipathianum) монастырь, въ одной верстѣ отъ Костромы (Cast-
novia), и проживалъ тамъ постоянно. Между обоими избранными
Цари запылала война и велась съ перемѣнчивыми случайно-
ми непостояннаго счастья до 1634 года, когда, наконецъ, усту-
ла мѣсто миру, утвердившему Михаила, по отреченіи Владисла-
въ спокойномъ владѣніи Царствомъ. Когда же Михаилъ, 12-го
ія, 1645 года, скоропостижно умеръ, на 50 году жизни, ему
слѣдовалъ 11-ти лѣтній юноша, Алексѣй, немедленно вѣнчанный
Царство, на другой день послѣ отцовской кончины, благодаря
кости своего воспитателя.

Если согласимся въ томъ, что рѣки тѣмъ знаменитѣе, чѣмъ
звѣстнѣе ихъ истоки, и такъ же будемъ судить и о ро-
ъ, неизвѣстность происхожденія которыхъ доказываетъ ихъ
вность, то по необходимости должны будемъ сознаться, что
ъ Романовыхъ самый знаменитый. Я долго отыскивалъ его
ословной, но ни одинъ, мало мальски ясный, лучъ знанія,
е и на минуту, не блеснулъ мнѣ, бродившему въ потьмахъ, такъ
ъ всѣ Москвитяне стараются оставлять въ невѣдѣніи о томъ
страпца. Охотно соглашаюсь, что Ѳедоръ, сынъ Ивана, по-
дній изъ древнихъ Русскихъ Князей, по прямой мужской линіи,
валъ на смертномъ одрѣ своимъ наслѣдникомъ Ѳедора Ники-
а Романова (Theodorum Mikitowicz Romanovium), какъ ближай-
о родственника и связаннаго съ нимъ самою тѣсной друж-
. По тому что навѣрно знаю, что Иванъ Васильевичъ, отли-
щійся отъ своего дѣда, прозваніемъ Грознаго (tyranni), всту-
ъ въ первое супружество съ Анастасіею (Anastasia), дочерью
ія, сына Захарія Романова (filia Georgii ex Zacharia Romanovio),
мѣлъ отъ нея дѣтей, Ивана и Ѳедора. Братъ Анастасіи былъ
нѣстникъ Новгородскій, Никита (Nikitas Praefectus Novogro-
sis), отецъ Ѳедора, котораго родственникъ его, тоже Ѳедоръ,
начилъ своимъ наслѣдникомъ. Московскій Царь Годуновъ, по
ніи родныхъ братьевъ этого Ѳедора: Александра, Василья, Льва
Михайла, изъ боязни, чтобы онъ не пожелалъ Царства, слѣдо-
наго ему по достоинству и по праву родства, сослалъ его по-
ь въ монастырь Святаго Антонія (S. Antonii), на Сѣверномъ
анѣ, при рѣкѣ Сискагѣ (ad fluvium Syskagum), [165] и прину-

мѣсто Льва (Leonem) развѣ Ивана, который сосланъ въ Пелымь, куда пере-

дилъ дать монашенскій обѣтъ подъ именемъ Филарета (Filaretus). Однако, вскорѣ онъ выбрался оттуда, получивъ санъ Митрополита Ростовскаго. Потомъ онъ состоялъ въ Посольствѣ отъ имени Московскихъ Бояръ къ Польскому Королю, Сигизмунду III-му, осаждавшему тогда Смоленскъ, вмѣстѣ съ товарищами: Княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ (Duce Basilio Basilowicz Galiczino), Княземъ Даниломъ Ивановичемъ Мезецкимъ (Daniele Juanowicz Miszeskio), и Дьякомъ Ѳомой Луговскимъ (Thoma Lugoroski a secretis).[146] Они посланы были убѣдить Короля, чтобы какъ можно скорѣе прислалъ въ Можайскъ (Mosaiscum) своего сына Владислава, выбраннаго Великимъ Княземъ Московскимъ, для обращенія, согласно договору, въ Московскую Вѣру. Но Сигизмундъ отправилъ Ѳедора Романова подъ стражей въ Каменку (Kamioncam); послѣ въ Маріенбургѣ въ Пруссіи его держали, гдѣ и услышалъ онъ, что на Московскій Престолъ взяли его роднаго сына Михаила, при которомъ и былъ возведенъ на Русское Патріаршество. Я не согласенъ, однако жь, съ тѣми, которые увѣряютъ что онъ былъ изъ поколѣнія и родни Ивана Грознаго, по тому что ни самъ, ни потомки его, никогда не пользовались Княжескимъ, или Герцогскимъ, титуломъ, (titulo Knesiorum, sive Ducum), тогда какъ всѣ другіе, ведущіе по линіи родства свое происхожденіе изъ рода Московскихъ Великихъ Князей, еще и нынѣ пользуются этимъ титуломъ, да и передаютъ его дѣтямъ. Ибо, если бы Романовы отличались самымъ знаменитымъ происхожденіемъ Москвитяне, обыкновенно превозносящіе, по врожденному хвастовству, свои дѣла до небесъ, не только не захотѣли бы скрывать это, но еще прожужжали бы этимъ уши даже и тому, кто ихъ и не спрашиваетъ. А это вѣрно, что изъ роду Романовыхъ остался одинъ Алексѣй, сынъ Михаила, если не хотя

вели и Василія изъ Яренска; Михайло же отправленъ въ Великую Пер[illegible] гдѣ, въ Ныробскомъ погостѣ (Чердынскаго Уѣзда), его удавили; Алекса[illegible] увезенъ къ Студеному (Бѣлому) морю, къ Уголью въ Луду (посадъ [illegible] впаденіи въ губу рѣки Уны, Архангельской Губерніи, а Ѳедоръ удаленъ [illegible] Сійскую (Синскую, Сицкую) обитель Архангельской Губ. Холмогорск[illegible] Уѣзда, гдѣ и постриженъ неволею. О. Б.

[146] Томиломъ Луговскимъ. Князя Голицына не стало въ Литвѣ, но тѣло его [illegible] ло отправлено къ Москвѣ. Князь Данило Ивановичъ Мезецкій былъ Окол[illegible] чимъ, а Луговскій—Думный Дьякъ. Это происходило въ 1610—1611 г. О[illegible] вленіе Пословъ было, въ теченіи Апрѣля 1611 года, Днѣпромъ на судахъ [illegible] направленію къ Кіеву, до Каменки, Староства Гетмана Жолкевскаго. О. [illegible]

ать, что у него есть родственники издревле знамениты Свир- Романовы (Swircios de Romanow), а Романовъ городъ на рѣкѣ енкѣ въ Кіевскомъ Княжествѣ (ad Kaminczam fluvium in Du- Kyoviensi), [147] а Свѣрчъ въ Червоной Руси (Swierz in Russia а), изъ которыхъ Ѳедоръ былъ Воевода Кіевскій, да и много ихъ даже до сей поры славятся воинскою храбростью. Это- отрока отецъ поручилъ Боярину Борису Ивановичу Морозову isso Juanowicz Morosow), для обученія добрымъ нравамъ и на- къ; но Морозовъ не въ состояніи былъ напечатлѣть на чи- скрижали отроческой души тѣ образы, о которыхъ у са- его не было въ головѣ понятія. Москвитяне безъ всякой ки и образованія, всѣ однолѣтки въ этомъ отношеніи, всѣ наково вовсе не знаютъ прошедшаго, кромѣ только слу- ъ, бывшихъ на ихъ вѣку, да и то еще въ предѣлахъ Москов- о Царства, такъ какъ до равнодушія не любопытны относи- но иноземныхъ; слѣдовательно, не имѣя ни примѣровъ, ни зцовъ, которые тоже, что очки для общественнаго человѣка, не очень далеко видятъ очами природнаго разумѣнія. Гдѣ имъ обучать другихъ, когда они сами необразованы и не остояніи указывать перстомъ предусмотрительности пути пла- , пристани и бухты, когда не видятъ ихъ сами? А что Мо- яне изгоняютъ всѣ знанія въ такую продолжительную и без- ратную ссылку, это надобно приписать, во первыхъ, самимъ дарямъ, которые, за одно съ Лициніемъ, [148] ненавидятъ ихъ, опасенія, что подданные, пожалуй, наберутся въ нихъ духа ды, да потомъ и возстанутъ, чтобы сбросить съ себя гне- е ихъ деспотическое иго. Государи хотятъ, чтобы они по- ли на Спартанцевъ, учившихся одной только грамотѣ, а всѣ я знанія заключались бы у нихъ въ полномъ повиновеніи, въ несеніи трудовъ и въ умѣньи побѣждать въ битвахъ. По тому послѣднее едва ли возможно для духа простолюдиновъ, если

новъ или Романовка — мѣстечко на р. Унавѣ и Каменицѣ. О. Б.

Луцій Лициній Крассъ, Римскій ораторъ. Въ 95 году до Р. Х. онъ былъ сломъ и сдѣлалъ предложеніе, чтобы всѣ, не имѣвшіе правъ Римскихъ данъ, оставили Римъ. Предложеніе было принято народомъ. Но Майеру онъ кстати попалъ для сравненія въ должности Цензора, которую испра- ъ вмѣстѣ съ Домиціемъ Абенобарбомъ въ 92-мъ году: тогда онъ издалъ тъ, объявлявшій «Латинскія училища» вреднымъ нововведеніемъ и по- вавшій закрыть ихъ.

онъ будетъ предвидѣть опасности чрезвычайно изощреннымъ знаніями умомъ. Во вторыхъ, это слѣдуетъ приписать духовенству: зная, что науки будутъ преподаваться по Латыни и могутъ быть допущены не иначе, какъ вмѣстѣ съ Латинскими учителями, оно боится, чтобы этими широкими воротами, если распахнуть ихъ настежь, не вошелъ и Латинскій обрядъ, а учители его не передали на посмѣяніе народу его невѣжество, и не представили бы въ полномъ свѣтѣ несостоятельность вѣроученія, которымъ оно потѣшается надъ его легковѣріемъ. А въ третьихъ виною того старые Бояре по зависти, что молодежь получитъ такіе дары, которыхъ изъ пренебреженія, не хотѣли брать они сами, а отъ этого они справедливо лишатся исключительнаго обладанія мудростью, которое не по праву отвели себѣ сами, и будутъ устранены отъ общественныхъ дѣлъ въ Государствѣ. Однако жъ, хитрый наставникъ Морозовъ, державшій по своему произволу скипетръ, чрезвычайно еще тяжелый для руки юноши, по обыкновенной предосторожности любимцевъ, отправилъ всѣхъ Бояръ, особенно сильныхъ во дворцѣ расположеніемъ покойнаго Царя, въ почетную ссылку, на выгодныя Воеводства, въ самыя значительныя области, и посадилъ на ихъ мѣсто въ придворныя должности такихъ людей, которые несомнѣнно были на сторонѣ того, по чьей милости попали во дворецъ. Такъ поступилъ онъ не изъ искренней благодарности къ нимъ; по тому что эта, вовсе не знакомая, чужестранная, гостья никогда не находитъ пріема въ Москвитянскомъ сердцѣ, но въ напоминаніе имъ, что не будетъ дурно, если вязъ, на который опираются, станетъ стоять неподвижно. По удаленіи всѣхъ тѣхъ, которые могли бы перечить ему, чтобы еще сильнѣе привязать къ себѣ душу питомца, онъ положилъ закрѣпить эту взаимную связь между ними, и очень расхваливъ красоту обѣихъ дочерей придворнаго дворянина, Ильи Даниловича Милославскаго, безъ труда убѣдилъ его выбрать и взять себѣ въ жены одну изъ нихъ. Такъ, въ 1647 году, [149] Алексѣй и отпраздновалъ свою свадьбу съ старшею изъ нихъ, Маріею, которая больше пришлась ему по душѣ; а черезъ 6-ть дней [150] потомъ Морозовъ женился на другой сестрѣ, смѣлою попыткой сдѣлавшись родней Государю.

---

[149] Т. е., 1648 г., Генваря 16 дня, О. Б.

[150] Черезъ 10 дней, Генваря 26 дня, Анна Ильинична Милославская вышла за Бориса Ивановича Морозова. О. Б.

И Алексѣю нечего желать жены плодороднѣе, по тому что, гда я пріѣхалъ, въ 1661 году, въ Москву, она принесла уже 6-ю [150] чь, кромѣ сына, Алексѣя, и дочерей: Татьяны (Tatiana), Евдо- (Eudocia), Анны (Anna), Катерины (Katherina), Маріи (Maria) Софіи (Sophia), изъ которыхъ, однако, послѣдняя уже умерла. [151] въ бытность мою тамъ, 8го Іюня того же года, родивъ дру- о сына, по имени Ѳеодора, [152] она вполнѣ удовлетворила жела- мъ Алексѣя. Онъ надѣялся, что, посредствомъ его наслѣдни- ъ, верховная власть въ Московскомъ Царствѣ будетъ непрерывно одолжаться въ его потомствѣ, и такимъ образомъ это Царство ердится на многихъ опорахъ; кромѣ того, имѣлъ также виды, шенные ему Польской Республикой, дать когда ни будь Короля своего Дома этой сосѣдней странѣ. Ему захотѣлось, чтобы надежды поддерживало многоплодіе его брака: отъ того-то рушило его сильное горе, что, ожидая наслѣдника мужскаго а отъ своей жены, при многократной ея беременности, все ѣлъ разрушеніе своихъ надеждъ, такъ какъ она всегда разрѣ- лась младенцами женскаго пола. Онъ не шутя было объявилъ постриженіе и изгнаніе въ монастырь, по примѣру получив- й разводную отъ Василія Саломеи (Salomeae), какъ будто она состоянін вылѣпить зародышъ, зачатый въ ея чревѣ, по свое- желанію, точно хлѣбница въ пекарнѣ тѣсто въ разныя фор- хлѣба, если бы въ восьмые роды не разрѣшалась мальчикомъ, о Іюня; но и 1662 года, въ бытность нашу въ Смоленскѣ, произвела девятаго свидѣтеля своего плодородія, Ѳеодосію eodosiam). [153]

собственно седьмую: см. слѣдующее примѣчаніе. О. Б.

Ошибочно, сыновей было 5-ть отъ Маріи Милославской: Дмитрій 1649 — 1651, Алексѣй 1654 — 1670, Ѳедоръ 1661 — 1682, Семенъ 1665 — 1669 и Иванъ 1669 — 1696; а дочей 8: Евдокія 1650 — 1712, Марѳа 1652 — 1707, Анна 1655 — 1695, Софія 1657 — 1704, Екатерина 1658 — 1718, Марія 1660 — 1623; Ѳедосья 1662 — 1713, и Евдокія 1669 г. А отъ Натальи Нарышки- ной: сынъ Петръ, 1672 — 1725, и двѣ дочери: Наталья 1673 — 1716, и Ѳе- ора 1674 — 1678. Всѣхъ дѣтей 16. Самъ Алексѣй Михайловичъ родился Марта 10 дня, 1629 г., а сочетался бракомъ съ Маріею (род. 1629, Марта 0, ум. 4 Марта, 1669), какъ сказано выше, 1648 г. Генваря 16, съ На- альею же 1671, Генваря 22 (род. 1651, Августа 22, а ум. 1694, Генва- я 25). О. Б.

Ѳедоръ род. 30-го Мая, 1661 г., по старому счисленію. О. Б.

Въ Маѣ 1662 г. О. Б.

А Морозовъ, хоть и много разъ видѣлъ себя отцомъ, но вскорѣ оказался совсѣмъ бездѣтнымъ (Богъ, можетъ быть, платитъ ему за то, что онъ породнился изъ честолюбія съ своимъ Государемъ). Только что прошелъ годъ послѣ его женидьбы, [134] народъ, раздраженный алчностью его съ клевретами, при управленіи Государствомъ, потребовалъ его казни: онъ едва избѣжалъ ея, когда народъ, нѣсколько смягчившись казнію его соучастниковъ, простилъ его, по усильнымъ просьбамъ и слезамъ Царя, умолявшаго оставить его въ живыхъ. Послѣ того страданія отъ подагры и водяной болѣзни привязали его къ постелѣ и удалили отъ военой службы; однако жь, и тутъ все была у него такая же жадность къ золоту, какъ обыкновенно жажда пить; наконецъ, еще въ бытность мою въ Москвѣ, онъ лишился голоса, движеніе и всѣхъ чувствъ отъ употребленія какого-то настоя, прописаннаго ему однимъ деревенскимъ знахаремъ, съ трудомъ опамятовался только черезъ три дня и, послѣ долгой борьбы съ смертію на послѣднемъ для него поприщѣ состязаній, 11-го Ноября, отдалъ Богу душу, которая, должна быть, услышала отъ Евангельскаго порицателя: «А вся, яже уготовалъ еси, кому будутъ?» Правду сказать. «утолованное» было не такъ маловажно, чтобы назначенный покойнымъ наслѣдникъ имѣлъ причины съ сѣтованіямъ при такомъ богатомъ наслѣдствѣ. По тому что, за раздачею значительнаго количества денегъ на нищихъ и монастыри, по его приказанію при послѣднихъ минутахъ жизни, наслѣднику все таки досталось несмѣтное число серебряныхъ рублей, золотыхъ червонцевъ и іоахимсталеровъ да еще очень обширныя помѣстья, съ 20 тысячами живущихъ въ нихъ крестьянъ.

Алексѣй статный мужъ, средняго роста, съ кроткой наружностью, бѣлъ тѣломъ, съ румянцемъ на щекахъ, волосы у него бѣлокурые и красивая борода; онъ одаренъ крѣпостью тѣлесныхъ силъ, которой, впрочемъ, повредитъ замѣтная во всѣхъ его членахъ тучность, если съ годами она все будетъ увеличиваться и пойдетъ, какъ обыкновенно, въ животъ; теперь онъ на 36 году жизни.

Духъ его надѣленъ такими блестящими врожденными дарованіями, что нельзя не пожалѣть, что свободныя науки (liberales

---

[134] 1662 г., послѣ пожара 26-го Мая, по другимъ Іюня 8-го, истребившаго Москву отъ Кузнецкаго моста до Пречистенки, со всѣми посадами. О. Б.

ciplinae) не придоединились еще украсить изваяніе, грубо вы-
ленное природой вчернѣ. Кроткій и милостивый, онъ лучше
ѣетъ, чтобы не дѣлали преступленій, нежели имѣетъ духъ за
ъ наказывать. Онъ и миролюбивъ, когда слушается своей при-
ной наклонности; строгій исполнитель уставовъ своей оши-
ной вѣры и всей душою преданъ благочестію. Часто, съ са-
о искреннею набожностію, бываетъ въ церквахъ за священ-
ми службами; нерѣдко и ночью, по примѣру Давыда, вставши
постели и простершись на полу, продолжаетъ, до самаго раз-
та, свои молитвы къ Богу о помилованіи, или о заступленіи,
о въ похвалу ему. И что особенно странно, при его величай-
й власти надъ народомъ, пріученномъ его господами къ пол-
у рабству, онъ никогда не покушался ни на чье состояніе, ни
жизнь, ни на честь. По тому что хоть иногда и предается
ву, какъ и всѣ замѣчательные люди, одаренные живостью
ства, однако жь никогда не позволяетъ себѣ увлекаться даль-
пинковъ и тузовъ.

Титулъ его, употреблявшійся во время нашего посольства,
ъ таковъ: «Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайло-
ь, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Мо-
вскій, Кіевскій, Владимирскій, Новогородскій, Царь Казанскій,
ь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и Вели-
Князь Литовскій, Смоленскій, Тверскій, Волынскій, Подольскій,
орскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и проч., Государь и
икій Князь Нижняго Новагорода, Черниговскій, Рязанскій,
оцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдор-
і, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всѣхъ Сѣверныхъ
нъ Повелитель, Государь Иверскій и Царей Карталинскія, Гру-
скія и Кабардинскія страны, Черкескихъ и Горскихъ Князей,
ногихъ иныхъ, Восточныхъ, Западныхъ и Сѣверныхъ Госу-
ствъ и Областей, законный и наслѣдственный Дѣдичъ, Госу-
ь и Повелитель.»

Титулъ разумѣется большой, но по Московскому обычаю въ
) вкралось много напрасныхъ, ложныхъ и независимыхъ
цѣній.

Алексѣй безъ сомнѣнія Государь, по тому что повелѣваетъ
ми самовластно по древнему обычаю. Его воля—непреложный
онъ для всѣхъ подданныхъ. Какъ господинъ надъ рабами,
имѣетъ надо всѣми право живота и смерти по своему произ-

воленію. Когда онъ самъ накажетъ, или по его приказу высѣкутъ кого ни будь розгами, либо плетьми, наказанные приносятъ еще ему благодарность. Не себя называютъ Москвитяны владѣльцами своего имущества, а Бога да Царя. Нищіе, у пороговъ церквей или на перекресткахъ, просятъ подать имъ милостыню изъ любви къ Богу и Царю. Если спросить кого ни будь о неизвѣстной ему вещи, онъ отвѣтитъ, что этого онъ не знаетъ: «Вѣдаетъ про то Богъ да Царь.» Короче сказать, о немъ говорятъ, какъ о Божествѣ, многіе такъ и чувствуютъ. Просьбы, ему подаваемыя, всѣ безъ различія подписываютъ изъ уничиженія уменьшительнымъ именемъ, такъ что если кого зовутъ Степаномъ, подписывается «Степкой (Stephanulus).» А Патріархъ и всѣ прочіе изъ духовенства, также и монахини: «богомолецъ твой» (Boghomoletz tuoi), или «богомолица твоя» (Boghomolitza tuoia, tuus vel tua apud Deum praecator, vel praecatrix). Думные Бояре, всѣ дворяне и прочіе воинскіе чины изъ народа: «холопъ твой» (chlop, mancipium tuum), купцы перваго разряда, которыхъ зовутъ гостями (Gosti): «мужикъ твой» (subditus tuus); купцы низшаго разряда и иностранцы: «сирота твой» (szirota tuoi, orphanus tuus); женщины благороднаго званія: «рабица твоя» (Rabitza tuoia, servula tua); деревенскіе жители: «крестьяне твои» (chrestiane tuoi, christiani tui); слуги Думныхъ Бояръ: «человѣкъ твой» (czelowek tuoi, homo tuus). Надобно, однако жь, отдать правдѣ слѣдующее ей. Такъ какъ верховная власть Московскихъ Государей скорѣе властъ господъ надъ рабами, нежели отцовъ семейства надъ дѣтьми, то подданные не признаютъ отца въ своемъ Царѣ и не оказываются дѣтьми къ нему. Ихъ покорность вынуждена страхомъ, а не сыновнимъ уваженіемъ. По тому-то, когда страха нѣтъ, или онъ исчезнетъ покорность упрямится и брыкается; хотя немилосердный господинъ и свирѣпствуетъ надъ спинами всѣхъ ихъ тѣмъ же кнутомъ что и надъ Боярскими, при всемъ томъ, если палачъ уберетъ кнутъ, они, точно собаки, встряхнувши спиной послѣ побоевъ продолжаютъ по прежнему упрямиться, отъ души готовые снова подставлять тѣло подъ удары съ рабскою терпѣливостью. Я видалъ, что Турки, которыми тоже правятъ желѣзнымъ прутомъ повинуются своему Императору съ болѣе поспѣшною готовностью. Мнѣ думается, что упрямая и непокорная Славянская природа возбуждаемая бурливыми парами ежедневно выпиваемой водки, дѣлаетъ такими строптивыми Москвитянъ. Напротивъ, въ менѣе грубомъ народѣ, Туркахъ, согласно ихъ закону воздержанія, ра-

ь больше располагаетъ собою для внушенія имъ, чтобы оказы-
ли должное съ веселымъ духомъ, а не то вынудятъ у нихъ это
ой и противъ воли. Герберштейнъ пишетъ, что титулъ Царя
нялъ Иванъ, сынъ Василія, и отецъ другого Ивана. По его
дѣтельству, сынъ того Василія, Иванъ, говорилъ, въ 1552 году,
сланникамъ Короля Польскаго, Сигизмунда Августа, что этотъ
улъ данъ отцу верховнымъ Римскимъ Первосвященникомъ
ментомъ и Римскимъ Императоромъ, Максимиліяномъ. Сказы-
ютъ, что года черезъ два послѣ того Верховный глава Москов-
го духовенства показывалъ другимъ Польскимъ Посламъ пись-
Максимиліяна и Турецкаго Султана, Солимана, удостоивавшія
мъ титуломъ Василія Васильевича.

По этому, кажется, ошибаются тѣ, которые, разсказавъ все
безъ опроверженія, увѣряютъ, что этимъ титуломъ въ первый
ь началъ пользоваться Иванъ, послѣ покоренія Казани.

Относительно этого названія самъ Герберштейнъ, такие Гвань-
, да тоже и Олеарій, предостерегали переводчиковъ съ ино-
анныхъ языковъ, чтобы они воздержались отъ ошибки обы-
веннаго перевода, особенно указывая, что на Русскомъ нарѣ-
слово Царь не означаетъ Императора, какъ переводятъ они
икновенно, а Царя, по тому что и сами Москвитяне, научив-
ь изъ Св. Славянской Библіи, при упоминаніи о Королях,
да называютъ ихъ Царями; когда же говорятъ объ Императорѣ
своемъ Государѣ въ связи одной рѣчи, то съ замѣчательнымъ
ичіемъ перваго зовутъ Кесаремъ (Caesarem), а послѣдняго Ца-
ь (Tzarem), какъ я самъ много разъ слыхалъ. Да и самъ Великій
зь называетъ себя не Русскимъ, не Московскимъ, Царемъ, а
о безразлично Царемъ, либо опредѣленнѣе Царемъ Казанскимъ,
емъ Астраханскимъ, Царемъ Сибирскимъ, а эти страны на-
ое ни какъ ужь не заслуживаютъ названія им Имперій, ни
ствъ (исключая Сибири), по тому что, кромѣ тѣхъ городовъ,
которыхъ получили названіе, едва нѣсколько маленькихъ го-
ковъ, считаютъ подъ своею судебною властію. Однако жь, не
щая вниманія на дружеское предостереженіе, нѣкоторые изъ
водчиковъ продолжаютъ по своей волѣ, ложно искажать сло-
съ предосудительному пренебреженію Императорскаго имени.
ь ужь руководитъ ими такое пристрастіе къ иноземцамъ на-
мъ, что хотятъ украшать ихъ пышными титулами, и полага-
, что имя Царя, по созвучію его съ именемъ Цесаря, звучитъ

гораздо величавѣе, то пусть зовутъ тѣхъ Государей Царями, но отнюдь же не Императорами. Такимъ образомъ они не взведутъ на себя вины во лжи, да и удовлетворятъ своему подслуживанью. Я желалъ бы, однако жь, чтобы они сами, хоть разъ когда ни будь взглянули на Карталинское и Грузинское Царства и на Царьковъ ихъ, называемыхъ Алексѣемъ Царями въ его титулахъ, по тому что увѣренъ, что когда увидятъ въ гористыхъ предѣлахъ Грузіи столько Царей, данниковъ Москвитянъ, Персіи, или Турціи, ведшихъ жизнь, далекую отъ всякаго Царскаго блеска, среди разныхъ лишеній, имя Царя до того упадетъ у нихъ въ цѣнѣ, что впредъ постыдятся обращать его въ Императорское.

Титулъ Великаго Князя первый присвоилъ себѣ и передалъ потомкамъ, рожденный внѣ брака, Владиміръ, сынъ Святославовъ.

Имя Алексѣй между извѣстными мнѣ Русскими Государями, потомками Рюрика, не въ употребленіи въ Россіи и явно иностранное. Москвитяне чтутъ Алексія, Кіевскаго Митрополита, родившагося во время Московскаго Князя Ивана Даниловича, посвященнаго въ этотъ санъ въ 1364 году и умершаго спустя 14 лѣтъ потомъ въ правленіе Ивана Ивановича. [155] Каждый годъ они торжественно празднуютъ память его 5-го Октября, а день перенесенія его мощей въ Москву 20-го Мая. [156] Онъ далъ совѣтъ своему народу, чтобы, бросивъ войну съ Крымскими Татарами, лучше сохраняли миръ съ ними, платя имъ ежегодно извѣстную дань. И, принявъ на себя исполненіе своего совѣта, онъ купилъ миръ для Русскихъ у Татарскаго Хана Бердибирея (Бек-

---

[155] По изслѣдованію Преосвященнаго Филарета, Архіепископа Черниговскаго, Алексій родился въ 1300 г. и наречень былъ Елевоеріемъ, посвященъ въ санъ Митрополита въ 1354 при Патріархѣ Калистѣ, «на всю Русскую землю,» а скончался 78 лѣтъ, 12 Февраля, 1378 г., пробывъ на каѳедрѣ Митрополичьей 24 года, слѣдовательно, въ княженіе Дмитрія Ивановича Донского. См. «Русскіе Святые,» Февраль, Черниговъ, 1862 г., стр. 86—119. О. Б.

[156] Память его празднуется 5-го Октября, вмѣстѣ съ другими двумя Митрополитами Московскими, съ 1596 года, въ день мученицы Харитины, подъ названіемъ: «Памяти тріехъ Святителей Московскихъ,» а 20-го Мая празднуется обрѣтеніе его мощей и перенесеніе, совершившееся, по Никоновской лѣтописи (IV, 55 — 66), въ 1431 г., но не въ Москву, а изъ одного храма въ другой новосозданный. О. Б.

ereio). [157] Михайловичъ (Mihalowicz) есть имя отцовское, кото-
, какъ замѣчено выше, по Московскому обычаю, прибавляеся
собственному.

Имя Россіи простирается далеко, по тому что заключаетъ
пространство отъ горъ Сарматскихъ и рѣки Тиры (Туга), на-
ываемой жителяли Днѣстромъ (Nistro), чрезъ обѣ Волыни къ
нисѳену (Днѣпру) и къ равнинамъ Полоцкимъ, сопредѣльнымъ
ной Польшѣ, древней Литвѣ и Ливоніи, даже до Финскаго за-
ва, и всю страну отъ Кареловъ, Лапонцевъ и Сѣвернаго Окѳа-
во всю длину предѣловъ Скиѳіи, даже до Нагайскихъ, Волж-
ихъ и Перекопскихъ Татаръ. А подъ названіемъ Великой Рос-
Москвитяне разумѣютъ то пространство, которое заключается
предѣлахъ Ливоніи, Бѣлаго Моря, Татаръ и Борисѳена, и
ыкновенно слыветъ подъ названіемъ «Москвитяне.» Подъ Малою
Россіей разумѣются области: Браславская (Bratislawensis), По-
льская, Галицкая, Сяноцкая, Перемышльская, Львовская, Бельз-
ая съ Холмскою, Волынская и Кіевская, лежащія между Скиѳ-
ими пустынями, рѣками Борисѳеномъ, Припетью и Вепремъ,
лою Польшею и Карпатскими горами. А подъ Бѣлой, заклю-
ющеюся между Припетью, Борисѳеномъ и Двиной, съ городами:
овгородкомъ, Минскомъ, Мстиславлемъ, Смоленскомъ, Витеб-
комъ и Полоцкомъ и ихъ округами. Все это когда-то принадле-
ало по праву Русскимъ, но, по военнымъ случайностямъ, они
ступили счастію и храбрости Поляковъ и Литовцевъ.

Первый, писавшій себя Самодержцемъ всея Россіи (totius
ussiae Monarcha), былъ Великій Иванъ, сынъ Василія Темнаго
oeci), въ его письмахъ къ Александру, Великому Князю Литов-
кому, въ 1492 году, тотъ самый, что свергнулъ 250-тилѣтнее
атарское иго, наложилъ свое на Великій Новгородъ, выгналъ
зъ родовыхъ областей весьма многихъ родственныхъ ему Кня-
ей, и такъ соединилъ подъ своею властію большую часть Рос-
іи. Послѣ того преемники его всегда пользовались этимъ титу-
омъ, особливо внукъ его, Иванъ, въ своихъ письмахъ къ Поль-
кому Сенату въ 1572 году, послѣ смерти Сигизмунда Августа. Но,
кромѣ Алексѣя, ни кто, для отличія, не носилъ имени самодержца

[157] Бердибека, преемника Джанибека, супругу котораго, Тайдулу, Святитель Алексій исцѣлилъ отъ слѣпоты. Это произошло въ 1357 году. О. Б.

(autocrator) или покровителя (conservator) Великой, Малой и Бѣлой Россіи.

Что Московія занимаетъ первое мѣсто въ титулѣ, это слѣдуетъ приписать не древности ея, а достоинству. По тому что послѣ того, какъ Даніилъ Александровичъ, двѣнадцатый преемникъ Государей въ прямой линіи отъ Рюрика, по бывшимъ у меня подъ рукою Московскимъ лѣтописямъ (Juxta eos, quibus ego sum usus, Moschorum annales), съ очень выгоднымъ расчетомъ перенесъ Княжескій столъ изъ Володимера въ городъ Москву и жилъ тамъ постоянно, Москва съ каждымъ днемъ становилась великолѣпнѣе по зданіямъ, прибывавшимъ въ ней все больше и больше. Даже и свое имя, заимствованное отъ рѣчки (Naviola), протекающей мимо ея и выходящей изъ Тверской области, она передала всей Россіи и всѣмъ обитающимъ въ этой странѣ народамъ: это имя принято всѣми съ такимъ одобреніемъ, что много уже лѣтъ эта страна называется обыкновенно «Московіей» (Moschovia), а жители ея общимъ для нихъ въ свѣтѣ именемъ «Москитянъ» (Moschovitae): но не зная этого новаго названія, или пренебрегая имъ, они сами всегда зовутъ себя древнимъ именемъ «Русскими» (Russos), или отъ брата Русса (a fratre Russo), или отъ внука Лехова перваго Польскаго Князя, либо отъ древнѣйшаго города Русса (Russ), лежавшаго въ 60-ти верстахъ отъ Великаго Новгорода, или отъ русаго цвѣта волосъ, называемаго на Славянскомъ нарѣчіи «русыми» (Russ), или отъ народа Роксоланъ (Roxolanes), или же отъ древняго слова «Россія» (Rosseia), означающаго разсѣяніе, или разсѣяваніе. Хотя область Московская ни обширна, ни плодородна по случаю часто перемежающихся чрезвычайныхъ холодовъ и жаровъ въ воздухѣ, легко убивающемъ въ ея песчаной почвѣ всѣвы переходами отъ необыкновенной засухи къ дождямъ, но съ позволенія писателей, утверждавшихъ, будто бы въ ней не водится ни какихъ дикихъ звѣрей, кромѣ зайцевъ, и ни одна пчела не приноситъ меда, я не согласенъ съ ними. По тому что, какъ бы ни было это въ старину, а нынѣ въ ней несомнѣнное изобиліе лисицъ, волковъ, медвѣдей, пчелъ и меда. Какъ очевидецъ противнаго, отвергаю, со множествомъ другихъ басенъ также и тѣ, будто бы животныя въ ней, по случаю холодовъ, безрогія, и кобылы не носятъ жеребятъ. Однако жъ, нельзя не допустить и увѣренія тѣхъ, которые пишутъ о такомъ здоровомъ ея климатѣ, что никогда тамъ не понадобился бы диктаторъ, какъ часто бывало въ древнемъ Римѣ, для вбиванія гвоздя

противъ заразительной болѣзни, по тому что тамъ никогда не свирѣпствовала никакая зараза. Это увѣреніе опровергаютъ Московскія Лѣтописи, сообщающія, что въ 6930 году отъ сотворенія міра и въ 1421 отъ Рождества Христова, въ правленіе Василія Дмитріевича, и чрезъ 6 лѣтъ потомъ, въ началѣ правленія сына его, Василія, язва опустошила такъ жестоко Московію, что послѣ нея точно обезсилѣло все природное тѣлоложеніе Русскихъ: весьма немногіе изъ нихъ доживаютъ до 100 ода, тогда какъ прежде обыкновенно многіе переживали этотъ одъ, съ большою еще къ нему прибавкою. [158] Въ 7109-мъ году по отвореніи міра и въ 1600-мъ году по Рождествѣ Христовомъ, и пустя потомъ еще 2 года, въ царствованіе Бориса Годунова, въ Москвѣ свирѣпствовала такая язва, что едва не лишила ее почти сѣхъ жителей. [159] Въ 1654-мъ году и въ слѣдующемъ, въ настоящее царствованіе Алексѣя, таже чума, похитивъ въ Москвѣ 70 тысячъ жителей обоего пола, тоже едва не опустошила ее совсѣмъ. [160] Городъ Москва, когда-то самый обширный и населенный, о много разъ терпѣвшій случайные пожары, а въ 7079 году отъ отворенія міра и въ 1570 году отъ Рождества Христова, 24-го

---

[8] Моръ этотъ происходилъ въ 1420 г., при Василіи Дмитріевичѣ (у. 1426 г.), 1426 и 1427, при Василіи Васильевичѣ Темномъ, «и послѣ того мору (говоритъ Никон. лѣтопись V, 94), какъ послѣ потопа, толико лѣтъ люді не почали жити, но маловѣчніі и худі и щадушніі начаша быти.» Это мѣсто доказываетъ, что Майербергъ, между прочимъ, пользовался лѣтописью Никоновскою, можетъ быть ею одной исключительно. Слѣдовательно, какъ замѣчено мною въ Предисловіи, зналъ Русскій языкъ, по своему Славянскому происхожденію. О. Б.

[9] Отъ извѣстнаго голода при Борисѣ, съ осени 1602 года. Отъ него въ одной Москвѣ погибло, по словамъ Маржерета (стр. 75) болѣе 120 т., а по Беру (стр. 39) болѣе 500 т. О. Б.

[10] По донесенію Князя Мих. Петр. Пронскаго, Начальника Москвы во время похода Царя противъ Поляковъ, чума эта началась еще въ 1654 г., но особенно сильно свирѣпствовала съ осени 1654, «отъ чего всѣ 6 Приказовъ Стрѣлецкихъ были совсѣмъ истреблены, церкви, кромѣ большаго собора, лишились Священниковъ, Дьяки и Подъячіе умерли, и всѣ бѣгутъ вонъ.» Въ одной Москвѣ погибло тогда 20 т., съ ея Начальникомъ, Княземъ Пронскимъ. а съ распространеніемъ на другія мѣстности, по увѣренію Колинса, отъ 700 до 800 т. Кончилась она съ Октябремъ, начавшись падежемъ скота. О. Б.

Мая, весь выжженный Перекопскими Татарами [161] и въ 1611 годъ Поляками, [162] нынѣ, въ болѣе тѣсной окружности 21-й версты, имѣетъ гораздо меньшую часть жителей противъ того, сколько ихъ отведено въ Литовскій и Польскій полонъ. По замѣчанію другихъ моихъ предшественниковъ, при большинствѣ домовъ находятся обширные пустыри и дворы, къ очень многимъ домамъ принимаютъ еще огороды, плодовитые сады, да, кромѣ того, раздѣляютъ ихъ другъ отъ друга довольно обширные луга, въ перемежку съ ними безчисленныя, можно сказать, церкви и часовни; слѣдовательно, въ ней и нѣтъ такого множества народа, какъ полагали нѣкоторые, обманувшись ея обширностью съ вида. Въ ней крѣпость, называемая Кремль (Kremelinae nomen), мѣстопребываніе Великихъ Князей, не меньше средней величины города, впервые обнесенная каменною стѣною Иваномъ, сыномъ Василія Темнаго; она стала гораздо укрѣпленнѣе съ прибавкою рва и другихъ улучшеній. Въ Москвѣ такое изобиліе всѣхъ вещей, необходимыхъ для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемыхъ по сходной цѣнѣ, что ей нечего завидовать никакой странѣ въ мірѣ, хоть бы и съ лучшимъ климатомъ, съ плодороднѣйшими пашнями, съ обильнѣйшими земными нѣдрами, или съ болѣе промышленнымъ духомъ жителей. По тому что хоть она лежитъ весьма далеко отъ всѣхъ морей, но, благодаря множеству рѣкъ, имѣетъ торговыя сношенія съ самыми отдаленными областями.

По увѣренію Русскихъ лѣтописей, Кіевъ былъ городъ древнѣе всѣхъ прочихъ городовъ въ Россіи послѣ Великаго Новгорода. По тому что разказываютъ, что братья, вышедшіе изъ Полыши (ex Polonia egressi), Кій (Kieu), Щекъ (Issok) и Хоривъ (Koriw), поселились на горѣ, на правомъ бергу Борисѳена. Кій на самой вершинѣ, Щекъ на той же сторонѣ, которая названа была имъ Щековица (Sokowiza), а Хоривъ на другой, получившей отъ него имя Хоривицы (Korowicae). А такъ какъ они не раскаме-

---

[161] Подъ предводительствомъ Хана Девлетъ-Гирея. См. свидѣтельство объ ужасномъ пожарѣ (1571 г.) очевидцевъ, «двухъ Англичанъ и капеллана Флетчера,» 17 лѣтъ послѣ того бывшаго у насъ: «Матеріялы для Исторіи Россіи, извлеченные изъ рукописей Британскаго Музея въ Лондонѣ П. И. Стороженкомъ,» въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1870, кн. 3-ья. О. Б.

[162] Тогда Москву сожгли, въ концѣ Марта, отъ Кулижскихъ воротъ до Покровки, и отъ Чертольскихъ до Тверской, также и Китай-городъ. О. Б.

ь въ выборѣ мѣста, то и построили тутъ городъ, безъ гаданій полету птицъ, безъ братоубійства, и, руководясь однимъ уваіемъ къ лѣтамъ, назвали его по имени старшаго брата, Кіеъ (Kyovia) Олегъ (Olechus), родственникъ Рюрика и опекунъ сына, Игоря, сдѣлалъ нападеніе на Кіевъ, въ отмщеніе за ды отъ него Новогородцамъ и, пользуясь счастіемъ, взялъ его снова въ немъ столицу всей Руси. Этихъ преимуществъ лиъ, однако жь, городъ Игоревъ внукъ, рожденный внѣ бра- Володимиръ, отдавъ ихъ городу Володимиру, построенному имъ рѣкѣ Клязьмѣ (Clesmam). [163] Сынъ его, Ярославъ, побѣжденный 1009 году, Польскимъ Княземъ, Болеславомъ Храбрымъ, приденъ былъ возвратить Кіевъ, изгнанному оттуда и лишенному го города, брату Святополку, но опять отнялъ его у послѣдняго, его братоубійство. [164] Десять лѣтъ спустя тотъ же Болеславъ ѣдилъ его снова, въ великой битвѣ на рѣкѣ Бугѣ (ad Bugum), дѣлалъ своимъ данникомъ. [165] Ярославъ увеличилъ городъ и об- ь его стѣнами; со всѣмъ тѣмъ, въ 1070 году, Польскій Боле- въ Смѣлый, побѣдивъ Кіевскаго Князя, Всеволода (Sevoldo), [166] нудилъ отдать ему Кіевъ и приказалъ княжить въ немъ Изяву (Isaslao). Но это было къ несчастію для Короля, по тому повторивъ вступленіе Аннибала въ Капую, Король и его войизнурили и развратили себя удовольствіями и наслажденіями а, и обратили въ предметъ раскаянія для себя свою побѣду. послѣдующіе за тѣмъ Князья, зависимые отъ Польши, [167] стась вредить другъ другу взаимными кознями, никогда не пере-

---

Невѣрно, какъ сказано уже было выше. О. Б.

се это, большею частью, по Польскимъ историкамъ, не всюду достовѣрнымъ, аковы: Мартынъ Галлъ, Кадлубекъ, особливо Длугошъ и Стрыйковскій. О. Б.

Но тогда жилъ еще Владимиръ. Это изъ Кадлубка, который баснословитъ даке о 4-хъ битвахъ съ Поляками: въ 1008 двѣ, 1009 и 1018. Кромеръ, Стрыйовскій и другіе тоже повторяютъ, увѣряя всѣ о дани Болеславу. О. Б.

овсе не Всеволода, но Всеслава, Князя Полоцкаго, взятаго хитростью Изяавомъ, Великимъ Княземъ 1067 г., близъ Днѣпра, у Смоленска, и заключеннаго въ темницу, по освобожденіи изъ коей народомъ былъ объявленъ Кіевскимъ Княземъ, а Изяславъ бѣжалъ къ Польскому Королю, Болеславу Смѣлому, сыну Маріи, дочери Владимира, и согласилъ его помочь ему, но битвы не было никакой, такъ какъ Всеславъ, устрашився непріятелей, бѣкалъ въ свой Полоцкъ, а Изяславъ вступилъ мирно въ Кіевъ. О. Б.

Несправедливо, но по Польскимъ историкамъ. О. Б.

ставали сгонять попеременно одинъ другого съ Княжескаго пре-
стола, до тѣхъ поръ, пока не занялъ этотъ престолъ Росиславъ,
сынъ Мстислава (Rostislao Mistislai filio): тогда, въ 6748 г. отъ С.
М., и въ 1239 отъ Р. Х., Татарскій Царь, Батый (Batus), точно
бурный ручей, разлился по Руси и, разрушивъ до основанія
Кіевъ, сравнялъ его съ землею.[168] Когда поуляглась эта жестокая
буря, Русскіе опять заселили это мѣсто, съ согласія Татарскихъ
преемниковъ Батыя и съ обязательствомъ дани. Но Гедиминъ
(Gediminus), Великій Князь Литовскій, побѣдивъ, въ великой бит-
вѣ, въ 1320 г., Станислава (Stanislao), княжившаго тогда въ Кіе-
вѣ, и выгнавъ его, взялъ городъ и весь его округъ даже до Чер-
касъ (ad Czerkassios), и, обративъ это Княжество въ простую об-
ласть (provinciam), ввѣрилъ его, для управленія, Князю Ольша-
скому Миндовгу (Mindopho Holsano Duci).[169] Въ 1390-мъ году вла-
дѣлъ этимъ Княжествомъ Володимиръ (Volodimirus), старшій сынъ
Ольгерда, Великаго Князя Литовскаго, съ согласія своего бра-
та, Ягайла, въ то время уже Короля Польскаго, но долженъ
былъ уступить его общему ихъ брату, Казимиру Скиргайлу (Ca-
simiro Skirgelloni). Онъ отказалъ въ согласіи на это, а по томъ, въ
1395 году, Витовтъ (a Vitoldo), Великій Князь Литовскій, выгналъ
его оттуда, съ сыномъ Олелькомъ или Александромъ (cum Olel-
kone sive Alexandro); а когда, недолго спустя, Скиргайло умеръ,
отравленный какимъ-то монахомъ, то Витовтъ опять обратилъ это
Княжество въ область, и отдалъ ее въ управленіе Ивану Аль-
гимунду (Joannis Algimundi), Князѣ Ольшанскому (Ducis Holsanensis).
Въ 1416 году, когда Ягайло праздновалъ въ Сянокѣ (Sanoci) свою
свадьбу съ Елисаветою Пилеціею (Pilecia),[170] Эдигей (Edigu),
Воевода Тамерлана, напавъ, съ многочисленнымъ войскомъ, на
Кіевъ, опустошилъ его такъ жестоко, что этотъ городъ никогда
уже больше не возвращалъ прежняго своего величія.[171] Со всѣмъ
тѣмъ въ третій разъ обстроившись множествомъ домовъ, при во-

---

[168] По Никоновской лѣтописи, которая точно говоритъ о Ростиславѣ Мстиславичѣ, котораго Данилъ взялъ съ собою и отправился въ Угрію, гдѣ Ростиславъ и умеръ. Онъ былъ внукъ Давыда Смоленскаго. О. Б.

[169] Миндовгъ былъ племянникъ Гедимина и отчасти Христіанинъ. Все это по Стрыйковскому, который любитъ сказки. По нашимъ лѣтописямъ еще въ 1331 г. въ Кіевѣ былъ Русскій Князь, и при немъ Баскаки. О. Б.

[170] Т. е., со вдовой Елисаветой Грановской, вѣчавшись въ Сянокѣ. О. Б.

[171] По Длугошу преимущественно и другимъ. О. Б.

шнѣ горы, на берегу рѣки, онъ имѣлъ собственныхъ Князей, [172]
по тому что въ 1421 году Ягайло женился на дочери Кіевскаго
язя, Андрея Ивановича Друка (Andreae Juanowicz Druki), Сон-
(Zonca), послѣ того называвшейся Софіей (Sophia), [173] Пишутъ
кже, что, въ 1435 году, Иванъ Володимировичъ (Joannes Volo-
imirici), Князь Кіевскій, взятъ былъ въ плѣнъ въ сраженіи съ
ихаиломъ (a Michaële), сыномъ Великаго Князя Литовскаго,
игизмунда, и потомъ убитъ имъ. Семь лѣтъ потомъ тотъ же Ми-
аилъ взялъ Кіевъ, выгнавъ оттуда Князя Александра (Alexandro),
и самъ, выгнанный Польскимъ Королемъ Казимиромъ Ягай-
овцемъ, долженъ былъ возвратить это неправое пріобрѣтеніе
коннону владѣльцу. По смерти же Александра, въ 1455 го-
у, тотъ же Казимиръ отнялъ Кіевъ у его дѣтей, Симеона и Ми-
аила (Simoni et Michaëli), однако жь предоставилъ его, на феодаль-
ыхъ правахъ, одному Симеону. Хотя этотъ и оставилъ, по своей
мерти, въ 1471 г., сына Василія (Basilium), однако жь Кази-
иръ, отмѣнивъ Княжескій титулъ въ Кіевѣ, отдалъ этотъ го-
одъ въ управленіе Мартыну Гастольду (Martino Gastoldo), въ ка-
ествѣ области. [174] Такъ онъ и обратилъ въ простое Воеводство
Palatinatum), это Великое Княжество, пользовавшееся уваженіемъ
сѣхъ Русскихъ Князей и заключавшее въ себѣ обширное про-
транство земли въ Малой Россіи (in Parva Russia). Въ немъ же и
ачало Козаковъ (Cosacorum ortus), когда-то земледѣльческаго
agrestis olim gentis), жившаго въ окрестностяхъ Кіева. Увлек-
шись предестью добычи у Татаръ, привыкшихъ часто кочевать

---

[172] Такъ какъ Эдигей, разоривъ Кіевъ, не могъ, однако, взять крѣпкаго его замка, то и неудивительно, что въ немъ владѣлъ Русскій Князь, Андрей Ивановичъ.

[173] См. выше примѣч. 172.—Ягайло женился на ней послѣ смерти Елисаветы Грановской, умершей 1420 года. Сонка была племянницей Витовту, а по другимъ двоюродной сестрой. О. Б.

[174] По Другошу, Бѣльскому и Кояловичу. Князь Семенъ Олельковичъ, умирая, завѣрилъ, черезъ посла, совѣсти Казимира, Великаго Князя Литовско-Русскаго и своего Государя, свое Кіевское Княжество, жену, дочь и сына, и Казимиръ, по желанію семьи Семена Олельковича, поручилъ опеку ихъ тестю умершаго и дѣду сиротъ, Литвину Мартыну Гастольдовичу. По словамъ Коялевича, отъ Василія Семеновича Олельковича произошли Князья Слуцкіе, пользовавшіеся такими почестями и значеніемъ въ Литвѣ и Руси, какихъ не имѣли никакіе другіе Княжескіе роды, кромѣ, развѣ, Князей Глинскихъ. О. Б.

въ пустыняхъ Днѣпра, съ дѣтьми и стадами, этотъ народъ переселился туда же, и потомъ размножившись отъ прибѣгавшихъ къ нему дворянъ (nobilium), изгнанниковъ (exulum), или разбойниковъ (praedonum), онъ началъ уже получать извѣстность во времена Сигизмунда Стараго, а послѣ него заслужилъ у Стефана Баторія въ подарокъ себѣ городъ Трехтимировъ (Trethymirovia), въ 50-ти верстахъ ниже Кіева. [175] Потомъ, оттѣсняя все дальше и дальше Татаръ, благодаря удачной отвагѣ, Козаки заняли Днѣпровскіе острова и навсегда удержали за собоюглавный изъ нихъ, Томаковку (Tomakowkam), [176] на немъ поселились главные сѣчевики ихъ, а множество другихъ, возраставшее изо дня въ день, разошлось на широкое пространство, даже до городовъ, разсѣянныхъ по Волыни. У этихъ острововъ, между крутыхъ и утесистыхъ скалъ, Днѣпръ часто свергается внизъ съ высоты стремнинъ, называемыхъ у Поляковъ порогами (porogi), [177] и, протекая черезъ нихъ, оставляетъ Козакамъ названіе Запорожцевъ (Zaporovienses), такъ какъ все, находящееся дальше за этими стремнинами, называется «Запорогами» (Za Porohi, Запорожье). Иногда Козаки называются также Низовцами (Nizovienses), а это названіе взято отъ населяемой ими земли, которая ниже и дальше Волыни, а по тому и носитъ общее названіе Низа (Nis). Этотъ народъ сперва раздѣлался (ulciscitur) за обиды съ своими господами, которые свирѣпствовали надъ нимъ невыносимо; отплатилъ, за незаслуженную смерть, своихъ вождей (Ducum), казненныхъ, на перекоръ общему мнѣнію — Ивана Подковы (Juana Podkovae), [178] и

---

[175] Мѣстечко Кіевской Губерніи, въ Богуславскомъ Уѣздѣ, лежитъ при рѣкѣ Днѣпрѣ, наискось отъ Переяслава, въ 70 в. отъ Кіева. О. Б.

[176] Томаковка, рѣка Екатеринославской Губерніи, въ 10-ти верстахъ отъ Грушевки. Она достойна примѣчанія тѣмъ, что на ней, во время продолжавшейся у Козаковъ съ Поляками войны, была Сѣчь Запорожскихъ Козаковъ. Въ этой же Губерніи есть село, или слобода, на той же рѣкѣ Томаковкѣ.

[177] Не у Поляковъ, а у Малороссовъ, отъ которыхъ они и приняли эту форму, такъ какъ Польская форма его próg. О. Б.

[178] Подкова, по словамъ однихъ, былъ простой Козакъ, по другимъ—Атаманъ Кошевой или Куренной, а по третьимъ—Гетьманъ. О немъ сохранились въ народѣ три небольшія Думы, записанныя Изм. Ив. Срезневскимъ и напечатанныя имъ въ его «Запорожской Старинѣ» (Харьковъ, 1833, I, стр. 33—36, 82—86). Въ нихъ онъ названъ Серпагою, можетъ быть, его настоящимъ именемъ, Подкова же было прозвище, данное ему по тому, что, об-

Львовѣ, Королемъ Стефаномъ, а Павлюка (Paulukii) въ Варшавѣ—Владиславомъ IV; [179] отомстилъ позоръ, нанесенной Чаплинскимъ (a Czaplinscio) Богдану Хмельницкому, въ лицѣ его жены и сына, и, оставленный безъ наказанія Конецпольскимъ (Koniespolcii), бывшимъ тогда въ должности Великаго Коронаго Гетмана, неутомимой стойкостью и счастливой войной заставилъ Польшу возвратить ему его независимость. Я уже сказалъ, что когда Кіевскій Князь, Володимиръ, положилъ сдѣлаться воиномъ Христа, и выбралъ себѣ въ воскреемники отъ купели Греческаго Императора, Василія, Константинопольскій Патріархъ, Николай Хризобергъ (Chrysobergus), поставилъ Митрополитомъ въ Кіевѣ Грека Михаила, чтобы онъ окрестилъ Князя и его подданныхъ. Послѣ того, одинъ за другимъ, слѣдовали многіе Митрополиты, то изъ Уніятовъ, то изъ еретиковъ, [180] смотря по тому, на какую сторону склонялось больше усердіе правителей. Изъ этихъ Митрополитовъ особливо выдѣляются: Алексѣй, Русскаго происхожденія, посвященный въ 1374 году, [181] о которомъ разсказываютъ (если только молва справедлива), что когда Турокъ Амуратъ (ab Amurathe Turco) позвалъ его къ себѣ, по извѣстной его святости, онъ испросилъ у Бога своими молитвами зрѣніе слѣпой его дочери; [182] Исидоръ Булгаринъ, который присутствовалъ на Тридентскомъ Соборѣ, подписалъ унію [183] и, возведенный въ санъ Кардинала, сдѣланъ Легатомъ Верховнаго Первосвященника (a latere), а въ 1440 году обнародовалъ по Русскимъ областямъ

ладая необыкновенной тѣлесной силой, ломалъ подковы. Онъ было завладѣлъ Молдавіей, сдѣлался ея Господаремъ, но видя, что не усидѣть ему на ея столѣ, оставилъ ее и возвратился на Подолъ, гдѣ Поляки «лестію его емше, до Короля отослали,» который приказалъ снять ему голову. Козаки трупъ его завезли въ Каневъ, и тамъ «у могилу тихо положили.» Начало всего этого относится къ 1577 году. О. Б.

[179] Карпъ Павловичъ Гудзанъ или Павлюкъ (сынъ Павловъ), послѣ битвы подъ Кумейками, 6-го Сентября, съ Польнымъ Гетьманомъ, Николаемъ Потоцкимъ 1637, вскорѣ былъ выданъ подъ Боровицею (20 Декабря) послѣднему съ нѣкоторыми товарищами и казненъ въ Варшавѣ, въ Февралѣ 1638 года: имъ отрубили головы и воткнули ихъ на колы. О. Б.

[180] Такъ Майербергъ величаетъ насъ, Православныхъ. О. Б.

[181] Невѣрно. См. выше примѣчаніе 155. О. Б.

[182] См. также выше стр. 118—119. О. Б.

[183] Невѣрно. См. слѣдующее примѣчаніе. О. Б.

унію; [184] Іона, Московитскій еретикъ, около 1520 года, который, по своей святости, почитается выше всѣхъ у еретиковъ его. [185] Послѣ того, какъ Владиславъ IV-й внушилъ Козакамъ выгнать Унитскаго Митрополита изъ Кіева, и взять себѣ еретика отъ Константинопольскаго Патріярха этотъ изгнанникъ ожидаетъ для себя въ Вильнѣ лучшаго времени отъ Божіей милости. [186] Въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ (Pieczerscensi) можно видѣть подземныя пещеры, которыя началъ копать отшельникъ Антоній, прибывшій съ Аѳонской Горы при Великомъ Князѣ Изя-

---

[184] Соборъ сперва происходилъ въ Феррарѣ, а потомъ во Флоренціи 1439, гдѣ присутсвовалъ и Исидоръ, происхожденіемъ Грекъ, а по мнѣнію другихъ — Булгаринъ, даже Далматъ, учившійся въ Западныхъ школахъ. Изъ Архимандритовъ монастыря Св. Димитрія въ Царьградѣ, сдѣлался онъ Епископомъ Илирика, за тѣмъ испросилъ, по смерти Фотія, Митрополита Всероссійскаго, себѣ у Патріярха Цареградскаго санъ Митрополита Русскаго, прибылъ въ Москву 1437 г., и черезъ 4 мѣсяца отправился въ Италію на Соборъ. По возвращеніи въ Москву съ Собора онъ былъ осужденъ Русскимъ Соборомъ и заключенъ въ Чудовъ монастырь, откуда, однако, бѣжалъ, въ Сентябрѣ 1443 г., въ Римъ, а изъ Рима отправленъ Папой посломъ на Востокъ 1452 г. гдѣ; 1453, присутствовалъ при взятіи Цареграда Турками, которые чуть было не лишили его жизни, но онъ спасся въ Италію, и пожалованъ Папой Николаемъ въ санъ Константинопольскаго Патріярха и Декана Кардинальской Коллегіи. Умеръ въ Римѣ Апрѣля 27 дня, 1463 г., и погребенъ въ церкви Св. Петра. Онъ описалъ взятіе Цареграда по Латыни въ письмѣ къ Папѣ изъ Перы. О. Б.

[185] Онъ родился близъ Солигалича, былъ Епископомъ Рязанскимъ, а послѣ Фотія (1431) управлялъ Митрополіей, и 1448 посвященъ Соборомъ Русскихъ пастырей въ Митрополиты Россіи, принималъ участіе въ устройствѣ Православныхъ Епархій въ Бѣлоруссіи и Малороссіи (съ 1449). При немъ разрѣшено Русскимъ поставлять себѣ Митрополита безъ сношенія съ Патріархомъ, и съ того времени Митрополія Русская заняла первое мѣсто послѣ Іерусалимской Патріархіи (1453); съ 1458 противостоялъ Григорію, ученику Исидора, присланному Папой въ Митрополиты Русскіе. Скончался 31 Марта, 1461 года; черезъ 11 лѣтъ обрѣтены его мощи, 1-го Іюля (замѣненнаго 27 Мая). О. Б.

[186] Сдѣсь разумѣется дипломъ, полученный Архимандритомъ Петромъ Могилой, 1-го Ноября, 1632 г., отъ Варшавскаго Сейма и Короля, при чемъ, между прочимъ, онъ получилъ позволеніе отъ Православныхъ, собравшихся на Сеймъ, быть избраннымъ на Кіевскую Митрополію, что и произошло вскорѣ. Уніятскій Митрополитъ былъ тогда Веляминъ Рутскій, преемникъ Потія, родомъ изъ Бѣлорусскаго Новогородка, изъ Русскихъ дворянъ, но сдѣлавшійся Кальвиномъ, Католикомъ и Уніятомъ, любимецъ и избранникъ Потія, 1611, въ преемники, умершій 1637 г. О. Б.

вѣ (Isaslao). [187] Въ нихъ лежитъ много не тлѣнныхъ еще тѣлъ, итаемыхъ Русскими за святыя, однако жь безъ всякаго подрѣжденія этой святости, какъ Римскою, такъ и Греческою, Церью. По увѣренію Кіевскихъ жителей, основанному на одномъ внемъ преданіи, есть тамъ и тѣло Святой мученицы Варвары [188]

Володимирское Княжество, между Волгою и Окою, замѣчаьно плодороднею почвой и названіемъ города, построеннаго, жденнымъ внѣ брака, Владимиромъ, на рѣкѣ Клязьмѣ, которая, соединеніи съ Окою, въ 60 верстахъ оттуда, [189] становится судоною. Володимиръ укрѣпилъ его деревяннымъ дѣтинцемъ и, понувши Кіевъ, хотѣлъ сдѣлать мѣстопребываніемъ Великихъ Кня- Русскихъ. [190] Но наконецъ правнукъ его праправнука, Данііъ, разрушилъ его предположеніе и предоставилъ это, вмѣсто адимира, Москвѣ. Разоренный Татарами, подъ начальствомъ Баія, Владимиръ представляетъ нынѣ великія развалины, — жалкіе мятники его величія. Къ этому Княжеству прилежитъ Муромское uromensis), которымъ владѣли когда-то потомки Великаго Кня- Ярослава, по наслѣдственному праву отъ сына его, Святосла- . Но теперь крѣпость города Мурома срыта: населенный Татаами, смѣшенно съ Русскими, онъ признаетъ верховную власть осквы вмѣстѣ съ прочею Россіей. Если подниматься отъ него ерхъ по Окѣ, то появится городокъ Касимгородъ (Cassimogro-

---

[187] Но Антоній два раза ходилъ на Аѳонъ: послѣ перваго путешествія на него, онъ возвратился въ 1012, или 1013 г., но вскорѣ (1017) удалился изъ Кіева, по причинѣ волненій послѣ кончины Владимира; во второй разъ возвратился въ Кіевъ въ 1027 г., или 1028 г., когда «уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика на земли.» Первое было еще при Владимирѣ, а послѣднее при Ярославѣ; Изяславъ же сдѣлался Великимъ Княземъ только въ 1054 г., (а умеръ 1078) и тотчасъ явился къ преподобному съ дружиною просить у него молитвъ. Не принялъ ли Майербергъ возвращенія Антонія съ дороги обратно въ Кіевъ, когда Изяславъ, разсердясь на него за постриженіе двухъ его придворныхъ (Варлаама и Ефрема), велѣлъ было ему удалиться изъ его стольнаго города, но потомъ, по настоянію своей супруги, приказалъ воротить обратно? О. Б.

[188] Мощи Св. Великомученицы Варвары, какъ извѣстно, находятся въ особомъ придѣлѣ Кіевскаго Золотоверхо-Михайловскаго монастыря съ незапамятнаго времени, а не въ пещерахъ. О. Б.

[189] Нынѣ въ 150 верстахъ. О. Б.

[190] Неправильно, какъ уже было замѣчено выше. О. Б.

dia) (Касимовъ),[191] уступленный Царемъ Годуновымъ, на правахъ подданства, Татарскому Царьку, а теперь владѣетъ имъ сынъ его недавно окрещенный въ Московскую Вѣру, и такой маленькій владѣлецъ называется тоже величавымъ именемъ Царя. Если и нынѣ есть подленькіе льстецы, то пусть себѣ назовутъ и его Императоромъ, коли придетъ имъ такая охота.

Княжество Великій Новгородъ въ старину было дѣйствительно великая волость Рюрика, по тому что простиралась она даже и Ливоніи, Финляндіи, Швеціи и Норвегіи. Оно получило названіе отъ обширнаго своего главнаго города, по увѣренію лѣтописей самаго древняго изо всѣхъ Русскихъ городовъ, построеннаго переселившимися туда Дунайскими Славянами въ 2 верстахъ отъ озера Ильменя (a lacu Ilmenio). Это озеро, принявъ рѣку Хезину (Chesinum), у Русскихъ Ловать (Lowat), выпускаетъ ее потомъ изъ своего нѣдра подъ другимъ уже именемъ Волхова (Wolkow), судоходнаго, очень изобильнаго рыбой и протекающаго Новгородомъ. Александръ Витовтъ, Великій Князь Литовскій, въ 1414 году, долго осаждалъ его, принудилъ платить себѣ ежегодную дань и принять своихъ Воеводъ, поручивъ тогда это Воеводство Князю Ольшанскому, Семену Альгимунду (Simone Algimundo Olsano Duce). Черезъ 14 лѣтъ послѣ того Новгородъ заупрямился было, но Александръ привелъ его въ покорность, и городъ пришелъ въ самое цвѣтущее состояніе подъ этой зависимостью. Наконецъ Московскій Князь, по справедливости Великій, Иванъ сынъ Василія Темнаго, покоривъ Новгородъ послѣ семи лѣтъ войны, отнялъ его у Казимира III, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, въ 1477 году,[192] а потомъ, въ 1493 году, принудилъ своего зятя, Казимирова преемника, Александра, отказаться отъ всякихъ правъ на этотъ городъ.[193] Но 1611 годъ воск

---

[191] Касимовъ лежитъ на крутотѣ высокомъ берегу Оки и при рѣчкахъ Бабкѣ и Сѣверкѣ, слишкомъ въ 280 в. отъ Москвы, отъ Губернскаго города своего Рязани въ 136. Прежде назывался онъ Городецъ, а по отнятіи его Касиму, Татарскому Царевичу, Василіемъ Темнымъ, переименованъ и въ его имя, такъ какъ составлялъ его столицу. Жителей нынѣ около 10 обоего пола, церквей 9, монастырь женскій, мечеть, училищъ 4 и т. п. О. Б.

[192] Послѣ смерти старшаго брата (1491 — 1501), Яна Альбрехта. Миръ заключенъ былъ 7-го Февраля, 1494 г. О. Б.

[193] Новгородъ покоренъ 15-го Генваря, 1478 года. О. Б.

алъ, что великія громады, одинъ разъ обрушившись, ужь никогда потомъ не въ состояніи подняться, какъ бы придавленныя собственной тяжестью. По тому что Яковъ Де ла Гарди (Jacobus de la Garde), вождь вспомогательнаго войска, посланнаго въ Россію Карломъ IX, Королемъ Шведскимъ, противъ намѣреній его племянника, Польскаго Короля, Сигизмунда III, будучи раздраженъ обманами Москвитянъ, взялъ этотъ городъ однимъ отважнымъ приступомъ храбро напавшаго его небольшаго пятитысячнаго отряда. [194] Новгородъ — мѣстопребываніе первенствующаго Русскаго Митрополита. Къ его же области принадлежала и крѣпость Иваньгородъ (arx Ivanogrodia), построенная тѣмъ же Иваномъ, при рѣкѣ Наровѣ, изъ тесаннаго камня, въ 1495 году, а не жестокимъ, его внукомъ, какъ думаютъ нѣкоторые. [195] Ямы (Iamma), Копорье (Coporium) и Орѣшекъ (Oreschakum) или Нотебургъ (Noteburgum) въ Ингріи, отняты вооруженною рукою у Москвитянъ или самимъ Карломъ, или сыномъ его, Густавомъ Адольфомъ, вмѣстѣ съ Кексгольмомъ (Kexholmia) въ Кареліи (Cadelia), подареннымъ Карлу Василіемъ Шуйскимъ за присланное отъ него вспоможеніе противъ Поляковъ. Всѣ эти мѣста перешли въ вѣчное владѣніе Шведовъ, по праву войны и подъ новыми названіями, по мирному Столбовскому (Stolboviensis transactio) договору, заключенному въ 1617 году между тѣмъ же Густавомъ Адольфомъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, и подтвержденному юнымъ Королемъ Карломъ XI и Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1661 году и слѣдующемъ годахъ. [196]

Новгородомъ Шведы овладѣли тогда (Іюля 15-го, 1611 г.), благодаря нерадѣнію Градоначальниковъ его (Князя Ив. Никит. Одоевскаго и Вас. Ив. Бутурлина) и измѣнѣ одного Новгородца (Ивашки Швала), введшаго въ Новгородъ непріятеля ночью (съ 15 на 16-е Іюля) Чудинцевскими воротами. О. Б.

Несправедливо, но въ 1492 году, у рѣки Нарвы или Наровы, на Дѣвичьей горѣ. О. Б.

Миръ съ Шведами заключенъ былъ, при посредничествѣ Англійскаго Посла (Джона Мерика) въ селѣ Столбовѣ, между Тихвины и Ладоги, 27-го Февраля, 1617 г., по которому Россія удовольствовалась токмо возвращеніемъ одного Новгорода съ малою частію Уѣзда. При Алексѣѣ же заключенъ былъ, въ Октябрѣ 1661 г., въ Кардисѣ (деревнѣ между Юрьевомъ Ливонскимъ и Колываню), и по нему Царь уступилъ Швеціи всѣ завоеванные Ливонскіе города, а черезъ годъ почти послѣдовало подтвержденіе въ Москвѣ и Стокгольмѣ со стороны Королевы Елеоноры, съ ручательствомъ за малолѣтняго Короля, Карла XI. О. Б.

Вологда (Volochda) тоже была Новгородская область, получившая названіе отъ протекающей по ней рѣки и съ трудомъ доступная, по причинѣ частыхъ болотъ и густыхъ лѣсовъ: такимъ образомъ она обѣщаетъ Государямъ въ главномъ городѣ, Вологдѣ, на рѣкѣ Сухонѣ (ad Suchanam), самое безопасное хранилище для ихъ казны, подъ защитою чрезвычайно сильной крѣпости она же служитъ и мѣстопребываніемъ Архіепископа, пользующагося преимуществомъ предъ другими.

И Устюгъ (Ustiuga) былъ Новгородская область, названная отъ устья рѣки Юга (ob ostio Jugae), гдѣ возвышалась въ старину крѣпость съ городомъ Устюгомъ, нынѣ перенесенная немного повыше. [197]

Наконецъ тоже была и Двинская (Duina) обширная область съ городомъ Холмогоры (Colmogoria), и очень населенною страною на рѣкѣ Вагѣ (Vaga). По случаю безплодной почвы, въ старину эта область считала у себя немного жителей, а нынѣ, благодаря удобству знаменитой ея пристани у Михаила Архангела (Michaëlis Archangeli emporii), [198] она изобильна и жителями, и товарами. Свое названіе получаетъ отъ протекающей по ней рѣки Двины (Duina), а эта называется такъ по тому, что образуется изъ сліянія двухъ рѣкъ, Сухоны и Юга (a Suchanae et Jugae confluxu), такъ какъ Двина на Русскомъ нарѣчіи то же, что «два.» [199] Сухона беретъ начало изъ Кубенскаго (Koinski) озера въ Вологодской области. [200] Имя рѣки Вологды, впадающей въ нее въ 42 миляхъ ниже города того же имени, [201] она заглушаетъ своимъ, и такъ обогатившись чужимъ добромъ, и

---

[197] То есть, Сухона и Югъ, соединясь вмѣстѣ, составили рѣку Сѣверную Двину, по тому городъ, построенный тутъ, получилъ названіе свое Устюгъ (Устье Юга). Называютъ его и Юстюгъ Великій. О. Б.

[198] То есть, Архангельска. О. Б.

[199] Нелѣпость! О. Б.

[200] Вытекаетъ изъ юговосточной оконечности Кубенскаго озера въ границахъ Вологодскаго Уѣзда. До впаденія въ нее р. Вологды слыветъ Сухона Кубангой, Рабонгской Сухоной, отселѣ до впаденія р. Двинницы — Нижней Сухоной, Окольной же Сухоной зовется большая излучина ея, въ которую впадаетъ р. Лежа. О. Б.

[201] Рѣка Вологда вытекаетъ съ границы Вологодскаго и Череповскаго Уѣздовъ и впадаетъ въ Сухону Окольную, выше города за 100 верстъ. О. Б.

смѣшавъ это, нечестно добытое богатство, будто собственность, съ своими наслѣдственными водами, и захвативъ еще съ собою другія незнатныя рѣки, уноситъ всѣ эти воды дальше къ востоку, на пространствѣ 500 миль, и оставляетъ назади у себя городки: Сухкумъ (Suchkum), [202] Тотьму (Totmam), Брусенецъ (Browsenskum), Бобровскій (Bobroweskum) [203] и Стрѣльну (Strelnam) [204] Но только что пройдетъ городъ Устюгъ (Ustiugam), какъ изливается въ Югъ (Jugam), и такимъ образомъ показывается, по праву равнаго воздаянія. По тому что обѣ эти рѣки, слившись вмѣстѣ, лишаются своихъ именъ, такъ что изъ точки ихъ сліянія катится, на всемъ пространствѣ прямо къ Сѣверному океану, уже другая рѣка, носящая названіе Двины (Duina). По дорогѣ она увеличивается еще самыми многоводными на 500-тъ верстъ рѣками: Пермяной (Permanae), Вычегдой (Witzoglae), [205] Ваго́й (Vagae) [206] и Пинегой (Pinegi humeribus), [207] проѣкаетъ чрезъ многочисленныя по берегамъ ея и очень многолюдныя деревни и городки: Двину (Duinam), [208] Емцу [209] (Jempam), [210] Холмогоры и монастырь Михаила Архангела. Но всегда вѣрная своему Государю, впадаетъ въ Двинскую губу (sinum Granicum). Да и никогда не приходитъ туда безъ ноши на своемъ ребтѣ, по тому что совсѣмъ завалена перевозкой: привозитъ то выдѣланныя воловьи кожи, то слѣдующія еще къ выдѣлкѣ ло-

---

[202] Устюгъ?

[203] Брусенецъ, по Географическимъ Словарямъ Щекатова и Гагарина, укрѣпленный городокъ Вологодской Губерніи въ Великоустюжскомъ Уѣздѣ, вѣроятно, нынѣшняя деревня Брусенатская, показанная въ атласѣ Вильбрехта, на правомъ берегу р. Сухоны, ниже города Тотьмы.

[204] Нынѣ Бобровскій Ямъ, на р. Бобровнѣ, близъ впаденія ея въ Сухону.

[205] «А отъ Бобровска до Стрѣльнаго 50-тъ верстъ, отъ Стрѣльнаго 50 верстъ до Устюга Великаго,» сказано въ «Книгѣ Большаго Чертежа.» Нынѣ Стрѣлицкій погостъ на р. Стрѣльнѣ, впадающей въ Сухону.

[206] Вычегда беретъ начало въ Усть-Сысольскомъ Уѣздѣ Вологодской Губерніи, а въ Соль-Вычегодскомъ, въ 16-ти верстахъ отъ города Соль-Вычегодска, впадаетъ въ Сѣверную Двину.

[207] Вага беретъ начало въ Тотемскомъ Уѣздѣ Вологодской Губерніи, а въ Архангельской, въ Шенкурскомъ Уѣздѣ, впадаетъ въ Двину.

[208] Пинега беретъ начало въ Вологодской Губерніи, а въ Архангельской, въ Холмогорскомъ Уѣздѣ, впадаетъ въ Сѣверную Двину.

[209] Двина?

[210] Емецкое село и приходъ въ Холмогорскомъ Уѣздѣ Архангельской Губерніи.

синныя, то коноплю и смолу, то льняное сѣмя и сало, то воскъ и приготовляемую на Волгѣ бѣлужью, осетровую и другихъ рыбъ икру (ovis icarii), то липовую, ясеневую, вязовую и ивовую очищенную золу для суконнаго и мыловарнаго дѣла, то медвѣжьи, волчьи, лисьи, бѣльи, рысьи, хорьковые, куньи, соболья и другіе мѣха: все это для Англичанъ и Голландцевъ, пріѣзжающихъ каждый годъ туда моремъ, въ извѣстную пору лѣта. Они берутъ всѣ эти вещи, да еще слюду, добываемую изъ горъ на берегу Двины, и вытопленное изъ тюленьяго жира масло, и либо уговорившись съ начала объ обмѣнѣ на свои товары, либо тутъ же сторговавшись въ цѣнѣ, отдаютъ за то привезенные по Средиземному морю и океану разныя благовонныя вещества: сахаръ, шафранъ, соленые сельди, мальвазію, Испанскія и Французскія вина, сукна разнаго рода и цвѣта, Голландское полотно, зеркала, ножи, сабли, пистолеты, ружья, пушки, мѣдь, свинецъ, олово, шелковыя ткани, атласъ, аксамитъ, камку, обьярь, золотой, серебряный алтабасъ, полотняные, бумажные и шелковые чулки, пряденое золото, жемчугъ, перлы, алмазы, рубины, смарагдъ, сапфиры, хризолиты, аметисты, топазы, наконецъ огромное количество золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Все это отвозится въ верхъ по рѣкѣ, къ городу Вологдѣ, а потомъ, по зимней дорогѣ, въ Москву, въ продолженіе 8 дней пути.

Казанское, бывшее нѣкогда Татарское, Царство получило названіе отъ своего столичнаго города, а этотъ отъ рѣки Казанки (Kasanska), обтекающей его своимъ извилистымъ русломъ. Казань построена Перекопскими бѣглецами изъ Тавриды, въ княженіе Василія Васильевича въ Московіи. Василій Ивановичъ заставилъ ее брать отъ него Царей себѣ. А потомъ, когда она возмутилась было, онъ стѣснилъ ее лишеніями опасной войны, однако не покорилъ. Но въ 7061 году, отъ С. М., въ 1552 отъ Р. Х., сынъ его, Иванъ, взялъ Казань, послѣ шестимѣсячной осады [211] и, вмѣстѣ съ ея Черемисами (Ceremissis), заставилъ смириться подъ властью Москвы. Однако жь, въ видѣ вознагражденія за обиду, подчинилъ ей сосѣднюю себѣ Болгарію (Bulgariam), которой терпѣть не могъ за частые мятежи, чтобы эта страна, не привыкшая къ покорности, научилась носить чужое иго, и укрѣпилъ Казань учрежденіемъ въ ней Митрополіи и мѣстопребываніи Митрополита.

---

[211] Октября 2-го. О. Б.

Астраханское Царство, принимающее въ широкое устье Волги ришлыя въ нее рѣки и спровождающее ее въ Каспійское море осредствомъ многихъ рукавовъ, было старинным наслѣдіемъ инаго ряда Царей Татарско-Нагайской орды. Иванъ Васильевичъ, въ 1554 году, 1-го Августа,[212] отнялъ его у нихъ, съ городомъ страханью, славною во всей области пристанью, на лѣвомъ берегу Волги, въ 60-ти верстахъ отъ Каспійскаго Моря (Hircanum lare).[213] Онъ выгналъ изъ города всѣхъ Татаръ и, оградивъ его съ ачала каменной стѣной, заселилъ одними Русскими жителями и очтилъ мѣстопребываніемъ Архіепископа. Астрахань изобилуетъ есьма хорошею изъ озеръ солью, рыбой изъ Волги, птицами изъ амышей и кустарниковъ; въ ней не только много плодовъ, но и овольно вкусное виноградное вино: какъ цѣльное, безъ всякой римѣси, она отправляетъ его въ Московію, для употребленія при ерковномъ богослуженіи.

Сибирь (Sibiria) сдѣлалъ сначала своею данницею Иванъ Васильевичь Старшій (III-й), а потомъ совершенно покорилъ ее Младшій. Это самая обширная область, извѣстная, какъ несчастное сылочное мѣсто виновныхъ, а также и невинныхъ, изгнанниковъ. Но немногу захватывая сосѣднихъ Татарскихъ Князей и время отъ времени дѣлая ихъ своими данниками, благодаря опустошительнымъ набѣгамъ въ разныя стороны, Московія распространила свои разбросанные предѣлы даже до Иммауса (Immaum) (если правду говорятъ Москвитяне); перенесла бы ихъ и еще дальше, если бы недавнія военныя неудачи не остановили ея нападеній. Главный городъ Сибири Тобольскъ (Tobolia), построенный Москвитянами на высокой горѣ, при самомъ впаденіе Тобола (Tobola) въ рѣку Иртышъ (Irtischii), и обнесенный деревянной стѣною, подъ защитою тутъ же пристроенной деревянной крѣпости. Городъ пользуется почестію Архіепископства и мужскаго монастыря; населяютъ его одни Москвитяне, а для всѣхъ другихъ пришлецовъ отведенъ, подчиненный Тобольску, городокъ на берегу Тобола. Въ извѣстное время года въ Тобольскъ со всѣхъ сторонъ стекаются Татары изъ своихъ Царствъ для торговли, однако жь они ни какъ не хотятъ отдавать своихъ товаровъ за деньги, а только мѣняютъ на другіе, привезенные изъ Архангельска. Къ Тобольской области

---

[212] По другимъ Іюля 2-го, 1554 г. О. Б.

[213] Теперь въ 80. О. Б.

принадлежитъ и большой городъ Тюмень (Tumenium), въ 64 верстахъ [214] къ югу отъ Тобольска, при рѣкѣ того же имени, обнесенъ деревяннымъ острогомъ и тоже населенъ одними Москитами, такъ какъ Татары должны довольствоваться своими жилищами на другой сторонѣ рѣки. Также и Верхотурье (Virchaturia), деревянный городъ, не уступающій обширностію Тюмени, въ 220 верстахъ отъ него, [215] тоже къ югу, и построенный на горѣ при рѣкѣ Турѣ (Tura), впадающей потому въ Тоболъ. Между ними и Тюменью поднимаются очень высокія горы, поросшія множествомъ кедровыхъ лѣсовъ, откуда Великій Князь ежегодно получаетъ огромный доходъ съ этого обширнаго Царства въ разныхъ очень дорогихъ мѣхахъ. Природные жители Татары, идолопоклонники и говорятъ собственнымъ нарѣчіемъ, и даже до сихъ поръ не знаютъ употребленія хлѣба. Не по тому, однако жь, какъ пишутъ нѣкоторые, чтобы стужа не давала дозрѣвать жатвѣ, но въ слѣдствіе обычая, почти общаго всѣмъ народамъ той области, которые довольствуются звѣринымъ мясомъ да рыбой, а этого у нихъ большое изобиліе, и по тому пренебрегаютъ употребленіемъ хлѣба. Впрочемъ, Московскія поселенія, заведенныя тамъ, также ссыльные воины и Воеводы обработываютъ, для своего употребленія, самыя плодородныя поля особливо у Тюмени, и въ свое время собираютъ съ нихъ вѣрное имъ сѣмя съ самой богатой для себя прибылью, сверхъ всякаго ожиданія. Пьютъ пиво, квасъ и водку. Меду у нихъ нѣтъ по тому что совсѣмъ нѣтъ пчелъ. О виноградномъ винѣ тоже не заботятся, такъ какъ очень удобно привозить его изъ залива Бѣлаго моря.

Тѣ трое братьевъ Варяговъ или Вагріевъ, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, не владѣли Псковскимъ Княжествомъ (dominium Plescoviense): оно находилось подъ властію Князей, которыхъ тамошній свободный народъ бралъ себѣ, по желанію, у своихъ сосѣдей Рожденный внѣ брака, Володимиръ, правнукъ Рюрика, пошелъ войной на одного изъ такихъ Князей, Варяга или Вагра Рогвольда (Rockwologdum), за то, что тотъ отказалъ выдать за него дочь свою, Рогнѣду (Rochmida): онъ убилъ Рогвольда, вмѣстѣ съ двумя сыновьями, а свою любезную, не смотря на ея сопротивленіе взялъ себѣ въ жены, противъ воли боговъ, покровителей брака

---

[214] Нынѣ въ 250 верстахъ. О. Б.

[215] Нынѣ за 500 верстъ. О. Б.

Городъ этотъ, нынѣ мѣстопребываніе Архіепископа, взятъ былъ потомъ, въ 1241 г., Ливонцами, но, немного времени спустя, получилъ прежнюю независимость отъ Александра, сына Ярослава, Великаго Князя Московскаго, съ помогавшими ему Татарами. Онъ счастливо наслаждался самымъ цвѣтущимъ состояніемъ подъ покровительствомъ выбранныхъ имъ самимъ Князей, подъ своими законами, охраняемыми городскимъ правительствомъ, при чистотѣ своихъ нравовъ и безопасности свободы. Его спокойствіе было нарушено въ 1414 г. Литовскимъ Княземъ, Витовтомъ, который долговременной осадою заставилъ его сдаться, обложилъ данью, отдалъ въ управленіе Георгію, Князю Московскому; когда же, черезъ 12-ть лѣтъ потомъ, городъ оказался непокорнымъ, Витовтъ наказалъ его денежной пеней. Въ 1509 году, по злодѣйскому заговору нѣкоторыхъ Священниковъ, Псковъ былъ преданъ Василію Ивановичу и, лишенный гражданъ, отправленныхъ Василіемъ въ ссылку, совсѣмъ измѣнился въ самую худую сторону, среди чрезвычайной распущенности нравовъ пришлыхъ Москвитянъ, которые пробрались туда. [216] Укрѣпленный промежуточными стѣнами въ четыре ряда [217] онъ отразилъ нападенія, въ 1581 г., Польскаго Короля Стефана, [218] а въ 1614 г.—Шведскаго

---

[216] Покореніе Пскова Генваря 13, 1510 года, когда «спустиша колоколъ вѣчной (вѣчевой) у Св. Троицы, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей сторонѣ и по своей воли.» О. Б.

[217] «Нынѣшній городъ Псковъ, пишетъ о немъ въ своемъ Словарѣ Щекатовъ, стоитъ на восточномъ или на правомъ берегу рѣки Великой, и раздѣляется на три главныя части: на Кремль, Средній городъ и Большой городъ. Кремль стоитъ при самомъ устьѣ р. Псковы, на лѣвомъ ея берегу, весь каменный съ толстыми стѣнами. Укрѣпленіе сіе называется Довмонтовою стѣною, безъ сомнѣнія, по имени его построителя, мужественнѣйшаго изъ всѣхъ Князей Псковскихъ, Довмонта, во Св. Крещеніи Тимоѳея, княжившаго въ Псковѣ отъ 1266 по 1299 годъ, который и похороненъ въ Соборной церкви. Средній городъ заключается въ каменной стѣнѣ, идущей отъ Кремля вверхъ по лѣвому берегу р. Псковы и обращающейся, на подобіе полумѣсяца, внутри города такъ, что задній ея конецъ примыкаетъ опять повыше Кремля къ стѣнѣ Большаго города. Послѣдній окруженъ стѣною, идущею кругомъ всего Пскова.

[218] Августа 25 дня. Въ Псковѣ начальствовали тогда Бояре и Воеводы, Князья Шуйскіе, Василій Ѳедоровичъ и Иванъ Петровичъ, съ другими; изъ нихъ послѣдній отвѣтствовалъ за всѣхъ Воеводъ. «Тогда же Баторію, яко мало на свой мечъ не пасти, яко мнѣтися сердцу его не треснути.» Послѣ 46

Густава Адольфа. [219] Впрочемъ, не одинъ только Псковъ, по ложному извѣстію Пясецкаго (Piasecius), во всей Московской области обнесенъ каменными стѣнами, кромѣ мѣстопребыванія Великихъ Князей, Москвы, да еще Смоленска, по тому что, не говоря уже о крѣпости Борисовѣ (Borissovia) въ 6-ти миляхъ отъ Можайска, вправо, устроенной изъ вала, кольевъ и камней, и напрасно осажденной, въ 1617 году, Литвиномъ Ходкевичемъ (a Lituano Chodkievicio), о Коломнѣ (Columna) на Окѣ и Нижнемъ Новгородѣ (Novogardia Inferior), обнесенныхъ каменными стѣнами, о Казанской крѣпости, съ такою же оградой, и городѣ Астрахани, которую Иванъ Васильевичъ укрѣпилъ самыми толстыми каменными стѣнами. Намъ встрѣчаются еще: Великій Новгородъ (Novogardia Magna), Тула (Tulla), Можайскъ (Mosaiscus) и Вологда, обороняемые отчасти каменной крѣпостью, отчасти же высокими и толстыми кирпичными стѣнами.

Подобно рѣкѣ Нѣману или Хронону, который, поглощая въ своемъ теченіи разныя воды, все растетъ и растетъ, Литва (Lituania) тоже съ ничтожнаго начала увеличилась до весьма значительнаго пространства. Правда, что послѣ своего появленія у Куронскаго залива, между Пруссіей и Жмудью (Samogitia), быстро идя впередъ противъ теченія Нѣмана, къ концу X-го вѣка и въ правленіе Итальянца Палемона (principante Italo Palaemone), изъ рода Колонны (ex gente Columna), она столкнулась, на своемъ пути, съ счастьемъ Кіевскаго Владимира Святославича, и отъ этого удара лишилась независимости, однако жъ вскорѣ потомъ освободилась при дѣтяхъ Палемона: Боркѣ (Borco), Кунонѣ (Cunone) или Кунасѣ (Cunasso), и Сперѣ (Spera). Въ сосѣдствѣ Юріи (Juriae) и Нѣмена они построили Юрбургъ (Jurborco), а при впаденіи въ Нѣманъ-Виліи (Vilia)—Ковно. (Cauna), на озерѣ же, между рр. Невѣжею (Nieviaza), Свѣнтою (Swianta) и Червентою (Twerwenta)—Сперу; послѣ того сынъ Куиаса, Керно (Kierno) построилъ на Виліи Керновъ (Kiernoviam), который, въ продолженіе длинныхъ

отбитыхъ приступовъ, Генваря 15 дня, 1582 г., заключенъ былъ миръ въ Запольскомъ Яму. О. Б.

[219] Именно 1616 г., Октября 7, вылазки Псковитянъ, управляемыхъ Воеводами Бояриномъ Василіемъ Петровичемъ Шереметевымъ, Ѳедоромъ Леонтьевичемъ Бутурлинымъ и Княземъ Аѳанасьемъ Ѳедоровичемъ Гагаринымъ, вынудили Короля Шведскаго снять осаду и «пойти за море.» О. Б.

ряда лѣтъ, былъ мѣстопребываніемъ Литовскихъ Князей. Литва такъ сильно укрѣпила громоздкое зданіе своего государства, что все увеличиваясь, среди взаимной братской ненависти между Князьями братьями изъ рода Ярослава Кіевскаго, завоевала Браславъ Braslaviam) и навсегда удержала его за собою при Князьяхъ братьяхъ Кернѣ и Гимбутѣ (Gimbuto). Такую смѣлость Литвы не въ силахъ былъ спокойно сносить Романъ Мстиславичъ (Micislai ilius), сынъ Володимирова правнука, получившій, въ 1198 году, въ ленное владѣніе отъ Краковскаго Князя, Лешка Бѣлаго (Les-i albi). Галицкое Княжество, отнятое у его предка Уграми, въ началѣ XIII-го вѣка, отплатилъ за эту отвагу Литовцамъ неоднократными побѣдами, наказавъ ихъ немаловажною частью завоеванной ими области и заставивъ ихъ дать себѣ клятву въ вѣрности и платить постыдную дань. [220] Но когда, черезъ пять лѣтъ послѣ того, онъ убитъ былъ при Завихвостѣ (Zawickwustum), честолюбіе его преемниковъ, какъ будто на погибель имъ самымъ, порождая междоусобные раздоры, ободрило сыновей Гимбута, Живибунда (Ziwibundus) и Монтвила (Montwillo), освободить свой народъ изъ рабства. Въ 1217 году они послали Эрдивила (Erdi-ilum), сына Монтвилова, съ отборнымъ войскомъ, подъ начальствомъ опытныхъ вождей: Литовцы сперва возстановили и укрѣпили Новогородокъ (Novogrodeko), захватили Городно (Grodnam), Берестъ (Brestiam), Дрогичинъ (Drohyczinum), и все пространство между рр. Вилеей и Припетью (Prepetium), и поставили въ нихъ охранительные отряды для защиты. Черезъ два года потомъ Мингайло (Mingailo), сынъ Эрдивила, Князь Новогородецкій (No-ogrodeki), напалъ на Полоцкъ (Polociam), и взялъ его: этотъ городъ пользовался въ то время свободою, употребляя ее во зло и обижая сосѣдей. А на другой годъ сынъ его, Скирмундъ (Skir-nundus), въ промежутокъ немногихъ мѣсяцевъ, разорилъ Пинскъ Pinsco) и Туровъ (Turovia), и, убивъ Царя Заволжскихъ Татаръ, Балаклая (Balaclajo), овладѣлъ Мозыремъ (Mozyro), Стародубомъ Starodubo), Черниговымъ (Czernicovia), и совершенно всею Сѣ-

---

[220] Уже въ 1188 г. Галицкіе Бояре, по смерти Ярослава Осмомысла, удаливъ сына его, Владимира, призвали было къ себѣ Волынскаго Князя, Романа Мстиславича, котораго, однако, Владимиръ вытѣснилъ при помощи Уговъ, посадившихъ на престолъ, не его, а Королевича своего, Андрея. Спустя два года (1190) Казимиръ II Справедливый (1178 — 1194), выгналъ Андрея для Владимира, за что онъ съ Романомъ и Всеволодомъ Бельзскимъ

вериею (Severia), бывшею подъ властью этого Царя. При такомъ распространеніи предѣловъ Литвы, Князь ея, Рингольдъ (Ringoldus), сынъ Гимбута, первый принялъ титулъ Великаго Князя. Зависть сосѣдей возбудила противъ него жестокую войну, но, разбивъ сперва Кіевскаго Князя, Святослава, и счасливо истребивъ войско союзниковъ, онъ храбро отстоялъ свой новый титулъ. Этотъ титулъ возвысилъ потомъ сынъ его, Миндовгъ или Миндавгъ (Mendogus sive Mindanus); съ вынужденной покорностью подчинившись мирнымъ условіямъ, предписаннымъ ему Магистромъ Ливонскихъ рыцарей, Андреемъ Штукландомъ (Stuckland), онъ принялъ Св. Крещеніе на Новогородецкомъ полѣ,[221] въ 1252-мъ году, отъ Епископовъ Рижскаго и Хельменскаго (Culmensem) и властію Рижска-

---

помогли Казимиру изгнать Мечислава Стараго изъ Кракова (1191). Въ 1196 г., по смерти Казимира, Романъ сражался съ Мечиславомъ при рѣкѣ Могавѣ, какъ союзникъ Лешка Бѣлаго, старшаго сына Казимирова, у котораго Мечиславъ Великопольскій (Старый), какъ представитель старшей линіи, оспаривалъ престолъ Краковскій. И хотя Мечиславъ, по договору съ Лешкомъ, получилъ Краковское Княженіе (1200), но Лешекъ, въ благодарность Роману за участіе въ его судьбѣ, помогъ ему взойти на Галицкій Княжескій столъ, упраздненный кончиной (1198) Владимира Ярославича. Польское войско, предводимое Краковскимъ Воеводой, Николаемъ (ум. 1207), вошло въ Галичъ и принудило жителей его принять Романа. Объ утвержденіи Романа въ Галичѣ въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, но лишь въ Польскихъ (Стрыйковскаго, Бѣльскаго, Кромера и т. п.); по тому не удивительно, что, опираясь на нихъ, Майербергъ толкуетъ тутъ о ленной зависимости Романа отъ Лешка. Могъ ли онъ допустить ее, сдѣлавшись Государемъ всей Руси по самый Днѣпръ (одолѣвъ Князей Черниговскихъ и Кіевскаго, Рюрика, коего изгналъ, а на его мѣсто посадилъ другого, въ зависимости отъ себя)? Напротивъ, уже въ 1204 г. требовалъ вознагражденія себѣ отъ Поляковъ (при Владиславѣ Тонконогомъ, Мечиславовомъ сынѣ и преемникѣ въ Краковѣ (1202—1207), и, не получивъ его, опустошилъ часть Сандомирской земли и домогался Люблина, который осаждалъ, но узнавъ о томъ, что Лешекъ и Конрадъ, братъ его, Князь Мазовскій, выступили противъ него, пошелъ имъ на встрѣчу и у Завихвоста (въ 14 верстахъ отъ Сандомира), сразился съ Поляками, побѣжденъ и убитъ ими, удалившись съ малочисленною дружиной отъ главнаго войска (1205).

[221] Къ этому онъ побужденъ былъ крещеніемъ въ Ригѣ же племянника своего Тевтивила, воевавшаго противъ него съ Русскими Князьями (Романовичами). Свѣдавъ, что Рижане собираются помогать ему, Миндовгъ испугался, склонилъ богатыми подарками Геермейстера на свою сторону, который, со своей стороны, склонилъ и его креститься: «крещеніе же его лестно бѣ; яко бо богомъ своимъ въ тайнѣ.» О. Б.

Первосвященника, Иннокентія IV-го, возведенъ въ Королевскій
нъ. [222] Благодаря расположенію Римскаго престола, онъ передалъ
и этотъ санъ своимъ преемникамъ, если бы вскорѣ не снялъ съ
бя личины, надѣтой имъ только изъ страха, и не отрекся отъ
ристіянской Вѣры. Въ возмездіе, за оскорбленіе Бога, въ ско-
мъ времени самъ онъ и сыновья его, Руклій (Ruclius) и Ре-
икъ (Repicus), не въ силахъ были управиться съ заговоромъ
оихъ подданныхъ и погибли. Въ продолженіе многихъ лѣтъ
слѣ того Литва, тревожимая набѣгами и разореніями Прус-
ихъ и Ливонскихъ Крестоносцевъ, никогда и ни сколько не па-
ія духомъ, наоборотъ, и сама безпокоила ихъ: то же опустошала
къ поля, жгла деревни и села, а Князья ея вредили другъ другу
заимными нронсками. Но въ 1319 году [223] Гедиминъ (Gediminus),
ользовавшійся покоемъ отъ нихъ, по заключеннымъ съ ними мир-
нымъ договорамъ, обратилъ свое оружіе и ненависть на Рус-
кихъ (in Russios) и, сошедшись подъ самыми стѣнами Володи-
мира (Volodimiriae) (Волынскаго) съ Княземъ его, тоже Володи-
иромъ (Volodimiro), побѣдилъ его войско, убилъ его самого и
владѣлъ этимъ городомъ и областью. Потомъ, когда Левъ, Князь
уцкій (Luceoriensi Leone), бѣжалъ отъ него изъ своего города,
нъ взялъ и Луцкъ и, присоединивъ къ Литвѣ всю Волынь (Voly-
iam), отдалъ ее подъ охраненіе Воеводъ. Едва только прошла
има, онъ напалъ на Кіевскую область, и покорилъ ее всю, съ
лавнымъ городомъ, выгнавъ оттуда Кіевскаго Князя, Станислава
Stanislao). Вскорѣ, въ побѣдоносномъ шествіи своемъ, онъ отнялъ
рянскъ (Branskum) у Князя Романа (Romano) и Переславль (Pe-
eslaviam) у Князя Олега (Olego), и подвинулъ предѣлы Литвы
даже до Путивля (Putivulum). Послѣ того близъ Кернова онъ по-
строилъ Троки (Trocos), а тамъ, гдѣ р. Вильна (Vilna) впадаетъ въ
р. Вилію (Viliae) или Нериду (Neridi), заложилъ городъ Вильну
(Vilnam), защищаемую двумя крѣпостями. Сынъ же его, Ольгердъ,
разбилъ, въ 1331 году, Перекопскихъ Татаръ, въ великой битвѣ
при Синихъ Водахъ (ad Siniavodam) [224] и возвратилъ себѣ Подолъ

---

[222] Новгородокъ былъ стольнымъ городомъ Миндовга, который отпалъ отъ Христіянства по тому, что Нѣмецкій Орденъ не измѣнился въ отношеніи своемъ къ Литвѣ; умеръ онъ 1263 г. О. Б.

[223] По другимъ это произошло въ 1320 г. О. Б.

[224] По словамъ Стрыйковскаго въ 1331 г., но собственно въ 1363, гдѣ побѣдилъ 3-хъ Татарскихъ Князей, начальствовавшихъ надъ 3-мя Ордами, прогналъ ихъ

(Podoliam), которымъ владѣли они со временъ Батыева нашествія. На другой годъ потомъ онъ сдѣлалъ непріятельскій набѣгъ на городъ Москву, въ священнѣйшій день Воскресенія Христова, вошелъ въ нее и заставилъ у себя просить мира Великаго Князя, Дмитрія Ивановича (Demetrium Juanowicz), между прочими условіями котораго предѣлы Литвы раздвинуты были къ Можайску (Mosaiscum) и къ р. Угрѣ (Ugram). Въ 1386 году, 14-го Февраля, сынъ его, [225] Ягайло, принялъ Св. Крещеніе въ Краковѣ и, нареченный Владиславомъ, женился на Ядвигѣ, дочери Короля Людовика, которая еще при жизни ея отца, съ согласія вельможъ государства, давно уже помолвлена была за Вильгельма Австрійскаго и, слѣдовательно, скорѣе была принуждена, нежели убѣждена, къ этому замужеству; въ приданное за нею онъ взялъ Польское Королевство, а, въ свою очередь, далъ въ вѣно за нее Великое Княжество Литовское съ Жмудью (Samogitia) и прочими областями, бывшими въ его владѣніи. Впрочемъ, онъ объявилъ, что братъ

за Донъ, опустошилъ Тавриду, а въ ней Херсонъ, съ тѣхъ поръ переставшій существовать. О. Б.

[225] Въ названныхъ годахъ ничего подобнаго не было. Походовъ Ольгерда на Москвѣ было два: первый, въ 1368, по жалобѣ Тверского Князя, Михаила Александровича, лично Ольгерду, своему зятю, на Дмитрія Ивановича, за несправедливые съ нимъ поступки и нападеніе. Съ огромнымъ войскомъ и всѣми Князьями Литовскими, братомъ Кейстутомъ, сыномъ его, Витовтомъ, и Михаиломъ, подступилъ онъ, въ Ноябрѣ, къ Москвѣ, осадилъ ее и, послѣ трехъ дней, не могши ее взять, «монастыри и церкви и села попали, а Христіанъ изсѣче, удалися въ Литву.» Второй походъ былъ въ 1370 г., также по жалобѣ Михаила Александровича: Ольгердъ, съ Кейстутомъ, Литовцами, Смолянами и Тверичами, явился подъ стѣнами Москвы, въ половинѣ Декабря, стоялъ тутъ 8 дней и, услыхавъ о сильномъ ополченіи, спѣшившемъ на выручку, испугался, просилъ замиренія, что и послѣдовало срокомъ до Петрова дня, послѣ чего ушелъ въ свои владѣнія. Третій походъ гораздо меньшій происходилъ въ 1372 г. тоже по просьбѣ шурина своего, Михаила, съ которымъ соединился въ Калугѣ (около половины Іюня), но, встрѣтивъ войска Русскія, примирился, заключивъ перемиріе съ 1-го Августа по 26 Октября. Ольгердъ умеръ 1377 г. Христіяниномъ, схимонахомъ, обращенный изъ язычества второй супругой своей, Юліяной, принявъ имя Александра, а въ монашествѣ имя Алексѣя. Сдѣсь же разсказъ Майерберга основанъ весь на Стрыйковскомъ, который всѣ три похода соединилъ въ одинъ, со множествомъ выдумокъ, повторенныхъ и Майербергомъ. Онъ называетъ Дмитрія Ивановича Семечкомъ; Угра же, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, не могла быть границей нашей уже по тому одному, что Княжество Смоленское было тогда самостоятельное Княжество. О. Б.

го, Казимиръ Скиригайло (Casimirus Skirgello), будетъ Вели-имъ Княземъ Литовскимъ, но въ полномъ у него повиновеніи. Но этотъ трусливый, преданный пьянству и буйный, Князь сдѣлался вскорѣ предметомъ ненависти и презрѣнія своихъ подданныхъ: въ 1390 году отъ него отложился дядя его, Витовтъ Vitoldus), и съ помощію войска Маріянскихъ рыцарей, принудилъ его довольствоваться однимъ Кіевскимъ Княжествомъ, а все стальное уступить ему на правѣ леннаго владѣнія, зависимаго отъ Ягайла. [226] На съѣздѣ въ Городлѣ (in comitiis Hrodlensibus), въ 1413 году, было постановлено, чтобы, по смерти Витовта, Великое Княжество Литовское навсегда оставалось въ соединеніи съ Польшею и, при равенствѣ правъ его дворянства съ Польскимъ, признавало Княземъ только того, кого дастъ ему Ягайло. [227] Такъ о смерти Витовта безъ наслѣдниковъ, 27 Октября, 1430 года, въ Трокахъ (Trocis), Ягайло хотѣлъ, чтобы Великимъ Княземъ Литовскимъ сталъ братъ его, Болеславъ Свидригайло (Boleslaus Swidrigelo). [228] По изгнаніи Свидригайла, мѣсто его заступилъ Жигизмундъ, братъ Витовта, но злодѣйски убитый своими подданными въ Трокахъ, въ Вербное Воскресенье, 1440 года, онъ заступилъ свое мѣсто третьему сыну Ягайлову, Казимиру. Черезъ 2 года послѣ того, по смерти Казимира, его замѣнилъ сынъ его, Александръ, а когда и этотъ умеръ, 19-го Августа, 1506 года, въ Вильнѣ, ему наслѣдовалъ, 20-го Октября, братъ Сигиз-

---

[226] Ягайло присудилъ брату своему, Скиригайлу, Кіевъ, Кременецъ и Стародубъ, подъ верховною зависимостью Витовта и, въ случаѣ недоразумѣній, обязанностью обоихъ судиться у Польской Королевы, Ядвиги. Это происходило въ 1392 г. О. Б.

[227] Городло на Сѣверномъ Бугѣ. Договоръ Городельскій оспаривается нѣкоторыми писателями, называющими его вымысломъ позднѣйшаго времени. О. Б.

[228] Но Свидригайло сдѣлался преемникомъ бездѣтному Витовту не по желанію Ягайла, не имѣвшаго уже права на престолъ этотъ, въ слѣдствіе своего отчужденія отъ него принятіемъ престола Польскаго, но по праву старѣйшинства, которое принадлежало брату его, Свидригайлу, тѣмъ болѣе, что онъ былъ и Исповѣданія Православнаго. Свидригайло тотчасъ потребовалъ возвращенія захваченныхъ Ягайломъ Русскихъ городовъ и держалъ его подъ стражей въ Вильнѣ, куда онъ было пріѣхалъ. Ягайло принужденъ былъ удовлетворить брата; но какъ Поляки не согласились того исполнить, то возгорѣлась война. Разсказъ о ней Майерберга невѣренъ, равно и разсказъ о дальнѣйшемъ. Смотри «Исторію Червоной или Галицкой Руси, Д. И. Зубрыцкаго,» въ переводѣ моемъ съ Польскаго на Русскій (М. 1845 г.), стр. 268 — 314. О. Б.

мундъ, который еще, при жизни своей, 18-го Октября, 1529 года, въ Вильнѣ, отдалъ Литовское Княжество сыну, Сигизмунду Августу, и при немъ на Люблинскомъ Съѣздѣ, въ 1569 году, оно наконецъ было на всегда присоединено къ Польскому Королевству, которому уступило также Кіевъ, Волынь и Подлахію. Изъ этого обширнѣйшаго Княжества недавно занятые войсками Алексѣя города: Витебскъ (Vitepscia), Полоцкъ (Polocia), Смоленскъ (Smolenscia) и Сѣверія (Severia), и теперь еще находятся въ его власти.

Смоленское Княжество (Smolenscensis Ducatus), по увѣренію Русскихъ письменныхъ лѣтописей, родственникъ Рюрика и опекунъ (tutor) Игоря, Олегъ, отнялъ у Славянъ Кривичей (Slavis Krwitziis). Володимиръ I-й назначилъ его въ потомственный удѣлъ предпослѣднему изъ 12-ти своихъ сыновей, Станиславу (Stanislao); а Ярославъ, сынъ того Володимира, меньшому сыну Вячеслава (Venceslao), которому наслѣдовалъ сынъ послѣдняго, Борисъ (Borissus). Но послѣ бездѣтной смерти Бориса, по назначенію двоюроднаго брата, Володимира Мономаха, при которомъ всѣ Русскія Княжества соединились въ одно тѣло, Смоленское Княжество было отдано восьмому его сыну, Мстиславу (Micislao), передавшему его праправнуку своему, Георгію, правнуку Глѣба. Этотъ, взятый въ плѣнъ въ сраженіи съ Витовтомъ, гдѣ палъ и отецъ его, Святославъ, лишился своего Княжества, уступленнаго побѣдителемъ брату его, Глѣбу (Hlebo), но въ томъ же еще году Смоленскъ былъ отнятъ у него съ помощію жестокой хитрости и обращенъ въ Литовскую область. Въ 1403 году Георгій овладѣлъ имъ опять по наущенію и съ вспомогательнымъ войскомъ своего тестя, Князя Рязанскаго; однако жь Богъ отплатилъ ему за жестокость, съ какою онъ свирѣпствовалъ тамъ надо всѣми: онъ принужденъ былъ уступить силѣ Витовта, подоспѣвшаго къ Смоленску съ многочисленнымъ войскомъ, а самъ бѣжалъ въ Москву, къ Василію Дмитріевичу (ad Basilium Demetrowicz), съ сыномъ Ѳедоромъ, по мнѣнію Русскихъ лѣтописей, или, по извѣстію Польскихъ историковъ въ Угрію (in Hungariam), и тамъ убитъ въ одномъ сраженіи въ качествѣ воина Короля Сигизмунда. Спустя 37 лѣтъ возмутившіеся Смольяне овладѣли городскою крѣпостью и, пригласивъ сосѣдняго Дорогобужскаго (Drohobuso) Князя, Андрея Дмитріевича (Andream Demetrowicz), поставили его своимъ Княземъ, но вскорѣ низложили и приняли Георгія Лингвенія (Georgium Linguienium).

тотчасъ же прогнаннаго Казимиромъ Ягайловцемъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ. Послѣ того Смоленскъ, со всѣмъ его Княжествомъ, находился въ зависимости отъ Литовцевъ, которые, въ исходѣ XV-го вѣка нашего спасенія, цѣлыхъ два года къ ряду превосходно отбивались отъ жестокой осады Московскаго Князя, Дмитрія Ивановича (Demetrii), три раза принимавшагося осаждать Смоленскъ. Но въ 1514 году, въ царствованіе въ Польшѣ Сигизмунда I-го, братъ этого Дмитрія, Василій, возвратилъ Смоленскъ, при содѣйствіи передавшагося ему потомка Русскихъ Сѣверскихъ Князей, Михаила Глинскаго (Michaëlis Linczii), послѣ чего преемники Василія всегда храбро обороняли этотъ городъ даже отъ усилій Константина Острожскаго (Constantini Ostrogii), неистовствовавшаго послѣ своей побѣды надъ Челядинымъ (Celadinum) при Кропивнѣ (ad Kropiwnam), до тѣхъ поръ, пока 13-го Іюня, 1611 года, не овладѣлъ Смоленскомъ и не заставилъ его подчиниться Литовцамъ другой, болѣе счастливый, Сигизмундъ, защищавшій избраніе въ Московскіе Цари сына своего, Владислава. И послѣ напрасныхъ попытокъ Великаго Князя Михаила Ѳедоровича (Michaële Fedorowicz) покорить Смоленскъ обѣщаніями и оружіемъ въ 1616 и 1633 годахъ, примиреніе между имъ и Владиславомъ могло состояться не иначе, какъ только съ отреченіемъ Великаго Князя въ пользу Литвы на всегда отъ всѣхъ правъ, какія онъ могъ имѣть на Смоленскъ, а также и отъ титула Князя Смоленскаго. Алексѣй подтвердилъ этотъ договоръ, не давая, однако жъ, ему никакого вѣса, такъ какъ невыгодный миръ не можетъ быть прочемъ; въ 1654 г. онъ дождался такого времени, когда Польша занята была хлопскимъ возмущеніемъ мятежныхъ Козаковъ, и 4-го Октября, послѣ недолгой осады, овладѣлъ самою сильною Смоленскою крѣпостью, благодаря измѣнѣ малодушнаго Воеводы, Филиппа Казимира Обуковецкаго (Philippi Casimiri Obucowicii Palatini). Воеводѣ далъ этотъ предательскій совѣтъ изъ корыстолюбія отщепенецъ отъ Католичества, Лидскій Гравчій Альбертъ Голимонтъ (Albertus Golimont). Вмѣстѣ съ крѣпостью Алексѣй подчинилъ себѣ и все Княжество и по прежнему принялъ названіе Князя Смоленскаго. [229]

[229] По Русскимъ лѣтописямъ Воеводой въ Смоленскѣ былъ тогда Филиппъ Казимиръ Обуховичъ, при немъ Полковникъ Корфъ, которые и сдали его 23-го Сент., 1654 года. О. Б.

Великій Князь Ярославъ Всеволодовичъ (Jaroslaus Sevolodicz), воротившись изъ своего убѣжища, Великаго Новгорода, въ Москву послѣ разоренія, причиненнаго Россіи Татарскимъ Царемъ Батыемъ (a Bato), построилъ городъ Тверь (Tuveriam), близъ сліянія рѣки Тверцы (Tuverzae) съ Волгою.[230] Онъ оградилъ его деревянною стѣною при самомъ впаденіи Тверцы въ Волгу, и приписалъ къ нему половину города Торжка (Tuverzakii) и обширную волость, которую отдалъ предпослѣднему изъ 9-ти своихъ сыновей, Ярославу, съ Княжескимъ титуломъ. Съ того времени это Княжество, имѣя собственные законы и монету, было самые цвѣтущее изъ всѣхъ Русскихъ Княжествъ: родъ Князей его продолжаетъ жить еще и нынѣ въ частныхъ Князьяхъ, лишенныхъ уже родоваго наслѣдія и подъ измѣненными прозваніями. Иванъ, сынъ Василія Темнаго, женившись на Маріи, дочери Великаго Князя Тверского, Бориса, отнялъ это Княжество у брата его, Михаила, потомка Ярославова въ седьмомъ колѣнѣ. Этотъ, въ 1486 году, бѣжалъ къ сыну Ягайлову, Казимиру, проживавшему въ Вильнѣ. Съ той поры это Княжество, зависимое отъ Московскихъ Государей, стало приходить въ упадокъ и, разоренное въ послѣдовавшихъ за тѣмъ междоусобіяхъ то Поляками, то Шведами, выгонявшими поочередно другъ друга, едва только можетъ представить какіе ни будь жалкіе остатки своей старинной славы. Такъ счастье, по своей измѣнчивой причудливости, повертываетъ сверху внизъ города и царства на легкомъ своемъ колесѣ.

Въ 1319 году Гедиминъ присоединилъ къ Литвѣ обширнѣйшую и плодороднѣйшую область Волынь (Volynia), раздѣляющуюся на ближнюю и дальнюю и въ древности населенную Тирангитами или Тиритами (a Tyrangitis sive Tyritis). Потомъ она была славнымъ мѣстопребываніемъ многихъ Князей и состоитъ изъ двухъ округовъ: Кременецкаго (Cremenecensem) и Луцкаго (Luceoriensem). По тому что послѣ того, какъ въ битвѣ, подъ самыми стѣнами города Володимира (Волынскаго), погибъ, храбро сражаясь, Русскій Князь Волыни, Володимиръ, и, по такой же благосклонности счастія, Левъ (Leo), Князь Луцкій, былъ прогнанъ въ Сѣверію, Гедиминъ покорилъ оба города съ ихъ областями и вѣрилъ ихъ охраненію Воеводъ и войска Литовскаго. Хотя, въ 1349

---

[230] Но Тверь построилъ Всеволодъ Юрьевичъ 1181 года. См. Карамзина И. Г. Р. III, прим. 61. О. Б.

г, Польскій Король, Казиміръ и занялъ почтъ всю эту область,
ь 1365 году лишилъ Кейстута (Kyestuto), Гедиминова сына,
вободы и города Володимира, однако жъ Кейстутъ первую воз-
гнялъ бѣгствомъ, а послѣдній оружіемъ. И такъ обладаніе этою
астію, слѣдуя измѣнчивымъ переходомъ военнаго счастія, было
ричнымъ у Поляковъ съ Литовцами. По тому что въ 1437 году
нимъ Свидригайло (Suidrigelo), принужденный просить мира у
дислава, прозваннаго, по его пораженію, Варнскимъ (Varnensis)
упилъ ему Луцкую область съ большею частію Волыни, а
диславъ отдалъ ее въ удѣлъ сопернику Свидригайла, Сигизмун-
съ условіемъ, чтобы, по его смерти, она опять возвращена
ла Польскому Королевству. Но по исполненію этого условія
йловецъ Казиміръ опять отдалъ ее своему дядѣ, Свидригайлу.
конецъ въ 1569 году, въ слѣдствіе соединенія Литвы съ Поль-
ю, эта область была уступлена послѣдней и вошла въ составъ

Безчисленное Московское войско, посланное Алексѣемъ, опу-
шило ее своими непріятельскими набѣгами по всему ея протя-
нію. Но въ 1660 году оно было наказано за свои разоренія
герею 70-ти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Василія Бо-
совича Шереметева (sub Basilii Borissowicz Tzeremetow), близъ
бартова (prope Lubartoviam).

Подолъ (Podolia), съ чрезвычайно плодородною почвою, мра-
ромъ и алебастромъ, въ древности населяли его Певкины (Peu-
ni), изъ племени Бастарновъ, выгнанные потомъ Сарматами, а въ
слѣдствіи подпалъ онъ подъ власть Полякамъ, по собственному
ъ увѣренію, потомъ же, покоренный Скиѳомъ Батыемъ, долго сте-
лъ подъ игомъ Перекопскихъ Татаръ (Praecopensium Tartarorum).
ыгердъ, сынъ Гедимина и Великій Князь Литовскій, разбивши,
жестокомъ сраженіи, при Синей Водѣ, Султана Кутлубука (Kat-
bako), Качибея Гирея (Kaczybego Gierego) и Султана Дмитрія
)imeytero Sultano), и, храбро прогнавъ ихъ, отдалъ эту область
оимъ племянникамъ, сыновьямъ брата Коріята (Coriatha), Алек-
ндра, Константина, Ѳедора и Георгія, съ очень сильнымъ охра-
ительнымъ войскомъ, которые, однако жъ, должны были присяг-
нуть ему въ вѣрности и признавать его власть. Но въ 1339 го-
у, когда Ѳедоръ, одинъ, получивъ во владѣніе всю область,
прямо пренебрегъ властію дяди, этотъ, посѣщно вооружившись,
зялъ ее всю назадъ и, обративъ въ зависимую область, поручилъ
ѣрности Воеводы Гастольда. Польскій Король, Ягайло, отдалъ ее

въ удѣлъ своему брату, Болеславу Свидригайлу, получивъ сперва на то согласіе Витовта, по словамъ Литовскихъ историковъ, а Польскіе говорятъ, что онъ поступилъ такъ безъ его спроса. Выгнанный оттуда Поляками, онъ бѣжалъ въ Пруссію и дождался отъ брата того, что этотъ, спустя два года, отнялъ у него область. Однако жъ, сдѣлавшись, по смерти Витовта, Великимъ Княземъ Литовскимъ, онъ получилъ ее опять, только съ тѣмъ, чтобы, по смерти его, она снова возвращена была Польшѣ, если прежде того Поляки и Литовцы не сдѣлаютъ относительно ея новаго соглашенія. Говорятъ, что въ слѣдствіе такого условія, она и перешла потомъ къ Сигизмунду, Великому Князю Литовскому. Слѣдовательно, права на нее всегда были подвержены сомнѣнію: Литовцы много разъ требовали ее себѣ, какъ собственность, Поляки столько же разъ отказывали имъ, до тѣхъ поръ, пока, совершившееся при Сигизмундѣ Августѣ, соединеніе Польши и Литвы въ 1569 году, смѣшавъ права ихъ, научило ихъ обѣихъ вмѣстѣ повиноваться одному и тому же Государю. Въ Волыни красуется, построенный на высокой горѣ, городъ, Каменецъ (Camenecia), по мнѣнію нѣкоторыхъ, древняя Клепидава (Clepidava), замѣчательный больше по своей мѣстности, нежели по укрѣпленіямъ.

Югорія (Jugoria), или Югра (Jugra), иначе Юхра (Juhra), небольшая область, прилежащая къ Сибири, жители которой, Татары, ведутъ суровую и дикую жизнь, а со времени Ивана Васильевича Старшаго признаютъ Московскую власть и платятъ дань Великому Князю драгоцѣнными мѣхами. Сказываютъ, что отсюда вышелъ нѣкогда тотъ народъ, который, разбивъ и совершенно истребивъ Аваровъ и Гунновъ и овладѣвъ Дакіею, Панноніей и Норикомъ, бывшими подъ властію этихъ послѣднихъ, получилъ весьма знаменитую извѣстность въ свѣтѣ по многочисленнымъ примѣрамъ своей воинской доблести. Нѣкоторые говорятъ, что доказательствомъ тому служитъ и сходство языка: я повѣрилъ бы это очень охотно на опытѣ, если бы могъ имѣть подъ рукой кого ни будь изъ Югорскихъ жителей, чего добивался такъ часто. Только слышалъ отъ одного Нѣмца, бывшаго въ ссылкѣ въ Сибири и наѣзжавшаго иногда въ Югорію, что Югры (Jugri) говорятъ на собственномъ нарѣчіи, которое плохо понимаютъ Сибирскіе Татары, и что наружность у нихъ красивая, по тому что не безобразитъ ея ни большая голова, ни сплюснутое лицо, какія у Татаръ.

Напротивъ Пермія (Permia), очень обширная область, только непроходима, по причинѣ множества рѣкъ и болотъ. На рѣкѣ Выщерѣ ть тамъ очень большой городъ одного съ нею названія,[231] замѣтельный, какъ мѣстопребываніе Архіепископа, который съ тиломъ Вологодскаго (Volochdensis) завѣдываетъ дѣлами и этой архіи. Тамъ говорятъ на собственномъ, наръчіи, пишутъ тоже особенными буквами, которыя нѣкогда были даны имъ Епископомъ ихъ, Стефаномъ.[232] Иванъ Васильевичъ Старшій принудилъ же и ее платить дань Московскому Царю, мѣхами . . . . . .

Вятка (Viatka) нѣкогда обширная Татарская область, застроенная множествомъ городовъ и завоеванная Василіемъ Ивановичемъ. ъ выгналъ прежнихъ ея владѣтелей и принудилъ ее подчинить Московскому игу, отъ котораго больше она и не освобождалась, но ежегодно чтила его данію горностаевъ. По причинѣ бо ть и лѣсовъ она непріятна и представляетъ много затрудненій, нако жь очень богата медомъ, дикими звѣрями и рыбой, которою и кормится, не заботясь о хлѣбѣ.

Заволжская область Болгарія (Bolgaria), простирающаяся межКамою и Самарою къ рѣкѣ Яику (Jaikum), въ древности Рим (Rhymnum), ведетъ свое названіе отъ большаго города того имени. Этотъ городъ, покоренный Татарскимъ Царемъ Батыемъ 1235 году,[233] находился во владѣніи Калмыковъ (Kalmuki) до ихъ поръ, пока Великій Князь Московскій, Василій Дмитріевичъ, пѣснивъ ихъ силою оружія, въ 1398 году, увеличилъ Болгаріей ескія области. Но какъ она много разъ возставала, то, праукъ[234] его, Иванъ Васильевичъ, въ наказаніе за строптивость, дчинилъ ее судебной власти покореннаго имъ Казанскаго Царва. И ужь разжалованная въ село,[235] она обитаема смѣшенно ми же Калмыками, Мордвинами и Русскими.

Намекъ на Старую Пермь, городъ, по «Книгѣ большому чертежу,» стоявшій съ правой стороны рѣки Вычегды (при впаденіи въ нее Выщеры?), отъ устья ея въ 140 в., а ниже Старой Перми, по той же рѣкѣ въ 70 в., городъ Еренескъ (Яренскъ), Уѣздный городъ Вологодской Губерніи. О. Б.

Извѣстнымъ Стефаномъ Храпомъ.

Т. е., въ 1237 г. О. Б.

Прапрадѣдъ. О. Б.

Собственно городъ Болгаръ Великій или Болгары, нынѣ село Казанской Губерніи, близъ города Тетюшъ, но въ Уѣздѣ Спасскомъ, на луговой сто-

Княжество Нижегородское, или Новогородское (Novogrodia, иначе Новагорода (Novae urbis), по плодородію и изобилію во всемъ, ведетъ еще нерѣшеный споръ съ Володимирскимъ. Городъ, давшій ему свое названіе, въ 1509 году, построенъ былъ Василіемъ Ивановичемъ при устьѣ рѣки Оки, впадающей въ Волгу. [236] Онъ обнесенъ каменными стѣнами съ башнями и защищается крѣпостью, тоже каменною, построенною на горѣ. А при р. Сурѣ, отдѣляющей это Княжество отъ Казанскаго Царства, стоитъ на высокой мѣстности Васильгородъ (Wasilogrodia), построенный тѣмъ же Василіемъ, въ 1523 году. [237]

Алексѣй присвоилъ себѣ титулъ Князя Черниговскаго, такъ же, какъ и самое это Княжество, въ противность мирнымъ условіямъ, заключеннымъ между отцомъ его, Михаиломъ Ѳедоровичемъ, и Владиславомъ, Королемъ Польскимъ въ 1644 году. [238] Эта область входила въ составъ нѣкогда обширнаго и замѣчательнаго многочисленностью городовъ и крѣпостей Сѣверскаго Княжества, простиравшагося отъ р. Днѣпра до развалинъ крѣпости Мценска (Mcenek). Нынѣ же она заключаетъ его въ своихъ предѣлахъ подъ названіемъ Воеводства. Пятый изъ Московскихъ (1) Великихъ Князей, Ярославъ Володимировичъ, сначала отдалъ Сѣверское Княжество третьему своему сыну, Святославу, съ передачею и его наслѣдникамъ, отъ которыхъ получили начало многіе Княжескіе роды въ Россіи. Когда же, по изгнаніи Русскихъ, заняли его Татары, Скирмундъ, Князь Новогородка Литовскаго, разбилъ ихъ и умертвивъ Балаклая, Царька Заволжскихъ Татаръ, отнялъ у нихъ всю Сѣверію и раздѣлилъ между сыновьями, Любартомъ и Писимундомъ. (Lubarto et Pisimundo). Но по изгнаніи отца

ронѣ Волги, иначе Успенское, при истокѣ Симанскомъ, р. Болгарѣ и Ма... вомъ болотѣ, въ 22 в. отъ Спаска, съ населеніемъ около 2,000 д. об. ... церковью и почтовой станціей, а также съ развалинами. О. Б.

[236] Георгіемъ Всеволодовичемъ, въ 1219 году, по другимъ въ 1221-мъ. О. Б.

[237] Василій Ивановичъ, во время похода своего на Казань, послалъ изъ Н... ного Царя Шигъ-Алея и Князя Василія Шуйскаго съ судовою ратью, а Б... за Бориса Горбатаго съ конною, для опустошенія по Волгѣ, при чемъ ... заложили городъ при впаденіи Суры въ Волгу, назвавъ его Васильемъ. О.

[238] По Поляновскому миру 5-го Іюня, по коему Царь обѣщалъ не называть... болѣе Черниговскимъ и Смоленскимъ, уступивъ Польшѣ Сѣверу, Дорогобужъ, Вѣлой и Рославль. О. Б.

потомкомъ, Великій Князь Московскій, Дмитрій Ивановичъ, далъ это Княжество своимъ сыновьямъ, Юрію и Андрею; одако жь черезъ нѣсколько времени Ольгердъ, Великій Князь Литовскій, далъ этому раздѣлу очень неожиданный оборотъ: межъ тѣмъ, какъ Дмитрій тщеславился пораженіемъ, которое нанесъ татарамъ, Ольгердъ такъ напугалъ его своимъ нечаяннымъ приходомъ къ Москвѣ, что, въ слѣдствіе условій постыднаго мира, онъ допустилъ придвинуть Литовскіе предѣлы даже до р. Угры и Можайска. Такъ Ольгердъ, сдѣлавъ своими данниками четырехъ сыновей, назначилъ своему сыну, Дмитрію Корибуту, Новгородъ, тоже платившій дань ему, и вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ Князя Сѣверскаго. Братъ Корибута, Ягайло, утвердилъ за нимъ это Княжество, взявъ присягу въ вѣрности съ его поддановъ. Но такъ какъ онъ отказалъ потомъ въ дани Витовту, то былъ побѣжденъ имъ въ битвѣ и взятъ въ полонъ; однако жь выкупилъ свободу, отказавшись на всегда отъ этой области, въ которой Воеводой былъ Ѳедоръ Сангушко (Sangusko). Со всѣмъ тѣмъ, городъ ея, Стародубъ (Starodùba), удержалъ за собою Андрей Вигундъ (Vigundus), братъ ограбленнаго Дмитрія, а послѣ него братъ его, Свидригайло, который, сжегши городской замокъ и много другихъ, передалъ Московскому Князю, Василію, первый изъ Сѣверіи городъ Новогородокъ и убѣжалъ въ Москву. Въ правленіе же въ Польшѣ сына Ягайлова, Казимира, одѣланъ былъ Княземъ Стародубскимъ и Брянскимъ Михаилъ, сынъ Великаго Князя Литовскаго, Сигизмунда, но отложившись, завладѣлъ съ помощью Москвы Кіевомъ. А потомъ, когда его выгнали изъ Кіева и лишили всѣхъ прочихъ владѣній, убѣжалъ въ Московію и былъ отравленъ въ хлѣбѣ Св. Причастія. Послѣ же паденія Великаго Новгорода нѣкоторые изъ Сѣверскихъ Князей перебѣжали отъ Польскаго Короля, Александра, къ его тестю, единодержавному Московскому Государю, Ивану Васильевичу. А когда этотъ Государь, въ 1499 году, разбилъ, при р. Ведрошѣ, войско своего зятя, подъ начальствомъ Константина Острожскаго, прочіе Сѣверскіе Князья, оставшіеся въ повиновеніи у Александра, передались побѣдителю, только съ несчастнымъ для себя послѣдствіемъ, по тому что сынъ его, Василій, сначала перессорилъ ихъ всѣхъ, чтобы они схватились другъ съ другомъ, а потомъ, подъ обыкновеннымъ у него предлогомъ измѣны, лишилъ ихъ Княжествъ, въ которыхъ самъ заступилъ ихъ мѣсто. Въ то время, какъ на театрѣ Россіи разыгрывались трагическія исторіи Лжедимитріевъ и столько разъ сце-

на перемѣнялись, и все съ новыми декораціями, Польскій Король, Сигизмундъ III-й, овладѣлъ всею Сѣверіею и по перемиріи, заключенному, 1618 года, съ Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, удержалъ это Княжество за собою, а сынъ его, Владиславъ, закрѣпилъ его миромъ съ тѣмъ же Царемъ, уступившимъ его ему съ титуломъ, Полный. По потомъ Алексѣй разсѣкъ этотъ договоръ мечемъ, и возвратилъ себѣ опять все Княжество. [239]

Рязанское Княжество лежитъ между Окой и Дономъ и такъ богато плодородной почвой, обильными рыбой водами и многочисленными, въ которыхъ столько дикихъ звѣрей, птицъ и пчелъ, что всего ставало вдоволь для Рязанскихъ, Трубчевскихъ (Strubensibus), Тульскихъ (Tullensibus), [240] Карачевскихъ (Corsirensibus), Одоевскихъ и Воротынскихъ [241] Князей, нѣсколько пустыхъ титуловъ ихъ можно еще слышать у ихъ потомковъ въ Россіи, а прежде они правили независимо своими народами въ отведенныхъ каждому изъ нихъ предѣлахъ, пока еще не попали подъ гнетъ жестокой власти того же Василія, ложно оговоренные въ вымышленныхъ преступленіяхъ. Столица Княжества Рязань (Rezania), мѣстопребываніе Архіепископа, была нѣкогда обширнымъ городомъ, но по разоренія Крымскими Татарами, въ 1568 году, обратилась въ село и изъ развалинъ ея выстроенъ Переславль Рязанскій (Pereslavia Rezanensis), въ сорока верстахъ отъ прежняго города. [242] Въ этомъ Княжествѣ, при рѣкѣ Богданѣ (apud fluvium Bogdanum), Царь Борисъ Годуновъ хотѣлъ, въ честь своего имени, построить городъ Борисовъ, въ 1598 году. За Тулою (Tulla) тянутся къ Таврическому Херсонесу неизмѣримыя необработанныя поля, лишенныя деревьевъ, такъ же какъ и жителей: это были бы рѣшительныя пустыни, если бъ не жило въ нихъ безчисленное множество дикихъ ословъ, которые и въ поимкѣ такъ упорно сохраняютъ свои дикіе нравы, что скорѣе умрутъ, нежели сдѣлаются ручными. Въ этомъ Княжествѣ вытекаетъ рѣка Танаисъ, по Русскому назва-

---

[239] Все это по Польскимъ и Литовскимъ свѣдѣніямъ чрезвычайно сбивчиво и спутанно. О. Б.

[240] Не Торуских ли?

[241] Воротынскъ, безъуѣздный городъ Калужской Губерніи въ Перемышльскомъ Уѣздѣ, бывшее владѣніе Воротынскихъ Князей, перешедшихъ изъ подъ власти Литвы къ Василію Ивановичу, въ 1508 году.

[242] Нынѣшняя Рязань. О. Б.

Донъ, которая у древнихъ была предѣломъ между Азіею и
ною: это и правильно, если только пользоваться такимъ
ѣломъ, пока идешь отъ Азовскаго моря противъ теченія этой
и до ея колѣна и города Туи (Tujam), а оттуда, оставивъ ее,
лжаешь путь черезъ поперечный хребетъ Переволоцкій (Pe-
ock) къ рѣкѣ Тюменю (Tumenium) и устью рѣки Оби (Obii),
ревности Карамбука (Caramḃucis), даже до Татарскаго Океа-
древняго Кельтскаго мыса Литармина (Lytarmin), называе-
нынѣ Обскимъ (Obium). Эта рѣка, обличая во лжи всѣхъ
, которые ей давали начало съ Рифейскихъ или Обскихъ горъ,
каетъ изъ большаго озера Одоевскаго (ex ingenti Odoio lacu),
по народному названію, озера Иванъ (Juanow osero), а по на-
у Іоаннъ: она беретъ сначала направленіе прямо къ востоку,
овясь судоходной близъ развалинъ древняго города Данкова
nch), [243] направляясь къ рѣкѣ Волгѣ, какъ будто для того,
ы слиться съ нею, межъ тѣмъ касается города Леха (Lechi)
стѣ съ Mezii, а потомъ принимаетъ рѣку Сарону (Чиръ?); когда
подойдетъ къ городу Царицыну (Zariza) и къ Волгѣ на 20-ть
ть разстоянія, среди пѣсчаныхъ горъ Стрѣльныхъ, [244] точно
мѣть ее раскаяніе, и она сворачиваетъ въ своемъ теченіи съ
гока на западъ и течетъ 35 верстъ мимо города Tujas, [245] со-
ствуя его паралельному кругу на разстояніи 35-ти верстъ;
нѣ того обращаетъ прямо на западъ свое излучистое русло и,
нявъ слившіяся вмѣстѣ рѣки Шамену (Schameno), или Сосну
snu), у Геродота Гирге (Hyrge), малый изъ Сѣверіи Танаисъ
верный Донецъ), Самару (Samara) и Сарту (Sarga), съ вели-
шею силою и волненіемъ, въ продолженіе 20-ти дней пути,
текаетъ Эксаполь (Exapolim), Навбаримъ (Naubarim), Великій
ревозъ (Weliki prewos, Magnum Trajectum), на Сѣверномъ Дон-
Аксайскъ (Achas), [246] и Азовъ (Asophum), по древнему его на-
нію Тана (Tanas), бывшій нѣкогда во владѣніи Генуезцевъ, а
нѣ подвластный Оракійскому Пашѣ (Thracio tyranno), послѣ

Донковъ, бывшій въ старину городъ на р. Донѣ, выше нынѣшняго города
анкова (Рязанск. Губ.), верстахъ въ 20-ти, ниже впаденія въ Донъ рѣчекъ
ъ правой стороны Рыхотки, а съ лѣвой Поники.

«А ниже Балыклеи рѣки на Волгѣ Стрѣльныя горы.» Кн. Б. Ч. стр. 152.
Нынѣ тамъ Нагавская станица.

Аксайская станица, на протокѣ Дона, Аксаѣ.

чего эта рѣка впадаетъ въ Гнилое (Putri lacui) или Меотійское болото (Meoti), нынѣ Темериндское (Temerindae) [247] и умираетъ въ немъ, этомъ дѣтищѣ, или кормилицѣ, ея водъ. Впрочемъ, Донъ не казался еще умершимъ до тѣхъ поръ, пока Магометъ, по завоеваніи Константинополя, не взялъ, черезъ Махмута Багрянороднаго, въ 1475 году, славнѣйшаго Генуезскаго поселенія, Кафы (Capham), при Киммерійскомъ Босфорѣ, на полуостровѣ, названомъ Таврическимъ, по имени владѣвшихъ имъ какихъ-то Тавровъ, народа Скиѳскаго происхожденія, не принудилъ къ стѣснительнымъ для свободы условіямъ Заволжскихъ Татаръ (ex Jaidgensibus), повелителей всего Херсонеса и жившихъ въ дружбѣ и союзѣ съ Генуезцами, и пока внукъ его, отъ сына его, Баязета, Селимъ, послѣ побѣды надъ Ханомъ Мехметъ-Гиреемъ (Mechmeto Gyreyo), не овладѣлъ остальными городами на Хазарскихъ берегахъ (litora Gazariae). По тому что къ этой славной Ѳеодосійской (Theodosiae) пристани со всѣхъ сторонъ стекались купцы съ разными товарами, немаловажное число которыхъ приносилъ и Донъ изъ Русскихъ областей.

Полоцкое Княжество (Polociae Ducatus), въ Бѣлоруссіи (in Alba Russia), на р. Двинѣ (ad Dunam), считаетъ своимъ основателемъ, часто упоминавшагося здѣсь, Олега (Olechum). Изяславъ (Iaroslaus), или Вышеславъ (Viseclaus), второй сынъ перваго Русскаго Великаго Князя, Володимира, получилъ въ потомственный удѣлъ это Княжество отъ своего отца, отнявшаго его у Псковскихъ (Plescoviensium) Князя, Рогволода (Rochwologdo), вмѣстѣ съ его жизнію и дочерью Рогнѣдою (Rochmida), и передавшаго своему роду даже до правнуковъ. Но этѣхъ Князей, погибшихъ отъ меча въ разныхъ войнахъ, не стало: послѣдній изъ нихъ, по праведнымъ судьбамъ Божіимъ, назывался тоже Рогволодъ (Rochwologdus); тогда Полочане (Polocienses), убѣжденные своимъ Епископомъ, сами правили общественными дѣлами, посредствомъ выбранныхъ для того изъ ихъ среды 30-ти гражданъ, пока Мингайло или Михаилъ, сынъ Эрдивила, изъ рода Палемоновцевъ, Князь Новогородка Литовскаго, не побѣдилъ ихъ въ битвѣ и, лишивъ свободы,

---

[247] Темерникъ, рѣка Екатеринославской Губерніи, Ростовскаго Уѣзда, впадающая въ р. Донъ и составляющая самое глубокое его устье, именующееся по ней Темерниковъ портъ, служащій только для малыхъ судовъ. Не отъ этой ли рѣки и Азовское море называлось тогда Темериндскимъ?

всею областью не подчинилъ себѣ, а при своей кончинѣ въ
гъ же году передалъ это Княжество второму сыну, Гинвилу
nwillonem). Ему наслѣдовалъ сынъ его, Борисъ, построившій на
кѣ Березинѣ Борисовъ: [248] онъ первый изъ Литовскихъ Князей
инялъ Христіянскую Вѣру, но въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ потерялъ
зніе и владѣніе Княжествомъ. Преемникъ его былъ Василій Рех-
ньдъ (Basilius Rechwoldus), которому наслѣдовалъ сынъ его, Глѣбъ
lebus), умершій бездѣтнымъ въ молодыхъ еще лѣтахъ. Онъ воз-
атилъ было свободу Полочанамъ, только не надолго. По тому
э спустя едва 5-ть лѣтъ заставилъ ихъ нести иго зависимости
втивилъ (Cieuciwilo), по обращеніи потомъ въ Христіянство по-
чившій имя Ѳеофила, внукъ, по брату, Миндовга, Короля Ли-
вскаго. Но онъ погибъ въ 1264 году злодѣйствомъ своего ро-
ча, Тройната (Troynato), Великаго Князя Литовскаго, который
слалъ войско и занялъ Полоцкъ, а потомъ присоединилъ его
Литвѣ, въ качествѣ области, со всею подвластною этому го-
ду страною. Послѣ того Довмонтъ (Daumandus), съ трудомъ
носившій свою ссылку у Псковичей, завладѣлъ Полоцкомъ, вѣ-
ломно переданнымъ ему Русскими, въ 1281 году, вооруженною
кою освободилъ его отъ власти своего брата, Тройдена, Вели-
аго Князя Литовскаго и, по условіямъ послѣдовавшаго за тѣмъ
ремирія между ними, удержалъ его за собою, однако жь не
алѣе, какъ на нѣсколько мѣсяцевъ. По тому что на другой же
одъ лишенъ былъ этой нечестно пріобрѣтенной области и слу-
айно убитъ среди сражавшихся племянникомъ, монахомъ Римун-
омъ (Rimundo) или Лавромъ (Lauro), иначе Лаврентіемъ (Lau-
entio), который, сложивши на время клобукъ, возсталъ на него,
ратоубійцу, съ оружіемъ, въ качествѣ мстителя за смерть отца.
Хотя Полоцкъ потомъ и захваченъ былъ Андреемъ Вигундомъ,
ратомъ Ягайла, въ то время бывшаго уже Королемъ Польши,
но вскорѣ взятъ у него назадъ Витовтомъ, съ согласія того же
Ягайла и даже до 1563 года постоянно оставался подъ Литов-
ской властью. Но въ исходѣ 1563 года Иванъ Васильевичъ Млад-
шій, собравъ большое войско и подошедши съ нимъ къ Полоцку,
привелъ въ такой страхъ оборонявшую его городскую стражу,

---

[248] Борисовъ построилъ, въ 1102 году, Борисъ Всеславичъ, по возвращеніи своемъ изъ похода на Ятвяговъ. Борисовъ принадлежалъ прежде къ Полоцкому Княжеству, а нынѣ Уѣздный городъ на р. Березинѣ въ Минской Губерніи.

что, безъ надежды на чью либо скорую выручку, они не далѣе 15-го Февраля откладывали сдачу города. Въ 1579 году Польскій Король, Стефанъ, мужественно осаждавшій этотъ городъ, не смотря на храбрость защитниковъ, взялъ его въ послѣдній день Августа и опять подчинилъ Литвѣ, давъ ему Воеводу. Однако Алексѣй исторгнулъ его изъ подъ Литовской власти, въ слѣдствіе заговора, которому поблажалъ и главный Литовскій военачальникъ, Янъ Радивилъ. [249] Полоцкъ орошается рѣками Двиною и Полотою и превосходно защищенъ крѣпостью и бастіонами замѣчателенъ также, какъ мѣстопребываніе Архіепископа Русской Вѣры, зависимаго отъ Римскаго Первосвященника. [250] Нынѣ, однако жь, принужденъ терпѣть у себя еретика, [251] вмѣстѣ съ рабствомъ, навязаннаго ему Алексѣемъ. Король Стефанъ учредилъ тамъ Коллегію отцовъ Езуитовъ.

Ростовское Княжество (Posthoviae Ducatus) — самое древнее: въ сименномъ ему городѣ, нѣкогда разоренномъ Татарами Батыемъ, имѣетъ мѣстопребываніе Митрополитъ. Съ городами Переславлемъ (Pereslavia) [252] и Угличемъ (Uglitza), составлявшими нѣкогда особенное Княжеское, да еще съ Холопьимъ Городомъ (Chloppgrodia), [253] не менѣе извѣстнымъ по бѣгству Новогородскихъ рабовъ, какъ и по многолюднымъ ярмаркамъ, [253] Ростовское Княжество, по древнему обычаю, всегда назначалось второму изъ Великокняжескихъ сыновей, если бы оба Іоанна, дѣдъ и внукъ, не уничтожили этотъ древній обычай, истребивъ родъ Углицкихъ Князей.

Княжество Ярославское (Jaroslaviae Ducatus) получило свое названіе отъ города того же имени на рѣкѣ Волгѣ и отъ деревянной крѣпости. Титулъ Ярославскаго украшаетъ Ростовскаго Митрополита. По одинаковой судьбѣ съ Ростовскимъ, оно составляло нѣкогда удѣлъ вторыхъ Княжескихъ сыновей въ Москвѣ, и сдѣлалось потомъ добычею того же притѣснителя Ивана, сына

---

[249] Въ 1654 г., Іюня 29, Полочане сами сдали Полоцкъ. Все прочее выдумка. О. Б.

[250] Т. е., Уніятскаго Архіепископа. О. Б.

[251] Т. е., Православнаго. О. Б.

[252] Нынѣшній Переславь Залѣсскій. О. Б.

[253] Нынѣ Молога. О. Б.

силія Темнаго, въ слѣдствіе обвиненія невинныхъ, оговоренныхъ ложныхъ преступленіяхъ Князей.

Бѣлозерское (Bieloiesero) — древнѣйшее Русское Княжество, когда было отдано въ удѣлъ Синаву (Sinau), одному изъ трехъ Варяжскихъ братьевъ. Оно получило свое названіе отъ Бѣлаго озера (ab bo lacu), на которомъ очень укрѣпленный и по мѣстоположенію почти неодолимый городъ съ крѣпостью представляетъ Московскимъ Государямъ надежное хранилище для ихъ казны и безопасное убѣжище въ случаѣ непріятельскаго нападенія.

Область Удорія (Udoria) или Обдорія (Obdoria) извѣстна по своеобразному идолу Золотой старухи (aureae anus idolum). Названіе даетъ этой области рѣка Обь (Obbi), въ древности Карамбукъ (Carambucus), которая беретъ начало изъ Китайскаго озера (ex lacu Kitaisko) и протекаетъ по этому краю, имѣя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 80 миль въ ширину. Ея обитатели, вмѣстѣ съ окрестными, живутъ безъ всякаго образованія, питаются мясомъ звѣрей, мѣхами, которыми платятъ дань Великому Князю Московскому.

Кондинія (Condinia) или Кондора (Condora), сосѣдняя область съ Обдоріей, вся въ лѣсахъ и рѣкахъ; тамошніе жители, кочующіе звѣролы, питаются мясомъ убитыхъ ими звѣрей, а мѣхами ихъ платятъ дань Московскому Царю.

Витебское Княжество—часть Бѣлоруссіи (Albae Russiae). Главный его городъ Витебскъ (Viterscia), съ крѣпостью, на рѣкѣ Двинѣ. Отнятый у Русскихъ Викиндомъ, племянникомъ Литовскаго Короля Миндовга, въ 1240 году, онъ имѣлъ потомъ своихъ Князей, данниковъ Литвы, до тѣхъ поръ, пока Ольгердъ, Великій Князь Литовскій, женившись на наслѣдницѣ Витебскаго Княжества, Маріи, въ угодность которой, говорятъ, принялъ и Христіянство, закрѣпилъ за нею это владѣніе и власть. Когда же, въ 1396 году, взялъ его Болеславъ Свидригайло, Витовтъ долженъ былъ отнимать его назадъ долговременнымъ облежаніемъ. Но въ 1413 году тотъ же Свидригайло, ведя войну съ своимъ соперникомъ, Сигизмундомъ, въ Литвѣ, покорилъ этотъ городъ и, въ безсильномъ гнѣвѣ, сбросилъ его Воеводу, Князя Гольшанскаго (Holsanum Ducem) съ высокой горы въ текущую подъ нею рѣку. Послѣ того, какъ Сигизмундъ возвратилъ Витебскъ опять Литвѣ, этотъ городъ наслаждался подъ Литовскою властью долговременнымъ миромъ, но въ 1655 году, истощивъ силы и людей и время продолжительной осады, онъ сдался Москвитянамъ, между тѣмъ какъ Ли-

товскія войска смотрѣли, точно въ качествѣ приглашенныхъ свидѣтелей такого торжественнаго дѣйствія, по тому что Главный Военачальникъ, Янъ Радивилъ, связалъ ихъ приказаніемъ не сватываться съ непріятелемъ безъ его вѣдома. Смоленскій Воевода, Александръ Гонсѣвскій (Gosievus), первый положилъ въ Витебскѣ основаніе Коллегіуму отцовъ Езуитовъ. Тамъ же имѣлъ мѣстопребываніе Епископъ Русскаго обряда (Russici ritus), находившійся въ общеніи съ Католической Церковью, [254] хотя много жило и еретиковъ [255] въ городѣ, которые, въ ожесточеніи религіозной ненависти, въ 1622 году, замучили тамошняго Епископа и вмѣстѣ Архіепископа Полоцкаго, Іоасафата, [256] тѣло его похоронено въ Полоцкѣ, въ церкви Святой Софіи. Въ наказаніе за то Витебскъ, лишенный городскихъ правъ, обращенъ былъ въ село, сохранивъ только замокъ и судебную власть.

Мстиславское (Micislaviensis), Княжество лежитъ при рѣкахъ Борисѳенѣ (Днѣпрѣ) и Припети (Prepotio). Симеонъ (Simon) Лингвеній (Linguienius), братъ Ягайла, получилъ его въ потомственное владѣніе. Святославъ Смоленскій, осаждая его главный городъ, Мстиславль (Micislaviam), [257] былъ убитъ Витовтомъ. Сынъ Симеона, Юрій ,несчастливо сражавшійся въ 1432 году при Осмянахъ (ad Osmianam) за своего дядю, Болеслава Свидригайла, с племянникомъ его, Сигизмундомъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, лишенъ былъ побѣдителемъ свободы и наслѣдственнаго удѣла, въ Троцкой темницѣ вынесъ долговременное мученіе, какое терпятъ всѣ, плохо защищаемые приверженцы чьей ни будь стороны. Черезъ два года послѣ того братъ его, Ярославъ (Jaroslaus), вооружившись за ту же сторону, былъ взятъ въ плѣнъ сыномъ Сигизмунда, Михаиломъ, и убитъ по его приказанію. И по смерти Сигизмунда, погубленнаго злодѣйствомъ заговорщиковъ въ 1440 году, въ Трокахъ, преемникъ его, Казимиръ, сынъ Ягайла, возвратилъ прежнюю свободу Юрію. А этотъ, отплачивая злодобро зломъ, отказывался возвратить Казимиру Смоленское Княжеству, захваченное возмутившимся его подданными, до тѣхъ поръ пока Казимиръ не выгналъ его оттуда вооруженною рукой: с

---

[254] Т. е., Уніятъ. О. Б.

[255] Т. е., Православныхъ. О. Б.

[256] Это извѣстный изувѣръ Уніятъ Кунцевичъ.

[257] Мстиславль, Уѣздный городъ Могилевской Губерніи, на берегу рѣки Вѣ

:ѣмъ тѣмъ Юрій увидѣлъ въ немъ такого кроткаго побѣдителя, го получилъ потомъ отъ него въ подарокъ владѣніе своею ро-овою областью и по смерти оставилъ ее своему сыну. Этотъ ынъ его, Михаилъ, хоть и храбро оборонялъ Мстиславскую кр-ость, осажденную Москвитянами въ 1500 году, подъ начальствомъ осударя ихъ, Ивана Васильевича Старшаго, однако жь, слѣдуя о стезямъ другого Михаила, т. е., перебѣжчика Глинскаго (Klin-kii), съ безразсуднымъ позоромъ передалъ это крѣпость и все Мстиславское Княжество сыну Ивана, Василію, въ 1508 году. Въ мутное время Лжедимитріевъ Мстиславль опять былъ занятъ Поля-ами, и остался за ними по миру съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, но траченъ въ войнѣ ихъ съ его сыномъ, Алексѣемъ. Въ 1660 году нъ былъ выженъ Москвитянами, Смоленскимъ Воеводою, Кня-емъ Иваномъ Борисовичемъ Репнинымъ (Iuano Borissowicz Rep-nino), котораго раздражили частыя возмущенія этого города.

Чрезвычайно напыщенное хвастовство писать себя въ титу-ѣ повелителемъ всѣхъ Сѣверныхъ областей. Однако жь, кро-ѣ тѣхъ владѣній, которыми Алексѣй умножаетъ свои титулы, сть и другія въ Сѣверномъ краѣ, признающія данію Москов-кихъ Царей за своихъ Государей.

И во первыхъ Лукоморія (Lucomoria), область, простираю-щаяся между Сибирью и Китайскимъ озеромъ (Kitaiskum lacum), съ стремнистыми горами и густыми лѣсами, о жителяхъ которой праздные люди баютъ, будто бы каждый годъ при наступленіи зимы они, подобно ласточкамъ, лишаются, отъ продолжительнаго холода, всякой жизненной дѣятельности, а потомъ, въ свое время, получаютъ ее опять отъ теплой весенней погоды.

Во вторыхъ область Печора (Petzora), которая тянется очень далеко къ берегамъ Сарматскаго или Ледовитаго моря (Sarmatica Cronii maris), и называется такъ отъ протекающей по ней рѣки. Она изобилуетъ драгоцѣнными мѣхами, особливо черныхъ со-болей, которые водятся въ великомъ множествѣ около кедро-выхъ деревьевъ, растущихъ на сосѣднихъ, чрезвычайно высо-кихъ, горахъ, называемыхъ туземцами Камецнымъ Поясомъ (la-pideum cingulum). Для Царской забавы на птичьей ловлѣ и охотѣ она посылаетъ также соколовъ (hierofalchos), которыхъ Русскіе зовутъ кречетами (Kretzet), [258] самыхъ лютыхъ нѣдруговъ

[258] Адедунгъ замѣчаетъ, что «это названіе производитъ отъ Норвежскаго слова

аистамъ; они отличаются отъ другихъ соколовъ смѣлостью и величиной. Любопытство моего товарища видѣть хоть одну такую птицу и желаніе срисовать ее, заставило его цѣлыхъ полгода не разъ настоятельно просить нашихъ Приставовъ, чтобы они позволили ему это: они хоть и обѣщали, только все откладывали. Наконецъ, когда его желаніе, утомленное долгою проволочкой, на столько уже поостыло, что недоставало немногаго, чтобы совсѣмъ изгладиться въ душѣ отъ забвенія, вдругъ въ самое Воскресенье на масляницѣ, т. е., въ пятидесятое (Quinquagesima), совершенно неожиданно представилось намъ зрѣлище ряженыхъ (personatorum). Мы сидѣли еще за обѣдомъ съ нѣсколькими собесѣдниками, когда нашъ благородный Приставъ, принявъ на себя важную осанку, будто хочетъ заняться съ нами дѣломъ великаго значенія, просилъ насъ войти во внутренній покой и выслушать, что онъ намъ скажетъ. Когда мы вошли туда, тамъ главный начальникъ охоты Великаго Князя и шесть сокольниковъ, одѣтые въ дорогіе кафтаны изъ Великокняжеской казны, держали каждый по кречету въ правыхъ рукахъ, на которыхъ надѣты были рукавицы съ новою золотою бахрамой. Кречеты были въ новыхъ колпачкахъ изъ великолѣпной ткани и съ длинными золотыми веревочками на лѣвыхъ берцахъ, а у самаго лучшаго изъ нихъ, бѣлаго цвѣта съ крапинами, какъ у аиста, правое берцо облегало золотое кольцо съ рубиномъ значительной величины. Тогда Приставъ, снявъ шапку и вынувъ изъ за пазухи свернутую въ свитокъ бумагу, объяснилъ по ней слѣдующій поводъ своего посольства, между тѣмъ какъ мы слушали его стоя: «Великій Князь и Царь, Алексѣй Михайловичъ (по обыкновенію, онъ на-

---

Gyrfalk, Geyerfalk, по чему по Латыни называли его также Falco gyrinus (Соколъ-коршунъ). Другіе полагаютъ, что это названіе произошло отъ слова Hierofalco, Hierax, или Falco sacer Египтянъ. Наконецъ производятъ это названіе отъ слова gyrare (gyrum facere), кружить, или кругъ описывать, по тому что эти птицы обыкновенно весьма долго кружатъ въ воздухѣ, прежде нежели опустятся на свою добычу. Кречеты въ особенномъ уваженіи у Якутовъ, которые называютъ ихъ Урунъ Кара, т. е., бѣлый соколъ. По причинѣ ихъ быстраго полета, они уподобляютъ этихъ птицъ молніи, и считаютъ ихъ вѣстниками небесной воли. Если случится, что кречетъ попадетъ въ сѣти, поставленныя для другихъ птицъ, они, сказавъ прикоснуться къ нему руками, освобождаютъ его изъ сѣтей палочкою и другимъ способомъ.» Баронъ фонъ Мейербергъ стр. 217.

сказалъ въ подробности весь титулъ его), узнавъ о нашемъ
еланіи видѣть которую ни будь изъ его птицъ, прислалъ по-
отрѣть намъ шесть кречетовъ, изъ расположенія къ своему
обезнѣйшему брату, Цезарю Римскому, Леопольду.» Такая по-
аченная по пусту торжественность и пышность обстановки рас-
олагала къ смѣху, и духъ, затронутый забавною картиною
ого пустого чванства, разразился бы хохотомъ, если бы, сдер-
иваясь уваженіемъ лица, показывавшаго это зрѣлище, къ вы-
кому значенію прославшихъ, не подавилъ въ себѣ возбужден-
ого расположенія. И такъ, обратившись съ важнымъ видомъ
ь Приставу, мы очень расхвалили птицъ въ напыщенныхъ вы-
ъженіяхъ и, будто бы увлекшись удивленіемъ къ большому
осту ихъ, освѣдомились, въ какихъ краяхъ онѣ водятся? «Въ
бластяхъ Великаго Государя,» отвѣчалъ онъ сухо, положивъ
ебѣ на уста перстъ Гарпократа, чтобы не выболтать Государе-
вой тайны. Поблагодаривъ за то, что Великій Князь удостоилъ
часъ такого особеннаго почета, мы изъявили одобреніе дѣй-
твующимъ лицамъ этой комедіи самымъ пріятнымъ для нихъ об-
азомъ, т. е., сдѣлали имъ подарки, и отпустили ихъ.

Въ 3-хъ, область Самоѣдовъ (Samojedarum), сопредѣльная Пе-
орѣ и платящая въ Царскую казну дань драгоцѣнными мѣхами.
я жители, поѣдающіе другъ друга (se invicem comedentium), [259]
прекрасно описаны у Олеарія. [260]

И наконецъ въ 4-хъ, тотъ уголъ земли, который, закрив-
ись въ Сѣверномъ Океанѣ подъ самымъ полюсомъ, дѣлаетъ за-
ивъ въ Бѣломъ морѣ; этотъ уголъ населяютъ Лапонцы, раз-
дѣленные на три области: одни подвластны Московскому, дру-
іе Норвежскому, а прочіе Шведскому, скипетру. Порода тамош-
нихъ звѣрей дикая и свирѣпая, которую хоть и стараются давно
приручить сосѣдніе жители, однако жь никогда не могли сдѣ-
лать домашнею.

Иверія или Иберія (Iueria sive Iberia), называемая нынѣ Гру-
зіей (Georgia) или, по Турецкому имени, Гургистанія (Gurgistania),
граничитъ къ югу съ Мингреліей (Mengrelia), въ древности Кол-
хидой, къ востоку Ширваніей (Sirvania), въ древности Мидіей

---

[259] Невѣрное объясненіе. О. Б.

[260] Въ Русскомъ переводѣ кн. III, глав. 3, стр. 125 и слѣд. О. Б.

Атропатіей (Media Atropatia), къ сѣверу Кавказскими горами и частію древней Албаніи (veteris Albaniae), населяемой нынѣ Черкасами (Circassi), къ югу большою Арменіей (Armenia major) или Туркоманіей (Turcomania). Нѣкогда она имѣла многихъ Царьковъ, принявшихъ Св. Крещеніе во времена рождающейся Церкви (какъ Царица Русцида (Ruscida) и сынъ ея, Давыдъ, писали къ Вселенскому Первосвященнику, Григорію IX, въ 1240 году). Только всѣ они дали соблазнить себя заблужденіямъ, которыя распространилъ Евтихій объ единой природѣ Христа, послѣ соединенія въ Немъ той и другой природы, а потомъ свирѣпо защищалъ Іаковъ Барадей (Jacobus Baradeus) Сирскій, по чему и получили они названіе Яковитовъ (Jacobitos). Въ прошлое столѣтіе они вмѣшались въ самую жестокую войну Турецкихъ Султановъ, Селима, Солимана, и Амурата, III этого имени, съ Персидскими Царями, Измаиломъ, Тамасомъ (Tamasum) и Магометомъ, пристава то къ тѣмъ, то къ другимъ, и часто принимая ихъ различное вѣроученіе, однако жь большею частію къ Персамъ, которымъ платили дань. А чтобы самыми признательными заявленіями вѣрности заслужить доброе мнѣніе о себѣ той стороны, которой передались, такъ много этихъ людей перешло въ Магометанское суевѣріе, въ слѣдствіе постыднаго отступничества что между Князьями Грузіи едва остался одинъ, или двое, сохранившіе обѣщанную вѣрность Христу Спасителю. Кромѣ Гори (Gori), Гримъ (Grim), Кайги (Caigam), Сомка (Somka) и другихъ городковъ, они владѣли еще Тифлисомъ (Tiflim), въ древности Юромъ (Jur), городомъ, который долгое время осаждали Турки съ большою потерею крови и золота; его орошаетъ рѣка Куръ (Cirus), называемая туземцами Хюръ (Chiur), вытекающая изъ горъ Арменіи, и, пересѣкши Грузію, впадаетъ, близъ города Кіавата (Civat), [261] въ Араксъ (Araxem), а этотъ и отводитъ ее въ Каспійское море. Москвитяне зовутъ этихъ владѣльцевъ Карталинскими и Грузинскими Царями (Cartalinios et Grusinios Tzares). Въ прежніе годы сильно угнеталъ ихъ тяжелыми повинностями, свыше терпѣнія данниковъ, Персидскій Царь, у котораго они находились въ подданствѣ и обязаны были чеканить свою монету съ его гербомъ: по этому они и просили покровительства Московскаго Царя, порубежника съ ними въ Черкасіи (Circassia), по милости котораго поручи-

[261] Полное названіе этого города Карагагды-Жіавотъ.

ные его дружескимъ посольствомъ расположенію Персидскаго Ца
ря, они чувствовали себя нѣсколько свободнѣе. Но въ 1654 году
Персидскій Царь послалъ въ ихъ область Кумыковъ (Kumukis), ко-
торые, покинувъ въ древности берега Чернаго моря, овладѣли
горами Арменіи, лежащими между Грузіей и Мидіей Атропатіей,
гдѣ живутъ и понынѣ. По этому случаю Давыдъ Темрюковичъ
(Temrasciowick), въ рукахъ котораго было тогда кормило правле-
нія, велѣлъ спѣшить въ Россію сыну своему, Николаю, къ Алек-
сѣю, съ просьбой у него, какъ покровителя, защиты противъ
Персидскихъ насилій, присоединяя къ политической цѣли еще и
духовную, а угождая Московскому Царю, отказался отъ родной
Вѣры и пожелалъ принять Русскую. Однако жъ, онъ не могъ по-
лучить ничего другого отъ Алексѣя, воевавшаго тогда съ Лит-
вой, кромѣ множества Священниковъ, которые научили народъ
въ тѣхъ областяхъ покланяться Богу по Русскому обряду и ста-
рались обратить въ Христіянство знатныхъ лицъ, исповѣдывав-
шихъ Персидскую Вѣру. Все это обратилось въ пагубу того,
кто получилъ его. По тому что раздраженный Персидскій Царь
занялъ этѣ области силою оружія, взялъ въ плѣнъ Александра,
управлявшаго ими по смерти его роднаго брата, Давыда, и, за
отсутствіемъ его племянника, Николая, отвелъ его въ Персію и
до того заградилъ ему возвращеніе на родину, что нынѣ со мно-
гими вздохами поздняго раскаянія, смотритъ онъ изъ города Тер-
ки (Terki), своего постояннаго мѣстопребыванія, на утраченное
имъ владѣніе, подобно нашему прародителю, изгнанному изъ рай-
скаго сада. Такъ какъ эти Владѣтели, ведя свой родъ отъ Еврей-
скаго Царя, Давыда, хотятъ изъ пустаго тщеславія называться
Царями, то и были очень довольны Царскимъ титуломъ, кото-
рый пожаловалъ имъ Московскій Царь, чтобы честь такого гром-
каго названія отражалась и на немъ: такъ онъ и носитъ назва-
ніе Царя Царей (Tzarum Tzar), которое, по его мнѣнію, получилъ
надъ ними по праву покровительства. Отсюда ясно, что Алексѣй
совсѣмъ не въ правѣ называться Государемъ Иверіи, Карталиніи
(Cartaliniae) и Грузіи (Grusiniae), а также Кабардинской области
(Cabardiniae), лежащей при Азовскомъ морѣ и населяемой ордою
или сборищемъ Татаръ, подвластныхъ жестокому Турецкому игу.

А Государемъ Черкаскихъ Князей называется онъ по праву,
хоть и не тѣхъ, которые живутъ у Чернаго моря, между

Фазиса (Pasidis) [262] и Азовскаго моря, приняли Св. Крещеніе, но отказались отъ него и, обрѣзанные по Магометански, были нѣкогда разсадникомъ Мамелюковъ (Mamalucorum), но тѣхъ, что, по происхожденію Татары, придерживаются обрѣзанія и смѣшенно съ нимъ идолослуженія, населяютъ древнюю Албанію отъ береговъ Каспійскаго моря до Кавказскихъ горъ, между Нагайскою степью (Hagaicum desertum) и рѣкою Быстрой (Bistrum), у Птолемея Gerrum. Съ разрѣшенія Ѳедора Ивановича Астраханскіе Казаки заставили ихъ силою оружія уступить Москвитянамъ главный ихъ городъ, Терки; сами же они, разсѣявшись по деревнямъ и городамъ, платятъ дань и повинуются все тѣмъ же своимъ Государямъ.

Но менѣе справедливо величаетъ онъ себя Государемъ Горскихъ Князей (Montanorum Principum), по тому что этотъ горскій народъ называется у Персовъ Лезги (Lesgi), а у Олеарія Дагестаны (Dagestani) или Горцы (Montani), которые, по его увѣренію, родомъ Татары и, можетъ быть, изъ тѣхъ, что владѣли Грузіей около 1240 года, а по разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ извѣстіямъ другихъ писателей для потомства, Грузины (Georgiani) Магометанскаго исповѣданія, обитаютъ на крутой горѣ, называемой Турками Брусъ (Brus), и продолжаютъ протяженіе своей области до Черкаскаго городка Терки (Terki), начиная съ того города, который лежитъ между тѣснинами Кавказскихъ горъ, соединяющихся съ берегомъ Каспійскаго моря, и который построенъ Александромъ Великимъ, долго носилъ его имя, и въ послѣдствіи названъ Дербентомъ (Derbentho), по своему крѣпкому положенію, а по Турецки Демиркапи (Demircapi), т. е., желѣзныя ворота. Тамъ они пользуются полною свободой, подъ управленіемъ многихъ своихъ владѣтелей дворянскаго рода, и подъ верховнымъ наблюденіемъ Шамхала (Schemcalis) или Луменія (Lumenia). А Пятигорцы (Petigoriensis, Quinquemontani), обитатели сосѣдней съ Кабардою древней Колхиды, оказываютъ подданническое уваженіе Оттоманской Лунѣ.

Надобно, однако жь, сказать правду, что общее заключеніе титуловъ ни какъ не лишнее, по тому что, кромѣ показанныхъ областей и народовъ, Алексѣй владѣетъ и правитъ еще другими, между которыми особенно выдаются: знаменитое Бѣльское Кня-

[262] Ріона. О. Б.

кество (Bielskiae Ducatus), съ городомъ и крѣпостью Бѣлымъ (Biela urbe), [263] лежащими среди обширнѣйшихъ лѣсовъ на рѣкѣ Обшѣ (Obscha). Князь его, Василій, былъ не лучшей вѣрности, какъ и сосѣдніе Сѣверскіе Князья, да и для такой же, какъ они, судьбы перебѣжалъ отъ Ягайловыхъ дѣтей къ Великому Князю Московскому, Ивану, сыну Василія Темнаго, по тому что сынъ этого Ивана, Василій, несправедливо отнялъ Бѣльское Княжество у троихъ сыновей его.

Ржевское (Reschoviae Ducatus) обширное Княжество, знаменито городами: Ржевью (Rosowa), памятникомъ побѣды Дмитрія, Волокомъ (Woloko), [264] Торопцомъ (Toropecio) и Великими Луками (Weliki Lugo), побѣдными трофеями Польскаго Короля Стефана; славится также и охотою за бѣлыми зайцами.

Также и Суздальское Княжество (Susdaliensis Ducatus) съ городомъ, въ коемъ мѣстопребываніе Архіепископа, и крѣпостью, лежащее между Ростовскимъ и Володимирскимъ. Прежде нежели Великій Князь Московскій, Ярославъ Всеволодовичъ (Sevolodicz), приглашенный на отравленный обѣдъ Татарами, кончилъ поприще своей жизни въ послушаніи Римской Церкви, къ которой незадолго до того перешелъ стараніемъ Іоанна Плано-Карпини изъ Ордена проповѣдниковъ (Praedicatorum), онъ назначилъ это Княжество въ удѣлъ шестому изъ 11-ти сыновей своихъ, Андрею. [265] Отъ него, черезъ праправнука его правнука,

---

[263] Бѣлый, прежде Бѣльскъ или Бѣльская переправа, Уѣздный городъ Смоленской Губерніи на р. Обшѣ. Уже самый гербъ этого города: два мѣшка съ крупичатой мукой, перевязанные золотыми шнурами, даетъ понятіе о значеніи этой пристани въ торговомъ отношеніи.

[264] Это нынѣшній Вышній Волочокъ, Уѣздный городъ Тверской Губерніи, при р. Цнѣ. Названіе свое получилъ отъ того, что, до сдѣланнаго Тверецкаго шлюза и канала, привозимые по Тверцѣ мелкими судами и полубарками товары отъ пристани Николы Столпа перевозились сухимъ путемъ и, по нагрузкѣ въ Вышнемъ Волочкѣ на суда Осташевки, отправлялись уже дальше водою.

[265] Владимирскій (1190 — 1246). Далѣе разсказывается выдумка Папы Иннокентія IV и его пословъ къ Александру Невскому. Но Андрей Ярославичъ, братъ Александра Ярославича Невскаго, не былъ родоначальникомъ Князей Шуйскихъ, происходящихъ, по показанію самаго Царя Василія Ивановича (въ грамотѣ его избранія) отъ сына Невскаго, Андрея Александровича, старшаго брата Даніила Александровича Московскаго. Василій Васильевичъ

Василія Васильевича, ведутъ начало родоначальники Скопиныхъ Шуйскихъ (Suiskii Scopinorum), потомокъ коихъ, Василій, овладѣлъ наконецъ Царскимъ скипетромъ и, послѣ трагической погибели Димитрія, тоже и самъ былъ трагическимъ лицомъ. Однако же потомки Суздальскихъ Князей, вмѣстѣ съ сосѣдними Галицкими (Galiczinis), ведущими родъ отъ Великаго Князя Московскаго, Димитрія Донского (Demetrio Domskoi), дожили до изгнанія своего изъ этихъ владѣній, поглощенныхъ самой хищной акулой къ чужимъ областямъ, Великимъ Княземъ Московскимъ, Иваномъ Васильевичемъ Старшимъ.

Великіе Князья всегда имѣютъ при себѣ Думу но многіе изъ нихъ обыкновенно спрашивали ея мнѣнія только для вида, чтобы свалить съ себя на нее ненависть за сдѣланную ими несправедливость. Алексѣй превосходно идетъ по слѣдамъ ихъ, распоряжаясь всѣмъ по своему произволу, или лучше, думая распоряжаться, по тому что, осаждаемый и проводимый своими любимцами, либо совсѣмъ не знаетъ положенія дѣлъ, либо ведетъ его подъ прикрытіемъ обмана тѣхъ же любимцевъ. Въ мою бытность въ Москвѣ Думу составляли около 13 Бояръ (Bojaris), 30-ти Окольничихъ (Ocolniciis), семи Думныхъ Дворянъ (Duoraninis): всѣ они, принадлежа къ знатному сословію, сидѣли въ этой Думѣ, а трое Думныхъ Дьяковъ (Dumni Diakis), изъ простаго званія, должны были стоять.

По произвольному распоряженію Царя, между этими сотрудниками раздѣлены всѣ заботы о какихъ бы то ни было дѣлахъ Царства, относящихся какъ къ общественному, такъ и частному положенію подданныхъ. По тому что, такъ какъ въ Москвѣ учреждено 33 главныхъ правительственныхъ мѣстъ, называемыхъ Прик-

---

Гребенка былъ Намѣстникъ въ Псковѣ (1476 — 1478, 1480 — 14[illegible] Нижнемъ (1478 — 1480) и Новгородѣ (1482 — 1487), а Иванъ Василье[illegible] Скопа—родоначальникъ Князей Скопиныхъ Шуйскихъ, угасшихъ въ [illegible] году. Царь Василій Ивановичъ (1553 — 1612) былъ сынъ знаменитаго [illegible] воды Ивана Петровича, отразившаго нападеніе Баторія на Псковъ, с[illegible] тію младшаго брата его, Ивана Ивановича, пресѣкся родъ Шуйски[illegible] 1638 г., а происходящіе отъ Князя Ивана Дмитріевича Губки, выѣхав[illegible] въ Великое Княжество Литовско-Русское при Царѣ Иванѣ Грозномъ [illegible] хранились тамъ и до нынѣ, именно вѣтвь Литовская; вѣтвь же. Волын[illegible] угасла въ началѣ текущаго столѣтія со смертію Княжны, бывшей за К[illegible] ченкомъ. О. Б.

ми (Pricazas), то къ нимъ, какъ первостепеннымъ учрежденіямъ; по предписанному распоряженію, принадлежатъ всѣ дѣла, касающіяся правосудія, казны, или войны. Въ каждомъ изъ нихъ, а иногда и во многихъ, предсѣдательствуетъ одинъ изъ этихъ сотниковъ: онъ завѣдываетъ съ полною властію дѣлами, подлежащими его судопроизводству, и даетъ окончательные приговоры, съ большею, или меньшею, прибавкою къ своему родовому имуществу, такъ что самъ бываетъ оцѣнщикомъ степени своей благосклонности. Такъ Царь, сохраняя за собою всю полноту Царской власти, дѣлаетъ видъ, что нѣкоторую часть ея передаетъ своей Думѣ, отсылая просьбы народа на разсмотрѣніе ея членовъ. Во каждомъ Приказѣ должность Секретарей исправляютъ особенные Дьяки: каждаго изъ нихъ Великій Князь всегда обыкновенно наряжаетъ въ товарищи своимъ Посламъ къ иноземнымъ государямъ.

Любимцы у него непрочны, не только по общему пороку всѣхъ Дворовъ, по которому положеніе любимцевъ, слѣдуя непрочности всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, всегда шатко и легко рушится въ прахъ отъ всякаго, хоть бы и слабаго, удара, но и по тому еще, что это люди безъ твердыхъ основаній въ какой бы то ни было добродѣтели, укрѣпившись на которыхъ, громоздкое зданіе Государевой милости стоитъ прочно, поддерживаемое заслугами.

Между всѣми ими отличался, недавно умершій, Морозовъ (Morosovius), воспитатель его дѣтства, по тому что хотя послѣ народнаго возстанія противъ него, по видимому, и поупалъ въ своемъ могуществѣ, однако жь, сохраняя силу болѣе изъ дружеской пріязни къ нему Государя, нежели по наружному виду, всегда вліятельный въ его душѣ, онъ никогда не испытывалъ утраты его расположенія. Искренность этой дружбы Алексѣй далъ ему почувствовать многими опытами въ то время, когда разстроенное здоровье не позволяло ему выходить изъ дома. По тому что хоть онъ и удалился отъ гражданскихъ должностей, но въ увядавшемъ тѣлѣ сила ума и здраваго сужденія были еще въ полномъ цвѣтѣ: отъ того Великій Князь часто и навѣщалъ его тайкомъ и совѣтовался съ нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ. Это былъ человѣкъ съ природнимъ умомъ и, по своей долговременной опытности, способный править государствомъ, если бы только умѣлъ ограничивать свое корыстолюбіе. Но самыя вѣрныя доказательства своего искренняго распо-

ложенія къ Морозову Алексѣй заявилъ въ послѣднее время его жизни: онъ навѣщалъ его, утратившаго уже всякое чувство и сознаніе, не пропуская ни одного дня, по одному только простому долгу, а не въ видахъ будущихъ заслугъ за то; а по кончинѣ Морозова, когда слѣдовало похоронить его, Алексѣй самъ пожелалъ отдать послѣдній долгъ покойному въ церкви, вмѣстѣ съ прочими, не думая ни мало, что унизитъ тѣмъ свое Величество, если будетъ оплакивать его при всѣхъ.

Теперь является передъ нами Царскій тесть, Боярин Илья Даниловичъ Милославскій (Ilia Danilowicz Miloslawski). Выбравшись изъ грязи самаго бѣднаго люда и самаго низшаго дворянства и, по неожиданной прихоти играющаго счастія, вознесенный на самую высокую степень почестей въ Московіи, онъ получилъ у Царя весьма большую силу въ качествѣ его тестя. Впрочемъ, не очень-то величается ею, по тому что Московскіе Цари, подобно Мельхиседеку, хотятъ быть безъ отца, безъ матери, безъ родословной. Алексѣй и, еще важнѣе, сама дочь его, Царица (Tzarissa), въ разговорѣ съ нимъ зовутъ его всегда Ильей, а не тестемъ, и батюшкой. Да онъ и не пользуется какою ни будь большою милостью у зятя, и не одинъ разъ отвѣдалъ его тряски за волосы на головѣ и бородѣ и кулачныхъ тузовъ. Когда, въ исходѣ осени 1661-го года, послѣ пораженія, нанесеннаго Литовцами Іванскому (Kovanskium) и Нащокину (Nasciokinum) на Полоцкихъ поляхъ, [266] разнесся слухъ о приходѣ туда Польскаго Короля съ многочисленнымъ войскомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гонецъ донесъ объ опасности Переяславля у Черкасовъ (apud Circassios), [267] жестоко стѣсненнаго Козаками, Алексѣй, 10-го Ноября, созвалъ Думу и совѣщался съ ней, какою дорогою и съ какими силами итти на встрѣчу такому превосходному непріятелю. Илья, сидѣвшій недалеко отъ Царя, сказалъ: «Государь, поставь меня Воеводой твоихъ полковъ, и я плѣню и приведу къ тебѣ Польскаго Короля.»

---

[266] Это произошло при мѣстечкѣ Глубокомъ. О. Б.

[267] Юрій Хмельницкій, съ своими Козаками и Поляками, шелъ было къ Переславлю Кіевскому, но услышавъ о движеніи противъ него Князя Ромодановскаго, остановился противъ Канева и былъ разбитъ Ромодановскимъ и Наказнымъ Гетьманомъ Сомкомъ, соединившимся съ нимъ, послѣ чего послѣдніе направились къ Чигирину (въ Іюлѣ), но Юрій, бѣжавъ въ Черный Лѣсъ и присоединивъ къ себѣ Татаръ, оттѣснилъ Ромодановскаго отъ Чигирина за Днѣпръ. О. Б.

V

СМѢСЬ

CHAP

A.

БЫТЪ
ЗАПАДНО-РУССКАГО СЕЛЯНИНА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Свадьба—одно изъ важнѣйшихъ событій въ жизни человѣка, по тому, нужно думать, характеръ крестьянина нигдѣ не обрисовывается такъ выкупно, какъ въ настоящемъ случаѣ. Здѣсь вы встрѣчаетесь съ длиннымъ рядомъ приличій, примѣтъ, заговоровъ, приговоровъ и разныхъ, обрядовъ, основанныхъ на суевѣрныхъ вѣрованіяхъ, и сохрани Богъ, опустить, не сдѣлать чего ни будь изъ того, что, какъ святыня, передавалось изъ рода въ родъ исполнялось при отцахъ и дѣдахъ, «давнымъ давно бывало;» постоянныя несчастія, вѣчныя неудачи, а пожалуй и неблагословеніе Божіе будутъ преслѣдовать, по мнѣнію селянъ, до гробовой доски такого нарушителя сѣдой старины. Впрочемъ, въ настоящее время, многое селянами оставляется, не исполняется. Теперь, какъ говорятъ они, «новый свѣтъ;» старина уступаетъ ему свое мѣсто. Книга, школьная лавка, образованіе, играютъ въ этомъ не послѣднюю роль. Что мы будемъ говорить, нужно относить преимущественно ко времени до 1868 — 69 года, когда мы собирали настоящія данныя.

Свадьба въ сельскомъ быту не дѣло прихоти, роскоши и менѣе всего имѣетъ въ виду удовлетворить какому ни будь внутреннему чувству, любви. Селянину - хозяину,. или если онъ намѣренъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ, плохо жить своимъ домомъ безъ хозяйки; даже и безъ этого появленіе въ семьѣ новой, здоровой, молодой, силы составляетъ уже важное пріобрѣтеніе: работа можетъ пойти скорѣе, «дружнѣе:

Ой часъ, пора, мати,
Дружины шукати,
Посѣявъ я жито,
Нема кому жати,
Иде нôчка темна,
Ни съ кѣмъ розмовляти.

— «Ой машь ты, сынку,
Коня вороного,
Пôйди до стаеньки,
Розмовляй до ёго;
Дай коневѣ сѣна,
По самы колѣна,
Дай ёму оброку
До самого боку.
— Ой конь оброкъ изъѣсть,
На сѣновѣ ляже,
А мнѣ, молодому,
Правдоньки не скаже,

(Сбор. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ.)

Или:

Ой у тебе, коню,
Жовтый хвôстъ и грива,
Бѣжи дорогою,
Де моя дѣвчина!
— «Вже тая дорога
Черетомъ заросла,
Вже тая дѣвчина
Давно замужъ пôйшла.
Ой пôйшли косари
Той черетъ изжали,
Вже твою дѣвчину
Инши хлопци взяли.»
— Я тую дорогу
Рожею отычу,
Я свою дѣвчину
И къ собѣ прикличу.

Или:

Дубъ на березу чого похилився?
Молодый Козаче, чого зажурився?
«Я зажурився, що не оженився.
Жени мене, мати, сына молодого,
Коли не оженишь, я самъ оженюся.
— До колядъ, сынку, до колядъ, Васильку!
— «Ой далеко, маты, колядовъ чекати.

Ой посѣю жита, не съ кѣмъ позбѣрати;
Накосивъ я гречки, не съ кѣмъ позвязати;
Осѣнная нѣчка, не съ кѣмъ розмовляти.»
— Ой до коня, сынку, до коня, Васильку!
— «Ой я до коника, коникъ не говорить,
Ой я до сивого, сивый не промовить.»

(Piosenki gminne ludu Pińskiego. Zienkiewicz, str. 284.)

«Будземъ женить сына, бо работы много,» разсуждаютъ обыкновенно родители селяне. «Кали я ее всю параблю?», продолжаетъ хозяйка. «Треба, якъ той казавъ, и пашиць и другое дещо то ни будзь зробиць. Ты бачишь, що я адна кидаюся, кидаюся, памачи некому; добро да гатуль я гаровала, а цяперь уже вылилась съ силы; да па докуль же мнѣ и быць дужой!»

(Чересы, Диснен. Уѣзда Вил. Губ.)

Стало быть, пріискивая невѣсту, болѣе всего обращаютъ вниніе на то, чтобы она не была, что называется, бѣлоручка, была и работящая, здоровая, и тѣмъ лучше, если при этомъ еще съ статкомъ. Обращать, впрочемъ, вниманіе на деньги считалось изнакомъ барства, пребыванія во дворѣ у помѣщика, заслужило презрѣнія. Въ пѣсни поется:

Кабъ цябе спалила маланка!
Чаму не хочешь Сцяпанка?
Ци іонъ цябе ня кахае,
Ци іонъ розуму ня мае?
— «Дакъ што жъ, що іонъ мяне кахае,
Кали іонъ грошы ня мае?
Кали іонъ ня мае грошы,
И самъ ня вельми хорошій?»
Кабъ цябе спалила маланка,
Що грошъ любишь, ня Сцяпанка?
Не дармо дворски хлѣбъ ѣла,
Паняй быць захацѣла!

(Piosenki wieśniackie znad Niemna i Dźwiny, str. 123—124.)

Или:

Да у мѣсяца два ражки крутые,
Да Яѣечки два браты радные;

Адзинъ брахна каня сядлаець,
А други брахна яго научаець:
«Да будзь, брахна, разумненьки,
Да паѣдзешь, брахна, у чужіе людзи,
Выйдзець къ цябѣ танокъ дзѣвокъ:
Ня бяри таей, што у залоцѣ,
Да бяри тую, што у разумѣ;
Мы залота у крамѣ дастанемъ,
Мы разуму свайго ня уставимъ.»

(Opisanie powiatu Borisowskiego, str. 300; ср. 356.)

При всемъ богатствѣ Козака на него «неславонька,» по словамъ пѣсни, «за то, що робити не знае.»

(Сбор. нам. нар. тв. CXXXIII.)

Въ слѣдствіе токого установившагося взгляда на свадьбу, что она не должна совершаться въ такое время, когда служила бы помѣхой для работы въ хозяйствѣ. Съ другой стороны, необходимо, чтобы на свадьбѣ былъ во всемъ достатокъ, а, пожалуй, даже и излишество. По общему вѣрованію, если свадьба совершалась при торжественной, богатой, обстановкѣ, то и молодые въ своей жизни не будутъ чувствовать нужды. Такимъ образомъ, время между Покровомъ Пресвятыя Богородицы и первою недѣлею Филиппова поста почитается у селянъ самымъ благопріятствующимъ для свадебъ (Ср. Opis. Pow. Boris. str. 347.) Тогда всѣ полевыя работы покончены и есть болѣе, или менѣе, достатокъ во всемъ: это время селяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ «богатымъ» и не рѣдко прибавляютъ: «Слава Богу! Есть за что горѣлки купить: можно сына женить.» — «Осенью и коркюшки (кусокъ бревна) — мясо» говорятъ они въ томъ смыслѣ, что вездѣ всего вдоволь и за нужнымъ не придется ходить за тридевять земель, въ тридесятое царство.

(Каменецъ Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.)

Тревожнѣе, сильнѣе, прежняго начинаетъ биться сердце молодой дѣвушки невѣсты, по мѣрѣ приближенія осенняго, зимняго времени, что по тому это обычная свадебная пора. Много не глубокихъ, но сердечныхъ, думъ передумала она о своей долѣ. Надоскучило, надоѣло, ей быть постоянно въ услуженіи у своихъ родителей: не нравится ей эта половинная, какъ бы несамостоятельная, жизнь, и ей, смотря на другихъ, самой хочѣлось бы быть

полной хозяйкой, и она, подобно птичкѣ въ клѣткѣ, рвется, не вырвется, въ эту очаровательную область свободы, съ которою давно, очень давно, познакомили ее пѣсни. Слова пѣсни въ ея устахъ могутъ быть приняты въ настоящемъ случаѣ въ буквальномъ смыслѣ за сердечное изліяніе ея собственныхъ чувствъ. Сельская дѣвушка не находитъ для себя болѣе приличной, болѣе умѣстной и соотвѣтственной, формы для выраженія своего внутренняго состоянія какъ:

Горе мое, горе, несчасная доля,
Поорала дѣвчинонька мысленьками поле,
Чорными очима да й заволочила,
Дрибненькими слезоньками все поле зросила!
Цвѣте гречка, цвѣте, да й цвѣтъ опадае:
А вже жь мене муй миленькій на вѣкъ покидае.
Ой летѣла птиця, роспустивши крыльця:
Ахъ нема и не буде мого чорнобрóвця!
Ой летѣла пава, въ садоньку упала:
Ахъ нема и не буде, кого я кохала!
Ой ты, сивый орле, высоко летаешь,
Возми жь мене на свы крыльця, занеси, де знаешъ!

(Сбор. пам. нар. творч. пѣсня XXXI.)

Ня хадзи, Косю, у зяленый садъ,
Ня пей, Косю, ключевой вады,
Ня ѣшь, Косю, зяленой травы!
У ключа дзѣвка умывалася,
Красоцѣ сваёй дзивавалася:
— Красата ты моя, красотушка!
Да каму, красата, ты дастанешься:
Чи дварянину, чи мѣщанину,
Чи гетому гостю пріѣзжему?
— «Ни дварянину, ни мѣщанину,
Ни гетому госцю пріѣзжему —
Грабавымъ даскамъ, жовтымъ пясочкамъ.

(Тамъ же, пѣсня XXXIX.)

По садоньку похожаю,
Сама себе розважаю,
На доленьку нарѣкаю:

Нема того, що кохаю,
Нема, нема, и не буде,
Одраила вражи люде,
Одраили, одмовили,
Щобъ мы въ парѣ не ходили
И другъ дружка не любили!
Ой пôйду я до болота,
Тамъ плавають каченята:
Одно друге погоняе,
Кожне собѣ пару мае;
На що въ мене тôлько кары,
Що мнѣ не давъ Господь пары,
А ни пары, ни пароньки,
А ни счасця, ни доленьки!
Пôйду зъ горы утоплюся,
Чи о камень розобьюся,
Нехай люде переймають,
Якъ безъ счасця пропадають!

(Радованичи, Грод. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Много, конечно, и другихъ пѣсенъ поютъ дѣвушки въ настоящемъ случаѣ; мы привели только нѣкоторыя для образца.

Сельскія дѣвушки не предаются одному безнадежному ожиданію. Правда, онѣ очень часто поютъ:

Ой не видно того села, тôлько выдно поле:
Ой Богъ знае, Богъ вѣдае, де мое буде горе.
Ой не видно того села, тôлько видны кресты:
Ой туды мнѣ любо, мило, оченьки пôдвести.
Ой не видно того села, тôлько видно грушу:
Якъ я гляну въ ту сторôну, то й плакати мушу.

Чтобы, однако, сколько ни будь уяснить себѣ свою неизвѣстную, туманную, будущность, узнать, по крайности, мѣсто жительства будущаго мужа, дѣвушки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при каждомъ удобномъ случаѣ гадаютъ о своемъ суженомъ,-ряженомъ. Канунъ Новаго Года извѣстенъ здѣсь подъ именемъ «Богатой кутьи,» или «Щедрого вечера.» Въ это время, съ одной стороны, можно безъ спросу, тайкомъ, брать взаимно разныя вещи, конечно,

съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ на слѣдующій день: чѣмъ ловчѣе совершится это похищеніе, тѣмъ болѣе чести похитителю. Дѣвушки стараются брать вещи у парней. Ложась спать, онѣ кладутъ эти вещи себѣ подъ голову. Если они приснятся имъ, это считается хорошимъ признакомъ; съ другой—устрояется, по возможности, роскошный ужинъ (богатый); къ ужину, между прочимъ, готовятъ и кашу, которую при варенiи мѣшаютъ нарочно приготовленною лопаткой (у селянъ—«копыстью»). Дѣвицы берутъ эту «копысть,» на которой, конечно, находятся остатки каши, выходятъ съ нею на улицу и начинаютъ очищать ее. Если въ это время залаетъ собака, то, по мнѣнію селянъ, это вѣрный признакъ, что въ томъ мѣстѣ есть женихъ. Прибѣгаютъ и къ другому средству: берутъ башмакъ и со всѣхъ силъ бросаютъ его на улицу; потомъ разсматриваютъ, куда обращенъ онъ своею переднею стороной: тамъ, значитъ, придется быть за мужемъ (обычай, кажется, общерусскій). Еще: берутъ три сосуда: подъ одинъ кладутъ хлѣбъ, подъ другой—щетку, а подъ третій—кольцо. Одной изъ присутствующихъ дѣвицъ, невѣстѣ, завязываютъ глаза: она должна подойти къ которому ни будь сосуду, и вынуть положенную туда вещь. Если попадетъ на сосудъ, подъ которымъ находится кольцо, ей, значитъ, придется выйти замужъ за «молодца;» или возьметъ сосудъ съ хлѣбомъ, — выйдетъ за «богатаго;» въ послѣднемъ случаѣ въ женихи дѣвушка должна ожидать для себя вдовца.»

(Докшицы, Борис. Уѣзда Минск. Губ.)

Нужно замѣтить, что дѣвушки вообще боятся имѣть мужемъ вдовца. Имъ думается, что вдовецъ ужь непремѣнно злой человѣкъ, пьяница, разбойникъ, человѣкъ безъ всякихъ мягкихъ, нѣжныхъ, чуствъ. Вотъ какъ поютъ онѣ по этому случаю:

Не дай мене, моя матонька, за вдовця,
Бо вонъ выпоре нашиванычко зъ рукавця;
Выпороши, до корчмоньки занесе,
Пришовши зъ корчмы, за головоньку потрясе.

(Осипы, Кобрин. Уѣзда Гродн. Губ.)

Или:

Балиць мая галоўка адъ вѣнца,
Ня аддавай, мой татечка, за удауца,

Адай мине, мой татечка, у сенью,
У сеньи ось парадзенькъ усяну;
У истовки гаучи, малици — зъяруки,
Дажку клеиць, хату тапиць — ятроуки,
А у криницу на калицу — я, маладая.

(Opis. Boris. pow. str. 332.)

Но такъ какъ этотъ вопросъ для дѣвушекъ составляетъ вопросъ жизни и смерти, и такъ какъ опытъ говоритъ имъ, что нѣкоторымъ все таки приходится выходить за вдовцевъ, слѣдовательно, такъ уже на роду написанъ, такая ужъ доля, то, чтобы хотя нѣсколько успокоить себя съ этой стороны, онѣ опять прибѣгаютъ къ гаданіямъ. Въ тотъ же самый «Богатый» или «Щедрый вечеръ,» отыскиваютъ большой заборъ, сдѣланный изъ частокола, въ которомъ по меньшей мѣрѣ было бы 100 кольевъ. Нашедши такой заборъ, начинаютъ гадать. Способъ гаданія очень простой. Первый попавшійся колъ называютъ «молодецъ,» а слѣдующій за нимъ «вдовецъ,» третій опять «молодецъ,» а четвертый «вдовецъ» и т. д. Если послѣдній колъ будетъ «вдовецъ,» быть, значитъ, гадающей дѣвушкѣ за «вдовцомъ;» въ противномъ случаѣ ея женихъ будетъ «молодецъ.»

(Каменецъ Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.)

Любопытство дѣвушки на этомъ не останавливается: оно не знаетъ предѣловъ, и ей хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, въ мечтаніи, во снѣ, увидѣть своего любезнаго дружка. И для этого услужливыя бабушки придумали вѣрное, по ихъ мнѣнію, средство. На пятой недѣлѣ Великаго Поста, въ Среду, вечеромъ, когда читается Канонъ Св. Андрея Критскаго, дѣвки, собирающіяся гадать о своемъ миломъ, отправляются, вмѣстѣ съ другими, въ церковь: усерднѣе обыкновеннаго начинаютъ онѣ молиться Богу, чтобы, такимъ образомъ, призвавъ его въ помощь, лучше успѣть въ своемъ предпріятіи. Самое это Богослуженіе извѣстно въ церкви подъ именемъ «Андреева достоянія.» По окончаніи Богослуженія дѣвки возвращаются по домамъ, и тутъ, ложась спать, разсѣваютъ на своей постели заблаговременно приготовленную «горсть льнянаго, или коноплянаго, сѣмени;» при этомъ дѣвушка говоритъ слѣдующія слова: «На тебе, Святый Андрію, ленъ сѣю: Дай, Боже, знати, съ кѣмъ буду горе горевати!» Теперь онѣ засыпаютъ

полной увѣренности, что имъ въ эту ночь непремѣнно явится во снѣ ихъ суженый. Для большаго успѣха въ дѣлѣ любви, дѣвушки и парни обращаются иногда къ ворожеямъ—Цыганкамъ и у нихъ просятъ помощи. Въ пѣснѣ поется:

Цыганы стояли,
А мѣжъ тѣми Цыганами
Цыганка воружка,
А до тои Цыганочки
Бытая доружка.
— Цыганочка, вороженько,
Учини мнѣ волю:
Чи не стане дѣвчинонька
До шлюбу зо мною?—
Цыганочка, вороженька,
Волю учинила,
Сывому коникові
Гриву устригла.
— Бодай тебе, дѣвчинонько,
Вся семья любила!
Коню мôй, коню,
Золотая грива,
Бѣжи, мôй коню,
Де моя мила!

(Сборн. пам. нар. твор. въ СЗ. краѣ CXXXIII; ср. XXV.)

Впрочемъ, подобныя свои стремленія, внутреннія задушевныя тайны, дѣвушки, по возможности, стараются спрятать, скрыть отъ глазъ, зорко слѣдящихъ за ними «молодцовъ;» если послѣдніе замѣчаются иногда, выказываютъ свое предъ ними преимущество въ замужествѣ указываютъ для дѣвушки единственное спасеніе, о, въ отвѣтъ на это, они всегда услышатъ пѣсню, гдѣ выставляется тяжелая сторона брака, неразлучныя съ нимъ заботы, хлопоты:

Не руби сосны, бо не хилитця:
Не пôйду замужъ, бо не хочетця.
Зрубали сосну, похилилася:
Якъ вышла замужъ, зажурилася.

Или:

Ой у качора да злоте перо,
А у павоньки влосы:
Ой не заживеть жадна невѣста
Да у всёсенькôй роскощи.
Свекерко ходить по новыхъ сѣняхъ,
Невѣсту обучае:
—Встань, невѣсто, встань, молодая,
Уже двое курей пѣло!
Невѣста встала, да заплакала,
Рученьки заламала:
— Ахъ, Боже мôй да малюсенькій!
Чого же жь я да дочекала?
У матули была, якъ рожа цвѣла,
На всякôй роскоши; курей не чула,
Зоревъ не знала, робота пороблена:
А якъ пришла да до милого,—
На великое горе куры почула,
Зори познала, робота не зроблена!

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ ССП; ср. CCXLIX.)

Но во всякомъ случаѣ, желаніе выйти поскорѣе замужъ составляетъ одно изъ завѣтныхъ, сердечныхъ, желаній каждой дѣвушки. «Хвартуше, злый душе, говорить поговорка; просыш Бога я и ты, щобъ хучій мнѣ замужъ пойты. (Радованичи—Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.) «Новое сытко на колочку висить» и по тому дѣвушки въ высшей степени недовольны бываютъ своими-родителями, если тѣ, по какимъ ни будь соображеніямъ, откладываютъ время ихъ свадьбы. «Одложивъ хвôстъ (говорятъ о собакѣ); якъ батько весёлля на пôстъ,» слышится отъ нихъ часто по этому случаю. Дѣвушки страшно боятся заслужить укоризненное названіе: «Дѣвоцькій Король,» и ужъ тутъ не бываетъ обыкновенно никакого разбора при выборѣ женіховъ:

Сякій, такій, мужичина,
Абы дрова, не лучина;
Сякій, такій, абы бувъ,
Хлѣба й соли роздобувъ!...

Или:

Хочь за вола, абы дома не була....

Или:

Святая Покровонько,
Накрый менѣ головоньку,
Та хочь бы вже и онучью,
Най ся довго дѣвкой не мучу!

Мы сказали уже, что осеннее и зимнее время возбуждаетъ радныя, утѣшительныя, надежды. Примѣнительно къ этому суествуютъ разнаго рода поговорки и даже своеобразныя молит-ы. Съ Сентября мѣсяца начинаетъ слышаться между дѣвуш-ми: «Иванъ Богуславъ (Іоаннъ Богословъ—26 Сент.) дружки (по угимъ—дѣвоснубы) розославъ, а Покрова—дѣвка готова.» Осо-нно праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы (1-го Октября), вообще Богородичные праздники (въ осеннее и зимнее время льзуются большимъ уваженіемъ у дѣвицъ. На Покровъ онѣ рѣдко ставятъ свѣчи передъ образомъ, приговаривая: «Святый окровъ! Покрывъ землю и воду, покрый и мене молоду! (Овяты бр. Уѣзда Гродн. Губ.). Или: «Св. Покровъ! Покрый землю лис-мъ, а мене, молоду, чепцомъ!» (Дисн. У.), и стараются провести этотъ нь въ возможномъ весельи, въ той мысли, что «Покровъ весело овести, значитъ дружка знайсти.»

Прим. У всѣхъ Славянскихъ народовъ соединяется такое зна-ніе съ этимъ праздникомъ. «Батюшка Покровъ, говорятъ въ Ве-икороссіи, покрой сыру землю и меня молоду! Другіе говорятъ: Бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ: не меня ли молоду замужъ сна-жаетъ?» Или: «Ты Покровъ, Богородица, покрой меня, дѣвушку, леной своей нетлѣнною ити на чужую сторону!», Введенье, Мать огородица! введи меня на чужую сторонушку!» Срѣтенье, Мать огородица, всрѣть меня на чужой сторонушкѣ!)

Вопросъ о женитьбѣ въ сельскомъ быту поднимается сни-. Родители дали дѣтямъ жизнь: они должны позаботиться и ставить ихъ въ жизни, должны подумать и о миломъ для нихъ ужкѣ. Сами родители, селяне, смотрятъ такъ на свою задачу, рѣдко она поставляется иначе. Сынъ достигъ совершеннолѣтія, родители надумали женить его. Конечно, если нѣтъ родителей, о женитьбѣ подумываетъ онъ самъ, совѣтуясь съ своими род-венниками. Объявивъ сыну о намѣреніи женить его, родители огда спрашиваютъ у него, не имѣетъ ли онъ на примѣтѣ для бя невѣсты? Получивъ утвердительный отвѣтъ, они говорятъ ему:

Оженися, сынку, вазьми сабѣ жонку,
Вазьми сабѣ жонку хоць вдавину доньку;
Только самавольницы ня бяри,
И нашой хаты ня разари,
А бяри ты работницу,
Каторая бы домъ свой шановала,
Домъ свой оберегала,
А не то, чтобы спиной уголъ падпирала,
И насъ старыхъ за воротникъ на бѣлъ свѣтъ вытолкала!

(Черосы Дисн. Уѣзда Виленск. Губ.).

Или:

А усѣ луги пакуошоны,
А муое сѣно убрато,
Пытаецця сынъ матуоньки,
Куоторую узяци?
—Ой чи тую, матуленьку,
Што ручоньки тлусты?—
Самъ уважай, людзей пытай,
Чи попере хусты.—
—Ой чи тую, матуленьку,
Што личенько бѣло?—
Самъ уважай, людзей пытай,
Чи напече хлѣба?—
—Ой чи тую, матуленьку,
Што гладка у тануочку?—
Самъ уважай, людзей пытай,
Чи зробить сароучку.—
—Ой чи тую, матуленьку,
Што головка гладка?—
Самъ уважай, людзей пытай,
Чи мецена хатка?

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ СХ.)

Иногда родители считаютъ священнымъ долгомъ указать неопытному сыну, помимо его вѣдома, и невѣсту, которой, быть мо-

жетъ, онъ и не видалъ; о расположеніи, внутреннихъ чувствахъ, тутъ ужь и рѣчи быть не можетъ:

—Янечка маладзеньки,
Куды ты радзишься:
Чи у госци, чи у дарожку?
— Да не самъ я ражуся,
Радзиць мяне мой татечка,
Ни у госци, ни у дарожку,
Къ цесцятку на подворья,
Къ Агатцѣ на застолья.

(Opis pow. Borys. str. 301).

Или:

О Боже мой да милюсенькій,
Нихто правды не скаже:
Сама я не знаю,
Мнѣ люди не скажуть,
Съ кѣмъ мене матка свяже!

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, пѣсня CCXXXVIII.)

Очень рѣдко подобные браки имѣли хорошія послѣдствія: внутренній разладъ, постоянная нелюбовь, взаимное желаніе избавиться другъ отъ друга, наполняло жизнь такихъ несчастныхъ супруговъ. Вотъ какъ описывается въ пѣснѣ эта мрачная картина:

Няй вяже, да няхай вяже,
Да на сваю нядолю,
А якъ мнѣ придзе
Да и зъ нимъ бьщи,
То я зъ мосту и въ воду!
— Ой не тапися, моя донюшку,
Бо ты душу загубишь.—
А ще мъ бо я, мая матушка,
Да никаго ня любила,
Да кабъ я рочокъ, да кабъ другій,
Да дзѣвкаю пахадзила!
Ой намачивши канапялюшку,
Да треба выцягаци:

А женившись съ великимъ нядбайломъ,
Треба вѣкъ прападаци!

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ нѣсня CCXXXVIII.)

Или:

Ой ты, сухій дубе,
Чомъ ты не зеленый?
Молодый Козаче,
Чомъ ты не веселый?
— Ой якъ же мнѣ, дубу,
Зеленому бути?
Такъ и мнѣ, Козаку,
Веселому бути!
Чужіи жоночкы
Якъ перепёлочкы,
А моя невдала
Мнѣ свитъ завязала.
Якъ вóзьму невдалу
За бѣлую ручку,
Та вкыну, невдалу,
У быструю рѣчку.
Якъ вóзьму, невдалу,
За бѣлыи бóкы,
Та вкину, невдалу,
У Дунай глубокій.
— Ой плывы, невдала,
Тыхою водою:
Не було мнѣ житьця
Доброго съ тобою!

(Радованичи, Брест. Уѣзда Гродн. Губ.

Если свадьба совершается по обоюдному согласію съ сыномъ тогда, относительно выбора невѣсты, выполняются разнаго рода мѣстныя обыкновенія, условія. Еще заблаговременно родители просятъ своихъ знакомыхъ сватать или «раиць» имъ хорошую, трудолюбивую дѣвицу. Кромѣ того, разнаго рода игрища, посидѣлки досвѣтки или вечерницы, побываніе парня въ мѣстечкахъ, или деревняхъ, много способствуетъ ему въ выборѣ будущей подруги

ь его жизни. Прежде всего бываютъ «допытъ,» «допытины,» первая или малая горѣлка,» малые запоины,» «малые зарумяны.» Кстати замѣтимъ здѣсь, что очень трудно услѣдить все разнообразіе обычаевъ въ разныхъ мѣстахъ. Что городъ, то норовъ; что еревня, то обычай. Мы старались уловить и представить болѣе, ли менѣе, общее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Часто одно и то-е въ различныхъ мѣстностяхъ имѣетъ различныя названія. Что а пр., у однихъ извѣстно подъ именемъ «допытынъ,» у другихъ овершается подъ именемъ «малыхъ запоинъ,» «малой горѣлки,» малыхъ заручинъ.» Дѣло, впрочемъ, тутъ не въ названіи.

Обыкновенно бываетъ такъ: мать, или же ближайшіе родственники невѣсты, которые поопытнѣе и умѣютъ говорить побойчѣе, отправляются къ родителямъ намѣченной дѣвушки «въ сваты» цѣль ихъ—посватать своего молодца, и съ точностію узнать, огласны ли родители невѣсты и сама невѣста выйти за ихняго кениха. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «въ сваты» родственниками женіха приглашается лицо извѣстныхъ лѣтъ (на пр., 40 лѣтъ). Сватъ ломоложе не могъ бы возбудить къ себѣ того довѣрія и вниманія, которое требуется самымъ дѣломъ; свать постарѣе былъ бы не въ силахъ выказать той мощи, живости, подвижности, которая требуется при выполненіи возлагаемыхъ на него обязанностей. Въ цѣломъ селѣ одно и то же лицо бываетъ иногда какъ бы записнымъ уже сватомъ для всего своего околотка: для такой личности названіе «сватъ» дѣлается уже собственнымъ именемъ.

(Борисов. У. Минск. Губ.).

Дѣвушки, которыя поджидаютъ къ себѣ сватовъ, постоянно обнаруживаютъ уже какую-то безпокойную дѣятельность. Особенно это можно замѣчать по четвергамъ и субботамъ, дни, въ которые большею частію открывается сватовство. Чистота комнаты, ея опрятность, обращаетъ на себя большое вниманіе дочери невѣсты хозяина. Самымъ тщательнымъ образомъ моются столы, лавы, полки, домашняя посуда, нѣсколько разъ выметается изба. Дѣвушка-невѣста надѣваетъ бѣлье бѣлѣе обыкновеннаго, тонкое и новое, принаряжается въ бѣлую юбку, подпоясываетъ фартушокъ, на голову повязываетъ платочкомъ, изъ подъ котораго виднѣется коса, заплетенная обыкновенно красною лентой. Нужно стараться, чтобы во всемъ этомъ уборѣ виднѣлась обычная яко бы повседневность.

(Opis pow. Boryś. str. 347, 348.)

Отправляясь къ родителямъ невѣсты, сваты берутъ небольшую, въ два, три фунта булку хлѣба, нѣсколько бутылокъ пива или водки. Пришедши туда, они начинаютъ вести рѣчь разнаго рода притчами, загадочно, въ родѣ, напр., слѣдующаго: «Что, вотъ, молъ, у нихъ есть гусакъ, а нѣтъ гуски: не найдутъ ли они невѣсты у нихъ, чтобы такимъ образомъ обоимъ имъ жить вмѣстѣ?» Или же: «Не прибилась къ нимъ ихняя уточка, или овечка?» Иногда выражаются и прямѣе: «Нашъ быкъ, говорятъ они, къ вашей телушкѣ привыкъ; какъ бы далъ Богъ дождать, вашу телушку къ нашему быку загнать!» Сватьевъ упрашиваютъ сидѣть: «Спасибо, говорятъ они: дома сидѣли, ничего не высидѣли, а что будетъ, если еще сидѣть будемъ?» Этимъ сваты намѣкаютъ, чтобы невѣсты не засиживались дома въ дѣвушкахъ.

(Озяты Кобр. Уѣзда Гроди. Губ.)

Въ другихъ мѣстахъ сваты не входятъ прямо въ домъ невѣсты, а являются подъ окошко, въ видѣ подорожныхъ, и просятся на ночь. Домашніе невѣсты понимаютъ, конечно, въ чемъ дѣло: сначала немного торжатся, отнѣкиваются, говорятъ, что мѣста нѣтъ, а потомъ все таки соглашаются пустить проходящихъ въ домъ. Тамъ, съ согласія хозяевъ, они располагаются обыкновенно возлѣ стола, и сейчасъ начинаютъ вести приточную рѣчь. Одинъ изъ нихъ половчѣе говоритъ, что «они купцы, и слышали, яко бы въ домѣ есть хорошій товаръ, по чему они и зашли посмотрѣть его и купить.» На нихъ, по видимому, никто изъ домашнихъ не обращаетъ вниманія; хозяинъ обыкновенно сидитъ въ «кутѣ» (въ углу, подъ образомъ—самое почетное мѣсто въ избѣ), какъ бы погруженный въ какую-то глубокую думу. Его дочь идетъ прежняго начинаетъ суетиться около своихъ занятій, тоже никого и ничего, по видимому, не замѣчая. Только въ концѣ концовъ, когда мнимые купцы, въ поясненіе своей предыдущей рѣчи, прибавятъ, что «у хозяина есть молодая, а у нихъ—молодой; что имъ желательно, чтобы изъ нихъ была пара одна,» дѣло принимаетъ иной оборотъ, все оживляется. Сватьямъ предлагается почетное мѣсто, все предлагается къ ихъ услугамъ; невѣста, въ свою очередь, быстро исчезаетъ изъ избы въ другую комнату, или даже къ сосѣдямъ. Главное дѣло сватовъ расхвалить женика: они и говорятъ теперь о его небываломъ богатствѣ, особенномъ умѣньи работать, неизвѣстномъ почетѣ; однимъ словомъ, выставляютъ его съ самой лучшей стороны: «Такой, молъ, молодецъ, что за горами

а морями, только и рѣчей, что о немъ.» Въ заключеніе просятъ одителей невѣсты выдать дочь за ихъ парня.

Обыкновенно невѣста поступаетъ въ домъ родителей жениха; ногда бываетъ на оборотъ: когда у родителей невѣсты большое озяйство, когда сами они уже почетные старики, а между тѣмъ ребуется вездѣ наблюдательность, надзоръ и усердный работнкъ, они въ свой домъ принимаютъ жениха. Онъ тогда называется примакомъ,» и дѣлается полнымъ хозяиномъ.

Расхваливая жениха, сватъ мимоходомъ замѣчаетъ, что вѣдь у хозяина не всѣ дома, намекая этимъ на отсутствіе невѣсты. Из замѣчаніе свата, женщины, присутствующія въ избѣ, выходятъ и стараются заманить сюда невѣсту. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, имъ наконецъ это удается. При появленіи невѣсты въ избѣ, вниманіе всѣхъ обращается на нее. Ставши при дверяхъ въ углу (кочережникѣ), она ни на кого не смѣетъ поднять глазъ. Родители совѣтуются между собою. «А що, жёнко? Отдаймо свою Ганночку замужъ. Нехай иде межи люды, коли у насъ не хоче бути!»—«Нехай ёи Богъ благословитъ и добру долю дастъ.»—«А що мы, жёнко, дамо ёй?»—«А що жъ? Скрыню, перыну и корову....» Потомъ спрашиваютъ болѣе для приличія о согласіи своей дочери на дѣлаемое предложеніе, на что почти всегда слышится одинъ отвѣтъ: «Коли хотять того батько и матка, я пôйду» (Руда, Брестск. Уѣз. Гродн. Губ.) Если родители соглашаются, то начинается малое угощеніе, пьютъ «первую или малую горѣлку,» «запиваютъ дѣвку.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Борис. Уѣз. Минск. Губ.) хозяйка сейчасъ же на закуску печетъ яичницу; если водку пьютъ всѣ домашніе, то яичницу ѣдятъ только сваты, родители невѣсты и сама невѣста. Закусивши, когда уже и водка, привезенная сватомъ, выпита, мать невѣсты беретъ локоть (¾ аршина), или два, тонкаго полотна, обертываетъ имъ оную бутылку, и въ такомъ видѣ отдаетъ свату.

(Opis. pew. Borys. 351.)

Во всякомъ случаѣ родители невѣсты просятъ у сватовъ маленькой отсрочки, на какую ни будь недѣльку, пообстоятельнѣе подумать о сдѣланномъ предложеніи: въ сущности же такъ дѣлается для того, чтобы показать всѣмъ, что дѣвка ихъ—товаръ непростой, не такой, который сразу отдаютъ, а тѣмъ болѣе, чтобы потомъ не сказали и не подумали, будто съ нимъ напрашивались. Этимъ и оканчиваются собственно «допытины,» «малые запоины.»

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «допытины,» «запоины» совершаются проще. Предварительно переговорившн съ родителями невѣсты, «сваты,» запасшись закуской и водкой, въ условленый срокъ являются къ нимъ въ домъ. Поздоровавшись, садятся за столъ. Невѣста въ это время идетъ собирать своихъ подругъ, а другой кто ни будь изъ хаты отправляется просить на «запоины» крестныхъ родителей и родственнико въ невѣсты. Когда гости соберутся, подруги вводятъ въ хату молодую съ слѣдующею пѣснію:

А то жъ табѣ Василька (примѣрно—имя свата)
Увядзюнка Агатка;
Кали яё любишь, дай пирогъ;
Кали ня любишь, то вонъ за парогъ;
Ня хвали ее, што у насъ бывъ,
Што нашей Агатки ня злюбявъ.

(Opis. pow. Borys. 289.)

Пожатіемъ руки сватъ привѣтствуетъ молодую, подаетъ пирогъ, сыръ, жаркое, водку наливаетъ въ мису, куда кладетъ нѣсколько копѣекъ. Подруги молодой собираютъ все это и, вмѣстѣ съ невѣстой, уходятъ въ другую комнату, гдѣ взаимно подчуются и поютъ молодой пѣсни:

Ой гаросе, гаросе!
Сѣли цябе хароще,
При дузѣ, при дарозѣ,
При битомъ гасцинцу.
Ай ты, красна Агатка,
Заручили цябе хороше,
При радни и племени,
При радномъ татечку.

(Opis. pow. Borys. 289.)

Или:

Пріѣхали заручники:
Чаму яни безъ дудечки?
Агатка не удавачка,
Захочець пагуляць.

Татковъ дворъ ривноваць
Ножками, астрожками,
Чорными чабатами,
Зъ маладыми сватами.

(Opis. pow. Borys. 289—292.)

Поютъ еще и многія другія пѣсни. Сваты со стороны молодого закусываютъ въ это время съ другими гостями, и потомъ одятся домой.

Рѣдко бываетъ, что родители невѣсты отказываютъ сватамъ: говорятъ тогда, что дочь ихъ еще молода, что ей не по силамъ «ни воды принесци, ни хлѣба замѣсиць;» что у нихъ нѣтъ акого голубка; или же, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наливаютъ, омъ боченокъ, принесенный сватами, что служитъ знакомъ от-; въ случаѣ согласія боченокъ насыпаютъ рожью. Если бы илось, что отказъ послѣдовалъ уже послѣ «малыхъ запоинъ,» а родители невѣсты обязаны возвратить сватамъ понесенныя изкки (20 грошей въ Борисовск. Уѣздѣ). Когда родители невѣсты ть свое окончательное согласіе, тогда въ первое Воскресенье ъ жениха спѣшитъ дать въ церковь «на первую заповѣдь» ашеніе). При оглашеніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присутствуженихъ и невѣста съ родителями. Обыкновенно въ это же ресенье вечеромъ бываютъ, такъ называемая, «дѣвоснубы,» обины,» «злюбины,» «оглядины,» «смотрины,» «великіе учины», «великія запоины,» «великая горѣлка.» Здѣсь въ ый еще разъ, такъ сказать, встрѣчаются женихъ и невѣста въ ощей свой роли; теперь поближе они ознакомываются, присмаются другъ къ другу. Отецъ придаетъ сыну кого ни будь изтвенниковъ, который называется «дружка,» даетъ имъ «госцы,» главнымъ образомъ водку и «колачи.» Въ нѣкоторыхъ ахъ къ дѣвоснубамъ приготовляютъ нарочно колачи—небольвъ два, три, фунта булки хлѣба—поболѣе обыкновеннаго, и предугадываютъ какъ бы будущее счастіе жениха. Одну изихъ еще булокъ называютъ именемъ жениха. Если во время нія «колачъ» Ивана, или Степана, потрескается, значитъ и счаженіиха будетъ непрочно, непостоянно. Въ противномъ слуможно быть спокойнымъ относительно своей будущности. отовивши все нужное, женихъ съ дружкомъ отправляются дѣвоснубы.»

(Каменецъ, Брест. Уѣзда Гродн. Губ.)

Точно такъ же, какъ при «допытинахъ,» сватья, теперь женихъ съ дружкомъ, не входятъ въ домъ новѣсты, а останавливаются у окошка и начинаютъ, что называется, тары-бары: то въ видѣ купцовъ дружко проситъ позволенія войти въ домъ переночевать; то, представляя собою какъ бы заблудившагося съ дороги, просить указать прямой путь къ извѣстному пункту; иногда же прямо спрашиваетъ: «Чи не маеце целушки да прадажи?»—«Маемо,» отвѣчаетъ отецъ невѣсты, «и просимо васъ да хаты.» Дружко съ женихомъ входятъ, крестятся, здороваются и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ: «Мы гости присланы, чтобъ столы были засланы;» хозяева отвѣчаютъ: «А мы гостей принимаемъ и столъ застилаемъ.» Дѣйствительно застилаютъ столъ, дружко съ женихомъ ставятъ водку, кладутъ калачи; все остальное, необходимое для угощенія, должно быть приготовлено со стороны невѣсты.

Сама невѣста къ этому времени окружена уже бываетъ особою дружиною, постоянными подругами, извѣстными подъ именемъ «большанокъ,» «приданокъ.» Эти подруги придаются невѣстѣ сейчасъ же послѣ «малыхъ запоинъ,» если только послѣдовало согласіе родителей невѣсты на бракъ. «Большанки,» если можно, живутъ у невѣсты до времени брака, развлекаютъ ее, помогаютъ ей въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ, поютъ разныя пѣсни:

Наша, Тацянка, наша,
Паймала сабѣ пташа,
Да у зяленамъ жицѣ.
У чирвонымъ аксамицѣ.

Или:

Ой цёмка, цёмка на дварѣ,
Ой цямнѣй таго за дваромъ:
Баяры варота аблягли,
Пасыпали золота на скамьи,
Да ходзяць, паходзяць па двору,
Да папросюць Тацянки;
Тацянка татульки прасила:
«Даражи, татулька, даражи,
Да сто чёрвонцавъ запраси;
Тагды мяне, маладу атдаси.

На «дѣвоснубы;» кромѣ дружины жениха, собираются также родные, близкіе, добрые сосѣди, знакомые невѣсты, и начинается

щеніе. Угостившись немного, дружко начинаетъ требовать, бы невѣста усѣлась возлѣ жениха. Онъ говоритъ отцу невѣ- такъ: «Свату, за ще мы пьемъ?» Въ отвѣтъ на это собрав- ся женщины начинаютъ пѣть слѣдующія слова:

Заручоная Марися,
Заручивъ єи Господь Богъ,
И батенько навперудъ,
Заручила єи и матюнка...

Или:

Гнися, калино, гнися,
Ты (имя жениха) не журися:
Мы калину наломимо
(Имя невѣсты) намовимо,
Съ тобою посадимо.

(Каменецъ Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.)

Невѣста наконецъ садится около жениха, и продолжается уго- е. По окончаніи всего гости встаютъ, благодарятъ Бога, хо- , и расходятся. Невѣста въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ другихъ. ея) беретъ одну изъ бутылокъ, въ которой женихъ приноситъ у, наполняетъ ее рожью, обвиваетъ утиральникомъ, краснымъ эмъ и подаетъ дружку. Этимъ она заявляетъ, чтобы у нихъ въ изобиліи такъ, какъ полно она насыпала бутылку. же женихъ съ невѣстою мѣняются обручальными кольцами ста теперь проводитъ жениха; за нею идутъ женщины и ь:

Сонько за хмару заходить,
Молода молодого проводить.

За такую услугу женихъ даритъ невѣсту деньгами, поцѣлуемъ, ходятся. Это «дѣвоснубы,» «оглядины,» «вторая или вели- горѣлка.» Теперь отецъ жениха даетъ въ церковь на другую овѣдь,» и родители невѣсты не могутъ уже отказать жениху, могли это сдѣлать послѣ «допытынь.»

«Дѣвоснубы,» равно какъ и другіе свадебные обряды, сопро- аются пѣніемъ разнаго рода многочисленныхъ пѣсенъ, кото- желающіе могутъ найти въ упоминаемыхъ нами сборникахъ.

звавши изъ другой комнаты молодую съ «большаками,» вводитъ ее къ гостямъ. Поддерживаемая своими подругами, она каждому дѣлаетъ поклонъ въ поясъ: подходитъ потомъ къ одной изъ замужнихъ женщинъ, и проситъ ее принять, вмѣстѣ съ «большанками,» участіе въ приготовленіяхъ ея къ свадьбѣ. Та сначала отнѣкивается, потомъ соглашается и поступаетъ въ число постоянныхъ подругъ, спутницъ молодой. Называется она «маладзицей.» Въ настоящемъ случаѣ это слово обозначаетъ не только замужнюю женщину, но и настоящую спутницу молодой.

Наконецъ и хозяинъ уступаетъ просьбамъ молодого и входитъ въ избу. За нимъ молодой съ дружиной, и садятся на своихъ мѣстахъ. Тогда женщины придвигаются къ столу и усаживаются напротивъ молодого: старшая «большанка» напротивъ свата, младшая напротивъ старшаго дружка, «маладзица» напротивъ музыки, или младшаго дружка и т. д. Напротивъ отца невѣсты, который сидитъ на послѣднемъ мѣстѣ (на первомъ—молодой), оставляется свободное мѣсто для ея матери. Теперь только она проходитъ еще въ избу и занимаетъ свое мѣсто. Сейчасъ же приносятъ водку и закуску. Хозяйка открываетъ угощеніе.

Наливши рюмку водки, она пьетъ здоровье свата; наливаетъ вторично, покрываетъ рюмку бѣлымъ платкомъ и подаетъ свату. Сватъ пьетъ къ молодой, та къ старшему дружку, обертывая, по примѣру матери, рюмку цвѣтнымъ, преимущественно краснымъ платкомъ. Спрятавши платокъ, дружко, въ свою очередь, вторично пьетъ къ молодой; принявши рюмку и только «пригубивши,» невѣста подаетъ ее младшему дружку, предварительно обернувши рюмку платкомъ. Младшій дружко пьетъ къ «маладзицѣ,» та къ молодому: молодой къ старшей «большанкѣ, а та къ музыкѣ,» обернувши рюмку поясомъ работы молодой. Замѣтимъ здѣсь, что такихъ поясовъ инымъ невѣстамъ приходится разобрить во время свадьбы иногда до ста, и потому нѣкоторыя дѣвушки съ девяти, или двѣнадцати, лѣтъ начинаютъ уже ткать пояса. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ тесьмы, шириною въ два, въ полтора, пальца. Для ихъ основы употребляются бѣлыя льняныя нитки, а на утокъ—цвѣтная шерсть. Между различными цвѣтами красному отдается преимущество у крестьянъ. Спрятавши рюмку музыка пьетъ къ молодой, она до свата, тотъ до отца невѣсты; очередь заканчиваетъ молодой, отъ котораго рюмка переходитъ къ остальнымъ гостямъ, и начинается общая попойка.

Въ это время «маладзица» растилаетъ на столѣ бѣлый пла-
окъ, на которомъ женихъ и невѣста складываютъ свои кольца.
огда двѣ «большанки» съ одной стороны, а два дружка съ дру-
ой, берутъ платокъ по угламъ его и поднимаютъ выше головъ,
сватъ, во всеуслышаніе, произноситъ: «Виватъ!» Присутству-
щіе должны вторить ему. Это повторяется три раза. За треть-
мъ разомъ молодица беретъ кольцо невѣсты и вкладываетъ
го на палецъ. Сватъ подобное дѣлаетъ съ кольцомъ жениха. Онъ
е беретъ послѣ этого платокъ, прячетъ его, а молодой подаетъ
ашмаки. Легкимъ склоненіемъ головы молодая благодаритъ сва-
а, беретъ подарокъ и съ презрѣніемъ бросаетъ его на землю.
й подаютъ вторично; она снова бросаетъ. Башмаки подаютъ
вату, который препровождаетъ ихъ невѣстѣ, съ замѣчаніемъ,
то, молъ, данная мѣстность неровная, и по тому башмаки могутъ
ригодиться. Но невѣста по прежнему три раза отвергаетъ пода-
окъ, и только за послѣднимъ разомъ передаетъ его на сохране-
іе старшей большанкѣ. Устыдившись какъ бы своего поступка,
на опускаетъ глаза внизъ, или же обращаетъ ихъ совершенно
ъ другую сторону, а «большанка» съ «маладзицей» поютъ:

«Ня сядзи, Тацянка, бокомъ,
Гета табѣ нѣ зъ нарокомъ;
Сядзь сабѣ просцюсенька,
Будзе табѣ милюсенька.»

Три раза повторяется эта пѣсня. Молодая наконецъ подни-
маетъ глаза, а молодой подаетъ ей руку и встаетъ изъ за стола;
другіе дѣлаютъ тоже, выходятъ всѣ попарно на средину и от-
крываеся пляска. Постоянно играетъ музыка, по временамъ поютъ
пѣсни, продолжается угощеніе: много всего свѣдается, а и того
больше выпивается. Нужно помнить, что каждый изъ гостей при-
носитъ что ни будь выпить и закусить; кромѣ того, молодые парни
приносятъ еще что ни будь особенное своимъ возлюбленнымъ и, въ
общей сумотохѣ, нерѣдко уводятъ ихъ въ особую комнату, гдѣ и
угощаютъ. Пиръ идетъ горой. Въ заключеніе бываетъ «вечеря»,
и всѣ расходятся по домамъ. Во время «змовинъ» уговарикаются
относительно времени печенія коровая, состава дружины молодо-
го и молодой, кого и какимъ образомъ приглашать на свадьбу и
почтивать и т. под.

(Opis. pow. Boris. 293, 357—368.)

На канунѣ свадьбы, обыкновенно въ Субботу, вечеромъ, бы-
ваютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «заручины,» «сборная Суботка.»
Это уже, какъ выражаются селяне, «начало весилья.» Къ это-
му времени, еще дня за два, родители невѣсты посылаютъ кого-
нагo просить на свадьбу своихъ пріятелей. Посланное лицо (в
нѣкоторыхъ мѣстахъ оно называется «просатый») приходитъ в
знакомый домъ и говоритъ: «Прошу на весилье. Просивъ (ш
жениха и невѣсты) батько, маты, и я прошу. Прошу на хлѣб
на соль, на ще Бугъ давъ.» Или: «Прошу Бога да и васъ, буд
ласкавы, придзице на весилье до насъ!» Часто просятъ они ка
даго встрѣчнаго, поперечнаго. Но въ свадьбѣ, въ угощеніи, могу
принимать дѣятельное участіе только тѣ, просить которыхъ за
дили въ домъ. Остальные должны считать просьбу одною фо
мальностію, приличіемъ. Сама невѣста въ это время тоже не си
дитъ дома. Она ходитъ по всѣмъ домамъ родныхъ, сосѣдей, зн
комыхъ. Войдя въ домъ, она прежде всего кланяется хозяину до
ма, потомъ хозяйкѣ, и, если эти послѣдніе уже почтенныхъ лѣ
то цѣлуетъ имъ руки. Тотъ, кому кланяется, долженъ перекре
стить ее, приговаривая: «Дай Боже счастливе!» старики говорят
такъ: «Нехай табе, дзетка, Богъ благаславиць счасцемъ и долей
У дѣвушекъ, если онѣ есть въ домѣ, невѣста проситъ лентъ н
«строй» и приглашаетъ ихъ на свадьбу. Женихъ, кромѣ «свата»
«дружка», избираетъ теперь себѣ еще «маршала, чашника, ста
росту, возилу, кубельника, закосниковъ и др. Съ наступленіем
вечера гости начинаютъ собираться въ домъ невѣсты. Молоды
должны приготовить подарки: со стороны молодого уже непре
мѣнно должны быть заготовлены башмаки для молодой: по
слѣдняя шьетъ ему рубашку. Это въ крайности: если можно, по
дарки бываютъ гораздо сложнѣе.

(Чересы, Виленской Губ. Дисненскаго Уѣзда.)

Въ «Сборную Суботку», вечеромъ, въ домѣ невѣсты уста
ляется по срединѣ хаты столъ, накрытый скатертью, на немъ ста
вятъ кушанья, водку, пиво. Прежде всего собираются къ нев
стѣ званныя дѣвушки, потомъ сосѣди, знакомые, родственники
Въ пѣснѣ поется:

Ступлю я на калину,
Гукну я на родину:
«Збѣрайся, родочку,
Въ суботу зъ вечерочку,

Въ суботу пузненько,
Въ недѣлю раненько,
На новый двуръ,
За тесовый стулъ,
До Мариси на весильле!

Или:

«Чомъ ты, Ганночка, не вечераешь
У своего батенька?
Ой якъ пуйдешь а до чужого,
Не будешь вечерати:
Сами сядуть вечерати,
Тебе пошлють по воду:
Вёдро велике, вода далеко,
Ноченька темненька.»
— Не журитеся, близьки сосѣди
Ночкою темненькою:
Ой есть у мене золотый перстень,
Вонъ буде мнѣ свѣтити;
Ой есть у мене молодъ Иванко,
Вонъ буде мнѣ годити:
Я за вёдерце, вонъ за другее,
Принесемо обое.»

Сборн. пам. нар. творч. XCIV.)

Кенихъ, съ своими дружками, обыкновенно не снѣшить пріь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ ожиданіи жениха, бываетъ, азываемый, «вѣнокъ.» Собравшіяся дѣвицы ставятъ себѣ й столъ, садятся кругомъ него, невѣста приноситъ «руту,» торой ея подруги и начинаютъ вить ей вѣнокъ. Приступая у, онѣ испрашиваютъ передъ этимъ благословенія у роди- невѣсты: «Пане ойче, пани матко! благаславице маладой звиць!» Присутствующіе отвѣчаютъ: «Боже, благослави!» овторяется во второй и третій разъ. За третьимъ разомъ ствующіе прибавляютъ: «Да же то радзи!» При витіи вѣнка ı поютъ:

А въ огородцѣ, а въ новенькомъ, зельечко зацвѣтае:
Въ нашей дѣвонькѣ молоденькои весильле зачинае,
Бугъ же ёй дае, допомогае,

Батенько докладае,
А ёще къ тому родина прибывае.

Или:

Иде Кузёмко до дѣвки,
Якъ ясный мѣсяцъ до зурки,
Пытаетця свого батенька, якъ до дѣвки говорити.
Батенько каже до него:
«Не говори ничого;
Есть у тебе маршалько для того!»

Или:

Да старое бердо, да старое бердо,,
Да новые начивницй:
Да вже жь минаются, да вже жь минаются,
Всѣ твои вечерницы.
Да старый свирень, да старый свирень,
Да новое будованейко:
Да вже жь минается, да вже жь минается,
Все твое гулянейко.

Или:

Да вѣнокъ виць, да вѣнокъ виць,
Да нашимъ маладымъ добро жиць.

(Верховичи, Слоним. Уѣзда Гродненской Губ.)

Или:

Ляцевъ виноградъ циразъ садъ,
Разсыпавъ перёйко на увесь садъ,
Малада (имя) хадзила,
Яна своихъ дзѣвочекъ просила:
— «Дзѣвачки маe, сястрицы,
Вы гета перенко збяриця,
Да мнѣ вяночекъ звиця,
Хоць не руцвяный—пардовы,
Кабъ бывъ до шлюбу гатовый.»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ. CCLXXIV.)

Если невѣста сирота, ей поютъ слѣдующую пѣсню:

Знати Мариськи, що сиротонька:
И двуръ узенькій, и стулъ низенькій,
Пошлю сокола на украину, на свою родину,
А сыву зозульку къ высокому небу по свою матульку;
Ще зозулька не долѣтае,
Матюнка вже промовляе:
«Дай же мнѣ покой, сыва зозулько!
Не могу встати, свему дѣтяти
Вселякъ порякокъ дати:
Сырая земля двери налягла.»

Или:

Знати Марисю, знати молоденьку,
Що не батенько отдае:
И стулъ низенькій:
И чаша меда не повненька,
И родина не веселенька.

Или:

Ой нѣма, нѣма, Мариси дома,
Пошла Марися до пана Бога
Просити батенька (или матеньку) на весельлечко.

Сирота невѣста поетъ:

«Прошу тебе, татку, на весельлечко.»
—«Веселися, доньку, зо всѣми Святыми,
Зо всѣми Святыми, зъ людьми добрыми!
Ой уже жь бо я за тремя замками:
Первый замочекъ—зъ дощекъ домочекъ,
Другій замочекъ—рыжичій пѣсочекъ,
Третій замочекъ—трава-мурава!»

Или:

Што дзень передъ Богомъ,
(имя) маточка,
Яна у Бога проситца:
«Боже, Боже,

«Пусци мяне зъ неба даловъ:
Дробнымъ даждчемъ,
У полѣ мыглицою,
У травѣ расицою,
Поглядзеци дзѣцяци,
Ци харашо прибрана,
Ци высоко пасадзана.
Прибрана якъ панета,
Посадзана якъ сирота,
Прецивъ кутняго аконца,
Прецивъ яснаго сонца.

Или:

Хто тамъ ходзиць,
На цемнымъ лѣсѣ гукая?
Маладая дзѣвочка
Сваёй матачки шукая:
— Выдзи, выдзи, мая маточка, да мяне!
Нѣма у мяне парадочку безъ цябе.»
«Я выйци, мае двицятка, ня магу,
Балиць мая галовочка, ня узниму;
Зрабили добрн людзи добрый домъ,
Бязъ сѣначекъ, бязъ аконачекъ,
Бязъ сонца.
Нѣ скажу табѣ, маё дзицятка,
Ни словца.»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ CXCIII, CCXXXIX.)

Свивши вѣнокъ невѣстѣ, начинаютъ вить жениху его «друкамъ», «подмлодію;» все это сопровождается пѣніемъ пѣсенъ

А въ полѣ садочекъ неметенъ
Ярою руткою оплетенъ;
Нихто въ томъ садочку не бувавъ,
Но одинъ (имя жениха) въ карты игравъ,
И къ собѣ (имя невѣсты) намовлявъ:
«Намовся (имя невѣсты), намовся,
Мнѣ молодому быть женою,
Моему батеньку слугою!»

Или:

Въ новомъ городцѣ,
По яруй рутцѣ
Плакала (имя нев.), вѣночки, вьючи.
Почувъ (имя жениха), по коня идучи:
Чого, серденько, плачешь ревненько?
—О якъ же бо мнѣ та не плакати:
Въ тебе, молодого, родины много,
Въ мене, молодои, подарковъ мало.»
«Моє серденько, не плачь ревненько:
Якъ я захочу, то й перескочу свою родину,
Низкимъ поклономъ, покорнымъ словомъ.»

(Верховичи, Гродн. Губ. Слонимск. Уѣзда.)

Часто, въ перемежку съ пѣснями, играетъ доморощенная му-ка и пляшутъ.

Наконецъ пріѣзжаетъ и женихъ, въ сопровожденіи отца, ружка,» «маршалка» и многихъ другихъ. Его встрѣчаютъ съ етомъ. Онъ не входитъ въ общую комнату, но останавливается на которое время въ сѣняхъ. Маршалокъ береть подарки, которые нихомъ назначены невѣстѣ и, взявъ за руку жениха, вводитъ его общую хату. «Нехъ бендзе пахвалёный Езусъ Христусъ!» гово-ъ онъ (теперь говорятъ: «Слава Богу!»). «Ото панъ мала-й абсылаець панну маладую тѣми падарками! Кабы были ла-вы и приняли.» Онъ кладетъ ихъ на кнутъ и подаетъ моло-і. Молодая, вмѣстѣ съ свахами и дружками, дѣлаетъ, за такое теніе, глубокій поклонъ родителю жениха и маршалку, принитъ отъ имени молодого подарки и, на показъ всѣмъ, кладетъ въ видномъ углу комнаты. Въ свою очередь выступаетъ мар-юкъ невѣсты и спрашиваетъ: «А чи іосць тутъ ацецъ пана адого, матка и маршалокъ?» Противная сторона отвѣчаетъ, есть (матери иногда не бываетъ). Маршалокъ невѣсты про-жаетъ: «Ото панна маладая абсылаець тыми падарками атца, ку, маршалка, пана маладого! Кабы были ласкавы и приняли.» юдому подается «рутвяный вѣнокъ.» За честь женихъ дѣлаетъ лоны родителямъ невѣсты, принимаетъ подарокъ отъ маршал-и пришпиливаетъ его къ шапкѣ; остальныя же вещи отдаются принадлежности: если онѣ состоятъ изъ кусковъ холста, то

его перепоясываютъ черезъ плечо. По окончаніи этой обрядности начинается другая.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Мы сказали уже, что еще заблаговременно уставляютъ среди хаты столъ различными кушаньями, водкой и пивомъ. Теперь, прежде чѣмъ усядутся за столъ, молодые должны еще трижды обойти кругомъ его. Жениху нужно взять невѣсту, но ее окружаютъ «дружки,» «боярки» и не пускаютъ; женихъ выкупаетъ невѣсту, оставляя «дружкамъ» по нѣскольку копѣекъ. Тогда оба «маршала» (жениха и невѣсты) подаютъ молодымъ два бѣлые платка; за концы ихъ берутся женихъ съ невѣстой и три раза обходятъ кругомъ стола. За каждымъ обходомъ кланяются всему роду и получаютъ благословеніе: «Богъ нехъ благославитъ!» Если есть музыка, то играетъ, или же поютъ:

Не вѣтеръ калину поломитъ,
Дѣвонька коло стола ходитъ,
За собою два анголы водитъ,
Третёго батенька свого:
«Батеньку, сядь собѣ за столикомъ!
Казали мнѣ анголы мои
Уклонитися тобѣ:
Батеньку, благослови долею!»

(Верховичи, Гродн. Губ. Слоним. Уѣзда.)

Совершивъ обхожденіе, маршалки указываютъ молодымъ на первыя мѣста за столомъ, и садятся вмѣстѣ съ ними; другіе поютъ

Летѣли гусоньки черезъ садъ,
Кликали дѣвоньки на посадъ:
«На посадъ, дѣвоньки, на посадъ,
Стелите ковдры въ складный рядъ!
Благослови, батеньку, я сяду,
А не такъ, я пойду, якъ бачу,
А не такъ, я сяду, якъ стою.»

Или:

Збурная сяя суботка,
Збѣрала дѣвонька подружки,

Садовила она ихъ рядъ у рядъ,
И сама сѣла выше ихъ,
Гадала гадоньку тише ихъ,
Казала: «Я замужъ не пойду,
Молодца не люблю.»
Не уважай, батеньку, на тое,
Замочи ячмень на солодъ,
Уже я съ молодцемъ на словѣ стала.»

(Верховичи. Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

Пѣніе сопровождается иногда и музыкой, а за столомъ идетъ ованье. Если гостямъ можно сказать, съѣсть и выпить лишь, то молодые должны соблюдать возможное приличіе, воздержъ. Угощеніе нерѣдко продолжается за полночь. Зная, что мой четѣ придется еще приготовляться къ вѣнцу, маршалокъ одого встаетъ изъ за стола, «дякуетъ отцу, матери, сватовѣ и гцѣ, за всѣ пожитки,» и съ женихомъ отправляется домой. огда поютъ:

До долу, вѣтечко, до долу,
Пора намъ, гостоньки, до дому:
Вже мѣсяць дорогу освѣтивъ,
Господарь ворота отчинивъ;
Лѣпшъ же намъ було не знатися,
Нежъ теперенька розстатися!

(Сбор. памят. нар. твр. въ краѣ CCVIII.)

Другіе гости нерѣдко остаются. Заручины кончились. Онѣ ершаются еще и такъ: Когда гости соберутся на званный вечъ, то невѣста здоровается съ ними за руку, черезъ хустку. Сейчасъ же начинается угощеніе, и отцу невѣсты поютъ:

Батюшка радненькій перапой пріймае,
А мяне забывае,
Я гетый перапой падъ столъ падлю,
А тую чарочку а камень разабью,
А гасцей за варота праганю.

Потомъ ту же пѣсню, съ перемѣной названія, поютъ матери. слѣ этого, съ согласія родителей невѣсты, начинается въ домѣ

особый обрядъ. Сватъ ударяетъ плетью объ стѣну и говоритъ «Пане ойче, пани матко, за благаславенѣмъ пана Бога всемогущего, пазвольце запалеваць въ своихъ кнеяхъ!» При этихъ словахъ невѣста съ двумя дружками прячется въ клѣть. Сватъ подводитъ къ жениху одну дружку подъ видомъ невѣсты, потомъ другую, но женихъ не признается къ нимъ, а тѣ, получивъ отказъ, со стыдомъ возвращаются на свое мѣсто. Тогда сватъ подводитъ невѣсту, которая, будучи признана женихомъ, кланяется на всѣ стороны родителямъ и гостямъ, и садится за столъ по лѣвой сторонѣ жениха. Сватъ тогда испрашиваетъ благословенія Божія и родительскаго для обрученія молодыхъ. Родители соглашаются, а присутствующіе начинаютъ торгъ за вѣнецъ, который сватъ покупаетъ у старшей большанки, дружки. При этомъ поются разныя пѣсни, потомъ слѣдуетъ обрученіе—обмѣнъ колецъ; все заключается ужиномъ, послѣ котораго гости отправляются по домамъ.

(Собраніе пѣсенъ, сказокъ.... Дмитріева, 182—184.)

Одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду свадебныхъ обрядовъ Западнорусскихъ селянъ занимаетъ печеніе «коровая.» Пекутъ коровай не вездѣ въ одно время: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на канунѣ свадьбы, въ другихъ—въ день самой свадьбы; послѣднее опять у однихъ совершается во время отсутствія молодыхъ, когда они отправятся къ вѣнцу, другіе пекутъ его вечеромъ, по возвращеніи молодыхъ изъ церкви. Бываетъ и такъ, что у молодого пекутъ коровай на канунѣ свадьбы, а у молодой въ самый день свадьбы. Однако «сборная суботa,» о которой воспѣвается въ свадебныхъ пѣсняхъ, указываетъ, что печенію коровая слѣдуетъ быть въ Субботу, передъ Воскресеньемъ—днемъ свадьбы.

Обыкновенно на канунѣ печенія коровая дѣлается для него растворъ изъ муки. Для этого избирается нѣсколько дѣвицъ большею частію нечетное число, и одна между ними получаетъ названіе «старшей коровайницы,» мастерицы, бываетъ всему дѣлу воротила. Иногда растворъ для коровая приготовляетъ крестная мать, или же старшая въ домѣ. Къ этому торжеству гостей созываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдующими словами, произносимыми подъ окномъ у хозяевъ: «Ой приступъ дай, Боже, приступъ къ нашему да начатку, счастливому короваю! Тебе, Боже, звеличаю; дай, намъ, Боже, счастливо, якъ у нашихъ прадѣдовъ было, якъ они росчинняли, Тебе, Боже, звеличали.» Начиная свое дѣло старшая коровайница запѣваетъ:

Ставте дѣжу тесовую,
Несите воду кричичную,
Сыпьте муку пшеничную!

Среди пола ставится корзина, наполненная рожью; ее накрыть шубой, которая, въ свою очередь, служитъ основаніемъ дежи. Для раствора коровайницы всѣ, поочередно, должны сѣявать муку, сыпать ее въ квашню и лить туда воду· да работа приходитъ къ концу, дѣвицы и парни становятся въ говую около квашни; по слову старшей коровайницы: «Да на тобѣ, Боже, що роботку зробили, коровай росчинили!» ольныя беруть квашню, переносятъ ее въ другое, болѣе теплое, то, и потомъ всѣ бросаются на корзину съ рожью. Завязываетупорная борьба: парни стараются отнять корзину у дѣвицъ и росить ее на печь, а послѣднія употребляютъ всѣ усилія не устить этого; напротивъ, онѣ сами силятся завладѣть ею и выуть за порогъ. Споръ часто оканчивается тѣмъ, что корзину рываютъ на нѣсколько частей. Эта загадочная борьба имѣетъ себя основаніе въ томъ, что если, по мнѣнію крестьянъ, паръ удается корзину забросить на печь, дѣвицы не выйдутъ въ ь году замужъ, и на оборотъ. Приготовленный растворъ остается слѣдующаго дня.

(Еремичи Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

На завтра, по зову, собираются гости. Въ пѣснѣ поется:

Ой золото, Марися,
Ой походи по двору съ тихенька,
И уклонися свому батеньку зъ низенька,
А нехай батенько по селу походить,
А нехай вонъ жоночекъ попросить,
А нехай жоночки коровая изробять,
И зробивши, у красную печь усадять!
«Славный нашъ короваю,
Скупый господарю,
Не стой за дверами,
Неси бочку пива,
Бариляко горѣлки,
Для нашей дѣвки!
А де жь тая господыня що въ щубѣ?

Нехай шукає дочечцѣ кочюбы!
А де жь тая господиня, що въ хаты?
Нехай шукає до печи лопаты!

(Сбор. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ СС.)

Каждый изъ гостей долженъ принести что нибудь на коровай.

Ишли, ишли, гулонькою жоночки,
Несли, несли, по мисцѣ муки на коровай,
Моцный Боже, великій буде коровай.
Ишли, ишли гулонькою жоночки,
Несли, несли, по копѣ яицъ на коровай,
Моцный Боже, жовтый буде коровай.
Ишли, ишли, гулонькою жоночки,
Несли, несли, по квартѣ соли на коровай,
Моцный Боже, солоный буде коровай.
Ишли, ишли, гулонькою жоночки,
Несли, несли, по фунту цукру на коровай,
Моцный Боже, солодкій буде коровай.

(Сборн. пам. народ. творч. въ СЗ. краѣ CCI.)

Или:

Зъ суботы на нядзѣлю
Сабралась Ганначки радзина;
Знясли жь яны семь ситъ муки на каравай,
Хвала Богу, великъ будзе каравай!
Знясли жь яни семь фасокъ масла на каравай,
Хвала Богу, пушонъ будзе каравай.
Знясли яни семь сутъ яецъ на каравай,
Хвала Богу, румянъ будзе каравай!

Гости наконецъ собрались; мука ссыпана въ одно мѣсто. Тогда снимаетъ дежу съ печи, куда большею частію ставятъ у крестьянъ «росчину.» Несущіе дежу, обыкновенно три парня-коровайники, должны трижды обернуться кругомъ и поставить дежу на «крестѣ,» напротивъ печи. Собравшіяся коровайницы принимаются за дѣло. Старшая изъ нихъ всыпаетъ нѣсколько принесенной гостями муки и, вмѣстѣ съ другими, начинаетъ мѣсить тѣсто. Предварительно она испрашиваетъ благословенія

я предстоящаго дѣла у хозяевъ, родителей жениха, или невѣсты, потомъ у всѣхъ гостей. «Есць тутъ, говоритъ она, Богъ, бацьи матка радзоные, и сусѣдзи близкіе и дальніе, мужи статечные, бабки запечные, дзѣтки запѣчные?—Благаславице красней ннѣ каравай учиниць (или замѣсиць)! Такая просьба повторяется троекратно, и въ отвѣтъ каждый разъ получается: «Боже, благаави!» Коровайницы начинаютъ мѣсить тѣсто. Съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ гягивають пѣсню; вторятъ имъ всѣ присутствующіе:

Благаславице, людзи,
Близкіе сусѣдзи,
Гетаму дзѣцяцѣ
Каравай замѣсиць
Ручками бѣленькими,
Перстнями залаценькими,
Пѣснями вяселенькими!
Ты зступь, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цабе треба.
Памагавъ разчиняць,
Памагай замясиць
Ручками бѣленькими и проч...
Не стой, Боже, за дзверами,
Да сядзь, Боже, на куцѣ,
Да дай долю маладзѣ!»—
«Я у хату не пайду,
Я за дзверами пастаю,
Маладзѣ долю перешлю.»—
«Зберайся, родзе,
Да къ бѣленькаму караваю:
Старыя бабы для падарку,
Маладыя маладзицы пѣсни пѣць,
Удалые малайцы каравай печь!»

Или:

У саду голье высить:
Самъ Бугъ каравай мясить,
А Пречистая Мати
Пришла памагати,
А Ангѣлы пришли на пагулянье,
А всѣ Святыи, люди добрые, на спамаганье,

Или:

Самъ Богъ коровай мѣсить.
Пречистая свѣтить,
Ангѣлы воду носять,
А насъ на весѣльле просять.

(Еремичи Минск. Губ. Новгор. У. Ср. Бобровскаго стр. 828, 833, и Opis. pow. Borys. 294.)

Когда коровайницы окончатъ свою работу, то дежу покрываютъ крышкой, чтобы замѣшанное тѣсто «всходило, подростало.» На крышку дежи ставятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блюдо, въ которое кладутъ для невѣсты подарки, кто какіе можетъ. Присутствующіе поютъ:

Хвала жь цабе, Боже,
Што мы дзѣло зрабили,
Каравай замѣсили
Ручками бѣленьками и проч.
Четыре нажи въ дзежѣ,
Пятая мая сила,
Да впала я въ дзѣло,
Цѣло мае впацѣло,
Гарѣлачки захацѣло,
Гарѣлачки акавитечки,
Да для мяне, працавиточки;
Гарѣлачки лащаночки,
Да для мяне, мѣщаночки....

Съ тѣмъ вмѣстѣ идутъ плясать и продолжаютъ пѣть:

У нашего гаспадаря
Кудрявая галава,
Кудзярками патрясець,
Намъ гарѣлки принясець,
А кудзярками пакалоциць,
Намъ гарѣлки присалодзиць.

(Еремичи, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Къ такимъ умилительнымъ и очень понятнымъ напоминаніямъ хозяинъ не остается болѣе равнодушнымъ. На столѣ является водка, закуски. Гости взаимно почтуютъ другъ друга. Бо-

айницы, болѣе другихъ поработавшіе, принимаютъ не послѣд- участіе. Не забываютъ, конечно, онѣ и о своемъ коровaѣ, и ть затягиваютъ пѣсню, всѣмъ напоминая ею о причинѣ, такъ зать, торжества:

Каравай у дзежи играецъ:
Да века (крышка) падымаецъ,
Каравайницъ жадаецъ:
«Гдзѣ же маи каравайницы?
Чи ня меду запилися,
Што мяне забылися?
Гаспадынячку вутка!
Варочайся хутка:
Вже на дварѣ вечеръ,
Каравай нашъ не печенъ.»

(Еремичи, Минск. Губ. Новогр. У. Ср. Opis. pow. Borys. 296.)

Когда, по расчету коровайницъ, тѣсто должно подняться, онѣ нимаются дѣлать изъ него самый коровай. Передъ этимъ, въ оторыхъ мѣстахъ, берутъ еще дежу и трижды обносятъ кру- ь того мѣста, на которомъ она стояла. Потомъ снова ставятъ на прежнее мѣсто. Тогда старшая коровайница, испросивши гословеніе у присутствующихъ, беретъ тѣсто изъ дежи, кладетъ частями на столъ. Сама она дѣлаетъ большую булку. Осталь- коровайницы приготовляютъ, каждая для себя, деревянныя очки, раскатываютъ ими на пластинки тѣсто, и за тѣмъ вокругъ ертываютъ имъ щепочку. Это, такъ называемыя, «коровайныя шки.» Эти шишки коровайницы потомъ прикрѣпляютъ къ боль- булкѣ. Въ такомъ видѣ булка хлѣба съ шишками называется ованемъ.» Кромѣ одного, большаго, главнаго коровая, иногда, въ полумѣсяца, который служитъ для взаимнаго обмѣна между дными, приготовляютъ еще нѣсколько другихъ меньшихъ. Од- булка большая носитъ названіе «перепечи.» Другая поменьше чается для невѣсты, будущей хозяйки; съ ней она должна ь, когда въ первый разъ будетъ мыть бѣлье. Сосѣдки, замѣтив- ее, спѣшатъ помочь ей, за что она должна ихъ почитать. мѣ того, для каждой коровайницы и коровайн ка, для каж- дѣтяти въ избѣ, необходимо спечь маленькую булочку. «Жизнь ь кипитъ, говорилъ намъ одинъ учившійся селянинъ; вся- дѣвушка-коровайница спѣшитъ, одна передъ другой, сдѣлать

свое дѣло. Иногда тутъ играетъ музыка, но ужь непремѣнно раздаются звонкія пѣсни коровайницъ:

Стукъ, стукъ на дворѣ!
Коровай гыблютъ на столѣ
Бѣлыми рученьками,
Золотыми перстеньками;
Цшуненько зурко,
Що зъ тебе добра много!

Или:

Бити короваю густо
Подъ бѣлюхно хусто,
Мѣсяцомъ окружоный,
Зорами осадзоный.

Или:

Лавы дрыгаютъ,
Окна мигаютъ,
Пѣчка регоче,
Бо коровая хоче.
Коровайницы зъ мѣста,
Накрали у кишеней тѣста;
На диво имъ пришло,
У кишеняхъ тѣсто зышло.
А де жь тая першая коровайница?
Нехай иде въ вишневый садъ-виноградъ:
Въ вишневомъ саду виноградъ стелется,
Нашимъ дѣткамъ на добрый бытъ стелется.

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ ССПб. Ср. Бобровскаго 829, 833.

Чѣмъ больше коровай, тѣмъ лучше. Иногда для него берется такое количество тѣста, чтобы его едва можно было просунуть черезъ устье печи; если въ печи онъ увеличился еще, то вынимая, не пожалѣютъ выломать изъ устья нѣсколько кирпичей. Добрый коровай, если кругомъ его сыръ, масло: тогда и срединѣ его счастье. Удачное печеніе коровая предвѣщаетъ молодымъ хорошее ховяйство, добрый бытъ. По этому, приступая къ печенію, коровайницы въ самыхъ пѣсняхъ испрашиваютъ благословенія — помощи Божіей:

«Саступь, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цяперь треба:
Памагавъ замясиць,
Памажи жь и всадзиць
Ручками бѣленькими! и проч.

(Еремичи, Минск. Губ. Новогр. Уѣзда.)

Приготовляясь садить коровай въ печь, коровайницы поютъ:

А де жь тая господыня домова?
Нехай старается коровайничкамъ помела!

Самое сажаніе сопровождается опять рядомъ пѣсенъ:

Кабъ нашъ каравай червонъ,
Кабъ нашъ женишокъ весёлъ бывъ!

Или:

Нихто ня вгадае
Што у нашёмъ караваѣ?
Ой я вѣдаю (дважды), што въ тбмъ караваѣ:
Ой три бочки (дважды) да криничнай вады,
Ой три копы (дважды) перепеличныхъ яецъ,
Ой три фаски (дважды) да дравичаго масла.
Дагадайцяся, добрые людзи,
Што въ гетомъ караваѣ есць?
Дцевяць пудовъ муки,
Асьми каровъ масла,
А яецъ полтараста.

Или:

Трицять бочекъ пшеничнай муки,
А три бочки криничнай вады,
Сорокъ копъ маладыхъ курей яёцъ,
И три фаски дравичихъ каровъ масла.

Или:

Да багатъ, Ганначка, татка твой:
Добра пшеница, што въ навинѣ,
Да великіе стирты у гумнѣ,
Повныя аруды у клецѣ;

Падышовъ каравай у дзежѣ.
Да чаму яму ня шумѣць?
Харошая учиняла,
Румяная мясила,
Госпада Бога прасила,
Кабъ нашъ каравай удався.
Стаяла калина колькі лѣтъ,
Сячеця, рубайця на загнетъ,
Кабъ нашъ загнецець ясный бывъ,
Кабъ нашъ каравай красенъ бывъ,
Кабъ наша Ганначка вясялѣй была,
Кабъ наша руточка зелянѣй была!

Или:

На дварѣ яворъ сякуць,
А въ хаточку тряски лятуць,
Коля явору тресячки,
Коля караваю маладчички,
Перша квѣтка
Нашая Ганначка.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слоним. Уѣзда.)

Когда сажаютъ коровай въ печь, то при сажаніи за всякимъ разомъ ударяютъ лопатой въ верхнюю часть печи въ одномъ и томъ же мѣстѣ. За послѣднимъ ударомъ стараются сломать самую лопату, которою сажали коровай. Одинъ изъ парней-коровайниковъ во все это время постоянно ломаетъ вѣтки сухого вѣника и «закладываетъ ихъ на загнетъ,» стараясь поддержать огонь, чтобы коровай былъ румяный. Это символическое дѣйствіе имѣетъ одинаковое значеніе съ описанною уже борьбою за корзину съ рожью. Имъ какъ бы выражается желаніе, чтобы дѣвушки въ этомъ году не выходили еще замужъ. Между тѣмъ занятія около коровая склоняютъ мысль коровайницъ рѣшительно въ противоположную сторону; по чему онѣ сердятся и поютъ:

Счарбатый, лунатый, загнетъ закладаецъ,
Яму Богъ ня памагаецъ.

Коровайницы, наконецъ, и тутъ кончили свое дѣло, посадили коровай въ печь:

Расци, расци, каравай,
Выше печи мѣдзяной,
Выше столи залатой,
Выше Гандзи маладой!

Онѣ начинаютъ нерѣдко ударять въ ладоши, и при этомъ въ нѣ заявлять свое благодареніе Богу за оказанную помощь:

Дзякуемъ цябѣ, Боже,
Што намъ каравай гожій!
Хороше снарадзили,
И у печь пасадзили.

Или:

Хвала Богу, што мы дзѣло зрабили:
Каравай усадзили
Ручками бѣленькими и проч.
Каравайницы пьяницы:
Усе цѣсто накрали,
По кишенямъ наклали,
Ахъ, цемне пришло,
У кишенѣ цѣсто падышло.
Чи я жена гожа,
Языкомъ дзежу гложа;
Чи я жена хижа,
Языкомъ дзежу лижа.
Дайце мнѣ чарку,
Я тую выпью;
Дайце другую,
Я выпью и тую,
А за трецюю
Я подзянкую.

Еремичи, Минск. Губ. Новогр. У. Ср. Opis. pow. Borys. 297, 298.)

Опять начинаютъ пить, закусывать; иногда бываютъ пляски. Мысль о короваѣ не покидаетъ коровайницъ, и вотъ онѣ сноатягиваютъ пѣсню:

Стану я у печи,
Каравай гдядзеци,
Кабъ іонъ не атпекся,
Кабъ іонъ не аджохся,
Кабъ намъ соромъ не бывъ,
Да у чужія людзи!

Или:

А въ печѣ сидячи:
Де жь мои коровайночки, недбайночки!
Знать они запилися,
О мнѣ забулися!
Духъ мене занимае,
Часъ мене закропити,
Одволоженьку дати.
Ой хорошій коровай, хорошій!
Знаю: ёго хорошеньки робили.
Ой удалый коровай, удалый!
Знаю: ёго удалыи робили.
Ой бѣленькій коровай, бѣленькій!
Знаю: ёго биленькіи робили,
Ой червоный коровай, червоный!
Знаю: ёго червоныи робыли.
Ой бѣльматый коровай, бѣльматый!
Знаю: ёго бѣльматыи робили.... и т. д.
Ой невдалый коровай, невдалый!
Знаю: ёго не вдалыс робили.

(Собрн. пам. нар. творч. въ С.-З. краѣ ССІІІ.)

Коровайницы начинаютъ наблюдать, не готовъ ли уже коровай, не пора ли его вынимать изъ печи. Сначала, для пробы, вынимаютъ нѣсколько «коровайныхъ шишекъ,» или маленькихъ булочекъ. Часть отдаютъ дѣтямъ, остальное служитъ закуской. Когда приходитъ время вынимать коровай, коровайницы поютъ

Дайте намъ мѣчъ,
Розсѣчемо пѣчъ,
Выймемо дивный коровай.
Часъ мене выймати,
Часъ пшеничного въ комору ховати.

Или:

Запытався коровай у весильного кола:
А де жь тая дороженька отъ пѣчи до стола?
Чи баркунцёмъ заросла,
Чи калиной зависла?

Дѣйствительно, къ этому времени уже поставлена бываетъ толѣ крышка отъ «дежи;» ее покрываютъ скатертью, уготовкакъ бы достойное мѣсто для принятія коровая. Коровай съ ествомъ вынимаютъ изъ печи и кладутъ его на приготовленмѣсто. Коровайницы поютъ:

Положили коровай на столъ:
Столовыя ножки зыблются,
Всѣ люди дивуются,
Що удався нашъ коровай,
Да Пану Богу на хвалу,
Добрымъ людямъ на славу,
А пріятелямъ на диво.
Вы, пріятели, глядѣте,
И по таляру кладѣте.

Тутъ же на столѣ, около коровая, поставлено бываетъ иное блюдечко, куда всѣ, любопытствующіе посмотрѣть коро должны положить по нѣскольку копѣекъ. Иногда коровай шаютъ цвѣтами. При этомъ поютъ:

Медведю волохатый,
Господарю багатый,
Бойся приступити,
Коровая выкупити!

Когда совершится, такъ сказать, осмотръ коровая, его перетъ изъ комнаты въ клѣть, кладовую. Передъ этимъ, вмѣстѣ ороваемъ, дѣлаютъ иногда кругомъ въ избѣ троекратный об. Впереди всѣхъ идетъ хозяинъ, за нимъ коровайница съ космъ, и потомъ остальные гости. Совершивши круговую, всѣ, режнемъ порядкѣ, выходятъ изъ избы. Пѣсни сопровождаютъ путешествіе:

Пытався каравай у перапечи,
Да куда сцѣжка да клѣци?
А ты, караваю, вяропаю,
Часто у клѣци бываешь,
Сцѣжки, дарожки, пытаешь,
Вазьми пасашокъ, папирайся,
Да сцѣжки у клѣтку дабивайся!
Ой е сцѣженька да маленькая,
Абы наша рутонька зеляненькая,
Абы наша Марусенька маладенькая.
Мы же были на караваю,
Тамъ насъ частовали
Пивцомъ маладзенькимъ.
Медцомъ саладзенькимъ.

Или:

Зышло, вышло, соненько высоко,
Занесено нашъ каравай далёко,
Паставено на бочецѣ, на житѣ,
«Пазволь, Боже, съ добрыми людьми пажыци!»

(Еремичи, Минской Губ. Новогр. Уѣзда.)

Коровайницы, а съ ними и всѣ присутствующіе, радуются, что печеніе коровая совершилось удачно; онѣ возвращаются въ избу, снова начинаютъ пировать, и при этомъ поютъ:

Цымбалы заграли,
Коля оконъ забращали,
Ганначкина челядзь
Захацѣла вечераць.
Ляцѣли гусачки съ вырею,
Да пыталися караваю:
«Ци вже вы каравай спляскали,
Чаму насъ, гусачекъ, ня ждали?
Мы бы вамъ каравай спляскали,
Крыльками, ножками, спляскали.»

Приличная «вечеря,» музыка и своеобразныя пляски завершаютъ наконецъ двухдневное торжество печенія коровая. Гости послѣ всего этого расходятся.

Читатель видитъ, съ какими разнообразными обрядностями ершается у селянъ печеніе коровая. Это разнообразіе, воз-шенность и торжественность самой обстановки, иногда пере-ящей присутствующихъ въ міръ другой, невидимый, въ міръ гельскій, призываніе помощи Божіей и глубокое, сердечное, ѣжденіе коровайницъ (выражаемое въ пѣсняхъ), что вмѣстѣ съ ми работаютъ надъ короваемъ Самъ Богъ, и Пресвятая Дѣва, Св. Ангелы, что вся природа какъ бы сочувствуетъ ихъ дѣлу готова принести свою долю утастія, все это даетъ намъ пра-думать, что печеніе коровая, какъ мы сказали, занимаетъ но изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ ряду свадебныхъ сельскихъ ядовъ. И мы по тому хотимъ еще нѣсколько остановиться съ этими обрядами и хотя немного уяснить себѣ ихъ значеніе, тренюю сторону.

Коровай прежде всего имѣетъ то значеніе, что онъ служитъ молодыхъ благословеннымъ хлѣбомъ. Хлѣбъ же вообще у Сла-ъ пользовался (мы говорили объ этомъ уже въ Вил. Сборн. 1 .) всегда большимъ почетомъ, считался священнымъ. Кто колетъ кемъ хлѣбъ, тотъ, по Чешскому повѣрью, поражаетъ самого уса Христа. У Чеховъ же говорятъ: оставлять хлѣбъ на ь непокрытымъ грѣшно, по тому что хлѣбъ тоже спитъ. Въ адной Россіи до сихъ поръ, во многихъ мѣстахъ, тоже сохра-гся такое повѣрье, и по тому тамъ никогда не оставляютъ хлѣбъ покрытымъ. Намъ случалось видѣть, что кто, по невнимател-ти, упускалъ на землю кусочекъ хлѣба, тотъ, поднявши его, женъ былъ поцѣловать; вообще страшныя наказанія ожида-, того, по мнѣнію народа, кто небрежно обращается съ хлѣ-ь—Божіимъ даромъ.

Нѣкоторые ученые говорятъ, что хлѣбъ это одинъ изъ сим-въ солнечнаго языческаго еще божества. Въ поговоркахъ, ловицахъ, до сихъ поръ сохраняется сближеніе хлѣба съ соли-ь, съ небомъ: «Повна печь паляныць, по серединѣ кныш» адка: мѣсяцъ и звѣзды), говорятъ въ Малороссіи и Западной сіи. Или: «За лѣсомъ, за пролѣсомъ, золота дѣжа кисне.» Или: рвона дѣжа сходить.» По этому взгляду, уваженіе къ хлѣбу ить насаждено въ насъ не со вчерашняго дня. Оно, конеч-поддерживается тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ хлѣбъ въ на-й обыденной жизни. Но и Христіянство не только не ослаби-акого значенія хлѣба; напротивъ, оно его какъ бы освятило,

упрочило. Самъ Спаситель называетъ себя хлѣбомъ животны
такимъ, вкусившій котораго, живъ будетъ во вѣки. Исторію
маго хлѣба потомъ стали какъ бы отождествлять въ нѣкотор
отношеніяхъ съ исторіею земной жизни Спасителя. Есть ска
въ которой хлѣбъ противопоставляется змѣѣ. Змѣя, по этой ск
кѣ, увидѣвши тотъ почетъ, которымъ пользуется хлѣбъ, и ко
рый выражается въ томъ, что хлѣбъ всегда лежитъ на ст
обернутый скатертью, съ завистью обращается къ хлѣбу (
дьяволъ завистникъ) и спрашиваетъ: «Какъ достигъ онъ та
почета?» Хлѣбъ отвѣчаетъ, что не даромъ досталась ему честь
до этого онъ претерпѣлъ многія муки: его молотили, молол
сили, въ печи пекли, и за тѣмъ уже положили на столъ. Б
такія высокія, священно-поэтическія, сказанія сохраняются о
стомъ хлѣбѣ, то, конечно, тѣмъ болѣе величественною обст
кою должно сопровождаться печеніе коровая—благослове
хлѣба. Это какъ бы зародышъ, сѣмя, основаніе будущаго бл
денствія молодыхъ; въ немъ, какъ въ зернѣ, скрываются м
ки будущаго матеріальнаго и нравственнаго роста брач
слѣдовательно, по взгляду селянъ, печеніе коровая—дѣ
кое; при исполненіи его нужно соблюсти возможно торже
ную обстановку, выполнить давно сохраняющіеся обряды
вѣрья. Что же удивительнаго, если пѣсни селянъ при
щемъ случаѣ заставляютъ какъ бы самого Бога мѣсить
Пресвятую Дѣву и всѣхъ Святыхъ, добрыхъ людей,
Всемогущему, а Ангеловъ носить воду? Конечно, то высок
ченіе, какое соединяютъ съ короваемъ, можетъ имѣть сил
ко тогда, если самъ Богъ, такъ сказать, участвуетъ въ
имъ всемогуществомъ.

Съ другой стороны, коровай приготовляется для
такихъ лицъ, которые оставляютъ одинъ образъ жизни
ются вступить въ новый, отличный отъ перваго и
щій въ себѣ очень много таинственнаго, загадочнаго.
гое отчасти въ настоящее время, быть можетъ, без
изображаютъ въ обрядахъ и пѣсняхъ при печеніи
Потебня говоритъ, что коровай—символъ жениха: на
нѣкоторыхъ мѣстахъ выносятъ «очепокъ,» которы
ютъ голову молодой, въ знакъ того, что она станови
ней женщиной. Пѣсня, которую поютъ при этомъ слу
каетъ, что виновникъ покровенія—коровай:

Эй, дагадайся, Ганнулё,
На што каравай внесяно:
На караваю павиванє,
На тваю касу пакрыванє.

Другая пѣсня: «Пытаетця коровай у перепечи,» которую мы ивели, кромѣ своего буквальнаго указанія на древній обычай иносить коровай изъ избы въ клѣть, намекаетъ еще на то, что ь коровая происходитъ потеря дѣвства. Рута—постоянный сим- ъ дѣвства, и топтать руту значитъ лишать дѣвства; стежка, о которую спрашиваетъ коровай, идетъ ко клѣти, по тому что ъ кладутъ спать молодыхъ. Въ такомъ смыслѣ понимаетъ Г. тебня и слѣдующую пѣсню,—разнорѣчіе первой:

Пытаєсь коровай у перепечи;
Чи є стежка до печи?
— «Ой є стежка, да маленькая,
Муравочка зелененькая,
Ой заросла да суничникомъ,
А зацвѣла полуничникомъ.

Трава значитъ дѣвица, дѣвство; суница (клубника), полуни- земляника), по всей вѣроятности,—то же. перепечь—невѣста, вай—женихъ: быть имъ вмѣстѣ въ печи. Въ такомъ глубоко енательномъ значеніи коровая мы должны искать причины, ему изготовленіе его сопровождается у селянъ роскошной дностью.

Свадьба, бракъ, у Западно-Русскихъ селянъ обыкновенно со- ется въ Воскресенье, послѣ обѣдни. Молодые должны быть щакъ.

рано встаютъ въ день свадьбы женихъ и невѣста. Отъ име- къ отправляется мальчикъ къ знакомымъ, сосѣдямъ, род- молодыхъ, и проситъ ихъ на «вѣнчанины» къ жениху и сѣ. «Дружки» между тѣмъ, «сваты и свахи» занимаются на- ъ молодыхъ. У молодой расчесываютъ волосы, заплетаютъ завязываютъ кругомъ головы бѣлой платокъ, къ нему при- ваютъ множество разноцвѣтныхъ лентъ. По срединѣ платка

на головѣ укрѣпляютъ «рутяный вѣнокъ,» и по нему тоже пускаютъ рвзноцвѣтныя долгія ленты. Если отъ жениха получены подарки, состоящіе въ платьѣ, то они непремѣнно должны быть надѣты теперь. Одѣтая, такимъ образомъ, невѣста съ дружиною отправляется сама просить на «весильле.» И женихъ, въ свою очередь, одѣтый въ новое платье (свитку, сапоги), съ рутяным вѣнкомъ при шапкѣ, дѣлаетъ то же (каждый изъ нихъ, конечно, порознь). Пришедши въ чужой домъ, они говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: «Просивъ батько и мати, и я прошу на весильле, на хлѣбъ, на суль, на коровай, и на все то, що нам Богъ давъ.» Совершивши такой обходъ, каждый изъ молодыхъ возвращается во свояси. Тутъ они иногда застаютъ уже гостей скоро, по крайней мѣрѣ, наполняется ими домъ жениха и невѣсты. Гостямъ предлагается небольшая закуска. Иногда гости приносятъ съ собою хлѣбъ, или пирогъ, который и кладутъ на столъ.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

Когда приближается время отправляться къ вѣнцу, въ домѣ жениха ставятъ по срединѣ столъ, на которомъ кладутъ хлѣбъ. Женихъ трижды обходитъ вокругъ стола, дѣлаетъ земной поклонъ передъ иконой, цѣлуетъ руку родителей, цѣлуется со всѣми присутствующими, и выходитъ изъ дому. Въ другихъ мѣстахъ этотъ обрядъ бываетъ сложнѣе, торжественнѣе. «Дружко» беретъ бѣлое полотенце, одинъ конецъ котораго даетъ молодому, а другой держитъ самъ. Потомъ онъ трижды обводитъ молодого кругомъ стола, и за каждымъ разомъ они кланяются въ ноги всѣмъ присутствующимъ, также хлѣбу, который лежитъ на столѣ. Послѣ этого иногда еще садятъ молодого на корзинѣ съ рожью, и при этомъ крестная мать постригаетъ ему волосы, а сестра припаливаетъ ихъ нѣсколько восковой свѣчой. Присутствующіе поютъ:

Яначка братня на гумнѣ ходзиць,
Да три сады садзиць, усе три хмѣлевые:
«Війся, хмелю, війся да кола тычинки,
Да усадъ шишечками:
Пастрягайся, Яначка, зъ ребяцкаго стану
Да у мужескую славу!»

Послѣ этого женихъ выходитъ съ своей дружиной изъ дому отправляется къ невѣстѣ.

(Еремичи, Новогор. Уѣзда Мин. Губ.)

Самые бѣдные селяне считаютъ священнымъ долгомъ отправляться къ вѣнцу не пѣшкомъ, а на лошадяхъ. Женихъ иноѣдетъ верхомъ. Когда поѣздъ уже готовъ тронуться то, въ которыхъ мѣстахъ, мать жениха беретъ «калачъ» и освященную воду, обходитъ трижды вокругъ телѣги, въ которой свасъ дружкомъ, а иногда и молодой, кропитъ всѣхъ священною оявленскою водою, и передъ лошадьми кладетъ калачъ. «В ола» трогаетъ лошадей и всѣми мѣрами долженъ остерегаться, бы не коснуться «калача,» въ противномъ случаѣ нужно ть несчастія. Иногда же мать жениха, одѣтая шубой, вверхъ стью, трижды обѣгаетъ кругомъ лошадей, обсыпаетъ ихъ овъ и при этомъ поютъ:

Стояла рутонька вкрай плоту,
Друбненькимъ дощикомъ ульяна:
Ой, тамъ Иванко умывався,
Своимъ ворогамъ кланявся:
«Ой, мои жь вите вороги!
А не переходьте дороги,
А нехай перейде Господь Бугъ,
А муй батенько навперудъ!
Кропи но ты коня,
Кобъ Бугъ зносивъ дѣте,
Зъ великои дороженьки,
Съ чужои сторононьки,
Змежи чужихъ людей!»

(Сборн. пам. нар. творч. въ Сз. краѣ. CXCV.)

Невѣста, ожидая прибытія жениха, уходитъ въ сосѣдній ь, и возвращается только тогда, когда женихъ уже въ ея домѣ. да родители невѣсты начинаютъ приготовлять ее «до шлюбу.» ятъ по срединѣ комнаты квашню, въ которую кладутъ хлѣбъ солью, и покрываютъ ее шубой вверхъ. Это вновь приготовленмѣсто называется «посадомъ». Къ нему подходитъ невѣста съ ими подругами. «Дружки,» сначала у родителей невѣсты, а

потомъ и у всѣхъ присутствующихъ, испрашиваютъ благословенія посадить невѣсту «на посадъ»: «Пане ойче, пани матко, панове сусѣдзи (говорятъ онѣ) благаславице маладую на посадъ посадзяци!» Присутствующіе отвѣчаютъ: «Боже, благаслави!» Дружки при этомъ поютъ:

Павстаньте, баяре, всѣ у рядъ!
Сядзять маладую на пасадъ!

Сама молодая подходитъ теперь къ каждому гостю, не минуя ни стараго, ни малаго, и всѣмъ кланяется въ ноги. Въ пѣснѣ поется:

Хиляйся, калинка, хиляйся:
Кланяйся (имя невѣсты), кланяйся,
Старого, малого не минай,
У Бога долечки добывай!
За тое зганена не будешь,
У Бога долечки добудешь,
Старому, малому на двоичи,
Своймy батюшку хоть трейчи!

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ CCLXV.)

Если невѣста—сирота, присутствующіе отъ лица ея поютъ:

Низеньку головку клонючи,
Межи бояри пана ойца ищучи;
Я усѣ бояри перейшла,
Свойго пана ойца не знашла;
Кинуся, падуся объ скамью,
Свою головоньку розобью,
Свои слезочки розолью,
Свою родинку розжалю.
Бѣдная моя головка у вѣночку,
Нѣтъ мойго пана ойца у родочку!
Бѣдная моя головонька у твѣтѣ,
Нѣтъ мойго пана ойца на свѣтѣ!

(Еремичи, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Невѣсту садятъ «на посадъ.» Присутствующіе поютъ:

Ляцѣли гусачки цѣразъ садъ:
«Часъ табѣ (имя невѣсты) на пасадъ.»

—«Што вамъ, гусачки, да таго,
Єсць у мяне маточка для таго,
Яна мяне на пасадъ пасадзиць,
Яна мнѣ радочку парадзиць.»—
«Парадзиць радочку я рада,
Выправиць да шлюбу паѣду.»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ. CLXXIII.)

Или:

Братъ сястру на пасадъ вядзе,
Сястра брату да ногъ падзе:
«Чѣмъ я братка дакучила:
Ци русаю касой,»
Ци сваей красатой?»
—«Ты мнѣ ня дакучила
Ни русай касой,
Ни сваей красатой:
Частыми госцяками,
Што суботы ѣздячи,
Цябе, маладой, пытаючи.»

(Тамъ же, CCLXVI.)

Теперь приходитъ братъ, или ближайшіе родственники (наѣаемые «закосники»), и также испрашиваютъ благословенія у хъ присутствующихъ «расплести маладой косу.» «Ёсцъ тутъ ъ, бацько, матка?» и проч... Просьба повторяется три раза, и отвѣтъ получается: «Богъ благаславиць!» Закосники расплетаютъ у, иногда поджигаютъ со всѣхъ четырехъ сторонъ ея волосы, жка держитъ свѣчу, а подруга черезъ кольцо продѣваетъ нельшія пряди волосъ и, подпаливъ ихъ, отходитъ, а невѣста аетъ съ «посада». Сидѣніе невѣсты на «посадѣ» представляетъ послѣднимъ, заключительнымъ дѣломъ пребыванія невѣсты ъ теплымъ крылышкомъ своей матери, ея прощаніе съ беззаною, холостою, такъ сказать, жизнію, и приготовленіе ко вступнію въ новый неизвѣстный міръ. Минута трогательная, вызывающая слезы. Если дѣвица выдержала свою роль, не уронивъ зинки, ей тогда споютъ пѣсню:

Щто жъ тамъ за пташечка,
Чорная якъ галочка,

Усё поля злятала,
Крыльцомъ ни махнула,
Перца ни зранила?
Што жь тамъ за дзѣвица,
Пасадъ пярасѣдзѣла,
Слёзки ни зранила,
Маточки ни разжалила.

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ. CCLXXII.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ еще такъ. Посадивши молодую на посадъ, вводятъ въ избу родителей и прочихъ родныхъ, а между тѣмъ поютъ. Закосники и маршалы приносятъ невѣстѣ вѣнокъ на салфеткѣ, положенной на тарелкѣ, а подъ салфеткой башмаки и подвязки для молодой. Въ Ошмянскомъ, Лидскомъ, Троцкомъ Уѣздахъ между закосниками и маршалами начинаются при этомъ продолжительные споры, иносказанія, двусмысленности, цѣль которыхъ допросить маршаловъ, за чѣмъ они пришли; тѣ, въ свою очередь, объявляютъ, что они отъ имени цѣлаго общества пришли поздравить молодыхъ. Чѣмъ богаче и знатнѣе свадьба, тѣмъ длиннѣе и утомительнѣе эти поздравленія.

(Виленск. Губ., Корева, 625.)

Бываетъ и такъ: когда молодой приближается къ дому невѣсты, ее приготовляютъ «садить на посадъ». Съ одной изъ «большанокъ-дружекъ» она сидитъ на лавѣ. Въ это время входитъ въ избу братъ молодой съ пирогомъ изъ житной муки, ражкомъ воды и березовой вѣткой—тремя символами сельскаго житья-быта. При входѣ онъ останавливается. Завидѣвши его молодая, съ своей подругой, покрываются платкомъ и поютъ:

«А мой брахненька, пашта увышовъ,
Съ ржанымъ пирагомъ, съ дубовай ражкой,
Съ пшоннымъ пивомъ, съ бярозавай розгой?»
— «Ржаный пирогъ дзѣвкамъ падзялю,
Съ дубовай ражкой у ягоды пайду,
Пшоннаго пива подъ уголъ падлю,
Зъ бярозавой розгой на паству паганю.»

Тогда братъ беретъ сестру, и ведетъ ее на посадъ. Присутствующіе поютъ:

Братъ сястру на пасадъ вядзець,
Шовкомъ зямельку мяцець,
Сытой паливаець,
Съ сястрой размовляець:
«Сястрица радная,
Да ня будзь гордая,
Да ня желѣй галовки, да кланяйся,
Мамцѣ у ножки, няхай мамка знаець,
Да объ долю угадаець!»
— «Знаю, дзяцятка, знаю,
Да объ долю ня угадаю,
Дасць Богъ долю, дасць добрую,
Хвала Табѣ, Боже!
А кали якую проклятую,
Ахъ моцный мой Боже!»

Братъ испрашиваетъ у присутствующихъ благословенія: «Ёсць ъ Богъ, бацка и матка, хрещоные и родзоные, сусѣдзи близи и дальніе, мужи статечные и бабки запечные и дзѣтки запечные, благаславице малую панну на пасадъ пасадзиць.» Въ ѣтъ получается: «Богъ благаславиць!» Послѣ троекратнаго торенія, молодая становится, съ своею подружкой, у порога ѣ покрытыя платкомъ) и причитываетъ: «Добры вечеръ да у у хату, мужомъ статечнымъ, бабкамъ запечнымъ, дзѣткамъ маькимъ! Сусѣди мае, да идзице ка мнѣ, на мае вясельле!» Невѣкланяется въ ноги отцу и матери, испрашивая благословенія ричитывая: «Матечка мая! благаслави мяне на пасадъ сѣсьци, Божія мѣйсца, падъ высшимъ акномъ, падъ Божимъ крыломъ, ѣ Богъ разказавъ, гдзѣ людъ разгадавъ!» Съ подобными прианіями невѣста подходитъ къ каждому. Въ хатѣ идетъ пѣпѣсенъ.

Братъ между тѣмъ устрояетъ «посадъ.» На лавѣ, за столомъ, ротивъ печи, растилаетъ кожухъ и, взявши молодую въ поясъ, раза обертывается съ нею, и потомъ усаживаетъ на кожухѣ. этому времени прибываетъ дружина молодого. Подошедши съ ной булкой къ дверямъ дома, «дружка» говоритъ: «Добры ръ, пане сваце, и той свенцоной хацѣ, тому міру хрещоному! славъ сватъ до свата, сваця да сваци, маладый князь да маой князи: ёсць тутъ панна заручона? Кабъ намъ была выдад-

зона! Чи чули?» Въ отвѣтъ получается: «Ня чули!» Получивъ в третьимъ разомъ утвердительное: «Чули!» «дружко,» въ кожухѣ вверхъ шерстью, съ плетью черезъ плечо, входитъ въ избу, кладетъ одинъ пирогъ возлѣ печки, другой на столъ, и тутъ же оставляетъ для подругъ невѣсты троякъ (1½ коп.): онѣ поютъ:

Улезъ дружко у хату, на печь зазераець,
Чи вяликъ гаршокъ каши, чи паядаюць
Наши: адзинъ кажець: «Мала!»
Другій кажець: «Годзя!»
Треци кажець: «Мавчи!»
Бо загадаюць тавчи.

Дружко подходитъ къ молодой, и хочетъ взять ее. Подруги невѣсты поютъ «дружку,» указывая на троякъ:

Бяри сабѣ гета,
Купи сабѣ мыла,
Кабъ цябе жонка любила,
Кабъ дзѣци пазнали,
И бацькомъ назвали!

Наступаетъ своего рода торгъ и сопряженная съ нимъ пикотня, суматоха. Подруги невѣсты отталкиваютъ отъ нея дружка схватываютъ его за ноги, руки. При этомъ поютъ:

Верабей, дружко, верабей,
Па суметнику пасакавъ,
Нагой шелягъ выкапавъ,
Сваю дзѣвку выкуплявъ.

Дружку дается наконецъ схватить невѣсту, и онъ три раза съ нею обертывается. Невѣста поетъ:

Дружко, дружко! ня варочай мяне!
Я ни калода табѣ:
Кабъ и калода,
У бару бъ лежала;
Кабъ я бяроза,
На мяжи бъ стаяла,

Подруги невѣсты снова окружаютъ дружка, и обвязываютъ) полотенцами:

Звязали, дружка, звязали,
Гдзѣ жь яго паймали?
Запився, дружко, запився,
И на дружину забывся.
А гдзѣ жь твая дружина:
Чи у полѣ падъ шатромъ,
Падъ бѣленькимъ палатномъ?

Поются и другія пѣсни. Кругомъ радость, веселье, хлопанье ладоши. Дружко по временамъ отзывается только къ подругъ невѣсты: «Брашице, брашице!»

За тѣмъ прибываетъ и молодой. Изъ хаты выносятъ столъ тавятъ у порога. Мать невѣсты, въ вывороченной шубѣ, выходъ на встрѣчу молодому съ хлѣбомъ и солью. Ее окружаетъ жина обѣихъ сторонъ. Съ полной чаркой въ рукѣ, теща встрѣтъ своего будущаго зятя: «Зяценьку! Пью на цябе полнымъ комъ, добрымъ здаровьемъ: што мыслю сабѣ, то и табѣ,» и потъ молодому. «Зяценько» черезъ голову выливаетъ водку на лю; то же повторяется во второй разъ; за третьимъ разомъ одой «пригубляетъ» рюмку, бросаетъ туда пять, или десять, ѣекъ, и снова передаетъ тещѣ. Она выпиваетъ водку, а деньги ираетъ себѣ. Вся дружина входитъ въ избу, при многочисленъ разнообразныхъ пѣсняхъ; начинается общее угощеніе.

(Opis. pow. Borys. 305—318.)

Вставши съ «посада,» невѣста, подобно жениху, трижды одитъ кругомъ стола, кланяется всѣмъ присутствующимъ, цѣтся съ ними, цѣлуетъ руки родителей, падаетъ къ ихъ ногамъ. ,руги поютъ:

Благаславице, людзи,
Близкіе сусѣдзи,
Гетаму дзѣцяци
До шлюбу стаци!
Скачила Агатка зъ лавки да лавки,
Скланилася мамцѣ низка у ножки,
Корками зямельку парыла,

Слезками ножки памыла.
Карыся, Агатка, старому
Кланяйся и малому!
Съ паклона галовка ня балиць,
Старый и малый благаславиць.

Сама молодая причитываетъ:

Таткавъ куточекъ,
Божій дамочекъ:
Благаслави да шлюбу ступици!
Кали ты благаславишь,
Самъ Богъ благаславиць.

Получивши благословеніе, невѣста отправляется въ церковь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодой передъ отъѣздомъ своимъ къ дому посылаетъ невѣстѣ красную ленточку—знакъ, что она должна отправляться въ церковь, что самъ онъ уже на пути. Невѣста, получивъ такое посланіе, въ сопровожденіи своей дружки, «маршалка, свахъ, музыки или велелаго,» усаживается въ «фурманку» и ѣдетъ къ вѣнцу. Лошадьми правитъ «маршалокъ.» При этомъ тогда поютъ:

Ойченьку муй рудненькій, перейдзи дароженьку
Ойченьку муй рудненькій, въ счастливу гадзинонку
«До шлюбу, дѣвонька, да шлюбу,
Упади матюньци да нужокъ,
Падякуй дѣвонекъ за вѣнокъ,
Красненькимъ маладцямъ за танокъ!»
Дѣвоньки бывали,
Маладци таночки наймали.

Или:

Мои милы вороженьки,
Зступите зъ дороженьки
Нашому молодому
Ѣхати до Божьего дому!
Тамъ намъ ручкы звяжуть,
Вѣрное словце скажуть.
Вѣрнѣе якъ батенька,
Вѣрнѣйшее нѣжли матюнка.

Или:

Бѣжите, коцыки сывы, невелыки,
На гору крутую, подъ церковь святую!
Перша квѣтонька — молода дѣвонька,
Другая квѣтонька — молодый молодець.

Или:

Дзвонное дерево топульле,
Якъ въ лѣсѣ стояло, шумѣло,
Дорогою везёно — звёнило,
На двуръ звезёно — мувило,
Мувило дѣвонькамъ въ недѣльку
Навити вѣночковъ зъ барвёнку.
Не плети косанки въ батужки,
Наготуй ручничокъ подъ нужки,
Жовтую свѣчёньку у ручки!»
На бѣленомъ ручничку стояла,
Жовтую свѣченьку тримала,
Своёму молодцёви присягала,
Якъ бубъ слезоньки ронила,
А въ Бога доленьки просыла:
«Тутъ мене, Боже, споможи,
И мого батюнка принеси,
На святое новое подвурье,
На записове застульле!»

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

Или:

Разсыпайцися, горы,
Разлятайцися, уцесы!
Дзѣвачка къ вянцу ѣдзи,
Ня доля спотыкая,
Она зъ доляй размавляя:
«Доля мая, доля, кали ты добрая,
Садзися са мной на возъ!
Доля мая, доля, кали ты якая,
Плыви сабѣ зъ вадою,
Ня са мной, маладою.!»

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ ССХСШ.)

Или:

Пашовъ (имя) въ калиновый логъ,
Наламивъ калинки колька могъ,
Палаживъ (имя) на приполъ,
Стала калинка буяци:
— «Досиць табѣ (имя) гуляци,
Пара на вазокъ сядаци,
Ни на одну гадзинку, на увесь вѣкъ,
Ни на цябе одну, на увесь свѣтъ!»

(Тамъ же CCLXXVII.)

Или:

Ходзила (имя) на падварейку,
Прасила сваёй маточки:
«Ня позьни насъ пазьнёнька,
Выправляй насъ раненька!
Тамъ же насъ папы ждали,
Церквы паадмыкали,
Каберцы пазасцёлали,
Тамъ намъ руки звяжуць,
Вѣрная слава скажуць,
Съ чужою чужаницею,
Съ вѣчнаю маладзицею.»

(Тамъ же CCLXXVIII.)

Приближаясь къ церкви поютъ:

Нема попа дома,
Поѣхавъ до Вельвова (до Львова)
Ключики куповати,
Церковцю одмыкати,
Двое дѣтокъ вѣнчати....
«Попе, попе, ойче нашъ,
Отчини церковь противъ насъ,
Звѣнчати дѣтокъ двоє въ Божій часъ!»

Встрѣтить на дорогѣ другую свадьбу считается однимъ изъ величайшихъ несчастій. По дорогѣ женихъ и невѣста кланяются всѣмъ встрѣчнымъ. Когда проѣзжаютъ мимо мельницы, то, въ ви-

орыхъ мѣстахъ, мельникъ останавливаетъ воду, за что отъ мо-
ой получаетъ поясъ.

Прибывши въ церковь, молодые слушаютъ обѣдню. По
нчаніи ея «дружки» начинаютъ приготовлять для молодыхъ
то. Передъ аналоемъ, по срединѣ церкви, разстилаютъ кусокъ
аго холста; на немъ, во время вѣнчанія, становятся молодые.
краямъ его кладутъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, двѣ булочки
ба и нѣсколько копѣекъ денегъ, въ той мысли, чтобы въ бу-
емъ далъ Богъ изобиліе. Этотъ хлѣбъ, деньги, холстъ и еще
то, отъ имени молодыхъ курица и пѣтухъ, остается уже въ
зу совершающихъ таинство брака. Чтобы въ будущемъ не
ѣчалось въ жизни особенныхъ препятствій, стѣсненій, свахи
тегиваютъ у молодыхъ нѣкоторыя застежки. Во время совер-
ія таинства обращаютъ вниманіе на то, какъ у молодыхъ го-
свѣчи. Свѣтлое, ясное, горѣніе предвѣщаетъ имъ такую же бу-
ность; въ противномъ случаѣ ожидаютъ бѣдствій, несчастій.
у кого изъ молодыхъ сгоритъ большій кусокъ свѣчи, того
ь значитъ сгоритъ скорѣе, т. е., онъ умретъ прежде своего
а. Если бы свѣча потухла, то тотъ, у кого это случилось,
енъ ожидать близкой смерти. Во время вѣнчанія невѣста
да старается наступить, яко бы не взначай, на ногу своего
іха; послѣ этого, по мнѣнію селянъ, уже непремѣнно же-
будетъ слушать свою жену. По совершеніи таинства невѣ-
сходя съ холста, на которомъ стояла, тащитъ его ногой по-
о дверей. Это для того, чтобы «вытянуть, молъ, замужъ
ь своихъ подругъ» (Гродн. Губ.).

Послѣ брака свадебный поѣздъ нерѣдко направляется въ
му, гдѣ устрояется маленькая попойка, отсюда уже ѣдутъ въ
жениха, или невѣсты. По дорогѣ раздаются веселые крики
ніе пѣсенъ:

Подякуймо попонькови,
Нашему батенькови,
Що наши дѣтки звѣнчавъ,
Немного за шлюбъ взявъ,—
Штыры золотые
За наши молодые!

Другіе изъ поѣзжанъ, вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ поютъ:

Литовскую копу
За дѣвоцькую косу.

Или:

А не вѣй, вѣтре, полемъ,
А вѣй, вѣтре, дорогою за мною,
Розмотай мою косу по поясу!
Моя коса до пояса,
Шовкомъ заплетена,
Золотомъ окована.

Или:

Пріѣхала дѣвонька зе шлюбу,
Пала вона утонькою
Передъ своєю матюнкою:
«Моя матюнка, роже,
Поздоровъ тебе, Боже,
Що ты мене породыла,
Хорошого сѣмьянина!
На мене попы глядять,
На мене дяки глядять,
На мене задивилися,
Въ ксёнжкахъ помылилися.

Или:

Знати Кузёмки, що звѣнчаный,
На іотъ вѣночекъ перемѣняный;
Якъ до шлюбу ѣхавъ, бувъ зъ калиноньки,
А якъ зе шлюбу — зъ рутоньки.
Иде Кузёмка зъ вѣнчальнечка,
Его батенько у воротъ стоить,
Бѣлый ручничокъ въ рукахъ держить,
Слезоньками облывается,
Бѣлымъ ручничкомъ утѣрается,
Свого дѣтятеньки пытается:
«Що ты бачивъ, моє дѣтятко?»
— «Бачивъ я, батеньку, всѣ Святыи и Пречистую:

Пречистая вѣнки вила,
Мнѣ, молодому, въ ручкы дала!»

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

Или:

Гаи розвивають,
Сады зацвѣтають,
Намъ поле радуе,
Намъ село дивуе:
Молодый Иванко,
Зъ шлюбоньку иде:
—«Ой якъ зачуешь, муй батеньку,
Муй голосокъ у полѣ,
Застилай столы тёсовыи
Бѣлыми обрусами,
Ой посади свою родиненьку
Коло тёсова стола,
А я, молоденькій,
Буду кланятися
Старому и малому
И батеньку своёму!»

(Сборн. пам. нар. творч. CXCVI.)

Когда брачный поѣздъ приближается къ деревнѣ, поѣзжане ютъ:

Не дивуйтеся, добры люде,
Що мы пузно йдемъ зъ шлюбу:
Не было попувъ дома,
Ѣздили до Львова
Ключовъ покупати
Церковь одмыкати,
И дѣтокъ (имена жен. и нев.) вѣнчати.

Подъѣзжая къ дому родителей, молодые посылаютъ нароч-о-маршалка освѣдомиться: рады ли будутъ хозяева гостямъ? ршалокъ трижды спрашиваетъ объ этомъ у родителей молодыхъ. получивъ утвердительный отвѣтъ, даетъ знать о немъ, успѣвмъ уже подъѣхать къ воротамъ дома, молодымъ. По заявленію ршалка, молодые въѣзжаютъ на дворъ; свахи поютъ:

Моя матюнко утко,
Чомъ не выходишь хутко,
Чомъ насъ не витаешь,
Чомъ насъ не пытаешь,
Чи горазъ мы шлюбъ брали,
Чи вси пріѣхали?

Тутъ выходятъ на встрѣчу «вытати» молодымъ родители иногда въ вверхъ вывороченной шубѣ, поздоровляютъ ихъ и почтуютъ пивомъ, или водкой; съ тѣмъ вмѣстѣ они просятъ всѣхъ прибывшихъ съ молодыми откушать хлѣба-соли. Сваха и другіе поютъ:

Дайте кола,
Ручнички до стола:
Иванова (или Варварины) свадьба квокче,
Обѣдати хоче!

Гости входятъ въ комнату и усаживаются за столъ. Первое мѣсто принадлежитъ молодымъ. Его иногда застилаютъ тоже вывороченной шубой. Въ Минской Губерніи, молодыхъ послѣ вѣнца встрѣчаютъ еще и такъ: Мать молодой, надѣвъ на выворотъ кожухъ и шапку, съ хлѣбомъ, въ сопровожденіи мужа, выходитъ на встрѣчу, и отецъ говоритъ: «Ци есть тутъ войцець и матка и усеньки пріяцеле?... Благаславице маладую у хату ввесци!» А молодая плачетъ и говоритъ: Ойченько мой радненькій! Чаму ты мнѣ ня выходишь, чаму мяне ня пытаешь, гдзѣ я, малада, бавилась? За этими словами родители просятъ «дзѣтакъ» въ хату, куда и входитъ весь свадебный поѣздъ. Женихъ даритъ свекрови деньги и покупаетъ мѣсто за столомъ у брата невѣсты, который садится подлѣ нея. Хоръ поетъ:

Убралася цеща въ авчину,
Хацѣла зяця злѣкати,
Ня хацѣла дачки атдаци.
Ой братъ ня братъ—Татаринъ,
Прадавъ сястраньку за таляръ,
А русу косаньку за шостакъ (3 коп. сер.),
Бѣло личко атдавъ такъ.

Или:

Зажги, матка, свѣчку,
Выйдзи намъ на стрѣчку,

Прими двайхъ дѣтакъ,
Двайхъ аднадѣтакъ!
Яни будуць стараща,
Штобъ табѣ дадабатца;
А ты, матка, учи,
Штобъ добро было, живучи!

(Минск. Уѣзда.)

Гости садятся такимъ образомъ: на кутъ садится отецъ лодого, рядомъ сватъ; напротивъ нихъ садятся молодые на лонѣ, заслонѣ (скамейкѣ). Въ другихъ мѣстахъ (Новогор. Уѣзда) лодой, съ своею дружбой, садится по одну сторону стола, а мо-дая, со своей и дружкою, по другую, на скамейкѣ. Сваты поютъ лодымъ:

Альжбетка (Лиза) наша
Славила сабѣ пташа,
Довга жь іонъ налетавсе,
Пакуль у клѣтку даставсе,
Цяперь годзя (довольно) летаць,
Треба клѣтки пильноваць (стеречь),
Пильнуйце адзинь другова,
А болѣй никова!
Такая наша рада (совѣтъ),
Бо иначей будзе звада (ссора).

Начинается угощеніе. Отецъ беретъ бутылку водки и по-уетъ гостей, начиная съ зятя: «Ну, зятю, благаславію васъ счаемъ и житамъ, и бытамъ, и доугимъ вѣкамъ—будьце здоровы!» ть отвѣчаетъ: «На здаровьѣ!» Послѣ отца пьетъ зять, молодая и ѣ гости по три раза, а потомъ закусываютъ. Мать невѣсты авитъ на столъ верещаку (жареная пара колбасъ, то есть, два нка, на сковородѣ вмѣстѣ съ кусочками свинаго сала). Сыръ ь творогу, печено (жаркое) и пшонный пирогъ; закусившіе на-наютъ «гуляць» подъ звуки скрыпки и бубна, а молодой, съ цомъ и дружбой, уѣзжаетъ домой къ себѣ, на коровай. Собрав-еся гости у молодого не пускаютъ его въ хату, а онъ дол-нъ купить себѣ позволеніе войти. Онъ всѣмъ даетъ, по крайней рѣ, по грошу; иначе его не впускаютъ.

Собр. пѣс., сказ... крестьянъ СЗ. края, Дмитріева, 194—196.)

Во время обѣда сватъ жениха постоянно долженъ занимать, развлекать, собраніе; онъ почти не садится. Какъ полный распорядитель, пришедшихъ гостей онъ разсаживаетъ за столомъ, «подноситъ имъ чарки» и закуску. Потомъ обѣдаютъ. Молодымъ подаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особо приготовленное для нихъ кушанье, преимущественно яичницу, которую они ѣдятъ одной ложкою; передъ тѣмъ же молодой пьетъ здоровье своей жены, говоря: «Пью да цябе повнымъ купкомъ, щедрымъ сердцемъ и добрымъ здоровьемъ. Що мыслю сабѣ, то и табѣ.»

(Корева, 621.)

Въ пѣснѣ поется:

Гдзѣ бывъ, салавейка,
Гзѣ была, зюзелька?
Зляцѣлися яни въ адзинъ садочакъ,
Въ адзинъ кусточакъ,
Ѣли калинки съ адной калинки,
Пили вадицу съ адной крыницы.
Гдзѣ бывъ (имя жениха),
Гдзѣ была (имя невѣсты)?
Зъѣхалися яни на адно падворье,
За адно падворье, за адно застолье,
Ѣли разынки съ адного пависка,
Съ адного пависка адной ложачкай,
Пили мёдъ, вино, съ адного килишка.

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, CCLXIXX.)

Послѣ обѣда начинается пляска. Пляску въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непремѣнно долженъ открыть «развести» отецъ жениха или невѣсты. По этому случаю поютъ слѣдующую пѣсню:

лѣйте водыци на хмѣлець,
Разведи, батеньку, намъ танець:
Ты (имя жениха, или невѣсты) дагадайся,
Сваихъ падружекъ напраси,
Свойго батенька вымѣни!

Женихъ остается недолго теперь у невѣсты, и съ дружиною отправляется къ себѣ въ домъ, а невѣста про-

къ воротамъ, и получаетъ за это поцѣлуй и нѣсколько де-
ь. Дома у жениха тоже начинается попойка, угощеніе, пиро-
ье. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣ свадьбы молодые
тъ каждый въ свой домъ, и только вечеромъ женихъ пріѣз-
тъ къ своей невѣстѣ. Это зависитъ отъ того, гдѣ когда при-
о печь коровай.

(Верховичи, Слонимск. Уѣзда Гродн. Губ.)

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, женихъ отправляется
невѣстѣ «въ сваты.» Его сопровождаютъ всѣ родные, вся
чная дружина. Съ собою онъ везетъ немалое количество разна-
рода припасовъ. При выѣздѣ «въ сваты» повторяются, въ нѣ-
орыхъ мѣстахъ, тѣ же обряды, какъ и при отъѣздѣ къ вѣнцу.
атовъ» караулятъ въ домѣ у невѣсты: когда они подъѣзжа-
, то сейчасъ раздается крикъ: «сваты ѣдутъ!» «Сваты», во
я дороги, поютъ:

Поѣхавъ Иванко до свого тестенька,
Пуславъ послонькы впередъ себе до свого батенька:
«Нехай батенько запасы має,
На дворѣ ворота поодчиняє,
И новыи стайни поодмыкає,
Въ жолобы овса понасыпає,
Кринычной воды поналиває!
Въ мене коныки все румаки:
Не кажу ходити по поплавонцѣ,
Кажу стояти всѣмъ на стаєнцѣ,
Кажу имъ дати голого вувса,
А пити имъ дати криничной водици;
Въ мене сватове всѣ боярове:
Не кажу ходити по подворечку,
Кажу сѣсти всѣмъ на застулечку,
Кажу имъ ѣсти дати пшенычного хлѣба,
А пити дати зеленого вина.

Хотя иногда женихъ посылаетъ отъ себя впередъ посланца
омиться въ домѣ у невѣсты, рады ли они будутъ гостямъ
ечно, получить положительный отвѣтъ, но караульщики дѣ-
свое дѣло. Когда приближаются сваты, они ставятъ у во-
лавку, застелаютъ иногда ее скатертью, кладутъ хлѣбъ-

соль и не пускаютъ «сватовъ» и жениха на дворъ (родители жениха свободный пропускъ) до тѣхъ поръ, пока не получатъ «подворотнаго,» — одну и больше бутылку водки. Въ домѣ невѣсты въ это время поютъ:

У гордаго цѣсця стаиць зяць за варатами,
На ёго дожчикъ идзе, на ёго дробнюсенькій,
На ёмъ сукни мокнуць, падъ нимъ коники охнуць;
Вышла, выбѣгла красна Анулька:
«Ойченько, соловейко, што за гостя маешь?
Чомъ на двуръ ня пускаешь,
Чомъ за столъ ня упрашаешь?
— «Анулько, мое дзѣцятко, маладый разумъ маешь,
Што всёго ня радаешь:
Якъ я ихъ на дворъ пущу,
Якъ я ихъ за столь напрашу?
Яни мёдъ, вино пытаюця,
Залатые кубки пабьюцъ
И цябе, маладу, вазьмуць.

Когда женихъ дастъ «подворотное», его впускаютъ на дворъ. Въѣхавши на дворъ, «дружки» молодого отправляются въ комнату, а женихъ со свахой остаются на телѣгѣ.

(Бобровскій, 630.)

Еще при первой вѣсти о приближеніи «сватовъ», гости въ домѣ у невѣсты усаживаются за столъ: садится и невѣста, а возлѣ нея ея братъ. Женщины въ это время поютъ:

Наѣхала Литва, будзе зъ ними битва,
Будемъ ваёвати, Мариньки не давати.

«Сваты» обращаются къ брату, и просятъ его уступить свое мѣсто жениху; братъ соглашается, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы его сестра была выкуплена за извѣстную сумму. Нечего дѣлать: «сваты» соглашаются, даютъ отъ себя часть и негъ, а остальное доплачиваетъ женихъ:

Братику, намѣстничку,
Сядь собѣ у кресленку,
Учись, брате, торговать,
Якъ сестру продавати;

Не давай сестры отъ золотого,
Отъ таляра битого!
—«Осьмакъ слына сестра мила,
За столомъ якъ калина.»

(Сборн. нам. народн. творч. въ СЗ. краѣ. CCIX.)

Или:

Ой не есть то братикъ, — Татарчукъ,
Що продавъ сестрёнку за канчукъ,
Бѣлос личенько, за шостакъ,
Русую косоньку дарма й такъ.

(Тамъ же, CCX.)

Купивши для жениха мѣсто, «сваты,» вмѣстѣ уже съ родителями невѣсты, выходятъ встрѣчать жениха, который, какъ мы сказали, до сихъ поръ, вмѣстѣ съ свахой, оставался на телѣгѣ. Сваха теперь поетъ:

Ой знати, знати, що тесть багатый,
Ой не выходить зятя витати,
Зеленымъ виномъ, пшеничнымъ пивомъ!

Родители приглашаютъ всѣхъ въ комнату. Входя дружки жениха поютъ:

Отсунься, братику, отъ сестры,
Вже жь бо я вульнѣйшій, нежь якъ ты.
Я вже до церквы доѣжжавъ,
И передъ Богомъ присягавъ,
И передъ усѣми Святыми,
И передъ боярами своими.

(Сборн. нам. нар. творч. CCXI.)

Въ другихъ мѣстахъ дѣлается еще такъ. Когда уже пріѣдутъ «сваты» на дворъ, то входятъ въ сѣни дома, и маршалокъ направляется въ самую избу, а остальные остаются здѣсь до времени. Маршалокъ беретъ съ собою булку хлѣба, кладетъ подъ нее копѣйку, или грошъ, на верху кусокъ жаркого и, вошедши этимъ въ комнату, гдѣ сидятъ за столомъ собранные гости, здоровается съ ними и сейчасъ спрашиваетъ: «А, ни ёсць тута-

ка нашей панны маладой вясёлый» (музыкантъ)? Получивъ утвердительный отвѣтъ, маршалокъ подаетъ «вясёлому» принесенные подарки. Музыкантъ благодаритъ: «Дякую атцу, матули, маладому, маладой, за гетый падарунокъ.» Маршалокъ выходитъ въ сѣни, и беретъ новые подарки для брата невѣсты, которую онъ стережетъ теперь. Подарокъ состоитъ тоже изъ булки хлѣба, подъ которою на этотъ разъ кладется около 20 коп. Та же передача подарка, и та же благодарность, съ указанными обрядностями. Снова маршалокъ идетъ въ сѣни за женихомъ, вводитъ его съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, останавливается по срединѣ комнаты и говоритъ: «О то прошу, ойче, матко, о благословенство тѣмъ дѣткамъ першимъ посагомъ!» Изъ за стола всѣ отвѣчаютъ: «Бугъ нехъ благословицъ!» Маршалокъ благодаритъ всѣхъ присутствующихъ за такія благожеланія, и трижды обводитъ молодого кругомъ стола. Послѣ этого останавливается и говоритъ: «Прошу ойче, матко и родзе коханый, тѣмъ дѣткамъ на устемпъ!» При этомъ возглашеніи маршалка изъ за стола встаютъ всѣ сидѣвшіе, за исключеніемъ молодой и родителей, и даютъ мѣсто молодому и его дружинѣ. Молодой садится возлѣ невѣсты, остальные гости занимаютъ другія мѣста. При этомъ поютъ:

Колêсомъ сонико въ гору заходить,
Бокомъ (имя жен.) за стулъ заходить....

Когда всѣ усядутся, начинается угощеніе, обѣдъ. Въ концѣ обѣда женихъ даритъ короваемъ всѣхъ гостей.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

Привезенный коровай разрѣзываютъ на части; также дѣлятся и сыры, которые призезъ съ собою молодой. Послѣ этого «сватъ», или «маршалокъ» беретъ тарелку, обернутую платкомъ. Поверхъ тарелки онъ кладетъ кусокъ коровая и нѣсколько частей сыру; съ ними онъ подходитъ къ каждому изъ гостей и говоритъ: «О то дариць бацько и маци и молодой N. короваемъ, Божіемъ даромъ.» Принимающій коровай: «Дзянкую ойцю и матцѣ, маладому и маладой за каравай, за Божій даръ. Кабъ Богъ давъ даждаць вяселья мойго сынка, чи дочушки, да кабъ я васъ въ вяселосци и въ радосци атдаривъ!» Одаривши всѣхъ короваемъ, свату подаютъ на палкѣ башмаки, иногда и чулки—подарокъ матери невѣсты. Сватъ передаетъ ихъ по принадлежности, и по-

учаетъ благодарность. Другихъ гостей родители жениха дарятъ ногда холстомъ.

Теперь начинаютъ «сповывать» молодую, т. е., надѣваютъ ей а голову чепецъ, вмѣсто прежняго дѣвичьяго наряда, «строя». ередъ этимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, мать молодого подстригаетъ крестъ волосы молодой, положивши три пряди льну. Приступая къ «сповыванью,» свахи снимаютъ съ головы ленъ, подбиваютъ волосы къ верху, опоясываютъ ихъ волокномъ льнянымъ. енихъ и вообще мущины при этомъ не бываютъ: они уходятъ в другую комнату. Самое дѣйствіе происходитъ слѣдующимъ разомъ. Приносятъ чепецъ, платъ (кусокъ холста) и шапку жеха и упрашиваютъ молодую надѣть все это, въ знакъ того, что а уже болѣе не дѣвица. Молодая, конечно, не соглашается. прасно которая ни будь изъ свахъ, подкравшись, надѣваетъ ей голову принесенныя вещи, особенно стараются надѣть на несту шапку жениха. Молодая сбрасываетъ шапку, желая какъ этимъ выразить, что она хочетъ оставаться дѣвицей. Такое йствіе повторяется два раза:

На што мнѣ цапець?
Я кину на печь;
На што мнѣ шапка?
Кину падъ лавку.

За третьимъ разомъ она старается выбросить все въ окно, ей не удается, но, какъ бы насильно, на голову ей надѣваютъ пецъ, обвиваютъ наметкой. Въ такомъ видѣ невѣста кланяется мъ присутствующимъ. Свахи поютъ:

Хвала табѣ, Боже: надзѣли Агатцѣ чапець,
Да ня кидай же яго на печь;
Уложили Агатцѣ шапку,
Да ня кидай же падъ лавку!
Чарнець Яночка, чарнець,
Да уложивъ Агатцѣ чапець,
Да на чапчикъ намѣтку,
Прибравъ якъ лябёдку.

Или:

Хвалилися свахи, свое дѣло зробивши,
Княгиню повывши:

«Пойди, батеньку, поглядзи,
Якъ твое дѣтко вповыли.
Повыли, розквитовали,
Всѣ люде дивовали!

Въ другихъ мѣстахъ дѣлаютъ еще и такъ: разбрасываютъ на головѣ молодой волосы, и даже подсмаливаютъ ихъ концы въ знакъ того, что жена съ этихъ поръ не должна щеголять или смазываютъ волосы масломъ, иногда медомъ, чтобы жизнь новобрачныхъ была, такъ сказать, сладка, катилась, какъ говорится по маслу; кладутъ на голову кусочекъ хлѣба и нѣсколько денегъ, желая этимъ изобилія, богатства въ будущемъ. Тутъ же надѣваютъ невѣстѣ на голову чепецъ, платъ. Свахи поютъ:

Ня скидай вѣнца, ня младзи чапца!
Скинь чапець на градзицы,
Бо зробяць маладзицей!

Въ такомъ видѣ свахи стараются показать невѣсту молодому. Невѣсту, одну изъ дружекъ, сидящихъ за столомъ, покрываютъ простыней, вводятъ молодого и поютъ:

Ой вайдзи, вайдзи, паглядзи,
Ци твая, ци ня твая:
Што мы тваю жонку схавали,
Да стару бабу паказали.

Входитъ молодой и, конечно, узнаетъ сейчасъ свою невѣсту, садится возлѣ нея. Когда женихъ сядетъ возлѣ своей невѣсты, тогда свахи, желая нѣсколько посмѣяться сами и позабавить другихъ, поютъ:

Да нашъ Яначка ня умѣе ни касиць, ни араць.
Ни сваё Катринки цаловаць.

При этомъ новобрачная отворачивается отъ своего или послѣдній, однако не каждый, въ знакъ своей искренней любви обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Всѣ начинаютъ хохотать и кричать «Браво!» Опять начинается угощеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перапой, и бываетъ раздача коровая со стороны невѣсты.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Тогда начинаютъ пѣть присутствующіе:

Проступите, добрые люде,
Нехай до мене батенько буде,
Зъ великимъ даромъ и съ перепоёмъ,
Нехай перепье счастёмъ, здоровьёмъ!

Потомъ начинаютъ дѣлить коровай, при чемъ поютъ:

Просывся коровай у Господа Бога и пана господаря.
«Ой часъ мене, пшеничного, на столъ поставити.»

Или:

Ой въ полѣ, полѣ, вежа стояла,
Мурована и малёвана,
А въ той вежѣ дружечка лежить:
«Встань, дружечко, не лежи,
Полень, полени,
Коровай, подѣли!»

Разносится коровай съ такими же обрядностями, какъ при дѣленіи коровая жениха. Верхнюю часть его, въ нѣкоторыхъ стахъ, даютъ родителямъ молодыхъ, среднюю—гостямъ, осно-ie—«вясёлому.» Потомъ, въ знакъ почтенія, молодая, черезъ его маршалка, надѣляетъ родителей жениха и его дружину арками, состоящими, большею частію, изъ холста. Свахи отъ:

Жалься, Боже, даровъ
Тѣмъ пышнымъ бояромъ:
Умѣють дары брати,
Не вмѣють дяковати,
Шапокъ изнимати.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не разносятъ коровая, а, подѣливши на части, предлагаютъ желающимъ брать самимъ. Каждый, ходящій за короваемъ, долженъ положить нѣсколько копѣекъ. это время молодая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, опоясываетъ дѣтей сами, которые она нагоговила до своего замужества.

(Городокъ, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Когда совершилась раздача коровая, то начинается одаре-молодыхъ со стороны гостей. Женихъ и невѣста садятс

столъ. Передъ ними ставится чашка, куда всыпаютъ горсть ржи и кладутъ кусочекъ хлѣба. Иногда берутъ крышку отъ лохани, кладутъ на ней суконную юбку, отецъ молодой приноситъ палочку хлѣба, немного соли и говоритъ молодой: «Дарую цябе, на цятко, хлѣбомъ, солью!» На хлѣбѣ оставляетъ нѣсколько копѣекъ.

На гэта ни сподзѣвайце,
Да рано уставайце,
Адно другого пабудзайце!

Молодая отвѣчаетъ:

Да мой татечка,
Щира цябѣ рабила,
Вѣрна служила:
Выслужила хлѣба кусочекъ,
Соли драбочекъ.

Подруги поютъ:

Добрая, Агатка, твая доля,
Што цябе татка дарицъ:
Счаслива будзецъ гадзина,
Цябе дарицъ уся радзина.

Сватъ, взявъ обернутую скатертью тарелку, выходитъ на средину комнаты и говоритъ: «Прашу на благаславене!» Этими словами онъ вызываетъ присутствующихъ подарить что кто будетъ молодымъ. Иногда сватъ говоритъ: «А чи ёсць тутъ ацецъ и матка панства маладыхъ? Прашу да перапою!» Родители молодыхъ встаютъ и кладутъ на тарелочку понѣсколько копѣекъ. Потомъ, взявъ палочку, сватъ ударяетъ ею по стѣнѣ и всѣхъ присутствующихъ вызываетъ поименно: «Иване, Кирило, Мелахо!» и проч., и всѣ они даютъ, что могутъ, въ пользу молодыхъ. Молодые кланяются дарящимъ ихъ. Если же сватъ не вызываетъ поименно присутствующихъ, а довольствуется общимъ заявленіемъ («Прошу на благаславене!») то каждый, желающій подарить новобрачныхъ, кладетъ деньги на тарелочку; сватъ относитъ ихъ къ молодымъ, вбрасываетъ въ чашку и говоритъ: «Дарицъ №. столько то сребромъ, или злотомъ.» Молодые благодарятъ.

Да мой брахненька (говоритъ невѣста)!
Дзянкую табѣ за дары вяликіе тваи:
Кали жива буду да спамагуся,
Цябѣ адгаджуся,
А коли ня цябѣ, то дзѣткамъ тваимъ.

Подобныя рѣчи говоритъ она каждому изъ дарящихъ ее.

Кромѣ денегъ дарятъ молодыхъ и разными вещами: лошадьми коровами. овцами и т. под. Кто намѣренъ подарить молодымъ кое ни будь животное, объявляетъ объ этомъ свату. Сватъ, въ свою очередь, провозглашаетъ вслухъ всѣхъ о такомъ намѣреніи. Онъ ни будь при этомъ беретъ палку, или кочергу и, рисуя ею полу, или по потолку, говоритъ: «Ёсць записане» (т. е., наряженіе жертвователя); выливаютъ еще кверху немного воды, чтобы одаренное животное выпрыгивало, а «коли не атдадуць, волки зъядуць.» Такая выходка дѣлается, впрочемъ, съ цѣлью смѣшить присутствующихъ; селяне, однако, крѣпко вѣрятъ, что и кто ни будь не исполнитъ своего слова, то обѣщанное не идетъ больше въ прокъ хозяевамъ: если это было животное, оно или пропадетъ, или издохнетъ; такія понятія заставляютъ селянъ быть вѣрными своему слову.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Одареніе молодыхъ происходитъ еще и такъ: мать кладетъ на голову дочери-невѣстѣ три тесемки льну, и накрестъ поджигаетъ волосы; сестра въ то же время поджигаетъ волосы молодого. Мать уходитъ. Является сваха, снимаетъ ленъ, укладываетъ его на головѣ, повязываетъ платокъ. Отецъ тогда даритъ невѣстѣ «дежу,» на которую кладетъ булку хлѣба съ солью и нѣсколько монетъ; онъ говоритъ: «Дарю цябе, дзѣцятка, хлѣбомъ и солью.» Молодой потомъ закрываютъ глаза, и всѣ присутствующіе дарятъ ее, кто можетъ.

(Корева, 626.)

Вечеромъ въ понедѣльникъ молодые собираются уже переѣхать въ свой домъ. Невѣста должна прощаться съ родителями.

Невѣста поетъ:

Таткавъ куточекъ —
Божій дамочекъ:
Заставайся здаровъ,
Живи богата!

У ногъ матери:

Мая матачка!
Заставайся здарова,
Живи багата,
Не забывайся на мяне, маладую!
Кали буду жебровaци,
Варотца атчиняйце,
На ночь пущайце,
Хоць па кусочку хлѣба давайце!

Такою же пѣснію прощается съ отцомъ. Передъ выѣздомъ изъ родительскаго дома невѣста забираетъ съ собою приданое. Взявши своего мужа, свата, она отправляется съ ними въ амбаръ и обвязываетъ ихъ холстомъ. «Кубельникъ» береть «кубло», или «бадню,» куда, въ присутствіи всѣхъ, складываетъ вещи молодой. Первоначально онъ долженъ еще откупаться отъ ребятишекъ, которые не допускаетъ его взять «кубло.» Онъ даетъ имъ по нѣсколько копѣекъ. Когда все бываетъ готово къ отъѣзду, невѣста, положивши передъ образомъ земные поклоны, начинаетъ прощаться съ своими родителями—обрядъ самый трогательный и у постороннихъ нерѣдко вызывающій слезы. Иногда, при прощаньи, мать невѣсты подходитъ къ жениху съ маленькимъ прутикомъ въ рукѣ и говоритъ: «Ня бій, сынокъ, маёй дачушки кулакомъ, а гетакимъ дубчикомъ!» и при этомъ передаетъ ему дубчикъ. (Чересы, Вил. Губ. Дисн. Уѣзда.) Или: «Зяценьку! Давацьбі дочку, ня храмую, ня сляпую; давши лену, праси сарочки; давши жита, праноси хлѣба; давши ячменю, праси крупъ; а кали таго ня паслухаець, вазьми нитку, навяжи на саломку, да дай, дай; а кали таго не послухаець, вазьми гужъ, да дай, дай гужомъ, каб звала мужомъ!»

(Opis. pow. Borys. 327.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ выѣздомъ молодыхъ изъ дома тестя всѣ гости садятся, а свахи поютъ:

Да я гаварила: саколы лятуць,
Ажъ маи брахны на коне ездаюць;
Я гаварила, што мѣсяцъ уходзиць,
Ажъ мой татечка на дворѣ ходзиць,
Мяне, маладую, праводзиць.

Всѣ садятся на возы. Къ молодымъ кладутъ узелокъ, куда ертываютъ подушку, бѣлую рубашку, простыню. Узелокъ обываютъ поясомъ, который отдается дѣвушкѣ, снимающей съ а самый узелокъ. Новобрачные и сватъ ѣдутъ вмѣстѣ; за нислѣдуютъ ихъ провожатые съ музыкой или «вясёлымъ» во гла- По дорогѣ они поютъ:

Ой ну, Марися, выбирайся,
Въ кованы возы вкладайся!
Часъ пора годынонька на бытъ поѣхати,
Свого быту одвѣдати.
— «Ой уже жь бо я убиралася,
Въ кованы возы повкладалася,
Ой десь пошовъ муй батюнко
До саду винограду,
Нѣма кому дяковати.
Ой нехай коники постоять,
Бѣлый оброчекъ зъѣдять,
А якъ выйде муй батенько зъ саду винограду,
То я ёму подякую.»
Якъ куе зозулька, такъ куе,
А Марися батеньку дякуе:
«Дякую тобѣ, батеньку, за обѣдъ,
А встанешь раненько — мене нѣтъ,
Ни моёй стеженьки:
Дрибными слезами вляешься.
Ой казавъ же есь, муй батеньку,
Що не забудешь ты мене;
Теперь же я у возокъ сѣдаю,
Наглядися на мене,
Якъ на ружу червоную,
Такъ на мене молодую!»
Вже Марися въ возокъ сѣдае,
Ай батенько пытае:

— «Де ты, донечку, ключи дѣла?»
— «Я у тебе, татку, вѣрно служила,
Твоихъ ключикувъ не погубила;
Десь у коморѣ въ новусенькой,
У той скринѣ чорнусенькой,
Не схотѣвъ мене бульшъ годовати,
А ни моихъ гостей частовати;
Якъ я пуйду въ чужіи моды,
Мнѣ, молодои, догана буде;
Що мои гостеньки тверозы,
Що мои гостеньк и неньяные!»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, CXCIX.)

Или:

Похилилася береза въ туй зелененькой дубровѣ:
«Кулька у тебѣ лѣтъ стояла,
Буйнаго вѣтру не чула,
Тулько жь то я, зелененька, виттечко годовала,
Листокъ роспускала.»
Поклонилася дивонька своёму батеньку родному:
«Дякую тобѣ, муй батеньку,
За твое годованье,
За хороше посыланье;
Кулько я въ тебе лѣтъ росла,
Лихого слова не чула,
Тулько я, молоденька, русу косу чесала,
Бѣле личко умывала.»

Приближаясь къ воротамъ дома поютъ:

Свѣтовая зоренька сѣяе,
Иванко ворота торгае:
«Отчини, батенько, ворота!
Ось тобѣ невѣста молода,
Винёёмъ коса припала,
Чорны очи заплакала!»

Въѣхавши на дворъ поютъ:

Пріѣхала до насъ пани
Въ чорнѣмъ жупанѣ,

Не хоче сама сѣдэти,
Треба єё повитати.

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ пріѣздъ невѣсты въ домъ жениха тоже называется «пріѣздомъ сватовъ.» У родителей жениха бываютъ уже заблаговременно собраны гости; и когда они слышатъ о приближеніи молодыхъ, то выходятъ на дворъ, на встрѣчу имъ, и поютъ:

Ци ня ѣдуць, ци ня гайкаюць,
На коникоѣ ци ня гайкаюць,
Канчуками ци ня лопаюць?
Ой чуваць сваты, чуваць,
Зялѣзныя колы звѣняць,
Шалковыя повады шумяць.

(Чересы, Дисн. Уѣзда Вил. Губ.)

Въѣзжая черезъ ворота на дворъ своего дома, молодые иногда разсыпаютъ собравшейся здѣсь толпѣ обаранки. Передъ домомъ новобрачныхъ встрѣчаетъ мать жениха, часто въ вывороченной вверхъ шубѣ, съ «вѣкомъ» (крышкой отъ дежи) на головѣ, на которомъ находится хлѣбъ-соль. При встрѣчѣ новобрачные цѣлуютъ руку матери и входятъ въ сѣни: женихъ подъ правою ея рукою, а невѣста подъ лѣвою. Въ сѣняхъ невѣста насыпаетъ горсть ржи, для того, чтобы домъ этотъ былъ богатъ хлѣбомъ. То же дѣйствіе невѣста повторяетъ и въ комнатѣ; тутъ же «на припечкѣ» она кладетъ булку коровая. Иногда тутъ же ставятъ и приданое невѣсты. Его начинаетъ караулить братъ невѣсты; другіе стараются всѣми мѣрами утащить сундукъ. Если имъ удастся, та потомъ совершается выкупъ; отнявшимъ у карауьщика приданое дается водка, иногда самъ сватъ затѣваетъ съ молодымъ торгъ за приданое; торгъ, по мнѣнію свата, необходимъ для того, что, въ противномъ случаѣ, все можетъ пойти не въ прокъ. Туть иногда молодая раздаетъ еще подарки; потомъ начинается угощеніе, при чемъ поютъ:

А що говорила зоря мѣсяцова рано, рано:
«Се впереджъ зыйдешь, той мене знайдешь,

Освѣтивши небо и землю разомъ, разомъ.»
А што ноченька Марынька Степановна рано, рано:
Ся выспоудить встанешь, то й мене збудышь, рано, рано.
Дамъ добры день обоимъ разомъ, разомъ.
Ой ты батеньку, а я свекорку, разомъ, разомъ,
Ой ты родненьку, а я грузненьку, разомъ, разомъ.»

Утомленные цѣлодневнымъ торжествомъ, молодые скоро отправляются отдохнуть.

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.).

Встрѣча молодыхъ въ домѣ свекра совершается и такъ. Ихъ встрѣчаетъ хозяйка «съ вѣкомъ» на головѣ. Молодая низко ей кланяется; въ наклоненномъ положеніи она остается до тѣхъ поръ, пока свекровь не скажетъ слѣдующихъ словъ: «Свякровь нявѣстку научаець, да у лобъ вѣкомъ лучаець:»—Ня хадзи, нявѣстка, на селу, ня судзи абъ нашо сямью, ни ранняго абѣда, не позней вячеры. Молодая кладетъ пирогъ, обернутый въ полотно; молодой за руку вводитъ ее въ хату. Молодая бросаетъ на печь поясъ. При этомъ раздаются уже пѣсни:

Милые нае сватове,
Чи добра было у дарозѣ?
Чи бѣлые были тарелки?
Чи давали вамъ гарелки?»
—«Да добра было у дарозѣ,
Да бѣлые были тарелки,
Да давали намъ гарелки.»

(Opis. pov. Borys. 338.)

Начинается угощеніе. Всѣмъ подаютъ водку, а молодымъ, между прочимъ, хлѣбъ съ медомъ. Подающее лицо говоритъ: «Пѣтухъ курку маниць, на курасадникъ садзиць, даець меду ѣсци.» Послѣ этого сестра молодого выходитъ, и готовитъ въ особой комнатѣ постель молодымъ; на порогѣ разстилаетъ кожухъ. Прежде должна пройти по нему молодая, за нею молодой. Пособивши молодой раздѣться, подавши ей привезенную бѣлую рубашку, сестра молодого уходитъ. Послѣ нѣкотораго времени молодой выходитъ, и снова посылаетъ къ невѣстѣ сестру свою. Она одѣвается, снимаетъ только что надѣтую было рубашку, передаетъ

сестрѣ, а на себя снова надѣваетъ свою прежнюю. Съ радо-
о и весельемъ вбѣгаетъ сестра молодого къ гостямъ съ полу-
ною рубашкою: въ хатѣ раздаются приличныя пѣсни. Сейчасъ
является и сама молодая, и снова начинается угощеніе. Сей-
ъ же молодой съ «приданками» отправляется къ своему те-
, везетъ женину рубашку, въ которую увязываетъ горсть ржи
ятьдесятъ копѣекъ. У тестя и у свекра идетъ веселье. Молодому
пазуху кладутъ сыръ, увязанный въ платокъ. Раздаются при-
ныя пѣсни. Скоро молодой съ тестемъ и другими родными
равляется въ свой домъ. Гостей встрѣчаетъ молодая. Всѣмъ
няется и проситъ въ хату. Гостей почтуютъ. Начинается по-
ъ пляска, разныя игры.

(Opis. pow. Borys. 334—345.)

На слѣдующій день рано опять собираются гости и встрѣ-
тъ молодыхъ такою пѣсней:

Уже дѣвонька изъ ложа иде,
Своёму свёкорку добрыдень дае,
«Ой на добрыдень, муй свёкорку,
Ой на добрыдень, муй рудненькій.
Рада бъ я була добрыдень дала,
Мою головоньку туга заняла,
Ой не могу я говорити,
Свого серденька звеселити:
Ой я въ тебе завсюду буду,
До мене пушлешь, я туды пуйду,
Що мнѣ розкажешь, робити буду.»

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

Начинается угощеніе. Иногда молодую, если нѣтъ матери
дятъ вокругъ стола, въ знакъ того, что она будетъ госпо-
этого дома. Потомъ обводятъ ее вокругъ хозяйственныхъ
еній и колодезя, чтобы знала весь хозяйственный порядокъ.
нѣкоторыхъ мѣстахъ свадебное торжество продолжается цѣ-
недѣлю. Заключительное свадебное торжество называется
разовъ.» На него приглашаются болѣе почтенныя личности:
тные родители, дядья, тетки. Они приносятъ съ собою булки
ледомъ, аладьи, жаркое. Во время закуски поютъ:

У насъ сёгодня перазовъ,
Самъ Богъ перейшовъ,
Съ Святой Тройцей, съ Пречистой,
Зъ усѣми Святыми, съ счастемъ и долей.

Идутъ довольно важные разговоры, иногда пляска, пѣніе.

(Opis. pow. Borys. 146.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Дисн., Борис., Новогор. Уѣзд.) невѣста въ продолженіи всего перваго года своего замужества за какую бы работу ни взялась въ первый разъ, ея, такъ сказать, начатокъ должна подарить мужу. Такъ, если она пойдетъ въ первый разъ жать, то нажатый первый снопъ должна въ честь мужа обвязать поясомъ, который потомъ даритъ мужу. Если идетъ молотить, то когда намоченное зерно ссунутъ въ кучу, она покрываетъ ее кускомъ холста, который тоже даритъ мужу.

Но мы должны замѣтить, что пышная обрядность, торжественность свадебной обстановки, значительно блѣднѣетъ, если выходитъ замужъ вдова, или опороченная дѣвушка (въ сельскомъ быту послѣднее не можетъ утаиться). Многія пѣсни тогда выкидываются, многіе обычные пріемы измѣняются, дѣлаются какъ бы натянутыми. Такой дѣвицы не садятъ даже «на посадъ», вмѣсто того ее сажаютъ «въ кутѣ», на платкѣ. . . .

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

я жизнь Западно-Русскаго селянина проходитъ въ тру-
ма робицъ на лѣто, а лѣто на зиму» (Лебедево, Виленск. Губ.
Уѣзд.), говоритъ онъ. Въ этомъ отношеніи заповѣдь, данная
въ раю первому человѣку, очень тщательно выполняется
ь селяниномъ. Хлѣбъ, который онъ кушаетъ, дѣйстви-
бываетъ облитъ его потомъ. «Працуесць, якъ волъ чорный.»
арати плачець, тамъ жнея скачець» (указаніе на тяжелый зе-
ьческій трудъ). У селянина нѣтъ такой поры, когда бы
огъ сказать: «Довольно! Я все кончилъ, нечего дѣлать, скуч-
ъ окончаніемъ одной работы является нѣсколько другихъ
ъ. Въ пѣснѣ поется:

Якъ то мужикъ добре, кали мужикъ
Трезвый, гаспадарный,
Для такого у цѣломъ року
Жадынъ часъ нямарный.
Снѣги таюць, іонъ гарадзиць,
Кальми што зимою,
И навазивъ начесявъ,
Добраю парою.
Ёсць у нёго и лучина,
И дровъ много клетекъ,
Будзе чёмъ варици кашу
Всё лѣто для дзѣтокъ.
Вясна блисне, іонъ гной возиць,
И аре, и сѣе,
Касиць любе сѣнажаци,
Нимъ жито даспѣе.
Хлѣба маѣ и ня ходзиць
Вясною па мѣрки,
Бо зимою іонъ на лыкавъ,
У корчмѣ съ кватерки.
Лѣтомъ жонка и дзѣвчатка.
Жнуць жито, ярину,
А іонъ звозиць, а іонъ зносиць,
Все у харамину.
Пахарь аре и малоциць,

Зновъ сѣє у полѣ,
И працує, радъ и вясёлъ,
Зъ мужицкои долѝ.
Николи іонъ ня шукае,
У корчмю вяселя,
И ня ляжиць такъ, якъ хворый,
Весь дзѣнь для пахмеля.
Іонъ у святой у церковцѣ,
На таргу бываець,
Бога, пана, свою хату
И работу знае.
А захочець пагуляци,
У домъ спросиць госци,
Тагды сабѣ чарку водки
Выпье да вашмосци.

(Pionski wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, LXAII.)

Перестань селянинъ работать, и его тогда же охватитъ голодная, дырявая, нищета, ему придется ити по міру. Есть бѣняки, которымъ, при всемъ ихъ трудѣ, приходится повторять слова пѣсни:

Ахъ, Боже мой, Боже!
Боже мой єдиный!
Чомъ мнѣ не вдаєтся,
Якъ моєй родинѣ?
У моєй родины
Жито и пшениця,
У мене, у бездольничка,
На полѣ мѣтлица.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣльск. Уѣзда.)

Что же было бы, если бы селянинъ еще опустилъ совершенно руки? Но подобная мысль даже не приходитъ къ селянину въ голову. Трудъ онъ считаетъ своею насущною потребностью, въ немъ видитъ свое назначеніе. Онъ презираетъ лѣнтяевъ бездѣльниковъ, а въ лѣности дѣйствительно видитъ одинъ изъ тяжкихъ смертныхъ грѣховъ.

Почти все вниманіе селянинъ устремляетъ на свою землю

ащню, которая цитаетъ его, одѣваетъ, откуда, главнымъ обра-омъ, онъ извлекаетъ весь свой достатокъ:

Ня на тое Богъ сатварывъ,
Кабъ ты только ѣвъ да пивъ,
Але штобъ працовавъ,
Баранававъ и аравъ.
У поле, у поле, дзѣтеньки,
У поле, хлопцы, дзѣвеньки!
Поле хлѣба намъ несе,
Поле здаровье дае,
Какъ ты у полѣ ня рабывъ,
Ня ѣвъ бы ты, а ни пивъ.
У поле, у поле и проч.
Будзь здарова, жоненько!
Узышло мило соненько,
Годзе, дзѣтки, годзе спаць,
Треба араць, сѣяць, жаць,
У поле, у поле и проч.

(Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, LXXXVI.)

Или:

«Мужикъ при сасѣ, то краса.» (Тамъ же, LXIX). Или: «Зъ лубки ывемъ,» говорятъ въ Борисовскомъ Уѣздѣ. «Пакинь стрѣльбу и во-, то и я говорится отъ лица хлѣба) у цябе буду!» — «Дай земли, а цябѣ дасць.» — «Ня уважай на урожай, а жито «сѣй!» — «Паклосту, а іонъ дасць хлѣба лусту.»

Нашъ селянинъ пока вѣритъ еще въ успѣшный исходъ ятій только землею; торговля, разнаго рода промыслы, для него е слишкомъ непривлекательны. Стало быть, то время, когда у янина совершаются полевыя работы, составляетъ для него, одной стороны, въ высшей степени желанную пору, но съ угой эта же пора очень тяжела, въ его быту исполнена разнаорода нелегкихъ хлопотъ и треволненій. Такое время у сеъ начинается съ весны. Съ нея въ настоящемъ случаѣ и мы вземъ свой очеркъ.

Радостно привѣтствуютъ весну въ каждой деревнѣ; послѣ ы вездѣ замѣтной становится жизнь, является сильное движе-. Ребятишки первые стараются насладиться живительнымъ ды-

хаціемъ "весны," и никто и ничто не заставитъ ихъ теперь сидѣть въ избѣ, отказаться отъ наслажденія теплыми лучами ясного солнца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе взрослые парни съ дѣвушками по вечерамъ составляютъ хороводы. При этомъ они поютъ пѣсни, которыми привѣтствуютъ весну:

Моя мила Рогулько, встань въ недѣлю рано,
Умый бѣлое личко, моя мила Рогулько!
А вчешь, а вчешь, русую косу,
А влужь, а влужь, тонкую кошульку,
А влужь, а влужь, торгову сподницю,
Опашь, опашь, зеленый фартушокъ,
Опашь, опашь, кованый поясъ,
А влужь, а влужь, торговы панчушки,
А влужь, а влужь, чорные черевички
Вскочь собѣ до огрудечка,
Щипни, вырви, яровй рутки,
А свый, а свый, собѣ вѣночекъ,
А влужь собѣ на головоньку,
Пуйди собѣ въ тихій таночекъ,
Покинь тую, возьми другую,
Покинь тую, возьми третюю!

Или:

Лѣтала чарна галонька зныженька,
Ой а за ею ясный соколикъ сблизенька:
«Ой зажди, пужди, чорна галонька ты моя!»
—«Не хочу жлати, а ни пождати, не твоя;
Шукай иншой, то ще чорнѣйшой, нежли я!» —
«Перелѣтѣвъ я четырй лѣсы и пуль два,
Не нашовъ же я такой галоньки, якъ ты сама.»

(Верховичи, Гроди. Губ. Слон. Уѣзда.)

При пѣніи этихъ пѣсенъ парни съ дѣвками, взявшись за руки, образуютъ кругъ; въ средину его входитъ одна дѣвушка, и т

* Послѣднія слова повторяются за каждымъ стихомъ.

инается пляска. Такой кругъ называется «горо́домъ,» а дѣвушка ъ срединѣ его «рогулькою.» Пѣсни продолжаются.

Мужчины:

Эй, пойду я коло городу,
Шукаючи, пытаючи, моей жоны:
«Чи не бачили моей жоны
Въ городѣ вы?»

Женщины:

«Хочь мы бачили, хочь мы видѣли,
Не возьмешь, не возьмешь.»

Мущины:

Выставлю я бочку медочку,
Вина двѣ, вина двѣ.

(Бобровскій, 842—843.)

Но если молодежь беззаботно предается увеселеніямъ, то озяевамъ въ это время не до того. У многихъ изъ селянъ наинается теперь замѣтно ощущаться недостатокъ въ пропитаніи и ля себя и для своей «скотинки.» Не даромъ Юрій (23 Апр.) изѣстенъ подъ именемъ «голоднаго.» По другой поговоркѣ: «Бѣдный терпитъ до Спаса» (6. Авг.). Нѣтъ иногда хлѣба, отдаются ослѣдніе остатки сѣна и соломы: по неволѣ приходится призауматься. Селяне говорятъ: «Якъ придзе недзѣля вербичъ (Ваій,) го у хазяина галава свербиць.»

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

«Весна—голодъ,» говорятъ селяне, и теплое лѣто съ своимъ урожаемъ представляется для нихъ недостижимымъ будущимъ: «Гдѣ голодно, тамъ и холодно,» и по тому селяне, на замѣчаніе о приближеніи теплаго лѣта, возражаютъ: «Пока лѣто придетъ, то олодъ очи выѣстъ.» Весну они считаютъ въ шутку «покровигельницею вдовъ,» и поютъ иногда такую пѣсню:

Ишла вдова долонъ, долонъ,
За ней дѣтки росмъ, росмъ,
Пришла вдова до вуйченька:
«Муй вуйченько, муй рудненькій!
Пусти мене ночевати,
Поможи дѣтокъ годовати»—
—«Иди, дочушко, въ виръ головою,
Бери дѣтки за собою!»

(Осташино, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Такъ думаетъ о веснѣ селянинъ, всматриваясь въ свое настоящее положеніе. Но относительно будущаго, у него остается надежда, что, съ наступленіемъ весны, пробуждающаяся природа одѣнется зеленымъ праздничнымъ покровомъ, и такимъ образомъ избавитъ его отъ грозящей опасности. И на этотъ разъ у него есть поговорка: «Весна—мати, а лѣто—бацька,» говоритъ онъ, и нерѣдко затягиваетъ такого рода пѣсню:

Ой ты весна, ты красна,
Да що жь ты намъ принесла?
Ой принесла, принесла,
Старымъ дѣдамъ по ліочку,
Старымъ бабамъ по пирогу,
Молодичкамъ по вѣночку,
По вѣночку, по рутвянымъ,
Молойчикамъ по конику,
По конику по воронымъ,
Малымъ хлопцямъ по ячку,
А дѣвочкамъ по красенцѣ,
По красенцѣ по бѣленькому.

(Докшицы, Минск. Губ. Борис. Уѣзда.)

Или:

Ой ты весна, все красна!
А що жь ты намъ принесла?
Ой принесла, принесла,
Съ оруда жито вытрясла:
Малымъ дѣткамъ по ячку,

Молодичкамъ по сыночку,
Старымъ бабамъ по кіочку,
А дѣвочкамъ по вѣночку,
А дѣтюкамъ по конику.
Де дѣточки гуляли,
Тамъ лупинки лежали,
Двѣ бабочки стояли,
Тамъ кіёмъ землю спороли;
Де дѣвочки гуляли,
Тамъ красочки лежали;
Де дѣдюки гуляли,
Тамъ кони траву сорвали.

(Дисна, Вил. Губ.—Опытъ Собранія пѣсенъ и сказокъ на родн. въ СЗ. ь, М. Дмитріева, 118.)

Или:

Весна красна, що намъ вынесла?
Намъ вынесла соху, борону,
Старымъ бабкамъ посединячко,
Молодицямъ красенця ткати,
А дѣвчаткамъ да й погуляти.

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, CLII.)

Каждый, такимъ образомъ, думаетъ найти въ веснѣ для се-нѣкоторую подмогу, надѣется получить отъ нея приличный рокъ.

Весну селяне считаютъ съ Марта мѣсяца. Правда, и они го-тъ, что «Лютый (Февраль) пытае, чи обуты, Марець кусае за ць, а якъ прійде Май, — конёмъ сѣна дай, а самъ на печь ай!» (Нарва, Бѣл. Уѣзд. Гродн. Губ.); но подобнаго рода продолжи-ные холода, на какіе указываетъ поговорка, довольно рѣдки, ртъ вообще считается у селянъ первымъ весеннимъ мѣсяцемъ. тельно, изъ рода въ родъ, наблюдаютъ селяне тѣ Мартов-примѣты, по которымъ можно судить о будущей погодѣ, о щемъ урожаѣ. Первые четыре дня Марта, по мнѣнію нѣко-ыхъ селянъ, изображаютъ вообще состояніе погоды всего года: ое Марта представляетъ собою какъ бы весну; второе—лѣто; ье—осень; четвертое—зиму; каковы эти дни, такова будетъ и

соотвѣтствующая имъ пора года. Въ другихъ мѣстахъ говорятъ: «Коли Галдакей (день Св. Евдокіи, 1-го Марта) теплый, свѣтитъ солнце, то весна и лѣто будутъ теплыя, и особенно хорошъ будетъ сѣнокосъ. Если идетъ дождь, то будетъ урожай на рожь. Если сильный морозъ, то онъ же поморозитъ гречиху во время цвѣтенія. Если первое Марта туманно, то будетъ урожай на стручковыя растенія; если же мятель и вьюга (что, по замѣчанію селянъ, бываетъ рѣдко), то въ текущемъ году нужно ожидать сильнаго голода, который выметъ людей (Гапута, Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда. Въ этотъ день въ иныхъ мѣстахъ селяне стараются ѣсть особаго рода пищу—«нацину», приготовленную изъ листьевъ рѣпы. Говорятъ, что этимъ они предохраняютъ себя отъ болѣзни, такъ называемой, «гречаницы;» названіе ея селяне производятъ отъ гречихи, отъ которой будто бы и сама она появляется. Болѣзненные признаки на одержимыхъ этою болѣзнію особенно бываютъ замѣтны по утрамъ и вечерамъ. Чувствуется при этомъ, говорятъ селяне, очень сильный непріятный зудъ.

(Иже, Вилен. Губ: Вилейск. Уѣзда:)

Селяне съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, чтобы, съ появленіемъ весны, по возможности скорѣе сошелъ снѣгъ, оттаяла земля. Какъ только потекли ручейки, селяне говорятъ между собою: «Слава Богу! Видно будетъ уже весна. Какъ вода заговорила вездѣ! Изъяева внимательно слѣдятъ за тѣмъ, какъ сошла вода съ поля: если не попорчены ни поля, ни дороги, въ текущемъ году, значитъ, народъ будетъ здоровъ; но если, сохрани Богъ, вода поразмывала дороги и, еще хуже, снесла гдѣ ни будь мостъ, мельницу, селянинъ предается большой печали, неутѣшной скорби: «Богъ знаетъ, кто теперь останется въ живыхъ: порвало вездѣ поле, дорогу, мельницы: будетъ же рвать и народъ!»

(Гродн. Губ. Слонимск. Уѣзда.)

Первая забота селянина съ наступленіемъ весны—это построить какъ ни будь свою «скотинку.» Въ продолженіе какихъ ни будь шести мѣсяцевъ стояніе въ хлѣву, при очень посредственномъ кормѣ, она страшно отощала, и теперь ждетъ не дождется «выгона на паству.» Выгнанная, она крикомъ и ревомъ какъ бы привѣтствуетъ весну, радуется ея появленію.

Если пословица: «Мѣй сѣна до Миколы (9 Мая), ня бойчымы николи!» только тотъ безопасенъ относительно содержа-

ота, у кого хватаетъ сѣна до Св. Николая, то Западно-Русскій лянинъ далеко не можетъ похвалиться этимъ. У него чувствется уже недостатокъ въ кормѣ около 23 Апрѣля, и онъ оказыется ниже даже той пословицы, по которой у «дурня корму Юрья.»

(Борисовскаго Уѣзда.)

Выгнавши скотъ на пастбище, вручивши его, такъ сказать, стухамъ, хозяева скорымъ шагомъ, не осматриваясь назадъ и по оронамъ, должны возвращаться домой, чтобы и скотъ съ пастща возвращался прямо домой; въ противномъ случаѣ можно идать частой его отлучки, а, пожалуй, и потери.

(Виленскаго Уѣзда.)

Уладивши дѣло со скотомъ, селянинъ принимается за пашку своихъ полей. Слѣдуя пословицѣ: «Кто сѣе въ ледъ, той медъ,» селяне стараются, по возможности, раньше обсѣметь свои поля. Впрочемъ, относительно урожая, кромѣ указанных примѣтъ, есть у селянина и много другихъ. Еще на канѣ Рождества Христова наблюдалъ онъ, какова ночь, хорошее, и дурное, обѣщаетъ она ему: если ночь лунная и ярко сіяютъ ѣзды, значитъ, можно ожидать хорошаго урожая отъ перваго сѣва; напротивъ, пасмурная ночь обѣщаетъ бѣдную, скудную, къ бы печальную, ниву. Подобныя наблюденія совершаетъ сенъ и въ другіе праздники (въ Новый Годъ, Богоявленіе, Срѣніе. Съ ними мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ). Заручивись ими, онъ открываетъ запашку своей нивы.

Приступая къ такому великому въ сельской средѣ дѣлу, зянинъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, молится передъ образомъ; выдитъ потомъ изъ хаты, беретъ «поводъ» (веревку) и идетъ хлѣвъ, гдѣ находятся рабочіе волы. За нимъ идетъ и хозяйка несетъ съ собою освященную воду. Когда хозяинъ возьметъ ловъ на поводъ и выведетъ ихъ изъ хлѣва, хозяйка освящаетъ ъ; прибывши потомъ на пашню, большею частію въ огородъ а первый разъ), запрягши воловъ въ соху, хозяинъ самъ уже вящаетъ вторично и воловъ и соху, и принимается за работу. отъ первый день начала полевыхъ работъ бываетъ своего да праздникомъ въ сельской семьѣ: селянинъ тутъ рабоетъ недолго, и все дѣло въ томъ, чтобы только нача

онъ сдѣлаетъ три, четыре, борозды, мѣстные ребятишки, незамѣтно для пахаря, стараются набрать нѣсколько новой, свѣжей земли, ее разсыпаютъ по комнатѣ, предпологая, что этимъ средствомъ можно истребить насѣкомыхъ разнаго рода, особенно извѣстныхъ «скакуновъ.»

(Ганута, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ это «заориванье» дѣлается еще такъ: вечеромъ, при закатѣ уже солнца, селянинъ запрягаетъ пару воловъ, беретъ хлѣбъ-соль и отправляется въ поле. Бѣда, если при этомъ повстрѣчается кто ни будь съ нимъ съ пустой посудой, или же перейдетъ дорогу. Ему лучше воротиться съ пути: въ противномъ случаѣ его постоянно будетъ преслѣдовать мысль объ имѣющемъ постигнуть его несчастіи. Впрочемъ, противъ этого несчастія принимается нѣкоторыми селянами слѣдующее средство: они берутъ камень и перебрасываютъ черезъ слѣдъ перешедшаго дорогу: вреда, значитъ, не будетъ. Пришедши на поле, селянинъ выбираетъ мѣсто, гдѣ лучше просохла земля и, сдѣлавши двѣ три, борозды, возвращается домой. Вечеръ для «заориванья» селяне избираютъ въ той мысли, чтобы потомъ запахивающій не имѣлъ возможности заняться какою ни будь другою, посторонней работой; иначе, по мнѣнію ихъ, въ хозяйствѣ не будетъ успѣха, на полѣ не будетъ урожая. По той же причинѣ многіе ни за что не согласятся вбить въ землю колъ до тѣхъ поръ, пока не совершено «заориванье:» вбить колъ въ землю до вспашки, значитъ забить землю; посѣянныя потомъ сѣмена не дадутъ всходовъ, будетъ неурожай. Послѣ «заориванья» начинается уже обычная, черная, тяжелая, полевая работа.

(Дорогичинъ, Гродн. Губ. Кобрин. Уѣзда.)

Когда селянинъ, въ первый разъ отправляется сѣять, и въ этотъ день онъ старается никому ничего не одалживать; иначе успѣхъ будущаго урожая ненадеженъ; вмѣстѣ съ одолженной извѣстной вещи къ должнику можетъ перейти, такъ сказать, и успѣшный ростъ хлѣбовъ, а, пожалуй, и самыя сѣмена. По этой же причинѣ очень неохотно соглашается помочь своему сосѣду тотъ кто заблаговременно обсѣменилъ свои поля. Въ день первой сѣмбы хозяйка должна соблюдать въ домѣ возможную чистоту, чтобы на пашнѣ не было сорныхъ травъ.

(Кобрин. Уѣзда, Гродн. Губ.)

Начать посѣвъ стараются, если только возможно, въ полно-
ніе: думаютъ, что и колосья будутъ полны. Относительно от-
рытія, такъ сказать, посѣвовъ, въ народѣ существуетъ такого
ода убѣжденіе, что прежде всѣхъ непремѣнно долженъ начать
осѣвъ тотъ хозяинъ, которому предоставятъ это право другіе
ляне, который считается легкимъ на руку. Хозяинъ, полу-
вшій такое право, отправляется на приготовленное для посѣва
оле съ булкой хлѣба, чистой скатертью и нерѣдко съ бутыл-
ой водки. Прибывши на поле, онъ на одномъ загонѣ раз-
гиваетъ чистую скатерть, кладетъ на нее привезенную булку
лѣба, становится на колѣни, молится Богу, потомъ крестнымъ
аменіемъ осѣняетъ приготовленную пашню и съ словами: «Боже
оди!» начинаетъ сѣять. Онъ долженъ помнить, чтобы во время
ѣянія не съѣсть случайно одного, или нѣсколькихъ, сѣмянъ; ина-
е, не видать ему у себя хорошаго урожая, или же имѣющее
одиться зерно будетъ очень нехорошаго качества. Первую сѣв-
селянинъ старается совершить въ Субботу, или во Вторникъ:
и дни, если они еще приходятся въ полнолуніе, считаются у
лянъ особенно счастливыми, и начатое тогда дѣло уже не-
ремѣнно будетъ имѣть успѣхъ.

Отправляясь на засѣвки, боятся, чтобы кто не перешелъ до-
оги, чтобы не повстрѣчалась женщина съ пустымъ ведромъ: въ
омъ послѣднемъ случаѣ на пашнѣ будетъ много прогалинъ, пу-
ыхъ мѣстъ. Чтобы избѣжать какой бы то ни было встрѣчи,
араются выѣхать въ поле очень рано, когда другіе еще спятъ.
о если бы селянинъ ни съ кѣмъ на дорогѣ и не встрѣтился,
него, между тѣмъ, распряглась лошадь, въ возу что ни будь ис-
ортилось, онъ непремѣнно будетъ того убѣжденія, что ему кто-
перешелъ таки дорогу. Все его будущее начинаетъ предста-
яться ему въ довольно мрачныхъ краскахъ.

Окончивши «засѣвки,» селянинъ спѣшитъ домой, гдѣ хо-
йка къ его приходу должна уже приготовить порядочное уго-
еніе: на семейный праздничный ужинъ хозяинъ приглашаетъ
оихъ близкихъ сосѣдей, родныхъ, знакомыхъ; старается, чтобы
его было вдоволь, чтобы такимъ образомъ полнѣла его нива.
озможная чистота должна соблюдаться и въ настоящемъ случаѣ;
ичина извѣстна: на нивѣ не будетъ сорныхъ травъ. Веселое
оіценіе продолжается за полночь.

(Дорогичинъ, Гродн. Губ. Кобрин. Уѣзда.)

Нѣкоторые хозяева предпочитаютъ, чтобы «засѣвки» произведены были мальчиками лѣтъ 10—14, считая ихъ невинными. Мальчики въ такомъ случаѣ должны быть въ праздничной одеждѣ и на тощакъ. Какъ только засѣютъ нѣсколько загоновъ, хозяинъ приглашаетъ своихъ помощниковъ, всѣ садятся на травѣ и начинается угощеніе. Прежде всего выпиваютъ по рюмкѣ водки приговаривая: «Щобъ Бугъ зародивъ жито!» потомъ идетъ и закуска.

При сѣяніи тѣхъ, или другихъ, растеній у селянъ соблюдаются свои особыя условія: главное, чтобы въ одно и то же время не производился посѣвъ на двухъ сосѣднихъ полосахъ; у одного хозяина тогда будетъ совершенная неудача, тогда какъ другой можетъ разсчитывать на большой успѣхъ. Возвратившись съ поля послѣ посѣва самъ хозяинъ не долженъ зажигать огня: солнце, молъ, будетъ выжигать его ниву.

При посѣвѣ льна селяне наблюдаютъ, чтобы сѣющій одѣтъ былъ въ возможно бѣлую рубаху; пока окончитъ свое дѣло, онъ не долженъ говорить ни одного слова, хотя бы проходящій и сказалъ ему: «Богъ въ помочь!» Знающій свои обычаи только кивнетъ въ подобномъ случаѣ головой. Причина та, чтобы при говорѣ не раздался какъ ни будь свистъ изъ устъ сѣятеля; а раздайся, хотя бы и маленькій свистъ, и ленъ тогда, по мнѣнію селянъ, нужно считать погибшимъ: онъ даже не взойдетъ. Тонкая, бѣлая рубаха сѣющаго выражаетъ желаніе селянъ, чтобы и посѣянный ленъ «хорошо уродился.»

(Краснополье, Могилевск. Губ. Черниковск. У.)

Нѣкоторыми предсказаніями на этотъ случай селяне запасаются еще во время Рождества: мы съ ними встрѣтимся.

При посѣвѣ конопли тщательно наблюдаютъ, чтобы по сосѣдству никто не вбилъ въ землю ни единого колика; иначе, говорятъ, не взойдетъ конопель. Если бы случилось, что сосѣду въ этотъ день понадобилось огородъ городить, то имѣющій сѣять конопель непремѣнно упросить его отложить дѣло до слѣдующаго дня, «не забивать его» конопли, охотно согласится даже помочь ему. Считается также непозволительнымъ изъ дому дать въ этотъ день взаймы что бы то ни было, одолжить, хотя бы даже огня

(Краснополье, Могил. Губ. Черик. Уѣзда.)

Въ Западной Россіи до послѣдняго времени въ деревняхъ ут-омъ, или вечеромъ, очень часто ходятъ изъ дома въ домъ взять гня: (спичекъ у селянъ не бываетъ). Если посѣянная конопель е взошла, хозяинъ надѣется, что въ его домѣ непремѣнно будетъ окойникъ, изъ членовъ его семейства кто ни будь да помретъ.

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

При посѣвѣ гороха до окончанія дѣла совѣтуютъ не ходить межѣ и не дѣлать нѣкотораго рода физическихъ отправленій: рохъ, изволите видѣть, будетъ очень нечистъ, съ червями, и гручки его будутъ въ высшей степени тощіе, плохіе.

(Краснополье, Могил. Губ. Чериковск. Уѣзда.)

Когда сѣютъ овесъ, то слѣдятъ, много ли появляется кома-въ, и когда ихъ больше: въ началѣ появленія, или потомъ теченіемъ времени. Если количество комаровъ не измѣняется, ваетъ одинаково, по своей численности, и при сѣяніи овса и томъ, овесъ, значитъ, будетъ хорошъ, кустистый, на подобіе чъ комаровъ, кружащихся въ воздухѣ; если же комари въ са-мъ началѣ появлялись большими тучами, и потомъ исчезли, о предвѣщало, что ранній овесъ будетъ хорошъ, а поздній «про-детъ;» такая примѣта можетъ имѣть разумное основаніе, если помнимъ, что комари и овесъ любятъ вообще мѣста низменныя, ажныя. Есть пословица «Сѣй овесъ въ грязь, и будетъ князь!» сюда и выходитъ, что то мѣсто, въ которомъ появляются ко-ри, можетъ быть пригодно для овса; и на оборотъ: съ ума-ніемъ количества комаровъ, само мѣсто, значитъ, теряетъ нѣко-рыя условія, необходимыя для овса.

При садкѣ капусты женщины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, одѣ-ются въ изорванную рубаху и, по возможности, лучше зачесы-ютъ голову. Этимъ выражается желаніе, чтобы и капуста была ственна, на подобіе изорванной рубахи, качаны—тверды и глад-, какъ голова работницы.

(Краснополье, Могил. Губ. Чериковск. Уѣзда.)

Въ Слонимскомъ Уѣздѣ хозяйка, собираясь садить капусту, ретъ большую булку хлѣба, и кладетъ ее на гряду, приговари-я: «Дай Богъ, чтобы и капуста поросла такая же большая, якъ а булка хлѣба!»

Собираясь сѣять гречиху, селяне, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смотрятъ, «курить» ли, или нѣтъ, можжевельникъ отъ удара по немъ палкой. Первый случай считаютъ благовременнымъ для сѣвы гречихи. Для этого, впрочемъ, Троицынъ день считаютъ болѣе другихъ благовременнымъ, и тогда не смотрятъ уже, курить ли можжевельникъ, или нѣтъ.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда.)

Въ Слонимскомъ Уѣздѣ при посѣвѣ гречихи обращаютъ вниманіе на то, начинаетъ ли цвѣсти калина. Если цвѣтъ ея появляется, гречиху, значитъ, можно сѣять.

Въ Чериковскомъ Уѣздѣ (Краснополье, Могил. Губ.) сохранился по этому поводу довольно странное обыкновеніе. Чтобы гречиха была черная, въ первый день Рождества Христова сельскія семейства, отъ мала до велика, не надѣваютъ бѣлыхъ рубахъ, а ходятъ въ грязныхъ, «чорныхъ.» Если кто ни будь въ семьѣ надѣнетъ бѣлую рубаху, это знакъ, что на гречиху въ наступающемъ году нечего надѣяться, что ее убьетъ неблагопріятная погода, или же будетъ пустая. Если же подобныя повѣрья не оправдываются, что бываетъ довольно часто, старики тогда говорятъ, что Богъ не обратилъ вниманія на того, кто надѣвалъ чистую рубашку, и что, на оборотъ, Онъ любитъ гораздо больше тѣхъ, которые носили въ этотъ день грязное бѣлье.

Ячменя не сѣютъ до тѣхъ поръ, пока не появятся Майскіе жуки.

При сѣяніи моркови непремѣнно должно быть «обутыхъ;» иначе концы моркови будутъ имѣть нѣсколько частей, на подобіе пальцевъ ноги человѣческой.

Огурцы стараются садить всегда утромъ, и особенно въ такой день, когда замѣчаютъ, что небо покрыто скученными облаками: и огурцы тогда будутъ родиться въ изобиліи, будутъ лежать кучами.

При садкѣ лука обращаютъ вниманіе на личный вкусъ хозяйки. Если ей желательно, чтобы лукъ по возможности былъ горекъ, то его садятъ въ постные дни недѣли: въ среду, или въ пятницу. Если не желательна особая его горечь, то можно садить въ любой день, за исключеніемъ указанныхъ двухъ.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слоним. Уѣзда.)

Будничная полевая работа продолжается теперь у селя-
ина безостановочно изо дня въ день, и онъ тщательно слѣдитъ
а разнаго рода примѣтами, которыя могутъ обѣщать ему успѣхъ,
ли же предвѣщаютъ бѣду. Въ каждый рабочій день наблюдаетъ
акъ солнечный: ясное захожденіе солнца обѣщаетъ хорошую
огоду,—пасмурное—дождливую (обыкновенная, разумная, древ-
яя примѣта). Пастухъ гонитъ скотъ домой, если впереди его
детъ корова бѣлой масти—это знакъ, что наслѣдующій день мож-
о ожидать отличной погоды; если же впереди всѣхъ видятъ ко-
ову черную, то и погода, значитъ, будетъ мрачная. Если при
ахожденіи солнца вороны летаютъ стаями и садятся на горахъ,
этимъ самымъ уже онѣ предвѣщаютъ сильный, продолжитель-
ый дождь, и отсюда—грязь. То же обозначаетъ, если вороны бу-
утъ садиться на частоколъ: селянину такимъ образомъ придет-
сидѣть дома, какъ гласитъ поговорка: «Коли ворона на колу
мужикъ на полу.» Пастухи изъ своихъ путешествій по лѣсамъ
араются принести хозяевамъ вѣсть о погодѣ. Съ этою цѣлью,
ми они, бродя по лѣсамъ, кричатъ, и тутъ же прислушиваются
отголоску: если отголосокъ расходится далеко, бываетъ гро-
окъ, звученъ, будетъ, значитъ, погода; въ противномъ случаѣ
жно ожидать ненастья (примѣта разумная). Нѣкоторые пастухи
ыкновенно кричатъ: «Ци пень, ци колода, ци будзе завтра
ждь, ци пагода; окажися ляха въ лѣса: го, го, го, го-о-о-о!»

Если продолжается сильная жара, селяне прибѣгаютъ къ
ѣдующему средству, надѣясь ускорить дождь: дѣвушки вносятъ
комнату свои серпы; бабушки бросаютъ въ колодезь макъ;
льчишки рвутъ траву, и при этомъ поютъ пѣсенку:

Идзи, идзи, дождику,
Сварымъ табѣ борщику,
Паставимъ падъ лавкаю,
Накрыемъ булавкаю!

Кромѣ молитвъ въ церкви, богослуженія, до послѣдняго вре-
ни однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ противъ общест-
наго бѣдствія считаются, такъ называемыя, «обыденныя
осна,» или «обыденное полотно.» Дѣло въ томъ, что, по
нію селянъ, засуха, на пр., прекратится, если они въ одинъ
нь начистятъ льну, нацрядутъ его и соткутъ въ одинъ цѣль-
ій кусокъ полотно извѣстной величины.

(Молодечно, Виленск. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

иногда морозъ даетъ знать о себѣ и въ это время: разсаду всѣми мѣрами стараются предохранить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на «Сороки» селяне удерживаются отъ извѣстныхъ работъ: почитаютъ грѣхомъ «работать скотиной»; боятся рубить дрова и дома въ лѣсу; но дѣлать изъ дерева какое ни будь издѣліе можно. Женщины не прядутъ льна, не ткутъ.

(Иже, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ Мартѣ мѣсяцѣ, большею частію раньше, или позже, бываетъ средопостіе, «Средопостница», или середина Великаго Поста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяйки въ этотъ день пекутъ разной формы пироги. Одинъ обыкновенно бываетъ раздвоенный, имѣетъ видъ сохи; другой дѣлаютъ на подобіе бороны съ многочисленными сверху зубьями. По просьбѣ малыхъ ребятъ имъ пекутъ «пужки», продолговатые «шиловаценькіе» пирожки.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ (Миръ Минск. Губ. Новогор. Уѣзда) пекутъ блины, трехугольные пироги, которые называются тутъ «хресцами», такъ какъ и самый день называютъ «Хресцы», и говорятъ обыкновенно: «Ужо отъ Хресцовъ до Великодня только половина посту.» Въ Гродненской Губерніи часть засушеннаго «хресца» или «крестца» прячутъ до того времени, когда впервые выходятъ пахать землю.

(Вилен. Вѣстн. 1869 года № 6.)

Говорятъ что въ день средопостія «щука хвостомъ ледъ разбиваетъ.» (Въ Великороссіи къ этому еще прибавляютъ: «а овсянка поетъ: «Покинь санки, возьми возъ!»). Нѣкоторые думаютъ, что тогда же до двѣнадцати часовъ дня селедка тяжелѣе колбасы, а послѣ двѣнадцати—наоборотъ: это значитъ, что Пасха сдѣлалась для насъ ближе, чѣмъ начало поста. Мальчишки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преважно думаютъ видѣть, какъ щука хвостомъ ледъ разбиваетъ, и для этого, если рѣчка близко, они непремѣнно стараются побывать на ней босикомъ (послѣднее условіе необходимо). Если же нѣтъ рѣчки, то идутъ къ «озеродамъ» посмотрѣть, какъ селедка мѣряется съ колбасой.

тобы видѣть это явленіе, нужно прити въ двѣнадцать ча-
въ ровно и босикомъ; въ противномъ случаѣ ничего нельзя
видѣть.

(Докшицы, Минск. Губ. Борис. Уѣзда.)

Другой, важный для нѣкоторыхъ селянъ, день въ посту,
о—«поклоны». Подъ этимъ именемъ у нихъ извѣстенъ тотъ ве
ръ, въ который совершается служеніе Св. Андрею Критско-
, когда читается покаянный канонъ и кладутся поклоны.

(Мядъ, Минск. Губ. Борис. Уѣзда.)

Въ мѣсяцѣ Мартѣ особеннымъ уваженіемъ селянинъ пользует-
праздникъ Благовѣщенія. Передъ праздникомъ хозяинъ за-
людаетъ, вылетитъ ли, или нѣтъ, пчела изъ улья. Въ первомъ
учаѣ заключаетъ, что текущій годъ будетъ выгоденъ для
елы; въ послѣднемъ наоборотъ. Во всякомъ случаѣ пчела
какъ не должна вылетать изъ улья раньше «Сороковъ»; иначе
а должна потомъ «отсидѣть» въ ульѣ столько времени, сколь-
теперь, своимъ раннимъ появленіемъ, она упредила «Сороки».
инее, или позднее, явленіе пчелы указываетъ селянину и на
ожай наступающаго года. «Который годъ медно (говоритъ
словица), тотъ годъ бываетъ не очень хлѣбно.» Такимъ обра-
мъ ранній вылетъ пчелы изъ улья и, съ тѣмъ вмѣстѣ, обиліе въ
дущемъ меда не совсѣмъ можетъ радовать селянина: «Будетъ
очень хлѣбно.»

(Ольшаны, Виленск. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

На праздникъ Благовѣщенія хозяйка старается встать по-
ньше, чтобы «развязать соху», пока еще не всталъ хозяинъ.
зяйка думаетъ, что въ такомъ случаѣ въ текущемъ году куры
дутъ хорошо нести яйца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще до
схода солнца хозяйки садятъ разсаду. Тогда же кладутъ въ
мъ головки луку; думаютъ, что отъ этого онъ будетъ лучше ро-
и и изъ средины головки не будутъ выходить «столбики»,
торые портятъ его. Передъ всаживаньемъ въ землю, верхушки
ку срѣзываютъ и омакиваютъ ихъ въ свекловичный разсолъ.

День Благовѣщенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, селяне св
ваютъ съ воспоминаніемъ о «буслѣ», т. е., думаютъ, что

Около этого времени бываетъ новый праздникъ, Недѣля Ваій. Онъ пользуется у селянъ громаднымъ уваженіемъ и извѣстенъ подъ именемъ «Вербица», «Вербницы», или «Вербной Недѣли». Еще заблаговременно многіе селяне наламываютъ вѣтокъ вербы, вставляютъ ихъ въ кувшинъ съ водою и держатъ въ теплой комнатѣ; приготовленныя такимъ образомъ вѣтки распускаются. Въ недѣлю Ваій приносятъ ихъ въ церковь для освященія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Шарковщизна Виленск. Губ. Дисн. Уѣзд.) матери не позволяютъ ничего ѣсть своимъ дѣтямъ до времени окончанія въ церкви обѣдни, или, по крайней мѣрѣ, освященія вербы, чтобы дѣти прежде всего на тощакъ могли съѣсть по три почки отъ освященной вербы. Въ этомъ видятъ предохранительное средство отъ лихорадки, которая свирѣпствуетъ весною. Въ Гродненской Губерніи до недавняго времени привязали въ Недѣлю Ваій въ церковь для освященія вербу нѣсколько деревъ, съ корнями; послѣ освященія, съ нея ломали вѣтки (Вѣсти. 1869 года № 7). Освященная верба у селянъ имѣетъ большое значеніе. Они видятъ въ ней духовное оружіе противъ дьявола; думаютъ, что съ этихъ поръ они могутъ прогнать его такъ-таки, по мнѣнію ихъ, онъ проживалъ на деревьяхъ со времени освященія воды. Освященная верба тщательно хранится хозяйкою; иногда ее вѣшаютъ въ скотномъ сараѣ, для предохраненія скота отъ навожденія силы дьявольской. Мы встрѣтимся еще съ разнаго рода священнымъ употребленіемъ этой вербы. Теперь скажемъ только, что самый ударъ освященною вербою считается полезнымъ; по чему селяне, по выходѣ изъ церкви, ударяютъ другъ друга съ нѣкоторыми причитаніями. Эти причитанія нѣсколько разнятся по своему содержанію, смотря по тому, къ кому бываютъ обращены. Ударяя стариковъ, приговариваютъ:

Не я бью, верба бье,
За тыждень—великдень;
Хвора въ лѣсъ, на вересъ,
А здоровье въ кости.
Не я бью, верба бье,
За тыждень—великдень;
Будь здоровъ, якъ вода,
А рости, якъ верба!

Или:

Будь здоровъ на весь годъ!
Будь такъ веселъ, якъ весна;
Будь такъ крѣпокъ, якъ зима!

Или:

Не я бью, верба бье;
За тыждень—великдень;
Не будь сонливый,
До роботы лѣнивый;
Не будь завысливый,
Але будь здоровъ, якъ вода,
Рости, якъ верба!
Будь шмыткій, якъ пчела;
Будь багатый, якъ земля!
Одъ року до року
Вербою по боку.

Пастухамъ говорятъ:

Не я бью, верба бье,
За тыждень — великдень;
Вставай рано, волы гони,
Да по лусцѣ хлѣба бери,
Напаси, напои,
Да и въ хлѣвъ загони!

(Въ различныхъ мѣстностяхъ Губерній Вилен., Гродн. и Минск.)

Послѣ Недѣли Ваій начинается «Страстная,» или «Чистая седмица.» Много заботъ и хлопотъ предстоитъ селянину въ эту недѣлю. Еще въ Недѣлю Ваій удары вербою напоминали ему, что «за тыждень—великдень.» Для селянина эти слова имѣютъ глубокій смыслъ: нужно, значитъ, приготовиться достойно встрѣтить величайшій праздникъ изъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ. И вотъ съ «Чистой» среды, или четверка, онъ уже въ хлопотахъ. Нужно и домъ очистить, чтобы онъ глядѣлъ нѣсколько по праздничному, и запастись кое чѣмъ къ празднику. Все это для нашего селянина, знавшаго до послѣдняго времени одни только будни, слишкомъ нелегко, не-

[illegible]дручно. Но нечего дѣлать! Высокое духовное чувство о предстоящемъ великомъ праздникѣ окрыляетъ его, дѣлаетъ изобретательнымъ. Онъ начинаетъ подчищать свою избенку, а его хлопотливая хозяйка уже успѣла наполнить свою небогатую кладовую нѣкоторыми припасами къ празднику. Въ «Чистый четверкъ» селяне считаютъ священнымъ долгомъ сходить въ церковь на «утрель,» (на 12 Евангелій), и въ вечеръ этого дня стараются какъ бы покончить съ насущными потребностями. Все вниманіе бываетъ обращено на приготовленіе къ празднику.

Въ Западной Россіи съ давнихъ поръ существуетъ обычай приготовлять, такъ называемое, «Свеченое.» Въ каждомъ домѣ и богатые и бѣдные, всѣ свято стараются соблюсти этотъ обычай, и чѣмъ больше будетъ печенья, варенья, пирожнаго, тѣмъ лучше. Бѣда, если хозяйка слишкомъ щепетильна: она простомучитъ себя въ эти дни. Всѣ думы ея сосредоточены на томъ чтобы, если уже не превзойти, то, по крайней мѣрѣ, не отстать бы ей отъ своихъ сосѣдокъ. А сколько приходится испортить всякаго рода матеріялу (конечно, въ домахъ богатыхъ), и все это ни по чемъ, только бы достигнуть своей цѣли. Тщательно и внимательно прислушиваются потомъ хозяйки къ каждому слову вкушающихъ «свеченое», стараются уловить всѣ ихъ взгляды. Ваше одобреніе ея произведеній служитъ для нея единственною, послѣднею, желанною наградой, и, сохрани васъ Богъ не отвѣдать «свеченого», заявить относительно чего нибудь свое неудовольствіе· вы, послѣ этого, наживаете себѣ вѣчнаго, кровнаго врага. Такому обычаю свято слѣдуютъ и селяне. Сколько ни будь состоятельному селянину-хозяину стыдно не имѣть на столѣ въ Свѣтлый праздникъ яицъ, масла, сыра, колбасъ, нѣсколько бабокъ (пироги), паски, поросенка жареннаго, жаркого изъ телятины, говядины, окорока, или ветчины. Всѣ приготовленія хозяекъ должны быть кончены къ полудню «Чистой субботы.» Все это уставляется потомъ на столы и просятъ на домъ Священника освятить. Иногда же укладываютъ приготовленное въ корзины и приносятъ къ церкви, гдѣ Священникъ и освящаетъ его послѣ пасхальной заутрени. Все освященное имѣетъ свое значеніе, и сохраняется какъ даръ и милость Неба. Скатерть, на которой уставляется «свеченое» охраняетъ отъ града, коль скоро при появленіи градовыхъ тучъ она будетъ разостлана на дворѣ. Кости отъ священной говядины

апываются на нивахъ, въ надеждѣ хорошаго урожая. Будучи
ѕдены собаками, онѣ предохраняютъ ихъ отъ бѣшенства. Въ
ь Пасхи боятся одалживать огня: вмѣстѣ съ огнемъ можетъ
ть перенесено ко сосѣду и благосостояніе одалживающаго.

(Уѣзды Борисовскій и Дисненскій.)

На Богослуженіи стараются побывать всѣ селяне. Потомъ
утъ домой, и здѣсь разговляются. Пріѣхавшіе въ церковь на
ратномъ пути стараются перегнать другъ друга. Про это они
ворятъ: «Если я перегоню сегодня другихъ, то моя лошадь бу-
гъ цѣлый годъ сильна и будетъ перегонять всѣхъ сосѣднихъ.

(Городокъ, Вил. Губ. Вилейск. У.)

Христосуются и встрѣчаютъ другъ друга обычнымъ Христіян-
имъ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе,» и «Во истину воскре-
е! На первый день боятся ходить въ гости одинъ къ другому; боят-
ı, чтобы о такомъ не сказали, будто онъ «жабруе» (милостыни
оситъ). На второй и третій день сходятся между собою пріяте-
ı, друзья, родные, сосѣди, и тутъ-то честь и слава тому, у кого
учше «свеченое».

Сельскіе мальчики ходятъ теперь по домамъ, поютъ пѣс-
и и собираютъ въ подарокъ яйца; сами они называются «воло-
ебниками» (отъ «волочиться»), а ихъ подарки «волочебное.» По-
ошедши къ окну избы волочебники, во главѣ съ починальникомъ-
ѣхоношомъ, иногда скрыпакомъ, поютъ:

Да ци дома панъ господарь?
Христосъ васкресъ, Сынъ Божій.
Кали дома, сѣдлай коня,
Христосъ васкресъ, Сынъ Божій *
Сѣдлай каня, ѣдзь на поле:
Па твайму полю самъ Богъ ходзиць,
Самъ Богъ ходзиць, да жито родзиць,
Святый Юрій да врасився,
Святый Петро вкаласився;

* Этотъ куплетъ повторяется за каждымъ стихомъ.

Святая Илья жито жала;
Жито жала, въ скирты клала.

Или:

Христосъ васкресъ!
Ишли, пришли, валочобники,
Играючи, спѣваючи,
Добраго пана шукаючи.
Добры вечоръ, пане гасподару!
Чи спишь, чи ляжишь, пане гасподару?
Кали жь да спишь, Богъ съ табою,
Кали жь ня спишь, ходзь за мною,
Атчини акно, паглядзи на дворъ:
На тваимъ дварѣ стаиць шацёръ,
Навюсенькій, бялюсенькій,
А у томъ шатрѣ залатое кресло,
На томъ креслѣ самъ Богъ сядзиць,
Передъ Богомъ усѣ Святіи
Шикуются, рахуются:
Каторому Святу напередъ пайци?
Святые Сараки напередъ пашли,
Святый Алексѣй сохи чешець,
Святое Благовѣщенье заариваець,
Святый Вербичъ вярбу расвенцаець,
Чистый чецьверъ ячмень засѣваюць.
Святое Величко зъ краснымъ ячкомъ;
Першій дзень пираги маюць,
А сяредній дзѣнь пагуляюць,
А послѣдній дзѣнь выправляюць:
Радавница статекъ запасываець.
Святый Юрій, Божій пасолъ,
Да Бога пашовъ,
А взявъ ключи залатые,
Атамкнувъ землю сырусенькую,
Пусцивъ расу цяплюсенькую
На бѣлый свѣтъ и на ввесь свѣтъ.
Святый Барисъ бабы сѣець,
Святый Микола па межамъ ходзиць,
Жита родзиць,

Урасився, умачився,
Подъ залатый поясъ падаткунвся;
Святый Ушестникъ жита выплываець,
Святая Семуха на вазы возиць
И Бога просиць;
Святый Дзевятникъ жита равнуець,
Святая Десятуха жита красуець,
Святый Иванъ пщолы садзиць,
Подъ перелазамъ па шесцера разамъ;
Святый Петра жита спелиць,
Святый Кузьма сярпы робиць (залатые, новые и сталевые),
Святый Павлюкъ грабли робиць,
Святый Дземянъ сѣна грабиць,
Святый Барисъ снапы зносиць,
Святые Ганны дамовъ возяць,
Святый Спасъ жита пасвенцаець,
Святая Пречистая папарѣ мешаець
И жита засѣваець,
А другая ей памагаець,
Святое Узвиженье зъ поля зберaець
Святый Михайла зъ халоднымъ вѣтромъ,
Святый Пакровъ землю накрывъ,
Землю листомъ, а воду лёдомъ;
Святый Юра грудай гвоздзиць,
Святый Микола снѣгомъ мосциць;
Пришли калядки, господаромъ парадки.
Святая Василля дзажу мясила,
Пираги пякла и рагатые и багатые.
Святое Вадахрище воду пасвенцаець,
Людзей пакрапляець,
Святые Грамницы свѣчи пасвенцаюць.
Пришли Сараки да другихъ Сараковъ,
Дай же, Боже, господарамъ здаровье!
Дай же, Боже, кабъ жита радзила,
На нивѣ капами, а у гумнѣ скиртами,
На таку умалотамъ, а у арудзѣ спорамъ,
А у арудзѣ намоламъ,
У дзяжѣ падходамъ, а у печи ростамъ,
На сталѣ сыцьемъ!
Гаспадарокъ, дари гасцей,

Не бавъ, бардзей.
Наши дары нявялички,
У дзвери ня лезуць,
У акно шыюць.
Пачинальнику капу яецъ,
А памагальникамъ па дзесятку,
Для мѣханоса три гроша,
Музыцкая (музыканта) горкая доля:
Што даюць, бярець тоя,
А не даришь, праси у хату,
Мы на тоя приступаемъ,
Кварту гарелки,
Сыръ на тарелки. Христосъ васкресъ!

(Борис. и Дисн. Уѣздовъ.)

Такъ поютъ волочебники хозяину; если у него есть дочь и ей споютъ пѣсеньку:

Да на озерѣ да на синенькомъ,
Да на каменѣ да на бѣленькомъ,
Красна Мариська бѣль бѣлила,
Бѣль бѣлила, ручки мыла,
Ручки мыла, перстень вронила;
Тудою шли два малойчики,
Два молойчики, рыбаловчики:
«Ахъ вы мои, два молойчики,
Два молойчики, рыбаловчики;
Да закиньте шолковъ неводъ
Да зловице мой золотъ перстень!»
«Красна Марися, що намъ са того буде?—
«Аднаму мой золотъ перстень,
А другому сама молодая,
Сама молодая, косица русая».—
«Красна Марися да не кажи гапи,
Да не кажи гани; да кажи падари»!.

Въ честь хозяйскаго сына:

Да ляцяць, ляцяць, два голубочка,
Да нясуць да па желудочку:
Гдзѣ желудочки пали,
Тамъ два дуба стали,

Межъ тыхъ дубовъ да Дунай-рече,
Въ томъ Дунаѣ челнокъ плыве,
Въ томъ челноку маладой паничъ,
Маладой паничъ, душа Сцепанко;
Падъ Новгародъ надъѣзжая,
Турчатъ павыкликая:
«Выйдзи, выйдзи, панъ Турчанинъ!»
Панъ Турчанинъ на выходзицъ:
«Мы тваихъ служекъ ня принимаемъ,
Мы твой городъ разстраляемъ,
Разстраляемъ, разрубаемъ;
Да стрѣлками перетычемъ,
Къ собѣ паненьку перекличемъ!»

(Осташино, Минск. Губ. Новогор. У.)

Послѣ всякой пѣсни волочебники просятъ яицъ: «Проша, па-Гасподарю, пару яицъ падаци, на шкадаваци, штобъ было за го падзѣнковаци; проша, проша, проша!» Если на такую убѣдительную просьбу не послѣдуетъ желаннаго отвѣта, т. е., хозяинъ дастъ «волочебнаго,» то отъ нихъ онъ услышитъ слѣдующую сню: «Штобъ на твоей нячи крапива расла! Штобъ твая нива ьемъ зарасла!...» Или: «Перейшли сяльцо, знашли яйцо, перейти укое, згубили и тое.» На другой день малые ребятишки бѣгутъ своимъ крестнымъ родителямъ «по волочебное;» иногда селя-родители, вмѣсто «волочебнаго» (яичекъ), даютъ имъ кусокъ рога. А нужно знать, что все вниманіе мальчиковъ обращено ваетъ теперь главнымъ образомъ на то, какъ бы побольше брать яичекъ, и по тому въ послѣднемъ случаѣ они съ негодо-емъ отвергаютъ предлагаемое: «Развѣ я жабракъ (говорятъ и)? Да й у васъ здается цяперь ня дзяды, а Великдень, ня буду бульшъ называць ихъ сваими хрищеными радзицелями.»

(Осташино, Минск. Губ. Новогор. У.)

Собравши достаточное количество яицъ, деревенскіе ребя-ки устроютъ разнаго рода игры, къ нимъ пристаютъ иногда ослые парни и дѣвки. Устроютъ большею частію на землѣ енькую покатость, по которой и начинаютъ «катать яички,» одной стороны честь и слава тому, у кого яичко, пущенное направленію покатости, пройдетъ самое большое простран-

ство; съ другой еще болѣе выигрываетъ тотъ, кто приноровится пустить яичко такъ, чтобы оно на своемъ ходу задѣло яичко его сотоварищей: всѣ они поступаютъ въ собственность побѣдителя. Это уже видимые трофеи его побѣды. Кромѣ скорлупы яицъ, сбиваютъ еще ихъ въ рукахъ. Дѣло происходитъ такъ: одинъ держитъ въ рукѣ яйцо носкомъ въ верхъ, а другой долженъ ударять въ него тоже носкомъ своего яичка. Не дозволяется дѣлать удары въ сторону, въ бокъ. Счастливъ, кто остался побѣдителемъ, т. е., кто ударомъ яйца пробилъ скорлупу яичка своего сотоварища. Сбитое яйцо получаетъ побѣдитель. Побѣжденный приходитъ иногда въ ярость и рѣшается, во что бы то ни стало, одолѣть своего противника, и за частую такому приходится поплачиваться десяткомъ и болѣе яицъ, если попадетъ на «крѣпкое» яйцо. Тщательно и съ немалымъ самодовольствомъ считаетъ побѣдитель свои жертвы, и слово о немъ проносится далеко въ околодкѣ. Даже изъ другихъ деревень приходятъ къ нему помѣряться силами.

Приготовить къ Пасхѣ «крѣпкое» яйцо — верхъ счастія и блаженства для сельскаго мальчика. Съ этою цѣлью употребляется очень много хлопотъ и старанія. Нѣкоторые мальчики запасаются яйцами дикихъ птицъ разнаго рода; другіе стараются достать «сносокъ», т. е., первое яйцо, которое снесетъ курица: оно дѣйствительно бываетъ крѣпче другихъ и во всякомъ случаѣ меньше; нѣкоторые просверливаютъ дырочку и выскабливаютъ изъ яйца желтокъ и бѣлокъ, надѣясь, что оставшаяся одна скорлупа, обхватываемая воздухомъ, будетъ упорнѣе при ударѣ, нежели яйцо въ своемъ естественномъ видѣ. Нѣкоторые вмѣсто выпущеннаго яичнаго желтка и бѣлка, напускаютъ туда воску, отъ чего яйцо получаетъ значительную «крѣпость». Иные просто съ предыдущаго года откладываютъ еще нѣсколько яицъ, надѣясь, что если онѣ пролежатъ значительное время, то и обрѣтутъ крѣпость. Крѣпость яицъ узнаютъ легкимъ ударомъ оконечностей ихъ въ зубы. Чѣмъ выше и чище слышенъ звукъ, тѣмъ, значитъ, яйцо крѣпче. При сбиваніи яицъ противники иногда взаимно пробуютъ крѣпость ихнихъ яицъ; это, впрочемъ, зависитъ отъ условія. Иногда они взаимно мѣняются ими. Во всякомъ случаѣ conditio sine qua non, это, чтобы яйцо было не поддѣльное и даже не «сносокъ». Обманщика, если попадется, предаютъ общему, всенародному, позору; на него изъ

удутъ указывать пальцами. Только тотъ пользуется почетомъ го въ побѣдѣ надъ противникомъ имѣлъ одинаковыя съ нимъ лы, имѣлъ яйцо простое, естественное. Послѣднее, если оно ержало многочисленныя побѣды, само оставаясь цѣлымъ, со-аняется потомъ, какъ святыня.

Играютъ еще и такъ. Одинъ беретъ яйцо, и кладетъ его дъ шапку: вдоль, или поперекъ, это тайна, которую долженъ гадать противникъ. Онъ поверхъ шапки кладетъ палочку, но-вя положить ее въ такомъ направленіи, въ какомъ, по его нію, подъ шапкой лежитъ яйцо. Если палочка будетъ поло-жена удачно, загадка, значитъ, отгадана, и отгадавшій пользует-за это яйцомъ. Въ противномъ случаѣ онъ приплачивается оимъ. Качаются еще на качеляхъ, которыя обыкновенно траиваются при каждомъ домѣ.

Въ праздникъ Пасхи, по древнему обычаю, дарятъ взаимно угъ друга яйцами. Въ Западной Россіи этотъ обычай имѣетъ особе-ое значеніе между парнями и дѣвушками. Въ Гродненской Губерніи брянскаго Уѣзда взрослыя дѣвушки даютъ по нѣсколько паръ цъ молодымъ парнямъ; парни, въсвою очередь, дарятъ имъ въ хра-вые праздники нѣсколько паръ бубликовъ. Такой обмѣнъ, гово-ли намъ, происходитъ не только между парнями и дѣвками ной деревни, но и между нѣсколькими деревнями, жители ко-рыхъ хоть сколько ни будь знакомы межъ собою. Обмѣнъ этотъ оисходитъ въ знакъ любви.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на первый день Пасхи не выносятъ ру изъ избы: считаютъ грѣхомъ.

Приготовленное «свеченое» селяне обыкновенно ѣдятъ ромъ, разговляются имъ. На первый и второй день праздника чти имъ только и довольствуются. Потомъ готовятъ что ни будь лое къ обѣду, и ужь послѣ обѣда «свеченого» не ѣдятъ. «Свеченое» они непремѣнно стараются «дотянуть до проводъ» (Ѳоной недѣли). Въ этотъ день все должно дѣлаться также, какъ на Пасху. Даже разговляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ яичмъ и говорятъ при этомъ: «Яйцами отговѣлись (на Пасху), яйцомъ закончимъ» (на проводы). На «проводы» вечеромъ селяне, по стному выраженію, «полощутъ зубы и зиму прогоняютъ въ вы-й» тѣмъ, что вечеромъ устроятъ порядочную попойку и закуску.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Или:

Вазьми ключи, идзи въ стайню;
Вазьми каня варонаго;
Идзь у поле у чистое;
Атамкни землю, пусци расу!

Или:

Юрій, вставай рано!
Атмыкай землю,
Выпущай расу
На цѣлое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое,
На каласистое
Людзямъ на здоровье,
Панамъ на змиренье;
Панамъ пановаць,
Жидамъ арендоваць!

(Минской Губерніи.)

Условившись съ извѣстнымъ ночлежникомъ, которому хозяинъ намѣренъ поручить своихъ лошадей, онъ, со всею семьею, становится передъ иконою Св. Георгія, и молится ему сохранить его лошадей невредимыми. Послѣ молитвы хозяинъ беретъ столько яицъ, сколько у него лошадей, три раза обходитъ кругомъ хлѣвъ, гдѣ стоятъ лошади, и потомъ кладетъ ихъ подъ порогомъ. Перекрестившись три раза, хозяинъ отворяетъ хлѣвъ, входитъ туда, приговаривая: «Пришла Юрьевая раса, ня дамъ вамъ овса:» три раза гладитъ ихъ рукою по всему хребту, надѣваетъ узду, выводитъ изъ хлѣва и старается самъ правою ногою вступить на порогъ хлѣва, гдѣ положилъ яйца; тамъ, по мнѣнію селянъ, находится дьяволъ, который всячески старается повредить лошадямъ, и можетъ сдѣлать это только на канунѣ Юрьева дня. Ступить правою ногою на порогъ хлѣва значитъ совершенно обезсилить дьявола, сдѣлать его для себя безвреднымъ. Выведши лошадь изъ хлѣва, хозяинъ передаетъ ее ночлежнику; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ даетъ ему пару колбасъ, кварту пшеничной муки, кусокъ сала, какой ни будь десятокъ яицъ, нѣсколько денегъ. Ночлежникъ от-

авляется въ заранѣе уже условленное съ своими сотоварищами
сто, и тамъ всѣ они устрояютъ себѣ угощеніе.

(Загорье Сѣнинское, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

На канунѣ праздника Георгія хозяйки, въ нѣкоторыхъ мѣ-
ахъ, приготовляютъ хлѣбъ, такъ называемый, «коровай,» обертыю-
ютъ его потомъ скатертью и отдаютъ хозяину. Взявши коровай,
зяинъ кладетъ его въ «кошель,» сумку изъ коры бересты. Встав-
и на другой день какъ можно раньше, хозяинъ береть «кошель
коровaемъ», отправляется въ дорогу и обходитъ всѣ свои по-
. Пришедши къ послѣдней полосѣ, гдѣ ростетъ рожь, вынима-
ъ «коровай,» кладетъ его въ рожь, и сравниваетъ высоту ржи
коровaемъ. Если коровай прячется во ржи, то рожь, говорятъ,
текущемъ году будетъ хороша. Прочитавши тутъ же молитву,
зяинъ отправляется домой. Если онъ возвращается домой рано,
къ, что изъ семьи не всѣ еще встали, то онъ самъ немного от-
хаетъ, и потомъ, когда всѣ приготовятся къ завтраку, хозяинъ
зрѣзываетъ «коровай» на порціи, по числу членовъ семейства, и
ѣ вмѣстѣ, послѣ молитвы, завтракаютъ. Отвѣдавши «святаго хлѣ-
,» хозяинъ спѣшитъ въ церковь помолиться Св. Георгію о сохра-
ніи его «скотинки.»

(Озаты, Гродн. Губ. Кобр. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ эти обрядности совершаются нѣсколько
ожнѣе, болѣе торжественно. Приготовивши «коровай» хозяева,
огда съ семьей, раненько, непремѣнно на тощахъ, отправляются
обходъ по своимъ полямъ. Кромѣ коровая они беруть съ со-
ю водку, колбасы, яйца, кости отъ той говядины, которую
ѣли на праздникъ Пасхи. Кости сохраняются или въ естест-
енномъ видѣ, или въ видѣ порошка, послѣ сожженія ихъ. При-
ѣдши на поле, хозяева иногда качаются сами по ржи, чтобы
ропиться Юрьевой росою, и потомъ качаютъ свои короваи. Обхо-
ятъ свои нивы съ пѣснями: «Юрій, вставши рано, отмыкай землю!»
проч. На границѣ поля поздравляютъ свою ниву: «Здравствуй, нива святая!» говорятъ селяне; «поздравляемъ съ
ѣбомъ, солью и Св. Юріемъ. Кабъ Богъ найвысшій и Св,
рій потѣшилъ погодою и здоровьемъ!» Хозяину при этомъ же-
ютъ «пиво робить, сына женить (если есть), горѣлку гнать,
чку замужъ дать» (если есть).» Послѣ этого тутъ же начинается

пированье: Выпиваютъ принесенную водку и закусываютъ. Костями, если онѣ въ естественномъ видѣ, обтыкаютъ межу: если же онѣ сохранены въ видѣ порошка, то послѣднимъ обсыпаютъ тѣ мѣста, на которыхъ ростетъ осока. Думаютъ, что послѣ этого не будетъ расти сорная трава.

Обходятъ поля съ вербою, освященною въ Недѣлю Ваій. Потомъ въ извѣстномъ мѣстѣ втыкаютъ ее въ землю, въ той надеждѣ, что этимъ защитятъ ниву свою отъ града. Для избавленія отъ града прибѣгаютъ еще и къ такому средству. Когда завидятъ «градовую» тучу, отламываютъ нѣсколько вѣточекъ освященной вербы, берутъ разнаго рода травы, «зелье,» освященное на Іоанна Крестителя въ прошломъ году, на «зельную» (Успеніе Пр. Богородицы); бросаютъ все это на горячіе угли: думаютъ, что туча послѣ этого пройдетъ безъ вреда.

Среди селянъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сохраняется и преданіе, по чему необходимо въ день Св. Юрія совершать обхожденіе своихъ полей. Говорятъ, что когда-то было сдѣлано такое распоряженіе, что если сынъ не убьетъ своего состарѣвшагося отца въ то время, когда самъ можетъ быть хозяиномъ, то самъ онъ отъ своего общества долженъ подвергнуться этой участи. Оказалось, что одинъ добрый сынъ слишкомъ былъ расположенъ къ своему отцу, и у него ни какъ неподнималась рука совершить убійство. Не хотѣлось въ то же время и самому подвергнуться такой участи. Вотъ любящій сынъ спряталъ своего отца въ погребъ распустивъ тогда же молву, что онъ убилъ его. Дѣло было сдѣлано. Сынъ между тѣмъ постоянно посѣщалъ своего отца, доставлялъ ему все необходимое для жизни и пользовался его совѣтами. Случилось, что въ домѣ не стало ржи для обсѣва полей, а и негдѣ было купить. Сынъ обратился за совѣтомъ къ отцу, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Отецъ приказалъ ему пойти, набрать соломы, которою покрыты дома, хорошо перемолотить ее и потомъ разсѣять по полю. Сынъ такъ и сдѣлалъ. Съ наступленіемъ весны сынъ пошелъ посмотрѣть, что дѣлается съ его нивой, каковы всходы; но тамъ, къ его удивленію, хоть шаромъ покати: ничего не было. Опечалился сынъ и опять поспѣшилъ къ отцу повѣдать скорбь свою и горе. Отецъ объявилъ ему, что онъ въ день Св. Георгія долженъ пойти на поле, обойти его и потомъ послушать, что будетъ говорить рожь. Обошедши поле, сынъ приложилъ ухо къ землѣ и сталъ слушать, улегшись на загонѣ; рожь

акъ бы говорила ему: «Посунься ты; тутъ сядутъ три,» что яко бы казывало на будущіе густые всходы. Дѣйствительно, рожь ро-илась великолѣпная, кустистая, на загляденье всѣмъ сосѣдямъ. лагодарный сынъ открылъ, въ чемъ тайна, и виновника ея ука-алъ въ своемъ отцѣ. Всѣ, конечно, наполнились глубокаго ува-женія къ старцу, порѣшили не убивать болѣе своихъ родителей, а а Св. Георгія обходить поля и слушать, что говоритъ рожь.

(Ольшаны, Виленск. Губ. Ошмянск. У.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще водится обычай, чтобы моло-ица (вошедшая той зимы въ хату замужъ) покрыла всходы ржи олотномъ. Послѣ того пьютъ и закусываютъ въ честь покрови-еля стадъ и хозяйства. Еще иногда нѣсколько дѣвокъ спекутъ ольшой «коровай» и, въ сопровожденіи «хлопцевъ», несутъ его ъ торжествомъ надъ головами; заходятъ съ поздравленіями къ очетнымъ хозяевамъ, ради почтиванья, а главное ради честнаго ожеланія, чтобы участницамъ въ обрядѣ не довелось болѣе ходить ъ короваемъ на Юрія, но къ слѣдующему году посчастливилось ыйти замужъ. «Хлопцы» выкупаютъ «коровай» въ складчину убля за полтора и менѣе; послѣ всего устрояется общая закуска выпивка.

(Гродн. Губ. Виленск. Вѣсти. 1869 г. № 12.)

По погодѣ дня Св. Юрія хозяева гадаютъ объ успѣхѣ въ озяйствѣ. Если въ Юрьевъ день идетъ дождь (густой, большой), о, говорятъ, будетъ рости большая рожь. Если дождь будетъ олько «кропить», то будутъ весь годъ коровы доить. Если бу-етъ роса, то будетъ довольно конямъ овса.

Примѣчаніе. Великорусскія повѣрья и примѣты на Юрія: «На Юрія роса—не надо конямъ овса. Юрій запасаетъ коровъ. Юрій праздникъ пастуховъ. Юрьева роса отъ сглаза, отъ се-ми недуговъ. Будь здоровъ, какъ Юрьева роса! Яровой сѣй до Егорья, или съ Егорья! Богатый сытъ и въ Юрьевъ день а бѣдный терпитъ до Спаса. Подъ Егорья вешняго не рабо-таютъ, чтобъ волкъ овецъ не поѣлъ. На Юрья Св. Егорій разъѣзжаетъ по лѣсамъ на бѣломъ конѣ и звѣрямъ раздаетъ наказы. Всякъ звѣрь у Егорья подъ рукой. Что у волка въ зубахъ, то Юрій далъ. Юрій весну начинаетъ. Юрій рабо-

ты начинаетъ, Юрій и кончаетъ. На Руси два Егорья: холодный (26 Нояб.) и голодный (23 Апр.).

Съ именемъ Св. Георгія селяне соединяютъ и память о Миколѣ (9-го Мая). Они говорятъ: «Юрья сказавъ: жита уражу; Микалай атказавъ: пажджи, пагляджу!» «Если до Юрья корму и у дурня, то только тотъ не боится зимы николи, кто имѣетъ сѣна да Миколы.» Микол асоставляетъ переходъ отъ зимы къ лѣту, и обыкновенно около этого времени производится посѣвъ. Сѣно до Николина дня считается «раннимъ посѣвомъ». Послѣ Николы запрещаютъ постухамъ пасти скотъ на лугахъ, предназначенныхъ подъ покосъ. Нищіе, прося милостыни, поютъ, въ честь Св. Николая, пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

Ой хто, хто, Миколая любить,
Ой хто, хто, Миколаю служить,
Тому Святый Миколай
На всякій часъ помагай!
Єму служить, ему служить,
Сонце, мѣсяць,
Во дни, въ ночи,
Непрестанно!...

(Чересы, Вилен. Губ. Дисн. Уѣзда.)

Думаютъ также, что празднованіе въ честь Николы предохраняетъ отъ града.

Въ праздникъ Пятидесятницы, «Семухи», селяне, по древнему обыкновенію, украшаютъ свои дома, внутри и извнѣ, разнаго рода зеленью. Въ этотъ день всѣмъ хорошо (говорилъ мнѣ одинъ селянинъ), за исключеніемъ бѣдныхъ, шестилѣтнихъ дѣтей. Они скучаютъ дома: имъ непремѣнно хотѣлось бы пойти въ лѣсъ, или «жито», чтобы тамъ поиграть. Но родители, опасаясь несчастій, не пускаютъ дѣтей и говорятъ имъ при этомъ: Ня йдзіце дзѣтки, ни да лѣса, ни у жита; бо у лѣсѣ бѣгае тучница (стая волковъ); вана якъ нападе на васъ, то заѣдае на смерць, а у жытѣ ходить раскудланые русавки съ велизными ножами, то вамъ васъ парѣжуць». Послѣ такихъ наставленій дѣти по неволѣ остаются дома.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣлост. Уѣзда.)

Въ день Пятидесятницы пастухи и ночлежники устраиваютъ

Балекъ;» матеріялъ для него пастухи выпрашиваютъ предварительно у каждаго хозяина, скотъ котораго пасутъ; при этомъ болѣе ловкій между ними говоритъ: «Прислалъ Король по лѣтошній духъ; ктось бравъ, не добравъ, пришовъ се лѣто добирать: отъ бычка яечка, отъ коровки маслячка, отъ овечки четыре яички, отъ свиньи солопинки, отъ баранчика соли, кабъ бывъ господарь весёлый.»

(Стаекъ, Виленск. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ Пятидесятницей празднуютъ «Дѣды», т. е., поминаютъ умершихъ. Прежде всего хозяйка приготовляетъ двѣнадцать блиновъ, потомъ варитъ «капусту», какой ни будь супъ (крупникъ), готовитъ кашу, жаркое, колбасы, яйца, печетъ «перепечки». Должно быть, по крайней мѣрѣ, пять кушаньевъ, по другимъ семь. Если селянинъ, совершающій дѣды, не въ состояніи приготовить и этого числа блюдъ, то онъ остается при томъ убѣжденіи, что ночью мертвые не дадутъ ему покоя, постоянно будутъ видѣться ему во снѣ; мертвые, по мнѣнію селянъ, недовольны, если количество блюдъ не достигаетъ числа пять. Водка опять считается непремѣнною принадлежностью: если на праздникъ ея не будетъ, то сильнымъ вѣтромъ можетъ сорвать у селянина съ какого ни будь строенія крышу, или же «выкрупить рожь».

(Марково, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Послѣ заупокойной обѣдни хозяинъ зоветъ къ себѣ гостей. Все уже бываетъ готово, поставлено «на лавѣ» въ такомъ порядкѣ, въ какомъ будетъ подаваться къ столу. Хозяинъ приноситъ водку и пиво. Хозяйка кладетъ на одинъ конецъ стола шесть блиновъ и на другой шесть, а на блинахъ въ томъ и другомъ концѣ по булкѣ ржаного хлѣба и пшеничнаго. Потомъ ставитъ на столъ бутылку и кладетъ пять яицъ. Гости послѣ садятся за столъ. Тогда хозяйка зажигаетъ «громничную» свѣчу, три раза обходитъ съ нею кругомъ стола, и самую свѣчу потомъ ставитъ въ ржаную булку. Иногда самъ хозяинъ обходитъ со свѣчею три раза кругомъ миски съ капустой. Передъ этимъ хозяинъ наливаетъ рюмку водки и, вставши, вмѣстѣ съ другими, читаетъ молитву за умершихъ, поминаетъ всѣхъ умершихъ въ семействѣ дѣдовъ, отцовъ, дѣтей. Послѣ молитвы, съ рюмкою водки, хозяинъ обращается къ хозяйкѣ, пьетъ къ ней съ пожеланіемъ, чтобы Господь удостоилъ ихъ «приждать и другихъ дѣдовъ». Чара идетъ къ хозяйкѣ. Условіе это

должно соблюдаться непремѣнно. Если хозяинъ живетъ съ хозяйкой въ ладу, что при рюмкѣ водки выражается словами: «Будь здорова!» то подобный домашній миръ способствуетъ къ размноженію овецъ и успѣшному урожаю пшеницы. Отъ хозяйки рюмка переходитъ въ руки гостей, и когда обойдетъ въ кругу всѣхъ, по старшинству, снова возвращается къ хозяину. Закусываютъ сначала яйцомъ, потомъ ѣдятъ капусту и остальныя кушанья, а въ заключеніе кашу. Поѣвши немного каши, гости макаютъ въ нее ложки. За обѣдомъ по ложкѣ каждаго кушанья оставляетъ хозяинъ въ особо поставленную тарелку; это для умершихъ, если не оставлять имъ, то хозяину, по мнѣнію селянъ, грозитъ «гнѣвъ отъ душъ». Послѣ обѣда, не вставая отъ стола, хозяинъ почтуетъ гостей пивомъ съ такою же обрядностью, какъ или водку. Стаканъ пива оставляютъ на столѣ для «душъ.» Встав отъ стола, молятся Богу за умершихъ. На столѣ, между тѣмъ, в продолженіи нѣкотораго времени, все остается въ такомъ видѣ, какъ было за обѣдомъ. Думаютъ, что собственно теперь являются души умершихъ подкрѣпить свои силы.

(Стаекъ, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Марково, Вил. Губ. Вилейск. У.) въ заключеніе, вмѣсто пива, даютъ гостямъ по стакану парного молока, въ память умершихъ грудныхъ младенцевъ.

«Дѣды» иногда празднуются еще и такъ. Передъ ужиномъ при всеобщемъ молчаніи, хозяинъ, наливши первую рюмку водки, выливаетъ ее за окно, говоря: «Будзь здоровъ, дзѣду!» Каждый членъ семейства пьетъ по три раза и закусываетъ пирогомъ, «кишомъ,» или блиномъ. Начиная кушать, первую ложку тоже выливаютъ за окно, приговаривая: «Дѣду, иди до обѣду!» Потомъ поминаютъ умершихъ. Сперва вызываютъ отца и мать, что называется «становить столъ за матку и за бацьку.» Послѣ произнесенія каждаго имени бросаютъ еще блинъ подъ столъ и говорятъ: «Хавтуры!» (покойникъ; отсюда и пословица: «У адной цѣ вяселье, а у другой хавтуры»). Послѣ обѣда хозяинъ обметаетъ комнату метелкой, говоря: «А кишъ, кишъ (обыкновенное понудительное слово, когда гоняютъ куръ), душечки! Котора старша и больша, та дверьми, а котора меньша, окнами!» Кромѣ домашней трапезы на могилахъ родныхъ ставятъ еще иногда горшки съ кашей и ложкой, или ставятъ подъ окнами (Бѣлорусск.

атеріалы для Геогр. и Статист. Россіи, 838). Иногда еще хозяинъ, до вре-ени сбора всѣхъ домашнихъ къ столу, самъ отпираетъ отъ из-ы двери и, поставивши въ дверяхъ борону, начинаетъ гонять ь обѣду «душечекъ: «А кишь, душечки, на обѣдъ: малые че-езъ борону, а старые черезъ двери!» Вошедши потомъ въ ком-ату, хозяинъ беретъ лучину, зажигаетъ ее и трижды обноситъ ругомъ стола, для окуриванія. Усаживаясь обѣдать, вызываютъ ушіи»: «Мама, дѣду, прадѣду и вси душечки, которые 'сте а сёмъ мѣстцѣ пребывали, хлѣба и соли заживали, проси-о до обѣду!» Начинается обѣдъ. Послѣ обѣда хозяинъ отнимаетъ ставленную борону, беретъ въ правую руку полотенце и стаканъ ива, въ лѣвую тарелку, въ которую за обѣдомъ вливали по ложкѣ ждаго блюда для «душъ,» и отправляется на гумно. Тамъ, воз-ъ сарая, онъ разстилаетъ полотенце, ставитъ на немъ съ одно-о конца тарелку, съ другого стаканъ пива; по срединѣ самъ ста-овится на колѣни, молится о душахъ, выливаетъ пиво въ тарел-у и, въ свою очередь, означенную мѣшанину выливаетъ вонъ для душечекъ». Обрядъ, значитъ, конченъ; хозяинъ идетъ домой.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

Описанные «Дѣды» извѣстны подъ именемъ «Семухи,» или Ставрусскихъ.» «Семухой» называются они по тому, что совер-аются на седмой недѣлѣ послѣ Пасхи. Относительно названія ихъ Ставрусскими» существуетъ такого рода преданіе. Во время оно, оворятъ, на Бѣлой Руси, въ Краснополѣ, еще во времена язы-ества, жилъ нѣкій Князь, именемъ Бой, славный въ окрестно-ти охотникъ. Вѣрными и неизмѣнными товарищами въ охотѣ лужили ему двѣ его собаки, въ высшей степени сильныя, смы-леныя. Одна изъ нихъ называлась «Ставры,» другая «Гавры.» Ни одинъ медвѣдь не могъ устоять противъ нихъ. Если случа-ось, что Боя иногда въ лѣсу окружали разбойники, ему стоило олько спустить на нихъ своихъ собакъ, и опасность миновалась: раги принуждены были сейчасъ же разсыпаться. Если Бой за-луждался въ лѣсу, собаки дѣлались его проводниками: шли впе-еди его, выводили на дорогу, приводили домой. Однимъ словомъ, ти собаки были вѣрнѣйшими его друзьями. За такія ихъ заслу-и Бой, яко бы, приказалъ своимъ подданнымъ, чтобы Ставрѣ и Гаврѣ отдавалась честь, какъ самымъ приближеннымъ къ Князю. Когда онѣ покончили жизнь, Князь назначилъ, яко бы, особые дни

въ ихъ вспоминаніе; народъ собирался въ тѣ мѣста, гдѣ были закопаны ихъ кости, приносилъ туда питья и яства; пиршество продолжалась нерѣдко до ночи. Часть пищи и кости бросали на могилы Ставры и Гавры, и участники въ пиршествѣ, яко бы, призывали ихъ имена. Отсюда, яко бы, ведутъ свое начало «Ставрусскіе дѣды,» и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяинъ, отлив-ши въ особую тарелку кушаньевъ, опускается съ нею подъ столъ и три раза повторяетъ: «Ставры, Гавры, гамъ! Приходзице къ намъ!»

(Opis. pow. Borys. 376 — 377. Ср. Дмитріева, Собраніе пѣсенъ, сказокъ СЗ. края, 219.)

Ни одинъ день въ году не обставленъ, кажется, такими суевѣрными сказаніями, какъ «Купала,» канунъ Іоанна Крестителя (24 Іюня). Говорятъ, что ночью на Купалу души умершихъ—русалки, встаютъ отъ долгаго сна и купаются. Потомъ, когда взойдетъ солнце, онѣ, яко бы, сушатся при его теплотѣ и свѣтѣ. Если солнце пасмурно, то русалки, значитъ, закрыли его. Утромъ въ день «Ивана» обыкновенно, по мнѣнію народа, играетъ солнце. Говорятъ, что оно раздѣляется на многочисленные разноцвѣтные круги, которые то сходятся, то расходятся, образуя при этомъ великолѣпную игру цвѣтовъ. Особенно дѣти любопытствуютъ видѣть подобнее явленіе, и встаютъ для этого, по возможности, раньше. Но обыкновенно ничего не видятъ, или же видятъ только то, что нарисуетъ имъ настроенное извѣстнымъ образомъ воображеніе. Въ другихъ мѣстахъ прямо говорятъ, что нельзя видѣть играющаго солнца; оно «не велитъ, клянетъ: «Вы, дескать люди, цѣлый годъ по сороку разъ играете — дайте мнѣ поиграть хоть одинъ разъ!» На Купалу дѣвушки и парни собираютъ разнаго рода цвѣты, травы, наламываютъ вѣтвей дуба, осины, рябины, и все это приносятъ потомъ въ церковь, къ освященію. Изъ освященной зелени вьютъ вѣнки и сохраняютъ ихъ какъ средство противъ навожденія злой силы. Думаютъ, что въ этотъ день совершается какой-то переворотъ въ мірѣ: теперь, яко бы, разхаживаютъ по землѣ вѣдьмы, духи; деревья, звѣри и вообще все живущее ведетъ, яко бы, между собою бесѣду, и т. под.

Говорятъ, что всѣ эти чудеса можно видѣть; можно понять бесѣду звѣрей, найти кладъ, стоитъ только досмотрѣть, какъ будетъ цвѣсти «папортникъ» (который, по мнѣнію селянъ, цвѣтетъ

ь ночь на Купалу), и овладѣть этимъ цвѣтомъ. Послѣднее, гово-тъ, достается очень трудно. Передъ захожденіемъ солнца нужно правиться въ лѣсъ, и непремѣнно въ такую глушь, куда никаимъ образомъ не могутъ проникнуть звуки пѣнія пѣтуха (Пѣнія туха, по народному мнѣнію, сильно боится дьяволъ). Отыскав-и пригодное мѣсто, въ которомъ, конечно, былъ бы и папорт-икъ, человѣкъ долженъ устроиться тутъ на всю ночь: въ это емя ему необходимо читать «божественную» книгу при зажжен-ой «громницѣ», по тому что дьяволъ будетъ употреблять всѣ мѣ-ы, чтобы какъ ни будь устрашить его и какъ бы выбить его изъ нятаго положенія. Онъ будетъ бросаться на человѣка въ видѣ зличныхъ звѣрей, будетъ, по видимому, затоплять его водою, одползать къ нему въ видѣ страшныхъ змѣй, будетъ поражать ухъ его пронзительнымъ гикомъ и пискомъ; человѣку будетъ заться, что на него валятся громадныя деревья, и все это для ого, чтобы только обратить его въ бѣгство. Нужно, говорятъ, еобычайное присутствіе духа и твердость воли, чтобы устоять ротивъ подобныхъ наважденій. Передаютъ, яко бы и дьяволъ ылъ глупъ, пока не овладѣлъ цвѣтомъ папортника, по тому-то нъ и боится такъ, чтобы человѣкъ не раздѣлилъ его знанія. редства противъ его нападенія, кромѣ молитвъ и крестнаго зна-енія, указываютъ еще въ слѣдующемъ: нужно очертить вокругъ ебя мѣломъ, который былъ освященъ во время Богоявленія: дья-олъ никакимъ образомъ не переступитъ этой священной черты.

Разсказываютъ, что какому-то счастливцу удалось овладѣть цвѣтомъ папортника. Дѣло было такъ. У одного человѣка на ка-унѣ Купалы заблудились волы. Онъ пошелъ искать ихъ въ лѣсъ, ла и самъ заблудился. Попалъ онъ въ такую глушь, что ни какъ ельзя было ему ити дальше, и по неволѣ пришлось остановиться а отдыхъ. Оказалось, что заблудившійся положился среди папорт-ика. Ночью, когда отцвѣлъ папортникъ (а цвѣтетъ онъ, по нѣнію селянъ, просто мгновеніе), цвѣтъ его попалъ селянину а лапоть. Пробудившись отъ сна, селянинъ почувствовалъ себя совершенно инымъ человѣкомъ. Онъ понималъ шелесть деревь-евъ, слышалъ что говорятъ у него дома, видѣлъ все, тамъ про-исходящее какъ бы передъ собою, видѣлъ то мѣсто, гдѣ на-ходятся его волы, видѣлъ богатства земли, клады. Онъ порѣшилъ пойти за волами, поскорѣе загнать ихъ домой и отправиться раз-рывать клады. Уже онъ гналъ домой воловъ, но тутъ почувство-

валъ, что ему очень жарко въ ноги и, чтобы облегчить себя и скорѣе добраться домой, онъ сбросилъ лапти, не подозрѣвая, что въ нихъ-то и находится главная и единственная причина его всевѣдѣнія. Сбрасывая лапти, онъ выронилъ изъ нихъ магическій цвѣтъ, и въ ту же минуту потерялъ все свое знаніе и пониманіе, явился прежнимъ селяниномъ, съ смутнымъ воспоминаніемъ о недавнемъ своемъ внутреннемъ величіи.

Въ этотъ день особенно боятся, чтобы вѣдьмы не испортили коровъ. Еще заблаговременно между хозяйками идетъ говоръ, что скоро, молъ, наступитъ время «уменьшенія молока». Думаютъ, что вѣдьмы теперь собираются въ одно мѣсто, на «Лысую гору» (въ Кіевѣ), и тамъ дѣлаютъ совѣтъ, куда которая изъ нихъ должна отправляться за молокомъ. Такъ какъ нѣкоторые хозяева въ это время выгоняютъ свой скотъ на пастбище очень рано, то вѣдьмы поступаютъ тутъ слѣдующимъ образомъ. На лугъ, гдѣ пасутся коровы, онѣ являются тоже очень рано, берутъ полотенце, таскаютъ его по росѣ и говорятъ, указывая на ту корову, у которой желаютъ отобрать молоко: «Какъ роса убываетъ изъ подъ полотенца, такъ чтобы убыло молоко у этой коровы; и какъ роса вбирается въ мое полотенце, такъ пускай молоко переходитъ отъ этой коровы и вбирается въ вымя моей коровы». потомъ вѣдьма выжимаетъ полотенце и явившуюся воду даетъ выпить коровѣ. Молоко послѣ этого будетъ убывать и перейдетъ къ вѣдьмѣ. Говорятъ, что иной разъ кто-то поименно всѣхъ коровъ зоветъ въ лѣсъ. На этотъ зовъ коровы сильно рвутся. Значитъ, тутъ есть вѣдьма; нужно всѣми силами не пускать туда коровъ: иначе она ихъ испортитъ. Чтобы хотя сколько ни будь предохранить своихъ коровъ отъ такого зла, ихъ поятъ иногда росою, собранною въ огородѣ, или же прогоняютъ скотъ черезъ разложенный костеръ.

(Бобровскій.)

Еще сильнѣе боятся селяне, чтобы вѣдьма не забралась къ коровамъ въ хлѣвъ. Съ этою цѣлію они стараются какъ бы преградить ей всѣ пути къ своему жилью. На воротахъ кладутъ крапиву, чтобы вѣдьма обожглась; вбиваютъ косу, чтобы она отрѣзала себѣ хвость. Въ хлѣвахъ и сараяхъ затыкаютъ всѣ дыры щели; подъ дверьми въ хлѣву вѣшаютъ свѣчу, которая была освящена на Срѣтеніе (въ Могил. Губ.) оставшуюся отъ Страстей, гроницу; говорятъ, что вѣдьмы ея боятся, и хотя съ досады гры-

зуть, но перегрызть не могутъ. На углахъ вѣшаютъ вѣнки изъ освященнаго зелья, вѣшаютъ ихъ такъ же на дверяхъ, кладутъ на крыши, на окна... Щели и дыры затыкаютъ, по тому что думаютъ, будто вѣдьмы обращаются въ ящерицъ и лягушекъ и, такимъ образомъ, могутъ забраться въ сарай. На крестцѣ и лбу у коровъ намазываютъ дегтемъ крестъ. Истину существованія вѣдьмъ селяне подтверждаютъ мѣстнымъ преданіемъ.

Разсказываютъ, что одинъ воинъ сбился съ дороги. Блуждая нѣкоторое время, онъ попалъ наконецъ въ какую-то пустынную, одинокую избушку. Вошедши въ нее, онъ увидѣлъ нѣсколькихъ бабъ, которыя стояли около печки и что-то готовили, но что именно, ему было не извѣстно. Утомленный продолжительнымъ путешествіемъ, онъ просилъ незнакомыхъ женщинъ пріютиться, позволить ему отдохнуть. Отвѣтъ былъ отрицательный. Заинтересовался онъ, почему бы бабы не позволили ему отдохнуть у нихъ. Онъ приталъ къ нимъ съ самою усильною просьбою, съ намѣреніемъ добиться своего, и потомъ досмотрѣть, чѣмъ онѣ занимаются. Но бабы-то собственно и опасались. Но видя рѣшительную неотвязчивость его, онѣ позволили ему переночевать у нихъ въ той мысли, что, уставши отъ пути, онъ сейчасъ же уснетъ и ночью не увидитъ. Не тутъ-то было. Онъ теперь весь обратился въ любопытство. Получивъ мѣсто на «покутьѣ,» онъ ни какъ не могъ вздремнуть, и ему въ высшей степени любопытно было знать, какъ это видимыя старухи заявляютъ въ своихъ движеніяхъ столько живости, рѣзвости, безъ устали вертятся около печки. Онъ рѣшился наблюдать, что будетъ. Бабы наконецъ сдѣлали свое дѣло. Приготовленное онѣ поставили въ полуразбитомъ горшкѣ въ трубу, а сами сѣли ужинать. Окончивъ ужинъ, каждая изъ бабъ подходила къ поставленному въ трубу горшку, нюхала что-то оттуда, и въ сію же минуту исчезала въ трубу, улетала. Любопытство воина возрастало; онъ сталъ уже думать, что попалъ къ нечистому въ гости. Когда въ избушкѣ не стало уже ни одной бабы, всѣ улетѣли, онъ рѣшился посмотрѣть, что это онѣ нюхали; потомъ всталъ, подошелъ къ трубѣ, нагнулся къ полуразбитому горшку, и лишь только втянулъ оттуда маленькую струю воздуха, какъ и его схватила невидимая сила, унесла въ трубу, а потомъ въ воздушное пространство. Онъ не терялъ, однако, присутствія духа, и каково было его изумленіе, когда, послѣ нѣкотораго времени, онъ очутился на горѣ, которую, какъ услышалъ онъ тутъ, называли Лысою, среди многочи-

сленнаго собранія вѣдьмъ, между которыми, къ немалому своему удивленію, онъ нашелъ и недавнихъ своихъ знакомыхъ бабъ. Разсердились страшно вѣдьмы, когда увидали среди себя постороннаго человѣка, и хотѣли разорвать его на части. Вошли нашего защитили только его знакомицы. Онѣ поспѣшили скорѣй отправить его отсюда: дали ему бѣлую лошадь, чтобы онъ скорѣе отправился во свояси, съ условіемъ, впрочемъ, не осматриваться во время своего поѣзда и не слазить съ лошади. Онъ видѣлъ, что шутить тутъ нельзя, выполнилъ условіе, и благополучно прибылъ домой. Тутъ онъ слѣзъ съ лошади и наскоро привязалъ ее къ забору, а самъ поспѣшилъ въ комнату посмотрѣть, что дѣлается тамъ. Вышедши потомъ на дворъ, съ намѣреніемъ поставить лошадь въ сарай, онъ, вмѣсто лошади, нашелъ привязанное къ забору березовое бревно.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Въ день Іоанна Предтечи селяне приказываютъ пастухамъ, чтобы на этотъ разъ они не перегоняли своего скота «черезъ границу», то есть, черезъ ту межу, которая отдѣляетъ поля одной деревни отъ другой: тамъ, говорятъ, собираются вѣдьмы, обращаются въ лягушекъ и, подползши подъ коровъ, «отбираютъ молоко.» Однажды, передаютъ по этому случаю, уговорились нѣсколько мальчиковъ и, не послушавши своихъ хозяевъ, погнали скотъ въ запрещенное мѣсто, «за границу.» Одинъ мальчикъ, наблюдая за скотомъ, замѣтилъ, что между коровами ползаетъ огромная лягушка. Онъ понялъ, что это вѣдьма, взялъ палку, заострилъ ее на подобіе долота и, приблизившись къ лягушкѣ, сказалъ: «Ахъ ты вѣдьма, ты пришла за молокомъ къ моимъ коровамъ, сейчасъ же я тебя угощу!» Онъ прицѣлился и такъ ловко ударилъ по лягушкѣ, что палкою отсѣкъ ей переднюю ногу. Раненая лягушка запищала и поползла безъ ноги. Мальчикъ разсказалъ объ этой исторіи своимъ сверстникамъ; они посмѣялись, пошутили: дѣло тѣмъ, по видимому, и кончилось. Но когда этотъ мальчикъ воротился вечеромъ со скотомъ домой, то тутъ ему сказали, что недавно кто-то его крестной матери отрубилъ руку. Вспомнился мальчику настоящій случай, и онъ не медля поспѣшилъ посѣтить крестную свою. Не успѣлъ онъ вступить въ хату, какъ старуха, собравши послѣднія свои силы, схватила кочергу и единственною рукою шарахъ малаго по головѣ: «Ахъ ты, шалунъ,

слушникъ, сказала она; ты пришелъ еще сюда издѣваться надо мной! Изъ за тебя я отложу на тотъ свѣтъ!» Присутствующіе были изумлены подобнымъ зрѣлищемъ, и просили мальчика объяснить имъ причину такого пріема его крестною матерью. Мальчикъ, конечно, разсказалъ о случившемся въ полѣ съ видимой бабушкой. Домашніе узнали, что была у нихъ за старуха. Скоро старуха скончалась, а преданіе о ней, прибавляютъ мѣстные селяне, сохраняется у насъ до сихъ поръ.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брест. Уѣзда.)

Скотъ въ этотъ день возвращается съ пашней, увѣнчанный вѣтами, которые остаются на немъ въ продолженіе всей ночи. а другой день вѣнки изъ этихъ цвѣтовъ освящаются въ церкви сохраняются у хозяевъ, какъ предохранительное средство противъ болѣзней скота. Лошадей въ ночь передъ «Иваномъ» не пускаютъ на ночлегъ. Думаютъ, что тогда злые духи имѣютъ особенно много хлопотъ и дѣлъ, и рады бываютъ, когда попадется хорошій рысакъ, чтобы, при его содѣйствіи, скорѣе исполнить свое дѣло.

Сохраняется также преданіе, какимъ способомъ можно поймать вѣдьму. Наканунѣ Иванова дня нужно взять, говорятъ, «цедилку» (тряпку, черезъ которую процѣживаютъ молоко) и варить ее въ кипяткѣ. Для этого въ одинъ домъ собираются иногда парни и дѣвки и не спятъ всю ночь, а все варятъ «цедилку.» въ послѣднюю втыкаютъ нѣсколько булавокъ. Во время варенія дрова употребляются не иныя, какъ осиновыя; кромѣ дровъ должна еще постоянно горѣть и лоза, освященная въ Вербное Воскресенье. Варятъ такимъ образомъ «цедилку» до самаго разсвѣта. При этомъ постоянно высматриваютъ въ окно, не идетъ ли вѣдьма; ибо, говорятъ, она непремѣнно должна явиться передъ разсвѣтомъ въ тотъ домъ, гдѣ варятъ «цедилку.» Селяне думаютъ, какъ мы уже отчасти видѣли, что вѣдьмы превращаются въ змѣй, лягушекъ и другихъ животныхъ, значитъ—вѣдьма и въ настоящемъ случаѣ можетъ явиться въ образѣ какого ни будь животнаго. Случается, что дѣйствительно на дворъ вбѣжитъ, откуда ни будь собака, кошка и т. под. При мысли о вѣдьмахъ, молодые парни и дѣвки принимаютъ животное за вѣдьму, и съ крикомъ: «Вѣдьма пришла, вѣдьма пришла!» ловятъ неповинную жертву, подвергаютъ ее страшнымъ побоямъ, предаютъ даже нерѣдко

смерти; въ той мысли, что это вѣдьма; и идетъ, потомъ, что тамъ-то и тамъ убили вѣдьму, и суевѣрія еще болѣе одолѣваютъ невѣдущими.

(Тамъ же.)

Указываютъ еще и на слѣдующій способъ поимки вѣдьмы. Во время заговѣнъ передъ Великимъ Постомъ, послѣ ужина, нужно взять кусочекъ сыру и, ложась спать, вложить этотъ сыръ себѣ въ ротъ. Когда сыръ переночуетъ, такъ сказать, во ртѣ, на слѣдующій день зашить его въ рубашку. Зашитый сыръ въ продолженіе всего поста нужно постоянно носить при себѣ, и, что бы человѣкъ ни дѣлалъ, куда бы ни пошелъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, говорилъ бы про себя: «Имѣю сыръ.» Кто исполнитъ всѣ эти условія, тотъ на Страстной Седмицѣ, если придетъ въ Великую Субботу къ заутрени, увидитъ въ церкви вѣдьму, носящую на головѣ подойникъ. Разсказываютъ, что одинъ мальчикъ хотѣлъ непремѣнно испробовать вѣрность предлагаемаго способа. Онъ дѣйствительно выполнилъ всѣ требуемыя условія и когда пришелъ въ церковь въ назначенное время, то увидѣлъ среди народа и вѣдьму съ подойникомъ на головѣ. Напрасно онъ показывалъ это своимъ товарищамъ: они смотрѣли, и ничего не видѣли. Тогда онъ подошелъ къ вѣдьмѣ и спросилъ: «За что ты носишь на головѣ подойникъ?» — «А развѣ ты видишь?» — «Вижу.» — «Чтобъ ты не увидѣлъ свѣта!» Только что вѣдьма успѣла выговорить эти слова, какъ мальчикъ потерялъ зрѣніе. Далъ знать Священнику. Мальчикъ разсказалъ всю случившуюся съ нимъ исторію и, по молитвѣ Священника, получилъ исцѣленіе. Женщины вѣдьмы онъ болѣе уже не видѣлъ.

Вечеромъ на Купалу сельскіе парни и дѣвки устроятъ разнаго рода игры. Избравши предварительно мѣсто, по общему согласію, они, поздними вечеромъ, выходятъ изъ деревни, съ пѣніемъ различныхъ пѣсенъ:

Ой молодая молодице,
Ой выйди, выйди, на улицу,
Ой разведи намъ купальницю!—
«Ой якъ я могу выходити,
Вамъ купальницю розводити:
Въ мене свекорко не батенько,

Въ мене свекровця не матенька,
Въ мене дѣверы не братики,
Въ мене золовоньки не сеструньки,
Въ мене дѣтя маленькое:
Що дѣтя писне,
То кулакомъ стисне;
Що дѣтя квякне,
То кулакомъ грякне;
Ни кому стати,
Ёго поколихати.

Или:

А съ того гаю зеленого,
Ажъ выбѣгае три конички;
На перудъ бѣжить вороненькій,
По середынѣ бѣжить былюсенькій;
На заду бѣжить сывусенькій.
Що вороненькій, то Лукашко,
Що бѣлюсенькій, то Игнашко,
Що сывусенькій, то Ивашко.
Ой захвалявся Лукашко свого:
«Я свого возьму, на жниву поведу,
Ой нажну, нажну, сто купъ жита.»
Ой захвалявся Игнашко свого:
«Я свого возьму, на сѣно поведу,
Нагребу сто копыць сѣна.»
Захвалявся Иванко свого:
«Я свого возьму, до корчмы поведу,
Напью, напью, сто гарцй горѣлки.»
Ой пили, пили, перепилися,
Пришли до дому, та й побилися.
Десь мое горе кропиву поле,
Рукы напекло, до дому утекло,
На дубъ излѣзло, кору изгрызло,
Зъ дуба упало, землю драло.

Или:

Ишли дѣвоньки черезъ буръ,
На нихъ суконьки въ девять пуль:
Стали суконьки шастити,
Стала дуброва горѣти.

Стали дѣвоньки гасити,
Вѣнками воду носити.
Якъ въ вѣночку роса есть,
Такъ въ дѣвоньки правда есть.

Или:

Сегодня Купалья, завтра Янъ,
Прійде, дѣвочки, счастя вамъ. *

Идучи по дорогѣ, парни и дѣвки набираютъ по пути дровъ, зажигаютъ съ одного конца длинныя палки, и съ ними иногда проходятъ черезъ всю деревню. Пришедши въ назначенное мѣсто, молодежь «кладетъ купалу,» большой костеръ изъ дров и начинаютъ тутъ разнаго рода кувырканья, игры, пляски, пѣсни:

Сегодня у насъ Купала... то, то, то!
Самъ Богъ огонь розклавъ,
Усѣхъ Святыхъ къ собѣ назвавъ,
Только нѣту Ильи съ Петромъ,
Пошовъ Илья коло жита....

Или:

Купальной ночи,
Выпекли вѣдзьмы очи,
Кабъ въ ночи ня хадзила,
Кабъ росы ня збярала,
Кабъ въ печи ня сушила,
Кабъ въ жорнахъ ня малола,
Кабъ каши ня варила,
Кабъ дзѣцей ня кармила,
Кабъ вѣдзьмятъ ня пладзила!

Или:

Звала Купала Илью на игрища, то, то, то!
«Хадзи, Ильища, ка мнѣ на игрища! то, то, то!
«Ня маю часу, я Купальничко, то, то, то!
Гету ночку мнѣ ня спаци, то, то, то!

* По другимъ «лихо» вмѣсто «счастя.»

Надя жита усяго польноваци, то, то, то!
Кабъ змія салому ня хапала то, то, то!
У жицѣ кареньевъ ня капала то, то, то!
У каровъ малака ня адбирала то, то, то!
Адбяри, Боже, таму ручки и ножки, то, то, то!
Выдзяри сава са ліба вочки то, то, то!
Кабъ ня видзѣвъ, ня чарававъ, то, то, то!
Кабъ ня хадзивъ, а прапавъ, то, то, то!

(Дисн. Уѣзда Вилен. Губ.)

Зашелеститъ что ни будь вдали, веселая толпа сразу затихаетъ, все обращается въ слухъ; но сейчасъ же минутное молчаніе прерывается еще болѣе громкими криками: «Вѣдьма идетъ, вѣдьма идетъ!» Раздаются веселые крики и хохотъ: начинается прыганье черезъ огонь, чтобы однимъ скорѣе жениться, другимъ выйти замужъ, а тамъ и снова полились пѣсни:

Ой сяе намъ, сяе три мѣсяцѣ въ небѣ,
Калино, малино, чѣрвоная рожа!
Три мѣсяцѣ въ небѣ, три молодцѣ въ селѣ
Калино, и проч.
Першій молодець—молодый Игнатко,
Другій молодець—молодый Романко,
А третій молодець—молодый Иванко.
Ой сяе намъ, сяе, три вороньки въ небѣ,
Три вороньки въ небѣ, три дѣвоньки въ селѣ:
Першая дѣвонька—молода Ганночка,
Друга дѣвонька—молода Варварка,
А третяя дѣвонька—молода Марынка.
Ой зухвалявся Игнатко свею:
«Добра у мене дѣвка, молода Ганночка,
Дала мнѣ хустоньку зъ бѣлого лёнку,
Вся шовкомъ шита, зъ ружи въ вѣнокъ звита.»
Ой зухвалявся Романко свею:
«Добра у мене дѣвка—молода Варварка,
Дала мнѣ хустоньку зъ жовтого лёнку,

Повторяется за каждымъ стихомъ.

Вся шолкомъ шита, зъ руты вѣнокъ звита.
Ой зухвалявся Иванко свою:
«Добра у мене дѣвка — молода Марынка,
Дала мнѣ хустоньку зъ сывого лёнку
Вся шолкомъ шита, зъ мяты вѣнокъ звитъ.

Или:

Чіє то стадечко выходило за село, рано, рано?
Подбурске стадечко за село выходило, рано, рано;
Подбурщанка мала стадечко заимала, рано, рано;
Стадечко заимала, жалосно плакала, рано, рано,
Чёмъ воно попутане, чёмъ воно поузнане, рано, рано?
Товстымъ валомъ поузнане, рано, рано;
Трубымъ лыкомъ попутане, рано, рано.
Дѣвонька жалосно плакала въ чужого батенька, рано, рано,
Бо чужый батенько положить пузненько, рано, рано,
А пробудить percenько, рано, рано,
До цяжкого дѣлечка, до сырой пшеници, рано, рано;
Мелю я пшеницю, по зернышку кидаю, рано, рано;
По зерняшку кидаю, по слезоньцѣ роняю, рано, рано.
Чіє то стадечко выходило за село, рано, рано?
Бурмыцке стадечко за село выходило, рано, рано;
Чёмъ воно попутане, чёмъ поузнане, рано, рано?
Золотомъ поузнане, рано, рано,
Бѣлымъ шовкомъ попутане, рано, рано;
Бурмыцянка мала стадечко заимала, рано, рано;
Спѣвала хорошенько въ своёго батенька, рано, рано;
Бо свуй батенько положить percenько, рано, рано,
А пробудить пузненько, рано, рано,
До легкого дѣлечка, до бѣлого кужелю, рано, рано,
До русой косоньки, рано, рано;
Пряду я кужель, рано, рано,
По волосочку смыкаю, рано, рано.
Хорошенько спѣваю, рано, рано!

Или:

Положу я кладку вербову:
«Часъ вамъ, дѣвоньки до дому!
А ты, Татянка, тутъ зостань,
Прійде Оксынько, ручку дасть.

Привезе вѣночекъ зъ кадыла,
Щобъ есь здорова сходила.
Се сама не сходишь, дружкамъ дай,
Сама молодая чепця дбай!»
«Ой уже жь я задбала,
Вѣнець въ чорну скрыню сховала!»,

(Верховичи, Гродн. Губ.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на возвратномъ пути дѣвушки обходятъ свои засѣянныя поля, и по угламъ ихъ втыкаютъ по одной хворостинкѣ. Думаютъ этимъ заградить вѣдьмѣ доступъ на ниву, и такимъ образомъ охраняются посѣвы отъ того вреда, который бы она могла сдѣлать. Или же по угламъ нивы вбиваютъ осиновые колья: въ этомъ видятъ предохранительное средство отъ града. Иногда кропятъ еще свои посѣвы освященною Богоявленскою водою. Считаютъ это предохранительнымъ средствомъ и противъ вѣдьмъ, и противъ разнаго рода насѣкомыхъ.

(Городокъ, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ Минской Губерніи такъ еще проводятъ Купалу. Подъ вечеръ вся деревенская молодежь собирается на дворъ избраннаго всѣми на этотъ разъ распорядителя праздника, «урадника,» который начинаетъ заниматься приготовленіемъ. Велитъ всѣмъ сначала ити по деревнѣ собирать всякую всячину: старые сапоги, онучи, старую ветхую одежду, разное тряпье, лубъ, кору сосновую, лапти и т. п. Когда соберутъ этого хламу огромную кучу, тогда берутъ лошадь у одного хозяина, колеса у другого, тяжи у третьяго, оглобли у четвертаго, шкворень у пятаго и т. д. Составивши полный уборъ для телѣги, «воза,» начинаютъ вывозить весь этотъ хламъ въ поле, куда назначено, и сбрасываютъ все это въ одну кучу. Свазиванье это происходитъ иногда и днемъ до сумерекъ. Но вечеромъ уже вся молодежь, «хлопцы и дѣвки,» отправляются на то мѣсто, сзывая подъ окнами еще большую компанію. Дорогою къ мѣсту игрища рвутъ траву полынь горькій, подпоясываются всѣ рѣшительно и, взявшись за руки, поютъ пѣсни въ родѣ слѣдующихъ:

На Святаго Яна
Дзѣвачки зелье капали:
А што жь гето за зелье?
Чѣрвонае каренье,

Гето зелье купальное,
Дзявоцкое гулянье,
Дзядзюково уздыханье.
Ходзиць Янъ на вулицѣ, да й помалу,
Просиць дзѣвчатъ на Купалу:
«Сягодня Купала, завтра Янъ,
Завѣць іонъ, нашъ добрый Панъ.
Вы, дзѣвачки, щаслива доля,
Вы, дзѣвачки, своя воля,
Маладзицамъ нѣту воли,
Маладзицамъ нѣту доли, и т. д.
Досыць, досыць, нявѣстачки,
Красаваццa вамъ на Яна!
«Ой, татулька! Я младая,
Пусци узеличаць Яна!»
Нехай ідуць всѣ дзѣвки,
Узеличаць Святаго Яна!
«Ой татулька, и я пайду,
Може зёлку якую найду,
Дзѣця вазьму я на ручку,
И другого да й за ручку,
Ой принесу я да й буковку,
Свянтоянсву першу зёлку,
Да й натаркну надъ свайм ларкамъ,
У сянёхъ и надъ вакошкамъ;
А надъ ложкамъ, надъ дзѣцяцѣ,
Буду доли его пильнованци!»
«Ой нявѣстка! усё няправда,
Ня хадзи, ня нада, ня нада!
Насъ слухайце, людзей старыхъ!»
«Ой, татулька, ня у насъ адныхъ,
Па усѣмъ свѣцѣ геты примѣты,
Ци хто женатый, ци бездзѣтный,
Ой на Яна зёлки збираѣць,
Да церквы святой принашаѣць,
Ой буровко ли удовковъ,
А стары дзѣдъ кировнавъ,
Якъ першій разъ у поле гоняць,
А ихъ вярбай паганяюць,
Святымъ зельёмъ падкураюць,

Божедревкай (Arthemisia abrotanum) да и мятой.
Пусцишь, татулька, няхай пайду,
Усякой зёлочки я найду,
Купальничка заспѣваю,
Святого Яна звеличаю.»
«Ой, нѣту, нѣту, Купалиша,
Да Янъ надъ нашаго Яначка:
Пяшкомъ на вулку ня выходзиць,
Іонъ на конику выѣжджаѐць,
Сабѣ дзѣваньки выглядаѐць,
Самъ же іонъ ѣдзиць на конику,
Дзѣваньку вязець на возику,
Самъ же іонъ ѣдзиць у атласѣ,
А дзѣваньку вязець у пакрасѣ,
Самъ же іонъ ѣдзиць, якъ жаръ гариць,
Дзѣваньку вязець, якъ цвѣтъ цвѣциць.»

Пришедши къ назначенному мѣсту, кучу эту поджигаютъ и стягиваютъ длинный огонь. Въ ненастное время устраиваютъ благовременно шатры изъ свѣжихъ зеленыхъ деревьевъ, а въ рошую погоду вбиваютъ только нѣсколько зеленыхъ деревьевъ землю, какъ будто бы они здѣсь росли. Хозяйки приносятъ екакія кушанья, а хозяева вино. Всѣ помѣщаются возлѣ огня. кусивши немного, одни начинаютъ пѣть и плясать, другіе пьютъ закусываютъ, третьи ищутъ папоротника, или денегъ. Когда коеръ ярко разгорится, тогда урадникъ отдѣляетъ хлопцевъ отъ вушекъ, и разводитъ ихъ на обѣ стороны костра—хлопцевъ по ну сторону огня, дѣвушекъ по другую.

Ставши такимъ образомъ, одни противъ другихъ, начинаютъ акать черезъ огонь. Сперва скачутъ дѣвушки, и которая не рескочитъ изъ нихъ, ее называютъ «вѣдьмою.» Послѣ дѣвушекъ чинаютъ скакать и хлопцы. При этомъ перескакиваніи дѣвушки ютъ припѣвъ:

«Теперь Купала, завтра Янъ,
....кидавъ хлопцовъ черезъ барканъ

А хлопцы поютъ:

Теперь Купала, завтра Янъ,
....кидавъ дѣвокъ черезъ барканъ.

Припѣвъ этотъ продолжается во все время, пока они скачутъ.

Между тѣмъ приходитъ на игрище самая старая старуха съ огнемъ; ее караулятъ, чтобы она, взявши огонь, не могла уйти непойманною. Какъ только она возьметъ огонь, ее начинаютъ гнать и хлыстать полынью, до тѣхъ поръ пока не скроется «вѣдьма» (какъ ее называютъ).

Прогнавши ее, молодежь опять начинаетъ гулять до поздней ночи.

(Сборн. пѣсенъ и сказокъ, Дмитріева, 223—227. Ср. Opis. powiatu Brz. 369—375.)

Во все это время, съ мѣсяца Апрѣля по Іюнь, селяне большею частію занимаются полевыми работами: готовятъ имъ подъ яровые посѣвы, садятъ и сѣютъ разнаго рода огородныя и другія растенія. Полотье ихъ отнимаетъ тоже немало времени.

Въ это время женщины поютъ:

Ой пойду же я, пойду, пшениченьки полоти,
Чи не вылетить ряба зозулька въ золотѣ.
За лѣсомъ, боромъ, круглее поле,
А тамъ Касенька пшеницю поле,
Ой поле, поле, перебирае,
Перебуръ-зелье за плутъ кидае.
Ой кидай, кидай, нехъ вода несе,
Де мой Ясенько волики пасе!
Ой пасе, пасе, гореньками,
Не бачить воликовъ за слезоньками.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда.)

Съ конца Іюня начинается самая жаркая для селянъ пора. Настаетъ время косьбы, а тамъ и жниво. «Съ Петрова дня въ полѣ пожня», зеленый покосъ. Небольшой у селянина лужокъ: но тѣмъ хуже, если и этого небольшаго количества сѣна ему не удастся собрать заблаговременно при благопріятныхъ условіяхъ. Покосъ долженъ быть непремѣнно покончень ко дню Пророка Иліи. «Придетъ Илья, наробитъ гнилья,» и что тогда будетъ дѣлать селянинъ съ своею «скотинкой», когда для нея онъ не приготовилъ на зиму надлежащаго запаса? Косьба по этому сильно занимаетъ думу селянина: онъ пользуется для нея каждой

добной минутой, и тайно и явно заявляетъ одно пока желаніе алъ бы Богъ ведро, сухую погоду! Обыкновенная пѣсня «коцовъ» слѣдующая:

Косцы косять,
Бога просять:
«Дай, Боже, погодоньку
На нашу роботоньку,
Сѣно покосити,
До дому звозити!

(Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

«Погодонька»—необходимое условіе для косарей, по тому то «послѣ Петра сѣно, даже поднятое на кустъ, не сохнетъ, тогда акъ до Петра оно сохло и подъ кустомъ.» Радостно и усердно аботаетъ въ это время селянинъ, не смотря на тяжелое для его время года въ матеріяльномъ отношеніи. У него вышли почти всѣ «запасы» стараго года, а новыхъ еще онъ не дождался При упорной работѣ онъ не рѣдко довольствуется какою ни будь равой «гардовицей,» и утѣшается только надеждой на будущее. Въ пѣснѣ поется:

Боже мой, да у въ агародзѣ гардавица,
Боже мой! *
Цяжка дзѣцюкамъ Петровица:
«Идзице, дзѣцятки, гарду рваци,
Лягчей будзе Петра ждаци!
Ждали Петра, мя приждали.
Боже мой, рѣчка, по рѣчкѣ челнокъ плыве.
Да у томъ челночку бѣлый малойчикъ,
Кудзерки чеше, перечешуе;
«Плывице, кудры, да маєй милой,
Паслухайце, што мила гавориць,
Ци вспаминає, ци праклинає:
«Ой милый мой, глумился мной:
Сѣялъ палынь на моємъ сердцѣ,
Да клалъ агня на маихъ плечахъ,
Рабилъ скрыпки зъ маихъ ручекъ,
Увязывалъ каня да маихъ косокъ,

* Эти слова повторяются въ началѣ каждаго стиха.

Пущалъ рѣчки зъ маихъ очокъ.»—
«Милая мая! Няправда твая:
Я сѣялъ палынь у чистомъ полѣ,
Я клалъ огня у щирôмъ борѣ,
Увязывалъ каня у бѣлой березѣ,
Я пущалъ рѣчки криничныя,
Я рабилъ скрыпки зъ бѣлой липки.»

(Вилен. Вѣсти. 1869 г. № 19.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гроднен. Губ. есть слѣдующее обыкновеніе. Когда на лугъ является хозяинъ, который нанялъ косарей, его связываютъ веревкой, свитой изъ сѣна. Изъ этого почетнаго плѣна онъ долженъ выкупиться нѣсколькими копѣйками. Косари при этомъ поютъ:

Охъ, славенъ, славенъ, нашъ господарь!
Охъ чѣмъ же онъ ославился?
Чи своимъ гумномъ, чи своимъ добромъ,
Чи своей жоной, чи своими дѣтками? —
Не ославился онъ ничѣмъ, только гумномъ.»

Покосъ долженъ быть покончен къ Ильину дню. Съ этого времени для косьбы можетъ быть очень неблагопріятная пора мокрая. «Да Ильи ксёндзъ просицъ а дощь, а па Ильи и баба фартухомъ нагониць.»—«Ильля наробицъ гнилья.»—«Да Ильи, говоритъ еще поговорка, «хоць аднимъ зубамъ (бороны) падзяри!» (паровое поле). Но, съ другой стороны «Ильля» не можетъ быть не желателенъ для селянина. Около этого времени онъ большею частію можетъ вкусить уже отъ новыхъ плодовъ. Есть поговорка: «На Ильлю въ мису каши налью;» по другимъ: «На Ильлю пе рапечку налью, а на Бориса уже хлѣба напарюся.» На Илью селянинъ расчитываетъ, какъ бы только наѣсться каши изъ свѣжаго зерна; Борисъ (24 Іюля) приноситъ уже полную зрѣлость его посѣвамъ, и онъ надѣется поѣсть въ плотную хлѣба (напароться), и этимъ вознаградить себя за долгія голодныя ожиданія во время весны.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. У.) существуетъ такая поговорка: «На Ивана колосокъ (8-го Мая) а на Петра (29 Іюня) пирожокъ», т. е., около 8 Мая во ржи

оявляются колосья, а около 29-го Іюня изъ свѣжей муки можно печь уже пирогъ. Значитъ, какъ и дѣйствительно бываетъ, климатическія условія извѣстной мѣстности благопріятствуютъ гораздо скорѣйшему въ ней созрѣванію, нежели въ другихъ мѣстахъ. Но какъ бы то ни было, а не успѣлъ еще замолкнуть шумъ и вонъ отъ косъ при косьбѣ сѣна, жнеи спѣшатъ уже вторить му своими серпами. «Живо, живо,» слышится со всѣхъ сторонъ, бо подходитъ жниво!» Дѣйствительно, золотистыя нивы начинаютъ наклоняться до земли отъ полноты налившагося колоса; послѣдній «дремитъ,» какъ бы проситъ занести его въ стодолу, оложить его въ сторону, по тому что на нивѣ пробилъ его часъ, одина, и ему въ сторонѣ «гостина.» Сначала идетъ одна жнея открыть,» такъ сказать, работу. Боятся, чтобы кто не перелъ дорогу. Если случится это, и во время жатвы работникъ брѣжетъ себѣ руку, то это несчастіе прямо приписываютъ злоамѣренности перешедшаго дорогу. При открытіи жнива хозяйа несетъ кусокъ хлѣба, а невѣстка въ первый годъ своего заужества кусокъ холста, которымъ обвиваетъ первый сжатый нопъ, предназначенный для хозяина поля.

Въ первый разъ жнея большею частію жнетъ только такое оличество ржи, чтобы былъ одинъ порядочный снопъ. Беретъ го и съ нимъ возвращается домой, ставитъ его въ почетномъ глу, и потомъ вечеромъ хозяинъ устрояетъ маленькое угощеніе, зажинки.» Послѣ «зажинокъ» все семейство уже, кто только ожетъ, выходить въ поле работать.

(Цырнимъ, Минск. Губ. Новгор. Уѣзда.)

Нѣкоторое время продолжаетъ кипѣть двойная работа: на луахъ и поляхъ. Скоро зеленые, бархатные луга и золотистыя нивы принимаютъ видъ пустынный, осиротѣлый.

Опаснѣе всего для селянъ, когда на своихъ нивахъ они айдутъ гдѣ ни будь «закрутею» (десятка два колосьевъ, связанныхъ, «закрученныхъ,» и по тому изсохшихъ), или «обжатые» гоны. Несчастливъ тотъ хозяинъ, говоримъ словами одного селянина, у котораго найдется этотъ «закрутень;» самъ онъ не знаетъ, го ему дѣлать; бѣгаетъ отъ сосѣда къ сосѣду, тужитъ, горюетъ, сквозь слезы проситъ указать ему такого человѣка, который збавилъ бы его отъ этого несчастія. Нужно замѣтить, что существованіе «закрутня» предвѣщаетъ тому хозяину, на нивѣ котораго

онъ найденъ, или смерть, или падежъ скота, или другую какую ни будь бѣду. Понятное дѣло, что при глубокомъ суевѣрномъ пониманіи вещей, есть о чемъ призадуматься. Нѣкоторые, как мы сами видѣли въ былое время, обращались къ Священнику, и просили его съ молитвою вырвать своими руками закрутень. Въ Уніятскихъ каноникахъ существуютъ даже на этотъ случай молитвы. Такое уничтоженіе закрутня какъ бы ограждало уже селянина отъ грозящихъ ему бѣдъ. Сами селяне никогда не осмѣлятся сжать его, или вырвать. Болѣе суевѣрные отправляются къ «знахарю.»

Получивъ отъ селянина возможно большую плату, «знахарь» является на предстоящій подвигъ. Большею частію онъ бываетъ страшный пройдоха, опытенъ въ своемъ ремеслѣ: онъ понимаетъ, что «закрутень»—вздоръ; что отсюда ни чего быть не можетъ для селянина, но, чтобы не лишиться извѣстной прибыльной статьи дохода, онъ, напротивъ, утверждаетъ еще селянъ въ суевѣрномъ взглядѣ на вещи. Прибывши къ «закрутню,» знахарь начинаетъ свистать, кричать, выкидываетъ разнаго рода штуки, дѣлаетъ непонятные прыжки, произноситъ безсвязныя слова: всѣмъ этимъ онъ какъ будто уничтожаетъ имѣвшія было явиться вредныя послѣдствія закрутня; потомъ онъ объявляетъ селянину, какія случились бы съ нимъ несчастія, если бы онъ не обратился къ нему за помощью; въ заключеніе знахарь беретъ осиновой колъ и имъ выриваетъ изъ земли закрутень, приговаривая слѣдующія слова: «Нехай такъ того чоловѣка, который зробивъ закрутень, роскидается господарка, якъ я роскидаю закрутень!» По окончаніи дѣла, селянинъ на радостяхъ угощаетъ знахаря, чѣмъ Богъ пошлетъ, конечно, всѣмъ лучшимъ, и проситъ его не отказать ему въ помощи и на будущее время. Знахарь пользуется слабостью селянина, начинаетъ заявлять ему свое о немъ «печалованіе,» говоритъ, что у него много есть враговъ среди сосѣдей, но ему нечего ихъ бояться, потому что въ немъ онъ всегда найдетъ себѣ сильную, надежную защиту. Разжалобленный селянинъ снова почтуетъ знахаря, и еще даетъ что ни будь «на дорогу.» Они разстаются видимыми сердечными друзьями, а у бѣднаго селянина, глядь, на слѣдующій годъ слова является «закрутень,» единственно, быть можетъ, по происками знахаря; и снова обращеніе къ знахарю, и снова ему почетъ, ласки, плата и угощеніе.

(Гордн. Губ. Кобр. и Брестск. Уѣздовъ.)

Относительно происхожденія «закрутня» слѣдующія мнѣнія, дни думаютъ (Гродн. Губ.), что злые люди, недовольные кѣмъ ни удь изъ своихъ сосѣдей, идутъ на ихъ нивы и дѣлаютъ «закрутни» съ разнаго рода страшными проклятіями и недоброжелательствами своимъ недругамъ. Селяне вѣрятъ, что если не ничтожить закрутня указаннымъ образомъ, то положенныя, такъ казать, на ниву заклинанія могутъ выполниться. Другое объясненіе происхожденія «закрутня» (Минск. Губ.) указываетъ на вѣдьмъ: нѣ яко бы въ Ивановъ день ходятъ по полю и «заламываютъ ожь на какое либо зло.» Выжавшій этотъ «зломокъ» подергается болѣзни на цѣлое лѣто.

Другая бѣда селянину, по его мнѣнію, если у него найутся «обжатые» загоны, т. е., если по концамъ загоновъ нѣсколько колосьевъ окажутся сжатыми. Въ объясненіе этого явенія селяне говорятъ, что злые люди, вѣдьмы, колдуны, во ремя «красованія ржи, ночью, съ серпомъ, отправляются голы а ниву, обходятъ ее кругомъ и съ каждаго загона сжинаютъ о нѣсколько колосьевъ. Сжатые колосья они кладутъ въ свои акромы. Отсюда, по мнѣнію селянъ, происходитъ слѣдующее вленіе. Когда хозяева, которыхъ нивы «обжаты,» станутъ свозить домой рожь, то и обжавшему невидимыя силы вносятъ въ акромы сотую часть зерна. По этому случаю разсказываютъ лѣдующее. Случилось, что заболѣлъ одинъ чрезвычайно богатый человѣкъ, такой, который свое богатство скопилъ тѣмъ, что занимался обжатіемъ нивъ во время красованія ржи. Болѣзнь его въ настоящемъ случаѣ какъ разъ приключилась въ ту пору, когда «красовалась» рожь, единственно пригодная пора для обжатія. Такъ какъ больной самъ не могъ совершить теперь обычнаго своего дѣла; съ другой стороны между тѣмъ не хотѣлось увидѣть уменьшенія своихъ богатствъ, то онъ и выслалъ своего сына обжать нивы. Но сынъ не умѣлъ «знахарствовать,» и, не смотря на точныя указанія своего отца, не зная въ чемъ суть дѣла, вмѣсто нивъ, «обжалъ» кусты. Когда потомъ хозяева срубили эти кусты, то закромы обжавшаго, въ силу притяженія, наполнились листьями и вѣтвями, вмѣсто ожидаемыхъ сѣмянъ. Нѣкоторые думаютъ, что если во время «красованія» ржи освятить нивы Боявленскою водой, то этимъ можно уничтожить силу и значеніе обжатія» нивы.

(Дорогичинъ, Гродн. Губ. Кобрин. Уѣзда.)

Если на поле придетъ хозяинъ въ то время, когда ти жнутъ, то жнеи, подобно косарямъ во время косьбы, связыва его перевязью изъ соломы. Чтобы освободиться отъ этого пл на, или, какъ говорятъ, выкупиться, необходимо дать нѣсколь копѣекъ, на которыя дѣлается, большею частію, общая выпи «Жниво» сопровождается разнообразными пѣснями:

Ой на луцѣ, луцѣ,
Лука моя да й зеленая, *
Трава моя да й шовковая!
Тамъ дѣвчина траву жала,
Траву жала, въ фартухъ клала;
Мимо ей стеженька,
Туды ѣхавъ Козаченько:
«Ой Богъ помочь, дѣво́нько!
Ой дѣвко, дѣвонько,
Дай мойму коню травы!» —
«Ой боюся ойца свого.» —
«Не бойся ойца свого,
Бойся мене молодого
И канчука тернового!»

Или:

Поскочу я въ городець, въ городець,
Выкопаю коренець, коренець;
Ще коренець не укипѣвъ, не укипѣвъ,
Вже молодець прилетѣвъ, прилетѣвъ:
«Лихо тебе принесло, принесло!» —
«Ни човничокъ, ни весло, ни весло,
Привезъ мене сивый конь, сивый конь,
До милои на подворъ, на подворъ.»

Или:

Плыве човничокъ по рѣчцѣ:
Плаче молодець по дѣвцѣ;
Выдеру личко съ кропивы,

* Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

И повѣщусь въ ботвинѣ:
«Постой, молодче, не вѣщайся,
Ѣдь на военку, потѣшься!»

Или:

Хмара иде, дрибный дождикъ буде,
А я, молоденька, сама одиненька,
За рѣченкою пшенку жну.
Иде батько, иде батько,
Снопа не звяже, жменьки не здыме,
Мене, молодои, не пудажне;
Иде милый, иде милый:
Снопокъ мнѣ звяже и жменьку здыме,
Мене, молодую, пудажне.»

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣлск. Уѣзда.)

Или:

Жнися, загоне, жнися,
На мене не дивися!
У мене загунъ широкій,
Оравъ ратай безбокій.
«Або жь мене подождите,
Або дайте Антона,
Подогнати загона;
Або жь дайте мнѣ Гриця,
Гриць на мене подивиться!»

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ, CLVI.)

Окончаніе жнива «дожинки», какъ и его начало, «зажинки», составляетъ праздникъ въ быту селянина. Въ пѣснѣ, какъ бы отъ лица женѣ, поется:

Дожали жита, дожнемъ пшеницѣ,
Тогда мы прійдемъ горѣлки пити.

(Тамъ же.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, когда жнутъ уже послѣднюю гряду (напослѣдокъ оставляютъ гряду самой лучшей ржи) и остается

еще только разъ послѣдній и единственный занятъ серпомъ, оставшуюся рожь не сжинаютъ, а притаптываютъ съ пѣніемъ слѣдующихъ словъ:

Ой вылень, перепёлко,
Бо уже у насъ жита только!
Якъ не будешь вылетати,
Будемъ въ полѣ зимовати.

Притоптанное количество ржи прижимаютъ камнями и кладутъ туда маленькій кусочекъ хлѣба. Нѣсколько ржи съ кусочкомъ въ серединѣ хлѣба оставляютъ для мышей, надѣясь этимъ удержать ихъ отъ перехода въ поля, въ сараи.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брест. Уѣзда.)

Изъ нажатой ржи дѣлаютъ вѣнокъ. При этомъ, въ Борисовскомъ Уѣздѣ (Минск. Губ.) поютъ:

Канець нивцѣ, канець,
Упляцемъ пану вянець;
Да ужо жниво у канца,
«Нуце, дзѣвачки, да вѣнца!»

Сплетенный вѣнокъ кладутъ на голову одной изъ лучшихъ жней и съ пѣснями отправляются домой. По дорогѣ поютъ:

Дяковала жнивонька
Господу Богу Святому,
И ёгомосци своёму
Що вунъ мене у пору зобравъ.
«Нехай я у сторонѣ погощу,
Покы на ниву опять пойду!
То мнѣ у стодолѣ гостина,
А на нивѣ година.»

Или:

Ой котився вѣночокъ
Зъ широкеи нивы,
Зъ женцями молодыми
Подкотывся подъ ворота:
«Выйди, пане, за ворота!

Выкупъ вѣнка зъ золота!
Не зъ золота вѣнокъ витый,
Да й зъ густого жита,
Да й зъ колосистого,
А ще зъ пшеничистого!»

Или:

Котився вѣночокъ по полю,
Просився женчикувъ до дому:
«Идѣте, женчики, до дому,
Занесѣте мене въ стодолу,
Положите мене въ сторону,
Ой то я пойду на ниву,
Ой а мнѣ на нивѣ годына,
Ой а мнѣ въ сторонѣ гостина!»—
«Отчиняй намъ, пане, ворота:
Несемо вѣночокъ зъ золота,
Ой не зъ золота, съ кропивы,
Бо ще мы горѣлки не пили!»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, CLIV, CLVII, CCV.)

Дѣйствительно, въ домѣ хозяина къ этому времени приготовлено бываетъ возможное угощеніе. Онъ выходитъ на встрѣчу гостямъ, принимаетъ отъ нихъ поздравленія, вѣнокъ, и проситъ вѣдать, что Богъ послалъ. Подающая вѣнокъ примѣрно говоритъ слѣдующее: «Принясли пану вянокъ зъ широкаго поля, зъ ранаго жита. Нашъ панъ маладый, конь вараный, сядло золомъ вышито, брильянтами выбито. Нашъ панъ на коню войска ецъ, свайго рыцерства даказуецъ, гавари да служки: «Улаживъ я саболи, але конь сваволи, няйдзе, лукавя, мнѣ саболи бая.» Панъ свайго рыцерства ня страциць, намъ за вянокъ заплаціць, хоць червоный злотый, для нашей ахоты, жита уражай, а ну на довгій вѣкъ; пану вянокъ, а намъ гарѣлки збанокъ!»

(Opis. pow. Borys. 398.)

На домашній праздникъ хозяинъ призываетъ всѣхъ, кто только ни будь помогалъ ему въ работѣ.

Когда начинаютъ свозить хлѣбъ, то первый возъ везутъ въ

гумно черезъ скатерть, разложенную у дверей и сохраняемую с
Святой. На скатерти кладутъ еще кусокъ Антипасхи.

(Бобровскій.)

Кончилась жатва: селянину хозяину легче на душѣ, ес
Богъ послалъ ему урожай. «Потрудившись до поту, онъ тепер
можетъ наѣсться въ охвоту,» вознаградить какъ бы себя з
предыдущія труды и лишенія. Но этимъ не ограничивается кру
работъ селянина: послѣднія нескончаемы, и не успѣетъ онъ по
кончить одной, какъ къ нему напрашивается уже нѣсколь
новыхъ. Приготовленіе пашни подъ яровой хлѣбъ, сѣвба и са
ка огородныхъ овощей, какъ бы жатва, а тутъ опять нужн
готовить ниву подъ «озимину,» молотить, сѣять и т. д. Скажем
пока нѣсколько словъ о праздникахъ во время косьбы и жатвы,
которые въ быту селянъ имѣютъ въ какомъ ни будь отношен
особенное значеніе.

Праздникъ Петра и Павла, по народному «Пятро,» съ не
терпѣніемъ ожидается селянами, особенно «пастухами.» Расчет
у послѣднихъ чисто матеріяльный: имъ надоѣлъ Петровъ пост
и съ днемъ Петра и Павла они надѣются отвѣдать сыра, моло
ка и, главное, любимой ими «яичницы.» Еще на канунѣ праз
ника пастухи условливаются пораньше выгнать въ поле скот
чтобы пораньше и воротиться, и потомъ на свободѣ заняться
устройствомъ и приготовленіемъ собственной стряпни. Пригнавш
съ поля скотъ, пастухи къ каждому хозяину, скотъ котораго го
няютъ въ поле, заходятъ подъ окошко и заявляютъ о себѣ сл
дующею рѣчью;

Прислалъ Богъ по пирогъ,
Старшій пастухъ по яешеньку;
Волики бушевали,
По мучицу присылали;
Коровки рыкали,
По маслечко присылали;
Свинки скрѣготали,
По сланинку присылали;
Курочки кричали,
По яечки присылали.

Всякій хозяинъ даетъ пастухамъ два, три, яйца, кусокъ сал
немного масла; изъ этого матеріяла они устроятъ потомъ ди

себя угощеніе, съ пѣснями, пляской. Одно или два яичка оставляютъ и отдаютъ нищему, прося его молиться Богу за ихъ стадо, объ его цѣлости, сохранности (Бѣлица, Вилен. Губ. Дисн. Уѣзда). Въ которыхъ мѣстахъ считаютъ необходимымъ дать пастуху сыръ, его носятъ и въ церковь для освященія.

(Чересы, Вилен. Губ. Дисн. Уѣзда.)

Мы говорили уже, что праздникъ Петра и Павла тѣсно связанъ со временемъ косьбы и жатвы. «Ладь косы и серпы къ Петрову дню» говоритъ поговорка. «Съ Петрова дня въ полѣ ожня,» зеленый покосъ. «Святый Пятро въ жицѣ ядро.» Съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ праздникъ, по народному возрѣнію, очень тѣсно связывается съ днемъ Св. Иліи. «Пришелъ Пятрокъ, палъ листокъ; пришла Ильля, опало два.»—«Св. Пятро въ жицѣ ядро, а Св. Ильяя Божія жнея.»—«Св. Пятро вкосився, а Св. Ильля жито жала.»—«Петръ съ колоскомъ, Ильяя съ колобкомъ.» Въ пѣсни на Купалу поется: «Только ѣту Ильли съ Пятромъ. Пошовъ Ильяя коло жита.»

Нужно замѣтить, что имя Иліи многими селянами почитается женскимъ, и получившихъ его при крещеніи селяне у себя дома называютъ «Галіашемъ.» Не смотря на то, что время отъ Петра до Иліи тяжелое, «страдное,» селяне боятся работать, и не работаютъ, въ эти праздники. Относительно празднованія Пророка Иліи селяне замѣчаютъ: кто не будетъ праздновать этого дня, того накажетъ Богъ—домъ его сожжетъ молнія. Однажды, передаетъ преданіе, какой-то шляхтичъ на Илью справился косить. Завидѣвши его, Православные совѣтовали ему оставить свое намѣреніе, грозили гнѣвомъ и наказаніемъ Божіимъ. За чѣмъ ты идешь косить: вѣдь сегодня праздникъ Иліи?» говорили Православные. «А вотъ я подрѣжу Ильѣ пяты,» былъ отвѣтъ удальца. Онъ дѣйствительно отправился «подрѣзывать Ильѣ пяты.» Началъ работать: около полудня явилась небольшая туча, раздался громъ, ударилъ въ домъ шляхтича, и бурнымъ пламенемъ было истреблено все его достояніе. Сохранилась только печальная извѣстность объ его неразумномъ удальствѣ.

Съ именемъ Пророка Иліи народъ тѣсно связываетъ одно изъ грозныхъ, величественныхъ, явленій въ природѣ—происхожденіе грома. Темно довольно сохраняется въ народѣ Библейское сказа-

ніе о томъ, что Св. Илія на огненной колесницѣ взятъ живой на небо. Вотъ, когда послышится громъ, народъ и говоритъ, что это Св. Илія ѣздитъ по небу и бьетъ злыхъ духовъ. Если громъ ударитъ въ сарай, или домъ, тамъ, значитъ, спрятался было дьяволъ; онъ думалъ, объясняютъ селяне, что изъ за дома Ильи пощадитъ, пожалуй, и его, но Св. Пророкъ бьетъ его на каждомъ мѣстѣ. Приводятъ и разсказъ о преслѣдованіи дьявола Пр. Иліею. Одинъ Офицеръ яко бы любовался красивымъ видомъ какой-то рѣки. Вдругъ видитъ, на рѣкѣ появился дьяволъ въ видѣ женщины и сталъ на водѣ играть. Скоро ударилъ въ него громъ, но мало; только пронеслось эхо, а серебристыя брызги разлетѣлись во всѣ стороны. Дьяволъ продолжалъ играть. Понялъ Офицеръ, въ чемъ дѣло, зарядилъ ружье серебряною пулею да и выстрѣлилъ. Ударъ былъ вѣрно разсчитанъ. Послышался только женскій визгъ, дьявола, больше не было видно. Сверху, въ свою очередь, раздался голосъ яко бы Пр. Иліи, который сказавши: «Спасибо, награда тебѣ будетъ на небесахъ» благодарилъ Офицера за оказанную въ настоящемъ случаѣ помощь.

(Еремичи, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Опасаясь, чтобы во время грозы дьяволъ не подбѣжалъ къ человѣку, и черезъ это не подвергъ его опасности, селяне, заслышавъ громъ, крестятся: этимъ знаменіемъ онъ думаетъ прогнать отъ себя дьявола. Разсказываютъ, что дьяволъ спорилъ съ Св. Пророкомъ о возможности ему укрыться отъ преслѣдованія Святаго. «Гдѣ бы ты ни былъ (отвѣчалъ яко бы Илья), и какъ бы ты ни скрывался отъ меня, я тебя убью».—«Я скроюсь подъ человѣкомъ, котораго ты пожалѣешь убивать.»—«Я убью и человѣка, лишу его временной жизни, за то онъ наслѣдуетъ жизнь вѣчную, а все таки тебя убью.» При такомъ понятіи о громѣ, самое несчастіе отъ громового удара селяне принимаютъ съ полною покорностію волѣ Божіей и, въ случаѣ пожара (бывали примѣры), не стараются противодѣйствовать ему. Если отъ удара загорается домъ, то спѣшатъ оттуда вытащить, коёкакое достояніе, а все остальное спокойно оставляютъ въ добычу пламени. «Што Богъ запаливъ, таго ня можна тушиць.» Намъ передавали, что въ мѣстечкѣ Цырникѣ (Минск. Губ. Новогор. У.) отъ громового удара загорѣлся домъ одного Еврея. Сбѣжался народъ, кое-что вытащилъ, остальное все спокойно обрекъ въ жертву пламени

врей что ни кричалъ, просилъ спасать его домъ, а собравшійся народъ все одно твердилъ: «Што Богъ запаливъ, таго не можна ушиць.» Пожаръ угрожалъ Народному Училищу и всему мѣстечку, и только внушенія мѣстнаго Священника убѣдили селянъ принять противъ него дѣйствительныя мѣры.

(Цырынъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Если бы во время грозы человѣку пришлось быть въ дорогѣ, онъ не долженъ поднимать высоко платья, хотя бы на дорогѣ было много воды и грязи. Разсказываютъ, что одна женщина отправилась на пастбище за гусями; случилось, что въ то время разыгралась маленькая гроза и пошелъ сильный дождь. Женщина поспѣшила поднять полы своей свитки и въ настоящемъ случаѣ употребить ихъ вмѣсто зонтика. Вдругъ яко бы съ неба послышался ей голосъ: «Не подымайся!» Женщина не обратила вниманія. Неизвѣстный голосъ послышался во второй и третій разъ. Женщина упорствовала. Тогда послышался полный голосъ: «Гибнешь,» съ тѣмъ вмѣстѣ ударилъ громъ, и женщины не стало. Опасно также, по мнѣнію народа, надѣвать во время грозы шляпу: поля ея служатъ удобнымъ пріютомъ для дьявола, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ дьяволомъ, можетъ быть убитъ и человѣкъ.

Вотъ, на примѣръ, возвращаются съ поля старушки съ малыми ребятами. Ихъ застигаетъ дождь. Мальчикъ, не посвященный еще въ тайны сельскаго міровоззрѣнія, поднимаетъ полы своего кафтана, и начинаетъ закрываться отъ дождя. Што ты робишь, внучку?» говоритъ ему опытная уже старушка. «Не подымайся! а то бачишь, якъ гремитъ; христися, внучку, говоритъ пацери: коли не вмѣешь самъ, говори за мной.» Во всю дорогу наши путешественники молятся. Пришедши домой, бабушка спѣшитъ отыскать скорѣе освященную въ недѣлю Ваій вербу, беретъ связку цвѣтовъ, которыя она освятила въ праздникъ Іоанна Предтечи, кладетъ все это на «припечекъ,» и поджигаетъ Срѣтенскою свѣчею. Нужно, чтобы все это только курилось, чтобы было по возможности болѣе дыму. Этотъ, какъ бы освященный, дымъ (отъ освященныхъ предметовъ) считается однимъ изъ лучшихъ средствъ для прогнанія дьявола и, такимъ образомъ, застраховываетъ уже самый домъ отъ громового удара. Если гроза продолжительна, то отъ куренія изба страшно наполняется дымомъ;

у присутствующихъ катятся изъ глазъ слезы, вся семья между тѣмъ продолжаетъ усердно молиться Богу.

(Тамъ же.)

Праздники Петра и Павла и Пр. Иліи указываютъ, по мнѣнію народа, какъ бы на окончаніе лѣта. «Спасъ» или Преображеніе Господне уже открываетъ собою осень и зиму: «Пришелъ Петрокъ, опалъ листокъ,» говоритъ мѣстная поговорка; «прийшла Илья, опало два, а якъ прійде Спасъ (6 Авг.), то сбросить и всѣхъ насъ.» Со дня Преображенія Господня деревья, по этому взгляду, теряютъ свою праздничную, лѣтнюю одежду, готовятся какъ бы къ летаргическому оцѣпененію во время зимы. Къ времени Преображенія Господня должны быть кончены всѣ главнѣйшія полевыя работы стараго года, нужно подумывать уже о новой сѣвбѣ. «Спасъ всему часъ,» Хозяинъ долженъ дать себѣ отчетъ по хозяйству за истекающій годъ, и на Спаса онъ самъ уже можетъ вкусить отъ новыхъ плодовъ. Даже «бѣдный (по поговоркѣ), терпитъ только до Спаса.» Дѣйствительно, время «Спаса» признается селянами единственно законнымъ временемъ для того, чтобы начинать вкушать впервые отъ многихъ новыхъ плодовъ, временемъ, освящающимъ подобное начинаніе.

Прежде всего селяне боятся ѣсть плоды до «Спаса.» Полагаютъ, что вкусившій ихъ подвергается желудочнымъ болѣзнямъ, хотя бы ѣлъ и зрѣлые плоды. И на оборотъ, послѣ Спаса невредно ѣсть даже незрѣлые плоды (Докшицы, Минск. Губерн. Борисъ Уѣзда). Другіе думаютъ, что во время Преображенія Господня Богъ раздаетъ плоды всѣмъ умершимъ, которые удостоились Царствія Небеснаго. Если мать умершаго дѣтяти ѣла плоды до Спаса, то ея дѣтяти Богъ не дастъ яблока, или груши, и отъ Бога она услышитъ такія слова: «Часть твою съѣла твоя мать. На Спасъ обыкновенно селяне приносятъ въ церковь плоды для освященія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теперь же впервые варятъ къ обѣду картофель, стручки бобу, или гороху. Ребятишкамъ позволяютъ пойти въ «стручки,» т. е., нарвать себѣ гороху, или бобу (Черен. Дисн. Уѣзда Вил. Губ.). На Преображеніе иногда еще селяне приносятъ съ собою въ церковь для освященія сѣмена ржи для осенняго посѣва; но большею частію это дѣлается на Успеніе.

Успеніе (15 Августа) извѣстно подъ именемъ «Зеленой» «Большой Пречистой» или «Госпожи,» въ отличіе отъ «Ма-

ой Пречистой» (8-го Сент.), или «Госпожки.» Въ это время хлѣба уже бываютъ сняты: если урожай удаченъ, то текущій годъ селянину не страшенъ, и праздникъ Успенія онъ можетъ отпраздновать въ радости и весельи, по тому что теперь хлѣба у него вдоволь. Поговорка гласитъ: «Госпожа—хлѣба дзѣжа.» Отправляясь въ церковь, селяне, въ благодарность Богу за посланный имъ даръ, несутъ для освященія по связкѣ колосьевъ всѣхъ хлѣбовъ; освятивши, они вымолачиваютъ ихъ, и сѣмена берегутъ до предстоящей сѣвбы (Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда). Въ Докшицахъ (Минск. Губ. Борис. Уѣзда.) выбираютъ предварительно изъ всего количества ржи нѣсколько самыхъ лучшихъ сноповъ и околачиваютъ ихъ о борону, или о колеса: выпавшія зерна называются «посѣвочными,» и выколоченные снопы «околотомъ.» Въ послѣдствіи «околотъ» сушатъ въ овинахъ, и вымолачиваютъ цѣпомъ. Изъ «околота» дѣлаютъ еще «сѣчку,» которая идетъ въ пищу лошадямъ вмѣсто овса. Приготовленныя сѣмена на Успеніе приносятъ въ церковь для освященія. Зерно бываетъ сложено въ платокъ и, при освященіи его, на поверхность кладутъ алтынъ. Освященныя сѣмена мѣшаютъ потомъ съ остальнымъ количествомъ ржи, предназначенной къ посѣву. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ освящается на Успеніе въ церкви вѣнокъ, который приносятъ хозяину на «дожинкахъ.» Передъ началомъ посѣва этотъ вѣнокъ вымолачивается, и сѣмена его освященныя предназначаются къ посѣву.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Бр. У.)

Въ праздникъ Успенія селянинъ уже думаетъ о будущемъ годѣ. Онъ готовится на новое дѣло, вступаетъ въ кругъ занятій новыхъ, сладостныхъ, большею частію, въ концѣ, но слишкомъ тревожныхъ въ началѣ. Послѣ Успенія селянинъ подумываетъ о посѣвѣ «озимины.» Рано, или поздно, въ извѣстномъ году нужно сѣять рожь, что узнаютъ по гречихѣ: если ранній посѣвъ гречихи былъ удаченъ, и рожь, значитъ, нужно сѣять пораньше; и на оборотъ: если «поздняя гречиха вышла удачнѣе ранней,» рожь въ такомъ случаѣ выгоднѣе сѣять позже (Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда). Приготовленіе пашни подъ «озимину» и «засѣвки» сопровождается такими же обыкновеніями, какія мы видѣли при началѣ яровыхъ посѣвовъ. Главная разница въ томъ, что теперь прежде всего сѣютъ сѣмена, освященныя въ день Успенія Пресв. Богородицы, если онѣ сохранялись отдѣльно, или то количество ржи,

съ которымъ онѣ были смѣшаны. Отправляясь въ первый разъ сѣять, хозяинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, надѣваетъ «бѣлую» рубаху (Докшицы, Минск. Губ. Борис. Уѣзда). Бросая первую горсть сѣмянъ, говоритъ: «Щобъ Богъ зародивъ жито на другій рокъ лучче такое, якъ было теперя!» (Дрогичинъ, Гродн. Губ. Кобринск. Увзда. Иногда еще устилаютъ поле соломою, оставшеюся отъ тѣхъ сноповъ, зерна которыхъ пошли на первоначальный посѣвъ; этимъ выражаютъ желаніе, чтобы и будущая рожь также «устилала» поле. (Каменецъ, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда). Вечеромъ бываетъ угощеніе; требуется, какъ и выше было указано, возможная въ домѣ чистота, опрятность, въ угощеніи полнота, достатокъ, изобиліе: и на нивѣ, въ слѣдствіе этого, можно ожидать, возможной чистоты посѣвовъ отъ сорныхъ травъ, полноты и обилія колосьевъ. Женщины въ это время хлопочутъ, главнымъ образомъ, около уборки льну. Собираютъ также огородныя овощи, картофель.

Кончилъ селянинъ свои полевыя работы. Кончилось и лѣто, и на дворѣ уже время богатое, изобильное всякимъ «добромъ». Не даромъ существуетъ поговорка: «Спасъ—будетъ хлѣба съ насъ»; или: «Госпожа—хлѣба дзѣжа.» Есть, правда, и другая поговорка: «Госпожка (8 Сент.)—хлѣба немножко» (Лебедево, Виленск. Губ. Вилейск. Уѣзда), но, по объясненію самихъ же селянъ, эта поговорка имѣла смыслъ и значеніе до знаменитаго 19 Февраля, 1861 г. До этого времени селянинъ, собравши коечто съ поля, долженъ былъ отдать большую часть своего убогаго достатка помѣщику, у котораго онъ бралъ зерно для прокормленія своей семьи и для обсѣмененія полей, такъ что по возвратѣ съ процентами взятаго, у селянина до 8 Сент. дѣйствительно оставалось «хлѣба немножко.» Теперь другія времена. Осень приноситъ съ собою изобиліе во всемъ. Относительно работы миновала самая страдная пора. Есть теперь время селянину подумать нѣсколько о внутреннемъ домашнемъ быту, посватать, если есть, своего сына или дочь: по этому съ осени, обыкновенно, наступаетъ въ деревняхъ самая жаркая пора свадебъ: «Иванъ Богуславъ (26 Сент.) дѣвоснубы (по другимъ дружки) розославъ,» говоритъ поговорка. Съ другой стороны, если до Дмитріева дня (26 Окт.) дѣвка не засватана, то ей не остается уже надежды обвѣнчаться до поста, по тому что истекаетъ срокъ для записи оглашеній. Это подало поводъ сложить такого рода поговорку: «До Дмитра дѣвка хитра, а по Дмитрѣ хоть ею вытри!»

Если гдѣ не очень далеко ярмарка, селянинъ постарается ремѣнно побывать на ней. У него наступаютъ разнаго рода ашніе праздники (мы сейчасъ ихъ увидимъ); нужно, слѣдовательно, сдѣлать маленькіе запасы. Съ другой стороны, въ хозяйѣ ковчто оказывается лишнимъ: можно продать, или промѣнъ на болѣе необходимое въ данную пору. Ярмарка въ этомъ ошеніи представляетъ очень много для него удобства.

До послѣдняго времени Православіе въ краѣ было подавлено наго рода вредными вліяніями, и по тому ярмарки главнымъ разомъ устроялись въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бывали костёлы. Всѣ носятъ одинаковый характеръ: мы опишемъ одну изъ нихъ въ стечкѣ Міорахъ Вил. Губ. Дисн. Уѣзда, со словъ селянина. Изъ лекихъ мѣстностей селяне пріѣзжаютъ въ Міоры на канунѣ дня марки (8 Сент.), болѣе ближніе въ самую ярмарку. На лугу, редъ селомъ, ставятъ повозки и лошадей. Ржаніе и топотъ лодей, пѣніе нищихъ, говоръ, шумъ, все сливается въ одинъ барный гулъ. Въ селѣ, на улицѣ, становятся, по одной сторонѣ, ѣжіе Старообрядцы съ яблоками, пряниками, булками; проются здѣсь также крестики, иконы, въ прежнее время (недаве время) виднѣлись разнообразныя Польскія книжки, «шкаплеы» и т. под. По другой сторонѣ села сидятъ нищіе, поютъ, ольшею частію, религіозныя пѣсни, «литаніи.» На паперти костёла толпятся богомольцы: одни изъ нихъ, особенно женщины ляхтянки, ползутъ на колѣняхъ вокругъ костёла, другіе спѣшатъ въ костёлъ послушать «органа;» здѣсь они покупаютъ разные члены человѣческаго тѣла, сдѣланные въ миніатюрѣ изъ воску: кто страдаетъ головною болью, покупаетъ голову, въ надеждѣ избавиться отъ болѣзни; больной глазами покупаетъ глазъ; ѣвушки покупаютъ восковыя пластинки съ изображеніемъ человѣка, чтобы быть стройными и красивыми; однимъ словомъ: «У кого то болитъ, тотъ о томъ и говоритъ,» того и спрашиваетъ. Всѣ подобныя вещицы лежатъ первоначально передъ иконою Божіей матери, откуда онѣ поступаютъ въ продажу. Изъ костёла отправляются къ своимъ повозкамъ обѣдать. Потомъ закупаютъ все необходимое и возвращаются домой; дѣтямъ привозятъ яблокъ, или «бубликовъ.» Относительно матеріялу, продаваемаго на ярмаркѣ, онъ измѣняется, съ одной стороны, по временамъ года, съ другой, въ слѣдствіе мѣстнаго богатства, или производства того, или другого, произведенія.

(Черевы, Вил. Губ. Дисн. Уѣзда.)

Собравши все съ поля, хозяинъ спѣшитъ принести благодареніе Богу, за его высокую помощь, о здравіи всѣхъ своихъ домашнихъ и сродниковъ, и, особенно, помянуть своихъ покойныхъ родичей, отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ. Каждый хозяинъ считаетъ это своею священною обязанностію. Не помолиться теперь объ умершихъ значитъ оскорбить ихъ, возстановить противъ себя. Отъ этого время осенняго поминовенія умершихъ, «осенины,» «осенніе, богатые дѣды,» составляетъ одинъ изъ величайшихъ праздниковъ въ сельской средѣ. Разсказываютъ, что одинъ селянинъ по бѣдности своей не захотѣлъ совершить «Дѣдовъ.» Когда пошелъ онъ спать, передъ нимъ такъ и стояли умершіе; всю ночь ему не было покоя; сама молитва въ настоящемъ случаѣ оставалась какъ бы бездѣйственна. Только послѣ того, какъ онъ, по мѣрѣ своего достатка, отпраздновалъ «Дѣды,» мертвые ему больше не грезились. Заключеніе, по селянской логикѣ, понятное. (Осташино, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). По такому взгляду селяне стараются ничего не жалѣть въ настоящемъ случаѣ. «Что мы будемъ жалѣть для своей души» говорятъ они? «Съ своей стороны мы должны сдѣлать все, чтобы только угодить умершимъ.»

«Осенніе дѣды» одинъ изъ болѣе торжественныхъ, распространенныхъ у селянъ праздниковъ. Чтобы была возможность всѣмъ въ приходѣ его отпраздновать, и при томъ болѣе, или менѣе, съ обща, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устрояется такой порядокъ: селяне одной деревни ежегодно совершаютъ поминки въ одну и туже недѣлю, селяне другой деревни—въ другую. Одни изъ нихъ обыкновенно участвуютъ въ торжествѣ другихъ. Промежутокъ времени, въ которой совершаются поминки, большею частію назначается между 1-мъ Октября. (Иже. Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда). «Богатые дѣды» отъ другихъ отличаются, главнымъ образомъ, богатствомъ кухни. Селянинъ теперь нерѣдко колетъ кабана, называемаго «дѣдовскимъ,» изъ ногъ его, на канунѣ торжества, варятъ студень, изъ части говядины дѣлаютъ колбасы, кровь кабана сливаютъ въ сосудъ и въ послѣдствіи употребляютъ къ блинамъ. Хозяйка, въ свою очередь, рѣжетъ гусь; при этомъ держитъ ее надъ сосудомъ такъ, чтобы туда сливалась кровь. Изъ этой крови варятъ «юшникъ,» «поливку,» (супъ). Готовятъ по обычаю, по возможности, большее количество кушаньевъ, при чемъ должна быть непремѣнно водка, требуется возможная чистота, соблюдаются разные обряды, какъ и при другихъ «дѣдахъ.» Въ настоящемъ случаѣ укажемъ только нѣкоторыя отъ нихъ отличія.

Такъ какъ осенью главное и почти исключительное занятіе
некъ пряжа, то на «Дѣды» хозяинъ крѣпко на крѣпко приказы-
гъ не браться за веретено, иначе «умершіе сдѣлаютъ такъ, что
ижа будетъ волочиться по всѣмъ горшкамъ.» Ставятъ къ
ю не болѣе двѣнадцати горшковъ, и каждый съ особымъ ку-
ньемъ. Въ большинствѣ мѣстностей приготовляютъ обыкновен-
нечетное число блюдъ. Замѣсивъ хлѣбъ и пироги, хозяйка кла-
ъ дрова въ печку, но сама не зажигаетъ ихъ: для этого она
глашаетъ какого ни будь мущину (изъ семьи); за то никому не
волительно теперь ставить въ печку горшки, распоряжаться
: иначе умершіе разсердятся и могутъ задать горшкамъ страш-
о потасовку. (Осташино, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). При подачѣ
паньевъ за обѣдомъ, при столѣ соблюдаются уже извѣстныя
ъ обрядности. Передъ обѣдомъ, если въ хатѣ есть умѣющій
гать, беретъ книжку и читаетъ заупокойныя молитвы, присут-
ующіе слушаютъ его, или же въ голосъ повторяютъ за нимъ.
литвы эти читаются всегда на колѣняхъ; въ нихъ учавствуютъ
ке и малые ребятишки. Послѣ обѣда, по обычаю, часть всего
гавляютъ «душамъ,» приговаривая: «Няхай гета будзець на-
мъ старикамъ, каторые въ гетой хацѣ працовали!» Если
зяинъ бѣдный, а его предшественники жили достаточно, онъ
бавляетъ: «Жили дзѣды, не видзѣли бѣды, а унуки на-
алися муки».

(Чересы, Вил. Губ. Дисн. Уѣзда.)

Къ «Дѣдамъ,» кромѣ обыкновеннаго хлѣба, иногда пекутъ
е особую булку, «курецъ.» Этотъ «курецъ» отдаютъ нищему,
торый почти всегда является въ домъ послѣ обѣда. Когда онъ
идетъ, его усаживаютъ за столъ, кладутъ передъ нимъ «ку-
цъ,» насыпаютъ соли. Нищій между тѣмъ читаетъ молитвы.
озлѣ него садится хозяйка, иногда хозяинъ, и говоритъ ему по-
енно для поминовенія всѣхъ своихъ умершихъ родственниковъ,
кже и хозяевъ, которые до нихъ жили въ этомъ мѣстѣ. Обык-
овенная поминальная молитва нищаго слѣдующая: «Помяни, Бо-
е, душечку N. N. (слѣдуетъ перечисленіе именъ) при мшахъ, при
осцелахъ, при отраняхъ, при нешпорахъ, при набоженствахъ,
ри оферяхъ, при чудовныхъ образахъ, да при ясныхъ свѣчахъ,
ри голосныхъ звонахъ; да завядза его (или ее) до неба виднаго,
о раю покойнаго, до мѣста прохладнаго!» Нѣкоторые нищіе при-
о говорятъ: «Вспомни, Боже, душечку N. N. (перечисленіе именъ

въ Царствѣ Небесномъ!» Поминувши всѣхъ умершихъ, болѣе опытный нищій прибавляетъ: «Нехай яны на томъ свѣцѣ са всѣми Святыми спачиваюць, намъ пріяюць, и насъ довго къ сабѣ чакаюць!» «Курецъ, служитъ для него наградой.

(Еремичи, Минск. Губ. Новогр. Уѣзда.)

Праздникъ иногда не оканчивается однимъ днемъ. Одна уже необходимость истребить все заготовленное съѣстное заставляетъ продолжить его и на завтра. Уложившись въ первый день послѣ ужина спать, празднующіе на другой день встаютъ очень рано и завтракаютъ. Праздникъ продолжается снова цѣлый день, среди угощеній, игръ и разныхъ росказней.

Кромѣ «осеннихъ дѣдовъ,» когда совершаются «поминки» всѣхъ, когда бы то ни было умершихъ родныхъ, нѣкоторыя семейства празднуютъ еще, такъ называемыя, «покойныя, поминки,» когда поминаютъ умершихъ, только въ текущемъ году. Этотъ праздникъ обыкновенно совершаютъ вечеромъ въ пятницу. Очистивши отъ сора дворъ и комнату, приготовивши приличныя кушанья, хозяева съ нетерпѣніемъ ожидаютъ званыхъ гостей. Столъ застилаютъ бѣлою скатертью, кладутъ булку хлѣба и ставятъ соль въ деревянной чашечкѣ. Гости приносятъ съ собою хлѣбъ-соль, кладутъ его на столъ, здороваются съ хозяевами и начинаютъ по замѣчанію одного селянина, грустно разговаривать съ ними, показывая видъ, что душевно грустятъ съ ними. Когда соберутся гости, открывается самый праздникъ. Передъ образами въ углу зажигаютъ «громничную» свѣчу; на столъ хозяйка ставитъ «латушку капусты» и гостей приглашаютъ къ «большому хозяйскому, жалобному столу.» Вообще это поминовеніе далеко уступаетъ, «Дѣдамъ,» въ роскоши и разнообразіи стола; водки впрочемъ, и здѣсь льется въ изобиліи. Гости, по приглашеніи взявъ, становятся кругомъ стола, говорятъ молитвы: «Отче нашъ...» «Богородице Дѣво радуйся... Вѣрую....» и въ заключеніе поютъ вѣчную память. Во время молитвы одинъ изъ стариковъ держитъ зажженную свѣчу близъ поставленнаго на столѣ блюда съ капустою. По окончаніи молитвы гости садятся каждый на свое мѣсто, а блюдо съ капустой снимаютъ со стола. Въ этомъ предварительномъ обрядѣ и состоитъ собственно «хозяйскій, жалобный столъ.» Теперь принимаются за водку. Первый стаканъ проливаютъ не много на столъ, полагая, что это дается покойнику. Бы

ивая первую рюмку, каждый приговариваетъ: «Нехай дасть Богъ уши небо, рай свѣтлый, покой вѣчный!» Попойка продолжается нерѣдко всю ночь. На другой день, раннимъ утромъ (всѣ присутствующіе до этого времени не спятъ), хозяйка снова ставитъ а столъ латушку капусты, и снова начинаются такія же обряднос-ги, какъ мы видѣли въ предыдущій день. Разница въ томъ, го теперь, по окончаніи молитвы, капусты со стола не снимаютъ; ѣдятъ присутствующіе; это составляетъ «жалобную вечерю.» о «вечери» говорятъ молитвы, чѣмъ и оканчивается «ночное идѣніе.» Празднику, впрочемъ, еще не конецъ.

Когда появится день, нѣкоторые близкіе сосѣди расходятся ъ поры, до времени, по домамъ; другихъ хозяинъ назначаетъ для дѣлки памятника по покойникѣ. Если хотятъ ставить памятникъ ъ покойникѣ мужчинѣ, то приготовляютъ крестъ; если по женинѣ, то дѣлаютъ «кладку.» Крестъ ставятъ на кладбищѣ; «кладка» назначается обыкновенно для удобства пути на какое ни будь окрое топкое мѣсто, по которому приходится ходить, или же ее ерекидываютъ чрезъ ровъ, ручей, и тогда она служитъ своего ода мостикомъ. Крестъ приготовляютъ обыкновенно заблаговременно; «кладку» въ каждую данную минуту. Назначенные хозяиомъ люди, съ возомъ отправляются въ ближайшій лѣсъ, отыскиютъ годную для кладки сосну со смолистою сердцевиною, срууютъ ее, отдѣляютъ верхушку отъ остальнаго ствола, послѣдній ищаютъ отъ коры и одну изъ сторонъ его обтесываютъ во ю длину. Эта сторона извѣстна потомъ подъ названіемъ «плоости.» Памятникъ для покойной женщины готовъ. Его взваливаютъ на возъ и везутъ въ назначенное мѣсто, кладутъ «плоскостью» ерхъ, обозначаютъ время смерти, вырѣзываютъ серпъ, или, если ершій былъ младенецъ, сапожки. Теперь всѣ, участвовавшіе въ дѣлкѣ «кладки,» становятся на колѣни, читаютъ молитвы, помъ садятся на памятникъ, пьютъ, закусываютъ, почтуютъ потрѣчавшихся, и возвращаются къ хозяину, приговаривая: «Нехай дасть Богъ ей небо, рай свѣтлый, покой вѣчный!» Въ мѣ хозяина приготовленъ бываетъ завтракъ, «снеданне.» Его провождаютъ заупокойныя молитвы.

По окончаніи завтрака всѣ гости, вмѣстѣ съ хозяевами, отавляются на кладбище. Если приходится ставить крестъ, то теперь везутъ и его. Всѣ идутъ за крестомъ и обыкновенно поютъ ѣ-й псаломъ. Кромѣ большаго креста, дѣлаютъ еще и маленькій:

къ нему привязываютъ красную ленточку. Крестъ привозятъ на кладбище, или ставятъ на перекресткахъ; маленькій крестикъ утверждаютъ надъ могилою покойника, въ головахъ. Селяне просятъ и Священника освятить настоящее торжество. Пока придетъ Священникъ, они вырѣзываютъ квадратики изъ дерну и покрываютъ могилы родныхъ. Поверхъ могилы иногда кладутъ еще продолговатую, четырехъугольную, доску, что называется «прекладзины.» Священникъ совершаетъ панихиду, освящаетъ могилы и памятникъ. Служеніе заканчивается пѣніемъ «вѣчная память.» Коль скоро Священникъ оставляетъ кладбище, селяне начинаютъ пить водку и закусывать хлѣбомъ съ солью. Не смотря на увѣщанія Священника, передавали намъ селяне, простой народъ не оставляетъ своихъ старыхъ, иногда нехорошихъ, обычаевъ. И въ настоящемъ случаѣ, по уходѣ Священника селяне разсуждаютъ такъ: «Егомосць (такъ до послѣдняго времени большею частью называли Священника; теперь батюшка) уже отъ насъ поѣхалъ домовъ; намъ цяперь можно рабиць то, што наши дзѣды и прадзѣды рабили, чого и мы ня можемъ пакинуць.» Кладбище, послѣ этого принимаетъ совершенно иной характеръ. Изъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ являются сюда и нищіе; имъ тоже не отказываютъ въ угощеніи: послѣ заупокойныхъ молитвъ, которыя говорятъ они надъ могилою покойника, имъ даютъ водки и хлѣба. Этимъ и оканчивается торжество.

(Ліже, Виленск. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Любки, Виленск. Губ. Свенц. Уѣзда) есть обычай приготовлять ячную кашицу ко времени поминовенія родныхъ. Принесши на кладбище, кашицу отдаютъ мальчикамъ ѣсть. Не дѣло въ томъ, что ѣсть ее нужно не ложками, а голыми руками. Въ деревнѣ Любкахъ кладбище находится не въ далекомъ разстояніи, такъ что кашица, принесенная изъ деревни на кладбище, не успѣваетъ еще остынуть. Часто бываетъ, что мальчикамъ, которымъ достается эта кашица, поплачиваются за нее своими пальцами: съ послѣднихъ слѣзаетъ кожа.

Отпраздновалъ селянинъ «осенины;» на полѣ у него все уже убрано. Что же ему остается теперь дѣлать? Если Богъ далъ ему хорошій урожай, то для него станетъ работы дома на всю зиму: молотьба, «работа цѣпомъ,» займетъ почти все его время. Если не было урожая, онъ отправляется куда ни будь на заработ-

отки.» Теперь же по вечерамъ плететъ лапти, колетъ лучину, апасается дровами. Женщины исключительно занимаются пря-ей. Начиная прясть, приговариваютъ: «Боже Господи, поможи, ереценце побѣжи, ручаечку принеси, починочекъ съ подсвино-екъ; хто напередъ почавъ, щобъ сзади торчавъ!» (Осташино, инск. Губ. Новогор. Уѣзда). Теперь начинаются «вечерницы,» по-идѣлки,» «попрядухи.» Осень и вся зима проходитъ у селянъ ь подобныхъ занятіяхъ.

Относительно зимы нѣкоторые селяне думаютъ, что она на-инается не въ одно и то же время, а каждый годъ все раньше а раньше; съ тѣмъ вмѣстѣ лѣто постоянно дѣлается короче, и ередъ кончиною міра лѣта, говорятъ они, вовсе не будетъ, а удетъ продолжаться безсмѣнно одна только зима; нельзя будетъ ъ такомъ случаѣ заниматься посѣвами, явится голодъ и людямъ ридется умирать (Ольшаны, Вилен. Губ. Ошмян. Уѣзда). Внимательно слѣдятъ селяне за признаками, указывающими на раннее, или озднее, появленіе зимы. Признаки эти обнаруживаютъ перелетныя птицы. «Если гуси (дикіе) летятъ низко, зима, значитъ, близко;» если при этомъ еще гуси летятъ ночью, селяне выводятъ заключеніе, что зима будетъ тяжелая и наступитъ скоро, что гуси по тому именно и летятъ ночью, чтобы скорѣе убраться изъ ранъ, гдѣ ихъ можетъ застигнуть холодная зима. Если при олетѣ гуси кричатъ часто и громко, то, по мнѣнію селянъ, имъ указывзютъ они на близость зимы. Тихій и нечастый рикъ при полетѣ гусей говоритъ противное. Если на «громницы» течетъ съ кришъ и являются «лужи,» такъ что можетъ напиться пѣтухъ, то зимы можно ожидать легкой и на Благовѣщеніе уже напьется волъ на пастбищѣ. Когда заколютъ борова, о обращаютъ вниманіе на расположеніе его внутренностей. Если звѣстная часть ихъ, «коса», тонкой стороной обращена къ голо-ѣ, и зима, значитъ, будетъ сначала легкая, потомъ тяжелая; въ ротивномъ случаѣ—на оборотъ. Если во время зимы образу-тся на деревьяхъ большія хлопья, завалы снѣга и потомъ, при тепели, они падаютъ, селяне видятъ въ этомъ прообразъ своей удущности, и въ текущемъ году ждутъ тяжелой болѣзни на лю-и, или на скотъ. Зиму съ сильными морозами называютъ злою; иму безъ сильныхъ морозовъ называютъ лѣтнею.

(Гапута, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Зимою бываютъ большіе праздники, которые и въ глазахъ селянъ имѣютъ немалое, своеобразное, впрочемъ, значеніе. Еще заблаговременно слышатся пѣсни, которыя указываютъ на особыя торжества:

На городѣ стринатка,
Недалеко колядка,
Ой коляды, коляды,
Да не всѣ имъ рады:
Кто нанимаецъ,
Той съ кармана не вынимаецъ;
А кто отстаецъ (указаніе на наемъ слугъ),
Тому каждый почтенье даецъ.

(Ольшаны, Вилен. Губ. Ошм. Уѣзда.)

Или:

Ня курь, ня вѣй, мяцелица коляда!
До матки йду, вяночки вью;
Атъ матки йду, развиваю, коляда!
По сцежаццѣ раскидаю:
Гдзѣ сцежачка, тамъ вѣночка,
Гдзѣ слядочекъ, тамъ кусточекъ.
Сядзиць вовчокъ подъ елачкай, вочки трець:
Пожалився на (имя парня, которому поется пѣсня), за шт. бець

«Чаму у цябе, вовчокъ, голова, якъ памяло?»—
«Я у Кароля бывъ, печь вымятавъ.»—
«Чаму у цябе, вовчокъ, хвостъ, якъ лапата?»—
«Я у Кароля бывъ, хлѣбъ сажавъ.»

(Ганута, Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Или:

Шла колядка колядуючи, гей, коляда!
Перешла сельце, достала яйце, гей, коляда!
Перешла поле, згубила и тое, гей, коляда!

Подъ именемъ «Колядъ» у селянъ извѣстенъ прежде всего канунъ Рождества Христова (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—куты

отомъ колядами называютъ самый праздникъ, а иногда все вре-
я отъ Рождества Христова до Богоявленія). Къ празднику селя-
е приготовляются строгимъ постомъ; даже малымъ дѣтямъ они
оятся давать что ни будь «скоромное.» Если послѣднія плачутъ,
елая вкусить отъ запрещеннаго плода, мать въ такомъ случаѣ
быкновенно утѣшаетъ ихъ слѣдующими словами: «Заразъ, дзѣт-
и, будуць каляды; не плачьте! Еще нядзѣля, еще нядзѣля, а тамъ
каляды.» Дѣтя успокаивается въ ожиданіи колядъ, какъ чего-то
еобыкновеннаго. Если до «колядъ» остается недѣли двѣ, то го-
орятъ, что колядыі» еще въ амбарѣ. Дня за два, за три, до
олядъ, говорятъ, что онѣ уже «на печкѣ.» Когда хозяинъ вно-
итъ въ комнату говядину, или колбасы, приготовленные къ Празд-
ику Р. Х., то обращается къ дѣтямъ съ такими словами: «Радуй-
есь, дзѣци: уже каляда идзець у хату!»

По мѣрѣ приближенія «колядъ», въ избѣ селянина замѣчаются
собенныя хлопоты, небудничныя приготовленія. Самую избу очи-
аютъ, убираютъ по праздничному. Вечеромъ на канунѣ Рожде-
ва, по срединѣ избы ставятъ столъ: на него кладутъ немного
ѣна въ память рожденія Спасителя въ ясляхъ. Посверхъ сѣна за-
тилаютъ бѣлую скатерть и усаживаются ужинать, «ѣсть кутью.»
озяинъ между тѣмъ отправляется за «колядой.» Идетъ въ амбаръ,
еретъ немного сѣмянъ ржи, пшеницы, ячменя, овса, гороху и не-
етъ въ комнату. Переступая порогъ дома, хозяинъ говоритъ: «Доб-
ый вечеръ, щедрый вечеръ!» иногда еще поютъ: «Да пріѣха-
а коляда да въ малеваномъ возку, коляда! да къ Марцину у
ороцечка, коляда!» Коляду укладываютъ въ «кошель» и вѣша-
ютъ въ почетномъ углу. Начинается ужинъ.

Коляду встрѣчаютъ еще и такъ. Приносятъ немного сѣна и
нопъ ржи. Рожь ставятъ на покути, а сѣно частью разстилаютъ
а столѣ (какъ указано выше), частью на «лавкѣ,» и тутъ теперь
озяйка ставитъ горшокъ съ кутьею. Кутья составляетъ въ на-
тоящемъ случаѣ необходимую принадлежность стола, заключи-
ельное, почетное, кушанье, отъ чего и самый праздникъ называютъ
кутьею,» также «постною, или «первою, кутьею» (Гродн. Губ.).
ъ кутью вставляютъ иногда кресть изъ двухъ лучинокъ. За сто-
омъ, убраннымъ сѣномъ и покрытымъ бѣлою скатертью, садятся
жинать всѣ, не исключая даже малыхъ дѣтей. Хозяинъ въ слухъ
итаетъ молитву. Потомъ пьютъ водку. При первой рюмкѣ говорятъ:
Дай, Боже, за рокъ дочекать»; присутствующіе отвѣчаютъ:

«Дай, Боже!» Кушаютъ, «что Богъ послалъ.» Обыкновенно зовутъ ужинать и морозъ. Хозяинъ за ужиномъ говоритъ: «Морозъ, морозъ, идзи ко мнѣ кутью ѣсць, только моего ячменя, овса пшеницы и проч. (перечисляетъ названія всѣхъ хлѣбовъ, которые намѣренъ сѣять) не морозь! При этомъ указываютъ на одно обстоятельство, которое заставило нѣкоторыхъ хозяевъ воздержаться нѣсколько отъ подобныхъ приглашеній. Говорятъ, что одинъ хозяинъ по обычаю звалъ къ себѣ морозъ откушать кутьи. Морозъ яко бы отвѣчалъ: «Я уже кутью отъѣлъ и на лошадь сѣлъ, только поддержи жеребенка!» Хозяинъ не обратилъ вниманія на подобныя слова, и послѣ ужина легъ преспокойно спать. На другой день пошелъ посмотрѣть свой скотъ, и сейчасъ хватился, что лошадь его куда то исчезла. Онъ вспомнилъ тутъ ночной разговоръ съ морозомъ, и догадался въ чемъ дѣло. Нѣкоторые послѣ этого не приглашаютъ мороза къ себѣ ужинать.

(Ольшаны, Вилен. Губ. Ошмянск. Уѣзда.)

Кутью ѣдятъ обыкновенно уже поздно вечеромъ, при огнѣ. Замѣчаютъ: если чья ни будь тѣнь изъ присутствующихъ отображается неясно, или, что еще хуже, совсѣмъ бываетъ не видна такой человѣкъ, значитъ: или умретъ въ текущемъ году, или не выйдетъ изъ семьи. Послѣ ужина вытягиваютъ изъ подъ скатерти по былинкѣ сѣна: у кого изъ дѣвушекъ, или замужнихъ женщинъ, былинка будетъ длиннѣе, та можетъ ожидать хорошаго урожая льну. Когда со стола снимутъ сѣно, то смотрятъ, не осталось ли на столѣ зерень какого ни будь хлѣба, и если остались то какого рода зеренъ больше: оставшіяся зерна въ большемъ количествѣ указываютъ на успѣшный урожай въ текущемъ году именно этого рода хлѣба. Брошенныя къ тѣмъ сѣменамъ, которыя высѣваются на полѣ, онѣ предохраняютъ урожай отъ головни и другихъ болѣзней. Послѣ ужина хозяинъ сбрасываетъ обувь; изъ принесеннаго снопа ржи приготовляетъ «перевесло» и спѣшитъ въ садъ, если онъ у него есть, обязать ими плодовыя деревья и ульи. Въ первомъ случаѣ думаютъ, что будетъ больше плодовъ, что ихъ не будетъ срывать вѣтеръ; въ послѣднемъ, что пчелы не будутъ далеко улетать отъ ульевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это дѣлаютъ на Новый Годъ. Послѣ ужина вся семья выходитъ на дворъ посмотрѣть, «зорко на небѣ, или нѣтъ.» Если на небѣ много звѣздъ, то въ текущемъ году хорошо

будутъ родиться гуси и другія домашнія птицы; можно ожидать также и хорошаго урожая, особенно относительно того зерна, большее количество котораго оказалось на столѣ по снятіи сѣна (Ласково, Гродн. Губ. Кобр. Уѣзда). Мальчики деревенскіе заключаютъ по своему: въ которой сторонѣ больше звѣздъ, тамъ будетъ больше и грибовъ. Примѣта, которая важна для нихъ во время лѣта. Хорошая погода на кутью, кромѣ урожая, предвѣщаетъ еще такую же погоду и во весь годъ; въ противномъ случаѣ нужно ожидать непостоянной погоды, а съ тѣмъ вмѣстѣ и неурожая. На кутью въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяинъ не даетъ скоту пить цѣлый день: этимъ онъ думаетъ предохранить его отъ насѣкомыхъ. Хозяйки ничего не должны прясть: иначе лѣтомъ скотъ будетъ пускать слюну такими длинными нитями, какія въ тотъ день выпрядутъ (Ольшаны, Виленск. Губ. Ошм. Уѣзда). Другія наоборотъ: на кутью вьютъ клубки нитокъ, чтобы капуста свивалась въ головки; вообще прядутъ, вьютъ веревки, стараются начать непремѣнно въ полночь возможную въ хозяйствѣ работу; если бы потомъ потребовалось что ни будь сдѣлать, а началу тому не было положено на кутью, такую работу непремѣнно придется уже оставить до праздника Богоявленія. Во все время между праздника Р. Хр. и Богоявленія можно дѣлать, и то, какъ видимъ, съ извѣстными ограниченіями, только ту работу, которая была начата на кутью. Во всякомъ случаѣ избѣгаютъ начинать дѣлать ободья, полозья: опасаются быть искалѣченными. Передъ колядой не дозволяется вязать обыкновенныя метлы для выметанія печей. Необходимо приготовлять ихъ изъ хвой сосны: тогда онѣ называются «памятно;» неисполнителямъ этого обычая грозятъ сожженіемъ хаты отъ грома.

Хозяйки матери не позволяютъ своимъ дѣтямъ съ утра до вечера ѣсть маку: лѣтомъ не будутъ кусать насѣкомыя. Дѣвушки выходятъ и слушаютъ, въ которой сторонѣ раздается лай собакъ: тамъ, значитъ, быть имъ замужемъ (Ольшаны, Вил. Губ Ошм. Уѣзда). Или: бѣгутъ къ колодцу, мочаютъ въ воду лучину, приносятъ домой и зажигаютъ: чья лучина горитъ ярче, свѣтлѣе, той и замужемъ будетъ лучше (Чересы, Виленской Губ. Дисн. Уѣзда). Или: отправляются въ хлѣвъ: если по дорогѣ повстрѣчаются съ быкомъ, имъ, значитъ, въ наступающемъ году, и ни какъ не дальше осени, придется выйти замужъ; встрѣча съ коровой не предвѣщаетъ ничего утѣшительнаго.

только перекатывать камней съ одного мѣста на другое; отъ того, говорятъ, появляются на ногахъ разнаго рода болѣзни (Зап. Губ. Слов. Уѣзда). Боятся также выбрасывать «осмолки» изъ печи (несгорѣвшія полѣнья): думаютъ, что отъ этого въ посѣвахъ заведется головня. За то дѣлать какую бы то ни было работу вечеромъ строго запрещается. Нарушителя такого обычая селяне непремѣнно «просмѣютъ;» о такомъ человѣкѣ они отзываются: «Пазнаець онъ не святковаць гетыхъ вечерувъ!» Прясть пряжу, или же вить что ни будь, хозяинъ строго запрещаетъ, потому что молодой скотъ будетъ постоянно мотать головой и пропадать. Если же подобныя работы производились, то хозяинъ на послѣднюю кутью» (передъ Богоявленіемъ) пересѣкаетъ въ избѣ три пары вѣтокъ, думая этимъ предохранить свой скотъ отъ накликанной было на него бѣды.

(Ольшаны, Вил. Губ. Ошмянск. Уѣзда.)

Дѣйствительно, «Святые вечера» особенно опасны для того хозяина, у котораго много скота. Иногда случается, что у него родится слѣпой теленокъ: всѣ сосѣди и давай тутъ говорить: вотъ, молъ, не праздновалъ «Святыхъ вечеровъ,» что Богъ и наказалъ преступника. Сейчасъ приступаютъ съ распросами къ хозяйкѣ, не шила ли она чего ни будь во время «Святыхъ вечеровъ.» Тутъ она обращается къ своей памяти и, напередъ обвиняя для оправданія какъ бы суда Божія, произноситъ противъ себя приговоръ: она сознается въ преступленіи (что, молъ, шила хоть бы этого на самомъ дѣлѣ и не было), «Гета жена запыла глаза сваему целяцю,» говорятъ послѣ обвинители. Бѣда и хозяину, если теленокъ родится слабъ на ноги. Тогда онъ самъ обвиняетъ себя: «Вѣдь это я плелъ лапти въ святые вечера, и такимъ образомъ спуталъ теленка: теперь онъ и ходить не можетъ.»

(Миръ, Мин. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Думаютъ еще, что если во время «Святыхъ вечеровъ» придется оставить въ сундукѣ одежду, ее непремѣнно нужно перекрестить, иначе она будетъ похищена некрещенными дѣтьми. Разсказываютъ при этомъ, что на «Святые вечера» некрещенныя дѣти распускаются изъ ада на гулянье: они заходятъ къ тому, кто оставилъ въ сундукѣ свое платье не перекрещеннымъ, отворяютъ сундукъ и забираютъ, что имъ нужно. Въ доказательство приводятъ слѣ-

ующую сказку. Жилъ одинъ «корчмарь» недалеко отъ села. Одажды, во время «Св. вечеровъ,» зашли къ нему въ корчму четыре еловѣка въ бѣлыхъ тулупахъ и спросили водки. На вопросъ орчмара: сколько нужно? они потребовали четыре ведра. Жеаніе было исполнено. Незнакомцы выпили, расплатились и ушли. а другой и третій вечеръ повторилась таже исторія. Въ третій, прочемъ, разъ корчмарь при расплатѣ съ незнакомцами спросилъ нихъ: «Что они за люди?» — «Мы люди недобрые,» былъ отвѣтъ. — Кто же вы такіе?» — «Мы дѣти некрещенные.» Корчмарь сильно спугался, однако продолжалъ свои распросы. «По чему вы теперь одите?» Дѣти отвѣчали, что имъ дано право ходить въ продолженіи и [illegible] тулупы, которые [illegible] «Гдѣ же вы взяли [illegible] тихъ дѣвнадцати дней. [illegible] асъ?» — «Мы взяли ихъ у тѣхъ людей, которые оставляютъ свое латье не прекрестивши его: какъ только мы придемъ туда, гдѣ ставлено что ни будь не перекрещеннымъ, оно само дается намъ езъ всякаго труда.» — «Постойте же, подумалъ себѣ хозяинъ: я асъ больше не пущу, чтобы вы и мнѣ чего худого не сдѣлали.» огда гости ушли, хозяинъ сказалъ женѣ вездѣ при всякомъ вхоѣ начертить кресты, чтобы некрещенныя дѣти не могли прійти ъ нимъ болѣе. По обычаю, гости приходятъ между тѣмъ и на етвертый день; въ корчмѣ огня нѣтъ, и при входахъ вездѣ креты. Напрасно онѣ ходили кругомъ корчмы, кричали подъ окомъ, просили хозяина отпереть, пустить ихъ повеселиться въ эти стальные вечера, обѣщали не дѣлать ему никакого зла. Въ корчѣ по прежнему было тихо, темно, хозяинъ все слышалъ, но ни его не отвѣчалъ, огня не зажигая. Огорчились такимъ пріемомъ екрещенныя дѣти; догадались, что сдѣлалъ хозяинъ, и отправились обратно, обѣщая во всякомъ случаѣ, «показать ему, что начитъ не отпереть имъ дверей.» Кончились «Святые вечера;» корчмаря вышла вся водка, и ему необходимо было отправиться за новой. Взявши денегъ, онъ поѣхалъ за водкой. Уже онъ везъ домой цѣлую бочку; но когда въѣхалъ на «крестовыя дороги» (перекрестокъ, гдѣ иногда погребаютъ дѣтей умершихъ безъ крещенія и потомъ ставятъ кресты), бочка тарахъ! обручи сразу всѣ лопнули и водка вылилась. Смекнулъ корчмарь, въ чемъ дѣло: онъ понялъ, что это мстятъ ему некрещенныя дѣти, которыхъ онъ не пустилъ въ корчму. «Нѣтъ,» сказалъ онъ, «я васъ таки перемогу,» и снова возвратился за водкой. Но напрасно старался онъ «перемочь» некрещенныхъ, и покупалъ бочку за бочкой: каждый разъ, какъ только онъ въѣзжалъ на «крестовыя

дороги,» бочка распадалась, и вся водка пропадала. Предаю прибавляетъ, что такимъ образомъ онъ истратилъ на водку всѣ деньги, и наконецъ пришелъ къ такому положенію, что долженъ былъ ити по міру.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Отпраздновавъ Рождество Христово, начинаютъ приготовляться ко встрѣчѣ «второй кутьи,» и за тѣмъ Новаго Года. «Вторая кутья,» или канунъ Новаго Года, извѣстенъ въ большинствѣ мѣстностей подъ именемъ «Щедрого» или «Богатого вечера,» или же «Оготухи.» Къ этому вечеру стараются приготовить по возможности роскошный ужинъ, отъ чего и самъ вечеръ называется «богатымъ.» Кутья и здѣсь составляетъ необходимое заключительное блюдо. Ее варятъ изъ «отолченнаго въ ступѣ ячменя.» Пекутъ еще блины съ «юшкою.» Кто не готовитъ блиновъ передъ Новымъ Годомъ, у того въ хозяйствѣ не будетъ «гладкаго скота,» т. е. жирнаго, тучнаго, особенно телятъ (Каменецъ, Гродн. Губ. Брест. Увз.). Первый блинъ непремѣнно должна съѣсть взрослая дѣвушка, если есть, и при томъ стоя на «смѣтьѣ.» Обыкновенно вечеромъ въ щедрый вечеръ она чисто мететъ комнату, чтобы чистъ былъ и полѣ ячмень, когда будетъ жать его, и когда выноситъ соръ изъ комнаты, беретъ съ собою блинъ, и ѣстъ тамъ. Если въ это время она послышитъ въ какой ни будь сторонѣ лай собакъ, тамъ, значитъ, быть ей замужемъ. Обычай этотъ исполняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы видѣли, на канунѣ Р. Хр. Вообще нужно замѣтить, что нельзя пріурочить ко всѣмъ мѣстностямъ ни одного общаго названія нѣкоторыхъ праздниковъ, ни тѣмъ болѣе одновременнаго соблюденія однихъ и тѣхъ же обычаевъ. Что соблюдается въ одной мѣстности сегодня, то самое въ другой мѣстности мы увидимъ завтра: отъ этого въ нашихъ статьяхъ для нѣкоторыхъ можетъ показаться кое-что видимымъ противорѣчіемъ. Въ оправданіе себя мы ссылаемся на свидѣтельства лицъ, свято на мѣстѣ соблюдавшихъ описываемые нами обычаи.

Когда изба очищена и «вечера» приготовлена, семья садится ужинать. Хозяинъ беретъ водку, наливаетъ рюмку и пьетъ къ хозяйкѣ: «Будь здорова! Дай Богъ за годъ дождаться!» говоритъ онъ. «Дай, Боже!» отвѣчаетъ хозяйка. Рюмка обходитъ всѣхъ по старшинству. Послѣ ужина начинается переряживанье. Наряжаются «въ Цыгановъ,» «въ аиста, въ козу,» и ходятъ изъ дома въ домъ. Переряженные вездѣ имѣютъ радушный пріемъ, щедрое угощеніе; при этомъ они говорятъ своего рода поздравленія:

О го, го, каза!
О го, го, сѣра!
«Гдзѣ хвостъ надзѣла?» —
«На соль праѣла;
Бо соль дорогая,
Мѣра скупая.»
Гдзѣ каза хвастомъ,
Тамъ жито кустомъ;
Гдзѣ каза нагой,
Тамъ жито капной;
Гдзѣ каза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ.

Или:

Новое лѣто начинае,
Новый царь царя витае,
Убогимъ породивъ,
Богатого засмутивъ.

Или:

Васильева мати
Пришла оготати.

Или:

О го, го, коза небого!
Солому сѣчи,
Пироги печи;
Сало смажь
Пироги мажь!
Гу, гу, гу, гу, дайте мнѣ того,
Що въ печкѣ, въ самомъ куту!

Напередъ стараются высмотрѣть, что находится въ печкѣ.

(Каменецъ, Грод. Губ. Бретск. Уѣзда.)

Или:

Добрый вечуръ, щедрый вечуръ!
Чи е дома панъ господарь?
Седитъ собѣ въ концѣ стола,
На ёмъ шапка соболева,
Калиточка, якъ бочечка;

Въ туй калитцѣ
Три червунцй:
Намъ, колядничкамъ, по осмачку.
На Новое Лѣто роди, Боже, жито,
Жито, пшеницю, горохъ, сочевицю,
Въ клюнѣ умолотно,
Въ дѣжцѣ зыходно!
На печѣ рожа,
Господиня гожа;
На проточку рута,
Господиня крута!

(Пам. нар. твор. въ СЗ. краѣ, 165.)

Или:

Щедрый вечуръ, добрый вечуръ!
А ци дома панъ господаръ? —
«Нема дома, въ чистумъ полѣ,
Въ чистумъ полѣ жито сѣе,
Жито сѣе, Бога просиць,
Кабъ съ колосочка жита бочка,
А зъ другого еще много.

(Миръ, Минск. Губ. Новогр. Уѣзда.)

На канунѣ Новаго Года селяне стараются запастись всѣмъ необходимымъ; если у кого недостаетъ чего, то стараются одол... жить заблаговремнено. Кто одолжаетъ въ Новый Годъ, тотъ въ... продолженіи всего года не будетъ имѣть этой вещи; такого чело... ка еще наказываютъ вѣдьмаремъ. Хозяйки страшно боятся раз... бить что ни будь: это значитъ накликать на себя бѣду на весь годъ; круглый годъ все постоянно будетъ биться, а для хозяйки это слишкомъ убыточно. Ея дѣло запасаться посудой, особенно глиняной, да еще на тѣ деньги, которыя она выручитъ за свою заботу, или же за нѣкоторыя доходныя статьи въ хозяйствѣ, ко... торыми собственно она завѣдуетъ, продажа, на пр., яицъ, куръ.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Сохранился обычай ловить воробьевъ на канунѣ Новаго Года. Вечеромъ собираются мальчики и взрослые: берутъ фонарь, зажи... гаютъ его и отправляются въ сарай. Заткнувши, по возможности,

ыры, одинъ изъ охотниковъ съ длинной палкой начинаетъ пу-
ать воробьевъ, которые къ ночи попрятались уже въ свои гнѣз-
а, большею частію, въ сельскихъ сараяхъ. Напуганные воро-
ьи бросаются на горящій фонарь, представляя себѣ тамъ от-
ерстіе, чрезъ которое они улетятъ на вольный, Божій, міръ. Туть
ни попадаются прямо на ловца. Охота, большею частью, бываетъ
чень удачна. Сохраняется повѣрье, что сколько поймаютъ воробь-
въ въ настоящій вечеръ, столько копъ ихъ погибнетъ въ теку-
цемъ году. Сельскіе мальчики рады, что могутъ оказать нѣ-
оторую пользу въ семьѣ, и стараются наловить по возможности
ольше жертвъ, чтобы потомъ еще больше ихъ погибло. Селя-
е вобще считаютъ воробья очень вредною птицею, сильно ис-
ребляющею посѣвы. Изъ пойманныхъ воробьевъ приготовляется
аркое. Иногда, впрочемъ, оставляютъ два воробья, завертываютъ
хъ въ тряпку и потомъ сожигаютъ. Оставшійся порошокъ пря-
утъ до весны, и когда отправляются сѣять ячмень, или овесъ,
юда всыпаютъ и сбереженный порошокъ, и высѣваютъ его вмѣ-
тѣ съ извѣстнымъ зерномъ: думаютъ, что воробьи не тронутъ
акихъ посѣвовъ

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Въ Новый Годъ какъ можно раньше будятъ ребятишекъ. Въ
томъ на весь годъ видятъ предохранительное средство противъ
ѣни. Вообще думаютъ, что если въ Новый Годъ сдѣлать что
и будь хорошее, или дурное, если даже самое время провести из-
ѣстнымъ образомъ, все это отзовется потомъ въ продолженіи
сего года, въ первомъ случаѣ удачею во всемъ, въ послѣднемъ
еуспѣхомъ. Отъ этого родители и сами берегутся и крѣпко на
крѣпко приказываютъ и дѣтямъ своимъ не дѣлать ничего дурного;
напротивъ, вся семья проводитъ этотъ день благообразно. Быва-
отъ въ церкви. Послѣ обѣдни разсуждаютъ о значеніи праздника,
отдыхаютъ. Вечеромъ хозяйка даетъ курамъ ѣсть ту кашу, кото-
ая осталась отъ вчерашней кутьи. Дѣлается это слѣдующимъ
образомъ. По срединѣ избы кладутъ обручъ, ставятъ туда кашу, и
пускаютъ куръ ѣсть ее. Куры послѣ такого утощенія будутъ
орошо нести яйца, а обручъ предохранитъ ихъ отъ растраты
ицъ по разнымъ мѣстамъ.

(Вишнево, Вил. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

Послѣ Новаго Года наступаетъ праздникъ Богоявленія (6-го Генв.). На канунѣ этого праздника, равно какъ на канунѣ Рождества и Новаго Года, празднуютъ сочельникъ или «кутью третью» по счету. Сочельникъ предъ Богоявленіемъ называется «постною кутьею,» или «проводною, проводами.» Теперь, съ одной стороны, нельзя употреблять въ пищу мяса; съ другой, сочельникомъ Богоявленія заканчиваются, такъ называемыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, «колядницы,» дни «колядъ.» Къ этому празднику селянинъ дѣлаетъ своего рода приготовленія: убираютъ хату, варятъ разнообразныя кушанья (постныя). Между послѣдними особенное вниманіе обращаетъ на себя бобъ, смѣшанный на половину съ горохомъ. Его варятъ въ сухомъ видѣ утромъ и не употребляютъ до самаго вечера, до кутьи. До этого времени или, по крайней мѣрѣ, до освященія воды въ церкви, ничего не ѣдятъ. Но вотъ солнце закатывается; Христіяне возвратились уже изъ церкви съ святою водою. Хозяинъ тогда насыпаетъ приготовленнаго бобу въ латушку, поверхъ его кладетъ булку хлѣба, беретъ освященный въ церкви мѣлъ, воду, и со всѣмъ этимъ выходитъ изъ дому. Преднося предъ собою бобъ, хозяинъ мѣломъ изображаетъ «кресты» надъ окнами, на воротахъ, дверяхъ и косякахъ всѣхъ сараевъ, хлѣвовъ и въ заключеніи на ульяхъ, если есть пчелы; все также окропляетъ водой. Если дома приключится печалованіе объ умершемъ, указанныя изображенія крестовъ дѣлаются углемъ. По окончаніи своего дѣла, хозяинъ приходитъ въ избу, ставитъ на столъ бобъ, который и остается тутъ до вечера (Иже, Вил. Губ. Вилейск. Уѣз.) Въ другихъ мѣстахъ дѣлаютъ и такъ. Предъ ужиномъ хозяинъ приноситъ сѣно, постилаетъ его на столъ, какъ на Р. Хр. потомъ беретъ «вѣко» съ горохомъ, освященный въ церкви мѣлъ, и отправляется изображать кресты въ различныхъ частяхъ своихъ зданій. Домашніе между тѣмъ приготовляютъ ужинъ, садятся за столъ и ожидаютъ хозяина. Вошедши по окончаніи своего дѣла въ хату, онъ обращается къ семьѣ съ слѣдующими словами: «Во время рожденія Спасителя три Короля пріѣзжали и сыпали около новорожденнаго золото; а мы, за неимѣніемъ золота, сыплемъ одинъ другимъ горохъ.» При этихъ словахъ онъ сыплетъ на столъ горохъ, а сидящіе стараются ловить его. Думаютъ, кто поймаетъ большое количество гороху, у того будетъ много овецъ. Кто въ продолженіи трехъ лѣтъ ловилъ много гороху, тотъ уже пріобрѣлъ для себя счастливую способность успѣшно разводить овецъ (Ольшаны, Вил. Губ. Ошмян. У.). Еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть особенность. Когда

хозяинъ, изобразивши кресты на строеніи, войдетъ въ сѣни, хозяйка спрашиваетъ: «Хто тамъ стукиняя, что тамъ грукиняя?» Хозяинъ изъ сѣней отвѣчаетъ: «Самъ Богъ стукиняя, самъ Богъ грукиняя.»—«Што же Іонъ робицъ?»—«Жито родзиць» (Миръ, Минск. Губ. Новогор. У.). Хозяинъ входитъ въ комнату и начинается ужинъ. Предпесеніе бобовъ, хлѣба при изображеніи крестовъ, означаетъ желаніе, чтобы у селянина въ каждомъ углу былъ достатокъ. Самое изображеніе крестовъ объясняютъ различно. Одни говорятъ, что этимъ изображеніемъ указывается окончаніе колядныхъ дней; другіе находятъ причину старо-религіозную. Когда Іудеи искали новорожденнаго младенца, Іисуса, то, нашедши его, начертили яко бы надъ мѣстомъ его нахожденія крестикъ; но потомъ, чудеснымъ образомъ крестики изобразились надъ воротами всѣхъ домовъ, такъ что Іудеи не могли узнать, гдѣ находится новорожденный Царь, котораго хотѣли похитить.

(Иже, Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Прямѣе, основательнѣе и гораздо вѣрнѣе, то объясненіе, по которому въ изображеніяхъ крестовъ думаютъ видѣть противодѣйствіе враждебной силѣ дьявола. Чрезъ намѣченные крестами и освященною водою окна, двери, и даже отверстія печекъ, не войдетъ дьяволъ, думаютъ положительно селяне.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, окропляя святою водою свои зданія, хозяинъ говоритъ даже прямо: «Вонъ, черце, изъ мойго дому! бо тутъ Богъ живець.» Съ этихъ поръ, по мнѣнію селянъ, дьяволъ не можетъ оставаться въ ихъ дому, и уходитъ яко бы на вербу до времени освященія ея въ Недѣлю Ваій; съ этой поры онъ опять перебирается въ старое мѣсто.

(Лебедево, Виленск. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ думаютъ, что съ освященіемъ воды дьяволъ вывозитъ своихъ дѣтей изъ воды, садитъ на сани и перевозитъ на дерево. Для такого повѣрья указываютъ основаніе въ слѣдующемъ преданіи. Однажды къ хозяину на канунѣ Богоявленія пришелъ какой-то человѣкъ и просилъ саней; хозяинъ, нужно замѣтить, жилъ недалеко озера. Онъ спросилъ незнакомца: «За-

чѣмъ ему такъ поздно понадобились сани?» — «Дѣтей перевезти,» былъ отвѣтъ.—«Куда?»—«На дерево.»—«По чему же ты перевезешь ихъ на дерево?» По тому же, что утромъ придетъ на озеро «человѣкъ,» который обольетъ насъ кипяткомъ.» Подъ именемъ «человѣка» незнакомецъ разумѣлъ Священника, а подъ именемъ «кипятка» — святую воду. Изъ такого разговора сметливый хозяинъ сейчасъ узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не далъ саней. Незнакомецъ сталъ невидимъ. Хозяинъ, однако, мучимый любопытствомъ, пошелъ посмотрѣть, стоятъ ли его сани. Вышедши на дворъ, онъ къ своему удивленію, не нашелъ ихъ. Незнакомецъ утащилъ. Было уже поздно, и хозяинъ боялся ити къ озеру за своими санями. На другой день утромъ онъ дѣйствительно нашелъ ихъ на прорубью въ озерѣ, и здѣсь же увидѣлъ «чертовы ступни.» Сомнѣніе не могло болѣе имѣть мѣста. Дьяволъ явился дѣйствительнымъ похитителемъ саней. Такое суевѣріе, разсказывали намъ, поддержку для своего существованія находитъ въ слѣдующихъ обыкновенныхъ данныхъ. Иногда дѣти, желая взаимно повезти себя, тайкомъ увозятъ сани, а суевѣрный хозяинъ, не зная въ чемъ дѣло, распускаетъ молву, что «чертъ» укралъ у него сани для перевоза дѣтей.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Самый праздникъ Богоявленія извѣстенъ подъ именемъ «Трехъ Королей,» «Водохрища.» Православные отправляются въ церковь и потомъ на Іордань. Послѣ освященія воды каждый спѣшитъ разговѣться, такъ сказать, ею, и запастись на будущее время. Богоявленская вода пользуется у селянъ большимъ почетомъ: ее употребляютъ, какъ цѣлительное лѣкарство, не только въ болѣзняхъ людей, но и скота. Сами Латиняне, не смотря на противодѣйствіе ксёндзовъ, видятъ въ святой водѣ необыкновенную силу. Намъ разсказывали, что во время послѣдняго мятежа одинъ ксёндзъ въ Новогородскомъ Уѣздѣ, объѣзжая свой приходъ, всѣми мѣрами среди своей паствы старался возбудить ненависть ко всему Русскому, Православному. Тутъ онъ узналъ, что въ деревнѣ (въ которой онъ былъ), у его прихожанъ, сохраняется, какъ святыня, Богоявленская вода. Именемъ духовнаго отца, онъ началъ убѣждать ихъ въ безсиліи, бездѣйственности этой воды, говорилъ, что она, напротивъ, можетъ быть даже вредна, по тому что освящена не ксёндзами, а попами Схизматиками, и требо-

алъ, чтобы она была вылита на собакъ. Напрасно прихожане пирались. Ксёндзъ, напротивъ, настаивалъ и грозилъ небеснымъ удомъ; тогда они обратились къ начальству съ жалобою на нео, и просили объ его перемѣнѣ; справедливая просьба была увасена, и завѣтное убѣжденіе въ святости Богоявленской воды не околебалось.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Въ продолженіе «колядъ» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершается по преимуществу два рода игръ. Молодежь ходитъ или съ звѣздою,» или съ «Виѳлеемомъ.» Звѣзду устрояютъ такъ. На аму отъ рѣшета, или сита, наклеиваютъ пропитанную саломъ, или остнымъ масломъ, бумагу, и утверждаютъ ее на подставочномъ естѣ, для удобства въ переносѣ съ одного мѣста на другое; чтоы этотъ кругъ имѣлъ видъ звѣзды, придѣлываютъ къ нему, въ ѣсколькихъ точкахъ, четыре—шесть пирамидальныхъ «роговъ» и, расоты ради, окаймляютъ ихъ разноцвѣтною бумажною бахраой. Потомъ дѣлаютъ новое, небольшое, кольцо, по окружности кораго наклеиваютъ вырѣзанныхъ изъ бумаги солдатиковъ, конниу, или пѣхоту. Это кольцо утверждается на прутикѣ. Если теерь мы вставимъ въ раму звѣзды свѣчу (въ остальной части омнаты не должно быть огня) и будемъ тамъ поворачивать кольо съ наклеенными солдатиками, то для стоящихъ съ лицевой стооны звѣзды представляется, что идетъ безконечное количество ойска. Устройство «Виѳлеема» нѣсколько сложнѣе и обходится ороже; за него по тому принимаются парни, которые посостояельнѣе. Устрояется ящикъ, что-то въ родѣ сундука, верхъ кораго раздѣляется на такіе же, какъ у звѣзды, пирамидальные рога,» только большаго размѣра. Бока и верхъ этого ящика крашаются разными священными картинами, относящимися къ раздннку; нижняя сторона его или полъ дѣлается съ разрѣзаи или щелями, и бываетъ устланъ бѣлыми мѣховыми шкурками. Іриготовляются изъ дерева изображенія людей, представляющія обою разныхъ лицъ: Ирода, на пр., трехъ Королей, жену Ирода, мертъ въ видѣ какого ни будь скелета съ косой, Іуду сребролюба, Цыгана съ медвѣдемъ и т. под. Изображенія эти прикрѣплеы къ проволокѣ, которая можетъ свободно двигаться между азрѣзами пола. Опытная рука, управляя этою проволокою (неамѣтно, конечно, для зрителей) можетъ заставлять нѣмыя куы дѣлать разнаго рода представленія. Здѣсь почтенные зрители

могутъ увидѣть и кровожадную смерть, нещадно посѣкающую свои жертвы тупою косою, и занимательную борьбу Цыгана съ медвѣдемъ, и своеобразный плясъ Иродіяды, и многое другое. Деревенскій людъ считаетъ подобныя зрѣлища верхомъ удовольствія и наслажденія. Мастера съ этими штуками ходятъ обыкновенно по вечерамъ къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ, показываютъ имъ свое искуство, и получаютъ койкакое вознагражденіе.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Послѣ Богоявленія праздникъ Срѣтенія Господня (2-го Февраля), «Громницы,» имѣетъ у селянъ своеобразное значеніе. Къ этому дню во многихъ мѣстахъ приготовляютъ восковыя свѣчи, которыя въ самый праздникъ за обѣдней освящаютъ. У кого есть свои пчелы, тотъ приготовляетъ свѣчи и для знакомыхъ. Свѣчи называются «громничными.» Думаютъ, что эти свѣчи громятъ силу бѣсовскую, хотя бы то въ лицѣ вѣдьмъ и чаровниковъ. Потому, когда начинается гроза, селяне зажигаютъ, какъ мы говорили, «громницу,» курятъ «освященное зелье.» По выходѣ изъ церкви, дома хозяинъ крестообразно поджигаетъ «громницей» волосы на головѣ у всѣхъ членовъ своей семьи. Въ этомъ видятъ предохранительное средство противъ головной боли. Зажженной «громницей» хозяинъ выжигаетъ у себя въ домѣ кресты на потолкѣ, на косякахъ. «Громницу» даютъ въ руки умирающему и вѣшаютъ въ скотныхъ хлѣвахъ, какъ предохранительное средство противъ вѣдьмъ (Гродн. и Виленск ГГ.). На Срѣтеніе гадаютъ и объ урожаѣ. «Если, говорятъ, на громницѣ пѣвень напьется водицы, то на Юрья волъ наѣстся травицы,» т. е., если на «громницы» таетъ снѣгъ, такъ что можетъ напиться пѣтухъ, то на Георгія будетъ уже для воловъ трава (Нарва, Гродн. Губ. Бѣльск. У). На Срѣтеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стараются поѣсть въ день семь разъ, чтобы заручиться отъ имѣющаго наступить семидѣльнаго, пасхальнаго, поста. Со Срѣтенія подумываютъ уже о веснѣ, говорятъ, что «до громницъ не сбрасывай съ рукъ рукавицъ, а какъ прошли громницы, то уже не нужны рукавицы.» Иногда, правда, приходится убѣдиться въ вѣрности и другой поговорки, что «громницы—зимы половицы;» во всякомъ случаѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ уходившіе было изъ дому на заработки, къ Срѣтенію спѣшатъ воротиться домой, и хозяева начинаютъ строго осматривать, починять снаряды, нужные для весеннихъ занятій

Ольшаны, Вил. Губ. Ошмянск. У.) По временамъ начинаютъ слышать и веселыя пѣсни:

Веселицеся, подружки:
Къ намъ весна скоро придзець,
Весна придзе, слонце узыдзе,
Сгонюць снѣги весь морозъ,
Разцвѣтуць у полѣ цвѣточки,
Усѣ ракитовы кусточки;
Между гетыми кусточками
Быстра рѣчка процѣкла;
Я на гету быстру рѣчку
Гуляць зъ милымъ выхожу,
И печаль, горе свое, выношу:
Горе на водзѣ не тоне,
И вавной горе не бьець,
И огнемъ горе не жгець;
Прибивало это горе
Къ крутому бережку
И ко жовтому песку.

(Опытъ Собр. пѣсенъ и сказокъ, Дмитріева, 46.)

Не такую пѣсню пѣлъ селянинъ съ пръближеніемъ зимы:

Прошло лѣто, прошла осень,
Прошла цѣлая весна,
Наступае злое время—
Намъ холодная зима.
Усѣ рѣчки заплеснѣли,
Ручеечки не цекуць,
Къ полѣ травушка завяла,
И цвѣточки не цвѣтуць!

(Тамъ же, 45.)

Неудивительно, что, по выраженію селянъ, они «ожидаютъ весны, какъ самаго Бога.» Уже со дня Варвары, которая «кусокъ ночи уворовала» (намекъ на увеличеніе дня), тайныя помышленія ихъ и желанія обращены къ веснѣ. А «Новый Рокъ, баранній скокъ,» еще болѣе усиливаетъ эти сердечныя желанія.

(Ганута, Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ указанныхъ нами повѣрьяхъ, обычаяхъ, поговоркахъ Западнорусса мы видѣли уже отчасти сходство ихъ съ Великорусскими и вообще со Славянскими. И въ Великороссіи на «Авдотьину весновку» (1-е Марта) встрѣчаютъ весну и поютъ: «Весна красна, что ты намъ принесла? Красное лѣтечко.» Западнорусская поговорка: «Марецъ кусае за палець,» существуетъ и въ Великороссіи въ такомъ видѣ: «И Мартъ на носъ садится.» Поразительное сходство въ повѣрьяхъ и поговоркахъ Западной и Восточной половинъ Россіи находимъ также относительно 40 Мучениковъ (9-го Марта), Благовѣщенія, Мученицы Матроны Солунскія (27-го Марта), 1-го Апрѣля, Мученика Георгія, 8-го и 9-го Мая, Ап. Петра и Павла, Св. Пророка Иліи, значенія мѣсяца Іюля. О Преображеніи и въ Великороссіи говорятъ также, какъ и въ Западной Россіи: «Яблочный Спасъ. Второй Спасъ всему часъ.» Встрѣча осени, «осенины» (освящаютъ плоды и медъ, ѣдятъ яблоки, а до него только огурцы). Объ Успеніи говорятъ: «С Успенья солнце засыпаетъ: Госпожинки—дожинки.» Рождество Пресвятой Богородицы называютъ «Малая Пречистая.» Мѣсяцъ Октябрь считается, между прочимъ, временемъ открытія посидѣлокъ, вечерницъ, навѣвающихъ думы о женихахъ, или невѣстахъ, и временемъ работъ около льна. О Рождествѣ говорятъ: «Святки.» На Святки Христа славятъ съ вертепами, со звѣздой, гадаютъ, колядуютъ. Небо звѣздисто—къ гороху; мятель—пчелы роиться будутъ; иней—къ урожаю хлѣба; путь хорошъ—къ урожаю гречи. На Рождество не надѣвай чистой рубахи, а то жди неурожая гречи! Канунъ Новаго Года извѣстенъ подъ именемъ «Меланки,» «Щедраго, Васильева вечера.» Васильева ночь звѣздится—лѣто ягодисто. Гаданія. 1-е Генваря также называютъ Васильевымъ вечеромъ; на Васильевъ вечеръ день прибавляется на «куриный шагъ,» а по здѣшнему на «бараній скокъ.» Богоявленіе извѣстно своими крещенскими морозами: «Трещи, трещи, пока не пришли водохрещи!» На «Встрѣтенье,« по Великорусскому, «зима съ лѣтомъ встрѣтились.» Въ Средокрестную переломъ поста (Великаго): «щука хвостомъ ледъ розбиваетъ.» Въ среду Средокрестной кресты пекутъ. Вербная: «Верба хлесть, бьетъ до слезъ: не я бью, верба бьетъ; верба красна, бьетъ напрасно; верба бѣла, бьетъ за дѣло.» Св. Лазарь за вербой лазилъ (Ср. «Календарь примѣтъ, обычаевъ и повѣрьевъ на Руси,» Щурова).

Въ свою очередь «Колядыı», нѣкоторыми своими обыкновеніями, напоминаютъ общеславянскій, древній праздникъ въ честь

инца, который тоже праздновался въ концѣ Декабря, когда
инце поворачиваетъ на лѣто, дни увеличиваются, а ночи умень-
ются. Этотъ праздникъ тоже назывался «коляды»; хожденіе
авить Божество и собираніе подаяній—существенные обряды
аздника. Еще сильнѣе отзывается своимъ древнимъ происхож-
ніемъ праздникъ «Купалы.» И въ древности зажигали въ этотъ
нь костры, вѣрили въ цѣлительную силу огня, воды и травъ,
чему прыгали черезъ огонь, купались, собирали травы, истреб-
ли чучелу «мару»—холодъ, смерть; остатокъ послѣдняго суевѣрія
остался ли въ особенно соблюдаемомъ до послѣдняго време-
преслѣдованіи въ этотъ день вѣдьмъ и чародѣевъ? Такъ на-
ываемые Западнорусскіе «Дѣды» имѣютъ въ своемъ основаніи
адуницу,» праздникъ умершихъ, когда поминали ихъ живые, а
нѣкоторыхъ мѣстахъ устрояли на ихъ могилахъ пирушки, со-
ршали игрища съ переряживаніемъ. Христіянство, конечно, все
о осмыслило, одухотворило, указало истинную цѣль. Торже-
венно совершаемый праздникъ «дожинокъ» также имѣетъ въ
оемъ основаніи сѣдовласую древность. Окончаніе жатвы нѣкото-
ля Славянскія племена праздновали въ древности такъ. Народъ
овсюду собирался вокругъ капища Святовида, какъ виновни-
урожая. Жрецъ изъ рукъ божества бралъ рогъ, за годъ на-
лненный виномъ, предсказывалъ по нему изобиліе, или недо-
атокъ, въ будущій годъ. Потомъ, давая народу приличное на-
авленіе, возвѣщалъ ему, щедрой ли рукой онъ долженъ упо-
еблять собранную жатву, или бережливо, въ ожиданіи недостат-
. Подъ конецъ онъ клалъ обратно рогъ, наполненный свѣ-
имъ виномъ, въ руки божества, скрывался за огромнымъ кола-
мъ, или хлѣбомъ который былъ испеченъ на меду и который,
словамъ Саксона Грамматика, приносили въ жертву божеству
го нынѣ вѣнокъ изъ колосьевъ); закрываясь этимъ хлѣбомъ,
къ щитомъ, жрецъ спрашивалъ у народа, видно ли его за ко-
ломъ? Когда ему отвѣчали, что видно, онъ обращался къ алта-
и и просилъ Бога даровать въ будущемъ году столь обильную
тву, чтобы набожный народъ могъ принести ему въ жертву
раздо большій калачъ. Послѣдній обычай до сихъ поръ сохра-
ется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западной Россіи у селянъ, у
нихъ на «дожинкахъ,» у другихъ на «богатый или щедрый
иеръ.» Уставивши столъ многочисленными явствами, хозяинъ ста-
вится за ними, какъ бы прячется, и спрашиваетъ своихъ дѣтей:
ѣтки! Чи бачите мене?—«Не бачимо», бываетъ отвѣтъ. «Дай,

Боже, щобъ и на пришлый рокъ вы не зобачили нене» Хозяинъ выражаетъ этимъ желаніе и на слѣдующій годъ богатства и изобилія во всемъ.

НАРОДНОЕ ВРЕМЕСЧИСЛЕНІЕ.

Какъ узнаетъ народъ, когда нужно праздновать ему тотъ или другой, праздникъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ выполнить тотъ, или другой, звычай, необходимый, по его мнѣнію, для успѣха въ хозяйствѣ? Какъ, на пр., узнаетъ хозяинъ, когда кончается одинъ годъ жизни членовъ его семьи, начинается другой? Какъ вообще селяне, не зная календаря, ведутъ порядокъ времесчисленія? «Какъ ты расчитаешь,» спрашивалъ одинъ Священникъ селянина, «въ какой именно день приходится, на пр., праздникъ Параскевіи (28-го Октября)?» —«А вотъ какъ» былъ отвѣтъ: отъ Покрова (1-го Октября) первая Параска (14-го Октября) черезъ двѣ недѣли, не допуцая дня. Коли Покровъ придется въ недѣлю, то первая Параска, черезъ двѣ недѣли, не допуцая дня, въ субботу; а отъ этой Параски до другой тоже двѣ недѣли, и тоже въ субботу.» Вотъ какой своеобразный способъ употребляетъ Западноруссъ при времесчисленіи. Главными указателями, какъ бы какими ни будь поверстными столбами или вѣхами служатъ тутъ большіе праздники; разстояніе между ними селянинъ измѣряетъ уже недѣлями, съ прибавкою одного, двухъ и т. д., дней, или точно также не допуцая одного, двухъ и т. д., дней. Равнымъ образомъ разнаго рода счастливыя, или несчастныя, обстоятельства въ семьѣ, въ хозяйствѣ, въ самой окружающей внѣшней природѣ, селяне сохраняютъ въ памяти, твердо запоминая круглый, или неполный, счетъ недѣль отъ случившагося событія до ближайшаго, извѣстнаго имъ праздника. Все, стало быть, сосредоточивается у нихъ около большихъ праздниковъ. Откуда же, въ свою очередь, извѣстны имъ эти послѣдніе? На подобный вопросъ селяне отвѣчаютъ такъ: «Гето уже спредъ часовъ карта карцѣ (поколѣніе поколѣнію) заказывая.» И тутъ, значитъ, преданіе играетъ главную роль: дѣло ведется такъ, какъ было «при отцахъ и дѣдахъ, зъ давнихъ давенъ.» (О народномъ времесчисленіи см. Вилен. Вѣст. 1869 г. №№ 6, 7, 12, 19, 34, 39.)

Мы кратко проведемъ черезъ весь годъ народный способъ времесчисленія. Народъ ведетъ особый счетъ тѣмъ праздникамъ,

рые «одного тыдня пильнуюць» (непереходящіе праздники), ъмъ, которые «змѣняются.» Основаніемъ для первыхъ слу- ъ праздникъ Пасхи. Селяне не могутъ, конечно, въ точности едѣлить дня Пасхи, но въ своихъ гаданіяхъ о немъ принима- въ соображеніе слѣдующія обстоятельства. Они знаютъ, Пасха всегда празднуется «послѣ полни, ветошемъ;» а овѣны предъ Великимъ Постомъ бываютъ «маладзикомъ.» Отъ выводятъ заключеніе о величинѣ мясоѣда и о срокѣ Пасхи: и молодикъ приходится объ Рождествѣ, до заговѣнъ, значитъ, емь недѣль; а если въ Новый Годъ, то недѣлей больше (Въ оѣдъ они включаютъ и сырную недѣлю). Продолжитель- ть мясоѣда опредѣляется еще приблизительно по мясоѣдамъ шлаго года. Если, на пр., въ прошломъ году числилось мя- ѣда шесть недѣль, то въ настоящемъ году, по мнѣнію селяко на, его должно быть девять недѣль, а въ слѣдующемъ толь- ь (очень рѣдко ошибаются); опять они знаютъ, что мясо- а менѣе четырехъ недѣль никогда не бываетъ. Зная величи- мясоѣда и заговѣны, легко уже опредѣляютъ время Пасхи.

Въ половинѣ Великаго Поста, въ среду, празднуютъ «Кре- цы,» а за недѣлю до Пасхи, «Вербичъ,» «Вербницу.» На шестой дѣлѣ, въ четверкъ, празднуютъ «Вшествіе.» Семь недѣль спустя слѣ Пасхи бываетъ «Семуха,» Пятидесятница. Четверкъ девятой дѣли извѣстенъ подъ именемъ «Девятника» (возсоединеніе Унія- ъ съ Православною Церковью). Пятницу десятой недѣли на- ваютъ «Десятухой.» Кромѣ этой пятницы, въ нѣкоторыхъ мѣ- ахъ, празднуютъ еще слѣдующія: первую пятницу послѣ Рожде- ва Христова, пятницу на Масляницѣ, на Свѣтлой Недѣлѣ, пя- ю послѣ Пасхи, такъ называемую «градобойную» или «ледо- тый день:» среду и пятницу послѣ Пятидесятницы и указан- ую «Десятуху.»

При опредѣленіи подвижныхъ праздниковъ селяне обра- аютъ вниманіе на то, «какого они тыдня пильнуюць по ко- ядахъ,» т. е., послѣ Рождественскихъ праздниковъ. Опять, чтобы нать, въ какой день прилучится данный праздникъ, селяне рипоминаютъ, въ какой день приходился тотъ же праздникъ въ рошломъ году: въ нынѣшнемъ году онъ будетъ днемъ позже. ысокосный годъ, «переступный» или «прибытковый,» нарушаетъ, какъ извѣстно, такой порядокъ. Селяне знаютъ это, и «прибыт- овый» годъ опредѣляютъ по «Сорокамъ» (40 Мучениковъ). Это

первый праздникъ послѣ 29-го Февраля; если «Сороки» пришлись въ день не по счету, годъ настоящій, значитъ, высокосный, «переступной,» и всѣ уже послѣдующіе праздники будутъ приходиться днемъ позже.

Запримѣчено, что въ одинаковый день съ праздникомъ Р. Хр. совпадаютъ: Новый Годъ, день мученицы Агаѳіи и, если годъ «непереступной,» то Юрій весенній, Юрій осенній, Спасъ и Покровъ считается такъ: отъ Рождества до Благовѣщенія двѣнадцать недѣль, до Юрія весенняго шестьнадцать, до Николы весенняго двадцать, до Ивана Крестителя двадцать шесть недѣль. До полнаго года остается столько же, но счетъ остающимся недѣлямъ ведется уже до слѣдующаго Рождества.

Послѣ Новаго Года, «черезъ недѣлю не допущая два дня», бываетъ Богоявленіе, «Водохрещи.» «На шестой недѣлѣ отъ «колядъ» празднуютъ Срѣтеніе, «громницы.» «За три дня» до Срѣтенія почитается селянами «присвятокъ,» подъ именемъ «Василія да Григорія,» а три дня послѣ Срѣтенія, «присвятокъ Агаѳіи.» Три недѣли послѣ Срѣтенія «пчеловоды» празднуютъ 1-е и 2-е «Обрѣтеніе главы Іоанна Крестителя. На одиннадцатой недѣлѣ отъ колядъ считаютъ «Сороки,» на двѣнадцатой «Алексѣя,» на тринадцатой «Благовѣщеніе.» Если «Сороки» прилучились, положимъ, въ четвергъ, то «Алексѣй» будетъ въ пятницу, а Благовѣщеніе въ субботу. Спустя двадцать недѣль отъ колядъ празднуютъ «Николинъ день,» а на канунѣ его чествуется «Николинъ бацько.» Ровно за недѣлю до Николина дня нѣкоторыми мѣстностями празднуется, «Борисъ и Глѣбъ.» Послѣ Ивана Купалы (на двадцать шестой недѣлѣ), на двадцать седьмой считаютъ «Петра и Павла.» Въ три дня послѣ Петра бываетъ «Петрова матка,» т. е., возложеніе ризы Пресвятой Богородицы. На тридцатой недѣлѣ, въ день одинаковый съ Петромъ и Павломъ, приходится «Илія.» На четвертый день послѣ Иліи, а недѣлю до заговѣнъ «Спасовки» празднуютъ Бориса и Глѣба: на слѣдующій день «Анну:» въ какой день прилучится Анна, въ такой «Успеніе» черезъ три недѣли, а «Усѣкновеніе» черезъ пять недѣль. Отъ «Спаса» считаютъ уже сколько недѣль осталось до слѣдующаго Рождества. Отъ «Госпожи» (15-го Августа) до «Госпожки» (8-го Сентября) считаютъ три съ половиною недѣли: столько же и отъ «Госпожки» до «Покрова;» отъ Покрова двѣнадцать недѣль до Рождественскихъ праздниковъ.» На слѣдующій день послѣ «Усѣкновенія»

Головосѣка,» селяне празднуютъ день тезоименитства Государя Императора. Ровно черезъ четыре недѣли отъ «Головосѣка» чествуютъ «Чудо Архистратига Михаила;» недѣлю спустя празднуютъ «Здвиженіе.» Ровно черезъ три недѣли послѣ Покрова бываетъ «Казанская Пречистая,» а черезъ четыре дня «Дмитеръ.» Недѣлю спустя послѣ «Дмитра,» «не допущая дня,» бываетъ «Кузьма и Дамьянъ, а ровно черезъ недѣлю послѣ Кузьмы и Дамьяна «Михайловъ день;» опять черезъ двѣ недѣли, «не допущая дня,» празднуютъ «Введеніе,» а еще черезъ пять дней «Юрія осенняго.» Спустя 10 дней послѣ Юрія чествуютъ «Варвару,» а на подовинѣ—«Андрея.» Черезъ день послѣ Варвары бываетъ глубоко уважаемый селянами праздникъ «Николы зимняго,» а еще черезъ два дня «Зимняя Анна.» Отъ послѣдняго праздника до Рождества остается всего двѣ недѣли и два дня.

Мы указали главнѣйшія точки, около которыхъ Западноруссы собираютъ всѣ обстоятельства изъ своей жизни, распредѣляютъ свои занятія. Не во всѣхъ мѣстностяхъ Западной Россіи имѣютъ одинаковую важность тѣ, или другіе, праздники. Есть, конечно, свои обязанности у нарѣчныхъ жителей, рыболововъ, пчеловодовъ, «пущевыхъ,», чисто земледѣльцевъ; но у всѣхъ ихъ одинъ способъ времесчисленія по недѣлямъ, отъ извѣстнаго, или до извѣстнаго имъ, праздничнаго дня, который, въ свою очередь, съ предъ часовъ карта карцѣ передаетъ.»

Подобно всѣмъ людямъ, и Западноруссы употребляютъ на своей жизни не одну и ту же пищу. Первое и самое видное въ томъ отношеніи мѣсто занимаетъ хлѣбъ-соль. «Безъ соли, безъ хлѣба, худая бесѣда,» говоритъ пословица. Для всѣхъ, и для дѣтей, и для взрослыхъ, хлѣбъ составляетъ главную поддержку. «Хлѣбъ—кудрявъ: кто пришелъ, то вдрявъ,» говорятъ Западноруссы (Цырынъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). «Хлѣбъ въ домѣ, — хозяинъ, на работѣ—другъ, а въ дорогѣ—товарищъ.» Въ настоящее время исключительно почти хлѣбъ пекутъ чистый, безъ всякой примѣси, а въ недавнее время къ ржаной мукѣ примѣшивали мякину, картофельную, гороховую муку, даже кору древесную, или мохъ. Хлѣбъ большею частью пекутъ разъ въ недѣлю. Когда хлѣбъ садятъ въ печь, то не позволяютъ никому ни входить въ комнату, ни выходить; не исполнившій этого условія

будетъ, говорятъ, плѣшивый. Мы говорили уже о томъ уваже
какимъ вообще пользуется хлѣбъ у Западноруссовъ.

(Тамъ же.)

Къ хлѣбу требуется «приварокъ;» послѣдній составлял
горохъ, бобы, чечевица, разнаго рода крупа, капуста, свекла, с
ло, масло, мясо, молоко, грибы, ягоды. Приварокъ разно
разится, смотря по временамъ года, или же большей, или ме
шей, важности наличныхъ дней. Весною, какъ только покажет
зелень, селяне начинаютъ готовить «холодникъ.» варятъ щавел
потомъ охлаждаютъ его, прибавляютъ туда молодой зеленый лу
скрошивши его; примѣшиваютъ еще нѣсколько молока, квас
сметаны, и холодникъ готовъ. Или же: берутъ хлѣбной квас
крошатъ туда лукъ, сваренныя яйца, прибавляютъ сметаны,
блюдо готово. Когда созрѣютъ огурцы, ихъ тоже крошатъ т
а пока нѣтъ огурцовъ, то, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для вкуса
запаха, кладутъ опавшій огуречный цвѣтъ, или же огуречну
траву.

(Вишнево, Виленск. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

Великая подмога для селянъ и наслажденіе, когда начну
созрѣвать у нихъ капуста, свекла, картофель. Капусту употре
ляютъ въ сыромъ видѣ, варятъ, квасятъ. Въ сыромъ видѣ у
требляютъ ее преимущественно въ постные дни, и непремѣ
уже съ льнянымъ масломъ, или же съ растертымъ въ муку ли
нымъ сѣменемъ; послѣднее въ такомъ видѣ извѣстно подъ и
немъ «макухи.» Варятъ капусту, большею частію, съ небольши
кускомъ сала; сваренный, онъ растирается въ горшкѣ же, и
ща въ такомъ видѣ подается на столъ. Квасятъ капусту на зи
и употребляютъ ее до тѣхъ поръ, пока станетъ (Дорогичинъ, Гр
Губ. Кобр. Уѣзда). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще жарятъ въ гор
кахъ сырую, свѣжую капусту, и потомъ употребляютъ въ пи
Это, какъ мы слышали, считается даже своего рода лакомств
(Озяты, Гродн. Губ. Кобрин. Уѣзда). Картофель употребляютъ сел
съ той поры, какъ начнетъ созрѣвать онъ, до того времени,
ка станетъ. Варятъ картофель, что называется тутъ, въ «мун
рахъ». и потомъ каждый очищаетъ его для себя уже при ку
ньи. Изъ картофеля готовятъ супъ, тоже какъ и капусту, съ
ломъ (рѣдко съ говядиной); варятъ картофельную кашу съ

ъ, съ масломъ, или молокомъ, или же очищаютъ картофель, ошатъ его, жарятъ и ѣдятъ либо съ масломъ, либо съ саломъ, и же со сметаной. Свекла и квасъ являются въ сельскомъ бы- на смѣну капустѣ, или картофелю и, подобно имъ, имѣютъ омадную важность.

(Вишнево, Вилен. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

Постомъ, и даже въ обыкновенное время, селяне ѣдятъ овся- й кисель. Извѣстное количество овсяной муки наливаютъ на чь теплой водой. На другой день пропускаютъ его черезъ си- и варятъ до тѣхъ поръ, пока эта смѣсь не придетъ въ полу- стое состояніе. Кисель, значитъ, готовъ; его ѣдятъ или съ по- ымъ масломъ, или же разливаютъ въ миски, охлаждаютъ, и ятъ съ сытой, съ молокомъ.

Въ постъ употребляютъ еще «милту» или толокно и «солох у.» Овесъ заливаютъ водой, парятъ горячими камнями, сцѣжива- ь потомъ въ решето, сушатъ въ печи, толкутъ въ ступѣ, под- аютъ и везутъ на мельницу смолоть въ муку. Въ случаѣ на- бности, въ горшокъ насыпаютъ извѣстное количество этой му- разбавляютъ ее холодною водою, примѣнительно къ личному су, гуще, или рѣже, прибавляютъ немного соли и употребля- ь въ пищу. На сѣнокосахъ, въ жаркое время, толокно состав- тъ очень полезную пищу, питательную и, съ тѣмъ вмѣстѣ, уто- щую жажду.

(Залѣсье, Ошмян. Уѣзда Вилен. Губ. Ср. Вил. Вѣстн. 1860 г. № 7.)

«Солодуха» приготовляется изъ ржаной муки. Муку заливаютъ горшкѣ холодною водою и ставятъ на ночь въ теплую печь. другой день, смотря по надобности, прибавляютъ къ этой вси горячей воды, переливаютъ ее въ другой деревянный со- удъ и оставляютъ до тѣхъ поръ, пока не вскиснетъ. Этимъ оканчивается все приготовленія солодухи. Когда она вски- тъ, ее ставятъ въ холодное мѣсто, и потомъ, по мѣрѣ надоб- сти, употребляютъ или съ хлѣбомъ, или съ картофелемъ. За инъ разъ обыкновенно приготовляютъ солодуху на нѣсколь- дней (Тамъ же). Въ Гродненской Губерніи (Дорогичинъ, Кобр. зда) есть въ этомъ отношеніи нѣкоторыя особенности. Пред- нительно приготовляютъ еще самый солодъ. Берутъ извѣстное

количество ржи, и заливаютъ ее водою. Поставивши ее в тепломъ мѣстѣ, держатъ нѣсколько дней, пока на зернахъ не явятся ростки. Тогда выливаютъ воду, а самую рожь высушиваютъ; лучше всего, если это можно сдѣлать на солнцѣ. Высушенная рожь перемалывается потомъ въ муку. Дальнѣйшее приготовленіе солодухи указано выше. Селяне думаютъ, что не каждая хозяйка можетъ приготовить хорошую солодуху, а только та, у которой длинныя пяты.

(Тамъ же.)

Для приданія пищѣ вкусу селяне, большею частію, употребляютъ грибы. Мяса въ деревнѣ вообще кому бы то ни было достать трудно, а селянину и подавно; развѣ осенью, зимой, когда въ хозяйствѣ оказывается лишнимъ какой ни будь баранъ, селянинъ его рѣжетъ и устрояетъ пирушку. Впрочемъ, у селянина бываетъ запасъ вяленой свиной говядины въ различныхъ видахъ: ею онъ и пробавляется. За то грибы очень часто являются въ его «стравахъ,» какъ необходимая принадлежность. Сборъ ихъ достается селянину совершенно даромъ, и, если «лѣто грибовно,» то за нихъ онъ зарабатываетъ еще нѣсколько рублей.

(Тамъ же.)

Ежедневную прѣсную пищу селянина составляетъ «крупникъ,» супъ изъ крупы гречневой, ячменной; его смѣняетъ «затирка,» приготовляемая изъ «приварковой» муки. Послѣдній составляется изъ ячменя, гороху, бобу, ржи, гречихи. По временамъ ѣдятъ и кашу. Каша считается своего рода роскошью. «Нѣтъ слѣ каши,» говорятъ селяне, «никакого приварка нѣтъ.»

(Марково, Вил. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ стряпня селянъ значительно измѣняется: дѣлается гораздо сложнѣе, богаче. Въ воскресенье вы увидите блинцы, яичницу, морковь съ картофелемъ и молокомъ, а, пожалуй, и бутылку водки. Чѣмъ больше значенія для селянъ имѣетъ праздникъ, тѣмъ обильнѣе бываетъ трапеза. Къ Пасхѣ, большею частію, готовятъ жаренаго поросенка, пѣтуха, жаренное изъ телятины, говядины: охотники припасаютъ и дичь. Запасаются, конечно, яичками, колбасами, сыромъ, масломъ, пирогомъ (въ различныхъ видахъ и названіяхъ). На вер-

ую кутью (канунъ Рожд. Хр.) устрояютъ примѣрно слѣдующія юда: селедка, верещака изъ селедки съ лукомъ и поливкою хой), оладьи, крупникъ кислый, овсяный кисель, груца (толче-ый ячмень, кутья) съ сытою. Кутья составляетъ заключительное юдо и въ большіе праздники (Въ Гродн. Губ. Дорогичинъ, Кобр. ѣзда). Еще недѣли за двѣ передъ праздникомъ Рождества Хри-ва селяне стараются приготовить «груцы» на столько, чтобы ало ее на «всѣ коляды,» на двѣ недѣли. Даже бѣдный селя-инъ, хотя одолжитъ ячменя «на отроботокъ» лѣтомъ, а все таки остарается приготовить кутью. Богатый или щедрый вечеръ, къ показываетъ самое названіе, бываетъ еще роскошнѣе; тогда ываетъ мясное. На «Дѣды» опять приготовляютъ кутью, либо ка-у, кулишь, борщъ, юшку, горохъ, студень, морковь, яичницу, ыръ, пироги; подаютъ потомъ молоко, или пиво; конечно, бы-етъ и водка. Вообще нужно замѣтить, что въ праздникъ, или заговѣны, селянинъ позволитъ себѣ коечто лишнее. Относи-льно заговѣнъ существуетъ даже пословица: «На запуски на за куски.» За то онъ ни какъ не рѣшится нарушить постъ; даже льной не позволитъ себѣ оскоромиться. Одинъ солдатъ изъ паднорусcовъ (разсказываетъ одинъ Священникъ) прислалъ род-ымъ деньги изъ Курляндіи, гдѣ находился на постоѣ. Онъ про-лъ ихъ дать на обѣдню, чтобы, по его словамъ, замолить его ѣхъ: «У лютровъ, молъ, онъ принужденъ ѣсть скоромное, а по-овъ у нихъ нѣтъ.»

(Вил. Вѣстн. 1869 г. № 6.)

По праздникамъ у селянъ бываютъ, такъ называемые, «пере-ывы.» Перезывы эти состоятъ въ томъ, что родные идутъ одинъ къ другому на обѣдъ, ужинъ, и проч.; если сегодня, примѣрно, од семья гостила, такъ сказать, у другой, въ слѣдующій разъ рол мѣняются. «Перезывы» продолжаются дня два, три, иногда даж недѣлю, бываютъ и одинъ день. Время для «перезывовъ» избiается лѣтнее.

Цырнинъ, Минск. Губ. Новогор Уѣзда.)

це меньше разнообразія мы встрѣтимъ въ сельской одеж-дѣ. Ломъ и зимою, въ будни и праздникъ, каждый селянинъ носит рубаху и подштанники, которые, смотря по важности дня, бываю то чище и тоньше, то дѣлаются грязнѣе (отъ занятій)

и грубже. Поверхъ рубахи лѣтомъ надѣваютъ куртку. Все это шьется изъ холста домашняго приготовленія. Въ праздникъ, вмѣсто куртки, носятъ жилетъ, завязываютъ платокъ и, когда отправляются въ церковь, или въ гости, то надѣваютъ свитку, серягу изъ сукна. Свитки въ той, или другой, мѣстности, имѣютъ свой особенный цвѣтъ. Если въ Гродненской Губерніи придерживаются болѣе сѣраго цвѣта (сукно для свитокъ тоже дѣлаютъ сами), то въ Минской болѣе употребляютъ сукно чернаго цвѣта. Найбѣднѣйшій селянинъ, разсказывали намъ о Слуцкомъ Уѣздѣ, всѣми мѣрами старается имѣть хотя для праздника свитку чернаго сукна. Все лѣто почти ходятъ босикомъ; въ праздникъ только надѣваютъ сапоги; косятъ, впрочемъ, многіе отправляются и лаптяхъ. На голову надѣваютъ картузъ, а во многихъ мѣстностяхъ соломенные «капелюши,» дѣлаемые самими же селянами. Зимою поверхъ подштанниковъ надѣваютъ суконные штаны, а подъ свитку кожухъ. На головѣ носятъ баранья шапки, или картузы; ноги закутываютъ, если въ лаптяхъ, постолахъ, въ суконныя онучи. Свитку, кромѣ того, что она бываетъ застегнута на крючки, подпоясываютъ еще узкимъ кожанымъ, или разноцвѣтнымъ шерстянымъ доморощеннымъ поясомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пояса (широкіе, яркихъ цвѣтовъ) носятъ мужчины женатые; парни молодые, холостые, подпоясываются только «крайками» (поясъ блѣдныхъ цвѣтовъ, шириною пальца въ два). Къ поясу привязываютъ обыкновенно ножъ, а кто куритъ, то имѣетъ «съ тытюномъ и кресиво.» Черезъ плечо бываетъ перекинута «калитка, или калита,» гдѣ хранится нѣсколько копѣекъ.

Женщины, кромѣ рубахи и юбки, «сподницы,» носятъ еще обыкновенно «хвартухъ» (передникъ). Поверхъ рубахи лѣтомъ нѣкоторыя надѣваютъ холщевую куртку, какъ и мужчины, только покороче; другія, «корсеты» изъ сукна или какой ни будь матеріи, родъ мужской жилетки. На головѣ при работахъ обыкновенно бываетъ платокъ. Это въ будни. Въ праздникъ надѣваютъ «свитку,» «черевики,» шею украшаютъ разнаго рода «пацерками,» серомъ, или коралломъ изъ стекляруса, въ нѣсколько нитокъ; на рукахъ, на пальцахъ бываютъ видны кольца изъ мѣдныя кости, а въ уши продѣваютъ томпаковыя серьги. Голову повязываютъ дѣвушки платкомъ бѣлымъ, или разноцвѣтнымъ, къ нему весною и лѣтомъ пришпиливаютъ большое количество цвѣтовъ; замужнія женщины носятъ «наметку,» чепецъ или «каптур» и

послѣднему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришиваютъ покровы (въ ро-
ѣ клапановъ) на уши, которые обыкновенно бываютъ изъ шелку,
тласу, вообще дорогой матеріи. Этотъ каптуръ внизу подбород-
ка завязывается лентами, прикрѣпленными къ наушникамъ. Лен-
ы составляютъ тоже немалое украшеніе у селянокъ, а при
вадьбѣ ихъ должно быть по возможности больше. Зимою женщи-
ы, какъ и мужчины, закутываются въ тулупы, которые у жен
щинъ бываютъ посверхъ остального платья. Все разнообразіе одеж
ды состоитъ, какъ мы сказали, въ томъ, что въ праздникъ и
вообще въ дни, имѣющіе для селянъ особое значеніе, одѣваются
въ платье почище, потоньше, цвѣтовъ болѣе яркихъ; особенно
соблюдаютъ это дѣвушки.

Что касается дѣтей, то тутъ ужь нужно замѣтить, особенно
проявляется Промыслъ Божій. Лѣтомъ и зимою они ходятъ въ
одномъ и томъ же, чуть не Адамовскомъ, одѣяніи. Зима и лѣто,
осень и весна, для нихъ какъ бы не составляютъ перемѣнъ года.
Мы сами видѣли, что нѣкоторыя изъ нихъ зимою копаются въ
снѣгу точно такъ же, какъ лѣтомъ въ пескѣ. Еле только весною
начинаетъ таять снѣгъ, какъ они съ артистическимъ наслажденіе-
емъ плещутся уже въ лужахъ, образовавшихся отъ таянія снѣ-
га..... И ничто, кажется, не вредитъ имъ; все, напротивъ, какъ
будто полезно имъ, укрѣпляетъ ихъ. Самъ Богъ, конечно, охра-
няетъ ихъ.

Но вотъ заболѣлъ кто ни будь въ семьѣ селянина. Тогда онъ
обращается къ своего рода медицынѣ. Первое мѣсто занимаетъ
тутъ знахарство, разнаго рода примѣты; только въ крайности
ужь селянинъ прибѣгаетъ къ доктору, или фельдшеру, и употре-
бляетъ нужныя лѣкарства, Въ каждой, большею частію, де-
ревнѣ есть извѣстныя своимъ знахарствомъ личности: главнымъ
образомъ ихъ представляютъ какія ни будь старухи, бабы. Обык-
новенныя средства, которыя онѣ употребляютъ при своемъ искус-
ствѣ, состоятъ въ разнообразныхъ символическихъ дѣйствіяхъ,
въ предложеніяхъ больному пользоваться нѣкоторыми таинствен-
ными яко бы травами, хлѣбомъ и т. под. Съ наступленіемъ лѣта,
знахарки обыкновенно стараются запастись возможно большимъ
количествомъ цѣлебныхъ, по ихъ мнѣнію, травъ. Болѣе всего
собираютъ липовый цвѣтъ, который извѣстенъ какъ средство
противъ простуды, кашля. На поляхъ и въ лѣсахъ собираютъ
чаборъ (Saturea hortensis), дзиванну (Царскій скипетръ, (Verbas-

cum Thapsus), пижму (Tanacetum vulgare), лопухъ (Lappa major), Святоянское зелье (звѣробой, Hypericum perforatum), папортникъ, его коренья, можевеловыя ягоды, стропстъ (Onopordon Acanthium). Въ день Іоанна Крестителя, или на Успеніе Божіей Матери, травы эти освящаются въ церкви; священнодѣйствіе сообщаетъ имъ еще большую цѣлебную силу. Селяне думаютъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, если, напр., кто ни будь «урокъ» (сглазилъ) скотину, или человѣка, достаточно совершить только «окуреніе» освященными травами, чтобы отъ «урока» не испытать никакихъ вредныхъ послѣдствій, или же благополучно миновать ихъ.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Противъ желудочной боли употребляютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, воробьевы глазки (Brizamedia), сердечникъ (Leonurus cardiaco, S. Erytraea centaurium), прострѣлъ (Pulsatilla vulgaris). Парятъ зелье и настой даютъ пить больному, употребляютъ цытваръ (противу глистовъ), соль и золу, смѣшанную съ водою, или золу съ водкою; очень часто приставляютъ къ желудку стаканъ (родъ банки) (Цырынъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Въ другихъ мѣстахъ (Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда) призываютъ бабу заговорить больнаго. Знахарка беретъ кусокъ хлѣба, разламываетъ его на пять частей и довольно продолжительно выкатываетъ ихъ по больному желудку. Потомъ произноситъ слѣдующій заговоръ: «№ перепалахъ на мядвѣди, на лисы, на барсуки, на лятучія мышата, на жищирину, на чортопохилину, съ ёго іонъ ёму подпадая, няхай іонъ тамъ марне прападая, ци іонъ зо сну, ци іонъ зъ ночи, ци зъ вѣтру, ци іонъ зъ свиней, ци зъ сабакъ, ци зъ гусей, ци зъ курей, ци іонъ батьковъ, ци іонъ мацеринъ, няхай іонъ тамъ прападая, гдзѣ косы не косяць, гдзѣ людзи ня ходзяць няхай іонъ тамъ прападае, а майму № здарово дая.» Заговоръ повторяется три раза. Больного потомъ заставляютъ три раза плевать на хлѣбъ, катанный по его желудку, и самый хлѣбъ отдаютъ собакѣ. Болѣзнь очень часто не уступаетъ этой ворожбѣ; тогда говорятъ, что она «затянулась.» Въ Сокольскомъ Уѣздѣ (Гродн. Г.) противъ глистовъ употребляютъ лукъ: выжимаютъ изъ него сокъ, мѣшаютъ съ конопляным масломъ, и эту смѣсь (въ одинаковой мѣрѣ) употребляютъ по столовой ложкѣ на тощахъ. При слабости желудка тоже употребляютъ сокъ изъ луку, но смѣшанный съ сахаромъ до густоты сыропа.

(Тамъ же.)

Если явится чирей на поверхности тѣла, то прикладываютъ го или «полевымъ грибомъ,» или листьями «шелеговъ» (Althea) бабки» (придорожникъ, Plantago major), намазанными сме-ною, или свинымъ саломъ; если чирей находится внутри еловѣка, то парятъ и даютъ пить ему «расходникъ» (Gle-homa); чтобы вызвать ту болѣзнь наружу (Цырынъ, Минск. уб. Новогор. Уѣзда). Для ускоренія нарывовъ и смягченія ихъ упо-ребляютъ лукъ, сваренный въ молокѣ, или водѣ; или же печеный укъ съ хлѣбнымъ мякишемъ и солью (Соловка, Гродн. Губ.). Если олитъ голова отъ угара, къ ней прикладываютъ снѣгъ; въ дру-ихъ случаяхъ, когда селяне не могутъ отгадать причины боли оловы, послѣднюю обкладываютъ бѣлыми тряпками, намочены-и въ соленой водѣ. Если случится сдѣлать себѣ ножомъ, или опоромъ, рану, то ее засыпаютъ «вересковымъ порошкомъ» (Ly-opodium?). Если въ ранѣ замѣтно гніеніе, то употребляютъ для асыпки «волчью табаку» (Scleroderma cervinus?). Если женщина о время жатвы повредитъ себѣ серпомъ руку, то тутъ же она ереть зелье ранникъ, крававникъ,» растираетъ его и приклады-аетъ къ ранѣ. Во время болѣзни глазъ, поютъ ихъ водою, взя-ою изъ трехъ ключей (Цырынъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Если то ни будь боленъ лихорадкою, прежде всего его стараются испу-тать: во время сна его окатываютъ холодной водой, заставляютъ ти цѣловать мертвеца, посылаютъ ночевать на кладбище, или ъ лѣсъ подъ осину; больному даютъ пить сокъ, выжатый изъ ласильковъ, вмѣсто холодной воды теплую, нагрѣтую съ окорка-и хлѣба; даютъ еще пить настой изъ нѣкоторыхъ веществъ, даже самыя жидкія вещества (конечно, помимо вѣдома боль-аго), такія, о которыхъ неудобно говорить въ печати. Иногда считаютъ полезнымъ дать больному черезъ мѣру наѣсться, или апиться того, чего особенно ему хочется. Считаютъ такъ же орошимъ средствомъ хлѣбъ, освященный въ Ѳомино Воскре-енье (Озяты, Кобр. Уѣзда Гродн. Губ). Въ Вилейскомъ Уѣздѣ (Вил. Губ.) употребляютъ слѣдующее средство: завидѣвши въ первый разъ съ наступленіемъ весны аиста, дикаго гуся, жеребенка, говорятъ: «На такое лѣто, на буйное жито, а намъ на доброе здоровье!» Въ это время завязываютъ узелъ на поясѣ и сохраняютъ его, какъ противъ лихорадочное средство. Если бы съ такимъ чело-вѣкомъ приключилась лихорадка, то достаточно развязать упо-янутый узелъ, чтобы избавиться отъ непрошеной «тетки.» Но почти всегда бываетъ, что лихорадка не уступаетъ предъ разва-

зываніемъ узла. Тогда говорятъ, что завязавшій его несчастнѣйшій изъ смертныхъ. Противъ «коликъ» употребляютъ отваръ изъ льнянаго сѣмени, смѣшавъ его съ мукою. Прибѣгаютъ и къ такому средству: призываютъ старуху, которая расплавляетъ на сковородѣ свинецъ, или воскъ, и потомъ надъ болящимъ льетъ расплавленное въ холодную воду. Получаются разнаго рода фигуры: по виду и формѣ этихъ фигуръ знахарка объясняетъ причину и послѣдствія болѣзни. Или же: беретъ ножъ, его концомъ придавливаетъ нѣсколько разъ больное у человѣка мѣсто, и за всякимъ разомъ вбиваетъ его въ стѣну. Бываетъ и такъ: знахарка забирается на печь, съ разными приговорами бросаетъ оттуда на землю ножъ: считаютъ хорошимъ признакомъ, если ножъ вобьется остріемъ въ землю; въ противномъ случаѣ для больнаго плохія надежды. Если является между пальцами ростъ, «мизиперстница», то для истребленія его прикладываютъ свиное сало, толченое съ корнями растенія, извѣстнаго у селянъ подъ названіемъ пальцевъ «мизиперстницы» (Orchis masada). Если послѣ тяжелыхъ работъ сильно заболятъ ноги, или руки, къ нимъ прикладываютъ пареный овесъ, или сѣно, взятое изъ яслей. Въ болѣзняхъ горла, если онѣ происходятъ отъ чирея внутри, прежде всего, самое горло стараются держать въ теплѣ, дѣлаютъ изъ разнаго зелья припарки и въ бѣлыхъ тряпкахъ прикладываютъ къ шеѣ. Если горло болитъ отъ того, что въ немъ «онаѣ язычекъ», послѣдній поднимаютъ ложкою, или пальцемъ руки, предварительно обмазавши ихъ медомъ; потомъ даютъ кушать чеснокъ, жареный съ масломъ. Въ болѣзняхъ груди отъ сильнаго кашля даютъ пить «пареное сочиво или люкрецію» (Цыринъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Противъ сильнаго кашля употребляютъ слѣдующее средство: берутъ головки двѣ чесноку, очищаютъ ихъ, толкутъ, прибавляютъ туда свинного сала столько, чтобы оно могло быть проникнуто чеснокомъ; изъ всего этого дѣлаютъ одну смѣсь, прибавляютъ два яйца, размѣшиваютъ такъ, чтобы получился видъ тѣста. Этой мазью, ложась спать, натираютъ до колѣнъ ноги, особенно подошвы. Такое дѣйствіе повторяется три дня сряду, не выходя изъ дому (Соколка, Гродн. Губерніи). Случается иногда, что дѣтя боится своей тѣни. Тогда родители селяне ставятъ его на солнышкѣ, большею частію у порога избы, и ножомъ изъ подъ самыхъ ногъ его берутъ немного земли. Перемѣшавъ ее вмѣстѣ съ освященнымъ зельемъ, окуриваютъ имъ дѣтя.

(Цыринъ, Минск. Губ. Новогородск. Уѣзда.)

Многіе селяне считаютъ главною причиною болѣзней «по-
›оки, уроки.» Чтобы обезопасить себя отъ нихъ, они напередъ
араются выполнить нѣкотораго рода условія, которыя, по мнѣ-
ю селянъ, уничтожаютъ разрушительную силу «повроковъ.»
ѣкоторыя изъ этихъ условій мы уже видѣли. Укажемъ еще
ѣсколько. Увидѣвши новую луну, «молодзика», селяне гово-
ятъ: «Князь маладой, рогъ залатой! табѣ нябо карона, а намъ
›брое здаровье!». (Вилейск. Уѣз. Виленск. Губерніи). При такомъ по-
›оянномъ привѣтѣ новолунія, пожеланія злыхъ людей не бу-
тъ яко бы имѣть силы и дѣйствія. Когда загремитъ въ первый
ізъ послѣ зимы, селяне, особенно женщины, гдѣ бы онѣ ни
іходились, начинаютъ кувыркаться, на твердой ли землѣ, или
› грязи, на навозѣ. цѣлый годъ отъ этого будутъ здоровы
амъ же). Воду, въ которой передъ ночью купали маленькое дѣ-
, не нужно выливать сейчасъ же: это можетъ повредить ре-
нку. Лучше всего ее вылить на слѣдующій день утромъ. Вы-
ытыя дѣтскія пеленки не должно катать въ каткѣ, а перети-
ть въ рукахъ: ребенка не будутъ мучить желудочныя боли,
тры. Нельзя сушить на дворѣ мокрыхъ пеленокъ: въ нихъ мо-
етъ закрасться злой вѣтеръ и повредить дѣтяти. Если мать не-
торожно положитъ дѣтя въ ногахъ поперекъ своей постели,
бенку отъ этого можетъ приключиться рожа, сыпь, или другая
›добная болѣзнь. Когда беременная женщина тянетъ изъ ко-
›дца воду, должна стараться не перелить ея; иначе дѣтя мо-
етъ родиться калекою. Беременная женщина избѣгаетъ ссоры
› сосѣдкою; иначе она сдѣлаетъ знакъ на двери, и дѣтя тогда
›дится съ раздвоенною челюстью.

(Ср. Матер. для Географ. и Статист. Россіи, Коревы, 613, 614, и Бобров-
й, 1824).

Если въ селеніи появляется какая ни будь повальная бо-
ѣзнь, селяне принимаютъ противъ нея свои мѣры. Иногда они
›ибѣгаютъ къ обыденному полотну или «кросцамъ», средство,
›торое употребляютъ они и противъ засухи (Мы указали его выше).
ногда кругомъ деревни дѣлаютъ «опашку.» Опашка совершает-
і обыкновеннымъ образомъ; но дѣло въ томъ, что и самъ па-
рь долженъ быть близнецъ и волы его—тоже близнецы, и все,
одящее въ составъ сохи, и самая соха, должны быть сдѣланы
ізнецомъ; если что ни будь, хотя малѣйшая палочка, относяща-

ася къ сохѣ, будетъ заострена не близнецомъ, все дѣло тогда нужно считать погибшимъ. Если указанныя условія удовлетворены, тогда пахарь-близнецъ, сопровождаемый многочисленнымъ народомъ, въ самую полночь отправляется дѣлать «опашку.» Проведши борозду кругомъ деревни, пахарь, а съ нимъ и всѣ присутствующіе, возвращаются домой (Кобр. Уѣзда Грод. Губерніи). Погребальная пройдетъ. Иногда причиной ея считаютъ кого ни будь изъ умершихъ, или живыхъ: въ первомъ случаѣ, для избавленія отъ бѣды, разрываютъ могилу воображаемаго виновника, отрубаютъ ему голову, кладутъ между ногъ и снова зарываютъ; въ послѣднемъ живого человѣка зарываютъ въ землю.

(Сравн. Бобровскій I, 826.)

Противъ болѣзни скота у селянъ есть тоже свои средства. Если начнутъ заболѣвать свиньи, имъ даютъ сунь, сваренный съ корнями растенія, называемаго «свинымъ зельемъ.» Если замѣчаютъ, что кусаются маленькіе утенята, или гусенята, значитъ, кто ни будь сглазилъ: ихъ берутъ, садятъ на решето и курятъ освященнымъ зельемъ; при этомъ приговариваютъ: «Нехай ему дерзю въ горло!» (Цырынъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Въ Могилевской Губ. въ Чериковскомъ Уѣздѣ, приболѣзни кормленаго борова, призываютъ старуху знахарку. Знахарка идетъ, неся съ собою старый «пральникъ» (его употребляютъ при мытьѣ бѣлья) и старый мѣшокъ: предметамъ этимъ должно быть не меньше десяти лѣтъ: иначе не ждать помощи борову. Въ согрѣтую печь знахарка кладетъ указанныя вещи и прибавляетъ къ нимъ яйцо. Пока эти предметы согрѣваются въ печкѣ, знахарка тоже согрѣвается: ее угощаютъ водкой, яичницей. Закусивши и выпивши порядкомъ, знахарка береть «пральникъ», мѣшокъ и яйцо, отправляется въ хлѣвъ, отираетъ принесенными вещами борова около ушей и горла. Во время своего дѣла знахарка зѣваетъ, показываетъ этимъ, будто болѣзнь отъ борова переходитъ къ ней. Въ заключеніе она говоритъ: «Скачи, здоровъ!» и идетъ въ избу. Тутъ начинаетъ она распространяться о причинѣ и свойствахъ настоящей болѣзни борова, и все дѣло въ концѣ концовъ сводится къ «поврокy» или «уроку.» Въ довѣреной бесѣдѣ знахарка называетъ даже человѣка съ этакимъ несчастнымъ глазомъ. Передъ захожденіемъ солнца знахарка снова идетъ смотрѣть борова, обноситъ его солью, и потомъ самую соль бросаетъ въ огонь. Тутъ она произноситъ фор-

улу своего секрета: «Чтобъ у того человѣка, который смотрѣлъ
борова нехорошими глазами, трещала душа, какъ трещитъ соль
а огнѣ! Соль тебѣ у очи, молнія у зубы, тряскучее полѣно у
олѣно!» знахарка при этомъ дуетъ и плюетъ на огонь. Кругомъ
олжна царствовать тишина; сохрани Богъ, кто ни будь нарушитъ
е: такого знахарка засыплетъ ругательствами, проклятіями. Даже
рикъ ребенка не допускается; иначе знахарка не отвѣчаетъ за
ездѣйственность своей ворожбы. Она за свой трудъ получаетъ
звѣстную плату. Если боровъ не поправляется, знахарка гово-
итъ, что у него «заушница,» болѣзнь неизлѣчимая; остается одно
редство послѣднее—убить борова. Хозяева слушаются: колютъ
орова, и знахарка за медвѣжью услугу снова получаетъ чуть не
виную часть.

Когда волкъ зарѣжетъ козу, то, говорятъ селяне, голову ея
акапываютъ въ землю. Жители той деревни, откуда пропала ко-
а, непремѣнно стараются отыскать ея голову, чтобы на будущее
ремя предохранить свой скотъ отъ волковъ. Но тутъ нужно со-
люсти еще нѣкоторыя обрядности: нашедши искомую голову, къ
огамъ ея привязываютъ поясъ; поясъ этотъ, въ свою очередь,
адѣваетъ кто ни будь изъ селянъ, предварительно вложивши на
его замкнутый замокъ. Въ такомъ видѣ указанный селянинъ
детъ по границѣ земли своей деревни и тащитъ за собою голо-
у. Обошедши границу полей, селянинъ отвязываетъ голову и
росаетъ ее; самъ идетъ домой. Послѣ этого, думаютъ, волки уже
е будутъ таскать скота. Но, каждому понятно, на сколько раз-
мны и основательны подобныя ожиданія.

(Могил. Губ. Чериковск. Уѣзда.)

Чтобы облегчить положеніе отелившейся коровы, въ нѣко-
орыхъ мѣстахъ, ей приготовляютъ «троянку:» беруть по немногу
сякихъ семянъ, какія только есть у хозяина, ссыпаютъ ихъ въ
одинъ горшокъ, отрѣзываютъ немного отъ каждаго изъ угловъ
стола, беруть сажи и все это бросаютъ туда же, гдѣ сѣмена;
ливши еще сюда воды, начинаютъ варить; отваръ этотъ даютъ
коровѣ пить, предварительно накрывши ее какимъ ни будь платьемъ.

(Красная, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Когда является на скотъ какая ни будь повальная бо-
лѣзнь, селяне прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: на цѣ-

ночь собираются въ какой ни есть домъ, мужчины въ одну комнату, женщины въ другую. Мужчины должны приготовить крестъ, вывезти его за деревню и поставить на той дорогѣ, по которой болѣе всего ходитъ скотъ. Женщины, въ свою очередь, въ продолженіе ночи должны напрясть, соткать, выбѣлить «ручникъ» (полотенце) и еще до свѣта повѣсить на вновь поставленномъ крестѣ. Послѣ этого можно ожидать прекращенія повальной.

(Озяты, Кобр. Уѣзд. Гродней. Губерніи.)

Когда умираетъ кто ни будь въ семьѣ сельской, то первымъ дѣломъ считаютъ «дать на позвунное,» чтобы въ церкви позвонили за душу умершаго. Еще заблаговременно селяне по нѣкоторымъ признакамъ наблюдаютъ за опасно больнымъ, умретъ ли онъ, или выздоровѣетъ. Если, сохрани Богъ, сова на чьемъ ни будь дворѣ отзывается плачливымъ голосомъ, въ семьѣ кто ни будь захвораетъ; если же стонетъ протяжно, то тѣмъ предсказываетъ она похороны. Больному въ критическую минуту даютъ гронничную свѣчу. Когда она потухнетъ, примѣчаютъ, куда пойдетъ отъ нея дымъ: если пойдетъ за двери, больной умретъ; если разойдется по комнатѣ, выздоровѣетъ (Вилен. и Гродней. Губерній). Признакомъ смерти считаютъ «обсѣвъ.» Если булка хлѣба при печеніи раздвоится сверху до низу, въ домѣ кто ни будь умретъ. То же предвѣщаетъ чириканье стрекозы и пѣніе курицы по пѣтушиному.

(Пырнинъ, Новогор. Уѣзд. Минск. Губерніи.)

По умершемъ должна плакать родня; если некому плакать, то нанимаютъ нарочныхъ для этого дѣла плакальщицъ. Умершаго по Христіянскому обычаю обмываютъ, одѣваютъ; надѣваютъ то платье, которое умершій особенно любилъ. Холостыхъ лицъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, одѣваютъ въ настоящемъ случаѣ какъ къ вѣнцу (Верховичи, Гродней. Губ. Слон. Уѣзда). Кладутъ потомъ умершаго за столомъ на лавѣ, покрывъ его бѣлымъ полотномъ и сложивъ на груди руки. Столъ покрываютъ бѣлою скатертью, кладутъ булку хлѣба, ставятъ бутылку водки для угощенія приходящихъ посѣтить умершаго. Приходящіе становятся на колѣни, молятся Богу о спасеніи души усопшаго, о принятіи ея въ рай, потомъ закусываютъ и возвращаются домой. При наступленіи погребенія, передъ выносомъ, по совершеніи панихиды, умершаго полагаютъ въ «труну» (гробъ).

Когда умретъ дѣтя и ему дѣлаютъ гробъ, то при этомъ, въ ѣкоторыхъ мѣстахъ, боятся употреблять желѣзные гвозди: инае въ семействѣ не будетъ больше дѣтей. Собираютъ такъ же епки отъ сдѣланнаго гроба, выбрасываютъ на улицу и наблюаютъ, чтобы кто ни будь не разводилъ ими огня: въ противномъ учаѣ въ домѣ часто будутъ умирать дѣти (Корева, 614). Въ гробъ мѣстѣ съ покойникомъ кладутъ и то, что особенно любилъ онъ ои жизни, на пр., курительный, или нюхательный, табакъ, или е бутылку водки. Еще въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, по свидѣтельству очевидцевъ, въ случайно разрытыхъ могилахъ находили указанные предметы (Верховичи, Слов. Уѣзд. Грод. Губерніи). Подъ подушку покойному кладутъ разнаго рода зелье травы, освященныя въ день Успенія Пресв. Богородицы, а поперекъ тѣла шерстяную нитку краснаго цвѣта (Бобровскій ч. 1-я, 838). ъ руки ему даютъ иногда два—три гроша и отвозятъ на кладбище. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ покойникъ до положенія его въ объ, кто ни будь разсѣваетъ горсть ржи, чтобы семейство покойнаго и послѣ него не терпѣло нужды (Верховичи, Слов. Уѣзда ород. Губерніи). Иногда это дѣлается послѣ выноса покойника на кладбище. Его сопровождаетъ родня, знакомые. Погребаютъ по христіянскому обряду. Иногда, за отсутствіемъ Священника, по далекости, селяне совершаютъ погребеніе сами: тогда въ заключеніе они говорятъ: «Дай, Боже, душенькѣ его (ея) святость вѣкуюсую, а тѣлу—легкую землицу!» На могилу ставятъ съѣстное: горшокъ съ кашей и ложкой, чтобы умершій имѣлъ маслучай чѣмъ подкрѣпиться.

(Бобровскій, I, 838.)

Послѣ погребенія семейство покойника устрояетъ закуску ъ Слон. Уѣздѣ называютъ ее горячее по умершемъ). Между рочими блюдами бываетъ «крупникъ,» макъ съ медомъ, блины...» дутъ обычныя разсужденія о непостоянствѣ человѣческой жизни, заявляются сожалѣнія о покойникѣ. Особенно сожалѣютъ бъ умершихъ въ молодыхъ лѣтахъ. Говорятъ, что на томъ свѣѣ имъ весьма тяжело: тамъ ихъ заставляютъ безъ отдыха, мужинъ молотить, молоть рожь, рубить дрова, женщинъ печь лѣбъ, варить кушанье, мыть бѣлье. Тамъ, говорятъ, работаютъ сѣ вмѣстѣ; послѣ работы садятся за одинъ общій огромный толъ, за которымъ сидитъ и самъ Богъ, и смотритъ, чтобы

всѣмъ было всего вдоволь. Когда за столомъ всѣ мѣста будутъ заняты, настанетъ конецъ міра, Страшный Судъ (Самара, Волынск. Губ. Ковельск. Уѣзда). Мѣсто для Страшнаго Суда нѣкоторые указываютъ на «Іоасафатовой долинѣ» (не Іоасафата Кунцевича, а Іудейскаго Царя; Вил. и Гродн. Губ.). По усопшемъ въ первый годъ совершаютъ «поминки,» по крайности, шесть разъ: на третины девятины, полусорочины, сорочины, полгодіе, годъ. Каждый годъ, кромѣ того, совершаются, какъ мы указали, «Дѣды.»

Многіе селяне вѣрятъ, что покойники ходятъ послѣ смерти. Такое вѣрованіе существуетъ особенно относительно тѣхъ лицъ, смерть которыхъ долго и сильно оплакиваютъ (родители и дѣти, супруги), или же которыя при жизни извѣстны были въ средѣ селянъ своимъ колдовствомъ, ворожбой. Внимая воплямъ, покойники по ночамъ являются яко бы къ плачущимъ по нихъ и дѣлаютъ свои распоряженія: изъ хлѣвовъ выгоняютъ скотъ, пересыпаютъ зерно, переставляютъ посуду. Вѣдьмы послѣ смерти являются какъ бы для того, чтобы давить живущихъ. Въ одномъ селѣ, разсказываютъ по этому случаю, была знатная вѣдьма; жила она очень долго, такъ что и «косы на головѣ посивѣли.» Случилось такъ, что послѣ смерти вѣдьмы очень замѣтно стали умирать «молодые.» Кто игралъ свадьбу, тотъ непремѣнно сейчасъ же и оплакивалъ ее: «бо якъ тôлько молодыи прійдуть зъ вѣнцю, побалюють трохы и лягуть спати, такъ и не встануть.» Нѣсколько лѣтъ прошло при такихъ обстоятельствахъ. Молодежь уже начинала бояться жениться, или выходить замужъ. Вотъ одинъ богатый хозяинъ задумалъ женить своего сына: сосватали ему невѣсту. Въ назначенное время, «въ недѣлю рано,» молодые отправились въ церковь обвѣнчаться. Церковь была далеко, и имъ пришлось долго промедлить. Дома страшно безпокоились. Еще молодыхъ не было, а на дворъ дома, въ которомъ имѣли праздновать веселье, въѣхалъ горшечникъ. Онъ просилъ хозяевъ позволить ему остановиться у нихъ на ночь. Хозяева не соглашались; но потомъ уступили настоятельной просьбѣ горшечника и даже предложили ему коечто закусить. Въ бесѣдѣ хозяинъ и указалъ ему на нынѣшнее въ домѣ торжество, которое, однако, можетъ окончиться плачемъ: по тому что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ смерти извѣстной вѣдьмы, сейчасъ приходится оплакивать смерть молодыхъ. Горшечникъ погоревалъ вмѣ-

ѣ съ ними, а потомъ и замѣтилъ: «Я трохы знаюсь съ вѣдьрьствомъ и могу помочи вашуй бѣдѣ.» Подъ вечеръ онъ взялъ ва осиновыхъ кола, отправился на кладбище и усѣлся за одимъ камнемъ. Около полуночи изъ могилы вышла женщина-вѣдьма, и побѣгла по направленію къ той хатѣ, гдѣ была свадьба. Тогда горшечникъ пришелъ къ могилѣ, изъ которой вышла женщина, положилъ на нее крестообразно два осиновыхъ кола и самъ усѣлся тутъ же. Проходитъ часъ, другой, а вѣдьмы нѣтъ, какъ нѣтъ. Нетерпѣніе стало овладѣвать горшечникомъ. Наконецъ явилась вѣдьма и стала въ недоумѣніи при неожиданной встрѣчѣ. «Ты чого тутъ сидишь?» сказала она горшечнику—«А ты дого отсюль ходила, куды?» былъ отвѣтъ. «А тобѣ що за дѣло? пусти!»—«Не пущу; скажи, куды ходила?»—«На село.»—«Чого?»—«На весѣлья.» — «А що ты тамъ робила?» — «Ныцъ не робила: пусти!» — «Не пущу, покюля не скажешь, що ты тамъ робила.» «І ныць тамъ не робила: хотѣла тюлько подивитися на весѣльля, якъ якъ я пришла, то вже молодые померли, и я пошла назадъ.» — «А чому оны померли?» — «Не вѣдаю; ну, пусти!» — «Ты не вѣдаешь, а я вѣдаю, що ты ихъ задушила.» (Озяты, Гродн. Губ. Слобр. Уѣзда). Подобными разсказами поддерживается у селянъ вѣрованіе въ хожденіе умершихъ послѣ смерти.

Въ заключеніе, къ своему очерку мы прибавимъ нѣкоторыя особыя примѣты селянъ, имѣющія въ ихъ быту важное значеніе; разскажемъ двѣ, три сказки, съ мѣстнымъ историческимъ значеніемъ и т. д.

Чтобы колдунья не отняла у коровы молока, надобно проверлить ей рогъ, залить его ртутью, и отверстіе залѣпить воскомъ. Если мышь съѣстъ кусокъ посвященной Пасхи, то превратится въ летучую мышь. Когда чешутъ волосы, или очищаютъ голову, то надобно потомъ зачесать волоса къ верху, иначе можно встрѣтиться съ волкомъ. Когда голосъ совы уподобляется плачу дѣтяти, это значитъ, что скоро незамужняя женщина будетъ имѣть потомка. Крикъ филина считается предвѣстникомъ урожая ржи. Воробьи превращаются въ мыши, а мышь въ воробьевъ, судя по времени года и перемѣнѣ въ воздухѣ. Если пѣтухъ запоетъ не въ обыкновенное время, то это предсказываетъ или дурную погоду, или несчастіе. Если услышатъ, что куры заводятъ необыкновенный шумъ, тотчасъ стараются прекратить его; иначе въ домѣ возникнетъ шумъ и ссора. Если курица

отозвется голосомъ, подобнымъ пѣтушиному, непремѣнно воспослѣдуетъ какой ни будь убытокъ въ домѣ. Чтобы предупредить бѣду, берутъ курицу и измѣряютъ ею пространство отъ лавки, стоящей у стола, до порога, перекидывая ее черезъ голову. Если наконецъ она встрѣтится головой съ порогомъ, отрѣзываютъ ей голову, а если хвостомъ, отрѣзываютъ хвостъ. Не должно сожигать старой метлы, иначе ястребъ будетъ душить куръ. Не должно никому подавать напитка чрезъ порогъ, чтобы не возникла ссора. Невѣста передъ вѣнчаніемъ не должна ни ѣсть, ни пить, у себя дома, иначе мыши будутъ дѣлать большой убытокъ въ кладовой, а гусеницы въ огородѣ. Если которая ни будь преступитъ это правило, должна на другой день послѣ свадьбы пойти къ сосѣдкѣ, и просить у нея чего ни будь въ займы. Если просьба ея будетъ удовлетворена, то мыши и гусеницы перейдутъ къ сосѣдкѣ. Богоязливыя женщины, не желая наносить вреда сосѣдямъ, идутъ въ лѣсъ, въ которомъ находится много сухихъ вѣтвей, и громко повторяютъ просьбу свою до тѣхъ поръ, пока какая ни будь сухая вѣтвь не задѣнетъ ихъ за одежду. Тогда уже мыши и гусеницы перейдутъ въ сухой лѣсъ. Кто разводитъ въ печи огонь, не долженъ говорить, ни оглядываться, хотя бы его звали; иначе огонь будетъ выходить изъ печи, и можетъ возникнуть пожаръ. Если молнія разобьетъ дерево, такъ что оно засохнетъ, не должно къ нему прикасаться, по тому что надъ его пнемъ пригвожденъ молніей злой духъ. Тронувъ такое дерево, можно освободить его. Но если дерево, разбитое молніей, не засохнетъ, то можно употребить его на свои надобности: не тому что въ такомъ случаѣ злой духъ ускользнулъ отъ громовой стрѣлы. Когда отъ молніи загорится домъ, утверждаютъ, что злой духъ спасся и зажегъ строеніе. Если же молнія не сдѣлала пожара, то это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ побѣды, одержанной надъ злымъ духомъ. Разставленныя въ костёлахъ березки въ день Св. Троицы, или въ праздникъ Тѣла Господня, тщательно собираютъ, обламываютъ вѣтви и волятъ ими по капустѣ на грядахъ, а потомъ кладутъ въ овинѣ вмѣстѣ снопами. Это средство предохраняетъ капусту отъ гусеницъ, а хлѣбъ отъ мышей.

(Корева, 614—616.)

Вѣрятъ въ «Стригу и Мару.» Святой воды Стрига не боится только осторожностію можно спасти себя отъ домового. Бере-

осительно корма. Боятся, чтобы корова не съѣла того сѣна, ли соломы, гдѣ лежалъ родившійся теленокъ: въ противномъ лучаѣ молоко; въ продолженіи одиннадцати недѣль, будетъ пре-ращаться въ пѣну, «шумъ.» Когда родится теленокъ, все семей-тво идетъ въ хлѣвъ и, при видѣ теленка, говоритъ: «Тьфу, ьфу, куры умарали!» и въ заключеніе плюетъ: теленокъ не бу-етъ бояться уроковъ. Въ этотъ день никому ничего не одолжа-ютъ: иначе теленокъ не будетъ заходить домой. На третій день ослѣ рожденія теленка, хозяинъ трубитъ ему въ ухо, прого-аривая три раза: «Бычекъ (телушка) до дому!» послѣ этого онъ е будетъ отлучаться отъ стада и отъ дома.

(Красная, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Разсказъ про чертей. 1. Черти постоянно сидятъ въ во-ѣ и болотѣ. Когда освятятъ воду, они переходятъ на вербу: по священіи вербы переходятъ въ зелье, а отсюда обратно въ во-у. Такой переходъ совершается постоянно. Старшій чортъ, Ан-ихристъ, прикованъ въ аду, на цѣпи, которую постоянно гри-етъ; каждый годъ до Пасхи онъ успѣваетъ почти всю ее пере-ызть; но лишь только раздастся: «Христосъ воскресе!» цѣпь нять дѣлается вполнѣ цѣлою, и опять, съизнова, начинается ста-ая работа Антихриста. Во время оно чертей было очень много, акъ что они постоянно таскались по деревнямъ и обманывали юдей; теперь ихъ стало меньше, а со временемъ и всѣ исчезнутъ, о тому что ихъ бьетъ громъ.

2. Какой-то мельникъ далеко отъ деревни дѣлалъ камень а мельницу. Вдругъ небо покрылось тучами, начались громъ и олнія. Мельникъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, перекре-тилъ кругомъ себя и легъ около камня отдыхать. Тутъ приступилъ къ нему дьяволъ: «Иванъ, Иванъ,» сказалъ онъ, «идемъ до-ой.» Иванъ увидѣлъ у чорта куриные ножки и сказалъ: «На ьнище головище булавище!» слова, которыхъ черти яко бы очень оятся. По этому случаю передаютъ слѣдующее. Однажды ка-ой-то человѣкъ шелъ со свадьбы. Повстрѣчался онъ съ чор-омъ, который несъ около пуда денегъ. Поздоровались они и ортъ просилъ мужичка понести ношу. Взявши ношу, мужичекъ прашиваетъ черта: «А какъ у васъ ссорятся?» — «На ьнище головище булавище!» былъ отвѣтъ. «Этихъ словъ мы очень

боимся.» — «А у васъ какъ ссорятся?» спросилъ взаимно чортъ. «Не боюсь чорта,» отвѣчалъ селянинъ, замотавшій на усъ слова чорта. Когда пришлось разставаться и чортъ хотѣлъ взять деньги, селянинъ сказалъ ему только: «На льнище головище булавище!» и чортъ, что есть мочи, бросился въ ноги. Деньги остались у селянина.

(Новогор. Уѣзда Минск. Губ. передалъ А. Дударевичъ.)

Сказка. Бувъ собѣ одинъ ксёндзъ который мѣвъ трои конй и потребовавъ парубка, кобы ихъ пасти, и поѣхавъ шукати. Такъ иде, ажно иде хлопець. Спитався, чы не мугъ бы ты у мене за парубка служити: бульшъ ниякой роботы не буде, тулько три конй пасти: куды вони пуйдуть, и ты за ними иди, а що будуть ѣсти, кобысь на показъ принюсъ. То хлопець на тое приставъ, и погнавъ конй на пашу. Конй идуть, идуть, и вунъ за ними иде, стали коло лужка, а вунъ ну дрёмати, а вони далѣй пушли. Оточи вунъ прочкнуся, ажно не машь конй. Ну вунъ шукати, ажно вечеромъ вони сами идуть назадъ, и пригнавъ до дому. Оточи ксёндзъ спитався: «Чы ѣли конй»? — «Ѣли.» «А що ѣли?» «Ажъ ни якого показу; то ксёндзъ ёго пругнавъ, и поѣхавъ другого шукати.

Знову йдучи, наторопивъ другого, и ставъ ёго пытати: «Чы не мугъ бы ты у мене за парубка бути? Бульшъ не буде роботы, тулько три конй пастй.» — «Добре,» каже. Но коли конй пугнавъ, коло того самого лужка заснувъ и ничого на показъ не принюсъ, що конй ѣли. То и того ксёндзъ выбивъ, выбывъ и знову прогнавъ.

Знову ну третьяго шукати, и споткавъ на дорозѣ, и ставъ ёго пытати: «Чы не мугъ бы ты у мене за парубка буты? Бульшъ не буде роботы, тулько три конй пасти: куды вони пуйдуть и ты за ими иди, а що вони будуть ѣсти, кобысь на показъ принюсъ.» Парубокъ каже: «Добре!»и конй на пашу погнавъ. Конй идуть, идуть, и вунъ за ними иде, пришли до лужка, сонъ ёго морочить, а вунъ не спить; конй далѣй, вунъ всё за ними, ажъ пришли на поле. Поле хороше и травы много, а овечки ходять худые и всё тмяны. Знову подышовъ за куньми, ажно знову поле тмяне и травы не машь, а овечки ходять тлусты и всё чисты. Конй далѣй, вунъ за ними, ажъ сидить баба коло ей булки и всё добро лежить, а вона кричить: «Ѣсти

сти!» ажъ вунъ пытае: «Чого ты, бабо, кричишь ѣсти, коли коло бе булки лежать?» А вона ёму: «Иди ты собѣ туды, де идешь!» вунъ знову подышовъ, ажно у чоловѣка черезъ горло вода ie, а вунъ пити кричить; ото жь каже пастухъ: «Що тобѣ, чоловiче: вода черезъ горло иде, а ты пити кричишь?» А вунъ ёму: Иди собѣ туды, де идешь!» Коней пушли, и вунъ пушовъ. Ажно стоить косьцюль мурованый и курганъ высокій, ворота отчинiся, коней вбѣгли и знову замкнулися. Такъ вунъ стоить, стоить, ну плакати: «Що я теперь почну!» Ажно брама отчиняется, коней выбѣгають и выносять ёму каждый по киточцѣ винограда ни рывѣ. Вунъ тое взявъ и за пазуху сховавъ на показъ, коней пули назадъ вупъ, за ними ажъ до дому.

Оточи коней пригнавъ, пытаетця ксёндзъ: «Чы ѣли коней?» — Ѣли.» — «Покажи на показъ!» ажъ вунъ вынявъ зъ запазухи и показавъ, що виноградъ ѣли. «Добре!» ксёндзъ сказавъ, и запытавъ: Що жь бульшъ бачивъ?» — «Бачивъ, каже, поле, поле хорошe и равы многу, а овечки ходять по нюмъ худыи и тыяне,» а ксёндзъ ёму отказуе: «То не есть, сынку, овечки, але души панувъ Лягувъ, губительникувъ, що на сюмъ свѣтѣ мужикувъ гнембили халтами, даремникомъ, толокою и панщиной, въ холодѣ, городѣ, въ бѣдѣ мучилися, то ихъ Панъ Бугъ скаравъ ихъ на тумъ свѣтѣ на горкую сухоту. Знову пытае: «Що жь ты бульшъ бачивъ?» — «Бачивъ: поле тыяне и травы нема, овечки тлугы и чисты.» — «И то не овечки, отказавъ, але души мужикувъ, которые на сюмъ свѣтѣ Бугъ надгородивъ, що вони всюды щасливы.» «А ще жь, що бульшъ бачивъ?» Вунъ каже: «Бачивъ о кола бабы булки и всё добро лежить, а вона ѣсти кричить.» То душа, каже ксёндзъ, окомончи, що на сюмъ свѣтъ много добра мѣла, слугамъ не платила, сторожка была, дѣдови куска хлѣба жаловала, то на тумъ свѣтѣ осудивъ ею Панъ Бугъ на вѣчный голодъ, що всё мае, и ѣсти кричить.» Нарешто пытае: «Що жь ще бачивъ?» — Бачивъ, каже, черезъ горло чоловѣка вода иде, а вунъ пити кричить. — «То бувъ, казавъ ксёндзъ, на нюмъ свѣтѣ вуйтъ лихій, розбуйникъ, опуйця, що чужую кровь пивъ, при жнивѣ воды жаловавъ, то ёго Панъ Бугъ на тамтумъ свѣтѣ осудивъ на смагу, що ёму черезъ горло вода иде, а вунъ не може напитися. А тые коней, що ты пасъ, то не коней, але Анёлы: вони тобѣ показали, якая надгорода будетъ добрымъ, а якая лихимъ,» и вунъ вельми злякався. И ксёндзъ, взявши, хорошенько пастуховѣ заплативъ и отправивъ.

(Зап. И. Захарчукъ. Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губерніи.)

Путешествіе Жидовъ. Однажды 12 Жидовъ отправились попутешествовать. Послѣ нѣкотораго времени нашимъ путешественникамъ показалось (дѣло было вечеромъ), будто не подалеку стоитъ волкъ. Вотъ умнѣйшій между ними взялъ свои книжки, «цитувъ, поцитувъ, на колѣни стувши выплакувъ, и сказалъ: «Сто нузно выбрахаць изъ одна сабака.» Всѣ Жиды въ одинъ голосъ закричали: «Гамъ!» Но мнимый волкъ не трогался съ мѣста. Умнѣйшій опять повторилъ то же и сказалъ: «Гето нузно выбрахаць изъ два собака.» Жиды опять закричали: «Гамъ, гамъ.» Но волкъ по прежнему ославался на одномъ мѣстѣ. По новому распоряженію «вибрахаць изъ три сабакъ,» всѣ Жиды закричали: «Гамъ, гамъ, гамъ!» Но, увы, успѣха не было. Тогда умнѣйшій еще разъ свои книжки «цитувъ, цитувъ, на колѣни стувши виплакувъ, и сказалъ: «Сто нузно виноцовать.» Жиды перевѣчали и увидѣли, что воображаемый волкъ былъ не болѣе, какъ горѣлый пень. Въ дальнѣйшемъ путешествіи Жиды увидѣли гречиху и не знали, что это такое. Къ счастію мимо проходилъ селянинъ; вотъ Жиды и спрашиваютъ: «Сто гето такое?»—«Море,» отвѣчалъ селянинъ.—«А якъ намъ перейти на другую сторону?»—«Плывите!» Вотъ Жиды сбросили съ себя одежу и стали плыть по гречихѣ. Переплывъ море, они начали считать, не утонулъ ли кто ни будь. Одинъ Жидъ считалъ, считалъ, и насчиталъ всего только одиннадцать, другой тоже и т. д. Одного Жида недоставало. Дѣло въ томъ, что всякій считавшій не считалъ себя. Вотъ они призвали какого-то селянина, чтобы онъ пересчиталъ ихъ. Селянинъ исполнилъ желаніе: взявъ хорошую палку, сталъ ихъ «отсчитывать.» Не «отсчиталъ» еще и трехъ, какъ всѣ Жиды закричали: «Всѣ, всѣ!» Послѣ этого дѣла шли цѣлый день и вечеромъ пришли къ лѣсу. Нужно ночевать. Но всякій Жидъ боится ложиться съ краю. Къ счастію проходитъ мимо лѣсникъ. Жиды обратились къ нему съ просьбою размѣстить ихъ такъ чтобы никого не было съ краю. Лѣсникъ положилъ ихъ вокругъ муравейника и приказалъ имъ не шевелиться, «въ противномъ случаѣ, говорилъ, всѣ погибнете.»—«А якъ зе мы розберемъ ноги?» — «Я самъ завтра приду и розберу.» На другой день лѣсникъ пришелъ съ большою палкою, и сталъ разбирать ноги, т. е. какъ ударитъ Жида палкою по ногамъ, Жидъ и узнаетъ свои ноги. Испытавши всю непріятность своего путешествія, Жиды поспѣшили домой.

(Передалъ Д. Шамшура. Чересы, Дисн. Уѣзда Виленск. Губ.).

Обманъ Цыганкою сельской женщины. Однажды ...лое семейство Цыганъ, въ полуверстѣ отъ деревни, остановив...сь ночевать въ одномъ лѣску. Съ наступленіемъ утра Цыганка ...пошла въ деревню ворожить. Побывала она въ одномъ домѣ, ...другомъ, третьемъ: въ послѣднемъ жилъ довольно зажиточ...ый, бездѣтный хозяинъ. Къ счастію Цыганки, хозяина не было ...ма, застала она только его жену. Цыганка, вошедши въ домъ, ...обыкновенію своему, начала ворожить; а тутъ къ ней хозяй...ъ съ просьбою поворожить, будутъ ли у нея дѣти? Посмотрѣвши на ея руку и покачавъ головою, Цыганка сказала: «Охъ, ...ся матко милая, тобѣ гето зробилося отъ мертвеца, якъ ты его ...ловала у руку, будучи еще незамужною.» Хозяйка думала, ...мала, и ну просить Цыганку помочь ей въ ея горѣ; Цыганкѣ ...о и на руку. Она и говоритъ хозяйкѣ: «Треба, моя матко, зро...ицъ относъ твойго бездѣтства; а для гетого десятокъ яицъ, жа...ного поросенка, жареную курку, три фунты свининки, треба ...несци и положицъ подъ однимъ деревомъ, щобы вовкъ, или ...бака, все гето съѣла. Еще, моя матко, дай мнѣ три локци по...тна, свою сорочку, въ которой вѣнчалась, хвартухъ, ручникъ и ...лочку пшеничнаго хлѣба: гето все я отнесу и повѣшу на де...вѣ, надъ криницею, щобъ русалки взяли собѣ на сорочки.» ...озяйка исполнила приказаніе. Дѣло этимъ не кончилось. На ...ругой день Цыганка опять идетъ къ хозяйкѣ, которая ожидала .... Теперь она сдѣлала такого рода предложеніе: велѣла хозяйкѣ ...лѣзть по поясъ въ мѣшокъ, опоясаться и стать посреди комна...ы на колѣняхъ; сама же взяла стаканъ съ водою, насыпала ту...а соли, вынула изъ своего кармана желтаго песку, взяла золы, ...еремѣшала все это, насыпала въ обѣ руки и стала шептать что...о надъ водою; пошептавши, она дала воду хозяйкѣ выпить. ...авши выпить хозяйкѣ воду, Цыганка отправилась якобы шеп...ать что-то еще на дворъ, строго приказавъ хозяйкѣ не трогать...я съ мѣста, сама же между тѣмъ забралась въ амбаръ, набрала, ...его хотѣла, и отправилась въ таборъ, который собирался уже въ ...уть; хозяйка съ пескомъ въ рукахъ, съ яйцомъ на головѣ, по ...оясъ въ мѣшкѣ и на колѣняхъ, стояла до тѣхъ поръ, пока не ...ришла сосѣдка къ ней и не указала ея смѣшного положенія.

(Передалъ И. Гомза. Цырынъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

О Лидскомъ за́мкѣ. Причиной постройки этого за́мка, по разсказамъ стариковъ, было слѣдующее обстоятельство: Одинъ изъ Литовскихъ Князей женился на Польской плѣнницѣ, и до того ее любилъ, что, въ память ея, построилъ за́мокъ и назвалъ по имени ея «Боною.»

Выписавъ работниковъ, изъ Нѣмецкой земли, Князь велѣлъ производить постройку. По окончаніи постройки за́мка Князь отдалъ все свое богатство (войско, пушки) своей любимой женѣ и на всегда велѣлъ ей оставаться въ за́мкѣ. Самъ онъ вскорѣ времени скончался, а за Княземъ скончались и мастера, строившіе за́мокъ. Еще передъ смертію онъ приказалъ женѣ своей похоронить его вмѣстѣ съ мастерами въ за́мкѣ, а въ противномъ случаѣ, говорилъ Князь, ее вѣчно будетъ мучить дьяволъ. Всѣ приказанія своего мужа Княгиня обѣщала исполнить при жизни Князя; но какъ только онъ умеръ, многіе Литовскіе и Польскіе Князья пріѣхали въ за́мокъ и просили ея руки; Княгиня забыла обѣщаніе мужу; велѣла тѣло его занести за за́мокъ и похоронить тамъ. Не успѣли Князя занести въ назначенное мѣсто, какъ жена его, Бона, исчезла. По преданію, она провалилась сквозь землю «въ пекло» (въ адъ). Много прошло времени послѣ этого, видѣлъ ее во снѣ одинъ Дьячекъ, у котораго она просила спасти ее, но всѣ его попытки спасти Княгиню не удались. Говорятъ еще, что она каждый годъ на первый день Пасхи освобождается отъ мученія и выходитъ поплакать на Божій свѣтъ, стережетъ же ее яко бы черная собака. На томъ мѣстѣ, гдѣ похороненъ Князь, выросли, какъ говорятъ, три сосны: одну изъ нихъ кто-то срубилъ, и въ скоромъ времени умеръ; отъ того пошла молва, что нельзя рубить этихъ сосенъ: скоро, молъ, умрешь.

(Сообщилъ В. Генваревъ, Лида, Вилен. Губ.)

М. Лебедево. Въ Виленской Губерніи, въ Вилейскомъ Уѣздѣ, находится М. Лебедево, расположенное по обѣимъ сторонамъ небольшаго ручейка. Объ основаніи его сохранилось между селянами слѣдующее преданіе: На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь М. Лебедево, когда-то, въ незапамятное время, было непроходимое, бездонное, болото, поросшее густымъ кустарникомъ. Какой-то Русскій человѣкъ, поселившись на сосѣдней горѣ, началъ копать колодезь. Долго трудился онъ надъ своимъ дѣломъ, и никакимъ образомъ не могъ добыть себѣ воды. Наконецъ онъ рѣшился

ставить это мѣсто и начать копать колодезь въ другомъ. Трудъ
го, однако, даромъ не пропалъ: на завтрешній день утромъ, онъ
ыходитъ изъ своего дома и, къ немалому удивленію, слышитъ
еобыкновенный шумъ и трескъ, какъ отъ пушечнаго выстрѣла.
одошедши къ знакомому мѣсту, онъ увидѣлъ, что вода быстро
ь трескомъ и шумомъ вырывается изъ земли и бьетъ ключемъ
а нѣсколько саженей вверхъ. Отсюда съ этихъ поръ потекла
ѣчка, которую онъ назвалъ Лебедянкою, что яко бы значитъ не
ропавшій трудъ. Удивившись такому необыкновенному явленію,
усскій человѣкъ возвратился домой и оставался жить на преж-
емъ мѣстѣ. Къ нему все больше и больше изъ разныхъ мѣстъ
галъ собираться народъ; черезъ нѣсколько времени образова-
ось цѣлое селеніе, которое было названо старымъ. Въ этомъ же
еленіи, для совершенія Богослуженія, была построена и камен-
ая церковь, такъ какъ поселившійся народъ здѣсь былъ все
усскій, Православный. Но вотъ одно страшное обстоятельство
аставило жителей переселиться на другое, болѣе удобное, мѣсто.
ъ одинъ праздничный день много собралось людей въ церковь
ъ обѣднѣ, и не извѣстно, по какой причинѣ, во время соверше-
ія литургіи, раздался подземный гулъ и трескъ, въ слѣдствіе че-
о земля разверзлась, и церковь, со всѣмъ, находящимся въ ней
ародомъ, въ одно мгновеніе провалилась. Тогда всѣ, оставшіеся
ъ живыхъ, опасаясь, чтобы и съ ними не случилось тоже, за-
рали кто что имѣлъ и расположились нѣсколько дальше по обѣ-
мъ сторонамъ рѣчки Лябедянки. Къ нимъ болѣе и болѣе сталъ
рисоединяться народъ и, съ теченіемъ времени, образовалось
ѣлое мѣстечко, извѣстное теперь подъ именемъ Лебедева.

(Сообщ. Л. Зиновичъ.)

О сотвореніи міра, шляхты, мужика. Богъ сатварив вѣтъ, гето нябо, зямлю, звѣровъ, птушатъ и всё, што толькі сць на свѣцѣ, апрочь людзей. Видзиць Богъ, што всё такъ обра, захацѣвъ сатвориць и людзей. Вотъ Іонъ взявъ пшеничной уки, сатварив шляхтовъ, и паставивъ ихъ на сонце сущиць, самъ пашовъ на глиняную гору мужика тварицъ; а тѣмъ ча-омъ, аткуль ни прибѣгла «сабака» (самка) и усѣхъ шляхтовъ ѣла. Богъ сатварив изъ глины мужика, паставивъ и яго на онцѣ, кабъ засохъ, а самъ пашовъ глядзѣць, ци ня засохли же шляхты. Приходзиць Іонъ, ажъ а ни аднаго шляхцица, ольки стаиць «сабака.» Богъ узнавъ, што шляхтовъ паѣла сабака

Якъ ѣвацицъ Богъ сабаку, якъ дасць абъ камень — выскачивъ адзинъ шляхцицъ, и ставъ называтьця: Каминскій; абъ асину — Асинскій; абъ ольху — Альховскій, абъ дубъ — Дубовскій, абъ березу — Березовскій, абъ сасну — Сасновскій и проч.

(М. Шамшура и Чересы, Дисн. Уѣзда, Вилен. Губ.)

Юл. Крачковскій.

1-го Октября, 1872 года.
Полоцкъ.

ПО ПОВОДУ ЛЮБЕЦКАГО СИНОДИКА.

Любецкій Синодикъ, напечатанный Г. Милорадовичемъ въ приложеніяхъ къ его изслѣдованію о городѣ Любечѣ, помѣщенному во второй книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1871 годъ, вѣроятно, обратилъ на себя вниманіе всѣхъ людей, дѣйствительно интересующихся древней исторіей Россіи. Онъ сообщаетъ намъ множество самыхъ неожиданныхъ и любопытныхъ свѣдѣній касательно родословной Черниговскихъ Ольговичей XII и XIV столѣтій, и даетъ возможность изложить исторію этого племени гораздо полнѣе, чѣмъ это дѣлалось доселѣ. Къ сожалѣнію, памятникъ этотъ, подобно всѣмъ Синодикамъ, мѣстами очень теменъ, а примѣчанія покойнаго Филарета, Архіепископа Черниговскаго, приложенныя къ нему издателемъ, не всегда помогаютъ дѣлу. Многіе Князья объяснены совершенно вѣрно, но есть и ошибки, а главное, значительная часть именъ осталась вовсе не объясненными. Въ виду этого мы рѣшились разобрать выше упомянутый Синодикъ возможно подробнѣе, пользуясь всѣми извѣстіями, которыя даетъ намъ лѣтопись. Полагая, что всякія дальнѣйшія оговорки были бы совершенно излишни, приступаемъ прямо къ дѣлу.

Первые Князья не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній. Это: Мстиславъ Володимеричъ Черниговскій † 1036, и сынъ его, Евстафій † 1033, Великій Князь Святославъ II Ярославичъ † 1076, и дѣти его, Глѣбъ Новгородскій † 1079 и Давыдъ съ Олегомъ Черниговскіе † 1123, † 1115, Владимиръ Давыдовичъ Черниговскій † 1151, сынъ его, Святославъ Вщижскій † 1166, и братъ Никола Святоша, Великій Князь Игорь II Ольговичъ † 1147, Святославъ Ольговичъ Черниговскій † 1164, Олегъ и Игорь Святославичи Черниговскіе † 1179, † 1202, Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій, внукъ Ольговъ, † 1196, и племянникъ его, Великій Князь Всеволодъ Святославичъ Чермный † 1215. Новаго узнаемъ

Христіянскія имена Князей и ихъ женъ, изъ которыхъ многія не извѣстны по другимъ источникамъ. Замѣтимъ одно обстоятельство: со Святославомъ вторымъ поминается его жена, Княгиня Киликія. По Нѣмецкимъ извѣстіямъ этотъ Князь и одинъ изъ его братьевъ были женаты на Нѣмкахъ, Одѣ и Кунигундѣ. Женой Святослава считаютъ обыкновенно Оду, но имена Киликія и Кинека (Русская форма Кунигунды) такъ сходны, что слѣдовало бы пересмотрѣть этотъ вопросъ.

Далѣе поминается Великій Князь Константинъ Ольговичъ Черниговскій и сыны его, Давыдъ, Глѣбъ и Александръ. Это кто такіе? Архіепископъ Филаретъ полагаетъ, что Константинъ Ольговичъ есть одно лицо со Святославомъ Ольговичемъ. Но Святославъ уже помянутъ, при томъ съ Христіянскимъ именемъ Бориса, а не Константина, да и сыновей съ такими именами у него, сколько извѣстно, не было. Нѣтъ, этотъ Константинъ долженъ быть отнесенъ къ Князьямъ Черниговскимъ потатарскаго времени, которые почти вовсе не извѣстны по лѣтописямъ. Ниже мы постараемся опредѣлить, чей онъ былъ сынъ.

Слѣдуетъ Глѣбъ Святославичъ Черниговскій, братъ и преемникъ Чернаго, Великій Князь Михаилъ Всеволодовичъ, убитый въ Ордѣ въ 1246 году, и Мстиславъ Святославичъ Черниговскій, преемникъ Глѣба, убитый въ 1224 году на Калкѣ. А въ спискахъ Синодикахъ, Елецкомъ и Сѣверскомъ, поминаются, кромѣ того, Димитрій, Андрей, Иванъ и Гавріилъ Мстиславичи.

Архіепископъ Филаретъ, у котораго мы заимствуемъ это послѣднее показаніе, къ сожалѣнію, не говоритъ, на какомъ мѣстѣ помянуты четыре Мстиславича: не посредственно ли за Мстиславомъ Кадецкимъ, или какъ ни будь иначе. Мы склонны считать ихъ дѣтьми другого Мстислава—Мстислава Глѣбовича. Дѣло вотъ въ чемъ. Извѣстно, что во время Батыева нашествія Черниговомъ владѣлъ Мстиславъ Глѣбовичъ, двоюродный братъ Св. Михаила. Въ лѣтописяхъ сказано, что въ 1245 году убитъ Татарами Князь Андрей Мстиславичъ, вѣроятно тотъ же, что помянутъ въ Синодикѣ. Современный писатель, Плано-Карпини, говоритъ, что около этого же времени казненъ Ханомъ Князь Андрей Черниговскій. Его молодой братъ поѣхалъ въ Орду просить, чтобы за нимъ утвердили братній удѣлъ: Ханъ согласился, но при этомъ принудилъ его вступить, по Татарскому обычаю, въ бракъ со вдовой

казненнаго, которая сопутствовала княжичу въ его поѣздкѣ. Плано-Карпинц, говоря объ этомъ юношѣ, называетъ его рисъ, то есть, мальчикъ. Значитъ, въ это время онъ былъ еще очень молодъ. Но Мстиславъ Калецкій убитъ въ 1224 году, такъ что его сыну въ 1275 было бы ни какъ не менѣе 22 лѣтъ, и Плано-Карпиновскій эпитетъ не совсѣмъ бы къ нему подошелъ. И такъ Андрея и его братьевъ скорѣе можно считать за сыновей Глѣбовича. Правда, можетъ показаться страннымъ, что столь молодые князья наслѣдовали Черниговъ мимо старшихъ, но дѣло въ томъ, что Плано-Карпиновское выраженіе ни какъ нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ. По нашимъ лѣтописямъ въ Черниговѣ княжилъ въ это время не Андрей, а Михаилъ Черниговскій.

Есть и другое основаніе считать выше упомянутаго Андрея Глѣбовымъ внукомъ. Мстиславъ Калецкій носитъ въ лѣтописи прозвище «Козельскаго,» знакъ, что онъ княжилъ въ этомъ городѣ до перехода въ Черниговъ. Извѣстно, что у него былъ сынъ, убитый съ отцомъ. Татищевъ называетъ его Василькомъ. Во время взятія Козельска Батыемъ тамъ княжилъ малолѣтній Князь Василій. Такой относительно важный городъ, какъ Козельскъ, могъ достаться малѣтному только въ качествѣ отчины Мстиславичей, и только въ томъ случаѣ, если этотъ Василій былъ единственнымъ, или, по крайней мѣрѣ, старшимъ потомкомъ (внукомъ?) Мстислава Святославича.

За тѣмъ поминается Владимиръ Борисъ Святославичъ, старшій братъ Чермнаго. Архіепископа Филаретъ сближаетъ его съ Владимиромъ Черниговскимъ умершимъ, по лѣтописи, въ 1201 году; впрочемъ, сомнѣвается, чтобы этотъ Князь дѣйствительно владѣлъ Черниговомъ. Разумѣется, нѣтъ; ибо въ 1201 году еще былъ живъ его дядя, Игорь Святославичъ Черниговскій. Въ Воскресенской и нѣкоторыхъ другихъ позднихъ лѣтописяхъ Князь Владимиръ, умершій въ 201 году, названъ Всеволодовичемъ, что и подало нѣкоторымъ поводъ считать его младшимъ братомъ Святослава и Ярослава Черниговскихъ. Но не вѣроятно, чтобы лѣтописцы не упомянули ранѣе о столь родовитомъ и уже не молодомъ Князѣ. Дѣло объясняетъ Татищевъ. По его словамъ, въ 1201 году скончался Владимиръ Давыдовичъ, внукъ Олега и правнукъ Святослава Всеволодовича и, судя по времени, еще малолѣтній. Позднѣйшіе переписки прочитали, вмѣсто полуизгладившагося отчества Давыдовичъ,

Всеволодовичъ, чѣмъ и объясняется ихъ ошибка. Годъ же смерти Владимира Святославича остается не извѣстнымъ.

Слѣдуетъ Святославъ Ольговичъ Рыльскій, внукъ Святослава Ольговича Старшаго, Ярополкъ Ярославичъ Новгородскій Всеволодовича, Владимиръ Игоревичъ Святославича, Сѣверскій и Галицкій, Великій Князь Святославъ Всеволодовичъ Ольговича Кіевскій, и сынъ его, Борисъ, уже помянутый выше, Мстиславъ Глѣбовичъ Черниговскій, о которомъ уже сказано, Филиппъ Володимеричъ по вѣроятной догадкѣ Архіепископа Филарета, одно лицо съ Изславомъ Володимеричемъ Игоревича, и наконецъ Лаврентій Всеволодъ Ярополковичъ Черниговскій.

Послѣдняя личность была до сихъ поръ совершенно не извѣстна. Въ Волынской лѣтописи говорится, что въ 1261 году Князь Василько Волынскій отдалъ свою дочь за Князя Андрея Всеволодовича въ Черниговъ. Этого Андрея историки считали владѣльнымъ Княземъ Черниговскимъ, а нѣкоторые изъ нихъ—братомъ Св. Михаила, что не совѣмъ вѣроятно, судя по времени. Синодикъ показываетъ намъ, что въ 1261 году въ Черниговѣ княжилъ отецъ Андрея, Всеволодъ Ярополковичъ, очевидно, сынъ Ярополка Ярославича (см. выше). Правъ на старѣйшинство онъ не имѣлъ никакихъ, но въ это время все зависѣло отъ Ханской милости, и законные наслѣдники, дѣти Св. Михаила, находились подъ опалой.

Далѣе поминаются: Семенъ Всеволодъ и сынъ его, Святославъ убіенный отъ Литвы. Всеволодъ этотъ вѣроятно Всеволодъ Володимеричъ Игоревича, о которомъ лѣтопись упоминаетъ въ началѣ XIII вѣка, вмѣстѣ съ его старшимъ братомъ, Изяславомъ (см. выше). Кажется, что всѣ эти личности принадлежатъ къ числу тѣхъ загадочныхъ Князей Болоховскихъ, о которыхъ часто говоритъ Волынская лѣтопись и исторія которыхъ такъ темна. По лѣтописи извѣстно только, что они появились не ранѣе начала XIII вѣка, имѣли удѣлы въ восточной части Волынской Губерніи, держались Ольговичей и постоянно старались вредить Королю Даніилу, за что наконецъ и поплатились лишеніемъ удѣловъ. Костомаровъ недавно высказалъ мнѣніе, что эти Болоховскіе были не Рюриковичи, а потомки древнѣйшихъ и исконныхъ Князей Подольской земли. Не можемъ съ этимъ согласиться. Во первыхъ, если это племя владѣло Подоломъ съ незапамятныхъ временъ, то странно, что лѣтопись вовсе молчитъ о немъ до самаго XIII вѣка, и

вторыхъ, не менѣе трудно было бы допустить, что столь слабые владѣтели были давнымъ давно обобраны гордыми и могущественными Рюриковичами, считавшими себя единственнымъ княжескимъ племенемъ въ Русской землѣ. Вѣдь и у Вятичей были туземные Князья еще въ XI столѣтіи, но что съ ними сталось послѣ завоеванія? Выраженіе «особные Князья,» на которое ссылается Г. Костомаровъ, ни сколько не доказываетъ, чтобы Болоховскіе были особеннымъ племенемъ отъ Рюриковичей; при томъ изъ той же лѣтописи видно, что Великіе Князья Изяславъ и Михаилъ открыто называли Болоховскихъ своими братьями. Да и какая надобность въ столь маловѣроятномъ предположеніи? Развѣ родословіе Рюриковичей XII и XIII вѣковъ извѣстно намъ съ такой подробностью, что, кромѣ Князей, поименованныхъ въ лѣтописи, нельзя допустить никакихъ другихъ? Не думаемъ. Въ слѣдствіе всего этого мы соглашаемся съ прежними изслѣдователями и считаемъ вѣроятнымъ, что Князья Болоховскіе были сыновья Игоревичей Галицкихъ, только помѣщаемъ ихъ не на Подолѣ, а въ западной части Кіевской земли. Удѣлы свои они получили, вѣроятно, отъ Всеволода Чермнаго, бывшаго Великимъ Княземъ во время избіенія Игоревичей. Понятно, что онъ помѣстилъ своихъ родственниковъ именно въ западной части Русской земли, по сосѣдству съ Галичемъ, на который они имѣли притязаніе. Въ опредѣленіи мѣстожительства Болоховскихъ мы слѣдуемъ и Дашкевичу, который, въ своемъ изслѣдованіи о Королѣ Даніилѣ Галицкомъ, привелъ новыя и вѣскія соображенія касательно этого предмета. Самымъ сильнымъ владѣтелемъ изъ Болоховскихъ былъ, кажется, Изяславъ Каменецкій. Исторія его темна; ибо лѣтописи этого времени говорятъ о двухъ Изяславахъ, и не всегда различаютъ ихъ отчествами. Изяславъ Игоревичъ является, какъ мы уже говорили, въ началѣ XIII столѣтія, какъ сынъ Владимира. За тѣмъ, въ 30 годахъ, начинаетъ дѣйствовать другой Изяславъ. Съ помощью Михаила Черниговскаго онъ согналъ съ Кіева Великаго Князя Владимира Рюриковича, и занялъ его мѣсто, но скоро долженъ былъ уступить Кіевъ Михаилу. Нѣкоторые изслѣдователи считали, что этотъ Великій Князь Изяславъ есть тотъ же Изяславъ Володимеричъ. Но лѣтописи или молчатъ объ его отчествѣ, или называютъ его Мстиславичемъ, или при томъ сыномъ Великаго Князя Мстислава Романовича, что имѣетъ совершенно правдоподобный видъ. Если же, напротивъ того, принять первое родословіе, то останется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ Изяславъ Володи

меричъ, отецъ котораго никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ, могъ занять Великое Княженіе при жизни его старшаго четвероюроднаго брата, Михаила Всеволодовича, и при томъ съ согласія послѣдняго. Послѣ изгнанія Изяслава Мстиславича изъ Кіева лѣтописи перестаютъ объ немъ упоминать. Около времени Батыева нашествія является, по Волынской лѣтописи, другой Изяславъ, Князь Канева (по мнѣнію Г. Дашкевича находился тоже въ восточной части Волынской Губерніи), думаемъ, одно лицо съ Изаславомъ Володимеричемъ. Подъ 1255 годомъ объ немъ сообщается слѣдующее любопытное извѣстіе. Взявъ вспомогательное войско у Татаръ (извѣстно, что Болоховскіе были въ особенной дружбѣ съ Татарами), онъ овладѣлъ Галичемъ, въ отсутствіе Короля Данила. Но предпріятіе это кончилось худо: онъ былъ осажденъ Королемъ и принужденъ сдаться. Что съ нимъ сдѣлалось потомъ, не извѣстно. Любопытно, что Волынская лѣтопись упоминаетъ о какомъ-то Ѳедорѣ, сподвижникѣ Изяслава, которому удалось уйти съ небольшимъ отрядомъ. Этотъ Ѳедоръ едва ли не Ѳедоръ Святославъ, сынъ Всеволода и родной племянникъ Изяслава. Такимъ образомъ весь этотъ разсказъ клонится въ пользу нашего объясненія.

Слѣдуетъ Романъ, Старый, Великій Князь Черниговскій (Синодикъ, должно замѣтить, отличаетъ этимъ титуломъ всѣхъ Князей, владѣвшихъ самимъ городомъ Черниговомъ: онъ вѣренъ только для, потатарскаго времени) и сынъ его, Великій Князь Олегъ Леонтій Романовичъ, въ иночествѣ Василій, «оставившій болѣе 12 темъ людей и принявшій Ангельскій образъ.» Любопытный матеріялъ для опредѣленія населенности южной Руси послѣ Батыя.

Романъ Михайловичъ, сынъ Св. Михаила и его сынъ, Олегъ часто упоминаются въ Волынской лѣтописи, но только какъ Князья Брянскіе. Изъ Синодика видно, что послѣ Всеволода Ярополковича Романъ получилъ наконецъ старѣйшинство. По извѣстію родословныхъ книгъ, онъ убитъ въ Ордѣ. Вѣроятно Олегъ не былъ его непосредственнымъ преемникомъ; ибо ниже упоминается о Великомъ Князѣ Михаилѣ Дмитріевичѣ, котораго всего легче помѣстить между Романомъ и Олегомъ. Олегъ же Романовичъ причтенъ ко Святымъ, и мощи его находятся въ Брянскѣ подъ спудомъ. Въ полныхъ Святцахъ объ немъ сказано только то, что онъ постригся въ Брянскѣ и скончался тамъ же, въ самомъ концѣ XIII вѣка. Житія его не существуетъ.

Теперь, думаемъ, не трудно будетъ опредѣлить, кто былъ

тотъ загадочный Князь, Константинъ Ольговичъ Черниговскій, омянутый выше. Очевидно, ему не кѣмъ быть, кромѣ сына Оле-а Романовича. Княженіе его приходится въ началѣ XIV вѣка, и ыло, должно быть, продолжительное; ибо ниже мы увидимъ, что нъ пережилъ всѣхъ сыновей и имѣлъ преемникомъ внука Ми-аила Александровича. При этомъ Князѣ Брянскъ отложился отъ льговичей и сталъ брать себѣ Князей изъ сосѣдняго Смолен-каго племени. Причина понятна: Брянчанамъ надоѣло завистъ гъ разореннаго Чернигова и видѣть, какъ ихъ Князья при пер-омъ случаѣ перебѣгаютъ на это княженіе.

За тѣмъ идутъ Князья: Борисъ, Давыдъ, Андрей и Дмитрій вятославъ Володимеричи, Антоній Глѣбовичъ, Константій Ми-йловичъ, Акинѳъ Романъ Черноризецъ и Иванъ Дмитрій, убі-ый отъ Татаръ, Великій Князь Михаилъ Дмитріевичъ Черниговъ-кій и Ѳедоръ Дмитріевичъ.

Архіепископа Филаретъ считаетъ Володимеричей сыновьями Вла-вмира Давыдовича. По лѣтописи у него извѣстенъ только сынъ вятославъ, уже помянутый выше. Думаемъ, что здѣсь скорѣе идетъ ѣчь о Князьяхъ Болоховскихъ, младшихъ братьяхъ Изяслава и севолода Володимеричей. Изъ Волынской лѣтописи видно, что олоховскихъ было много. Впрочемъ, дѣло темное: Антоній Глѣбо-ичъ—сынъ Глѣба Святославича, а Константій, можетъ быть, сынъ ъ. Михаила; о слѣдующихъ же не возможна и догадка. Дмитрій ть, кажется, одно лицо съ Дмитріемъ Мстиславичемъ (см. вы-е). Убитъ онъ, вѣроятно, во время Батыева нашествія. Княженіе го сына, Михаила, должно приходиться между Романомъ и Оле-мъ послѣ второй опалы на Михайловичей. Ѳедоръ — его братъ.

За тѣмъ поминаются: Василій Козельскій, убитый отъ Татаръ, которомъ уже сказано, и Андрей Волынскій, вѣроятно, Андрей севолодовичъ, зять Василька. Прозвище Волынскій указываетъ, го, по смерти отца, онъ переѣхалъ на Волынь, къ женинымъ род-венникамъ. Далѣе слѣдуютъ: Великій Князь, Михаилъ Александ-овичъ Черниговскій, сынъ его Великій Князь Романъ, убитый Смоленскѣ отъ Князя Юрія, и Семенъ Романовичъ. Михаилъ ть внукъ Константина Ольговича. Онъ, кажется, былъ современ-икомъ Литовского нашествія и вѣроятно призналъ верховную асть Гедимина. Романъ по лѣтописи упоминается въ концѣ XIV олѣтія, какъ Князь Брянскій; но что ранѣе онъ владѣлъ Чер-иговомъ, видно изъ того, что Витовтъ, въ письмѣ къ Великому

Князю Василію II, прямо называетъ его Великимъ Княземъ Черниговскимъ. Вѣроятно, онъ былъ переведенъ въ Брянскъ Ольгердомъ, которому не хотѣлось оставлять пограничный Черниговъ въ рукахъ чужого племени. Въ послѣдствіи Романъ былъ Намѣстникомъ Витовта въ новопокоренномъ Смоленскѣ, и погибъ при взятіи этого города законнымъ владѣтелемъ, Юріемъ Святославичемъ, въ 1401 году. О смерти его есть странная замѣтка въ Супрасльской лѣтописи: «а Князя Романа убиша, кишку бо съ хлѣбомъ ѣлъ.». Такимъ образомъ онъ погибъ за введеніе въ Смоленскъ поганскихъ обычаевъ и за оскорбленіе хлѣба. Этой трагикомической замѣткой оканчивается исторія Великихъ Ольговичей Черниговскихъ. Дальнѣйшіе Князья Чернигова были изъ другихъ племенъ. Послѣ Романа тамъ княжилъ Дмитрій Ольгердовичъ, не оставившій потомковъ. Во второй половинѣ XV столѣтія и въ первой XVI-го этимъ городомъ владѣли Московскіе Князцы, Иванъ Андреевичъ Можайскій, сынъ его Семенъ и внукъ Василій; впрочемъ, они княжили собственно въ Стародубѣ. По смерти послѣдняго весь его удѣлъ былъ присоединенъ къ Москвѣ. Сынъ Романа, Семенъ, былъ отпущенъ живымъ изъ Смоленска. Что съ нимъ потомъ сталось, не извѣстно; потомковъ у него не видать. Была еще боковая вѣтвь Романовичей, Князья Осовецкіе, шедшіе отъ Михаила, старшаго брата Олега Романовича. Они не извѣстны даже по именамъ, и должно быть рано прекратились.

Слѣдуютъ: Князь Георгій Курскій и сынъ его, Георгій, Ѳедоръ Мстиславъ Новгородскій (Сѣверскій), Константинъ Давыдовичъ Новгородскій и сынъ его, Тимоѳѣй. Георгій вѣроятно сынъ Олега Курскаго, внукъ Игоря Георгія Святославича, приходится въ концѣ XIII вѣка. О рожденіи Мстислава Ѳедора Давыдовича упомянуто въ лѣтописи подъ 1193 годомъ, только не извѣстно, объ нашемъ ли идетъ рѣчь, или о сынѣ Давыда Смоленскаго. Константинъ Давыдовичъ почти несомнѣнно сынъ Давыда Ольговича. Извѣстіе это пополняетъ нѣсколько исторію Сѣверскаго Новгорода, вообще довольно неясную. Въ этомъ городѣ первоначально княжили потомки Святослава Ольговича. Послѣ того какъ Владимиръ Игоревичъ Сѣверскій и его братья овладѣли Галичемъ, Новгородъ былъ, кажется, уступленъ ими Черниговскимъ за оказанную помощь. Заключаемъ это изъ того, что Владимиръ, по изгнаніи изъ Галича, вернулся не въ Новгородъ, а въ Путивль, и Князья Мстиславъ и Константинъ были изъ другого племени

Дальнѣйшее пребываніе Сѣверскихъ можно опредѣлить только приблизительно, имѣя въ виду, что этотъ городъ всегда долженъ былъ доставаться Князю, занимавшему второе мѣсто по старѣйшинству. Такимъ образомъ послѣ Владимира Игоревича въ немъ должны были сидѣть: Глѣбъ и Мстиславъ Святославичи, Давыдъ Ольговичъ (внукъ Святослава), Михаилъ Всеволодовичъ Чернаго, Мстиславъ Глѣбовичъ, и наконецъ Мстиславъ и Константинъ Давыдовичи. Такъ выходитъ по родовому счету.

Иванъ Романовичъ Путивльскій, Константинъ Романовичъ, Михаилъ Романовичъ, убитый отъ Литвы. Соглашаемся съ Архіепископомъ Филаретомъ, что это дѣти Романа Игоревича, повѣшеннаго въ Галичѣ. Старшій городъ Путивль достался имъ, думаемъ, по тому, что дѣти старшаго Игоревича Владимира держались, какъ мы видѣли, въ Бохоловской землѣ.

Александръ Василій Черноризецъ, Михаилъ Глуховскій и сынъ его Семенъ, Михаилъ Глуховскій, отецъ Семена, долженъ быть сынъ Семена Глуховскаго, сына Св. Михаила, извѣстнаго по родословнымъ. Александръ и Василій, можетъ быть, его братья.

За тѣмъ Александръ Новосильскій, убитый отъ Татаръ за Православную Вѣру, Семенъ Александровичъ, Михаилъ Всеволодовичъ, Сергѣй Александровичъ. А въ Елецкомъ Синодикѣ, кромѣ того, Всеволодъ Устивскій. Александръ Новосильскій убитъ, по лѣтописи, въ одинъ и тотъ же день съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, въ 1325 году. Семенъ и Сергѣй—его дѣти. Можетъ быть, его же сынъ и Всеволодъ, отецъ Михаила. Любопытно было бы знать, гдѣ находился Устивскій городокъ. Это извѣстіе даетъ возможность исправить родословіе Новосильскихъ и Одоевскихъ, вовсе искаженное въ родословныхъ книгахъ. По словамъ послѣднихъ, Новосильскіе происходили отъ Семена Михайловича Глуховскаго, у котораго былъ сынъ Романъ Семеновичъ Новосильскій и Одоевскій. Явная нелѣпость; ибо этотъ Князь по лѣтописямъ жилъ уже въ концѣ XIV вѣка. Синодикъ показываетъ намъ, что Романъ былъ сынъ Семена, внукъ Александра Новосильскаго, казненнаго въ 1325 году. А этотъ Александръ чей былъ сынъ? Думаемъ, младшій сынъ Семена Глуховскаго: во всякомъ случаѣ изъ его племени.

Дмитрій Курскій и сынъ его, Василій, убитый отъ Татаръ, Княгиня Всеволожская Анастасія, и сынъ ея, Ксенофонтъ, Князь

Корикова(скаго?), Дмитрій, долженъ быть изъ племени Олега Курскаго; Анастасія можетъ быть жена Всеволода Уставскаго. Городъ Кориковъ намъ не извѣстенъ. За тѣмъ поминается Дмитрій Новгородскій, можетъ быть сынъ Мстислава. Это послѣдній Сѣверскій Князь изъ Ольговичей, о которомъ имѣются извѣстія.

Слѣдуетъ Князь Иванъ Путивльскій «страстотерпецъ и чудотворецъ, убіенный отъ Татаръ за Христіянъ.» Лицо, видно, очень извѣстное въ свое время, нынѣ же объ немъ, кажется, исчезла всякая память. Вѣроятно сынъ Ивана Романовича. Въ Сѣверскомъ Синодикѣ послѣ него поминается Иванъ Владимиръ Иванович Кіевскій, Андрей Вруцкій и сынъ его, Василій, убіенный въ Путивлѣ.

Вотъ яркій лучъ, кинутый нашимъ драгоцѣннымъ памятникомъ въ непроглядную тьму исторіи Кіева послѣ Батыева нашествія. И такъ послѣдніе Князья Кіевскіе были изъ Ольговичей! Значитъ, этому племени таки удалось наконецъ оттѣснить Мономаховичей и упрочить за собой старѣйшій городъ Русской земли! Да, но въ какомъ видѣ онъ имъ достался!

Прежде чѣмъ приступить къ объясненію этого мѣста, надо изложить тѣ скудныя извѣстія о потатарской порѣ Кіева, которыя даютъ намъ лѣтописи. Изъ нихъ мы узнаемъ, что, послѣ Батыя, въ Кіевѣ княжилъ Св. Михаилъ, убитый въ 1246 году. За тѣмъ, подъ 1246 годомъ, Волынская лѣтопись говоритъ, что этимъ городомъ владѣлъ Князь Ярославъ Суздальскій, управлявшій имъ черезъ своего Боярина, Дмитра Ейковича (едва ли не тотъ самый Дмитръ, который защищалъ Кіевъ отъ Батыя). Михаилъ Черниговскій, по словамъ Никоновской лѣтописи, вскорѣ послѣ Татарскаго нашествія оставилъ разоренный Кіевъ и перешелъ въ свой наслѣдственный удѣлъ. Умирая Ярославъ завѣщалъ Кіевъ старшему сыну, Александру Невскому, но тотъ не поѣхалъ на Югъ и дождался, вмѣсто того, Сѣвернаго Великаго Княженія. Кіевъ, однако, оставался за нимъ и за его братомъ и преемникомъ, Ярославомъ (см. Густынскую лѣтопись). Вскорѣ послѣ смерти послѣдняго въ Суздальской землѣ началась великая усобица, и въ то же время Орда распалась на двѣ половины: Южная признавала власть Хана Нагая, и вотъ, вѣроятно, къ нему-то обратились Кіевляне, прося, чтобъ имъ дали наконецъ особеннаго Князя. Думаемъ, что Княземъ этимъ былъ именно Владимиръ Иванович Кіевскій, упомянутый въ Синодикѣ. Его отчество, то обстоятель-

во, что онъ помянутъ непосредственно за Иваномъ Путивль-имъ, и что рядомъ съ нимъ упоминается Василій Путивльскій, очти не оставляютъ сомнѣнія, что и Владимиръ былъ изъ того е племени; только затруднительно опредѣлить, былъ ли онъ сы-омъ, или братомъ, Ивана Страстотерпца. Во всякомъ случаѣ кня-еніе его приходится на вторую половину XIII вѣка. Андрей Вруц-й былъ его братомъ, или, во всякомъ случаѣ, родственникомъ, олучившимъ въ удѣлъ Овручъ, а сынъ его, Василій, вернулся въ ослѣдственный Путивль, и погибъ тамъ; послѣ чего о Князьяхъ утивльскихъ не упоминается, и самъ городъ былъ, вѣроятно, ожженъ. За тѣмъ, подъ 1331 годомъ, говорится въ лѣтописяхъ Князѣ Ѳедорѣ Кіевскомъ. Этого Ѳедора многіе считали Намѣст-икомъ Гедимина, такъ какъ, по позднѣйшимъ Литовско-Русскимъ тописямъ, Кіевъ былъ въ это время уже покоренъ Литвой. Но есостоятельность этихъ памятниковъ въ лѣтосчительномъ отно-еніи давно уже показана изслѣдователями, да и разсказъ Сѣ-верныхъ лѣтописей такъ ясенъ и отчетливъ, что не оставляетъ никакого мѣста для сомнѣнія. Дѣло происходило такъ: Новго-родскій Епископъ ѣздилъ посвящаться къ Митрополиту, бывшему огда на Волыни. Ѣхалъ онъ черезъ Литву: но когда ему при-лось отправляться въ обратный путь, пронесся слухъ, что Ге-диминъ объявилъ войну Новгороду. По тому Новгородцы сочли ернѣе ѣхать черезъ Кіевскую землю. Когда они были около Кіе-а, напалъ на нихъ разбойническимъ образомъ Князь Кіевскій Ѳедоръ, въ сопровожденіи Татарскаго Баскака. Новгородцы бы-и во время предупреждены и успѣли изготовиться къ бою, такъ го Князь вернулся ни съ чѣмъ. Изъ этого разсказа мы можемъ звлечь нѣсколько любопытныхъ данныхъ для исторіи Кіева въ ервой половинѣ XIV вѣка. Во первыхъ, очевидно, что Кіевъ еще е былъ подчиненъ Литвѣ. Во вторыхъ, средства тогдашняго іевскаго Князя были такъ малы, что онъ не могъ одолѣть даже роѣзжихъ Новгородцевъ. Въ третьихъ, Баскаки, уже не имѣвшіе остояннаго жительства въ сѣверныхъ городахъ, еще сидѣли въ іевѣ; значитъ, зависимость этого города отъ Татаръ была самая олная. Этимъ объясняется и одичаніе нравовъ, сказавшееся въ оступкѣ Князя Ѳедора.

Вскорѣ послѣ этого событія Кіевъ былъ дѣйствительно взятъ едиминомъ. По словамъ Литовскихъ сказаній, тамъ княжилъ въ то время Князь Станиславъ. Онъ сразился съ Гедиминомъ на

рѣкѣ Ирпени, при чемъ ему помогали Татары, но былъ разбитъ и изгнанъ, а братъ его, Олегъ Переяславскій, погибъ въ бою. Весьма возможно, что Станиславъ и Ѳедоръ одно и то же лица. Тѣ что братъ послѣдняго Кіевскаго Князя назывался Олегомъ, даетъ поводъ заключить, что и эти Князья были Ольговичи и, по всей вѣроятію, потомки Владимира Ивановича. Извѣстно, что Мономановичи гнушались этимъ вражьимъ именемъ, такъ что во всемъ ихъ племени буквально не было ни одного Олега.

Остальные Князья, поминаемые въ Синодикѣ, представляютъ мало любопытнаго, принадлежатъ къ болѣе позднему времени и почти всѣ извѣстны по лѣтописямъ и родословнымъ. По тому мы и не будемъ объ нихъ говорить, а, вмѣсто того, считаемъ не лишнимъ представить, въ заключеніе нашего труда, по возможности полный и достовѣрный списокъ Князей Черниговскихъ отъ Мстислава, сына Св. Владимира, и до конца четырнадцаго вѣка. Вотъ онъ:

1. Мстиславъ I Константиновичъ Володимеричъ, овладѣлъ Черниговомъ въ 1024 году, † 1036. Черниговъ былъ присоединенъ къ Великому Княженію.

2. Святославъ I Никола Ярославичъ, получилъ Черниговъ по завѣщанію отца, въ 1055 году, въ 1073 прогналъ изъ Кіева старшаго брата, Изяслава, и занялъ его мѣсто.

3. Всеволодъ I Андрей Ярославичъ, замѣстилъ брата въ Черниговѣ, въ 1076 перешелъ на Великое Княженіе.

4. Борисъ Вячеславичъ, племянникъ предыдущаго, по уходѣ Всеволода овладѣлъ Черниговомъ, но черезъ нѣсколько дней былъ изгнанъ Владиміромъ Всеволодовичемъ, который, кажется, и занялъ его мѣсто. Вскорѣ Всеволодъ уступилъ Кіевъ Изяславу и вернулся въ Черниговъ. Въ 1078 году его изгнали Борисъ и Олегъ Святославичи. За тѣмъ произошла битва на Нѣжатиной нивѣ, въ которой были убиты Великій Князь Изяславъ и Борисъ, а Олегъ долженъ былъ бѣжать. Всеволодъ вторично перешелъ въ Кіевъ.

5. Владиміръ I Василій Всеволодовичъ Мономахъ, въ 1097 году изгнанъ Олегомъ.

6. Олегъ I Михаилъ Святославичъ, въ 1097 году, по рѣшенію Князей, уступилъ Черниговъ старшему брату.

7. Давыдъ Святославичъ, † 1123.

8. Ярославъ I Константиновичъ? Святославичъ, въ 1126 году згнанъ племянникомъ.

9. Всеволодъ II Ольговичъ, въ 1139 году овладѣлъ Кіевомъ, Черниговъ передалъ двоюродному брату.

10. Владимиръ II Давыдовичъ, раздѣлялъ власть съ братомъ [зяславомъ, а въ 1151 году убитъ въ сраженіи.

11. Изяславъ Давыдовичъ, наслѣдовалъ брату, въ 1155 году нялъ Великое Княженіе, передавъ Черниговъ Святославу Ольго-ичу, скоро опять вернулся, и въ 1157 году снова занялъ Кіевъ.

12. Святославъ II Борисъ Ольговичъ, двоюродный братъ зяслава, † 1164.

13. Олегъ II Ѳеодосій Святославичъ, наслѣдовалъ отцу, но скоро долженъ былъ уступить Черниговъ двоюродному брату.

14. Святославъ III Всеволодовичъ, въ 1173 году занялъ іевъ, но не могъ его удержать, въ 1176 снова овладѣлъ имъ, въ 179 году опять изгнанъ, а въ 1180 окончательно утвердился на еликомъ Княженіи. Въ промежуткахъ княжилъ въ Черниговѣ, ало полагать, Олегъ Святославичъ, умершій въ 1180 году, послѣ ира.

15. Ярославъ II Всеволодовичъ, † 1198.

16. Игорь Георгій Святославичъ Ольговича, † 1202.

17. Олегъ III Святославичъ Всеволодовича, † 1204.

18. Всеволодъ III Даніилъ Святославичъ Чермный, наслѣдо-лъ брату, въ 1206 сѣлъ въ Кіевѣ, въ томъ же году изгнанъ, 1207 снова взялъ и снова изгнанъ, въ 1210 окончательно вердился въ Кіевѣ, отдавъ Черниговъ своему сопернику, Рюрику.

19. Рюрикъ Ростиславичъ, внукъ Мстислава, правнукъ Мо-маха, † 1212 года.

20. Глѣбъ Святославичъ, братъ Чермнаго, замѣщалъ, надо лагать, своего брата въ Черниговѣ, а потомъ наслѣдовалъ Рю-ку. Въ 1214 году Чермный, изгнанный изъ Кіева, прибѣжалъ родину и скоро умеръ. Годъ смерти Глѣба не извѣстенъ.

21. Мстиславъ II Пантелеймонъ Святославичъ, убитъна Кал-, въ 1224 году.

22. Олегъ IV Игоревичъ, овладѣлъ Черниговомъ, но скоро лъ изгнанъ.

23. Михаилъ I Всеволодовичъ, около 1237 года перешелъ Кіевъ.

24. Мстиславъ III Ѳеодоръ Глѣбовичъ, владѣлъ Черниговом въ Батыево нашествіе. Михаилъ снова вернулся въ Черниговъ былъ убитъ въ 1246.

25. Всеволодъ IV Лаврентій Ярополковичъ Ярослав владѣлъ Черниговомъ въ 1261 году.

26. Романъ I Старый Михайловичъ, сынъ Св. Михаила, уб въ Ордѣ.

27. Михаилъ II Дмитріевичъ, кажется, внукъ Мстислава Г бовича.

28. Олегъ V Леонтій Романовичъ, умеръ въ самомъ кон XIII вѣка.

29. Константинъ Ольговичъ, жилъ въ началѣ XIV столѣт

30. Михаилъ III Александровичъ, внукъ предыдущаго.

31. Романъ II Михайловичъ, переведенъ Ольгердомъ Брянскъ.

32. Дмитрій Ольгердовичъ, послѣдній Князь Черниговскій.

Н. Квашнинъ-Самаринъ.

ЗАМѢЧАНІЕ

ИЗВѢСТНОМЪ ПАЛОМНИКѢ-ПѢШЕХОДѢ ВАСИЛІИ ГРИГОРОВИЧѢ ЗѢ АЛЬБОВѢ, ЕГО ВОЗВРАЩЕНІИ НА РОДИНУ И МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ, СДѢЛАННОЕ ОЧЕВИДЦЕМЪ И ЗЕМЛЯКОМЪ ЕГО.

Въ Воскресенскомъ, Новый Іерусалимъ именуемомъ, монарѣ, изъ нѣсколькихъ Латинскихъ и Польскихъ рукописей и ицинскихъ книгъ съ надписью: «Изъ книгъ Лѣкаря Родіона еранскаго,» и надписи на этихъ книгахъ, открывается, что въ 1787 г., уже находясь въ Воскресенскомъ монастырѣ, по-ь просьбу объ увольненіи его отъ Лѣкарскаго званія въ Медискую Коллегію, и что по увольненіи онъ постригся въ семъ астырѣ съ именемъ Рафаила.

Изъ числа замѣтокъ (болѣе духовно-нравственнаго содержа-, коими исписаны листы книги «Apteczka domowa,» списокъ Краковскаго изданія 1663 г., и «Lekarstwa domowa,» тоже съ атнаго Краковскаго изданія 1678 г., обращаетъ на себя вниіе отзывъ отца Рафаила Померанскаго объ извѣстномъ сочиіи нашего паломника-пѣшехода Василія Григоровича Барскакоторый былъ землякъ Рафаила Померанскаго, погребенный Кіево-Братскомъ монастырѣ. Отзывъ отца Рафаила слѣдуюго содержанія:

«Выписка изъ описанія путешествія Василія Григоровича, вскаго уроженца, монаха Антіохійскаго, Плаки Альбова, пѣшеца. Путешествіе его состояло къ Святымъ Мѣстамъ, въ Евро-, Азіи и Африкѣ находящимися, предпринятое въ 1723, а окончное въ 1747 году, имъ самимъ собственноручно описываемое, планами и чертежами, а нынѣ напечатанное въ Петрополѣ и Императорской Академіи Наукъ въ 1778 году. Онъ, Василій игоровичъ, продолжалъ путешествіе свое по Святымъ Мѣстамъ великимъ прилежаніемъ, описывая достопамятныя Святыя Мѣа чрезъ 24 года путешествія его. Примѣчанія достойно въ тешествіи его, во первыхъ, то, что вездѣ тамъ, въ Палестинѣ, и святостію прославленныхъ, мѣстахъ находится также велие множество монаховъ Римскаго Исповѣданія; также, гдѣ есть онастыри Греческіе, находится такое же множество монаховъ имскаго Исповѣданія, какъ вездѣ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ по онастырямъ, различнаго ихъ чина и орденовъ обитаютъ, и во

всегдашнемъ съ Греками несогласіи и въ раздорахъ живутъ. Что касается до обрядовъ Греческія Церкви, въ раздѣленіи съ ею Церквію Римскою состоящей, о чемъ о ней пѣшеходецъ Григоровичъ достовѣрно и справедливо описываетъ о нынѣшнемъ и тогдашнемъ состояніи, о внѣшнемъ и внутреннемъ украшеніи, образѣ жизни и самомъ мѣстоположеніи единовѣрныхъ намъ Греческихъ монастырей, въ великомъ множествѣ, въ Европѣ Азіи и Африкѣ состоящихъ, онъ безъ всякаго пристрастія, какъ собственныя свои слабости, безъ закрытія вездѣ открываетъ, и добродѣтель чужестранцевъ хвалитъ безъ малѣйшей зависти, и чтодесъ не опровергаетъ, и суевѣріемъ не помрачаетъ своей повѣсти, и изъявляетъ образъ гостепріимства по всѣмъ землямъ, пройденнымъ отъ него въ видѣ убогаго странника, съ подробнымъ собственныхъ приключеній и видѣнныхъ имъ вещей описаніемъ, и для лучшаго пути его понятія, сокращенно представляются здѣсь времена и мѣста, гдѣ иногда онъ былъ, и сему означается при томъ сокращенное пути его начертаніе.

Вѣдомо же да будетъ любопытному читателю, какъ, по прибытіи онаго пѣшеходца, Василія Григоровича, возвратившагося изъ путешествія въ Кіевъ, весьма мало нѣсколько времени въ домѣ своемъ, въ матери (т. е., у матери) находися, скоро преставися, и погребенъ въ Кіевобрацкомъ училищномъ монастырѣ, противу самаго большаго олтаря, близъ олтарнаго большаго окна при которомъ погребеніи и азъ, многогрѣшный, находяся въ обученіи Кіевской Академіи, находился, и погребли его, какъ священные чины, такъ и Академисты, изъ коихъ въ присутствіи былъ при погребеніи онаго Василія Григоровича, находяся тогда въ свѣцкомъ званіи при Академіи, именующійся Родіонъ Померанскій, а нынѣ Божіимъ промысломъ освященный монашескимъ званіемъ Рафаилъ, по прозванію тотъ же Померанскій.» *

Сообщ. **Архимандритъ Леонидъ.**

---

* Говорятъ, подлинникъ путешествія Василія Григоровича находится нынѣ въ числѣ рукописей Казанскаго Университета, поступившій туда вмѣстѣ съ библіотекою Князя Г. А. Потемкина. Слѣдовало бы его въ наше время перекладать точь въ точь, а не съ приспособленіемъ къ книжному Русскому языку. За это желаетъ взяться сообщившій это замѣчаніе, если Казанскій Университетъ благоволитъ одолжить для того свою рукопись на нѣкоторое время въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. О. Б.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВ. АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА БОГОСЛОВА.[1]

Или будетъ зло во градѣ, еже Господь не сотвори?

Слова Пророка Амоса гл. 3, ст. 6.

Еще и доселѣ не умолкли гласы недовольныхъ, которые хо-ѣли бы жить въ свѣтѣ все по своему: «Москва сожжена, храмы ожіи въ ней поруганы, жители разорены.»

Слово, нами предлагаемое и случайно пріобрѣтенное (въ спискѣ на синей бумагѣ) отъ И. М. Лукьянова произнесено, какъ думаемъ, въ 1813 г., Сентября 26-го, Священникомъ Трехсвятительской, у Красныхъ Воротъ, церкви, Николаемъ Петровичемъ Друговымъ, скончавшимся въ санѣ Протоіерея 27 Апрѣля, 1868, на 81 году отъ рожденія. Онъ былъ способный, ревностный проповѣдникъ: на поздней литургіи, въ праздничные и воскресные дни, постоянно сказывалъ поученія безъ тетрадки, имѣя въ рукахъ развѣ одинъ планъ или расположеніе своей проповѣди; такъ, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшіе годы жизни. Его сердечное, одушевленное слово было понятно и трогательно для всѣхъ: для малаго и стараго, для ученаго и простолюдина Въ своихъ безъ приготовленія поученіяхъ онъ употреблялъ не только простой складъ рѣчи, но и приличныя, мѣткія поговорки, или указывалъ на разные случаи изъ обыденной жизни. Ради общаго назиданія, бралъ иногда въ примѣръ какую ни будь личность изъ среды предстоящихъ. Имя проповѣдника переходило изъ устъ въ уста и обще извѣстнымъ сдѣлалось. Не одни прихожане, но и окрестные жители, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ столицы, собирались послушать его. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1857 года, не за долго до его кончины, была напечатана литографированная картина художника Д. Струкова (рис. съ натуры) съ надписью: «Проповѣдь Священника во храмѣ.» Священникъ этотъ Н. П. Друговъ. Вотъ онъ, почтенный старецъ, на амвонѣ, у самаго аналоя, окруженный множествомъ слушателей. По лѣвую сторону его обращаетъ на себя вниманіе, стоящій почти рядомъ съ нимъ, молодой Арабъ, разумѣется, Православный (въ Ригѣ присоединенъ къ Православной Церкви); проповѣдникъ, простерши и какъ бы воздѣвши руки свои къ народу, съ выраженіемъ доброты и откровенности въ лицѣ, поучаетъ истинамъ Вѣры... Въ предлагаемомъ нами «Словѣ» (отрывокъ изъ него помѣщенъ въ жизнеописаніи Н. П. Другова, нами составленномъ и напечатанномъ въ Іюньской книжкѣ

Больно сердцу слышать все одно и то же. Не время ли уже успокоиться? Не время ли возъимѣть чувствія достойныя Христіанъ? Все ли язычествовать? Все ли останавливаться на вторыхъ причинахъ, не восходя до первой? Или забыли мы, что все и свѣтѣ бываетъ не по слѣпому какому-то случаю, а по волѣ или попущенію Творца всяческихъ? Или не знаемъ, что Христіанинъ единожды на всегда отрекся своей воли, и долженъ быть на все готовъ? Если не знаемъ, стыдъ дѣлаемъ Христіанству; если забыли, время вспомнить.

Время вспомнить, когда Господь силъ видимо благословилъ и паки благословляетъ оружіе наше. [2] Ибо гдѣ враги наши, вторгшіеся въ любезное отечество наше, ругавшіеся надъ святынею, осквернявшіе храмы Божіи, сожигавшіе жилища наши? Наибольшая часть оныхъ давно уже истлѣли, будучи отъ трехъ сильныхъ непріятелей, воздвигнутыхъ Богомъ-мстителемъ: меча, глада и хлада, повержены на распутіяхъ и стогнахъ градовъ и селъ. Сіи сквернители и зажигатели сами по смерти сожжены, дабы тлѣніемъ въ нѣдрахъ земли не осквернили и не заразили воздуха, да сбудется Писаніе: ими же согрѣшиша, тѣми и наказани быша. [3] Другая знатная часть оныхъ находится въ плѣну; [4] а немногіе оставшіеся, остались для того, чтобы повести въ вертепы свои стыдъ и вѣчную укоризну имени своего. славу же и честь Богу, Спасителю Россіи, и хвалу нашему Монарху и любезнымъ соотечественникамъ нашимъ—Россіянамъ. Время вспомнить, когда союзъ нечестія, буйства и наглости, крамолы и убійства, расторгается, а новый союзъ, союзъ защиты невинности, союзъ справедливости и возвращенія каждому изъ Державствующихъ собственности, уже составился, дѣйствуетъ и счастливитъ Цари и народы. Время вспомнить, когда Монархъ нашъ

«Душеполезнаго Чтенія» 1868 г.) замѣчательно въ особенности мастерское описаніе нравственныхъ недуговъ общества, господствовавшихъ во время, предшествовавшее Французской войнѣ. Вообще оно достойно сохраненія, какъ литературный памятникъ нашей отечественной старины, но подлинникъ едва ли уцѣлѣлъ.

[2] Заграничная война 1813 года.

[3] Прем. 11, 17.

[4] При Кульмѣ, 17 Августа, 1813, взятъ въ плѣнъ Французскій Генералъ Вандамъ.

любезнѣйшій, Благочестивѣйшій Государь Александръ Павловичъ, приникъ окомъ благочестія и милосердія на домы Царя Царей и жилища сыновъ своихъ, и частію отверзъ уже, а частію готовъ отверзти сокровищницы своя, для возвращенія храмамъ должнаго благолѣпія и для облегченія нужды потерпѣвшихъ отъ нашествія непріятельскаго разореніе. Время вспомнить, когда Августѣйшая Супруга его, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Елисавета Алексіевна, приняла на себя священное, сродное сердцу ея, титло покровительницы несчастныхъ.

Да престанутъ уже жалобы на постигшее царствующій градъ сей несчастіе; да впечатлѣютъ [5] въ умахъ и сердцахъ своихъ, что не мудрость, или политика, кабинетовъ Царскихъ править царствами земными, и зло, или благо, говоря человѣчески, зиждетъ на земли, но все бываетъ по глаголу воли Царя Царей: Или будетъ зло въ градѣ, еже Господь не сотвори? — Кто есть той, иже рече, и бысть, Господу не повелѣвшу.—Богатъ и нищъ срѣтоста другъ друга; обоихъ же Господь сотвори. Плачь Іерем. гл. 3, ст. 37. Притч. гл. 22, ст. 2.

Христіянинъ, знающій Вѣру свою, совсѣмъ иначе судитъ о несчастіяхъ частныхъ и всеобщихъ, нежели какъ обыкновенно судятъ о нихъ. Какимъ же именно образомъ, сіе достойно изслѣдованія и вниманія, и сіе изслѣдованіе наше да будетъ въ честь празднуемаго нами Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.

Христіянинъ, не буквы токмо, но и силу Святаго Писанія разумѣющій и всѣмъ сердцемъ чтущій божественное откровеніе, въ несчастіяхъ частныхъ и всеобщихъ зритъ со стороны Бога уроки высочайшей нравственности. Богъ сими происшествіями, какъ бы съ каѳедры, краснорѣчивѣе и уразительнѣе всякаго витіи, возвѣщаетъ глаголы воли своея, воли благія, святыя, угодныя и совершенныя. [6] Во первыхъ, здѣсь Христіянинъ ощущительно видитъ ничтожество всего подлунnаго, [7] суету величій мірскихъ, непрочность богатства, немощь силы, немудрость мудрости человѣческой, словомъ, всего человѣческаго непостоянство, обманчивость, нетвердость: вѣковѣчныя зданія падаютъ, сокрушаются; гордые

---

[5] Жители града сего.

[6] Рим. 12, 2.

[7] Въ рукописи: подлиннаго.

обелиски, памятники суетности человѣческой, труды многихъ десятилѣтій, въ нѣсколько минутъ теряютъ и слѣды бытія своего. Градъ нашъ слишкомъ носитъ на себѣ знаки сего плачевнаго событія. [8] Гдѣ лучшія зданія онаго, мастерскія произведенія зодчихъ, искуства архитектуры, живописи и прочихъ художествъ? Рука злодѣевъ, вооруженная пламенниками, унесла ихъ на воздухъ, или сдѣлала изъ нихъ кучу камней. Это чудо Промысла, что священныя мѣста, [9] ознаменованныя чрезъ толико столѣтій хранніемъ нетлѣнныхъ останковъ мужей, благоугодившихъ предъ Богомъ, уцѣлѣли отъ всеобщаго разрушенія и свирѣпства пламени. Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, [10] дивенъ во гнѣвѣ и въ милостяхъ своихъ къ нашей столицѣ!

О, напечатлѣемъ на сердцахъ своихъ сію истину, что нашъ долгъ всюду и всегда смиряться подъ крѣпкую руку Божію. [11] Его бо есть вселенная и исполненіе ея. [12] О немъ и изъ живемъ, движемся и есмы. [13] Гордость одна научила насъ говорить: «домъ мой, богатство мое, сила, или власть, моя, мудрость моя,» все это чужое, Божіе. Что имаши, его же нѣси пріялъ? [14] Одна у насъ собственность, но и та не дѣлаетъ намъ чести— грѣхи и слабости только наши, все прочее — чужое, Божіе. Се прозорливая политика не спасла ни градъ нашъ, ни вообще отечество отъ нападенія вражія, да сбудется Писаніе: яко аще не Господь сохранитъ градъ, или страну, всуе бдѣ стрегій. [15] Почтимъ тайну Промысла Божія о насъ, возложимъ перстъ на уста, или съ благовѣніемъ речемъ: Да будетъ воля Твоя, [16] Господи силъ! При семъ воспользуемся мудрымъ совѣтомъ Сираховымъ: Потерпи, говоритъ онъ, и не скоръ буди во время наведенія; прилѣпися Господу, и не отступи, да возрастетъ

---

[8] Подобной плачевной участи.

[9] Кремлевскіе храмы.

[10] Псал. 67, 35.

[11] I Петр. 5, 6.

[12] Псал. 23, 1.

[13] Дѣян. 17, 28.

[14] I Кор. 4, 7.

[15] Псал. 127, 1.

[16] Мат. 6, 10.

апослѣдокъ твой. Все, елико аще напесено ти будетъ, пріими, и во измѣненіи смиренія твоего долготерпи; яко во огни скушается злато, и человѣцы пріятни въ пещи смиренія. Вѣруй му, и заступитъ тя, и управи пути твоя, и уповай на нь. [17]

Далѣе, Христіянинъ въ несчастіяхъ частныхъ и всеобщихъ ритъ законъ воли Божіей, зло наказующей. Богъ правосуденъ. войство правосудія есть воздавать каждому свое. Правда, нѣсть рѣхъ побѣждающій милосердіе Божіе. Богъ есть весь благость, есь любы. Но все ли оказывать Ему свою благость нечувствиельнымъ? Все ли прощать беззаконникамъ, беззаконія нію-имъ яко воду? Нѣтъ, при всемъ томъ, что онъ есть весь благость, Онъ есть огнь поядаяй; [18] при всемъ томъ, что Онъ едръ и милостивъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ, [19] Онъ есть Богъ отмщеній. [20] Гнѣвъ Мой послю на языкъ еззаконенъ, говоритъ Онъ чрезъ Исаію, и своихъ людей овелю сотворити корысти и плѣненіе, и попрати гряды положити я въ прахъ. И воздамъ, говоритъ Онъ чрезъ еремію, первѣе сугубая беззаконія и грѣхи ихъ, ими же скверниша землю мою.—Неправда дому Израилева и Іуина возвеличися зѣло, зѣло, яко наполнися земля людей иногихъ, и градъ наполнися неправдъ и нечистотъ, яко ѣша: оставилъ есть Господь землю, и не видитъ Господь Азъ есмь, и не пощадитъ око мое, ни помилую, пути ихъ а главы ихъ дахъ.—Накажетъ тя отступленіе твое, и увѣждь виждь, яко зло и горько ти есть, еже оставити Господа Бога воего.—Смерть и кровь, и рвеніе, и оружіе, наведенія, гладъ сокрушеніе, и раны на беззаконныхъ, создана быша сія вся. Ис. гл. 10, ст. 6. Іер. 2, 19, 16, 18. Іез. 9, 9 и 10. Сир. 40, 9 и 10.

Разсмотримъ, Христіяне, жизнь нашу: не заслужили ль мы часть, постигшую насъ? Поруганы храмы наши! Но не мы ли первѣе поругали ихъ и осквернили, входя въ оные и нечистыми ѣлами и нечистыми душами? Въ такомъ случаѣ злодѣи только овершили начатое нами самими осквернение. Сожжены домы наши!

---

[17] Сир. 2, 2 — 6.
[18] Евр. 12, 29.
[19] Псал. 102, 8.
[20] Псал. 93, 1.

ши! Но не за то ли, что они, можетъ быть, большею частію созданы были неправдою, грабительствомъ, хищеніемъ и прочими обидами и притѣсненіями человѣчества? И такъ огонь попалилъ и очистилъ нечестія и беззаконія. Разграблено имущество ваше! Но и оно, можетъ быть, не было ли у насъ плодомъ беззаконій нашихъ? Дѣйствительно ли и всегда ли изъ чистыхъ и законныхъ Божію и совѣсти непротивныхъ источниковъ текло оно въ сокровищницы наши? Не есть ли оно и все, или большая часть онаго, плодъ хитрости и обмана въ приставничествѣ, торговлѣ, ремеслѣ и проч.? Не разореніемъ ли семействъ покупали мы дорогія свои платья и украшенія для тѣла? Не потомъ ли и кровію обиженныхъ наживали золотыя и серебряныя вещи? Ахъ, какіе важные вопросы! Пусть рѣшитъ ихъ совѣсть каждаго, и тогда, вмѣсто роптанія на пути Провидѣнія, можетъ быть, иной сознается предъ Богомъ: Праведенъ еси, Господи, и правы суды твои![21]

Точно, слушатели, по самымъ вѣрнымъ разсчетамъ, необидливъ Богъ;[22] и что сказано Израилю, яко погибель твоя отъ тебе есть, то же самое можно сказать и о насъ: разореніе наше отъ насъ есть; мы сами себѣ приготовили сію участь, а Богу не чудеса же дѣлать, дабы насильно отвлекать насъ отъ бездны, въ которую мы добровольно вверглись. Посмотримъ на жизнь свою: что она была? Ужасная смѣсь язычества съ Христіянствомъ. Всѣ почти стали жить не по старинѣ, а по модѣ. Все стало не грѣхъ, все возможно. Дѣти строгихъ отцовъ и матерей не возлюбили: «Они, говорятъ, устарѣли, изъ ума выжили,—что ихъ слушать?» Во всякомъ знатномъ домѣ завели иностранцевъ и иностранокъ,[23] а особливо Французской націи, однихъ для ученія, другихъ, не для того же ли, или для компаніи; а сіи-то замерзшія змѣи, какъ пишется въ Притчахъ, огрѣвшись въ нашихъ нѣдрахъ, больно, весьма больно, насъ уязвили! Съ тѣхъ поръ Богопочтеніе у насъ охладѣло, любовь къ родителямъ исчезла, уваженіе младшихъ къ старшимъ пропало, патріотизмъ или любовь къ отечеству измѣнился въ своемъ предметѣ, то есть, любовь открылась, но не къ мѣсту своего рожденія, а къ чужеземнымъ государствамъ. Все свое, національное, опротивѣло, все свое стало дурно, негодно; не

---

[21] Псал. 118, 137.

[22] Евр. 6, 10.

[23] Иностранокъ.

ъ лицу и не къ мѣсту. Бѣдный ремесленникъ трудится, потѣетъ резъ всю недѣлю, и наконецъ выноситъ свою работу: онъ не родастъ ее, развѣ за малую цѣну, если Русское издѣліе не наоветъ Французскимъ. Всѣмъ своимъ стали пренебрегать—и Вѣрою, закономъ, и націею. Отъ церкви отстали, а если и придутъ, то а соблазнъ Православнымъ Христіянамъ: смѣются, разговариваютъ неблагопристойныхъ до ея матеріяхъ; вступать въ супружество ъ родными считали ни за что, или за должное по праву естетвеннному; стали гнушаться Русскими и вступать въ бракъ съ новѣрцами и иностранцами. Впрочемъ, отъ туги сердца и изъ важенія къ святости мѣста уполчу. И не за сію ли найпаче юдную жизнь, въ которой ничего Христіянскаго не видно стало, оздвигъ на насъ праведный Богъ толико ужасную бурю? Видно, сполнилась мѣра беззаконій нашихъ. Путіе Сіони рыдаютъ; говоритъ Іеремія, яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ; вся врата его разорена, жерцы его воздыхаютъ и самъ огорчеваемъ въ себѣ. Отъ чего жъ Сіонъ, и вообще Іерусалимъ, постигло такое несчастіе? Самъ пророкъ сіе объясняетъ, говоря: Научиша языкъ свой глаголати лжу, неправдоваша, и не восхотѣша обратитися. Лихва на лихву, и лесть на лесть не восхотѣша увѣдѣти мене, рече Господь.—Стрѣла уязвляющая языкъ ихъ, льстивіи глаголы устъ ихъ: пріятелю своему глаголетъ мирная, внутрь же себе имѣетъ вражду. Еда на сихъ не посѣщу, рече Господь, или людемъ таковымъ не отмститъ душа моя? Плач. Іерем. гл. 1, ст. 4; Іерем. гл. 9, ст. 5, 6, 8 и 9.

И такъ погибель твоя отъ тебе, Израилю: разореніе наше отъ насъ есть, слушатели. При семъ если, что особенно надобно взять на замѣчаніе, то сіи слова Христа Спасителя, реченныя имъ разслабленному: Се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ. [24] Имѣяй уши слышати, да слышитъ!

Наконецъ Христіянинъ въ несчастіяхъ частныхъ и всеобщихъ зритъ законъ воли Божіей, искушающей Вѣру нашу и добродѣтели. Вѣра, искушаемая напастьми, есть треніе аромать (?). Человѣкъ въ счастіи рѣдко знаетъ себя. Благо мнѣ, взывалъ порфироносный пророкъ къ Богу, яко смирилъ мя еси: яко да

[24] Іоан. 5, 11.

научуся оправданіемъ твоимъ [25]. Герой виденъ въ сраженіи. Покажемъ себя достойными исповѣдуемой нами Вѣры. Развѣ Бога должно любить за однѣ только Его милости? Это любовь будетъ пристрастная, любовь наемника къ своему хозяину, котораго онъ любитъ за извѣстную плату. Таковая любовь недостойна Христіянина. Бога должно любить туне, любить тогда, когда посылаетъ намъ благо и зло, счастіе и несчастіе. Аще блага пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ? [26]

Помните, конечно, Христіяне, что та рука, которая наказуетъ насъ, та самая рука основала бытіе наше. Естьли ж она полна была благости при самомъ ничтожествѣ нашемъ, то какъ можетъ она истощиться при событіи [27] любезнѣйшихъ своихъ намѣреній? Какъ можетъ гражданина небеснаго безразсчетно отдать на жертву стихіямъ міра? Скажемъ человѣчески: Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? [28] Нѣтъ, Богъ не вооружитъ мести своей на человѣка, Имъ дышущаго. И что Ему славы свидѣтельствовать могущество свое уничтоженіемъ праха? О человѣки! Познайте въ лицѣ карающемъ васъ Бога, любящаго васъ.

Онъ, какъ нѣжнѣйшій отецъ, бдитъ надъ нами. Жаль Ему, что сладкими мечтами обворожаются прекрасныя Его творенія: жаль Ему, что въ страстныхъ изступленіяхъ гибнутъ самые нужные по сердцу Его. Такимъ образомъ Онъ мещетъ стрѣлы, Онъ движетъ громомъ, для того только, чтобы разбудить человѣка, дремлющаго на лонѣ врага хищнаго; чтобы дать ему почувствовать, какъ льстивый міръ измѣняетъ ему, какъ онъ летитъ съ нимъ въ царство смерти вѣчныя. Пусть убо изнурится плоть и кровь лишь бы не угасъ пламенникъ совѣсти; пусть все для насъ умретъ и погибнетъ, только да не съ міромъ осудимся.

Вотъ прямой законъ Божіей воли! И мы признаемся, Господи, что Твои наказанія тѣмъ болѣе поражаютъ насъ, тѣмъ скорѣе лѣчатъ раны бѣдной души нашей, тѣмъ скорѣе къ Тебѣ ее обращаютъ. Ждеши, Господи! еже ущедрити насъ.

---

[25] Псал. 118, 71.
[26] Іов. 2, 10.
[27] При исполненіи.
[28] Иса. 49, 15.

Наши естественныя слабости—чувства плоти и крови не ставлены у Бога въ забвеніи. Онъ не тотъ владыка, который ложагалъ бы бремена неудобоносимая, сколь мы ни малы предъ Нимъ, какъ ни низки предъ Его величіемъ; но Онъ обрѣтается амъ, яко сыновомъ своимъ.[29] Поди, говоритъ онъ духу злобы, оди искушай Іова, только не тяготи духа его, только не нарушь го свободы.[30] Вѣренъ Богъ, еже не оставитъ насъ искуитися паче, еже можемъ.[31] Нѣтъ человѣка совершенно твераго, но нѣтъ и совершенно слабаго; развѣ неопытность, развѣ едовѣрчивость, могутъ доводить до отчаянія, а то разумъ и воля сегда цари въ свѣтѣ;[32] и человѣкъ, ежели ни чѣмъ другимъ, о крайней мѣрѣ самимъ собою владѣть можетъ. Этого преимущества Онъ никогда у него не отнимаетъ; довольно, что Божія десница никого не погубляла; довольно, что всѣ отчаянные сегда самоубійцы, не отъ того, чтобъ духъ ихъ превозмогали горести, но что изнѣженное самолюбіе[33] ни самомалѣйшей горести, не хочетъ терпѣть нужды. Естьли бы мы напередъ не апасались страхомъ, какъ жалкіе трусы; естьли бы остановились ротивъ свѣта, противъ заключеній,[34] какъ духовные Христіанскіе герои: то мы нашли бы, что наши горести суть простой оборотъ нравственности (?), что слишкомъ трогаться ими есть неостатокъ одного понятія, того понятія, что Богъ есть все, а мы ничто; что Онъ самое зло обращаетъ намъ въ добро, и посылаетъ намъ оное, яко горькое лѣкарство, болѣзни, души нашей рачующее; словомъ, въ свѣтѣ нѣтъ зла настоящаго, на которое остойно могли бы мы жаловаться. И человѣкъ самъ по себѣ никогда не плачетъ, но въ корыстяхъ, на примѣръ, стонетъ зависть, въ бѣдности сѣтуетъ плотоугодіе, въ оскорбленіяхъ духа олнуется гордость. Естьли бы, напротивъ, пороки не жаловались есь свѣтъ былъ бы благодарнымъ гимномъ Богу.

И такъ, Христіяне, чрезъ сіе наказаніе,[35] что Богъ говоритъ

---

[29] Евр. 12, 7.
[30] Іов. 1, 12.
[31] I Кор. 10, 13.
[32] Свой умъ царь въ головѣ.
[33] Не хочетъ выносить.
[34] Разума.
[35] Постигшее насъ въ 1812 году.

намъ, какъ не сіе: обратитеся ко мнѣ, и обращуся къ вамъ! Съ чѣмъ Онъ хочетъ разлучить насъ, какъ не съ беззаконіями нашими, которыя, яко тати, похищаютъ миръ и покой души нашей, удаляютъ насъ отъ Него, удаляютъ отъ самихъ себя? Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь.» [36] Господи! взывалъ одинъ мудрецъ, умилосердись надъ злыми; ибо ты всѣ радости отдалъ въ удѣлъ добрымъ.

Жители царствующаго града сего! Престанемъ роптать на пути Провидѣнія, будемъ паче благоговѣть къ судьбамъ Вышняго. Нашему ли уму проникать въ планы Предвѣчнаго? Давно сказано: Высшихъ себе не ищи, и крѣпльшихъ себе не испытуй: яже ти повелѣнна, сія разумѣвай. [37] Да разумѣваемъ, что Богъ несчастіями ведетъ насъ къ познанію и исполненію Его святаго закона; къ обращенію отъ пути нечестія на путь вѣры и благочестія. Смиримся убо подъ крѣпкую руку Божію, и явимъ плоды достойные покаянія. А между тѣмъ воззовемъ къ царю царствующихъ:

«Господи! спаси Государя нашего Императора Александра Павловича, весь Августѣйшій Домъ его и все Царство его. Христолюбивое воинство его исполни мужества, силы и крѣпости сотвори, да окрылатѣютъ аки орли, Сѣверные герои наши, потекутъ на побѣды надъ полчищами, безъ Вѣры предводимыми сыномъ беззаконія, и не утрудятся, [38] дондеже разрушатъ и конецъ совѣтъ нечестивыхъ, собравшихся на нынѣшнихъ Помазанниковъ Твоихъ!» Аминь.

Протоіерей Н. И. Друговъ.

Сообщ. **Архимандритъ Григорій.**

---

[36] Исаіи 48, 22.
[37] Сирах. 3, 21.
[38] Исаіи 40, 31.

О

ЕРЕВОДѢ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ ИЗЪ ПЕРЕРВЫ ВЪ ЗАИКОНОСПАССКІЙ МОНАСТЫРЬ.

По сему исполнено: 1823 года, Сентября 1-го переведена Се-инарія изъ Перервы въ Москву въ Заиконоспасскій монастырь, въ строенный для сего особый флигель, а въ Перерву перевели казен-окоштныхъ учениковъ изъ Петровскихъ Училищъ и изъ Волоко-ицкаго Училища всѣхъ, уничтоживъ оное.

1822 года, Генваря 25 дня. Комитетъ, составленный отъ 4 числа сего же года и мѣсяца, по предписанію Святѣйшаго правительствующаго Синода и Коммисіи Духовныхъ Училищъ, члена, Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Архіепископа Мо-ковскаго и Коломенскаго, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Свя-ценно-Архимандрита и разныхъ орденовъ Кавалера, изъ Ректо-овъ: Московской Семинаріи, Уѣздныхъ Заиконоспасскаго и Спасо-ндроньевскаго Училищъ, [1] и седми Московскихъ Протоіереевъ Благочинныхъ, для разрѣшенія вопроса касательно мѣстна-о назначенія Московской Семинаріи и низшихъ Духовныхъ Учи-ищъ, въ засѣданіяхъ своихъ 15 числа на Троицкомъ подво-ьѣ, [2] 22 въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, 25-го въ Златоустовѣ его же мѣсяца и года, входилъ подробно во всѣ обстоятельства, о разрѣшенія сего вопроса касающіяся. Онъ при семъ руковод-твовался сколько опытомъ прошедшихъ временъ, столько же ображался съ нуждами Духовенства Московской Епархіи, и по-агаетъ мнѣніе таковое:

Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Θеоктистъ (Орловскій) скончъ. къ Боголю-бовомъ монастырѣ въ числѣ братства, 1829 г. Ректоръ Заиконоспасскаго Училища Іеромонахъ Іона, скончался въ той же должности. Ректоръ Андро-ніевскій Архимандритъ Иннокентій, Настоятель Зватоустовскаго монастыря скончался 18 Декабря, 1842, въ санѣ Настоятеля Нижегородскаго Печерскаго первокласснаго монастыря.

Гдѣ жилъ Преосвященный Филаретъ.

Еще прежде засѣданій своихъ Комитетъ, спознавъ волю и благонамѣреніе Его Высокопреосвященства, объявлялъ о сей Московскому Духовенству, которое исполнилось живѣйшею радостію, что Архипастырь ихъ предоставляетъ сколько начальству, столько и чувствію сердецъ родительскихъ рѣшить столь важный вопросъ: «гдѣ слѣдуетъ быть Московской Семинаріи, въ Перервѣ или въ Москвѣ, и гдѣ именно?» [3] вопросъ, долженствующій имѣть важныя послѣдствія не токмо въ настоящее, но и на будущее время. Кажется, что и блаженныя памяти Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ учредилъ Славяно-Греко-Латинскую Академію [4] не токмо въ Москвѣ, но и среди оной, по сей единственно причинѣ дабы родители учащихся имѣли равенство и удобство, какъ и доставленіи дѣтей своихъ въ Училище, такъ наипаче въ пропитаніи оныхъ. И такое премудрое его назначеніе оправдалось въ послѣдствіи времени тѣмъ, что до преобразованія Семинаріи по новому учрежденію [5] число учащихся въ Академіи простиралось иногда до полуторы тысячи человѣкъ; [6] между тѣмъ какъ въ прочихъ Семинаріяхъ, какъ-то: Лаврской, Виѳанской и Перервинской и въ другихъ епархіальныхъ не превышало и числа 800 не смотря на то, что въ сихъ Семинаріяхъ всѣ почти ученики не исключая и Священническихъ дѣтей, обучались на казенномъ содержаніи. [7] А сіе превосходное число учащихся въ бывшей Академіи ясно уже показуетъ, гдѣ удобнѣе родители находили обучать дѣтей своихъ, въ Москвѣ или внѣ оной?

Его Высокопреосвященство, въ данномъ Комитету предписаніи, самъ изъяснилъ уже многія невыгоды Перервинской Семинаріи, какъ-то: комнаты для классовъ недостаточны, столовая такъ же недостаточна, и ученики садятся за столъ въ два пріема.

---

[3] И если въ Москвѣ, то гдѣ именно? Перерва въ 7 верстахъ отъ Москвы.

[4] Исторія Моск. Академіи, С. Смирнова М. 1855, стр. 8 — 16.

[5] Въ 1814 г. Перервинская Семинарія преобразована по новому уставу и именована Московскою, хотя по прежнему осталась на Перервѣ. Академія тогда же переведена была въ Троицкую Лавру, на мѣсто упраздненной Троицкой Семинаріи, а въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, вмѣсто Академіи, открыто Духовное Училище.

[6] Разумѣется, не всѣ жили въ Академіи.

[7] По этой-то причинѣ, кажется намъ, и не могло быть больше.

[8] Славяно-Греко-Латинской.

ія одни другихъ; деревянный домъ для надзора внѣ мона-
ря неудобенъ, а можно сказать, что въ случаѣ пожара, отъ
, Боже, сохрани! весьма опасенъ для живущихъ; сдѣлать же
стройку въ монастырѣ, по причинѣ тѣсноты онаго и окружа-
ихъ его съ трехъ сторонъ низменныхъ мѣстъ, а съ четвертой
причинѣ селенія и чужой земли, неудобно, и что оная имѣетъ
своей сторонѣ токмо преимущество уединенія. Но, будучи
голь близкомъ разстояніи отъ Москвы, она не имѣетъ всѣхъ
одъ уединенія, а въ нѣкоторомъ отношеніи близкое разстоя-
оной отъ Москвы еще вредно для дѣтей Московскихъ свя-
ино и церковнослужителей. Начальству нельзя въ праздничные
не увольнять дѣтей въ домы родителей; а бывъ уволены, и
бенно проходя чрезъ мѣста болотистыя, чрезъ которыя ле-
ть дорога отъ Перервы въ Москву, и наипаче въ бурное
ненастное время, сколь многія изъ нихъ подвергаются болѣ-
мъ, имѣющимъ худыя послѣдствія иногда на цѣлую жизнь,
мѣсто ускоренія, замедляющимъ для нихъ ходъ ученія, не
миная уже о значущихъ издержкахъ, совсѣмъ бы не нужныхъ,
однако, необходимыхъ, бываемыхъ при частомъ отвозѣ дѣтей
Перерву. Да и самое настоящее уединеніе имѣетъ свои невы-
ы и неудобства: часто одинъ, или два, изъ неблагомыслящихъ
иковъ, сообщая духъ непослушанія живущимъ съ ними въ
ществѣ, мало по малу отвлекаютъ ихъ отъ благомыслія и
аютъ ихъ также, какъ и сами, непокорными. Здѣсь же, въ Мо-
ѣ, ежели бы таковый неблагомыслящій и явился, то причи-
ь зла не могъ бы, не имѣя всегдашняго обращенія съ ними,
состоя самъ, и видя другихъ, подъ надзоромъ родителей. А
томъ, когда бы въ волѣ родителей состояло, въ глазахъ ли
ихъ, или подъ присмотромъ родственниковъ воспитывать дѣтей
ихъ, или отдавать ихъ для обученія [9] въ Семинаріи, ежели бы
и явился худъ въ поведеніи, винить было бы некого. Те-
ь, когда дѣти въ юныхъ еще, невинныхъ и неопытныхъ, лѣ-
поступаютъ въ Семинарію, ежели кто изъ нихъ явится несо-
тствующимъ въ поведеніи ожиданію родителей, кого сіи
жны винить, какъ не тѣхъ, которымъ ввѣрено было воспитаніе
хъ? Предупредить же сіе зло, или пресѣчь, по великому мно-
ству учащихся и по жительству ихъ внѣ монастыря, сколько

[9] жительства.

бы начальство бдительно ни было, едва ли возможно. Неизбѣжимо, что здѣсь, въ Москвѣ, ученики могутъ имѣть больше соблазновъ и, слѣдовательно, поводовъ къ порчѣ; но бываетъ и то что и самой худой въ поведеніи, перешедъ изъ другого мѣста въ Москву, здѣсь исправляется, стыдясь таковымъ казаться и публикѣ. Впрочемъ, все сіе болѣе должно предоставить промыслу Божію, руководствующему въ путяхъ жизни каждаго человѣка.

Нельзя при семъ пройти молчаніемъ и того, что многіе изъ священно и церковнослужителей Московскихъ, не имѣя другихъ дѣтей, кромѣ одного или двухъ сыновъ, изъ которыхъ старшій всегда почти обучалъ, и сопровождалъ младшаго въ училище, чрезъ удаленіе одного, а особливо обоихъ, остаются какъ бы лишенными дѣтей, и маленькихъ хозяевъ и сберегателей домовъ что также для родительскихъ сердецъ весьма прискорбно бываетъ.

Его Высокопреосвященство въ предписаніи своемъ между прочимъ еще приводитъ, что помѣщеніе въ Заиконоспасскомъ монастырѣ Семинаріи подвержено опасности разсѣянія. Но опасность сія быть не можетъ, какъ скоро начальство будетъ имѣть строгій надзоръ надъ учениками. Сверхъ сего, опытъ прежнихъ лѣтъ показалъ, что обучавшіеся въ Заиконоспасскомъ монастырѣ никогда, какъ въ благоповеденіи, такъ и въ успѣхахъ, никакой другой Семинаріи не уступали. Впрочемъ, ежели преимущество уединенія въ Перервѣ, и опасность разсѣянія въ Заиконоспасскомъ монастырѣ должны быть уважительною причиною удаленія Семинаріи внѣ Москвы, то сіи причины должны бы, по видимому, уважены быть и во всѣхъ прочихъ Епархіяхъ, и тѣмъ паче, что Московская Епархія имѣетъ другую Семинарію въ Вифаніи, которая, по своему мѣстоположенію [12] и окружающимъ ее лѣсамъ, можетъ по справедливости назваться мѣстомъ уединенія, въ которую всякой желающій, чтобы дѣти его обучились въ мѣстѣ уединенномъ, можетъ ихъ помѣщать для сего назначенія. Напротивъ извѣстно, что не въ одной Россіи, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ Государствахъ, высшія и многолюднѣйшія училища состоятъ большею частію въ городахъ. Причиною сему кажется: 1) удоб-

---

[10] До поступленія въ Семинарію.

[11] Въ бывшей тамъ Академіи.

[12] Въ трехъ съ половиною верстахъ къ юговостоку отъ Сергіевой Лавры.

о доставлять всѣ лучшіе и за дешевую цѣну припасы для
ющихся. 2) Удобность для дѣтей имѣть сношеніе, по своимъ
кдамъ, съ своими родителями, или родственниками. 3) Люд-
сть и образованность, бываемая особливо въ большихъ городахъ.
противъ въ уединеніи дѣти привыкаютъ къ нѣкоторой дикости
застѣнчивости. 4) Помѣщеніе же Московской Семинаріи въ
сквѣ нужно еще и для изученія языкамъ Греческому, Нѣмец-
мъ и Французскому, такъ какъ совершеннѣе изучить ихъ онымъ [13]
жно токмо чрезъ обращеніе съ природными жителями. И
о причину нельзя почесть маловажною, по тому что нужно въ
адеміи и Семинаріяхъ имѣть собственныхъ учителей для обу-
нія симъ языкамъ, знающихъ совершенно оные. Да и таковое
вершенное знаніе сихъ языковъ можетъ составлять честь и для
мой Семинаріи. Но, оставя все сіе, скажемъ главное: сколько
мала плата, полагаемая въ Семинаріи за содержаніе учениковъ,
и оная для родителей тягостна, а особливо многосемейныхъ.
бо къ 70 рублямъ, платимымъ за содержаніе, еще вдвое надоб-
на платье, обувь, книги, бумагу, отвозъ дѣтей въ Семинарію
другія необходимыя нужды. Между тѣмъ какъ ученики въ Мо-
вѣ, [14] питаясь отъ одного стола съ родителями, или родствен-
ками, или живя у постороннихъ, для родителей отягощенія не
лаютъ, и часто иные изъ нихъ, получая плату за обученіе дѣ-
й въ хорошихъ домахъ, еще помогаютъ бѣднымъ своимъ роди-
лямъ. Неоспоримо, что такое посторонее занятіе отнимаетъ вре-
для собственнаго ихъ ученія: но прилежный ученикъ вездѣ
удетъ успѣшенъ. Касательно же разрѣшенія сего вопроса, что
омѣщеніе Семинаріи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ не обѣща-
аетъ довольнаго простора и сопровождается затрудненіемъ раз-
ѣщенія низшихъ училищъ, то относительно перваго: 1) содержа-
щихся на казенномъ коштѣ число будетъ не такъ велико; 2) для
сительства Профессоровъ нужно токмо отдѣлать тѣ флигели, ко-
орые прежде занимали проповѣдники и учители. [15]

А по симъ причинамъ Комитетъ полагаетъ: 1) Московскія
Уѣздное и Приходское Училища перевести и помѣстить въ томъ

---

[13] Дѣтямъ.

[14] Московскаго Уѣзднаго Училища.

[15] Академіи.

флигелѣ Петровскаго монастыря, въ которомъ и теперь находятся классы Уѣзднаго Училища, не стѣсняя, однако, жительствомъ монашествующихъ.

2) Волоколамскія Уѣздное и Приходское Училища, яко малолюдныя и при томъ не имѣющія довольнаго простора, весьма отдаленныя [16] и имѣющія затрудненія въ доставленіи жизненныхъ припасовъ, перемѣстить въ Перервинской монастырь, и въ оной помѣстить однихъ казеннокоштныхъ, не возбраняя, впрочемъ, окружнымъ духовнымъ [17] вносить извѣстную сумму на содержаніе дѣтей своихъ, естьли они сами того пожелаютъ. Долженствующихъ же содержаться на собственномъ коштѣ размѣстить по тѣмъ Училищамъ, гдѣ кто учиться пожелаетъ. [18]

3) Семинарію же Московскую помѣстить въ новостроющемся корпусѣ Заиконоспасскаго монастыря и въ прежде занимаемыхъ Академію флигеляхъ съ нужною поправкою оныхъ. Пусть вертоградъ духовнаго просвѣщенія, насажденный великимъ и благодѣтельнымъ Просвѣтителемъ Россіи еще въ XVII столѣтіи, [19] воспитавшій многихъ добрыхъ пастырей и великихъ пастыреначальниковъ Церкви, [20] процвѣтаетъ паки на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ первоначально насажденъ, и пусть матерь Россіи, первопрестольствующій градъ Москва, будетъ видѣть и свидѣтельствовать успѣхи и благонравность юныхъ дѣтей, долженствующихъ въ послѣдствіи времени быть отцами, пастырями и наставниками сыновъ ея. [21]

На подлинномъ подписали:

Московской Семинаріи Ректоръ, Заиконоспасскаго монастыря Архимандритъ Ѳеоктистъ.

Московскихъ Заиконоспасскихъ Училищъ Ректоръ, Златоустовскій Архимандритъ Иннокентій.

---

[16] Въ 141 в. отъ Москвы.

[17] Церкви раздѣлены на округи или благочинія.

[18] Въ Москвѣ, Коломнѣ, Звенигородѣ, Дмитровѣ.

[19] Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ.

[20] Митрополиты: Платонъ, Михаилъ, Серафимъ и Евгеній Кіевскій.

[21] Съ 1 Ноября, 1844 г., Московская Семинарія помѣщается въ домѣ, бывшемъ Графа Остермана, въ Каретномъ ряду, а въ Заиконоспасскій монастырь переведено Училище изъ Высокопетровскаго монастыря.

Покровскаго Собора Протоіерей Іоаннъ Платоновъ.

Николохлыновскій Протоіерей Іоаннъ Іоанновъ.

Николаевскій на пупышахъ Протоіерей Петръ Алексѣевъ.

Симеоновскій, на Поварской, Протоіерей Стефанъ Никитинъ.

Никитскій, что въ Басманной, Протоіерей Іоаннъ Савельевъ.

Трех-Святительскій, что у Красныхъ воротъ, Протоіерей Николай Петровъ.

Казанскій, у Калужскихъ воротъ, Протоіерей Іоаннъ Григорьевъ.

Московскаго Спасо-Андроніевскаго Училища Ректоръ, Николаевскій, что на Мясницкой, церкви Священникъ Магистръ Арсеній Яжеловъ.

Сообщ. **Архимандритъ Григорій.**

ЗАМѢТКА.

Въ 4-й тетради «Русскаго Архива» настоящаго года помѣщены любопытныя «Записки Хршонщевскаго» (1770 — 1820) въ переводѣ съ Польской рукописи, съ предисловіемъ, примѣчаніями, поправками, прибавленіями и объясненіями І. І. Ролле. Въ 10-мъ примѣчаніи къ 1-й главѣ, стр. 917, сказано, между прочимъ, что «только такая вліятельная личность, какъ Кіевскій Воевода, Фр. Салезій Потоцкій, могъ повести дѣло (о похищеніи дочери Кастеляна Коморовскаго, красавицы Гертруды, на которой тайно женился сынъ его, вопреки волѣ родителей своихъ, извѣстный Щенсный Потоцкій, и объ ея насильственной смерти)* подобнымъ образомъ, т, е., что оно не было надлежащимъ образомъ разъяснено, хотя и стоило ему чрезвычайныхъ хлопотъ и затраты громадныхъ денегъ; драма же разыгрывалась въ разгарѣ Барской Конфедераціи, участникамъ коей Воевода Потоцкій помогаетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, живетъ одновременно въ самыхъ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ М. Н. Кречетниковымъ, командующимъ Русскими войсками въ нынѣшней Галичинѣ.» Ниже, въ примѣчаніи 14-мъ, переводчикъ не только говоритъ, что Воевода Потоцкій «имѣлъ довольно близкія сношенія съ М. Н. Кречетниковымъ, до самой кончины, послѣдовавшей гораздо позже, но и ссылается даже, въ подтвержденіе того, на «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» въ 3-ей книгѣ которыхъ за 1863 годъ помѣщенъ «Журналъ или Записки М. Н. Кр. о движеніи и дѣйствіяхъ военныхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 г.» Но «Журналъ» этотъ, изданный мною, принадлежитъ вовсе не Михаилу Никитичу Кречетникову, а Генералъ-Маіору Петру Никитичу, брату перваго, бывшему въ послѣдствіи Астраханскимъ Губернаторомъ, между тѣмъ какъ Михаилъ Никитичъ состоялъ первоначально Губернаторомъ Псковскимъ (1772 г.), потомъ Тверскимъ (1775 г.), Калужскимъ (1776

---

* Что все послужило содержаніемъ для извѣстнаго стихотворенія А. Мальчевскаго: «Марія, повѣсть Украинская. Варшава, 1825,» открывшая новую эпоху для Польской литературы. О. Б.

.), Генералъ-Губернаторомъ Калужскимъ, Тульскимъ и Рязанскимъ 1777 г.), за тѣмъ управлялъ тремя Малороссійскими Губерніями и ойсками, въ нихъ расположенными (1791 г.), черезъ годъ комановалъ 4-мя корпусами, назначенными дѣйствовать въ Бѣлоруссіи, одъ названіемъ Сѣверной арміи, и наконецъ Главнокомандующимъ 2-й части Южной арміи Каховскаго (1793 г.). Онъ тоже ставилъ по себѣ: «Журналъ реляціямъ и письма къ нему,» также Дневныя записки о движеніи и дѣйствіяхъ войскъ въ Литвѣ 792 года,» тоже напечатанныя мною въ упомянутыхъ «Чтеніяхъ» 863 г., кн. 4.

Отъ чего же произошло смѣшеніе одного Кречетникова съ ругимъ? Безъ сомнѣнія, отъ того, что Г-нъ Ролле, поправляя ругихъ, прибавляя и объясняя чужое, самъ не всегда справлялъ съ источниками, указываемыми имъ въ подтвержденіе своихъ ювъ, а писалъ либо по слуху, либо же по памяти, которая нередко намъ измѣняетъ. То уже не знаніе, гдѣ память насъ, а чезъ насъ и другихъ, обманываетъ: «Tantum scimus, quantum memoria valemus.» Въ дѣлѣ историческомъ все должно быть точно, по тому всегда слѣдуетъ справляться съ источниками самолично.

О. Бодянскій.

25-го Апрѣля, 1874 г.

ОПЕЧАТКИ

въ статьѣ: «О вліяніи борьбы,» и проч., въ кн. I, II и III-й 1873 г.

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Читайте:*
3	28 снизу:	отъ берега	отъ береговъ
4	18	югов... значеніе	юговост. заселеніе
5	33	кочевниками Болгарскими	кочевниками-Болгарами, и по тому стали называться городами Болгарскими
5	16	заселявшими	заселившими
6	30	часто съ ними воевали	часто съ нимъ воевали
12	13	остроконечной деревянной крышей	остроконечными деревянными крышами
25	34	называлось... племенемъ-родомъ	называлось... именемъ—родомъ
26	11	военными подвигами и господствовавшихъ	военными подвигами, и господствовали
26	3	съ членами другихъ городовъ и народовъ	съ членами другихъ родовъ и племенъ
32	19	Фелогетовъ	Θессагетовъ
32	5	касавшихся дѣлъ всѣхъ	касавшихся всѣхъ
41	9	среди религ. собраній	средоточіе религ. собраній
44	14	власть... политическая	связь... политическая
46	7	окруженныхъ	окруженный
47	40	вѣнчать	вѣшать
51	16	толщи	толпы
78	40	съ ослаб.. Варяг... значенія Князья	съ ослаб.. Варяг... господства. когда Князья
79	7	третей. суды	третей. судьи
80		не достигла	не достигала
83	39	при Олегѣ же	при Ольгѣ
86	21	Славянскаго вѣроисповѣданія служенія	Славянскаго богослуженія
93	24	къ купеческимъ общества	къ купеческимъ обществамъ
94	26	въ пору его завоеванія Варягорусского	въ пору завоеванія его Варяго-руссами.
96	10	Такъ же поселены	Тамъ же поселены
98	7	высшую основу	высшій разрядъ
101	10	купчихъ писцовыхъ книгъ	купчихъ и писцовыхъ книгъ

Стран.	Строк.		
101	19	Княжескіе, люди крѣпост.	княжескіе люди, крѣпост.
102	17	назывались Сотскими	назывались Сотскими и Десятскими
104	29	состоялъ особенность	состояла особенность
106	8	со славной	сословной
113	30	сверху: нѣкоторыми и землями въ другихъ	нѣкоторыми землями и въ другихъ
115	34	при гладкости	при шаткости
131	9	поселенное на влад.	поселенныхъ на влад.
131	31	управ. населеніе	управ. дѣленіе
136	10	Владимиръ, Ярополкъ	Владимиръ—Ярополка
152	1	Куруй	Кунуй
158	23	завоевали	завоевавши
159	11	отличныя	отличительныя
167	7	онъ не быть	оно не было
167	8	не оказалъ	не оказали
176	21	и складовъ	и кладовъ
188	7	Мужей. Посадниковъ	Мужей-Посадниковъ
196	34	Это ограниченіе власти Князей	Это ограниченіе власти Князя Кіевскаго Совѣтомъ другихъ Князей
217	10	происходившихъ	приходившихъ
218	21	изъ земли	изъ земли Галицкой
218	39	Боярами ихъ Княземъ	Боярами и ихъ Княземъ
230	7	было причиной	были причиной
235	1	Если столъ	Если бы столъ
235	24	, Андрей Боголюбскаго	. Андрей Боголюбскій
236	20	послали противъ	послали просить
246	6	защитниковъ	защитника
247	16	сбродныя дружины	сбродныхъ дружинъ
251	38	, хотя	. Хотя
266	23	на его родѣ	на его рабѣ
267	28	промѣнять	примѣнять
268	11	, господствовало	, гдѣ господствовало
268	32	не только для защиты своихъ собствен. лич. выгодъ	не только для защиты страны, но и для защиты своихъ соб. лич. выгодъ
270	9	побуждали	побуждало
273	4	не оправдалось	не сопровождалось
273	25	не свободнаго	несвободныхъ
246	2	Концовъ	купцовъ
296	6	каждаго рода	каждаго города
302	39	ни нигдѣ	нигдѣ
303	24	своего домон. періода	всего домон. періода
305	20	пользовавшіяся	пользовавшихся

Стран.	Строк.		
305	31	власти крѣпостной	власти крѣпкой
309	29	владѣвали	овладѣвали
320	25	Твердило Ивановичъ о,	Твердило Ивановичъ,
324	15	пригороднаго населенія	пригороднымъ населеніемъ
—	28	захватила	захватили
—	31	присвоила	присвоили
327	27	участіе военныхъ	участіе въ военныхъ
332	22	тѣмъ болѣе	чѣмъ болѣе
333	23	въ Кіевѣ	въ Кіевъ
—	37	илъ	изъ
343	19	выступали	выступили
—	35	тамъ находится	самъ находится
346	11	изъ словъ, Владимиромъ Мстиславичемъ сказанныхъ Боярамъ, дружинникамъ.	изъ словъ Владимира Мстиславича, сказанныхъ Боярамъ дружинникамъ
—	21	значительное количество.	значительный элементъ
349	25	для удержанія	для содержанія
351	30	сношеній	отношеній
352	32	Русю	Русь

Въ примѣчаніяхъ:

5	18	сверху: Тургасову	Пургасову
8	11	Адамъ Ив. Чевак.	А далъ Ив. Чевак.
11	30	ратники	ротники
15	42	волвъ	волхвъ
23	19	Гамѣти	Гампти
28	47	ихъ людьми	его людьми
34	45	Всеволодовичи Ольги	Всеволода Ольговича
37	11	Ущняя	Угуняя
42	13	на Латинскомъ	на Латышскомъ
43	7	погребси	погреба
43	29	передгороды все	передгородье все
44	23	названіе	названія
45	33	не бити	исбыти
53	14	Канутъ	Конунгъ
68	28	Турки	Туки
72	11	нетюбье	нетобье
92	37	мстити	лишити
93	2	1324	1224
—	3	1239	1224
—	4	1351	1241

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

1873 года, Генваря 22-го дня.

22-го Генваря, 1873 года, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена своего, П. В. Хавскаго, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Графа М. В. Толстого, Г. Д. Филимонова, И. Е. Забѣлина, А. А. Майкова, А. И. Хмельницкаго, Архимандрита Леонида, Е. В. Барсова, В. А. Елагина, Н. П. Розанова, М. Л. Назимова, І. П. Барсова, Соревнователей: А. А. Мартынова, А. Е. Кудрявцева, и Секретаря О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное Засѣданіе, въ которомъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола предыдущаго Засѣданія, 5-го Сентября, 1872 года, происходило слѣдующее:

1. Д. Чл. О. М. Бодянскій прочиталъ Предисловіе къ переводу «Путешествіе Антіохійскаго Патріарха Макарія, писанное Діакономъ Павломъ» и переведенное съ Англійскаго на Русскій, и отрывокъ изъ самаго перевода, сдѣланнаго Д. Д. Благово.

За тѣмъ читаны были:

А. Отношенія.

2. Конторы Московской Синодальной Типографіи, № 3565, вѣдомленіе о полученіи въ оной рукописи Типографской Библіотеки, по старому каталогу № 1603, а по новому № 472, отосланной Обществомъ 11-го Сентября за № 134. Опредѣлено: Принять къ вѣдѣнію.

3. Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества въ Москвѣ, отъ 27-го Сентября, № 746, просьба о пожертвованіи Чтеній» въ составляемую Библіотеку для Миссіонеровъ. Опредѣлено: Отвѣтить, что Общество, по малымъ своимъ средствамъ, никому не можетъ жертвовать своихъ изданій.

4. Совѣта Императорскаго Московскаго Университета, отъ 17-го Октября, № 2470, о безмездной высылкѣ изданій Общества Членамъ Парижской Академіи Наукъ. Секретарь отвѣчалъ, по примѣру подобныхъ просьбъ, что Общество, по крайней скудости своихъ средствъ и малому числу печатаемыхъ экземпляровъ, назначаемыхъ преимущественно для Русской публики, не имѣетъ возможности безвозмездно высылать оныхъ.

Б. Предложенія.

5. Редакціи Православнаго Собесѣдника, объ обмѣнѣ изданіями въ 1873 году.

6. Редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей, о томъ же.

7. Карамзинской Библіотеки въ Симбирскѣ, просьба о безмездной высылкѣ «Чтеній» въ 1873 году. Опредѣлено: Изъявить согласіе.

8. Редакціи «Искры» объ обмѣнѣ изданіями. Опредѣлено: отклонить.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

9. Дѣйств. Чл. Ил. Ал. Чистовича, изъ Петербурга: «Выписки изъ дѣлъ Слѣдственной Коммиссіи надъ Волынскимъ.»

10. Директора Смоленской Губернской Гимназіи, В. П. Басова «Снимокъ съ надписи, снятой во всю величину съ камня, найденнаго въ Смоленскѣ, на старомъ Княжемъ дворѣ, близъ развалинъ монастырской церкви, находившейся отъ двора въ 30 или 40 шагахъ. Онъ составляетъ собственность Князя А. М. Дундукова-Корсакова.

11. Соревнователя Общества, А. А. Чумикова, изъ Гельсингфорса, переводъ изъ сочиненія на Нѣмецкомъ языкѣ Оттона Плейера: «Донесеніе о настоящемъ Московскомъ правленіи 1710 года.»

б. Статьями:

12. Д. Члена Архимандрита Леонида: «Историческое описаніе Лихвинскаго Покровскаго Добраго монастыря.»

13. Д. Члена Ю. Ѳ. Крачковскаго, изъ Полоцка: «Изъ быта Западно-Русскаго Селянина.»

14. Д. Д. Благово, изъ монастыря Николы на Угрѣшѣ: 1) «Переводъ Путешествія Антіохійскаго Патріярха Макарія, описаннаго Діякономъ Павломъ, съ Англійскаго на Русскій, и Предисловіе переводчика Русскаго; 2) О Царь-колоколѣ.»

в. Книгами:

15. Д. Члена П. В. Хавскаго, сочиненіе его: 4) «Краткая исторія Московскаго женскаго Никитскаго монастыря, названнаго такъ по имени родителя Патріярха Филарета, Никиты Романовича. М. 1866; 2) «Часы Москвы. М. 1872. изд. 2-е.»

16. Югославянской Академіи Наукъ и Художествъ въ Загребѣ: «Rad. XVIII. Zagreb. 1872.»

17. Почетнаго Члена Общества, Предсѣдателя Виленской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ, Я. Ѳ. Головацкаго, изданія сей Коммиссіи и Виленскаго Учебнаго Округи: 1) «2 и 4 томы актовъ, 1867 и 1870; 2) Ревизія пущъ 1867, и 3) Туровское Евангеліе. Вильна 1869 года.»

18. Учителя Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ, А. Н. Попова: «Описаніе рукописей и Каталогъ книгъ Церковной печати А. И. Хлудова. М. 1872.»

19. Варшавскаго Университета: 1) «Варшавскія Университетскія Извѣстія 1872 года, № 5, и 2) Годичный Актъ Императорскаго Варшавскаго Университета, 30-го Августа, 1872 годъ. Варшава, 1872.»

20. Археологической Коммисіи при Псковскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ: «Протоколъ Засѣданія этой Коммисіи 4-го Августа, 1872 года» (изъ 39-го № Псков. Губ. Вѣдом. 1872 г.).

21. Тайнаго Совѣтника Д. А. Ровинскаго, его сочиненіе: «Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1872.»

22. Д. Члена М. П. Погодина: «Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. Погодина (1821—1871). М. 1872.»

23. Архимандрита Амфилохія печатныя сочиненія: 1) «Снимки съ надгробныхъ Греческихъ и Славянскихъ памятниковъ и руко-

Въ концѣ Засѣданія Секретарь Общества представилъ только что отпечатанную 3-ю книгу «Чтеній» 1872 года, содержаніе коей слѣдующее:

I. Изслѣдованія. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи Древне-Русскаго Домостроя. И. С. Некрасова.

II. Матеріялы Отечественные. Капище моего сердца или Словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Князя Ив. Мих. Долгорукаго.

III. Матеріялы Славянскіе. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Д. Членомъ Я. Ѳ. Головацкимъ и изданныя О. М. Бодянскимъ. Часть III. 5, Свадебныя пѣсни Золочевскаго, 6. Тернопольскаго, 7, Бережанскаго, 8 и 9. Стрыйскаго, 10. Станиславскаго, 11. Коломыйскаго Уѣздовъ, и 12. Лемковъ.

IV. Матеріялы Иностранные. Путешествіе Корнилія де Бруина черезъ Московію (при Петрѣ Великомъ). Переводъ съ Французскаго Д. Чл. П. П. Барсова. Глава XV, XVI и XVII.

V. Смѣсь. Пункты Троицкаго Александровскаго монастыря Архимандрита Ѳеодосія и на нихъ рѣшеніе Петра Перваго. Сообщ. Д. Членъ Ил. А. Чистовичъ. Раскольничій Апокалипсій, покойнаго Д. Члена Ник. Ив. Надеждина. Сообщ. П. И. Мельниковъ. О Грамматикѣ Ломоносова. Д. Чл. М. А. Максимовича Матеріялы для исторіи Хлыстовской и Скопческой ересей, собранные П. И. Мельниковымъ. Отдѣлъ третій: Правительственныя распоряженія, выписки и записки о Скопцахъ до 1826 года. Письмо Скопца Прапорщика Бориса Петровича Созоновича, бывшаго до оскопленія Штабсъ-Капитаномъ, изъ Архангельска, къ Шуйскому первогильдейскому купцу Василію Максимовичу Киселеву, Іюня 17-го дня, 1821 года. Сообщ. П. М. Лядовъ. Донесеніе Суздальскаго Земскаго Исправника, отъ 21-го Генваря, 1858 года, о новой сектѣ въ селѣ Мордышѣ Владимирской Губерніи Судогодскаго Уѣзда, такъ называемыхъ «Покорителей плоти духу.» Сообщ. Д. Чл. А. А. Майковъ. Къ исторіи сожженія книгъ у насъ. Сожженіе книги: «Молохъ нашихъ дней.» Замѣтка О. М. Бодянскаго. Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Мая 31-го дня, 1872 года.

V.

СМѢСЬ.

Стран.

Бытъ Западно-Русскаго селянина. Д. Члена Юл. Ѳ. Крачковскаго..... 1 — 212

По поводу Любецкаго Синодика. Н. Квашнина-Самарина..... 213 — 226

Замѣчаніе объ извѣстномъ пѣшеходѣ-паломникѣ Василіи Григоровичѣ Плакѣ Альбовѣ, его возвращеніи на родину и мѣстѣ погребенія, сдѣланное очевидцемъ и земляком его. Сообщ. Д. Членъ Архимандритъ Леонидъ..... 227 — 228

Слово въ день Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, Протоіерея Н. П. Другова. Сообщ. Архимандритъ Григорій..... 229 — 238

О переводѣ Московской Духовной Семинаріи изъ Перервы въ Заиконоспаскій монастырь. Сообщ. Архимандритъ Григорій..... 239 — 245

Замѣтка О. М. Бодянскаго..... 246 — 247

Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1873 года, Генваря 22-го дня..... 251 — 255

Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ съ 1849 по 1858 годъ.

35 книгъ, каждая по 1 р. 50 к., а на всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Антуарія Алексѣя Егоровича Будрицева, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммисіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

Славянскія Древности, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 р.

О времени происхожденія Славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855 г., съ 19 литограф. снимками; ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія Руссовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго Георгія Конисскаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылки.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора П. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г., ц. 1 р. 50 к.

О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма, соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стрингольма, пер. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествія Венеціанца Марка Поло въ XIII стол., съ объясненіями Авг. Бюрка, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1863 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Письма Филарета, Митрополита Московскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1868 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Письма Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1869 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 г. М. 1868 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. серебр.

Записки о событіяхъ на Волыни и Подолѣ въ 1789 году, Ѳеодосія Бродовича, Архипресвитера Греческаго Уніятскаго Капитула Луцкаго. М. 1870, ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Сказаніе, и страсть, и похвала Св. мученику Борису и Глѣбу. По харатейнымъ спискамъ XII и XIV стол. Съ 3. литограф. снимками. М. 1870, ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Слѣдственное дѣло о Князѣ Дм. Мих. Пожарскомъ. М. 1870 ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Латыши, особливо въ Ливоніи, въ исходѣ философскаго столѣтія. Соч. Г. Меркеля. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1870. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Естонецъ и его господинъ. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. Москва. 1872 г. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

Физика, выбранная изъ лучшихъ авторовъ, расположенная и дополненная Невской Семинаріи Философіи и Физики Учителемъ Михаиломъ Сперанскимъ. 1797 г. въ Санктпетербургѣ. М. 1872. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ЧТЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ

ъ и въ 1874 году, какъ повременное изданіе, четыр
годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ
, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе
книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріялы: Отѣ
ные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

іска годовая — шесть рублей съ полтиной серебромъ и
, а съ пересылкой въ другія мѣста — восемь. Съ требова
бращаться въ самое Общество, или въ книжный маг
оммисіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ни
горьевича Соловьева (бывшій И. В. Базунова), на
номъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ

Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ,

у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ 1-й Гимназіи.

СЕКРЕТАРЬ

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещеринова.

БИБЛІОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,

въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ

КАЗНАЧЕЙ

Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ,

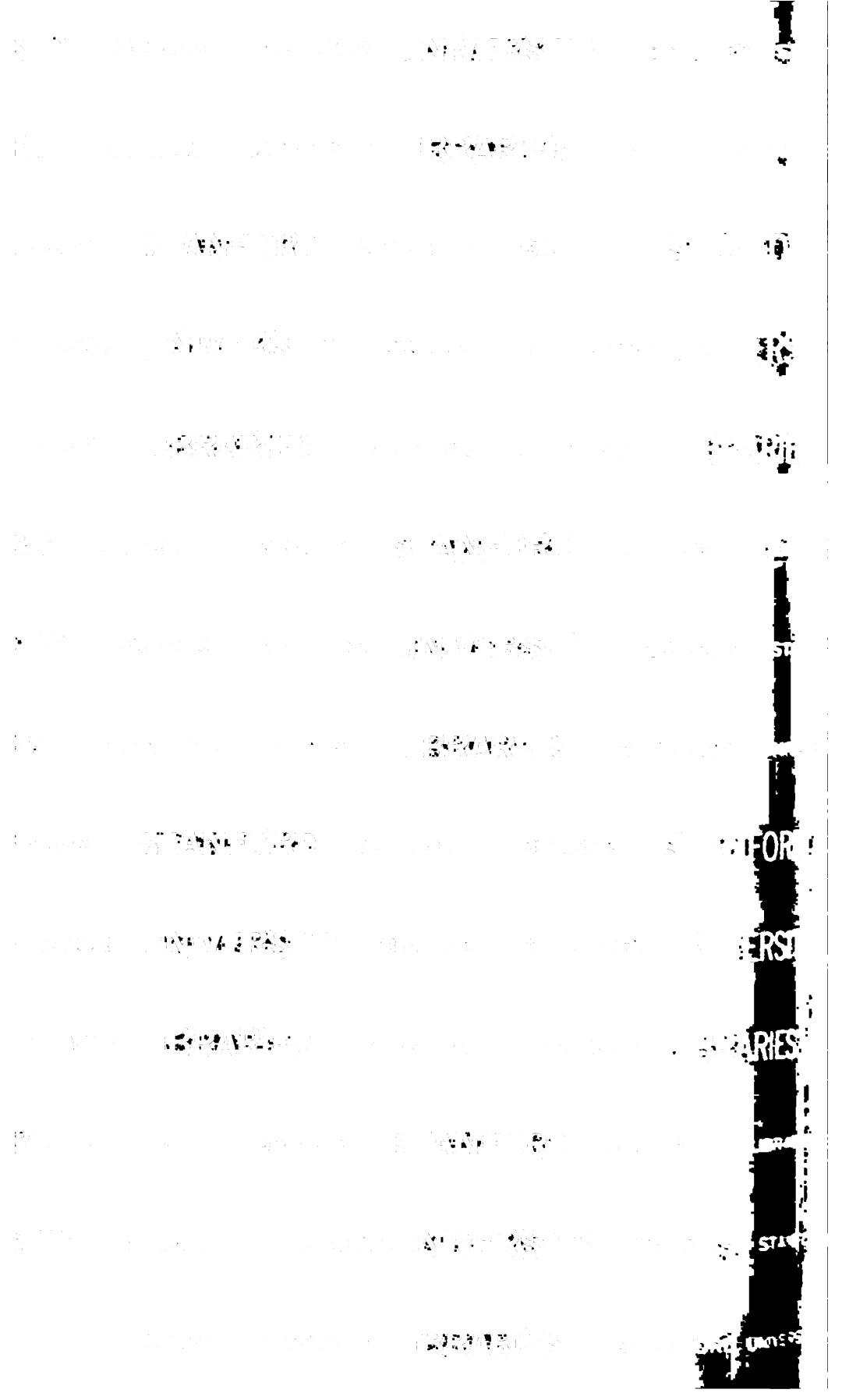
на Рождественкѣ, въ Университетской Клиникѣ.

АКТУАРІЙ

Алексѣй Егоровичъ Кудрявцевъ,

на Моховой, въ новомъ зданіи Университета.

Stanford University Libraries
3 6105 007 335 255
DK
1
M672
V. 19
No. 3-4
1873
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.



UNIVERSITY LIBRARIES · STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
DK
1
M672
V. 19
No. 3-4
1873
Stanford University Libraries
3 6105 007 335 255
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.